

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d 80

.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.*

Gersonius.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1857.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 31 декабря 1846.

Цензоры: А. Крыловъ и А. Мехелинъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРЕТТЁРЪ.

Повѣсть.

1.

.....ій кирасирскій полкъ квартировалъ въ 1819 году въ селѣ Кириловѣ, К...ской-Губерніи. Это село съ своими избушками и скирдами, зелеными коноплянниками и тощими раkitами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханнхъ, черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; во стѣ шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій, деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду торчали старья, бесплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя вороньими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домишкѣ (бывшей господской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, пошлывая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои, хотя въ нихъ нѣчего было стеречь, кромѣ

дюжины старыхъ бѣлыхъ креселъ, обитыхъ полинялымъ штофомъ, двухъ пузатыхъ коммодовъ на кривыхъ ножкахъ съ мѣдными ручками, четырехъ дырявыхъ картинъ и одного чернаго Арапа изъ алебастра съ отбитымъ носомъ. Владѣлецъ этого дома, молодой и безпечный человекъ, жилъ то въ Петербургѣ, то за границей—и совершенно позабылъ о своемъ помѣстьѣ. Оно досталось ему, лѣтъ восемь тому назадъ, отъ престарѣлаго дяди, извѣстнаго нѣкогда всему околodку своими отличными наливками. Пустыя, темно-зеленыя бутылки до-сихъ-поръ еще валялись въ кладовой, вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, скупо-исписанными тетрадами въ пестрыхъ переплетахъ, старинными стеклянными люстрами, дворянскимъ мундиромъ временъ Екатерины, заржавѣлой шпагой съ стальной рукояткой и т. д. Въ одномъ изъ флигелей помѣщался самъ полковникъ, человекъ женатый, высокаго роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. Онъ былъ, какъ говорится, ни рыба, ни мясо, и занимался своимъ полкомъ кое-какъ. Въ другомъ флигелѣ жилъ полковой адъютантъ, чувствительный и раздушенный человекъ, охотникъ до цвѣтовъ и до бабочекъ. Общество гг. офицеровъго полка не отличалось отъ всякаго другаго общества; въ числѣ ихъ были хорошіе и дурные, умные и пустые люди... Между ними нѣкто Авдѣй Ивановичъ Лучковъ, штаб-ротмистръ, слылъ бреттѣромъ. Лучковъ былъ роста небольшого, не казистъ; лицо имѣлъ малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькіе, черные, черты лица обыкновенныя, темныя глазки; онъ часто смѣялся—но ни ему, ни другимъ отъ этого смѣха не становилось веселѣе; не отличался ни особеннымъ умомъ, ни любезностью; велъ себя тихо... и вдругъ—словно бѣсъ какой имъ овладѣть: ко всѣмъ пристаеъ, всѣмъ надоѣдаетъ, всѣмъ нагло смотритъ въ глаза—ну такъ и напрашивается на ссору. Авдѣй Ивановичъ былъ холоденъ, жолченъ и золь какъ оса; не чуждался своихъ сослуживцевъ, но въ дружбѣ состоялъ съ однимъ только раздушеннымъ адъютантомъ; въ карты не игралъ и не пилъ вина... Но мы ниже поговоримъ еще о немъ.

Въ маѣ 1819 года, не задолго до начала учений, прибылъ въ полкъ молодой корнетъ Федоръ Федоровичъ Кистеръ, человекъ нѣмецкаго происхожденія, очень-бѣлокурый и очень-скромный, образованный и начитанный. Онъ до двадцатилѣтняго возраста жилъ въ родительскомъ домѣ, подъ крылышками матушки, бабушки и двухъ тѣтушекъ; поступилъ же въ военную службу единственно по желанію бабушки, которая даже подъ старость не могла безъ волненія видѣть бѣлый султанъ... Онъ служилъ безъ особенной охоты, но съ усердіемъ, точно и добросовѣстно исполняя долгъ свой; одѣвался не щеголевато, но чисто и по формѣ. Въ первый же день своего приѣзда, Федоръ Федоровичъ явился къ начальникамъ; потомъ началъ устроить свою квартиру. Онъ привезъ съ собой дешевенькіе обои, коврики, пѣлочки и т. д., оклеилъ всѣ стѣны, двери, надѣлалъ разныхъ перегородокъ, велѣлъ вы-

чистить дворъ, перестроилъ конюшню, кухню, отвелъ даже мѣсто для ванной... Цѣлую недѣлю хлопоталъ онъ страшно; за то любо было потомъ войти въ его комнату. Передъ окнами стоялъ опрятный столъ, покрытый разными вещицами; въ углу находилась полочка для книгъ съ бюстами Шиллера и Гёте; на стѣнахъ висѣли ландкарты, четыре греведоновскія головки и охотничье ружье; возлѣ стола стройно возвышался рядъ трубокъ съ исправными мундштуками; въ сѣняхъ на полу лежалъ коврикъ; всѣ двери запирались на замокъ; окна завѣшивались гардинами. Все въ комнатахъ Федора Федоровича дышало порядкомъ и чистотой... То ли дѣло у другихъ товарищей!.. Къ иному едва проберешься черезъ грязный дворъ; въ сѣняхъ, за облупившимися парусиными ширмами, храпитъ деньщикъ; на полу — гнилая солома; на плитѣ — сапоги и донышко банки, налитое ваксой; въ самой комнатѣ — покоробленный ломберный столъ, исписанный мѣломъ; на столѣ стаканы, до половины наполненные холоднымъ, темно-бурымъ чаемъ; у стѣны — широкій, проломленный, замасленный диванъ; на окнахъ — трубочный пепель... На неуклюжемъ и пухломъ креслѣ возсѣдаетъ самъ хозяинъ въ шлафрокѣ травянаго цвѣта, съ малиновыми плисовыми отворотами, и вышитой ермолкѣ азиатскаго происхожденія, — а возлѣ хозяина хрипитъ безобразно-толстый и негодный песъ въ вонючемъ мѣдномъ ошейникѣ... Всѣ двери всегда настезь...

Федоръ Федоровичъ понравился своимъ новымъ товарищамъ. Въ немъ не было той угловатой чопорности, которая часто невольно отталкиваетъ васъ отъ подобныхъ ему людей... напротивъ: его полюбили за добродушіе, скромность, сердечную теплоту и природную склонность ко «всему прекрасному», — словомъ, за все то, что въ другомъ офицерѣ нашли бы, можетъ-быть, неумѣстнымъ. Кистера прозвали красной дѣвушкой и обращались съ нимъ нѣжно и кротко. Одинъ Авдѣй Ивановичъ поглядывалъ на него косо. Однажды, послѣ ученя, Лучковъ подошелъ къ нему, слегка сжимающая губы и расширяя ноздри.

— Здравствуйте, г. Кистеръ.

Кистеръ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Мое почтеніе, г. Кистеръ, повторилъ Лучковъ.

— Меня зовутъ Кистеръ, милостивый государь.

— Вотъ какъ-съ, господинъ Кистеръ.

Федоръ Федоровичъ обернулся къ нему спиной и пошелъ домой. Лучковъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

На другой день онъ, тотчасъ послѣ ученя, опять подошелъ къ Кистеру.

— Ну, какъ вы поживаете, г. Киндербальзамъ?

Кистеръ вспыхнулъ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо. Маленькіе, желчные глазки Авдѣя Ивановича засвѣтились злобной радостью.

— Я съ вами говорю, г. Киндербальзамъ!

— Милостивый государь, отвѣчалъ ему Федоръ Федоровичъ: —

я нахожу вашу шутку глупою и неприличною—слышите ли? глупою и неприличною.

— Когда мы деремся? спокойно возразил Лучковъ.

— Когда вы хотите... хоть завтра.

На другое утро, они дрались. Лучковъ легко ранилъ Кистера и, къ крайнему удивленію секундантовъ, подошелъ къ раненному, взявъ его за руку и попросилъ у него извиненія. Кистеръ просидѣлъ дома двѣ недѣли; Авдѣй Ивановичъ нѣсколько разъ заходилъ навѣстить больного; а по выздоровленіи Ѳедора Ѳедоровича, подружился съ нимъ. Понравилась ли ему рѣшительность молодого офицера; пробудилось ли въ его душѣ чувство, похожее на раскаянье—рѣшить мудрено... но со времени поединка съ Кистеромъ, Авдѣй Ивановичъ почти не разставался съ нимъ и пазывалъ его сперва Ѳедоромъ, потомъ и Ѳедей. Въ его присутствіи, онъ дѣлался инымъ человѣкомъ, и—странное дѣло! не въ свою выгоду. Ему не шло, а потому и не слѣдовало быть кроткимъ и мягкимъ. Сочувствія онъ все-таки возбуждать ни въ комъ не могъ: ужь такова была его судьба! Онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ какъ-будто дано право власти надъ другими; но природа, какъ-бы въ насмѣшку надъ нимъ, отказала ему въ дарованіяхъ — необходимомъ оправданіи подобнаго права. Не получивъ образованія, не отличаясь умомъ, онъ не долженъ бы былъ разоблачаться; можетъ-быть, его нахальное, злое ожесточеніе происходило именно отъ сознанія недостатковъ своего воспитанія, бѣдности своей души, да отъ желанія скрыть себя всего подъ одну неизмѣнную личину. «Пусть, дескать, люди думаютъ, что у меня тамъ внутри спрятано много». До знакомства съ Кистеромъ, Авдѣй Ивановичъ выдерживалъ роль свою съ удивительнымъ постоянствомъ; онъ сперва заставлялъ себя презирать людей; потомъ замѣтилъ, что ихъ пугнуть не трудно — и дѣйствительно сталъ ихъ презирать. Люди боятся человѣка сосредоточеннаго и готовы приписать ему всѣ возможные познанія и качества: полуграмотный Лучковъ прослылъ человѣкомъ ученымъ; онъ плохо понималъ по-французски: товарищи его полагали, что только по странности характера Авдѣй Ивановичъ не говоритъ на этомъ языкѣ. Лучкову было весело прекращать однимъ появленіемъ своимъ всякій несовсѣмъ-пошлый разговоръ, «Я ничего не знаю и ничему не учился, да и способностей у меня нѣтъ» думалъ онъ про-себя: «такъ и вы ничего не знайте и не выказывайте своихъ способностей при мнѣ...» Почему Кистеръ заставилъ его наконецъ выйдти изъ своей роли—сказать не легко... быть-можетъ, потому-что до него Авдѣй Ивановичъ не встрѣтилъ ни одного человѣка дѣйствительно «идеальнаго», т. е. безкорыстно и добродушно занятаго идеалами, а потому снисходительнаго и несамолюбиваго. Но, повторяемъ: Авдѣй Ивановичъ въ новомъ своемъ видѣ былъ и недовонокъ и нехорошъ, и даже довольно-пошлъ, чего Кистеръ, впрочемъ, не могъ замѣтить... У идеальныхъ людей чутія мало...

Бывало, Авдѣй Ивановичъ прійдетъ поутру къ Кистеру, заку-
рить трубку и тихонько присядетъ на кресла. Федора Федоровича
можно было сравнить съ стеклянкой духовъ: откупорьте ее — бла-
говоніе такъ и обдасть васъ. Стоило заговорить съ нимъ о «пре-
красномъ и высокомъ» въ какой угодно часъ, при какихъ удоб-
но людяхъ—восторженные, одушевленные рѣчи выливались у не-
го рѣкой. Кистеръ былъ неподдѣльный энтузіастъ, что довольно-
рѣдко въ наше время. Лучковъ при немъ не стыдился своего не-
блѣжества; онъ надѣялся—и не даромъ—на его нѣмецкую честность
и скромность.

— Ну, что? начиналъ онъ:—что вчера подѣлывалъ? Читалъ, не-
бось, а?

— Да; читалъ...

— А что жъ такое читалъ? Расскажи-ка, братецъ, Расскажи-ка.
Авдѣй Ивановичъ до конца придерживался насмѣшливаго тона...
Бѣдный!

— Читалъ, братъ, «Идилліи» Клейста. Ахъ, какъ хорошо! По-
зволь, я переведу тебѣ нѣсколько строкъ... И Кистеръ съ жа-
ромъ переводилъ, а Лучковъ, наморщивъ лобъ и стиснувъ губы,
слушалъ внимательно...— Дá, дá, твердилъ онъ поспѣшно съ не-
приятной улыбкой: — хорошо... очень-хорошо... Я, помнится, это
читалъ... хорошо. (Горько было ему и злился онъ внутренно...)

— Скажи мнѣ, пожалуйста, прибавлялъ онъ протяжно и какъ-
будто нѣхотя:—какого ты мнѣнія о Лудовикѣ-Четырнадцатомъ?

И Кистеръ пускался съ жаромъ толковать о Лудовикѣ XIV-мъ.
А Лучковъ слушалъ, многого не понималъ вовсе, иное понималъ
криво... и наконецъ рѣшался сдѣлать замѣчаніе... Его бросало въ
потъ. «Ну, если я совру?» думалъ онъ. И дѣйствительно, вралъ
онъ часто, но Кистеръ никогда рѣзко не возражалъ ему: добрый
юноша душевно радовался тому, что вотъ, дескать, въ человѣкѣ
пробуждается охота къ просвѣщенію, налагается на меня священ-
ный долгъ... Увы! Авдѣй Ивановичъ разспрашивалъ Кистера не
изъ охоты къ просвѣщенію, а такъ! Богъ-знаетъ отъ чего. Мо-
жетъ-быть, онъ желалъ самъ удостовѣриться на дѣлѣ, какая у не-
го, Лучкова, голова, тупая что ли, или только необдѣланная? «А
вѣдь я въ сущности глупъ» говорилъ онъ самому-себѣ не разъ
съ горькой усмѣшкой, и вдругъ выпрямлялся весь, нахально и
дерзко глядѣлъ кругомъ и злобно улыбался, если замѣчалъ, что
какой-нибудь товарищ опускалъ свой взглядъ передъ его взгля-
домъ. «То-то, братъ, ученый, воспитанный...» шепталъ онъ сквозь
зубы: «не хочешь ли... того?»

Гг. офицеры недолго толковали о внезапной дружбѣ Кистера съ
Лучковымъ: они привыкли къ странностямъ бреттѣра. «Связался
же чортъ съ младенцемъ!» говорили они... Кистеръ повсюду съ
жаромъ выхвалялъ своего новаго пріятеля: съ нимъ не спорили,
потому-что боялись Лучкова; самъ же Лучковъ никогда при дру-

гихъ не упоминалъ имени Кистера, но пересталъ знаться съ раздушеннымъ адъютантомъ.

II.

Помѣщики Южной-Россіи большіе охотники давать балы, приглашать къ себѣ на домъ гг. офицеровъ и выдавать своихъ дочерей замужъ. Въ десяти верстахъ отъ села Кирилова, жилъ именно такой помѣщикъ, нѣкто господинъ Перекатовъ, владѣлецъ четырехъ-сотъ душъ и довольно-просторнаго дома. У него была дочь лѣтъ восемнадцати, Машенька, и жена Ненила Макарьевна. Господинъ Перекатовъ служилъ нѣкогда въ кавалеріи, но по любви къ деревенской жизни, по лѣни, вышелъ въ отставку и началъ жить-себѣ потихоньку, какъ живутъ помѣщики средней-руки. Ненила Макарьевна происходила не совершенно-законнымъ образомъ отъ знатнаго московскаго барина.

Родитель ея воспитывалъ свою Ненилушку весьма, какъ говорится, тщательно, въ собственномъ домѣ, но собылъ ее съ рукъ довольно-поспѣшно, по первому востребованію, какъ ненадежный товаръ. Ненила Макарьевна была нехороша собой; знатный баринъ давалъ за ней всего тысячь десять приданого: она ухватилась за господина Перекатова съ лихорадочной жадностью. Господину Перекатову показалось весьма-лестнымъ жениться на барышнѣ воспитанной, умной... ну, да наконецъ все же состоявшей въ родствѣ съ знатымъ сановникомъ. Сановникъ этотъ и послѣ брака оказывалъ супругамъ свое покровительство, то-есть, принималъ отъ нихъ въ подарокъ соленыхъ перепелокъ и говорилъ Перекатову: «ты, братецъ», а иногда даже просто: «ты». Ненила Макарьевна совершенно завладѣла мужемъ, хозяйничала и распорядилась всѣмъ имѣньемъ—весьма, впрочемъ, умно, во всякомъ случаѣ гораздо-лучше самого господина Перекатова. Она не слишкомъ притѣсняла своего сожителя, но держала его въ рукахъ, сама заказывала ему платье и наряжала его по-англійски, какъ оно и прилично помѣщику; по ея же приказанію, господинъ Перекатовъ завелъ у себя на подбородкѣ эспаньолку для прикрытія большой бородавки, похожей на переспѣлую малину; Ненила Макарьевна съ своей стороны объявляла гостямъ, что мужъ ея играетъ на флейтѣ и что всѣ флейтисты подъ нижней губой отпускаютъ себѣ волосы: ловчѣе держать инструментъ. Господинъ Перекатовъ съ утра ходилъ въ высокомъ, чистомъ галстухѣ, причесанный и вымытый; и такъ уже и двигался не поворачивая головы и растопыря пальцы. Впрочемъ, онъ былъ своей судьбой весьма-доволенъ: обѣдалъ всегда очень-вкусно, дѣлалъ что хотѣлъ и спалъ сколько могъ. Ненила Макарьевна завела, какъ говорили сосѣди, у себя въ домѣ «иностранный порядокъ», держала мало людей, одѣвала ихъ опрятно. Честолюбіе ее мучило: она хотѣла попасть хоть въ уѣздныя пред-

водительши; но дворяне ...го уѣзда, хоть и наѣдались у ней власть, однакожь все-таки выбирали не ея мужа, а то отставнаго премьер-майора Буркольца, то отставнаго секунд-майора Бурундюкова. Господинъ Перекатовъ казался имъ уже черезъ-чуръ стелчивой штукой.

Дочь господина Перекатова, Машенька, съ лица походила на бабюшку, — и не даромъ: она отчасти наслѣдовала отъ него задумчивую, лѣнивую безпечность, которая свидѣтельствуесть о холодности крови. Ненила Макарьевна много хлопотала надъ ея воспитаніемъ. Она хорошо говорила по-французски, играла порядочно на фортепьянахъ, не кривлялась, вела себя просто, и до того привыкла къ опорѣ, совѣтамъ и попеченіямъ матери, что, въ противность всѣмъ уѣзднымъ барышнямъ, рѣдко помышляла о бракѣ... Она была средняго роста, довольно-полна и бѣла; ея нѣсколько пухлое лицо оживлялось доброй, веселой улыбкой; русые, не слишкомъ-густые волосы, каріе, лѣнивые глазки, спокойный голосокъ — все въ ней тихо нравилось, и только. Ненила Макарьевна слѣпила ее какъ куклу изъ воска. Отсутствіе жеманства, предразсудковъ, начитанность необыкновенная въ степной дѣвицѣ, свобода выраженій, спокойная простота рѣчей и взглядовъ, сперва вась неволью въ ней поражали... но потомъ, и довольно-скоро, вы замѣчали прививку. Младенчество Маши продолжалось очень-долго, какъ у всѣхъ умно и кротко воспитанныхъ дѣтей; въ восемнадцать лѣтъ, она, вздохнувъ глубоко, засыпала тотчасъ, какъ-только выносили свѣчу изъ ея спальни; и мать ея могла быть увѣрена, даля по утру ея бѣлый и ровный лобъ, что въ этой головкѣ не таило «задней» мысли... Ненила Макарьевна умѣла владычествовать...

Однажды поутру, часовъ въ двѣнадцать, все семейство Перекатовыхъ собралось въ гостиную. Мужъ въ зеленомъ кругломъ фракѣ, высокомъ клѣтчатомъ галстухѣ и гороховыхъ панталонахъ съ штиблетами стоялъ передъ окномъ и съ большимъ вниманіемъ ловилъ мухъ. Дочь сидѣла за пальцами; ея небольшая, полненькая ручка въ черной митѣнкѣ граціозно и медленно подымалась и опускалась надъ канвой. Ненила Макарьевна сидѣла на диванѣ и молча посматривала на полъ.

— Вы послали въ ...й полкъ приглашеніе, Сергѣй Сергѣичъ? спросила она мужа.

— На сегодняшній вечеръ? Какъ же, машерь, послалъ. (Ему запрещено было называть ее матушкой.) Какъ же!

— Совсѣмъ нѣтъ кавалеровъ, продолжала Ненила Макарьевна.

— Нѣ съ кѣмъ танцовать барышнямъ.

Мужъ вздохнулъ, какъ-будто отсутствіе кавалеровъ и его сокрушало.

— Машенька, заговорила вдругъ Маша:— мсѣ Лучковъ приглашень?

— Какой Лучковъ?

— Онъ тоже офицеръ. Онъ, говорятъ, очень-интересенъ.

— Какъ такъ?

— Да; онъ собою нехорошъ и не молодъ; но его всѣ боятся. Онъ ужасный дуэлистъ. (Маменька слегка нахмурила брови.) Я бы очень желала его видѣть...

Сергѣй Сергѣичъ перебилъ свою дочку. — Что тутъ видѣть, душа моя? Ты думаешь, онъ такъ и смотритъ лордомъ Байрономъ? (Въ то время только-что начинали у насъ толковать о лордѣ Байронѣ). — Пустяки! Вѣдь и я, душа моя, въ кои-то вѣка слылъ забіякой.

Маша посмотрѣла съ изумленіемъ на родителя, засмѣялась, потомъ вскочила и поцаловала его въ щеку. Супруга слегка улыбнулась... а Сергѣй Сергѣичъ не солгалъ.

— Не знаю, пріѣдетъ ли этотъ господинъ, промолвила Ненила Макарьевна.—Я просила полковника привезти побольше офицеровъ. Можетъ-быть, и онъ пожалуетъ.

Дочка вздохнула.

— Смотри, не влюбись въ него, замѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ.— Я знаю, вы всѣ такія теперь... того, восторженные...

— Нѣтъ, простодушно возразила Маша.

Ненила Макарьевна холодно посмотрѣла на своего мужа. Сергѣй Сергѣичъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ поигралъ часовой цѣпочкой, взялъ со стола свою англійскую, съ широкими полями, шляпу, и отправился на хозяйство. Его собака робко и смиренно побѣжала вслѣдъ за нимъ. Какъ животное умное, она чувствовала, что и самъ хозяинъ ея не слишкомъ-властный человѣкъ, и веда себя скромно и осторожно.

Ненила Макарьевна подошла къ дочери, тихонько подняла ей голову и ласково посмотрѣла ей въ глаза. «Ты мнѣ скажешь, когда ты влюбишься?» спросила она.

Маша съ улыбкой поцаловала руку матери и нѣсколько разъ утвердительно покачала головой.

— Смотри же, замѣтила Ненила Макарьевна, погладила ее по щекѣ и вышла вслѣдъ за мужемъ. Маша прислонилась къ спинкѣ кресель, опустила голову на грудь, скрестила пальцы и долго глядѣла въ окно прищуривъ глазки... легкая краска заиграла на свѣжихъ ея щекахъ; со вздохомъ выпрямилась она, принялась-было шить, уронила иголку, оперла лицо на руку и, легонько покусывая кончики розовыхъ ногтей, задумалась... потомъ взглянула на свое плечо, на свою протянутую руку, встала, подошла къ зеркалу, усмѣхнулась, надѣла шляпку и пошла въ садъ...

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ восемь, начали съѣзжаться гости. Г-жа Черекатова весьма-любезно принимала и «занимала» дамъ, Машенька—дѣвицъ; Сергѣй Сергѣичъ толковалъ съ помѣщиками о хозяйствѣ, и тѣ-и-дѣло взглядывалъ на жену. Начали появляться молодые франты, нарочию пріѣхавшіе попозже, офицеры; наконецъ вошелъ самъ г-нъ полковникъ, въ сопровожденіи своего

адютанта, Кистера и Лучкова. Онъ представилъ ихъ хозяйкѣ. Лучковъ молча ей поклонился; Кистеръ пробормоталъ обычное: «весьма-счастливъ и радъ»... Г-нъ Перекатовъ подошелъ къ полковнику, крѣпко пожалъ ему руку и съ чувствомъ посмотрѣлъ ему въ глаза. Начались танцы. Кистеръ пригласилъ Машеньку. Въ то время процвѣтала еще экосезъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, сказала ему Маша, когда, просякавъ разъ двадцать до конца залы, они стали наконецъ въ первыя пары: — отъ-чего вашъ пріятель не танцуетъ?

— Какой пріятель?

Маша концомъ вѣера указала на Лучкова.

— Онъ никогда не танцуетъ-сь, возразилъ Кистеръ.

— Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ?

Кистеръ немного смѣшался. «Онъ желалъ имѣть удовольствіе...» Машенька его перебила. «Вы, кажется, недавно переведены въ нашъ полкъ?»

— Въ *вашъ* полкъ, замѣтилъ съ улыбкой Кистеръ:—нѣтъ, недавно.

— Вы здѣсь не скучаете?

— Помилуйте... Я здѣсь нашелъ такое пріятное общество... а природа!.. Кистеръ пустился въ описанія природы. Маша слушала его не поднимая головы. Авдѣй Ивановичъ стоялъ въ углу, и равнодушно посматривалъ на танцующихъ.

— Сколько лѣтъ г. Лучкову? спросила она вдругъ.

— Лѣтъ... лѣтъ тридцать-пять, я думаю, протяжно возразилъ Кистеръ.

— Онъ, говорятъ, человѣкъ опасный... сердитый, послѣшно прибавила Маша:

— Онъ немного-вспыльчивъ... но, впрочемъ, онъ очень-хорошій человѣкъ.

— Говорятъ, всѣ его боятся?

Кистеръ засмѣялся.

— А вы?

— Мы съ нимъ пріатели.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Вамъ, вамъ, вамъ, кричали имъ со всѣхъ сторонъ. Они встрепенулись и пустились опять скакать бокомъ черезъ всю залу.

— Ну, поздравляю тебя, сказалъ Лучкову Кистеръ, подходя къ нему послѣ танца: — хозяйская дочь то-и-дѣло разспрашивала меня о тебѣ.

— Не-уже-ли? презрительно возразилъ Лучковъ.

— Честный человѣкъ! А вѣдь она очень собой хороша; посмотря-ка.

— А какая изъ нихъ она?

Кистеръ указалъ ему Машу.

— А! не дурна!

И Лучковъ зѣвнулъ.

— Холодный челоуѣкъ! воскликнулъ Кистеръ и побѣждалъ приглашать другую дѣвицу.

Авдѣю Ивановичу очень понравилось извѣстіе, сообщенное Кистеромъ, хотъ онъ зѣвнулъ, и даже громко зѣвнулъ. Возбуждать любопытство—сильно льстило его самолюбію; любовь онъ презиралъ — на словахъ... а внутренно чувствовалъ самъ, что трудно и хлопотно заставить полюбить себя тому, кого обидѣла природа. Трудно и хлопотно заставить себя полюбить; но весьма-легко и просто прикидываться равнодушнымъ, молчаливымъ гордецомъ. Авдѣй Ивановичъ былъ дурень собой и немолодъ; но за то пользовался страшной славой—и, слѣдовательно, имѣлъ право рисоваться. Онъ привыкъ къ горькимъ и безмолвнымъ наслажденіямъ самолюбиваго одиночества; не въ первый разъ обращалъ онъ на себя вниманіе женщинъ; инья даже старались сблизиться съ нимъ, почти кидались ему на шею; но онъ ихъ отталкивалъ съ ожесточеннымъ упрямствомъ: онъ зналъ, что не къ-лицу ему нѣжность, что въ часы свиданій, откровеній, онъ становился сперва неловкимъ и пошлымъ, а потомъ, съ досады, грубымъ до плоскости, до оскорбленія; онъ помнилъ, что двѣ-три женщины, съ которыми онъ нѣкогда знался, охладѣли къ нему тотчасъ послѣ первыхъ мгновений ближайшаго знакомства и сами съ торопливой поспѣшностью удалились отъ него... а потому онъ и рѣшился, наконецъ, оставаться, какъ говорится, загадкой, и презирать то, въ чемъ судьба отказала ему... Другаго презрѣнія люди вообще, кажется, не знаютъ. Всякое откровенное, произвольное, то-есть, доброе проявленіе страсти не шло къ Лучкову; онъ долженъ былъ постоянно сдерживать себя, даже когда злился. Страшное самолюбіе, при замѣчательной силѣ воли и жалкой бѣдности способностей, губило, мучило его. Онъ сошелся съ Кистеромъ и даже поддался его вліянію только потому, что въ добромъ Федорѣ Федоровичѣ не было ни насмѣшливости, ни пониманія людей... Ему не становилось гадко, когда Лучковъ заливался хохотомъ; глава его сверкала благородной радостью сочувствія, когда онъ читалъ Авдѣю любимыя страницы Шиллера, а бреттѣрь сидѣлъ передъ нимъ, понуриявъ голову, какъ волкъ...

Кистеръ танцовалъ до упаду. Лучковъ не покидалъ своего уголка, хмурилъ брови, изрѣдка украдкой взглядывалъ на Машу—и, встрѣтивъ ея взоры, тотчасъ придавалъ глазамъ своимъ равнодушное выраженіе. Маша раза три танцовала съ Кистеромъ. Восторженный и добрый юноша возбудилъ ея довѣренность. Она довольно-весело болтала съ нимъ, но на сердцѣ ей было не тяжело, скорѣй неловко. Лучковъ занималъ ее. Люди, подобные Лучкову, правятся дѣливымъ и мечтательнымъ дѣвицамъ...

Загремѣла мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топтать каблуками и подбрасывать плечами эполеты; штатскіе тоже топтали каблуками. Лучковъ все не двигался съ своего мѣста и медленно

сдвигъ глазами за мелькающими парами. Кто-то тронулъ его рукавъ... онъ оглянулся: его сосѣдъ указывалъ ему на Машу. Она стояла передъ нимъ, не поднимая глазъ, и протягивала ему руку. Лучковъ, какъ водится, сперва посмотрѣлъ на нее съ недоумѣннѣею, потомъ равнодушно снялъ пальашъ, бросилъ шляпу на полъ, незовко пробрался между креселъ, взялъ Машу за руку—и пошелъ вдоль круга, безъ припрыжекъ и топаній, какъ-бы нѣхотя исполняя неприятный долгъ. У Маши сильно билось сердце.

— Отъ-чего вы не танцуете? спросила она его наконецъ.

— Я не охотникъ, отвѣчалъ Лучковъ.—Гдѣ ваше мѣсто?

— Вонъ, тамъ-съ.

Лучковъ довелъ Машу до ея стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся въ свой уголокъ... но весело въ немъ шевельнулась жолчь.

Кистеръ пригласилъ Машу.

— Какой вашъ пріятель странный!

— А онъ васъ очень занимаетъ... сказалъ Федоръ Федоровичъ, плутовски прищуривъ свои голубые и добрые глаза.

— Да... опъ, должно-быть, очень несчастливъ.

— Онъ несчастливъ? Съ чего вы это взяли? И Федоръ Федоровичъ засмѣялся.

— Вы не знаете... Вы не знаете... Маша важно покачала головой.

— Да какъ же мнѣ не знать...

Маша опять покачала головой и взглянула украдкой на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ замѣтилъ этотъ взглядъ, пожалъ незаметно плечами и вышелъ въ другую комнату.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того вечера. Лучковъ ни разу не былъ у Перекатовыхъ. За то Кистеръ посѣщалъ ихъ довольно-часто. Ненила Макарьевна его полюбила, но не она привлекала Федора Федоровича. Маша ему нравилась. Какъ человѣкъ неопытный и невыболтавшійся, онъ находилъ большое удовольствіе въ такъ-называемомъ обменѣ чувствъ и мыслей и добродушно вѣрилъ въ возможность возвышенной и спокойной дружбы между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой.

Вотъ однажды тройка сытыхъ и рѣзвыхъ лошадокъ примчала его къ дому г-на Перекатова. День былъ лѣтній, душный и знойный. Нигдѣ ни облака. Синева неба по краямъ сгущалась до того, что глазъ принималъ ее за грозовую тучу. Домъ, построенный г-мъ Перекатовымъ на лѣтнее жительство съ обыкновенной степной предусмотрительностью, былъ обращенъ окнами прямо на солнце: Ненила Макарьевна съ утра велѣла затворить всѣ ставни. Кистеръ вошелъ въ гостиную, прохладную и полумрачную. Свѣтъ ложился длинными чертами по полу, короткими и частыми поло-

сками по стѣнамъ. Семейство Перекатовыхъ ласково встрѣтило Федора Федоровича. Послѣ обѣда, Ненила Макарьевна отправилась на отдыхъ къ себѣ въ спальню; г-нъ Перекатовъ умястился въ гостиной на диванѣ; Маша сѣла подлѣ окна за пяльцы; Кистеръ противъ нея. Маша, не раскрывая пялецъ, слегка приложилась къ нимъ грудью, подперла голову руками. Кистеръ началъ ей что-то рассказывать; она слушала его безъ вниманія, какъ-будто ждала чего-то, изрѣдка взглядывала на батюшку и вдругъ протянула руку.

— Послушайте, Федоръ Федорычъ... да только говорите потише... папенька заснулъ.

Дѣйствительно, г-нъ Перекатовъ, по обыкновенію, заснулъ сидя на диванѣ, закинувъ голову и раскрывъ немного ротъ.

— Что вамъ угодно? съ любопытствомъ спросилъ Кистеръ.

— Вы будете надо мной смѣяться.

— Помилуйте!..

Маша опустила голову, такъ-что только верхняя часть ея лица осталась незакрытой руками, и въ полголоса, не безъ замѣшательства, спросила Кистера: отъ-чего онъ никогда не привезетъ съ собой г-на Лучкова?

Маша не въ первый разъ упоминала о немъ послѣ бала... Кистеръ молчалъ.

Маша боязливо выглянула изъ-за переплетенныхъ пяльцевъ.

— Могу ли я откровенно сказать вамъ мое мнѣніе? спросилъ ее Кистеръ.

— Отъ-чего же нѣтъ? разумѣется.

— Мнѣ кажется, Лучковъ произвелъ на васъ большое впечатлѣніе!

— Нѣтъ! отвѣчала Маша и нагнулась, какъ-бы желая рассмотреть поближе узоръ; узкая, золотая полоска свѣта легла ей на волосы:—нѣтъ... но...

— Что но? проговорилъ Кистеръ съ улыбкой.

— Вотъ видите ли, сказала Маша и приподняла вдругъ голову, такъ-что полоска пришлась ей прямо на глаза:—вотъ видите ли... онъ...

— Онъ васъ занимаетъ...

— Ну... да... сказала Маша съ разстановкой, покраснѣла, отвернула немного голову въ сторону и въ такомъ положеніи продолжала говорить:—въ немъ есть что-то такое... Вѣдь вотъ вы смѣетесь надо мной, прибавила она вдругъ, быстро взглянувъ на Федора Федоровича.

Федоръ Федоровичъ улыбался самой кроткой улыбкой.

— Я вамъ все говорю, что только мнѣ вдумается! продолжала Маша:—я знаю, что вы мой... (она хотѣла-было-сказать «другъ») хорошій пріятель.

Кистеръ наклонился. Маша помолчала и робко протянула ему

руку. Федоръ Федоровичъ почтительно пожалъ кончики ея пальцевъ.

— Онъ, должно быть, большой чудакъ, замѣтила Маша и опять облокотилась на пальцы.

— Чудакъ?

— Конечно; онъ меня и занимаетъ какъ чудакъ! хитро прибавила Маша.

— Лучковъ—благородный, замѣчательный чедовѣкъ, съ важно-стью возразилъ Кистеръ. — Его не знаютъ у насъ въ полку, не гнѣять, видѣть въ немъ только наружную сторону. Конечно, онъ ожесточенъ, страненъ, нетерпѣливъ, но сердце у него доброе, благородное.

Маша жадно слушала Федора Федоровича.

— Я его привезу къ вамъ. Я скажу ему, что васъ бояться нечего, что смѣшно ему дичиться... Я ему скажу... О! да я уже знаю, что сказать... То—есть, вы однакожь не думайте, чтобъ я... Кистеръ смѣшался; Маша тоже смѣшалась...—Да, и наконецъ, вѣдь онъ вамъ только такъ... нравится...

— Ну, конечно, какъ многіе мнѣ нравятся.

Кистеръ плутовски посмотрѣлъ на нее.—Хорошо, хорошо, промолвилъ онъ съ довольнымъ видомъ:—я вамъ его привезу...

— Да вѣтъ...

— Хорошо; я жъ вамъ говорю, все будетъ хорошо... Ужъ я все устрою.

— Какой вы... съ улыбкой замѣтила Маша, и погрозила на него.

Г-нъ Перекатовъ зѣвнулъ и открылъ глаза.—А я, кажется, заснулъ, пробормоталъ онъ съ удивленіемъ. Маша съ Кистеромъ заговорили о Шиллерѣ.

Однакожь Федору Федоровичу было не совсѣмъ—ловко; въ немъ какъ-будто шевельнулась зависть... и онъ благородно негодовалъ на себя. Ненила Макарьевна сошла въ гостиную. Подали чай. Г-нъ Перекатовъ заставилъ свою собаку прыгнуть нѣсколько разъ черезъ палку и объявилъ потомъ, что онъ самъ ее всему выучилъ, при чемъ собака скромно вертѣла хвостомъ, облизывалась и моргала. Когда же наконецъ зной уменьшился и повѣялъ вечерній вѣтерокъ, все семейство Перекатовыхъ отправилось гулять въ березовую рощу. Федоръ Федоровичъ безпрестанно взглядывалъ на Машу, какъ-бы желая дать ей знать, что онъ исполнить ея порученіе; Машѣ было и на себя досадно, и весело, и жутко. Кистеръ вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ довольно-высокопарно о любви вообще, о дружбѣ... но, замѣтивъ наблюдательный и ясный взглядъ Ненилы Макарьевны, также внезапно перемѣнилъ разговоръ.

Ярко и пышно зардѣлась заря. Передъ березовой рощей разстилался ровный и широкій дугъ. Машѣ вздумалось играть въ горѣлки. Явилась горничная, лакей; г-нъ Перекатовъ сталъ съ

своей супругой, Кистеръ съ Машей. Горничныя бѣгали съ подбострастными и легкими криками; каммердинеръ г-на Перекатова осмѣлился разлучить Ненилу Макарьевну съ ея супругомъ; одна горничная почтительно поддалась барину; Ѳедоръ Ѳедоровичъ не разстался съ Машей. Всякій разъ, становясь на свое мѣсто, онъ ей говорилъ два-три слова; Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ бѣга, съ улыбкой слушала его, проводила рукой по волосамъ, веселилась какъ ребенокъ, взглядывала и задумывалась, какъ женщина. Послѣ ужина, Кистеръ уѣхалъ.

Ночь была тихая, звѣздная. Кистеръ снялъ фуражку. Онъ волновался; ему слегка щемило горло. «Да», сказалъ онъ наконецъ почти вслухъ: «она его любитъ; я сблизю ихъ; я оправдаю ея довѣренность». Хотя еще ничто не доказывало явнаго расположения Маши къ Лучкову, хотя, по собственнымъ ея словамъ, онъ только возбуждалъ ея любопытство, но Кистеръ успѣлъ уже сочинить себѣ цѣлую повѣсть, предписать себѣ свою обязанность. Онъ рѣшился пожертвовать собою, тѣмъ болѣе, что «пока, кромѣ искренней привязанности, я ничего вѣдь къ ней не чувствую», думалъ онъ. Въ другомъ человѣкѣ, подобныя затѣи показались бы смѣшными; но Кистеръ дѣйствительно былъ въ состояніи принести себя въ жертву дружеству, признанному долгу. Онъ много читалъ, и потому воображалъ себя опытнымъ и даже проницательнымъ; онъ не сомнѣвался въ истинѣ своихъ предположеній; онъ не подозрѣвалъ, что жизнь безконечно-разнообразна и, какъ природа, не повторяется никогда. Понемногу Ѳедоръ Ѳедоровичъ пришелъ въ восторгъ. Онъ съ умиленіемъ началъ думать о своемъ призваніи. Быть посредникомъ между любящей, робкой дѣвушкой и человѣкомъ, можетъ-быть, только потому ожесточеннымъ, что ему ни разу въ жизни не пришлось любить и быть любимымъ, сблизить ихъ, растолковать имъ ихъ же собственные чувства, и потомъ удалиться, не давъ никому замѣтить величіе своей жертвы,—какое прекрасное, какое священное дѣло! Не смотря на прохладу ночи, лицо добраго мечтателя пылало...

На другой день, онъ рано поутру отправился къ Лучкову.

Авдѣй Ивановичъ по обыкновенію лежалъ на диванѣ и курилъ трубку. Кистеръ поздоровался съ нимъ.

— Я былъ вчера у Перекатовыхъ, сказалъ онъ съ нѣкоторою торжественностью.

— А! равнодушно возразилъ Лучковъ и зѣвнулъ.

— Да. Они прекрасные люди.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Мы говорили о тебѣ.

— Много чести; съ кѣмъ это?

— Съ стариками... и съ дочерью.

— А! съ этой... толстенкой?

— Она прекрасная дѣвушка, Лучковъ.

— Ну, да, всѣ онѣ прекрасны.

— Нѣтъ, Лучковъ, ты ея не знаешь. Я еще не встрѣчалъ такой умной, доброй и чувствительной дѣвицы.

Лучковъ зашѣлъ въ носъ: «Въ гамбургской газетѣ не ты ли читаешь, какъ въ прошломъ лѣтѣ Миннихъ побѣждалъ...»

— Да я жъ тебѣ говорю...

— Ты въ нее влюбленъ, Федя, насмѣшливо замѣтилъ Лучковъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. И не думалъ.

— Федя, ты въ нее влюбленъ!

— Что за вздоръ! Будто ужъ нельзя...

— Ты въ нее влюбленъ, другъ ты мой сердечный, протяжно шѣлъ Авдѣй Ивановичъ.

— Эхъ, Авдѣй, какъ тебѣ не стыдно! съ досадою проговорилъ Кистеръ.

Со всякимъ другимъ Лучковъ тутъ-то и зашѣлъ бы пуще прежняго; Кистера онъ никогда не дразнилъ. «Ну, ну, шпрехенъ эи дейтъ, Иванъ Андреичъ», проворчалъ онъ вполголоса: «не сердись.»

— Послушай, Авдѣй, съ жаромъ заговорилъ Кистеръ и сѣлъ подлѣ него.—Ты знаешь, я тебя люблю. (У Лучкова неприятно покривилось лицо.) Но одно мнѣ въ тебѣ, признаюсь, не нравится... именно то, что ты ни съ кѣмъ знаться не хочешь, все дома сидишь, всякаго сближенія съ хорошими людьми избѣгаешь. Вѣдь наконецъ есть же хорошіе люди! Ну, положимъ, ты былъ обманутъ въ жизни, ожесточился, что ли; не бросайся на шею каждому, но почему же тебѣ всѣхъ отвергать? Вѣдь этакъ ты и меня, пожалуй, когда-нибудь прогонишь.

Лучковъ хладнокровно продолжалъ курить.

— Отъ-того-то тебя никто и не знаетъ... кромѣ меня; иной, пожалуй, Богъ-вѣсть что о тебѣ думаетъ... Авдѣй! прибавилъ Кистеръ послѣ небольшого молчанія: — ты въ добродѣтель не вѣришь, Авдѣй?

— Какъ не вѣрить... вѣрю... проворчалъ Лучковъ.

Кистеръ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Мнѣ хочется, продолжалъ онъ тронутымъ голосомъ: — примирить тебя съ жизнью. Ты у меня повеселѣешь, расцвѣтешь... именно расцвѣтешь. Какъ я-то буду радъ тогда! (Кистеръ улыбался какъ дитя.) Только ты мнѣ позволяй распоряжаться иногда тобою, твоимъ временемъ. У насъ сегодня что? понедѣльникъ... завтра вторникъ... въ среду, да, въ среду мы съ тобой поѣдемъ къ Перекатовымъ. Они тебѣ такъ рады будутъ... и мы тамъ весело время проведемъ... А теперь дай мнѣ трубочку выкурить.

Авдѣй Ивановичъ недвижно лежалъ на диванѣ и глядѣлъ въ потолокъ. Кистеръ закурилъ трубку, подошелъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по стекламъ.

— Такъ говорили обо мнѣ? спросилъ вдругъ Авдѣй.

— Говорили, значительно возразилъ Кистеръ.

— Что жъ такое говорили?

— Ну, ужь говорили. Весьма желаютъ съ тобой познакомиться.

— Кто же именно?

— Вишь какой любопытный!

Авдѣй кликнулъ слугу и приказалъ сѣдлатъ себѣ лошадь.

— Куда ты?

— Въ манежъ.

— Ну, прощай. Такъ ѣдемъ, что-ли, къ Перекатовымъ?

— Ёдемъ, пожалуй, лѣниво проговорилъ Лучковъ и потянулся.

— Молодецъ! воскликнулъ Кистеръ, вышелъ на улицу, задумался и глубоко вздохнулъ.

IV.

Маша подходила къ дверямъ гостиной, когда доложили о пріѣздѣ гг. Кистера и Лучкова. Она тотчасъ вернулась въ свою комнату, подошла-было къ зеркалу... Ея сердце сильно билось. Она испугалась своей неосторожности, хотѣла во всемъ сознаться матери, бранила себя... Дѣвушка пришла позвать ее въ гостиную. Маша выпила немного воды, остановилась раза два на лѣстницѣ и наконецъ сошла внизъ. Г-на Перекатова дома не было. Ненила Макарьевна сѣдла на диванѣ; Лучковъ на креслахъ, въ мундирѣ, съ шляпой на колѣняхъ; Кистеръ возлѣ него. Оба они приподнялись при входѣ Маши—Кистеръ съ обычной дружелюбной улыбкой, Лучковъ съ торжественнымъ и натянутымъ видомъ. Она съ смущеніемъ поклонилась имъ и подошла къ матери. Ненила Макарьевна отличалась двумя рѣдкими качествами: тишиной обращенія и уваженіемъ къ свободѣ другихъ; она никого не стѣсняла; притомъ, въ присутствіи Кистера, разговоръ никакъ не могъ прерваться... Первые десять минутъ прошли благополучно. Маша отдохнула и начала понемногу наблюдать за Лучковымъ. Онъ отвѣчалъ на разспросы хозяйки коротко, но неспокойно; онъ робѣлъ, какъ всѣ самолюбивые люди. Ненила Макарьевна предложила гостямъ погулять по саду, а сама вышла только на балконъ. Она не почитала необходимою не спускать глазъ съ дочки и кивлять за нею всюду съ толстымъ ридикюлемъ въ рукахъ, по примѣру многихъ степныхъ матерей. Прогулка продолжалась довольно-долго. Маша говорила больше съ Кистеромъ, но не смѣла взглянуть ни на него, ни на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ съ нею не заговаривалъ; въ голосѣ Кистера замѣтно было водненіе. Онъ что-то много смѣялся и болталъ... Они подошли къ рѣчкѣ. Въ полутора саженьяхъ отъ берега росла водяная лилія и словно покоилась на гладкой поверхности воды, устланной широкими и круглыми листьями.

— Какой красивый цвѣтокъ! замѣтила Маша.

Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ уже Лучковъ вынулъ палашъ, ухватился одной рукой за тонкія вѣтки ракиты и, нагнувшись всѣмъ тѣломъ надъ водой, сшибъ головку цвѣтка. «Здѣсь глубоко, берегитесь!» съ испугомъ вскрикнула Маша. Лучковъ концомъ палаша пригналъ цвѣтокъ къ берегу, къ самымъ ея

ногамъ. Она наклонилась, подняла цвѣтокъ и съ иѣжнымъ, радостнымъ удивленіемъ поглядѣла на Авдѣя. «Браво!» закричалъ Кистеръ. — А я не умѣю плавать... отрывисто проговорилъ Лучковъ. Это замѣчаніе не понравилось Машѣ. «Зачѣмъ онъ это сказалъ?» подумала она... Ужь ей было жаль найти въ немъ недостатки...

Лучковъ съ Кистеромъ остались у г-на Перекатова до вечера. Что-то новое, небывалое происходило въ душѣ Маши; задумчивое недоумѣніе изображалось не разъ на лицѣ ея. Она какъ-то двигалась медленно, не вспыхивала отъ взглядовъ матери, — напротивъ, сама какъ-будто ихъ искала, какъ-будто сама вопрошала ее. Въ продолженіе всего вечера, Лучковъ оказывалъ ей какое-то неловкое вниманіе; но даже эта неловкость правилась ея невинному самолюбію. Когда жъ они оба уѣхали съ обѣщаніемъ побывать опять на-дняхъ, она тихонько пошла въ свою комнату, и долго, какъ-бы съ изумленіемъ, глядѣла кругомъ. Ненна Макарьевна пришла къ ней, поцаловала и обняла ее, по обыкновенію. Маша раскрыла губы, хотѣла-было заговорить съ матерью — и не сказала ни слова. Она и хотѣла признаться, да не знала, въ чемъ. Какъ молодое вино, въ ней тихо бродила душа. На ночномъ столикѣ, въ чистомъ стаканѣ, лежалъ на водѣ цвѣтокъ, сорванный Лучковымъ. Уже въ постели, Маша приподнялась осторожно, оперлась на локоть, и ея дѣтственныя губы трепетно прикоснулись бѣлыхъ и свѣжихъ лепестковъ...

— Ну, что? спросилъ на другой день Кистеръ своего товарища: — правятся тебѣ Перекатовы? Правъ я былъ? а? скажи!

Лучковъ не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, скажи, скажи.

— А право не знаю.

— Ну, полно!

— Эта... какъ-бишь ее зовутъ... Машенька — ничего, недурна.

— Ну, вотъ видишь... сказалъ Кистеръ — и замолчалъ.

Лучкову понравилась Маша, какъ хорошенькая, полненькая... и глушенькая дѣвочка. Русскому человѣку здравый смыслъ врожденъ: Лучковъ чувствовалъ, что Кистеръ преувеличилъ достоинства Маши, но самъ еще болѣе ошибался на ея счетъ. Какъ человѣкъ неразвитый и грубый, онъ принялъ ея застѣнчивость за глупость. Это, впрочемъ, его нисколько не смущало — чуть не радовало. Дней черезъ пять, онъ самъ предложилъ Кистеру съѣздить къ Перекатовымъ. Одинъ онъ бы къ нимъ не поѣхалъ; въ отсутствіи Федора Федоровича, ему бы пришлось вести разговоръ; а этого онъ не умѣлъ и боялся.

Во второй прїѣздъ обоихъ друзей, Маша была гораздо-развязнѣе; въ ней совершился переломъ. Она теперь втайнѣ радовалась тому, что не «обезпокоила» маменьки непрошеными признаніями. Авдѣй передъ обѣдомъ вызвался сѣсть на молодую, необѣзженную лошадь и, не смотря на ея бѣшеные скачки, укротилъ ее совершенно.

Вечеромъ онъ было-расходился, пустился шутить и хохотать—и хотя скоро опомнился, однакожь успѣлъ произвести мгновенное, не-приятное впечатлѣніе на Машу. Она сама еще не знала, какое именно чувство въ ней возбуждалъ Лучковъ, но все, что въ немъ ей не нравилось, приписывала она вліянію несчастій, одиночества...

Пріятели стали посѣщать Перекатовыхъ каждую недѣлю. Между-тѣмъ, положеніе Кистера становилось болѣе и болѣе тягостнымъ. Онъ не раскаявался... нѣтъ, но желалъ по-крайней-мѣрѣ сократить время своего искуса. Привязанность его къ Машѣ увеличивалась съ каждымъ днемъ; она сама къ нему благоволила; но быть все только посредникомъ, наперсникомъ, даже другомъ—такое тяжелое, неблагодарное ремесло! Холодно-восторженные люди много толкуютъ о святости страданій, о блаженствѣ страданій... но теплomu, простому сердцу Кистера онъ не доставляли никакого блаженства—хотя и онъ не безъ горькаго удовольствія не разъ тогда прочелъ шиллерову: «Resignation». Наконецъ, однажды, когда Лучковъ, уже совсѣмъ-одѣтый, зашелъ за нимъ, и коляска подъѣхала къ крыльцу—Федоръ Федоровичъ, къ изумленію пріятеля, объявилъ ему напрямикъ, что остается дома. Лучковъ просилъ, досадовалъ, сердился... Кистеръ отговорился головою болью. Лучковъ отправился одинъ.

Бреттеръ во многомъ измѣнился въ послѣднее время. Товарищей онъ оставлялъ въ покоѣ, къ новичкамъ не приставалъ—и хотя не расцвѣлъ душою, какъ предсказывалъ ему Кистеръ, однако дѣйствительно поуспокоился. Его и прежде нельзя было назвать разочарованнымъ человѣкомъ—онъ почти ничего не видалъ и не испыталъ—и потому не диво, что Мапа занимала его мысли. Благодаря постоянному присутствію Федора Федоровича, онъ благополучно пережилъ первыя мгновенія знакомства, самыя для него невыгодныя мгновенія. Впрочемъ, сердце его не смягчилось нисколько; только жолчь въ немъ угомонилась. Чувства Маши къ нему были страннаго рода: она почти никогда не глядѣла ему прямо въ лицо, не умѣла разговаривать съ нимъ... Когда жъ имъ случалось оставаться вдвоемъ, Машѣ становилось страхъ-неловко. Она принимала его за человѣка необыкновеннаго и робѣла передъ нимъ, волновалась, воображала, что не понимаетъ его, не заслуживаетъ его довѣренности; безотрадно, тяжело, но безпрестанно думала о немъ. Онъ привлекалъ ее какъ бабочку свѣчка. Напротивъ, присутствіе Кистера облегчало ее и располагало къ веселости, хотя не радовало и не волновало; съ нимъ она могла болтать по часамъ, опиралась на руку его, какъ на руку брата, дружелюбно глядѣла ему въ глаза, смѣялась отъ его смѣха—и рѣдко вспоминала о немъ. Въ Лучковѣ было что-то загадочное для мечтательной молодой дѣвушки; она чувствовала, что душа его темна «какъ дѣсь» и сидѣла проникнуть въ этотъ таинственный мракъ... Такъ-точно дѣти долго смотрятъ въ глубокой колодезь, пока раз-

глядѣть наконецъ на самомъ днѣ неподвижную, черную воду... А Кистеръ былъ весь прозраченъ какъ хрусталь на солнцѣ... Что жь дѣлать! Люди неопытные ищутъ красоты и истины внѣ ежедневной, простой, человѣческой жизни...

При входѣ Лучкова, одного, въ гостиную, Маша сперва испугалась... но потомъ обрадовалась. Ей ужъ не разъ казалось, что между Лучковымъ и ею существуетъ какое-то недоразумѣніе, что онъ до-сихъ-поръ не имѣлъ случая высказаться, что ему мѣшалъ Кистеръ, на котораго она даже внутренне сердилась иногда... Лучковъ объявилъ причину отсутствія Кистера; старики изъяснили свое сожалѣніе; но Маша съ недовѣрчивостью глядѣла на Авдѣя и томилась ожиданіемъ. Послѣ обѣда, они остались одни, Маша, не зная что сказать, сѣла за фортепяно; пальцы ея торопливо и трепетно забѣгали по клавишамъ; она безпрестанно останавливалась и ждала перваго слова... Лучковъ не понималъ и не любилъ музыки. Маша заговорила съ нимъ о Россіи (Россіи только-что входилъ тогда въ моду), о Моцартѣ... Авдѣй Ивановичъ отвѣчалъ: «да-съ, нѣтъ-съ, какже-съ, прекрасно»—и только. Маша заиграла блестящія варьяціи на россійевскую тему. Лучковъ слушалъ, слушалъ... и когда наконецъ она обратилась къ нему, лицо его выражало такую неліцемерную скуку, что Маша тотчасъ же вскочила и захлопнула фортепяно. Она подошла къ окну и долго глядѣла въ садъ; Лучковъ не трогался съ мѣста и все молчалъ. Нетерпѣніе начинало смѣнять робость въ душѣ Маши. «Что жь?» думала она: «не хочешь... или не можешь?» Очередь робѣть была за Лучковымъ. Онъ ощущалъ опять обычную, томительную неуверенность; онъ ужъ злился... «Чортъ же меня дернулъ связаться съ дѣвчонкой», бормоталъ онъ про себя... А между-тѣмъ, какъ легко было въ это мгновеніе тронуть сердце Маши! Самое ея нетерпѣніе такъ громко говорило въ пользу Лучкова... Что бы ни сказалъ такой необыкновенный, хотя и странный человѣкъ, какимъ она его воображала — она бы все поняла, все извинила, всему бы повѣрила... Но это тяжелое, глупое молчаніе! Слова досады наворачивались у ней на глазахъ. «Если онъ не хочетъ объясниться, если я точно не стою его довѣренности, зачѣмъ же ѣздить онъ къ намъ? Или, можетъ-быть, я не умѣю заставить его высказаться?»... И она быстро обернулась—и такъ вопросительно, такъ настойчиво взглянула на него, что онъ не могъ не понять ея взгляда, не могъ долѣе молчать...

— Марья Сергѣевна, произнесъ онъ запинаясь: — я... у меня... я вамъ долженъ что-то сказать...

— Говорите, быстро возразила Маша.

Лучковъ нерѣшительно посмотрѣлъ кругомъ.

— Я теперь не могу...

— Отъ-чего же?

— Я бы желалъ поговорить съ вами наединѣ...

— Мы и теперь одни.

— Да... но...

На всякаго другаго Маша поглядѣла бы гордо и холодно, потребовала бы объясненій... «Если я откажу ему» подумала она: «все кончено»... Любопытство погубило Евву...

— Я согласна, сказала она наконецъ.

— Когда же?

Маша дышала быстро и неровно...

— Завтра... вечеромъ. Вы знаете рожицу надъ Долгимъ-Лугомъ?..

— За мельницей?

Маша кивнула головой.

— Въ которомъ часу?

— Ждите...

Больше она не могла ничего выговорить; голосъ ея перервался... она поблѣднѣла и проворно вышла изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, г-нъ Перекатовъ, съ свойственной ему любезностью, провожалъ Лучкова до передней, съ чувствомъ жалъ ему руку и просилъ «не забывать»; потомъ, отпустивъ гостя, съ важною замѣтилъ человѣку, что не худо бы ему остричься—и, не дождавшись отвѣта, съ озабоченнымъ видомъ вернулся къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ присѣлъ на диванъ и тотчасъ же невинно заснулъ.

— Ты что-то блѣдна сегодня, говорила Ненила Макарьевна своей дочери вечеромъ того же дня.—Здорова ли ты?

— Я здорова, маменька.

Ненила Макарьевна поправила у ней на шеѣ косынку.

— Ты очень-блѣдна; посмотри на меня, продолжала она съ тою материнскою заботливостью, въ которой все-таки слышится родительская власть:—ну, вотъ и глаза твои не веселы. Ты нездорова, Маша.

— У меня голова немного болитъ, сказала Маша, чтобъ какъ-нибудь отдѣлаться.

— Ну, вотъ, я знала. Ненила Макарьевна приложила руку къ лбу Маши:—однако жару въ тебѣ нѣтъ.

Маша нагнулась и подняла съ пола какую-то совершенно-ненужную нитку.

Ненила Макарьевна чувствовала, что дѣло не ладно; но, какъ умная женщина, она тоже знала, что кротость сильнѣе силы... ея руки тихо легли вокругъ тонкаго стана Маши.

— Ты что-то какъ-будто-бы мнѣ сказать хочешь, ласково проговорила она, не распуская рукъ.

Маша внутренно вздрогнула.

— Я? Нѣтъ, маменька.

Мгновенное смущеніе Маши не ускользнуло отъ родительскаго вниманія.

— Право, хочешь... Подумай-ка.

Но Маша успѣла оправиться и, вмѣсто отвѣта, со смѣхомъ поцаловала руку матери.

— И будто нечего тебѣ сказать мнѣ?

— Ну, право же, нечего.

— Я тебѣ вѣрю, возразила Ненила Макарьевна послѣ непродолжительнаго молчанія. — Я знаю, у тебя нѣтъ ничего отъ меня скрытаго... Не правда ли?

— Конечно, маменька.

Маша, однакожь, не могла не покраснѣть немного.

— И хорошо дѣлаешь. Грѣшно было бы тебѣ скрывать отъ меня... Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю, Маша.

— О, да, маменька! И Маша прижалась къ ней.

— Ну, полно, довольно. (Ненила Макарьевна прошла по комнатѣ.) Ну, скажи же мнѣ, продолжала она голосомъ чловѣка, который чувствуетъ, что вопросъ его не имѣетъ никакого особеннаго значенія: — о чемъ ты сегодня разговаривала съ Авдѣемъ Иванычемъ?

— Съ Авдѣемъ Иванычемъ? спокойно повторила Маша. — Да такъ, обо всемъ...

— Что, онъ тебѣ нравится?

— Какъ же, нравится.

— А помнишь, какъ ты желала съ нимъ познакомиться, какъ волновалась?..

Маша отвернулась и засмѣялась.

— Какой онъ странный! добродушно замѣтила Ненила Макарьевна.

Маша хотѣла-было заступиться за Лучкова, да прикусила язычокъ.

— Да, конечно, проговорила она довольно-небрежно: — онъ чудакъ, но всё же онъ хорошій чловѣкъ!

— О, да!.. Что Ѳедоръ Ѳедорычъ не пріѣхалъ?

— Видно нездоровъ. Ахъ, да! кстати: Ѳедоръ Ѳедорычъ хотѣлъ мнѣ подарить собачку... Ты мнѣ позволишь?..

— Что? принять его подарокъ?

— Да.

— Разумѣется.

— Ну, благодарствуй, сказала Маша: — вотъ благодарствуй!

Ненила Макарьевна дошла до двери и вдругъ вернулась назадъ.

— А помнишь ты свое обѣщаніе, Маша?

— Какое?

— А ты хотѣла мнѣ сказать, когда влюбишься?

— Помню.

— Ну, что жь?.. Еще не время? (Маша звонко разсмѣялась.)
Посмотри-ка мнѣ въ глаза.

Маша ясно, смѣло и дѣтски-невинно взглянула на свою матушку. Люди умные, но слишкомъ-увѣренные въ своемъ умѣ, часто

ошибаются, не отъ недостатка проицательности, но именно отъ избытка увѣренности.

— Не можетъ быть! подумала Ненила Макарьевна и успокоилась.—Гдѣ ей меня обмануть!.. И съ чего я взяла?.. Она еще совершенный ребенокъ...

И вотъ какъ дѣти поступаютъ иногда съ своими родителями!... Но въ одномъ Ненила Макарьевна была права: Маша точно еще не понимала движеній собственнаго сердца.

V.

Кистеръ легъ уже спать, когда Лучковъ вошелъ къ нему въ комнату. Лицо бретгѣра никогда не выражало *одного* чувства: такъ и теперь — притворное равнодушіе, грубая радость, сознание своего превосходства... множество различныхъ чувствъ разыгрывалось на его чертахъ.

— Ну, что? ну, что? торопливо спросилъ его Кистеръ.

— Ну, что! Былъ. Тебѣ кланяются.

— Что? они всѣ здоровы?

— Что имъ дѣлается!

— Спрашивали, отъ-чего я не пріѣхалъ?

— Спрашивали, кажется.—Лучковъ поглядѣлъ въ потолокъ и запылъ прескверно, префальшиво. Кистеръ опустилъ глаза и задумался.

— А вѣдь вотъ, — хриплымъ и рѣзкимъ голосомъ промолвилъ Лучковъ: — вотъ, ты умный человекъ, ты ученый человекъ; а вѣдь тоже иногда, съ позволенія сказать, дичь порешь.

— А что?

— А вотъ что. Напримѣръ, на счетъ женщинъ. Вѣдь ужъ какъ ты ихъ превозносишь! Стихи объ нихъ читаешь! Всѣ онѣ у тебя ангелы... Хороши ангелы!

— Я женщинъ люблю и уважаю, но...

— Ну, конечно, конечно, перебилъ его Авдѣй.—Я вѣдь съ тобой не спорю. Гдѣ мнѣ! Я, разумѣется, человекъ простой.

— Я хотѣлъ сказать, что... Однако, почему ты именно сегодня... именно теперь... заговорилъ о женщинахъ?

— Такъ!—Авдѣй значительно улыбнулся.—Такъ!

Кистеръ проицательно поглядѣлъ на своего пріятеля. Онъ подумалъ (чистая душа!), что Маша дурно съ нимъ обошлась,—пожалуй, помучила его, какъ однѣ женщины умѣютъ мучить... какъ-будто въ такомъ случаѣ Лучковъ прішелъ бы къ нему, и съ такимъ лицомъ... Но душа Кистера была чиста и невинна...

— Ты огорченъ, мой бѣдный Авдѣй, признайся...

Лучковъ расхохотался.

— Ну, огорчаться мнѣ, кажется, нѣтъ, промолвилъ онъ съ разстановкой, самодовольно разглаживая усы. — Нѣтъ, вотъ видишь ли что, Федя, продолжалъ онъ тономъ наставника: — я хо-

тъль тебѣ только замѣтить, что ты на-счетъ женщины ошибаешься, другъ мой... Повѣрь мнѣ, Федя, онѣ всѣ на одну стать. Стоить поклонотать немного, повертѣться около нихъ — и дѣло въ шляпѣ. Вотъ хотъ бы Маша Перекатова...

— Ну?

Лучковъ постучалъ ногой объ полъ и покачалъ головой.— Кажется, что во мнѣ такого особеннаго и привлекательнаго, а? Кажется, ничего. Вѣдь ничего? А вотъ завтра мнѣ назначено свиданье.

Кистеръ приподнялся, оперся на локоть и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Лучкова. — Вечеромъ, въ рошѣ... спокойно продолжалъ Авдѣй Ивановичъ. — Но ты не думай чего-нибудь такого. Я только такъ. Знаешь — скучно. Дѣвочка хорошенькая... ну, думаю, что за бѣда? Жениться — не женюсь... а такъ тряхну старинной. Бабиться не люблю — а дѣвчонку потѣшить можно... вмѣстѣ послушаемъ соловьевъ. Это — по-настоящему, твое дѣло; да вишь, у этого бабья глазъ нѣту. Что я, кажись, передъ тобой?..

Долго Лучковъ потѣшался надъ Машей... откуда рѣчи брались. Но Кистеръ его не слушалъ. У него голова пошла кругомъ. Онъ блѣднѣлъ и проводилъ рукою по лицу. Лучковъ покачивался въ креслахъ, жмурился, потягивался — и приписывая ревности волненіе Кистера, чуть не задыхался отъ удовольствія. Но Кистера мучила не ревность: онъ былъ оскорбленъ, глубоко оскорбленъ, не самимъ признаніемъ (они другъ другу могли довѣрить свои тайны), но грубой, наглою небрежностью Авдѣя, его равнодушнымъ и презрительнымъ отзывомъ о Машѣ. Онъ продолжалъ пристально глядѣть на бреттѣра — и, казалось, въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ его черты. Онъ чувствовалъ, что наступалъ часъ «разочарованія». Такъ вотъ изъ чего хлопоталъ онъ! Вотъ для чего жертвовалъ собственной наклонностью! Вотъ оно, благодатное дѣйствіе любви!

— Авдѣй... развѣ ты ея не любишь? пробормоталъ онъ наконецъ.

— О невинность! о Аркадія! съ злобнымъ хохотомъ возразилъ Авдѣй.

Добрый Кистеръ и тутъ не поддался. Можетъ-быть, Авдѣй злится и «ломается» по привычкѣ... Онъ не нашелъ еще новыхъ словъ для выраженія новыхъ ощущений. Да и въ немъ самомъ—въ Кистерѣ—не скрывается ли другое чувство подъ негодованіемъ? Не отъ-того ли такъ неприятно поразило его признаніе Лучкова, что дѣло касалось Маши? Почему знать, можетъ-быть, Лучковъ дѣйствительно въ нее влюбленъ? Но нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Этотъ человекъ влюбленъ?.. Гадокъ этотъ человекъ съ своимъ жолчьимъ и желтымъ лицомъ, съ своими судорожными и кошачьими движеніями, съ приподнятымъ отъ радости горломъ!.. гадокъ!!! Нѣтъ, не такими словами высказалъ бы Кистеръ преданному другу тайну любви своей... Въ избыткѣ счастья, съ нѣжнымъ востор-

гомъ, съ свѣтлыми, обильными слезами на глазахъ, прижался бы онъ къ его груди...

— Что, братъ? заговорилъ Авдѣй: — не ожидалъ, признайся? и теперь самому досадно? а? завидно? признайся, Федя! а? а? Вѣдь изъ-подъ носу подтибрилъ у тебя дѣвчонку!

Кистеръ хотѣлъ—было высказаться и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ. — Объясняться... передъ Лучковымъ?? Ни за что! шепталъ онъ про себя. — Онъ меня не понимаетъ... пусть! Онъ, судя по себѣ, предполагаетъ во мнѣ одни дурныя чувства — пусть!

Авдѣй всталъ. — Я вижу, ты спать хочешь, проговорилъ онъ съ притворнымъ участіемъ: — я тебѣ не хочу мѣшать. Спи спокойно, другъ мой... спи!

И Лучковъ вышелъ, весьма-довольный собою.

Кистеръ не могъ заснуть до зари. Онъ съ лихорадочнымъ упрямствомъ перевертывалъ и передумывалъ одну и ту же мысль — занятіе, слишкомъ-извѣстное несчастнымъ любовникамъ: оно дѣйствуетъ на душу, какъ мѣхи на тлѣющій уголь.

— Если даже, думалъ онъ: — Лучковъ къ ней равнодушенъ, если она сама бросилась ему на шею, не долженъ онъ былъ даже со мной, съ своимъ другомъ, такъ непочтительно, такъ обидно говорить о ней! Чѣмъ она виновата? Какъ не пожалѣть бѣдной, неопытной дѣвушки?

«Но не-уже-ли она ему назначила свиданіе? Назначила — точно назначила. Авдѣй не лжетъ; онъ никогда не лжетъ. Но, можетъ-быть, это въ ней такъ, одна фантазія... Признайтесь, г. Кистеръ, язвительно перебилъ онъ самого-себя: — вамъ бы очень этого хотѣлось, не правда ли?

«Но она его не знаетъ... Онъ въ состояніи, пожалуй, оскорбить ее. Послѣ сегодняшняго дня, я ни за что не отвѣчаю... А не сами ли вы, г. Кистеръ, его расхваливали и перевозносили? Не сами ли вы возбудили ея любопытство?... Но кто жь это зналъ? Кто это могъ предвидѣть?..

«Что предвидѣть? Давно ли онъ пересталъ быть вашимъ другомъ?... Да полно былъ ли онъ когда мнимъ другомъ? Какое разочарованіе! Какой урокъ!»

Все прошедшее вихремъ крутилось передъ глазами Кистера.

— Да, я его любилъ, прошепталъ онъ наконецъ. — Отъ-чего же я разлюбилъ его? такъ скоро?... Да разлюбилъ ли я его?

«Нѣтъ, отъ-чего полюбилъ я его? Я одинъ?» Любящее сердце Кистера отъ-того именно и привязалось къ Авдѣю, что всѣ другіе его чуждались, и брѣттѣръ, какъ парія, первый протянулъ къ нему руки... Но добрый молодой человекъ не зналъ самъ, какъ велика его доброта.

— Мой долгъ, продолжалъ онъ: — предупредить Марью Сергѣевну. Но какъ? Какое право имѣете вы, г. Кистеръ, вмѣшиваться въ чужія дѣла, въ чужую любовь? Почему вы знаете, какого рода эта любовь? Можетъ-быть, и въ самомъ Лучковѣ... Нѣтъ! нѣтъ!

говорялъ онъ вслухъ, съ досадою, почти со слезами поправляя подушки: — этотъ человѣкъ камень...

«Я самъ виноватъ... я потерялъ друга... Хорошъ другъ! Хороша и она!

«Какой я гадкій эгоистъ! Нѣтъ—нѣтъ!! отъ глубины души желаю мнѣ счастья...

«Счастья! Да онъ смѣется надъ ней!..

«И зачѣмъ онъ себѣ усы красить? Ужь, право, кажется...

«Ахъ, какъ я смѣшонъ!» твердилъ онъ, засыпая.

На другой день утромъ, Кистеръ поѣхалъ къ Перекатовымъ. Въ-слѣдствіе глубокихъ соображеній, онъ убѣдился (или вообразилъ, что убѣдился) въ томъ, что долъ повелѣваетъ ему видѣться съ Машей, — а Кистеръ не умѣлъ противиться долгу. Впрочемъ, честный юноша и не думалъ выдать своего пріятеля. При свиданіи, — и Кистеръ замѣтилъ большую пережѣну въ Машѣ, и Маша нашла въ немъ пережѣну; но промолчали оба. Все утро имъ было противъ обыкновенія неловко. Дома Кистеръ приготовилъ-было множество двусмысленныхъ рѣчей и намековъ, дружескихъ совѣтовъ, чувствительныхъ наставленій... но всѣ эти приготовленія оказались совершенно-безполезными. Маша смутно чувствовала, что Кистеръ за ней наблюдаетъ; ей казалось, что онъ съ намѣреніемъ значительно произноситъ инныя слова; но она также чувствовала въ себѣ волненіе и не вѣрила своимъ наблюденіямъ. «Какъ бы онъ не задумалъ остаться до вечера!» безпрестанно думала она и старалась дать ему понять, что онъ лишній. Съ своей стороны, Кистеръ принималъ ея неловкость, ея тревогу за очевидные признаки любви, и тѣмъ болѣе онъ за нее боялся, тѣмъ менѣе рѣшался заговорить о Лучковѣ; а Маша упорно молчала о немъ. Тяжело было бѣдному Федору Федоровичу. Онъ начиналъ наконецъ понимать собственныя чувства. Никогда Маша ему не казалась милѣй. Она видѣла не спала всю ночь. Легкій румянецъ пятнами выступалъ на ея блѣдномъ лицѣ; станъ слегка сгибался; невольная, томная улыбка не сходила съ губъ; изрѣдка пробѣгала дрожь по ея поблѣднѣвшимъ плечамъ; взгляды тихо разгорались и быстро погасали... Ненила Макарьевна подѣла къ нимъ и, можетъ-быть, съ намѣреніемъ упомянула объ Авдѣѣ Ивановичѣ. Но Маша въ присутствіи матери вооружалась *jusqu'aux dents*, какъ говорятъ Французы, и не выдала себя нисколько. Такъ прошло все утро.

— Вы объдаете у насъ? спросила Ненила Макарьевна Кистера. Маша отвернулась.

— Нѣтъ, послѣшно произнесъ Кистеръ и взглянулъ на Машу. — Вы меня извините... обязанности службы... Ненила Макарьевна изъяснила свое сожалѣніе, какъ водится; вслѣдъ за ней г. Перекатовъ. «Я никому не хочу мѣшать» хотѣлъ сказать Кистеръ Машѣ,

проходя мимо, но, вмѣсто того, наклонился, шепнулъ: «будьте счастливы... прощайте... берегитесь...» и скрылся.

Маша вздохнула отъ глубины души, а потомъ испугалась его отъѣзда. Что жъ ее мучило? любовь или любопытство? Богъ-знаетъ; но, повторяемъ, и любопытство погубило Евву.

VI.

Долгимъ-Лугомъ называлась широкая и ровная поляна на правой сторонѣ рѣчки Свѣжинки, въ верстѣ отъ имѣнія гг. Перекатовыхъ. Лѣвый берегъ, весь покрытый молодымъ густымъ дубнякомъ, круто возвышался надъ рѣчкой, почти заросшей лозниками, исключая небольшихъ «заводей», пристанища дикихъ утокъ. Въ полуверстѣ отъ рѣчки, по правую же сторону Долгаго-Луга, начались покатые, волнистые холмы, рѣдко усѣянные старыми берегами, кустами орѣшника и калины.

Солнце садилось. Мельница шумѣла и стучала вдали то громче, то тише, смотря по вѣтру. Господскій табунъ лѣниво бродилъ по лугу; пастухъ шелъ, напѣвая, за стадомъ жадныхъ и пугливыхъ овецъ; сторожевыя собаки со скуки гнались за воронами. По рощѣ ходилъ скрестя руки Лучковъ. Его привязанная лошадь уже не разъ отозвалась нетерпѣливо на звонкое ржаніе жеребятъ и кобылъ. Авдѣй злился и робѣлъ, по обыкновенію. Еще неувѣренный въ любви Маши, онъ уже сердился на нее, досадовалъ на себя... но волненіе въ немъ заглушало досаду. Онъ остановился наконецъ передъ огромнымъ зеленымъ кустомъ орѣшника и началъ хлыстикомъ сбивать крайніе листья...

Ему послышался легкій шумъ... онъ поднялъ голову... Въ десяти шагахъ отъ него стояла Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы, въ шляпкѣ, но безъ перчатокъ, въ бѣломъ платьѣ, съ наскоро-завязаннымъ платочкомъ на шеѣ. Она проворно опустила глаза и тихо покачнулась...

Авдѣй неловко и съ натянутой улыбкой подошелъ къ ней.

— Какъ я счастливъ... началъ-было онъ едва внятно.

— Я очень-рада... васъ встрѣтить... задыхаясь перебила его Маша.—Я обыкновенно гуляю здѣсь по вечерамъ... и вы...

Но Лучковъ не умѣлъ даже пощадить ея стыдливость, поддерживать ея невинную ложь.

— Кажется, Марья Сергѣвна, промолвилъ онъ съ достоинствомъ:—вамъ самимъ угодно было...

— Да... да... съ смущеніемъ возразила Маша.—Вы желали меня видѣть, вы хотѣли... Голосъ ея замеръ.

Лучковъ молчалъ.

Маша робко подняла глаза.

— Извините меня, началъ онъ, не глядя на нее:— я человѣкъ простой и не привыкъ объясняться... съ дамами... Я... я желаю

вамъ сказать... но, кажется, вы не расположены меня слушать...

— Говорите...

— Вы приказываете... Ну, такъ скажу вамъ откровенно, что уже давно, съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣлъ честь съ вами познакомиться...

Авдѣй остановился.

Маша ждала конца рѣчи.

— Впрочемъ, я не знаю, для чего это все вамъ говорю... Своей судьбы не переменяйши.

— Почему знать...

— Я знаю! мрачно возразилъ Авдѣй.—Я привыкъ встрѣчать ея удары!

Машѣ показалось, что *теперь* по-крайней-мѣрѣ не слѣдовало г. Лучкову жаловаться на судьбу...

— Есть добрые люди на свѣтѣ, съ улыбкой замѣтила она: — даже слишкомъ-добрые...

— Я понимаю васъ, Марья Сергѣевна и, повѣрьте, умѣю цѣнить ваше расположеніе... (Машѣ это слово не понравилось.)—Я... я... Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ... Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать... что вы мнѣ нравитесь, Марья Сергѣевна, чрезвычайно нравитесь...

— Надѣюсь! весело перебила его Маша, хотя сердце ея сжалось отъ ожиданія и страха.—Ахъ, посмотрите, Лучковъ (она до-тѣхъ-поръ никогда не называла его просто Лучковымъ), посмотрите, какой видъ!

Она указала ему на лугъ, весь испещренный длинными, вечерними тѣнями, весь албюцій на солнцѣ...

Внутренно-обрадованный внезапной переменною разговора, Лучковъ началъ «любоваться» видомъ. Онъ сталъ подлѣ Маши...

— Вы любите природу? спросила она вдругъ, быстро повернувъ головку и взглянувъ на него тѣмъ дружелюбнымъ, любопытнымъ и мягкимъ взглядомъ, который, какъ звѣнящій голосокъ, дается только молодымъ дѣвушкамъ...

— Да... природа... конечно... пробормоталъ Авдѣй.—Конечно... вечеромъ приятно гулять, хотя, признаться, я солдатъ и вѣжності не по моей части.

Лучковъ часто повторялъ, что онъ «солдатъ».

Настало небольшое молчаніе. Маша продолжала глядѣть на лугъ.

— Не уйдти ли? подумалъ Авдѣй. — Вотъ вздоръ! Смѣлѣй... Марья Сергѣевна... заговорилъ онъ довольно-твердымъ голосомъ.

Маша обернулась къ нему.

— Извините меня, началъ онъ какъ-бы шутя:—но позвольте съ моей стороны узнать, что вы думаете обо мнѣ, чувствуете ли вы какое-нибудь... этакое... расположеніе къ моей особѣ?

— Боже мой, какъ онъ неловокъ! сказала про-себя Маша. — Знаете ли вы, господинъ Лучковъ, отвѣчала она ему съ улыбкой:

— что женщины никогда не дают рѣшительнаго отвѣта на рѣшительный вопросъ?

— Однако...

— Да на что вамъ?

— Да я, помилуйте, желаю знать...

— А я не люблю разспросовъ, слышите? Вы обижаетесь... Ахъ, онъ обижается! Но меня вы не испугаете, господинъ дуэлистъ!..

— Но...

— Правда ли, что вы большой дуэлистъ? Скажите, правда ли? прибавила Маша съ робкимъ любопытствомъ:— говорятъ, вы уже не одного человѣка убили?

— Случалось, равнодушно возразилъ Авдѣй и погладилъ усы.

Маша пристально посмотрѣла на него.

— Вотъ этой рукой... шептала она.

Между-тѣмъ, кровь разгоралась въ Лучковѣ. Уже болѣе четверти часа молодая, хорошенькая дѣвушка вертѣлась передъ нимъ...

— Марья Сергѣевна, заговорилъ онъ опять рѣзкимъ и страннымъ голосомъ:—вы теперь знаете мои чувства, знаете, зачѣмъ я желаю васъ видѣть... Вы были столько добры... Скажите же и вы мнѣ наконецъ, чего я могу надѣяться...

Маша вертѣла въ рукахъ полевую гвоздику... Она взглянула съ боку на Лучкова, покраснѣла, улыбнулась, сказала:

— Какіе вы пустяки говорите, — и подала ему цвѣтокъ.

Авдѣй схватилъ ее за руку.

— Итакъ, вы меня любите! воскликнулъ онъ.

Маша вся похолодѣла отъ испуга. Она не думала признаваться Авдѣю въ любви; она сама еще не знала, полюбитъ ли она его когда-нибудь, и вотъ ужъ онъ теперь ее предупреждаетъ, насильно заставляетъ высказаться—стало-быть, онъ ее не понимаетъ... Эта мысль быстрѣе молніи сверкнула въ головѣ Маши. Она никакъ не ожидала такой скорой развязки... Не смотря на ея спокойный и безпечный нравъ, истинная страсть увлекла бы, закружила бы ее какъ перышко... но сердце въ ней не задрожало сочувствіемъ при восклицаніи Авдѣя... сердца не обманешь! Маша, какъ любопытный ребенокъ, цѣлый день себя спрашивала: «Не-уже-ли Лучковъ меня любитъ?», мечтала о приятной вечерней прогулкѣ, почтительныхъ и нѣжныхъ рѣчахъ, мысленно кокетничала, пріучала къ себѣ дикаря, позволяла при прощаньи поцаловать свою руку... и, вмѣсто того...

Вмѣсто того, она вдругъ почувствовала у себя на щекѣ жесткіе усы Авдѣя...

— Будемте счастливы, шепталъ онъ:—вѣдь только есть одно счастье на землѣ!..

Маша вздрогнула, съ ужасомъ отбѣжала въ сторону и вся блѣдная, остановилась, опираясь рукой о берѣзу. Авдѣй смѣялся страшно.

— Извините меня, бормоталъ онъ, подвигаясь къ ней:—я, право, не думалъ...

Маша молча, во всё глаза глядѣла на него... Непріятная улыбка кривила его губы... красныя пятна выступили на его лицѣ...

— Чего же вы боитесь? продолжалъ онъ: — велика важность! Видъ между нами уже все... того...

Маша все молчала.

— Ну, полноте!.. что за глупости?.. это только такъ...

Лучковъ протянулъ къ ней руку...

Маша вспомнила Кистера, его «берегитесь», и замерла отъ страха. Притомъ, она всегда боялась Лучкова. Другая, болѣе-восторженная дѣвица, нашла бы таинственную прелесть въ самомъ этомъ страхѣ, но Маша не дошла до такихъ тонкостей и довольно-вызывнымъ голосомъ закричала:

— Танюша!

Изъ-за широкаго орѣховаго куста вынырнуло круглое и пухлое лицо горничной... Авдѣй потерялся совершенно. Успокоенная присутствіемъ своей прислужницы, Маша не тронулась съ мѣста и свысока посмотрѣла на своего изумленного собесѣдника... Невыразимо-быстро смѣняются ощущенія въ душѣ женщины... Маша теперь уже была готова объяснить съ Лучковымъ, пожалуй, даже извинить его... Но бреттёръ весь затрепеталъ отъ прилива злости; глаза его съѣжились; онъ стиснулъ кулаки и судорожно захохоталъ.

— Bravo! bravo! Умно — нечего сказать! закричалъ онъ.

Маша остолебѣла.

— Вы, я вижу, приняли всё мѣры предосторожности, Марья Сергѣевна!

Маша вспыхнула.

— И, кажется, ненарасно, милостивый государь.

— О, разумѣется! Любовь сама-по-себѣ... а осторожность сама-по-себѣ. Осторожность никогда не мѣшаетъ. Каково? Въ наше время барышни дальновиднѣе стариковъ.

— Я не знаю, господинъ Лучковъ, кто вамъ далъ право говорить о любви... о какой любви, позвольте спросить?

— Какъ кто? Да вы сами! перебилъ ее Лучковъ: — вотъ еще!

Онъ чувствовалъ, что портить все дѣло, но не могъ удержаться.

— Положимъ... положимъ, что я; точно—вы правы. Я бы, вѣроятно, не пришла сюда, еслибъ могла ожидать... но положимъ... Я поступила точно необдуманно. Я снизошла на вашу просьбу въ надеждѣ на вашу délicatesse... да вы не понимаете по-французски—на вашу вѣжливость.

Авдѣй поблѣднѣлъ. Маша поразила его въ самое сердце.

— Я не понимаю по-французски... можетъ-быть; но я понимаю... я понимаю, что вамъ угодно было смѣяться надо мной...

— Совсѣмъ нѣтъ, Авдѣй Ивановичъ... я даже очень сожалѣю...

— Ужь, пожалуйста, не толкуйте объ вашемъ сожалѣніи, съ за-

нальчивостью перебилъ ее Авдѣй:—ужь отъ этого-то вы меня избавьте!

— Милостивый государь...

— Да не извольте смотрѣть герцогиней... Напрасный трудъ! меня вы не запугаете.

Маша холодно, даже не презрительно поклонилась Авдѣю, повернулась къ нему спиной, позвала Танюша и цощла.

— Прикажете вамъ прислать вашего друга, вашего пастушка, чувствительнаго Сердечкина, Кистера? закричалъ ей вслѣдъ Авдѣй. Онъ терялъ голову.—Ужь не этотъ ли пріятель?..

Маша не отвѣчала ему и поспѣшно, радостно удалялась. Ей было легко, не смотря на испугъ и волненье. Она какъ-будто пробудилась отъ тяжелаго сна, изъ темной комнаты вышла на воздухъ и солнце... Авдѣй, какъ изстуженный, посмотрѣлъ кругомъ, съ молчаливымъ бѣшенствомъ сломалъ молодое дерево, вскочилъ на лошадь, и такъ яростно вонзалъ въ нее шпоры, такъ безжалостно дергалъ и крутилъ поводья, что несчастное животное, проскакавъ восемь верстъ въ четверть часа, едва не надохло въ ту же ночь...

Кистеръ напрасно до полуночи прождалъ Лучкова, и на другой день утромъ самъ отправился къ нему. Деньщикъ доложилъ Федору Федоровичу, что баринъ-де почиваетъ и не велѣлъ никого принимать. «И меня не велѣлъ?»—И ваше благородье не велѣлъ.— Кистеръ съ мучительнымъ безпокойствомъ прошелся раза два по улицѣ, вернулся домой. Человѣкъ ему подалъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ Перекатовыхъ-съ. Артѣмка-фалеторъ привезъ.

У Кистера задрожали руки.

— Приказали кланяться. Приказали отвѣта просить-съ. Артѣмкѣ прикажете дать водки-съ?

Кистеръ медленно развернулъ записочку и прочелъ слѣдующее:

«Любезный, добрый Федоръ Федоровичъ,

«Мнѣ очень, очень нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, если можете, сегодня. Не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, прошу васъ имениемъ нашей старинной дружбы. Еслибъ вы знали... да вы все узнаете. До свиданія—не правда ли?

«МАВІЕ.»

«P. S. Непремѣнно пріѣзжайте сегодня.»

— Такъ прикажете-съ Артѣмкѣ-фалетору поднести водки?

Кистеръ долго, съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ лицо своему человѣку и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Баринъ приказалъ тебѣ дать водки, говоритъ кистеровъ человѣкъ Артѣмкѣ-фалетору.

VII.

Маша съ такимъ яснымъ и благодарнымъ лицомъ пошла на встрѣчу Кистеру, когда онъ вошелъ въ гостиную, такъ дружелюбно и крѣпко стиснула ему руку, что у него сердце забилося отъ радости и камень свалился съ груди. Читатель легко себѣ представить, какія мысли, какія догадки его тревожили съ утра; но веселое спокойствіе Маши нѣсколько успокоило его-самого. Впрочемъ, она не сказала ему ни слова и тотчасъ вышла изъ комнаты: Сергѣй Сергѣевичъ въ высококомъ и накрахмаленномъ галстукѣ сядѣлъ на диванѣ и раскладывалъ пасьянсъ. Начался разговоръ. Не успѣлъ еще Сергѣй Сергѣевичъ съ обычнымъ искусствомъ навести стороною рѣчь на свою собаку, какъ уже Маша возвратилась съ шелковымъ клѣтчатымъ поясомъ на платьѣ, любимымъ поясомъ Кистера. Явилась Ненила Макарьевна и дружелюбно привѣтствовала Федора Федоровича. За обѣдомъ всѣ смѣялись и шутили; самъ Сергѣй Сергѣевичъ одушевился и рассказалъ одну изъ самыхъ веселыхъ проказъ своей молодости, — при чемъ онъ, какъ страусъ, пряталъ голову отъ жены. Невзвѣстно, по какой причинѣ, велѣли даже подать шампанскаго и поздравляли другъ друга...

— Пойдемте гулять, Федоръ Федоровичъ, сказала Кистеру Маша, послѣ обѣда, съ тою ласковою властью въ голосѣ, которая какъ-будто знаетъ, что вамъ весело ей покориться. — Мнѣ нужно съ вами переговорить о важномъ, важномъ дѣлѣ, прибавила она съ граціозною торжѣственностью, надѣвая шведскія перчатки. — Пойдешь ты съ нами, папан?

— Нѣтъ, возразила Ненила Макарьевна.

— Да мы не въ садъ идемъ.

— А куда же?

— Въ Долгій-Лугъ, въ рошу.

— Возьми съ собой Танюшу.

— Танюша, Танюша! звонко крикнула Маша, легче птицы выскочивъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, Маша шла съ Кистеромъ къ Долгому-Лугу. Проходя мимо стада, она покормила хлѣбомъ свою любимую корову, погладила ее по головѣ, и Кистера заставила приластаться къ ней. Маша была весела и болтала много. Кистеръ охотно вторилъ ей, хотя съ нетерпѣніемъ ждалъ объясненій... Танюша шла стаду въ почтительномъ отдаленіи, и лишь изрѣдка, изъ-подъ навѣсаго, жирнаго лба, лукаво взглядывала на барышню.

— Вы на меня не сердитесь, Кистеръ? спросила Маша.

— На васъ, Марья Сергѣевна? Помилуйте, за чтѣмъ?

— А третьяго дня... помните?

— Вы были не въ духѣ... вотъ и все.

— Зачѣмъ мы идемъ розно? Дайте мнѣ вашу руку. Вотъ такъ... И вы были не въ духѣ?

— И я.

— Но сегодня я въ духѣ, не правда ли?

— Да, кажется, сегодня...

— И знаете отъ-чего? Отъ-того, что... Маша важно покачала головой. — Ну, ужъ я знаю отъ-чего... Отъ-того, что я съ вами, прибавила она, не глядя на Кистера.

Кистеръ тихонько пожалъ ея руку.

— А что жъ вы меня не спрашиваете?.. вполголоса проговорила Маша.

— О чемъ?

— Ну, не притворяйтесь... о моемъ письмѣ.

— Я ждалъ...

— Вотъ отъ-того-то мнѣ и весело съ вами, съ живостию перебила его Маша:—отъ-того, что вы добрый, нѣжный человекъ, отъ-того, что вы не въ состояніи... *ragseeque vous avez de la délicatesse*. Вамъ это можно сказать: вы понимаете по-французски.

Кистеръ понималъ по-французски, но рѣшительно не понималъ Маши.

— Сорвите мнѣ этотъ цвѣтокъ, вотъ этотъ... какой хорошенькій! Маша полюбовалась имъ и вдругъ, быстро высвободивъ свою руку, съ заботливой улыбкой, осторожно начала вдѣвать гибкій стебелекъ въ петлю кистерова сюртука. Ея тонкіе пальцы почти касались его губъ. Онъ посмотрѣлъ на эти пальцы, потомъ на нее. Она кивнула головой, какъ-бы говоря: можно... Кистеръ нагнулся и подаловалъ кончики ея перчатокъ.

Между-тѣмъ, они приблизились къ знакомой рошѣ. Маша вдругъ стала задумчивѣе и наконецъ замолчала совершенно. Они пришли на то самое мѣсто, гдѣ ожидалъ ее Лучковъ. Измятая трава еще не успѣла приподняться; сломанное деревцо уже успѣло завянуть, безжизненные, матовые листочки начинали уже свертываться трубочками и сохнуть. Маша посмотрѣла кругомъ и вдругъ обратилась къ Кистеру.

— Знаете ли вы, зачѣмъ я васъ привела сюда?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаете?.. Отъ-чего вы мнѣ ни слова не сказали сегодня о вашемъ пріятелѣ, господинѣ Лучковѣ? Вы всегда его такъ хвалите...

Кистеръ опустилъ глаза и замолчалъ.

— Знаете ли, не безъ усилія произнесла Маша:—что я ему назначила вчера... здѣсь... свиданье?

— Я это зналъ, глухо возразилъ Кистеръ.

— Знали?.. А! теперь я понимаю, почему третьяго-дня... Г. Лучковъ, видно, успѣшилъ похвастаться своей *побѣдой*.

Кистеръ хотѣлъ-было отвѣтить...

— Не говорите, не возражайте мнѣ ничего... Я знаю—онъ вашъ

другъ; вы въ состояніи его защищать. Вы знали, Кистеръ, знали... Какъ же вы не помѣняли мнѣ сдѣлать такую глупость? Какъ вы не выдрали меня за уши, какъ ребенка?.. Вы знали... и вамъ было все равно?..

— Но какое право имѣлъ я...

— Какое право!.. право друга. Но и онъ вашъ другъ... Мнѣ совѣстно, Кистеръ... Онъ вашъ другъ... Этотъ человекъ обошелся вчера со мной такъ... Маша отвернулась и украдкой утерла слезу.

Глазъ Кистера вспыхнули; онъ поблѣднѣлъ.

— Ну, полноте, не сердитесь... Слышите, Кистеръ, не сердитесь. Все къ лучшему. Я очень-рада вчерашнему объясненію... именно объясненію, прибавила Маша. — Для чего, вы думаете, я заговорила съ вами объ этомъ? Для того, чтобъ пожаловаться на г. Лучкова? Полноте! Я забыла о н. ^е Но я виновата передъ вами, мой добрый Кистеръ... Я хочу ясниться, попросить вашего прощенья... вашего совѣта. Вы научили меня къ откровенности; мнѣ легко съ вами... Вы не какой-нибудь г. Лучковъ!

— Лучковъ неловокъ и грубъ, съ трудомъ выговорилъ Кистеръ:—но...

— Чтò ло? Какъ вамъ не стыдно говорить *но*? Онъ грубъ, и неловокъ, и золъ, и самолюбивъ... Слышите: *и*, а не *но*.

— Вы говорите подъ вліяніемъ гнѣва, Марья Сергѣевна, грустно промолвилъ Кистеръ.

— Гнѣва? Какого гнѣва? Посмотрите на меня: развѣ такъ гнѣваются? Послушайте, продолжала Маша: — думайте обо мнѣ, что вамъ угодно... но если вы, Кистеръ, воображаете, что я сегодня кокетничаю съ вами изъ мести — то... то... Слезы навернулись у ней на глазахъ:—я разсержусь не шутя.

— Будьте со мной откровенны, Марья Сергѣевна...

— О, глупый человекъ! О, недогадивый! Да взгляните на меня, развѣ я не откровенна съ вами, развѣ вы не видите меня насквозь?

— Ну, хорошо... да; я вѣрю вамъ, съ улыбкой продолжалъ Кистеръ, видя, съ какой заботливой настойчивостью она ловила его взглядъ:—ну, скажите же мнѣ, какъ другу, чтò васъ побудило назначить свиданье Лучкову?

— Чтò? сама не знаю. Любопытство. Онъ хотѣлъ говорить со мной наединѣ. Мнѣ казалось, что онъ все еще не имѣлъ времени, случая высказаться. Теперь онъ высказался! Послушайте: онъ вашъ другъ; онъ, можетъ-быть, необыкновенный человекъ, но онъ — глупъ, право... Онъ двухъ словъ сказать не умѣетъ. Онъ — просто невѣжливъ. Впрочемъ, я даже не очень его виню... онъ могъ подумать, что я вѣтренная, сумасшедшая дѣвчонка. Я съ нимъ почти никогда не говорила... Онъ, точно, возбуждалъ мое любопытство, но я воображала, что человекъ, который заслуживаетъ быть вашимъ другомъ...

— Не говорите, пожалуйста, о немъ, какъ о моемъ другѣ, перебилъ ее Кистеръ.

— Нѣтъ! нѣтъ, я не хочу васъ рассорить.

— О Боже мой, я для васъ готовъ пожертвовать не только другомъ, но и... Между мной и г. Лучковымъ все кончено! поспѣшно прибавилъ Кистеръ.

Маша пристально взглянула ему въ лицо.—Ну, .Богъ съ нимъ! сказала она.—Не станемте говорить о немъ. Мнѣ впередъ урокъ. Я сама виновата. Въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я почти каждый день видѣла человѣка добраго, умнаго, веселаго, ласковаго, который...—Маша смѣшалась и замѣшкалась:—который, кажется, меня тоже... немного... жаловаль... и я, глупая, — быстро продолжала она:—предпочла ему... нѣтъ, нѣтъ, не предпочла, а... Она потупила голову и тѣ смущеніемъ замолчала.

Кистеру становилось рашно.—Быть не можетъ! твердилъ онъ про себя.

— Марья Сергѣевна! заговорилъ онъ наконецъ.

Маша подняла голову и остановила на немъ глаза, отягченные непролитыми слезами.—Вы не угадываете, о комъ я говорю? спрашивает она.

Едва дыша, Кистеръ протянулъ руку. Маша тотчасъ съ жаромъ схватилась за нее.

— Вы мой другъ по-прежнему, не правда ли?.. Что жъ вы не отвѣчаете?

— Я вашъ другъ, вы это знаете, пробормоталъ онъ.

— И вы не осуждаете меня? Вы простили мнѣ?.. Вы понимаете меня? О! да! вы меня понимаете. Вы не смѣтаетесь надъ дѣвушкой, которая наканунѣ назначила свиданье одному, а сегодня говорить уже съ другимъ, какъ я говорю съ вами... Не правда ли, вы не смѣтаетесь надо мною?..—Лицо Маши рдѣло; она обѣими руками держалась за руку Кистера...

— Смѣяться надъ вами, отвѣчалъ Кистеръ:—я... я... да я васъ люблю... я въ васъ влюбленъ, воскликнулъ онъ. Маша закрыла себѣ лицо.

— Не-уже-ли жъ вы давно не знаете, что я люблю васъ?

— Я этого не ожидала, прошептала она... Настало молчанье.

Кистеръ взглянулъ на нее и ударилъ себя по лбу: — Я сумасшедшій! закричалъ онъ. — Я никогда себѣ этого не прощу... Но что же дѣлать... что же дѣлать! съ отчаяньемъ продолжалъ Кистеръ. — Моя любовь умерла бы со мной, еслибъ не вы сами... Онъ не докончилъ рѣчи.—Но меня сокрушаетъ мысль, что теперь я принужденъ буду избѣгать васъ, что наши отношенія должны измѣниться, что и я не оправдалъ вашей довѣренности, что...

— Дайте мнѣ опомниться... Зачѣмъ вы это сказали? говорила Маша.

— Простите меня, Марья Сергѣевна, говорилъ, задыхаясь, Кистеръ. — По-крайней-мѣрѣ, будьте увѣрены... я не въ состояннн васъ оскорбить... повѣрьте — я васъ болѣе не обезпокою, я удаюсь, я перемѣню долкъ, я уѣду...

Маша молчала.

— Марья Сергѣевна, прикажите — я не вернусь въ вашъ домъ. Маша опустила руки. — Да вы съ ума сошли, Кистеръ! сказала она, улыбаясь сквозь слезы.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— А я еще говорила, что вы меня понимаете!

— Не-уже-ли я могу думать... Не-уже-ли вы не сердитесь на меня? трепетно проговорилъ онъ.

— Не знаю, Кистеръ, право, сказала она, отвѣчая на его мысль. — Но я не только не сержусь на васъ... я вамъ благодарна. Вамъ того довольно?

Кистеръ ошѣмѣлъ отъ радости, схватилъ ея руку и прижалъ ее къ губамъ.

— Послушайте, Кистеръ, продолжала Маша, не отнимая своей руки:—вы, я знаю, не потребуете отъ меня отвѣта. Что мнѣ вамъ сказать? Я такъ взволнована... все это для меня такъ ново... Но мнѣ легко; я чувствую себя счастливой... Больше ничего я вамъ сказать не могу.—Она взглянула кругомъ. — Не думала я, когда-нибудь вернуться на это мѣсто... но теперь... Теперь,—послѣдственно прибавила Маша, видя, что Кистеръ хотѣлъ заговорить:—надобно успокоиться, отереть глаза и вернуться домой. Какъ вы блѣдны, мой добрый Кистеръ! Разсмѣйтесь... Мы потолкуемъ съ вами дорогой...

VIII.

Три недѣли послѣ этого свиданья, Кистеръ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ и писалъ слѣдующее письмо къ своей матери:

«Любезная матушка!

«Спѣшу подѣлиться съ вами большой радостью: я женюсь. Это извѣстіе васъ, вѣроятно, только потому удивитъ, что въ прежнихъ моихъ письмахъ я даже не намекалъ на такую важную перемену въ моей жизни, — а вы знаете, что я привыкъ дѣлиться съ вами всѣми моими чувствами, моими радостями и печалами. Причины моего молчанія объяснить вамъ легко. Во-первыхъ, я только недавно самъ узналъ, что я любимъ; а во-вторыхъ, съ моей стороны, я тоже недавно почувствовалъ всю силу своей признанности. сверхъ-того, я предполагалъ (и не безъ нѣкотораго основанія), что другой мнѣ предпочтень, и потому старался подавить въ себѣ любовь и не писалъ къ вамъ о ней, не желая васъ напрасно тревожить. Но теперь, слава Богу, всѣ недоумѣнья кончены. Ясный день наступилъ. Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ отсюда, я вамъ говорилъ о Перекатовыхъ — нашихъ сосѣдяхъ; я женюсь на ихъ единственной дочери, Маріи. Я твердо увѣренъ, что мы оба будемъ счастливы; она возбуждала во мнѣ

«не мгновенную страсть, но глубокое, искреннее чувство, въ которомъ дружба слилась съ любовью. Ея веселый, кроткій нравъ «вполнѣ соответствуетъ моимъ наклонностямъ. Она образована «умна, прекрасно играетъ на фортепьяно... Еслибъ вы могли ея «видѣть!! Посылаю вамъ ея портретъ, мною нарисованный. Нѣ «чего, кажется, и говорить, что она во сто разъ лучше своего «портрета. Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. Мнѣ нѣчего же- «лать... кромѣ, разумѣется, вашего присутствія, вашихъ ласко- «выхъ объятій. Въ сердечномъ вашемъ участіи я увѣренъ. Маша «васъ уже любитъ какъ дочь и не дождется дня свиданія съ ва- «ми. Я намѣренъ выйти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и «заняться хозяйствомъ. У старика Перекатова четыреста душъ въ «отличномъ состояніи. Вы видите, что и съ этой, матеріальной «стороны нельзя не похвалить моего рѣшенія... Но, фу! кто го- «ворить объ этихъ дрязгахъ? Я беру отпускъ и ѣду въ Москву «къ вамъ. Ждите меня, недѣли черезъ двѣ, не болѣе. Милая, доб- «рая маменька—какъ я счастливъ!.. Обнимите меня...»

И т. д.

Всего письма, кажется, не стоитъ сообщать читателю.

Кистеръ сложилъ и запечаталъ письмо, всталъ, подошелъ къ окну, выкурилъ трубку — подумалъ немного и вернулся къ столу. Онъ досталъ небольшой листокъ почтовой бумаги, тщательно обмокнулъ перо въ чернила, но долго не начиналъ писать, хмурилъ брови, поднималъ глаза къ потолку, кусалъ конецъ пера... Наконецъ онъ рѣшился—и въ теченіе четверти часа сочинилъ слѣдующее посланье:

«Милостивый государь

«Авдѣй Ивановичъ!

«Со дня вашего послѣдняго посѣщенія (т. е. въ теченіе трехъ «недѣль) вы мнѣ не кланяетесь, не говорите со мной и какъ—бы «избѣгаете моей встрѣчи. Всякій человѣкъ, безспорно, въ своихъ «поступкахъ воленъ; вамъ угодно было прекратить наше знаком- «ство — и я, повѣрьте, не обращаюсь къ вамъ съ жалобой и «васъ же самихъ; я не намѣренъ и не привыкъ навязываться къ «му бы то ни было: мнѣ довольно сознанія моей правоты. Я пишу «къ вамъ теперь—по чувству долга. Я сдѣлалъ предложеніе Марьѣ «Сергѣевнѣ Перекатовой и получилъ ея согласіе, а также и со- «гласіе ея родителей. Сообщаю это извѣстіе — прямо и непосред- «ственно самъ, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и подозрѣ- «ній. Откровенно признаюсь вамъ, м. г., что я не могу слишкомъ «заботиться о мнѣніи человѣка, который самъ не обращаетъ ма- «кѣйшаго вниманія на мнѣнія и чувства другихъ людей, и пишу «къ вамъ единственно потому, что въ этомъ случаѣ я не хочу да- «же подать вида, какъ—будто поступалъ или поступаю украдкой «Смѣю сказать: вы меня знаете—и не припишете моего тепереш-

«няго поступка какому-нибудь другому, дурному чувству. Въ послѣдній разъ говоря съ вами, не могу не пожелать вамъ, въ память нашей прежней дружбы, всѣхъ возможныхъ земныхъ благъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь, м. г.

«вашъ покорнѣйшій слуга

«Федоръ Кистеръ.»

Федоръ Федоровичъ отправилъ эту записку по адресу, одѣлся и велѣлъ заложить себѣ коляску. Веселый и беззаботный, ходилъ онъ, пощѣвая, по своей комнаткѣ, подпрыгнувъ даже раза два, завернулъ тетрадь романсовъ въ трубочку и перевязалъ ее голубой ленточкой... Дверь растворилась — и въ сюртукѣ, безъ эпюлетъ, съ фуражкой на головѣ, вошелъ Лучковъ.

Изаумленный Кистеръ остановился посреди комнаты, не долѣлавъ розетки.

— Вы женитесь на Перекатовой? спросилъ спокойнымъ голосомъ Авдѣй.

Кистеръ вспыхнулъ.

— Милостивый государь, началъ онъ:—входя въ комнату, порядочные люди снимаютъ шапку и здороваются.

— Извините-съ, отрывисто возразилъ бреттёръ и снялъ фуражку.—Здравствуйте.

— Здравствуйте, господинъ Лучковъ. Вы меня спрашиваете, женюсь ли я на дѣвицѣ Перекатовой? Развѣ вы не прочли моего письма?

— Я ваше письмо прочелъ. Вы женитесь. Поздравляю.

— Принимаю ваше поздравленіе и благодарю васъ. Но я долженъ ѣхать.

— Я желалъ бы объясниться съ вами, Федоръ Федорычъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ добрякъ. — Я, признаться, ждалъ этого объясненія. Ваше поведеніе со мной такъ странно, и я съ своей стороны, кажется, не заслуживалъ... по крайней-мѣрѣ не могъ ожидать... Но не угодно ли вамъ сѣсть? Не хотите ли трубки?

Лучковъ сѣлъ. Въ его движеніяхъ замѣчалась усталость. Онъ повелъ усами и поднялъ брови.

— Скажите, Федоръ Федорычъ, началъ онъ наконецъ: — зачѣмъ вы такъ долго со мной притворялись?

— Какъ это?

— Зачѣмъ вы прикидывались такимъ... безукоризненнымъ созданиемъ, когда вы такой же человекъ, какъ и всѣ мы грѣшныя?

— Я васъ не понимаю... ужь не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ-нибудь?..

— Вы меня не понимаете... положимъ. Я постараюсь говорить яснѣе. Скажите мнѣ, на-примѣръ, откровенно: давно вы чувствовали расположеніе къ дѣвицѣ Перекатовой, или воспылали страстью внезапной?

— Я бы не желалъ говорить съ вами, Авдѣй Ивановичъ, о моихъ отношеніяхъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ, холодно отвѣчалъ Кистеръ.

— Такъ-съ. Какъ угодно. Только вы ужь сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ думать, что вы меня дурачили.

Авдѣй говорилъ очень-медленно и съ разстановкой.

— Вы не можете этого думать, Авдѣй Ивановичъ; вы меня знаете.

— Я васъ знаю?.. кто васъ узнаетъ? Чужая душа — темный лѣсъ, а товаръ лицомъ показывается. Я знаю, что вы читаете нѣмецкіе стихи съ большимъ чувствомъ и даже со слезами на глазахъ; я знаю, что на стѣнахъ своей квартиры вы развѣсили разныя географическія карты; я знаю, что вы содержите свою персону въ опрятности; это я знаю... а больше я ничего не знаю.

Кистеръ начиналъ сердиться.

— Позвольте узнать, спросилъ онъ наконецъ:— какая цѣль вашего посѣщенія? Вы три недѣли со мной не кланялись, а теперь пришли ко мнѣ, кажется, съ намѣреніемъ трунить надо мной. Я не мальчикъ, милостивый государь, и не позволю никому...

— Помилуйте, перебилъ его Лучковъ:—помилуйте, Федоръ Федорычъ, кто осмѣлится трунить надъ вами? Я, напротивъ, пришелъ къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой; а именно: сдѣлайте милость, растолкуйте мнѣ *ваше* поведеніе со мною. Позвольте спросить: не вы ли насильно меня познакомили съ семействомъ Перекатовыхъ? Не вы ли увѣрили вашего покорнаго слугу, что онъ расцвѣтетъ душой? Не вы ли, наконецъ, свели меня съ добродѣтельной Марьей Сергѣевной? Почему же мнѣ не предполагать, что *вамъ* я обязанъ тѣмъ послѣднимъ, пріятнымъ объясненіемъ, о которомъ васъ уже, вѣроятно, надлежащимъ образомъ извѣстили? Жениху вѣдь невѣста все рассказываетъ, особенно свои *невинныя* продѣлки. Почему мнѣ не думать, что по вашей милости мнѣ наклеили такой великолѣпный носъ? Вы вѣдь такое принимали участіе въ моемъ «расцвѣтаньи»!

Кистеръ прошелся по комнатѣ. «Послушайте, Лучковъ» сказалъ онъ наконецъ: «если вы дѣйствительно, не шутя, убѣждены въ томъ, что вы говорите,—чему я, признаюсь, не вѣрю,—то позвольте вамъ сказать: стыдно, грѣшно вамъ, такъ ложно, такъ оскорбительно толковать мои поступки и мои намѣренія. Я не хочу оправдываться... Я обращаюсь къ вашей собственной совѣсти, къ вашей памяти...»

— Да; я помню, что вы безпрестанно перешептывались съ вашей Марьей Сергѣевной. Сверхъ-того, позвольте мнѣ опять-таки спросить у васъ: не были вы у Перекатовыхъ послѣ извѣстнаго разговора со мной? Послѣ того вечера, когда я, какъ дуракъ, разболтался съ вами, съ моимъ лучшимъ другомъ, о назначенномъ свиданьи?

— Какъ! вы подозреваете меня въ...

— Я ни въ чемъ не подозреваю другаго, съ убійственной холодностью прервалъ его Авдѣй:—въ чемъ я самого-себя не подо-

зрѣваю: но я также имѣю слабость думать, что другіе люди не лучше меня.

— Вы ошибаетесь, съ запальчивостью возразилъ Кистеръ:—другіе люди лучше васъ.

— Съ чѣмъ честь имѣю ихъ поздравить, спокойно замѣтилъ Лучковъ:—но...

— Но, прервалъ его въ свою очередь раздосадованный Кистеръ:—вспомните, въ какихъ выраженіяхъ вы мнѣ говорили объ... этомъ свиданіи, о... Впрочемъ, эти объясненія ни къ чему не поведутъ, я вижу... Думайте обо мнѣ, что вамъ угодно, и поступайте, какъ знаете.

— Вотъ этакъ-то лучше, замѣтилъ Авдѣй.—Насилу-то вы заговорили откровенно...

— Какъ знаете! повторилъ Кистеръ.

— Я понимаю ваше положеніе, Ѳеодоръ Ѳеодорычъ, съ притворнымъ участіемъ продолжалъ Авдѣй.—Оно неприятно, дѣйствительно-неприятно. Человѣкъ игралъ, игралъ роль, и никто не замѣчалъ въ немъ актѣра; вдругъ...

— Еслибъ я могъ думать, перебилъ его, стиснувъ зубы, Кистеръ:—что въ васъ говоритъ теперь оскорбленная любовь, я бы почувствовалъ къ вамъ сожалѣнье; я бы извинилъ васъ... Но въ вашихъ упрекахъ, въ вашихъ клеветахъ слышится одинъ болѣзненный крикъ уязвленнаго самолюбія... и я не чувствую къ вамъ никакой жалости... Вы сами заслужили вашу участь.

— Фу ты, Боже мой, какъ говоритъ человѣкъ! замѣтилъ въ полголоса Авдѣй.—Самолюбіе, продолжалъ онъ:—можетъ-быть; да, да, самолюбіе во мнѣ, какъ вы говорите, уязвлено глубоко, нестерпимо. Но кто же не самолюбивъ? Не вы ли? Да; я самолюбивъ, я, на-примѣръ, никому не позволю сожалѣть обо мнѣ...

— Не позвольте! гордо возразилъ Кистеръ.—Что за выраженіе, милостивый государь! Не забудьте: связь между нами разорвана вами самими. Прошу васъ обращаться со мною, какъ съ постороннимъ человѣкомъ.

— Разорвана! Связь разорвана! повторилъ Авдѣй.—Поймите меня: я съ вами не кланялся и не былъ у васъ изъ сожалѣнія къ вамъ; вѣдь вы позволите мнѣ сожалѣть объ васъ, коли вы обоняте сожалѣете!.. Я не хотѣлъ поставитъ васъ въ ложное положеніе, возбудитъ въ васъ угрызеніе совѣсти... Вы толкуете о нашей вѣзи... какъ-будто-бы вы останетесь моимъ пріятелемъ по-прежнему послѣ вашей свадьбы? Полноте! Вы и прежде-то со мной знались только для того, чтобъ тѣшиться вашимъ мнимымъ превосходствомъ...

Недобросовѣстность Авдѣя утомляла, возмущала Кистера.—Прекратите такой неприятный разговоръ! воскликнулъ онъ наконецъ.—Я, признаюсь, не понимаю, зачѣмъ вамъ угодно было ко мнѣ пожаловать.

— Вы не понимаете, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ? съ любопытствомъ спросилъ Авдѣй.

— Рѣшительно не понимаю.

— Нѣ...ѣтъ?

— Да говорить вамъ...

— Удивительно!... Это удивительно! Кто бы этого ожидалъ отъ человѣка съ вашимъ умомъ?

— Ну, такъ извольте жь объясниться, наконецъ...

— Я пришелъ, г-нъ Кистеръ, проговорилъ Авдѣй, медленно принимаясь съ мѣста:—я пришелъ васъ вызвать на дуэль, понимаю ли вы? Я хочу драться съ вами... Васъ это удивляетъ? Вы думаете такъ-таки отъ меня отдѣлаться?.. Да развѣ вы не знали, съ какимъ человѣкомъ имѣете дѣло? Позволилъ ли бы я...

— Очень-хорошо-съ, холодно и отрывисто перебилъ его Кистеръ.—Я принимаю вашъ вызовъ. Извольте прислать ко мнѣ въ шего секунданта.

— Да, да, продолжалъ Авдѣй, которому, какъ кошкѣ, жаль было такъ скоро разстаться съ своей жертвой:—я, признаться, большимъ удовольствіемъ наведу завтра дуло моего пистолета на ваше идеальное и бѣлокурое лицо.

— Вы, кажется, ругаетесь послѣ вызова, съ презрѣніемъ вскричалъ Кистеръ.—Извольте идти. Мнѣ за васъ совѣстно.

— Извѣстное дѣло: деликатессъ! (А, Марья Сергѣевна! я понимаю по-французски) проворчалъ Авдѣй, надѣвая фуражку. До пріятнаго свиданія, Федоръ Федорычъ! — Онъ поклонился и вышелъ.

Кистеръ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Лицо его горело, — грудь высоко поднималась. Онъ не робѣлъ и не сердился на ему гадко было подумать, какого человѣка онъ нѣкогда считалъ своимъ другомъ. Мысль о поединкѣ съ Лучковымъ его почти радовала. — Разомъ отдѣлаться отъ своего прошедшаго, перескочить черезъ этотъ камень и поплыть потомъ по безмятежнорѣчкѣ... Прекрасно! думалъ онъ. — Я завоюю свое счастье.—Образъ Маши, казалось, улыбался ему и судилъ побѣду.— Я не погибну! Нѣтъ, я не погибну! твердилъ онъ съ спокойной улыбкой. — У стола лежало письмо его къ матери... Сердце въ немъ сжалось въ мгновенье. Онъ рѣшился на всякій случай подождать отсылки. Въ Кистерѣ происходило то возвышеніе жизненной силы, которое замѣчаетъ въ себѣ человѣкъ передъ опасностью. Онъ спокойно обдумывалъ всѣ возможные послѣдствія поединка, мысленно подвергалъ себя и Машу испытаніямъ несчастія и разлуки — и гадилъ на будущее съ надеждой. Онъ давалъ себѣ слово не убить Лучкова... Неотразимо влекло его къ Машѣ. Онъ сѣскалъ секунданта, наскоро устроилъ свои дѣла, и тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ къ Перекатовымъ. Весь вечеръ Кистеръ былъ веселъ, можетъ-быть слишкомъ-веселъ. Маша много играла на фортепьянахъ, ниче не предчувствовала и мило съ нимъ кокетничала. Сперва ея б

печность огорчала его; потомъ онъ эту самую безпечность Маши принялъ за счастливое предсказаніе—и обрадовался и успокоился. Она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась; потребность счастья въ ней была сильнѣе потребности страсти. Притомъ Авдѣй отучилъ ее отъ всѣхъ преувеличенныхъ желаній, и, какъ существо кроткое и безпечное, она съ радостію и навсегда отказалась отъ нихъ. Ценила Макарьевна любила Кистера, какъ сына. Сергѣй Сергѣевичъ, по привычкѣ, подражалъ своей женѣ.

— До свиданія, сказала Кистеру Маша, проводивъ его до перелѣи и съ тихой улыбкой глядя, какъ онъ нѣжно и долго целовалъ ея руки.

— До свиданія, съ увѣренностью возразилъ Федоръ Федоровичъ: — до свиданія.

Но, отѣхавъ съ полверсты отъ дома Перекатовыхъ, онъ поднялся въ коляскѣ и съ смутнымъ безпокойствомъ сталъ искать глазами освѣщенные окна... Въ домѣ все было уже темно, какъ въ могилѣ.

IX.

На другой день, въ 11-мъ часу утра, секунданта Кистера, старый, заслуженный майоръ, заѣхалъ за нимъ. Добрый старикъ ворчалъ и кусалъ сѣдые усы, сулилъ всякую пакость Авдѣю Ивановичу... Подали коляску. Кистеръ вручилъ майору два письма, одно къ матери, другое къ Машѣ.

— Это зачѣмъ?

— Да нельзя знать...

— Вотъ вздоръ! мы его подстрѣлимъ, какъ куропатку.

— Все же лучше...

Майоръ съ досадою записалъ оба письма въ боковой карманъ своего сюртука.

— Ъдемъ.

Они отправились. Въ небольшомъ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ села Кирилова, ихъ дождался Лучковъ съ своимъ секундантомъ, прежнимъ своимъ пріятелемъ, раздушоннымъ полковымъ адъютантомъ. Погода была прекрасная; птицы мирно чиркали; не вдалекѣ отъ лѣса мужикъ пахалъ землю. Пока секунданты отмѣривали разстояніе, устанавливали барьеръ, осматривали и заряжали пистолеты, — противники даже не взглянули другъ на друга. Кистеръ съ беззаботнымъ видомъ прохаживался взадъ и впередъ, помахивая сорванцою вѣткой. Авдѣй стоялъ неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови. Наступило рѣшительное мгновеніе. «Начинайте, господа!» Кистеръ быстро пошелъ къ барьеру, но не успѣлъ переступить еще пяти шаговъ, какъ Авдѣй выстрѣлилъ. Кистеръ дрогнувъ, ступилъ еще разъ, зашатался, опустилъ голову... Его

колѣни подогнулись... онъ, какъ мѣшокъ, упалъ на траву. Майоръ бросился къ нему... «Не-уже-ли?» шепталъ умирающій...

Авдѣй подошелъ къ убитому. На его сумрачномъ и похудѣвшемъ лицѣ выразилось свирѣпое, ожесточенное сожалѣнiе... Онъ поглядѣлъ на адъютанта и на майора, наклонилъ голову, какъ виноватый, молча сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ прямо на квартиру полковника.

Что стало съ Машей?.. Она жива до-сихъ-поръ.

1846.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

О ЧЕРКИ РИМА.

I.

CAMPAGNA DI ROMA.

Пора, пора! ужь утро ярко всходитъ;
Струнный лучъ проникъ въ мое окно.
Пойдемъ. Здѣсь душно, вяло и темно;
Здѣсь вешній день на сердце грусть наводитъ.
Возьмемъ коней, оставимъ темный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышемъ полевымъ.

О, какъ легко! какъ грудь свободно дышетъ!
Широкий горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
Мой конь усталъ... мысль бродитъ въ тишинѣ,
Земля горитъ и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ-Горъ неровные края,
И Аппенинъ верхи свѣговѣчанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, безплодные поля,
И будто нищій съ рязкою разланной,
Обломокъ башни обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ свѣлыхъ сводовъ,
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылся въ туманѣ голубомъ...
Величіе и ужась запустѣнья...
Угрюмаго источникъ вдохновенья.
Все тѣжко спитъ, все умерло почти...
Лишь простучить на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь поселавина;
И долго дикій всадникъ за горой
Видѣется въ плащѣ, и съ палкой длинной.
И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины

Еще монахъ усталый и босой,
 Окутавшись широкимъ капюшовомъ,
 Заснулъ, склонясь на камень головой,
 А вдалекѣ, подь синимъ небосклономъ
 На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,
 И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,
 Вошелъ я внутрь руннъ безвѣстныхъ мѣт.
 Я объять былъ величьемъ ихъ спокойнымъ.
 Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
 Такъ сладостно!.....
 То циркъ былъ пѣкогда: теперь онъ опустѣлъ,
 Полынъ и тернъ устланы на ступени,
 Тамъ, гдѣ народъ рукоплескалъ, ревѣлъ.
 Близъ ложи цезарей еще лежали
 Куски статуи, курильницъ и амфоръ:
 Какъ-будто-бы они здѣсь воссѣдали
 Еще вчера, увеселяя взоръ
 Риставиємъ... но по аренѣ длинной
 Цвѣтистый какъ пестрѣль между травой,
 И тростникомъ, и розой полевой;
 Лишь вѣтръ по ней ристалъ какъ конь пустынный.
 Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
 Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
 Съ чернокудрявой, смуглой головой,
 Тамъ мальчикъ насъ овецъ пугливыхъ стадо.
 Дичась, ко мнѣ онъ руку протянулъ,
 - Я голоденъ - съ сквозь зубы, повторяя...
 И глядя на него, съ наморщеннымъ члѣомъ,
 И руки на груди сложивъ крестомъ,
 Мой спутникъ-юноша, весь циркъ обозрѣвая,
 Всталъ Байрономъ, какъ будто просиая..
 И съ важностью трагической сказалъ:
 - Италия, Италия святая!....

II.

Ахъ, чудное всебо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
 Подъ такимъ небомъ невольно художникомъ становишь.
 Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ-будто картины
 Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
 Ну вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
 Блуждающей плющъ, какъ развѣшенный плащъ иль завѣса;
 Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
 Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
 Тритона. Холодная влага изъ пасти, звена, упадаетъ.
 Къ фонтану альбанка (ахъ, что за глаза изъ-подъ тѣнъ

Покрова сіяють у ней! что за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!),
 Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
 Наволнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
 Рукой охвативъ осторожно кувшинъ на облитой
 Вечернимъ лучомъ головѣ... Художникъ (должно быть, Германецъ)
 Сидитъ срисовать ихъ, довольный, что случай неожиданно
 Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
 Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
 И плещъ темнолистый, фонтанъ, и свирѣбую рожу Тритона,
 Альбанокъ и даже — его-самого съ его кистью!

III.

A M O R O S O .

Выглянь, милая сосѣдка,
 Въ окна комнаты своей!
 Душитъ запертая кѣтка
 Птичку вольную полей.

Выглявь! Солнце, потухая,
 Ликъ твой ясный озарить,
 И угаснетъ, оживляя
 Алый блескъ твоихъ ланитъ.

Выглявь! глазами легонько,
 Или пальчикомъ гроя,
 Гдѣ ревнивца твой, тихонько
 Дай мнѣ знать, краса моя.

О, какъ много бѣ при свиданьѣ
 Я хотѣлъ тебѣ сказать;
 Слышать вновь твое признанье
 И ревнивца поругать!...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки...
 Слышу арфы тихій звонъ...
 Усыплай его, баюкай...
 Тихе... что?.. заснулъ ли онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
 Промелькнула предъ окномъ;
 Слышу, съ лѣстницы проворно
 Застучала башмачкомъ...

IV.

Послѣ посвященія Ватиканскаго Музeya.

Еще я слышу вонь и ревъ Якоона,
 Въ ухахъ звенить стрѣла изъ лука Аполлона,
 И лучезарный самъ, съ свистящей тетивой,
 Восторгомъ дышашій, сілетъ предо мной...
 Я видѣлъ ихъ: въ землѣ открытые антики,
 Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
 Миѳическихъ боговъ и доблестныхъ людей:
 Олимпя грознаго властителей священныхъ,
 Весталокъ дѣвственныхъ, Ваханокъ наступленныхъ,
 Брататыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
 Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
 По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
 Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
 Увитыми кругомъ сребристыми листьями,
 Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
 И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
 Антики пыльные живыми мнѣ казались,
 Какъ-будто-бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались...
 Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
 Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
 Они выжидали шумъ шаговъ монахъ вдоль заловъ,
 И, властвуя монитъ младенческимъ умомъ,
 Они родились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
 Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій...

Теперь, теперь я вѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
 Гдѣ боги межъ людей, пріявъ ихъ образъ, жили,
 И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
 Какъ дальній пилигримъ, среди святыхъ своихъ,
 Средь статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно:
 Какъ-будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
 Какъ-будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
 Курился мурры дымъ и надръ благоуханный,
 И нѣкто дивный былъ и тяготѣлъ надъ мной...
 Съ душой, подавленной восторженной тоской,
 Глядѣлъ въ смущенія я на лики вѣковые,
 Какъ Скены дикіе, пришедшіе съ Дѣвпра,
 Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
 Предъ благолѣпномъ маститой Византіи,
 Выжидали музыкѣ мнѣ чуждой интургимъ...

V.

На дальномъ Сѣверѣ моемъ
 Я этотъ вечеръ не забуду.
 Смотрѣли молча мы вдвоемъ
 На вѣтви нивъ, прилегшихъ къ пруду,
 Вдали синѣлъ лавровый гѣсъ,
 И олеандръ блестялъ цвѣтами;
 Густаго мирта былъ надъ нами
 Непроницаемый навѣсъ;
 Синѣли горныя вершины
 Тумана въ золотой пыли
 Какъ-будто плавали вдали,
 И акведуки и рунны...
 При этомъ солнцѣ огневомъ,
 При шумѣ воднаго паденья,
 Ты мнѣ сказала въ упоеньѣ:
 «Здѣсь можно умереть вдвоемъ....»

VI.

Н и щ и й.

Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ
 Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
 И молить помощи онъ именетъ Малонны;
 И въ тридцать гѣтъ себѣ, какъ то молва гласитъ,
 Два дома выстроилъ, и третій кончить скоро,
 Женилъ двухъ сыновей, и внучетъ любить страхъ.
 На пышной гѣстницѣ стариннаго собора,
 Лѣживо развалился на мраморныхъ плитахъ,
 Картинаго голову приерывъ лохмотьемъ старымъ,
 На солнцѣ (видѣлъ я) онъ спалъ. Въ его ногахъ
 Съ открытой шею, палимой гѣтнимъ жаромъ,
 Съ всклокоченной, какъ смоля, кудрявой головой,
 Сидѣла дѣвочка... едва рубашкой грубой
 Прикрытая. Въ очахъ огонь; какъ перлы зубы;
 Уста какъ алый макъ... Лучъ солнца позлащалъ
 Ланиты блѣдныя, худыя ноги, руки...
 Въ величїи нужды, отчаянья и муки,
 Старикъ приподнялся и горько простоналъ:
 «Я три дня голодалъ.... Рѣсиныцы опустела

Стыдливо дѣвочка, съ улыбкой грустно-милой;
 Въ очахъ блистали стыдъ и робость и тоска,
 И, спрятавъ голову въ лохмотьяхъ старика,
 Кавалось, что-то намъ сказать она хотѣла,
 Какъ роза вспыхнула... но говорить не смѣла.

VII.

Скульптору.

Былъ грубъ когда-то человѣкъ;
 Младенцемъ жилъ и умеръ Грекъ.
 И въ простотѣ первоначальной,
 Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
 Творилъ доврчиво рѣзцомъ
 Онъ въ красотѣ монументальной,
 Творилъ, какъ пѣснь свою поетъ
 Рыбакъ у лона синихъ водъ,
 Какъ дѣва въ грусти или весельѣ,
 Въ глуши альпійскаго ущелья...
 И вокругъ священныхъ алтарей
 Народы чтили человѣка
 Въ созданьяхъ дѣвственнаго Грека...
 А ты, художникъ нашихъ дней,
 Ты, аналитикъ и психологъ,
 Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
 Съ чего снимать блестящій сколокъ
 Ты мрамору и бронзѣ далъ?
 Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь,
 И, мучась тяжелой пустотой,
 Боговъ Олимпа къ намъ низводишь,
 Забывъ, что было въ нихъ душой,
 Какъ ликъ Гамлета колоссальный
 Актеръ коверкаетъ шальной
 Предъ публикой провинціальной.

VIII.

Капуцинъ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
 Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
 Предъ рабочею народною толпой,
 Восторженный, держалъ евангельское слово.

Отъ жарки слезы лилъ, полнъ рвенія святаго,
 Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
 Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
 Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
 Проклятыямъ и слезамъ молитвенно внимая.
 Колѣно преклонилъ и я между толпой.
 Но строгой истинны-оракулъ громовой
 Не потрясалъ души моею. Иныя думы
 Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
 Провидѣнно ной взоръ въ сердца людей проникъ.
 Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчишъ, ростовщикъ;
 Тамъ, блѣдень, слезы лилъ разбойникъ закопѣлымъ;
 Влудница дряхлая, урѣвъ могилы сѣнь,
 Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
 Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день.
 Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
 О чемъ ты плачешь? Или тебя бѣды неожиданной
 Томить предчувствіе? Или съ страстію въ борьбѣ,
 Ты хочешь выплакать мятельныхъ чувствъ избытокъ?
 Или духъ твой наугадъ развернутый десь свитокъ
 Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
 Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
 Пройдти чрезъ тотъ же путь и у могильной сѣни
 Слезами смить клеймо такихъ же заблужденій?

IX.

ВЪ ОСТЕРІИ.

Пешно, выпьемъ!.. Видишь, буря
 Разъигралась въ горахъ!
 Въ блескъ молній очи жмура,
 Коня бѣсятся впотѣмахъ.

Чтѣ колпакъ остроконечный
 Ты надвинулъ на глаза?
 Или есть недугъ сердечный,
 Или на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
 За обиду, острый ножъ,
 Не боюсь суда людскаго,
 Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
 За повадливою рѣчь,
 Слѣло въ бой полѣзешь жаркой
 И готовъ въ могилу слечь...

Грустно недумать, что тамъ за горами, на полночь,
 Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
 Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!..
 Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустиѣ
 Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатою покосомъ,
 Въ темныхъ дѣсахъ, — и ничто въ этой бѣдной природѣ
 Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ эти
 Виллы обломки: «здѣсь нѣкогда, съ чашей Фалерна,
 Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
 Тулліи отыскивалъ тайны законовъ созданья»;
 Росы лепечуть: «вѣчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
 Сладко поющихъ Милета и Делоса дочерей, —
 Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла»;
 Воды: «подъ наше паденье, подъ музыку нашу
 Либъ и гексаметръ настраивалъ проткій Горацій»;
 Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
 «Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
 Жрецъ многодушный, таинственно въ лунныя ночи
 Слушалъ глаголы богини, и послѣ вѣщалъ ихъ
 Робкой толпѣ со ступеней цибеллина храма...
 Въ пѣдрахъ горы, между тѣмъ, собиралась какъ тѣни
 Ратники новыя вѣры, и рабъ и патрицій;
 Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
 Будто Везувій во мракѣ хлопочущій лавой,
 И выходили потомъ съ вдохновеньемъ суровымъ
 Въ міръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья...

XIII.

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
 На скалѣ я прожилъ,
 Выше тучъ, тумановъ
 И громовъ и молній.

Изнанный изъ міра,
 Горько міръ я бросилъ,
 Но забыть съ нимъ трудно
 Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
 Облакъ разгонитъ,
 Геродъ въ долину
 Заблестятъ какъ искры,

Мнѣ на мысль приходитъ —
 Въ двадцать лѣтъ, быть можетъ,
 Все давно свершилось,
 Изъ чего я бился:

Вѣднѣй свергъ оковы;
 Сильныя и прекрасны,
 Разумныя и волей
 Племена земныя...

Лжи не воздвигаютъ
 Пышныя кумирни,
 Ловкаго влады
 Не чествуютъ какъ бога...

Нль... быть-можетъ, нынѣ
 Люди и забыли,
 Чѣмъ во дни былые
 Доблестны мы были!...

XIV.

— Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
 Признайся, что она была меня милѣй,
 Прекраснѣе? —

— Она была прекрасна...

— Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
 Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ или братъ,
 Надъ чѣмъ дозоромъ вы сѣялись заочно?
 Все расскажи... и какъ порою полуночной
 Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
 Могла ли она, какъ я, такъ пламенно руками,
 Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста
 Невосытными въ лобзаньѣ никогда,
 Съ твоими горячо ли сливались устами?
 Въ тѣ ночи тайныя, когда бѣ застала вась,
 Достало ли бѣ въ ней силъ, открыто, не страшась,
 Въ глаза мнѣ объявить, что ты ея владыне,
 Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
 Глядѣла ли бѣ она спокойнымъ, сильнымъ взоромъ?
 Гордилась ли бѣ она любви своей поворомъ?..
 Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
 О, хороша она... и образъ ненавистный
 Еще не вырвала я изъ груди твоей...
 — Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно,
 Любила мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
 Ни я любви своей мы высказать не смѣли.

Она была со мной как будто холодна;
 Любя, друг друга мы стыдились и робели:
 Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
 Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
 Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
 Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той братонѣ пустой,
 Угадывали мы душою смыслъ иной
 И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
 И только разъ уста мои въ руки
 Коснулись; но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
 Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
 Взоръ полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
 Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады,
 Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
 «— И вы разстались?»

— Разстались. Я сказать

Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;

Но тутъ вошли — должны мы были замолчать...

«— Любить! Молчать!! И вы любили?!. Боже, Боже!..»

XV.

Х у д о ж н и к ъ .

Кисти ты бросила, вабылъ о палитрѣ и краскахъ,
 Проклялъ ты Римъ и дѣгово-сребристая горы;
 Ходишь какъ чумной; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
 Ночью до утра сидишь въ остеривъ за кружкой,
 Хмурый какъ родица наша... Твоя Лора плачетъ,
 Тщетно гадаю о чемъ ты тоскуешь, и смотришь
 Въ очи тебѣ и порой ловишь бредъ твой сѣвось-сонный.
 Что? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? воздухъ
 Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? солнце
 Легкии, игривыи лучомъ не скользить по аллеѣ?
 Горы не рдятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
 Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь:
 Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
 Вывосилъ въ сердцѣ тяжелую думу.

XVI.

F I O R I N A .

«Смуглявка милая, подъ этимъ миртомъ темнымъ
 И хмѣлемъ вьющимся по мраморамъ огромнымъ,

Минуту отдохнѣмъ. Скажи, ты рождена
 Въ долгиѣ адѣсь: скажи, какое это аданье?
 Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говорить преданье,
 Какъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?.

— Не знаю, мы сюда за землянкой ходимъ,
 А на зиму стада пастись сюда приводимъ.
 Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
 Сюда съ дворокъ своимъ намедни прѣзжалъ.
 Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,
 Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
 Красавицей меня и умницей назвалъ...
 На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
 А въ косы я впледала нить бисеровъ перловыхъ.

ХVII.

Двойникъ.

Назавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
 Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотого,
 Убралъ поладыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
 Веселый, что скоро адѣсь янки и смѣхъ раздадутся,
 Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и герлянды.
 Но гости не идуть никто... Измѣнила и ты, молодая
 Царица стола моего, для которой нарочно
 Я лучшей вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
 Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
 Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
 И сладкой уздой откровенному Ваку... Что жъ дѣлать?
 Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ.
 А гдѣ же друзья? гдѣ она?... отъ-чего не явилась?.. Быть можетъ...
 Видѣ женское сердце и женская клятва что вѣтеръ...
 Эхъ, садю за кубокъ одинъ я... Одинъ ли?... А онъ, неотступный,
 Зачѣмъ онъ, непрошенный гость, предо мною усѣлся,
 Съ изсмѣшкой глядеть мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
 Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
 Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
 Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ сердца,
 Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью.
 Совесть неотступный, оставь меня! Чтѣ тебѣ пользы,
 Хирургъ безпощадный, какъ трупъ рѣзать теплую душу?...

XVIII.

L O R E N Z O .

Слава Богу, деньги есть.
 Шляпу на брови надвину,
 Плащъ широкий перекину
 Черезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
 И поклонится аббать,
 И маркизы съ приглашеньемъ
 Мнѣ на встрѣчу полетать.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...
 Рѣчь — серебряная нить;
 Знаю тайну всѣхъ уловокъ
 Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный
 Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...
 Знаю, будетъ плакать Нанна,
 Такъ, съ досады... что жъ мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что жъ за дѣло?
 Молотокъ возьму я свой,
 Буду съечь я мраморъ бѣлый
 У скульптора въ мастерской.

А васкучить — повалюся
 Я на паперти церкви,
 И калѣкой притворюся...
 Долго ль обмануть людей?

Стыдно что ль? Пусть мнѣ пеняютъ,
 Что казны не вжалъ подъ спудъ!...
 А маркизы?.. Не узнаютъ!
 А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что мнѣ въ нихъ? всегда мнѣ Нанна,
 Какъ бы ни явился я,
 Встрѣтивъ, скажетъ: «другъ желанный,
 Гость мой милый, я твой!»

XIX.

Все утро въ помскахъ, въ пещерахъ подь землей,
 Въ гробницахъ, въ црквахъ!... Ну, пусть трудъ свершаютъ свои
 Совутники мои — этрусскій антиварій,
 И Нѣмецъ - кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
 Довольствуюся я, какъ Славанинъ прямой,
 Идеей общемо въ наукѣ Винкельмана.
 Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
 До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
 Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...
 И жаръ невыносимъ! вся выжжена земля!
 Зеленыхъ лицерицъ пугливая семья
 Подъ листьямъ причется, шума плющомъ руины;
 Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
 А! вотъ подь аркою старинною въ тѣни
 Дошишко, слѣпленный изъ тростника и глины!
 Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
 Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
 Потомокъ Ромула, Помпея или Нерона?
 Стучусь. Э-ге! кто тамъ? Signor radron! radrona!...
 О Римъ, о чудный край! все кажется здѣсь сномъ!
 Передо мной стоитъ съ широкими косами,
 Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
 Со сугло-налевымъ классическимъ лицомъ
 И мягкой граціей движеній и улыбокъ...
 А какъ роскошный станъ изваянъ! строенъ! гибокъ!...
 Я съ надностью слѣдиль, какъ ставила она
 Передо мною сыръ съ «іаскою вина...
 «Вы замужемъ?» — «Мой мужъ уѣхалъ въ городъ». — «Долго
 Пробудеть?» — «Дня два, три...» Тутъ говорилъ я ей
 О мнимои святости супружескаго долга,
 Что вообще любить не надобно мужей,
 А сераду выборъ дать. Она сперва молчала,
 И съ мнимои набожною серьезно отвѣчала:
 «Такъ Богъ велитъ». Потомъ, вдругъ пальчикъ свой прижавъ
 Къ устамъ и глазками на уголъ указавъ,
 Шепнула: «Завтра». Я взглянулъ на уголъ темный,
 И вижу, какъ плющомъ спустивши, тихо, сиромно,
 Храпа смиренія и умиленья видъ,
 Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

XX.

Г А З Е Т А .

Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
 Вѣсти съ далекаго Сѣвера—понища жизни разумной...
 Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья:
 Ломится съ трескомъ подмостки старинной громады и смѣло
 Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
 Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима
 Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ долетаютъ;
 Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молнія стрѣлы
 Тучи чертятъ и вдругъ заревомъ рдянымъ гѣса зажигаютъ,
 Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ и разгонятъ
 Въ страхъ людей какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ...
 Такъ бы хотѣлось туда! тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
 Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!.. Цокикнешь въ раз-
 думѣ

Вдругъ головой; выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
 Но какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной драмы,
 Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра, и мелкихъ Улиссовъ;
 Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель—впрочемъ великаго дѣла—
 Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
 Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Нанинѣ-сосѣдкѣ,
 Сидишь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,
 Губки надувъ и нарочно не смотришь мнѣ въ очи... Мгновенно
 Все позабудешь, и грязь и величье общественной драмы;
 Бросишься мигомъ тебя цаловать. Ты противишься, съ сердцемъ,
 Чуть не сивозъ слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцалуевъ, и послѣ
 Легкой борьбы добровольно уступишь и долгимъ лобзаньемъ
 Я заглушаю въ устахъ у тебя и укору и брань.

XXI.

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ,
 И рѣчь, блестящую порывами живыми;
 Слѣжу за легкими движеньями твоими:
 Подынешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
 Мнѣ ввора не отвести отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
 Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,

Отъ облаженныхъ плечъ и ихъ изгибовъ нѣжныхъ...
 Блѣдѣешь ты?.. Не слышишь ли вдали
 Шаговъ завистливыхъ лядянаго подозрѣнья?
 Брось ихъ, не отравляй минуты наслажденья
 И праздника украденной любви.
 Дверь замкнута... Одинъ я твой властитель!..
 Гарланды, свиты заботливо тобой,
 Воспламененною я дерзко рву рукою...
 Прочь пирные огни! пускай въ твою обитель
 Войдетъ глухая ночь; пусть видитъ лишь луна,
 Скольва черезъ стекло высокаго окна,
 Сребро и золото сосудовъ осушенныхъ,
 Цѣты твои, запутанные мной
 Въ распушеченныхъ косахъ, и мраморъ снѣговой
 Какъ воскъ прозрачныхъ плечъ, отъ ризъ освобожденныхъ.

XXII.

Антики,

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣнй!
 Въ ногтяхъ тебя отъцскали средь пепла и камней;
 Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
 Трудясь съ любовью, какъ-будто бы складывалъ вмѣстѣ
 Куски драгоценныя писемъ отъ милой, безумно
 Разорванныхъ въ гвѣвѣ... Изранный, нынѣ предъ нами
 Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
 Стремятся, какъ въ чудной святыни толпы пилигримовъ...
 Творцы твои были, быть-можетъ, честимы и славны,
 На площади града вѣнчаны шумящимъ нароломъ,
 Въ палаты царей приходили какъ лучшіе гости...
 Ны, можетъ-быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
 Труда влдохновенныя ночи, да творчества гордость,
 И нынѣ ихъ нима погнбло, и можетъ-быть повдно
 Узнали ихъ гений... и нитъ неизвѣстно осталось,
 Какой ониамъ воскурень нитъ далекикъ потомствомъ,
 Нелживый и чистый, подобный тому, что вурили
 Въ Аоннахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго Бога?..

XXIII.

И Г Р Ы.

«Хлѣба и зрѣлища!»

Князь народомъ циркъ. Дрожащія рабы
 Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждуть борьбы.
 А тигръ межъ-тѣмъ ревилъ, и прыгалъ барсъ игривый,
 Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
 И кровью какъ огнемъ глаза его зажглись.
 Отворено: зарезалъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
 На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
 Въ толгѣ, окутанный льняною, грубой тогой,
 Съ нахиуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
 И ликъ его сіялъ торжественный и строгой.
 Съ угрюмой радостью, казалось, онъ ввиралъ
 Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,
 Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
 И алмисъ въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
 Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
 Воскликнулъ: «Проклятъ будь, о Римъ, о лютый тигръ!
 О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любви,
 Ты рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!»
 — «Кто ты?» спросилъ старикъ.—Афинянинъ! Привыкъ
 Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
 Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мумамъ.....
 — «Ребенокъ, ты не правъ», отгѣтствовалъ старикъ.
 — Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!
 — «А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима.»
 — Чему же ты такъ радъ?— Я радъ тому, что есть
 Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ — честь:
 Бросаются рабы у насъ на растерзанье —
 Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!

XXIV.

Сижу задумчиво съ тобой на-единѣ;
 Какъ прежде, предо мной свѣютъ даль и горы..
 Но съ тайной робостью покоишь ты на мнѣ
 Внимательной тоски исполненные взоры...

Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ —
 Не дѣла юная... ты слышишь, приемыаетъ
 Мона иѣная даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
 Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
 Какъ иѣвный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
 И силы новаго онъ чувствуетъ въ крови,
 И, величій ревностный, упрямое мечтанье
 Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

XXV.

Древній Римъ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
 И храмы и дворцы, поросшіе травой,
 И плиты гладкія старинной мостовой,
 И колесницъ слѣды подъ аркой триумфальной,
 И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндой аркадъ
 Полуразбитыя громады Колизея...
 Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ растетъ, чернѣя,
 На вратахъ Форума, гдѣ у телегъ стоятъ
 Приваленныя вокругъ кормиеской капители
 Рогатыя вола, — въ смущенъ я читалъ
 Все лѣтопись твою, о Римъ, отъ колыбели,
 И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
 Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
 Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
 Въ благоговѣннѣмъ гладить, и, полнъ тревогъ,
 Онъ мыслитъ: «здѣсь прошелъ не человекъ, а богъ,—
 Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
 Мы, сердца въ мертвые, мы, нищѣ душой,
 Считаешь баснею мы вѣкъ громадный твой,
 И школьныхъ риторовъ созданіемъ твоимъ!..
 Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
 И вѣзали свой слѣдъ негнѣнный на земли,
 Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
 Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
 Ты налъ, но налъ какъ жилъ... Въ наденіи своемъ,
 Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храни свободу,
 Подъ знаменемъ ея ты брелъ кровъ и дождь,
 И владалъ сенатъ строптивому народу...

 Такихъ же поучилъ ты.

 Пусть сыщеть золото онъ сонму низкихъ слугъ,

Продавшихъ доблести и предковъ гордый духъ;
 Пускай трибуна гласъ сердца толпы не движеть;
 Пускай Лицинія она палуетъ прахъ,
 Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лжетъ
 Сандалий Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
 Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,
 — Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ,
 И въ пристани суда безвредно приведетъ:
 Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
 Искаль забвенія... достойнаго тебя.
 Да, чувство горькое въ душѣ своей тая,
 Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
 • Покуда молоды — плюща и винограду!
 Дооблачныхъ палатъ, тропическихъ деревъ!
 Вѣнчайся розами, палуй прекрасныхъ дѣвъ;
 Взвирая на скелетъ, увѣнчанный цвѣтами,
 Ты помни, что еще увидишься съ друзьями.
 Порою посѣщай и портняжъ и лицей,
 И въ спорахъ съ мудрыми ты разумомъ соврѣи.
 Кляня шедущіе людей, иди на игры,
 Рукоплещи, какъ ихъ терзаютъ львы и тигри!
 Учись товарищемъ и другомъ смерть считатьъ,
 Ищи въ ней пристани отъ бурь судьбы унылой,
 И вокругъ созвай друзей, себѣ открывши жилы,
 Учн дѣтей своихъ, какъ должно умирать.

XXVI.

Думалъ я, что небо
 Ясное полудня,
 Сѣнь оливъ и мирта,
 Музыкальный голосъ,
 Жаркія лебавья
 Жель высокогрудыхъ
 Ищіяте недуги
 Страждущаго сердца;
 Думалъ я, что сила
 Строгаго искусства,
 Вѣсовая почва —
 Прагъ святой героювъ,
 Хотя забвенъемъ славишь
 На душу пориють;
 Что въ ней хоть замолкнуть
 Жажда теплою вѣры
 И безвѣрья муки,
 Жажда дѣвъ высокихъ
 И тоска безсилья;

Разума гаданья,
 И надъ нимъ насмѣшки...
 За порывъ восторга
 Платишь горькой мукой:
 Старая проснется
 Прежняго острѣе,
 Какъ хозяйка влая,
 За одинъ взглядъ бѣглый
 На красу чужую,
 Встрѣтитъ бранью алѣе,
 Старое припомнитъ,
 И лязнуть и колеть...
 Хоть бѣги со свѣта!

XXVII.

ПАЛАЦЗО.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
 Земныхъ полубогамъ сооруженный храмъ.
 Прохлада царствуетъ межъ стѣнами,
 Живо бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
 Терассы убраны роскошными цвѣтами,
 И древнiе гербы блистаютъ по стѣнамъ —
 Эмблемы доблестей фамилiй, гордыхъ властью:
 Кабанья голова, да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранить слѣды временъ былыхъ;
 Видѣтъ и ницувшаго остатки вѣковые.
 Вотъ груды пышныхъ доспѣховъ боевыхъ
 И иноплеменный мечъ и латы пудовыя,
 И Палестины вѣтвь и кость мощей святыхъ;
 Тамъ кытокъ варварскихъ орудья роковыя,
 Колеса и зубцы; вкругъ дивный даръ руинъ,
 Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамилiи высокой.
 Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
 И страшенъ яркiй взглядъ, съ улыбкою жестокой...
 Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
 Когльнокрелоненъ съ молитвою глубокой,
 Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
 Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
 Вычванный миртами лувавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
 Во взглядѣ злая скорбь и ужасъ затаенный...
 То жизнь, убитая болзнью и тоской,
 То жалоба души, судьбою обреченной
 Служить для деспота свирѣпаго рабой
 И снластолюбія забавою презрѣнной;
 Какъ-будто говоритъ она: «здѣсь дни губа,
 Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...»

Та — жизни полная, и въ блескѣ самовластья —
 Сомкнуты уста, нахмуренная бровь...
 Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,
 И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
 Служили ей князья, и ядъ, и сладострастье,
 На шумныхъ оргіяхъ и мщенье и любовь —
 И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
 Всей гордостью души глубоко оскорбленной....

И нишѣ пусто все въ блестящей галерей...
 На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
 Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
 На краслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
 И въ залахъ, какъ среди развалинъ Коллизея,
 Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
 А вы — вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
 Наслѣдники ихъ правъ и чести феодалной ?

Благословенье вамъ! не злато, не гербы,
 Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
 И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы —

И звали вы призывъ торжественной борьбы
 И движетъ вами кликъ «Италіи свобода!»
 И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
 Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
 Въ часъ избавителей увидѣть суждено!...
 Но тихо... здѣсь живутъ: раскинуть столъ зеленый,
 Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
 Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
 И солнце обило лучами, сквозь окно,
 Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
 Накрытый шляпкою красавицы продажной.

А. МАЙКОНЪ,

ЛУКРЕЦІЯ ФЛОРИАНИ.

Романъ Жоржа Занда.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любезный читатель (воззваніе старинное, но единственно-лучшее)! предлагаю тебѣ новый опытъ, въ формѣ, заимствованной чуть-ли не отъ Грековъ. Можетъ-быть, она тебѣ не совсѣмъ понравится... Прощю то время, когда

..... A genoux dans une humble préface,
Un auteur au public semblait demander grâce.

Люди значительно отстали отъ этой ложной скромности съ-такъ-поръ, какъ Буало предалъ ее презрѣнію великихъ людей. Въ наше время, авторъ беретъ отвагой, и если пишетъ предисловіе, то непременно доказываетъ въ немъ оторопѣвшему читателю, что онъ долженъ читать его съ нѣзлѣшанку, благоговѣть и безмолвствовать.

И даю! такъ и надо поступать съ тобой, благосклонный читатель; потому-что это имѣетъ свой эффектъ. Ты удовлетворишься: ты очень хорошо знаешь, что авторъ совсѣмъ не такой дерзкій человекъ, какимъ хочешь казаться; что это только такъ, мода, замашка выбирать нарядъ, приличныя роли, а что въ сущности—ему хочется сказать тебѣ что-нибудь получше, что-нибудь по твоему вкусу.

Впрочемъ, у тебя часто бываетъ очень-дурной вкусъ, мой добрый читатель. Если только ты не Французъ, тебѣ непременно нравится все, противное французскому духу, французской логикѣ, стариннымъ формамъ языка и языка, простаго изложенія событій и характеровъ. Чтобъ угодить тебѣ, авторъ долженъ разомъ въ себя воплотить—драматизмъ Шекспира, романтизмъ Байрона, фантастическое Гофмана, ужасы Льюиса и Анны Радклейвъ, героизмъ Кальдерона и цѣлаго испанскаго

театра; а попробуй онъ ограничиться подражаніемъ одному изъ этихъ образцовъ, ты сейчасъ назовешь его безцвѣтнымъ.

Что жъ вышло изъ твоихъ безпорядочныхъ прихотей?—вышло то что романтическая школа бросилась въ бездну страховъ, убійствъ, измѣнъ, чрезвычайностей, ужасовъ, уродливыхъ страстей, ошеломляющихъ происшествій; наконецъ поднялся такой гвалтъ, отъ котораго можетъ закружиться голова у много добродушнаго чловѣка, который не одаренъ ни такой твердой поступью, ни такимъ зоркимъ взглядомъ чтобъ могъ пробраться сквозь эту трущобу.

Такъ вотъ, что дѣлается въ угоду тебѣ! А если иногда, для формы и пощелкають тебя немножко, — это только для того, чтобъ привлечь твоё вниманіе, чтобъ потомъ хорошенько озадачить тебя желаннымъ удовлетвореніемъ. И—я говорю, что никогда еще не ласкали публику не ласкались къ ней, не баловали ее такъ, какъ балуютъ тебя теперь въ градомъ—сыплющихся твореніяхъ.

Ты ужъ столько прощалъ дерзостей, что незаметно выслушаешь одну и отъ меня: я хочу сказать, что ты разстроишь желудокъ всеми этими приносами, что ты—и тратишь собственныя движенія и изнуряешь романистовъ. Ты заставляешь ихъ во зло употребить данныя имъ средства; заставляешь ихъ до того истощать воображеніе, что наконецъ не останется ничего больше, какъ развѣ только изобрѣсть совсѣмъ новый языкъ, или открыть небывалое племя людей. Ты не позволяешь автору быть сколько-нибудь бережливымъ — онъ въ конецъ разоряется, и въ одно прекрасное утро окажется, что авторъ пересказалъ все, и что ему придется начать повторять пересказанное. Тебѣ станетъ скучно и, неблагодарный другъ, какимъ всегда ты былъ и всегда будешь, ты позабудешь безграничную расточительность авторскаго воображенія съ его обильными плодами, позабудешь наслажденія, которыми онъ, авторъ, когда-то дарилъ тебѣ!..

Это такъ; и потому — спасайся кто можетъ! Не сегодня, такъ завтра—обнаружится возвратное движеніе, возникнетъ реакція. Держу пари, что мои собратья не дремлютъ, что они уже готовы соединиться и общими силами пріискать себѣ иной родъ занятій, пуститься въ иную заработку, которая бы доставалась не такимъ тяжелымъ трудомъ. Я чувствую приближеніе грозы, чувствую ее въ глухой, сгущенной атмосферѣ и—благоразумно бѣгу отъ неистоваго круговорота, бушующаго вихремъ въ литературу. Сажусь на распутии и смотрю на мимоидущихъ злодѣевъ, предателей, гробокопателей, убійцъ, кровопійцъ, отравителей, вооруженныхъ съ головы до ногъ всадниковъ, растрепанныхъ женщинъ, на всю эту лютую, кровожадную вереницу новѣйшей драмы. Я вижу ихъ со всюю ихъ утварью — книжалами, вѣнцами, нищенскими лохмотьями, красными плащами; они клянутъ тебя, читатель, и, лишенные званія вѣчныхъ лошадей, идутъ искать себѣ другихъ занятій.

Но что же мнѣ-то дѣлать, мнѣ, бѣдняку, который никогда и не думалъ и не умѣлъ изобрѣтать новыя формы? какъ поступить, чтобъ не увлечься въ страшный водоворотъ и, вѣсть съ тѣмъ, не показаться

черезъ-чуръ отсталымъ въ такое время, когда возникаетъ что-то новое, еще невѣдомое, но уже близкое, наступающее?

Я... успокоюсь и пріймусь за маленькую скромную работку; а потомъ — посмотримъ, что будетъ! Если новая манера удастся — будемъ продолжать. А нынѣшняя—черезъ-чуръ фантастична и роскошна не въ мѣру; старъ я для нея, силы не позволяютъ. Я одѣнусь въ платье моего покойнаго дядушки: оно и удобно, и просто, и солидно.

Итакъ, читатель, следуя обычаю нашихъ добродушныхъ предковъ, предупреждаю тебя, что изъ повѣсти, которую имѣю честь тебя представить, будетъ изгнанъ самый основной элементъ, самая сила, всюду расплодившаяся въ настоящее время пряность, т. е. внезапность, неожиданность. Въмѣсто того, чтобъ водить тебя отъ изумленія къ изумленію, бросать за каждой главой изъ озноба въ жаръ, изъ лихорадки въ горячку, я поведу тебя тихонько по прямой дорожкѣ; заставлю тебя глядѣть во все стороны впередъ и назадъ, направо и налево; озирать и растущій во рву кустарникъ, и бѣгущія по небу тучи, и все, что ни попадется тебѣ на глаза среди спокойной равнины, которую предстоитъ намъ перейти. Если случится намъ попасть на рытвину, я скажу тебѣ: «берегись, вотъ тутъ рытвина»; если встрѣится ручей, я помогу тебѣ перейти черезъ ручей; не пушу тебя впередъ для того только, чтобъ послѣ имѣть удовольствіе сказать: «подсидалъ же я читателя!» и послушать, какъ ты закричишь: «Ой! я сломалъ себя шею! Не думалъ—не гадалъ; это все авторъ съигралъ со мною такую штуку!»

Наконецъ, я не буду надъ тобой смѣяться... Мнѣ кажется, лучшаго вступленія сдѣлать невозможно... А между-тѣмъ, очень можетъ быть, что ты назовешь меня самымъ дерзкимъ, самымъ заносчивымъ въ мірѣ романистомъ; можетъ-быть, ты разсердишься на половину дороги и не захочешь идти со мною дальше?

Воля твоя! Иди, куда влекутъ тебя твои склонности! Я не сержусь на тѣхъ, кто пльнляетъ тебя инымъ, противнымъ тому, что я хочу дѣлать. Я не ненавижу моды. Всякая мода хороша, пока она въ порѣ и силѣ; судить о ней можно только тогда, когда прійдетъ конецъ ея господству. мода по рожденію имѣетъ священныя права: она дочь духа века; но... міръ такъ огроменъ, что въ немъ всему есть мѣсто; и свобода человека до того простирается, что ему позволено даже написать такой романъ.

I.

Молодой князь Кароль де-Росвальдъ лишился матери передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ познакомился съ Флоріани.

Онъ еще не оправился отъ глубокой скорби, еще ничто не успѣло размечь его. Княгиня де-Росвальдъ была для него перво-

сходною, нѣжною матерью. Столько неусыпныхъ заботъ, столь безграничной преданности истратила она на его болѣзненное, столь далъческое дѣтство! Взросшій на глазахъ у этой единственн благородной женщины, молодой человѣкъ во всю свою жизнь былъ одушевленъ только одною существенною страстью — сынею любовью. Взаимная любовь сына и матери дала имъ чуждымъ и взгляду на вещи характеръ исключительный и, може быть, ужь слишкомъ-отрѣщенный. Правда, княгиня была женщина отличнаго ума и въ высшей степени образованная; ея рѣчи и наставленія, казалось, очень согласовались съ натурой Каролю хрупкому здоровью ребенка было не подъ-стать то тяжелое, суупорное классическое преподаваніе, которое само-по-себѣ нико не сравняется съ уроками просвѣщенной матери, но за то имѣло то несомнѣнное преимущество, что приучаетъ къ труду: оно ка будто ключъ къ познанію жизни. Княгиня де-Росвальдъ, по вѣсту докторовъ, удалила педагоговъ съ ихъ книгами и взяла сама образовать умъ и сердце сына путемъ разговоровъ, разговоровъ, *вдыхая*, такъ-сказать, въ него собственное свое нравственное существо, — и юноша воспринималъ это существо съ наслажденіемъ. Такимъ-образомъ, онъ приобрѣлъ много знаній, нич не учившись.

Но ничто не можетъ замѣнить опыта: щелчки и толчки, которыми, въ наше время, бывало, надѣляли школьничковъ для снѣнѣйшаго внушенія и вящшаго укорененія въ памяти ихъ какаго-нибудь историческаго факта, знаменитаго преступленія, или ииумилительнаго или ужасающаго *примѣра*, — совсѣмъ не такъ чужды, какъ теперь намъ кажется. Мы не бѣдемъ своихъ дѣтей; то имъ предстоить другая школа, — и суровая рука опыта наляжетъ на нихъ тяжеле нашей!

И вотъ, Кароль де-Росвальдъ рано узналъ свѣтъ и жизнь, жеть-быть, даже слишкомъ-рано; но узналъ то и другое по тѣрпѣн, а отнюдь не изъ практики. Мать, по прекрасному намѣренію образовать въ сынѣ возвышенную душу, допускала къ нему то ко людей избранныхъ, направленіе которыхъ могло быть для него благотворнымъ. Онъ зналъ, что есть на свѣтѣ и злые и ищупые люди, но умѣлъ только избѣгать ихъ, а не изучать. Ему иииспали, что надо помогать несчастнымъ; домъ, въ которомъ преркало его дѣтство, былъ постоянно открытъ всѣмъ нуждающимъ но Кароль, встрѣчая этихъ бѣдняковъ лицомъ-къ-лицу, привпрезиралъ причины ихъ горя, привыкъ смотрѣть на эти причи какъ на неизлечимую язву человѣчества. Беспорядочность, лѣнио невѣжество или недостатокъ развитія — эти роковые источники блужденій и бѣдствій, — казались ему нестрѣбимыми въ люди. Его не приучали къ мысли, что народныя массы должны и мои нечувствительно освобождаться отъ этихъ золъ; что, сблизитѣсь и тѣснѣе съ человѣчествомъ, то овладѣвая имъ, то ласкаю его, какъ любимое дитя, прощая ему многое, чтобъ выигр

хоть одинъ шагъ впередъ, — больше можно сдѣлать для него, нежели бросая на разслабленные или пораженные антоновымъ-огнемъ члены скудную помощь состраданія.

Не было сказано этой истины Каролу. Онъ узналъ, что подающее милостыни — долгъ, долгъ, который необходимо исполнять, если того требуетъ состояніе общества. Но это еще только одна изъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на насъ братская общечеловѣческая любовь. Есть много другихъ, и главная изъ нихъ, не жалѣть, а любить. Онъ съ жаромъ ухватился за правило — не видѣть зло, и остановился буквально на мысли, что надо жалѣть тѣхъ, которые сдѣлаютъ зло. Но, повторимъ еще разъ: жалѣть — мало! Надо любить, чтобъ быть справедливымъ, чтобъ сохранить надежду на будущее. Не должно быть слишкомъ-чувствительнымъ къ самому-себѣ; не должно засыпать въ упоеніи чистой, самодовольной совѣсти. Кароль былъ такъ благороденъ, что не могъ спокойно, безъ внутреннихъ угрызений, наслаждаться своимъ богатымъ достояніемъ; не могъ забыть, что есть много людей, которымъ не достаетъ необходимаго. Но не прилагалъ онъ сердечнаго участія къ нравственной нищетѣ братій: мысль его не развилась до того понятія, что растлѣніе народа летитъ брызгами и на людей, непричастныхъ этому растлѣнію; что бороться съ общимъ зломъ — первая обязанность людей, чуждыхъ этого зла.

Съ одной стороны, онъ видѣлъ нравственную аристократію, умственное превосходство, чистоту нравовъ, благородство инстинктовъ, и думалъ: «пристанемъ къ этимъ». Съ другой, представлялись ему: заурядность, униженіе, глупость, безпутство, — и онъ не говорилъ: «пойдемъ, исторгнемъ ихъ изъ пропасти, если будетъ можно». — Его учили говорить: «Нѣтъ! они погибли. Накормимъ ихъ, одѣнемъ; но не будемъ дѣлиться съ ними душою, чтобъ не растлѣть своей собственной души нечистымъ союзомъ. Они огрубѣли, погрязли, — поручимъ же души ихъ милосердію Божию!»

Привычка беречь себя перешла потомъ въ нѣкоторый родъ эгоизма, и это сухое чувство отчасти лежало въ глубинѣ сердца княгини. Оно въ ней было сильнѣй въ пользу сына, нежели въ пользу себя-самой. Она очень-довко удаляла сына отъ молодыхъ сверстниковъ, какъ-только замѣчала въ нихъ безразсудство, или даже вѣтренность. Она боялась соприкосновенія его съ каждой несогласной съ нимъ натурой; а между-тѣмъ, это-то соприкосновеніе и дѣлаетъ насъ людьми, оно-то и даетъ намъ силу и возможность не увлекаться первымъ случаемъ, а противостоятъ соблазнительному приѣму зла и, силою затаеннаго въ душѣ впечатлѣнія, оцѣнить приѣмы добра.

Чуждая ограниченнаго, грубаго ханжества, княгиня, впрочемъ, была строго-набожна. Вѣрная католичка въ душѣ, она видѣла злоупотребленія и мирилась съ ними изъ уваженія къ святости церкви. «Папа можетъ заблуждаться», говорила она: «онъ человѣкъ»;

но пацство погрѣшати не можетъ: оно божественное установленіе»...

Мысль о прогрессѣ не легко уживалась въ ея головѣ, и сын ея съ раннихъ лѣтъ научился сомнѣваться въ немъ, привыкъ не вѣрить тому, чтобъ человѣкъ могъ достичь полного блаженства на землѣ. Кароль не былъ такъ строгъ въ практическихъ проявленіяхъ внушенныхъ ему правилъ, какъ мать (потому-что нынѣшнее молодое поколѣніе, на зло всему, легко отрѣшается отъ предразсудковъ); но онъ все-таки остался вѣренъ тѣмъ понятіямъ по которымъ есть спасеніе людямъ съ доброю волей, и нѣтъ стремленія преломить волю злую; онъ остался вѣренъ системѣ — довольствоваться *избранными*, обрекая *званыхъ* на вѣчное коснѣніе въ злѣ... Печальная, мрачная система, признающая для избранныхъ исключительность счастья!..

Души, отъ природы добрыя и благородныя, впавъ въ подобно заблужденіе, наказываются за то вѣчной печалью. Коснѣть въ этомъ заблужденіи суждено только безчувственнымъ душамъ, да тупымъ головамъ. Княгиня де-Росвальдъ мучилась, сознавая ложность своихъ фаталистическихъ понятій, но не имѣла духа высвободиться изъ-подъ ихъ суроваго вліянія. Она облеклась въ торжественную, правоучительную важность и мало-по-малу сообщала ее сыну, если не наружною формой, то внутреннимъ настроеніемъ. Поэтому Кароль не зналъ ни ревности, ни игривой свободы, ни открытой, животворной дѣтской довѣрчивости. Правду сказать, онъ не былъ и ребенкомъ: мысли его издавна покрылись какимъ-то отѣтникомъ задумчивости, и когда пришла романическая пора его жизни, воображеніе начало представлять ему только мрачныя, печальныя картины.

Но, не смотря на ложное направленіе идей, умственная природа Кароля была дивно-хороша. Кроткій, чувствительный, одаренный вѣрнымъ тактомъ, въ пятнадцать лѣтъ онъ представлялъ полное развитіе юношеской прелести, соединенной съ важностію мужа. Онъ остался ищущимъ и тѣломъ и душою. Но этотъ недостатокъ мужественнаго развитія помогъ ему сберечь очаровательную красоту, ту своеобразную физиономію, на которой не было, такъ-сказать, отпечатка ни возраста, ни пола. Не было у него ни суровой наружности потомка древнихъ магнатовъ, умѣвшихъ только пить, травить да рубиться; не было въ немъ и женственной миловидности румянаго Амура. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ идеальныхъ созданій, которыми поэзія среднихъ вѣковъ украшала христіанскіе храмы: прекрасный образъ, подобный величественно-грустной женщинѣ, дѣвственной, стройной, какъ юное божество Олимпина, и, къ довершенію всего, съ выраженіемъ въ одно время ищущимъ и суровымъ, дѣломудреннымъ и страстнымъ.

Вотъ въ чемъ была основа существа его! Ничто не могло быть чище и возвышеннѣе его помысловъ; ничто не могло быть упорнѣе, долнѣе, безграничнѣе его привязанностей. Еслибъ можно бы-

лю забыть о существованіи челоѣчества и представить себѣ его сосредоточеннымъ и воплощеннымъ въ одномъ лицѣ, то это обо-жженое на развалинахъ міра лицо былъ бы Кароль де-Росвальдъ. Но недостаточны были его отношенія къ подобнымъ ему суще-ствамъ. Онъ понималъ только то, что было съ нимъ тождественно: понималъ мать, потому—что самъ былъ чистымъ, блестящимъ ея отраженіемъ; понималъ Бога, о которомъ составилъ свою, свой-ственную его умственной натурѣ идею; понималъ, наконецъ, создан-ную его воображеніемъ женщину, невѣдомую, но любимую имъ въ будущемъ.

Все остальное существовало для него въ видѣ какого-то враж-дебнаго сна, отъ котораго онъ пытался утаиться, живя одинъ сре-ди свѣта. Вѣчно-погруженный въ свои грезы, онъ не постигалъ смы-сла дѣйствительной жизни. Ребенкомъ не умѣлъ онъ дотронуться ни до какого острія безъ того, чтобъ не уколоться; взрослымъ женщиной не могъ встрѣтиться лицомъ—къ—лицу съ непохожимъ на него челоѣкомъ безъ того, чтобъ съ грустью не отступить отъ срго живаго противорѣчія.

Одно предохраняло его отъ постоянного антагонизма,—именно: сначала произвольная, потомъ укоренившаяся привычка не видѣть и не слышать того, что было противно ему вообще, но что не затро-нувало его личныхъ склонностей. Люди, которые думали не такъ, какъ онъ, представлялись ему какими-то призраками, и такъ—какъ ему знакомы были всѣ свѣтскіе приемы, то его холодное презрѣ-ніе, а иногда и неодолимое отвращеніе, легко можно было при-нять за утонченную прिवѣтливость.

И странно, что съ подобнымъ характеромъ молодой князь могъ имѣть друзей! А у него были друзья: кромѣ друзей его матери, видѣвшихъ въ немъ достойнаго сына благородной женщины, бы-ли у него еще ровесники, которые горячо любили его, вѣрили, что и онъ ихъ любить. Каролю самому казалось, что онъ сильно лю-битъ своихъ друзей; но тутъ больше дѣйствовало воображеніе, не-жели сердце. Онъ составилъ себѣ высокое понятіе о дружбѣ и, въ эпоху первыхъ увлеченій, охотно вѣрилъ, что и друзья и онъ, во-спитанные почти въ одномъ и томъ же духѣ, въ однихъ и тѣхъ же нравлахъ, никогда не измѣнятъ своихъ мѣнній, никогда не поддадутъ до существенныхъ разногласій.

А между-тѣмъ, это случилось. Въ двадцать-пять лѣтъ, въ то са-мое время, когда умерла его мать, онъ уже успѣлъ разочаровать-ся почти во всѣхъ друзьяхъ своихъ. Одинъ остался ему неизмѣнно-веренъ. То былъ молодой Итальянецъ, немного-старше его лѣтами, съ благородной наружностью, великодушнымъ сердцемъ, полный искреннаго энтузіазма. Не похожій на Кароля почти во всѣхъ от-ношеніяхъ, онъ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ ту общую съ нимъ черту, что благоговѣлъ передъ художественной красотой и проповѣды-валъ начала рыцарской доблести. Онъ-то оторвалъ Кароля отъ

могилы матери, увлечь его подъ живительное небо Италіи и въ первый разъ къ Флоріани.

II.

Что же это за Флоріани? Два раза произнесли мы ея имя предъидущей главѣ, а не подвинулись къ ней ни на шагъ...

Потерпи, мой другъ читатель! Я совсѣмъ готовъ былъ постучься въ дверь моей героини, но вдругъ замѣтилъ, что еще недовно разъяснилъ героя, что мнѣ нужно еще поговорить о немъ.

Въ цѣломъ мірѣ не найдти такого своенравнаго, нетерпѣливаго человѣка, какъ читатель романа!.. Ну, да я и не слишкомъ злечуюсь объ этомъ. Я представляю вамъ цѣлаго человѣка,—значитъ представляю міръ, бездонное море противорѣчій, разнообразія, чтожности и величія, логики и несообразностей, а вы хотите, что я удовольствовался одной маленькой главкой! О, пѣтъ! не отступлю безъ того, чтобъ не вникнуть глубже въ подробности; торопиться нѣ куда. Если вамъ покажется скучно, пропускайтъ если потомъ не поймете поступковъ моего героя, вините себя не меня.

Человѣкъ, котораго я вамъ представляю,—онъ, а не другой! нибудь. Онъ еще не будетъ вамъ понятенъ, если я скажу то, что онъ былъ молодъ, прекрасенъ, строенъ, ловокъ. На этотъ счетъ похожи всѣ герои романовъ, а мой герой—существо, мыслю мнѣ знакомое; дѣйствительное ли оно, или вымышленно хочу его описать. У него очень—опредѣленный характеръ; а къ тренимъ движеніямъ человѣка нельзя примѣнить завѣтную фнатуралистовъ, которые, при описаніи какого-нибудь растенія минерала, говорятъ, что вотъ это тѣло издаетъ запахъ своего да, *sui generis*.

Это *sui generis* ничего не выражаетъ; а мнѣ кажется, что и Кароль де-Росвальдъ имѣлъ характеръ *своего рода*, который жеть быть выраженъ.

Въ-слѣдствіе заботливаго воспитанія и врожденной граціи, съ виду казался такимъ искренно-привѣтливымъ, что нравился же тѣмъ, которые его не знали. Восхитительная наружность полагала каждаго въ его пользу; нѣжность сложенія интересо женщины; обширный, гибкій, обработанный умъ и своеобраз кроткая, ласковая рѣчь невольпо привлекали вниманіе мужч. Что касается до просныхъ, всеневныхъ натуръ, онъ любилъ немъ отличную вѣжливость; онъ восхищались ею, не понимая простотѣ сердечной, что это было исполненіе обязанности, чувства истиннаго расположенія тутъ не было и въ поминѣ.

Еслибъ эти люди проникли въ его душу, они сказали бы, онъ больше способенъ впускать любовь, нежели любить, и, го это въ-отношеніи къ самимъ-себѣ, были бы правы. Но какъ

образомъ они угадали бы истину, если его рѣдкія привязанности были такъ живы, глубоки, неотразимы?

Итакъ, его постоянно любили, если не съ вѣрою во взаимность, по крайней мѣрѣ съ надеждою на нее. Товарищи, глядя на него, слабого, дѣливого въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и не думали презрять эту отчасти хрупкую натуру, потому что Кароль вовсе не хвастался крѣпостью. Бывало, среди ихъ игръ, преспокойно усѣвшись на траву, онъ говорилъ имъ: «Потѣшайтесь, друзья; я не могу ни бороться, ни бѣгать; вы прійдете ко мнѣ отдыхать». И такъ какъ сила естественно покровительствуетъ слабости, то часто случалось, что самые мощные изъ молодыхъ людей великодушно отказывались отъ запальчивыхъ забавъ и оставались съ Каролемъ.

Изъ всѣхъ закодированныхъ ностическимъ оттѣнкомъ мыслей и гибкостью ума Кароля самый вѣрный былъ Сальваторъ Альбани. Этотъ добрый юноша былъ существо въ высшей степени открытое, и притомъ Кароль имѣлъ надъ нимъ такое могучее вліяніе, что онъ никогда не смѣлъ противорѣчить ему, хотя бы даже замѣтилъ какое-нибудь преувеличеніе въ его началахъ, странность въ его привычкахъ. Онъ боялся въ чемъ-нибудь не понравиться Каролю, боялся, чтобъ Кароль не охладѣлъ къ нему, какъ охладѣлъ къ другимъ. Онъ ласкался, увивался какъ ребенокъ, когда Кароль, будучи раздражительнѣе, воспримчивѣе физически-больнаго, уходилъ въ свою комнату, чтобъ скрыть отъ матери хандру, видъ которой всегда ее мучилъ. Такимъ образомъ, Сальваторъ Альбани сталъ необходимъ для князя. Онъ это чувствовалъ, и когда пылкая молодость увлекала его въ иной, обольстительный міръ, онъ жертвовалъ собственными желаніями, или тайлъ ихъ съ великодушнымъ притворствомъ, думая про себя, что если Кароль его разлюбитъ, то ужъ не позволитъ больше ухаживать за собою, а замкнется въ безраздѣльномъ, мрачномъ одиночествѣ.

Слѣдовательно, Сальваторъ любилъ Кароля, потому что былъ ему нуженъ, и, по странному добродушію, угождалъ его упрямымъ, мечтательнымъ правилами. Онъ восхищался съ нимъ стоицизмомъ, а самъ въ душѣ былъ чистый эпикуреецъ. Часто, измученный разгульными похождениями, онъ на другой день, сидя у изголовья Кароля, читалъ какую-нибудь аскетическую книгу, приходилъ въ навный восторгъ при описаніи идеальной, нераздѣленной любви, любви дѣвственной, безграничной, которая должна была наполнить всю жизнь его молодого друга. Онъ искренно признавалъ эту любовь безконечно-прекрасною, а между-тѣмъ не могъ обойтись безъ любовныхъ интригъ и скрывалъ отъ друга свои тайныя приключенія.

Но надо же было когда-нибудь кончиться невинному притворству Сальватора; и вотъ, мало-по-малу, Кароль дошелъ до горестнаго открытія, что другъ его притворяется. Настало же для него это страшное испытаніе въ такую пору, когда Сальваторъ сталъ ему до того необходимъ, обнаружилъ предъ нимъ столько несо-

мнѣнныхъ достоинствъ ума и сердца, что онъ уже не могъ перестать любить его. Правда, любовь эта поохладѣла въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; но все-таки ея еще осталось на столько, что Каролю нельзя было обойтись безъ Сальватора. Не смотря на то, онъ никогда не могъ оправдать этихъ грѣховъ молодости, и привязанность къ другу, вмѣсто того, чтобъ услаждать его привычную грусть, стала для него болѣзненна какъ рана.

Строгость княгини де-Росвальдъ была для Сальватора страшнѣе строгости Кароля, и онъ долго, сколько могъ, старался утаить отъ нея истину, которую Кароль открылъ съ такимъ ужасомъ. Продолжительная, мучительная болѣзнь, которою страдала княгиня въ послѣдніе годы своей жизни, отняла у ней даръ проницательности; и когда Кароль увидѣлъ ея холодный трупъ на смертной постели, имъ овладѣло такое полное отчаяніе, что Сальваторъ взялъ надъ нимъ рѣшительный верхъ и одинъ только могъ возвратить его къ жизни.

Въ другой разъ смерть отнимала у Кароля любимое имъ существо. Онъ любилъ дѣвуху, которую прочли за него: то былъ единственный въ его жизни романъ; мы скажемъ о немъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Теперь ему уже нѣ кого было любить, кромѣ Сальватора. Онъ любилъ его, но любилъ какъ-то условно, съ какою-то болью, съ какою-то мыслью, что его другъ неспособенъ быть такимъ несчастнымъ, какъ онъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этой послѣдней, самой близкой, самой убійственной катастрофы, князь де-Росвальдъ, насильно увлеченный неутомимымъ другомъ, въ почтовой каретѣ летѣлъ по полямъ Италіи. Удовольствія и веселье составляли непремѣнную потребность Сальватора; не смотря на то, онъ все принесъ въ жертву тому, кого называли его балованнымъ дитятей. Когда говорили при немъ: «балованное дитя!», онъ всегда отвѣчалъ: «скажите лучше: мое милое дитя; какъ бы ни былъ измѣженъ Росвальдъ и матерью и мной, его сердце, его нравъ все-таки остались неизбалованными. Онъ не сдѣлался ни прихотливымъ, ни своенравнымъ, ни неблагодарнымъ, ни бѣшеннымъ. Онъ чувствуетъ малѣйшую внимательность; онъ признателемъ больше, нежели стоить моя преданность.»

Великодушно было такое сознаніе, но справедливо. У Кароля не было мелкихъ недостатковъ: у него былъ одинъ недостатокъ огромный, невольный и страшный — духъ нетерпимости. Не отъ него зависѣло открыть свою душу всеобщей любви, чтобъ расширить кругъ своего зрѣнія, оглянуть и постигнуть человѣческіе интересы. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ добродѣтель состоитъ въ воздержаніи отъ зла; эти люди, строго исповѣдуя истины евангелія, сами не понимаютъ высочайшей изъ нихъ: любви раскаяннаго грѣшника; надежды на возвратъ заблудшей овцы, — словомъ, не понимаютъ духа, разлитаго въ ученіи Христа, дышащаго въ каждомъ Его словѣ; не постигаютъ смысла, что

падшее, но возвратившееся къ божественной любви существо ста-
нетъ высоко.

Въ мелочныхъ житейскихъ отношеніяхъ, Кароль былъ человѣкъ очаровательный. Всѣ возможные виды привѣтливости получали у него неподражаемую прелесть. Онъ высказывалъ свою благодар-
ность всегда съ такимъ глубокимъ, взволнованнымъ чувствомъ, ко-
торое могло съ избыткомъ вознаградить самую искреннюю друж-
бу. Даже въ своей печали, въ этой вѣчной печали, которой онъ,
кажется, не хотѣлъ и видѣть конца, онъ казался кротко-покор-
нымъ, какъ-будто и жилъ только потому, что хотѣлъ исполнить
желаніе Сальватора.

Въ сущности, нѣжное здоровье Кароля не было сильно раз-
строено, и жизни его не грозило никакое важное потрясеніе. Но
привычка изнывать и никогда не пытаться собственныхъ силъ посе-
лала въ немъ убѣжденіе, что онъ не долго переживетъ мать свою.
Онъ вообразилъ себѣ, что чувствуетъ каждый день приближеніе
смерти, и съ этой мыслью принималъ попеченія Сальватора, скры-
вая отъ него, что ужь недолго остается имъ быть вмѣстѣ. Наруж-
но онъ сохранялъ удивительное присутствіе духа, и если не встрѣ-
чалъ мысли о близкой смерти съ геройской безпечностью молодос-
ти, по-крайней-мѣрѣ ждалъ конца съ какимъ-то болѣзненнымъ
наслажденіемъ.

Въ этомъ убѣжденіи онъ съ каждымъ днемъ отторгался отъ че-
ловѣчества, потому-что считалъ себя уже непринадлежащимъ къ
нему. Всякое земное зло теперь казалось ему чуждымъ. Онъ ду-
малъ, что, видно, Богъ не судилъ ему тревоги и борьбы съ этимъ
зломъ, назначивъ такой малый срокъ его земному существованію.
Онъ считалъ это милостью, дарованною въ награду за добродѣ-
ли его матери, и когда видѣлъ страданія, ниспосланныя карою
людскимъ порокамъ, благодарилъ Бога, сподобившаго его стра-
дать безъ паденія, пославшаго ему муки въ видѣ испытанія, въ
очищеніе отъ первороднаго грѣха. Тутъ переносился онъ вообра-
женіемъ въ загробную жизнь и терялся въ мистическихъ грезахъ.
Въ основаніи всего этого лежалъ синтезъ католическаго догмата,
но въ подробностяхъ играла его поэтическая фантазія; потому-что
—нало правду сказать—если инстинкты и правила жизни успѣли
опредѣлиться въ головѣ его, за то религіозныя его вѣрованія бы-
ли очень-сбивчивы. И вотъ плоды воспитанія, основаннаго на од-
номъ чувствѣ и вдохновеніи, безъ участія живаго, закаляющаго
опыта, разумнаго права и путеводной нити логики!

Кароль ни разу не изслѣдовалъ собственнымъ умомъ ни од-
ной истины, не углублялся ни въ одно ученіе, и потому въ умѣ
его оставались какіе-то пробѣлы, которые мать наполняла какъ
могла, говоря о непостижимой премудрости Божіей и о несовер-
шенствѣ человѣческихъ понятій. Но Кароль былъ моложе и худо-
жественнѣе матери: онъ идеализировалъ собственное свое невѣже-
ство: онъ набивалъ, такъ-сказать, эту страшную пустоту роман-

тическими мечтами: тутъ было все — и ангелы, и звѣзды, и полетъ въ безпредѣльное пространство, и безвѣстная страна, гдѣ сольется онъ съ душами матери и нежѣты; такъ представлялъ онъ себѣ рай. Что касается до ада, Кароль не умѣлъ понять его и потому не думалъ о немъ. Онъ чувствовалъ себя чистымъ и не боялся за собственную душу. Еслибъ спросили его, гдѣ будутъ страдать грѣшныя души, онъ, мнѣ кажется, назначилъ бы имъ неизобразимыя муки вѣчной тревоги въ какомъ-нибудь бушующемъ морѣ, подъ страшнымъ завываніемъ осенней ночи... Туманная, обаятельная поэзія Оссіана мѣшалась у него съ римскимъ догматомъ.

Твердая, свободная рука Сальватора не смѣла трогать всѣхъ струнъ этого чувствительнаго, сложнаго инструмента. И онъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета во всемъ, что было мощнаго и слабаго, обильнаго и неполнаго, страшнаго и прекраснаго, упорнаго и подвижнаго—въ избранной натурѣ Кароля. Еслибъ надо было непременно вполнѣ узнать Кароля для того, чтобы любить его, Сальваторъ скоро отказался бы отъ этой обязанности, потому-что нужна цѣлая жизнь на изученіе подобныхъ созданій; да еще доберешься ли, силою терпѣнья и наблюденій, до механизма ихъ внутренней жизни? Причина ихъ противорѣчій вѣчно будетъ ускользать отъ насъ.

Путешественники ѣхали изъ Милана въ Венецію. Невдалекѣ отъ дороги было озеро; оно лежало въ зелени недвижной гладью и какъ алмазъ горѣло на солнышкѣ.

— Не много ли мы сегодня уѣхали? сказалъ Сальваторъ, замѣтивъ сильную усталость на лицѣ друга. — Мы дѣлали все такіе большіе переѣзды, а вчера наконецъ утомились и тѣломъ и душой, глядя на это великолѣпное Комское-Озеро.

— О, я не раскаяваюсь! отвѣчалъ Кароль: — это такая дивная картина, какой я съ роду не видывалъ... Впрочемъ, будемъ ночевать, гдѣ хочешь, мнѣ все равно.

— Все зависитъ отъ твоего здоровья. Ѣхать ли до первой станицы, или повернуть къ берегу озера, въ Изео? Ты что чувствуешь?

— Право, не знаю.

— Вѣчно ничего не знаешь! Это просто отчаяніе! Скажи, болѣе ты?

— Не думаю.

— Ну, усталъ?

— Да, но не больше, какъ прежде.

— Ыдемъ въ Изео. Тамъ и воздухъ пріятнѣе, нежели на этихъ высотахъ.

Они поворотили къ маленькому порту Изео. Былъ въ этотъ день праздникъ въ окрестностяхъ. Тележки, запряженныя тощими, но крѣпкими лошадами, везли разряженныхъ дѣвушекъ, съ ихъ пре-
красными, на-манеръ античныхъ статуй, прическами, съ коса-

ни, проколотыми длинною серебряною булавкою, съ живыми цвѣтами въ волосахъ. Мужчины ѣхали верхами на лошадяхъ, на ослахъ, а иные шли пѣшкомъ. По всей дорогѣ сновало это одушевленное населеніе, эти торжествующія красавицы, молодые люди, слегка разволнованные виномъ и любовью; они перекликались между собой громкимъ хохотомъ и веселыми приговорками, даже, можетъ-быть, слишкомъ-веселыми для дѣвственныхъ ушей князя Кароля.

Во всѣхъ земляхъ, крестьянинъ, если онъ не подавленъ обстоятельствами, если не успѣлъ онъ измѣнить своей простодушной рѣчи, всегда уменъ и оригиналенъ. Сальваторъ, знавшій національныя прибаутки, не могъ утерпѣть, чтобъ не улыбнуться остроумнымъ вольностямъ, которыя летѣли вокругъ него перекрестнымъ огнемъ, пока карета спускалась шагомъ по крутому скату къ озеру. Красавицы, въ своихъ убранныхъ лентами колясочкахъ, съ своими черными глазами и вьющимися по вѣтру платочками; аромат цвѣтовъ, алый вечерній свѣтъ, разлитый по всей картинѣ, наконецъ, бѣглыя, игривыя рѣчи, и свѣтлыя, звучные голоса—все это привело Сальватора въ живое, веселое, чисто-итальянское расположеніе духа. Еслибъ онъ былъ одинъ — онъ бы не задумался: вызвался бы править лошадкой, а потомъ и юркнулъ бы въ колясочку, гдѣ побольше хорошенькихъ. Но въ присутствіи друга — нельзя: пришлось скорчить важную гримасу, и, чтобъ какъ-нибудь унять свой задоръ, онъ затыкнулъ что-то сквозъ зубы. Да и то не удалось: онъ тутъ же замѣтилъ, что совѣтъ безъ умысла напѣваетъ что-то плясовое, веселый мотивъ, долетѣвшій къ нему изъ толпы крестьянокъ и вертѣвшійся у нихъ въ головѣ послѣ праздника.

III.

Сальваторъ кое-какъ еще крѣпился въ своемъ равнодушіи; но вдругъ съ каретой поравнялась всадница, видная брюнетка; она ѣхала по-мужски верхомъ и очень-откровенно выказала ему свою полную, украшенную изящной подвязкой ногу. Сальваторъ не утерпѣлъ: вскрикнулъ, высунулся изъ кареты и проводилъ глазами эту здоровую, превосходно-сформированную ногу.

— Что такое? она упала? спросилъ Кароль, замѣтивъ его беспокойство.

— Упала, кто? возразилъ Сальваторъ:— подвязка?

— Какая подвязка? я говорю про женщину, что проѣхала верхомъ. Чего ты тамъ смотришь?

— Ничего, ничего, проговорилъ Сальваторъ, и опять не утерпѣлъ: приподнялъ свою дорожную шапку и послалъ поклонъ ногѣ. Въ этой странѣ любезностей нельзя оставаться съ покрытой головой.

Откинувшись въ уголъ кареты, Сальваторъ примолвилъ:

— А очень-мило: алая подвязка, отороченная голубымъ.

Кароль не былъ педантъ на словахъ: онъ не обратилъ вниманія на слова Сальватора и глядѣлъ на озеро, которое сверкало, переливалось такими яркими цвѣтами, какихъ, разумѣется, совсѣмъ не было на подвязкахъ у крестьянокъ.

Сальваторъ понялъ его молчаніе и, чтобъ какъ-нибудь оправдаться въ глазахъ его, спросилъ, не былъ ли онъ пораженъ красотой туземцевъ.

— Да, отвѣчалъ Кароль, желая польстить пріятелю: — я замѣтилъ здѣсь очень-много стройныхъ формъ. Впрочемъ, ты знаешь, я плохой знатокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Не вѣрю: ты превосходно понимаешь красоту; я видѣлъ тебя въ восторгѣ передъ античными статуями.

— Это на одну минуту! Есть много античнаго; я люблю изящное искусство, чистое, возвышенное, идеаль Пареенона. Но не люблю, или по-крайней-мѣрѣ не понимаю изящества тяжелыхъ, мускулистыхъ фигуръ римскаго искусства, не люблю черезъ-чуръ развитыхъ формъ времянъ упадка искусствъ. Италия впала въ материализмъ; онъ отразился и въ народѣ. Меня это не занимаетъ.

— Какъ! не шутя, видъ прекрасной женщины не чаруетъ тебя? минутное впечатлѣніе оставить она въ тебѣ... если пройдетъ мимо?

— Ты знаешь, что нѣтъ. Чему ты удивляешься? Я понимаю твои легкіе, вседневные восторги отъ каждой женщины, какая только попадется тебѣ на глаза. Ты хочешь любить, а между-тѣмъ, та, которая должна овладѣть всѣмъ существомъ твоимъ, еще не явилась. Она есть, она, назначенная тебѣ Богомъ; она ждетъ тебя, и ты ее ищешь. Такъ я объясняю всѣ твои любовныя интриги, твои безпрестанныя разочарованія, — всѣ эти душевныя муки, которыя тебѣ угодно называть наслажденіями. Но касательно меня, ты знаешь все; знаешь, что мнѣ суждено было встрѣтить по-другу жизни, что я узналъ ее, что я вѣчно буду любить ее и въ могилѣ, точно такъ же, какъ любилъ на землѣ. Ничто мнѣ не замѣнить ея, ничто не напомнить, и я ни на что не смотрю, ничего не ищу. Нѣ чѣмъ мнѣ восхищаться, потому-что ничто не подходитъ подъ тотъ типъ, который вѣчно со мною, который, вѣчно прекрасный и свѣтлый, живетъ въ душѣ моей.

Сальватору очень хотѣлось поспорить съ другомъ; но онъ боялся, чтобъ подобный споръ не встревожилъ Кароля, не привелъ его въ лихорадочное раздраженіе, которое казалось ему страшнѣе тихаго, томительнаго изныванья. Онъ рѣшился только спросить своего ребенка:—увѣренъ ли онъ, что никогда не полюбитъ другой женщины.

— Самъ Богъ не создалъ бы другаго такого же дивнаго существа, какое было мнѣ предназначено. По своему безконечному милосердію, Онъ не попуститъ мнѣ забытья до того, чтобъ полюбить въ другой разъ.

— Впрочемъ, жизнь долга! сказалъ Сальваторъ, и въ голосъ его отозвалось невольное сомнѣніе:—въ двадцать-четыре года мудро давать подобные обѣты.

— Не всякій молодъ въ двадцать-четыре года! отвѣчалъ Кароль.

Потомъ онъ вздохнулъ, замолчалъ и задумался. Сальваторъ замѣтилъ, что самъ навелъ его на мысль о преждевременно-умершей, мысль, которою другъ его питался, какъ отравой. Онъ не показывалъ вида, что понялъ въ чемъ дѣло, и попытался развлечь Кароля красотой ландшафта, указавъ на богатую долину, въ глубинѣ которой лежало озеро.

Въ маленькомъ озерѣ Изео нѣтъ ничего грандіознаго, и виды вокругъ него все такіе спокойныя, свѣжіе, какъ виргиліева экада. Между облегающими его горами и волнистыми отъ мягкихъ, медленныхъ всплесковъ окраинами—лежитъ полоса прекраснаго дуга, въ полномъ смыслѣ усыпаннаго лучшими полевыми цвѣтами, какіе только производитъ Ломбардія. Алыи цвѣтъ шафрана утишаетъ эти берега, на которые буря никогда не выбрасывала шумныхъ, разъяренныхъ волнъ. По ровной, безмятежной поверхности плаваютъ легкія деревенскія ладьи, и въ тихія прибрежныя воды летитъ осыпающійся цвѣтъ съ персиковыхъ и миндальныхъ деревьевъ.

Когда наши путешественники выходили изъ кареты, нѣсколько быкиныхъ у берега лодокъ ставили паруса, и жители прибрежныхъ деревень, воротившіеся съ праздника на собственныхъ лошадакахъ и тележкахъ, съ хохотомъ и пѣснями бѣжали и тѣснились на эти лодки, долженствовавшія развезти ихъ по домамъ. Втаскивали на залубы колясочки, плотно нагруженныя дѣтьми и безъ умолка лепечущими дѣвчушками; нетерпѣливая, задорная молодѣжь смѣло какала съ берега. По мѣстному обычаю, чтобъ предохранить спотѣвшихъ лошадей отъ простуды во время плаванія, купали ихъ предварительно въ холодной озерной водѣ, и сносныя животныя, казалось, съ большимъ наслажденіемъ погружались въ отрадную прохладу.

Кароль усѣлся на лежавшій у берега пень и смотрѣлъ... не на ту одушевленную, живописную сцену, а на синѣющія вдали Альпы. Сальваторъ пошелъ въ гостиницу нанимать комнаты.

Но онъ скоро воротился съ разстроеннымъ, недовольнымъ лицомъ: оказалось, что заведеніе отвратительное, душное, нечистое, наполненное набито пьянымъ и всякимъ неугомоннымъ сбродомъ. Въ толпѣ, въ крикѣ и брани, не было никакихъ средствъ отлучиться съ дороги.

Кароль меньше, нежели кто-нибудь, былъ способенъ переносить тревоги и безсонныя ночи, и, не смотря на то, всегда встрѣчалъ подобныя неприятели съ стоическою безпечною. Но въ этотъ разъ, онъ сказалъ Сальватору съ видомъ какого-то страннаго безпокойства:

— У меня было предчувствіе, что мы лучше сдѣлаемъ, если поѣдемъ сюда ночевать.

— Предчувствіе по поводу дряннаго трактира? вскричалъ Сальваторъ, сердясь за неудачную выдумку на самого-себя, а слѣвательно и на ближняго: — странное дѣло! когда нужно избѣжъ какой-нибудь трактирной сволочи, или, на-примѣръ, запаха грязнъ кухни, на это у меня нѣтъ тонкой прозорливости, и таинственнхъ предвѣщаній тоже не бываетъ.

— Не смѣйся надо мной, Сальваторъ, кротко возразилъ князь. — Я не говорю объ этихъ мелочахъ! ты очень-хорошо знаешь, я на подобныя вещи обращаю вниманія меньше, нежели ты.

— Я!.. я, можетъ-быть, для тебя же обращаю на нихъ вниманіе.

— Знаю, мой добрый Сальваторъ!.. не отчаивайся же, поѣдемъ.

— Какъ поѣдемъ? да вѣдь мы голодны, а тамъ, по-крайнѣмъ, отличныя форели прыгають на сковородѣ. Я, мой милый, легко унываю! Поужинаемъ, велимъ себѣ накрыть на чистомъ дѣхѣ, вотъ подъ этими рожковыми деревьями. А потомъ, я сѣгаю всю деревню, отыщу домъ, сколько-нибудь поопрятнѣе трактира, хоть одну комнату, для тебя; у лекаря, можетъ-быть, и дѣтей, или у адвоката... Да здѣсь и священникъ есть!

— Другъ мой, ты не хочешь меня понять и хлопчешь о пустякахъ... Ты знаешь, что я не капризенъ, не правда ли? прости же мнѣ, хоть одинъ разъ, смѣшную прихоть... Мнѣ не хорошо здѣсь: и воздухъ здѣшній меня беспокоитъ, и озеро слѣдитъ за глазами. Можетъ-быть, въ немъ растетъ какая-нибудь ядовитая трава, которая для меня убійственна... Уѣдемъ отсюда. У меня самокъ-дѣлъ есть предчувствіе, что мнѣ не надо было прѣзжать сюда. Когда мы поворотили съ дороги на-лѣво, мнѣ показалось, что и лошади какъ-будто упираются, не идутъ: ты не замѣтилъ. Впрочемъ, не подумай, что я въ забвѣнн, что я брежу... не смѣй на меня такими испуганными глазами: я совсѣмъ спокоенъ, я спокоенъ, если хочешь, на новыя несчастія... но зачѣмъ же идти на встрѣчу бѣдамъ, если есть еще время убѣжать отъ нихъ?

Сальваторъ Альбани, въ-самомъ-дѣлѣ, испугался важнаго, прѣдвѣщающаго тона, какимъ Кароль проговорилъ эти странныя слова. Онъ считалъ Кароля слабѣе, нежели тотъ былъ въ дѣйствительности, и потому вообразилъ, что другъ его собирается тяжело заболѣть, и что эта непонятная тоска — предвѣстіе болѣзни. Но Сальваторъ все-таки не вѣрилъ, чтобъ мѣстность могла имѣть какое-нибудь вліяніе, когда и природа, и люди, и небо, и растительность-вокругъ него было такое цвѣтущее, полное жизни. Впрочемъ, онъ не хотѣлъ противорѣчить прихоти друга и только подумалъ, другое мѣсто ночлега, до котораго доберутся они на-тощакъ послѣ долгаго перѣзда, не ускорить ли страшное развитіе болѣзни.

Князь замѣтилъ его нерѣшимость и вспомнилъ то, что до этого Сальваторъ успѣлъ уже забыть, — именно, что онъ чуть не умѣлъ

съ голода. Подавивъ въ себѣ безотчетное отвращеніе, затаивъ свои робкія грезы, Кароль сказалъ, что онъ и самъ проголодался, и что прежде отъѣзда надо все-таки поужинать.

Этотъ пріятный вызовъ разубѣдилъ Сальватора.

— Если Кароль хочетъ ѣсть, подумалъ онъ:—значить, еще нѣтъ серьезныхъ признаковъ болѣзни; да, можетъ-быть, и всѣ эти черныя мысли напали на него просто съ голода; аппетитъ сильно возбуждился, отъ-того онъ и расслабъ нравственно и физически. Сначала мы закусимъ, а потомъ посмотримъ, что будетъ.

Ужинъ оказался лучше, нежели можно было ожидать отъ гостиницы. Онъ поданъ былъ въ саду, подъ свѣжимъ навѣсомъ, который отчасти заслонялъ сверкающую поверхность озера, и Кароль въ этомъ мѣстѣ чувствовалъ себя спокойнѣе. Благодаря подвижности своего темперамента и настроенія, онъ ѣлъ съ удовольствіемъ и совсѣмъ забылъ необъяснимый страхъ, который мучилъ его за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ.

Трактирщикъ принесъ имъ кофе; Сальваторъ началъ спрашивать его о мѣстныхъ жителяхъ, и съ прискорбіемъ узналъ, что тамъ никто не знакомъ ему и что нѣтъ никакихъ средствъ отыскать убѣжища почище и поспокойнѣе трактира.

— Эхъ! сказалъ онъ вздохнувъ: — былъ у меня одинъ добрый другъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и кто знаетъ! можетъ-быть, въ сущности моему таллоу его вліяніе, когда мнѣ пришла мысль ѣхать сюда почевать. Но, видно, бѣдная Флоріаня оставила во мнѣ политическое воспоминаніе, вполне отрѣшенное отъ дѣйствительности. Какъ-то всегда бываетъ съ нашими воспоминаніями дѣтства!

— Конечно, ваше сіятельство, сказалъ трактирщикъ, вслушавшись въ рѣчи Сальватора:—вы хотите сказать о славной Флоріаня, о той самой Флоріаня, что прежде была бѣдная крестьянка, потомъ стала и богата и извѣстна во всей Италіи?

— Ну, да! вскричалъ Сальваторъ:—ты, можетъ-быть, зналъ ее здѣсь когда-то. Я не знаю, возвращалась ли она на родину съ тѣхъ-поръ, какъ оставила ее въ первый разъ, т. е. когда была еще чень-молода?

— Извините, сеньйоръ! она воротилась съ годъ тому назадъ, и теперь здѣсь... Родные все простили ей, и теперь они вмѣстѣ живутъ очень-хорошо... Вонъ тамъ, за озеромъ—даже отсюда видно—маленькій домикъ, въ которомъ она росла, а подлѣ — премиенская вилла, которую теперь купила. Это не больше, какъ зеленка съ паркомъ и съ лугами. О! имѣніице прекрасное, и она такъ отсыпала за него этому старому Раньери, знаете... скряга? отецъ того, который утащилъ ее, отецъ перваго-то ея любовника?

— Ты знаешь, или просто гадаешь, о приключеніяхъ ея молодости больше, нежели я, отвѣчалъ Сальваторъ: — я знаю только, что это такая умная, милая и достойная женщина, какихъ нигдѣ не встрѣчалъ я. Слава Богу, что она здѣсь! Вотъ безцѣнная новость! Мы спасены, Кароль: отправимся къ ней просить приста-

вища и, если хочешь мнѣ удружить, — сдѣлай милость, познкомься съ моей милой Флоріанн!.. Въ Миланѣ, однако, не знаютъ, что она здѣсь живетъ: мнѣ сказывали, что я ее найду въ Венеціи, или гдѣ-нибудь тамъ около...

— О, она живетъ какъ краденая! сказалъ трактирщикъ: — э конечно такъ, минутная прихоть. Ее, впрочемъ, здѣсь хорошо знаютъ, потому-что она дѣлаетъ добро; она очень добрая семья ора!

— Э! скорѣй, скорѣй! лодку сейчасъ! кричалъ Сальваторъ, прыгая отъ радости. — Что за дивный сюрпризъ! а я!.. у меня и было счастливаго предчувствія, что я найду ее здѣсь!

Кароль задрожалъ при этомъ словѣ.

— Мы покоряемся предчувствіямъ безсознательно, сказалъ онъ — они влекутъ насъ, куда хотятъ.

Но неистовый Альбани не слушалъ его. Онъ суетился, кричалъ, звалъ лодку, бросалъ въ нее чемоданы, толковалъ человѣку о каретѣ и разныхъ узлахъ, которымъ назначено было оставаться въ трактирѣ, и наконецъ потащилъ князя на колыхавшуюся палубу.

Его обуяло такое нетерпѣніе, врожденная неутомимость до того забурлила въ немъ въ эту минуту, что прежнія усилія смиренничать изъ уваженія къ печали друга теперь совершенно пропали; онъ схватилъ руль и принялся работать съ перевозчикомъ, расставая какъ птица и своей задорной, неудержимой веселостью предвѣщая лодкѣ скорую починку.

IV.

Только доплывъ до середины озера, замѣтилъ Сальваторъ страшную блѣдность на лицѣ Кароля. Онъ бросилъ руль и сѣлъ подле него.

— Милый князь, сказалъ онъ:—я боюсь, что ты не доволен мною! Тебѣ не хотѣлось бы этого новаго знакомства... но как же быть? Путешествуя, нельзя иногда немножко не отступить отъ своихъ привычекъ... Я обѣщался не мучить тебя подобными вещами... Я все забылъ... я такъ обрадовался!..

— Все прощаю, на все согласенъ, спокойно отвѣчалъ Кароль.— Дружба дышетъ жертвами. Ты для меня столько принесъ ихъ, что я у тебя въ долгу... хотя, впрочемъ... надѣюсь, ты не поведеши меня къ женщинѣ дурнаго поведенія!

— Молчи, молчи! закричалъ Сальваторъ, сильно схвативъ его за руку:—не говори такихъ словъ, которыя терзаютъ, язвятъ! Еслибъ кто другой такъ заговорилъ о ней...

— Прости меня, возразилъ Кароль:—я не думалъ, что она была... что она могла быть твоей любовницей!

— Моею любовницей? моею? быстро подхватилъ Сальваторъ. — О! я очень бы желалъ этого! Но она тогда любила другаго; кто зна

еть, поправился ли бы я ей, еслибъ и узналъ ее свободную! Нѣтъ, Кароль, я не былъ ея любовникомъ; я былъ другомъ ея любовника Фоскари, доблестный молодой человекъ!); тогда она была такъ благородна, такъ вѣрна, что у меня не родилось въ-отношеніи къ ней ни одного желанія. О! еслибъ она теперь жила одна, какъ говорили мнѣ въ Миланѣ... еслибъ она захотѣла меня любить!.. Но нѣтъ! Послушай, не хмурься! Я не думаю, чтобъ мнѣ пришлось отъ нея вслыхнуть. Мы съ ней очень-давно не видались; теперь она, можетъ-быть, и нехороша... Притомъ же, и сердце мое и чувства привыкли быть передъ ней спокойными. Воображенію моему нужно было бы сдѣлать страшное усиліе, чтобъ перейти отъ уваженія... Впрочемъ, я не лицемеръ, не хочу клясться!.. Когда слишкомъ-сильна дружба мужчины къ женщинѣ... Да что? если она и живетъ одна, то, вѣроятно, любить отсутствующаго. Невозможно, чтобъ это благородное созданье жило безъ любви; а въ такомъ случаѣ не придетъ мнѣ въ голову дурная мысль въ-отношеніи къ ней. Ни за что въ мірѣ не соглашусь я потерять ея дружбы!..

— Судя по всѣмъ этимъ уверткамъ, проговорилъ Кароль съ замучившей улыбкой: — мнѣ предстоитъ опасность потерять тебя... Не сблъсь бы мое зловѣщее предчувствіе!

— А! твое предчувствіе! Опять пришло оно? Я-было и забылъ про него... Ну! если оно тебѣ наговариваетъ, что я останусь у очаровательницы и отпущу тебя одного, то оно лжетъ, безсовѣстно лжетъ. Нѣтъ, нѣтъ, Кароль! твое здоровье, твое желаніе и наше пукешествіе — впереди всего. Еслибъ у твоего предчувствія было лицо, я бы далъ ему пощечину!

Друзья еще нѣсколько минутъ говорили о Флоріани. Князь въ первый разъ пріѣхалъ въ Италію; онъ никогда не видалъ этой женщины и зналъ только по слухамъ о ея талантѣ и громкихъ походаженіяхъ. Сальваторъ говорилъ о ней съ жаромъ, съ увлеченіемъ; но не всегда же намъ обращаться къ друзьямъ: мы сами можемъ разсказать читателю; сколько нужно на этотъ разъ, про нашу героиню.

Лукреція Флоріани была актрисса съ талантомъ истиннымъ, высокимъ, отчасти трагическимъ, и всегда увлекательнымъ, симпатичнымъ, если только попадалась ей удачная роль; она была изящна, неподражаема во всѣхъ подробностяхъ пантомимы, въ томъ разумномъ творчествѣ, съ помощью котораго нерѣдко актрѣ даетъ цѣну истинному поэту и скрашиваетъ бездарность. Флоріани имѣла огромный успѣхъ, не только какъ актрисса, но и какъ писательница: она до того простирала страсть къ своему искусству, что рѣшалась сама писать театральныя пьесы, сначала общими силами съ нѣкоторыми литературными друзьями, а потомъ одна, подъ навіемъ собственнаго вдохновенія. Пьесы ея нравились, не потому, чтобъ онѣ были классическими твореніями, а потому-что были просты, проникнуты истиннымъ чувствомъ, написаны живымъ языкомъ, и наконецъ потому-что она сама въ нихъ

играла. Она нигдѣ не выставляла своего имени, но тайна ея въ сказывалась въ самой пьесѣ, и публика сама угадывала и произносила это имя, осыпая свою любимицу вѣнками и рукоплесканіями.

Въ то время на ея родинѣ журнальная критика была еще мало развита. У Флоріани было много друзей; къ ней были снисходительны. Во всѣхъ итальянскихъ партерахъ торжественно прогремѣло ея имя. Ее любили, и если ея авторская слава была основана на всеобщей благосклонности, — за то личность ея вполне стояла на высоте благосклонности и любви. Въ цѣломъ мірѣ не найдти было никого безкорыстнаго, благороднаго, скромнаго существа, такой же простой, свободно-открытой души. Не знаю навѣрное, въ Веронѣ или въ Павіи—она приняла завѣдываніе театральной дирекціей образовала труппу. Ее уважалъ всякій, кто только имѣлъ съ нею какое-нибудь сношеніе; благоговѣлъ—кому нужна была ея помощь, и публика вознаградила ее за все. Дѣла ея шли хорошо, когда составилось у ней довольно-значительное состояніе, она оставила театръ, не смотря на то, что была еще въ полномъ блескѣ таланта и красоты. Потомъ она нѣсколько лѣтъ жила въ Миланѣ, въ обществѣ артистовъ и литераторовъ. Образъ жизни ея былъ такъ благороденъ, такъ полонъ достоинства (это, конечно, не значитъ, чтобъ онъ былъ очень-правилень), что свѣтскія дамы являлись въ ея домѣ съ удовольствіемъ, съ любовью, даже съ чувствомъ нѣкотораго почтенія.

Но вдругъ Флоріани оставила свѣтъ, уѣхала изъ города и поселилась на берегу озера Изео, гдѣ мы ее теперь и встрѣчаемъ.

Основою побужденій, устремлявшихъ Флоріани по этимъ различнымъ путямъ—къ развитію литературно-драматическаго таланта и къ внезапному отвращенію отъ шумнаго свѣта, къ деятельности театральной администраціи и къ жизни деревенской жизни,—былъ (прошу не сомнѣваться) непрерывный рядъ любовныхъ интригъ. Про нихъ я вамъ теперь не буду рассказывать: это длинно и сама-по-себѣ не занимательная исторія. Не буду я тратить времени и на то, чтобъ выставлять вамъ всѣ оттѣнки характера, столько же яснаго и понятнаго, сколько характеръ князя Кароля былъ отливистъ и неопредѣленъ. Вы оцѣните, когда услышите, первозданную натуру, свѣтлую, прозрачную во всемъ, въ достоинствахъ и недостаткахъ. Повѣрьте, ничего не скрою я о Флоріани изъ какой-нибудь боязни не понравится вамъ. Чтò было у Флоріани, чтò такое была Флоріани, — все это высказывала сама тому, кто ее спрашивалъ объ этомъ съ участіемъ. А я дѣлалъ ей подобные вопросы съ явнымъ любопытствомъ, съ смѣшливими ужимками, гдѣхъ она любила скандализировать свое откровенностью.

Мы не сумѣемъ такъ опредѣлить ее, какъ она сама с надеждою опредѣлила себя; отвѣчая старому французскому маркизу «Вы немножко затруднились», говорила она ему: «не можешь прибрать на своемъ языкѣ слова, которое бы означило подобно

нѣ женщину. Вы скажете, что я прелестница? Не думаю, потому-то я всегда дарила своихъ любовниковъ, а сама никогда ничего не брала даже отъ друзей. Я нажила состояніе собственныи своими трудами. Самолюбіе не кружило мнѣ головы, и корысть не ослѣпляла меня. У меня были любовники не только бѣдные, даже съсѣтъ темные люди.

«Вы скажете, что я кокетка? Чувства у меня никогда не оверекали сердца, и я не понимаю наслажденія безъ восторженной любви.

«Наконецъ, не назовете ли вы меня женщиной развратной, безразсудливой? Надо знать, что вы понимаете подъ этими словами. Я никогда не искала разврата, никогда не любила двоихъ въ одно и то же время, всегда принадлежала одному и душой и тѣломъ—долго ли коротко ли, смотря по тому, какъ продолжалась моя страсть. Проходила страсть—и я не хотѣла его обманывать: прерывала съ нимъ связь прямо и рѣшительно. Правда, я клялась ему въ своей страсти, клялась любить всегда; но это было не притворство: я сама отъ всей души вѣрила въ истину своей клятвы. Всякій разъ, когда я любила,—любила такимъ полнымъ сердцемъ, что мнѣ казалось, это первая и послѣдняя любовь въ моей жизни.

«А вы все-таки не рѣшитесь сказать, что я честная женщина! Между-тѣмъ, я въ этомъ увѣрена, даже надѣюсь быть добродѣтельной предъ лицомъ Бога; но знаю, что по вашимъ понятіямъ, по мнѣнію людей, слова мои—богохульство. Что жъ? я не забочусь объ этомъ; отдаю свою жизнь на судъ свѣта—и не встаю противъ него, не говорю, что онъ ошибается въ своихъ обличихъ законахъ, но и не признаю, чтобъ онъ имѣлъ справедливыя причины нападать на меня.

«Вамъ, конечно, кажется, что я слишкомъ-много о себѣ думаю, что я слишкомъ-горда? Правда. Я очень-горда сама собою, но не тщеславна; про меня можно говорить все, что только есть на свѣтѣ дурнаго: это меня нисколько не оскорбитъ, ни опечалитъ. Я не насилвала страстей своихъ. Дурно ли, хорошо ли я дѣлала—и казнь и награда за все была мнѣ въ тѣхъ же страстяхъ. Я должна была погубить свое доброе имя—я ждала того, и принесла его въ жертву любви: кому жъ какое до того дѣло! Какое право имѣютъ люди-приговорщики говорить, что примѣръ неясенъ? Съ той минуты, какъ произнесенъ приговоръ надъ виновнымъ—его казнь совершилась. Онъ уже не можетъ вредить: эта казнь предостерегаетъ того, кто вздумалъ бы подражать ему.»

«...свадьба и Сальваторе. Любви престои къ берегу
...подъ тѣмъ самымъ дѣмька, на который указы-
...Въ этой-то хижинкѣ родилась Флоріани,
въ то еще и теперь жилъ отецъ ея, старый, сѣдой рыбакъ. Онъ
никакъ не согласился оставить свой бѣдный уголъ, въ которомъ
взжаль вѣкъ, съ которымъ сроднилась его привычка, но и не от-

казался отъ нѣкоторыхъ улучшеній: лачужку укрѣпили, уютил убрали, защитили отъ волнъ хорошенькой деревенской терраско разукрашенной цвѣтами и деревьями. Здѣсь сиживалъ онъ у двррей, окруженный свѣжею зеленью, и подь вечерь, бывало, чнилъ свои сѣти, потому-что, хотя существованіе его было вполне обезпечено, хотя дочь съ любовью предупреждала всѣ его нужды даже старалась подстеречь малѣйшій признакъ какой-нибудь прихоти,—а онъ все-таки сохранилъ свои привычки, свой разсчетливый, крестьянскій обычай, и никакъ не рѣшался исправить и перемѣнить какую-нибудь вещь въ своемъ рыбацьемъ снаряженіи, если эта вещь была еще хоть сколько-нибудь годна.

v.

Кароль замѣтилъ красиваго, немножко-угрюмаго старика, и предполагая, чтобъ это былъ отецъ *синьоры*, поклонился ему хотѣлъ идти мимо. Но Сальваторъ остановился посмотреть на живописный домикъ и стараго рыбака, который съ своей бѣлой съ желтоватымъ отливомъ бородой былъ похожъ на влажное рѣчное божество. Воспоминанія, которыя не разъ воскрешала предъ нимъ Флоріани съ слезами на глазахъ и краснорѣчіемъ раскаянія, смутно мелькнули въ головѣ Сальватора; ему показалось, что въ строгихъ чертахъ старика осталось какое-то сходство съ чертами прекрасной молодой женщины; онъ два раза поклонился ему и пошелъ къ рѣшоткѣ нарка, не утерпѣвъ, чтобъ не оглянуться нѣсколько разъ назадъ. Рыбакъ внимательно и недоуверчиво слѣдилъ за нимъ глазами.

Замѣтивъ наконецъ, что молодые люди рѣшительно хотятъ прибратъ къ Флоріани, старикъ всталъ и не совсѣмъ-привѣтливо закричалъ имъ, что здѣсь не ходятъ, что это не публичное гуляны.

— Знаю, добрый человекъ, отвѣчалъ Сальваторъ: — я ближній другъ синьоры Флоріани и желаю ее видѣть.

Старикъ подошелъ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю, сказалъ онъ. — Вы не здѣшній?

— Я изъ Милана, я, повторяю, очень-коротко знакомъ съ синьорой. Скажите же, гдѣ пройти къ ней.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Ждетъ ли она васъ? Точно ли вы знаете, что она захочетъ васъ приять? Какъ васъ зовутъ?

— Графъ Альбани; а вы позволите ли узнать ваше имя? Не вѣдаю ли, можетъ-быть, тотъ почтенный человекъ, котораго, помнится зовутъ Ренцо... или Бешпо... или Кекко Менапаче?

— Ренцо Менапаче, — да, точно я, сказалъ старикъ, снимая шапку, по итальянскому народному обычаю — склоняться передъ громкими титулами.—Почему же вы меня знаете, синьоръ? Я васъ никогда не видалъ:

— И я васъ не видалъ; но дочь ваша похожа на васъ, а мнѣ очень-хорошо извѣстно было ея настоящее имя:

— И это имя гораздо-лучше того, которымъ ее теперь называють! Но прежняго не воротити: нынче ужъ всѣ привыкли звать ее чужимъ именемъ!.. Да! такъ вы хотите съ ней видѣться? Нарочно за гнѣть и прїѣхали?

— Конечно, если позволите. Надѣюсь, она скажетъ вамъ, кто мы, а мы, вѣрно, не будете раскаяваться, что отперли намъ дверь. Я договариваюсь, что у васъ есть ключъ?

— Ключъ—то у меня есть; а все-таки, синьоры, я не могу пустить васъ. Этотъ молодой человекъ тоже съ вами?..

— Да, это князь де-Росвальдъ, отвѣчалъ Сальваторъ, хорошо знавшій силу титуловъ.

Старый Менапаче поклонился еще ниже, хотя лицо его было холодно и печально.

— Синьоры, сказалъ онъ: — потрудитесь пожаловать ко мнѣ; тамъ подождете, пока мальчикъ сбѣгаетъ сказать моей дочери: я не ручаюсь за нее; можетъ-быть, ей и не захочется васъ видѣть.

— Пойдемъ, сказалъ Сальваторъ: — надо смириться и ждать. Известно, нынче у Флоріани страсть прятаться; впрочемъ, я увѣренъ, что васъ хорошо прїимутъ. Пойдемъ же, посмотримъ на ея родное гнѣздышко; это должно быть очень-любопытно.

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ любопытно: она живетъ чуть не во дворцѣ, а отца держитъ въ лачугѣ, отвѣчалъ Кароль.

— Что такое, князь? сказалъ старикъ, обернувшись съ недовольнымъ видомъ, очень-удивившимъ молодыхъ людей, потому-что они, до обыкновенію, говорили между собой по-нѣмецки. — *Иваншита*, продолжалъ Менапаче: — я васъ подслушалъ; у меня чужое ухо,—отъ-того-то я и слылъ самымъ ловкимъ рыбакомъ; а про глаза и говорить нечего: они еще и теперь зорко видятъ.

— Вы понимаете по-нѣмецки? спросилъ князь.

— Я долго служилъ въ солдатахъ и много лѣтъ прожилъ въ вашей землѣ. Говорить не говорю по-нѣмецки, а немножко понимаю: отвѣчать ужъ позволяте мнѣ по-своему. Не живу я съ дочерью въ ея домѣ отъ-того, что люблю свою избушку; а она не живетъ со мной отъ-того, что избушка мала; мы бы тѣснили другъ друга. Впрочемъ, я привыкъ жить одинъ, и только по слабости своей терплю у себя прислужника; она этого непремѣнно хотѣла: неспя, говорить, на старости лѣтъ быть безъ помощи. Да хорошо, — маленький добрый; самъ выбралъ; учу его рыбацему ремеслу. Ну, *Воса*, разстанься—ка на минутку съ своимъ ужиномъ, дитя мое, — води, скажи синьорѣ, что два прїѣзжіе господина желаютъ се видѣть. Повторите, пожалуйста, синьоры, какъ васъ звать?

— Довольно одного моего имени, отвѣчалъ Альбани, идя вмѣстѣ с Карлемъ вслѣдъ за Менапаче къ дверямъ его домика.

Кароль вынулъ изъ портфѣля визитную карточку и подалъ ее прїѣзжиму рыбаку. Старикъ вооружилъ мальчика ключомъ, скрылся у него въ поясѣ, и Биффи со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ

— Вот видите ли, господа, говорилъ Менапаче гостямъ, живая ихъ на деревенскія кресла, которые самъ устроилъ и опу болотной травой: — не думайте, чтобъ дочь со мной обхл лась дурно. Ухаживаньемъ-то ея, ласками, да заботами — не нахваляюсь. Только, вы понимаете, обычай перемѣнить на рости дѣтъ не могу, а деньгамъ, что она присылала мнѣ, не была на театрѣ, я нашелъ мѣсто повыгодиѣе, чѣмъ тра ихъ на свой уголь, на одѣжу, да на сласти. У меня не та правъ. Я купилъ земли, потому-что земля—добрая вещь: она и службу служить, она не пропадетъ; а умру — ей останется. И у меня одно дѣтище. Она на меня не пожалуется, не раскае въ томъ, что для меня сдѣлала. Ей слѣдовало дѣлиться со м своимъ богатствомъ — и она всегда исполняла долгъ свой. А надо было выгадать прибыль на тѣхъ деньгахъ, употребить въ дѣло, и передъ смертью ей же оставить... Я также исполн свой долгъ всегда, неизмѣнно.

Этотъ ограниченный, оригинальный способъ опредѣлять отно ния отца къ дочери, заставилъ Сальватора улыбнуться.

— Я увѣренъ, сказалъ онъ: — что ваша дочь такъ не счита ся съ вами, и ничего не понимаетъ въ вашей экономической стемѣ.

— Что правда, то правда: она, глупенькая, ничего не пои маетъ! отвѣчалъ вздохнувъ Менапаче: — еслибъ я сталъ ее с шать—все бы прожилъ! Жилъ бы, какъ она, по-барски, виѣ съ ней и съ тѣми, кому она пригоршнями бросаетъ деньги. Ч дѣлать? не переродиться же человѣку! Она добрая; она м любитъ; разъ десять на день прійдетъ посмотрѣть на меня; сетъ все, что ни придумаетъ для моей утѣхи. Когда на меня шель нападетъ, или голова разболится — ужъ она не отойде всю ночь напролетъ просидитъ надо мною. Ну, а все же у есть большія ошибки; все-таки она не такая добрая мать, кѣ бы мнѣ хотѣлось!

— Какъ! она — не добрая мать? вскричалъ Сальваторъ, е удержавшись отъ смѣха при изложеніи разсчетливой морали к стьявина. — Я видѣлъ ее въ домашнемъ кругу и думаю, что заблуждаетесь, снѣиоръ Менапаче!

— Э! если, по-вашему, доброй матери надо ласкать сво дѣтей, ухаживать за ними, забавлять ихъ, голубить, баловать больше ничего, — тогда такъ! А я вотъ не люблю, когда дѣт ни въ чемъ не отказываютъ, когда дѣвченокъ одѣваютъ к принцессъ какихъ-нибудь, въ шелковыя платья; а мальчику д позволяютъ держать собакъ, лошадей, заводятъ ему лодку, ру какъ-будто взрослому человѣку! Они добрыя дѣти, я съ этимъ спорю, и хорошенькія; да не разумно давать имъ все, чего они запрасятъ, точно какъ-будто онѣ даромъ достаются, эти прих то! Ужъ я вижу, что она въ одинъ какой-нибудь годъ промот чуть не тридцать тысячъ франковъ — на что? на забавы, да

учителей дѣтямъ:—то у нихъ книги, то музыка, то прогулки, то подарки... и разные пустяки. А эти милостыни! Срамъ да и только! Всѣ калеки, бродяги со всего околodka — толпами ползутъ на вылку; а бывало, и дороги къ ней не знали, когда жилъ старшій Раньери; прежній владѣлецъ! Вотъ былъ человекъ! зналъ пользу, умѣлъ хозяйничать въ имѣніи; а моя дочка того-и-гляди разорить имѣніе, — и разорить непременно, если меня не послушается!

Книжъ глубоко вознегодовавъ на скупость старика; но Сальватору она казалась больше забавна, нежели возмутительна. Онъ хорошо зналъ натуру крестьянина, зналъ эту страсть къ скопидомству, строгость къ самому-себѣ, стремленіе — собирать и никогда не наслаждаться собраннымъ, этотъ страхъ за будущее, которое для бѣдныхъ, трудолюбивыхъ стариковъ не ограничивается и могилой. Не смотря на то, Сальватору стало какъ-то нехорошо на душѣ, когда Менапаче заговорилъ о старомъ Раньери, который разыгралъ такую гнусную роль въ исторіи Флоріанн.

— Этотъ Раньери, сказалъ онъ: — сколько я могу припомнить изъ рассказовъ Лукреціи, былъ безсовѣстный скряга. Онъ проклялъ и чуть не лишилъ наслѣдства сына за то, что тотъ хотѣлъ жениться на вашей дочери.

— Правда, онъ надѣлалъ намъ горя, отвѣчалъ старикъ, нисколько не возмущившись: — но кто жъ виноватъ? Все этотъ сунабродный малый, которому вспало на мысль жениться на бѣдной крестьянкѣ. Въ то время у Лукреціи ничего не было; она училась у своей крестной матери, г-жи Раньери, разнымъ пустякамъ: музыкѣ, языкамъ, декламаціи...

— Пустякамъ, которые, однако, послѣ ей очень пригодились! перебилъ Сальваторъ.

— Которые ее погубили! приподвигъ непреклонный старикъ. — Ужъ если старуха Раньери не могла ничего дать Лукреціи на обзаведеніе, такъ лучше бы не дружилась съ нею черезъ-чуръ коротко, оставила бы ее крестьянкой; пусть бы она чинила-себѣ съти, была бы, по-прежнему, дочерью рыбака, а потомъ — женой рыбака, какъ и слѣдовало. А у меня—таки былъ на примѣтѣ одинъ добрый малый, съ достаткомъ: хорошій домъ, двѣ большія лодки, прекрасный лугъ, коровки, все... Да, да! Пьеро Манджафоко былъ рѣдкій женихъ; Лукреціи быть бы за нимъ, еслибъ она послушалась разума. Крестная мать хотѣла воспитать ее, сдѣлать красавицей, ученой; а вмѣсто того—отъ нея-то и пошла всѣ бѣды. Мужю Растиери сынь ея, влюбился въ Лукрецію. Жениться, конечно, онъ не могъ. — такъ укралъ ее. Вотъ такимъ-то случаемъ дочка и разсталась со мною... да по этой-то причинѣ дѣлыя двѣнадцатя лѣтъ я не хотѣлъ и слышать объ ней...

— Если дѣло шло не о полученіи денегъ, которыя она присылала ему, замѣтилъ Сальваторъ Карлоу, забывъ, что рыбакъ понимаетъ по-нѣмецки.

Но старикъ нисколько не оскорбился замѣчаніемъ.

— Конечно, я получалъ ихъ, пускалъ въ ходъ и барышъ въ гадывалъ. Я зналъ, что она живетъ широко, что, можетъ-быть, ей будетъ въ радость готовый кусокъ хлѣба, когда проживетъ все, что нажила. Вѣдь она чего не наживала? миллионы, какъ говорятся! А чего она не раздавала, не промотала? О! да этакъ нравъ — кара Божья!

— Да, да! это — чудовище! вскричалъ смѣясь Сальваторъ: — между-тѣмъ, знаете ли? Мнѣ кажется, старикъ Раньери силы промахнулся, что не позволилъ сыну на ней жениться; онъ и сталъ бы ломаться, еслибъ могъ угадать, что эта крестьяночка своимъ талантомъ наживетъ миллионы.

— Конечно, не сталъ бы ломаться, отвѣчалъ Менапаче еще большимъ спокойствіемъ: — но какъ же ему было угадать? А о казавъ сыну жениться на такой неровнѣ, онъ былъ въ своемъ правѣ: онъ былъ правъ; всякій бы то же сдѣлалъ. Я самъ такъ поступилъ бы на его мѣстѣ.

— И вы не проклинаете его, и, можетъ-быть, остались с нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, тогда-какъ сынъ его обольсти вашу дочь потому только, что не могъ вырвать согласія у старика скряги?

— Старый онъ скряга, скупецъ, какъ его называли; чѣрствый онъ былъ, не спорю... ну! а все-таки справедливъ, и сестра была не дурной. Онъ мнѣ ни разу не сдѣлалъ ни добра, ни худу. Увидѣвъ, что не прощаю дочь, онъ простилъ меня въ томъ, что я ей отецъ. А что до сына, — такъ онъ и его простилъ, когда тотъ бросилъ Лукрецію и женился добрымъ порядкомъ.

— А вы? вы простили ли этого сына, который стоитъ своей бахушки?

— Мнѣ не слѣдовало его прощать, хотя, правду сказать, онъ былъ въ своемъ правѣ; онъ ничего не обѣщалъ письмомъ моей дочери; она была виновата: зачѣмъ повѣрила его любви. Когда онъ ее бросилъ, на нихъ ужъ долги были; ея театральныя дѣла сначала шли плохо... Впрочемъ, старикъ ужъ умеръ, — Божья его суди!... Да! извините, ваше сіятельство: я оставилъ свои дѣла у берега; найдетъ ночью буря, унесетъ ихъ; надо прибратъ еще хорошихъ; рыба въ нихъ держится. Я доставляю рыбу къ столу моей дочери; но она мнѣ платитъ... да! я даромъ ничего не даю! вотъ я и говорю ей: «кушай, кушай... и дѣтокъ жоръ благо, эта рыбка опять вернется къ нимъ изъ моего кошелька»

VI.

— Что за низкая натура! сказалъ Кароль: — когда Менапаче вышелъ.

— Человѣческая натура во всей ея наготѣ, отвѣчалъ Сальваторъ. — Это истый типъ рабочаго человѣка. Предусмотрительный

безъ сознанія, честность безъ чувства деликатности, здравый смыслъ, лишенный идеала, скупость честная, но пошлая, грустная.

— Этого еще мало, возразилъ князь. — Тутъ-гнусная безнравственность: я не понимаю, какъ синьора Флоріани можетъ жить, живя передъ глазами такое зрѣлище.

— Я догадываюсь, что она, возвращаясь къ отцу, не ожидала встрѣтить въ немъ такую презрѣнную прозу. Благородная женщина! воспоминанія объ этомъ старикѣ, вѣроятно, поэтизировали предъ ней сельскую жизнь; она мечтала о патриархальной невинности, о сердечномъ примиреніи съ отцомъ, который проклиналъ ее и въ которомъ она не могла вспомнить безъ слезъ. Но дѣло не въ томъ, что она воротилась: нужно еще больше доблести для того, чтобъ остаться здѣсь, и она, вѣрно, понимаетъ, извиняетъ, даже любитъ его.

— Понимать и извинять—невозможно для нѣжной души; на ея мѣстѣ, я осыпалъ бы этого стараго скупца всевозможными благамн; но жить подлѣ него было бы для меня смертельною мѣрой; при одной мысли о подобномъ положеніи душа возмущается.

— Въ чемъ же ты тутъ видишь столько отвратительнаго разврата? Этотъ человекъ не понимаетъ ни роскоши, ни щедрости, которыя въ добрыхъ душахъ поселяются вмѣстѣ съ довольствомъ. Онъ слишкомъ-старъ; ему не почувствовать того, что владѣть и давать двѣ вещи нераздѣльныя. Онъ копить все, что даетъ ему дѣньги, и копитъ для того только, чтобъ оставить это ея маленькимъ дѣтямъ.

— А у ней есѣ дѣти?

— Были двое; теперь, можетъ-быть, больше.

— А мужъ?.. проговорилъ Кароль дерзко: — гдѣ онъ мужъ?

— Сколько я знаю, она никогда не была замужемъ, спокойно отвѣчалъ Сальваторъ.

Князь замолчалъ; Сальваторъ понялъ его мысль, но не сумѣлъ разсвѣять ее ни однимъ словомъ. Да, вѣроятно, у него и не было за этотъ счетъ ни какого довода.

— Чѣмъ можно объяснить такое поведеніе, вѣтренное, покорное и легкой случайности? сказалъ Кароль, подумавъ съ минуту: — не-достаткомъ нравственныхъ внушеній въ ранней молодости. Что могла она услышать отъ такого отца, который не знакомъ даже съ чувствомъ благородной гордости? во всѣхъ безпутствахъ своей дочери, онъ видитъ только однѣ дѣньги, которыя она наживала и прожигала.

— Таковы-то люди, если взглянуть въ нихъ поближе; тако-ва жизнь, если сорвать съ нея волшебную завѣску! философы замѣтилъ Сальваторъ.—Когда добрая Флоріани говорила мнѣ о своемъ первомъ паденіи, она винила себя одну, ни разу не намекая объ отцовской, вѣроятно, нестерпимой грубости, которая, однако, могла служить ей извиненіемъ. Говоря о немъ, она

его расхваливала, и только плакалась на упрямый гнѣвъ его. Она приписывала ему добродѣтели древнихъ героевъ, повѣряя, достойныя уваженія. Я помню, она говорила, что когда разорветъ въ современныя связи, всѣ узы любви, тогда придетъ къ отцу, тамъ, возлѣ него, искупить свое прошлое. Бѣдная грѣшница! Пиредъ какимъ недостойнымъ существомъ пришлось бы ей выплакывать свое прекрасное раскаяніе! Это былъ бы одинъ изъ важныхъ промаховъ въ ея жизни. Великія души во всемъ видятъ хорошеимъ суждено обманываться на каждомъ шагѣ.

— Могутъ ли великія души всегда противиться суровому опыту? спросилъ Кароль.

— Чѣмъ больше обрушатся на нихъ неприятностей, тѣмъ рѣче выкажется ихъ величіе.

— Природа человѣческая слаба, и потому мнѣ кажется, что въполнѣ нравственныя души не должны вдаваться въ опасность. Ты Сальваторъ, рѣшительно хочешь пребыть здѣсь нѣсколько дней?

— Я вовсе не говорилъ этого; пожалуй, пробудемъ не болѣе часа, если хочешь.

Посредствомъ вѣчныхъ уступочекъ, Сальваторъ управлялъ волей Кароля, по-крайней-мѣрѣ, въ дѣлахъ внѣшнихъ; князь былъ человѣкъ великодушный, и всѣ свои предрасположенія подчинялъ началу житейской мудрости, которое сохранялъ даже въ самыя тѣсныхъ отношеніяхъ.

— Я не хочу тебѣ ни въ чемъ противорѣчить, сказалъ онъ: лишить тебя чего-нибудь, заставить сожалѣть — было бы мнѣ нестерпимо-болжно. Но дай мнѣ слово, Сальваторъ, сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ не влюбиться въ эту женщину.

— Даю слово, отвѣчалъ Сальваторъ смѣясь:—но это слово, и нечно, улетитъ на вѣтеръ, если ужъ сама судьба назначила мнѣ сдѣлаться ея любовникомъ, побывавъ сперва другомъ.

— Ты призываешь судьбу, возразилъ Кароль:—тогда-какъ она въ твоихъ рукахъ! Здѣсь твое сознаніе, твоя воля должны спасать тебя.

— Ты, Кароль, говоришь, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Любовь ищетъ всѣ преграды, встрѣчаемыя ею на пути, точно такъ, какъ море прорываетъ плотины. Я могу дать тебѣ клятву, что не побуду въ этомъ домѣ долше одной ночи; но не могу ручаться, что не оставлю въ немъ и сердца и мысли.

— Вотъ почему я сегодня весь вечеръ чувствую такую слабость такую тяжесть на душѣ! сказалъ Кароль. — Да, мой другъ, отстаетъ отъ меня сумѣрный страхъ, охватившій меня въ ту минуту, какъ только я завидѣлъ еще издали это озеро. Когда сѣли въ лодку, мнѣ показалось, что мы утонемъ; между-тѣмъ, знаешь, что я не трусь; когда дѣло идетъ о физическихъ опасностяхъ, водобоязнью недержимъ, и вчера еще очень-спокойно и ясный день плавалъ съ тобой, въ порядочную бурю, по Комской Озеру. А нынче гладкая поверхность этого озера испугала

ня, какъ какую-нибудь слабонервную женщину. Со мной очень-редко случаются подобные суевѣрные страхи; я не поддаюсь имъ, умѣю подавлять ихъ, — это ты можешь видѣть изъ того, что я не сказалъ тебѣ тогда ни слова. Но какое-то неясное безпокойство, страхъ какой-то неизвѣстной опасности, близкаго несчастія кому-то изъ насъ — преслѣдуютъ меня до-сихъ-поръ. Въ волнахъ все чудились мнѣ знакомые призраки; они дѣлали мнѣ знаки, чтобъ я воротился. Золотистый отсвѣтъ зари игралъ въ струйкѣ, которая вилась за лодкой, и свѣтлая струйка принимала то видъ моей матери, то образъ Лючин. Всѣ призраки моихъ погибшихъ мильгъ гѣснились между нами и этимъ берегомъ. Чувствую, что я не боюсь, воображенію не вѣрю, а все не могу успокоиться: это необъяснимо!

Сальваторъ пустился-было доказывать, что безпокойство—дѣйствіе нервовъ, слѣдствіе движенія въ дорогѣ, какъ вдругъ за дверью раздался звучный голось, въ которомъ какъ-будто слышалось содрясеніе струны: «гдѣ онъ, гдѣ онъ, Биффи?»

Сальваторъ вскрикнулъ отъ радости и бросился на терраску. Кароль увидѣлъ, что онъ обнялъ эту женщину, и женщина обняла его съ любовью, какъ брата.

Они лепетали, перекидывались вопросами и отвѣтами съ удивительной быстротой на ломбардскомъ нарѣчій, которое Кароль не такъ легко понималъ, какъ чистый итальянскій языкъ. Въ-слѣдствіе этого бѣглаго, несвязнаго разговора, Флоріани оборотилась къ князю, протянула ему руку и, не замѣтивъ, что онъ подалъ ей свою не слѣшкомъ-благосклонно, пожала ее дружески, примолвивъ при томъ, что она ему рада, что его посѣщеніе доставитъ ей большое удовольствіе.

— Прости меня, мой добрый Сальваторъ, говорила она смѣясь: — что я заставила тебя посидѣть, будто въ передней, въ жилищѣ моихъ предковъ; но я прячусь отъ любопытныхъ зѣвакъ; при томъ у меня всегда въ головѣ какіе-нибудь планы, по-этому я и аперлась какъ монашенка.

— Но, говорятъ, вы въ послѣднее время почти совсѣмъ постриглись и произнесли обѣтъ, говорилъ Сальваторъ:—цагуя безъ устали отданную въ его распоряженіе руку. — Я съ трепетомъ осмѣивался прійти исторгнуть васъ изъ заточенія.

— Хорошо, хорошо, возразила она: — ты смѣешься надо мной надъ моими прекрасными намѣреніями! Знаешь ли, зачѣмъ я криваюсь, зачѣмъ убѣжала отъ всѣхъ друзей своихъ? За тѣмъ, но не хочу слушать дурныхъ совѣтовъ. Но ужь если ты, по-частію, попался ко мнѣ, у меня не достанетъ добродѣтели прогнать тебя. Пойдемъ, веди своего друга. По-крайней-мѣрѣ, я буду имѣть удовольствіе дать вамъ пріютъ получше трактира въ Изао. А ты не узналъ моего сына и не поцаловалъ его?

— Ахъ, нѣтъ! Я боялся его узнать, говорилъ Сальваторъ, обернувшись къ хорошенькому мальчику дѣтъ двѣнадцати, который

прыгаль около него, какъ собачка.—Какъ онъ выросъ, какъ похорошѣлъ! (И онъ обнялъ малютку, еще незнавшего, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.)—А еще? спросилъ Сальваторъ:—маленькая дѣвочка?

— Сейчасъ и ее увидите, и сестру ея, и моего послѣдняго мальчика.

— Четверо! вскричалъ Сальваторъ.

— Да, четыре премилые ребенка, и всѣ со мной, что бы тамъ ни говорили люди. Вы познакомились съ моимъ отцомъ, пока за мной ходили? Видите, съ этой стороны онъ меня караулитъ. Безъ его спроси никто не можетъ войти. Здравствуй, батюшка, въ другой разъ. Приѣдешь завтра съ нами завтракать?

— Ничего не знаю, ничего не знаю, отвѣчалъ старикъ.—У васъ безъ меня будетъ много.

Флоріани настаивала; отецъ не уступалъ, и, чтобъ отвлечь ее отъ предмета разговора, спросилъ, не нужно ли рыбы. Зная, что точка его помѣшательства—продавать рыбу, и главное—продавать дорого, она сдѣлала ему богатый заказъ, и привела старика въ восторгъ. Сальваторъ украдкой наблюдалъ за ними: онъ видѣлъ, что Флоріани философски, даже весело входила въ эти прозаическія дразги.

Было уже темно. Ни Кароль, ни даже Сальваторъ, которому, впрочемъ, были знакомы черты Флоріани, не могли хорошенько рассмотреть ее въ лицо. Князю показалось, что нѣтъ у ней ни величественнаго роста, ни изящныхъ манеръ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ такой женщины, которая представляла на театрѣ важныхъ дамъ и даже королеву. Она скорѣй была мала и не совсемъ граціозна. Въ голосѣ ея было много звучности; но для ушей князя этотъ голосъ былъ слишкомъ-полонъ, слишкомъ-оглушитель, если можно такъ выразиться. Еслибъ женщина заговорила такимъ голосомъ въ салонѣ, на нее всѣ оглянулись бы и всѣ отнесли бы это къ дурному тону.

Они прошли паркомъ, потомъ садомъ; Биффи несъ за ними чемоданъ. Вступили наконецъ въ обширную залу, построенную въ простомъ, благородномъ стилѣ и утвержденную на дорическихъ колоннахъ. Стѣны были покрыты бѣлой штукатуркой. Зала блистала яркимъ освѣщеніемъ; въ четырехъ углахъ ея стояло много цвѣтовъ, сквозь которые пробивались свѣжія струйки воды, проведенной изъ сосѣднаго озера.

— Можетъ-быть, вы удивляетесь, зачѣмъ такъ много здѣсь безполезнаго свѣта, сказала Флоріани, замѣтивъ пріятное изумленіе, которое произвела въ Сальваторѣ ея прекрасная зала:—но... это единственная фантазія, которую я сберегла отъ театра. Я даже въ уединеніи люблю помѣщеніе обширное, залитое свѣтомъ. Люблю также, когда звѣзды блещутъ; но мрачная комната на меня наводитъ тоску.

Этотъ домъ, пробуждавшій въ Флоріани столько пріятныхъ и вместе страшныхъ воспоминаній, она значительно измѣнила и

украсила. Неприкосновенной оставила только одну комнату, въ которой жила нѣкогда ея крестная мать, да уцѣлѣвшій цвѣтникъ, гдѣ эта доблестная женщина воспитывала цвѣты и учила Флоріани любить ихъ. Г-жа Раньери нѣжно любила Лукрецію; она всѣми средствами старалась склонить стараго, скарднаго прокурора, которому злая судьба назначила ее въ жепы и рабыни, чтобы онъ женилъ сына на просвѣщенной крестьянкѣ; но попытка ея не удалась. Теперь все это семейство исчезло. Флоріани однихъ изъ этихъ людей любила въ памяти, другимъ прощала, и, послѣ долгихъ волненій, наконецъ привыкла жить въ ихъ домѣ: прошедшее перестало ее тревожить. За тѣ-то преобразования, которыя Флоріани, имѣя въ виду удобство и вкусъ, дѣлала въ этомъ прежде-простомъ домѣ, старый Мецапаче, непонимавшій потребности изящнаго, гармоніи и чистоты, обвинялъ ее, утверждая, что она разоритъ имѣніе.

Зала понравилась даже Каролію. Этотъ родъ итальянской роскоши, въ которомъ больше прелести для глазъ, больше красоты очерковъ и капитальной художественности, нежели богатства, удобства и дорогихъ украшеній, былъ совершенно въ его вкусъ и вполне согласовался съ понятіемъ, которое онъ составилъ себѣ о сочетаніи гордости съ простотой. Слѣдуя своему обычаю—не торопиться проникать въ чужую душу, прежде осмотрѣть рамку, а потомъ приступить къ разсматриванію портрета, — Кароль пытался отыскать во внѣшней обстановкѣ Флоріани что-нибудь утѣшительное, примиряющее съ ея внутренней жизнью, въ которой онъ видѣлъ носоръ и паденіе. Но пока онъ любовался чистыми, блестящими стѣнами, фонтанами и рѣдкими чужеземными цвѣтами, Сальваторъ былъ занятъ совѣмъ другимъ: онъ жадно, безпокойно смотрѣлъ на Флоріани. Ему страшно было увидѣть, что она подурѣла, а можетъ-быть, онъ отчасти и желалъ этого, помня данное обѣщаніе — уѣхать на другой день.

Инь-только явилась ему Флоріани въ полномъ свѣтѣ, онъ дѣйствительно замѣтилъ, что она много утратила свѣжести и красоты. Она какъ-будто потолстѣла: вмѣсто прежняго тонкаго оттѣнка, теперь на щекахъ ея лежала ровная блѣдность; глаза не такъ блестяли; черты измѣнили выраженіе, — однимъ словомъ, въ ней стало меньше жизни, меньше одушевленія, хотя, впрочемъ, она казалась дѣлательнѣе, здоровѣе прежняго. Она ужъ не любила: это была иная женщина, и надо было употребить нѣсколько минутъ для возобновенія съ нею знакомства.

Флоріани въ это время было тридцать лѣтъ: года четыре или пять не видался съ ней Сальваторъ. Онъ оставилъ ее въ пылу дѣлательности, страсти и славы, а теперь нашель—матерью семейства, деревенскою затворницей, удалившимся отъ людей геніемъ, вечеринскою звѣздой.

Она скоро замѣтила впечатлѣніе, которое произвела на Сальватора эта перемѣна, потому-что они держались за руки и присталь-

но смотрѣли другъ на друга: у ней на губахъ играла улыбка спокойная, свѣтлая; у него — тревожная, задумчивая.

— Ну! говорила она открытымъ, свободнымъ тономъ, въ которомъ не слышно было никакой скрытой мысли: — мы оба переѣхались, не правда ли? намъ придется сдѣлать кое-какія поправки въ своихъ воспоминаніяхъ. Эта переѣхана вся въ твою пользу, любезный графъ. Ты много выигралъ. Тогда ты былъ милый интересный молодой человекъ; теперь — тоже молодой человекъ, но разившійся, доконченный: сталъ смуглѣе, мужественнѣе, съ прекрасной черной бородой, чудными глазами, съ львиной причѣской, съ выраженіемъ силы и гордости. Теперь ты въ самой лучшей, въ самой полной порѣ жизни, и наслаждаешься ею широко и раздольно; это видно по глазамъ твоимъ: въ нихъ столько увѣренности и блеска, какъ никогда не было. Тебѣ кажется чудно, что ты сталъ лучше меня; помнишь, прежде было наоборотъ? На это двѣ причины: ты теперь не такой энтузіастъ, а я не такъ молода. Я начинаю склоняться внизъ, а ты все еще идешь вверхъ. Прежде тебѣ надо было поднять голову, чтобы взглянуть на меня; а теперь ты ищешь меня наклонясь, гдѣ-то на задней сторонѣ жизни. Впрочемъ... не жалѣй обо мнѣ! Кажется, я счастливѣе у себя въ тѣни, нежели ты на своемъ солнышкѣ.

VII.

Голосъ Флоріани имѣлъ особую прелесть. Правда, то былъ голосъ слишкомъ-сильный для свѣтской женщины; но за то — совершенно-свѣжій, и въ звукѣ его вовсе не слышно было привычки говорить со сцены. Даже въ ея манерѣ выговора отзывалось что-то открытое, такъ-что нельзя было нисколько сомнѣваться въ искренности чувствъ, ею выражаемыхъ; дикція ея, всегда натуральная, неизмѣнная ни на сценѣ, ни въ дружескомъ разговорѣ, не напоминала ни декламациі, ни вліянія театральнаго подмостокъ. И все-таки это была рѣчь выразительная, полная сильной жизненности. По вѣрности ея интонаціи, Кароль заключилъ, что эта женщина была превосходная актрисса, что она должна была возбуждать непреодолимое сочувствіе. Вотъ на чемъ помирися Кароль; въ этомъ отыскалъ онъ хорошую сторону Флоріани, и рѣшилъ, что она интересна какъ артистка.

Сальваторъ зналъ, что не ей, чистосердечной отъ природы, отречься отъ самой-себя. Онъ думалъ, что все это ей только такъ вообразилось, и искалъ въ головѣ какую-нибудь фразу, которая бы могла изгладить немножко-жосткое впечатлѣніе перваго взгляда. Но въ этомъ случаѣ, невозможно было отыскать такого тонкаго оборота, который утѣшилъ бы побѣжденную женщину, и Сальваторъ не придумалъ ничего лучше, какъ только поцаловать ее и сказать, что у ней и во сто лѣтъ будутъ поклонники, если она захочетъ.

— Нѣтъ, отвѣчала смѣясь Флоріани: — я не повторю собою Нивоны Ланкло. Чтобъ не состарѣться, надо быть холодно и ничего не дѣлать. Съ любовью да съ трудами не сбережешь свѣжей молодости. Я надѣюсь, что у меня останутся друзья,—вотъ и все. Съ меня довольно и этого.

Въ эту минуту, двѣ маленькія хорошенькія дѣвочки вбѣжали въ залу съ крикомъ, что ужинъ поданъ. Наши путешественники ужинали въ Изео, и потому просили Флоріани, чтобъ она садилась за столъ съ дѣтьми. Сальваторъ взялъ на руки обѣихъ дѣвочекъ, изъ которыхъ только съ одной былъ знакомъ, и понесъ ихъ въ столовую. Кароль, боясь стѣснить ихъ своимъ присутствіемъ, остался въ залѣ. Но комнаты были смежныя, двери отворены, а штукатурныя стѣны — звонки. Ему хотѣлось пребыть погруженнымъ въ свой внутренній міръ, не принимать никакого участія въ томъ, что дѣлалось вокругъ него въ этомъ домѣ; но онъ невольно все видѣлъ, все слышалъ,—даже слушалъ, хотя досадовалъ за то на самого-себя.

— Постой же! говорилъ Сальваторъ, садясь къ столу рядомъ съ дѣтьми (Кароль замѣнялъ, что безъ него онъ не церемонится съ Флоріани и говорить ей «ты»):—я буду прислуживать тебѣ и дѣтямъ... Я ужь по-прежнему — безъ памяти отъ нихъ, отъ твоихъ дѣвочекъ, даже вотъ отъ этой красавицы, бѣлокурой малютки-сен, которой въ мое время еще и на свѣтѣ не было. Ты, Лукреція, имѣешь даръ производить все лучшее въ мірѣ, даже дѣтей!

— Скажи лучше: особенно дѣтей! возразила Флоріани:—въ этомъ отношеніи меня Богъ благословилъ. Они у меня добрыя, ласковыя, понятливыя, и притомъ свѣженькія, здоровыя. Посмотри! вотъ еще одинъ идетъ прощаться; еще тебѣ новый знакомый.

Кароль сначала принялся-было за газету, потомъ сталъ ходить изадъ и впередъ по залѣ. Въ эту минуту онъ невольно взглянулъ въ столовую и увидѣлъ хорошенькую крестьянку, входившую съ спящимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Какая чудесная кормилица! простодушно вскричалъ Сальваторъ.

— Ты на нее клеветешь, замѣтила Флоріани: — скажи лучше: корреджіева дѣва съ *divino bambino*. У моихъ дѣтей нѣтъ другой кормилицы, кромѣ меня; двухъ старшихъ я часто кормила за кулисами, когда уходила со сцены. Помню, одинъ разъ публичка такъ настойчиво вызывала меня послѣ первой пьесы, что я принуждена была выйти съ ребенкомъ подъ шалью. Послѣднія двое воспитывались покойнѣе. И этотъ маленькій давно отнять отъ груди. Посмотри, ему ужь два года.

— По-моему, этотъ маленькій всѣхъ лучше, говорилъ Сальваторъ, идяъ у крестьянки спящаго *bambino*. — Миѣ очень хочется поцаловать его, да боюсь разбудить!

— Не бойся: если ребенокъ здоровъ, да еще цѣлый день игра-

еть на открытомъ воздухѣ, то спать крѣпко. Не надо лишать их ласкъ; если онѣ имъ и не доставляютъ удовольствія, за то принесутъ счастье.

— Ахъ, да! Это твой суевѣрный предрасудокъ, сказалъ Сальваторъ.—Помню! люблю я эту мысль; она такъ вѣжна... Ты распространяешь ее даже и на мертвыхъ: не забуду я этого бѣднаго машиниста, который въ театрѣ, во время представленія, упалъ с верху и убится...

— А, да, бѣдняжка! Ты былъ тогда... Это во время моего директорства.

— И ты тогда, безтрепетная, дивная, велѣла перенести его в свою ложу, гдѣ онъ и умеръ. Что за сцена!

— Да, правду сказать, сцена была страшнѣе той, которую тогда играла передъ публикой. У меня весь костюмъ былъ въ крови этого несчастнаго человѣка.

— Вотъ какова жизнь—то твоя! Нѣкогда было костюма переменить: пьеса шла, ты явилась на сценѣ, и все подумали, что эта кровь—принадлежность драмы.

— Онъ былъ бѣдный отецъ семейства. Жена была тутъ; ко мнѣ на сцену долетали изъ ложи крики и вопли. Надо было желѣзнымъ чтобы перенести жизнь актриссы.

— По наружности ты точно желѣзная; за то въ душѣ, не знаю у кого найдется столько человѣчности, столько сострадательности. Я помню, послѣ представленія, когда выносили трупъ, ты подошла, поцаловала его въ лобъ и тутъ же замѣтила, что это успокоитъ его душу. Другія актриссы увлеклись твоимъ примѣромъ даже и я, чтобы угодить тебѣ, отважился, хотя мужчины въ подобныхъ случаяхъ не такъ храбры, какъ женщины. Въ-самомъ-дѣлѣ, оно было смѣшно, смахивало на сумасбродство; но сердечный поступокъ доходилъ прямо къ сердцу. Женѣ его ты тогда назначила пенсіонъ; но сильнѣе пенсіона подѣйствовалъ на нее поцалуй который ты, блестящая красавица, подарила окровавленному трупу безобразнаго работника... (а онъ дѣйствительно былъ безобразенъ). Она обнимала твой колѣни; ей казалось, что ты возвеличила ее мужа, что уже невозможно стало попасть ему въ адъ, потому-что на лицѣ его лежалъ твой поцалуй.

Во время этого разговора, глазенки старшаго сына Флоріани горѣли какъ карбункулы.

— Да, да! закричалъ ребенокъ, у котораго въ правильныхъ чертахъ вылилась умная физиономія матери:—я также былъ тамъ все помню. Все это было точъ-въ-точъ, какъ ты рассказываешь синіюрь; и я поцаловалъ бѣдняжку Джіанантона!

— Хорошо, Селіо, говорила Флоріани, лаская сына.—Не надо стараться припоминать такія горькія ощущенія: они слишкомъ-сильны въ твои лѣта; но и забывать ихъ тоже не надо. Избави насъ Богъ бѣжать отъ чужой бѣды, отъ чужаго страданія; надо всегда быть готовымъ идти къ нимъ на встрѣчу, и никогда не думать,

что намъ тутъ нѣчего дѣлать. Ты видишь, хорошо и то, если благословимъ усопшаго, да хоть немножко утѣшимъ тѣхъ, кто плачетъ! У тебя такой обычай, Селіо, не правда ли?

— Да, отвѣчалъ ребенокъ, съ выраженіемъ чистосердечія и твердости, которая усвоилъ отъ матери.

И онъ обнялъ ее такъ крѣпко, такъ усердно, что на ее изящно-округленной могучей шеѣ остались на минуту слѣды сильныхъ дѣтскихъ ручекъ.

Флоріани не обратила вниманія на такую неумѣренность объятій и несколько не разсердилась. Она продолжала ужинать съ большимъ аппетитомъ, но ни на минуту не выпускала изъ вида дѣтей и дружески разговаривая съ Сальваторомъ, слѣдила, чтобъ онъ благоразумно одѣлалъ ихъ кушаньями и виномъ, смотря по возрасту и сложенію cadaго.

То была натура спокойно-дѣятельная, беззаботная въ-отношеніи къ себѣ, внимательная, неусыпная въ-отношеніи къ другимъ, — натура пламенно-любящая, безъ малодушныхъ тревогъ; она постоянно стремилась къ тому, чтобъ заставить дѣтей думать, не мѣшая имъ веселиться, соображаясь съ ихъ возрастомъ, здоровьемъ, природнымъ расположеніемъ. Игралъ вмѣстѣ съ ними, и въ этомъ случаѣ сама сущее дитя, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла изумить дѣльными сужденіемъ, твердостью мнѣній, нисколько-непротиворѣчившихъ той материнской нѣжности, которая не ограничивалась въ ней однимъ семейнымъ кругомъ. То былъ умъ свѣтлый, глубокий, веселый. Она шутила съ невозмутимымъ спокойствіемъ и заставляла смѣяться, сохраняя очень-серьезный видъ. Веселое расположеніе духа было основою рѣчей ея; она умѣла находить смѣшное въ противорѣчіяхъ. Ея образъ жизни, вся жизнь, все существо ея — было непрерывное воспитаніе дѣтей, друзей, слугъ и бѣдныхъ людей. Она жила, мыслила, какъ-бы дышала физическимъ и нравственнымъ благосостояніемъ ближнихъ, и въ пылу труда, по-видимому легкаго, казалось, забывала, что у самой у нея есть и печаль и желанія.

А между-тѣмъ, ни одна женщина въ свѣтѣ такъ не страдала; Сальваторъ очень-хорошо зналъ это.

Въ концѣ ужина, дѣвочки обнаружили расположеніе присоединиться къ маленькому брату, который уже сналъ въ комнатѣ Флоріани. Селіо, пользовавшійся, въ силу прожитыхъ двѣнадцати лѣтъ, правомъ ложиться не раньше десяти часовъ, пошелъ бѣгать съ своею собакой по террасѣ, расположенной со стороны озера.

Любо было смотрѣть на Флоріани, когда она принимала вечера ласки дѣтей, между-тѣмъ, какъ неподобныя малютки прощались и цаловались другъ съ другомъ, исполняя церемоніальнаго обниманья съ какимъ-то полу-нѣжнымъ азартомъ. Эта женщина, съ своимъ античнымъ профилемъ, съ своими кудрями, просто, безъискусственно явившимся вокругъ мужественной голевы, съ простымъ, широкомъ платьемъ, подъ которымъ едва можно было

угадать статую благородной Римлянки, съ своей спокойной блѣдностью, на которой отпечатался какой-то мраморный матъ отъ крѣпкихъ подалуевъ шаловливыхъ дѣтей, съ усталыми, но вѣчно-ясными глазами, съ руками, которыхъ крѣпкія, округлыя формы чудесно образовались, когда она обвила ими всю свою чудесную семью, эта женщина вдругъ стала такъ дивно-хороша, такъ полна жизни, что Сальваторъ еще никогда ее такою не видывалъ... Какъ-только вышли дѣти, Сальваторъ, забывъ, что вдала на стѣнѣ мелькаетъ тѣнь Кароля, который въ какомъ-то волненіи продолжалъ ходить взадъ и впередъ, рѣшился высказать всю свою душу.

— Лукреція! вскричалъ онъ, цалуя ея руки, утомленные ласками и обниманіемъ:—я не знаю, гдѣ былъ у меня умъ, гдѣ было сердце, глаза, когда я вообразилъ себѣ, что ты постарѣла и подурнѣла. Еще никогда не была ты такъ молода, такъ свѣжа; никогда не вѣяло отъ тебя такимъ ароматомъ, никогда не была ты въ такой степени способна вскружить всякому голову. Хочешь ли, чтобъ я былъ весь твой, скажи только слово; но... много, можетъ-быть, пришлось бы тебѣ говорить, чтобъ оттолкнуть меня. Слушай! у меня въ душѣ всегда была къ тебѣ дружба, любовь, почтеніе, благоговѣніе, страсть... а теперь...

— А теперь, другъ мой, ты или смѣешься, или бредишь, превала Флоріани съ тою спокойной скромностью, которую даетъ привычка властвовать.—Не будемъ, пожалуйста, шутить серьезными вещами.

— Но что же можетъ быть серьезнѣе словъ моихъ?... Послушай! продолжалъ Сальваторъ, понизивъ голосъ больше по инстинкту, нежели изъ настоящаго благоразумія, потому-что князь не проронилъ ни одного слова:—послушай! скажи мнѣ, свободна ли ты въ эту минуту?

— Меньше нежели кто-нибудь, меньше нежели когда-нибудь! Я вся принадлежу своей семьѣ, дѣтямъ. Вотъ мои узы, самыя священныя, священнѣе всѣхъ другихъ,—и я ужь не разорву ихъ.

— Хорошо! кто же проситъ тебя разрывать ихъ? Я говорю про любовь... скажи же, правда ли, что ужь годъ, какъ ты отреклася отъ нея?

— Совершенная правда.

— Какъ! у тебя нѣтъ любовника? А отецъ Селіо и Стеллы?

— Умеръ. Это былъ Меммо Раньери.

— А! да, такъ! Но отецъ другой дѣвочки...

— Моей Беатриче? Онъ оставилъ меня, когда она еще не родилась.

— Стало-быть, послѣдній ребенокъ не отъ него?

— Сальваторъ? нѣтъ.

— Твоего послѣдняго ребенка зовутъ Сальваторомъ?

— Въ память тебя, въ благодарность за то, что ты никогда мною не волочился.

— Божественная и злая женщина! Ну, скажи жь, наконецъ, кто отецъ моего тѣзки?

— Я оставила его въ прошломъ году.

— Оставила? ты—первая оставила?

— Да, я устала его любить. Мнѣ отъ него были только мѹки и несправедливости. Надо было или умереть съ горя подъ его игомъ, или жить для дѣтей, пожертвовавъ для нихъ человѣкомъ, который не умѣлъ всѣхъ ихъ любить ровно. Я выбрала послѣднее. Горько мнѣ было, но я не раскаяваюсь.

— Однако я слышалъ, что ты была въ связи съ однимъ изъ моихъ друзей, Французомъ, художникомъ, живописцемъ...

— Сен-Желі? Мы съ нимъ любили другъ друга восемь дней.

— Ванна интрига надѣлала шума.

— Можетъ-быть! Онъ былъ со мной очень-наглъ, и я просила его не бывать больше въ моемъ домѣ.

— И онъ-то былъ отецъ Сальватора?

— Нѣтъ, отецъ Сальватора—Вандани, бѣдный актѣръ, можетъ-быть, лучший, благороднѣйшій мужчина въ цѣломъ свѣтѣ. Но ревность, малодушная, жалкая—истерзала его. Повѣришь ли? ревность возмутительная, отталкивающая!.. Нечего было подозрѣвать ему въ настоящемъ, такъ онъ мучилъ меня прошедшимъ. Тутъ, конечно, ему было легко: жизнь моя—обильная пища для ригоризма; но великодушно ли это? У меня не достало силъ переносить его брань, его упреки, вспышки, которыя могли, наконецъ, разразиться при дѣтяхъ. Я убѣжала; нѣсколько времени скрывалась здѣсь; потомъ, когда узнала, что онъ помирился съ своей долей, купила этотъ домъ и поселилась въ немъ. Впрочемъ, все-таки стерегусь, держу заставы, потому—что онъ меня очень любилъ, и если его новая очаровательница не сумѣетъ удержать его возлѣ себя, онъ способенъ опять навязаться мнѣ на руки. А этого-то я и не хочу ни за что въ свѣтѣ.

— Ну, что же? сказалъ Сальваторъ смѣясь и снова хватая ее за руки:—возьми меня въ охранные рыцари. Я его поражу, если онъ явится.

— Покорно благодарю! охранюсь и безъ тебя.

— Такъ ты не хочешь, чтобъ я остался? примолвилъ Сальваторъ, который, одушеваясь нѣсколькими глотками *marasquin-de-Zara*, забылъ и друга и данное ему обѣщаніе.

— Оставайся сколько хочешь! отвѣчала Флоріани, слегка ударивъ его по щекамъ:—но только на прежнихъ правахъ.

— На правахъ войны! Позволь мнѣ возмутиться...

— Берегись, возразила Флоріани, высвободившись изъ его рукъ. —Если ты не прежній мой другъ,—я прогонию тебя. Поди къ своему спутнику; ему, вѣрно, скучно одному въ залѣ.

Кароль стоялъ прислонясь къ колоннѣ и слышалъ все. Съ послѣднимъ словомъ Флоріани, онъ скользнулъ какъ тѣнь, чтобъ не попасться въ подслушиваніи, въ которомъ былъ повиненъ неволь-

но, забывшись. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая разогнать вліяніе кошмара. Невольныя усилія, съ которыми пытался онъ проникнуть въ смыслъ жизни такой бурной, безпорядочной, въ эту смѣсь высокаго съ унижительнымъ, — истомили и растерзали ему душу. Онъ не понималъ, что Сальваторъ воспламенился по мѣрѣ того, какъ эта женщина такъ смѣло разоблачала предъ нимъ дѣльный рядъ своихъ заблужденій; не понималъ, что то, отъ чего онъ отворачивался, влекло молодаго энтузіаста непреодолимою силой, — какъ свѣтъ влечетъ къ себѣ ночную бабочку.

Ему казалось, что онъ теперь не въ силахъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ-къ-лицу. Онъ боялся, что не сумѣетъ скрыть свою досаду на Сальватора и жалость къ Флоріани. Онъ проворно вышелъ въ другую дверь и, встрѣтившись съ Селіо, спросилъ, гдѣ комната, которую имъ отвели. Ребенокъ повелъ его въ верхній этажъ и показалъ прекрасную комнату, гдѣ были приготовлены двѣ чистыя, съ совершеннымъ комфортомъ убранныя постели. Кароль просилъ Селіо сказать матери, что онъ ушелъ, потому — что чувствовалъ усталость, и просить у нея извиненія.

Оставшись одинъ, онъ попытался было оправиться и успокоиться; но не посѣтили его ни покой, ни привычныя мысли. Казалось, какая-то неумолимая сила глубоко взволновала его нравственное существо. Онъ рѣшился лечь и уснуть; но ему досталось только вдыхать и ворочаться на своей изящной постели: сна ему не было; слышалъ онъ, какъ пробилъ полночь, а глаза его все еще не смыкались. Сальваторъ не являлся.

VIII.

Между-тѣмъ, Сальваторъ Альбани очень любилъ поспать. Какъ вообще люди здоровые, склонные къ суетливой дѣятельности, беззаботные, онъ ѣлъ за четверыхъ, каждый день уставалъ, радъ былъ добраться до постели и заснуть не позже князя, которому привычка къ правильной жизни и слабое здоровье не позволяли долго сидѣть по вечерамъ.

Если же, во время ихъ путешествія, случалось иногда Сальватору прободрствовать дольше обыкновеннаго, то онъ никакъ не могъ обойтись безъ того, чтобъ не навѣдаться раза два-три — сподойно ли спать *дитя его* (какъ называлъ онъ князя). Ему отъ природы дано было отцовское чувство; онъ былъ старше Кароля не больше какъ четырьмя или пятью годами, а ухаживалъ за нимъ какъ за сыномъ: такъ сильна была въ немъ потребность помогать существамъ слабѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ отчасти похожъ на Флоріани, и отъ-того лучше, нежели кто другой, могъ оцѣнить ея глубокую любовь къ дѣтямъ.

Не смотря на то, въ настоящую минуту, Сальваторъ забылъ свою всегдашнюю заботливость; а Флоріани не знала, какихъ по-

вечній и заботъ привыкъ отъ него ждать Кароль, и потому не дунала напоминать ему дружескихъ обязанностей.

— Твой другъ ужъ удалился, сказала она, когда Селіо исполнить порученіе князя. — Онъ, кажется, чѣмъ-то страдаетъ. Какъ ты его называлъ? Давно вы съ нимъ путешествуете? У него какъ-будто есть горе?..

Сальваторъ отвѣчалъ на всѣ вопросы.

— Бѣднjacka! проговорила Флоріани: — я ему сочувствую. Хорошо, кто такъ любитъ мать, такъ долго плачетъ объ ней! Его лицо и манеры мнѣ по душѣ. Ахъ, если я умру, моему Селіо будетъ очень-жалъ меня! Кто его будетъ такъ любить, какъ я?

— Надо любить дѣтей и жить для нихъ, какъ дѣлаешь ты, сказалъ Сальваторъ: — но не надо приучать ихъ жить для себя, или для нѣжной матери, которая посвящаетъ имъ все существо свое. Веловко и опасно не давать уму ихъ полнаго развитія; мой другъ можетъ служить тому примѣромъ: онъ — созданіе очаровательное, но несчастное.

— Какъ это? почему? Объясни, пожалуйста. Когда дѣло илеть о дѣтяхъ, о характерахъ, о воспитаніи — тутъ я всегда готова слушать и обдумывать.

— О! у моего друга странный характеръ; я не сьмѣю его опредѣлить; но скажу тебѣ въ двухъ словахъ: онъ не знаетъ ни въ чемъ мѣры, все принимаетъ слишкомъ-горячо — и любовь и отвращеніе, и счастье и невзгоды.

— Ну, что жъ? Это натура художника.

— Правда; но въ этомъ смыслѣ онъ мало развитъ; въ немъ есть страсть пылкая, но слишкомъ-общая для искусства. Понятія его своеобразны; но нѣтъ въ нихъ той частности, той преобладающей стороны, которая бы одна завладѣла имъ, заставила бы его оторваться отъ дѣйствительной жизни.

— Ну! это натура женщины.

— Да; но не такая, какъ у тебя, Флоріани. Хоть онъ и способенъ къ такой же страсти, къ такой же преданности, чувствительности, энтузіазму, какъ самая нѣжная женская натура...

— О! о немъ надо жалѣть: онъ цѣлую жизнь будетъ искать и не найдетъ сердца, которое бы вполне ему отвѣтило.

— Ты не искала сердца, Лукреція; а еслибъ захотѣла, нашла бы, не имѣя нужды ходить далеко.

— Говори мнѣ о своемъ другѣ...

— Нѣтъ, не о немъ, а о себѣ говорю я.

— Понимаю, и буду сейчасъ отвѣчать; но я не люблю каждую минуту мѣнять предметъ разговора. Скажи мнѣ прежде: почему ты думаешь, что твой другъ нисколько не похожъ на меня, не смотря на сходства, о которыхъ ты было-заговорилъ?

— Потому-что у тебя въ душѣ есть тысячи оттѣнковъ, которыхъ нѣтъ у него. Трудъ, дѣти, дружба, деревня, цвѣты, музыка — все доброе, все прекрасное тебѣ понятно, всему ты сочув-

ствуешь такъ живо, что всегда найдешь предметъ, который развлечетъ тебя и утѣшить.

— Правда. А онъ?

— И онъ все это любитъ, но любитъ не прямо, не самъ—собою, а по отношенію къ другому любимому существу. Умри или исчезни предметъ его любви—и ничто въ мірѣ для него не существуетъ. Его одолѣетъ тоска, отчаяніе; въ душѣ его не станетъ силы, чтобъ снова начать жить для другой любви.

— Какъ хорошо! произнесла Флоріани въ наивномъ восторгѣ. — Еслибъ я нашла такую душу, когда любила въ первый разъ, и было бы у меня другой любви во всю жизнь.

— Ты пугаешь меня, Лукреція. Не собираешься ли ты полюбить моего князька?

— Я не люблю князей, простодушно отвѣчала Флоріани. — Я умѣла любить только пролетаріевъ. Впрочемъ, твой князекъ годился бы мнѣ въ сыновья.

— Глупенькая! тебѣ тридцать, а ему двадцать-четыре.

— О! я подумала бы, что ему шестнадцать или восемнадцать онъ смотритъ такимъ юношей! А что касается до меня, мнѣ кажется, я такъ стара, такъ благоразумна, что смѣло могла бы вообразить себѣ пятьдесятъ.

— Все равно! все—таки меня это беспокоитъ; завтра надо увезти князя.

— Ты можешь быть совершенно—спокоенъ, Сальваторъ, я не буду любить... Видишь ли, говорила Флоріани, взявъ его руку и приложивъ ее къ своему сердцу: — тутъ ужъ камень. Впрочемъ, нѣтъ! прибавила она, перенося руку Сальватора на свою голову: — въ сердцѣ у меня есть еще материнская любовь да сострадательность; но главное мѣсто любви—вотъ здѣсь, въ головѣ, и голова моя окаменѣла. Знаю, что любовь зовутъ чувствомъ, но для умныхъ женщинъ это не правда. Въ нихъ она развивается постепенно и прежде всего охватываетъ голову и врывается въ воображеніе; кромѣ воображенія, нѣтъ ей инаго входа. Проникнувъ въ него, она перейдетъ въ душу, незамѣтно разольется по всему существу — и тогда мы любимъ мужчину, тогда онъ властвуетъ надъ нами; тогда онъ для насъ все — идолъ, дѣтище, братъ, мужъ—все, что только можетъ любить женщина. Правда, любовь дѣйствуетъ на всѣ наши жизненные фибры, она потрясаетъ ихъ, и чувства, въ свою очередь, играютъ тутъ важную роль. Но женщина, которой доступно наслажденіе безъ энтузіазма — не челоуѣкъ, а животное: объявляю тебѣ, что энтузіазмъ во мнѣ погасъ. Я слишкомъ—много заблуждалась, слишкомъ—много испытала, и, наконецъ, слишкомъ устала. Ты знаешь, какъ мнѣ вдругъ опротивѣлъ театръ,—я ослабѣла, между—тѣмъ, какъ физически была въ полной силѣ. Воображеніе мое переполнилось и утомилось. Въ цѣломъ всемірномъ репертуарѣ не видѣла я ни одной роли, которая казалась бы мнѣ истинною; попыталась создать сама такую роль,

по собственному произволу; но, сыгравъ ее разъ, замѣтила, что не передала въ ней того, что было у меня на душѣ. Я сыграла нехорошо, потому-что роль была нехороша; я не обманула самой-себя въ то время, когда публика хотѣла меня обмануть своими аплодисманами. Ну! и въ любви я пришла къ тому же: слишкомъ-скоро перервались струны моей фантазіи.

«Любовь — это призма», продолжала Флоріани: «это солнце, которое горитъ у насъ на челѣ; имъ озаряется наше внутреннее существо. Потухнетъ солнце—и все тонетъ въ глубокомъ мрачѣ. Теперь я вижу и жизнь и людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Любить могу только изъ состраданія; такъ любила я въ послѣдній разъ Вандони. Не было во мнѣ энтузіазма; была только признательность за его любовь, сочувствіе къ его страданію... Я пожертвовала собою; я не была счастлива, не чувствовала упоенія. То было непрерывное самопожертвованіе, безразсудное, противоестественное. Но вдругъ меня ужаснуло мое положеніе; я увидѣла себя страшно-униженной; нестерпимы стали для меня эти упреки за мои прошлыя заблужденія, потому-что ни одно изъ нихъ, изъ этихъ заблужденій, которыми я предавалась такъ простодушно, такъ слѣпо, не казалось мнѣ такъ преступно, какъ послѣднее, которое старалась я длить, противъ самой себя, противъ собственныхъ своихъ чувствъ... О! сколько еще я могла бы сказать тебѣ, другъ мой!.. Но ты слишкомъ-молодъ, ты не поймешь меня.»

— Говори! говори! закричалъ Сальваторъ, очнувшись отъ глубокаго раздумья.

И, крѣпко сжавъ руку Лукреціи, примолвилъ:

— Дай мнѣ хорошенько узнать тебя: пусть я — или буду продолжать любить тебя какъ сестру, или... найду въ себѣ силы по-любить иначе. Видишь, я спокоенъ, — я слушаю.

— Люби меня какъ сестру, не иначе, отвѣчала Флоріани: — потому-что я могу видѣть въ тебѣ только брата. Такъ любила я съ давнихъ поръ Вандони. Я узнала его на театрѣ; онъ тамъ не блисталъ талантомъ, но былъ полезенъ своею дѣятельностью, преданностью, добротой. Разъ... въ деревнѣ, близъ Милана, въ тихій лѣтній вечеръ, такой вотъ, какъ теперь... заставилъ онъ меня рассказать исторію моего разрыва съ пѣвцомъ Теальдо Соави, отцомъ моей милой Беатриче. Теальдо... Я его страстно любила; но онъ былъ человѣкъ съ низкой, развращенной душой. Онъ увѣрялъ, что хочетъ на мнѣ жениться, а между-тѣмъ былъ женатъ! Я не слишкомъ заботилась о замужствѣ. Но, правду сказать — ужаснулась, когда узнала, что онъ умѣлъ такъ долго, такъ искусно меня обманывать. Я горько и жарко упрекала его; онъ оставилъ меня въ ту минуту, когда я готовилась быть матерью. Я не имѣла духа прогнать его; но по-крайней-мѣрѣ имѣла твердость не воротить.

«Беатриче еще не было года, когда бѣдный Вандони—мой по-

корный рабъ, мой вѣрный поклонникъ, моя неотвязная тѣнь, Е дони, который ужь давно любилъ меня, не смѣя признаться выслушавъ печальный разсказъ, бросился къ ногамъ моимъ.

«— Люби меня! сказалъ онъ:— я буду твоимъ утѣшителемъ; и щью, заглажу все зло, которое тебѣ сдѣлали. Знаю, что нѣтъ тебѣ страсти для меня; но во мнѣ она есть; прійми ее, и можь быть, любовь моя перелетѣтъ въ твою душу. Впрочемъ, за о звою дружбу, за одну довѣрчивость я буду благодаренъ тебѣ.. Буду счастливъ и съ ними.»

«Долго я противилась. Въ-самомъ-дѣлѣ, у меня къ нему б столько дружбы, что ужь любовь была невозможна. Я стала-б убѣгать его,—онъ хотѣлъ умертвить себя, сдѣлался какъ-будто мѣшанный... Я уступила...»

«Впрочемъ, его восторги тронули меня, и нѣсколько вре зовъ мы съ нимъ жизнь довольно-пріятную. Но онъ расчи селъ, что наконецъ ему будутъ отвѣчать такими же восторги и увидѣлъ, что обманулся, что я могу быть для него то кроткою, вѣрною подругой; не достало у него скромности пом что нѣсть куда было мнѣ взять энтузіазма, потому-что я сл жемъ-хорошо его знала, и чѣмъ больше узнавала, тѣмъ мен было для меня очарованія. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой помымъ, согрѣтымъ сердцемъ; не было у него недостатка ни умъ, ни въ образованіи; ему казалось невозможнымъ, чтобъ я сколько не очаровалась имъ... Можетъ-быть, и ты о себѣ же думаешь, Сальваторъ?.. Я тебѣ сейчасъ скажу, почему онъ очаровалъ меня.

«Не достоинствами любимаго существа мѣряется сила нашей бви. Любовь живетъ извѣстный періодъ собственною жизнью, ритъ собственнымъ огнемъ, и загорается, не спрашиваясь ни та, ни разсудка. На дѣлѣ эта истина черезъ-чуръ обыкновен всякій день встрѣтишь ты людей доблестныхъ, которымъ дост ѣя на долю неблагодарность и измѣна,—между-тѣмъ, какъ ни презрѣнныя души внушаютъ къ себѣ сильныя, упорныя стра

«Всѣ это видятъ, всѣ знаютъ и постоянно удивляются, пот что не ищутъ причины явленія, потому-что любовь — чувство постижимое, потому-что всѣ покоряются этому чувству, не п мая его. Это такой глубокой предметъ, что о немъ страшно мать; но не-уже-ли нельзя внимательно изслѣдовать то, что ко слегка и смутно замѣчено? Не-уже-ли нельзя изучить, а зировать, понять, узнать до извѣстной степени это сладости страшное чувство, величайшее изъ всѣхъ, какія только даны довѣческому роду,—чувство, котораго никто не избѣгнетъ, и рое принимаетъ столько разнообразныхъ формъ и образовъ, с ко есть живыхъ существъ на землѣ? Не-уже-ли нельзя по- ней-мѣнѣ достигнуть его метафизическую сущность, открыт

любя его идеала, чтобъ можно было потомъ дать отчетъ самому себѣ: какова моя любовь — благородная ли и истинная, или гибельная, безумная?»

— Такъ вотъ гдѣ твои важныя занятія, Луcreція! говорилъ Сальваторъ: — ты предалась размышленіямъ о страстяхъ; отъ-того-то, я вижу, страсти и потеряли надъ тобой свою власть.

— Это бы еще не причина, возразила Флоріани.— Можно быть подъ вліяніемъ сильныхъ движеній, и думать о нихъ. Можетъ-быть, это несчастный даръ, но онъ во мнѣ есть, и всегда былъ. Въ самомъ разгарѣ кипучей молодости, мысль моя всегда старалась пробиться на свѣтъ, взглядѣться въ одолевавшую ее бурю. Правда, чѣмъ больше хочешь всмотрѣться въ свой внутренній міръ, тѣмъ сильнѣе туманится въ глазахъ; но это происходитъ, какъ я сказала, отъ того, что не извѣданъ еще законъ любви, что уставъ нашихъ сердечныхъ склонностей еще не изданъ.

— И такъ, сказалъ Сальваторъ: — ты долго искала и не нашла слова загадки?

— Нѣтъ, я что-то предчувствую: оно таится въ святомъ завѣтѣ...

— Бѣдный другъ мой! мы говоримъ не о той любви: намъ завѣщена иная любовь, которая обвиняетъ все человѣчество, а не сосредоточивается на одномъ избранномъ существѣ. Ты хочешь говорить о челоуѣколюбіи.

— Чтѣ жъ? а любовь, — высокая, истинная любовь — развѣ не челоуѣколюбіе, сосредоточенное на одномъ существѣ?

— Утопія! любовь — чувство эгоистическое, нисколько несогласное съ христіанскимъ челоуѣколюбіемъ.

— Это у васъ такая любовь, жалкіе люди! съ жаромъ вскричала Луcreція: — а не та, которую далъ намъ Богъ, не та чистая, ламентѣющая въ насъ любовь, которая излилась изъ Его божественнаго лона, которую я понимаю, о которой я мечтала, къ которой стремилась, до которой когда-то надѣялась достигнуть (да! то была пора грѣзъ и страшныхъ пробужденій)... Да! въ эту любовь я вѣрую; хотя, можетъ-быть, одна я была ея служительницей; хотя, можетъ-быть, умерла бы я, измученная безплоднымъ преслѣдованіемъ... Она-то была провозвѣщена людямъ; она — отраженіе свѣтлаго челоуѣколюбія, она повинуется его законамъ. То любовь тихая, кроткая, вѣрная для вѣрныхъ; тревожная, жаркая, неистовая, однимъ словомъ — страстная для грѣшниковъ. Когда ты видишь двухъ супруговъ примѣрныхъ, нѣжныхъ, вѣрныхъ, — знай, что между ними дружба. Но когда ты, благородный, непорочный — встрѣтишь недостойную грѣшницу и почувствуешь къ ней неодолимое сочувствіе, — знай, что это любовь, и не красивый за нее; то любовь великодушная, неотвергающая падшихъ созданій!

«Такъ и я любила Теальдо Соави. Знала я, что онъ эгоистъ,

тщеславный, гордый, неблагодарный — но... я любила его! Когда онъ явился мнѣ безсовѣстнымъ, я проклінала его, а все еще любила. Я плакала о немъ такими горькими слезами, что съ той поры потеряла способность любить кого-нибудь другаго. Тоска моя по-видимому скоро прошла; а теперь я ужъ и совсѣмъ утѣшилась. Но ударъ былъ такъ силенъ, рана такъ глубока, что я ужъ больше не буду любить.»

Флоріани отерла слезу, медленно катившуюся по ея блѣдному кроткому лицу. Не выражалось на этомъ лицѣ ни волненія, ни гнѣва; но въ его спокойствіи было что-то страшное.

— Стало-быть, по милости какого-нибудь негодяя ты не можешь полюбить честнаго человѣка? сказалъ смущенный Сальваторъ: — ты странная женщина, Лукреція!

— А что за нужда была этому человѣку въ моей любви? возразила она. — Развѣ онъ не довольно былъ счастливъ сознаниемъ своей честности, своихъ природныхъ достоинствъ, благоразумія, спокойной совѣстью, правильными отношеніями къ людямъ? Онъ требовалъ отъ меня дружбы въ награду за безукоризненную жизнь, за постоянную преданность. У меня была для него дружба; но ему показалось мало дружбы: онъ потребовалъ страсти. Ему нужны были тревоги, мученія. Не въ моей волѣ было сдѣлаться несчастною изъ-за него, — и онъ не могъ простить мнѣ того, что я хотѣла его сдѣлать счастливымъ.

— О! какіе парадоксы, другъ мой! они на меня ужасъ наводятъ! Ты говоришь о прекрасныхъ вещахъ; но если обдумать ихъ хорошенько — встрѣтятся важныя затрудненія. Любовь, какъ ты сказала, великодушна, возвышенна, свята. Ты призываешь чело-вѣколюбіе, находишь въ немъ намеки на любовь; называешь состраданіемъ, доходящимъ до восторженности; преданностью, доходящею до самозабвенія. Слѣдовательно, она доступна только для шамъ великимъ. Въ такомъ случаѣ, великія души за-живо обречены на адскія муки, потому-что онѣ горятъ священнымъ огнемъ только для злыхъ и неблагодарныхъ.

— Чтò жъ такое? вскричала Флоріана:—загадка жизни вся заключается въ словахъ: жертва, страданіе, утомленіе. Вотъ тебѣ для молодости, для зрѣлаго возраста и для старости.

— Стало-быть, добрые не узнаютъ счастья быть любимыми?

— Пока не измѣнится міръ и съ нимъ чело-вѣческое сердце. Можетъ-быть, наступитъ когда-нибудь время, и у людей будутъ новые, болѣе-задушевные уставы; но тѣ люди будутъ лучше насъ.

— Итакъ, для нашего поколѣнія нѣтъ взаимной любви, нѣтъ чистыхъ упоеній?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Ты пугаешь меня, душа отчаянная!

— Отъ-того, что ты хочешь видѣть счастье въ любви. Его нѣтъ. Счастіе, это — спокойствіе, дружба; а любовь — бурья.

— Ну, послушай; я представляю тебѣ другой родъ любви: дружбу,—слѣдовательно, спокойствіе,—соединенную съ страстнымъ желаніемъ, то-есть, наслажденіе, счастье.

— Да, это идеаль супружеской жизни. Я не знала ея, хотя мечтала о ней, искала ее.

— А чего ты не знаешь, то отвергаешь?

— Сальваторъ! встрѣчалъ ли ты когда-нибудь двухъ любовниковъ, или двухъ супруговъ, которые бы любили другъ друга совершенно-одинаково, съ равной горячностью или равнымъ спокойствіемъ?

— Не знаю... Кажется, нѣтъ.

— А я вполне увѣрена, что нѣтъ. Какъ-только страсть завладѣетъ однимъ изъ двухъ (а это неизбежно), другой начинаетъ остывать: наступаетъ страданіе, счастье возмущено, а иногда и погибло. Въ первой молодости, люди ищутъ взаимной любви; возмужавъ, любятъ и въ то же время мучатъ самихъ-себя; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, они любятъ... но любовь ужь прошла!

— Хорошо! понимаю! Доживъ до зрѣлыхъ лѣтъ, ты выйдешь замужъ, избереешь себѣ бракъ по разсудку, по нѣжному сочувствію, и будешь жить счастливо въ супружеской дружбѣ. Вотъ твоя мечта, не правда ли?

— Нѣтъ, Сальваторъ! Зрѣлыя лѣта для меня ужь наступили. У меня сердце въ пятьдесятъ лѣтъ, а голова вдвое-старше; не думаю, чтобъ будущее возродило мою молодость. Надо было полюбить только одного, идти съ нимъ объ руку чрезъ всѣ житейскія перемѣны, страдать съ нимъ, за него, сохранить къ нему неограниченную преданность. За такую добродѣтель можно было ждать награды. Пришла бы всеисцѣляющая старость, и сладко заснула бы я возлѣ спутника жизни съ увѣренностью, что исполнила свой долгъ до конца.

— Развѣ ты этого не дѣлала? Сколько простила ты своему первому любовнику! А когда я узналъ тебя, ты, казалось, готова была вѣчно прощать и второму.

— У меня не стало терпѣнія; вѣра намѣнила мнѣ. Я поддавалась слабости человѣческой природы; упала духомъ, увлеклась безумною надеждой найти счастье въ другомъ. Мужчина не можетъ простить намъ героизма, который относится не къ нему, а къ другому. Напротивъ, онъ ставитъ его намъ въ вину, въ укоръ,—и чѣмъ больше было у насъ привязанностей прежде встрѣчи съ нимъ, тѣмъ онъ считаетъ насъ неспособнѣе привязаться къ нему.

— Развѣ это не такъ?

— Бываетъ такъ послѣ извѣстнаго числа заблужденій и увлеченій. Душа устанетъ, воображеніе охладѣетъ, бодрость пропадетъ, силы не станеть. Такая пора настала теперь для меня! Еслибъ я въ настоящую минуту сказала мужчинѣ, что еще способна любить, я бы его безбожно обманула.

— А! Бѣдняжка Флоріани! ты никогда не была кокеткой; но вижу, что и любезность не далась тебѣ!

— И ты, конечно, жалѣешь обо мнѣ?

— Я жалѣю о себѣ, потому-что, не смотря на всѣ твои сужденія, а можетъ-быть и отъ нихъ, я влюбленъ въ тебя: безъ памяти.

— Ну, такъ прощай, мой добрый Сальваторъ! завтра ты уйдешь.

— А тебѣ этого хочется? О, еслибъ ты этого хотѣла!

— Что это значитъ?

— То, что я остался бы противъ твоей воли и сталъ бы надѣяться.

— И вообразилъ бы, что я боюсь тебя? Прежде ты не была фанфарономъ, а теперь фанфаронъ!

— Нѣтъ, я не фанфаронъ; но не знаю, зачѣмъ тебѣ хочется увѣрить меня, что ты стала такая непобѣдимая? Были ли у тебѣ когда-нибудь прихоти?

— Никогда!

— Будто?

— Слушай: были у меня увлеченія сильныя, слѣпыя, грѣшныя! Я не отпираюсь отъ нихъ; но это не были прихоти. Такъ называютъ любовныя интриги, которыя кончаютъ въ одну недѣлю... но есть также и страсти на одну недѣлю!

— Даже есть страсти на одинъ часъ! съ жаромъ вскрикнула Сальваторъ.

— Да, отвѣчала Флоріани: — бредъ такой внезапный, такой сильный, что вслѣдъ за нимъ настаетъ отвращеніе и ужасъ. Чѣмъ кароче страсти, тѣмъ сильнѣе онѣ чувствуются. О нихъ плачутъ, за нихъ краснѣютъ цѣлую жизнь.

— Зачѣмъ же краснѣть за нихъ, если онѣ не притворны? Тутъ по-крайней-мѣрѣ можно быть увѣрену, что страсть не останется нераздѣленною.

— Столько же можно быть увѣреннымъ, какъ во всякой другой страсти.

— Что произвольно, что непреодолимо,—то имѣетъ свое право.

— Право сильнаго не есть священное право, проговорила Флоріани, освобождаясь изъ рукъ Сальватора. — Другъ мой, зачѣмъ ты хочешь обижать меня въ моемъ домѣ? У меня нѣтъ для тебя энтузіазма.

— Лукреція, Лукреція! ты не умертвишь себя завтра утромъ?

— Лукреція напрасно убила себя. Секстъ не завладѣлъ ею. Даже тотъ, кто имѣлъ власть надъ чувствами женщины, не былъ ея любовникомъ.

— А! ты права, моя Флоріани, сказалъ Сальваторъ, упавъ на колѣни.—Простишь ли ты меня?

— Конечно, отвѣчала она улыбувшись. — Мы одни; теперь полночь. У меня нѣтъ любовника; я приняла тебя къ себѣ. Въ

тогь, что произошло между нами, не твоя вина, а моя. Значить, мнѣ надо было еще десять лѣтъ не видаться съ друзьями! Это грустно.

— Флоріаня! вы плачете? я оскорбилъ васъ!

— Нѣтъ, не оскорбилъ. Жизнь моя совсѣмъ не такъ непорочна, чтобъ я имѣла право оскорбляться твоими словами.

— Не говори такъ! я уважаю тебя, я благоговѣю передъ тобой!

— Невозможно. Ты человекъ, ты молодежь—вотъ и все.

— Презирай меня, унижай сколько хочешь, но не говори, что у меня къ тебѣ только одно чувственное влеченіе. Я былъ взволнованъ, у меня голова горѣла, и твои слова не только не раздражили меня, но еще усилили мое уваженіе, мою привязанность къ тебѣ. Забудь, что я огорчилъ тебя... Боже мой! какая ты блѣдная, грустная! Несчастный глупецъ, я разбудилъ въ тебѣ прежнее горе! А! ты плачешь, ты горько плачешь!.. Я готовъ былъ теперь убить самого-себя — такъ я сталъ низокъ въ собственныхъ глазахъ!..

— Прости самому-себѣ, точно такъ, какъ я тебѣ прощаю, кротоко проговорила Флоріаня; она встала и протянула Сальватору руку.—Я имѣла неосторожность допустить случай, который долженъ бы была предвидѣть. Въ прежнее время, я бы смѣялась, а если теперь плачу, это потому только, что мнѣ казалось, я достигла наконецъ жизни тихой, безукоризненной. Но я такъ недавно разсталась съ слабостью и безразсудствомъ, что еще рано считать меня благоразумною и твердою. Всѣ эти предположенія о любви—откровенный разрывъ чувствъ и мыслей между мужчиной и женщиной, ночью—опасны, и если пришли тебѣ въ голову дурныя мысли, всему виной моя неосторожность. Но не будемъ слишкомъ много думать объ этомъ, примолвила она, утирая слезы и улыбувшись другу съ невыразимой кротостью. — Я должна принять эту мистификацію за искупленіе прежнихъ грѣховъ, хотя, впрочемъ, въ этомъ родѣ грѣховъ за мной не было. Можетъ-быть, я лучше бы слѣдала, еслибъ была только ловкой кокеткой! Я бы предлила только самой-себѣ, тогда-какъ страсть моя терзала и меня и другихъ. Но что жъ дѣлать, Сальваторъ! не создана я для философскихъ нравовъ, какъ ихъ нѣкогда называли... И ты тоже, мой милый, — ты выше ихъ...

— Какъ ты добра, Лукреція! сказалъ Сальваторъ:—я тебя обидѣлъ, а ты еще говоришь со мною, какъ мать съ сыномъ. Позволь мнѣ поцеловать твои ноги, — къ челу твоему я недостойнъ прикаснуться. Мнѣ кажется, я ужъ никогда больше не осмѣлюсь прикасаться къ нему.

— Поди, цалуй другія, болѣе-чистыя личики, отвѣчала Лукреція, взявъ его подъ руку. — Пойдемъ въ мою комнату.

— Въ твою комнату? спросилъ Сальваторъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— Да, въ мою комнату, повторила она съ простодушнымъ смѣхомъ, въ которомъ ужь не замѣтно было и тѣни огорченія.

Они прошли чрезъ будуаръ и вступили въ комнату, обитую краснымъ бархатомъ; тамъ четыре маленькія розовыя постельки окружали развѣшенную на висячей койки, подвѣшенной на шелковыхъ веревкахъ. Четыре стула покоились въ этомъ святилищѣ, образуя какъ-бы укрѣпленіе вокругъ воздушной постели Флоріани.

— Прежде я слишкомъ роскошничала своимъ сномъ; не было мнѣ просыпаться къ дѣтямъ послѣ усталости на театрѣ и шумномъ обществѣ. Но постигнувъ счастье жить для дѣтей, бы безпрестанно съ ними и днемъ и ночью, я привыкла къ этой бодрости, стала очень-чутка. Я качаюсь здѣсь, какъ птица въ гнѣздѣ, надъ родимымъ гнѣздышкомъ; ребенку стѣитъ только шевельнуться. — я тотчасъ услышу и проснусь. Вотъ видишь оставила ихъ на два часа, и за то наказана, за то мнѣ и горе случилось. Еслибъ я легла вмѣстѣ съ ними въ десять часовъ, не велось бы вспомнить проилаго... А! это прошлое — врагъ мой!

— Твое прошлое, настоящее, будущее — все прекрасно у тебѣ, Лукреція! Я отдалъ бы всю свою жизнь за то, чтобъ только одинъ день стать тобой. Я былъ бы и гордъ и счастливъ, вспоминая этотъ день!.. Прощай! Мы уѣдемъ завтра съ разсвѣтомъ. Позволь мнѣ поцаловать дѣтей. Когда мы опять увидимся, ужь буду достоинъ тебя.

Когда Сальваторъ Альбани пришелъ къ себѣ въ комнату, было почти часъ ночи. Онъ вошелъ осторожно, прокрался къ своей постели на ципочкахъ, боясь разбудить друга, котораго считалъ своимъ, потому-что тотъ молчалъ и не шевелился.

Однако, графъ, прежде, нежели потушилъ огонь, по обыкновенію тихонько подошелъ къ постели Кароля, раздвинулъ занавѣски, чтобъ посмотрѣть, спокойно ли онъ спитъ, и — изумился, замѣтивъ, что Кароль смотритъ на него во всѣ глаза какимъ-то вопросительнымъ взглядомъ.

— Ты не спишь, мой добрый Кароль? Я разбудилъ тебя? сказалъ Сальваторъ.

— Я не спалъ, отвѣчалъ Кароль голосомъ, въ которомъ слышался какъ-будто грустный упрекъ: — я о тебѣ безпокоился.

— Безпокоился! возразилъ Сальваторъ, притворившись непонимающимъ: — развѣ мы въ разбойничьемъ притонѣ? Ты забылъ, что мы остановились сдѣлать роздыхъ въ прекрасной виллѣ, у жоржиковъ друзей?

— Остановились сдѣлать роздыхъ! проговорилъ Кароль съ строгой улыбкой: — этого-то я и боялся.

— Э-ге! твое предчувствіе еще не прошло? Ну, ничего! ты спокоенъ отъ него избавишься. Роздыхъ будетъ недолгій. Я полежу еще два, и потомъ выѣдемъ еще до солнышка.

— Увидѣться и такъ скоро разстаться! сказалъ Кароль, тоскливо повернувъ голову на подушкѣ: — это странно... это ужасно!

— Какъ! какъ! что ты сказалъ? Тебѣ хочется, чтобъ мы остались?

— Для меня — конечно нѣтъ; но для тебя... Миѣ становится страшно за это легкое разставанье... Такъ удобно сблизившись!..

— Ну, мой милый Кароль, ты сбился съ толку! закричалъ Сальваторъ, пытаясь разсмѣяться:—понятны миѣ твои подозрѣнія, твои обвинения, немножко-опрометчивыя... немножко-жесткія... Тебѣ вообразилось, что я пришелъ съ уопительнаго свиданія; что, удовлетворившись легкимъ, минутнымъ восторгомъ, я тороплюсь уѣхать, не простившись съ подругой, безъ сожалѣнія, безъ любви? Благодарствуй!

— Сальваторъ, я не говорилъ этого! Ты хочешь заставить меня говорить, чтобъ завязать споръ.

— Нѣтъ, нѣтъ; мы не будемъ спорить; теперь не время; пора спать. Покойной ночи!

Сальваторъ отошелъ и легъ на постель. Онъ былъ не въ духѣ и все ворчалъ сквозь зубы:

— Вотъ оно что! Добродѣтельные-то люди какіе снисходительные! А! а! да какъ это забавно!

Впрочемъ, смѣялся онъ не отъ чистаго сердца. Чувствовалъ онъ, что виновать, что только благоразуміе Флоріани спасло его...

IX.

Кароль былъ необыкновенно воспримчивъ. Чувствительныя, сострадательныя натуры носятъ въ себѣ какое-то ясновидѣніе, которое ихъ обманываетъ, потому-что переходитъ за предѣлы истины; но тамъ оно никогда не остается и, слѣдовательно, попадетъ на правду, кажется сгержестественнымъ.

— Другъ мой, говорилъ князь, стараясь улечься неподвижно на подушкахъ, что ему не легко было сдѣлать, потому-что онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: — ты жестокъ! Богъ-знаетъ, какъ страдалъ я за тебя въ-продолженіе трехъ часовъ; а всякій страдаетъ по мѣрѣ привязанности къ людямъ. Для меня невыносима мысль о какомъ-нибудь проступкѣ съ твоей стороны. Эта мысль была бы для меня не такъ мучительна,—не чувствовалъ бы я при ней такого стыда и сожалѣнія, если бы она даже относилась ко мнѣ самому.

— Не вѣрю я этому, сухо возразилъ Сальваторъ. — Ты бы застрѣлился, если бы только забрела тебѣ въ голову какая-нибудь вольная мысль. Потому-то тебѣ и недоступны подобныя мысли къ другимъ.

— И такъ я не обманулся, сказалъ Кароль: — ты прибавилъ къ заблужденіямъ этого несчастнаго созданія еще одно, ты...

— Ал.. я негодай, я жалкій человекъ, я все, что ты хочешь! закричалъ Сальваторъ, приподнявшись и распахнувъ занавѣски,

чтобъ говорить глядя въ лицо Карлою: — но эта женщина — новое созданіе, и тебѣ же хуже, если у тебя не достало ни снѣга, ни ума, чтобъ понять ее.

Въ первый разъ сказалъ Сальваторъ суровое, оскорбительное слово своему другу. Онъ былъ сильно взволнованъ тѣмъ, что велось ему перечувствовать въ этотъ вечеръ, и у него не достало кротости перенести порицаніе.

Не успѣлъ онъ излить своей досады, какъ тутъ же почувствовалъ горькое раскаяніе, потому-что увидѣлъ, какъ поблѣднѣло измѣнилось выразительное лицо Кароля; глубокая скорбь пролила на немъ.

— Послушай, Кароль, сказалъ онъ, толкнувъ ногою въ стѣну чтобъ подкатиться ближе къ кровати князя: — не сердись, огорчайся! Довольно съ меня; я ужь наговорился въ этотъ вечеръ съ существомъ, которое люблю почти такъ же, какъ тебя, е только это возможно! Жалѣй обо мнѣ, брани меня, — я стою этого; но... не обвиняй моего чуднаго, несравненнаго дѣла... Я расскажу тебѣ все.

И Сальваторъ, не имѣя силъ противиться нѣмой власти друга передалъ ему отъ слова до слова искренно, безъ утайки, съ подробностями весь разговоръ свой съ хозяйкой.

Кароль слушалъ, и въ душѣ его происходило странное волненіе, котораго Сальваторъ, смущенный собственной исповѣдью хорошенько не замѣтилъ. Картина душевныхъ стремленій и чужденной жизни Флоріани нанесла князю послѣдній ударъ рѣзко напечатлѣлась въ его воображеніи. Ему казалось, онъ видѣлъ ее любимую недостойнымъ Теальдо Соави, видѣлъ ее подругой площаднаго комедіанта, жертвой снисходительности, доброты, великодушія, видѣлъ ее сейчасъ-только оскорбленную скромными словами добраго Сальватора, который точно также сознательно сталъ бы волочиться за какой-нибудь трактирной служанкой въ Изео, если бы они остались ночевать на той стороне озера. Потомъ онъ видѣлъ Лукрецію въ ея комнатѣ, посреди снувшихъ дѣтей, — вездѣ видѣлъ ее великою отъ природы, падшею, униженною общественнымъ мнѣніемъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то восторженность, ощущалъ внутренній жаръ; хотѣлъ былъ броситься къ этой женщинѣ и изнemocъ при ея приближеніи. Когда Сальваторъ пересталъ говорить, холодный потъ катился по лицу Кароля.

Чему тебѣ тутъ дивиться, прозорливый читатель? Ты ужь давно догадался, что князь де-Росвальдъ съ перваго взгляда безъ колебанія, на всю жизнь влюбился въ Лукрецію Флоріани.

Я общалъ, или лучше сказать — грозилъ, что въ цѣлой повѣсти не потѣшу тебя ни однимъ маленькимъ сюрпризомъ. Не трудно было угадать отъ тебя тоску моего героя, пока не разрылся въ немъ чувство, которое часъ-отъ-часу все кажется неприметно доходящимъ. Не ты не такъ простъ, какъ о тебѣ думаютъ,

брыі читатель; зная челоуѣческое сердце не хуже тѣхъ, которые берутся за его исторію, понимая очень-хорошо, можетъ-быть, по собственному опыту, что любовь, прослышшая небывалою—именно та, которая проявляется самымъ сильнымъ, самымъ стремительнымъ порывомъ,—зная все это, ты не поддался уловкѣ романиста. И къ-чему выводить тебя изъ терпѣнья заученными маневрами, лукавыми изворотами? Ты столько романовъ перечиталъ на своемъ вѣку, что всѣ эти крючки тебѣ извѣстны, а что касается до меня, я рѣшился не играть съ тобою: пожалуй, называй меня глупенькимъ, косись на меня сколько хочешь!

Какимъ-образомъ эта женщина, не бывъ ни слишкомъ-молодой, ни вполне-прекрасной, съ характеромъ рѣшительно-противоположнымъ характеру князя, женщина, въ которой такіе сомнительные нравы, такая необузданная привязанность, такое слабое сердце и смѣлый умъ, — какимъ образомъ, наконецъ, актрисса Флоріани, безъ всякаго намѣренія, не думая и не гадая, произвела такое могучее вліяніе на князя де-Росвальдъ? И какъ этотъ челоуѣкъ, такой прекрасный, молодой, непорочный, благочестивый, съ такой поэзіей, жаромъ и утонченностью во всѣхъ своихъ помыслахъ, во всѣхъ склонностяхъ, во всей своей жизни — какимъ образомъ онъ такъ неожиданно, почти безъ борьбы покорился женщинѣ, измятой столькими страстями, во столькомъ разувѣрившейся, возстававшей противъ того, предъ чѣмъ онъ благоговѣлъ, вѣровавшей до фанатизма въ то, что онъ всегда отвергалъ, что долженъ былъ всегда отвергать?.. Вотъ этого-то я вамъ и не скажу: вотъ этого-то и не объяснить никакой логикой; это-то и есть самое правдоподобное въ моемъ романѣ, потому-что въ жизни бѣднаго челоуѣческаго сердца найдется страница, если не томъ, подобнаго роковаго опыта.

Среди своихъ парадоксовъ, не затронула ли Флоріани истины, когда она, говоря съ Сальваторомъ Альбани о любви, сказала, что великодушнымъ, нѣжнымъ сердцамъ суждено любить только тѣхъ, кому они сострадаютъ, кого боятся?

Давно ужъ сказано, что любовь сплочиваетъ самые разнородные элементы, и когда Сальваторъ изложилъ своему другу немножко-запутанныя, немножко-сумасбродныя, но за то пламенные и, можетъ-быть, возвышенныя теоріи Лукреціи, тогда, конечно, почувствовалъ себя Кароль подъ властью этого страшнаго изреченія. Охватившій его ужасъ былъ такъ силенъ, чары, о которыхъ смутно намекнуло ему предчувствіе, подняли такую тревогу въ его бѣдной душѣ, что онъ не имѣлъ силъ передать своему другу ни одной мысли.

— Стало-быть, мы отправимся черезъ часъ, сказалъ онъ ему:— ты успѣешь хоть на минутку, Сальваторъ, а мнѣ не спится; я разбужу тебя, когда будетъ свѣтать.

Слава молодости поборола Сальватора: онъ заснулъ крѣпкимъ

сномъ; ему, конечно, стало легче, когда онъ открылъ свою душъ высказавъ скопившіяся въ ней чувства. Онъ не стыдился сво истории съ Лукреціей, исторію, которую иной насмѣшникъ и звалъ бы *неудачной попыткой школьника*. Сальваторъ искрен раскаявался въ этой продѣлкѣ, но, зная, какъ добра, справедва Лукреція, надѣялся, что она проститъ его...

Кароль не спалъ: его била настоящая, довольно-сильная лирадка, и, чувствуя, что болѣтъ тѣломъ, онъ пытался разувѣр себя въ припадкѣ той нравственной болѣзни, которую принимаютъ за признакъ болѣзни физической.

— Это обманъ чувствъ, говорилъ онъ себѣ. — Новое ли которое я встрѣтилъ въ послѣдній разъ, осталось въ головѣ, вотъ теперь не отстаеъ отъ меня, какъ призракъ въ лихорадномъ бреду. Могло встрѣтиться другое лицо, и оно также бы и чило меня въ этой бессонницѣ.

Стало свѣтать, и Кароль всталъ, чтобъ потихоньку одѣться, потомъ ужъ разбудить товарища: онъ чувствовалъ необыкновенную слабость и, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, едва могъ приняться и сѣсть. Сальваторъ, проснувшись и замѣтивъ въ не жарь и какую-то судорожную дрожь, спросилъ, не болѣтъ ли он Кароль отвѣчалъ, что нѣтъ, вѣроятно боясь, чтобъ его не ста удерживать. Выходя изъ своей комнаты, путешественники услшали внизу движеніе: въ домѣ ужъ встали. Надо было пройднижнимъ этажемъ, чтобъ выбраться въ садъ, а оттуда на регъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь рыбацью лодку. Друзья пошли и встрѣтились лицомъ-къ-лицу съ Флоріани.

— Куда вы такъ торопитесь? говорила она, протянувъ руки къ нему и другому: — у меня карету закладываютъ; Селіо чудес править; для него будетъ настоящий праздникъ отвезти васъ въ Изео. Я не хочу, чтобъ вы въ эту пору переѣзжали черезъ озеро на немъ теперь еще туманъ холодный и очень-вредный, — не д тебя, Сальваторъ, а для твоего друга, который не совсѣмъ-з ровъ. Дá, вы нездоровы, мсье де-Росвальдъ? продолжала о взявъ его руку и сжимая ее въ своихъ рукахъ съ невинност материнскаго чувства. — Я сейчасъ замѣтила жаръ у васъ въ кѣ; мнѣ кажется, нѣтъ ли у васъ маленькой лихорадки? Зд ночи и утреннія зори такъ холодны... Воротитесь, воротитесь хочу этого! Пока вы напѣтесъ шоколада, карета будетъ гото вы въ ней закроетесь, и въ Изео встрѣтите солнце, которое р гонить вредное вліяніе озера.

— Такъ это правда, моя милая сирена, что вліяніе вашего з кальца немножко-опасно? сказалъ Сальваторъ, покорно возвращаясь въ домъ. — Мой другъ со вчерашнихъ поръ сталъ это за чать, а я все ему не вѣрилъ.

— Если озеро ты называешь моимъ зѣркальцемъ, мой мил Улиссъ, отвѣчала смѣясь Лукреція: — я тебѣ скажу, что оно кое же озеро, какъ всѣ другія: кто не родился на его берега

тотъ не долженъ слишкомъ довѣрять ему... Но мнѣ не нравится эта сухая рука, продолжала она, пробуя пульсъ Кароля: — эта маленькая рука, потому-что это рука женская... *Che tanina!* приложила Флоріани, наивно обращаясь къ Сальватору. — Однако берегись! твой другъ болѣнъ. Я это знаю: у моихъ дѣтей нѣтъ другаго медика, кромѣ меня.

Сальваторъ хотѣлъ тоже въ свою очередь посмотреть у князя пульсъ, но эти пощеченія немножко раздосадовали Кароля. Онъ быстро отдернулъ отъ Сальватора руку, которую съ такимъ трепетомъ отдавалъ Флоріани.

— Пожалуйста, добрый Сальваторъ, сказалъ онъ: — не пытайся уѣрять меня, что я болѣнъ, и не слишкомъ напоминай мнѣ о томъ, что я никогда не былъ въ добромъ здоровьѣ. Я дурно спалъ, немножко разстроенъ — вотъ и все. Движеніе экипажа исцѣлитъ меня. Синьора слишкомъ-добра, прибавилъ онъ сквозь зубы и такъ сухо, что какъ-будто хотѣлъ сказать: «вы меня очень обижаете, если позволите сейчасъ уѣхать».

Флоріани поразилъ его тонъ; она посмотрѣла на него съ изумленіемъ и приняла эту отрывистость за новый признакъ лихорадки. У него въ-самомъ-дѣлѣ была сильная лихорадка; но добрейшкѣй Лукреціи и въ голову не приходило, что корень болѣзни у него въ душѣ, и что причиною этой болѣзни она сама.

Подали завтракъ. Пока Сальваторъ предавался своему всегда-исправному аппетиту, Кароль выпилъ украдкой чашку кофе. Ничто не могло быть такъ не кстати для него въ эту минуту, тѣмъ болѣе, что онъ прежде никогда не пилъ кофе. Но теперь онъ чувствовалъ, что быстро ослабѣваетъ, и хотѣлъ возбудить въ себѣ жизненную дѣятельность, чтобъ имѣть возможность уѣхать, не обнаруживъ своего окончательнаго разстройства.

Дѣйствительно, послѣ этого возбуждающаго приѣма ему стало какъ-будто лучше; его начало мучить нетерпѣніе, потому-что Сальваторъ разсыпался въ нѣжностяхъ предъ Флоріани. Онъ даже еды удержался, чтобъ не перебить его какимъ-нибудь задорнымъ словомъ. Наконецъ, легонькая карета подкатилась къ дому. Селю, прыгая отъ радости, принялъ власть надъ парой маленькихъ, красивыхъ лошадокъ. Опытный и вѣрный слуга сѣлъ рядомъ съ нимъ на козлы.

Графъ Альбани нешутя любилъ Лукрецію; въ минуту разставанья, у него сердце сжалось, и порывъ жаркой привязанности проявился свойственными ему ласками. Прошептавъ ей безконечное число разъ свое покаяніе, онъ оправился отъ смущенія, которое неволью пробуждала въ немъ мысль о вчерашней глупости, потому-что онъ находилъ особое удовольствіе цаловать кроткое лицо, нѣжныя руки, атласную шею своего прекраснаго друга. Не думая ни о жеманной стыдливости, ни о кокетствѣ, Лукреція страдала отъ этого нѣжнаго прощанья, — немножко слишкомъ-озабоченная или разсѣянная мыслью о Каролѣ, и въ эту минуту

ей показалось, что онъ ненавидитъ ее. Чтобы не видать послѣднихъ лобызаній, Кароль забился въ глубину кареты и отвернулся въ другую сторону. Но когда карета готова была тронуться, прямо передъ нимъ, въ самой дверцѣ, показалось лицо Лукреціи; съ привѣтливою прощальностію съ нимъ и протягивала къ нему коробочку шоколада, которую онъ взялъ безсознательно съ холоднымъ, вѣлвымъ поклономъ, и потомъ бросилъ передъ собой на лавочку.

Сальваторъ не видалъ этого движенія. Высунувшись до половины изъ кареты, онъ посылалъ еще воздушные поцалуи Флоріи и ея малюткамъ, которыя тоже встали и, полуодѣтыя, граціозно махали ему своими голыми ручонками.

Когда въ виду нашихъ путешественниковъ остались только рѣвья да стѣны виллы, Сальваторъ почувствовалъ, что его брое итальянское сердце, это прелестное, но открытое сердце, оторвалось. Онъ закрылся платкомъ и заплакалъ. Потомъ, стало стыдно своей слабости; боясь, что князь засмѣется надъ нимъ, онъ отеръ глаза и, немножко смутившись, обернулся к нему, чтобы сказать: вотъ видишь ли, то ли Флоріани, что ты о ней думаешь?

Но слово его замерло на губахъ, когда онъ увидѣлъ измѣнившееся, помертвѣвшее лицо друга. Губы у Кароля были сѣдыя, бѣлыя, глаза сдѣлались неподвижны, зубы стиснулись. Сальваторъ звалъ его, толкалъ — напрасно! онъ ничего не чувствовалъ и не слышалъ: онъ былъ безъ памяти. Сальваторъ надѣялся-было привести его въ чувство и нѣсколько минутъ махалъ передъ нимъ кою. Но когда эта мѣра оказалась неэффективною, и Кароль холодный какъ мертвецъ, оставался въ томъ же положеніи, Сальватора напалъ ужасъ. Онъ крикнулъ Селіо, велѣлъ остановить лошадей, отворилъ дверцы, чтобы впустить свѣжій воздухъ — что не помогало. Въ Каролѣ не замѣтно было жизни, кромѣ того-то судорожнаго вздрагиванія, да стѣсненныхъ вздоховъ.

Селіо смѣлостію и присутствіемъ духа былъ весь въ мать: вскочилъ на козлы, поворотилъ назадъ, ударилъ по лошадямъ, привезъ князя Кароля въ тотъ домъ, гдѣ судьба назначила узнать новую жизнь.

Ж.

Въ концѣ предыдущей главы, вы, любезные читатели, конечно сообразили, что князь де-Росвальдъ захвораетъ и принужденъ будетъ остаться въ виллѣ Флоріани. Обстоятельство, надѣюсь, новое, потому-то я и не хочу о немъ умалчивать.

А еслибъ я утаилъ отъ васъ это обстоятельство, какимъ бы разомъ продолженіе этой исторіи могло быть правдоподобнымъ. Само-собою разумѣется, если въ великихъ страстяхъ есть что роковое, то исполненіе этого роковаго приговора всегда опирается на какой-нибудь совершенно-естественный случай. Ни предшес

ише болѣзни симптомы, ни гнетущее дѣйствіе самой болѣзни— не предрасполагали Кароля, не побуждали его подчиниться вліянію страсти; онъ, вѣроятно, противился напору этой странной, безумной страсти.

Онъ не противился ему, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ былъ очень боленъ, потому-что, въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль, Флоріани почти не отходила отъ его изголовья. Эта дивная женщина— и изъ дружбы къ Сальватору, и по чувству гостепріимства, считала обязанностію ухаживать за княземъ, какъ за лучшимъ другомъ, какъ за собственнымъ дѣтищемъ.

Дѣйствительно, Провидѣніе послало Каролю такое существо, которое всего нужнѣе было въ его положеніи, которое всего скорѣй могло спасти его. Лукреція Флоріани имѣла чудесный даръ угадывать, въ какомъ состояніи больной и какъ должно съ нимъ дѣйствовать. Она, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь хозяйничала, десяти лѣтъ была служанкой... да! простой служанкой своей крестной матери, г-жи Раньери, женщины слабого, нервнаго сложенія, и ухаживала за ней съ любовью, преданностію и такой понятливостію, какой трудно было ожидать отъ ея возраста. То была первая причина дружбы, которая внушила г-жѣ Раньери мысль дать крестной дочери воспитаніе выше условій ея быта, а потомъ—женить на ней сына.

Такимъ-образомъ, Лукреція еще съ-молоду научилась быть сидѣлкой, а въ случаѣ крайности и врачомъ. Въ-послѣдствіи, бывали у нея больные друзья, дѣти, слуги, какъ и у всякаго могутъ быть; но она ухаживала за ними такъ, какъ не всякій сталъ бы ухаживать. Изыскивая всѣ средства къ облегченію страждущихъ, внимательно, съ сердечнымъ участіемъ слѣдуя за предписаніями врачей, за дѣйствіемъ рекомендуемыхъ ими лекарствъ, она слѣдила много вѣрныхъ замѣтокъ о томъ, что согласуется съ тѣмъ или другимъ организмомъ, и память ея была полна малѣйшими подробностями болѣзней. Она живо помнила, какъ итальянскіе врачи-эмбрики мучили ея дорогую Раньери, и была увѣрена, что они убили ее, когда не стало при ней любящей крестницы. Поэтому, Флоріани не хотѣла поручить имъ князя и рѣшилась сама за него приняться.

Сальваторъ испугался отвѣтственности, которую она принимала на себя и которая могла также обрушиться и на него. Но смѣлая вѣрность Флоріани увлекла его. Она заставила добраго Сальватора уйдти изъ комнаты больного, потому-что онъ надоѣдалъ ей своимъ хныканьемъ и трусостью.

— Пойди, смотри за дѣтьми, говорила она ему:—забавляй ихъ, давай ихъ гулять, забудь, что твой другъ боленъ; потому-что здѣсь съ своей хлопотливостію и ребяческими безпокойствами, ни что не годишься. Я все беру на себя и за все отвѣчаю. Я не отъ него ни на минуту.

Видно было успокоиться Сальватору. Болѣзнь Кароля сильно

развилась и требовала, казалось, скорой, рѣшительной помощи. Флоріани ужь видывала подобныя нервныя припадки; ей сто только взглянуть на эти пѣжныя руки, бѣлую, прозрачную и тонкіе, мягкіе волосы, на весь этотъ организмъ, съ его поразительными особенностями, чтобъ найти въ князѣ черты общія г-жею Раньери, черты, которыя не укроются отъ женскаго сердца.

Флоріани хотѣла успокоить больнаго, не разслабляя его; знала, что избранныя организациі могутъ подчиняться высшмагнетическому вліянію, которое ускользаетъ отъ обыкновеннаго простаго наблюденія, и потому, увѣрившись, что болѣзнь кинисколько не заразительна, часто приводила къ его постели дѣти. Она вѣрила, что присутствіе здоровыхъ, расцвѣтающихъ, свѣжесозданыцъ произведетъ, нравственно и физически, таинственно-готворное дѣйствіе на угасающую жизнь больнаго.

И кто рѣшится утверждать, что Флоріани заблуждалась? Истинно, какую важную роль играетъ воображеніе въ нервическболѣзняхъ; Карлою, конечно, было вольнѣ дышать, когда вокругъ него были дѣти, когда ихъ чистыя дыханія, слитыя съ дыханіематери, наполняли воздухъ чѣмъ-то благоуханнымъ, отраднымъего пылающей груди. Вѣрятъ же люди, что непріятно дѣйствуютъ на больныхъ приближеніе существъ, внушающихъ имъ отвращеніеили безпокойство: почему же не вѣрить, что благотѣльно дѣйствуютъ на здоровье больнаго заботливыя, радушныя ласки, только присутствіе существъ милыхъ, симпатизирующихъ съ нимодинъ видъ которыхъ ему по-душѣ?

Томимый мучительными грезами, Кароль иногда пробуждался въ ужасѣ и отчаяніи. Тогда онъ безсознательно искалъ убѣжищаотъ неотразимыхъ призраковъ, и материнскія объятія Флоріанкрывали его отъ незримыхъ враговъ, и на груди ея успокивалась больная голова его. Потомъ, открывъ глаза, онъ озирался вокругъ и предъ нимъ являлись прекрасныя, умныя, пріятныя, улыбающіяся ему личики Селіо и Стеллы. Онъ улыбался имъ въ отвѣтъбезсознательно, какъ-бы по сочувствію, а между-тѣмъ грезычезали, страхъ проходилъ. Слабую голову его освѣняли нынѣшнія. Къ нему подносили розовое личико малютки Сальватора малютка казался ему съ крылышками; ему чудилось, что пресный геній вѣетъ надъ нимъ, вѣетъ на него прохладой. Утритиче былъ невообразимо-пріятный голосъ, и когда она лепетала съ братьями, Карлою казалось, что она поетъ. Въ этомъ свѣжеобольстительномъ голосѣ онъ находилъ какіе-то музыкальзвукы, никому, кромѣ его, неслышныя; и разъ, когда Беатриспорила въ-полголоса съ сестрой за игрушку, Кароль, къ удивленію Флоріани, сталъ увѣрять, что ребенокъ поетъ Моцарта такъ какъ никто въ свѣтѣ не пѣвалъ его.

— Чудная натура! прибавилъ онъ, усиливаясь передать свою мысль. — Она, вѣрно, много слышала музыки; но у ней есть

ить только для одного Моцарта. Она всегда поетъ какой-нибудь мотивъ изъ Моцарта, и никогда изъ другихъ композиторовъ.

— А Стелла? И она не поетъ ли? спросила Лукреція, стараясь понять больного.

— Она поетъ иногда изъ Бетховена, отвѣчалъ Кароль: — но не такъ постоянно, не такъ послѣдовательно; у ней нѣтъ того единства.

— А Селію никогда не поетъ?

— Селію? Я слышу только, когда онъ ходитъ. Въ его формахъ и движеніяхъ столько граціи, гармоніи, что земля какъ-то звучитъ у него подъ ногами, и въ комнатахъ слышатся долгіе, дрожащія звуки.

— Ну, а этотъ маленькій? спросила Лукреція, показавъ ему щечку своего *bambino*:—это самый неугомонный; онъ иногда кричитъ. Не надоѣдаетъ ли онъ вамъ?

— Онъ мнѣ никогда не надоѣдаетъ; я его совсѣмъ не слышу. Мнѣ кажется, что я ужъ оглохъ для всякаго шума; но мелодіи, ризми еще дѣйствуютъ на меня... Когда этотъ купидонъ передо мной, прибавилъ онъ, указывая на Сальватора: — я вижу, какъ-будто радужный дождь льется вихремъ вокругъ моей постели; я не могу различить его формъ, но онъ прогоняетъ отъ меня несносные призраки. Ахъ, не уводите дѣтей; мнѣ легко, когда здѣсь дѣти.

До-сихъ-поръ, Кароль жилъ мыслью о смерти. Онъ такъ свыкся съ нею, что до самой болѣзни считалъ себя обреченнымъ на смерть, и на каждый прожитый день смотрѣлъ какъ на случайную отсрочку. Въ такомъ положеніи, онъ бывалъ и веселъ. Если подобная мысль приходитъ въ голову человѣку здоровому, онъ можетъ пытаться ее съ философскимъ спокойствіемъ; но трудно, чтобъ не ужаснула она слабую голову больного. По моему мнѣнію, это-то и есть самое печальное обстоятельство въ смерти: она застигаетъ насъ въ такую минуту, когда мы изнемогаемъ, падаемъ ниже самихъ-себя, и потому наводитъ ужасъ на душу, въ сущности твердую, безтрепетную. Съ княземъ случилось то же, что случается съ большою частию больныхъ: когда пришлось не шутя расставаться съ молодою, едва-расцвѣтшею жизнью, тихая задумчивость, которою онъ до-сихъ-поръ питался, вдругъ перешла въ мрачную печаль.

Еслибъ, при такомъ настроеніи Кароля, сидѣла надъ нимъ его мать, она бы стала ободрять его способомъ, совершенно-противоположнымъ тому, который употребила Флоріани. Она заговорила бы ему о будущей жизни, прибѣгла бы къ вѣдшимъ формамъ духовнаго врачеванья, и Кароль, пораженный торжественнымъ зрѣлищемъ, съ покорностью предался бы своему жребію. Лукреція дѣйствовала иначе: она старалась удалить отъ него мысли о смерти, и, замѣтивъ въ немъ увѣренность, что онъ скоро и непременно умретъ, стала слегка шутить надъ нимъ и сама достигла при этомъ такого спокойствія духа, какого никогда прежде не имѣла.

Она дѣйствовала такъ кратко, что успѣла завладѣть довѣрчивостью

князя, Она успокоила его, внушая не презрѣніе къ жизни (это так настроеніе, на которомъ не трудно больному успокоиться, потому что оно-то его иногда и добиваетъ); нѣтъ, она оживила его вѣръ въ жизнь, и скоро замѣтила, что онъ еще любитъ ее, любитъ гордо эту земную жизнь, которою такъ пренебрегалъ, пока ничто не грозило.

Сальватора все еще мучилъ страхъ; онъ думалъ, что у его дѣла не достанетъ нравственной силы перенести страданіе.

— Какимъ-образомъ ты надѣешься спасти его, говорилъ о Флоріани; — когда ужъ такъ давно, съ самой смерти его матери ему опротивѣла жизнь, и онъ тихо-тихо вгоняетъ себя въ чахотку. Что-то въ родѣ удовольствій, которое онъ находилъ въ этой мысли, заставляло меня думать, что ужъ есть въ немъ зловредный задымъ, и если онъ разъ сляжетъ, ему больше не встать.

— Ты заблуждался, и теперь заблуждаешься, отвѣчала Лукреція. — Никому не хочется умереть, или помѣшаться на одной идее, и твой другъ не помѣшанный. Онъ хорошо организованъ; а это черное потрясеніе, которое навело на него мрачность, исчезнетъ вмѣстѣ съ настоящимъ кризисомъ. Будь увѣренъ, онъ хочетъ жить и будетъ жить.

Кароль дѣйствительно хотѣлъ жить, и жить. — для Флоріани. Онъ, конечно, не сознавалъ этого въ-продолженіе двухъ дѣльных, самаго тяжелаго періода болѣзни, не помнилъ послѣдствій, бывшаго причиною этой болѣзни. Но, безъ его совѣта, любовь въ немъ длилась и росла, какъ любовь грудного ребенка къ кормилицѣ растетъ съ нимъ въ колыбели. Влеченіе инстинктивное, непреодолимое, неразрывное вдругъ охватило блѣдную душу и вырвало ее изъ холодныхъ объятій смерти. Онъ подчинился власти женщины, видѣвшей въ немъ только больного, которому нужно помочь; онъ перенесъ на эту женщину всю любовь, которую питалъ къ матери, всю любовь, которую питалъ, какъ ему казалось, къ невѣстѣ.

Болѣзненный бредъ его начался тою неотступной мыслью, будто-бы княгиня, чудомъ материнской любви, встала изъ могилы и пришла помочь ему умереть: онъ безпрестанно принималъ Флоріани за мать. По милости этого фантастическаго убѣжденія онъ покорялся всѣмъ приказаніямъ Лукреціи, внимательно слушалъ каждое ея слово, забывъ всю недоувѣрчивость, которую, своимъ привычнымъ понятіямъ, ощутилъ-было съ перваго раза. Когда, въ болѣзненныхъ припадкахъ, тѣснило его дыханіе, онъ искалъ ея плеча, чтобъ положить на него утомленную голову и случалось иногда, что засыпалъ по цѣлому часу на этомъ плечѣ не подозрѣвая своего заблужденія.

Наконецъ, разъ, послѣ крѣпкаго, спасительнаго сна, Кароль очнулся, открылъ глаза и съ недоумѣніемъ остановилъ ихъ на лицѣ этой женщины, блѣдномъ, усталомъ отъ заботъ, отъ безсонныхъ часовъ, проведенныхъ надъ нимъ. Онъ какъ-будто просе-

ся отъ продолжительнаго сна и сталъ спрашивать, долго ли былъ боленъ и ее ли постоянно видѣлъ во снѣ себя.

— Боже мой! сказалъ онъ, выслушавъ отвѣтъ Лукреціи:—стало-быть, вы очень-похожи на мою мать?

И потомъ примолвилъ, обращаясь къ подошедшему Альбани:

— Сальваторъ! не-правда ли, она похожа на мою мать? Меня это встревожило въ первый разъ, какъ только я ее увидѣлъ.

Сальваторъ разсѣлъ, что тутъ не кстати противорѣчить, хотя не видѣлъ ни малѣйшаго сходства между прекрасной, мужественной Лукреціей, и высокой, худой, строгой княгиней де-Росвальдъ.

Въ другой разъ, Кароль, еще покоясь на рукахъ Флоріани, попытался обойдтись безъ ея помощи.

— Мнѣ лучше, сказалъ онъ:— я ужь не такъ слабъ, я васъ слишкомъ утомилъ; не понимаю, какъ я рѣшаюсь употреблять во зло вашу доброту!

— Нѣтъ, нѣтъ, прислонись ко мнѣ, дитя мое, весело отвѣчала Флоріани, которая очень-легко привыкала говорить «ты»—тому, кто ее интересовалъ, и которая нечувствительно увѣрилась, что Кароль для нея что-то въ родѣ сына.

— Такъ, стало-быть, вы моя мать? Вы точно моя мать? возразилъ Кароль, у котораго опять начинали мѣшаться мысли.

— Да, да! я твоя мать! отвѣчала Флоріани, не думая, что для Кароля эта шутка могла быть оскорбительна:—будь увѣренъ, въ эту минуту я тебѣ все равно, что мать.

Кароль замолчалъ; потомъ на глазахъ у него навернулись слезы, и онъ заплакалъ какъ ребенокъ, прижавъ къ губамъ руки Флоріани.

— Милый сынъ! говорила она, цалуя его въ лобъ:— не надо плакать; это можетъ васъ очень изнурить. Если ужь вы думаете о своей матери, думайте же, что она смотритъ на васъ съ неба, радуется вашему скорому исцѣленію.

— Вы заблуждаетесь, возразилъ Кароль:—мать моя съ высоты небесъ давно зоветъ меня къ себѣ. Я слышу ее и—неблагодарный, не имѣю силы разстаться съ жизнью!

— Можно ли такъ рассуждать? ребенокъ вы, ребенокъ! сказала Флоріани съ той кроткой, серьезной лаской, съ какой стала бы журить Селію.—Когда Богу угодно, чтобъ мы жили, ни отецъ, ни мать не могутъ зазывать насъ на тотъ свѣтъ. Не хотять и не могутъ они этого дѣлать. Вамъ это, вѣрно, пригрезилось: больше ничего грезится. Еслибъ вы въ-самомъ-дѣлѣ могли услышать голосъ матери, она сказала бы вамъ, что вы еще очень-долго жили для того, чтобъ быть достойнымъ соединиться съ нею.

Кароль съ усиленіемъ отвернулся, можетъ-быть, изумленный тѣмъ, что Флоріани дѣлаетъ ему наставленія. Онъ еще взглянулъ на нее потомъ, какъ-будто не вслушавшись или не понявъ ея словъ, и отшатнулся:

— Нѣтъ! нѣтъ у меня силъ умереть! Ты меня держишь, ты!

такъ держишь, что я не могу тебя оставить! Пусть проститъ ня мать—я хочу остаться съ тобою!

И, какъ-бы изнемогши отъ волненія, онъ упалъ на руки Флоріани и забылся.

XI.

Однажды вечеромъ, вполнѣ оправившійся князь заснулъ, по димому, очень-спокойно; дѣти улеглись; Флоріани и Сальва вышли на террасу дышать свѣжимъ воздухомъ.

— Ну, моя добрая Лукреція, сказалъ Сальваторъ:—надо наконецъ поговорить о дѣлахъ житейскихъ: почти три недѣли чиль насъ кошмаръ, который теперь, слава Богу, исчезъ! Я женѣ благодарить тебя, потому-что ты спасла моего друга; любви моей прибавилась еще для тебя признательность, которую я не знаю какъ и высказать. Скажи же мнѣ теперь, что мы дѣлать, когда нашъ милый больной окажется способенъ къ дорогѣ.

— Пока еще этого нѣтъ! отвѣчала Флоріани. — Раньше дв недѣль ему нельзя ѣхать. Онъ теперь едва только можетъ ходить по саду; а ты знаешь, что силы не такъ скоро возвращаются какъ пропадаютъ.

— Предположимъ, что его выздоровленіе продлится еще сяць. Но вѣдь всему бываетъ конецъ; нельзя же намъ вѣчно готить тебя; когда-нибудь надо разстаться!

— Конечно; но я хочу, чтобъ это было какъ-можно-по возможности. Вы меня нисколько не тяготите: за всѣ заботы и ухаживанья твоимъ другомъ меня вполнѣ вознаграждаетъ счастливая мысль, что я спасла его; притомъ, его благодарность такая сердечная, непритворная, нѣжная, что я готова любить его почти такъ какъ ты его любишь... Очень-естественно покоить и утѣшать его, кого любишь. Кажется, тебѣ и нѣ за что слишкомъ благодарить меня.

— Ты не хочешь меня понять, мой прекрасный другъ:—быстрее успокоить меня!

— Что такое? Жизнь князя? она ничего не потеряла черезъ болѣзнь. Я его довольно изучила: у него чудесный организмъ. Онъ проживетъ, можетъ-быть, дольше насъ съ тобой.

— Я почти также увѣренъ въ этомъ: я видѣлъ, какія сокровища въ этихъ нервныхъ сложенияхъ; но—его нравственная будущность... подумала ли ты о ней, Лукреція?

— Мнѣ кажется, это не мое дѣло. Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Я нисколько не удивляюсь, что у тебя, съ твоей добротой, благородной натурой, наивность доходитъ до ослѣпленія; все-таки странно, что ты меня не понимаешь.

— Ну!.. нѣтъ, я тебя не понимаю; говори прямо!

— Говорить прямо о такомъ щекотливомъ предметѣ, говорить тому, отъ кого нельзя ждать помощи — зѣрски-нехорошо! А между-тѣмъ—нужно! Вотъ что! Кароль тебя любитъ.

— Надѣюсь! И я его тоже люблю; но если ты хочешь наекнуть, что онъ любить меня какъ любовникъ, въ такомъ случаѣ я не могу не смѣяться надъ твоимъ страхомъ.

— О! моя дорогая Лукреція! не шути этимъ! Нѣтъ смѣшнаго въ такой глубокой, полной натурѣ, какъ натура моего друга; напротивъ—въ ней все серьезно, страшно-серьезно!

— Нѣтъ, нѣтъ, Сальваторъ, ты бредишь! Пусть твой другъ чувствуетъ ко мнѣ истинную дружбу, благодарность пламенную, восторженную, если хочешь,—все это возможно для такого нѣжного, благороднаго существа. Но чтобъ этотъ ребенокъ былъ влюбленъ въ твоего стараго друга — не можетъ быть! Ты смотришь, что онъ черезъ-чуръ смущается при каждомъ словѣ: это дѣйствіе слабости, которая еще осталась послѣ нервическаго потрясенія. Ты слышишь, что онъ благодаритъ меня такими словами, которыя даже не соотвѣтствуютъ моимъ услугамъ: это дѣйствіе изящной рѣчи, которая изливается изъ прекрасной души, изъ благородно-направленной мысли, это—привычка хорошо говорить, которую онъ усвоилъ себѣ и которой, конечно, много помогаетъ образованіе, свѣтскость... Но любить меня? Что за сумасбродство! Онъ меня не знаетъ; да еслибъ и зналъ, еслибъ узналъ мою жизнь, онъ бы испугался меня, бѣдный ребенокъ! Огонь и вода, небо и земля—не такъ разнородны, какъ мы съ нимъ!

— Небо и земля, огонь и вода—элементы противоположные, но вѣчно слитые, или готовые слиться въ природѣ. Туча и утѣсь, вулканъ и море—рвутся другъ къ другу при встрѣчѣ; они разбираются въ прахъ и дружно сливаются въ самомъ безконечномъ страданіи. Твое сравненіе подтверждаетъ мою же мысль и должно объяснить тебѣ мои опасенія.

— Напрасно ты горячишься съ своей поэзіей! Я тебѣ говорю, что онъ презиралъ бы, ненавидѣлъ бы меня, еслибъ зналъ, какая грѣшница служила ему сестрой милосердія. Я понимаю его правила, его идеи, судя по тому, что ты мнѣ каждый день говоришь о немъ, потому-что отъ него-самого, признаюсь, я ни разу не слыхала нравственныхъ сужденій. И наконецъ, ты, который такъ хорошо знаешь его понятія, его нравъ,—можешь ли ты предпологать между нами какія-нибудь отношенія въ будущемъ? Нѣтъ! знаю я, что подумаетъ онъ обо мнѣ, когда поправится у него здоровье и разумокъ. Я не увлекаюсь! Пройдетъ мѣсяцевъ шесть—въ Венеціи, въ Неаполѣ или во Флоренціи кто-нибудь расскажетъ при немъ о моихъ печальныхъ бывалыхъ похожденияхъ, да найдутся еще печальнѣе, которыхъ совсѣмъ и не было: потому-что богатыхъ охотно осуждаютъ. Тогда-то!.. вспомни мое слово: тогда другъ твой будетъ слегка защищать меня, будетъ много вздыхать, а потомъ скажетъ тебѣ: «Какъ это больно: такая добрая женщина,

къ которой я чувствую столько дружбы и благодарности!.. И ч про нее говорят!» Вотъ все, что останется въ памяти этого годаго юноши о Флоріанн. Это будетъ воспоминаніе краткое, но глубокое, и я ничего больше не требую. Чего мнѣ надо, кромѣ жизни? Ты знаешь, Сальваторъ, что у меня достанетъ силъ перенести всѣ послѣдствія прошлой жизни, что они меня не встрѣжатъ, не оскорбятъ, что нисколько не смутятъ они спокойствія, которыми я наслаждаюсь въ глубинѣ собственнаго убѣжденія.

— Все это мнѣ очень-горько слышать, милая Лукреція, отвѣчалъ Сальваторъ, съ чувствомъ взявъ ее за руку:—потому-что и это — суцная правда! Да; мой другъ оставитъ тебя, убѣжитъ отъ тебя, если только достанетъ у него на то силъ, если сохранитъ у него ясное сознаніе; да, онъ послушаетъ людей, которые будутъ толковать о твоей жизни, не понимая ея, которые будутъ клеветать на тебя... да! все это ему будетъ больно, и онъ тяжело вздохнетъ! Все это такъ; но разбѣется ли вмѣстѣ съ чужими рѣчами и сердечная тоска? Помогутъ ли ему разумъ и воля изгладить воспоминаніе о тебѣ? вотъ этого-то и не будетъ! Отнынѣ Кароль будетъ такъ несчастливъ, какъ никогда не бывалъ, и несчастью его конца не будетъ, хотя онъ еще не замѣчаетъ этого, хотя онъ еще дремлетъ въ упоеніи первой любви!

— Я тебя перебыю на этомъ словѣ, сказала Лукреція, слушавшая внимательно: — первая любовь! Изъ твоихъ же разсказовъ знаю, что это не первая его любовь, и потому не могу, вмѣстѣ съ тобой, опасаться ея существованія. Не ты ли говорилъ мнѣ, что онъ былъ обрученъ съ прекрасной дѣвушкой изъ своего круга, что онъ неутишно тосковалъ о ея смерти, что, можетъ-быть, онъ уже никогда не полюбитъ другой женщины? Вотъ, что ты рѣсказывалъ ты мнѣ въ первые дни, какъ сюда пріѣхалъ; и если это правда, — то онъ не любитъ меня; если же могъ меня полюбить, то, слѣдовательно, можетъ также и другая женщина изгладить меня изъ его памяти.

— А если этого пужно ждать пять или шесть лѣтъ, — потому что ему было восемнадцать, когда умерла Люція, а онъ съ-тѣхъ поръ, до встрѣчи съ тобою, и не смотрѣлъ ни на одну женщину.

— Не можетъ быть никакого сравненія между двумя такими разнородными страстями! Могъ онъ тосковать шесть лѣтъ о прекрасномъ, совершенно-подобномъ ему созданіи, когда и долгіе влеченія заставляли его предпочитать это созданье всѣмъ другимъ. Но изъ-за какой-нибудь устарѣвшей актриссы... вдовы... столикхъ любовниковъ—мнѣ бы никогда и въ голову ничего не пришло!.. Э! не пройдетъ шести недѣль, какъ онъ очнется, если только въ-самомъ-дѣлѣ случилось ему забыться. Слушай, Сальваторъ, не будемъ больше говорить объ этомъ! Твоя мысль и огорчаетъ и немножко язвить меня. Отъ-того эта бѣдная Флоріанн, которой, впрочемъ, въ эти три недѣли ты доказалъ много довѣренности, много чудесной братской любви, — отъ-того она не можетъ

не должна всѣмъ внушать страсть, даже самымъ скромнымъ, самымъ большимъ изъ твоихъ друзей? Не-уже-ли, послѣ всѣхъ мучекъ заблужденій, которыя я искупила такими страданіями, можетъ-быть, даже заглянула кое-какими добрыми дѣлами, — не-уже-ли послѣ этого молодые люди съ доброй нравственностью не могутъ обращаться со мной какъ съ матерью и другомъ? Не-уже-ли мнѣ назначено непременно играть для нихъ роль сатаны, хотя я лукалю съ ними столько же, какъ моя Стелла или Беатриче? Какети ли я? или, по-крайней-мѣрѣ, красавица? *Corpo di Dio!* какъ говоритъ мой отецъ, — я всѣми силами стараюсь никого не встревожить, ни взволновать, такъ мнѣ хочется, чтобъ оставили меня въ покоѣ. Тиннина, забвение — вотъ все, чего я прошу! вотъ моя единственная свѣжительная отрада! Когда же, наконецъ, Боже мой! слово любви перестанетъ терзать мой слухъ, какъ какая-нибудь фальшивая нота?

— Бѣдная, милая сестра моя! сказалъ Сальваторъ: — напрасно ты борешься: тебѣ предстоитъ еще долгая борьба, если не съ собой, такъ съ тѣми, кому случится тебя увидѣть; я старался быть совершенно-равнодушнымъ передъ тобой, и еще не вполне успѣлъ, а который, впрочемъ...

— Ну, вскричала Лукреція съ наивнымъ, почти комическимъ отчаяніемъ. — И ты тоже опять начинаешь! *И ты, Брумъ? Убей меня сейчасъ же, мнѣ будетъ легче.* По-крайней-мѣрѣ, я тогда избавлюсь отъ этого безконечнаго припѣва!

— Нѣтъ нѣтъ!.. мое дѣло кончено, сказалъ Сальваторъ, боясь, чтобъ всямишка веселости не перешла въ грусть. — Я никогда не скажу тебѣ ни слова, не буду ничего говорить о себѣ, хотя бы даже умереть пришлось. Я тебѣ это обѣщалъ, и теперь подтверждаю клятвенно. Но не то будетъ съ другими людьми; ты будешь вѣрить, что ты стара; на тебя посмотрятъ, и увидятъ, какая пышная жизнь льется въ твоихъ жилахъ. Ты будешь небрежно выбирать волосы, прятаться подъ этимъ вѣчнымъ халатомъ, который скорѣй похожъ на хламиду кающагося, нежели на женское платье, — и все-таки, на зло себѣ, будешь прекрасна, прекраснѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ! Скажи, какая жепщина сможетъ показаться при полномъ дневномъ свѣтѣ безъ туалета, зажарить себя в солницѣ шею и руки, утратить цвѣтъ лица, утомить глаза, прожидая ночи надъ больнымъ, вскорчивъ прежде пол-дюжины дѣлъ, послѣ столькихъ трудовъ, слезъ, страданій (и чего-чего еще не перенесла ты!) и при всемъ томъ вскружить голову такому родственному, какъ мой другъ Кароль, или такому бывалому человеку, какъ твой другъ Сальваторъ?

— Поймай! вскричала съ нетерпѣніемъ Флоріани: — если ты будешь продолжать въ этомъ тонѣ, если приймешься увѣрять, что я обладаю страсти, у меня достанетъ духа послатъ на тебя какое-нибудь лицо — нынче же вылить на него какую-нибудь вѣскую мочу, чтобъ завтра явиться страннымъ уродомъ.

— Будто! проговорилъ изумленный Сальваторъ: — найдется тебя такая свирѣпость къ самой-себѣ?

— Нѣтъ, это только такъ говорится, простодушно отвѣча Флоріани. — Я ужь и такъ много страдала; у меня нѣтъ охоты искать новыхъ мученій!

— Но еслибъ, на-примѣръ, можно было обезобразить себя такъ чтобъ не ослѣпнуть и не причинить себѣ никакой боли, ты рѣшилась?

— Тяжело мнѣ было бы рѣшиться, потому-что я артистка, люблю красоту и стараюсь удалить отъ глазъ дѣтей видъ безобразна. Я испугалась бы самой-себя, еслибъ сдѣлалась предметомъ ужаса и отвращенія. Но когдабъ дали мнѣ на выборъ: мученье новой стѣны, или непріятность быть уродомъ—увѣряю тебя, я не стала колебаться.

— Ты говоришь съ такою искренностью, что мнѣ становится страшно. Такое существо, какъ ты, способно на все! Ты вѣдь знаешь исторію подобнаго сумасбродства, Лукреція! какъ извѣстная принцесса также изуродовала себя, чтобъ избавиться отъ брака, потому-что она была влюблена въ другаго.

— Это превосходно, сказала Лукреція: — потому-что болѣе жертва женщина не можетъ принести.

— Да! но исторія прибавляетъ, что, погубивъ красоту, принцесса погубила и здоровье, сдѣлалась странною, злою. Оставайся прекрасною, Лукреція! потому-что, въ противномъ случаѣ, ты рискуешь утратить доброту, а доброта—не малое сокровище.

— Другъ мой! возразила Флоріани:—время все устроить. Мало-малу, не думая, можетъ-быть, сама того не замѣчая—я подвину, и тогда буду наконецъ счастлива, потому-что, если роковой опытъ доказалъ мнѣ, что нѣтъ счастья въ страсти, то у меня есть мечты о состояніи покоя и невинности; я его ужь и теперь ощущаю: оно мнѣ кажется дивно-усладительнымъ. Не говори мнѣ, что твой другъ возмутитъ мой желанный покой своимъ стараніемъ. Я сдѣлаю такъ, чтобъ онъ не любилъ меня.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Скажу ему о себѣ всю правду. А ты помоги мнѣ, не поддай правды!.. Впрочемъ, что я! Съ ума сошла — повѣрила тебѣ! Онъ не можетъ любить меня! Не онъ ли постоянно носитъ грудь портрета своей невѣсты?

— Ты въ-самомъ-дѣлѣ думаешь, что онъ любилъ ее? проговорилъ Сальваторъ, помолчавъ съ минуту.

— Ты же сказалъ, отвѣчала Флоріани.

— Да, я такъ думала, потому-что онъ самъ также думалъ, онъ говорилъ объ этомъ такъ краснорѣчиво... Но, между нами было сказано, душа моя, любовь мужчины не можетъ вѣчно питаться желаніями и сожалѣніемъ. И теперь, какъ я вспомню, въ какихъ отношеніяхъ былъ Кароль съ княжной Лючіей, мнѣ становится ясно, что любовь эта существовала только у него въ воображеніи.

Они видѣлись всего пять или шесть разъ, и то передъ глазами родителей.

— Только-то?

— Да; мнѣ Кароль самъ говорилъ. Они еще не успѣли познакомиться, какъ ихъ уже обручали, а потомъ — она умерла такъ скоро, что нѣтъ и не было времени узнать другъ друга.

— Ты видѣлъ ее, эту княжну Лючію?

— Видѣлъ одинъ разъ. Это было хорошенькое существо, хилое, блѣдное, заботочное... Я тотчасъ замѣтилъ въ ней болѣзненность, хотя никто этого не подозрѣвалъ. Въ ней было много изящнаго, много граціи: изысканный туалетъ, миѣна важная, слишкомъ-великолѣпная, на мой вкусъ; голубые глаза, волосы облачнаго цвѣта, лицо прозрачно-блѣдное, какъ лунный свѣтъ, видъ такой прелестный, движенія поэтическія... Она мнѣ не нравилась: Слишкомъ-была мечтательна, слишкомъ-недоступна; это было одно изъ тѣхъ существъ, которымъ мнѣ всегда хочется сказать: «да открывай ротъ, когда говоришь; ступай ногами, когда ходишь, ѣшь зубами, плачь глазами, играй на фортепьяно пальцами, смѣйся грудью, а не бровями, кланяйся корпусомъ, а не кончикомъ подбородка. Если ты бабочка или цвѣтокъ—улетай на воздухъ, не щекочи намъ зрѣнія и слуха. Если ты мертвая, — скажи скорѣе!» Наконецъ, она меня безпокоила, какъ такое существо, которое похоже на женщину, а между-тѣмъ—оно тѣнь. У ней была страсть прятаться подъ цвѣты и умащать себя духами, такъ-что разъ, когда мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ нею за обѣдомъ, у меня сдѣлался мигрень. Она была набальзамирована, какъ трупъ; и — по моему мнѣнію—лучше держать у себя въ шкапу ароматическую подушечку, нежели имѣть съ собой такую женщину; у меня не стало бы силъ постоянно вдыхать ее въ себя.

— Я не могу удержаться отъ смѣха, воображая этотъ портретъ, говорила Флоріани:—но между-тѣмъ, чувствую, что онъ преувеличенъ, что тутъ примѣшалась съ твоей стороны маленькая досада. Ты не понравился княжнѣ, я это вижу. Ты сказалъ ей какой-нибудь комплиментъ не довольно-тонкій... Оставимъ въ покоѣ мертвыхъ, почтимъ это воспоминаніе въ непорочной душѣ Кароля. Я, напротивъ, хочу заставить его говорить о ней, хочу оживить въ немъ любовь: въ настоящую минуту, это для него будетъ здорово. Прощай, мой другъ! успокойся: Кароль будетъ любить только одну сальфанду.

XII.

Луcreція была вполне увѣрена, что Сальваторъ заблуждается. Она чувствовала, что онъ любитъ ее, такъ-сказать, грубовато-престенцкой любовью, любовью искренней, но положительной, которая не хотѣла налагать, а тѣмъ больше на себя брать никакихъ

узъ; однимъ словомъ—то была тихая, великодушная дружба, которая могла довольствоваться мимоходомъ—бросаемыми наслаждениями, допуская произвольное число легкихъ измѣнъ съ той другой стороны.

Флоріани не хотѣла больше узъ и думала, что ушла отъ кой страсти; но такую высокую идею составила она себѣ о такъ энергически ее чувствовала, наконецъ, такъ непритв такъ страстна была она, что не могла не возмущаться подобн положеніемъ. Она не умѣла ничѣмъ быть вполонину, и есл сердцѣ ея еще крылось чувство, она лучше хотѣла побѣдить давить его, нежели удовлетворять его безъ энтузіазма, безъ ист няго, хотя, можетъ-быть, обманчиваго убѣжденія въ неразрѣ двойственной жизни, въ неизмѣнной вѣрности. Такой-то люб любила она долгіе сроки; такая-то любовь вспыхивала въ ней одну недѣлю, даже, можетъ-быть, и на одинъ часъ, какъ гово Сальваторъ:—то была любовь съ твердымъ убѣжденіемъ, чт конца не будетъ. Пылокое, безграничное увлеченіе, безотчетная пимость мнѣній, безпредѣльно-нѣжное сердце, слѣдовательно—м стремительныхъ порывовъ, много заблужденій, слабостей, герой преданности существамъ недостойнымъ, необычайная мощь, усл ленная къ цѣлямъ, жалкимъ въ дѣйствительности, возвышенн по идеѣ: — вотъ подвигъ, поглотившій всю ея жизнь, безра ный, достойный состраданія подвигъ.

Быстрая, рѣшительная — и въ отрѣченіяхъ и въ порывахъ, ужь цѣлый годъ была увѣрена, что освободилась отъ любви, ничто не разбудитъ въ ней этого чувства. Она даже убѣдила такъ скоро ея умъ дружился съ рѣшеніемъ воли, такъ легко казался онъ со всякимъ образомъ жизни, — убѣдилась, что по одержана навсегда, и если бы ей надо было измѣрять время лою своего убѣжденія, она поклялась бы, что ужь двадцать прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ она перестала любить.

Впрочемъ, послѣдняя рана у ней едва-едва затянулася, и какъ храбрый солдатъ, выступившій въ походъ, когда сл ноги едва могли перенести его за порогъ госпиталя, — Фло отважно выдерживала ежедневное столкновеніе съ двумя с ствами, очарованными ею, каждое по-свѣдому. Она старалась увѣриться, рассуждая такъ, что одного изъ нихъ она никогда любила, а другаго никогда не могла полюбить, и такъ-какъ ба назначила ей быть для нихъ необходимой, то и нечего му себя опасностями, которыя только еще могли родиться въ по номъ положеніи.

Задумавшись о томъ, что наговорилъ ей Сальваторъ Альб Лукреція, еще не входя въ спальню, сѣла въ будуарѣ и пр дасть съ удивительной беззаботностью разбирать свои волос укладывать ихъ по-ночному. «Можетъ-быть», думала она, «С ваторъ наивно острить; ему хотѣлось выпытать мои мысли о другъ, чтобъ знать, чѣмъ можно вѣриче на меня подѣйствовать

наглостью или чувством? Онъ приплетъ любовь Кардя для того только, чтобъ опять добиться объясненія, которое я ему запретила!»

Хотя, впрочемъ, нѣсколько вырвавшихся у князя словъ, его невольныя восклицанія и взгляды—должны были бы открыть глаза женщинамъ такихъ лѣтъ и съ такой опытностью, какъ Флоріани; но въ ней уцѣлѣла скромность и дѣтское простодушіе на зло всему, что должно было погубить эту скромность, это простодушіе: то была отличительная черта ея характера, то была одна изъ ея прелестей.

Убирая свои волосы при свѣтѣ одной свѣчи, Флоріани съ минуту смотрѣла на себя въ зеркало такъ внимательно, какъ уже годъ не смотрѣла. Но такъ мало было у ней призванія жить для самой-себя, что въ собственномъ лицѣ она видѣла только воспоминаніе людей, которые ее любили. «А!» подумала она, «не стали бы они меня любить, еслибъ теперь увидѣли. Какъ же я могу еще нравиться другимъ, когда и тѣ, которые, кромѣ молодости и красоты, имѣли столько другихъ причинъ любить меня, — когда ужъ и тѣ перестали обо мнѣ думать!» Флоріани не была счастлива въ любви, но за то рождала такія сильныя страсти, что уже не могла гордиться внушеніемъ прихотливыхъ желаній; не лество ей было, вмѣсто обожаемаго идола, сдѣлаться любимой игрушкой.

И такъ—Лукреція чувствовала себя во всей силѣ, когда опускала на зеркало газовыя занавѣски и думала про себя, что уже никто не будетъ имѣть надъ ней права. Но, взявъ свѣчу и повернувшись, чтобъ идти къ дѣтямъ, она вздрогнула: предъ ней стояло привидѣніе.

— Что это, мой милый князь? проговорила она, опомнившись отъ невольнаго ужаса:—вы встали, а между-тѣмъ васъ считаютъ спящимъ. Что съ вами? вамъ дурно? вы одни? Мы только-что разошлись съ Сальваторомъ,—онъ не приходилъ къ вамъ? Говорите же, пожалуйста, я боюсь за васъ.

Князь былъ такъ блѣденъ, разстроенъ, такъ дрожалъ, что въ самомъ-дѣлѣ было чего бояться. Ему что-то мѣшало отвѣчать; наконецъ, онъ рѣшился.

— Не бойтесь ни меня, ни за меня, проговорилъ онъ: — мнѣ хорошо, совсѣмъ-хорошо... Но я не спалъ, я сидѣлъ у окна... Я слышалъ разговоръ... мнѣ хотѣлось сойдти, вмѣшаться въ этотъ разговоръ. Я не смѣлъ... я долго колебался! Потомъ—ничего не стало слышно; я увидѣлъ, что Сальваторъ ходитъ одинъ по саду; на меня нашла отчаянная рѣшимость... я пришелъ къ вамъ... Простите меня! я такъ встревоженъ... я самъ не знаю, что дѣлаю, не знаю гдѣ я, откуда взялась у меня дерзость пробраться въ вашу комнату...

— Успокойтесь, отвѣчала Флоріани, усаживая его на диванъ:— я нисколько не обижаюсь: я вижу, что вы нездоровы, вы едва

себя помните. Скажите же, любезный князь, вамъ вѣрно ка-
нибудь дурной сонъ приснился? Я оставила при васъ Антонію;
чѣмъ она ушла, глупенькая?

— Я самъ просилъ ее оставить меня одного. Я ушелъ...
разъ, простите меня.. Я боюсь, не съ ума ли сошелъ я!

— Нѣтъ, нѣтъ! останьтесь здѣсь, успокойтесь. Я схожу
Сальваторомъ; мы вдвоемъ развеселимъ васъ; разговаривая съ
ми, вы забудете свое неприятное чувство; и когда вамъ бу-
лучше, Сальваторъ отведетъ васъ. При немъ вы спокойно
снете.

— Не ходите за Сальваторомъ! вскричалъ Кароль, быстро с-
тивъ за руки Флоріани:—онъ мнѣ ничѣмъ не поможетъ; вы
можете сдѣлать все. Выслушайте, выслушайте меня, и потомъ
пусть я умру, если моя воскресающая жизнь не выдержитъ
страшнаго усилія, съ которымъ мнѣ должно говорить. Я слыш
все, что говорилъ вамъ Сальваторъ, все, что вы ему отвѣч
Окно было открыто, вы сидѣли внизу: ночью тихо, голосъ да
слышенъ. Теперь я знаю все, — вы меня не любите; но... вы
вѣрите, что я васъ люблю!

— Не-уже-ли? подумала Флоріани, пріунывъ и изнемогши
нѣе отъ всего, что предстояло ей переговорить въ свою заш
не уязвляя этого скорбящаго сердца.

— Милое дитя мое, сказала она:—послушайте...

— Нѣтъ, нѣтъ! перебилъ князь съ такой энергіей, какой т
по было и ожидать отъ него:—мнѣ нѣчего слушать. Мнѣ н
стно все, что вы скажете. Зачѣмъ мнѣ слушать? да и не знаю,
стало ли бы у меня силъ все выслушать! Нѣтъ, я долженъ гово
Я отъ васъ ничего не требую... Развѣ я когда требовалъ отъ
чего-нибудь? Развѣ вы узнали бы мою мысль, еслибъ Сальва
не разгадалъ и не выдалъ ея? Но во всемъ этомъ есть одно
меня невыносимое, одно, что повернуло во мнѣ сердце, пот
что это одно—вы сказали. Вамъ представилось, что я не могу
бить подобную вамъ женщину. Вы говорили о себѣ дурно въ
казательство того, что я долженъ думать объ этомъ. Вы ска
наконецъ, что я васъ забуду, что если при мнѣ будутъ дурно
ворить о васъ, я малодушно вздохну, жалѣя, что связанъ съ
благодарностью... Это—страшныя мысли; онѣ убиваютъ меня!
жите, что вы отрекаетесь отъ нихъ, или... я не знаю, до чего
ведетъ меня отчаяніе!

— Полноте тревожиться отъ какихъ-нибудь необдумани
словъ, которыхъ я и сама не помню, сказала Лукреція, ужас
шись возрастающаго волненія князя:—я не думаю обвинять
въ гордости; знаю, что вы неспособны быть неблагодарнымъ.
я говорю! не я ли тогда же сказала, что ваша благодарность
раздо-больше моихъ простыхъ, самыхъ обыкновенныхъ усл
Умоляю васъ, забудьте слова, которыя васъ огорчили; я ихъ

глажу, я готова просить у васъ прощенія. Успокойтесь, докажите мнѣ искренность своей дружбы: не мучьте себя даромъ!

— Да, да! вы добры, вы удивительно-добры! возразилъ Кароль, судорожно схватившись за Флоріани, потому-что замѣтилъ ея попытку прекратить это уединенное свиданіе:—но хоть одинъ разъ, конечно, въ первый и послѣдній разъ въ моей жизни, я долженъ высказать... Знайте, что если кто-нибудь... хоть бы даже Сальваторъ, или кто другой... если кто-нибудь когда-нибудь скажетъ вамъ, что я васъ не уважаю... не благоговѣю передъ вами... точно такъ же, какъ благоговѣю предъ памятью матери, — онъ подло солжетъ... онъ будетъ мой врагъ, — я его убью, если встрѣчу!.. Я, тихій, слабій, робкій, я буду ненавидѣть, буду свирѣпѣть, неумолимъ, буду твердъ въ мщеніи, тверже всѣхъ этихъ бойцовъ. Знаю, что я похожъ на ребенка, что у меня черты женскія... но никто не знаетъ еще что во мнѣ кроется. Не могутъ этого знать, потому-что я никогда не говорю о себѣ... не хочу, чтобъ меня замѣчали, не умѣю заискивать любви. Не таковъ я и никогда не буду такимъ! Я даже не прошу, чтобъ меня считали способнымъ сильно любить... на что мнѣ это? Но вы, вы... А! вы по-крайней-мѣрѣ должны узнать, что этотъ умирающій человѣкъ принадлежитъ вамъ, какъ рабъ господину, какъ кровь сердцу, какъ тѣло душѣ. Для меня невыносимо, что вы этому не вѣрите! Вы сказали, что я могу любить только похожее на себя существо. Стало-быть, я не человѣкъ? Всякій человѣкъ любить то, что выше его; а я люблю васъ, какъ идеалъ, боюсь васъ, чту васъ до того, что, кажется, скорѣе умру у ногъ вашихъ, нежели произнесу хоть одно оскорбительное желаніе. Я вижу въ васъ не тотъ призракъ, что носилъ такъ долго въ себѣ. Я знаю, что вы женщина, что вы любяли, можете еще любить...любить другаго, не меня!.. Что жъ? пусть! я на все согласенъ; мнѣ нѣтъ нужды проникать въ тайны вашего сердца, вашей жизни для того, чтобъ благоговѣть передъ вами... Будьте чѣмъ вы хотите, бросьте дѣтей, прогоните меня, полюбите того, кого найдете достойнымъ... Если Сальваторъ вамъ понравится, если онъ можетъ подарить вамъ хоть одно счастливое мгновеніе. — слушайте его, сдѣлайте его счастливымъ; я... я, конечно, умру отъ этого; но... ни мысль о порицаніи не прійдетъ мнѣ въ голову, ни чувство мести не проникнетъ въ мое сердце. Я умру, благословляя васъ. Видите ли, я несчастливъ въ этомъ мѣрѣ; любовь къ вамъ такъ надрываетъ мнѣ грудь, что въ настоящую минуту у меня есть неодолимое желаніе, вопиющая потребность — умереть. Но если вы хотите, чтобъ я завтра же уѣхалъ, чтобъ никогда больше не видѣлъ васъ и жилъ, — я буду жить, я радъ буду жить въ страшныхъ мукахъ, чтобъ только повиноваться вамъ. Вы думаете, что я любилъ кого-нибудь, кромѣ васъ? Нѣтъ, не правда! Я никого никогда не любилъ. Теперь вижу, что я бредилъ... Любовь, какъ говорилъ вамъ Сальваторъ, была у меня въ воображеніи. Я не чувствовалъ, чтобъ она терзала мнѣ сердце. То

была непорочная женщина; я такъ уважаю память о ней, что хочу больше ее обманывать, нося на груди портретъ ея. Вовыте, спрячьте, берегите этотъ портретъ, котораго я ужь не покаю: мнѣ все представляются тамъ, вмѣсто ея, ваши черты! Я даю вамъ его и прошу васъ принять его, потому-что его не должоскорблять; а хранилищемъ ему могутъ служить только два мѣста или ваша рука, или гробъ моей матери... Не думайте, что я говорю въ бреду. Еслибъ я былъ спокоенъ, у меня не достало смѣлости говорить; но эта смѣлость выводитъ на свѣтъ истины, открываетъ то, о чемъ думалъ я каждую минуту съ-тѣхъ-пор, какъ узналъ васъ. И я выскажу свою думу предъ цѣлымъ свѣтомъ, я поклянусь въ ней надъ головами вашихъ дѣтей... я скажу самому Сальватору... пусть онъ услышитъ меня, пусть узнаетъ мою думу, пусть никогда не дойдетъ до нелѣпости отвергать ее... васъ люблю... васъ... тебя, для которой у меня нѣтъ имени, которой я не сумѣю опредѣлить ни на какомъ языкѣ... я люблю тебя!.. О! горитъ у меня въ груди... я умираю...

И измученный Кароль упалъ къ ногамъ Флоріани, скрутивши стиснувъ руки до того, что на нихъ показалась кровь.

— Люби, люби его! сжался надъ нимъ! вскричалъ Сальваторъ, который, не найдя Кароля въ его комнатѣ и обыскавъ весь домъ испуганный входилъ въ будуаръ, когда князь произносилъ послѣднія слова. — Люби его, Флоріани, или я больше не узнаю тебя или страшный эгоизмъ иссушилъ твое великодушное сердце! Онъ умираетъ—спаси его! Онъ никогда не любилъ—заставь его жить а не то я проклянута тебя!

И этотъ человекъ, странно-великодушный, восторженный, и своей личной неутомимости въ житейскихъ наслажденіяхъ, это неоцѣнимый другъ, предпочитавшій Кароля всему—и Флоріани самому-себѣ, — этотъ человекъ поднялъ его съ пола, гдѣ былъ онъ, будто въ предсмертныхъ мукахъ, и, такъ-сказать, бросилъ его въ объятія Флоріани, отскочилъ къ двери, чтобъ не слышать отвѣта и не быть свидѣтелемъ счастья, отъ котораго самъ емогъ отказаться.

Смушенная, растерянная, Флоріани взяла Кароля къ себѣ на грудь и нѣжно прижала его; но все еще больше испуганная, и жели побѣжденная, она сдѣлала Сальватору повелительный знакъ, чтобъ онъ не уходилъ.

— Я буду его любить, говорила она, покрывая долгими, яркими поцалуями блѣдное чело князя:—но буду любить такъ, какъ мать любила его! Клянусь любить его такъ же горячо, такъ неизмѣнно, какъ она! Вижу, что ему нужно быть такъ любимымъ, знаю, что онъ стоитъ этого. Эту материнскую нѣжность, которая оказывала ему инстинктивно, не думая продолжать ее долее его выздоровленія, эту нѣжность посвящаю ему навсегда, исключительно предъ всѣми мужчинами. Для тебя, дитя мое, я подвѣждаю обѣтъ чистоты и преданности, который дала для Селіа

других дѣтей своихъ. Буду благоговѣнно хранить портретъ твоей невѣсты, и когда тебѣ захочется посмотрѣть на него, мы вмѣстѣ будемъ говорить о ней. Вмѣстѣ будемъ плакать о твоей любимой матери, и ты не забудешь ея, потому-что въ груди моей найдешь для себя ея сердце... Вотъ такъ я принимаю твою любовь и вѣрю ей, я, разуверенная во всемъ остальномъ. Вотъ доказательство моей любви, самое сильное, какое только могу дать я.

Этотъ призывъ показался Сальватору очень-слабымъ лекарствомъ и скорѣ опаснымъ, нежели полезнымъ. Онъ собирався-было приступить къ дальнѣйшимъ требованіямъ; но Кароль оправдился, могъ говорить и вскрикнуть, заливаясь слезами:

— Благословляю тебя, дивная женщина! Никогда не потребую отъ тебя ничего больше; я такъ счастливъ, что не могу найти словъ благодарить тебя.

Онъ упалъ передъ ней и въ восторгѣ обнялъ ея колѣни; потомъ, вырвавшись изъ ея объятій, пошелъ за Сальваторомъ уснуть тѣмъ сладкимъ, спокойнымъ сномъ, какого еще не зналъ до-сихъ-поръ.

— Странная, невозможная любовь! думалъ Сальваторъ, стараясь также заснуть.

XIII.

Надѣюсь, читатель, что ты напередъ знаешь все, что случится въ этой главѣ; надѣюсь также, что, въ-продолженіе сей монотонной исторіи, пока, еще ничто не возбудило въ тебѣ ни малѣйшаго удивленія. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на тебя, когда ты приближаешься къ концу каждаго фазы какого бы то ни было романа: по твоимъ предугадываніямъ, я узналъ бы, идетъ ли пьеса путемъ логики и истины. Не вѣрю я въ такія развязки, которыхъ никто не можетъ предвидѣть, кромѣ самого автора, потому-что для данныхъ характеровъ нельзя строить много произвольныхъ предположеній: имъ предстоитъ что-нибудь одно, и, если никто не подозреваетъ этого одного, значитъ, что характеры ложны, небывалы.

Ты, можетъ-быть, скажешь: вотъ-де скать князь Кароль предается такому жаркому чувству, такой неограниченной страсти, которыя не соотвѣтствуютъ тому, что ты до-сихъ-поръ представлялъ въ немъ?.. Но нѣтъ, ты не сдѣлаешь мнѣ такого ничтожнаго замѣчанія, потому-что иначе я на тебя же сошлюсь: я спрошу тебя, не всего ли сильнѣе увлекаетъ насъ любимое существо именно тѣмъ, что противоположно нашимъ вкусамъ, нашей натурѣ? А если это справедливо, то несообразности неизбежны.

Въ-самомъ-дѣлѣ, жизнь, несущаяся передъ нашими глазами, такъ случайна, фантастична; сердце человѣческое такъ измѣнчиво, непоследовательно; а въ естественномъ теченіи дѣлъ столько без-

порядковъ, волненій, бурь, бѣдствій, внезапностей, что не изъ го и голову ломать надъ изобрѣтеніемъ странныхъ событій, исключительныхъ характеровъ. Стоить только разсказывать. И притомъ что такое исключительные характеры, которыхъ постоянно ищутъ романистъ, чтобъ привлечь и заинтересовать публику? Развѣ каждый изъ насъ, въ-отношеніи къ другимъ, не составляетъ исключенія въ безконечныхъ подробностяхъ организма? Если, по извѣстному міровому закону, все человѣчество составляетъ какъ-бы одно существо, то въ анализѣ этого огромнаго синтеза—развѣ не столько же различныхъ, непохожихъ другъ на друга существъ, сколько есть на свѣтѣ насъ недѣлимыхъ? Книга бытія говоритъ, что Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, показывая тѣмъ, что та основная матерія служила къ нашему образованію. Но въ сочетаніи составныхъ частицъ этой матеріи, остается вѣчное, безвѣчное разнообразіе, и — отъ-того-то невозможно найти двухъ совершенно-подобныхъ листковъ въ царствѣ растительномъ, отъ-того-то невозможно мечтать о двухъ совершенно-подобныхъ сепакахъ въ человѣческомъ родѣ. И такъ, вспомнимъ то общее мѣсто, что каждый изъ насъ носить въ себѣ невѣдомый для другихъ міръ и можетъ разсказать о себѣ исторію, подобную исторіи всего человѣчества, похожую на чью-нибудь исторію.

Вся задача романа состоитъ только въ томъ, чтобъ разсказать одну изъ этихъ личныхъ исторій и сдѣлать ее сколько-возможно ясною. Пусть прибавляютъ и вышніе факты, выводятъ толпы разнообразныхъ личностей—ничего, я согласенъ: съ этой путаницей много хлопотъ, а мало пользы для нашего нравственнаго усовершенствованія. Притомъ, это слишкомъ-утомительно для читателя, потому-что онъ лѣнивъ! Наслаждайся же, лѣнливый читатель: тебѣ попался авторъ, который еще лѣнивѣе тебя.

Ты предвидишь, что Флоріани, устроивъ съ княземъ такую любовную сдѣлку, зашла дальше, нежели думала; что эта маринская, платоническая и все-таки страстная любовь, не можетъ вѣчно существовать между двадцати-четырехъ-лѣтнимъ мужчиною и тридцати-лѣтней женщиною, — прекрасными, пылкими, жаждущими иѣжныхъ ласкъ. Она продолжалась полтора, можетъ быть два мѣсяца, въ невозмутимой радости для обоихъ, и, на правду сказать, то было лучшее, золотое время ихъ любви. Потомъ — настала буря; прежде всего, забушевала она въ душѣ молодого человѣка; послѣдовало нѣсколько упорныхъ часовъ, продолженіе которыхъ имъ казалось, что небо сошло на землю. Но... когда человѣческое блаженство достигнетъ своей апогеи, тутъ ему и конецъ. Такъ положилъ неумолимый законъ, управляющій нашей долей, и—всего нелѣпѣе было бы понукать человѣка къ развитію для абсолютнаго счастья, не сказавъ ему напередъ, что это счастье будетъ въ его жизни—пролетѣть молніею, надо приготовиться — все остальное время прозябать, довольствоваться или надеждой, или воспоминаніемъ. Жизнь не то, что романъ

Чтобъ она была полна, для этого нужно бы умиратьъ прямо послѣ извѣстныхъ дней. Чтобъ романъ льстилъ воображенію, для этого обыкновенно кончаютъ его исполненіемъ всѣхъ желаній, т. е. въ—продолженіе подлежащаго числа болѣе или менѣе разумныхъ говоровъ высказываютъ, что въ концѣ прорѣжется такой лучъ, котораго блескъ и красоту не изобразить никакое искусство. Читатель чертитъ его по собственному усмотрѣнію, потому—что авторъ на самомъ этомъ мѣстѣ прерываетъ рѣчь и раскланивается.

Ну! мы попытаемся выйти изъ битой колеи,—не закроемъ книги на этой роковой страницѣ. Мы постоимъ немножко на вершинѣ возвышавшагося передъ нами ската, а потомъ спустимся въ новую главу, которую читатель воленъ не читать, если онъ не любитъ печальныхъ исторій и горькихъ истинъ.

Вотъ, видяшь ли, любезный читатель, я тебѣ все сказалъ; ты теперь знаешь все, что будетъ дальше. Я продолжаю; остановись самъ, если хочешь. Въ общихъ чертахъ тебѣ извѣстны эти два чувства, которыя сошлись съ двухъ противоположныхъ концовъ общественнаго горизонта. Подробности — мое дѣло; если ты объ нихъ не заботишься,—оставь меня въ покоѣ, я буду писать одинъ. Неужели тебѣ кажется, что мы обязаны безпрестанно думать о тебѣ? что никто не можетъ писать для самого—себя, не можетъ оставить себѣ удовольствія забыть о тебѣ? Ты можешь съ своей стороны дѣлать то же; слѣдовательно—мы квиты.

Отказываясь отъ любви, стараясь убѣжать отъ нея, Флоріани ошибалась числомъ въ своей жизни. Она, конечно, была увѣрена въ эту минуту, что желанный покой старости, какимъ-то чудомъ, достигъ ее прежде времени. Пятнадцать лѣтъ страсти и доставшихся на ея долю страданій казались ей такими тяжелыми, такими жестокими, что она надѣялась заставить судьбу, подательницу испытаній, считать эти годы вдвое. Но неумолимая судьба была еще недовольна. За то, что ошибалась въ выборахъ, за то, что дарила высокой страстью любимыхъ, но недостойныхъ людей, за то, что не умѣла любить достойныхъ, но немилыхъ, что слишкомъ—много любила ихъ, за то, что не искала успокоенія, блаженства, мирнаго торжества избранныхъ, *вѣрныхъ*, спокойнозирающихъ съ высоты на горе и муки человечества, — бѣдная женщина должна была прошлые несчастія искупить новыми несчастіями. Вы сестра милосердія? подите же собирать разметанные камни на полѣ битвы, отгонять стаи мухъ отъ ранъ умирающаго, — вась или унесетъ ядро, или прійметъ за маркитантку грубый возбдатель. Но живите съ людьми избранными, любите только красавцевъ, богатыхъ, умныхъ, счастливыхъ, напоите свою нѣжную душу ароматомъ эфирной страны, будьте цвѣтомъ въ томъ саду, кляжной Лючіей въ той облачной сторонѣ, и вась вознесутъ ввыше облаковъ.

Итакъ, Флоріани совершенно заблуждалась, воображая, будто такъ дешево раздѣлалась съ жизнью, что можетъ наконецъ жить

для дѣтей, для старика-отца, для самой-себя. Сердца, пережившая столько страшныхъ недуговъ, не могли исцѣлить нѣсколько мѣсяцевъ покоя и уединенія. Можетъ-быть даже, это уединеніе, это бездѣйствіе было ей совсѣмъ-некстати. Переходъ былъ слишкомъ быстръ и, считая себя вполне выздоровѣвшей, добренькая Лукреція не береглась. Когда, вмѣсто той назойливой, личной любви которая породила всѣ ея бѣды, благородный, мечтательный князь де-Росвальдъ предложилъ ей безусловную преданность, чистое, достойное ея чувство, когда и онъ принялъ отъ нея съ восторгомъ обѣтъ чистой дружбы, Лукреція считала себя спасенною. Простительно ли было женщинѣ, у которой столько ошибокъ лежало в душѣ, обманывать себя до такой степени и добродушно воображать, что Провидѣніе, вмѣсто того, чтобъ наказывать, хочетъ вознаградить ее за всѣ заблужденія? Нѣтъ, непростительно; а между-тѣмъ, Лукреція, съ своей обычной наивностью, остановилась на этой мысли.

Сначала она ощутила высокое блаженство, чистую, свѣтлую радость. Кароль былъ такъ кротокъ, покоренъ, онъ заключился въ такомъ отреченіи, поддался такимъ могучимъ чарамъ, что одинъ взглядъ, одна невинная ласка — приводили его въ невыразимо упоеніе. На поверхности его существа отражалась свѣтлая непорочность; ѣдкія страсти, еще невѣдомыя, затаенныя, начинавшія бродить въ глубинѣ души его, не вдругъ разразились. Никогда еще не горѣлъ въ немъ огонь любви, никогда на груди его не билось женское сердце, и—первыя движенія такого рода были у него живѣе, глубже, нежели у юноши при первомъ пробужденіи чувствъ. Уже съ давнихъ поръ росли въ немъ эти желанія, а онъ все не хотѣлъ о нихъ думать. Онъ все обманывалъ ихъ поэзіей, набожнымъ чувствомъ къ погибшей невѣстѣ, которую ощущалъ только легкимъ прикосновеніемъ къ рукѣ. И вотъ его мечты явились въ дѣйствительности—свѣжія, робкія, трепещущія. Въ немъ оставался еще и дѣтскій страхъ, проснулась и энергія мужчины. Эта смѣсь стыдливости и восторженнаго жара придавала ему такую неотразимую прелесть, какой Флоріани еще никогда не встрѣчала. Сверхъ-того, онъ каждый день увлекалъ ее своимъ сердечнымъ сочувствіемъ, своею чистой любовью, наконецъ — энтузіазмомъ развитія котораго она не измѣрила.

Вѣчно-безтрепетная, вѣчно-безпечная за себя предъ лицомъ своихъ поклонниковъ, Флоріани не видѣла приближавшейся бури. Могла ли она думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ того, что онъ говорилъ ей; могла ли она бояться будущаго, когда оно казалось безконечнымъ продолженіемъ этой дивной любви? Кароль обманывалъ самого-себя, обманывая своего идола; онъ, этотъ тихій и страшный ребенокъ, побѣжденный, истерзаный страстью, все еще не вѣрилъ въ эту страсть; онъ еще жилъ обманомъ чувствъ, онъ вѣрился могуществу словъ, не постигая отгѣнковъ выражаемыхъ ими мыслей и дѣлъ. Когда онъ называлъ Флоріани «матушка»,

когда онъ край ея платья прижималъ къ своимъ горячимъ губамъ, когда говорилъ, засыпая: «скорѣй умру, нежели оскорблю ее нечестой мыслью», тогда онъ считалъ себя сильнѣе человѣческой природы: онъ презиралъ бурю, которая уже завывала въ груди его.

А она—слабый ребенокъ... да! ребенокъ простодушнѣе, довѣрчивѣе Кароля!.. Женщина, которую на простомъ языкѣ назвали бы погнѣшей женщиной, она вѣрила въ эту тишину, которая казалась ей такою свѣжею, новою, животворною. Она ощущала ее въ самой себѣ, потому-что усталость и разочарованіе утишили въ ней кровь, предохранили ее отъ внезапнаго увлеченія.

И среди этой взаимной довѣрчивости, такой безусловной, такой чистосердечной, что и присутствіе Сальватора нисколько не смущало ихъ, что только ихъ дѣйственные поцалуи чуть-чуть побаивались взгляда дѣтей, среди этой довѣрчивости каждый проходящій день рылъ подъ ними бездну. Кароль уже не существовалъ самъ-собою. Его порода, вѣрованія, мать, невѣста, склонности, вкусы, общественныя отношенія—все для него исчезло. Онъ дышалъ только дыханіемъ Флоріани, видѣлъ только ея глазами; онъ не слышалъ и не видѣлъ, не понималъ и не думалъ, когда не стояла она между нимъ и вѣшнимъ міромъ. Упоеніе было такъ полно, что онъ шага не могъ сдѣлать въ жизни самъ-собою. Ни прошлое, ни будущее не тяготѣли надъ нимъ; мысль о разлукѣ съ Флоріани не имѣла для него смысла. Казалось, это прозрачное, хрупкое существо истлѣло и уничтожилось въ огнѣ любви.

И, мало-по-малу, пламя пробилось сквозь обвивавшее его благовоиное облако. Молнія сверкнула на небѣ, голосъ страсти раздался, какъ зловѣщій крикъ, какъ вопросъ о жизни или смерти. Постепенное, незамѣтное ослабленіе страха и благоразумія, день-за-день, дошло наконецъ до явнаго отсутствія того высокаго убѣжденія, которымъ такъ гордилась Флоріани. Неодолимое влеченіе, рядъ страшныхъ желаній, нѣжныхъ и мучительныхъ, сладость невѣдомаго, могучаго упоенія—усыпили, уничтожили, одно за другимъ, всѣ заблужденія Кароля, и эта побѣда чувствъ, которую онъ считалъ унижительною для нихъ обоихъ, сдѣлала его любовью и восторженнѣе, еще безумнѣе.

Жизнь Кароля проходила въ ратованіи за духъ противъ вещества. Онъ долго вѣрилъ, что просить признанія въ любви у женщины, которая не ему принесетъ любовь-первенца—значитъ пасть и возвратно, безъ оправданія въ собственныхъ глазахъ. Онъ изумился, когда почувствовалъ въ себѣ такой приливъ радости, что совѣсть его замолкла; онъ сталъ ее спрашивать и нашелъ, что она совѣсть опьянѣла. Она отвѣчала ему, что ей нечего разбираться въ его грѣхѣ; что она чувствуетъ себя легко; что она не знаетъ, отъ чего онъ никогда не позволитъ ей дѣйствовать за-одно съ его сарднемъ.

Флоріани, которая никогда не дѣлала такихъ метафизически различій между своими склонностями и личными интересами, которая отказывалась отъ любви только въ такомъ случаѣ, если любовь приносила несчастье другому, Флоріани была очень-с койна, очень-горда, когда очарование друга перешло и на нее; казалось, что другъ навсегда останется счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Она только не жалѣла своей прекрасной мечты о свидѣннхъ вреждевременной страсти; гордость ея не страдала; она не ош кивала своего паденія. Всегда наивная и довѣрчивая, она на с сениа Сальватора отвѣчала только вопросомъ: не раскаявается Кароль, не жалуется ли на что-нибудь? А такъ-какъ блаженс Кароля въ эту минуту дошло до облаковъ, такъ-какъ самъ Сальваторъ чуть не одурѣлъ отъ изумленія, ревности и восхищенія то онъ и не нашелся, что отвѣчать.

Сальваторъ немножко страдалъ отъ этихъ приключеній, — о этотъ добрый графъ Альбани, который не ощутилъ бы подобн блаженства такъ сильно, какъ Кароль, но за то и не подвергъ его въ-послѣдствіи такому жестокому искупленію. Оно его т растревожило, что у него пропалъ сонъ, чуть не пропали и петить и веселость. Но душа его была такая прекрасная, дру такая доблестная, что онъ побѣдилъ себя. Онъ съ чувствомъ благодарилъ Флоріани за то, что она, если и не испѣлила нав да ума и сердца Кароля (что, по его мнѣнію, было невозможно при подобныхъ условіяхъ), по-крайней-мѣрѣ открыла ему та счастья, чего не открыла бы ему ни одна женщина. Потомъ, п предлогомъ необходимыхъ дѣлъ въ Венеціи, Сальваторъ уѣха отказавшись строить съ ними планы на будущее.

— Я вѣрочусь черезъ двѣ недѣли, сказалъ онъ: — и тогда мнѣ скажете, на что рѣшились.

Дѣло-то въ томъ, что Сальватору стало не подь-силу смотр на это счастье, которое, впрочемъ, онъ и одобрялъ и ободрялъ всего сердца. Отправляясь, онъ не сказалъ имъ, что ѣдетъ нс развлеченія съ одной танцовщицей, которая кивнула ему въ ланѣ за кулисами театра della Scala.

— Никакъ я не думалъ, рассуждалъ онъ дорогой: — что юный пуританинъ влюбится такъ сильно, что забудетъ все пр лое. Стало-быть, эта Флоріани сильнѣе, обаятельнѣе змѣи; тому-что Адамъ скоро сталъ оплакивать свой проступокъ, а роль, напротивъ, считаетъ его себѣ въ честь и славу!.. Ну! Богъ, чтобъ это продлилось, чтобъ я, воротясь, не нашелъ его стыдѣ и отчаяніи!

Въ слѣдующихъ главахъ, ты узнаешь, читатель, все, что чилось, если уже и теперь не знаешь и если не предпочита остаться между дверями рая и ада.

XIV.

Не смотря на привязанность князя къ Сальватору, не смотря на благодарность, которую онъ внушалъ ему своей преданностью, своей нѣжной заботливостью, признаніемъ чистоты его блаженства, не смотря на все это, счастье такъ себялюбиво, что Кароль какъ-будто обрадовался отъѣзду Альбани. Присутствіе друга всегда невозможно смущаетъ непрерывное изліяніе упоенной души, и хотя князь открыто исповѣдывалъ Сальватору силу своей страсти, а все-таки былъ отчасти недоволенъ, замѣтивъ, что тотъ не молнитъ соглашается съ его убѣжденіемъ въ нескончаемости текущаго блаженства, въ томъ, что ни одна тучка никогда не потемнитъ этого блаженства.

Человѣкъ съ душой менѣе-чистой, менѣе-благородной, можетъ-быть, смутился бы, обнаруживъ такую невѣрность самому-себѣ, и обнаруживъ ее предъ другомъ, который могъ сравнить настоящее съ прошлымъ, могъ изболѣть его въ нетвердости направленія, или, по-крайней-мѣрѣ, посмѣяться надъ внезапнымъ увлеченіемъ, какъ смѣялся прежде надъ излишней воздержностью. Но если умъ Кароля и былъ мелоченъ, то это была не дрянная мелочность: ее можно бы было назвать прелестнымъ ребячествомъ. Навности его были не такъ поразительны, не такъ полны, какъ у Флоріани, за то онѣ были тоньше и, въ-самомъ-дѣлѣ, интересны своей противоположностью съ основными чертами его характера. Поэтому, онъ не отвергалъ того, что прежде былъ ригористъ, а теперь сталъ человѣкомъ ослабленнымъ; но признаться въ этомъ ему было невозможно. Онъ самъ того не помнилъ, онъ почти не думалъ о своемъ превращеніи. Онъ все-таки былъ убѣжденъ, что ненавидитъ умственное увлеченіе безъ правила, безъ ограниченія, и еслибъ заговорили ему о другой женщинѣ, совершенно-похожей на Флоріани поведеніемъ и жизнью, но неимѣвшей того тайнаго, покорившаго его очарованія, онъ отвернулся бы съ ужасомъ и негодованіемъ. Наконецъ, на глазахъ у него, въ полномъ смыслѣ слова, лежала та повязка, которую древніе, истинные артисты въ искусствѣ символизировать страсти положили на глаза Купидону. Умъ его не измѣнилъ, но сердце и воображеніе украсили идола всѣхъ добродѣтелей, которыя онъ хотѣлъ обожать.

Флоріани, какъ можно было думать, легко привыкла къ этому уваженію, о которомъ прежде не имѣла понятія. Она, конечно, никогда не была любима и сама не любила такъ пламенно. Но такія избранныя натуры, какъ у Кароля, очень-рѣдки: она ихъ ни разу не встрѣчала. Она сама сказала Сальватору, что любила только пролетаріевъ, т. е. людей безъ имени, безъ состоянія, безъ извѣстности. Боязливая гордость всегда заставляла ее отвергать восторги людей, занимавшихъ высшія мѣста въ свѣтѣ. Все, что сколько-нибудь было похоже на связь, основанную

на личных, материальных интересах, на расчетъ, на тщеславіи, встрѣчало въ ней недоувѣрчивость, почти надменность. При безконечной привѣтливости ея нрава, это стараніе убѣгать и отталкивать отъ себя важныхъ людей, или знаменитыхъ артистовъ—съ виду казалось страннымъ; но, въ сущности, это было слѣдствіе ея независимаго, отважнаго характера, а можетъ-быть и того материнскаго инстинкта, который проявлялся у ней во всемъ. Одна мысль—жить подъ покровительствомъ—была ей невыносима. Она лучше хотѣла терпѣть шероховатости неотесаннаго любовника, нежели подчиниться важной дисциплинѣ раздушеннаго педагога. Въ сущности, она сама всегда была покровительницей, всегда улучшала, спасала, или пыталась спасти людей, которые были ей милы. Кротко журила она ихъ за пороки, съ любовью исправляла ихъ проступки и—устала вести къ совершенству этихъ ничтожныхъ людей. Но — слишкомъ-беззавѣтно принесла она себя въ жертву своему подвигу. Нѣсколько вѣковъ повторяется та же исторія со всякимъ самоотверженіемъ. Кто посвящалъ себя ему, тотъ — неизбѣжная жертва; и такъ-какъ Лукреція все-таки была женщина, то и не могла терпѣть до конца. Впрочемъ, слишкомъ-много любви хотѣла она вложить себѣ въ душу: хотѣла быть въ одно и то же время и матерью любовниковъ и матерью собственныхъ дѣтей, и эти двѣ привязанности, вѣчно сталкивавшіяся другъ съ другомъ, должны были рѣшить между собой борьбу истребленіемъ той, которая была не такъ упорна. Дѣти все-таки увлекали ее, и, выражаясь метафорически, любовники, взятые изъ сиротскаго дома цивилизаций, рано или поздно должны были въ него воротиться.

Вышло то, что ее часто ненавидѣли, проклинали люди, которые были ей всѣмъ одолжены, которые, будучи избавлены ею, не могли понять, что она приходила въ себя, когда изнемогала и теряла бодрость. Они обвиняли ее въ непостоянствѣ, въ жестокости, въ сумасбродныхъ, своенравныхъ порывахъ любви и холодности, и послѣдній упрекъ былъ отчасти основателенъ. И потому, мой милый читатель, Флоріани не должна тебѣ казаться совершенствомъ; я совсѣмъ не думалъ представить въ ней такое идеальное существо, о какомъ мечталъ Кароль. Это—личность обыкновенная, которую я предъ лицомъ твоимъ анализирую, со всѣмъ величіемъ ея инстинктовъ и слабостью исполненія, съ ея обширными замыслами и ограниченными или невѣрными средствами.

Многіе очень-милые мужчины думали, что Флоріани просто глупа, что это—существо разсѣянное, мечтательное, безразсудное, потому-что она не внимала ихъ увѣтамъ. Да и могла ли она заставить себя уважать этихъ людей, она, такъ неудачно избиравшая предметы для своего предпочтенія, она, расходившаяся съ ними для того, чтобъ найдти кого-нибудь еще хуже.

Да; у ней были враги, и она почти не замѣчала этого, потому-что у ней еще больше было друзей, и притомъ она ни во что считала чужія рѣчи; когда сердце ея было полно такими горячи-

ни привязанностями. Но тѣмъ не менѣе, всѣхъ важныхъ господъ и значительныхъ лицъ считала она себѣ естественными врагами. Она, по плоти и крови, осталась простолюдинкой среди поприща театральной царицы, и, усвоивъ всѣ свѣтскіе приемы, сохранила въ душѣ гордое, немножко-дикое чувство къ свѣту. Она умѣла постигнуть всѣ тонкости изящныхъ манеръ, и когда являлась на сценѣ или писала для театра, можно было подумать, что она родилась далеко отъ крестьянской хижины. Но несносно ей было слышать предположеніе, что этой благородной женщиной, этимъ языкомъ она одолжена частымъ сношеніямъ съ знатью. Она знала, что это благородство вытекало изъ ея собственнаго пониманія высшихъ условий искусства, изъ чувства прямого изящества, изъ ея врожденной гордости духа. Она захохотала, когда одинъ маленькій, неуклюжій маркизъ пришелъ къ ней въ ложу сказать, что ему всего больше въ ней нравится то, что она умѣла разгадать лучшее общество. Разъ также одна знатная дама (у которой, къ-несчастью, былъ дикій голосъ, красныя руки и волосистый подбородокъ) сдѣлала ей комплиментъ, сказавъ, что у ней видъ герцогини. Флоріани отвѣчала ей язвительнымъ тономъ: «когда передъ глазами такіе образцы, какъ ваша свѣтлость, нельзя не угадать, что прилично благородной роли». А когда знатная дама вышла, актрисса принялась хохотать съ своими товарищами. Бѣдная герцогиня! она воображала, что доставила большую честь и удовольствіе своими похвалами!

Я все къ тому веду рѣчь, что нужно было по-крайней-мѣрѣ чудо для того, чтобъ эта насмѣшливая, гордая плебейка нашла въ себѣ столько любви и нѣжности для князя. Мы видѣли, какъ это чудо зараждалось постепенно, и потомъ—совершилось какъ-будто неожиданно. Тогда Флоріани, забывъ о своей защитѣ, проникнутая восторгомъ, вдругъ открыла въ любимомъ человѣкѣ такія прелести, которыхъ никогда не хотѣла оцѣнить въ людяхъ его происхожденія. Вѣрная своимъ предубѣжденіямъ, она никакъ не хотѣла эту грацію, это очаровательное благородство приписать полученному имъ воспитанію, усвоеннымъ отъ данной среды привычкамъ. Глядя на нихъ съ той точки зрѣнія, она скорѣй явилась бы критикомъ; но предположивъ, что источникъ всего этого заключается въ совершенствѣ его природы, въ кротости его души, въ нѣжности его чувствъ къ ней, она не устояла и вдохновилась. Всѣ бывшія наслажденія показались ей весьма непоэтическими предъ этимъ пиромъ амброзій, предъ этимъ медомъ непорочныхъ устъ, сладкихъ рѣчей, чистыхъ восторговъ ея юнаго друга.

— Я не стою такой высокой любви, говорила она ему: — но люблю тебя за то, что ты способенъ ее такъ чувствовать и высказывать. Я никогда не любила самой-себя до-сихъ-поръ; но теперь, кажется, начинаю любить себя въ тебѣ; мнѣ кажется, что я должна уважать существо, которое ты такъ чтить. Нѣтъ, нѣтъ! никогда не была я любима! ты моя первая любовь! говорила она

въ порывѣ сердечной откровенности. — Я искала, я жадно искала того, что теперь наконецъ нашла. А! моя душа — я считала ее изнемогшей, а она такая же дѣвственная, какъ у тебя; теперь я это знаю, могу поклясться въ этомъ передъ Богомъ!

Любовь полна такими грѣшными порывами. Для могучей натуры послѣдній всегда кажется первымъ, и дѣйствительно, если любовь измѣрять энтузіазмомъ, то Флоріани никогда такъ не любила. Энтузіазмъ ея къ другимъ людямъ бывалъ непродолжителенъ. Эти люди не умѣли ни поддержать, ни возобновить его. Привязанность на нѣкоторое время переживала разочарованіе, потомъ — начиналось великодушіе, заботливость, состраданіе, преданность, словомъ — материнское чувство; и чудно еще, какъ могли столько времени жить такъ безумно зарождавшіяся страсти, хотя свѣтъ, который судить только по наружности, дивился и негодовалъ на эти быстрые, рѣшительные разрывы. Въ каждой изъ своихъ страстей, Флоріани наслаждалась счастьемъ и самозабвеніемъ не больше недѣли, а потомъ, если годъ или два безусловной преданности слѣдовали за любовью, которая была уже признана нелѣпою и неумѣстною, — не правда ли, что это былъ такой высокій героизмъ, который стоилъ не одной жизни, посвященной человѣку достойному?

О, если достойному, то много труда, много доблести нужно для того, чтобъ предаться и принести себя въ жертву? Коріоланъ, прощающій неблагодарному отечеству, выше Регула, страдающаго въ мукахъ за отечество признательное.

И въ этотъ разъ, не такъ ли же вѣтренно увлеклась Флоріани своимъ счастьемъ? И въ этотъ разъ она начала преданностью, потому-что заботилась, ухаживала за этимъ больнымъ ребенкомъ, спасала его дѣною тяжелой скорби и физическаго утомленія. Но что все это было передъ тѣмъ страданіемъ, которое перенесла она, спасая развращенныя души, или заблудшіе умы?

Право, ничто! меньше нежели ничто. Развѣ не посвящала она заботъ и бессонныхъ часовъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ людямъ? «И за такую малость» думала она: «вотъ какъ онъ меня любитъ, какъ-будто я ему рай отворила. Теперь ужъ я не буду говорить, что меня любятъ только потому-что я нужна, или потому-что окружена кое-какимъ блескомъ. Онъ любитъ во мнѣ меня. Онъ богатъ, онъ князь, онъ челоуѣкъ добродѣтельный; нѣтъ у него долговъ, нѣтъ у него нравственныхъ слабостей, не увлекается онъ вредными страстями. Онъ не развратный, не игрокъ, не мотъ, не тщеславный. У него только одно честолюбіе — быть любимымъ; онъ ждетъ отъ меня не услуги, не помощи, а только счастья, которое можетъ дать любовь. Онъ не видѣлъ меня въ пору моей славы. Не поддѣльная красота, привлекавшая костюмомъ, не вліяніе таланта, торжества, не восторги толпы и соперничество похвалъ привлекли его ко мнѣ. Онъ видѣлъ меня только въ

имені удивленіи, разоблаченную отъ всѣхъ обольстительныхъ чаръ. Мое существо, меня... о, да, онъ меня любитъ!

Она не подумала о томъ, что дѣйствительно было потрудитѣ понять и объяснить,—что этотъ молодой человекъ, томимый потребностью исключительной привязанности, недавно потерявшій привязанность матери, дошелъ до того возраста жизни, когда непремѣнно долженъ былъ или полюбить или умереть; что случай, судьба (какъ говоримъ мы нынче въ романахъ) назначила этому человеку встрѣтить попеченія, нѣжность и доброту женщины, еще прекрасной и милой, и его внутренняя жизнь, такъ долго сдѣланная, забушевала, что наконецъ онъ любилъ страстно, потому что иначе не могъ любить.

Отсутствіе Сальватора, вмѣсто двухъ недѣль, протянулось больше мѣсяца. Кто удержалъ его такъ долго вдали отъ друзей? Можетъ-быть, человекъ, о которомъ не стоить и говорить;— ну, я и не буду о немъ говорить. Сальваторъ самъ былъ того же мнѣнія, потому что ни слова не сказалъ о немъ ни Каролу, ни Лукреціи. Онъ воротился къ нимъ, когда сообразилъ, что лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не разставался съ ними.

Въ-продолженіе этого проведеннаго съ-глаза-на-глазъ мѣсяца, рай нашихъ любовниковъ былъ ясенъ, чистъ, залитъ роскошнымъ солнцемъ. Полное, непрерывное обладаніе любимымъ существомъ— вотъ единственная жизнь, какую могъ перенести Кароль. Чѣмъ больше его любили, тѣмъ больше хотѣлъ онъ быть любимымъ; чѣмъ сильнѣе овладѣвало имъ счастье, тѣмъ пламениѣе стремился онъ овладѣть счастьемъ.

Но онъ могъ овладѣть имъ только при одномъ условіи, т. е., чтобъ ничто не стояло между имъ и предметомъ его страсти. Это чудо совершалось въ его пользу больше мѣсяца, благодаря стеченію обстоятельствъ, очень-рѣдкому въ дѣйствительной жизни. Всѣ дѣти Флоріани были совершенно здоровы; ни одинъ не охнулъ, не пожаловался въ цѣлыя пять недѣль. Еслибъ у Сильвіо разболѣлась голова или у маленькаго Сальватора прорѣзался новый зубъ, Флоріани захлопоталась бы съ ними и на нѣсколько дней оторвалась бы отъ своего милаго князя; но оба мальчика и обѣ дѣвочки поживали-себѣ на диво: не случилось между ними ни ссоръ, ни слезъ, ни крика, да еслибъ и было что-нибудь, Кароль не замѣтилъ бы этого, потому что онъ еще не замѣчалъ мелкихъ подробностей, короткихъ перерывовъ своего блаженства, и Лукреція употребляла самое малое время на униманье дѣтей или на внимательство въ дѣла ихъ. Она спокойно хранила надъ ними бдительный, пронизательный надзоръ; но они требовали такого легкаго, кроткаго надзора, что князь видѣлъ только одну пріятельную сторону въ этихъ священныхъ обязанностяхъ.

Старикъ Менапаче много ловилъ рыбы и выгодно продавалъ ее то дочери, то трактирщику въ Изео. Въ-слѣдствіе того, онъ былъ очень-веселъ и ни разу не приходилъ ворчать на Лукрецію.

Она, по обыкновению, нѣсколько разъ въ день ходила къ нему, но Кароль не сопутствовалъ ей, такъ—что и забыть неприятное чувство, которое внушилъ ему скупой старикъ въ первый день приѣзда. Наконецъ, никто не являлся въ виллу Флоріани, ничто не возмущало блаженного tête-à-tête.

XV.

Надо сказать и то, что князь помогъ судьбѣ счастливымъ настроеніемъ своего ума; онъ шага не сдѣлалъ къ тому, чтобъ понять странность своего положенія. Искусный въ терзаніи самого себя, привыкшій къ своимъ мрачнымъ, молчаливымъ грезамъ, онъ предоставилъ подвижному характеру и очаровательной ясности Флоріани разгонять его грустныя мысли, поддерживать его умственное благосостояніе.

Они почти не разговаривали другъ съ другомъ: удивительное, единственное средство понимать другъ друга всегда и во всемъ! Любовь ихъ, стоявшая въ точкѣ зенита, выражалась только горячимъ бредомъ, только взаимными ласками, безмолвнымъ созерцаніемъ другъ друга, страстными восклицаніями, восторженными взглядами, да упительными грезами вдвоемъ.

Еслибъ можно было проникнуть въ глубину этихъ двухъ душъ, одинаково погруженныхъ въ мечты объ идеальномъ, открылся бы страшный недостатокъ сродства и единства между ними. Флоріани, увлеченная всѣмъ существомъ, звала на праздникъ своего упоенія небо и землю, луну и озеро, цвѣты и вѣтерокъ, даже дѣтей, даже иногда воспоминанія о прошломъ горѣ; Кароль, безчувственный къ красотамъ внѣшней природы, къ дѣйствительности собственной жизни, изливалъ свою возвышенную, свободную фантазію въ монологъ къ самому Богу. Онъ ужъ былъ не на землѣ, а тамъ, въ странѣ золотыхъ, благовонныхъ облаковъ, у подножія Бога, между любимой матерью и обожаемой женщиной. Когда солнечный лучъ огненнымъ цвѣтомъ обливалъ окрестность, когда аромат цвѣтовъ вѣялъ въ воздухъ, и Лукреція указывала ему на это явленіе, онъ видѣлъ картину и вдыхалъ сладость мечты; но въ дѣйствительности ничего не видѣлъ, ничего не чувствовалъ. Иногда она говорила ему: «Посмотри, какъ хороша земля!» онъ отвѣчалъ: «Я не вижу земли, я вижу только небо». И она восхищалась страстной глубиной отвѣта, не понимая его. Она глядѣла на облака, горѣвшія пурпуромъ заката, и не знала, что душою Кароль видитъ выше облаковъ, видитъ фантастическій Эдемъ, видитъ тамъ себя, гуляющаго вмѣстѣ съ нею; но въ сущности гулялъ онъ тамъ одинъ. Наконецъ, можно сказать, что Флоріани смотрѣла на дѣйствительность съ поэтическимъ чувствомъ творца *Насерма*, а Кароль идеализировалъ самую поэзію, населалъ безконечность собственными созданіями, какъ Маноредъ.

Не смотря на эти несходства, оба они заносились как только югли высоко, и насущные земные предметы не имѣли мѣста въ ихъ сердечныхъ изліяніяхъ. Обстоятельство, совершенно-противное дѣятельной, великодушно-любящей, такъ-сказать борящейся натурѣ Лукреціи. Носясь въ безконечномъ пространствѣ, она похожа была на слѣпорожденнаго, неожиданно-прозрѣвшаго, который напрасно пытался бы понять новые, невѣдомые ему предметы. Князь не могъ ей передать ничего, кромѣ неясныхъ образовъ собственныхъ видѣній. Онъ считалъ оскорбительною для Флоріанн мысль, что у нея нѣтъ того далекаго провидѣнія, какъ у него; онъ думалъ, что она понимаетъ всѣ чудеса въ тысячу разъ лучше, нежели онъ могъ бы ей объяснить ихъ. А Флоріанн, потерявшаяся въ безконечности, но восхищенная отважнымъ полетомъ въ невидимый міръ, не думала спрашивать его о томъ, что ощущалъ онъ. Она въ первый разъ почувствовала недостаточность человѣческаго слова,—она, такъ глубоко изучившая это слово, такъ хорошо владѣвшая имъ! Но, смущенная, какъ смущается всякій предъ лицомъ внѣшняго обожаемаго предмета, Лукреція думала, что все, что она ни скажетъ, что ни постигнетъ, все это будетъ ничто предъ тѣмъ, что мыслить и чувствовать Кароль.

Она еще не чувствовала усталости отъ душевнаго напряженія въ этомъ непривычномъ, небываломъ для нея странствіи, когда Сальваторъ прервалъ ихъ упоительное уединеніе, и не смотря на то, какъ-будто по инстинкту, обрадовалась его приѣзду, встрѣтила его съ распростертыми объятіями. Онъ явился предъ ними въ расплохъ, потому-что цѣлую недѣлю предъ-тѣмъ не писалъ, и они немного беспокоились о немъ; впрочемъ, беспокоилась больше Флоріанн, нежели Кароль, хотя она не любила его такъ, какъ долженъ былъ любить его князь; но это происходило отъ ея врожденной заботливости, которой не мѣсто было въ сверхъестественныхъ мечтаніяхъ князя.

Казалось, и самъ Кароль думалъ, что онъ желаетъ возврата вѣрнаго друга; но когда послышалось бряканье остановившагося у рѣшотки виллы почтоваго экипажа, и Кароль еще не зналъ, въ чемъ дѣло, сердце у него замерло. Давнишнее, замолкшее и забытое предчувствіе вдругъ пробудилось въ немъ.

— Боже мой! вскричалъ онъ, судорожно схвативъ Лукрецію за руку:—мы не одни; я погибъ! Теперь лучше бы мнѣ умереть!

— Что такое? отвѣчала она:—если это незнакомый, я не прийму; а можетъ-быть, Сальваторъ; у меня сердце слышитъ. Это было бы довершеніемъ нашего счастья!

Сердце Кароля ничего не слышало; ему какъ-то невольно хотѣлось, чтобъ это былъ незнакомый, чтобъ ему отказали. Между-тѣмъ, онъ встрѣтилъ друга съ глубокимъ чувствомъ; а безотчетная грусть все одолевала его. Все-таки теперь измѣнилась эта жизнь, прелесть которой онъ такъ-хорошо постигъ, и которая не могла не пострадать отъ присутствія посторонней личности.

Сальваторъ показался ему неугомоннѣе, живѣе прежняго, разумѣя эти свойства въ матеріальномъ смыслѣ. Вдали отъ нихъ, онъ былъ не то, чтобъ счастливымъ, но за то разсѣянъ и веселъ, на зло противорѣчіямъ и промахамъ, которые встрѣчаются въ жизни, посажденной удовольствіямъ. Онъ разсказалъ все, что могъ разсказать о своемъ пребываніи въ Венеціи. Говорилъ о балахъ въ древнихъ палацахъ, о катаньяхъ по каналамъ, о музыкѣ въ церквахъ, о процессіяхъ вокругъ Площади-св.-Марка; потомъ, о нечаянныхъ, пріятныхъ встрѣчахъ: съ однимъ другомъ—Французомъ, съ знакомой хорошенькой Англичанкой, съ знатными славяно-германскими особами, родственниками Кароля; наконецъ, въ лучистой пріямѣ, гдѣ Кароль ужъ былъ забытъ, представилъ онъ маленькій магическій фонарь свѣта.

Во всемъ его разсказѣ не нашлось ничего непріятнаго, возбуждающаго какое-нибудь волненіе. А между-тѣмъ, Кароль чувствовалъ страшную неловкость, какъ-будто среди стройно-взяннаго концерта вдругъ послышалась пронзительная нота какого-нибудь стараго крикуна, какъ-будто простонародный мотивъ замѣшался въ высокую мысль великаго композитора. Нельзя было заговорить съ нимъ ни объ одномъ человѣкѣ, который бы еще интересовывалъ его; ни объ одномъ предметѣ, который бы не показался ему ниже его нравственнаго настроенія, не показался бы ему нестѣющимъ размышленія. Онъ хотѣлъ не слушать, а между-тѣмъ невольно слушалъ, когда Сальваторъ говорилъ Флоріани:

— А вотъ, поразскажу я тебѣ вѣстей, которыя и для тебя будутъ интересны! Встрѣтилъ я многихъ изъ твоихъ друзей, и обо всѣхъ надо будетъ разсказать, потому-что всѣ тебя любятъ; кому ни случалось видѣть тебя хоть разъ на сценѣ, никто забыть не можетъ. Видѣлъ я Ламберти, твоего бывшаго сообщника по дирекціи: онъ плачетъ о твоёмъ исчезновеніи; говоритъ, что теперь итальянскій театръ погибъ. Видѣлъ графа Монтанари де-Бергамъ, который до послѣдняго издыханія будетъ говорить только о томъ дѣлѣ, который ты рѣшилась провести въ его виллѣ; видѣлъ и малютку Санторелли: этотъ вѣчно влюбленъ въ тебя!.. Графиню Корсини, которая знала тебя въ Римѣ и у которой въ домѣ ты одинъ разъ согласилась прочесть драму ея друга, аббата Варини! драма, какъ оказалось, была очень-плохая, но ты ее такъ прочла, что никто не могъ удержаться отъ слезъ.

— Не напоминай мнѣ моихъ старыхъ грѣховъ, отвѣчала Флоріани.—Вѣдь это, можетъ-быть, смертный грѣхъ—читать заботливо, сознательно какую-нибудь плоскость. Это значитъ—обманывать и автора и слушателей. Слава Богу, теперь я избавлена отъ подобныхъ проступковъ! Ну, скажи же, кого ты еще встрѣтилъ?

Кароль вздрогнулъ. Онъ не хотѣлъ думать, что все это могло занимать Лукрецію. Сальваторъ насчиталъ еще съ полдюжины лицъ, и Флоріани, которую, въ-самомъ-дѣлѣ, казалось, ничто не интересовало, слушала однако съ той обязательностью, какой тре

бусть дружба. Но въ перечнѣ Сальватора мелькнуло одно имя, которое возбуждало въ ней особое, заботливое вниманіе. Это имя было—Боккаферри, имя бѣднаго артиста, котораго она нѣсколько разъ спасала отъ мучительной нищеты, хотя никогда не чувствовала къ нему ни любви, ни малѣйшаго сочувствія.

— Какъ! опять задолжалъ до такой степени? сказала она, когда Сальваторъ передалъ ей нѣкоторыя подробности:—стало-быть, нѣтъ возможности спасти этого несчастнаго отъ безпорядочной жизни и неразсчетливости?

— Кажется.

— Ну, все-равно; надо еще попробовать.

— Я предупредилъ твое желаніе, оказалъ ему кое-какое пособие.

— Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! Это хорошо съ твоей стороны! Я заплачю тебѣ, Сальваторъ.

— Что за вздоръ! ты не хочешь позволить мнѣ сдѣлать добраго дѣла?

— Нѣтъ, но здѣсь твое доброе дѣло, можетъ-быть, пойдетъ не въ прокъ; ты вѣрно сдѣлалъ это для меня, потому-что самъ очень-мало зналъ Боккаферри, и я увѣрена, что онъ воспользовался моимъ именемъ, чтобъ возбудить въ тебѣ состраданіе къ его участи.

— Нужды нѣтъ! Другой, сильнѣйшей протекціи у него не было. Впрочемъ, я люблю этого чудака; онъ меня очень забавляетъ. Онъ такъ уменъ!

— И съ такимъ талантомъ! примолвила Флоріани:—еслибъ онъ хотѣлъ и умѣлъ имъ пользоваться! Бѣдный Боккаферри!..

Кароль уже не слушалъ. Они болтали, прохаживаясь по аллеѣ парка; князь немножко отсталъ, потомъ остановился и ждалъ, оглянется ли на него Флоріани при поворотѣ изъ аллеи. Флоріани не оглянулась; они съ Сальваторомъ были очень заняты: придумывали, какъ бы употребить въ дѣло искусство Боккаферри, какъ декоратора, на какомъ-нибудь другомъ театрѣ, кромѣ Милана, Неаполя, Флоренціи, Рима, Венеціи, и проч., и проч., т. е. кромѣ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, откуда поочередно прогоняли его за безпутство и фантастическое направленіе.

— Ты говоришь, что триста франковъ, можетъ-быть, заставить его рѣшиться на поѣздку въ Синналію, гдѣ ему будетъ работа, по-крайней-мѣрѣ, на праздники? Хорошо! Я ему пошлю, потому-что я понимаю, какъ должно быть горько пріѣхать человѣку въ крайности и поставить себя въ совершенную зависимость отъ заказчиковъ. Вотъ какъ плодится и множится бѣдность!

Говоря такимъ-образомъ, Лукреція только и думала о томъ, чтобъ исполнить долгъ челоѣколюбія и сострадательности; даже, по чувству стыдливости, свойственному подобнымъ подвигамъ, она понизила голосъ и ускорила шаги, чтобъ Кароль не разслышалъ

ея словъ; да притомъ, она, можетъ-быть, думала, что преднегъ этотъ слишкомъ-пошлъ для вниманія князя.

Къ-несчастью, Флоріани въ первый разъ не угадала, чѣмъ можно было угодить Карлою. Ею слишкомъ занимало то, о чемъ она говорила; онъ хотѣлъ бы не проронить ни одного слова, а между-тѣмъ стыдился подслушивать противъ ея желанія. Онъ остановился; съ минуту колебался, а когда они пропали изъ вида, у него закружилась голова; онъ вообразилъ, что цѣлая бездна легла между ними.

Что же такое случилось? Отъ-чего-ему было мучиться? Ничего не случилось; но нужно меньше, нежели ничего для того, чтобъ съ высоты небесной слетѣть на дно адской пропасти человѣку, летающему съ своимъ воображеніемъ, вмѣсто земли, Богъ-знаетъ гдѣ. Древніе классики, надъ которыми мы такъ глупо смѣемся, вообразили, что одна муха могла низвергнуть въ бездны пространства дерзкаго смертнаго, отважившагося управлять себовою колесницей на небесномъ пути. Поищемъ же теперь иной, болѣе-вѣрной, болѣе-разумной метафоры, чтобъ выразить свое ничтожество, ничтожество того, что можетъ сокрушить наши возвышенные восторги! Но... я не берусь за это; я могу только сказать презрѣнной прозой: князь Кароль черезъ-чуръ высоко залетѣлъ. отъ-того и трудно было ему спускаться по-немногу. Надо было упасть вдругъ, безъ всякой видимой причины. Ужъ какіе борзые, мощные были солдцы кони-исполины; а какое жалкое, маленькое насѣкомое заставило ихъ закусить удила!

Кароль ушелъ изъ сада, заперся въ своей комнатѣ и принялся ходить взадъ и впередъ, какъ-будто фурія гнались за нимъ. Это, за минуту предъ тѣмъ великодушное, твердое сердце вдругъ стало игрушкой ничтожнаго призрака. Что же это за Боккаферри, который такъ занимаетъ Лукрецію? Можетъ-быть, прежній любовникъ? Теперь онъ вспомнилъ то, о чемъ было-забытъ съ перваго дня ихъ встрѣчи: вспомнилъ, что у ней было много любовниковъ. И зачѣмъ она такъ увлекается воспоминаніемъ, которое недостойно ея,—тогда-какъ онъ, женихъ Лючіи, пожертвовалъ даже портретомъ своей невѣсты для того, чтобъ не владѣть и изображеніемъ иной женщины, кромѣ Лукреціи?

Чѣмъ больше силился онъ объяснить себѣ естественнымъ образомъ этотъ простой фактъ, тѣмъ больше находилъ въ немъ тайны и приводящихъ въ отчаяніе сцѣпленій. Она понизила голосъ, удвоила шаги, когда говорила съ Сальваторомъ. Это было видно. Она не оглянулась въ концѣ аллеи, не посмотрѣла, идетъ ли за ними Кароль,—она, въ-продолженіе мѣсяца непронустившая ни одной минуты, которую бы могла посвятить ему, не нарушая семейныхъ обязанностей! А теперь — идетъ-себѣ, опираясь на руку Сальватора, говорить съ жаромъ, и ужъ конечно рѣчь идетъ объ этомъ возмутительномъ воспоминаніи, объ этомъ ганиственномъ лицѣ, о которомъ никогда не говорила ему ни слова! Кароль и

этому дивился, какъ-будто Флоріани когда-нибудь рассказывала ему о своей прошлой жизни, какъ-будто онъ не тысячу разъ заклиналъ ее не чернить себя передъ нимъ, забыть разомъ всѣ прошлыя волненія, чтобъ сосредоточить все свое существо въ текущемъ наслажденіи!

Къ довершенію всего—она не идетъ къ нему, не спроситъ, гдѣ онъ, отъ-чего ушелъ. Минуты тянутся часами, годами!.. А Сальваторъ, безчувственный другъ, пріѣхалъ развлекать ее подобными вещами, набросалъ ядовитыхъ именъ въ чашу ихъ блаженства!.. Такъ страдалъ Кароль около четверти часа, которая показалась ему вѣкомъ; наконецъ, съ трепетомъ услышалъ онъ голоса Флоріани и Сальватора, проходившихъ подъ его окномъ. Она смѣется! Сальваторъ напоминаетъ ей остроты и странности Боккаферри. Флоріани точно смѣялась; ея возлюбленный умираетъ отъ муки, а она и не думала о томъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, она вовсе не думала о томъ, бѣдная Лукреція! Она даже не беспокоилась, что нѣтъ возлѣ нея Кароля; она вообразила себѣ, что предметъ разговора для него совсѣмъ чуждый, что онъ предпочелъ зарыться въ свои привычныя грезы.

Сколько разъ, когда они, бывало, приближались къ хижинокъ Менапаче, Кароль говорилъ ей, что онъ лучше не пойдетъ туда, а подождетъ ее вотъ здѣсь, въ тѣни акацій, на берегу озера, продолжая бесѣдовать съ ней въ воображеніи!

Однако, сердечный инстинктъ заставилъ ее воротиться къ Каролю скорѣе, нежели желалъ Сальваторъ. Ему таки хотѣлось еще удержать ее въ паркѣ и заставить говорить о ея настоящей любви. Но она ужъ ступила, такъ-сказать, на дорогу замкнутости, которую открылъ ей Кароль; теперь она не торопилась по-прежнему разливаться въ простодушной довѣрчивости и дружбѣ. Теперь она боялась слабо выразить необъятность своего блаженства, боялась, что ее не вполне поймутъ. Она отвѣчала полу-словами и, съ хитростью, которая была у ней какъ-будто не своя, свела рѣчь на Боккаферри и увлекла Сальватора къ дому, потому-что искала глазами Кароля, нигдѣ не находя его.

Лишь-только вошедши въ залу, Флоріани воспользовалась первымъ предложомъ и отправилась на верхъ. Между-тѣмъ, Кароль дошелъ до такого страшнаго положенія, что на немъ ужъ лица не было. Онъ чувствовалъ въ груди глухой ропотъ ярости. Боясь, что не сможетъ притвориться, не рѣшаясь показаться на глаза въ такомъ видѣ и растерявшись въ конецъ, когда помышались шаги на галереѣ, онъ бросился съ лѣстницы черезъ другую дверь и, предоставивъ Флоріани искать и кликать его сколько ей угодно, убѣжалъ къ озеру.

Скоро замѣтилъ Кароль, что изъ сосѣдней роицы вылетѣло облако табачнаго дыма, который всегда осѣнялъ главу Сальватора. Вообразивъ, что пріятель идетъ къ нему и боясь его глазъ сильнѣе, нежели глазъ Лукреціи, князь устремился въ хижинку Мена-

паче, въ той надеждѣ, что туда не прійдутъ его искать, ибо знаютъ, что онъ тамъ никогда не бываетъ. Замѣтивъ, что старикъ съ своимъ Биффи только-что отплылъ въ лодкѣ отъ берега, Кароль обрадовался возможности остаться одному еще сколько-нибудь времени, чтобъ прійти въ себя, обрѣсти силу воли и успокоить свою наружность.

xvi.

Кароль, въ-самомъ-дѣлѣ, не замедлилъ успокоиться, и тутъ же упрекнулъ себя за чудовищный бредъ. Видъ этой хижинки, въ которую онъ не ступалъ ногой послѣ перваго дня пріѣзда, и которую въ тотъ разъ совсѣмъ не рассматривалъ, наполнилъ его душу страннымъ волненіемъ теперь, когда онъ остался въ ней одинъ, подъ влияніемъ страсти.

Внутренность этого деревенскаго домика, очень-опратно прибраннаго (на что Биффи имѣлъ врожденный даръ), нисколько не измѣнилась со временъ дѣтства Флоріани. Старый рыбакъ съ большимъ трудомъ согласился на нѣкоторыя улучшенія, относившіяся къ приличному виду и успокоительному уюту; но ни за что не хотѣлъ позволить исправлять мебель или поновлять грубую матерію занавѣсокъ. Былъ тутъ только одинъ предметъ, отзывавшійся цивилизаціей: это—большая гравюра, въ рамкѣ палисандроваго дерева, висѣвшая надъ постелью старика. Кароль подошелъ посмотреть на нее; то была Флоріани, во всемъ блескѣ красоты и славы, въ костюмѣ Мельпомены, съ античной діадемой на головѣ, съ открытыми плечами, съ жезломъ въ рукѣ. Красивая виньетка окружала эту благородную фигуру; орнаменты виньетки состояли изъ разныхъ атрибутовъ музъ; тутъ были: маска Талін, полуслапожекъ рядомъ съ котурной, труба, книга, перлы, мирты Калліопы, Эрато и Полимнія. Итальянское двуступище, написанное ученымъ слогомъ, выражало ту мысль, что какъ артистка трагическая и комическая, какъ поэтъ героическій и историческій, какъ *litterata* и проч., и проч., Лукреція Флоріани соединяла въ себѣ всѣ таланты и всѣ знанія, составляющія сценическую и литературную славу.

Эта гравюра была приношеніемъ римскихъ дилеттантовъ, котораго Флоріани не хотѣла помѣщать въ своей виллѣ, и которымъ старикъ завладѣлъ по тому поводу, что слышалъ, какъ одинъ изъ слугъ цѣнилъ прекрасную картину въ двѣсти франковъ. Онъ повѣсилъ ее надъ маленькой акватинтой, которая всего больше привлекла вниманіе Кароля; она представляла дѣвочку десяти или двѣнадцати лѣтъ, одѣтую крестьянкой, съ розой на головѣ, съ большой серебряной булавкой въ волосахъ, въ тонкой, бѣлой шемизеткѣ, въ корсажѣ кирпичнаго цвѣта. Въ этомъ портретѣ не видно было особаго мастерства, но была очаровательная наивность.

То было истое простодушіе, невинность ребенка, умнаго мыслью, простаго сердцемъ и воспитаніемъ. Внизу было подписано: *Антоньетта Меланаче, писанная съ натуры, десяти лѣтъ отъ роду, своей крестной матерью Лукреціей Рамьери.*

Странный контрастъ представляли эти два портрета: деревенскую дѣвочку и великую артистку,—никому неизвѣстнаго счастливаго ребенка и знаменитую несчастную женщину,—малютку такую милую, спокойную, съ ясной, веселой улыбкой, съ крѣпкой, какъ у мальчика, грудью, въ наглухо-закрытой плотной рубашечкѣ — и женщину такую прекрасную, такую строгую, съ выразительнымъ взглядомъ, съ гордой осанкой, съ едва-прикрытою классическимъ покрываломъ грудью... Этотъ контрастъ пробудилъ въ Каролѣ чувство ужаса и скорби. Нельзя было не согласиться, что эти два портрета похожи, что Лукреція сберегла, затаила въ своей дѣйствительной жизни много благоуханнаго, трогательнаго выраженія невинной Антоньетты Меланаче. Но все благородное, граціозное, обольстительное, что пріобрѣла она, сдѣлавшись Флоріани,—все это производило впечатлѣніе, которое съ перваго раза испугало Кароля, когда онъ увидѣлъ ея образъ, украшенный, возвеличенный восторженнымъ удивленіемъ артистовъ. Этотъ яркій свѣтъ поразилъ его глаза, и онъ долженъ былъ перевести ихъ на полевою розу, украшавшую головку дѣвочки. Ему казалось, что муза, своимъ прошлымъ, ускользала изъ его ревниваго обладанія, между-тѣмъ, какъ ребенка, принадлежавшаго только Богу, никто у него не оспаривалъ.

Не смотря на то, у Кароля достало духа тщательно разсматривать музу; но какъ возмущился онъ, когда внизу выѣтки увидѣлъ сдѣланную самымъ мелкимъ шрифтомъ надпись, гласившую, что эти украшенія сочинялъ и рисовалъ *Джакомо Боккаферри!*

Онъ совсѣмъ-было забылъ, а теперь опять встрѣтилъ это проклятое имя, которое, конечно, не даромъ цѣлый часъ кипятило его воображеніе. Боккаферри не былъ творецъ портрета: то была кисть болѣе-славнаго художника; но все-таки онъ тутъ работалъ; онъ, можетъ-быть, видѣлъ, какъ Флоріани стояла предъ живописцемъ въ прозрачной туникѣ, полная той юной, могучей красоты, которой только остатки достались на долю Кароля. Притомъ же, онъ, этотъ Боккаферри, очень-близко, очень-коротко былъ знакомъ съ Флоріани, потому-что безъ стыда принималъ отъ нея пособія! До какой степени человѣкъ, не совсѣмъ-дрянной, долженъ быть тѣсно связанъ съ женщиной, чтобъ брать изъ ея рукъ милостыню? А если это, въ-самомъ-дѣлѣ, художникъ, котораго безпутство и развратъ довели до нищеты, то какимъ-образомъ Лукреція могла имѣть подобныхъ друзей? «Если женщина удостоилась быть любовницей князя Кароля, — какъ можетъ она вспоминать подобныя знакомства?»

Безумная гордость, порожденная любовью и ревностью, не даетъ сознанію человѣка облечь подобныя глупости въ опредѣлен-

ную форму; она напѣваетъ ему въ уши эти глухости такъ такъ что онъ выходитъ изъ себя, не имѣя возможности дать отчета томъ, что возбуждаетъ въ немъ эту ярость, эту тоску.

Кароль схватился обѣими руками за голову и готовъ былъ урваться ею объ стѣну. Еслибъ порывы гнѣва не были внѣ его и вычекъ и направленія, онъ истребилъ бы этотъ роковой портретъ. Но предъ яснымъ, гордымъ взоромъ, которымъ, казалось, смотрѣлъ на него портретъ, онъ мало-по-малу успокоился. Въ краснo-написанныхъ глазахъ портрета было что-то странное, этотъ задумчиво-устремленный на васъ взоръ, казалось, спрашивалъ, что вы о немъ думаете. Онъ обнялъ Кароля. Актриса какъ-будто говорила ему: «По какому праву ты меня спрашиваешь? Развѣ я принадлежу тебѣ? Развѣ ты мнѣ далъ мой талантъ, мою власть? Опустя свои любопытные, наглые глаза, потому-что свои никогда не опускаю; моя гордость сломить твою».

Въ умѣ Кароля, измученною внутреннюю борьбою, зародились разные призраки. Онъ отвернулся отъ портрета съ чувствомъ дикаго ужаса и сталъ смотрѣть на миленькую акватинту, въ которой нашель теперь еще новыя прелести. Мало-по-малу, очарованный невинностью этого кроткаго, глубокаго взора, онъ заплакалъ, воображая, что прижимаетъ къ сердцу темнорусую голову хрупенькой Антоньетты.

Луcreция, искавъ Кароля вездѣ, пошла спросить отца или Бюхи, не встрѣтили ли они его гдѣ-нибудь. Она вошла въ домъ и, испуганная расплаканнымъ лицомъ князя, бросилась и тоскливо прижалась къ нему, называя его разными сладкими именами, засыпая тревожными вопросами.

Кароль и не могъ и не хотѣлъ отвѣчать. Какъ ему было знать, какъ намекнуть о томъ, что сейчасъ происходило у него? Онъ самъ того стыдился и—нужно сказать во славу любви—если увлекся Кароль порывистостью, несправедливостью бабьянаго дитяти, за то скоро пробудилось въ немъ нѣжное, прелестное чувство дитяти, которое стоитъ горячей любви. Лишь только почувствовалъ онъ на себѣ эти крѣпкія объятія, когда укрывавшія его отъ смертныхъ страховъ, лишь-только разбитымъ страданіемъ сердце его ожило отъ прикосновенія этого материнскаго сердца,—въ мигъ забылъ онъ свой сумасбродный бредъ, тутъ же показалось ему, что онъ самый счастливый, самый добрый, самый довѣрчивый смертный.

Въ эту минуту, онъ скорѣе бы умеръ, нежели оскорбилъ бы симилую намекомъ на подозрѣніе. У него подъ руками былъ еще простой и трогательный предлогъ для объясненія этихъ слезъ: онъ указалъ на акватинту, и Флоріани, тронутая такой сердечной нѣжностью, бросилась съ жаромъ цаловать изящныя руки, и красныя волосы князя. Никогда не была она такъ горда, такъ счастлива впущенной ею любовью. Она и не подозрѣвала — бл

ше! что, назадъ тому нѣсколько минутъ, ей пришлось бы ужаснуться этой любви.

— Другъ мой! говорила она ему: — я бы никогда не осмѣлилась одолжить отвращеніе, которое ты питалъ къ этому мѣсту. Ты мнѣ ничего не говорилъ, но я давно догадалась, что странности моего отца не могли тебѣ нравиться; но такъ-какъ ужь случай, или не знаю какой сердечный инстинктъ привелъ тебя въ мой родимый уголокъ, такъ-какъ мы теперь въ немъ одни, то я хочу показать тебѣ его подробно. Поди сюда!

Она взяла его за руку и повела въ глубину комнаты. Эта комната, вмѣстѣ съ другою, куда они теперь пошли, да еще что-то въ разѣ кладовой, заваленной старою, переломанною, ни на что годною мебелью, которую Менапаче хотѣлъ хранить до послѣдней нужки, — составляли все помѣщеніе домика.

Луcreция отворила передъ княземъ ту самую каморку, въ которой жила она въ годы своего дѣтства; эту каморку освѣщало одно узкое оконце, совсѣмъ-заросшее снаружи дикимъ виноградомъ. Кроме съ камышевой рогожкой, прикрытой ситцевымъ, во стѣ мѣстахъ заплатааннымъ одеяломъ; гипсовыя, грубо-выдѣланныя статушки, нѣсколько наклеенныхъ на стѣнахъ рисунковъ, до того пожелтѣвшихъ отъ времени и сырости, что ничего нельзя было на нихъ разобрать; избитый, неровный полъ, стулъ, сундукъ, маленький сосновый столикъ—вотъ что было въ жалкомъ углу, гдѣ дочь рыбака провела свои первые годы, тая въ себѣ дары силы и гения.

— Вотъ гдѣ протекло мое дѣтство! сказала она князю:—отецъ, по бережливости ли своей, или по остатку нѣжности, незаглушенной суровымъ недовольствомъ, ничего не переставилъ въ теченіе моего долгаго странствія по свѣту. Вотъ моя дѣтская постель, на которой — помню, какъ спала, поджавъ ноги; и это положеніе становилось для меня все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе по мѣрѣ того, какъ я выросла. Вотъ, въ изголовьи, изсохшая вѣтка благословеннаго дерева, которую я привязала къ нему въ вербное воскресенье, накануне отъѣзда... накануне моего бѣгства съ Раньери! Въ фигура Іоахима Мюрата, грубая гипсовая статуэтка, которую разнощикъ продалъ мнѣ вмѣсто лика моего патрона. А вотъ — котвило, ракушки, челночки, — орудія, которыми я вязала рубашки стѣи. Ахъ, сколько я переспускала и перервала петель, когда мысли мои уносились далеко отъ этой монотонной работы; единственной работы, которую позволялъ мнѣ отецъ сверхъ домашнего хозяйства! Сколько перестрадала я отъ холода и жара, отъ комаровъ и скорпионовъ, отъ одиночества и скуки — въ этой узкой темничкѣ! Съ какою радостью вылетѣла я изъ нея, не поспѣвая и проститься съ нею, когда моя дорогая крѣстная сказала мнѣ: «Ты или захвораешь, или изуродуешь себя, если еще будешь оставаться въ этой комнатѣ и спать на этой постели. Иди ко мнѣ въ замок. Тамъ тебѣ не будетъ такъ хорошо, какъ бы я хотѣла и

какъ бы могло быть, потому-что мужъ мой, чтобъ стать богомъ твоего отца, не меньше его экономничаетъ. Но я вѣхомолку (ду помогать твоимъ нуждамъ; буду учить всему, чему тебѣ хочется учиться; ты позаботишься обо мнѣ, когда я заболѣю; и съ тобой будетъ не скучно. Я возьму тебя какъ-будто въ сѣжанки, потому-что подругой взять тебя мнѣ не позволитъ Раньери; но это не помѣшаетъ намъ мѣняться услугами!» Дивная, благородная женщина! Она угадала мои способности, она открыла мнѣ-самой!... Она же и заставила меня собрать плоды добра и зла съ древа познанія!

«А потомъ, когда ея сынъ полюбилъ меня, и старикъ Раньери прогналъ меня изъ дома, я опять переселилась въ свою бѣдную каморку; мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ. Отецъ хотѣлъ меня выдать за одного изъ своихъ деревенскихъ друзей: это былъ чужеземецъ слишкомъ-старый для меня, грубый, скупой, серантый; его прозывали *Манджіафоко*. Я боялась его, пряталась отъ него въ кустарникѣ, что растетъ по берегу; а когда отецъ ночью уходилъ ловить рыбу съ фонаремъ, я запералась въ этой каморкѣ со страхомъ и трепетомъ, потому-что видѣла, какъ *Манджіафоко* бродилъ около дома. Мой возлюбленный юноша хотѣлъ убить его. Я каждую минуту дрожала отъ ужаса, потому-что *Манджіафоко* способенъ былъ къ убійству.

«Эта жизнь была невыносима. Когда я умоляла отца защитить меня отъ злаго челоуѣка, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Онъ тебѣ не нуженъ; онъ любитъ тебя безъ памяти. Поди за него; онъ богатъ и будешь счастлива». Я попыталась-было воспротивиться, — отецъ началъ упрекать меня въ безумной любви къ хозяйскому сыну, грозилъ принести въ жертву грубой страсти *Манджіафоко*, который способенъ былъ и безъ моего согласія взять меня за себя. Я знала, что отецъ мой этого не сдѣлаетъ, потому-что слышала, какъ онъ говорилъ *Манджіафоко*, что убьетъ его, если онъ только вздумаетъ пугать меня. Но если онъ былъ способенъ такъ мстить за честь дочери, за то не былъ такъ деликатенъ, чтобъ не попытаться склонить ее къ немилому браку страхомъ. При всемъ этомъ, сестра моя какъ меня терзала. У крѣстной матери я успѣла привыкнуть къ своимъ собственнымъ занятіямъ. Несносное вязанье давало моему воображенію слишкомъ-широкое раздолье. Меня душили мои мечты и желанія; я такъ и рвалась въ иной міръ, совсѣмъ-противный тому въ который хотѣли меня втолкнуть. И вотъ, послѣ долгихъ отговорокъ, я приняла предложеніе Раньери. Наша любовь была еще не порочна: онъ клялся, что никогда не разлюбитъ меня, что отецъ узнавъ о его бѣгствѣ, согласится на бракъ нашъ. Однимъ словомъ онъ меня укралъ, и вотъ черезъ это-то оконце пробралась я въ глухую ночь, съ помощію брошенной подъ ноги доски, потому что подъ окномъ стояла вода.

«Ну! въ этотъ разъ не весело покидала я свое бѣдное гнѣздышко. Былъ и страхъ, и совѣсть упрекала за проступокъ; да кро-

того, разставаться со всей этой ветхой утварью, мирной, безмолвной свидетельницей моих дѣтскихъ игръ и первыхъ грѣзъ, было невыразимо-жалко; какъ-будто пробуждалось во мнѣ предчувствіе горя и бѣды, на которыя шла я; или, можетъ-быть, то была признательность, какую обыкновенно чувствуютъ люди даже къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ всего больше страдали.»

Флоріани не кетати рассказала Карёлю этотъ отрывокъ изъ своей жизни. Она хотѣла открыть ему свое сердце; князь слушалъ въ смущеніи. Ей вообразилось, что такъ и слѣдуетъ, что онъ чувствуетъ къ ней признательность. Но у Карёля на этотъ разъ силы были такъ истощены для того, что онъ не способенъ былъ слушать подобнаго рода исповѣдь, въ которой еще встрѣтилось имя прежняго любовника. Ему было слишкомъ-тяжело; не могъ онъ перервать Флоріани какимъ-нибудь замѣчаніемъ; но по лицу его катился холодный потъ, и дѣйствующія лица разказа неотступно, мучительно кружились у него въ головѣ.

Между-тѣмъ, этотъ разказъ былъ истиннымъ оправданіемъ Флоріани въ ея первомъ проступкѣ, роковомъ источникѣ всѣхъ послѣдующихъ. Кароль чувствовалъ, что не имѣетъ права отказать ей во вниманіи, что въ этомъ мѣстѣ, въ этомъ часѣ была какая-то торжественность, отъ которой онъ не могъ убѣжать.

— И безъ этого разказа, проговорилъ онъ наконецъ съ усиленіемъ:—я зналъ, что въ васъ никогда не было дурныхъ побужденій. Одинъ разъ я вамъ сказалъ: что въ другихъ людяхъ дурно, то для васъ—хорошо. Дѣвушка, убѣжавшая отъ старика-отца—преступница; но ты, Лукреція, ты, можетъ-быть, должна была вырваться изъ-подъ его власти. Боже мой! Не даромъ не могу я смотрѣть на этого старика безъ неприятнаго чувства!

— Не торопись осуждать его, желая смягчить мою вину, возразила Флоріани. — Ты неумѣнно судишь о немъ; ты его не знаешь. Вотъ я обвиняла его,—теперь позволь показать тебѣ его лучшія стороны. Я обязана это сдѣлать, не правда ли?

Кароль вздохнулъ, дѣлая утвердительный знакъ: онъ не могъ не уважать дочерней любви Лукреціи; но внутреннее его чувство не могло допустить скупости и безчувственнаго деспотизма подобнаго отца. А между-тѣмъ, у него-самого, въ этомъ ревнивомъ чувствѣ, была такая скупость на Лукрецію, какой у Менапаче никогда не бывало, ни въ отцовской власти, ни въ домашнихъ расчетахъ.

XVII.

— Люди никогда не бывали логичны и полны ни въ хорошихъ, ни въ дурныхъ своихъ качествахъ, говорила Флоріани:—чтобъ не перейти изъ одной крайности въ другую, отъ крайняго уваженія къ крайнему негодованію, чтобъ сохранить любовь и довѣріе къ

тѣмъ, кого мы обязаны любить, для этого надо составить себѣ о нихъ вѣрное понятіе, надо спокойное смотрѣть на добро и зло, а главное — не забывать, что у большей части людей иногда порокъ есть не что иное, какъ излишекъ добродѣтели.

«Порокъ моего отца — скопидомство; говорю это прежде всего, чтобъ потомъ было понятно, что добродѣтель его — духъ правоты и фанатическое уваженіе принятыхъ правилъ. Онъ страстно любить деньги, какъ всѣ простолюдины, но отличается отъ прочихъ тѣмъ, что украсть соломенку — для него преступленіе. Мелочность его состоитъ въ постоянномъ отвращеніи отъ мотовства, которое ведетъ къ нищетѣ; его величіе заключается въ скупости, которая вся клонится къ пользѣ тѣхъ, кого онъ любитъ, даже со вредомъ для его собственнаго благосостоянія, здоровья, чуть не жизни.

«И вотъ — онъ копить, скаречно, грязно, надо признаться, копить — я ужь не знаю, какую ничтожную казну, запрятанную, вѣроятно, гдѣ-нибудь здѣсь, въ этой хижинѣ. Изрѣдка скупаютъ онъ небольшіе клочки земли, думая основать на ней будущую честь и славу своихъ внучатъ. Попытайся убѣдить его, что хорошее воспитаніе, вѣрное направленіе и способности всего нужнѣе для дѣтей — никакъ не убѣдишь. Онъ все крестьянинъ и тѣломъ и душой; онъ понимаетъ только то, что видитъ. Онъ знаетъ, какъ трава растетъ, какъ хлѣбъ родится и, не подозрѣвая, что тутъ кроется чудо, непроницаемѣ всѣхъ дѣлъ человеческихъ, преспокойно говоритъ, что это *дѣло естественное*. Говори ему о вещахъ въ-самомъ-дѣлѣ естественныхъ, объяснимыхъ: о пароходѣ, напримеръ, о желѣзной дорогѣ, — онъ улыбнется и не будетъ отвѣчать. Онъ вѣритъ только въ существованіе того, что видѣлъ, и если предложить ему сходить на ту сторону озера, чтобъ убѣдиться собственными глазами, — онъ не пойдетъ, боясь, что его морочать.

«Моя жизнь ни въ чемъ не убѣдила его — ни въ искусствѣ, ни въ силѣ умственныхъ даровъ, ни въ обѣмѣхъ идей. Онъ ни разу не спросилъ меня о подобныхъ вещахъ, и никогда не сталъ бы слушать съ удовольствіемъ того, что для него совсѣмъ-чуждо. Онъ видитъ, что я нажила состояніе съ помощью искусства и, еслибъ не особое обстоятельство, сталъ бы совѣтовать мнѣ попытать счастья въ другой разъ. И въ этомъ случаѣ онъ разсуждаетъ очень-специально и очень-наивно: «Ваша братья-художники, — вы много «наживаете денегъ, да за то проживать-то ихъ вамъ надо еще «больше. У васъ такая повадка дѣлается отъ-того, что вы все «другъ съ дружкой знаете, да по свѣту рыскаете. Трудитесь-трудитесь изо всѣхъ силъ, а радости-то вамъ почти и всего-ничего. А вотъ я — ничего не трачу, не люблю веселиться, за то хоть мале добываю, не что добуду, то ужь берегу. «Стало-быть, мре ремесло и пріятнѣе и прибыльнѣе вашего: вы «бѣдны, а я богатъ; вы въ неволѣ, а я на волѣ!»

«Вотъ отъ-чего онъ мало цѣнитъ мою славу, такъ мало ею восхищается. Ему ничто въ ней не льститъ; и, если сказать правду, тотъ родъ презрѣнія къ моимъ успѣхамъ мнѣ кажется самою любопытною, самою почтенною чертою его характера. Въ этомъ пройденномъ мною поприщѣ такъ много противорѣчій съ его невзобытными понятіями, что онъ не могъ сохранить ко мнѣ свою нѣжность; впрочемъ, собственно-такъ-называемая нѣжность никогда не жила въ его сердцѣ. У него все сбивается на строгую, холодную правоту. Когда мать моя, произведши меня на свѣтъ, умерла родами, онъ далъ обѣтъ не жениться, если я останусь жива; потому-что, по его мнѣнію, мачихи никогда не любить дѣтей отъ перваго брака,—и сдержалъ свое слово, не изъ любви къ жениной памяти, а по чувству долга въ-отношеніи ко мнѣ. Съ какими заботами, съ какою неусыпностью воспитывалъ онъ меня: не всякаго бы достало на то, чтобъ нянчиться съ крошечнымъ ребенкомъ; при всемъ томъ, я увѣрена, что онъ никогда ни разу не поцаловалъ меня. Онъ ни разу не подумалъ объ этомъ, ни разу не почувствовалъ желанія прижать меня къ сердцу; онъ и теперь говоритъ, что я балую дѣтей, отъ-того, что ласкаю ихъ. Онъ спрашиваетъ, что имъ проку въ этихъ ласкахъ, какая имъ прибыль будетъ отъ нихъ. Когда, не выдавшись пятнадцатъ лѣтъ, бросилась я, наконецъ, къ его ногамъ, съ жаромъ высказывала ему свое раскаяніе, старалась оправдать свои проступки, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Все это не мое дѣло; я не понимаю ничего, что позволено, что не позволено въ томъ свѣтѣ, про который ты говоришь. Ты не хотѣла выйти замужъ по моему вѣбору, ты меня ослушалась. Вотъ за что мнѣ надо тебя упрекать. Ты полюбила сына своего хозяина, довела его до непослушанія отцу — это дурно, на это я могу досадовать. Тѣхъ людей сужь вѣтъ на свѣтѣ; ты вотъ воротилась, надѣлала мнѣ подарковъ. Ужъ извѣстно, что мнѣ съ тобой дѣлать! Не будемъ помяинать прошлаго,—всему есть конецъ; я тебя прощаю, съ тѣмъ только, чтобъ ты дѣтей своихъ воспитывала разумно, въ порядкѣ». Потомъ онъ протянулъ мнѣ кончикъ руки и—все тутъ.

«Видишь ли, другъ мой! во время моей театральной жизни, мнѣ часто случалось всматриваться въ домашнюю жизнь артистовъ; я расскажу тебѣ, что дѣлается тамъ почти вообще. Артистъ, особливо драматическій, всегда выходитъ изъ самаго бѣднаго, темнаго круга. Родители ли назначаютъ ему быть ихъ кормильцемъ, случай ли или покровительство постороннихъ лицъ развернетъ и приложитъ къ дѣлу его способности,—ужъ онъ, хоть будь ребенокъ, тутъ же обязывается содержать, перевозить, одѣвать, кормить, даже забавлять свое семейство. Онъ и долги за братьевъ платитъ, онъ и сестеръ воспитываетъ, онъ и всю свою заработку кладетъ въ ростъ, чтобъ обезпечить отца и мать порядочнымъ пенсіономъ, если когда-нибудь захочется ему выкупить свою свободу.

«Всего чаще на женщинъ падаетъ эта суровая необходимость:

Хорошо еще, если не употребляют во зло нхъ силъ, здоровья и — что всего хуже — честнаго имени за какую-нибудь минутную прибыль, за то, чтобъ цѣною позора не допустить свойственниковъ пасть въ общественномъ мнѣніи.

«Если, случайно, дѣвочка, поступившая на театр, окажется съ характеромъ, съ гордостью; если она сама счумѣетъ сберечь свою невинность, или почувствуетъ отвращеніе отъ безстыдныхъ вышешій; если она обнаружитъ грозную попытку вырваться изъ своей семьи,—семья тутъ же сгибается, дрожитъ, лѣстить, ползаетъ. Я видѣла ихъ, этихъ родственниковъ; видѣла, какъ, бывало, держать они за кулисами платки и вичуры, чуть не цапаютъ ножки, танцующія за тысячу франковъ въ вечеръ: дома правять должность лакеевъ, строятъ пуховое гнѣздышко для курочки съ золотыми яичками, доходить, наконецъ, до безпримѣрнаго угожденія, до самыхъ унизительныхъ ласкъ, до самой подлой лести, — и все для того только, чтобъ имѣть честь и выгоду состоять при знаменитой кокеткѣ, примадоннѣ, или даже просто при модной прелестницѣ.

«Подобныя семейки заставляли меня плакать со стыда, и когда, бывало, вспомню объ отцѣ, крестьянинѣ, который не хотѣлъ оставить рыбацкихъ сѣтей и прійдти раздѣлять со мной довольство и роскошь, который отказался отвѣчать на мои письма, получалъ отъ меня деньги и клалъ ихъ въ приданое моимъ же дочерямъ, а самъ продолжалъ вставать до свѣта, спать подъ соломенной крышей, питаться Богъ-знаетъ чѣмъ, — мнѣ вдругъ покажется, что я очень-знатнаго происхожденія... тогда я страшно гордилась своей простонародной кровью!

«Конечно, во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, вездѣ есть примѣсь ничтожнаго и смѣшнаго. Правда, отецъ мой отказывался получать отъ меня письма, когда я забывала заплатить за нихъ впередъ; правда, и нынче онъ жалуется на мое, какъ говоритъ онъ, мотовство; продавъ рыбу, показываетъ Селіо серебряную монету съ торжественнымъ видомъ и говоритъ: «Въ твои лѣта, я ужъ ихъ добывалъ, да вотъ и въ теперешнія свои лѣта добываю. Я тебѣ ихъ дамъ на подмогу, когда ты начнешь жить самъ-по-себѣ, когда самъ захочешь добывать». Правда и то, что еслибъ онъ увидѣлъ, какъ я даю сто франковъ несчастному, безпомощному собрату, онъ бы тутъ же проклялъ меня. Часто я принуждена бываю снисходить къ его шероховатостямъ, но зато всегда принуждена уважать его гордость, его крестьянское упрямство. Онъ суровъ съ другими, а съ собой еще суровѣе. Онъ работаетъ такъ усердно, какъ молодой; никогда не покажется ни нескромнымъ, ни назойливымъ; живетъ-себѣ, завернувшись въ свой стоицизмъ, не думая о томъ, чего не понимаетъ. Сколько есть людей, которые на его мѣстѣ были бы мнѣ вѣчно самую неприятную помѣхой, називались бы у меня за столомъ, заставляли бы меня краснѣть за ихъ грубыя ухватки или низости. Положеніе отца моего въ-отношеніи ко мнѣ

очень-щекотливо, а онъ, нисколько не думая о немъ, не приворачиваясь къ нему, сохранилъ все свое достоинство, свою незави-симость, свое ему свойственное благородство. Осмыанный мовми да-рами, онъ можетъ еще считать себя главой и покровителемъ се-нейства, потому—что работаетъ и наживаетъ на благо этого семей-ства. Миѣ смѣшны его средства, но не намѣренія. Итакъ, Ка-роль, понимаешь ли ты теперь, что я люблю и уважаю моего ста-рика? Ты не замѣтилъ, что я похожа на него лицомъ? А въ ха-рактерѣ у меня, думаешь, ничего нѣтъ его?

— У тебя? вскричалъ Кароль:—Боже мой! разумѣется, ничего.

— У меня? Я многимъ одолжена гордости, которая у меня въ крови, возразила Лукреція.—Я бывала въ трудныхъ обстоятель-ствахъ; любили меня богатые люди; были у меня друзья, отъ ко-торыхъ я могла принять пособіе безъ всякаго безчестія; но мысль подвергать другихъ лишениямъ или усиленнымъ трудамъ, миѣ, мо-лодой, сильной, трудолюбивой,—эта мысль была для меня невы-носима. Меня обвиняли очень во многомъ, преувеличивали мои про-супки; но ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія въ моей независимости и честиности не заходила въ умы людей самыхъ неблагорасположен-ныхъ ко миѣ. Я была директрисой театра, не пропускала суще-ственныхъ выгодъ, входила въ такъ-называемыя аферы; эти аферы были и сложны, и трудны, и щекотливы. Среди столькихъ замы-словъ, суеты и хлопотъ, у меня было постоянное правило—луч-ше отдать вдвое, нежели оспорить какой-нибудь сомнительный случай. Не было у меня скопидомства, но былъ порядокъ; я по-могала другимъ, но сама не пришла въ упадокъ, не разорилась. И все это потому, что я не дѣлала глупостей въ угоду самой-се-бѣ. Порядочнѣе, благоразумнѣе та женщина, которая даетъ бѣд-нымъ что у ней есть, нежели та, которая тратитъ на бездѣлушки и экипажи то, чего нѣтъ у нея. Никогда не было у меня охоты блистать роскошью. Имѣть малоцѣнную вещицу, въ которой вид-ны смысленность и вкусъ мастера, было для меня гораздо-прият-нѣе, нежели осмынать себя брильянтами. Доброе и истинное люблю я больше, нежели то, что блиститъ и увлекаетъ. Никогда не принуждала я себя такъ воздержничать, какъ мой отецъ; но склон-ность къ умѣренности миѣ врожденна. Одна любовь не покоряет-ся у меня духу умѣренности, и вотъ единственная черта, которою отличаюсь я отъ отца; но если не дошла я до корыстнаго развра-та, не сдѣлалась какой-нибудь наложницей; если обольстительныя предложенія не склонили меня, когда я, шестнадцати лѣтъ, очу-тилась безъ всякихъ средствъ къ существованію; если я еще могу инуждать почтеніе даже тѣмъ, кто злословитъ меня,—все это, по-вѣрь миѣ, потому, что я дочь старика Менапаче. Согласись же, что наружность обманчива, что природа кладетъ прочную связь, глу-бокая соотношенія между существами, которыя съ перваго взгля-да кажутся совсѣмъ различными.

— Все это удивительно, отвѣчалъ проникнутый глубокою гру-

стю Кароль: — должно быть, вы правы. Однако, пойдите к Сальватору; онъ, я думаю, насъ ищетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила Флоріани: — онъ усталъ съ дороги и спитъ въ саду подъ миртами. Пойдемъ къ дѣтямъ; я ихъ ужь сейчасъ не видала.

Она для перваго раза слишкомъ-много наговорила Каролу существеннаго; ей хотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобъ помирить его умъ съ искренно-любимымъ ею отцомъ. Но есть такія положенія, которыя воспринимаются умомъ, не задѣвая сердца. Кароль понималъ, что Флоріани держала разумную защитительную рѣчь съ цѣлью оправдать человѣческую природу. А онъ возмущался дѣйствительностью; онъ не могъ встрѣчать человѣческіе недостатки съ инымъ чувствомъ, кромѣ вѣжливости — этого обманчиваго, ложнаго великодушія, при которомъ сердце можетъ оставаться холоднымъ, съ которымъ можетъ ужиться непобѣдимое отвращеніе.

По мнѣнію Кароля, для Флоріани нужна была иная, болѣе-достойная ея середина, т. е. такая середина, какой ни для чего не существовало: болѣе-обширное, но такое же тихое озеро; болѣе-живописный, но такой же удобный и здоровый домъ; не такъ дорого купленная, но такая же блистательная слава, а главное — болѣе-замѣчательный, болѣе-поэтический и все-таки продолжающій ловить острей отецъ. Каролу нравилось это деревенское происхожденіе, эта родная избушка, эти сѣти, развѣшенные на прибрежныхъ нвахъ; но чтобъ успокоился духъ его на этихъ предметахъ, чтобъ помирися онъ съ ними, для этого необходимо-нуженъ былъ театральнѣй, такъ сказать, эпическѣй крестьянинъ, горецъ Шиллера или Байрона. Шекспира онъ любилъ очень-условно: онъ находилъ, что характеры его слишкомъ-изучены, слишкомъ-выпукло очерчены, что языкъ ихъ слишкомъ-вѣренъ дѣйствительности. Онъ больше любилъ эпическіе и лирическіе синтезы, которые оставляютъ въ тѣни бѣдныя подробности человѣчества: вотъ отъ-чего онъ почти не говорилъ, чуть слушалъ, не хотѣлъ ни облечь къ опредѣленную форму своей, ни обнять чужой мысли, если только эти мысли не восходили до извѣстной высоты. Рыться въ нѣдрахъ земли, чтобъ изслѣдовать благотворные и зловредные ея соки, чтобъ знать, какъ пользоваться ея силами, какъ извлекать плоды ея производительности, — было, по его мнѣнію, занятіе низкое, возмутительное. Но срывать пышные цвѣты, восхищаться ихъ красотой и ароматомъ, не заботясь о трудахъ и искусствѣ садовника, — вотъ благая часть, которую избралъ онъ въ сей жизни!

Поэтому, Флоріани, думая дѣйствовать на него, проповѣдывала въ пустынѣ. Онъ слушалъ ее внимательно; но во время ея рѣчахъ его восхищало только общее: доброта ея сердечныхъ стремленій. Но не могъ онъ оправдать того, зачѣмъ она допускала зло, чтобъ не отвергать добра. Этотъ пунктъ былъ диаметрально-противоположенъ его понятіямъ. Между-тѣмъ, онъ составилъ себѣ высокую идею объ обязанностяхъ дѣтей; но между обязан-

любовью и чувствомъ, между ви́шнимъ дѣйствіемъ и внутреннею симпатією онъ умѣлъ дѣлать такое различіе, какого совѣтъ не знала Флоріани. На ея мѣстѣ, онъ не пытался бы оправдать скудность Менапаче, ибо, чтобъ найти достойную уваженія сторону въ этомъ порокѣ, надо было начать признаніемъ, что онъ есть и въ немъ—самомъ. А Кароль, напротивъ, отрекся бы отъ него, или хранилъ бы о немъ глубочайшее молчаніе, что, надо правду сказать, гораздо—легче.

Притомъ, Флоріани, говоря о себѣ, еще-таки сдѣлала ему много зла. Она произносила такія слова, которыя его словно огнемъ жгли. Она говорила, на—примѣръ, что не была *наложницей*, описывала нравы подобныхъ себѣ существъ съ ужасающей истиной; разсказывала про свою любовь, сама назвала своего первого любовника. Каролю хотѣлось бы, чтобъ она и понятія объ этомъ не имѣла; не знала бы, что зло существуетъ въ мірѣ, или, де—крайней—мѣрѣ, забывала бы объ этомъ, говоря съ нимъ. Наконецъ, къ довершенію полноты своихъ фантастическихъ требованій, ему хотѣлось, чтобъ добрая, нѣжная, любящая, страстная, дѣтлобивая Лукреція была въ то же самое время блѣдная, невинная, строгая, дѣвственная Лючія. Кромѣ этого, онъ ничего и не просилъ бы больше, бѣдный поклонникъ невозможнаго!

XVIII.

Сальваторъ, спавшій въ саду подѣ тѣнью, только-что проснулся въ совершенномъ удовольствіи и весельѣ. Когда человекъ чувствуетъ себя особенно—развязнымъ и удовольствованнымъ черезъ край, тогда онъ неспособенъ наблюдать или угадывать чужое горе или несприятное расположеніе. Сальваторъ не замѣтилъ блѣдности и разстройства Кароля, а Флоріани объяснила себѣ эту блѣдность и разстройство горькими слезами, которыя онъ, въ порывѣ любви и чувствительности, пролилъ предъ ея портретомъ, и потому не безпокоилась.

Если дитя страдаетъ тайною скорбію, ему хочется, чтобъ попытки его затануть эту скорбь исчезали предъ тонкой, сердечной проникательностью людей, которыхъ онъ любитъ; а между-тѣмъ, молчать изъ гордости и несправедливо ропщеть на ихъ равнодушіе, потому-что они не увидаются вокругъ него. Есть много людей, которые въ этомъ отношеніи надолго остаются дѣтьми; Кароль особенно подходилъ подѣ эту категорію. Развязная, шумливая веселость Сальватора все больше и больше огорчала его, и ясность Лукреціи, которая до-сихъ-поръ сообщалась ему по закону притяженія, теперь въ первый разъ потеряла надъ нимъ свое благотворное вліяніе.

Въ первый разъ также стали утомлять его шумъ и непрерывная возня дѣтей. На глазахъ у матери, она обыкновенно бывала тиха;

но за объѣдомъ ихъ до того расшевелили и восхитили дружеская хлопотливость, ласки и смѣхъ Сальватора, что они подняли страшную тревогу, проливали вино на скатерть, пѣли изо всѣхъ силъ, повторяя одинъ и тотъ же припѣвъ, какъ тѣ зяблицы, которыхъ Голландцы заставляютъ драться и держать при этомъ большія пари. Селіо разбилъ передъ собой тарелку, и собака его принялась такъ лаять, что ничего не стало слышно. Флоріани не слишкомъ строго смотрѣла на все это; она невольно смѣялась ребячествамъ Сальватора и забавнымъ отвѣтамъ своихъ дѣтей, упоенныхъ весельемъ, выходящимъ изъ себя отъ удовольствія, какъ обыкновенно бываетъ съ малютками нервнаго сложенія, когда ихъ чѣмъ-нибудь затронуть.

Кароль, въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ, каждый день восхищался граціей и благородствомъ этой группы дѣтей, и любилъ ихъ нѣжно, по отношенію къ ихъ матери. Флоріани знала въ немъ безконечное стремленіе къ той нѣжности, которую онъ высказалъ такъ смутно, которая проявилась въ этихъ тонкихъ, поэтическихъ наблюденіяхъ надъ различными родами красоты и способностей дѣтей. Не смотря на то, дѣти не любили его; они его какъ-будто боялись и — трудно объяснить, отъ-чего его кроткія улыбки, его нѣжная привѣтливость встрѣчали въ нихъ какую-то нерѣшительность и робость. Даже собака Селіо не шевелила ушами и не махала хвостомъ, когда князь, глядя на нее, произносилъ ея имя. Животное знало, что онъ говоритъ о немъ благосклонно, но знало также и то, что онъ никогда до него не дотрогивался; что какое-то непонятное физическое противодѣйствіе заставляетъ его бояться даже легкаго прикосновенія къ какому бы то ни было животному.

Если ужъ собаки одарены тайнымъ инстинктомъ не довѣрять тому, кто имъ не довѣряетъ, то не удивительно, что и у дѣтей есть внутренней годось, по которому они угадываютъ приближеніе тѣхъ, кто ихъ не любитъ. Кароль вообще не любилъ дѣтей, хотя никогда этого не говорилъ, хотя не признавался въ томъ самому-себѣ. Напротивъ, ему казалось, что онъ ихъ очень любитъ, потому-что видъ хорошенькаго ребенка пробуждалъ въ немъ нѣжное чувство поэта и восторгъ художника. За то дурнаго или искалеченнаго ребенка онъ боялся. Жалость, которую онъ ощущалъ при видѣ подобнаго малютки, была такая болѣзненная, что онъ отъ-того самъ становился не на шутку боленъ. Онъ не хотѣлъ помириться ни съ однимъ физическимъ недостаткомъ въ ребенкѣ, точно такъ же, какъ не хотѣлъ простить ни одного нравственнаго недостатка человѣку взрослому. Дѣти Флоріани, совершенно-милыя и кроткія, очаровали его. Но еслибъ какая-нибудь немочь искавила одного изъ нихъ, Кароль, кромѣ душевной скорби, почувствовалъ бы невыносимую непріятность. Онъ бы никакъ не рѣшился дотронуться до него, не только-что взять его на руки, или приласкать. Глупое или злое дитя у него на глазахъ казалось бы

ему лавой, отравой жизни; не думая исправлять несчастнаго, онъ заперся бы у себя въ комнатѣ, чтобъ не видѣть и не слышать его. Притомъ, онъ любилъ дѣтей воображеніемъ, а не сердцемъ. Сальваторъ говорилъ, что онъ готовъ обречь себя на всякую скуку для того только, чтобъ наслаждаться отцовскимъ чувствомъ; а Кароль не могъ безъ содраганія подумать о послѣдствіяхъ, которыя могли произойти отъ его связи съ Лукреціей.

Въ концѣ обѣда, Селіо, въ припадкѣ неистовой веселости, разрывая какой-то фруктъ, довольно-сильно обрѣзалъ себѣ руку. Увидѣвъ брызнувшую кровь, ребенокъ испугался и готовъ былъ заплакать; но Флоріани съ удивительнымъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа взяла его руку, обернула салфеткой и, улыбаясь, сказала ему:

— Ну, что жъ такое? ничего! Вѣдь это у тебя не первая и не послѣдняя рана. Продолжай любопытную исторію, которую началъ намъ рассказывать; я позабочусь о тебѣ, когда кончишь.

Этотъ урокъ твердости не былъ безплоденъ: Селіо размѣялся. Но Кароль, который при видѣ крови чуть не упалъ въ обморокъ, не могъ понять, какъ достаетъ у матери духа на такое спокойствіе. Но что было съ нимъ, когда, по выходѣ изъ-за стола, Флоріани обмыла рану, подносила къ ней губы, дѣлая ловкую перевязку твердой, безтрепетной рукою! Князь никакъ не допускалъ, чтобъ женщина сама лечила своихъ дѣтей; его ужасала эта энергія, которой онъ въ себѣ вовсе не чувствовалъ. Между-тѣмъ, какъ Сальваторъ помогалъ Лукреціи дѣлать ея легкую операцію, Кароль удалился на крыльцо, не хотѣлъ смотрѣть, а все-таки неволью видѣлъ эту простую житейскую сцену, которая въ его глазахъ принимала размѣры драмы.

И здѣсь, какъ вездѣ—и въ большомъ и въ маломъ—проявилось въ немъ то же нежеланіе сблизиться съ жизнью тѣснѣе, грудь съ грудью, и тогда какъ Флоріани, проворная, живая, дѣлала перевязки страшнымъ недужнымъ безъ ужаса и отвращенія, Кароль не рѣшился бы дотронуться до нихъ пальцемъ.

Селіо совершенно успокоился послѣ спасительной перевязки, но прочія дѣти все еще не пришли въ себя. Дѣвочки, особливо Беатриче, смотрѣли какъ потерянные, а малютка Сальваторъ, быстро переходя отъ радости къ гнѣву, а потомъ къ горю, сдѣлался такимъ неугомоннымъ, разразился такими неутѣшными, отчаянными криками, что Лукреція принуждена была сама къ нему обратиться: пригрозила ему, потомъ взяла его на руки и принялась насильно укладывать спать. Въ первый разъ Кароль услышалъ эти крики, или, лучше сказать, въ первый разъ былъ расположенъ замѣтить, что малютка—какъ бы онъ милъ ни былъ, всегда имѣетъ деспотическія наклонности, всегда своеобразливъ, упрямъ, и все это проявляетъ пронзительными криками. Неистовство и горе Сальватора, его рыданія, его непритворныя слезы, которыя лились у него по щекамъ, какъ дождевые потоки по лепесткамъ розы, его

хорошенькія ручонки, бившіяся, хватавшія за волосы мать, борьба съ нимъ Лукреціи, ея твердый, унимавшій ребенка голось, ея мягкія, развитыя руки, которыя удерживали его какъ тиски, не теряя той осторожности, съ какою обыкновенно материнскія руки сжимають нѣжные члены дѣтей,—вотъ картина, которая для графа Альбани имѣла свой эффектъ, на которую онъ смотрѣлъ съ улыбкой, но отъ которой Кароль чувствовалъ тотъ же ужасъ, то же страданіе, какъ при видѣ раны и перевязки Селіо.

— Боже мой! невольно вскричалъ онъ:—какъ несчастливы дѣти! Какъ тяжело обуздывать неугомонные капризы слабости!

— Ба! отвѣчалъ смѣясь Сальваторъ Альбани:—черезъ пять минутъ онъ заснетъ крѣпкимъ сномъ, и мать, приколотивъ упрянца для возбужденія реакціи, потомъ расцелуетъ его соннаго.

— Ты думаешь, что она приѣдетъ его? спросилъ испуганный Кароль.

— О! не знаю; я сказалъ свое мнѣніе, потому-что, по-моему, это самое лучшее успокоительное средство.

— Я увѣренъ, что меня мать никогда не была, даже не грозила мнѣ.

— Вѣдь ты не помнишь, Кароль. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ иногда не было необходимости употреблять сильныя мѣры. У меня нѣтъ теоріи воспитанія, и что касается до самыхъ маленькихъ дѣтей, то ты видишь, я скорѣе умѣю раздражать ихъ, нежели унимать. Не знаю, какимъ способомъ Флоріани заставляеть ихъ бояться, но думаю, что лучшая метода та, которая достигаетъ цѣли. Не знаю также, бываетъ ли иногда необходимо колотить эту мелюзгу, — узнаю, когда буду имѣть ихъ; но самъ за это никогда не возьмусь: у меня слишкомъ-тяжелая рука; пусть управляется съ ними мать.

— А я—еслибъ когда-нибудь сдѣлался отцомъ, возразилъ Кароль съ какой-то болѣзненной жестокостью: — я бы не вынесъ этого нестройнаго шума, упрямства и угрозъ, этой борьбы съ ребенкомъ, этихъ горькихъ слезъ бѣднаго страдальца, непонимающаго закона необходимости, этихъ холодныхъ вспышекъ родительской педагогички, этого внезапнаго, страшнаго нарушенія внутренняго спокойствія, этихъ бурь въ стаканѣ воды, которыя—конечно, ничего не значать, но возмущаютъ мою душу, какъ-будто важныя происшествія.

— Въ такомъ случаѣ, мой милый, тебѣ не слѣдуетъ имѣть дѣтей, потому-что эти бури неизбѣжны. Ты въ-самомъ-дѣлѣ думаешь, что никогда не случилось тебѣ требовать съ неистовымъ крикомъ лупы, прежде, нежели ты понялъ, что мать не можетъ достать ее для тебя?

— Нѣтъ, не думаю; не могу представить себѣ этого.

— Я сказалъ, конечно, метафору; но удивительно, если ничего подобнаго не приходило тебѣ въ голову; потому-что у тебя больше, нежели у кого другаго, осталось еще стремленія къ невоз-

некому, потому-что ты иногда молишь Бога ниспослать тебѣ въ руку звѣзды небесныя.

Кароль ничего не отвѣчалъ. Флоріани, успокоивъ свое дѣтище, пришла предложить имъ кататься въ лодкѣ по озеру. Малютка Сальваторъ остался безъ наказанія. Лукреція знала, что прохлада въ комнатѣ, теплая и мягкая постелька, безлюдье и ея колыбельный напѣвъ—почти въ минуту усыпятъ его; догадывалась она также, — хотя не знала, какую важность имѣютъ въ глазахъ Кароля эти мелкія несчастія, — догадывалась, что нестройный крикъ немножко ему не по сердцу. Для развлеченія, она увела его къ озеру вмѣстѣ съ Сальваторомъ Альбани, Селіо, Стеллой и Беатриче. Но въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега встрѣтили они Менапаче, который отправлялся раскидывать сѣти. Дѣтямъ хотѣлось прыгнуть къ нему въ лодку и Лукреція, замѣтивъ, что старикъ желаетъ показать имъ свое искусство, которому, по его мнѣнію, не было равнаго въ мірѣ, рѣшилась ввѣрить ему малютокъ.

Кароль ужаснулся, что шаловливыя, обрадованныя дѣти отускаются съ старикомъ, холоднымъ эгоистомъ, котораго онъ считалъ неспособнымъ вытаскать ихъ изъ воды, или предостеречь отъ паденія. Онъ замѣтилъ это Лукреціи, которая не раздѣляла его безпокойства.

— Дѣти, воспитанныя среди опасностей, очень-хорошо ихъ знаютъ, отвѣчала она:—если падалъ кто-нибудь въ наше озеро, такъ это развѣ чужой ребенокъ, который никогда не бывалъ на немъ, и потому не умѣлъ предостеречься. Селіо плаваетъ какъ рыба; а Стелла, какъ ни шалитъ она сегодня, будетъ смотрѣть за сестрой не хуже матери. Впрочемъ, мы поѣдемъ за ними и не будемъ терять ихъ изъ вида.

Кароль все-таки не могъ успокоиться. Онъ противъ воли чувствовалъ въ себѣ тревожную отеческую заботливость, и съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣлъ рану Селіо, голова его была полна внезапными катастрофами. Притомъ, существо его было потрясено нравственно и физически еще въ началѣ этого не добраго дня, въ который не случилось ничего замѣчательнаго для другихъ, но который пробудилъ въ немъ привычку страдать.

Не смотря на то, прогулка шла очень-спокойно. Озеро, подѣ отраженіемъ вечерней зари, было удивительно-хорошо; дѣти успокоились и принялись серьезно смотрѣть, какъ дѣдушка растягивалъ сѣти по тихому, устланному цвѣтами заливу. Сальваторъ не рассказывалъ больше о Венеціи, и, по счастливому случаю, имя Боккаферри ни разу не сорвалось у него съ языка. Флоріани рвала водяныя цвѣтки и, перепрыгивая съ лодки на лодку, по старой привычкѣ молодости, съ такой легкостью и искусствомъ, какихъ нельзя было ожидать отъ ея съ виду немножко тяжелыхъ щеркъ,—убирала этими красивыми цвѣтами головки дочерей.

Кароль начиналъ внутренно успокаиваться. Старикъ Менапаче такъ ловко, съ такой полной опытностью велъ лодку между скаль

и пней, разбросанныхъ около берега. Ни одно изъ дѣтей не тонуло; Кароль привыкъ смотрѣть, какъ переѣзжали они отъ берега къ берегу, какъ брались за руль, наклоняясь къ водѣ... онъ пересталъ дрожать при каждомъ ихъ движеніи. Вечерній вѣтерокъ вѣялъ такъ тихо, отрадно; съ нимъ несся аромать цвѣтущаго виноградника и запахъ ванили.

Этому дню предназначено было положить конецъ невозмутимымъ восторгамъ Кароля и послужить для него началомъ цѣлаго ряда мелкихъ, невыразимыхъ страданій. Сальватору казались водяные цвѣтки такими милыми, что Флоріани, по его мнѣнію, должна была натывать ихъ и въ свои черные волосы. Она не хотѣла, говоря, что ей надоѣло тяготить голову театральными прическами и уборами, и теперь она очень-счастлива, если не мѣшаетъ ей ни одна булавка. Но Кароль раздѣлялъ желанія Сальватора, и Флоріани согласилась, чтобъ онъ воткнулъ нѣсколько цвѣтковъ въ ея блестящія пряди.

Все шло хорошо, кромѣ прически, съ которой Кароль не могъ сладить: онъ боялся, чтобъ не сронить волоска съ этой дорогой головки. Сальватору впала въ голову несчастная мысль вмѣшаться въ это дѣло. Недовѣряя искусству князя, онъ взялъ въ обѣ руки роскошную косу Флоріани, свернулъ ее какъ попало, намѣшавъ туда земли и цвѣтовъ, по собственному вкусу. Попытка его удалась, потому-что онъ былъ очень способенъ ко всему, что въ просторѣчій называютъ *пачкотней*. Онъ понималъ искусство вааянн, въ смыслѣ украшенія статуй, и устроилъ Флоріани прическу, достойную древней наяды, примолвивъ:

— Помнишь ли ты, въ Миланѣ, когда я бывалъ въ ложѣ при твоёмъ туалетѣ, всегда моя рука завершала его?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчала Лукреція: — я и забыла; у тебя есть особый даръ придавать характеръ украшеніямъ, на-примѣръ, подбирать цвѣта; я часто совѣтовалась съ тобой о костюмахъ.

— Ты не вѣришь, Кароль? сказалъ Сальваторъ, обращаясь къ князю, который сдѣлалъ такое движеніе, какъ-будто кольнули его булавкой:—посмотри, какъ она хороша! Ты бы ни за что не угадалъ такъ, какъ я, что идетъ къ окладу ея лба, къ расположенію головы и объему косы. Ты не понялъ ея. Въ твоей прическѣ она смахивала на идеальную дѣву рафаэлевой школы; но у ней красота совсѣмъ не въ томъ родѣ. Поклонимся нимфѣ озера!

Сальваторъ наклонился и плотно поцаловалъ колѣнку Флоріани. Кароль задрожалъ, какъ подъ ударомъ кинжала.

ХІХ.

Бѣжнужка забылъ, что Сальваторъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, былъ не меньше его влюбленъ въ Флоріани, что онъ чистосердечно пожертвовалъ ему своимъ чувствомъ, но пожертвовалъ не

безъ усилій, не безъ сожалѣнія. Кароль вовсе не понималъ этого рода любви, и потому ему не приходило въ голову, что Сальваторъ могъ также страдать, видя друга обладателемъ желаннаго сокровища. Онъ думалъ, что первая хорошенькая женщина, попавшаяся на глаза Сальватору, заставитъ его забыть это безумное желаніе.

Или, лучше сказать, онъ совѣмъ объ этомъ не думалъ. Онъ не видалъ духа изслѣдовать опасную сторону подобнаго положенія. Онъ забылъ первую ночь, проведенную въ виллѣ Флоріани, забылъ желаніе и попытку Сальватора, забылъ и тѣ жаркія прощальныя объятія, съ которыми на другой день разставался онъ, какъ казалось, на долго съ Лукреціей. Переломъ болѣзни и чудомъ-совершившееся блаженство все изгладил изъ памяти князя. Въ одинъ день, въ одну минуту привыкъ онъ ни о чемъ не думать, ничего не помнить,—и также въ одинъ день, въ одну минуту опять началъ черезъ-чуръ думать, черезъ-чуръ понимать, т. е. во всемъ видѣть крайности и отъ всего страдать.

Сальваторъ, конечно, отъ всего сердца рѣшился не смотрѣть на Флоріани иначе, какъ на сестру. Но въ основаніи его лежала итальянская чувственность. Еслибъ у него было двѣ сестры—одна хорошенькая, а другая дурная, онъ безъ всякаго сомнѣнія, не справляясь съ собственнымъ инстинктомъ, предпочелъ бы хорошенькую, хотя бы она была не такъ привѣтлива, не такъ добра, какъ другая. Наконецъ — изъ двухъ сестеръ одинаково-хорошенькихъ, изъ которыхъ одной была бы знакома любовь, а другой—только добродѣтель,—онъ скорѣе былъ бы другомъ той, которая бы принимала его слабости, его страсти.

Любовь была его божествомъ, а хорошенькая женщина съ нѣжнымъ сердцемъ — жрицей. Онъ могъ любить ее безкорыстно, но не могъ глядѣть на нее безъ волненія. Не смотря на любовь Флоріани къ Каролу, онъ съ тѣмъ же восторгомъ глядѣлъ на нее, съ тѣмъ же трепетомъ слышалъ ея дыханіе. Онъ по-прежнему любилъ касаться ея рукъ, волосъ, даже платья; послѣ этого понятно, отъ-чего Кароль такъ же ревниво боялся за всѣ эти вещи, какъ за самое сердце своей возлюбленной.

У Флоріани—кто бы могъ подумать?—была натура непорочная, какъ душа ребенка. Оно, я согласенъ, странно въ такой женщинѣ, которая много любила. То была, вѣроятно, натура съ могучимъ чувствомъ, хотя и казалась холодною тѣмъ, кто ей не нравился. Поэтому-то внѣ любви, въ которую погружалась всѣмъ своимъ существомъ, она ничего не видѣла, ничего не воображала, ничего не чувствовала. Въ рѣдкіе промежутки сердечной тишины, голова у ней была пуста, и если бы можно было навсегда удалить ее отъ мужчинъ, изъ нея вышла бы прекрасная монашенка, спокойная, свѣжая. Иными словами: въ уединеніи, она была полна самыхъ чистѣйшихъ помысловъ, а когда любила, тогда все, кромѣ ея лю-

бодника, было для нея, въ-отношеніи къ чувствамъ — удивленіе, пустота, ничтожество.

Сальваторъ могъ цаловать ее, говорить ей о ея красотѣ, мимоходомъ задѣть ее плечомъ — она на все это обращала вниманія меньше, нежели въ тотъ день, когда онъ, еще не предугадывая любви Кароля, принужденъ былъ открыто и смѣло признаться ему въ своихъ желаніяхъ.

Между-тѣмъ, всякая женщина хорошо понимаетъ и взглядъ и выраженіе голоса, когда окольными путями намекають ей о любви. У свѣтскихъ женщинъ есть, на этотъ счетъ, такая пронизательность, которая часто заходитъ черезъ-чуръ-далеко и увлекаетъ ихъ за предѣлы истины; часто даже случается, что отпоръ, сдѣланный прежде, нежели началось дѣйствительное нападеніе, служить вызовомъ съ ихъ стороны и ободряетъ смѣлое искательство. Флоріани, напротивъ, въ своей выразительной ласковости, все мѣрала той симпатіей, которую возбуждала какъ артистка, тою дружбой, которую внушала какъ женщина. Она была суха и непривѣтлива съ мужчинами, къ которымъ чувствовала недоувѣрчивость или отвращеніе; но кого уважала, для тѣхъ у ней всегда были открыты и душа и сердце; ей казалось, что она нарушитъ святость дружбы, если будетъ слишкомъ-*стдрожка*. Знала она, что дурныя мысли могли иногда обуять ея друзей; но у ней было правило — не показывать вида, что замѣчаетъ что-нибудь, и пока не заставляли ее прибѣгнуть къ суровости, до-тѣхъ-поръ она была ласкова и непринужденно-довѣрчива. Она думала, что мужчины — какъ дѣти, съ которыми надо чаще мѣнять разговоръ и развлекать ихъ воображеніе, нежели отвѣчать и заводить споръ о предметахъ щекотливыхъ и опасныхъ.

Кароль долженъ бы былъ понять основательность этого простаго, прямого характера; а между-тѣмъ, онъ не зналъ его. Его фантазія дошла до чудовищной нелѣпости: онъ вообразилъ, что Флоріани должна держать себя неизмѣнно-строга и холодно, какъ дѣвственница, со всякимъ другимъ мужчиной, кромѣ его. Онъ не хотѣлъ проникнуть въ сущность этой природы, не хотѣлъ понять и полюбить ее за то, что есть въ ней. Поднявъ эту женщину слишкомъ-высоко въ собственномъ воображеніи, онъ теперь совсемъ готовъ былъ поставить ее ужъ черезъ-чуръ низко, готовъ былъ допустить мысль, что между непреодолимой чувственностью Сальватора и тайнымъ инстинктомъ Флоріани могло быть какое-нибудь гибельное сближеніе, котораго можно бояться. Пловцы возвращались въ виллу вмѣстѣ съ восходомъ Веспера, который, блѣдный какъ алмазь, засверкалъ на небѣ, еще на сумрачномъ зарею. Они скользили по чистой поверхности озера, которое Флоріани такъ любила и которое Кароль ужъ начиналъ ненавидѣть. Онъ молчалъ; Беатриче спала на рукахъ у матери; Селіо правилъ лодкой Менапаче; старикъ сидѣлъ въ безмолвномъ созерданіи; Стелла, стройная, бѣленькая, мечтала о своихъ покровительницахъ-

звѣздахъ; Сальваторъ Альбини пѣлъ прокраснымъ, свѣжимъ голосомъ, и пѣсня его далеко разносилась по водѣ. Ни у кого не было черныхъ мыслей, кромѣ Кароля. Онъ обернулся ко всѣмъ спяною, чтобъ не видѣть того, чего не было, о чемъ никто не думалъ; ему казалось, что, вмѣсто оперныхъ русалокъ, его толкають Эмениды.

Не обманывали ли его? Не дурачилъ ли его Сальваторъ, когда говорилъ, что никогда не былъ любовникомъ Флоріани? Сколько разъ слышалъ отъ него Кароль прекрасныя разсужденія о томъ, что въ дружбу мужчины къ женщинѣ всегда замѣшивается любовь задуманная или затаенная! не онъ ли приписывалъ Каролю такую осмотрительность для того, чтобъ спокойно вкусить блаженство, не давъ ему замѣтить лжи! Въ ночь ихъ прѣзда, Флоріани была еще свободна отъ Кароля, и Кароль воображалъ, что поступилъ очень-великодушно, не рѣшившись ни разу спросить ее объ этомъ. Сальваторъ, такой пылкій, такой смѣлый съ женщинами,—могъ ли бы воздержаться? Не онъ ли впалъ въ немилость княжны Лючинъ, сказавъ, что у ней прекрасная ручка? А чего еще надо было ожидать отъ него съ Лукреціей, отъ него, который не трепеталъ, не безмолвствовалъ даже передъ Лючіей!

И вотъ — странная параллель, такъ долго неприходившая на умъ, возникла въ головѣ князя: княжна, непорочное существо! Актрисса, безиравственная женщина, мать, которая на четверыхъ дѣтей можетъ насчитать трехъ отцовъ, и которая, между-тѣмъ, не знаетъ, гдѣ теперь эти отцы!

Грозная существенность стала передъ испуганными глазами князя, какъ Горгона, готовая растерзать его. Судорожно дрожали его члены, голова трещала. Ядовитыя змѣи, казалось ему, ползали въ лодкѣ у него подъ ногами; тѣнь матери летѣла къ звѣздамъ, съ укасомъ отвернувшись отъ него...

Флоріани дремала подъ нагтіемъ мечты о вѣчномъ счастьѣ, и когда, выходя на берегъ, оперлась она на руку Кароля, чтобъ не разбудить дочь, замѣтила только, что рука эта холодна, хотя вечеръ былъ теплый.

Ее немножко испугало его лицо, когда они увидѣлись при свѣтѣ; но Кароль употреблялъ всѣ усилія, чтобъ казаться веселымъ. Флоріани никогда не видала его говорливымъ; она не знала даже; есть ли у него другой умъ, кромѣ этого высокаго, поэтическаго разума. Теперь она замѣтила, что умъ у него дивный; то было остроуміе тонкое, насмѣшливое и въ сущности незабавное; но въ душѣ Лукреціи не было мѣста ничему, кромѣ любви, и потому она изумилась, открывъ въ Каролѣ новую прелесть. Сальваторъ понималъ, что легонькая веселость, милая, острая, не была признакомъ большаго довольства; но, соображая настоящее положеніе дѣлъ, онъ не зналъ, что о ней подумать. Можетъ-быть, любовь совсѣмъ преобразила характеръ князя; можетъ-быть, теперь онъ сталъ смотрѣть на жизнь не съ такою строгой, врачюю сто-

роны, какъ прежде. Сальваторъ воспользовался случаемъ развеселиться съ нимъ по-своему, въ надлежащую мѣру, а между-тѣмъ, время-отъ-времени чувствовалъ, что въ основаніи его счастливыхъ выходовъ есть что-то горькое, сухое.

Карлою не спалось, но онъ не былъ боленъ. Изъ этой долгой, томительной безсонницы узналъ онъ, что можетъ больше перенести страданій, нежели прежде думалъ. Холодъ медлительной лихорадки не начиналъ, какъ бывало, мёртвить его тревожныя мысли. Онъ всталъ, какъ легъ, съ свѣтлымъ сознаниемъ страшной догадки, не чувствуя никакого физическаго разстройства, утвердившись на той мысли, что Сальваторъ измѣняетъ ему, — и измѣнилъ, или думаетъ измѣнить.

— Однако, нужно же на что-нибудь рѣшиться, думалъ онъ. — Или разорвать узы, или завладѣть; отступиться, или отразить врага. Достанетъ ли у меня силъ на борьбу? Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно! Лучше бѣжать!

На разсвѣтѣ, онъ вышелъ изъ дома, самъ не зная куда, не имѣя силъ преодолѣть потребности идти скорымъ шагомъ. Тропинка парка, самая прямая и торная, по которой онъ теперь шелъ безсознательно, вела къ хижинѣ рыбака.

Кароль шелъ не оглядываясь, и — вдругъ услышалъ свое имя. Онъ остановился; слово князь повторилось еще нѣсколько разъ. Кароль, невидимый подъ плакучими вѣтвями старыхъ ивъ, подошелъ ближе къ говорившему и услышалъ:

— Вотъ еще! князь! князь! говорилъ старикъ Менапаче на языкѣ, который Кароль теперь ужъ хорошо понималъ. — Не похожъ онъ на князя! Въ молодости я видѣлъ князя Мюрата, — тотъ развѣ такой былъ? Видный, дородный, осанистый; платье носилъ богатое, въ золотѣ, съ перьями. Вотъ такъ князь! А этотъ — какой это князь? И вида въ немъ никакого нѣтъ; я бы его въ гребцы не взялъ.

— Полноте, дядя Менапаче, отвѣчалъ Биффи: — повѣрьте мнѣ, онъ точно князь. Я слышалъ, какъ камердинеръ называлъ его *ошиимъ сіятельствомъ*, а онъ не видѣлъ, что я былъ тутъ же, возлѣ.

— А я тебѣ говорю, что онъ такой же князь, какъ дочь моя была княжной. Они всѣ зовутъ себя, какъ на театрѣ! Вотъ тотъ другой, Альбани, — тотъ представлялъ въ комедіяхъ графовъ; а въ самомъ-то дѣлѣ онъ пѣвецъ, и больше ничего.

— Правда, онъ цѣлый день поетъ, сказалъ Биффи. — Стало-быть, это старые товарищи синьоры. Долго ли же они пробудутъ здѣсь?

— Вотъ объ этомъ-то и я самъ себя спрашиваю. Кажется этому, какъ они тамъ зовутъ его, князю пришлось по душѣ да ровная квартира. Да если и другой также останется на два мѣсяца, чтобъ ничего не дѣлать, кромѣ какъ ѣсть, спать, да шататься по берегу, такъ еще долгâ пѣсня!

— Ну, да вѣдь они намъ не мѣшаютъ. Что намъ до того?

— А мнѣ-то мѣшаютъ! сказалъ Менапаче, возвысивъ голосъ.— Не люблю я смотрѣть, какъ лѣнтяи да нахамы ѣдятъ хлѣбъ моихъ внучатъ. Развѣ ты не видишь, что это бездушные фокусники, праздношатайки, которые пріѣхали сюда поправить свое состояніе? Моя дочь добра: ей жаль ихъ; ну, да если она этакъ соберетъ всѣхъ своихъ старыхъ друзей — будемъ мы у праздника! — А бѣдняжка Селіо!... бѣдныя дѣти! Еслибъ я не позаботился объ нихъ, досталась бы имъ когда-нибудь такая же доля, какъ вотъ этимъ поддѣльнымъ господамъ. Ну же, Биффон, готовъ ли ты? Пора; ступай, отвязывай лодку.

Еслибъ Сальваторъ подслушалъ эту смѣшную бесѣду, онъ цѣлую недѣлю сталъ бы хохотать надъ ней. Онъ даже придумалъ бы какую-нибудь сумасбродную мистификацію, чтобъ усилить человѣколюбивыя подозрѣнія рыбака. Но Кароль возмущился до глубины души. Ничего подобнаго не могъ онъ представить въ своей жизни. Быть приняту за фигляра, за обманщика! стать предметомъ презрѣнія стараго скряги! Это значить идти по грязи, ему — которому и облака небесныя казались не довольно-мягки, ни довольно-чисты. Надо быть очень-твордымъ, очень-беззаботнымъ, чтобъ не почувствовать всей тяжести этой глупой роли, чтобъ не видѣть въ ней отвратительно-смѣшной стороны. Впрочемъ, надъ собой едва-ли кто будтъ смѣяться отъ чистаго сердца; Кароль до такой степени былъ оскорбленъ, что вышелъ изъ парка, не имѣя при себѣ ни сколько денегъ, и бросился, очертя голову, въ деревню, твердо рѣшившись, какъ ему казалось, никогда ноги не заносить къ Флоріани.

Хотя, со времени болѣзни, здоровье его расцвѣло лучше прежняго, но все-еще онъ не былъ совсѣмъ-исправнымъ ходелкомъ и потому, пройдя съ пол-лѣ, принужденъ былъ умѣрять шаги. Тутъ черныя мысли налегли на него всею тяжестью, онъ изнемогъ и едва волочилъ ноги по избранному на удачу, безъ всякой цѣли, направленію.

Еслибъ я смотрѣлъ на романъ какъ другіе, то закончилъ бы главу на этомъ мѣстѣ и оставилъ бы тебя, любезный читатель, до завтра въ страшной неизвѣстности, предполагая, что ты всю слѣдующую ночь, не смыкая глазъ, будешь спрашивать себя: уйдетъ ли Кароль или не уйдетъ? Но высокое понятіе, которое я всегда имѣлъ о твоей проникательности, не позволяетъ мнѣ употребить этой ученой хитрости и такимъ-образомъ избавить тебя отъ мученій. Ты очень-хорошо знаешь, что мой романъ еще не такъ далеко ушелъ, чтобъ я могъ позволить герою перервать его такъ быстро и противъ моей воли. Впрочемъ, бѣгство его было бы совершенно-неправдоподобно: ты не повѣрилъ бы, что онъ могъ разомъ разорвать цѣни такой могучей любви.

Успокойся же; займись своимъ дѣломъ, и да просыплетъ на те-

бя сошь свои бѣлые и красные маки! Мы еще не дошли до раз-
вязки.

XX.

Кароль задавалъ себѣ тотъ же вопросъ: уйду ли я? могу ли я
уйти? Не придется ли мнѣ черезъ четверть часа воротиться
тѣмъ же путемъ? Если этому быть, то зачѣмъ же я мучу себя без-
полезной ходьбой?

— Уйду! закричалъ онъ, бросившись на траву, еще окропленную
росою.

Тутъ опять закипѣло въ немъ негодование, и силы его вороти-
лись. Онъ всталъ и пошелъ; но скоро усталость снова навела на
него сомнѣніе и уныніе.

Горькія сожалѣнія вызвали слезы на его глаза, утомленные лу-
чами восходящаго солнца, которое, казалося, шло къ нему на
встрѣчу, казалось, говорило ему: «мы идемъ по противоположнымъ
путямъ; ты хочешь убѣжать отъ меня, вступить въ вѣчный мракъ!»
И вспомнилъ онъ, какъ счастливо просыпался наканунѣ, какъ въ
эту самую пору Флоріана вошла въ его комнату, сама открыла
окно, чтобъ слышно было ему пѣніе птицъ, чтобъ пахнуло на
него душистой атмосферой сада, какъ остановилась она передъ его
постелью, чтобъ улыбнуться ему и, прежде перваго поцалуя, осѣ-
нить его невыразимымъ взглядомъ любви, взглядомъ, который
краснорѣчивѣе всякихъ словъ, пламеннѣе всякихъ ласкъ. Какъ
онъ былъ еще счастливъ въ ту минуту! Одинъ оборотъ солнца по
горизонту — и все разлетѣлось въ прахъ! Никогда не видать ему
этой любящей женщины! никогда не оживить его этотъ глубокій
взглядъ! никогда не смѣнить его ночныхъ видѣній этотъ спокой-
ный, свѣтлый образъ! Все исчезло — и эта рука, которая такъ нѣ-
жно перебирая его волосы, казалося, вливала въ него новую жизнь,
и это сердце, которое питало его такимъ неугасимымъ, животвор-
нымъ огнемъ, это дыханіе, которое дивной силой поддерживало
въ немъ прежде-невѣдомую ясность, эта нѣжная, непрерывная вни-
мательность, эта неутомимая заботливость, какой не видалъ онъ
даже отъ матери, этотъ веселый, смѣющийся дождь, въ которомъ,
кажется, самая атмосфера наполнена и согрѣта магнитическимъ влі-
аніемъ, и молчаливый паркъ, и садовые цвѣты, и эти дѣти съ
музыкальными голосками, поющія вмѣстѣ съ птицами, — все, да-
же собака Селю, которая такъ граціозно бѣгаетъ по лугу за ба-
бочками, подражая своему маленькому другу; наконецъ, весь этотъ
міръ, который въ первый разъ, въ минуту разлуки, представился
ему со всѣми своими подробностями, — все исчезло, ничто теперь не
существуетъ для него!

Только-что подумалъ Кароль о собакѣ Селю, благородное жи-
вотное, откуда ни возмись, подлетѣло и, въ первый разъ,
нѣжно приласкалось къ нему. Между-тѣмъ, она не бѣжала за

ниги; онъ подумалъ, что Селіо гдѣ — нибудь недалеко. Но Селіо не явился, и Кароль вспомнилъ, что наканунѣ *Лаертъ* (имя собаки) остался на берегу, гдѣ приставали лодки, что его не могли дозваться и, возвращаясь домой, Селіо безпокоился, чтобъ онъ не пропалъ; малютка послѣ еще долго свистѣлъ и звалъ собаку, думая, что она бѣжитъ вокругъ озера и скоро явится; но тамъ и спать легли, собака не пришла. Лукреція утѣшала сына, говоря, что собака не въ первый разъ не ночуетъ дома, что она очень умна и если захочетъ всегда найдетъ дорогу къ дому.

Доблестный *Лаертъ*, увлеченный охотничьимъ жаромъ, всю ночь сторожилъ и преслѣдовалъ, для собственнаго удовольствія, какого-то зайца, и потерялъ ли слѣдъ своей добычи, или настигъ и растерзалъ ее, какъ бы то ни было, но теперь онъ думалъ о Селіо, который обыкновенно заставлялъ его играть, о Флоріани, которая сама его кормила, о маленькомъ Сальваторѣ, который тербѣлъ его за уши, о своей подушкѣ и завтракѣ. Онъ хорошо считалъ время и разсуждалъ такъ, что пора домой, чтобъ не побранили за долгое отсутствіе. Можетъ-быть, онъ даже ласкалъ себя смѣлой надеждой, что и не замѣтятъ его отсутствія.

Увидя Кароля, онъ сообразилъ, что не зачѣмъ было человѣку уйти такъ далеко отъ дома иначе, какъ за тѣмъ, чтобъ искать его; почувствовавъ свою вину и не желая ее увеличивать, онъ рѣшился подойти, принявъ унылый, скромный видъ, волоча по землѣ свой длинный шелковистый хвостъ и рисуясь во всѣхъ возможныхъ граціозныхъ позахъ, чтобъ разжалобить и получить прощенье.

Кароль не выдержалъ, рѣшился прикоснуться къ головѣ его. «И ты тоже», подумалъ онъ: «и ты хочешь разорвать свои цѣпи, понытать воли! И вотъ, ты колеблешься между вчерашней услужливостію и настоящимъ страхомъ!»

Кароль ужъ не могъ безъ ужаса взглянуть на свое одинокое прошлое. Ему казалось, что онъ лучше бы согласился томиться въ мукахъ любви, отравленной сомнѣніемъ и стыдомъ, нежели со всѣмъ никакъ не жить. Что теперь найдетъ онъ въ своемъ отчужденіи? Тѣнь матери, или тѣнь Лючіи, — онѣ явятся къ нему развѣ только съ горькими упреками. Онъ попытался призвать ихъ, онѣ не слушались его зова. Онъ никогда не могъ увѣриться, что мать его умерла, — теперь онъ это чувствовалъ; могила не отдаетъ своихъ жертвъ. Черты Лючіи до того потемнѣли въ его памяти, что онъ едва-едва могъ представить ее себѣ. На нихъ легло какое-то густое облако. Теперь, когда Кароль отпилъ изъ чаши жизни, сообщество тѣней, вмѣсто того, чтобъ чаровать, стало пугать его.

— Жить! стало-быть, надо насильно жить! надо любить жизнь, презирать ее; тонуть въ ней на зло чувству страха и отвращенія, которыя она внушаетъ, думалъ Кароль, борясь съ самимъ-собою. — Но найду ли я еще жизнь съ Лукреціей? Не смертію ли будетъ

мнѣ эта любовь, за которую я краснѣю, эта любовь, отравленная сомнѣніемъ? Ничтожество за ничтожество! не лучше ли чахнуть и разрушаться съ чувствомъ собственнаго достоинства, нежели съ сознаниемъ своей нравственной немощи?

Онъ не видѣлъ выхода въ этой невѣдѣнности,—вставалъ, дѣлалъ шагъ въ путь изгнанія, и оглядывался назадъ. Сердце его рвалось и ныло при одной мысли, что ему не видать больше Лукреціи; онъ чувствовалъ, что сердце его физически гаснетъ, какъ — будто эта женщина только и поддерживала въ немъ жизнь.

Онъ ужь былъ почти побѣжденъ; онъ ждалъ какого-нибудь знаменія, какого-нибудь свыше-ниспосланнаго случая, послѣдней опоры слабости, чтобъ этотъ невзримый указатель наставилъ его на истинный путь. Лаертъ явился къ нему на помощь; Лаертъ уже рѣшился воротиться. Когда Кароль начиналъ идти дальше отъ виллы, Лаертъ останавливался и смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ; когда князь обращался къ виллѣ, Лаертъ прыгалъ въ восторгѣ и хотѣлъ вымолвить своими живыми, блестящими умомъ и выразительностью глазами: «да, да! сюда! вы было-ошиблись: идите же за мной!»

Кароль отыскалъ придирку, достойную любого ребенка. Онъ сталъ разсуждать, что Флоріани очень-привязана къ собакѣ; что Селіо готовъ проплакать цѣлый день, если она не найдется; что собака молодая, глупая, пока бѣжитъ до дому, можетъ опять увязаться за какимъ-нибудь звѣремъ; наконецъ, можетъ даже совсѣмъ потеряться, попасться въ руки къ какому-нибудь охотнику, и что поэтому его обязанность—отвести собаку домой.

Кликнулъ онъ Лаерта и, слѣдя за нимъ съ ребяческою заботливостью, не сводя съ него глазъ, направился къ виллѣ Флоріани. При всемъ томъ, надо сказать, что еще ни одного слѣпаго такъ буквально не вела собака.

Замѣтивъ, что ворота парка отворены, Лаертъ бросился къ нимъ; восхищенный своимъ прибытіемъ, онъ опередилъ Кароля, прибѣжалъ въ домъ, пробрался въ комнату Селіо, и въ ожиданіи его пробужденія, забился подъ кровать. Придирка Кароля потеряла свою силу; теперь ему не было обязанности переступать за рѣшетку парка,—но онъ переступилъ за нее, и переступивъ, случайно взглянулъ на боковой камень, на которомъ была сдѣлана кистью надпись. То были извѣстные стихи Данте:

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell' eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente...
...Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate!

А внизу:

«Къ свѣдѣнію путешественникамъ!

«Селіо Флоріани.»

Кароль вспомнилъ, что, назадъ тому нѣсколько дней, Селію, выучивъ наизусть классическое мѣсто «Божественной Комедіи», повторялъ его при всякомъ случаѣ, съ прибавленіемъ собственныхъ восторговъ и пародій, какъ это всегда дѣлается у дѣтей, и наконецъ почелъ удовольствіемъ написать это мѣсто на воротномъ столбѣ парка, присовокупивъ шуточное извѣщеніе прохожимъ. Черезъ выду не шла никакая проѣзжая дорога, и потому нисколько не было неприличнымъ оставить надпись Селію просуществовать до перваго дождя; Флоріани только посмѣялась, и Кароль, для котораго эти печальные стихи тогда не имѣли никакого особаго значенія, не возмущился. Онъ нѣсколько разъ проходилъ въ ворота, не обращая вниманія на предостереженія, да никогда и не подумалъ бы о немъ, еслибъ не этотъ совершившійся въ немъ переворотъ. Въ первую минуту, въ словахъ *perdula gente* показался ему страшный намекъ и, должно быть, немножко правды, потому что онъ тутъ же ихъ стеръ; потомъ, какъ-то невольно, перечитывая послѣдній стихъ, онъ вдругъ почувствовалъ суевѣрный ужасъ; ему пришла мысль, что дѣти часто безъ всякаго умысла пророчатъ и смѣясь высказываютъ страшныя истины. Кароль сорвалъ горсть травы и затеръ стѣну; но, по очень-естественному случаю, послѣдній стихъ, который пришелся на неровномъ мѣстѣ камня, не всѣмъ стирался; не смотря на всѣ усилія Кароля, его все еще было немножко видно.

— Ну! сказалъ князь, бросившись въ паркъ:—такъ, видно, написало въ книгѣ моей судьбы; зачѣмъ мнѣ смущаться этимъ? О, Лукреція! ты мнѣ ничего не дала, кромѣ счастья; теперь, когда я столько перестралаъ черезъ тебя и за тебя, теперь вижу, до какой степени я люблю тебя!

Флоріани ужъ успѣла очень встревожиться; она искала Кароля по всему парку, не постигая, какимъ-образомъ онъ, противъ обыкновенія, всталъ прежде ея и ушелъ гулять безъ нея. Она была къ хижинѣ рыбака и оттуда увидѣла, какъ князь стиралъ надпись, а потомъ пустился чуть не бѣгомъ, будто и онъ, по примѣру Лаерта, боялся, чтобъ его не побранили. Флоріани побѣжала и бросилась къ нему на руки:

— Такъ вы думаете, сказала она ему:—что это былъ бы важный обманъ?

Кароль смутился; онъ не предполагалъ, что Флоріани видѣла, какъ онъ стиралъ стихи Данте; онъ думалъ ужъ не о стихахъ, а о возможности измѣны Сальватора. Ему показалось, что она отвѣчаетъ на его тайную мысль, угадала его скорбь, подстерегла его попытку убѣжать, и не знаю что еще! все, что есть неправдоподобнаго, все пришло ему въ голову. Онъ отвѣчалъ съ растеряннымъ видомъ:

— Будьте въ этомъ сами судьей, не мнѣ отвѣчать вамъ.

Лукреція немножко изумилась и начала бояться: нѣтъ ли тутъ признака эксцентричности? Когда еще она не отдавала своего сердца

ца князю, Сальваторъ предостерегалъ ее отъ разныхъ его выходовъ; но она не могла этого думать, потому-что съ самой богатыни Кароль былъ постоянно восхищенъ до седьмаго неба и ни разу ничѣмъ не испугалъ ея. Она спрашивала себя: совсѣмъ ли онъ выздоровѣлъ, не грозитъ ли ему новый неожиданный припадокъ; или въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, у него голова разстроена, можетъ-быть, бродятъ въ ней фантастическія мысли. Она спросила его. Онъ не хотѣлъ отвѣчать, а только взялъ у ней руку, долго цаловалъ ее, и все просилъ прощенья. Но въ чемъ прощенья? Вотъ этого-то она и не могла никакъ добиться, не смотря на всѣ свои нѣжныя даски. Движенія князя, лицо и рѣчь,—все какъ-то измѣнилось. Онъ рѣшилъ, что если воротится къ Флоріани, то непременно долженъ крѣпиться, чтобъ не сдѣлать ей ни одного вопроса, ни одного упрека, такъ, чтобъ его собственная любовь не была оскорблена ни однимъ язвительнымъ словомъ ни съ той, ни съ другой стороны; наконецъ онъ, такъ-сказать, заковалъ себя въ какое-то рыцарское служеніе, далъ обѣтъ удвоить наружное почтеніе, какъ-будто хотѣлъ этимъ загладить совершившійся въ душѣ его грѣхъ подозрѣнія.

Флоріани всегда глубоко трогало это почтеніе, которое онъ оказывалъ ей при дѣтяхъ и слугахъ. Не было въ немъ ничего, что бы могло напомнить безцеремонность, такъ-сказать, распушенность счастливаго любовника. Но наединѣ, она не привыкла, чтобъ онъ отвертывалъ лобъ отъ ея поцалуя и хватался ей за руки. Она попыталась разломить эту ледяную кору; слегка упрекала его; дружески подсмѣивалась: ничто не помогало. Кароль торопился скорѣй добратся до дома: онъ чувствовалъ, что страданіе его еще не утихло на столько, чтобъ онъ могъ казаться счастливымъ.

Сальваторъ не дивился, что другъ его молчаливъ и мраченъ: онъ часто видалъ его такимъ.

— Я что-то боюсь, шепнула ему Лукреція:—Кароль такой блѣдный и грустный.

— Ты бы должна была привыкнуть встрѣчать его утромъ совсѣмъ инымъ, нежели видѣла наканунѣ, отвѣчалъ Сальваторъ. — Развѣ ты не знаешь, что онъ подвиженъ и измѣнчивъ, какъ облако?

— Нѣтъ, Сальваторъ, онъ не таковъ. Въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ я вижу въ немъ чистое, пламенное небо, — ни одного облачка, ни чуть-замѣтнаго пара!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Что за чудеса ты мнѣ рассказываешь! Едва вѣрится...

— Клянусь тебѣ. Что же такое съ нимъ сегодня?

— Да ничего; черныя мысли.

— У него ужъ не было черныхъ мыслей, а все свѣтлыя.

— Это — или чрезвычайный случай, или великое чудо; у насъ, бывало, не проходило недѣли... что я говорю? не проходило дня, чтобъ не начала на него грустная задумчивость.

— Отъ—чего же такъ часто нападала на него грустная задумчивость?

— Ты спрашиваешь меня о томъ, чего я никогда не могъ отъ него добиться. Кароль — что такое? это ходячій ієроглицфъ, мидя олицетворенный!

— Для меня онъ до—сихъ—поръ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; и какъ я, по какому—то непонятному инстинкту, нашла средство сдѣлать его счастливымъ и довѣрчивымъ, стало—быть, со вчерашняго дня ему что—нибудь во мнѣ не нравится.

— Да вы побранились сегодня ночью?

— Побранились? Что за слово!

— О! да, я вижу, ты стала такая же *возвышенная*, какъ и онъ; надо будетъ составить для васъ особый словарь отборныхъ выраженій. Хорошо, попытаюсь! Разговаривая другъ съ другомъ въ прошлую ночь, не коснулись ли вы какой—нибудь болѣзненной струны бытія одного изъ васъ?

— Въ прошлую ночь, какъ и во всѣ ночи, я ни на минуту не отходила отъ дѣтей. Мы всегда расходились рано; на разсвѣтѣ встану, и пока малютки дремятъ или, вставая, лепечуть съ нянькой, пойду, потихоньку разбужу Кароля, и болтаемъ вмѣстѣ, и всего чаще не болтаемъ, а смотримъ другъ на друга и любуемся другъ другомъ, не говоря ни слова. Такъ проходятъ чудные два часа, и въ эти два часа — ни одного тягостнаго слова, ни одного положительнаго помысла, ни одного воспоминанія о скучной, печальной дѣйствительности. Сегодня утромъ я, по обыкновенію, открыла у него окна, какъ привыкла дѣлать еще во время его болѣзни. Смотрю — его ужъ нѣтъ, чего никогда съ нимъ не случалось. Два часа его не было; воротился онъ такимъ растеряннымъ; говорить слова, которыхъ я не понимаю; движенія такія странныя... Я чуть не испугалась его; а теперь меня мучитъ это уныніе его, эта заботливость, съ которою онъ торопился поскорѣй уйти отъ насъ. Ты его знаешь; попытайся разспросить, что съ нимъ.

— Я его знаю и могу сказать тебѣ только то, что вчера вечеромъ онъ былъ веселъ,—это значило, что сегодня утромъ будетъ грустенъ. Никогда не могъ онъ развернуться пошире на одинъ часъ безъ того, чтобъ не искупить этого часа многими часами безрадѣльности и молчанія. Причины тутъ, конечно, должны быть нравственныя; но онѣ такъ тонки и легки, что простымъ глазомъ никакъ ихъ не замѣтишь. Нужно микроскопъ, чтобъ читать въ такой душѣ, въ которую такъ мало проникаетъ жизненнаго свѣта.

— Сальваторъ, ты не знаешь своего друга, сказала Флоріани: — у него не такая натура. Солнце, чище, блистательнѣе нашего, освѣщаетъ его пламенную, благородную душу.

— Какъ бы тебѣ хотѣлось этого! отвѣчалъ улыбувшись Сальваторъ: — въ такомъ случаѣ, попытайся разглядѣть, что тамъ, и не зови меня свѣтить тебѣ.

— Ты, мой другъ, смѣешься! грустно проговорила Луcreція: —

а между-тѣмъ, мнѣ очень-больно! Я думаю и не могу придумать, чѣмъ могла опечалить своего милаго. Но его холодный взглядъ морозомъ проникаетъ меня до костей; когда я вижу его такимъ, мнѣ кажется, будто я умираю.

XXI.

Нѣсколько словъ откровеннаго объясненія утолили бы страданія Флоріани и ея милаго; но для этого нужно было, чтобъ Кароль, добываясь истины, былъ увѣренъ въ искренности отвѣта; а когда человѣка обуяетъ несправедливое подозрѣніе, онъ на столько теряетъ собственной откровенности, что уже не вѣритъ въ откровенность другихъ. Впрочемъ, этотъ несчастный ребенокъ былъ не въ своемъ разумѣ; у него оставалось этого разума именно столько, сколько нужно для пониманія того, что разумъ убѣдить его не можетъ.

Къ-счастью, эти легко-возмущающіяся, сумасбродныя въ своихъ тревожныхъ порывахъ натуры скоро оправляются и забываютъ. Онѣ сами чувствуютъ, что ихъ внутреннія, тоскливыя волненія недоступны постороннему участію и могутъ пройти только сами-собою. То же было и съ Каролемъ. Къ вечеру этого мрачнаго дня, онъ ужъ чувствовалъ усталость отъ страданія и скуку отъ уединенія; ночью, не спавъ такъ долго, впалъ въ истому, которая и усыпила его; на другой день, онъ опять былъ счастливъ въ объятіяхъ Флоріани, но не сказалъ, отъ-чего наканунѣ былъ совсѣмъ непохожъ на самого-себя; Лукреція должна была удовольствоваться уклончивыми отвѣтами. Это запало въ ней, какъ рана закрывшаяся, но готовая снова открыться, потому-что корень болѣзни еще не истребленъ.

Лукреція не такъ скоро забыла, что ея милый страдалъ. Хотя она вовсе не постигала причины этого страданія, но чувствовала на себѣ его отраженіе. У ней была не внезапная, порывистая, мгновенная печаль, — нѣтъ, то было глухое, глубокое, продолжительное безпокойство. Она, вопреки мнѣнію Сальватора, стояла на томъ, что безпричинныхъ страданій нѣтъ; заглянула въ себя, припомнила все, — совѣсть ни въ чемъ не упрекала ея. Тогда Лукреція пришла къ тому, что Кароль очнулся, вспомнилъ мать, или сталъ жалѣть, что измѣнилъ памяти Лючіи.

Итакъ, Кароль сдѣлался по-прежнему спокоенъ и довѣрчивъ прежде, нежели Флоріани утѣшилась за него. Но только-что она, наконецъ, разувѣрилась и начала забывать страхъ, который навела на нее эта мрачная тѣнь, какъ одно обстоятельство опять разбудило страданіе Кароля. И какое обстоятельство! мы едва рѣшаемся передать его — такъ оно мелочно и бессмысленно! Флоріани, играя съ Лаертомъ, тронутая его граціей и умильнымъ взглядомъ, поцеловала его въ лобъ. Кароль вообразилъ, что это профананія, что

уста Лукреція не должны касаться собачьей головы. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не сдѣлать замѣчанія съ нѣкоторой энергіей, которая обнаружила его отвращеніе къ животнымъ. Флоріани, изумившись, что подобныя вещи принимаются къ сердцу, не могла удержаться отъ смѣха, — и Кароль былъ уязвленъ до глубины души.

— Что жъ такое, другъ мой! говорила ему Лукреція: — развѣ для тебя лучше серьезное разсужденіе по поводу того, что я поцаловала собаку? А мнѣ бы хотѣлось, чтобъ между нами ни изъ-за чего не было разлада; я нахожу этотъ случай ничтожнымъ, не стоящимъ ни толковъ, ни вниманія, и чувствую только потребность посмѣяться надъ странностью самаго случая.

— О! знаю, я смѣшонъ, сказалъ Кароль: — и для меня ужасно то, что вы начинаете замѣчать это! Развѣ вы ничѣмъ другимъ не могли отвѣчать мнѣ, кромѣ хохота?

— Я вамъ говорю, что, мнѣ кажется, тутъ нѣчего отвѣчать, возразила Лукреція съ маленькимъ нетерпѣніемъ. — Развѣ, когда вы мнѣ дѣлаете замѣчаніе, я должна опустить голову и молчать, хотя бы даже мнѣ казалось, что не стоило труда дѣлать подобное замѣчаніе?

— Слѣдовательно, намъ надо сдѣлаться чуждыми другъ другу во всемъ, что касается міра дѣйствительности, со вздохомъ проговорилъ Кароль: — мы въ этомъ отношеніи такъ мало понимаемъ другъ друга, что я, какъ видно, долженъ молчать, или открывать ротъ только для того, чтобъ смѣяться!

По этому случаю, Кароль дулся два часа, а потомъ все забылъ и опять сдѣлался любезенъ по-прежнему; но Флоріани грустила четыре часа, хотя не дулась, даже не показывала своей грусти.

На другой день, также случилось — не знаю что-то, еще незначительнѣе; а на послѣ-завтра они оба грустили ужъ безъ всякой видимой причины.

Сальваторъ не видалъ той блистательной чистоты блаженства, которою наслаждались они въ его отсутствіе. По пріѣздѣ, онъ, напротивъ, видѣлъ только, что Кароль возвращается къ своей прежней мелочной раздражительности. Онъ встрѣчалъ отъ него попеременно — то пылкую привязанность, то ледяную холодность. Сальваторъ не дивился, потому-что и прежде бывало то же; но онъ съ грустью думалъ, что леченіе было не радикально, и дошелъ до того убѣжденія, что любовники не созданы другъ для друга.

Послѣ долгихъ наблюденій и размышленій, Сальваторъ рѣшился объясниться съ другомъ объ этомъ предметѣ, и насильно довести его до откровенности. Онъ зналъ, что предпринималъ дѣло не легкое; но зналъ также, какъ за него взяться.

— Другъ мой, сказалъ онъ ему, спустя около недѣли послѣ своего пріѣзда въ виллу Флоріани: — мнѣ бы хотѣлось, если возможно, добиться отъ тебя отвѣта на слѣдующій вопросъ: долго ли мы еще здѣсь пробудемъ?

— Не знаю, не знаю! сухо отвѣчалъ Кароль, какъ-будто этотъ вопросъ былъ ему въ тягость.

Но черезъ минуту, у него на глазахъ навернулись слезы; онъ посмотрѣлъ на Сальватора такъ, какъ-будто предвидѣлъ неизбежную разлуку.

— Сдѣлай милость, Кароль! продолжалъ Альбани, взявъ его за руку: — хоть одинъ разъ въ жизни, попытайся составить себѣ понятіе о будущемъ, изъ любви ко мнѣ, къ другу, у котораго нѣтъ силъ оставаться въ вѣчномъ ожиданіи какихъ-нибудь происшествій. *Никогда*, то есть, пока не пріѣхалъ сюда, ты все ссылался на состояніе здоровья, которое мѣшало тебѣ дѣлать предположенія. «Дѣлай изъ меня что хочешь» говорилъ ты: «у меня нѣтъ ни воли, ни желанія.» Теперь роли измѣнились; здоровье твое не можетъ служить тѣмъ же предлогомъ: ты поправился, окрѣпъ... Не качай головой: не знаю, какъ себя чувствуетъ душа твоя, но тѣло твое въ добромъ здоровьѣ. Ты сталъ совсѣмъ другой: лицо измѣнилось и тонъ и выраженіе; ты ходишь, ѣшь, спишь, какъ и всѣ. Любовь и Лукреція совершили чудо; ты ужъ не скучаешь жизнью, какъ-будто чувствуешь себя на мѣстѣ. Теперь моя очередь оставаться въ неизвѣстности и неясно видѣть впереди. Ну, что же? ты хочешь оставаться здѣсь, не такъ ли?

— Не знаю, буду ли я въ состояніи уѣхать, если бы даже и хотѣлъ, проговорилъ Кароль, вполне страдая отъ-того, что пришлось отвѣчать прямо: — мнѣ кажется, у меня не достанетъ силъ; между-тѣмъ, долженъ!

— Долженъ, почему?..

— Не спрашивай объ этомъ. Ты самъ можешь догадаться.

— Такъ ты все еще лѣнивый умъ для тѣхъ случаевъ, когда приходится разбирать безвкусную главу дѣйствительной жизни?

— Да, тѣмъ больше лѣнивый умъ, что съ нѣкотораго времени я какъ-то особенно сбился съ него.

— Въ такомъ случаѣ, ты хочешь, чтобъ я поступалъ по-прежнему: думалъ бы за тебя, разсуждалъ бы съ-самимъ-собою, все равно какъ съ тобой, доказывалъ бы тебѣ логически, что ты желаешь дѣлать.

— Ну, да! отвѣчалъ Кароль съ серьезнымъ видомъ избалованнаго ребенка.

Въ этомъ случаѣ ему не нуженъ былъ посторонній совѣтъ, чтобъ узнать силу любви своей; но онъ хотѣлъ послушать сужденій Сальватора о своемъ положеніи, чтобъ какъ-нибудь проникнуть въ его собственныя чувства.

— Ну! весело произнесъ Сальваторъ, который ни сколько не боялся западни, тѣмъ больше, что не имѣлъ никакой задней мысли: — попробую! Теперь это нелегко: все въ тебѣ перемѣнилось; дѣло идетъ ужъ не о томъ, хорошъ ли здѣсь воздухъ, приятно ли помѣщеніе, исправно ли содержится гостинница, не нужно ли намъ бѣжать отъ жара или холода. Лѣто страсти согрѣетъ тебя, если

лучи іюньскаго сонца и не будутъ палить голову. Домъ здѣсь прекрасный, хозяйка ужь не неприятна... Ну, что жь ты? Не хочешь и улыбнуться моему остроумію?

— Нѣтъ, другъ мой, не могу. Говори серьезно.

— Изволь. Если такъ, я буду говорить коротко. Ты здѣсь счастливъ, ты упоенъ любовью. Ты не можешь предвидѣть, долго ли продлится это счастье, долго ли оно будетъ невозмутимо и свѣтло. Ты хочешь наслаждаться имъ столько, сколько прійдется, а послѣ... Что же послѣ? Отвѣчай. До-сихъ-поръ, я говорилъ о томъ, что есть; теперъ хочу знать, что будетъ послѣ.

— Послѣ! послѣ, Сальваторъ? Послѣ свѣта ничего не бываетъ, кромѣ тмы.

— Извини! бываютъ еще сумерки. Ты скажешь, что это еще свѣтъ, что ты будешь наслаждаться имъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не погаснетъ окончателно. Но когда наступитъ ночь, надо же будетъ обратиться къ другому солнцу? Что же это будетъ—искусство, политика, путешествіе, или супружество?—посмотримъ! Скажи мнѣ: когда мы будемъ тамъ, гдѣ мы встрѣтимся? На какомъ островкѣ жизненнаго океана долженъ я ждать тебя?

— Сальваторъ! вскричалъ испуганный князь, забывъ о мучившихъ его печальныхъ подозрѣніяхъ:—не говори мнѣ о будущемъ. Видишь ли, теперъ я меньше, нежели когда-нибудь, могу что-нибудь предвидѣть. Ты мнѣ предрекаешь конецъ моей или ея любви, не такъ ли? Ну! говори мнѣ о смерти: это единственная мысль, которую я могу связать съ твоею мыслью.

— Да, да, понимаю! Что жь! не будемъ говорить объ этомъ, потому-что ты еще въ томъ припадкѣ, когда нельзя думать ни о концѣ, ни о продолженіи счастья. Можетъ-быть, не совсѣмъ-хорошо, что въ подобныя минуты нисколько не допускается вниманія и предусмотрительности, потому-что всякій идеалъ опирается на земное подножіе, и маленькая распорядительность въ житейскихъ дѣлахъ могла бы служить къ устойчивости, или по-крайней-мѣрѣ къ продолжительности счастья.

— Ты правъ, мой другъ; помоги же мнѣ! Что я долженъ дѣлать? Возможно ли что-нибудь въ моемъ странномъ положеніи? Я думаю, что эта женщина будетъ меня всегда любить!

— А теперъ ужь не думаешь?

— Я ничего не знаю, ничего не могу видѣть ясно.

— Стало-быть, я долженъ за тебя видѣть. Флоріани вѣчно будетъ тебя любить, еслибъ только перебраться вамъ жить на Юпитера или на Сатурна.

— Боже мой! ты смѣешься?

— Нѣтъ, я говорю дѣло. Я не знавалъ такого теплаго, вѣрнаго, любящаго сердца, какъ у Лукреціи; но не знаю такой любви, которая бы могла поддержать его напряженіе и восторженность дальшаго известнаго времени на нашей землѣ.

— Оставь меня, оставь! сказалъ Кароль:—мнѣ больно отъ твоихъ словъ!

— Я не любовный процессъ веду, спокойно возразилъ Сальваторъ. — Не думаю доказывать, что ваша любовь пошлая, что не можетъ она больше всякой другой противиться законамъ собственнаго разрушенія. Въ этомъ дѣлѣ ты знаешь больше меня; ты знаешь такія стороны Флоріани, которыя я могъ только предчувствовать или угадывать. Но я знаю, можетъ-быть, лучше васъ обонхъ, не смотря на всю опытность этой очаровательной Лукреціи, что середина, въ которой вращается положительная жизнь любовниковъ, на зло имъ, на зло всему, имѣетъ влияние на страсть ихъ. Будь у васъ хоть рай въ сердцахъ, но если дерево свалится вамъ на голову, трудно, чтобъ вы ничего не почувствовали. Слѣдовательно, если внѣшнія обстоятельства будутъ благопріятны, вы можете любить другъ друга долго, можетъ-быть, всегда, — долѣхъ-порѣ, пока старость не скажетъ вамъ, что *всегда* у любовниковъ не то, что у ней. А если, напротивъ, ни о чемъ не думая, ничего не предвидя, позволите вы проникнуть къ себѣ недобрымъ влияніямъ, тогда прійдется вамъ подчиниться общей долѣ, то-есть, бѣды настигнуть и уничтожить васъ.

— Я слушаю тебя, другъ мой; продолжай! сказалъ Кароль: — чего надо бояться, что предвидѣть? что могу я отклонить?

— Флоріани свободна какъ вѣтеръ—это такъ! Она богата, независима отъ всѣхъ прежнихъ отношеній, и, кажется, будто предчувствовала, что нужно для вашего счастья, когда отреклась отъ свѣта и заперлась въ этомъ уединеніи. Вотъ превосходныя условія для настоящаго; но всегда ли они будутъ продолжаться?

— Развѣ ты думаешь, что она чувствуетъ потребность воротиться въ свѣтъ? Боже мой! если это случится!.. Несчастный я, несчастный!

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое! сказалъ Сальваторъ, пораженный отчаяніемъ и испугомъ своего друга. — Я не говорилъ этого, и не думаю. Но свѣтъ и здѣсь можетъ ее найти и прильнуть къ ней, противъ ея воли. Еслибъ не былъ я молчаливъ, какъ могила, со всѣми, кто заговаривалъ со мной о ней въ Венеціи; еслибъ не отвѣчалъ двусмысленно тѣмъ, которые ужъ знали, что она здѣсь: «она предполагаетъ, можетъ-быть, поселиться тамъ, но еще не рѣшилась; собирается путешествовать, поѣдетъ, можетъ-быть, во Францію...» и Богъ-знаетъ, что еще,—все, чему научила меня для подобныхъ вопросовъ Лукреція, — еслибъ не это, будь увѣренъ, теперь бы ужъ замучили васъ визитами. Но что отложено, то еще не миновало. Прійдетъ, можетъ-быть, время, когда вы будете и не одни здѣсь: каковъ-то ты будешь лицомъ-къ-лицу съ ея старыми друзьями?

— Ужасно! ужасно! вскричалъ Кароль, ударивъ себя въ грудь.

— Ты все принимаешь какъ-то трагически, мой милый князь! Дѣло не въ отчаяніи, а въ томъ, что можно ожидать этого; на-

до быть готову снять лагерь въ случаѣ нужды. Тутъ еще смертной бѣды нѣтъ; въ крайности, вы можете уѣхать отсюда и искать другаго временнаго уединенія. Есть особое средство отводить посылителей: не давать имъ возможности встрѣтиться съ вами. Флоріани понимаетъ это искусство; она поможетъ тебѣ выйти изъ затрудненія. Успокойся!

— Ну! а развѣ другихъ опасностей нѣтъ? спросилъ Кароль, который, по своей всегдашней подвижности, успѣлъ уже перейти отъ испуга къ лѣнивой довѣрчивости.

— Да, душа моя! есть и другія опасности, отвѣчалъ Сальваторъ:—но ты встревожишься больше, нежели бы я хотѣлъ, и, можетъ-быть, пошлешь меня къ чорту.

— Нѣтъ, говори.

— Когда вы замкнетесь отъ свѣта, останетесь наединѣ, вамъ будетъ еще опасность пресыщенія.

— Правда, сказалъ Кароль, озадаченный этой мыслью: — можетъ-быть, ты его ужъ справедливо предчувствуешь съ ея стороны. О, да! страдалъ я, тосковалъ эти дни. Должно быть, я утомилъ ее, наскучилъ ей. Она тебѣ говорила?

— Нѣтъ, не говорила и не думала; да, мнѣ кажется, не она первая утомится. Не за нее, а за тебя боюсь я душевной усталости.

— За меня, за меня, говоришь ты?

— Да! я знаю, что ты существо исключительное, знаю твою непреклонную любовь къ женщинѣ, которой ты совсѣмъ не зналъ... (позволь мнѣ это теперь сказать). Знаю, какой особенной, удивительной любовью любилъ ты мать. Но все это, собственно говоря, была не любовь. Любовь истощается, и твоя любовь, которая меньше всякой другой умѣетъ переносить насущныя житейскія дрязги, — истощится скоро.

— Ажешь! вскричалъ Кароль съ улыбкой восторга, и гордаго и простодушнаго.

— Дитя мое, я люблю тебя, но жалѣю, возразилъ Сальваторъ.— Настоящее свѣтло, но будущее въ туманѣ...

— Избавь, пожалуйста, отъ общихъ мѣстъ!

— Выслушай. Твоя благородная фамилія, твои старинные друзья, этотъ высшій свѣтъ, очень-тѣсный, но тѣмъ болѣе избранный и строгій, который до-сихъ-поръ былъ для тебя лучшимъ секретомъ, живительнымъ, такъ-сказать, воздухомъ... что же теперь? какую роль хочешь ты занять въ немъ?

— Я отрекаюсь отъ него навсегда! Я ужъ думалъ объ этомъ, Сальваторъ! — И эта дума потянула меньше соломенки на вѣсахъ любви моей.

— Хорошо. Если ты отвернешься отъ своей высокой родни, она навѣрное проститъ тебя, но тѣмъ не менѣе скажетъ, что непристойно тебѣ такъ долго, такъ серьезно любить актриссу. Эти

добродѣтельные друзья легче простятъ тебѣ сотню прихотливыхъ интригъ, нежели одну страсть.

— Не вѣрится мнѣ; но еслибъ и такъ, — одной причиною больше разойдтись безъ всякаго сожалѣнія съ родней и старыми знакомыми!

— Въ добрый часъ! Важная родня — люди хорошіе, но очень-скучные; я своимъ свойственникамъ давно предоставилъ ворчать на меня сколько имъ угодно, и не мѣшаю имъ. Если и ты хочешь сдѣлаться такимъ же сорванцомъ... оно очень-неожиданно, очень-забавно, но — слава Богу, я радъ! Впрочемъ, мой милый Кароль, есть еще другая родня, о которой ты не подумалъ; это — семейство Флоріани; оно — свидѣтель твоей любви.

— А! наконецъ ты тронулъ болѣзненную струну! вскричалъ Кароль, задрожавъ, какъ ужаленный змѣею. — Отецъ ея... да! этотъ презрѣнный челоуѣкъ, который считаетъ насъ голодными фиглярами, пріѣхавшими сюда Христа-ради просить пристанища да куска хлѣба! Это гнусно! Я едва могъ двинуться съ мѣста, какъ услышалъ...

— Дѣдушка Менапаче сдѣлалъ намъ эту честь?.. съ хохотомъ проговорилъ Сальваторъ.

Но замѣтивъ, какъ близко къ сердцу принимаетъ Кароль это смѣшное событіе, онъ рѣшился успокоить его.

— Еслибъ ты рассказалъ Лукреціи эту комедію, говорилъ Сальваторъ: — она принялась бы тебя утѣшать и — вотъ что отвѣтила бы тебѣ эта доблестная женщина: «Дитя моя! я всегда любила однихъ бѣдняковъ, потому-что очень боялась прослыть продажной наложницей. У васъ миллионы; можно подумать, что вы осыпаете меня сокровищами; но я васъ такъ люблю, что не думаю объ этомъ и смѣюсь; забудьте же болтовню моего старика съ Биофи, какъ забываю я для васъ все на свѣтѣ.» Вотъ видишь, Кароль, ты для нея обязанъ быть не слишкомъ-щекотливымъ къ чужимъ мнѣніямъ. Но — поговоримъ о ея дѣтяхъ, мой другъ; думалъ ли ты о нихъ?

— Развѣ я ихъ не люблю? вскрикнулъ князь? Развѣ я намѣренъ удалить ихъ отъ нея хоть на одну минуту?

— А развѣ они не растутъ? развѣ они никогда не пойдутъ? Знаю, что всѣ они отцовъ своихъ не помнятъ и пока еще способны вѣрить, что для произведенія ихъ на свѣтъ довольно было одной матери. Какъ она выйдетъ изъ затруднительнаго положенія, лицомъ-къ-лицу съ ними, что произойдетъ высокаго и низкаго въ этомъ семействѣ — это не касается ни до меня, ни до тебя. Я вѣрую въ чудесные инстинкты Флоріани; они изъ всего выведутъ ее съ честью. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ ты имѣлъ право, своимъ постояннымъ присутствіемъ, еще больше запутывать ея положеніе. Ты не сумѣешь и никогда не захочешь лгать. Какимъ же образомъ это можетъ устроиться?

Кароль, который не умѣлъ хорошенько понимать тонъ рѣчи въ

минуты тяжелой скорби, закрылъ руками лицо и молчалъ. Онъ ужъ предчувствовалъ эту страшную задачу съ того самаго дня, когда дѣти Флоріани навели на него тоску своимъ смѣхомъ и крикомъ, и призракъ будущаго неясно мелькнулъ у него передъ глазами. Мысль — сдѣлаться когда-нибудь заклятымъ недругомъ и невольной отравой для этихъ милыхъ дѣтей, естественно связалась въ немъ съ той минутой, когда они въ первый разъ наскучили и досадили ему.

— Ты раздраешь истину, сказалъ онъ наконецъ Сальватору: — и бросаешь ее мнѣ въ лицо кровавыми кусками. Чего же ты хочешь? чтобъ я отказался отъ своей любви и умеръ? Такъ убей же меня сейчасъ! Уѣдемъ!

Сальваторъ изумился могучему чувству, которое еще властвовало надъ Каролемъ. Ему и въ голову не приходило, что эта мощь будетъ не слабѣть, а все рости вмѣстѣ съ страданіемъ; Сальваторъ искалъ счастья въ любви, и если не находилъ, — любовь ухнула тихо-тихо... Въ этомъ случаѣ, онъ былъ похожъ на весь свѣтъ. Но Кароль любилъ для того, чтобъ любить; никакое страданіе не могло оттолкнуть его. Пройдя фазъ упоенія, онъ вошелъ въ періодъ скорби. Но фазъ охлажденія никогда не долженъ былъ наступить для него; вмѣсто этого фазы, могла быть физическая агонія, потому-что любовь была его жизнью и — сладка ли она ему, или горька — не въ его волѣ оторваться отъ нея хотя бы даже на одно мгновение.

Сальваторъ, хорошо знавшій его характеръ, но не достигавшій его во всей глубинѣ, убѣдился, что время осуществить его предсказаніе.

— Другъ мой, говорилъ онъ ему: — ты меня не понимаешь, или, лучше сказать, думаешь не о томъ, о чемъ мы говоримъ. Грѣхъ было бы мнѣ отрывать тебя отъ первыхъ минутъ упоенія, которое еще не скоро разсѣется. Напротивъ, я веду рѣчь къ тому, что ты не стараешься оградить своего счастья и съ перваго раза готовъ отдаться легкимъ прихотямъ судьбы. А потомъ скажу тебѣ, что не должно насильно удерживать счастье, если оно уходитъ. Рано или поздно, прійдетъ время, когда станетъ блѣднѣть звезда, изъ которой теперь льются на тебя такіе жаркіе лучи. Тогда-то ужъ нечего будетъ ждать охлажденія и скуки, тогда будетъ пора разстаться съ подругой. Надо будетъ рѣшительно бѣжать... но бѣжать, — пойми меня, — за тѣмъ, чтобъ снова воротиться, когда почувствуешь потребность разбудить огонь ея и своей жизни. Видишь ли, я допускаю, что постоянство должно быть вѣчно. Еще одна причина облегчать ярмо, которое васъ связываетъ, не топить себя непрерывнымъ, совершеннымъ уединеніемъ. Все, что уже теперь возмущаетъ тебя здѣсь, исчезнетъ вдали; а когда ты воротиться, увидишь, что это были не горы, а песчинки. Всѣ существенныя опасности положенія, въ которомъ ты сейчасъ стараешься отдалить себѣ отчетъ, разсѣются, когда ты не будешь един-

ственнымъ, исключительнымъ хозяиномъ въ домѣ. Дѣтямъ не въ чемъ будетъ упрекать тебя, потому-что если окружающіе и будутъ подозрѣвать предпочтеніе ихъ матери къ тебѣ, то они не докажутъ этого. Тогда вы, по-видимому, не пойдете на переборъ общему мнѣнію, а будете вести частыя сношенія благородной, постоянной дружбы. Еслибъ ты былъ просто другъ и братъ Флоріани, какъ я, на-примѣръ, и тогда преступно, опасно было бы остаться съ ней на всю жизнь невозвратно. Тѣмъ больше — какъ любовникъ, изъ уваженія къ ея и своему достоинству, ты долженъ прикрыть немножко эту страсть отъ чужихъ глазъ. Ты, можетъ-быть, думаешь, что я забочусь о репутаціи женщины, у которой ея до-сихъ-поръ совѣтъ не было. Но не ты усомнился бы въ искренности, съ которою она рѣшилась-было преобразить свою жизнь для будущей чести дочерей, отказавшись отъ свѣта, разрывавъ всѣ внѣшнія связи. Не ты унижилъ бы въ ея глазахъ жертву, которую она принесла-было, прекрасныя начинанія, съ которыми была такъ счастлива; не ты пощѣпалъ бы ей быть добродѣтельной матерью семейства, какой она такъ гордо считала себя въ тотъ день, когда мы постучались у ея двери. Вспомни, та дверь была заперта! Вѣчно будетъ лежать у меня на совѣсти, что я переступилъ заповѣдный порогъ, а потомъ — почти втолкнулъ тебя въ объятія этой бѣдной, довѣрчивой, великодушной женщины, — если только когда-нибудь прійдется ей проклясть тотъ роковой часъ, когда я нарушилъ ея покой, разбилъ ея мечты о тихой, разумной жизни.

— Правда твоя! вскричалъ Кароль, бросившись къ Сальватору на руки: — вотъ какимъ языкомъ надобно было давно заговорить со мною. Изъ всего міра существенности я могъ бы понять только одно, что долженъ уважать ту, кого люблю, долженъ беречь ея честь, ея спокойствіе, ея домашнее счастье. А! если, для доказательства моей безусловной преданности, моего обожанія, нужно сейчасъ же разстаться съ нею, — я готовъ. Это она, конечно, поручила тебѣ навести меня на всѣ эти мысли. Она видѣла, что я ни о чемъ не думаю, что я задремалъ въ упоеніи; она угадала, что нужно разбудить меня. И хорошо сдѣлала. Поди, скажи, чтобъ она простила мнѣ мой близорукій эгоизмъ; попроси ее назначить срокъ моему отсутствію, чтобъ сказала сама, когда мнѣ уѣхать... и когда воротиться.

— Другъ мой милый, возразилъ улыбаясь Сальваторъ:—значитъ обидѣть Флоріани, если подумать, что у ней благоразумія и осторожности больше, нежели у тебя. Я самъ, по безотчетному влеченію, заговорилъ съ тобою объ этомъ, рискуя нанести душѣ твоей страшный ударъ. Еслибъ я сталъ просить позволенія на этотъ разговоръ у Лукреціи, она бы отказала мнѣ, потому-что подобная ей любовница имѣетъ всѣ слабости матери, и если заговоримъ мы объ отъѣздѣ, то не только не встрѣтимъ одобренія, но еще должны будемъ выдержать борьбу. Впрочемъ, мы напомнимъ ей о

дѣтъхъ, а она, въ свою очередь, должна будетъ уступить. Она войметъ, что любовникъ не мужъ, что онъ не можетъ стоять при ней какъ часовой у крѣпости.

— Мужъ!.. проговорилъ Кароль, пристально посматрѣвъ на Сальватора.—Еслибъ она вышла за-мужъ!

— О! что касается до этого, будь спокоенъ; подобной невѣрности ты отъ нея не жди, отвѣчалъ Сальваторъ, изумившись, что это случайно-произнесенное имъ слово произвело на князя такое замѣтное впечатлѣніе.

— Ты сказала: «мужъ»! повторилъ Кароль, упираясь на внезапно-блеснувшую мысль: — мужъ былъ бы искупленіемъ всей ея жизни. Въмѣсто того, чтобъ быть недругомъ, язвой для ея дѣтей, если онъ богатъ и благороденъ, онъ могъ бы стать имъ самой близкой опорой, ихъ лучшимъ другомъ, названнымъ отцомъ. На немъ лежала бы прекрасная обязанность; и какъ бы онъ былъ вознагражденъ! никогда бы онъ не покинулъ ея, этой обожаемой женщины; онъ, какъ защитная стѣна, заслонилъ бы ее отъ свѣта: онъ оттолкнулъ бы клевету какъ безчестье; онъ могъ бы беречь свое сокровище; не отнявъ бы у своего счастья ни одного дня на несносныя, докучливыя приличія. Быть ея мужемъ! да, твоя правда! Безъ тебя мнѣ бы и въ голову не пришло... Посмотри, я былъ совершенно тупъ, идіотъ во всемъ, что касается до условій общественной жизни! Но прозрѣлъ же и я! Любовь и дружба спасли меня, сдѣлали изъ меня человѣка, вмѣсто ребенка, вмѣсто безумнаго, какимъ я былъ до-сихъ-поръ. Да, да, Сальваторъ! Быть ея мужемъ—вотъ рѣшеніе задачи! Нося этотъ священный титулъ, я ужь не разстанусь съ ней, буду ей не напастью, а обороной.

— Ну, что жъ? вотъ счастливая мысль! вскричалъ Сальваторъ: — я просто одурѣлъ, слетѣлъ съ облаковъ!.. Подумалъ ли ты о томъ, что сказалъ, Кароль? Тебѣ жениться на Флоріани!

— Это обидно! Пожалуйста, избавь отъ своихъ недоумѣній. Я рѣшился, пойдемъ со мной объяснять дѣло и просить ея согласія.

— Ни за что въ свѣтъ! возразилъ Сальваторъ:—развѣ только потребуешь ты отъ меня того же ровно черезъ десять лѣтъ послѣ нынѣшняго дня. Ахъ, Кароль! Я еще не зналъ тебя, не смотря на всю нашу долгую, неразлучную дружбу! Не ты ли бѣжалъ отъ жизни, завернувшись въ недоступную строгость, недовѣрчивость, гордость,—и вдругъ бросаешься въ другую крайность, съ размаха хватаешься за жизнь какъ бѣшеный! А я... сколько слышалъ я отъ тебя увѣщаній; сколько надавалъ тебѣ обѣтовъ,—и вотъ теперь долженъ вступить въ роль Ментора, спасти тебя отъ тебя-самого!

Тутъ Сальваторъ исчислилъ своему другу всѣ невозможности подобнаго союза. Онъ говорилъ сильно и простодушно; объяснялъ, что Флоріани сама-по-себѣ достойна такой любви и преданности; что самъ онъ, еслибъ былъ десятью годами старше и почувствовалъ охоту нести брачныя узы, то предпочелъ бы ее всѣмъ возможнымъ принцессамъ. Объяснилъ онъ князю и то, что согласіе

вкусомъ, мнѣній, направленій, стремленій — всѣхъ этихъ точекъ, составляющихъ основу супружескаго мира,—не можетъ существовать между мужчиной его лѣтъ, званія и натуры и между дочерью крестьянина, бывшей актриссой, которая старше его шестью годами, матерью семейства, демократкой по сердцу и памяти, и пр., и пр. Впрочемъ, нѣтъ необходимости передавать читателю все, что говорилъ объ этомъ предметѣ Сальваторъ. Довольно того, что впечатлѣніе, которое произвелъ онъ на Кароля въ первой половинѣ разговора, было вполне сглажено послѣдними возраженіями. Кароль понималъ въ жизни все, что могъ въ ней понять — безусловное развитіе. Всякій личный интересъ и благоразуміе, конечно, въ приложеніи къ его собственному существованію—были для него темной грамотой.

Прости ему, читатель, его ребячества, и ревность, и прихоти. Уже это не отъ него,—и, въ подобныхъ случаяхъ, величіе и сила его души выкупаютъ остальное. Чѣмъ больше Сальваторъ доказывалъ ему несообразность его плана, тѣмъ больше увлекался онъ этимъ планомъ. Еслибъ могъ Альбани представить этотъ бракъ въ видѣ непрерывной пытки, въ которой Кароль подвергался бы всевозможнымъ мукамъ за Флоріани и дѣтей ея, онъ поблагодарилъ бы его за картину жизни, вполне сообразной съ его честолюбіемъ и потребностью самопожертванія. Онъ съ восторгомъ принесъ бы эту жертву. Онъ, можетъ-быть, все еще сталъ бы считать преступленіемъ со стороны Лукреціи, еслибъ она произнесла при немъ имя, которое неприятно звучало въ ушахъ его, еслибъ позволила Сальватору поцаловать у себя колѣнку, погрозила бы ребенку плеткой или черезъ-чуръ приласкала собаку; но за то никогда ни разу не упрекнулъ бы онъ себя за то, что принесъ ей на жертву всю свою жизнь.

Къ-счастію... полно точно ли къ-счастію?... да нужды нѣтъ! Флоріани, выслушавъ неожиданное предложеніе, отказомъ своимъ доставила торжество всѣмъ доводамъ графа Альбани. Она была до слезъ тронута любовью князя; но удивиться не удивилась, а Кароль рассчитывалъ на удивленіе. Что же касается до согласія, Флоріани отвѣчала, что еслибъ даже отъ ея согласія завистьла жизнь дѣтей ея, она и тогда не дала бы его.

Такъ заключилась происходившая въ виллѣ Флоріани восьмидневная борьба деликатности и великодушія. Мысль о бракѣ уязвила непреклонную гордость Лукреціи; можетъ-быть, даже въ-отношеніи пользы дѣтей, она была не права. Но упорство ея согласовалось съ той гордостью, которою она была такъ сильна и несчастлива. Только одинъ разъ въ жизни, пятнадцати лѣтъ, очень-естественно, думала она принять наивное предложеніе неравнаго по-видимому брака. Впрочемъ, Раньери не отличался ни родомъ, ни слишкомъ-огромнымъ богатствомъ; а за дочерью рыбака Менапаче шли, въ ту пору, въ приданое невинность и красота во всемъ ихъ блескѣ. Но женихъ не могъ сдержать свое слово;

да Флоріани и сама скоро освободила его отъ этого слова, когда составила себѣ вѣрное понятіе объ обществѣ, когда увидѣла, сколько ей другу пришлось бы перестрадать за нее отъ отповскаго проклятія и родственныхъ преслѣдованій. Съ-тѣхъ-порѣ дала она обѣтъ—не то, чтобъ отречься отъ супружества, а не выходить замужъ иначе, какъ за человѣка равнаго ей по общественному положенію, для котораго этотъ союзъ служилъ бы честью, а не стыдомъ.

Она такъ глубоко прочувствовала эту мысль, что поколебать ее въ ней ничто не могло, и потому настойчивость Кароля огорчила ее. Другая на ее мѣстѣ приняла бы это настойчивое предложеніе за восхитительную честь; а ей казалось оно почти унижительнымъ, и еслибъ не знала она невѣдѣнія Кароля во всѣхъ истинныхъ чертахъ общественной жизни, то разсердилась бы на него за надежду склонить ее.

Съ-тѣхъ-порѣ, какъ сдѣлалась она матерью четверыхъ дѣтей и испытала дѣйствіе отталкивающей ревности, которую видѣя малютокъ возбуждалъ въ нея любовникахъ, съ-тѣхъ-порѣ она рѣшилась никогда не выходить за-мужъ. Еще ничто подобное не пугало ее въ Каролѣ; не предчувствовала она, что и онъ на этомъ пунктѣ будетъ страдать, какъ другіе; но знала, что положеніе и выгоды какого бы то ни было мужа потребуютъ отъ нея жертвъ, которыя прямо падутъ на ее привязанность къ дѣтямъ; что этому мужу непременно будетъ стыдно показаться передъ людьми въ роли ихъ отца и покровителя, что, наконецъ, Кароль потеряетъ свою значительность и цѣну въ жестокомъ, холодномъ мнѣніи людей, если подчинится всѣмъ послѣдствіямъ своей романической страсти.

Итакъ, Флоріани не имѣла нужды опираться на мнѣніе графа Альбани, чтобъ оетаться непоколебимою. Кароль былъ бы очаровательно-терпѣливъ въ надеждѣ убѣдить ее; но Флоріани чувствовала, что, ссылаясь постоянно на знатность князя и мнѣніе его важной родни, она будетъ, по-видимому, дѣйствовать въ духѣ тѣхъ притворно-несговорчивыхъ женщинъ, которыя противятся для того только, чтобъ ловчѣе заманить добычу; и потому кончила дѣло вдругъ, прямымъ и немножко рѣзкимъ отказомъ. Притомъ, она страшно боялась расчувствоваться, потому-что, еслибъ послушалась одного порыва материнскаго чувства, она уступила бы слезнымъ мольбамъ Кароля. И вотъ, рѣшилась она немножко солгать и провозгласила что-то въ родѣ систематической ненависти къ браку, хотя никогда и не думала заводить вражды вообще съ Гименеємъ.

Кароль, убѣдившись въ бесполезности своихъ наставаній, впалъ въ глубокую печаль. Послѣ слезъ, нѣжно отертыхъ Лукреціей, явилась потребность мечтать, быть одному и теряться въ догадкахъ объ этой дѣйствительной жизни, въ которую онъ хотѣлъ войти и въ которой не видѣлъ ни зги. Тутъ воротились призраки вооб-

раженія; подозрѣнія завертѣлись въ умѣ, который не умѣлъ вѣрно оцѣнить ни одного матеріальнаго факта; напала ревность, неизбѣжное мученіе властительной любви, обманутой въ надеждахъ безсловнаго обладанія.

Вообразилось ему, что у Сальватора всѣ эти жаркія рѣчи, все, что такъ естественно, само-собою, высказалось между ними въ продолженіе долгихъ бесѣдъ, истомившихъ его душу, было условлено съ Лукреціей; что Сальваторъ, съ своей стороны, не отказывался быть любовникомъ Флоріани и, дѣйствуя съ нимъ, какъ съ балованнымъ ребенкомъ, предоставилъ ему идти впередъ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ тайно потребовать своихъ правъ, когда увидитъ его пресыщеннымъ. За тѣмъ-то, думалъ онъ, Сальваторъ и сровѣтовалъ ему удаляться по-временамъ, чтобъ не дать слишкомъ усилиться любви Лукреціи и имѣть возможность, въ промежуткахъ времени, объясниться съ ней.

Потомъ,—предположеніе еще произвольнѣе, еще сумасброднѣе!—думалъ Кароль, что Сальваторъ прежде его имѣлъ мысль жениться на Флоріани, что они, связанные дружбой, которая такъ идетъ къ ихъ характерамъ, съ общаго согласія положили сочетаться бракомъ послѣ, насладившись вполне своей кипучей свободой. Кароль сознавалъ, что Лукреція любитъ его простодушно и непритворно, но боялся, чтобъ эта любовь не погасла такъ же скоро, какъ загорѣлась, и, какъ дѣлаютъ всѣ въ подобныхъ случаяхъ — негодовалъ на это пылкое увлеченіе, которымъ такъ восхищался, скорее такъ благословлялъ.

И когда его внутренній голосъ оправдывалъ Лукрецію противъ этихъ вымысловъ большаго воображенія, онъ говорилъ самъ съ собой, что Флоріани, въ первый разъ въ жизни, нашла въ немъ достойнаго любовника, что она любила бы его вѣчно, всѣми силами души, еслибъ постороннія ухищренія и гибельныя внушенія не отталкивали ея отъ него. Тутъ думалъ онъ о графѣ Альбани, обвинялъ его въ намѣреніи обольстить Лукрецію положеніями эпикурейской философіи, наглымъ обаяніемъ худо-скрытыхъ желаній. Теперь ему каждое слово, каждый взглядъ его казались преступленіемъ: Сальваторъ—безсовѣстный; Лукреція—слабая, увлеченная.

Послѣ того, онъ плакалъ, когда его друзья, которые говорили между собой только о немъ, которые дышали только нѣжной заботливостью о немъ же, Кароль, пришли извлечь его изъ уединенныхъ размышленій, осыпать его искренними ласками и нѣжными упреками. Онъ плакалъ на рукахъ Сальватора, плакалъ у ногъ Лукреціи. Онъ не открылъ своихъ безумныхъ грезъ и, чрезъ минуту, онѣ овладѣли имъ съ новою, еще небывалою до-сихъ поръ силою.

XIII.

— Она не любитъ меня, она никогда меня не любила, говоритъ Кароль Сальватору въ минуты, когда яснѣе становилась ему его дружба:—она даже не понимаетъ любви, эта могучая, холодная душа, если хочетъ разочаровать меня въ бракѣ, есылаясь на мою личность! Она, стало-быть, не знаетъ, что ни въ чемъ нѣтъ радости сердцу, полному любви, когда оно все принесло въ жертву обладанію любимымъ существомъ? Что она говоритъ о сохраненіи носей свободы? Я понимаю, что она боится потерять свою свободу. Но что значить слово «свобода» въ любви? Я думаю: принадлежать другъ другу вполнѣ, безъ всякихъ преградъ? А если, напротивъ, это значить—допустить свободный входъ охлажденію, разалеченіямъ, т. е. невѣрности... Ну, такъ нѣтъ и никогда не было любви въ сердцѣ женщины, которая защищается подобной свободой!

Сальваторъ пытался оправдать Флоріани, защитить ее отъ этихъ жестокихъ подозрѣній; но — попытки его пропали по-пусту: Кароль былъ такъ несчастливъ, что не могъ быть справедливъ. Онъ го требовалъ отъ друга утѣшеній и помощи противъ собственной слабости, то бѣжалъ отъ него съ убѣжденіемъ, что онъ-то и есть коренной врагъ его счастью.

Положеніе это со-дня-на-день становилось все мрачнѣе и мучительнѣе; графъ Альбани, бросаясь съ совѣтами и успокоительными рѣчами дружбы то къ тому, то къ другому, видѣлъ наконецъ, что рана отравлена, что блаженство любовниковъ превратилось для нихъ въ казнь. Онъ хотѣлъ-было кончить все разомъ: увезти Кароля.—Не было возможности! Ему самому было непріятно существовать среди этихъ постоянныхъ стычекъ; ему хотѣлось бы уѣхать; но онъ боялся подвергнуть Кароля подобному кризису.

Лукреція надѣялась, что Кароль успокоится и свыкнется съ мыслью—быть для нея только любовникомъ. Но когда увидѣла, что его мучительная тоска все длится, все растетъ,—на нее вдругъ навало глубокое уныніе. Когда мать видитъ, какъ ея ребенокъ, обреченный докторомъ на діету, мучится, плачетъ, преситъ нищими отчаянной настойчивостью, душа ея смущается, она колеблется и думаетъ: слушаться ли суровыхъ предписаній науки, или вѣрится инстинкту природы? Въ Лукреціи произошло что-то въ мозгѣ родѣ. Она также думала, не лучше ли будетъ водать ему опасную, но, можетъ-быть, дѣйствительную помощь, не лучше ли склониться на его желаніе, нежели обречь его на медленную агонию?.. Она позвала Сальватора, переговорила съ нимъ, призналась, что почти побѣждена; призналась также, что этотъ бракъ ей кажется ея погибелью, но что у ней не достанетъ силъ долго

смотреть на страданія Кароля, что она хочет дать ему послѣднее доказательство своей горячей любви.

Сальваторъ чувствовалъ, что и его твердость въ такой же степени пошатнулась. Не смотря на то, онъ вооружился противъ страданія и боролся, чтобъ не допустить любовниковъ до несправедливой развязки.

Кароль слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями больше, нежели они думали, и хотъ не слышалъ, но догадывался обо всемъ, что вокругъ него говорили; онъ видѣлъ нерѣшительность Флоріани и настойчивость графа. Сальваторъ показался ему въ отвратительно-низкой роли. Были минуты, когда онъ обрекалъ его на страшную ненависть.

Въ такомъ положеніи было дѣло, и Кароль успѣлъ бы въ немъ, еслибъ не случилось одно происшествіе, которое возбудило всю силу доводовъ Лукреціи.

Кароль гулялъ по песчаному берегу, внутри рѣшетки парка, замкнутой день и ночь отъ любопытныхъ. Случилась въ эту пору засуха; вода опала и отступила отъ конца рѣшетки, гдѣ образовался сухой песчаный проходъ, по которому посторонній человѣкъ, если хотѣлъ, могъ свободно пройти въ паркъ. Инстинктъ ревности указалъ князю на это обстоятельство; и онъ не разъ рѣшился замѣчать вслухъ, что еслибъ взять нѣсколько колець, да переплестъ ихъ вѣтвями, то какъ-разъ составила бы загородъ, которая и заслонила бы открытый берегъ. Флоріани обѣщалась распорядиться; но, занятая другими, важнѣйшими мыслями, зааръ и говорила ему, что твердость ея приходитъ къ концу, что смотреть, какъ страдаетъ изъ-за нея существо, которому она рада бы отдать всю жизнь свою, становится для нея невыносимо.

Въ то время, какъ она это говорила, Кароль ходилъ по берегу и, объятый своей обычной тревогой, видѣлъ вѣ себя только предметы, растравлявшіе его скорби и волненія. Всего больше мучилъ его этотъ открытый берегъ всякій разъ, какъ подходилъ онъ къ рѣшеткѣ.

Только это и видѣлъ Кароль; а между-тѣмъ—природа была чудесна: въ воздухѣ разливался пурпурный цвѣтъ заката, соловьи пѣли, и въ привязанномъ у берега, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя, челнокъ хорошенькая Стелла качала малютку Сальватора, а Сальваторъ игралъ раковинками. Дивно-милую группу составляли эти два ребенка—одинъ, погруженный въ таинственный трудъ ума, который присущъ человѣку и въ періодъ первыхъ игръ; другая—забывшаяся въ такихъ же таинственныхъ грѣзахъ, качала легкій челнокъ маленькою ножкой, напѣвая свѣтлымъ какъ журчанье струйки голосомъ какой-то монотонный, протяжный припѣвъ. Стелла пѣла на привязанномъ къ берегу челнокѣ и думала, что она все плыветъ, плыветъ вдаль по озеру. У ней слагалась безконечная поэма, полная смѣющихся вымысловъ. Сальваторъ

разсматривалъ, укладывалъ и мѣшалъ раковинки и камешки, опершись на лавочку челнока, съ важнымъ, глубокомысленнымъ видомъ ученаго, рѣшающаго уравненіе.

За ними присматривала Антонія, хорошенькая крестьянка, которая сидѣла недалеко отъ нихъ и граціозно визала. Кароль ничего не видѣлъ и не подозрѣвалъ. Онъ видѣлъ только, что Биффи тешетъ колья, и тешетъ, какъ казалось князю, очень-непроворно, потому-что было ужь поздно, а онъ врядъ ли бы началъ вбивать ихъ еще черезъ часть.

Вдругъ Биффи собралъ колья, поклатъ ихъ на плечо и, казалось, собрался нести къ хижинѣ рыбака.

Кароль считалъ преступленіемъ дать какое-нибудь приказаніе въ домѣ Флоріани, потому-что самая ничтожная нескромность, малѣйшее нарушеніе приличія въ глазахъ подобныхъ ему людей—сущее преступленіе. Но въ эту минуту, истомленный страшнымъ нетерпѣніемъ, онъ довольно-повелительно спросилъ Биффи, почему онъ бросаетъ работу и уноситъ колья.

Биффи былъ отъ природы кротокъ и слылъ въ околodge шутникомъ. Онъ тутъ же прикинулся глухенькимъ, вѣроятно думая, что актёръ представляетъ князя и хочетъ попытать его. Потомъ, забывъ съ удивленіемъ, что Кароль вспыхнулъ, онъ остановился и удостоилъ отвѣтить, что колья пойдутъ въ садикъ дяди Менапаче, что онъ несетъ ихъ туда.

— А синьора развѣ не приказала тебѣ, проговорилъ Кароль, весь дрожа отъ гнѣва: — набить ихъ здѣсь, чтобъ загородить берегъ?

— Она мнѣ ничего не говорила, отвѣчалъ Биффи: — да я не знаю, чего тутъ загоразивать: пойдетъ дождь, вода и поднимется вплоть до стѣны.

— Не твое дѣло, возразилъ Кароль: — чтѣ приказываетъ синьора, то, я думаю, надо исполнять.

— Пожалуй, отвѣчалъ Биффи:—мнѣ все равно: только если дядя Менапаче увидитъ, что я трачу колья, которые ему нужны были на подпорки въ виноградникъ, онъ разсердится.

— Нужды нѣтъ! возразилъ Кароль, совершенно забывшись:— ты долженъ слушаться синьоры.

— Оно такъ! примолвилъ Биффи въ нервѣшности, полу-освоболившись изъ-подъ своей ноши: — деньги-то платить она, да ворчать-то на меня ея отецъ.

Кароль настоялъ; онъ видѣлъ, или ему казалось, что вдали по берегу бродитъ какой-то человекъ и по-временамъ останавливается, какъ-будто ищетъ, какъ-бы пробраться въ виллу Флоріани. Глухая неповоротливость Биффи приводила въ отчаяніе князя. Онъ положилъ руку ему на плечо съ видомъ начальника; съ негодующимъ взглядомъ, который былъ такъ странно при его всегда кроткой физиономіи; Биффи струсилъ и рѣшился повиноваться.

— Ну, ваше сіятельство, проговорилъ онъ съ какой-то лѣ-

постью, отчасти-насмѣшливою, которая показалаь князю Бо знаетъ какъ оскорбительна: — неказывайте мѣсто, приказывай вы знаете, что нужно дѣлать, а я тутъ ничего не знаю; ииѣ, п во, ни слова не говорили.

Кароль сдѣлалъ то, къ чему никогда не считалъ себя спос нымъ. Онъ снизошелъ до матеріальной работы, даже до того, начертилъ на песокъ собственной тростью линію, по которой Би фи долженъ былъ вести городьбу, самъ назначилъ ему мѣста, бить колья, и все это дѣлалъ правильно, энергически, тѣмъ лѣе, что на этотъ разъ онъ не обманулся: незнакомецъ, котор онъ замѣтилъ вдали, видимо приближался и, продолжая идти самому берегу, смѣло направлялся прямо къ нимъ.

— Скорѣе! говоритъ Кароль Биффи:—если не успѣешь сега, занести городьбу вѣтвями, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ колья бы набиты: проходящіе будутъ видѣть, что тутъ ходить нельзя.

— Буду дѣлать все, что угодно вашему сіятельству, отвѣч Биффи съ лукавой униженностью. — А беспокоиться не извел воровъ въ нашей сторонѣ нѣтъ; здѣсь они и не появлялись когда.

— Все-таки дѣлай свое дѣло, проворнѣй! говоритъ князь страшной, болѣзненной тоскѣ.

Онъ вертѣлъ въ рукѣ золотую монету, чтобъ дать замѣ Биффи, какая щедрая награда ему готовится.

— Ваше сіятельство потерпите нехинъ-то, сказалъ хитрый льнй, взглянувъ украдкой на дрожащую руку Кароля.

— Другъ Биффи, отвѣчалъ князь:—я знаю обычаи: я нечаа задѣлъ за твой топоръ, и потому долженъ дать на водку. Это бѣ, когда кончишь.

— Ваше сіятельство ужь слишкомъ-добры! закричалъ Биффи, наэлектризованный въ одну минуту.—О! чортъ возьми! подум онъ про себя: да это князь, сушій князь; теперь я вижу; а таки дядѣ Менапаче ничего не скажу: онъ какъ-разъ припрят ной нехинъ, чтобъ я, изволите видѣть, не извелъ его на пуста

И Биффи ловко привялся работать — откуда взялись я про ство и богатырская сила; онъ рѣшился, если старикъ прійдетъ будетъ его останавливать, сказать ему, что такъ велѣла синьшора.

Всѣ колья были вбиты, когда упрямѣйшій человекъ, при при жепіи котораго Кароля бросало въ холодный потъ, дошелъ до грани и остановился, сложивъ на груди руки и уставивъ и впередъ, вдоль берега, не обращая по-видимому никакого вн ния на князя и Биффи.

Эта озабоченность была какъ-то странна, потому-что его с ляло отъ нихъ лишь нѣсколько колевъ. Впрочемъ, онъ, и лось, не думалъ переступить черезъ эту вновь-означенную граа То былъ молодой человекъ, средняго роста, одѣтый довольно всканно, но безъ особаго вкуса; лицо у него было прекрасн

по этому подвижно-устремленному взгляду, по этимъ разсѣяннѣмъ глазамъ можно было подумать, что онъ... какъ-будто безумный, или по-крайней-мѣрѣ помѣшанный, если только это не былъ умысленно-приданный имъ себѣ видъ...

Князь, возмущенный съ перваго раза его дерзостью, начиналъ думать, что этотъ человекъ самъ не зналъ, гдѣ онъ и куда хочетъ идти, какъ вдругъ незнакомецъ, обращаясь къ Бисофи, сказалъ ему густымъ басомъ:

— Другъ мой, не здѣсь ли вила Флоріани?

— Да, сударь, отвѣчалъ Бисофи, не переставая работать.

Князь вперилъ въ незнакомца глаза, какъ левъ, защищающій добычу. Незнакомецъ взглянулъ на него съ любопытствомъ почти-равнодушнымъ, и, нисколько не беспокоясь о выраженіи этого разстроеннаго, измѣнившагося лица, принялся смотрѣть на берегъ, къ которому Кароль стоялъ спиной.

Кароль быстро обернулся; онъ думалъ, что тамъ, можетъ-быть, идетъ Лукреція, и ея приближеніе такъ обаятельно дѣйствуетъ на незнакомца. Но вдоль берега не видно было никого, кромѣ дѣтей и няньки.

Въ это время, Стелла выходила изъ лодки и, поднимая на руки маленькаго брата, говорила ему:

— Пойдемте, Сальваторъ! Позвольте, сударь, вамъ помочь, а то вы упадете въ воду.

При мысли, что ребенокъ можетъ упасть въ воду прежде, нежели нянька успеетъ подойти, Кароль, у котораго мрачный умъ постоянно ждалъ какихъ-то несчастій, забылъ о незнакомцѣ и бросился помогать Стеллѣ. Но дѣти уже были въ безопасности, на пескѣ. Кароль, заслышавъ за собой шаги, оглянулся: предъ нимъ былъ незнакомецъ.

Онъ безъ церемоніи переступилъ за роковую черту; не удостоивъ князя взглядомъ, прошелъ мимо его, быстрымъ прыжкомъ очутился возлѣ дѣтей и схватилъ Сальватора на руки, какъ-будто хотѣлъ утащить его.

По невольному движенію, Кароль и Антонія бросились на незнакомца. Кароль схватилъ его за руку изъ всѣхъ силъ, которыя негодование въ немъ удвоило; а Бисофи, вооруженный топоромъ, явился на всякій случай въ видѣ подкрѣпленія.

Всѣмъ имъ незнакомецъ отвѣчалъ одной презрительной улыбкой. Между-тѣмъ, было тутъ одно существо, которое не обмарило никакого страха; это—Стелла.

— Вы съ ума сошли! сказала она смѣясь: — я его знаю; онъ ничего не сдѣлаетъ Сальватору, потому-что онъ его очень любитъ. Я пойду, скажу маменькѣ, что вы здѣсь, прибавила она, обращаясь къ незнакомцу.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣчалъ онъ: — не думаю. Сальваторъ не узналъ меня, а я здѣсь всѣхъ перепугалъ. Они думали, что я хочу его украсть. Возьми, примолавила онъ, возвращая ей ребенка:

— не хлопочи. Мнѣ хочется только посмотрѣть на васъ еще минуту; потомъ я уйду.

— Маменька не позволить вамъ уйдти не видавшись съ возразила малютка.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ некогда оставаться, сказалъ незнакомецъ замѣтнымъ смущеніемъ: — ты скажешь маменькѣ, что кланяюсь... Она здорова, твоя маменька?

— Здорова; она дома. Не правда ли, Сальваторъ очень выр

— И похорошѣлъ! отвѣчалъ незнакомецъ. — Это просто анн Ахъ, какъ-бы я желалъ его поцаловать!.. Но онъ боится и мнѣ не хочется, чтобъ онъ заплакалъ.

— Сальваторъ, сказала малютка:—поцалуй его. Это твой тель, ты его забылъ! Обними его своими рученками. Будешь стливъ; я скажу маменькѣ, что ты былъ очень-миль.

Ребенокъ послушался, поцаловалъ незнакомца, потомъ о сталъ просить своихъ раковинокъ и камешковъ и занялся съ на пескѣ.

Опершись на лодку, незнакомецъ смотрѣлъ на него сквозь сн Онь, казалось, не видѣлъ внимательно-наблюдавшихъ за нимъ князя, няньки и Биффи.

Но чрезъ нѣсколько минутъ онъ какъ-будто замѣтилъ мн улынулся грустно, и эта грусть еще отражалась на всемъ его. Лицо Кароля обратило на себя его вниманіе.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, подходя къ нему: — имѣю ли я чести говорить съ княземъ де-Росвальдъ?

Кароль сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Вы здѣсь распоряжаетесь, продолжалъ незнакомецъ: — никого не знаю въ этомъ домѣ, кромѣ дѣтей и ихъ матери; по дитесь приказать людямъ немного удалиться, чтобъ я могъ зать вамъ нѣсколько словъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ князь, отведя его на нѣско шаговъ въ сторону:—мнѣ кажется гораздо-проще намъ са удалиться, потому-что я здѣсь не распоряжаюсь, какъ вы гон те, и имѣю только права друга. Но этихъ правъ достаточно того, чтобъ я счелъ обязанностью сдѣлать вамъ одно замѣтн Вы вошли сюда неправильно и не можете долше оставаться и безъ воли хозяйки дома. Вы пробрались чрезъ загородку, прч неоконченную, но все-таки приличіе требовало обраттъ на вниманіе. Потрудитесь воротиться тѣмъ же путемъ, которыми шли, и сказать свое имя у воротъ парка. Если синьора Флоу найдеть приличнымъ принять васъ, можете надѣяться, что не вст тите у нея людей, способныхъ заставить васъ уйдти изъ ея д

— Остерегитесь роли, которую берете на себя, сударь, г отвѣчалъ незнакомецъ:—она смѣшна.

И, замѣтивъ, что у князя засверкали глаза, онъ примолвилъ насмѣшливой протостью:

— Эта роль была бы недостойна подобнаго вамъ великодуш

человѣка, еслибъ вы знали, кто я; выслушайте, и вы сами убѣдитесь въ этомъ.

XXIII.

— Меня зовутъ, продолжалъ незнакомецъ:—Оноріо Ваудони; я отецъ вотъ этого милаго ребенка, которому вы сейчасть явились защитникомъ. Но вы не имѣете права запретить мнѣ цаловать сына; напрасно стали бы вы добиваться этого права, я бы не допустилъ васъ до него силою, еслибъ убѣжденія было мало. Вы, конечно, думаете, что когда синьора Флоріани рѣшилась разорвать узы, которыя насъ съ ней связывали, я легко могъ требовать или по-крайней-мѣрѣ оспоривать у ней права на этого ребенка; но сохрани меня Богъ лишать малютку заботливыхъ ласкъ женщины, у которой материнская привязанность непостижима! Я молча покорился приговору, который разлучилъ меня съ нимъ; я думалъ только о его пользѣ и счастіи. Но не полагайте, чтобъ я согласился навсегда потерять его изъ вида. И вблизи и издали, я все стерегу его и всегда буду стеречь. Знаю, что пока онъ съ матерью, ему будетъ хорошо. Если же ея не станеть, если, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю, синьорѣ придется разстаться съ нимъ, я явлюсь съ любовью и властью отца; но пока еще этого нѣтъ. Я знаю, что здѣсь дѣлается. Случай и кое-какіе разспросы помогли мнѣ узнать, что вы — счастливый любовникъ Лукреціи. Мнѣ жаль вашего счастія, сударь, потому-что это не такая женщина, которую можно было бы любить въ-половину и въ потерѣ которой можно было бы утѣшиться!.. Но не въ томъ дѣло. Я хочу говорить о ребенкѣ... знаю, что уже не имѣю права говорить о матери. Я увѣренъ въ вашей ласковости къ нему, въ вашей кротости, въ благородствѣ вашего характера. Я знаю... это удивитъ васъ, потому-что вы считаете свои тайны замкнутыми въ этомъ убѣжищѣ, которое такъ ревниво стережете, которое даже сами ограждали, когда я осмѣлился перешагнуть за ваши укрѣпленія! Видите ли: семейныя тайны не ускользаютъ отъ наблюдательной прислуги... Я знаю, что вы хотите жениться на Лукреціи Флоріани, и что Лукреція Флоріани еще не принимаетъ вашего предложенія. Знаю, что вы охотно были бы отцомъ для ея дѣтей. Благодарю васъ за это съ своей стороны; но избавляю отъ этой заботы въ-отношеніи къ моему сыну, и если синьора согласится на ваши желанія, вы можете разсчитывать на тропхъ дѣтей, но не на четвертаго.

«Все это я сказалъ вамъ, сударь, совсѣмъ не для того, чтобъ вы передали мои слова Лукреціи. Это было бы похоже на угрозу съ моей стороны, на малодушную попытку помѣшать успѣху вашего дѣла. Если я убѣгаю отъ ея глазъ, если не ишу болѣзненнаго, опаснаго удовольствія видѣть ее, за то и не хочу, чтобъ вы заблуждались въ причинахъ моей склончивости.

Напротивъ, хорошо, что вы ихъ узнаёте. Вы видите, что, на-эмо вашимъ укрѣпленіямъ, мнѣ легко было пробраться сюда, увидѣть сына, даже украсть его. Еслибъ я пришелъ сюда съ подобнымъ намѣреніемъ, то дѣйствовалъ бы смѣлѣе или хитрѣе. Я не ожидалъ удовольствія говорить съ вами, когда подходилъ къ этому дому, когда увлекла меня непреодолимая сила къ ребенку... котораго я узналъ... чуть не за лё, когда еще онъ видѣлся мнѣ, какъ черная точка на пескѣ! Милое дитя!.. Не скажу: *бѣдняжка*, онъ счастливъ, его любятъ. Но уходя, скажу самому-себѣ: «бѣдняжка-отецъ! отъ-чего тебя не могутъ также любить?..» Прощайте, сударь! Очень-радъ, что имѣлъ счастье познакомиться съ вами; предоставляю вамъ рассказывать про это странное свиданіе такъ, какъ найдете удобнымъ. Я не искалъ его и не жалѣю о немъ. Я не чувствую къ вамъ ненависти; хочу думать, что вы больше достойны своего счастья, нежели я своего несчастія. Судьба — капризная женщина, которую иногда проклинаютъ, но всегда призываютъ!»

Вандони говорилъ еще нѣсколько времени, и въ рѣчи его было больше легкости, нежели послѣдовательности, больше откровенности, нежели жара. Но, когда онъ въ послѣдній разъ молча обнялъ сына, казалось, былъ глубоко тронутъ.

Потомъ, поклонившись князю съ печально-комической важною актѣра, онъ пошелъ и, ни разу не оглянувшись, достигъ загородки, гдѣ работалъ Биффи. Тутъ онъ оглянулся и долго смотрѣлъ на ребенка; наконецъ, еще разъ поклонился князю и скрылся.

Кромѣ гнѣвнаго движенія и невыносимо-непріятнаго чувства, которая должна была произвести подобная встрѣча, физиономія, голосъ, приемы и рѣчь этого человѣка, не смотря на то, что въ нихъ проглядывала необыкновенная доброта и врожденная честность, возбудили въ Каролѣ глубокую антипатію. Вандони былъ хорошъ собой, довольно-образованъ, честенъ до непоколебимости; но все въ немъ какъ-то отзывалось театромъ, и нужна была только привычка Флоріани видѣть вокругъ себя актѣровъ еще натянутѣе, еще надутѣе, чтобъ не замѣчать въ немъ того, что такъ непріятно поразило князя съ перваго взгляда—этой ненатуральной торжественности, этой искусственности, которая пробивалась на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ. Вандони представлялъ смѣсь важности съ наивностью, смѣсь, которую трудно опредѣлить. Природа произвела его тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ бы казаться; но искусство, какъ это всегда бываетъ у второстепенныхъ артистовъ, сдѣлалось для него второй натурой. Онъ былъ не притворно-великодушень и чувствителень; но ему не довольно было проявлять эти свойства на дѣлѣ: ему нужно было говорить, повѣрять свои чувства, какъ декламировалъ онъ монологъ на сценѣ. Первостепенные артисты влагаютъ свою душу въ роль, а посредственность

носить роль въ свою бѣдную жизнь и играетъ эту роль бессознательно, во всякій часъ дня.

Поэтому, чувства у добраго Вандони были гораздо-серьёзнѣе наружности; онъ отнималъ у своихъ рѣчей тотъ всё, который они могли имѣть сами-по-себѣ, еслибъ не выдавала ихъ эта черта-чуръ ученая изысканность. Правильныя ударенія и чистый выговоръ въ рѣчи Флоріани вытекали изъ нея-самой, изъ нея-одной, между-тѣмъ, какъ правильныя ударенія и чистый выговоръ въ рѣчи Вандони напоминали профессорскій урокъ. То же было у него и въ поступкѣ, и въ жестакъ, и въ выраженіи лица: все напоминало зеркало. Ясно, что школа искусства вошла ему въ плоть и кровь; теперь онъ свободно и полно высказывалъ то, что прежде съ трудомъ учился выговаривать. Но условія, подъ которыми сформировался его языкъ и манера, всегда проглядывали въ немъ: живая форма рѣчи обыкновенно ослабляетъ рѣзкость и силу ея содержанія; между-тѣмъ, какъ у него это изящество формы состояло въ томъ, чтобъ все заставить выступить наружу, ничего не оставивъ въ тѣни.

И вотъ, говоря о своей родительской любви, онъ выказалъ слишкомъ-много чувствительности; защищая свои отцовскія права, говоря великодушно съ соперникомъ, онъ слишкомъ-похожъ былъ на драматическаго героя; желая показать, что безропотно переносить имѣнну любовницы, онъ черезъ-чуръ пересолилъ свою попытку и почти принялъ видъ какого-то всепрезирающаго, видъ, который былъ ему не подъ-силу. Прибавьте ко всему этому тайную неловкость, отъ которой посредственные артисты никогда не могутъ освободиться, даже когда хотять поставить себя въ выгодное положеніе, и вамъ понятны будутъ и та неопредѣленная улыбка, которую Кароль принялъ за отчаянную дерзость, и тотъ иногда-смущенный взглядъ, который онъ почелъ признакомъ потеряннаго въ безпутной жизни ума, понятенъ будетъ, наконецъ, и этотъ округленный жестъ, который казался попыткой дать пощечину.

Впрочемъ, это личное впечатлѣніе, произведенное на князя Каролю актѣромъ Вандони, было совершенно-относительно. Недостатки этихъ двухъ людей были такъ противоположны, что, увидавъ ихъ вмѣстѣ, мало было поочередно обвинять оба характера, взявши независимо другъ отъ друга. Кароль грѣшилъ крайней замкнутостью; ненавидя все то, что, судя по формѣ, могло быть принято за самое легкое преувеличеніе, онъ обнаруживалъ иногда такую, немножко-обидную холодность. Вандони, напротивъ, не смѣлъ разстаться ни съ однимъ встрѣчнымъ безъ того, чтобъ не сказать ему нѣкотораго мнѣнія о своихъ достоинствахъ. Онъ не боялся, подобно Каролу, встрѣтиться съ оскорбительно-любопытнымъ взглядомъ: онъ искалъ этого взгляда, чтобъ прочесть въ немъ произведенный имъ эффектъ. Когда казалось ему, что эффекта не было, онъ напрягалъ силы, чтобъ добиться его; но, не имѣя

той живости ума, которою владѣютъ великіе артисты, великіе адвокаты и великіе говоруны, часто оставался при своемъ эффектѣ.

Впрочемъ, онъ былъ совсѣмъ не то, что заключилъ Кароль изъ его наружности. Не былъ онъ ни ограниченъ, ни враль, ни развратенъ, ни наглъ. Это было скорѣе существо ласковое, хотя въ самомъ-себѣ сосредоточенное,—чистосердечное, хотя немножко тщеславное,—скромное и тихое, хотя любившее при случаѣ похвастаться противнымъ. Онъ имѣлъ несчастіе постоянно приписывать себѣ столько знаменитости, сколько у него ея никогда не могло быть. Его страсть была — играть главные роли, и этой страсти ему никогда не удавалось удовлетворить. И вотъ — желая показать себя по-крайней-мѣрѣ въ роляхъ незамѣтныхъ, которыя ему поручали, онъ ужъ черезъ-чуръ сознательно игралъ благородныхъ отцовъ, друидовъ, повѣренныхъ и караульныхъ командировъ. Страшная ошибка — пытаться привлечь вниманіе зрителей на тѣ мѣста драматической пьесы, которыя авторъ поставилъ на второмъ планѣ. Если случалось слабое, какъ-будто плоское мѣсто въ роли, Вандони безжалостно выпускалъ его, и дивился, что автора освистали, тогда-какъ онъ хотѣлъ удружить ему отъ всего сердца и изъ всѣхъ силъ.

Сверхъ-того, онъ былъ малъ, а хотѣлъ казаться большимъ. У него былъ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ низкихъ голосовъ, которые не могутъ свободно гнуться, которые природою осуждены на монотонное звучанье, — а онъ имѣлъ слабость думать, что тонъ его голоса лучше, нежели у такого-то или у такого-то славнаго актѣра, и никакъ не соображалъ, что какой-нибудь рыхлый голосъ генія симпатичнѣе, могущественнѣе громозвучнаго инструмента, повинующагося невѣжественному дыханію. Добрый Вандони! онъ удалялся съ мыслью, что очень-тонко, метко и съ достоинствомъ осадилъ ревнивую гордость князька де-Росвальдъ; а князь де-Росвальдъ, глядя ему вслѣдъ, пожималъ плечами и подумалъ съ прискорбіемъ: какъ могла Флоріани пережить хоть одинъ день въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ такимъ смѣшнымъ, недалекимъ человекомъ...

Увы! бѣды Кароля этимъ еще не кончились, потому-что Вандони, уходя, не былъ вполне доволенъ своимъ эффектомъ. Онъ жалѣлъ, что не встрѣтилъ Лукреціи, не показалъ предъ ней философскаго отчужденія, или великодушной гордости, которой не могъ разыграть въ первыя минуты разрыва. Онъ жалѣлъ, что не внушилъ этой непреклонной женщинѣ, что и онъ непреклоненъ; все, что было наивнаго, трогательнаго въ его слезахъ и гнѣвѣ, — все это хотѣлъ онъ загладить какой-нибудь сценой милосердаго торжества, сценой, которая казалась ему высокимъ произведеніемъ.

И, по мѣрѣ удаленія отъ виллы, Вандони ступалъ все тише и тише, зная, что нужно помогать случаю; а между-тѣмъ, случаи, какаго всего легче можно ожидать, помогъ его маленькой хитро-

сти. Онъ еще не потерялся изъ вида, когда Флоріани вышла на берегъ.

И зачѣмъ она вышла на берегъ, зачѣмъ не осталась въ будурѣ толковать съ графомъ Альбани? За тѣмъ, что они уже все перетолковали, зачѣмъ, что она восторжествовала надъ упорствомъ графа, зачѣмъ, что она собиралась сказать князю:

— Ты побѣдилъ. Я такъ люблю тебя, что не могу дольше мучить. Будь моимъ мужемъ. Я ставлю свою материнскую любовь въ суровую борьбу; смѣло иду на встрѣчу будущему; заглушаю крикъ совѣсти; но осуждаю себя за тебя, если такъ должно!

Какъ человѣкъ, бѣгущій со всѣхъ ногъ къ запертой двери, считая ее отворенною, разбиваетъ себѣ лобъ и ломаетъ руки, такъ точно Флоріани запнулась и стала какъ вкопанная, встрѣтивъ холодное, печальное лицо князя. Онъ поклонился ей вѣжливо, систематически-почтительно; но взгляды его, казалось, говорили:

— Женщина! что между нами общаго?

Еще никогда не являлся онъ передъ ней такимъ печальнымъ, и эта печаль, какъ всегда бываетъ у людей недобѣрчивыхъ, отзывалась какимъ-то презрѣніемъ. Флоріани ужаснулась. Она взглянула кругомъ, какъ-будто хотѣла спросить у вѣшнихъ предметовъ о причинѣ страшной переменны, — и вдали увидѣла Вандони. Она такъ мало о немъ думала, что и не узнала его; но Стелла подбѣжала.

— Господи! Вандони ушелъ, сказала она: — онъ не хотѣлъ, чтобъ я тебя позвала; сказалъ, что ему некогда оставаться. Онъ, вѣрно, воротится; спрашивалъ, здорова ли ты, цаловалъ Сальватора, плакалъ. Видно, что у него много горя. Потомъ — онъ говорилъ съ княземъ... Князь тебѣ расскажетъ; я больше ничего не знаю.

И малютка ушла играть съ братомъ.

Лукреція смотрѣла то на князя, то на Вандони. Вандони стоялъ лицомъ къ парку; онъ видѣлъ Флоріани, но притворился, будто все смотритъ на сына. Князь отвернулся съ какимъ-то негодованіемъ, думая, что Флоріани позоветъ своего прежняго любовника и, можетъ-быть, представить его ему.

Теперь она поняла все и не дивилась разстройству Кароля. Но она знала, что можетъ унять это разстройство однимъ словомъ; а Вандони уходитъ, конечно, униженный, растерзанный. Онъ уходитъ молча, покорно; некогда ему было распознать и приласкать сына. Она думала, что Вандони невыразимо страдаетъ; между-тѣмъ, какъ въ самомъ-то дѣлѣ онъ въ эту минуту страдалъ немного. У него было сердце дѣтолюбивое, и когда случилось ему наединѣ раздуматься о Сальваторѣ, онъ плакалъ отъ души. Но — предъ лицомъ соперника и измѣнницы, надо было выдержать роль и, какъ бываетъ съ актѣрами на сценѣ, дѣйствительный міръ исчезъ для него предъ наитіемъ міра фантазіи.

Флоріани—непритворная, любящая, великодушная — не могла дать себѣ отчета въ томъ, что тогда чувствовала. Она ощутила только глубокое состраданіе, ужасъ, при мысли усилить несчастіе и позоръ человѣка, который такъ глубоко любилъ ее, котораго она также старалась полюбить. Она понимала, что поступокъ ея очень раздражитъ Кароля; но полагала, что, одумавшись, онъ не только извинитъ, даже одобритъ ея движеніе. Сердце разсуждаетъ быстро, и когда въ эти разсужденія замѣшается совѣсть, оно не колеблясь жертвуетъ и личнымъ отвращеніемъ и выгодой. Она побѣждала къ загородкѣ, твердымъ голосомъ позвала къ себѣ Вандони, и когда онъ пошелъ къ ней, она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу, протянула ему руку и дружески поцаловала его.

Конечно, Вандони былъ тронутъ такимъ великодушнымъ, отважнымъ пріемомъ. Онъ надѣялся найти мѣсть за себя въ смущеніи Лукреціи предъ ея новымъ любовникомъ. Онъ не думалъ, чтобы она позвала его, и потому былъ очень доволенъ, что могъ продлить мученія своего соперника. Но сердце Флоріани было гораздо-выше этихъ мелочей,—женщину твердую, глубоко-чистосердечную нельзя ввести въ краску. Вандони забылъ свою роль и покрылъ поцалуйми и слезами руки своей измѣнницы. Онъ уже оставилъ драму, потому-что былъ побѣжденъ.

— Я не позволю тебѣ такъ уйти отъ насъ, сказала Лукреція съ спокойною, привѣтливою твердостью.—Не знаю, откуда ты; но усталый или нѣтъ, ты отдохнешь и насмотришься на Сальватора. Мы поговоримъ о немъ и разстанемся спокойно, большими друзьями, нежели прежде. Согласенъ ты на это, не правда ли, другъ мой? Мы были братьями; теперь есть случай возобновить это родство.

— Но князь де-Росвальдъ?.. сказалъ Вандони, понизивъ голосъ.

— Ты думаешь, что онъ будетъ ревновать тебя? Не беспокойся, Вандони, не будетъ. Но ты увидишь, что онъ не слышалъ о тебѣ здѣсь ничего дурнаго, и что ты имѣешь право на его уваженіе.

— На его мѣстѣ, я бы не стерпѣлъ прежняго любовника!

— Онъ, вѣроятно, лучше тебя, другъ мой. Онъ добѣрчивѣе тебя и великодушнѣе ко мнѣ. Пойдемъ, я тебя представляю ему.

— Лишній трудъ! сказалъ Вандони, который чувствовалъ свою слабость и былъ умиленъ, а потому не могъ показаться своему противнику въ своемъ натуральномъ видѣ. — Я самъ уже представлялся ему. Онъ былъ очень-вѣжливъ. Но ты непремѣнно хочешь вести меня? Это безразсудно.

Лукреція, вмѣсто отвѣта, указала ему на Сальватора. Вандони уступилъ частію изъ отеческой любви, частію изъ злобы.

—

XXIV.

Если мужчина не может стать лицомъ-къ-лицу съ другимъ, заѣвившимъ его въ сердцѣ любимой женщины, безъ желанія мести, то нѣтъ также и женщины, которая бы не смутившись рѣшилась явиться предъ ними обоими.

Между-тѣмъ, Флоріани не чувствовала неловкости подобной встрѣчи. И отъ-чего бы смутиться ей, когда всю жизнь свою вела она игру, положивъ карты на столъ, съ безпредѣльною откровенностью? Тутъ не нужно было платиться отвагой или ловкостью, чтобъ провести двухъ равно-обманутыхъ противниковъ. То были преданный ей любовникъ въ настоящемъ и такой же любовникъ въ прошедшемъ. Еслибъ въ страсти было побольше философіи, то счастливый любовникъ встрѣтилъ бы отставнаго любезно и великодушно. Но не такова страсть: ей хотѣлось бы взять на откупъ и прошедшее, и настоящее, и будущее. Она возмущается воспоминаніемъ, и въ этомъ случаѣ разсуждаетъ плохо, потому-что въ любви трудно возвратиться къ прошедшему; нѣтъ ничего безвреднѣе, какъ увидѣть существо добровольно-оставленное, наскучившее.

Къ-несчастью, никто такъ мало не зналъ сердца человѣческаго, какъ князь Кароль. У него было сердце, единственное въ своемъ родѣ, и каждый разъ, когда онъ хотѣлъ судить о другихъ по себѣ, непременно ошибался. Онъ пытался представить себѣ, что бы стало съ нимъ, еслибъ вдругъ явилась ему княжна Лючія, и вообразилъ, что еслибъ она, какъ тѣнь Банко, пришла во время обѣда Флоріани, то онъ упалъ бы, какъ громомъ пораженный, не столько отъ страха, сколько отъ угрызенія совѣсти и сожалѣнія. Отсюда перешелъ онъ къ тому, что Флоріани, принадлежа другому, не можетъ увидѣть оставленнаго ею Вандони безъ сильнаго потрясенія и страшныхъ упрековъ совѣсти.

Между-тѣмъ, ничего не могло быть ошибочнѣе и бессмысленнѣе такого предположенія. Флоріани спокойно, не опустивъ глазъ, увидѣла всѣ маленькіе недостатки, всю невинно-смѣшную сторону Вандони. Она сравнивала это существо, отъ котораго никогда не была бы въ восторгѣ, съ тѣмъ, кто возбуждалъ въ ней безпредѣльный энтузіазмъ. Къ-тому же, дѣйствительно, сравненіе такъ сильно говорило въ пользу князя, что еслибъ онъ могъ читать въ сердцѣ своей возлюбленной, то ясно бы увидѣлъ, что присутствіе Вандони только усиливало страсть Лукреціи къ нему-самому.

Онъ не умѣлъ понять выгоды своего положенія. Ревнивое безпокойство дѣлало его въ этомъ отношеніи слишкомъ-скромнымъ; тогда-какъ, съ другой стороны, думая, что ему не слѣдуетъ обращать вниманія на Вандони, онъ становился надмененъ и считалъ себя униженнымъ преемничествомъ послѣ такого человѣка. Онъ не умѣлъ скрыть своей досады, своихъ опасеній и смертельнаго неудовольствія. Пока Вандоня ужиналъ подлѣ Лукреціи, онъ не могъ

усидѣть на мѣстѣ и вышелъ, чтобъ ни видѣть его, ни слышать, но потомъ вернулся, чтобъ помѣшать ему выйти изъ извѣстныхъ границъ. Въ страшной горячкѣ, убѣгая нѣжныхъ, разувѣрившихъ взоровъ Лукреціи и пренебрегая предупредительностью добраго Вандони, который взялъ на себя въ-отношеніи къ нему роль великодушнаго, онъ только и дѣлалъ, что уходилъ и возвращался.

Если ревнивыми дѣлаетъ насъ, какъ мнѣ кажется, самолюбіе, то надо признаться, что самолюбіе это слишкомъ-неловкое, слишкомъ-нелогическое. Вандони сначала хотѣлось немножко подразнить противника своею довѣрчивостью и вольнымъ обращеніемъ съ Лукреціей. Но эта попытка не удалась ему. Въ спокойномъ добродушіи Флоріани было что-то такое открытое и непорочное, что все искусство актѣра рушилось предъ ея безыскусственностью. Но князь своими глупостями такъ усердно помогалъ задорному желанію Вандони, что безъ малѣйшаго съ его стороны содѣйствія отмстилъ себѣ за него. Вандони могъ радоваться, глядя, какое онъ производитъ впечатлѣніе на князя, и подѣ-конецъ ужина, когда Кароль въ другой разъ уходилъ изъ комнаты, онъ, смотря въ слѣдъ ему, сказалъ Лукреціи:

— Вы льстили себѣ, другъ мой, или, лучше, своему очаровательному князю, говоря, что онъ лучше меня, не ревнивъ къ прошедшему и встрѣтитъ меня спокойно. Напротивъ, онъ страдаетъ, и страдаетъ такъ сильно, что я не могу рѣшиться оставаться у васъ долѣе. Прощайте же! я уйду съ печальнымъ убѣжденіемъ, что у васъ нѣтъ идеальнаго любовника; что скука, отъ которой вы думали избавиться, оставляя меня, придетъ къ вамъ и отъ другаго. Вы только замѣнили прекраснымъ смуглымъ лицомъ тоже недурное бѣлокурое лицо. Перемена всегда нравится женщинамъ! Но согласитесь теперь, что, ревнуя васъ, я не былъ чудовищемъ, потому-что и новое ваше божество, вашего кумира мучить тотъ же демонъ, который и мнѣ грызетъ сердце.

— Вандони, отвѣчала Лукреція: — не знаю, ревнуетъ ли тебя князь. Надѣюсь, что ты ошибаешься; но, чтобъ не дать тебѣ повода обвинять меня въ притворствѣ, положимъ, что это дѣйствительно такъ: что же ты хочешь сказать этимъ? Что я напрасно оставила тебя? Но развѣ говорила я что-нибудь въ свое оправданіе! Нѣтъ, мнѣ кажется, что виноватъ всегда тотъ, кто избѣгаетъ страданія. Я была виновата; развѣ ты еще не простилъ меня?

— Ахъ! у кого достанетъ твердости сердиться на тебя? сказалъ Вандони, цалуя у ней руку съ искреннимъ чувствомъ. — Я еще люблю тебя, и всегда буду готовъ посвятить тебѣ мою жизнь, еслибъ ты захотѣла возвратиться ко мнѣ, даже не любя меня болѣе того, какъ любила прежде... потому-что, я не обманываю себя, ты никогда не любила меня иначе, какъ друга!

— По-крайней-мѣрѣ, я никогда не скрывала этого отъ тебя, и употребляла все, чтобъ не быть неблагодарною. Можетъ-быть,

слишкомъ—старая дружба, слишкомъ—сильное дружеское чувство мѣшало намъ быть любовниками.

— Говори про себя, жестокая! я...

— Ты! у тебя благородное сердце, и если ты думаешь, что князь дѣйствительно страдаетъ отъ тебя, то не останешься здѣсь долѣе. Но я ни за что въ мірѣ не откажусь отъ твоей дружбы, и надѣюсь найти ее послѣ, когда юношескіе порывы князя превратятся въ спокойную привязанность. Моя дружба къ тебѣ, Вандони, основана на уваженіи; на нее не можетъ дѣйствовать ни время, ни разлука. Между нами есть связь неразрывная; моя нѣжность къ твоему сыну должна быть вѣрнымъ ручательствомъ въ дружбѣ къ тебѣ.

— Къ моему сыну! Ахъ, да! поговоримъ о моемъ сынѣ! вскричалъ Вандони, сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ.—Послушайте, Лукреція, довольны вы мною? Далъ ли я замѣтить другимъ вашимъ дѣтямъ, что онъ принадлежитъ мнѣ? О! въ какое странное положеніе вы меня поставили! Никогда не слыхать имени отца отъ своего сына...

— Вандони, вашъ сынъ еще едва начинаетъ говорить и знаетъ только мое имя и имена своихъ братьевъ. Я не была увѣрена, увидимся ли мы когда-нибудь... Теперь, если вы спокойны и рѣшились на что-нибудь важное, говорите! Подъ какимъ именемъ и какъ должна я воспитать его?

— Ахъ, Лукреція! вы знаете мою слабость къ вамъ, мою слѣпую преданность, — мою низкую покорность, слѣдовало бы сказать! Если вы не выйдете за-мужъ, пусть будетъ по вашему, пускай сынъ мой носитъ ваше имя, а мнѣ позвольте только видѣть его и быть послѣ васъ лучшимъ его другомъ. Но если вы сдѣлаетесь княгиней де-Росвальдъ, я требую, чтобъ вы отдали мнѣ моего ребенка. Пусть лучше дѣлитъ онъ со мною мою кочующую жизнь, мои невзгоды, нежели отдать мою власть и обязанности другому.

— Другъ мой, отвѣчала Лукреція: — въ этомъ рѣшеніи больше самолюбія, нежели отцовской любви, и въ опроверженіе его я приведу только одно доказательство. Положимъ, что я завтра выхожу за-мужъ; Сальваторъ, по-крайней-мѣрѣ, восемь или десять лѣтъ еще будетъ ребенкомъ, и женская заботливость для него необходима. Какой женщиной вы ввѣрите его? Есть у васъ сестра, или мать? Нѣтъ! Вы можете ввѣрить его только любовницѣ или служанкѣ! Думаете вы, что о немъ будутъ заботиться, воспитывать его, что онъ будетъ счастливѣе, нежели со мною? Заснете ли вы спокойно, когда, уходя на цѣлый день изъ дома для репетиціи, а вечеромъ для представленія, оставите бѣднаго ребенка на рукахъ невѣрной служанки или ненавистливой мачихи?

— Конечно! сказалъ Вандони со вздохомъ: — вы правы. Отъ того, что вы богаты, независимы и знатны, вы имѣете право и власть даже прогнать отца и оставить у себя ребенка.

— Вандони! ты мучишь меня, отвѣчала Лукреція: — не говори такъ. Хочешь ты, чтобъ я теперь же отдѣлила нашему ребенку часть моего имѣнія, надъ которою ты будешь опекуномъ и распорядителемъ? Хочешь заниматься его воспитаніемъ, хочешь, чтобъ у тебя спрашивались во всѣхъ подробностяхъ, хочешь устроить его будущность? Я соглашаюсь съ радостью, только оставь его у меня и поручи мнѣ одну исполнительную власть твоихъ желаній. Я увѣрена, мы поймемъ другъ друга во всемъ, что клонится къ пользѣ существа, которое намъ дороже жизни.

— Нѣтъ! нѣтъ! не надо милостыни! вскричалъ Вандони:—я не низко, и лучше умру въ богадельнѣ, нежели соглашусь принять отъ тебя пособіе, прикрытое какимъ бы то ни было названіемъ. Держи у себя ребенка, держи всего у себя. Я знаю, что онъ будетъ знать и любить только одну тебя! Напрасно бы вздумалъ я прійти за нимъ, напрасно сталъ бы говорить, что онъ мнѣ принадлежитъ, что долженъ идти за мною. Онъ никогда добровольно не расстанется съ такою матерью, какъ ты! Ну! жребій брошенъ, я вижу, ты сдѣлаешься княгиней...

— Это еще нисколько не рѣшено, другъ мой, клянусь тебѣ, и клянусь всѣмъ, что есть для тебя священнаго, твоею честью и сыномъ, что если ты поставишь непремѣннымъ условіемъ моего брака разлуку съ этимъ ребенкомъ, я никогда не выйду замужъ!

— Такъ ты все та же? О, странная, дивная женщина! вскричалъ Вандони въ восторгѣ. — Такъ ты все еще прежде всего — мать? Все еще предпочитаешь своихъ дѣтей славѣ, богатству, даже любви?

— Богатству и славѣ, безъ сомнѣнія, отвѣчала она съ спокойной улыбкой:—что же касается до любви, то въ эту минуту не смѣю ручаться; но вѣрно только то, что я знаю свои обязанности; а первая обязанность — принести въ жертву все, даже любовь — этимъ дѣтямъ любви. Самый пламенный, самый вѣрный любовникъ утѣшится, но дѣти никогда не найдутъ себѣ другой матери.

— И такъ, я уѣзжаю спокоенъ, сказалъ Вандони, сжимая ея руку: — и прошу только объ одномъ: клянись мнѣ, что ранѣе года ты не выйдешь за этого князя, такого очаровательнаго, но в такого ревниваго! Я не могу увѣрить себя, чтобъ онъ былъ лучше меня, и чтобъ смотрѣлъ спокойными глазами на эти залюбли твоей прошлой любви. Знаю, какъ ты проникательна, тверда и готова на пожертвованія, когда дѣло идетъ объ участи твоихъ дѣтей. Знаю, почему ты долго не могла терпѣть меня! это потому, что меня возмущало сходство твоей Беатриче съ презрѣннымъ Теальдо Соави. Ну! а черезъ годъ князь де-Росвольдъ возненавидитъ Сальватора, если уже не возненавидѣлъ, если даже сегодня этотъ ребенокъ не показался ему невыносимымъ. Не увлекайся слишкомъ, не дай вскружиться своей головѣ, умоляю тебя, моя милая Лукреція! и ты останешься свободною...

— Мнѣ кажется, что ты правъ, и я съ удовольствіемъ слышу

спокойный голосъ моего стараго друга. Будь спокоенъ, братъ! твоя старая подруга, твоя вѣрная сестра не рискнетъ въ минуту увлеченія будущностью дѣтей, которыхъ обожаетъ.

— Теперь прощай! сказалъ Вандони, крѣпко обнимая ее съ глубокимъ цѣломудреннымъ чувствомъ. — Прощай, существо, которое я еще люблю больше всего на землѣ! Можетъ-быть, я не скоро увижу тебя. Я не буду стараться тебя увидѣть; чувствую, что возмутилъ бы твою любовь; сознаюсь — я не такъ твердъ, чтобъ могъ видѣть ее спокойно. Въ свободный промежутокъ призови меня къ твоимъ ногамъ, я останусь покорный и послушный, счастливый тѣмъ, что вижу тебя и ласкаю сына, — останусь дотѣхъ-поръ, пока ты не скажешь мнѣ, какъ сегодня: «ступай; я люблю, и люблю не тебя!»

Еслибъ послѣ этого искренняго изліянія, Вандони уѣхалъ тотчасъ же, онъ былъ бы тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, — здравымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Еслибъ, вмѣсто того, чтобъ летать по своему званію въ мірѣ поддѣльныхъ чувствованій, могъ онъ остаться нѣкоторое время въ этомъ тепломъ и истинномъ расположеніи духа, онъ явился бы на сценѣ въ иномъ видѣ, и публика съ удивленіемъ стала бы рукоплескать превосходному артисту, вмѣсто того, чтобъ терпѣливо улыбаться холодной, правильной декламациі *полезнаго* актѣра.

Но — нельзя убѣжать отъ своей судьбы; какъ-только появился князь Кароль, Вандони опять вошелъ въ свою обычную роль. Онъ хотѣлъ сказать ему прощальное слово, въ которомъ силился деликатно прикрыть настоящія свои чувства. Онъ упалъ совершенно, наговорилъ множество несвязицъ, безъ вкуса, безъ послѣдовательности, и, переходя отъ важнаго къ пріятному, отъ забавнаго къ суровому, былъ то напыщенъ и тривиаленъ, то педантъ и снѣшонъ.

Конечно, надменный и нетерпѣливый взглядъ князя, его сухіе отвѣты и ироническіе поклоны обнаруживали въ немъ актѣра болѣе-искуснаго, нежели Вандони, который, замѣтивъ свой промахъ и своротивъ весьма-неловко на роль освистаннаго актѣра, оборотился къ Флоріани съ нѣсколько-небрежнымъ видомъ и проговорилъ:

— Я, кажется, *заврался* и хорошо сдѣлаю, если замолчу, чтобъ не сбиться совсѣмъ съ *назвеей* и не заставить тебя краснѣть за твоего бѣднаго товарища. Такъ и быть; ты ужъ объяснишься за меня, когда я уѣду, и скажешь, что другъ твой добрый малый и не жаждетъ никого тревожить.

Какое паденіе!

Сальваторъ, старавшійся въ эти два часа разсѣять Кароля, подоспѣвъ на помощь къ гибнувшему актѣру. Онъ съ своею обыкновенною шутивостію взялъ Вандони подъ руку, говоря, что чрезвычайно-радъ съ нимъ познакомиться, что будетъ у него въ паркомъ итальянскомъ городѣ, гдѣ имъ случится встрѣтиться, что,

перъ говорилъ съ ней языкомъ застарѣлой досады, достойнымъ ребяческихъ хитростей комедіанта, но никакъ не дѣйствительной привязанности, любви перечувствованной.

Не имѣя силъ выносить дольше это мученіе, не понимая его, она поднялась по лѣстницѣ, постучала въ дверь Кароля сначала осторожно, потомъ рѣшительно и наконецъ, видя, что ей не отвѣчали, толкнула дверь съ силою матери, ищущей своего ребенка среди пламени; крючокъ соскочилъ, и она вошла.

Кароль сидѣлъ на краю постели, уткнувъ голову въ изорванные подушки; маншеты и платокъ его валялись на полу, разодранные дрожащими, судорожно-согнутыми какъ у тигра когтями. Красота его исчезла.

Сильное страданіе превратилось у него въ ярость, которую тѣмъ труднѣе было удержать ему, что онъ не зналъ въ себѣ этого плачевнаго свойства и, не встрѣчая никогда противодѣйствія, не умѣлъ бороться съ самимъ-собою.

Флоріани поставила свѣчу подлѣ него, оторвала горѣвшія руки его отъ лица и бессмысленно смотрѣла на него. Она не удивлялась, увидѣвъ челоуѣка въ припадкѣ ревниваго бѣшенства. Это зрѣлище было для нея не ново; и знала она, что припадокъ этотъ не смертельный. Но видѣть такое кроткое существо въ припадкѣ того же недуга, которымъ страдалъ Теальдо Соави, или другой ему подобный,—вотъ что было такъ непостижимо для Флоріани, такъ неправдоподобно, что она не вѣрила своимъ глазамъ.

— Вамъ хочется унизить, уронить меня совершенно! вскричалъ онъ, отталкивая ее.—Вамъ хотѣлось испытать, до какой степени вы можете заставить меня стать ниже самого-себя! Довольны ли вы теперь? Съ которымъ изъ вашихъ любовниковъ теперь вы меня сравните?

— Горькія слова, отвѣчала Флоріани съ кротостью, полною грусти:—я не оскорбляюсь ими, потому-что, дѣйствительно, въ эту минуту вы не похожи на самого-себя. Я думала найти васъ холоднымъ и презрительнымъ, какимъ вы ушли отъ меня; я шла съ тѣмъ, чтобъ именемъ любви и справедливости просить у васъ отчета въ этомъ презрѣніи; мнѣ больно видѣть васъ въ такомъ отчаяніи, и — не думаю, чтобъ побѣда, которую вы мнѣ приписываете, льстила моему самолюбію. Какимъ языкомъ говоримъ мы, Кароль! Боже мой! Что же такое случилось? что заставило васъ сомнѣваться въ болѣзненномъ чувствѣ, съ которымъ я смотрю на ваши страданія? Но если я была невольною причиною этихъ мукъ, то вѣрно есть во мнѣ столько силы, чтобъ прекратить ихъ. Скажите жъ, какое средство должна я выбрать: если нужна жизнь моя, умъ, достоинство, совѣсть, я кладу ихъ къ вашимъ ногамъ, чтобъ только исцѣлить васъ, успокоить. Говорите, объяснитесь, дайте мнѣ понять васъ — вотъ все, чего я прошу! Оставаться въ сомнѣніи, оставить васъ на жертву этимъ мукамъ, не стараясь смягчить ихъ — это для меня невозможно; этого вы никогда не

добьетесь отъ меня. Откройте же мнѣ свое пораженное, большое сердце, и если для этого нужно осыпать меня упреками и оскорбленіями, не удерживайтесь: это лучше молчанія; я не оскорблюсь ничѣмъ, буду оправдываться кротко, съ покорностью. Буду просить прощенья, если это нужно, хотя не знаю за собой никакой вины. Но эта вина должна быть слишкомъ-велика, если довела васъ до такого положенія. Говорите, умоляю васъ на колѣняхъ!

Чтобъ показать столько терпѣнія и преданности, нужно было, чтобъ Флоріани была побѣждена, уничтожена такою безмѣрною любовью, къ какой она никогда не могла считать себя способною послѣ столькихъ разочарованій, послѣ такой усталости ума и сердца. Никогда не обманывая, всегда предаваясь и жертвуя собой, но никогда не унижая себя, не помышляя собою для какой-нибудь личной пользы, она была горда, дѣйствительно самолюбива; всякое оправданіе казалось ей выше ея силъ, и подозрѣніе было для нея смертельнымъ оскорбленіемъ.

Между-тѣмъ, она долго, съ безконечною преданностью унижалась предъ этимъ несчастнымъ ребенкомъ, который не хотѣлъ говорить, потому-что не могъ.

И что, въ-самомъ-дѣлѣ, могъ сказать онъ? Смущеніе его было такъ болѣзненно, что не могло быть добровольно. Послѣдовать совѣту Лукреціи, оскорблять ее, осыпать язвительными упреками—конечно, это успокоило бы его; но онъ не умѣлъ изливать своихъ мученій, потому-что у него не было эгоизма, который заставляетъ дѣлиться имъ. Оскорблять любимую женщину? онъ скорѣе убилъ бы ее; онъ убилъ бы самого-себя вмѣстѣ съ нею, чтобъ унести свою страсть въ могилу. Но оскорблять ее словами, думалъ онъ, значить—осудить ее предъ Богомъ: тогда Богъ разлучилъ бы ихъ навѣки. Въ такомъ случаѣ, надо было уже не любить ея; а онъ — тѣмъ больше страдалъ отъ нея, тѣмъ сильнѣе охватывала его любовь.

Лукреція могла только догадываться, что происходитъ въ князѣ, потому-что онъ отвѣчалъ косвенно и болѣзненными намеками. Онъ, по-видимому, защищался слабо, но въ дуплѣ молчаливость его была непобѣдима, — онъ не могъ произнести имени Вандони.

— Такъ вотъ что! сказала ему Флоріани, потерявъ терпѣніе и истощивъ всѣ силы любви, чтобъ добиться отъ него хоть смутнаго намека, страшно-глубокаго или страшно-темнаго: — такъ вотъ ты, мой бѣдный Кароль, ты ревнивъ и не хочешь признаться? Ты ревнивъ? Ахъ! какъ горько убѣдиться въ этомъ мнѣ, которую ты приучилъ парить на крыльяхъ возвышенной любви выше всѣхъ человѣческихъ слабостей! какъ больно мнѣ это, какъ далека была я отъ подобной мысли о тебѣ!.. Позволь мнѣ отвѣчать только смѣлыми, чистосердечными упреками. Позволь мнѣ жаловаться, плакать! Это будетъ послѣднимъ воплемъ счастливой любви, которая летитъ туда, откуда сошла, и куда теперь навсегда возвращается. Позволь мнѣ сказать тебѣ, что сегодня ты сдѣлалъ

страшное преступленіе противъ меня, противъ самого-себя и противъ Бога. Да! презрѣніемъ своимъ ты оскорбилъ любовь самую полную, самую уцѣлительную въ моей жизни. Я никогда не любила, я никогда не была счастлива: зачѣмъ такъ скоро отнялъ ты у меня мои радости, мое упоеніе? Ты увлекъ меня въ небо — и безжалостно сбросилъ на землю! Боже мой! Боже мой! я не заслужила этого, я парила съ тобою въ горнемъ мірѣ. Я думала, что это блаженство будетъ вѣчно. Весь этотъ міръ казался мнѣ видѣніемъ, призракомъ; однихъ дѣтей своихъ брала я съ собою въ этотъ возвышенный міръ, и больше ни о чемъ не заботилась. А теперь надо спуститься, идти людскою тропинкой, бороться о шиши растений, спотыкаться объ камни... Что жъ! ты хотѣлъ этого. Будемъ говорить о земномъ, о Вандони, о моемъ прошедшемъ. Какія обязанности готовитъ мнѣ будущность, какія предствія, какую скуку! Я думала, что мнѣ придется одной испытать ихъ, что я могу оставить тебя въ покоѣ, не возмущать тебя подобными вещами, чуждыми нашей любви. Трудъ и земныя обязанности были бы легки для меня, еслибъ я могла отстранить отъ тебя ихъ прикосновеніе. Ты даже не замѣтилъ бы этого, еслибъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, еслибъ сохранилъ ту полную доверчивость, которая дѣлала насъ такими сильными!.. Ты потерялъ ее, ты отнялъ у меня талисманъ, который охранялъ меня отъ скорби и тревоги. Теперь я скажу тебѣ, какія обязанности лежатъ на мнѣ въ дѣйствительной жизни, какъ должна я держать себя, что говорить мнѣ совѣсть. Но чтобъ понять все это, надо потрудиться подумать нѣсколько, узнать мое прошедшее, обсудить его и извлечь изъ него серьезное заключеніе однажды-навсегда! Вандони...

— А! вскричалъ Кароль, задрожавъ какъ ребенокъ:— не произносите этого имени, не высказывайте всего, о чемъ вы хотите мнѣ говорить. У меня еще нѣтъ и, можетъ-быть, никогда не будетъ силы выслушать. Я ненавижу этого Вандони, ненавижу все, что— не я въ вашемъ сердцѣ. Что нужды вамъ! Вы не обязаны мнѣтъ меня съ тѣмъ, что коробитъ и возмущаетъ меня вокругъ васъ. Оставьте меня: мнѣ возможно, — и возможно только мнѣ, — видѣть въ васъ два отдѣльные существа: одно — котораго я не знаю и не хочу знать; другое — которое знаю, которое принадлежитъ мнѣ и которое не хочу мѣшать съ тѣмъ, что ненавижу. Да, да, Лукреція! ты сама сказала, что это значитъ опуститься, упасть на грязный людской слѣдъ. Прийди къ моему сердцу, забудемъ жестокия мученія нынѣшняго дня и возвратимся къ Богу. Какое дѣло тебѣ до того, что произошло во мнѣ? Это до меня одного касается, и у меня достанетъ силы перенести все, потому-что достаетъ силы любить тебя такъ, какъ-будто ничто не смущало меня! Нѣтъ, нѣтъ, не нужно объясненій; не рассказывай, не передавай мнѣ ничего, не разсуждай со мною. Возьми меня на руки и унеси дальше изъ этого міра, въ которомъ мнѣ темно, въ которомъ я не мо-

гу лыцать, въ которомъ буду пресмыкаться ниже другихъ людей, если упаду въ него безъ твоей любви, безъ моего энтузіазма.

Флоріани удовлетворилась этой поддѣльной мировой, или, утомившись раздоромъ, притворилась удовлетворенною; но тутъ-то и ошиблась она, тутъ-то и ввергла сама себя въ бездну горя. Стылихъ-поръ, Кароль привыкъ думать, что ревность не оскорбленіе, и что любимая женщина можетъ и должна прощать за нее.

Возвратившись въ залу около полуночи, она нашла тамъ Сальватора, который былъ такъ деликатенъ, что даже не сказалъ ей, какъ смѣшонъ и скученъ показался ему Вандоні. У нея не достало духа рассказать, до какой степени раздражило князя присутствіе ея стараго любимца. Она замѣтила только, во сколько разъ дружба снисходительнѣе, благотворнѣе, великодушнѣе любви, потому-что видѣла недостатки Вандоні и видѣла то, что Сальваторъ жертвовалъ собою для избавленія ея отъ него.

Луcreція ушла къ дѣтямъ, рѣшившись забыть огорченія этого дня и спать, чтобъ съ разсвѣтомъ проснуться бодрою, дѣятельною матерью. Но хотя въ своей скорбной жизни приобрѣла она способность забывать огорченія и спать, какъ спать голодный, израненный солдатъ на бивуакѣ, однако цѣлую ночь не могла закрыть глазъ, и всѣ горькія воспоминанія, затихнувшія съ нѣкотораго времени въ груди ея, теперь подымались одно за другимъ, потомъ всѣ вмѣстѣ, и не давали ей спокойной минуты. Какъ насмѣшливые, грозные призраки, явились ей всѣ ея заблужденія, всѣ ошибки; неблагодарные, которыхъ она сама создала, и злые, которыхъ не могла исправить. Напрасно боролась она съ ужасомъ прошедшаго, напрасно искала убѣжища въ настоящемъ. Настоящее ужъ не было благотворно для нея, и старыя скорби проснулись именно отъ того, что новая, глубже всѣхъ другихъ скорбь вызвала ихъ.

Встала она блѣдная, разстроенная, и ни яркое утреннее солнце, ни упоенные влажнымъ ароматомъ цвѣты, ни соловьи, восторженные своими дѣсьями, не пробудили въ ея сердцѣ надежды, не произвели на нее того успокоительнаго впечатлѣнія, какое чувствовала она въ другіе дни. Она ужъ не чувствовала жизни своимъ поэтическимъ чувствомъ природы. Ей казалось, что между этой свѣжей, улыбающейя природой и ея блѣднымъ, растерзаннымъ сердцемъ теперь есть тайный врагъ, червь, который мѣшаетъ сокамъ жизни доходить до нея. Впрочемъ, она не хотѣла давать себѣ отчета въ томъ, какъ велико ея несчастіе. Въ этотъ день, Кароль былъ у ногъ ея. Онъ не хотѣлъ заглазить своей вины, онъ не зналъ ея, потому-что, по обыкновенію, уже и самъ забылъ о ней; но послѣ многихъ дней, проведенныхъ въ слезахъ и досадѣ, чувствовалъ потребность нѣжности и счастья. Никогда онъ не бывалъ такъ обольстителенъ и прекрасенъ, какъ послѣ болѣзненныхъ припадковъ горести и досады. Флоріани должна была отвѣчать ему на предложеніе брака; но на этотъ разъ она противилась бодро. Вчера она все увидѣла ясно, и не была въ томъ

расположеніи духа, чтобъ слышать въ другой разъ просьбу быть прошедшее. Если предложеніе своего имени со стороны я было большимъ пожертвованіемъ въ пользу внушенной ею. ви, то отклонить вѣжливо ея предложеніе въ минуту ревни подозрѣній было оскорбленіемъ, важность котораго гордая Дція чувствовала глубже, нежели онъ самъ. Не говоря ему, сильное доказательство противъ него почерпнула она въ этомъ стоятельствѣ, Флоріани отняла у него всякую надежду, и на разъ онъ выслушалъ свой приговоръ безъ огорченія, сознавъ что заслужилъ наказаніе долгаго испытанія.

Но не прошло двухъ дней, какъ опять поднялась гроза. Ршикъ какъ-то пробрался въ домъ съ предложеніемъ охотнич оружія. Селіо захотѣлось новаго ружья; мать сначала отказалась томъ, желая сдѣлать ему сюрпризъ, отвела разнощика въ стор чтобъ сторговаться и купить у него игрушку. Ходячій купецъ (хорошъ собою, развязенъ и говорливъ немного. Красота и знитость покущицы сдѣлали его еще *краснорѣчивѣе*, хотя, ко но, не вскружили ему головы и не помѣшали продать товаръ годно. Это было наканунѣ дня рожденія Селіо, и мать хотѣла положить хорошенькое, легкое охотничье ружье подъ подушку бенка, чтобъ вечеромъ, ложась спать, онъ нашелъ его. Торгов не думая спрашивать позволенія, отправился вслѣдъ за нею въ комнату, чтобъ спрятать ружье подъ изголовье Селіо и полу слѣдующую плату. Въ эту минуту вошелъ Кароль и нашелъ Фріани въ ея комнатѣ, наединѣ съ красивымъ парнемъ съ черми бакенбардами, который говорилъ ей что-то съ жаромъ, ссмотрѣлъ на нее и закрывалъ одѣяломъ постель; а она добродно улыбалась его прибауткамъ и думала, съ какимъ востор найдеть Селіо этотъ неожиданный подарокъ.

Этого было слишкомъ—достаточно для воображенія Кароля, страго на оскорбленія, хватавшагося всегда за видимый фактъ понимая и не объясняя его. Остановившись на порогѣ комн Лукреціи, онъ проговорилъ какое-то странное, обидное воскліаніе и убѣждалъ, какъ человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ своего пра. Ему надо было употребить цѣлый день, чтобъ успокоить открыты глаза. Надо было Флоріани снизойдти до объясненія, зительнаго какъ для нея, такъ и для него—самого. На этотъ р она обошлась съ нимъ какъ съ больнымъ, котораго надо разрить и вылечить, не принимая за серьезное его бреда. Но что лается съ энтузіазмомъ, съ любовью, когда предметъ ея ведетъ бя какъ помѣшанный?

На другой день пришли къ Флоріани сказать, что Манжико, рыбакъ, который нѣкогда хотѣлъ жениться на ней и воидилъ въ ней столько ужаса и отвращенія,—при смерти, и хотвидѣть ее въ послѣднюю минуту. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она послась здѣсь, этотъ человѣкъ никогда не осмѣливался показаться и только скрѣпя сердце согласилась она закрыть ему глаза.

это былъ долгъ религіознаго состраданія, и Лукреція отправилась на другой берегъ озера съ отцомъ и Биффи. Она нашла умирающаго, который просилъ простить причиненныя имъ страданія и слезы, и молиться за упокой души его. Она добродушно утѣшала его, и ея великодушное состраданіе смягчило предсмертныя муки этого человѣка, бывшаго солдатомъ, чѣмъ-то въ родѣ устарѣвшаго бандита, злаго, свирѣпаго, скупаго, а между-тѣмъ одареннаго нѣкоторой смышленостью и инстинктомъ патриотизма и романической страсти.

Флоріани, принявъ послѣдній тяжелый вздохъ его, возвратилась довольно-растроганная. Она простодушно рассказала Сальватору, въ присутствіи Кароля, гдѣ была и какъ говорилъ съ нею то бессмысленно, то глубоко-знаменательно этотъ человѣкъ въ послѣднія минуты жизни. Сальваторъ нашелъ, что въ этомъ новомъ подвигѣ его милая Флоріани была такъ же удивительна, какъ и всегда, но Кароль молчалъ. Его тревожило это внезапное отсутствіе, продолжавшееся съ заката солнца до полуночи. Онъ не понималъ, какъ можно принимать такое участіе въ негодяѣ, который такъ мало заслужилъ его. И какъ осмѣлился онъ призвать къ своему смертному одру женщину, которую заставилъ ненавидѣть себя! Стало-быть, онъ былъ увѣренъ въ ея добротѣ и способности забывать оскорбленія!

Эти разсужденія сдѣланы были страннымъ тономъ. Лукреція, непривыкшая еще на каждомъ шагу сторожить ревность и не воображая, что ея доброе дѣло могло показаться князю преступленіемъ, взглянула на него и увидѣла, что онъ взбѣшенъ. Глаза его покраснѣли, онъ дергалъ и хрустѣлъ пальцами; этотъ родъ нервнаго раздраженія обнаруживалъ досаду, и она начала понимать его. Она невольно пожала плечами.

Кароль не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— Какихъ лѣтъ былъ этотъ Манджіафоко?

— Шестидесяти, по-крайней-мѣрѣ, отвѣчала она суровымъ и холоднымъ тономъ.

— И, безъ-сомнѣнія, продолжалъ Кароль, помолчавъ немного:— былъ статенъ, съ страшной бородой, въ живописныхъ лохмотьяхъ, какъ театральнй или романическій разбойникъ, на котораго нельзя смотрѣть безъ ужаса? Воображенію женщинъ нравятся подобныя наружности, и, конечно, всегда лестно оковать дикаго звѣря. Безъ-сомнѣнія, умирая, онъ походилъ на раненнаго тигра, который съ сожалѣніемъ бросаетъ на горлицу послѣдній алчный взглядъ?

— Кароль, сказала Флоріани со вздохомъ:— вамъ, кажется, очень-пріятно описывать умирающаго человѣка? Вамъ бы слѣдовало идти теперь посмотреть на него мертваго; это уничтожило бы вашу иронію, обрѣзало бы ваши поэтическія метафоры. Но вы не пойдете; говорите вы хорошо, но у васъ не достанетъ смѣлости. Его хижина неопятна.

— Какъ раздражительна она сегодня! подумалъ Кароль. — Кто знаетъ, что было у нихъ прежде съ этимъ негодяемъ?

XCVIII.

На другой день, Кароль приревновалъ Лукрецію къ монаху, сбравшему подавнѣе на церковь; потомъ приревновалъ къ нищему, который показался ему переодѣтымъ; потомъ приревновалъ въ слугѣ, избалованному вмѣстѣ съ другими, который всегда отвѣчалъ ей смѣло, — а послѣ — къ разнощику, къ лекарю, къ ея полоумному двоюродному брату, который приносилъ ей дичь и съ которымъ она, весьма-естественно, обращалась какъ добрая родственница, а не отсылала его въ людскую. Дѣло дошло до того, что ей непозволительно было замѣтить наружность прохожаго, ловкость браконьера, стать лошади. Кароль ревновалъ даже дѣтей... Что я говорю *даже?* напротивъ — больше всего.

Дѣйствительно, они одни были его соперниками — единственныя существа, о которыхъ Флоріани думала столько же, сколько о немъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, что за чувство пробуждалось въ немъ, когда онъ глядѣлъ, какъ они, ласкаясь, лѣпились около матери. Но, послѣ воображенія ханжи, самое несносное — воображеніе ревнивца; Кароль скоро началъ коситься на дѣтей; замѣтилъ наконецъ, что они избалованы, шумятъ, упрямы, капризны, и вообразилъ, что не всѣ дѣти такія же. Ему наскучило видѣть ихъ постоянно между имъ и Флоріани. Онъ находилъ, что Лукреція слишкомъ — уступчива съ ними, слишкомъ покоряется имъ. А когда она наказывала ихъ, ему становилось неловко. Ему не нравилась эта простая, естественная система материнскаго управленія, которая состоитъ въ непрерывной заботливости о дѣтяхъ, въ стараніи доставить имъ все, что можетъ сдѣлать ихъ счастливыми и милыми, остановить когда надо, подѣ-часъ побранить съ жаромъ, съ энергіей, чтобъ потомъ нѣжно вознаградить, когда они того заслуживаютъ. По его мнѣнію, не слѣдовало такъ сближаться съ ними, чтобъ послѣ, въ случаѣ нужды, легче заставить ихъ бояться себя. Не надо говорить имъ «ты», не надо ласкать ихъ, а держать на извѣстномъ разстояніи и съ раннихъ лѣтъ дѣлать изъ нихъ маленькихъ мужчинъ и маленькихъ женщинъ, благоразумныхъ, вѣжливыхъ, покорныхъ, спокойныхъ. Слѣдовало заранѣе учить ихъ тому, чему бы они не повѣрили и чего бы не поняли, для того, чтобъ приучить уважать принятыя правила, обычаи, общія вѣрованія, не заботясь прежде всего о томъ, что онъ считалъ невозможнымъ, то-есть, убѣдить ихъ въ пользѣ и превосходствѣ начала, изъ котораго вытекаютъ всѣ эти правила и обычаи. Наконецъ, слѣдовало забыть, что они дѣти, отнять у нихъ всю прелесть, удовольствія, свободу перваго существованія, которыя имъ принадлежатъ по божественному праву; заставить работать ихъ па-

мять, чтобъ передать ихъ воображеніе; развить привычку и замедлить объясненіе причины,—однимъ словомъ, дѣлать противное всему тому, что дѣлала и что хотѣла сдѣлать Флоріани.

Впрочемъ, надо сказать, что князь не постоянно и не безусловно противорѣчилъ и норицалъ. Когда не одолѣвала его ревность, т. е. въ свои свѣтлыя минуты, онъ говорилъ совершенно противное. Онъ любилъ дѣтей, любовался ими во всемъ, даже тамъ, гдѣ нечѣмъ было любоваться. Онъ баловалъ ихъ больше Флоріани и подчинялся имъ, нисколько не подозрѣвая своей непослѣдовательности. И все это потому—что онъ былъ тогда счастливъ и являлся въ идеальной стороны своей природы. Обаяніе любви Флоріани было термометромъ, который показывалъ высшую степень его кротости, доброты и нѣжности. А какимъ бы чуднымъ существомъ былъ онъ, еслибъ могъ всегда оставаться такимъ! Въ эти минуты, которыя иногда продолжались часами и цѣлыми днями, онъ весь былъ—добродушіе, благотворительность, состраданіе, весь былъ преданъ душою окружавшимъ его. Онъ сворачивалъ съ дороги, чтобъ не раздавить наскочное, бросился бы въ озеро, чтобъ спасти домашнюю собаку, самъ превратился бы въ собаку, чтобъ слышать громкій хохотъ маленькаго Сальватора, сдѣлался бы зайцемъ или куропаткой, чтобъ доставить Селіо удовольствіе выстрѣлить по немъ. Его нѣжность и восторженность доходили до крайности, до нечеловѣчности. Онъ дѣлался тогда однимъ изъ тѣхъ энтузіастовъ, которыхъ надо или заперать какъ сумасшедшихъ, или любить какъ существа высшія.

Но за то какое паденіе, какой страшный переломъ совершался во всемъ его существѣ, когда за припадками веселости и нѣжности наступали припадки скорби, подозрѣнія и досады! Тогда все измѣнялось въ природѣ. Солнце Изео бросало отравленные ядомъ лучи; испаренія озера были заразительны; божественная Лукреція становилась Пасифаей, дѣти—маленькими чудовищами, Селіо долженъ былъ погибнуть на эшафотѣ, Ла ртѣ былъ золь, Сальваторъ Альбани—измѣнникъ Яго, а старый Менапаче—Жидъ Шейлокъ. На горизонтѣ собирались черныя тучи, наполненныя Вапдоци, Боккаферри, Манджіафоко, соперниками, переодѣтыми въ рубище нищихъ, торговцами, слугами, разнощиками и монахами; эти тучи разверзались, и изъ нихъ дождемъ падало на виллу цѣлое полчище старыхъ друзей, старыхъ любовниковъ, и Флоріани, оскверненная пусными объятіями, съ адскимъ смѣхомъ звала его на эту фантастическую оргію!

Не думайте, чтобъ воображеніе его, разнузданное, безпрестанно возбуждаемое природнымъ расположеніемъ и безумною страстью, остановилось на этой картинѣ. Невозможно мнѣ слѣдить за нимъ; невозможно вести васъ въ тѣ пламенные, одурѣвающіе вихри, въ которыхъ она носилось. Никогда Данте не видѣлъ во снѣ мукъ, подобныхъ тѣмъ, которыя создавалъ самъ себѣ этотъ несчастный.

По своей бессмысленности, онъ были серьёзны; а больныхъ, внивыхъ дѣтей пугаетъ всякое уродливое явленіе.

Но такъ-какъ онъ былъ въ высшей степени вѣжливъ и учтивъ, то никогда никто не могъ даже подозрѣвать того, что немъ происходило. Чѣмъ больше выходилъ онъ изъ себя, темъ представлялся хладнокровнѣе, и о степени его бѣшенства не было судить только по степени ледяной вѣжливости. Тутъ становился дѣйствительно невыносимъ, потому-что хотѣлъ раздать и подвести существенную жизнь, въ которой никогда не понималъ, подъ начала, которыхъ не могъ опредѣлить. Онъ отыскивался въ немъ умъ, умъ ложный и блестящій, чтобы чить тѣхъ, кто любилъ его. Онъ былъ насмѣшливъ, высокомеренъ, разочарованъ всѣмъ. Казалось, кусалъ тихонько, для а вы, и раны, которыя онъ дѣлалъ, проникали до глубины души, когда не доставало у него духа противорѣчить и насмѣхаться, дѣлался презрительно-молчаливъ, томительно-сердитъ. Ничто касалось до него, все было ему чуждо. Онъ сторонился отъ го—отъ людей, отъ мнѣній и идей. Онъ не понималъ этого. У слѣ такого отвѣта на вкрадчивый разговоръ, которымъ стара его разсѣять, можно было полагать навѣрное, что онъ глу презиралъ все сказанное и все, что могли еще сказать.

Флоріани боялась, чтобъ ея домашніе и самъ графъ Альба замѣтили этой ревности, которую она наконецъ разгадала и которая казалась ей страшно-унизительною. По-этому она тщатель сарывала причины и употребляла всѣ усилія, чтобъ смягчить скорбныя слѣдствія. Сначала она сильно беспокоилась за здор и жизнь князя; но скоро убѣдилась, что онъ никогда не чувс валь себя лучше, какъ во время припадковъ внутренней доса ревности, которые бы убили всякаго другаго. Есть органы которые приобрѣтаютъ новыя силы въ страданіи, и кажется, то возрождаются сгарая, подобно феникамъ. Итакъ—она перес тревожится, но начала страдать отъ искренней дружбы, кот можно было сравнить только съ мученіями поэтического ада. рукахъ этого страшнаго любовника она сдѣлалась камнемъ, торый Сизифъ безпрестанно вскатывалъ на вершину горы, сталкивалъ въ пропасть,—несчастливымъ камнемъ, который не бивался.

Она испытала все: кротость, досаду, просьбы, молчаніе, у ки, — ничто не помогало. Если она казалась спокойною и л дою, чтобъ не дать другимъ замѣтить своего несчастія, — ки не понимая этой незнакомой ему твердости воли, сердился за что видѣлъ ее бодрою и великодушною. Тогда онъ ненавидѣл ней, какъ выражался онъ мысленно, цыганскую беззаботн жосткость простонародной организаціи. Онъ не только не забо ся о томъ мученіи, которое причинялъ ей, но еще думалъ, она ничего не чувствуетъ, что у нея отъ доброты бываютъ и ты заботливости, но что вообще ничто не могло поколебать

роды — такой твердой, такой крѣпкой, такъ легко развлекающей-ся и утѣшающей-ся. Можно было подумать, что онъ ревнуетъ даже видимое здоровье Лукреціи, и укоряетъ Бога за то спокойствіе, которымъ онъ одарилъ ее. Если она нюхала цвѣтокъ, поднимала камешекъ, ловила бабочку для Селіо, если учила Беатриче басни, ласкала собаку, рвала плодъ для маленькаго Сальватора: «Какая дивительная натура!..» думалъ онъ: «все ей нравится, все забавляетъ ее, всѣмъ она увлекается... находить красоту, ароматъ, пользу, удовольствіе въ малѣйшихъ подробностяхъ созданія. Она всѣмъ побуждается и все любитъ! Стало-быть, она не любитъ меня, который видитъ, дивится, любитъ и понимаетъ въ мірѣ только одну ее! Цѣлая пропасть раздѣляетъ насъ!»

Мысль эта въ сущности была почти-справедлива: природа, богатая по излишеству, и природа, богатая по исключительности — не могутъ слиться другъ съ другомъ. Одна должна поглотить другую. Такъ и сдѣлалось.

Если, случайно, не удавалось утомленной и измученной Флоріанѣ скрыть своихъ страданій, Кароль вдругъ возвращался къ своей нѣжности, забывалъ свое дурное расположеніе духа и хлопоталъ вокругъ нея, услуживалъ ей на колѣняхъ, любилъ ее въ ти минуты болѣе, нежели въ первый мѣсяцъ ихъ страсти. Зачѣмъ тарахалась она скрываться, или зачѣмъ доставало у нея силы и одрости, чтобъ скрываться! Еслибъ она представлялась ему всегда страдающею и растерзанною, или еслибъ она могла оставаться дольше печальною и недовольною—она, можетъ-быть, излечила бы его отъ его болѣзненной личности, Онъ бы забылъ себя для нея, потому-что этотъ свирѣпый эгоистъ былъ самый преданный, самый нѣжный другъ, когда онъ видѣлъ страданія.

Но такъ-какъ въ подобныхъ случаяхъ онъ самъ страдалъ дѣйствительно и логически, то великодушная Флоріани краснѣла за свою минутную слабость. Она спѣшила успокоиться и казаться верною. Притворяться недовольною она была неспособна; рѣдко озмущалась она противъ него; но когда это случалось, то не удерживалась и жестоко колола его. Никогда она ничего не приукрашивала, ничего не скрывала, и такъ-какъ чаще всего несправедливость другихъ производила въ ней только печаль и состраданіе, то чаще всего страдала она безъ гнѣва, и особенно безъ хмуренья. Она презирала эти женскія хитрости, и сама терпѣла отъ этого презрѣнія; это не разъ было ей доказано! Въ человѣкѣ есть стремленіе постоянно употреблять добро во зло и оскорблять, когда онъ увѣренъ, что его простятъ даже безъ его просьбы о прощеніи.

Сальваторъ Альбани зналъ, что другъ его вбаламошенъ и легко увлекается, до крайности строгъ къ другимъ, или до крайности безпристрастенъ къ себѣ. Но хорошія минуты, нѣкогда, были самыми обыкновенными, самыми продолжительными; а съ пріѣзда ихъ въ виллу Флоріани, Сальваторъ замѣчалъ, что князь теряетъ ясность своего характера и впадаетъ въ странную угрюмость; онъ

замѣтно портится. Сначала, въ недѣлю одинъ недобрый, а потомъ каждый день такой часъ. Мало-по-малу, выходилъ только одинъ добрый часъ на день, потомъ на цѣлую недѣлю. Какъ ни уклончивъ, какъ ни терпѣливъ былъ графъ, но накопилось ему сдѣлалось невыносимо. Сначала онъ замѣтилъ это дѣло потомъ Лукреціи, потомъ обоимъ вмѣстѣ, а наконецъ почувствовалъ, что и его характеръ портится, что онъ измѣнится, если не удастся долѣе жить съ ними.

Онъ рѣшился удалиться совершенно. Флоріани ужаснулась, сѣи остались наединѣ съ любовникомъ, котораго, за два мѣсяца предъ тѣмъ, хотѣла увезти на край свѣта, чтобы жить съ нимъ въ пустынѣ. Сальваторъ былъ для нея необходимъ по своей селости, по своему беззаботному взгляду на всѣ домашнія дѣла. Присутствіе его все-таки удерживало князя въ извѣстныхъ предѣлахъ, по-крайней-мѣрѣ передъ дѣтьми. Что будетъ съ нимъ, что будетъ съ Каролемъ, когда не будетъ между ними этого слагающаго собесѣдника, предохраняющаго ихъ другъ отъ друга.

Настойчивость, съ какою Флоріани старалась удержать Сальватора, ея опасенія и горесты — измѣнили ея тайнѣ; слезы брызнули у ней изъ глазъ. Альбани съ грустью увидѣлъ, что она боко несчастлива, и что, если онъ не успѣетъ удалить Кароля по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, — они оба погибнутъ.

На этотъ разъ, онъ уже не колебался. Въ немъ уже не было ни жалости, ни состраданія къ другу. Онъ не поддавался ни одной его слабости; устоялъ противъ его досады и отчаянія; не скрылся отъ него, что будетъ стараться всѣми силами отдалить отъ Флоріани, если онъ самъ не удалится отъ нея.

— На полгода или навсегда, что мнѣ до того за дѣло, скажи онъ, оканчивая свою строгую рѣчь: — я не хочу угадывать будущее. Не знаю, забудешь ли ты Флоріани, что было бы полезно для тебя, — или она измѣнитъ тебѣ, что было бы выгодно для нея, — или она растерзана, она несчастна, безнадежна; знаю, что ей нуженъ покой. Она — мать четырехъ дѣтей; она обязана беречь себя для нихъ и освободиться отъ невыносимыхъ мученій. Мы или уйдемъ вмѣстѣ, или будешь ты одинъ, потому-что чѣмъ яснѣе я представляю тебѣ будущее, больше закрываешь ты глаза; чѣмъ больше я хочу отвѣчать тебѣ сильнѣе цѣпляешься ты за эту несчастную женщину. Не силой, не угрозами, не просьбами, не обещаніями, не желаніемъ или силой, но я увезу тебя, Кароль! Я поклонюсь головою Селіо и его братьевъ. Я приведу тебя сюда; я заставлю тебя остаться здѣсь... Я погубилъ тебя, думая спасти; но есть средство, и теперь, когда все вижу, — я спасу тебя противъ твоей воли. Мы ѣдемъ сегодня въ ночь, слышишь ли? Лошади готовы.

Кароль былъ блѣденъ какъ смерть. Онъ съ трудомъ раздвинулъ стиснутые зубы и далъ такой лаконическій, рѣшительный отвѣтъ:

— Очень-хорошо! вы меня проводите до Венеціи и оставите тамъ, чтобъ возвратиться сюда за цѣною вашего подвига. Вы такъ условились между собою. Я давно ждалъ этой развязки.

— Кароль! вскричалъ Сальваторъ въ порывѣ перваго въ жизни серьезнаго бѣшенства: — счастливъ ты, что слабъ; потому-что еслибъ ты былъ мужчина, я бы раздавилъ тебя. Но я скажу тебѣ, что эта мысль доказываетъ существо злое; эти слова обнаруживаютъ существо низкое, неблагодарное. Я гнушаюсь тобою; отрекаюсь навсегда отъ нашей долгой дружбы. Прощай; я бѣгу отъ тебя... я самъ сдѣлаюсь такимъ же низкимъ и злымъ, если останусь съ тобою.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ князь, дошедшій до высшей степени ярости, и слѣдовательно ѣдкой и презрительной сухости. — Продолжайте, оскорбляйте меня, бейте, будемъ драться:—я умру или уѣду,—вамъ этого хочется, я знаю. Какая сладкая ночь упоенія будетъ наградою за ваши рыцарскіе подвиги!

Сальваторъ готовъ былъ броситься на Кароля. Не зная самъ что дѣлаетъ, онъ схватилъ стулъ. Онъ чувствовалъ, что мысли его туманятся; онъ дрожалъ какъ въ первой лихорадкѣ; а между-тѣмъ, въ эту минуту, у него достало бы силы опрокинуть домъ на голову Каролю.

Послѣдовала минута страшнаго молчанія, въ-продолженіе которой послышался тонкій голосокъ:

— Послушай, мама, я знаю свой французскій урокъ; я скажу тебѣ его прежде, чѣмъ лягу спать:

Deux coqs vivaient en paix, une poule survint,
Et voilà la guerre allumée!
Amour, tu perdis Troie!...

Окошко затворилось; и голосокъ Стеллы затихъ. Сальваторъ разразился горькимъ смѣхомъ, разбилъ стулъ и быстро вышелъ изъ комнаты Кароля, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

— Лукреція! сказалъ онъ Флоріани, стучась къ ней: — оставь дѣтей на минуту, призови няньку; я хочу говорить съ тобою сейчасъ же.

Онъ увелъ ее въ паркъ.

— Послушай, сказалъ онъ ей: — Кароль негодяй или несчастный, самый малодушный, самый безумный изъ твоихъ любимцевъ, и конечно, самый опасный: онъ убьетъ тебя незамѣтно, но такъ, если ты не оставишь его сейчасъ же. Онъ ревнуетъ тебя ко всему, ревнуетъ къ своей тѣни—это бодякъ; но онъ ревнуетъ ко мнѣ, и это... это гнусно! Онъ никогда не рѣшится тебя оставить; онъ не хочетъ ѣхать и не уѣдетъ. Ты должна бѣжать изъ своего дома. Нельзя терять ни минуты; ступай въ Римъ, въ Миланъ, на край свѣта, или спрячься, скройся въ какой-нибудь хижинѣ... Я, можетъ-быть, говорю вздоръ, у меня голова кружится

отъ негодованія; но надо найти средство... Послушай! вотъ — тяжелое, но вѣрное. Убѣжимъ вмѣстѣ — не дальше, какъ за два льѣ отсюда, останемся тамъ не дольше двухъ часовъ, — этого довольно! Онъ будетъ думать, что отгадалъ дѣйствительно, будто я твой любовникъ: онъ такъ самолюбивъ, что не поколеблется въ такомъ случаѣ, и ты навсегда отъ него освободишься...

— Ты или самъ сошелъ съ ума, мой бѣдный другъ! отвѣчала Лукреція: — или хочешь, чтобъ онъ помѣшался. Хотя я и страдаю отъ его подозрѣній, но не рѣшусь заставить презирать себя!

— Подозрѣвать развѣ не значитъ презирать, несчастная женщина! Такъ ты еще дорожишь уваженіемъ человѣка, котораго нельзя любить серьезно? Какое безуміе! Послушай, пойдемъ со мною; чего ты боишься? Чтобъ я не воспользовался твоимъ положеніемъ и не сдѣлался достойнымъ, противъ твоей воли, прекраснаго мнѣнія обо мнѣ Кардіа? Нѣтъ, я не низокъ, и чтобъ еще болѣе разувѣрить тебя, скажу, что я уже не влюбленъ въ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, Боже меня сохрани! Ты слишкомъ-слаба, слишкомъ-легковѣрна, слишкомъ-нелѣпа! Ты не мощная женщина, какъ я думалъ: ты просто ребенокъ безъ головы, безъ самолюбія. Любовь своя къ Кардіо излечила меня совершенно, клянусь тебѣ любовью, которую бы могъ питать къ тебѣ. Пойдемъ, время не терпѣть. Еслибъ онъ пришелъ теперь умолять тебя, ты откроешь ему свои объятія и дашь ему клятву никогда не оставлять его: я знаю тебя. Убѣжимъ же! Воспользуемся его же собственною болѣзнию, чтобъ излечить его, и представимъ ему его же призракъ дѣйствительностью. Пусть онъ считаетъ тебя обманщицей и кокеткой; пусть ненавидитъ тебя, пускай уѣдетъ, проклиная тебя, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ. Чего ты боишься? мнѣнія о тебѣ сумасшедшаго? Онъ не пуститъ его въ свѣтъ; онъ будетъ хранить вѣчное молчаніе о своемъ несчастіи. Если хочешь, послѣ оправдаешься. Но теперь надо уничтожить зло въ самомъ его корнѣ. Надо бѣжать!

— Ты одно забываешь, Сальваторъ, отвѣчала Лукреція: — именно то, что — виноватъ онъ или несчастенъ, — я люблю его и буду любить всегда. Отдамъ кровь свою, чтобъ облегчить его страданія; а ты думаешь, что я могу растерзать его сердце, чтобъ успокоить себя. Странное средство!

— Въ такомъ случаѣ, ты сама малодушна, вскричалъ графъ: — я оставляю тебя! Вспомни, что я говорю тебѣ: ты погибла!

— Я это знаю, отвѣчала она: — но ты не уѣдешь отсюда, не помирившись съ нимъ!

— Не раздражай меня; я способенъ убить его. Я сейчасъ ѣду, это всего вѣриѣ. Прощай, Лукреція!

— Прощай, Сальваторъ, сказала Флоріани, бросаюсь въ его объятія: — мы, можетъ-быть, никогда не увидимся.

Она залилась слезами, но не удерживала Сальватора.

«Теперь, что осталось мнѣ отъ моихъ непрерывныхъ грѣзъ? Увѣренность, что онѣ не могутъ и не должны осуществиться. Вотъ, что такое разсудокъ, печальная добыча опыта! Но изгнать разсудокъ, когда онъ поселился въ насъ, такъ же трудно, какъ позвать его въ ту пору, когда мы еще не довольно-сильны для его принятія. Напрасно, и, можетъ-быть, преступно было бы прогнать его холодные дары, его суровые совѣты. И вотъ, наконецъ, пришла пора поклониться тебѣ, принять тебя, безжалостная мудрость, незваная разсудительность!

«Чего ты хочешь отъ меня? говори, объясни! должна ли я бѣжать отъ любви? Ну, вотъ! здѣсь ты меня и отсылаешь къ моему внутреннему голосу; способна ли я еще любить? Да! больше, нежели когда-нибудь; потому-что это—сущность моей жизни, потому-что я болью ощущаю свою сердечную жизнь. Еслибъ я ужъ не могла любить,—не могла бы и страдать. Я страдаю, слѣдовательно, люблю, существую.

«Въ такомъ случаѣ, отъ чего же отказываться? отъ надежды счастья? Разумѣется, мнѣ кажется, что я ужъ не могу надѣяться; а между-тѣмъ, надежда—желаніе; не желать же счастья противно человѣческой натурѣ, противно правамъ человѣчества. Разсудокъ не можетъ предписывать того, что внѣ законовъ природы!»

Тутъ Лукреція сбилась. Она долго мечтала; она потерялась, запуталась въ этихъ мечтахъ, въ этихъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ, казалось, не было ничего общаго съ ея тщательнымъ изслѣдованіемъ. Но все служить путеводной нитью прямымъ, простодушнымъ существамъ. Она нашлась среди этого лабиринта, и снова выбралась на путь чистаго размышленія. Терпѣше, читатель! если ты еще молодъ, эти размышленія, можетъ-быть, тебѣ самому пригодятся.

«Ну!» думала Флоріани: «если дѣло дошло до опредѣленія счастья... Есть разнаго рода счастье; есть одинъ родъ счастья для всѣхъ возрастовъ жизни. Дѣтство думаетъ о самомъ-себѣ; юность стремится пополнить себя существомъ, причастнымъ ея собственнымъ радостямъ; зрѣлый возрастъ долженъ думать, что его поприще, хорошо ли, дурно ли пройденное, кончается, что пора заняться исключительно счастьемъ другихъ. Я говорила это себѣ заранѣе, я чувствовала это, но не такъ полно, какъ могу и должна думать и чувствовать теперь. Счастье мое... не будетъ оно больше опираться на удовлетвореніи моего я! Развѣ я люблю своихъ дѣтей потому только, что мнѣ пріятно ихъ видѣть и ласкать? Развѣ увеличилась бы моя любовь къ нимъ, еслибъ мнѣ пришлось и страдать отъ нихъ? Когда я вижу, что они счастливы, тогда я и сама счастлива. Дá, это такъ! въ извѣстныхъ лѣтахъ, нѣтъ человѣку

счастія кромѣ того, которое онъ даетъ. Искать другаго—нелѣзно! Это значитъ—насилловать божественный законъ, который не позволяетъ намъ больше властвовать красотой и чаровать непорочно-стью.

«Попытаюсь же я больше прежняго сдѣлать счастливыми тѣхъ, кого люблю, и не буду беспокоиться; забуду думать, что они меня мучатъ. Этой рѣшительностью я буду повиноваться потребности любить, которая еще есть во мнѣ, буду повиноваться влеченію къ счастію, которому могу удовлетворить. Ужь я не буду добиваться идеала на землѣ, довѣрчивости и энтузіазма въ любви, справедливости и здраваго смысла въ человѣческой природѣ. Я буду принимать заблужденія и недостатки не съ надеждой исправить ихъ и насладиться торжествомъ, а съ желаніемъ ослабить ихъ и собственною нѣжностью вознаградить зло, которое терпятъ отъ нихъ поддавшіеся имъ люди. Это будетъ логическое заключеніе всей моей жизни. Наконецъ, это чистое рѣшеніе вопроса я выведу изъ тумана, въ которомъ искала его.»

До выхода изъ оливковой рощи, Флоріани еще замечталась, чтобъ отдохнуть отъ своихъ размышленій. Вспомнила она недавнюю мечту о счастіи съ Каролемъ, о счастіи, которымъ надѣялась окружить его. Она подумала, что не слѣдовало ей лелѣять такую прекрасную мечту послѣ столькихъ обмановъ и заблужденій; спросила она себя, должна ли была она роптать на Бога за это страшное испытаніе.

Какая блистательная, какая гармоническая была эта краткая фаза послѣдняго упоенія! самая полная, самая чистая изъ всей ея жизни,—и она ужъ кончилась, кончилась навсегда! Флоріани чувствовала, что не найти ей ничего подобнаго съ другимъ существомъ, потому—что на свѣтѣ нѣтъ еще такой же дивной, страстной природы, какъ у Кароля, нѣтъ души съ такими богатыми восторгами, съ такимъ могучимъ вдохновеніемъ, съ такою безпредѣльной любовію...

— Чтó жь? думала она: — развѣ онъ еще не тотъ же? Когда мучащій его демонъ засыпаетъ, развѣ не становится онъ прежнимъ? Напротивъ, онъ кажется еще пламеннѣе, еще восторженнѣе, нежели въ первые дни. Зачѣмъ не привыкну я страдать дни и недѣли, чтобъ потомъ забыть все въ эти часы небесныхъ восторговъ?

Но тутъ ея фантазія уперлась въ роковую грань, которую она положила въ себя. Она чувствовала, что ея умъ, который былъ вѣрнѣе, логичнѣе ума Кароля, не былъ способенъ ни на одну минуту забыть собственныхъ мученія. Она у него въ объятіяхъ по-

XXVII.

На другой день послѣ отъѣзда Сальватора, пока еще Кароль былъ въ своей комнатѣ, Флоріанн вышла изъ дома, сѣла въ лодку и, обрѣтши въ себѣ силы прежнихъ молодыхъ лѣтъ, пустилась одна черезъ озеро. На другомъ берегу, противъ самой виллы, была оливковая роща, съ которою у ней были связаны воспоминанія любви и молодости. Тамъ, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, были у ней частыя свиданія съ Меммо Раньери; тамъ она въ первый разъ призналась ему въ любви; тамъ послѣ сговаривались они бѣжать; тамъ же пряталась она столько разъ отъ бдительности отца, или преслѣдованій Манджіафоко.

Воротившись на свою родину, Лукреція не хотѣла заглядывать въ эту рощу, которую ея первый любовникъ, въ порывѣ юнаго энтузіазма, прозвалъ *священной дубравой*. Ее было видно изъ оконъ виллы. Въ первое время, Лукреція иногда нечаянно останавливала на ней глаза; но, не желая будить воспоминаній, тутъ же приходила въ себя и отвертывалась. Съ-тѣхъ-поръ, какъ полюбила Кароля, она часто смотрѣла на рощу и любовалась разросшимися деревьями, не вспоминая ни Меммо, ни упоеній первой любви; но, повинаясь тонкому инстинкту, никогда не водила туда гулять князя.

Теперь, случайно очутившись на озерѣ, она не имѣла опредѣленнаго намѣренія посѣтить *священную дубраву*. Она была больна, ее била лихорадка; ей нужно было надышаться утреннимъ воздухомъ, укрѣпить свою душу, изнемогавшую отъ физическихъ потрясеній. Безсознательный, но неодолимый инстинктъ привелъ ее въ лодку; онъ же увлекалъ ее въ этой лодкѣ по темному заливу. Она оставила свой челнокъ въ кустахъ и, выпрыгнувъ на берегъ, утонула въ таинственной густотѣ рощи.

Оливы разрослись, заплелись кустарникомъ; тропинки стали уже мрачнѣе. Иныя совсѣмъ заглохли. Лукреція едва могла распознать знакомыя мѣста, съ трудомъ отыскала дорожки, по которымъ, бывало, могла ходить зажмурившись. Долго искала она стараго дерева, подъ которымъ обыкновенно ждалъ ее Раньери; на немъ еще были вырѣзанныя ножомъ начальныя буквы его имени. Трудно было теперь замѣтить эти буквы; но Лукреція угадала ихъ прежде, нежели разсмотрѣла. Наконецъ, стала она на траву подъ этимъ деревомъ и задумалась. Припомнились ей и подробности и все первой ея страсти, сравнила она ту первую страсть съ послѣднею—не для того, конечно, чтобъ провести параллель между двумя человѣками, о которыхъ не могла судить хладнокровно.—Вѣтъ, она только хотѣла спросить у собственнаго сердца, можетъ ли оно еще ощущать страсть и переносить страданія. Мало-помалу, развернулась предъ ней послѣдовательно, свѣтло вся исторія ея жизни, всѣ крайности сердечныхъ привязанностей, всѣ ме-

чты о счастіи, всё заблужденія, все горе. Она ужаснулась этой повѣсти, рассказанной ею самой—себѣ о собственной жизни; она спросила себя: она ли могла столько разъ обманываться, она ли пережила столько разувѣреній—и не умерла, не сошла съ ума?

Рѣдко выдаются такія минуты въ жизни, когда существо съ подобнымъ характеромъ способно бываетъ такъ отчетливо озирати и сознать себя!

Души, чуждыя эгоизма и гордости, не имѣютъ яснаго прозрѣнія въ самихъ-себя. Способныя на все, онѣ не знаютъ, на что онѣ способны. Вѣчно полныя любовью къ людямъ, заботами о ихъ благѣ, онѣ доходятъ до самозабвенія, до самоневѣдѣнія. Флоріани, можетъ-быть, не случилось трехъ разъ въ жизни изслѣдовать и опредѣлять себя.

Но вѣрно то, что еще никогда не случилось ей дѣлать этого такъ полно и положительно, какъ теперь; и теперь она дѣлала это въ послѣдній разъ: вся остальная жизнь ея стала предвидѣннымъ послѣдствіемъ того, что положила она въ эту торжественную минуту.

— Посмотримъ, думала она: — такъ ли же горяча моя послѣдняя любовь, какъ первая? Была она жарка, но не теперь. Кароль разрушилъ ее почти такъ же скоро, какъ Меммо разогналъ призракъ счастья.

«Но эта послѣдняя любовь, уже лишенная надежды, точно ли не такъ глубока, не такъ живуча? Во мнѣ для нея еще столько нѣжнаго чувства, столько преданности, столько материнскаго движенія, что я ей конца не вижу, — и вотъ чѣмъ она разнится отъ первой любви! Тогда я думала про-себя: если Меммо меня обманываетъ, я перестану любить его; а теперь—прозрѣвшая, разубѣжденная, не могу переломить себя, не могу оправиться. Правда, много и долго пропала я Меммо; но чувствовала, какъ съ каждой минутой слабѣла моя любовь; а теперь — любовь крѣпится, не слабѣетъ отъ страданія.

«Отъ-чего это? Меммо ли былъ въ томъ виноватъ;—или я, когда была моложе и сильнѣе, могла оторваться отъ него легче, нежели теперь отъ Кароля? Можетъ-быть, немножко и онъ былъ виноватъ, а больше, кажется, я.

«Все-таки виновата была молодость. Тогда любовь была въ насъ связана съ чувствомъ, съ потребностью быть счастливыми. Я думаю, что я слѣпо привязана; каждое мое дѣйствіе отзывалось самопожертвованіемъ; но если любовь не выдержала жертвъ слишкомъ-сильныхъ, слишкомъ-частыхъ, значитъ я, сама того не зная, имѣла личную самостоятельность. Не дѣйствіе ли, не право ли это молодости? Конечно, да! Она, молодость, ищетъ счастья, чувствуетъ въ себѣ силы искать его, находить и удерживать. Не была бы она порой энергіи, тревогъ и страшныхъ усилій, еслибъ не двигали ею честолюбивое желаніе трудныхъ побѣдъ и жажда полного блаженства.

князя и отрѣшила себя отъ большинства, но все-таки не хотѣла быть малодушной, не хотѣла, въ угоду Каролію, гнать отъ себя людей несчастныхъ, безстойныхъ участія или жалости. Все это Кароль ставилъ ей въ страшное преступленіе и, черезъ десять лѣтъ, когда рѣчь заходила объ одномъ изъ подобныхъ людей, онъ восклицалъ съ убѣжденіемъ, которое было бы смѣшно, еслибъ не было возможно: «Никогда не могу забыть зла, которое сдѣлалъ мнѣ этотъ человѣкъ!» А все зло состояло въ томъ, что Флоріани не прогнала этого человѣка безъ всякой причины.

Она пыталась развлекать его путешествіемъ, даже оставлять его на нѣкоторое время. Но онъ вездѣ таскалъ съ собой свою ревность; косился на почтальоновъ, на трактирщиковъ; не смыкалъ глазъ въ дорогѣ, боясь каждую минуту, что вотъ-вотъ похитятъ его сокровище. Деньги онъ сыпалъ горстями, но въ любви былъ скупъ до безумія. Когда Лукреція разставалась съ нимъ на нѣсколько недѣль, мучимый тѣми же безпокойствами, онъ дѣлался болѣнъ, потому-что никому не хотѣлъ повѣрить этихъ безпокойствъ и не могъ излить горечи на ихъ певинную причину. Лукреціи приходилось опять призывать его. И здоровье, жизнь Кароля воскресали съ той минуты, какъ только являлась ему возможность мучить безпредѣльно-любимую имъ Флоріани.

Онъ такъ любилъ ее, былъ такъ вѣренъ, такъ сосредоточенъ въ ней, говорилъ о ней съ такимъ уваженіемъ, что могъ бы составить гордость и славу для тщеславной женщины. Но не было у Лукреціи такого ненавистнаго существа, которому бы она пожелала подобнаго счастья.

Наконецъ, онъ восторжествовалъ, какъ всегда торжествуетъ воля, неистово устремленная къ единственной цѣли. Онъ увезъ Флоріани въ виллу, которая все-таки была для нихъ самымъ укромнымъ убѣжищемъ, и тамъ успѣлъ до того уединить и запрятать ее, что она задолго до смерти прослыла усопшей.

Она угасала, какъ пламя, лишенное воздуха. Казнь ея была медленная, но неослабная. Надо было цѣлые годы умерщвлять остреемъ булавки существо такое сильное нравственно и физически. Она ко всему привыкала; никто не сумѣлъ бы такъ отказаться отъ потребностей собственной жизни, какъ она. Она постоянно уступала, не показывая вида, что защищается, и противилась только одному: прихотямъ, которыя могли довести до несчастія дѣтей ея. Но Кароль, не смотря на тяготу этого раздѣла, ни разу не обнаружилъ попытки ни на минуту отлучить ихъ отъ матери. Всею властью, какую только имѣлъ надъ собой, старался онъ не дать замѣтить, что Лукреція — его жертва, что онъ присвоилъ себѣ надъ нею безусловное господство.

Комедія такъ ловко разыгрывалась, а Лукреція была такая тихая, безропотная, что никто не сомнѣвался въ ихъ счастіи; дѣти наконецъ полюбили Кароля, кромѣ Сеѣ, который былъ съ нимъ вѣжливъ, но никогда не говорилъ ни слова.

Спрятанная, такъ—сказать, подъ спудомъ, Флоріани не жалѣла объ обществѣ и друзьяхъ. Въ первый разъ она оставила ихъ добровольно; потомъ оставляла — правда, изъ угожденія, но безъ горя. Она любила уединеніе, любила трудъ и деревню. Она предалась исключительно воспитанію дѣтей, учила Селіо театральному искусству, къ которому онъ обнаруживалъ страстное призваніе.

Но Кароль, лишенный наконецъ предмета ревности, напелъ средства бороться съ идеями, уроками и мнѣніями Флоріани. Учиво преслѣдовалъ онъ ее во всемъ; все было не по его вкусу, не по его совѣту. Бездѣйствіе терзало его; посвятивъ обладанію женщиной всю силу воли, всѣ мгновенія жизни, онъ былъ столько же въ нравственномъ отношеніи деспотъ, сколько въ физическомъ—недремлющій тюремщикъ. Бѣдная Флоріани увидѣла, что послѣднее утѣшеніе ея отравлено, когда духъ противорѣчія и ребяческая, вспылчивая придирчивость стали преслѣдовать ее даже до самаго чистаго, самаго неприкосновеннаго святилища ея жизни. Зачѣмъ она готовила Селіо въ актѣры? это унизительное ремесло! Зачѣмъ учила Беатриче пѣть, а Стеллу рисовать? женщины не должны быть черезъ-чуръ артистками! Зачѣмъ она позволяла Менапаче копить деньги? Зачѣмъ она, наконецъ, не шла наперекоръ призванію и влеченіямъ всей своей семьи? Кромѣ того, зачѣмъ любила животныхъ? отъ нихъ могла прійти чесотка; зачѣмъ любила голубой цвѣтъ, а не бѣлый? зачѣмъ...? и Богъ-знаетъ, что еще! однимъ словомъ—все было не такъ.

Въ одинъ прекрасный день — Флоріани минуло сорокъ лѣтъ. Она ужъ не была хороша; осужденная на бездѣйствіе, противное ея дѣятельной натурѣ, она все-таки похудѣла, пожелтѣла, и, еслибъ не ея прекрасные, кроткіе, глубокіе глаза, еслибъ не ея благородство и спокойная грація, еслибъ не это открытое, улыбающееся лицо,—больно было бы смотрѣть на нее, первую красавицу въ Италіи. Правда, князю она казалась все обольстительнѣе, все опаснѣе для человѣческаго спокойствія по мѣрѣ того, какъ заставлялъ онъ ее старѣться и дурнѣть. Онъ все еще былъ влюбленъ по-прежнему; онъ все былъ увѣренъ, что всякій молодой человѣкъ очаруется ею до безумія, если только—чего Боже сохрани—увидитъ ее.

Что касается до нея, она вдругъ почувствовала себя изнеможенною отъ страданій, почувствовала расслабленіе преждевременной.

мила обиду, которую терпѣла отъ его ревности; не могла она понять страшнаго и страннаго дара нѣкоторыхъ избранныхъ презирать тѣхъ, кого любятъ, и любить тѣхъ, кого презирають. Она не вѣрила больше въ счастье, она его не чувствовала. У ней не стало для него силы.

— Прости мнѣ, Господи, проговорила она въ душѣ:— послѣднее сожалѣніе объ этой полной радости, которую Ты послалъ мнѣ такъ поодно и отнял у меня такъ скоро! Я не буду роптать на Твои насланія, не скажу, что Ты играешь мною. Ты хотѣлъ разбудить мой умъ, я не противилась. Я, какъ всегда, поддалась обаянію бреда; и теперь, въ тоскѣ и горѣ, не забыла, что это безуміе— было блаженство. Благословляю тебя, Господи! благословляю руку ласкающую и разящую меня!

Страшная скорбь проникла въ душу Флоріани, когда говорила она послѣднее прощанье своимъ милымъ призракамъ. Она упала на траву и залилась слезами. Она рыдала, и рыданія рвались у ней изъ груди задушевыми криками. Она хотѣла дать волю слабости, которую чувствовала послѣднею, хотѣла дать волю слезамъ, которыя потомъ никогда не должны были выступать на глазахъ ея.

Наплакавшись до изнеможенія, Лукреція протислась съ старой оливою, свидѣтельницей ея первыхъ радостей и послѣдней борьбы. Она вышла изъ рощи и ужъ никогда не воротилась въ нее; но ей всегда хотѣлось вздохнуть въ послѣдній разъ подъ этой вѣковой тѣнью, и всякій разъ, когда чувствовала, что слабѣетъ, смотрѣла изъ оконъ виллы на *священную дубраву*, вспоминая горькую чашу, которую тамъ допивала, и отыскивая въ воспоминаніи этого послѣдняго перелома—источника силы въ защиту и отъ надежды и отъ отчаянія.

Итакъ, любезный читатель, вотъ я и кончилъ все, что предположилъ себѣ; теперь остается только удовольствоваться тѣхъ, которые непремѣнно хотятъ какой-нибудь развязки.

Ты, разумный читатель, я знаю, совершенно-согласенъ со мною; и считаешь развязки совсѣмъ—безполезными. Еслибъ я только слѣдовалъ собственному убѣжденію, да собственной фантазіи, у меня бы ни одинъ романъ не кончился, для того, чтобъ больше было сходства съ дѣйствительною жизнью. Гдѣ же вы найдете такую исторію любви, которая бы кончалась рѣшительнымъ образомъ—разрывомъ или блаженствомъ, измѣной или бракомъ? Гдѣ найдете такое событіе, которое бы могло поставить нашу жизнь въ вѣчно-неизмѣнныя условія? По-моему, нѣтъ ничего умильнѣе старинной заключительной формулы: «они прожили долго и всегда были счастливы». Такъ говорилось въ литературѣ до-истори-

ческой, во времена баснословныя. Счастливыя были времена, когда еще вѣрили въ такую сладкую ложь!

Но нынче мы ужь ничему не вѣримъ; мы смѣемся, читая этотъ усладительный ритуриель.

Романъ—не что иное, какъ эпизодъ изъ жизни. Я рассказалъ вамъ, что представляло единство мѣста и времени въ любви князя де-Росвальдъ и актриссы Лукреціи. Теперь развѣ вы хотите еще знать остальное? Развѣ вы не можете сами мнѣ рассказать его? Развѣ не видите, куда направляются характеры моихъ дѣйствующихъ лицъ? Развѣ вамъ непременно нужны факты?

Если вы требуете этого, я кончу дѣло коротко; не потѣшу васъ никакимъ сюрпризомъ, потому—что такъ общалъ. Они любили долго и жили очень-несчастливо. Ихъ любовь была ожесточенной борьбой, которую поглотила другая борьба. Разница между ними была та, что Флоріани хотѣла преобразить характеръ и успокоить умъ Кароля, чтобъ сдѣлать его счастливымъ, подобно всѣмъ другимъ людямъ; а Кароль хотѣлъ бы совсѣмъ обновить свою Лукрецію, чтобъ уподобить ее себѣ и вкусить съ нею невозможное счастье.

Еслибъ все это прослѣдить, все анализировать, надо бы написать еще десять томовъ, по одному на каждый пройденный ими вдвоемъ годъ. Эти десять томовъ могли бы быть назидательны; но могло бы случиться и то, что они вышли бы еще монотоннѣе настоящаго. Однимъ словомъ: Флоріани выдержала всѣ несправедливости князя съ неслыханной твердостью; а князь не хотѣлъ узнавать ея самоотверженія и доблести съ невѣроятнымъ упорствомъ. Ничто не могло исцѣлить его отъ ревности, потому—что просвѣтлѣть и успокоиться—было не въ природѣ его страсти. Никогда женщина не бывала такъ пламенно любима, и въ то же время такъ оклеветана, такъ унижена въ сердцѣ любовника.

Лукреція всегда просила Бога послать ему душу, такъ же исключительно—преданную любви, какъ ея душа, и душа Кароля пролила на нее неизсякаемые потоки любви и желчи.

Предсказанія Сальватора въ нѣкоторомъ отношеніи осуществились. Свѣтъ открылъ убѣжище Флоріани и нахлынулъ съ знаками своего почтенія. Явился въ свою очередь и Боккаферри; только, замѣтимъ мимоходомъ, оказалось, что Боккаферри семьдесятъ лѣтъ. Никто такъ мало не возбудилъ ревности Кароля: всѣ были для него предметомъ смертельной ревности и непримиримой вражды. Флоріани мужественно напрягала всѣ силы, чтобъ поддержать достоинство избранныхъ. Она, смѣясь, предала нѣкоторыхъ ферулѣ

бесплодной старости, не внушивъ довѣрчивости своему возлюбленному, не добившись отъ него уваженія, все еще любимая какъ любовница, а не какъ подруга. Вздохнула она, когда подумала, что не сбылись ея желанія: въ молодости не удалось ей внушить любви, въ зрѣлыхъ лѣтахъ — уваженія. А все-таки она чувствовала, что въ разныхъ періодахъ своей жизни стѣбла того, чего добивалась. Вечеромъ, цалуя дѣтей, Флоріани сказала имъ такимъ голосомъ, отъ котораго они, при всей своей рѣзвой веселости, задрожали:

— Вы для меня—все; если желаю я прожить еще сколько-нибудь лѣтъ, такъ это только для васъ однихъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, она ужъ не любила Кароля; онъ переполнилъ мѣру, —каплей воды, конечно,—но чаша пролилась; сосудъ слишкомъ-полный, слишкомъ-сдавленный, долженъ разбиться. Флоріани молчала, даже предъ Сальваторомъ, который пріѣхалъ наконецъ взглянуть на нее, не могла однако вполне помириться съ княземъ. Она чувствовала, что сама-себя убиваетъ, но не упала духомъ, не хотѣла думать о близкой смерти. Ей хотѣлось только дождаться дебюта Селіо, да выдать замужъ Стеллу; накануне смерти, она говорила съ ними, дѣлала много прекрасныхъ предположеній; но, увы! любовь была ея жизнью: переставъ любить, она должна была перестать и жить.

На другой день поутру пошла она къ отцу. Съ ней былъ Селіо; она казалась здорова, потому-что лицо у ней было такое полное; она никогда не жаловалась, чтобъ не встревожить дѣтей; ощутила съ Биффи надъ его праздничнымъ нарядомъ; потомъ — слышала звонокъ къ завтраку, встала и вдругъ — страшно скрикнула, крѣпко схватилась за шею сына и съ улыбкой упала а тотъ самый стулъ, на которомъ она, крестьяночкой, столько азъ сживала за прялкой.

Селіо было тогда двадцать-два года; онъ былъ высокъ ростомъ, расвъ, силенъ; думая, что мать въ обморокѣ, онъ взялъ ее на руки и повесъ въ паркъ. Въ самыхъ воротахъ столкнулись съ имъ Кароль и Сальваторъ Альбани, которые шли звать Лукрецію втракать. Кароль не понялъ въ чемъ дѣло, и стоялъ какъ статуя; а Сальваторъ тотчасъ понялъ и не пожалѣлъ пріятеля: онъ догадался, что смерть Лукреціи—его непрерывная работа; оттолкнувъ его назадъ, онъ шепнулъ ему:

— Бѣгите къ другимъ дѣтямъ, уведите ихъ: это ихъ убьетъ. Ма умерла!

Послѣднее слово отдалось въ сердцѣ Селіо. Онъ посмотрѣлъ въ лицо матери и — увидѣлъ, что она точно умерла, хотя глаза ея были еще открыты, спокойны, и на губахъ лежала улыбка. Безъ матери упалъ онъ подлѣ трупа на землю.

Кароль не видѣлъ ничего, что дѣлалось. Черезъ часъ, онъ былъ одинъ и все стоялъ передъ рѣшеткой парка, окаменѣлый, обез-

умѣвшій. Прямо передъ нимъ былъ камень, и опъ читалъ на і
стихъ, котораго ни время не стерло, ни дождь не смылъ:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!

Онъ читалъ, перечитывалъ и старался припомнить, когда
какихъ обстоятельствахъ случилось ужь ему замѣтить этотъ ст
Онъ потерялъ чувство скорби.

Умеръ ли онъ съ того, или сошелъ съ ума? Слишкомъ бы
ко было покончить съ нимъ такимъ-образомъ. Я не скажу бо
ничего... если только не прійдетъ мнѣ охота начать новый
манъ, въ которомъ Селіо, Стелла, два Сальватора, Беатриче,
напаче, Биффи, Теальдо Соави, Вандони и даже Боккаферр
явятся каждый съ своей ролью вокругъ Кароля. Довольно
рить главное дѣйствующее лицо, не принимая на себя трудъ
граждать, наказывать, или приносить въ жертву, по-одина
всѣхъ остальныхъ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОЛЕТАРИИ И ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ АНГЛИИ И ВО ФРАНЦИИ (*).

Статья первая.

Число бѣдныхъ и значеніе бѣдности въ Англіи и во Франціи. — Бѣдность въ промышленности мануфактурной и главныя причины ея. — Нынѣшнія отношенія капитала и труда. — Теорія задѣльной платы. — Вліяніе свободы промышленности, неограниченной конкуренціи и усовершенствованныхъ способовъ производства на задѣльную плату. — Постепенное уменьшеніе и недостаточность задѣльной платы въ Англіи и во Франціи. — Промышленные кризисы, ихъ причины и послѣдствія. — Изобрѣтеніе машинъ и раздѣленіе труда. — Вліяніе того и другаго на матеріальное, умственное и нравственное состояніе работниковъ. — Вліяніе нынѣшнихъ способовъ производства на судьбу дѣтей. — Законы о работѣ дѣтей на фабрикахъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

Современное направленіе общественной дѣятельности — по преимуществу положительное, индустріальное. Сбросивъ съ себя феодальныя путы, промышленность сдѣлалась теперь однимъ изъ важнѣйшихъ явленій на-

(*) Рядъ статей, предлагаемыхъ здѣсь читателямъ, составленъ по слѣдующимъ источникамъ:

1) De la bienfaisance publique par M. le Baron de Gérando, 1839. 4 vol. Paris; —
2) De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France, par Eug. Buret.
T. L. — Отд. II. 1

родной жизни, и интересы матеріальные заняли одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду интересовъ общественныхъ. Напрасно нѣкоторые упорные поклонники прошедшаго возстаютъ противъ этого положительнаго направленія, обвиняя нашу эпоху въ грубомъ матеріализмѣ; напрасно въ успѣхахъ промышленности видятъ они очевидный признакъ униженія челоуѣка передъ матеріей. Нынѣче никто уже не повѣритъ этии обвиненіямъ. Общественное мнѣніе не смутится отъ этихъ возгласовъ; оно знаетъ, что трудъ не только не унижаетъ челоуѣка предъ вѣншей природой, но, напротивъ, показываетъ, что челоуѣкъ освобождается отъ ея вліянія и подчиняетъ ее своимъ разумнымъ цѣлямъ. Оно знаетъ, что успѣхи промышленности тѣсно связаны съ успѣхами образованности, и что улучшение вѣншняго быта — необходимое условіе и для нравственнаго развитія челоуѣчества.

Современное положеніе главныхъ европейскихъ государствъ служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ высокаго назначенія и плодотворности труда. Своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, могуществомъ и богатствомъ, государства Западной-Европы обязаны преимущественно тѣмъ быстрымъ, почти-неимовѣрнымъ успѣхамъ, которые сдѣлала промышленность съ начала нынѣшняго столѣтія. Въ-теченіе какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ, благодаря труду и дѣятельности, общественное благосостояніе стало на такую высокую степень, какая для предковъ нашихъ казалась недостижимой. Посредствомъ развитія промышленности, посредствомъ изобрѣтенія машинъ, челоуѣкъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе правъ на названіе царя творенія и властителя вселенной. Онъ покоряетъ себѣ тѣ элементы природы, предъ которыми прежде благоговѣлъ и падалъ ницъ; онъ заставляетъ ихъ работать вмѣсто себя, и научается посредствомъ ихъ достигать легко и спокойно тѣхъ же

1842. Bruxelles;—3) *Economie Politique Chrétienne, ou recherches sur la nature et les causes du paupérisme en France et en Europe et sur les moyens de le soulager et de le prévenir*, par le *Vicomte Alban de Villeneuve-Bargemont*. Paris. 1834;—4) *Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, par le docteur Villermé*, membre de l'Institut. 2 vol. Paris. 1840; — 5) *Etudes sur l'Angleterre*, par *Léon Faucher*. Paris. 2 vol. 1842; — 6) *Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes et des moyens de les rendre meilleures*, par *H. A. Frégier*. Paris. 1840; — 7) *De la prostitution dans la Ville de Paris*, par *Parent-Duchâtelet*. 2-me édition. Paris. 1837; — 8) *De l'Irlande sociale, politique et religieuse*, par *Gustave de Beaumont*. 2 vol.; — 9) *De la répartition des richesses ou de la justice distributive en économie sociale. Ouvrage contenant l'examen critique des théories exposées soit par les économistes, soit par les socialistes*, par *F. Vidal*. Paris. 1846;—10) *Etudes sur l'Economie politique*, par *Simonde de Sismondi*. 2 vol. Paris;— 11) *Recherches sur les causes de l'indigence*, par *A. Clément*. Paris. 1846;—12) *Des relations du travail avec le capital*, par *Dupont-White*. Paris. 1846;—13) *Philosophie des Manufactures par Ure*; traduct. française, 2 vol.— Сверхъ-того, пособіи при составленіи статьи служили всѣ извѣстѣйшіе курсы политической экономіи, особенно новѣйшіе: именно:

Cours d'Economie politique, par *M. Rossi*. Bruxelles. 1842.

Nouveaux Principes d'Economie politique par *S. de Sismondi*. 1827.

Cours d'Economie politique par *Michel Chevalier*. Paris. 1844. 2 vol.

самыхъ результатовъ, которыхъ достигалъ прежде не иначе, какъ напрягая свои физическія силы и трудясь въ потъ лица своего.

При видѣ этихъ благодѣтельныхъ результатовъ, сопровождающихъ успѣхи промышленности, нельзя не сознаться, что ея вполне заслужены тѣ похвалы, которыми ее превозносятъ, и то вліяніе, которое пріобрѣла она въ нашихъ обществахъ. Но при этихъ благодѣтельныхъ результатахъ не должно забывать, что богатство, благосостояніе и блескъ государствъ Западной-Европы составляютъ одну только свѣтлую и блестящую сторону современного быта, за которую кроется другая сторона — горестная, мрачная и безотрадная. Конечно, успѣшное развитіе промышленности въ Германіи, Франціи и особенно въ Англіи нѣмало прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ своимъ быстрое усиленіе производительности и не мѣнѣе быстрое умноженіе народнаго богатства: обогативъ и усиливъ высшія сословія, развитіе это, безъ сомнѣнія, улучшило въ весьма-значительной степени судьбу самаго большинства, и познакомило его съ тѣми удобствами и наслажденіями, которыхъ прежде доступны были только немногимъ избраннымъ. Но съ другой стороны не должно упускать изъ вида, что не вся классы общества воспользовались въ одинаковой степени плодами этихъ успѣховъ. Не должно думать, чтобъ промышленность въ настоящую минуту достигла своей окончательной цѣли, чтобы она совершенно уничтожила нищету и замѣнила ее всюду достаткомъ и довольствомъ. Этотъ желанный результатъ далеко еще не достигнутъ; страданія высшихъ классовъ, безъ сомнѣнія, значительно уменьшились въ слѣдствіе развитія народнаго богатства: но изъ этого не надо заключать, чтобъ они въ настоящую минуту уже совершенно уничтожились; такое заключеніе противорѣчило бы самой дѣйствительности, которая, къ-сожалѣнію, ясно показываетъ, что бѣдность существуетъ досель, и что она далеко пустила свои корни въ европейскую почву. Если мы не будемъ останавливаться на одной поверхности, а проникнемъ въ самую глубину современной жизни, то увидимъ, что подъ вышнимъ блескомъ и богатствомъ государствъ Западной-Европы кроется язва нищеты и страданій, язва страшная и глубокая. Мы увидимъ, что эта нищета и эти страданія постоянно тяготятъ надъ рабочими классами; что никакая преданность, никакая дѣятельность, никакія добродѣтели не могутъ спасти ихъ отъ этого роковаго и неотвратимаго жребія! Мы увидимъ, что въ странахъ, славящихся своимъ богатствомъ и благосостояніемъ, тысячи, миліоны людей рождаются только для того, чтобъ претерпѣвать вся возможные страданія...

Въ настоящее время, есть много людей, въ которыхъ эта мрачная сторона дѣйствительности производитъ недоумѣніе, страхъ и даже отчаяніе. Твердо вѣруя въ высокое назначеніе промышленности, и въ необходимость прогресса, она не знаютъ, какъ примирить свои вѣрованія съ такимъ порядкомъ вещей; какъ оправдать такую цивилизацію, среди которой встрѣчаются факты столь горестные. Для того, чтобъ избавиться отъ этого неразрѣшимаго для нихъ противорѣчія, одни мало-душно останавливаются только при свѣтлой сторонѣ жизни, закрывая

глаза при видѣ бѣдствій, страданій и язвъ человечества; другіе, въ противность истинѣ и действительности, упорно отрицаютъ самое существованіе зла, или по-крайней-мѣрѣ стараются уменьшить его значеніе стараются скрыть его страшныя послѣдствія. Но наука, въ своемъ постоянномъ стремленіи къ истинѣ, не можетъ допускать ни такого равнодушія, ни такого оптимизма. Съ одной стороны, глядя за успѣхами и за развитіемъ человечества, она не можетъ не сочувствовать его страданіямъ и несчастіямъ, потому-что это сочувствіе составляетъ священную ея обязанность. Съ другой стороны, для нея истина должна быть и святою и неприкосновенною, и какъ бы истина эта ни была мрачна, наука не должна прятаться отъ ея свѣта, потому-что иначе она отказалась бы отъ своего назначенія. Для оправданія промышленности и прогресса не должно употреблять такихъ недостойныхъ средствъ, — не должно ни добровольно осуждать себя на невѣжество, ни прибѣгать къ лжи и къ обману... Къ-тому же, европейская цивилизація и не нуждается въ такой защитѣ; она заключаетъ въ себя такъ много прекраснаго, благороднаго и высокаго, что ей нѣтъ никакой надобности скрывать своихъ темныхъ сторонъ. Если въ ней на ряду съ добромъ является и зло, то зло это — остатокъ прошедшаго, которое съ каждымъ днемъ исчезаетъ и изглаживается вмѣстѣ съ развитіемъ и усовершенствованіемъ общественной жизни. Рано или поздно, — и мы должны твердо вѣрить этому, если не хотимъ отказаться отъ требованій разума и отъ уроковъ исторіи, — рано или поздно, зло это, которое носитъ въ самомъ-себѣ зародышъ будущаго уничтоженія, будетъ немѣне нарушать своимъ существованіемъ гармонію міра и законы правды!

Но если въ настоящее время есть люди, которые готовы жертвовать истиной изъ любви къ прогрессу и цивилизаціи, то съ другой стороны есть также люди, которые по ненависти къ тому же прогрессу, или по какой-нибудь другой, неизвѣстной намъ причинѣ, доходятъ до самаго несправедливаго воззрѣнія на этотъ предметъ. Бѣдственное состояніе рабочихъ классовъ подаетъ имъ поводъ къ самымъ неосновательнымъ нападамъ на Западъ; въ его настоящей организаціи, они видятъ только неустройство, разладъ какъ мнѣній, такъ и интересовъ; изъ этого они глубокомысленно заключаютъ, что Западъ устарѣлъ, что онъ уже растратилъ всѣ жизненныя свои силы, что онъ гниетъ, что государствамъ его остается только рухнуть, и уступить свое поприще новымъ племенамъ. Но такіе взгляды, изъ какого бы источника ни происходили они, не заслуживаютъ даже и опроверженія. Близорукии судьямъ Запада можно сказать, что они смотрятъ и не видятъ, слышатъ и не слышатъ. Они не понимаютъ, что эта борьба интересовъ есть признакъ не распадѣнія, а жизни, что она показываетъ не гнилость общества, а напротивъ, его зрѣлость, его свѣжесть, его силу. Они не видятъ, что надъ этимъ противорѣчіемъ мнѣній и убѣжденій возвышается стремленіе къ добру. И можно ли назвать устарѣлымъ то общество, которое сознаетъ въ себѣ несправедливость и силится побѣдить ее? Можно ли находить признаки упадка тамъ, гдѣ все дышетъ свѣ-

жестью юности, гдѣ всѣ взоры и всѣ умы съ надеждой обращены на будущее, гдѣ все движется, все живетъ, все развивается?

Нѣтъ! не гниютъ тѣ общества, которыя рождаютъ изъ себя непрестанно и послѣдовательно новые элементы жизни,—не гниютъ, а усиливаются и соврываютъ, переходя чрезъ различныя моменты и фазы къ совершенству. Гниетъ только тотъ, кто вовсе не примѣчаетъ своей гнилости. Тотъ только малодушень, кто, отгадывая у себя зло и неправду, предпочитаетъ спокойно лежать въ грязи, вмѣсто того, чтобъ трудомъ и жертвованіями стремиться къ благородной цѣли.

Вопросъ о пауперизмѣ обращаетъ на себя нынѣ вниманіе всей образованной Европы. Это одинъ изъ тѣхъ практическихъ, жизненныхъ вопросовъ, появленіе которыхъ возбуждаетъ обыкновенно сильныя споры и подаетъ поводъ къ образованію множества различныхъ, даже противоположныхъ мнѣній и системъ. Но, не смотря на всѣ труды экономистовъ германскихъ, англійскихъ и французскихъ, вопросъ этотъ до-сихъ-поръ еще не получилъ надлежащаго и удовлетворительнаго рѣшенія. Рѣшенія этого должно ожидать только отъ будущаго развитія науки; въ настоящее же время, мы должны ограничиться изложеніемъ лишь тѣхъ неполныхъ результатовъ, до которыхъ уже дошла политическая экономія. Мы постараемся здѣсь доказать существованіе нещета въ Англіи и во Франціи, объяснить истинное значеніе и важность этого зла, а указавъ на его причины, признаки и послѣдствія, поставить читателя на ту точку зрѣнія, съ которой смотритъ на этотъ предметъ современная наука въ лицѣ главныхъ ея представителей.

Оптимисты говорятъ, что въ Англіи и во Франціи число людей, страдающихъ отъ бѣдности, въ настоящую минуту весьма-незначительно. Къ-сожалѣнію, такое мнѣніе совершенно несправедливо. Если подъ бѣдностію понимать такое состояніе, при которомъ чловѣкъ не имѣетъ средствъ для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ своей природы, то нельзя не сознаться, что въ государствахъ Западной-Европы и въ настоящее время, люди, находящіеся въ такомъ положеніи, не составляютъ собой большинства, составляютъ, однакожь, довольно-значительную часть всего народонаселенія. Для того, чтобъ оправдать это заключеніе, необходимо было бы показать, сколько именно людей страдаютъ отъ бѣдности въ Англіи и во Франціи. Но къ-несчастію, мы не имѣемъ потребныхъ данныхъ для разрѣшенія этого важнаго вопроса. Число бѣдныхъ въ той или другой странѣ никогда не можетъ быть определено съ надлежащей точностію, какъ потому-что бѣдность есть понятіе относительное, не имѣющее для себя общаго и постояннаго мѣрила, такъ и потому-что она выражается не въ однихъ вѣшнихъ и видимыхъ знакахъ, но проявляется по-большѣй-части въ формахъ совершенно для насъ недоступныхъ. Съ достовѣрностію можемъ мы узнать только число бѣдныхъ, получающихъ содержаніе отъ общества. Въ каждомъ образованномъ государствѣ суще-

ствуешь, если можно только такъ выразиться, официальная нищета, которая получаетъ вспомошествованіе отъ общественной благотворительности. Эта официальная нищета можетъ подлежать безъ сомнѣнія точному и безошибочному опредѣленію. Мы легко можемъ узнать какъ число людей, обращающихся къ общественной благотворительности съ просьбой о пособіи, такъ и число тѣхъ, которые дѣйствительно получаютъ это пособіе. Само-собою разумѣется, что эти цифры не будутъ вполнѣ выражать всей нищеты, существующей въ государствѣ, потому-что не всѣ бѣдные просятъ помощи у государства, и не всѣмъ имъ государство оказываетъ требуемую помощь. Но цифры эти могутъ дать по-крайней-мѣрѣ приблизительное понятіе о числѣ людей, страдающихъ отъ бѣдности; онѣ могутъ служить какъ-бы термометромъ для измѣренія степени развитія пауперизма въ той или другой странѣ.

Въ Англіи устройство общественнаго призрѣнія подверглось въ 1834 году коренному и существенному преобразованію. Главная цель этой реформы состояла въ томъ, чтобъ сократить издержки на пособіе бѣднымъ, издержки, которыя, постепенно усиливаясь, сдѣлались и въ то время чрезвычайно-обременительными для народа. Въ этихъ видахъ предписаны были новыя, болѣе-строгія правила для дѣйствій общественной благотворительности; опредѣлены были условія, при которыхъ бѣдный могъ требовать себѣ пособія, и приняты всѣ мѣры для уменьшенія числа людей, живущихъ на счетъ общества. Законъ этотъ дѣйствительно достигъ своей цели: нынѣ, благотворительность имѣетъ весьма-тѣсный кругъ дѣйствія, и стоитъ обществу гораздо-менѣе прежняго. Теперь число людей, состоящихъ на содержаніи общества, весьма-незначительно, и большинство бѣдныхъ не входитъ въ рамы официальной нищеты. При прежнемъ устройствѣ, не было, напротивъ, почти никакого различія между нищетою официальной и нищетою дѣйствительною; тогда всѣ страдавшіе отъ невозможности удовлетворять своимъ потребностямъ, получали пособія отъ своихъ приходоу. Изъ этого видно, что документы прежней эпохи гораздо-важнѣе для насъ документовъ современныхъ, ибо они даютъ болѣе-точное и болѣе-вѣрное понятіе о степени развитія пауперизма. Изъ этихъ официальныхъ, вполнѣ-достоверныхъ документовъ видно, что въ 1833 году, за годъ до реформы, такса въ пользу бѣдныхъ въ Англіи простиралась свыше 8,000,000 фунтовъ стерлинговъ; Шотландія и Ирландія не входили въ этотъ бюджетъ нищеты. Вся эта огромная сумма была истрачена въ-продолженіе 1833 года на вспомошествованіе бѣднымъ; около 1,876,620 человекъ получали пособіе отъ своихъ приходоу. Если сравнить это число съ количествомъ всего народонаселенія, то выходитъ, что въ это время въ Англіи приходился одинъ бѣдный на восемь человекъ, или точнѣе на $7\frac{1}{2}\%$. При этомъ надо замѣтить, что бюджетъ официальной нищеты до 1833 года возрасталъ постоянно, и что число бѣдныхъ увеличивалось гораздо-быстрѣе, нежели народонаселеніе. Въ 1821 году, Англія имѣла 11,997,000 жителей; бѣдныхъ, получавшихъ пособіе отъ приходоу, было 880,000; следовательно, одинъ бѣдный приходился на тринадцать жителей. Въ

1833 году, какъ мы уже видали, приходился одинъ бѣдный на восемь челоуѣкъ. Въ настоящее время, количество таксы, собираемой въ пользу бѣдныхъ, значительно уменьшилось, и теперь число официальныхъ бѣдныхъ къ количеству народонаселенія относится среднимъ числомъ, нѣтъ 1 къ 18, или какъ 1 къ 20. Но это измѣненіе нисколько не доказываетъ дѣйствительнаго уменьшенія нищеты; оно должно быть исключительно приписано вліянію реформы 1833 года, положившей преграду безъразличной и слишкомъ-щедрой раздачѣ пособій.

Во Франціи почти такое же отношеніе между числомъ бѣдныхъ и количествомъ всего народонаселенія. Изъ отчета, представленнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1837 году, оказывается, что въ больницы и богадельни Франціи принимается каждый годъ среднимъ числомъ около 425,000 челоуѣкъ; сверхъ-того, людямъ, которымъ даются пособія на домъ, насчитывается ежегодно, круглымъ числомъ, около 700,000. Такимъ образомъ, число официальныхъ бѣдныхъ не простирается свыше 1,125,000 челоуѣкъ и относится къ народонаселенію, какъ 1 къ 29, 021. Само-собою разумѣется, что эти цифры не выражаютъ собою всей нищеты, существующей во Франціи. Дѣла, принимаемая въ больницы и богадельни, и получающія домашнія пособія, составляютъ не болѣе, какъ третью часть всего числа людей, дѣйствительно бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи. За исключеніемъ подкидышей и сиротъ, всѣ бѣдные, получающіе пособіе, имѣютъ семейство, следовательно, раздѣляютъ всегда съ тремя или четырьмя другими лицами, женами, дѣтьми или старыми родственниками—лишесъ-страшнѣе и всѣ горестныя послѣдствія нищеты. Если принять въ обстоульство въ соображеніе и предположить, что каждый официальный бѣдный представляетъ собою по-крайней-мѣрѣ трехъ дѣйствительныхъ бѣдныхъ, то получатся другое болѣе-правдоподобное отношеніе: мы увидимъ, что во Франціи народонаселеніе, страдающее отъ нищеты, должно относиться къ цѣлому народонаселенію, какъ 1 къ 673.

Въ этихъ цифрѣхъ видно, что въ настоящее время въ Англіи по меньшей мѣрѣ страдаетъ отъ бѣдности восьмая часть народонаселенія; во Франціи—девятая. Послѣ этого, конечно, нельзя повѣрить тѣмъ, которые говорятъ, что въ этихъ государствахъ бѣдность — явленіе временное, исключительное, незаслуживающее особаго вниманія. Еслибъ это было справедливо, еслибъ число бѣдныхъ въ настоящую минуту было весьма-незначительно, то и тогда страданія этихъ немощныхъ должны были бы возбуждать всеобщую симпатію и обращать на себя всеобщее вниманіе. Если дѣйствительно въ обществѣ существуетъ зло, то наука нѣтъ дѣла до того, много или мало страдалцевъ: во всякомъ случаѣ не должна пренебрегать зломъ, какъ бы ни было оно ничтожно; она обязана, напротивъ, изучить это зло, объяснить его причины и указать средства къ его уничтоженію. Еслибъ бѣдность въ Англіи и во Франціи подвержена была бѣдности сотая часть народонаселенія, то и тогда нельзя было бы равнодушно смотрѣть на бѣдность этихъ несчастныхъ. Но равнодушіе это еще болѣе невозмож-

но при действительномъ положеніи вещей, когда изъ восьми человекъ одинъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для того, чтобъ поддержать свое физическое существованіе.

Впрочемъ, о значеніи и силѣ пауперизма нельзя судить только по числу бѣдныхъ. Одна сухія и мертвыя цифры не могутъ дать истиннаго понятія о действительной глубинѣ этой общественной раны. Мѣрло бѣдности дается не однимъ только числомъ жертвъ, но и самымъ качествомъ, существомъ зла, тѣми страданіями, которыя оно производитъ, тѣми послѣдствіями, которыми оно сопровождается. Въ этомъ отношеніи, государства богатыя и образованныя выигрываютъ незавидный перевѣсъ надъ государствами бѣдными и невежественными. Можно принять за общее правило, что чѣмъ образованнѣе и богаче общество, тѣмъ разительнѣе и ужаснѣе нищета его отдельныхъ членовъ. Въ обществахъ менѣе-развитыхъ есть бѣдность, но нѣтъ нищеты. Бѣдность существуетъ всегда и вездѣ, потому-что всегда и вездѣ человекъ не находитъ вокругъ себя достаточныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ многочисленныхъ потребностей. Но нищета, какъ бѣдность сознательная, сопровождаемая страданіями физическими и нравственными, есть послѣдствіе цивилизаціи, удѣлъ обществъ развитыхъ. Человекъ, въ которомъ не развились еще многообразныя нужды, въ которомъ не пробудилось еще самосознаніе, не примѣчаетъ своей недостаточности, довольствуется малымъ и не чувствуетъ лишенаго. Напротивъ, эти лишенаго являются тягостными для людей, въ которыхъ образованность развила уже и сознаніе собственнаго достоинства и множество самыхъ разнообразныхъ потребностей: для нихъ бѣдность — источникъ страданій; и страданія эти будутъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ образованнѣе эти люди, и чѣмъ образованнѣе, чѣмъ богаче то общество, къ которому принадлежать они. Весьма-понятно, что если бѣдный повсюду видитъ вокругъ себя достатокъ, изобиліе и даже роскошь, то сравненіе своей судьбы съ судьбою другихъ людей должно естественно еще болѣе усиливать его мученія и къ страданіямъ физическимъ прибавлять страданія нравственныя. По этому самому, нищета, какъ источникъ страданій, и развивается вмѣстѣ съ развитіемъ самого общества. У народовъ варварскихъ, собственно-говоря, нѣтъ нищеты, потому-что въ самосознаніе и потребности еще не пробудились. Въ обществахъ мало развитыхъ, бѣдность не мучительна: тамъ богатство — исключеніе; тамъ все бѣдно, и, слѣдовательно, нѣтъ оскорбительныхъ противоположностей, нѣтъ сравненія, нѣтъ зависти. Бѣдность превращается въ нищету и производитъ страданія только тамъ, гдѣ развилось богатство, гдѣ существуетъ роскошь. Въ этомъ отношеніи, богатство можно сравнить со свѣтомъ, который не производитъ предметовъ, а только обнаруживаетъ ихъ. Чѣмъ ярче этотъ свѣтъ, чѣмъ виднѣе предметы, тѣмъ гуще тѣнь, ими бросаема. Отсутствіе свѣта производитъ глубокой, всеобщій мракъ, въ которомъ нѣтъ контрастовъ, нѣтъ тѣней. Точно также и богатство не производитъ нищеты, а только выказываетъ и раскрываетъ ее. Гдѣ нѣтъ богатства, тамъ всеобщая бѣдность, тамъ нѣтъ противоположностей, нѣтъ и нравственныхъ страданій.

Понятно послѣ этого, что въ обществахъ, достигшихъ высшей степени богатства и образованности, каковы Франція и Англія, бѣдность для высшихъ классовъ должна быть гораздо-мучительнѣе, нежели въ обществахъ менѣе-развитыхъ, гдѣ не такъ поразительна противоположность между классами богатыми и бѣдными. Бѣдный въ Англіи долженъ страдать гораздо-болѣе, нежели бѣдный въ Турціи, хотя, можетъ-быть, положеніе перваго само-по-себѣ и лучше, нежели положеніе втораго. Бѣдность французскаго работника не можетъ быть сравниваема съ бѣдностію пезантскаго лазаропи: одинъ страдаетъ ежеминутно отъ невозможности удовлетворить своимъ многочисленнымъ нуждамъ и горько жалуется на несправедливость судьбы и людей; другой лежитъ цѣлый день на солнцѣ, не простирая своихъ желаній далѣе блюда макаронъ, и вполне доволенъ своей участію, если имѣетъ его передъ собой. Для нищеты не существуетъ общаго и постояннаго мѣрила, которое годилось бы для всѣхъ мѣстъ и для всѣхъ временъ. Это мѣрило для всякой страны должно быть различно. Оно зависитъ отъ большаго или меньшаго количества потребностей, развитыхъ въ народѣ богатствомъ и образованностію. Понятіе о нищетѣ — понятіе совершенно-относительное, и мы не должны забывать этого важнаго обстоятельства, если хотимъ вполне оцѣнить значеніе современнаго пауперизма въ Англіи и во Франціи.

Впрочемъ, пауперизмъ этотъ не принадлежитъ къ числу явленій, исключительно свойственныхъ нашей эпохѣ и нашимъ обществамъ. Пауперизмъ существовалъ всегда и вездѣ; проявленія его и степень дѣйствія могли быть различны по различію мѣста и времени, но тѣмъ не менѣе язва эта свирѣпствовала съ болѣею или менѣею силой во всѣхъ мѣстахъ и во всея времена. Въ Западной-Европѣ, какъ и вездѣ, бѣдность всегда составляла удѣлъ высшихъ классовъ; она не вдругъ явилась въ наше время, но развивалась постепенно, исторически; и самаго источника, корня этого зла должно искать не въ однихъ только современныхъ законахъ и учрежденіяхъ, не въ одномъ только современномъ общественномъ устройствѣ, но и во всей прошедшей жизни европейскихъ народовъ, во всѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ росли и развивались государства, нынѣ существующія. Настоящее всегда бываетъ результатомъ прошедшаго; общества вполне подчиняются закону исторической необходимости, являются тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ исторія; а потому современные факты общественной жизни и не объясняются сами-собой: для объясненія ихъ, необходимо прибѣгнуть къ изученію постепеннаго ихъ развитія и образованія. При видѣ бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ въ Западной-Европѣ, естественно возникаетъ вопросъ о томъ, какими путями и въ-слѣдствіе какихъ событій дошли они до такого положенія, откуда явился этотъ многочисленный классъ голодныхъ пролетаріевъ, этотъ живой упрекъ современной цивилизаціи, предмету нашей гордости и нашего удивленія? Для того, чтобы на вопросъ этотъ дать надлежащій отвѣтъ, нужно было бы изложить всю исторію европейскихъ обществъ, не опуская ни одного факта, ни одной подробности, потому — что развитію бѣдности способствовали болѣе

или менше каждый моментъ, каждый фазъ европейской исторіи. Мы не прийдемъ здѣсь на себя разрѣшенія этой важной, но трудной задачи. Каково бы ни было происхожденіе пауперизма, дѣло въ томъ, что онъ существуетъ нынѣ въ самыхъ образованныхъ обществахъ, не смотря на ихъ образованность и на ихъ благосостояніе. Успѣхи цивилизаціи не уничтожили этой язвы; напротивъ, они, кажется, только успали и увеличили ее. По-крайней-мѣрѣ, отъ противоположности съ богатствомъ, бѣдность сдѣлалась еще разительнѣе и еще ужаснѣе. И это несчастіе не должно быть исключительно приписываемо прошедшему. Какъ бы ни было значительно участіе исторіи въ бѣдствіяхъ современныхъ поколѣній, тѣмъ не менше нельзя не сознаться, что и въ настоящемъ общественномъ устройствѣ есть множество коренныхъ недостатковъ, условливающихъ собой и существованіе и успѣхи пауперизма. Прошедшаго нельзя воротить; но зло существующее можетъ быть облегчено; а потому современные недостатки заслуживаютъ преимущественно внимательнаго и строгаго изученія, какъ прямой источникъ тѣхъ страшныхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются въ нынѣшней европейской цивилизаціи.

И прежде всего, одна изъ самыхъ главныхъ и самыхъ дѣятельныхъ причинъ нищеты заключается въ экономическомъ устройствѣ европейскихъ обществъ. Бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ во Франціи и Англіи обуславливается, между прочимъ, характеромъ и направленіемъ тѣхъ законовъ, по которымъ производится и распределяются богатства въ современныхъ государствахъ Западной-Европы.

Полная, неограниченная свобода промышленности есть то верховное начало, подъ влияніемъ котораго совершается экономическое развитіе современныхъ государствъ. Начало это перешло въ жизнь изъ науки. Провозглашенное въ первый разъ физиократами, принятое и развитое школой Адама Смита, оно сдѣлалось вскорѣ основнымъ принципомъ политической экономіи, ея девизомъ и опорой. Но ученіе это не осталось въ книгахъ—оно проникло наконецъ и въ практическую дѣятельность. За исключеніемъ весьма-немногихъ государствъ, упорно сохраняющихъ доселѣ старинную систему корпорацій и привилегій, правительства почти всѣхъ европейскихъ обществъ не остались чуждыми движенію науки: они подчинились его влиянію и положили новый принципъ въ основаніе своихъ законовъ. Престія корпораціи, цехи и монополіи уничтожены; оковы, тяготѣвшія надъ народною промышленностью, разбиты, и производительная дѣятельность въ большей части случаевъ предоставлена собственнымъ своимъ силамъ (*). Въ

(*) Говоря здѣсь о свободѣ промышленности, мы не имѣемъ въ виду торговли, которая, какъ извѣстно, доселѣ еще не освободилась отъ ограниченій и тарифовъ. Внутреннія таможи уже почти вездѣ уничтожены; но внѣшняя торговля до-сихъ-порѣ еще производится подъ влияніемъ отчасти запретительной, отчасти покровительственной системы. Первый и важный шагъ къ водворенію свободной торговли сдѣланъ былъ въ нынѣшнемъ году Англіей — въ-слѣдствіе реформы финансовыхъ законовъ, произведенной парламентомъ по предложенію Роберта Пилля.

настоящее время, знаменитое *laissez faire, laissez passer*, альфа и омега высшей политической экономіи, если и не господствует безусловно въ сферѣ экономическихъ явленій, то по-крайней-мѣрѣ является принципомъ преобладающимъ и руководить движеніемъ европейскихъ народовъ къ развитію ихъ матеріальнаго благосостоянія!

Неограниченная свобода промышленности порождаетъ, какъ естественное и необходимое свое послѣдствіе, неограниченную конкуренцію между производителями. Конкуренція эта, по отношенію къ *производству* богатствъ, въѣзетъ, конечно, самое благодѣтельное и полезное вліяніе. Въ этомъ убѣждаетъ самымъ разительнымъ образомъ исторія европейской производительности. Необыкновенные успѣхи европейскихъ народовъ за поприщъ матеріальнаго развитія начались именно со времени уничтоженія монополій и корпорацій, такъ-что нельзя не приписать свободы промышленности и ея послѣдствію — неограниченной конкуренціи, тѣхъ блистательныхъ результатовъ, до которыхъ достигла теперь производительность. Мы обязаны конкуренціи безчисленнымъ множествомъ открытій и изобрѣтеній, благопріятствующихъ быструму умноженію народнаго богатства и постепенному освобожденію чловка отъ вліянія физической природы. Соревнованіе между производителями способствуетъ безпрестанному приложенію къ промышленности открытій и началъ науки, которыя безъ того остались бы, можетъ-быть, навсегда совершенно-безплодными и нимало не содѣйствовали бы улучшенію чловческаго благосостоянія. Соревнованіе заставляетъ производителей дѣятельно заботиться о возвышеніи достоинства ихъ произведеній, и ему одолжены мы тѣмъ совершенствомъ, до котораго доседа была большая часть мануфактурныхъ издѣлій. Съ другой стороны, воля вліяніемъ безпрестаннаго и упорнаго соперничества фабрикантовъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ достоинства ихъ продуктовъ, постоянно понижается ихъ цѣпа, такъ-что число ихъ потребителей возрастаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Однимъ словомъ, въ-слѣдствіе неограниченной конкуренціи, промышленность безостановочно и быстро развивается, совершенствуется, и очевидный результатъ ея успехов состоитъ въ томъ, что наслажденія, бывшія доседа доступными только немногимъ избраннымъ, составляютъ нынѣ удѣлъ большинства людей, — большинства, увеличивающагося со-дня-на-день быстрымъ и значительнымъ образомъ.

Но неограниченная конкуренція вмѣстѣ съ добромъ производитъ и зло. Выгоды, ею доставляемыя, не должны ослѣплять насъ на-счетъ ея вредныхъ и даже вредныхъ послѣдствій. Многіе экономисты доводятъ уваженіе къ принципу свободной промышленности до исключительности, до крайности; они видятъ только благодѣтельные его результаты и не хотятъ признать тѣхъ дѣйствій, которыя при нынѣшнемъ состояніи вещей неразлучно сопряжены съ его господствомъ. Нельзя, конечно, не сознаться, что конкуренція, увеличивая народное богатство, увеличиваетъ въ то же время одною изъ самыхъ дѣятельныхъ причинъ нищеты и страданій, тяготящихся надъ рабочими классами. Выгоды ея пользуются въ настоящее время одни высшіе классы, одни

владельцы капиталовъ: ихъ она обогащаетъ; для нихъ она полезна; но для многочисленнаго класса работниковъ она бываетъ по-большой-части губительна и вредна. Свобода промышленности поставляетъ трудъ въ самое невыгодное отношеніе къ капиталу; она имѣетъ самое вредное вліяніе на *распределеіе* производимыхъ богатствъ между этими двумя главными производительными силами. Она постоянно увеличиваетъ долю капиталистовъ и постоянно уменьшаетъ долю работниковъ. Первымъ она доставляетъ роскошь, наслажденіе и могущество; вторыхъ надѣляетъ бѣдностью, страданіями и униженіемъ!

Основываясь на постоянномъ свидѣтельствѣ опыта и дѣйствительности, можно принять за общее и несомнѣнное правило, что отъ большей или меньшей связи между капиталомъ и трудомъ зависитъ и большее или меньшее благосостояніе нынѣшнихъ классовъ. Чѣмъ ближе работники къ капиталистамъ, чѣмъ тѣснѣе связь между ними, тѣмъ менѣе могутъ они опасаться бѣдности, тѣмъ прочнѣе ихъ благосостояніе, тѣмъ завиднѣе судьба ихъ. Напротивъ, чѣмъ отдаленнѣе капиталъ отъ труда, чѣмъ менѣе между ними общихъ интересовъ, тѣмъ бѣдственнѣе положеніе рабочихъ классовъ, тѣмъ быстрее развивается между ними нищета. Еслибъ между трудомъ и капиталомъ существовало едванство интересовъ, то благосостояніе одного класса производителей совершенно условливалось бы благосостояніемъ другаго класса. Каждый изъ нихъ для своей же собственной выгоды долженъ бы былъ заботиться о выгодахъ другаго, и всякій успѣхъ промышленности былъ бы для всѣхъ равно благодѣтелемъ, приносилъ бы всѣмъ одинаковую пользу. Но въ настоящее время мы видимъ совершенно-противное. Нынѣ капиталъ и трудъ совершенно отдалены другъ отъ друга и ничѣмъ между собой не связаны. Интересы капиталистовъ не только не тождественны съ интересами работниковъ, но даже противоположны имъ; между ними, въ настоящую минуту, нѣтъ ничего общаго, но есть множество разъединяющаго. Работникъ нынѣ не соучастникъ, не товарищъ капиталиста, а его наемникъ и служитель. Нынѣ то, что выгодно для капиталиста, невыгодно для работника, и наоборотъ. Интересъ капиталиста состоитъ въ томъ, чтобъ уменьшать плату за трудъ, между-тѣмъ, какъ увеличеніе этой платы составляетъ необходимое условіе для улучшенія судьбы работника. Отъ этой противоположности интересовъ происходитъ недовѣрчивость и вражда между двумя классами производителей. Весьма-понятно, что при такой недовѣрчивости, при такой враждѣ, самые плодотворные принципы должны сопровождаться горестивыми результатами; понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ нельзя ожидать ничего добраго отъ свободы промышленности, нельзя надѣяться, чтобъ она могла принести пользу рабочимъ классамъ. И дѣйствительно, она приноситъ имъ не пользу, а вредъ; она не улучшаетъ ихъ участи, а, напротивъ; увеличиваетъ ихъ страданія. При господствѣ полной и неограниченной свободы промышленности, не существуетъ никакой власти для опредѣленія взаимныхъ отношеній производителей, для покровительства слабымъ и защищенія ихъ отъ сильныхъ. Производители предоставлены совершенно самамъ-себѣ; об-

дественная власть не вмѣшивается въ дѣла ихъ, не принимаетъ участія въ ихъ расправахъ; она позволяетъ имъ дѣйствовать совершенно-произвольно и не хочетъ ни въ чемъ стѣснять ихъ свободу; другими словами, она оставляетъ слабыхъ безъ всякой защиты и сама предаётъ ихъ въ жертву сильнѣйшимъ. Но между капиталомъ и трудомъ перемѣна и сила явно на сторону перваго. Какъ ни сильно развилась производительность въ Европѣ, какъ ни велико количество капиталовъ, но количество ихъ все еще весьма-незначительно въ сравненіи съ числомъ рукъ, требующихъ себя работы. Работниковъ въ настоящую минуту гораздо-болѣе, нежели сколько ихъ нужно для капиталовъ, ихъ употребляющихъ. Предложеніе труда всегда превышаетъ требованіе, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые не могутъ измѣнить собою общее правило. Отъ-этого трудъ всегда болѣе нуждается въ капиталѣ, нежели капиталъ въ трудѣ, и, следовательно, трудъ не можетъ предписывать своихъ условій капиталу, а самъ находится отъ него въ полной зависимости. Притомъ же, необходимость рабочихъ рукъ для владѣльцевъ капиталовъ не такъ безусловна и не такъ настоятельна, какъ необходимость капитала для работниковъ. Если фабрикантъ не найдетъ себя потребнаго числа людей, если они не захотятъ пойдти къ нему на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, то онъ можетъ даже обойтись и безъ нихъ. Правда, дѣйствіе его фабрики или завода остановится, и онъ рискуетъ лишиться предполагаемыхъ барышей и выгодъ; но этимъ только и ограничится его потеря. Собственно говоря, онъ можетъ даже отказаться отъ этихъ выгодъ, несоставляющихъ для него безусловной и рѣшительной необходимости. Пожертвованіе это будетъ для него тяжело, но возможно, — между-тѣмъ, какъ для работника рѣшительно невозможно отказаться отъ работы, доставляющей ему насущный хлѣбъ. Для капиталиста въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ только о большемъ или меньшемъ выигрышѣ, о большей или меньшей потерѣ, между-тѣмъ, какъ для работника это—вопросъ о жизни и смерти. Упорство работника никакъ не можетъ быть продолжительно: рано или поздно онъ придетъ къ своему хозяину съ повинной головой, и, чтобъ не умереть съ голода, согласится работать за самую ничтожную плату. Напротивъ, капиталистъ легко можетъ упорствовать въ принятомъ имъ намѣреніи; ему не угрожаетъ голодная смерть, и онъ знаетъ, что работники недолго въ состояніи будутъ ему сопротивляться. Все это показываетъ, что капиталъ несравненно вынѣе сильнѣе и могущественнѣе труда. Между ними мы видимъ огромное неравенство; а при такомъ неравенствѣ производительныхъ силъ предоставить имъ неограниченную свободу, отказать слабѣйшимъ въ покровительствѣ и защитѣ, — значитъ предать работниковъ въ жертву капиталистамъ и поставить однихъ въ совершенную зависимость отъ другихъ. Такая свобода прямо ведетъ къ угнетенію; и дѣйствительно, пользуясь такой свободой, ему предоставленной, капиталъ въ настоящее время давитъ трудъ, доводитъ его до послѣдней крайности, обращается съ нимъ совершенно

такъ же, какъ обращались нѣкогда феодалыне бароны съ своими беззащитными васаллами.

Такимъ-образомъ, соревнованіе между производителями, которое, при другомъ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній, могло бы содѣйствовать улучшенію судьбы рабочихъ классовъ, нынѣ является, напротивъ, одною изъ главныхъ причинъ ихъ бѣдности и страданій. Конкуренція между капиталистами, по самому существу своему, должна быть выгодна для работниковъ; усиливая требованіе па трудъ, она должна возвышать его цѣну и увеличивать количество задѣльной платы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она можетъ даже противодействовать всѣмъ другимъ недостаткамъ современнаго экономическаго устройства; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, постоянное усиленіе соревнованія между фабрикантами спасаетъ работниковъ отъ нищеты и обезпечиваетъ ихъ благосостояніе. Но враждебное отношеніе капитала и труда и въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ свое вредное вліяніе, уменьшая тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыми могла бы сопровождаться борьба капиталовъ между собою. Отъ раздѣленія капитала и труда происходитъ то странное явленіе, что одинъ и тотъ же принципъ дѣлается вмѣстѣ причиной и возвышенія и пониженія задѣльной платы. Не надо удивляться этому противорѣчію: подобныя несообразности встрѣчаются на каждомъ шагѣ при нынѣшнихъ экономическихъ учрежденіяхъ, разрывающихъ всякую связь между капиталомъ и трудомъ, и уничтожающихъ то равновѣсіе, которое должно существовать между производительными силами...

Прежде, каждая отрасль производства находилась въ рукахъ немногихъ лицъ и составляла ихъ исключительную монополію. Тогда фабрикантъ не боялся соперничества, не слишкомъ заботился объ улучшеніи достоинства своихъ произведеній, и старался только о возвышеніи ихъ цѣны, зная, что для нихъ всегда найдется достаточное число покупателей. Отъ такого устройства страдали потребители, потому-что находились въ совершенной зависимости отъ производителей; страдали и владѣльцы капиталовъ, потому-что не могли извлекать никакой пользы изъ тѣхъ средствъ, которыя имели въ рукахъ своихъ. Но за то монополіи были чрезвычайно-выгодны для тѣхъ, которымъ онѣ принадлежали; выгоды и барыши фабрикантовъ были вѣрны и обезпечены; имъ не угрожали никакія опасности, и они пользовались своимъ правомъ спокойно, невозмутимо. Нынѣ положеніе фабриканта измѣнилось. Его жизнь — безпрестанная борьба съ соперниками, борьба, въ которой онъ долженъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы сохранить за собою первенство, удержаться на своемъ мѣстѣ и избѣгнуть разоренія. Счастливы тѣ, которые, благодаря своей заботливости, искусству и благопріятнымъ обстоятельствамъ, умѣютъ одержать побѣду и воспользоваться ея плодами! Но горе отстающимъ въ этомъ соперничествѣ: имъ угрожаетъ вѣрная гибель и неминуемое разореніе. Изъ этой борьбы капиталистъ тогда только можетъ выйти цѣль и невредимъ, когда постоянно будетъ находить достаточный и выгодный сбытъ своимъ произведеніямъ; поэтому онъ долженъ ревностно и не-

ужовно заботиться, чтобъ достоинство его произведеній возвышалось, а производство стоило какъ-можно-менше издержекъ. Для этой цѣли, онъ дѣлаетъ все, что только можетъ,—вводитъ лучшее распределеніе работъ, старается о присканіи новыхъ болѣе-выгодныхъ средствъ производства, заботится объ усовершенствованіи прежнихъ машинъ, содѣйствуетъ изобретенію новыхъ, и наконецъ, такъ-какъ задѣльная плата составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ стоимость произведеній, то онъ постоянно старается уменьшить эту плату и довести ее до самаго низшаго, крайняго предѣла. Въ этомъ состоитъ интересъ каждаго капиталиста, и тутъ-то интересы фабрикантовъ и работниковъ являются часто-противоположными другъ другу. Конкуренція между работниками даетъ капиталистамъ возможность достигать своей цѣли, и такимъ-образомъ борьба капиталовъ, вмѣсто того, чтобъ возвышать задѣльную плату, весьма-часто содѣйствуетъ ея пониженію.

Это стремленіе фабрикантовъ къ пониженію задѣльной платы составляетъ необходимое и существенное послѣдствіе конкуренціи, а потому оно является не въ видѣ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, но въ видѣ общаго закона, всегда и вездѣ дѣйствующаго. Иногда для этой цѣли макуфактуристы составляютъ между собою тайныя соглашенія и сдѣлки. Но такіе заговоры случаются довольно-рѣдко. Эти коалиціи даже бесполезны, потому-что ихъ цѣль достигается сама-собою въ-слѣдствіе естественнаго хода дѣлъ. Въ этомъ отношеніи, какъ уже замѣтилъ самъ Адамъ Смитъ (*), между капиталистами существуетъ какъ-будто безмолвное обязательство не возвышать ни въ какомъ случаѣ задѣльной платы, а, напротивъ, понижать ее при первой представляющейся возможности. И не смотря на то, что обязательство это не изложено на бумагѣ и не имѣетъ юридической силы, оно исполняется свято и ненарушимо, потому-что исполненіе его необходимо для всякаго фабриканта и основано на личныхъ его интересахъ...

Противъ такой общей и постоянной тактики капиталистовъ, работники не могутъ ничего сдѣлать. Они въ этомъ отношеніи совершенно-беззащитны. Часто съ своей стороны они прибѣгаютъ къ заговору, къ коалиціямъ, надѣясь чрезъ это заставить фабрикантовъ повѣсить задѣльную плату, — предъявляютъ имъ свои требованія, по-большой-части справедливыя, и въ случаѣ отказа всѣ вмѣстѣ оставляютъ фабрики, на которыхъ работали. Къ-сожалѣнію, средство это весьма-недостаточно. Такія коалиціи между работниками почти никогда не достигаютъ своей цѣли; чаще же всего онъ наносятъ вредъ самимъ заговорщикамъ, и вмѣютъ послѣдствіемъ не повышеніе, а напротивъ пониженіе заработной платы. Иначе и быть не можетъ, потому-что въ настоящее время, какъ мы уже видѣли, капиталъ несравненно-сильнѣе и могущественнѣе труда; слѣдовательно, въ борьбѣ между ними побѣда должна всегда оставаться на сторонѣ перваго. Съ другой сторо-

(*) Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. T. I. Trad. Garnier. p. 134.

ны, такіа коалиціи работниковъ сопровождаются обыкновенно насиліемъ, грабежомъ, разбоемъ, распутствомъ и вообще послѣдствіями въ высшей степени вредными и для общественной безопасности и для общественнаго благосостоянія. Такимъ-образомъ, средство это оказывается вмѣстѣ и неуспѣшнымъ и вреднымъ. И въ томъ и въ другомъ убѣждаетъ самымъ разительнымъ образомъ примѣръ Англіи, гдѣ подобныя коалиціи позволены самымъ закономъ и вошли въ число народныхъ обычаевъ. Въ другихъ частяхъ Европы, онѣ имѣютъ по большей-части характеръ явленій мѣстныхъ и случайныхъ, — поражаются обстоятельствами и прекращаются весьма-скоро, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Въ Англіи, напротивъ, онѣ образуютъ установленія не временныя, а постоянныя, имѣющія даже довольно-правильную организацію. Въ каждой отдѣльной отрасли промышленности между работниками существуетъ всегда болѣе или менѣе тѣсный союзъ (*trades union*), простирающій свое дѣйствіе на цѣлое королевство. Въ Англіи такихъ союзовъ весьма-много; есть, на-примѣръ, союзъ ткачей, союзъ прядильщиковъ, союзъ суконщиковъ, союзъ столяровъ, союзъ шляпочниковъ, союзъ портныхъ, и т. д. Эти ассоціаціи имѣютъ по большей-части однообразное устройство; въ каждомъ городѣ и въ каждомъ дистриктѣ находится особая ложа, которой подчиняются мѣстные работники. Между этими ложами существуютъ непрерывныя сношенія: онѣ назначаютъ депутатовъ на центральные конгрессы. Конгрессы эти собираются въ извѣстныя времена для разсужденія объ общихъ интересахъ работниковъ, взимаютъ опредѣленные подати со всѣхъ членовъ союза и постановляютъ рѣшенія, имѣющія для всѣхъ ихъ обязательную силу.

Союзъ бумагопрядильщиковъ (*spinner's union*) сильнѣе и многочисленнѣе всѣхъ другихъ ассоціацій. Въ хлопчато-бумажной промышленности, бумагопрядильщики имѣютъ весьма-важное значеніе. Они составляютъ не болѣе десятой части всего числа работниковъ, употребляемаго на этихъ фабрикахъ, но тѣмъ не менѣе содѣйствіе ихъ такъ необходимо, что въ случаѣ, если они отказываются отъ работы, дѣйствіе фабрики немедленно прекращается. Въ заведеніи, состоящемъ изъ 400 работниковъ, прядильщиковъ бываетъ обыкновенно около сорока; но эти сорокъ человекъ, оставляя свои занятія, лишаютъ работы и всѣхъ остальныхъ. Получая за свой трудъ болѣе, нежели другіе работники, првосходя всѣхъ ихъ силой и искусствомъ, они, въ-слѣдствіе того, имѣютъ значительное вліяніе на своихъ товарищей и всегда увлекаютъ ихъ своимъ примѣромъ и совѣтами. Притомъ же, въ этой отрасли промышленности и самые фабриканты находятся въ весьма-невыгодномъ положеніи. Обыкновенно, если работники отказываются отъ работы, хозяинъ можетъ закрыть свою фабрику и терпѣливо выжидать лучшихъ обстоятельствъ; онъ въ этомъ случаѣ лишается только надежды на барышъ; настоящія же его потери такъ незначительны, что не могутъ испугать его или привести въ затруднительное положеніе. Но содержатель бумагопрядильной фабрики долженъ всегда предварительно употребить огромный капиталъ на строенія, на

машны, на поупку матеріаловъ; и, въ-слѣдствіе того, онъ можетъ приостановить дѣйствіе своего заведенія но иначе, какъ подвергаясь значительнымъ убыткамъ. Если предположить, на-примѣръ, что имъ положенъ капиталъ въ два милліона рублей, что въ Англіи вовсе не составляетъ рѣдкости, то въ случаѣ, если дѣйствіе фабрики приостановится, и капиталъ не будетъ приносить процентовъ, фабрикантъ будетъ терять каждую недѣлю, круглымъ числомъ, около четырехъ тысячъ рублей.

Англійскіе бумагопрядильщики употребили всѣ возможныя усилія воспользоваться выгодами своего положенія. Въ случаѣ столкновенія работника съ хозяиномъ, побѣда всегда остается на сторонѣ того изъ двухъ, который можетъ долѣе упорствовать въ принятомъ намъреніи и терпѣливѣе сносить пожертвованія и лишенія: работники поняли это и приняли самыя искусныя мѣры для того, чтобы въ случаѣ войны упрочить за собой побѣду. Существова уже въ-продолженіе сорока лѣтъ, союзъ бумагопрядильщиковъ обнимаетъ собою Англію, Шотландію и Ирландію; онъ имѣетъ весьма-правильное и твердое устройство и располагаетъ огромными суммами. Работники слѣпо повинуются своимъ начальникамъ, свято исполняютъ ихъ приказанія, дѣйствуя съ удивительнымъ единодушіемъ и съ необычайной твердостью. Они уже нѣсколько разъ вступали въ борьбу и оставляли своихъ хозяевъ; работа часто прерывалась мѣсяцевъ на шесть; капиталисты подвергались значительнымъ потерямъ, и, не смотря на эти потери, не смотря на силу и упорство работниковъ, перевѣсъ въ подобныхъ борьбахъ постоянно оставался на сторонѣ фабрикантовъ.

Возстанія работниковъ противъ хозяевъ совершаются въ извѣстныхъ временахъ и въ извѣстномъ порядкѣ. Работники готовятъ къ нимъ мало-по-малу, вычитая опредѣленную часть изъ получаемой ими платы и составляя такимъ-образомъ общій капиталъ. Когда комитетъ, управляющій дѣлами союза, находитъ обстоятельства благопріятствующими, онъ предъявляетъ фабрикантамъ требованіе объ увеличеніи заработной платы; если на требованіе это не соглашаются немедленно, онъ предписываетъ всѣмъ, участвующимъ въ союзѣ, отказаться отъ работы и оставить своихъ хозяевъ.

Первое значительное возстаніе работниковъ для возвышенія заработной платы было въ 1810 году; въ этомъ возстаніи приняли участіе всѣ бумагопрядильщики Манчестера и его окрестностей; всѣ они, по приказанію своихъ начальниковъ, покинули въ одно и то же время тѣ фабрики, къ которымъ принадлежали. Более тридцати тысячъ работниковъ оставались безъ дѣла въ-продолженіе четырехъ мѣсяцевъ; и еслибъ прошло еще нѣсколько дней въ бездѣйствіи, то шотландскіе бумагопрядильщики непременно послѣдовали бы примѣру манчестерскихъ. Общее прекращеніе работъ (strike) предписано было конгрессомъ, который собрался въ Манчестеръ, и на которомъ присутствовали депутаты отъ другихъ промышленныхъ городовъ. Надзоръ за работавшими и управленіе ихъ дѣйствіями ввѣрены были одному изъ нихъ, человеку весьма-искусному, который пользовался большимъ ува-

женіемъ между своими товарищами и имѣлъ надъ ними почти-неограниченную власть. Работники, оставившіе фабрики, получали пособіе какъ изъ общей кассы, такъ и отъ тѣхъ своихъ товарищей, которые продолжали работать у хозяевъ, согласившихся на ихъ требованіе. Ежедневно раздавалось этихъ пособій болѣе, чѣмъ на 1500 фунтовъ стерлинговъ, и каждый работникъ на свою долю получалъ около 12 шиллинговъ.

Требованія работниковъ, послужившія причиной и поводомъ этому разрыву, состояли въ томъ, чтобъ на фабрикахъ, находившихся въ окрестностяхъ Манчестера, задѣльная плата была та же самая, какъ и въ самомъ Манчестерѣ. Въ манчестерскихъ фабрикахъ платили тогда по сорока-пяти сантимовъ за выпрядку фунта бумаги, а въ городѣ за то же самое — только сорокъ сантимовъ. Тутъ было собственно мнимое, а не дѣйствительное неравенство, потому-что въ деревняхъ и квартира и средства пропитанія обходились гораздо-дешевле, чѣмъ въ городѣ. Работники были на этотъ разъ не совсѣмъ-справедливы въ своихъ притязаніяхъ, и послѣ долговременной борьбы принуждены были уступить. Капиталы ихъ мало-по-малу истощались; вся движимость ихъ была продана, всѣ пожитки заложены; не оставалось болѣе никакихъ средствъ для существованія и кончилось тѣмъ, что они снова вступили на фабрики, и многіе должны были согласиться на такую плату, которая была вдвое-ниже прежней.

Въ 1824 году, гайдскіе (Hyde) бумагопрядильщики, по внушенію своего начальства, потребовали возвышенія задѣльной платы и, получивъ отказъ, оставили фабрики. Въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль они оставались безъ занятія; на ихъ содержаніе союзъ истратилъ болѣе 15,000 фунтовъ стерлинговъ, и наконецъ они съ радостію согласились возвратиться къ своимъ хозяевамъ на прежнихъ условіяхъ. Въ 1829 году, случился снова разрывъ; десять тысячъ работниковъ и двадцать фабрикъ въ-продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ оставались безъ дѣйствія. Въ 1830 году, такой же участи подверглись 30,000 работниковъ и 55 фабрикъ въ городахъ Аштонъ и Сталейбриджъ. Въ 1836 году, въ Престонѣ 8500 работниковъ обоего пола и всякаго возраста оставались безъ дѣла въ-продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Эта послѣдняя борьба извѣстнѣе всѣхъ прочихъ, и подробности ея весьма-любопытны и поучительны (*).

Въ октябрѣ 1836 года, престонскіе бумагопрядильщики выработывали себѣ среднимъ числомъ около 22 шиллинговъ въ недѣлю (четыре рубля съ полтиной въ день). Но въ другомъ, соседнемъ городѣ, въ Болтонѣ, работники получали въ недѣлю болѣе двадцати-шести шиллинговъ. Престонскіе прядильщики, возбужденные агентами союза, потребовали отъ фабрикантовъ точно такой же платы. Фабриканты не захотѣли исполнить этого требованія; и всѣ престонскія фабрики, числомъ 40 сорока-двухъ, остановились въ одно и то же время.

(*) Эти извѣстія о коалиціяхъ заимствованы нами изъ сочиненія г. Леона Фомэ: *Etudes sur l'Angleterre, par Léon Faucher, 1843. Tome II, p. 243—268.*

Въ первые дни послѣ этого разрыва, народъ былъ спокоенъ и не чувствовалъ, по-видимому, ни сожалѣнія, ни раскаянія. Но это равнодушіе продолжалось весьма-недолго. По прошествіи мѣсяца, улицы стали уже наполняться нищими; работники толпами начали приходить къ попечителю бѣдныхъ, и населеніе нищенскихъ пріютовъ стало быстро увеличиваться. Въ это время, прядильщики получали еженедѣльно отъ союза въ видѣ пособія по пяти шиллинговъ на человѣка; но ткачи и остальные работники, непринимавшіе участія въ коалиціи, жили единственно милостыней фабрикантовъ, которые ежедневно дѣлали имъ по куску хлѣба. Въ половинѣ декабря, деньги, собранныя союзомъ, были уже все истрачены. Городской муниципальный советъ сжался надъ судьбой работниковъ и согласился оказать имъ вспомошествованіе; но назначенное имъ пособіе (100 фунтовъ стерлинговъ) было совершенно недостаточно. Очевидно было, что борьба приближалась къ концу. Фабриканты рѣшились открыть свои заведенія, и принимать работниковъ на прежнихъ условіяхъ; они требовали только отъ каждаго вновь-вступающаго, чтобъ онъ совершенно отказался отъ участія въ ассоціаціи. Въ первую недѣлю послѣ этого объявленія, на предложеніе фабрикантовъ отозвалось не болѣе сорока прядильщиковъ; во вторую недѣлю къ переметчикамъ присоединилось болѣе ста человѣкъ; въ то же время, нѣсколько работниковъ пришли въ Престонъ изъ сосѣднихъ городовъ. Мало-по-малу, все пришло въ прежній порядокъ и только главные предводители коалиціи, числомъ около двухъ-сотъ, замѣненные другими работниками, принуждены были оставить городъ.

Въ-продолженіе этого разрыва, было арестовано болѣе семидесяти человѣкъ за пьянство и за разные безпорядки; двѣнадцать человѣкъ приговорены были къ тюремному заключенію за насиліе и угрозы; двадцать молодыхъ дѣвушекъ перешли въ число публичныхъ женщинъ; два человѣка осуждены въ ссылку; трое умерли съ голода. Убиты работниковъ, если считать только потерянную ими плату, простигались до полутора миліона франковъ; хозяева потеряли около миліона. Изъ этого ясно, что наиболѣе потерь претерпѣли сами работники, что они пострадали отъ коалиціи болѣе, чѣмъ хозяева, и что, следовательно, для улучшенія своей участи, они не могутъ возлагать никакой надежды на коалиціи. Вся коалиціи между работниками въ Англіи привели къ тому же результату. Вездѣ они имѣли своимъ послѣдствіемъ изобрѣтеніе или введеніе какой-нибудь машины, уменьшавшей необходимость въ человѣческомъ трудѣ, или переселеніе изъ другихъ городовъ новыхъ работниковъ, что, естественно, вело къ усиленію конкуренціи и къ пониженію заработной платы.

Сверхъ-того, эти коалиціи, оказавшись совершенно-безполезными и безуспѣшными, оказались въ то же время и чрезвычайно-вредными для общественнаго порядка и безопасности. Вездѣ разрывы эти сопровождались самыми преступными крайностями: работники, непринимавшіе участія въ волненіи, подвергались оскорбленіямъ и побоямъ; часто даже сама жизнь ихъ была въ опасности. Фабриканты, сопротивлявшіеся требованіямъ работниковъ, навлекли на себя народную ненависть.

висть: для отмщенія имъ прибѣгали къ насилію: зажигали и грабили ихъ дома и заведенія. Если случалось, что возстаніе работниковъ сопровождалось кратковременнымъ успѣхомъ, если перевѣсъ оставался на ихъ сторонѣ, то они пользовались этимъ для совершенія поступковъ въ высшей степени безумныхъ и преступныхъ. Примѣромъ такого безумія и невѣжества могутъ служить дѣйствія союза суконщиковъ, въ Графствѣ Йоркскомъ, съ 1831 по 1835 годъ.

Союзъ этотъ, рѣшившійся дѣйствовать противъ фабрикантовъ, обратилъ сперва свои силы на одного изъ нихъ (г. Готта), которому принадлежала лучшая изъ суконныхъ фабрикъ, находившихся въ Лидсѣ. Владѣлецъ этой фабрики построилъ великолѣпное и огромное зданіе, наполнилъ его множествомъ машинъ и предназначилъ для производства тонкихъ суконъ. Все было готово, и уже хотѣли приступить къ дѣлу, какъ вдругъ ткачи, числомъ около двухъ-сотъ, не захотѣли работать, требуя себѣ прибавки платы. Г. Готтъ сопротивлялся въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль; но наконецъ, видя, что остальные фабриканты Лидса его не поддерживаютъ, рѣшился уступить. Работники, однакожъ, ничего отъ этого не выиграли, потому-что только старая фабрика приведена была въ дѣйствіе; новая осталась безъ движенія. Фабрикантъ, въ этомъ случаѣ, отмстилъ работникамъ за возвышеніе задѣльной платы уменьшеніемъ количества работы.

Ободренный этимъ сомнительнымъ успѣхомъ, союзъ составилъ тарифъ, гдѣ опредѣлилъ количество платы за пряжу и за тканье, напечаталъ тарифъ этотъ въ журналахъ и послалъ печатные его экземпляры къ фабрикантамъ, требуя, чтобъ они подчинились его предписаніямъ. Посредствомъ этого тарифа, работники хотѣли не только возвысить, но и уравнять таксу задѣльныхъ платъ, хотѣли доставить ремесленникамъ посредствомъ и неискуснымъ тѣ же выгоды, какими пользовались ремесленники опытные и смышленные. Такое намѣреніе вело къ циспроверженію естественнаго порядка вещей и основывалось на самомъ грубомъ и несправедливомъ насиліи. Согласиться на это значило уничтожить всякое соревнованіе и остановить успѣхи производительности. Фабриканты, желая избавиться отъ невыгодныхъ предписаній тарифа, значительную часть своей шерсти стали отдавать для пряжи работникамъ, разсыпаннымъ по деревнямъ. Тогда между хозяевами и рабочими началась борьба, состоявшая во взаимныхъ хитростяхъ и обманахъ. Союзъ предписалъ фабрикантамъ прясть и ткать свою шерсть не иначе, какъ въ Лидсѣ. Тогда фабриканты уменьшили количество работы почти втрое. Нѣсколько времени спустя, работники составили новый тарифъ, гдѣ количество заработной платы опредѣлялось уже не по количеству труда, а по числу дней, такъ-что всякій работникъ, какъ дѣятельный, такъ и лѣнливый, долженъ былъ получать въ недѣлю 20 шиллинговъ. Одинъ фабрикантъ, замѣтивъ по своимъ счетамъ, что въ-слѣдствіе такого устройства работники стали производить гораздо-менѣе прежняго, донесъ объ этомъ ихъ начальству, которое, въ отвѣтъ на это, запретило ему вести всякіе счеты!

Во Франціи, коалиція между работниками запрещена закономъ, и

потому онъ не такъ часты и не такъ обыкновенны, какъ въ Англии. Въ юнѣ 1845 года, всеобщее вниманіе возбуждено было коалиціей между парижскими плотниками (*ouvriers-charpentiers*), которые потребовали отъ своихъ хозяевъ возвышенія задѣльной платы. Хозяева не захотѣли исполнить этого требованія, — и работы вдругъ прекратились какъ въ Парижѣ, такъ и во всемъ Сенскомъ-Департаментѣ. Борьба продолжалась болѣе пяти мѣсяцевъ и кончилась точно такъ же, какъ кончаются обыкновенно подобныя борьбы въ Англии. Плотники принуждены были отказаться отъ своихъ требованій, и, сверхъ того, главные зачинщики коалиціи за нарушеніе закона и за разные насильственные поступки приговорены были къ тюремному заключенію.

Приведенные примѣры, кажется, ясно показываютъ, что коалиціи бесполезны, и что во всякомъ случаѣ средство это, предлагаемое нѣкоторыми экономистами, оказывается совершенно-недостаточнымъ для противодействія конкуренціи, существующей между капиталистами, и побуждающей ихъ къ постепенному пониженію задѣльной платы.

Но рабочіе классы страдаютъ всего болѣе отъ конкуренціи труда, которая принадлежитъ также къ числу необходимыхъ послѣдствій свободной промышленности. Работники находятся между собой въ постоянной борьбѣ точно такъ же, какъ и капиталисты, съ тѣмъ только различіемъ, что одни спорятъ между собой объ увеличеніи числа своихъ милліоновъ, а другіе заботятся единственно о томъ, чтобъ добыть себѣ кусокъ хлѣба и спастись отъ голодной смерти. Въ этой борьбѣ все страдаютъ болѣе или менѣе: одни погибаютъ совершенно, другіе оставляютъ за собой поле сраженія; но ни одинъ не выходитъ изъ борьбы цѣль и невредимъ, и участь побѣдителей немногимъ завиднѣе участи побѣжденныхъ. Множество рабочихъ рукъ остается безъ употребленія, потому-что ихъ въ настоящую минуту слишкомъ-много въ сравненіи съ количествомъ капиталовъ. Какъ ни быстро развивается производительность, но народонаселеніе развивается еще быстрее; въ развитіи своемъ оно всегда стремится къ чрезмѣрному размноженію, и только одна смерть можетъ приводить его въ соразмѣрность съ средствами пропитанія. При этомъ неравенствѣ между предложеніемъ и требованіемъ труда, работникъ, чтобъ спастись отъ бѣды, чтобъ не уступить соперникамъ поля битвы, готовъ работать за самую малую цѣну, готовъ всегда согласиться на предлагаемыя ему условія, какъ бы они ни были для него тягостны и невыгодны. Изъ многихъ соперниковъ, на фабрику принимается тотъ, кто требуетъ мѣншаго вознагражденія за свой трудъ; а такъ-какъ искателей весьма-много, то естественно, что заработная плата должна понижаться все болѣе и болѣе, такъ-что она должна наконецъ дойти и дѣйствительно доходить до того предѣла, за которымъ уже остается умирать съ голода.

Свобода труда, принципъ благодѣтельный и плодотворный, является при этомъ въ высшей степени губительною и вредною. Каждому предоставлено право выбирать по произволу предметъ и мѣсто своихъ занятій. Но для того, чтобъ сдѣлать надлежащій и выгодный выборъ, надо имѣть много опытности, много предусмотрительности, много позна-

ний. По-большой-части, работникамъ не достаетъ этой предусмотрительности и этой догадливости. Одни часто бросаются въ такіа отрасли промышленности, въ которыхъ и безъ того уже есть излпшнее число рукъ. Другіе поселяются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ предложеніе и безъ того уже превышаетъ требованіе. Третьи, наконецъ, выбираютъ себѣ такіа занятія, къ которымъ они не способны, для которыхъ имъ не достаетъ надлежащихъ условій. Они бросаются на авось туда и сюда; и многіе, разумеется, или вовсе остаются безъ дѣла, или, если и находятъ себѣ работу, то за такую ничтожную плату, что жизнь ихъ превращается въ рядъ непрерывныхъ страданій и лишеній. Въ этомъ отношеніи, всего болѣе вреда приноситъ значительное скопленіе работниковъ на одномъ пунктѣ: оно поставляетъ ихъ въ совершенную зависимость отъ фабрикантовъ и даетъ послѣднимъ полную возможность понижать до нельзя задѣльную плату. Къ-несчастью, эти скопища работниковъ, столь невыгодныя для ихъ благосостоянія, сдѣлались нынче явленіемъ постояннымъ, существенно-связаннымъ съ самыми способами производства. Нынче мануфактурная промышленность сосредоточивается на немногихъ пунктахъ, преимущественно въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Какъ-будто привлекаемые какой-то волшебной, неотразимой силой, работники отвсюду стекаются въ эти центры производительности, въ надеждѣ найти тамъ для себя работу и вмѣстѣ съ ней достатокъ и довольство. Само-собой разумеется, что они ошибаются въ своихъ предположеніяхъ, и что, вмѣсто ожидаемаго довольства, имъ по-большой-части достаются въ удѣлъ нищета и страданія!

Усиленію конкуренціи между работниками способствуютъ значительнымъ образомъ тѣ усовершенствованные способы производства, которые введены нынче во многія отрасли промышленности. Раздѣленіе труда и изобрѣтеніе машинъ — эти важныя и необходимыя условія для развитія производительности, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей имѣютъ весьма-вредное вліяніе на судьбу рабочихъ классовъ. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, куда не проникли еще эти усовершенствованія, работники искусные, опытные и сильные не боятся соперниковъ, съ успехомъ выдерживаютъ борьбу, и никогда не нуждаются въ работѣ. Хозяева дорожатъ ими, предпочитаютъ ихъ всѣмъ другимъ, принимаютъ къ себѣ на весьма-выгодныхъ условіяхъ и почти-всегда даютъ имъ за трудъ значительное вознагражденіе. Работники безсильные и неискусные не смѣютъ вступать съ ними въ соперничество, зная, что перевѣсъ всегда останется на сторонѣ искусства и способностей. Совершенно-противное видимъ мы на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ введены и раздѣленіе труда и усовершенствованные способы производства. Но фабрики этого рода въ настоящее время многочисленнѣе всѣхъ другихъ, и занимаютъ наибольшее число работниковъ. Они состоятъ преимущественно изъ людей неспособныхъ, неискусныхъ, слабыхъ, всего чаще изъ женщинъ и дѣтей; работники же знающіе и смышленные мало цѣнятся фабрикантами и рѣдко находятъ для себя занятіе. Это происходитъ отъ-того, что, при нынѣшнихъ способахъ производства, отъ работниковъ по-большой-части не спрашивается ни искусство, ни умъ, а требуется единствен-

во терпаніе, навикъ и, въ извѣстныхъ только случаяхъ, физическая сила. Успѣхи механики значительнымъ-образомъ упростили трудъ; то, что дѣлалось прежде человекомъ, дѣлается теперь машиной; человеку остается только приводить эту машину въ дѣйствіе, а для исполненія этой обязанности вовсе не нужно, чтобъ работникъ имѣлъ какія-либо способности или таланты. Чрезмѣрное раздѣленіе работъ также облегчаетъ трудъ, уменьшаетъ необходимость въ умнѣнь, въ опытности и даже въ силѣ, и уподобляетъ человека простой машинѣ, которая постоянно и безостановочно совершаетъ извѣстные движенія. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ принципъ раздѣленія труда является вполне-осуществленнымъ, работникъ участвуетъ въ производствѣ только физическими своими силами; вся его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ производить мускулами въ извѣстное время извѣстное число движеній. Само-собой разумеется, что чѣмъ легче и матеріальнѣе становится трудъ, чѣмъ меньше онъ требуетъ приготовленія и искусства, тѣмъ меньше онъ и цѣнится, тѣмъ меньше доставляетъ вознагражденія. Понятно, что раздѣленіе работъ и изобрѣтеніе машинъ, уменьшая значеніе труда, должны необходимо вести къ пониженію заработной платы; но они приводятъ къ тому же результату и другимъ путемъ: они усиливаютъ и питаютъ между работниками пагубную конкуренцію, предметъ которой составляютъ занятія не трудныя, не требующія никакого предварительнаго подготовленія. Для того, чтобъ быть работникомъ, не требуется почти никакихъ условій; а потому каждый можетъ вступить на это поприще, каждый можетъ надѣяться на успѣхъ. Даже самыя слабыя существа, женщины и дѣти, признаются способными къ работѣ на фабрикахъ; онъ также присоединяются къ людямъ, отыскивающимъ занятія, и часто даже предпочитаютъ имъ, потому-что довольствуются меньшей платой. Между многими искателями, фабрикантъ отдастъ предпочтеніе не искуснѣйшему и не способнѣйшему, а тому, чья потребности ограниченнѣе, чья требованія скромнѣе. Притомъ же, распространеніе машинъ всегда уменьшаетъ самое число работниковъ, нужныхъ для дѣйствія фабрики, такъ-что къ голодной толпѣ искателей присоединяются еще всѣ тѣ, которые, благодаря успѣхамъ науки, лишились своего занятія и средствъ къ существованію. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе совершенствуются способы производства, тѣмъ сильнѣе увеличивается предложеніе труда, и тѣмъ значительнѣе понижается здѣльная плата. Всего разительнѣе подтверждается это примѣромъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, на которыхъ способы производства доведены до высшей степени совершенства. Исторія постепеннаго развитія этой промышленности есть вѣсть съ тѣмъ и исторія постепеннаго развитія нищеты между принадлежащими къ ней работниками. Послѣ cadaго новаго усовершенствованія въ способахъ пражы или тканья хлопчатой бумаги, рабочіе классы спускались все ниже и ниже. Исчисленія одного англійскаго экономиста (*) показали, что съ 1814 по 1832 годъ количество заработной платы на англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ уменьшилось почти въ двѣнадцать разъ,

(*) John Marshall. Revue Britannique. Juin 1833.

не смотря на то, что требованіе на трудъ постоянно возрастало въ этой отрасли промышленности.

Такимъ-образомъ, постепенное уменьшеніе въ количествѣ задѣльной платы, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, неразлучно сопряжено съ усовершенствованіемъ и развитіемъ производительности. Не надо думать, однако, чтобъ развитіе производительности само въ себя было вредно для рабочихъ классовъ; не надо возставать противъ успѣховъ мануфактурной промышленности, противъ усовершенствованія способовъ производства, какъ дѣлаютъ это некоторые критики современнаго экономическаго устройства, неумѣющіе отличить видимыхъ и случайныхъ причинъ нищеты отъ причинъ дѣйствительныхъ и существенныхъ. Изъ того, что два явленія сопутствуютъ другъ другу, нельзя еще заключать, чтобъ между этими явленіями существовала естественная и неразрывная связь, чтобъ они находились между собой въ такомъ же отношеніи, какое существуетъ между причиной и ея необходимымъ, безусловнымъ слѣдствіемъ. Знаменитый софизмъ: *сunt hoc, ergo propter hoc*, не рѣдко вводилъ экономистовъ въ заблужденіе. Въ приложенія къ благотворительности, къ успѣхамъ промышленности, къ машинамъ, къ способамъ производства, это ложное начало породило множество важныхъ ошибокъ и несправедливыхъ воззрѣній. Для рабочихъ классовъ не могутъ быть вредными ни развитіе промышленности, ни всѣ тѣ явленія, которыя составляютъ необходимое условіе для ея успѣховъ. Для нихъ вредны только тѣ законы и учрежденія, посредствомъ которыхъ народное богатство, вмѣсто того, чтобъ распространяться въ одинаковой мѣрѣ на всѣ классы общества, сосредоточивается въ рукахъ немногихъ избранныхъ, въ рукахъ людей, властвующихъ капиталами. При томъ неравенствѣ, которое существуетъ нынѣ между производительными силами, не мудрено, что успѣхи промышленности приносятъ мало пользы рабочимъ классамъ; не мудрено, что тѣ установленія, которыми обуславливаются эти успѣхи, дѣйствуютъ на судьбу работниковъ неблагоприятнымъ образомъ. Но если въ настоящее время установленія эти и содѣйствуютъ увеличенію нищеты, то не надо забывать, что такое содѣйствіе не необходимо и не существенно, но случайно и условно. И если бы то условіе, отъ котораго зависитъ это содѣйствіе, было уничтожено, если бы между капиталомъ и трудомъ не было разрыва, если бы между ними существовало полное единство интересовъ, то въ нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ мы не находили бы тѣхъ противорѣчій, которыя теперь встрѣчаются на каждомъ шагу. Но успѣхамъ промышленности ни въ какомъ случаѣ не должно приписывать бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ. Остановить эти успѣхи было бы и невозможно и безразсудно. Положить преграды постоянному усиленію производительности, значило бы только увеличить число бѣдныхъ, которое было бы менѣе разительное, потому что недостаточность сдѣлалась бы тогда удѣломъ большинства. Современная наука понимаетъ, что богатство, будучи отрицаніемъ бѣдности, не можетъ быть ея причиной; она понимаетъ, что для уничтоженія бѣдности постоянное, дѣятельное и безостановочное развитіе промышленно-

сти столь же необходимо, сколь необходимо преобразование въ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній. Политическая экономія въ настоящее время не опасается чрезмернаго усиленія производительности: она не боится, чтобъ производство могло перевысить требованія; она знаетъ, что какъ ни сильно развилась промышленность въ теченіе нынѣшняго столѣтія, однакожь она далеко еще не достигла того предѣла, котораго должна достигнуть рано или поздно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія и Франція принадлежать къ числу самыхъ богатыхъ государствъ, а между-тѣмъ, ихъ богатства, даже при болѣе-справедливомъ ихъ распредѣленіи, не могли бы уничтожить бѣдности; если бы богатства эти раздѣлены были поровну между всеми гражданами, то на долю каждаго пришлось бы въ Англіи не болѣе 800, во Франціи не болѣе 230 франковъ годоваго дохода. Изъ этого расчета ясно видно, что, для уничтоженія бѣдности, одного улучшенія въ распредѣленіи богатствъ не достаточно, что необходимо также стараться объ усиленіи производительности, и что только совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ условій экономическаго прогресса могутъ быть исцѣлены язвы общественнаго организма.

Несправедливы, конечно, тѣ, которые причину бѣдности находятъ въ развитіи промышленности, и, однакожь, нельзя не сознаться, что при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ европейскихъ обществъ, чѣмъ болѣе умножается богатство, чѣмъ дѣятельнѣе является производительность, тѣмъ незначительнѣе и ничтожнѣе становится участіе рабочихъ классовъ въ распредѣленіи производимыхъ богатствъ. Въ-слѣдствіе неограниченной конкуренціи между производителями и въ-слѣдствіе усовершенствованія способовъ производства, предложеніе труда все болѣе и болѣе усиливается, и усиливается гораздо-быстрѣе, нежели требованіе на трудъ. Но трудъ въ настоящее время — не что-иное, какъ товаръ, цѣна котораго опредѣляется отношеніемъ, существующимъ между предложеніемъ и требованіемъ; а потому весьма-понятно, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ предложенія, цѣна человеческой дѣятельности, какъ и всякаго другаго товара, должна упадать, и задѣльная плата должна спускаться ниже и ниже. Политическая экономія, доказывая, что задѣльная плата находится въ прямой пропорціи съ требованіемъ на трудъ и въ обратной съ его предложеніемъ, выражаетъ дѣйствительно тотъ законъ, по которому совершаются нынѣ экономическія явленія. Но политическая экономія принимаетъ ложное и даже вредное направленіе, когда свилется оправдать этотъ законъ, доказать его разумность и необходимость. Трудъ и дѣятельность человека не могутъ быть поставлены на ряду съ товаромъ. При повышеніи или пониженіи цѣны товара, идетъ дѣло только о барышѣ или убыткѣ для лица; но вопросъ о задѣльной платѣ есть вопросъ о спасеніи или погубленіи рабочихъ классовъ, — вопросъ, съ разрѣшеніемъ котораго тѣсно связаны и жизнь и здоровье и нравственность нѣсколькихъ милліоновъ людей. Позабыть объ этомъ, уподобить трудъ товару, — значитъ смотреть на человека, какъ на машину, какъ на вещь безчувственную, лишнюю никакихъ правъ. Экономисты для оправданія своей

теоріи говорятъ, что количество заработной платы определяется по договору между фабрикантомъ и работникомъ, по договору законному свободному и потому самому не дающему права ни одной изъ сторон жаловаться на его послѣдствія. Но и это совершенно-несправедливо. Необходимое условіе для всякаго договора — свободная воля лицъ вступающихъ въ обязательство; а свободно-заключеннымъ можно и звать договоръ только тогда, когда каждая изъ сторонъ можетъ совершенно-произвольно и ничѣмъ не стѣсняясь согласиться на условія контракта или отвергнуть ихъ, вступить въ обязательство, или отказаться отъ него. Между рабочими и капиталистами не существуетъ такою полнымъ равенства. Трудъ человека, повторяемъ опять, не товаръ, притомъ и покупка котораго совершенно зависитъ отъ воли продавца и покупателя. Если покупатель труда не хочетъ взять этого мнимаго товара по причинѣ дороговизны, онъ рискуетъ только тѣмъ, что и питалъ его въ-продолженіе нѣсколькихъ дней будетъ оставаться безъ движенія, не будетъ приносить ему процентовъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, капиталъ этотъ останется цѣль и невредимъ въ его рукахъ. Работникъ находится въ совершенно-другомъ положеніи: въ большаго части случаевъ, если трудъ не продается за какую бы то ни было цѣну, работнику предстоитъ сначала нищета, а потомъ и голодъ и смерть. Можно ли сказать послѣ этого, что отъ-самого работника зависитъ вступать или не вступать въ контрактъ съ капиталистомъ? Ясно, что сама необходимость заставляетъ его соглашаться на предлагаемые условія, какъ бы ни были они для него невыгодны и обременительны.

Какъ-будто для того, чтобы нѣсколько смягчить строгость и безжалостность своей формулы, экономисты придумали новую теорію. Представителями англійской, такъ-называемой положительной школы, раздѣляютъ естественную цѣну труда отъ его цѣны дѣйствительной (рыночной, *prix du marché, prix courant*). Цѣна естественная постоянна; она определяется потребностями самихъ работниковъ; цѣна дѣйствительная измѣняется безпрестанно, и зависитъ отъ того отношенія, которое существуетъ между спросомъ труда и его предложениемъ. Дѣйствительная цѣна, говорятъ англійскіе экономисты, можетъ различествовать отъ естественной, можетъ быть ниже или выше ея, но тѣмъ не менѣе постоянно силится приблизиться къ ней, и на самомъ дѣлѣ сливается съ нею въ большаго части случаевъ. Прежде полагали даже, что цѣна за трудъ определяется постоянно потребностями работниковъ. Но это несправедливо и ежедневно опровергается дѣйствительностью. Раздѣло-вѣрнѣе было бы принять противоположное начало. Не только дѣйствительная плата не соразмѣряется съ потребностями, но напротивъ, потребности измѣняются и уменьшаются вмѣстѣ съ измѣненіемъ и уменьшеніемъ платы. Пониженіе платы заставляетъ человека ограничивать свои нужды, измѣнять свой образъ жизни и отказываться даже отъ того, что обыкновенно признается необходимымъ. Ирландцы лучше всего показываютъ, до какой степени человекъ можетъ ограничивать силу своихъ потребностей: у нихъ теперь нѣтъ другой пищи, кромѣ

вера, самого дурного и самого нездорового сорта картофеля; нать другой одежды, кроме рубашек и лохмотьевъ, другого жилища, кроме погребовъ, чердаковъ и самыхъ отвратительныхъ мазанокъ. Можно ли думать, что этимъ действительно ограничиваются ихъ нужды, что они не имеютъ никакихъ другихъ потребностей? Можно ли смотреть на этотъ образъ жизни, какъ на состояніе нормальное, естественное, вполне сообразное съ требованіями и достоинствомъ человеческой природы?

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на количество задельной платы, получаемой нынѣ на различныхъ фабрикахъ, то увидимъ, что плата на во многихъ городахъ и во многихъ отрасляхъ промышленности дошла до самого крайняго предѣла, такъ—что перестала доставлять рабочимъ средства, достаточныя для существованія. Въ этомъ легко убедиться изъ статистическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Англии и во Франціи. Въ Англии безпрестанно назначаются парламентскія коммиссіи для приведенія въ извѣстность состоянія мануфактурной промышленности и положенія рабочихъ классовъ. Во Франціи подобныя изслѣдованія произведены были въ 1832 и 1834 годахъ. Какъ результаты этихъ изслѣдованій, такъ и свидѣнія, собранныя частными людьми, представляютъ весьма-обильныя матеріалы для разрѣшенія важнаго вопроса о задельной платѣ. Множество любовитныхъ и въ высшей степени многознаменательныхъ фактовъ найдемъ мы у двухъ писателей, ревностно изучавшихъ проявленія пауперизма во Франціи— у доктора Виллермэ и виконта Вильнёв-Баржмона. Особенно важны труды Виллермэ, который, по порученію Парижской Академіи Присвоенныхъ и Политическихъ Наукъ, занялся тщательнымъ изслѣдованіемъ состоянія работниковъ въ трехъ главныхъ отрасляхъ промышленности, въ хлопчатобумажной, шерстяной и шелковой. Въ сочиненіи своемъ онъ старался доказать, что судьба рабочихъ классовъ улучшается съ каждымъ днемъ, и что положеніе ихъ вовсе не такъ ужасно, какъ полагаютъ обыкновенно. Между-тѣмъ, не смотря на свой оптимизмъ, онъ безпрестанно приводитъ такіе факты, которые прямо опровергаютъ его дилл и направленію. Это обстоятельство придаетъ болѣе важности его сочиненію: когда писатель приводитъ сильныя доказательства, опровергающія его собственныя воззрѣнія, то въ достоверности своихъ свидѣтельствъ не можетъ уже настать никакого сомнѣнія.

Можно было бы доказать безчисленнымъ множествомъ примѣровъ, что въ большей части случаевъ задельная плата не можетъ доставить рабочему средствъ для удовлетворенія самымъ необходимымъ его потребностямъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ для того, чтобы не отвлекать читателя утомительными и однообразными подробностями.

Въ изчисленіяхъ Вильнёв-Баржмона въ Лиллѣ, содержаніе работника и его семейства не можетъ обойтись дешевле 1050 франковъ въ годъ; а если предположить, что не только самъ глава семейства, но и жена его и дѣти работаютъ на фабрикахъ, то и въ этомъ случаѣ они не могутъ выработать болѣе 2 франковъ и 88 сантимовъ въ день,

т. е. болѣе 864 франковъ въ годъ (*). Вычисленія Виллермэ не совсемъ-сходны съ вычисленіями Вильнѣв-Баржмона. По мнѣнію Виллермэ, семейство, состоящее изъ отца, матери и ребенка 8 — 12 лѣтъ, и имѣющее постоянныя занятія, непрерываемыя ни болѣзнями, ни прекращеніемъ работъ, можетъ выработать себя въ годъ слѣдующую сумму:

Отецъ . . .	450 франковъ.
Мать . . .	300 —
Ребенокъ . .	165 —

Всего . . . 915 франковъ.

Если теперь семейство это живетъ въ одной маленькой комнаткѣ, или на чердакѣ, или въ погребѣ, то квартира обходится ему въ годъ въ 40 — 80 франковъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ въ 60 франковъ. Для прокормленія нужно:

Отцу по 14 су въ день . . .	255 франк.
Матери по 12	219 —
Ребенку по 9	164 —

Всего . . . 638 франк.

Но такъ-какъ въ каждой-большой-части въ каждомъ семействѣ есть еще несколько малолѣтнихъ и неработающихъ дѣтей, то на прокормленіе ихъ къ этой суммѣ надо прибавить еще по-крайней-мѣрѣ сто франковъ. Слѣдовательно, квартира и пища стоютъ 798 фр.; а на бѣлье, на платье, на отопленіе, на освѣщеніе, на мѣбель и на орудія остается всего 117 фр., — сумма, очевидно, весьма-недостаточная для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ (**). Такимъ-образомъ, недостаточность является постояннымъ удѣломъ даже тѣхъ семействъ, которыя занаты постоянно. Точно въ такомъ же положеніи находятся работники и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ Франціи, Руанъ, Лионъ, Мюльгаузенъ. Изъ этого правила могутъ быть исключены только тѣ ремесла, которыя требуютъ долговременнаго прѣготовительнаго изученія, известной степени силы, значительнаго навыка, или особеннаго искусства, какъ, напр., обработываніе металловъ, ремесло стекольщиковъ, ремесло плотниковъ и т. д.

Плотники вообще принадлежатъ къ числу тѣхъ рабочихъ, которые получаютъ наибольшее вознагражденіе за свой трудъ. Между-тѣмъ, прошлогодняя ихъ коалиція показала, что и ихъ участь не такъ завидна, какъ кажется съ перваго взгляда. По-видимому, требованія парижскихъ плотниковъ были весьма-неосновательны; они получали въ день по четыре франка, и, не довольствуясь этой, кажется, довольно-значительной платой, требовали отъ своихъ хозяевъ прибавки еще одного

(*) *Economie Politique Chrétienne*, par M. le vicomte de Villeneuve-Bargemont. Premier volume, chapitre IX.

(**) *Tableau de l'état physique et moral des ouvriers*, par le docteur Villermé. Tome I, p. 100.

франка. Въ другихъ мѣстахъ Франціи плотники получаютъ дѣйствительно около пяти франковъ, а иногда и болѣе. Но если познакомиться ближе съ ихъ положеніемъ, то нельзя не сознаться, что цѣны эти не могутъ служить доказательствомъ ихъ благосостоянія. Вотъ бюджетъ этого класса работниковъ въ Парижѣ, въ 1845 году:

Годовыя издержки:

Квартира по 6 франковъ въ мѣсяцъ	72 фр.
Три пары башмаковъ по 8 франковъ	24 —
Трое панталонъ по 10 франковъ	30 —
Шесть рубашекъ по 5 франковъ	30 —
Куртка и жилетъ	40 —
Двѣ пары помочей по 4 франка	8 —
Четыре галстука по 2 франка	8 —
12 паръ онучъ по 1 франку	12 —
Фуражка или шляпа	12 —
Четыре носовыя платка по 1 франку	4 —
Мытье бѣлья и освѣщеніе комнаты	36 —
Разныя издержки	48 —

Всего 324 фр.

Ежедневныя издержки на пропитаніе:

Утромъ, до начала работъ, хлѣба на 5 сантимовъ и вина на 10; вмѣстѣ	15 сент.
За завтракъ, состоящій обыкновенно изъ супа и куска говядины, на	35 —
изъ хлѣба на	15 —
и изъ вина на	20 —
Въ 2 часа, хлѣба на	10 —
сыра или плодовъ на	20 —
вина на	10 —
Вечеромъ, супа на	20 —
говядины на	30 —
хлѣба на	10 —
вина на	10 —

Всего 1 фр. 95 сент.

Въ годъ 701 фр. 75 сент.

Слѣдовательно, расходъ на прокормленіе

простирается въ годъ до 701 фр. 75 сент.

Расходъ на квартиру, платье и прѣч. 324

Всего 1025 фр. 75 сент.

Что касается до доходовъ, то хорошій плотникъ бываетъ занятъ обыкновенно въ-продолженіе девяти мѣсяцевъ или 270 дней; за каждый день онъ получаетъ 4 франка; слѣдовательно, всего въ годъ 1080 франковъ; къ концу года онъ можетъ сберечь 54 фр. 25 сент. Но изъ числа этихъ 270 рабочихъ дней надо вычесть тѣ дни, когда работы прерываются или въ-слѣдствіе дурной погоды, или по причинѣ нездоровья плотника. Надо еще замѣтить, что изъ девяти мѣсяцевъ только

въ-продолженіе семи работниковъ получаетъ въ день по четыре франка; въ остальное же время онъ не выработываетъ болѣе трехъ франковъ и двадцати сантимовъ. Притомъ же, рассчитывая его расходы, мы предполагали, что у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Если же примемъ въ соображеніе эти обстоятельства, то увидимъ, что въ бюджетъ его всегда долженъ оказаться дефицитъ болѣе или менѣе значительный, и что, следовательно, притязанія его на возвышеніе платы вовсе не такъ несправедливы, какъ казалось съ перваго взгляда. Но тамъ не менѣе должно сознаться, что положеніе плотниковъ несравненно-завиднѣе положенія остальныхъ рабочихъ. Плотники по-крайней-мѣрѣ пользуются известнымъ достаткомъ; они позволяютъ себѣ даже неумѣстную и излишнюю, по словамъ нѣкоторыхъ, роскошь: пьютъ вино, которое имъ необходимо для подкрѣпленія силъ; не ходятъ въ лохмотьяхъ, а одѣваются прилично; не пытаются однимъ картофелемъ, а употребляютъ даже говядину. Другіе работники вовсе незнакомы съ такими прехотами: они живутъ по-большой-части въ погребахъ, на чердакахъ и вообще въ квартирахъ темныхъ, грязныхъ и въ высшей степени вредныхъ для здоровья. Они носятъ лохмотья, ходятъ босые, пьютъ одну воду, питаются по-большой-части хлѣбомъ и картофелемъ, часто даже однимъ картофелемъ, какъ, напр., ткачи, которые ѣдятъ мясо и пьютъ вино только два раза въ мѣсяцъ. Статистическія изслѣдованія обнаружили, что потребленіе мяса значительно уменьшается какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи. Это—фактъ весьма-замѣчательный; онъ показываетъ, что положеніе рабочихъ классовъ, по-крайней-мѣрѣ по отношенію къ ихъ пицѣ, вовсе не улучшается. Въ 1830 году, Франція потребила около 394 милліоновъ килограммовъ мяса, что составляло около 12 килограммовъ на человека. Въ 1840 году, потребленіе не простиралось выше 370 милліоновъ килограммовъ; другими словами, на каждого человека приходилось, если обратить вниманіе на умноженіе народонаселенія, не болѣе 11 килогр. Такимъ-образомъ, въ-продолженіе десяти лѣтъ годовое потребленіе цѣлой страны уменьшилось 24 милліонами килограммовъ, а поголовное понизилось 11 процентами на 100.

Но вычисленія, сдѣланныя по этому предмету въ Парижѣ, обнаруживаютъ еще болѣе замѣчательный результатъ. Въ 1789 году, до революціи, парижское населеніе, состоявшее тогда изъ 600,000 человекъ, потребило около 52 милліоновъ килограммовъ мяса; въ 1839 году, населеніе Парижа состояло уже изъ 900,000 человекъ, а потребило не болѣе 59 милліоновъ. Изъ этого видно, что въ 1789 году каждый житель Парижа потреблялъ въ годъ среднимъ числомъ около 74 килогр. мясной пицѣ; въ 1839 году уже не болѣе 48. Этому значительному уменьшенію въ количествѣ мяса соответствуетъ не менѣе значительное возвышеніе цѣны его. Полукилограммъ говядины высшаго сорта стоитъ двадцать навадъ, отъ 35 до 40 сантимовъ; нынче онъ не обходится дешевле 50 сантимовъ. Нынче цѣна ежедневнаго количества говядины, нужнаго для одного семейства, равняется ежедневному количеству задѣльной платы, получаемой въ Парижѣ хорошей работницей. Такимъ-образомъ, если семейство состоитъ изъ мужа, жены и нѣсколь-

лѣтъ дѣтей, то жена, для того, чтобъ достать небольшое количество бульона и небольшой кусокъ говядины, должна употребить на это все, что она успѣваетъ выработать въ день. Важное значеніе этого неуважительнаго явленія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Физическія силы народа зависятъ отъ количества употребляемаго имъ мяса. Особенную важность имѣетъ это обстоятельство по отношенію къ промышленности. Многочисленныя наблюденія показали, что работникъ можетъ производить болѣе или менѣе, смотря по тому количеству мяса, которое онъ употребляетъ. Превосходство англійскихъ работниковъ надъ французскими основывается преимущественно на томъ, что первые ѣдятъ болѣе мяса, нежели вторые. Опыты, сдѣланные во Франціи, вполне подтверждаютъ этотъ замѣчательный результатъ. Въ римскомъ свирѣльномъ домѣ, гдѣ заключенные занимаются полированіемъ зеркалъ, введено, нѣсколько лѣтъ назадъ, употребленіе говядины; заключенные, въ-слѣдствіе этого, стали работать гораздо-болѣе прежняго. Другой примѣръ еще убѣдительнѣе. Лѣтъ за двадцать, англійскіе фабриканты основали въ Шарантонѣ желѣзоплавильный заводъ, на которомъ были какъ англійскіе, такъ и французскіе работники. Первые производили постоянно гораздо-болѣе, нежели вторые, и хвастались своимъ превосходствомъ. Фабриканты приписали это различію пищи и приняли мѣры для того, чтобъ какъ Англичане, такъ и Французы питались одинакимъ количествомъ мяса. Черезъ нѣсколько времени послѣ этой перемѣны, французскіе работники, по отношенію къ производительной дѣятельности, стояли уже совершенно наряду съ англійскими. Такимъ-образомъ, уменьшеніе въ потребленіи мяса, показывая упадокъ рабочихъ классовъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма-вредное вліяніе и на производительную силу страны (*).

Руанскіе работники, по свидѣтельству всѣхъ фабрикантовъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе достаточныхъ; по-крайней-мѣрѣ, въ Руанѣ положеніе фабричныхъ несравненно-лучше, нежели въ Лионѣ. Следующія цифры, заимствованныя изъ сочиненія Виллермэ (*), могутъ дать понятіе о томъ достаткѣ, которымъ пользуются эти работники. Цифры эти выведены изъ показаній самихъ фабрикантовъ, и по этому самому не могутъ быть подвержены никакому сомнѣнію. Въ обыкновенные годы, неотличающіеся особой дороговизной жизненныхъ припасовъ, руанскій работникъ долженъ истрачивать на свое содержаніе слѣдующія суммы:

На пропитаніе, въ день:

2 фунта хлѣба	38 сантимовъ.
сыръ или масло	7 — —
супъ или бульонъ или (рѣдко) говядина	30 — —
питье	20 — —

95 сант.

Въ годъ 346 франковъ 75 сант.

(*) Cours d'Economie Politique par Michel Chevalier. T. I. p. 113 в Journal des Débats du 24 Février. 1846. (Discours de M. de Lamartine).

(*) Villermé. Tome I. chap. V.

За мытье белья въ неделю:

1 пара чулок	5 сантимовъ.
1 рубашка	15 — —
1 платокъ	5 — —
1 бумажный колпакъ	5 — —
галстухъ или жилетъ	5 — —

35 савт.

Въ годъ 18 франковъ 20 савт.

За одежду въ годъ:

1 пара чулок	1 франкъ 50 сантимовъ.
1 платокъ	1 — —
1 бумажный колпакъ	1 — —
1 галстухъ	75 сантимовъ.
2 рубашки	8 — —
1 фуражка	2 — 50 — —
2 пары башмаковъ	3 — —
куртка и панталоны	15 — —
починка платья	1 — 50 — —
гребень	50 — —
1 пара сапоговъ	3 — 75 — —
1 жилетъ	2 — 50 — —

41 франкъ.

Всего 405 франковъ 25 сантимовъ.

Если положить на квартиру, отопленіе, освѣщеніе и на пр. необходимые расходы 200 франковъ, что, конечно, немного, принять въ соображеніе чрезмѣрную дороговизну квартиръ, то ходить, что минимумъ расходовъ работника слишкомъ 600 франковъ. Между-тѣмъ, число работниковъ, получающихъ 600 франковъ въ этой заработной платы, весьма-незначительно; большинство получаетъ гораздо-менше этой суммы. Такъ, напримѣръ, красильщики получаютъ только 525 франковъ; ткачи 420; другіе поденщики—450. Къ этому надо прибавить, что болѣзнь или внезапное прекращеніе работы вследствие какого-либо кризиса весьма-часто оставляютъ работника занятія и безъ всякаго средства къ существованію.

Что касается до женщинъ, то имъ пропитаніе стоитъ въ день 50 сантимовъ; въ годъ	215 франковъ 35 сантимовъ.
мытье белья въ неделю 45 сантимовъ, въ годъ	23 — —, 40 — —
одежда	49 — — 70 — —

Всего 288 франковъ 45 сантимовъ.

и если прибавить на разные расходы 100

франк., то выйдетъ всего 388 — — 45 — —

Ни одна почти работница не имѣетъ такого дохода, необходимого для самого существованія. Одна только прачки получаютъ въ годъ 330 франковъ; для остальныхъ максимумъ — 330 франковъ въ годъ постоянномъ занятіи. Швей выработываютъ себя не болѣе 270

ить; а ткачки всего только 180 франковъ, такъ-что женщины, работающія на фабрикахъ, почти не въ состояніи прокормивать себя получшею или платой.

Работникъ отъ 12 до 15 лѣтъ можетъ прокормить себя (питаясь однимъ только хлѣбомъ и картофелемъ, и изрядка бульономъ) 50 сантимами въ день, или 182 франками и 50 сантимами въ годъ. Бѣде и плѣче обходится ему въ годъ не менѣе, какъ въ 29 франковъ и 18 сантимовъ. Следовательно, его необходимые расходы доходятъ въ годъ до 210 франковъ. Между-тѣмъ, только весьма-немногія дѣти получаютъ 210 франковъ; по-большой-части они получаютъ не болѣе 180 франковъ въ годъ; а многія изъ нихъ не могутъ выработать себя такой значительной суммы, не смотря на то, что работаютъ постоянно отъ 14 до 16 часовъ въ день.

Одинъ руанскій фабрикантъ показалъ, что въ 1831 году на его фабрику изъ ста работниковъ около шестидесяти (то-есть, шесть десятыхъ) могли покрыть самыхъ необходимыхъ своихъ издержекъ посредствомъ задѣльной платы. Остальные работники не получали ни одной лишней копейки, такъ - что увеличенія въ цѣнѣ хлѣба не болѣе, какъ на десять сантимовъ, уже достаточно было для того, чтобъ повергнуть ихъ въ нищету (*).

Не должно думать, чтобъ руанскіе работники составляли исключеніе изъ общаго правила. Другіе города Франціи не уступаютъ Руану въ этомъ отношеніи, такъ-что Виллермэ, не смотря на свой оптимизмъ, принужденъ былъ сознаться, что во всѣхъ трехъ изученныхъ имъ отрасляхъ промышленности, задѣльная плата далеко не достигаетъ предѣла, опредѣляемаго суммою потребностей, рѣшительно необходимыхъ для чловека. Виллермэ такъ опредѣляетъ среднее количество задѣльной платы во Франціи: «Исключая ткачей и простыхъ поденщиковъ, получающихъ по-большой-части весьма-малое вознагражденіе (**), за среднее количество заработной платы на фабрикахъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ можно принять два франка для мужчины, одинъ для женщины, 45 сантимовъ для ребенка отъ 8 до 12 лѣтъ и 75 сантимовъ для дѣтей отъ 13 до 16 лѣтъ. Вообще мужчина выработываетъ себя столько, что можетъ даже откладывать известную часть своихъ доходовъ въ сберегательныя кассы; но женщины рѣдко получаютъ вознагражденіе, достаточное для ихъ содержанія, а дѣти едва могутъ прокормить себя получаемой ими платой (***)».

Въ Англіи задѣльная плата вообще выше, чѣмъ во Франціи; но и въ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ, по отношенію къ участи работниковъ, Англія надлежало отдать преимущество передъ Франціей. Въ англійскихъ работникахъ сумма потребностей гораздо-значительнѣе, чѣмъ во французскихъ; послѣдніе въ пищѣ своей довольствуются обыкновен-

(*) Villermé. Tome I. p. 133.

(**) Ткачи и поденщики составляютъ половину, а вмѣстѣ съ женщинами по крайней-мѣрѣ двѣ трети всего городского рабочаго населенія Франціи.

(***) Villermé. T. I. p. 232.

но хлѣбомъ, картофелемъ и овощами; первые привыкли къ говнѣ, пиву, сахару, чаю. Притомъ же, въ Англіи цѣна живеннаго припасовъ гораздо-выше, чѣмъ во Франціи, и подвергается безпримѣрнымъ и значительнымъ измѣненіямъ. Наконецъ, не надо забывать того важнаго обстоятельства, что кризисы промышленности чаще и глубже поражаютъ Англію, нежели Францію, и потому для англійскаго рабочаго класса, имѣящаяся плата, менѣе обезпечена и менѣе постоянна, чѣмъ французскаго. Въ Англіи работники никогда не могутъ знать съ точностію, что будетъ съ ними завтра; они никогда не могутъ надѣяться на постоянныя занятія, а потому необходимо должны получать за свой трудъ такую плату, которая не только могла бы доставлять имъ средства пропитанія на настоящее время, но и обезпечивала бы ихъ въ случаѣ возможнаго будущаго бездѣйствія. Однакожъ, независимо отъ обстоятельствъ, мы находимъ очень-часто и въ Англіи весьма-низкую плату. Изъ перваго ежегоднаго отчета комиссіи, завѣдующей дѣлами о бѣдныхъ, узнаемъ, что въ Манчестерѣ рабочіе обоюбого пола моложе 16 лѣтъ получаютъ въ недѣлю среднимъ чиномъ не болѣе четырехъ шиллинговъ, женщины не болѣе пяти. Изъ молодыхъ работниковъ мужскаго пола самыя достаточныя получаютъ 20 до 40 шиллинговъ въ недѣлю; но число ихъ весьма-незначительно. Большинство фабричныхъ не вырабатываетъ болѣе 8 шиллинговъ въ недѣлю, и число работниковъ, получающихъ хоршее вознагражденіе, уменьшается со дня-на-день въ-слѣдствіе распространенія машиннаго совершенствованія способовъ производства (*).

Въ 1838 году, по приказанію парламента, произведено было изслѣдованіе о положеніи ручныхъ ткачей въ Англіи и Шотландіи (Навъ Weavers Inquiry). Всѣ комиссары показали единогласно, что ручная ткацкая работа, несоединенная ни съ какими другими ремеслами, не можетъ доставить работнику необходимыхъ средствъ для существованія. Ткачи, работающіе постоянно въ-продолженіе семидесяти-четыреохъ часовъ въ недѣлю, съ трудомъ могутъ избѣгнуть голода и добыть себѣ только точную пищу. Семейство, состоящее изъ шести или семи человекъ, можетъ выработать себѣ болѣе семи шиллинговъ, — суммы, достаточной только для прокормленія двухъ человекъ; и даже эта незначительная плата имъ не обезпечена. Кризисы, лишашіе работниковъ работы, нигдѣ не бывають такъ часты, какъ въ этой отрасли промышленности. Весной 1838 года въ Пайсле (Paisley), въ Шотландіи, насчитано около семисотъ пятидесяти станковъ, находившихся въ бездѣйствіи отъ отсутствія заказовъ (**).

Въ адресѣ, представленномъ парламенту въ 1820 году нѣкоторыми члудочниками, встрѣчаются между-прочимъ слѣдующія слова, касающіяся той степени бѣдности, до которой дошелъ нынѣ въ Англійи

(*) De la Misère des classes laborieuses en Angleterre et en France par Eug. P. 604. édition de 1842.

(**) Buret. p. 538.

нѣтъ шестъ работниковъ: «Работая ежедневно въ-продолженіе шестидесяти часовъ, мы получаемъ отъ четырехъ до семи шиллинговъ въ недѣлю; на эти деньги мы должны содержать какъ себя, такъ и своихъ семейства. Мы замѣнили хлѣбомъ и водой, или картофелемъ и солью, что болѣе-питательное кушанье, которое прежде всегда бывало на столѣ мужикаго Англичанина; и не смотря на то, мы очень-часто принуждены бываемъ послѣ утомительной работы въ-продолженіе цѣлаго дня, укладыватъ дѣтей своихъ безъ ужина для того, чтобъ избавитъ ихъ отъ ихъ голодныхъ криковъ. Объявляемъ здѣсь самымъ торжественнымъ образомъ, что мы вмѣстѣ съ дѣтьми своими въ послѣдній ассамблея мѣсяцевъ не переставали ни на одну минуту страдать отъ голода» (*).

Не смотря на эти очевидные примѣры недостаточности задѣльной платы, многіе экономисты доказываютъ, что она возвышается постоянно вмѣстѣ съ усиленіемъ производительности и въ-слѣдствіе этого закона. Дѣйствительно, задѣльная плата возвышалась въ некоторыхъ мѣстностяхъ и въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности, именно въ тѣхъ, гдѣ требованіе на трудъ возрастало постоянно, и возрастало въ такой мѣрѣ, что могло противодействовать вредному вліянію конкуренціи и машинъ. Но на эти случаи надо смотрѣть какъ на рѣдкія, а не какъ на утѣшительныя исключенія изъ общаго правила. Вообще говоря, уменьшеніе труда не только не отстаетъ отъ требованія, но, напротивъ, уменьшается его всегда значительнымъ образомъ. Народонаселеніе увеличивается быстрѣе, нежели производительность; и мы видимъ въ настоящее время, что во всѣхъ почти отрасляхъ промышленности не только есть недостатокъ въ числѣ рабочихъ рукъ, но, напротивъ, есть избытокъ, и избытокъ весьма-значительный. Поэтому случаи пониженія заработной платы гораздо-чаще, многочисленнѣе и постоянно-ниже случаевъ ея повышенія. Одинъ англійскій экономистъ, какъ мы уже замѣтили было выше, доказалъ, основываясь на самыхъ неопровержимыхъ фактахъ, что въ 1832 году на англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ за трудъ работника платилось въ двенадцать разъ меньше, нежели въ 1814 году. Произведенное по предписанію парламента изслѣдованіе о положеніи ткачей въ Англій и Шотландіи обнаружило весьма-значительное пониженіе въ количествѣ задѣльной платы. Примѣры показали, что съ 1816 года для всѣхъ родовъ ручного ткачества плата уменьшилась, среднимъ числомъ, по-крайней-мѣрѣ втрое. Такъ на-примѣръ, работникъ, получавшій въ 1816 году за ткань изъ шерсти матерій отъ 19 до 20 шиллинговъ въ недѣлю, нынѣ получаетъ за то же самое не болѣе 7 шиллинговъ; и притомъ, теперь работникъ и освѣщеніе производится на-счетъ работника, а не на-счетъ хозяина, какъ дѣлалось прежде. Надо замѣтить, что коммиссіонеры упоминаютъ о подобномъ, хотя и не столь-значительномъ пониженіи заработной платы во многихъ другихъ отрасляхъ труда. Уголь-

(*) *Nouveaux Principes d'Economie Politique* par Sismondi. T. I. p. 430—451.

щико, на-примѣръ, въ 1811 году выработывали себя еженедѣльно около 24 шиллинговъ; нынѣ они получаютъ не болѣе семнадцати. Къ подобнымъ же результатамъ привело изслѣдованіе, произведенное французскимъ правительствомъ въ 1834 году. Изъ показаній фабрикантовъ видно, что задѣльная плата понижалась постоянно на большей части фабрикъ. Одинъ руанскій фабрикантъ объявилъ, что за тканье котоннады шириной въ восемнадцать дюймовъ онъ платилъ, въ 1817 году, по одному франку за аршинъ (*); работникъ могъ изготовить въ день около пяти аршинъ. Въ 1834 году, онъ уже платилъ не болѣе 45 сантимовъ за аршинъ матеріи, шириной въ сорокъ-шесть дюймовъ. Другой фабрикантъ показалъ, что въ Труа количество заработной платы съ 1816 по 1831 годъ уменьшилось 25 процентами. «Причина этого уменьшенія» говоритъ онъ: «заключается въ облегченіи труда и въ усиленіи конкуренціи между работниками». Если сравнимъ цѣны бумажныхъ матерій во Франціи за нѣсколько лѣтъ, то увидимъ въ нихъ значительное пониженіе. Матеріи, которыя въ 1818 году продавались по три франка съ половиной за аршинъ, въ 1834 году стоили не болѣе 75 сантимовъ; нынѣ же они сдѣлались еще дешевле. Это огромное уменьшеніе не можетъ быть исключительно приписываемо усовершенствованію способовъ производства; оно было бы рѣшительно невозможно безъ значительнаго пониженія задѣльной платы, которое является такимъ-образомъ необходимымъ условіемъ для развитія и успѣховъ бумажныхъ фабрикъ. Известно, что въ хлопчато-бумажной промышленности работники доведены до самаго крайняго предѣла недостаточности и нищеты. Известно, что ткачи, работая около шестнадцати часовъ въ день, рѣдко выработываютъ себя болѣе одного франка, и что число работниковъ, получающихъ менѣе франка, несравненно-значительнѣе числа тѣхъ, которые достигаютъ этой суммы. Въ Мюльгаузенахъ, въ Труа,—ткачъ часто выработываетъ въ день не болѣе 60 сантимовъ (**).

Но участь работниковъ вовсе не завидна даже и въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ требованіе на трудъ непрерывно усиливается, гдѣ задѣльная плата постоянно возвышается. Требованіе на трудъ можетъ увеличиться въ значительной мѣрѣ; но въ увеличеніи своемъ оно подвержено безпрестаннымъ колебаніямъ, замедленіямъ, остановкамъ, очень часто нарушающимъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ труда. Не проходитъ почти ни одного года безъ какого-нибудь кризиса въ промышленности. Эти кризисы, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, сдѣлались явленіемъ періодическимъ, неизбежнымъ и необходимымъ; и нельзя не сознаться, что они принадлежатъ къ числу тѣхъ причинъ нищеты, которыя дѣйствуютъ съ наибольшей силой и съ наиболѣе-вредными послѣдствіями. Замедляя производительность и

(*) Французскій аршинъ (aune) равняется тремъ англійскимъ футамъ и восьми дюймамъ.

(**) *Buret*, p. 604—603.

уменьшая, следовательно, число занятыхъ рукъ, они ввергаютъ въ нищету самыхъ достаточныхъ работниковъ и обрекаютъ всякій разъ на грядущую смерть не малое число людей. Въ безпрестанномъ ожиданіи какого-нибудь кризиса, работникъ всегда опасается лишиться того заработка, которое доставляетъ ему возможность кое-какъ поддерживать свое существованіе. Онъ никогда не можетъ быть уверенъ въ будущемъ; сегодня онъ не можетъ сказать навѣрное, что будетъ съ нимъ завтра. Положеніе его ничѣмъ не обезпечено; безъ всякой вины съ его стороны онъ можетъ потерять свое мѣсто и перейти вдругъ изъ состоянія довольства въ состояніе самой ужасной нищеты. Въ этой возможности быстрыхъ и неизбежныхъ переходовъ отъ достатка къ бѣдности заключается самый обильный источникъ бѣдствій и страданій для рабочихъ классовъ.

Внезапное уменьшеніе въ требованіи на трудъ можетъ происходить отъ различныхъ причинъ. Здѣсь не мѣсто всчислять эти причины и разсматривать въ подробности; нельзя однакожъ не упомянуть о двухъ главныхъ: во-первыхъ, о чрезвычайномъ усиленіи производительности, и во-вторыхъ, о введеніи новыхъ машинъ и новыхъ способовъ производства. Производительность, вообще говоря, никогда не можетъ быть лишнею, чрезмерною, никогда не можетъ превышать требованія, потому что потребности человека неограничены. Но при нынѣ-существующемъ распределеніи богатствъ можетъ случиться и действительно случается, что въ томъ или другомъ частномъ случаѣ производительность превышаетъ если не потребности, то по-крайней-мѣрѣ способности потребителей. Ничѣмъ очень-часто забываютъ, что успѣхи промышленности состоятъ въ улучшеніи судьбы большинства людей, что не человекъ существуетъ для продукта, а продукты нужны для человека, и потому, стараясь усилить производство, не обращаютъ вниманія на улучшеніе судьбы потребителей, не заботятся о ихъ потребностяхъ и о ихъ способахъ. Отъ-этого мы, при нынѣшнемъ положеніи вещей, очень-часто видимъ, что въ той или другой отрасли промышленности производство вдругъ оказывается излишнимъ, несоответствующимъ средствамъ потребителей. Это относительно-чрезмѣрное усиленіе производства служитъ постоянно и дѣйствительно причиной всехъ тѣхъ кризисовъ и катастрофъ, которые ежегодно приводятъ промышленность въ разстройство. Рынки очень-часто переполняются множествомъ продуктовъ, которые нигдѣ не находятъ для себя покупателей и остаются въ рукахъ производителей, принужденныхъ часто сбывать ихъ за полцѣны. Такое загроможденіе рынковъ производитъ обыкновенно самыя гибельныя послѣдствія. Раждаются необходимость въ уменьшеніи производства, фабриканты разоряются, капиталы ихъ остаются безъ движенія, фабрика безъ дѣйствія; требованіе на трудъ уменьшается вдругъ значительнымъ образомъ; множество работниковъ остается безъ куска хлѣба и безъ всякихъ средствъ для существованія. Улицы наполняются нищими; для пособія имъ отовсюду собираются подаянныя; учреждаются благотворительныя общества; растутъ, смертность и преступленія усиливаются въ огромной пропорціи; голодные работники прибѣгаютъ къ насилию и къ грабежу; обще-

ственная тишина нарушается; общественное благосостояніе страдает и колеблется.

Производство становится чрезмѣрнымъ, когда перестаетъ находить достаточный сбытъ для своихъ произведеній. Это можетъ случиться двоякимъ образомъ. Иногда производители не имѣютъ надлежащаго понятія объ истинныхъ потребностяхъ и о средствахъ тѣхъ, для кого они производятъ; отъ этого незнанія рынки часто загромождаются продуктами, ни для кого не нужными. Съ другой стороны, производительность, возбужденная приходящими отовсюду требованіями, усиливается и развивается въ огромныхъ размѣрахъ до-тѣхъ-поръ, пока какія-либо политическіи, финансовыя или экономическія обстоятельства не разстроятъ внезапно ея успѣховъ, уменьшивъ вдругъ число потребителей. Къ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ принадлежатъ войны, банкротства, пзмненія въ тарифахъ и тому подобные случаи, которыхъ нельзя ни предусмотрѣть, ни предотвратить. Въ этомъ отношеніи государства, производшія преимущественно для иностраннаго потребленія, какъ, на-примѣръ, Англія, подвергаются кризисамъ гораздо-чаще, нежели тѣ, которыя, подобно Франціи, заботятся преимущественно о наполненіи своихъ внутреннихъ рынковъ. Французскіе фабриканты также посылаютъ свои продукты на заграничные рынки, но главнымъ образомъ производятъ для своихъ соотечественниковъ; а потому въ дѣятельности своей они почти всегда могутъ сообразоваться съ требованіемъ, могутъ знать какъ нужны, такъ и средства своихъ потребителей. Поприще ихъ дѣятельности имѣть опредѣленные, извѣстные имъ границы; ничто не побуждаетъ ихъ обгонять неумѣреннымъ производствомъ естественное развитіе богатства и народонаселенія; а потому имъ остается только противоудѣствовать тѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, которыя могутъ быть легко предусмотрѣны и предотвращены. Не надо, впрочемъ, думать, чтобъ такія государства вовсе уже не подвергались кризисамъ промышленности. Франція подвергается имъ рѣже, нежели Англія; во и она не можетъ совершенно спастись отъ бѣдственнаго вліянія этихъ всеобщихъ катастрофъ. Ея таможи и тарифы недостаточны для того, чтобъ оградить ее отъ этого неизбежнаго зла, неразлучно связаннаго съ эконоическимъ устройствомъ европейскихъ обществъ. Но, не смотря на то, она далеко не подвергается тѣмъ опасностямъ, которымъ подвергается Англія. Между производительностью французской и производительностью англійской существуетъ такое же различіе, какъ между плаваніемъ на Средиземномъ-Морѣ и плаваніемъ на Океанѣ. Промышленность, ищущая для себя потребителей на рынкахъ цѣлаго міра, стоитъ постоянно на краю страшной пропасти. Она утверждается на основаніяхъ чрезвычайно-взмѣнчивыхъ и подвижныхъ; она подвергается столь частымъ кризисамъ, что можетъ спастись отъ нихъ не иначе, какъ возобновляя и усиливая непрерывно свои комбинаціи. Она должна бороться въ одно и то же время и съ внутренней и съ внѣшней конкуренціей; она должна знать обычаи и средства всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ, должна опасаться какъ отечествен-

вытъ, такъ и иностраннѣхъ тарифовъ. Постоянно заботясь о предупрежденіи торговыхъ и промышленнѣхъ катастрофъ, она обязана всегда имѣть въ запасъ средства для противодействія непредвидимымъ обстоятельствамъ. Малѣйшее измѣненіе въ тарифѣ той или другой страны можетъ отнять у нея нѣсколько милліоновъ потребителей. Чѣмъ обширнѣе кругъ ея дѣйствій, тѣмъ болѣе должна она опасаться угрозъ, отвеснѣе ей наносимыхъ. Таково именно положеніе Англіи, которая притязаніе на наполненіе своими продуктами всемірныхъ рынковъ. Она дѣйствительно достигла этой цѣли, этого желаннаго величія; но зачѣмъ это весьма-шатко и непрочнѣе; и великолѣпное зданіе, воздвигнутое англійскою производительною, безпрестанно колеблется на основаніяхъ, безпрестанно угрожаетъ страшнымъ паденіемъ!

Въ Англіи почти вся мануфактура работаетъ для заграницныхъ потребителей, для снабженія своими продуктами чужеземныхъ рынковъ. Это общій характеръ всѣхъ почти отраслей промышленности, но преимущественно составляетъ отличительную черту производительно-хлопчатобумажной, и въ-особенности той, которая сосредоточилась въ Манчестерѣ и въ Графствѣ-Ланкастерскомъ. Бумажныхъ товаровъ вывозится ежегодно изъ Англіи круглымъ числомъ на 24 милліона фунтовъ стерлинговъ, между-тѣмъ, какъ цѣна всѣхъ ежегодно вывозимыхъ продуктовъ не простирается свыше 49 милліоновъ. Только одна сельская часть англійскихъ хлопчатобумажныхъ производеній назначается для туземнаго потребленія; шесть-сѣмьмыхъ идутъ за границу; а потому бумажные фабриканты находятся въ совершенной зависимости отъ иностранныхъ потребителей; и нигдѣ кризисы не бывають такъ часты и такъ ужасны, какъ въ этой отрасли промышленности, которая въ-теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ успѣла подвергнуться три раза весьма-значительнымъ катастрофамъ. Первая изъ этихъ катастрофъ была въ 1819 году, вторая въ 1829, третья въ 1841. Кризисы рабочихъ классовъ при такомъ положеніи дѣлъ лучше всего могутъ быть объяснены примѣромъ послѣдняго кризиса, который продолжался еще въ началѣ 1844 года.

Зародышъ этого кризиса уже примѣтенъ былъ среди почти-баснословныхъ успѣховъ хлопчатобумажной промышленности въ 1836 году. Въ 1835 и 1836 годахъ, хлѣбъ рождался хорошо во всей Англіи, и кварталъ ржи стоилъ не болѣе 44 шиллинговъ. Количество зацѣльной пшеницы по-большой-части возвысилось, между-тѣмъ, какъ цѣна жизненныхъ припасовъ понизилась. Эти два обстоятельства были весьма выгодны для фабричныхъ работниковъ; положеніе ихъ стало весьма-завиднымъ, особенно въ сравненіи съ положеніемъ сельскихъ жителей. Послѣдніе начали поэтому переселяться изъ южныхъ земледѣльческихъ графствъ въ сѣверные мануфактурныя дистрикты и, не имея по прибытіи, находили себѣ работу. Работники являлись отовсюду, и не оставались безъ дѣла, потому-что требованіе на англійскіе продукты въ Соединенныхъ-Штатахъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, а въ-слѣдствіе этого увеличивалось и требованіе на рабочія руки въ Англіи. Съ 1 января 1835 года до 1 іюля 1838 года, въ однихъ граф-

ствахъ Ланкастерскомъ и Честерскомъ построено было заводовъ, фабрикъ и машинъ болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ франковъ, и, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, къ прежнему рабочему населенію присоединилось болѣе 87,000 человекъ.

Уже одной этой чрезмѣрной конкуренціи достаточно было бы для того, чтобъ привести въ разстройство производительность; но неожиданныя вѣдѣнія обстоятельства ускорила и усилила неминуемый кризисъ. Въ концѣ 1836 года всеобщее банкротство постигло въ Соединенныхъ-Штатахъ и банки и торговые дома. Требованіе на англійскіе продукты уменьшилось какъ въ-слѣдствіе этой несостоятельности, такъ и въ-слѣдствіе измѣненій, сдѣланныхъ въ тарифѣ Соединенныхъ-Штатовъ. Для покровительства фабрикамъ, возникавшимъ въ Майнѣ, въ Массачузеттѣ, въ Пенсильваніи, привозныя пошлины, составившія прежде не болѣе 20 процентовъ на сто съ цѣны товара, возвышены были до 30 процентовъ. Многія европейскія государства послѣдовали тому же примѣру, и между-прочимъ манчестерскимъ бумажнымъ тканямъ закрыть былъ доступъ во владѣнія германскаго таможеннаго союза. Въ то же время конкуренція иностранныхъ мануфактуръ сдѣлалась значительною и опасною. На рынкахъ Южной-Америки продукты лондонскихъ (Lowel) фабрикъ получили перевѣсъ надъ продуктами Англии. Саксонскія чулочныя издѣлія (bonneterie) съ успѣхомъ выдерживали соперничество издѣлій лейстерскихъ и цоттингемскихъ не только на американскихъ, но даже и на англійскихъ рынкахъ. Сверхъ-того, въ-слѣдствіе нѣсколькихъ сряду бывшихъ неурожайныхъ годовъ, за кварталъ хлѣба, стоившій прежде не болѣе 44 шиллинговъ, въ-продолженіе 1838, 1839, 1840 и 1841 годовъ платили постоянно болѣе 66 шиллинговъ. Такимъ-образомъ, цѣна самаго необходимаго изъ жизненныхъ припасовъ увеличилась на 50 процентовъ; и въ то время, какъ увеличеніе это обрекало работника на самыя тяжкія лишенія, задѣльная плата почти вездѣ уменьшалась на 20 процентовъ со ста. Къ довершенію несчастія, англійскій банкъ принужденъ былъ платить золотомъ за хлѣбъ, купленный въ иностранныхъ портахъ; это совершенно истощило его денежныя запасы; и директоры, увлекаемые общимъ паническимъ страхомъ, вдругъ прекратили платежи, поразивъ такимъ-образомъ вмѣстѣ и торговлю и промышленность. Тогда вся промышленная заведенія, опиравшіяся не на довольно-прочныя основанія, упали, и началась та страшная, продолжительная катастрофа, слѣды которой замѣтны отчасти и понынѣ.

«Въ іюнѣ 1843 г.» говоритъ одинъ французскій путешественникъ (*): «я посѣтилъ Графство Ланкастерское; въ это время промышленность медленно поправлялась отъ нанесенныхъ ей ранъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, пострадавшихъ болѣе другихъ, дѣятельность не успѣла еще возобновиться. Въ особенности Больтоуъ и Штокпортъ представляли самое мрачное и печальное зрѣлище. Фабрики и заводы не

(*) Etudes sur l'Angleterre, par Léon Faucher. 1845, t. I, p. 438—468.

«кашисъ, какъ прежде; дома были пусты; улицы — безмолвны; не слышно было ни разговоровъ, ни шума; а подумалъ, что находишься въ какомъ-нибудь очарованномъ городѣ, въ которомъ все жители превращены въ камни чародѣемъ». Чародѣемъ здѣсь была нищета; официальные документы доставляютъ намъ о бѣдствіяхъ рабочихъ Бирмингемъ такія свѣдѣнія, которыми съ трудомъ можно поварить. Въ Бирмингемѣ, насѣленномъ около 50,000 жителей, находится 50 фабрикъ, производящихъ обыкновенно болѣе 8,000 работниковъ. Въ 1842 году, изъ числа этихъ 50 фабрикъ тридцать или вовсе были закрыты, или дѣйствовали не болѣе трехъ дней въ недѣлю; болѣе 5,000 работниковъ лишены были всякихъ средствъ для пропитанія. Вообще, изъ-за уменьшенія количества задѣльной платы присоединить возвышенныя цены жизненныхъ припасовъ, то выходитъ, что потеря рабочихъ дохода простирается до 320,560 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или, въ томъ же, до 1000 фунт. стерлинговъ (25,000 франковъ) въ день. Само собой разумеется, что общественная благотворительность не въ состояніи была пособить такому страшному бѣдствію. Въ декабрѣ 1841 года, общество, образовавшееся въ Бирмингемѣ для пособія бѣднымъ, осмотрѣло массу семействъ, которыя заключали въ себѣ 5305 человекъ. Среднее числомъ каждый изъ нихъ получалъ за свой трудъ въ недѣлю около франка. У нихъ было только 1555 постелей, такъ-что одна постель приходилась на три человека съ половиною; на постеляхъ этихъ бѣднѣйшей-части не было тюфяковъ; онѣ были покрыты тряпичн. и шерстян. одеждою; 53 семейства вовсе ихъ не имѣли, а 425 человекъ спали по-прежнему на полу. Эти бѣдные люди отдали въ закладъ свое платье, свою мебель и все свои вещи, такъ-что среднимъ числомъ въ каждомъ семействѣ оставалось имущества цѣною на пять шиллинговъ, самое большое, на 10 франковъ. Работники по-большой-части переносили эти страданія мужественно и самоотверженно; они не предавались отчаянію, не просили милостыни, и принимали пособія отъ приходскаго начальства не какъ въ случаѣ послѣдней крайности.

Quadragesima fames, говорили древніе, — голодъ плохой совѣтъчикъ; и дѣйствительно, възвѣсть съ увеличеніемъ нищеты всегда увеличивается и число преступленій. Въ Бирмингемѣ число заключенныхъ, преданныхъ суду за преступленія въ 1840 году, было 116; въ 1841 — 190; въ 1842 — 318. Въ Бирмингемѣ въ 1836 году было только 27 человекъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ (felonies); въ 1842 году число преступниковъ дошло до 183. Точно такую же прогрессию находимъ мы и въ цѣломъ Бирмингемскомъ-Дистриктѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ число преступниковъ въ Бирмингемскомъ дистриктѣ умножилось на сто процентовъ. Въ 1833 году, ихъ было 136; въ 1842 — 2021. Къ этому надо прибавить, что со времени введенія промышленной дѣятельности число преступленій уменьшилось значительнымъ образомъ. Въ 1843 году, въ сальфордской тюрьмѣ было не болѣе 1438 обвиненныхъ, а въ 1844 году ихъ уже было 1326 человекъ.

Въ январѣ 1842 года, коммиссія, завѣдывающая дѣлами о бѣдныхъ, послала двухъ членовъ своихъ въ Штокпортъ для того, чтобъ произ-

вести исследование о состояніи тамошняго народонаселенія. Эти комиссары донесли, что съ 1836 года обанкрутилось около двадцати фабрикантовъ; столько же фабрикъ осталось безъ дѣйствія, и 5000 ботниковъ не имѣли никакого занятія. Изъ 7000 квартиръ, незатыхъ было 1639; а въ остальныхъ найдено около 3000 жильцовъ, реставшихъ платить мѣстную подать (poor-rate), и поступившихъ содержаніе прихода. Такса въ пользу бѣдныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ увеличилась 300 процентами на сто. Вся благотворительныя заведенія были наполнены бѣдными; въ больницахъ и богадельняхъ не осталось ни одного пустаго мѣста. Многія семейства не въ состояніи были платить за квартиру, и такъ-какъ домовладельцы выгнали ихъ изъ своихъ домовъ, отобравъ у нихъ все вещи, то они принуждены были искать себѣ убѣжища въ погребкахъ. Въ каждомъ погребокѣ жило отъ двухъ до трехъ семействъ вмѣстѣ. Одни работники просили милостыни у прохожихъ; другіе требовали пособія для переселенія изъ своего отечества въ чужія земли (*); третьи, наконецъ, въ буквальномъ смыслѣ сами умирали отъ голода.

Манчестеръ пострадалъ отъ кризиса менѣе, нежели соседніе города, но и тутъ положеніе рабочихъ классовъ было весьма-плачевно. Въ мартѣ 1842 г. фабрикъ и заводовъ, на которыхъ прекратились работы, насчитано было 116; закрывшихся магазиновъ, лавокъ и копрторъ—60; опустѣлыхъ жилищъ—5500. Цѣна строевнхъ и заводовъ понизилась до крайней-мѣры на 50 процентовъ; пять бумагопрядильныхъ фабрикъ оцѣненныхъ въ 211,000 фунтовъ стерлинговъ, куплены были за 66,000. Мясники, хлѣбники и другіе мелочные торговцы объявили, что торговля ихъ уменьшилась на сорокъ процентовъ. Благотворительное общество, образовавшееся для раздачи бѣднымъ платья и белья, послѣ въ-продолженіе 1840 года 10,130 семействъ, состоявшихъ изъ 45,000 человекъ; по недостатку денежныхъ средствъ 2000 семействъ не получили никакой помощи. Приюты этихъ несчастныхъ были совершенно голы; исчислено было, что цѣна вещей, ими заложенныхъ, просилась до 28,000 фунтовъ стерлинговъ. Кирпичи и деревянные доски служили имъ вмѣсто стульевъ и столовъ; постели замѣнены были кусочками или соломенными подстилками, покрытыми грязью и всякаго рода нечистотами. Часто нѣсколько семействъ занимали вмѣстѣ одну ту же комнату; мужчины, женщины и дѣти спали рядомъ; часто въ одной и той же постели спали нѣсколько человекъ, безъ разницы въ возрастѣ и половѣ. Одна бѣдная вдова просила постели у посетившаго члена благотворительнаго общества. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:—Развѣ у васъ нѣтъ постели?—Только одна и есть.—Она вамъ недостаточна?—Нѣтъ, потому-что у меня есть сынъ.—Спать ему лѣтъ?—Деятнадцать.—Гдѣ же онъ спалъ до-сихъ-поръ?—Вместѣ со мной; иначе бы ему пришлось спать на полу.

(* Въ 1842 году 128,344 человека оставили Англію, переселившись преимущественно въ Соединенные-Штаты или въ Канаду.

Другое сладствіе, произведенное городскимъ мэромъ, показало, что болѣе 2000 семействъ, состоящихъ изъ 8,866 человекъ, не имѣли другихъ средствъ къ существованію, кромѣ одного франка съ половиной на человека въ недѣлю. Эти семейства отдали подъ залогъ всю свою вещь, числомъ до 23,000, и получили за нихъ 2,780 фунтовъ стерлинговъ, что составляло едва третью часть настоящей ихъ цѣны.

Въ 1841 и 1842 годахъ, положеніе рабочихъ классовъ сдѣлалось еще ужаснѣе. Надо было увеличить таксу въ пользу бѣдныхъ, и, сравнительно съ 1839 годомъ, пособія, розданныя общественною благотворительностью, умножились на 63%, процента. Ежедневно въ шесть часовъ утра раздавалось 3000 порцій супа, и голодъ такъ мучилъ работниковъ, что они обыкновенно уже за нѣсколько часовъ до времени разлѣчи бродили толпами около дверей заведенія. Въ англійскихъ городахъ духовенство различныхъ исповѣданій распределяетъ между собой кварталы и посылаетъ своихъ представителей для посѣщенія жилищъ, въ которыхъ скрываются бѣдные. Эти миссіонеры въ Манчестерѣ изслѣдовали положеніе 35,000 семействъ. Краткое извлеченіе изъ ихъ отчетовъ можетъ дать понятіе о такъ страшныхъ испытаніяхъ, которыми подвергались къ то время жители Графства Ланкастерскаго.

Разсказы миссіонеровъ по-большой-части одвообразны; во всѣхъ кварталахъ Манчестера они находили, что треть или даже половина работниковъ не имѣла никакихъ занятій; другая треть работала только разъ или два въ недѣлю; нѣкоторые имѣли постоянную работу, но получали за нее самую ничтожную плату. Нищета распространилась на весь классъ работниковъ безъ исключенія. Такъ-какъ потребленіе уменьшилось, то вся товары потеряли по-крайней-мѣрѣ половину цѣны; въ замѣтъ того, цена тряпокъ и лохмотьевъ значительно возвысилась. Работники часто оставались безъ куска хлѣба въ-продолженіе двухъ дней и болѣе; многіе изъ нихъ были такъ изнурены этими лишеніями, что, найдя себѣ работу, оказались бы къ ней совершенно-неспособными. Нѣкоторые пришли въ совершенное отчаяніе, потеряли всякую надежду и лежали неподвижно на соломѣ, ожидая смерти. Другіе курили безпрестанно, желая заглушить голодъ; нѣкоторые, употребивъ безъ успѣха всевозможныя усилія для того, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба, и слыша непрерывно голодные крики жены и дѣтей, сходили, наконецъ, съ ума или подвергались припадкамъ бѣшенства. Многія семейства пытались одною картофельной кожей; другія, болѣе-счастливыя, получали въ недѣлю отъ трехъ до четырехъ шиллинговъ, если между ними былъ ребенокъ, находившій себѣ занятіе на фабрикѣ. «Мы не живемъ» говорили эти несчастные: «мы существуемъ». Движимость, платье, бѣлье, все было продано или заложено для того, чтобы продлить это печальное существованіе. Родители обвертывали дѣтей своихъ грязными лохмотьями, чтобъ защитить ихъ отъ холода; сами же, не имѣя одежды, не могли показаться на улицу и не выходили изъ своихъ холодныхъ комнатъ или сырыхъ погребовъ, служившихъ имъ убѣжищемъ. При такомъ всеобщемъ несчастіи, одни безропотно покорялись необходимости и печально говорили, что злу нѣчемъ пособить, что Англія

суждено погибнуть. Другіе, зная, что имъ нечего было терять, желали какой-нибудь перемены, какой бы то ни было, и готовы были на все. Четыре работника вошли въ книжную лавку съ угрожающимъ видомъ.—Что вамъ нужно? спросилъ книгопродавецъ.—Мы умираемъ съ голода.—Для чего же просите вы милостыню толпами, а не по одному?—Для того, чтобъ силою получить то, чего не хотятъ намъ дать добровольно. — Вы бы соединились и объявили начальству о своемъ несчастномъ положеніи.—Мы готовы соединиться; пріймите надъ нами начальство, и мы последуемъ за вами, куда вы насъ поведете; мы готовы жечь и грабить все, что намъ попадется.

Впрочемъ, сначала, въ продолженіе долгаго времени, жители Манчестера были спокойны и, казалось, смиреніемъ хотѣли заслужить себѣ лучшую долю. Но наконецъ неслыханныя страданія довели ихъ до отчаянія. Десять тысячъ человекъ, вооруженныхъ палками, вошли въ Манчестеръ, соединились съ тамошними рабочими, остановили дѣйствіе машинъ, и предписали повсюдное прекращеніе работъ до-тѣхъ-поръ, пока требованія ихъ не будутъ исполнены. Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, бунтовщики самовластно распоряжались въ городѣ, и для усмиренія ихъ правительство принуждено было вызвать войска изъ Ирландіи.

Съ такими же бѣдствіями сопряжены кризисы, происходящіе отъ введенія машинъ и усовершенствованія способовъ производства. Всякое изобрѣтеніе новой машины или усовершенствованіе старой необходимо влечетъ за собой болѣе или менѣе-значительное уменьшеніе въ числѣ работниковъ. Дѣло, прежде исполнявшееся человекомъ, — въ-слѣдствіе какого-нибудь новаго открытія начинаетъ производиться машиной, и такимъ-образомъ люди становятся ненужными, теряютъ свои мѣста и остаются вдругъ совершенно-неожиданно безъ работы и безъ всякаго средства къ существованію. Каждое новое изобрѣтеніе, относящееся къ промышленности, сопровождается непременно такимъ кризисомъ и обыкновенно ввергаетъ нѣсколько тысячъ человекъ въ самую ужасную нищету. Если и занятые работники бываютъ по-большой-части бѣдны и несчастны, то каково же будетъ положеніе тѣхъ, которые совершенно-безвинно лишаются работы, доставлявшей имъ пропитаніе? Обыкновенно говорятъ, что это зло непродолжительное, скоро-преходящее, и что трудолюбивый человекъ всегда найдетъ себѣ занятіе и мѣсто въ обществѣ. Но зло, хотя и скоропреходящее, тѣмъ не менѣе зло, и часто, не смотря на свою непродолжительность, успѣваетъ произвести самыя ужасныя бѣдствія и страданія. Вся экономисты согласны, что введеніе машинъ влечетъ за собой всякій разъ тягостную минуту для работника; но (и тутъ-то начинается между ними разногласіе) одни полагаютъ, что машины только увеличиваютъ число занятыхъ рабочихъ рукъ, между-тѣмъ, какъ другіе пугаютъ будущность, ожидающая рабочіе классы, если силы физической природы совершенно замѣнятъ трудъ человека. Первые приводятъ въ доказательство своего мнѣнія нѣсколько примѣровъ, по-видимому, весьма-убѣдительныхъ; между-прочимъ, изобрѣтеніе книго-

печатанія, которое, уничтоживъ ремесло переписчиковъ, доставило ра-
боту гораздо-большому числу людей. Въ доказательство того же мнѣ-
нія приводятъ значительное и быстрое умноженіе народонаселенія въ
промышленныхъ графствахъ Англіи, происходящее отъ безпрестан-
наго увеличенія въ требованіи на трудъ, не смотря на то, что нигдѣ
машинъ такъ не распространены, какъ въ этихъ графствахъ, и что
сила этихъ машинъ равняется силѣ нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ.
Вообще говорятъ, что работники, лишившіеся дѣла въ-слѣдствіе изобрѣ-
тенія машины, всегда могутъ найти для себя работу въ другихъ
отрасляхъ промышленности. Но такое мнѣніе совершенно-несправедливо;
приведенные примѣры составляютъ не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе
изъ общаго правила; и можно было бы, напротивъ, привести безчислен-
ное множество фактовъ, доказывающихъ, что всѣ отрасли производи-
тельности уже переполнены работниками, и что для новыхъ предпри-
щій нигдѣ нѣтъ вакантныхъ мѣстъ. Въ Англіи мы находимъ весь-
ми-много такихъ примѣровъ. Въ 1835 году начальству, управляющему
въ Англіи дѣлами о бѣдныхъ, пришла мысль, что лучшее средство по-
собить нищету англійскихъ крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы пере-
селить избытокъ земледѣльческаго населенія въ промышленныя граф-
ства, гдѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ производительности усиливалось и тре-
бованіе на трудъ. На слѣдующій годъ, убавились, что промышленныя
графства не только не могутъ доставать работы этимъ эмигрантамъ, но
слова даже могутъ занимать своихъ всегдашнихъ жителей. Кончилось
тѣмъ, что эти несчастные переселенцы возвращены были на прежнія
мѣста и предоставлены были прежней нищете. Другой примѣръ еще
разительнѣе. Изобрѣтеніе множества новыхъ машинъ и усовершенство-
ванія въ способахъ тканья повергли въ самую ужасную бѣдность
ручныхъ ткачей какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи. Эти работ-
ники сдѣлались ненужными, потому-что новозобретенныя машины за-
мѣнили собою прежній ручной трудъ. Положеніе ихъ было такъ пла-
чевно, что обратило на себя вниманіе парламента, который велѣлъ
произвести подробное слѣдствіе относительно ихъ участи. Исследовате-
ли, описавъ ихъ состояніе самыми мрачными красками, прибавили, что
нѣтъ никакихъ средствъ пособить имъ, потому-что они, не смотря на
свои страданія, не смотря на всю крайность своего положенія, не хо-
тятъ перейти въ другія отрасли промышленности. Но въ чемъ же за-
ключается причина этого страннаго явленія, этого непонятнаго упор-
ства? Почему въ Англіи до-сихъ-поръ еще есть болѣе ста тысячъ руч-
ныхъ ткачей, не смотря на то, что занятіе это не доставляетъ болѣе
достаточныхъ средствъ къ существованію? Одинъ изъ комиссаровъ
совершенно-удовлетворительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ; въ его отчетѣ
мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія глубоко-знаменательныя
слова: «ткачи потому не хотятъ покинуть своего ремесла, что для за-
емледѣлія они бесполезны, а другія отрасли промышленности также въ
нихъ не нуждаются».

Умывая на это вредное вліяніе машинъ, мы вовсе не думаемъ воз-
ставать на ихъ изобрѣтеніе и приложеніе къ промышленности. Введе-

ние машинъ принадлежитъ несомнѣнно къ числу явленій полезныхъ, необходимыхъ и благодѣтельныхъ для человечества. Уменьшая трудъ человека и сокращая издержки производства, оно значительнымъ образомъ способствуетъ успѣхамъ мануфактурной промышленности. Машинамъ обязаны мы тамъ совершенствомъ, до котораго достигли въ наше время некоторыя отрасли производительности, в той дешевой продуктовой, которая въ числѣ современныхъ экономическихъ успѣховъ занимаетъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ. Притомъ же, изобретение машинъ имѣетъ и въ другомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе на судьбу человека. Для производства богатствъ необходимо-нужны физическія силы, нужны дѣтели, которые бы противились усталости, которые бы покорно исполняли самыя тягостныя и затруднительныя работы. Эти тяжелыя матеріальныя труды прежде были уделомъ человека. Нынче, въ сльдствіе успѣховъ науки, руки человека замѣняются механическими орудіями, и вмѣсто того, чтобъ для этихъ низкихъ и тягостныхъ занятій употреблять людей, мы употребляемъ силы физической природы, которыя подчиняются и служатъ намъ. Всякое изобретение, всякое приложение новой силы къ производству составляетъ для человека драгоценную победу надъ природой и подаетъ ему надежду на будущее отъ нея освобожденіе. То, что мы видимъ теперь, доказываетъ уже, что прійдетъ время, когда сама природа будетъ исполнять всѣ тягостныя работы, которыя для человека изнурительны и вредны, которыя ослабляютъ и портятъ его тѣло и не соответствуютъ внутреннему его достоинству. Всякій рычагъ, всякое новое колесо, избавляющее человека отъ излишняго напряженія мускуловъ, являются истиннымъ благодѣаніемъ для человечества, и изобрѣтатели ихъ, каковы бы ни были послѣдствія ихъ изобрѣтенія, заслуживаютъ полной признательности и со стороны современниковъ и со стороны потомства! Поэтому, люди, встающіе противъ изобрѣтенія машинъ, столь же несправедливы, какъ и тѣ, которые нападаютъ на чрезмѣрное усиленіе производительности. Нельзя положить преграду открытіямъ и развитію науки точно такъ же, какъ нельзя остановить успѣховъ промышленности; оба эти явленія—полезны, необходимы и разумны; оба они должны возбуждать къ себѣ не ненависть, а сочувствіе,—должны быть предметомъ не стѣсненія, а покровительства. И если мы, указывая на благодѣтельное и вредное вліяніе машинъ, встречаемся и на этомъ пути съ противорѣчіемъ между послѣдствіями одного и того же начала, то и тутъ не должно забывать, что это противорѣчіе только мнимое, а не действительное, только условное и случайное, а не абсолютное и необходимое. Причины этого противорѣчія в тутъ,—точно такъ же, какъ и при другихъ экономическихъ вопросахъ,—должно искать не въ самомъ изобрѣтеніи машинъ, а въ томъ, что эти машины принадлежатъ одному только классу производителей, въ томъ, что другой, болѣе-многочисленный классъ не пользуется ими, въ томъ, наконецъ, что эти усовершенствованныя орудія производства, сосредоточиваясь въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, даютъ имъ средство угнетать населеніе рабочее, живущее физическимъ трудомъ своимъ. Причины противорѣчія, однимъ-словомъ, дол-

нво искать въ томъ же самомъ недостаткѣ современной экономической организаціи, на который мы уже указывали нѣсколько разъ,—въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между производительными силами, —въ отсутствіи всякой связи, всякой общности интересовъ между капиталомъ и трудомъ. До-тѣхъ-поръ, пока не изменится это отношеніе, различныя необходимыя условія и элементы прогресса будутъ постоянно находиться между собою въ несогласіи и въ разрывѣ. До-тѣхъ-поръ, пока работникъ будетъ совершенно-чуждъ капиталисту, пока онъ не будетъ участвовать въ его выгодахъ и барышахъ, пока онъ будетъ только наемникомъ его, а не товарищемъ, до-тѣхъ-поръ между производителями всегда будетъ борьба, и всегда борьба эта будетъ оканчиваться для сильнѣйшаго—побѣдой и торжествомъ, для слабѣйшаго—пораженіемъ и нищетой. Пока отношеніе между работникомъ и капиталистомъ не будетъ основываться на началахъ взаимной довѣренности, тѣсной связи и справедливости, до-тѣхъ-поръ успѣхи промышленности и народнаго богатства будутъ покушаться дорогою цѣною, цѣною бѣдности и нищеты многочисленнаго класса работниковъ.

И не надо думать, чтобъ тѣ печальныя послѣдствія, которыя производятъ, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, машины и усовершенствованныя способы производства, ограничивались однимъ только уменьшеніемъ въ требованіи на трудъ, однимъ только пониженіемъ задѣльной платы. Размноженіе машинъ имѣло и во многихъ другихъ отношеніяхъ вредное вліяніе на судьбу рабочихъ классовъ. Уничтоживъ прежнюю мелкую промышленность и прежній домашній, семейный трудъ, оно замѣнило ихъ новой системой производства, дѣйствующей въ огромныхъ размѣрахъ и большими капиталами, и сосредоточивающей въ обширныхъ зданіяхъ по нѣскольку сотъ работниковъ обоюго пола и всякаго возраста. Этотъ важнѣйшій промышленный переворотъ, изъ котораго извлекли для себя много пользы и производительность и народное богатство, при нынѣшнемъ положеніи вещей, естественно, не могъ принести никакой пользы рабочимъ классамъ и напротивъ во многихъ отношеніяхъ оказался для нихъ чрезвычайно-вреднымъ. Въ такихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ введены были новые способы производства, совершенно уничтожился классъ мелкихъ фабрикантовъ, которые не могли уже выдерживать соперничества съ обширными мануфактурами, производившими дешевле и средствами болѣе-сильными, болѣе-совершенными и менѣе-стоющими. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ замѣной домашняго труда трудомъ на фабрикѣ, исчезъ классъ мастеровыхъ или ремесленниковъ, участь которыхъ была несравненно-завиднѣе участи простыхъ фабричныхъ работниковъ. Тамъ, гдѣ этого рода работники сохранились доселѣ, они пользуются извѣстной степенью достатка, рѣдко подвергаются нищетѣ и не страдаютъ отъ конкуренціи, потому-что ихъ занятія требуютъ долго-временнаго прагготовительнаго изученія, извѣстнаго навыка и смѣлности, и могутъ производиться только людьми взрослыми. Притомъ же, въ этихъ ремеслахъ и мастерствахъ существуютъ извѣстныя степени, извѣстная іерархія; смотря по своему искусству или прилежа-

пю, работникъ занимаетъ высшее или низшее место; сильный, смелый и бережливый ученикъ можетъ надѣяться со-временемъ сдѣлаться подмастерьемъ, потомъ мастеромъ и приобрести себя независимое состояніе. Въ фабричной производительности работникъ не можетъ имѣть такой надежды на повышеніе: онъ вѣчно долженъ оставаться въ одномъ и томъ же положеніи; ему не представляется никакой возможности улучшить свою участь и поступить когда-либо въ классъ фабрикантовъ. Фабрикантомъ въ настоящее время можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ въ рукахъ своихъ значительный капиталъ, такой капиталъ, котораго никогда не можетъ накопить себя работникъ, получающій плату, едва достаточную для прокормленія. Поэтому-то и нельзя не жалеть объ уничтоженіи полезнаго класса мелкихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые въ промышленномъ мірѣ составляли какъ-бы tiers-état, занимая середину между богатыми капиталистами и бѣдными поденщиками, и связывая между собой эти два класса производителей. Нынѣ въ индустріальной арміи мы не находимъ уже этой посредствующей ступени; нынѣ остались два сословія, отделенныя другъ отъ друга пропастію: съ одной стороны нѣсколько богачей, съ другой множество пролетаріевъ, которые находятся въ полной зависимости отъ капиталистовъ и никогда не могутъ проникнуть въ эту неприступную для нихъ касту.

Замѣна домашняго и уединеннаго труда трудомъ на фабрикахъ имѣла также опасное вліяніе на физическія и нравственныя силы работниковъ. Собственно говоря, соединеніе людей для труда не заключаетъ въ себя ничего дурнаго и вреднаго, и нѣтъ никакой причины предпочитать этому способу производства семейную и уединенную работу. Человѣкъ созданъ для общества; уединеніе не можетъ ему нравиться и не можетъ быть для него полезно. Притомъ же, нынѣ работа домашняя рѣшительно стала невозможной; возвратиться къ прежнему порядку вещей значило бы остановить успѣхи производительности, которые тѣсно связаны съ новымъ способомъ производства. Этотъ промышленный переворотъ былъ дѣйствительно необходимъ, и онъ, безъ сомнѣнія, не произвелъ бы никакихъ вредныхъ результатовъ, еслибъ подумали во-время о послѣдствіяхъ этого новаго явленія, еслибъ заранѣе выговорили въ пользу работниковъ условія, необходимыя для сохраненія ихъ здоровья и нравственности. Но, къ-несчастью, мало обращаютъ вниманія на это важное нововведеніе, и, благоговѣя предъ принципомъ свободной промышленности, оставляютъ фабрикантовъ безъ всякаго надзора, работниковъ — безъ всякаго покровительства. Когда, по случаю различныхъ открывшихся злоупотребленій, правительства рѣшились наконецъ вмѣшаться въ это дѣло, зло успѣло уже вкорениться. Фабриканты воспользовались предоставленнымъ имъ произволомъ и, видя, что прямые ихъ интересы не соответствуютъ интересамъ рабочихъ, отдали, разумѣется, предпочтеніе своимъ личнымъ выгодамъ. Они не имѣли ни времени, ни желанія наблюдать за нравственностью и благосостояніемъ своихъ наемниковъ; и это равнодушіе произвело множество безпорядковъ и злоупо-

ребеній. На фабрикахъ, какъ известно, соединяется обыкновенно нѣсколько сотъ людей разнаго пола и разнаго возраста; мужчины, женщины и дѣти работаютъ вмѣстѣ другъ подле друга въ-продолженіе цѣлаго дня. Сближеніе ихъ между собою бываетъ такъ тѣсно, что невозможно прятать самыхъ необходимыхъ мѣръ для сохраненія приличій. Часто на фабрикахъ и мужчины, и женщины и дѣти должны удовлетворять своимъ необходимымъ нуждамъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Часто жръ бываетъ такъ силея, что работники обоого пола принуждены снимать съ себя платье и раздѣваться почти до-нага. Понятно, какъ притомъ образъ жизни, при соединеніи женщинъ и дѣтей съ людьми порочными и развратными, должна страдать и мало-по-малу теряться святость женскаго пола, какъ рано и какъ глубоко должна повреждаться нравственность дѣтей. Отъ-этого, во всѣхъ большихъ промышленныхъ городахъ распутство существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Сверхъ того, трудъ на фабрикахъ способствуетъ расторженію семейныхъ связей. Члены одного и того же семейства, занимая неодинаковымъ дѣломъ, въ разныхъ комнатахъ, часто даже на разныхъ фабрикахъ, соединяются только на одну минуту по вечерамъ, и такъ-какъ дневная усталость не оставляетъ въ нихъ никакого другаго чувства, кромѣ потребности отдыха, то они спячатъ заснуть для того, чтобъ на другое утро по пробужденіи снова разстаться на цѣлый день. Между ними всякій обманъ чувствъ и мыслей становится невозможнымъ, и семейныя узы мало-по-малу слабеютъ и уничтожаются.

Наконецъ, не надо забывать и того, что этотъ новый способъ производства необходимо влечетъ за собою физическій упадокъ рабочихъ классовъ. Работая постоянно въ-продолженіе 15, 16 часовъ въ душной атмосфере, наполненной зловредными испареніями, работникъ рано или поздно долженъ необходимо утратить свои силы и здоровье. Кромѣ всѣхъ-возможныхъ исключеній, фабриканты и въ этомъ отношеніи остаются равнодушными къ участи людей, ими употребляемыхъ въ дѣло, и въ-большой-части не принимаютъ никакихъ мѣръ для охраненія ихъ здоровья отъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ обыкновенно работу на фабрикахъ. Весьма-немногіе изъ фабрикантовъ заботятся о тщательномъ возобновленіи воздуха въ своихъ заведеніяхъ; весьма-немногіе обращаютъ вниманіе на вредъ, произтекающій для работника отъ продолжительности его занятій. И въ этомъ равнодушіи нѣтъ ничего страннаго, ничего удивительнаго! Можетъ ли существовать дружественіе тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ, никакой связи, никакой солидарности? Въ глазахъ людей, имѣющихъ въ виду только свой капиталъ, могутъ ли имѣть какое-нибудь значеніе здоровье, и благосостояніе работниковъ, осужденныхъ на страданія и на-

этому надо прибавить, что въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности-слѣдствіе чрезмѣрнаго раздѣленія труда, работникъ, для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ, долженъ непременно изуродовать себя и убить некоторые изъ своихъ членовъ. Въ другихъ случаяхъ, онъ за самую ничтожную плату долженъ предпринимать такіа работы, ко-

торыя ежеминутно подвергают жизнь его опасности. Сверхъ того, въ каждой почти отрасли мануфактурной промышленности есть такія занятія, которыя прямо и непосредственно дѣйствуютъ на работниковъ разстрониваютъ ихъ здоровье и ослабляютъ организмъ ихъ. Чесальщицы хлопчатой бумаги, постоянно занимающіеся этимъ ремесломъ, никогда не избегаютъ чахотки или грудной болѣзни. То же самое можно сказать о каменотѣсахъ, о прачкахъ, о красильщикахъ и о людяхъ занимающихся обработываніемъ металловъ. Нѣкоторыя занятія прозаводятъ на человека точно такое же дѣйствіе, какъ медленный ледъ—что можно почти заранее предсказать, какъ долго проживетъ работникъ, избравшій себя такое ремесло. Всего опаснѣе въ этомъ отношеніи занятіе точильщика (grinder). Пыль, отдалающаяся отъ металла и отъ точильнаго бруска, смѣшивается съ дыханіемъ работника, проникаетъ въ его легкія и смертельно ихъ повреждаетъ, такъ-что точильщикъ никогда не достигаетъ тридцати-пятилѣтняго возраста. Между работникомъ и смертію какъ-будто заключается контрактъ, который никогда не нарушается на той, ни другой сторонѣ. Тотъ, кто соглашается точить вилки (извѣстно, что англійскія вилки дѣлаются изъ стали), тотъ знаетъ заранее, что онъ ускоритъ минуту своей смерти; и вліяніе этой ужасной работы такъ дѣйствительно, что между такими работниками пьяницы долговѣчнѣе всѣхъ. Это происходитъ отъ-того, что они отлучаются отъ точильнаго бруска чаще трезвыхъ, и для груди ихъ жгучій алкоголь менѣе губеленъ, нежели сухая пыль, смешанная съ тѣмъ воздухомъ, которымъ они дышатъ. Но вотъ еще замѣчательный фактъ, который такъ не говорить въ пользу экономическаго устройства многихъ фабрикъ. Въ последнее время, для отвращенія указанного нами зла, изобрѣли инструментъ въ родѣ мховъ. Это—пневматическая труба (dustflue), которая прогоняетъ и уноситъ пыль по мѣрѣ того, какъ пыль отдѣляется отъ металла. Но тѣ несчастные, которыхъ пыль эта отравляетъ и убиваетъ,—вмѣсто того, чтобы радоваться спасительному изобретенію, отвергаютъ его и осыпаютъ проклятіями. И этому не должно удивляться. Трудъ, потому самому, что онъ былъ опасенъ, приносилъ работнику нѣсколько лишнихъ пенсовъ. Какъ—скоро опасность уничтожается, конкуренція увеличивается, задѣльная плата понижается. И не лучше ли, не выгоднѣе ли жить нѣсколькими годами менѣе и за то позволить себѣ нѣсколько лишнихъ наслажденій? Такъ разсуждаютъ рабочіе, и вездѣ, гдѣ фабриканты заводятъ спасительный снарядъ, работники возстаютъ для его уничтоженія и пляшутъ потопъ на его обломкахъ.

На умственныя силы работниковъ нынѣшніе способы производства дѣйствуютъ также весьма-неблагопріятнымъ образомъ. Въ-слѣдствіе чрезмѣрной продолжительности занятій, рабочіе не имѣютъ почти ни одной минуты свободнаго времени и не могутъ ни учиться, ни читать; въ-слѣдствіе недостаточности получаемой ими платы, они не имѣютъ никакой возможности доставить себѣ даже первоначальное образованіе. Но, кромѣ того, и въ самомъ образѣ и свойства занятій заключается сильная, дѣятельная причина умственнаго упадка рабочихъ массовъ.

«Я шёл въ Манчестеръ», говоритъ Бюре, «бумагопращальную фабрику, гдѣ въ одной залѣ находилось около 400 механическихъ станковъ, въ надзорѣ молодыхъ дѣвушекъ; не смотря на ихъ молодость, въ ихъ движеніяхъ и чертахъ лица выражались слезы скуки и утомленія. Возможно дать даже приблизительнаго понятія о томъ страшномъ шумѣ, трепѣ котораго она жила; шумъ этотъ, съ которымъ нельзя сравнить ни грома, ни пушечныхъ выстрѣловъ, способенъ потрясти весь человѣскій организмъ и подавить всякую умственную дѣятельность. Мы замѣтили, что эти несчастныя уже привыкли къ такому шуму жизни; но подобная привычка, если она и существуетъ, приобретаетъ не иначе, какъ цѣною уничтоженія умственныхъ и нравственныхъ силъ человека. Сильно могу сказать, что нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе той, которой подвергаются эти молодыя работницы, принужденныя жить ежедневно въ продолженіе 14 или 16 часовъ среднѣго одуряющаго треска, среди такого шума и стука!» — Отъ чрезмернаго раздѣленія труда умственные силы рабочихъ также притупляются и слабеютъ. Когда на фабрикѣ распределеніе работъ доведено до совершенства, то трудъ получаетъ характеръ занятія чисто-механическаго; все дѣло для работника ограничивается однимъ направленіемъ физическихъ силъ, болѣе-достойнымъ животнаго, нежели человѣка. Работникъ приводитъ въ дѣйствіе не умъ, не воображеніе, а только мускулы; онъ не творитъ ничего, а повторяетъ только механически и непрерывно одни и те же движенія. «Въ Бирмингамѣ», говоритъ Бюре, «я видѣлъ хрустальный заводъ, на которомъ раздѣленіе труда доведено было до высшей степени совершенства. Издѣлія выкатывали тамъ безпрестанно изъ рукъ въ руки: для одной части работницы все дѣло состояло въ томъ, чтобъ тереть куски хрустала объ каменные или стальные жернова, — въ продолженіе цѣлаго года не отвѣщая другамъ не занимались. Можно себя представить, что должно складаться съ чувствами и съ разумомъ людей, которые ежедневно въ продолженіе 16 часовъ занимаютъ только тѣмъ, что трутъ жерновъ маленькіе кусочки стекла?»

Остроумный французскій литераторъ Лемонтэ, неприсланный члену экономистовъ, первый обратилъ вниманіе науки на это послѣдствіе чрезмернаго раздѣленія труда, на это послѣдствіе, котораго экономисты не могли отрицать, но предпочитали молчаніемъ. «Чѣмъ совершеннѣе будетъ раздѣленіе труда», говоритъ Лемонтэ, «чѣмъ обширнѣе будетъ приложеніе машинъ, тѣмъ болѣе будетъ слабѣть и притупляться умъ работника. Одна минута, одна секунда, будетъ поглощать все его знаніе, и въ слѣдующую минуту, въ слѣдующую секунду онъ уже будетъ повторять то же самое. Одному въ продолженіе цѣлой жизни замѣнять собой рычагъ; другому — винтъ; третьему — какой-нибудь шпиль. Человѣкъ превращается въ инструментъ, отъ котораго не требуется никакихъ свойствъ чело-вѣческой природы, и механикъ замѣняетъ работника простымъ орудіемъ; искусство-только искусство его усовершенствуется... Дикій, находясь въ постоянной борьбѣ съ элементами природы, живущій только

тѣмъ, что доставляютъ ему охота и ловля, отличается силой и хитростью, воображеніемъ и здравостью смысла. Земледелецъ, котораго безпрестанныя измѣненія въ погодѣ, въ цѣнахъ, въ почвахъ, въ способахъ обработыванія принуждаютъ къ безпрестаннымъ расчетамъ и комбинаціямъ, остается среди своихъ занятій существомъ мыслящимъ... Но если многосложный трудъ развиваетъ умъ человека, то ясно, что трудъ раздробленный долженъ производить совершенно-противное дѣйствіе на работника. Одинъ, сосредоточивая въ рукахъ своихъ цѣлое ремесло, чувствуетъ свою силу и независимость; другой становится подобенъ тѣмъ машинкамъ, среди которыхъ живетъ. Онъ не можетъ не сознаться, что онъ не болѣе, какъ вещь прибавочная, вѣ что какъ-скоро онъ отдѣленъ отъ машины, у него уже нѣтъ ни способности, ни средствъ существованія. Мнѣ было бы грустно и совѣстно признаться самому-себѣ, что вся жизнь моя прошла надъ тѣмъ только, чтобъ поднимать и опускать клапанъ, и что во всю жизнь я не произвелъ ни разу ничего болѣе восемнадцатою долей булавки.»

Вся эти упреки, безъ-сомнѣнія, совершенно-справедливы и основательны; но въ то же время нельзя не признать, что отъ чрезмѣрнаго раздѣленія работъ зависитъ дешевизна и совершенство продуктовъ, что чѣмъ болѣе дѣлится трудъ, тѣмъ успешнѣе развивается производительность. Тутъ мы опять встрѣчаемъ противорѣчіе между прогрессомъ экономическимъ и прогрессомъ общественнымъ, состоящимъ въ улучшеніи судьбы большинства. Для примиренія этихъ двухъ противорѣчащихъ, но равно-необходимыхъ условій прогресса, нѣкоторые писатели предлагаютъ сохранять раздѣленіе работъ, но противодействовать вреднымъ его послѣдствіямъ—безпрестаннымъ измѣненіемъ занятій, и въ-особенности соединеніемъ труда земледѣльческаго съ трудомъ мануфактурнымъ. Но, къ-сожалѣнію, средство это не легко примѣнимо; его нельзя осуществить безъ важныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ. Только посредствомъ этого измѣненія можно спасти производителей отъ той нищеты и отъ того упадка, которыми они теперь подвергаются не смотря на успѣхи промышленности и не смотря на развитіе матеріальнаго благосостоянія.

Но изъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій нынѣшней системы производства машинами, всего вреднѣе, безъ сомнѣнія, то, что размноженіе машинъ и чрезмѣрное раздѣленіе работъ, облегчивъ трудъ человека, дали фабрикантамъ возможность замѣнять взрослыхъ мужчинъ женщинами и дѣтьми. Для фабрикантовъ вообще употребляютъ на своихъ фабрикахъ дѣтей гораздо-выгоднѣе, нежели взрослыхъ, потому-что первыя производятъ столько же, сколько и послѣдніе, но довольствуются гораздо-меньшей задѣльной платой. Это же самое обстоятельство даетъ преимущество и женщинамъ надъ мужчиной, а потому число женщинъ и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, увеличивалось съ каждымъ днемъ, теперь сдѣлалось весьма-значительнымъ. Эти несовершеннолетніе работники вытѣсняють мало-по-малу другихъ и составляютъ нынѣ почти половину всѣхъ агентовъ мануфактурной промышленности. На многихъ фабрикахъ даже вовсе не употребляютъ взрослыхъ мужчинъ; въ Бирмингамѣ при-

занимается по-большой-части одинъ мужчина на десять женщинъ и дѣтей. Число женщинъ, работавшихъ въ 1841 году на англійскихъ фабрикахъ, составляло въ хлопчатобумажной промышленности 48 процентовъ на сто; въ шелковой—51; въ льняной—41; въ шерстяной—29; число дѣтей моложе двадцати лѣтъ составляетъ въ хлопчатобумажной промышленности 35 процентовъ на сто; въ шелковой—30; въ льняной—29; въ шерстяной—26. Эти цифры представляютъ явленіе въ высшей степени неутѣшительное, если только обратить вниманіе на бѣдственную участь этихъ женщинъ и дѣтей. Употребленіе такихъ несовершеннолетнихъ работниковъ въ мануфактурной промышленности было сопряжено и сопрягается донынѣ съ величайшими злоупотребленіями. Дѣтей обыкновенно принимали на фабрики слишкомъ рано, прежде, чѣмъ они дѣлались способны къ такого рода занятіямъ; и въ Англии, и во Франціи, и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ на фабрикахъ работали очень-часто дѣти шести, пяти, четырехъ лѣтъ. Въ Англии даже въ одной мастерской найденъ былъ двух-лѣтній ребенокъ, работавшій подлѣ своей матери. Дѣтей заставляли работать столько же, сколько и взрослыхъ; женщинъ столько же, сколько и мужчинъ; и тѣхъ и другихъ обременяли занятіями тяжкими, изнурительными, несоответствующими степени развитія ихъ силъ, несообразными съ ихъ поломъ или возрастомъ. Съ дѣтми обращались по-большой-части дурно, даже жестоко; ихъ угнетали и притѣсняли, обременяли побоями, наносили имъ раны, доходили даже до убійства. Но, независимо отъ страданій, которыми подвергались эти несчастныя, обременительный и чрезвычайный трудъ на фабрикахъ, на заводахъ, въ рудникахъ имѣлъ самое губительное вліяніе на физическое и нравственное ихъ состояніе. Онъ разстроивалъ ихъ здоровье, ослаблялъ ихъ организмъ, останавливалъ его развитіе и такимъ образомъ убивалъ физическія силы новой генерации въ самомъ ихъ зародышѣ. Онъ лишалъ дѣтей возможности получить образованіе и развитъ свои умственные способности, уничтожалъ въ нихъ всякое нравственное достоинство, съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучалъ къ разврату и пороку, и приготавливалъ обществу гражданъ большихъ, слабыхъ, невѣжественныхъ, развратныхъ, убитыхъ физически и морально. Такія страшныя послѣдствія не могли не обратитъ на себя вниманія; страданія этихъ несчастныхъ не могли не найти себѣ отголоска въ общественномъ мнѣніи; и действительно, эти злоупотребленія были такъ ужасны, что правительства всѣхъ почти государствъ принуждены были принять дѣятельныя мѣры для охраненія здоровья и нравственности дѣтей отъ корыстолюбія родителей и тиранства фабрикантовъ. Въ Англии особенно обращено было сильное вниманіе на этотъ вопросъ, и издано было множество законовъ для протѣговъ злу, которое действительно въ этой странѣ проявилось сильнѣе и ужаснѣе, нежели въ другихъ государствахъ Европы. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна исторія англійскаго законодательства, такъ болѣе, что по этому предмету нельзя нигдѣ найти такихъ обильныхъ матеріаловъ, какъ въ Англии, гдѣ многочисленныя слѣдствія, произведенныя по предписанію парламента, раскрыли такія неслыханнымъ

тайны, которымъ мудрено было бы повѣрять, еслибъ извѣстія о нихъ не происходили изъ источниковъ вполне-достоверныхъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, фабрикантамъ, жаловавшимся на возвышеніе пошлинъ, знаменитый Питтъ указалъ на работу дѣтей, какъ на средство, которое должно было значительнымъ-образомъ облегчить тяжесть ихъ положенія. Это указаніе перваго министра не пропало даромъ: фабриканты послѣдовали его совѣту, и уже тогда положено было начало набору дѣтей и женщинъ на фабрики,—набору, который, усиливаясь мало-по-малу, распространился нынѣ на весь классъ рабочаго народонаселенія. Прежде всего подверглись этой участи тѣ дѣти бѣдныхъ, которые содержались насчетъ приходовъ. Вотъ, какъ описывалъ ихъ страданія, лѣтъ тридцать назадъ, одинъ изъ богатѣйшихъ тогдашнихъ фабрикантовъ, отецъ сэра Роберта Пила: «Фабрики заведены «были сначала въ мѣстахъ мало-населенныхъ; для того, чтобъ приво- «дять машины въ дѣйствіе, нужно было занять у большихъ городовъ «избытокъ ихъ народонаселенія; и въ-слѣдствіе того нѣсколько тысячъ «дѣтей, отданныхъ приходами въ ученіе, присланы были на эти фа- «брики изъ Лондона, Бирмингама и другихъ дистриктовъ. Компанія, въ «которой я участвовалъ, одна вызвала для себя тысячу такихъ учени- «ковъ. Въ свободное время, я иногда посѣщалъ и осматривалъ наши «фабрики, и при этихъ осмотрахъ меня всякій разъ поражалъ болѣз- «ненный видъ дѣтей и малый ростъ ихъ. Продолжительность ихъ за- «нятія опредѣлялась личнымъ интересомъ управителя фабрики. Чѣмъ «больше производилъ работникъ, тѣмъ больше получалъ онъ жало- «ванья, а потому онъ для собственной своей выгоды принуждалъ «дѣтей къ чрезмерно-продолжительнымъ занятіямъ, а чтобъ они не «жаловались, онъ давалъ имъ незначительныя награжденія. Скоро я «убѣдился, что эти злоупотребленія существуютъ не на однихъ нашихъ «фабрикахъ; я узналъ, что и въ другихъ заведеніяхъ изнуряютъ дѣтей «сладкомъ-продолжительной работой и вовсе не заботятся о чистотѣ «рабочихъ комнатъ и возобновеніи въ нихъ воздуха. Тогда я пред- «ложилъ парламенту билль объ искорененіи этихъ злоупотребленій и по- «становленіи извѣстныхъ правилъ для работы дѣтей на фабрикахъ».

Этотъ законъ, принятый парламентомъ по предложенію Пила, повѣщавалъ, чтобъ дѣти бѣдныхъ, отданныхъ приходами въ ученіе, не работали на фабрикахъ болѣе двѣнадцати часовъ въ день. Но предписанія этого закона, относясь только къ сиротамъ безсемейнымъ, прерваннымъ отъ общества, не распространялись на тѣхъ дѣтей, которые жили вмѣстѣ съ родителями и находились въ ихъ распоряженіи. Очень-понятно, что фабриканты, стѣсненные въ употребленіи на работу сиротъ, обратились къ лѣтямъ работниковъ. Въ-слѣдствіе изобрѣтенія паровыхъ машинъ, фабрики и заводы переведены были въ города, и промышленность стала набирать для себя работниковъ изъ всѣхъ семействъ, принадлежавшихъ къ городскому рабочему населенію. Съ этихъ самыхъ поръ начался быстрый упадокъ молодыхъ поколѣній какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Дѣти должны были работать на фабрикахъ ежедневно въ-продолженіе тринадцати и четырнад-

дти часовъ; и для того, чтобъ они безропотно исполняли тяжкія обязанности, на нихъ возложенныя, родители предоставляли имъ въ полное распоряженіе часть тѣхъ денегъ, которыя они выработывали. Такимъ-образомъ, дѣти приобретали самостоятельность весьма-рано; и это преждевременное освобожденіе ихъ изъ-подъ отеческой власти было, разумеется, въ высшей степени вредно для ихъ нравственности. Отецъ сэра Роберта Пила снова обратилъ на это вниманіе парламента. «Если парламентъ не вступится въ это дѣло» говорилъ онъ въ 1816 году: «то даль изданнаго имъ закона вовсе не будетъ достигнута. Перестануть употреблять на фабрикахъ учениковъ, принадлежащихъ приходамъ, но вмѣсто ихъ призвать другихъ дѣтей, которыя не будутъ связаны съ своими хозяевами постоянными контрактами и не будутъ имѣть для себя никакого обезпеченія. Употребленіе работы дѣтей на фабрикахъ будетъ имѣть для новыхъ поколѣній столь вредныя, столь горестныя послѣдствія, что я не могу подумать объ этомъ безъ ужаса, и усовершенствованіе машинъ и способовъ производства, вмѣсто ожидаемыхъ благодѣяній, принесетъ нашему отечеству самыя горькіе плоды».

Предсказаніе стараго Пила въ настоящую минуту дѣйствительно сбылось. Англія теперь убѣдилась, что нелегко искоренить зло, которое уже успѣло тѣсно слиться съ народною жизнью. Уже болѣе тридцати лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ обратили въ первый разъ вниманіе на несчастную участь дѣтей, работающихъ на фабрикахъ; во все продолженіе этого времени и правительство, и парламентъ, и частныя люди не переставали ни на минуту заботиться объ улучшеніи этой участи; и не смотря на всѣ усилія, зло не только не уничтожилось, но напротивъ усиливается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Первый протестъ въ пользу дѣтей поданъ былъ человѣкомъ, который посвятилъ всю жизнь свою на служеніе человечеству и который заслугами своими приобрѣлъ полное право на уваженіе современниковъ и потомства: мы говоримъ о Робертѣ Овенѣ (Owen). Бывъ довольно-долго управителемъ бумагопрядильной фабрики въ Манчестерѣ, Робертъ Овенъ купилъ себѣ въ-послѣдствіи извѣстное нью-ленеркское (New-Lanark) заведеніе въ Шотландіи, въ которомъ 500 дѣтей отъ пяти до восьми лѣтъ употреблялись для приведенія машинъ въ дѣйствіе. Эти маленькіе работники, хорошо-накормленные, хорошо-одѣтые, съ перваго взгляда казались свѣжими и здоровыми; но Овенъ скоро убѣдился, что у многихъ изъ нихъ ноги и руки были изуродованы, что они вообще не росли, и что отъ постоянной усталости умственные способности ихъ такъ ослабили, что они не могли даже выучиться читать по складамъ. Немедленно приняты были мѣры для того, чтобъ пресечь зло въ самомъ его источникѣ; предписано было, чтобъ дѣти работали не болѣе десяти съ половиною часовъ въ день, и запрещено было принимать на фабрику дѣтей моложе десяти лѣтъ. Такимъ-образомъ, Робертъ Овенъ подалъ первый примѣръ улучшенія судьбы дѣтей; но онъ не ограничился этимъ: онъ хотѣлъ, чтобъ и другіе фабриканты послѣдовали его примѣру и стали дѣятельно трудиться для достиженія этой общественной цѣли. Но труды его въ этомъ от-

пошеніи не увѣнчались успѣхомъ; фабриканты не хотѣли пожертвовать своими личными выгодами требованіямъ человеколюбія, и потому Овенъ рѣшился предложить это дѣло на разсмотрѣніе законодательныхъ собраній. Овенъ требовалъ, чтобъ законъ ограничилъ произволъ фабрикантовъ и предписалъ имъ извѣстные правила для употребленія работы дѣтей на фабрикахъ. Онъ предлагалъ, чтобъ запрещено было занимать дѣтей работой болѣе десяти съ половиною часовъ въ день и принимать на фабрики моложе десяти лѣтъ. Онъ требовалъ также, чтобъ дѣти моложе двѣнадцати лѣтъ не работали болѣе пяти съ четвертью часовъ въ день. Сэръ Робертъ Пилъ, отецъ нынѣшняго знаменитаго министра и одинъ изъ наиболѣе-уважаемыхъ членовъ нижней палаты, согласился внести этотъ билль въ парламентъ и поддерживать его всѣмъ своимъ вліяніемъ. Но проектъ его въ нижнемъ парламентѣ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны фабрикантовъ, которые настояли на томъ, чтобъ произведено было слѣдствіе по этому предмету. Слѣдствіе продолжалось почти три года, и послѣ долгихъ разсужденій въ палатѣ, билль, предложенный Пилемъ, былъ принятъ, но съ такими измѣненіями, которыя совершенно уничтожали его силу. Запрещено было фабрикантамъ принимать дѣтей моложе десяти лѣтъ и занимать ихъ работой болѣе двѣнадцати часовъ въ день.

Законъ 1819 года не принесъ дѣтямъ почти никакой пользы; но онъ былъ весьма-важенъ въ томъ отношеніи, что открылъ собою путь къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ. Этимъ закономъ признавалось право вмѣшательства общественной власти въ это дѣло; на государство и на будущее время налагалась обязанность оказывать свое покровительство тѣмъ, которые не могутъ сами произвольно располагать своею участіемъ. Въ 1825 году, въ-слѣдствіе новыхъ усилій со стороны англійскихъ филантроповъ, актъ 1819 года былъ подтвержденъ, при чемъ предписаны были новыя правила для сохраненія здоровья дѣтей, употребляемыхъ на фабричную работу. Въ 1831 году, для протавоидіи вновь-открытымъ злоупотребленіямъ, парламентъ запретилъ употреблять дѣтей для ночныхъ работъ; но многіе фабриканты, пользуясь корыстолюбіемъ родителей, уклонились отъ предписаній 1825 и 1831 годовъ, и такимъ-образомъ, не смотря на благонамѣренныя усилія парламента, положеніе дѣтей нисколько не улучшилось.

Въ это время, работники въ первый разъ обратили сами вниманіе на это дѣло, близко до нихъ касавшееся, и рѣшилась принять участіе въ судьбѣ дѣтей. Въ значительнѣйшихъ городахъ Англіи, въ Манчестерѣ, въ Глазгоу, въ Лидсѣ составились для этой цѣли комитеты (short times committees), которые посредствомъ митинговъ и адресовъ старались склонить общественное мнѣніе на свою сторону. Но работники не ограничивались частнымъ вопросомъ о работѣ дѣтей; они простирали свои виды гораздо-дальше, и хотѣли, чтобъ парламентъ опредѣлилъ закономъ число рабочихъ часовъ не для однихъ дѣтей, но и для людей взрослыхъ. Требованія ихъ были предложены на разсмотрѣніе нижней палаты, которая предписала произвести по этому предмету подробное изслѣдованіе. Комиссія, на которую возложена была эта обязан-

вость, занималась въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Члены ея не могли согласиться между собой и представили палатѣ одни только собранныя ими свидѣнія, не высказавъ при этомъ своего мнѣнія. Обнародованіе этихъ отчетовъ произвело сильное впечатлѣніе и въ Англии и во всей Европѣ. Въ этихъ документахъ, положеніе рабочихъ классовъ представлено было въ столь ужасномъ видѣ, что показалось многимъ совершенно-незаслуживающимъ вѣроятія. Дѣйствительно, эти свидѣнія основывались почти-исключительно на показаніяхъ самыхъ работниковъ, и фабриканты громко жаловались на пристрастіе членовъ комиссіи. Тогда правительство, по желанію парламента, рѣшилось произвести новое изслѣдованіе. Во всѣ большіе города посланы были комиссары, которые должны были, выслушавъ всѣ различныя мнѣнія и разсмотрѣвъ собственными глазами положеніе дѣлъ, представить вѣрный и безпристрастный отчетъ. Комиссары раздѣлили между собой тѣ дистрикты, въ которыхъ имъ поручено было произвести изслѣдованіе, и дѣтельно принялись за исполненіе возложенной на нихъ обязанности. Слѣдствіе производилось въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и документы, представленные палатѣ въ іюль 1833 года, составили четыре большіе тома in-folio. Эти свидѣнія, собранныя новыми комиссарами, были весьма-неблагопріятны для фабрикантовъ; они по-большой-части подтверждали тѣ показанія, на которыхъ основаны были отчеты, представленные комиссіей 1832 года.

Комиссары объявляли, что дѣти, употребляемыя на фабрикахъ, работали столько же, сколько и взрослые люди, и что эта чрезмерная продолжительность занятій сопровождалась для нихъ слѣдующими послѣдствіями: во-первыхъ, потерей здоровья, во-вторыхъ — болѣзнями, часто неизлечимыми, и, въ-третьихъ, совершенною невозможностью получать надлежащее воспитаніе. Они прибавляли къ этому, что дѣти дѣйствовали не по собственной своей волѣ, что ихъ продавали фабрикантамъ родители, которые присвоивали себѣ всѣ заработываемыя ими деньги. Комиссары приходили къ тому заключенію, что внимательство законодательной власти было рѣшительно необходимо для того, чтобъ положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, и требовали, чтобъ работа дѣтей была ограничена восемью или девятью часами въ день.

Эти заключенія подали поводъ къ продолжительнымъ и жаркимъ преніямъ въ нижней палатѣ. Лордъ Ашлей, только-что выступившій тогда на то филантропическое поприще, на которомъ онъ успѣлъ оказать отечеству столько важныхъ заслугъ, представилъ палатѣ билль, въ которомъ число рабочихъ часовъ определялось какъ для малолѣтнихъ, такъ и для взрослыхъ работниковъ. Но тогдашній канцлеръ лордъ Альтгорпъ потребовалъ, чтобъ палата оказала покровительство только тѣмъ, которые сами не могутъ о себѣ заботиться, не стѣсняя при этомъ ни въ чемъ свободы людей взрослыхъ. Это измѣненіе принято было большинствомъ 238 голосовъ противъ 93; и законъ 29 августа 1833 года, принятый послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, постановилъ права для однихъ только малолѣтнихъ работниковъ. Законъ этотъ послужилъ образцомъ и примѣромъ для всѣхъ постановленій, изданныхъ

по этому предмету въ другихъ европейскихъ государствахъ; но, не смотря на то, въ немъ заключается много весьма-важныхъ и существенныхъ недостатковъ, въ-слѣдствіе которыхъ онъ не достигъ своей настоящей цѣли и оказался въ послѣдствіи времени совершенно-бесплоднымъ и бесполезнымъ.

Самый важный недостатокъ заключается въ томъ, что фабрикантамъ предоставлено было право въ извѣстныхъ случаяхъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ парламентомъ для числа рабочихъ часовъ. Это дозволялось имъ тогда, когда отъ какого-нибудь неожиданнаго случая прекращалась внезапно работа и терялось даромъ много времени. Но это дозволеніе подало сильный поводъ къ обманамъ и злоупотребленіямъ, и представляло фабрикантамъ вѣрное и безопасное средство уклоняться отъ предписаній закона. Когда фабрикантъ хотѣлъ, чтобъ его работники занимались въ день болѣе узаконеннаго числа рабочихъ часовъ, то онъ всегда могъ достигнуть своей цѣли и привести свое намѣреніе въ исполненіе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно было вознаграждать себя за время, будто-бы имъ потерянное. Сверхъ того, законъ 1833 года относился только къ бумажнымъ, шерстянымъ, льнянымъ и шелковымъ фабрикамъ. Вся другія отрасли промышленности, и даже въ этихъ четырехъ отрасляхъ вся домашнія мастерскія, освобождены были отъ предписанія закона. Отъ этого происходило неравенство между различными отраслями труда, — неравенство, которое было и вредно и несправедливо. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключалось одно изъ самыхъ важныхъ несовершенствъ законодательной мѣры; и къ-сожалѣнію, послѣдующими распоряженіями несовершенство это нисколько не исправлено, а, напротивъ, оставлено почти во всей своей силѣ.

Постановленія закона, относящіяся въ-особенности къ дѣтямъ, также не заслуживаютъ большой похвалы. Запрещено было фабрикантамъ употреблять на фабрикахъ дѣтей моложе девяти лѣтъ. Отъ девяти до тринадцати лѣтъ дѣти должны были работать не болѣе восьми часовъ въ день, отъ тринадцати до восемнадцати—не болѣе двѣнадцати часовъ. До восемнадцатилѣтняго возраста, никто не могъ быть принятъ на фабрику, если не имѣлъ аттестата о своемъ возрастѣ и здоровьѣ. Аттестатъ этотъ долженъ былъ быть подписанъ докторомъ и засвидѣтельствованъ мѣстнымъ начальствомъ. Но парламентъ, назначая для работы дѣтей восемь часовъ въ день, поступилъ въ этомъ отношеніи весьма-необдуманно. Когда дѣти работаютъ менѣе, нежели взрослые, то имъ необходимо сменять другъ друга; необходимо, чтобъ взрослый работникъ имѣлъ при себѣ двухъ помощниковъ, изъ которыхъ одинъ бы работалъ утромъ, другой—вечеромъ. Но такъ-какъ среднимъ числомъ работа на фабрикахъ продолжается обыкновенно отъ двѣнадцати до тринадцати часовъ въ день, то выходитъ, что дѣти собственно не могли работать въ день болѣе шести часовъ съ половиной, не смотря на то, что законъ позволялъ имъ работать въ-продолженіе восьми часовъ.

Уменьшая для дѣтей число рабочихъ часовъ, законодатель не только хотѣлъ оградить ихъ здоровье и физическія силы, но имѣли въ виду также сберечь для нихъ время, нужное для ихъ воспитанія. Одна-

кожъ, по весьма-странной непредусмотрительности, парламентъ, объявивъ, что дѣти, употребляемыя на фабрикахъ, обязаны посѣщать школы, не позаботился объ учрежденіи для нихъ этихъ школъ. Законъ, следовательно, предписывалъ невозможное и, само-собою разумется, не былъ исполненъ.

Самая большая польза, принесенная закономъ 1833 года, заключается въ томъ, что для исполненія предписанныхъ правилъ принята была мѣра, во всехъ отношеніяхъ весьма-благовательная. На основаніи этой мѣры, правительство получило отъ парламента право назначать четырехъ инспекторовъ для постоянного надзора за фабриками и мануфактурами. Эти инспекторы имѣютъ право посѣщать малолѣтнихъ работниковъ во время ихъ занятій, во всякій часъ дня и ночи, предписывать фабрикантамъ правила для обращенія съ ними; наблюдать за воденіемъ счетныхъ книгъ, ревизовать школы и призывать къ суду фабрикантовъ и родителей, виновныхъ въ нарушеніи закона. Это новое учрежденіе не могло повравиться народу: оно было противно правамъ Англіи, гдѣ каждый гражданинъ смотритъ на свой домъ или на свое заведеніе какъ на крѣпость, въ которую не можетъ проникнуть власть общественная. Поэтому, нововведеніе сначала возбудило противъ себя сильное негодованіе; однакожъ, въ рукахъ людей честныхъ и благо-разумныхъ, оно принесло самые полезные плоды. Если досель не прекращается движеніе, возбужденное въ 1833 году; если законъ не остался совершенно-безплоднымъ, если собрано теперь множество самыхъ вѣрныхъ указаній для дальнѣйшихъ преобразованій, то, безъ всякаго сомнѣнія, Англія всеми этими результатами обязана единственно учрежденію инспекторовъ для надзора за фабриками и мануфактурами.

По примѣру Англіи, и другія государства старались улучшить положеніе дѣтей, работающихъ на фабрикахъ; но мѣры, ими принятія, были также по-большой-части совершенно-безуспѣшны. Въ Соединенныхъ-Штатахъ только въ одномъ Массачузетъ обращено было вниманіе на этотъ вопросъ; постановлено было, что дѣти моложе пятнадцати лѣтъ не могутъ работать на фабрикахъ, если они предварительно не получили первоначальнаго образованія въ высшихъ училищахъ. Но эта мѣра принята была не столько для организаціи труда, сколько для того, чтобъ распространить въ народъ просвѣщеніе. Въ Швейцаріи, Цюрихской Кантонъ запрещаетъ принимать на бумаго-прядильныя фабрики дѣтей моложе десяти лѣтъ, но позволяетъ имъ работать въ-продолженіе двѣнадцати часовъ. Въ Ааргау дѣти не могутъ работать прежде четырнадцати лѣтъ, и притомъ фабриканты непремѣнно обязаны заботиться о ихъ воспитаніи. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не издано было такого строгаго постановленія; только въ Ааргау требованіямъ челоѵколюбія принесены были въ жертву все другіе интересы. Въ Пруссіи, по закону 1839 года, никто не можетъ быть принятъ на фабрику, на заводъ или рудникъ ранѣе девяти лѣтъ, и до шестнадцати лѣтъ никто не можетъ работать болѣе десяти часовъ въ день. Во всякомъ случаѣ ребенокъ не можетъ поступить на фабрику, если

онъ не посѣщалъ школы въ-продолженіе трехъ лѣтъ, и если онъ не умѣетъ читать и писать. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ время припѣтія на фабрики назначено въ одиннадцать лѣтъ, а продолжительность работъ въ двѣнадцать часовъ. Въ Баваріи, закономъ 1840 года, запрещено принимать на фабрики, заводы и рудники дѣтей моложе девяти лѣтъ; а дѣтямъ отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ положено работать не болѣе десяти часовъ въ день, включая сюда и два часа, назначенные для посѣщенія школы. Вообще, отъ нѣмецкихъ законовъ можно было бы требовать большаго совершенства, потому-что въ Германіи гораздо-легче было искоренить зло, нежели въ Англіи, гдѣ оно уже слишкомъ-твердо укоренилось, и гдѣ съ его сохраненіемъ тѣсно связаны интересы богатаго и могущественнаго сословія. Законы германскихъ государствъ имѣютъ надъ англійскими то преимущество, что они не ограничиваются однимъ фабриками, а распространяютъ также свое дѣйствіе на заводы и на рудники. Но съ другой стороны, въ Германіи правительство оказываетъ свое покровительство только дѣтямъ, между-тѣмъ, какъ въ Англіи оно простираетъ свою заботливость на всѣхъ несовершеннолѣтнихъ работниковъ.

Во Франціи въ 1841 году изданъ былъ также законъ о работѣ дѣтей, законъ весьма-несовершенный и недостаточный. Онъ имѣетъ болѣе-обширный кругъ дѣйствія, нежели законъ англійскій, потому-что относится не къ однимъ фабрикамъ, но также къ рудникамъ и заводамъ, но не распространяется на небольшія мастерскія, гдѣ преимущественно дѣти обременяются работой и чаще, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ подвергаются дурному и жестокому обращенію. Законъ 1841 года опредѣляетъ, что дѣти не могутъ быть принимаемы на фабрики, заводы и рудники моложе восьми лѣтъ; что отъ девятаго до тринадцатаго года они должны работать не болѣе восьми часовъ въ день, а отъ двѣнадцатаго до шестнадцатаго года не болѣе двѣнадцати часовъ. Дѣтямъ моложе тринадцати лѣтъ запрещено работать ночью. Но всѣ эти предписанія также заключаютъ въ себя весьма-много существенныхъ недостатковъ и вовсе не приводятъ къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ должны были бы привести. Такимъ-образомъ, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ государствахъ, успѣха и дѣйствія законодателей не достигли своей истинной цѣли и не облегчили участи несчастныхъ дѣтей. Англія имѣетъ, однакожъ, надъ всеми другими странами то важное преимущество, что въ ней послѣдствія ея постановленийъ приведены во всеобщую извѣстность, что даетъ возможность убедиться въ несовершенствѣ ея законовъ и найти средство къ ихъ исправленію и дополненію.

Въ 1837 году, черезъ четыре года послѣ обнародованія закона, напечатаны были донесенія нѣкоторыхъ инспекторовъ фабрикъ о послѣдствіяхъ новыхъ мѣръ, принятыхъ парламентомъ. Изъ донесеній этихъ видно, что вообще цѣль закона не была достигнута, и что положеніе дѣтей весьма-мало улучшилось. Многіе фабриканты, для того, чтобъ не подчиниться стѣснительнымъ предписаніямъ новаго закона, исключили изъ своихъ заведеній всѣхъ дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ. Дру-

не употребляли разныхъ хитростей, чтобъ уклониться отъ исполненія
нормальныхъ для нихъ правилъ, и всего чаще посредствомъ фаль-
шивыхъ аттестатовъ относили къ категоріи молодыхъ людей — дѣтей,
которые не болѣе одиннадцати или дванадцати лѣтъ; а такъ-какъ
истыя суды состояли преимущественно изъ фабрикантовъ, то есте-
ственно, что судьи для своихъ личныхъ выгодъ часто оставляли безъ
наказанія эти нарушенія закона. Въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ
система снѣны однихъ дѣтей другими не нравилась фабрикантамъ и рад-
ка имъ была употреблена. Даже тамъ, гдѣ она приведена была въ
исполненіе, она не приносила никакой пользы, потому-что дѣти, ра-
ботавшія утромъ на одной фабрикѣ, вечеромъ работали на другой; и
родили ихъ столько же непріязненно смотрѣли на законъ, какъ и
снѣны фабриканты.

Та статья закона, на основаніи которой дѣти, работавшія на фабри-
кахъ, обязаны были непременно получать первоначальное образованіе,
стала мертвой буквой. За исключеніемъ нѣсколькихъ фабрикъ, гдѣ
заведены были школы самими фабрикантами, въ средствахъ образова-
нія оказался совершенный недостатокъ; притомъ же заведенныя школы
по-большой-части оставались пустыми въ-слѣдствіе нерадѣнія родите-
лей и лѣности дѣтей. Изъ двухъ тысячъ дѣтей тринадцати или четыр-
надцати лѣтъ, испытанныхъ въ Манчестерѣ въ 1836 году, тысяча
шестьдесятъ-семь не умѣли читать. Между-тѣмъ, дѣти эти выработыва-
ли себя по-большой-части отъ пяти до семи шиллинговъ въ недѣлю, а
иные ихъ отъ двадцати-пяти до тридцати.

Донесенія инспекторовъ съ 1837 по 1841 годъ показываютъ, что и
въ это время законъ оставался безуспѣшнымъ. Одинъ инспекторъ объ-
явилъ, что въ Графствѣ Ланкастерскомъ запрещеніе занимать дѣтей бо-
лѣе восьми часовъ въ день рѣдко исполнялось. По-большой-части са-
мые малолѣтныя дѣти снабжены были такими аттестатами, которые по-
казывали, что они достигли тринадцатилѣтняго возраста. Такого рода
лишныя весьма-обыкновенны. Съ 8 сентября по 14 ноября 1842 года,
ланкастерскимъ инспекторомъ повѣрено было сто-девятъ аттестатовъ на
сорок-девяти фабрикахъ. Эта повѣрка показала, что изъ ста-девяти
дѣтей, только двадцать-шесть имѣли дѣйствительно тотъ возрастъ, кото-
рымъ былъ указанъ въ ихъ свидѣльствѣ. Вся донесенія единогласно
подтверждаютъ, что фабриканты, для избавленія себя отъ стѣснитель-
ныхъ постановленій закона, перестали принимать къ себѣ на фабри-
ки дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, такъ-что число дѣтей, употребле-
емыхъ въ четырехъ главныхъ отрасляхъ промышленности, значитель-
но уменьшилось. Такъ, на-примѣръ, въ Йоркширѣ, въ 1838 году, фа-
бриканты употребляли 95,000 работниковъ; а въ 1843 году — 106,500;
въ-среднемъ работникамъ прибавилось, следовательно, 11,500 человекъ.
Эта прибавка касается только людей взрослыхъ и молодыхъ; число
дѣтей моложе дванадцати лѣтъ уменьшилось двумя тысячами. На
фабрикахъ теперь всего охотнѣе употребляютъ тѣхъ молодыхъ людей,
которые старше тринадцати лѣтъ. Но и по отношенію къ нимъ поста-
новленія закона не соблюдаются. На некоторыхъ фабрикахъ заставля-

ютъ ихъ чистить машины въ часы, назначенные для обѣда или для отдыха. На другихъ, гдѣ взрослые работаютъ болѣе двѣнадцати часовъ въ день, молодые люди моложе восемнадцати лѣтъ оставляютъ заведеніе вмѣстѣ со всеми другими, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ожидаютъ посѣщенія инспектора. Многие родители съ согласія фабрикантовъ и съ помощью фальшивыхъ аттестатовъ переводятъ несовершеннолѣтнихъ въ категорію взрослыхъ. На одной бумагопрядильной фабрикѣ въ Манчестерѣ молодыя дѣвушки работаютъ отъ шести часовъ утра до девяти вечера и не покидаютъ заведенія даже во время обѣда, потому-что машина ни на минуту не останавливается.

Что касается до дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, то не надо думать, чтобъ ихъ положеніе улучшилось отъ-того, что фабриканты теперь не охотно употребляютъ ихъ на своихъ фабрикахъ. Предписанія закона, какъ уже мы видѣли, распространяются не на всю отрасль промышленности, а потому весьма-понятно, что дѣти, изгнанныя изъ одной отрасли, находятъ себѣ убѣжище въ другой, и тамъ подвергаются такимъ же страданіямъ, какимъ подвергались и прежде. Такимъ-образомъ, законъ не уничтожилъ зла, а только перемѣнилъ его. Нынѣче, съ одной стороны, фабриканты употребляютъ дѣтей не иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости; съ другой стороны, родители для дѣтей своихъ предпочитаютъ ограниченному труду на фабрикѣ — неограниченный и, следовательно, болѣе-выгодный трудъ на рудникахъ и въ небольшихъ мастерскихъ. Потому-то въ настоящее время изъ 500,000 работниковъ, употребляемыхъ на большихъ фабрикахъ, дѣтей не болѣе 25,000, между-тѣмъ, какъ до 1835 года они во многихъ заведеніяхъ были единственными работниками.

Но что же стало съ дѣтьми, покинувшими фабрики? улучшилась ли ихъ участь отъ этого изгнанія? Парламентъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, и 4-го августа 1840 года, по предложенію лорда Ашлея, важная палата обратилась къ королевы съ просьбой, чтобъ правительство произвело изслѣдованіе о состояніи дѣтей и несовершеннолѣтнихъ молодыхъ людей, употребляемыхъ въ рудникахъ и въ тѣхъ мастерскихъ, на которыхъ не распространялось дѣйствіе закона, изданнаго въ 1833 году. Слѣдствіе это производилось людьми извѣстными и опытными и продолжалось цѣлые два года. Отчеты этой комиссіи показали, что законодателя оставила безъ вниманія тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ ихъ покровительствѣ, и что работа дѣтей на фабрикахъ можетъ даже показаться здоровою и легкою въ сравненіи съ работою ихъ на заводахъ и въ рудникахъ. Эти отчеты привели въ извѣстность такіе ужасные факты, которые, казалось, не могли бы и встрѣчаться въ нашъ образованный вѣкъ и въ нашихъ образованныхъ обществахъ; эти факты лучше всего показываютъ, до какихъ страшныхъ злоупотребленій доводитъ экономическое устройство, недопускающее никакой связи и никакой солидарности между фабрикантами и работниками.

Въ каменно-угольныхъ копяхъ дѣти часто начинали работать съ четырехлѣтняго возраста. Ихъ употребляли тамъ въ качествѣ *trappe-boys* (trappe). Она помѣщалась въ подземелья въ маленькой и узкой

ниша, находившейся возлѣ двери; обязанность ихъ была весьма-немного сложна. Они должны были отворять дверь, за которую стояли, чтобъ пропускать вагоны съ каменнымъ углемъ, и потомъ тотчасъ же затворять ее снова. Если бѣ трапперъ на одну минуту позабылся и не исполнял своей обязанности, то газы, отдыляющіеся отъ угля, могли бы разгорячиться и взорвать все заведеніе на воздухъ. Такимъ-образомъ, это маленькое существо, въ которомъ удивленіе убывало по-большой части вся умственныя способности, отвѣчало и за цѣлость руды и за жизнь всѣхъ работниковъ. Нельзя вообразить себѣ ничего печальнѣе существованія этого ребенка. Въ три часа утра онъ уже покидалъ свою жесткую постель и спускался въ колодезь, въ которомъ долженъ былъ оставаться до пяти или шести часовъ вечера. Онъ только по воскресеньямъ видѣлъ дневной свѣтъ и дышалъ тѣмъ чистымъ воздухомъ, который оживляетъ дѣтей такъ же, какъ растенія. Во вся остальные дни недели онъ постоянно оставался въ своемъ сырѣмъ и темномъ подземельѣ, куда не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ. Его постоянно окружала темнота, и онъ въ-продолженіе пятнадцати часовъ сряду долженъ былъ оставаться въ узкой нишѣ, подлѣ двери, которую долженъ былъ безпрестанно отворять и затворять. Время отъ времени, онъ примѣчалъ издали лампу, освѣщавшую вагонамъ путь, и это составляло его единственное развлеченіе. Это было — ни болѣе, ни менѣе, какъ удивленное заключеніе, заключеніе въ мрачной и сырой тюрьмѣ, — заключеніе, которому подвергались дѣти въ самомъ важномъ возрастѣ и безъ всякой вины съ ихъ стороны.

Когда ребенку наступало восемь или девять лѣтъ, онъ изъ траппера дѣлался драйверомъ (driver). Его заставляли возить на себѣ вагоны отъ того места, откуда работники доставали каменный уголь, въ те галереи, которыя служили местомъ складки этого угля. Такъ-какъ крышка вагона по-большой-части бываетъ весьма-низка, то дѣти принуждены были ползти на рукахъ, а, обвязавъ около тѣла веревку, тащивъ за собой вагонъ. Въ Шотландіи дѣти должны ползти по лестницѣ почти отвѣснымъ, — съ ношей каменнаго угля на спицѣ. На это занятіе употреблялись безразлично мальчики и дѣвочки. Эта трудная работа, требующая значительнаго напряженія мускуловъ, продолжалась непрерывно двенадцать, тринадцать и даже четырнадцать часовъ. Въ случаѣ особой нужды, ихъ заставляли работать въ-продолженіе цѣлой ночи.

Коммиссары замѣтали, что когда дѣти начинали работать въ рудникахъ не раньше десяти лѣтъ, то эта трудная работа, хотя и останавливала ихъ ростъ, но за то развивала въ нихъ физическія силы; рудники по-большой-части малорослы, но плечисты и сильны. Впрочемъ, эта несколько не естественная сила скоро исчезаетъ; въ 30 лѣтъ рудникъ уже утрачиваетъ ее, а въ 50 лѣтъ уже дѣлается совершеннымъ старикомъ. Но когда ребенокъ начиналъ работать раньше десяти лѣтъ, то онъ скоро терялъ свою свѣжесть и крѣпость, дѣлался болѣзненнымъ и худымъ, и умиралъ весьма-рано. Надо прибавить, что съ эти-

ми несчастными дѣтьми обращались очень-дурно, и что это дурно обращеніе доходило часто до изуваченія и даже до смертоубійства.

Что сказать о нравственномъ состояніи этихъ несчастныхъ? Само собою разумеется, что невозможно было дать надлежащее образованіе дѣтямъ, которыя ежедневно проводила около тринадцати часовъ въ мрачномъ подземельѣ, а въ остальную часть дня подкрепляли свои силы сномъ, по-большой-части весьма-недостаточнымъ. Молодые рудокопы рѣдко посѣщали церкви и воскресныя школы, потому-что и имѣли почти-никогда чистой одежды; родители обыкновенно отнимали у нихъ выработанныя ими деньги для того, чтобъ пропить ихъ въ кабакахъ; а потому дѣти и не имѣли возможности приобрести себѣ приличное платье. По-большой-части они не умѣли ни читать, ни писать многія изъ нихъ не знали, что въ нихъ есть душа; многія не имѣли понятія о существованіи Бога. Въ замѣнъ того, среди ихъ занятій, для нихъ всегда открыта была школа соблазна, разврата и богохульства, — школа, въ которой они скоро научались всѣмъ таинствамъ порока Мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки работали въ коша почти голые, другъ подлѣ друга, въ одинаковые часы и за одинаковымъ ломъ. Отъ этого происходило, что двенадцатилѣтній мальчикъ уже пьянствовалъ, курилъ, богохульствовалъ и предавался другимъ порокамъ. Въ этомъ классѣ работниковъ незаконныя рожденія были такъ обыкновенны, что ихъ никто и не замечалъ. Воровства, драки и бунты безпрестанно нарушали общественную тишину и приводили къ волненію цѣлые дистрикты.

Въ мѣдныхъ, свинцовыхъ и цинковыхъ рудникахъ работники были менѣе-безнравственны, но за то гораздо-скорѣе теряли свои силы; ихъ органы дыханія подвергались болѣзнямъ, которыя отчасти сокращали самую жизнь, отчасти сопровождалась совершенною неспособностью къ работѣ. Къ причинамъ, производившимъ это преждевременное обезслаженіе, должно отнести излишнюю ревность дѣтей къ работѣ. Въ этихъ рудникахъ обыкновенно несовершеннолѣтніе составляли со взрослыми товарищество и были ихъ соучастниками; желаніе увеличить свою часть побуждало ихъ къ такимъ усиліямъ, которыя превышали ихъ возрастъ и силы. Не смотря на то, что эти молодые люди работаютъ охотно, не смотря на то, что эти утомительныя занятія въ первое время, по-видимому, не имѣютъ на нихъ никакого вліянія, опытъ доказываетъ, говорятъ комиссары, что они весьма-скоро лишаются здоровья и силы. Такимъ-образомъ, ассоціація дѣтей со взрослыми всегда обращается во вредъ первымъ; въ однихъ случаяхъ она подвергаетъ ихъ угнетенію, въ другихъ побуждаетъ къ чрезвычайнымъ и, следовательно, вреднымъ занятіямъ.

Фабрики, заводы и мастерскія, на которыхъ не распространилось дѣйствіе закона, изданнаго въ 1833 году, находятся нынѣ въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ находились прежде мануфактуры, послѣдствіемъ дѣйствію закона. Злоупотребленіе не только не уничтожилось, но даже и не уменьшилось, а только перемѣнило свое мѣсто. Въ мастерскія принимаются иногда дѣти отъ трехъ до четырехъ и все-

на-часто отъ пяти до шести лѣтъ; но обыкновенно они начинаютъ работать на седьмомъ или восьмомъ году. На некоторыхъ фабрикахъ, дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ находится гораздо-болѣе, нежели молодыхъ людей отъ 13 до 18 лѣтъ. Между дѣтми дѣвочки употребляются въ работу чаще, нежели мальчики; а некоторые мастерскія состоятъ исключительно изъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Въ большей части случаевъ дѣти не имѣютъ прямыхъ сношеній съ самими хозяевами, которые, вѣроятно, обращались бы съ ними человеколюбивѣе, но зависѣть во всемъ отъ какого-нибудь жестокаго и жаднаго работника, который ихъ дурно кормитъ, дурно одѣваетъ и сваливаетъ на нихъ всю свою работу. Эта зависимость, весьма-похожая на невольничество, продолжается обыкновенно для дѣтей отъ семи лѣтъ до 21 года. Иногда родители занимаютъ у хозяина или у мастера деньги и, вместо уплаты, отдають ему нѣтъ своихъ въ работу; такая сдѣлка есть ни болѣе, ни менѣе, какъ продажа въ полномъ значеніи слова; отецъ продаетъ роднаго своего сына, точно такъ, какъ это дѣлается у негровъ—за нѣсколько бутылокъ юдки или за нѣсколько фунтовъ табаку.

Небольшія мастерскія особенно-вредны для здоровья, какъ по свойству работъ, такъ и по нерадѣнію фабрикантовъ, которые не принимаютъ самыхъ необходимыхъ предосторожностей для сохраненія въ рабочихъ комнатахъ чистоты и приличія. Вездѣ дѣти работаютъ столько же, сколько и взрослые; среднимъ числомъ въ-продолженіе 12, рѣдко 10, а въ большей части случаевъ 15 и 16 часовъ. Когда дѣти находятся въ прямой и непосредственной зависимости отъ работниковъ, то случается, что послѣдніе, по собственной прихоти, оставляють ихъ безъ занятій въ началѣ недѣли; а въ послѣдніе дни, чтобъ вознаграждать за потерянное время, налагають на нихъ чрезмѣрное количество работы.

Въ Вилленгалѣ, гдѣ большинство жителей состоятъ изъ слѣсарей, мастера берутъ къ себѣ въ ученики — сиротъ, воспитываемыхъ благотворительными заведеніями. Въ этомъ городкѣ, имѣющемъ не болѣе 9,000 жителей, находится болѣе тысячи такихъ учениковъ. Слесаря, имѣющіе мастерскія, не употребляютъ никогда взрослыхъ работниковъ. Въ замѣнъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ дѣтми они находятъ двойную выгоду: съ одной стороны, работникъ не получаетъ за свой трудъ никакой платы, и, не смѣя жаловаться на своего хозяина, ведетъ самую несчастную жизнь; съ другой стороны, онъ приносить своему патрону изъ благотворительнаго заведенія денежную премію отъ 2 до 5 фунтовъ стерлинговъ, и кромѣ того его надѣляютъ обыкновенно бальемъ и платьемъ, которое мастеръ отдаетъ въ залогъ, когда его имя влутъ дурно, или когда ему перестаютъ давать въ долгъ пиво. Прежде попечители приходовъ не очень заботились о нравственности людей, которымъ они поручали этихъ дѣтей: они радовались, что могли сбыть ихъ съ рукъ, и отдавали ихъ первому встрѣчному. Одинъ комиссаръ доносилъ, между-прочимъ, что три ученика отданы были мастеру, который за годъ передъ тѣмъ приговоренъ былъ за воров-

Т. I. — Отд. II.

ство къ тюремному заключенію. Въ Вилленгалъ небогатый слесарь нанимающій себя мѣсто въ чужой мастерской, нмѣетъ обыкновенно себя двухъ подмастерьевъ: одинъ работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, а другой исполняетъ его порученія или нянчить его дѣтей. Когда у слесаря лишніе ученики, то онъ отдастъ одного или двухъ въ мѣсто; одинъ изъ этихъ несчастныхъ былъ даже проданъ за 10 шиллинговъ.

Нельзя вообразить себя ничего ужаснаго существованія подмастерья въ Вилленгалѣ. Каковъ бы ни былъ ихъ возрастъ, они должны работать столько же, сколько работаютъ ихъ хозяева, которые въ этихъ отношеніяхъ неустойчивы, занимаются иногда въ продолженіе 20-ти часовъ средю, не останавливаясь ни на минуту и обѣдая во время работы. И въ зимы, эти ученики спятъ на соломе или на полу, и носятъ одну и ту же одежду какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Кормятъ ихъ очень-мало, и въ видѣ наказанія, оставляютъ вовсе безъ пищи по цѣлымъ суткамъ. Впрочемъ, прежде, наказанія были не такъ легки. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ мастеръ, разсердившись на своего ученика, схватилъ скаленный желѣзный пруть, пронзилъ имъ его насквозь и приковалъ къ стѣнѣ; другой былъ повѣшенъ за то, что подвергалъ семилѣтняго ребенка самымъ жестокииъ пыткамъ; третій еще весьма-недавно надѣлъ на шею работнику желѣзное кольцо и приковалъ его къ стѣнѣ; четвертый, наконецъ, привязалъ огромное бревно къ ногъ своего ученика того, чтобъ тотъ не убѣжалъ. Въ настоящее время, наказанія не такъ страшны, какъ прежде, но не менѣе ужасны и жестоки. Учениковъ бьютъ кнутами, плетями, палками и всеми тѣми орудіями, которыя попадаютъ подъ руку. Хозяинъ покрываетъ ихъ тѣло контузіями и ранами; жена его вырываетъ у нихъ волосы и уши. Чѣмъ моложе они, тѣмъ безжалостнѣе съ ними обходятся. Правосудіе обращаетъ на это вниманіе только тогда, когда дѣло доходитъ до убійства; иначе же оно все не вмѣшивается въ этого рода домашнія сцены.

Въ Бармингамѣ дѣти, употребляемыя въ мастерскихъ, по-большой-части блѣдны, худы и слабы; ихъ дурно кормятъ и дурно одѣваютъ; они ходятъ босыми зимой и лѣтомъ. Въ Вольвергамтонѣ не выдѣляются особыхъ часовъ для еды; дѣти проглатываютъ свою пищу во время самой работы, и отъ-того имѣютъ по-большой-части болезненный видъ. Многія изъ нихъ, особенно изъ числа дѣвушекъ, совершенно изуродованы. Мальчики 15 и 16 лѣтъ по своему росту похожи на двенадцатилѣтнихъ дѣтей и далеко не наслаждаются тѣмъ здоровьемъ и тѣлою силой, которыя составляютъ обыкновенно удѣлъ этихъ дѣтей. Седьмѣ дѣти, занимающіеся производствомъ гвоздей, работаютъ по-четыре часа утра до девяти вечера, начинаютъ вести этотъ образъ жизни на седьмомъ году и должны производить ежедневно около тысячи гвоздей. Дѣвушки страдаютъ менѣе, потому-что начинаютъ работать двумя годами позже. Въ Варрингтонѣ дѣти по-большой-части худы, блѣдны, отличаются малымъ ростомъ, болезненностью и слабостью сложенія. Въ гончарныхъ заводахъ Страффордшира молодые ребята востаточно находятъ на ногахъ. Обремененныя тяжелой работой

они безпрестанно ходятъ изъ одного мѣста въ другое, и возвышенная температура, въ которой они работаютъ, еще болѣе усиливаетъ утомляемость этого однообразнаго занятія. Имъ не дается даже нужнаго времени для пищи; взрослые, отдыхая, заставляютъ дѣтей съ силой бросать объ полъ куски глины для того, чтобъ выжать изъ нихъ воздухъ (to wedge the clay). Отъ-этого органы пищеваренія скоро слабеютъ, и весьма-многія изъ этихъ дѣтей умираютъ чахоткой.

На тюлевыхъ и чулочныхъ фабрикахъ, отъ сидячихъ занятій, здоровье молодыхъ работниковъ и женщинъ скоро разстроивается. Дѣти начинаютъ работать такъ рано и работаютъ такъ много, что сердце надрывается, говорятъ комиссары, при одной мысли объ ихъ участи. Они никогда не бывають на чистомъ воздухѣ, и свойство ихъ занятій производитъ въ нихъ почти-всегда искривленіе спинной кости. Самые обыкновенныя болѣзни между ними — золотуха, порча желудка, расслабленіе глазъ. Женщины рожаютъ съ большимъ трудомъ и очень-часто выкидывають.

Въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ занимаются набивкой матерій, работа рѣдко продолжается болѣе 12 часовъ въ день, со включеніемъ въ это число часа съ половиною на обѣдь. Но эта отрасль промышленности отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ ней работа особенно-неправильна и непостоянна. Иногда она прекращается совершенно на несколько мѣсяцевъ, иногда безостановочно продолжается несколько недель сряду и днемъ и ночью. Въ этихъ случаяхъ иногда взрослый работникъ долженъ прибѣгать къ побоямъ для того, чтобъ будить своего малолѣтнаго помощника, который насилу держится на ногахъ, и часто въ изнеможеніи падаетъ на полъ и засыпаетъ. Были примѣры, что ребенокъ начиналъ работать въ шесть часовъ утра и оканчивалъ не раньше, какъ на другой день, часовъ въ девять вечера. Для того, чтобъ они не засыпали, ихъ заставляютъ нюхать табакъ, или время-отъ-времени погружать голову въ воду. Вообще, продолжительность труда доведена до крайности именно въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ употребляютъ самые малолѣтныя дѣти. Только одна Ирландія составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила, потому-что тамъ, въ-слѣдствіе низкой цѣны труда, фабриканты охотнѣе употребляютъ взрослыхъ работниковъ.

Въ лондонскихъ модныхъ магазинахъ употребляется около 30,000 молодыхъ дѣвушекъ. Смотря по обстоятельствамъ, онѣ работаютъ отъ 15 часовъ въ день, — это самое малое, — до 18 и даже до 22 часовъ. Онѣ никогда не спятъ болѣе шести часовъ; обыкновенно сонъ ихъ продолжается четыре часа, а иногда и вдвое менѣе. Въ хорошо-устроенныхъ магазинахъ, гдѣ заботятся о здоровьѣ работницъ, занятія ихъ начинаются въ четыре часа утра и кончаются въ 11 вечера. Если у королевы пріемъ, если дается какой-нибудь великолѣпный праздникъ, если назначенъ придворный трауръ, то тогда ужъ, разумѣется, не считаются ни дни, ни ночи; работаютъ даже по воскресеньямъ, и религиозныя обычаи уступаютъ мѣсто требованіямъ моды. Иная аристократическая свадьба стоить жизни тремъ или четыремъ бѣднымъ дѣвушкамъ,

которыя отправляются въ больницу и оттуда переходятъ въ могилу въ то самое время, какъ богатая невеста подходитъ къ алтарю въ великолѣпномъ платьѣ, которое вышло изъ рукъ этихъ несчастныхъ жертвъ нищеты.

Изъ числа молодыхъ работниковъ, употребляемыхъ въ этихъ различныхъ отрасляхъ промышленности, весьма-немногіе посѣщаютъ воскресныя и ежедневныя школы. Въ некоторыхъ дистриктахъ произведены были испытанія, которыя показали, что два трети дѣтей не умѣютъ читать; тѣ, которыя и умѣютъ, не понимаютъ по-большой-части того, что читаютъ. Нравственность дѣтей, оставляемыхъ въ этомъ дикомъ невѣжествѣ, совершенно соответствуетъ ихъ умственному образованію.

Вся эти свѣдѣнія о работѣ дѣтей въ рудникахъ, на фабрикахъ и на заводахъ заимствованы изъ официальныхъ документовъ, представленныхъ правительствомъ парламенту. Эти отчеты произвели въ Англіи столь глубокое и сильное впечатлѣніе, что палаты, уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, принуждены были снова заняться этимъ важнымъ вопросомъ и рѣшились уже распространить свое покровительство на женщинъ и на молодыхъ работниковъ. Сначала, закономъ 10 августа 1842 года, запрещено было вовсе употреблять женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ для подземныхъ работъ въ рудникахъ, а дѣтей мужскаго пола позволено было употреблять только по достиженіи ими десятилѣтняго возраста. Этотъ законъ далеко не удовлетворилъ всеобщаго ожиданія. Парламентъ отступилъ при этомъ отъ принципа, принятаго имъ въ 1833 году, опредѣливъ только время, съ котораго должна была начинаться работа дѣтей и оставивъ безъ опредѣленія число рабочихъ часовъ. Такое опущеніе было въ высшей степени несправедливо. Не было никакой причины лишить молодыхъ людей, работающихъ въ рудникахъ, тѣхъ обезпеченій, которыя дарованы были работникамъ фабричнымъ. Съ другой стороны, постановленіе, относившееся къ женщинамъ, было также весьма-недостаточно; исключивъ женщинъ изъ работы на рудникахъ, парламентъ долженъ бы былъ предписать правила для ихъ употребленія въ остальныхъ отрасляхъ промышленности, и дѣйствительно, недостатокъ этотъ былъ такъ ощутителенъ, что парламентъ, рѣшившись исправить его, издалъ въ 1844 году новый законъ относительно работы женщинъ и дѣтей.

Этотъ новый законъ также относится только къ тѣмъ фабрикамъ, на которыя распространилось дѣйствіе акта 1833 года. Вся остальные отрасли труда не подошли подъ его предписанія, и такимъ-образомъ слѣдствіе 1841 года, раскрывшее столь ужасныя и вопіющія злоупотребленія, осталось въ этомъ отношеніи совершенно-безплоднымъ. Далѣе, новый законъ ограничиваетъ семью часами въ день продолжительность занятій на фабрикахъ для дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ; и, слѣдовательно, онъ въ одно и то же время уменьшаетъ ежедневное количество труда и понижаетъ срокъ, назначенный для принятія дѣтей на фабрики, которыя черезъ это, естественно, должны сдѣлаться доступными для большаго числа молодыхъ работниковъ. Билль, принятый парламентомъ, опредѣляетъ еще, что дѣти, работающія утромъ, не могутъ

уже работать послѣ обѣда. Это сделано преимущественно для того, чтобъ доставить дѣтямъ возможность учиться въ свободные часы; законъ 1844 года требуетъ, чтобъ дѣти, работающія на фабрикахъ, посѣщали непременно первоначальныя школы и учились въ нихъ не менее трехъ часовъ въ день. Фабриканты отъ каждаго несовершеннолѣтняго работника должны требовать аттестата, подписаннаго школьнымъ учителемъ, въ удостовѣреніе того, что работникомъ дѣйствительно исполняется эта обязанность. Но и это постановленіе не можетъ принести большой пользы, потому-что не вездѣ существуютъ школы, и даже тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, онѣ далеко не удовлетворяютъ требованій эпохи и истиннымъ потребностямъ народа.

Что касается до женщинъ, то новый законъ запретилъ имъ работать болѣе 12 часовъ въ день на шерстяныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ и нитяныхъ фабрикахъ. Чтобъ понять всю важность этой мѣры, надо принять въ соображеніе, что на этихъ фабрикахъ женщины и молодыя дѣвушки составляютъ половину всего числа работниковъ. Организовать трудъ женщинъ значило, следовательно, организовать вмѣстѣ и трудъ мужчинъ, потому-что фабрика не можетъ дѣйствовать, когда половина ея работниковъ перестаетъ работать. Но важность этого правила заключается преимущественно въ томъ, что въ законодательство введенъ новый принципъ, который доселѣ не былъ принятъ, и который рано или поздно долженъ получить дальнѣйшее развитіе. Что же касается собственно до предмета занятій, назначеннаго биллемъ, то это распоряженіе не изменяетъ значительно-образомъ настоящаго порядка вещей, потому-что нынѣ на большей части фабрикъ этого рода работа и не продолжается болѣе 12 часовъ въ день.

Не смотря на всѣ несовершенства законовъ, изданныхъ въ Англіи и въ другихъ странахъ относительно работы дѣтей на фабрикахъ, нельзя не сознаться, что законы эти въ настоящую минуту представляютъ явленіе весьма-важное и весьма-утѣшительное. Они показываютъ, что правительства европейскихъ государствъ уже отказываются отъ своего исключительнаго благоговѣнія предъ неограниченной свободой промышленности, что они уже выходятъ изъ своего равнодушнаго бездѣйствія и стараются принять нужныя мѣры къ отвращенію тѣхъ злоупотребленій и безпорядковъ, которыми такъ богатъ современный индустріальный миръ. Англійское законодательство, въ своемъ развитіи, не ограничилось заботливостью о дѣтяхъ, но простерло уже, какъ мы видали, свое покровительство на женщинъ и на всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ коснулось даже взрослыхъ работниковъ мужскаго пола. Конечно, отъ этихъ частныхъ мѣръ едва-ли можно ожидать большаго успѣха; нельзя думать, чтобъ онѣ могли не только искоренить самое зло, но и уничтожить злоупотребленія. Тѣмъ не менѣе мѣры эти важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ видѣтъ первый шагъ къ лучшему образу дѣйствія, болѣе-справедливому и болѣе-сообразному съ требованіями истинной науки. Нынѣ государства Западной-Европы уже понимаютъ, что любимый принципъ экономистовъ *laissez-faire, laissez-aller*, при настоящемъ положеніи вещей

совершенно-неудовлетворителенъ, что онъ приноситъ рабочимъ к. самъ болѣе вреда, нежели пользы, и что тамъ нѣтъ свободы, есть насиліе, анархія и угнетеніе. Если это убѣжденіе существуетъ самомъ дѣлѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда, не вольствуясь одними частными мѣрами, приступятъ къ полному и существенному преобразованію хозяйственныхъ отношеній и замѣнятъ нѣ-существующее неустройство болѣе-правильною, твердою и разумною организаціею труда!

В. М.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СТЕПИ ОСАЖЕЙ, ЧЕРЕЗЪ ЛУИЗИАНУ И МИССУРИ.

Статья третья (*).

=

VI.

ВИЗОНЪ.

Мы готовились вступить въ *безлъскыя степи*; нужно было сдѣлать некоторые запасы, прежде, чѣмъ проникнуть въ пустыни, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ оленей, бизоновъ и Паниевъ. Нарубили заранее кольевъ для шалашей и коновязей, теперь особенно необходимыхъ, потому-что за лошадами надобно было смотреть бдительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Воины нарезали себѣ длинныхъ раздвоенныхъ шестовъ, помощію которыхъ они удобнѣе набрасываютъ арканъ на шею дикихъ лошадей, или, какъ ихъ называютъ креолы, бѣглыхъ лошадей, *cheveaux marrons*. Вожди рѣшили, что черезъ рѣку можно переправляться въ-бродъ, что отложено до слѣдующаго утра.

Въ лѣскахъ рѣки Арканзаса водится множество оленей. Ихъ убили достаточное число; но здѣсь Осажи охотятся съ осторожностью, потому-что Пани имѣютъ обыкновеніе посылать въ эти мѣста военныя партіи. Они скрываются въ засадахъ и убиваютъ стрѣлами отдалившихся охотниковъ, если увѣрены, что ихъ никто не увидитъ.

Въ лагерь, мальчики забавлялись, бросая съ удивительнымъ искусствомъ ружейные стволы, которые должны были упасть между двумя заколоченными въ землю, въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, колышками. Другіе избирали крошечную цѣль и старались попасть въ нее издали концами ножей; тотъ, кто всаживалъ ножъ въ

(*) Первые двѣ статьи были напечатаны въ XLVIII и XLIX томахъ «Отеч. Записки» 1846 года.

цель, получалъ отъ своихъ соперниковъ связку зеленыхъ вѣтокъ. Почти весь упражнялся въ стрѣлянн изъ лука; для этого втыкали въ землю стрѣлу, такъ чтобъ она представляла какъ-можно-меньше поперхности — ее должно было изломать другими стрѣлами. Каждый стрѣлокъ становился на то мѣсто, на которомъ стоялъ первый.

Батистъ предложилъ заставить мальчиковъ гоняться на бѣгу. Лапа на или поваренокъ, исправлявшій должность крикуна, провозгласилъ бѣгъ, размахивая на длинномъ шестѣ кускомъ ярко-краснаго сукна предназначеннаго въ награду побѣдителя. Въ канги ниже восемнадцати лѣтъ были допущены на ристалище. Верховой вончъ отвелъ дѣтей на мѣсто, откуда они должны были пробѣжать миль двѣ разстоянн, къ шесту съ краснымъ сукномъ, до котораго побѣдитель долженъ былъ дотронуться первый. Мальчики сбросили съ себя все платье, которое могло бы ихъ стѣснять, и пустились по данному знаку впередъ. У нихъ особенная манера бѣгать: сначала они бѣгутъ рысью, чтобъ не слишкомъ утомиться, а потомъ пускаются вскачь. Многие изъ нихъ остановились на дорогѣ; изъ пятидесяти соперниковъ, только трое пробѣжали все разстоянн, и побѣдитель отвесъ своей матери выигранный призъ.

На другой день мы переправились въ-бродъ черезъ Арканзасъ, послѣ чего порядокъ нашего похода нѣсколько измѣнился. Отрядъ храбрыхъ предшествовалъ каравану, и каждая лошадь тащила подевшенныя съ боковъ сѣдла, шесты и колья для шалашей и коновязей.

На первомъ роздыхѣ за Арканзасомъ, шалашн были раскинуты подл маленькой рѣчки, протекавшей по песку; по берегамъ ея не росло деревьевъ, а вода была такъ мелка, что мы для купанья вырывали сѣбя лмы въ песокъ. Мы набрали въ ней руками множество черепожной рыбы, похожей нѣсколько на щуку, съ тою разницею, что у ней голова и челюсти длиннѣе, чѣмъ у щуки. Рыба эта водится въ изобилн во всѣхъ рѣкахъ Соединенныхъ-Штатовъ; кожа ея очень-жестка, а спинное плавательное перо вооружено твердыми остріями. Мы ѣли ея вмѣстѣ съ Шонкѣ — единственнымъ Осажемъ, рѣшившимся отвѣдать кушанье, которое мы нашли превосходнымъ, хотя имъ и пренебрегаютъ краснокожіе.

Степь вокругъ насъ была нага и безплодна; на горизонтѣ ни одного дерева; для разведенія огня мы должны были довольствоваться сухимъ хворостомъ, но и того мы вскорѣ не находили. Земля была мѣстами покрыта поблѣднвшими на солнцѣ и отъ росы буйволовыми остовами.

Мы шли нѣсколько дней, питаясь сушенымъ мясомъ, изрядка попадавшимися оленями и бѣлымъ корнемъ, который ѣдятъ сырой; отъ извѣстенъ у промышленниковъ подъ названіемъ блага яблока и походитъ вкусомъ и видомъ на хрѣнъ. Вскорѣ началъ обнаруживаться недостатокъ въ състныхъ припасахъ. Тогда завелась мана: крикуны ходили по лагерю и предлагали румяна, сукно, матерн и сбруи въ обманъ на косы сушенаго мяса.

Наконецъ хворостъ пересталъ попадаться, пришлось собирать высохшій калъ бизона для разведенія огня. Когда вышадали обильные дожди, мы

рзмачивали на нихъ косы сушенаго мяса, что составляло весьма-тощую пищу. Часто приходилось отказываться отъ свѣжей дичины, за недостаткомъ огня, на которомъ бы ее можно было варить или жарить. Мы подались немного къ югу и опять очутились въ мѣстахъ, оживленныхъ нѣкоторою растительностью.

На переходахъ намъ всякій день попадались остовы только-что убитыхъ бизоновъ, а все таки мы не *доходили до быка*. Разъѣзды ежедневно уведомляли, что вблизи пасъ должны быть большія стада; но когда мы приближались къ тѣмъ мѣстамъ, бизоновъ уже не было, а оставались только жертвы, которыхъ, вѣроятно, не успѣвали убрать шедшіе впередъ пасъ Малые-Осажи. После одного форсированнаго перехода, мы расположились въ виду ихъ лагера, а на другой день разошлись, не вступавъ съ ними ни въ какія сношенія; они направились на сѣверъ, а мы продолжали подаваться къ западу.

Собравшійся советъ послалъ впередъ разъѣзды для отысканія бизоновъ. Они воротились черезъ два дня съ добрыми вѣстями, что узнали въ лагерь, лишь-только успѣли разглядѣть ихъ вдали: возвращавшіеся всадники шли *криво*, т. е. ѣхали не по прямой линіи къ своимъ, а дѣлали круги въ ту и другую сторону. Этотъ маневръ уведомлялъ насъ, что дичихъ быковъ много. Приѣхавъ назадъ, разъѣздные донесли совету, что нѣсколько стадъ пасется вблизи нашего стана, на равнинахъ, гдѣ ихъ легко будетъ окружать.

Герольды объявляи эту новость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе партизана, чтобъ никто, подъ опасеніемъ наказанія плетью, не смѣлъ стрелять изъ ружья или дѣлать какой-нибудь шумъ, который могли бы услышать бизоны. Запрещеніе это было намъ не совсемъ понутру, потому-что на пескахъ рѣчки, снабжавшей насъ водою, видны были прехорошенькія водяныя птицы (*recurvirostra americana*), изъ которыхъ мы хотѣли сдѣлать чучелы; но мы понимали всю важность распоряженія партизана и надѣялись вѣстратить этихъ птицъ въ-последствіи. Тогда только началась служба вонновъ, называемыхъ *солдатами*: обязанность ихъ состоятъ въ полицейскомъ надзорѣ за порядкомъ лагера, для чего они прохаживаются между шалашами, вооруженные длинными и толстыми плетями, способными внушить самымъ кичливымъ племъ безусловной покорности. Я охотно подчинился заведенному порядку, хотя меня и увѣрили, что вонны легко престыятъ ружейный выстрѣлъ гостя своего народа; но я рѣшился воздержаться: живя съ Осажами, а хотѣлъ жить по-осажски, хотѣлъ быть въ степяхъ истиннымъ Осажемъ.

Крики, смѣхъ и вечернія пѣсни прекратились; не слышно было даже и одного храпѣнія. Дикарь, привыкшій и всегда приготовленный къ засадамъ, долженъ умѣть всячески скрывать свое присутствіе, которое можетъ обнаружиться храпѣніемъ. Во все время пребыванія моего въ степяхъ, я никогда не слышалъ, чтобъ краснокожіе громче дышали во сна, чѣмъ на яву. Не-уже-ли и тутъ дѣйствуетъ воля, когда вся остальная способность въ онемѣніи?

Мы выступили рано и въ добромъ порядкѣ. Партизанъ ѡхалъ впередъ всахъ, предшествуя фронту солдатъ. Торопливые или нетерпеливые, которые попробовали—было заскакивать впередъ, чтобъ лучше видѣть, получали по такому здоровому удару плетью, что слѣды отъ него долго не изглаживались. Нѣсколько человекъ, назначенныхъ Шонкѣ, объѣзжали верхомъ по окрестнымъ высотамъ и внимательно рекогносцировали степь; когда они останавливались, весь караванъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Объѣзчики подвигались впередъ медленно и осторожно; они поднимались на хребты холмовъ не прежде, какъ удостовѣрившись, что дикіе быки не увидятъ ихъ.

Мы ѡхали по узкой песчаной покатоности, среди которой возвышались цѣлыя сотни маленькихъ коническихъ курганчиковъ, имѣвшихъ сверху отверстіе дюймовъ шести въ діаметрѣ: то было селеніе степныхъ собакъ. Одна изъ нихъ, стоявшая какъ—будто на часахъ, возвѣстила о нашемъ прибытіи маленькимъ взвизгомъ и тотчасъ же скрылась въ свою нору. Нѣсколько совъ, летавшихъ надъ нами, также спрятались подъ землю.

Караванъ пріостановился на мгновение, слѣдуя развѣзднымъ, разсмотрѣвшимъ вдали три черныя точки, по-видимому медленно двигавшіяся. Партизанъ, съ которымъ я ѡхалъ рядомъ, сказалъ мнѣ съ сіяющимъ лицомъ: *Діа закомбрѣ тсетъ-тука*, «ты будешь ѡсть бизонѡвъ», на что я отвѣчалъ какъ могъ: «вижу трехъ бизонѡвъ».

Животныя эти были одни; мы приблизились къ нимъ безъ труда, но партизанъ не приказалъ ихъ трогать, для того, чтобъ, погнавшись за ними, не спугнуть другихъ стадъ, къ которымъ они бы присоединились, уходя отъ насъ, и которыя обратились бы въ бѣгство. Они спокойно проскакали мимо насъ. Бизоны, хорошо извѣстные въ нынѣшнее время, неуклюжи и по-видимому не созданы для быстрыхъ движеній; однако я удивился скорости, съ какою они пронеслись мимо насъ. Нуженъ добрый конь, чтобъ догнать на бѣгу *кайка*, или двакаго быка, и превосходный скакунъ, чтобъ настичь дикую корову, которая легче и проворнѣе *кайка*.

Вывели скакуновъ, на которыхъ воины вскочили на несодѣланныхъ; вьючныя лошади были также приготовлены для мяса. Селенію неловко было расположиться на бывшей въ виду рѣчкѣ, и охотники выстроились во фронтъ за линією солдатъ, впереди которыхъ ѡхалъ партизанъ.

Вскорѣ мы приблизились къ стаду, состоявшему десятковъ въ двухъ бизонѡвъ; охотники осторожно подѣхали къ нимъ на разстояніе полумили. Тогда только замѣтили ихъ *кайки*: они медленно подняли головы и побѣжали, направляясь къ рѣчкѣ, за которою тянулась широкая равнина. Шонкѣ испустилъ военный крикъ, и по этому знаку охотники помчались впередъ во всю прыть. Лучшему коню лучшей запря; поэтому и говорятъ въ степяхъ: моя лошадь убила столько—то быковъ.

Я остался на одномъ холмѣ и любовался на совершенно—новое для меня зрѣлище. Огромныя животныя, убгая стадомъ, переправлялись черезъ ручеекъ и рассыпались по равнинѣ. Осаки преслѣдовали ихъ

съ башенствомъ; они вскорѣ настѣгли ихъ и перемѣшались со стадомъ. Подвигались облака пыли. Вдали видны были черные быки, на которыхъ нажимали летавшія во весь духъ лошади. Нѣсколько быковъ ушло; остальные разсѣялись за холмами, неутомимо преследуемые охотниками.

Во время погони, каждый охотникъ выбираетъ себя звѣря, за котораго намеренъ гнаться; прискакавшіе первыми имѣютъ, разумеется, право выбора, и тогда никто не можетъ преследовать животное, за которое они пустились, развѣ если они сами откажутся отъ дальнейшей погони. *Стерильщики* и вооруженные карабинами держатся по одну сторону быка; вооруженные пистолетами и коньями предпочитаютъ лавую.

Но охотнику приходится долго гнаться прежде, чѣмъ онъ достаточно приблизится къ своей жертвѣ, чтобъ стрѣлять. Преследованный звѣрь, видя, что онъ начинаетъ терять разстояніе на равнинѣ, по которой ему легко бѣжать, выбираетъ мѣста болѣе-трудныя и опасныя: онъ переносится черезъ раки, овраги, рытвины; но дикарь тутъ и думать не задумывается: если лошадь его устрашится предстоящаго препятствія, онъ возбуждаетъ ее голосомъ, хлещетъ плетью, и конь перелезаетъ черезъ все препятствія. Бизонъ, тасанный все больше-и-больше, бросается въ стороны, хитритъ съ своимъ гонителемъ; наконецъ, видя себя настѣгнутымъ, онъ приходитъ въ башенство и обращается противъ непріятеля. Вѣрный признакъ его гнѣва — внезапно-поднятый дымокъ дыма. Лошадь, привычная къ этой охотѣ, отскакиваетъ при этомъ знакѣ въ сторону: она знаетъ, что быкъ готовится броситься на врага. Тогда охотникъ начинаетъ убагачать передъ звѣремъ, котораго онъ сейчасъ самъ преследовалъ, не отказываясь, однако, отъ намѣренія побѣдить его. Иногда, и это бываетъ во время случки, когда икарь особенно страшенъ, онъ вдругъ останавливается, и лошадь получаетъ въ размахъ ужасный ударъ рогами въ брюхо; башенный кайлакъ катантъвается и коня и всадника, но хорошія выведенныя лошади умѣютъ уклоняться отъ такихъ внезапныхъ нападеній. Настаетъ очередь бизона: пуля, пущенная между ребрами или въ шею жертвы, попадаетъ ее; стрѣла, направленная искусною рукою, вонзается конечно въ грудь животнаго изъ-за послѣдняго ребра — она вся уходитъ въ тело и часто прохватываетъ кожу съ другой стороны. Если стрѣла недостаточно углубится, дикарь доталкиваетъ ее ногою. Рядомъ стрѣляется, чтобъ понадобилось пустить другую стрѣлу. Вообще, стрѣла летитъ вѣрнѣе, чѣмъ пуля. Шабѣ-Шинка, охотникъ г. Пабѣна, не боится, чтобъ ему когда-нибудь случилось стрѣлять два раза по одному животному.

Вероятно-раненный звѣрь вырываетъ потоки крови, падаетъ на колѣна и рухнетъ. Охотникъ, дождавшись его смерти, слезаетъ съ коня, поднимаетъ свою жертву на спину и привязываетъ лошадь къ хвосту изъ роговъ. Прежде всего, онъ отрываетъ хвостъ и языкъ, которые принадлежатъ по праву тому, кто убилъ звѣря; хвостъ его — трофей побѣдителя. Потомъ дикарь разскачетъ кожу подъ брюхомъ;

если ему случится убить дойную корову, онъ пьетъ ея молоко, потомъ обраываетъ вымя и кожу. После этого Осажъ отдѣляетъ себя мясо; откинувъ плечи и пахъ, онъ снимаетъ полости брюха и груди, считаемыя самыми лакомыми кусками, разрубаетъ ребра и откладываетъ въ сторону филейныя части. Если за охотникомъ слѣдуетъ другая лошадь, онъ нагружаетъ на нее все это и пускается за другимъ быкомъ, потому-что добрый конь можетъ въ одну погоню загнать трехъ или четырехъ бизоновъ; въ противномъ случаѣ, дикарь кладетъ на спину своей лошади одну брюшную полость, потомъ перекидываетъ черезъ нее часть грудины съ ребрами, накладываетъ на это другую полость, привязываетъ вырваннымъ изъ кожи звѣря ремнями длинныя кишки и филейныя части спереди и сзади этого шировизированнаго сѣдла и прикрываетъ все шкурою.

Пока охотникъ разрезываетъ быка, лошадь бодрствуетъ надъ нимъ и предостерегаетъ его объ опасности: она наостряетъ тогда уши, тревожится, и всадникъ, покидая добычу, уносится во весь духъ. Осажы уговорились между собою, чтобъ, въ случаѣ внезапной тревоги, раскидывать свои озагла, которыя будутъ развѣваться за ними въ воздухѣ во время бѣгства. Такой предосторожности научило ихъ одно ужасное происшествіе: лѣтъ семь или восемь тому назадъ, пятьдесятъ Осажъ лишились жизни и волосъ отъ неожиданнаго нападенія Патковъ въ продолженіе одной погони.

Когда за охотникомъ слѣдуетъ вьючная лошадь, которую онъ нагружаетъ мясомъ, то скакунъ возвращается въ лагерь, не имѣя на своемъ хребтѣ ничего, кромѣ всадника. Дикари возвращаются къ шалашамъ, стараясь не отклоняться отъ своихъ слѣдовъ, потому-что во время жаркой погони имъ нѣкогда замѣчать дорогу; такимъ-образомъ, если имъ случится запоздать такъ, что темнота не позволитъ разсмотрѣть слѣды, они переночевываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ быкъ, чтобъ не заблудиться отъискивая лагерь, котораго относительное положеніе имъ не достоверно извѣстно.

Кромѣ упомянутыхъ сейчасъ опасностей, ничего не можетъ быть ужаснѣе паденія съ лошади: всадникъ, заскакавшій въ середину стада, рискуетъ быть смятымъ и стоптаннымъ ногами тяжелыхъ животныхъ. Часто случается также, что дурно-направленная пуля товарища поражаетъ несчастнаго охотника. Во время случекъ, когда мясо кайяковъ имѣетъ сильный мускусый вкусъ, почему ихъ и не стараются убивать, они защищаютъ своихъ самокъ и храбро нападаютъ на охотниковъ. Это случается только въ іюль мѣсяцѣ, ибо въ одно это время кайяки и дикія коровы смѣшиваются въ стадахъ между собою; во всю остальную часть года, коровы съ телятами и кайяки ходятъ отдѣльными стадами. Случается, что въ большихъ погоняхъ раненныя быки, преслѣдуемые или заблудившіеся, бываютъ иногда причиною несчастій въ лагерь или около него; но ихъ всегда скоро убиваютъ.

Одной хорошо-направленной стрѣлы или пули достаточно, чтобъ повалить быка; но я разъ видѣлъ одного несчастнаго кайяка, преслѣдуемаго кангами, у котораго все тѣло было утыкано стрѣлами; другой, у

котораго я имѣлъ честь образовать хвостъ, получалъ уже больше двадцати пуль передъ тѣмъ, какъ, я его довершилъ.

Погони сѣверныхъ краснокожихъ племенъ различны отъ осажскихъ: дикари дѣйствительно *окружаютъ* стада, заставляя бизоновъ бѣжать мѣстъ, чтобъ они мѣшались другъ другу; между двумя рядами охотниковъ, которые не възвѣшаютъ въ средину стада, какъ въѣхали наши друзья.

Изъ двадцати кайяковъ, — потому что тогда стада еще не состояли изъ коровъ и быковъ, — девятнадцать было убито на первой охотѣ. Вездѣ воздвигались вертелы; полости, рубцы, ребра, филейныя части и горбы жарялись на всѣхъ огняхъ; въ другихъ мѣстахъ варили говядину и дѣлали колбасы. Намъ скоро пришлось отличиться на многихъ званыхъ пирѣхъ, гдѣ насъ угощали знаменитыми бизоновыми горбами, которые дѣйствительно заслуживали бы свою репутацію, еслибъ не были чересчуръ жирны. Я предпочиталъ имъ ребра, а въ особенности осажскія колбасы, въ составъ которыхъ не входятъ кровь: для нихъ берутъ длинныя кишки бизона, вымываютъ ихъ и выворачиваютъ, такъ, чтобъ наружный жиръ ихъ былъ внутри; потомъ впускаютъ туда мясо, нарезанное тонкими ремнями, подбавляютъ воды, завязываютъ съ обѣихъ концовъ и поджариваютъ на горячихъ угляхъ. Это кушанье въ большомъ почетѣ у Осажей; дикарь съестъ безъ труда цѣлый аршинъ такой колбасы, нисколько не обижая ни жаркаго, ни вареной говядины.

У каждаго огня рассказывались подвиги скакуновъ: если варить на шпиль правдолюбивымъ Осажамъ, каждый конь заскакалъ первый въ стадо бизоновъ. Конями своими хвастались даже многіе изъ тѣхъ, которые поживились мясомъ отъ болѣе-счастливаго или болѣе-вкуснаго соседа.

Шабѣ-Шинка принесъ намъ вмѣстѣ съ мясомъ два хвоста и два языка, не говоря ни слова о своей лошади. Джемсъ убилъ на этой погонѣ одного кайяка выстрѣломъ изъ пистолета: хвостъ животного доказывалъ, что онъ говорилъ правду.

Насъ посетилъ Ман-Чап-чѣ-Мани; онъ вѣдалъ на берегу рѣчки сѣжіе слѣды, оставленные, по-видимому, не Осажами, и кромѣ того замѣтилъ человека, притаившагося въ высокой травѣ. Герольды подтвердили эту новость, и пріятель нашъ отправился, въ намѣреніи украсться лишнимъ пучкомъ волосъ. Ночь прошла спокойно, и на разсвѣтѣ нашли, что не пропала ни одна лошадь. Рѣшили остаться еще сутки на томъ же мѣстѣ, чтобъ приготовить добытое мясо.

На погонѣ, все мясо принадлежитъ охотнику, который убилъ быка; но если Осажу удастся убить двухъ бизоновъ, онъ почти-всегда отдастъ половину другаго менѣе-счастливому товарищу; возвратясь въ лагерь, онъ обыкновенно раздастъ подарки тѣмъ, кому не удалось добыть себѣ мяса, и всегда посылаетъ по куску въ каждый военный шалашъ. Изъ всей дичины дикари наиболее предпочитаютъ мясо бизоновъ; даже корова считается лучше кайяка, и въ-особенности уважаются жарныя коровы. Телятъ убиваютъ они очень-рѣдко.

Жиръ заманляетъ у Осажей масло— это необходимый соусъ къ сухому мясу; его же употребляютъ для приправы сагамитѣ и для жаренія лепешекъ. Жиръ собирается тщательно и раставливается съ водою въ котлахъ; потомъ имъ набиваютъ шитья кожи молодыхъ ланей. Мясо въ запасъ также готовится особеннымъ-образомъ: полости быка утовѣшаютъ и сшиваютъ съ кусками коры, такъ-что изъ всего выходитъ довольно-обширная поверхность; мясо другихъ частей животного нарезывается въ длинные ремни, которые подвѣшиваютъ за середину на палку, наложенную перекладиною на два шеста. Мясо это получается на солнцѣ первую степень вяленія; тогда его сплетаютъ въ косы изъ тридцати или сорока прядей и кладутъ на рѣшетки изъ прутьевъ, между огнемъ и солнечными лучами; потомъ его перегибаютъ въ несколько разъ такъ же, какъ и брюшныя или грудныя полости, и укладываютъ, когда все хорошенько высохнетъ, въ шкуры. Женщины часто отырываютъ эти мышкы, раскладываютъ мясо на солнцѣ и пропитываютъ жиромъ, въ предохраненіе отъ пласени. Такимъ образомъ приготовленные косы вяленой говядины дѣлаются жесткими, какъ смоленныя веревки, и могутъ сберегаться въ-продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ.

Зимою выдѣлываютъ шкуры, которыхъ длинная и крѣпкая шерсть годна для бизоновыхъ плащей. Шкура звѣря всегда принадлежитъ тому, кто его убилъ. Лѣтомъ шкуры не такъ хороши, потому-что шерсть съ нихъ слѣзаетъ. Шкуры, употребляемыя для накрыванія шалашей, растягиваются на колышкахъ по землѣ и съ нихъ соскребаютъ шерсть кускомъ желѣза.

Пока сушится наше мясо, поговоримъ немножко о самомъ *тсет-лука*. Бизоны, водившіеся въ прежніе годы, какъ извѣстно, по всему пространству Соединенныхъ-Штатовъ, встрѣчались еще, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, около устьевъ Миссури; но теперь ихъ находятъ только на сто-двадцать миль за Арканзасомъ, на высотѣ осажскихъ селеній. Животное это ходитъ большими стадами, которыя однако уменьшаются съ каждымъ годомъ отъ ожесточеннаго и неутомимаго преслѣдованія дикарей; можно даже сказать, что краснокожіе расточаютъ ихъ. Осажи, на-примѣръ, оставляютъ на каждомъ остовѣ пуда по четыре и больше превосходнаго мяса; зимою, во время изобилія въ станахъ, часто случается, что они бьютъ быковъ для однихъ только языковъ и шкуръ.

Невозможно вразумить этихъ безпечныхъ людей, для которыхъ заграда не существуетъ, что, убивая такимъ-образомъ быковъ, они ускоряютъ ихъ истребленіе. Эти полезныя животныя, охота за которыми есть и необходимость и наслажденіе для краснокожихъ, непременно должны со-временемъ исчезнуть, и тогда дикари просвѣтятся, ибо для поддержанія своего существованія имъ не останется ничего, кромѣ земледѣлія и торговли; но, судя по ихъ вкусамъ, дикари сохраняютъ большую часть своихъ первобытныхъ привычекъ, пока бизоны будутъ ходить достаточно-многочисленными стадами и останется возможность жить охотою.

Быкомъ дѣлають ежегодно два большія переселенія, которыхъ періодъ опредѣляется временемъ года и качествомъ травы. Весною они переселяются изъ Техаса въ Канаду и возвращаются на югъ къ напушенію зимы, такъ-что стада ихъ переходять два раза въ годъ черезъ степь, гдѣ охотятся Осажи. Одинъ кочевой краснокожій народъ, Комачи или Патджи, весьма-мало извѣстный, слѣдуетъ за всами переселеніями бизоньихъ: такой образъ жизни причиною, почему бѣлые до сихъ-вѣр не могутъ завести съ нимъ постоянныхъ сношеній.

Стада ходять стадами, въ которыхъ иногда собирается до нѣсколькихъ тысячъ головъ. Двѣя ихъ большею частію черныя или черныя съ бѣлыми пятнами; г. Паніанъ увѣрилъ меня, что онъ разъ видѣлъ стадо бѣлыхъ кайлковъ. Дикари полагають, что между дикими быками также гермафродиты, которыхъ быстрота необычайна и мясо выигрывается. Каждый искусный охотникъ, если вѣрить ихъ разсказамъ, убилъ двухъ или трехъ животныхъ этого рода.

Въ одну ночь раздавался въ степи вой волковъ, привлеченныхъ на место мясомъ, оставленнымъ на остовахъ Осажами. Войны наши приближались къ нимъ тщательно, ибо Паніанъ такъ искусно подражаетъ звуку заунывному пѣнію, что даже сами дикари бывають имъ обмануты. Знать этого дается передовыми непріятелями товарищамъ, чтобъ они знали, съ которой стороны удобнѣе напасть въ-расплохъ на лагерь.

На другой день, во время похода, Осажи увидѣли слѣды подкованной лошади. Нѣсколько воиновъ тотчасъ же пустились вскачь по этому слѣду, весьма-опасному для насъ; однако они скоро возвратились, потому-что слѣдъ извѣщалъ въ сторону, изъ которой намъ не должно было ожидать никакой опасности.

Въра послѣ того, одинъ изъ всадниковъ, объѣзжавшихъ соседнія степи, прыскакалъ во весь духъ и шепнулъ нѣсколько словъ партизанамъ, который тотчасъ же испустилъ военный крикъ и устремился въ сторону двѣхъ-сотъ воиновъ къ указанному имъ холму. Осажи разбѣгались на нѣсколько кучекъ, чтобъ окружить одинъ пригорокъ, и исчезли за возвышеніями. Караванъ остановился, не скользя съ холма, и женщины начали свою пѣснь-слезь, повторяя безпрестанно: «Паніан! Паніан!»

Въ слѣдующій тревогу воинъ увидѣлъ свѣжій конскій слѣдъ, приведшій на небольшую высоту, гдѣ, по-видимому, всадникъ слезалъ съ коня. Криво-обозначившіеся слѣды и сорванная трава убѣдили его окончательно, что весьма-недавно былъ тутъ человекъ, останавливавшійся въ степи весьма-важной физиологической потребности; исполнить, что было нужно, онъ опять сѣлъ на коня, и слѣдъ показывалъ, что всадникъ упустился отсюда вскачь. Осажи долго в со вниманіемъ разсматривали слѣды и возвратились послѣ бесполезныхъ поисковъ. Караванъ двинулся впередъ. Тогда только объявилъ одинъ Осажъ, что слѣдъ былъ оставленъ имъ; подробное описаніе, данное этимъ человекомъ, разсказано въ слѣдующемъ описаніи.

Такого рода поступкамъ не должно удивляться, потому-что дикари не имѣютъ привычки говорить некстати. Еслибъ онъ объявлялъ съ самаго начала, что проѣзжалъ по тому мѣсту, то слѣдовъ не стали бы разна-тривать; а могъ ли онъ утверждать, что въ то же самое утро, на томъ самомъ мѣстѣ, не былъ какой-нибудь Шани? Вотъ почему было благо-разумнѣе, рискуя даже встревожить всѣхъ и причинить бесполезные по-ски, обезпечить навѣрное спокойствіе селенія. Осажъ всегда действу-етъ съ осторожностью.

Вскорѣ послѣ того, мы павзали на слѣды недавней погоня. Воины подводили своихъ лошадей къ тѣламъ мертвыхъ буйволовъ, чтобъ луч-ше приучать ихъ къ виду и запаху животныхъ. Осажи разсуждали меж-ду собою о томъ, кто бы могъ тутъ охотиться? Малые-Осажи были для этого слишкомъ-далеко къ сѣверу. Послали впередъ отборный разъ-ѣздъ, который черезъ нѣсколько дней возвратился съ извѣстіемъ, что въ разстояніи двухъ сутокъ пути расположенъ лагерь изъ ста шалашей Конзовъ. Двое сутокъ охотничьяго пути составляютъ миль сорокъ раз-стоянія. Конзаны радушно угостили нашихъ воиновъ; они наслаждались изобиліемъ и приглашала насъ раздѣлить ихъ благополучіе.

Только-что разъѣздные наши успѣли сойти съ коней, къ намъ явил-ся лапани въ сопровожденіи двухъ канговъ канзасскихъ, которыхъ сдѣ-ла были обѣщаны свѣжимъ мясомъ. Лапани представлялъ собою из-стоящій типъ краснокожаго поваренка: соединеніе дерзости, наглости, лукавства, тщеславія и низости; онъ безпрестанно гримасничалъ и кра-влялся; вообще, лапани никогда не имѣютъ наружнаго достоинства и спо-койствія, которыми отличаются краснокожіе воины. Не успѣвъ этотъ Конза явиться, какъ тотчасъ же высмотрѣлъ одинъ шалашъ, передъ которымъ стояли превосходныя лошади; онъ искусно провъдалъ объ имени ихъ хозяина и прокричалъ нѣсколько разъ по всему нашему ла-герю, что Ишта-Ска величайшій изъ осажскихъ воиновъ. Такое про-возглашеніе платится дорого, что нашему лапани было очень-хорошо извѣстно: онъ получилъ въ награду добрую лошадь. Самолюбіе дикаря побуждаетъ его награждать тѣхъ, кто ему льститъ. Его провозгласивъ передъ всѣмъ народомъ какъ храбрѣйшаго, богатѣйшаго в великодуш-нѣйшаго изъ всѣхъ: онъ и платитъ за то, какъ человекъ богатый и щедрый. Въ Европѣ и въ степяхъ, вездѣ слабая струна людей — само-любіе.

Конза повторилъ намъ приглашеніе, которое мы уже получили че-резъ нашихъ разъѣздныхъ. На другой день онъ приѣхалъ въ нашъ во-иный лагерь и манѣвировалъ такъ ловко, что его одарили въ каждомъ шалашѣ. Мы пришли къ лагерю нашихъ друзей на вторые сутки.

Осажи соорудили шалаши свои въ небольшомъ разстояніи отъ лагеря Конзовъ. Недовѣрчивые дикари боятся измѣны, в станы двухъ народовъ, встречающихся въ степи, располагаются всегда отдѣльно другъ отъ друга. Кака-нибудь ссора между молодыми людьми можетъ повлечь за собою общее столкновеніе, а въ случаѣ разрыва, шалаши каждой сто-роны превратятся въ отдѣльные сборные пункты.

Не успѣли мы накрыть свои шалаши, какъ явился герольдъ Велика-

го-Главы Конзовъ съ приглашеніемъ на большой пиръ осажскихъ воиновъ в бѣднолицыѣхъ Осажи, не теряя времени на приготовленіе, собрались въ сторону отъ шалашей. Мажакита поговорилъ съ своими воинами и пошелъ рядомъ съ ними; мы, бѣлые, двинулись въ головѣ колонны и вошли къ нашимъ хозяевамъ, предшествуемые герольдомъ и лапани, о которомъ я говорилъ. Осажи не обращали, по-видимому, никакого вниманія на жителей селенія; они считаютъ недостойнымъ себя обнаруженіе любопытства, хотя въ сущности замѣчаютъ лучше и скорѣе насъ. Уступая влеченію бѣлой патуры и не стыдась смотреть съ любопытствомъ на новыя для меня вещи, для которыхъ я пришелъ изъ такихъ дальнихъ странъ, я разглядывалъ походныя жилища Конзовъ, во многомъ различныя отъ нашихъ. Стропила каждаго шалаша были накрыты кожами, украшенными красными, желтыми, синими и черными рисунками, напоминавшими собою египетскую живопись во всей ея первобытной простотѣ. Шалаши Конзовъ, которыхъ нижняя часть походила на наши, имѣли полуцилиндрическія крыши, приподнятыя въ серединѣ кверху, въ родѣ вершины палатки. У многихъ воиновъ были настоящія палатки, сдѣланныя изъ расписанныхъ кожъ.

Конзаскія дѣвушки, которыя гораздо-привлекательнѣе осажскихъ, смотрѣли на насъ безъ малѣйшей застенчивости; ихъ одушевленные взгляды были даже весьма-ободрительны. Мы вошли въ шалашъ Великаго-Главы Конзовъ, просторный и обширный, гдѣ, однако, не могли бы познаться вся осажскіе воины. *Бѣлое-Перо* позвалъ туда Мажакиту, Батиста, нѣкоторыхъ первоклассныхъ вождей и насъ, бѣднолицыѣхъ воиновъ. Сначала все мы курили молча, потомъ навѣлись въ волю жареной говядины, за которою следовала сушеная тыква съ бобами и чашка манка-сабѣ, приготовленнаго изъ жженыхъ жолудей и услащеннаго сиропомъ, извлекаемымъ изъ американскаго клена.

Бѣлое-Перо, предводитель Конзовъ, маленький, сухой человекъ, съ орлинымъ носомъ и пронзительнымъ взглядомъ. Костюмъ его такой же, какой носятъ Осажи, и онъ, какъ Мажакита, не отличается по наружности ничѣмъ отъ своихъ воиновъ. Онъ носитъ цвѣтную рубашку, на которой висятъ ожерелье изъ фарфоровыхъ бусъ. У него двѣ жены, изъ которыхъ одна очень-хороша собою и отличается такимъ благородствомъ осанки и пріемовъ, какого я не встрѣчалъ ни у одной изъ краснокожихъ женщинъ. Я получилъ позволеніе нарисовать ея портретъ.

Мы получали еще одно приглашеніе отъ *Бѣлаго-Пера*, который сказалъ намъ, что первый пиръ его былъ данъ для осажскаго народа, но что теперь онъ намѣренъ угостить лично насъ. Онъ сказалъ намъ также, что видѣлъ за нѣсколько лунъ тому назадъ бѣднолицыѣхъ воиновъ, направлявшихъ съ фурами къ Скалистымъ-Горамъ (*Rocky-Mountains*). Въ тотъ же день насъ угощали однимъ пиромъ послѣ другаго, отъ-чего, однако, нѣсколько не страдали наши пищеварительныя органы.

Войдя въ свой шалашъ, мы не имѣли покоя отъ собакъ Конзовъ. Есая въ докучливостъ ихъ вывела насъ изъ терпѣнія и заставила убить нѣсколькихъ, то хозяева ихъ непремѣнно потребовали бы отъ насъ.

предполагаемой цѣны собакъ. У дикарей непременно должно вознаграждать какого бы ни было рода сдѣланные имъ убытки: убейте собаку не бѣшеную, а какъ бы дружески съ вами ни обращались, а за нее прійдется заплатить. За смертоубійство, вольное или невольное, законъ возмездія исполняется во всей силѣ: смерть за смерть, кровь за кровь; впрочемъ, обычай предоставляетъ преступнику возможность откупиться. Одинъ Осажъ, поссорившись съ жителемъ сосѣдняго селенія, убилъ его: чтобъ выкупить свою жизнь, онъ предложилъ родственникамъ убитаго все свое состояніе, т. е. шалашъ и лошадей. Предложеніе его было отвергнуто, потому-что семейство убитаго требовало крови. Убийца пошелъ въ сопровожденіи своихъ друзей на мѣсто, гдѣ долженъ былъ принять смерть. Когда онъ упалъ, прострѣленный пулею, родственники набросали на него одѣяло, чтобъ скрыть его предсмертными муками, унесли трупъ и похоронили съ честью. Ни одинъ голосъ не возвысился въ пользу виновнаго, ни одна рука не взялась за оружіе, чтобъ освободить его отъ заслуженной казни.

Другой Осажъ, чистя карабинъ, убилъ совершенно-нечаянно воина, проходившаго по близости. Родственники его потребовали шалашъ и лошадей убійцы, который живетъ теперь то въ одномъ шалашѣ, то въ другомъ.

Красота конзаскихъ дѣвушекъ сильно озабочивала Батиста. У него есть дочь, которую онъ считаетъ прекраснѣйшею изъ всѣхъ женщинъ, когда-либо родившихся подъ небомъ американскихъ степей; онъ даетъ ей богатые наряды, велитъ ѣздить на своемъ лучшемъ конѣ, убранномъ со всею извѣстною у дикарей роскошью. Онъ заставлялъ даже нѣсколько разъ *прокричать* имя своей дочери: когда хотѣтъ прославить имя витязя или красавицы, то даютъ молодымъ воинамъ лошадей, оружіе, красныя одѣяла, чтобъ они ходили по селенію и провозглашали имя того или той, кто причина такой щедрости. Если въ такихъ случаяхъ встрѣтится совмѣстничество, то провозглашается имя щедрѣйшаго. Батистъ, тщеславный какъ метель, далъ однажды десять лошадей, чтобъ заставить прокричать имя своей дочери, розы-степей (*).

Батистъ нѣсколько разъ думалъ намъ ясно почувствовать, что онъ не хотѣлъ бы выдать дочь свою за дикаря: извѣстно, что онъ отказалъ въ ея рукѣ одному Осажу, который предлагалъ пятьдесятъ лошадей. Достойный родитель, вѣроятно, надѣялся убѣдить насъ послѣдовать примѣру молодыхъ Европейцевъ, которые, путешествуя въ здѣшнихъ краяхъ, забыли родину и семейство, чтобъ сдѣлаться дикарями и жить съ какою-нибудь красавицей, умѣвшей приковать ихъ сердца. Онъ намекалъ намъ, что еслибъ мы вздумали попробовать этого счастья, то предложеніе наше удостоилось бы благосклоннаго приѣма. Но, къ несчастію, красота его дочери была совершенно-помрачена прелестями конзаскихъ дѣвушекъ, почему Батистъ отзывался о нихъ особенно дур-

(* За Арканзасомъ попадается много дикихъ розъ: это маленькій дикій пикъ, столкшіійся по землѣ; цвѣтокъ его темнорозовый.

и безпрестанно старался выставлять намъ на видъ богатство, большой магазинъ и умъ своей дочери. Къ-сожалѣнію, труды его пропадали даромъ, ибо никто изъ насъ не имѣлъ намѣренія осуществить его надежды, хотя осаждскіе брачныя узы и очень-легко расторгнуть.

Права конзаскихъ женщинъ не принадлежатъ къ числу самыхъ строгихъ. Дѣвушки приходили купаться по сосѣдству отъ насъ, плескали въ насъ водою, бросали пескомъ и всячески заигрывали съ нами.

За нѣсколько дней до нашего прибытія сюда, Пани украли у Конзозъ шестидесять лошадей. Ночью у насъ тщательно сторожили лагерь.

Молодые люди прятался въ засады на нѣкоторомъ разстояніи отъ шалашей, въ надеждѣ подстеречь непріятеля; но это было уже бесполезно, потому-что благоразумные Пани всегда удаляются послѣ удачныхъ экспедицій, опасаясь быть открытыми и преслѣдованными.

Одинъ изъ конзаскихъ охотниковъ былъ убитъ на погонѣ. Смерть его сначала приписали Паніямъ, но видя, что волосы его цѣлы, а руки и ноги не отрублены, разсудили, что онъ сдѣлался жертвою несчастнаго случая. Родственники его, за недостаткомъ примѣтъ, по которымъ можно было бы открыть истину, отказались отъ преслѣдованія убійцы, а тотъ, разумѣется, не явился къ нимъ съ повинною головою.

Похищеніе еще двухъ лошадей оживило воинственный духъ Конзозъ; они уже взяли уоль; но узнавъ, что и наши храбрые намѣревались начать пляску войны, многіе изъ нихъ рѣшились слѣдовать за Осадами, чтобъ составить болѣе-многочисленную военную партію.

Въ-продолженіе шести сутокъ, оба народа шли и охотились вмѣстѣ; послѣ этого времени, проведеннаго въ скачкахъ и общихъ удовольствіяхъ, Бѣлое-Перо и Волкъ (Шонкѣ) разстались; мы продолжали свой путь въ сопровожденіи десяти конзаскихъ шалашей.

На слѣдующемъ роздыхѣ, одна молодая женщина наступила нечаянно на гремучую змью самой малой породы (*crotalus miliaris*) и была ужалена въ пятку. Меня позвали къ ней на помощь, хотя дикари уже считали ее безвозвратно-погибшею.

Несчастіе это случилось за десять минутъ до моего прихода, недалеко отъ лагера, куда нѣсколько дикарей перенесли больную. Вокругъ нея уже собрались женщины и запѣли свою унылую погребальную пѣснь, прерываемую рыданіями. Я съ величайшимъ трудомъ пробрался къ ней и былъ изумленъ жестокостью общихъ признаковъ.

Женщина эта, которой было не больше двадцати лѣтъ, лежала на землѣ въ самомъ ужасномъ томленіи. Лицо ея было искажено, болѣзненно и покрыто крупнымъ холоднымъ потомъ; кожа на тѣлѣ суха и холодна, пульсъ малъ и сжатъ; судорожная дрожь во всемъ тѣлѣ перемѣшалась съ совершеннымъ оцѣпенѣніемъ, въ-продолженіе котораго можно было видѣть частыя подергиванія пальцевыхъ сухихъ жилъ. Я снялъ съ ея ноги миты изъ толстаго сиваго сукна и мокассы изъ оленьей шкуры, и крѣпко перетянулъ ей ремнемъ ногу ниже колѣна.

Вся нога сильно опухла; она была блѣднаго и мертвеннаго краснаго цвѣта съ большими фіолетовыми пятнами; страдалица ощущала въ ней сильныя боли, особенно съ внутренней стороны ноги; ступня была

красна и уже отекала. Ниже внутренней лодки, на срединѣ пространства, отдѣляющаго ее отъ ахиллесовой сухой жилы, были видны двѣ маленькія округлыя ранки, шириною въ одну линію, удаленныя между собою на восемь линій и расположенныя вертикально одна надъ другою. Ранки эти имѣли видъ мѣсть уколотыхъ; вокругъ нихъ не было ни крови, ни красноты.

Я приподнялъ щипчиками складку кожи, на которой были обѣ ранки, и вырѣзалъ ее бистуріемъ; потомъ снялъ клѣтчатую перепонку. Я обнажилъ ахиллесову жилу на протяженіи двухъ или трехъ линій по ея внутреннему краю; сдѣланная мною рана давала много крови, что я приписываю завалу крови, произведенному тугою лигатурою, наложенною надъ подкожнымъ; ни одна малая артерія не давала крови. Я насыпалъ въ рану мелкаго пороха, пока накаливали желѣзный прутъ; только что онъ былъ готовъ, я выбралъ изъ раны порохъ и прижегъ глубоко и тщательно всѣ части внутри ея, чтобъ по возможности уничтожить ядъ, который бы могъ въ ней оставаться; потомъ наложилъ на рану сухой корнѣи, присыпанной порохомъ. Тогда можно было приослабить лигатуру, и больную перенесли въ шалашъ, положили на бизоновыя шкуры, оставя ногу въ приподнятомъ положеніи и накрывъ ее только чистою тряпкой, которую я велѣлъ постоянно смачивать холодною водою.

Только тогда удалось мнѣ приостановить на минуту крики и слезы — единственныя средства, употребляемыя Осажами противъ ужаленія ядовитыхъ змій. Больная была очень-слаба, пульсъ очень-слабъ и медленъ; по-временамъ были у ней порывы на рвоту и судорожныя движенія рукъ.

Около шести часовъ вечера больную рвало пищевыми веществами; въ семь часовъ еще рвота, но я не видѣлъ чѣмъ. Сильныя позывы тошноты жестоко утомляли бѣдную женщину; дикари увѣряли, что эта рвота признакъ близкой смерти. Ложка камфорной водки остановила тошноту, и рвота не возобновлялась. Въ девять часовъ она приняла еще ложку камфорной водки; сильныя боли во всей ногѣ; сильная головная боль; языкъ весьма-красный и сухой; мучительная жажда, которую не могло утолить большое количество выпитой больною воды.

Десять часовъ. Сонливость, бредъ, безпокойство, причиняемое криками и пѣніемъ плакальщицъ, которыхъ нельзя совершенно удалить.

На другой день ступня и нога въ сильнѣйшей опухолѣ, жостки и причиняють боль; языкъ сухъ и красенъ; пульсъ бьется слабо, часто жостко; больная безпреставно просить пить; она спокойна, но весьма-уныла. Судорожныя движенія прекратились.

Фиолетовая краснота кожи, покрытой синими пятнами, крайняя натянутость кожи, нѣкоторыя плоскія выдавшіяся мѣста на ея поверхности, вмѣстѣ съ другими признаками, заставляли меня опасаться общаго воспаленія ногъ, почему я сдѣлалъ на ней три разрѣза: одинъ на переднемъ краю голени, другой на внутренней нижней части ноги, а третій надъ вѣдшимъ краемъ подошвеннаго мускула. Лигатуру сняли совсѣмъ. Продолженіе холодныхъ примочекъ.

Сдѣланная накануне рана имѣла видъ глубокаго обжога съ черноватою корою на днѣ; края красны и тверды. Приложена щипанная корнія, пропитанная бизоновымъ жиромъ; пища прописана питательная, бульоны и жареное мясо.

Осажи дождались, прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь, чтобъ состояніе больной позволяло ее перенести. Они сложили шалаши на третій день послѣ того, какъ она была ужалена, и молодые люди несли ее попеременно до слѣдующаго роздыха. Переноска утомляла ее нѣсколько, но въ ногу боль облегчалась; я нашелъ на днѣ раны нѣсколько отрывковъ сѣроватой клѣтчатой плевы, которыхъ края красны.

Въ-продолженіе вечера, не смотря на мои совѣты, одинъ осажскій врачъ сдѣлалъ нѣсколько поверхностныхъ скарификацій на верху ступени. Надрезы эти, сдѣланные тупымъ ножомъ, не произвели никакого дѣйствія. Раны заживлялись приличными средствами, и на двадцать-второй день больная выздоровѣла окончательно.

Женщина эта не умерла отъ ужаленія по слѣдующимъ причинамъ: 1) змея была изъ самой маленькой породы (*crotalus miliaris*); 2) она была ужалена въ іюнь — въ такую пору, когда ядъ гремучихъ змѣй менѣе изобилуетъ и дѣтеленъ, чѣмъ въ то время, когда они выходятъ изъ своего оцѣпененія; 3) зубы гада должны были пробить двойную оленью шкуру мокасина, что не дозволило имъ проникнуть глубоко въ тѣло; 4) наконецъ, поглощеніе яда кровью было остановлено черезъ десять минутъ послѣ ужаленія.

Врачи или колдуны осажскіе не одобряли сначала моего леченія и пугались моей смѣлости; но, увидя достигнутые результаты, они обѣщали слѣдовать въ подобныхъ случаяхъ моей методѣ и приписывать меньше целебныхъ свойствъ крикамъ и слезамъ, считавшимся дотогѣ дѣйствительнымъ лекарствомъ противъ укушенія гремучихъ змѣй.

Леченіе это доставило мнѣ достославный титулъ *уакантаку-шинка* — маленькій-врачъ или колдунъ, какъ угодно.

Подобные случаи здѣсь вовсе-нерѣдки; но если принять въ соображеніе невѣроятное множество гремучихъ змѣй, населяющихъ эти степи, то невольно удивишься тому, что они не бывають гораздо-чаще. На всякомъ шагѣ, во время переходовъ, попадались намъ змеи. Мы слезали съ лошадей и убивали ихъ безъ труда, переламывая позвоночный хребетъ ударомъ хлыста. Дикари собирають гремушки этихъ змѣй для украшенія, прибавляемаго ими къ орляному перу, которое они носятъ въ своемъ военномъ пучкѣ.

Въ степяхъ два рода гремучихъ змѣй: *crotalus durissus*, весьма-различный отъ гремучихъ змѣй Луизианы: длина его между тремя и пятью футами. Другая порода, *crotalus miliaris*, отличается краснымъ брюхомъ отъ змѣй Бычьей-Земли; длина его восемнадцать дюймовъ. Онъ опаснѣе перваго по малому росту и слабому звуку своей гремушки.

Есть люди, которые вѣрятъ тому, что гремучая змея живетъ въ дружномъ обществѣ со степными собаками и совами: въ этомъ нѣсколько лишней повѣзи. Гремучія змеи охотно питаются этими двумя родами

животныхъ, у которыхъ инстинктъ такъ вѣренъ, что не позволяеть имъ жить по соседству съ такими страшными врагами: совы и змѣи живутъ отдѣльно другъ отъ друга, въ норахъ, поквитныхъ степными собаками; а эти, съ своей стороны, поторопятся уступить свои жилища змѣямъ, еслибъ онѣ вздумали попросить у нихъ гостеприимства.

Къ концу юня мы прибыли на военныя тропики, около 400 миль за Арканзасомъ. Далѣе къ западу не нужно было подвигаться; путь нашъ къ Большому-Солончаку лежалъ на юго-востокъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА НОЯБРЬ 1846 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Высочайше повелѣно: 1) Александривскую по р. Сейму систему, протекающую по Курской и Черниговской Губерніямъ, причислить къ IX-му Округу Путей Сообщенія. 2) Учрежденный для устройства этого сообщенія особый комитетъ упразднить. 3) Всѣхъ чиновъ, въ составъ комитета входящихъ, считать отъ службы по комитету уволенными, прекратя в все производимое имъ по занимаемымъ должностямъ содержаніе. 4) Для завѣдыванія александринскимъ сообщеніемъ, назначить особаго инженера путей сообщенія съ помощникомъ, и необходимое число нижнихъ чиновъ. 5) Сообщеніе это поддерживать въ мѣру, судходству необходимой. 6) Подтвердить и наблюдать, чтобъ владельцы мелничныхъ по Сейму плотинъ, отъ которыхъ главнѣйше зависитъ судходство по Сейму, на основаніи Высочайше-утвержденнаго 18-го января 1839 года положенія Комитета Министровъ, содержали эти плотины постоянно въ совершенной исправности, исправляя и возобновляя ихъ своевременно собственными средствами, подъ наблюденіемъ инженеровъ, и чтобъ мѣстное гражданское начальство содѣйствовало въ этомъ случаѣ инженерному ведомству, и 7) На ремонтъ этого сообщенія и содержаніе всѣхъ чиновъ продолжать отпускать изъ земскихъ сборовъ Курской и Черниговской Губерній по 12,365 рублей серебромъ въ годъ, на томъ самомъ основаніи, какъ это нынѣ дѣлается по штату. Высочайше утвержденно въ 1839 году.

— Высочайше утверждены гербы городовъ Селенгинска и Троицко-савска. Первый представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхней, меньшей, въ серебряномъ полѣ губернской гербъ, а въ нижней, пространной, въ голубомъ полѣ на вершинѣ зеленаго холма возржающійся фениксъ. Второй представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхней, меньшей, въ серебряномъ полѣ губернской

гербу, а въ нижней, пространной, въ голубомъ полѣ рогъ избилія изъ котораго сыплются золотыя монеты; по сторонамъ онаго, на песчаномъ грунтѣ, слѣва казакъ, а справа Бурятъ, оба верхомъ на коняхъ

— Высочайше повелѣно разрѣшать безошланный отпускъ всякихъ вообще льняныхъ полотенъ чрезъ таможенныя мѣста, по азіатскимъ границамъ состоящія; что же касается до распространенія сего права и на таможи, въ кавказскомъ краѣ находящіяся, то предоставить военному министру, по разсужденіи отзыва отъ намѣстника кавказскаго, вести сей вопросъ на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета.

— Учрежденный 5 іюня 1842 г. особый въ VI отдѣленіи Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ столъ, по заготовленію вина съ частныхъ заводомъ, оставленъ въ настоящемъ его составѣ и на будущее откупное четырехлѣтіе, съ отпускомъ на прежнее основаніи и потребной на содержаніе онаго суммы.

— Чинамъ Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства имѣть мундиръ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сообразно разрядамъ должностей, по штату департамента положенныхъ.

— Постановлено, что срокъ на представленіе просьбъ объ увольненіи чиновниками гражданскаго вѣдомства въ примѣчаніи къ 1175 ст. Св. Зак. Уст. о Службѣ по Опред. отъ Прав. въ Продолженіи V постановленный, не относится къ лицамъ, занимающимъ должности собственноручно по выборамъ дворянства и поименованнымъ въ ст. 228 Уст. о Сл. по Выборамъ, въ увольненіи коихъ руководствоваться точною свѣдѣніемъ ст. 274 того же устава.

— Повелѣно воспретить вывозъ за границу картофеля изъ Остзейскихъ губерній по 1-е сентября 1847 года, оградивъ безошланный отпускъ онаго отходящимъ за границу кораблямъ, въ числѣ корабельной провизіи, дозволеніемъ шкиперамъ кораблей брать картофель въ видѣ провизіи для кораблей, отходящихъ въ гавани по сю сторону Зунда, по одному четверику, и въ гавани по ту сторону Зунда, по два четверка на каждаго корабельнаго служителя, считая въ томъ числѣ и шкипера.

— Высочайше повелѣно, чтобъ въ орденскихъ звѣздахъ св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, Благорадія, св. Георгія и св. Станислава, при пожалованіи сихъ орденовъ некресты имѣть, изображаемъ быль, вмѣсто свѣтъ, ихъ вензелевыхъ именъ или креста, Императорскій орелъ, подобно тому, какъ постановлено объ орденскихъ звѣздахъ св. Владимира и св. Анны въ новыхъ статутахъ сихъ орденовъ.

— По вопросу объ устройствѣ въ Санктпетербургѣ хлѣбныхъ амбаровъ приставей и буяновъ, Высочайше утвержденнымъ въ 18 день октября сего года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено:

1) Въ буянахъ: Гагаринскомъ, Тучковомъ, Сальномъ, Масляномъ, Сельдяномъ, произвести нужныя исправленія и постройки, на предложенныхъ комитетомъ основаніяхъ, по тѣмъ проектамъ и сметамъ

кои удостоены будутъ Высочайшаго утвержденія, по особому о семъ представленію.

2) Складку и бракованіе пеньки, пакли и льна сосредоточить на Тучковомъ-Буянѣ, не возбраная впрочемъ складывать сіи товары и на Гагаринскомъ-Буянѣ тѣмъ торговцамъ, которые того пожелаютъ.

3) Устроенные на Гагаринскомъ-Буянѣ амбары отдавать въ-наемъ желающимъ, для храненія какъ вышеупомянутыхъ, такъ и разныхъ другихъ товаровъ; за тѣмъ прочіе буяны оставить на прежнемъ основаніи

4) Независимо отъ сего, согласно ходатайству хлѣбныхъ торговцевъ и заключенію Комитета, устроить по проектамъ и сметамъ, кои удостоены Высочайшаго утвержденія, особые хлѣбные амбары, по лѣвому берегу Невы, на мѣстахъ, принадлежащихъ Александро-Невской-Лаврѣ, отъ Обводнаго-Канала до городской границы, объ уступкѣ коихъ городу свестись съ подлежащимъ начальствомъ.

5) Для причала и разгрузки барокъ съ разнымъ товаромъ, назначить слѣдующія пристани:

а) Для барокъ съ хлѣбными продуктами, отъ Обводнаго-Канала до дачи барона Штиглица; б) для дровяныхъ и угольныхъ барокъ, отъ большаго Охтенскаго-Перевоза до Таврическаго-Сада, не запрещая однакожъ влущамъ въ Фонтанку останавливаться, не доходя сей рѣки, во не больше, какъ въ три ряда поперегъ Невы; в) для сѣнныхъ барокъ, у Таврическаго-Сада, и г) для барокъ съ масломъ, привозимымъ для продажи жителямъ города, у Маслянаго-Буяна.

б) Такъ-называемыя Тихвинскую и Ладожскую Пристани устроить, отъ дачи барона Штиглица до большаго охтенскаго перевоза, на землѣ, принадлежащей городу. Рожковскія пристани, оставя на прежнемъ мѣстѣ, очистить отъ находящихся на оныхъ рогоженныхъ балагановъ.

7) Составленіе правилъ для ломки порожнихъ барокъ и для учрежденія интерваловъ между караванами предоставить Городской Распорядительной Думѣ, по совѣщаніи съ Купеческимъ Отдѣленіемъ Общей Думы и съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ.

8) Для покрытія расходовъ по устройству и содержанію хлѣбныхъ амбаровъ, приставей и буяновъ, ввести, съ открытіемъ навигаціи въ 1847 году, слѣдующіе въ пользу города сборы:

а) За складку и бракованіе товаровъ на городскихъ буянахъ (*):

Съ пеньки по 17 коп. сер. съ берковца.

— льна — 20 — — — —

— сала — 16 — — — —

— масла — 17 — — — —

— поташа — 16 — — — —

Примѣчаніе 1. Такъ-какъ сало, масло и поташъ привозятся въ бочкахъ, каждая въ 25 пудовъ, то вѣзять назначенные съ сихъ товаровъ сборы съ бочки, считая каждую въ 2½ берковца.

Примѣчаніе 2. Сборы за складку сельдей на Сельдяномъ-Буянѣ оста-

(*) Сіи сборы устанавливаются въ замѣнъ нынѣ существующаго на буянахъ сбора, признаннаго для торговцевъ неуравнительнымъ.

вить на прежнемъ основаніи, по существующему о сѣмъ особенному положенію.

б) Съ каждаго куля и мѣшка разныхъ сортовъ хлѣба и сѣмянъ, привозимыхъ на хлѣбную пристань, взимать по 2 к. сер.

Примѣчаніе. При взиманіи сего сбора съ мелкаго солода и гречневой крупы, привозимыхъ въ куляхъ и мѣшкахъ четвертяхъ отъ 2 до 2½ пудовъ вѣсомъ, считать два таковые куля или мѣшка за одну.

9) По устроеніи городскихъ хлѣбныхъ амбаровъ взимать за складку въ нихъ хлѣба по 6 к. сер. съ куля и мѣшка.

10) Относительно взиманія сбора съ товаровъ, складываемыхъ на городскихъ буянахъ, постановить слѣдующія правила:

а) Каждый торговецъ обязанъ объявлять Распорядительной Думѣ о количествѣ привозимыхъ имъ на городскіе буяны пеньки, льна, пакля, сала, поташа и масла коноплянаго.

б) Распорядительная Дума, по запискѣ объявленій въ шпуровую книгу, выдаетъ торговцамъ дозволенія на складку товаровъ на буянахъ, строго наблюдая, чтобъ не было привезено къ буянамъ товаровъ болѣе того количества, какое объявлено.

в) Торговцы, объявляющіе о количествѣ привезенныхъ товаровъ, вносятъ въ Распорядительную Думу установленный сборъ въ два срока, одну половину при подачѣ самыхъ объявленій, а другую въ августъ мѣсяцъ. Тѣ же торговцы, кои объявятъ о привозѣ товаровъ въ августъ и послѣдующихъ мѣсяцахъ, вносятъ установленный сборъ сполна въ то же время.

г) По закрытіи навигаціи, въ теченіе семи дней, пристава у буяновъ представляютъ въ Распорядительную Думу вѣдомость о количествѣ товаровъ, оставшихся на буянахъ, какъ бракованныхъ, такъ и небракованныхъ.

д) Въ то же время санктпетербургская таможня доставляетъ въ Думу вѣдомость о количествѣ товаровъ, очищенныхъ пошлиною при отпускѣ за границу, съ приложеніемъ именнаго списка торговцевъ, которымъ они принадлежатъ.

е) На основаніи сихъ свѣдѣній, Распорядительная Дума повѣряетъ платежи, и недоплаченную сумму за все количество товара, оказавшееся излишнимъ, требуетъ, съ кого слѣдуетъ, вдвое. Но сему двойному платежу не подвергаются тѣ торговцы, кои сами внесутъ дополнительную сумму до закрытія навигаціи.

ж) Для избѣжанія переписки во взисканіи мелочныхъ недоимокъ, всѣ начеты, кои, по повѣркѣ Думою платежей, составляютъ будутъ съ каждаго лпца менѣе 25 р. сер., исключать со счета.

11) Учредить на хлѣбной пристани контору изъ особыхъ комиссаровъ отъ купцовъ всѣхъ гильдій, какъ мѣстныхъ, такъ и иногородныхъ, предоставивъ комиссарамъ сѣмъ служебныя права и преимуществва торговыхъ депутатовъ.

12) Конторѣ этой поручить: а) взиманіе установленныхъ сборовъ съ разныхъ сортовъ хлѣба и сѣмянъ, на мѣстахъ ихъ выгрузки; б) веденіе книгъ по взносу сихъ сборовъ, для чего на одного изъ комиссара

ровъ возложить обязанность казначея, и в) словесный разборъ тѣхъ споровъ между торговцами по дѣламъ ихъ на пристани, которые, по существу своему, не подлежатъ судебному разбирательству.

13) Составленіе подробной инструкціи конторѣ возложить на Распорядительную Думу, по совѣщаніи съ Купеческимъ Отдѣленіемъ Общей Думы и съ утвержденіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Для устройства помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и тюремъ въ Пермской-Губерніи установленъ съ обывателей этой губерніи особый сборъ на пять лѣтъ по $\frac{4}{100}$ съ купеческихъ капиталовъ и по 4 коп. сер. въ годъ съ каждой податной души, начавъ оный въ 1846 году; но если бы въ послѣдствіи оказалось возможнымъ произвести весь относимый на означенный сборъ постройки меншею суммою, нежели какая въ теченіе 5 лѣтъ поступить должна, то предоставлено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ дать разрѣшеніе на прекращеніе этого сбора, какъ скоро миуетъ въ немъ надобность.

— Доволено имѣть въ ремесленныхъ управахъ зеркало.

— Постановлено, чтобы въ число членовъ дворянскихъ опекъ по Бессарабской-Области включены были и узлыные судьи, подобно тому, какъ сіе существуетъ въ прочихъ губерніяхъ.

— Дѣйствіе существующихъ пыля правилъ о переводѣ пошлинъ по векселямъ, выдаваемымъ купечествомъ на Кяхтѣ и помѣщенныхъ въ Сводѣ Зак. т. VI Учр. и Уст. Тамож. ст. 2474—2482 (изд. 1842 г.), продолжено въ настоящемъ ихъ видѣ на четыре года, т. е. по 1-е января 1851 года.

— Повелѣно при Ревизскомъ Отдѣленіи Саратовской Казенной Палаты учредить временный столъ на два года, съ назначеніемъ одного столоначальника, помощника его и двухъ писцовъ.

— Торгующему при сѣвѣнбургской биржѣ купечеству предоставлено избирать въ Биржевой Комитетъ, на три года, особаго предсѣателя изъ среды своей, т. е. изъ купцовъ 1-й гильдіи, сообразно тому, какъ предоставлено ему избраніе членовъ того Комитета (ст. 2004 Учр. и Уст. Торг. т. XI, изд. 1842 г.). Предсѣдателю сему присвоиваются все права и преимущества, членамъ Биржеваго Комитета предоставленнымъ.

— Въ разрѣшеніе вопроса о существованіи жиротопныхъ заведеній въ Астраханской-Губерніи, повелѣно воспретить жиротопленіе въ морскихъ рыбопромышленныхъ заведеніяхъ, съ уничтоженіемъ самыхъ устройствъ для жиротопленія, допустивъ существованіе сего промысла на будущее время только по берегамъ Волги и ея протокамъ въ Астраханской-Губерніи на слѣдующемъ основаніи: 1) Жиротопленіе ограничить однимъ лишь періодомъ времени, съ 20-го апрѣля по 5-е мая, когда въ устьѣ рѣкъ идетъ во множествѣ рыба, именуемая бышенкою, не воспрещая въ сіе время, вмѣстѣ съ бышенкою, по неудобству и не-

возможности отдѣленія, обращать на жиротопленіе и другую мелкую рыбу, хотя бы она была и изъ числа въ пищу употребляемой. 2) По простествіи означеннаго періода жиротопные котлы и кады должны быть убираемы съ берега немедленно. 3) Употребленіе для лова рыбы въ Волгѣ и ея протокахъ частыхъ неводовъ, называемыхъ жиротопными, воспретить, оставя для сего токмо обыкновенные неводы, именуемые стряжневыми, и волокуши; воспрещеніе сіе съ января 1847 года распространить и на содержателей казенныхъ рыболовныхъ волъ въ Астраханской-Губерніи. 4) Для отвращенія дурнаго запаха на жиротопняхъ, наблюдать, чтобы кости и остатки рыбы, по святіи жара, немедленно были выбрасываемы изъ кадей, по сдѣланному единожды земскою полиціею указанію, или въ рѣку, гдѣ у береговъ глубоко и по теченію воды не находится вблизи жительства, или въ вырытыя на берегу, въ приличныхъ мѣстахъ, глубокія ямы, въ коихъ каждый разъ забрасывались бы остатки тѣхъ въ то же время толстымъ слоемъ земли. 5) Надзоръ за точнымъ исполненіемъ настоящаго постановленія возложить на мѣстныхъ земскія полиціи и Астраханскую Экспедицію Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ.

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА НОЯБРЬ 1846 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. Министръ народнаго просвѣщенія изъявлялъ согласіе на раздѣленіе въ 1846—1847 учебномъ году перваго класса пятой Санктпетербургской Гимназіи на два отдѣленія, съ сохраненіемъ вышшняго распредѣленія учебныхъ часовъ, и разрѣшилъ, не открывая въ сей гимназіи четвертаго класса, дозволить ученикамъ оной, окончившимъ ученіе въ третьемъ классѣ, поступить безъ экзамена въ четвертый классъ той изъ здѣшнихъ гимназій, въ которую они пожелаютъ.

— Къ числу состоящихъ въ Училищѣ Правовѣднія, по штату, семивоспитателей, повелѣно опредѣлить еще трехъ, съ производствомъ имъ жалованья, по штату положеннаго, изъ суммъ, вносимыхъ на содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ, и съ предоставленіемъ имъ всѣхъ присвоенныхъ воспитателямъ уставомъ училища преимуществъ; въ случаѣ же недостатка въ натурѣ квартиръ въ домѣ училища, для помѣщенія воспитателей или другихъ лицъ, производить имъ, по усмотрѣнію попечителя Училища Правовѣднія квартирныя деньги изъ экономической суммы сего училища.

— Высочайше разрѣшено наименовать учреждаемую въ Симбирскъ губернскую публичную бібліотеку, согласно желанію тамошняго дворянства, каразинскою.

Промышленность. Высочайше повелѣно: 1) Нерчинскому купцу Истомину передать 1000 десятинъ земли, находившихся во владѣніи компаніи въ Нерчинскомъ Уездѣ, въ урочищахъ Халанды и Ойховгъ; что же касается до земель компанейскихъ, близъ Селенгинска, то по надобности оныхъ для сего города, предоставить ихъ въ количествѣ 507 десятинъ 2,331 сажени, покупателямъ селенгинскаго стада, тамошнему

кнцу Старцеву и подпоручику Съдыхъ на два года, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи сего срока, они избрали другой свободный казенный участокъ. Земли сіи передавать въ безсрочное безоброчное пользованіе, съ тѣмъ, чтобы въ-продолженіе 20 лѣтъ на нихъ разведено было по одной овецъ на каждой десятинѣ, принимая въ счетъ овецъ не только ягнятъ и барановъ, имѣющихъ всѣ достоинства мериносовъ, но и овецъ другихъ улучшенныхъ породъ. При этомъ поземельнымъ пользователям предоставляется на отведенной землѣ разводить и другихъ овецъ мѣстныхъ породъ, а равно употреблять землю подъ посѣвъ хлѣба, травъ, огородныхъ овощей и т. п., но съ тѣмъ, что другія породы овецъ въ счетъ не принимаются, и чтобы при употребленіи земли подъ другія отрасли хозяйства исполнено было главное условіе отвода земли, т. е. разведеніе вышесказаннаго числа овецъ мериносовыхъ и другихъ улучшенныхъ породъ. 2) Если, по истеченіи 20 лѣтъ, по свидѣтельству стада, окажется въ нихъ требуемое количество овецъ мериносовыхъ и другихъ улучшенныхъ породъ, то отведенныя земли остаются въ безоброчномъ пользованіи до тѣхъ поръ, пока на оныхъ будутъ находиться мериносовыя и улучшенныя стада въ числѣ овецъ или головъ, опредѣленномъ выше 1 пунктомъ. 3) У тѣхъ, кои не исполняютъ условія разведенія овецъ по истеченіи первыхъ 20 лѣтъ, согласно съ 1 пунктомъ, и это будетъ доказано освидѣтельствомъ, земли отбираются немедленно въ казну, со взъисканіемъ за все время пользованія по 10 коп. сер. съ десятины, за каждый годъ, при чемъ предоставляется пользователям перенести свои хозяйственныя строенія и заведенія въ другія мѣста, въ-теченіи 2 лѣтъ, по истеченіи коихъ всѣ такія строенія или заведенія переходятъ въ собственность казны, безъ всякаго вознагражденія. 4) У тѣхъ, кои по истеченіи 20 лѣтъ разведутъ опредѣленное число овецъ, но у коихъ въ-послѣдствіи стада станутъ уменьшаться, земли отбираются безъ штрафа, при чемъ пользователи сохраняютъ, какъ и въ 3 пунктѣ, права на переносъ хозяйственныхъ строеній. 5) Пользователи обязываются ежегодно доставлять Начальнику Иркутской-Губерніи въ концѣ года ведомости о состояніи стада, по формѣ, отъ него данной, съ засвидѣтельствомъ земскаго суда въ справедливости показанія. 6) Освидѣтельствованіе стада, по истеченіи 20 лѣтъ, производится по распоряженію начальника губерніи, равнымъ образомъ и въ-послѣдствіи отъ него же зависятъ производить повѣрки стадамъ, и если при таковыхъ освидѣтельствованіяхъ число овецъ окажется менѣе постановленнаго въ 1 пунктѣ, то онъ дѣлаетъ распоряженіе объ отобраніи земель, согласно 3 и 4 пунктамъ. 7) Права и обязанности пользователей переходятъ къ ихъ наследникамъ на общемъ основаніи. 8) На отводъ земли составляется въ Иркутской Казенной Палатѣ договоръ, на гербовой бумагѣ въ 90 коп. сер. листъ; по совершеніи онаго, копія съ договора на гербовой бумагѣ того же достоинства выдается поземельному пользователю, за тѣмъ земля отводится посредствомъ землемера уѣзднаго или ведомства палаты, о чемъ сообщается губернскому правленію и мѣстной полиціи.

— Капитанъ гвардейской артиллеріи Карлъ Стандертшельдъ получилъ десятилѣтнюю привилегію на изобрѣтенную имъ подвижную дровопилную машину. По словамъ изобрѣтателя, машина эта удовлетворяетъ условіямъ простоты, легкости и прочности; она не только можетъ быть употреблена съ большою пользою при заготовкѣ дровъ, но также и при распиловкѣ торцовъ. По простотѣ своего устройства, она можетъ быть легко разобрана, перевезена на лодкѣ къ мѣсту дѣйствія и снова собрана безъ малѣйшаго затрудненія; будучи поставлена на рамы съ колесами, или катками, она удобно можетъ быть передвигаема по доскамъ на тѣ мѣста, гдѣ заготовленъ лѣсъ для распиловки. Употребленіе этой машины особенно полезно при обширномъ заготовленіи дровъ, въ мѣстахъ лѣсныхъ, прилежащихъ къ водянымъ сообщеніямъ. Существенныя выгоды означенной машины, по объясненію изобрѣтателя, состоятъ, во-первыхъ, въ уменьшеніи числа рабочихъ и сокращеніи времени противъ обыкновенной ручной пилы дровъ; следовательно, въ уменьшеніи потребныхъ на сію операцію издержекъ, какъ это можно усмотрѣть изъ слѣдующаго расчета: обыкновенною ручною пилкою дровъ, два рабочихъ могутъ распилать въ сутки только одну сажень трехъ-полянныхъ дровъ на одно-полянныя, а вновь изобрѣтенною машиною распилать ихъ въ сутки 25 сажень, употребляя при машинѣ не болѣе 6 рабочихъ; во-вторыхъ, въ обезпеченіе поставщиковъ въ своевременной доставкѣ дровъ водянымъ путемъ; ибо, не теряя времени ни въ приисканіи большого числа рабочихъ, ни въ самой работѣ, они могутъ заблаговременно нагружать суда дровами и отправлять ихъ первымъ весеннимъ путемъ, забѣгая чрезъ то мелководья и пороги, часто вовсе недоступныхъ для прохода большихъ дровяныхъ барокъ. Оба эти обстоятельства ведутъ къ значительному пониженію цѣны на топливо, составляющее предметъ величайшей необходимости для всѣхъ классовъ народа.

Благотворительность.— Въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, 13 октября, открытъ въ Смоленскѣ пріютъ на сто дѣтей. Стремленіемъ и трудами главной попечительницы сего пріюта, супруги генерал-губернатора, княгини Софьи Петровны Голицыной, приобретены каменный домъ съ флагомъ и садомъ, который, кромѣ помѣщенія пріюта, будетъ приносить до 300 руб. сер. годоваго дохода, и постоянная заботливость ея о несчастныхъ доставила пріюту 12 000 р. сер. неприкосновеннаго капитала и сверхъ сего до 1200 руб. сер. ежегодныхъ взносовъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ Гречъ пожертвовалъ въ пользу пріютовъ тысячу акземляровъ издаваемой имъ «Русской Азбуки». — Незвѣстный благотворитель пожертвовалъ на отдѣлку помѣщенія для 2-й Амиралтейской Частной Школы Санктпетербургскаго Женскаго Патриотическаго Общества и снабженіе воспитанницъ оной необходимыми вещами 762 руб. сер.— Посредствомъ даннаго волтижеромъ Лежаромъ представленія въ пользу школы того же общества собрано 821 руб. 73 коп. сер.

IV.

ДОКОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА (*).

Нижегородская ярмарка составляет, бесспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій во внутренней торговлѣ Россіи. Величина совершаемыхъ на ней коммерческихъ оборотовъ показываетъ, какъ обширно должно быть вліяніе этого огромнаго торжища на русскую промышленность. Стоитъ только вспомнить, что привозъ сюда товаровъ, по приблизительному расчету, на-примѣръ, въ 1844 году, простирался свыше 50 милліоновъ руб. сер., тогда-какъ въ томъ же году во внѣшней торговлѣ Россіи отпускъ составлялъ только 93 милліона, а привозъ 78 милліоновъ руб. сер. Одно сравненіе этихъ цифръ даетъ право заключать о важности нижегородской ярмарки, на которой находятъ себѣ сбытъ масса товаровъ, равная болѣе чѣмъ половинѣ всего нашего заграничнаго отпуска. Но не одна обширность оборотовъ даетъ этой ярмаркѣ то важное

(*). Поводомъ къ этой статьѣ послужила недавно-вышедшая книга г. на Мельникова: «Нижегородская Ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ». (Нижній-Новгородъ. Въ губ. тѣн. 1846. Въ 8-ю д. л. IV и 292 стр.)

значение, какое она имѣетъ для Россіи. Можно сказать, что у насъ нѣтъ почти ни одной отрасли промышленности мануфактурной и фабричной, которая бы не являлась на ярмарку съ своими издѣліями и которая бы не основывала на ней своихъ надеждъ на сбытъ и своихъ расчетовъ на барыши. Всякаго рода выдѣлываемыя у насъ ткани, бумажныя, шелковыя, шерстяныя, всѣхъ возможныхъ названій, достоинствъ, цвѣтовъ, гладкія и испещренныя затѣйливыми рисунками московской изобрѣтательности, русскій хрусталь, русскій фаянсъ, стальные издѣлія, и пр. и пр., — все это является въ большихъ массахъ, въ натуральномъ своемъ видѣ, и составляетъ самую пеструю и любопытную выставку отечественной промышленности. Мы упомянули слово *выставка*; и дѣйствительно, нижегородская ярмарка можетъ представлять собою успѣхи и развитіе русской промышленности помѣе и точнѣе, нежели тѣ выставки, на которыхъ являются только малые избранные, являются съ образчиками, а не съ массами издѣлій, — и притомъ съ какими образчиками? — часто достигающими замѣчательнаго совершенства, но выдѣлка которыхъ весьма-ограничена, потому-что эти издѣлія, относительно, слишкомъ-дороги для большинства потребителей. Притомъ, на выставку являются произведенія немногихъ значительныхъ фабрикантовъ; но являются ли туда издѣлія тѣхъ многочисленныхъ мелкихъ фабрикъ, невозвышающихся надъ посредственностью, и которыя, однакоже, весьма-важны въ народной промышленности нашей, потому-что эти-то издѣлія, по виду лубочныя и до-нельзя дешевыя, и составляютъ массу предметовъ, доступныхъ потребленію тощихъ кармановъ. На нижегородской ярмаркѣ вы, напротивъ, увидите цѣлыя годовыя пропорціи, нужныя для бюджета внутренняго потребленія, самыхъ простыхъ и вмѣстѣ самыхъ нужныхъ въ нашемъ народномъ быту издѣлій; вы ихъ увидите въ ихъ милой первобытной простотѣ; вы тутъ можете изучить степень нашей изобрѣтательности фабричной, подмѣтить оттѣнки вкуса потребителей, сдѣлать самыя любопытныя наблюденія надъ состояніемъ кармановъ, надъ средствами и уловками сбыта, надъ понятіями и нравами торговцовъ всѣхъ частей государства. Однимъ словомъ, если позволите уподобить нашу промышленность пирамидѣ, то наши мануфактурныя выставки указываютъ высоту, до которой она поднялась, а нижегородская ярмарка размѣры основанія ея.

Въ этомъ отношеніи, нижегородская ярмарка есть предметъ въ высшей степени любопытный для русской статистики. Между-тѣмъ, мы до-сихъ-поръ рѣшительно не имѣли удовлетворительнаго описанія ея. Съ нѣкотораго времени почти каждый годъ ко времени ярмарки появляется какое-нибудь описаніе ея, изготовленное московскими типографскими станками, и являющееся на ярмаркѣ, какъ необходимое ея дополненіе, вмѣстѣ съ московскими ситцами и тульскими ножичками. Но весьма-естественно, что подобныя описанія, имѣющія свою совершенно-особенную цѣль, не могутъ

удовлетворить требованіямъ просвѣщенной любознательности. Есть у насъ нѣсколько и другаго рода описаній, составленныхъ не исключительно съ коммерческою цѣлью. Такъ еще въ 1824 году выпило въ Москвѣ сочиненіе Гурьянова, но оно не выдерживаетъ и самой спусходительной критики; «Описаніе Нижняго Новгорода и ежегодно бывающей въ немъ ярмарки», составленное г. Лекоевтомъ-де-Лаво (Москва, 1829 г.) не далеко ушло отъ перваго; брошюры г. Зубова, изданныя въ 1837 и 1839 годахъ, слишкомъ коротки. Брошюра Маркова не заслуживаетъ упоминанія; наконецъ, изъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, наиболѣе дѣльными принадлежатъ г. Веретенникову, въ «Коммерческой Газетѣ», и г. Смирнову въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1845 года), но и онѣ не даютъ полнаго и яснаго понятія объ этомъ замѣчательномъ въ русскомъ промышленномъ мѣрѣ явленіи. Чѣмъ меньше мы были удовлетворены всѣми этими сочиненіями, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ принялись за вышедшее недавно, въ Нижнемъ-Новгородѣ, сочиненіе г. Мельникова, и должны признаться, были изумлены самымъ неожиданнымъ и пріятнымъ образомъ, найдя въ его книгѣ обстоятельное и дѣльное изложеніе, безъзаву любопытныхъ фактовъ, умныя и основательныя соображенія. Все это доказало намъ, что г. Мельниковъ принялся за дѣло серьезно, началъ съ того, что старательно самъ изучилъ предметъ, сравнилъ все, что было до него напечатано, разобралъ матеріалы письменныя, собралъ нужныя подробности личнымъ обзорніемъ на мѣстѣ, и, приведя весь этотъ богатый сборъ въ порядокъ и ясность, представилъ намъ весьма-любопытное и лучшее до-сихъ-поръ описаніе ярмарки за 1843, 1844 и 1845 годы. Оцѣняя съ надлежащей точки зрѣнія отношеніе этой ярмарки къ ходу нашей мануфактурной промышленности вообще, г. Мельниковъ не ограничился голословными указаніями, на сколько какого товара привезено и продано и какія были цѣны — единственныя обстоятельства, на которыя обращалось до-сихъ-поръ вниманіе описывателей ярмарки: г. Мельниковъ, напротивъ, о каждомъ предметѣ ярмарочной торговли старается говорить какъ-можно-обстоятельно, показать, гдѣ и при какихъ условіяхъ онъ приготавливается, какимъ путемъ привозится въ Нижній и куда сбывается. Въ этомъ отношеніи, смѣло можно сказать, книга его можетъ быть справочною книгою русской промышленности, находящейся въ такой связи съ нижегородскою ярмаркою. Еще одно достоинство, о которомъ мы не хотимъ пройти молчаніемъ: г. Мельниковъ явно избѣгалъ общихъ воззрѣній и пышныхъ фразъ, стараясь говорить о дѣлѣ просто, безъ замашекъ; о хорошемъ прямо говорить—это хорошо; дурное порицаетъ безъ обиняковъ. Въ этомъ отношеніи весьма-замѣчательны статьи о винѣ, пачей бумагахъ, табакѣ, книгахъ, сахарѣ. Въ сочиненіи г. Мельникова, весьма-естественно, цифры играютъ важную роль,—но откуда взяты эти цифры и въ какой мѣрѣ онѣ могутъ быть достоверны? Вотъ вопросъ

весьма-важный при разсматриваніи всякаго статистическаго сличенія.

«Вызванный (говорить г. Мельниковъ) къ составленію книжки г. нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ, княземъ А. Урусовымъ, я имѣлъ возможность получить много данныхъ изъ официальныхъ документовъ, которые хранятся въ канцеляріи его сіятельства. На нихъ-то основаны главнѣйшіе выводы о ходѣ ярмарочной торговли въ последнее трехлѣтіе; изъ нихъ заимствованы и всѣ цифры, столь часто встрѣчающіяся въ этомъ сочиненіи.»

Итакъ, въ основаніи числовыхъ показаній автора лежатъ официальные документы, — конечно, единственный источникъ, изъ котораго въ настоящемъ случаѣ могутъ быть заимствованы цифры и на чемъ-нибудь основанныя. Но любопытно знать, въ какой способъ, которымъ эти цифры собираются на ярмаркѣ, обличиваетъ ихъ достовѣрность? Этотъ вопросъ не бесполезно разсуждать здѣсь прежде, нежели обратимся къ подробностямъ ярмарочной торговли, потому-что разрѣшеніе его должно намъ указать въ какой мѣрѣ можно статистику дѣлать свои выводы и заключенія на основаніи этихъ цифръ. На ярмаркѣ находится болѣе 5000 лавокъ, какъ видно изъ перваго приложенія въ книгѣ Мельникова; изъ этого числа, около 2500 лавокъ въ каменномъ гостиномъ дворѣ, и столько же въ деревянныхъ помѣщеніяхъ. Эти лавки и помѣщенія раздѣлены на двадцать кварталовъ, и въ каждомъ кварталѣ есть чиновникъ, называемый ярмарочнымъ катальнымъ надзирателемъ. Въ концѣ ярмарки, такой надзиратель обходитъ всѣ лавки, съ вопросомъ — на сколько привезено и сколько продано? Отъ правдивости отвѣтовъ зависитъ вся вѣрность послѣдующихъ цифръ; но въ какой мѣрѣ эти отвѣты могутъ быть правдивы? Одному купцу нельзя сказать правду, чтобъ не обрѣшить предъ товарищами положенія своего и тѣмъ не испортить своихъ дѣлъ; другой (а такихъ очевъ-много) и самъ не знаетъ какую сумму у него привезено и на сколько продано, — онъ считаетъ деньги дома, на досугѣ, а не въ этой ярмарочной сумѣ гдѣ всякій торговецъ дорожитъ каждой минутой. Поэтому обыкновенно бываетъ одинъ отвѣтъ: «да какъ вамъ сказать, батюшка, право, не знаю; да пишете, впрочемъ, на столько-то привезено и на столько-то продано». Если надзиратель, желая исполнить свой долгъ усерднѣе, ставеть входить въ подробности и пожелаетъ узнать, на сколько привезено такого-то товара, и на сколько продано того-то, навѣрное купецъ постарается освободиться отъ него, говоря, что ему некогда, и что все это можетъ рассказать его прикащикъ. Чиновникъ обращается къ прикащику, который обыкновенно знаетъ меньше хозяина, и потому говоритъ, что попалъ на голову, по крайнему своему разумнью. Всѣ эти показанія надзиратель сортируетъ по рядамъ товаровъ, отдѣляетъ русскія извѣденія отъ иностранныхъ, сырыя отъ обработанныхъ, и т.

смотря по степени своихъ познаній свойствъ и происхожденій товаровъ, и наконецъ, складывая цифры, по его понятіямъ однородныя, подводитъ итоги о томъ, сколько въ его кварталъ привезено и продано того, другаго, пятаго, Десятаго. Такія свѣдѣнія несутъ онъ въ ярмарочную контору; тамъ сосчитывается все вмѣстѣ, — и вотъ вамъ тѣ цифры, которыя вы видите въ книжкѣ. Спрашивается: можно ли принимать эти итоги за основаніе для правильныхъ выводовъ? На это замѣтятъ: да отъ-чего же купцу не знать, на сколько онъ привезъ и на сколько продалъ? Если хотите на это отвѣта, посмотрите, что говоритъ г. Мельниковъ о томъ, какъ многіе купцы торгуютъ на ярмаркѣ. Прочтите, что говоритъ онъ о кредитѣ, который онъ называетъ чудосищнымъ (стр. 280); взгляните, на-примѣръ, на стр. 136 и 137, гдѣ рассказываетъ онъ о томъ, какъ производится торгъ бумажными тканями, одною изъ главнѣйшихъ статей ярмарочной торговли. Большая часть этихъ тканей закупается продавцами краснаго товара и ходебщиками, для перепродажи по всѣмъ городамъ Имперіи; ими скупается такимъ-образомъ болѣе $\frac{3}{5}$ всего количества этого товара. Городовые купцы берутъ его въ кредитъ, съ обязательствомъ заплатить черезъ извѣстные сроки. Ходебщики суть торговые крестьяне Владимирской, Рязанской и другихъ Губерній, употребляющіе всю жизнь свою на разъезды по Россіи съ товарами. Въ однихъ мѣстахъ они извѣстны подъ именемъ ходебщиковъ, вязниковцевъ, въ другихъ подъ именемъ разнощиковъ, афеней, и проч. Эти ходебщики получаютъ отъ фабриканта нужный имъ товаръ, платятъ имъ прошлагодній долгъ, вносятъ часть денегъ въ уплату новаго забора и условливаются заплатить остальную сумму по частямъ въ извѣстные сроки на извѣстныхъ ярмаркахъ. Сдѣлавъ это, ходебщикъ нагружаетъ свои возы взятымъ товаромъ и отправляется въ дальнія губерніи, для распродажи его. Онъ продаетъ его какъ случится: иногда на деньги, иногда мѣня на сельскія произведенія; онъ ни отъ чего не отказывается, рассчитывая только, чтобы мѣна была выгодна. Вырученные за мѣну товары онъ продаетъ въ свою очередь, и дѣлается такимъ-образомъ прасоломъ. Къ новой ярмаркѣ ходебщикъ обращаетъ весь свой товаръ въ деньги, на которыя и дѣлаетъ новый оборотъ. Замѣчательнъ кредитъ, существующій въ этихъ сдѣлкахъ фабрикантовъ съ ходебщиками, — кредитъ, основанный единственно на личномъ довѣріи; необеспечиваемый никакими росписками и письменными актами. Пріймите теперь въ соображеніе, что половина привозимыхъ на нижегородскую ярмарку товаровъ или поступаетъ въ мѣну, или отдается въ долгъ, по простымъ роспискамъ, или даже и безъ нихъ, и потому скажите, какимъ-образомъ торговцу знать сумму, на которую онъ продалъ. Къ-тому же, иной товаръ, на-примѣръ сахаръ, перейдетъ во время ярмарки два, три раза изъ рукъ въ руки: значитъ, у надзирателя онъ записывается вдвойнѣ и втройнѣ. Можно утвердительно сказать, что только по одной отрасли торговли цѣн-

ность привоза и продажи исчисляется вѣрно—это по торговлѣ ми. Здѣсь дѣлають дѣла миллионеры, которымъ не для чего стѣваться; къ-тому же, это люди болѣе-образованные, нежели д купцы.

Эти соображенія даютъ намъ право принимать цифры, оти щіяся къ торговлѣ на нижегородской ярмаркѣ, не болѣе какъ приблизительныя и примѣрныя, чтобъ не сказать—сомнительныя. Для опытнаго статистика онѣ годятся только какъ поясненіе водовъ, сдѣланныхъ на основаніи иныхъ данныхъ, а не какъ о ваціе для этихъ выводовъ. Часто даже, эти цифры очевидно вѣроятны, какъ сознается самъ г. Мельниковъ. На-примѣръ, стр. 11 сказано, что въ 1845 году на ярмарку привезено 6000 роковъ соболей. Эта цифра ужъ что-то очень-подозрительна, и му-что такого огромнаго количества соболей не было привезен ярмарку въ 45 лѣтъ взятыхъ вмѣстѣ, т. е. съ самаго начала нѣшняго столѣтія. По разысканіямъ академика Бера, вся Сиб доставляетъ въ годъ не болѣе 45,000 соболей; слѣдовательно, куда же могли бы взятъ эти 6000 сороковъ соболей? При шелка въ 1845 году, на основаніи вѣдомостей надзирателей, казанъ на 432,000 руб. сер., тогда-какъ привозъ предшествующихъ годовъ составлялъ отъ 110,000 до 175,000 руб. сер. С г. Мельниковъ замѣчаетъ, что привоза шелка на ярмарку на 430, руб. сер. никогда не бывало, да и едва-ли Кошанъ, Шемахъ другія провинціи, изъ которыхъ мы получаемъ шелкъ, могутъ ставить такое огромное количество. Что касается до утвержде г. Мельникова о преувеличенности цифръ привоза шелка на яр ку, то мы готовы съ нимъ согласиться въ этомъ, полагая, онъ, изучая дѣло на мѣстѣ, собственными глазами, имѣетъ с основанія для такого утвержденія; но позволяемъ себѣ оспор его предположеніе, будто напн закавказскія провинціи не въ с стояніи доставлять такого огромнаго количества шелка. Не х далеко за доказательствами, скажемъ только, что въ номерѣ газеты «Кавказъ» 1846-го года, мы читали, что изъ одной хи, въ 1841 году, вывезено въ Москву и Тифлисъ 7,000 пуд шелка, на сумму 420,000 руб. сер. Всего же закавказскаго ш ка-сырца потребляется на русскихъ шелковыхъ фабрикахъ отъ до 20 тысячъ пудовъ ежегодно, по цѣнѣ на 1,700,000 руб. ребромъ (см. *Жур. Ман. и Торговли* 1844 г., № № 1-й и 2-й, с 125). Говоря о привозѣ жизненныхъ припасовъ, г. Мельник говоритъ, что трудно слѣдить за торговлею этими предметами узнать настоящую цѣнность ихъ привоза; поэтому свѣдѣнія этой торговлѣ онъ признаетъ чрезвычайно неточными, и показ ныя имъ цифры ни на чемъ неоснованными (стр. 103). Въ об стоятельства мы привели, какъ для того, чтобъ показать на статистикамъ,—вообще очень любящимъ цифры,—съ какою ро жиссегью они должны пользоваться числовыми данными, нсящимися до нижегородской ярмарки, такъ и для того, ч

отдать полную справедливость добросовѣстности г. Мельникова. Въ его положеніи, имѣя въ рукахъ официальные документы, онъ, конечно, могъ бы воспользоваться весьма-лестнымъ для авторскаго самолюбія преимуществомъ объявить свои данныя непогрѣшимыми, и, следовательно, свои выводы несомнѣнными. Такъ поступаютъ многіе въ подобномъ положеніи. Но г. Мельникову—истина всего дороже; для нея онъ жертвуетъ всѣмъ, отыскиваетъ ее среди зыбкихъ топей тысячи таблицъ и итоговъ, среди хаоса разнородныхъ донесеній и справокъ, и когда послѣ всего этого утомительнаго и долгаго труда, онъ отыскиваетъ нѣкоторый призракъ истины, онъ и его подвергаетъ подъ скептической микроскопъ своей пытливости и безжалостно ошипываетъ отъ всякихъ постороннихъ наростовъ, получая такимъ-образомъ небольшой запасъ фактовъ, сколько-нибудь годящихся для объясненія картины. Такая добросовѣстность изслѣдованій, конечно, дѣлаетъ сочиненіе г. Мельникова весьма-замѣчательнымъ явленіемъ въ ученomъ мѣрѣ: она даетъ ему полное право на вниманіе просвѣщеннаго читателя; и потому мы считаемъ своею обязанностью ближе рассмотреть содержаніе этой прекрасной книги.

Торговля на нижегородской ярмаркѣ представляетъ собою четыре главные процесса; здѣсь находятъ себѣ сбытъ весьма-многія сырыя произведенія Россіи; здѣсь сбываются въ обширномъ размѣрѣ русскія мануфактурныя издѣлія; сюда свозятся европейскіе и колониальные товары, назначенные для внутренняго потребленія; наконецъ, это главное и самое обширное поприще, на которомъ являются произведенія отдаленной Азіи. Сообразно этимъ главнѣйшимъ отдѣламъ, и описаніе ярмарки раздѣлено г. Мельниковымъ на четыре части. Въ распредѣленіи предметовъ по этимъ отдѣламъ есть нѣкоторыя несообразности; на-примѣръ, издѣлія кожаныя, металлическія и нѣкоторыя другія отнесены къ первому отдѣлу — къ отдѣлу сырыхъ произведеній, и поставлены подлѣ статей: кожи, металлы, и проч. Конечно, это несообразность въ смыслѣ технологіи; но такъ-какъ она относится не къ сущности дѣла, а къ размѣщенію предметовъ, ко внѣшности, и можетъ быть устранена простымъ перемѣщеніемъ, то мы готовы согласиться съ авторомъ, что это недостатокъ не весьма-важный.

Разсматривая сырыя произведенія, являющіяся на нижегородской ярмаркѣ, авторъ начинаетъ съ пушныхъ товаровъ. Дѣйствительно, торговля этимъ предметомъ представляетъ весьма-много любопытнаго для изслѣдователя русской промышленности. Есть люди, которые, вспоминая старину, скорбятъ объ упадкѣ въ Россіи звѣриной охоты и торговли пушными товарами. Г. Мельниковъ, можетъ-быть, и не принадлежа къ числу этихъ *laudatores temporis peracti*, приводитъ свидѣтельство сибирскихъ купцовъ, что съ ихъ краѣ ловъ звѣрей вообще, и въ особенности ловъ соболей, уменьшился. Причину этого они поставляютъ въ томъ, что «тамашніе крестьяне, привлекаемые выгодною работою на умно-

«жившихся въ последнее время золотыхъ приискахъ, оставляютъ «прежнее свое занятіе—звѣриную ловлю» (стр. 22). Относительно этого предмета, мы можемъ замѣтить, что никто лучше г. Бера не доказалъ несправедливости такого утвержденія сибирскихъ купцовъ. Почтенный академикъ весьма-учеными и обширными разысканіями показалъ, что если количество нѣкоторыхъ пушныхъ звѣрей въ Сибири уменьшилось, то далеко не въ той степени, въ какой вообще полагаютъ, и что, притомъ, если уменьшеніе и произошло въ нѣкоторыхъ породахъ, то за то въ другихъ его вовсе нельзя доказать. Тотъ же академикъ, въ обширномъ разсужденіи своемъ о звѣриной охотѣ въ Россіи, приходитъ къ такому заключенію, что «пора уже перестать думать, будто звѣриная охота и торговля пушными товарами можетъ составлять важную отрасль народнаго дохода Россіи; хотя, впрочемъ, охота и мѣховая торговля могутъ имѣть относительно-большую важность, не столько для народнаго хозяйства государства, сколько для тѣхъ странъ, въ которыхъ земледѣліе уже не можетъ производиться съ успѣхомъ, слѣдовательно, для той огромной части Сибири, жители которой одною охотою и мѣховою торговлею поддерживаютъ свои сношенія съ образованнымъ міромъ» (*).

Торговля пушными товарами на нижегородской ярмаркѣ, какъ замѣчаютъ, сократилась противъ прежняго. Разсмотрѣніе этого явленія было бы весьма-любопытно въ связи съ разысканіями г. Бера. Здѣсь нужно прибавить, что привозимые въ Нижній мѣха расходятся отсюда частью за границу, въ Германію, частью идутъ въ Китай, и наконецъ большая часть идетъ для внутренняго потребленія Россіи. Въ отпускъ за границу, уменьшеніе произошло отъ сокращенія требованія на извѣстные сорта мѣховъ въ нѣкоторыя страны, на-примѣръ, Молдавію и Валахію (стр. 10), гдѣ европейская цивилизація изгнала національный костюмъ, украсившійся соболями, куницами и другими мѣхами, и замѣнила его общеевропейскимъ фраккомъ. Въ-отношеніи къ Китаю, также замѣчено уменьшеніе требованія пушныхъ товаровъ, что было причиною уменьшенія привоза ихъ на ярмарку и вообще худаго положенія торговли сибирскими невыдѣланными мѣхами. Незамѣннымъ остается одно требованіе мѣховъ для внутренняго потребленія Россіи, гдѣ суровыя ласки нашего климата ставятъ ихъ въ числѣ первыхъ потребностей для высшихъ и частью для среднихъ классовъ. Всего выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ пушныхъ товаровъ привозится на ярмарку на сумму около 2,500,000 руб. сер. Здѣсь можно, однако, замѣтить, что въ этой цифрѣ не заключается товара, который долженъ быть также отнесенъ къ разряду пушного и который составляетъ весьма-важную статью, потому-что

(* Baer und Helmersen: *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*. Tom 7, стр. 203.

удовлетворяет потребности простаго народа—мы говоримъ о русских овчинныхъ шубахъ. Г. Мельниковъ приводитъ въ оправданіе этого пропуска то, что эти шубы, или по-просту тулупы, продаются въ разныхъ мѣстахъ ярмарки, и потому нельзя въ точности опредѣлить ихъ количества (стр. 25). Конечно, на нѣтъ и суда нѣтъ; тѣмъ не менѣе этотъ пропускъ составляетъ весьма-замѣтный пробѣлъ въ изображеніи мѣховой торговли Россіи. Какъ сравнить важность этой статьи съ немногими тысячами дорогихъ мѣховъ, назначенныхъ для потребленія однихъ достаточныхъ классовъ? Академикъ Беръ разсчитываетъ, что, судя по народонаселенію Россіи, въ ней ежегодно потребляется овчинныхъ тулуповъ не менѣе какъ на 16,000,000 руб. сер.; это количество болѣе чѣмъ въ шесть разъ превышаетъ сумму мѣховаго товара, привозимаго на нижегородскую ярмарку! Притомъ, эта ярмарка есть, можетъ-быть, единственный пунктъ, въ которомъ овчины являются большими массами.

Вторую статью сырыхъ произведеній, г. Мельниковъ ставитъ *кожи и выдѣля* изъ нихъ. Эта торговля поддерживается здѣсь большимъ закупомъ этого рода товаровъ для внутренняго потребленія и торговли съ Бухаріей. Эта послѣдняя торговля, по замѣчанію автора, считается весьма-выгодною, потому-что Бухарцы платятъ за товаръ почти всегда наличными деньгами, а если и случается, что продажа состоится въ долгъ, то часть платы, отдаваемая при полученіи товара, всегда равняется половинѣ всей суммы; притомъ же, цѣны на кожи бываютъ при этомъ случаѣ такъ высоки, что эта половина уплаты равняется нерѣдко истинной цѣнности проданной кожи. Не въ этомъ ли обстоятельстве должно искать причины, почему отпускъ нашей кожи въ Бухарію и Ташкентъ значительно уменьшился?

Привозъ выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ кожъ на ярмарку простирается до 600,000 руб. сер. съ небольшимъ; но къ этой статьѣ еще должно присоединить весьма-замѣчательный предметъ ярмарочной торговли, а именно: такъ-называемый строчной товаръ, т. е. сапоги, башмаки, рукавицы и т. п. Привозъ по этой статьѣ постоянно возрастаетъ, и въ 1845 году достигъ до суммы въ 393,000 руб. сер. Казанская, Тверская, Владимірская и Костромская Губерніи присылаютъ сюда горы готовыхъ сапоговъ и башмаковъ. Вы можете себѣ вообразить фizioномію подобныхъ выдѣлій, когда узнаете изъ книги г. Мельникова, что эти сапоги доходятъ цѣною до 1 р. 15 коп. сер., а башмаки до 10 коп. сер. за пару. Вы удивляетесь и спрашиваете—да какъ же можно работать эти вещи такъ дешево? Ничего; есть у насъ такіе сметливые мастера: у нихъ нѣтъ машинъ, которыя замѣняютъ человѣка; за то они сами, съ своимъ проворствомъ, не отстаютъ отъ машины. Въ Корчевскомъ Уездѣ, Тверской-Губерніи, есть знаменитое село Кимры: въ этомъ селѣ и въ его окрестностяхъ, верстъ на 50 или 60, всѣ крестьяне *то-и-дѣло* что шьютъ сапоги, которые продаются въ Нижнемѣ.

Чтобъ имѣть понятіе о количествѣ приготавливаемыхъ тамъ сапоговъ, довольно сказать, что въ незабвенный 1812 годъ, Кимряки поставили сапоги на всю нашу армию (стр. 33). Но вы все еще спрашиваете: да какъ же могутъ эти добрые Кимряки продавать свою работу такъ дешево? Да, изумительно дешево! Но знаете ли, что одинъ Кимрякъ шиваетъ по десяти паръ башмаковъ, а четыре Кимряка сработываютъ по три пары сапоговъ въ день! После этого, что такое значить петербургскій нѣмецкій сапожникъ въ сравненіи съ Кимрякомъ! Вы, можетъ-быть, еще спросите, да что же это и за сапоги, и какая ихъ должна быть прочность? Г. Мельниковъ отвѣчаетъ на это весьма-положительно, что «издѣлія этого рода бываютъ весьма-прочны» (стр. 34). Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что эти сапоги и башмаки отправляются отсюда въ Сибирь и Закавказіе, такъ о прочности ихъ нужно было бы спросить почтенныхъ Сибиряковъ и Закавказцевъ...

Металлы и металлическія издѣлія составляютъ важнѣйшую статью ярмарочной торговли. Почти все количество желѣза и мѣди, получаемое на заводахъ Уральскаго-Хребта, является для сбыта въ Нижній. Объ этой статьѣ авторъ замѣчаетъ, что «торговля желѣзомъ съ нѣкотораго времени идетъ нехорошо, ибо цѣны на него упадаютъ. Заводчики говорятъ, что это происходитъ отъ многочисленности гуртовыхъ покупателей желѣза, которые уговариваются между собою въ опредѣленіи цѣны и уговариваются «всегда къ невыгодѣ заводчиковъ. Покупщики эти говорятъ, на-противъ, что упадокъ цѣны на желѣзо произошелъ отъ чрезвычайнаго увеличенія выдѣлки этого металла на заводахъ» (стр. 42). Но г. Мельниковъ склоняется къ тому мнѣнію, что главная причина пониженія цѣвъ кроется въ самомъ образѣ торговли желѣзомъ. Покупщики даютъ мало наличныхъ денегъ; главная часть платежа производится послѣ ярмарки. Заводчики, чувствуя недостатокъ въ деньгахъ, сами понижаютъ цѣну своего товара, имѣя въ виду только одно: получить скорѣе болѣе наличныхъ денегъ. Нѣкоторые изъ нихъ распродаютъ даже ту добычу металла, которую предполагаютъ получить въ слѣдующемъ году. Впрочемъ, не смотря на то, что цѣны, въ-слѣдствіе такихъ слѣлокъ, постоянно понижаются, заводчики получаютъ, по расчетамъ г. Мельникова, огромную прибыль, а именно: на шпнномъ желѣзѣ до 47, на рѣзномъ до 48, а на листовомъ даже до 81 проц. И не смотря на все это, заводчики все еще жалуются (стр. 44). Привозъ желѣза на ярмарку простирается до 3 $\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, что равняется $\frac{1}{8}$ всего желѣза, получаемого въ Россійской-Имперіи и Царствѣ Польскомъ. Не смотря на это огромное количество, цѣнность котораго простирается въ сложности до 4 милліоновъ руб. сер., торговля желѣзомъ и вообще металлами уральскими не имѣетъ никакого вліянія на ярмарочную торговлю; наличныя деньги, полученные за желѣзо, не разливаются по ярмаркѣ, потому-что заводчики

ничего не покупаютъ въ Нижнемъ, кромѣ небольшого количества судовыхъ снастей (стр. 44).

Всего металловъ и металлическихъ издѣлій бываетъ на ярмаркѣ въ привозѣ на сумму нѣсколько-меньше $8\frac{1}{2}$ милліоновъ руб. сер. Въ числѣ издѣлій этого рода особенно-важную роль играютъ такъ-называемые *тульскіе* и *павловскіе* ножи, бритвы, ножницы, слѣсарныя вещи, оружіе, и пр. Здѣсь красуются знаменитыя завьяловскія издѣлія и работа другаго такого же фабриканта—Воротилова; здѣсь продаются тульскіе ружья и пистолеты; здѣсь сбывается невѣроятное множество ножичковъ, ножницъ, бритвъ и прочаго тому подобнаго—плоды досужества нижегородскихъ крестьянъ. И тутъ то же самое явленіе, какое мы замѣтили, говоря о сапогахъ, т. е. непомѣрная дешевизна произведеній крестьянскаго промысла; на ярмаркѣ можно купить дюжину столовыхъ ножей и вилокъ за 1 р. 15 коп. сер.; есть перочинные ножи о двухъ лезвіяхъ, которыхъ дюжина стоить 20 коп. сер.! Не смотря на то, что металл на такіе перочинные ножи употребляется самаго низкаго достоинства, не смотря на то, что отдѣлка ихъ весьма-плоха, они находятъ множество покупателей въ Россіи и даже отправляются въ большомъ количествѣ въ Персію. Какое употребленіе (прибавляетъ г. Мельниковъ) дѣлаютъ изъ нихъ Персіане — не знаемъ.

Въ числѣ металлическихъ издѣлій, упомянемъ еще о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, привозимыхъ сюда изъ Москвы; цѣнность привоза ихъ простирается до двухъ съ половиной милліоновъ руб. сер., но замѣчательно, что главные покупатели ихъ—Сибиряки и Бухарцы.

Хлѣбъ на ярмаркѣ не составляетъ важной статьи торговли, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, хотя привозъ хлѣба къ нижегородской пристани, уступая привозу на пристани лысковскую, пролуинскую, рыбинскую, и бываетъ иногда значительнѣе, но онъ собственно не имѣетъ никакого отношенія къ ярмаркѣ и происходитъ здѣсь и до 1817 г., т. е. до перевода сюда ярмарки. Привозъ хлѣба къ нижегородскимъ пристанямъ въ ярмарочное время совершенно случаенъ и зависитъ отъ различныхъ причинъ, только не отъ сроковъ ярмарки. Въ послѣдніе три года, этотъ привозъ простирается отъ одного съ половиною до двухъ $\frac{1}{3}$ милліоновъ руб. сер., да сверхъ-того на ярмаркѣ, для потребленія стекающагося народа, выпекается до 132,000 пудовъ хлѣба, на 63,600 руб. сер.

Привозъ рыбы не очень-значителенъ,—менѣе, чѣмъ на 450,000 руб. сер.; главная причина та, что рыба волжская, уральская и лонская солится на мѣстѣ лова и развозится по Россіи преимущественно зимою, когда привозъ ея гораздо-удобнѣе. На ярмарку же привозятся преимущественно тѣ сорта, которые идутъ въ пищу простаго народа, и по причинѣ большаго стеченія народа и совпадающаго со временемъ ярмарки успенскаго поста, почти вся тутъ же и потребляется.

Виноградная вина, являющіяся на нижегородскую ярмарку, почти весь русскаго приготовления; здѣсь является кизлярскій *чагирь*, котораго ведро стѣитъ иногда 1 рубль, и который идетъ отсюда въ Москву и Ярославль, для выдѣлки изъ него французскихъ и испанскихъ винъ; здѣсь является и донское вино, половина привоза котораго тутъ же и выпивается на мѣсть (до 60,000 бутылокъ), пока оно не успѣло испортиться и превратиться въ французское, въ какую-нибудь *бурдашку*; тутъ же показываются иногда сиренцо и крымскія вина, продающіяся потомъ въ разныхъ городахъ Россіи за настоящее шампанское или бордо-муссѣ. Въ дополненіе къ вишней торговлѣ на ярмаркѣ, должно еще упомянуть о напиткахъ изъ хлѣбной водки, какъ-то: ликѣрахъ, бальзамъ (?), хлѣбномъ ромѣ, а также о пивѣ и медѣ, которые большею частью тутъ же и выпиваются на ярмаркѣ; одного пива и меда истребляется на ярмаркѣ отъ 750,000 до 840,000 бутылокъ (стр. 80). Вотъ какъ! Экономисты того мнѣнія, что потребление поощряетъ произведеніе; однако, не смотря на такое потребленіе во время самой ярмарки, замѣчено, что торговля русскими виноградными винами здѣсь уменьшается, и цѣны на эти напитки падаютъ.

Лѣсъ и лѣсные издѣлія не составляютъ важной статьи ярмарочнаго торговаго, хотя торгъ мочалами, кулями, рогожами и представляетъ выгоды. Достоинно замѣчанія, что въ прошломъ году въ первый разъ явились на ярмарку издѣлія извѣстнаго петербургскаго мѣбельщика Тура. Его мѣбель, не смотря на высокія цѣны, была тотчасъ вся раскуплена для отправки въ Сибирь. Вотъ какъ важно въ промышленности — достоинство издѣлій: куски дерева, обдѣланные искусною и добросовѣстною рукою, не смотря на высокую ихъ цѣну, не смотря на дороговизну перевозки, передвигаются отъ береговъ Невы къ берегамъ Оби и Иртыша! А русскіе столяры съ своими издѣліями, какъ ведутъ дѣла свои? Часто слышимъ мы разсужденія, что русская промышленность не можетъ соперничать съ иностранною, потому-что у насъ еще недавно распространены техническія свѣдѣнія, нѣтъ машинъ. Положимъ! Но, на-примѣръ, столярное дѣло: тутъ не нужно много техническихъ свѣдѣній, не нужно сложныхъ машинъ, а нужна одна добросовѣстность: отъ-чего же и въ столицахъ и въ другихъ городахъ всакой достаточный и разсчитливый человекъ предпочитаетъ покупать мѣбель «нѣмецкой работы»? Отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія слова г. Мельникова: «прежде московскіе столяры весьма-выгодно торговали на нижегородской ярмаркѣ... теперь торговля московскою мѣбелью упала... въ этомъ виноваты сами столяры: для ярмарки они готовятъ обыкновенно мѣбель изъ сыраго лѣса, и, сбивая ее фанерками краснаго или орѣховаго дерева, продаютъ за прочную. Рѣдко ярмарочная мѣбель не растрескивается въ-продолженіе перваго года. Отъ-этого всѣ городовые покупатели, даже жители Нижняго-Новгорода, имѣющіе привычку покупать

къ предметы домашняго хозяйства на ярмаркѣ, избѣгаютъ поку-
лекъ ярмарочной мебели» (стр. 91).

Сельскія произведенія, бывающія на ярмаркѣ, авторъ раздѣляетъ на два разряда; къ первому относитъ собственно предметы сельскаго хозяйства: скоть, сало, масло и т. п.; ко второму такъ-назы-
ваемый *прасольный товаръ*, т. е. предметы крестьянскаго хозяйства, скупаемые въ деревняхъ по мелочамъ ходебщиками или прасолами, а именно: перья, пухъ, щетина, воскъ, кости, уголь и т. п. При-
возъ по этой статьѣ, составляющійся изъ множества мелочныхъ предметовъ, которыхъ привозъ, каждаго отдѣльно, не великъ, до-
стигаетъ до суммы свыше 700,000 руб. сер. Подобныя разыска-
нія по каждой статьѣ этой торговли, по нашему мнѣнію, были бы не бесполезны: какъ ни скромны относящіяся сюда промыслы, но важность ихъ, въ смыслѣ народнаго хозяйства, неоспорима; они пи-
таютъ самые нисшіе классы производителей, тѣсно связаны съ ихъ бытомъ и въ сложности составляютъ огромные итоги въ произве-
деніи богатства. Особенно заслуживаетъ вниманія и разысканія не-
помѣрная дешевизна предметовъ этой промышленности.

Пропуская главу о ткацкихъ матеріяхъ, т. е. льнѣ, пенькѣ, шер-
сти, хлопчатой бумагѣ и шелкѣ, потому-что ярмарка, составляя
важнѣйшій пунктъ для сбыта русскихъ тканей, не представляетъ
собою мѣста значительнаго своза самыхъ матеріаловъ для ткаче-
ства, переходимъ къ такъ-названному у г. Мельникова *овощнымъ и*
москотельнымъ товарамъ, въ числѣ которыхъ главную роль игра-
ютъ сахаръ и табакъ.

Сахаръ, какъ извѣстно, составляетъ въ настоящее время весьма-
любимый предметъ. Борьба, завязавшаяся между колоніальнымъ
тростяникомъ и отчетвенною свекловицею, состязаніе между рафи-
нерами портовыхъ городовъ и внутренними производителями саха-
ра, распространеніе потребленія сахара все въ большемъ и боль-
шемъ кругѣ народа, подымаютъ собою множество вопросовъ, за-
дачь, интересовъ. Разсмотрѣніе этого предмета, конечно, не можетъ
входить сюда, но подробности торговли сахаромъ на ярмаркѣ не
мало могутъ служить къ поясненію разныхъ сторонъ дѣла.
Привозъ сахара на ярмарку, нужно замѣтить, усилился противъ
прежняго; такъ въ 1827 г. было его привезено на 900,000 руб.
сер., а въ 1845 г. почти на 1,600,000 руб. серебромъ; но какъ
производится здѣсь эта торговля? Весь сахаръ, продаваемый въ
Нижемѣ, привозится туда не самими заводчиками, а перекупщи-
ками; московскіе, казанскіе и другіе торговцы скупаютъ для до-
ставки на ярмарку сахаръ съ петербургскихъ заводовъ; вологод-
скіе купцы дѣлаютъ то же въ-отношеніи къ сахару, рафинируемо-
му въ Архангельскѣ, а русскій свекловичный сахаръ является въ
Нижемѣ черезъ посредство московскаго комиссіонера, Гофмана.
Продается сахаръ на ярмаркѣ всегда оптомъ городовымъ торгов-
цамъ. При такомъ порядкѣ сахарной торговли (замѣчаетъ авторъ),
монополія, образуемая посредствомъ скупки всего количества саха-

ра, и затѣмъ произвольное возвышеніе на него цѣнь—вещи все да возможныя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ извѣстный московскій купецъ захватилъ себя такимъ-образомъ монополію въ харной торговлѣ. Нѣкоторые видѣли въ томъ пользу, говорили, что только такую спекуляцію и могутъ поддерживать такія шаткія цѣны, существующія на сахаръ (*); но въ сущности монополия всегда вредила сахарной торговлѣ, стѣсняя ея свободу (стр. 118). Въ послѣдніе годы, такихъ спекуляцій, впрочемъ, не бывало. Цѣны на сахаръ въ послѣдніе годы очень понизились; въ 1843 году онъ продавъ по цѣнѣ отъ 9 р. 50 к. до 10 р. 50 к. сер. пуда въ 1844 г. отъ 7 р. до 10 р., въ 1845 г. отъ 6 р. 80 к. до 9 р. 75 к. Въ 1827 г. цѣна его въ Нижнемъ была 11 р. 45 коп. г. Мельниковъ приписываетъ это явленіе распространенію потребности сахара и увеличенію производства его въ Петербургѣ, въ открытіе свеклосахарныхъ заводчиковъ. Не входя въ разысканіе этого сложнаго вопроса, скажемъ только, что петербургскіе рафинеры, если и увеличили свое производство, за то и понизили цѣны, въ выгоду потребителей. Пусть и свекловичные заводчики производятъ, если могутъ, сахаръ по такой же дешевой цѣнѣ; пусть даже понизятъ эту цѣну,—и тогда существованіе ихъ будетъ законно и полезно. Пониженіе цѣнь подѣйствуетъ на увеличеніе потребленія, которое будетъ съ своей стороны опорой для усиленія производства: тутъ всѣ выиграютъ, потому-что выиграютъ потребители; а если для того, чтобъ могли существовать сотни двѣ небольшихъ свеклосахарныхъ заводовъ, потребители должны платить въ цѣнѣ сахара огромную премію въ ихъ пользу, то спрашивается: какая же цѣна такой промышленности? Обращаясь къ ярмаркѣ, находимъ въ книгѣ г. Мельникова еще и другую причину упадка цѣнъ на сахаръ, а именно: безпорядочность, съ которою производятъ торговля сахаромъ на ярмаркѣ (стр. 119). Скупщики петербургскаго и архангельскаго сахара, привезя его въ Нижній, всячески стараются сбыть его съ рукъ поскорѣе. Для своихъ торговыхъ оборотовъ по покушкѣ другихъ товаровъ, напр. чая, они нуждаются въ деньгахъ, которыя на ярмаркѣ составляютъ рѣдкость. По замѣчанію г. Мельникова, на ярмаркѣ бываетъ такъ мало наличныхъ денегъ, что еслибъ весь товаръ на ней купить на «чистыя», едва-ли пришлось бы заплатить 17 копеекъ вмѣсто рубля. Когда сахаръ есть, выражаясь техническимъ словомъ, *товаръ ходкій*, который *въ рукахъ не залеживается*, то скупщики, привезшіе сахаръ, тотчасъ спускаютъ его съ рукъ за наличныя деньги. У скупщиковъ тутъ свой довольно-замѣчательный расчетъ. Торгуя не исключительно сахаромъ, они продаютъ его даже въ убытокъ себя, на 8 проц., рассчитывая только скорѣе получить наличныя деньги и на нихъ купить другіе товары, на которыхъ мож-

(*) Зубовъ: *Описаніе Нижегородской Ярмарки*, стр. 29.

верстать этотъ убытокъ. Какъ вамъ кажется эта операція? Но и покупщики сахара не промахъ: зная, почему продавцы торопятся продать свой сахаръ и почему такъ сбавляютъ цѣну, они прижимаютъ ихъ и предлагаютъ часто такія цѣны, какихъ не существуетъ и на самихъ заводахъ. Они рады дешевизнѣ и мало заботятся о томъ, что покупаютъ количество сахара, превосходящее самую потребность. Сахаръ *товаръ ходкій*, на рукахъ не останется; а если и останется, то она продадутъ его въ своихъ городахъ переръ следующей ярмаркой, сбавивъ вдругъ 5 и даже до 10 проц.; притомъ они ничего не теряютъ, потому-что въ остальное время года приобретаютъ отъ сахара отъ 25 до 40 проц. прибыли. Вотъ какъ идетъ эта торговля! Предметъ, какъ видите, достойный размышленія. По-крайней-мѣрѣ, уже одно обстоятельство ясно само-собою, что при такомъ ходѣ этой торговли расширеніе ее остается весьма-проблематическимъ.

Другая статья этого рода торговли—*табакъ*, является на ярмаркѣ не въ большомъ количествѣ, всего не болѣе какъ на 160,000 или 180,000 руб. сер. По причинѣ распространеннейшей въ народѣ страсти къ куренію, наиболѣе привозится сюда табакъ курительнаго сорта, и здѣсь, какъ вы можете вообразить, не обходится безъ крошенаго вакштафа Василья Жукова, изъ Петербурга, и Мусатова, изъ Москвы. Такъ-какъ число курильщиковъ увеличивается съ каждымъ годомъ, то торговля табакомъ на ярмаркѣ всегда выгодна, и цѣны не падаютъ. Самое уменьшеніе достоинства табака не вредитъ его сбыту; такъ, напримеръ (замѣчаетъ авторъ), несмотря на то, что извѣстный табакъ Василья Жукова, назначенный для ярмарки, уже нѣсколько лѣтъ готовится съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, онъ всегда хорошо продается, и спросъ на него постоянно увеличивается (стр. 123).

Русскіе москотильные товары и аптекарскіе припасы, какъ-то: лава, лазоръ, сажа, сурикъ и проч., привозятся на ярмарку на весьма-значительную сумму,—почти въ 400,000 руб. сер., что составляетъ, однако, не болѣе $\frac{1}{7}$ всего торговаго оборота москотильными товарами на ярмаркѣ, въ который входятъ и иностранныя снадобвенія.

Весьма-замѣчательнъ огромный привозъ на ярмарку косметическихъ товаровъ. Одного мыла привозится почти на 296,000 руб. Изъ другихъ товаровъ, духи и помада, особенно издѣлія московскаго фабриканта Мусатова, являются здѣсь въ такихъ массахъ, очевидно могутъ удовлетворить потребности всѣхъ красавицъ городовъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ Россійской-Имперіи. За то привозъ писчей бумаги сравнительно не великъ (едва 100,000 руб. сер.),—вѣроятно потому-что потребность въ ней не велика, какъ потребность въ духахъ и помадѣ.

Второму отдѣлу своего систематическаго распредѣленія товаровъ, г. Мельниковъ относитъ «русскіе фабрикаты» (слово, взятое отъ французскаго съ нѣмецкаго: *Fabrikat*, которое было выковано герман-

скими экономистами для обозначенія фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій). Торговля этими предметами есть рѣшительно самая важная статья нижегородской ярмарки. Разнаго рода тканей: бумажныхъ, шелковыхъ, льняныхъ и шерстяныхъ бываетъ здѣсь въ привозѣ на сумму до 19 милльоновъ руб. сер., что составляетъ цѣлую треть всего привозимаго на ярмарку количества товаровъ. Въ числѣ этихъ тканей первое мѣсто занимаютъ хлопчато-бумажныя, которыхъ привозъ, постоянно увеличивающійся, заходилъ, въ 1845 году, за $8\frac{1}{2}$ милльоновъ руб. сер. Такимъ — образомъ, одни хлопчато-бумажныя издѣлія составляютъ около $\frac{1}{6}$ всего торговаго оборота на ярмаркѣ, которая за то служитъ мѣстомъ сбыта почти всего количества этихъ издѣлій, вырабатываемыхъ въ Россіи. Вотъ почему весьма-любопытно посмотреть, какъ производится здѣсь эта торговля.

Хлопчато-бумажныя ткани закупаются на ярмаркѣ, какъ для удовлетворенія внутреннихъ требованій Россіи, такъ и для отправки въ Азію. Для первой цѣли почти $\frac{3}{5}$ всего привоза закупается, по-большой-части въ кредитъ, продавцами краснаго товара и хребщиками или афеями, о которыхъ мы уже говорили выше. Что касается до сбыта въ Азію, то въ прежніе годы очень-много русскихъ бумажныхъ тканей отпускалось въ Персію и Закавказье, но теперь этотъ отпускъ чрезвычайнo упалъ, — упалъ до того, что едва-ли превосходитъ сумму 100,000 руб. сер. Причину этому авторъ полагаетъ въ провозѣ въ Персію тканей съ лейпцигской ярмарки, которая почти русскихъ и продается дешевле ихъ (стр. 138). Равнымъ-образомъ, сбытъ нашихъ бумажныхъ тканей въ Бухарію, Кокапъ и Ташкентъ уменьшился потому, что тамъ стали являться, черезъ Остидію, англійскія ткани, которыя несравненно-лучше нашихъ, а продаются на 30%, и болѣе, дешевле нашихъ.

Достойно замѣчанія, что въ то время, какъ фабрикація хлопчато-бумажныхъ тканей, употребляющая иностранный, привозный сырой матеріалъ, достигла у насъ значительнаго, въ сравненіи съ другими отраслями промышленности, развитія, — полотняная промышленность, не смотря на то, что сырой матеріалъ у насъ имѣется свой, еще весьма-слабо развита. Это явленіе, по нашему мнѣнію, можетъ служить, между-прочимъ, подтвержденіемъ того, какъ развитіе всякой фабрикаціи зависитъ отъ хорошихъ качествъ перваго матеріала. Наша хлопчато-бумажная фабрикація почти вся основана на переработкѣ англійской бумажной пряжи, которая, при успѣхахъ, дѣлаемыхъ англійскою промышленностью, доставляется къ намъ постоянно лучшихъ и лучшихъ качествъ, и по цѣнамъ постепенно-уменьшающимся. Между-тѣмъ, наша полотняная промышленность, успѣхи которой, естественно, зависятъ отъ достоинства сыраго матеріала, останавливается въ своемъ развитіи дурными качествами нашего льна и нашей пеньки. Русскія полотняныя ткани, сравнительно, гораздо-грубѣе и дешевле хлопчато-бумаж-

ныхъ, тогда-какъ въ Европѣ это бываетъ наоборотъ. Отъ этого выходитъ, что, имѣя множество своего льна и пеньки, мы выдѣлываемъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей въ десять разъ меньше, чѣмъ хлопчато-бумажныхъ (стр. 152). Говоря о причинахъ недостаточнаго состоянія нашей полотняной фабрикаціи, г. Мельниковъ весьма-справедливо приписываетъ ихъ отчасти недостаткамъ первоначальной обдѣлки льна; но мы невольно улыбулись, когда онъ весьма-серьезно написалъ слѣдующія строки: «есть надежда, что это неудобство въ скоромъ времени будетъ устранено, именно: когда слѣдается извѣстнымъ открытіе г-на Великопольскаго относительно выгодной обдѣлки прядильныхъ растений (стр. 153)». Нѣтъ, г. Мельниковъ, неудобство, о которомъ вы говорите, имѣетъ свои корни гораздо-глубже въ образѣ производствъ у насъ земледѣлія, и какое-нибудь открытіе, еще весьма-подверженное сомнѣнію, не устранить его. — Гораздо-важнѣе другое замѣчаніе автора, что на состояніе нашей полотняной промышленности имѣетъ еще вліяніе то обстоятельство, что у насъ, по самому требованію полотень, приготовленіе высокыхъ сортовъ ихъ не можетъ быть столь обширно, какъ за границей: тамъ они составляютъ потребность народа, у насъ — только роскошь. Кто-то сдѣлалъ весьма-справедливое замѣчаніе, что о степени богатства народа можно всего лучше судить по чистотѣ и тоннахъ его бѣлья. «Не говоря уже о низшемъ и среднемъ классахъ русскаго народа (говоритъ авторъ), самый высшій классъ его носитъ бѣлье не сравненно грубѣе европейскаго. Простой челоуѣкъ заботится болѣе о верхнемъ платьѣ и любитъ бѣлье цвѣтное, на которомъ нечистота не такъ замѣтна. Онъ говоритъ, что за тонкимъ бѣльемъ много хлопотъ, и потому носить холстинное или крашеное хлопчато-бумажное, которое притомъ гораздо-дешевле. Здѣсь заключается причина постоянно выгоднаго сбыта ситцевъ, выбоекъ, пестряди и того, что наше полотняное производство не сдѣлало «значительныхъ успѣховъ въ послѣднія полтора столѣтія (стр. 154)». Незначительность потребленія у насъ хорошихъ полотень служитъ объясненіемъ малаго привоза ихъ на ярмарку: въ 1845 году всѣхъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей здѣсь было только на 770,000 руб. сер., да и изъ этого числа только на 85,000 руб. было полотень фабричныхъ, тогда-какъ $\frac{2}{3}$ всего привезеннаго количества составляло крестьянское издѣліе: холстъ, грубый, хрящевой, подкладочный, мѣшечный и малое количество рубашечнаго.

Шерстяныя издѣлія составляютъ предметъ уже гораздо-значительнѣйшей торговли на ярмаркѣ, нежели полотна. Привозъ ихъ простирается за пять съ половиною милліоновъ руб. сереб. Собственно шерстяныя ткани можно раздѣлить на *тяжелыя*, т. е. сукна и ковры, и *легкія*, какъ-то драдедамы, казинеты, мериносы, и проч. Сбытъ ковровъ на ярмаркѣ ничтоженъ; за то сукна занимаютъ весьма-важное мѣсто въ ряду предметовъ ярмарочной торговли, являясь сюда на сумму до четырехъ съ половиною милъ-

йоновъ руб. Это количество идетъ отсюда какъ для удовлетворенія внутренняго требованія Россіи, такъ и для отпуска въ Азію. Сукна для первой цѣли закупаются на ярмаркѣ городовыми купцами, которые потомъ развозятъ ихъ по всѣмъ угламъ Россіи. Для отпуска же въ Азію привозятся грубыя сукна, извѣстныя подъ именемъ *мезерицкихъ* и *масловыхъ*, и раскупаются здѣсь частью купцами, имѣющими дѣла съ Китаемъ, частью для отпуска въ Бухарію, Ташкентъ и Коканъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что требованіе русскаго сукна для этихъ странъ съ каждымъ годомъ уменьшается, потому-что Англичане стали провозить туда свои сукна черезъ Остндію (стр. 167). Сверхъ того, закупается здѣсь на 200,000 руб. сереб. суконъ для Персіи и Закавказья. Весьма-любопытенъ представляемый г-мъ Мельниковымъ образецъ суконъ, происходящихъ на ярмаркѣ въ суконной торговлѣ: въ 1844 году былъ большой вывозъ русской шерсти за границу, и потому возвысилась цѣна на шерсть; суконные фабриканты, бывшіе въ томъ году на ярмаркѣ, какъ-только узнали объ этомъ изъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ на роменской и харьковской шерстяныхъ ярмаркахъ, тотчасъ хотѣли значительно увеличить цѣны на свои сукна. Купцы, ведущіе кяхтинскія дѣла, рѣшительно отказали имъ въ этомъ, говоря совершенно-справедливо, что такое возвышеніе цѣнъ шерсти должно имѣть вліяніе на тѣ сукна, которыя поступаютъ въ продажу въ слѣдующемъ 1845 году. Послѣ долгихъ переговоровъ съ обѣихъ сторонъ, дѣло рѣшили тѣмъ, что кяхтинскіе торговцы согласились назначить цѣны высшія, но не выше, какъ отъ 5% до 10% противъ прежнихъ (стр. 168). Вотъ одна изъ тѣхъ картинъ, которыя приводятъ къ весьма-важнымъ соображеніямъ. При такой шаткости дѣлъ, неразлучной съ существомъ ярмарочнаго торговаго оборота, возможно ли усиленіе торговыхъ дѣлъ? Въ правильной торговлѣ извѣстны заранѣе цѣны, и количество требованія опредѣляютъ собою закупки предметовъ купцами въ одномъ мѣстѣ и передвиженія ихъ въ другое. При ярмарочномъ торгѣ это невозможно: купецъ, ѣдущій на ярмарку и дѣлающій для нея закупки, рѣшительно не знаетъ, что онъ тамъ встрѣтитъ, какія будутъ цѣны на его товаръ, и какія цѣны на товаръ, который онъ располагаетъ купить. Слѣдовательно, какой же у него можетъ быть правильный коммерческій расчетъ? Тутъ есть только рискъ, лотерея, шансы которой усиливаются еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: нѣкоторыя важныя у насъ отрасли торговли исключительно основаны на нижегородской ярмаркѣ,—на-примѣръ, торговля кяхтинскихъ купцовъ. Торговцы, привозящіе сюда товары, нужные для этихъ купцовъ, очень-хорошо знаютъ, что тѣ *должны* у нихъ купить, а что если они не купятъ, то не найдутъ возможности сдѣлать эти закупки въ другомъ мѣстѣ, а потому не въ состояніи будутъ провезти свой годовой оборотъ,—и въ этомъ обстоятельствѣ является страстишка *прижать*. А отсюда что происходитъ? Торговецъ, купившій на ярмаркѣ товаръ *дороже*, чѣмъ рассчитывалъ, повыше-

еть на него цѣны; это повышеніе цѣнъ вредитъ сбыту товара на томъ рынкѣ, для котораго онъ былъ назначенъ, и такимъ-образомъ торговля подтачиваетъ свое собственное основаніе. Эти соображенія, между-прочимъ, не позволяютъ намъ согласиться съ мнѣніями г. Мельникова относительно будущности нижегородской ярмарки, для которой онъ предсказываетъ необыкновенное развитіе (стр. 280). Конечно, развитіе ея въ неотдаленномъ будущемъ еще возможно; но чѣмъ болѣе будетъ развиваться правильная торговля въ Россіи, чѣмъ болѣе будетъ путей сообщенія, и чѣмъ легче будутъ средства ежедневнаго и ежечаснаго передвиженія торговли изъ мѣстъ производства въ мѣста ихъ требованія, тѣмъ меньшую важность будетъ для насъ имѣть нижегородская ярмарка, которая неминуемо подвергнется со-временемъ участи подобныахъ торжищахъ, существовавшихъ прежде въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ. Уже однимъ желѣзнымъ дорогамъ суждено произвести въ этомъ отношеніи рѣшительный и самый благодѣтельный экономическій переворотъ.

Изъ легкихъ шерстяныхъ матерій, главное мѣсто занимаютъ меринсы, полутерно и различныя смѣшанныя ткани изъ шерсти съ шелкомъ, пенькою и бумагою; эти ткани, вошедшія въ послѣднее время въ весьма-большое употребленіе въ высшихъ и среднихъ классахъ народа и вытѣсняющія ситцы, были привезены въ 1843 году на сумму 161,000 руб., а въ 1845 году уже на сумму свыше 450,000 руб. сер. Всего же легкихъ шерстяныхъ тканей было въ привозѣ, въ этомъ послѣднемъ году, на сумму до 754,250 руб. серебромъ.

Валеный шерстяной товаръ, какъ-то армячина, поярковыя шляпы, валенки, войлоки, — издѣлія крестьянской промышленности, являются на ярмарку на сумму до 339,000 руб. И здѣсь мы должны замѣтить то же, что замѣчали и прежде о всѣхъ предметахъ крестьянской промышленности, являющихся на ярмарку, т. е. невероятную дешевизну издѣлій. По этому предмету г. Мельниковъ говоритъ: «вообще о валеномъ товарѣ должно замѣтить, что онъ весьма-малоцѣненъ; существующія на него цѣны до того ничтожны, что едва-ли бы могли покрыть издержки, употребляемыя на самый матеріалъ, еслибъ онъ былъ не домашняго приготвленія. Это особенно обнаруживается на предметахъ промышленности крестьянъ Балахнинскаго и Семеновскаго Уѣздовъ. Эти крестьяне издавна занимаются валяніемъ шляпъ и обуви, сбываютъ товаръ свой въ огромныхъ количествахъ и, прибавимъ къ тому, отличаются порядочною и трезвою жизнью; не смотря на это, они въ-продолженіе двухъ съ половиной столѣтій, а можетъ-быть и болѣе, не могли сдѣлаться зажиточными при тѣхъ необыкновенно-низкихъ цѣнахъ, какія существуютъ на крестьянскія шерстяныя издѣлія» (стр. 177). Итакъ, съ одной стороны, потребность постоянная и обширная на издѣлія, а съ другой, ихъ дешевизна, или

лучше сказать, безцѣнность—вотъ явленіе, заслуживающее внимательнаго изученія!

Шелковыя и полушелковыя издѣлія, являющіяся на ярмарку, доходили въ 1845 году до весьма-значительной цифры—четырехъ съ половиной миліоновъ рублей серебромъ; изъ нихъ главное мѣсто занимаютъ такъ-называемыя *легкія* шелковыя ткани, которыхъ было въ привозѣ болѣе чѣмъ на два миліона рублей серебромъ. Съ нѣкотораго, однако, времени, замѣчается уменьшеніе спроса на многія легкія ткани, и причиною этому полагаютъ усиленіе ввоза въ Россію *такъ-называемыхъ* персидскихъ легкихъ тканей: банасовъ, мови и другихъ. Доброта шелка, чистота и даже тщательная отдѣлка рисунка, вовсе непохожаго на азіатскій, а главное—необыкновенная дешевизна этихъ тканей (30 к. за аршинъ) привлекаютъ къ нимъ покупателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ подозрѣвать, что это ткани не персидскаго, а европейскаго приготовленія, и это, какъ замѣчаетъ г. Мельниковъ, имѣетъ свои основанія (стр. 186).

Глиняныя и стекляныя издѣлія, а именно: фарфоръ, фаянс, хрусталь, стекло и зеркала постоянно увеличиваются въ привозѣ, который достигъ въ прошедшемъ году до суммы почти въ 430,000 руб. серебромъ.

Наконецъ, въ послѣднемъ разрядѣ русскихъ фабрикатовъ, полъ именемъ: *разные предметы*, авторъ заключилъ многія мелочныя статьи, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ въ ярмарочной торговлѣ замѣчательныя явленія. Напримѣръ, въ торговлѣ русскими обоями любопытно, что ихъ стали покупать Киргизы! (стр. 199.) Привозъ *модныхъ* товаровъ, т. е. дамскихъ уборовъ,—издѣлій модистокъ Кузнецкаго-Моста—достигаетъ весьма-замѣчательной цифры: 283,000 руб. Ихъ покупаютъ нижегородскія, казанскія и сибирскія помѣщицы и купчихи; особенно-много поступаетъ женскихъ уборовъ въ Сибирь, для которой нижегородская ярмарка служитъ законодательницею моды. Но самую замѣчательною въ этой главѣ статью мы признаемъ торговлю на ярмаркѣ книгами. Имена книгопродавцевъ Улитина, братьевъ Глазуновыхъ, Свѣшниковъ и Василья Логинава являются здѣсь на первомъ планѣ. Всѣ они имѣютъ на ярмаркѣ свои лавки, но Логиновъ, сверхъ того, производитъ главную свою торговлю посредствомъ разнощиковъ, которые продаютъ книги за безцѣнокъ (а можетъ-быть и по настоящей ихъ цѣнѣ!). Но, замѣчаетъ авторъ, болѣе всего вредятъ успѣхамъ этой торговли букинисты на ярмарочномъ мосту. Если издатель какой-нибудь книги желаетъ поскорѣе зашибить копейку и сбыть остающіеся у него экземпляры, то стоить ему мигнуть, и къ нему тотчасъ явятся букинисты, и купятъ ихъ у него дешевле пареной рпы; эти книги, переходя изъ рукъ въ руки, попадаютъ наконецъ къ петербургскимъ букинистамъ, которые передъ ярмаркою привозятъ въ Москву и здѣсь дѣлаютъ разницу дешевыхъ книгъ, шьная петербургскія изданія на московскія. Очень-любопытно было бы

побывать при этомъ развѣнъ и посмотрѣть, какой умъ лучше цѣнится, петербургскій или московскій! По силѣ такого развѣна, торговцы отправляютъ свой товаръ водою въ Нижній. Извѣстно, что послѣдніе годы были неблагопріятны для квижнаго ума: въ это время нерѣдко падали дѣла самыхъ значительныхъ книгопродавцевъ, и при каждомъ изъ такихъ случаевъ, букинисты скупали на весь книги, оставшіяся въ кладовыхъ у падшихъ книгопродавцевъ. Нагрузивъ ими лодки, они обыкновенно отвозили ихъ на нижегородскую ярмарку, гдѣ и пускали по самой дешевой цѣнѣ. Такъ годовое изданіе *Библиотеки для Чтенія* продавалось за 3 р., *Пантеона* за 2 р. 50 к., *Утренней Зари* за 1 р., дорогое изданіе *Капиталій (Оаддея Булгарина)* за 2 р. 50 к. Г. Мельниковъ къ этому прибавляетъ, что, въ-продолженіе шестилѣтняго наблюденія надъ ходомъ ярмарочной торговли, онъ замѣтилъ, что книги, попадавшія на мостъ, были преимущественно петербургскія; всѣ наши литературныя знаменитости побывали на мосту; изъ нихъ одинъ лишь Гоголь и здѣсь былъ всегда въ хорошей цѣнѣ, годъ отъ года возвышавшейся, на зло всѣмъ его порицателямъ (стр. 206).

Это одна сторона медали—т. е. продавцы книгъ; но какова другая—т. е. покупатели, или, другими словами, какія книги наиболѣе требовались и лучше расходились на ярмаркѣ? И на этотъ вопросъ находимъ у г. Мельникова отвѣтъ: «самый большой сбытъ относится къ произведеніямъ московской сѣробумажной литературы; за тѣмъ слѣдуютъ книги учебныя и богослужебныя; романовъ и другихъ беллетрическихъ издѣлій, непопавшихъ на мостъ, раскупается немного, ученыхъ книгъ еще менѣе; иностранныхъ книгъ на ярмаркѣ не бываетъ» (стр. 207).

Вотъ вамъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ резюмируется отчетъ о состояніи просвѣщенія въ нѣкоторыхъ классахъ. И коротко и ясно!

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ русскіхъ произведеній, бывающихъ на нижегородской ярмаркѣ. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ иностранныхъ. Весьма-естественно, что привозъ этихъ предметовъ сюда весьма-значителенъ. Г. Мельниковъ говоритъ: «пока народонаселеніе Россіи не уравнируется въ относительномъ смыслѣ, пока ремесленность и рукодѣлія не проникнутъ во весь слои общества, пока не установятся цѣны на хлѣбъ и тѣмъ не поправятся дѣла помѣщиковъ, главныхъ потребителей предметовъ роскоши, и пока, наконецъ, недостатокъ денегъ (и прибавимъ: образованности) будетъ чувствителенъ въ народѣ, особенно между купцами — до-тѣхъ-поръ произведенія европейскихъ фабрикъ будутъ составлять для насъ верхъ совершенства, недостижимый для нашихъ фабрикантовъ; а до-тѣхъ-поръ высоко будутъ цѣниться произведенія иностранныя, и вытѣсненія ихъ русскими издѣліями рѣшительно невозможно.»

Изъ иностранныхъ и колониальныхъ произведеній, привозъ ярмарку ввѣдъ простирается до 600,000 р., овощныхъ и бакалейныхъ товаровъ, какъ-то: кофе, прованскаго масла, табака, и до 235,000 р., москотельныхъ и аптекарскихъ товаровъ до 1,700,000 р., хлопчатой бумаги до 476,000 р., благовонныхъ веществъ, драгоценныхъ камней на 284,000 р. Но всего значительнѣе привозъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Въ 1845 году, было привезено: хлопчато-бумажныхъ тканей на 77,000 р., шелковыхъ на 482,000 р., шерстяныхъ на 549,000 р., льняныхъ и пеньковыхъ на 204,000 р.; оптическихъ, галантерейныхъ и модныхъ товаровъ, часовъ, музыкальныхъ инструментовъ и стальныхъ щей на 303,000 р. с.

Наконецъ, и старшая (по возрасту) сестра Европы—Азія, являясь на нижегородскую ярмарку съ запасами своихъ немногочисленныхъ, но необходимыхъ намъ произведеній. Первое мѣсто не только въ ряду этихъ произведеній, но и во всей ярмарочной торговлѣ, занимаетъ — чай. Мы все знаемъ, какъ распространилось въ насъ потребленіе этихъ счастливыхъ листочковъ, знаемъ, какъ великое влияние имѣютъ на благосостояніе человека, которому нечего обидѣть—ничего, а не выпить чайку—огорченіе; но знаемъ ли мы все, какое влияние имѣетъ это китайское издѣліе на судьбу нижегородской ярмарки? Знаете ли вы, что, не смотря на подвигъ ярмарочныхъ флаговъ въ знакъ, что ярмарка открыта, не смотря на привозъ всѣхъ товаровъ, на съѣздъ всего купечества, ярмарочная торговля не считается начавшеюся, въ коммерческомъ смыслѣ до-тѣхъ-поръ, пока не состоится продажа чаевъ изъ первыхъ рядовъ. До-тѣхъ-поръ не устанавливаются цѣны ни на какіе вообще предметы ярмарочной торговли, до-тѣхъ-поръ не опредѣляются условія относительно сроковъ уплаты денегъ за товары, пока не окончится торговля чайная. Между 1-мъ и 5-мъ числами августа каждого года, все вниманіе купечества русскаго бываетъ устремлено на китайскіе ряды въ ярмаркѣ, гдѣ торговый шестигласный конгрессъ, стоящій изъ гг. Колесова, Шестова, Лобкова, Рудокова, Коркина и Куманина рѣшаетъ вопросъ о чаѣ. Отъ ихъ рѣшенія, отъ ихъ условій съ чайными покупателями нерѣдко зависитъ вся участь ярмарки. Еслибъ, по какому-нибудь несчастному случаю, чаевъ не успѣли продать въ Нижній къ сроку, еслибъ по чему-нибудь чай не былъ проданъ на ярмаркѣ, то вся ярмарочная торговля неминуемо должна была бы остановиться, — и тогда страшное разстройство постигло бы наши фабрики Московской, Владимірской и другихъ губерній. Это потому, что нѣтъ у насъ почти ни одной сколько-нибудь значительной отрасли промышленности, которая бы не была тѣсно связана съ нижегородской ярмаркой, а на ярмаркѣ нѣтъ ни одной важной отрасли торговаго оборота, которая бы не была въ связи съ чайною торговлею. Суконные фабриканты привозятъ въ Нижній свои сукна для Китая; пилы и нанки работаютъ и привозятся

ярмарку для Китая: бѣлки и другіе пушные товары привозятся для Китая. Купцы, ведущіе свои дѣла въ Кяхтѣ и Семипалатинскѣ, получивъ деньги за чай, тотчасъ покупаютъ сукна, мѣха, шить, нанку и другіе предметы, нужные для Китая, а также предметы роскоши, вина и т. п. Отъ этого разомъ оканчиваются главнѣйшія отрасли торговли—суконная и хлопчатобумажная; отъ этого же вдругъ по ярмаркѣ разливаются деньги, цѣны на всѣ товары устанавливаются, всѣ дѣла оживляются,—и ярмарка въ полномъ разгарѣ.

Привозъ чая на ярмарку былъ въ 1843 году на 6,311,370 руб., въ 1844 году на 6,534,600 руб., а въ 1845 году на 8,794,500 руб. серебромъ.

Другія отрасли азіатской торговли, производимой на нижегородской ярмаркѣ, далеко не такъ важны. Г. Мельниковъ раздѣляетъ ее на два вида: торговлю персидско-закавказскую и торговлю съ Внутреннею-Азіею. Подъ первую онъ разумѣетъ торговлю съ Персами, Грузинами и Армянами; она не обширна и притомъ съ каждымъ годомъ дѣлается еще менѣе-значительною. Въ Персію и Закавказье съ ярмарки идутъ ситцы, каленкоры, бумажные платки, сукна, мѣдъ, сталь, кирпичный чай и нѣкоторые другіе. Всѣ ткани, кромѣ суконъ, имѣютъ въ Персію съ каждымъ годомъ сбытъ слабѣйшій, что происходитъ, по словамъ русскихъ купцовъ, отъ соперничества Англичанъ и отъ-того, что живущіе въ Персіи Армяне, посредствомъ своихъ агентовъ, стали получать этого рода издѣлія изъ Европы. Ткани европейскія (говоритъ авторъ) для Персіанъ обходятся гораздо-дешевле русскихъ, и потому едва-ли скоро можно ожидать возстановленія сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій въ персидскія провинціи.

Изъ Персіи и Закавказья на ярмарку привозятся шелкъ-сырецъ, нѣсколько шелковыхъ и бумажныхъ тканей, пушные и нѣкоторые москотельные товары, хлопчатобумажная пряжа, чернильные орѣшки, битовые усы и нѣкоторые другіе. Въ-отношеніи къ привозу шелка, весьма-замѣчательнъ приводимый авторомъ фактъ, что привозъ его, съ половины прошлаго десятилѣтія, сталъ уменьшаться, и именно по той причинѣ, что Англичане начали скупать весь шелкъ въ Гялянн и отвозить его въ Европу. Всѣхъ вообще предметовъ, привозимыхъ изъ Персіи и Закавказья, было на ярмаркѣ въ 1843 году на 375,000 р., въ 1844 году на 661,000 р., и въ 1845 году на 1,639,700 рублей. Вообще по этой торговлѣ замѣчается, что Армяне и Персіане съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе покупаютъ произведеній русскихъ, и причиною этому признается усилившееся соперничество Англичанъ. Привозя своихъ товаровъ на ярмарку на сумму большую, чѣмъ на сколько у насъ берутъ, Персіане и Армяне добираютъ остальное количество звонкою монетою, и въ послѣднее время было увозимо съ ярмарки въ персидское государство до 300,000 рублей серебромъ монеты (стр. 266). Изъ этого авторъ выводитъ заключеніе, что ярмарочную торговлю съ Пер-

гією мы производимъ въ убытокъ себѣ (стр. 267). Признаемся, мы были неприятнымъ образомъ поражены этимъ словомъ. Не держится ли г. Мельниковъ идей *покойной* меркантильной системы? Если такъ, то мы объ этомъ искренно сожалѣемъ. Меркантильная система составляетъ теперь только страницу, относящуюся къ древней исторіи политической экономіи, и приклеивать ея идеи къ книгѣ, исполненной самыхъ любопытныхъ фактовъ изъ жизни современной, — по-крайней-мѣрѣ, ужасный анахронизмъ.

Торговля, производимая на нижегородской ярмаркѣ съ Внутреннею-Азією (т. е. Бухаріей, Ташкентомъ, Коканомъ и другими землями), имѣетъ предметомъ обмѣнъ русскихъ издѣлій: низкихъ сортовъ суконъ, плиса, бумажныхъ издѣлій, стекла, фаянса, кожаныхъ издѣлій, — на произведенія азіатскія: хлопчатую бумагу, шелковыя и бумажныя ткани, пушные товары и бирюзу. И здѣсь (замѣчаетъ авторъ) вредитъ намъ соперничество Англичанъ. Ташкентцы, бывшіе на ярмаркѣ 1844 года, увѣряли, что имъ нѣтъ выгоды покупать русскія бумажныя ткани, что англійскія издѣлія этого рода, уже нѣсколько лѣтъ употребляемыя въ Бухарію, проникали и въ Коканъ, гдѣ кусокъ каленкора въ 52 аршина стоить теперь только—*два червонца!*.. Этому соперничеству Англичанъ авторъ приписываетъ уменьшеніе сбыта нашихъ произведеній во Внутреннюю-Азію. Привозъ къ намъ произведеній изъ Внутренней-Азіи простирается до 590,000 руб. сер.

Этимъ г. Мельниковъ заключаетъ обзоръ нижегородской ярмарки; но прежде, нежели распространился съ читателемъ, онъ счелъ полезнымъ представить свои мысли о будущности ея: «Многіе говорятъ, что нижегородская ярмарка должна со временемъ подвергнуться участи ярмарокъ англійскихъ, французскихъ и германскихъ, т. е. уничтожиться, въ-слѣдствіе усовершенствованія путей сообщенія и развитія промышленности и торговли. Это несправедливо. Всѣ другія ярмарки русскія, конечно, должны будутъ испытать эту участь; но ярмаркѣ нижегородской предстоитъ судьба блестящая. Такъ точно, какъ Кронштадтъ служить ключомъ торговли Россіи съ Европою, — нижегородская ярмарка служитъ ключомъ торговли нашего отечества съ Азіей. Въ Петербургъ собираются всѣ предметы русскіе, идущіе за границу европейскую; Москва, Московская, Владимірская, Костромская и Ярославская Губерніи производятъ предметы, отпускаемые Россією на Востокъ, и такъ же точно, какъ изъ Петербурга идутъ товары въ Кронштадтъ для дальнѣйшей отправки за море, — изъ Москвы и соседнихъ губерній произведенія мануфактурныя, назначаемыя для Китая, Персіи и Внутренней Азіи свозятся въ Нижній, — этотъ портъ Москвы, *внутренній портъ*, какъ назвалъ его Петръ-Великій. Въ этомъ заключается все будущее нижегородской ярмарки. Усовершенствованіе путей сообщенія должно повредить ярмаркамъ русскимъ, но относительно нижегородской оно должно послужить къ дальнѣйшему ея развитію. Если сбудется предположеніе объ устрой-

«стѣ нижегородской-московской желѣзной дороги — обороты ярмарочные чрезвычайно усилятся. Ярмарка не перейдетъ тогда въ Москву, какъ ожидаютъ нѣкоторые, ибо не для одной Москвы Нижній служить портомъ: Шуя, Иваново, Ярославль и вообще вся фабричная часть Имперіи сюда присылаетъ свои произведенія. Въ будущемъ падетъ на нижегородской ярмаркѣ одна только торговля — европейскими и колониальными произведеніями: это теперь уже замѣтно. Нижній-Новгородъ назначенъ не для европейской торговли, но для азиатской и внутренней. Смотри съ этой точки зрѣнія на нижегородскую ярмарку, для совершеннаго ея развитія должно желать, во-первыхъ, дальнѣйшаго усовершенствованія нашихъ мануфактурныхъ заведеній, и во-вторыхъ, правильныхъ основаній торговли Русскихъ съ Востокомъ и распространенія нашихъ торговыхъ дѣйствій въ отдаленнѣйшихъ странахъ Азіи. Первое идетъ успѣшно, второе будетъ сомнительно. Тогда-то Нижній-Новгородъ займетъ важное мѣсто въ ряду торговыхъ мѣстъ *свѣтлой* (т. е. вѣроятно, земнаго шара) и тогда исполнятся пророческія слова канцлера графа Румянцева въ 1816 году, предсказавшаго, что Нижній-Новгородъ, по случаю перевода макарьевской ярмарки, *возвысится на степень третьей государственной столицы*» (стр. 283).

Вотъ каковы мысли автора о будущности нижегородской ярмарки! Конечно, онѣ краснорѣчиво высказаны, но мало доказаны. Впрочемъ, какъ дѣло идетъ о будущемъ, которое никому неизвѣстно, то всякому позволяется думать о немъ, какъ кто пожелаетъ. Мы согласны съ авторомъ, что главное назначеніе нижегородской ярмарки — торговое соединеніе Россіи съ Азіею; но что же изъ этого? Развѣ съ Азіатцами иначе нельзя будетъ торговать, какъ посредствомъ ярмарочнаго торга? развѣ Азія всегда останется Азіею? Авторъ дѣлаетъ весьма-остроумную параллель между Кронштадтомъ, *портомъ приморскимъ*, и Нижнимъ-Новгородомъ, *портомъ внутреннимъ*. Пусть эта параллель и будетъ вѣрна: но развѣ для торговли съ Европой въ Кронштадтѣ нужна была ярмарка? По нашему крайнему разумѣнію, ярмарка есть заранѣе однажды-навсегда определенное мѣсто, въ которое, въ известное всякому время, сходятся и тѣ, у которыхъ есть что-нибудь на продажу, и тѣ, которымъ есть надобность въ закупкѣ. Естественно, что пока торговля сношенія не развились до того, что становятся ежедневными, ежечасными, пока они не оживляются постояннымъ присутствіемъ большихъ капиталовъ и средствами скорого и легкаго сообщенія, до-тѣхъ-поръ нужно существованіе такихъ пунктовъ, въ которыхъ бы могли, въ известное, хоть разъ въ годъ указанное время, стекаться и продавцы и покупатели, съ увѣренностью найти другъ друга. Но сказать, что такъ должно быть всегда, значитъ судить о будущемъ по одному настоящему, не принимая въ расчетъ вліянія тѣхъ условій, которыя опредѣляютъ собою развитіе будущихъ поколѣній. Конечно, г. Мельниковъ, въ своемъ прорицаніи, сохрани-

еть нижегородской ярмаркѣ въ будущности только ея азіатскія торговлю. Но и тутъ (если ужъ мы условились говорить объ этомъ будущемъ, т. е. гадательномъ, чаятельномъ, предположительномъ), по нашему мнѣнію, возможно будетъ, при водвореніи и вѣрныхъ основаній торговли Россіи съ Востокомъ, со-времененно обойтись безъ ярмарочнаго торга, неразлучно-связаннаго съ рѣчными неудобствами, которыя могутъ быть сносимы торговлею только до-тѣхъ-поръ, пока она необширна. Азіатцы нуждаются въ шемъ товарѣ — мы сами повеземъ его къ нимъ, повеземъ его разъ въ годъ, а будемъ доставлять его всякій разъ, какъ получимъ извѣстіе о требованіи. На это г. Мельниковъ возражаетъ, такъ торговать съ Азіатцами пока еще нельзя, что, сверхъ-того, такой торговли русскимъ купцамъ нужны большіе капиталы. споримъ; но не забудьте, что мы говоримъ о будущемъ, и въ томъ о такомъ будущемъ, въ которомъ, какъ выражается самъ Мельниковъ: «установятся правильныя основанія торговли Руски съ Востокомъ». А до того (и мы не споримъ) ярмарка будетъ бѣ ярмаркою, даже и въ будущемъ...

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ «ЖАРЪ И ЖАТВА ХЛѢБА».

Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья подъ заглавіемъ: «Жаръ и жатва хлѣба» (соч. С. А. Маслова), помѣщенная потомъ въ «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», и въ «Земледѣльческой Газетѣ». Эта многорѣчивая статья сильно вооружается противъ жнитва хлѣба серпомъ. Приведемъ нѣсколько строкъ подлинника, подтверждающихъ сказанное нами. «Боже Великій! Ты положилъ клятву, чтобъ человекъ въ потъ лица «своего ѣлъ хлѣбъ свой; но чтобъ этотъ хлѣбъ обливался кровью матерей, рождающихъ въ мукахъ, съ выпавшимъ изъ рукъ серпомъ «и съ смертію новорожденного, нѣтъ, Господи, это не Твоя воля «любови и милосердія; это жестокость человѣческаго сердца, къ «которой люди привыкли и преждевременныхъ родовъ, вытѣсняющихъ мертвого младенца тяжкою работою, на паялицѣмъ солнцѣ, «уже не называютъ *человѣчко-убійствомъ*». Или: «Доколѣ чувство «состраданія къ человѣчеству не войдетъ въ основаніе сельскаго «хозяйства (стало-быть, теперь его не имѣется?): доколѣ невѣжество «крестьянина и корыстолюбивый эгоизмъ будутъ съ равнодушіемъ «смотреть на страданія матерей-крестьянокъ». Далѣе, авторъ, приводя слова П. А. Кикина, «что можно быть полезнымъ человѣчеству и въ отставкѣ», восклицаетъ: «Да, можно... можно, если «сердце не охолодѣло отъ безчувственности къ *страдъ* и сострадаетъ «человѣчеству! Иначе тысячи возраженій противъ замѣны серпа «косомъ: и рожь путается и зерно сыплется и убытокъ въ провомъ; «словомъ, повтореніе пошлыхъ, безотчетныхъ отговорокъ, какъ- «будто люди для ожесточенія ихъ, вскормлены хлѣбомъ изъ сноповъ, «облитыхъ кровью роженицъ (!), и воздоены ихъ молокомъ, «посль умершихъ на животъ младенцевъ (!)». Кажется, ясно, на что намекаетъ и кого обвиняетъ сочинитель статьи...

Почтенному автору упоминаемой статейки довелось гдѣ-то слышать прежалкія исторіи о томъ, «какъ крестьянки рожаютъ мертвыхъ дѣтей, или какъ иногда роженицы въ подолѣ приносятъ новорожденного съ поля во время жатвы». Разумѣется, что, рассказывая очень-наивно такія плачевныя исторіи, и прикрашивая ихъ различными восклицаніями и риторическими очень-искусными фигурами, авторъ рассчитывалъ на сильный эффектъ, который должна произвести на всѣхъ читателей его филантропическая статья, карающая шпимый корыстолюбивый эгоизмъ и безчеловѣчіе.

Оставляя въ сторонѣ еще нерѣшенный и для некоторыхъ особъ несприятный вопросъ о томъ: дѣйствительно ли употребленіе косы при жатвѣ озимаго хлѣба облегчаетъ трудъ земледѣльцевъ, мы, однакожь, въ правѣ замѣтить столичному жителю, какъ видно мало знакомому съ сельскими работами и бытомъ нашихъ поселянъ, что если крестьянки и рожаютъ иногда на живзѣ, то это происходитъ вовсе не отъ недостатка чувства состраданія къ чело-вѣчеству въ распорядителяхъ сельскими работами, или отъ ихъ корыстолюбиваго эгоизма; ибо врядъ ли гдѣ найдется сельскій хозяинъ до того самовластный и жестокосердый, что рѣшится высылать на жатву больныхъ или близкихъ къ родамъ женщинъ, вовсе-безполезныхъ на работѣ. Каждому деревенскому жителю извѣстно, что крестьяне и крестьянки, подъ различными пустыми предлогами и вымышленными болѣзнями, нерѣдко уклоняются отъ предстоящихъ имъ работъ, и что сельскія начальства смотрятъ на это сквозь пальцы, затѣмъ, что трудно удостовѣряться въ неосновательности предлога, и не въ каждомъ селеніи находится лзареть, избобляющій мнимо-больныхъ.

Попробуемъ объяснить сочинителю статейки настоящія причины тѣхъ случаевъ, которые приводятъ его въ ужасъ:

По благодсти Всевышняго, русскія крестьянки столь мощны и здоровы, что многія изъ нихъ вовсе не чувствуютъ недуговъ въ послѣдній терминъ своей беременности; а какъ женщины, по безопасности или незнанію, не могутъ въ точности рассчитать, когда именно наступить для нихъ пора родовъ, то и случается, что здоровыя крестьянки рожаютъ не только на жнивѣ, но иногда и въ лѣсу, куда отправились за грибами, на свиданіи съ своими ку-мушками, въ гостяхъ и даже на свадьбахъ. Слѣдовательно, въ приведенныхъ мною примѣрахъ, неволи, безчеловѣчія и корыстолюбиваго эгоизма предполагать нельзя, а между-тѣмъ роды все-таки случились внѣ дома! Вторая причина: въ деревняхъ есть повѣрье, что беременныя крестьянки, особливо беременныя въ первый разъ, должны утаивать отъ постороннихъ приближеніе роковаго для нихъ дня, дабы нечистый глазъ или недобрый языкъ не затруднилъ ихъ родовъ; и въ-слѣдствіе этого пустаго замѣчанія, многія крестьянки стараются не измѣнять своихъ ежедневныхъ занятій и быть при людяхъ до послѣдней крайности.

Не-уже-ли авторъ статьи «Жаръ и жатва» серьезно желаетъ, чтобъ наши беременныя поселянки вовсе не убирали жатвы (вѣдь имъ вязать подкошенный хлѣбъ не менѣе трудно, какъ и жать серпомъ), а валялись на постели по цѣлымъ мѣсяцамъ до и послѣ родовъ, какъ какія-нибудь хворыя и изнеможенныя женщины, разслабленныя воспитаніемъ, образомъ жизни и праздностью, — женщины, для которыхъ роды несравненно-мучительнѣе и опаснѣе чѣмъ для здоровыхъ поселянокъ? Всевышній, по благодсти и премудрости своей, удѣлялъ каждому сословію что-либо изъ даровъ своихъ: такъ, онъ награждалъ трудящихся въ потъ лица поселянъ

тннмъ здоровьемъ и крѣпостью, которымъ позавидуетъ большая часть богатыхъ и знатныхъ. Мы увѣрены, что самъ сочинитель «льтивхъ замѣтокъ», столь соболѣзнующій о бѣдственномъ положеніи нашихъ крестьянокъ, взялъ бы кормилицу, еслибъ въ его семейство понадобилась таковая, изъ числа тѣхъ же крестьянокъ, которыя жнутъ и иногда рожаютъ въ полѣ, и не смотря на это принадлежать къ классу самыхъ здоровыхъ женщинъ нашего отечества.

Если почтенный сочинитель возымѣлъ непреодолимое желаніе представить намъ картину, — въ трогательномъ родѣ, — трудовъ, сопряженныхъ повсюду съ званіемъ земледѣльца, то почему жь описалъ онъ, преувеличивая, одинъ только видъ труда — жатву серпомъ, а не упомянулъ и не соболѣзновалъ о тѣхъ беременныхъ или съ младенцами на рукахъ поселанкахъ, которыя въ зимнюю стужу встаютъ до свѣта и таскаются на молотьбу кошеного хлѣба? А извѣстно, что эта сама-по-себѣ нелегкая молотьба еще болѣе затрудняется и дается надъ хлѣбомъ, снятымъ косяю. Или почему же сочинитель статьи не оплакивалъ и тѣхъ женщинъ, которыя должны мыть бѣлье, стоя по нѣскольکو часовъ надъ прорубомъ въ двадцать и болѣе градусовъ мороза? И такому мучительному труду подвергаются не однѣ крестьянки, но и въ столцахъ ежедневно моютъ бѣлье молодыя и старыя женщины — прачки по ремеслу.

Намъ приходится припомнить сочинителю статьи «Жарь и жатва», что въ помѣстьяхъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ людей, сострадающихъ человѣчеству не одними громкими фразами, а дѣломъ, крестьяне живутъ зажиточно, вдятъ сытно, одѣваются прилично времени года и помѣщаются зимою въ теплыхъ избахъ. Крестьяне въ такихъ помѣстьяхъ, не смотря на то, что снимаютъ свой хлѣбъ серпомъ, бываютъ бодры, веселы и здоровы, и часто, послѣ дневнаго жатья, возвращаются домой съ пѣніемъ и плясками. Надѣмся, что и самъ сочинитель статейки при слѣдующихъ его прогулкахъ по окрестностямъ Москвы убѣдится въ справедливости нами сказаннаго. А между-тѣмъ, утѣшимъ его извѣстіемъ, что въ русскихъ порядочно-управляемыхъ хозяйствахъ тяжело-беременныхъ крестьянокъ не посылаютъ на жнитво и зимою на молотьбу, отъ которой въ холодную пору точно также увольняются и крестьянки съ грудными младенцами. Въ селеніяхъ же бѣдныхъ, безпривзорныхъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, поселане не имѣютъ ни теплаго и порядочнаго крова, ни достаточной пищи и одежды, а потому крестьяне и крестьянки подобныхъ деревень, — хотя бы они и вовсе не жали хлѣба, все-таки бываютъ худы, болѣзненны и унылы духомъ. Здѣсь кстатѣ повторить давно извѣстную истину, что *русскій человекъ не боится труда, а боится нужды*. И вотъ на эти-то, въ столь горестномъ состояніи находящіяся деревеньки стоило бы обратить свое вниманіе чувствительному сочинителю, — и стоило бы труда поразго-

вориться о томъ, какъ бы улучшить незавидное положеніе такихъ, хотя и рѣдко встрѣчаемыхъ крестьянъ.

Въ той же статейкѣ «Жаръ и жатва», рассказывается, между прочимъ, что вопросъ о кошеніи ржи, оказавшій великую услугу человечеству и хозяйству, возымѣлъ начало въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, и, говоря словами подлинника: «при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства былъ учрежденъ комитетъ для кошенія ржи, и незабвенный князь Д. В. Голицынъ самъ вызвался быть въ немъ председателемъ. Нѣсколько лѣтъ опыта косьбы ржи въ имѣніяхъ Абашева, Муравьева, Кишкина, Титова и Шлипенбаха, сдѣлались известными чрезъ Земледѣльческій Журналъ; дѣло признано полезнымъ и замолкло.» Понятно, что подобныя извѣстія пишутся съ цѣлью увѣрить кого слѣдуетъ въ томъ, что до времени появленія въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства вопроса о кошеніи ржи и до упомянутыхъ похвальныхъ опытовъ, никто въ Россіи не имѣлъ понятія о благодѣтельномъ кошеніи ржи, и такая уборка хлѣбовъ была у насъ дѣломъ неслыханнымъ и невиданнымъ; а безъ указанной цѣли, сочинитель, конечно, не сталъ бы скрывать ту истину, что задолго до упомянутыхъ имъ опытовъ, во многихъ центральнѣхъ губерніяхъ Россіи крестьяне *уже умѣли косить рожь и понимъ косить ее*, и что тамъ же у большей части сельскихъ хозяевъ *хлѣвъ тоже косили и продолжаютъ косить*, но, однакожь, не оставляютъ вовсе и серпа, употребляемаго и въ другихъ государствахъ Европы, — какъ не оставили его и послѣ усердныхъ и всѣмъ известнымъ опытовъ членовъ московскаго комитета.

Хотя и справедливо, что не всѣ сельскіе хозяева обширной Россіи могли участвовать въ означенномъ комитетѣ, и потому не всѣ имѣли счастье оказать великую услугу человечеству и хозяйству, однакожь это обстоятельство не даетъ еще права сочинителю статьи «Жаръ и жатва» отзываться о упомянутыхъ соотечественникахъ, какъ о чѣмъ-то похожемъ на вампировъ.

ИВАНЪ ЛАВРОВЪ.

1846 года, ноября 30-го.
Болховъ.

ЗАДАЧА, ПРЕДЛОЖЕННАЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ НА КОНКУРСЪ КЪ 1848 ГОДУ.

=

По мнѣнію бывшаго въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ сдѣланнаго, число грамотныхъ крестьянъ постепенно возрастаетъ, и нѣтъ сомнѣній, что съ каждымъ годомъ оно будетъ увеличиваться болѣе и болѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ усиливаться обнаруживающаяся уже и нынѣ между поселянами потребность чтенія.

Понятно, что этой потребности могутъ удовлетворять лишь книги, такъ-сказать, спеціальныя, написанныя именно для крестьянъ, привычныя къ ихъ состоянію и къ кругу отношеній, свойственныхъ быту поселянина.

По мнѣнію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, необходимо, чтобъ подобнаго рода книги имѣли вообще слѣдующія качества: онѣ должны а) благотвѣтельно дѣйствовать на нравственность народа, давая ему болѣе-ясное понятіе о его гражданскихъ, нравственныхъ и семейныхъ обязанностяхъ; б) предостерегать крестьянина въ его работахъ, въ воспитаніи дѣтей, въ образѣ и порядкѣ занятій, вообще въ его домашней жизни, отъ глупыхъ заблужденій, для искорененія которыхъ недостаточно однихъ чисто-административныхъ распоряженій; в) ближе знакомить его съ явленіями природы, имѣющими вліяніе на успѣхъ земледѣльческаго труда и на усиленіе хозяйственныхъ средствъ.

Нельзя однако не замѣтить, что изъ появившихся у насъ доселѣ книгъ для крестьянскаго чтенія, весьма-немногія соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ и могутъ доставлять поселянамъ понятное, прилекательное и полезное чтеніе.

Итъя въ виду всѣ эти соображенія, здѣсь вкратцѣ обозначенныя и впрочемъ понятныя всякому образованному челоуѣку, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ объявляетъ конкурсъ на сочиненіе *простонародныхъ книгъ*.

Эта книга, какъ изъ вышеописаннаго слѣдуетъ, должны имѣть предметомъ:

1) Нравственное состояніе крестьянина, его обязанности и отношенія къ властямъ, надъ нимъ поставленнымъ, къ его семейству, и вообще къ ближнему.

2) Ознакомленіе его съ физическими явленіями природы, покуда они входятъ въ условія сельскаго быта. Сюда могутъ принадлежать: объясненіе свойствъ почвы, условія растительности, разведенія и содержанія домашняго скота, и проч.

3) Улучшеніе земледѣльческихъ орудій.

4) Устройство жилищъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ; способы отопленія и освѣщенія.

5) Домашнюю *гигіену*, или совѣты о сохраненіи здравія, а также принятіе мѣръ въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ.

6) Физическое и нравственное обращеніе съ дѣтьми.

7) Наставленія по разнымъ промысламъ, той или другой полось Россіи свойственнымъ.

Форма сочиненій предоставляется усмотрѣнію сочинителей; вышеозначенные предметы могутъ быть изложены въ видѣ разсказовъ, разговоровъ или повѣстей и проч.; но главными условіями поставляется:

1) Не смѣшивать предметовъ общихъ, свойственныхъ всемъ мѣстностямъ, съ тѣми, которые составляютъ исключительную принадлежность только нѣкоторыхъ; не предлагать, напримѣръ, сѣверному поселянину того, что можетъ быть доступно только южному; избѣгать всякихъ догматическихъ и отвлеченныхъ разсужденій; по всѣмъ излагаемымъ предметамъ представлять въ видѣ примѣровъ, самымъ осязательнымъ и вразумительнымъ образомъ, начиная отъ понятій и предметовъ извѣстныхъ и доступныхъ самому простому читателю и переходя, съ надлежащею постепенностью, къ предметамъ и понятіямъ болѣе-труднымъ.

2) Въ объясненіи физическихъ явленій не ссылаться на какилибо теории или на снаряды, недоступные поселянину; но для сообщенія ему *яснаго* понятія по этому предмету пользоваться тѣми, что окружаетъ крестьянина и находится, такъ-сказать, подъ его рукою; словомъ, знакомить его съ физическими законами, очерпая для того указанія изъ самыхъ простыхъ ежедневныхъ явленій.

3) Выражаться ясно, чистымъ русскимъ языкомъ, избѣгая книжныхъ, длинныхъ и невразумительныхъ оборотовъ, словъ ученыхъ и другихъ, хотя и русскихъ, но неупотребляемыхъ въ языкъ простаго народа, а равно избѣгая словъ чисто-областныхъ, понятныхъ лишь въ той или другой губерніи и неизвѣстныхъ вообще въ Россіи.

4) Избѣгать вообще какъ ученаго, книжнаго тона, такъ равно излишней шутовскости; пользоваться кстаті простонародными пословицами и поговорками, но воздерживаться отъ неумѣреннаго и неумѣстнаго употребленія ихъ, замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ книгахъ, предназначаемыхъ для простаго народа, и имѣть всегда въ виду ту истину, что главный способъ быть понятнымъ крестьяни-

ну состоятъ въ строгой простотѣ понятій, въ простомъ и разумительномъ оборотѣ рѣчи, и что пословицы, введенныя въ книжный оборотъ рѣчи, нисколько не дѣлаютъ ея доступною крестьянину, а напротивъ, при неудачномъ употребленіи, могутъ еще болѣе затенить смыслъ.

5) Наконецъ, наблюдать строгую разборчивость въ предметахъ и ясность въ самыхъ выраженіяхъ, для удаленія всякой двусмысленности,—условіе необходимое, когда сочинитель обращаетъ рѣчь къ простымъ читателямъ.

Книги для простаго народа могутъ имѣть двойное назначеніе: одна—для крестьянскихъ дѣтей, другія—для взрослыхъ крестьянъ; сочинители должны сообразоваться съ различными характерами этихъ двухъ назначеній и не опускать изъ вида того круга понятій, который наиболее приличенъ въ первомъ или во второмъ случаѣ.

Ученый Комитетъ, предоставляя вполне усмотрѣнію сочинителей, въ определенныхъ здѣсь границахъ, какъ содержаніе, такъ и форму книгъ, и отнюдь не требуя подражанія тому или другому сочиненію, долгомъ считаетъ, однакожь, указать на нѣкоторыя, уже вышедшія книги, изданныя какъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, такъ и частными лицами, и совѣтовать гг. сочинителямъ, вступающимъ въ состязаніе, выкнутъ въ направленіе, тонъ и способъ выраженія, которыми отличаются между-прочимъ нежелательныя изданія:

1) Книга Паума о великомъ Божіемъ мирѣ, изданная Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ. 1845. Изданіе третіе.

2) Разсказъ казака Моисея Осмака, о томъ, какъ онъ хозяйничалъ у себя дома и проч., отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. 1845.

3) Памятная Книжка для нижнихъ чиновъ императорскихъ казачьихъ войскъ. Санктпетербургъ. 1837.

4) Сельское Чтеніе, изданное княземъ Одоевскимъ и А. Заблоцкимъ. Три книжки. Санктпетербургъ. 1845. Изданіе пятое.

Срокъ для присылки сочиненій назначается не далѣе 1-го января 1848 года.

За наиболѣе-удовлетворительное сочиненіе по предметамъ этого конкурса назначается въ награду золотая медаль въ 50 червонцевъ.

За сочиненія, которыя наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, назначаются въ награду серебряныя медали.

Сверхъ того, сочиненія, удостоенныя награды, печатаются на счетъ Министерства, и 300 экземпляровъ предоставляются бездѣльно въ пользу автора, который не лишается права печатать и другими изданіями, въ свою исключительную пользу, сочиненіе, удостоенное награды, на основаніи существующихъ узаконеній. Имена сочинителей, удостоенныхъ награды, будутъ включены въ

годовой отчетъ Его Императорскому Величеству по Министерству Государственныхъ Имуществъ и объявлены въ разныхъ газетахъ.

Сочиненія по этому конкурсу должны быть четко переписаны, и доставлены къ назначенному сроку въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, безъ подписи автора. Каждая рукопись имѣетъ быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на оберткѣ приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей имя, отчество и фамилію, званіе и мѣсто жительства автора.

Сочиненія, неудостоенныя наградъ, хранятся въ Ученомъ Комитетѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, по объявленіи избраннаго имъ девиза.

Если, по истеченіи года, авторъ сочиненія не объявитъ желанія получить его обратно, то запечатанная записка, содержащая означеніе его имени, сжигается въ присутствіи Комитета.

У.

К Р И Т И К А.

ВЪЧТО О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ 1846 ГОДУ. (*)

Періоды развитія литературы наступаютъ и проходятъ не справляясь съ несущественнымъ раздѣленіемъ времени на годы. Зачѣмъ же сохраняется до-сихъ-поръ обычай въ первыхъ числахъ новаго года отдавать публикѣ отчетъ въ томъ, что прочла она въ теченіе стараго? Какой интересъ можетъ имѣть перечень книгъ, издавій и статей, о которыхъ во время выхода ихъ въ свѣтъ уже говорено было подробно? Не все ли равно прочитать на оберткахъ двѣнадцати книгъ того или другаго журнала названія всѣхъ разобраныхъ имъ въ теченіе года сочиненій? Говорить, будто такіе очерки могутъ служить матеріалами для будущей исторіи литературы. Но что сказали бы владельцы журнала *ес настоящее время*, еслибъ узнали, что онъ трудится

не для нихъ, а для тѣхъ изъ нихъ потомковъ, которые вздумаютъ когда-нибудь заниматься исторіей отечественной литературы? Это особенно справедливо въ-отношеніи къ годамъ, ничего-незначущимъ отдѣльно. А такіе годы бываютъ нерѣдко... Ихъ можно назвать переходными. Они свидѣтельствуютъ только о томъ, что мысль, одушевлявшая періодъ, начинаетъ изнемогать, истощаться въ содержаніи, что общество утомляется той точкой зрѣнія, съ которой смотрѣло на вещи въ теченіе этого періода; что партіи, образовавшіяся подъ влияніемъ духа времени, начинаютъ распадаться.

Въ это время (веселое, но безплодное время!) каждый спѣшитъ отдать себѣ отчетъ въ характеръ своего призванія, бойко анализируетъ свои отношенія къ кругу, въ которомъ находится, старается высвободиться изъ-подъ влияния, которое увлекало его въ круговоротъ дѣятельности вопреки его настоящему, природному влеченію; однимъ словомъ, это краткій мигъ всеобщаго раздумья, всеобщей самостоятельно-

(*) Полное, отчетливое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ явленій русской литературы 1846 года не могло быть напечатано во причинамъ, отъ редакціи независѣвшихъ.

сти, всеобщаго порыва къ обнаруженію своей личности. Въ это блаженное время мало работается, за то много думается, многое предпринимается, объявляется и собирается; надежда захватываетъ духъ, и мысль несется въ будущее... Бодрый работникъ, поглощенный процессомъ труда, меткимъ взглядомъ окидываетъ всѣ стороны, смекая, гдѣ можно будетъ положить больше силъ, гдѣ потребуется больше печатныхъ листовъ и бессонныхъ ночей, гдѣ попрочитѣ капиталы и повѣрѣнныя заказы; юноша съ блистающимъ взоромъ, самоувѣренно и доверчиво кидается подъ зыбку сѣнь перваго попавшагося ему въ глаза предпріятія, въ полномъ убѣжденіи, что мысль его, незадолго до того стяжавшая ему цѣлѣтущій лавръ въ школѣ и въ тѣсномъ кружкѣ школьныхъ товарищей, дивнымъ, неожиданнымъ свѣтомъ прольется на цѣлый міръ, трепещущій въ ожиданіи ея и въ забвеніи всего остальнаго; непреклонный утопистъ въ костюмѣ отжившаго покроя показывается изъ за темнаго угла городского предмѣстья, съ пожелтѣвшюю и отсырѣвшюю тетрадью проекта, вогнавшаго его въ слезную нищету и осеребреннаго его горячую голову преждевременными сѣдинами; а пройдоха прикидывается на счетахъ, какую бы новую драчу превознести ему до небесъ, не моргнувъ глазомъ, и въ какую новую свѣтлую точку наметить повѣрѣнныя кускомъ свѣжей гравюры... Все суетится въ картинѣ, перспектива потеряна, линии вьются и путаются, фигуры дрожатъ въ быстро-измѣняющемся свѣтѣ; одни типографскіе наборщики сохраняютъ свое неподвижное безучастіе къ безпокоющейся вокругъ нихъ мятели...

Но все это безпокойство не имѣетъ почти никакого печатнаго выраженія, кромѣ программъ и объявленій: чѣмъ разрѣшится оно на дѣлѣ—это еще загадка будущаго.

Исклѣкшіи 1846 годъ носятъ на себѣ всѣ признаки переходной эпохи. Во все это время происходило въ рус-

скомъ литературномъ мірѣ какое-то несовсѣмъ-обыкновенное броженіе; расклеивалось множество плотныхъ массъ, распадалось и формировалось вновь множество группъ; раздавались свѣжіе звуки новыхъ надеждъ и хриплые стоны давно-подавленнаго отчаянія. И все это разрѣшилось программами и объявленіями объ изданіяхъ, имѣющихъ печататься въ 1847 году. Такимъ образомъ, въ литературномъ отношеніи, 1846 годъ былъ какъ-бы приступомъ къ 1847-му; самъ-по-себѣ онъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

—
Еще въ ноябрѣ и декабрѣ 1845 года, всѣ литературные дилеттанты ловили и перебрасывали отрадную новость о появленіи новаго огромнаго таланта. «Не хуже Гоголя» кричали одни; «лучше Гоголя» подхватывали другіе; «Гоголь убитъ» вопили третьи... *Удружал* такимъ-образомъ автору «Бѣдныхъ Людей», глашатаи сдѣлали то, что публика ожидала отъ этого произведенія идеальнаго совершенства, и, прочитавъ романъ, наумилась, встрѣтивъ въ немъ, лишить съ необыкновенными достоинствами, нѣкоторые недостатки, свойственные труду всякаго молодаго дарованія, какъ бы оно ни было огромно. Отчаянный размахъ энтузіазма, съ которымъ снущена была новость, привелъ большую часть читателей къ забвенію самыхъ простыхъ истинъ: можетъ-быть, никого еще въ свѣтѣ не судили такъ неразумно-строга, какъ г. Достоевскаго. Предположили, что «Бѣдные Люди» должны быть въ концѣ литературы, прототипомъ художественнаго произведенія по содержанію и по формѣ; а автора ихъ напередъ рѣшились лишить даже возможности совершенствованія. Результатъ всего этого былъ тотъ, что большая часть публики, по прочтеніи «Бѣдныхъ Людей», нѣкоторое время преимущественно толковала о *растянутости* этого романа, умалчивая объ остальномъ. То же самое повторилось по выходѣ въ свѣтъ «Двойника». Можно рѣшительно сказать, что подлый усидѣлъ эти два про-

введенія имѣли въ небольшомъ кругу читателей. Мы полагаемъ, что, кромѣ приведенной нами причины, нерасположеніе большинства публики къ сочиненіямъ г. Достоевскаго слѣдуетъ искать въ непривычкѣ къ его оригинальному приему въ изображеніи дѣйствительности. А между-тѣмъ, этотъ приемъ, можетъ-быть, и составляетъ главное достоинство произведеній г-на Достоевскаго. Напрасно говорятъ, что новостъ всегда пріятно дѣйствуетъ на большинство. Во-первыхъ, большинство не вездѣ одинаково; во-вторыхъ, во всякомъ большинствѣ до известной степени дѣйствуетъ рутинѣ. Есть примѣры мгновеннаго успѣха весьма посредственныхъ литературныхъ произведеній, — успѣха, основаннаго дѣйствительно не на чемъ иномъ, какъ на возвышеніи содержанія; за то сколько же примѣровъ и холодности, съ которою въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались произведенія истинно-выдающіяся, въ послѣдствіи времени признаванныя первоклассными и вознесенныя до небесъ! Если Гоголь былъ бы понятъ и не оцененъ въ первые годы своей дѣятельности по противоположности его произведеній съ романтическимъ направленіемъ, господствовавшимъ въ то время въ нашей литературѣ, то нѣтъ ничего мудреннаго, что и популярностъ Достоевскаго вышла себѣ препятствіе въ противоположности его манеры съ манерою Гоголя. Дѣло только въ томъ, что Гоголь своими произведеніями содѣйствовалъ къ совершенной реформѣ эстетическихъ повлѣтій въ публикѣ и въ писателяхъ, обративъ искусство къ художественно-воспроизведенію дѣйствительности. Произвести переворотъ въ этихъ идеяхъ значило бы повернуть назадъ. Произведенія г. Достоевскаго, напротивъ того, упрочиваютъ господство эстетическихъ началъ, внесенныхъ въ наше искусство Гоголемъ, доказывая, что и огромный талантъ не можетъ идти по иному пути безъ нарушенія законовъ художественности. Тѣмъ не менѣе, *максра* г. Достоевскаго въ высшей

степени оригинальна, и его меньше, чѣмъ кого-нибудь, можно назвать подражателемъ Гоголю. Еслибъ вы назвали его этимъ именемъ, вамъ бы пришлось и самого Гоголя назвать подражателемъ Гомера или Шекспира. Въ этомъ смыслѣ всѣ истинные художники подражаютъ другъ другу, потому что изящество всегда и всюду подчинено однимъ и тѣмъ же законамъ.

И Гоголь и г. Достоевскій изображаютъ дѣйствительное общество. Но Гоголь поэтъ по преимуществу социальный, а г. Достоевскій по преимуществу психологическій. Для одного индивидуумъ важенъ какъ представитель известнаго общества или известнаго круга; для другаго самое общество интересно по вліянію его на личность индивидуума. Гоголь тогда только вдохновляется лицомъ, когда чувствуетъ возможность проникнуть съ нимъ въ одну изъ обширныхъ сферъ общества. Чтобы поладить съ Чичиковымъ, онъ извѣдывалъ съ нимъ всѣ углы и закоулки русской провинціи. То же самое можно сказать и о всѣхъ его произведеніяхъ, за исключеніемъ развѣ «Записокъ Сумасшедшаго». Собраніе сочиненій Гоголя можно рѣшительно называть художественной статистикою Россіи. У г. Достоевскаго также встрѣчаются поразительно-художественныя изображенія общества; но они составляютъ у него фонъ картины и обозначаются большею частію такими тонкими штрихами, что совершенно поглощаются огромностю психологическаго интереса. Даже и въ Бѣдныхъ Людяхъ интересъ, возбуждаемый анализомъ выведенныхъ на сцену личностей, несравненно-сильнѣе впечатлѣнія, которое производитъ на читателя яркое изображеніе окружающей ихъ сферы. И чѣмъ больше времени проходитъ по прочтеніи этого романа, тѣмъ больше открываешь въ немъ чертъ поразительно-глубокаго психологическаго анализа. Мы убѣждены, что всякое произведеніе г. Достоевскаго выигрываетъ чрезвычайно-много, если читать его во второй и въ третій разъ. Мы и

можемъ объяснить этого иначе, какъ обилиемъ расцѣпанныхъ въ нихъ психологическихъ чертъ необыкновенной тонкости и глубины. Такъ, на-прим., при первомъ чтеніи «Бѣдныхъ Людей», пожалуй, можно прійти въ недоумѣніе—зачѣмъ вздумалось автору заставить Варвару Алексѣевну, въ концѣ романа, съ такимъ холоднымъ деспотизмомъ разсылать Дѣвушкина по магазинамъ съ вздорными порученіями. Однакожь, эта черта имѣетъ огромный смыслъ для психолога и сообщаетъ цѣлому сочиненію интересъ необыкновенно-цѣннаго снимка съ человѣческой природы. Само-собой разумѣется, что любовь Макара Алексѣевича не могла не возбуждать въ Варварѣ Алексѣевнѣ отвращенія, которое она постоянно и упорно скрывала, можетъ-быть, и отъ самой-себя. А едва-ли есть на свѣтѣ что-нибудь тягостнѣе необходимости удерживать свое нерасположеніе къ человѣку, которому мы чѣмъ-нибудь обязаны и который (сохрани Боже!) еще насъ любитъ! Кто потрудится пошевелить свои воспоминанія, тотъ навѣрное вспомнитъ, что величайшую антипатію чувствовалъ онъ никакъ не къ врагамъ, а къ тѣмъ лицамъ, которые были ему преданы до самоотверженія, но которыми онъ не могъ платить тѣмъ же въ глубинѣ души. Варвара Алексѣевна (мы въ этомъ глубоко убѣждены) томила съ преданностью Макара Алексѣевича больше, чѣмъ своей сокрушительной бѣдностью, и не могла, не должна была отказать себѣ въ правѣ помучить его нѣсколько разъ лакейскою ролью, только-что почувствовала себя свободной отъ тягостной опеки. Неестественно человѣку столько времени называть отъ насилія, въ которомъ видать привязанность, и когда-нибудь не вступить за поруганную самостоятельность своей сампатіи. Впрочемъ, что жъ? чувствительныя души, которые не выносятъ уразуиія подобныхъ фактовъ, могутъ утѣшить себя тѣмъ, что все-таки перелѣ отъѣздомъ въ степь, гдѣ «ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразован-

ной пьяница ходитъ». Варвара Алексѣевна написала Макару Алексѣевичу письмо, въ которомъ называетъ его и другимъ и голубчикомъ.

При первомъ прочтеніи, очень-легко пропустить безъ вниманія приведенную нами черту. Довольно сказать, что многимъ казалась она даже излишнею и неестественною. Но перечтите «Бѣдныхъ Людей» уже послѣ того, какъ время дало вамъ возможность оцѣнить всѣ подробности этого соданія—и вы найдете въ нихъ бездну достовѣрности, которыя, съ перваго взгляда, и вамъ и намъ, и вслѣкомъ читателю и рецензенту могли показаться недостатками.

«Двойникъ» имѣлъ гораздо-меньше успѣха, чѣмъ «Бѣдные Люди», что, по нашему мнѣнію, еще менѣе говоритъ въ пользу успѣховъ всего новаго. Въ «Двойникѣ» манера г. Достоевскаго и любовь его къ психологическому анализу выразились во всей полнотѣ оригинальности. Въ этомъ произведеніи онъ такъ глубоко проникъ въ человѣческую душу, такъ безрешетно и страстно взглянулъ въ сокровенную машину человеческихъ чувствъ, мыслей и дѣлъ, что впечатлѣніе, производимое чтеніемъ «Двойника», можно сравнить только съ впечатлѣніемъ любовательнаго человѣка, проникающаго въ химическій составъ матеріи. Странно: что, кажется, можетъ быть полонителнѣе химическаго взгляда на дѣйствительность, а между-тѣмъ картина міра, просвѣтленная этимъ взглядомъ, всегда представляется человѣку облатою какинъ-то мистическимъ свѣтомъ. Сколько мы сами испытали и сколько могли заключить о впечатлѣніяхъ болшей части поклонниковъ таланта г. Достоевскаго, въ его психологическихъ этюдахъ есть тотъ самый мистическій отблескъ, который свойственъ вообще изображеніямъ глубоко-анализированной дѣйствительности.

«Двойникъ» развѣртываетъ перламатомъ анатомію души, глѣбущей отъ сознанія разрозненности частныхъ интересовъ въ благоустроенномъ обществѣ. Вспомните этого бѣднаго, болѣзненно-

самолюбиваго Голядкина, вѣчно-блудагося за себя, вѣчно-мучимаго стремленіемъ не уронить себя ни въ какомъ случаѣ и ни передъ какимъ лицомъ, и видѣть съ тѣмъ постоянно уничтожающаго даже передъ личностью своего шельмена Петрушки, постоянно соглашающагося обрѣзывать свои претензии на личность, лишь бы пребыть *в себѣ правъ*; вспомните, какъ малѣйшее движеніе въ природѣ кажется ему злобнѣйшимъ знакомъ сговорившихся противъ него враговъ всякаго рода, враговъ, посвятившихъ себя вполне и нераздѣльно на вредъ ему, враговъ, вѣчно болрстающихъ надъ его несчастной особой, упорно и безъ раздѣла *подкапывающихся* подъ его маленькіе интересы, — вспомните все это и спросите себя, вѣтъ ли въ васъ-самихъ чего-нибудь голядкинскаго, въ чемъ только никому вѣтъ охоты соизнаться, но что вполне объясняется удивительной гармоніей, царствующей въ человѣческомъ обществѣ... Впрочемъ, если вамъ скучно было читать «Двойника», не смотря на невозможность не сочувствовать созлавію Голядкина, то въ этомъ все-таки вѣтъ ничего удивительнаго: анализъ не всякому спосенъ; давно ли анализъ Державина многимъ кололъ глаза? давно ли въ поэзіи Пушкина видѣли какое-то нестерпимое начало?

Не можемъ не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о третьемъ произведеніи г. Достоевскаго — о «Господинѣ Прохарчинѣ», небольшой повѣсти, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ» прошлаго гола. Читая эту повѣсть, мы испугались одного подозрѣнія, отъ котораго до-сихъ-поръ не можемъ отказать. Намъ кажется, что до автора ея дошли жалобы на растлутость его произведеній, и что онъ готовъ, въ угоду читателей, жертвовать слишкомъ-многимъ въ пользу драгоценной *краткости*, которой масштабъ, впрочемъ, едва-ли кѣмъ-нибудь опредѣленъ положительно. По-крайней-мѣрѣ, не знаемъ, чѣмъ нѣкимъ объяснить неясность идеи разсказа, въ-слѣдствіе которой каждый понималъ и видѣлъ пра-

во понимать его по-своему, — какъ не тѣмъ, что авторъ удержался отъ полнаго ея развитія изъ опасенія новыхъ обвиненій въ растлутости. Никто не хотѣлъ даже остановить вниманія на настоящей (по нашему мнѣнію) идеѣ повѣсти, потому-что ей посвящено слишкомъ-мало труда. Слушая различные толки объ идеѣ, выраженной въ «Господинѣ Прохарчинѣ», мы сначала удивлялись, почему никто не принимаетъ въ соображеніе того обстояательства, что по смерти героя этой повѣсти въ тюфякѣ его нашелся запрященный капиталъ; а потомъ стали извинять это самоволіе цѣнителей собственнымъ промахомъ г. Достоевскаго. Мы увѣрены, что онъ хотѣлъ изобразить страшный исходъ силы господина Прохарчина въ скопидомство, образовавшееся въ немъ въ-слѣдствіе мысли о *необезлеченности*; но въ такомъ случаѣ надо было яркими красками обрисовать его силу во все продолженіе разсказа. Еслибъ на выпуклое изображеніе этой личности употреблена была хоть третья часть труда, съ которымъ обработанъ Голядкинъ — развязка повѣсти не могла бы никакимъ образомъ ускользнуть отъ вниманія читателей, и не было бы споровъ объ идеѣ ея. Не можемъ не пожелать, чтобъ г. Достоевскій, болѣе довѣрялся силамъ своего таланта, чѣмъ какимъ бы то ни было постороннимъ соображеніямъ. А впрочемъ, совѣтовать легко...

—
Въ прошломъ году за современною школою литературы утвердилось самымъ прочнымъ и самымъ оригинальнымъ образомъ лестное для нея названіе *натуральной*. Фактъ этотъ долженъ быть тѣмъ пріятнѣе для писателей, принадлежащихъ къ этой школѣ, что оно дано ей газетою, нападающей на современную русскую литературу, образовавшуюся подъ вліяніемъ Гоголя. Впрочемъ, комизмъ этой оцѣнки въ свое время уже произвелъ такое сильное впечатлѣніе на публику, что мы считаемъ достаточнымъ занести только

фактъ въ дѣтисяхъ истекшаго года, не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ любопытный выстрѣлъ. Въ свое время, онъ, вѣроятно того, чтобъ попасть въ группу противниковъ, попалъ въ своихъ: само-собою разумѣется, что эту группу или школу, въ противоположность первой пришлось назвать риторическою или ненатуральною...

Однакожь, *пала отъ руки дружинъ*, ненатуральность не могла не сдѣлать усидій подняться на ноги: кому не дорого существованіе?

Нѣкто, скрывшій имя свое отъ взоръ исторіи, но по всей вѣроятности принадлежащій къ дружинѣ *ненатуральныхъ*, собралъ остатки силъ и пустилъ дрожащею рукою въ непріятельскій лагерь точно такую же стрѣлу, кака я пущена была за нѣсколько времени передъ тѣмъ виновникомъ перваго промаха... Важность скорбнаго приключенія заставила насъ выражаться влѣсь высокими слогами; слово «стрѣла» есть аллегорическое выраженіе: мы разумѣемъ подъ нимъ не болѣе не менѣе, какъ статью, напечатанную въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Иллюстраціи» и направленную противъ любителей натуральной школы. Въ этой статейкѣ ненатуральность пересказываетъ по-своему мысли о натуральности, выраженные въ «Отеч. Запискахъ» въ первой критической статьѣ по поводу стихотвореній Кольцова. Но не въ томъ дѣло. Замѣчательнѣе всего, что неизвѣстный авторъ статейки вдумалъ воспользоваться особеннаго рода игрой словъ для того, чтобъ нанести рѣшительный ударъ и критикѣ натуральной школы и самой школы. Вотъ въ чемъ дѣло.

Всѣмъ извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ слово *романтизмъ* употреблялось въ значеніи *благородномъ*... Подъ нимъ разумѣли тогда свободу творчества, противопоставляя ему слово *классицизмъ*. Но нѣсколько лѣтъ назадъ, эстетическія идеи измѣнились до того, что слова «романтизмъ», «романтикъ», «романтический» и проч. сдѣла-

лись оскорбительными. Однажды мы уже имѣли случай разказать читателямъ — къ какимъ условіямъ приобъгаютъ въ наше время, чтобъ не заслужить прозванія «романтика»... Но до-сихъ-поръ можно еще указать на Руси людей, считающихъ романтизмъ за послѣдній прогрессивный шагъ искусства и называющихъ романтиками всѣхъ современныхъ художниковъ. Рецензентъ «Иллюстраціи» сообразилъ, что, воспользовавшись такою двусмысленностью понятія и слова, можно напечатать очень-колкую остроу противъ критиковъ, защищающихъ Гоголя и его школу. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не съострить? — эти критики поносятъ романтизмъ, а влѣсь по ученію гг. Греча, Плксина и Асоченскаго, и Гоголь принадлежитъ къ романтической школѣ, слѣдовательно, критики натуральной школы, уничтожая романтизмъ, уничтожаютъ и автора «Мертвыхъ Душъ»... Но это еще не все; это даже еще ровно ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что сейчасъ будетъ. Авторъ остроумной статейки, увлекаясь все болѣе и болѣе справедливымъ негодованіемъ на критику «Отеч. Записокъ»,

и влѣщимъ жаромъ возгоря, объявилъ, что претензіи современной школы искусства на натуральность рѣшительно неумѣстны; что натуральность не ея изобрѣтеніе; что всѣ великія созданія искусства всегда и всюду были въ высшей степени натуральны. Вотъ какую новость объявила «Иллюстрація»! Поздравляемъ, вторично поздравляемъ натуральную школу съ окончаніемъ ея тяжбы. Прямые поборники ея никогда не рѣшались объявлять, что Гомеръ и Шекспиръ и Гете принадлежали къ натуральной школѣ; а оппоненты объявляютъ это напрямикъ! Что же остается дѣлать теперь защитникамъ гоголевской школы? Остается только составить окончательный протоколъ процесса, что мы и исполняемъ. Вотъ пункты протокола:

Романтическая критика утверждаетъ:
1) что современная школа искусства

образовавшаяся подъ вліяніемъ Гоголя, достойна названія натуральной;

2) что школа эта не избрѣла никакого новаго эстетическаго принципа и держится тѣхъ же началъ, которыя осуществлены въ созданіяхъ великихъ художниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Согласно съ симъ, критика натуральной школы, съ своей стороны, заключаетъ:

1) что романтическая школа, какъ противоположная натуральной, достойна названія не натуральной, риторической тожъ;

2) что риторическая школа избрѣтаетъ новые эстетическіе принципы, противные началамъ, осуществившимся въ созданіяхъ великихъ художниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Слѣдственно, дѣло кончено.

—

Литературная ферментация вѣстшаго года разрѣшилась, какъ мы уже сказали, объявленіями о коренныхъ преобразованіяхъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій. Опредѣлить характеръ этихъ преобразованій заранѣе невозможно. Но вотъ что замѣчательно. Предстоящее въ будущемъ году усиленіе нашей журнальной дѣятельности не всѣмъ равно пріятно. Богъ-знаетъ откуда взялось у насъ мнѣніе, будто бы, подъ вліяніемъ періодическихъ изданій, вся русская литература получила характеръ журнальный. Эта мысль, конечно, нисколько не вредитъ русской журналистикѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ помянутыя нами объявленія; тѣмъ не менѣе нельзя не обратить на нее вниманіе, какъ на заблужденіе, связанное со многими другими заблужденіями.

Слова «журналъ поглотилъ у насъ книгу», всегда казались намъ натычными и ни съ чѣмъ несообразными. Пусть назовутъ хоть два или три хорошія сочиненія, которыя не имѣли бы у насъ успѣха, потому-что появились не въ журналѣ. Этого никто не

можетъ сдѣлать; гораздо-легче назвать множество сочиненій, которыя расхвалились очень-сильно, не смотря на то, что печатались въ журналахъ до выхода въ свѣтъ отдѣльными книгами. И съ какой стороны ни смотрите на вопросъ, на повѣрку всегда выходятъ, что журналъ не только не убиваетъ сочиненій, издаваемыхъ отдѣльно, но еще даетъ имъ ходъ. Помѣстите ваше сочиненіе въ журналѣ, и потомъ издайте его отдѣльно: въ журналѣ его прочтутъ нѣсколько тысячъ людей и тѣмъ самымъ репутація его уже сдѣлана; если оно дѣйствительно хорошо, или если оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы значительному классу людей имѣть постоянно подъ рукою—вы можете быть увѣрены, что, по выходѣ его отдѣльной книгой, не купятъ его только тѣ люди, которые вообще не имѣютъ ни потребности, ни средствъ, ни обычая задерживаться на библіотеку. Между-тѣмъ, съ другой стороны, помѣщеніе вашего труда въ журналѣ уже возбудило въ публикѣ требованіе на него. Есть и такіе люди, которые убѣждены, что журнальная критика убиваетъ много хорошихъ произведеній своими неодобрительными отзывами. Само собою разумѣется, что эта часть жалобы относится къ критикѣ слѣпой или продажной. Но, кажется, не трудно смекнуть, что и критика такого рода имѣетъ свою репутацію въ этомъ отношеніи: бывають и такія изданія, которыя похвалы достаточно для того, чтобъ послать въ публикѣ полное довѣріе къ достоинствамъ разбираемой ими книги, и наоборотъ.

Однимъ-словомъ, пора перестать вооружаться противъ фантома. Мы, съ своей стороны, скорѣе готовы спорить о несуществованіи у насъ настоящей журналистики, чѣмъ о чрезвѣрномъ усиленіи журнальнаго характера литературы.

Главный недостатокъ большей части нашихъ журналовъ и газетъ заключается въ самомъ ихъ происхожденіи. Почти всѣ они возникли не въ-сдѣ-

ствіе наши, искавшей себя обнаруженія въ обществѣ... Въ этомъ отношеніи, ихъ скорѣе можно назвать ежемѣсячными сборниками статей, чѣмъ журналами въ настоящемъ смыслѣ. Къ этому понятію такъ привыкла наша публика, что нѣкоторые журналисты рѣшаются даже выставлять передъ ней безхарактерность своихъ изданій, какъ отличительное ихъ достоинство. Одни изъ нихъ съ цѣлоугоднымъ самодовольствіемъ даютъ знать каждый мѣсяць, что публика никогда не слыхала отъ нихъ рѣшительныхъ приговоровъ ничему на свѣтѣ; другіе — съ меньшей гордостью повторяютъ, что они приняли за правило — не принимать серьезно никакихъ общественныхъ и литературныхъ явленій; третьи — открыто поставили себя въ обязанность не щадить ничего, что сколько-нибудь походитъ на характеръ; четвертые — безпрестанно увѣряютъ публику, что стоятъ за одну правду, предоставляя каждому давать этому отвлеченному понятію какой угодно смыслъ и понимая его про-себя совершенно-оригинальнымъ образомъ. Этимъ объясняется удивительная непослѣдовательность въ содержаніи нашихъ періодическихъ изданій. Встрѣчая въ русскомъ журналѣ такую-то статью, вы очень-рѣдко можете отдалъ себя отчетъ — почему попала она въ этотъ, а не въ другой какой журналъ. А между-тѣмъ, непослѣдовательность — то статей и нравится издателямъ: они называютъ ее разнообразіемъ, равносторонностью, занимательностью и тому-подобными пріятными словами.

Въ противоположность этой безхарактерности большей части журналовъ и газетъ, нѣкоторые изданія въ свою очередь отличаются забавною скрупулезностью въ поддержаніи своего направленія. Для журналистовъ, впадающихъ въ такую крайность, характеръ журнала и убѣжденія его редактора двѣ вещи равныя: пусть убѣжденія его развиваются и измѣняются сами-по-себѣ, духъ журнала долженъ оставаться

неизмѣненнымъ, тоже самъ-по-себѣ. Мы всегда готовы предположить въ издѣніи идей того или другаго лица какую-нибудь высшую причину — индустриальный или иной расчетъ, бесцельіе въ борьбѣ съ противною стороною и все, что угодно, кромѣ внутренняго совершенствованія. При такомъ взглядѣ на вещи со стороны публики, надо имѣть достаточный запасъ героизма, чтобъ признаться въ собственныхъ усилкахъ, и столько же ловкости, чтобъ выдерживать роль человѣка, запасагося на всю жизнь неизмѣнными понятіями о вещахъ. Приштры ловкости вообще чаще встрѣчаются въ ипрѣ, чѣмъ приштры героизма, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ русской журналистикѣ первое свойство преобладаетъ надъ послѣднимъ. Все легкое чрезвычайно-соблазнительно; и что можетъ быть легче, какъ выдержать роль, если не имѣешь другой претензіи, кромѣ той, чтобъ роль была выдержана во что бы то ни стало? Сколько есть на свѣтѣ пустѣйшихъ людей, которые понимаютъ, что имъ рѣшительно нечѣмъ взять, какъ развѣ оригинальничаніемъ, и которые прекрасно исполняютъ свое амбула отъ перваго пушка на надбородкѣ до сѣдлыхъ седлицъ на головѣ. Въ журнальномъ дѣлѣ это еще легче: стоить только молчать, когда васъ уличаютъ въ такихъ заблужденіяхъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ оправдываться, и указывать на такіе промахи противниковъ, которые несколько не касаются спорнаго пункта; — въ печатныхъ составленіяхъ это очень-удобно. Впрочемъ, этотъ секретъ до того извѣстенъ, что объ немъ нѣтъ нужды распространяться. Мы хотѣли только сказать, что наши журналы и газеты, которыхъ счетомъ очень-мало, большею частію издаются или во все безъ всякой идеи, или съ такими идеями, которыя не пользуются большимъ кредитомъ въ глазахъ самихъ издателей. Этого обстоятельства одного уже достаточно для опроверженія мнѣнія, будто-бы литература наша въ

послѣднее время получила характеръ журнальный. Откуда же могъ взаться этотъ журнальный характеръ цѣлой литературы, когда еще и самыя журналы-то наши такъ мало походятъ на журналы?

Противъ всего этого могутъ замѣтить, что у насъ нельзя и представить себѣ выхъ журналовъ, кромѣ такихъ, какіе издаются теперь, потому-что въ самой публикѣ нашей нѣтъ котерій, основанныхъ на различномъ пониманіи идей. Если здѣсь подѣ словомъ «котерій» разумѣть исключительно группы представителей различныхъ общественныхъ убѣжденій, то возраженіе это справедливо. Но въ наше время, кажется, ужъ доказано, что общественныя идеи сами-по-себѣ не имѣютъ другаго значенія, кромѣ формальнаго, что всѣ онѣ суть не что иное, какъ выводы изъ идей науки и записки исполнѣ отъ вопросовъ существенныхъ. Слѣдовательно, несуществованіе общественныхъ котерій никакъ не можетъ служить препятствіемъ къ существованію и борьбѣ идей весомивной важности.

Вообще, говоря, что наши журналы рѣдко удовлетворяютъ тому значенію, какое приписывается журналамъ въ Европѣ, мы не требуемъ отъ нихъ того, чтобъ они во всѣхъ отношеніяхъ были сколками съ европейскихъ периодическихъ изданій. Напротивъ, часто нельзя не признать въ нихъ именно этого стремленія. Русскіе журналы, по нашему мнѣнію, много теряютъ тѣмъ, что дѣйствуютъ такъ, какъ-будто-бы наша литература равнялась въ обилии и зрѣлости литературѣ Франціи, Англіи и Германіи. Характеръ журнальныхъ статей долженъ обуславливаться положеніемъ остальныхъ стихій литературы. Самое происхожденіе журналовъ въ Европѣ имѣло главнейшей причиной своей накопленіе капитальныхъ, основныхъ литературныхъ трудовъ. Журнальныя статьи о предметахъ, относящихся къ физикѣ, могли явиться только въ такой литературѣ,

которая изобиловала капитальными сочиненіями о физикѣ и т. д. И чѣмъ болѣе обогащалась европейская литература произведеніями такого рода, тѣмъ дробнѣе становился интересъ журнальныхъ статей. Въ девятнадцатомъ столѣтіи, ученая литература въ Европѣ приняла такое монографическое направленіе, переполнилась такимъ множествомъ превосходныхъ сочиненій, посвященныхъ обработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ всякаго рода, что статьи журналовъ должны были окончателно заключиться въ самыя тѣсныя рамы. Чтѣ не носитъ на себѣ этого характера частности или животрелпущей новизны, то, по всей справедливости, въ европейскомъ журналѣ кажется наивнымъ и школьнымъ. Наши журналы въ этомъ отношеніи считаютъ себя въ правѣ держаться тѣхъ же правилъ — и разумѣется, жестоко ошибаются. Литература наша такъ бѣдна, что между наивностью русской журнальной статьи и наивностью статьи европейскаго журнала — разстояніе неизмѣримое. Странно! въ каждомъ русскомъ журналѣ безпрестанно повторяются жалобы на бѣдность русской ученой литературы, безпрестанно перечисляются существующія у насъ сочиненія по различнымъ отраслямъ наукъ, съ цѣлью показать ихъ неудовлетворительность, а въ то же время въ каждомъ же журналѣ пошѣщаются статьи такого дробнаго содержанія, такого исключительнаго интереса, какъ-будто-бы они предвазначались для чтенія французской, англійской или нѣмецкой публики, являющейся въ изобилии всевозможныхъ руководствъ, диссертаций и лексиконовъ.

Итакъ, если, съ одной стороны, большая часть русскихъ журналовъ отстала отъ журналовъ европейскихъ — со стороны опредѣленности направленія, то, съ другой стороны, ей приходится принять упрекъ и другаго рода — упрекъ въ подражательности западнымъ периодическимъ изданіямъ, которая заставляетъ ихъ забывать о на

стоящихъ потребностяхъ русской публики.

Все это сочли мы нужнымъ высказывать, потому-что чтение журналовъ составляетъ у насъ значительнѣйшую умственную пищу людей, читающихъ по-русски. На этихъ-то людяхъ отражаются самыми рѣзкими чертами всѣ недостатки нашей журналистики. Они образуютъ собою особенный, весьма любопытный типъ. Вслушайтесь въ разговоръ такихъ людей: съ перваго взгляда, иной читатель русскихъ журналовъ можетъ показаться не только свѣдущимъ, но даже и человѣкомъ съ убѣжденіями. Очень-свободно коснется онъ въ разговорѣ какого-нибудь животрепещущаго опыта надъ вліяніемъ электричества на растительность; упомянетъ, какъ о родномъ отцѣ, о такомъ великомъ человѣкѣ, о которомъ мѣсяцъ тому назадъ ровно ничего не знали ученые; опишетъ замысловатый приборъ, только-что давшій извѣстность свѣтлому труженнику науки, да вслѣдъ за тѣмъ обронитъ такіа два-три слова, что вы долго не будете знать, обмолвился ли этотъ свѣдущій человѣкъ, или забавляется онъ надъ вами, или, наконецъ, просто пребываетъ въ блаженномъ невѣдѣніи азбучныхъ истинъ. Что касается до насъ, то встрѣча съ такимъ господиномъ всегда напоминаетъ намъ одного Нѣмца, котораго вся бібліотека состояла изъ тома извѣстнаго нѣмецкаго конверсаціонс-лексикона, заключающаго въ себѣ объясненія словъ, начинающихся съ буквъ G и H: этотъ Нѣмецъ очень-обстоятельно говорилъ о жизни и сочиненіяхъ Гёте и рѣшительно ничего не зналъ о Шиллерѣ, кромѣ того, что Шиллеръ былъ другомъ автора Фауста. Такъ-называемыя убѣжденія читателя русскихъ журналовъ также могутъ возбудить искреннее сожалѣніе: то кажется ему, что онъ выразился слишкомъ-сильно, пересоглилъ, то, наоборотъ, мучитъ его мысль, что рѣчь его слишкомъ-робка, что въ идею его вралась уступка, лишняя слова его всякой коло-

ритности. Однимъ словомъ, онъ не дасть ни взать блуждаетъ въ области мысли, какъ чисто-одѣтый геенолинь, перебѣгающій безъ калошъ по переулку, усѣянному лужами. Предоставляемъ читателямъ рѣшить самимъ, могло ли бы все это быть, еслибъ направленіе журналовъ, которыми онъ исключительно питается, дѣйствительно можно было назвать направленіемъ?

Разсматривая ученую литературу прошлаго года, мы не можемъ не усилить нѣсколькими томами свою грустную пѣсню о несуществованіи у насъ настоящей журналистики, дѣйствительно поглощающей иногда строгія требованія искусства и науки. Въ жалобахъ на воображаемую журнальность нашей литературы нельзя не замѣтить сильной антипатіи противъ того, что только выражаетъ собою тѣсную связь, науки съ жизнью. Есть люди вовсе не лишеныя ума и образованія, но пропитанные насевомъ какиихъ-то схоластическихъ взглядовъ на вещи: этихъ людей никакъ нельзя назвать неспособными отъ природы; есть даже сфера умственной дѣятельности, въ которой не сравнится съ ними человѣкъ, глубоко чувствующій связь мысли съ жизнью, — именно сфера отвлеченныхъ тонкостей, чисто-диалектическихъ, условныхъ понятій и всякаго рода логическихъ фокусовъ. Но они до такой степени одержимы идеей, будто все существуетъ въ мирѣ и должно существовать само-по-себѣ, что всякое гармоническое стремленіе кажется имъ нарушеніемъ естественнаго порядка, и всякое сліяніе — хаосомъ. «Все существуетъ само-по-себѣ и само для себя» — вотъ ихъ основное положеніе. Въ примѣненіи къ практической дѣятельности, это правило прекрасно, потому-что вся задача жизни индивидуума заключается въ полномъ удовлетвореніи потребностей. Но если распространить этотъ взглядъ на различныя сферы человѣческой дѣятельности, выйдетъ чистая схоластика. Для такого направленія крайне противна всякая жизненность умствен-

дѣтельности, всякій союзъ теоріи съ практикой; а такъ-какъ почти единственныи шагъ къ установленію этой гармоніи сдѣлала у насъ все-таки журналистика, какъ бы она ни была далека отъ полноты своего назначенія, то на нее и обрушивается весь грузъ ихъ антипатій.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, «Отеч. Записки» занимались вопросомъ: существуетъ ли русская литература? (рѣчь шла объ національной литературѣ). Многимъ вопросъ этотъ показался страннымъ: «кажется, на русскомъ языкѣ написано столько сочиненій всякаго рода — говорили въ публикѣ, «что сомнѣваться въ существованіи русской литературы все равно, что сомнѣваться въ существованіи русскаго языка». Мало-по-малу, однакожь, дѣло уяснилось, и на повѣрку вышло, что сомнѣваться въ существованіи русской литературы совѣтъ не такъ навъно, какъ ставили ее наравнѣ съ другими европейскими литературами. Въ отношеніи къ искусству, вопросъ этотъ теперь уже можно считать рѣшеннымъ; но что касается до науки, нельзя не согласиться, что существованіе русской ученой литературы подлежитъ полному сомнѣнію. По-крайней-мѣрѣ, русская ученая литература рѣшительно не существуетъ для того, кто не назоветъ этимъ именемъ груды сочиненій всякаго размаха, немнѣющихся никакого отношенія къ потребностямъ нашего общества и одолженныи своими происхожденіемъ или любви къ наукѣ въ ея отвлеченномъ и чисто-схоластическомъ значеніи, или обиходному честолюбію, или, наконецъ, просто, безукоризненной стяжательности. Если исключить изъ трудовъ русскихъ ученыхъ нѣкоторые труды по части русской исторіи, что останется отъ нихъ такого, что удовлетворяло бы потребности ученаго образованія нашего общества? Не споримъ, что отъ времени до времени появляются у насъ сочиненія, достойныя даже перевода на иностранныя языки, достойныя нѣкоторой завѣсности въ любой европейской ли-

тературѣ. Но что жъ изъ этого?... Брошюра, рѣшающая какой-нибудь запутанный вопросъ о сущности и объемѣ той или другой науки, можетъ имѣть важность для многихъ тысячъ Нѣмцевъ, мучащихся этимъ вопросомъ. Но что можетъ она значить у насъ? Кому она интересна? Нѣсколькимъ десяткамъ преподавателей, которые сдѣлаютъ изъ нея извлеченіе для своего курса — не богѣе. Наши ученые поминутно жалуются, что занятія ихъ неблагодарны, что русское общество не нуждается въ ихъ сочиненіяхъ. Но спрашивается: какъ же согласить такіе отзывы о публикѣ съ дѣятельностью нашихъ жрецовъ науки? Сами же они сознаются, что общество не повнимаетъ ихъ: отъ-чего же не хотятъ они низойти до его понятій и потребностей?..

Между учеными сочиненіями, вышедшими въ прошломъ году, весьма-отрадное и живое явленіе представляеть собой *Руководство къ Всеобщей Исторіи* доктора Лоренца. Въ прошломъ году, вышло II-е отдѣленіе второй части этого капитальнаго труда. Это сочиненіе, какъ мы нѣсколько разъ имѣли случай замѣчать, должно составить эпоху въ нашей исторической литературѣ и въ преподаваніи у насъ всеобщей исторіи. Впрочемъ, мы очень-далеки отъ мысли о совершенной удовлетворительности труда г. Лоренца. Исторія — такая наука, которая требуетъ совокупной дѣятельности лицъ съ самыми разнообразными наклонностями и талантами. Ни обработать ее въ одномъ сочиненіи, ни изучить по одному сочиненію невозможно. Руководство доктора Лоренца имѣетъ ту важность, что приучаетъ смотрѣть на жизнь человѣчества, какъ на процессъ вѣчнаго развитія. Оно самымъ дѣломъ убѣждаетъ въ справедливости современнаго взгляда на сущность исторіи, и въ этомъ ея главное достоинство. Странно и требовать чего-нибудь инаго отъ самаго лучшаго руководства. Но русскимъ ученымъ предстоитъ еще другая задача при обработкѣ всеобщей

исторіи. Общество наше давно уже нуждается въ такихъ сочиненіяхъ, которые въ совокупности своей представляли бы полную картину историческаго развитія всѣхъ отраслей жизни и мысли. Такимъ только образомъ наука можетъ ввести Россію въ полное духовное соприкосновеніе съ историческими народами и привить ей жизнь и ея мысль къ ихъ жизни и мысли. Но для исполненія этой задачи необходимо именно то, чего не видимъ мы въ дѣйствительности большинства нашихъ ученыхъ.

Изъ переведенныхъ книгъ историко-политическаго содержанія замѣтимъ послѣднія части *Англійской Индіи*, соч. Варрена, и первыя *Исторіи Консулства и Имперіи*, Тьера.

Говоря объ нашей ученой литературѣ, нельзя не замѣтить увеличенія съ каждымъ годомъ числа сочиненій педагогическаго содержанія. Правда, педагогика у насъ почти не существуетъ; но каждый мѣсяцъ выходитъ въ свѣтъ или руководства съ претензіей на педагогическое достоинство и съ предисловіемъ, въ которомъ весьма убѣдительно доказывается, что авторъ проникнуть началами педагогикъ, или отдѣльными брошюрки о преподаваніяхъ того и сего. Но до сихъ поръ, за исключеніемъ *Библиотекки для Воспитанія*, издаваемой г. Семеномъ, въ этомъ отношеніи нѣтъ у насъ ничего сколько-нибудь дѣльнаго. Дѣтъ только истины о преподаваніи пущевы у насъ въ ходъ: первая, что вложеніе наукъ въ учебникахъ должно быть приурочено къ понятіямъ дѣтскаго возраста, вторая, что преподаваніе наукъ должно не только обогащать дѣтей полезными свѣдѣніями, но и развивать ихъ умственные способности. Нанявность такихъ положеній въ ихъ теоретическомъ видѣ, отзывается самымъ забавнымъ недоумѣніемъ. Доказывать серьезно, что не годится говорить съ кѣмъ бы то ни было языкомъ ему непонятнымъ, и что науки должны не портить, а улучшать человѣка, и считать себя педагогомъ

за распространеніе такихъ принциповъ:—что это за факты, что это за дѣятельность, что это за литература? Одно только и утѣшительно во всемъ этомъ переливаніи изъ пустаго въ порожнее,—именно: оно доказываетъ, что потребность въ педагогикѣ глубоко почувствована въ нашей обществѣ. Стало-быть, пришло для насъ время серьезно думать о преподаваніи...

О специальныхъ сочиненіяхъ изъ области наукъ практическихъ, технологич., сельскаго хозяйства, медицинъ во всѣхъ ея отрасляхъ, военныхъ наукъ и проч. здѣсь не мѣсто судить. Замѣтимъ только, что въ прошломъ году появлялись они въ замѣчательномъ количествѣ. Напомнимъ, на-прим., продолженіе «Полнаго Курса Прикладной Анатоміи», Пирогова, «Анатомію Домашнихъ Животныхъ», Всеволодова, «Геологическое Путешествіе по Алтаю», Щуровскаго, послѣднюю часть «Фортификаціи» г. Телякова, и проч.

Обработываніе отечественной исторіи составляетъ у насъ постоянное отрадное исключеніе изъ общаго характера ученой дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы на немъ не отражалось схоластическое направленіе науки; однакожь самый предметъ, по важности своей именно для нашего общества, уже придаетъ жизненности изслѣдованіямъ. Сверхъ-того, исторія такая наука, которая труднѣе всякой другой подчиняется схоластикѣ. Болѣе всего схоластическій характеръ историческаго сочиненія можетъ проявиться въ мелочности изучаемыхъ фактовъ. Но и то сказать: гдѣ предѣлъ историческихъ подробностей? Можно свѣдѣться иль ученымъ, который ограничиваетъ свое повѣіе объ исторіи знаніемъ годовъ, именъ, войнъ, и т. п.; но никакъ нельзя поручиться, чтобы какое-нибудь, по-видимому, ничего-незначащее обстоятельство, разъясняемое кропотливою эрудиціей, не повело когда-нибудь, въ связи съ другими фактами, къ соображеніямъ великой важности.

Изъ трудовъ по части русской исторіи, вышедшихъ въ истекшемъ году, прои́тъ Актовъ Археологической Комиссіи и драгоцѣнной Лѣтописи Нестора по лаврентьевскому списку, нельзя не указать на третій томъ Исторіи Смутнаго Времени г. Бутурлина, Исторію Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владимира сочиненіе архимандрита Макарія, Книгу, глаголемую Большою Чертежъ, изд. Г. Н. Сласскимъ, Исторію Малой Россіи, Георгія Ковисскаго, помѣщенную въ Чтеніяхъ Имп. Общества Ист. и Древн. Россійскихъ, О Русскомъ Войскѣ въ царствованіи Михаила Феодоровича, г. Бѣляева, Текстъ Русской Правды г. Калачова, и на статью О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Русіи, профессора Соловьева, намечатанную сначала въ Московскомъ Сборникѣ, потомъ недавно отдѣльно. Военная исторія Россіи обогатилась сочиненіемъ генерал-лейтенанта Михайловскаго - Давилевскаго — Описаніе Второй Войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ.

Между-тѣмъ, какъ критическая обработка русской исторіи постоянно облегчается изданіемъ въ свѣтъ драгоцѣнныхъ источниковъ, русская статистика страдаетъ отъ недостатка матеріаловъ и отъ недостовѣрности тѣхъ, которые выйдутъ у насъ на-лицо. Сознаніе этой истины выразилось въ однокъ весьма-замѣчательномъ произведеніи истекшаго года, вышедшемъ въ Кіевѣ подъ заглавіемъ Объ Источникахъ Статистическихъ Свѣдѣній, соч. Д. Журавскаго. Не смотря на преувеличенное мнѣніе о важности статистическихъ подробностей и на вѣсколькочастаистическое понятіе объ объемѣ статистики и методы ея обработыванія, сочиненіе г. Журавскаго должно быть замѣчено какъ энергическій протестъ логики и страсти противъ всего, что сопровождается у насъ собраніемъ статистическихъ фактовъ и какъ одинъ изъ угѣшительныхъ проблесковъ живаго вниманія науки. Въ этомъ отно-

шеніи замѣчательно также Критическое Исслѣдованіе значенія Военной Географіи и Военной Статистики, соч. Д. Милютина. Правда, если хотите, и здѣсь дѣло идетъ не больше, какъ о разграниченіи двухъ наукъ; но намъ нравится въ этой брошюрѣ то, что авторъ видимо самъ досадуетъ на схоластическій характеръ своей темы и развиваетъ ее только потому, что издавшая имъ брошюра служитъ введеніемъ къ труду болѣе-живому и существенному. Притомъ, въ этой брошюрѣ встрѣчаются весьма-дѣльные замѣчанія о наукѣ вообще, какъ-будто отрывки изъ той логики, которая еще не существуетъ въ видѣ науки... Наконецъ, разборъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій о военной географіи и военной статистикѣ, вошедшій въ сочиненіе г. Милютина, можно назвать образцовымъ библиографическимъ очеркомъ. Боюсь пропустить въ ученой литературѣ прошлаго года какое-нибудь замѣчательное исключеніе, назовемъ еще — помѣщенную въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія небольшую и, кажется, наскоро-написанную статью профессора Порошина О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи и другую — профессора Диновскаго Объ окончательномъ оти́вненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, помѣщенную сначала въ Московскомъ Ученомъ и Литературномъ Сборникѣ и издавную потомъ отдѣльно книжкой. Впрочемъ, обѣ эти статьи замѣчательны не какъ разрѣшенія, а скорѣй какъ изложенія живыхъ вопросовъ. Затѣмъ остается упомянуть о выходѣ въ свѣтъ четвертой части втораго изданія Географіи Соколовскаго, и первыхъ двухъ томовъ первой части Исторіи Русской Словесности г. Шевырева, — книги, которая, не смотря на ложную точку зрѣнія, избранную авторомъ, все-таки замѣчательна, какъ сборникъ матеріаловъ для изученія древней русской письменности.

Въ послѣдніе годы критика наша уясвила и установила различіе между произведеніями художественными, научными и беллетристическими. Не раздѣляя школьнаго взгляда на важность раздѣленій, мы полагаемъ, однакожь, что удачное раздѣленіе можетъ иногда сильно содѣйствовать свѣтлому уразумѣнію сущности предмета. Сверхъ-того, бывають случаи, когда новое раздѣленіе выражаетъ собою признаніе самостоятельности какой-бы то ни было части.—По этимъ двумъ причинамъ, раздѣленіе литературныхъ произведеній на художественныя, учебныя и беллетристическія гораздо-важнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. О теоритической важности его не разъ было уже говорено въ «Отеч. Запискахъ». Что же касается до историческаго его значенія, то скажемъ объ немъ здѣсь нѣсколько словъ, потому-что рѣшились не пропустить въ этой статьѣ замѣчательнѣйшихъ эстетическихъ понятій, утвердившихся въ послѣднее время и явившихся въ истекшемъ году въ характерѣ окончательныхъ пріобрѣтеній. Кстати, ихъ и немного.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всякая эстетическая теорія балагаетъ цѣпи на творчество и задерживаетъ свободное развитіе талантовъ. Но прежде, чѣмъ произносить такой приговоръ въсѣмъ эстетическимъ теоріямъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сдѣлать различіе между теоріями вообще и вспомнить, что слово *теорія* въ наше время получило совершенно-новый смыслъ. Было время, когда оно употреблялось безъ всякаго различія въ наукахъ, посвященныхъ изученію вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ міра, и въ наукахъ практическихъ, занимающихся изслѣдованіемъ законовъ чело-вѣческой дѣятельности. Въ то время, наука прописывала свои рецепты малѣйшимъ движеніямъ души и тѣла... Во всякомъ начинаніи своемъ, человекъ встрѣчался съ тяжелыми цѣпями науки. Вся дѣятельность его,

до-тѣхъ-порѣ, впрочемъ, подчиняемая другому рода авторитету,—именно авторитету рутинны, съ тоскливымъ кривляньемъ ползла въ рамкахъ и клеткахъ схоластики, тяготѣвшая до времени исключительно надъ отвлеченнымъ изслѣдованіемъ міровой жизни. И долго человекъ сѣялъ, пахалъ, и валъ, говорилъ, писалъ и ходилъ теоріи. Однакожь, этотъ порядокъ вещей кончился невозвратно, и все, еще носить на себѣ его отпечатокъ, встрѣчаетъ такую эвергетическую ненависть въ живыхъ органахъ человечества, что никто не имѣетъ права допустить малѣйшее слово прежняго значенія слова *теорія* тѣмъ, которое имѣетъ оно въ настоящее время. Спрашивается: какъ смотрятъ современные намъ умы на теорію, ли не какъ на изслѣдованіе условій безъ которыхъ невозможна та или другая дѣятельность? Такъ, напримеръ въ чемъ состоитъ новѣйшая теорія сельскаго хозяйства? Ни въ чемъ-либо какъ въ прямомъ, ни къ чему обязывающемъ опредѣленіи какихъ-нибудь ссытомъ отношеній природы къ потребностямъ человека. При какихъ-то условіяхъ почвы, климата и т. д. щественности, земледѣльческой теоріи выгоденъ на столько-то, а при иныхъ вреденъ на столько-то.—вотъ основа современной агрономической теоріи. Какіе выводы сдѣлаетъ изъ практической теоріи человекъ—до этого нѣтъ дѣла: она волюнѣ понимаетъ себя, безсиліе для борьбы съ его произволомъ. Точно то же можно отнести къ современной эстетикѣ: и она отделилась навсегда отъ титула руководящейницы художественнаго таланта; ея ра ея ограничивается опытнымъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, создающихъ зачатіе, развитіе и жизнь художественной мысли. Теоріи уже нѣтъ никакой возможности обратиться въ рецептъ, и потому развитіе ея въ наукѣ выражается только не что иное, какъ полное господство эстетической свободы. Тотъ же переворотъ произошелъ незамѣтно

момъ и въ логикѣ мнѣ въ теоріи по-
шани.

Признаніе самостоятельности бель-
летристики есть уже послѣдствіе это-
го отраднаго факта. Пуристы могутъ
объяснять его иначе: могутъ сказать,
что оно выражаетъ собою терпимость,
свидѣтельствующую о паденіи строга-
го вкуса, который не допускаетъ смѣ-
шенія элементовъ дидактическихъ съ
эстетическими. Но не мѣшаетъ замѣ-
тить, что самое раздѣленіе литерату-
рыхъ произведеній на художествен-
ныя, дидактическія и бельлетристиче-
скія не могло бы существовать, еслибъ
эти два рода не противопоставались
одинъ другому. Современная теорія
отдѣляетъ ихъ очень рѣзко; но она до
того отъкалалась отъ всякихъ практиче-
скихъ требованій, что никакъ не счи-
таетъ себя въ правѣ *запрещать* писа-
телю выразить свои мысли въ какой
ему угодно формѣ—будетъ ли то фор-
ма строго-художественная, строго-ди-
дактическая, или, наконецъ, смѣшан-
ная. Она не называетъ бельлетриста
художникомъ; но отводитъ ему такое
же почетное мѣсто въ литературѣ,
какъ художнику въ учевому. И странно
было бы поступать иначе: вѣдь, чтобъ
сдѣлаться хорошимъ бельлетристомъ,
точно такъ же не обойдешься безъ та-
ланта, какъ и для того, чтобъ быть хо-
рошимъ художникомъ; притомъ же,
одинъ изъ этихъ талантовъ никакъ
не можетъ замѣнить другаго. Такимъ-
образомъ, литература перестаетъ быть
какимъ-то *врачнымъ слятищемъ*,
недоступнымъ такому числу избран-
ныхъ дѣателей, выдержавшихъ мучи-
тельно-педагогическій искусъ, и усло-
вія ея воистинѣ сходятся съ условіемъ
ливой рѣчи. Если нѣтъ никакого смы-
сла требовать отъ человѣка, чтобъ онъ
въ *наустной рѣчи* держался или стро-
го-художественной или строго-дида-
ктической формы, то какой же смыслъ
требовать отъ него противоположнаго
въ литературной дѣтельности, кото-
рая есть также не что иное, какъ вы-
раженіе мысли въ словѣ?

Если у васъ есть какой-нибудь та-

лантъ — дидактическій, художествен-
ный или бельлетристическій—пишите
о чемъ сколько угодно и какъ угодно—
только не выходите изъ предѣловъ сво-
ей способности, не думайте, что одинъ
роль таланта выше другаго рода, не
поддѣлывайтесь подъ дарованіе, не-
свойственное вашей натурѣ, иными
словами: пишите безъ претензій и безъ
рецепта — современная критика при-
знаетъ васъ талантливымъ писателемъ.

Однажды мы уже имѣли случай ска-
зать, что нашъ первый современный
бельлетристъ — г. Искандеръ, авторъ
романа «Кто Виноватъ?», котораго вто-
рая часть помѣщена была въ исте-
вшемъ году въ «Отеч. Запискахъ». Къ
замѣчательнымъ бельлетристическимъ
талантамъ нельзя не отнести также г.
Буткова, автора «Петербургскихъ Вер-
шинъ». Дѣломъ 1846 года, вышла вто-
рая часть этого сочиненія, или лучше
сказать этого сборника рассказовъ.

—

Въ бельлетристической литературѣ
весьма-важную роль играютъ путеше-
ствія. Они незамѣтно вносятъ въ массу
читателей такое множество разнообраз-
ныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣдѣ-
ній, что ихъ можно назвать однимъ изъ
сильнѣйшихъ орудій бельлетристики
въ дѣлѣ воспитанія публики. Раз-
умѣется, для достиженія этой цѣли, пу-
тешествія должны удовлетворять нѣ-
которымъ довольно-простымъ усло-
віямъ, которымъ, однакожъ, не всегда
удовлетворяютъ. Въ послѣдніе годы,
одинъ туристъ обратилъ вниманіемъ
своихъ путевыхъ впечатлѣній, подъ
названіемъ «Года за Границей», такое
вниманіе нашей публики на вопросъ
объ условіяхъ полезности и занима-
тельности этого рода сочиненій, что
мнѣніе о предметѣ установилось те-
перь окончательно. Можно надѣяться,
что литература наша навсегда избави-
лась отъ той манеры писать путеше-
ствія, которая проявилась въ произве-
деніяхъ помнутаго туриста во всей
полнотѣ своего характера. Манеру эту
можно назвать не лирическою, какъ

кто-то назвалъ ее печатно, а по-крайней-мѣрѣ эгоистическою. Сущность ея заключается въ томъ, чтобъ, вмѣсто описанія страны, занимать читателя разсказами о собственныхъ приключеніяхъ въ пути и о личныхъ обстоятельствахъ, интересныхъ только для друзей и родныхъ автора.

Въ началѣ истекшаго года по части путешествій вышла весьма - замѣчательная книга г. Ф. П. Л. «Замѣтки за границей». Во-первыхъ, въ ней нѣтъ уже ни малѣйшей претензіи со стороны автора занимать читателей изложеніемъ обстоятельствъ, интересныхъ исключительно для него-самого; во-вторыхъ, она обнаруживаетъ въ г. Ф. П. Л. человека спеціальнаго, который могъ наблюдать видѣнныя имъ страны съ точки зрѣнія коротко-знакомой ему науки—именно земледѣлія: свойство чрезвычайно-рѣдкое въ нашихъ туристахъ.

Считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь о прекрасномъ изданіи гг. Семена и Стойковѣча, котораго первый томъ вышелъ прошедшимъ лѣтомъ подъ заглавіемъ: «Права, Обычаи и Памятники Всѣхъ Народовъ Земляго Шара». Такое предпріятіе можетъ принести огромную пользу, тѣмъ больше, что языкъ его отличается обширностью—своимъ необыкновенно - важнымъ во всякомъ прозведеніи возникающей литературы.

Къ беллетристической же литературѣ относимъ мы сочиненія для простаго народа. Въ прошломъ году вторая часть «Сельскаго Читенія» князя В. Ф. Одоевскаго и А. П. Заблоцкаго вышла въ свѣтъ двумя изданіями. Всѣ поддѣлки подъ это превосходное предпріятіе оказывались до-сихъ - поръ крайне-неудачными. Но никогда еще не было такого неудачнаго покушенія составить выгодную книжку для крестьянъ, каковымъ отличился нѣкто г. Дмитріевъ, издавшій въ нынѣшнемъ году, «Дѣтское Сельское Читеніе». — При этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ услугу, которую въ прошломъ году оказалъ г. Гречъ

для первоначальнаго обученія, на «Русскую Азбуку», лучше которой у насъ ничего не являлось еще въ этомъ ро-
—

Замѣчательно, что въ 1846 году обновилась было мода на альманахъ-продолженіе этого года вышла свѣтъ: «Петербургскій Сборникъ», редакціей Н. Некрасова, «Московский Ученый и Литературный Сборникъ» данный, кажется, для того, чтобъ показать, что если въ Петербургѣ не издаютъ альманахъ, то нѣтъ вѣсн препятствій издать его и въ Москвѣ — «Вчера и Сегодня», литературный сборникъ, составленный графомъ Соллогубомъ и издаваемый А. Санинымъ; «Новоселье», часть третья, издана А. Смирдина, и «Невскій Альманахъ» 1846 годъ. Сверхъ-того, первая «Новоселья», надѣлавшая въ свое время столько шума, перепечатана въ Москвѣ въ изданіемъ. Въ наше время издаваніе сборниковъ кажется что чрезвычайно - страннымъ. Чувствительный смыслъ — собрать и напечатать въ одной книжкѣ нѣсколько сочиненій, нѣкоторые изъ которыхъ принадлежатъ другому, нѣсколько одно другому принадлежащихъ, одними словами, принадлежащихъ никакой общей мысли. Но это, альманахъ издается потому, что издать его очень-легко: стоитъ приступить, каковымъ бы то образомъ написать нѣсколько статей и статейки въ журналъ, да выпросить у знакомыхъ литераторовъ десятокъ-другой стихотвореній, которыя вообще почему-то не продаются и покупаются. Часто и важнѣшія статьи приобретаются даромъ—по дружбѣ, или по добротѣ писателей. Чувствительный смыслъ книги всѣ эти приобретенія, редакціи способностей не требуютъ совершенно никакихъ: это можно написать всякій. Остается только взять бумагу и шрифтъ, да въ нѣсколько опредѣленіи условій въ удобнаго формата книги. А мы тѣмъ, у насъ, да и вездѣ, еще много людей, читающихъ для

челка, что альманахъ, по всей вѣроятности, разойдется въ пролажѣ. Сверхъ того, такъ-называемый *редакторъ альманаха* приобрѣтаегъ лестное и на всякій случай весьма-пригодное названіе издателя, что, по принятому обществу литературному чиноположенію, несравненно-выше званія простаго литератора: — съ-тѣхъ-поръ, какъ убѣдились люди, что умственный трудъ не даетъ работнику права ни на какое особенное уваженіе, съ-тѣхъ-поръ и издатели альманаховъ пользуются тѣми же преимуществами передъ литераторами, какъ и всякіе другіе хозяева промысловъ передъ работниками. Наконецъ, главное, отъ редакцій альманаха можно незамѣтно перейти и къ дѣйствительной редакціи какого-ни-

будь изданія, на-примѣръ, толстаго и плодотворнаго журнала. Стало-быть, если угодно, и сборники на что-нибудь да годятся...

Заключаемъ свою статью указаніемъ на самое умное и общепользное предпріятіе А. Ф. Смирдина — на превосходное и весьма-дешевое изданіе сочиненій русскихъ писателей, подъ заглавіемъ: *Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ*. Этимъ предпріятіемъ довершилъ онъ блестящую эпоху своей издательской дѣятельности. Всѣ занимающіеся или просто интересующіеся исторіей русской литературы оцѣнили его новую услугу обществу. — Въ истекшемъ году вышли сочиненія *Фонъ-Визина* и *Озерова*.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ. М. Погодина. Москва. 1846.

=

Въ этой книгѣ, обѣщанной въ предисловіи въ *Исследованияхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ* г. Погодина, собрано нѣсколько разсужденій о русской исторіи, писанныхъ для журналовъ и по другимъ случаямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ первоначально были напечатаны. Такъ говоритъ авторъ и мы готовы были бы повѣрить ему на слово, еслибъ въ самомъ концѣ послѣдней статьи не увидѣли нѣсколько строкъ, которыхъ не было въ первоначальномъ изданіи (въ «Москвитинѣ»). Впрочемъ, мы не сравнивали прежней редакціи всѣхъ статей съ теперешней, и потому не знаемъ, много ли такихъ отступленій.—Какъ бы то ни было, мы внимательно прочли всю книгу, и она произвела на насъ и пріятное, и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Намъ пріятно было думать, видя въ странные силлогизмы, выводы, мысли, въ странную точку зрѣнія г. Погодина,—какъ мы теперь далеко ушли отъ такого воззрѣнія, какъ оно теперь, если не совсѣмъ исчезло, то по крайней-мѣрѣ считаетъ мало провѣритовъ; тѣмъ отраднѣе была мысль, что огромная разнища въ воззрѣніи между г-мъ Погодинымъ и нами успѣла образо-

ваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ. Живя, мы не замѣчаемъ, какъ неимо-вѣрно - быстро двигаемся впередъ; только исторія литературы невольно раскрываетъ намъ глаза. Въ-самомъ-дѣлѣ, читая «Отрывки», трудно повѣрить, что они написаны въ послѣднее двадцатилѣтіе, нныя даже въ прошлѣмъ году. Особенно на нѣкоторыхъ изъ нихъ это поразительно. Но намъ потому грустно было смотрѣть на книгу, что авторъ нашъ современникъ, ученый, пользовавшійся и теперь еще пользующійся почетнымъ именемъ въ русской исторической литературѣ. Желаніемъ опережая событія и время, мы радовались бы такому писателю времямъ Московскаго Государства, даже періода реформы, но не второй четверти девятнадцатаго вѣка. Г. Погодинъ, какъ нашъ современникъ, приводитъ насъ къ той печальной мысли, что какъ мы ни быстро идемъ впередъ—это всё еще гомеопатическіе успѣхи и на доисторической почвѣ.

Говоря это, мы нисколько не думаемъ набрасывать тѣнь на достоинство и заслуги автора. Его статьи по русской исторіи, собранныя теперь въ одно цѣлое (хотя и не всѣ) дадутъ возмо-

жестъ обозрѣть его историско-литературную дѣятельность однимъ разомъ и оцѣнить безпристрастно. Г-нъ Погодинъ—отдадимъ ему справедливость—былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ изслѣдователей, которые старались подойти къ фактамъ поближе и взглянуть на нихъ проще, нежели ихъ предшественники. Попытки такого рода всегда сопряжены съ большими трудностями, заключающимися въ самомъ предметѣ и въ постороннихъ обстоятельствахъ. Гораздо-легче сочинить исторію, натянуть ее на нѣскольکو любимыхъ мыслей, нежели понять, какъ она совершалась, тѣмъ болѣе, что, для полнаго ея уразумѣнія, нужны многіе предварительные труды, рядъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ и наконецъ точка зрѣнія, которую можетъ только дать время и извѣстная степень развитія народнаго сознанія. Съ другой стороны, есть историческія истины, передъ которыми невольно робѣетъ мысль въ данное время; ученые авторитеты, общественное мнѣніе безусловно зарождаютъ какую-то нерѣшимость даже въ самомъ энергическомъ, твердомъ умѣ и ослабляютъ его силы. Прибавимъ къ этому необходиміе развлеченіе вниманія при наученіи предмета новаго, мало-обработаннаго. Вотъ съ какими непреодолимыми препятствіями долженъ у насъ бороться каждый, изучающій русскую исторію. Съ ними встрѣтился и г. Погодинъ. Посвятивъ себя этому предмету двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ долженъ былъ встрѣтить ихъ несравненно-больше, чѣмъ мы теперь. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ ходомъ нашей исторической литературы, тотъ знаетъ, сколько теперь напечатано матеріаловъ, въ то время неизвѣстныхъ и недоступныхъ. Предразсудковъ было несравненно-больше, чѣмъ въ наше время (что не значить, чтобъ ихъ теперь было мало), и если тогда уже можно было ѣсть телатину и не ходить въ баню, не опасаясь за свою жизнь, то было еще много таковаго, за чѣмъ челоуѣкъ самый богобоязненный и умѣ-

ренный могъ прослѣть вольнодумцемъ, т. е. стать въ положеніе, невыгодное во многихъ отношеніяхъ... Въ добавокъ, тогда еще безгранично господствовалъ авторитетъ Карамзина, который, при всѣхъ своихъ великихъ и вѣчно-незабвенныхъ заслугахъ для русской исторіи, внесъ въ нее совершенно-противоестественное воззрѣніе. Задавъ себѣ невозможную задачу—изложить русскую исторію фактически-вѣрно, но съ точки зрѣнія западно-европейской исторіи, онъ выполнилъ ее такъ блистательно, умѣлъ такъ искусно сочетать взглядъ и факты, противорѣчащіе другъ другу, взятые изъ совершенно-разнородныхъ слоевъ жизни, что даже до-сихъ-поръ, не смотря на исполнскіе шаги впередъ, мы не можемъ еще совершенно освободиться отъ обаянія, названнаго на насъ «Исторією Государства Россійскаго». Тайна этого очарованія, можетъ-быть, не столько скрывалась въ тоглашнемъ фактическомъ незнаніи нашей исторіи (какъ оно ни было велико), сколько въ духѣ и обстоятельствахъ времени. Чувство національной гордости было тогда возбуждено въ высшей степени великими событіями; но это чувство, проникавшее преимущественно образованные классы общества, перейдя въ сознаніе, должно было принять характеръ петровой эпохи, которую мы доживали. Болѣе чѣмъ когда-либо мы увѣрились, что мы Европейцы и стоимъ съ ними на одной степени. Идеалъ, по которому мы себя цѣнили, былъ еще внѣ насъ. Весьма-естественно, что писатель, взглянувшій съ этой точки на наше прошедшее, при другихъ большихъ дѣлствахъ, возбуждалъ сильное сочувствіе и глубоко подѣйствовалъ на общество. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Карамзинъ являлся представителемъ цѣлой эпохи нашего умственнаго и нравственнаго развитія. Въ его время, мысль Петра совершалась и на дѣлѣ и въ сознаніи. Въ политическомъ отношеніи, мы сражнялись съ европейскими народами и радова-

лись этому, и думали, что главная цѣль достигнута и намъ остается только идти впередъ на томъ же пути. Тѣ, которые искали для жизни новыхъ выходовъ, открывали уже собою другой періодъ...

Г-изъ Погодинъ былъ изъ первыхъ, которые начали упрощать натянутое воззрѣніе Карамзина. Вдругъ за все взяться не было возможности. Воздвигнутое зданіе надобно было подтачивать по-немногу, по частямъ. Отъ-того воспреблагодало критическое направление, въ которомъ г. Погодинъ игралъ, конечно, не послѣднюю роль. Странно, когда подумаешь, что тотъ же ученый наследователь, который еще такъ недавно былъ во главѣ новаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно. Всему виной время! Оно шло такъ быстро; такъ скоро стало выѣтриваться и ветшать снаружи великолѣпное, изнутри призракное строеніе русской исторіи, что г. Погодинъ не узналъ въ своихъ послѣдователяхъ (не по незнанию, а по взгляду) продолжителей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики карамзинскаго воззрѣнія. Кму показалось, что пошла уже слишкомъ-далеко, и онъ поналъ; что стоять ближе къ прежнему, чѣмъ къ новому. Къ быстротѣ самой перемены въ мнѣніяхъ, происшедшей у насъ, присоединилось и много другаго, въ-слѣдствіе чего г. Погодинъ долженъ былъ скоро отстать отъ современнаго движенія. Въ числѣ главныхъ причинъ мы считаемъ путь, который былъ имъ избранъ, приемъ, съ которымъ онъ ввязался за дѣло. Г-изъ Погодинъ, какъ и многие другіе, отдался частностямъ, имъ посвятивъ себя. Онъ повелъ атаку на отдѣльные пункты, и употребилъ на это всѣ силы, забывъ главное—цѣлое прошедшее воззрѣніе, которое нужно было защитити съ юрля; мо-

жетъ-быть, даже онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и только смутно предчувствовалъ недостатки существующихъ понятій, почему и обратился къ критикѣ отдѣльныхъ событій, какъ онъ рассказаны у Карамзина. Последнее вѣроятіе, потому-что новое воззрѣніе никогда не является вдругъ послѣ стараго, а есть результатъ, добываемый постепенно и возникающій уже на развалинахъ. Въ періодъ дѣтельности г. Погодина, всѣ наши критики, болѣе или менѣе недовольные Карамзинимъ и господствовавшимъ въ то время понятіямъ о русской исторіи, растратили такимъ-образомъ свои силы надъ частностями. Общее потеряно изъ вида. Возникли споры, партіи, вражды, которыя ни къ чему не привели, потому-что мысль, ихъ породившая, была забыта. Вышло полъ-конецъ, что когда новѣйшее поколѣніе, видя безплодную борьбу, осѣнилось напоминти и высказать въ чемъ главная задача и какъ она должна быть поставлена и разрѣшена, ее встрѣтили холодно и сурово: верные дѣятели, указавшіе ей путь, сбившись съ дороги и враждовали, спорили и поприщѣ археологамъ, далеко отделившись отъ исторіи, главнаго театра дѣйствій, откуда возникли вопросы и неудовлетвореніе.

Мы высказали здѣсь свое мнѣніе объ историко-литературной дѣятельности г. Погодина, чтобы показать, съ какою точности вѣрнія должно, какъ намъ кажется, смотрѣть на его «Отрывки», изданные теперь въ свѣтъ. Можетъ-быть, г. Погодинъ съ нами не согласится; можетъ-быть, онъ найдетъ странною мысль, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ опровергать взглядъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо. Рѣшено это потому только не выдается, что г. Погодинъ, очень-удачно нападавъ на Карамзина въ отдѣльныхъ фактахъ и явленияхъ историческихъ, остался при немъ въ цѣломъ, и такъ не поналъ или забылъ свое призваніе въ русской исторической литературѣ.

Въ составъ разбираемой нами книги вошло пятнадцать статей, писанныхъ по разнымъ случаямъ. Первые изъ нихъ во времени—статьи: *О характеръ Іоанна Грознаго*, написанная въ 1825, *Объ Остроумовъ* и *Объ участіи Годунова въ убійствѣ царевича Дмитрія*, въ 1827 годахъ. Последнія: *Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала и За русскую старину*, впервые напечатаны въ «Москвитянинѣ» въ 1845 году. Онѣ расположены по хронологическому порядку событій и лицъ, къ которымъ относятся. Но мы станемъ разбирать ихъ въ той преемственности, какъ онѣ выходили, потому что для насъ развитіе самаго автора гораздо интереснѣе того, что онъ сказалъ; историческія мнѣнія г. Погодина имѣютъ бѣльшій интересъ литературный, нежели объективный; они теперь сами предметъ исторіи.

Статья *О характеръ Іоанна Грознаго* вся критическая. Она дышетъ тѣмъ временемъ, когда авторъ приступилъ къ дѣлу съ свѣжими силами, ставилъ возражительные знаки на листахъ «Исторіи Государства Россійскаго» и не могъ удовлетвориться ея рѣшеніями и объясненіями. Первые слова статьи очень замѣчательны:

«Нѣтъ ничего труднѣе (говоритъ авторъ), какъ освободиться отъ предрассудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ: мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами, и дѣлается частью насъ самихъ. Усомниться въ немъ—есть уже необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большинствомъ насмѣишь, какъ-будто послая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе.» (стр. 227).

Такъ писалъ авторъ въ 1825 году. Мы увидимъ, что послѣ онъ говорилъ уже совсѣмъ другое.

Главная тема, которую развиваетъ статья (раздѣленная на двѣ части), въ

короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ былъ идеаломъ царя съ чудеснаго своего обращенія до смерти Анастасіи, и извергомъ съ этого времени по свою кончину; но это несправедливо: такое превращеніе неестественно; «Іоаннъ никогда не былъ великъ». Пока его характеръ не сложился окончательно, его прибрали въ руки люди благонамѣренные, искавшіе пользы и славы Россіи. Не Іоанну, а имъ обязана она тѣмъ великимъ и прекраснымъ, что тогда сдѣлано. Возмужавъ, Іоаннъ началъ тяготиться строгой зависимостью, въ которую былъ поставленъ; этимъ воспользовалась другая партія, которая помогла ему выйдти изъ-подъ тягостной нравственной опеки и дала возможность дурнымъ его свойствамъ развиться до той уродливости и безобразія, въ какихъ они потомъ выразились. Самъ-по-себѣ, Іоаннъ былъ человѣкъ ничтожный и слабый до трусости. Впрочемъ, его жестокости, неслыханное тиранство, объясняются и отчасти оправдываются воспитаніемъ, временемъ, въ которое онъ жилъ, и окружающими обстоятельствами.

Очевидно, значеніе и характеръ Грознаго не поняты. Можно спорить о его характерѣ и психологическомъ развитіи, но называть его ничтожнымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ. Теперь это ясно какъ день, и потому не стоить доказывать. Мы думаемъ, что и самъ авторъ находитъ теперь свой приговоръ черезъ-чуръ рѣзкимъ. Но замѣтимъ, что эта несправедливость имѣетъ весьма-важное значеніе по источнику, изъ котораго она вытекла. Г-ва Погодина поразила неестественность характера Іоаннова у Карамзина. Въ-самомъ-дѣлѣ, восьмой и девятый томъ—одна изъ самыхъ слабыхъ частей сочиненія историографа Г. Погодинъ старался найти ключъ къ этой загадкѣ, наполнить пропасти, раздѣляющія различныя эпохи жизни Грознаго, открыть связь между свѣтлой и

темной стороны его царствованія, — словомъ, возсодать ту преемственность, постепенность измѣненій, которая необходимо присуща всему живому. Дурно или хорошо онъ выполнялъ задачу, это другой вопросъ. Главное то, что г. Погодинъ объявилъ здѣсь себя противникомъ чудеснаго въ исторіи, защитникомъ прямого, естественнаго взгляда на жизнь, [какъ она есть, и это-то особенно важно. Полемизируя противъ Карамзина, ученый авторъ статьи показываетъ, что исторіографъ произвольно разставлялъ факты, группировалъ ихъ какъ ему было нужно для его цѣлей, наперекоръ хронологіи и фактической послѣдовательности. Это ни то, ни сѣ, въ которое преобразился чудесный Іоаннъ Карамзинъ у г. Погодина, было шагомъ впередъ въ нашей исторической критикѣ, хотя оно еще неизмѣримо-далеко отстояло отъ исторической истины.

Въ такомъ же родѣ и двѣ другія статьи, написанныя два года спустя послѣ этой, а именно: объ убіеніи царевича Дмитрія и о первомъ самозванцѣ. Въ первой, авторъ доказываетъ, что, на основаніи доселѣ-извѣстныхъ историческихъ данныхъ, нельзя говорить положительно объ убіеніи царевича Дмитрія по приказанію Годунова. Полемика противъ Карамзина и здѣсь очень-остроумна, мѣстами очень-сильна, что въ-самомъ-дѣлѣ нельзя еще считать этотъ вопросъ окончательно-рѣшеннымъ. До какой степени онъ важенъ въ русской исторіи, мы не станемъ теперь говорить; но онъ возникъ изъ того же желанія г. Погодина удостовѣрить цѣльность, органическое единство замѣчательной личности Бориса, на что Карамзинъ обратилъ слѣшкомъ-мало вниманія. Годуновъ, великій, просвѣщенный государь, не могъ быть низкими убійцей, — вотъ основная мысль г. Погодина. Если она и несправедлива, то требованіе отъ исторіи, которое она выражаетъ, очень-важно и вѣрно. Менѣе интересна, но

не безъ достоинствъ статья объ (репешѣ:

«Какъ у молодого русскаго дьяка въ блистательное царствованіе могучаго Бориса, среди Москвы, могла родиться въ головѣ мысль, безудачная, несбыточная, принять имя Царевича, гибели котораго четырнадцать лѣтъ въ не сомнѣвался?»

Этими словами начинается статья Г. Погодина, выставляющая и защищаетъ предположеніе, что первыя мысль дали самозванцу іезуиты. Но слѣдъ авилось другое предположеніе: менѣе вѣроятное, что онъ былъ орломъ нѣкоторыхъ боярскихъ родовъ противопоставившихъ его Борису, которымъ были недовольны по многимъ причинамъ. Какъ бы то ни было, достоинство этой статьи чисто-критическое, и не смотря на различіе предметовъ, она развиваетъ ту же мысль, которая видна и въ двухъ предыдущихъ: непонятное, безсвязное, баснословное въ нашей исторіи вызываетъ ученаго изслѣдователя на догадки, разборъ существующихъ представлений и обличеніе ихъ несообразности здравымъ разсудкомъ и естественнымъ, необходимымъ порядкомъ вещей.

До-сихъ-поръ, г. Погодинъ является критикомъ.

Въ 1831 году, по поводу важныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Польши, онъ написалъ статью болѣе-политическаго, нежели историческаго содержанія, подъ заглавіемъ: *Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи*. Объ ней предоставляемъ судить другимъ. Скажемъ только, что она насъ еще болѣе убѣдила въ старой мысли, что исторіи не всегда бываютъ вмѣстѣ и хорошіе политики...

Отсутствіе собственно-историческаго смысла въ статьяхъ, нами указанныхъ, особенно въ статьѣ объ Іоаннѣ Грозномъ и другихъ, — въ послѣдую-

щих проступаетъ уже гораздо-рѣже. Сначала оно выкупалось критической стороной сочиненій; но когда она ослабла, и г. Погодинъ началъ прагматизировать, оказалось, что онъ ни на шагъ не ушелъ дальше Карамзина. Скажемъ болѣе: г. Погодинъ къ недостаткамъ карамзинскаго взгляда присоединилъ еще нѣсколько и отъ себя. Надежды, которыя подавалъ молодой ученый, должны были разрушиться. Докзательствомъ служитъ *Взглядъ на Русскую исторію*, изложенный авторомъ на вступительной лекціи въ 1832 году.

«Исторія всякаго государства, отдѣльно взятая (такъ начинается авторъ) представляетъ себѣ высокое, поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человѣческаго рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякой народъ развиваетъ своею жизнью особую мысль его и содѣйствуетъ, болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ его предначертаній.»

Послѣ этой фразы, столько общей, что изъ нея трудно вывести что-нибудь, г. Погодинъ переходитъ къ Россіи. Здѣсь, какъ воляется, прежде всего поражаетъ его «пространство, какого не занимала ни одна монархія въ свѣтѣ», единство происхожденія племени, ее занимающихъ, «которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдовательно одинъ образъ мыслей» (?), дагѣ ихъ единство религіозное, множество единоплеменныхъ съ нами народовъ въ Имперіи, — народовъ, «которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка»; наконецъ вещественныя и невещественныя силы, «богатство въ естественныхъ произведеніяхъ, конны мы можемъ надѣлать Европу, не имѣя нужды ни въ коняхъ изъ ея товаровъ» (?). Въ дѣйствіяхъ Россіи, авторъ видитъ необычайное; такова година наполеонова вторженія въ наши границы. «Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе», восклицаетъ авторъ,

«ослѣбодивъ Европу отъ такого врага, нивложивъ его съ такой высоты, обладаая такими средствами, не нуждаясь ни въ комъ и нужна всѣмъ, можетъ ли чего — нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспаривать ея первенство, кто помышляетъ ей рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человѣчества, если только она сего пожелаетъ? Въ перечисленіи разныхъ европейскихъ народовъ, которыя не могутъ съ нами соперничать, намъ особенно понравилось, что германскія владѣнія названы *нашими ялтисидеятыми губерніями*. Объ каждой изъ европейскихъ странъ авторъ нашелся что сказать, хоть и не всегда впопадъ; не знаю, почему Германія его затруднила, и онъ счелъ за лучшее, предваряя своимъ взглядомъ событія, включить ее въ будущія границы Имперіи.

Обращаясь отъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ силъ государства къ его исторіи, авторъ видитъ въ ней одинъ интересъ: «какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, конны ничто, кажется, противустоятъ не можетъ». Итакъ, политическая исторія, виѣшняя, а не внутренняя, обратила на себя особенное вниманіе автора. Отъ критика Карамзина, мы въ правѣ были ожидать большаго, и тѣмъ справедливѣе наши требованія, что государственную исторію Россіи до XVII вѣка Карамзинъ изложилъ превосходно, классически. Недостатокъ внутренней исторіи и есть то, что чувствуется особенно-сильно послѣ трудовъ незабвеннаго историографа; отсюда-то должно развиться совершенно-новое возвращеніе на древнюю и теперешнюю Россію; отсюда долженъ производиться совершенный переворотъ въ нашей исторической литературѣ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи. Конечно, воскресить эту внутреннюю исторію, разглядѣть и уразумѣть всѣ ея черты дѣло очень-трудное; такого

трудъ имъ не въ правѣ требовать отъ всякаго. Но насъ удивляетъ, что авторъ не поставилъ даже вопроса, не взглянулъ на нашу исторію глубже своего знаменитаго предшественника, особенно ниѣя передъ глазами европейскіе образцы въ этомъ ролѣ. Ясно, что г. Погодинъ не стоялъ въ уровень съ задачей, которая ему предстояла, и потому, недовольный частностями въ исторіи Карамзина, онъ остался ею доволенъ въ главномъ, въ цѣломъ. Этотъ объясняется, почему авторъ пребылъ въ старой колеѣ: онъ безпрестанно сближаетъ наши событія съ событіями европейской исторіи, показываетъ ихъ параллельность и въ то же время несходство—и, разумѣется, нисколько не увлекаетъ нашей исторіи, ибо этотъ методъ крайне-недостаточенъ: подавая поводъ къ остроумнымъ замѣчаніямъ и выводамъ, онъ, какъ игра ума и воображенія, а не дѣйствительное познание, только затеняетъ вопросъ и отдаляетъ его разрѣшеніе. Мы находимъ въ статьѣ г. Погодина мысли теперь уже давно-извѣстныя, но, конечно, въ то время еще новыя, и потому поражающія своею оригинальностью — мысли, что въ Европѣ было завоеваніе, а у насъ нѣтъ, отъ-чего и исторія получила различное развитіе; что Европа, преемница Западной Римской Имперіи, а мы Восточной; что тамъ былъ феодализмъ, а у насъ удѣльная система; что у насъ монгольское иго во многихъ отношеніяхъ ниѣло одинаковыя послѣдствія съ крестовыми походами Европы; что Петръ-Великій замѣнилъ намъ реформацію, и т. д. Разумѣется, при этомъ не забыто отсутствіе у насъ укрѣпленныхъ замковъ, иное основаніе городовъ, иное происхождение сословій, чѣмъ въ Европѣ,—доступность правъ для всѣхъ, исключительное положеніе правительства, которое двигаетъ насъ впередъ, и пр. Спрашиваемъ всѣхъ людей безпристрастныхъ, можно ли извлечь что-нибудь изъ этого параллелизма событій, и приближаетъ ли онъ насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію нашего историческаго развитія?

А что онъ извращаетъ понятія, что онъ переставляетъ насъ на ложную точку зрѣнія и заставляетъ смотрѣть на все сквозь очки, а не простыми, здоровыми глазами—это видно изъ одного простаго соображенія, что, сопоставляя событія, мы ихъ необходимо уравниваемъ, и слѣдовательно лишаемъ ихъ живыхъ характеристическихъ красокъ, закрываемъ ихъ оригинальное народное значеніе—и весь смыслъ исторіи потеряны. Пожалуй, можно еще провести параллель между дьяками Іоанна III и IV и юристами Филиппа-Красиваго, между общинными вольностями, дарованными Грознымъ, съ освобожденіемъ общинъ изъ-подъ власти феодаловъ въ XII и XIII вѣкахъ, и такъ-далѣе, до безконечности: но въ какія же уродливыя ошибки мы впадемъ, если выведемъ изъ этихъ сближеній послѣдній результатъ, и поставимъ на одну доску Европу и Россію въ тѣ вѣка, къ которымъ относятся сходныя событія! А между-тѣмъ, это уравненіе всегда предполагается при такихъ сближеніяхъ; иначе не для чего было бы ихъ и дѣлать. Недавно одинъ молодой ученый не остановился и передъ этимъ результатомъ и смѣло высказалъ его, съ прямою, свойственнымъ нашему поколѣнію: Россія XV и XVI вѣка была, по его мнѣнію, если не выше, то по-крайней-мѣрѣ выскользнула не ниже современной ей Европы. Такое мнѣніе — геркулесовы столбы сравнительнаго метода въ его приложеніи къ исторіи; дальше идти нельзя. Здѣсь долженъ начаться поворотъ, обращеніе народа на самого-себя, и новое изученіе фактовъ, уже извѣстныхъ не съ ихъ внешней, а внутренней стороны. Онъ уже и начался. Глубже вникая въ настоящее и прошедшее, мы постепенно убѣждаемся, что, не смотря на видное, кажущееся сходство, факты нашей и европейской исторіи безконечно разнятся между собою по ихъ дѣйствительному, народному значенію въ той и другой исторіи — такъ разнятся, что смѣшно ихъ и сравнивать или сближать между собою. Те-

перь мы начинаемъ понимать, что жить, вырванный изъ цѣльной совокупности народной жизни, ничего не значить и совершенно-непонятенъ; что для его дѣйствительной, вѣрной оцѣнки нужно изучать исторію народа какъ само-развивающійся живой организмъ, въ строжайшей постепенности измѣняющійся въ слѣдствіе внутреннихъ причинъ, которымъ вѣшнія событія служатъ или выражешіемъ, или только поводомъ къ обнаруженію. Много прекрасныхъ, благородныхъ мечтаній улетѣло съ этихъ новымъ прозаическимъ взглядомъ на исторію; насъ уже не обольщаютъ первоначальный бытъ Славянъ, казавшійся какимъ-то идеаломъ общественности потому только, что мы прикладывали къ нему наши понятія и требованія и протодушно вѣрили, что въ его узкихъ рамкахъ умѣщался цѣлый міръ, сокрытый въ груди современнаго человѣка. Теперь этотъ взглядъ для насъ еще слишкомъ суровъ, серьбазенъ: грядущія поколѣнія, можетъ быть, рассудятъ иначе.

Удержась постоянно на заманчивой, обольстительной точкѣ вѣшняго созерцанія событій, не выходя изъ очарованнаго круга, въ который ни одинъ фактъ не можетъ дойти въ своемъ естественномъ, настоящемъ видѣ, г. Погодинъ долженъ былъ увидеть въ русской исторіи какую-то мистерію. Одно есть прямой и необходимый результатъ другаго.

«Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская. Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ неприкѣпныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что персть Божій ведетъ насъ, какъ-будто рыцарь Лулеевъ, къ какой-то высокой цѣли» (стр. 10).

Для русской исторіи необходимо было, чтобъ Варяги основали государство на югѣ—и Олегъ поселился въ Кіевѣ; нужно было подновить у насъ грече-

ское вліяніе—и Іоаннъ III женился на Софїи, изъ дома Палеологовъ; нужно было утвердиться единовластію — и вотъ удѣльные князья начали такъ быстро вымирать, что Москва насилу успѣвала присоединять къ себѣ ихъ наслѣдства; цѣлыя государства такъ и стремились къ намъ и въ слѣдствіе какого-то естественнаго тяготѣнія; монгольское иго исчезло какъ-то само собою; раздробленныя части Орды присоединились къ намъ «не столько неволею, сколько волею». Словомъ, все въ нашей исторіи и дивно и чудно!

«И какова связь между смертію въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Дмитрія, играшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго происшествія. Не пресѣкись родъ Московскихъ Князей, не было бы Романовыхъ, не было бы Петра» (стр. 12).

Также таинственно-чудесна жизнь Петра-Великаго: Лефортъ, кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Женевы, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, то-есть, бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій» (стр. 13).

И такъ далѣе. Всего нельзя выпи- сать, не переписавъ статьи цѣлкомъ. И ни одного раза не пришло автору на мысль взглянуть на всѣ эти факты съ другой стороны, на оборотъ!..

Какъ страва чудесъ, Россія должна, если не превосходить другія земли, то по-крайней-мѣрѣ не уступать имъ во многомъ. О политической силѣ, вещественныхъ богатствахъ было уже говорено прежде. Но этого мало: едва-ли какая исторія представитъ цѣлый рядъ такихъ людей, какіе дѣйствовали у насъ отъ Іоанна III до Петра, не говоря уже объ немъ; русская исторія цѣлымъ курсъ психологіи въ лицахъ. Самая исторія

нашихъ дѣствующихъ лицъ необыкновенна; простое повѣствованіе о судьбѣ Бориса, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Мариною, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которыхъ никогда не могло бы создать богатое воображеніе Вальтера Скотта (стр. 15); наши древнія дипломатическія сношенія—училище для негоціаторовъ; наши древніе дипломаты едва ли уступятъ европейскимъ; до сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравнивать нашихъ дѣльцовъ съ западными министрами (стр. 15).

Читатель никакъ, вѣроятно, не ожидаетъ, чѣмъ все это кончится. *Россійская Исторія* говоритъ авторъ «*можетъ содѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія*». Вы спросите: да какъ же дошелъ авторъ до такого страннаго результата? Вотъ его слова:

«Не часто ли случается намъ слышать восклицанія: за чѣмъ у насъ нѣтъ того поставленія или этого. Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ исторіею, и въ особенности съ исторіею Россійскою, то уменьшили бы вѣкторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непременно имѣть свое стѣмя и свой корень, и что пересаживать чужія растенія, какъ бы онѣ ни были пышны и бластательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, но крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размысленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныя въ другихъ Государствахъ, и превоспоялись бы благодарностію къ Промыслу за свое удѣльное счастье» (стр. 16.)

Читатели видятъ, что г. Погодинъ часто смѣшиваетъ политику съ исторіею, и что это смѣшеніе не всегда ему удается...

Допустимъ на минуту, что въ статьѣ много дѣльнаго, по-крайней-

мѣрѣ есть спорные пункты, о которыхъ можно различно говорить, судя по точкѣ зрѣнія. Но цѣлое — что это такое? Сказано много, но гдѣ же взглядъ? Сдѣлано ли хоть сколько-нибудь для уясненія, уразумѣнія предмета? И это была вступительная лекція въ курсъ русской исторіи въ 1832 году!

Ни чуть не лучше *Очеркъ русской исторіи*. Это перечень событій, поставленныхъ одно возлѣ другаго безъ связи и написанныхъ языкомъ немножко шероховатымъ. Вотъ для прищѣра одно мѣсто:

«Сцена Исторіи переносится на Сѣверо-востокъ.

«Орда, которой мы достались на часть, поселилась въ низовьяхъ Волги. Туа, и къ великому хану, къ истокамъ Амура, вѣзять наши Князья за ярлыками на княженіе.

«Монголы посадили насъ на оброкъ.

«Князья сдѣлались ихъ прикащиками, и Вѣча съ прочими обычаями времени древнихъ уничтожены» (стр. 28).

Или:

«Древнему Духовному противупоставлено новое свѣтское.

«Основаемъ Петербурга (1703), утверждено сообщеніе съ Европою.»

«Подъ Полтавою отяято у Шведовъ первенство на Сѣверѣ и завоевано Императорство» и т. д. (стр. 32).

Статья *О Формациі Государства* была уже напечатана въ *Исследованияхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ* г. Погодина. Въ критическомъ разборѣ этого сочиненія, оно будетъ рассмотрѣно подробно въ слѣдующей книжкѣ: *Отеч. Записокъ*. Здѣсь замѣтимъ, что она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, но относится уже къ другому періоду литературной дѣятельности автора, когда онъ, не успѣвъ понять древней русской исторіи и немогиши удержаться на критическомъ возврѣтніи болѣе, чѣмъ прежде вдался въ какое-то мистическое

сверпаніе историческихъ событій. На- уга, по природѣ своей прованческая, слѣтская, черпающая свои вдохновенія изъ голой истины, много отъ этого по- териѣла.

Статья о Москвѣ написана въ 1837 году и тогда же была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь разсказана политическая исторія постепеннаго возрастанія и усиленія древней столицы изъ малаго удѣльнаго городка въ средоточіе Русскаго Царства. И въ этой статьѣ г. Погодинъ является не критикомъ, не глубокимъ вслѣдователемъ событій, а соверпате- лемъ таинственныхъ судебъ царствен- наго города. Окончивъ *особленную* исто- рію Москвы княженіемъ Іоанна III, ав- торъ говорить:

«Разсмотрѣвъ ихъ (присшествія) вни- мательно, не знаешь, чему удивляться болѣе: тому ли естественному ихъ ходу, въ которомъ одно истекло кажется изъ другаго, или тѣмъ неожиданнымъ посто- роннимъ событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ-будто чувствуешь движеніе высшей Девыни, ведшей Москву, а съ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ ве- ликой дѣлѣ» (стр. 152).

«Не чудесно ли стеклись обстоятель- ства, чтобъ погубить несчастную Тверь, естественную соперницу Москвы? Какъ кстати отличился бережливостію Калита! Пришла же моровая язва, когда размно- жидся Князь въ Московскомъ княженіи, еще не утвердившемся въ своихъ силахъ! Наступилъ же междоусобіа у Монголовъ, въ наложѣство Дмитрія, и случились твердые, умные Бояре, которые умѣли ими воспользоваться! Современникомъ Ви- тину рождался Василій. Москва возмужала во времена княженія Темнаго. Въ какое благопріятное время умеръ дядя его Крїи!

«И вотъ что достопримѣчательно: всѣ болѣзни посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія, какъ будто

бы только для ея вразумленія, указанія, воспитанія» (стр. 153 и 154).

Такия же мысли разсѣяны и въ са- момъ историческомъ разсказѣ. Въ нихъ заключалось то роковое противодѣй- ствіе другому, критическому направле- нію автора, которое и помѣшало ему подвинуть впередъ изученіе русской исторіи, не смотря на таланты, знанія.

Въ 1838 году, по поводу мѣстниче- скихъ дѣлъ, открытыхъ и напеча- танныхъ въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ» дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россій- скихъ, г. Ивановымъ, г. Погодинъ на- писалъ двѣ статьи объ *мѣстничествѣ* и напечаталъ ихъ въ томъ же сборникѣ. Третья помѣщена въ 1842 году въ «Мо- сквитянинѣ» и не есть собственно статья, а собраніе дополнительныхъ матеріаловъ по этому предмету, съ ко- ротенькими замѣтками о ихъ важно- сти. Разсужденіе г. Погодина объ этомъ столько многозначительномъ предметѣ въ нашей древней исторіи,—предметѣ, который такъ характеризуетъ древнюю Русь, такъ разоблачаетъ закрытыя на- чала, на которыхъ она стояла,—не безъ интереса, хотя и стоитъ ниже трудовъ г. Валуева по той же части. И здѣсь, какъ и вездѣ, мы находимъ при общемъ обзорѣ мѣстничества безплодное сравненіе явленій европейской обще- ственности съ нашими:

«Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и поня- тіе чести преобладало надъ прочими. Нельзя не замѣтить соответствія ему въ нашемъ мѣстничествѣ, которое впрочемъ касалось только до службы, до обществен- ныхъ званій, и рѣшалось не дуелими, а Царскими приговорами. (Какъ любопытно, скажемъ мимоходомъ, слѣдять эту парал- лельность, аналогію явленій Европейскихъ съ Русскими, при всемъ различіи ихъ формъ» (стр. 174).

Послѣ того, г. Погодинъ доказываетъ, вопреки Карамзину, и весьма основа-

тельно, что мѣстничество было у насъ гораздо-прежде Іоанна III (это ясно даже аргію, безъ положительныхъ данныхъ). По мнѣнію автора, оно было «московскимъ продолженіемъ удѣльной системы», которая выражалась уже не въ землѣ, не во владѣніи тѣмъ или другимъ, большимъ или меньшимъ городомъ, а въ значеніи при дворѣ, у новаго своего Государя, участіи въ управленіи, т. е. въ мѣстахъ правительственныхъ, военачальственныхъ, придворныхъ (стр. 181). Мѣстничество, какъ известно, уничтожилъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, но оно продолжало жить въ обычаяхъ, пока Петръ-Великій не разрушилъ его табелью о рангахъ. При немъ честь служебная удержана, но родовая элементъ въ ней долженъ былъ исчезнуть и личная способность въ службѣ замѣнить родовое преимущество. Весь этотъ обзоръ довольно-хорошъ, мѣстами даже очень-улаченъ. Вторая статья изслѣдуетъ самые законы мѣстничества. Авторъ выводитъ, что въ древней Россіи была постепенность между должностями, въ родѣ теperетней лѣстницы чиновъ; съ другой стороны, счетъ между членами одного рода производился по нисходящей линіи. Какъ въ службѣ, такъ и въ родѣ считались мѣстами. Такимъ-образомъ, мѣстническіе счеты состояли въ сравненіи службъ и родового старшинства предковъ тѣхъ лицъ, которыя считались, и важный разъ, когда при назначеніи въ службу извѣстныхъ лицъ не находились между собою въ такихъ же отношеніяхъ по мѣстамъ, въ какихъ бывали ихъ предки, являлся поводъ къ спорамъ и жалобамъ. Вообще статья, какъ первый опытъ на новомъ поприщѣ — недурна. Главный ея недостатокъ состоитъ въ томъ, что различные положенія, которыми условливалось мѣстничество, ничѣмъ не связаны между собою; связь ихъ не открыта авторомъ, хотя это и не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Вотъ чтò, между-прочимъ, помѣшало г. Погодину понять настоящее значеніе мѣстничества и древней Россіи, въ ко-

торой такое явленіе было возможно. Еслибъ авторъ не смотрѣлъ на него какъ археологъ, а взглянулъ глазами историка, онъ увидѣлъ бы въ немъ очень-много, и не подумалъ бы объяснять аналогическихъ явленій въ европейской исторіи, ибо между мѣстническимъ счетомъ и рыцарскою дуэлью такая безконечная разница, что никто, хорошо понимающій исторію, не рѣшится ихъ сравнивать.

Мы видѣли, разбирая эту статью, что г. Погодинъ выводитъ мѣстничество изъ удѣльной системы. Осколькаясь на этой мысли, авторъ пришелъ къ другой, не менѣе-остроумной и до извѣстной степени вѣрной, что мѣстничествомъ можетъ быть объяснена система удѣловъ. Результатомъ этой мысли были двѣ статьи о старшинствѣ между великими князьями древней Руси, напечатанныя первоначально въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ 1840 и 1844 годахъ. Въ нихъ г. Погодинъ доказываетъ, что старшинство дѣйствительно было основаніемъ праву, но что оно, при размноженіи рода, необходимо должно было подвергнуться ограниченіямъ. Такимъ ограниченіемъ является вотчинное право, или начало, въ слѣдствіе котораго сынъ имѣлъ право только на то владѣніе, которое держалъ отецъ. Этотъ объясняетъ г. Погодинъ, почему разъ Святославичъ потерялъ старшинство передъ Всеволодовичами, хотя Святославъ и былъ старше Всеволода: первый не былъ великимъ княземъ и владѣлъ Кіевомъ незаконно, еще при живыхъ Вячеслава. Другое ограниченіе родового старшинства состояло въ установленіи счета между дядями и племянниками, въ слѣдствіе чего племянникъ могъ быть не только равенъ дядѣ, но даже старше его. Это обстоятельство, открывающееся изъ мѣстническихъ счетовъ, можетъ, по мнѣнію г. Погодина, объяснить многія событія въ удѣльномъ періодѣ, безъ того непонятными: вступленію Мстислава Владиміровича Мономашича на кіевскій прѣ-

толь помню младших сыновей Святополка; назначеніе Ростиславомъ Мстиславичемъ на кіевскій престолъ по смерти своей старшаго племянника, Мстислава Нваславича, помню всѣхъ дядей, и т. д. Эти выводы очень-любопытны; какъ наследованіе, статья имѣетъ большіе достоинства. Жаль только, что и въ этомъ случаѣ г. Погодинъ является тоже не историкомъ, а археологомъ, болѣе и болѣе отдаваясь отъ своего настоящаго призванія. Статья г. Соловьева о томъ же предметѣ, помѣщенная въ «Московский Сборникъ», удовлетворяетъ насъ гораздо-болѣе, хотя и она имѣетъ свои важные недостатки. Оба писателя остановились на явленіи, но принявъ далѣе, и потому не могли замѣтить много такого, чѣмъ и удѣлы и мѣстныя отношенія объясняются весьма-просто; но статья г. Соловьева представляетъ постепенное развитіе, измѣненіе понятій о старшинствѣ, показывая, какъ это измѣненіе старалось узаконить себя юридическими вымыслами, чего мы не находимъ у г. Погодина. Отъ-того, сколько мы понимаемъ въ этомъ дѣлѣ, послѣдній правъ въ своей основной мысли только вполнину: мѣстныя отношенія дѣйствительно поясняютъ княжескія отношенія въ періодъ удѣловъ, какъ, на оборотъ, мѣстныя отношенія возникло изъ удѣльныхъ отношеній; но эта связь между тѣмъ и другими историческими явленіемъ простирается только на вторую половину періода удѣловъ, когда появились счеты между дядями и племянниками о старшинствѣ. Возможность такихъ счетовъ была важнымъ шагомъ впередъ въ древней Россіи; она ослабила родъ и приготовляла упадокъ исключительновъранныхъ отношеній, на которыхъ была основана весь нашъ бытъ въ тѣ времена. Напротивъ, въ первой половинѣ періода удѣловъ, родовое начало господствовало почти-исключительно, хотя и недолго, по совершенному отсутствію юридической опредѣленности, характеризующей старую Русь; следовательно, о приближеніи къ пер-

вымъ временамъ междукняжескихъ отношеній счетовъ и понятій мѣстныхъ не можетъ быть и рѣчи. Г. Погодинъ ихъ и не прикладываетъ; но онъ, какъ намъ кажется, не довольно-рѣзко отдѣляетъ между собою различные фазисы удѣльнаго періода и княжескихъ отношеній не говоря уже о томъ, что о значеніи удѣльныхъ отношеній въ русской исторіи не находимъ даже намѣковъ. Авторъ совершенно не обращаетъ на нихъ вниманія; иначе вся исторія представлялась бы ему въ другомъ свѣтѣ.

Приращенія Москвы. Эта статья есть какъ-бы дополненіе къ статьѣ о Москвѣ.

«Москва есть такой городъ (говоритъ авторъ), на который можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ. Чѣмъ больше знакомитесь вы съ нею, тѣмъ больше выкаете въ ея свойства, особенности, достоинства, пронашествія, конхъ она была сценою и даже началомъ, тѣмъ болѣе удостоиваетесь, въ ея значеніи, важности, великой судьбѣ, прошедшей, настоящей и будущей. Исторія ея не кончилась. Кончился одинъ только періодъ, но она займетъ, можетъ быть, еще много великихъ страницъ въ книгѣ судебъ Русскихъ, Европейскихъ и человѣческихъ» (стр. 163).

«Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства», говоритъ авторъ: — что совершенно-справедливо.

«Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать разпространившеюся Москвою.»

Положеніе несправедливое со времени Петра, когда правительственнымъ центромъ Россіи сталъ Петербургъ, и событія перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими. Начало Имперіи и конецъ московскаго періода

нашей исторіи совпадаютъ. За этия слѣдуетъ обзоріе постепеннаго распространенія московскихъ владѣній в Россійской Имперіи.

«Дошла ли святая Русь-Москва до своихъ столицъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало: non plus ultra? Исторія отгадать не смѣетъ, Сердце Царевы и рудъ Божіей.»

Вся статья написана съ древне-московской точки зрѣнія. Въ 1841 году г. Погодинъ написалъ статью о *Петрѣ Великомъ*. Она и по своему тону и по направленію невольно напоминаетъ *Взглядъ на Русскую Исторію*, который мы разбирали. Сказано много, даже хорошаго, остроумнаго, но изъ всего этого ровно ничего не выходитъ и ничего не слѣдуетъ. Послѣ перваго и втораго чтенія, не остается въ головѣ никакого результата, и вопросъ о великой реформѣ представляется мыслящему человѣку столько же таинственнымъ, загадочнымъ, какъ и прежде. И здѣсь мы видимъ, что г. Погодинъ не позаботился, правильно или неправильно, прямо или непрямо объяснить законъ, по которому она совершалась. И здѣсь онъ соизобретатель, а не историкъ, даже не художникъ.

«Нынѣшняя Россія» (такъ начинается авторъ) «то есть Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная—есть прозаведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непременно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей (!) соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже застилаетъ намъ Древнюю Исторію—которая въ настоящую минуту дѣйствительно какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда

не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущее» (стр. 335).

«Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицомъ и иезуитскими ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предрассудками, обстоятельствами, старую—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ,—Россія тысячелѣтняя, смиренная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбой этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразителей, ничѣмъ не довольный!» (стр. 336).

«Какое движеніе, какая дѣятельность, живость, во всѣхъ концахъ обширнаго Царства! И что за разнообразіе!

«Здѣсь роятся въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куется желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволы, а тамъ дальше стрѣляютъ ужъ изъ новаго ружья.

«Вотъ выписаны овцы, вотъ онъ плодился, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно и только что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроютъ новое невмданное платье, и вотъ оно наплавляется на горько плачу народъ, у котораго только что выбрита борода.

«Здѣсь скалываютъ бугры, тамъ мочаютъ рымъ, громоздятъ намыли, широкую землю, выжигаютъ болота, разлятъ дѣла, прорубаютъ засѣки, и при послѣднемъ замахѣ лопаты, отбрасывающей остатки камня съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который ползаетъ къ готовому сообщенію.

«Нынѣ исчисляется народъ, и вводитъ первый рекрутскій наборъ, формируются армія, и праме съ нами идетъ на генеральную батацію, которую побѣждена, а къ вечеру празднуетъ исторію.» (стр. 337 и 338).

....Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, слышишь и не досчитаться. Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ отлучиться съ дѣста, не можемъ оборотиться

и въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ нѣтъ не встрѣтился съ нами, дома, на душѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ, все онъ, мѣкій день, всякую минуту, на всякомъ мигу!

«Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 Января, 1841 года.—Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

«Пора одѣваться—наше платье спитъ по фасону данному Петромъ Великимъ (?), нундиръ по его формѣ. Сукно выткано изъ фабрикъ, которую завелъ онъ, шерсть истрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.»

«Понадеется на глаза книга—Петръ Великій велѣлъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ слѣдѣла письменнымъ, литературнымъ, вытѣсняетъ прежній, церковный.

«Принесеть газеты—Петръ Великій ихъ началъ.

«Вамъ нужно испробовать разные вещи—вѣсь онъ, отъ шелкового шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: одинъ выписаны изъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

«За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофеля, который указалъ онъ съять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, къ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

«Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это замѣла Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ—допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

«Пойдемъ въ Университетъ—первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

«Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

«Чина доставляетъ имъ дворянство—такъ учредилъ Петръ Великій.

«Мнѣ надобно подать жалобу—Петръ Великій опредѣлялъ ей форму. Примуть ее—предъ зеркаломъ Петра Великаго. Разсудить—по Генеральному Регламенту (?).

«Вы вздумаете путешествовать—по приѣзду Петра Великаго: вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе» (стр 340—342).

Все это очень-хорошо, остроумно и справедливо. Но лишь только г. Погодинъ начинаетъ разрѣшать вопросы, естественно и необходимо возникающіе изъ реформы Петра и ея послѣдствій, видно, что онъ ихъ обходитъ, не такъ ставитъ, — словомъ видно, что высота современныхъ требованій отъ науки и исторіи ему недоступна. Говорятъ, что Петръ «поразилъ русскую національность.» Авторъ отвѣчаетъ на это обвиненіе вопросомъ: «возможно ли было Россіи уклониться отъ европейской цивилизаціи?» тогда-какъ самъ же (стр. 343) спрашиваетъ: «не было ли бы лучше, еслибъ преобразование было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ?» Въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ, который могъ возникнуть и слѣдѣла общимъ только теперь, когда образованіе слѣдало значительные шаги впередъ и мы много измѣнились. О вліяніи на насъ Европы нечего и говорить; въ необходимости, по-крайней-мѣрѣ, необходимости его для древней Руси всѣ болѣе или менѣе согласны. — Разборъ главныхъ преобразованій Петра и ихъ оправданіе — верхъ историческаго непониманія. Петръ преобразовалъ войско, и это было необходимо:

«Ему надобно было сражаться съ Европейскими врагами, со Шведами, Пруссакми, Польшакми или Нѣмцями, слѣдовательно ихъ оружіемъ, ихъ приемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ началъ

на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его въ покоѣ... и т. д.

Странно читать такіа оправданія. — Точно также оправдывается уничтоженіе стрѣльцовъ: не смотря на національность, учрежденіе флота, введенія фабрикъ и мануфактуръ, языка.

«Да! Преобразования Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ Государствахъ въ Европѣ» (стр. 349).

Если были и утвердились, то конечно были необходимы, въ какомъ бы смыслѣ мы не принимали это слово. Но рѣчь ни въ тонѣ. Надо было показать, почему были преобразования возможны въ той формѣ, въ какой совершились. Конечно никто не сомнѣвается теперь, что войско Петра-Великаго было лучше русскаго войска XVII вѣка, а флотъ лучше флота древней Руси, котораго вовсе не было. Но въль этихъ еще ничего не сказано и не разрѣшено. Вопросы остаются тѣ же. Г. Погодинъ наконецъ увидаль это самъ. Удовлетворившись своимъ рѣшеніемъ вопроса о необходимости принятія нади западнаго элемента — рѣшеніемъ, впрочемъ, очень неудовлетворительнымъ, какъ мы показали — онъ говорить:

«И такъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло ль необходимое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Европою произойти иначе? Не лучше ли бѣ было при ономъ совсѣмъ не дѣйствовать?»

Вниманіе при этихъ словахъ невольно напряжено. Вы ожидаете, что г. Погодинъ разрѣшитъ вамъ эту тайну, введетъ васъ въ самый современнѣйшій тайникъ русской жизни, изъ котораго прольется неожиданный свѣтъ на многозначительное появленіе Петра въ нашей исторіи. Послушайте же, что онъ говорить:

«Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ (т. е. на мѣстѣ Петра Великаго) Феодора или Іоанна я не могу, не почувствовать трепета во всемъ составѣ своемъ о савобытности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распорядиться лучше Петра Великаго! Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечъ обоюдо-острый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю: по крайнѣйшій мѣрѣ не я. Я не берусь на за то, что на свѣтъ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проектъ Иштгадскаго мира» (стр. 350).

Если, кромѣ риторической фразы, г. Погодинъ не имѣлъ ничего въ отвѣтъ на такой важный вопросъ, то мы не понимаемъ, для чего жъ писалъ онъ эту статью? Впрочемъ, незначительностью своихъ разсужденій и томъ же родѣ авторъ можетъ оправдать и эту. Чего жъ, въ-самомъ-дѣлѣ, аврабъ мы требовать отъ писателя, который думаетъ, что перевороты, происшедшіе въ Россіи изъ-сдѣланіе водворенія Варяговъ и монгольскаго ига были болѣе внутренни, болѣе глубоки, дѣйствительны, чѣмъ реформа Петра, и обвиняли всѣ сословія, а не одно какое-нибудь! (стр. 351).

Послѣ того, мы находимъ опроверженіе мнѣнія, будто бы Петръ-Великій возбуждалъ пристрастіе къ иностранцамъ. И обвиненія и оправданія очень стары и общезнавестны.

«Пристрастіе къ иностранцамъ: говорить между-прочимъ авторъ есть наследственный порокъ всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ самой глубокой древности, пороки, въ коихъ обвиняютъ ихъ даже чужіе писатели. Чтѣ наше, того намъ и не надо — вотъ, изъ прискорбію, девизъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, славянскихъ исторій, который изгладится въ той мѣрѣ, какъ распространится истинное просвѣщеніе» (стр. 353).

Не вводитъ ли г. Погодинъ напраслины на Славянъ? Свѣдѣ не было ли

у нихъ таковы, что они поневолѣ бросались на чужое? Допустить въ обширномъ племени какую-то безпринятую и безкорыстную страсть къ чужеземному, противорѣчить здравому смыслу, тѣмъ болѣе, что пословицы, «отъ добра добра не ищутъ», «славны бубны за горами», и множество другихъ доказываютъ, что и мы, не хуже другихъ, умѣли сберегать, что намъ казалось хорошо и довольствовались своимъ; неподвижность нравовъ въ древней Руси то же доказываетъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ и убѣждены, что страсть Славянъ къ чужеземному (впрочемъ, замѣтимъ, не безъ разбора), имѣетъ глубокое историческое основаніе, явнѣе всѣхъ лѣтописей и документовъ говоритъ объ ихъ внутреннемъ бытѣ и обличаетъ въ этомъ племени большую даровитость, восприимчивость и способность къ развитію. Если человѣкъ или народъ ищетъ лучшаго, не стѣсняясь преданіями и нравами, вѣрно перелѣзъ нимъ великая будущность; богатство силъ доказываетъ способность самоотрицанія. Конечно, на этотъ предметъ можно взглянуть и съ другой точки. Кто легко привыкаетъ къ чужому, тотъ можетъ не имѣть ничего своего, по юности, несовершеннолѣтію или по безсилію; но въ такомъ случаѣ страсть къ чужеземному все-таки не порокъ. Всякій въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ такъ или иначе, по своему взгляду, предрасположенію или предрасудкамъ: только принять страсть къ чужому, какъ продолговатую характеристическую черту Славянъ, совершенно-невозможно. Это противоестественно. Въ добавокъ, г. Погодинъ самъ-себѣ противорѣчитъ: онъ говоритъ, что эта страсть принадлежитъ со-временемъ; стало-быть, это историческое явленіе, преходящее, а такія явленія не бываютъ безъ причинъ. И если есть причины такой страсти, ее

T. I. — Отд. V.

нельзя называть наследственнымъ порокомъ.

Доказавъ, дагѣ, что Петръ не перервалъ своей реформой отечественнаго образованія, авторъ, по своему обыкновенію, объясняетъ молодымъ ученымъ юристамъ, какъ должно изучать законодательство Петра-Великаго, и какъ, въ-слѣдствіе такого изученія, мы получимъ право основательно судить о реформѣ и ея значеніи.

«Тогда вмѣстѣ (говоритъ авторъ) возвратится подобающая честь и нашей древней Исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, не видя ее близорукими своими глазами изъ-за Петра Великаго, полагая въ слѣпотѣ своей, что первое государство міра, въ пол-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ быть безъ слагаемыхъ» (стр. 355 и 356).

Тутъ что-нибудь изъ двухъ: или авторъ выдумываетъ небывалыя мнѣнія, или онъ незнакомъ хорошо съ теперешними взглядами на русскую исторію. Кто говоритъ, что Россія родилась въ одночасье? Кто говоритъ, что Петръ-Великій дѣйствовалъ случайно? Кто думаетъ, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ? Намъ, по-крайней-мѣрѣ, не случалось ни читать, ни слышать подобнаго даже въ частныхъ разговорахъ. Вѣроятно г. Погодинъ имѣлъ въ виду, что нѣкоторые не безъ основанія считаютъ Россію твореніемъ, созданіемъ Петра-Великаго, и, не отвергая матеріальнаго существованія элементовъ, изъ которыхъ воздвиглась Имперія преобразователя, смотрятъ однако на нихъ только какъ на *матеріалъ*, оживотворенный и охотворенный Петромъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, многіе не

1/3

приписывают особенной важности допетровой Россіи: такъ менѣе видать они въ ней хранилище и орудіе спасенія какихъ-то вѣчныхъ, неумирающихъ таинственныхъ истинъ, которыя, къ сожалѣнію, заслонены теперь отъ насъ реформой и должны въ послѣдствіи обновить собою міръ. Своего относительнаго, историческаго значенія, сколько мы знаемъ, никто у ней не отрицаетъ. Г. Погодинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду также имѣніе, что реформа Петра, по крайне-ограниченному, полувосточному состоянію страны, въ которой она произошла, носила и должна была носить чисто-личный характеръ, такъ-что ея единственный двигатель—Петръ, былъ для Россіи все; что онъ дѣйствовалъ, какъ ея воплощенный идеалъ, и во имя ея же дѣйствовалъ, какъ ея воспитатель, исправитель, опекунъ и наставникъ. Какъ представитель ея интересовъ, онъ былъ *самозаконенъ* наперекоръ ея привычкамъ и предавіямъ, потому-что онъ былъ — Россія, и основывался на этомъ своемъ значеніи, которое чувствовалъ и непосредственно сознавалъ, какъ гений, Петръ не имѣлъ нужды ни въ какомъ оправданіи и ни въ какой повѣркѣ. Не соглашаясь съ нимъ, Россія была неправа. Отсюда и усилъ его дѣла, послѣдовавшій съ баснословною скоростью. Но при такомъ взаимномъ отношеніи великаго преобразователя и Россіи, форма, имъ данная, необходимо должна была имѣть личный характеръ, носить на себѣ печать Петра не только какъ преобразователя, но и какъ такого-то лица. Г. Погодину показалось, что это значить, что реформа была случайна. Предоставляемъ всѣмъ судить, такъ ли это?.. Также точно не выяснилъ себѣ г. Погодинъ и многихъ другихъ мнѣній, что видно изъ его нападеній на нѣкоторые изъ современныхъ толковъ.

За этии слѣдуютъ опять вещи очень-старыя и извѣстныя о всемірномъ значеніи Петра: онъ положилъ основаніе соединенію двухъ различныхъ фазъ человѣческаго образованія, западной и восточной. Они разлѣчаются между собою, какъ церкви восточная и западная:

•Одному принадлежитъ исслѣдованіе, другому вѣрованіе, одному покоиство, движеніе, другому спокойствіе, пребываемость: одному удовольствіе, другому терпѣніе; стремленіе внѣ и внутрь, сила средоточная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти образованія, отдѣльно вѣтвы, односторонны, неполны, одному не достаетъ другаго. (стр. 358).

Такимъ-образомъ, Петръ начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи человечества, западно-восточную, европеиско-русскую, въ которой западная пылкость будетъ освящена восточной вѣрой

Можетъ-быть, и будетъ слово въ слово такъ, какъ выражается г. Погодинъ; но покуда это все еще мечта, очень правдоподобная, сбыточная — положимъ—но до-сихъ-поръ еще несуществвавшая, и потому служащая плохимъ объясненіемъ значенія реформы. Не знаю, зачѣмъ къ ней прибѣгать, когда фактъ можно объяснить гораздо-проще, ближе, понятнѣе, не йла отъ предположеній, еще имѣющихъ осуществиться. Наконецъ, насъ удивляетъ, какъ г. Погодинъ могъ напасть на мысль объ этомъ европеиско-русскомъ синтезѣ: по всему видно, что онъ не очень благоволилъ къ Западу и очень благоволилъ къ Востоку—слѣдовательно, не совершенно-беспристрастенъ къ тому и другому.

Европейскій періодъ нашей исторіи, начавшійся Петромъ-Великимъ, окончился съ первою четвертью настоящаго столѣтія. Теперь начинается, по истинѣ г. Погодина, періодъ *національный*, который, можетъ-быть, будетъ періодомъ въ исторіи Европы и человечества.

А значеніе реформы все-таки не понятно!

Статья о *Погодишкѣ*, написанная по поводу изданія сочиненій этого замѣчательнаго человѣка въ 1842 году, есть не что иное, какъ выписка изъ его книги *О Скудости и Богатствѣ*, открытой г. Погодинымъ и напечатанной вмѣстѣ съ другими двумя сочиненіями того же автора. Многія мѣста очень любопытны. Мы бы потому не разбираемъ здѣсь, что г. Погодинъ очень-пало говоритъ въ этой статьѣ отъ себя, а почти-вездѣ подлинными словами Погодишкова.

Изъ произведеній историко-литературной дѣятельности г. Погодина въ 1845 году, въ составъ разбираемой нами книги вошли двѣ статьи: *Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскіихъ государствъ относительно начала*—которая была уже напечатана въ книгѣ подъ заглавіемъ *Исслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи* и *За русскую старину*.—статья, помѣщенная въ *Москвитяинѣ*. Обѣ производятъ одну мысль, хотя и написаны по разнымъ поводамъ. Мы видѣли, что еще во вступительной лекціи, въ 1832 году, г. Погодинъ съ особенною любовію останавливался на параллелизмѣ между исторіей Россіи и европейскіихъ государствъ, не смотря на несходство, даже противоположность Россіи съ Европой во многихъ отношеніяхъ. Ту же мысль встрѣтили мы даже въ статьѣ о мѣстничествѣ, написанной гораздо-позже. Такимъ-образомъ, она не только не была забыта

авторомъ, но успѣла въ немъ развиться до послѣднихъ своихъ результатовъ. Не знаемъ, совсѣтельно или безсовсѣтельно, только авторъ убѣдился наконецъ совершенно, что русская жизнь и европейская совершались хотя и на разныхъ почвахъ и подъ различными условіями, однако въ уровень, параллельно. Это неволью заставило его смотрѣть на наши событія съ европейской точки зрѣнія, видѣть въ нихъ чего въ нихъ не было, и придавать имъ смыслъ, котораго они не имѣли, и такимъ-образомъ и поставить на оборотъ все, что у насъ совершалось. Быть-можетъ, авторъ былъ увлеченъ потокомъ, необходимою послѣдовательностью мыслей, которыми съ самаго начала неосторожно поддался. Какъ бы то ни было, но результаты этого были печальны. Проводя параллель между началомъ русскаго и европейскіихъ государствъ, г. Погодинъ сдѣлалъ много ошибокъ, искажилъ пропасть фактовъ, прибѣгалъ къ сравненіямъ, удивительнымъ натяжкамъ, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ и своей мысли; жертвъ принесено этой мысли много. Подробный ея разборъ мы представимъ въ критикѣ *Исслѣдованій* г. Погодина объ русской исторіи, гдѣ эта статья напечатана. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить столько парадоксовъ, такое произвольное обращеніе съ дѣяніями, какъ въ этой параллели...

Въ статьѣ *За русскую старину*, въ послѣдней книгѣ, та же мысль является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ *Параллели* она изложена догматически, споконно, повѣствовательно; напротивъ, ратуя за старину, г. Погодинъ представляетъ ее какъ дѣло въ тяжбѣ, доказываемое и опровергаемое, — и, защищая ее, не вездѣ выдерживаетъ умѣренный тонъ; подчасъ, разгораясь, можетъ-быть, выведенный изъ терпѣнія противниками, г. Погодинъ

пробы аеть къ доводамъ чрезвычайного реческимъ, неопровержимымъ и въ особенности неопровергаемымъ. Мы это увидимъ яснѣе разбирая статью, которая очень-любопытна во многихъ отношеніяхъ...

Въ 1845 году, въ 25 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена была статья подъ заглавіемъ: *Бретань и ея жители*. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано, что «средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что в Русь не существовало для него». Мы твердо увѣрены что авторъ крѣпко поостерегся бы написать эти столько невинныя слова еслибъ онъ могъ напередъ предвидѣть, что изъ нихъ выйдеть.

Г. Погодинъ взглянулъ на эти строки совсѣмъ-другими глазами, чѣмъ мы, т. е. онъ не только не нашелъ ихъ невинными, но, напротивъ, открылъ въ нихъ желаніе автора «бросить тѣнь на наши хроники» успѣлъ подслушать, какъ эти слова произнесены будто «съ состраданіемъ», разумѣется, къ Россіи. Такое намѣреніе, выходящее изъ обыкновенныхъ литературныхъ, на-примѣръ, какъ еслибъ кто-нибудь назвалъ германскія владѣнія нашими пятидесятью губерніями — должно было получить и чрезвычайный ходъ. Судить за тѣнь, брошенную на русскія лѣтописи, за сожалѣніе (кажущееся, подоврѣваемое), что у насъ не было среднихъ вѣковъ, — было бы слишкомъ слабо. Чтобы предупредить подобныя идеи на будущія времена, г. Погодинъ рѣшилъ, какъ водится, представить всевозможныя доказательства противъ нихъ, и употребить всѣ средства, не разбирая, для уличенія виноватаго. Какъ тонкій и искусный адвокатъ отечественной исторіи, г. Погодинъ повелъ рѣчь недалеко.

«Въ 1830-хъ годахъ, налагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени систе-

му Европейской Исторіи Гизо, только что появившюся у насъ, я имѣлъ честь замѣтить знаменитому Профессору объ его односторонности, и сказать, что исторію Запада нельзя выразумѣть вполне, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, шедшую съ ними параллельно (?)...»

...«Не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько злопозамыхъ, столько отсталыхъ или столько ослѣпленныхъ, которые, видя предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не запинаясь, выговаривать, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго приутовленія, безъ Средняго вѣка» (стр. 437—439).

Замѣтите, какъ разбираетъ вещи г. Погодинъ! Желая слѣзть изъ русской исторіи «охранительницу и блюстительницу общественнаго спокойствія», онъ непремѣнно требуетъ, чтобы и она имѣла свой средній вѣкъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, и начала развиваться полиція предупредительная. Иначе у насъ она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодинымъ. За тѣмъ подробно доказывается, что у насъ былъ средній вѣкъ:

«Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ приемовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями...» И у насъ было введено Христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться одному Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не передергивая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, центра-

лизиціи, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріата, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго гнета, за то было отеческое управленіе, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, въ среднѣмъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ Новомъ, не спѣлъ еще въ Новѣйшемъ и едва ли можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы являлись добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать своихъ великихъ людей... (стр. 439 и 40).

Положимъ, что все это такъ же справедливо и основательно, какъ на самомъ дѣлѣ несправедливо и выведено изъ одного внѣшняго сходства событій, которое ничего не доказываетъ; допустимъ на минуту, что мы пережили средній вѣкъ въ формѣ вѣсколькоруазличной отъ европейской, но все-таки пережили. Спрашивается, какъ же явилась у насъ такая полная, радикальная реформа въ началѣ XVIII вѣка, и зачѣмъ она была нужна?

«Петръ Великій, по необходимости, въ дѣйствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе» (стр. 41).

Хорошо стало-быть, эта необходимость была только внѣшняя, вовсе не вызванная внутреннею неразвитіемъ? Спрашивается послѣ этого, какимъ же образомъ народъ имѣвшій такое же богатое развитіе, какъ Европейцы, не спѣлъ въ-продолженіе своей жизни зацѣпиться противъ внѣшнихъ враговъ на свою потребу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ зацѣпился нашъ западный сосѣди? Вы скажете: да мы и зацѣпились, только намъ было другое. Во-первыхъ, это несправедливо. Очень-многого у насъ не

было, что у нихъ было; многое мы давно уже отъ нихъ заимствовали — за-долго до Петра; а во-вторыхъ, то, что и было у насъ своего — было, однако, хуже европейскаго: это оказалось на-самомъ-дѣлѣ; ибо будь намъ лучше, не мы бы у нихъ стали заимствовать, а они у насъ. Вотъ и доказательство, что мы жили вовсе не тою жизнью, какою Европа, а жизнью высшею; въ противномъ случаѣ, мы бы развились, правда, по-своему, но не хуже ихъ, и когда установилось между нами общеніе, мы стали бы мѣняться другъ съ другомъ, а не становиться въ такія неравные отношенія, въ какія стали со временемъ реформы. Пропускаемъ всѣ ложные выводы автора изъ ложнаго основанія, что у насъ были средній вѣкъ, какъ и въ Европѣ, — будто мы теперь, когда періодъ Петра-Великаго окончился, начинаемъ припоминать себя, а не жить новою, никогда небывалою въ Россіи жизнью, будто для насъ начинается становиться тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое, когда теперь мы ознакомились съ Европою едва-ли не ближе, основательнѣе, чѣмъ когда нибудь прежде и т. д. Пропускаемъ также не вѣдущія къ дѣлу оправданія противъ литературныхъ нападеній, будто-бы взводимыхъ на «Москвитянина». Публика и общественное мнѣніе уже рѣшили этотъ вопросъ окончательно, а по пословицѣ, «гласъ народа—гласъ Божій». Послѣ-шаемъ къ концу и статьи и книги, который во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчательны. Авторъ статьи о Бретани сказалъ между-прочимъ, что мы навсегда распростились съ нашей неподвижной стариною, съ безвыходнымъ востоемъ коншинской эпохи. Г-нъ Погодинъ, воспользовавшись случаемъ, восклицаетъ:

«Набави насъ Боже отъ востоя Кошинской эпохи, но и сохрани насъ, Высшія Силы, отъ Кошинскаго прогрес-

са, — Прогресса Кошкина, который измѣнилъ своему отечеству, отрѣкся отъ своей вѣры, переимѣнилъ свое имя, отказался отъ своего семейства, бросилъ своихъ дѣтей, женился на двухъ женахъ, и кончилъ свою несчастную жизнь отъ руки тѣхъ же иноплеменниковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!»

Да, Кошкинъ — человекъ достойный всякаго сожалѣнія! Онъ былъ необыкновеннаго ума, какъ свидѣтельству-

ють объ немъ даже иностранцы, бывшіе объ насъ, особливо въ то время. очень-низкаго мнѣнія.

Оканчивая статью, мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ: *dixi et salvavi animam*. Ставъ на такую ограниченную точку зрѣнія, какъ онъ, можно совершенно удовлетвориться въсколькими фразами, наставленіями и двусмысленными возраженіями, стремящимися не къ видимой цѣли, а..... гораздо-далѣе.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЕКАБРЬ 1846 ГОДА.

1) Повѣсти, Сказки и Равскавы Казака Луганскаго. *Санктпетербургъ. Въ гутенберговой тип. 1846. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 474, во II-й—477, въ III-й—488, въ IV—529 стр.*

Читателямъ «Отеч. Записокъ», можетъ-быть, со-временемъ представится подробная и по мѣрѣ возможности полная оцѣнка сочиненій В. Н. Даля; теперь же мы намѣрены ограничиться общою характеристикой этого замѣчательнаго и самобытнаго дарованія. Помнится, какой-то плохой стихотворецъ воскликнулъ однажды, что еслибъ небо позволило ему избрать свой жребій, онъ пожелалъ бы сдѣлаться не дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, не мильионеромъ — а именно народнымъ писателемъ. Небо не всегда внимаетъ молениямъ смертныхъ; оно оставило стихотворца при его рифмахъ, а каза-

Т. I. — Отд. VI.

ку Луганскому, вѣроятно, безъ всякой съ его стороны просьбы, опредѣлило быть писателемъ дѣйствительно-народнымъ. Мы болѣе всего цѣнимъ въ талантѣ единство и округленность: не тотъ мастеръ, кому многое дано, да онъ съ своимъ же добромъ сладить не можетъ, но тотъ, у кого все свое подъ рукой. А г-ну Далю и многое дано, и владѣеть онъ своимъ талантомъ мастерски, особенно тамъ, гдѣ онъ у себя дома.

Мы назвали г. Даля народнымъ писателемъ и должны оправдать это названіе. У насъ еще господствуетъ ложное мнѣніе, что тотъ-де народный писатель, кто говоритъ народнымъ языкомъ, поддѣльвается подъ русскія шуточки, часто изъясляетъ въ своихъ сочиненіяхъ горячую любовь къ родинѣ и глубочайшее презрѣніе къ иностранцамъ... Но мы не такъ по-

нимаемъ слово «народный». Въ нашихъ глазахъ, тотъ заслуживаетъ это названіе, кто, по особому ли дару природы, въ слѣдствіе ли многотревожной и разнообразной жизни, какъ-бы вторично сдѣлался Русскимъ, проникнулся весь сущностью своего народа, его языкомъ, его бытомъ. Мы употребляемъ здѣсь слово «народный» не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно можетъ быть примѣнено къ Пушкину и Гоголю, — но въ его исключительномъ, ограниченномъ значеніи. Для того, чтобы заслужить названіе народнаго писателя въ этомъ исключительномъ значеніи — нуженъ не столько личный, своеобразный талантъ, сколько сочувствіе къ народу, родственное къ нему расположеніе, нужна наивная и добродушная наблюдательность. Въ этомъ отношеніи, никто, рѣшительно никто въ русской литературѣ не можетъ сравниться съ г. Далемъ. Русскаго человѣка онъ знаетъ какъ свой карманъ, какъ свои пять пальцевъ. Когда, дѣтъ десять назадъ, появились первыя рѣзскіе сказки Казака Луганскаго — онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто-русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства непривычныхъ народныхъ писателей. Какъ первые опыты сильнаго таланта, эти сказки замѣчательно хороши; но такого рода сочиненія не имѣютъ еще истинно-литературнаго значенія... И авторъ не остановился на нихъ: Казакъ Луганскій сталъ Далемъ. Г. Далеъ находится теперь въ самомъ расцвѣтѣ своего таланта, и лучшія его произведенія появились въ послѣднихъ годахъ.

Постараемся опредѣлить составные элементы его таланта. Г. Далеъ очень уменъ, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но онъ еще болѣе смыслѣнъ, смыслѣнъ русской смыслѣностью. На своемъ вѣку онъ, должно быть, видалъ и смекалъ

многое. У него мало юмора, но русскаго, игриваго остроумія у него бездна. Онъ, какъ говорится, себѣ-на-ути, смотритъ невиннѣйшимъ человѣкомъ и добродушнѣйшимъ сочинителемъ въ мирѣ; вдругъ вы чувствуете, что васъ поймали за хохолъ, ногти въ васъ запустили преострые; вы оглядываетесь, — авторъ стоитъ передъ вами какъ ни въ чемъ не бывало... Я, говоритъ, тутъ сторона, а вы какъ поживаете? Русскому человѣку больно отъ него досталось — и русскій человѣкъ его любить, потому-что и Далеъ любитъ русскаго человѣка, любитъ дворянскія его сѣдомыи утиральники въ грязной щеткой, на которую онъ въ раздумьи опираетъ свою бороду. Слогъ у Дала чисто-русскій, немножко-мѣшковатый, немножко-небрежный (а намъ крайне нравится эта мѣшковатость и небрежность), но меткій, живой и ладный. Казакъ Луганскій (не даромъ казакъ!) не поднимается на ходули, не говоритъ намъ: «Я, господа, вамъ расскажу то и то; я презлой, премушный и пренасмѣшливый человѣкъ... Куда! Послушать его — онъ ниже травы, тише воды. Но въ его рассказахъ то-и-дѣло попадаютъ вещицы, отъ которыхъ такъ и хочется подпрыгнуть, между-тѣмъ, какъ въ произведеніяхъ тѣхъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ господъ все есть, кромѣ непредвидѣннаго... А насъ, грѣшныя людей, буквоѣдовъ, только непредвидѣнное и радуетъ. Даже иногда обидно становится читателю: за что жъ русскій человѣкъ отданъ весь во владѣніе этому казаку? А дѣлать нечего!.. Иногда, правда, казакъ балагуритъ немного, щеголяетъ «словечками»... но за кѣмъ грѣха не водится! Надобно также признаться, что г. Далею не всегда удаются его большія повѣсти; связать и распутать узелъ, представить игру страстей, развить послѣдовательно цѣлый характеръ — не его дѣло, по-крайней-мѣрѣ тутъ онъ не изъ первыхъ мастеровъ; но гдѣ разсказъ не переходитъ за черту «физиологич», гдѣ авторъ пишетъ съ натурой,

ставить передъ вами или брюхача-гупца, или русскаго мужичка на заливнѣ, дворника, деньщика, помѣщика-угостителя, чиновника средней-руки — вы не можете не прійти въ упоеніе... Пропавшій г. Дая, переведенныи, едва-ли могли бы понравиться иностранцамъ: въ нихъ уже черезъ-чуръ пахнетъ русскимъ духомъ. они слишкомъ-исключительно народны; но мы любуемся ими, не потому только, что вотъ-жолъ какъ вѣрно списано это лицо, — а потому-что русскому все русское любо, какъ бы оно ни было подъ-часъ смѣшно. Мы, грѣшныя люди, совпаѣмся, находимъ особонную прелесть въ томъ, что мужики на Святой не вспахали-таки земли, не смотря на свои разумныя рѣчи, — въ томъ, что деньщикъ дѣлитъ весь міръ на двѣ половинны, на своихъ и на не-своихъ, и такъ ужъ и поступаетъ съ ними... Въ русскомъ чело-вѣкѣ таится и себѣ зародышъ будущаго великихъ дѣлъ, великаго народнаго развитія...

Г. Дая, должно быть, провелъ нѣкоторые годы своей жизни на югѣ и на востокѣ Россіи... да, впрочемъ, гдѣ онъ не бывалъ! Молдаване, Жиды, Цыгане, Болгары, Киргизы—это все ему знакомый народъ. Бытъ ихъ, обычаи, города и селенія, разнообразную природу нашей Руси рисуетъ онъ мастерски, немногими, но меткими чертами. У г. Дая гораздо-болѣе памяти, чѣмъ воображенія; но такая вѣрная и быстрая память сіобитъ любаго воображенія. Мы, пожалуй, готовы согласиться, что проживи г. Дая, весь свой вѣкъ въ одномъ городѣ, талантъ его не развился бы и вполонину; но мало ли людей, которые извѣдали все російское государство вдоль и поперегъ, и — ничего не видали, ничего не слышали и ничего не помнятъ, или помнятъ совершенныя пустяки. Развѣ не талантъ—умѣнье однимъ взглядомъ подлгать —характеристическія черты края, народонаселенія, уловить мажншія выраженія разныхъ — говоря выходящихъ слогомъ—личностей, и, среди

всякаго рода дразговъ и мелкихъ хлопотъ, сохранить неизмѣнную, непринужденную веселость? Замѣчательно, что г. Дая, вѣроятно, сознавая свою собственную, рѣзко-выраженную оригинальность, не даетъ ей слишкомъ развѣгаться, и рѣдко впадаетъ въ манеру, не такъ, какъ, на-пр., г. Вельманъ, съ которыми у него, впрочемъ, довольно-много общихъ чертъ. Одно ему не совсѣмъ далось, какъ в почти всѣмъ нашимъ писателямъ, даже Гоголю:—женщины... Иногда мы также, желали бы найти въ г. Дая больше вкуса; не слѣдовало бы такому богатому автору, какъ онъ, говяться за такими бѣдными шутками, какъ, на-пр. слѣдующія надписи надъ главами Ваха Сидоровича Чайкина: «Отъ метлы съ фонаремъ и до самаго полковника и дальше...» «Отъ страпчаго Неврова еплотъ до дѣвиць Каюхиныхъ...»

Но все же нельзя отъ души не поздравить русской публики съ появленіемъ полныхъ сочиненій В. И. Дая. Пусть ихъ успѣхъ поощритъ его дарить намъ еще болѣе повѣстей въ родѣ «Колбасниковъ и Бородачей», еще нѣсколько очерковъ въ родѣ «Дворника», «Донщика», «Мужика», и пусть онъ, какъ съ играми не совсѣмъ еще зрѣлой юности, разстанется съ своими сказками и притчами въ рифмованной прозѣ, и въ особенности съ произведеніями въ родѣ «Ночь на Распуты», которая, не смотря на множество удачныхъ подробностей, не въ выгоду даровитаго автора напоминаетъ «Совѣ въ Лѣтнюю Ночь» Шекспира. Г. Дая уже занялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей литературѣ: пусть онъ окончателно упрочитъ это мѣсто за собою.

2) Зиновій - Богданъ Хмельницкій. Сочиненіе Александра Кузьмича. Эпоха первал. Молодость Зиновія. Пять частей. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Вуманъ. Въ 12-ю д. л. стр.

Дѣтъ пятнадцать назадъ, историче-

скіе романы были въ большой модѣ. Ихъ писали во множествѣ и по самому легкому рецепту. Вальтеръ Скоттъ, создавшій историческій романъ, соблазнилъ пишущую братію одной постоянной своей уловкой: онъ ввелъ въ свои романы *таинственные лица*, которые даютъ романисту возможность распутывать узлы самой запутанной завязки. Писатели всѣхъ націй подхватили это изобрѣтеніе — и европейская литература переполнилась историческими романами, въ которыхъ не было ничего вальтер-скоттовскаго, кромѣ запутанности интриги, но которые читались большинствомъ чуть ли не съ такою же жадностью, какъ «Айвенго» и «Антикварій». Писатель избиралъ какую-нибудь эпоху, подробно описанную въ историческихъ мемуарахъ, заглядывалъ въ первыя попавшіяся ему археологическія изслѣдованія объ одеждахъ и жилищахъ избраннаго времени, прискивалъ новыя гармоническія имена общимъ для всѣхъ сказочниковъ идеаламъ героя и героини, или втискивалъ живыя историческія лица въ эти установленныя формы и смѣло начиналъ рассказывать сказку вѣчнаго содержанія, въ которой юноша идеальнаго совершенства долженъ любить безъ памяти дѣвицу таковаго же достоинства, по соединиться съ ней вѣчными узами не иначе, какъ по преодолѣніи тысячь препятствій, при содѣйствіи *таинственныхъ лицъ* — каковаго-нибудь нищаго, разбойника, Жида, Цыганки, скomorоха и т. п. На Руси историческіе романы производились и потреблялись съ такою же быстротою, какъ и вездѣ; всѣ эпохи русской исторіи, отъ призванія Рюрика до нашествія двадцати лѣтъ, были перетроганы романистами и переѣзаны по одному и тому же рецепту въ длинныя сказки самаго задуриаго интереса. Кто изъ насъ не пожиралъ ихъ въ отрочествѣ съ утратой крѣпости нервовъ и многихъ часовъ учебнаго времени? Кто не привыкъ этихъ сказокъ за историческіе романы? Кто не вѣрядъ въ могуще-

ственный геній русскихъ Вальтеровъ Скоттовъ? «О золотые дни дѣтства! воскликнемъ мы съ толпою отжившихъ сочинителей: «зачѣмъ проходите вы невозвратно, унося съ собою цѣлый рядъ сладкихъ обольщеній?» Будетъ, однакожь, благодарны г. Кузьмичу, который напомнилъ намъ эти милые сердцу годы своимъ историческимъ романомъ «Зиновій-Богданъ Хмельницкій». Опоздавъ сочиненіемъ и изданіемъ этого творенія на цѣлые полтора десятка лѣтъ, онъ подарилъ намъ много часовъ сладкаго воспоминанія: зараженные духомъ современности, мы не могли бы преодолѣть пяти томовъ его романа, еслибъ при чтеніи его не завлекала и не поддерживала насъ задача — переселиться всѣмъ существомъ своимъ въ ту нагн-миновавшую эпоху, когда подобное произведеніе литературы могло имѣть свое значеніе и когда мы сами пречли бы его съ праярмъ, непосредственнымъ умиленіемъ. Теперь, увы! мы должны прибѣгать къ неважѣстнымъ въ то время ухищреніямъ анализа для того, чтобъ добыть себѣ наслажденіе при чтеніи «Зиновія-Богдана Хмельницкаго». Но и за то благодаримъ автора: живое воспоминаніе такъ же плодотворно для отдѣльнаго лица, какъ историческая мудрость для цѣлаго народа. Съ этой точки зрѣнія предполагаемъ мы, читатель, прослѣдить съ нами сочиненіе г. Кузьмича.

Ультра-сказочное направленіе до такой степени господствуетъ въ «Зиновіи-Богданѣ Хмельницкомъ», что авторъ его, кажется, нарочно уклонился отъ возможности создать что-нибудь похожее и на сказку. Читая его, вы безпрестанно встрѣчаетесь лицомъ-къ-лицу съ задачами, достойными романиста, и не можете не удивляться — какимъ образомъ г. Кузьмичъ могъ оставить ихъ безъ исполненія, когда они сами напрашивались ему подъ перо. Самый характеръ Хмельницкаго могъ бы быть возведенъ въ типъ полной жизни и общаго интереса, еслибъ г. Кузьмичъ не рѣшился сдѣлать его страннымъ, облек-

ли его въ общепринятыхъ формы скамчатыхъ героевъ. Есть люди, неотличающиеся ни гениальнымъ умомъ, ни особенною страстностью, но одаренные чрезвычайной силою самообладанія; эта сила даетъ имъ огромную власть надъ толпою и завѣряетъ успѣхъ ихъ замысловъ. Къ такой гармонической натурѣ часто прививаются даже человѣкъ необыкновенный, но почерпакщій свою силу изъ горячаго источника преобладающей въ немъ страсти; ибо въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ что-нибудь могущественнѣе и плѣнительнѣе способности живаго существа художественно распорядиться собственными силами, царствовать надъ самимъ-собою? Что самообладаніе не имѣетъ ничего общаго съ безстрастностію и пошлостію — объ этомъ мы не считаемъ пужнымъ распространяться: само собою разумѣется, что самообладаніе не можетъ и обнаруживаться въ томъ, кто не имѣетъ пужды бороться съ своими страстями. Самообладаніе въ человѣкѣ то же, что разумъ въ мѣрѣ: и то и другое начало не только не исключаютъ, но и предполагаютъ борьбу могучихъ силъ въ организмѣ. Г. Кузьмичъ, безъ всякаго сочувствія къ этой сторонѣ личности своего героя, заставляетъ догадываться читателя, что Хмѣльницкій былъ именно человѣкъ съ огромнымъ самообладаніемъ. Но подъ перомъ его оно получило отгѣнокъ необыкновенно-попшой благовоспитанности и того заученаго благонравія, о которомъ толкуютъ дѣтскія книжки. Хорошъ собой, уменъ, ученъ, благочестивъ, привѣтливъ съ нисшими, почтителенъ съ старшими, любезенъ съ жепщинами, храбръ, терпѣливъ, благоурауменъ, — такъ въ Зинновій г. Кузьмича единственно потому, что попалъ въ герои романа. Ни разу онъ ни въ чемъ не ошибся, ни разу не сдѣлалъ ни малѣйшаго промаха; за то и счастье валитъ ему со всѣхъ сторонъ: жепщины отъ него безъ ума, король и королевичъ отличаютъ его своими милостями, Украинцы привержены къ нему, хотя онъ

съ своей стороны ведетъ себя какъ приверженецъ Польши; даже между Поляками, не смотря на ихъ свирѣбую ненависть къ казакамъ, отыскиваются у него пламенные друзья. Но, помнитъся, отъ романовъ той категоріи, къ которой принадлежитъ «Зинновій-Богданъ Хмѣльницкій», и не требуется никакой отдѣлки характеровъ, — напротивъ, требуется, чтобы герой былъ именно такъ идеально и непонятно совершенъ, какъ Зинновій г. Кузьмича. Слѣдовательно, если только этотъ сочинитель рассчитывалъ, при изданіи своего романа, на впечатлѣніе такихъ же отроковъ, какими были глѣтъ пятнадцать тому назадъ люди настоящаго поколѣнія, то онъ правъ какъ-нельзя-больше. И если еще черезъ пятнадцать глѣтъ опять вздумается ему написать историческій романъ для отроковъ, и тогда будетъ онъ правъ, если выведетъ на сцену не человѣка, а вымышленное совершенство. Для отрока романъ долженъ быть видовизмѣненіемъ нянной сказки: ему надоѣдаетъ слушать разсказы о добываніи жаръ-птицы и золотыхъ яблокъ, потому-что въ немъ уже пробудилась потребность дѣйствительной жизни; но самая дѣйствительность еще такъ мало ему знакома, что изображение ея не возбудитъ въ немъ никакого сочувствія. Романы въ родѣ «Зинновія-Богдана Хмѣльницкаго», — романы, въ которыхъ, вмѣсто людей, выводятся несуществующіе идеалы, вмѣсто обыкновенныхъ житейскихъ обстоятельство, чудеса, объясняющія игрою судьбы, — гдѣ, вмѣсто обыкновенной живой рѣчи, господствуетъ реторика и мѣлазъ, — такіе романы, говоримъ мы, будутъ всегда больше всего нравиться четырнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, и сочинители такихъ романовъ будутъ всегда имѣть огромный успѣхъ въ этой публикѣ.

Чудесъ не оберешься въ «Зинновій-Богданѣ Хмѣльницкомъ». Давно ужъ не случилось намъ встрѣчать въ сказкѣ новѣйшаго издѣлія такого множества и такъ быстро-слѣдующихъ одна за другую случайностей, какъ въ ро-

маѣ г. Кузьмича. Не довольствуясь однимъ таинственнымъ лицомъ, онъ одарилъ всѣхъ своихъ героев особеннымъ свойствомъ являться какъ снѣгъ на голову въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно выручить другъ друга изъ бѣды и развязать руки разскащику ихъ приключеній. Всѣ эти господа и госпожи до такой степени услужливы, догадливы и ловки, что слышать за тридевять земель, какъ худо приходится ихъ знакомому, поспѣваютъ въ одну минуту на мѣсто и уже во что бы то ни стало выручаютъ своего, даже еслибъ требовалось для того пролѣзть сквозь замочную скважину или разбить кулакомъ въковую твердыню.

Самая эпоха и общество, избранныя г. Кузьмичемъ, въ высшей степени интересны для отроческаго ума. Дѣйствіе романа происходитъ попеременно въ Запорожской Сѣчи, въ Украинѣ и Польшѣ, въ шестнадцатомъ столѣтіи. Сколько тутъ драки и разгула, крови и кутежа, кровавыхъ подробностей и балетныхъ эффектовъ! Но лучше всего поспѣвшимъ рассказать содержание пяти частей «Зинovia-Богдана Хмельницкаго». Это единственное средство — передать всю прелесть вымысла и всю сладость слога г. Кузьмича.

Дѣйствіе начинается очень весело въ Запорожской Сѣчи.

«День и ночь пируютъ козаки. Разгульные пѣсни кобзаря возбуждаютъ ихъ еще къ большому веселью. Самъ кобзарь десь проникнуть этимъ бѣшенымъ весельемъ. Одушевленные глаза его искрятся; бандура дрожить въ пылающихъ рукахъ; каждая жилка бьется восторгомъ. Приударивъ въ звонкія струны, присвистнувъ, приоткнувъ ногою, кобзарь поетъ:

Нуте, нуте запорожци,
Нуте погуляйте!
Одинъ скачте, други грайте,
А третій спивайте.»

Между-тѣмъ, какъ *лицарство* проводить время свое такъ изящно, гетманъ Дорошенко совѣщается съ старшина-

ми — какъ бы освободить Украину отъ Поляковъ. Рѣшаютъ отправить туда казака Острицу, известнаго своею храбростью и хитростью. Ему поручается взволновать украинскій народъ и вооружить его противъ прѣсвителей. Во второй главѣ, Острица уже прѣбываетъ въ Украину, а къ концу четвертой уже приобретаетъ себѣ общниковъ между Украинцами. Въ пятой главѣ герой романа, Зинovia Хмельницкій, является героемъ турнира, даннаго въ Варшавѣ королевъ Сигизмундомъ. Побѣда, одержанная надъ польскими витязями, привлекаетъ вниманіе всей Варшавы, въ особенности варшавскихъ дамъ,

И между ними есть одна,

которая влюбляется въ него со всею страстью порядочной героини романа. Это княгиня Стронская. Но вы увидите въ послѣдствіи, что она не героиня романа, и что назначеніе ея самое жалкое. Какъ бы то ни было, Зинovia проводитъ съ ней время очень приятно и забываетъ въ Варшавѣ о бѣдствіяхъ своей родины. Бальные успѣхи и разговоры съ иезуитами, можетъ-быть, совершенно заглушили въ немъ голосъ гражданской доблести, еслибъ не возстановили его противъ Поляковъ — слуга его казакъ Василій, украинскіе депутаты, да еще одинъ таинственный нищій. Подъ влияніемъ этихъ вдохновителей, Хмельницкій рѣшается ѣхать въ Украину.

Въ Украинѣ, въ городѣ Чигиринѣ, живетъ старый казакъ Гончаренко, другъ покойнаго отца Зинovia Хмельницкаго, съ дочерью Катериной. Катеринѣ было восемь лѣтъ отъ роу, когда она въ послѣдній разъ видѣла Зинovia, что не мѣшаетъ ей любить героя г. Кузьмича и подождать его прѣзда. Между-тѣмъ, чигиринскій староста, панъ Чаплинскій, плѣнился казачкой и имѣетъ на нее кое-какіе виды. Чаплинскій — то лицо, на которое романистъ изливаетъ все свое отвращеніе. Это человекъ столько же гнусный и порочный, сколько прекрасенъ

и добродѣтельнѣе долженъ быть герой романа.

Прибывъ въ Чигиринъ, Зиновій очаровалъ всѣхъ казаковъ и казачекъ. Старикъ Гончаренко въ совершенномъ удовольствіи сказалъ ему однажды слѣдующій комплиментъ:

«Ну, Зиновій! Ужъ слушалъ я тебя, слушалъ! — Правду говорятъ о тебѣ, что мастеръ вертѣть языкъ на всякій ладъ. Со мною говорилъ на одинъ ладъ, а съ нею (съ Катериной) занесъ такое, что ужъ я ума не приложу откуда у тебя все такое берется.»

Это искусство «вертѣть языкъ на всякій ладъ» доставило Зиновію еще одну побѣду: въ него влюбилась Анна, дочь Чаплинскаго. Но Хмельницкій любитъ Катерину... Между-тѣмъ, Поляки продолжаютъ притѣснять Украинцевъ и провазводить страшныя казни. Запорожецъ Острианица, въ свою очередь, съ шайкой приверженцевъ рѣжетъ языкъ пановъ и Евровъ. Украина начинаетъ приходить въ волненіе; Хмельницкій не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ Острианицы, не смотря на убѣжденія самого Запорожца и многихъ изъ своихъ друзей. — Происшествія довольно-вдале гнаются въ продолженіе второй части. — Въ первой главѣ третьей части панъ Чаплинскій сватается за Катерину и, получивъ отказъ, клянется отмстить Хмельницкому, въ которомъ, не безъ основанія, видитъ соперника. Затѣмъ г. Кузьмичъ переходитъ къ невообразимо-странному описанію подвиговъ Острианицы и съ особенной охотой изображаетъ его варварскую расправу съ Жидами, ксѣндзани и панами...

Во второй половинѣ третьей части три чуда совершаются. Чудо первое: Хмельницкій, вызванный на полевую десятую шляхтичами, избавляется отъ несправности драться съ ними тѣмъ, что его ранятъ убійцы, подкупленные однимъ изъ этихъ шляхтичей. Чудо второе: эти подкупленные убійцы, числомъ восемь, могли бы рѣшительно положить

его на мѣстѣ, еслибъ въ разсѣянности не надѣлъ онъ въ этотъ день латъ: пушечныя негодами пуля отскочили отъ груди героя. Чудо третье: Чаплинскій успѣлъ оклеветать Хмельницкаго въ глазахъ польскаго правительства; его схватили и отправили подъ конвоемъ въ Варшаву; но объ этомъ горестномъ событіи кстаті узналъ Острианица: Запорожецъ освободилъ Зиновія. Зиновій сдѣлалъ визитъ своей возлюбленной Катеринѣ и отправился въ Варшаву оправдываться передъ королемъ Сигизмундомъ.

Въ четвертомъ томѣ сочиненія г. Кузьмича читатель встрѣчается съ Хмельницкимъ въ Варшавѣ. Увы! герой, котораго онъ за что-то полюбилъ такъ страстно, сидитъ въ темницѣ. Однакожъ, во второй главѣ къ нему пробираются преданные люди — княгиня Стронская, переодѣтая въ мужское платье, и молодой Полякъ Вутневичъ: они обѣщаютъ выпросить для него аудіенцію у короля и исполняютъ свое слово. Зиновій оправданъ и освобожденъ. Здѣсь, замѣтимъ мимоходомъ, кончается роль княгини въ романѣ г. Кузьмича: вы понимаете, зачѣмъ нужно было это лицо догадливому сочинителю?.. Остальныя главы четвертой части посвящены кровавымъ описаніямъ вторженія Запорожцевъ въ Украину и окончательнаго извѣщенія Поляковъ.

«Та не має лучше, та не має краще,
якъ на Украини;

Та не має жидивъ, та не має панивъ,
не має унів.

«Такъ пѣли Украинцы, торжествуя свое освобожденіе, а на долго ли было торжество ихъ!»

Этими словами заключается четвертый томъ сказки... мы хотѣли сказать—романа.

Въ пятомъ томѣ обнаруживаются политическіе замыслы Зиновія и объясняется его холодность къ освобожденію Украины. Дѣло въ томъ, что досихъ-поръ онъ считалъ отечество свое не довольно-сильнымъ для окончатель-

ной борьбы съ притѣснителями; но, наконецъ, дождался удобнаго времени и началъ свои дѣйствія тѣмъ, что различными образомъ приобрѣлъ популярность у Украинцевъ... Но Богъ съ ней, съ политикой! Люди, для которыхъ написалъ «Зиновій - Богданъ Хмѣльницкій», не большіе охотники до тѣхъ главъ романа, въ которыхъ описываются политическія событія, между тѣмъ, какъ интрига остается въ стороне.

Хмѣльницкій снова попался въ руки Чаплинскаго: злой староста посадилъ его въ темницу въ собственномъ домѣ. Но тутъ-то, по нашему мнѣнію, и заключается «нить завязки романа», какъ выражался почтмейстеръ у Гоголя. Не вѣрится, чтобъ герой романа кончилъ свою карьеру въ тюрьмѣ; на этотъ разъ, къ счастью, и по исторіи извѣстно противное. Освободить его изъ темницы—послѣднее дѣло. Въѣдъ у пана Чаплинскаго есть дочка—панна Анна; эта панна влюблена въ Зиновія. Чего же лучше? Ну, да что и говорить? Вы, читатель, вы, нечитавшіе еще «Зиновія-Богдана Хмѣльницкаго», уже знаете не хуже вашего грѣшнаго рецепивента и доброжелателя, что прекрасная панна украдетъ ключъ у сквернаго пана Чаплинскаго и освободитъ красавца-казака изъ душной неволи. Такъ и есть; вотъ слова г. Кузьмича:

«Однажды, долго спустя послѣ прихода сторожа съ вечернею порціею, Зиновію послышался легкій шорохъ на дѣйствицѣ. *Отъ продолжительнаго заключенія въ глухомъ, тѣсномъ погребѣ, слухъ Зиновія сдѣлался чрезвычайно тонокъ (???)*. Шорохъ, въ такое необыкновенное время, удивилъ Зиновія. Онъ приподымается съ жесткой постели, слушаетъ — вотъ кто-то приближился къ дверямъ темницы; ключъ тихо вложенъ въ замокъ; казалось, пришедшій робкою рукою старался повернуть ключъ въ ржавомъ замкѣ; но замокъ противился успіямъ слабой или неопытной руки. Зиновій тихо всталъ съ постели и подошелъ къ самымъ дверямъ; сердце его сильно трепетало.

«Не тайный ли другъ пришелъ освободить меня?» думалъ Зиновій.

Ключъ долго вертѣлся въ замкѣ то въ ту, то въ другую сторону.

— Смѣлѣе! — проговорилъ Зиновій въ полголоса, — нажми сильнѣе на право.

За дверьми на мигу все затихло. Потомъ отпирившій, собравъ, казалось, послѣднія силы, нажалъ ключъ, шакомъ звонко брякнула.

Дверь тихо отворилась, — Зиновій изумленнымъ отступилъ назадъ: передъ нимъ стояла Анна, блѣдая, съ пылыми щеками, блуждающими глазами.»

Вотъ вы и отгадали!

Узнавъ о поступкѣ пана Чаплинскаго, король Владиславъ (Сигизмундъ давно уже умеръ) наказываетъ Чаплинскаго позорно: ему отстригаютъ усь. Между тѣмъ, Чаплинскій какъ-то узнаетъ, что Хмѣльницкій освобожденъ Анной, и сажаетъ ее-самоѣ въ ту самую темницу, въ которой «топался Зиновій».

Кто же освободитъ бѣдную панну изъ заточенія? Кто? Кажется, вы опять догадались, читатель! Однакожь, мы скажемъ вамъ на-прямикъ: ее освободилъ Хмѣльницкій. Мало того, онъ, Хмѣльницкій, женится на ней, и, сколько можно повѣять изъ романа, веда того, чтобъ спасти ее отъ стыда—убѣжать съ молодымъ человѣкомъ изъ дома родительскаго,—вѣтъ, Зиновій утѣряетъ ее, что у нея «нѣтъ больше соперницы». А Катерина? Не знаетъ, что сказать вамъ объ этомъ деликатномъ пунктѣ. Однакожь, къ концу этой части оказывается, что Зиновій все-таки любитъ и Катерину. Вотъ это ужъ вольность романиста: ею будутъ недовольны читатели, которые отъ всей души заинтересованы Катериной, законной героиней романа, и не воймутъ, какъ объяснить психологически поступокъ Хмѣльницкаго.

Въ концѣ романа, старикъ Гончаренко умираетъ, а панъ Чаплинскій похищаетъ Катерину. Послѣ всего вышесказаннаго, нѣтъ никакой нужды говорить, что и она не остается въ заточеніи: ее освобождаетъ таинствен-

ный видъ. Катерина прибѣгаетъ въ домъ Хильницкаго, и, Богъ-знаетъ почему, дѣлается другомъ соперницы своей, Анны. Дѣти Зиновія очень полюбили Катерину, и романъ кончается очень чувствительно.

Такъ-какъ въ главѣ пятой части все еще стоитъ эпоха первая: молодость Зиновія, то мы имѣемъ право заключать, что сочиненіе г. Кузьмича все кончено: поздравляемъ читателей съ предстоящимъ наслажденіемъ!

3) Паула Монти. *Современный романъ г. Евгенія Сю.* Переводъ В. М. Строева. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Плюшара. 1847. Въ 20-ю д. л. Четыре части. 142, 142, 142 и 144 стр.

4) Тереза Дюнойк. *Романъ Евгенія Сю.* Переводъ В. М. Строева. Санктпетербургъ. Въ тип. А. А. Плюшара. 1847. Въ 20-ю д. л. Четыре части. 142, 144 и 161 стр.

Но разъ уже было говорено, что литература наша бѣдна бельетристическими произведеніями; недостатокъ ихъ заставилъ нашу публику, въ которой съ каждымъ днемъ усиливается потребность къ чтенію, обратиться къ французскимъ романамъ, — и французскіе романы, расходясь у насъ въ тысячахъ экземпляровъ, поглощаются жадно, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, какъ знающими, такъ и незнающими по-французски; послѣдніе читаютъ, разумѣется, въ переводѣ. Въ слѣдствіе этого плодятся и размножаются русскіе переводчики, которые, однакожъ, не смотря на свою многочисленность, не успѣваютъ, кажется, утолять жажду читателей. Да! французскіе романы наводняютъ рѣшительно все слою общества; артистъ, свѣтскій господинъ, служащій чело-вѣкъ, дама такъ-называемаго высшаго круга, барыня средней - руки, все читаютъ ихъ, все восхищаются ими. Но каждый классъ общества имѣетъ своихъ любимыхъ писателей. И у насъ, какъ на Западѣ, большинство на сторонѣ г. Дюмá; весьма-немногіе почи-

таютъ Жоржа Занда; середину между этими двумя писателями въ общественномъ мнѣніи занимаетъ г. Эженъ Сю. И это имѣетъ основаніе: Александръ Дюма и Жоржъ Зандъ—это двѣ рѣзкія противоположности, два полюса современной французской бельетристики. Одинъ наполняетъ все фельетоны своими романами, въ которыхъ щедрою рукою разсыпаны ужасы, эффекты, несообразности, — въ которыхъ замѣтно совершенное отсутствіе анализа, психологическаго интереса, знанія человѣческаго сердца, — въ которыхъ дѣйствуютъ мелодраматическіе герои, а не люди, но въ которыхъ за то есть занимательность въ-пшняя, замѣняющая для толпы все. Произведенія другой, дышащія тихимъ, успокоительнымъ чувствомъ, согрѣтыя теплою любовію къ ближнему, отличаются своей простотой, безъ-эффектностью, изображаютъ одну дѣйствительность; это почти-всегда драма, завязанная на всеневныхъ случаяхъ, но въ основаніи которой лежитъ глубокая, человѣческая идея... Одинъ представляетъ собою индиферента, лишеннаго всякихъ убѣжденій; другая находитъ въ душѣ своей отзывъ на каждый общественный вопросъ, страдаетъ и мучится вмѣстѣ съ своими братьями, и бальзамомъ рѣчей своихъ старается исцѣлять ихъ язвы. Одинъ, наконецъ, нисколько не заботится о формѣ своихъ сочиненій, другая довела се до высокой степени художественности. Этому-то отсутствію всякаго художественнаго элемента г. А. Дюма преимущественно обязавъ своимъ успѣхомъ. Одинъ французскій критикъ весьма-справедливо замѣтилъ, что А. Дюма блистаетъ качествами, которыхъ у него нѣтъ. Жоржъ Зандъ, имѣющая на сторонѣ своей только избранныхъ, посвященныхъ въ искусство, читается толпою весьма-мало въ сравненіи съ г. Дюма, именно потому что у ней есть все качества, которыхъ не достаетъ г-ну Дюма. Г-нъ Сю, котораго читаютъ больше Жоржа Занда, но менѣе г. Дюма, не безъ основанія,

какъ мы уже сказали, занимаетъ середину между этими двумя романистами. Убѣжденный въ своемъ талантѣ, онъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: какъ употребить съ наибольшою пользою дарованныя мнѣ отъ природы способности? если я буду служить одному искусству, если эффекты и фейерверки будутъ изгнаны изъ моихъ сочиненій, если въ нихъ будетъ всегда развиваться какая-нибудь идея, если, наконецъ, въ нихъ войдутъ общественные вопросы, то безъ сомнѣнія люди, которые видятъ въ искусствѣ не одно пріятное развлеченіе, будутъ за меня; но за то большинство, масса, не станетъ читать, слѣдовательно и *покупать* мои сочиненія... Если же они будутъ отличаться судорожнымъ, нервическимъ интересомъ, если эффектамъ пожертвую я естественностью, если я оставлю въ сторонѣ и тщательную отдѣлку, и идеи, и общественные вопросы, — деньги посыплются ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, толпа преклонится предо мною; но жрецы высокога искусства, но истинные цѣнители его отвернутся отъ меня съ преврѣнемъ и назовутъ меня фокусникомъ. Выгоды матеріальныя будутъ соблюдены, но самолюбіе мое будетъ страдать... Какъ же помочь горю? нельзя ли примирить оба элемента — художественный и люкративный? Нельзя ли быть электикомъ, то-есть писать нелѣпыя, но замѣательныя сказы въ двадцати томахъ, — сказки, гдѣ дѣйствуетъ множество лицъ, изъ которыхъ очерчены тщательно только два или три; дѣлать довольно-частыя отступленія, въ которыхъ говорить о современныхъ интересахъ общества, развивать идеи, которыя наиболѣе въ ходу, но которыя, увы! нисколько не относятся къ самой сказкѣ, не соотвѣтствуютъ положенію лицъ... Электизмъ г. Сю удался ему, что и доказывается успѣхомъ его «Вѣчнаго Жида». Впрочемъ, умѣнемъ поддѣлываться подъ вкусъ публики г. Сю владѣть уже давно; онъ даже всегда предупреждалъ этотъ вкусъ; у него было какое-то чутьѣ, которымъ

угадывалъ онъ, что будетъ черезъ нѣсколько времени въ модѣ. Со дня появления своего на литературное поприще, г. Сю испыталъ много модификацій; онъ началъ романами норскими, производившими большой эффектъ; потомъ перешелъ къ роману свѣтскому, и въ этихъ первыхъ произведеніяхъ его преобладала страшная, кровавая иронія, имѣвшая цѣлю повергнуть въ глубокое отчаяніе тѣхъ, къ кому она относилась, а не снисходительное желаніе обратить къ лучшимъ наклонностямъ. Доброжелательная и несчастная, пороки увѣнчанный полнѣйшимъ успѣхомъ, — вотъ каковы были картины, изображаемыя авторомъ. Въ послѣднихъ своихъ романахъ, г. Сю, который уже не былъ ученикомъ въ изображеніи порока и безнравственности, продолжалъ (съ точки зрѣнія матеріальной) начатое дѣло; но на этотъ разъ — его изображенія имѣютъ нравственную идею. Указывая на раны общества, онъ въ то же время указываетъ и на средства къ ихъ исцѣленію. Не знаемъ, въ какой степени выиграли отъ послѣднихъ романовъ г. — на Сю и общество и теорія, которой онъ является въ нихъ панегристомъ, но скажемъ только, что художественная сторона весьма много пострадала въ нихъ: замѣательность ослабѣла отъ частыхъ отступленій. Однакожъ, повторяемъ, электизмъ г. Сю все-таки удался ему. Его читаютъ, можетъ-быть, менѣе, чѣмъ автора «Монте-Кристо», однакожъ, безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ автора «Проступка г. Антуана».

Романы «Паула Монте» и «Тереза Дювои», вышедшіе на сихъ дняхъ и принадлежащіе къ «Карманной Библиотекѣ», могутъ быть отнесены къ первому періоду дѣятельности г. Сю. Въ нихъ нѣтъ никакихъ социальныхъ тенденцій; они — изъ разряда *светскихъ* романовъ; но и той скептической ироніи, которая, какъ сказано выше, характеризуетъ произведенія г. Сю отъ «Саламандры» до «Матильды», также въ нихъ незамѣтно. Эти романы, нѣ-

роэтно, написаны авторомъ «Вѣчнаго Жюль» по настоянію какого-нибудь кингопродавца. Для въ два или въ три, и ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ дюжинныхъ произведеній самыхъ посредственныхъ французскихъ романистовъ, которыя такъ же скоро умираютъ, какъ и рождаются. Вотъ, на-примѣръ, содержаніе хоть одного изъ нихъ «Паула Монти» — дикой, неистовой мелодрамы.

Паула Монти, жена князя Гансфельда, воспитала молоденькую Цыганку Ириду, питающую къ ней какую-то странную привязанность. Эта привязанность, по словамъ автора, походитъ на дочернее уваженіе по благогоубійной преданности, на братскую нѣжность по очаровательной кротости, на любовь по своей мстительной ревности (?). Да; Ирида преслѣдовала горькою ненавистью не только враговъ княгини Гансфельдъ, но даже всѣхъ тѣхъ, къ кому княгиня казалась благосклонною. Ненависть ея къ нимъ тѣмъ болѣе увеличивалась, чѣмъ болѣе они нравились ея воспитательницѣ. Она даже полагалась два раза на жизнь ея мужа. Князь водворяется въ этомъ гнусномъ поступкѣ жену свою и однажды, въ пылу гнѣва, высказываетъ ей свои подозрѣнія. Съ той поры Паула начинаетъ презирать своего мужа и ищетъ размеченія въ обществѣ молодого чело-вѣка, по имени Леона Морвиля. Князь въ свою очередь гораздо-пріятнѣе быть съ Бертою Бреваниъ, чѣмъ съ женою. Ирида, видя, что ея воспитательницѣ очень бы хотѣлось освободиться отъ узъ, ее тяготящихъ, и соединиться съ Леопольдомъ Морвилемъ, рѣшается помочь ей слѣдующимъ образомъ. Она возбуждаетъ ревность въ сердцѣ Бреваниа, мужа Берты, приводить его ночью въ павильонъ и показываетъ князя, стоящаго на колѣняхъ передъ Бертою. Бреваниъ убьетъ ихъ обоихъ! Онъ стрѣляетъ въ извѣнницу... во эта извѣнница оказывается Паулою Монти, которая какимъ-то чудеснымъ образомъ попала въ павильонъ, пока Ирида ходила за Бревани-

номъ, и которая дѣлается сама жертвою замысловъ Ириды. Бреваниъ послѣ такой ошибки застрѣливается самъ. Ирида, погубившая ту, къ которой она нитала ликую страсть, бросается въ рѣку. Князь женится на Бертѣ.

Г. Сю увѣряетъ, что эта нелѣпая исторія основана на истинномъ происшествіи, что дѣйствительно существовала дѣвочка съ страстями пылкими, неукротимыми, сосредоточившая всѣхъ ихъ въ слѣпой привязанности къ существу одного съ нею пола.

Г. Дюма также основалъ своего «Монте-Кристо» на истинномъ происшествіи; но есть ли какое-нибудь сходство между исторіей Франсуа Пико и великолѣпной, двадцати-томной чепухой, которая изъ него заимствована?

Въ романѣ г. Сю есть, однакожъ, характеръ весьма-удачно обрисованный и выдержанный до конца. Это Бреваниъ. Тщеславный эгоистъ, женившійся на дочери бѣднаго граверя болѣе изъ упрямства, чѣмъ по любви, — потому-что она цѣлые два года сопротивлялась ему, — онъ безпрестанно попрекаетъ жену бѣдностью, изъ которой извлекаетъ ее; онъ ее ревнуетъ, но также не потому, чтобы любить ее, а потому-что боится показаться смѣшнымъ въ *глазахъ свѣта*, если узнаютъ, что женщина, на которой онъ женился по страсти, нелѣпна ему. Оди уже эти слова «женитьба по страсти» не принимаютъ ли въ свѣтѣ какаго-то ироническаго значенія?

Переводъ г. Строева хорошъ — если все достоинство перевода заключается въ вѣрности его съ оригиналомъ, потому-что объ изяществѣ г. Строевъ, какъ видно, заботится еще менѣе, чѣмъ о выборѣ романовъ для перевода. Свѣтскіе разговоры, которые у г. Сю всегда такъ живы, остроумны, благородны, и которые составляютъ лучшее въ его романѣ, по-русски выходятъ крайне-тяжеловаты. Станнымъ кажется, что всѣ эти лица, принадлежащія къ аристократическому кругу парижскаго общества, выражаются какимъ-то французскимъ языкомъ... Попадаются да-

же такіа слова, какъ *измѣнщики!* Не говоримъ уже о словѣ *душенька*, которое, кажется, весьма нравятся г-ну переводчику, потому-что онъ весьма-часто влагааетъ его въ уста Бреванна въ разговорахъ его съ женою. Впрочемъ, какъ говорить Гоголь, можетъ-быть, оно тамъ такъ и нужно...

5) Босфоръ Киммерійскій *съ его древностями и достопамятностями.* Сочиненіе Григорія Спасскаго, Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ корреспондента, обществъ: Императорскаго Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ и Одесскаго Исторіи и Древностей дѣйствительнаго члена. Москва. Въ университетской типографіи. 1846. Въ больш. четверт. д. л. XII и 151 стр.

«Можетъ быть ни одна страна въ мірѣ (говоритъ авторъ) не представляетъ на такомъ маломъ пространствѣ столь много разнородныхъ предметовъ, возбуждающихъ живѣйшее любопытство, какъ полуостровъ Крымъ или Таврія.

«Въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ исторической жизни этой страны, сколько видѣла она народовъ, оспориавшихъ ее или у другаго? Сколько претерпѣла она преобразованій, то независимая колонія Грековъ и отдѣльное царство подъ владычествомъ Рима, то наводняемая варварами, то обращаемая въ имперію Генуэцевъ (.) наконецъ въ гнѣздо Магомеданствъ, сокрушенное могуществомъ Россіи?

«Едва мигнуло полѣтка, какъ разсѣялся мракъ магомеданства, тлѣвшій надъ главою Чатырь-дага и русскій орелъ осыпалъ своими широкими крылами эту страну, въ ничтожество павшую; но уже много явилось путешествій по ней и отдѣльных ея описаній, много сдѣлано важныхъ историческихъ открытій.

«Всѣ однако эти ученые труды имѣли цѣлью болѣе общій взглядъ (.) и только слегка или мимоходомъ касались частныхъ предметовъ; а потому *отдѣльная совокупность свѣдѣній* о предметахъ особенной важности можетъ послужить и къ продолженію начатаго и къ большому развитію уже совершеннаго.

«Такова собственно цѣль издаваемаго сочиненія «Босфоръ Киммерійскій».

Какъ изъ этихъ словъ, такъ еще болѣе изъ самой книги г. Спасскаго видно, что онъ хочетъ, сколько это возможно въ настоящее время, воссоздать по уцѣлѣвшимъ памятникамъ историческую жизнь Крымскаго-Полуострова. Но эта исторія теряется въ баснословныхъ временахъ міра. Чѣмъ болѣе писатели хотѣли проникнуть этотъ мракъ, тѣмъ болѣе въ немъ возставало обманчивыхъ призраковъ. Самые строгіе историки пускались съ приличною важною въ рассказы легендъ мифологическихъ; они и сами иногда не вѣрили этимъ легендамъ, но какъ не рассказать ихъ, когда онѣ такъ хорошо сложены, когда ихъ привыкли уже почитать пѣсколко десятковъ тысячелѣтій, и когда эти сказки такъ приятно убаюкиваютъ умъ, который не находитъ точки опоры въ своихъ изысканіяхъ! Если вѣрить историкамъ, то первобытный народъ этой страны были Тавры; но о Таврахъ ничего больше не знаютъ, кромѣ ихъ имени, потому-что они были скоро уничтожены страшнымъ ополченіемъ Амазонокъ — какихъ-то странныхъ героинь, которыя, нахлынувъ на Европу, сдѣлали экспедицію и въ Тавриду. Познѣйшіе Греки, обитатели полуострова, сохранили память объ этихъ страшныхъ барыняхъ минувшихъ вѣковъ. Многіе памятники свидѣтельствуютъ объ этомъ, и между прочимъ на одной изъ стѣнъ катакомбы керченской, разрытой въ новѣйшее время, мы видѣли изображеніе сраженія съ амазонками. Есть люди, которые говорятъ, что это вторженіе Амазонокъ было за четыреста лѣтъ до похода Аргонавтовъ. А какая курьезная и рѣдкая исторія этихъ Амазонокъ, если только вѣрить Геродоту, Юстиню, Страбону и Диодору Сицилійскому! — Время это было царство женщинъ, и міръ былъ построенъ наизпанку. Женщины устроили своеобразную республику, которая была то снисходительна, то строга къ мужскому полу; онѣ воздвигли храмы своимъ богамъ, и въ нихъ невинныя жрицы и калывали несчастныхъ мужчинъ. Са-

мый страшный, самый роковой изъ этихъ храмовъ былъ водвигнутъ на мысъ Партеніумъ; этотъ храмъ былъ посвященъ *Дианѣ Таврической*, которая предсѣдательствовала при убіеніи вужичивъ...

Но время летитъ,—и вотъ начинается война троянская. Дочь Агамемниона, поэтическая Фенгевія, влюбленная и непорочная, обрекается на ужасное жертвоприношеніе; но похищенная у грозной судьбы, Фенгевія спасается къ Тавриду и изъ жертвы дѣлается жрицею. Здѣсь предъ ней являються Орестъ и Пиладъ; она должна убить одного изъ нихъ, а они — ея братья!... Опять жестокий рокъ! Но вы знаете, что Фенгевія не убила ни Ореста, ни Пилада, что они узнали другъ друга, плакали, страдали и радовались вмѣстѣ... Надъ этимъ драматическимъ эффектомъ, можетъ-быть, и мы съ вами, почтенный читатель, когда-нибудь плакали вмѣстѣ съ Еврипидомъ и Расиномъ... Орестъ и Пиладъ спаслись въ Аргосъ и увезли съ собою прекрасную Фенгевію.

Г-нъ Спасскій начинаетъ свое введеніе этой исторіи:

«По преданію Грековъ, Фенгевія, дочь Агамемниона, была жрицею во храмѣ Дианы, доколѣ Орестъ и Пиладъ не похитили ея и самого истукана богини, обнаруживъ съ этой кровавой драмъ такіа знаки дружества, которые тронувъ совѣсть сердца Таврозовъ, были побудительною причиною для причисленія ихъ къ сонму боговъ, но въ именемъ Коратовъ, или покровителей дружества, и сооруженія имъ особаго храма, названнаго Орестономъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ быть равнодушнымъ къ событію, которымъ ознаменовали свой явльиъ и свое несчастье Орестъ и Пиладъ? Въ то время, когда Фенгевія увидѣтъ въ Орестѣ брата своего и обрекаетъ вмѣсто его Пилада въ жертву Дианѣ, Орестъ принимаетъ его имя, и оба готовы умереть одинъ за другаго. Трогательная борьба дружбы и великодушія!

«Если Таврія, говоритъ достопочтенный Сестренцевичъ-Богушъ, была известна только подвигомъ Ореста и Пилада, то исторія ея заслужила бы и тѣмъ однимъ

отличное мѣсто въ дѣтописяхъ міра. Такія выраженія не свидѣтельствуютъ ли и о высотѣ души произнесшаго ихъ?.. Чувствованіе изящества дружбы было первымъ шагомъ къ умалченію правозъ полюдикихъ обитателей Таврїи, столь эстетикихъ къ чужеземцамъ. Орестонъ сдѣлался училищемъ дѣтей Скивовъ.. Между тѣмъ, на мѣсто храма дружбы, воздвигаются храмы любви, которыхъ видимъ еще остатки въ жертвенникахъ и другихъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ отъ храмовъ, посвященныхъ Венерѣ...»

Появляются Скивы и долгое время спокойно владѣютъ Тавридою; но, на бѣду ихъ, къ берегамъ Тавриды снова пристають Амазонки, побѣжденные сперва Геркулесомъ и Тесеемъ, потомъ освободившіяся изъ плѣна. Скивы смущаются и робѣютъ, но вскорѣ узнають слабую сторону своихъ враговъ — наѣздицъ и противопоставляють имъ отрядъ молодыхъ, прекрасныхъ скивскихъ юношей; враги поразили другъ друга прямо въ сердце, и безъ большаго кровопролитія миръ былъ заключенъ.

Но мы все еще пока въ области фантазіи, а не исторіи. Вотъ, на сценѣ появляется Дарій, который предпринялъ походъ противъ Скивовъ, былъ разбитъ и бѣжалъ...

Около семисотъ лѣтъ до христіанской эры, колонія Милетлянъ заняла восточную часть Тавриды; она основала Феоодосію, Нимфею, Пантикапею, Мирмикіонъ. За этими колоніями слѣдуютъ новыя, болѣе-могущественныя. Изъ маленькихъ республикъ основывается царство босфорское... Исторія Босфора намъ мало известна; въ ней возникаетъ только колоссальный образъ Митридата - Евпатора, знаменитаго своими войнами съ Римомъ.

Поэтому-то авторъ говоритъ:

«Современные писатели передали намъ о Босфорѣ Киммерійскомъ очень-мало свѣдѣній, отъ-того, что и сами мало о немъ знали и названіе ихъ *Simmerias tenebrae* — Киммерійскіи мраковъ должно кажется приписывать болѣе этой исторической темнотѣ, чѣмъ пустымъ туманамъ, какъ

которыя объясняютъ, иногда тамъ слушающимся, отъ которыхъ не изъяты и друція мѣста. Хотя исторія Греціи, Рима и Византіи иногда и упоминаетъ о Босфорскомъ царствѣ и нѣкоторыхъ его властителей, но безъ всякой связи и какъ будто мимоходомъ, оставляя большіе промежутки, для замѣшенія которыхъ должны были принять въ пособіе монеты тѣхъ времёнъ, опредѣляющія имена многихъ царей и продолженіе ихъ царствованій. Здѣсь нумизматика представила всю свою важность, чрезъ содѣйствіе къ объясненію и дополненію недосказаннаго Исторіею. Правда, указанія нумизматика верѣдко подвержены измѣненіямъ: сколько разъ одна вновь открытая монета заставляла переставлять цѣлый рядъ царей, или заключать опредѣленные уже царствованія въ тѣснѣйшія границы, для помѣшенія новаго? Недостатокъ лѣтосчисленія на монетахъ, особливо одноименныхъ царей, также дѣлаетъ не мало затрудненія въ присвоеніи ихъ тому или другому царствованію; даже въ этомъ случаѣ и разноименные цари, при сокращенномъ изображеніи ихъ именъ, представляютъ иногда тоже неудобство...

... Можно надѣяться, что предлагаемое сочиненіе не будетъ лишнимъ въ кругу археологическихъ изысканій, какъ слѣдствіе пребыванія моего въ Крыму и приоборѣтенія на мѣстѣ разныхъ свѣдѣній и многихъ Босфорскихъ монетъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько новыхъ нѣдѣтъ не описанныхъ, либо не сходныхъ съ прежними описаніями, составленными по монетамъ не яснымъ и даже иногда припоровленнымъ къ принятымъ уже мнѣніямъ. Конечно, и послѣ всего этого останется много еще неудовлетворительнаго, неразгаданнаго: по крайней мѣрѣ, указанъ путь, котораго при будущихъ изслѣдованіяхъ должно держаться, развѣдочное совокуплено мнѣтѣ, сомнительное и произвольное обнаружено.

Слѣдовательно, вогъ цѣль автора. Онъ разсматриваетъ въ первой части книги города босфорскіе, ихъ географическое положеніе и связанія о нихъ древнихъ историковъ; во второй части исторію царей босфорскихъ, а въ третьей древности Босфора. Но, увы! эти города и уцѣлѣвшіе въ нихъ памятники заставляютъ только задумы-

ваться о несовершенствѣ самой исторіи. Они гораздо-больше поразятъ васъ, когда вы ихъ увидите, нежели когда прочтете недоковченныя листки сказокъ, преданій и исторій. Когда вы встрѣтитесь теперь лицомъ-къ лицу съ этими городами, васъ поразятъ въ нихъ памятники образованной и утонченной жизни греческой, памятники владычества Генуэзцевъ, постройки мухамеданъ и новыя зданія, доказательствы новаго владычества Русскихъ. Васъ займетъ разнохарактерная толпа настоящаго населенія этихъ городовъ, въ которыхъ прожило такъ много народовъ, съ своими вѣрованіями, обычаями, исторіей. Вы здѣсь увидите мечети, обращенныя въ православныя церкви, и христіанскіе храмы въ мечети; возлѣ зданій новыхъ, замѣтите обломки греческой архитектуры, или постройки новыя на фундаментахъ, заложеныя въ то время, когда Крымомъ владѣлъ другой народъ, когда тамъ кипѣла другая жизнь.

А что вамъ скажетъ исторія? — что Греки, поселившіеся въ Крыму и окрестныхъ мѣстахъ, жили мирно и преимущественно занимались торговлею. Отъ Скивовъ и другихъ сосѣднихъ народовъ получали они невольничковъ, хлѣбъ, звѣриныя кожи, а ихъ въ обмѣнъ снабжали сукинами, виномъ и всѣмъ тѣмъ, въ чемъ они имѣли потребность. Торговля ихъ распространялась до Трапезунта, Иракліи и Византіи, а оттуда въ Коринѣи и по берегамъ Средиземнаго-Моря. Сосѣдство Скивовъ заставило греческія поселенія заботиться о тѣснѣйшемъ союзѣ между собою. Отъ-этого произошли перемены въ народномъ правленіи. Такихъ-образомъ босфорскія и другія прибрежныя поселенія подчинили себя власти царей. Пантикапея сдѣлалась столицей на европейской сторонѣ Босфора, а Фанагорія на азіатской. О первыхъ царяхъ говоритъ коротко Діодоръ Сицилійскій, а потомъ до Митридата идутъ одни имена Археонактидовъ, Левконадовъ... Не-уже-ли это исторія?..

Обломки статуй, храмовъ, остатки

ровъ цитаделей гораздо-лучше воспрещаютъ протекшую жизнь этихъ городовъ, нежели неполная исторія. Прочтите описаніе Пантикапеи, и ово разскажетъ вамъ больше, нежели цѣлая исторія Босфора. Пантикапея, нынѣшняя Керчь, находилась на дикой горѣ, которой подошва упиралась въ крайнюю оконечность бухты Босфора. Гора эта называется Митридатовой. Городъ, построенный на краю горы, шелъ уступами, въ видѣ полукружія, котораго концы простирались по бокамъ горы. Нѣкоторые, производя слово Пантикапея отъ *Panti* и *Képos*, которыя означаютъ на діалектѣ дорійскомъ *вездѣ сады*, говорятъ, что Пантикапея была окружена садами. Но, увы! теперь въ окрестностяхъ не только не видно садовъ, да и растительность-то очень-бѣда. Кругомъ Керчи видны *едви разрытые курганы*. Самое высокое и близкое къ морю мѣсто занималъ акрополисъ (цитадель), построенный въ видѣ неправильнаго многоугольника. Мѣсто его ясно видно по рвамъ и даже уцѣлѣвшимъ частямъ стѣнъ изъ большихъ кусковъ керченскаго известняка. Къ акрополису примыкалъ укрѣпленный городъ, расположенный въ видѣ длиннаго четырехугольника. Поперекъ акрополиса шла улица, примыкавшая къ полному пику, который названъ *Митридатовыми - Креслами* и составляла самую возвышенную часть крѣпости. Эти кресла Митридата заставляли работать сильнѣе обыкновеннаго воображеніе многихъ археологовъ; воображеніе переносило ихъ къ временамъ отдаленнымъ; они видѣли (какъ имъ казалось) царя босфорскаго, востѣдающаго на этихъ креслахъ и обзрѣвающаго съ высоты неприступной скалы свой многочисленный флотъ; Митридатъ смотрѣлъ гордо на флотъ, который долженъ былъ нести страхъ Римлянамъ... Но болѣе-хладнокровные люди говорятъ, что эти кресла были не что иное, какъ нишъ, сдѣланный для помѣщенія статуи...

Основаніе пика погребено подъ кучами развалинъ; вся скала обтесана.

Нѣкоторые полагаютъ, что скала эта составляла только часть зданія, въ которомъ она вся заключалась. Форма зданія замѣтна и нынѣ по фундаменту стѣнъ; его религіозное назначеніе очень-вѣроятно. Здѣсь найдены прекрасный торсъ колоссальной статуи Цибелы изъ бѣлаго мрамора съ голубыми полосками. Это лучшее украшеніе керченскаго музеума. При дальнѣйшихъ развѣскахъ, найдены мраморные фризъ и карнизы.

По всей вѣроятности, милетійскіе переселенцы къ обожанію Цибелы присоединили поклоненіе еще другому божеству, которое они принесли съ собою, именно Церерѣ Тесмофорѣ, или законодательницѣ, божеству эвезинскихъ таинствъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ заставляетъ думать половина жертвенника Цереры, открытаго въ акрополисѣ. Изъ одной надписи видно, что въ Пантикапѣ былъ храмъ Цереры. Къ сожалѣнію, эта надпись неполна; въ ней сказано:... жена Демосеена соорудила этотъ памятникъ Деметрѣ Тесмофорѣ, въ архонтство Спартока, сына Евмелова. Внутренность цитадели, составлявшая сто сажень въ восьми направленіяхъ, легко позволяла воздвигнуть два храма, Цибелѣ и Церерѣ, и послѣ того оставалось еще мѣсто для помѣщенія жрецовъ, гарнизона и для постройки дворца Митридату, который тамъ и умеръ. Леиискій акрополисъ былъ не пространнѣе пантикапейскаго.

Площадь горы, заключенная въ стѣнахъ города, также была украшена дворцами, а можетъ-быть и храмами, потому-что многія полипныя скалы, разсѣяныя въ разныхъ мѣстахъ, обтесаны точно такъ же, какъ Митридатовы-Кресла. Впрочемъ, надписи и медали Пантикапеи доказываютъ, что тамошніе жители поклонялись и другимъ божествамъ, кромѣ Цибелы и Цереры. Такъ упоминается о храмѣ Эскулапа на томъ мѣстѣ, гдѣ въ-послѣдствіи находилась греческая церковь. Геркулесъ, часто являющійся съ своими эмблемами на медаляхъ

города Пантикапей, тоже имѣлъ храмъ: торсь его статуи найдены и хранятся въ керченскомъ музеумѣ. Изъ одной надписи можно заключить, что Тиверій Юлій Савроматъ воздвигъ статую въ храмѣ Марса. Кромѣ того, въ надписяхъ упоминается еще о Бахусѣ, Діавѣ Эфесской и Страхѣ. — Наконецъ, судя о пантикапейскихъ храмахъ по архитектурнымъ обломкамъ, надобно полагать, что ихъ было много.

Таковъ былъ акрополисъ милетійскихъ поселенцевъ при царяхъ Левконидяхъ и преемникахъ Митридата. Посреди огромныхъ кучъ развалинъ, покрывающихъ древнее помѣщеніе города, видны еще слѣды большихъ улицъ, идущихъ къ главнымъ городскимъ воротамъ. Между развалинами невозможно отыскать хотя нѣсколько-полныхъ остатковъ какого-нибудь зданія. Впрочемъ, нѣтъ ничего мудренаго. Когда Керчь пришла въ IV вѣкѣ христіанскую религію, цари исчезли, и орды варваровъ разорили босфорскіе города. Народонаселеніе сдѣлалось очень малочисленнымъ, и отъ восточной Пантикапей осталась только тѣнь того, чѣмъ она была прежде. Бухта обмелѣла и образовала довольно-значительное пространство между горою и портомъ. Жители перешли на это мѣсто, укрѣпились въ немъ, а милетійскій акрополисъ и вершина горы съ храмами и дворцами превратилась въ кладбище.

Кладбища эти разрываемъ мы, и, благодаря стараніямъ нашихъ археологовъ, угаснувшая жизнь Пантикапей, если не совершенно возстановляется, то крайней-мѣрѣ является намъ въ болѣе-опредѣленныхъ образахъ. Въ числѣ прочихъ археологовъ — благодарности и г. Спасскому. Онъ въ своемъ сочиненіи представилъ намъ литографированные снимки босфорскихъ монетъ въ числѣ 147. На нихъ изображаются болѣею частью: голова Аполлона въ лавровомъ вѣнкѣ, пегасъ, голова Медузы, львиная голова, орелъ, палица Геркулеса, голова Пана, грифа, голова Юпитера, Паллады, Діаны, Вакха, Фавна, Эскулапа...

Сверхъ-того, на нихъ находятся написаны и изображенія босфорскихъ царей Левкона, Перисада, Евмела, Спартака, Митридата, Асандра, Полемона, Савромата, Рискунориса, Котиса; римскихъ императоровъ Перона, Вителлія, Клавдія, Траяна, Адріана, Антонина-Кроткаго и другихъ. Снимки сдѣланы чрезвычайно-хорошо, правильно и отчетливо; между ними и снимками, находящимися у Рауль-Рашета въ его *Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien*. — нѣтъ никакого сравненія. На монетахъ, кромѣ изображенія приведенныхъ нами, еще находятся буквы и цифры. Буквами означаются имена царей и время выпуска монетъ. Буквы заимствованы изъ греческаго алфавита. Съ помощію монетъ можно возстановить цѣлый рядъ царей, ихъ имена и послѣдовательность. На монетахъ, сверхъ-того, изображены *монограммы* и разные *символическіе знаки*. — Значеніе монограммъ или вензелей на многихъ монетахъ опредѣлить трудно, говоритъ г. Спасскій, хотя онъ по-видимому чаще состоитъ изъ буквъ замысловато-связанныхъ, чѣмъ изъ какихъ-нибудь условныхъ знаковъ. Рѣдко представляются монограммы, вмѣсто полного имени, самыя имена царей и ихъ соправителсі. — Символическіе знаки находятся на лицевой сторонѣ монетъ, перелъ изображеніями, и представляютъ скипетръ, палицу Геркулеса, копьѣ, двузубецъ и трезубецъ; армія, вмѣсто лица, представляютъ курульняныя кресла, щитъ съ копьемъ, жезлъ и другіе предметы, болѣе встрѣчающіеся на оборотной сторонѣ монетъ.

Рядъ вышеприведенныхъ монетъ представляетъ продолжительную жизнь народа образованнаго; присоедините къ этому развалины Пантикапей, столпцы Босфора, пространной, наводненной храмами, дворцами, отгѣните эту картину образованности и върваніями греческими, — и ваше воображеніе создастъ такую картину, какой вы не найдете въ отрывкахъ исторіи Босфора. — Повторяемъ, Крымъ должно изучать или въ музеумахъ, или на мѣстѣ,

во памятникахъ и развалинахъ городовъ, греческихъ колоній: Θεοδοσίи, Φαναγορίи, Νιμφеοиа, Παρενεοиа, Μυρμινιοиа...

Историческія указанія о царяхъ босфорскихъ, изложенныя г. Спасскимъ во второмъ отдѣлѣ его сочиненія, ограничиваются болѣею частію временемъ царствованія и послѣдовательною властью владѣтелей Босфора. Отдѣлъ третій книги г. Спасскаго состоитъ изъ извѣстій объ открытіи древностей и разрытіи кургановъ въ Крыму. Здѣсь описаны труды гг. Вларамберга, Степковскаго, Ашика и Корейши, извѣстные уже изъ другихъ сочиненій.

6) *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. № 3-й. Москва. Въ университетской тѣл. 1846. Въ 8-ю д. л. 46, 45, 80, 68 и 60 стр.*

Въ отдѣлѣ «Исследованій» помѣщена одна только статья, г. Ундольскаго: «Замѣчанія для Исторіи Церковнаго Пѣнія въ Россіи», къ которой приложены матеріалы, алфавитъ старинныхъ нотныхъ терминовъ и два снимка съ харатейнаго нотнаго кодакара вачала XII вѣка. Въ приложеніяхъ, между прочимъ, находится предисловіе, отбуди и отъ коего времени начаса быти въ нашей Рускѣи земли осмогласное пѣніе, и отъ коего времени и отъ кого пошло на оба лика пѣти въ церкви».

Изъ «Матеріаловъ Отечественныхъ» здѣсь напечатаны «Подробный Обзоръ Исторіи Руссовъ (Ковисскаго), съ указателямъ къ ней же», составленный г. Бодянскимъ, и «Исторія или повѣствованіе о донскихъ казакахъ, собранная и составленная чрезъ труды генералъ-майора Александра Ригельмана, 1778 годъ». Авторъ послѣдней довольно впрочемъ, по службѣ своей, провѣль среди Донцевъ. Любопытныя изображенія и описанія донскихъ казаковъ и казачекъ того времени, планъ стольнаго города Донской земли, Черкаска, и карта ея.

Т. Л. — Отд. VI.

«Исторія» въ этомъ номерѣ еще не кончена.

«Матеріалъ иностранный» составляетъ историческое разсужденіе о Хазарахъ, соч. Сума, переводъ съ датскаго С. Сабинна.

Въ смѣси замѣчательнѣйшая статья: «Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ, Г. Ф. Миллера, бывшаго историографа російскаго, писанныя на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и хранящіяся въ московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ». Труды Миллера относилась преимущественно къ великорусской исторіи; теперь открывается, что онъ занимался также и исторіей Малороссіи. Въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» 1760 года, помѣщено его «Разсужденіе о происхожденіи казаквъ», но больше ничего не было опубликовано относительно исторіи Малороссіи. Всѣхъ сочиненій, хранящихся въ архивѣ, 13; изъ которыхъ 6 на нѣмецкомъ и 7 на русскомъ. Издатель одного изъ этихъ сочиненій (О малороссійскомъ паролѣ и о Запорожцахъ), г. Бодянский, обѣщаетъ напечатать въ свое время и другія. Остальныя статьи этой книжки «Чтеній» суть: «Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника» г. Макарова, «Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ», г. Срезневскаго, и «Описаніе святыхъ мѣстъ, находящихся въ Новорусалимской Соборной Церкви Воскресенія Господня».

7) *Описаніе Второй Войны Императора Александра съ Наполеономъ, въ 1806 и 1807 годахъ, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Совѣта Михайловскимъ-Данилевскимъ. Съ двадцатью тремя планами и картами. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражн. 1846. Въ 8-ю д. л. 413 стр.*

Между различными видами исторической дѣятельности, особенно тягостна и неблагодарна дѣятельность военнаго историка. Отъ него требуетъ

ся всегда, какъ необходимое условіе, чтобъ его произведенія удовлетворяли въ одно и то же время потребностямъ совершенно-разнороднымъ—чтобъ они были поучительны для людей специальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательны для профановъ, непосвященныхъ въ таинства военнаго дѣла. А вѣдѣно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ совмѣстить, при описаніи военныхъ событій, достоинства ученаго взгляда на предметъ съ достоинствомъ живаго и интереснаго разсказа, и нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ одну изъ двухъ крайностей — въ изложеніе фактовъ слишкомъ-сухое или слишкомъ-поверхностное. Въ первомъ случаѣ, военная исторія высоко цѣнится людьми учеными, но остается совершенно-недоступною для большинства публики; во второмъ, она читается публикой съ удовольствіемъ, съ жадностью, но зато вовсе не уважается настоящими цѣнителями этого дѣла и нисколько не подвигаетъ впередъ самой науки.

Въ настоящее время, въ разныхъ европейскихъ государствахъ есть весьма-много военныхъ историковъ, вполне-заслуживающихъ уваженіе по своей учености или по своему трудолюбію; но между ними весьма-мало такихъ, въ которыхъ соединились бы вмѣстѣ историческая эрудиція и историческій талантъ. Наиболѣе-выгодною репутаціею пользуется въ этомъ отношеніи Тьеръ; но нельзя не сознаться, что и этотъ писатель, не смотря на всю свою даровитость, не приближается къ идеалу военнаго историка. Правда, ему нельзя отказать въ умѣннѣ излагать съ необыкновенною ясностью самыя запутанныя и сбивчивыя стратегическія комбинаціи, и въ искусствѣ придавать занимательность такимъ фактамъ, которые по своей специальности могутъ интересовать только немногихъ, а для большинства должны казаться сухими и неинтересными; но эти несомнѣныя достоинства Тьера, какъ историка военнаго, помрачаются двумя важными недостатками, замѣтными во всѣхъ его сочиненіяхъ. Съ одной стороны,

ребаческая, наивная любовь его къ мифѣ и военнымъ подвигамъ влечетъ за собой чрезвычайно-утомительную подробность при описаніи военныхъ событій и часто побуждаетъ его къ черевъ-чуръ уже подробному изложенію такихъ фактовъ, мелочныхъ и ничтожныхъ, которые сами-по-себѣ не заслуживаютъ никакого вниманія. Съ другой стороны, въ Тьерѣ замѣтны самолюбивыя притязанія: онъ считаетъ себя глубокимъ знаткомъ военнаго искусства и даже признаетъ въ себѣ особенную способность предводительствовать войсками и вести ихъ къ побѣдамъ; но познанія его въ военномъ дѣлѣ подлежатъ большому сомнѣнію и вовсе не признаются такими судьями, на мнѣнія которыхъ можно положиться въ этомъ случаѣ съ полной довѣренностью. Еще весьма-давно вышла въ Парижѣ любопытная брошюра, написанная сыномъ маршала Виктора, — брошюра, въ которой доказывается весьма-удовлетворительно и остроумно, что стратегическія познанія знаменитаго историка «Консульства и Имперіи» принадлежать къ числу самыхъ недостовѣрныхъ мнѣній, что на каждой страницѣ его сочиненій встрѣчаются мѣста, свидѣтельствующія ясно о совершенномъ его невѣжествѣ въ этомъ дѣлѣ, даже о незнаніи самыхъ употребительныхъ терминовъ военной науки, и что, наконецъ, всѣ его рѣзкія сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ славнѣйшихъ полководцевъ вѣщаго столѣтія принадлежать не ему-самоу, а заимствованы цѣлкомъ изъ сочиненій Наполеона, Жюини, Сен-Сира и др. Взгляните на «*Extraits des Mémoires inédits de feu Claude-Victor Perrin, duc de Bellune*» (Paris, 1846) и посмотрите, какъ тамъ достается Тьеру! Справедливы или нѣтъ эти обидныя — представляемъ судить людямъ, болѣе насъ знающимъ дѣло.

У насъ военная исторія имѣетъ представителя вполне-достойнаго ея соединяющаго въ себѣ тѣ качества, которыми отличаются нѣкоторые исто-

рии иностранцы, и въ то же время чуждаго въсѣхъ ихъ недостатковъ. Мы въ настоящую минуту имѣемъ историка, умѣющаго постоянно соблюдать надлежащую середину между двумя крайностями, равно вредными для военнаго писателя, и примирять во всѣхъ своихъ произведеніяхъ требованіе искусства съ требованіями науки, дѣльность содержанія съ изяществомъ формы. Нѣтъ, кажется, никакой нужды прибавлять, что мы говоримъ о знаменитомъ біографѣ Императора Александра, А. И. Михайловскомъ-Данилевскомъ. Распространяться здѣсь о тѣхъ достоинствахъ, которыми отличаются всѣ произведенія этого писателя, пользующагося у насъ столь заслуженной репутаціей, считаемъ мы совершенно излишнимъ, потому-что мы неоднократно имѣли случай высказывать свое мнѣніе объ этихъ достоинствахъ, давно уже извѣстныхъ всѣмъ русскимъ читателямъ. Призванный Высочайшею волею Государя Императора къ описанію военныхъ событій предшествовавшаго царствованія, А. И. Михайловскій-Данилевскій вполне оправдалъ довѣренность своего Монарха и надежды Россіи. Оцѣнить подвиги Императора Александра и его храбрыхъ сподвижниковъ, написать полную и безпристрастную исторію этой блестящей эпохи, утвердившей навсегда величіе Россіи и славу русскаго имени, — въ этомъ состояла обязанность, возложенная на А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, обязанность трудная и высокая, исполненная имъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Помощію своего трудолюбія и дарованія, онъ успѣлъ въ теченіе самаго непродолжительнаго времени воздвигнуть славу Императора Александра великолѣпный памятникъ. Благодаря трудамъ его на этомъ поприщѣ, подвиги русскаго народа въ борьбѣ съ властолюбіемъ Наполеона сдѣлались извѣстны всѣмъ и каждому. Эта великая заслуга историка двѣнадцатаго года уже признана и оцѣнена въ настоящую минуту всѣми. Полезные труды его нашли достойную для себя

награду въ одобреніи Монарха и во всеобщемъ уваженіи соотечественниковъ.

Вышедшее нынѣ описаніе кампаній 1806 и 1807 годовъ достойно замыкаетъ собою рядъ произведеній А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, предпринятыхъ имъ для исполненія порученія, возложеннаго на него Государемъ Императоромъ. Эта книга служитъ новымъ доказательствомъ таланта автора и ни въ чемъ не уступаетъ прежнимъ его произведеніямъ. Она написана тѣмъ же безъискусственнымъ, одушевленнымъ слогомъ, чуждымъ всякихъ риторическихъ эффектовъ, съ тою же простотою и ясностью, съ тѣмъ же умѣньемъ располагать факты по мѣрѣ ихъ важности и значенія. Но, независимо отъ достоинства художественнаго, она имѣетъ еще достоинства ученыя, и, представляя собою единственную дѣльную и безпристрастную исторію войны 1806 и 1807 годовъ, одинаково важна какъ для Русскихъ, такъ и для иностранцевъ. До сихъ-поръ, еще ни одна европейская литература не имѣла вполне-удовлетворительнаго описанія этой второй войны Императора Александра съ Наполеономъ. На русскомъ языкѣ были о ней только несвязные, неполные отрывки, разбросанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Сочиненія же иностранцевъ объ этомъ предметѣ не заслуживаютъ большой довѣренности, какъ потому-что иностраннымъ историкамъ оставалось совершенно-неизвѣстнымъ все то, что происходило въ русской арміи, такъ и потому, что ни одинъ изъ нихъ не былъ историкомъ оффиціальнымъ, не былъ призванъ къ составленію исторіи своимъ правительствомъ, не имѣлъ доступа къ государственнымъ архивамъ, следовательно, не могъ знать тогдашнихъ дипломатическихъ документовъ, изученіе которыхъ необходимо для уразумѣнія происшествій, совершавшихся на театрѣ войны. Напротивъ того, А. И. Михайловскій-Данилевскій повѣствованіе свое

основать на подлинныхъ военныхъ и дипломатическихъ актахъ и подкрѣпилъ ссылками. Вездѣ приведены имъ безъ малѣйшей перемѣны слова дѣйствовавшихъ лицъ. Сверхъ того, онъ изучилъ и повѣрилъ съ документами записки, составленныя о войнѣ 1806 и 1807 годовъ нѣкоторыми нашими генералами, и въ томъ числѣ главнокомандовавшимъ тогда русской арміей, генераломъ Бенингсеномъ. Наконецъ, онъ имѣлъ возможность пользоваться и словесными показаніями немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ и свидѣтелей этой войны, какъ-то генераловъ Ермолова, князя Воронцова, барона Жомини, князя Волконскаго, князя Шаховскаго, князя Чернышева, князя Щербатова, графа Палена, Шуберта, Граббе, двухъ Ломкаревыхъ и другихъ. Впрочемъ, самое важное достоинство этого сочиненія состоитъ, по нашему мнѣнію, не столько въ обиліи матеріаловъ и въ прекрасномъ изложеніи, сколько въ безпристрастіи, которымъ отличаются и всѣ прежніе труды почтеннаго автора. Это драгоценное для науки качество даетъ ему несомнѣнное преимущество передъ большинствомъ историческихъ писателей нашего времени, у которыхъ весьма-часто, въ борьбѣ между любовью къ истинѣ и любовью къ славѣ отечества, перевѣсъ остается на сторонѣ послѣдней. Надѣясь должны выйдти слѣдующіе томы тьеровой «Исторіи Консульства и Имперіи», въ которыхъ будутъ описаны тѣ же самыя кампаніи, какія А. И. Михайловскій-Данилевскій описываетъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи. Не говоря уже о различіи талантовъ и званій, мы увѣрены заранѣе, что у Тьера никакъ не достанетъ надлежащей смѣлости, чтобъ представить въ своемъ сочиненіи всю истину безъ малѣйшаго ея искаженія. Національное самолюбіе заставитъ его непремѣнно, какъ это уже случалось съ нимъ нѣсколько разъ въ его прежнихъ трудахъ, преувеличить подвиги своихъ соотечественниковъ и унижить для нихъ противниковъ. Въ подобномъ

искаженіи фактовъ никто не упрекаетъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, который, какъ въ описаніяхъ, такъ и въ сужденіяхъ своихъ постоянно руководствуется уваженіемъ къ исторической истинѣ, умѣетъ, безъ оскорбленія чувства національной гордости, отдавать должную справедливость всѣмъ и каждому, и не дозволяетъ себѣ, подобно нѣкоторымъ историкамъ, называть побѣду — пораженіемъ и пораженіе — побѣдой. Новое доказательство этого мужественнаго безпристрастія находимъ мы въ послѣднемъ его сочиненіи, эпиграфомъ которому могли бы служить сакраментальныя слова французской присяги: «la vérité, rien que la vérité, toute la vérité». Такъ, на-примѣръ, говоря о побѣдѣ Русскихъ подъ Пултускомъ, побѣдѣ, которую совершенно-несправедливо приписали себѣ Французы, А. И. Михайловскій-Данилевскій сознается, что Бенингсенъ преувеличилъ свой подвигъ, дошедши, стало самъ Наполеонъ, находившійся тогда у Голмина, предводительствовалъ противъ него, имѣя подъ начальствомъ двухъ маршаловъ, Даву и Ланна. Точно также и въ описаніи сраженія подъ Прейсшпш-Эйлау А. И. Михайловскій-Данилевскій, разрѣшая этотъ спорный пунктъ въ нашу пользу, не придаетъ, однакожь, этой побѣдѣ той важности, какую ей придавали прежде, но указываетъ на настоящее ея значеніе, состоящее въ томъ, что, при тогдашней славѣ Наполеона, одна уже неудача его нападенія равнилась совершенному пораженію. Советуемъ всѣмъ прочесть это замѣчательное мѣсто въ книгѣ (стр. 210—213).

Впрочемъ, надо сознаться, что русскому историку, и особенно историку царствованія Александра-Благословеннаго, вовсе не трудно быть вѣрнымъ и безпристрастнымъ судьей описываемыхъ имъ событій. Нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ недобросовѣстнымъ уловкамъ и къ искаженію фактовъ тамъ, гдѣ одна вагая истина, чуждая всякихъ прикрасъ, краснорѣчиво говоритъ въ пользу той справедливой гор-

дости, съ которой соединяется въ каждомъ изъ насъ воспоминаніе объ этихъ незабвенныхъ дняхъ... Въ достопамятную эпоху борьбы Александра съ Наполеономъ, самыя неудачныя наши кампаніи не уменьшали нашей славы, а увеличивали ее, доказывая, что только одни вѣщныя, несчастныя обстоятельства могли преодолѣть мужество и терпѣніе русскихъ войскъ. Поэтому весьма-справедливы слова А. П. Михайловскаго-Данилевскаго: «ни Императоръ Александръ, ни его храбрые сподвижники не нуждаются въ вымышленныхъ побѣдахъ для своей славы и въ поддѣльныхъ листкахъ для безсмертнаго вѣнца своего!»

8) Замѣчательнѣйшіе Походы Петра-Великаго и Суворова. *Публичныя лекціи военной исторіи, по Высочайшему повелѣнію читанныя Генеральною Штаба подполковникомъ Богдановичемъ, въ 1846 году. Съ шестью картами и планами. Санктпетербург. Печатаю въ тип. Карла Крайя. 1846.*

Авторъ замѣчательнѣйшихъ Походовъ избралъ эпиграфами для своего сочиненія безсмертныя слова Петра-Великаго: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія во славу и благоденствіи, для благосостоянія вашего». Другой эпиграфъ составляютъ слова Суворова: «Горжусь тѣмъ, что я Русскій!»

Въ предисловіи, г. Богдановичъ упоминаетъ о желаніи сдѣлать свои лекціи истинно-популярными и потому о тѣхъ трудностяхъ, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, въ-особенности при составленіи лекцій. Походы Суворова требовали сличенія свѣдѣній, разоблаченныхъ во множествѣ книгъ и рукописей и пополненія ихъ изустными преданіями. Тутъ же авторъ, между прочимъ, сказалъ:

«Чтобы говорить предъ Русскими просвѣщенными воинами о Петрѣ и Суворовѣ, необходимо было повторить многое извѣстное. Кому изъ Русскихъ чужды ихъ подвиги? Но за то я льстилъ себя на-

деждою найти единодушное сочувствіе въ моихъ слушателяхъ; я зналъ, что каждый изъ насъ привыкъ отъ самой колыбели чтить имя Суворова, благоговѣть передъ памятью Петра-Великаго, и потому надѣялся, что тѣ, которые удостоятъ меня вниманіемъ своимъ, обратятъ болѣе вниманія на достоинства, нежели на недостатки моего разсказа.»

Литература описываемыхъ г. Богдановичемъ войнъ, въ-особенности сѣверной, такъ обширна, богатство матеріаловъ такъ велико, что автору предстояло только трудъ свѣрить, привести въ систему и передать уже готовые и давно-обработанные факты. Такъ-какъ содержаніе изданной теперь книжки было назначено для изустной бесѣды съ слушателями, то намъ остается только разсмотрѣть, въ какой степени авторъ воспользовался тѣми многочисленными средствами, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и какія новыя пріобрѣтенія сдѣлала военная исторія со времени появленія замѣчательнѣйшихъ Походовъ г. Богдановича.

Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять лекцій, изъ которыхъ первыя двѣ заняты изложеніемъ походовъ сѣверной войны 1707, 1708 и 1709 годовъ, а въ трехъ послѣднихъ лекціяхъ содержится походъ Суворова, въ 1799 году, въ Сѣверную-Италію и потомъ въ Швейцарію. Раздѣленіе труда своего на пять лекцій авторъ совершилъ уже въ-послѣдствіи, при напечатаніи книги. Въ дѣйствительности же, содержаніе книги было прочитано г. Богдановичемъ въ три лекціи. Лекція отъ лекцій отдѣляется тремя, четырьмя, а иногда и пятью чистыми страницами, такъ-что, со включеніемъ приложенныхъ въ концѣ книги опечатокъ, получится въ итогѣ 241 страница.

Первую лекцію авторъ начинаетъ словами:

«Счастливъ тотъ, кто говоритъ о Великомъ Петрѣ предъ Русскими. Его слова навѣрное найдутъ отголосокъ въ душахъ слушателей. Но еще завиднѣе участь

того, кто подобно мнѣ, долженъ говорить о военныхъ подвигахъ Петра».

Вообще изъ первыхъ двухъ лекцій, т. е. походовъ сѣверной войны, ясно обнаруживается предположенная авторомъ цѣль — представить подвиги Петра-Великаго въ настоящемъ ихъ видѣ. Но оказалось, что, при дальнѣйшемъ развитіи своей идеи, авторъ всѣ факты описываемой имъ войны сосредоточилъ на подкрѣпленіи созданной имъ сѣбѣ мысли, что Петръ-Великій былъ не только полководецъ, стоявшій выше своего вѣка, опередившій цѣлымъ столѣтіемъ своихъ современниковъ и неопровержимый ими по заслугамъ, но что онъ, какъ геніальный полководецъ, имѣетъ всѣ права стать несравненно-выше Наполеона, эрцгерцога Карла и Карла XII. Потому авторъ, справедливо жалуюсь на иностранныхъ писателей, что они до сихъ поръ еще не оцѣнили вѣрно военныхъ заслугъ Петра-Великаго, имѣютъ ложныя о немъ понятія и не обращаютъ вниманія на то, что онъ одержалъ верхъ надъ Карломъ-Двѣнадцатымъ—однимъ изъ замѣчательныхъ людей своей эпохи,—говорить:

«Но мы Русскіе, можемъ ли раздѣлять это мнѣніе? Можемъ ли быть столь равнодушны къ подвигамъ того, кто сказалъ: что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія и(в)ашего, — того кто сказавъ эти слова сдержалъ ихъ столь славно на поляхъ Полтавы, гдѣ смерть ходила вокругъ Петра, касалась его; но не дерзнула поразить его.»

Отдавая полную справедливость чувствамъ автора, его патриотизму, его благоговѣнію къ подвигамъ Великаго, не можемъ не замѣтить, что всѣ эти въ источникъ прекрасныя чувства нѣсколько удалили его отъ истины, которая, оставаясь всегда неизмѣнною, должна быть свято уважаема историкомъ и служить непремѣннымъ основаніемъ науки. Неисчислимыя государственныя заслуги и личныя доблестныя Петра-Великаго составля-

ютъ уже такія неопровержимыя права на признательность и удивленіе потомства, что мысль г. Богдановича представить Петра, какъ перенесеннаго, геніальнаго полководца всѣхъ вѣковъ, — несогласная съ историческою истиною, — непремѣнно должна встрѣтить основательное возраженіе. Какъ мудрый преобразователь, какъ великій организаторъ вооруженныхъ силъ, Петръ-Великій безспорно займетъ первое мѣсто; однакожь, въ ряду предводителей арміи ему принадлежить хотя весьма почетное мѣсто, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, не первое. Чтобы доказать подобную мысль, со стороны автора недостаточно безогчетныхъ похвалъ, но необходимы положительныя факты, взятые изъ чистаго родника исторіи, и въ этомъ случаѣ должно обращаться къ исторіи, а не къ чувству слушателей или читателей...

Излагая числительныя силы воюющихъ сторонъ, авторъ говоритъ на стр. 8-й:

«Со стороны же Карла Двѣнадцатаго, силы котораго вообще состояли въ числѣ ста тысячъ, армія была укомплектована болѣе, нежели до тридцати тысячъ войскъ... (?) и проч.»

Намъ кажется это нѣсколько-неопредѣлительно: какъ должно понимать, что армія съ укомплектованіемъ составила 130 тысячъ, или только 100 тысячъ; или же 100 тысячъ Швецовъ укомплектовались такимъ-образомъ, что подъ-конецъ ихъ набралось до 30 тысячъ?

Распространяясь о мѣстныхъ оборонительныхъ средствахъ, которыя, при вторженіи шведской арміи въ русскіе предѣлы, тогдашнее наше правительство предприняло, авторъ между прочимъ такъ говоритъ на стр. 13 и 14:

«Въ то же время приказано было устроить укрѣпленную линію на пространствѣ отъ Пскова черезъ Смоленскъ къ Брянску. Эта линія состояла въ дѣсятыхъ мѣстахъ, изъ засѣкъ, а въ открытомъ изъ окоповъ; на всѣхъ путяхъ, изъ

Лини къ Россію устроены были завалы. Такимъ-образомъ эта укрѣпленная линія была сходство съ подобными линіями, употреблявшимися на западѣ Европы.»

Эти безконечныя, на нѣсколько сотъ верстъ растянутыя линіи укрѣпленій и засѣкъ были воздвигаемы у насъ въ Россіи еще въ незапамятныя времена татарскаго владычества. Валъ со рвомъ къ непріятельской сторонѣ устроивался въ мѣстахъ безлѣсныхъ. Остатки этихъ укрѣпленій доннынѣ сохранились въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ Россіи и преимущественно тѣхъ, которыя находились на границахъ, окраинахъ или окраинахъ государства. Изъ примѣръ, въ Полтавской около Золотоноши, на югѣ Кіевской и Харьковской, гдѣ пролегалы границы съ Крымскою-Ордою. Страны же лѣсистыя оборонялись пространными линіями засѣкъ. Такимъ-образомъ, въ Калужской и Рязанской Губерніяхъ засѣки тянулись иногда болѣе, чѣмъ на сто верстъ. Еще во времена Петра въ этихъ губерніяхъ засѣками ограждались казенныя лѣса, называвшіеся по этой причинѣ также засѣчными, и только въ 1762 году указомъ императрицы Екатерины Второй запрещено валить лѣсъ на засѣки. Система оборонять страну посредствомъ непрерывной линіи укрѣпленій и засѣкъ отъ набѣговъ враждебныхъ нѣмца началось не подражаніе или заимствованіе отъ Западной-Европы, а прямое слѣдствіе первобытныхъ, младенчествующихъ понятій о военномъ искусствѣ и оборонительныхъ средствахъ страны. Стѣны Агриколы и Адриана на границахъ Шотландіи съ Англіею, Траяновъ-Валъ отъ сел. Черноводъ на Дунаѣ до Кистенджики, если угодно, китійская стѣна — всѣ эти постройки должны приписать не къ заимствованію одного народа отъ другаго и тѣмъ болѣе отъ Запада, а къ фактическому проявленію необразовавшихся еще тогдашнихъ понятій о военномъ искусствѣ; а какъ ратное дѣло у всѣхъ народовъ того времени находилось еще въ совершенномъ, почти-одинаковомъ

младенчествѣ, то и результаты выходили тождественныя. Такимъ-образомъ, авидимся въ Китаѣ и Шотландіи стѣны, а у насъ земляные валы и засѣки.

Во многихъ мѣстахъ своей книги, въ особенности при описаніи послѣдствій сраженія или удачнаго дѣла, авторъ высказываетъ свои мнѣнія о Петрѣ-Великомъ и Карлѣ XII.

Такимъ-образомъ, на стр. 38, распространяясь о военныхъ качествахъ шведскаго короля, онъ между-прочимъ говоритъ:

«Разсматривая дѣйствія великихъ полководцевъ всѣхъ временъ, видимъ, что они были истинно велики потому именно, что умѣли соображаться съ своими средствами и съ обстоятельствами, въ которыхъ находились. И потому, по всей справедливости должно сознаться, что Карлъ-Дѣвнадцатый, необладавшій этимъ умѣньемъ, не можетъ равняться съ гениальными полководцами—Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, Густавомъ Адольфомъ, Фридрихомъ-Великимъ, Наполеономъ и Петромъ I.»

Потомъ, на слѣдующей страницѣ, авторъ говоритъ уже, что «Карлъ-Дѣвнадцатый не можетъ считаться въ числѣ великихъ полководцевъ», и въ довершеніе прибавляетъ причину: «искусство достигая побѣдами цѣли войны было недоступно ему». Опредѣливъ такимъ-образомъ военные таланты шведскаго короля, г. Богдановичъ заключаетъ: «все-таки онъ долженъ занять мѣсто въ ряду людей необыкновенныхъ». Для полноты портрета сѣвернаго героя, на той же страницѣ, авторъ сдѣлалъ два дополненія, изъ которыхъ въ первомъ сказано, что: «онъ не былъ великимъ полководцемъ можетъ быть потому только, что искусство веденія войны, столь многосложное и трудное искусство, требуетъ пріготовительныхъ свѣдѣній и опытности, которыхъ не доставало Карлу, начавшему командовать арміями съ семнадцатилѣтняго возраста». Въ другомъ же мѣстѣ, на стр. 39, говорится о Карлѣ XII слѣ-

дующее: «соображенія его, мало обдуманныя и не довольно основательныя, не могут выдержать строгаго критическаго разбора».

Представивъ въ такомъ свѣтѣ Карла XII, какъ полководца, авторъ, къ довершенію нашего недоумѣнія, въ слѣдующихъ строкахъ называетъ его «достойнымъ противникомъ Петра».

Принимая мнѣнія г. Богдановича за несомнѣныя, какой же выводъ сдѣлаемъ о военномъ значеніи Петра-Великаго? Предоставляемъ рѣшить какъ этотъ, такъ и другіе возникающіе при этомъ вопросы ученымъ исследователямъ военной исторіи...

Описавъ, на стр. 52, второй моментъ сраженія подъ Лѣснымъ, когда непріятель, бывъ атакованъ вдругъ на всей линіи, долженъ былъ отступать къ своему вагенбургу, авторъ говорить, вѣроятно принявъ за авторитетъ показанія Адлерфельда или Нордберга: «отбили у него 5 орудій и нѣсколько знаменъ». Въ «Журналѣ Петра-Великаго» (часть I, страница 167) означено «8 пушекъ и нѣсколько знаменъ». «Журналъ», или поденная записка Петра-Великаго, написанъ канцлеромъ Шафировымъ и собственноручно исправленъ и пересмотрѣнъ Петромъ-Великимъ, а потому составляетъ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ и достопрѣйшихъ матеріаловъ для исторіи сѣверной войны. Сраженіе подъ Лѣснымъ имѣло такое рѣшительное вліяніе на ходъ и окончаніе цѣлой кампаніи, что мы не можемъ опустить случая представить читателямъ тогдашній современній рассказъ, который съ тѣмъ виѣстѣмъ будетъ необходимъ и для исправленія вышесказаннаго показанія г. Богдановича:

«И когда оныхъ (Шведовъ) сквозь Лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ, тогда наша конница съ пѣхотою совокупилась и на ономъ полѣ всѣми людьми на обѣ стороны въ главной бои вступили, которой нѣсколько часовъ продолжался, гдѣ непріятеля съ поля какъ сбили жъ, который ушелъ къ своему обозу; а наши стали на боевомъ мѣстѣ, гдѣ взято восемь пушекъ

и нѣсколько знаменъ; и поуже на обѣ стороны солдаты такъ устали, что болѣе невозможно биться было, и тогда непріятель у своего обоза, а наши на боевомъ мѣстѣ сѣли, и довольно время отдыхали, разстояніемъ линіей одна отъ другой въ половинѣ пушечнаго выстрѣла полковою пушки или и ближе; въ то время съ нашего праваго крыла нѣсколько разъ изъ трехъ пушекъ стрѣлено въ флангъ непріятельской, а отъ нихъ стрѣльбы не было. Сей случай зѣло дивно было видѣть, будто бы непріятель былъ между собою такъ крохи, и близко другъ отъ друга сидя отдыхали».

Съ прибытіемъ въ Русскимъ отрядъ Баура, а къ Шведамъ обознаго прикрытія —

«...какъ непріятеля атаковали, гдѣ превеликій жестокой былъ бой, и перво нѣсколько залповъ выпалили, а потомъ съ басопетани и шпагами прямо на непріятеля пошли, и помощью побѣдодавца Бога, непріятеля совсѣмъ съ поля сбили, и дѣстальныя пушки и обозъ взяли и совершенную викторию получили, при которой окончаніи превеликая началась вьюга со снѣгомъ, и потомъ тотчасъ ночь наступила, и тако оставшіися непріятель случай ко уходу получалъ, а наши, гдѣ кого та вьюга застала, тутъ и ночевали».

По всего замѣчательнѣе заключеніе. Ни одинъ полководецъ, ни одинъ военный историкъ, по всѣмъ вѣроптіямъ, не дѣлалъ такого любопытнаго, въ высшей степени оригинальнаго словеса:

«Сія у насъ побѣда можетъ первую назваться; поуже изъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, и истиннѣ оная впоноу всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, поуже тутъ перал солдатская проба была, и людей конечно ободрила, и мать полтавской баталіи, какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ; ибо по девятимѣсячномъ времени оное младенца счастье произнесла, — егда совершеннаго ради любопытства кто желаетъ исчислять отъ 28 дня сентября 1708, до 27 іюня 1709 года.»

Остальная часть похода сѣверной войны у г. Богдановича изложена до

немногочетливо, и вообще вездѣ, только авторъ излагалъ самые факты, излагалъ ихъ вѣрно и языкомъ простымъ; по всѣмъ отступленіямъ, имъ сдѣланнымъ для подкрѣпленія созданной имъ идеи, не отличаются тѣми же достоинствами, можетъ-быть, и потому, что послѣдъ на себѣ отпечатокъ какой-то неясности, нестроты, мозаичности. Замѣтно, что авторъ много читалъ, во, принимая за основаніе правды и мысли знаменитѣйшихъ военныхъ писателей, не срадинился съ ними, не усвоилъ ихъ себѣ, и потому въ разногласіяхъ правила и мысли, — прочесть, основательныя въ частности, — въ совокупности не только не поддержалъ главной идеи, но произвелъ совершенно-противное дѣйствіе. Произвѣдствомъ чему можетъ служить въсприведенная нами характеристика Карла XII.

Вторая половина произведенія г-на Сидорова, т. е. походы Суворова въ Италию и Швейцарію, носитъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ же достоинствъ, которыми отличается и «Описание похода Карла XII на Россію». Мы этихъ фактовъ сказать, что подробное изученіе историческихъ фактовъ, изъ которыхъ приведены многіе весьма-любопытные и, можетъ-быть, немногими замѣченные, даетъ выгодное для автора мнѣніе о его начитанности и учености. Взвѣсивъ съ этой стороны трудъ, можно согласиться, что авторъ составилъ его довольно-добросовѣстно. При этомъ, однакожъ, мы должны замѣтить, — потому-что справедливость и объективность дѣла того требуютъ, — что въ фактахъ, тѣсныхъ рамкахъ «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ» не можетъ и не должно существовать выпуклыхъ ошибокъ противъ изложенія историческихъ фактовъ. Было бы довольно странно, еслибъ въ этомъ краткомъ эссенціи войны, въ такомъ масштабѣ, оказались бы еще подобныя недостатки! Въ этомъ отношеніи, «Исторія Россійско-Австрійской Кампаніи 1799 года» г. Фукса, не говоря уже о десяткахъ иностранныхъ писателей, можетъ

служить весьма-хорошимъ источникомъ, какъ сводъ матеріаловъ; но изъ этихъ матеріаловъ должно построить заданіе, достойное нашего гениальнаго Суворова...

«Замѣчательнѣйшіе Походы Суворова», какъ произведение военно-историческое, неизбѣжно должно покоряться еще другимъ условіямъ: кромѣ исторіи, оно должно принадлежать и военному искусству, а потому недостаточно изложить только передвиженія войска или ихъ маршруты по предписаніямъ отъ такого-то числа и за такія-то нумеромъ; недостаточно показать расположеніе отдѣльныхъ корпусовъ или отрядовъ на театрѣ войны, или расположеніе войскъ въ виду неприятеля на полѣ сраженія, и какъ они передвигались и какъ дѣйствовали, — все это прекрасно, и если военный человекъ расскажетъ всѣ замѣчательныя подробности данной кампаніи, это сдѣлаетъ честь его памяти; но изученіе однихъ вещественныхъ фактовъ войны еще не подвигаетъ дѣла впередъ, т. е. къ цѣли, которую долженъ предположить себѣ вообще военный историкъ при созданіи труда своего. Военная исторія имѣетъ еще другую важную сторону (которую можно назвать, если хотите, фидософскою), — именно, подробное разсмотрѣніе военныхъ дѣйствій какъ въ тактическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніяхъ, и указаніе на то, какія новыя преобразованія данная кампанія произвела въ искусствѣ веденія войны. При подробнѣйшемъ изученіи исторіи великихъ полководцевъ, которые произвели эпоху въ образѣ веденія войны, должно обращать главнѣйшее вниманіе на тѣ особые, новые принципы, которымъ они подчинили свои дѣйствія; эти-то принципы и составляютъ основаніе законовъ военнаго искусства. По походѣ въ Италию и Швейцарію въ 1799 году, кромѣ выводовъ для усовершенствованія теоріи, еще имѣетъ другую особенность, замѣчательную собственно для насъ, Русскихъ, какъ походъ русскаго полководца. Суворовъ прибрѣлъ первен-

ство гениальностью своих соображений надъ всѣми полководцами своего вѣка, и до настоящей минуты надъ всѣми русскими когда-либо бывшими полководцами; а потому, при описаніи похода его въ Италію и Швейцарію въ 1799 году, для русскаго военнаго историка представится еще новый любопытный элементъ — изслѣдованіе тѣхъ средствъ, которыми нашъ великій полководецъ такъ много облегчилъ себѣ побѣду, того могущественнаго вліянія, которое имѣлъ онъ на нравственный духъ вѣрннаго ему войска, голоднаго, безъ обуви, переносившаго всевозможныя и даже невозможныя лишения. Вспомните положеніе его въ Швейцаріи, гдѣ даже самъ Багратіонъ имѣлъ ботфорты безъ подметокъ, такъ что пальцы торчали у него снаружи, — и при всемъ этомъ смертельно-раненный Мещерскій за минуту до послѣдняго вздоха кричалъ Фуку: «Не забудь меня въ реляціи!»... Изученіе этихъ-то мощныхъ рычаговъ нравственныхъ силъ врядъ-ли не столько же необходимо военному человѣку, какъ и изученіе военной географіи, тактики и стратегіи...

При составленіи «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ Суворова», авторъ не сказалъ ни одного слова своимъ читателямъ о театрѣ войны, тогда-какъ это обстоятельство считается однимъ изъ главнѣйшихъ условій всякаго военно-историческаго произведенія. Такимъ образомъ, безъ предварительнаго знакомства съ мѣстностью театра войны, невозможно будетъ объяснить всей замысловатости стратегическихъ соображеній Суворова и причинъ отдѣленія арміи Моро отъ арміи Макдональда во время трехдневнаго сраженія при Тидоне и Требін.

Въ заключеніе, намъ остается указать на нѣсколько погрѣшностей, вправшихся отъ поспѣшности, съ которою, можетъ-быть, печаталась книга. На стр. 104, авторъ приводитъ собственные слова Суворова, сказанныя имъ по случаю назначенія новаго главнокомандующаго во французскую

армію, генерала Моро, вмѣсто Шерера, признаннаго Директорією неспособнымъ; узнать о томъ, Суворовъ сказалъ: «Слава Богу! немного было бы намъ чести разбить шарлатана. Горжусь, что буду имѣть дѣло съ главнымъ человѣкомъ». Суворовъ уважалъ Моро болѣе, чѣмъ другихъ французскихъ генераловъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ отзывался о немъ въ подобныхъ выраженіяхъ, но, во всѣхъ вѣроятіяхъ, не считалъ за особенную честь и не гордился тѣмъ, что будетъ имѣть дѣло съ главнымъ человѣкомъ: вѣдь Шереръ былъ тоже главнымъ человѣкомъ, если повѣтъ это выраженіе за однозначашее съ главнокомандующимъ. Гордость Суворова, какъ боелюбиваго, побѣдоноснаго старца, могла удовлетвориться только борьбою съ достойнымъ противникомъ, стяжавшимъ уже громкую славу многими побѣдами. Мы полагаемъ, что авторъ «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ» нѣсколько преобразовалъ слова, сказанныя Суворовымъ въ Туринѣ по случаю предпріяятаго генераломъ Моро отступленія вверхъ по долигѣ Тавара съ цѣлію пройти въ Ривьеру, соединиться съ арміею Макдональда чрезъ Геную и Понтремоли и стать на сообщеніяхъ союзной арміи. Маневръ былъ недурень, и Суворовъ, вполне постигая все его значеніе, сказалъ: «Моро понимаетъ меня старика, и я радуюсь, что буду имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ»...

На стр. 131, авторъ, описавъ сраженіе при Тидоне 17 іюня, помѣстилъ авангардъ отступившей французской арміи «у Сан-Николо, на лѣвой сторонѣ Тидоне», тогда-какъ въ дѣйствительности Французы расположили свой авангардъ на лѣвомъ берегу Требін, да и самая деревня Сан-Николо находится не въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега Требін.

На стр. 228-й изложены послѣдствія муттенскаго сраженія (у рѣки Муотты), при чемъ авторъ говоритъ:

«Потеря его, въ оба дни муттенскаго сраженія, кромѣ пяти орудій, захвачен-

иных побѣдителями и зарытыхъ къ зем-
лю, по неизбѣжному средству къ проводу
къ черезъ горы, простиралась до 1500
миль въ плѣнными (въ числѣ которыхъ
былъ бригадный генералъ Лекурбъ)...

А на стр. 208 сказано:

«Правое крыло французской арміи, про-
тивъ котораго должны были дѣйствовать
союзныя войска, состояло изъ двадца-
ти-тысячной дивизіи Лекурба».

Вообще, появленіе замѣчательнѣй-
шихъ Походовъ Петра-Великаго и Су-
ворова, если и не послужило къ по-
полненію и дальнѣйшему развитію оте-
чественной военной исторіи, то, по-
крайней-мѣрѣ, можетъ служить дока-
зательствомъ нѣкоторой, во всякомъ
случаѣ полезной литературной дѣя-
тельности. Но, говоря вообще, это про-
звѣденіе приблизительно не можетъ
удовлетворить строгимъ требованіямъ
современной науки, и гениальный нашъ
Суворовъ тѣмъ не менѣе до настоящей
минуты еще не имѣетъ достойнаго ис-
толкователя своихъ великихъ, незаб-
венныхъ дѣлъ...

Знаменитый схоластикъ среднихъ
вѣковъ объяснялъ своей аудиторіи од-
ну строку Виргилія почти цѣлый годъ,
читая лекціи четыре раза въ недѣлю.
Обстоятельства заставили его прекра-
тить свои лекціи, и онъ, явившись въ
последній разъ къ своимъ слушате-
лямъ, объявилъ, что, посвятивъ лучшее
время своей жизни изученію Вирги-
лія, полагалъ высшимъ блаженствомъ
для себя передать это знаніе и своимъ
слушателямъ; но, къ несчастію, ему
удалось только до половины объяснить
весь многообъятный смыслъ этой стро-
ки Виргилія. А та строка нашей исто-
ріи, гдѣ начертано имя Суворова, раз-
вѣ имѣетъ менѣе - глубокой смыслъ?
Въ таинственныхъ его словахъ: бы-
строта, глазомѣръ, натискъ, развѣ не
заключается сокращенія его вѣрной,
меткой тактики?..

9) Исторія Италійскихъ Кам-
паній 1813—1814. Съ десятью карта-
ми и планами, (перевелъ) съ француз-

скаго полковника Сяличъ. Санктпетер-
бургъ. 1847. Въ тип. К. Крайла. XVI и
358 стр.

Генералъ французской службы Во-
донкуръ (général Guillaume de Vaudou-
court) извѣстенъ множествомъ равно-
образныхъ сочиненій, большею частью
относящихся къ военнымъ наукамъ.
Почти нѣтъ ни одного сколько-нибудь
замѣчательнаго военнаго событія въ
этотъ вѣкъ, о которомъ бы онъ не ска-
залъ публично своего мнѣнія, такъ-что
по всей справедливости его можно на-
звать военнымъ полиграфомъ. Прини-
мая участіе въ издававшихся во Фран-
ціи журналахъ по части военныхъ на-
укъ, онъ приобрѣлъ себѣ нѣкоторую
извѣстность, и въ 1822 году Стокгольм-
ская Академія Военныхъ Наукъ сдѣла-
ла его своимъ членомъ. Между прочи-
ми его сочиненіями особенно замѣча-
тельны слѣдующія: 1) Mémoires pour
servir à l'Histoire de la guerre entre la
France et la Russie en 1812; 2) Histoire
de la guerre soutenue par les Français
en Allemagne en 1813; 3) Mémoires sur
les Iles Ioniques; 4) Mémoires histori-
ques sur le Monténégro et sur les peu-
plades adjacentes de l'Erzegovine et
de la Haute-Albanie; 5) Précis des évé-
nemens militaires survenus en Europe
depuis 1815 (въ этомъ сочиненіи осо-
бенно-замѣчательны статьи, посвящен-
ныя разсмотрѣнію военныхъ дѣйствій
въ-продолженіе послѣдней турецкой
войны 1828 и 1829 годовъ; и кампаніи
1831 года противъ польскихъ мятеж-
никовъ; если не ошибаюсь, это сочи-
неніе помѣщено въ «Journal de Scien-
ces Militaires» въ 1836 или 1837 году);
6) Essai sur l'organisation défensive mi-
litaire de la France; 7) Histoire politi-
que et militaire du Prince Eugène Na-
poléon, и наконецъ 8) Histoire des cam-
pagnes d'Italie en 1813 et 1814, пере-
водъ которой издалъ теперь полковникъ
Сяличъ.

Не смотря, однакожь, на значитель-
ное количество сочиненій, Водонкуръ
вообще не принадлежитъ къ числу
первоклассныхъ военныхъ писателей.
Онъ не отличается тою ясностью изло-

женія и тѣмъ безпристрастїемъ, которыя должны составлять неотъемлемую принадлежность историка. Недостатокъ ясности въ изложенїи, можетъ быть, происходитъ и отъ-того, что авторъ, занимаясь многими предметами вдругъ, не имѣлъ времени достаточно осмотрѣть каждый. Но какъ бы основательны эти причины ни были, а сбивчивость изложенїя препятствуетъ схватить главную идею и, слѣдуя за передвиженїями значительныхъ отрядовъ и корпусовъ, вниманїе слабѣетъ, раздробляется, и утомленный читатель невольно упускаетъ изъ вида цѣль главной стратегической операціи, которая всегда должна оставаться ясною и свѣтлою въ умѣ его. Описывая войны иностранныхъ державъ, Водонкуръ еще довольно-безпристрастенъ, но гдѣ только дѣло коснется до его отечества — «прекрасной Франціи», то старый наполеоновскій солдатъ всегда помнитъ, что онъ Французъ, и на литературномъ поприщѣ сражается за славу Франціи съ тѣмъ же мужествомъ и самоабвенїемъ, какъ при Арколѣ, Маренго и Ваграмѣ, забывая, что въ числѣ непрїятелей поражаетъ и святыню исторической истины. По этой-то самой причинѣ изданныя имъ записки о войнѣ 1812, и въ-послѣдствїи о войнѣ 1813 г. не пользуются значительнымъ авторитетомъ, особенно же первыя, какъ написанныя весьма-поверхностно и съ большою поспѣшностью, болѣе для удовлетворенїя тогдашняго требованїя публики, чѣмъ для разъясненїя самыхъ событїй на пользу исторїи и военной науки.

Образимся теперь къ его «Исторїи Италїйскихъ Кампанїи въ 1813 и 1814 году», переведенной на русскій языкъ полковникомъ Силичемъ. Настоящее сочиненїе было написано авторомъ едва-ли не на тѣхъ же самыхъ основанїяхъ, какъ и записки о войнѣ 1812 года: черезъ годъ послѣ окончанїи войны оно было уже готово, и если авторъ издалъ его двумя годами позже, т. е. въ 1817 г., то по причинамъ случайнымъ. Онъ самъ говоритъ: «différentes circonstances en ont retardé la pu-

blication et ont empêché l'auteur de s'en occuper pendant l'année 1816. Il était alors en Angleterre, et la législation des Iles Ioniques, passées sous la protection de cette puissance, occupait le gouvernement et le public éclairé. Cette dernière considération décida l'auteur à publier de préférence l'ouvrage intitulé: Mémoires sur les Iles Ioniques, dont les matériaux existaient depuis plusieurs années dans son portefeuille». Изъ этого можно видѣть, съ какою внимательностью авторъ приравнивался къ желанїямъ и требованїямъ тогдашней публики.

«Исторїю Италїйскихъ Кампанїи» авторъ написалъ по самымъ достойнымъ матеріаламъ. Въ бытность свою въ Парижѣ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженїи всѣ бумаги и дѣла, хранившіяся въ архивѣ главнаго штаба арміи, дѣйствовавшей въ Сѣверной-Италїи подъ предводительствомъ вице-короля италїянскаго, бывшаго его начальниа. Во время же побѣдки своей въ Англію, гдѣ въ-послѣдствїи издана и полнившаяся нынѣ у насъ книга, авторъ старался собирать объ этой кампанїи всѣ замѣтки и статьи, разсылая по разнымъ періодическимъ изданїямъ, съ тѣмъ, чтобъ изложить всѣ движенїя и операціи австрїйской арміи съ тою же отчетливостью и полнотой, съ какою онъ изложилъ дѣйствїя арміи французской и италїянской въ эту кампанїю. По полнотѣ матеріаловъ и по замѣтной тщательности, приложенной Водонкуръ при совершенїи труда, его «Исторїя Италїйскихъ Кампанїи» составляетъ едва-ли не лучшее его произведенїе.

Когда въ 1813 и 1814 годахъ совершались великія событїя, многочисленная войска союзной Европы отступили постепенно наполеоновскую армію къ границамъ Франціи и наконецъ къ самому Парижу, а, вступая въ сраженїя, иногда выставляли до полумилїона воиновъ съ обѣихъ сторонъ, и до тысячи орудїй громило враждебные ряды,—въ это самое время, въ отдаленномъ углу театра войны, въ Сѣверной-

Италиі, 50-ти-тысячная французская армія сражалась съ 70 тысячами Австрійцевъ, отступала постепенно, оспаривала иногда мѣстность сраженіемъ, и наконецъ, когда союзные государи вступили въ столицу Франціи, и въ Италиі прекратились военные дѣйствія. Въ эту кампанію было три замѣчательныя сраженія: при Фейстрицѣ, Бассало, и самое главное при переправѣ черезъ Минчіо. Такимъ-образомъ, итальянская кампанія, въ-отношеніи къ тогдашней громадной борьбѣ, гдѣ рѣшалась участь цѣлаго міра, составляетъ какъ-бы маленькій эпизодъ великой эпопеи, отдѣльную сцену на третьемъ планѣ картины, битву за малый лоскутъ порфиры Наполеона. Военный человекъ увидитъ въ повѣсти объ этой войнѣ примѣръ войны оборонительной... Впрочемъ, предоставляемъ говорить самому переводчику.

«Самый лучший, неувядающій листокъ въ книгѣ Вице-Короля Италійскаго есть, безъ сомнѣнія, кампанія его 1813 и 1814 въ Италиі, гдѣ онъ, обремененный неограниченнымъ полномочіемъ, дѣйствовалъ и распоряжался, какъ совершенно отдѣльный главнокомандующій. Эта кампанія входитъ въ составъ огромнаго военного плана той эпохи, но она особенно поучительна какъ образецъ войны оборонительной, если принять въ соображеніе слабыя средства, находившіяся въ распоряженіи Вице-Короля, чрезвычайное превосходство непріятельскихъ силъ и относительное расположеніе противудѣйствовавшихъ армій. Съ какимъ искусствомъ велъ онъ всю войну, какъ умѣлъ пользоваться малѣйшими благоприятными обстоятельствами для отвращенія ударовъ непріятельскихъ! Казалось, что эта горсть солдатъ вновь набранныхъ, можно сказать, необученныхъ рекрутъ, должна была неминуемо погибнуть, но твердостью предводителя она преодолѣла все, дѣйствовала со славою и устояла до конца т. е. до заключенія Парижскаго міра.»

Въ предисловіи на стр. III, переводчикъ между прочимъ, говоритъ:

«На русскомъ языкѣ не было до сихъ поръ описанія этой войны, столь поучи-

тельной для каждаго военнаго. Вотъ что побудило меня перевести сочиненіе Генерала Водонкура; оно, сверхъ того, послужитъ еще однимъ доказательствомъ, какою славою покрыли себя тогда Русскіе!»

Должно сказать, что въ-продолженіе итальянскихъ кампаній 1813 и 1814 года на театрѣ войны въ Сѣверной-Италиі, т. е. отъ середины Савы и Лейбаха до рѣки Кезавы, а потомъ въ Генуэзской Ривьерѣ дѣйствовала только французская армія подъ начальствомъ вице-короля итальянскаго противъ австрійской, бывшей сначала подъ начальствомъ Гиллера, а потомъ Беллегарра, и на этомъ театрѣ войны въ описываемую Водонкуромъ эпоху Русскихъ не было ни одного человека съ суворовскихъ временъ, — и потому мы были поставлены въ крайнее недоумѣніе, какимъ образомъ Русскіе могли покрыть себя славою въ такой войнѣ, гдѣ они не принимали участія, тѣмъ болѣе, что въ цѣлой книгѣ, переведенной безъ сомнѣнія самимъ г. Силичомъ, нигдѣ не упоминается о Русскихъ, даже и косвенно! Русскіе покрывали себя тогда славою на поляхъ Германіи и Франціи: подъ Лейпцигомъ, Дрезденомъ, Кюльмомъ и Парижемъ, но въ Италию они не посылали ни одного человека.

Въ предисловіи же переводчикъ поясняетъ, что онъ съ необходимыми выдуститъ въ переводѣ многія подробности, которыя, не представляя для Русскихъ ничего замѣчательнаго и вообще ничего поучительнаго, обременяли бы только читателя мелочными происшествіями и затемняли бы рассказъ.

Въ этомъ отношеніи должно отдать полную справедливость переводчику: дѣйствительно, онъ обрѣзалъ многія подробности происшествій; но итъ возможности согласиться, чтобъ эти подробности были не замѣчательны, мелочны и затемняли рассказъ. Такимъ-образомъ, г. Силичъ весьма-неудачно исключилъ любопытныя подробности и цѣры, предпринятые

французскимъ правительствомъ для обороны Венеціи и, обратно, изложилъ все — незамысловатую подробную дислокацію войскъ, которыя должны были формироваться для ожидаемой войны, но, по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій, эти вновь-набранныя войска были расположены совершенно иначе, такъ-что дислокація осталась безъ исполненія, слѣдовательно, если бы была выпущена, то нисколько не нарушила бы достоинства книги. Числительную силу обсервационнаго аджискаго корпуса переводчикъ показалъ круглымъ счетомъ, вмѣсто 40,951 человекъ пѣхоты и 4532 кавалеріи, какъ означено въ оригиналѣ... Должно сказать, что переводчикъ съ какою-то роковою догадливостію отрѣзалъ отъ книги Водонкура все, что дѣлаетъ ее столько занимательною въ оригиналѣ: оставляетъ въ цѣлости одинъ только сухой, безжизненный остовъ этой войны, монотонный, безконечный рядъ маршрутовъ множества отрядовъ, такъ-что при усвоенномъ, напряженномъ вниманіи нѣтъ возможности самому пылкому воображенію составить себѣ идею о механизмѣ военныхъ операцій и вообще о постепенномъ ходѣ описываемой кампаніи.

На стр. III предисловія переводчикъ упоминаетъ о сдѣланныхъ имъ переимѣнахъ въ сочиненіи Водонкура:

«Надобно было измѣнить кое гдѣ военные термины, которые у Водонкура имѣютъ неточное, даже иногда превратное значеніе. Наконецъ, я принялъ за удобнѣйшее все сочиненіе раздѣлить на главы.»

Последнее преобразованіе въ переводѣ, т. е. раздѣленіе на главы, составляетъ самую удачную выдумку; но что касается до измѣненій кое-гдѣ въ военныхъ терминахъ, и вообще измѣненій оригинала въ переводѣ, то представляемъ судить изъ нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ образчиковъ.

На первой страницѣ введенія вы находите въ подлинникѣ слѣдующую фразу: «*Il ne sembleroit à se gé-*

nir que derrière l'Oder, au centre de la Prusse, qui déjà se débarrassait du ma- que d'une amitié perfide. — Переводчикъ перевелъ: «Однако они начали собираться только по переходѣ за р. Одеръ, въ нѣдрахъ Пруссіи, уже обнаружившей намѣреніе сбросить съ себя тягостное иго.» Il n'y était resté qu'un petit nombre de bataillons de guerre — тамъ было только небольшое число (дѣйствующихъ) батальоновъ... et les régiments qui étaient partis pour la Russie, n'avaient laissé que des dépôts affaiblis, des malades et des convalescents... полки же выступившіе въ Россію, оставили лишь ослабленные дѣпо больныхъ и выздоравливавшихъ. Во всѣхъ словаряхъ, дѣйствительно, convalescent переведено словомъ «выздоровливающей», но всѣ нижніе чины, члѣщащіяся при полкахъ, слабые здоровьемъ, какъ несовсѣмъ оправившіеся отъ болѣзни, такъ и изнуренные продолжительными походами или вообще непосенными трудами, называются военнымъ словомъ: «слабосильный». Такимъ-образомъ, въ русской арміи, при каждомъ полку состоитъ слабосильная команда, и поступающіе въ эту команду нижніе чины увольняются на нѣсколько мѣсяцевъ отъ всѣхъ фронтовыхъ занятій и содержатся на улучшенной нищѣ... Слабосильная команда гвардейскаго корпуса находится болѣею частію въ деревняхъ при загородныхъ батальонахъ. L'escadre commandée par le vice-admiral Pellew (depuis lord Exmouth)... Эскадра подъ командою вице-адмирала Пеллева (Пиллю) (въ-послѣдствіи лордъ Эксмутъ). Rappelez à vos enfants que leur antique patrie les a fait naître pour la gloire, et que la gloire la plus vraie est celle de combattre sous les drapeaux du plus juste des souverains... Напомните вашимъ дѣтямъ, что они рождены для славы, для истинной славы — сражаться подъ знаменами справедливейшаго изъ государей...

Въ приложеніяхъ помѣщенъ договоръ, заключенный 11 января 1814 года въ Неаполѣ королемъ неаполитан-

скаши (Мюратомъ) съ императоромъ австрійскимъ. У кого вѣтъ въ рукахъ сочиненія генерала Водонкура на французскомъ, тотъ почти не догадается въ русскомъ переводѣ, какимъ числомъ лицъ подписанъ договоръ. Въ пяти строкахъ, напечатанныхъ отъ первой буквы до послѣдней одинаковымъ шрифтомъ, имена, фамилии и титулы уполномоченныхъ лицъ размѣщены безъ звуковъ преципанія, и только въ нижней строкѣ стоитъ уныло одинокая запятая между Феликсомъ и графомъ Мис. Одинокость невинной запятой, и въ такомъ мѣстѣ, невольно заставляетъ доброхотнаго читателя соблазниться и подумать, что интересная запятая находится въ обществѣ если и не шести, то по-крайней-мѣрѣ пяти кавалеровъ. На повѣрку же выходятъ, что трактатъ подписанъ всего-навсего тремя особами, именно: Marzio Murilli, duc del Gallo; Adam Albert, comte de Neiperg; Felix, comte de Mier.

Остается сказать о картахъ и планахъ, приложенныхъ г. Сличемъ къ «Исторіи Итальянскихъ Кампаній». Въ предисловіи, переводчикъ увѣдомляетъ, что всѣ карты въ этому сочиненію составлены мною вновь; у Водонкура онѣ неполны невѣрны и при совершенно-лишнихъ топографическихъ подробностяхъ, весьма неясны. Въ этомъ руководствовался я превосходнымъ атласомъ Брюэ и подробною картою Итали Баклеръ-Дильба. Переменная въ планахъ сраженій состоитъ по большей части только въ уменьшеніи масштаба. Сколько намъ извѣстно, «Исторія Италійскихъ Кампаній» на французскомъ языкѣ имѣла только одно изданіе, именно, напечатанное въ четверть листа въ Лондонѣ, въ 1817 году, самимъ Водонкуромъ въ двухъ томахъ: въ первомъ, текстъ, во второмъ атласъ, и этотъ атласъ безъ уграженія совѣсти можно назвать превосходнымъ. Весьма-мало военныхъ сочиненій снабжено картами и планами, которые бы равнялись поизнотю, вѣрностью и ясностью картамъ и планамъ, прилагаемымъ къ сочиненію Водон-

кура «Histoire des Campagnes d'Italie en 1813 et 1814». Чтѣ же касается до атласа Брюэ и карты Баклеръ-Дальба, то трудно поваять, какое отношеніе имѣютъ къ нимъ плавники и карты г. Сличича. Карты (про планы мы ни слова) составлены довольно-полно, т. е. въ нихъ означены всѣ мѣста, упоминаемыя въ переводѣ г. Сличича. При созерцаніи же плановъ, вы не повѣрите, какъ дѣлается грустно...

10) Юанъ-Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ишимовой. Санктпетербургъ. Въ тѣл. Имп. Академіи Наукъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 100 стр.

Эта маленькая книжка представляетъ удивительный для нашего грѣшнаго міра примѣръ благочестія. Г-жа Ишимова назвала эту книжку переводомъ съ нѣмецкаго, между-тѣмъ какъ это — отрывки изъ нѣмецкой книги, которую В. А. Жуковский назвалъ «бриллиантомъ изъ книгъ», — отрывки, скрѣпленные оригинальными спайками сочиненія самой г-жи Ишимовой и снабженные ея же оригинальными и крайне-навидательными вступленіемъ. Къ составленію этой книжки г-жа Ишимова подвигнута была прекраснымъ желаніемъ познакомиться насъ съ человекомъ, который былъ сначала богатымъ вудцомъ, потомъ директоромъ театра, наконецъ, пятидесяти лѣтъ отъ роду, ученикомъ богословія(я) и вскорѣ потомъ пасторомъ, познакомиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать подробности такой удивительной жизни, такихъ непостижимыхъ путей Провидѣнія.

Подробности непостижимыхъ путей Провидѣнія, конечно, непостижимы: поэтому сочинительница ваала на себя трудный подвигъ ихъ разъясненія и — не выполнила его. Но подробности удивительной жизни другою дѣло: ихъ возможно передать, ихъ полезно передавать, потому-что всякая человѣческая личность достойна изученія, а личность, подвергавшаяся въ-

теченіє жизни рѣзкимъ переломамъ, и достойна изученія и возможна для него. Въ этихъ переломахъ ярко обозначается истинно - непостижимый въ иныхъ случаяхъ процессъ, совершающийся въ душѣ челоѣка при послѣдовательномъ соприкосновеніи его съ вѣшнимъ міромъ и естественно объясняются результаты этого процесса, выведенные изъ законовъ челоѣческой природы подъ условіями той или другой организаціи.

Такъ подумавъ мы, прочитавъ вступленіе г-жи Ишимовой, и, не смотря на то, что въ немъ земля пазывается мѣстомъ изгнанія для людей, ждали отъ послѣдующихъ страницъ разъясненія личности пастора Розенштрауха, бывшаго прежде купцомъ, а потомъ директоромъ театра. Мы обманулись. За вступленіемъ слѣдуютъ *переведенныя съ нѣмецкаго похвалы Розенштрауху, писанныя другимъ его, докторомъ Блюменталемъ, а потомъ отрывки изъ записокъ, писемъ и проповѣдей самого Розенштрауха. Изъ всего этого видно только, что онъ, Розенштраухъ, былъ исключительно-строгий христіанинъ съ небеснымъ направленіемъ идей. Въ запискахъ его заключаются истины, вытекшія не изъ его, а изъ иной божественной природы—изъ устъ Спасителя; приложение этихъ истинъ было у Розенштрауха чисто-небесное, потому что міръ земной былъ для него чѣмъ-то чужимъ: онъ, по словамъ г. Блюментала, *нисколько не думалъ ни о какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, касающихся земныхъ отношеній. Въ такомъ отторженномъ отъ земли положеніи, личность Розенштрауха представляется земнымъ очамъ обыкновеннаго челоѣка какъ-будто въ облакахъ. Видимъ только, что былъ челоѣкъ святой жизни... Нужно бы по-крайней-мѣрѣ знать путь, по которому дошелъ Розенштраухъ до такого положенія; а этого-то и вѣтъ въ книжкѣ г-жи Ишимовой... Многіе изъ простыхъ смертныхъ необрѣгутъ вкуса въ этой манірѣ: вѣрующіе съ прискорбіемъ почувствуютъ какую-то неудовлетво-**

ренность; они будутъ возвыситься къ небу въ благоговѣйныхъ помыслахъ, по земная сторона ихъ сердца останется холодною, потому-что закрытое отъ нихъ сердце Розенштрауха не увлечетъ ихъ сочувствія. Неѣрующіе же.. ихъ изло убѣждать, убѣждать послѣдовательно, логически, такъ, чтобъ разрушить ихъ убѣжденія до основанія; а для этого пуженъ не одинъ только примѣръ благочестивой жизни: такой примѣръ, высочайшій изъ всѣхъ, они уже имѣютъ въ земной жизни Спасителя...

11) Историческій Сборникъ, составленный К. Герцомъ. *Книжка первая. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 4-ю д. л. 171 стр.*

«Статьи, составляющія этотъ сборникъ (говоритъ г. Герцъ въ предисловіи), первоначально напечатаны были въ Современникѣ 1845 и 1846 годовъ. Онѣ были составлены и переведены съ одною мыслью, но смотря на все ихъ видимое разнообразіе. Теперь я рѣшился издать ихъ отдѣльною книжкою, желая, *правильнымъ воззрѣніемъ на науку, содѣйствовать распространенію любви къ Исторіи. Во сколько я успѣлъ—рѣшатъ безпристрастные судьи и читатели. Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*»

По смыслу этого предисловія, безпристрастнымъ судьямъ предстоитъ рѣшить три вопроса: 1) точно ли статьи Историческаго Сборника составлены и переведены съ одною мыслью? 2) представляютъ ли онѣ въ цѣломъ правильное воззрѣніе на исторію? 3) могутъ ли онѣ содѣйствовать распространенію любви къ исторіи?

Въ чемъ же, во-первыхъ, состоитъ эта одна мысль, съ которою г. Герцъ составлялъ и переводилъ вѣданныя имъ статейки? Даже заглавія ихъ показываютъ, что между ними нѣтъ никакого внутренняго единства. Вотъ оглавленіе сборника: I. О журналѣ исторической науки, издаваемомъ Д. А. Шинтомъ, съ нѣмецкаго; II. Изданіе ора-

изданий французских королей, съ немецкаго; III. Шлоссеръ, соч. г. Вуттке; IV. Обзоръ новѣйшихъ трудовъ немецкихъ ученыхъ по части Исторіи Германіи, съ немецкаго; V. Наблюденія надъ Англіей, г. Фоме, съ немецкаго; VI. Робертсонъ, Юмъ и Гиббонъ, изъ Исторіи XVIII вѣка Шлоссера; VII. Славянская мнѳологія Гануша, статья профессора Штура; VIII. О современномъ значеніи исторіи; IX. Абеларъ, статья Жюля Симона; X. О всеобщей исторіи, профессора Доренца; XI. Исторія новѣйшихъ временъ, профессора Дрейзена, съ немецкаго; XII. А. В. Шлегель, статья Густава Кюне; XIII. Фихте, съ немецкаго. XIV; Обзоръ исторической литературы за первую половину 1846 года.

Какая внутренняя связь, на-пр., между рецензіей «Славянской Мнѳологіи» Гануша (напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1843 г., какъ извѣстіе о новой книгѣ, и біографическимъ очеркомъ «Абеларъ», — между извѣстіемъ объ изданіи орлонцій французскихъ королей и характеристикой Фихте, — между разборомъ «Etudes sur l'Angleterre» Леона Фоме и статейкой о современномъ значеніи исторіи? Общее между этими статьями одно: именно то, что онѣ переведены и составлены г. Герцомъ очень недурно, и что г. Герцъ нашелъ ихъ достойными извѣстности, а потому извлекъ изъ журналовъ 1843 и 1846 годовъ и соединилъ въ одну книжку съ довольно-интереснымъ заглавіемъ.

Представляетъ ли «Историческій Сборникъ» правильное воззрѣніе на исторію? Прочитавъ всѣ статьи его, мы не нашли ни въ одной изъ нихъ того, что можно было бы назвать изложеніемъ мыслей автора о сущности и значеніи этой науки. Даже изъ статьи «О Современномъ Значеніи Исторіи» не узнаете вы этихъ мыслей. Статья эта написана по поводу вступительной лекціи профессора Берлинскаго Университета Генриха Гельцера

T. L. — Отд. VI.

«Объ этическомъ значеніи исторіи для настоящаго» (Die ethische Bedeutung der Geschichte für die Gegenwart). Въ первой половинѣ г. Герцъ утверждаетъ и доказываетъ, что въ жизни «человѣчества вообще можно различать двѣ эпохи, характеризующія его судьбы: эпоху господства извѣстныхъ началъ и эпоху разложенія этихъ началъ» (стр. 33)—мысль справедливая и извѣстная, но неотносящаяся къ вопросу. Развивъ ее весьма-удовлетворительно, авторъ искусно переходитъ къ идеямъ профессора Гельцера о значеніи исторіи для настоящаго времени и приводитъ отрывокъ изъ его рѣчи. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Можно согласиться (говоритъ Гельцеръ) съ многочисленнымъ классомъ тѣхъ людей, которые въ наукахъ выше всего цѣнятъ пользу и непосредственную приимлемость, что и въ исторіи могутъ они найти богатую жатву для своихъ цѣлей.

.....

Но одно остается несомнѣнно-вѣрнымъ: святая историческаго образованія останется недоступна тому, чью душу не потрясетъ и не возвыситъ историческое образованіе, и въ чьемъ умѣ не сольется въ одно понятіе народъ съ понятіемъ *человѣчества*. Изъ тѣсныхъ границъ единичнаго сознанія, изъ пустаго обоготворенія одного извѣстнаго періода или одной извѣстной образованности, исторія стремится возвыситься до полнаго и совершеннаго сознанія *человѣчества*. *Влѣнецъ историческаго воззрѣнія состоитъ въ томъ, что называется *житья* въ жизнь *человѣчества*.*

Три способа преподаванія исторіи доведены были до такой крайности, что, въ глазахъ умныхъ людей, они сами произнесли надъ собою приговоръ. Эти способы суть: грубый эмпиризмъ, его оплотнѣвшая философская систематика, логическіе тиски прошлыхъ временъ, и между этими двумя родами—занимающая среднюю политическая риторика Французской школы» (стр. 89—90).

Объяснивъ въ немногихъ словахъ происхожденіе этихъ трехъ способовъ, Гельцеръ произноситъ слѣдующія фразы:

«Аристотель требует от трагедии, чтобы она очищала, возвышала и одухотворяла душу. Со всею справедливостью можем мы требовать того же от истории, и именно для того, чтобы тѣмъ сильнѣе противодействовать недавно возникшему злоупотребленію—дѣлать изъ исторіи пропаганду личнымъ мнѣніямъ. Лучшіе и благороднѣйшіе люди всѣхъ временъ всегда искали въ исторіи эстетическаго возвышенія души. Исторія выноситъ благородную душу изъ водоворота мелкихъ партій, изъ ненависти школъ и сектъ, сословій и провинцій. Исторія, изображающая картину человѣчества и великіе жизненные результаты тысячелѣтій, ощущающая и открывающая въ судьбахъ народовъ и недѣлимыхъ выстѣхъ великія, не смотря на мелочность минутныхъ увлеченій, спокойно совершаетъ свою великую задачу—возвѣстъ все человѣческое въ вѣчныхъ идеяхъ» (стр. 91).

Вотъ и все, а это все, конечно, то же, что ничего. Если же въ статьѣ, носящей громкій титулъ «О современномъ Значеніи Исторіи», въ статьѣ, изъ которой «безпристрастные судьи и читатели», по-видимому, необходимо должны ознакомиться съ мыслями г. Герца о сущности и значеніи исторіи, если и въ этой статьѣ нѣтъ какъ нѣтъ его «возврѣнія на науку», то въ какомъ же углу «Историческаго Сборника» прикажете искать ее? Въ приступѣ къ статьѣ *О журналѣ исторической науки* толкуется о томъ, что «нашъ вѣкъ, по всеобщей любви къ историческимъ наукамъ, можно назвать историческимъ» (стр. 1); въ статьѣ *Шлоссера*—о необходимости для историка изучать подлинныя источники; но въ этомъ и заключается вся философія г. Герца. Спрашивается: какимъ же образомъ будетъ сборникъ его «правильнымъ «возврѣніемъ на науку содѣйствовать распространенію любви къ исторіи»? Все, что можно допустить—это то, что люди, уже полюбившіе исторію, но незнающіе ни по-нѣмецки, ни по-французски, могутъ извлечь несомнѣнную пользу изъ его переводовъ, особенно изъ статей библиографическаго содержания. Хорошо было бы, еслибъ г.

Герцъ далъ слѣдующимъ книжкамъ своего сборника характеръ полного обзоренія историческихъ трудовъ въ Европѣ: тогда оно могло бы быть весьма полезнымъ пособіемъ для начинающихъ исторіей. А то, скажите, какой смыслъ могутъ имѣть въ нашей бѣдной литературѣ отрывочныя статьи въ родѣ «Шлегеля», «Абелара», «Фитте» и проч?..

12) Историко-критическіе Очерки М. Погодина. Москва. 1846. Вѣ тип. А. Семена. II ч 446 стр.

13) Исследования, Замѣчанія и Лекціи М. Погодина, о Русской Исторіи. Изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. Вѣ универ. тип. 1846. Три части. Вѣ I-й XXXII ч 496, во II-й X ч 426, во III-й XVI ч 546 стр.]

Первая изъ этихъ книгъ рассмотрѣна въ отдѣлѣ Критики вышедшей книжки «Отеч. Записокъ». Вторая будетъ разобрана въ слѣдующемъ издѣлѣ.

14) Нижегородская Ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ. Соч. П. Мельникова. Нижній-Новгородъ. Вѣ губернской тип. 1846. Вѣ 8-ю д. л. IV ч 292 стр.

По поводу этого прекраснаго труда г. Мельникова,—редактора одной изъ лучшихъ нашихъ провинціальныхъ газетъ, «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»—у насъ составила особая статья, которую мы сочли приличнѣе напечатать въ отдѣлѣ Промышленности, гдѣ и найдутъ ее читатели, въ этой же книжкѣ нашего журнала.

15) Годичный Актъ съ Римленскомъ Лицею, 23-го іюля 1846 года. Одесса. Вѣ город. тип. 1846. Вѣ 4-ю д. л. 148 стр.

Прекрасный обычай, существующій въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведе-

нихъ, украшать торжественный годичный актъ рѣчами преподавателей, не разъ подавалъ поводъ къ появленію весьма-замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Этому же обычаю обязаны мы теперь появленіемъ двухъ статей—одной профессора Мурзакевича: *Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго Края и Бессарабіи въ истекшеи двадцати-пяти-лѣтіи, т. е. съ 1820-го по 1846-й годъ*, на русскомъ языкѣ и въ прозѣ, и другой, лектора французскаго языка, г. Альфонса Шапеллона: *О французскомъ языкѣ и дѣйствіи ея литературы въ 19-мъ столѣтіи*, на французскомъ языкѣ и въ стихахъ. Эти двѣ статьи, вмѣстѣ съ *Историческою Запискою о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго Лицея за 1845—1846-й годъ*, составляютъ содержаніе брошюры, изданной подъ приведеннымъ заглавіемъ: «Годичный Актъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ».

Рѣчь г. Мурзакевича посвящена весьма-важному и любопытному для современниковъ явленію — быстрому развитію обширнаго края, Новороссіи, въ гражданскомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, огромное пространство земли между рѣками Синюхою и Днѣпромъ и сѣвѣрною частью береговъ Морей Чернаго и Азовскаго, было глухою степью. Теперь ово усыяно богатыми городами, красивыми и многочисленными селеніями. Это—Новороссійскій-Край. Въ старой Европѣ не видали ничего подобнаго; одна только Сѣверная-Америка представляетъ примѣры такихъ быстрыхъ превращеній.

Первые начатки водворенія въ этомъ краю народонаселенія, образованія и промышленности относятся къ исторіи предшедшаго столѣтія; нашу эпоху можно видѣть, какъ сѣмена гражданственности, брошенные на благодатную почву, развиваются, такъ сказать, «не по днямъ, а по часамъ», не выражая нашихъ старинныхъ сказочниковъ. Г. Мурзакевичъ задалъ себѣ тему описать событія, которыми об-

наружилось это развитіе въ послѣдніи 25-ть лѣтъ, т. е. начиная съ 1820 года. Ограничиваясь предѣлами избраннаго имъ періода, послѣдуемъ за авторомъ въ его разысканіяхъ.

Благодатный, сравнительно съ сѣверомъ Россіи, климатъ Новороссійскаго-Края, плодородіе почвы, приволье земель, удобство сбыта произведеній земледѣлія черезъ черноморскіе порты, потребность въ рабочихъ рукахъ для воздѣлыванія обширныхъ полей— всѣ эти обстоятельства способствовали умноженію заселенія края. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ новороссійскихъ губерніяхъ и Бессарабіи въ 1823 году было только 1,906,000 жителей, а къ концу 1845 уже считалось 3,123,165. (Здѣсь должно замѣтить, что эти цифры приводимъ мы не изъ статьи г. Мурзакевича, а изъ помѣщенной въ № 55 «Одесскаго Вѣстника» 1846 года замѣтки г. Скальковскаго, который доказалъ неточность числовыхъ показаній, принятыхъ у г. Мурзакевича.)—Этому возрастанію населенія способствовало также переселеніе сюда избытковъ народонаселенія малоземельныхъ германскихъ владѣній и принятіе удалявшихся отъ иноплемennаго владычества, намъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Славяно-Болгарь.—Успѣхи колонизаціи видны изъ того, что въ 1820 году было въ Новороссійскомъ-Крайѣ 143 колоніи иностранныхъ поселенцевъ, съ населеніемъ въ 25,893 души, а въ 1845 году уже было 290 колоній, въ которыхъ жило 178,793 души обоого пола. Сверхъ-того, начиная съ 1837 года колонизація Евреевъ умножила цифру земледѣльческаго населенія, и теперь въ Херсонской-Губерніи и Бессарабіи считается 15 селеній съ 13,000 Евреевъ-земледѣльцевъ. — Отъ чиселъ, называющихъ успѣхи въ приращеніи народонаселенія, г. Мурзакевичъ обращается къ мѣрамъ, принятымъ для обезпеченія страны отъ вторженія чужды, нечислеть распоряженія, сдѣланныя для водворенія земскаго порядка и спокойствія и для поднятія еррады,

предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ. Говоря о пространствѣ края, авторъ упоминаетъ о расширеніи его недавнимъ приобрѣтеніемъ дунайской дельты. Приведенію въ извѣстность земель и упроченію поземельной собственности способствовали обширныя межеванія и съѣмка на планы, а составленные черноморскимъ управленіемъ съ 1829 по 1843 годъ карты рѣкъ Буга, Днѣпра, Дона, и, въ 1844 году, «Атласа Чернаго Моря», способствовали приведенію въ извѣстность гидрографіи страны.

Состояніе городовъ, какъ мѣрило гражданскаго и промышленнаго развитія края, не могло не обратитъ на себя вниманія г. Муракевича. Здѣсь, можетъ-быть, нужно было бы упомянуть въ томъ, какіе признаки, какія характеристическія черты должны служить пунктомъ сравненія для опредѣленія успѣховъ городской жизни. Такое уясненіе понятій было въ настоящемъ случаѣ тѣмъ необходимо, что г. Муракевичъ, какъ видно изъ его сочиненія, имѣетъ совершенно-особый взглядъ на этотъ предметъ. Говоря о городахъ, какъ о представителяхъ мѣстной цивилизаціи (стр. 18), авторъ рассматриваетъ только внѣшность ихъ, умноженіе числа домовъ и жителей, улучшеніе построекъ и т. п. Онъ говоритъ, что Таганрогъ достигъ извѣстной степени значительности черезъ умноженіе жителей и ихъ домовъ; объ Одессѣ, быстрому возвышенію которой, конечно, нѣтъ ничего подобнаго въ Россіи, онъ замѣчаетъ, что этотъ городъ, поправившись послѣ чумы 1812 года, «дѣлаетъ быстрые успѣхи», а именно: «вытягиваетъ прямыя и широкія свои улицы на тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда начиналась необозримая равнина». Объяснивъ, какъ городъ улучшался въ архитектурномъ смыслѣ, авторъ замѣчаетъ, что «Одесса, усвоившая себѣ, по рѣзкому стилю Пушкина, провинце пылкой, глупой, съ 1832 года превращается постепенно въ городъ, доступный пѣшеходамъ» (стр. 20). Поговоривъ еще о приморскомъ бульварѣ и объ ака-

ціяхъ, посаженныхъ по улицамъ, авторъ заключаетъ исчисленіемъ количества общественныхъ и частныхъ зданій, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ и жителей.

Если уже объ Одессѣ, о которой можно было сказать такъ много, г. Муракевичъ привелъ такіе факты второстепенной важности, даже безъ развитія ихъ, то что же скажетъ онъ о другихъ городахъ Новороссійскаго Края? Въ статьѣ объ Еватеривославѣ онъ замѣчаетъ, что «вмѣсто прежнихъ домиковъ, землянокъ и лаванокъ, выстраиваются каменные дома и лавки, строятся церкви, возрастаетъ число домовъ хорошей архитектуры». О Херсонѣ замѣчено почти то же самое, съ перемѣною цифръ. Симферополь съ 1820 года «заstrаивается новою частью»; въ 1827 году «украшается соборною церковью, среди обширной площади, также *качатою* правильно заstrаиваются» (стр. 23); вынощиваются нѣкоторыя улицы, «оканчиваются дома», «все это движется въ такомъ добромъ порядкѣ», что въ Симферополѣ уже есть и дома, и лавки, и заводы, и фабрики, а между фабриками есть даже такая, на которой «выдѣлываются разные вазы и сосуды изъ крымскаго мрамора» (стр. 23). — Въ Кишиневѣ «успѣхи *городоустроенія* дѣлаютъ быстрые шаги», «доведенъ до совершенства городской садъ»; «проложены широкія и прямыя улицы, они (ѣ) же вычищены и выровнены», и наконецъ, городъ «обезопасился пожарной коммундою» (стр. 24). — Развитіе Ростова-на-Дону обозначено только тѣмъ, что онъ «до 1836 года былъ городомъ незамѣчательнымъ; но съ сего времени достигаетъ до того, что считаетъ въ себѣ уже 7 церквей, 9 фабрикъ и 1525 домовъ частью каменныхъ и вообще *хорошей архитектуры*». Николаевъ и Севастополь «сдѣлали быстрые успѣхи въ прекрасныхъ постройкахъ», а послѣдній изъ нихъ украсился зданіями, «необходимыми и полезными для мѣстн., вмѣщающихъ въ себѣ много-численное и образованное сословіе

«офицеровъ и чиновниковъ» (стр. 25). О другихъ городахъ замѣчено почти то же; только о Бобринцѣ и Ананьевѣ сказано, что они «идутъ къ совершенствованію архитектурному тихо», а о Феодосіи, что она даже «не дѣлаетъ успѣховъ и, къ сожалѣнію, подаеть мало надеждъ». «Впрочемъ (прибавляетъ авторъ), судьба царствъ и городовъ въ рукахъ Божіихъ!» (стр. 27).

Послѣ такихъ замѣтокъ, очевидно, авторъ не имѣлъ въ виду говорить о городахъ, какъ о представителяхъ мѣстной цивилизаціи; иначе онъ, конечно, показавъ бы намъ, кромѣ числа домовъ и архитектурнаго совершенствованія ихъ, успѣхи городской торговли, ремесленности, фабрикъ, городскихъ бюджетовъ, удобствъ жизни, и проч. Но въ выборѣ предмета для своихъ разсужданій всякій воленъ; все дѣло въ томъ, что иной смотритъ на внутреннее достоинство, а другой на вѣнность. Еще не такъ давно мы читали въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1843 г. № 1) прекрасную статью *Новороссійскія Степи*, въ которой доказывалось, что «города Новороссійскаго-Края не возвысились еще до выполненія ихъ главнѣйшаго и существеннѣйшаго назначенія въ государствѣ: быть средоточіями внутренняго общенія и развѣта трудовъ, капиталовъ и выгодъ для своихъ окрестностей, для заключающихся въ нихъ околоткѣ деревень и селеній».

Отъ городовъ авторъ переходитъ къ успѣхамъ просвѣщенія въ край, указываетъ время открытія духовныхъ и свѣтскихъ училищъ, и, доходя до новѣйшаго времени, замѣчаетъ, что «съ 1833 года начинается новая эпоха быстраго и повсемѣстнаго распространенія просвѣщенія, основаннаго на трехъ высокихъ началахъ: «православія, самодержавія и народности». Учрежденіе въ Одессѣ особаго самостоятельнаго учебнаго округа обозначаетъ собою начало этой новой эпохи, а успѣхи образованія оказываются изъ возрастающаго числа учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ: въ 1830 году ихъ было 3,644,

а въ 1845 году 8,034. За тѣмъ авторъ показываетъ мѣры, принятыя для развитія образованія въ нисшихъ сословіяхъ, исчисляетъ учебныя заведенія для женскаго пола и для живущаго въ Новороссійскомъ-Краѣ не-русскаго народонаселенія. Въ дополненіе фактовъ, представляемыхъ, для изображенія просвѣщенія числомъ учебныхъ заведеній, авторъ обозрѣваетъ существующія въ край библіотеки, которыя теперь представляютъ книжную массу въ 84,176 томовъ, и исчисляетъ типографіи, причеиъ, желая дать поватіе о направленіи и успѣхахъ умственной и ученой дѣятельности всего южнаго края, обозрѣваетъ сочиненія, напечатанныя въ Одессѣ.

Отъ просвѣщенія современнаго авторъ переходитъ къ древностямъ и показываетъ, какъ въ одно время съ развитіемъ образованія въ новомъ поколѣніи жителей Новороссіи, проливался свѣтъ и на остатки древняго міра, вѣкогда образованнаго, богатаго и могущественнаго. Тутъ ученость автора уноситъ его къ поэтическимъ временамъ прочтѣнія эллинскихъ колоній Милетянъ и Дорянъ по берегамъ Авоискаго и Чернаго Морей, и къ археологическимъ развѣданіямъ новѣйшаго времени.

Но лучшею частью сочиненія г-на Муракевича мы должны признать ту, въ которой онъ изображаетъ успѣхи Новороссійскаго-Края въ промышленности торговой и земледѣльческой, въ винодѣліи и шелководствѣ, въ развѣскавіяхъ минеральнаго богатства края. Страницы, посвященныя этому предмету, представляютъ много любопытныхъ фактовъ, хоть не новыхъ, но собранныхъ воедино и подведенныхъ подъ одну точку зрѣнія. Эти страницы могутъ быть прочтены съ удовольствіемъ.

Сдѣлавъ такимъ-образомъ краткіи очеркъ того, что совершилось въ Новороссійскомъ-Краѣ и Бессарабіи на нашихъ глазахъ и при насъ, не болѣе, какъ въ четверть столѣтія, г. Муракевичъ въ заключеніи говоритъ, что

трудно прошептать, въ настоящую минуту, рѣшительную и справедливую оцѣнку одѣланнаго. Совершенно-справедливо!

Послѣ статьи г. Мурзакевича, мы нашли французское стихотвореніе г-на Альфонса Шанеллона: *De la langue française et des mouvements de sa littérature au XIX siècle*, которое доказываетъ, что если въ Одессѣ мало воды, годной для питья, то въ заиѣнъ того есть воды настальскія. На этотъ разъ, одесскія настальскія воды проповѣли на свѣтъ штукъ триста французскихъ виршей. Конечно, мы не имѣемъ права быть очень-строгими къ этому экзотическому растенію, и потому не будемъ разбирать ни мыслей, ни внѣшней оболочки стихотворенія г. Альфонса Шанеллона, а только по долгу критика замѣтимъ, что оно принадлежитъ, по роду своему, къ такъ-называемымъ дидактическимъ, т. е. относится къ предмету, который гораздо-удобнѣе и лучше развивать въ прозѣ, и который не въ состояніи дать поэтическаго вдохновенія. Стихи г. Шанеллона холодны, и если въ нихъ есть нѣсколько звучныхъ фразъ, то нѣтъ никакого поэтическаго созданія. Вся мысль состоитъ въ слѣдующемъ: говорятъ, языкъ французскій бѣденъ; не правда:

... Juge-t-on la langue à son vocabulaire,
Et le nombre de mots est-ce la grande affaire?

Впрочемъ, доказывать богатство языка г. Шанеллонъ не беретъ, а представляетъ это Монтескьё, Руссо и Бюфону, которыхъ для этого онъ приглашаетъ встать изъ гробовъ.

Нѣтъ нѣтъ общаетъ представить обзоръ движенія французской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи, и нѣчто того описываетъ, какъ сперва явились классици, у которыхъ были, по его выраженію, *свинцовыя ноги*, а нѣтъ явились романтики, которые хотѣли летать, будучи слѣпыми, и заключаетъ нѣсколькими строфами, въ

которыхъ угодобляетъ неустойчивѣ, упоминаетъ о принятіи Жанартина, Гюго и Меримэ въ академію, а о Гаво, Тьерри и Барантѣ говорить, что они

Tous grands peintres doublés chacun d'un grand penseur!

Послѣ такого удивительнаго и поистинѣ непостижимаго открытія, нѣтъ сочиняетъ подобныя же стихи о Шевьѣ, а тамъ — и дѣлу конецъ; но, какъ видите, не безъ возгласа къ присутствующимъ, которымъ, на закуску, онъ открываетъ весьма-великую и совершенно-новую истину:

... mûrissez bien ces paroles dernières:
Le plus grand des bienfaits est celui des lumières.

Очевидно, что г. Шанеллонъ не родился повтомъ.

16) *Неподвижныя Звѣзды и планеты краснѣеяго міра. Сочиненіе П. Морозова. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Г. Морозовъ, знаменитый нѣсколько нашимъ читателямъ по брошюрѣ: «Борьба Язычества съ Христианствомъ», и по «Отвѣту на рецензію Отеч. Записокъ», является съ новою брошюрой, въ которой старается рѣшить слѣдующіе вопросы: по закону направленію до-сихъ-поръ совершалось движеніе наукъ: прямолинейному, постоянно приближавшему ихъ къ совершенству, или круглому, или приволниному особаго рода? измѣненія, происходяція отъ новыхъ открытій въ объемѣ и свойствахъ наукъ, всегда ли увеличиваютъ цѣнность ихъ, или бываютъ случаи, когда число знаній человѣческихъ возрастаетъ на-счетъ ихъ качества? Рѣшеніе перваго вопроса начинается сравненіемъ: путешественникъ, идущій по прямой линіи, никогда не долженъ встрѣчать препятствій, которые онъ оставилъ позади себя. Такъ и наука, непрерывно совершенствующаяся, никогда не дол-

жа обращаться къ положеніямъ, признаваемымъ ложными. Исполняется ли это? спрашиваетъ авторъ. Вовсе нѣтъ, отвѣчаетъ онъ же: мнѣнія отвержены, осмѣяныя ученымъ свѣтомъ, вновь принимаются за истину, и обратно: къ мнѣніямъ, которыми нѣкогда гордились ученые, теперь не имѣютъ никакой вѣры. Изъ приведенныхъ на это примѣровъ открывается, что науки вновь приходили къ оставленнымъ ими положеніямъ и удалялись отъ мнѣній, почитавшихся истинными. Слѣдовательно — заключаетъ г. Морозовъ — въ ихъ ходѣ не было свойствъ прямолинейнаго движенія, науки не шли безпрерывно впередъ, не расширяли безпрерывно свѣтлаго пространства, образуемаго ими во мракѣ, окружающемъ человѣка. — Отсюда же происходитъ и рѣшеніе втораго вопроса. Приращенія наукъ ежедневны, но эти приращенія нерѣдко бываютъ отрицательными: такъ называетъ авторъ всѣ невѣрныя наблюденія, всѣ ложныя системы, всѣ преувеличенные рассказы. Нельзя отрицать, чтобъ науки не имѣли поступательнаго движенія: оно существовало, но совершалось не по прямой линіи, и, кажется, не переходило извѣстныхъ предѣловъ. Если выразить графически теченіе просвѣщенія въ древнемъ и новомъ мѣрѣ, то получится линія со многими выпуклыми вершинами. Нѣсколько разъ родъ человѣчій достигалъ, по-видимому, значительной высоты знанія и снова терялъ свои пріобрѣтенія. Колесо философическихъ системъ, увлекающее за собою и всѣ другія знанія, нѣсколько разъ обернулось и не нашло покоя (стр. 1 — 5).

Правду говорятъ Французы: *comparaison n'est pas raison*. Но мы прибавимъ, что нѣтъ такого ложнаго мнѣнія, которое не вытекало бы правдоподобнымъ слѣдствіемъ изъ ложнаго сужденія. Общая формула подобнаго вывода есть знаменитый силлогизмъ: «палка стоитъ въ углу, слѣдовательно, дождь идетъ». Дѣйствительно, согласитесь только допустить, что палка

оново и то же съ дождемъ, и что стоять въ углу значить идти — и вы непременно увидите, что при стоянн палки въ углу необходимо надобно идти дождю. Равнымъ-образомъ, представьте путь къ истинѣ въ видѣ прямой жезлѣй дороги, а знанія, пріобрѣтаемыя человѣкомъ при этомъ стремленіи къ истинѣ, въ видѣ полосатыхъ столбовъ, означающихъ версты, — вы имѣете право заключить, что вы плохо двигаетесь въ своемъ путешествіи, если вамъ попадаются снова преждебывшія версты; это значить, что, вмѣсто поступательнаго движенія, вы совершаете возвратное. Но кто же такъ имѣетъ-образомъ посмотреть въ наше время на безпрерывное совершенствованіе знаній? Какому образованному современному человѣку прійдетъ въ голову понимать пріобрѣтенныя знанія какъ дѣла рѣшенія, отсылаемыя въ архивъ съ утѣшительнымъ ярлычкомъ: «кончено»? Въ однихъ только волшебныхъ сказкахъ запрещается человѣку обращаться назадъ, кто бѣ его ни клякалъ, какъ бы нечистая сила ни соблазнала его: умъ не выпускаетъ изъ вида прошедшаго и всегда обращается къ нему съ цѣлью передѣлать его, усовершенствовать на основаніи новыхъ пріобрѣтеній, позднѣйшихъ изслѣдованій. Истинно-благоразумный человѣкъ, съ каждымъ днемъ старѣясь болѣе-и-болѣе, съ каждымъ днемъ ближе и ближе подхода къ могилѣ, долженъ ли забыть день своего рожденія, дѣтство, въ которое онъ такъ былъ безразсуденъ, юность, въ которую онъ такъ былъ страстенъ? Развѣ сознаніе бывшихъ проступковъ не есть извѣстная степень совершенства? Развѣ знаніе оцѣнить достойное прошедшее и отказаться отъ настоящаго недостойнаго не есть признакъ улучшенія? Умѣнье видѣть, при свѣтѣ новыхъ открытій ума, ложность того, что считалось истиннымъ, истину того, что считалось ложнымъ, — есть умѣнье мудраго.

Оригинальное заблужденіе г. Морозова произошло отъ ложнаго понятія

о совершенствѣ наукъ — понятія, которое заставило его прибѣгнуть къ забавному сравненію пути къ истинѣ съ прямоѣзжею дорогою, съ прямолинейнымъ путешествіемъ. Прямо летаютъ только известной породы птицы... Но мы принадлежимъ къ существамъ летающимъ, и потому имѣемъ свое понятіе объ умственномъ совершенствованіи.

Ходъ постепеннаго развитія каждой науки и всего знанія человеческого очень-ясенъ. Каждая наука безостановочно собираетъ факты, относящіеся къ предмету ея изслѣдованій, и безостановочно переводитъ ихъ въ общія положенія. Процессъ совершенствованія заключается въ неослабномъ взаимодействіи общаго и фактическаго: факты дѣйствуютъ на общія положенія, измѣняя ихъ въ количествѣ и качествѣ; общія положенія, въ свою очередь, дѣйствуютъ на факты, освѣщая новымъ, болѣе-яркимъ свѣтомъ прежде-делобитые и предлагая болѣе-вѣрное руководство для дальнѣйшихъ развѣсканій. *Совершенствованіе каждой науки состоитъ въ этомъ безпрерывномъ поступательномъ движеніи фактовъ и положеній, при которомъ прежній матеріалъ ея, видъ, объемъ безпрерывно измѣняются или дополняются, или отрицаются, или вновь переходя изъ отринутаго въ признаваемое истиннымъ. Нѣкоторыя изъ древнихъ астрономовъ признавали, что земля движется; Гихобраге доказывалъ неподвижность земли и движеніе солнца, но астрономія его времени была совершеннѣе астрономіи древней; Коперникъ возвратился къ мнѣнію древнему и отвергнулъ Тихобраге, но астрономія его времени была совершеннѣе астрономіи древней и астрономіи Тихобраге.*

Какъ между фактами и общими положеніями одной науки, такъ и между различными науками существуетъ необходимое и благотворное взаимодействіе. Одна другой помогаетъ или дополняя ее, или отрицая какую-нибудь часть ея содержанія, или заставляя признавать въ ней то, что прежде о с

вергалось. Такъ сильное развитіе наукъ естественныхъ, особенно медцины, уничтожило многіе психологическія бредни, а исторія рода человеческого сокрушила многія нелѣпости высиренной метафизики. Въ этомъ отреченіи отъ тѣхъ положеній, которыя признавались справедливыми, заключается торжество мысли. Умъ имѣетъ полное право гордиться отрицательными приращеніями, потому, во-первыхъ, что они сами-по-себѣ важны, а во-вторыхъ, потому, что въ нихъ зародышъ положительныхъ и часто весьма-глубокихъ свѣдѣній. Следовательно, *совершенствованіе знанія состоитъ еще въ безпрерывномъ вліяніи однихъ наукъ на другія, отъ-чего онѣ быстро стремятся впередъ.*

Наконецъ, фактическимъ и общимъ содержаніемъ всѣхъ наукъ овладѣваетъ философія, и на основаніи всего того, до чего дошелъ умъ человѣка въ известную эпоху, строитъ систему. Между содержаніемъ наукъ и философскими системами существуетъ также взаимодействіе, ясное для всякаго, кто имѣетъ понятіе о томъ и о другомъ. Содержаніе наукъ, приращаясь въ объемъ и просвѣтляясь въ чистотѣ, измѣняетъ систему, а система, съ своей стороны, даетъ направленіе и новую жизнь разнообразнымъ знаніямъ. Следовательно, *совершенствованіе знанія заключается наконецъ въ безпрерывномъ вліяніи философіи на все прочія науки, и всѣхъ наукъ на философію, при которомъ какъ философія, такъ и науки идутъ впередъ, свидѣтельствуя на каждомъ шагѣ прогрессъ мысли.*

Итакъ, совершенствованіе наукъ есть безпрерывное ихъ движеніе и вѣдствѣ безпрерывное ихъ измѣненіе. Каждая наука въ частности, всѣ науки вмѣстѣ и каждая философская система суть временныя и конечныя выраженія истинны безконечной и вѣчной, къ которой человѣкъ стремится, — знанія абсолютнаго и окончательнаго, къ которому идетъ умъ въ своемъ безконечно-прогрессивномъ развитіи. Никакая опредѣленная форма знанія не въ-си-

лах истощать жизненнаго богатства духа нашего. Прогрессъ дѣйствуетъ на истины приобрѣтенныя, всѣмъ извѣстныя, и представляетъ ихъ въ новомъ видѣ, подъ новою точкою зрѣнія. Человѣкъ на время останавливается при своемъ *новѣйшемъ* мирозерцаніи, потому снова принимается за работу и строитъ новое, болѣе-удобное, обширное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Спокойствіе погрузило бы его въ губельный сонъ, тогда-какъ въ этой работѣ безъ конца и отдыха заключается истинное, величайшее достоинство разума, его сладострастіе и жизнь.

Отрицаніе прежняго званія, которое считалось истиннымъ; признаваніе истиннымъ того, что считалось ложью; наконецъ, приобрѣтеніе новыхъ истинъ — все это доказываетъ только, что сфера знаній раздвигается и намъ видѣте въ болѣе-обширномъ горизонтѣ, при болѣе-яркомъ свѣтѣ. Сильно жалѣте объ утратѣ довѣрія къ тѣмъ или другимъ положеніямъ; главное дѣло въ томъ, на основаніи чего мы отвергаемъ или признаемъ. А основаніе перемѣняется въ-слѣдствіе совершенствованія науки, успѣхи которой сопряжены неизбежно съ прогрессомъ другихъ наукъ и движеніемъ философіи. Самъ авторъ говорить, что колесо философическихъ системъ увлекаетъ за собою и всѣ другія званія, но тутъ же сожалѣте, что оно не нашло покоя. Хорошо было бы колесо, которое бы остановилось!

Успѣхи астрономіи привели къ заключенію о неподвижности солнца. Но дальнѣйшіе успѣхи той же науки показали, что и солнце движется. Нѣтъ уже болѣе неподвижныхъ звѣздъ: онѣ тоже стремятся... куда?.. это рѣшитъ наука, а не брошюра г. Морозова.

17) Ученіе о Жизни. Соч. Ивана Зацепина. Часть II. Выпуски второй и третьей. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 8-ю д. л. Во второмъ выпускѣ 176 — 253, въ третьемъ 253—325 стр.

Когда вышелъ первый выпускъ «Ученія о Жизни», мы, въ отчетѣ своемъ, ограничились сокращеннымъ изложеніемъ мыслей автора, не прибавивъ отъ себя никакихъ замѣчаній, никакихъ заключительныхъ выводовъ. Твореніе г. Зацепина до такой степени оригинально, что каждое постороннее сужденіе лишаетъ возможности видѣть мысль автора въ первоначальной чистотѣ ея. Чужой голосъ для него то же, что дыханіе хлада для иныхъ растений: они теряютъ свою свѣжесть и пахучесть. Зачѣмъ же отнимать у читателей нашихъ крайнее удовольствіе познакомиться съ авторомъ чрезъ самого автора, черпая изъ его выпусковъ оригинальнѣйшія понятія о жизни? Точно также мы поступимъ и теперь. Наше дѣло сторона. Извольте говорить вы, почтенный авторъ. Мы вамъ мѣшать не будемъ. Мы только сократимъ ваше возвращеніе, которое любитъ иногда уклониться въ сторону, поораторствовать. Вотъ что хочетъ доказать авторъ:

Судя по явленіямъ на землѣ, мы не имѣемъ достаточныхъ причинъ отрицать бытіе духовнаго начала въ земной планетѣ. Напротивъ, по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ геологовъ, мы почти вынуждены признать планетную жизнь подобною жизни органической. Это согласно и съ св. писаніемъ. Въ св. писаніи сказано, что земля страдаетъ отъ злобы живущихъ на ней (177 и 178).

Какъ-будто вижу, какъ при обзорѣи идолопоклонническихъ вѣръ нашего времени воздвигается, подобно лютому звѣрю, неврѣе въ душѣ и вѣру въ, такъ сказать, окапывается рядомъ мыслей о происхожденіи всѣхъ вѣръ отъ индійской, и закрываетъ себя отъ блеска и истины предубѣжденіемъ о восточной фантазіи... Тщетная, суетная защита отъ непреложной истины! Увлеченный и закруженный вихремъ житейскимъ, взувѣрѣ тѣшитъ себя полувѣроятными вымыслами, какъ вѣтреная дѣвушка успокоиваетъ свою совѣсть легкомыс-

лешными предположениями среди за-
 прещеннаго и позорнаго разгуля.
 Украдкою ушла распутница из роди-
 тельскаго дома въ глухую полночь. Гу-
 ляетъ, а сердце въ ней вопиетъ: «ой,
 хватится тебя дома!.. авось, нѣтъ!.. да
 я тотчасъ ворочусь... Проходятъ часъ,
 другой за полночь: «пора домой!..
 нѣтъ! еще часокъ!.. авось, ничего не
 будетъ!..» Время летитъ: глядь, заря
 занимается; глядь, разсвѣтаетъ: «пора,
 пора домой!» Бѣжитъ растрепанная,
 намятая, бѣжитъ безпутная и думаетъ:
 «авось, не узнаютъ, авось... и то ска-
 зать, что жь тутъ худаго? Я молада:
 гулять хочется...» Прибѣгаетъ. Раз-
 свѣло. Схватили бѣглянку и повели къ
 отцу ея для отвѣта: какъ она трепе-
 щетъ теперь, бѣдная, отъ страха и по-
 вора (стр. 208 и 209). — Давно уже на
 западѣ проповѣдуютъ, что человекъ
 есть магнитно-электро-гальванической
 снарядъ и что духъ его по смерти «раз-
 лѣтается какъ мягкій воздухъ». Давно
 твердятъ молный свѣтъ: «привидите и
 насладимся настоящахъ благихъ». И
 житейскій разумъ давно учитъ «тво-
 рить насиліе убогому праведному, не
 щадить вдовицъ и не стыдиться сѣ-
 дницъ многолѣтнихъ старцевъ», когда
 хочешь нажить себѣ состояніе и съ до-
 стоинствомъ соблюдать приличія свѣ-
 та, въ нагрѣженіи на-примѣръ замо-
 рской сволочи за иностранные лъвыки,
 маралы, хватки, фокусы, сказки ро-
 маншескія и за равныя потѣхи без-
 путной жизни (211). — Въ душѣ нашей
 есть двѣ постигающія способности:
 одна изъ нихъ обращена къ видимому
 міру, къ стихіямъ и предметамъ пре-
 ходящаго бытія нашего; а другая къ мі-
 ру вѣщественному, непреходящему.
 Первую можно назвать дѣловою; вто-
 рую — чувствомъ къ чудесному. Толь-
 ко въ душахъ переходящихъ нѣтъ чув-
 ства къ чудесному. Достоинно замѣча-
 нія, что органъ этого чувства находится
 въ самой верхней части мозга близъ
 органа чувства правоты и истины (стр.
 222 и 223). — Благовонія конечно не для
 того созданы, чтобъ только лстять
 обонянію или прельщать въ сладостра-

стію, прикрывая зловоніе блуднаго тѣ-
 ла. Если внимательно рассмотреть жи-
 тейскій бытъ нашего времени въ мно-
 странныхъ земляхъ, то увидимъ, что
 всѣ прочія чувства какъ-будто превра-
 тились въ средства для возбужденія
 одного полового чувства; даже весь му-
 ружный видъ такъ-называемаго обра-
 зованнаго, европейскаго человека, его
 костюмъ, прическа, самое братье бо-
 роды у мужчинъ, перехваты стана у
 женщинъ, поступь, выраженіе лица и
 глазъ, предметы обыкновенной бесѣ-
 ды — все отзывается сладострастіемъ.
 Здѣсь—глубокой развратъ полъсамыя
 обольстительными формами (стр. 230). —
 Каковъ начальникъ, таково и слушеніе
 ему. Развращеніе, лютость и волхво-
 ваніе — вотъ чѣмъ угождаетъ началь-
 нику злобы прельщенный и уничи-
 женный имъ человекъ. Поговоримъ о
 волхованіи. Въ «Библиотекѣ для Чте-
 нія» есть одна замѣчательная въ этомъ
 отношеніи, но осмѣянная статья, подъ
 названіемъ «Нѣмецкая чертовщина».
 Въ ней съясно сарказмы проглядываетъ
 что-то необыкновенное. Предметъ
 ея вовсе не шуточный и подтверждаетъ
 возможность волхованья. Предста-
 влена исторія одной больной, кото-
 рая видѣла духовъ и посредствомъ ихъ
 открывала самыя сокровенныя тайны.
 Ученые стараются доказать, что всѣ
 языческія прорицавія основывались на
 обманѣ. Можетъ-быть, и такъ: но было
 въ нихъ и что-то неизъяснимое (стр.
 244, 247, 259). — Въ наснаженномъ ян-
 цѣ появилась мутность въ одномъ мѣ-
 стѣ. Черезъ микроскопъ видно въ ней
 безчисленное множество волоконъ и
 точекъ, переплетенныхъ и перемѣша-
 ныхъ между собою. Кто, какой разумъ
 человеческій можетъ опредѣлить аз-
 значеніе каждой точки и каждого во-
 локна? или сложить изъ нихъ цѣлос-
 ка?.. Но невообразимо число тѣхъ ча-
 стностей и взаимныхъ отношеній не-
 жду ими въ исторіи рода человѣческа-
 го, изъ которыхъ въ теченіе тысячелѣ-
 тій выработалось цѣлое — мировое.
 Здѣсь частные люди въ массѣ человѣ-
 чества — то же, что точки и волокна

въ нутности изомненнаго лица: каждаго въ среднѣхъ міроваго глубина, такъ сказать, копаются, разбирая волокна этого себя, и, едва разглядывая близка къ себѣ при мерцаніи своего разума, гадаетъ по нимъ о необъятной громадѣ міра (стр. 280 и 281). — Въ послѣдніа времена въ западныхъ христіанахъ вознѣло было духъ звъчическій въ видѣ поклоненія разуму человѣческому. Но восточные христіане прилагали его (стр. 291). — У западныхъ христіанъ преобладаетъ мышленіе, у восточныхъ вѣрованіе; другими словами: западные народы отличаются дѣловую способностію, восточные наклонностію къ преестествонному (стр. 293 и 294). — По различнымъ степенямъ вѣшнлаго и внутренняго достоинства человѣка, всѣ народы раздѣлились на три слоя. Первый слой — идолопоклонники отъ индійскаго вѣроисповѣданія: второй слой: — мухаммедае, третій — христіане (стр. 310).

18) Руководство къ сбереженію и поддержкѣ при пользованіи больными, безъ вреда успѣхамъ самаго леченія и къ охраненію въ особенності выноса казны. Сочиненіе доктора Ериста Мейера, главно-срѣча Елисаветинской Клинической (?) Больницы для малолѣтнихъ дѣтей и проч. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. XI и 298 страницъ.

Если г. Мейеръ соглашается въ справедливости положенія, что леченіе больныхъ должно совершаться cito, tuto et jucunde, т. е. скоро, надежно и съ удобствомъ, то, конечно, не обидно, когда мы скажемъ, что многое въ его сочиненіи не соотвѣтствуетъ приведенному имъ положенію. Кто изъ насъ не присягалъ беречь казенный интересъ? Это первый долгъ каждаго вѣроисповѣданнаго. Но есть случаи, когда казенная бережливость, особенно въ лекаренскихъ пособіяхъ, приноситъ не пользу, а вредъ. Леченіе бѣдныхъ больныхъ не можетъ быть успѣшно при величайшей экономіи въ лекарствахъ. Сколь ни умѣренна фармако-

поя бѣдныхъ, но въ ней вѣтъ предписанія лечить больныхъ, въ періодѣ выздоровленія, сельдами и калыками, какъ совѣтуетъ г. Мейеръ (стр. 9). Вообще, читая книгу г. Мейера, не мало удивились мы странностямъ и крайностямъ, какія въ ней находятся. Но, чтобъ не подумали, что мы преувеличиваемъ и говоримъ неправду, мы почитаемъ необходимою представить читателямъ доказательства, которыя не можетъ никто опровергнуть. Что авторъ руководился примѣрами Гуфланда, Фибуса, А. Г. Рихтера, Оттона и друг., это похвально, но жаль, что онъ не постигъ своихъ оригиналовъ. На-пр., въ самомъ первомъ правилѣ: «не всякое болѣзненное состояніе излечимо», онъ упрекаетъ молодыхъ врачей въ попытку лечить хроническія болѣзни и тратить на это лекарства. Спрашиваемъ: можно ли и должно ли оставлять больного, страдающаго хроническою болѣзнію, безъ врачебнаго пособія? Опытные врачи, говоритъ онъ, спокойнымъ взглядомъ признаютъ неизлечимость этихъ (хроническихъ) недуговъ и чрезъ то сберегаютъ напрасные расходы на лекарство. Вотъ ужъ подлинно золотое правило!

Второе правило: «назначеніе лекарства въ каждомъ недугѣ не есть необходимо». Послушайте, чѣмъ г. Мейеръ доказываетъ это: онъ говоритъ, что цѣлительная сила природы замѣняетъ лекарства и совѣтуетъ наблюдать, какъ эта сила дѣйствуетъ на дикихъ звѣрей, на дикихъ народовъ и на поселянъ. Совѣтъ совершенно-новый!

Третье правило: «дѣтя и психическое слѣніе — весьма дѣлительныя средства». Здѣсь говорится, что простуда, погрѣшность въ діетѣ и душевныя безпокойства суть три главнѣйшія причины болѣзней, и потому совѣтуется не давать лекарства, но лечить больныхъ теплотою (а гдѣ нужно, пѣтомъ), голодомъ и нитьемъ воды, успокоеніемъ и возвышеніемъ духа. Это очень-просто и дешево, не споримъ.

Шестое правило: «должно назначать по возможности простые средства».

Что здѣсь новаго? Кто не знаетъ этого? Особенно въ наше время упростилось леченіе, такъ-что уже не видно рецептовъ, куда бы вошло до десятка ингредиентовъ.

Сельское правило — сущее выраженіе бессмыслицы; здѣсь г. Мейеръ хотѣлъ подтвердить правило предъидущее, но не нашелся въ оборотахъ.

Восьмое и девятое правила содержать въ себѣ то, что всѣмъ извѣстно, и что дѣлали всѣ безъ указанія г. Мейера.

Одиннадцатое правило: *«часто (?) должно назначать лекарства изустно»*. Авторъ полагаетъ, что когда аптекарь, отпуская лекарства по изустному требованію больного (которому, т. е., натолковалъ врачъ, что должно спросить въ аптеку), не возьметъ денегъ за укладку, укупорку, сигнатуру и спурокъ, то расходы на это будутъ сбережены или по-крайней-мѣрѣ будутъ гораздо-меньше. Но г. Мейеру вѣроятно неизвѣстно, что не всѣ лекарства можно отпускать больному по изустному требованію. Еслибъ позволено было отпускать изъ аптеки все, что пожелалось бы кому-нибудь, то кто могъ бы отвѣчать за безопасность общественнаго здоровья? У насъ въ Россіи есть мудрыя правительственныя предписанія на счетъ аптекъ, такъ-что недопускается безпорядокъ, который явственно послѣдовалъ бы отъ безпреставнаго отпуска лекарствъ и безъ рецептовъ: у насъ въ аптекахъ дозволена ручная продажа; но что это за вещи, которыя отпускаются въ ручную продажу? Это просто ромашка, ревенъ, магнезія и еще нѣкоторые весьма-немногія невинныя средства. Г. Мейеръ совѣтуетъ изустно назначать (прописывать) сумму и пр. Посмотрѣли бы мы, какой аптекарь рискнулъ бы исполнить это требованіе? Отъ очевидцевъ, заслуживающихъ довѣрія, слышали мы не одинъ разъ о бѣдахъ, какия бывають въ странахъ, гдѣ дозволено аптекарю продавать все, чего спросятъ; тамъ безпорядокъ чрезвычайный: на-ряду съ лекарствами

продаются также вино, сыръ и проч. Припомнимъ, что г. Мейеръ думаетъ сберечь расходъ на укупорки, сигнатуры и спурки; но спрашивается: можно ли отпускать жидкія лекарства иначе, какъ въ стѣлявкахъ? Не въ горсти же нести ихъ изъ аптеки! Какъ ни расчитываетъ г. Мейеръ, но все-таки недобна или стѣлявка для жидкаго лекарства, или бумажная обертка для сухихъ средствъ. Когда больвой получитъ лекарственныя вещества (положивъ, что ему отпустить ихъ), то г. Мейеръ совѣтуетъ приготовить изъ нихъ лекарство (т. е. микстуру или другое что-нибудь) каждому у себя на кухнѣ. Попятно, что выйдетъ изъ этого: предлагаемая дешевизна будетъ дорого стѣять больному. Еще страннѣе совѣтъ г. Мейера, чтобъ бѣдные люди сами собирали туземныя растенія. На это скажемъ г. Мейеру, что не всѣ люди умѣютъ даже отличать съѣдобныя грибы отъ вредныхъ; различеніе же растеній аптечныхъ, кажется, еще труднѣе. (Стр. 28—33.)

Не имѣя намѣренія указывать лишь на недостатки въ сочиненіи г. Мейера, не можемъ умолчать, что печатная, рекомендуемая докторомъ Окелемъ, какъ единственное средство въ болѣзняхъ родотворныхъ (см. стр. 106), известна намъ и каждому Русскому въ «Лечебника» покойнаго лейб-медика Каменецкаго, за-долго предъ симъ изъяснаго. Еще нельзя согласиться съ г. Мейеромъ, что для экономіи въ леченіи, всегда можно (стр. 179) замѣнить шпавиць кровососными бляками (рожками); изъ опыта каждому извѣстно, какое преимущество имѣють шпавиць предъ рожками, и притомъ не очень удобно ставить рожки, особенно малымъ дѣтямъ.

Крайне утомили бы мы читателей, еслибъ представили всѣ несообразности въ книгѣ г. Мейера; но нельзя не вступить за рачительныхъ, ученыхъ нашихъ аптекарей, которыхъ обвиняетъ онъ будто-бы въ неумѣннѣ готовить экстракты (сгущенныя травяныя соки), будто нельзя въ нашихъ апте-

какъ шить эти вещи въ надлежащей свѣжести, и проч. (стр. 186 — 187). Этотъ несправедливый упрекъ опровергается самъ собою. Право, нигдѣ столько шить надзора за приготовленіемъ лекарствъ, какъ въ Россіи; мы можемъ быть спокойны, что медикаменты дѣлаются у насъ по всѣмъ правиламъ Фармаціи, и эмпики смѣло отвѣчаютъ за нихъ доброту и свѣжесть.

Видно, что г. Мейеръ имѣлъ намѣреніе послужить намъ, но не взмѣривъ своихъ силъ, и потому трудъ его не приноситъ никакой пользы. Заключить нашъ обзоръ стариннымъ латинскимъ изреченіемъ: *Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem.*

19) Разсужденіе о Важности Греческаго Языка, читанное въ торжественномъ собраніи Московской 1-й Гимназіи, старшимъ учителемъ, магистромъ: Игнатіемъ Коссовичемъ. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 4-ю д. л. 14 стр.

Если бы можно было счесть, сколько рѣчей и разсужденій написано о пользѣ, важности, необходимости греческаго языка (о латинскомъ ужъ и говорить нечего), то каждый пришелъ бы въ удивленіе, отъ-чего мы до-сихъ-поръ не всѣ знаемъ греческій языкъ, отъ-чего не изясняемъ на немъ такъ же свободно, какъ на отечественномъ, и какимъ образомъ обходимся безъ необходимаго языка. Принимая въ соображеніе количество доказательствъ, которыя всѣ почти казались неоспоримыми тому, кто доказывалъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: или эти доказательства не убѣдительны, или самый предметъ не можетъ доказаться.

Говоря о пользѣ ученія, надобно различать двѣ его цѣли: житейскую и чисто-ученую, кабинетную.

Житейская польза ученія такъ иногда очевидна, что вѣтъ ни малѣйшей надобности объяснять ее ученику. Слѣдствію, на-примѣръ, доказывать ему пользу новѣйшихъ языковъ, когда онъ

безпрерывно видитъ ихъ употребленіе. Онъ слышитъ, какъ въ свѣтѣ говорить по-французски или по-нѣмецки, весьма-легко обходясь безъ необходимаго греческаго; гувернёромъ у него Французъ или Нѣмецъ, а не Грекъ; его-самого наказываютъ за то, что онъ дѣлится говорить по-французски или по-нѣмецки; во время своихъ прогулокъ по городу, онъ видитъ французскія и нѣмецкія вывѣски, видитъ французскій театръ и нѣмецкую оперу. При такомъ повсемѣстномъ употребленіи французскаго и нѣмецкаго языковъ, учащійся не найдетъ страннымъ, если учитель произнесетъ рѣчь о пользѣ ихъ изученія: слова оратора не будутъ противорѣчить тому, что онъ встрѣчаетъ въ жизни. А такъ-какъ безъ жизни очень-трудно и обходиться живому человѣку, то умное дитя съ удовольствіемъ начнетъ заниматься французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Что жъ въ греческомъ языкѣ полезнаго для жизни практической? гдѣ его приложенія въ дѣйствительномъ, кабинетномъ быту? Случится поѣхать въ Грецію? но такія путешествія очень-рѣдки, да и въ этомъ путешествіи, если бъ оно въ-самомъ-дѣлѣ состоялось, гораздо-труднѣе обойдтись безъ нѣмецкаго и французскаго языковъ и всего легче обойдтись безъ греческаго. Перебираю всѣ аргументы г. Коссовича—и не вижу ни одного, который указывалъ бы на прямую пользу древняго языка, на его приложеніе къ жизни, общей всѣмъ намъ, на тѣ случаи въ общественномъ быту, которые встрѣчаются съ нами каждый день и, слѣдовательно, имѣютъ почти обязательство закона, требованіе необходимости. Авторъ говоритъ: «Квинтиліанъ предложилъ родителямъ и наставникамъ римскаго юношества начинать ученіе съ греческаго языка». Но мы не Римляне, и Квинтиліанъ намъ не указъ. Мало ли что было у Римлянъ, и мало ли что говоритъ Квинтиліанъ! «На греческомъ языкѣ изданы божественныя истины Евангелія». Но для

приложенія истинъ евангельскихъ къ жизни, для того, чтобъ сдѣлаться дѣйствительнымъ, истиннымъ христіанствомъ, нѣтъ надобности читать Евангеліе на греческомъ языкѣ: довольно перевода его на русскій, довольно того, чѣмъ мы пользовались и пользуемся. Языкъ ни какого народа не существовалъ съ такою славою, и столь долго, какъ языкъ греческій. Мы почитаемъ его, но, кажется, нѣтъ настоящей надобности простирать уваженіе къ славі языка до обязанности изучать его. Новѣйшіе народы Европы не менѣе обязаны Грекамъ и своими искусствами и своими образцовыми сочиненіями. Что жъ? развѣ намъ учиться греческому языку въ знакъ благодарности за то, что онъ доставилъ новѣйшимъ народамъ Европы?

Нѣтъ! зачѣмъ называть предмету необходимость и важность, которыхъ нѣтъ въ немъ? Всего слабѣе тѣ доказательства, противъ которыхъ вооружается сама дѣйствительность. Ученикъ тотчасъ замѣтитъ противорѣчіе между рѣчью и жизнью, и тогда рѣчь потеряетъ всякое для него значеніе, потому-что значеніе жизни непобѣдимо. Да и самъ авторъ, пересмотрѣвъ обстоятельства своей жизни, увидитъ ясно, что греческимъ языкомъ занимался и занимается онъ, безъ сомнѣнія, ex officio, тогда-намъ другими предметами и языками занимается по необходимому ихъ приложенію къ жизни.

Другое дѣло — учена, кабинетная цѣль наученія греческаго языка. Но и здѣсь надобно осмотрительно восхвалять пользу его, важность и необходимость, чтобъ слова оратора не противорѣчили той пользѣ и важности, которыхъ мы въ-правѣ требовать отъ другихъ наукъ и языковъ, научаемыхъ тоже съ ученою цѣлью. Г. Коссовичъ говоритъ: «не только исторія, поэзія, философія, но и всѣ прочія отрасли человѣческихъ познаній возросли и созрѣли въ древней Элладѣ». Что жъ отсюда слѣдуетъ?—что не только исторію,

поэзію и философію, но и всѣ прочія отрасли человѣческихъ познаній надобно изучать въ греческихъ источникахъ? что надобно читать въ подлинникѣ греческихъ историковъ, греческихъ поэтовъ, греческихъ философовъ, греческихъ ораторовъ, греческихъ геометровъ, греческихъ медиковъ? Но мы спрашиваемъ каждаго: возможно ли это? достанетъ ли за это времени? не повредитъ ли такое изученіе греческаго языка изученію другихъ предметовъ, польза которыхъ ближе, ощутительнѣе, важнѣе? Остаются въ сторонѣ поэзію, которая, по своимъ свойствамъ, имѣетъ особенныя требованія, и обратится къ другимъ наукамъ. Много ли — не только учителей или профессоровъ, но и знаменитыхъ ученыхъ, которые за познаніемъ своей науки обращались къ греческому языку? много ли ораторовъ, историковъ, медиковъ, геометровъ, читавшихъ въ подлинникѣ Геродота и Фукидида, Галена и Гипократа, Флелла, Демосеена? Слѣдовательно, имѣть въ обязанности изученіе греческаго языка съ тою цѣлію, чтобъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, — во-первыхъ нѣтъ въ той степени, въ какой онѣ были выработаны Греками, — изучать въ подлинникѣ, значитъ готовить своему ученику какое-то слишкомъ-спеціальное, исключительное вложеніе, годное только для одного изъ ста тысячъ. Слушатель рѣчи тотчасъ увидитъ, что это такая лотерея, въ которой выигрывать почти-невозможно, и что всего приличнѣе и ближе при изученіи наукъ обращаться въ языкъ нѣмецкому, французскому, английскому и—въ случаѣ рѣдкой надобности—къ латинскому.

Остаются поэтическія произведенія, которыя не могутъ быть переданы со всѣмъ изяществомъ на чуждый языкъ. Кто хочетъ наслаждаться всею прелестью греческихъ лириковъ, эпиковъ и драматурговъ, тотъ, конечно, обязанъ читать ихъ въ подлинникѣ. Жаль только, что средство для этого неопредѣленно-высокаго наслажденія, также не

сравнено-высоко. Авторъ справедливо шутитъ, что гораздо-вкуснѣе пить чистую воду изъ хрустальнаго ключа, чѣмъ принесенную издалека и потертую животоверную прохладу, хотя она даже и въ золотой чашѣ, но мы, пользуясь его же орудіемъ, сравненіемъ, можемъ съ такою же справедливостію сказать, что иногда гораздо-быточнѣе идти къ свѣжему, хрустальному ключу, нежели пить воду изъ соуда. Русская пословица говорить тогда: «за моремъ телушки [по полушкѣ, да рубль перевозъ»...

ГРЕЧЕСКІЙ Глаголь въ своемъ развитіи, изданный старшимъ учителемъ Первой Московской Гимназіи, магістромъ Игнатіемъ Коссовичемъ. Въ 1846. IV и 215 стр.

Г. Коссовичъ, какъ извѣстно, скоро издалъ «Греко-Русскій Словарь», составленію котораго онъ посвятилъ уже несколько лѣтъ. Занимающіеся греческимъ языкомъ ждуть съ нетерпѣніемъ «Словаря». У насъ до-сихъ-поръ былъ только словарь г. Ивашковского, да и тотъ теперь почти уже раскупленъ. Притомъ, словарь г. Ивашковского по объему своему (онъ въ 4-хъ томахъ in quarto) крайне-неудобенъ, а главное, во многомъ не удовлетворяетъ требованіямъ современной науки. Зная, что г. Коссовичъ приготовляетъ греческій словарь, мы съ большимъ любопытствомъ встрѣтили изданную имъ теперь книгу. Мы были увѣрены, что г. Коссовичъ, занимаясь долго составленіемъ греческаго словаря, и потому имѣя возможность глубоко и основательно вникнуть въ свойства греческаго языка, напишетъ о греческомъ глаголь дѣльную книгу. Притомъ, мы надѣялись по изданной имъ теперь книгѣ получить нѣкоторое понятіе о его филологическомъ образованіи, и рѣшить, чего мы можемъ ожидать отъ приготовляемаго имъ словаря. Въ какой степени оправдались наши надежды, — видно будетъ изъ этой рецензіи.

Сперва покажемъ, что побудило г. Коссовича написать эту книгу. Преди-

словіе его начинается такъ: «Однажды въ педагогической бесѣдѣ съ Г-мъ Инспекторомъ 1-й Московской Гимназіи я слышалъ нѣкоторыя мнѣнія его о греческомъ глаголь: онъ-то и называли меня къ настоящему труду».

Цѣль г. Коссовича, какъ видно изъ части и изъ предисловія, а еще болѣе изъ самой книги, — дать ученикамъ руководство къ изученію греческаго глагола. Потому, вѣроятно, г. Коссовичъ въ книгѣ своей помѣстилъ столько параллель, образцовъ, сколько намъ не случалось еще встрѣчать ни въ одномъ греческомъ учебникѣ, ни русскомъ, ни иностранномъ. Изъ 215 страницъ его книги, 90 заняты одними параллелями; сверхъ-того, г. Коссовичъ при объясненіи каждой формы, каждая свойства греческаго глагола приводитъ много примѣровъ, — такъ-что параллелями и примѣрами занята болѣе половины книги. По нашему мнѣнію, такое обиліе параллель и примѣровъ не только безполезно, но даже вредно: оно приучитъ ученика къ умственной лѣни, оставитъ въ недѣятельности сообразительную его способность.

Въ предисловіи г. Коссовичъ говорить:

«Я всегда былъ убѣжденъ, что греческій глаголь, какъ и весь языкъ греческій, легче латинскаго, что въ развитіи его времени и наклоненій больше логики и простоты, и что все затрудненіе происходитъ отъ изложенія. Я старался оправдать мое убѣжденіе дѣломъ, представляя греческій глаголь въ своемъ (ого?) развитіи, просто и ясно, съ тою однако, отчетливостію, которой требовалъ предметъ».

Есть два рода простоты и ясности. Простымъ и яснымъ называется то, что понятно даже неразумному, недалекаго ума человѣку; на-примѣръ, сказка. Простымъ также и яснымъ называется то, чему мы видимъ разумную причину, что объяснимо по законамъ человеческого разума. Въ такомъ смыслѣ изъ наукъ самая простая — математика. Къ этой простотѣ стремится въ наше время всѣ науки, и не менѣе, чѣмъ издавна-иногда другая, гре-

ческая грамматика, грамматика языка самого разумного, самого последовательного изъ всѣхъ языковъ древнихъ и новыхъ. Въ греческомъ языкѣ все основано на нѣсколькихъ коренныхъ, общихъ всему языку, законахъ; въ немъ ни одна буква не пропадаетъ, не измѣняется безъ разумной причины. Не зная этихъ общихъ законовъ, нельзя разумно и ясно узнать греческій языкъ. Г. Коссовичъ нигдѣ не ссылается на эти законы. Потому ученикъ по его книгѣ никогда не сознаетъ необходимости, причины измѣненія согласныхъ буквъ въ прошедшемъ и давно-прошедшемъ временахъ страдательного залога; измѣненія губныхъ буквъ въ усиленномъ корнѣ, т. е. въ настоящемъ и переходящемъ времени; измѣненія придыхательныхъ буквъ въ простыхъ (теперь) въ удвоеніи прошедшаго и давно-прошедшаго времени глаголовъ, начинающихся съ придыхательной буквы; выбрасыванія язычной буквы въ будущемъ и аористѣ первыхъ дѣйствительнаго и возвратнаго залога, — и многого другого, что основывается на коренныхъ, общихъ всѣмъ словамъ греческаго языка законахъ. Отсюда уже видно, что г. Коссовичъ не позаботился о той разумной простотѣ, о которой мы сейчасъ говорили. Да это видно, впрочемъ, и изъ собственныхъ его словъ, приведенныхъ выше: «просто и ясно, съ тою однако отчетливостію, которой требовалъ предметъ». Простота разумная невозможна безъ отчетливости.

Въ предисловіи же г. Коссовичъ говоритъ:

«Въ концѣ я долженъ присовокупить, что цѣлю моею было единственно выучить моихъ учениковъ правильному спряженію греческаго глагола, а за подлинность существованія всѣхъ формъ, представляемыхъ мною, я не ручаюсь.»

Не ручаться за подлинность существованія представленныхъ имъ формъ г. Коссовичъ не имѣлъ никакого права: вѣщаніе филолога въ своихъ словахъ и грамматикахъ собранъ *есть*

(тутъ нѣтъ преувеличенія), *есть* встречающіяся у греческихъ писателей формы. Присвоить себѣ, совершенно-несправедливо, право не ручаться за подлинность существованія представленныхъ имъ формъ, г. Коссовичъ впасть въ три величайшія ошибки, дѣлающія книгу его почти-безполезною: 1) онъ не вездѣ отличалъ употребительныя въ аттическомъ діалектѣ формы отъ неупотребительныхъ; 2) не отличалъ часто никакимъ знакомъ поэтическія формы (*πίτυ, ἀέω, ἀκαχύνω* и много другихъ подобныхъ этимъ глаголамъ изъ списковъ неправильныхъ и недостаточныхъ глаголовъ); 3) въ спискѣ неправильныхъ глаголовъ помѣстилъ, не отличивъ также никакимъ знакомъ, много глаголовъ, никогда несуществовавшихъ въ греческомъ языкѣ в примитивныхъ только грамматиканъ для объясненія формъ глаголовъ недостаточныхъ (*ἔγω, ἔρομαι, ἔπο, ἔω* и т. п.) Много поэтическихъ и неупотребительныхъ глаголовъ и въ прочіихъ отдѣлахъ книги г. Коссовича, противъ списка неправильныхъ и недостаточныхъ глаголовъ. Ученикъ, пожалуй, приметъ такіе глаголы за подлинно-существовашіе въ греческомъ языкѣ. Это все равно, еслибъ кто-нибудь въ русскомъ словарѣ помѣстилъ, напримеръ, глаголъ *шеду* (*шед* — корень *гъ шель*), а какой-нибудь наостранецъ, учась по такому словарю русскому языку, и сталъ бы спрашивать: *а шеду, ты шедешь* и т. д. вѣсто: *а шду, ты идешь* и т. д. Мы не прочь отъ того, чтобъ въ первые годы ученія (какому бы то ни было языку), пока ученикъ не окрѣпнетъ въ главныхъ правилахъ, заставлять его образовывать всѣя формы, не отличая употребительныхъ отъ неупотребительныхъ: ничто такъ не запутываетъ ученика, ничто такъ не задерживаетъ его развитія, ничто не привязываетъ его такъ къ буквѣ, какъ безпрестанное напоминаніе, что такая-то форма употребительна, а другая, точь-въ-точь на нее похожа, неупотребительна. Пусть онъ, особенно сначала, образовываетъ всѣя фор-

мы; но *заучивать* онъ долженъ только формы, подлинно-существующія въ языкѣ. Иначе онъ никогда не увидѣтъ особенностей, ιδιότητωνъ языка. Притомъ, если народъ отбрасываетъ какия-нибудь формы, какъ ненужныя, онъ всегда въ такомъ случаѣ поступаетъ по основательной причинѣ. Потому пусть сперва ученикъ заучитъ, какия формы употребительны, какия нѣтъ: въ послѣдствіи онъ увидѣтъ причины, почему такія-то формы употребительны, а такія нѣтъ. Итакъ, если неразборчивость въ формахъ доволнительна сначала, то не можетъ быть допущена потомъ. И г. Коссовичъ, какъ сказали мы, въ этомъ отношеніи сильно погрѣшилъ. Видъ онъ написалъ свою книгу не для первыхъ только классовъ: она довольно-таки полна, ее стало бы на весь гимназическій курсъ.

Другой недостатокъ книги г. Коссовича, не менѣе существенный, состоитъ въ томъ, что онъ, непонятно почему, не ведѣтъ вѣрить современнымъ нѣмецкимъ грамматикамъ, и часто объясненія ихъ, объясненія, для насъ крайней-мѣрѣ, совершенно-удовлетворительныя и разумныя, замѣняетъ устарѣлыми, давно-забытыми. Нужно замѣтить вообще, что самостоятельная разработка греческой грамматики началась въ Германіи не болѣе, какъ за семьдесятъ лѣтъ. До того времени, греческая грамматика находилась подъ сильнымъ вліяніемъ латинской, уже тогда довольно-развитой. Только въ наше время греческая грамматика освободилась изъ-подъ этого вліянія. Между прочимъ, старые грамматисты занесли изъ латинской грамматики въ греческую такъ-называемое производство временъ. Въ латинской грамматикѣ всѣ формы глагола происходятъ отъ четырехъ главныхъ формъ. Подобное производство существовало и въ греческихъ старинныхъ грамматикахъ. Но въ настоящее время всѣ грамматисты (разумѣется, нѣмецкіе) убѣдились, что въ греческомъ языкѣ такое производство не имѣетъ мѣста, что формы греческаго глагола

не производятся, но *составляются* (и притомъ совершенно-независимо одна отъ другой) изъ корня и слѣдующихъ элементовъ окончанія: характера времени, гласной наклоненія и личнаго окончанія. *Составленіемъ* удивительно-какъ упростилось изученіе греческаго глагола.

Г. Коссовичъ по-старому производилъ, а не составлялъ. Чтобы показать, какъ противорѣчитъ духу греческаго языка производство, довольно привести слѣдующій примѣръ.

Полусогласныя буквы (плавныя, liquidae) не терпятъ въ греческомъ языкѣ послѣ себя σ . Потому въ глаголахъ, которыхъ чистый корень оканчивается на полусогласную букву, въ будущемъ и аористѣ первыхъ дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ (въ этихъ временахъ характеръ σ) неприятое для греческаго уха столкновение полусогласной буквы съ σ уничтожается такъ. Въ будущемъ I вставляется ϵ передъ σ , и потомъ чрезъ выкалываніе σ в слитіе образуется будущее II: $\rho\acute{\alpha}\nu\text{-}\sigma\omega = \rho\alpha\upsilon\text{-}\epsilon\text{-}\sigma\omega = \rho\alpha\upsilon\text{-}\epsilon\text{-}\omega = \rho\alpha\upsilon\acute{\omega}$. Всѣ эти формы были болѣе или менѣе употребительны въ разныхъ нарѣчіяхъ, въ разные времена: въ аттическомъ нарѣчіи употреблялась только послѣдняя ($\rho\alpha\upsilon\acute{\omega}$), т. е. въ аттическомъ нарѣчіи было будущее II въ полусогласныхъ глаголахъ, а перваго не было. Въ аористѣ же I, вмѣсто σ , продолжается предъидущая коренная гласная. Замѣна σ такимъ продолженіемъ основана на томъ, что количество (quantitas) слова остается то же въ томъ и другомъ случаѣ. Ибо, еслибъ оставалась σ , то предъидущая коренная гласная была бы по положенію (ex positione); а теперь — она продолжена. Итакъ: ($\rho\acute{\alpha}\nu$) $\epsilon\text{-}\rho\alpha\iota\text{-}\sigma\alpha = \epsilon\phi\eta\upsilon\alpha$. У г. Коссовича (стр. 21) сказано, что аор. I дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ происходитъ отъ будущаго I тѣхъ же залоговъ. Но глаголы полусогласные, какъ сказали мы, не имѣютъ будущаго I (по-крайней-мѣрѣ въ аттическомъ діалектѣ). Откуда же произвести аор. I дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ въ глаголахъ по

дусогласных? Г. Коссовичъ даетъ новое правило: говорить (стр. 75), что аор. I такихъ глаголовъ происходитъ отъ будущ. II. Какъ же? отъ *φαιε* — *φαιε*, отъ *φαιε* — *φαιε*? Чтожь мѣшаетъ послѣ этого произвести аор. I отъ любого времени?

Престранно также (на 9-й стр.) объясняетъ г. Коссовичъ временное (*temporale*) приращеніе: не продолженіемъ гласной начальной, какъ обыкновенно теперь объясняется (и опять скажемъ: чрезвычайно-ясно и разумно), а какими-то небывалыми слитіями. На стр. 8 онъ говоритъ, что глаголы, начинающіеся съ *ι* и *ο*, не принимаютъ никакого приращенія. Неправда! Если *ι* и *ο* кратки, то приращеніе такихъ глаголовъ ничѣмъ не отличается отъ приращенія глаголовъ, начинающихся съ *ε* и *ο*: въ томъ и другомъ случаѣ, краткія гласныя продолжаютъ. Но въ греческомъ языкѣ для гласныхъ, отвѣчающихъ латинскимъ *ε* и *ο*, четыре буквы: для краткихъ *ε* и *ο* (*ι* и *ο*) и для долгихъ *ε* и *ο* (*η* и *ω*). А для гласныхъ, отвѣчающихъ латинскимъ *ι* и *υ*, только двѣ, и для краткихъ и для долгихъ. Это, вѣроятно, ввело въ ошибку г. Коссовича...

Много можно было бы показать еще ошибокъ въ этой книгѣ; но намъ не дозволяютъ сдѣлать этого предѣлы рецензій журнала вespециальнаго. Впрочемъ, и того, что сказано нами, слишкомъ-достаточно. Языкъ книги г. Коссовича нехорошъ; это можно видѣть даже изъ приведенныхъ нами мѣстъ. Особенно ощутителенъ недостатокъ точности, — а она въ учебникѣ главное условіе. Вотъ нѣсколько мѣстъ еще изъ его книги, подтверждающихъ сейчасъ сказанное нами о языкѣ.

Въ концѣ предисловія:

«Что касается до опечатокъ и недосмотровъ, они такого рода, что учащіеся греческому языку, даже въ первыхъ классахъ легко ихъ замѣтять безъ малѣйшаго вреда для науки.»

Иной, пожалуй, подумаетъ, что замѣчать ошибки и недосмотры вредно для науки!

Стр. 7. «Для мѣры въ стихахъ, для ясности и для плавности часто опускается приращеніе слоговое.»

Приращеніе слоговое прибавляетъ цѣлый слогъ (слѣдовательно, полный признакъ) къ формѣ глагола: а чѣмъ болѣе мы знаемъ признаковъ предмета, тѣмъ яснѣе, кажется, возникаетъ предметъ?

Стр. 10. «Повтореніе (т. е. удвоеніе) аттическое состоитъ изъ перваго слога изъ глагола, поставленнаго предъ обыкновеннымъ повтореніемъ.»

Возьмемъ примѣръ: *δυστρο* — *δυστρο* — *δυστρο*. Первый слогъ — *δ*, а приставлено *δ*, т. е. двѣ начальныя буквы: точно!

Любопытно на стр. 174 мѣсто о неправильныхъ глаголахъ; но оно довольно-длинно, и потому мы его не выписываемъ.

Занимающіеся греческимъ языкомъ представляютъ у насъ въ Россіи двѣ крайности. Одни изучаютъ его по руководству, предлагаемымъ Германіею, въ которой въ послѣдніи сѣмьдесятъ лѣтъ явилось столько замѣтательныхъ по дарованіямъ и трудолюбию людей, двинувшихъ сильно впередъ изученіе этого языка. Но у насъ въ Россіи пока еще немногіе знакомы съ ихъ трудами: какъ-то плохо принимается нѣмецкая филологія на русской почвѣ! Другіе — большая часть — упорно держатся заветныхъ, старыхъ, доморощенныхъ учебниковъ, неохотно заглядываютъ даже въ переведенныя на русскій языкъ грамматики Бутманна и Кюнера. Такое упорство замѣтно и въ другихъ наукахъ, у нѣкоторыхъ лицъ. Эти лица величаютъ свое упорство громкимъ именемъ самостоятельности. А по правдѣ сказать, вся-то ихъ самостоятельность и состоитъ въ томъ, что они лѣнятся переучиваться по хорошимъ иностраннымъ книгамъ тому, чему выучились кое-какъ по дряннымъ доморощеннымъ. Чтобъ убѣдиться, какъ жалка эта ложная самостоя-

ность, какая бездна отдѣляетъ наши самостоятельныя книги отъ иностранныхъ (разумеется, хорошихъ), пусть тотъ (обратимся къ греческому языку), кого спасла судьба отъ этой жалкой самостоятельности, кто выучился греческому языку по хорошимъ иностраннымъ книгамъ, пусть тотъ перелистуетъ *Сводъ Греческой Грамматики съ Латинскою*. Эта книга издана неизвѣстно гдѣ, годовъ за двадцать до настоящаго времени. Она въ большомъ ходу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребляются еще изданія минеллиевы и ad instar Minellii. Какъ-то попалась она намъ и возбудила въ насъ не столько желаніе познакомиться надъ нею, сколько какое-то грустное чувство... Авторъ ея, это замѣтно, человекъ умный; но надо видѣть, какихъ тяжкихъ усилій стоить ему привести въ сознаніе греческую грамматику, къ какимъ ватѣливымъ ипотезамъ прибѣгаетъ онъ, чтобъ замѣнить ими скудость положительныхъ, фактическихъ свѣдѣній!..

Но да не подумаетъ кто-нибудь, что мы въ нѣмецкихъ филологахъ видимъ nec plus ultra знанія. Какъ ни громадны труды ихъ, — работы еще много, очень-много, и болѣе, чѣмъ кому-нибудь, Русскому, который возьмется написать греческую грамматику для Русскихъ. Хотя бы онъ даже передалъ только то, что находится въ нѣмецкихъ грамматикахъ, не прибавивъ, не измѣнивъ ничего, — все-таки ему придется много трудиться самому, самобытно. Надо примѣнить греческій языкъ къ русскому: дѣло почти еще не початое; переводчики грамматикъ Бутманна и Кюнера мало позаботились объ этомъ. А сколько для примѣненія греческаго и латинскаго языка сдѣлаво у Нѣмцевъ! На-прим., для латинскаго языка у Мадвига? Надо измѣнить самое изложеніе Нѣмцевъ: русскія головы во многомъ иначе устроены, чѣмъ нѣмецкія. Надо не мало подумать надъ терминами. Вообще, наши грамматическія термины дурны. И всякому, кто вздумаетъ писать грамматику русскую, гре-

ческую, или другую какую, слѣдуетъ обратить на этотъ предметъ вниманіе — именно теперь: настоящее время, время какого-то броженія, очень этому благоприятствуетъ. Много хорошихъ терминовъ можно найти у протоіерея Павскаго. Замѣчательна также въ этомъ отношеніи статья (въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго года) *О терминологіи Русской Грамматики*. Не знаемъ, многіе ли обратили на нее вниманіе, а она стоила его. Правда, во всемъ нельзя согласиться съ авторомъ этой статьи; тѣмъ не менѣе замѣтно въ немъ много свѣтлаго, здороваго, свободнаго ума.

21) *Постепенныя Занятія въ переводѣхъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій, для высшихъ классовъ. Часть III. Изданная докторомъ Э. Кистеромъ. Третье изданіе, съ 1859 г., съ дополненіями. Москва. 1846. Въ университетской тип. Въ 42-ю д. л. 199 стр.*

Третье изданіе этой книги отличается отъ прежнихъ только тѣмъ, что авторъ присовокупилъ разныя описанія, заимствованныя изъ натуральной исторіи, статьи изъ драматическаго и драматическаго содержанія и торжественныя рѣчи, выбранныя изъ лучшихъ русскихъ писателей. Все прочее осталось въ первобытномъ видѣ: и статьи, и словарь труднѣйшихъ словъ и оборотовъ рѣчи изъ каждаго отрывка. Книга, безъ сомнѣнія, принесла довольно пользы учителямъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ дополненіяхъ къ третьему изданію находятся отрывокъ изъ драматической повѣсти «Ломоносовъ», эпизодъ изъ «Парашки Сибирячки»... Оно, можетъ-быть, такъ и нужно въ «Постепенныхъ Занятіяхъ въ Переводахъ»... Мы этого не знаемъ.

22) *Книжка Французско - Русскихъ Разговоровъ, съ присовокупленіемъ разныхъ писемъ, записокъ и билетовъ. Составлена по лучшимъ и новейшимъ иностраннымъ сочиненіямъ съ*

этомъ родѣ. *Издание книгопродавца К. Тотти. Одесса. Въ городской тип. 1846. Въ 12-ю д. л. 152 стр.*

Эта «Книжка» вполне достигаетъ цѣли большей части подобныхъ книжекъ; именно, если русскій человекъ вздумаетъ выучиться по ней говорить по-французски, то въ весьма-короткое время заговорить очень-плохо на родномъ языкѣ, а на французскомъ будетъ говорить совсѣмъ не то, что бы хотѣлъ сказать; на-примѣръ, захочется ему сказать: «не стоить благодарности»—а онъ скажетъ по-французски: къ вашимъ услугамъ (стр. 72); подвизается ли кто съ честью (на полѣ битвы?), а ученикъ скажетъ, что герой просто усердно покушалъ (стр. 62); зайдетъ ли рѣчь о романѣ или драматическомъ произведеніи и замѣтитъ онъ, что «интрига развивается дурно»; а скажетъ будто развязка пьесы плоха (стр. 117). Наконецъ, самый рѣзкій эффектъ произведетъ книжка на своего ученика тѣмъ, что онъ заговоритъ и запишетъ такое, чего и самъ не пойметъ. На-примѣръ: «лицо у него *непредупредительное*», или «вогъ серьги самой *тонкой работы*», или «вашъ пульсъ немного *возвышенъ*», или «отраженіе воды удивительное», или наконецъ, на просьбу объ увѣдомленіи о *текущихъ цѣнахъ*, онъ напишетъ такой отвѣтъ: «М. Г., сообразно требованію вашему, я обозначилъ на всякій предметъ цѣну, которую вы знать желали; я присовокупилъ къ тому и цѣны мелочныя, чтобы вы могли судить о пользѣ» (стр. 149). Конечно, иногда и слѣдуетъ написать такъ, чтобы никто ничего не понималъ... Недавно мы съ удовольствіемъ прочли въ газетахъ объявленіе одного ходатая по дѣламъ, написанное для образца дѣловымъ слогомъ, и рѣшительно ничего не поняли,—и въ «Книжкѣ Разговоровъ» тоже есть подобныя умышленно-непонятныя письма — къ кредиторамъ. Рекомендуемъ.

Да скажите, пожалуйста, кому нужны подобныя книжки и кто научился по нимъ когда-либо чему-либо?..

«А все-таки движется!» какъ ска-

валъ Галлей И книжки все-таки выходятъ каждый мѣсяцъ и, вѣрно, расходятся! И куда все это дѣвается?..

32) *Новый Руководитель Русско-Французско-Английско-Нѣмецкій или Методическій Словарь, содержащій наиболее употребительныя и расположенныя по предметамъ части рѣчи, образцы фраз для составленія большей части выражений обыкновеннаго разговора и разговоры русско-французско-английско-нѣмецкіе, составленные докторомъ Императоръ. Лейпцигъ и Санктпетербургъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 487 стр.*

Г. Импертъ убѣдился, что гораздо-полезнѣе учащемуся отъискивать слова иностраннаго языка не въ обыкновенномъ алфавитномъ лексиконѣ, а въ такой книжкѣ, гдѣ они расположены систематически, т. е. сгруппированы въ категоріи по значенію. Положивъ, что вамъ нужно узнать, какъ по-нѣмецки «кухня». Вмѣсто того, чтобы отыскать это слово обыкновеннымъ, вѣроятно-вѣдь вамъ порядкомъ въ русско-нѣмецкомъ лексиконѣ, вы развертываете «Нового Руководителя», и разсмотрѣвъ оглавленіе категорій, находите, что слово «кухня» должно быть въ категоріи «домъ». Такии-образомъ учащійся не только узнаетъ иностранное слово, но и упражняетъ свое соображеніе.

Образцы фразъ и разговоры подобраны довольно-удачно.

24) *Практическіе Уроки для основательнаго изученія Грамматическихъ Правилъ Английскаго Языка. Составленные Е(Э)двардомъ Ро. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова.*

Г. Ро, вполне сознавая, что изданные имъ «Практическіе Уроки», какъ книга, незавключающая въ себя ничего новаго, совершенно-лишняя въ нашей учебной литературѣ, рѣшился написать въ предисловіи къ своей перепечаткѣ слѣдующую небывальщину:

•Тѣ (изъ Русскихъ), которые приобрѣли познаніе этого (англійскаго) языка, учились ему или практическимъ образомъ, илѣя, по необходимости дѣла, постоянное обращеніе съ Англичанами, или теоретическимъ, то есть книгами; эти же книги писаны болѣею частью на французски, а на русскіе языкъ въ нихъ большой недостатковъ, и даже нѣтъ хорошихъ.»

Пусть бы г. Ро самъ паздалъ какую-нибудь особенно-хорошо и оригинально-составленную грамматику, да тогда бы ужъ и говорилъ, что на русскомъ языкѣ нѣтъ хорошихъ руководствъ къ изученію англійскаго языка. Но ничуть не бывало: самъ онъ въ томъ же предисловіи очень-забавно сознается въ посредственности своего труда:

«Въ грамматикѣ объяснены всѣ правила съ главными исключеніями; но чтобы изложить всѣ исключенія, я не почелъ нужнымъ, ибо во всякъ языкѣ они наводятся въ большомъ количествѣ, и подробно ихъ измѣнять не принесетъ пользы для учащихся: оно только обременитъ разсудокъ, почему и вспомнить ихъ невозможно, а на практикѣ выучиться имъ весьма легко.»

Но всего хуже (мы говоримъ это очень-серьёзно), всего хуже то, что г. Ро, чувствуя всю силу своихъ печатныхъ грѣховъ, совсѣмъ не по-англійски завскизываетъ въ русскихъ читателяхъ слѣдующіи комплименты на чрезвычайно-плохомъ русскомъ языкѣ:

«Свойство русскаго діалекта, въ мягкомъ своемъ произношеніи, служитъ главнымъ новодомъ легкому приобрѣтенію выговора иискаго иностраннаго языка; притомъ извѣстно, что нигдѣ иностранная словесность не находится въ такомъ отличномъ познаніи, какъ здѣсь; французскій и нѣмецкій языки произносимы и извѣстны Русскимъ такъ основательно, что являютъ се видѣ національныхъ, и у Русскаго, которому англійскій языкъ извѣстенъ, замѣчено также лучшее произношеніе его.»

Кстати, вотъ еще:

25) Курсъ Англійскаго Языка. Составленный И Броуномъ. Часть III.

Отрывки для упражненія въ переводахъ. Санктпетербургъ. Во французской тип. 1846. Въ 8-ю д. л. 185 стр.

Хоть въ этомъ курсѣ и нѣтъ ничего особеннаго, однакожь, еслибъ у насъ только и было руководство къ изученію англійскаго языка, что руководство г. Броуна, и тогда г. Ро не имѣлъ бы права печатать, что его «Практическіе Уроки» лучше чего-нибудь изданнаго на русскомъ языкѣ для изученія англійской грамматики.

26) Учебная Книга Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства губерній и областей, на общихъ правахъ сособлицхъ, составленная для Императорскаго Училища Правовѣднія Павломъ Дегаемъ. Изданіе третіе, согласованное съ послѣднимъ изданіемъ Свода Законовъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л.

Третье изданіе книги, имѣющей цѣлію облегченіе познанія законовъ, относящихся до гражданскаго русскаго судопроизводства. Примѣръ довольно-поразительный въ нашей юридической литературѣ, имѣющей мало интереса для читателей.

Извѣстно, что у насъ юридическія и политическія науки мало обработаны. Почти все, что появляется въ этой области, или обозначено печатью нѣмецкихъ теорій, или имѣетъ видъ сборниковъ законовъ, нынѣ дѣйствующихъ, или уже отжившихъ вѣкъ свой. Другаго рода сочиненій нѣтъ. Такимъ-образомъ, «Учебная Книга Гражданскаго Судопроизводства губерній и областей, на общихъ правахъ состоящихъ» есть систематическій сборникъ существующихъ законовъ русскаго судопроизводства, въ который, какъ выражается самъ авторъ, «для избѣжанія неправильнаго толкованія смысла закона, большая часть статей Свода внесена слово-въ-слово». Книга эта назначена для воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣднія, и для нихъ многочисленныя роды нашего судопроизводства подвѣдены подъ главныя категоріи. Однако,

возрастающее требованіе на это сочиненіе дает повод полагать, что оно употребляется и въ дѣлопроизводствѣ; поэтому, авторъ считалъ обязанностію сколю-можно-болѣе дать удобства къ примѣненію на практикѣ свѣдѣній, въ ней заключающихся. Изучая подробности, входящія въ составъ постановленій о судопроизводствѣ, самая лучшая память удержитъ ихъ не всѣ, и, слѣдовательно, учащійся долженъ предпочесть изученіе постановленій основныхъ, главныхъ, изученію предметовъ второстепенныхъ и переходить къ послѣднимъ только тогда, когда главные черты судопроизводства будутъ хорошо выучены. Для облегченія этого перехода, въ сочиненіи отличены предметы мѣстные и частные отъ прочихъ; для облегченія же приснанія постановленій отдѣльныхъ и подробностей, легко ускользающихъ изъ памяти, присоединенъ алфавитный реестръ, а для сличенія параграфовъ книги съ подлинными статьями Свода, составленъ особый реестръ. Для примѣненія законовъ, внесенныхъ въ книгу, тѣмъ, которые ходатайствуютъ по дѣламъ, приложены главнѣйшія формы тяжбныхъ бумагъ, именно: 1) форма исковаго прошенія о наслѣдствѣ по духовнымъ завѣщаніямъ, 2) форма частной жалобы на уѣздный судъ за неустройство пагъ спорнымъ имѣніемъ опеки, 3) форма жалобы на медленность уѣзднаго суда, 4) форма жалобы министру юстиціи на медленность пагъ, 5) форма апелляціонной жалобы на рѣшеніе уѣзднаго суда, 6) форма прошенія объ утвержденіи по документамъ владѣнія землею, 7) форма апелляціонной жалобы на рѣшеніе межевой конторы.

Итакъ, этотъ систематическій сборникъ законовъ гражданскаго судопроизводства, какъ выше сказано, выдержалъ третье изданіе, слѣдовательно, имѣетъ успѣхъ блистательный для нашихъ юридическихъ сочиненій. Успѣхъ основывается на томъ, что книга эта есть учебникъ и притомъ употребляется людьми дѣловыми на практи-

кѣ. Вотъ два требованія, обеспечивающія существованіе ея и, по-видимому, указывающія на тотъ путь, по которому должна пройти наша юридическая литература, чтобъ въ-послѣдствіи когда-нибудь имѣть успѣхъ независимо отъ практики и школы, успѣхъ науки, — успѣхъ, основанный на общественномъ юридическомъ интересѣ. Сочиненія, написанныя безъ практической цѣли и не какъ учебники, для насъ не имѣютъ еще занимательности по многимъ причинамъ, о которыхъ мы здѣсь говорить не станемъ. Слѣдовательно, юридическая наша литература возродится на первой степени развитія, потому-что является или въ видѣ учебника, или въ видѣ руководства къ практическому примѣненію законовъ. Другихъ требованій нѣтъ; юридическаго интереса въ массѣ не существуетъ, или онъ ограничивается чрезвычайно-малымъ числомъ избранныхъ.

Поэтому, наша юридическая литература ограничивается или нѣсколькими переводами сочиненій нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, или, подъ видомъ самостоятельныхъ отечественныхъ произведеній, носитъ отпечатокъ юридическихъ нѣмецкихъ теорій. Какъ же пособить этому? какъ сдѣлать, чтобъ насъ интересовала область права, и чтобъ она была самостоятельною? Для этого, думаютъ нѣкоторые, нужно обратиться къ исторіи нашего права, и ею проложить новый путь, независимо отъ иностранныхъ теорій. Есть десять назавъ, одинъ профессоръ Московскаго Университета, сдѣлавъ незатруднительный обзоръ малаго числа статей и книгъ, появившихся въ Россіи по части русскаго права, сказалъ:

«Исторія нашего законодательства существуетъ еще во множествѣ, въ частяхъ, въ разбросанныхъ отрывкахъ, словомъ въ возможности: еще духъ философіи не повѣялъ на эти безжизненные кости испомна, усердно собираемыя на могилкахъ нашихъ праотцевъ. При изслѣдованіи причинъ казалось, будто потому не было у насъ систематической исторіи законод-

дѣлства, что не всё матеріалы собраны; однакожь это не совсѣмъ справедливо. Намъ не достаетъ идей и систематическаго дѣла. Что же касается до собранія матеріаловъ, то это такого рода трудъ, который никогда не кончится, и не должно желать, чтобы онъ когда-нибудь кончился... Метода преподаванія во всемъ юридическомъ факультетѣ Россійской Имперіи въ скоромъ времени будетъ измѣнена или подновлена возвратившимися изъ-за границы русскими докторами правъ. Уже ими брошенъ критическій взглядъ на все пространство юридической дѣятельности русскихъ университетовъ. Недостатки извѣщены, исчислены, измѣрены. И начальство университетовъ и профессоры готовы замѣнять ихъ совершенствами.»

Но, увы! прошло десять лѣтъ съ тѣхъ-поръ, какъ сказаны эти слова, и—духъ философіи не влялъ еще по безжизненнымъ костямъ русскаго права; мы не видимъ, чтобъ русскими докторами правъ былъ брошенъ критическій взглядъ на все пространство юридической дѣятельности русскихъ университетовъ, а тѣмъ болѣе не видно замѣны недостатковъ совершенствами, — однимъ словомъ, нѣтъ исторіи русскаго законодательства! Въ это время, правда, появилось нѣсколько полунѣмецкихъ, полурусскихъ юридическихъ учебниковъ, но они далеки отъ совершенства. Отъ чего же это? Отъ того ли, что исторія нашего права не представляетъ того интереса и той послѣдовательности, которую мы замѣчаемъ въ развитіи права у другихъ народовъ, — или отъ-того, что мы стараемся объяснять исторію законодательства, не объяснивъ сущности дѣйствующихъ законовъ, и, слѣдовательно, слѣлавъ скачокъ, объясняемъ нѣкоторые пункты исторіи, безъ всякаго отношенія къ настоящему, — или, наконецъ, у насъ нѣтъ юридической литературы отъ-того, что вопросы въ области права не живутъ для насъ той занимательности, которую они должны возбуждать по своей важности для общества? Намъ кажется, что всё эти причины дѣйствуютъ вмѣстѣ. Мы начи-

наемъ научать и объяснять исторію законодательства прежде, нежели общество усвоило и объяснило себѣ сущность дѣйствующихъ законовъ, слѣдовательно, прежде, нежели оно слило свой юридическій интересъ съ настоящимъ положеніемъ. Поэтому, для такого общества исторія права не будетъ имѣть никакой цѣны; она не будетъ служить объясненіемъ настоящему законодательству, а какимъ-то отрывочнымъ свѣдѣніемъ, непришкнутымъ къ общей системѣ права. Чтобъ возбудить интересъ, должно прежде перелить въ общество массу законовъ, заключенныхъ въ Сводѣ, слить съ жизнію самые юридическіе вопросы, и тогда будетъ возможна и успѣшна юридическая литература и историческая и философская. До того же времени, это будетъ товаръ, который не имѣетъ погребителей и, слѣдовательно, никакой цѣны. Для того, чтобъ законы, заключенные въ Сводѣ, дѣлались доступны обществу, мы считаемъ необходимо-нужнымъ изданіе ручныхъ книгъ по разнымъ частямъ законодательства, какъ, на-примѣръ, въ настоящемъ случаѣ, изданная г. Дегеемъ книга судопроизводства. Успѣхъ ея показываетъ, что потребность въ изданіяхъ подобнаго рода существуетъ въ обществѣ; хотя это еще первая, насущная потребность, но, послѣ перваго удовлетворенія, она можетъ вести къ высшей потребности знанія законовъ, какъ у человѣка, выучившагося читать, писать и считать для домашняго обихода, для цѣли чисто-практической, можетъ возникнуть потребность въ чтеніи для удовлетворенія развившейся любознательности. Этотъ путь вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что опытъ на него указываетъ. Потомъ, особенно въ-слѣдствіе умственнаго и матеріальнаго развитія народа, можетъ возникнуть и литература права, проникнутая жизнію и имѣющая интересъ для общества.

27) Ариѣмѣтика, составленная А. Зеленымъ 2-мъ, капитанъ-лейтенантъ

томъ Морскаго Кадетскаго Корпуса. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ Морскаго Кадетскаго Корпуса. 1846. Въ 8-ю д. л. 440 стр.

При составленіи своей «Археометики» г. А. Зеленый преимущественно шѣлъ въ виду инструкцію, данную Коммиссіи, занимающейся составленіемъ учебныхъ руководствъ по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Слѣдующая выписка изъ самой инструкціи, приложенной къ книгѣ, можетъ отчасти дать понятіе о цѣли, которою руководилось начальство Морскаго Корпуса, и какихъ послѣдствій можно ожидать отъ добросовѣстнаго выполненія исчисляемыхъ въ ней условій.

«Главная цѣль составляемыхъ руководствъ (для воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго Корпуса) есть приготовленіе искусныхъ и знающихъ морскихъ офицеровъ. Сообразно этой цѣли, въ составъ курса должны войти не только всѣ свѣденія, необходимыя для дѣйствительной службы, но также и все, для нее полезное.

«Воспитанникъ съ ограниченными способностями долженъ найти въ немъ точное и удобопонятное изложеніе всѣхъ необходимыхъ для себя свѣдѣній; а тотъ, кто не удовлетворится краткимъ содержаніемъ курса, долженъ во всѣхъ частяхъ его встрѣтить указанія на дальнѣйшія высшія части наукъ, которыя, по объему и назначенію курса, не могли войти въ составъ его.

«Курсъ этотъ, заключающій все необходимое и полезное для морскаго офицера, никакъ не долженъ вводить и оставлять учащагося въ самомъ вредномъ заблужденіи: «будто тутъ собрано все, что должно и можно знать и что уже болѣе продолжать нечего и не зачѣмъ.» Въ самыхъ руководствахъ воспитаннику должно объяснить, что односторонній знанія, которыя онъ пріобрѣтеть въ этомъ курсѣ, составляютъ самую малую часть знаній человека, и что это не крайній предѣлъ ученія, а только основаніе къ дальнѣйшему усовершенствованію самого себя.

«Курсъ долженъ представлять одно полное, свѣдѣніе, и всѣ руководства,

его составляющія, должны быть расположены въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и тѣсной связи между собою. При изложеніи каждаго руководства необходимо искусно соединить частныя требованія науки съ общимъ направленіемъ и цѣлостію курса. Всѣ морскія науки, какъ ипримѣръ: навигація, морская съемка, грабелъная архитектура, морскія эволюціи, тактика и практика, входящія въ составъ курса, налагаются во всей обширности и болѣе въ практическомъ направленіи. Математическія науки излагаются толькою такой полнотѣ, какой требуютъ морскія науки, на нихъ основанныя. Въ другихъ предметахъ, сколько нибудь соприсословенныхъ морскому дѣлу, какъ напримѣръ, въ теоретической и практической механикѣ, физикѣ и проч. развиваются въ болѣе обширности тѣ части, которыя имѣютъ связь съ морскими науками; все остальное должно сообщить учащемуся, хотя въ сжатомъ объемѣ, но ясно и довольно полное понятіе о предметѣ.

«Въ изложеніи наукъ, придерживаясь, какъ выше сказано, болѣе практическому направленію, должно развернуть в теоретическую часть до такой степени, чтобы воспитанникъ одаренный быстрой способностями нашелъ достаточную пищу для своего ума.

«Каждое изъ руководствъ, въ особенности высшихъ наукъ не должно быть вовсе лишено той занимательности, которая допускается въ сочиненіяхъ такого рода. Сочинитель, не начиная прямо сухими опредѣленіями, долженъ въ простыхъ и общепонятныхъ выраженіяхъ объяснить необходимость науки, предметъ и цѣль ея, и потомъ уже приступить къ самому изложенію, приспособляя его къ возрасту и понятіямъ учащихся. При составленіи руководства необходимо имѣть въ виду, что кругъ дѣйствія изъ не долженъ ограничиваться только временемъ ученія воспитанника въ корпусѣ. Составляемый курсъ, если онъ только будетъ написанъ сообразно своему назначенію, для всякаго воспитанника, кончившаго его, долженъ послужить прочнымъ основаніемъ къ дальнѣйшему усовершенствованію; а по выходѣ воспитанника на дѣйствительную службу, долженъ быть сирочкою книгою, въ которой молодой офицеръ найдетъ рѣшенія всѣхъ недоразумѣній, встрѣчающихся ему въ практикѣ.»

Желательно, чтобы вновь-составленные руководства вполне соответствовали плану инструкцій: тогда только воспитанник убѣдится, что въ руководствах собрано все, что должно и можно знать, и что уже больше продолжать нечего и незачѣмъ.

Въ предисловіи къ «Ариметикѣ», авторъ говоритъ, что онъ представилъ способъ разрѣшенія всѣхъ ариметическихъ задачъ исключительно помощью четырехъ ариметическихъ дѣйствій, и ограничился изложеніемъ только тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ существенное содержаніе ариметики: все же остальное, неизмѣющее прямой связи съ нею, г. А. Зеленой отнеситъ къ алгебрѣ, гдѣ большая часть математическихъ истинъ можетъ быть изложена общіе и удобопонятіе.

Особенно хорошо изложены въ книгѣ г. А. Зеленого дроби простые и десятичныя. Авторъ выводитъ понятіе о простыхъ дробяхъ изъ дѣленія цѣлыхъ чиселъ и объясняетъ названіе и различныя величины дробей чертежами, чего мы не встрѣчали ни въ одной ариметикѣ. Такой приемъ много облегчаетъ учащихся. Понятіе о десятичныхъ дробяхъ выводится изъ простыхъ дробей слѣдующимъ образомъ:

«Въ преддущемъ отдѣленіи (т. е. въ отдѣленіи простыхъ дробей) мы видѣли, что дроби могутъ имѣть всевозможныхъ знаменателей; здѣсь же будемъ разсматривать особенный видъ дробей, которыхъ знаменатель есть число 10 или число въ десять, во сто, въ тысячу и проч. разъ болѣе 10, и потому такія дроби называются десятичными дробями. Они могутъ быть написаны безъ знаменателей, т. е. въ видѣ цѣлыхъ.»

Далѣе, авторъ предлагаетъ численные приѣмъ десятичныхъ дробей и потому замѣчаетъ, что:

«...Различныя части десятичныхъ дробей одніи другихъ въ 10 разъ болѣе или менѣе, точно такимъ образомъ, какъ мы видѣли при счисленіи цѣлыхъ чиселъ, гдѣ единицы каждаго разряда въ 10 разъ болѣе или менѣе, стоящихъ по правую

или по лѣвую сторону. И потому на этомъ основаніи можно десятичныя дроби изображать въ видѣ цѣлыхъ чиселъ.»

Такимъ-образомъ, воспитанникъ, получившій уже ясное понятіе о простыхъ дробяхъ, весьма-легко узнаетъ характеръ десятичныхъ дробей; сверхъ того, онъ ясно видитъ причину, почему десятичныя дроби можно изображать въ видѣ цѣлыхъ чиселъ. Всякое новое положеніе строго доказано въ «Ариметикѣ», такъ-что учащемуся не придется безсознательно верить тому, что написано въ книгѣ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что десятичныя дроби почти ни въ одной изъ существующихъ ариметикъ не изложены удовлетворительно; между-тѣмъ, это составляетъ едва-ли не самую трудную статью для учащихся.

Глава «О квадратахъ и кубахъ и объ ихъ корняхъ» весьма-кратка. Авторъ, показавъ происхожденіе квадрата и куба какого-либо числа, предоставляетъ алгебрѣ рѣшеніе задачъ, относящихся къ извлеченію корней.

Въ этомъ отношеніи, мы вполне согласны съ мнѣніемъ г. А. Зеленого, потому-что задачи такого рода гораздо-легче рѣшаются алгебраическимъ способомъ, нежели ариметическимъ. Учащемуся (предполагая въ немъ знаніе алгебраическаго умноженія) ничего не значитъ рѣшить задачу такого вида $(a+b)^2$ между-тѣмъ, какъ онъ затруднится въ рѣшеніи, если въ выраженіи $(a+b)^2$, вмѣсто a и b , поставитъ численныя величины. Авторы новѣйшихъ руководствъ къ ариметикѣ помѣщали въ своихъ сочиненіяхъ происхожденіе квадратовъ и кубовъ чиселъ и извлеченіе корней, слѣдуя весьма-странному предразсудку, будто-бы все, что можетъ быть рѣшено ариметическимъ приемомъ, должно непременно разсматриваться въ ариметикѣ. По нашему мнѣнію, для рѣшенія задачи тотъ приемъ лучший, который вѣрнѣе и скорѣе ведетъ къ цѣли, — все равно будетъ ли то приемъ ариметическій или алгебраическій.

Пропорціи арифметическая и геометрическая, также тройныя правила объяснены весьма-удовлетворительно, хотя и кратко. Большая часть вопросов, относимых обыкновенно къ пропорціямъ и тройному правилу, гораздо легче рѣшаются уравненіями, а потому приличнѣе ихъ разсматривать въ алгебрѣ. Что же касается до примѣровъ, помѣщенныхъ при тройныхъ правилахъ въ книгѣ г. Зеленаго, то они служатъ только для того, чтобъ показать возможность рѣшенія такого рода задачъ посредствомъ арифметическихъ приемовъ.

Но въ «Арифметикѣ» г. А. Зеленаго всего важнѣе болѣе 700 задачъ, по большей части относящихся къ морскому дѣлу, и потому весьма-полезныхъ для воспитанниковъ Морского Корпуса. Вотъ одинъ изъ примѣровъ:

«При поднятіи адмиральскаго флага салютуютъ ему всѣ суда, стоящія на рейдѣ, по 11 выстрѣловъ съ каждаго судна. Слѣдуетъ, что стоитъ салютъ адмиральскому флагу изъ флота, состоящаго изъ 3-хъ трехъ-дечныхъ кораблей, 24-хъ двухъ-дечныхъ кораблей, 18 фрегатовъ, 6 бригавъ и 10 пароходовъ, и вооруженнаго одно-калиберною артиллеріею; салютуютъ обыкновенно изъ орудій верхней батареи, гдѣ въ каждую пушку трехъ-дечныхъ кораблей кладутъ зарядъ въ 6 фунтовъ пороха, на двухъ-дечныхъ корабляхъ въ каждую пушку 9 фунтовъ и фрегатахъ въ каждую пушку по 8 фунтовъ, на бригавахъ и пароходахъ въ каждое орудіе по 2 фунта. Пуль пороха стоитъ 10 руб. 86 копѣекъ.»

(Рѣшеніе: 1190 рублей 64 копѣйки).

Передѣлавъ большую часть задачъ, ученикъ познакоится съ морскими техническими терминами, узнаетъ размѣреніе такелажа и рангоута, число судовъ, приходящихъ въ русскіе порты, и проч. Сверхъ-того, въ «Арифметикѣ» г. А. Зеленаго много примѣровъ, приспособленныхъ къ хронологіи, исторіи военныхъ дѣйствій, физикѣ, механикѣ, и проч. Въ концѣ книги приложены таблицы путевыхъ и линейныхъ мѣръ, мѣръ ёмкости жидкихъ

тѣлъ, сравнительной цѣнности иностранныхъ монетъ съ нашими, и проч.

28) Робинзонъ Крузе. *Романъ для дѣтей. Сочиненіе Кампе. Переводъ немецкаго В. Межевича. Изданіе второе. Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 8-ю д. л. XII, 224 и 248 стр.*

29) Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей. Сочиненіе Александры Ивановой. Изданіе третье, исправленное и пополненное. Въ 3 частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 379, 366 и 425 стр.

30) Альманахъ для двѣнадцати и втораго возраста. Передѣлавъ съ французскаго П. В—ншъ. съ 12-ю картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Р. Жуканова. 1847. Въ 16-ю д. л. VIII и 161 стр.

31) Мысли и Повѣсти, посвященныя юношеству. Сочиненіе М. Корсакова. Санктпетербургъ. Въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1846. Въ 8-ю д. л. 325 стр.

32) Русская Азбука для дѣтей, составленная С. Съ тремя полными алфавитами и 176 буквами, наклеенными на толстую бумагу въ коробочкѣ изъ той же бумаги. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1846. Въ 16-ю д. л. V и 111 стр.

33) Дѣтская Корзиночка. Разцвѣтныя сцены (?) изъ жизни малыхъ малютокъ. Съ 12-ю иллюминированными картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1847. Въ 32-ю д. л. 112 стр.

Рождественскій сочельникъ и сорокостная суббота, конечно, отличаются красивыми чернилами или вытѣлками или виньетками въ дневникахъ сочинителей дѣтскихъ книжекъ. Изготовивъ подарокъ милымъ дѣтямъ для нихъ или свѣтлаго праздника, можно в

мириться съ жизнью, забыть всё горести и лишения, начиная отъ неприятностей по службѣ до тяжелаго одиночества преклонныхъ лѣтъ. Столько улыбокъ, милыхъ ласокъ, восторговъ, игривой бѣготни, хлопанья безкорыстными ручонками надѣлать на свѣтъ!.. Все, что только есть на землѣ самаго чистаго, самаго невиннаго — все это живетъ вамъ, произносить ваше имя, нянчить вашу книжку почти цѣлый день!.. Ваше сочиненіе чуть не ѣдятъ вѣсть съ конфетами, правниками и красными яйцами...

Но, увы! Проходить правники, и вѣсть съ ними кончаются успѣхи дѣтскихъ книжекъ въ малолѣтней публикѣ. Родители или наставники, отъискавъ поучительное сочиненіе гдѣ-нибудь подъ куклой или будничной курткой, — подъ страхомъ наказанія обязуютъ невинныхъ малютокъ приступить къ чтенію и изученію его, и тутъ-то на мѣсто улыбокъ и чествованій, являютя кислыя гримаски и всякія поношенія...

Такова участь большей части дѣтскихъ книжекъ; но здѣсь, какъ и вездѣ, къ счастью, есть исключенія, и исключеніе самое утѣшительное, болѣе другихъ вызывающее на размышленіе — это Робинзонъ Крузе.

Фактъ, буквально безпримѣрный въ лѣтописяхъ литературы: сочиненіе, написанное почти полтора столѣтія назадъ, до-сихъ-поръ занимаетъ первое мѣсто въ дѣтской библиотекѣ! Правда, Даниель Фое писалъ «Робинзона» не для дѣтей, но его скоро переделали для этой цѣли, и уже Жанъ-Жакъ Руссо говорилъ: «эта книга будетъ первая, которую прочтетъ мой дитя»; долгое время въ ней будетъ заключаться вся его библиотечка, и на всегда въ его библиотекѣ она займетъ важное мѣсто. Руссо не ошибся: каждый воспитатель и въ наше время повторятъ его отзывъ о «Робинзонѣ».

Въ чемъ же секретъ такой живучести совершенно-простаго вымысла, этого незабываемаго разсказа о приключеніяхъ человѣка, выброшеннаго бурей

на необитаемый островъ и принужденнаго удовлетворять единственно своими силами самыя первыя физическія потребности?..

Эемерность *привоучительныхъ* дѣтскихъ книжекъ ясно доказываетъ, что тайна этой живучести заключается не въ моральныхъ лоскуткахъ, вклеенныхъ въ вѣковой книжкѣ безъ всякой необходимости и часто совсѣмъ-некстати. Напротивъ, при каждой новой переделкѣ «Робинзона», онъ болѣе и болѣе очищается отъ этихъ лоскутковъ. Мы даже думаемъ, что, отбросивъ ихъ совершенно, онъ сдѣлался бы еще привлекательнѣе, еще полезнѣе...

— Какъ? что такое? что вы сказали? — заговорить всякая маменька, рѣшившая сдѣлать изъ своего ребенка «прекраснаго человѣка»: — не думаете ли вы, что дѣтямъ не надо внушать съ равныхъ лѣтъ, какими они должны быть, когда выйдутъ на свою волю?..

Мы именно такъ думаемъ, и вотъ почему: ребенокъ, какъ бы остеръ и понятливъ ни былъ, не можетъ усвоить себѣ нравственнаго правила до-тѣхъ-поръ, пока не разгадаетъ собственнымъ опытомъ многосложнаго устройства той общественной жизни, въ которой понадобятся ему эти правила; только въ этой средѣ, только на дѣлѣ можетъ онъ ихъ постигнуть, и постигаетъ быстро и ясно, если въ дѣтствѣ приучили умъ его работать быстро и правильно и не засаривали головы его разными будто-бы полезными мыслями, въ которыхъ часто не совсѣмъ убѣждены и тотъ, кто ихъ предлагаетъ устно или печатно. Мало того, самое лучшее *внушенное*, т. е. заученное, но несознанное, нравственное правило становится сущимъ зломъ для человѣка, когда умъ его начнетъ работать свободно и потребуетъ отчета въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи души. А такая пора, такой внутренней *декартовскій періодъ* былъ у каждаго изъ насъ, и бываетъ рано или поздно въ жизни каждаго человѣка.

Въ этотъ періодъ сомнѣнія во всемъ, что вошло въ воспримчивую голову ре-

бенка незаконнымъ путемъ внушенія, рѣшается нравственная участь человѣка. Гордый, благородно-самонадѣянный умъ юноши становится лицомъ-къ-лицу съ своимъ прошедшимъ, и невозможно уже вмѣшаться въ эту борьбу ни маменькѣ, ни наставнику. Выходитъ побѣдителемъ только тотъ, чей умъ заранѣе былъ приготовленъ къ этой битвѣ строго-логическимъ воспитаніемъ, приученъ видѣть вещи такъ, какъ онѣ суть, а не какъ бы должны быть по системѣ педагога, — однимъ словомъ, чей умъ развивали въ дѣтствѣ, а не пеленали нравственными правилами.

Развить способности, приучить умъ дѣйствовать быстро, ловко, свободно — вотъ единственная цѣль воспитанія, и съ этой-то цѣлью вполне сообразенъ «Робинзонъ Крузо».

Основная идея его есть анализъ самыхъ простыхъ, самыхъ удобопонятныхъ для дѣтей потребностей человѣка. Ребенокъ, читая его, несколько задумывается о предметахъ самыхъ близкихъ, самыхъ знакомыхъ, открываетъ какъ-бы новый міръ вокругъ себя и такимъ-образомъ приучается думать обо всемъ насущномъ, приучается жить и мыслить въ одно время. Другой работы для молодого ума, болѣе-легкой и, слѣдовательно, болѣе-приятной, не придумаетъ никакой затѣйникъ.

Что касается собственно до втораго изданія «Робинзона», переведеннаго г. В. Межевичемъ съ нѣмецкой передѣлки почтеннаго дѣтскаго писателя Иоганна Кампе, то его можно хвалить, покупать и дарить дѣтямъ во всякое время года только для того, чтобъ переводчику могъ скорѣе приступить къ третьему изданію, въ которомъ картинки, вѣроятно, будутъ лучше, а правоученій — можетъ-быть, совсѣмъ не будетъ!

«Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей» также выходитъ изъ круга элементарныхъ дѣтскихъ книжекъ. Конечно, занимать дѣтей историческими событіями, фактами общественной жизни — не значитъ говорить съ ними о предметахъ, доступныхъ ихъ раз-

умѣнію. Но г-жа Ишимова владѣетъ особымъ искусствомъ изводить историческія событія на степень ясныхъ, близкихъ младенческому уму, и облекать разказъ объ этихъ событіяхъ въ формы самыя обольстительныя для дѣтскаго воображенія. Популярность и граціозность ея пера истинно-неподражаемы...

На-примѣръ, какъ бы разказали вы ребенку первый періодъ русской исторіи, какъ бы разказали вы ему что-нибудь о характерѣ Славянъ? Они были такъ честны, что въ общаніяхъ своихъ, вмѣсто клятвъ, говорили только: *если я не сдержу моего слова, то да будетъ мнѣ стыдно*. Скажете вы: Но вѣдь ребенокъ не пойметъ этого, потому-что не испыталъ на дѣлѣ важности общанія. Дайте же ему книгу г-жи Ишимовой, и онъ прочтетъ съ удовольствіемъ двѣ страницы о характерѣ Славянъ, вида, что на третьей страницѣ идутъ стихи; а прочтетъ стихи — и познакомится съ *Письмою надъ гробомъ Славянъ-Побѣдителей*, Жуковского. И такой отрывокъ не одинъ; въ «Исторіи Россіи» г-жа Ишимова помѣстила всѣ лучшія патріотическія мѣста изъ стихотвореній Жуковского, Лыкова, Батюшкова и другихъ русскихъ писателей.

А вотъ, на-примѣръ, какъ начинается она разказъ о междоцарствіи:

«Такъ называется въ исторіи нашей это несчастное время, когда Русскіе и имѣли государя, но всей справедливости называемаго *отцемъ народа*, и вотому испытывали всю горестъ сиротства и беззащитности! Только тѣ изъ васъ, милые читатели мои, которыхъ зовутъ *сиротками*, и которыхъ некому ни приласкать, ни защитить, ни остановить отъ дурныхъ поступковъ, ни похвалить за добрыя, могутъ имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что чувствовали предки наши во время междоцарствія. Оно продолжалось три года и заключало въ себѣ столько бѣдствій, что я не знаю съ чего начать разказъ мой!»

Объяснить дѣтямъ необходимость власти въ обществѣ, рѣшать для нихъ основный вопросъ государственнаго

права—зоть какаѣ задача предстояла сочинительницѣ, и вы видите, какъ неподражаемо исполнила она ее при помощи искуснаго сближенія общественной жизни съ частною. — Мило, мило, тысячу разъ мило!!!

Одна мысль щемить намъ сердце и мѣшаетъ привести еще нѣсколько цитатъ, свидѣтельствующихъ о достоинствахъ «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей»: какъ-то отзовется ребенку истинно-материнскій трудъ г-жи Пшиковой, когда наступитъ для него роковой декартовскій періодъ? Но до него еще далеко дѣтямъ, и до-тѣхъ-поръ «Исторія Россіи» будетъ прочитана и забыта ими. А она забудется непремѣнно и должна забыться, потому-что въ ней вовсе нѣтъ исторіи; дѣти же, переставъ быть дѣтьми, захотятъ наконецъ узнать когда-нибудь исторію своего отечества, и въ этомъ случаѣ ихъ не удовлетворять уже рововыя сказы...

Г. В — ий тоже очень хорошей педагогъ. Вотъ что, между прочимъ, находится въ «Альманахѣ для Дѣвицъ»: Анекдотъ изъ жизни Пѣпа. Юліанскій Календарь. Въ руцѣ лѣто. Аннушка астровомъ. Затмѣніе обѣда. Эры и Эпохи. Новыя условія. Знаки зодіака. Два раза подарки въ новый годъ. Чему учить гигиена? Гиджра. Эпанта и т. д.

Васъ вѣрно заинтересовало «Затмѣніе Обѣда»? Дѣйствительно хорошо и поучительно, и дасть ребенку такой милый взглядъ на науку... Но «Затмѣніе Обѣда» никакъ нельзя отдѣлить отъ «Аннушки Астровомъ», и потому предлагаемъ объ пьесы.

«На другой день, передъ самымъ обѣдомъ, когда госпожа Вербина кончила свой часъ рисованья съ старшею дочерью, цругъ, сѣлся, вбѣжала младшая.

Г-жа Вербина. — Кто тебя такъ разскашилъ? разскажи намъ, отчего ты такъ весела?

Катя. — Ахъ, это очень смѣшно! вообразите: сей-часъ, войдя въ кухню, я вижу, что нашъ котъ васька утащилъ рыбку, жарившуюся на сковородѣ.

Г-жа Вербина. — Стало быть Аннушки тамъ не было?

Катя. — Она и была и не была тамъ.

Г-жа Вербина. — Какъ же это?

Катя. — Аннушка была просто на небѣ; углубилась въ астрономію и чертила углемъ пребольшіе круги передъ плитой.

Г-жа Вербина. — Что-же она хотѣла дѣлать?

Катя. — Она, кажется, хотѣла узнать, отчего бываетъ затмѣніе, — а васька, между тѣмъ, произвелъ рыбе замѣченіе: хорошо еще, что я во-время подосѣла (?).

Г-жа Вербина. — Ну и ты этому-то смѣялась?

Катя. — Еще бы! это ужасно смѣшно! За обѣдомъ г-жа Вербина побранила Аннушку за ея безнадежныя замѣткі, и сказала ей, что впредь, для избѣжанія безпорядка, она не позволитъ ей присутствовать при вечернемъ разговорѣ...

Во-первыхъ — остро, во-вторыхъ — мило, въ-третьихъ — назидательно.

«Альманахъ для Дѣвицъ» имѣетъ одно неотъемлемое достоинство: характеръ безотчетной чепухи выдержанъ въ немъ съ заглавнаго листка до послѣдней страницы. Попробуйте же уловить основную мысль въ «Мысляхъ и Повѣстяхъ», посвященныхъ Юношеству! г-жею Корсини!

Обращаясь, въ предисловіи, къ своимъ «юнымъ читателямъ», г-жа Корсини говоритъ: «знаю, что сухое опредѣленіе истины и фактовъ не занимательно для вашихъ юныхъ умовъ, требующихъ во всемъ жизни и ощущеній... и въ слѣдъ за тѣмъ предлагаетъ юнымъ читателямъ слѣдующіе вопросы: «можете ли вы опредѣлительно сказать, для чего вамъ дана жизнь? для чего у васъ безпредѣльная душа, подобіе Бога? Обращали ли вы когда-нибудь вниманіе на удивительную постепенность, которая царствуетъ во всемъ твореніи Божиѣмъ?» и т. п.!

Правда, въ отвѣтахъ г-жи Корсини видны истинно-женскія ловкость и гибкость; но эти прекрасныя качества замѣтны только для тѣхъ, кто догадается, какъ бы авторъ отвѣчалъ на свои вопросы не-дѣтямъ... Юные читатели, напротивъ, вылезутъ изъ посвя-

щонныхъ нѣтъ мыслей и профетей развѣ такого заключеніе: г-жа Корзини, скажутъ они, должна быть очень-добра и ласкова, только она все говоритъ про такое...

Что же касается до «Дѣтской Корзиночки», то единственная особенность ея состоитъ въ заглавіи. Выдали дѣтскіе «альманахи», «подарки», «альбомы», «календари», «букеты», «дружья», «прогулки», «зеркала»; но «корзиночки», кажется, не бывало! Впрочемъ, содержаніе ея такъ-же пусто, написана она такъ же безграмотно, какъ и другія книжки, возникшія на томъ же основаніи. 12 литографированныхъ картинокъ тоже ничѣмъ не уступаютъ картинкамъ другихъ дѣтскихъ книжекъ и даже имѣютъ предъ всѣми важное преимущество: онѣ выкрашены нестранными красками и покрыты какимъ-то лакомъ.

Милыя дѣти, жалкія дѣти! какъ вы васъ любите, какъ заботятся объ васъ, а между-тѣмъ горькихъ минутъ у васъ гораздо-больше, нежели у всякаго взрослого!.. И догадываетесь ли вы отъ чего вамъ такъ жутко на свѣтѣ? Отъ того, что вы не большіе; отъ того, что вы не понимаете, чего хотите отъ васъ большіе, непонимающіе чего вамъ надо. Вмѣсто того, чтобъ особыми вамъ жить и развиваться собственною жизнью, нѣтъ васъ хотятъ сдѣлать что-нибудь по вкусу известнаго взрослого человѣка, приправить, нафаршировать какъ жаренаго рыбчика. Природа ваша противится этому обезличенію; вамъ больно, когда васъ ведутъ за уши, ставятъ на колѣни или сажаютъ въ такое мѣсто, гдѣ ничего не увидишь? И все это за бесполезныя занятія, для избежанія безпорядка; однимъ словомъ, для вашей же пользы!...

Ну, полноте, полноте, уйдите, ребята! Все заживетъ! А пока читайте «Робинзона Крузо»; если же еще не увидите вы читать, то вѣтъ вамъ и «Албуна, составленная господиномъ С.». Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, но вычитаться читать по ней можно.

34) Лепта. Москва. 1846. Вѣ томъ А. Семена. Въ 8-ю д. л. 70 стр.

Подъ этимъ именемъ издана, въ пользу церковной алтайской миссіи, небольшая книжка стихотвореній на священные предметы, на-примѣръ: «Пѣснь Богородицы», «Пѣснь на Рождество Христово», «Наваина», «Пѣснь о Преображеніи Исуса Христа», и проч., и проч. Стихи нѣсколько скрѣплены указаніями на тексты, доказывающими непреложную истинность поэтическихъ произведеній автора. Эта непреложность, вмѣстѣ съ благотворительною цѣлью изданія, освобождаетъ насъ отъ всякаго отчета и разбора.

35) И Русское Сердце не Камень. Были изъ земли на святой Руси. Сох. Н. Храмцовскаго. Москва. Вѣ томъ А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. 182 стр.

Кто жъ въ этомъ когда-нибудь сомнѣвался? Еще не было на свѣтѣ такого человѣка, который бы рѣшился простереть свое сомнѣніе до подобнаго слова: «Знаете ли, братцы, что я вамъ скажу? вѣдь русское-то сердце-камень!» И такъ, доказывать то, что не требуется ни малѣйшаго доказательства, да еще доказывать повѣстями, въ которыхъ нѣтъ ни вымысла, ни слова-воля ваша, не годится. Конечно, у кого много свободнаго времени, тотъ можетъ употребить его на рассказъ о томъ, какъ ямщикъ влюбился въ крестьянскую дѣвицу, и отсюда вынести заключеніе, что у русскихъ ямщиковъ и у русскихъ крестьянокъ сердце не камень; но изъ этого ничего новаго не выйдетъ. До насъ это дѣло рѣшительно не касалось...

36) Замѣчанія о Лондонѣ. Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ, части Азіи и Африки. К. Пауловнча. Харьковъ. 1846. Въ университетской тѣмъ. Въ 8-ю д. л. XIII, 529 и XVI стр.

Странное ощущеніе производитъ на васъ чтеніе книги г. Пауловнча: вамъ кажется, что вы читаете донесеніе какого-нибудь русскаго посланца или

заяски русскаго челоѣка XVII столѣтія о нѣмецкихъ земляхъ, тогда еще неоткрытыхъ для русскаго люда гениемъ Петра-Великаго: то же дѣтское удивленіе челоѣка, увидавшаго въ первый разъ страну, какъ-будто только-что открытую; тотъ же тонъ разсказа, сухой, скучный, неоживленный; даже почти тѣ же понятія в сужденіи о вещахъ. А между-тѣмъ, г. Пауловичъ совершилъ свое странствованіе въ столицу Англіи въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія. Отъ-чего же такая заповдалость во взглядѣ и несвѣжесть «Замѣчаній о Лондонѣ» г. Пауловича? Ужь точно ли авторъ совершилъ свое странствованіе въ столь близкое къ намъ время? — Да, фивически, такъ-сказать, матеріально, но не морально. Такъ-то оправдывается истина, что польза сравнительнаго наблюденія различныхъ странъ всегда находится въ зависимости, кромя степени образованія, отъ живости впечатлѣній, и слѣдовательно, отъ лѣтъ. Г. Пауловичъ, видимо, предпринялъ путешествіе въ тѣ лѣта, когда челоѣку трудно бываетъ отдѣлаться отъ приросшихъ крѣпко понятій и взгляда на вещи, и воспримчивость чувствъ и ума теряя; отъ-того и любознательность его, — единственная цѣль его странствованія, какъ видно изъ предисловія, — была такъ бесплодна въ водахъ.

Какъ огромная выписка изъ «путеводителей», книга г-на Пауловича представляетъ, на 35 печатныхъ листахъ, богатый запасъ топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о столицѣ Великобританіи; чтъ же касается до наблюдательности г. путешественника, то въ этомъ отношеніи «Замѣчанія о Лондонѣ», чрезвычайно-сходны съ «Годомъ за Границею» другаго извѣстнаго путешественника, г. Погодина, хотя и есть немногія между ними различія. Такъ, на-примѣръ, книга г. Погодина отличается, какъ извѣстно, своимъ лаконизмомъ, тацитовскою сжатостію слога, необыкновенною меткостью замѣчаній, па-

триотизмомъ, непримиримую враждою къ дороговизнѣ предметовъ: «Замѣчанія о Лондонѣ» г. Пауловича — широкорасширеніемъ и многоглаголаніемъ, искусствомъ разсуждать о предметахъ, небывшихъ, какъ видно, для него никогда доступными; г. Погодинъ наблюдалъ Лондонъ въ-продолженіе пяти дней, г. Пауловичъ въ-продолженіе пяти мѣсяцевъ; г. Погодинъ говоритъ на-примѣръ: «Да, въ одномъ Лондонѣ содержится на общественномъ имуществѣ 120,000 челоѣкъ, да мірскимъ подаваніемъ около 20,000. Воля ваша, Каннинги и Брумы, Руссели и Пили, а что-нибудь да не такъ у васъ, и чего-нибудь да не видите вы!» — Г. Пауловичъ говоритъ (стр. 76):

«Англія считается сильною и богатою державою. Такъ точно; но засыпьте каналъ ея, или обложите оный долговременною непреодолимою блокадою, что Наполеонъ готовился было сдѣлать, и тогда увидимъ долговѣчность силы ея. Отнимите у нея Восточную и Западную Индіи, которыя не составляютъ государства Англіи, а только принадлежатъ къ оной, и увидимъ, какъ долго Англія останется богатою. Что была Великобританія въ недавно-прошедшемъ времени, да и теперь отчасти есть, что подкило Англію на высшую степень могущества, и что должно ожидать и думать о настоящемъ уже наклоненномъ состояніи ея? Это указываетъ намъ нынѣшнее положеніе посланникова Англіи при многихъ иностранныхъ дворахъ, и уменьшеніе уже противъ прошедшаго времени вліяніе Англіи на многія государства, и проч., и проч.»

37) Скоросчетчикъ или Упрощенная Арифметика. Соч. Александра Роже. Санктпетербургъ. Въ тип. Жернакова. 1846. Въ 52-ю д. л. 16 стр.

Въ предисловіи авторъ говоритъ:

«При первомъ взглядѣ, легко убѣдиться въ превосходствѣ метода называемой Скоросчетчикъ. Она чрезвычайно способствуетъ къ развитію умственныхъ способностей, сберегаетъ много времени (т. е. вре-

мени) и т. д... Съ помощью Скоросчетчи-ка, достаточно нѣсколько минутъ (?), чтобъ научить всякаго ребенка дѣлать сложене, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе (.) чтобъ доказать всю несложность десятичнаго счисленія, дробей, дисконтныхъ и процентныхъ правилъ.

Въ нѣсколько минутъ выучить ребенка ариметикѣ!.. Легко сказать! И притомъ такъ выучить, что незнавшіе утромъ таблицы умноженія, вечеромъ будутъ учить вѣтъ не вѣтъ, и—чего доброго, извлекать кубическіе корни! И всего этого достигаютъ помощью таблички, умноженной цифрами и напоминающей времена нарѣзыванія бироковъ, замѣнявшихъ торговый книги!

Чтобъ судить о пользѣ такой таблички при вычисленіяхъ, достаточно сказать, что по ней неудобно получить прямо произведеніе $12+15$, а надобно разложить 15 на два слагаемыхъ 7 и 8, помножить каждое изъ нихъ на 8, и полученное такимъ-образомъ произведеніе сложить. Вотъ каковъ способъ, устраняющій бездну трудностей, сберегающій много времени и способствующій развитію умственныхъ способностей!

38) Скалозубъ и Пирисмѣшникъ. Собраніе веселыхъ разсказовъ, сатирическихъ очерковъ изъ петербургской жизни, повѣстей и анекдотовъ. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 254 стр.

Собраніе анекдотовъ, веселыхъ разсказовъ, преисполненныхъ остроумными, ѣдкими сатирическими намѣками на-счетъ весьма-тонкихъ и щекотливыхъ предметовъ, притомъ такого свойства, что въ нихъ смѣшные люди оказываются одурченными, злые пашимѣшники явлюсь осирѣлыми, хорошие женщины торжествуютъ, любовники преуспѣваютъ въ своихъ подвигахъ, вѣрныя жены въ случаѣ необходимости блистаютъ добродѣтелью и невинностью, а вторыя умываетъ руки въ недостаткахъ своего произведенія, напередъ объявляя, что если,—отъ чего

Боже сохрани.—книжка не понравится читателямъ, то онъ въ этомъ не виноватъ, что такое обстоятельство случилось единственно потому, что имъ не поздоровилось, что они разстроили желунокъ, что имъ кто-нибудь преразительно досадила, или что у нихъ денегъ нѣтъ, — а что книжка сама-по-себѣ хоть-куда — нова, остроумна, разнообразна, а содержаніе ея занимательно изъ иностранныхъ журналовъ, которые, какъ извѣстно, читаются съ жадностью, выписываются въ значительномъ числѣ экземпляровъ и приносятъ издателямъ изрядную выгоду.

Въ концѣ книжки, между прочимъ, приложены: *полезные советы пообразному*. Выписываемъ полезнѣйшіе:

- « Не цѣлуй жену при постороннихъ. »
- « Трусъ никогда не долженъ жениться. »
- « Не цѣлуй жену, когда она не хочетъ съ тобою любезничать, въ противномъ случаѣ она будетъ считать тебя дуракомъ. »
- « Въ ссорѣ, оспаривая жену умомъ, не смѣйся надъ нею, — въ противномъ случаѣ она отплатитъ тебѣ стерицею за твоё неуваженіе. »

39) Анекдотистъ Анексеновичъ Чкстоновъ. *Допотопная (?) пошехонская повѣсть Демокрита Терпиновча Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Жерякова. Въ 8-ю д. л. 70 стр.*

Въ этой пошехонской повѣсти, г. Демокритъ Терпиновчъ начерталъ для назиданія читателей идеалъ честнаго человѣка съ допотопною мыслию, что добродѣтель не остается безъ награды. Пошехонцы изъ этой мысли могутъ вывести такое заключеніе, что награда-то и есть цѣль добродѣтели.

40) Ханскій Чай. *Сельскій водовиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Е. Алипанова. Изданіе третіе (!!!). Санктпетербургъ. 1846. Въ 16-ю д. л. 98 стр.*

Г. Е. Алипановъ признается, что онъ произвелъ водовиль «не спросивъ съ головою», и объясняетъ, что, делая такъ-и-такъ, «весь желаніе прибавлять», не возмущите, «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!»

Пу что же! пусть бы забавлял г. Алипановъ третьимъ изданіемъ своего водевиля тѣхъ, кто забавлялся первымъ и вторымъ; намъ какое дѣло называться людьми, которые живутъ призываючи, не спросяся съ головою?.. Пусть ихъ; мы бы по поводу такого разгула веселаго молодца не задали даже себѣ самаго простаго вопроса: что бы прозвѣл г. Е. Алипановъ, если бы посовѣтовался съ своею головою?.. Но въ томъ-то и бѣда, что авторъ «Ханскаго Чаю» страшный забавникъ: шуту не стунить безъ шутки. Сочиненіе свое онъ назвалъ водевилемъ изъ шутки, и что за тонкая шутка! Представьте себѣ: г. Алипановъ доказалъ своимъ водевилемъ дѣлому свѣту, и доказалъ неоспоримо, нравственно политико-экономическую истину!

• Некоторые просвѣщенные люди замѣчаютъ, подслушалъ гдѣ-то г. Алипановъ, «что лучше крестьянамъ пить чай, нежели вино. Неоспоримая истина!» восклицаетъ онъ же г. Алипановъ. «Но перестаютъ ли тѣ крестьяне пить вино, которые пьютъ чай?» вопрошаетъ тотъ же самый г. Алипановъ и отвѣчаетъ непосредственно третьимъ изданіемъ водевиля «Ханскій Чай», въ которомъ и безъ того совѣтъ-скверный крестьянинъ Иванъ Чаевъ пристрастіемъ къ чаю кругомъ опозорилъ себя предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Кто жъ теперь усомнится, что вино никогда не можетъ принести крестьянину столько вреда, сколько чай, преимущественно ханскій?..

И вотъ что значитъ побесѣдовать съ умнымъ, но забавнымъ человѣкомъ; теперь и мы въ состояніи пошутить на-намеръ г. Алипанова, и говоримъ: «Некоторые просвѣщенные люди замѣчаютъ, что лучше совѣтъ не искать имени водевиляста, нежели кругомъ конпрометтировать себя на плохомъ водевилѣ. Неоспоримая истина? Но перестаютъ ли писать водевили однажды сконпрометтировавъміся на плохомъ водевилѣ? Увы! не перестаютъ.

Т. Ё. — Отд. VI.

41) Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть третія. Изданіе М. Д. Олькина. Санкт-петербургъ. 1847. Въ тип. Эд. Праца. Въ 8 ю д. л. 413 стр.*

Чтобъ судить о занимательности чьихъ бы то ни было мемуаровъ, надо быть прежде всего убѣждену, что авторъ дѣйствительно видѣлъ, слышалъ и испыталъ все, что описываетъ. Если вы вѣрите сочинителю, книга его для васъ можетъ быть любопытною; если жъ не вѣрите, то и не заглядывайте въ нее: вамъ она не принесетъ ничего, кромѣ досады. Что касается до насъ, мы остановлены въ своемъ сужденіи о «Воспоминаніяхъ Ѳаддея Булгарина» не только извѣстными публикѣ обстоятельствами, но и совнаніемъ самого автора въ недѣйствительности всего, о чемъ рассказываетъ онъ, какъ о *слышанномъ, видѣнномъ и испытанномъ*. Предисловіе къ третьей части «Воспоминаній» начинается такъ:

«Николай Ивановичъ Гречъ, излагая свое мнѣніе о первыхъ двухъ частяхъ моихъ Воспоминаній (см. Сѣверную Пчелу 1846 г № 147-й), назвалъ разсказъ мой и провизацію. Это *са-малъ вярналъ характеристика моихъ Воспоминаній*.»

Авторитетъ г. Греча въ званіи языковъ такъ силенъ, что мы не допускаемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ точности названія, даннаго имъ мемуарамъ г. Булгарина.

42) Воспоминаніе. *Изъ записокъ издателя «Русскаго Чтенія» Сергѣя Глинки. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1846. Въ 8-ю д. л. 20 стр.*

С. Н. Глинка взалъ эпитафюмъ къ изданной имъ нынѣ брошюркѣ чьи-то слѣдующія слова: «Человѣкъ у развалинъ живни своей въ очахъ современниковъ гаснетъ, какъ потухающій свѣтъильникъ». Г. Глинка осталось только вспомнить и разсказывать намъ свои воспоминанія... Даемъ полную вѣру его разсказамъ, ибо вся литературная

1/5

жизни автора не представляет ни малѣйшаго повода къ сомнѣнiю въ ихъ правдивости. Это, вѣдь, не импровизація, а повѣсть о томъ, что дѣйствительно видѣлъ и слышалъ достопочтенный авторъ.

Въ недавнихъ нынѣ «Воспоминанiяхъ», С. П. Глинка говоритъ о Ломоносовѣ, графахъ Орловыхъ и Херасковѣ. Не претендуя выдавать воззрѣнiя свои на жизнь и поэзію—за непогрѣшныя и внушать, что такъ слѣдуетъ понимать всѣмъ и каждому, онъ рассказываетъ о знакомствѣ своемъ съ Херасковымъ, о томъ, какъ въ 1806 году онъ отвезъ къ Хераскову свою трагедію «Сумбегу», посвященную творцу «Россиады»; какъ престарѣлый пѣвецъ Владиміра, Иоанна и графа Орлова былъ тронутъ такими знакомъ внимательности и уваженiя... Они вѣстѣ занялись чтенiемъ олъ Ломоносова, и Херасковъ показавъ г. Глинкѣ письмо «холмогорскаго поэта», писанное незадолго до его смерти. Изъ письма оказывается, что во время болѣзни Ломоносова императрица Екатерина II прислала ему черезъ графа Григорiя Григорьевича Орлова золотыя часы, черезъ нѣсколькихъ дней посѣтила его сама съ княгиней Дашковой, а на другой день поручила графу Орлову привести его во дворецъ къ обѣду, говорила ему много лестнаго и поручила графу проводить его домой.

Внимательность великой государыни къ бѣдному, страждущему полданиному и академику, конечно, пробудить сочувствіе и останется въ памяти современниковъ, можетъ-быть, и непризнающихъ въ Ломоносовѣ поэта.

Энергическія распоряженiя графа Гр. Орлова во время моровой язвы въ Москвѣ тоже пробудили воспоминанiя С. Н. Глинки; объ этомъ предметѣ сообщилъ онъ кое-что и Хераскову.

Потомъ С. Н. Глинка коснулся чешскаго боя, воспитанаго Херасковымъ, отнесшись съ похвалою о мужествѣ графовъ Алексѣя и Федора Орловыхъ, и при этомъ вспомнилъ о графѣ Козловскомъ, погибшемъ во время гра-

женiя и пользовавшемся дружбою Хераскова.

Далѣе, авторъ приводитъ письмо графа Козловскаго къ Хераскову.—письмо, отъ котораго такъ и вѣетъ XVIII вѣкомъ. Строки эти писаны русскимъ челоукомъ, современникомъ Вольтера, изъ Фравпи, изъ самаго Фернея, и писаны со всею свѣжестью и живностью души, благоговѣющей передъ гениальнымъ писателемъ, который только что пожалъ ему руку:

«Прочитай отаѣтъ Вольтера нашему Сумарокову на письмо его и доставь ему какъ можно скорѣе. Ты знаешь его такую нетерпѣливость. За минуту промедленiя онъ грянетъ на меня сатирою».

Какъ ярко выступаетъ, въ письмѣ Козловскаго екатерининскiй вѣкъ съ его чисто-западнымъ остроуміемъ, злыми, ничего-нещадающими сатирами, пробуждающимся скептицизмомъ, геройствомъ и юношеской отвагой! Получивъ письмо отъ графа А. Г. Орлова, который пригласилъ его въ морскую экспедицію въ Архипелагъ, графъ Козловскiй пишетъ въ томъ же письмѣ:

«Въ радостномъ движенiи моего сердца, я сказалъ Вольтеру, что изъ его книгъ отправляюсь не въ Россію, но къ берегамъ Эллады, куда скорѣе попылюсь вѣтъ флоту, для возращенiя этой страны жезо, чѣмъ она надѣлала просвѣщенный европейскiй мiръ. Въ душевномъ порывѣ, Вольтеръ вскочилъ съ огромныхъ креселъ своихъ и вскричалъ: «Въ лицѣ вашемъ прiобрѣтаю славу вашего отечества».

Не менѣе интересно видѣть, какъ историческiй скептицизмъ зарождался въ современникахъ Екатерины:

«Въ геронтическія времена Греціи, вѣстѣ съ знаменитыми Аргонантами спѣшили на трудный подвигъ два брата Касторъ и Поллуксъ... Но все это едва ли не мысль мифологическiй».

Всего же интереснѣе показалось намъ сужденіе самаго Хераскова о томъ, вѣчѣмъ онъ такъ долго продолжалъ писать и издавать «Кадма и Гармонію» и «Полидора», когда уже и «Россиада» и «Владимиръ», по его собственному призванію, *часъ-отъ-часу болѣе упадали:*

«Губрляи, что въ этомъ я подражаю фавелюу. Но мнози ли теперь помнятъ фавелюу? Я приемыхъ писать.»

Не драгоценный ли это фактъ для исторіи литературы?

«Нѣкогда у меня въ Очаковѣ (*) были сѣзды, балы и театры; но шумъ наскучилъ мнѣ и предавъ мечтамъ воображенія и издавъ «Бахаріяну» и «Пилигрима».

43) ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ для любителей театра. Книжка пятая и шестая. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. Въ V-й части 26. въ VI—55 стр.

Безсмыслица либретто вошла въ пошлущу, такъ-что позволено сказать не обинуясь: гдѣ либретто, тамъ и бессмыслица, хотя нельзя сказать наоборотъ: гдѣ бессмыслица, тамъ и либретто. Объемъ первой гораздо-обширнѣе объема втораго. Оно такъ и слѣдуетъ. въ оперѣ главное дѣло пѣніе, которое такъ много говоритъ непосредственно-му чувству; какая надобность въ значеніи словъ, никогда-почти недоходящихъ до слуха зрителей? Пусть поютъ что угодно; только пусть поютъ хорошо. Отсюда я извлекаю золотое правило для успѣха бессмысленныхъ произведеній литературы вообще, не одной либреттной: вѣдь отъ-чего мы по-бравниваемъ эти произведенія? отъ-того, что принуждены ихъ читать, а при чтеніи тотчасъ открываются недостатки... смысла. Хотите ли, чтобъ они вамъ нравились? начните пѣть ихъ, или, за неимѣніемъ голоса, попросите пропѣть кого-нибудь, хоть самихъ сочинителей. Я думаю, что они согласятся на это безъ малѣйшихъ отговорокъ. Открытіе мое приведетъ ихъ въ восторгъ, и чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ больше убѣждаюсь въ его справедливости. Вѣдь есть же драматическія пьесы, написанныя не для представленія; такъ точно есть и книги, написанныя не для чтенія: зачѣмъ же мы ихъ читаемъ? кто виноватъ?

Въ пятой книжкѣ Драмматическаго Альбома напечатано либретто... виноватъ, «бессмыслица», оперы «Пирратъ», переведенная хорошо г. Лемсвицъ; въ шестой—бессмыслица, но не либретто, подъ названіемъ «Двадцати-

лѣтній Опекувъ», комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Мельвила, также переведенная хорошо г. Аничковымъ. Переводчики сдѣлали свое дѣло: дурное перевели хорошо; теперь очередь за нами: дурное пропѣть хорошо.

44) Повѣствованіе о Великомъ Князѣ Владимірѣ Первомъ, водворитель христіанской вѣры въ русскую землю. Составленное Михаиломъ Максимовымъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 12-ю д. л. 69 стр.

Книжка, назначенная для пѣнія. Слышно, что г. Максимовъ при второмъ изданіи приложилъ и ноты на голосъ:

Баю, баюшки, баю,
Спи, читатель мой, баю.

А читатель, въ знакъ благодарности за оказанную услугу, можетъ продолжать тѣмъ же напѣвомъ:

Полно, полно, перестань,
Угдомонъ тебя возьми.

45) Кузнецкій Мостъ (въ стихахъ). Соч. Василья Потапова. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. Въ 12-ю д. л. 29 стр.

Г. Потаповъ прямой литературный наследникъ Федота Кузничева, «сына природы», который, къ сожалѣнію всей риторической прозы, что-то замолчалъ. Гдѣ онъ? скоро ли достанетъ «изъ-подъ черепа» новое произведеніе торжественнаго пера своего и усладитъ имъ вкусъ читателей? Вѣдь всѣ сованія свои хранитъ онъ «подъ черепомъ», какъ самъ публично признавался. Но наследникъ не въ предшественника: у перваго не было ни разочарованія, ни тоски, ни сомнѣнія; онъ свѣтлыми глазами смотрѣлъ на міръ, сознавая свое достоинство и достоинство 125 произведеній, имъ приготовленныхъ. Послѣдняго, напротивъ, мучитъ скептицизмъ, и самый благородный. Онъ въ горести восклицаетъ:

Гдѣ цѣль моей сиротской жизни?
За чѣмъ тружусь я и пишу?
Быть можетъ, для своей отчизны
Я пользы тѣмъ не приношу.

Но это сомнѣніе происходитъ не отъ сознанія своей безталантности, а отъ мысли о неблагодарной отчизнѣ, которая не умѣетъ признавать талантовъ:

Я знаю, что такое свѣтъ:

(*) Подмосковная деревня Хераскова.

Въ нашъ вѣкъ бѣдникъ хоть и съ та-
лантомъ,

Но одобренья не найдеть,
А прослыветъ пустымъ педантомъ,
Враговъ безъ счету наживеть;

Въ нашъ вѣкъ таланты не уважаютъ,
Теперь зла больше, чѣмъ добра,
Въ нашъ вѣкъ иль деньги почтаютъ,
Иль блещеть гордо мишура...

Мудреца обижень дураками,
А долженъ все терпѣть, сносить.

Утѣштесь, скромный поэтъ и му-
дрецъ! Великіе таланты находятъ себѣ
оцѣнку въ потомствѣ: современное об-
щество хвалить только недостойное.
Не выходите изъ терпѣнія. Берегите
примѣръ съ Федота Кузмичева, сына
природы. Смотрите, вотъ онъ, съ ме-
далью въ петлицѣ: носитель журнальной
критики, онъ благосклонно является

съ произведеніемъ новымъ, которое
начинается непрѣменно предислові-
емъ, и предисловіе непрѣменно слова-
ми: «Любезный читатель! — Вотъ какъ
надо!.. Но В. Потаповъ не выслетъ
нашему совѣту: онъ черными крас-
ками изображаетъ бѣлый свѣтъ, не пид-
никого, и наконецъ всѣмъ гнѣвомъ
своимъ обрушается на Кузнецкіи-
Мостъ... Чѣмъ же виноваты бѣлые
Кузнецкіи-Мосты, если судьба гнететъ
великій талантъ? Чѣмъ виноваты всѣ
ходящіе по Кузнецкому-Мосту, если
жалкій литераторъ, угнетаемый судь-
бою, долженъ прыгать и сѣяться въ
то время, когда слеза бѣжитъ изъ его
глазъ? (стр. 4). Внимите судьбу, а вамъ
позвольте иногда посмѣяться — хоть
вотъ теперь, при чтеніи вашихъ сти-
ховъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Передъ новымъ годомъ, по обыкно-
венію, вышло много дѣтскихъ кни-
жекъ, назначенныхъ и для назиданія
и для увеселенія. О тѣхъ, которыя вы-
шли раньше, мы упоминали въ Библио-
графической Хроникѣ; о другихъ по-
говоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Но
мы можемъ не сказать напередъ нѣ-
сколькихъ словъ о четырехъ замѣча-
тельныхъ книжкахъ, только-что вышедшихъ
изъ печати:

Древняя Исторія для Юношества,
соч. Ламѣ Флѣри. Эта книга совершен-
но переделана противъ перваго изда-
нія и снабжена шестнадцатью гравю-
рами: — вышли три первыхъ части, со-
держащія въ себѣ исторію древнихъ
африканскихъ и азіатскихъ народовъ,
и исторію Греціи.

Кака, изданная 1-жою Дараганъ, —
часть II, содержащая въ себѣ 18 уро-
ковъ постепеннаго чтенія.

*Картина Земли для поглядности при
преподаваніи Физической Географіи*,
литографированная на одномъ боль-
шомъ листѣ, съ отдѣльнымъ объясне-
ніемъ на трехъ языкахъ, составленная
А. Постельсомъ.

*Зоологія, составленная А. Постель-
сомъ. В. Далемъ и А. Сапожниковымъ*.
Это уже не дѣтская книжка, а начало
цѣлаго ученаго труда, приспособлен-

наго къ понятію учащихся. Атласъ,
сопровождающій «Зоологію» (которая
сама составляетъ часть «Естественной
Исторіи», вошедшей въ составъ Учеб-
ныхъ Руководствъ для Военно-Учеб-
ныхъ Заведеній), будетъ состоять изъ
пятидесяти-двухъ большихъ листовъ,
на которыхъ изобразятся до сѣмисотъ
животныхъ. Теперь вышли уже со-
рокъ-семь листовъ «Атласа» и первый
выпускъ текста (92 страницы въ 8-ю
л. л.), содержащій въ себѣ Общее Вве-
деніе въ Естественную Исторію, Ан-
томію и Физиологію Человѣка и крат-
кое примѣненіе ихъ къ животнымъ. Къ
«Атласу» приложены систематическая
роспись животныхъ, на четырехъ язы-
кахъ, и изъясненіе изображеній. Са-
мые рисунки сдѣланы отчетливо и
даже изящно. Съ текстомъ поста-
рѣмся ознакомить читателей въ слѣ-
дующей книжкѣ нашего журнала: а
между тѣмъ, не можемъ не обратить
вниманія воспитателей на это истинно-
полезное и прекрасно-выполненное из-
даніе, въ которомъ давно чувствова-
лась у насъ настоятельная потреб-
ность. Цѣна полнаго изданія съ Атла-
сомъ сколько-возможно утѣренна —
8 рублей серебромъ, съ пересылкою
10 р. сер.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Histoire de la vie et de l'administration de Colbert, par M. Pierre Clément (Исторія жизни и управленія Кольбера, соч. Пьера Клемана.)

Кольбера можно назвать организаторомъ монархіи, его распоряженіями и доктринами управлявшейся до 1789 года; даже послѣ этой эпохи новыя демократическія начала не совершенно выгладили слѣды прежнихъ постановленій. Законы, касающіеся внѣшней торговли, устройства морской силы, системы колониальнаго управленія, почти вся административная практика во Франціи носитъ на себѣ отпечатокъ генія Кольбера. Въ наше время, когда всѣ партіи требуютъ реформъ, изученіе фактовъ составляетъ первую потребность, и книга г. Клемана выходитъ какъ нельзя больше кстати. Но авторъ ея, не смотря на безпристрастіе, производитъ своимъ сочиненіемъ въ душѣ читателя впечатлѣніе, не вполне благоприятное для министра Лудовика XIV. Г. Клеманъ принадлежитъ къ школѣ теоретиковъ, требующихъ безусловной свободы торговли; иску-

шеніе показать послѣдствія системы, противоположной его мнѣніямъ, было въ немъ такъ сильно, онъ представилъ самые факты, всю картину кольбероваго управленія въ такомъ темномъ свѣтѣ, что, прочитавъ книгу, невольно чувствуешь, какъ уменьшены колоссальныя размѣры великаго человѣка.

Министровъ прежняго времени нельзя судить на основаніи началъ нынѣшняго государственнаго устройства. Обязанности различныхъ министерствъ опредѣлялись только въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Послѣ побѣды королевской власти надъ феодализмомъ, на государственныя мущества смотрѣли какъ на завоеваніе, изъ котораго должно было извлекать всевозможную пользу. При Генрихѣ II, число статъ-секретарей было ограничено четырьмя, и каждому изъ нихъ вѣрено управленіе не отдѣльною отраслью администраціи, а цѣлою четвертью государства. На каждого въ границахъ его дѣятельности возложены были всѣ разнообразныя обязанности, раздѣляемыя нынѣ между

многими министерствами. Вскорѣ обнаружившееся замѣшательство навело на мысль раздѣлить не территорію, а дѣла, по ихъ существу, между извѣстными числомъ людей специальныхъ. Но и тутъ вѣдомство каждаго отдѣльнаго министерства не было строго опредѣлено, и когда государственнѣйшій человекъ обличалъ въ себѣ равнообразныя дарованія, на него смѣло возлагали самыя разнородныя обязанности. Такъ Сюлли соединялъ въ себѣ обязанности военнаго министра, генерал-контролера финансовъ, министра торговли и земледѣлія. Ришелье и Мазарини были не министрами, въ истинномъ значеніи этого слова, а скорѣе королевскими уполномоченными; власть ихъ, почти-неограниченная, простиралась на всѣ части администраціи. Фуке хотѣлъ продолжать ихъ роль, и это погубило его. Кто будетъ министромъ? спрашивали придворные, когда онъ палъ. Двадцати-трех-лѣтній Лудовикъ XIV объявилъ имъ, что на будущее время онъ самъ хочетъ быть первымъ министромъ королевства.

Такому министру нужны были помощники усердные, неутомимые, которыхъ труды и познанія служили бы опорой заравному уму короля, которые бы исчезали передъ его волею: Аристократическимъ именамъ, считавшимъ въ то время своею исключительной монополіею военныя должности, онъ предпочелъ выходцевъ, едва облагороженныхъ, но сдѣлавшихся послушными орудіями его воли. Кольберъ и по своему происхожденію и по своимъ способностямъ былъ на дороге къ счастью.

О происхожденіи Жана-Ватиста Кольбера возникли въ послѣднее время различныя мнѣнія. Обыкновенно, слѣдя преданію, полагаютъ, что онъ былъ сыномъ реймсакаго купца. Но недавно потомки его отыскали документы, изъ которыхъ видно, что отецъ, мать и предки Кольбера прибавляли къ своей фамиліи дворянскіе титулы, что сынъ его, вступая въ орденъ мальтійскихъ рыцарей, представлялъ до-

казательства о происхожденіи своемъ отъ Жерара Кольбера, владѣльщика кривкѣрскаго, родившагося въ 1500 году. Какъ бы то ни было, по мнѣнію Кольбера во время юности помышляютъ, что семейство его имѣло принадлежность къ торгующаго класса. Отецъ бернго изъ училища прежде оконченнаго литературнаго образованія и послышалъ его сперва въ Парижъ, а потомъ въ Ліонъ, для изученія коммерціи. Возвратясь въ Парижъ, молодой человекъ вступаетъ наемкомъ къ купцу таріусу, потомъ переходитъ къ купцу Курру Шатле и наконецъ, для перваго дебюта на административномъ поприщѣ, принимается скромное мѣсто въ канцеляріи сира Сабатье, сборщикъ доходовъ отъ продажи должностей. Хорошее поведеніе, основательность ума и характера вскорѣ обратило на него вниманіе многихъ знатныхъ людей. Наконецъ, въ 1649 году, одинъ родственникъ вводитъ его въ домъ кардинала Мазарини. Вступивъ въ службу кардиналу, онъ вскорѣ, по мнѣнію Фуке, овладѣваетъ въ политикѣ и сердцемъ своего господина; онъ репресса, относившаяся къ этому мнѣнію, показывается его съ разнородными. Будучи управителемъ, онъ льститъ скупости кардинала сбереженіемъ нѣсколькихъ емокъ; сдѣлавшись политическимъ агентомъ, онъ вызываетъ противъ враговъ Мазарини столько же тонкости, сколько и Лудовику XIV, нетерпѣливо желающему царствовать, нуженъ снѣжководитель, черезъ котораго онъ бы узнавалъ истину. Его выборы на Кольбера; кардиналъ, увидѣвъ, кому коммендовалъ его монарху, самъ имѣлъ часто случай въ усердіе и знанія. Мало-помалу Кольберъ сталъ засѣдать въ советѣ; ланъ былъ генерал-контролеромъ финансовъ, управляющимъ публичными заведеніями, министромъ торговли, скимъ министромъ и наконецъ послѣ короля, могущественнѣйшимъ человекомъ въ государствѣ.

Столько же быстро была у него

материальнаго благосостоянія Кольбёра. Безкорыстіе не было приваждностью чиновниковъ прежней монархіи, и Кольбёръ такъ хорошо понималъ положительную сторону вещей, что не могъ забыть свои личные интересы. Лишь-только вступивъ въ службу къ Мазарину, онъ началъ употреблять въ свою пользу его могучее вліяніе. Въ 1650 году, былъ нѣкто Жюль Шарровъ, которой изъ цаловальниковъ сдѣлался казначеемъ непредвидимыхъ расходовъ по военному министерству, и на котораго падало, по этой должности, значительное взысканіе. Говорятъ, Кольбёръ устроивъ дѣло такъ, что съ него сложили это взысканіе, и въ благодарности за подобную услугу получилъ руку его дочери, одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ Парижа. Это, однако, не помѣшало ловкому управителю, въ письмахъ своихъ къ Мазарину, просить о пожалованіи ему какого-нибудь маленькаго аббатства тысячи въ четыре ливровъ дохода. Въ послѣдствіи, онъ получилъ имѣніе съ доходомъ въ 8,000 ливровъ, въ-теченіе шести лѣтъ доставилъ выгодныя мѣста всѣмъ своимъ роднымъ, и самъ, безъ всякой платы, получилъ должности управителя герцога д'Анжу, доставившую ему 40,000 ливровъ, и секретаря будущей королевы (Лудовику XIV еще не былъ женатъ)—почетное мѣсто, которое одинъ финансьеръ купилъ у него за 500,000 ливровъ. Извѣстно, что Мазарини самъ былъ поставщикомъ провіанта для войска. Хотя противъ подобной спекуляціи Кольбёръ возставалъ въ теоріи, но онъ былъ необходимымъ агентомъ Мазарини въ этомъ дѣлѣ и получалъ отъ него значительныя выгоды. Впрочемъ, когда финансы Франціи находились въ его рукахъ, онъ не употреблялъ во зло своего положенія и былъ очень-уверенъ въ сравненіи съ своими предшественниками. Г. Клеманъ высчитываетъ, что извѣстные оклады его жалованья не простирались выше 70,000 ливровъ. Но до насъ дошла часть ре-

гистра королевскихъ указовъ по финансовой части, гдѣ рукою короля сдѣлана слѣдующая замѣтка: «Сиру Кольбёру награды, во уваженіе заслугъ его мнѣ и чтобъ дать возможность продолжать ихъ, 400,000 ливровъ». Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что министръ получалъ ежегодно подарку отъ провинціальныхъ штатовъ. Словомъ, устроивъ и обезпечивъ какъ-вельзя-лучше шестерыхъ сыновей и трехъ дочерей своихъ, Кольбёръ оставилъ состояніе, которое цѣнить въ десять милліоновъ ливровъ, равняющихся нынѣшнимъ тридцати милліонамъ франкамъ. Къ этому надобно присовокупить, что во все продолженіе своего двадцати-двух-лѣтняго управленія министерствомъ, онъ постоянно работалъ по шестнадцати часовъ въ день.

Безчисленное множество занятій, возложенныхъ на Кольбёра, можно главнымъ-образомъ раздѣлить на три большіе отдѣла: финансы, торговлю, морскую силу. Положеніе, въ какомъ нашелъ онъ Францію послѣ Фукё, было ужасно. Хищничество чиновниковъ, участвовавшихъ въ управленіи финансами, отъ министра до послѣдняго агента, довело народъ почти до состоянія дикости. Два голодные года, произведшіе дороговизну хлѣба при самомъ вступленіи Кольбёра въ министерство, выказали весь ужасъ тогдашняго положенія. Въ провинціяхъ люди буквально умирали отъ голода. Толпы крестьянъ производили грабежи, вовсе не пугаясь висѣлицы, которая по-крайней-мѣрѣ обѣщала имъ конецъ страданій. Ъли траву, вырывали трупы; нѣкоторые несчастные, чтобъ отдалить смерть, глодали собственныя свои члены. А между-тѣмъ, благодаря привилегіямъ, вся тягость налога падала на бѣдныхъ. Съ этими-то людьми долженъ былъ имѣть дѣло новый министръ финансовъ. Кольбёръ первый началъ стараться увеличивать доходы посредствомъ умноженія общественнаго богатства. Всѣ его реформы, даже ошибки его, произошли изъ этого начала.

Въ 1661 году, послѣ паденія Фукэ, Франція платила 90 милліоновъ налоговъ, изъ которыхъ, за уплатою издержекъ сбора и процентовъ на долги, государству оставалось только 35 милліоновъ. Сверхъ-того, были истрачены доходы за два года впередъ. Злоупотребленія чиновниковъ по части финансоваго управленія были такъ ужасны, возбудили такое всеобщее негодованіе, что Кольбѣръ могъ ожидать расположенія народа и монарха, взявшись ихъ преслѣдовать. Слѣдствія были назначены надъ тѣми, которыхъ подозревали въ злоупотребленіяхъ. Камера юстиціи въ короткое время осудила до пятисотъ человекъ и взявша да обратво въ казну до 110 милліоновъ. Ревизія государственнаго долга и уменьшеніе платимыхъ за него процентовъ доставили казнѣ до 8 милліоновъ ливровъ ежегодной экономіи. Множество контрактовъ, по которымъ были уступлены разнымъ компаніямъ акцизы на города, уничтожились правительствомъ не смотря на крики кредиторовъ и протестаціи самихъ городовъ. Штрафы съ лицъ, неправильно присвоившихъ себѣ дворянскіе титулы, т. е. приобрѣтшихъ ихъ покупкою, доставили казнѣ еще вѣскольکو милліоновъ. Даже подвергнуты были по вѣртіи правъ лицъ, занимавшихъ продажныя должности, и многія изъ этихъ должностей уничтожены, съ выдачею занимавшимъ ихъ вознагражденій, большею частію недостаточныхъ. Конечно, всѣ эти мѣры были жестоки, часто даже несправедливы; но Франція дошла до такого положенія, что только сильныя и энергическія средства могли спасти ее.

Какъ бы то ни было, Кольбѣру надобно отдать ту справедливость, что онъ никогда не упускалъ изъ вида интересовъ высшаго класса. Особенную честь приносятъ ему проектъ преобразованія налога. Изъ личнаго, онъ хотѣлъ сдѣлать его вещественнымъ, то есть, соразмѣрнымъ съ имѣніемъ плательщиковъ, безъ различія дворянъ отъ простолюдиновъ. Въ то время по-

добный проектъ казался опасною утопіею. Дворянствъ не платилъ никакой подати, потому-что считался принадлежащимъ самому-себѣ, тогда какъ простолюдинъ принадлежалъ королю. Точно также ничего не платилось съ земель, составлявшихъ собственность дворянства. Естественно, что реформа министра встрѣтила сильное сопротивленіе. Явились не только личные возраженія, но протесты цѣлыхъ провинцій, на которыя должно было распространить однообразную систему налога, тогда-какъ многія изъ нихъ, и именно тѣ, которыя были присоединены къ государству въ послѣдствіи, по договорамъ, пользовались въ этомъ отношеніи разными изъятіями. Не могли заставить богатыхъ платить необходимую дань государству, Кольбѣръ по крайней-мѣрѣ облегчалъ бывшихъ. Прямой налогъ, при его вступленіи въ министерство пространный до 50 милліоновъ, былъ уменьшенъ на цѣлую треть; онъ предполагалъ уменьшить его въ половину. Ненавистный для народа акцизъ на соль былъ также уменьшенъ; взиманіе его упрощено. Единственнымъ средствомъ дѣйствовать на привилегированные классы, было увеличить налоги съ потребленія. На это рѣшился Кольбѣръ, конечно, противъ воли: онъ былъ дальновиденъ и не могъ не знать, что возвышеніе средствъ существованія повлечетъ за собою высокую плату за трудъ и будетъ гибельно для мануфактурной промышленности, только-что начинавшей развиваться.

На Кольбѣра въ-особенности навала за организацію мануфактуръ и торговли. Во всѣхъ учебникахъ, во всѣхъ исторіяхъ политической экономіи, непременно встрѣтите, что изобрѣтателемъ системы покровительства отечественной промышленности посредствомъ исключенія произведеній иностранныхъ былъ Кольбѣръ. А неслучайно, внимательное изученіе тогдашнихъ торговыхъ отношеній Европы показываетъ, что охранительная система давно уже была, правосиенна

публицистами, введена въ употребленіе большею частію сосѣднихъ съ Франціею державъ, и что въ свою очередь, принимая ее, Франція находилась, можно сказать, въ положеніи законной обороны.

Запретительную систему не только изобрѣла Англія, проповѣдующая вышѣ свободу торговли, но и первая стала принимать ее съ чрезвычайною строгостію. Начиная съ XV вѣка, она запретила вывозъ произведеній, которые могли способствовать развитію иностранныхъ фабрикъ, а именно шерсти и овчина. Нарушеніе этого запрещенія подвергало виновнаго строгимъ наказаніямъ: въ Ирландіи, одному иностранному купцу, уличенному въ покупку шерсти для вывоза, отрубилъ руку. Произведенія, которыхъ вывозъ не запрещался, какъ, на-примѣръ, олово, были обложены пошлиною ввозомъ большею для иностранцевъ, нежели для купцовъ англійскихъ. Ввозъ французскихъ суконъ былъ совершенно запрещенъ, точно такъ же, какъ всѣ галантерейные товары и туалетныя вещи, которыми славился Парижъ. Не только французскіе товары, но самыя купцы были обложены пошлиной въ англійскихъ таможахъ: они платили каждый по пяти солидовъ при въѣздѣ и по тридцати при выѣздѣ, независимо отъ особаго налога, который должны были платить, если устроивали какое-нибудь заведеніе. Французамъ запрещено было торговать въ лавкахъ, какъ это обыкновенно дѣлали Англичане во Франціи; они не могли торговать на ярмаркахъ, обяваны были заключать условія съ покупателями на дому, а нѣкоторые товары продавать особоприлегалованнымъ компаніямъ. Такая компанія существовала, между прочимъ, для покупки винъ и, пользуясь своею монополіею, всячески притѣсняла продавцовъ. Сверхъ того, придворный поставщикъ имѣлъ право сходить въ ихъ погреба прежде всякаго другаго покупателя, выбирать вина по своему усмотрѣнію и назначать имъ цѣну по совѣсти. А между-тѣмъ, Англичане

имѣли право привозить во Францію всевозможныя товары, продавать ихъ когда и гдѣ угодно, пользуясь внутри государства такою же свободою, какъ природныя жители.

Такою же свободой пользовались во Франціи Испанцы, между-тѣмъ, какъ въ самой Испаніи пошлины за ввозъ и вывозъ не только были совершенно несообразны съ пошлинами французскими, но налагались даже не въ видахъ покровительства отечественной промышленности, какъ въ Англіи, а лишь для пополненія казны деньгами. Такъ, съ однихъ и тѣхъ же товаровъ Франція брала по 2 процента на 100 съ цѣны, объявленной въ таможи, тогда-какъ Испанія облагала ихъ пошлиной, простиравшейся отъ 10 до 20 процентовъ на 100. Надобно еще прибавить, что со времени Филиппа II испанское правительство стало приписывать крайнее обѣднѣніе государства вывозу драгоценныхъ металловъ, а потому вывозъ золота и серебра былъ строго запрещенъ. Парализировавъ у себя такимъ-образомъ самую выгодную отрасль промышленности, Испанія, принужденная покупать во Франціи товары, необходимыя для ея морскихъ колоній, должна была давать, въ замѣтъ ихъ, произведенія, необходимыя для ея собственнаго народонаселенія, какъ-то: вина, масло, фрукты, шерсть, кожу, которые Французы брали и несхотя, и за ничтожную цѣну, тогда-какъ тѣ же самыя произведенія, становясь рѣже и рѣже на испанскихъ рынкахъ, возвышались въ цѣнѣ, а драгоценныя металлы, благодаря своему обилію и запрещенію вывоза, болѣе-и-болѣе дешевѣли. Правда, иногда французскіе купцы вывозили золотыя дублоны изъ Испаніи; но этотъ родъ контрабанды былъ чрезвычайно-опасенъ, и торговля Франціи съ Испаніею въ то время вообще была и ничтожна и обманчива.

Торговля сношенія Франціи съ Голландіею, до Кольбера, были совершенно-свободны. По-крайней-мѣрѣ, голландскіе тарифы, примѣчательные по безпредѣльно возрастающимъ по-

требностям молодой республики, не имѣли характера систематически-запретительнаго. Но обиліе капиталовъ, торговля учрежденія, проникательность и настойчивость ея купцовъ, доставляли Голландіи, при этой свободѣ торговли, рѣшительное преимущество. Такъ Голландцы ловко перевели въ свои руки французскіе рыбные промыслы, которые вскорѣ сдѣлались для нихъ настоящимъ Перу.

Французская же торговля, до Кольбера, почти-совершенно не обращала на себя вниманія правительства. Внутреннія пошлины самыхъ странныхъ наименованій до того увеличивали цѣну произведеній, что вредили ихъ вывозу. Образованное мало-по-малу присоединеніемъ феодальныхъ владѣній, собственно государство, приваженность короля, не имѣло опредѣленныхъ границъ. До Генриха III, за исключеніемъ кое-какихъ иностранныхъ пошлинъ на нѣкоторые заграничные товары, правительство вовсе не вмѣшивалось въ заграничную торговлю. Въ 1581 году, былъ изданъ первый эдиктъ, котораго дѣйствіе простиралось безъ исключенія на всѣ заграничныя произведенія, обложенныя однообразной пошлиной по 2 процента на сто съ цѣны, объявленной при ввозѣ. Въ 1621 году, для лучшаго сбора, увеличено было число таможенъ; но многія провинціи, въ-особенности вновь-присоединенныя къ государству, воспротивились этому, желая остаться при своихъ прежнихъ обычаяхъ въ-отношеніи къ налогамъ. Франція раздѣлилась на провинціи, подлежащія пошлинѣ, и на провинціи, которыя считались какъ-бы иностранными.

Такимъ-образомъ, до Кольбера французская промышленность была подавлена значительными налогами, а пошлины на чужія произведенія, вмѣсто того, чтобъ быть установленными для огражденія интересовъ государства, болѣе благопріятствовали соперникамъ французскихъ фабрикантовъ. Это заставило фабрикантовъ прибѣгать къ обманамъ, а чрезъ это мно-

гіе предметы заграничнаго вывоза которыхъ достоинство стало болѣе и жели сомнительнымъ, потеряли дѣріе на отдаленныхъ рынкахъ. Хотя царствованіе Лудовика XIII торговля Франціи была еще очень-значительна, въ сравненіи съ предшествовавшими временамъ, ее считали въ упадкѣ. Французскіе красильщики, нешій прежде соперниковъ, начинали искать совмѣстительства Голландскія шелковыя матеріи прививались такъ охотно, тогда-какъ прежде стояли на одномъ ряду съ итальянскими; прежде кузнечныя произведенія Бургони, Ниверпе и Сент-Этьенна возились по цѣлому свѣту, тогда-теперь ввезено было изъ Германіи на 800,000 ливровъ; стеклянные значки, парижскіе ювелиры, овернскіе писчебумажные фабриканты, даки пографская и книжная промышленность, занимавшія уже въ то время пятидесяти тысячъ челоуѣкъ, стали совмѣстительства Голландіи. Единственное мѣсто настоятельнаго бояло тѣхъ мѣръ, которыя были приняты Кольберомъ для огражденія національной промышленности. Правда, такъ-сказать, его управленіе готова; онъ соединялъ въ себя условія, чтобъ ее выполнить. Но система его была не что иное, какъ приложеніе общепринятыхъ и практическихъ. Видя благодѣйствіе съ нихъ націи подъ вліяніемъ авторитетныхъ законовъ, Кольберъ хотѣлъ утвердить французскую промышленность на тѣхъ же основаніяхъ. Онъ могъ возвыситься въ то время идеи свободной торговли, то приніе ея къ дѣлу, безъ надежды на помощь другихъ государствъ, съ его стороны совершенныя.

Реформы его касались трехъ предметовъ: 1) возобновленія ремесленныхъ корпорацій, съ цѣлью устраненія препятствія, вредившія труду фабриканта; 2) надзора за фабричными произведеніями, чтобъ истребить лишніе въ привычку подлоги, вредившіе

французской торговли на заграничных рынках; 3) установления таможенного тарифа, который бы благоприятствовал вывозу естественных произведений Франціи, привлекалъ предметы, служащіе для усиленія внутренней дѣятельности и облагалъ высокою пошлиною произведенія чужестранной фабричности. Эта послѣдняя мысль выразилась изданіемъ двухъ тарифовъ въ теченіе трехъ лѣтъ, а именно въ 1664 и 1667 годахъ. Видя мѣждество и разнообразіе сборовъ, Кольберъ хотѣлъ ввести повсюду однообразную пошлину и отодвинуть таможенные границы до естественныхъ границъ государства. Но вновь-присоединенныя провинціи воспротивились; король не рѣшился на реформу, которую совершила въ послѣдствіи торжествующая демократія. Тарифъ 1664 года былъ принятъ только въ древнихъ провинціяхъ государства. Этотъ тарифъ учреждалъ однообразіе пошлинъ, сколько это допускали мѣстные требованія, вводилъ умѣренные сборы и простѣйшій и справедливѣйшій способъ собирать ихъ, а потому былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Но министръ еще не исполнѣ осуществилъ мысль свою. 18-го апрѣля 1667 года издана была декларація въ объясненіе тарифа, произведшая рѣшительный переворотъ въ торговлѣ и, въ послѣдствіи, достопамятную войну. Подъ предлогомъ уравниенія нѣкоторыхъ пошлинъ на ввозимые иностранные товары и вывозимыя изъ Франціи сырыя произведенія, въ новомъ тарифѣ установлены были съ большою ловкостью пошлины отъ 1, 3, 5, 7½, 10 и 20 процентовъ на 100, равнявшіяся во многихъ случаяхъ совершенному запрещенію ввоза. Вмѣстѣ съ устраненіемъ мануфактурныхъ произведеній другихъ націй, для поощренія вывоза сырыхъ продуктовъ французскихъ, были уменьшены пошлины за вывозъ, въ особенности пошлины на вина. Господствовавшая тогда въ Европѣ мысль о необходимости охранительныхъ пошлинъ для развитія промышленности,

о томъ, что богатство государства заключается въ деньгахъ, получаемыхъ посредствомъ возможно-большей продажи своихъ произведеній и возможно-меньшей покупки чужихъ, была такъ сильна, что въ началѣ тарифа 1667 года никому не показался страннымъ. Только Голландцы, которымъ угрожало разореніе, отправили въ Парижъ самаго искуснаго изъ своихъ дипломатовъ, ван-Бейнингена, котораго усилія остались, однако, тщетны. Франція въ настоящее время вывозитъ въ Голландію произведеній на сумму отъ 13 до 18 милліоновъ франковъ; два вѣка назадъ, вывозъ этотъ былъ въ двѣнадцать или въ четырнадцать разъ больше нынѣшняго. Вѣдъ транзитный торгъ, Голландія развояла эти товары по цѣлому свѣту. Кольберъ хотѣлъ отнять у ней подобную монополію и доставить новое поприще дѣятельности морской силѣ, введя французскихъ купцовъ въ непосредственныя сношенія съ отдаленнѣйшими націями міра. Въ свою очередь Голландія увеличила пошлины за ввозъ французскихъ винъ, водокъ и многихъ мануфактурныхъ издѣлій. Эта месть была принята придворными Людовика XIV какъ оскорбленіе его величества: рѣшено было начать войну, и эта война, получившая европейское значеніе, кончилась, какъ извѣстно; со славой для Франціи, распространившей свои границы на счетъ другихъ державъ. Но и Голландія, сохранивъ въ неприкосновенности свою территорию, достигла цѣли: одною изъ статей нимвегенскаго трактата былъ отмѣненъ знаменитый тарифъ 1667 года и введенъ прежній, болѣе-умѣренный.

Не смотря на то, цѣль Кольбера была отчасти достигнута: мануфактурная промышленность утвердилась во Франціи. Правда, земледѣліе и положеніе земледѣльческаго класса, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Клеманъ, было далеко неудовлетворительно. Но надобно замѣтить, что вина этого не можетъ лежать на Кольберѣ: другія

обстоятельства, отъ него независѣнія, были неблагопріятны развитію земледѣльской промышленности. Замѣчательно, что въ слѣдующемъ столѣтіи эта промышленность достигла кѣтущаго состоянія при дѣйствіи тѣхъ же финансовыхъ началъ, и что до 1789 года, т. е. до уничтоженія запрѣтительнаго закона, вывозъ хлѣба изъ Франціи былъ несравненно-значительнѣе вывѣзнаго.

Слава Кольбера, какъ основателя морской силы, безспорна. Системѣ флота разстроили всѣ государственныя управленія. Флотъ, поднятый на нѣкоторое время усміяни Рихилье, отъ 1648 до 1654 состоялъ только изъ десяти пятидесяти-пушечныхъ кораблей. Кольберу предстояло все создать вновь. Учрежденія его, обнимающія личный составъ, матеріальное устройство, продовольствіе флота и морское судопроизводство, до-сихъ-поръ остались въ дѣйствіи. Наборъ матросовъ ошлю, отъ котораго Англія отказалась только въ 1835 году, былъ зачѣтенъ распредѣленіемъ этой повинности между прибрежными жителями, съ владѣнчества съѣзжихимися съ моремъ. Морской кодексъ, составленный подъ надзоромъ министра особою комиссіею, сдѣлался предметомъ удивленія сосѣднихъ націй. Наконецъ, Кольберъ, — и это одно изъ лучшихъ правъ его на славу, — возбуждѣлъ въ молодѣжи высшаго класса страсть къ морю и, заставивъ ее гордиться національнымъ флагомъ, способствовалъ тѣмъ блестящимъ подвигамъ, которыми она продала себя въ лѣтонисахъ французскаго флота.

Независимо отъ главныхъ занятій Кольбера, финансовъ, торговли и флота, на него возлагалось еще столько важныхъ и разнообразныхъ трудовъ, что подъ тяжестью ихъ палецъ бы челоуѣкъ обыкновенный. Не вхола въ подробное ихъ перечисленіе, мы упомянемъ только о томъ, что его содѣйствіемъ обязана была Франція окончательнымъ устройствомъ палаты коммерціи, основанныхъ Генрихомъ IV, учрежде-

ніемъ складочныхъ мѣстъ для товаровъ, покровительствомъ морскому застрахованію основаніемъ для этой цѣли особой компаніи въ Марсели, по образцу существовавшей уже въ Парижѣ; онъ началъ преобразование системы мѣръ и вѣсовъ, установивъ одновѣсные мѣры во всѣхъ портахъ вѣрсеналахъ, улучшилъ дѣланіе звонкой монеты, надзоръ за лѣсанн, почты, и притомъ сбавилъ плату за пересылу писемъ; наконецъ, улучшеніе колловодства покупкою жеребцовъ въ Германин, Англии и Аеринтѣ; возложеніе породистыхъ овецъ; законъ, запрещающій брать у крестьянина съюзъ на уплату податной недоимки и ошлымъ издѣлѣннмъ земель, оставленныя по случаю мѣстныхъ неудовольствій, оправдываютъ министра отъ упрека въ преобремененіи земледѣлія. Не будучи юристомъ, онъ, однако, возбуждѣлъ мысль о соединеніи мѣстныхъ обычныхъ правъ (coutumes) въ одно тѣло и надиралъ за ея исполненіемъ. Ему исключительно принадлежитъ устройство полицейскаго управленія въ Парижѣ и всѣ постановленія, вѣдѣнія цѣлю пресѣченіе полицейскихъ проступковъ, бродяжничества, анищѣства и пр.

Надзоръ за публичными работами, при огромныхъ постройкахъ Луврса XIV, до-сихъ-поръ возбуждающій удивленіе, представлялъ также велико трудовъ и занятій. Отличительной чертой Кольбера была строгая экономія, но безъ скудости. По зачѣтнмъ г. Клемана, работы, произведенныя въ то время и стоившія 165 милліоновъ ливровъ, равняющихся вывѣннмъ 780 милліонамъ франкамъ, въ это время обошлись бы болѣе нильград.

Съ 1661 до 1672 года, Кольберъ былъ всемогущъ. Вліяніе его начало слабѣть во время общей войны, продолжавшейся за голландской кампаніей. Военная слава, какъ она ни блестящѣна, всегда стѣдитъ дорого. Тотъ, который, въ глазахъ народа, распоряжался доходами и расходами государства, долженъ былъ часто находиться въ

весьма-затруднительномъ положеніи. Совершикомъ министра финансовъ въ королевскомъ совѣтѣ былъ Лууа, человекъ гениальный въ своей сферѣ, возведшій военную администрацію на степень науки. Вмѣсто насильственныхъ контрибуцій и грабежа жителей, Лууа, кромѣ другихъ измѣненій, ввелъ систему продовольствія, предупредившую нужды войска и лишавшую средствъ неприятеля. Принятые къ арміи, состоявшей отъ трехъ до четырехъ-сотъ тысячъ, эти быстрыя нововведенія требовали огромныхъ издержекъ. Приготовитель побѣды, лстя королю и не думая о народѣ, Лууа игралъ прекрасную роль въ совѣтѣ. Принужденный прибѣгать къ различнымъ средствамъ для удовлетворенія нуждъ войска, Кольбѣръ несъ отвѣтственность за предпріятія своего товарища. При всякомъ новомъ требованіи денегъ, Кольбѣръ дѣлалъ представленія, раздражавшія молодого короля. Однажды, испуганный требованіемъ 60 милліоновъ на чрезвычайные расходы по военному министерству, Кольбѣръ осмѣлился сказать въ совѣтѣ, что ему невозможно достать подобную сумму. • Подумайте • сказала тогда Людовикъ XIV: • что есть человекъ, который за это возьмется, если вы не захотите объ этомъ подумать. • Послѣ этой угрозы, Кольбѣръ возвратился домой убитый, въ смугленіи. Нѣсколько дней онъ сидѣлъ запершись, въ какомъ-то оцѣмѣннѣи, машинально переворачивая бумаги, неспособный къ работѣ, говоря объ отставкѣ и трепеща при мысли о подобной жертвѣ. Въ этой нерѣшительности онъ получилъ письмо короля, вѣдоваго его въ Версаль. Онъ рѣшился вступить снова въ должность; но рана была нанесена; онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ *партией войскъ*, душою которой былъ Лууа. Онъ пожертвовалъ своими личными планами разорительной политикѣ своего противника; но при дворѣ не равъ давали ему чувствовать, что онъ въ неимости. Горькое отчаяніе охладило его усердіе и даже пригнушило его

способности. Прежде, разскальзываютъ его современники, онъ принимался за работу потирая себѣ руки отъ удовольствія: тутъ онъ сталъ работать печальный, часто вздыхая, сдѣлался нерѣшительнымъ, во всемъ находилъ затрудненіе, такъ-что въ это время, сравнительно, было окончено гораздо-мѣнѣ дѣлъ, нежели въ первые годы его управленія.

Съ этого времени, Кольбѣръ не противился больше мѣрамъ, которыя, можетъ-быть, осуждали его здравый умъ и чувство справедливости, и бѣзстрашно пошелъ наперекоръ общественному мнѣнію. Вскорѣ обнаружилось общее оцѣмѣнне, общее безнокойство. Безпрерывное увеличеніе налоговъ, въ-особенности мелкіе фискальные драгги, неразлучные съ тогдашнимъ финансовымъ управленіемъ, возбуждали ненависть къ министру. Бюджетъ расходовъ, простиравшійся, при его вступленіи въ министерство, до 84 милліоновъ, возвысился до 112; подобное увеличеніе было незначительно, если принять въ соображеніе великія дѣла, совершенныя въ-теченіе этого періода; но для покрытія его надобно было прибѣгать къ просъбамъ провинціальнымъ штатовъ, чтобъ они увеличили свои *добровольные дары*, надобно было отлаять нѣкоторыя провинціи на откупъ, увеличить налоги съ потребленія и тѣмъ произвестъ возвышеніе задѣльной платы на фабрикахъ, учредить должности безполезныя или даже неприятныя для народа. Увлекаемый по роковому пути, Кольбѣръ старался обмануть самъ себя; онъ смотрѣлъ на всѣ эти мѣры какъ на переходныя средства, которыя онъ отиѣнитъ во время мира. • Надобно • говорить онъ въ своихъ мемуарахъ: • отиѣнить пошлины на табакъ и на гербовую бумагу, • которыя вредятъ торговлѣ; но король не зналъ о затрудненіяхъ министра. Кольбѣра особенно поражало то, что ежедневно являлись новые откупщики и во имя новаго налога высасывали у народа послѣднія деньги, выводя его изъ обычнаго порядка жизни. Сня-

зоя, обнаружившіеся въ различныхъ пунктахъ королевства, доказывали опасное раздраженіе. Побѣда осталась на стороне закона, и виновные въ нарушеніи порядка были неминуемо наказуемы. Но неудовольствія, подавленные такими средствами, обращались въ ненависть къ суровому министру, отвѣтствовавшему въ общественномъ мнѣніи за дѣйствія правительствѣ.

Справедливая печаль Кольбера сдѣлалась предметомъ клеветы: враги приписывали ему пагубные замыслы. Не могли сдѣлать изъ него заговорщика, такъ успѣли поселить во мнѣніи короля сомнѣніе насчетъ его честности. Однажды министръ представлялъ монарху счетъ издержекъ по работамъ въ Версали. Король сухо прервалъ его словами: «Здѣсь есть непопеченчество». — Государь, отвѣчалъ Кольберъ: — по-крайней-мѣрѣ я лъщу себя надеждою, что это слово до меня не касается. — Нѣтъ, отвѣчалъ король: — во должно было наблюдать внимательнѣе. — Не смотря на это смягченіе, ударъ былъ нанесенъ; онъ оказался смертельнымъ. Кольберъ, и безъ того больной и усталый, слегъ въ постель и не вставалъ съ нея. Черезъ нѣсколько дней, ему доложили о пріѣздѣ одного изъ придворныхъ съ письмомъ отъ короля. Онъ притворился опятымъ, чтобы не отвѣчать, и потому не могли убѣдить его прочесть письмо. Неблагодарность Лудовика XIV отравила его послѣднія минуты. Слышали, какъ онъ съ горечью произнесъ слѣдующія слова: «еслибъ я сдѣлалъ столько для Бога, сколько для этого человека, то былъ бы два раза въ царствѣ небесномъ, а теперь не знаю, что со мной будетъ». 5 сентября 1683 года, онъ продиктовалъ свое завѣщаніе и велѣлъ позвать іезуита Бурдалу. На другой день, смерть прекратила его двадцати-двух-лѣтнее министерство. Король счелъ нужнымъ показать печальнымъ; напротивъ, придворные, принадлежавшіе по-большой-части къ партіи войны, не скрывали своего удовольствія. Парижская

чернь, узнавъ о паденіи своего врага, дала полную свободу своей ненависти. Принятая полиціею предосторожность были новымъ оскорбленіемъ памяти умершаго. Въмѣсто должныхъ почестей, его хоронили ночью, почти-тайво, и велѣли полицейской стражѣ провозить гробъ его, «изъ опасенія». говорить одинъ современникъ: «чтобъ народъ не разорвалъ въ куски тѣла». Эпиграмы и разныя пѣсни на-счетъ министра ходили по городу; разумѣется, ихъ не старались преслѣдовать. О расположеніи двора можно судить отчасти изъ письма г-жи Ментенонъ, въ-которомъ она слѣдующимъ образомъ выражается о сынѣ перваго министра: «Г. Севелье хотѣлъ захватить себя всѣмъ тѣмъ и не получилъ ни одного... Онъ до того увеличивалъ заслуги своего отца, что убѣдилъ всѣхъ, будто онъ и не достоинъ и неспособенъ заступитъ его мѣсто». За маркизомъ Севелье осталось только морское вѣдомство, которымъ онъ управлялъ до своей смерти, продолжая со славою данное его отцомъ направленіе.

Вскорѣ судьба отстигла за Кольбера. Преемники его, королевскіе любимцы, показали себя до такой степени неспособными, что правительство принуждено было обратиться снова къ Деморѣ, племяннику и ученику Кольбера, который былъ сперва отставленъ по обвиненію въ казнокрадствѣ. Страшная нищета и жестокія страданія народа, оказавшіеся въ концѣ царствованія Лудовика XIV, заставили сожалѣть объ управленіи Кольбера, какъ о счастливомъ времени. Забыли его непреклонный деспотизмъ, его ошибки, помнили только его заслуги, и тотъ же самый народъ, который сопровождалъ криками погрома гробъ великаго человека, въ преданіяхъ своихъ соединилъ съ его именемъ понятіе о рѣдкомъ патриотизмѣ и гениіи. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думали въ XVIII вѣкѣ, жившемъ еще подъ вліяніемъ системы кольберова управленія. Главная ошибка его биографа, при многихъ существенныхъ достоинствахъ книги, заключается въ

томъ, что онъ обсуживалъ по новѣйшимъ теоріямъ состояніе общества, совершенно-отличное отъ нашего, и въ гартнѣ прошедшаго искалъ подтвержденія началъ современной науки.

Des Allemands, par un Français (О Нѣмцахъ, соч. Француза).

Авторъ этой книги, признавшій за лучшее остаться анонимомъ, принадлежитъ небольшому числу наблюдателей, столько же отличающихся глубиною своихъ наблюденій, сколько краткостью въ изложеніи ихъ. Онъ не рассказываетъ событій, не описываетъ ни лицъ, ни мѣстоположеній, не забавляетъ анекдотами: книга его составляетъ психологическій очеркъ, но до того вѣрный, тонкій и всеобъемлющій, что, не смотря на свою отвлеченность, онъ неизгладимо врѣзывается въ памяти читателя.

У Французовъ сознаніе національности развилось вмѣстѣ съ характеромъ націи: и то и другое развитіе совершилось подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ. Напротивъ, въ Германіи сознаніе національности было пробуждено въ народѣ посредствомъ науки, потому-что эта національность перестала быть очевидною для народа; любовь къ отечеству вышла изъ школы; патриотизмъ прошелъ черезъ всѣ преувеличенія философскихъ системъ.

Вообще, недостатокъ патриотизма состоитъ въ томъ, что онъ присваиваетъ одному народу преимущество надъ всѣми другими. Въ это преимущество вѣрятъ Германцы и находятъ для того вѣсколку оснований: одни естественныя — языкъ и племя, другія историческія — реформацію и философію, бывшія необходимыми послѣдствіями двухъ первыхъ данныхъ. Авторъ показываетъ, что надобно отнять отъ этихъ притязаній, и описывая, чѣмъ хотятъ быть Германцы, показываетъ читателю, каковы они въ-самомъ-дѣлѣ. Онъ объясняетъ и опровергаетъ жалкое мнѣніе, будто нѣмецкій языкъ достаточенъ для выраженія всего на свѣтѣ, что германская кровь течетъ въ жилахъ всѣхъ

народовъ; онъ говоритъ, что подобное направленіе вредитъ общему развитію европейскихъ обществъ, противорѣчитъ свободѣ. Потомъ онъ доказываетъ, что реформація ни по началу своему, какъ событіе, ни по результатамъ, выведеннымъ изъ нея, какъ изъ принципа, не принадлежитъ Германіи; онъ оставляетъ за Лютеромъ его настоящую заслугу и отдааетъ его дѣлу внутреннее его значеніе. Наконецъ, онъ искусно возвышаетъ достоинство и невыгоды философскаго направленія, и доказываетъ, что если оно составляетъ по преимуществу и исключительно элементъ германскаго народа, то должно будетъ заключить, что Германія гибнетъ, потому-что она съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе умозрительною и предается все болѣе и болѣе волненіямъ дѣйствительной, практической жизни.

Le peuple, par J. Michelet. (Народъ, соч. Мишле).

Книга эта посвящена авторомъ другу его, Эдгару Кинѣ, знаменитому столько же своимъ живыми, одушевленными лекціями, сколько участіемъ его, вмѣстѣ съ самимъ Мишлѣ, въ недавно-умолкнувшемъ іезуитскомъ вопросѣ.

Въ краснорѣчивомъ посвященіи, авторъ залагаетъ другу исповѣдь сердца и воспоминавія своей частной жизни. Вотъ изъ него выдержки:

• Эта книга — болѣе нежели книга: это я самъ. Потому-то она и принадлежитъ тебѣ.

• Сидѣть сказать, что это я и ты, другъ мой. Ты справедливо замѣтилъ, что мысли наши, сообщаемъ ли мы ихъ другъ другу, или нѣтъ, всегда сходятся. Мы живемъ однимъ сердцемъ... Чудная гармонія! она можетъ показаться удивительною; но не естественна ли она? разнообразныя труды наши имѣли одинъ живой корень: любовь къ Франціи и мысль объ отечествѣ.

• Прійми же эту книгу народа, потому-что она я. Ты, по своему воображенію

• ну, я по своему мастерскому происхо-
• жденію, служимъ представителни,
• можетъ-быть, столько же, какъ и дру-
• гіе, двухъ современныхъ сторонъ на-
• рода и его недавняго воскрешенія.

• Эту книгу написалъ я изъ себя-са-
• мого, изъ своей жизни, изъ своего
• сердца. Она скорѣе произведеніе мо-
• его опыта, нежели моихъ ученыхъ
• занятій. Я извлекъ ее изъ моихъ
• наблюденій, изъ отношеній моихъ къ
• друзьямъ, къ сосѣдямъ; я собралъ ее
• по дорогамъ... судьба любить служи-
• вать человѣку, который идетъ всегда
• съ одною и тою же мыслию. Нако-
• нецъ, я составилъ ее въ-особенности
• изъ воспоминаній своей юности. Чтобы
• узнать жизнь народа, его труды, его
• страданія, мнѣ достаточно было во-
• преснѣти свою память.

• И я, другъ мой, я работалъ соб-
• ственными руками. Истинное назва-
• ніе современнаго человѣка, названіе
• работника, я заслужилъ во многихъ
• отношеніяхъ. Прежде, нежели я сталъ
• писать книги, я матеріально набиралъ
• ихъ, собиралъ буквы прежде, неже-
• ли сталъ соединять идеи, знаю уны-
• ніе мастерской, грусть, нападающую
• въ долгіе часы работы.

• Печальное время! это было въ по-
• слѣдніе часы имперіи; для меня, ка-
• залось, все погибало—семейство, иму-
• щество, отчизна.

• Этими испытаніямъ, безъ сомнѣнія,
• я обязанъ всѣмъ, что есть во мнѣ луч-
• шаго: мнѣ должно приписать незначи-
• тельныя мои достоинства, какъ человѣ-
• ка и историка. Я сохранилъ отъ нихъ
• въ-особенности глубокое чувство, чув-
• ство народа, полное сознаніе лежаща-
• го въ немъ сокровища: *добродѣтели са-
• моотверженія*, нѣжное воспоминаніе о
• золотыхъ сердцахъ, которыя я зналъ
• въ самомъ униженномъ положеніи.

• Не надобно удивляться, что я, зная
• лучше многихъ исторію этого народа,
• съ другой стороны раздѣляя самъ
• его жизнь, чувствую настоятельную
• потребность истины, если загово-
• рять о немъ. Когда, въ-слѣдствіе исто-
• рическихъ трудовъ моихъ, я началъ

• заниматься современными вопроса-
• ми, признаюсь, заглянувъ въ книги,
• они налагались, я былъ очень
• мненъ тѣмъ, что почти всѣ эти
• противорѣчатъ моимъ воспомина-
• ніямъ. Тогда я закрылъ книги, съ-
• сколько мнѣ было возможно, съ-
• посреди народа; удивительный по-
• стель, я снова погружился въ то,
• что сталъ прислушиваться къ моимъ,
• шѣтать голоса... Это былъ тотъ же
• родъ: мнѣненія коснулись то-
• вѣшности; память меня не обна-
• вала... И я сталъ изучать людей,
• шать, какъ они сами рассказыва-
• судьбѣ своей, собирать изъ ихъ у-
• то, чего часто не найдешь въ самъ
• блистательныхъ авторахъ, — съ
• полное здраваго смысла.

• Это послѣдованіе, начатое въ
• нѣ, десять лѣтъ назадъ, я про-
• жалъ въ другихъ городахъ, у-
• вая въ одно и то же время отъ
• тическихъ людей, отъ умовъ самы-
• положительныхъ, истинное состо-
• деревень, столько пренебреженны-
• нашии эконоmistами. Благодаря
• но, сколько я отыскалъ таинствъ
• зомъ новыхъ свѣдѣній, которыхъ
• лья найти ни въ одной книгѣ. И
• слѣ разговора людей гениальны-
• специально-ученыхъ, разговоръ
• рола, безъ сомнѣнія, всего насто-
• тельнѣе. Когда нельзя говорить
• Беранжé, Лампé и Ламартинюмъ,
• надобно идти въ поля, разговарива-
• съ поселяниномъ. Что узнать отъ
• дей, стоящихъ въ среднѣхъ? Вы-
• възъ гостинныхъ, я всякій разъ
• ствовалъ, какъ сердце мое сжималъ
• и холодѣло.

• Далѣе, Мишлэ говоритъ о томъ, что
• теперь вниманіе всѣхъ націй сосре-
• но на французскій народъ, блестящъ
• современному направленію
• ры.

• Многие писатели, изъ самыхъ
• чательнѣйшихъ, избрали это
• кій предметъ; таланта у нихъ
• успѣхъ былъ чрезвычайный. Европа
• давно уже создающая назо
• жадностью хватаетъ произведённыя

шей литературы. Англичане пишут только статьи въ свои Reviews. Что же касается до немецкихъ книгъ, то кто ихъ читаетъ, кромѣ Нѣмцевъ?

Любопытно разсмотрѣть, представляютъ ли книги, пріобрѣтшія такую популярность, такой авторитетъ въ Европѣ, настоящую Францію; не выказываютъ ли онѣ лишь вѣскольکو обещанныхъ сторонъ ея, весьма-не-благоспріятныхъ; не повредили ли ему отечеству во мнѣніи другихъ націй картины, на которыхъ видны только наши пороки и наше безобразіе. Талантъ, добросовѣстность, свобода мысли этихъ писателей придавали словамъ ихъ ужасный вѣсъ. Свѣтъ принялъ ихъ книги, какъ страшный приговоръ, произнесенный Франціей надъ собою.

Классическіе, бессмертные романы, выставивъ семейныя драмы богатыхъ и достаточныхъ классовъ, утвердили въ Европѣ мысль, что во Франціи нѣтъ семейства.

Другіе, одаренные великимъ талантомъ, огромною силою воображенія, выдали за обыкновенную жизнь нашихъ городовъ жизнь тѣхъ мѣстъ, гдѣ полиція сосредоточиваетъ подъ своею рукою людей, пораженныхъ правосудіемъ и уволенныхъ съ ка-торги.

Одинъ изъ писателей, удивительно-вѣрный въ изображеніи подробностей, рисуетъ отвратительный сельскій кабакъ, таверну, гдѣ собираются лакеи и мошенники, и подъ этою гнусной картиной дерзко ставитъ пилл, принадлежащее большей части обитателей Франціи.

Европа читаетъ съ жадностью, восхищается, узнаётъ ту или другую подробность описанія. Отъ мелкаго случая, котораго истину она видитъ, легко заключаетъ къ истинѣ цѣлаго.

Пусть нація знаютъ, что этотъ народъ вовсе не похожъ на свои мнимыя портреты! Нельзя сказать, чтобы наши великіе живописцы были настолько нейтральны истинѣ; но вообще они описывали исключительныя мо-

лочи, случайности, но-большой-мѣрѣ меньшинство, второй планъ картины. Первые планы казались имъ слишкомъ - известными, пошлыми, обыкновенными. Имъ нужны были эффекты, и они часто искали ихъ въ уклоненіяхъ отъ нормальной жизни. Она не удостоили предугадомить читателей, что описываютъ исключенія. Читатели, въ-особенности иностранцы, приняли эти исключенія за общее правило, и сказали: «вотъ каковъ этотъ народъ!»

А я, изъ него вышедшій, я, съ нимъ жившій, работавшій, терпѣвшій, я, болѣе всякаго другаго пріобрѣтшій право сказать, что знаю его, я хочу возстановитъ личность этого народа противъ общаго мнѣнія.

Вотъ цѣль и отчасти содержаніе этой любопытной книги, которое мы старались передать собственными словами автора. Г. Мишлѣ не отвергаетъ ни пороковъ французскаго народа, ни той степени униженія, до которой народъ доведенъ обстоятельствами своей исторической жизни. Онъ только объясняетъ причины этихъ явленій, фаталистически-необходимыхъ, показывая, что испорченность, угрожающая гибелью Франціи, проникла одинаково въ классы и указываетъ дорогу спасенія, ведущую къ славному участи, къ любви, соединенію и воскресенію всего народа. Его книга проникнута жаркимъ чувствомъ любви къ отчизнѣ и столько же любопытна для иностранца, сколько должна быть дорога для каждаго Француза. Во Франціи она имѣла успѣхъ чрезвычайный.

Du Systeme prohibitif, par M. Henri Fonfrède (О запретительной системѣ, соч. Анри Фонфреда).

Одинъ изъ почитателей Анри Фонфреда, известнаго публициста партіи жирондистовъ, принявъ намѣреніе издать въ свѣтъ все его сочиненія. Но прежде онъ издалъ отдѣльно брошюру его о запретительной системѣ, которая, кромѣ своего внутреннего достоинства, имѣетъ еще и ту выгоду,

что является весьма-истати въ то время, какъ приверженцы свободной торговли и ихъ противники ведутъ самый жаркій споръ въ защиту своихъ мнѣній.

Впрочемъ, какого бы кто ни былъ мнѣнія, во всякій прочтѣвъ книгу г. Фоноредда, согласится, что никогда еще не было написано о запретительной системѣ сочиненія столь яснаго, умнаго и обстоятельнаго.

Обозрѣвая различныя отрасли промышленности, покровительствуемыя тарифами, авторъ останавливается на хлопчатобумажномъ промыслѣ, всѣхъ заграничныя произведенія котораго (кромя сыраго матеріала и нани, обложенной пятью франками съ килограмма, если она идетъ прямо изъ Китая и на французскихъ корабляхъ) запрещены во Франціи съ незапамятныхъ временъ. Притѣръ этотъ приходится какъ-нельзя-больше истати. Въ послѣднее время, министръ торговли хотѣлъ уменьшить пяти-франковую пошлину до одного франка, и тотчасъ же торговая палата города Дилла вошла къ нему съ представленіемъ объ отиѣнѣ этой мѣры. То же самое было бы, еслибы, вмѣсто одного франка, установили пошлину въ четыре франка 99 сантимовъ. А между-тѣмъ, одно изъ двухъ: или бумажная производительность, послѣ столь долговременнаго покровительства, не можетъ противостоять заграничному соперничеству, и тогда это покровительство бесполезно — или она сдѣлала такіе успѣхи, что для нея не страшны произведенія иностранцами: тогда дальнѣйшее покровительство ненужно.

Впрочемъ, г. Фоноредъ не требуетъ немедленнаго уничтоженія таможенъ: онъ хочетъ лишь замѣны настоящей системы системою болѣе-либеральною, но въ данное время и посредствомъ постепеннаго пониженія пошлинъ, пониженія, котораго пропорція должна быть объявлена впередъ, въ избѣжаніе внезапныхъ потрясеній, до-тѣхъ-поръ, пока не придутъ къ правильному и нормальному положенію.

Essais de littérature et de morale, par M-r Saint-Marc Girardin.

Сочиненіе г. Сен-Марка Жирардена не новость для парижской публики. Это сборникъ отдѣльныхъ статей, печатавшихся въ время отъ времени въ Journal des Débats, который считаетъ г. Жирардена въ числѣ своихъ постоянныхъ со-трудниковъ. Но изданіе отдѣльныхъ статей, Впрочемъ связанныхъ между собою не только единствомъ направленія, но и единствомъ самаго предмета, доставляетъ намъ возможность оцѣнить литературную дѣятельность этого писателя, и, что всего важнѣе, тѣ принципы, которыми онъ служитъ, подвизаясь на блистательномъ поприщѣ профессора и журналиста.

Собственно говоря, г. Сен-Маркъ Жирарденъ, какъ литераторъ, не имѣетъ никакихъ принциповъ, или, что одно и то же, принципы его чисто-отрицательныя. Литературная дѣятельность его началась въ то время, когда новая литературная школа, называвшаяся и еще называемая романтическою, съ громомъ выступила на сцену, заставивъ французскую публику забыть въ время нагявную чинность и расудренную важность отжившаго классицизма Семнадцатое и восемнадцатое столѣтія имѣли на тогдашнюю французскую литературу замѣчательное вліяніе. Состояніе общества, обращеннаго къ настоящему, пугавшагося всякой новой мысли, всякаго нововведенія, — общества довольнаго самимъ собою, благодарнаго, покорнаго, — отразилось въ литературѣ противодѣйствіемъ всякому смѣлому порыву фантазіи, рѣзкому выраженію чувства и увлеченію страсти. Все было подчинено благоразумію, а благоразуміе состояло, по неизвѣстному выраженію Боскетта, въ томъ, чтобъ оставаться при настоящемъ положеніи, къ которому пріучило насъ время. Скептическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ направленная къ нравическимъ интересамъ и цѣлямъ философія XVII столѣтія, отравясь на литературѣ, не могла дать фантазіи того мѣста, которое она по справедливости

ств должна занимать въ дѣлѣ творчества. Отвлеченный, безцѣльный, хотя ровный и выглаженный языкъ стиховъ в годы того времени ясно указываетъ на отсутствіе живыхъ источниковъ искусства, на недостатокъ новизны. Съ реставраціею, съ новымъ направленіемъ общества родилось новое направленіе и въ литературѣ. Юная школа стала подъ знамя фантазіи и довела свободу воображенія до неслыханнаго и смѣшнаго. *Le beau c'est le laid*, «изящное — въ безобразіи» сдѣлалось девизомъ романтической школы, девизомъ, котораго она не признаетъ на словахъ, но оправдала на дѣлѣ. По ея мнѣнію, геній есть фантазія, точно такъ же, какъ прежде определяли геній терпиміемъ. Г. Сен-Маркъ Жирарденъ, какъ онъ самъ признается, увлекался этимъ направленіемъ. Но инстинкты его природы скоро указали ему, что избранная имъ дорога и невѣрна и небезопасна. Добросовѣстность послѣдователей новой школы не подлежитъ никакому сомнѣнію: они дѣйствовали по убѣжденію, и эта вѣрность убѣжденіямъ довела ихъ до осмѣянія, до забвенія. Г. Сен-Маркъ Жирарденъ нашелъ, что романтическая школа слишкомъ увлекается, и переимѣнилъ направленіе. Но подѣ она знала статью, чѣмъ оправдать свое отступничество, какія начала признавать истинными? Г. Сен-Маркъ Жирарденъ человѣкъ благородный: у него не стало силъ и способности открыть истинныя начала искусства: онъ избралъ легчайшій способъ, и всюду, гдѣ она школа говорила «да», онъ отвѣчалъ «нѣтъ». Всѣ нападки его на Виктора Гюгю не имѣютъ другаго значенія. «Воображеніе — вотъ наше знамя», говорили романтики. «Характеристическій признакъ генія составляетъ благородствіе», отвѣчаетъ имъ г. Сен-Маркъ Жирарденъ. Чтѣ же такое это благородствіе, которое знаменитый профессоръ, моралистъ и журналистъ ставитъ на подножіе и предаетъ обожанію? Мы не находимъ въ его книгѣ точнаго опредѣленія этой способности: но знаемъ то, что онъ раздѣлитъ подѣ

этими словомъ — не трудно. Это какое-то равновѣсіе между всѣми способностями души человѣческой, которыя открыты въ насъ и анализированы психологами; это общій, повседневный смыслъ, держащій въ границахъ возмѣраженіе, чувство, разумъ. Качество чисто-отрицательное, непредполагающее ни величія, ни возвышенности способностей, подводящее всѣхъ подѣ общій уровень и необходимо исключяющее гениальность, какъ что-то необыкновенное, странное среди общаго однообразія и всѣмъ-доступнаго порядка. Поддерживать такую доктрину было бы рѣшительно невозможно, еслибъ, на счастье г. Жирардена, сама французская литература не представляла періода, въ который самыя замѣчательныя люди, словацкіе общими духомъ, представляють примѣры, могущіе вести въ заблужденіе ограниченнаго и односторонняго наблюдателя. Это весь семнадцатый вѣкъ, котораго характеръ именно составляетъ эта утѣренность, старающаяся примѣниться какъ-можно-лучше къ настоящему положенію, съ тѣмъ, чтобъ не измѣнять его, удерживающая разумъ, слишкомъ-сильный въ своихъ выводахъ, подчиняющая чувство опредѣленнымъ правиламъ, общепринятымъ условіямъ приличія. И въ обществѣ и въ литературѣ направленіе одно и то же. Боссюэтъ провозглашаетъ, что «должно оставаться въ томъ положеніи, къ которому народъ приученъ временемъ», а при такомъ правилѣ, положеніе это, и тогда и теперь, есть всегда настоящее. На всѣхъ писателяхъ этого періода лежитъ одна печать: вездѣ геній подчиненъ благородствію... Но неужели Боссюэтъ, Мольеръ, Расинъ потому только гениальны, что и на нихъ имѣлъ вліяніе общій духъ времени? Ученіе г. Сен-Марка Жирардена, подѣ видомъ противодѣйствія юной школѣ, скрываетъ другую цѣль и другое направленіе, гибельное и для литературы и для общества. Это — ненависть ко всякому движенію, приписаніе съ настоящимъ, оппозиція всему новому, дѣ-

шнему, стремящемуся уничтожить и за-
мѣнить одряхлѣвшее и отжившее: это
statu quo въ литературѣ, гдѣ авторъ
приобрѣлъ себѣ почетное мѣстечко, съ
которымъ ему не хотѣлось бы разстать-
ся. Потому-то онъ и проповѣдуетъ свой
принципъ. Что такое воображеніе, стра-
сти! Благоразуміе—вогъ что составля-
етъ гевій, вотъ единственное спасеніе;
только благоразуміе даетъ истинный
взглядъ на вещи и не дѣлаетъ человѣ-
ка опаснымъ. И въ этомъ случаѣ еще
надобно дѣлать различіе, говорить
профессору, и не прельщаться благораз-
уміемъ Раблѣ, Паскаля, Вольтера: въ
этомъ родѣ благоразумія видны безпо-
койство и пропія...

При такихъ литературныхъ мѣ-
нѣяхъ, мораль Сем-Марка Жирардена
не могла быть ничѣмъ другимъ, какъ
только поклоненіемъ успѣху, оправдан-
іемъ средствъ цѣлью, а цѣль требова-
ніа личности. Это мораль, извлечен-
ная изъ опыта; правила ея — правила
практическія и полезныя: она учитъ
жить въ свѣтѣ и для свѣта; она на-
учаетъ избѣгать пороковъ и стран-
ностей, поразительныхъ для людей.
Къ чему служить преданность, само-
отверженіе, всѣ возвышенныя чувства
и благородныя движенія? Авторъ ста-
рается доказать, что они не должны
существовать, потому-что они не дѣла-
ютъ человѣка ни богатымъ странчить,
ни нотаріусомъ съ огромной практи-
кой, ни знаменитымъ банкиромъ. «Му-
дрость древнихъ», говоритъ онъ: «хо-
тея это покажется страннымъ, состо-
итъ именно въ томъ, что мы называемъ
ловкостью и умѣнемъ держать себя.
Эта мудрость—благоразуміе, это спо-
собность выпутываться изъ затруд-
нительныхъ обстоятельствъ, и, смѣю
сказать, дѣлать себѣ дорогу...»

Такое положительное направленіе
профессора литературы и морали осо-
бенно замѣчательно тамъ, гдѣ онъ го-
воритъ о призваніи литератора. Вотъ
собственныя слова его:

«Изъ всѣхъ призваній, призваніе
литератора—труднѣйшее, потому-что
нравѣ всѣхъ другихъ поддерживается

человѣка. Во всѣхъ другихъ процес-
сахъ, знаніе придаетъ силу человѣку.
Нотаріусъ ли вы, стращикъ ли, на-
дѣжъ ли, адвокатъ ли, вы имѣете спер-
ва личное достоинство, сверхъ-того,
достоинство вашего званія; знаніе на-
ше прибавляетъ вамъ вѣса, и у насъ,
вмѣсто одной, двѣ силы. Если многіе
люди бываютъ ниже своего званія, это
доказываетъ только важность разнаго
рода званій. Въ литературѣ, напро-
тивъ, званіе ничего не значить и ни-
чего не прибавляетъ къ человѣку. Че-
ловѣкъ въ этомъ званіи полагаетъ на
самого-себя, имѣетъ одно только соб-
ственное достоинство. Въ званіи ли-
тератора одинъ существенный не-
достатокъ: въ немъ нѣтъ постоянного
повышенія. Въ другихъ званіяхъ, по-
вышеніе необходимо: оно поднимаетъ
человѣка и непременно возводитъ его
выше. Собственныя усилія прибав-
ляютъ быстроты къ его успѣхамъ; но,
независимо отъ вѣжихъ усилій, самое
званіе его повышаетъ, такъ-сказать,
само-собою. По мѣрѣ того, какъ время
сглаживаетъ верхніе слѣги, какіе
поднимаются кверху, и это происхо-
дитъ во всѣхъ званіяхъ, кромѣ ли-
тераторскаго.»

Довольно этихъ выписокъ. Читате-
ли видятъ, чего можно ожидать отъ
этой книги.

L'Едурте кн 1845, par M. Victor
Schoelcher (Египетъ въ 1845 годѣ,
соч. Виктора Шѣльхера).

«Двойнй интересъ» говоритъ Шѣль-
херъ: «заставилъ меня предпринять
путешествіе на Востокъ (въ ноябрѣ
1844 года): желаніе изучить мусуль-
манское рабство, чтобъ сравнить его
съ рабствомъ на Западѣ, и наде-
жда увидѣть единственное въ исторіи
зрѣлище народа, возрожденнаго его
властелиномъ.» Авторъ думалъ, что
на берегахъ Нила происходить дви-
женіе цивилизаціи, и что великій че-
ловѣкъ мощнымъ и благотѣльнымъ
голосомъ призываетъ народъ, долгие
время томившійся въ угнетеніи, къ
свободѣ, промышленности и вслѣдъ об-

щественимъ улучшеніямъ. Наблюде-
вія его надъ рабствомъ еще неконче-
вы; теперь онъ изучаетъ этотъ фактъ
вездозрѣлой общественности въ Алжи-
ріи. Ныпѣ-вышедшая книга его посвя-
щена исключительно Египту. Стоитъ
только прочесть нѣсколько страницъ
ея, чтобъ убѣдиться въ печальной ис-
тинѣ, — именно, что Египетъ никогда
не былъ несчастьемъ, угнетеніемъ, уни-
женіемъ и безлюдіемъ, какъ подлѣ пра-
вленіемъ своего мнимаго образователя,
знаменитаго тирана Мехмеда-Али.

• Египетъ — говорить Шельхеръ:
• составляетъ частную собственность
• Мехмеда-Али: ему принадлежить
• все — деньги и люди, кромѣ имѣній, от-
• данныхъ имъ, вмѣстѣ съ жителями,
• своему семейству и своимъ любим-
• камъ.

• Чтобъ обезпечить собраніе налога,
• Мехмедъ изобрѣлъ способъ, но-
• вышюй себя ни примѣра, ни ана-
• логіи въ фивансовыхъ лѣтописяхъ,
• столь богатыхъ несправедливостями
• всякаго рода. Всѣ жители каждой де-
• реви отвѣчаютъ другъ за друга; ни-
• кто не можетъ уклониться отъ этого
• закона; отвѣтственность существу-
• етъ также между деревнями одного
• и того же округа и между различны-
• ми округами одной и той же области.
• Если на деревни нѣсколько време-
• ни лежитъ недоимка, которую сосъ-
• ди не могутъ выплатить, деревню кон-
• фискуютъ въ пользу великаго паши
• или вице-короля, со всѣми ея жителя-
• ми и принадлежащими ей землями. Это
• французское корпоральное повужде-
• ніе (*contrainte par corps*), примѣнен-
• ное въ вассамъ; лучше сказать, это
• порабощеніе цѣлаго народонаселенія,
• на которомъ лежитъ недоимка, пото-
• му-что деревня, будучи однажды кон-
• фискована, не можетъ потомъ освобод-
• ляться, хотя бы она и уплатила
• сумму залоговъ.

Мехмедъ-Али не всегда конфис-
куетъ деревни. Временъ-отъ-времени, за-
мѣтивъ какого-нибудь бѣя-мусульма-
нина, Коча или Армянина, обогативша-
гося казнимъ нибудь способомъ, онъ

T. I. — Омд. VII.

даритъ ему двѣ или три такіа деревни,
съ правомъ располагать по произволу
и людьми и вещами. Всѣ страшатся
подобныхъ подарковъ, отъ которыхъ
никто не смѣетъ отказаться, потому-
что, вмѣстѣ съ даромъ, на новаго вла-
дѣльца переходитъ обязанность пла-
тить въ казну, за эти деревни, всѣ по-
дати, не говоря уже о недоимкѣ, кото-
рую вносятъ при самомъ пожалованіи.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ
намъ дѣлать выписки изъ этого во
всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго со-
чиненія. Оно раздѣляется на двѣ ча-
сти. Однанадцать главъ, изъ которыхъ
состоитъ первая часть, имѣютъ слѣду-
ющія заглавія: налоги, правосудіе, ал-
мен и ковали, госпитали и училище
медицины, арсеналъ, образцовыя мас-
терскія, фабрики, школы, прорытіе
Суэскаго-Перешейка, феллахи, трава
людей въ Сеннаарѣ и Кордофанѣ, слу-
хи, арабская и египетская народность,
и, наконецъ, Мехмедъ-Али. Всѣ эти
главы до того любопытны, до того на-
полнены фактами, что недоступны ни
для какого разбора или извлеченія.
Вторая часть носитъ заглавіе: Путеше-
ствіе. Она состоитъ изъ тринадцати
главъ съ слѣдующими названіями: 1)
почтовые пароходы Леванта; Мальта;
2) отъ Александріи до Каира; 3) Ка-
иръ, 4) мечеть, религія; 5) Коранъ; 6)
плаваніе по Нилу; 7) Средній Египетъ;
8) племена обитателей Египта; древ-
ность египетскаго законодательства; 9)
Верхній Египетъ; 10) развалины Оивъ;
11) искусство въ древнемъ Египтѣ; 12)
муміи; 13) пирамиды.

Если время и обстоятельства позво-
лятъ, мы еще возвратимся къ сочине-
нію г. Шельхера.

ESCRIVAINS ET POËTES DE L'ALLE-
MAGNE *par* M. Henri Blaze (Писатели
и Поэты Германіи, Анри Блаза).

LES POËTES CONTEMPORAINS DE
L'ALLEMAGNE, *par* M. N. Martin (Со-
временные Поэты Германіи, Н.
Мартена).

Германія, и въ особенности ея литера-
тура, долго оставались совершенно-не-

известными Франціи. Подобное незнаніе продолжалось даже и въ восемнадцатомъ столѣтіи, которое, впрочемъ, было бесплодно и для германской литературы, представлявшей одни сколки съ произведеній писателей такъ-называемаго золотого вѣка Франціи. Хотя знаменитый Тюрго, не смотря на свои многочисленныя занятія, нашелъ время перевести «Мессіаду» Клопштока и «Смерть Авеля» Геснера; хотя въ 1790 году Постановительное Собраніе дало права французскаго гражданства Клопштоку и Шиллеру, почти не зная ихъ, но появленіе въ 1813 году известной книги г-жи Сталь «L'Allemagne» было для французской публики, можетъ-быть, болѣе-неожиданною новостію, нежели въ наше время переводы произведеній нѣкоторыхъ русскихъ писателей, которымъ Французы не могли отказать въ справедливой дани похвалъ и удивленія. Книга г-жи Сталь, не смотря на ея недостатки, положила начало и основаніе изученію ученой и литературной Германіи. Съ того времени непрерывно появлялись и продолжаютъ появляться сочиненія, статьи и переводы, показывающіе, что изученіе отдѣльныхъ направленій германской науки и литературы, богословія, философіи, права, поэзіи, романа и т. д. идетъ быстро и съ каждымъ годомъ усиливается. Понятно, какіе великіе результаты должны произойти отъ этого сближенія двухъ націй, изъ которыхъ одна всегда жила отвлеченною, исключительной жизнію умовѣнія, а другая, по самой природѣ своей, преимущественно прелъ другими общительной и симпатичной, привала на себя разясненіе ближайшихъ и непосредственныхъ интересовъ человечества, пропаганду идей и обобщеніе чувствъ и мнѣній. Сочиненія гг. Анри Блаза и Мартена, имѣющія одинъ и тотъ же предметъ, хотя оба автора смотрятъ на него съ различныхъ точекъ, заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Раздѣливъ свою книгу на двѣ части, изъ которыхъ одна посвящена поэзіи ли-

рической, а другая содержитъ въ себѣ критическіе разборы нѣкоторыхъ поэтовъ и поэтовъ, г. Блазъ, въ общемъ разсужденіи о лирической поэзіи, только дѣлаетъ оцѣнку и библиографическіе очерки преемниковъ Шиллера Гёте, но представляетъ читателю критическую исторію германской поэзіи, Lied, на которую долгое время обращали никакого вниманія, пото говоритъ онъ: «что, подобная бере-выми забывкамъ Рейна и Дунаю она прятается въ литературномъ кабинетѣ и открываетъ свою таинственную прелесть только странникамъ, поздавшимъ въ сердцахъ германской народности». Онъ опредѣляетъ, такое Lied въ Германіи, приводя примѣры ея въ различныхъ родахъ показываетъ, какъ германская поэзія родилась и развивалась въ народѣ съ четырнадцатаго до шестнадцатаго вѣка, какъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ потеряла свой національный характеръ, чтобъ снова воскреснуть прошедшемъ столѣтіи, вѣстѣ съ стрымъ движеніемъ впередъ всей германской поэзіи, — движеніемъ, во главе котораго стоитъ Гёте. Г. Блазъ береть нѣсколько поэтовъ, Гёте, Шиллера, Уланда, Фридриха Рюккерта, Юлиана Кёрнера и Эдуарда Мёрнке, общаетъ, въ какомъ состояніи ума и сердца при какихъ обстоятельствахъ они писали свои лирическіе произведения, оцѣниваетъ критически эти произведенія и, въ подтвержденіе своихъ сужденій, переводитъ нѣкоторые изъ нихъ на французскій языкъ то стихами, то прозою. Жаль только, что святивъ четыре длинныя главы о Клопштоку, Кёрнеру, Рюккерту и Мёрнке, авторъ только мелькомъ упоминаетъ другихъ поэтовъ, заслуживающихъ вниманія, — о Мюллерѣ, Антоніи Грюнѣ, Гейне, Шаниссо, Шлегелѣ, графѣ Платенѣ, Фрейлихъ, Гербегѣ и многіхъ другихъ. Вообще, г. Блазъ показываетъ себя сильнымъ приверженцемъ неопредѣленной поэзіи, которая, по его же собственному выраженію,

вится только въ известные часы, при известныхъ условіяхъ. Онъ вѣдѣтъ съ тѣмъ протестуетъ противъ поэзіи другого рода, пробуждающей въ душѣ не одиѣ идеальной мечты о лунномъ свѣтѣ, надвѣвающей странѣ и т. д., но дающей душѣ силу и энергію, необходимыя для жизни и дѣйствія. Этой-то поэзіи, поэзіи новой школы, поэзіи политической, очень не жалуется г. Блазъ.

Вторая часть сочиненія его посвящена почти-исключительно тремъ писателямъ: Жан-Полю Рихтеру, Иммерману и Лудвигу Тьку. Она оканчивается двумя краткими очерками, имѣющими предметомъ Беттину Арнимъ и Климента Brentano, Гёте и графиню Штольбергъ.

Г. Мартенъ въ своемъ сочиненіи занимается одними поэтами. Онъ также вѣдѣтъ биографіи писателей съ критическимъ разборомъ ихъ произведеній, которыя онъ отчасти переводитъ то стихами, то прозою. Будучи справедливымъ г. Блазъ въ критической оцѣнкѣ произведеній различныхъ школъ, онъ раздѣляетъ съ нимъ одинъ общій недостатокъ, — какую-то напыщенность фразы и выраженій, особенно замѣтную въ переводахъ.

Г. Мартенъ насчитываетъ между современными германскими поэтами четыре школы: швабскую, австрійскую, отличающуюся своимъ эллистическимъ характеромъ и часто успѣвающимъ соединить наивную прелесть швабской поэзіи съ скептической ироніей прусской школы, которую правильнѣе слѣдуетъ называть сѣвѣрною, наконецъ, четвертую, столько же принадлежащую сѣверу, какъ и югу, имѣющую послѣдователей вездѣ, стремящуюся поглотить всѣ прочія направленія, — словомъ, школу политическую. Всѣхъ замѣчательнѣе, по мнѣнію автора, школа австрійская: она постоянно умѣетъ удерживаться въ серединѣ между двумя крайностями, — политическимъ направлениемъ съ одной стороны и непосредственнымъ созерцаниемъ природы съ другой; она одна постоянно-вѣрна строгимъ законамъ искусства и требо-

ваніямъ поэзіи. Къ ней принадлежатъ Анастасій Грюнъ (графъ Дауерсбергъ), Ленау, Карлъ Бёкъ и Зедлицъ. Г. Мартенъ отдастъ также справедливость тремъ представителямъ сѣвѣрной школы, непримиримымъ врагамъ Франціи — Теодору Кёрнеру, Шенкендорфу и Арнауту, изъ которыхъ первый, какъ известно, погибъ съ мечомъ въ рукѣ во время борьбы за независимость Германіи. Что касается до политической школы, къ которой принадлежатъ Фрейлигратъ, Гоффманъ Фаллерслебенъ, Гервегъ и Прютцъ, то, по мнѣнію Мартена, она, какъ бызаетъ со всѣмъ на свѣтѣ, достигла уже той точки, гдѣ нѣтъ болѣе развитія впередъ, гдѣ остается одно — или умереть, или переродиться. Мысль говоритъ онъ: что политика достаточна для произведенія и поддержанія литературной школы, могла родиться только въ народѣ, стоящемъ на первой ступени политическаго существованія, когда будущность представляетъ ослабленному вѣрнію такую широкую перспективу. Но міръ политическій — міръ фактовъ; вошедъ въ него, тотчасъ замѣчаешь его непремѣнныя границы. Нельзя представить себѣ школу поэтовъ, которые, изложивъ въ болѣе или менѣе удачныхъ образахъ свои мнѣнія о человечествѣ, постоянно живутъ въ оппозиціи и гнѣвѣ. Очевидно, что муза не можетъ долго идти по этой дорогѣ. Молчаніе Гервега со времени появленія послѣднихъ его стихотвореній, принятыхъ уже не съ такимъ энтузіазмомъ, какъ прежде, столько же замѣчательно, какъ и безмолвіе Фрейлиграта въ Швейцаріи и уклоненіе отъ избраннаго поприща Гоффмана Фаллерслебена въ послѣднемъ его сочиненіи, названномъ имъ *Diavoline*. Можетъ быть, мы ошибаемся, — прибавляетъ онъ, — нарекая подобный приговоръ о будущности школы, считающей въ рѣдахъ своихъ людей полныхъ жизни и дарованія. Пусть же они докажутъ намъ, что мы обманулись въ своихъ предсказаніяхъ; мы въ этомъ охотно сознаемся при первомъ извѣстномъ про-

изведован, которое внушить имъ политика.

Рекомендуемъ оба эти сочиненія тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, по незнакомству съ вѣмецкой литературой, привуждены почерпать свѣдѣнія о ней изъ вторыхъ источниковъ.

ETUDES SUR L'HISTOIRE DE LA LOMBARDIE DANS LES TRENTES DERNIÈRES ANNÉES. MANUSCRIT D'UN ITALIEN, publié par H. Lézat de Pons (Исторія Ломбарди въ-теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, издавъ Лева де-Понсъ).

Изъ числа ежедневно-появляющихся брошюръ о различныхъ событіяхъ современной исторіи, нечуждыхъ, можетъ-быть, нѣкотораго интереса для будущаго историка нашего времени, брошюра, издаваная г. Лева де-Понсомъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Авторъ ея, имя котораго не считая нужнымъ объявлять издатель, — Итальянецъ, повинувшій отечество въ-слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ и вознамѣрившійся на чужбинѣ описать происшествія, которыхъ онъ, какъ видно изъ его разсказа, по-большой-части самъ былъ свидѣтелемъ. Его описаніе дышетъ интересомъ истины и современности. Умѣренность въ сужденіи о людяхъ — результатъ долгихъ страданій, правильный взглядъ на взаимныя отношенія государствъ и горячая любовь къ прекрасной Италіи составляютъ не послѣднія достоинства этого сочиненія, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что они рѣдко соединяются въ произведеніяхъ современныхъ публицистовъ. Брошюра раздѣляется на двѣ части; первая обнимаетъ собою эпоху Имперіи, когда могучей волей Наполеона была перестроена Италія и изъ сѣверной ея части образовано Итальянское-Королевство, уничтоженное въ-послѣдствіи на вѣскомъ конгрессѣ. Колоссальная тѣнь Наполеона мелькаетъ за учрежденіями, которымъ служило образцомъ устройство Французской монархіи, но которыя тѣмъ не менѣе сохранили юному королевству право взу-

треннаго управленія и политическую самостоятельность. Благородный характеръ вице-короля итальянскаго, принца Евгенія, выставленъ авторомъ въ надлежащемъ свѣтѣ и защищенъ отъ неправильныхъ сужденій итальянскихъ патриотовъ, слѣпыхъ протавниковъ власти, общаившей имъ спокойствіе и независимость. Во второй части описаны несчастныя попытки большею частію молодыхъ энтузіастовъ, стремившихся къ перемѣнѣ существующаго порядка и осуществленію владыкъ, за которыя они такъ дорого заплатились. Сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ слѣлать нѣсколько выписокъ изъ этой книги въ оправданіе нашего о ней мнѣнія. Впрочемъ, и выборъ изъ подобнаго сочиненія весьма-затруднителенъ, а потому намъ остается предоставить повѣрку нашихъ сужденій собственно усмотрѣнію читателя.

UN LIVRE POUR LES FEMMES MARIÉES, par l'auteur du «Mariage au point de vue chrétien». (Книга для замужнихъ Женщинъ, соч. автора книги: Бракъ съ христіанской точки зрѣнія).

IL Y A DES RAUVRES A PARIS... ET AILLEURS. Par M-me la comtesse Agénor de Gasparin (Есть бѣдныя въ Парижѣ... и въ другихъ мѣстахъ, соч. графини Аженоръ де-Гаспаренъ).

Краснорѣчивый авторъ книгъ, главія которыхъ выписаны выше, г-жа Аженоръ де-Гаспаренъ, уже извѣстна во Французской литературѣ своимъ сочиненіемъ о «Бракѣ съ христіанской точки зрѣнія». Новое сочиненіе ея отомъ же предметѣ содержитъ въ себѣ развитіе пачалъ, высказанныхъ въ прежнемъ. Вся разница только въ формѣ выраженія. «Книга для замужнихъ женщинъ» — не что иное, какъ романъ, представляющій читателю различныя положенія замужней женщины. Не смотря на трудность соединенія дидактической формы съ формою чисто-художественною, — причемъ обыкновенно терпѣтъ послѣдняя, а съ нею вмѣстѣ и читатель, и даже самъ авторъ, наводящій

своимъ сочиненіемъ скуку и стало-быть не достигающій предположенной цѣли, — не смотря на чистоту началъ и благородство намѣреній графини Гаспаренъ, книга ея много теряетъ отъ какого-то протестантскаго ригоризма и почти педантической сухости, проглядывающей тамъ-и-сямъ сквозь страницы, написанныя съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Въ одномъ мѣстѣ, авторъ возбуждаетъ даже вопросъ о томъ, возможно ли счастье въ бракѣ съ мужичной другой религіи... Безъ этихъ странныхъ односторонностей, безъ этой сухости, ставящей расчеы расудка выше благородныхъ, хотя часто опасныхъ порывовъ сердца, книга госпожи Гаспаренъ заняла бы почетное мѣсто въ библиотекѣ каждой образованной жепщины.

Второе сочиненіе автора, по собственнымъ словамъ его, «предназначается для богатыхъ». Пробудить въ сердцахъ земныхъ счастливицевъ состраданіе къ ихъ несчастнымъ братьямъ—вотъ все, чего хочетъ достигнуть г-жа Гаспаренъ. Читая ея книгу, чувствуешь, что она изучила всѣ степени бѣдности, что ей извѣстно не изъ однихъ книгъ и разсказовъ положеніе несчастнаго класса, называемаго нищимъ. Она не обвиняетъ бѣдняка въ его бѣдности и униженіи, подобно многимъ экономистамъ и претендентамъ на роль общественныхъ преобразователей; она нападаетъ на эгоизмъ богатыхъ. «Этотъ эгоизмъ, который я преслѣдую», говоритъ она: «я нашла въ собственномъ своемъ сердцѣ»,—и послѣ такого благороднаго сознанія прибавляетъ, что она больше проникнута обязанностями богатыхъ къ бѣднымъ, нежели бѣдныхъ къ богатымъ. Внимательно и безъ ложной скромности разсматривая пагубныя дѣйствія бѣдности, г-жа Гаспаренъ ищетъ, гдѣ таится этотъ адъ, и находитъ, что онъ—то подъ видомъ физическаго нужды разрушаетъ тѣло, то убиваетъ разумъ, то поражаетъ смертельными бездѣйствіемъ нравственное чувство долга. «Богачъ» говорить г-жа Гаспаренъ: «сажая за столъ,

съ удовольствіемъ говорить: у меня аппетитъ! То же говоритъ бѣднякъ, но съ ужасомъ.—Мужъ мой работаетъ, восклицаетъ жена работника: но если бы вы знали сколько онъ ѣсть! — Я страдаю, шепчетъ больной, но что всего хуже, я ѣмъ!—Мать, живущая въ довольствѣ, улыбается, глядя, какъ ея свѣжій и бодрый ребенокъ кусаетъ жирный кусокъ говядины; мать бѣдная глядитъ съ безпокойствомъ, какъ ея сынъ, блѣдный, худой и голодный захватываетъ долю хлѣба, принадлежащую его братьямъ. Послѣ работы, человекъ богатый съ восхищеніемъ думаетъ о покоѣ, о своемъ домѣ, о своемъ семействѣ. Послѣ работы, человекъ бѣдный съ грустью помышляетъ о жалобахъ дѣтей, о ропотѣ жены, о темной и голой квартирѣ, а невѣстности завтрашняго дня.»

И авторъ обходитъ всѣ углы, въ которыхъ живутъ люди, принужденные работать, начиная отъ охладѣвшей печи, около которой, вокругъ отца и матери, изнуренныхъ усталостью и нищетою, жмутся съ полдюжины блѣдныхъ, голодныхъ и дрожащихъ отъ стужи дѣтей, до одинокаго чердака, гдѣ стучитъ зубами несчастная швея, бѣдная, полуодѣтая, всѣми покинутая, съ пустымъ желудкомъ, которая непрерывной работой, едва дающей ей шесть часовъ въ сутки отдыха, не можетъ удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ.

«Если Богъ далъ ей красоту, порокъ составляетъ вокругъ нея самыя искусныя сѣти. Но, говорятъ обыкновенно, если эта дѣвушка падаетъ, то причиною тому меньше бываетъ бѣдность, нежели ея вѣтрость, тщеславіе. Работой она могла бы доставать себѣ простую пищу, скромную одежду, чистое, хотя бѣдное помѣшеніе... она мечтаетъ о пышныхъ нарядахъ, великолѣпной квартирѣ, утонченномъ столѣ, удовольствіяхъ; она мечтаетъ еще о предпочтеніи, которое будутъ оказывать ей красотѣ, объ упрямыхъ признаніяхъ, о краснорѣчивой страсти свѣтскаго чело-вѣка; развратъ открываетъ ей врата этого чувственнаго рая, она ослѣбляется, идетъ къ нему и падаетъ въ грязь... Но она

могла противостать искушению, и тогда она избѣжала бы безчестія, бѣдности. Отъ-чего же она не сдѣлала этого?

«Женщины благоразумныя, женщины серьёзныя, не-уже-ли вы забыли, какъ долго заглядывались вы на тотъ или другой уборъ?.. Развѣ вы забыли всё лишенія, перенесенныя съ геройскою твердостью... для того, чтобъ накинуть себѣ на плеча индійскую шаль или заколоть волосы какой-нибудь брильянтовой булавкой?

«И вы, невинныя, которыя дышете въ святой атмосферѣ чистоты!.. Развѣ никогда лицо ваше не рѣло румянцемъ, который не былъ ни краской негодования, ни выраженіемъ оскорбленной стыдливости? Когда одно слово, вырвавшееся у страсти, у страсти преступной, открывало вамъ, что вы любимы, билось ли тогда ваше сердце волненіемъ ужаса, смутенія, или чувствомъ тайной, задушевной радости, чувствомъ гордаго упоенія?

«Прихоти богача и прихоти бѣдняка, слабости одного и слабости другаго имѣютъ не одинаковыя послѣдствія... Въ нашихъ глазахъ это различіе не только не увеличивается, но уменьшаетъ вину бѣднаго.

«Въ-отношеніи къ бѣдняку, всё его проступки выражаютъ три слова: холодъ, голодъ, порокъ.»

Госпожа Гаспаренъ признаётъ, что большая часть проступковъ въ рабочемъ классѣ происходитъ отъ его бѣдности. Она показываетъ, какъ физическія страданія мало-по-малу отдалаютъ женатаго человѣка отъ семейства. Онъ идетъ искать забвенія въ кабаки, гдѣ не услышитъ ни жалобъ жены, ни криковъ дѣтей своихъ. Съ другой стороны, жена его, подъ гнетомъ непрерывной работы, невольно покладаетъ заботы о внутреннемъ благоустройствѣ дома, даже о чистотѣ, которыя обыкновенно влекутъ къ домашнему очагу мужчину. Въ такомъ положеніи весьма-легко доходить до ссоры, часто безъ всякой причины, безъ всякаго повода, кромѣ взаимнаго нечастія. «Усталая душа не выдерживаетъ тягости» и мало-по-малу супруги удаляются другъ отъ друга по тѣмъ же причинамъ, которыя должны бы были способствовать ихъ сближенію. По-

слѣдствіемъ такого состоянія вѣрнѣнно бываетъ совершенное оставленіе дѣтей. Счастливейшія изъ нихъ, въ самомъ раннемъ, въ слишкомъ-раннемъ возрастѣ приврѣваются въ пріютахъ. Самое большее число бродяжничаетъ по улицамъ, гдѣ убиваютъ ихъ и дурной воздухъ и еще болѣе разрушительныя дѣйствія безразличности; или наконецъ они прозабуютъ гдѣ тѣсно и душной канурѣ, гдѣ, за незначительную плату, беретъ прислуживать за ними накал-нибудь старуха, вовсе-недумающая о томъ, что она должна замѣнить имъ мать

А когда является къ работнику бѣднѣе, эта связь, всего тверже соединяющая отношенія родства и дружбы, — передъ нимъ больница: туда отправляется больной и страждетъ, умираетъ вдали отъ своихъ. Если это мать, дѣти остаются болѣе нежели когда-либо покинутыми, потому-что отецъ бѣжитъ своего грустнаго жилища; онъ ищетъ забвенія своей горести иногда даже въ порокѣ.

Разлученіе, совершенное распаденіе семейства — таково часто положеніе рабочаго класса.

Изложивъ въ разительныхъ чертахъ матеріальныя бѣдствія бѣдняка, г-жа Гаспаренъ показываетъ какъ мало-помалу нищета отдалаетъ его отъ всякой умственной жизни, отъ всякаго божественнаго луча разума.

«Работнику нѣкогда мыслить; часто у него не достаетъ для того силъ. Съ каждымъ днемъ стѣна, которую ставятъ передъ глазами его нужда, возвышается на нѣсколько линий. Скрывъ мало-помалу горизонтъ земли, она заслоняетъ постепенно все небо. Вчерашнее утомленіе, неизвѣстность о завтрашнемъ днѣ, бѣдствія сегодняшнія образуютъ вокругъ него какъ-будто густой туманъ, преломляющій прекрасные лучи солнца и давшій ему грудь. Онъ сосредоточивается самъ на себѣ, онъ уже не хочетъ разорвать цѣпи, которая быстро становится все короче и короче; онъ даже не хочетъ знать длинныя; онъ оставляетъ ее висѣть и садится, понуривъ голову къ землѣ, на которую онъ только и смотритъ.»

Но, кромѣ оцѣненія умственныхъ способностей, нѣтъ ли еще другаго бѣдствія, которое угрожаетъ бѣдному? .Есть ., отвѣчаетъ г-жа Гаспаренъ: . въ человѣкѣ не одинъ умъ: у него душа, душа нѣжная, сочувствующая, душа, поставленная между счастьемъ и вѣчными муками, душа, которой поставлено не много лѣтъ для выбора... . Что жъ! поаробуйте сказать (французскому) работнику о блаженствѣ, о силѣ, о необходимости молитвы, и онъ самъ отѣтитъ нареченіемъ, начертаннымъ Сатаной въ книгѣ жи: работать — значитъ молиться. Отсутствие молитвы ведетъ бѣдняка къ грубымъ, часто преступнымъ наслажденіямъ.

При этомъ случаѣ, безчувственные богачи, противъ которыхъ авторъ востаетъ отъ начала до конца своего сочиненія, безъ всякаго сомнѣнія возражать:

«Бѣднякъ можетъ предаваться удовольствіямъ невиннымъ; кто заставлятъ его выбирать преступныя?—Онъ самъ, вы и я, потому-что мы не доставляемъ ему наслажденій благороднѣйшихъ, потому-что даже не развиваемъ въ его сердцѣ стремленій къ нимъ; вы и я, которые забвениемъ, небрежностью, посреди нашей роскошной жизни и утонченныхъ удовольствій, позволяемъ низшимъ классамъ съ каждымъ днемъ падать ниже...»

И, говоря объ опасностяхъ подобнаго состоянія, г-жа Гаспаренъ прибавляетъ: «два общества, одно, подавленное гнетомъ работы, другое покоящееся подъ вліяніемъ свободы, одно преданное въ жертву нищетѣ, другое пресыщенное матеріальнымъ благоденствіемъ; одно совращенное съ пути ко всякому высшему стремленію, другое болѣе и болѣе развивающее умственные способности, — два общества столь глубоко различныя не могутъ долго оставаться въ единствѣ. Пропасть развертается между ними... Эту пропасть всѣ видятъ, всѣ ея пугаются. Стараются соединить берега ея и для этого кидаютъ черезъ глубину два моста: *ложными мечтаниями и ложными средствами.*

Вѣлчайшее изъ ложныхъ мечтаний состоитъ въ томъ, что отвергаютъ

существованіе бѣдности. Ложныхъ средствъ, которыми думаютъ ее уничтожить, много. Госпожа Гаспаренъ въ подробности разбираетъ ихъ, показываетъ ихъ недостаточность и наконецъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, какъ помочь вѣду, котораго она однако не видитъ возможности уничтожить. Вотъ ея слова:

«Пусть услытся личное, прямое вмешательство бѣднымъ; пусть каждая достаточная женщина посвятитъ часть своего достоянія, часть своего времени, часть своего сердца на вспоможеніе бѣднымъ. Пусть каждая изъ нихъ проводитъ въ убѣжищахъ нишеты, куда она пригласитъ, виждѣтъ съ матеріальнымъ пособіемъ, наставленія религіи и образованности, тѣ часы, въ которые она занята пустыми уборами, опасными удовольствіями, суевѣнымъ досугомъ.

«Иудеи посвящали пятую долю своего имущества Богу. Мы, христіане, спасенные любовью, какую часть посвящаемъ ему? Еслибъ наша щедрость равнялась щедрости еврейскаго народа, Христосъ не страдалъ бы больше въ лицѣ нищихъ.»

Такова книга г-жи Гаспаренъ. Нельзя не отдать справедливости благороднымъ намѣреніямъ автора, краснорѣчію, съ которымъ она защищаетъ слабого и бѣднаго, мастерскому изложенію предмета и множеству прекрасныхъ мыслей, вѣрныхъ замѣчаній. Чтеніе этой книги и занимательно въ высшей степени и полезно. Но разрѣшаетъ ли благородная писательница такъ прекрасно-поставленную ею задачу? Какимъ-образомъ произвестъ нравственный переворотъ, котораго она требуетъ? Кто заставитъ счастливица помянуть свой эгоизмъ и равнодушіе къ чужимъ бѣдствіямъ? кто превозможетъ его предубѣжденія и страхи?.. Г-жа Гаспаренъ какъ-будто хочетъ, чтобъ бѣдность существовала вѣчно, чтобъ дать богачу случай упражняться въ щедрости и добродѣтели. Нѣтъ сомнѣнія, что богатые не мало выиграютъ въ нравственномъ отношеніи, слѣдуя совѣтамъ автора; но въ равной ли степени выиграетъ бѣдный? И если

нѣсколько человѣкъ будутъ спасены подобными средствами, то эти средства останутся недостаточными для общества, для цѣлой семьи человѣчества.

Книгѣ г-жи Гаспаренъ предстоитъ счастливая участь: проникнуть въ гостиница, она напомнитъ о забытыхъ обязанностяхъ, въ лачугахъ нищеты она возбудитъ надежды.

ÉTUDES SOCIALES par M. de Potter
(Исследование Общественнаго Устройства, соч. Поттера).

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ бельгійскихъ экономистовъ, хотя труды его, по какой-то необъяснимой странности, очень мало известны даже во Франціи. Книга его — сборникъ статей, печатавшихся почти ежемѣсячно, начиная съ 1840 года, въ бельгійскихъ временныхъ изданіяхъ. По мнѣнію его, мы живемъ въ эпоху сомнѣнія, исследования и рационализма. Отнынѣ только наука должна руководить убѣжденіями и открыть истинныя начала для существованія общества, которыя должны быть началами справедливости, идеальной, абсолютной справедливости. Приводить эту справедливость въ дѣйствіе въ человѣческихъ обществахъ, принадлежитъ правительству.

Не смотря на прекрасное направленіе этой книги, у автора ея часто замѣтенъ недостатокъ ясности и опредѣленности въ мысляхъ, логической послѣдовательности въ выводахъ. Возбуждая множество вопросовъ, онъ ихъ не разрѣшаетъ; говоря о справедливости, требуя абсолютной справедливости, онъ не опредѣляетъ, чего требуетъ абсолютная справедливость и въ какомъ положеніи общества каждый изъ его членовъ по необходимости долженъ соблюдать, приводить въ дѣйствіе справедливости. Безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, книга не представляетъ учёной полноты, — а одна жизнь практическая не удовлетворяетъ и никогда не удовлетворитъ справедливымъ желаніямъ людей благомыслящихъ.

UN TOUR EN IRLANDE, par M. Joseph Grévoat (Повѣдка въ Ирландію, Жозефа Превѣ).

Въ послѣднее время, столько писали объ Ирландіи книгъ, книжекъ, брошюръ и статей, гдѣ ее судили и вкривъ и вкосъ и вдоль и поперекъ, что «Повѣдка» г. Превѣ съ перваго раза возбуждаетъ невольныя сомнѣнія. По счастью, эти сомнѣнія скоро растворяются при чтеніи книги. Это не политическій памфлетъ и не «путевыя впечатлѣнія», которыми такъ долго угощали публику французскіе литераторы, часто не выходя изъ дверей своего кабинета. Въ этомъ отношеніи, въ литературной честности г. Превѣ нельзя сомнѣваться: книга его скорѣе похожа на журналъ образованнаго и наблюдательнаго туриста, постоянно занимательный, часто насмѣшливый. Кромѣ этихъ достоинствъ, она отличается простотою изложенія и прекраснымъ, правильнымъ языкомъ, который становится все рѣже и рѣже во Франціи, благодаря трескучимъ фразамъ и откупному перу знаменитыхъ романистовъ,

De tous ces balladins qui dansent sur la phrase.

Авторъ умѣлъ придать своей книгѣ значеніе не минутнаго литературнаго произведенія, которое столь же легко прочитывается, какъ скоро забывается: онъ собралъ мѣстные преданія, народныя легенды Ирландіи и вводитъ читателя во внутреннюю поэтическую жизнь народа, знакомитъ съ его старыми вѣрованіями, языческими суевѣріями, иногда мрачными, чаще увлекательными, которыя вѣроятно вліяли нѣкогда, подъ звуки народной лютни, бардами, учениками и преемниками друидовъ.

RECHERCHES SUR LA SITUATION DES ÉMIGRANTS AUX ÉTATS-UNIS DE L'AMÉRIQUE DU NORD, par le baron A. von der Straten Ponthos (Исследования о положеніи эмигрантовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ Северной Америки, барона фон-дер-Стратенъ Понтоса).

Съ 1790 по 1845 годъ, въ Америку переселилось изъ Европы, какъ показывают таможенные реестры, 2,063,727 человекъ. Это исчисленіе, разумѣется, только приближительное, хотя оно и основано на оффиціальных документахъ; во-первыхъ, невѣроятно, чтобы въ теченіи пятидесяти лѣтъ можно было безошибочно исчислить, сколько иностранцевъ прибыло во всѣ порты Соединенныхъ-Штатовъ; во-вторыхъ, это исчисленіе, какъ дозвано было на дѣлѣ, почти совершенно невозможно на судоутныхъ границахъ, которыхъ огромное протяженіе препятствуетъ всякому правильному надзору,—такъ-что число всѣхъ переселенцевъ, нимаю не преувеличивая, можно положить по крайней-мѣрѣ до трехъ милліоновъ. Въ послѣднее время, переселеніе цѣлыхъ семействъ и переводъ капиталовъ значительно увеличились. Менѣе, нежели въ четыре года, начиная съ 1841 до сентября 1844, число европейскыхъ колонистовъ простиралось до 320,759 человекъ, изъ которыхъ было 200,237 Англичанъ, 72,031 Нѣмецъ, и т. д. Съ 1837 по 1839 годъ въ Соединенные-Штаты переселилось 18,937 Баварцевъ, которые привесли съ собой капиталъ въ двадцать-пять милліоновъ. Это движеніе народонаселенія и капиталовъ въ-особенности должно интересовать сѣверныя государства Европы. Эмиграція преимущественно происходитъ изъ Англіи, Германіи и Бельгіи. Многія правительства, и особенно бельгійское, обратили вниманіе на это важное обстоятельство и стараются изслѣдовать движеніе и результаты европейской колонизаціи Америки. Съ этою цѣлю, баронъ фон-дер-Стратенъ Поитосъ, первый секретарь бельгійской миссіи въ Вашингтонѣ, осматривалъ всѣ поселенія, развѣдывая по восточнымъ и сѣвернымъ штатамъ Союза. Онъ объѣхалъ Пенсильванію, Питтсбургъ, Цинциннати и Дроливъ, потомъ Мичиганъ и Висконсинъ; спустившись къ югу, онъ достигъ берега Миссиссипи, штаты Миссури, Иллиноа и Огіо. Въ этихъ

T. L. — Отд. VII.

поѣздкахъ онъ изучилъ положеніе европейскихъ переселенцевъ, ихъ отношенія къ гражданамъ Сѣвероамериканскаго-Союза, ихъ связи съ цивилизованными Индійцами сѣверныхъ штатовъ, ихъ политическое устройство, способы и промышленное развитіе различныхъ земледѣльческихъ поселеній, расположенныхъ въ лѣсахъ и дугахъ новаго свѣта передовыми постами цивилизаціи. Возвратясь въ Вашингтонъ, г. фон-дер-Стратенъ Поитосъ собралъ наблюденія свои въ книгѣ, которую можно назвать ручною кникою эмигранта въ Сѣверную-Америку.

Авторъ сперва излагаетъ въ ней исторію эмиграціи, потомъ нынѣшнее ея положеніе. Два закона опредѣляютъ политическое состояніе иностранцевъ, поселяющихся въ Соединенныхъ-Штатахъ: законъ отчужденія федеративной собственности, по которому нмъ дается во владѣніе земля и опредѣляются условія этого владѣнія, и другой —законъ натуразаціи, дающій имъ званіе и права американскаго гражданина. Авторъ объясняетъ главнѣйшія распоряженія этихъ законовъ и показываетъ выгоды, въ которыхъ заранѣе можетъ быть утѣренъ европейскій переселенецъ. Онъ на этомъ не останавливается: эмигрантъ долженъ знать всѣ случаи, всѣ испытанія, всѣ опасности, которые ожидаютъ его во время переселенія. Авторъ, можно сказать, беретъ бельгійскаго или германскаго фермера за руку и ведетъ его отъ самой гавани, въ которой онъ вышелъ на берегъ, до окончательнаго мѣста его назначенія; онъ все предвидитъ, открываетъ ему всѣ нападенія, которыя онъ долженъ будетъ выдерживать со стороны рекрутскихъ наборщиковъ, капитановъ кораблей и проч. Въ книгѣ его означена плата за переездъ въ Америку, цѣны товаровъ и мѣстъ на желѣзной дорогѣ. Наконецъ, для европейскаго переселенца представляется вопросъ о томъ, какъ поселиться. Г. фон-дер-Стратенъ Поитосъ разбираетъ различное устройство ев-

1/2

ропейских поселений и, не рѣшая вопроса окончательно, даетъ однако почувствовать, что скорѣе всего можно ожидать прочныхъ выгодъ и существенныхъ улучшеній отъ такого устройства поселенія (agglomération), которое бы давало свободу личности колониста и скрѣпляло общество на подобіе семейства.

LES ISRAËLITES DE POLOGNE, par Léon Hollaendersky (Польскіе Евреи, соч. Л. Голлендерскаго).

Извѣстно, что ни въ одномъ государствѣ Европы нѣтъ такого множества Евреевъ, какъ въ Польшѣ. По вычисленію г. Голлендерскаго, ихъ считается въ настоящее время до двухъ съ половиною милліоновъ. Историки не согласны между собою во времени, когда они въ первый разъ населили Польшу: одни полагаютъ, что это было въ XI вѣкѣ; по мнѣнію другихъ, гораздо ранѣе, а нѣкоторые даже полагаютъ, что Евреи жили уже въ Польшѣ при самомъ основаніи королевства. Впрочемъ, этотъ вопросъ не имѣетъ большой важности. Извѣстно съ достовѣрностью, что въ то время, когда несчастныхъ Евреевъ всюду преслѣдовали и истребляли, Польша сдѣлалась для нихъ безопаснымъ убѣжищемъ, гдѣ они могли жить въ покоѣ и заниматься различными промыслами. Большая часть ихъ переселилась изъ Германіи, гдѣ они были преслѣдуемы рыцарями-меченосцами. Они получили многія привилегіи, и документы тринадцатаго вѣка (1203 и 1207 г.) свидѣтельствуютъ, что они могли владѣть даже поземельною собственностью. Однимъ изъ ревностѣйшихъ ихъ покровителей былъ Казиміръ-Великій. Этимъ покровительствомъ они обязаны были прекрасной Еврейкѣ, извѣстной полъ именемъ Эстерки, которая умѣла внушить королю страстную любовь къ себѣ. Подъ

защитою мудрыхъ законовъ этого монарха, они основали города и мѣстечки, завели ремесла и обогатили страну, обогатясь выѣсть съ тѣмъ сами. Со смерти этого государя, началась для нихъ эпоха несчастія и преслѣдованій. Прежде они носили одинакое платье со всѣми, но, по смерти Казиміра-Великаго, обязаны были носить желтые колпаны, чтобъ ихъ можно было узнавать съ перваго взгляда. Фанатизмъ католическаго духовенства, ничѣмъ-неудерживаемый, началъ преслѣдовать ихъ съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ. Черны, обманутая ложными внушеніями возбуждаемая проповѣдями, стала позволять себѣ противъ несчастныхъ Евреевъ всякаго рода неистовства; были примѣры, что ихъ убивали во юности, не щадя ни возраста, ни пола. Введеніе въ Польшу иезуитовъ было новымъ несчастіемъ для Евреевъ, точно такъ же, какъ и для всего государства. Они показали себя самыми злѣйшими врагами этого несчастнаго народа и всѣми мѣрами препятствовали сравненію правъ его съ правами другихъ подданныхъ.

Книга г. Голлендерскаго есть краткая исторія польскихъ Евреевъ съ самою утвержденіемъ ихъ въ государствѣ до нашего времени. Въ ней собраны любопытныя свѣдѣнія о ихъ вышнемъ положеніи, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, о сектахъ, на которыя они раздѣлены, и проч. Авторъ является жаркимъ партизаномъ эманципаціи этого несчастнаго народа, который еще въ большей части Европы составляетъ какую-то касту паріевъ. Къ книгѣ его присоединено введеніе, написанное съ жаромъ и увлеченіемъ И. Чарскія, сдѣлавшимся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ревностнымъ адвокатомъ польскихъ Евреевъ и посвятившимъ этому дѣлу все свое дарованіе.

VIII.

С И Б С Ъ,

БИОГРАФІИ.

ВИРЕЙ.

Вирей (Жюльенъ-Жозефъ) родился въ 1775 году. Отецъ его, нотаріусъ въ мѣстечкѣ Ортъ, близъ Лангра, неунынно заботился о его воспитаніи. Вирею не суждено было въ первые годы молодости спознаться съ злою вулгою, крайностью, дающею такіе здоровые, а иногда и гибельные толчки, отъ которыхъ уходитъ цѣль и впередъ только человекѣкъ могучей, исключительной природы. Съ раннихъ лѣтъ обнаружилась въ немъ склонность къ тихому, уединенному размышленію и страсть къ ученію. Достатокъ родителей и личныя способности — вотъ данныя, ручающіяся за успѣхи молодого человекѣка въ первоначальномъ образованіи, въ этой авальгантѣ точныхъ и практическихъ наукъ и пріятныхъ или, какъ ихъ называютъ у насъ, свободныхъ искусствъ, составляющей общій, предвзрительный курсъ. Окончаніе этого курса Французы выражаютъ словами *faire ses humanités*, какъ-бы давая тѣмъ понять, что только тогда чело-

вѣкъ способенъ вступить въ сферу общечеловѣческихъ интересовъ, проявить свою личность и самостоятельность, когда общество надѣлитъ его необходимыми познаніями, сдѣлаетъ его участникомъ наслажденій, составляющихъ общее достоинствѣ: многими словами — дастъ возможность преслѣдовать истину въ наукѣ и сочувствовать и служить прекрасному въ искусствѣ, — короче, когда общество *сдѣлаетъ его человекѣкомъ*. Роль человекѣка, какъ дѣятеля самостоятельнаго, начинается уже по полученіи первоначальнаго образованія; безъ него, онъ существо неполное, пассивное, обиженное, ободенное обществомъ, гдѣ онъ ищетъ и наслажденій, онъ, которому отказано въ первыхъ благахъ существа мыслящаго — въ образованіи!...

Биографія Вирей замѣчательна, между прочимъ, именно тѣмъ, что во всей жизни этого ученаго можно видѣть благотворное вліяніе первоначальнаго образованія, которое онъ получилъ стараніями отца въ такую эпоху, когда вопросы о правахъ человекѣка на обезпеченность и наслажденія не были въ ходу и интересовали очень-немногихъ.

Въ то время, когда Вирей окончивалъ свое воспитаніе и оставался въ нерѣшимости — на что посвятить свою дѣятельность, революція вспыхнула и обхватила во всѣхъ концахъ Францію. Въ пору общественнаго кризиса, нечего было и думать о карьерѣ выгодной и наиболѣе-сообразной съ склонностями и способностями человѣка: шаткость настоящаго и неизвѣстность будущаго озадачивали каждаго. При такомъ положеніи дѣлъ, Вирей, неизвѣстно почему, посвятилъ себя фармаціи, и когда повсюду запылала война, когда Франція потребовала отъ своихъ гражданъ крови и талантовъ, онъ вступилъ въ армию аптекаремъ, былъ въ походахъ, испыталъ всѣ трудности войны и, наконецъ, поступилъ въ страсбургскій военный госпиталь.

Въ это время, одинъ изъ членовъ военнаго медицинскаго совѣта въ Парижѣ, былъ человѣкъ, замѣчательный рѣдкими качествами души и необыкновенною любовью къ человѣчеству. Этотъ знаменитый человѣкъ, который, при жизни, не только не былъ оцѣненъ, но даже терпѣлъ насмѣшки и гоненія, и въ честь котораго теперь воздвигаютъ памятникъ, искалъ и поддерживалъ молодыхъ людей съ познаніями и любящихъ свое дѣло. Онъ оцѣнилъ Вирея, призвалъ его въ Парижъ и помѣстилъ его въ качествѣ фармацевта при военномъ госпиталѣ Вальде-Грасъ.

Знаменитый Пармантьё не ошибся въ выборѣ. Находясь въ столицѣ и имѣя подъ рукою всѣ средства къ дальнѣйшему образованію, молодой Вирей весь предался наукѣ: пламенно, настойчиво началъ онъ трудиться на учебномъ поприщѣ, и послѣдующая дѣятельность его характеризуется этимъ неуклоннымъ, страстнымъ служеніемъ наукѣ: проводя цѣлые дни въ библіотекахъ, музеяхъ и госпиталяхъ, или въ химическихъ и фармацевтическихъ лабораторіяхъ, онъ не зналъ удовольствій свѣтской жизни: — его радости опредѣлялись успѣшнымъ опытомъ, оправданной догадкой; его торжества,

его нравственное благосостояніе и вѣсѣли отъ хода ученыхъ работъ; онъ счастливъ былъ свѣтлой мыслью, разрѣшающей темныя, несогласныя дотолѣ факты; его спокойствіе и довольство закрѣпились успѣшнымъ преслѣдованіемъ истины, и все несоприкасающееся съ естественными науками, все противорѣчащее созерцательной жизни — не существовало для Вирея. Современникъ его, ученый и остроумный Шомстонъ, врачъ при военномъ госпиталѣ въ Дельфтѣ, постоянно удивлялся ему, и, позволивъ себѣ маленькое отклоненіе отъ ученыхъ занятій въ пользу какого-нибудь свѣскаго удовольствія, называлъ себя «развратнымъ», «гулякой» въ сравненіи съ Виреемъ. Замѣчательно, однакожь, что созерцательная жизнь не привела Вирея ни къ одной изъ тѣхъ крайностей, къ которымъ болѣею частью приводитъ она труженниковъ науки. Отличительная черта его методы — гармонія опыта съ умозрѣніемъ.

Есть люди, поражающіе своею огромною и разнообразною эрудиціей, и при всемъ томъ неумѣющіе совладать со своими познаніями, пустить ихъ въ ходъ, примѣнить къ дѣлу. Не таковъ былъ Вирей. Появленіе въ свѣтъ его сочиненій показало, что онъ не только обладалъ глубокими и многообразными свѣдѣніями, но и умѣлъ воспользоваться плодами своихъ многолѣтнихъ трудовъ и наблюденій, умѣлъ и передать ихъ другимъ въ формѣ увлекательной и общепонятной. Первый успѣхъ въ ученомъ мірѣ поощрилъ его, и съ-тѣхъ-поръ, въ-продолженіе сорока лѣтъ, онъ не оставлялъ уже литературнаго поприща, и всѣ разнообразныя сочиненія его по части химіи, натуральной исторіи, медицины и философіи, были принимаемы публикой съ восторгомъ. — Правда, имя его не соединяется ни съ какими громкими открытіемъ: онъ не бросилъ въ свѣтъ ни одной поражающей идеи, не достигъ въ ходъ замысловатой шпитезы, не создалъ блестящей и оригинальной системы; за то онъ оставилъ по себѣ

многих свѣтлыхъ мыслей, основательныхъ положеній, и въ сочиненіяхъ своихъ — образецъ слога, соединяющаго опредѣлительность и точность, необходимую въ ученюмъ трактатѣ, съ живостью и изяществомъ изложенія.

Людей, посвятившихъ себя наукѣ, можно раздѣлить на два класса: одни изъ нихъ одарены силою наблюдательности и анализа, другіе надѣлены животворящею силою воображенія. Вирей принадлежалъ къ послѣднимъ. Не вдаваясь въ пріямые наблюденія и подробныя изслѣдованія и углубляясь философски въ большую часть вопросовъ науки, онъ предался изысканію началъ, составляющихъ ея душу.

Видя, что наука постоянно блуждаетъ и занутовывается отъ исключительности приверженцевъ опыта и враговъ всякаго обобщенія и умозрѣнія, находя направленіе ихъ ложнымъ, онъ воествовалъ противъ нихъ упорно, съ жаромъ, повторя слова одного изъ новѣйшихъ писателей: «остерегайтесь, бойтесь, бѣгите умственной дремоты».

Въ то же время, не зная исторіи науки, не понимая значенія ея въ прошедшемъ и отношеній къ настоящему, — въ глазахъ Вирей значило отказать отъ сужденія о современной наукѣ. Онъ глубоко постигалъ эту истину. Но, постигая ее, онъ не сдѣлался эрудитомъ въ томъ непріятномъ смыслѣ, какой получаетъ это слово, когда относятъ его къ людямъ, удовлетворяющимся знаніемъ всѣхъ сочиненій, писанныхъ когда бы то ни было и какъ бы то ни было по такому-то предмету, всѣхъ мнѣній, выраженныхъ учеными отъ начала науки до настоящей минуты, всѣхъ анекдотовъ библиографическаго міра и т. п. Въ сочиненіяхъ его, вслѣдъ за историческимъ изслѣдованіемъ вопроса, всегда встрѣтите вы собственное его мнѣніе о предметѣ, мнѣніе совершенно-оригинальное, замечательное особенностями его ума. Эти особенности опредѣляются при чтеніи Вирей: вы чувствуете, что преобладающею въ немъ

склонностью было все-таки умозрѣніе, котораго порывы сдерживалъ онъ по требованію здраваго смысла не безъ сожалѣнія. Умъ его чувствовалъ себя на просторѣ только подъ широкимъ горизонтомъ, любилъ или обозрѣвать самый этотъ горизонтъ, или смотрѣть на дробныя явленія не иначе, какъ съ высоты, отстоящей на одну линію отъ сферы, недоступной человѣческому познанію. Горько было ему сознавать предѣлы философскаго изученія природы; но утвердившись въ этомъ сознаніи, онъ изливалъ мучительную, заглавную тоску свою на человѣческой ограниченности на синтетическомъ изученіи самыхъ мелкихъ частныхъ. Убѣжденный, что сущность жизни навсегда останется загадкой для человѣка, онъ утѣшался мыслью, что въ послѣдней казавкѣ можно изучить условія проявленія этой сущности точно такъ же, какъ въ совершеннѣйшей изъ земныхъ тварей. Часто, однакожь, естественная склонность доводила его до самоудовлетворенія, возбуждающаго жалость: не позволяя себѣ *объяснять* необходимаго, онъ не могъ отказаться отъ невиннаго удовольствія *опредѣлять* его словами. Встрѣчая такіа опредѣленія, вы не скажете, чтобъ они доказывали незнаніе предѣловъ синтетической способности, но не можете не сказать, что они рѣшительно ни къ чему не ведутъ. Вникните въ источникъ этого голословія, и вамъ сдѣлается жаль живаго человѣка, который, кажется, говоритъ вамъ умоляющимъ голосомъ: «будьте такъ добры, позовольте мнѣ только опредѣлить это слово — я всталъ, изнылъ отъ мысли, что ни я, ни вы, никто въ свѣтѣ не *объяснитъ* предмета, который оно означаетъ».

Жизнь говоритъ Вирей: не принадлежить индивидууму: это влага безсмертія, которая возвращается такою же, какою почерпнута изъ неиссякаемаго источника времени; она въ самой-себѣ заключаетъ зародышъ разрушенія и терлется при со-

«общеніи». Подобныхъ фразъ можно насчитать довольно-много у Вирей.

Такимъ-образомъ, не упуская изъ вида ни фактовъ, ни наблюдений, Вирей, во многихъ своихъ произведеніяхъ, уноситъ читателя въ страны облачныя, показываетъ ему неизвѣрный горизонтъ, поражаетъ его высокими идеями, но все это представляеть ему издали, въ туманѣ. Отвлеченная мысль его утончается иногда до самаго высокаго спиритуализма, въ сущности всегда утопительнаго и безполезнаго, и гдѣ думаешь найти истину, на чемъ-нибудь основанную, гдѣ надѣешься встрѣтить по-крайней-мѣрѣ нѣкоторое вѣроятное, тамъ вдругъ видишь у него однѣ догадки и довольно-темныя, сбивчивыя выводы.

Тотъ же самый недостатокъ замѣчаемъ мы и въ слогѣ его сочиненій. Больше-склонный къ кабинетнымъ занятіямъ, Вирей писалъ увлекательно и щеголевато. Мечтательность и спиритуализмъ постоянно отзывались и въ его способѣ выраженія: онъ часто позволялъ себѣ черезъ-чуръ смѣлыя поэтическія сравненія, которыя не только не уясняютъ главной мысли, но скорѣе затемняютъ ее. Притомъ, въ слогѣ натуралиста-философа можно найти и другой болѣе-существенный недостатокъ, происходящій изъ образа его занятій. Смотря на наблюдения и опыты единственно какъ на неизбежное условіе, какъ на горькую необходимость, и предпочитая имъ умозрѣніе, онъ впадалъ въ крайность, общую большей части ученыхъ, которые, чувствуя живую, обиходную рѣчи, приываютъ писать языкомъ ученыхъ, т. е. созданнымъ учеными, и потому-самому неудовлетворительнымъ и непонятнымъ для читателя, непосвященнаго въ тайны ученой терминологіи и выраженій, освященныхъ наукою. Не смотря на эти недостатки, всѣ сочиненія Вирей, многочисленныя статьи, разбѣяныя имъ по разнымъ журналамъ, и его *Dictionnaire des Sciences Médicales* читались съ удовольствіемъ:

литературная и ученая извѣстность Вирей возрастала съ каждымъ днемъ, — примѣръ рѣдкій въ тогдашнее время.

Литературная дѣятельность не отклонила, однако, Вирей отъ занятій, сопряженныхъ съ избранною имъ службою. Будучи отличнымъ фармацевтомъ и химикомъ, онъ рѣшился сдѣлаться докторомъ медицины, и въ 1811 году дѣйствительно получилъ эту ученую степень. Его разужденіе: *Ephémérides de la vie humaine*, писанное по этому поводу, замѣчательно какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Это новое произведеніе сдѣлало его еще болѣе-извѣстнымъ какъ врача, такъ-что, еслибъ онъ тогда не посвятилъ себя практикѣ, какъ фармацевтъ или какъ врачъ, то, пользуясь лестною довѣренностью и служебною славою, могъ бы составить себѣ большое состояніе. Не такъ думалъ Вирей. Его высшее наслажденіе, его первая потребность — было постоянное, неуклонное занятіе наукою. Онъ рѣшился сдѣлаться профессоромъ, и въ 1815 г. дѣйствительно читалъ въ Атеней курсъ естественной исторіи.

Нѣсколько дѣтъ спустя, Институтъ и Фармацевтическая Школа назначили ему катедру фармаціи, однако правительство, невѣдѣно почему, отказало ему. Съ учрежденіемъ Королевской Медицинской Академіи, будучи въ числѣ ея основателей, онъ занялъ въ ней должность секретаря по части фармаціи, потомъ, послѣ событій 1830 г., избранъ депутатомъ отъ Департамента-Верхней-Марны и присутствовалъ въ Палатѣ, въ свое время получилъ званіе кавалера ордена почетнаго легіона, а потомъ сдѣланъ былъ офицеромъ этого ордена. Впрочемъ, онъ недобивался ни мѣстъ, ни наградъ, и выполнялъ обязанность депутата совѣстливо, искренно. Свободная, звучная, выразительная рѣчь, одушевленные жесты, увлеченіе, которому во-всѣхъ случаяхъ противился слушатель, которое склоняетъ, покоряетъ его ин-

шнѣ — вотъ качества, необходимыя для оратора. Природа отказала въ этихъ дарахъ Вирею. Его умъ, напротивъ, требовалъ полнаго спокойствія. Онъ одушевлялся только тихимъ и глубокииъ размышленіемъ, и тогда-то выказывалась во всемъ блескъ его глубокая, многосторонняя ученость.

Такое настроеніе ума объясняется характеромъ Вирей и затворническою жизнью, которую онъ велъ въ молодости. Постоянное уединеніе развило въ немъ какую-то дикую робость, которую вообще отличаютъ люди, отчужденные отъ общества и исключительно посвятившіе себя занятіямъ кабинетнымъ.

Въ-послѣдствіи, принятый въ число фармацевтовъ, между которыми много было людей образованных и достойныхъ уваженія, Вирей могъ бы легко разстаться съ неровностью и шероховатостью своего характера, могъ бы узнать поближе людей, сблизиться съ ними, усвоить себѣ ихъ мнѣнія и образъ жизни. Но и это обстоятельство не имѣло на него никакого вліянія. По природѣ осторожный, онъ, не смотря на то, никогда не могъ усвоить себѣ ту мудрую опытность, ту практическую спорность въ дѣлахъ и отношеніяхъ съ людьми, которую, Богъ знаетъ почему, многіе называютъ званіемъ, — не могъ приобрести необходимый въ жизни тактъ, слѣдя къ которому, человекъ вѣрить только тому, чему выгодно вѣрить, понижаетъ только то, что пріятно и лестно ему понимать...

Напротивъ, Вирей принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, однажды составивъ себѣ правила жизни, рѣдко отступаютъ отъ нихъ. Жизнь эта, столь однообразная въ нравственномъ отношеніи, была выраженіемъ его образа мыслей и его особеннаго взгляда на вещи. Онъ имѣлъ доброе сердце, былъ простодушенъ и ласковъ въ обращеніи, но ему какъ-будто не доставало внутренней теплоты: онъ неспособенъ былъ къ увлеченію, — недостатокъ, болѣзненно отзывавшійся въ

сердцѣ человека, проникнутаго любовью, когда наглядитъ онъ его въ своемъ ближнемъ, которому готовъ былъ открыть свою душу, повѣдать скорби и радости... Вирей съ удовольствіемъ читалъ хорошія сочиненія и судилъ о нихъ безпристрастно. Когда случалось, что кто-нибудь не соглашался съ нимъ въ мнѣніяхъ, и противорѣчіе касалось важнаго вопроса, онъ возражалъ всегда скромно, хотя и съ особеннымъ жаромъ защищалъ свои убѣжденія. Иронія никогда не была его орудіемъ; онъ предпочиталъ прямое, непосредственное доказательство, — и сильны, убѣдительно бывали его доводы.

Что касается до его физическаго природы, то, должно сознаться, ничто не обличало въ немъ, особенно въ-послѣдніе годы его жизни, талантливаго писателя, котораго всѣ читали съ наслажденіемъ. Дородность тѣла, тяжелая поступь, неуклюжая походка его — поражали съ перваго взгляда. Нельзя было предположить, чтобъ въ этой круглой и простой головѣ, подъ этимъ черепомъ, довольно мало развитымъ, заключалась цѣлая энциклопедія знаній. Лицо его не имѣло особеннаго выраженія, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не отражались ни умъ, ни достоинства его; надо было приподнять эту кору, чтобъ найти тамъ огромное вмѣстительство знаній, ума и воображенія.

Не смотря на постоянныя занятія, Вирей, надѣленный отъ природы крѣпкимъ сложеніемъ, долго пользовался совершеннымъ здоровьемъ, пока наконецъ не былъ пораженъ одышкой и біеніемъ сердца. «Mors ostia pulsat» говаривалъ въ подобныхъ случаяхъ Багдиви (такъ рано похищенный смертію). Наконецъ, смерть пробилась, и Вирей слѣдала жертвою легочнаго апоплексическаго удара. Онъ умеръ 9-го марта 1846 года. *Modicum plora super mortuum, quoniam requievit.*

КАРТИНЫ ИЗЪ ИТАЛІИ.

Чарльза Диккенса.

(Статья вторая.) (*)

Итальянское сновидѣніе (Венеція).

Я ѣхалъ нѣсколько дней, останавливаясь венадолго по ночамъ и вкогда днемъ. Скорая и непрерывная послѣдовательность мелькавшихъ мимо меня новыхъ мѣстъ вращалась въ моей памяти, какъ круговая цѣпь полуобразовавшихся сновъ; множество разнообразныхъ предметовъ перемѣшивалось въ моемъ воображеніи, пока я подвигался впередъ по удивительной дорогѣ. По-временамъ, нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто пріостанавливались въ своемъ неутомномъ и беспорядочномъ движеніи, и тогда я могъ разглядывать ихъ совершенно-ясно; потомъ они расфѣвались, какъ въ волшебномъ фонарѣ — одна часть ихъ казалась попрежнему ясною, другая до половины подернута туманомъ, а нѣкоторые пропадали совершенно, и изъ-за нихъ выказывались мнѣ мысленнымъ взоромъ отрывки совершенно-другихъ картинъ, которыя снова, едва успѣвъ показаться, исчезали и опять уступали свое мѣсто другимъ предметамъ.

Разъ мнѣ показалось, что я стою передъ бурными, старыми, угрюмыми церквами Модены. При разглядываніи чудовищъ, украшавшихъ ихъ паперти, мнѣ почудилось, что я ихъ вижу отдѣльно на тихой площади Падуй, противъ ея стариннаго университета: тогда фигуры эти, въ степенныхъ одеждахъ, группировались тамъ-и-сямъ на открытомъ пространствѣ, передъ древнимъ зданіемъ. Тогда я увидѣлъ себя въ окрестностяхъ этого престольнаго

города, гдѣ бродилъ, любясь на не-обычайную опрятность домовъ, садовъ и огородовъ, точь-въ-точь какъ они представлялись мнѣ въ существности. Вдругъ, вмѣсто всего этого, выдвинулись передо мною двѣ башни Болонны: одна довольно-упрямо держалась на мѣстѣ съ минутой, но ее столкнулъ чудовищный, окруженный рвами, замокъ Феррары, который, какъ олицетвореніе наполненной всякою чертошчиной старинной баллады, рисовалъ освѣщенный багровымъ сіяніемъ утренней зари, владычествуя надъ сѣнью покровомъ, заросшимъ травой, полуразвалившимся городомъ. Короче сказать, въ головѣ моей происходила очаровательная суматоха, которая сто посѣщаетъ воображеніе путешественниковъ и которой они такъ охотно предаются. Каждый толчокъ экипажа, въ которомъ я полудремалъ какъ-будто выталкивалъ изъ себя какую-нибудь картину изъ ея мѣста, и заглазъ етакже внезапно новою картиной. Съ моимъ воображеніемъ, настроеннымъ такимъ образомъ, я уснулъ.

Черезъ нѣсколько времени (такъ мнѣ показалось) экипажъ остановился, это меня разбудило. Ночь наступила совершенно, и мы очутились подлѣ моей воды. Передо мною колыхалась черная лодка, съ маленькимъ лодкомъ того же траурнаго цвѣта. Я усѣлся въ нее; она отвалила, и два человека принялись грести къ яркому огню горѣвшему въ нѣкоторомъ разстояніи на морѣ.

По-временамъ слышался печальный вздохъ вѣтра. Онъ рабилъ воду, колыхалъ лодку и разгонялъ мимо себя темныя облака. Мнѣ казалось странно, что я видѣлъ себя въ такую позаннюю пору, что бредъ остается назади, и что я подвигаюсь все ближе и ближе къ этому огню на морѣ. Онъ скоро разгорѣлся свѣтлѣе и большою оговою раздобрился на нѣсколько меньшихъ, мерцавшихъ и трепетно отражавшихся на водѣ, по которой лодка скользила таинственно

(*) Первая статья напечатана въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Зап.» прошлаго года (т. XLIX, Смѣсь).

дорогой, указанной столбами и намошени.

Мы ѣхали на греблѣ миль пять, и я почувствовалъ въ своемъ сновидѣніи, какъ-будто лодка коснулась какого-то близкаго препятствія. Выглянувъ со вниманіемъ, я разсмотрѣлъ въ-цоть-мгнѣніе что-то черное и массивное, подобное на берегъ, но возвышенное,—такъ-что его скорѣе можно было принять за плоть. Мы проскользнули мимо. Стромокъ лодки сказалъ, что тутъ кладбище.

Замысленный и удивленный думать, что нашелъ кладбище посреди моря, я обернулся и смотрѣлъ, какъ оно удалялось за кормою лодки. Оно скоро исчезло изъ вида. Прежде, чѣмъ достигъ, какъ это случилось и отчего, мы уже скользили вверхъ по ступенямъ — неестественной улицѣ; дома возростали съ обѣихъ сторонъ изъ воды, и черная лодка катилась подъ самыми ихъ окнами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мелькали огоньки, тускло отражаясь на черной водѣ, но вездѣ царствовало мертвое молчаніе.

Такимъ-образомъ подвигались мы впередъ, по призраку - городу, продолжая путь по узкимъ водянымъ улицамъ и переулкамъ. Нѣкоторые изъ заворотовъ были такъ тѣсны и круты, что длинной лодкѣ нашей казалось невозможнымъ обогнуть ихъ; но гребцы, предостерегая другъ друга тихимъ, мелодическимъ восклицаніемъ, ловко перемѣняли направленіе, и она снова, не медля нисколько, продолжала скользить по гладкой водѣ. Иногда гребцы другой черной лодки, похожей на нашу, вторили этому восклицанію, убавляли ходу (что дѣлали и мы, какъ мнѣ чудилось), и она промелькивала мимо подобно темной тѣни. Другія лодки, того же мрачнаго цвѣта, были привязаны къ раскрашеннымъ столбамъ, подлѣ темныхъ, таинственныхъ дверей, отворявшихся прямо на воду. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли порожнія; въ другихъ гребцы спали; я видѣлъ, какъ къ одной изъ нихъ направлялись изъ-подъ темныхъ сво-

довъ какого-то дворца граціозныя женскія фигуры въ блестящихъ нарядахъ, сопровождаемыя услужливыми мужчинами и факельщиками. Я успѣлъ взглянуть на нихъ только мелькомъ, потому-что видѣніе было прервано однимъ изъ множества мостовъ, такихъ низкихъ и узкихъ, что казалось, будто онъ рушится на насъ и давитъ лодку своимъ сводомъ. Мы все ѣхали впередъ, къ центру этого дивнаго города; кругомъ вездѣ вода, тамъ, гдѣ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ воды не бываетъ; изъ нея выдвигаются купы домовъ, церкви, величавыя зданія; но вездѣ то же удивительное безмолвіе. Наконецъ, мы перенеслись черезъ широкій притокъ воды; миновали, какъ мнѣ показалось, обширную мощеную площадь, гдѣ свѣтлыя лампы, которыми она была иллюминирована, показали длинныя ряды колоннъ и сводовъ массивной конструкціи и большой прочности, но на взглядъ легкихъ и граціозныхъ, какъ летучая паутина или опушенные ивеемъ гирлянды деревьевъ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ людей. Мы пристали къ ступенямъ набережной; онѣ вели отъ воды къ большому зданію, гдѣ, пройдя по безчисленнымъ корридорамъ и галереямъ, я очутился въ комнатѣ. Долго прислушивался я къ журчанію воды, разрѣзываемой скользящими взадъ и впередъ подъ самыми окнами черными лодками, и наконецъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Нельзя выразить словами, какъ великолѣпенъ былъ день, освѣтившій меня въ этомъ сновидѣніи; какъ онъ былъ свѣжъ, исполненъ жизни, движенія; какъ отражались солнечныя лучи на гладкой водѣ; какъ ясно было синее небо и какъ хорошъ воздухъ. Я глядѣлъ изъ своего окна на лодки и барки; на мачты, паруса, флаги, снасти; на группы хлопотливыхъ матросовъ, занятыхъ нагрузкою и выгрузкою этихъ судовъ; на просторныя набережныя, устланныя тюками, бочками, всякаго рода товарами; на большія суда, дѣливо стоявшія тутъ же, блы-

зѣхонько, въ величавомъ спокойствіи; на островки, увѣчаные пышными строевіями и башенками; на золотые кресты, горѣвшіе на солищѣхъ надъ чудными церквами, выросшими изъ воды! Подошелъ къ побережью зеленого моря, волновавшагося у самыхъ дверей и наполнявшаго всѣ улицы, я очутился на площади, отличавшейся такимъ величіемъ, такой невообразимой красотой, что все, до-сихъ-поръ видѣнное мною, казалось мнѣ жалкимъ и безцѣльнымъ.

То была, какъ мнѣ снилось, большая площадь, стоявшая на якорѣ, подобно всему остальному, посреди глубокаго моря. На ней былъ дворецъ, который въ старости своей казался величественнѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ всѣ владія земли; монастыри и арки, легкіе, какъ-будто выстроенные руками волшебницъ, но вѣстѣ съ тѣмъ прочныя, такъ-что дѣлая столѣтія напрасно трудились надъ ихъ разрушеніемъ — окружали дворецъ вѣстѣ съ соборомъ, котораго архитектура совокупляла въ себѣ всѣ роскошныя и своеобразныя фантазіи Востока. Недалеко отъ него, отдѣльно, красовалась высокая башня, поднивавшая до небесъ свою гордую вершину и глядѣвшая на Адриатическое-Море. Близъ-хонько отъ воды стояли два зловѣщія столба, изъ краснаго гранита; вершина одного была увѣчана изображеніемъ челоуѣка съ мечомъ и щитомъ, а другаго крылатымъ львомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, еще башня — по украшеніямъ богатѣйшая изъ богатыхъ, даже здѣсь, гдѣ все пышно и богато; на верху ея былъ большой шаръ, сіявшій золотомъ и чистѣйшимъ темно-синимъ цвѣтомъ, — на немъ были изображены двѣнадцать знаковъ зодіака, вокругъ которыхъ обращалось миниатюрное солнце, а сверху рисовались два нѣдныя исполина, которые били часы молотками по звонному колоколу. Продольная площадка, съ высокими домами, сложенными изъ бѣлаго камня и окруженными лѣгкими и прекрасными ар-

ками, составляла часть этой неподражаемой декораціи; тамъ-и-сямъ, изъ мостовой выдвигались высокія мачты съ флагштоками.

Я вошелъ въ соборъ и ходилъ взадъ и впередъ между колоннадами и сводами по всѣмъ его протяженіямъ. Это-величественное и подобное нечтѣ вадніе необъятныхъ размѣровъ; оно украшено дровинни раззолочеными иванками, наполнено благоухавіями и пасмурно отъ дыма куреній; блестя повсемѣстно драгоценными камнями и металлами, которые сверкаютъ въ-и желѣзныхъ рѣшетокъ; освящено гѣлами погребенныхъ здѣсь праведниковъ; испещрено радужными цвѣтами расписныхъ оконъ, рѣзаными деревьями и разноцвѣтными мраморами; тако въ своихъ высотахъ и отдаленныхъ перспективахъ; мерцаютъ огнями серебряныхъ лампадъ; фантастически-сверхъестественно, торжественно, непостижимо, неведѣ и во всемъ.

Я вошелъ въ старинный дворецъ, шагая молча по его безмолвнымъ галереямъ и заламъ совѣта, гдѣ выглядывали на меня изъ рамъ своихъ портретовъ прежніе правители этой Царницы-Воды, и гдѣ ея побѣдоносныя галеры еще сражались и побѣждали на полотнѣ. Я бродилъ по его параднымъ и триумфальнымъ заламъ, теперь голымъ и пустымъ, — погруженный въ раздумье о прошедшемъ могуществѣ и величіи республики, ибо оно прошло, и прошло невозвратно. Въ это время чей-то голосъ сказалъ мнѣ со-маломъ: «здѣсь можно еще видѣть нѣсколько остатковъ ея прежней славы и нѣсколько утѣшительныхъ причинъ теперешняго упадка!»

Мнѣ снилось, что меня повели дальше, въ страшные покои, сообщавшіеся съ тюрьмою, которые отдѣлялись отъ дворца высокими крытыми мостомъ, пересѣкавшимъ узкую волнующую улицу — мостъ этотъ называется: Ponte di Sospiri, «Мостъ-Вздоховъ».

Сперва я прошелъ мимо двухъ извѣстныхъ щелей въ каменной стѣнѣ: то были «Львиныя Пасти», куда

ного разъ въ прежнія времена, въ южной темнотѣ, опускались безъименные допросы на людей невинныхъ, обвиненныхъ перелъ влюбныхъ, неумолимыхъ «Совѣтомъ-Десяти». Сердце мое замерло, когда я очутился въ залѣ, куда призывались для допроса несчастные, когда увидѣлъ дверь, въ которую выводили приговоренныхъ — дверь, никогда незапиравшуюся за человѣкомъ, которому бы предстояла жизнь и надежда:

Сердце мое было поражено еще сильнее, когда съ факеломъ въ рукѣ спустился я изъ дневнаго свѣта въ два ряда, одинъ полъ другимъ, могильныхъ, ужасныхъ, душныхъ каменныхъ келлій. Онѣ были совершенно темны. Въ толстой стѣнѣ каждой было пробито отверстіе, въ родѣ бойницы, гдѣ въ прежніе годы, ежедневно на полчаса, ставился факелъ, освѣщавшій плѣнникамъ внутренность ихъ темницъ. Несчастные пользовались его кратковременнымъ мерцаніемъ и выпрапала или вырѣзали на почеркѣвшихъ стѣнахъ разныя надписи. Я видѣлъ ихъ. Мысли узниковъ, начертанныя какими-нибудь ржавымъ гвоздемъ, пережили многими поколѣніями ихъ самихъ и ихъ душевныя муки.

Мнѣ показали одну келлію, въ которой никто не оставался болѣе сутокъ; она предназначалась входившимъ въ нее обреченнымъ мертвецамъ. Полъ нея была другая, куда въ полночь приходилъ исповѣдникъ — монахъ въ темномъ одѣваніи, накрытый капюшономъ, страшный даже среди бѣлаго дня; но въ полночь, въ этой гробовой темницѣ, онъ былъ гасителемъ послѣдней надежды и вѣстникомъ убійства. Нога моя оцѣпалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде, въ тотъ же мертвенный часъ, удавливали трепещущаго узника. Рука моя коснулась той самой низкой и злобѣщей двери, черезъ которую выносили неуклюжій мѣшокъ, погружаемый въ лодку, которая отгребала и выбрасывала его туда, гдѣ Аерановеніе закинуть неводъ наказывалось смертью.

Вокругъ этой неумолимой твердыни и отчасти надъ нею, текла вода, заставлявшая меня считать все видѣнное и ослазаемое мною страшнымъ сновидѣніемъ: она обмывала снаружи ея стѣны, покрывала ее сыростью и плѣсенью внутри; набивала въ щели и трещины мокрая трава и всякую грязь, какъ-будто камни и рѣшетки имѣли еще подозрительныя отверстія, которыя нужно было заткнуть; она служила гладкою дорогою трунамъ тайныхъ жертвъ неумолимой политики — дорогою, исполненною готовности служить убійству, потому-что теченіе ея сопутствовало и предшествовало увозимымъ тѣламъ, подобно безчеловѣчному слугѣ государственной невинности.

Когда я выходилъ изъ дворца по лѣстницѣ, называемой «Лѣстницею-Гигантовъ», въ воображеніи моемъ мелькнуло воспоминаніе объ одномъ отрекшемся старцѣ (*), который спустился по ней медленно и трепетно, между-тѣмъ, какъ въ душѣ его тяжело отдавался гулъ колокола, освѣщавшаго избраніе его преемника. Потомъ я отвалилъ въ одной изъ темныхъ лодокъ и скользилъ по водѣ до стариннаго арсенала, охраняемаго четырьмя мраморными львами. Со мной сдѣлался еще чудовищное и сверхъестественное, когда я разглядѣлъ на тѣлѣ одного изъ этихъ стражей слова и надписи, начертанныя на немъ въ неизвѣстное время и на неизвѣстномъ языкѣ, такъ-что смыслъ ихъ оставался для всѣхъ людей таинственной загадкой.

Въ арсеналѣ или адмиралтействѣ уже не раздавался звукъ молотовъ и кораблестроительныхъ инструментовъ, потому-что могущество города, какъ я сказалъ уже, давно исчезло. Онъ казался обломкомъ корабля, сокрушеннаго бурнымъ моремъ и носимаго волнами; на немъ развѣвались чуждые флаги, а на рулѣ стояли чужестранцы.

(*) Дожъ Фоскари.

Великолѣпной барки, на которой, въ прежніе годы, пышно выѣзжалъ глава республики для обрученія съ моремъ, тутъ уже не было; вмѣсто нея, стояла разволоченая модель, сооруженная изъ воспоминаній прежняго величія города: она говорила о протекшихъ временахъ почти такъ же краснорѣчиво (такъ смѣшиваются во прахъ слабые и сильные!), какъ массивные столбы, своды и крыши, воздвигнутые для защиты отъ непогодъ величавыхъ галерей и кораблей, которыхъ давно уже нѣтъ ни на стапеляхъ, ни на водахъ.

Тамъ была также оружейная, разграбленная и обобранная, но все-таки оружейная. Отнятое у Турковъ грозное знамя висѣло съ дровка въ душномъ воздухѣ кѣтки, въ которую его заключали. Богатые панцири и латы, нѣкогда служившіе знаменитымъ воинамъ, лежали здѣсь горами, вмѣстѣ съ копьями, мечами, княжалами, палицами, луками, бердышами, колчанами стрѣлъ, арбалетами, щитами и тяжелыми сѣкирами; тутъ же были стальныя бляхи съ вычурными насѣчками, предназначенныя для того, чтобъ боевые кони казались чудовищами, облеченными въ металлическую чешую; тутъ было между прочимъ одно оружіе съ пружинкою (которое удобно можно было носить за пазухою), предназначенное для исполненія своей обязанности безъ шума — для пораженія людей напитанными ядомъ остріями.

Тамъ же я видѣлъ одну коморку, наполненную проклятыми орудіями пытки, замысловато-изобрѣтенными для того, чтобъ скорчивать, славливать, являть и размножать человѣческіе члены, терзать и казнить людей муками тысячи смертей. Передъ нею стояли два желѣзные шесма съ нагрудниками: они надѣвались плотно на головы страдальцевъ; на каждомъ было по небольшому выступу, въ видѣ наковальни, на которую демонъ-мучитель могъ удобно операться локтемъ и внимать воплямъ и показаніямъ запертаго внутри этого инструмента мученика. Они имѣли такое страшное по-

добіе съ человѣческими образами — были такими вѣрными снимками покрытыхъ потомъ, скорченныхъ страданіемъ человѣческихъ лицъ, что невозможно было предполагать ихъ гладкими и пустыми изнутри. Казалось, меня преслѣдовали страшныя, заключавшіяся въ нихъ испорченныя, изъясвленныя остріями лица: когда я, устѣвшись снова въ лодку, поѣхалъ къ публичному гулянию на воду на водѣ, гдѣ увидѣлъ траву и деревья. Я забылъ обо всемъ, что мнѣ незадолго такъ сильно взволновало погруженный въ созерцаніе заливъ солнца, ярко отражавшагося на волнѣ хавшейся водѣ; передъ мною на небѣ на водѣ багровый румянецъ; позади весь городъ, освѣщенный пурпурнымъ сіяніемъ.

Удивленный и очарованный такимъ ливнымъ сновидѣніемъ, я не думалъ о времени и не замѣчалъ его полета. А между-тѣмъ, проходили дни и ночи: я все видѣлъ себя на водѣ, сіяло ли высоко солнце, или мерцали лучи лампъ на гладкой поверхности, которая плескала на скользкія стѣны домовъ и набережныхъ, и по которой черная лодка моя быстро носилась вдоль волшебныхъ улицъ.

Иногда, останавливаясь у дверей храмовъ и обширныхъ дворцовъ, входилъ въ нихъ, скитался въ залы, изъ прохода въ проходъ, въ лабиринтахъ великолѣпныхъ алтарей и памятниковъ древности; въ залахъ этихъ ветшали старинныя мебель и украшенія, полувеличественныя, полууродливыя. Тамъ висѣли картины, исполненныя такой красоты, выразительности, запечатлѣнной такою страстью, силою, истинно, что онѣ казались молодыми и живыми существностями среди толпы замогильныхъ призраковъ. Я мысленно окружалъ эти картины всѣми именитостями прежнихъ дней города: его красавицами, тиранами, военачальниками, патриотами, купцами, придворными, духовными; даже сѣдые камни, кирпичи и площади они

ли снова въ моемъ воображеніи и поволочѣли на цѣлыя столѣтія. Потомъ, спускаясь изъ водъ по мраморнымъ ступенямъ какого-нибудь крыльца, я снова садился въ лодку и продолжалъ наслаждаться своимъ сновидѣніемъ.

Я ѣздилъ по тѣснымъ водянымъ закоулкамъ, гдѣ плотники, сидя въ своихъ мастерскихъ и работая стругомъ и долотомъ, выбрасывали въ воду легкія стружки, которыя колыхались на ней неподвижно, какъ морской трава, или уносились прочь теченіемъ. Я ѣздилъ мимо отворенныхъ дверей, зашпесѣвшихъ и гнилыхъ отъ вѣчной сырости, сквовъ которыя мѣстами ярко зеленѣли слудные виноградные кусты, бросающіе странныя тѣни отъ своихъ трепетныхъ листьевъ,—мимо набережныхъ и террасъ, гдѣ ходили взадъ и впередъ женщины подъ граціозно-накинутыми покрывалами, или грѣлись на солнцѣ гнѣвные жители, развалившіеся на плитахъ и ступеняхъ крылецъ,—мимо мостовъ, гдѣ также скитались празднующіеся, или глядѣли черезъ перила на воду,—подъ каменными балконами, нависшими надъ каналомъ съ высоты, отъ которой заружилась бы голова, и украшавшими величавыя окна величавѣйшихъ домовъ,—мимо садовъ, театровъ, храмовъ, чудныхъ громадъ готической и мавританской архитектуры, надъ которыми источались самыя игривыя фантазіи всѣхъ странъ и всѣхъ временъ,—мимо строеній высокыхъ и низкихъ, черныхъ и бѣлыхъ, прямыхъ и искривленныхъ, величавыхъ и жалкихъ, ветхихъ и бодрыхъ. Наконецъ, забывавая нѣсколько времени въ перепутанной кучѣ барокъ и лодокъ, я вынесся въ Большой-Каналъ! Тамъ, въ безпорядочныхъ мечтахъ сновидѣнія, я видѣлъ стараго Шейлока, бродившаго взадъ и впередъ по мосту, усыпанному лавнами, и жужжавшему отъ человѣческаго говора; видѣлъ наклонившійся изъ окна женскій образъ, въ которомъ мнѣ казалось, что я узнаю Дездемону... Мнѣ чудилось, что духъ Шекспира блужда-

етъ по городу и носится по его водянымъ улицамъ.

Ночью, когда двѣ лампы, зажженныя благочестивыми руками, теплились передъ образомъ Богоматери около самаго верха въ одной галереѣ, окружавшей снаружи старинный соборъ, мнѣ воображалось, что вся большая Площадь-Крылатаго-Льва горѣла веселыми огнями и подъ всѣми ея арками толпились люди, тогда-какъ другія толпы развлекались въ великолѣпныхъ кофейняхъ, открытыхъ цѣлую ночь на пролетъ. Когда мѣдныя колокольни били часъ полночи въ колоколъ, мнѣ казалось, что вся жизнь, все движеніе города сосредоточивались здѣсь; отгребая прочь и проносаясь мимо безмолвныхъ набережныхъ, я видѣлъ только нѣрѣдка спящихъ лодочниковъ, завернувшихъ въ плащи и развалившихъ во всю длину на камняхъ.

Но подлѣ всѣхъ набережныхъ, церкви, дворцовъ, темницъ, плескаясь о нихъ подножія и наполняя собою всѣ улицы, переулки и закоулки, текла вода; безшумно и бдительно окружала она ихъ своими изгибами, какъ старыи удавъ: мнѣ казалось, какъ-будто она выжидаетъ времени, когда люди будутъ смотрѣть въ глубины ея и отъискивать слѣда камней, изъ которыхъ былъ сложенъ гордый городъ. нѣкогда навывавшій себя Царицею-Водъ.

Вода унесла на своихъ волнахъ и меня, пока я не пробудился на старинной площади Вероны. Много и много разъ думалъ я объ этомъ странномъ видѣніи на морѣ: я съ удивленіемъ спрашивалъ себя, дѣйствительно ли оно существуетъ и дѣйствительно ли имя ему — Венеція!

Черезъ Верону, Мантую и Миланъ, по Сиплонской Дорогѣ, въ Швейцарію.

Я почти боялся ѣхать въ Верону, чтобъ не потеряться тамъ съ Ромео и Джульеттой; но всѣ опасенія мои исчезли, когда я увидѣлъ себя на старин-

ной рыночной площади этого города. Она такъ живописна, мечтательна и странна, окружена такими необычайно-разнообразными и фантастическими зданиями, что нельзя желать ничего лучшаго даже въ сердцѣ этого романтическаго города, сцены дѣйствія самой романтической и прелестной пьесы.

Первые шаги мои направились естественнымъ образомъ отъ площади къ дому Капулетовъ, низверженному превратностями судьбы до низкой степени жалкаго трактиришка. Шумные веттурины и грязныя телеги оспаривали другъ у друга обладаніе дворомъ, на которомъ можно было увязнуть въ грязи по колѣно; сверхъ-того, тамъ было стадо запачканныхъ и забрызганныхъ гусей, а у входа лежала сердитая облизывая собака, которая навѣрно схватила бы за ногу самого Ромео въ тотъ моментъ, какъ онъ перелѣзалъ черезъ стѣну, еслибы жила и пользовалась свободою въ тѣ времена. Фруктовый садъ достался въ другія руки и былъ давно уже отдѣленъ отъ дома; но садъ этотъ дѣйствительно принадлежалъ къ дому, а шляпа (саррелло), древній отличительный знакъ герба Капулетовъ, изсѣченная изъ камня, рисуетса и теперь надъ воротами двора. Гуси, телеги, погонщики и собака, правду сказать, отнимали много поэзіи у остатковъ древняго дома Капулетовъ: гораздо-пріятнѣе было бы найтти домъ совершенно-необитаемымъ, чтобъ бродить на свободѣ по его пустыннымъ заламъ. Но за то каменная шляпа и мѣсто прежняго сада утѣшили меня; кромѣ того, хотя домъ средній величавы, но онъ имѣетъ какую-то недовѣрчивую, сердитую наружность, совершенно-соотвѣтствующую повятію о жилищѣ прежняго Капулета. Осмотрѣвъ все это, я изъясилъ свое удовольствіе одной весьма-несантиментальной женщиной среднихъ лѣтъ, бывшей въ послѣднемъ періодѣ беременности—то была la Padrona трактира, которая лѣзливо стояла на порогѣ и любовалась своими гусями.

Переходъ отъ дома Джульетты къ ея могилѣ такъ же естественъ для посетителя, какъ для нея самой, или для какой бы ни было гордой Джульетты, для которой когда-либо зажились факелы. Итакъ, я пошелъ съ проводникомъ къ старинному саду, некогда принадлежавшему къ древнѣйшему монастырю. Я былъ впущенъ въ садъ сквозь гниющую калитку молодого быстроглазого женщиной, которая передъ-тѣмъ мыла бѣлье; прошелъ нѣсколько дорожекъ, подлѣ которыхъ свѣжіе цвѣты и кусты росли въ трещинахъ разваливъ старой стѣны, или плещъ висла по ея обломкамъ, я очутился у маленькаго пруда или каменнаго корыта. Быстроглазая женщина, отирая руки своимъ подоломъ, воскликнула: «La tomba di Giulietta la sfortunata!» (Могилка несчастной Джульетты). Съ наилучшею наклоностью вѣрить моему путешественнику, я могъ сдѣлать только то, что повѣрилъ, будто она сама вѣритъ своимъ словамъ, а потому поблагодарилъ ее словомъ и обычнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Призваюсь, я былъ скорѣе обрадованъ, чѣмъ огорченъ, видя, что мѣсто успокоенія Джульетты забыто. Какъ бы тѣмъ Иорина ни утѣшалась, слыша по двадцати разъ въ день звукъ шаговъ надъ своею головою и повтореніе своего имени, по-моему, пусть лучше прахъ несчастной красавицы поконтся въ сторонѣ отъ дороги туристовъ и не востѣщается никѣмъ, кромѣ тѣхъ путешественниковъ, которые прилетаютъ къ могиламъ въ теплые лѣтніе дожди или порхаютъ около нихъ въ благоуханномъ воздухѣ свѣтлыхъ, ясныхъ дней.

Прелестная Верона съ прекрасными старинными дворцами, живописными окрестностями, открывающимися вдали съ террасъ, или величавыхъ, окруженныхъ массивными перилами галерей, — съ римскими городскими воротами, кончающимися фантастическія улицы и отбрасывающими на землю тѣнь патнадцати протекшихъ столѣтій, — съ выложенными мраморомъ дер-

квани, высокими башнями, великолѣпной архитектурой и древними, молчаливыми перекрестками, гдѣ въ старину раздавались возгласы приверженцевъ Монтеки или Капулета,

«...отъ которыхъ старые граждане Вероны бросали въ сторону степенныя одежды и хватались за тяжелыя бердыши» (*),—

съ быстро-глубящеюся рѣкою, живописнымъ древнимъ мостомъ, огромнымъ замкомъ, колеблющимся отъ вѣтра кипарисами и восхитительнымъ, веселымъ видомъ! Прелестная Верона!

Въ самой серединѣ ея, на Piazza di Vgà — какъ призракъ прежнихъ дней среди обычныхъ существностей настоящего часа, стоитъ огромный римскій амфитеатръ, такъ хорошо сохранившійся и такъ тщательно оберегаемый, что нѣтъ въ немъ ни одного славаннаго ряда мѣстъ для зрителей. Надъ нѣкоторыми арками можно еще видѣть старинныя римскія цифры; корридоры его, лѣстницы, подземные проходы для дикихъ звѣрей и разные извилистые ходы надъ землею и подъ нею, такъ же невредимы, какъ были въ тѣ времена, когда цѣлыя тысячи жадныхъ зрителей стремились туда, чтобъ наслаждаться кровавыми зрѣлищами на аренѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ впадинахъ стѣнъ теперь видны кузнецы со своими наковальнями и горнами, да кой-какіе мелочные ремесленники и торгаша; на парапетѣ показывается также мѣстами зеленая трава и кустики; но вообще большихъ переизмѣнъ не замѣтно.

Прошедъ амфитеатръ по всѣмъ направлениямъ, глубоко-заинтересованный нѣтъ и поднявшись на верхній кругъ мѣстъ, а обратясь отъ очаровательной панорамы, оканчиваемой отдаленными Альпами, и заглянулъ внизъ, на арену. Все зданіе показалось мнѣ

похожимъ на внутренность огромной соломенной шляпы, съ необычайно-широкими полями и низкою тулей,—плетенныя изображались сорокачетырьмя рядами сѣдалищъ. Сравненіе это можетъ показаться дикимъ и вовсе-неподходящимъ, особенно въ печати, но тогда оно невольно пришло мнѣ на умъ.

Незадолго до меня была здѣсь трупа вольтижеровъ—иѣроятно та же, которая явилась видѣніемъ старушки въ Моденскомъ-Соборѣ—и очертила себѣ маленькій кружокъ въ одномъ концѣ арены: тамъ происходили ея представленія, оставшія на песокъ свѣжіе слѣды конскихъ копытъ. Я воображалъ себѣ горсть зрителей, собравшихся на одной или двухъ старинныхъ каменныхъ скамьяхъ; покрытаго блестящими cavaliero, или веселаго pulcinello—среди этихъ стѣнъ! Какъ странно должны были смотрѣть эти нѣмые Римляне на любимую комическую сцену, представлявшую путешествующихъ Англичанъ: въ ней обыкновенно является англійскій джентльменъ (лордъ Джонъ) съ претолстымъ брюхомъ, одѣтый въ свѣій фракъ, котораго фалды болтаются до пятокъ, въ свѣтло-желтые панталоны, въ бѣлой шляпѣ; онъ прѣзжаетъ за-границу и катается верхомъ на бѣшеной лошади вмѣстѣ съ супругою (леди Бетси), въ соломенной шляпѣ съ зеленымъ вуалемъ и въ красномъ спенсерѣ, непременно вооруженною испанскимъ ридинголемъ и распущеннымъ зонтикомъ.

Я сѣлся по городу во весь остатокъ дня и готовъ бы былъ бродить по немъ хоть до-сихъ-поръ. Въ одномъ мѣстѣ, хорошеый театръ, гдѣ только что разыграли всегда-любимую жителями Вероны оперу; «Ромео и Джульетта». Въ другомъ, подъ колоннадою, коллекція греческихъ, римскихъ и этрусскихъ древностей, показываемая дряхлѣйшимъ старикомъ, который самъ казался этрусскою рѣдкостью: онъ не имѣлъ силы отвернуть желѣзные ворота, когда отперъ ихъ ключомъ; не имѣлъ голоса, чтобъ слова его были

(* And made Verona's ancient citizens Cast by their grave, beseeching ornaments, To wield old partizans.

слышны, когда онъ описывалъ свои деревности; но имѣлъ вѣрнѣе, чтобы видѣть то, что онъ намъ показывалъ. Потомъ, картинная галерея; но картины такъ невыразимо-дурны, что я съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ онѣ метаются. Но вездѣ, въ церквахъ, между дворцами, на улицахъ, на мосту, или подлѣ рѣки — все-таки то была прелестная Верона, чѣмъ она и останется навсегда въ моей памяти.

Я прочиталъ въ своей комнатѣ шекспирову «Ромео и Джульетту». — вѣроятно ни одинъ Англичанинъ не дѣлалъ этого до меня — и на рассвѣтъ слѣдующаго дня выѣхалъ въ Мантую, повторяя про себя (въ *course* омнибуса, подлѣ кондуктора, читавшаго «Парижскія Тайны»):

«Нѣтъ свѣта за стѣнами Вероны; тамъ чистилище, муки, самый адъ. Изгнанный отсюда, изгнанъ изъ свѣта, а изгнаніе изъ свѣта — смерть» (*).

Это напомнило мнѣ, что Ромео былъ изгнанъ не далѣе, какъ на разстояніе двадцати-пяти миль, отъ-чего нѣсколько поколебалось мое вѣрованіе въ его смѣлость и твердость.

Не-уже-ли дорога въ Мантую, во времена Ромео, была такъ же хороша, какъ теперь? Не-уже-ли она изгибалась по такимъ же зеленымъ пастбищамъ, по которымъ протекали такіе же свѣтлые ручейки и росли такіе же свѣжія купы граціозныхъ деревьевъ? Эти пурпуровыя горы ограничивали горизонтъ и тогда — въ этомъ я увѣренъ; костюмъ крестьянокъ, собирающихъ волосы на затылокъ и протыкающихъ ихъ огромною булавкой съ набалдашникомъ, вѣроятно, измѣнился съ тѣхъ-поръ немного. Наслажденіе та-

кимъ лѣснымъ утромъ, таинств. очаровательнымъ восходомъ солнца, не могу не внушить чувства надежды даже въ сердце негнанаго любовника; сама Мантуа, съ своими башнями, стѣнами и водою, вѣроятно, открылась его моранъ такъ же, какъ пассажиру прованскаго омнибуса. Вѣрно и Ромео дѣлалъ такіе же, какъ и мы, зрутые ивороты, переѣзжалъ два звенящіе подъемные моста; потомъ проѣхалъ по подобному же длинному, крытому, деревянному мосту, и наконецъ, оставя за собою болотистыя воды, приблизился къ роковымъ воротамъ застойной Мантуи.

Если можно подобрать челоѣка по мѣсту его жительства, или мѣсто, приличное челоѣку, въ которомъ онъ живетъ, я не знаю ничего, такъ удачно-созданнаго другъ для друга, какъ «Тошій Аптекарь» и городъ Мантуа. Можетъ-быть, что въ то время было здѣсь больше жизни: если было, то «Аптекарь» Шекспира опередилъ свой вѣкъ и зналъ, чѣмъ будетъ Мантуа въ тысяча-восемьсотъ-сорокъ-четвертомъ году...

Я остановился въ гостиницѣ Золотаго-Льва и обдумывалъ, вмѣстѣ съ бравымъ курьеромъ, равные планы въ своей комнатѣ, какъ вдругъ раздался легкій, скромный стукъ въ дверь, открывающуюся на наружную галерею, во дворъ; потомъ выглянулъ ко мнѣ необычайно-жалкій челоѣчекъ съ вопросомъ, не нужно ли чичероне. Онъ смотрѣлъ въ полуотворенную дверь такъ робко и боязливо; столько бѣдности выразилось въ его изношенномъ костюмѣ, жалкой пеленѣ и протертыхъ гарусныхъ перчаткахъ — очевидно было, что онъ береглись для экстренныхъ случаевъ — что я немедленно позвалъ его, и онъ вошелъ.

Пока я оканчивалъ начатый съ курьеромъ разговоръ, онъ стоялъ, прижавшись въ уголъ, и теръ мою шляпу рукавомъ своимъ. Еслибъ ему пришлось получить отъ меня столько же наполеондоромъ, сколько приходилось франковъ, то и тогда все оборвавшее суще-

(*) There is no world without Verona's walls,
But purgatory, torture, hell itself.
Hence — banished is banish'd from the world,
And world's exile is death —
«Доммо AND JULIET».

ство его не освѣщалось бы такимъ солнечнымъ лучомъ счастья, какъ теперь, когда онъ убѣдился, что его назвали.

— Ну, что жь? сказалъ я, когда былъ готовъ:—пойдемъ мы теперь?

— Если синьйору будетъ угодно. Девъ прекрасный. Неможко-свѣжо, во погода чудесная, очаровательная. Синьйоръ позволить мнѣ отпереть *двери*? Вотъ это дворъ гостиницы, дворъ Золотаго - Льва! Не угодно ли, синьйоръ, идти осторожнѣе по ступенямъ?

Мы вышли на улицу.

— Вотъ, это улица Золотаго-Льва. Это—наружный фасадъ Золотаго-Льва. Это интересное окно перваго этажа, гдѣ разбито одно стекло — это окно въ комнату синьйора.

Обозрѣвъ всѣ эти достопримѣчательности, я спросилъ, много ли любопытнаго въ Мантуѣ.

— Такъ! по правдѣ сказать, нѣтъ. Немного! отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами въ знакъ извиненія.

— Много церквей?

— Нѣтъ. Почти всѣ были закрыты Французами.

— Монастырей?

— Нѣтъ. Опять Французы! Почти всѣ уничтожены Наполеономъ.

— Много дѣятельности?

— Очень-мало.

— Много иностранцевъ?

— О, небо!

Я думалъ, что онъ упадетъ въ обморокъ.

— Ну, а когда мы осмотримъ вотъ двѣ церкви, что мы станемъ дѣлать? спросилъ я.

Онъ взглянулъ въ одинъ конецъ улицы, потомъ въ другой, и робко поглазавъ себя подбородокъ; потомъ, взглянувъ мнѣ въ лицо, какъ-будто новый лучъ свѣта озарилъ его умъ, но все-таки смѣренно надѣясь на мою снисходительность, отвѣчалъ:

— Мы можемъ немножко прогуляться по городу, синьйоръ! (*Si può far'un giro della città*).

Невозможно было не согласиться на

такое предложеніе, и мы пошли далѣе, въ хорошемъ расположеніи духа. Чтoby облегчить свою совѣсть, онъ рассказалъ мнѣ о Мантуѣ все, что только могъ разсказать чичероне.

— Надобно ѣсть, сказалъ онъ:—но, ба! безъ сомнѣнія, это скучное мѣсто!

Онъ сказалъ все, что могъ, о церкви св. Андрея—величавой церкви—и объ отгороженномъ мѣстѣ на ея помостѣ, гдѣ горѣли свѣчи и стояло на колѣняхъ нѣсколько человекъ; говорятъ, что подъ нимъ хранится *Sangreal* старинныхъ романсовъ. Распорядившись съ этою церковью и послѣ нея съ другою (Соборомъ св. Петра), мы пришли къ музеуму, который на бѣду былъ запертъ. «Это ничего», сказалъ мой чичероне: «ба! Тамъ нѣчего смотрѣть!». Потомъ мы пошли на *Piazza del Diavolo* (Чортову-Площадь), выстроенную чортомъ въ одну ночь, безъ всякой особенной нужды; потомъ къ *Piazza Virgiliana*; потомъ къ статуѣ *Виргилія* — «*нашего поэта*», замѣтилъ мой маленькій путе-водитель, приободрившись на минуту и принаклонивъ шляпу нѣсколько набекрень. Потомъ мы направились къ какому-то пустынному двору, который велъ къ картинной галереѣ. Не успѣли ворота открыться, какъ насъ окружило штукъ пятьсотъ гусей, вытягивавшихъ шеи и кричавшихъ самыми рѣзкими голосами, какъ-будто восклицая: «а, вотъ идутъ смотрѣть картины! не ходи! не ходи!». Пока мы поднимались и ходили, они спокойно ждали у дверей и только въ-полголоса гагакали между собою; но лишь-только мы успѣли показаться снова, опять вытянулись у нихъ шеи и раздались такіе же крики, выражавшіе безъ сомнѣнія: «А, вы идете! Ну, какво, какво?». Гуси проводили насъ съ насмѣшливымъ крикомъ черезъ дворъ до улицъ Мантуи.

Гуси, спасшіе Капитолій, были, въ отношеніи къ этимъ гусямъ, то же, что свинина въ сравненіи съ «ученою свиньею». Что это была за галерея! Я бы спросилъ ихъ мнѣнія, въ художе-

ственникъ вопросъ, и предпочелъ бы его мѣвю Рейнольдса.

Теперь, когда мы стояли на улицѣ, куда гуси насъ такъ постыдно выпроводили, намъ оставалось только ограничиться прогулкою по городу, «risolo giro», предложенною мѣв сначала маленькимъ чичероне. Я, однако, ожидалъ его новою жизнью, изъявивъ желаніе осмотрѣть palazzo Тѣ, о которомъ много слышался, какъ о странномъ и чудномъ мѣствѣ. Мы пошли.

Секретъ длины мидасовыхъ ушей былъ бы лучше извѣстенъ цѣлому свѣту, еслибъ слуга его, шептавшій объ этомъ тростникамъ и камышамъ, пожилъ въ Мантуѣ, гдѣ столько тростника и камыша, что его бы достало для публикаціи секрета по цѣлому свѣту. Palazzo Тѣ стоитъ посреди болота и окруженъ растительностью этого рода. Онъ, дѣйствительно, одно изъ самыхъ чудныхъ мѣствъ, какія мѣв только случалось видѣть.

Чуденъ онъ не по своей пустынности, хотя онъ очень-одинокъ, не по своей сырости, хотя онъ очень-сыръ, не по своему печальному состоянию, хотя онъ заброшенъ какъ-нельзя-больше, но, главное, по неизъяснимымъ домовымъ и пугаламъ, которыми, въ числѣ другихъ болѣе отраднхъ изображеній, украсилъ внутренность его Джуліо Романо. Вотъ, на-примѣръ, косящійся гигантъ надъ однимъ каминомъ, а тамъ цѣлыя дюжины гигантовъ-титановъ, воюющихъ съ Юпитеромъ на стѣнахъ другой залы — до такой степени непостижимо-уродливыхъ и безобразныхъ, что дивнись, какъ человекъ могъ вообразить подобныя существа. Въ залѣ, гдѣ ихъ болѣе всего, чудовища эти, съ распухшими лицами и раздутыми щеками, со всевозможно-искривленными лицами и членами, изображены колеблющихся подъ тяжестью разрушающихся вданій и подавляемыхъ ихъ развалинами; они поднимаютъ страшные обломки скалъ и погребаются подъ ними; тщетно силится

поддержать столбы тяжелой крыши, которая валится на нихъ головы — словомъ, подвергаются всѣмъ родамъ страшнаго пораженія. Фигуры колоссальной величины и самой преувеличенной уродливости; колоритъ ихъ рѣзокъ и неприятенъ; эффектъ цѣлаго на зрителя похожъ скорѣе на быстрый приливъ крови къ головамъ, чѣмъ на впечатлѣвіе, производимое какою бы то ни было картиной. Всю эту чертовщину показывала чахлая старуха, которой наружность согласовалась какъ-нельзя-больше съ тяжелымъ болотнымъ воздухомъ; нельзя было не подумать, что всѣ эти пугалы преслѣдовали и ее, и настрагали до смерти бѣдняжку, одинокою въ этомъ исчерпанномъ водохранилищѣ, называемомъ дворцомъ, среди камышей и тростника, въ вѣчныхъ туманахъ, поднимающихся изъ болотъ и постоянно вращающихся вокругъ жилища домовыхъ.

Прогулка наша по Мантуѣ показывала намъ на всякомъ шагу закрытыя церкви, то употребленныя вмѣсто сараевъ, то оставшіяся безъ всякаго употребленія; всѣ онѣ были заброшены и пустынны, такъ-что только-только не разваливались. Болотный городъ этотъ былъ такъ поразительно-унылъ и низменъ, что, по-видимому, сама грязь приходила сюда не обыкновеннымъ путемъ, а расположилась на ея поверхности какъ на стоячей водѣ. А между-тѣмъ, тутъ происходила коимъ-какая торговля и по-видимому не безъ барыша, потому-что арки были наполнены Жиданами, которые сидѣли тамъ передъ лавочками; они перебирали свои запасы матерій, шерстяныхъ вадлѣй, ярко-пестрыхъ платковъ и всякихъ бездѣлушекъ: всѣ они, во всѣхъ отношеніяхъ, походили на своихъ братьевъ въ Гоуадсичѣ, въ Лондонѣ.

Выбравъ изъ толпы шатавшихся по сосѣдству христіанъ веттурино, который взялся доставить меня черезъ все съ половиною сутокъ въ Миланъ, съ тѣмъ, чтобъ отправиться на разсвѣтъ слѣдующаго утра, лишь-только отворятся городскія ворота, — я возвратъ

вся въ гостиницу Золотаго-Льва и роскошно пообѣдалъ въ своей комнатѣ, и тѣсною проходъ между двумя крошечными, нѣтъ спереди дышныи огоньки, а свали комнодъ. Въ шесть часовъ утра, мы дребезжа катились въ темнотѣ сыраго тумана, облекавшаго весь городъ; а около полудна, естественно (уроженецъ Мантуи и чешскій лѣтъ около шестидесяти) приехался разспрашивать, *иде дорога въ Миланъ*.

Она пролетала черезъ Боццоло—нѣкогда маленькую республику, а теперь лишь изъ пустынянѣйшихъ и наиболѣе-пораженныхъ нищетою городишекъ. Тамъ, хозяинъ жалкаго трактира (благодаря ему Богъ! онъ дѣлалъ это развѣ въ каждую недѣлю) раздавалъ самую мелкую монету крикливой стаѣ женщинъ и ребятишекъ, которыхъ лохмотья развѣвались на вѣтру и дождѣ за его дверью, гдѣ онѣ собрались для получения обычнаго подаянія. Дорога шла по туману, грави, дождю и винограднымъ лозамъ, разстилавшимся по землѣ, въ-продолженіе всего этого и слѣдующаго дня. Первый ночлегъ былъ въ Кремонѣ, замѣчательной по своимъ темнымъ, сложенымъ изъ кирпича церквамъ, и высочайшей башнѣ Тоггаццо, не говоря уже о знаменитыхъ скрипкахъ, которыхъ она, конечно, не производитъ болѣе въ наши дни всеобщаго упадка. Второй ночлегъ—въ Лоди. Потомъ мы продолжали ѣхать по продолженію грави, тумановъ, дожда и болотной почвы—такихъ тумановъ, какіе Англичане, всегда крѣпко стоящіе за свои права, считаютъ невозможными нагдѣ, кромѣ своего отечества. Наконецъ, мы катились по мощенымъ улицамъ Милана.

Туманъ былъ здѣсь такъ густъ, что шпицы знаменитаго собора былъ столько же видны, какъ еслибъ онъ находился въ Бомбѣ. Но когда мы тамъ остановились на нѣсколько дней и потомъ снова посѣтили Миланъ въ слѣдующее гѣто, я нѣтъ полную возможность видѣть это славное строеніе во

T. L. — Отд. VIII.

всей его красотѣ, во всемъ великолѣпнн.

Не одни католики почитаютъ святаго, который поконится внутри его! Сан-Карло-Борромео—если позволено выразиться словами мистриссъ Примровъ—«наполняетъ благоговѣніемъ мое теплое сердце!». Онъ былъ попечительныиъ врачомъ больныхъ, щелрымъ другомъ бѣдныхъ—и все это не въ духѣ слѣпаго изувѣрства, но въ качествѣ силъаго противника злоупотребленій римской церкви. Я чту его память, чту ее еще больше, потому-что онъ чуть не убилъ однимъ монахомъ, подговореннымъ другими монахами убить его у алтара за попытки преобразовать живое и лицемерное монашеское братство. Да защититъ Провидѣніе всѣхъ подражателей праведника, какъ оно защитило его самого!

Подземная часовня, въ которой хранятся останки Сан-Карло-Борромео, представляетъ такой поразительный контрастъ, какой трудно найти въ другомъ мѣстѣ. Заженныя въ ней свѣчи озаряютъ золотые и серебряные alti-relievi, произведенія искусныхъ рукъ, изображающія главные событія изъ житія праведника. Алмазы и драгоценныя металлы сіяютъ повсемѣстно. Воротъ медленно отодвигаетъ переднюю часть алтара, и тогда является, въ великолѣпной рактѣ изъ золота и серебра, сѣвозъ алебастръ, покрытое морщинами человѣческое лицо; облаченіе тѣла блестятъ брилльянтами, изумрудами, рубинами, всякаго рода дорогими и сверкающими камнями.

Въ старинной трапезѣ полуразвалившагося монастыря Santa Maria delle Grazie, показываютъ одно произведеніе искусства, можетъ-быть, лучше-известное, чѣмъ какое-либо на свѣтѣ: это «Тайная Вечера» Леонарда да-Винчи. Сквозь нее прорѣзана замысловатыми дощичкаскими монахами дверь, для облегченія ихъ операцій въ обѣденное время.

Я незнакомъ съ механическою частію живописи, и потому могу судить о картинахъ только по впечатлѣнію, которое онѣ на меня производятъ: слѣдственно, не могу служить авторитетомъ ни въ чемъ, что касается «кисти» или «манеры» того или другаго мастера. Я понимаю однако очень хорошо одно, — понятное каждому, кто только потрудится подумать объ этомъ предметѣ — именно, что величайшимъ и знаменитѣйшимъ художникамъ не достало бы цѣлой жизни, чтобъ написать даже половину тѣхъ картинъ, на которыхъ красуются ихъ имена и которыя правнаются многими, желающими пользоваться репутаціею знатоковъ въ искусствахъ, за несомнѣнные подлинники. Я замѣтилъ это только мимоходомъ.

О «Тайной Вечери» скажу просто, что, по прекрасной композиціи своей, это дивная картина, но по колориту или отдѣльному выраженію каждаго лица она не заслуживаетъ такихъ восторженныхъ похвалъ. Не говоря о томъ, какъ она была повреждена сыростью, временемъ и нерадѣніемъ, ее такъ часто подправляли и подновляли, и такъ неискусно, что теперь можно положительно назвать многія головы уродливыми: слои красокъ, налѣпленныхъ на лица, лежатъ на нихъ какъ пластыри или наросты и совершенно искажаютъ всякое выраженіе. Тамъ, гдѣ великій художникъ напечатлѣлъ свой гений одною чертою, однимъ прикосновеніемъ кисти, которое отдѣляетъ его самого отъ толпы живописцевъ низшаго разряда, — тамъ подправители-мазильщики, подновляя картину или наполняя ея трещины, разумеется, не могли замѣнить его. Отъ этого вышли вахмуренные лбы, сердитые взгляды и морщины, которыхъ на первоначальномъ произведеніи мастера не было и которыхъ честь принадлежитъ уже пачкуванъ, взявшимся за дѣло, непожѣрно-превышавшее ихъ умѣнье и дарованіа.

Фактъ этотъ такъ хорошо извѣстенъ всякому, что мнѣ бы и не слѣдовало

распространяться о немъ, навѣрно рискуя наскучить читателю; но мнѣ кажется на эти разсужденія одинъ англійскій джентльменъ, глѣдѣвшій на картину вмѣстѣ со мною: онъ съ большимъ усиліемъ старался впасть въ сладостныя судороги непобѣдимаго восторга отъ нѣкоторыхъ подробностей выраженія лицъ, котораго уже нѣтъ не оставалось. Какъ бы то ни было, всѣ путешественники и критики должны сознаться, что «Тайная Вечера» Леонарда да Винчи была *никогда* произведеніемъ самаго высокаго художественнаго достоинства; даже и теперь, когда осталось такъ мало ея прежнихъ красотъ, превосходство композиціи и группировки все еще поддерживаетъ ея славу, какъ мастерской и перво-классной картины.

Мы осмотрѣли должнымъ порядкомъ остальные прииѣчательности Милана, прекраснаго города, хотя и не столько отличительно-итальянскаго, какъ нѣкогда другіе характеристическіе города меньшей важности. Корсо, гдѣ миланская знать ежедневно катается взадъ и впередъ въ экипажахъ — удовольствіе, для котораго она готова чуть не умирать съ голода дома — самое чудное мѣсто для публичнаго гулянья, отѣненное длинными аллеями старыхъ деревьевъ. Вечеромъ, въ великолѣпномъ театрѣ La Scala, разыгрывали послѣ оперы балетъ «Прометей»: при началѣ его, сотня или двѣ мужчинъ и женщинъ представляли людской роль въ томъ состояніи, въ которомъ онъ былъ прежде, нежели усовершенствовался искусствами и науками, амурами и граціями. Я никогда не видалъ ничего эффектнѣе. Вообще говоря, пантомима итальянцевъ скорѣе замѣчательна страстнымъ и необузданнымъ характеромъ, чѣмъ нѣжностью выраженія; но въ теперешнемъ балетѣ — увидѣла образность безмысленной жизни; сибилубивыя страсти и желанія челоуѣческихъ тварей, лишенныхъ возмущающихъ душу побужденій и силъ, которыми мы такъ много обязаны, — были переданы съ самымъ поразитель-

вымъ и увлекательнымъ могуществомъ. Я никогда не думалъ, чтобъ подобная идея могла быть такъ вѣрно олицетворена на сценѣ безъ помощи словъ.

Милая скоро осталась за нами, въ пять часовъ утра; прежде, чѣмъ золотая статуя на шпицѣ соборной колокольни успѣла исчезнуть въ синихъ небесахъ, передъ глазами нашими уже рисовались Альпы, во всемъ величій своихъ высокихъ пиковъ и хребтовъ, одѣтыхъ облаками и снѣгами.

Мы продолжали приближаться къ нимъ до наступленія ночи; горныя вершины, являвшіяся съ разныхъ точекъ вѣтви, представляемыхъ изгибающимися дорогами, являлись въ чудно-измѣняющихся видахъ. Прекрасный день погасалъ, когда мы подъѣхали къ Лаго-Маджоре съ его очаровательными островами, которые должны быть очаровательны, потому-что выходятъ изъ лона этихъ чудныхъ синихъ водъ, окруженныхъ такими дивными мѣстополюженіями.

Въ десять часовъ вечера, мы подъѣхали къ *Domo d'Ossola*, у подножія Сивиллонской-Дороги. Луна ярко сіяла на синемъ, усыпанномъ звѣздами безоблачномъ небѣ, а потому не время было идти спать или куда бы то ни было, вромѣ какъ впередъ. Послѣ небольшой задержки, мы добыли маленькую колясочку и принялись подниматься.

Это было въ послѣднихъ числахъ ноября. На битой дорогѣ вершины прохода снѣгъ лежалъ уже слоємъ фута въ четыре или пять, а подлѣ находились снѣжіе сугробы гораздо большихъ размѣровъ. Воздухъ былъ пронзительно-холодный; но при ясной ночи, при величій дороги съ ея непроицаемыми гѣнами и глубокими мраками, а потомъ внезапными заворотами на блестящій лунный свѣтъ, при непрерывномъ шумѣ грохотавшихъ волгъ нея водопадовъ, путь дѣлался съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе поразительнымъ.

Оставя внизу италіянскія деревни, мирно спавшія на лунномъ сіяніи, мы

начали подвигаться по изгибамъ между темными деревьями, и вскорѣ очутились въ мѣстахъ болѣе-обнаженныхъ и дикихъ, гдѣ съ трудомъ поднимались по крутой дорогѣ. Постепенно ревъ воды раздавался громче; дивная дорога, пересѣкши потокъ мостомъ, вѣзлась между двумя отвѣсными стѣнами массивныхъ скалъ, которыя совершенно загородили луну и видѣлось только нѣсколько звѣздъ на узкой полосѣ синяго неба, между ихъ каменными закраинами. Потомъ и онѣ исчезли. Мы ѣхали въ густой темнотѣ, по тоннелю, пробитому сквозь скалу; страшный водопадъ гремѣлъ и грохоталъ близѣхонько внизу; пѣна и брызги его носились туманомъ передъ входомъ въ пещеру. Вышелъ снова на лунный свѣтъ, дорога шла черезъ воздушный мостъ, на которомъ у любого закружится голова, и потомъ изгибалась ломаными чертами вверхъ, чрезъ ущелье Гондо, дикое и величественное превыше всякаго описанія, съ гладкостѣнными обрывами, поднимающимися съ обѣихъ сторонъ и почти сходящимися надъ головою. Такъ мы подвигались цѣлую ночь, по труднымъ неровностямъ, все выше и выше, не чувствуя ни малѣйшаго утомленія; терпаясь въ созерцаніи черныхъ скалъ, страшныхъ обрывовъ и падей, полей гладкаго снѣга, наполнявшаго трещины и овраги, и сердитыхъ потоковъ, стремительно низвергавшихся въ бездны.

На разсвѣтѣ мы вѣхали въ снѣга, гдѣ дулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ. Разбудивъ не безъ труда жителей деревяннаго домика, выстроеннаго въ этой пустынѣ — вокругъ него уныло завывалъ вѣтеръ, срывая снѣгъ съ сугробовъ и крута его вихревь, — мы до были себѣ завтракъ въ бревенчатой комнатѣ, хорошо-согрѣваемой печью и надежно-защищенной отъ холодовъ и мятелей. Тамъ приготовили сани, запрягли въ нихъ четверку лошадей и мы двинулись снова, врывая снѣгъ, все вверхъ, но теперь въ холодномъ

свѣтъ утра, ясно видя передъ собою бѣлую пустыню, по которой ѣхали.

Мы были уже на темени горы, передъ грубыми деревянными крестомъ, обозначаящими возвышеннѣйшую часть дороги надъ уровнемъ моря. Тогда восходящее солнце озарило первыми лучомъ своимъ свѣжую пустыню и окрасило ее яркими розовыми сіяніемъ. Не знаю ничего выше одинокаго величія этой дивной декораціи.

Продолжая ѣхать въ савяхъ, мы встрѣтили вышедшую изъ основаннаго Наполеоновъ страннопріимнаго дома группу пѣшиходовъ-крестьянъ, съ посохами и котомками; они провели тамъ ночь и теперь пустились въ дальнѣйшій путь, медленно шагая въ свѣгу, въ сопровожденіи одного или двухъ монаховъ, которыхъ гостепріимствомъ недавно пользовались и которые теперь шли съ ними для развлечения. Пріятно было пожелать имъ добраго утра и, оглядываясь изъ вслѣдъ, видѣть, что и они оглядывались назадъ на насъ; они пріостановились, видя, что одна изъ нашихъ лошадей оступилась и упала, раздумывая не воротиться ли имъ, чтобъ подать намъ помощь. Но лошадь наша была вскорѣ опять на ногахъ, при содѣйствіи одного встрѣчнаго дюжаго погонщика, котораго пугъ увязъ глубоко въ свѣгу; поспѣввъ ему выкарабкаться, въ знакъ благодарности за оказанную намъ услугу, мы видѣли, какъ онъ медленно взрывалъ свѣгъ, подаваясь въ пѣшиходамъ, а сами покатались легко и скоро, по закраинѣ крутой пади, между горными соснами.

Вскорѣ послѣ этого, мы поѣхали снова на колесахъ, быстро спускаясь внизъ. Путь пролегалъ подъ вѣчными ледниками, по крытымъ сводами галереямъ, сверху которыхъ висѣли грозды каплющихъ ледяныхъ сосулекъ, надъ кишучими водопадами и подъ ними, мимо одинокихъ домиковъ, выстроенныхъ для убѣжища странниковъ отъ вятелей и непогодъ, мимо перилъ, ограждавшихъ отъ опасныхъ обрывовъ, черезъ

взятъ весною свѣжныя лавины, низвергающіеся въ неизмѣримыя пропасти. Спускаясь внизъ, по высокимъ мѣстамъ и черезъ страшныя ущелія, мы были двигающимися пятнышкомъ среди необъятныхъ пустынь свѣговъ, льдовъ и чудовищныхъ гранитныхъ скалъ; спускались внизъ, черезъ глубокое ущелье Сальтинъ, оглушенные потокомъ, вѣшено-крутившимся между огромными отторгнутыми обломками скалъ, в спускавшимся далеко въ низменныя долины, — постепенно внизъ, по крутымъ заворотамъ, изъясъ съ одной стороны страшные утесы, а съ другой страшные обрывы, — въ болѣе теплую погоду, болѣе-спокойный воздухъ, болѣе-кроткія мѣстоположенія. Наконецъ, блистала какъ золото или серебро, на оттепели солнечнаго сіянія, показались крытыя металломъ красныя, зеленыя и желтыя крыши, куполы и шпицы церквей швейцарскаго города.

Такъ-какъ заиски эти должны ограничиться Италіей, и, слѣдственно, я'долженъ, по-настоящему, улетѣть туда какъ-можно-скорѣе, то не стану останавливаться (хотя и чувствую сильное искушеніе) на томъ, какъ швейцарскія деревни, росншіеся у подножія исполинскихъ горъ, казались игрушками; или какъ безпорядочно тамъ толпятся переимѣшанные безоской симметріи дома; или какіе тамъ узкія улицы, выведенныя таинъ-образомъ нарочно, чтобъ не дать простора разгулу зимнихъ вѣтровъ и льговъ; или какіе тамъ сложенные мосты, которые разомъ смыли внезапно-освобожденные весною отъ льдовъ неугрозимые горные потоки, раздутые таинъ-образомъ свѣгами, — ни на томъ, какъ крестьянки въ большихъ мѣховыхъ шапкахъ, высунувшись изъ вороточекъ — такъ-что только головы ихъ были видны — походили на ичечосность лондонскаго лорда-мэра, — ни на томъ, какъ хороши городъ Вевѣ (Vevey), находящійся на берегу гладкихъ волъ Женевскаго-Озера; или какъ статуя св. Петра, на улицѣ Фрейбурга, держитъ въ ругѣ величайшій ключъ, какой ко-

гла-либо выдали люди; или какъ Фрейбургъ означить двумя всякими мостами и огромнымъ органомъ своего собора, —

Или какъ между этимъ городомъ и Базелемъ дорога извивалась по прибольнымъ деревнямъ деревянныхъ избъ, крытыхъ соломенными крышами съ широкими навѣсами, низкими окнами, въ рамы которыхъ вставлены крошечныя круглыя стеклышки; или какъ въ каждомъ швейцарскомъ жилищѣ, гдѣ подлѣ дома видѣлись опрятная телега, сани, запасъ живности, группы краснощекыхъ дѣтей, все дышало удобствомъ и довольствомъ, совершенно-возвыши и весьма-пріятными послѣ Италіи; какъ снова намѣнились женскіе костюмы и мечевосцы лордана перестали показываться, а вмѣсто ихъ явились чистые, бѣлые передники вь высокие, черные, въ видѣ опахалъ, прозрачныя головные уборы, —

Или какъ очаровательна была страна за Юраскими-Горами, покрытая снѣгомъ, освѣщенная луною и наполненная журчащими каскадами; или какъ подъ окнами большой гостиницы Трехъ-Королей, въ Базелѣ, быстро катился зеленый, разбухшій Рейнъ; или какъ въ Страсбургѣ онъ катился также быстро, но не-былъ такъ зеленъ, а еще ниже, какъ сказывали, былъ очень-туманенъ, —

Или какъ самый Страсбургъ, съ великолѣпнымъ, стариннымъ, готическимъ соборомъ и старинными домами, съ остроконечными крышами, представлялъ самъ-по-себѣ маленькую галерею новыхъ и занимательныхъ видовъ; или какъ въ полдень собираются тамъ толпы народа, чтобы посмотреть, какъ знаменитые часы его, съ замысловатымъ механизмомъ, будутъ дѣлать кукулоку дѣлаеть премудренныя эволюціи, а посаженный надъ ними затѣшный пѣтухъ звонко и рѣзко кричитъ дѣлать пѣтухъ разъ свое куку-реку; какъ замѣнительно видѣть усилія пѣтуха, который въ это время старается топтать крыльями и вытягивать шею,

хотя движенія его не имѣютъ ничего общаго съ крикомъ, выходящимъ изъ глубины механизма, гораздо-ниже, —

Или что вся дорога до Парижа была моремъ гравы, а оттуда до морскаго берега немного-лучше по причинѣ сильнаго мороза, и какъ пріятно было видѣть бѣлые утесы Довера, и какъ чудно смотрѣла Англія, хотя надобно признаться — пасмурно и безвѣтно, въ зимній день, —

Или какъ черезъ нѣсколько дней послѣ того было прохладно въ каналѣ, когда я переплывалъ его, возвращаясь на материкъ, имѣя ледъ на палубѣ, а между-тѣмъ во Франціи лежалъ еще преглубокой снѣгъ; или какъ malle-poste Катилась по сугробамъ, поднимаясь въ гору рысью, при помощи множества припряженныхъ лошадей; или какъ около парижскаго почтамта толпились передъ расвѣтомъ какіе-то необыкновенные искатели счастья, которые выгребали изъ снѣга разныя обрывки и тряпчѣ маленькими грабельками, —

Или какъ, между Парижемъ и Марселемъ, гдѣ снѣгъ былъ необычайно-глубокъ, вдругъ сдѣлалась оттепель и экипажъ чуть не проплылъ около трехсотъ миль; какъ у него въ одну воскресную ночь лопнули рессоры, а двухъ пассажировъ высадили на время починки въ жалкія трактирныя комнаты, гдѣ волосатая компанія, собравшись около каминновъ, играла въ карты, значительно похожія на самихъ игроковъ, т. е. также очень-грязныя и засаленныя, —

Или какъ меня задержали въ Марсели бурныя погоды; какъ объявляли нѣсколько разъ объ отплытіи пароходовъ, которые не отплывали; какъ наконецъ добрый парохоль Шарльманъ вышелъ въ море и встрѣтилъ такую погоду, что то грозилъ спуститься въ Туловъ, то въ Ниццу, но, къ-счастью, такъ-какъ вѣтръ стихъ, не сдѣлалъ ни того, ни другаго, а влетѣлъ прямо въ гавань Генуи, гдѣ знакомые колокола пріятно разлались въ моемъ слухѣ; или какъ на парохоль было общество путешественниковъ, изъ ко-

торыхъ одного сильно указало подлѣ моей наюты; какъ оны отъ этого сдѣлались капризны и не хотѣли отдать лексикона, который держалъ у себя подлѣ подушкой, заставляя черезъ это товарищей своихъ спускаться безпрестанно въ нему, чтобъ справиться какъ называется по-итальянски кусокъ сахара, стаканъ грога, который часть, и тому подобное: всѣ эти слова оны отыскивалъ самъ, глядя въ книгу своими собственными указанными главами и не рѣшалась расстаться съ лексикономъ ни для кого на свѣтѣ.

Подобно Груміо, я могъ бы рассказать вамъ все это въ подробности и еще много другихъ вещей, еслибъ не помнилъ, что мнѣ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ Италіи. А потому, подобно повѣсти Груміо, «все это умретъ въ забвеніи».

СПОСОБЫ ИСЛѢДОВАНІЯ ПРИЧИНЪ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ КИТАЙЦАМИ (*).

Статья первая.

У Китайцевъ изслѣдываніемъ причинъ насильственной смерти занимаются чиновники уголовной палаты, а не врачи; осмотръ же труповъ дѣлается особенно для того опредѣленнымъ

(*) Охотно помѣщаемъ здѣсь эту занимательную статью г. Татарникова, лекаря пекинской духовной миссіи, написанную имъ въ 1844 году и знакомящую насъ не только съ судебною медициною Китайцевъ, но и съ самымъ образованіемъ народа, замѣчательнаго своею вѣковою самостоятельностью и неподвижностью. Судебная медицина Китайцевъ, какъ видно изъ статьи г. Татарникова, заботится объ отъясненіи на трупахъ однихъ наружныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить тотъ или другой

людьми, которые бываютъ или шуны (су-цзо) для осмотра мужскихъ труповъ, или женщины (энь-ло) для осмотра труповъ женскихъ. Правильныя дознанія вложены въ особую отдѣлку, называемую *Си-юань-лу*, упоминаныхъ законовъ царствующей династіи (дѣй-цзинь-люй-лю), гдѣ описаны такъ и разныя виды неестественной смерти.

Отдавая должную справедливую образованію Китайцевъ предъ другими народами Азіи, нельзя не сказать, они весьма-бѣдны познаніемъ въ естественныхъ наукахъ. Медицина Китайцевъ скорѣе есть собраніе рецептовъ собранныхъ въ нѣсколько тысячъ лѣтъ и записанныхъ въ сотни томовъ. Кажется, ея главное достоинство! Пѣла, въ описаніи болѣзней, относительныхъ свойствъ и распознаванія, слѣдуютъ общей идее, основаніемъ которой служатъ начала китайской философіи *Инь* и *Янъ*, — начало мужское и женское, свѣтъ и тѣма, причина и следствие, отъ сочетанія которыхъ, отъ ствiя одного на другаго, происходитъ видимое въ мирѣ. — объясняютъ всѣ біологическія отправления организма, происхожденіе болѣзней, самилеченіе и т. д. Съ этой стороны, китайская медицина имѣетъ достоинство, въ ней есть система. Но объясненіе ея фактами, подтвержденіе ея положенія хоть сколько-нибудь практикѣ? Не есть ли она простое мнѣніе къ медицинѣ и удержаніе въ ней такъ долго и съ таинственностью за свою простоту, удержаніе

видъ насильственной смерти. Самостоятельное изслѣдываніе труповъ никогда не производится. Наклонность къ чудесному видѣнію, обладаетъ у Китайцевъ. Отъ тѣхъ же причинъ медичинѣ съ особеннымъ свѣдѣніями дѣльными. Обязательность, ядромъ и обличіемъ самыя важныя повѣрья, удержаніе въ теченіи столѣтій, за собою ины и перепечатаемыя съ новою точностью въ уложеніяхъ уголовной палаты.

нѣясность? Ничего нѣтъ легче, какъ объяснить по этимъ началамъ, что болѣзнь съ жаромъ есть *инь*, съ отсутствіемъ его — *янъ*, что въ первой страдаетъ воздухъ, во второй — кровь. Чтобы уничтожить первую, должно усилить дѣятельность крови, которая возвратится, если умѣрится дѣятельность воздуха, къ чему служатъ лекарства прохладяющія. Жаръ унимается холодомъ, огонь тушится водою! Подобнымъ образомъ строятся положенія о всѣхъ болѣзняхъ и составляются показанія къ ихъ леченію. Врачъ глубоко убѣжденъ въ правильности своихъ заключеній: онъ отъ слова до слова точны со всѣми указаніями древнихъ и новыхъ его учителей; большой съ уповаемъ возлагаетъ надежду на искусство врача; ему такъ повѣтено объяснена была болѣзнь его и ея причины, доводы врача были такъ близки къ собственнымъ его понятіямъ о состояніи здоровья, что въ душѣ его не остается никакого сомнѣнія о вѣрности распознаванія болѣзни и назначеннаго лекарства, и часто врачующая сила природы выручаетъ того и другаго. Образованные Китайцы большею частью имѣютъ почти такое же понятіе о мелициѣ, какъ и сами врачи, меньше только знаютъ наизусть рецептовъ. По мнѣнію они сами могли бы отыскать болѣзнь одинакую съ ихъ болѣзнію и списать предлагаемый рецептъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ аптекъ отпускаются лекарства безъ подписи врача; но обыкновеніе, сила привычки, или скорѣе любовь къ жизни, заставляетъ призывать врача и чаще не одного, а нѣсколькихъ въ разное время. Изъ числа прописанныхъ рецептовъ выбирается тотъ, который у нѣсколькихъ врачей оказался сходнымъ въ означенныхъ лекарствахъ. Довольно-основательно! Къ чести китайскаго врачебнаго сословія бываетъ всегда такъ, что весь созванный сонми врачей гласитъ о болѣзни одно и то же. Разногласіе выходитъ развѣ только въ томъ, что одинъ принимаетъ нѣсколько-большую степень жара (огня), другой мѣншую, а отъ

этого у одного къ главному лекарству прибавя, на-прим., солодковый корень, а у другаго его нѣтъ; въ общемъ всегда согласіе. Основная идея въ медицинѣ помогаетъ дѣлать разгадку болѣзни по однимъ и тѣмъ же правиламъ до того общими, что никакое стороннее обстоятельство въ больномъ, въ самой болѣзни, не выводитъ ихъ до частности. Какой бы ни былъ учебникъ, изъ котораго врачъ почерпнулъ свои познанія, составленный ли за 500 лѣтъ, или повдѣйшій, или просто переданный ему наизусть отцомъ, — они всѣ раскрываютъ тайны медицины въ однихъ и тѣхъ же неважныхъ формахъ; послѣ этого не удивительно, если каждый врачъ, слѣпо слѣдуя заученному и, притомъ, имѣя скудный запасъ познаній изъ своей практики о разныхъ случайностяхъ, говорить о болѣзни то же, что сказалъ и прежде-призванный къ больному врачъ; лишь бы не ошибиться въ главномъ — что болѣзнь, на-прим., съ малымъ жаромъ, или со слабостію, съ жаромъ, или съ отсутствіемъ его (съ холодомъ), а оставшее пойдетъ въ порядокъ, какъ сказано въ книгѣ. Китаецъ, слѣвавшись врачомъ всегда ради хлѣба насущнаго, никогда по призванію, на своей практикѣ идетъ прямо только къ этой одной цѣли, какъ ремесленникъ получаетъ за приходъ условленную плату, смотря по разстоянію отъ его жилища, и уѣзжаетъ, оставляя на произволъ больнаго слѣдующее посѣщеніе. Таковъ уже обычай, что врачъ никакъ не можетъ посѣтить своего больнаго безъ повторительнаго зова, а онъ-то рѣдко и дѣлается; большею частію, особенно, если болѣзнь не показала никакой склонности къ улучшенію, просить другаго врача, а тамъ третьяго, и т. д. Оттуда послѣ этого получить врачу практическія свѣдѣнія, умножить, повѣрить ихъ? даже и одно посѣщеніе онъ долженъ оканчивать возможно-скорѣе, чтобъ показать свою дальновидность. Такъ врачевали за нѣсколько тысячъ лѣтъ до этого, такъ врачуютъ и теперь. Отъ-этого во всѣхъ медицинскихъ книгѣхъ болѣзни опи-

сываются двумя, тремя признаками, а прочее наполняется неисчислимыми столбцами рецептовъ.

Понятія Китайцевъ въ анатоміи человѣческаго тѣла весьма-сбивчивы, ограничены. Ни въ одной книгѣ не говорится, откуда взяты эти познанія, были ли дѣланы когда-либо и для какой бы то ни было цѣли вскрытія человѣческихъ труповъ, изучали ли анатомію по трупамъ животныхъ. Въ позднѣйшее время, въ 11—12 году *Дао-гуаня* (названіе правленія царствующаго императора), въ 1831 — 32 году, вышло сочиненіе подъ названіемъ: *И-линь тай-цзо* (Поправка Ошибокъ въ Медицинѣ), составленное правителемъ одного уѣзда, который имѣлъ случай наблюдать внутреннее (?) строеніе частей тѣла при судебноиъ исследованіи труповъ; но эта неудачная попытка пояснить анатомическія познанія лишь сбита со стараго толку. Изъ всего видно, впрочемъ, что древняя анатомія была составлена по трупамъ. Быть можетъ даже, что она перешла къ Китайцамъ отъ другаго народа. По этой анатоміи выходитъ, что въ тѣлѣ человѣческомъ находятся:

Пять внутренностей плотныхъ: сердце, легкое, печень, почки и поджелудочная железа (или селезенка, — что-нибудь одно; по описанію, надобно полагать, что поджелудочная железа, потому-что подъ словомъ *яси* описывается внутренность продолговатая, лежащая ниже желудка и помогающая при пищевареніи удареніемъ своей массы о стѣнки желудка; наконецъ, словомъ *яси-сай* выражаются вообще желудокъ). Сердце имѣетъ положеніе въ средней части груди, спускаясь больше книзу къ подложечкѣ. Печень въ лѣвомъ боку (!); почки по сторонамъ позвоночника въ поясничной части его. Въ пространствѣ между почками, больше къ лѣвой сторонѣ, находится сѣдалище начальнаго воздуха, *arigitus vitae*. Починъ суть хранящіеся родотворнаго сѣмени!

Шесть внутренностей перепончатыхъ: желудокъ, желчный пузырь, тонкія кишки, толстыя кишки, мочево-

й пузырь и сердечная оболочка (по другимъ, вмѣсто ея — какія-то три *цзю*, — *сай-цзю*, верхній, средний и нижній). Что это такое? Неизвѣстно! Сохранилось одно названіе. Въ описаніи богиней говорится, что огонь (жаръ, на-примѣръ, въ верхнемъ *цзю*, или въ нижнемъ *цзю*, и т. д. Вѣроятно, подъ этимъ именемъ разубѣютъ три полости — грудную, брюшную и тазовую, а можетъ-быть и главные стволы кровеносныхъ сосудовъ, идущихъ впередъ позвоночника.

Мышцы извѣстны подъ общимъ именемъ «мяса»; раздѣльность ихъ равно какъ и свойственное каждой изъ нихъ отправление не признаются. Сухожилія мышцъ суть что-то особое, неизвѣстно для чего прижитое къ костямъ.

Главныхъ кровеносныхъ сосудовъ считается двѣнадцать на правой и двѣнадцать на лѣвой части тѣла. Шесть изъ нихъ идутъ по рукъ, шесть по ногъ. Изъ каждыхъ шести сосудовъ, три берутъ начало снизу, на-примѣръ, отъ низинца стопы, отъ большого пальца стопы и т. д., или отъ низинца кисти ручной, отъ указательнаго (ручная: палецъ и проч., и поднимаются вверхъ, а три сверху, отъ угла глаза, отъ виска, и спускаются книзу. Кромѣ главныхъ сосудовъ, находятся еще три равной величины: одинъ идетъ по спинѣ (надъ остистыми отростками позвонковъ) на голову и, перешелъ лобъ и носъ, оканчивается на верхней дескѣ близь губной уздочки. Другой посрединѣ живота восходитъ вверхъ къ шее и, перегнувъ подбородокъ, оканчивается подъ нижней губою. Оба эти сосуда берутъ начало на среднѣй промежутка (регнэшт), между половыми частями и нижнимъ отверстіемъ. Третій идетъ внутри тѣла впередъ позвоночника. Отъ главныхъ стволовъ сосудовъ идутъ вѣтви, которыхъ насчитываютъ до пятнадцати. Въ сосудахъ обращаются кровь и воздухъ; воздухъ служить проводникомъ крови: безъ его движенія она не можетъ протекать по сосудамъ.

Костей въ человѣческомъ тѣлѣ считается 365 (*); въ нихъ содержится костной мозгъ, къ которому причисляются и черепной мозгъ и мозгъ позвоночника.

О первахъ говорится весьма-темно, а объ отправленіи ихъ ни слова.

По этикъ анатомическимъ понятіямъ составлены и правила для освидѣтельствованія труповъ; въ нихъ стараются представить одни наружные признаки, по которымъ бы можно было отличить тотъ, или другой видъ насильственной смерти. Какъ учрежденіе правительства, эти правила имѣютъ благую цѣль; но, кажется, они далеко не достигаютъ ея, не смотря на всю свою подробность; по нимъ, можетъ-быть, нѣрѣдко злодѣяніе остается правымъ, а невинность страдаетъ, особенно, на-примѣръ, при открытіи отравленія, въ которомъ, какъ и при смерти отъ механическаго насилія, докладываются однимъ наружнымъ осмотромъ, а за химическія реакціи отбѣчаютъ серебряная пластинка (**). Вообще, каковъ бы ни былъ родъ насильственной смерти, вскрытіе трупа не дѣлается; Китайцы боятся этого, какъ грѣха смертнаго, и все вниманіе обращаютъ на наружныя части тѣла, а потому изученіемъ ихъ занимаются въ особенности и вотъ какъ описываютъ:

На ручныхъ пальцахъ первый составъ называется *назынь*, второй — *среднимъ*, а послѣдній—*настоящимъ*, кореннымъ составомъ пальца. Позади кореннаго состава каждаго пальца находится пастная кость, а за нею кость запястья, а надъ ними—ладонное мясо. Позади ладонныхъ костей находится сгибъ руки (*шоу-ванг-цзы*). Надъ сгибомъ руки, по правую сторону на-

ходящееся возвышеніе (противъ большаго пальца), называется мышелкомъ внутреннимъ, а по лѣвую (противъ мизинца)—мышелкомъ наружнымъ. Надъ сгибомъ руки находятся двѣ кости (переднее плечо), толстая изъ нихъ (локтевая) называется *бэй-гу*, а лежащая подлѣ нея и не такъ толстая (лучевая)—*би-гу*. Вверху, на задней части этихъ двухъ костей, находится небольшая кость (локтевой отростокъ), помогающая рукѣ сгибаться напередъ и препятствующая загибаться назадъ. Она называется *чжоу-гу*. Кость, лежащая выше *бэй-гу* (локтевой) и *би-гу* (лучевой) и съ ними соединяющаяся (плечевая кость) называется *лун-гу*. Въ плечѣ—кость, лежащая поперечно на передней и верхней части плеча (ключица), называется *хэнь-юй-гу*, а на задней и верхней части (лопатка)—*лэи-гу*, названная такъ по сходству ея съ инструментомъ *лэи-па* (роль гитары). Пространство между этими двумя костями (ключицею и лопаткою) называется *це-мынь* (какъ-бы сосудъ). Часть между костями *хэнь-юй* (ключица) и *лэи* (лопатка) и головою называется *гуэнь* (шея); передняя часть ея есть *шоу-санг*, возвышеніе на срединѣ ея *цзы-шоу* (надыкъ). Пространство между подбородкомъ, вѣтвями нижней челюсти и горломъ называется *кэ*, а пространство между внутренними поверхностями вѣтвей нижней челюсти и боковыми верхними частями горла—*чюй-хай*. Позади угловъ рта находящаяся часть называется *и* (щека), а ниже ея *цзы-че* (нижняя челюсть). Позади и выше нижней челюсти находящаяся хрящеватая часть называется *эрр* (ухо), а надъ нимъ и впереди его, безволосая часть головы *чюй-бинг*. Средица верхушки головы называется *дзынь* (макушка), а впереди ея находящееся нѣсто, въ которомъ у дѣтей видно бѣженіе, *синь-мынь* (родничокъ); отъ родничковъ внизъ вся волосистая часть головы называется *фа-цзы*. Пространство, находящееся ниже средины и боковъ окончавія волосъ на передней части головы называется *из* (лобъ и лобные

(*) Китайскій счетъ не вѣренъ. Въ человѣческомъ скелетѣ насчитывается до 236 костей (см. *Meskel Handb. der Menschlichen Anatomie*, II-г Bd. § 472).

Ред.

(**) См. ниже.

бугорки). Ниже боковыхъ частей лба находится мѣсто, покрытое волосами, называется *май-чзи* (брови), позади съ боку ихъ находится *тай-ляз* (високъ), а ниже—*му* (глазъ). Наружная часть глаза называется *сло-чзи*, а внутренняя—*да-чзи* (внутренний и наружный уголь глаза). Верхняя кожа, покрывающая глазъ, есть *шань-лян*, нижняя — *ся-лян* (верхнее и нижнее вѣко). Та часть въ среднѣи глаза, отъ которой зависитъ зрѣнiе, есть *му-тунь-чзи* (зѣница). Часть носа, находящаяся между внутренними углами глаза, называется *би-шань-юнь* (переносье), а выше—*минь-мань* (надпереносье). Часть головы, по бокамъ макушки находящаяся, называется *лао-цзо* (бугорки теменихъ костей), а ниже этого мѣста, больше впередъ выдававшаяся часть, называется *чонь-чжонь-ту* (кость, на которую ложится человекъ на подушку во время сна, — сосцевидный отростокъ височной кости). У женщинъ этой кости не находится! Пространство между *ячи-ту* (лопатка) занимаетъ *цзыль-ту* (спинные позвонки). Часть спины, лежащая ниже того мѣста, близъ котораго прекращаются ребра, есть *ле-минь-ту* (поясница), а ниже ея находящаяся кость, съ четырьмя отверстиями съ каждой стороны, называется *ла-туа-ту* (крестецъ). Самая послѣдняя небольшая кость, лежащая ниже *ла-туа-ту*, есть *сай-люй-ту* (копчикъ). По бокамъ *ла-туа-ту* (крестца) находится часть, называемая *куань-ту* (безъименная кость и соединенiе головки бедренной кости съ вертлугомъ). Впереди *куань-ту* находится *хонь-ту* (поперечная кость — кость лобковая), а ниже—*туй-ту* (бедро). Соединенiе *туй-ту* съ нижнею большою костью (голенью) называется *чюй-чю*, а кость, покрывающая это соединенiе спереди — *си-тай-ту* (коленная кость). Колѣно вообще называется *си*. Ниже колѣна находится двѣ кости: большая изъ нихъ называется *чжили-ту* (большое берцо), а боковая и меньшая, помогающая первой—*халъ-ту* (малое берцо). При нижнемъ концѣ этихъ костей находятся

два возвышенiя—наружное и внутреннее, первое называется—*тай-ло*, второе — *люй-ло* (наружная и внутренняя лодыжка). Отъ нижняго конца *чжили-ту* (большой берцовой кости) и *халъ-ту* (малой берцовой кости), вперед идущія кости называются—*чзу-чзу* (прямая кость стопы—плюсна). Первый составъ каждаго ножнаго пальца называется *бонь-цзя* (коренной составъ) второй — *сло-цзя* (малый составъ), над которыми находится *чжонь-цзя* (погодъ). Нижняя поверхность (подомьяныя) первыхъ составовъ ножныхъ пальцевъ называется *чзу-цзя* (макишь пальца), позади этого находящаяся часть ступни—*чзу-синь* (подомья). Нижняя часть той кости, которую человекъ ступитъ, называется *чзу-чжонь-ту* (нижняя часть пятки), а задняя — *чжунь-ту* (точный бугорокъ); твердая часть, над *чжунь-ту* находящаяся (ахиллова сухожила), называется—*цзо-юнь*.

Соединенiе костей между собой

Человекъ имѣетъ 365 (*) костей (многихъ составовъ) по числу годовъ на небесномъ глобусѣ (?). У мужчинъ кости—бѣлыя, у женщинъ—черныя. Черепъ мужчинъ состоитъ изъ восьми частей. На затылкѣ находятсѣ три трещины — одна идущая поперекъ, другая — отъ первой книзу, отъ черепъ мужчинъ и представляется стоящимъ изъ восьми костей. У женщинъ не находится перпендикулярная трещина, а потому черепъ ихъ состоитъ только изъ шести костей. Средняго человекъ имѣетъ или 24, или 26 (!). Средняя грудная кость состоитъ изъ трехъ частей, имѣетъ оваловидно-продолговатую и на концѣ несколько заострена. На каждой грудной кости находится выемка, въ которую входятъ ребра. Конецъ грудной кости соединяется съ весьма-тонкою, мягкой

(*) Выше уже замѣчено объ этомъ см. кб.

величиною съ чохъ (малая мѣдная монета), называемою *симъ-танъ-ту* (мечевидный отростокъ). Послѣ рожденія эта кость долгое время остается хрящеватою и уже послѣ у крѣпкихъ людей дѣлается настоящею костью, у слабыхъ же отъ рожденія, или истощившихся въ дѣтствѣ рукоблудіемъ, она вовсе не растетъ и не консолидируется, отъ-чего скоро и соглашается послѣ смерти, и были случаи, что вмѣсто ея принимали нижнюю часть грудной кости. Въ пространствѣ отъ затылка до крестца соединены между собою двадцать-четыре позвонка: въ шѣхъ находятся пять позвонковъ, считая здѣсь и одну выдавшуюся кость (остистый отростокъ седьмого шейнаго позвонка); въ спинѣ и поясницѣ считается девятнадцать позвонковъ. Последній поясничный позвонокъ соединяется съ одною широкою костью, величиною съ ладонь, имѣющею восемь отверстій, съ каждой стороны по четыре (*на-чу-ту*, крестецъ), которая сама нижею своею частію соединяется съ небольшою костью, имѣющею фигуру свиной почки (*сѣи-люй-ту*, копчикъ). Выпуклая часть этой кости обращена вверхъ и соединяется съ выше-лежащею костью, а выпуклая — внизу и остается свободною; у мужчинъ она имѣетъ по бокамъ отростки, какъ на шодахъ водянаго каштана (*гара палана*), а на поверхности девять ямокъ; у женщинъ она ровнѣе, съ шестью только ямками, а отростковъ не имѣетъ. Въ бокахъ находится по шести реберъ, четыре длинныхъ, а два короткія. У женщинъ по 7 реберъ въ каждомъ боку. Въ рукѣ находятся три кости, одна сверху (плечевая), соединяющаяся въ плечѣ съ костью попеременно-лежащею (ключица, *хемъ-юй-ту*) и съ костью, на задней части лежащею (лопатка), а въ локтѣ съ двумя костями (локтемъ и лучомъ); у мужчинъ на концѣ одной изъ этихъ двухъ костей, съ наружнаго бока лежащей, находится небольшая кость (*вѣроитно*, отростокъ локтевой кости), чего въ женскомъ тѣлѣ не замѣчается. Въ

верхней части ноги одна большая кость (бедро), соединяющаяся въ колѣнѣ съ двумя костями голена (большими и малыми берцовыми). Въ колѣнномъ составѣ, подъ колѣнною костью, небольшая кость величиною въ палецъ; въ ладони и подошвѣ по пяти костей. Большой нежной, большой ручной и меньшіе пальцы ногъ имѣютъ по два состава, а прочіе четырнадцать пальцевъ (восемь ручныхъ и шесть ножныхъ) имѣютъ по три состава.

Раздѣленіе частей тѣла на опасныя и безопасныя для жизни.

Опасными мѣстами на тѣлѣ человѣка считаются считаются тѣ, отъ поврежденія которыхъ жизнь человѣка находится въ опасности, или наступаетъ самая смерть; менѣе-опасными — тѣ, поврежденіе которыхъ, даже сильное, не всегда ведетъ за собою смерть.

Къ первымъ принадлежатъ на передней части тѣла:

1) Макушка головы, 2) боковая часть ея съ правой стороны, 3) боковая часть ея съ лѣвой стороны, 4) мѣсто бывшихъ родничковъ у дѣтей, 5) средняя лба, 6) лобные бугорки, 7) виски съ обѣихъ сторонъ, 8) наружный слуховой проходъ, 9) дыхательное горло, 10) грудная кость, 11) обѣ груди у женщинъ, 12) ложечка или предсердіе, 13) верхняя часть живота надъ пупкомъ, 14) нижняя часть живота подъ пупкомъ, 15) бока съ обѣихъ сторонъ, 16) двѣсторонныя части.

На задней части тѣла: 1) бугорокъ затылочной кости, 2) сосцевидные отростки височныхъ костей, 3) поясничные и спинные позвонки, 4) спинная часть реберъ, 5) поясница.

Менѣе-опасныя мѣста на передней части тѣла суть: 1) надбровная часть, 2) надпереносье, 3) оба глаза, 4) щеки, 5) ушные раковины, 6) верхушка и конецъ носа, 7) ноздри, 8) средняя верхняя губы, 9) верхняя и нижняя губы и углы ихъ соединенія, 10) верхніе и нижніе зубы и языкъ, 11) боковыя ча

сти нижней челюсти, 12) ключицы, 13) головка плечевой кости, 14) плечевая кость, 15) подмышка, 16) передняя поверхность соединенія плечевой кости съ переднимъ плечомъ, 17) передняя поверхность соединенія кисти ручной съ переднимъ плечомъ, 18) ладонь, 19) ладонная поверхность ручныхъ пальцевъ, 20) подноготныя мѣста пальцевъ, 21) боковыя части живота (подреберья и подвздохи), 22) вертлужная часть бедра, 23) бедро, 24) колено, 25) голень, 26) дѣтородный членъ у мужчинъ, 27) соединеніе стопы съ голенью, 28) тылъ стопы, 29) ножные пальцы, 30) подноготная часть ножныхъ пальцевъ.

На задней части тѣла: 1) Зашеекъ, 2) Зашейная ямка; 3) Лопатки, 4) Локтевой отростокъ, 5) Задняя поверхность передняго плеча, 6) Тыльная поверхность кисти ручной, 7) Тыльная поверхность ручныхъ пальцевъ, 8) Ногти ихъ, 9) Сѣдалищный бугорокъ, 10) Нижнее отверстіе, 11) Задняя поверхность бедра, 12) Подколѣнная ямка, 13) Икры, 14) Лодыжки—внутренняя и наружная, 15) Ахиллова сухая жила, 16) Подошва, 17) Подошвенная поверхность ножныхъ пальцевъ, 18) Концы ножныхъ пальцевъ, 19) Подноготныя мѣста ножныхъ пальцевъ.

Общія правила осмотра тѣла трупа.

Исследование трупа должно производиться въ присутствіи назначеннаго на сѣдствіе чиновника, а осмотръ всегда дѣлается особенно на то опредѣленными людьми — мужчинами, называемыми *су-цзо*, для осмотра труповъ мужскихъ, или женщинами — *сань-по* — для осмотра труповъ женскихъ. Они обязаны всѣ находимыя на трупѣ признаки объявлять вслухъ. Кромѣ осматривающихъ и осматриваемыхъ, при сѣдствіи долженъ находиться писарь, котораго обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ записывать всѣ находимыя признаки, объявленные осматривающими. Запись ведется въ особен-

ныхъ, заранее-приготовленныхъ печатныхъ таблицахъ, съ означеніемъ частей тѣла. Каждый найденный признакъ пишется въ таблицѣ противъ соответствующей ему части. При сѣдствіи должны также быть: нѣсколько человекъ свидѣтелей, родственники свидѣтельствуемаго трупа, буде ищутся, самъ виновникъ убійства, если онъ пойманъ. Они обязаны также осматривать находимыя признаки на трупѣ; но для этого ихъ не должно слишкомъ-близко подпускать къ нему, дабы они не сдѣлали новыхъ ранъ, чрезъ что затрудняется распознаваніе. Главные же осматривающіе и самъ чиновникъ, производящій сѣдствіе, должны находиться какъ-можно-ближе къ трупу. Самый трупъ долженъ быть раздѣтъ; на одна часть его тѣла не должна быть прикрыта, хотя бы этого и требовалъ стыдъ, особенно при сѣдствіи и при производствѣ труповъ женскихъ.

На случай трудности распознаванія признаковъ на трупѣ, производящіе сѣдствіе должны всегда имѣть при себѣ: лукъ, перецъ, соль, плоды гамаринды, дрожжи, уксусъ. Иногда нѣкоторыя изъ этихъ вещей нужно превести въ порошокъ, а потому сѣдствители должны также имѣть наготовѣ: ступку, молотокъ, вѣстникъ.

Предъ осмотровъ трупъ выносятся на мѣсто свѣтлое, освобождается отъ платья; записавъ напередъ, въ какомъ положеніи былъ найденъ трупъ, въ какомъ порядкѣ и какое именно было на немъ платье, за тѣмъ приступаютъ къ осмотру, который начинается съ верхнихъ частей тѣла, съ головы, и постепенно идетъ книзу.

На головѣ замѣчаютъ: длину волосъ, цѣлы ли они или вырваны, обрѣзаны и въ какомъ порядкѣ; потомъ разворачиваютъ ихъ, чтобъ видѣть въ какомъ состояніи черепъ: цѣлъ ли имѣтъ проломы, особенно должно обращать вниманіе на макушку головы и на мѣста родинчиковъ: вѣтъ ли вколоченаго въ нихъ гвоздя, и т. под., что бываетъ весьма-нерѣдко. Далѣе осматриваютъ: среднюю лба, виски, брови, нал-

перевосъе, вѣки — опущены ли они на глазъ или приподняты, въ первомъ случаѣ раскрываютъ ихъ, чтобъ видѣть цѣль ли глазъ или поврежденъ. Ушная раковина почитается неопаснымъ мѣстомъ для жизни; но, не смотря на это, и ее должно подвергнуть внимательному осмотру и замѣтить, не откушена ли или не обрѣвана ли она и т. д. Въ наружномъ слуховомъ проходѣ должно замѣтить, нѣтъ ли воткнутыхъ постороннихъ тѣлъ.

На лицѣ осматриваются: щеки, на которыхъ, если замѣчены раны, то ихъ должно отличить: нанесены ли онѣ тѣлами ровными, гладкими или шероховатыми и т. д. При этомъ нужно имѣть осторожность, чтобъ не почесать за признакъ раненія бывшее преступническое клеймо. Иные, желая скрыться отъ позора, закрашиваютъ его подъ цвѣтъ кожи какимъ-нибудь веществомъ, что весьма-легко открыть: стоитъ только постучать по этому мѣсту бамбуковою пластинкою, замазка отпадетъ, и клеймо будетъ замѣтно. На носу могутъ быть ранние знаки раненія, а въ ноздряхъ его — инородныхъ тѣлъ. Губы, зубы, языкъ, боковыя части нижней челюсти могутъ имѣть на себѣ тотъ или другой знакъ раненія: губы могутъ быть разорваны, зубы выбиты, нижняя челюсть можетъ быть переломлена и т. д. Все это должно осмотрѣть и замѣтить, кромѣ того — открыть ли при этомъ ротъ или сомкнуть, языкъ — остается ли въ полости рта или вышелъ наружу, прижать ли зубами, или нѣтъ и т. д.

Горло должно быть осмотрѣно снаружи и внутри. На наружной его части могутъ быть раненія, проникающія въ полость, переломы, сдвигленіе яремной, опухоль и т. д. На ощупь горло можетъ быть мягко и уступать дальней руки, или имѣть естественную свою твердость. Для внутренняго изслѣдованія употребляется серебряная пластинка, или серебряная палочка, которую чрезъ ротъ доводятъ до горла. Чернота серебра покажетъ, что

умершій принималъ что-нибудь ядовитое.

Ключицы, плечевая кость, переднее плечо, ручные пальцы, бедро, колѣно, голень, стопа, ножные пальцы почитаются мѣстами неопасными для жизни; но не смотря на это, и ихъ должно осматривать подробно: того требуетъ судебное изслѣдованіе; притомъ переломы костей, жестокія раненія большей части изъ нихъ, вколоченныя подъ ногти острые вещества, могутъ быть причиною смерти человѣка отъ сильнаго страданія.

Грудная кость, груди у женщинъ, предсердіе, бока, верхняя и нижняя часть живота должны быть внимательно осматриваны, какъ части тѣла опасныя для жизни, и равны на нихъ найденныя подробно описаны.

Половые органы, кромѣ наружнаго осмотра, должно подвергнуть ощупыванію у мужчинъ для того, чтобъ узнать, цѣлы ли, или повреждены шутки; а у женщинъ, чтобъ узнать, не вложено ли внутрь постороннее тѣло.

На задней части тѣла производится такимъ же образомъ послѣдовательный осмотръ сверху книзу, обращая особое вниманіе на части, почитаемыя опасными для жизни. Осматривая спину, должно остерегаться, чтобъ не почесать рубцы и знаки, оставшіеся послѣ наказанія, за раненіе недавнее, имѣвшее вліяніе на смерть человѣка. Ту же осторожность надобно наблюдать при осматриваніи лодыжекъ, на которыхъ могутъ быть знаки отъ бышихъ ударовъ по нимъ, или отъ сжатія между досками, если человѣкъ подвергался пыткѣ при допросахъ.

Всѣ найденныя раненія на трупѣ должны быть вымѣрены — по ихъ глубинѣ, длинѣ, ширинѣ, тщательно замѣченъ цвѣтъ ихъ, и т. под. Равнымъ образомъ должно вымѣрять ростъ изслѣдуемаго трупа, ширину въ плечахъ, узнать сколько лѣтъ ему отъ роду — или приблизительно по виду, или въ разспроса родственниковъ, свидѣтелей, если они знали человѣка при жизни.

Кромѣ знаковъ отъ побоевъ, ране-

ный и т. д., при исследованіи найденныхъ, необходимо нужно замѣчать: нѣтъ ли на трупѣ татуированныхъ мѣстъ, вытыканныхъ иглою разными узорами для украшеній, четотки, сухихъ лишаяевъ, рубцовъ послѣ зажившихъ чирьевъ, знаковъ, оставшихся послѣ иглоукалыванія (асиринтура) и все это подробно записать. Еслибъ никакихъ постороннихъ знаковъ не было замѣчено на трупѣ, то въ запискѣ надобно непременно сказать и объ этомъ.

Для открытія ранъ на костяхъ употребляются дрожжи и уксусъ, которыми покрывается подошваемая кость; свѣтъ солнечный при этомъ долженъ падать на исследуемую часть сквозь тонкую бумагу, или свѣтчатую матерію. Нѣкоторые совѣтуютъ накрываться вонтикомъ. Еслибъ случился пасмурный день, то для освѣщенія можно употребить раскаленный уголь (!). Когда уксусъ и дрожжи будутъ недостаточны для открытія, то употребляютъ свѣсъ порошка тамаринды съ теплой уксусомъ и дрожжами, которою обильно вымываютъ исследуемую часть на нѣсколько времени. Еслибъ и этого было недостаточно, то лучшимъ и вѣрнѣйшимъ почитается слѣдующій способъ: берется порошокъ тамаринды въ такомъ количествѣ, изъ котораго бы съ извѣстною частью уксуса и дрожжей составилось тѣсто. Изъ этого тѣста дѣлается лепешка, которую и кладутъ на исследуемую часть, предварительно покрывъ тонкою бумагою, и слегка потираютъ рукою. Величина и направленіе раны обозначаются на сторонѣ бумаги, обращенной къ равениному мѣсту. При переломахъ костей, сопряженныхъ съ раненіемъ, разрывомъ магкихъ частей, иногда мясо весьма крѣпко пристаеетъ къ костямъ, присыхаетъ къ нимъ; тогда, для узнанія мѣста перелома кости, его направленія, мясо отмачивается водою, а если этого будетъ недостаточно, то слегка отдѣляется отъ кости руками.

Естественный цвѣтъ тѣла смуглый (т. е. у Китайцевъ) послѣ смерти отъ

продолжительнаго лежанія переицается въ черный, какъ-бы въ черную краску вымоченный, отъ чего и трудняется распознаваніе равениныхъ мѣстъ. Въ такомъ случаѣ совѣтуютъ почернѣвшія мѣста, обмыть водою, обложить растолченными стеблями лука, а сверху прикрыть бумагою, свѣчною въ уксусѣ, и оставить такъ часа на два времени. Послѣ—все это смывается, снова обмывается водою и дѣлается осмотръ. При большихъ черныхъ пятнахъ, чтобы отличить между ими пятна, зависящія отъ порченія, совѣтуютъ прижимать ихъ пальцами и накапывать на нихъ воду. Если капля воды скоро стекаетъ, пятно ошупь твердо, то это показываетъ, что тутъ есть равеніе, въ противномъ случаѣ—пятно зависить отъ долгаго лежанія трупа.

Прижатіе пальцемъ и накапываніе воды употребляются и при исследованіи раненій на живомъ человѣкѣ. Если по отжатіи пальца, цвѣтъ слѣдующаго мѣста не мѣняется, а остается чернымъ, краснымъ и т. д. и сухая капля воды не стекаетъ, то можно считать, что на это мѣсто былъ сильный ударъ; но если по отжатіи пальца цвѣтъ придавленнаго мѣста мѣняется въ бѣлый, то это показываетъ, что на тѣлѣ произошли сами-собою долгомъ лежаніи, отъ полтека крови. Часто на задней части трупа—на спинѣ, шеѣ, бедрахъ и т. д. замѣчаются багровыя пятна, которыя также зависятъ отъ продолжительнаго лежанія трупа на спинѣ и не должны быть считаемы за признаки раненій.

Мѣненіе цвѣта въ трупѣ, зависящее отъ черноты, зависитъ отъ того, что кровь, находясь при жизни постоянно отъ наружныхъ частей, отъ треваній и наоборотъ; когда наступитъ смерть, она не можетъ вернуться отъ наружной поверхности внутрь, а остается подъ кожей и придаетъ ей чернотатый или багровый цвѣтъ. Твердость, замѣчаемая на равенинаго мѣста, объясняется

нить же образомъ: кровь, притекая въ большемъ количествѣ къ раненному мѣсту, долго остается кругомъ его неподвижною, и если раненный человекъ умретъ вскорѣ послѣ раненій, когда застоившаяся кровь не успѣла еще разойтись, то на мѣстахъ раненыхъ остается твердость, которую при дотрогиваніи пальцемъ весьма-ясно можно различить.

Исследование трупа непохороненнаго.

Трупъ можетъ находиться: внутри комнаты, на полу, на кровати и т. д., или вѣдъ дома—на полѣ, на горѣ, въ оврагѣ, въ лѣсу и проч. Прежде всего обращается вниманіе на то мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, замѣчаются тѣ вещи, которыя находятся подлѣ трупа, состояніе ихъ отъ него, положеніе самого трупа. Вѣдъ дома, кромѣ того, должно узнать, кому принадлежит то мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, и какъ оно называется. Приступая къ осмотру, должно снять съ трупа все платье, а у женщинъ и всѣ украшенія съ головы и слѣлать имъ подробную опись; потомъ слегка обмыть трупъ теплою водою, обсушить чистою холодною и начать осмотръ. Безъ нужды не должно употреблять уксусъ и дрожжи для обмыванія трупа; отъ нихъ могутъ показаться на тѣлѣ знаки прежде-бывшихъ поврежденій, отъ-чего затруднится распознаваніе раненій недавнихъ, отъ которыхъ зависѣла смерть.

Исследование трупа похороненнаго.

Судебному наслѣдованію можетъ подлежать трупъ уже похороненный. Въ этомъ случаѣ должно узнать: кому принадлежит кладбище, гдѣ похороненъ трупъ, требующій наслѣдованія, и какъ оно называется, какъ высокъ бугоръ надъ могилою, чьи жилища кругомъ кладбища и въ какомъ отъ

него разстояніи. Потомъ должно приступить къ разрытію могилы и замѣчать: есть ли вѣтъ черепкиины надъ гробомъ, выложена ли могила кирпичами, какой формы самый гробъ: покрытъ ли лакомъ, или простой, съ рѣзьбою, или безъ украшеній, и какія на немъ рѣзныя изображенія. Снявъ крышку съ гроба, должно замѣтить: заключенъ ли гробъ въ другомъ гробѣ, или нѣтъ, въ какомъ случаѣ надобно замѣтить положеніе трупа въ гробѣ: куда обращены ногами, куда головою, лежитъ ли онъ на срединѣ гроба, или больше къ сторонѣ, какое на немъ платье и какія съ нимъ положены вещи. По окончаніи этого, гробъ вынимается изъ могилы, трупъ переносится на другое, болѣе-свѣтлое мѣсто, если то будетъ нужно, для дальнѣйшаго осмотра.

Обмываніе трупа и отпариваніе.

Большею частію при судебныхъ наслѣдованіяхъ труновъ, прежде нежели приступлено будетъ къ осмотру, нужно дѣлать обмываніе трупа; отпариваніе же назначается въ случаяхъ болѣе-затруднительныхъ, когда трупъ лежалъ продолжительное время, или когда на немъ находится много раненій, между которыми надобно отличить раненія болѣе-жестокія, имѣвшія вліяніе на жизнь, отъ легкихъ. Трупъ кладется на доску, или рогожку, и обмывается сначала простою водою, а потомъ водою, въ которой варились стручья дерева—*gleditschia chinensis*, ею смываются разныя нечистоты съ тѣла, грязь и т. п. Послѣ этого снова обмываютъ простою водою и начинаютъ осмотръ. Еслибъ одного обмыванія было недостаточно для открытія раненій, то дѣлаютъ, какъ сказано, отпариваніе трупа, для чего обкладываютъ его смѣсью дрожжей съ горячимъ уксусомъ, а сверху прикрываютъ какими-нибудь мягкими вещами—платьемъ самого умершаго, одеяломъ и т. д., и оставляютъ такъ часа на два времени, пока трупъ размякнетъ; тогда снима-

ють съ него всѣ вещи, дрожжи съ уксу-сомъ смываются простою водою, а затѣмъ приступаютъ къ осмотру. Степень теплоты укуса бываетъ не одинакова: при началѣ весны укусъ долженъ быть горячій и сѣшиваться съ вареными дрожжами. Въ срединѣ весны и началѣ осени—умѣренно-теплый: лѣтомъ и въ началѣ осени—тепловатый: иначе могла бы попортиться кожа на трупѣ. Въ глубокую осень укусъ долженъ быть весьма-горячъ, а кругомъ трупъ, отступя поларшина, раскладывается огонь. Зимой, въ сильные морозы, во время сѣнга, горячій укусъ съ дрожжами и раскладываніе огня близъ трупъ будутъ недостаточны для отпариванія трупъ. Зимой для этой цѣли вырывается яма, длиною нѣсколько-превосходящая трупъ, глубиною аршина въ полтора, шириною почти-равная глубинѣ. На днѣ ея раскладывается огонь, который поддерживается какъ-можно-долго. Во время сильнаго горѣнія на угли поливается укусъ. Когда яма будетъ достаточно нагрѣта,—огонь тушится, остатки недогорѣвшихъ дровъ вынимаются, а на волю кладется рогожка, или другое чтѣ, а на нее—трупъ, накрытый одеяломъ. Бока ямы всыпываются теплыми укусами, а отверстіе прикрывается. Снаружи, кругомъ ямы, раскладывается огонь. По прошествіи извѣстнаго времени, когда можно полагать, что трупъ оттаялъ, разложенный снаружи огонь тушится, и трупъ вынимается изъ ямы для дальнѣйшаго осмотра.

Примѣчаніе. Не должно держать трупъ въ ямѣ слишкомъ-долго и безъ нужды повторять отпариваніе нѣсколько разъ, еслибъ послѣ перваго опыта на подозрѣваемыхъ мѣстахъ не было открыто раненій. Въ томъ и другомъ случаѣ отъ жара трупъ можетъ попортиться, и тогда нельзя будетъ узнать не только дѣйствительной рааны, но легко принять за нее пятна, происшедшія отъ слишкомъ-долгого отпариванія.

Предосторожности, принимаемыя послѣ перваго осмотра трупъ.

Послѣ перваго осмотра трупъ необходимо соблюсти нѣкоторыя предосторожности, состоящія въ томъ, чтобъ не позволять хоронить его ни въ какое время, если можно ожидать вторичнаго изслѣдованія для изясненія встрѣтившагося сомнѣнія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Въ такомъ случаѣ, не перенося трупъ на другое мѣсто, покрываютъ его одеяломъ, же платье, или другія чтѣ сверху—рогожею. Кругомъ рогожки главный чиновникъ сдѣлаетъ пикетъ—какія-нибудь буквы, такъ притѣмъ, чтобъ половина ихъ приходилась на землю, а половина на рогожѣ. Это служитъ мѣсто печати. Надъ трупъ разбивается рогожаный вагъсъ, должно соблюдать во всякое время, смотря на погоду. Мѣсто отдаленное отъ строгій надворъ нѣсколькихъ дѣлъ, имена которыхъ записываются

Повторительное изслѣдованіе трупъ.

Бываютъ случаи, требующіе повторительнаго изслѣдованія, спустя сколько времени послѣ перваго. Конечно, что трупъ въ такомъ случаѣ попортится: лицо вздувается, кожа набухаетъ, ротъ раскрывается, губы ворачиваются, глаза выходятъ изъ орбитъ, выпадаютъ волосы, а при продолжительномъ лежаніи и въ жаркое время, въ ямѣ заводится червь. Въ такомъ состояніи трупъ, если раны не нанесены на мягкія части трупъ острыми орудіями, или острини, или поврежденія костей, нѣтъ возможности открыть раненіе, и потому долженъ дать отъ себя отдаленное мѣсто, причина смерти по извѣстности трупъ не могла быть установлена, если было извѣстно—нѣтъ ли дѣтелей, самого виновника, что были кости, то, не смотря на целостность трупъ, должно внимательно

трѣть кости, очистивъ ихъ отъ мяса, обмывъ водою, и въ донесеніи показывать: какія именно части были повреждены и въ какой степени это могло быть причиною смерти (*).

По окончаніи осмотра, если причина смерти открыта и нельзя ожидать, чтобы въ послѣдствіи вужно было вновь производить слѣдствіе, предоставляется полицейскимъ служителямъ похоронить трупъ и надъ могилою сжечь приличную жертву. Если же найдутся родственники, люди честные, отъ которыхъ нельзя ожидать, чтобы они въ послѣдствіи потребовали переслѣдованія трупа изъ собственныхъ своихъ вѣдоевъ — корысти, местн и т. д., то позволяется имъ взять трупъ для погребенія, запретивъ, однако, сжигать его, какъ это дѣлается по обрядамъ Фонстоуъ.

Осмотриваніе труповъ женскихъ.

Осмотръ труповъ женскихъ дѣлается особенно на то опредѣленными должными жепщицами, *сем-по*. Онъ объявленъ, какъ и осмотрици труповъ мужскихъ, производить точный, безпристрастный осмотръ въ присутствіи чиновника, производящаго слѣдствіе, и другихъ, необходимыхъ при этомъ людей, и всѣ находяныя на трупѣ признаки объявлять вслухъ, чтобы ихъ знали всѣ присутствующіе и могли жевѣрить ихъ по окончаніи осмотра сами. Вообще свидѣтельствованіе труповъ женскихъ отличается отъ свидѣтельствованія труповъ мужскихъ тѣмъ, что при этомъ опредѣляется: дѣвица, или жепщица изслѣдуемый трупъ; это знають введеннымъ *in vaginam uteri* указательнымъ пальцемъ, обернутымъ хлопчатую бумагою. Вытекающая при этомъ кровь покажетъ, что умершая была дѣвица, и наоборотъ. Замѣчено,

что на трупахъ жепщицъ, умершихъ отъ механическаго насилія, чаще всего бывають повреждены дѣтородныя части, а потому на нихъ при всякомъ изслѣдованіи должно обращать особое вниманіе. Поврежденіе дѣтородныхъ частей можетъ быть или наружное — отъ ушиба, удара и т. д., или въ нихъ можетъ быть вложено постороннее тѣло: ножъ, заостренная палка и проч. Если вложенное тѣло будетъ такъ длинно, что пройдетъ далеко въ животъ и выйдетъ наружу, то это легко замѣтить однимъ взглядомъ; но если ивородное тѣло будетъ коротко, или останется глубоко внутри живота, такъ что на поверхности его не будетъ замѣтно даже слѣдовъ влианія крови, въ такомъ случаѣ при ощупываніи живота, чувствуемая подъ рукою твердость особаго рода, наружный видъ дѣтородныхъ частей, внутри которыхъ можно иногда находить конецъ вогнутого тѣла, опредѣляетъ родъ поврежденія. Если ни по наружному виду дѣтородныхъ частей, ни по внутреннему ихъ изслѣдованію, ни по ощупыванію живота, нельзя прямо доказать ихъ поврежденіе, между-тѣмъ, какъ ходъ обстоятельствъ, расспросы, справки даютъ право думать, что смерть зависѣла болѣе или менѣе отъ этого, то въ такомъ случаѣ должно осмотрѣть макушку головы. На ней, при всякомъ поврежденіи — будетъ ли оно сильное, или легкое, всегда можно находить подтѣкъ крови и зависящую отъ-того твердость на извѣстномъ пространствѣ. Послѣ продолжительнаго даже лежанія трупа, когда сгниють всѣ мягкія части и по нимъ не будетъ никакой возможности судить о поврежденіи, на костяхъ макушки остаются, какъ вѣрнѣйшіе признаки, багровый цвѣтъ ихъ и нѣкоторая припухлость. При поврежденіи дѣтородныхъ частей у мужчинъ на макушкѣ головы замѣчны такіе же признаки, какъ и у жепщицъ.

Другое отличіе изслѣдованія труповъ женскихъ состоитъ въ опредѣленіи беременности. Это важно въ томъ отношеніи, что беременная жепщица

(*). Востановленіе, имѣющее одинакій смыслъ съ и. 2 ст. 1333 Устава Судебн. Медицины. См. ч. 2, т. XIII Свода Законовъ.

скорѣе можетъ умереть отъ механическаго поврежденія, нежели не беременная, и наконецъ потому-что были случаи, въ которыхъ при вскрытіи гроба по какимъ-нибудь обстоятельствамъ похороненной беременной женщины, находили младенца вышедшимъ наружу. Былъ ли младенецъ живъ при погребеніи матери, или мертвъ, какъ и она, — рѣшить не берутся, а говорятъ, что, быть-можетъ, роды зависѣли отъ теплоты и влажности, которыя, наполнив собою всѣ внутренности матери, могутъ вытѣснить плодъ, хотя бы онъ былъ уже мертвымъ (*). Во всякомъ случаѣ, по окончаніи судебного изслѣдованія трупа беременной женщины, не должно позволять хоронить его до тѣхъ-поръ, пока не наступятъ признаки гнилости матери и не останется никакого сомнѣнія, что и младенецъ также померъ (**). Беременность опредѣляется наружнымъ осмотромъ живота и ощупываніемъ его. Извѣстнаго рода опухоль, твердость между предсердіемъ и лобковыми костями, знакомая опытнымъ бабкамъ, покажетъ, что изслѣдуемая женщина беременна, и наоборотъ.

О выкидышѣ.

Преждевременные роды могутъ быть отъ механическаго насилія, полученнаго беременною женщиною (здѣсь не разбираются роды прежде времени отъ разныхъ болѣзней), или отъ принятія плодогонныхъ лекарствъ съ цѣлію умертвить плодъ. Судебному изслѣдованію можетъ подлежать только тотъ

выкидышъ, который былъ проворжен матерью три мѣсяца (90 дней) или болѣе того, въ какомъ случаѣ, былъ плодъ выкинутъ мертвымъ, или живымъ, на-примѣръ, семя, восьмидесятидневный и умеръ въ послѣдствіи, виновникъ виновнику опредѣляется легкимъ состоящее изъ 80 ударовъ бамбуковою пластинкою, если, впрочемъ, не осталась живую и не сильно пострадала. Но выкидышъ ранній, недостигшій 90 дневнаго срока, не можетъ подлежать судебному изслѣдованію виновный въ этомъ случаѣ судится по тому — умерла ли ова, или жива, судъ опредѣляетъ наказаніе: смерть за смерть, или — ударами бамбукомъ.

Осмотръ выкидыша дѣлается въ присутствіи женскихъ труповъ, но. Онъ обязанъ опредѣлить по внешнему осмотру его возрастъ и объявить объ этомъ главному чиновнику при слѣдствіи, для внесенія въ протоколъ.

Плодъ, вышедшій преждевременно отъ вышшняго насилія, бываетъ блѣдный, бѣловато-красный, а оболочка темно-красная, какъ-бы кровью питавшаяся. Мать имѣетъ на животѣ признаки ушиба — пятна отъ крови, равы и т. под. За настоящій плодъ можно иногда принять оболочку, образующіеся изъ свертковъ крови. Отъ истиннаго плода отличаются тѣмъ, что скоро распадаются.

(*) Такое объясненіе механизма родовъ у мертвой женщины, имѣющее въ своемъ основаніи гнилость трупа, согласно съ принятымъ о томъ судебною медицинскою ученіемъ.

Ред.

(**) Въ странѣ, гдѣ, какъ мы увидимъ, такъ мало цѣнится жизнь плода механическаго, нельзя ожидать найдти постановленіе, заимствованное изъ «*Leges Regiae*» и вошедшее въ Св. Зак. Рос. Имперіи. Т. XIII, т. 2, ст. 1310.

Ред.

(*) Такія постановленія, — оскорбительныя для человѣчества и противныя естественнымъ законамъ, основанныя на негнущихся принципахъ, что зародышъ въ періодъ беременности неоживляетъ, а только вѣдетъ и есть часть внутренности матери — имѣли нѣкогда свое значеніе въ древности; слѣды такихъ постановленій встрѣчаемъ еще и теперь въ законахъ Шотландскіхъ и шотландскихъ. И въ Турціи (декабр. кн. От. Зап. ст. Ресказовъ, т. 32) употребленіе плодогонныхъ лекарствъ не считается ни грѣхомъ, ни дѣломъ противозаконнымъ.

Ред.

ются въ нечистую жидкость и не имѣютъ оболочекъ.

Кромѣ механическаго поврежденія, выкидышъ можетъ произойти отъ принятія плодогонныхъ лекарствъ, которыя иногда могутъ быть такъ сильны, что лишаютъ жизни и саму мать. Цѣль, съ какою даются плодогонные лекарства, можетъ быть различна: иногда даютъ эти лекарства для излеченія какой-нибудь болѣзни, а иногда, чаще всего, для выведенія плода, чтобы скрыть стыдъ и т. под. Для знанія, что выкидышъ произошелъ отъ принятаго лекарства, предлагается особый способъ, вѣрность котораго подвержена, впрочемъ, сомнѣнью. Для этого вводится въ маточный рукавъ серебряная палочка: если она почернѣетъ, то значитъ, что внутрь было принято какое-нибудь вредное вещество.

Видъ плода въ разные мѣсяцы беременности.

Въ первой луи послѣ зачатія плодъ походитъ на каплю росы, во второй имѣетъ фигуру нераспустившейся почки персика, въ третій на немъ можно уже различать полъ, въ четвертый образуются члены, въ пятый кости и суставы, въ шестой показываются волосы, въ седьмой начинаетъ двигаться правая рука, въ восьмой лѣвая, въ девятый плодъ дѣлаетъ поворотъ: головою обращается къверху, въ десятый достигаетъ совершенной зрѣлости и рождается на свѣтъ.

Исслѣдованіе труповъ дѣтскихъ.

Исслѣдованіе труповъ дѣтскихъ во всемъ сходно съ исслѣдованіемъ труповъ взрослыхъ людей, исключая, что при немъ должно обращать особенное вниманіе на головку изслѣдуемаго дитяти, именно — на роднички, куда могутъ быть воткнуты ивородный тѣла: Булавка, тонкій гвоздь и т. под.

Видъ трупа въ разные времена года.

Весною, послѣ двухъ — трехъ дней, шея, бока, грудь трупа нѣсколько

чернѣютъ, а послѣ десяти дней (у тучныхъ) изо рта, ноздрей и ушей вытекаетъ влага, кожа поднимается; а у сухощавыхъ или страдавшихъ болѣзнию, такое измѣненіе бываетъ послѣ пятнадцатидневнаго лежанія.

Лѣтомъ, чрезъ два или три дня, изо рта и ноздрей начинаетъ вытекать влага, тѣло раздувается, губы выворачиваются, кожа слѣзаетъ, или пузырится, а послѣ четырехъ или пяти дней вылѣзаютъ волосы. Во время жаровъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были раны, кожа бѣлѣетъ; въ мѣстахъ же неповрежденныхъ — багровѣетъ, или чернѣетъ. Если въ жаркое время изъ естественныхъ отверстій не выходятъ черви, а напротивъ, они замѣтны на вискахъ, бокахъ, брюхѣ и т. дал., то это показываетъ, что на этихъ мѣстахъ непременно есть раны. Въ самые сильные жары тѣло въ одинъ день можетъ почернѣть и издавать гнилостный запахъ, а въ три-четыре дня оно раздувается, изо рта вытекаетъ влага, на головѣ выпадаютъ волосы.

Осенью, послѣ двухъ — трехъ дней лежанія трупа, на верхней, передней части тѣла кожа чернѣетъ, а послѣ четырехъ-пяти дней изо рта и ноздрей вытекаетъ влага, все тѣло припухаетъ, ротъ раскрывается, кожа пузырится, на шестой-седьмой день выпадаютъ волосы.

Зимой, на четвертый или пятый день, тѣло трупа принимаетъ желтый цвѣтъ, или темнокрасный, а спустя пятнадцать дней послѣ смерти, передняя часть тѣла чернѣетъ; но если трупъ былъ завернутъ въ рокожу, или другое что-нибудь и лежалъ въ землѣ, то тѣло не чернѣетъ.

Весною и осенью, когда температура воздуха бываетъ умѣренная, въ два или три дня трупъ претерпѣваетъ такіа же измѣненія, какъ лѣтомъ въ одинъ день, а въ восемь или девять дней — такіа же, какъ лѣтомъ въ три-четыре дня. Въ сильные морозы онъ измѣняется въ пять дней такъ, какъ въ жары въ одинъ день, въ половину же мѣсяца —

такъ, какъ въ жары — въ три-четыре дня.

Примѣчаніе. На скорость измѣненія трупъ имѣетъ вліяніе разность тѣло-сложенія и возраста: тучные и молодые скорѣе измѣняются, нежели сухооща-емые и старики. То же надобно замѣтить и въ-отношеніи положенія мѣста: въ мѣстахъ, обращенныхъ на югъ, трупъ можетъ скорѣе измѣниться, нежели въ мѣстахъ, обращенныхъ на сѣверъ, и т. д.

О различіи истинныхъ ранъ отъ ложныхъ на частяхъ мягкихъ.

Для того, чтобъ скрыть преступленіе, или, что гораздо-чаще, чтобъ сдѣлать ложное обвиненіе, какъ на живомъ тѣлѣ, такъ и на трупѣ дѣлаются искусственныя пятна болѣе или менѣе похожія на истинныя раны. Для поддѣлки подъ красный цвѣтъ раны, употребляется тѣсто, приготовляемое изъ шафрана, стружекъ краснаго савдальнаго дерева, плодовъ тамаринды. Его накладываютъ на то мѣсто, гдѣ хотятъ сдѣлать обманъ, и сверху поливаютъ горячимъ уксусомъ. Смотри по тому, какой нужно имѣть цвѣтъ—болѣе или менѣе красный, тѣсто держится долго, или скоро спадаетъ. Чобъ сдѣлать черныя цвѣтъ, употребляется желѣз-ный купоросъ, распущенный въ горячемъ укусѣ. Но всѣ эти пятна, какъ бы они по наружности ни походили на истинныя раны, могутъ быть легко отличены отъ послѣднихъ тѣмъ, что скоро смываются простою водою, а на здоровой кожѣ и тѣмъ еще, что не имѣютъ кругомъ себя твердости, отъ притекшей и остановившейся крови—постояннаго свойства истинныхъ раненій. Твердость, замѣчаемая всегда на истинныхъ ранахъ, распространяется отъ центра и незамѣтно исчезаетъ въ окружности, равно какъ и цвѣтъ, уменьшаясь въ своей яркости, постепенно сливается съ естественнымъ окружной кожи, подобно облакамъ при закатѣ солнца, или полосамъ дождя, видимымъ издали, въ которыхъ

мелька, замѣтить, гдѣ начинается одна и гдѣ оканчивается другая.

Исслѣдованіе костей.

Кости могутъ быть предметомъ судебнаго исслѣдованія, если трупъ чело-вѣка, умершаго насильственною смертію, по какимъ бы то ни было обстоя-тельствамъ оставался долгое время не-исслѣдованнымъ, такъ-что всѣ мягкія части у него сгнили, и только по ко-стамъ можно открыть причину смерти, или-когда откроется, что человекъ, похороненный нѣсколько лѣтъ назадъ тому, какъ умершій своею смертію, былъ убитъ, отравленъ и т. д.,—въ такомъ случаѣ могутъ быть вырыты изъ могилы однѣ кости, и по нимъ-то надобно будетъ производить слѣдствіе. Правила исслѣдованія костей состоятъ въ слѣдующемъ: прежде всего кости обмываются чистою водою, и если онѣ такъ долго лежали въ землѣ, что отдѣлились одна отъ другой въ своихъ со-ставахъ, то, до начала свидѣтельствова-нія, ихъ должно связать между со-бою такъ, какъ онѣ соединены у чело-вѣка, и положить на доску, имѣющую кругомъ возвышенные края, чтобъ ко-сти не могли упасть на землю. Если послѣ простаго обмыванія водою, какъ чаще и бываетъ, на костяхъ не будетъ открыто предполагаемыхъ признаковъ раненія, то ихъ должно подвергнуть отпариванію. Для этого вырывается яма — длиною въ 5, ширною въ 3, а глубиною въ 2 фута, и въ ней раскла-дывается огонь. Послѣ достаточнаго нагрѣванія, въ яму вливаютъ нѣсколько чашекъ подогрѣтаго вина, смѣшанна-го съ уксусомъ; угли и остатки недо-горѣвшихъ дровъ вынимаются, а вмѣ-сто ихъ кладутся исслѣдуемыя кости и прикрываются сверху листьями по-льни. Спустя 2 - 3 часа, когда яма остываетъ, по снятіи осторожно поль-ни, кости вынимаются изъ ямы, кла-дутся на доску и переносятся на ров-ное мѣсто, достаточно - освѣщенное солнцемъ. При осмотрѣ слѣдователь долженъ держать надъ собою зонтикъ изъ красной клеенки.

Во время ненастной погоды, вмѣсто нагрѣванія въ амѣ, кости должно варить. Для этого берется глиняный (а не чугунный), широкій, но не такъ глубокий сосудъ, наливается достаточнымъ количествомъ воды, въ которую прибавляютъ поваренную соль, наваръ плодовъ тамаринды, и кладутся кости. Послѣ нѣсколькихъ вскипавій, кости вынимаются, обмываются простою водою и переносятся для осмотра въ болѣе-свѣтлое мѣсто. На мѣстахъ, подвергавшихся раненію, усмотрятся: кровь червотая, или красная, трещины, или самые переломы, и т. под.

Примечаніе. Надобно помнить, что продолжительное вареніе, равно какъ и отпариваніе костей въ амѣ, не могутъ служить вѣрнымъ средствомъ для открытія на нихъ поврежденій, а поведутъ скорѣе къ ошибкамъ, и потому они, вообще, должны производиться недолго. Опытность въ этомъ случаѣ—лучшій руководитель въ назначеніи времени. При вареніи костей должно остерегаться, чтобъ въ сосудъ не попало олово, а тѣмъ болѣе самый сосудъ не долженъ быть оловянный: отъ этого могутъ почернѣть кости; тогда и значительное раненіе можно не замѣтить. Такую уловку дѣлаютъ иногда служители, помогающіе при свидѣтельствovanіи, подкупленные кѣмъ-нибудь изъ причастныхъ къ дѣлу, а потому за нихъ должно имѣть строгій надзоръ и выбирать всегда людей честныхъ. Но если бы, при всемъ вниманіи, этотъ обманъ случился, то вотъ какое средство можно испытать для очищенія костей: переварить ихъ снова въ наварѣ изъ трухи ишеничной соломы и порошка растенія *ма-хуанъ* (*equisetum...*), того же другаго по двѣ ланы (20 драхмъ), а потомъ обмыть чистою водою.

Случается, что кости отъ продолжительнаго времени, особенно, если онѣ лежали на открытомъ воздухѣ, вывѣтриваются, или частію разрушаются и теряютъ чрезъ то всѣ признаки бывшаго поврежденія. Въ этомъ случаѣ, вмѣсто вывариванія въ водѣ и распариванія въ амѣ, лучше распаривать ихъ

надъ водяными парами, кладя на рѣшотку изъ ивовыхъ прутьевъ, установленную надъ сосудомъ съ кипящею водою. Послѣ достаточнаго разгораченія костей, рѣшотку снимаютъ, а кости, обсушивъ надлежащимъ образомъ, подвергаютъ осмотру. Можетъ быть, надъ костями полуразрушившимися этотъ способъ останется безуспѣшнымъ; но надъ костями вывѣтрившимися его можно употребить, какъ вѣрный и лучшій. Но если бы случилось, что изъ однихъ изъ приведенныхъ способовъ не было открыто поврежденія на костяхъ, между-тѣмъ всѣ предшествовавшія обстоятельства показываютъ, что онѣ дѣйствительно подвергались раненію, то должно прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Напримеръ: можно испытать накапываніе масла, намазываніе подозрѣваемаго мѣста тушью, потиравіе кости тонкою бумагою. Если кость была ранена, то масло войдетъ въ ея трещину и, спустя нѣсколько времени, будетъ видно въ кости, если держать ее противъ свѣта. Когда смочутъ съ кости намазанную на нее и высохшую тушь, то на раненномъ мѣстѣ останется черная черта, или пятно, смотря потому, было ли раненіе въ видѣ трещины, или малаго отверстія. Отъ потиранія тонкою бумагою на томъ мѣстѣ, гдѣ было поврежденіе, и, слѣдовательно, неровность, остаются волокна бумаги.

При освидѣтельствovanіи недавно-согннвшаго трупа, на костяхъ, неуспѣвшихъ вывѣтриться, можно различать пятна, происшедшія отъ оставившейся здѣсь крови во время прекращенія жизни. По виду пятенъ и ихъ направленію можно судить, хотя приблизительно, о формѣ той вещи, которою нанесено раненіе: продолговатыя пятна показываютъ, что и орудіе было такого же вида, а круглыя— что ударъ нанесенъ головою, пинкомъ ноги и т. д.

При изслѣдованіи раненій на костяхъ, осматривая труповъ, *су-цзо*, долженъ объявить вслухъ всѣмъ находящимся при слѣдствіи, что свидѣ-

тельствуемыя кости найдены въ такомъ-то мѣстѣ, имѣли такой-то положеніе, что кости, напримѣръ, головы—такая-то и такая-то—найлены всѣ цѣлыми, или не достаетъ такой-то, что на такой-то части известной кости найдены такой-то признаки раненія. Также долженъ объявить и о костяхъ лица и т. д., до послѣдняго пальца на ногѣ.

По окончаніи слѣдствія, главный чиновникъ, производящій его, долженъ собственноручно перенумеровать всѣ свидѣтельствованныя кости и завернуть ихъ, каждую отдѣльно, если онѣ разсыпались, въ простую бумагу, а потомъ въ промасленную бумагу; если же онѣ не отделились одна отъ другой, то обертываются всѣ вмѣстѣ одною бумагою и кладутся въ сосудъ, на крышкѣ котораго прикладывается печать. Такія предосторожности необходимо-нужны тогда, если можно предполагать, что слѣдствіе, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, надобно будетъ скорѣе повторить; въ противномъ случаѣ, кости можно позволить похоронить; но и здѣсь изъ предосторожности не худо написать кругомъ могильной насыпи, разведенною въ водѣ известію, какія-нибудь буквы такъ, чтобъ половина ихъ приходилась на землѣ, а половина на могильной насыпи, и отдать это мѣсто до известнаго времени подъ строгій надзоръ.

О различіи истинныхъ ранъ отъ ложныхъ на костяхъ.

Различіе истинныхъ ранъ на костяхъ отъ ложныхъ, т. е. произведенныхъ послѣ смерти человека, или когда всѣ мягкія части трупа сгнили, сопряжено гораздо съ большими затрудненіями, нежели на частяхъ мягкихъ; особенно, если кости продолжительное время подвергались вліянію вѣшняго воздуха, или даже находились въ землѣ. Здѣсь все дѣло состоитъ въ наглядности: кому часто случалось видѣть трещины, переломы, вдавленія и

тому подобное, сдѣланныя на костяхъ искусственно, тотъ по виду отломковъ можетъ скоро отличить ихъ отъ поврежденій, нанесенныхъ на кости при жизни человека; но вообще—и опытному трудно отличить искусственное раненіе, если оно было сдѣлано давно, и кости вмѣстѣ съ нимъ долгое время лежали на воздухѣ, или въ землѣ. При распознаваніи раненій недавнихъ должно руководствоваться красотою, свойственною поврежденіямъ, сдѣланнымъ при жизни человека. Эта красота можетъ быть или яркая, или блѣдная, или наконецъ переходить въ багровый цвѣтъ, а иногда — почти въ черный. Причина остающихся пятенъ на мѣстахъ, претерпѣвшихъ раненіе, объяснена выше, то-есть, что кровь при жизни человека обращается всюду равномерно, а при раненіи устремляется болѣе къ тому мѣсту, на которое дѣйствовало вѣдшее насиліе, и остается тутъ, если смерть прекратила обращеніе ея во все мѣстѣ; отъ чего и происходятъ пятна разнаго рола, отъ вердѣлости разной степени, смотря потому—скорѣе или медленнѣе слѣдовала смерть за предшествовавшимъ поврежденіемъ. Для поддѣлки ложныхъ раненій на костяхъ, обманъ употребляетъ средства, похожія на тѣ, какія употребляются на частяхъ мягкихъ: такъ, для произведенія краснаго цвѣта—употребляютъ наваръ краснаго сандалнаго дерева, соединенный съ растваромъ квасцовъ. Черный цвѣтъ поддѣлывается какою-нибудь черною краскою, а средній между чернымъ и краснымъ—смѣсью сказаннаго наваръ сандала съ черною краскою. Всѣ эти подкраски легко отсрываются тѣмъ, что неглубоко входятъ въ существо кости, болѣе-поверхностны, и легко уступаютъ скобленію ножа, выходящая поверхность кости, одноцвѣтную съ мѣстами неповрежденными. Этого не бываетъ съ пятнами истинныхъ раненій. Они, проникая глубоко въ существо кости, удерживаютъ свой цвѣтъ и при скобленіи ножомъ.

Способъ открывать то мѣсто, на которомъ былъ сожженъ трупъ.

Бываютъ случаи, что преступникъ, желая скрыть преступленіе, сожигаетъ жертву своего убійства, а пепелъ развѣиваетъ по вѣтру, такъ - что при открывшемся въ послѣдствіи дѣлѣ, не остается никакого доказательства въ улику обвиняемому; между-тѣмъ, законы требуютъ ясныхъ подтвержденій, на которыхъ бы можно было основать достойное наказаніе злодѣю. По-нятно, съ какими трудностями сопряжено открытіе истины въ такихъ случаяхъ. Если есть живая улика, если есть свидѣтели, подмѣтившіе совершеніе злодѣянія и самое стараніе скрыть его сожиганіемъ трупа, то слѣдствіе можетъ быть произведено и скоро и вѣрно; но когда преступленіе открылось чрезъ долгое время и то по однимъ слухамъ, самъ преступникъ, еслибы его схватили, зная весь ходъ дѣла, мало доказывающій его вину, не замедлитъ защищать себя совершеннымъ незваніемъ приписываемаго ему злодѣянія, то въ такомъ случаѣ слѣдствіе должно остановиться или ограничиться неясными показаніями. Здѣсь предлагаются способы, хотя и не совершенно-вѣрные, но болѣе или мѣнѣе помогающіе въ слѣдованію. Должно взять нѣсколько земли съ того мѣста, на которомъ, предполагается, былъ сожженъ трупъ, положить въ чашку съ горячею водою и размѣшать. Если на поверхности воды чрезъ нѣсколько времени покажутся жирныя пятна, то можно заключить, что на этомъ мѣстѣ былъ дѣйствительно сожженъ человѣкъ. Равнымъ образомъ, и по треску особаго рода, если держать кусокъ испытуемой земли надъ пламенемъ, по запаху, который слышенъ въ это время отъ нея, можно судить о бывшемъ на этомъ мѣстѣ сожженіи. Замѣчено, что трава на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сожигали трупъ, растеть обильнѣе, гуще и выше сравнительно съ окружною травою. Это, говорить, зависитъ отъ-того, что человѣческой

жиръ доставляетъ корнямъ растенія питательную пищу. Кромѣ этого средства, предлагаются другія, весьма-занимательныя по своей странности, а потому стоющія быть вписанными сюда, не смотря на то, что трудно предположить, чтобы они ближе вели къ открытію. Совѣтуютъ на то мѣсто, гдѣ сожженъ трупъ, наложить горячихъ углей, а на нихъ высыпать нѣсколько горстей, конопляныхъ сѣменъ. Масло, содержащееся въ сѣменахъ, отъ дѣйствія жара вытечетъ и вберется землею, и когда снимутъ угли, то на землѣ обозначится фигура человѣка. По оставшимся сѣменамъ, которыя соберутся на тѣхъ только мѣстахъ обозначившейся фигуры, гдѣ трупъ имѣлъ поврежденіе, можно открыть и самый видъ бывшей раны. Но еслибы этого было недостаточно, то можно прибѣгнуть къ слѣдующему испытанію: надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вытекшимъ изъ сѣменъ масломъ обозначилась фигура человѣка, по удаленіи сначала оставшихся сѣменъ, раскладываетъ огонь и выливаются винныя дрожжи. Когда огонь усилится, то приливаютъ въ достаточномъ количествѣ уксусъ, и надъ парами его держатъ хорошо-лакированный, новый столъ, соотвѣтствующій длинѣ человѣка. Поднявшіеся пары уксуса приставутъ къ поверхности стола и тускомъ своимъ обозначатъ фигуру человѣка, на которой, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было поврежденіе, тускъ будетъ иной густоты и тѣмъ представится ясный очеркъ бывшихъ раненій. Какъ ни замысловато это средство, но въ немъ еще не вполне видна склонность Китайцевъ къ чудесному. Въ слѣдующемъ

Способъ узнавать родство посредствомъ капли крови

можно видѣть, до какой степени велика у нихъ эта склонность и какъ мало подчиняютъ они свои предразсудочныя понятія здравому смыслу. Трудно повѣрить, какими-образомъ подобные бредни переходятъ за черту простолудья, не умираютъ съ годами усо-

вершенствованія народнаго образованія, а живутъ сотни лѣтъ за урядъ съ истинною, укрѣпшая за собой это право печатью въ книгахъ. Уложенія уголовной палаты, существующія нѣскольکو династій, слѣдовательно, нѣскольکو сотъ лѣтъ, почти безъ переимѣнъ, или съ малымъ числомъ прибавленій, перепечатываютъ ихъ съ буквальною точностью. Этого достаточно для того, чтобъ сказать, что подобныя вещамъ въ Китаѣ вѣрятъ не одинъ старухи. Въ уваженіе заступничества книги, издавонной правительствомъ, а пересказывающаго дѣйствіе родственной крови, во всѣхъ отношеніяхъ похожее на сказку.

Капли крови могутъ соединяться между собою только у родственниковъ. Въ кость можетъ войти кровь однихъ только родственниковъ. На этомъ основанъ способъ узнавать между трупами — родственника, или между костями — кости, принадлежащія родственнику, — употребляемый какъ въ судебныхъ случаяхъ, для подтвержденія показаній дощщиковъ, навывающихъ трупъ своимъ родственникомъ, или для улики самого преступника, который можетъ иногда отпираться, что убитый нтъ человекъ не родственникъ его и т. д., такъ и въ обыкновенныхъ случаяхъ, для открытія, на-примѣръ, потерянныхъ малолѣтнихъ дѣтей, и т. п.

Человѣкъ, получая отъ отца и матери тѣло и жизнь, есть остатокъ отца и матери, продолженіе ихъ, — а потому дѣйствіе крови можетъ быть испытываемо между родителями и дѣтми, между однокровными братьями и сестрами, между дѣломъ и внукомъ и даже между прадедомъ и правнукомъ; въ прочихъ же степеняхъ родства оно прекращается, такъ что кровь мужа и жены, двоюродныхъ братьевъ, сестеръ и т. д. не соединяется между собою. Въ книгѣ *Бу-юанъ-лу* сказано, что дѣтя есть остатокъ отца: нтъ матери оно только выходитъ. Слѣдовательно, кровь матери не можетъ соединиться съ кровью сына. Но этому противорѣчатъ

опыты, — сказано въ другой книгѣ, — и развѣ дѣтя, находясь въ утробѣ матери, не принимаетъ отъ нея ничего? Можетъ-быть, кровь матки, коришцы не соединится съ кровью нтъ приемыша, хотя онъ и питался нтъ молокомъ. Но въ этомъ случаѣ начальная жизнь, полученная дѣтатемъ отъ родной матери, только продолжалась, поддерживалась молокомъ другой женщины.

Накапываніе крови взято съ привѣровъ, сохранившихся во многихъ, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшаго времени книгахъ. Въ книгѣ *Янъ-манъ-доо-лу* приводится привѣръ первый голою династіи *Минъ* (за 350 лѣтъ до сего). Стихотворецъ *Динъ-хао-лянъ*, потерявъ свою мать при нашествіи непріателя, долго не могъ отыскать трупъ ея, чтобъ похоронить его на фамильномъ кладбищѣ съ должнымъ сыновнимъ почтеніемъ. Однажды онъ увидѣлъ ю снѣ мать, и она сказала, гдѣ покоится ея кости. Утромъ сынъ отправляется на указанное ю снѣ мѣсто и находитъ тамъ черепъ, и по вѣбу, который удѣлѣтъ въ немъ, узнаетъ, что онъ принадлежалъ его матери. Чобъ лучше удостовѣриться въ этомъ, онъ разрѣзалъ у себя палецъ и вытекшую кровь капалъ на найденный черепъ. Кровь скоро вошла въ него: тогда стихотворецъ заключилъ, что кости принадлежатъ его матери, и перенесъ ихъ на свое кладбище.

Прозвздоство испытанія состоитъ: въ простомъ накапываніи крови на кость, или въ накапываніи капли крови двухъ человекъ въ сосудъ, наполненный водою. Въ первомъ случаѣ, если кровь войдетъ въ кость, а во второмъ, если капли крови соединятся между собою, можно заключить о родствѣ между человекомъ, накапывающимъ на кости свою кровь, съ тѣмъ, кому принадлежали кости, или о родствѣ между испытуемыми людьми. Открытіе будетъ состоять въ томъ, что убійца есть родственникъ своей жертвы, или нтъ; что два человека, разлученные обстоятельствами другъ отъ

друга,—родители, потерявшіе дѣтей и т. д.,—при новой, печальной встрѣчѣ, подтверждать свое предположеніе о близкомъ родствѣ, или разувѣрятся въ томъ.

Будетъ ли испытаніе дѣйствія крови дѣлаться съ судебною цѣлю, или просто для подтвержденія родства въ обыкновенныхъ случаяхъ, всегда должно помнить тѣ обстоятельства, которыя могутъ вмѣнять это дѣйствіе, мѣшать ему. Въ соленой водѣ, въ оловянномъ сосудѣ, въ сосудѣ, содержавшемъ долгое время соленыя вещества, капли крови не соединятся между собою, хотя бы онѣ были капли близкихъ родственниковъ. Въ сосудѣ, вымытомъ не растворомъ соли въ уксусѣ, соединится всякая кровь, хотя бы капли ея были изъ людей, неимѣвшихъ между собою родства. Въ кости, вымытыя, или вываренныя въ просоленной водѣ, или только въ оловянномъ сосудѣ, капля крови не войдетъ и тогда, еслибъ она принадлежала близкому родственнику. Подобныя обстоятельства могутъ встрѣчаться или отъ неосторожности, по незнанію, или когда хотять обмануть слѣдователя, какъ это часто и случается въ судебныхъ дѣлахъ. Поэтому, подвергая изслѣдованію кости давно-лежащія, вмѣющія на себѣ куски невзгнившаго мяса, замаранныя грязью и т. д., необходимо ихъ обмыть, или, какъ сказано въ правилахъ изслѣдованія костей, иногда взрить; должно стараться, чтобъ вода, назначенная для обмыванія, или для варенія костей, была чиста, безъ постороннихъ примѣсей, сосудъ не оловянный, а глиняный. Во время варенія, или обмыванія костей должно наблюдать, чтобъ осмотрщики труповъ, подкулаченные кѣмъ-нибудь, не всыпали въ сосудъ соли, или не прибавили уксуса. Такія же предосторожности должно имѣть въ виду и при изслѣдованіи соединенія капель крови между собою въ водѣ. И здѣсь сосудъ долженъ быть глиняный, новый, неупотребленный для соленія овощей; вода,

наполняющая его, должна быть свѣжая, чистая, и т. д.

СЛУЧАЙ.

Повесть Ш. Н. Гролье.

Въ небольшой изящно-убранной гостиной, на диванѣ ярко-гранатоваго цвѣта, сидѣли, склонясь другъ къ другу, два человѣка и вмѣстѣ читали. Весеннее солнце уже заходило и живописно освѣщало эти два непохожія, но прекрасныя лица. Судя по ослабительной свѣжести, тонкимъ, улыбающимся чертамъ лица, отливистымъ щекамъ и блистающей бѣлизнѣмъ лба женщины, можно было подумать, что ей не болѣе восемнадцати лѣтъ, и только строгость костюма, свобода въ движеніяхъ и округленность формъ показывали, что она пятью или шестью годами старше. Смуглое, задумчивое и холодное лицо молодого человѣка дѣлало его на первый взглядъ гораздо-старше, и только тонкія линіи около висковъ, рта и подбородка обличали въ немъ юношу.

Двѣ прелестныя дѣвочки, отъ трехъ до пяти лѣтъ, играли въ темномъ уголку комнаты. Чудные бѣлокурые волосы, граціозно завитые, чистенькія платьица, бѣленькія ручки и плечики, — все говорило о заботливости матери. Но въ эту минуту она о нихъ не думала, и только по-временамъ, когда шумъ и рѣвый дѣтскій смѣхъ мѣшала ей читать, подымала голову и ласково говорила имъ: «Не шумите, дѣти; вотъ ужъ цѣлый часъ, какъ я не могу разобрать, что читаю». Вдругъ старшая дѣвочка подошла къ ней и, положивъ ручонки на книгу, спросила: «Маменька, скоро папа придетъ?» — «Ты пренесносная сегодня, Полина», отвѣчала мать съ выраженіемъ неудовольствія: «подите играть въ мою комнату; только будьте ушны.»

Она встала, вывела ихъ за руку изъ

гостинной, воротилась и сѣла подлѣ молодого человѣка.

Книга вышла у него изъ рукъ. Онъ смотрѣлъ на эту сцену съ страннымъ чувствомъ, и грустнымъ и радостнымъ. Молодая женщина подняла книгу, слегка покраснѣла и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ сказала ему: «Кажется, надо будетъ снова прочесть послѣднюю страницу: право, изъ нея я ничего не поняла.»

Тогда онъ перечелъ вслухъ слѣдующее мѣсто изъ дантовой «Divina Comedia»:

«Франческа Римпини на вопросъ Данта отвѣчаетъ ему:

«Я родилась на берегахъ Адриатики. Любовь, сродная благородной душѣ, овладѣла сердцемъ Паоло, пораженного красотою, которой лишилъ меня такимъ жестокимъ образомъ. Любовь, которая требуетъ, чтобъ любимый любилъ, пробудила во мнѣ двоякую привязанность; но, увы! любовь привела насъ къ одинаково-бѣдственному концу.»

Слыша эти стоны страждущихъ душъ, Данте уныло склоняетъ голову и говорить:

«О, какіе сладостные помыслы, какіе небесные восторги привели ихъ къ этому несчастному жилищу!» Потомъ, обращаясь къ нимъ: «Франческа, твои страданія исторгаютъ у меня слезы. Но скажи мнѣ, въ пору нѣжныхъ вздоховъ какъ сказала въ васъ любовь, какъ поняли вы свои страстные желанія?»

— Величайшее страданіе, отвѣчала она: — вспоминать счастливые дни, когда пора бѣдствій наступила. Но если ты хочешь знать вѣчатки нашей любви, я расскажу тебѣ ихъ сквозь слезы. Разъ мы читали вместе исторію влюбленнаго Дансло; мы были одни, и никто не сторожилъ насъ. Нѣсколько разъ во время чтенія глаза наши туманились, лица покрывались краской; во было мѣсто въ книгѣ, которое насъ погубило. Когда мы прочитали, какъ цалуется Дансло улыбающіся уста Женеьевы, онъ (Богъ да не разлучитъ насъ никогда!) трепетно поцаловалъ меня въ уста. Въ этотъ день мы уже больше не читали.»

Когда молодой человѣкъ дошелъ до отвѣха

Quel giorno più non vi leggemmo avanti,

голосъ его задрожалъ и онъ сталъ еблѣднѣе, тогда-какъ лицо и плечи слушательницы покрылись чудными румянцемъ стыдливости. Взоры встрѣтились; она склонилась къ нему и онъ сжалъ ее въ своихъ планетныхъ объятіяхъ. Въ упоеніи отъ перваго цалуя, переполненные любовью и влеченіемъ, они не слышали тяжелыхъ шаговъ, раздавшихся въ прихожей; слышали, какъ отворилась дверь. Сидѣли обнявшись, такъ-что ноги его касались ея локоновъ,—сидѣли подвижно, какъ-бы подавленные женствомъ. А въ комнатѣ стоялъ тій человѣкъ; безмолвно, стиснувъ бы, онъ озираетъ эту нескончаемую него сцену; губы его дрожали... Наконецъ, онъ судорожно топнулъ ногою; женщина вздрогнула, быстро подлѣсь съ своего мѣста, блуждающій взоромъ окинула комнату и увидѣла блѣдную, какъ-бы подкошенная смѣлымъ взглядомъ мужа.

Въ бѣшенствѣ, онъ приблизилъ Молодой человѣкъ бросился къ ней на встрѣчу.

— Ради Бога, простите ея мое увлеченіе! Я увижу, вы никогда не увидите!

— Въ-самомъ-дѣлѣ! отвѣчалъ драженный супругъ съ страшною улыбкой. — Нѣтъ, я еще полагаю тобою встрѣтаться, Шарль! Но женщина!..

— О, простите ее, простите насъ! Тогда женщина встала и торопясь поступью подошла къ мужу. Странная блѣдность ея мало-по-малу прояснилась яркимъ румянцемъ.

— Вы узнали тайну, сказала она; которую мы хотѣли скрыть другъ отъ друга... Живя съ вами, я краемъ смотрѣть на свое несчастіе, исполненіе долга... Теперь можно... Я не могу принадлежать вамъ, предъ которыми должна буду жить въ удивленіи, покуда кончится дѣло о нашемъ разводѣ. Простите мнѣ скорбь, которую я

причинила, потому-что я тоже жестоко страдала!

Она заливалась слезами; однако взяла свою шляпку, шаль и пошла къ двери. Муж ея какъ-бы обезпамятѣлъ: овъ не рѣшился остановить ее, и только въ ту минуту, когда она переступала порогъ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— А дѣти твои, несчастная!

Она остановилась; этотъ вопросъ отозвался въ ней болѣзненнымъ сотрясеніемъ, какъ-будто отъ электрическаго удара. Она провела рукою по лицу и воротилась въ комнату. чувство матери заговорило въ ней. Но увидѣвъ передъ собою мрачно-величавую фигуру Шарля, взглянувъ на это прекрасное, дышавшее страстью лицо, она вновь обрѣла силы и бросилась изъ комнаты.

Г. де-Сувиньи проводилъ ее глазами, потомъ подошелъ къ Шарлю и съ адской радостью сжалъ его руки.

— Я васъ воспиталъ, я замѣнилъ вамъ отца; и вотъ чѣмъ вы мнѣ прислужились?—Хорошо. Теперь вы знаете, что вамъ остается дѣлать. Сю минуту, не такъ ли?

— Нѣтъ... завтра... подождите... когда вы успокоитесь!..

— Успокойсь? Кажется, я довольно спокоенъ! Видѣ я вамъ не мѣшалъ...

— Умоляю васъ, выслушайте меня! Мы увлеклись минутной страстью, тогда-какъ не было у насъ и на мысли воступка, который могъ бы быть для насъ оскорбительнъ.

— Говорю я вамъ, одинъ изъ насъ долженъ умереть.

— Нѣтъ, я не стану съ вами драться!

— Что жъ вы, трусь?

Шарль пожалъ плечами.

— Не-уже-ли вы не можете понять, что намъ нельзя драться безъ причины? Что никто не повѣритъ ничтожному предлогу? Что жена ваша будетъ обезславлена, обезславлена вами, безъ основанія, почти безвинно! И наконецъ, не думаете ли вы, что я подвину руку на своего опекуна, своего един-

ственнаго друга? Нѣтъ, мы можемъ сойтись съ оружіемъ въ рукахъ, но я не стану защищаться:— вы убьете меня, обезславите жену и дочерей своихъ!

— Вы, кажется, правы, и я удивляюсь, какъ нашлось у васъ столько хладнокровія! Но—вы правы... Мнѣ остается одно средство—развестись, а потомъ умереть отъ горя и влости.

Шарль хотѣлъ говорить.

— Подите, сударь; теперь уже нѣтъ ничего общаго между нами.

Послѣ минутнаго раздумья, Шарль вышелъ изъ комнаты, потупивъ голову, блѣдный... самъ не вѣря приливу бурной радости, которая овладѣвала его сердцемъ.

Камилла де-Сувиньи къ господину де-Сувиньи.

Сен-Маръ, 10 мая 1808.

• М. Г.,

• Теперь вы знаете, что я никогда не была счастлива. Сначала умерла моя мать, и хотя я была еще ребенкомъ, но эта потеря отозвалась во мнѣ долгою и глубокою печалью. Потомъ умеръ отецъ мой, и я его горько оплакивала. Вы замѣнили мнѣ отца. Въ печальномъ монастырѣ мнѣ отрадно было видѣть васъ, и я питала къ вамъ чувство дружбы и уваженія. Сдѣлавшись вашей женою, потомъ матерью, я узнала новое, грустное чувство: сначала я не умѣла его объяснить иначе, какъ воспоминаніемъ о понесенныхъ утратахъ; теперь — мы знаемъ его настоящій источникъ... Всѣ мы очень-жалки.

• Сейчасъ говорила я съ вашимъ нотаріусомъ. Онъ объявилъ мнѣ о необходимости развода и неизбежныхъ при немъ тягостныхъ формальностяхъ; что въ-продолженіи года надо будетъ четыре раза выслушать увѣщанія судьи; что необходимо согласіе въ распоряженіяхъ по имуществу... особенно, объ имуществѣ нашихъ дѣтей... Нотаріусъ сказалъ мнѣ, что обыкновенно въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ раздѣлу... Но я слишкомъ виновна передъ вами, ви-

новна противъ воли, и желала бы заглядеть свой проступокъ. Поступайте по внушенію вашихъ мыслей, даже относительно бѣдныхъ дѣтей моихъ... Когда актъ будетъ готовъ, пришлите, я подпишу его.

• Я удалялась въ Сен-Маръ, къ мой тѣткѣ г-жѣ де-Сент-Обенъ. Въ продолженіе года, я викада не выйду, развѣ только для исполненія принятыхъ приличій, — *ликою* не увижу, кромѣ вашего нотариуса.

• Прощайте; постарайтесь забыть меня и быть счастливымъ... счастливымъ же меня.

Г. де-Сувиньи не хотѣлъ входить въ подробности составленія акта объ инашествѣ. Нотариусъ его, человѣкъ честный, распорядился какъ слѣдуетъ. Но когда возникъ вопросъ, за кѣмъ останутся дѣти:

— Пусть она возьметъ ихъ, вскричалъ Сувиньи: — я не хочу ничего видѣть, что напоминало бы мнѣ ее. Пусть возьметъ ихъ. Останься они у меня, я разбилъ бы ихъ въ дребезги, какъ эти часы.

И въ бѣшенствѣ, онъ ударилъ часы объ полъ.

Нотариусъ заботливо подобралъ дребезги, положилъ ихъ въ бюро, потомъ внесъ въ условія развода, что дѣти останутся у г-жи Сувиньи.

Камилла Сувиньи къ Шарлю
Дюпрѣ.

Сен-Маръ.

I.

• Можетъ-быть, лучше было бы и не писать къ вамъ; но мнѣ слишкомъ тягостна мысль — цѣлый годъ не слышать и не видать васъ; а я общала г. Альберу *ликою* не принимать въ продолженіе года, и сдержу свое слово. Поэтому, прошу васъ, не старайтесь отклонить меня отъ этого намѣренія, если хотите набавить меня отъ новыхъ, безплодныхъ страданій. — Вамъ въ того пишите мнѣ часто; и тихія, отрад-

ныя мысли будутъ разгонять мою тоску и беспокойство. Можетъ-быть, вы не понимаете всей мѣры скорби, которую чувствуетъ женщина послѣ поступка, подобнаго тому, на который я рѣшилась? Вы не знаете всего, что я вытерпѣла.

• Немыслимое, мучительное безпокойство овладѣло мною, когда я оставила домъ моего мужа. Я шла, сама не зная куда. Наконецъ, силы начали меня оставлять, я почувствовала необходимость въ убѣжищѣ... Оглянувшись, я была смущена множествомъ проходящихъ, которые пристально на меня смотрѣли. Куда бѣжать? куда скрыться? у чьей двери рѣшусь я поступиться? кому расскажу свое горе? — Голова моя горѣла, я боялась за свой расунокъ. Вдругъ, вспомнила я о тѣткѣ къ Сен-Обенъ. Эта мысль озаарила меня. Санъ Богъ послалъ мнѣ ее. Вика проѣзжающій мимо фіакръ, подымая извозчика и приказывая ему везти меня въ Сен-Маръ. Вѣроятно, я была очень разстроена, потому-что извозчикъ посмотрѣлъ на меня и колебался, отперать ли дверцы. Наконецъ, вѣла въ карету, дверцы захлопнулись, и тогда мнѣ стало понятно, что я навсегда разлучена съ мужемъ, съ дѣтьми, съ обществомъ. Я бросилась на колѣни и зарыдала: извозчикъ сошелъ съ козелъ и подошелъ посмотреть, что со мною. Я опустила вуаль и сказала ему, сколько могла твердымъ голосомъ, чтобы онъ ѣхалъ дальше.

• Мы выѣхали за заставу и миновали печальныя поля Монружа. Фіакръ двигался медленно, но мнѣ хотѣлось бы ѣхать еще тише... Когда мы достигли возвышенностей Шатильона, я въ послѣдній разъ взглянула на Парижъ съ его куполами, колокольнями, громадами домовъ, и когда дорога поворотила въ сторону, горло скрылось изъ глазъ моихъ, я еще сильнѣе почувствовала свое горе и одиночество.

• Наступила ночь, а мы все еще шли. Въ послѣдствіи, я удивлялась, какъ мнѣ не было страшно. Дорога шла мнѣ

стами совершенно - пустынными, почти-дикими, и придорожныя деревья, которыя мы оставляли за собою, сквозь сумерки, казалось мнѣ, движутся какъ тѣни. Порою слышались мнѣ плачь и стоны:—то былъ лай дворовыхъ собакъ на фермахъ.

• Наконецъ, мы пріѣхали въ бѣдную деревеньку Сен-Маръ, гдѣ все было мрачно и безмолвно. Кучеръ съ трудомъ нашелъ домъ тѣтушки, долго стучалъ у воротъ, и только вой собаки былъ ему отвѣтомъ. Черезъ четверть часа, ворчливая служанка спросила сквозь форточку, что притащился такъ поздно.

• — Это я, проговорила я сквозь слезы.

• Но она меня не узнала. Наконецъ, вышла сама г-жа Сент-Обенъ: услышавъ мой голосъ, она тотчасъ отперла двери, и, замѣтивъ мое разстройство, обняла меня.

• — Что съ тобой, моя бѣдняжка, ужь не умеръ ли мужъ твой?

• То было новое страданіе.

• — Тѣтушка, я пріѣхала къ вамъ просить убѣжища... Я расскажу вамъ всѣ свои несчастія... Войдите, сдѣлайте милость... Тутъ такъ холодно.

• Однако, надо было заплатить извозщику. У меня не было денегъ, а г-жа Сент-Обенъ не хотѣла дать ему столько, сколько онъ требовалъ. Долго еще они спорили, а я, держась за нее, дрожала и едва могла устоять. Она свела меня въ комнату, велѣла развести большой огонь, и когда служанка ушла, посмотрѣла на меня, какъ-бы спрашивая, что со мною случилось.

• Вы никогда не видали тѣтушки, и я сама мало знала ее. Въ 92 году, будучи уже въ лѣтахъ, она поселилась въ деревенькѣ Сен-Маръ, въ старинномъ зданіи, когда-то служившемъ аббатствомъ: тутъ жила она среди поселятъ, какъ-будто-бы и родилась въ этомъ состояніи, и такимъ-образомъ ее не достигло преслѣдованіе во время революціи. Не знаю отъ-чего, но тѣтушка не была слишкомъ-дружна съ роднею: родители мои соблюдали въ-отношеніи

къ ней только условія приличія, и я видѣла ее не болѣе, какъ разъ въ годъ. Я заставляла ее всегда одну. Она была мала ростомъ, худощава; лицо у ней было желтое, въ морщинахъ, губы сжатые, кожа сухая, голосъ рѣзкій и отрывистый; но она сохранила всю свою прежнюю живость, и свѣтло-голубые глаза ея никогда не остаются въ покоѣ. Не смотря на доброту ея къ окружающимъ, она всегда внушала мнѣ какой-то страхъ. Въ эту минуту мы сидѣли лицомъ-къ-лицу, и ея испытующій взглядъ заставилъ меня потупить глаза. Я не знала, какъ приступить къ разсказу, нѣсколько разъ усиливалась начать, но слезы, сколько я ни удерживала ихъ, не давали мнѣ выговорить слова. Наконецъ, я стала передъ нею на колѣни; она ласково склонилась ко мнѣ, поцаловала меня въ лобъ... Тогда я не могла уже болѣе удерживаться, и рыдая, прерывисто разсказала ей о своемъ замужствѣ, о темной, непонятной тоскѣ, которая меня томилла, о скучныхъ удовольствіяхъ свѣта, о нашемъ возвращеніи изъ Германіи, о томъ, какъ мы читали виѣстѣ, какъ читали въ послѣдній разъ...

• Въ-продолженіе моего разсказа, холодное, суровое лицо г-жи де-Сент-Обенъ прояснилось и приняло то кроткое выраженіе сочувствія, къ которому, казалось, она не была способна. Она пожимала мнѣ руки, старалась ободрить меня, плакала виѣстѣ со мною, и мнѣ показалось, что и она, должно-быть, была когда-то очень-несчастлива.

• Старая служанка не разъ входила посмотрѣть, не ложится ли ея госпожа. Только въ полночь, чего никогда не случается въ Сен-Марѣ, разошлись мы по своимъ комнатамъ. Комнаты эти и теперь, какъ прежде, имѣютъ видъ маленкихъ келлій, примыкающихъ къ длиннымъ корридорамъ. Тѣтушка отвела меня въ одну изъ нихъ— темную, сырую,—въ ней два стула и орѣховый столъ; изъ этой-то комнаты пишу я къ вамъ. Теперь полночь, огонь въ каминѣ погасъ, и мнѣ такъ холодно, что я

съ трудомъ держу перо; прощайте на сѣгодняшній вечеръ. Холодно будетъ молиться, но молитва мнѣ нужна. Скажите, молитесь ли вы иногда той сердечной молитвой, отъ которой становится такъ хорошо?»

II.

«Письмо мое опечалило васъ: вы говорите, что теперь всѣ чувства ваши происходятъ отъ меня... я рада этому; будьте же счастливы, потому-что я въ настоящую минуту счастлива.

«Сегодня утромъ я съ грустью перечитывала ваше письмо, когда Бабета объявила мнѣ о приходѣ нотариуса. Смолода окруженная страданіями, я сдѣлалась чувствительнѣе другихъ, и часто трогали меня вещи, которыя иной, болѣе-счастливой женщиной, показались бы ничтожными; я замѣтила даже, что неопредѣленная грусть всегда у меня предшествуетъ печальнымъ извѣстіямъ. Въ эту минуту ужаснулъ меня приходъ нотариуса, который принесъ распоряженіе, сдѣланное относительно моихъ дѣтей. Я предчувствовала новое несчастіе и съ трудомъ встала, чтобъ принять г. Було.

«Онъ подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ довольнымъ видомъ и объявилъ, что принесъ разводный актъ, одобренный моимъ мужемъ. Съ безпокойствомъ и страхомъ смотрѣла я на него, но ни по лицу его, ни по голосу нельзя было угадать—горе или радость принесъ онъ мнѣ. Онъ подалъ мнѣ бумаги, я взяла; но волненіе мое было такъ сильно, что я уронила ихъ; онъ ловко поднялъ и предложилъ прочитать. Я упала въ кресла и закрыла глаза. Онъ прочелъ мнѣ двадцать страницъ дѣловаго слога; а я, занятая воспоминаніями и своимъ горемъ, ничего не слышала. Когда онъ кончилъ, я спросила его:

— А дѣти мои? Кто будетъ ихъ воспитывать?

«Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Какъ! сказалъ онъ: — вы не поняли?

«Онъ прочелъ то мѣсто, гдѣ говорится о дѣтяхъ: въ этотъ разъ я ужъ сіушала. Г. Сувиньи отдастъ мнѣ детей; онѣ будутъ со мной, даже въ должніе годичнаго испытанія! Я согласилась на колѣни, благодаря Богу благословляя мужа. Мнѣ отгадуть ихъ бѣднѣхъ малютокъ! Боже мой, могу еще быть счастлива! И другой образъ, спокойный, улыбающійся представился мнѣ въ будущемъ, я старалась удалить его, думать объ одномъ г. де-Сувиньи, и когда онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, я хотѣла молиться только о его счастьи.

«Видите ли, если мы и забыли свои обязанности, то надо вспомнить ихъ. Г. де-Сувиньи даетъ намъ примѣръ жертвованій. Трудно мнѣ будетъ видѣть васъ, но я должна это сдѣлать, я хочу этого. Не бродите же около его аббатства и вѣрьте, что я отъ буду помнить ваши пожертвованія.»

III.

«Я счастлива, я весела, — на меня нападаютъ слезы: это — слезы радости. Онъ здѣсь! Все мое блаженство здѣсь. Вы любите описанія и рассказы; расскажу вамъ, можетъ-быть, бесполезно, потому-что буду останавливаться, чтобъ цаловать своихъ малютокъ, которыя сидятъ у меня на колѣняхъ.»

«Я была съ тѣтушкой въ компаніи, смотрѣла на зеленѣющіе старники, раскинушіеся подъ ногами по склону пригорка, на сверкающія глубины узкой долины ручей. Птички щебетали, сіяло солнышко, видъ веселой природы таготивалъ. Сегодня воскресенье; въскопанная земля, ряженныхъ поселянокъ съ корзинами, шли по тропинкѣ, которая вьется по долине. Приятно было слышать издали ихъ гласное пѣніе; ко мнѣ то долетали звонкіе, полные звуки, то, казалось, замирали, какъ смутное ахо. Видно, увидѣла я со стороны Жунъ другъ»

гушияхъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ. За нами двѣ женщины. Онѣ приближались; я смотрѣла на нихъ какъ на небесное видѣніе. Сердце у меня сильно билось, но не надеждой, потому что свачала я не узнала дѣтей; притомъ надо было ожидать, что онѣ пріѣдутъ въ Сен-Маръ въ каретѣ. Между-тѣмъ, группа приближалась; я начала различать прекрасные каштановые волосы малютокъ; онѣ бѣжали, рвали цвѣты, гонялись за бабочками. Вдругъ та изъ нихъ, которая была повыше, остановилась и указала пальцемъ на то мѣсто, гдѣ мы сидѣли. Шедшія съ ними женщины спросили что-то у проходившей крестьянки; малютка, прыгая, протянула ко мнѣ ручки и мнѣ послышалось: «Маменька! маменька!». Не слушая словъ тѣтушки, я бросаюсь впередъ, — калитка заперта, — я перескакиваю черезъ загородъ и канавку, и — дочери въ моихъ объятіяхъ. О, еслибъ вы видѣли ихъ улыбки! еслибъ вы слышали ихъ радостные крики! Онѣ обвиняли меня изо всей силы, и я забыла свое горе.

• Наконецъ, мы собрались идти и — тутъ только я замѣтила, что сдѣлала опасный скачокъ. Невозможно было вернуться тѣмъ же путемъ. Тѣтушка, которая, между-тѣмъ, сошла внизъ, хотѣла прислать ключъ; но я слишкомъ торопилась увести дѣтей къ себѣ въ комнату, и потому, взявъ ихъ на руки, пустилась по деревенской тропинкѣ, неровной, но короткой — и пришла домой раньше г-жи Сент-Обенъ. Я заперлась въ своей комнатѣ — и теперь еще сижу въ ней; ни для кого, кроме васъ, не перестала бы я палочать дѣтей; но мнѣ хотѣлось подѣлиться съ вами своей радостью. — Прощайте; не ревнуйте!

IV.

• Вчера я перечувствовала много того, чего бы, конечно, не перенесла, еслибъ оно повторилось. Надо было идти къ г. Миллеру, президенту нашему даржедаго окружнаго трибуна-

ла, чтобъ объявить ему наше требованіе развода. Г. Було пришелъ за мною поутру. Мы отправились. День былъ величаво-ясный, воздухъ свѣжій, уютельный. Дордогой вспомнила я то время, когда еще дѣвочкой, бывало, возвращаюсь отъ г-жи де-Сент-Обенъ, съ запасомъ цвѣтовъ, бабочекъ и веселыхъ воспоминаній. Сколько надеждъ было тогда, сколько игривыхъ грезъ о будущемъ счастьѣ! свѣтъ, котораго я еще не знала, казался мнѣ такимъ добрымъ, такимъ прекраснымъ!

• Пріѣхали; вошли въ кабинетъ президента. У меня не доставало духа взглянуть, тутъ ли г. де-Сувиньи. Въ комнатѣ ничего не было, и я вздохнула свободнѣе, какъ-будто отсрѣчили мой приговоръ; но видъ этого важнаго, сухо-чиннаго кабинета уже томилъ меня. Г. де-Сувиньи вошелъ. Я хотѣла идти къ нему на встрѣчу; но ноги измѣнили мнѣ, и я упала въ кресла. Глаза мои наполнились слезами; виски сильно бились, и нѣсколько минутъ я ничего не видѣла и не слышала.

• Потомъ явился судья, — надо было встать. Глухимъ голосомъ, отъ котораго у меня сжалось сердце, г. де-Сувиньи сказалъ ему: — именемъ закона, я пришелъ просить дозволенія на разводъ съ Камиллой де-Сент-Обенъ.

• Мнѣ слѣдовало повторить тѣ же слова. Я плакала и не могла говорить. Судья смотрѣлъ на меня любопытнымъ, пытливымъ взоромъ, отъ котораго я еще болѣе оробѣла. Наконецъ, когда я повторила роковыя слова, онъ взялъ кодексъ и началъ читать намъ о послѣдствіяхъ развода съ обоюднаго согласія. Мнѣ было тяжело; я невольно трепетала отъ этой торжественности и отъ унижительныхъ предостереженій, которыя слѣдовали одно за другимъ.

• Окончивъ чтеніе, онъ началъ увѣщевать насъ сдѣлать взаимныя уступки и не упорствовать въ нашемъ рѣшеніи. Въ сильныхъ выраженіяхъ, но холодно и монотонно представилъ онъ намъ неудобства развода. — Вы молоды, сказалъ онъ мнѣ наконецъ: — черезъ

годъ вы разоидетесь съ своимъ мужемъ. Что вы тогда будете дѣлать? Законъ не позволяетъ вступать въ новый бракъ раньше трехъ лѣтъ; что съ вами будетъ въ это время? Попадете въ дурное общество, потому-что хорошее васъ отвергнетъ. Это не предразсудокъ: актриссы называютъ предразсудкомъ то, что патнаетъ ихъ жизнь.

• Я чувствовала, что блѣднѣю, что силы оставляютъ меня.

• — Милостивый государь, вскричалъ г. де-Сувиный: — вы выступаете изъ предѣловъ своей обязанности! Ваши слова оскорбительны, а пока она носить мое имя, я не позволю!

• Колѣни мои подкосились, и я упала къ ногамъ мужа. Я взяла его руки, хотѣла просить прощенья, хотѣла умолять его отказать отъ постыднаго развода, но суровый взглядъ г. де-Сувиныи обладалъ меня холодомъ. Онъ отнялъ руки и объявилъ, что не отступитъ отъ своего рѣшенія. Тогда нотариусы наши передали бумаги г. Миллеру, и онъ тщательно просмотрѣлъ ихъ, и какъ-бы съ намѣреніемъ возобновить мои страданія, громко прочелъ документы о смерти моего отца и матери.

• Наконецъ, формальности были выполнены, и мы разстались, не сказавъ другъ другу ни слова; между-тѣмъ, еслибъ онъ хотѣлъ, еслибъ онъ сказалъ хоть слово, еслибъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ, я бы возвратилась къ нему. Спокойствіе, можетъ-быть, никогда бы не вернулось ко мнѣ, но я сохранила бы дочерямъ мойиъ имя незапятнанное; не слышала бы я, какъ станутъ говорить вокругъ нихъ: «ихъ мать въ разводѣ съ мужемъ!»

• Отъ этихъ мыслей у меня голова трещала. Зачѣмъ я васъ узнала? Я жила такъ спокойно, пока не увидѣла васъ... О! простите, простите! Вы открыли мнѣ истинное счастье! Я прозрѣла какъ растение; вы дали мнѣ душу и чувства. Пожайте меня, пожайте о моихъ страданіяхъ; но повторите мнѣ, что вы меня любите, — и я не буду болѣе страдать.

V.

• Возвратившись отъ президента, была какъ убитая, и тѣтушка наврасно старалась развлечь меня. На другой день поутру, она пришла въ мою комнату, сѣла у изголовья постели и спросила, какъ провела я ночь. Я отвѣчала, что страдала головой, грудью всѣмъ; но что желала бы я страдать еще больше и избавиться отъ жизни.

• Она взяла меня за руки и пристально на меня посмотрѣла; странное чувство, смѣшанное съ ироніей, разлилось на ея изможденномъ лицѣ. «Такъ и я думала лѣтъ сорокъ назадъ, сказала она: — а чрезъ нѣсколько лѣтъ уже жила здѣсь, спокойнѣе и веселая, какъ только можно быть спокойной и довольной въ этомъ мірѣ, и когда оглядывалась назадъ, — мои прошлыя несчастія казались мнѣ внутреннимъ сномъ. А я была несчастна, тебя... Да, дитя мое, гораздо-несчастнѣе, повторила она, замѣтивъ мой внимательный взглядъ. Тутъ она рассказала мнѣ свою исторію, спокойно, какъ-будто дѣло шло не о ней, а о комъ-нибудь постороннемъ; только въ это время до времени, она отворачивала голову, и я слышала, какъ голосъ почти-незамѣтно дрожалъ.

• Тѣтка моя въ 1765 году вышла замужъ за молодого шатлетскаго прокурора. Онъ любилъ ее, и она въ него влюбилась, — первые нѣсколько мѣсяцевъ брака прошли въ упоеніи. Но по-малу г. де-Сент-Обенъ началъ охлаждать къ ней и скоро охлажденіе совершенно: когда она, обходясь сѣнами вокругъ его шен, хотѣла пошутя удержать его съ собою, онъ бо отталкивалъ ее. Впрочемъ, онъ смягчался, называлъ ее сестрой Эмиліей; но это только тогда, когда хотѣлъ выпросить въ сестриченъ часть ея приданаго. Онъ не хотѣлъ возвратитъ любовь мужа, но исполняла его желанія.

• Какъ-то разъ одна изъ ея сестричекъ открыла ей, что г. де-Сент-Обенъ влюбленъ въ актриссу и променялъ на нее. При этой вѣсти, у тѣтушки

нерю сердце; она не могла продолжать разговора и полъ этнмъ предложень удалчалась въ свою комнату. Тамъ упала она въ кресла, прислонилась горячей головой къ мраморному камину и въ такомъ положеніи, потерянная, ждала возвращенія недостойнаго супруга. Онъ возвратился, по обыкновенію, въ два часа утра. Походка его была нетвердая, глаза отяжелѣвшіе, лицо разгорѣвшееся. Онъ подошелъ къ женѣ, и, послѣ нѣсколькихъ грубыхъ ласкъ, просилъ послѣдняго незначительнаго остатка ея приданаго. Она смѣло отказала ему; онъ обнялъ ее и за тѣмъ послѣдовала такая ужасная сцена, что даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, тѣтушка не имѣла духа рассказать ея подробности. Она была беременна, и отъ дурнаго обращенія съ нею родила ребенка мертваго. Послѣ продолжительной болѣзни, она встала, но была слаба, нервы ея были разстроены, и каждый разъ, когда она видѣла мужа, у ней начинались судороги.

• Къ счастью, онъ не тревожилъ ея своимъ присутствіемъ, потому - что оставилъ даже дѣла и часто по нѣсколькимъ днямъ не возвращался домой. Недовольные кліенты оставили его и скоро онъ дошелъ до того, что долженъ былъ продать все свое движимое имущество. Тѣтушка не разъ приходилось насыщать безъ ужина. Думала она удалиться къ своему ладѣ, который воспиталъ ее, но надежда, что протопитъ и терпѣніемъ, можетъ-быть, возвратитъ мужа, и еще другая, болѣе сильная причина, въ которой не могла она сознаться самой-себѣ, — удерживала ее.

• Видя необходимость заняться дѣлами, которыми г. де-Сент-Обанъ совершенно оставилъ, она часто совѣщалась съ его единственнымъ клеркомъ. Это былъ юноша съ умомъ необыкновеннымъ и пріятельной наружностью. Скоро тѣтушка замѣтила, насколько-слишкомъ, достоинства г. Трепора—его безпрѣдѣльную преданность, проникающее выраженіе его взгляда

Т. Л. — Отд. VIII.

и голоса. Бесѣды ихъ становились чаще и чаще, продолжительнѣй и продолжительнѣй; и хотя онъ еще не осмѣливался говорить о любви, но г-жа де-Сент-Обанъ уже не сомнѣвалась, что она была любима. Она чувствовала необходимость удалить его, но не рѣшалась привести въ отчаяніе единственнаго, какой только оставался ей, друга. Каждый разъ откладывая она исполненіе этой тяжелой обязанности до слѣдующаго дня, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, мужъ ея въ бѣшенствѣ вбѣжалъ къ ней въ комнату. Замѣтилъ ли онъ дѣйствительно, что происходило въ домѣ, или искалъ только случая застрашать тѣтушку; но страшные, энергическіе упреки его напугали ее; онъ объявилъ, что сейчас же прогонитъ клерка, если тѣтушка не подпишетъ дарственной записи, которую и представилъ ей. Тѣтушка собрала все свое мужество и доблесть, и отказала. Г. де-Сент-Обанъ, изстуженный, ослѣпленный гнѣвомъ, тотчасъ же удалилъ Трепора, который одинъ только и поддерживалъ сколько-нибудь его существованіе.

• Тутъ проявился вполне-зловный характеръ г. де-Сент-Обана; тѣтушка переносила неслыханныя мученія и наконецъ должна была удалиться къ ладѣ.

• Г. Трепоръ написалъ къ ней страстное письмо. Въ отвѣтъ своемъ, она призналась, что замѣтила его любовь, что была тронута ею, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказала ему въ свиданіи. Однако, кажется, онъ успѣлъ склонить ее, и, уходя однажды отъ нея вечеромъ, былъ пораженъ пиагой и умеръ на мѣстѣ. Убийцъ не могли открыть; но г-жа де-Сент-Обанъ была увѣрена, что виновникомъ этого злодѣянія былъ ея мужъ.

• Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, она получила письмо, наполненное ругательствами и угрозами:—г. де-Сент-Обанъ просилъ у нея денегъ. Она не отвѣчала. Черезъ два дня, вошедъ въ свою комнату, она замѣтила за занавѣской легкой движеніе; на крикъ ея сбѣжались

7/4

люди, и изъ алькова вышелъ мужъ, проклиная ее и общія отмстить.

• Съ этого дня, она не знала ни минуты покоя; ложась спать, съ трепетомъ осматривала она за занавѣсками и подъ кроватью и боялась оставаться одна: ей все казалось, что кто-то идетъ за ней, что кто-то дышетъ на нее; она не смѣла поднять глаза, чтобъ не увидѣть г. де-Сент-Обэна. Часто, встрѣтаясь на гуляньѣ, онъ бросалъ на нее грозные взгляды; часто писалъ къ ней письма, отъ которыхъ ей становилось еще тяжеле. Къ-счастью, онъ скоро потомъ умеръ отъ апоплексическаго удара—слѣдствія необузданнаго разврата. Г-жа де-Сент-Обэнъ хотя была еще молода, но не хотѣла вступить въ новый бракъ и постоянно жила у дяди, который потомъ отдалъ ей все свое имущество.

• Вотъ, что разсказала мнѣ г-жа де-Сент-Обэнъ, и, соглашаясь, что она была еще несчастнѣе меня, а оплакивала ея судьбу, и мнѣ становилось какъ-то легче. Я видѣла ея спокойствіе, ея веселость, слышала, какъ говорила она о своемъ счастьѣ, и, сравнивая свое положеніе съ ея горемъ, благодарила Бога за его милосердіе ко мнѣ.

VI.

• Прошелъ годъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я въ первый разъ являлась къ президенту Миллеру просить титула жены, разведенной съ мужемъ! Жизнь моя съ-тѣхъ-поръ шла печально и однообразно, а между-тѣмъ, какъ-то не вѣрится, что уже двѣнадцать мѣсяцевъ отдѣляютъ меня отъ того времени. Какъ невѣрно измѣреніе времени! Иначе этотъ годъ испытанія показался бы мнѣ вѣчностью; а теперь я не могу представить себѣ, что онъ уже кончился; теперь я съ ужасомъ жду минуты невозвратнаго рѣшенія.

• Цѣлый годъ! И какой! Четыре раза я была въ Парижѣ: четыре раза слушала увѣщанія, или скорѣе, упренн судьи; четыре раза переносила взгляды, блѣдность, презрѣніе моего

мужа. Вотъ все, что осталось въ памяти; а прочее время протекло капля за каплей, такъ-что я не умѣю сказать, въ чемъ именно протекло онъ. Годъ испытанія, три года вдовства, потомъ, лѣтніа сожалѣнія, и вотъ угрызения совѣсти!..

• Сегодня поутру, въ обычный часъ пришелъ нотаріусъ и объявилъ, что должна найти два почетныя лица не моложе пятидесяти лѣтъ, которые должны присутствовать при актѣ объявленія о желаніи развода.

• Кого выбрать? къ кому изъ прежнихъ друзей могу обратиться съ такою просьбой? Двухъ почтенныхъ людей, которые бы восторжнн изъ рывающія душу увѣщанія!..

• Странный обрядъ кончать! Намъ еще не было мнѣ такъ тяжело. Какъ я вошла въ кабинетъ президента, г. Сувинья сидѣлъ опустившись въ креслахъ. Онъ всталъ, и хотя я едва смѣла взглянуть на него, однако замѣтила въ его лицѣ глубокую скорбь, отъ которой мнѣ стало еще тяжелѣе. Впрочемъ, онъ не былъ блѣденъ. Эти волосы, побѣлѣвшіе снѣгомъ, эти исхудавшія щеки и опущенныя глаза... причиною такой перемѣны была одна я, которая казалась самымъ счастливымъ! Боже мой! что стало со мною, если отецъ моихъ дѣтей, Господи! избавь меня отъ этой размысли!

• Два мои свидѣтеля подошли ко мнѣ; я хотѣла благодарить ихъ, какъ?...

• Слѣдовало вновь объявить, что остаемся при нашемъ намѣреніи; слѣдовало выслушать замѣчанія свидѣтелей; слѣдовало поднести просьбъ. Г. Сувинья первый всталъ; онъ, казалось, былъ сильно пораженъ и колебался. Я чувствовала себя ослабѣваю; я подошла къ нему, чтобы, я бы просила прощенья, увидѣвъ меня, торопливо вынулъ изъ своего кармана, когда онъ передавалъ мнѣ на его коснулся моей руки, и я увидѣла въ ней тѣломъ. Я оперлась на него и взглянула на его подлинно:

ла сдѣлана дрожащей рукой. ее почти нельзя было прочесть; рѣзкій росчеркъ почти насквозь разорвалъ бумагу. Я вспомнила ваши слова, что по почерку можно судить о чувствѣ писателя... и подписала.

VII.

• Сейчас я получила копию съ судебного рѣшенія, по которому мы можемъ явиться для выслушанія акта о нашемъ разводѣ. Нотариусъ мой замѣтилъ, что если чрезъ двадцать дней мы не явимся, то это рѣшеніе потеряетъ свою силу.

• Итакъ, еще не все кончено! Я еще не переступила за роковую преграду, и жестокая неизвестность будетъ терзать меня еще двадцать дней! Вы бы нашли, что я сильно извѣнилась, еслибъ увидѣли меня; а похудѣла какъ скелетъ; кожа высохла; руки мои гирять.

• Еще двадцать дней въ неизвестности буду я ждать рѣшенія г. де-Сувины, потому-что сама, конечно, не провинюся его; и если онъ мнѣ ничего не скажетъ... разводъ нашъ не состоится? Слышу ваши жалобы: вы упрекаете меня, что я уступаю, предвзвудку. Но любовь къ дѣтямъ развѣ предвзвудокъ? Странное дѣло! Я первая просила развода; я такъ желала его, когда онъ былъ далеко отъ меня; а теперь, когда сейчасъ могу получить его, — колеблюсь, и готова отказаться. Увы! въ минуту моего брака я также колебалась. Сначала, я рада была, что выйду изъ монастыря; но по мѣрѣ того, какъ приближался назначенный день, мнѣ становилось страшно, и хотя тогда я еще не знала васъ, но мнѣ казалось, что я буду несчастлива. Не-уже-ли такое же предчувствіе и теперь родилось во мнѣ? Должна ли я уступить ему? Должна ли броситься изъ его югантъ?..

• Не мучайтесь, милый эгоистъ; вотъ приглашеніе на завтра къ мѣру. Г. де-Сувины торопится!

VIII.

• Наконецъ, мой другъ, я свободна, и безъ преступленія могу любить тебя!

наконецъ, я могу тебя видѣть и дать клятву принадлежать тебѣ, какъ-скоро бракъ нашъ будетъ возможенъ по закону. Я вижу твой нахмуренный взглядъ: три года кажутся тебѣ слишкомъ долги. Но вѣдь вы можете говорить мнѣ о вашей любви, я могу увѣрять васъ въ своей; мы можемъ часто видѣться, можемъ жить надеждой... О, Шарль! Шарль! какія вознагражденія я обещаю вамъ!

• Вы, вѣрно, хотите знать, каково было наше послѣднее свиданіе. Вы, конечно, думаете, что, пріѣхавъ къ мѣру, я подавлена была воспоминаніями супружества; что живѣе прежняго чувствовала предстоющую лишенія и оскорбленія. Такъ думала и я, отправляясь изъ дома къ мѣру, и потому взяла съ собою флаконъ. Но не такъ сдѣлалось: я была тверда и безстрастна точно такъ же, какъ еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ: потому-что одна мысль овладѣла тогда мною. Пріѣхавъ въ Парижъ, я увидѣла васъ на бульварѣ, и хотя вы не замѣтили меня, но я узнала вашу задумчивую походку, ваше блѣдное лицо и подумала, сколько счастья могу еще я принести вамъ. Дѣ, Шарль! увидѣвъ васъ, я еще глубже почувствовала любовь къ вамъ; я почувствовала, что эта любовь можетъ проникнуть всю мою душу, что прійдетъ время, когда я забуду свѣтъ, чтобъ думать только о васъ!

IX.

• О, другъ мой! какіе тяжелые слѣды оставилъ во мнѣ твой вчерашній приходъ! Какъ смущена я сегодня! Вспомнившая твои слова, твой восторгъ, я провела жгучую ночь, — и чѣмъ больше думала, тѣмъ сильнѣе убѣждалась въ необходимости удалиться; я не должна тебя видѣть до той минуты, когда, чистая и спокойная, стану предъ алтаремъ, чтобъ соединиться съ тобою навсегда.

• Не обвиняй меня въ недостаткѣ любви: ты видѣлъ вчера, какъ я блѣднѣла, краснѣла, дрожала, когда ты явился передо мною. Обиняя меня, ты чувствовалъ, какъ сильно билось мое сердце; но ты не знаешь... о! нѣтъ, ты не

ШАРЛЬ КЪ КАМИЛЛА.

I.

Наис.

когда не узнаешь, хотя бы я и сказала тебѣ, какъ трудно было мнѣ противиться твоимъ просьбамъ, слезамъ твоимъ! Ты не знаешь, что я уже готова была покориться въ ту минуту, какъ два ангела пришли мнѣ на защиту—мои дочери!

• Шарль, я повторяю холодно, рѣшительно, что не хочу васъ видѣть до дня нашей свадьбы. Увѣжайте, путешествуйте, разсѣивайтесь; но я не останусь вблизи отъ васъ; не подвергайте меня ежедневной борьбѣ и сожалѣніямъ. Вы знаете, вы сами говорили мнѣ, что добродѣтель женщины похожа на тѣ индійскіе кубки, которые разбиваются, когда въ нихъ попадаетъ капля яда. У людей, привыкшихъ къ мыслямъ болѣе-важнымъ, къ убѣжденіямъ болѣе-обдуманнымъ, у людей испытанныхъ, можетъ-быть, достаетъ силъ остановиться на крутомъ склонѣ порока; но женщины, которыхъ все благоразуміе состоитъ въ чувствѣ, у которыхъ одинъ сторожъ—вѣра, любовь, падаютъ въ бездну при первой ошибкѣ.

• Такъ вы когда-то говорили мнѣ, Шарль, и мнѣ отраднѣе вспомнить эти слова ваши, нежели вчерашнія.

• Я буду жалѣть, можетъ-быть, не такъ сильно, какъ ты, мой вѣрный другъ, но также глубоко,—и это будетъ сожалѣніе, а не раскаяніе. И мои дочери! вы видѣли ихъ, какъ онѣ прекрасны, веселы, добры! именемъ ихъ и своимъ именемъ умоляю васъ—не разрушайте нашего будущаго счастья! Вы любите путешествія; вотъ время для этой склонности; но, увѣжая, помните, что надо писать ко мнѣ часто. Говорите мнѣ о мечтахъ, гдѣ вы будете, о чувствахъ, мысляхъ, которыя эти мѣста пробуждаютъ въ васъ, которыя вы внесете въ нихъ съ собою. Говорите мнѣ о своей постоянной любви; вѣрьте въ любовь мою; но если не хотите оскорбить моего материнскаго чувства, если вы сохранили ко мнѣ какое-нибудь уваженіе, увѣжайте, не старайтесь меня видѣть!»

• Вы желали: надо было удалять не простившись съ вами. Останьтесь третьяго-дня, упоенный счастьемъ и надеждой, я долженъ былъ, сладко сердцемъ, бѣжать отъ васъ.—вы же этого. О, Камилла! сколько мнѣ страдала уже мнѣ ваша любовь! сколько ночей безъ сна! сколько дней и недель я въ слезахъ! И въ то время, когда бы мы могли быть счастливы, бѣжать! И вы же называете меня стоишь!

• Съ отчаяніемъ въ душѣ пошелъ на почтовый дворъ и спросилъ и въ отправлявшемся diligencіи. рошно, что никого не было со мной diligencіи, потому что когда мы нулись въ дорогу, я заплакалъ ребенокъ.

• Долго катился diligencіи; перенесли лошадей,—я еще не зналъ да мы ѣдемъ. Наконецъ, вдали вокругъ, я съ изумленіемъ и радостью узналъ, что мы близъ Мо, на той горѣ, по которой я возвращаюсь вами изъ Пломбьера. О! сколько минувшій родилось въ головѣ моей эту минуту. Г. де-Сувины сидѣли да подлѣ васъ въ глубинѣ кареты его присутствіе несколько не стало нашей бесѣды, потому что оно прошло тогда и не дѣли, какъ я съ вами. Мы оба были такъ малы. Помните ли, какъ мы любовались живописными фабриками, красивыми реками, которыя стали въ радостно для того, чтобы смотрѣть васъ; и луга, покрытые полевыми цвѣтами, и плоскіе берега Мозелли, паньяны бѣгущими вдали отъ ни? Помните ли, какъ, выходя изъ Шалона, мы, не смотря на то, что де-Сувины, остановились, чтобы смотрѣть восходъ солнца. Мы на вершинѣ довольно-большаго холма къ востоку тянулась огромная, низкая равнина, и на небѣ, надъ горизонтомъ зарею, расцвѣтала вечерняя

силуаты шалонских колоколенъ. Мало-помалу, изъ-за зубчатыхъ кро-вель поднялось солнце и освѣтило долину, покрытую легкимъ туманомъ. Сначала мы увидѣли Марю, которая являлась огромнымъ серебрянымъ змѣ-емъ; потомъ — высокіе тополи, поды-навшіеся минаретами, среди округлен-ныхъ куполами аблонь; потомъ раз-бросанныя деревни, стада, цѣпистыя луга. Помните ли, съ какими энту-зіазмомъ смотрѣли мы на эту картину; взоры наши встрѣчались по тайному согласію, въ которомъ вамъ отказы-вался мужъ вашъ.

• Я снова увидѣлъ тѣ же картины, но смотрѣлъ на нихъ холодно: не чув-ствовалъ очарованія, которое прида-вало мнѣ тогда ваше воображеніе. Каждый разъ, когда Марья, извиваясь близъ дороги, выказывалась съ ея зелеными лугами, я смотрѣлъ на нее съ какою-то нѣжностью; я слѣдилъ за нею до Парижа, и съ грустью думалъ, что она бѣжитъ къ вамъ, а я долженъ отъ васъ удалиться.

• Потомъ — опять увидѣлъ я тульскій соборъ, которымъ вы такъ любовались. Я увидѣлъ его съ удовольствіемъ; онъ показался мнѣ старымъ другомъ, съ которымъ можно было говорить объ васъ.

• Тутъ мнѣ показалось, что я еще не такъ несчастливъ. И какъ благода-рилъ я случай, который привелъ меня на дорогу, гдѣ на каждомъ шагу можно было вспомнить о васъ! А когда воспоминанія мои, казалось, истощи-лись, я нашелъ новый источникъ на-слажденія: рѣшился идти въ горы, гдѣ когда-то встрѣтилъ васъ, отыски-вать мѣста, которыми мы вмѣстѣ лю-бовались и оживить тѣмъ-образомъ въ памяти то счастье, которое такъ быстро пролетѣло въ моей жизни. •

II.

Пломбьеръ.

• Намонецъ, я остановился въ Плом-бьеръ! Такъ же какъ тогда, живу про-тивъ гостиницы, которую вы занима-ли. Съ такой, сладкой грустью смотрю

я на этотъ балконъ, гдѣ вы гуляли передъ завтракомъ, и иногда, погло-щенный воспоминаніемъ, забываю все горе, пережитое съ-тѣхъ-поръ; намет-ся, будто окно отворилось: явился вы, сердце мое сильно бьется при видѣ, какъ наклоняется ко мнѣ ваша дивная голова.

• Сегодня утромъ я пошелъ по бере-гу рѣки, и вдругъ очутился передъ фонтаномъ Станислава, противъ уте-са, гдѣ встрѣтились мы въ первый разъ. Я остановился и, прислонившись къ дереву, не могъ отвести глазъ съ того мѣста, на которомъ вы тогда стояли!

• Вы, можетъ-быть, не помните это-го; но я никогда не забуду.

• Приѣхавъ изъ Германіи, я пришелъ къ вамъ въ то время, когда вы съ г. де-Сувиныи и другими вышли изъ дома. Мнѣ показали, куда вы пошли, и я на-шелъ подлѣ фонтана нѣтъ или шесть женщинъ. Одна изъ нихъ была такъ хороша, такъ граціозна, такъ пре-красна! Я былъ въ восторгѣ, что опе-куна моего не было подлѣ нея. Но онъ вышелъ изъ избушки, обнялъ меня, представилъ вамъ, положилъ вашу ручку въ мою, и я принялъ ее съ со-жалѣніемъ!

• Помните ли маленькую долину, которая тянется вдоль люксобльской дороги? — Нѣсколько рябины, ясени, разбросанныя по равнинѣ; говорли-вый ручей, сельскій мостъ, перенну-тый такою чудной зеленью, такими прекрасными деревьями, что издали можно было принять его за англій-скій садъ! Вы какъ-то говорили мнѣ, что вамъ бы хотѣлось поселиться тамъ, жить фермеркой среди голубей и куръ, ѣздить верхомъ по горамъ на тамошнихъ маленькихъ лошадакахъ. Я смѣялся тогда и не вѣрилъ, чтобъ вы могли отказаться отъ удовольствій свѣ-та, въ которомъ у васъ столько тор-жества; но теперь я узналъ васъ лучше, и если вы хотите, Камилла, мы посе-лимся тамъ. Вы знаете, я бѣденъ; ваше состояніе также невелико, и въ Пари-жѣ, можетъ-быть, вы будете чувство-

вать лишениа, если не сожалѣнія. Здѣсь—мы будемъ богаты. Я куплю эти дуга и дѣса, которые вы полюбили. Какое наслажденіе—жить здѣсь, въ постоянномъ удивленіи, ходить вмѣстѣ по этимъ горамъ и изучать ихъ жителей, птицъ, насекомыхъ и растенія; какое удовольствіе хозяйничать, улучшать нашу ферму, имѣть лучшихъ собакъ, лучшихъ лошадей, лучшихъ коровъ въ цѣломъ департаментѣ! Наконецъ, если бы и замедлились часы, если вы хотите дать вашимъ дѣтямъ свѣтское образованіе, то въ Пломбьерѣ, на водахъ мы найдемъ и лучшее общество.

• Что скажете вы на мое предложеніе? Такъ ли оно вамъ нравится, какъ мнѣ? Чувствуете ли вы въ себѣ довольно твердости, чтобъ жить пустынною? Скажите — тотчасъ же примусь за приготовленія: это будетъ для меня отпаднымъ занятіемъ, и прискливая все, что можетъ привлечь васъ, я забуду о томъ, сколько времени еще васъ не увижу. »

III.

• Вотъ мы и владѣльцы въ Вогезскихъ Горахъ. Я кончилъ дѣло — купилъ сто акровъ луговъ и дѣса. Въ Эпинальѣ нашелъ я архитектора, который принялъ, чего мнѣ надо, и на-дняхъ мы прийдемся за работу. Планъ дома уже почти конченъ. Домъ будетъ обращенъ на востокъ; изъ оконъ видна долина и люксийская дорога. Два павильона будутъ соединены галереей. Широкий балконъ — родъ индійскаго верандага, на тонкихъ желѣзныхъ столбахъ, такъ-что въ дождливое время можно будетъ гулять вокругъ дома. Сначала мнѣ хотѣлось сдѣлать плоскую кровлю; но надо было отказаться отъ этого желанія, потому-что снѣга здѣсь слышкомъ велики. Я бросился въ другую крайность, и крыши наши поднимутся этенъюрами, какъ на нашемъ аббатствѣ.

• Внизу будетъ зала, бібліотека, бильярдная и столовая.

• Въ первомъ этажѣ одинъ павиль-

онъ для дѣтей, и—ни однаго прохода не проникнетъ въ ваше святилище: я поселюсь въ газетѣ; другой павильонъ назначается для слугъ, и тамъ нѣсколько комнатъ для друзей. Везде очень-просто, но, вѣдься, изящно и удобно.

• Вотъ мои планы. Можетъ-быть, когда-нибудь я вознагражу меня за это сладкая улыбка, отъ которой я такъ часто бываю счастливъ. »

Камилла къ Шарлю.

• Три роковыя года окончатся черезъ два мѣсяца. Пріѣзжайте въ Сен-Мартинъ за новыми приказаніями. К...

Получивъ это письмо, Шарль тотчасъ же пустился въ дорогу, вѣроятно къ одиннадцати часамъ уже въ старомъ аббатствѣ Сен-Мартина. Взволинованный сильными ощущеніями, онъ остановился передъ воротами. • Что она дѣлаетъ теперь? думалъ онъ: • чувствуетъ ли, что я такъ далеко? Вѣрно, она не слыхала, какъ подѣлалъ, иначе выбѣжалъ бы встрѣчу.— Но возможно ли, чтобъ она не слыхала? Если какое-нибудь несчастіе... если я, полный надеждъ и вѣрности, увижу счастье мой жизни разрушеннымъ? И тысли печальныя мысли ронялись въ голову Шарля. Дрожащей рукой поднялъ онъ огромный молотокъ и ударилъ: дверь зашумѣла и издала плачевный звукъ; сдѣлвн собаки начали страшно лаять въ аббатствѣ было все тихо. Шарль томительнымъ наумленіемъ началъ слушиваться. Прошло минутъ пять, онъ показался ему цѣлымъ часомъ; онъ слушалъ и ничего не слышалъ, ничего, кромѣ біенія своего сердца въ глухомъ шумѣ въ ушахъ.

Наконецъ, старая служанка открыла форточку. Шарль тотчасъ началъ ей задавать вопросы. Вдругъ услышалъ онъ голосъ, отъ котораго задрожала душа его; дверь открылась, и онъ уже былъ въ объятіяхъ Камиллы.

— Какъ вы замѣнились! какъ вы рѣзались! говорила ему Камилла, она

редь камнемъ вѣстѣ съ двумя своимъ дочерьямъ, которыя также проснулись. Вы были очень-несчастливы? И постигли! О! впередъ я не отпущу васъ ни на день отъ себя.

Шарль былъ въ восторгѣ; а между-тѣмъ, обычная задумчивость не сходила съ улыбающагося лица его. «И вы перешивались» говорилъ онъ: «во иначе: вы похорошѣли. Какъ идетъ къ вамъ этотъ важный, спокойный, величественный взглядъ! Такъ смотритъ горный духъ, у котораго одна мысль — любовь, одно чувство — любовь! Какъ нравится мнѣ эта ясность взгляда: прежде онъ всегда былъ туманенъ...» Шарль остановился, в грустное чувство омрачило его лицо при воспоминаніи прошлыхъ горестей.

Наконецъ — надо было разстаться. Пробило двѣнадцать часовъ — Камилла вдрогнула. «Четыре гола тому назадъ, сказала она, какъ я удалась въ эту келью. Я отказалась отъ надеждъ и думала, что въ жизни моей уже ничего не будетъ, кромѣ страданій; а теперь... О! теперь я счастлива!»

Она взяла руки Шарля и смазала ихъ. Шарль поцаловалъ эти руки, и они разошлись.

Два мѣсяца прошли быстро въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ и отъѣзду. Въ назначенный день, рано утромъ, старикъ приходскій священникъ совершилъ обрядъ въ присутствіи нѣкоторыхъ сосѣдскихъ поселянъ; а послѣ церемоніи всѣ возвратились въ Сен-Маръ. За обильнымъ столомъ собесѣдники были молчаливы и, казалось, не хотѣли нарушать торжественной тишины. Г-жа де-Сент-Обвѣн смотрѣла на новобрачныхъ съ удивленіемъ; слезы катились по щекамъ ея, и она не замѣчала ихъ; но Камилла увидѣла и поняла, — она горячо обняла тѣту. Г-жа де-Сент-Обвѣн не выдержала и, всхлипывая, ушла въ свою комнату.

Когда она возвратилась, лицо ея было спокойно, и на губахъ явилась пріятная улыбка.

Скоро новобрачные сѣли въ коля-

ску; кучеръ ударилъ, и лошади понеслись въ галопъ.

Камилла углубилась въ уголь и впа-ла въ ту задумчивость, которая приходитъ обыкновенно послѣ всякой важной перемены въ жизни. Не смотря на любовь, она не могла безъ сожалѣнія разстаться съ домомъ, въ которомъ была такъ несчастлива: воспоминаніе всегда расцвѣчиваетъ мѣсто прошедшихъ страданій болѣе-пріятными красками, нежели то, гдѣ мы были счастливы.

Мало-по малу, воображеніе Камиллы отдалилось отъ прошедшаго и перешло къ улыбающейся будущности. Шарль въ восторгѣ слѣдилъ за мыслями Камиллы на лицѣ ея.

.....
Прошло около десяти лѣтъ. Въ прекрасный лѣтній вечеръ, по долигѣ близь дороги изъ Пломбьера въ Люс-сѣль шла Камилла, опираясь на руку Шарля; за ними двѣ дѣвоурья дѣвочки, обнявъ другъ друга, и наконецъ два мальчика, прыгавшіе по ска-ту холма.

Группа была такъ стройно-прекрасна, что посторонній зритель вѣрно позавидовалъ бы счастью этихъ людей, если онъ подобное счастье принесъ въ жертву тщеславію и предразсудкамъ свѣта.

— А я ужъ вѣрно прежде тебя увижу первую звѣздочку, говорила одна дѣвочка своей сестрѣ.

Обѣ онѣ остановились и, прыгая, кричали:

— О! нѣтъ, я увижу первую звѣздочку.

Счастливые родители обернулись на эти взгляды. Камилла обѣщала поцаловать ту, которая слѣзаетъ открытіе, и всѣ начали смотрѣть на небо. Скоро самый маленькій захопалъ въ ладоши.

— Я нашелъ! цалуй меня, мама! я нашелъ! кричалъ онъ изъ всѣхъ силъ, указывая своимъ маленькимъ пальчикомъ на востокъ, гдѣ изъ-за деревень показался Юпитеръ. Онъ тотчасъ получилъ обѣщанную награду, а Шарль, между-тѣмъ, улыбаясь, объяснилъ ему,

что онъ не шлоя въигралъ награду, потому-что замѣтилъ не звѣзду, а планету. Такого рода были вообще ихъ уроки.

Вдругъ на дорогѣ показалась коляска. Она неслась во весь опоръ звизгаючи, бросаясь, подобно пьяному, то въ ту, то въ другую сторону. Чѣмъ ближе она подъѣжала, тѣмъ изумленіе и испугъ зрителей становились сильнѣе, потому-что съ одной стороны дорога начиналась крутой скатъ, и еслибъ колесо скатилось на него, то путешественники погибли бы.

Скоро раздался голосъ сидѣвшаго на козлахъ почтальюна.

— Стой! стой, ямщикъ! ты убьешь насъ всѣхъ.

Ямщикъ, вѣроятно пьяный, вмѣсто отвѣта, еще сильнѣе билъ лошадей; и лошади летѣли, описывая неправильныя кривыя линіи. Наконецъ, почтальюнъ соскочилъ, скоро оправился отъ толчка и побѣжалъ за коляской. Въ то же время, колеса съѣхали на скатъ, коляска сильно наклонилась, и, стукнувшись о дерево, затрещала. Раздался крикъ, и все смолкло.

Черезъ нѣсколько секундъ, на скатѣ явилась желто-красно-черная масса, быстро катившаяся внизъ. То былъ ямщикъ, который не успѣлъ схватиться за деревья, и, закрывая голову руками, повиновался закону тяжести. Онъ катился, катился и только по-временамъ стучался сапогами о камни; передъ нимъ катилась его шляпа; — платье его, цѣпляясь за кусты, оставалось на нихъ лоскутами; а онъ, невозмутимый, какъ Гораций, катился, не заботясь ни о чемъ, и катился бы до безконечности, еслибъ у подножія ската не было ручья, въ которомъ онъ и исчезъ.

Шарль бросился къ нему; но не сдѣлалъ и ста шаговъ, какъ ямщикъ, совершенно отрезвленный холодной водой, всталъ, вышелъ на берегъ и молча смотрѣлъ на причиненное имъ бѣдствіе.

Шарль побѣжалъ къ экипажу, который, къ-счастью, попалъ на три ста-

рыя ясени и удержался. Почтальюнъ былъ подлѣ; онъ отперъ дверку, Шарль увидѣлъ внутри человека, и жавшаго безъ памяти.

Въ это время пришли два саломанъ присланные Камиллой; они взяли старика и перенесли его на рукахъ домой. Шарль шелъ за ними и съ чаяніемъ смотрѣлъ на лысую голову бѣднаго, окровавленное лицо путешественника, потому-что въ немъ узнавалъ покровителя своей молодой отца, котораго онъ лишилъ дѣтей, пружинъ, — котораго оскорбилъ онъ, человека, имени котораго онъ смѣлъ произнести... узналъ г. де-Сувиньи.

Тысячи горькихъ мыслей родились въ головѣ его; проснулись всѣ чувства, упреки совѣсти; но большаго тревожила его мысль о томъ, будетъ съ Камиллой, когда она едетъ гостя. Увидѣвъ свою жену въ двадцати, онъ вдрогнулъ, бросился къ ней на встрѣчу, взял ее въ руки и быстро увелъ за собой; въ возбужденномъ голосомъ сталъ лаять ее удалиться отъ него, чтобъ не видѣть его страданій, и, взявъ ее въ недоумѣніи, возвратился г. де-Сувиньи.

Когда пломбьерскій врачъ объявилъ, что больной, хотя и не можетъ оправиться, но не опасенъ, Шарль едва удерживаясь отъ радости, побѣжалъ къ Камиллѣ и съ самыми нѣжными предосторожностями обнялъ ее, кого такъ странно забросила судьба. Камилла, блѣдная, подвижная, не смѣла отвѣчать; онъ кончилъ, она встала, чтобы и броситься къ ногамъ Сувиньи. Шарль остановилъ ее и, указывая нѣжными ласками, объяснилъ, что онъ нахѣренъ поступить.

Онъ счелъ долгомъ сказать Камиллѣ о г. де-Сувиньи, что онъ крикъ — ихъ отецъ, но не хотѣлъ стить ихъ къ нему прежде, пока она не выздоровлѣетъ болѣе; — ни онъ, ни Камилла не должны

ли показываться ему на глаза до-тѣхъ-поръ, пока онъ не узнаетъ всего.

Два дня г. де-Сувины пролежалъ въ жестокой лихорадкѣ; сестры поочередно сидѣли у его постели. На третій день, очнувшись, онъ увидѣлъ ихъ обѣихъ полусклонившихся къ его постели. Г. де-Сувины кликнулъ слугу своего Джона и спросилъ, что это значитъ. Джонъ рассказалъ ему о паденіи и о постоянно-оказываемомъ ему попеченіи. Г. де-Сувины просилъ двухъ подойти къ нему и благодарилъ ихъ вволнованнымъ голосомъ; — онъ вспомнилъ, что и у него были двѣ дочери такъ же лѣтъ, — а между-тѣмъ жила онъ одинокой, забытой... Живая рукою стая Поляны, Юлія стояла съ нею у изголовья постели, и прекрасныя болокурыя головки, наклоненныя къ отцу, выражали столько состраданія и любви, что больной, опираясь на локоть, невольно приподнялся, чтобъ лучше рассмотреть ихъ. Онъ взялъ ихъ за руки, сжалъ ихъ дрожащими руками и — глубоко вздохнулъ, зашѣпталъ въ нихъ сходство съ той, которую напрасно старался забыть.

Съ этой минуты до полного своего выздоровленія, г. де-Сувины принималъ вѣжныя услуги двухъ съ странною смѣсью наслажденія и тоски. Онѣ то читали ему; то, устѣвшись съ работой у его постели, рассказывали о красотахъ своихъ горъ. Поутрамъ осторожно приходили онѣ сморѣть, не проснулся ли онъ, и больной, заслышавъ въ комнатѣ шумъ платья и легкой шелестъ шаговъ ихъ, чувствовалъ невыразимую радость, къ которой давно считалъ себя неспособнымъ.

Иногда спрашивалъ онъ о здоровьѣ ихъ матери, потому-что ему сказали, что хозяйка дома нездорова; онъ удивлялся, отъ-чего онѣ остаются у него долше, чѣмъ у нея; но слуга его, которому вѣрена была до половины тайна, всегда умѣлъ какъ-нибудь увернуться въ отвѣтъ, — и удовольствіе — быть въ сообществѣ прелестныхъ сидѣлокъ, вѣдало г. де-Сувины заняться

Т. I. — Отд. VIII.

разъясненіемъ окружающей его таинственности.

Черезъ двѣ недѣли, ему стало лучше; онъ ходилъ уже по комнатѣ и сталъ говорить о томъ, что скоро пойдетъ благодарить хозяйку. Полина передала это намѣреніе Шарлю и Камиллѣ; сдѣлали совѣщаніе о томъ, какъ поступить; рѣшили, что необходимо объясненіе; но такъ-какъ никто на это не вызвался, то разошлись, говоря, что надо ждать случая.

На слѣдующій день, утромъ, Шарль ушелъ съ дѣтми; прислуга была занята въ саду, частію на вухѣ; Джонъ, подавъ господину своему книгу, отправился къ рѣчкѣ ловить форелей; Камилла сочла удобнымъ временемъ взглянуть, хоть на мгновеніе, на чело дѣвка, котораго любила какъ отца. Украдкой пробралась она на галерею и осторожно подошла къ сѣверному павильону. Г. де-Сувины сидѣлъ на диванѣ; на колѣняхъ лежала у него книга; но онъ не читалъ и, казалось, погруженъ былъ въ мрачное раздумье. Камилла оперлась на дверь и съ трепещущимъ сердцемъ глядѣла сквозь замочную скважину на обнаженный лобъ, впалыя щеки и дряхлое тѣло старика. — О! думала она: — кто бы по-вѣрилъ прежде, что четырнадцать лѣтъ могли такъ измѣнить эту благородную наружность! Но не годы, а печаль состарѣла его!.. И, не выдержавъ этой тяжелой мысли, она упала безъ памяти на полъ.

Г. де-Сувины вдрогнулъ, услышавъ шумъ. Онъ всталъ, отворилъ двери и увидѣлъ на полу женщину; нагнулся къ ней, схватилъ ее за руки, взглянулъ ей въ лицо, и — судорожная дрожь пробѣжала по немъ. Камилла начала приходить въ себя, открыла глаза и встрѣтила вверхъ г. де-Сувины.

— Камилла, вскрикнулъ онъ: — ты ли это? Вы ли это, сударыня?.. Она стала на колѣни, схвати его руки и покрывала ихъ поцалуями и слезами.

— Встаньте... оставьте меня... Боже мой! голова у меня кружится!.. Ты ли

это, Камилла?.. Какъ вы сюда попали?...

Замѣтивъ, что онъ шатается, Камилла быстро поднялась, повела его и посадила на диванъ; потомъ, стоя на коленяхъ, съ сложенными руками, блѣдная, дрожащимъ голосомъ пересказала ему свою тоску, угрызения совѣсти, намѣреніе оставить свѣтъ и предаться уединенію; потомъ—судьбу, приведшую его къ ихъ дверямъ, и намѣреніе ихъ не открываться до тѣхъ-поръ, пока не будутъ онъ тронуть и обезоружены дасками дочерей.

— Мои дочери! Это мои дочери! О, дайте мнѣ прижать ихъ къ сердцу, чтобъ въ головѣ у меня не потемнѣло! Приведите ихъ: я благословлю васъ, пока не умеръ!

Съ радостнымъ крикомъ бросилась Камилла звать дочерей. Она увидѣла ихъ вдали; онъ съ Шарлемъ и братьями всходили на холмъ. Камилла побѣжала къ нимъ, хотѣла рассказать про свое счастье, но невозможно было понять ея несвязныхъ рѣчей. Она только повторяла: «идите! идите всѣ!» и, взявъ за руки Полину и Юлію, повела ихъ въ комнату отца. Изумленный Шарль смотрѣлъ имъ вслѣдъ; но когда увидѣлъ, что онъ вошелъ въ комнату г. де-Сувиньи, увидѣлъ, что старикъ всталъ и обнялъ всѣхъ троицъ, — ему показалось, что съ души у него спала тяжелая ноша.

Послѣ первыхъ восторговъ, г. де-Сувиньи замѣтилъ на порогѣ Шарля съ двумя сыновьями.

— Подите ко мнѣ, сказалъ онъ:— я такъ счастливъ, что могу обнять и ихъ.

Шарль бросился къ ногамъ его, и слышны были только слова — прощенья, раскаянія, благословенія.

Когда старикъ былъ уже въ состояніи вѣхать въ каретѣ, — докторъ настаивалъ, чтобъ онъ отправился на пломбьерскія воды. Немного поспоривъ, онъ согласился и вечеромъ объявлялъ о томъ всему семейству.

— Дѣти мои, сказалъ онъ дочерямъ:— вы поѣдете со мною, потому-что я

не могу обойтись безъ васъ. Мы пробудемъ въ Пломбьерѣ два сезона, какъ совѣтуетъ мнѣ докторъ, а потомъ...

Тутъ онъ остановился и не рѣшался выразить вполне своей мысли.

— А потомъ, сказалъ Шарль, взявъ его за руку и смотря ему въ глаза: — потомъ, если ваши несчастія и ваша неблагодарность не намѣнили нашего характера, если вы — все тотъ же доблестный человекъ, который когда-то любилъ меня, — то вы поселитесь у насъ.

— Я не смѣлъ просить васъ объ этомъ, отвѣчалъ г. де-Сувиньи.

Они сжали другъ другу руки молча, потому-что поняли другъ друга.

Хорошенькія сестры удвоили ласки, чтобъ доказать старика, какъ радуется ихъ его намѣреніе. Мальчики прыгали около него.

— А вы, сказалъ онъ Камиллѣ:— ничего не говорите?

Со слезами на глазахъ Камилла кротко взглянула на него и, склонившись предъ нимъ, схватила его руку и поцаловала ее съ благодарностью и умноженіемъ...

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ прошлаго года, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ напечатано: «Извлеченіе изъ отчета господина министра внутреннихъ дѣлъ за 1845 голь». Вотъ главнѣйшія черты его:

По части административной, — относительно губернскаго устройства и управленія, составленъ и разосланъ ко всѣмъ начальникамъ губерній, для предварительнаго разсмотрѣнія, проектъ «Новаго Учрежденія Земской Полиціи». Установленъ сборъ 868,000 р. сер. на устройство полиціи для преимущественныхъ мѣстъ и городовъ въ

трехъ губерніяхъ; вообще же къ 1846 году подобныя сборы опредѣлены по тридцати губерніямъ въ количествѣ 7,620,000 р. сер.

По дѣламъ иностранныхъ исповѣданій, — по исповѣданію римско-католическому, за недостаткомъ монашескихъ лицъ, закрыто 16 мужскихъ монастырей и четыре обители маріитокъ. По исповѣданію протестантскому, замѣчательнѣйшимъ событіемъ было внезапное желаніе многихъ крестьянъ Финляндской-Губерніи присоединиться къ православію, что и исполнили до 14,000 душъ, а вскорѣ послѣ этого явилось желающихъ еще 2,500 душъ. По мусульманскому исповѣданію: частое возвращеніе къ мусульманству крещеныхъ Татаръ Казан-

ской-Губерніи побудило министерство войти въ сношеніе съ министерствомъ государственныхъ имуществъ и обер-прокуроромъ Святѣйшаго Синода о штрафхъ къ предупреденію этого отпаденія; а по дошедшимъ свѣдѣніямъ, что частныя лица изъ мусульманъ стали печатать въ Казани и развозить по ярмаркамъ духовныя книги свои, министерство сдѣлало распоряженіе о запрещеніи казанскимъ типографіямъ печатать такія книги впродолженіе до приведенія въ извѣстность, въ какой степени и на какихъ основаніяхъ это можетъ быть допущено по мухамеданскимъ правиламъ.

Состояніе иностранныхъ исповѣданій въ Имперіи въ 1845 году представлялось въ такомъ видѣ:

Римско-католическаго исповѣданія
 Армяно-католическаго
 Армяно-грегоріанскаго
 Лютеранскаго
 Реформатскаго
 Еврейскаго
 Мухаммеданскаго
 Ламайскаго
 Шамавскаго и др. идолопоклонниковъ

	Число послѣдователей обоихъ половъ.	Молитвенныхъ заведеній.	Духовенства.
Римско-католическаго исповѣданія	2,699,427	2,378	2,037
Армяно-католическаго	20,230	52	52
Армяно-грегоріанскаго	346,002	925	2,432
Лютеранскаго	1,669,456	920	441
Реформатскаго	40,893	32	33
Еврейскаго	1,166,570	643	1,020
Мухаммеданскаго	2,320,576	6,163	18,807
Ламайскаго	223,643	156	3,651
Шамавскаго и др. идолопоклонниковъ	171,928	273	449
Итого	8,658,725	11,542	28,922

По части помѣщичьей, — въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и вообще сословія помѣщичьими Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по обезпеченію продовольствія посѣяно было озимаго и просяго 36,092,441 четв., а весь сборъ составлялъ 113,452,352 четв. (противъ 1844 года 11,833,020 четв. мѣнѣ), следовательно, въ общей сложности урожай былъ болѣе, чѣмъ самъ-третьей. Но значительную часть его надо отнести къ восточнымъ, малороссійскимъ и некоторымъ за-московнымъ губерніямъ. Цѣны на хлѣбъ были необыкновенно-различныя: четверть ржи, напримеръ, продавалась въ Саратовской-Губерніи по 78 к. сер., а въ Курляндской, Лифляндской, Виленской и

Витебской Губерніяхъ до 10 р. сер. Запасовъ для обезпеченія продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ и другихъ сословій, помѣщичьихъ Министерству, къ 1846 году состояло: а) хлѣба въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ: на-лицо—9,224,760, въ ссудахъ и недоимкахъ 3,562,800 четв.; б) капиталовъ: въ кредитныхъ учрежденіяхъ и мѣстныхъ казначействахъ 3,332,565 р. сер., въ ссудахъ, недоимкахъ и займахъ для постигнутыхъ неурожаемъ губерній 3,500,043 р. сер. Вообще, количество хлѣбныхъ запасовъ для обезпеченія продовольствія по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ можетъ казаться довольно-значительнымъ; но если это количе-

ство (до 9,000,000 четв.) расположить на 23,000,000 душъ, то на каждую душу придется не болѣе трехъ четвериковъ. Притомъ, большее количество запаснаго хлѣба находится именно тамъ, гдѣ въ настоящее время въ немъ нѣтъ нужды, на-примѣръ: въ губерніи Вятской на 12,603 души приходится 15,755 четв., а въ Кіевской—на 791,514 душъ 64,032 четв., или въ Санктпетербургской, гдѣ 163,042 души, состоитъ хлѣба всего только 16,443 четв. Столь недостаточное обезпеченіе народнаго продовольствія побудило Министерство еще съ 1842 года обратить вниманіе мѣстныхъ начальствъ на приглашеніе помѣщиковъ къ заведенію общественной запашки.

Всѣхъ капиталовъ общественнаго призрѣнія состояло въ 1846 году: собственныхъ 17,976,169 рублей, вкладныхъ для обращенія изъ процентовъ 43,192,536 руб. (итогъ болѣе противъ 1844 года 3,730,918 руб.). Доходовъ по всѣмъ приказамъ поступило 4,102,216 руб. (противъ 1844 года 292,396 руб. болѣе). На содержаніе богоугодныхъ и учебныхъ заведеній употреблено 3,817,718 р. сер.

Изъ капиталовъ Тульского Дѣтскаго Приюта и тамошняго Дома Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ, учрежденъ въ Тулѣ банкъ, съ цѣлью увеличить доходы этихъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить жителямъ города способы заимствовать деньги для хозяйственныхъ оборотовъ. Учреждены также банки еще въ двухъ уѣздныхъ городахъ, а на учрежденія въ восьми другихъ представлены проекты.

Чтобъ доставить ремесленникамъ и рабочимъ средство сохранять выработанныя ими деньги, предположено учредить при всѣхъ приказахъ сберегательныя кассы, по примѣру существующей при злѣпшемъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Предположеніе объ этомъ представлено на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ состоящихъ въ вѣдѣніи приказахъ: а) сиротскихъ домахъ призрѣно въ 1845 г. до 593 сиротъ; б) въ учили-

щахъ дѣтей канцелярскихъ служителей учащихся было 660; в) въ двухъ учебныхъ отдѣленіяхъ чистовисенскихъ воспитанниковъ было 125, а въ 1 фельдшерскихъ школахъ, въ столицахъ и трехъ другихъ городахъ—2 воспитанниковъ.

Всѣхъ лечебныхъ заведеній въ вѣдѣніи приказовъ состояло къ 1846 го 560; въ нихъ было призрѣно въ теченіе 1845 года 1,191,591 больной, изъ которыхъ выздоровѣло 1,051,066, умло 48,823, осталось къ 1846 го 92,002.

По доказанному опыту неудачи въ вѣдѣніи приказовъ губернскаго города дома для умалишенныхъ (кія заведенія существуютъ доселѣ въ 33 губернскихъ городахъ), предположено учредить центральныя этого рода заведенія: въ Москвѣ, Казни Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Вильнѣ Ригѣ.

Богадѣленъ и инвалидовъ домовъ въ вѣдѣніи приказовъ состояло къ 1846 году по-прежнему 117; въ нихъ призрѣвалось 9,317 душъ; противъ 1844 года 538 болѣе. Въ смиреннѣйшихъ рабочихъ домахъ, которые нагодо въ 31 губерніи, содержалось 2,837 душъ; противъ 1844 года 391 болѣе.

Часть медицинская: Въ общественныхъ больницахъ и въ частной практикѣ пользовемо было въ теченіе 1845 года всего 1,191,591 человекъ; отношеніе умершихъ къ пользовавшимся, 1: 24. Число врачей по всей Имперіи простиралось въ 1845 году до 6,112 болѣе противъ 1844 года.

Открыто вновь 28 аптекъ и закрыта одна; за тѣмъ 165 городовъ все еще имѣютъ вольныхъ аптекъ. Число рецептовъ во всѣхъ вольныхъ аптекахъ простиралось до 2,772,911; среднимъ числомъ на каждую аптеку въ столицахъ по 13,044, въ губернскихъ городахъ по 6,117, въ уѣздныхъ по 1,117.

Судебно-медицинскихъ вскрытій мертвымъ тѣламъ, для отысканія причинъ смерти, произведено 15,417.

Химико-фармацевтическія препараты изготовлялись доселѣ впро-

лждой казенной аптекѣ, и отъ-того выходили не одинаковаго качества и обходились дороже; нынѣ же принято готовить ихъ въ Лабораторіи Санктпетербургскаго Аптечнаго Запаснаго Магазина, свидѣтельствовать чрезъ членовъ Медицинскаго Совѣта и потомъ уже разсылать во всѣ аптеки. Такимъ образомъ, препараты получаютъ лучшаго качества, а сверхъ-того и приготовленіе ихъ и разсылка обходится дешевле. Въ 1845 году, на заготовленіе для арміи, флота и нѣкоторыхъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства врачевныхъ припасовъ и на разсылку ихъ издержано 217,173 руб. сер., въ сравненіи съ 1844 годомъ менѣе на 33,563 р., а въ сравненіи съ 1843, на 87,900 руб.

Часть хозяйственная: Сумма всѣхъ городскихъ доходовъ по Имперіи составила въ 1845 году 7,313,000 руб., противъ 1844 года на 178,148 р. болѣе. Городскіе расходы простирались до 6,604,154 руб., или на 111,748 руб. менѣе противъ 1844 года. При всемъ томъ, однакожъ, изъ числа 658 городовъ только въ 280 оказываются болѣе или менѣе-значительные остатки; во стѣ городахъ доходы едва покрываютъ необходимые расходы, а въ остальныхъ постоянно обнаруживается недостатокъ.

Для увеличенія городскихъ доходовъ, распространень повсемѣстно въ пользу городовъ полупроцентный сборъ съ контрактовъ и договоровъ. По двумъ столицамъ и городу Одессѣ, въ-слѣдствіе особо-принятыхъ мѣръ, при составленіи городовыхъ росписей, оказалось остатковъ: въ Санктпетербургѣ болѣе 3720 р., въ Москвѣ болѣе 32,344 р. и въ Одессѣ болѣе 143,843 р. сер. Остатокъ въ Санктпетербургѣ могъ бы быть гораздо-значительнѣе; но въ послѣднее время потребовались огромныя расходы для нѣкоторыхъ построекъ.

Разсмотрѣна и представлена въ Государственный Совѣтъ произведенная вновь оцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ Санктпетербургѣ. Въ оцѣ-

ночную табель вошло 8493 имѣнія, которыхъ общая стоимость выведена въ 88,809,654 р., что противъ прежней оцѣнки составляетъ на 33,129,101 р. сер. или на 60% болѣе.

Учреждено вновь 172 ярмарки и 89 базаровъ. Привозъ товаровъ на главнѣйшія ярмарки простирается въ 1845 году до 125,274,201 р., противъ 1844 года на 11,101,720 р. сер. болѣе; продано же товаровъ на 91,327,221 р. или на 5,997,047 руб. болѣе противъ 1844 года. На нижегородскую ярмарку привезено было товаровъ—на 55,843,731 р. а продано на 48,650,128 р. сер., что противъ 1844 года составляетъ увеличеніе: въ привозѣ—на 5,447,690 р., въ продажѣ—на 5,908,370 р. серебромъ.

Часть полицейская: Число арестантовъ, содержавшихся въ-теченіе 1845 года, въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, простиралось до 176,239, въ сравненіи съ 1844 годомъ — 13,737, а противъ 1843 года — 64,286 менѣе. Общій итогъ суммъ, употребленныхъ на арестантовъ, составляетъ 710,263 р., противъ предшествовавшаго года 42,534 р. сер. менѣе.

Въ 74 городахъ приступлено къ устройству при тюремныхъ замкахъ отдѣльныхъ камеръ для одиночнаго заключенія слѣдственныхъ арестантовъ; а въ 27 городахъ наняты для того частныя дома.

За тѣмъ, для устройства исправительныхъ въ Россіи тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія, учрежденъ особый комитетъ, на обязанность котораго возложено: опредѣлить, гдѣ и на какое число арестантовъ нужно устроить такія тюрьмы, составить медицинскія издержекъ, изыскать способы къ покрытію ихъ, начертать проектъ положенія объ управленіи тюрьмами и распорядиться постройкою примѣрной тюрьмы въ Санктпетербургѣ.

Независимо отъ того, изданіе новаго Уголовнаго Уложенія потребовало многихъ другихъ административныхъ распоряженій Министерства, какъ-то: объ

устройствъ эшафотовъ, позорныхъ столбовъ и дорогъ для провоза преступниковъ на лобное мѣсто, и проч.

Изъ значительныхъ преступленій въ теченіе 1845 года, обнаружено поджоговъ 96, грабежей и разбоевъ 603 (значительнѣйшіе происходили въ Саратовской, Оренбургской, Ковенской и Виленской Губерніяхъ). Убіиствъ разнаго рода 1,209.

Недавно миновалъ годъ существованію *Русскаго Географическаго Общества*, и 29 ноября 1846 года оно имѣло особенное по этому случаю собраніе, согласно уставу. Расскажемъ сперва, чѣмъ занимались члены въ этомъ собраніи.

Во-первыхъ, помощникъ председателя, Ф. П. Литке, объявилъ, что председатель, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, учреждаетъ ежегодную премію, изъ золотой медали въ 200 руб. сѣр.; для присужденія въ награду за путешествія, содѣйствующія успѣху географическихъ наукъ и за отличныя открытія по части географіи, статистики и этнографіи, преимущественно Россіи.

Потомъ, на мѣсто двухъ выбывшихъ по жребію членовъ совѣта, были избраны по большинству голосовъ, изъ числа представленныхъ совѣтомъ кандидатовъ, дѣйствительные члены К. Ф. Чевкинъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ.

Секретарь Общества читалъ отчетъ за первый годъ его существованія. Изъ предпринятыхъ съ ученою цѣлію работъ, замѣчательны: поѣздка члена-обтрудоушенна Шегрена въ Лифляндію, для изученія исчезающихъ племенъ Эстоніи и Кривинговъ; этнографическая карта европейской части Россіи, составленная дѣйствительнымъ членомъ П. И. Кенпеномъ; предположенная Обществомъ геолого-географическая экспедиція на Сѣверный-Уралъ, для которой дѣйствительный членъ В. Л. Струве занимается подготовительными работами, и проч.

Помощникъ председателя читалъ краткій очеркъ жизни умершаго вѣ августѣ 1846 года члена-учредителя Общества И. Ф. Крузенштерна.

Обществу было объявлено, что Имъ Императорскій Высочествомъ Насти-никъ Цесаревичъ, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и Принцъ Ольденбургскій изъявили согласіе на просьбу Общества принять званіе почетныхъ его членовъ.

Послѣ этого была читана статья дѣйствительнаго члена Ф. П. Врангеля о средствахъ и пути для достиженія полюса. Г. Врангель доказываетъ удобовосполнимость способовъ, предложенныхъ Парри и Барроу, и возможность углубиться на сѣверъ береговъ Гренландіи на собакахъ. Бѣду на собакахъ авторъ испыталъ въ 1821, 1822 и 1823 годахъ, прѣвзавъ по льду сѣвернаго берега Сибири пространство вавое-большее того, которое можно пройти для достиженія полюса.

Дѣйствительный членъ Н. И. Надеждинъ читалъ отрывки изъ представленной имъ Обществу статьи своей: *Объ этнографическомъ изученіи народности собственно-русской*. Основная мысль этой статьи, что для изученія всѣхъ отгѣнковъ чисто-русскаго народа нужно изслѣдовать русскаго человѣка подъ вліяніемъ другихъ, чуждыхъ народностей, что черты, остающіяся всегда безпримѣсно, обличать сами себя. Читанные отрывки касались Русскихъ, живущихъ въ Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи и сохранившихъ въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, суевѣріяхъ, одеждѣ, утвари, во всемъ домашнемъ быту своею, все чисто-русское.

По окончаніи этого чтенія, единогласно избраны были почетными членами баронъ Александръ Гумбольдтъ, профессоръ Карлъ Риттеръ въ Берлинѣ, и сэръ Родерикъ Мурчисонъ въ Лондонѣ.

Члены оставались еще нѣсколько времени вмѣстѣ, для взаимнаго знакомства между собою для ознакомленія съ

трудомъ каждого, для условія во взаимной помощи, и проч. Астрономъ Струве говорилъ о необходимости сближенія разныхъ вѣдомствъ для исправленія картъ Россіи. Венгерскій путешественникъ Регули, бывшій около года въ странѣ между Обью и Печорой, объяснилъ составленную имъ для Общества карту того края. Г. Надежинъ рассказывалъ подробности домашняго быта Русскихъ въ Карпатахъ, Балканахъ и въ Малой-Азій. Въ библиотекѣ Общества обратила общее на себя вниманіе рельефная карта европейской части Россіи, тисненная въ Парижѣ Бауеркеллеромъ, на издѣніе петербургскаго купца Фохтса, который, изъ любви къ наукѣ, пожертвовалъ на это значительную сумму.

Отечественныя Записки уже отдавали отчетъ (въ отдѣлѣ Библиографіи) о вышедшей книжкѣ трудовъ Общества. Слѣдуетъ здѣсь нѣсколько словъ о разныхъ предметахъ, занимавшихъ его членовъ въ годичномъ собраніи и выразивъ наши желанія о будущихъ усиліяхъ и распространеніи круга его дѣйствій.

Потребность въ существованіи Географическаго Общества для ближайшаго наученія Россіи была давно уже ощутительна, и потому нельзя не благодарить учредителей составившаго нынѣ Общества. По весьма-недавнему еще образованію его, мы не будемъ входить въ разборъ его дѣйствій; мы видимъ, что начало заключаетъ уже въ себѣ зародыши будущихъ его ученыхъ трудовъ и радуемся, воображая себѣ дальнѣйшее ихъ развитіе. Нельзя, однакоже, не принести полной благодарности г. Фохтсу за мысль сдѣлать псевденную карту Россіи и за пожертвованіе на это суммы. Пободѣе подобныхъ безкорыстныхъ подвиговъ, и мы много бы выиграли, во многомъ бы догнали Европейцевъ! Гг. Кеппенъ и Регули, составители этнографической карты Россіи и карты страны между Обью и Печорой, также заслуживаютъ благодарность: оба они пополняютъ недостатки нашихъ этнографическихъ и

топографическихъ пособій. Хотя г-нъ Струве въ нѣсколькихъ словахъ только высказалъ свою мысль, но мы не можемъ не обратить вниманія читателей на справедливость этой мысли: въ самомъ дѣлѣ, мы нѣмемъ карты Россіи, издаваемые съ особою цѣлью; каждое вѣдомство имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія по своей части о мѣстностяхъ Россіи—и со всѣмъ тѣмъ у насъ нѣтъ ни одной общей, согласованной во всѣхъ подробностяхъ карты, и каждое вѣдомство часто принуждено довольствоваться своими отдѣльными, не печатными описаніями мѣстностей; будемъ надѣяться, что новое Географическое Общество обратитъ вниманіе на замѣчаніе г. Струве, сдѣлается посредникомъ въ сближеніи всѣхъ вѣдомствъ, и что однимъ изъ главныхъ трудовъ его будетъ—изданіе вѣрной, въ географическомъ масштабѣ, карты Россіи. Должно сказать, что у насъ есть прекрасныя спеціальныя или топографическія карты, изданныя Военно-Топографическимъ Депо, но, во-первыхъ, масштабъ вообще спеціальныхъ картъ нейдетъ къ географическимъ, а вторыхъ, цѣль Корпуса Топографовъ слишкомъ обширна и будетъ достигнута вполнѣ еще очень, очень - нескоро. Надо много лѣтъ, чтобъ кончить подробную топографическую съѣмку всей Россіи! Между-тѣмъ, Общество, не предполагая такой великой задачи, можетъ ограничиться составленіемъ географической карты, и, конечно, заслужитъ полную благодарность всѣхъ и каждого. Объ ученой запискѣ г-на Врангеля мы не скажемъ здѣсь ничего, надѣясь встрѣтиться съ нею въ Трудахъ Общества. Остается записка г. Надеждина, и мы, помня дѣльную его статью (напечатанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Библиотекѣ для Чтенія) объ историко-этнографическихъ развѣскахъ на пространствѣ, занимаемомъ Россіей, не будемъ входить въ подробности основной мысли его записки, а спросимъ только: не-уже-ли г. Надежинъ не предполагаетъ ничего повыше того средства, которое онъ

предложилъ для изученія народности русской? Если онъ видитъ въ этомъ только наибѣйшую частицу будущихъ дѣйствій Общества, или просто предлагаетъ по пословицѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ, — то, конечно, не должно быть въискательну; если жъ онъ на средство это смотритъ, какъ на что-то важное, то, сожалѣя о его заблужденіи, надѣемся также встрѣтить и его записку во всей полнотѣ въ «Трудахъ Общества, и тогда поговорить о ней въ отдѣлѣ Библиографіи.

Будущность Общества—вотъ чтѣ болѣе всего занимаетъ насъ теперь. Воображеніе наше рисуетъ прекрасную и богатую будущность новому Обществу. Чтѣ такое географія, землеописаніе? гдѣ предѣлы физическаго описанія страны? какаа естественная и политическая наука не связана съ географіей? И вотъ, мы видимъ уже время, когда не только топографія, статистика и этнографія, но и ботаника, геологія, палеонтологія, антропология, маммологія, орнитология и проч., исторія, археологія, космографія, климатологія, метеорологія, магнитная жизнь земнаго шара и проч., и проч., и проч., всѣ будутъ обогащаться трудами Общества, всѣ будутъ черпать полезныя приобрѣтенія въ трудахъ его членовъ... Мы видимъ уже время, когда Общество, но разнородности занятій своихъ многочисленныхъ членовъ, принуждено будетъ подраздѣляться на многіе и многіе частныя классы... Видимъ уже время, когда каждый уголокъ Россіи будетъ обогащать и библіотеку и музейъ наждаго класса Общества экзemplарии ученыхъ пособій и рѣдкостями... Видимъ время, когда эти библіотеки и музеумы сольются опять и образуютъ одинъ огромный русскій народный музейъ... котораго у насъ еще нѣтъ!..

Передъ наступленіемъ праздниковъ вышли въ свѣтъ два прекрасныя художественныя изданія, которыя какъ-не-

льзя-лучше годятся для подарковъ дѣтямъ и взрослымъ. Вотъ ихъ названія:

Ветхій Заветъ въ Картинахъ. Изданіе Ф. Прянишникова и А. Савожинова. Санктпетербуря. 1846. В. 4-мъ д. 1.

Картины Русской Живописи. Санктпетербуря. 1846. В. 8-ю д. 1. 384 стр., съ тиражированными картинками и заглавной вилеткой.

Вообще, судьба нашихъ иллюстрированныхъ изданій до-сихъ-поръ представляла мало утѣшительнаго. Мы начтемъ десяти замѣчательныхъ сочиненій, богато и изящно-изданныхъ, которые бы притомъ имѣли большой успѣхъ. А между-тѣмъ, почти всѣ подобнаго рода предпріятія начинались у насъ на широкую ногу, и издатели на первыхъ порахъ обнаруживали готовность не щадить средствъ и биться изъ всѣхъ силъ, чтобъ сдѣлать изданіе свое удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и интереснымъ для большинства публики; но какъ-то не принималась на нашей почвѣ эта отрасль книжной промышленности: лучшія иллюстрированныя изданія не доведены до конца и даже остановились въ самомъ началѣ. Достаточно вспомнить о судьбѣ «Допы Кихота» и «Нашихъ»...

Но всего замѣчательнѣе, что программа всѣхъ этихъ возникшихъ изданій была чрезвычайно-сложна и богата: или предполагалось изобразить нравы всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, отъ Невы до Урала, отъ Сѣвернаго Океана до пламенной Колхиды, — всѣхъ сословій, отъ пещерки до Сибиряка, гуляющаго на лыжахъ, — то вдругъ разсудили издать галерею всѣхъ порадочныхъ русскихъ картинъ, начиная чуть не съ писанныхъ при императрицѣ Елисаветѣ, до послѣдней картинки покойнаго Зауервейнда и многочисленной его школы; нѣтъ сомнѣнія, что быль предположенія и болѣе-сильныя, но ко-

торыя такъ и остались предположеніями...

Вышедшія нынѣ изданія служатъ утѣшительнымъ доказательствомъ возможности иллюстрированныхъ книгъ въ Россіи. Картины Русской Живописи рано ли, поздно ли, послѣ перваго объявленія объ этомъ монументальномъ предпріятіи, — были. Двѣнадцать картинокъ, гравированныхъ на стали лодопскими художниками Гисомъ и Робиссономъ, — прекрасны; — что же касается до достоинства самихъ картинъ, то всѣ онѣ давно уже извѣстны нашей публикѣ, и ниѣніе оныхъ устало. Приложенный къ картинкамъ текстъ ни увеличиваетъ, ни уменьшаетъ достоинства изданія.

Вѣтхій Завѣтъ въ Картинахъ былъ совершенно неожиданностью для русской публики... Тутъ рядъ картинъ, изображающихъ самыя достопримѣчательныя событія, о которыхъ повѣствуется въ книгахъ вѣтхаго завѣта, начиная съ блаженнаго состоянія невинности прародителей нашихъ Адама и Евы, до подвиговъ воинственнаго Иуды Маккавея. Всѣхъ картинокъ 82. Онѣ сдѣланы очерками, подобными извѣстнымъ очеркамъ Флаксмана и Реча (къ «Божественной Комедіи» и «Иліадѣ»). Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ, или, лучше, нѣкоторыя фигуры въ этихъ картинахъ — поражаютъ счастливымъ изобрѣтеніемъ и удачнымъ исполненіемъ. Всѣ картины вырѣзаны на мѣди гравёромъ г. Аванасьевымъ, а рисованы г. Агинымъ.

Тотъ же г. Агинъ подарилъ публику рисунками къ «Мертвымъ Душамъ» Гоголя, и въ настоящую минуту вышло уже двѣнадцать выпусковъ, содержащихъ въ себѣ сорокъ-восемь рисунковъ, въ которыхъ изображены главныя сцены поэмы. Недостатокъ сочувствія къ такому изданію обличилъ бы только отсутствіе всякой симпатіи къ первой удачной попыткѣ живописца изобразить русскую жизнь по указаніямъ того, кому она лучше всѣхъ открылась. Но мы увѣрены, что публика наша забавится отъ

этого утѣха и окажетъ издателю, г. Бернардскому, полное и доброе свое участіе. Какъ-то странно допустить существованіе и успѣхъ какихъ-нибудь бессмысленныхъ аллегорическихъ картинокъ, не убѣдясь первоначально, что рисунки къ «Мертвымъ Душамъ» сдѣланы достойнымъ cadaго порядочнаго человѣка, сколько-нибудь интересующагося и Россіею вообще и русской литературою въ особенности, и, наконецъ, признающаго существованіе изящныхъ искусствъ въ Россіи. Говорить о достоинствѣ рисунковъ къ «Мертвымъ Душамъ» — значитъ говорить о живописной сторонѣ поэмы Гоголя, чего нельзя сдѣлать въ краткомъ библиографическомъ извѣстіи. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, мы постараемся поговорить съ читателями подробнѣе объ этомъ вовсе-немаловажномъ предметѣ; а для этого просимъ ихъ напередъ ознакомиться съ самими рисунками г. Агина, такъ искусно вырѣзанными на деревѣ г-мъ Бернардскимъ.

Между-тѣмъ, мы получили нѣсколько французскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вотъ, на-примѣръ, передъ нами теперь полное годовое изданіе «Magasin des demoiselles». Цѣльзя довольно посмотреть на него: изданіе рѣшительно изящное. Возьмите любой номеръ: прекрасная модная картинка, листокъ нотъ, рисунокъ для вышиванья, другой рисунокъ для вышиванья, наконецъ, что всего больше — вызываетъ на размышленіе — текстъ, текстъ, составляющій номеръ журнала; при томъ такой номеръ, про который самая элегантная читательница никакъ не скажетъ:

Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ...

Или:

Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...

Номеръ уютный, чистый, легкій. И выборъ предметовъ для текста такой...

Вотъ тутъ-то и возникаютъ всѣ размы- шленія! тутъ-то и привязывается къ легонькому, тоненькому журналу—тя- желая и широкая мысль... такая широ- кая, что и конечное заключеніе ея какъ- то ускользаетъ изъ вида.

Рѣшено, что намъ досталось жить въ эпоху переходную, слѣдовательно, тре- вожную, неспокойную. Въ военное вре- мя, невинные обыватели страны, кото- рую война избрала своимъ полемъ, все- гда страдаютъ ужаснѣйшимъ образомъ, безъ всякой съ ихъ стороны причины. Молоденькія современницы наши, подъ вліяніемъ бушующей вокругъ нихъ борьбы мѣтвой, едва-ли не играютъ ро- ли обывателей. Ихъ частная жизнь не- замѣтно, невидимо для нихъ-самыхъ, какъ то возмущена, или по-крайней- мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ чертахъ выве- дена изъ невозмутимаго равновѣсія. Правда, онѣ еще беззаботно поютъ, играютъ и пляшутъ, но это ихъ обще- ственная, въ своемъ родѣ оффиціальная, а не частная жизнь; если же попри- стальной заглянуть въ ихъ *свой уголокъ*, то, чего добраго, не взглядишь ли тамъ какихъ-нибудь иротиворѣчій? Тамъ съ любовью распространяется надъ ни- ми дрожащая отъ старости рука фа- милизма, со всѣми его давно-при- вѣтными понятіями объ условіяхъ до- машняго счастья, заслоняя отъ ихъ глазъ все, могущее возмутить и поко- лебать это счастье. Между-тѣмъ, старинный вопросъ о пользѣ наукъ рѣ- шень съ незапамятныхъ временъ и дав- нымъ-давно обратился въ общее мѣ- сто. Отстать въ просвѣщеніи невозмо- жно. Но, чтобъ трудъ не пропалъ со- всѣмъ-даромъ, чтобъ дѣйствительно не быть отсталымъ, необходимо препода- ваніе научныхъ истинъ современное, чтобъ наука прилагалась къ настоя- щему, а не къ прошлому порядку ве- щей... Молодому, восприимчивому, стро- го-охраняемому уму надо передавать науку въ современномъ духѣ, разви- вать мысль по ея современному на- правленію, тѣмъ болѣе, что всю про- тивоположную половину молодого по- колѣнія, съ которой первой половиной

достанется вѣкъ коротать, ужъ уле- гла неодолимая сила по этому направ- ленію. Но... куда ведетъ оно, это направ- леніе? что за вещества находятся въ этомъ броженіи?.. Здѣсь-то закипятъ доброжелательные протекторы съ- быхъ создательницъ и робко отступаютъ, сознавая, впрочемъ, что учиться надъ и учиться по-новому. Такъ какъ же разбираться науку независимо отъ кни- ги и не допускать участія жизни въ наукѣ? На этотъ вопросъ, еслибъ не- мѣль сблалъ его, они отвѣтять неопре- дѣлительно, сбивчиво, и сами остави- ся въ сбивчивомъ положеніи.

Вотъ, какъ кажется, одна изъ при- чинъ той холодности, съ какою ка- жется между нами современная тем- пература; не достааетъ чего-то для полноты этого движенія: есть между нами существа, и, можетъ-быть, лучшія въ природѣ существа, которыя остаются почти или вовсе-безучастными къ этому движенію, и мы, порывався въ-передъ, все какъ-то побуждаемся от- нуться назадъ, чтобъ посмотреть, не- они тамъ запали съ своими малыми реддвами. Но онѣ не виноваты, онѣ сами находятся въ перѣшности, не- знаютъ, что имъ дѣлать, куда на- клонить голову, за что взяться: одно скучно, другое непонятно, третье неюдится; одно слишкомъ-дешево, другое слишкомъ-тяжелое, третье слишкомъ-нескромное. А литература, занятая своими вопіющими патети- чными вопросами, стыдась старин- ной роли *chevalier servant*, не- смужится подойти къ нимъ близко и попытаться хорошенько, чего- то нужно. Англичане, слышно, отшли- дись отъ этой заботы; они говорятъ: мы всѣ живемъ въ одномъ обществѣ, у всѣхъ у насъ общая утѣсненность пеза. Сказано тебѣ *arrant*: кака, жизнь-то человѣческая, что ты увидишь въ ней! Чего тебѣ еще? Ну, и смотри и любуйся кривыми, одушевленными доблестями, мушцайся возмутительнымъ, страши- скорби!... Такія мысли слышались отъ Англичанъ... Дайте же нашимъ

отечественникамъ по-крайней-мѣрѣ что-нибудь въ родѣ «Magasin des demoiselles»; — пусть онѣ разбросаютъ у себя по столикамъ и табуреткамъ картинки, рисунки, ноты и листки, — листки, въ которыхъ такое живое, разнообразное чтеніе: и біографіи — именно тѣ, которыя имъ хорошо и пріятно знать, и свѣдѣнія изъ богатаго міра естественной исторіи, и стишки, и все такое шилое и приглядное... У насъ ничего такого нѣтъ! — Наоборотъ сказаннаго журнала написано, что въ Парижѣ на него подписная цѣна въ годъ десять франковъ... Это значитъ, что у г. Исакова журналъ стоитъ рубля три серебромъ. Непостижимо-дешево! У насъ если бы такое же хотъ было дороже, и в то бы — куда какъ хорошо!..

Когда рѣчь пойдетъ объ изящныхъ изданіяхъ, тутъ мы, съ нашими небогатыми средствами, просто — пасъ передъ другими. Въ магазинѣ г. Исакова видѣли мы много иллюстрированныхъ изданій, которыя способны иногда самаго дѣловаго человѣка оторвать отъ дѣла и унзавить до разсматриванія картинокъ. И что за живой народъ Французы! Къ чему они не придираются, чтобъ сдѣлать что-нибудь изящное! *Vignettes*, напримеръ, «*Vignettes et portraits pour le Consulat et l'Empire*». (Виньетки и портреты къ Консульству и Имперіи Тьера). Тутъ же и портретъ самого Тьера, сдѣланный лучше, нежели стоила его физіономія, и за тѣмъ слѣдуетъ въ лицахъ весь путь, пройденный Наполеономъ; на портреты можно заглядѣться; и виньетки есть очень-хорошія. Конечно, съ одной стороны, подумаешь: зачѣмъ же все это? зачѣмъ вѣ смотрѣть на этотъ кровавый, опьяняющій путь, который прогорѣлъ по землѣ такой губительной полосой и исчезъ, оставивъ по себѣ такой слѣдъ, какого и самъ Наполеонъ съ своей путеводной звѣздой совсѣмъ, можетъ-быть, не ожидалъ? Но, вѣроятно, много найдется людей, которымъ эти картинки и портреты вызовутъ въ-явь страшную, еще памятную картину и — многое пробудятъ...

Вотъ еще «*Les Couvents*», исторія монастырей съ картинками. Этотъ предметъ едва-ли не больше запрашивается на карандашъ и кисть, нежели Консульство и Имперія... Живописецъ онъ, этотъ предметъ, и любопытенъ, и многознаменателенъ въ исторіи: тутъ и смиренные отшельники, тутъ и іезуиты съ ихъ недосыгаемо-глубокой и всеопутывающей интригой, тутъ и варвары-инквизиторы, — все живописно и, если выкинуть, драматично. Не смотря на то, изданіе это чуть-ли не побѣднѣе перваго, хотя, само-по-себѣ взятое, хорошо, богато и умно.

Наконецъ — «*L'été à Bade*», (Лѣто въ Баденѣ) — собраніе гравюръ съ текстомъ, очерчивающихъ Баденъ съ его водами и многочисленными посѣтителями, составленное по поводу того, что Баденъ лѣтомъ — мѣсто свиданія цѣлой Европы. То же мастерство, та же ловкость и придумка! Кто бывалъ въ Баденѣ на всеобщемъ свиданіи, для тѣхъ это изданіе можетъ очень-пріятно замѣнить ихъ собственный альбомъ, если у нихъ его нѣтъ.

Не говоримъ уже о двухъ недавно-вышедшихъ томахъ *Oeuvres Choisies de Gavarni* и *Les Fleures Animées*: это цѣлыя поэмы — по нѣскольку поэмъ въ каждомъ томѣ, о которыхъ мы поговоримъ еще...

Что за сила жизни должна быть тамъ, гдѣ всѣ эти предпріятія, всѣ эти выдумки поглощаются и поражаютъ новыя! Пусть у насъ посовѣтуютъ художнику очертить, ужъ не говоримъ, какіе-нибудь нравы, а хоть какое-нибудь лѣто, хоть петербургское, напримеръ, или, если угодно поживописывѣ, то гельсингфорское, — у него отъ одной мысли голова закружится. Да куда, скажетъ онъ, я дѣнусь съ своимъ лѣтомъ? куда оно пойдетъ — ко мнѣ на шею? А если упрекнуть публику, — она скажетъ: что жъ мнѣ дѣлать, если у васъ ничего нѣтъ; а если что и появится, то —

«... Какъ-то страшно безъ перчатокъ!..»

Вотъ такъ и перекоряются люди!..

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ

и

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Записокъ» за прошлый годъ мы сообщили читателямъ о новой *огнестрѣльной хлопчатой бумагѣ*, и между прочимъ показывали ту опасность, съ которою сопряжены приготовления этого взрывчатого вещества. Многіе спрашиваютъ: можно ли новымъ порохомъ во всѣхъ случаяхъ замѣнить старый? — Дѣлая такой вопросъ, часто сами же спрашивающіе рѣшаютъ его, — отвергая всякую возможность такой перемѣны; многіе изъ нихъ утверждаютъ это бездоказательно, другіе же приводятъ въ доказательство дороговизну, трудность и опасность полученія хлопчатобумажнаго пороха, и обыкновенно оканчиваютъ свои доказательства тѣмъ, что *варно намъ придется оставаться при старомъ порохѣ*. Но нашему мнѣнію, такіе доводы вовсе неосновательны; все зависитъ отъ того, какъ приняться за дѣло. Если опыты и изысканія будутъ откладывать въ долгіи ящики и говорить: «вотъ мы прежде посмотримъ какъ оно у другихъ пойдетъ!» съ такими пожеланіями далеко не уйдешь и, конечно, намъ придется долго и очень долго оставаться при прежнемъ порохѣ. Вообще, у насъ какъ-то плохо принимаются нововведенія, хотя бы польза ихъ и была ясна какъ день. Каждое открытіе въ началѣ выходитъ весьма несовершенно; но отъ времени до времени совершенствуется, и въ началѣ, конечно, много придется сдѣлать съ ними промаховъ, оно потребуетъ большихъ средствъ, большія издержки. Отъ всего этого не изъята и огнестрѣльная хлопчатая бумага; но мы видимъ, съ какою дѣятельностію занимаются ученые этимъ вопросомъ и въ недавнее время способъ приготовленія хлопчатобумажнаго пороха во многихъ отношеніяхъ значительно усовершенствовался.

Во всѣхъ французскихъ газетахъ и журналахъ только и рѣчи, что о взрывчатыхъ веществахъ. Въ Парижѣ не только записные ученые, но многія частныя лица занимаются разысканіями по этому предмету и результаты своихъ наблюденій представляютъ академіи, которая тотчасъ же публикуетъ ихъ и тѣмъ подвигаетъ вопросъ къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ.

Въ декабрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы указали на главныя неудобства, сопряженныя съ обработкою взрывчатой хлопчатой бумаги; неудобства эти главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, представляются при промывкѣ обработанной азотною кислотою хлопчатой бумаги и при обсушиваніи ея по окончаніи промывки; мы упомянули, что послѣднее обстоятельство часто влечетъ за собою губительныя взрывы, и вотъ, теперь находимъ, что это важное неудобство совершенно устранено. Годенъ (Gaudin) предложилъ весьма-простой, дешевый и совершенно-безопасный способъ просушиванія хлопчатобумажнаго пороха; онъ совѣтуетъ производить просушку сухимъ, холоднымъ воздухомъ, проходящимъ посредствомъ вентилятора изъ камеры, наполненной негашеною известью, въ другую камеру, содержащую въ себѣ сырую хлопчатую бумагу. Способъ Годена основанъ на сильномъ сродствѣ негашеной извести съ водою; — воздухъ, проходя чрезъ камеру, наполненную известью, оставляетъ въ ней свою влажность и выходитъ изъ нея совершенно-сухой, послѣ чего, приходя въ прикосновеніе съ сырою хлопчатую бумагою, онъ снова дѣлается влажнымъ, отнимая влагу отъ взрывчатой бумаги; этотъ влажный воздухъ долженъ быть немедленно выведенъ изъ второй камеры наружу, или снова обращаемъ въ первую камеру. Ясно, что, при такомъ непрерывномъ теченіи сухаго воздуха чрезъ сырую, взрывчатую хлопчатую бумагу, послѣдняя, наконецъ, совершенно будетъ обсушена. Такой процессъ обсушиванія можетъ продол-

жаться до-тѣхъ-поръ, пока известъ сдѣлается неспособною поглощать влагу изъ воздуха. Способъ Годена не новый: въ химіи всегда, для полученія сухихъ газовъ, употребляютъ подобные приемы. Газъ приводится въ прикосновеніе съ веществами сильно-поглощающими воду, на-примѣръ, съ крѣпкою сѣрною кислотою, или пропускается чрезъ хлористый кальцій, известъ и проч.; при этомъ всегда выбирается только такое вещество, съ которымъ бы газъ не соединялся. Можно надѣяться, что при просушкѣ огнестрѣльной хлопчатой бумаги въ большомъ видѣ, предложеніе г. Годена будетъ съ пользою употреблено на практикѣ.

Мы слышали, что обработка огнестрѣльной хлопчатой бумаги нынче производится гораздо-проще: нѣтъ надобности обрабатывать бумагу азотною кислотою; стодить только взять равныя части (по вѣсу) селитры и крѣпкой сѣрной кислоты, и въ смѣсь этихъ веществъ погрузить хлопчатую бумагу на нѣсколько минутъ: дальнѣйшій процессъ обработки производится совершенно-такимъ же образомъ, какъ при употребленіи азотной кислоты. Этотъ способъ получения взрывистой хлопчатой бумаги имѣетъ важныя преимущества предъ прежнимъ: здѣсь хлопчатая бумага не свертывается въ клочки; слѣдовательно, промывка можетъ быть произведена съ болѣею легкостью; кромѣ того, говорятъ, что если обрабатывать хлопчатую бумагу этимъ способомъ, то всегда получатся съ перваго раза удачные экземпляры огнестрѣльной хлопчатой бумаги, между-тѣмъ, какъ при обработкѣ азотною кислотою, нельзя положительно рассчитывать на удачные результаты опытовъ: иногда прійдется повторить два и даже три раза процессъ обработки.

Теперь скажемъ о другихъ изысканіяхъ относительно взрывистыхъ веществъ. Мы упоминали уже объ особомъ воспламеняющемся веществѣ, ко-
то
вое открыто г. Браконнотомъ еще

въ 1833 году и названо имъ ксилоидиномъ (xyloidine). Пелузъ, повторяя опыты Браконнота, получилъ также взрывистыя вещества, которыя онъ прежде принималъ за ксилоидинъ; однако дальнѣйшія изслѣдованія Пелуза показали, что вещества эти, получаемыя также при обработкѣ крахмала и обыкновенной писчей бумаги азотною кислотою, имѣютъ свойства, отличныя отъ ксилоидина; это новое воспламеняющееся вещество Пелузъ назвалъ пироксиллиномъ (pyroxilline). Существенная разница между ксилоидиномъ и пироксиллиномъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Ксилоидинъ весьма-растворимъ въ азотной кислотѣ и очень-удобно въ ней разрушается, а при нагрѣваніи въ ретортѣ даетъ въ остаткѣ значительное количество угля; пироксиллину же не растворяется даже въ избыткѣ азотной кислоты, такъ-что можетъ цѣлыя дни оставаться въ ней, не уменьшаясь въ своемъ вѣсѣ; кромѣ того, пироксиллину при нагрѣваніи отъ 175° С до 180° С быстро воспламеняется, а это обстоятельство дѣлаетъ совершенно-невозможнымъ нагрѣваніе пироксиллина въ ретортѣ. — 100 частей сухаго крахмала, будучи подвержены дѣйствию крѣпкой азотной кислоты, послѣ промывки и обсушки даютъ наибольшимъ числомъ отъ 128 до 138 частей ксилоидина; тогда-какъ 100 частей хлопчатой или писчей бумаги, при тѣхъ же обстоятельствахъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, даютъ отъ 168 до 170 частей сухаго пироксиллина. Однако Дюма представилъ Парижской Академіи, что Шёнбейнъ, который продолжаетъ еще держать въ секретѣ свое открытіе, писалъ къ нему, что между пироксиллиномъ Пелуза и взрывистою хлопчатую бумагою его собственнаго изобрѣтенія нѣтъ ничего общаго, и даже самый способъ полученія послѣдней совсѣмъ иной.

Недавно, Сегьё представилъ въ Парижскую Академію результаты своихъ опытовъ относительно силы обыкновеннаго и хлопчатобумажнаго по-

роха; стрѣляли 30 сантиграммами обыкновеннаго пороха въ чугунную цѣль, поставленную на равстояннм 15 метровъ, и нашли, что пуля сплюсцилась до половины толщины. Когда же зарядъ состоялъ изъ взрывистой хлопчатой бумаги, то при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, свинцовая пуля разсыпалась въ нескія бѣстки, и когда зарядъ былъ уменьшенъ до 5 сантиграммовъ, то пробный выстрѣлъ показывалъ результаты совершенно-подобные, какъ при 30 сантиграммахъ обыкновеннаго пороха: — по этому опыту можно судить о силѣ взрывистой хлопчатой бумаги. Основываясь на такой необычайной силѣ взрывистой хлопчатой бумаги, гг. Комбъ и Фландевъ предлагаютъ употреблять ее для взрыва скалъ, и между прочимъ замѣчаютъ, что новое воспламеняющееся вещество, вѣроятно, замѣнитъ обыкновенный порохъ при взрывахъ минъ, поставляя на мнѣ сгораніе взрывистой хлопчатой бумаги *безъ запаха и дыма*. Намъ кажется, что это замѣчаніе не совсѣмъ-справедливо: есть случаи, именно при образованн камуфлетовъ, когда не требуется произвести взрывъ, но только образовать подъ землей сѣеру разрушительнаго дѣйствія и наполнить эту сѣеру удушливыми газами. Конечно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нельзя употреблять взрывистую хлопчатую бумагу; но важное преимущество предъ обыкновеннымъ порохомъ состоитъ въ томъ, что взрывистая хлопчатая бумага, какъ кажется, менѣе-способна напитываться влажностью, чѣмъ обыкновенный порохъ, а потому не потребуетъ такого тщательнаго сохраненія въ мнѣ, какъ это необходимо при обыкновенномъ порохѣ и особенно при пороховой кишкѣ, употребляемой для воспламененія минаго заряда; порохъ въ кишкѣ такъ часто отсырѣваетъ, что образуетъ въ кишкѣ, куда укладывается кашка, совершенную пороховую грязь, отъ чего воспламенение мины становится невозможнымъ. При употребленн взрывистой хлопчатой бумаги, если она усовершенствуется до того, что не

будетъ поглощать влаги, послѣднее удобство вовсе устранится. — Впрочемъ вопросъ относительно поглощенія влаги взрывистою хлопчатою бумагою обыкновеннымъ порохомъ, требуетъ еще многихъ тщательныхъ опытовъ.

Между прочимъ приложеніями новыхъ взрывистыхъ веществъ, мы встрѣтили одно, по нашему мнѣнію, весьма-любопытное. Бернаръ и Барресъ (Barneswil), занимаясь изысканіемъ относительно различій азотистой кислоты, испытывали въ этомъ отношенн также и ксилонднъ; они нашли, что это вещество, проходя по камню, покрывается слизью, во мнѣняется въ свойствахъ; оно остается бѣлымъ, нерастворимымъ въ водѣ, растворяется въ уксусной кислотѣ и алкогольѣ. Целуаъ кормилъ собакъ продолженіе четырехъ дней азотистой бумагою съ примѣсью къ ней равнаго количества риса и нашелъ, что собаки были совершенно здоровы; нисколько не похудѣли отъ такой пищи. Можетъ-быть, со-временемъ, взрывистая хлопчатая бумага и будетъ употребляема въ пищу; но первоначальнымъ такой важный вопросъ долженъ быть изслѣдованъ медиками: на собакъ этомъ случаѣ-полагаться нельзя: такъ азотистая нища можетъ какъ-бы произвестн воспламенение въ кишкѣ. Мы думаемъ, что взрывистая хлопчатая бумага скорѣе всего должна найти приложеніе въ медицинѣ — въ тѣхъ случаяхъ, когда электричество стрѣвн признается необходимымъ.

Конечно, еще много остается сделать усовершенствованн въ новемъ порохѣ для того, чтобъ онъ вполне замѣнитъ старый; такъ, на-прим., мы замѣчаемъ, что при сгоранн бумнаго пороха въ дулѣ орудій остаются на водныхъ паровъ и паровъ азотной кислоты, иначемъ будутъ сильно окислять внутренн каналъ орудія и, слѣдовательно, портить его. Новое вещество Целуаъ — ироксилитъ, кажется, не имѣетъ недостатка.

Какъ бы то ни было, новый порохъ

имѣть важное преимущество предъ старымъ въ томъ отношеніи, что онъ не даетъ пыли, не мараегъ ни рукъ, ни платья, и вовсе не растворяется въ водѣ.

—

Железныя дороги занимаютъ всѣхъ. Польза отъ небывалой быстроты для перевозки товаровъ и путниковъ неисчислима. Акціонеры, составляющіе компаніи, также не въ накладѣ, и потому не удивительно, что проектиры или изобрѣтатели новыхъ системъ желѣзныхъ дорогъ являются часто; но всѣ эти новыя системы такъ новы, такъ мало имѣютъ общаго съ общепринятой системой, что часто не приходится ототниковъ рисковать своими капиталами. Поэтому весьма-важно, что г. Жуэруа не выдумывалъ совершенно-новой системы, но только усовершенствовалъ старую во всѣхъ ея подробностяхъ. Усовершенствованія эти, однакожъ, такъ многочисленны, что по всей справедливости систему г. Жуэруа можно назвать новою.

Придумывая свою систему желѣзныхъ дорогъ, г. Жуэруа имѣлъ главною цѣлію предупредить и уменьшить сколько возможно несчастные случаи, подвергающіе опасности жизнь путниковъ. Главныя отличія его системы отъ обыкновенно-принятой состоятъ въ слѣдующемъ:

На всѣхъ строящихся нынѣ во Франціи дорогахъ, машина всякаго паровоза, вмѣстѣ съ котломъ, наполненнымъ паромъ, стоитъ на четырехъ или шести колесахъ; два изъ нихъ — колеса направляющія, дѣлающія полный оборотъ при каждомъ размахѣ поршня. Каждый вагонъ на 4-хъ колесахъ. Всѣ эти разнородныя колеса имѣютъ закраины въ три сантиметра высоты (около $\frac{3}{4}$ вершка) и, вертятся вмѣстѣ съ осями, ходятъ по выпуклымъ рельсамъ. Разстояніе между двумя полосами рельсовъ около 1 $\frac{1}{2}$ метра (2 аршина 1 $\frac{1}{2}$ вершка); но самыя вагоны и пол-

ровы, такъ-что вся ширина пути около трехъ метровъ (1 саж. 1 ар. 3 $\frac{1}{2}$ вершка). Центръ тяжести нагруженнаго вагона находится надъ осями въ 1 $\frac{1}{2}$ метра (2 аршина 1 $\frac{1}{2}$ вершка) отъ поверхности земли. Вся высота вагона три метра (1 саж. 1 арш. 3 $\frac{1}{2}$ вершка).

Въ системѣ г. Жуэруа три полосы рельсовъ на одномъ пути. Крайнія полосы, по которымъ идутъ колеса вагоновъ, и четыре малыя колеса паровозовъ отстоятъ одна отъ другой на 2, 6 метра (1 саж. 10 $\frac{1}{2}$ вершковъ) и имѣютъ съ внутренней стороны выпуклыя закраины въ 12 сантиметровъ (2 $\frac{1}{2}$ вершка). Два направляющія колеса паровоза замѣнены здѣсь однимъ большаго діаметра и съ широкимъ ободомъ; это колесо идетъ по третьей средней полосѣ рельсовъ, утвержденной выше крайнихъ на $\frac{1}{2}$ метра (около 5 $\frac{1}{2}$ вершка). Вагоны на двухъ колесахъ, вертящихся на оконечностяхъ осей, соединены попарно посредствомъ вертикальныхъ шпалерновъ (articulation verticale), имѣющихъ 1 $\frac{1}{2}$ метра высоты (2 аршина 6 $\frac{1}{2}$ вершка). Такимъ-образомъ, оси не вертятся и, слѣдовательно, независимы другъ отъ друга. Паровозъ разбитъ на двухъ тележкахъ или колесницахъ, изъ которыхъ первая съ направляющимъ колесомъ везетъ цилиндры и вообще механизмъ, а вторая паровой котелъ и печь или топку. Эти двѣ тележки соединены шпалерновъ (articulation) отъ 8 — 10 дециметровъ высоты (отъ 1 арш. 2 верш. до 1 арш. 6 $\frac{1}{2}$ вершковъ). Всѣ соединенныя пары вагоновъ причаливаются другъ къ другу такъ же, какъ и паровозная пара тележекъ къ тендеру, посредствомъ двойныхъ шпалерныхъ рессоръ (doubles ressorts articulés). Діаметръ вагонныхъ колесъ, вмѣсто 1 метра (1 арш. 7 $\frac{1}{2}$ вершка), какъ было во Франціи прежде, увеличенъ до 1 $\frac{1}{2}$ метра (2 аршина 1 $\frac{1}{2}$ верш.). Центръ тяжести нагруженныхъ вагоновъ пониженъ до горизонта осей, а вся высота вагоновъ сокращена въ два метра (почти 2 арш. 13 верш.). При неожиданномъ столкновеніи, тормозъ, посредствомъ особаго

механизма, нисколько не мѣшающаго ходу вагоновъ въ другое время, прилегають къ ободьямъ колесъ и тѣмъ сильно надавливаютъ на нихъ, что весь поѣздъ затормозится самъ отъ тренія объ рельсы, и несчастіе можетъ быть предотвращено. Наконецъ, еще особый механизмъ и другаго рода тормоза подъ рукой кондуктора дають средства кондуктору не только затормозить *направляющее колесо* паровоза и самый задній вагонъ, но и разобщить въ одно мгновеніе всѣ вагоны одинъ отъ другаго, слѣдовательно, сдѣлать ихъ независимыми другъ отъ друга.

Не довольствуясь моделью, г. Жуффруа устроилъ въ Парижѣ дорогу и паровозъ съ тендеромъ и вагонами, въ настоящихъ размѣрахъ, и притомъ со всѣми затрудненіями для ѣзды, какія только могутъ встрѣтиться на дѣлѣ. На весьма-узкомъ пространствѣ, онъ сдѣлалъ радіусомъ въ 12½ метровъ (5 саж. 2 арш. 9¼ верш.) круговой путь въ три полосы рельсовъ. Средній рельсъ, параллелоэпидической формы, представляетъ въ поперечномъ разрѣзѣ квадратъ, котораго сторона въ 13 сантиметровъ (почти 3 вершка) и продолженья жолобками въ 5 миллиметровъ (¼ вершка) глубины. Круговой путь этотъ имѣлъ крутой подъемъ въ ¼% (т. е. на 100 аршинъ по горизонту 3 аршина возвышенія). Наконецъ, для противодѣйствія центробѣжной силѣ, наружная крайняя полоса рельсовъ была положена на 6 сантиметровъ (около 1½ вершка) выше внутренней крайней полосы.

Что же касается до *направляющаго колеса* паровоза, то діаметръ его 2, 2 метра (3 арш. 1¼ вершка); ободъ его состоитъ изъ 36 деревянныхъ косяковъ, расположенныхъ торцомъ къ оси и сжатыхъ съ ободъ кобковъ колесъ двумя металлическими, плоскими и кольцеобразными обшивками, наружный радіусъ которыхъ превышаетъ наружный радіусъ колеса на 10 сантиметровъ (2¼ вершка) для того, чтобъ обхватить съ обѣихъ сторонъ среднюю полосу рельсовъ. Двѣ тележки, на ко-

торыхъ помѣщается паровозъ, вѣсъ полнымъ грузомъ по 6000 килограммовъ (366 пудовъ). Притомъ что пятауны, приводимые въ движеніе поршнемъ, не непосредственно имѣютъ круговращательное движеніе *направляющему колесу*, но чрезъ посредство горизонтальной оси и двухъ зубчатыхъ колесъ, которыя, однакожъ, когда не дѣйствуютъ въ одно и то же время. Слѣдовательно, при одной же скорости поршня, *направляющее колесо* можетъ принимать по мѣнѣю двѣ совершенно-разныя скорости. Въ паровозѣ, бывшемъ на привѣзъ двухъ скоростей, соответствующихъ одному размаху поршня въ кунду, малая скорость была въ 20 километровъ (18¼ версты) въ часъ, а большая въ 40 километровъ (37¼ версты) въ часъ.

Выгоды новой системы желѣзныхъ дорогъ, по показанію опытовъ, состоятъ въ слѣдующемъ: закрывши въ нихъ рельсовыхъ полосъ достаточную мѣшакость соскакиванію съ нихъ, движеніе центра тяжести также имѣетъ болѣе увѣренности, которая при справедливо можетъ основываться на устройствѣ разнаго рода тормозовъ двухъ вышеупомянутыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Опыты, кромѣ того, показали, по новой системѣ можно поднимать на высоты въ ¼% склона дороги, имѣющаго скорость, можно поворачивать по кривымъ весьма-малаго радіуса. Удобство въ этихъ случаяхъ выдѣлится отъ независимости колесъ между собою.

А удобства подниматься на горы и допускать кривыя съ малымъ радіусами, позволяютъ устраивать въ мѣстахъ гористыхъ, гдѣ обыкновенно прибѣгаютъ къ тоннелямъ или кривымъ путепроводамъ, весьма-дешевымъ.

Постановка машины и разположеніе частей ея и просто и остроумно. Перваго взгляда кажется, что *направляющее колесо* о среднюю полосу рельсовъ должно уменьшать

рость. Но надо замѣтить, что это треніе и даетъ опору всему поѣзду, что для полученія этого тренія досихъ поръ дѣлають паровозы слишкомъ-тяжелыми. Когда нѣтъ этого тренія, то паровозы могутъ скользить на рельсахъ, поѣздъ остановится, и большое количество паровъ пропадетъ даромъ. Впрочемъ, увеличеніе діаметра колесъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ движеніе болѣе-удобнымъ.

Остается желать, чтобы новая система не только на опытахъ, но и на самомъ дѣлѣ оказалась столько же удобною.

—

Вотъ случай, хотя ничтожный, но могущій заинтересовать физиологовъ. Дѣвиздцать лѣтъ тому назадъ, г. Мишю, играя съ своей собакой, бросалъ ей разныя монеты; она проглотила изъ нихъ двѣ—одну пятифранковую и одну въ пять су, состава колокольной мѣди. Животное не чувствовало никакого безпокойства ни въ то же время и никогда послѣ того; но независо собака окозла отъ совершенно-другой причины, и г. Мишю, вскрывъ ее, нашелъ обѣ монеты заштыпанными въ послѣднюю-принятую собакою пищу. Пятифранковая монета, весьма-мало явившаяся на поверхности, вѣсила только 23,425 граммовъ вмѣсто 25; мѣдная же монета сдѣлалась чрезвычайно-толвою, покрылась слоежъ какого-то черваго вещества, вѣроятно, сѣрнистой мѣди, и вѣсила только 5,505 граммъ вмѣсто 20 ти. Изъ этого можно съ вѣроятностію заключить, что еслибъ собака прожила долѣе, мѣдная монета исчезла бы совершенно, не причинивъ никакого вреда желудку.

—

Цѣлность морской воды постоянно обращала на себя вниманіе ученыхъ; но такъ-какъ строгое изслѣдованіе этого вопроса зависить не отъ одного только вниманія наблюдателя,

Т. I. — Отд. VIII.

но также и отъ средствъ, употребляемыхъ для наблюденія, то очевидно, что такого рода изслѣдованія требовали весьма-вѣрныхъ инструментовъ, — и вотъ почему только въ новѣйшее время, когда оптическіе спаряды, можно сказать, доведены до совершенства и когда микроскопъ призналъ естественныиытателями необходимѣйшимъ приборомъ при точномъ анализѣ строенія органическихъ существъ, — этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ надлежащимъ-образомъ. Извѣстный ученый Эренбергъ, который обогатилъ естественныя науки своими блистательными микроскопическими разисканіями, обратилъ также вниманіе на причину, производящую цѣлность воды Краснаго-Моря. Наблюденія его показали, что красный цвѣтъ воды этого моря находится въ тѣсной связи не только съ временемъ года, но также съ временемъ сутокъ, и происходить отъ особаго рода микроскопическихъ водорослей (alge), которыя Эренбергъ назвалъ *Trichodesmium*. Въ новѣйшее время тѣмъ же вопросомъ занимались гг. Тюррель и Фресинѣ; наблюденія ихъ показали, что цѣлность морской воды происходитъ не всегда отъ *Trichodesmium*, но отъ особаго рода водорослей, называемыхъ *Protococcus*. Этотъ родъ имѣетъ самое простое образованіе изъ всего растительнаго царства: онъ состоитъ только изъ пузырьковъ сферическаго вида. Результаты наблюдений Тюрреля и Фресинѣ были читаны въ Парижскомъ Филоматическомъ Обществѣ г. Монтанемъ, который называетъ эти микроскопическія водоросли *Protococcus atlanticus*. Этотъ новый видъ есть наименьшій изъ цѣлага рода; наибольшій діаметръ недѣльнаго простирается отъ $\frac{1}{100}$ до $\frac{1}{100}$ миллиметра, такъ-что сорокъ тысячь таковыхъ индивидумовъ, положенныхъ одно подлѣ другаго, едва ли въ-состояніи занять пространство одного квадратнаго миллиметра; каково же должно быть число этихъ водорослей, которыя столь-значительно окрашива-

6

ютъ воду краснымъ цвѣтомъ на разстояніи около восьми квадратныхъ километровъ, — самое пылкое воображеніе при этомъ становится совершенно въ тупикъ!

Въ 1845 г. 3 іюня, около 2 ч., по-полуночи Тюррель и Фресинѣ производили свои наблюденія у португальскихъ береговъ, между мысами Spichel и Росса, на протяженіи около 6 км. передъ входомъ въ устье рѣки Таго. Морская вода была почерпнута въ тотъ моментъ, когда явленіе цвѣтности было въ полной силѣ, и въ это-то время открыты были различные экземпляры *Protococcus*, послѣ чего уже приступали къ изученію отличительныхъ признаковъ, по которымъ г. Монтанъ раздѣляетъ *Protococcus atlanticus* на слѣдующіе разряды:

P. minimus, natans, marinus, gregarius, rubricosus vel sanguineus, cellulis simplicibus sphaericis nucleo rubro factis, $\frac{1}{300}$ ad $\frac{1}{200}$ millimetri diametro ac quantibus.

Недавно во многихъ департаментахъ Франціи выпалъ кровавый дождь, послѣ котораго на крышахъ домовъ и на земляхъ наши толстый осадокъ красноватаго цвѣта. По опытамъ г. Галлуа, фармацевта въ городѣ Бургуанѣ, Департамента-Рѣки-Изеры, этотъ осадокъ состоитъ изъ желѣза, силиція, алюминія и углекислоты.

Инженер-механикъ Бруниеръ представилъ Парижской Академіи Наукъ новый геодезическій инструментъ, названный имъ *инсонометромъ*. — Это теодолитъ или повторительный кругъ, для снятія горизонтальныхъ и вертикальныхъ угловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ служащій горизонтальнымъ и наклоннымъ нивелиромъ. Такимъ-образомъ, *инсонометръ* выполняетъ условія и слѣдовательно замѣняетъ три отдѣльные инструмента: *теодолитъ, ни-*

веллиръ съ зрительной трубкой, и склономѣръ (сclinimetre); онъ такъ же удобенъ въ практикѣ, какъ и самый простѣйшій изъ упомянутыхъ инструментовъ.

Академія назначила комиссію для разсмотрѣнія этого новаго инструмента.

Г. Морсъ, главный инспекторъ электрическихъ телеграфовъ въ Соединенныхъ-Сѣверо-Американскихъ-Штатахъ, пишетъ, что линія отъ Альбани до Буффало недавно приведена къ окончанію (она имѣетъ 350 миль=528 верстъ); что линія отъ Нью-Йорка до Бостона также уже въ дѣйствиіи (220 миль=332 версты); что линію отъ Нью-Йорка къ Альбани предполагали кончить къ 1-му августа 1846 года (150 миль=226 верстъ), и что, наконецъ, работы на линіи отъ Нью-Йорка до Вашингтона (230 миль=347 верстъ) идутъ быстро и также должны быть скоро приведены къ окончанію.

Электрическіе телеграфы, говоритъ г. Морсъ, уже признаны въ Соединенныхъ-Штатахъ лучшимъ средствомъ для сообщенія важныхъ извѣстій, какъ правительственныхъ, такъ и торговыхъ, и даже относящихся къ дѣламъ частныхъ лицъ. Телеграфы эти и теперь уже имѣютъ видимое вліяніе на журналы главныхъ центровъ народонаселенія и маленькихъ городовъ западной части Нью-Йоркскаго-Штата. Журналы большихъ городовъ имѣли прежде преимущество отъ скорѣйшаго сообщенія новостей; нынѣ же это преимущество исчезло, потому что журналы маленькихъ мѣстечекъ, расположенныхъ на телеграфическихъ линіяхъ, получаютъ извѣстія также скоро. Увѣряютъ, что число подписчиковъ на первые уже замѣтно уменьшилось, а на вторые удвоилось и даже утроилось. Во всѣхъ западныхъ газетахъ теперь постоянно находится особый столбецъ съ заглавіемъ крупными буквами: *посредствомъ электрическаго телеграфа*. Сообщаемыя извѣстія не

даны, но въ этомъ случаѣ дѣйстви-
ельно расчесть въ расходахъ, а не не-
возможность сообщать пространныя
дѣствія.

Къ этому мы прибавимъ слѣдующіе
случаи паденія въ 1846 году молній на
американскіе телеграфы:

29 апрѣля, молнія упала на проволоку
телеграфа г. Мореа въ Ланкастрѣ,
не разорвавъ ея и не растопивъ; въ
нѣсколько минутъ караульномъ домѣ слышенъ
былъ звукъ, подобный выстрѣлу изъ
пистолета; проволока издала нѣсколько
краткихъ искръ.

18 мая, проволока другаго телеграфа
была разорвана молніей; нѣсколько
молниевыхъ стоекъ были расколоты
или раздроблены съ верху до одной
третьи ихъ длины; слѣды молній, впро-
чемъ, видны были по всей длинѣ ихъ
до земли; звукъ же, при паденіи мол-
ніи и разрывѣ проволоки, уподоблялся
выстрѣламъ изъ трехъ мушкетовъ дру-
жимъ, но бѣглымъ огнемъ.

3-го июня, молнія разорвала прово-
дку телеграфа между Вашингтономъ
и Балтиморомъ, такъ-что дѣйствіе те-
леграфа было прервано на нѣсколько
часовъ.

4-го июня, три грозовыя тучи, схо-
дясь между Вашингтономъ и Балтимо-
ромъ, разражались молніей, — и при ка-
ждомъ ударѣ грома, сигналы телеграфа
г. Мореа приходили въ движеніе въ
Вашингтонѣ, Балтиморѣ, Джерсеѣ и
Филадельфій.

Біо представилъ Парижской Ака-
деміи Наукъ, отъ имени г. Делонэ,
кандидата на званіе академика
части астрономіи, первую записку
олагающую новую аналитическую
теорію движенія луны. Это только на-
чало труда обширнаго, въ которомъ
г. Делонэ предположилъ себѣ со-
вершенно передѣлать анализъ движе-
нія луны, и притомъ способами от-
личными отъ тѣхъ, которые были до-
сихъ поръ приняты. Сущность метода
Делонэ состоитъ въ дѣланіи больша-

го числа послѣдовательныхъ вычисле-
ній, посредствомъ которыхъ данная
проблема упрощается болѣе и болѣе.
Сложность вычисленій въ каждой по-
слѣдовательной пріемѣ быстро умень-
шается, и бездна повѣрокъ на каждомъ
шагу не позволяетъ пропустить ни од-
ной ошибки. Наконецъ, преимущество
чрезвычайно-важное, котораго нѣтъ въ
старыхъ методахъ, заключается въ
томъ, что порядокъ тѣхъ послѣдова-
тельныхъ вычисленій зависитъ отъ во-
ли аналитика, и потому можно пере-
дѣлывать вновь эти вычисления въ ка-
комъ угодно порядкѣ — что, конечно,
должно служить непогрѣшительною
повѣркою всей теоріи движенія луны.

Г. Делонэ сдѣлалъ, въ представлен-
ной имъ запискѣ, два такіа послѣдо-
вательныхъ вычисления и показываетъ,
что ихъ достаточно для очевиднаго до-
казательства превосходства его мето-
ды.

Академія нарядила изъ нѣсколькихъ
членовъ комиссію для разсмотрѣнія
этого труда.

Было время, когда инженерное дѣло
считалось наукой. Было время, когда
составлялась наука построенія — теорія
военныхъ сооруженій, потомъ граж-
данскихъ, гидравлическихъ, морскихъ
и проч. Тогда всѣ работы не имѣли то-
го разнообразія въ дѣлахъ, разнообра-
зій въ средствахъ, разнообразія въ
условіяхъ, поставляемыхъ мѣстностью
страны или государства, или даже сте-
пенью развитія общественной жизни
народа. Учене сказать, все это было
и тогда, но ученые, принимая дѣ-
ло за науку, подводили его насильно
подъ правила и не допускали часто
никакихъ условій мѣстности. Нынче
инженеръ долженъ заботиться не ма-
лой инженерной, но вообще науками
основными и прикладными своего дѣ-
ла, и производить работы сообразно
съ мѣстными условіями, по порученію
правительства или частной иппаліи, и
проч. Остается желать, чтобы каждый

строитель печаталъ свой проектъ в исторію производства работъ. Почти такъ и дѣлается — и мы каждый день читаемъ или подробныя описанія, или извѣстія о разныхъ сооруженіяхъ и работахъ, до-сихъ-поръ неслыханныхъ. Немудрено, что прежде какая-нибудь наклонная башня считалась чудомъ, тогда-какъ въ нашъ вѣкъ строится много чудесъ несравненно-важнѣе, и гораздо полезнѣе; однакожъ на громадныхъ сооруженія вышнейшей архитектуры смотрятъ какъ на явленія совершенно-обыкновенныя.

Кто бы, на-примѣръ, повѣрилъ, даже въ началѣ нашего вѣка, еслибъ стали утверждать о возможности *передвигать цѣликомъ кирпичныя четырехэтажные дома?* Это сочли бы противорѣчіемъ наукъ и не стали бы слушать. Между-тѣмъ, въ настоящее время эта операція совершается съ полнымъ успѣхомъ въ Соединенныхъ-Съверо-Американскихъ Штатахъ.

Дѣло это производится очень-просто и не требуетъ никакихъ особенныхъ объясненій; но объ немъ до-сихъ-поръ слишкомъ-мало было говорено въ Европѣ, и, вѣроятно, найдутся люди, для которыхъ это будетъ неслыханной новостью.

Должно сказать, что въ Соединенныхъ-Штатахъ есть одно важное обстоятельство, заставляющее Американцевъ часто прибѣгать къ средствамъ, на которыя мы никогда не рѣшимся. Это обстоятельство—дороговизна платы рабочимъ. Плата эта вдвое-болѣе платы, существующей въ Англіи, самой высокой въ Европѣ. Американская задѣльная плата мастеровому въ день болѣе 4 р. 50 к. на наши деньги, считая ассигнаціями. Такимъ-образомъ, въ Америкѣ по-неволѣ прибѣгаютъ къ механическимъ средствамъ, до-толѣ еще не испытаннымъ, и съ перваго взгляда кажущимся весьма-соинтельными.

Одинъ изъ первыхъ строителей, предпринявшихъ производство передвижанія домовъ, былъ вѣсто г. Бронъ, въ Нью-Йоркѣ, и мы пользуемся

подробностями, сообщенными сыномъ его (занимающимся также передвижаніемъ домовъ) одному англійскому путешественнику. Въ присутствіи этого путешественника, для спрямленія улицы, былъ передвинутъ на 14 футовъ 6 дюймовъ кирпичный домъ, вышиною, по фасаду, 50 футовъ, шириною 25, и въ четыре этажа съ чердакомъ влчательно.

Первоначально готовятъ фундаментъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ домъ долженъ будетъ стоять. Потомъ обрываютъ домъ кванкой и, разобравъ полъ нижняго этажа, вынимаютъ также и внутреннюю землю; такимъ-образомъ обнажаютъ сперва фундаментъ боковыхъ стѣнъ. Въ этихъ боковыхъ стѣнахъ фундамента пробиваютъ дыры и равстояніи трехъ футовъ центръ отъ центра, и пропускаютъ насквозь всего дома деревянные балки, толщивою двѣнадцатю дюймовъ въ квадратѣ, въ положеніи перпендикулярномъ тому направленію, по которому хотятъ передвигать домъ. Балки съ каждой стороны выступаютъ фута на три вѣ стѣнъ дома. Подъ концы всѣхъ этихъ балокъ подставляютъ сильныя дократы, упертыя въ особые деревянные или каменные фундаменты. Дократы приводятся въ дѣйствіе, балки плотно прижимаются къ кирпичной кладкѣ, и тогда выбираютъ кирпичи поперечныхъ стѣнъ, въ промежуткахъ между балками; весь домъ остается вѣскольکو времени на балкахъ и дократыхъ. Затѣмъ выбираютъ кладку фундамента подъ боковыми стѣнами и подводятъ въ этомъ мѣстѣ, въ направленіи перпендикулярномъ къ первымъ балкамъ, другія балки по двѣ одна на другой; верхняя изъ нихъ прирѣзывается къ верхнимъ балкамъ и будетъ служить полозомъ, а нижняя къ фундаменту, служа дорожной полосой, рельсомъ; нижняя балка, кроиъ того, какъ дорога, должна лежать по всему пути до новаго мѣста, на прочномъ фундаментѣ. Дократы отсвертываются, и домъ опять сидитъ посредствомъ балокъ на фундаментѣ; тогда, талъ же

какъ въ началѣ, пробиваютъ дыры въ передней и задней стѣнахъ, выше первыхъ поперечныхъ балокъ, и пропускаютъ въ нихъ совершенно также и такія же, какъ первыя балки. Подъ концы новыхъ балокъ вкладываются, лежа на половьяхъ, тоже бревна; тогда выбираютъ кирпичи передней и задней стѣнъ между балками, и весь домъ свалитъ на половьяхъ и дорожныхъ брусьяхъ. Къ дорожнымъ брусьямъ прикрѣпляются въ горизонтальномъ положеніи очень-сильныя дощкраты и, упирая стержни ихъ въ концы пологей, двигаютъ домъ; пологья и дорожные брусья намазываются саломъ, и притомъ пологъ нѣдетъ по всей длинѣ пазъ, а дорога гребень. Приводя домъ на мѣсто, подпираютъ концы всѣхъ балокъ дощкратами, закладываютъ плотно кирпичами промежутки между балками и вотомъ опускаютъ на фундаментъ, снимаютъ всѣ балки и проч.

Все это дѣло такъ обыкновенно въ Америкѣ, что при переноскѣ одного дома, въ верхняго этажа не были вынесены рамы и зеркала, цѣною всего на сумму 7,200 рублей, бывшія въ работѣ у золотильщика. Вся работа отъ начала до конца продолжалась пять недѣль, а собственно передвижаніе семь часовъ—и все за 4,500 руб. асс.

Тамъ же въ Нью-Йоркѣ есть передвижная на 1,100 футовъ деревянная церковь, могущая вмѣстятъ до 1,000 человекъ.

Очевидно, что весь процессъ передвижанія долженъ совершаться съ необыкновенною, почти-математическою точностію.

==

Итальянская опера въ Парижѣ, открывшаяся съ такимъ блескомъ, становится все привлекательнѣе и привлекательнѣе. Уже нѣсколько лѣтъ не были такъ хорошо обставлены и исполнены любимыя оперы публики: «Семирамида», «Лючія», «Норма» и «Соннамбула», какъ въ сезонъ нынѣшняго года. Теперь идетъ новая опера — *la Fidanzata*

зата *Corra* (Корсиканская Невѣста), музыка Пачини. Сообщаемъ читателямъ отзывы о ней французскихъ журналовъ, тѣмъ болѣе интересныя для петербургскихъ дилеттантовъ, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ эта опера, какъ слышно, будетъ дана на петербургской сценѣ въ бенефисъ нашей знаменитой примадонны—де-Джюли-Борси.

Дѣйствіе *la Fidanzata* основывается на древнемъ обычаѣ корсиканскомъ, по которому невѣста, неисполнившая своихъ обѣщаній, такъ же преступна, какъ жена, несоблюдавшая своихъ обязанностей. Двѣ корсиканскія фамиліи, Зампарди, когоровъ глава — Пьеро (Колетти) и другая — Тобіанки, повинующаяся Гвидо (Тальфанино), были между собою во враждѣ болѣе столѣтій. Наконецъ вздумали примириться, и для большей гарантіи, Пьеро сваталъ дочь свою Розу (Персіани), за Алексѣя, сына Гвидо. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ XVI вѣка, когда островъ Корсика находился подъ управленіемъ Генуэзцевъ.

Однакожь, сердце бѣдной Розы и еще болѣе—ея настоящее положеніе, вовсе не согласуются съ намѣреніями начальниковъ двухъ фамилій. Роза любила Альберто Доріа (Маріо), генуэзскаго верховнаго сановника, и тайно съ нимъ обвѣчалась. Молодой воинъ возвратился въ Корсику изъ экспедиціи съ побѣдоносными войсками, въ рядахъ которыхъ служилъ съ отличіемъ Гекторъ (Челлини), братъ Розы, во время приготовленій къ браку Алексѣя и Розы. Въ такомъ отношеніи находятся главные лица драмы, которая разыгрывается довольно-искусно и оканчивается совершенно-трагически. Въ первомъ актѣ, Пьеро очень-нѣженъ съ своею дочерью, толкуетъ ей о важности ея брака... Между-тѣмъ, Гекторъ случайно узнаетъ, что сестра его обвѣчана; супруги-любовники назначаютъ тайное свиданіе, потомъ слѣдуетъ вызовъ и дуэль Альберто съ Гекторомъ, напитаннымъ корсиканскими предрасудками. Этимъ кончается первая часть оперы.

Во второмъ актѣ, за сценой празднуютъ помолвку Розы и Алексѣя. Невѣста, которая, по корсиканскому обычаю, не принимаетъ участія въ увеселеніяхъ, разговариваетъ съ отцомъ; отецъ ее благословляетъ, отдастъ ей брилліанты отъ матери, — а сердце бѣдной Розы обливаема кровью. Въ эту ночь она дала слово Доріа бѣжать; но ей тяжело разстаться съ нѣжно-любимымъ отцомъ; между-тѣмъ, роковой часъ пробилъ — отворяется окно, въ немъ появляется фигура, окутанная плащомъ Альберто: это Гекторъ; онъ увѣренъ, что убилъ Доріа; между бракомъ и сестрою возникаетъ жаркое объясненіе. Взаимные упреки привлекаютъ вниманіе двухъ семействъ; прибѣгаютъ Пьеро и Гвидо, а за ними и прочіе члены Зампарди и Тобіанки; въ отчаяніи Роза объявляетъ, что братъ убилъ ее мужа! Пьеро проливаетъ дочь; семейство Тобіанки требуетъ, чтобъ Розу судили передъ сенатскою или трибуналомъ мѣсти.

Въ третьемъ актѣ является раденный Альберто, котораго увидали рыбаки и продали ему помощь. Извѣстивъ зрителей, что герой не умеръ, авторъ переходитъ дѣйствіе въ дикій гроттъ, гдѣ производится судъ *вендетты*. Вводятъ Розу, одѣтую въ бѣлое платье, съ гарландомъ цвѣтовъ на бѣдной головѣ; она садится на скамью, надъ которой виситъ надпись: «судъ надъ невістою»; несчастную приговорили разстрѣлать; уже наведены ружья... Пьеро и Гекторъ заслоняютъ Розу и просятъ о помилованіи. Тобіанки негодуютъ и хватаются за пистолеты, какъ вдругъ, съ отрядомъ Генуэзцевъ, является Альберто и показываетъ приказъ республики, уничтожающій обыкновеніе судить невісту. Корсиканцы уступаютъ силѣ, и Пьеро, послѣ долгихъ сопротивленій, признаетъ Альберто своимъ сыномъ.

Не надолго прояснилось небо и заблестѣло солнце. Въ ту минуту, когда Альберто велъ возлюбленную Розу къ алтарю, послышался выстрѣлъ, и жерт-

ва мѣсти Алексѣя, прекрасная Роза, падаетъ, облитая кровью.

Музыка перваго акта — слабѣшая часть оперы: хороша только дуетъ Маріо и Персіани и серенада, нѣсколько замѣшанная на *«Giugamo»*, Меркаданти. Второй актъ — лучший: сцена, гдѣ происходитъ разговоръ Пьеро съ дочерью, когда онъ вручаетъ ей брилліанты — написана очень искусно и производитъ сильное впечатлѣніе. Конецъ акта, хотя и напоминаетъ сочиненія въ этомъ родѣ Беллини, усовершенствованныя Доизетти, особенно въ «Лючинѣ», однакожь прекрасенъ и эффектенъ.

Въ третьемъ актѣ много речитативовъ, но есть и хорошія арии. Вообще, объ оперѣ можно сказать, что она написана съ чувствомъ и искусствомъ; но если бы было поменьше грома оркестровыхъ и контр-басовъ, было бы еще лучше, и истинный любитель музыки былъ бы удовлетворенъ совершенно.

На парижскомъ театрѣ Opéra-Comique поставлена La Damnation de Faust (Отверженіе Фауста), легенда въ четырехъ частяхъ, сочиненіе Гектора Берліоза. Вотъ что говоритъ «Фельетонистъ французской газеты о первомъ представленіи:

«Въ первой части, Фаустъ одинъ гуляетъ въ поляхъ; лучи утренняго солнца и вѣтерокъ, волнующій полевые цвѣты и шелестящій въ прибрежныхъ тростникахъ, усыпляютъ на-время его горькую тоску; сердце его дѣлается доступнымъ благодѣтельному вліанію природы. Фаустъ, философъ, разочарованный въ силѣ человѣческихъ познаній, задумалъ отдохнуть, и вдругъ онъ слышитъ въ отдаленіи пѣсан и пляски крестьянъ; на это простое счастье и безпечную веселость онъ бытъ восторгомъ проиньзалъ свои пустынные сокровища — свои ученые познанія, иссушившія его душу, потрясли его умъ! Но веселая толпа прошла и»

но и не увесла съ собою сѣтованія, которое пробудилось въ сердцахъ Фауста. Быть-можетъ, слава обольститъ философа? И вотъ, съ окраины долины поазываются войны: подъ сѣнью распушенныхъ знаменъ смѣло спѣшатъ они на битву; во взорѣ видна увѣренность въ побѣдѣ. Фаустъ бросаетъ на нихъ холодный взглядъ: нечувствительный къ славѣ, къ родинѣ, онъ удаляется холодный, молчаливый...

- Пастушеская пѣсня, которую открываетъ сцена, имѣетъ характеръ вѣжности и меланхолиа, сообразный съ обстановкою; сельская музыка, изображающая чудное утро, исполнена очаровательной задумчивости, которая часто такъ сладостно объемлетъ наше сердце при видѣ роскошной природы; мотивъ этой вѣжливой элегии выполняется альтомъ и виолончелемъ; мало-помалу, по мѣрѣ того, какъ чувства, выражаемыя пѣніемъ, становятся вѣжнѣе, вы слышите, что пробуждается деревня; въ этомъ броженіи оркестра вы чувствуете, что наступленное соверпаніе философа усиливается, и когда у него въ восторгѣ вырываются слова:

Des cieux le coupole infini
Laisse pleuvoir mille feux éclatants,

тогда подхватываютъ скрипки и играютъ тѣму, которая до того шла въ полу-тонѣ. Этотъ торжественный взрывъ даетъ вамъ почувствовать, что вошло солнце и пейзажъ оживился. Вслушайтесь въ своеобразные звуки-арабески, слегка-сорванные со струнъ, и вы услышите, какъ повѣялъ вѣтерокъ, заструился источникъ, какъ запыли утробныя птицы: развѣ вы не слышите ихъ смѣшаннаго щебетанья въ вѣжныхъ звизгахъ квинтъ, слегка отдѣлившихся отъ гармоническаго журчанія всего оркестра? Не забудьте, что всѣ эти эффекты не выходятъ изъ характера акомпаньемана: по этому роскошному грунту голосъ стелется свободно.

За тѣмъ слѣдуетъ пѣсня крестьянъ. Очевидно, намѣреніе Берліоза было

представить контрастъ между мечтаніями Фауста и наивною веселостью поселянъ; но, какъ кажется, пѣсня эта выиграла бы болѣе, еслибъ аллегretto въ шесть-восьмыхъ не начиналось тремя тактами *mi-tineur*, однимъ изъ самыхъ плачевныхъ тоновъ. Я знаю, что непосредственно за этимъ переходъ въ *ré-majeur* уничтожаетъ медленность вступленія, но за этимъ веселымъ тономъ слѣдуетъ модуляція на *si*; правда и то, что припѣвъ въ *sol-majeur*, дѣлающийся выразительнѣе отъ участія баса, восстанавливаетъ и поддерживаеетъ до конца сельскій характеръ плясовой музыки, которая сливается съ послѣднимъ куплетомъ; но какъ бы ни были разительны противоположности четырехъ различныхъ тоновъ, введенныхъ въ этотъ небольшой пассажъ, все-таки надо сказать, что это совмучная роскошь, которой Моцартъ и Бетховенъ не позволили себѣ, когда писали сельскій хоръ перваго акта въ *Донъ-Хуанъ* и сельскую пляску въ *Пастушеской Симфоніи*. Военный маршъ, тѣму котораго Берліозъ отыскалъ въ Германіи (гдѣ она извѣстна подъ именемъ *Rakoczy*), сдѣлается знаменитостью европейскою. Какіе блестящіе звуки! какою увлекательнымъ ритмъ! Еслибъ старый Венгерецъ, который съ этой пѣснью шелъ на бой, могъ услышать чудную воинственную поэму въ *Фауста*, у Венгрии былъ бы свой Туртей! Первая половина марша, писанная въ тонѣ *la mineur*, исполнена невыразимо-одушевляющей отваги; во второй половинѣ, блестящій переходъ въ *mi* выражаетъ боевую радость, возбуждающуюся съ приближеніемъ непріятеля; этотъ порывъ утихаетъ въ слѣдующемъ колѣнѣ, которому тонъ *la majeure* и согласные звуки скрипокъ придаютъ игривую ясность: здѣсь выразилось спокойствіе челоуѣка, совнающаго свои силы. Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ стремительная модуляція въ натуральномъ *mi*, внятно опредѣляемая рѣзкими звуками тромбоновъ,—и вдругъ, послѣ быстраго аккорда, композиторъ впадаетъ въ мажорную тѣму. Переходъ этотъ

ослѣдствіемъ! Потому ритмъ оживляется, звуки оркестра растутъ, дрожать и греметь звучнѣе и торжественнѣе; наконецъ, оркестръ грянулъ послѣднимъ аккордомъ, зрители рукоплещутъ, — восторгъ и удивленіе во всемъ театрѣ!

Во второй части, Фаустъ, возвратясь въ свой кабинетъ, неуспокоенный тишиною полей, томится, призываетъ смерть, чтобъ прекратить свои страданія... Внезапно долетаютъ до него звуки пасхальнаго гимна, — чаша съ отравой выпадаетъ изъ рукъ несчастнаго: вѣрованія дѣтства просыпаются въ душѣ, слезы текутъ изъ очей; онъ снова возвращается небу... какъ вдругъ показывается Мефистофель: ему не трудно снова овладѣть слабымъ философомъ, и онъ влечетъ его къ невѣдомымъ ему наслажденіямъ. Трактиръ, разгульныя пѣсни и грубое веселье не прельстили Фауста; демонъ берется за другую струну — за любовь, и въ восхитительномъ снѣ онъ являетъ доктору образъ Маргариты. Въѣвъ себя, Фаустъ просыпается: прелестная дѣвушка, явившаяся ему въ сновидѣніи, должна существовать, должна принадлежать ему... Для Мефистофеля нѣтъ ничего невозможнаго, и, пользуясь мракомъ ночи, демонъ и Фаустъ присоединяются къ толпѣ солдатъ и студентовъ, возвращающихся въ городъ, и направляются къ жилищу Маргариты.

Акомпаньманъ речитатива Фауста удивительно оригиналенъ. До Берліоза, кажется, ни одному композитору не пришло на мысль согласить инструментальную фугу съ речитативомъ. Ничто не могло лучше выразить борьбы Фауста, какъ враждованіе и грохотъ инструментовъ, преслѣдующихъ въ утомленіи ускользящую тѣму: сюжетъ фуги — выразительная мелодія, издающаяся изъ глубины контр-басовъ при стонахъ альтъ и виолончелей; ихъ плачевные звуки соединяются съ голосомъ, не оставляя тѣни подозрѣнія, какія трудности гармоніи прошелъ композиторъ прежде, нежели достигъ до столь поэтическаго, вѣрнаго аккомпань-

мана, которому подобнаго мы не встрѣчали изъ драматической музыкѣ.

Нельзя не похвалить автора и за то, что онъ обошелся безъ закулиснаго органа въ то время, когда раздѣлись напѣвы пасхальнаго гимна: органъ прекрасенъ въ церкви — пусть же онъ и стоитъ въ ней; однакожь замѣтивъ, что Берліозъ зашелъ ужъ слишкомъ далеко въ своей ненависти къ вульгарности и всегдашнемъ усиліи согласить простоту съ оригинальностью. Звукъ колокола, долетѣвшіе до Фауста изъ сосѣдней церкви, выражены *pizzicato* на контр-басахъ; чтобъ сохранить естественность, надобно бы было, какъ кажется, помѣстить за сценой хоръ свѣтлаго праздника, или, по крайней мѣрѣ, такъ его ослабить, чтобъ онъ доходилъ до слуха Фауста и зрителей какъ эхо отдаленныхъ воскресныхъ пѣснопѣній. Впечатлѣніе цѣлой сцены было бы тогда сильнѣе.

Арія, пропѣтая Фаустомъ послѣ пасхальнаго гимна, усладительна: это не выраженіе радости, а возвращеніе къ жизни, въ которомъ страданіе оставило еще слезы свои. Сердце, забившееся снова, чистый свѣтъ, выбивающійся мало-по-малу изъ пеленъ вранья, вырвали чудныя ноты изъ души Берліоза.

Но вслушайтесь въ рѣзкій аккордъ, разсѣвающій порывъ Фауста къ небу: онъ превосходно изображаетъ внезапное появленіе демона.

Хоръ пѣваницъ, къ которымъ Мефистофель привелъ Фауста, написанъ съ большимъ умѣньемъ: Теньеръ и Гоemannъ были бы удовлетворены совершеннѣе.

Но вотъ сцена замѣнилась: оркестръ переноситъ васъ на цвѣтущіе берега Эльбы, подъ сѣнь лепечущихъ рощъ, гдѣ Мефистофель долженъ позвать Фаусту Маргариту. Раздается звукъ скрипки, быстрый и легкій, какъ звизвъ птицы: Фаустъ и Мефистофель несутся въ вышину; по-немногу движеніе останавливается: высшія ноты квинты рисуютъ круги, которыхъ грѣшное колебаніе изображается тре-

лани флейты; по-иждѣ того, какъ Фаустъ и демонъ спускаются на землю, свѣчки переходятъ на низкія ноты; переходъ этотъ такъ утонченъ и неслучайно, что бѣдная проза и не покушается передать его... Потомъ слѣдуетъ соло на кларнетѣ: Фаустъ засыпаетъ. Хоръ воздушныхъ духовъ былъ бы прекрасенъ, еслибъ хористы рѣшились пѣть *riano* и выйти изъ несносной безхарактерной середины между силою и нѣжностью. Но, увы! хористы не знаютъ ни галопа, ни шага: ему извѣстна только иноходь! За то музыканты исполняли свою партію превосходно: вы слышите симфоню, духовъ, покорныхъ мановенію волшебнаго жезла; они чудно исполнили воздушный вальсъ и покрыты были рукоплесканіями. Въ третьей части, подъ покровомъ ночи, Фаустъ проникаетъ въ комнату Маргариты и, между-тѣмъ, какъ Мефистофель и подвластные ему духи праздноуютъ преступный бракъ, любовники забываютъ мракъ уносящейся ночи, и старуху-мать, которую могутъ разбудить крики сосѣдей, и пѣлый свѣтъ: демонъ вырываетъ ихъ изъ уюбья и уводитъ Фауста, не смотря на его сопротивление.

Баллада, которую поетъ Маргарита, доставила Берліозу случай къ маленькой мистификаціи, впрочемъ, совершенно - невинной: въ нее попалась, во время его путешествія по Германіи, поклонники Вебера. Берліозъ выдалъ эту балладу за сочиненіе автора *Фрейшюца*, будто-бы найденную въ его бумагахъ, и самые тонкіе знатоки поддались обману: успѣхъ былъ громадный. *Примечаніе духовъ* — мѣсто фантастическое, обворожительное. Серенада Мефистофеля не виѣтъ, можетъ-быть, достаточно-дьявольскаго колорита: она слишкомъ-граціозна; въ дуо Фауста и Маргариты есть прекрасныя мѣста, — но нельзя не замѣтить, что онъ походитъ на разговоръ: страсть философа и стыдливая любовь дѣвушки выражены какъ-нельзя-лучше; однако, еслибъ голоса ихъ слышались, впечатлѣніе было бы сильнѣе.

Тріо Фауста, Маргариты и Мефистофеля кратко и оживлено, какъ того требовало сценическое движеніе.

• *Четвертая часть.* Фауста смущаютъ ужасныя мечты: любовь Маргариты уже недостаточно наполняетъ его душу, и пока она съ трепетомъ ждетъ его прихода, онъ скитается по лѣсу или укрывается въ пещерѣ. Тамъ узнавъ онъ отъ Мефистофеля, что его любовница обвинена въ отравленіи матери и приговорена къ смерти; при этомъ извѣстіи, страсти Фауста вспыхнули снова, и, чтобъ спасти несчастную, онъ предается во власть демона, который, вмѣсто того, чтобъ свести его къ Маргаритѣ, увлекаетъ его въ адъ.

• Арія Маргариты, которою открывается послѣдняя часть, — лучшая мѣзъ всей оперы. Жгучая тоска любви, страданія въ разлукѣ, жалостное сѣтованіе, воспоминаніе о возлюбленномъ никогда не были выражены такъ сильно, вѣрно, съ такою овертїей!

• Въ обращеніи къ природѣ, композиръ уже не являетъ ея, какъ нѣжную, благодѣтельную утѣшительницу человѣка: онъ рисуетъ ея могущество, ея непроницаемую громадность. Здѣсь вы видите совершенную противоположность первому дѣйствію. Вмѣсто пѣнія птицъ, вѣвня утреннаго вѣтерка, восхода солнца — вы слышите, какъ стонетъ темный лѣсъ, какъ падаютъ массы скалъ, реветъ остроконечный потокъ. Могущество оркестра придаетъ сценѣ дикое величіе.

• Между-тѣмъ, какъ жалостный голосъ Маргариты призываетъ издалека Фауста и гобой стонуть въ рыданіяхъ и воплахъ, скрипки изображаютъ топотъ коней, увлекающихъ Фауста и Мефистофеля въ адъ; на этотъ фонъ постепенно рисуются эпизоды развлеченія: женщины оставляютъ молитву и бѣгутъ при приближеніи отверженца; рычатъ чудовище, кричатъ хищныя птицы, чуя добычу. Фаустъ ужасается, вскрикиваетъ: демонъ остановился, а съ нимъ приостановилась и сумятица оркестра. Вотъ раздался вопль

Маргариты... Фаустъ слышитъ только голосъ любви; но кони поскакали сво- ва, земля трасется, гремитъ громъ, и Мефистофель свергаетъ Фауста въ адъ.

Сочиненіе Берліоза ниѣдо совершен- ный успѣхъ и привело зрителей въ энтузіазмъ. Берліозъ самъ управляетъ оркестромъ: начальники и исполните- ли были достойны другъ друга.

—

Вотъ другія новости французскихъ театровъ:

L'UNIVERS ET LA MAISON (Вселен- ная и Домъ), комедія въ 5 актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Мери.

Сцена представляетъ рабочій каби- нетъ съ нѣсколькими бюро, за кото- рыми сидятъ люди въ черномъ платьѣ; со свѣчою въ рукѣ входитъ кассиръ господина Дорія, честный Дюпланъ...

Не въ добрый часъ выбралъ себя патрона бѣдный Дюпланъ! Дорія — совершенная антитеза своего кони; без- престанно пожираемый лихорадочною дѣятельностью, онъ не досыпаетъ но- чей для работы; всякое утро ему надо вписывать около сотни писемъ во все концы вселивной; всякій день полу- чаетъ онъ вдвое больше писемъ. Лишь- только заря подавитъ блескъ свѣчи, какъ уже летятъ лепешки изъ Бирмин- гема, Ливерпуля, Таганрога, Архан- гельска, Одессы.

Его занимаютъ бѣдствія въ Египтѣ, ходъ дѣлъ въ Америкѣ; вѣсь у него пропали 50,000 піастровъ, тамъ не пла- тятъ долговъ; Англичанинъ овладѣлъ ивовыми долями; въ Бразиліи упалъ торговый домъ какого-нибудь Квебека; изъ Калькутты не полученъ отвѣтъ; Артыи-Вей не присылаетъ денегъ...

Дорія — космополитъ; это типъ, ча- сто встрѣчающійся въ приморскихъ городахъ. Съ перваго раза, типъ этотъ можетъ показаться неестественнымъ, но всматриваясь глубже, вы увидите, что онъ совершенно точенъ; занятый государствами иностранными и даль-

нини экспедиціями, Дорія дѣлается не- чувствителенъ къ тому, что его окру- жають. Подобно дальновозривш, кото- рые не видятъ предметовъ, находящихся у нихъ предъ глазами, Дорія разлы- чаетъ предметы лишь на разстояніи двухъ тысячъ лѣй: онъ изъ Паржа уведомляетъ бенгальскую полицію о какомъ-нибудь пиратѣ, а не заботясь плутней въ собственномъ домѣ и дѣ- лахъ своихъ; онъ знаетъ, что какой- нибудь Фиціанъ соритъ деньгами въ Бомбей, и не подозреваетъ, что соб- ственный сызъ его прожилъ съ ма- лашкою пѣвицею — *Гезуальдою Брати* деньги, данные ему на откупъ пьмон- скаго риса; Дорія не видитъ, что жем его живетъ въ удивленіи за городомъ и тщетно жаждетъ взора, исполненаго любовью, нѣжнаго слова, дружескаго пожатія руки; что дочь его едва знаетъ отца въ лицо, и ей передъ нимъ ведем- ко, какъ предъ незнакомымъ человѣ- комъ. Если случится, что онъ остане- ся дома, — смотришь — раскрывается несносный портфель, перо начинаетъ скрипѣть, появляются зучи бумаги, строятся спекулянціи, начинается пере- писка съ пятью частями свѣта, вѣтеръ съ Полинезією... Если въ Христофоръ Колумбъ не существовалъ до Дорія, то Америку открылъ бы, кажется, Дорія и основалъ бы тамъ контору!

Конечно, въ желаніи найти состо- яніе честными трудами нѣтъ ничего укоровеннаго; но не значить ли это ошибаться въ цѣли жизни, забывая, для будущаго богатства, наслажденіе любви, забывая семейство, отдавая отъ себя все, что составляетъ прелесть жизни, блуждая, подобно слѣпому, по- среди чудесъ творенія и искусства, слыша одну симфонію — звонъ золота? Бѣдный Дорія! у него вся вселивная, природы же нѣтъ — онъ ея не знаетъ. Онъ допускаетъ вѣтеръ, но съ усло- віемъ, чтобъ этотъ вѣтеръ не игралъ со струнами воловой арфы, — а заста- влялъ бы вертѣться крылья мельницы. И посмотрите: Дюплану, который въ прекрасныхъ стихахъ совѣтуетъ ест

утилизировать Сену, онъ серьёзно отъясняетъ, что подумаетъ объ этомъ.

Около Доріа колеситъ Божовъ, который придумалъ какую-то желѣзную дорогу на Гангъ в колонизацію въ Алжиръ. Божовъ не улаживаетъ за г-жею Доріа: что ему? у матерей приданого не бываетъ. Онъ метитъ на дочку, дѣвчушку въ ореолъ изъ 20,000 эку ожоговаго дохода.

Изора, не столько занятая, какъ ее мужъ, тѣмъ, что дѣлается на другомъ полушаріи, материнскимъ инстинктомъ, котораго не обманетъ ни какое лицемеріе, разгадала, что за штука Божовъ. Ее ни мало не обаяли его разговоры о кошенили и инанго. Изора выбрала въ супруги своей дочери Эдгара — человѣка достойнаго, друга своего сына, прекраснаго молодого человѣка, на котораго Доріа смотритъ, какъ на мечтателя и дѣтля. Но Доріа не вѣритъ, что: —

Souvent les plus actifs ne sont pas les meilleurs.

Въ загородный домъ, гдѣ живетъ Изора и куда, сказать мимоходомъ, Доріа рѣдко заглядываетъ, графъ д'Оривъ, по праву сосѣдства и дальняго родства, сталъ ѣздить очень-часто. Всякій пойметъ посѣщенія графа; но надо удивляться искусству и деликатности поэта: ни одного слова, ни одного намека о любви Изоры и графа, и однакожъ, зритель чувствуетъ, что она любитъ другъ друга, быть-можетъ, сами того не зная. Д'Оривъ, не краснѣя можетъ сѣсть за столъ г-на Доріа, какъ ни въ чемъ предъ нимъ невинный. Изора не можетъ упротить себя ни въ тонномъ взорѣ, ни въ сѣтованіи о невозможномъ счастіи, ни въ рукѣ, предоставленной рукѣ друга; но душа ея такъ гармонируетъ съ душою графа! Мужъ, вѣчно погруженный въ коммерческія хищеры, оказывааетъ ей такъ мало вниманія! Доріа женился на ней, такъ-сказать, мимоходомъ, по капризу, въ минуту форсированной праздности, какъ онъ это самъ рассказываетъ. Можетъ ли быть залогъ счастья въ

подобномъ бракѣ? Если хотите, Доріа — не злой человѣкъ, не тиранъ своего семейства; онъ оставляетъ жену, забываетъ ее, уничтожаетъ; но отъ-чего? Онъ вѣчно занятъ своими оборотами; мысли его никогда не сталкиваются съ мыслями Изоры, которая замужемъ живетъ въ уединеніи, подобно вдовицѣ.

Какъ естественно, что у Изоры, когда она слушала одну изъ оперъ Россини, взоръ заблестѣлъ энтузіазмомъ, грудь глубоко взволновалась, — ей стало хорошо, такъ хорошо, какъ будто въ музыкѣ услышала она признаніе въ любви, о которой мечтала. Она обратилась къ мужу — полная восторга, и что жъ? онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ говоритъ ей: «А что, душа моя, этотъ актъ скоро кончится?»

Изора, не обращая вниманія на такой прозаическій вопросъ, говоритъ съ увлеченіемъ:

— Сколько любви въ этой мелодіи! Какъ прекрасенъ этотъ вѣкъ съ его великими именами, когда могущественный маэстро вызываетъ его изъ гробницы, въ роскоши и блескѣ чудныхъ праздниковъ, гдѣ блистали цари, художники, поэты, за благородный трудъ просившіе одной награды — улыбки, которой завидовала цѣлая толпа соперниковъ.

Доріа. Ну, а потомъ?

Изора. Что потомъ? угадать не трудно! Человѣкъ потушилъ божественную искру, энтузіазмъ угасъ въ сердцахъ, благородные инстинкты замерли, интересъ восторжествовалъ, женщина унижена; настала тяжелая дѣйствительность, тяжеле сна; повсюду скука: зима помычала солнцу.

Доріа показалось, что жена его сошла съ ума, и онъ отправился въ сойе.

Въ это время входитъ д'Оривъ и видитъ смущеніе Изоры. Нѣсколько словъ Изоры, въ которыхъ просвѣчиваетъ любовь, показали графу, что ему должно молчать.

Въ минуту, опасную для Изоры, упоенной музыкою, оледѣнной мужнинымъ равнодушіемъ, ее вдругъ по

ражаетъ мысль, что сынъ ея въ опасности; это было какое-то материнское предчувствіе.

И предчувствіе не обмануло. Миланская пѣвица, въ которую Лудовикъ, сынъ Изоры, влюбленъ безъ памяти, была на сценѣ, и въ антрактѣ Лудовикъ отправился къ ней за кулисы; стучитъ въ дверь, восхитительный голосъ отвѣчаетъ: «кто меня спрашиваетъ? меня нѣтъ дома». Лудовикъ становится въ темномъ корридорѣ и ждетъ... Вдругъ изъ-за завітной двери выходитъ примадонна и возлѣ нея господинъ съ черной бородой, съ золотыми цѣпочками... Лудовикъ не перенесъ намѣны—устремился на господина съ черной бородой и далъ ему пощечину. Лудовикъ рассказываетъ это происшествіе очень-мило и остроумно.

— Скажите мнѣ имя вашего противника, отвѣчаетъ д'Оривъ Лудовику.

— Не знаю; слышалъ только, что онъ князь.

— Князь!

Соперникъ Лудовика—князь монашій, Флорестанъ I.

Въ слѣдующемъ актѣ, Дорія даетъ великолѣпный праздникъ, на которомъ представляетъ Божона, мажъ своего будущаго зятя. Въ этомъ намѣреніи ничто не могло остановить Доріа: ни просьбы Изоры, ни бѣдность и грусть Маріи. Ихъ сѣтованія ему не понятны: чего не достасть его жевѣ и дочери? развѣ онѣ бѣдны? развѣ не окружены всѣми прихотами роскоши?

Гости мало-по-малу расходятся. Божонъ, видя глубокое презрѣніе и ледяную холодность Изоры, тоже долженъ ретироваться. Вдругъ, видя себя, вбѣгаетъ Дюпланъ, въ величайшемъ безпокойствѣ о томъ, что стало съ Лудовикомъ. Изора его спрашиваетъ; онъ мѣшается, рассказываетъ какую-то нелѣпную исторію, чтобъ объяснить отсутствіе молодаго Доріа, полагаетъ, что Лудовикъ отправился ужинать съ актриссою къ *Frères Provençaux*... однимъ словомъ, Дюпланъ растерялся совершенно.

Сердце матери угадало все. Она ос-

тавляетъ правдивикъ и уводитъ съ собою дочь; гнусный Божонъ воспользовался этою минутою и взглянулъ въ душу Доріа ужасныя подозрѣнія: жеманно-любовница д'Орива, дочь согласнаго убѣжать съ Эдгаромъ.

Вотъ чѣмъ Божонъ объяснилъ уклонъ матери и дочери.

Въ слѣдующемъ актѣ, все объясняется. Дорія находитъ Изору и Марію подлѣ Лудовика, слегка раненаго и руку; нѣзъ того, чего онъ опасался, ничего не случилось, но за то, онъ и нѣзъ всю гибель своего положенія, рѣшился на будущее время уже не такимъ жаромъ заниматься Кавалера, а обращать побольше вниманія на мейство. Журналъ сорвалъ маску Божона, объявивъ, что на Гангъ, когда и не существовало жалкой дороги—и Божонъ получилъ отъ Пьеса заключается словами, прощальными Доріа:

Je liquide aujourd'hui, car les
 Ont pour mes faibles yeux un
 Je quitte l'univers, et garde le

Не станемъ расточать достойной хвалы месьѣ г-на Мері; выслушайте только наше желаніе—видѣть ее на сценѣ.

Le Nœud Gordien (Гордиевъ Узелъ), драма въ пяти актахъ, авторъ. Сов. г-жи Каза-Майоръ.

Г. Клавье, повѣренный въ Бразиліи, только-что женился на цинной, нервной, боливой, приной молодой дѣвушкѣ, которая думала предисловіе отправивъ своему посту. Эмерванъ (его предоставленная сама себя обширнаго Парижа, не успѣла тивъ неотразимыхъ обольщій и искусства и протянула руку прещенному плоду. Знѣи-обольщитель, графъ Молеонъ, посланный и мѣняющій къ матригамъ дилетантское искусство. Г-жа Эмерванъ,

ты меланхолин, вышла, какъ всегда на-
ходить недавно-вышедшія замужъ, что
нужь ей вовсе ей не пара; праздность,
уединеніе, стеченіе обстоятельствъ и
лицъ, случай, шелковая мурава, а мо-
жетъ-быть и

Quelque diable aussi me poussant,
J'ai tondu de ce pré la largeur de ma
langue!

Вотъ все преступленіе г-жи Клавье;
несчастная достигла Рубикона, но не
перешла его; дошла до крайней грани-
цы смертной гроба, но и тутъ оста-
новилась, что ужасно рассердило Хуа-
на-дипломата. Увы! когда труднѣйшее
сдѣлано, когда милый дипломатъ съ
большимъ трудомъ приучилъ нѣсколь-
ко къ пороку молодую женщину, когда
женщина эта сказала: *я тебя!* вдругъ
отказываться отъ нѣжныхъ обѣщаній
невозможно!

Молеонъ не хочетъ остаться въ ду-
ракахъ и для этого избралъ престран-
ное средство. Эмеранса позволила лю-
бить себя, снисходительно... нѣтъ, бо-
лье, чѣмъ снисходительно слушала его
рѣчи, и если она и сказала ему: *я тебя
люблю!* за то во всѣхъ ея запискахъ
можно встрѣтить: *я васъ люблю!* Они
пѣли вдвоемъ *sotto voce* дуо любви, и
вдругъ, узнавъ, что мужъ возвращает-
ся преждевременно, имѣтъ ли Эме-
ранса право прогнать Молеона?

Это обстоятельство подаетъ поводъ
къ спорѣ между Молеономъ и госпо-
жею Клавье. Съ перваго взгляда, мо-
лодой человѣкъ кажется совершенно
правымъ: онъ влюбленъ, онъ полу-
чилъ завѣтное обѣщаніе, у него въ ру-
кахъ есть доказательства. Но, посмо-
трите, что отгачиваетъ ему Эмеранса:

— Чего же вы хотите? развѣ въ мо-
ей власти любить и не любить по про-
изволу? Я думала, что люблю васъ, а
теперь оказывается, что я васъ не
люблю; моя ли это вина? Въ минуты
любви я уважала васъ, быть-можетъ,
болѣе, нежели сколько вы стоите: ка-
жется, достаточная причина позволить
мнѣ уважать васъ теперь немного-ме-

нѣе того, сколько дѣйствительно мож-
но васъ уважать... Что же касается до
гашихъ угрозъ, до вашей злобы, мнѣ
нечего бояться, если вы порядочный
человѣкъ. Благодаря Бога, я еще могу
быть женщиной честной, уважаемой.
Я почитаю себя счастливою; поступай-
те какъ я, и если хотите, останемся
друзьями, но подалѣе другъ отъ дру-
га.

Дипломатъ поступилъ неблагородно;
у него есть письма Эмерансы, и ими
онъ угрожаетъ бѣдной женщинѣ. Въ
обѣщаніяхъ нужда, она не безъ страха
думаетъ о письмѣ съ нѣжнымъ *post-
scriptum*.

Бѣдное, обезоруженное созданіе, она
изнываетъ; письмо грозитъ ей, какъ
мечъ Дамоклеса; она страдаетъ, не
знаетъ спокойной минуты, и за что?
за ничтожный проступокъ.

Молеонъ не перестаетъ преслѣдо-
вать Эмерансу и требуетъ у нея ключъ
отъ кіоска, въ намѣреніи получить
обѣщанное *rendez-vous*.

Наконецъ, несчастная Эмеранса дол-
жна во всемъ признаться мужу, чтобы
избавиться отъ ужаснаго Молеона. Она
рассказываетъ г-ну Клавье о своемъ
зablужденіи, увѣряетъ, что раская-
лась въ своемъ проступкѣ и молить
его о прощеніи. Клавье сначала отга-
киваетъ жену; но мало-по-малу гнѣвъ
утихаетъ, раскаяніе жены такъ не-
крепко, ея слезы, просьбы...

Вдругъ прѣзжаетъ Молеонъ: между
нужемъ и любовникомъ должно послѣ-
довать объясненіе. Въ первую минуту,
Клавье хочется выбросить за окно
презрѣннаго Молеона; но въ службѣ
его научили умѣрять страсти, и онъ
изобрѣлъ другое средство отыскать
обольстителю.

Въ полночь, въ кіоскѣ онъ дожи-
дается Молеона, который воображаетъ
найти не мужа, а жену. Клавье осу-
ждаетъ его сарказмами и даетъ ему
урокъ дипломатіи; съ презрѣніемъ и
имѣстѣ съ тѣмъ съ великодушіемъ онъ
отдаетъ Молеону его записку, въ кото-
рой послѣдній проситъ свиданія; Мо-
леонъ раздражаетъ записку на ключи

и, въ свою очередь, отдастъ ключъ отъ кіоска. Потому они очень-учтиво кланяются другъ другу и расходятся.

Надосогласиться, что авторъ весьма-талантливъ, если умѣлъ заставить зрителя терпѣть такое лицо, какъ Молеонъ. Вообще, драма интересна, написана умно; но менѣе того видно, что авторъ женщина. — Гордіевъ Узельшиль совершенный успѣхъ.

Артистъ 213, *ou le Mari doit aide et protection...* (Параграфъ 213 или *мужъ обязанъ помогать и покровительствовать...*), *водвелъ въ одиомъ актѣ, сочиненіе* Денвери и Густава Лемуана.

Параграфъ 213 произносится меромъ, въ трехъ-цѣтномъ шарѣ, г-данъ повобрачными. Въ этомъ параграфѣ объявляется мужу, что онъ долженъ помогать и покровительствовать женѣ, а жена должна повиноваться мужу. Но что значитъ въ этомъ случаѣ помощь и покровительство? Состоитъ ли оно въ томъ, чтобъ идти съ женою по улицѣ подъ руку; вести ея шаль или держать зонтъ, велѣть подать карету, отстранять нантомшины почтовыхъ Ловеласовъ? Наконецъ, физическое это покровительство или нравственное? Впрочемъ не малозначущій!

Дюриво и Шанбелланъ, оба биржевые агенты, сорока лѣтъ отъ роду, взяли каждый по женѣ. Они прекрасно сдѣлали: лучше быть обмануту молодой женой, нежели старой; тѣмъ не менѣе Дюриво и Шанбелланъ побаиваются этого чудовища, опаснаго для мужей, котораго Балъзанъ такъ остроумно прозвала мимотавромъ и котораго отцы наши называли именовъ, зажиткованнымъ воице не изъ мисологін. Шанбелланъ въ супружескихъ сдѣлахъ проявляется какъ дикій, который приносите великія жертвы весоженія: Шанбелланъ убьетъ скоро жену, потому любовника; наконецъ, если останется время, себя-самого.

Такихъ-образомъ, Шанбелланъ проведить дни свои въ глубокомъ страхѣ; ояность—высшее наслажденіе для женщины; супруга Шанбеллана, съ

замыраніемъ сердца, съ обомыстительными обмороками, краснѣя и блѣднѣя, любить Огюста Валлевиля—молодаго человека въ глубокомысленныхъ перчаткахъ и отчаянномъ галстухѣ.

Дюриво не такой Отелло, какъ Шанбелланъ: онъ убѣжденъ, что вѣрность, вниманіе, заботы и увѣренность въ женѣ—лучшія средства набѣгнуть или по-крайней-мѣрѣ отстранить роковую минуту; но результатъ привѣтливости Дюриво ни чуть не лучше результата каннибализма Шанбеллана. Г-жа Дюриво точно также влюблена въ Огюста, только не Валлевиля, а въ Огюста Бремона, главнаго коммъ своего мужа.

Что жъ прикажете! утромъ уйдутъ мужья на биржу, въ вечеру возвратятся измученные, усталые—жена не можетъ простить усталости своему мужу. Когда мужья отправятся на биржу, Огюсты—свѣженькіе, чистенькіе, много одѣтые, съ бѣлою рукою, въ глацьевыхъ сапогахъ, съ пріятными мечтани и *никакнностью* людей холостыхъ, проивкають въ жилища отсутствующихъ.

Г-жа Дюриво сдѣлала своему кроткому супругу самое оригинальное признаніе: сказала ему, что она влюблена и не знаетъ какъ ей защищаться отъ робости молодого человека... прекраснаго собора, который *не смаетъ слыши*, какъ сказалъ Вомаше.—Я хочу знать имя этого изверга, восклицаетъ Дюриво, не уснокоенный признаніемъ.

—Я не скажу, отиѣчаетъ Клара:—но если мнѣ нужна будетъ помощь, я звоню, вы прибѣжите и согласитесь, будетъ очень-снѣжно, если мы не справимся вдвоемъ съ неприятелемъ?..

—Имя, имя влады! повторяетъ озлобленный Дюриво, обрадованный и огорченный признаніемъ супруги.

— Огюстъ.

Въ это время лавей дождаываетъ о приѣздѣ Огюста Валлевиля.

—А! вы въ моихъ рукахъ... оверный обомыститель! восклицаетъ Дюриво:—обросьте маску, не притворяйтесь! мужъ все знаетъ:

— Кто этотъ презрѣнный, который выдастъ нашу тайну?—ну Шанбеллану?..

— Шанбелланъ, пробормоталъ Дю-риво, сконфузаясь отъ изумленія.—А! чортъ возьми! стало-быть, этихъ господъ Огюстовъ въсколько; стало-быть, этотъ Огюсть до меня не касается. Но гдѣ же мой соперникъ, мой Огюсть?

Вдругъ двери изъ сосѣдней комнаты шумно растворились и вбѣжала Клара съ огненнымъ, блестящимъ взоромъ, прерывающимся дыханіемъ: видя, что къ ней не идутъ на помощь, она убѣжала... поступокъ храбрый! Не забудьте, у Огюста черный лонсъ, бѣлый зубъ и розовый ноготь...

Однакоже, все послужило къ лучшему. Клара узнаетъ, что мужъ влюбленъ въ нее безъ памяти; таинственные букеты, которые она получала всякій день и которые приписывала внимательности Огюста,—отъ мужа; легкія, въ родѣ ламартиноскихъ, платья мужемъ, опять-таки не Огюстомъ: шпіальный агентъ, который по-видимому занимался только биржею, опять стансы и сводилъ рѣшмы *amour* рѣшительно какъ простой риторъ.

Что же касается до Шанбеллана—надо сказать, что ему попалась писаночка, которая его сильно встревожила. Дюриво успокоилъ своего друга, увѣривъ, что записка эта не къ его жемъ, а къ Кларѣ, и убійца любовниковъ, свирѣпый каннибалъ кончаетъ жемъ, что приглашаетъ Огюста жены своей на охоту, къ обѣду, въ оперу: ни во всемъ сошлись во вусахъ.

Миленькая эта пьеска превосходно сплывется авторами на парижской сценѣ.

==

Въ зазданіи, 27 ноября, Парижской Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, г. Кузенъ читалъ свои изслѣдованія объ Адамѣ Смитѣ, какъ философѣ. Извѣстно, что авторъ сочиненія—Изслѣдованія Причинъ Народнаго Богатства—, положившій основаніе политической экономіи, занимался сию наукою, какъ частью своего

огромнаго курса, читаннаго имъ студентамъ Глазгоскаго-Университета, такъ-что кто хочетъ вполне изучить личность этого великаго человѣка, тотъ необходимо долженъ обратиться и къ тѣмъ его сочиненіямъ, гдѣ наиболѣе высказываются главныя начала его общей философской системы, и изъ нихъ уже вытекаютъ начала другихъ наукъ (между-прочимъ и политической экономіи), какъ начала второстепенныя. Г. Кузенъ говоритъ:

«Смитъ прежде всего философъ; философа нельзя изучать по частямъ: его можно понять только въ цѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое начало безъ выводовъ и что такое выводы, когда не знаешь принципа? Политическая экономія Смита есть часть великаго цѣлаго; она тѣсно связывается съ его политическимъ правомъ, вытекающемъ въ свою очередь изъ его нравственной философіи, которая опять, подчинена началамъ его общей философіи.

«Политическая экономія была бы очень-неблагодарна, еслибъ позабыла, чѣмъ обязана она философіи. Величайшій политико-экономъ Франціи XVIII-го вѣка, Тюрго, былъ въ то же время и первый метафизикъ. Основатель шотландской философіи, Гутчесонъ, первый ввелъ политическую экономію въ курсъ преподаванія въ 1729 г. Смитъ разамылъ то, что началъ Гутчесонъ: онъ возвелъ политическую экономію на степень науки, давъ ей то, что можетъ дать только философъ: начала и методъ. Познакомимся же со Смитомъ какъ съ философомъ: онъ объяснитъ намъ Смита-политико-экономомъ.»

Заниствуемъ изъ мемуара г. Кузена одно любопытное объясненіе по поводу вопроса, возбуждающаго жаркій споръ между экономистами; дѣло темное — кому принадлежитъ открытіе первыхъ началъ политической экономіи—Смиту ли, или Тюрго и его друзьямъ, въ особенности Кенѣ?

«Здѣсь представляются два факта, подлежащіе сомнѣнію: всѣ принципы справедливыя или ложныя французскихъ экономистовъ были уже опредѣлены до путешествія А. Смита въ Парижъ; въ 1764; съ другой стороны, достовѣрны и то, что

всѣ матеріалы сочиненія Смита о богатствѣ были уже собраны и готовы до его поѣздки во Францію. Французскіе писатели, утверждавшіе, что бесѣды съ Тюрго и Кенѣ посвятили Смита въ тайны новой науки, основывали свое мнѣніе на томъ, что, до путешествія своего во Францію въ 1764 году, Смитъ не написалъ ни одной строчки политической экономіи, и что будто-бы его сочиненіе о натурѣ и причинахъ богатства народовъ написано имъ послѣ и появилось въ печати только въ 1776 г. Выводъ нашелся очень-простой и ясный; но, не смотря на то, онъ будетъ совершенно-ложень. Они вовсе упустили изъ вида, что Смитъ гораздо-прежде своей поѣздки уже читалъ лекціи политической экономіи, и что эта наука составляла часть его большаго курса нравственной философіи, которую онъ преподавалъ въ Глазгоскомъ Университетѣ. Въ 1759, онъ издалъ свою *Theorie des Sentimens Moraux*, а въ 1776 г. свои «Исслѣдованія»; такъ-что этотъ годъ (1776) есть годъ ихъ написанія, но отнюдь не сочиненія..... Впрочемъ, есть одно доказательство, неподлежащее сомнѣнію—рукопись самого Смита, которую цитуетъ Д. Стюардъ: изъ нея видно, что уже въ 1755 составилъ онъ главныя основанія политической экономіи, которыя въ-послѣдствіи развились въ своихъ «Исслѣдованіяхъ». И такъ, остается только первѣнственнымъ одно обстоятельство: сношенія Смита съ такими людьми, какъ Тюрго и Кенѣ, не могли же остаться для него безплодными. Но въ какой мѣрѣ онъ ими воспользовался—вотъ чего рѣшить невозможно. Самъ онъ очень уважалъ Кенѣ, и Стюардъ говорить, будто-бы слышалъ отъ Смита, что онъ непремѣнно бы посвятилъ свое сочиненіе Кенѣ, если-бы смерть послѣдняго тому не помѣшала..»

Въ слѣдующее засѣданіе, г. Кузень обѣщала приступить къ разсмотрѣнію философскихъ сочиненій Адама Смита, и потомъ перейти къ его трудамъ по части политической экономіи.

— Во Франціи вышла книга подъ заглавіемъ *Histoire philosophique du règne de Louis XV* (2 тома in 8°), сочиненіе графа Токкевиля, члена Французской Академіи, автора «Демократіи въ Америкѣ». Въ этой книгѣ, графъ Токкевиль изображалъ вліаніе царствованія

Людвика XV на французскую репюлюцію.

— Въ Парижѣ появилась давно-ожидаемая книга—*Patria*, сочиненіе несколькихъ ученыхъ. Въ книгѣ этой блика встрѣтити отвѣты на всеобщныя вопросы, относящіеся къ исторіи Франціи, ея физическому и географическому устройству, богатству, моществу и гениальности во всѣ эпохи преимущественно въ нашу. Доожиданіе публики вознаграждается совершенно стараніемъ, съ которыми *Patria* издала этотъ громадный репертуаръ, репертуаръ сѣвѣрный, требовавшій прочтенія и жества книгъ.

— Эжёнъ Делакуръ окончилъ труды, заказанныя ему французскою палатою перовъ для ея библіотеки. Жетъ живописецъ заимствовалъ данговыя Божественной Комедіи, изобразилъ Виргилія, владыкаго льявскаго поэта въ жилищѣ великихъ людей древности; здѣсь преддательствуютъ Гомеръ и Ассіадъ; до нихъ сгруппированы воины, художники, законодателя, поэты и философы Греціи и Рима: Александръ, кратъ, Апеллесъ, Аристотель, Ададъ, Гораций, Овидій, Цицеронъ, Катонъ, Маркъ-Аврелій. Въ этомъ изведеніи Делакура встрѣчается его достоинство и недостатки: живильность фигуръ, запальчивость кисти, могущественное раженіе лицъ и блестящій колоритъ. Одинъ изъ зрителей разсказывалъ, что художникъ въ людяхъ древности изобразилъ ты перовъ и называлъ орнаменты. Что жъ касается до божественнаго павіи, которой легкія ризы украшаютъ чудныхъ формъ, сдержанный ровне не хотѣлъ назвать ея служившую превосходною доложнику.

— 19-го ноября, на парадѣ въ Королевской Коллегіи Гвардіи было торжественное открытіе Кавиніра Делавиля, воспитанника полеоловскаго лица.

— Въ Люксамбурѣ ставятъ превосходную статую Сюлли, работы Антона Муана. Съ этой статуи уже слѣны слѣпки, и статуетки, поступившія въ продажу въ Парижѣ, очень распы; въ нихъ превосходно воспроизведенъ добъ, изрытый бдѣнннъ и мыслью, лицо — важное, спойное, и благородная осавка авто- *Economies royales*. Вообще, надо пощрять слѣпки съ фигуръ людей историческихъ: они способствуютъ прочности произведеній великихъ артистовъ.

— Леопольдъ Мейеръ ѣздитъ по Сѣверной-Америкѣ, собирая мѣшки доларовъ и давая концерты, на которыхъ узылавы исполняютъ его знаменитое сочиненіе *Marche Marocaine*; публики стекается несметное множество.

— Г. Пасту возвратился въ Парижъ изъ Англій, гдѣ исполнн оцѣнили его систему преподаванія музыки. Онъ скоро откроетъ новый курсъ пѣнія.

— Александръ Дюма надѣлалъ много шума въ Испаніи. Слава знаменитаго писателя, собственная его особа, то характеръ, живой умъ — все это не могло не подѣйствовать сокрушительно на народъ, непронускающій маѣйшаго случая *восторжнуться*. Дюма тжалъ безчисленное множество овацій: ему пѣлись серенады, по пятамъ то слѣдила цѣлая толпа; при входѣ его въ циркъ или театръ, ему апплодировали, поэты воскурили ему ошіямъ — однимъ словомъ, авторъ «Королевы Марго» затмилъ немного принца, назвавшаго его своимъ исторіографомъ, такъ-что, собственно говоря, роли переѣнились, и герцогъ самъ долженъ бы былъ сдѣлаться исторіографомъ Александра Дюма! Пронесся слухъ, что творецъ «Монте-Кристо», во время своего пребыванія въ Испаніи, раздавалъ даже кресты почетнаго-легіона; конечно, это нѣсколько преувеличено, но въ сущности вотъ въ чемъ дѣло. Г. Дюма находился пріемной одного изъ министровъ, когда изъ Парижа прислали патентъ изъ Канцелярш Почетнаго

Легіона; министръ вручилъ этотъ патентъ испанскому послу. Присутствовавшимъ понравилось вниманіе, оказанное Франціею одному изъ ихъ соотечественниковъ; Дюма, движимый благороднымъ побужденіемъ, отвязалъ свою красную ленточку и хотѣлъ навязать ее на платье испанскаго литератора. «Извините!» сказалъ литераторъ: «я не могу принять этой ленточки: она кавалерская, — а патентъ, который я получилъ, дѣлаетъ меня офицеромъ почетнаго легіона.» Дѣйствительно, мадритскій писатель уже давно былъ кавалеромъ, но онъ не носилъ ленточки, что и ввело Александра Дюма въ заблужденіе.

— Французское правительство имѣетъ намѣреніе, говорить одинъ французскій журналъ, отправить миссію къ императору мароккскому, въ самую столицу его владѣній, куда никто еще не могъ проникнуть оффиціальнымъ образомъ: посланники всегда останавливались въ Фецъ и Меккецѣ.

— Папа Пій IX, вступивъ во владѣніе митрополіею св. Іоанна Латеранскаго, повелѣлъ устроить въ своихъ владѣніяхъ желѣзныя дороги.

По соображеніямъ папскаго правительства, важнѣйшія линіи суть слѣдующія:

- 1) Линія, ведущая чрезъ долину дель-Сакко къ неаполитанской границѣ, близъ Чепрано.
- 2) Линія, соединяющая Порто д'Анціо съ Римомъ.
- 3) Линія, ведущая изъ Рима въ Чивита-Векки.
- 4) Линія изъ Рима въ Анкону, изъ Анконы въ Болонью, по древнему пути—*Flaminia-Emilia*.

По этому поводу составила компанія, подъ именемъ *Национальную Обществоа*, глава котораго принцъ Конти.

— Французскій консулъ въ Кадиксѣ прислалъ г. Гиво копию съ бумаги въ родѣ манифеста, отпраленнаго Абд-эль-Кадеромъ въ Порту, къ шаху персидскому, вице-королю египетскому и вообще ко всѣмъ мусульманскимъ властителямъ. Этотъ манифестъ писанъ

въ два столбца одинъ противъ другаго; на одномъ объясняется поведение мароккискаго императора, на другомъ поступки эмира. На одномъ мѣстѣ — капитуляціи Абдер-Рамана съ христианами, на другомъ битвы Абд-эль-Кадера съ невѣрными, его походы, борьба, его раны, жертвы для защиты вѣры отцовъ; внаву одна только строка: • Кому приличнѣе повелѣвать сынами пророка: Абдер-Раману, или Абд-эль-Кадеру? • Говорить, что отвѣтъ былъ такъ же кратокъ, какъ самый вопросъ: • Лишь тотъ достоинъ царствовать, кто съ отважною льва сражался противъ христіанъ .

— Въ 1846 году, итальянскій агрономъ графъ Бельтрами засѣялъ рисомъ двадцать гектаровъ около Нарбонны (во Франціи до того времени риса не сѣяли). Издержки при засѣвѣ обошлись круглымъ числомъ въ 6,500 фр. на 20 гектаровъ, слѣдовательно, въ 325 франковъ на гектаръ. Риса уродилось 33,000 килограммовъ. Метрическій центнеръ риса проданъ за 30 франк.; слѣдовательно, за весь рисъ получено 9,900 фр. или 495 фр. съ гектара. Чистаго барыша 170 франк. съ гектара. Первый годъ обошелся дороже, потому-что сдѣланы издержки, необходимыя лишь для перваго засѣва.

— Недавно во Франціи умеръ человѣкъ, неизвѣстный всему Парижу: онъ не принадлежалъ къ знатной фамиліи, не засѣдалъ въ палатѣ пэровъ, не занималъ важнаго поста въ государствѣ, не былъ ни поэтомъ, ни ученымъ. Однакожь, онъ заслуживаетъ вниманіе не однихъ Парижанъ, именно потому-что никогда не оказывалъ желанія сродниться съ аристократами, сдѣлаться пэромъ, или стяжать славу писателя, хотя былъ человѣкъ очень умный, изящный и чувствительный, въ пріятномъ значеніи слова. Г. Вернъ былъ просто сынъ знаменитаго ресторатѣра и не стыдился своего происхожденія; будучи богатымъ, онъ пользовался всѣмъ, что жизнь представляетъ привлекательнаго; у него была красавица-жена, множество друзей; онъ

окружалъ себя артистами и принималъ ихъ роскошно въ своемъ парижскомъ домѣ и восхитительной виллѣ-Монморанси, страстно любилъ музыку, а Дюпре, теноръ оперы, былъ душою его дружескихъ сборищъ. Вернъ до того любилъ драматическое искусство, что не только согласился на бракъ съ актрисой своей съ Иммодинотъ, артисткою театра *Vaudeville*, но еще далъ ей большое приданое.

— Брюссельскій исправительный трибуналъ судилъ молодую женщину и молодого человѣка за преступленіе, которое Англичане называютъ: *criminal conversation*; въ это время мужъ судимой женщины, подавшій жалобу, умеръ. Не смотря на это, народное министерство хотѣло продолжать дѣло; исправительный же трибуналъ, послѣ долгихъ толковъ, рѣшилъ, что дальнѣйшее преслѣдованіе дѣла о преступленіи со смертію мужа должно прекратиться.

— 19 ноября, въ судѣ города Гельмра (въ Голландіи) приведенъ былъ въкариій, по имени Генкенсъ, 27 лѣтъ отъ рола, обвиненный въ покушеніи убить молодую дѣвушку, съ которою онъ находился въ преступной связи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

26 іюля 1846 г., нѣсколько человѣкъ изъ города Гронно (гдѣ Генкенсъ былъ викаріемъ) встрѣтили при вѣздѣ въ городѣ Марію Вишериннъ, вышедшую изъ небольшого дѣса: платье ея было въ беспорядкѣ, кровь струилась изъ ранъ; она жаловалась, что въ дѣсу ее ранилъ молодой человѣкъ, *извѣстный всему городу*. Въ это же время, съ другой стороны дѣса вышелъ викаріій: руки и одежда его были окровавлены. Встрѣтивъ, кто ему встрѣчался, онъ разсказывалъ, что въ дѣсу случилось убійство, что онъ увидѣлъ тамъ женщину и молодого человѣка, которые боролись; что женщина позвала его на помощь, и что онъ, викаріій, схватилъ-было преступника, который убѣжалъ.

Свидѣтели вошли въ дѣсу, — но убійцы нигдѣ не было. Марію отвели къ ея хозяевамъ; она была ранена въ шею

жизнотъ. Скоро она захотѣла говорить съ викаріемъ въ присутствіи ховаятъ; но разговора ихъ никто не понималъ. Когда Генкенсъ ушелъ, больная объявила, что ее ранилъ Беравъ, вунецъ изъ Вишстеренка; наконецъ, послѣ многихъ увертокъ и разговора съ викаріемъ, Марія призналась, что убійца — викарій Генкенсъ, что онъ ее подучилъ обвинить Берава. Она присовокупила, что уже давно у нея были связи съ викаріемъ, что любовь ихъ началась въ исповѣданіи... въ исповѣданіи же Марія призналась викарію, что она беременна, въ слѣдствіе чего викарій назначилъ ей свиданіе въ лѣсу. Дѣйствительно, тамъ она встрѣтила преступника, который, подъ предлогомъ удовольствіи въ ея беремености, закрылъ ей глаза рукою и нанесъ въ сколько ранъ; съ отчаяннымъ усиліемъ вырвалась несчастная изъ рукъ убійцы. — Во время допроса, обвиненный утверждалъ, что онъ не хотѣлъ убить Марію, и что онъ не былъ съ нею въ связяхъ. — Судъ приговорилъ преступнаго Генкенса къ висѣлицѣ.

— Дѣвица Б..., двадцатилѣтняя сирота, желая прекратить семейныя докучки, удалилась съ своею гувернанткою въ какой-то монастырь; тамъ она хотѣла дожидаться совершеннолѣтія, чтобъ по своему прозволу избрать себѣ спутника жизни. Два дня провела она въ тихомъ убѣжищѣ, какъ вдругъ явилась къ ней ея опелунъ съ однимъ изъ друзей. Похитители грозятъ приказаніемъ президента; гувернантка, съ своей стороны, показываетъ записки отца дѣвицы Б..., гдѣ положительно сказано, что покойникъ оставляетъ меньшую дочь свою пожеланію и нѣжности гувернантки, на глазахъ которой она родилась. Не смотря на эти доводы, опелунъ насильно посадилъ дѣвицу Б... въ карету и отвезъ въ монастырь предіиства Сен-Жака, гдѣ она теперь и находится. Прованство это совершенно достоверно, но неѣте того неѣтроитно. И однаковъ оно случилось среди Парижа, въ глазахъ правосудія!

— Въ Секскій Ассизный Судъ привели молодого человека. Онъ былъ блондинъ, съ лицомъ худощавымъ и блѣдымъ, на которомъ, впрочемъ, выражался характеръ рѣшительный. Онъ вошелъ быстро и, казалось, былъ сильно опечаленъ; окинувъ взоромъ собраніе и увидѣвъ жену свою съ ребенкомъ, онъ заплакалъ. Скоро вошли и судьи.

Президентъ. Обвиненный, ваше имя?

Отв. Луи-Младшій. *Воп.* Ваша фамилія Женѣ, но вы богѣе извѣстны подъ именемъ Младшаго? — *Отв.* Точно такъ. — *Воп.* Который вамъ годъ? — *Отв.* Двадцать-восемь лѣтъ. — *Воп.* Чѣмъ вы занимаетесь? — *Отв.* Я портной. — *Воп.* Откуда вы родомъ и гдѣ жили въ послѣднее время? — *Отв.* Изъ Вассенгейна (въ Баваріи), а жилъ въ Парижѣ, въ Монмартрской-Улицѣ, № 129. — Послѣ обычныхъ формальностей, писецъ прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: «За двѣнадцать лѣтъ вредъ снѣтъ, Луи Женѣ поселился въ Парижѣ. Въ декабрѣ 1840 года, бывъ еще простымъ работникомъ, онъ женился на дѣвицѣ Брюнель, которая была нѣсколько старѣе его, но имѣла маленькій капиталъ. Вскорѣ послѣ женитьбы, онъ началъ работать отъ себя и поселился въ Монмартрской-Улицѣ, номеръ 129. Отличался постоянно честностью, Женѣ жилъ хотя скромно, но не терпѣлъ нужды. Онъ имѣлъ дѣловыя сношенія съ шляпникомъ Жай, жившимъ въ Улицѣ-Вивьеннѣ, 55. Частыя посѣщенія шляпника скоро возбудили въ немъ подозрѣніе. Жена его, съ которою онъ жилъ всегда согласна, сказала ему, что ее Жай преслѣдуетъ. Женѣ долго не рѣшался прекратить совершенно сношенія свои съ шляпникомъ; но при первомъ объясненіи, заврѣтилъ ему ходить въ свой домъ, грозя въ противномъ случаѣ мстью. Эта мѣра не успокоила обвиненнаго. Мучимый подозрѣніемъ, онъ рѣшился разъяснить дѣло. 17 минувшаго августа, онъ сказалъ дома, что завтра пойдетъ по дѣламъ въ Сен-ли. 18-го, когда жена его, часа въ четыре, вышла изъ дома, онъ воспользовался

ся случаемъ предупредить работниковъ, чтобъ они не возвратились вечеромъ, и приказалъ имъ сказать женѣ, что онъ ушелъ въ Сенли. «Но я спрячусь дома», прибавилъ онъ: «потому что свояченица говорила кое-что на мой счетъ, и я хочу удостовериться». Обвиненный дѣйствительно спрятался въ маленькую комнатку, сосѣдную съ своей спальней. Въ 8 часовъ вечера, жена уложила ребенка; отъ жара, она была уже полураздѣта, когда вошелъ Жай. Жена Женё вышла къ нему на встрѣчу и такимъ-образомъ осталась съ нимъ въ магазинѣ наединѣ. Жай началъ обвинять ее и скоро, не смотря на ея успія и упорство, увлекъ въ ея комнату и посадилъ на постель. Между-тѣмъ, Женё, узнавъ голосъ Жая, подошелъ къ двери съ пистолетомъ въ рукѣ; по опасаясь, что этого оружія будетъ недостаточно, если Жай также вооруженъ, пошелъ въ кухню и взялъ остроконечный ножъ. Когда онъ воротился, Жай былъ на постели; услышавъ шумъ отворившейся двери, онъ обернулся. Обвиненный выстрѣлилъ, но не ранилъ Жая, а опалилъ ему лицо. Жай сдѣлалъ шагъ къ Женё, но въ эту минуту получилъ въ грудь два удара ножомъ и упалъ недвижимый. Между-тѣмъ, госпожа Женё успѣла убѣжать и спряталась въ кухню. Обвиненный сошелъ къ привратнику и съ слезами сказалъ ему, что убилъ человѣка, и что надо дать знать объ этомъ полиціи. По удостовереніи въ смерти Жая, врачи, свидѣтельствовавшіе тѣло, показали, что лобъ и глаза его были опалены порокомъ; легкія на лѣвой сторонѣ проколоты насквозь, и что ножъ коснулся сердца. Женё обнаружилъ сильное сожалѣніе о своемъ поступкѣ и объяснилъ, что, не имѣя силъ преодолѣть тревожившихъ его половрѣвій, онъ слѣдилъ за Жаемъ и за своею женою съ намѣреніемъ наказывать ихъ обоихъ, еслибъ засталъ ихъ на мѣстѣ преступленія; что Жай одинъ показался ему виновнымъ, и что онъ имѣлъ виды только на него одного; но тѣмъ не менѣе не ударилъ бы его но-

жомъ, еслибъ шланникъ, вооруженный, какъ онъ думалъ, не обратилъ къ нему съ угрожающимъ видомъ и толкнулъ его. Эти объясненія обвиняемаго и приведенныя выше проишго обстоятельства дѣла не оставили никакого сомнѣнія въ основной мысли чинимрренности преступленія. Если Жай нарочно говорилъ, что идетъ въ Сенли, если скрывался болѣе четырехъ часовъ, чтобъ подстеречь Жая, единственно съ намѣреніемъ убить его. Въ-слѣдствіе сего, Луи-Жене-Младшій обвиняется въ добровольномъ, наизвономъ убійствѣ Жана Жая, — преступленіи, предвидѣнномъ статьею 302 уголовного уложенія. — Президентъ: Жай вы обвинены въ добровольномъ и извономъ убійствѣ Жая. Вамъ объявить сейчасъ, какой вы подвергаете ответственности. Пусть удалится дѣтели!.. Свидѣтели, въ томъ числѣ г-жа Жене и ея четырехлѣтній ребенокъ, вышли въ другую комнату. Перальный адвокатъ Брессонъ и часъ всталъ и сказалъ слѣдующее: Имѣя въ виду, что дѣло, разбиралось въ судѣ, по существу своему носитъ нравственныхъ побужденій, и, основанія 55 статьи конституціоннаго хартия, предлагаемъ суду провозгласить обвиненіе онаго тайно. Президентъ не находя препятствія въ исполненіи требованія генеральнаго адвоката, дѣла очистить залу, гдѣ такъ-и-такъ остался только жюри. Половина шестого, двери отворились и публика была снова допущена. Видѣть ясно и безпристрастно происходило обсужденіе дѣла, и жилились въ свою совѣщательную комнату. Черезъ вѣсколько минутъ возвратились съ отрицательнымъ решениемъ на всѣ вопросы. Въ-слѣдствіе сего, Луи-Жене-Младшій освобожденъ судомъ отъ всякаго наказанія.

— Листвъ, знаменитый французскій женился на дочери честнаго и богатого въ Прагѣ, у которой три сына и одна дочь. Вотъ какъ это случилось. Листвъ ознаменовалъ себя въ жизни странностями, надъ которыми

сто сѣзались; но вспомните, сколько рвѣзъ говорили объ его щедрости! Къ тому же, въ наше время эти странности даже необходимы для человѣка, проходящаго славою поприще. Великій человѣкъ постоянно чѣмъ-нибудь долженъ привлекать къ себѣ вниманіе публики; молва о немъ должна говорить безпрестанно и на всѣ тоны: серьезно—когда дѣло идетъ о гевіи великаго человѣка; съ улыбкою — чтобы показывать его эксцентричность. Какъ всѣ другіе, Листъ долженъ былъ заплатить дань славы: носилъ длинные волосы, оригинальное платье, у него былъ слуга—Венгерецъ, одѣтый въ красное, Листъ велѣлъ сдѣлать слѣпокъ съ своей чудной руки, разбилъ множество фортепьянъ, — однимъ словомъ, онъ не пропустилъ ничего, что придавало бы блеска и шума его законной славы.

И, право, все это было очень-невинно!

Щедрость — вовсе необыкновенное средство заинтересовывать публику, тѣмъ болѣе, что въ наше время найти щедрого человѣка не такъ легко! Да и изъ великихъ-то людей много ли щедрыхъ? На-примѣръ, съ какою алчностью Паганини (упомянемъ только о мертвыхъ: говорить о живыхъ какъ-то неумолю!) копилъ золото, которое текло къ нему за его волшебные звуки. Онъ скорѣе бы сфальшивилъ на скрипкѣ, нежели безъ крайней нужды развязалъ свой кошелекъ. Часто онъ отказывалъ себѣ въ необходимомъ. Однажды динжансъ, въ котормъ ѣхалъ славный артистъ, остановился у дверей гостиницы, гдѣ проголодавшихся пассажировъ ждалъ хорошій обѣдъ; всѣ поспѣшили въ залу; но Паганини прежде спросилъ хозяина о цѣнѣ. — Три франка съ человѣка, отвѣчалъ трактирщикъ. — Ну, я не такъ голоденъ, чтобы платить 3 фр., сказала Паганини и съ стоическою твердостью отправился въ динжансъ. Никогда кошелекъ его не раскрывался для бѣднаго, — а Листъ всегда съ беззаботностію, щедрою рукою подалъ бѣднякамъ значительныя пособія. Ни разу ар-

тистъ-горемыка не уходилъ отъ него съ пустымъ карманомъ. Открывалась ли подписка, чтобы памятникомъ почитать кого-нибудь изъ великихъ музыкантовъ, Листъ жертвовалъ съ удовольствіемъ; онъ былъ изъ первыхъ, когда жертвовали на сооруженіе памятника Моцарту и статуи Бетховену.

Около половины прошедшаго октября, Листъ посѣтивъ многіе города Германіи, прибылъ въ Прагу. На другой день къ нему является незнакомецъ — старикъ, у котораго на лицѣ изображалось страданіе, а платѣ было ветхо. Великій артистъ дружески принявъ бѣдняка, какъ, можетъ-быть, не принялъ бы важнаго барина. Ободренный его пріятностію, старикъ сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ, какъ къ собрату. Простите, если я осмѣливаюсь такъ называть васъ, не смотря на разстояніе, насъ отдѣляющее; но какъ бы то ни было, прежде и я что-нибудь да значилъ: я хорошо игралъ на фортепьяно, и уроки, которые давалъ я, доставляли мнѣ пропитаніе. Теперь я старъ, обремененъ семействомъ — и у меня нѣтъ ни одного ученика. Я живу въ Нюренбергѣ; въ Прагу же пріѣхалъ, чтобы взять остатки отъ скуднаго вдовства; но они пошли на издержки, которыя сдѣлало правительство. Заграницѣ нужно ѣхать, а средствъ нѣтъ...

— И вы обратились ко мнѣ, и прекрасно сдѣлали; отъ души благодарю васъ за это доказательство вашего ко мнѣ довѣрія. Облегчить участь собрата, пьяниста, профессора — не только велить мнѣ долгъ, но я нахожу въ этомъ удовольствіе. У артистовъ долженъ быть общій кошелекъ, и если судьба не приглубила однихъ, это для того, чтобы ея любимцы поделались съ ними по-братски. Это мое правило и, прошу васъ, не говорите о признательности — я плачу только долгъ.

Сказавъ это, Листъ отперъ бюро и вдругъ остановился въ удивленіи, когда увидѣлъ, что въ ящикѣ было только три червонца. Онъ позвалъ слугу.

— Гдѣ деньги?

— Здѣсь, отвѣчал камердинеръ, указавъ пальцемъ на открытый ящикъ.

— Какъ здѣсь? тутъ ничего нѣтъ, или почти ничего.

— Еще вчера я докладывалъ вамъ, что денегъ не хватаетъ.

— Вы видите, любезный собратъ, сказалъ Листъ улыбаясь: — въ эту минуту я не богаче васъ; но это меня не беспокоитъ: вратьте у меня большой, притомъ же на-дняхъ я начекаю монеты на фортепьяно. Однакожь, я не хочу заставить васъ ждать, пока поправятся мои финансы.

Листъ выдвинулъ другой ящикъ, досталъ изъ него медальонъ и подалъ старика.

— Возьмите. Это портретъ оного короля, украшенный брилльянтами. Живопись такъ-себѣ, посредственная, но брилльянты не дурны. Вы ихъ можете продать: что вамъ за нихъ дать, то ваше.

Напрасно хотѣлъ старикъ отказаться отъ богатаго подарка: послѣ недолгаго спора, онъ удалился, благословляя щедрого благодѣтеля, и зашелъ въ первую встрѣтившуюся ему лавку ювелира.

Брилльщикъ, видя бѣдную одежду старика, возмимѣлъ весьма-естественное половѣрѣнiе и какъ-бы со вниманiемъ продолжая разсматривать богатые камни и высчитывать, за сколько можно купить ихъ, шепнулъ нѣсколько словъ своему коммi, который вышелъ и скоро возвратился съ полицейскимъ и нѣсколькими солдатами.

Бѣдный артистъ увѣрялъ, что онъ невиненъ: его не хотѣли и выслушать.

— Ступай-ко, братъ, сперва въ тюрьму, сказалъ полицейскiй: — а тамъ передъ судьями оправдывайся, какъ знаешь.

Арестантъ написалъ къ Листу письмо, въ которомъ просилъ его о заступничествѣ, и Листъ немедленно отправился къ ювелиру.

— По вашей милости, сказалъ онъ ему: — посадили въ тюрьму человѣка нисколько невиноватаго: не угодно ли

вамъ послѣдовать за мною и потребовать его освобожденiя. Тотъ, кто продавалъ вамъ брилльянты — ихъ закованный владѣтель, потому-что я подарилъ ему эти брильянты.

— Да вы-то сами, возразилъ иерсъ: — вы-то кто такой?

— Мое имя Листъ.

— Я что-то не припомню ни одного капиталиста, который бы называлъ Листомъ.

— Очень можетъ быть; однакожь, меня есть средство показать вамъ кто я.

— Да знаете ли вы, сударь, что на наши стоятъ шесть тысячъ фунтовъ, что составитъ болѣе 500 тысячъ или 12,000 франковъ?

— Тѣмъ лучше тому, кому я ихъ дарилъ.

— Стало-быть, вы очень-богаты!

— Настоящее мое богатство состоитъ изъ трехъ червонцевъ.

— Ну, такъ вы сумасшедшiй!

— Нѣтъ, мнѣ стоить только вамъ велить пальцами, и у меня будетъ столько денегъ, сколько вамъ угодно.

— Стало-быть, вы колдунъ?

— Показать вамъ мое колдовство!

Въ отворенную дверь Листъ увидѣвъ въ другой комнатѣ, фортепьяно и дошелъ къ нему; пальцы его коснулись клавишей, слегка по нимъ прождали; потомъ, увлеченный вдохновенiемъ, онъ сымпровизировалъ одну изъ тѣхъ симфонiй, поразительныхъ и новыхъ фантазiй, которыхъ тайну никто не постигъ. При первыхъ звукахъ показалась молодая дѣвушка, презрительная собою; неподвижно, затанцованiе, стояла она, пока Листъ игралъ; потомъ, когда онъ зазвучалъ послѣдней нотой, она закричала въ восторгѣ.

— Bravo, Листъ! удивительно!

— Развѣ ты его знаешь? сказалъ брилльщикъ своей дочери.

— Я въ первый разъ имѣю счастье слышать и смотрѣть на него, отвѣчала дѣвушка: — но въ цѣломъ свѣтѣ онъ Листъ можетъ придать такое могущественное выраженiе звукамъ фортепьяно.

Дѣвушка была красавица: самолюбіе артиста было удовлетворено, сердце забилось сильнѣе. Однакоже, отвѣтивъ на обольстительные комплименты, Листъ отказался отъ сладости перваго разговора и поспѣшилъ съ ювелиромъ освободить плѣнника. Бриллиантчикъ, желая взглянуть свою ошибку, пригласилъ Листа и стараго учителя на обѣдъ.

Вечеромъ, музыканты города давали зрѣваду знаменитому артисту. На другой день, знатнѣйшіе жители, гордые чинами и титулами, явились къ нему и убѣдительно просили дать нѣсколько концертовъ. Тогда ювелиръ повѣдалъ, что талантъ, оцѣненный со стороны финансовъ, стоитъ такъ же высоко, какъ и драгоценные камни. Забѣдивъ, что великій человекъ учащаетъ свои посѣщенія, ювелиръ былъ крайше-доволенъ; когда же увидѣлъ,

что приманка состояла въ его дочери, радость его слѣдилась безгранична.

Въ одинъ прекрасный день, ювелиръ, съ нѣмецкою откровенностью, сказалъ Листу:

— Нравится ли вамъ дочь моя?

— Она прекрасна.

— Какого вы мнѣнія о бракѣ?

— Такого, что мнѣ бы хотѣлось испытать его сладость.

— Ну, а о приданомъ въ три милліона?

— Я бы не отказался и поблагодарилъ.

— Вы меня повали. Дочь моя вамъ нравится, она васъ любитъ, приданое готово, хотите быть моимъ зятемъ?

— О, съ большимъ удовольствіемъ! На слѣдующей недѣлѣ была свадьба.

Вотъ исторія женитьбы Листа, какъ о ней рассказываетъ хроника города Праги.

М О Д Ы.

Теперь настало самое лучшее время для нарядовъ. Изобрѣтательные умы модистокъ не успѣютъ выдумать одно, такъ имъ говорить, что это ужъ надо, надо что-нибудь другое, новое.

Вотъ недавно, многіе говорили, что черныя кружева надобны, и въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ начали мало носить; но теперь снова они вошли въ моду, и нынѣшны уже нѣсколько платьевъ, украшенныхъ ими. Надо признаться, что эти платья были прекрасны, особенно одѣны изъ оранжеваго атласа. Невозможно себѣ представить, до какой степени были хороши черныя кружева на оранжевомъ фонѣ. Это платье почти все было открыто кружевами: три широкия фалбалы, пришитыя почти вгладь, покрывали юбку, а на левѣ была довольно-большая борта. Другое платье въ-свѣтлѣ-сѣраго цвѣта моарѣ также было очень-красиво; но на этомъ пла-

тьѣ уборка была уже другая: черное кружево было нашито вгладь только съ боковъ и не доходило до конца юбки на пол-аршина. Широкая пунцовая бархатная лента спускалась посрединѣ кружевъ и кончалась широкимъ бантомъ у сборокъ ихъ. Надобно замѣтить, что это кружево сшивается вѣстѣ, и одинъ конецъ его собирается для того, чтобъ овъ былъ круглый, въ родѣ вѣра.

Легкія платья, какъ-то: креповыя, кисейныя, газовыя, тюлевыя, почти всегда дѣлаются въ двѣ, въ три и даже въ четыре юбки. Атласныя руло или гирлянды цвѣтовъ и также буффы, предпочитаются болѣе всѣхъ другихъ уборокъ для такого платья.

Прическа мало измѣняется. Переднія волосы точно также низко спускаются на лобъ; но на ухахъ они поднимаются очень-высоко, такъ-что почти все

ухо открыто. Коса зачесывается не много-ниже прежняго.

Уборки для головы очень-красивы, изъ черныхъ и бѣлыхъ кружевъ, которыя съ боковъ спускаются довольно-низко, и на одну сторону прикалывается большой бантъ изъ бархатныхъ или атласныхъ лентъ съ длинными концами. Наколки изъ бархата очень-красивы съ золотой или серебряной бахромой; фасонъ ихъ почти все такой же, какъ показанъ на картинкѣ модъ, приложенной къ вышедшей книжкѣ «Отеч. Записокъ». Но нельзя не замѣтить на этой же картинкѣ зеленого платья: посмотрите, какъ новъ фасонъ его, и сколько тутъ простоты и вкуса! Мы очень-рады, что картинка эта не опоздала, и что многіе еще успѣютъ заказать себѣ платье такимъ же фасономъ.

Чепчики дѣлаются совершенно-круглые, и съ боку прикалывается или большой цвѣтокъ съ длинными атласными листьями, или большой бантъ съ длинными концами. Точки тоже въ большой модѣ; ихъ убираютъ по большей части перьями, точно такъ, какъ показано на шляпкѣ вышедшей нашей картинки; только, вмѣсто бархатнаго перехвата, всегда блеститъ или изумруду съ брильянтами, или рубинъ, или ахонтъ, смотря по цвѣту тока.

Драгоценные каменья въ большой модѣ, и такъ-какъ теперь въ употребленіи весьма-искусно сдѣланные поддѣльные каменья, которые почти нельзя отличить отъ настоящихъ, то иногда вся уборка головная, или для платья, состоитъ изъ однихъ драгоценныхъ каменьевъ.

Браслеты носить опять по три и по четыре на рукѣ.

Манто для развѣздовъ большую часть дѣлаются прямыми. Пять или шесть полотнищъ сшиваются вмѣстѣ: наверху собираются на узенькую обшивку, и кругомъ обшиваются или кружевомъ, или рюшемъ изъ лентъ, или аграмантомъ. Для полныхъ дамъ этотъ фасонъ не очень идетъ, и потому овѣ предпочитаютъ больше косы манто въ родѣ длинныхъ визитокъ. Иныя для этихъ манто дѣлаютъ капюшоны, а другія предпочитаютъ ихъ безъ капюшоновъ и даже безъ маленькаго воротничка.

Салопы для гулянья носятъ почти всегда съ длиннымъ воротникомъ, у котораго напередѣ спускаются длинные концы, какъ у мантильи; съ боковъ прорѣзы и небольшие рукава.

Но теперь нечего и говорить о шляпахъ; фасонъ ихъ ужъ совершенно установился: капоть очень-маленькій и съ кофточкой; иногда для разнообразія дѣлаютъ тулью сборчатую, но очень-рѣдко; о шляпахъ *Рамелас* и говорить нечего; теперь даже и забыли, что когда-то былъ этотъ фасонъ.

Уборки на шляпахъ все тѣ же: или бархатная гирлянда, или перо; или кружева; но непременно, если шляпа бархатная, надобно, чтобъ банты были атласные, а если шляпа атласная, банты бархатные.

Платья для утреннихъ визитокъ все еще, по-прежнему, закрытыя. Рукава гладкіе, иногда узкіе до самой кисти, или съ прорѣзьями, изъ-подъ которыхъ видны другіе кисейные рукава. Лямы съ шипомъ.

Шали или платки очень-часто вмѣняютъ мантильи, особенно для гулянья.

Воротники почти уже не обшиваются кружевами; но они должны быть всѣ вышиты, а также и подрукавники

СЫНЪ ТАЙНЫ.

Романъ Пола Февала.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ ИЛИ ПРОСЛОЖЕНІЕ.

=

БАРОНЪ РОДАХЪ.

=

I.

Комната Цахеуса.

Въ то же самое утро, большинство компаньіоновъ собралось въ одной изъ комнатъ, гдѣ нѣкогда жилъ блутгауптскій управляющій Цахеусъ Несмеръ, прямо противъ комнаты Франца, на другомъ концѣ замка. Однимъ окномъ она выходила на възжій дворъ, а другимъ на большую листовичную аллею, простиравшуюся до ельдбергской дороги.

Во время онѣ, въ счастливую пору ассоціаціи, когда Моисей Гельдъ, ростовщикъ Жидовской-Улицы, подвѣзжалъ вечеромъ съ своими товарищами къ замку, привѣтній огонекъ горѣлъ въ этой комнатѣ. Тутъ было любимое мѣсто уединенія управляющаго; въ этой комнатѣ такъ дружно, такъ весело сидѣли они за ужиномъ наканунѣ Всѣхъ-Святыхъ въ 1824 году!

Въ этихъ старыхъ стѣнахъ пили, ѣли отъ всего сердца, между Гельдъ, какъ графиня Маргарита и старый Гюнтеръ, на другомъ концѣ замка, ждали послѣдней своей минуты.

Въ этой комнатѣ съ начала праздника поселился добрый Фан-Виттъ. Всѣ единогласно избрали ее мѣстомъ собраній, потому-то, за отсутствіемъ Моисея Гельда, первое мѣсто по лѣтамъ и

по старшинству званія между компаньйонами занималъ престо-
ный Фабриціусъ.

Веселый огонёкъ горѣлъ въ каминъ. Съ одной стороны сидѣ-
ла г-жа де-Лорансъ, закутавшись въ теплую мантилью и положи-
ла ноги на мѣдную рѣшетку; а съ другой—добрый Фабриціусъ, сѣ-
тавъ пухлыя руки въ широкіе рукава халата, спокойно пережи-
валъ завтракъ.

Противъ камина сидѣли докторъ Мирá и синьйоръ Яно
Георгъ.

Хозѣ-Мирá былъ по обыкновенію важенъ и угрюмъ, но въ
минуту уступалъ своему сосѣду Маджарину, на лицѣ котораго
выражалась какая-то тяжелая апатія; щеки его, прежде часто
мяныя, были блѣдны; густыя брови сдвинулись надъ потухши-
ми глазами; онъ, казалось, страдалъ.

Недоставало для полного собранія Авеля Гельдберга и ка-
валера Рейнгольда; кавалера ждали, а юноша не былъ и при-
шелъ.

Съ пріѣзда въ замокъ, въ присутствіи Фан-Прэтта и Маджар-
ина часто завязывались такіе разговоры, при которыхъ сынъ Мирá
Гельда былъ бы лишнимъ.

Конечно, онъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ дома; но его
остракизмъ не могъ оскорбить его, потому-что вся заботливость
сосредоточивалась на больной Королеви Викторинѣ.

Поджидая Рейнгольда, говорили о томъ, о семъ, а слуга Кляу-
съ убиралъ завтракъ Голландца.

Этотъ Клаусъ былъ уже давно въ домъ; на него можно
положиться, и передъ нимъ не стѣснялись.

Не смотря на то, разговоръ шелъ вяло; Мирá былъ молчали-
въ по обыкновенію; Маджаринъ, погруженный въ мрачныя раз-
мышленія, не говорилъ ни слова.

Съ отъѣзда изъ Франціи, его еще ни разу не видѣли веселымъ;
за столомъ онъ пилъ молча, и напившись становился еще
мрачнѣе.

Въ промежуткахъ, блуждалъ онъ одинъ по лѣсамъ, и
случалось завидѣть кого-нибудь на дорогѣ, уходилъ въ глу-
бокую чашу.

Охота, балы, прогулки — не нарушали его уединенія, не
дали изъ мрачнаго расположенія духа.

Замокъ Гельдбергъ, казалось, съ самаго начала произвелъ
на него роковое впечатлѣніе. Рейнгольдъ, любившій подслушивать
за дверей, рассказывалъ, что не разъ слышалъ ночью, какъ онъ
ворчалъ самъ съ собою.

Голосъ его былъ страшенъ; онъ произносилъ имя Влутты
и просилъ Бога о помилованіи...

Произносилъ онъ еще другое имя, — имя женщины, жалобно
глубоко-растроганнымъ голосомъ.

— Онъ женатъ, говорилъ Рейнгольдъ:—онъ обманулъ, какъ

манываютъ всё эти сорванцы съ усами... Мужчины известнаго роста привлекательны для женщинъ!.. И бьетъ себя въ грудь, какъ несчастный... и думаетъ, что этотъ промахъ есть прямая кара за завнишнія дразги...

Все это Рейнгольдъ говорилъ такъ, на удачу; но его предположенія были близки къ истинѣ. Кромѣ мрачныхъ воспоминаній, вызванныхъ блутгауптскимъ замкомъ, Яносъ былъ пораженъ въ сердце.

Всѣ свои надежды онъ сосредоточивалъ на любви женщины, и нѣсколько часовъ, проведенныхъ барономъ Родахомъ въ Лондонѣ, разрушили его счастье однимъ ударомъ.

Кромѣ угрызений совѣсти, у него была еще мысль: мщеніе. Онъ жалъ барона Родаха.

Оставалось вести разговоръ г-жѣ де-Лорансъ и доброму Фабриціусу.

Но Сара въ это утро была не въ духѣ; она лѣниво раскинулась въ креслахъ; полузакрытымъ глазамъ ея, казалось, представлялись любимыя формы; на губахъ порой являлась улыбка.

Тѣломъ она была тутъ, но мысли ея гуляли далеко.

Одинъ достойный Фабриціусъ долженъ былъ говорить: трудъ е тяжелый для такого краснорѣчиваго Голландца!

Онъ позавтракалъ и былъ въ томъ счастливомъ настроеніи, когда люди говорятъ, не заботясь о слушателяхъ.

Впрочемъ, если компаньоны и не слушали его, то по-крайней-мѣрѣ ни слова не проронилъ изъ его рѣчи внимательный Клаусъ, ажно и медленно убравшій со стола.

Никто никогда еще не замѣчалъ, чтобъ Клаусъ былъ человѣкъ любопытный, и потому медленность его никого ни беспокоила, ни дѣвляла; его не опасались.

— Странная вещь, говорилъ Фан-Прэттъ, грѣя туфли: — какъ сильно дѣйствуетъ воспоминаніе!.. Когда я просыпаюсь въ этихъ знакомыхъ стѣнахъ и входитъ Клаусъ, мнѣ всегда хочется спросить у него о Цахеусѣ... Клаусъ въ то время былъ уже въ замкѣ... вы помните его, докторъ?

— Да, отвѣчалъ Мирá.

— А! славно, бывало, проводили мы здѣсь вечера! продолжалъ Фабриціусъ:—Несмеръ былъ не то, что называютъ веселымъ собесѣдникомъ, а пилъ какъ губка, и ни въ одномъ глазѣ.. Приятно пить человѣка, котораго вино не одолеваетъ!.. Ха! ха! докторъ, вы совсѣмъ не пьете, а подчуete!.. Безъ смѣха вспомните вы могу этого жизненнаго эликсира!..

Сухое лицо Португальца съѣжилось.

— А моя лабораторія!.. продолжалъ Фан-Прэттъ.—Ноги у меня ожегли, и я все еще не собрался на башенку... а надо взлѣзть, глянуть на мои тигли и реторты.

— Я думалъ, что вы ужъ были тамъ, проговаривалъ Португá-

лецъ.—Крестьяне говорятъ, что въ послѣднія ночи видѣтъ стѣны въ сторожевой башнѣ...

— Право? вскричалъ Голландецъ.—Можетъ-быть, тамъ вѣсти стѣны какого-нибудь лакея.

— Я справлялся... нѣтъ.

Клаусъ слушалъ и исподлобья взглядывалъ на собесѣдниковъ.

Фан-Прэттъ потиралъ руки.

— Гэ! сказалъ онъ:—эта исторія вамъ кажется не по сердцу! Можетъ-быть, тамъ дьяволъ поселился?

Маджаринъ зашевелился въ своихъ креслахъ, и опутивъ глазе еще больше наморщился.

— Но вѣдь мы собрались не для этой чепухи, продолжалъ Фан-Прэттъ:—что жь Рейнгольдъ... Вѣдь онъ насъ сзывалъ.

— Отгадать не трудно, для чего онъ сзывалъ, сказалъ докторъ:—поговорить, потолковать еще объ этомъ мальчишкѣ, который скользитъ у насъ между пальцевъ какъ моль!.. Если бы меньше говорили, можетъ-быть, больше бы сдѣлали.

— Клянусь! отвѣчалъ Фан-Прэттъ:—мальчикъ меня собственно не стѣсняетъ; но вы, докторъ, говорите объ немъ, кажется, удовольствіемъ! Рейнгольдъ и наша милая Сара сдѣлали, что могли!

Госпожа де-Лорансъ, услышавъ свое имя, быстро подняла и думчивую голову; Фабриціусъ сдѣлалъ ей дружескій жестъ.

— Что такое?.. спросила она.

— Мы говоримъ объ этомъ Францѣ, отвѣчалъ Голландецъ:—говорю, что съ своей стороны охотно держу за него тысячу ринновъ пари... Мы называемъ его *Сыномъ Дьявола*, и это кажется, посчастливилось ему, — господинъ его родитель чрезвычайно заботится объ немъ...

— Есть другіе покровители! сказала г-жа де-Лорансъ.

— Э, эхъ! еслибъ у меня была сила нашего храбраго Маджарина, отвѣчалъ Голландецъ: — не оставилъ бы я обидѣ въ такомъ затруднительномъ положеніи!.. Чортъ возьми, что не нашелъ случая повздорить съ этимъ негодиемъ и отпрятать на тотъ свѣтъ!

Эта выходка такъ не согласовалась съ обыкновеннымъ спокойнымъ рѣчи Фабриціуса, что Миря и Малютка въ одно время смотрѣли на него.

Онъ лукаво мигнулъ имъ; ему очевидно хотѣлось раздразнить Маджарина.

Но Яношъ, казалось, не слышалъ; онъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ свои мрачныя мысли.

Голландецъ съ досадой пожалъ плечами.

— Знаетъ ли кто изъ васъ, вдругъ спросила г-жа де-Лорансъ о пріездѣ сюда барона Родаха?..

Клаусъ, медленно складывавшій скатерть, вздрогнулъ.

Фан-Прэттъ и Мирá съ изумленіемъ посмотрѣли на Сару.

— Барона Родаха!.. повторили они въ одинъ голосъ.

— Вы думаете, моя красавица? продолжалъ Фабриціусъ: — не даше какъ вчера получены деньги и письмо отъ барона изъ Парижа.

— Такъ что жь? сказала Сара.

— Мнѣ кажется...

— На фокусы онъ мастеръ! Развѣ вы забыли эту странную фантазмагорію, которая до-сихъ-поръ осталась для насъ необъяснимою?..

— Парижъ, Лондонъ, Амстердамъ!.. произнесъ Маджаринъ глумящимъ голосомъ, не сводя глазъ съ Сары.

— Если бъ я самъ, проѣзжая чрезъ Франкфуртъ, не удостоившись, что три незаконные Блутгаупта тамъ... проговорилъ докторъ...

— Но вы удостовѣрились, прервала Малютка:—вы, Рейнгольдъ и я... Гораздо-легче быть въ одно и то же время въ Парижъ и Гельдбергъ, нежели въ Лондонъ, Амстердамъ и Парижъ.

Яность сдѣлалъ довѣрчивый, утвердительный знакъ головой.

— По логикѣ, сказалъ Фабриціусъ: — отъ одного чуда о другомъ не заключаютъ.

— Но кто вамъ это сказалъ?.. началъ-было докторъ, обращаясь къ Сарѣ.

— По моему мнѣнію, прервала она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ адвоката:—баронъ Родахъ пріѣхалъ въ замокъ вслѣдъ за нами.

— Но что ему въ томъ за выгода? сказалъ Хозе-Мирá.

Малютка остановилась на минуту.

— Я долго колебалась, отвѣчала она:—вашъ вопросъ, докторъ, сама не разъ задавала себѣ... и не могу отвѣчать на него. Но въ-тѣхъ-поръ, какъ мы въ замокъ, между нами и Францомъ есть какой-то таинственный щитъ, противъ котораго мы ничего не можемъ сдѣлать, не смотря на всѣ свои усилія.

— Не случай ли все это?.. замѣтилъ Фан-Прэттъ.

— Положимъ, продолжала Малютка:—случай есть во всемъ, и Францъ счастливъ, я знаю... Но случай для всѣхъ одинаковъ, и слабъ только отъ него все зависѣло, то изъ столькихъ попытокъ мы хоть бы разъ выиграли... Послушайте! Если нужно только доказательство въ постороннемъ покровительствѣ, то вспомните фейерверкъ. Не-уже-ли вы думаете, что случай отворотилъ артиру, направленную искусной рукой?.. Не-уже-ли случай выставлялъ тогда передъ нами трехъ красныхъ человѣкъ?

Фан-Прэттъ и Мирá не находили возраженій; Маджаринъ слушалъ внимательно.

Клаусъ искалъ что бы поправить, прибрать, или какимъ-нибудь образомъ остаться подольше въ комнатѣ.

— Вспомните, продолжала Сара:—дуэль Вердиé въ Булонскомъ-

Льсу была именно въ то время, когда пріѣхалъ баронъ изъ Парижя... Это было поутру въ чистый понедѣльникъ, а въ холдѣ баронъ Родахъ явился въ первый разъ въ отелъ Гельдберга.

— Правда, сказалъ докторъ:—но нужны другія доказательства... этотъ человекъ такъ сильно помогалъ намъ!..

— У насъ, женщинъ, отвѣчала Малютка:—доказательства мы полагаются не въ томъ порядкѣ, какъ у васъ: мы часто ставимъ на первомъ планѣ то, чѣмъ вы пренебрегаете, и часто еще принимаемъ за доказательство тѣ внезапныя, блуждающія мысли тайныя предчувствія, которыя вы отвергаете съ презрѣніемъ. Мнѣ нечѣмъ убѣждать васъ; только, когда я вспоминаю о свиданіи съ барономъ въ Парижѣ, и тѣ подробности, на которыя тогда почти не обратила вниманія... Мы говорили о Францѣ и Вердѣ.

— Какъ это могло случиться? презрительно спросилъ докторъ.

— Случилось... и я припоминаю, что въ этомъ человекѣ было что-то такое, что во мнѣ произвело инстинктивный страхъ... О даль мнѣ обещаніе драться съ Францемъ... И это-то самое обещаніе, какъ оно было дано, составляетъ главное основаніе моего убѣжденія... Вѣрно то, что онъ обманулъ насъ всѣхъ,—насъ, докторъ, васъ, мейнгеръ фан-Прэттъ, васъ, синьоръ Яносъ!..

Маджаринъ опустилъ глаза, какъ-будто сильный лучъ свѣта разилъ его; изъ груди его вырвался глухой стонъ.

— И кавалера Рейнгольда, продолжала Сара: — и брата моего Авеля... и меня!

Злобный огонь загорѣлся въ глазахъ ея.

— И, послѣ этого, мы еще будемъ сомнѣваться, что онъ врагъ?

— Онъ надѣется быть нашимъ компаньйономъ, сказалъ докторъ.

— Нашимъ наследникомъ скорѣе, отвѣчала Сара.—Онъ поджидаетъ насъ, чтобъ получить больше наследства... Послушайте здѣсь происходятъ странныя вещи: между старыми блутскими фермерами ходятъ слухи, и эти слухи, грозящіе всѣмъ, сколько насъ ни есть, смертию, не изъ земли вышли: ихъ пустили.

— Кто же?

— Кавалеръ это знаетъ такъ же хорошо, какъ и я... Вы, докторъ, кажется, сейчасъ говорили, что крестьяне увѣряютъ, будто видятъ свѣтъ въ сторожевой башнѣ!

— Дá, я, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, зная эти старыя и нелѣпыя преданія о дремлющихъ въ дѣльцахъ замка, вы, конечно, знаете самое старое и самое извѣстное изъ нихъ... будто этотъ свѣтъ есть душа *Блутгаупта*!..

При этомъ словѣ, Клаусъ опять вздрогнулъ.

Яносъ слушалъ, наставивъ уши и разинувъ ротъ.

— Я помню, сказалъ фан-Прэттъ, въ мое время говорили это

— Говорятъ и теперь, продолжала Малютка:— и я еще не сказала вамъ самаго важнаго, можетъ-быть: въ лѣсахъ и деревняхъ видѣли людей изъ Парижа.

— А!.. вскричалъ докторъ.

— Изъ Тампля! продолжала г-жа де-Лорансъ:— тѣхъ Нѣмцевъ, которые нѣкогда удалились изъ Вюрцбурга, чтобъ не служить убійцамъ Блутгаушовъ.

Мира, Фан-Прэттъ и даже Маджаринъ невольно оглянулись, чтобъ посмотрѣть не слушаетъ ли ихъ кто-нибудь.

Клаусъ только-что передъ тѣмъ вышелъ..

Ни одинъ изъ компаньоновъ не замѣтилъ, что дверь была не плотно затворена.

— Эти люди, продолжала г-жа де-Лорансъ:— по словамъ Юганна, душой и тѣломъ преданы памяти прежнихъ своихъ господъ, я думаю, что баронъ, намѣнивъ тактику, соединился съ этимъ Францемъ для того, чтобъ раздѣлить съ нимъ добычу послѣ побѣды.

Фан-Прэттъ вынулъ руки изъ халата, докторъ обратился къ своей золотой табакеркѣ.

Маджаринъ, казалось, сдѣлался по-прежнему холоденъ.

— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ Мира:— юноша долженъ узнать о своемъ происхожденіи?

— Опасаюсь за это, отвѣчала Малютка.

— И мы не могли!.. со вздохомъ произнесъ Фан-Прэттъ.

— Еще попытаемся, отвѣчала г-жа де-Лорансъ съ отважностью:— еслибъ я была мужчина, не сдѣлали бы мы болѣе одной попытки!

Фан-Прэттъ взялъ Маджарина за руку.

— Янось, мой храбрый товарищъ, сказалъ онъ:— слышите ли?.. Помните, что опасность и вамъ также угрожаетъ!

Янось поднялъ голову и снова посмотрѣлъ на г-жу де-Лорансъ.

— Но я жду, сказалъ онъ голосомъ, готовымъ разразиться грономъ:— я готовъ... я жду, чтобъ мнѣ сказали, гдѣ этотъ человекъ!

— Bravo, Янось! сказалъ Голландецъ:— я узнаю васъ, мой храбрый другъ!..

— Вы спрашиваете, гдѣ онъ, продолжала Сара:— но вы каждый день бываете подлѣ него... Помните, вечеромъ, за столомъ, между имъ и вами сидѣла только моя меньшая сестра, Лиа.

На лицѣ Яноса, сіявшемъ дикою свирѣпостью, вдругъ выразилось отвращеніе и презрѣніе.

— Вы толкуете все-еще объ этомъ ребенкѣ?.. проговорилъ онъ.

— О комъ же мнѣ и говорить?

— А я думалъ о другомъ.

Янось сложилъ руки на груди и замолчалъ. Въ эту минуту на

правильномъ, мужественномъ лицѣ его явилась непривычная мысль, казалось, предался воспоминаніямъ.

— Я убилъ, сказалъ онъ наконецъ съ мрачно-гордымъ видомъ — и не рассказваюсь!.. По спросите, сударыня, Фабриціуса Фаан-Прэтта и Хозе-Мира, развѣ тотъ, кого я убилъ, не могъ мнѣ вѣрить?.. То былъ человекъ во всей силѣ, крѣпкій, отважный какъ левъ, и вся Германія знала, какъ владелъ онъ шпагой. Вамъ, можетъ-быть, сказали, сударыня, что насъ было шестеро въ ту ночь въ комнатѣ графа Ульриха Блутгаупта: вамъ не вѣрили!.. За мною было пять рукъ, пораженныхъ страхомъ... Сидите у Хозе-Мира и Фабриціуса Фаан-Прэтта... они оба были тогда не тряслись!

Ни докторъ, ни Голландецъ не сочли нужнымъ возражать Маджарину.

— Одинъ на одинъ, продолжалъ Яносъ:—одинъ противъ одного!.. Крѣпкая шпага противъ моей сабли... Такъ я убиваю, сударыня; но дѣтей я не убиваю!

Фаан-Прэттъ и Мира обмѣнялись недовольными взглядами, оставившими такое романтическое ученіе объ убійствѣ.

Сара смотрѣла на Маджарина, какъ женщина, понимающая слово; Яносъ былъ дико-величественъ въ эту минуту.

— Синійоръ Георгъ, сказала она послѣ минутнаго молчанія, я не сегодня только узнала вашу неустрашимость... Я часто слышала о васъ, и чтобъ сомнѣваться въ вашей храбрости, надо было дочерью отца моего.

Лицо Яноса прояснилось и загорѣлось: такъ чувствительнаго былъ къ женской лести...

— Вы не хотите имѣть дѣла съ тѣмъ, кто слабѣе васъ, сказала Малютка:—это, можетъ-быть, уже слишкомъ-великодушно не въ томъ дѣло. Францемъ могутъ заняться другіе... не забудьте Родахъ также нашъ непріятель.

Яносъ всталъ и оттолкнулъ назадъ свое кресло.

— О! тутъ я не замѣшкаюсь, сказалъ онъ блѣднѣя. — Можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ онъ?

— Кажется, могу, отвѣчала Малютка.

— Минуту! вскричалъ Фаан-Прэттъ: — не надо дѣйствовать по... у этого человека, кромѣ шпаги, есть противъ насъ другое оружіе.

— Ларчикъ!.. пробормоталъ докторъ.

Маджаринъ пожалъ плечами; Сара также сдѣлала нетерпѣливую жестъ.

— Противъ этого ни одинъ изъ насъ ничего не можетъ сказать, сказалъ докторъ, обращаясь къ Малюткѣ: — вы знаете, этотъ чикъ въ вѣрныхъ рукахъ въ Парижъ... въ немъ есть бумаги, которыя могутъ погубить насъ!

— Васъ, чѣмъ васъ погубить?.. возразила Сара.

— Милая красавица, тихо сказалъ Фан-Прэттъ:—насъ и вашего почтеннаго родителя Моисея Гельдберга...

Сара опустила голову и наморщилась.

— Что мнѣ до того за дѣло! вскричалъ Маджаринъ, топнувъ ногою: — этотъ Родахъ оскорбилъ меня... онъ сдѣлалъ изъ меня несчастнаго!.. Еслибъ даже въ этомъ ларцѣ былъ смертный приговоръ...

— Есть кое-что въ этомъ родѣ, храбрый Яносъ, произнесъ у двери тонкій голосъ кавалера Рейнгольда: — по не отчаивайтесь... вашъ и наши смертные приговоры теперь въ хорошихъ рукахъ.

Всѣ обернулись и увидѣли кавалера Рейнгольда, стоявшаго съ торжественной улыбкой.

Подъ лацканами бѣлаго пальто его была толстая связка.

II.

Находка.

Кавалеръ Рейнгольдъ былъ въ чрезвычайно-веселомъ расположеніи духа. Проходя черезъ переднюю, гдѣ Клаусъ все-еще прибиралъ что-то совершенно-прибранное, онъ щипнулъ важнаго Нѣмца за ухо, какъ щиплютъ профессора вертлявыхъ школьниковъ.

Но онъ не остановился, потому-что за дверью слышалъ голосъ своего страшнаго друга Маджарина.

Яносъ и мейнгеръ Фан-Прэттъ съ пріезда въ замокъ сдѣлались добрые на зло судьбѣ; объ огромныхъ долгахъ и помина не было.

Этотъ вопросъ былъ отложенъ до окончанія празднествъ: всѣ занялись дѣломъ, нетерпящимъ отлагательства—надо было сбыть съ рукъ Франца. Сивійоръ Яносъ не хотѣлъ мѣшаться въ дѣло; впрочемъ, мѣры, принятыя домомъ Гельдберга, были такъ удачны, поколебавшійся кредитъ выслался на такомъ широкомъ основаніи, что сивійоръ Яносъ нисколько уже не заботился о своихъ векселяхъ; въ головѣ у него засѣла иная мысль.

Но при всей снисходительности къ дому Гельдберга, злоба его не остывала къ несчастному кавалеру Рейнгольду.

Кромѣ презрѣнной продѣлки съ векселями, Яносъ былъ оскорбленъ лично: баронъ Родахъ, обманувъ его съ помощью его собственной жены.

Яносъ страстно любилъ эту женщину. Кавалеръ Рейнгольдъ все-таки былъ виновникомъ его позора.

Богъ-знаетъ, какихъ средствъ не принималъ бѣдный кавалеръ, чтобъ затушить эту вражду. Всѣ возможныя ласкательства, робкая лесть—все пушено было въ ходъ, и ничто не имѣло успѣха; Маджаринъ смотрѣлъ холодно, презрительно, враждебно.

И Рейнгольдъ чувствовалъ, что, при первомъ толчкѣ, надъ нимъ обрушилась бы вся тяжесть задержанной злобы.

Онъ удвоивалъ стараніе; страхъ придавалъ ему и умъ и находчивость.

И какъ, по его мнѣнію, опаснѣе всего было обнаружить свой страхъ, то онъ никакъ не покидалъ своего довольнаго вида.

Впрочемъ, онъ вертѣлся какъ флюгеръ — куда вѣтеръ подуетъ: то снисходилъ до изысканной угодливости, былъ послушенъ, покоренъ, пресмыкался; то дѣлался шуткомъ, старался занимать и нравиться; то, наконецъ, входилъ въ роль чело́вѣка необходимаго и суетился такъ, какъ-будто только его геніемъ и спасенъ домъ.

Наконецъ, черезъ долгіе промежутки, приходила къ нему бодрость: онъ являлся въ двойственномъ качествѣ дворянина и начальника банкирскаго дома, миллионера. То была странная борьба гордыхъ претензій и страха; съ надмѣннымъ видомъ выслушивалъ онъ насмѣшки и шелъ на встрѣчу презрѣнію съ тою гордою трусостью, съ которою люди поднимаютъ носъ, потупивъ глаза.

Но въ это утро, онъ не задумывался, какую избрать роль; радость одолевала его, все существо его выражало совершенное довольство.

Онъ вошелъ, не давъ себѣ труда затворить за собой дверь.

Вошелъ и остановился на порогѣ.

— Тысячу извиненій, что заставилъ ждать себя, сказалъ онъ: — впрочемъ, надѣюсь на прощеніе, потому-что не совершенно-напрасно потерялъ время.

— Что вы говорили о ларчикѣ? спросили въ одинъ голосъ фан-Прэттъ и Мирá.

— Я говорилъ о ларчикѣ? небрежно произнесъ кавалеръ: — да! легко можетъ статься.

— Нельзя ли..? начала-было г-жа де-Лорансъ.

— Сударыня, прервалъ Рейнгольдъ: — минуту отдыха, умолю васъ!.. Еслибъ вы знали все, что я сдѣлалъ сегодня утромъ, вы бы сжалились надо мною!..

Онъ вынулъ изъ кармана батистовый платокъ и началъ махать съ граціозностью кокетливой красавицы.

— Но вы сказали?.. продолжалъ фан-Прэттъ.

— Прекрасный другъ мой, сжальтесь!.. Я сказалъ, что храбрый Яношъ теперь можетъ смѣло драться съ этимъ тройственнымъ негодяемъ Родахомъ.

Онъ улыбнулся съ самодовольствомъ и продолжалъ:

— Именно тройственнымъ, не правда ли? говорилъ онъ, пройдя по комнатѣ и опершись на каминъ.

— Ради Бога, объяснитесь! сказала Сара.

Маджаринъ приготовился слушать и смотрѣлъ на Рейнгольда жаднымъ, вопросительнымъ взоромъ.

— Не прежде, какъ осведомившись о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ, сударыня, отвѣчалъ кавалеръ съ живописнымъ поклономъ.

Сара съ нетерпѣніемъ наморщила брови; улыбка Рейнгольда еще болѣе расширилась.

— Здравствуйте, мейнсеръ фан-Прэттъ: — какъ ваше здоровье, сивъйоръ Георгі? Вы, докторъ?

Онъ опустилъ большой и указательный пальцы въ золотую табакерку Мира и сдѣлалъ видъ будто нюхаетъ, поправилъ свое жабо съ торжественностью актѣра въ роли придворнаго.

Онъ подвинулъ стулъ и сѣлъ между Малюткой и докторомъ.

Всѣ устремили на него нетерпѣливые взоры. Онъ былъ въ восторгѣ.

Компаньоны, знавшіе его ребяческую натуру какъ свои пять пальцевъ, молчали; лучшее средство заставить его говорить было — не спрашивать.

— Дѣ, друзья мои, сказалъ онъ: — кажется, я сегодня сдѣлалъ хорошее дѣло, т. е. не кажется, но я увѣренъ!..

Онъ остановился; казалось, внезапная мысль мелькнула у него въ головѣ. Согнувшись и выдвинувъ плечи напередъ, онъ началъ ходить по комнатѣ, дѣлая странныя судорожныя ужимки, и, ходя, запѣлъ задумчивымъ голосомъ:

Для Гансъ поставилъ ящичекъ
У себя въ шкапу, на самомъ на верху...

Компаньоны посмотрѣли другъ на друга.

— Это что такое? прошептала г-жа де-Лорансъ.

— Онъ съ ума сошелъ! сказалъ фан-Прэттъ.

Кавалеръ разразился хохотомъ.

— Уу, бубу!.. закричалъ онъ.

— Чортъ побери! загремѣлъ Маджаринъ: — смѣяться, что ли, онъ хочетъ надъ нами?

Странная веселость кавалера вдругъ исчезла, какъ-бы по волшебству.

— Мнѣ кажется, сударыня, сказалъ онъ, избѣгая грознаго взгляда Яноса: — что вы не расположены смѣяться.

Говоря это, кавалеръ чинно занялъ свое мѣсто.

— И такъ, продолжалъ онъ: — безъ шутокъ!.. притомъ. — дѣло дѣйствительно важное... Но вы мнѣ простите этотъ порывъ невинной веселости, когда узнаете мой походженія... честное слово! Извольте видѣть—вещь фантастическая, и подобныя вещи только со мной и случаются.

— Мы прощаемъ васъ, сказала Сара: — только не заставляйте насъ ждать дольше.

— Сударыня, я къ вашимъ услугамъ... Представьте себѣ... вышель я сегодня поутру, чтобъ поговорить съ Юганномъ и навѣдаться о нашихъ молодцахъ, потому-что дѣло тянется несносно; и если мы теперь упустимъ нашего юнца, то Богъ-знаетъ, когда еще заманимъ его!

— Другъ мой, прервалъ фан-Прэттъ: — все это мы сами знаемъ, что же далье?

— Терпѣніе!.. Иоганнъ ушелъ разузнавать мѣстность, равно какъ и Малу и Питуа, — оба болтуны, страшно много говорятъ и мало дѣлаютъ... Я нашелъ только бѣдняка Фрица, впрочемъ, уже г-товаго... я оставилъ его съ бутылкой и спустился къ деревнѣ, гдѣ надеждѣ найти молодцовъ тамъ.

«На половинѣ дороги, сквозь туманъ, замѣтилъ я у каменоловни такое странное съ вида существо, что сначала не повѣрилъ глазамъ своимъ.

«Это былъ ребенокъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, одѣтый какъ одѣваются парижскіе ремесленники; сейчасъ я пытался представить вамъ его походку.

«Онъ повторялъ этотъ припѣвъ:

Дядя Гавсъ поставилъ ящичекъ...

— Я не могу придумать, господинъ кавалеръ, прервалъ докторъ: — что тутъ можетъ быть для насъ интереснаго?

Рейнгольдъ снова самодовольно улыбнулся.

— Увидите, отвѣчалъ онъ.

Кавалеръ ударилъ рукой по выставлявшемуся изъ-подъ пальто узлу.

— Увидите! повторилъ онъ: — по-мѣрѣ-того, какъ я приближался, мнѣ казалось, что я гдѣ-то видѣлъ это безобразное существо... наконецъ, вспомнилъ, что встрѣчалъ его въ Парижѣ, въ Тамплѣ. Докторъ Хозе-Мира... начинаетъ ли это васъ заинтересовывать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ важный Португалецъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Рейнгольдъ: — умалчиваю подробности, чтобъ не терять золотого времени.

— Касается ли ваша исторія барона Родаха? спросилъ Яносъ.

— Весьма, любезный сеньйоръ.

— Такъ я васъ слушаю... продолжайте!

Это суровое одобреніе Рейнгольдъ принялъ за самое лестное прѣвѣтствіе.

— Чтобъ удовлетворить вашему любопытству, сеньйоръ Яносъ, буду говорить короче; но предупреждаю васъ, что моя исторія удовлетворитъ не одному любопытству... Узнавъ этого несчастнаго мальчика, который идиотъ и нищій, и котораго зовутъ страннымъ прозвищемъ Генъйоleta, я удвоилъ шаги, чтобъ догнать его, и былъ уже близко, какъ вдругъ въ тощій мозгъ его пришла крутая мысль; перескочивъ черезъ плетень, окружавшій каменоловню, онъ повалился на мокрую траву.

«Меня отбѣлалъ отъ него одинъ плетень, и я могъ слѣдить за его движеніями.

«Онъ уже не пѣлъ, но, приставивъ ко рту горлышко бутылки, началъ жадно пить.

«Потомъ вытащилъ изъ-подъ блузы связку бумагъ и разбросалъ ихъ около себя по травѣ.

«Я просунулъ голову сквозь плетень... и — держу тысячи пари, если вы отгадаете, что я увидѣлъ!..»

— Пошадите насъ, кавалеръ, сказала г-жа де-Лорансъ.

— Я жду!.. прибавилъ Маджаринъ, сдвинувъ свои густыя брови.

Рейнгольдъ колебался съ минуту между желаніемъ угодить Яносу быстрымъ повиновеніемъ и охотой растянуть свой рассказъ по всемъ правиламъ романа.

Онъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, но ему хотѣлось полного успѣха.

Сказать правду, слушатели его были не изъ числа благосклонныхъ; Малютка, Мира и Маджаринъ безъ околичностей обнаруживали нетерпѣніе.

Только превосходный и любезный фан-Прэттъ казался долготерпѣливымъ.

Рейнгольдъ обратился къ нему съ признательной улыбкой.

— Однимъ словомъ, продолжалъ онъ:—эти бумаги были такого рода, что я бы сейчасъ же далъ пятьдесятъ тысячъ экю, чтобъ имѣть ихъ.

— Гм! воскликнулъ фан-Прэттъ.

— Какая-нибудь глупость!.. проворчалъ Португалецъ.

— Я рѣшительно перелѣзъ черезъ заборъ съ намѣреніемъ захватить идиота врасплохъ.

«Онъ не испугался, увидѣвъ меня, и лежалъ среди своихъ бумагъ.

«— Гэ, гэ, сказалъ онъ:—вотъ и *хозяинъ!*..

«Такъ зовутъ меня въ Тамплѣ.

«Гдѣ ты взялъ эти бумаги, Генцйолець? спросилъ, я его строгимъ голосомъ.

«Онъ окинулъ меня дикимъ, злымъ взглядомъ.

«— Я больше васъ, проворчалъ онъ:—если вы хотите мнѣ больно сдѣлать, такъ я васъ брошу въ яму!

«— Я не хочу тебѣ зла, бѣдный ребенокъ... но я очень люблю старинныя бумаги, и если хочешь, куплю у тебя вотъ эти.

«— Сколько? вскричалъ идиотъ, и глаза его заблестѣли.

«— Сколько хочешь.

«Онъ сложилъ руки пригоршнями, но, находя это недостаточнымъ, покачалъ головою и, снявъ шляпу, закричалъ:

«— Я хочу полный картузь су!»

«Хорошо, сказалъ я и вынулъ изъ кармана три или четыре пятифранковыя монеты, которыя, конечно, по-крайней-мѣрѣ равнялись запрошенной цѣнѣ.

«Но идиотъ считалъ не такъ.

«Онъ важно покачалъ головою и показалъ на свою шапку.

«Я долженъ былъ бѣжать на сосѣднюю ферму и размѣнять тамъ свои монеты на су.»

— И, возвратившись, получили бумаги? сказала Малютка.

— Подождите, сударыня!..

— Нѣтъ, я не хочу ждать! прервалъ Маджаринъ.

У Рейнгольда уже готовы были и фразы и краски для этой части разсказа; онъ жалобно взглянулъ на Маджарина и не смѣлъ ослушаться.

— Ну! сказалъ онъ, стараясь улыбнуться: — я одинъ противъ четверыхъ.

И съ видимымъ неудовольствіемъ открылъ полы своего балаго пальто.

— Эти бумаги, сказалъ онъ: — вотъ онъ... это просто то, что хранилось въ знаменитомъ ларцѣ...

Если Рейнгольдъ сомнѣвался въ эффектѣ, то теперь долженъ былъ разувериться. Всѣ четыре компаньона встали.

— Въ ларцѣ барона! вскричали Мирá и Малютка.

— Съ моими векселями? вскричалъ фан-Прэттъ.

Только Маджаринъ не произнесъ ни слова.

Бумаги были выложены на столъ и осмотрѣны жадными глазами. Зоркій фан-Прэттъ разомъ узналъ свои векселя среди этой кучи и положилъ ихъ въ свой бумажникъ. Мирá въ глубинѣ души негодовалъ на неблагодарное кавалера.

Яношъ съ мѣньшею торопливостью захватилъ свои векселя. Эта неожиданная находка, казалось, мало тронула его.

Рейнгольдъ распыжился какъ павлинъ.

— Я вамъ говорилъ, господа, сказалъ онъ съ торжественнымъ видомъ:—что баронъ нисколько не преувеличивалъ, говоря, что въ этомъ ларцѣ былъ приговоръ всѣмъ намъ. Вотъ вся наша переписка 1824 года, которую онъ нашелъ въ бумагахъ своего патрона Цахеуса... Храбрый Яношъ, это ваше письмо!.. Вотъ ваша подпись, достойный фан-Прэттъ!.. вотъ моя!.. А что касается до васъ, сударыня, это посланіе, за которое можно попасть на висѣлицу, писано все отъ начала до конца рукою почтеннаго вашего родителя! Ха, ха! съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ общество, кажется, никто еще не оказалъ ему подобной услуги!

— Вы, г. Рейнгольдъ, дѣйствительно имѣете полное право нашу благодарность, сказала г-жа де-Лорансъ.

— Я всѣмъ готовъ для васъ жертвовать, мой добрый другъ и товарищъ, вскричалъ фан-Прэттъ, умиленный мыслью о своихъ векселяхъ.

Мирá молчалъ; онъ думалъ, что кавалеръ могъ бы все это вынуть и хранить при себѣ.

— Теперь, продолжала Малютка, не упуская изъ вида своихъ идеѣ: — г. Родахъ обезоруженъ... ничто не мѣшаетъ прямому паденію на него... Синьйоръ Яношъ, вы еще не оставили своихъ намѣренія?

— Пусть смажутъ мнѣ, гдѣ онъ, отвѣчалъ Маджаринъ:—и тогда часть я увижу его кровь.

Сара медлила отвѣчать, и кавалеръ улынулся еще съ большимъ самодовольствомъ.

— Вижу, сказалъ онъ:—что мнѣ еще разъ приходится вывести васъ изъ-затруднительнаго положенія... Еслибъ вы не помѣшали мнѣ рассказать мою исторію, не пришлось бы вамъ дѣлать такого вопроса.

— Вы знаете, гдѣ онъ?.. быстро спросилъ Яношъ.

— Не многое укрывается отъ меня, синьйоръ Георгіа... и не смотря на легкость, съ которою со мною иногда обращаются, и при случаѣ могу оказать кое-какія цѣнныя услуги.

— Говорите, прошу васъ! вскричала Малютка, пожирая его взоромъ.

— Теперь необходимо меня выслушать?.. какое благополучіе!.. Ну! я не жестокосердъ: вотъ что мнѣ извѣстно:

«Мой Генъйолецъ былъ сегодня въ весьма-общительномъ положеніи духа... даже прежде моихъ привлекательныхъ су, бутылка настроила его на такую откровенность, что онъ рассказалъ бы все, что зналъ, первому встрѣчному. Онъ не говорилъ иначе, какъ на тампльскомъ аргю, но этотъ языкъ мнѣ знакомъ нѣсколько, и я понялъ его совершенно.

«Его семейство, кажется, живетъ по сосѣдству съ однимъ продавцомъ платья, Гансонъ Дорномъ, про котораго Іоганнъ давно говорилъ мнѣ, какъ про самаго ревностнаго партизана Блутгауптовъ.

«Мимходомъ замѣтить, этотъ Гансъ Дорнъ по всей вѣроятности теперь въ Германіи.

«Идіотъ Генъйолецъ смотрѣлъ въ окно, когда поутру, въ чистый понедѣльникъ, высокій господинъ вошелъ къ сосѣду Гансу Дорну. Онъ зналъ, что въ Тамплѣ шла молва, будто продавецъ платья причесть деньги.

«А Генъйолецъ любитъ деньги, на которыя наполняютъ его бутылку.

«Изъ своего окна онъ часто смотрѣлъ въ комнату Ганса Дорна.

«Въ то утро, онъ видѣлъ, какъ высокій господинъ вытащилъ изъ-подъ нальто что-то такое свѣтлое, что онъ принялъ это за золотыя монеты.

«Это былъ ларчикъ, обитый мѣдными гвоздями.

«Гансъ поставилъ его въ свой шкафъ на верхнюю полку. *На самомъ на сержу*, какъ пѣлъ идіотъ...

«Генъйолецъ, каналья, пробилъ стѣну, вошелъ Богъ-знаетъ какъ, открылъ ларчикъ не разломавъ его и пришелъ въ отчаяніе, увидѣвъ тамъ, вмѣсто *желтяковъ*, однѣ бумаги.

«Съ досады, онъ взялъ, закрылъ ларчикъ, нажавъ туда золы изъ печки, и ушелъ черезъ свою дыру.

«И теперь у барона Родаха страшный ларецъ съ золою!..»

— Но изъ этого еще не видно, гдѣ самъ баронъ, сказала г-жа де-Дорансъ.

— Дайте свободу Генцйолету!.. это нашъ оракулъ... Генцйолетъ не болѣе двухъ дней какъ прѣхалъ въ Германію, а уже три раза видѣлъ высокаго господина, который приносилъ ларчикъ къ Гансу Дорну...

— А!.. вскричалъ Маджаринъ, весь превратившійся въ слухъ.

— Видите ли, какъ я отгадала, что онъ здѣсь!.. сказала Малютка.

Фан-Прэттъ связывалъ бумаги, бывшія въ ларчикъ и въ которыхъ теперь не доставало только лондонскихъ и амстердамскихъ векселей.

Мира смотрѣлъ на пачку съ прискорбіемъ; еслибъ это оружіе пошло въ его руки, не легко бы разстался онъ съ нимъ!

— Я думаю, что другъ мой Генцйолетъ все это рассказалъ мнѣ за деньги! продолжалъ Рейнгольдъ торжественнымъ голосомъ.

— Не сказалъ ли онъ вамъ главнаго-то? спросила г-жа де-Лорансъ:— гдѣ скрывается баронъ Родахъ?

— Терпѣніе, сударыня... Всѣ три раза, когда Генцйолетъ встрѣчалъ барона, высокій господинъ выходилъ изъ домика подъ горю, прямо противъ камня, который здѣсь зовутъ Головой-Негра.

— Это домъ Готлиба, сказалъ фан-Прэттъ: — добрый малый, который еще въ мое время былъ блутгауптскимъ васалломъ.

— Ну, такъ тутъ-то, вѣроятно, и скрывается баронъ, прибавилъ Рейнгольдъ.

Фан-Прэттъ открылъ свое бюро и положилъ туда тщательно-связанную пачку.

Янсъ, не говоря ни слова, пошелъ къ двери.

Кавалеръ Рейнгольдъ открылъ-было ротъ, чтобъ спросить что-то, но Малютка сильно пожала ему руку.

— Молчите! прошептала она:— онъ идетъ за своими пистолетами...

Когда Маджаринъ вошелъ въ переднюю, Клаусъ вышелъ оттуда въ противоположную дверь.

Съ прихода Рейнгольда, Клаусъ былъ тутъ и подслушивалъ.

Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и пустился по длинному корридору, соединявшему оба флигеля замка.

Въ концѣ корридора онъ отворилъ тяжелую дверь, выходившую на маленькій пустой дворъ, который съ одной стороны примыкалъ къ укрѣпленіямъ, а съ другой къ заднему фасаду капеллы.

Клаусъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. На дворъ никого не было. Онъ вошелъ въ развалившуюся капеллу, взглянувъ на хоры, отворилъ маленькую дверцу, приходившуюся за алтаремъ, и спустился по сырой подземной лѣстницѣ въ склепъ, гдѣ стояли гробницы Блутгауптовъ.

Блѣдный свѣтъ лампадки, стоявшей на одной изъ гробницъ, освѣщалъ статуи графовъ, лежавшихъ съ сложенными на груди руками.

Клаусъ перекрестился.

— Вы здесь? прошепталъ онъ.

Отвѣта не было.

Грѣбница, на которой стояла лампадка, представляла три статуи изъ краснаго порфира, лежавшія рядомъ одна подлѣ другой.

То были три сына Чернаго-Графа, тѣ самые, которые, какъ говорила легенда, отъ времени-до-времени приходили на землю, чтобъ праздновать рожденіе или смерть Блаутгауптовъ,—три красные человѣка.

— Вы здѣсь?.. повторилъ Клаусъ, едва переводя духъ отъ страха.

Отвѣта опять не было.

Но въ глубинѣ skleca послышался глухой шумъ, и слабый свѣтъ лампы освѣтилъ три человѣческія фигуры...

III.

Сторожевая башня.

На другой день, въ четверкъ на четвертой недѣлѣ поста, назначенъ былъ знаменитый маскарадъ, о которомъ гельдбергскіе гости мечтали съ самаго пріѣзда.

Парижане, расположившіеся въ Обернбургъ, Эссельбахъ и другихъ городахъ, торжествовали въ этотъ день. Имъ было холодно, а кислая капуста пріѣлась; билеты, купленные большею частью по дорогой цѣнѣ, до-сихъ-поръ давали имъ только право любоваться издали великолѣпнѣмъ Гельдберга: жаловаться собственно было нѣ на что, потому-что все было прекрасно, роскошно, величественно; но они начали замѣчать, что изъ всего этого для нихъ не было ничего, и что они жили остатками блудъ, приготовленныхъ для привилегированныхъ гостей, что они служили только декорациями, прибавленіями къ празднику. Ихъ приглашали только, когда надо было имѣть свиту, наполнить театральную залу, составить толпу. Они не заставляли упрашивать себя и являлись по первому звонку, чтобъ вознаграждать чѣмъ-нибудь свои протори и убытки; ихъ принимали прекрасно, но проходила нужда—и про нихъ забывали.

Щекотливѣе всего было то, что въ этихъ сосѣднихъ городкахъ они смѣшивались съ различными приглашенными изъ Франціи торговцами, доставлявшими для праздника все необходимое. Львы и львицы втораго разряда сталкивались, увы! съ портными, парикмахерами и модистками!

Но въ этотъ благополучный четверкъ, аррьергардъ гостей будетъ за все вознагражденъ; всѣ приглашены на балъ; нѣтъ болѣе различія между привилегированными и приглашенными *extra muros!*

Этотъ гостеприимный балъ, и завтра еще большая охота съ факелами—могли вознаграждать за много дней досады и ожиданія.

Онъ несъ корзинку, наполненную, вѣроятно, съѣстными принадлежностями.

Онъ, конечно, зналъ заветное слово, потому-что дверь открылась передъ нимъ даже безъ ключа.

Когда онъ возвращался, корзинки уже съ нимъ не было.

День прошелъ; вечеромъ, когда къ замку подъезжали первыя кареты съ второклассными гостями, г-жа де-Лорансъ была въ своей спальнѣ одна съ Жозефиною Батальеръ, которая—уже дня два или три, какъ прѣехала изъ Парижа. Съ-тѣхъ-поръ, г-жа де-Лорансъ удалила отъ себя и Нину и другую камеристку, и велѣла приготовить для Батальеръ кровать въ соседней комнатѣ.

Тампльская торговка привезла съ собою ребенка, котораго называла своею дочерью.

Это было хорошенькое, болѣзненное, кроткое существо; въ замкъ видѣли ее только одинъ разъ при проѣздѣ; съ-тѣхъ-поръ, она не выходила изъ комнаты Батальеръ.

Сара еще не кончила своего бальнаго туалета, при которомъ Батальеръ безъ урона занимала мѣсто двухъ камеристокъ.

Чтобъ придать балу болѣе характеристики, гости заранее спорились о костюмахъ.

Сара и сестра ея Эсэиръ принадлежали къ кадрили, составленной изъ главныхъ лицъ «Тысячи и Одной Ночи»; на ней была богатая вышитая куртка прекрасной Зобенды и кашмировое платье, украшенное камнями; изогнутый кинжалъ висѣлъ на поясъ; не доставало только высокаго тюрбана, на который Батальеръ прикалывала великолѣпный фермуаръ.

Малютка въ ожиданіи сидѣла передъ зеркаломъ. Этотъ костюмъ такъ гармонировалъ съ ея восточной красотой, что Батальеръ смотрѣла на нее съ удивленіемъ и гордостью...

Глаза Малютки были обращены на зеркало, но она не видѣла себя; мысль ея была далеко отъ праздника. Она мечтала, и мечта ея была грустна въ эту минуту; тонкія, черныя какъ агаты, брови ея по временамъ двигались; на губахъ скользила злобная, дикая улыбка.

Комната ея была убрана со вкусомъ, но нисколько не напоминала эротическаго великолѣпія ея парижскаго будуара. Черезъ открытую дверь видна была комната г-жи Батальеръ, и въ ней лѣтъ кровати, изъ которыхъ одна скрывалась до половины за длинными спущенными занавѣсками.

Взоръ Сары часто обращался къ этой кровати, и тогда выраженіе лица ея смягчалось даже до нѣжной любви.

— Вотъ тоже, сказала Батальеръ, примѣряя тюрбанъ на руки: — такую вещь не въ каждомъ парижскомъ магазинѣ найдешь!.. Надѣюсь, моя дорогая госпожа не будетъ сожалѣть о своихъ двухъ жеманныхъ горничныхъ!

— Нѣтъ, разсѣянно отвѣчала г-жа де-Лорансъ.

— А-га!.. примѣряйте-ка?

— Нѣтъ еще, сказала Сара:— успѣю.

— А! еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, какъ бы торопилась я посмотреть на все это!.. Стоитъ ли хлопотать, Господи! какъ подумаешь! вотъ, вѣдь, когда мой Полить выйдетъ въ своей роли, надо будетъ взглянуть на него!

— Увидимъ, душа моя.

— Ахъ, сударыня! онъ хорошъ будетъ въ своемъ огромномъ плащѣ... Онъ не глупъ, Полить, хоть и кажется съ перваго раза...

Малютка встала и, не отвѣчая, вышла въ комнату Батальеръ, освѣщенную одной свѣчой, стоявшей на столѣ. Сара подняла занавѣску и открыла лицо спавшей дѣвочки.

То была наша тампльская знакомка: Ноно, бѣдная служанка добряка Арабѣ.

Она спала, положивъ головку на худощавую руку. Лицо ея было очень-блѣдно; только на выпуклостяхъ щекъ виднѣлись два ярко-красныя пятна.

Дыханіе ея было ровно, но тяжело; можетъ-быть, это вліяніе сна; она, казалось, страдала...

Но какъ прекрасна она на этой бѣлой постели! какъ красивы эти длинныя волосы, разбросанныя по кисейной подушкѣ!

Черты ея лица были чрезвычайно-нѣжны и напоминали Сару; больно было думать, какая страшная судьба прежде тяготѣла надъ этимъ прекраснымъ, слабымъ созданіемъ!

Сара съ упоеніемъ смотрѣла на нее сложивъ руки, какъ-будто слова молитвы невольно ложились на разсѣянно-полуоткрытый ротъ.

— Скрывать всегда!.. всегда! шептала она: — такъ, есть муки безконечныя!..

Батальеръ шла за нею на цыпочкахъ, чтобъ не разбудить ребенка.

— Не знаю, сказала Сара съ опечаленнымъ видомъ: — теперь она, кажется, еще болѣзненнѣе... Докторъ Сольнѣ былъ?

— Жду его, отвѣчала Батальеръ: — ну, да въ эти дѣта всегда есть средства помочь!.. А если дѣвочка узнаетъ, что она дочь знатной дамы,—это ее такъ оживить, что чудо! вдругъ выздоровѣетъ.

— Когда же она узнаетъ это? прошептала г-жа де-Лорансъ, ощутивъ голову.

— Ахъ, Господи!.. голубчикъ—хоть дьяволъ будь, такъ не долго удержится.

Сара сложила руки; грудь ея сильно подымалась подъ роскошнымъ нарядомъ.

— Есть проклятiе надо мною! сказала она тихимъ голосомъ: — ничто мнѣ не удастся!.. Бѣды скопляются вокругъ меня... и какая-то таинственная рука противится исполненію моихъ желаній!.. Если есть Божество!..

Она остановилась и провела рукою по лбу.

— Когда я писала къ тебѣ, продолжала она: — чтобъ привести ребенка, я думала, что къ твоему прїезду все кончится... Господи! де-Лорансъ былъ въ такомъ положенїи, что оба доктора признали крайнюю опасность... Но странная эта болѣзнь... На другой день ему стало лучше, нежели когда-нибудь... И кто знает, можетъ-быть, мы всѣ умремъ прежде его!

— Ну, ну! сказала Батальеръ.

Малютка покачала головой.

— У меня никогда не было предчувствїй, проговорила она: — я всегда снѣялась надъ необъяснимыми вещами; но въ эту недѣлю сны мучаютъ меня... приходятъ въ голову небывалыя мысли... Мнѣ дѣлается страшно!

— Лихорадочка... отвѣчала торговка.

— Можетъ-быть, не то ли это, что называютъ угрызениями совѣсти!.. говорила г-жа де-Лорансъ какъ-бы самой-себя.

У Батальеръ не было иныхъ утѣшенїй; она замолчала.

Малютка также замолкла, наклонилась надъ спящей дочерью и поцаловала ее въ лобъ.

— Какой жаръ у нея! продолжала она. — А! это отъ-того, что она столько перетерпѣла!.. Если я лишусь ея, знаете ли, что я буду самая несчастная женщина... потому-что буду причиною ея смерти?

— Гм!.. оно немножко-такъ! отвѣчала Батальеръ.

Сара съ отчаянїемъ взглянула на нее.

— Нѣтъ... о! нѣтъ! бормотала она:—не я... Развѣ не знала ты, какъ я люблю ее?

— Изволите ли видѣть, сударыня...

— Ты хочешь убить меня?.. Но она не умретъ!.. она такъ молода! Это ребенокъ!.. Ахъ, какъ счастливы тѣ матери, которыя умѣютъ молиться!.. говорила она, опустивъ руку на распущенныя волосы дочери.—Юднѣ! Юднѣ! мое милое сокровище!.. какъ охотно пожертвовала бы я своимъ богатствомъ, чтобъ возвратитъ тебѣ жизнь и силы!

На полуоткрытыхъ губахъ Галифарды явилась игривая улыбка.

— Она какъ-будто слышитъ меня?.. вскричала въ восторгъ г-жа де-Лорансъ. — Взгляни: она уже не страдаетъ. Какъ хороша она будетъ черезъ годъ!.. Какъ глупо думать о смерти!

Въ это время кто-то постучался въ дверь комнаты.

— Это вѣрно докторъ, сказала Батальеръ.

Малютка поспѣшно удалась въ свою комнату: предъ докторомъ нечего было дѣлать у постели дочери тампильской торговки. Между-тѣмъ, чего бы не дала она, чтобъ слышать, что онъ скажетъ.

Она стала за дверью и прикладывала къ замочной скважинѣ то ухо; то глазъ:

Докторъ вошелъ и сѣлъ у кровати ребенка. Сара видѣла, какъ

онъ взялъ свѣчу, пристально посмотрѣлъ въ лицо Юдиной, и нѣсколько минутъ изучалъ пульсъ; потомъ видѣла, какъ онъ покачалъ головою, какъ шевелилъ губами, но что говорилъ онъ—Сара не слышала... но думала, что отгадала.

Докторъ отдалъ свѣчу Батальеръ, еще посмотрѣлъ на Юдиню и поднялъ покрывало.

Сара вся превратилась въ зрѣніе; но Батальеръ, случайно или умышленно, стала между дверью и кроватью.

Сара болѣе ничего не видѣла.

IV.

РАЗСПРОСЫ.

— Давно болѣнъ этотъ ребенокъ? спрашивалъ докторъ Сольнѣ г-жу Батальеръ.

— Да... отвѣчала Батальеръ, неловко разыгрывая роль матери: — кажется, не такъ давно...

— Вы навѣрно не знаете? спросилъ удивленный докторъ.

— Чего?... ну, ужь!... смѣшно было бы, еслибъ я не знала.

Сольнѣ, пощупавъ пульсъ спящей Ноно, поднялъ глаза на торговку.

— Лечилъ кто-нибудь ее въ Парижъ? спросилъ онъ.

— Да... нѣтъ... какъ же! отвѣчала Батальеръ.

Сольнѣ не понималъ затрудненій этой женщины, и въ немъ родилось смутное подозрѣніе. Въ эту-то минуту Сара видѣла, какъ онъ покачалъ головою.

— Веселаго характера былъ ребенокъ?.. продолжалъ онъ, смотря на Юдиню. — Счастлива она была?

— Не очень, бѣдняжка! отвѣчала Батальеръ.

— Она очень-больна! прошепталъ Сольнѣ.

Энергическое бранное слово сорвалось у Батальеръ съ языка.

— Надо посмотрѣть грудь, сказалъ докторъ: — подержите свѣчу...

Слово *грудь*, произнесенное медикомъ, звучитъ страшно, раздраетъ сердце матери.

По какому-то теплому инстинкту Батальеръ хотѣла скрыть отъ г-жи де-Лорансъ предстоящую сцену: она стала между дверью и кроватью.

Докторъ Сольнѣ поднялъ одѣяло и приложилъ руку, а потомъ ухо къ груди спавшей дѣвочки. Чтобы пополнить свои наблюденія, онъ развязалъ снурокъ у рубашки Юдиной; но, обнаживъ грудь, отступилъ съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Это что такое? сказалъ онъ, указывая на синія пятна, испещрившія грудь ребенка.

Свѣча дрожала въ рукѣ Батальеръ.

— Это вы? проговорилъ Сольнѣ съ видимымъ отвращеніемъ и негодованіемъ.

— Я? вскричала Батальѣръ:—еслибъ попался мнѣ тотъ, кто это сдѣлалъ, я бы задушила его!

— Такъ ваша дочь не у васъ жила въ Парижѣ?

— Мы не милйонеры; ребенокъ былъ на мѣсть... О! старій дьяволъ Арабі!

Сольнѣ съ состраданіемъ смотрѣлъ на больную.

— Это не вы, сказалъ онъ, обращаясь къ Батальѣръ: — я упрямъ... Надо быть звѣремъ дикимъ, чтобъ такъ истерзать это слабое созданіе!... Сегодня ночью нечего дѣлать... я приѣду завтра поутру.

Онъ пошелъ къ двери.

— Вы думаете, что это опасно? спросила торговка, провожая его.

— Она слаба! отвѣчалъ Сольнѣ: — но въ эти лѣта... Завтра увидимъ.

Онъ торопливо вышелъ, чтобъ избѣжать разспросовъ.

Сара вбѣжала въ комнату.

— Что онъ говорилъ? сказала она: — вспомни все, что онъ говорилъ, Жозефина; перескажи мнѣ все слово въ слово!

— Господи! отвѣчала Батальѣръ:—эти лекаря, извѣстно, странные люди; немного отъ нихъ узнаешь...

— Но все-таки?...

— Говорилъ то, да сѣ... глупости!

— Ахъ!.. ты мучишь меня! вскричала Сара.

— Ну! что вамъ надо?... сказалъ, что такъ прихворнула... маленькая лихорадочка...

— Право?...

— Ну!... сказалъ, что дѣвочка не крѣпкаго сложенія... мы прежде его знали... но безпокоиться не объ чемъ.

— Онъ сказалъ это?

— Сказалъ.

Г-жа де-Лорансъ тяжело вздохнула. Глаза ея были устремлены на ребенка, и потому она не замѣтила на смѣломъ, по обычаю, лицъ Батальѣръ нерѣшимости и принужденія.

— Боже мой! сказала она, улыбаясь: — еслибъ ты знала, милая, какія глупыя мысли приходили мнѣ въ голову, когда была тамъ за дверью!... Мнѣ казалось, что докторъ грозилъ что-то... Эти минуты показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ!

Она вдругъ остановилась и пристально посмотрѣла на Батальѣръ.

— Но отъ-чего онъ покачалъ головою? спросила она.

— Покачалъ головою?... повторила торговка.—Ахъ, да! покачалъ эти доктора изъ всего сдѣлаютъ Богъ-знаетъ что... подушечка и жала низко; онъ поднялъ.

Сара опять обратилась къ дочери. Сонъ ребенка былъ спокоенъ

въ эту минуту;—Малютка не смѣла поцаловать ее, чтобъ не разбудить; но она ласкала ее взоромъ.

— Какъ подумаю, шептала она: — что сейчасъ могла услышать вѣсть, которая убила бы меня! и что, вмѣстѣ того, такая радость! —вѣдь ты, конечно, не обманываешь меня, милая Батальёръ?... ты правду мнѣ сказала? — Впрочемъ, развѣ я сама не вижу?... Посмотри, она точно улыбается, и личико такое свѣжее стало!...

Торговка искала въ головѣ какого-нибудь отвѣта, но напрасно; употребляла всѣ усилія, чтобъ казаться веселой, но была какъ на голкахъ.

— Кончили бы вы свой туалетъ, сказала она, желая положить конецъ этой сценѣ.

Малютка забыла про балъ; она печально посмотрѣла на свой костюмъ.

— Какъ бы охотно осталась я здѣсь на всю ночь! сказала она: — смотреть на нее!... сидѣть у ней!... отгадывать ея сны...

Она медленно отодвинула свои кресла: потомъ, какъ-бы обрадовавшись блеснувшей мысли, снова подошла къ постели.

— Я все думаю, сказала она: — зачѣмъ докторъ открываетъ одѣяло?...

— Я не видала... проговорила торговка съ возрастающимъ смущеніемъ.

— А я видѣла, продолжала Сара: — но ты помѣшала мнѣ видѣть больше.

Пальцы ея сжимали одѣяло съ какою-то завистью.

— Мы дѣлаемся дѣтьми, когда любимъ, говорила она: — ниѣ хочется посмотреть ея маленькую, бѣлую шейку!... ея голыя ручки розовыя!... Я никогда еще не видѣла... у своей дочери.

Она сдѣлала движеніе, чтобъ поднять одѣяло.

Батальёръ бросилась, чтобъ остановить ее.

— Полноте, сударыня, здѣсь холодно, а ребенокъ въ поту!

— Холодно?... повторила Сара: — отъ-чего же мнѣ жарко, когда я почти раздѣта?... Впрочемъ, взглянуть недолго!...

Батальёръ положила руки на одѣяло, которое Сара хотѣла поднять.

— Пусти, сказала г-жа де-Лорансъ съ легкимъ нетерпѣніемъ: —пусти!

Торговка не шевелилась.

Брови Сары слегка наморщились; на лицѣ выразилось безпокойство.

— Пусти! сказала она нѣсколько повелительнымъ голосомъ.

И, какъ торговка не повиновалась, то она прибавила уже нѣмнѣвшимися голосомъ:

— Ты заставляешь меня подозрѣвать несчастіе... Пусти, говорю я!

— Послушайте, бормотала Батальёръ:—когда у дѣтей такая лихорадка... не надо... почему я знаю?...

Эта фраза окончилась глухимъ шипѣніемъ.

Сара повторила приказаніе.

Батальёръ не смѣла противиться, но, сложивъ руки, махнула на шестала:

— Пожалуйста... повѣрьте мнѣ... не смотрите!...

Это значило дуть на огонь, чтобъ погасить его.

Энергическимъ жестомъ Сара подняла одѣяло, но оно тотчѣмъ опять унало изъ оцѣпенѣвшей руки ея.

Она увидѣла синія пятна, покрывавшія шею и руки Гальюард. Она сначала поблѣднѣла; потомъ лицо ея побагровѣло и вдругъ опять покрылось смертною блѣдностью.

Сара тряслась всѣмъ тѣломъ; черты прекраснаго лица ея судорожно сжимались, глаза горѣли; она была такъ страшна, что и ма Батальёръ задрожала.

— Я говорила вамъ...

Суровый жестъ Сары остановилъ ее.

Послѣдовало долгое молчаніе; г-жа де-Лорансъ снова подняла одѣяло, чтобъ разсмотрѣть пятна, и по-мѣрѣ того, какъ вѣтривалась, мускулы лица ея медленно удлинялись; вѣки бились, подымались и опускались; двѣ горячія слезы скатились на щеку.

Въ одно мгновеніе, эти слезы исчезли, и глаза заблестѣли страннымъ огнемъ.

— Кто это сдѣлалъ?... проговорила она глухимъ, хриплымъ голосомъ.

Батальёръ колебалась. Г-жа де-Лорансъ схватила ея руку и сильно сжала ее.

— Кто это сдѣлалъ? повторила она изступленнымъ голосомъ. Торговка пробормотала имя... Арабі.

Зубы Малютки заскрипѣли; она выпустила руку Батальёръ, которой остались отпечатки ея пальцевъ.

— Арабі!.. повторила она съ невыразимой яростью: — Арабі! Арабі!!...

Она прижала сжатые кулаки къ головѣ своей.

— Тигръ!... Тигръ! говорила Сара въ бѣшенствѣ: — и гдѣ же здѣсь! не могу я отмстить ему!

Глаза ея обратились на ребенка, который съ полукрикомъ слабо стоналъ, потому-что холодъ охватывалъ его обнаженную грудь.

Сара опустила на колѣни; безпредѣльная скорбь перешла въ злобу. Она прижала голову къ постели и какъ-бы пряталась въ отчаянію.

Странно было видѣть этотъ кокетливый костюмъ, возбуждающій соблазнительныя мысли, и слышать глухіе, болѣзненные стоны чайной матери.

Торговка не смѣла ни промолвить слова, ни шевельнуться.

Ребенокъ закашлялъ—Сара вдругъ поднялась. Она молчала,

въ лицѣ ея выражалась глубокая, безыливая скорбь, — и вдругъ глаза ея загорѣлись.

— Арабѣ! сказала она:—о! я найду его... Но не онъ одинъ!... отомщу за нее!

«Это онъ, онъ не хотѣлъ! онъ заставилъ меня затворить ей вери моего дома!.. Безъ него не попала бы она въ когти этого удювища?.. А! я думала, что нельзя болѣе ненавидѣть его!»

Она обернулась и пошла къ своей спальнѣ.

— Пойдемъ, милая, сказала она не дрожавшимъ уже голоомъ:—я замѣшкалась... окончи мой туалетъ.

Батальѣръ думала, что все ей грезится. Это спокойствіе, такъ быстро смѣнившее страшную злобу, окончательно сбilo ее съ олка.

Туалетъ Сары былъ конченъ; она взглянула въ послѣдній разъ въ зеркало и улыбнулась. На лицѣ ея ужь не было и слѣдовъ едавней печали. Она была прекраснѣе, нежели когда-нибудь, и, конечно, никто бы не отгадалъ, что дѣлалось у нея на сердцѣ. Голько по-временамъ изъ-подъ длинныхъ ресницъ блестѣлъ суровый взглядъ.

Она вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова Батальѣръ.

Докторъ Сольнѣ занималъ комнату подлѣ г. де-Морацъ.

Сара вошла къ нему.

— Докторъ, сказала она:—я въ страшномъ безпокойствѣ.

Сольнѣ, удивленный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, молча юдалъ ей стулъ.

Мы уже знаемъ, что молодой врачъ считалъ ее ангеломъ кротости и добродѣтели.

— Я пришла просить вашего совѣта, продолжала Сара, опускаясь въ кресла.

— Для себя, сударыня?

— Нѣтъ, — я все о моемъ бѣдномъ Леонѣ, который постоянно страдаетъ и которому мы не можемъ помочь.

— Надо надѣяться, сударыня... началъ докторъ.

— Чтобъ не забыть, прервала Малютка съ живостію чловѣка, поймавшего блеснувшую мысль на лету:— очень-рада, что могу обратиться къ вамъ съ вопросомъ... Мы сейчасъ возвратимся къ настоящему предмету моего посѣщенія.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Сольнѣ.

— Садитесь тутъ, подлѣ меня, докторъ... Вы были сегодня вечеромъ у этой женщины, которую я недавно взяла къ себѣ?

— Съ четверть часа не болѣе, какъ я пришелъ отъ нея.

— Бѣдная Батальѣръ!.. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ она мнѣ служить, и я особенно интересуюсь ею... Вы видѣли ея дочь?

— Да, сударыня.

— Ну, докторъ, продолжала Сара незамѣтно-намѣнившимся го-

лосомъ:— со мною вы можете быть откровенны... Бѣдной матери нельзя всего говорить... Но я...

Она остановилась и продолжала съ усиленіемъ, которое, впрочемъ, трудно было замѣтить:

— Я, вѣдь, не мать: отъ меня нѣчего скрывать.

— Зачѣмъ же бы мнѣ и скрывать отъ васъ? отвѣчалъ Сольнѣ, ничего не подозревая.

— Безъ-сомнѣнія... сказала Малютка, притворяясь хладнокрною. — Это до меня не касается; я только принимаю участіе въ этой несчастной женщинѣ.

— У васъ, сударыня, превосходное сердце!..

— Чтѣ вы думаете о малюткѣ?

Сольнѣ покачалъ головою; Сара готова была потерять нѣтъ собою власть. Она ждала приговора на жизнь или смерть для себя.

— Я опечалю васъ, сударыня, продолжалъ докторъ: — потому что вы принимаете участіе въ матери... бѣдный ребенокъ захвѣлъ отъ грудной болѣзни.

Глубокое отчаяніе, давившее душу Сары, не отразилось на блѣдномъ лицѣ ея. Она смотрѣла холодно; ни одинъ мускулъ не шевельнулся у ней.

— Но... сказала она медленно, равнодушнымъ тономъ:— есть, конечно, надежда спасти ее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ.

Голова Сары опустилась на грудь.

— «Какъ она добра и сострадательна!..» думалъ докторъ, глядя на нее.

Съ минуту Сара оставалась въ этомъ положеніи, подавленная въ мою скорбію. Потомъ необыкновенная сила ея воли взяла верхъ.

— Зачѣмъ думать о несчастіи другихъ, сказала она:— когда сами мы въ такомъ жалкомъ состояніи!.. Докторъ, меня мучатъ сомнѣнія... Глядя на себя въ бальномъ нарядѣ, я чувствую угрызеніе совѣсти... Въ эти веселыя для меня минуты, мой бѣдный Леонъ страдаетъ...

— И постоянно эта мысль! шепталъ докторъ.— О! вы его сильно любите, сударыня!

— Люблю ли я его! отвѣчала Малютка, сложивъ руки и положивъ глаза къ небу: — послушайте, я скажу вамъ, что меня привело сюда... Это, можетъ-быть, глупость, но я перестала жить стѣнхъ-порхъ, какъ эта мысль пришла мнѣ въ голову... Когда нѣтъ овладѣваютъ эти страшные припадки и нѣтъ никого подлѣ него...

— Это невозможно! прервалъ докторъ.

— О! дайте мнѣ кончить... я такъ несчастна, когда эти мысли меня преслѣдуютъ... Если случится, что онъ будетъ звать къ себѣ, и никто не услышитъ его слабыхъ криковъ!..

— Это невозможно, сударыня, повторилъ докторъ:— вы пугаете себя воображаемыми опасностями... Жермень, слуга г. де-де-

ансъ, такъ преданъ ему... онъ понимаетъ, какая отвѣтственность лежитъ на немъ.

Малютка не могла удержатъ нетерпѣливаго движенія.

— Но наконецъ?.. сказала она настойчиво.

— Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, отвѣчалъ окторъ съ явнымъ смущеніемъ: — съ своей стороны, я нисколько не беспокоюсь... а впрочемъ, мой отвѣтъ необходимо долженъ снискать ваши опасенія...

— Такъ есть опасность?.. тихо проговорила Малютка, притворяясь чрезвычайно-испуганною.

— Опасности нѣтъ, потому-что фактъ невозможенъ, сказалъ окторъ съ убѣжденіемъ: — но, прибавилъ онъ голосомъ не столь вернымъ:—если это возможно...

Онъ боялся кончить.

— Ну?.. сказала Сара.

— Ну!.. было бы опасно!..

— Очень-опасно?..

— Внезапная смерть!

Г-жа де-Лорансъ глубоко вздохнула — это могъ быть вздохъ испуга...

V.

ЖЕНСКОЕ ОРУЖІЕ.

Жерменъ, камердинеръ г-на де-Лорансъ, не имѣлъ отвращенія къ рейнскому вину.

Прошло нѣсколько минутъ послѣ визита къ доктору; Малютка потребила ихъ какъ слѣдуетъ.

Она была въ комнатѣ своего мужа. Жермена не было; онъ воспользовался присутствіемъ Сары и спустился въ людскую, чтобы взглянуть на живыхъ людей: — тутъ встрѣтился онъ съ Малю, который былъ дивный товарищъ во всемъ и, казалось, ждалъ его.

Малю подружился со всеми въ замкѣ: — съ старыми служивыми легко дружатся.

Откупорили фляжку. Бѣдный Жерменъ! онъ день и ночь сидѣлъ на привязи и подобные случаи удавались рѣдко...

Малютка стояла, опершись на карнизъ камина, и по очереди грызла свои ножки, обутыя въ вышитыя жемчугомъ туфли.

Можно было подумать, что она нарочно выбрала эту позу, чтобы выказать всѣ прелести своего стана и лица.

Биржевой агентъ смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ.

Онъ всталъ съ постели съ утра; кривисы его возвращались не такъ часто: пребываніе въ замкѣ было для него, сравнительно, несчастливѣе; Сара казалась кроткою и онъ по-видимому находилъ наслажденіе въ жизни, надѣялся на выздоровленіе.

Сара становилось жаль его; любовь иногда приходит и таким путем. Но все его прошедшія страданія еще были недостаточной цѣной любви Сары.

Глядя на нее, такую красавицу, онъ чувствовалъ жинъ и сердце; кровь разгорячалась въ его жилахъ; онъ молодой и крѣпкъ.

— Какъ вы добры, что пришли ко мнѣ! сказалъ онъ: — я надѣялся васъ видѣть, Сара.

— Не-уже-ли бы я пошла на балъ, не увидѣвъ васъ? отвѣчала она.

Но подъ этой пріятливостью таилась какая-то другая мысль. Сара хотѣла улыбаться, но въ этой улыбкѣ было — странное что-то желчное...

Биржевой агентъ видѣлъ въ ней только безпримѣрную доброту и красоту, дѣлавшую изъ него раба.

— Такъ вы уже не ненавидите меня, Сара? прошепталъ онъ, вызывая нѣжное слово.

— Нѣтъ, отвѣчала Малютка.

Этого слова было очень-мало, а между-тѣмъ душа г. де-Лоранса была полна радости.

Будущность! будущность! — Ненависти уже нѣтъ; любовь придетъ... о! какъ упоительна любовь послѣ такихъ долгихъ мученій!

Лорансъ улыбнулся; потомъ лицо его отуманилось.

— Вы будете очень-хороши на этомъ балѣ, сказалъ онъ: — я васъ не увижу... Я часто повторялъ вамъ, но всегда правду, Сара, этотъ костюмъ болѣе всего идетъ къ вамъ; вы еще никогда не были такъ прекрасны!

Малютка кокетливо поправила свой тюрбанъ.

— Лесты!.. сказала она.

— Нѣтъ, о! нѣтъ!.. Всѣ, кто васъ видѣть, должны обоимъ васъ... и на этомъ вечерѣ вы, Сара, будете прекрасны для меня...

Онъ всталъ, какъ-бы желая испытать свои возвращавшіяся силы; ноги его не дрожали.

— Еслибъ я смѣлъ, робко произнесъ онъ: — я бѣ пригласилъ васъ въ своемъ глупомъ намѣреніи, Сара... Мнѣ хочется быть съ вами на балѣ...

— Почему же нѣтъ? отвѣчала Малютка разсѣянно.

— О! вы не подумали, продолжалъ биржевой агентъ: — вы забыли, а присутствіе бѣднаго больного испортило бы ваше удовольствіе.

Сара взглянула на г-на де-Лоранса.

— Нѣтъ, сказала она: — ваше присутствіе доставило бы мнѣ большое удовольствіе... Если вы чувствуете себя въ силахъ, придите.

Биржевой агентъ колебался.

— Я прошу васъ, ласково прибавила Малютка.

Лорансъ поцаловалъ ея руку съ восторженною благодарностью.
— Благодарю!.. благодарю! говорилъ онъ: — вы ангелъ доброты... но надо имѣть костюмъ.

— Большому!.. отвѣчала Малютка: — впрочемъ, у васъ прекрасный халатъ... надѣньте маску...

— Дѣйствительно, дѣйствительно! отвѣчалъ биржевой агентъ. Онъ бросился, въ полномъ смыслѣ этого слова, къ своему канету.

Малютка слѣдила за нимъ глазами, и брови ея наморщились.

Черезъ нѣсколько минутъ, Лорансъ возвратился. Широій халатъ рывалъ его худощавость, лицо его сіяло удовольствіемъ; онъ былъ прекрасенъ, выпрямился и нисколько не походилъ на больного. Малютка скрыла ѣдкую улыбку, невольно явившуюся на ея лицѣ.

— Поидите, сказала она: — пора.

Сара подала руку биржевому агенту, и они вышли.

Вмѣсто того, чтобъ идти къ залѣ, Малютка шла въ свою комнату.

И, чтобъ объяснить это, она сказала:

— Я забыла свой вѣеръ, да притомъ вамъ надо дать маску.

Батальеръ отворила дверь; Малютка сдѣлала ей знакъ, чтобъ она шла, и какъ торговка хотѣла идти въ свою комнату, то Сарасухимъ, повелительнымъ тономъ сказала ей:

— Не туда!.. Эсиръ вѣрно ждетъ меня, прибавила она, опомнившись. — Ступайте, милая, скажите, что я сейчасъ явлюсь.

Биржевой агентъ остался наединѣ съ своею женою; они съядомъ.

Знавшіе г-жу де-Лорансъ догадались бы, всмотрѣвшись въ ея лицо, что въ ней разыгрывалась гроза. По-временамъ, губы ея дрожали и блѣднѣли; брови шевелились, какъ-бы стремясь сдвинуться. Она опускала вѣки, чтобъ скрыть невольно-блестящій въ глазахъ огонь.

Агентъ видѣлъ только ея красоту и улыбку.

Сара, казалось, удерживалась и чего-то ждала. Она дала свое доложеніе съ тою скупостью кошки, которая бережетъ наслажденіе послѣдняго удара.

Сердце ея было исполнено ненависти; она и сама страдала; ей жно было употребить всѣ усилія, чтобъ сохранить спокойную ружность. Въ этотъ вечеръ, страшныя язвы открылись на самой вѣствительной части ея сердца: она страдала и хотѣла мучить угнѣть.

— Леонъ, сказала она, откинувъ голову къ спинкѣ кушетки: — а кажешься десятью годами моложе сегодня.

— Я не разъ говорилъ тебѣ, Сара, отвѣчалъ биржевой агентъ: — ты владычица моей жизни и можешь сдѣлать чудеса своимъ мнѣ состраданіемъ.

Малютка погнулась впередъ и подожгла свою блѣдную ручку плечо мужу.

— Такъ я тебя причинила много страданій?.. шептала она, — между-тѣмъ, какъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ ея сверкало мѣрное пламя.

— Странній?.. О! да, я много страдалъ!.. Но развѣ это твоя вина, Сара?.. Зачѣмъ я не умѣлъ тебя нравиться!

— Бѣдный Леонъ! продолжала очаровательница, слегка касаясь его волосъ: — а ты прекрасенъ!.. Гдѣ жь были у меня глаза, и чего не достаешь тебѣ?

Лорансъ не зналъ, вѣрить ли ушамъ своимъ; не снѣ ли это? — Онъ боялся проснуться.

Сара, улыбаясь, наклонилась къ нему.

— Боже мой! продолжала она: — ты молодъ... намъ еще было время вознаградить прошедшія мученія.

— О!.. вскричалъ биржевой агентъ: — еслибъ Богъ ниспослалъ мнѣ такое блаженство!

— Знаемъ ли мы самихъ-себя, продолжала Сара легкимъ, ублаживающимъ голосомъ: — знаемъ ли мы, что у насъ дѣлается и душѣ?.. Я часто спрашиваю себя и остаюсь безъ отвѣта... спрашиваю себя, Леонъ, ненавижу ли я тебя, или люблю.

Ужасъ и надежда попеременно выражались на лицѣ де-Лоранса.

— Женщина — странное существо!.. говорила Сара еще болѣе мечтательнымъ тономъ. — Мы часто поражаемъ свой кумиръ, Леонъ... Во мнѣ есть голосъ, который часто произноситъ твои имя.

Томный взоръ ея былъ полонъ нѣжности... Лорансъ пьянъ.

— А если я люблю тебя?.. спросила она, подставляя свой лобъ къ губамъ мужа.

— Боже мой!... Боже мой! бормоталъ биржевой агентъ въ исторгъ.

Сара улыбалась.

Лорансъ наклонился къ ней тихо, ротъ его округлялся, — онъ рѣшался поцеловать...

Сара еще улыбалась; но едва Леонъ коснулся губами до ея лба, она вспрянула, какъ соскочившая съ шпильки стальная пружина.

Малютка стояла передъ мужемъ, который уже не могъ ухватить ее: такъ сильно измѣнилось выраженіе ея лица. Улыбка ея стала злобна, жестоко-насмѣшлива, глаза были неподвижны, безчувственны; все выражало ненависть холодную, долгую, непреложную.

— Какъ вы безразсудны! сказала она: — такъ вы все забыли.

Голова биржеваго агента упала на грудь, изъ которой вырвался тяжелый стонъ.

— Вы забыли о ребенкѣ! продолжала Сара: — такъ вы болѣе не помните, что поразило меня въ сердце, и что я еще ничего и просила въ моей жизни!

Она гордо подняла прекрасную, какъ трагическій ужасъ, голову; голосъ ея былъ еще тихъ, но пронзителенъ.

— Я думалъ, бормоталъ Лорансъ: — что вы наконецъ сжали-
всь...

— Жалость!.. повторила она, схвативъ его за руки: — что зна-
тъ это слово на нашемъ языкѣ?... Пойдемте!

Она сдернула его съ кушетки и повела въ комнату Батальёръ.
Остановившись передъ кроватью, она протянула руку и указала
а блѣдное лицо Галифарды.

— Жалость!.. повторила она:—смотрите!

Биржевой агентъ стоялъ, какъ пораженный громомъ; мысли
выпались въ голову его; онъ смотрѣлъ то на дѣвочку, то на Сару.
Потомъ потухшій взоръ его вдругъ зажегся слѣпою злобой.

Онъ потерялъ рассудокъ.

Онъ узнавалъ ребенка по сходству съ матерью.

То было какъ-бы первое звено въ цѣпи обрушившихся надъ нимъ
счастій.

Только одно существо ненавидѣлъ онъ въ этомъ мѣрѣ — дочь Са-
ры. Безсмысленно протянулъ онъ судорожно-сжатые руки къ по-
тели...

Но Сара стала передъ нимъ и съ силою мужчины удержала
его. Лорансъ даже не пытался противиться.

— Пятнадцать лѣтъ страдаетъ она! говорила Малютка, обратив-
шись къ ребенку съ внезапно-умиленнымъ взоромъ: — пятью года-
ми больше, нежели вы, сударь... а чѣмъ заслужила она эти стра-
данія?

Лорансъ не отвѣчалъ и, казалось, едва понималъ.

— Ей пятнадцать лѣтъ, продолжала Сара:—дѣти несчастныя не
остутъ... тѣ, которые никогда прежде не видали ея, говорятъ,
что ей едва есть десять лѣтъ... Она столько плакала!.. Еслибъ вы
дали ей мѣсто въ домъ ея матери, она была бы теперь большая...
! большая... и какъ прекрасна была бы она!..

Лорансъ былъ неподвиженъ.

Сара отступила назадъ и стала у изголовья дочери, которая сна-
чала спокойно.

— Не знаю, помните ли вы, сказала Малютка: — Юлии было
четыре года... я пришла къ вамъ, умоляющая, покорная; я про-
шла сжалиться надо мною и ею... надо мною, какъ надъ жерт-
вой низкаго обмана; надъ нею, потому-что она даже не знала не-
частія своей матери!.. Вы были молоды; вы чувствовали, что
сильнѣе меня, и знали, что законная власть мужа надъ женою без-
отчетна...

«Вы отвергли мою просьбу,—вы были непреклонны!..

«Любили вы меня тогда? я думаю... Надо было подавить эту
любовь, сударь!

«Какъ безразсудны и глупы вы были! По вашему кодексу, вы
имѣли право презирать меня, прогнать, — а вы ещё болѣе привя-
зались ко мнѣ!..

«Вспомните, сударь, что я только разъ въ жизни просила васъ;
Часть VIII. 3

съ-тѣхъ-поръ, жребій нашъ былъ брошень, — я ни разу не провнесла имени моей дочери; въ глазахъ свѣта я была вашей преданной, любящей женою; только предъ вами однимъ иногда выказывала я ненависть, которая поселилась въ моемъ сердцѣ, — только передъ вами, ни передъ кѣмъ болѣе... ни передъ кѣмъ, слышите ли вы, в судите, какъ я страдала! Я не могла обнаружить любви къ своему ребенку...»

Въ первый разъ пробѣжала легкая судорожная дрожь по лившимъ мускуламъ буржеваго агента.

Чувствуя, можетъ-быть, приближеніе припадка, онъ обернулся, чтобъ уйдти въ свою комнату.

— Пойдите! сказала Малютка. — Лорансъ повиновался.

Предъ этимъ несчастнымъ, который не защищался и былъ страдательно-покоренъ, можно было подумать, что гнѣвъ Сары оидеть.

Но въ сердцѣ этой женщины былъ какъ-бы неизсякаемый источникъ непреклонной твердости; притомъ, она была подлѣ постели Юдионъ, Юдионъ, за которую возставалъ въ ней проницательный голосъ совѣсти!..

Надо было кричать громко, чтобъ не слышать этого голоса.

То была роковая минута; она почти боялась ослабѣть; она нерочно растравляла свои раны, чтобъ усилить злобу. Она представляла себѣ роковыя пятна на тѣлѣ своего ребенка, повторяла это слово, которое убивало въ ея надежды и становилось страшной казнью долгой, преступной жизни: — чахоточная!..

И, не смотря на отсутствіе противодѣйствія, злоба ея росла.

— Пойдите! повторила она: — надо, чтобъ вы все узнали сегодня... Вы разорены, сударь; въ эту минуту, можетъ-быть, кредиторы продаютъ ваше имущество... Ну! а у меня нѣсколько милліоновъ... и нельзя мнѣ ничего сдѣлать, будьте покойны; я спрашивала, я знаю законы! Мои богатства такъ же далеки отъ васъ, какъ еслибъ они были зарыты на сто футовъ въ землѣ!

Лорансъ давно считался въ Парижѣ однимъ изъ достойнѣйшихъ негоціантовъ. Не смотря на безукоризненное поведеніе, онъ видѣлъ, однакожъ, какъ кредитъ его падалъ съ каждымъ днемъ. Сара ничего не прибавила къ тому, что онъ зналъ — онъ зналъ, что причиною его разоренія была жена его.

Онъ былъ торговецъ и сынъ торговца, и потому паденіе для такого человѣка было болѣе, нежели разореніе — безчестіе.

Онъ страдалъ такъ, что эта мысль не могла сильно увеличить его горя; впрочемъ, Сара видѣла въ чертахъ его лица болѣе-явственныя содроганія; онъ оперся рукою на кровать Юдионъ.

— Это для нея, сударь, продолжала Сара, глядя съ нежностью на ребенка: — все богатство, собранное мною на вашъ счетъ, — оно для моей дочери, которая не ваша... Моя ненависть къ вамъ — это любовь къ ней... Не время ли перемѣнить роли? Вчера у васъ

дверь, который вы жестоко для нея затворили; завтра у нея улетит дворецъ:—не прійдете ли вы къ намъ просить убъжища?.. Биржевой агентъ сильнѣе оперся на кровать.

У него начался припадокъ.

Слова Сары все болѣе и болѣе раздражали его напряженные нервы.

— У меня еще пока достанетъ силы дойти до моей комнаты, сказалъ онъ:—поторопитесь... пусть не знаетъ свѣтъ, по-крайней-мѣрѣ!..

Сара съ презрѣніемъ пожала плечами.

— Свѣтъ! прервала она: — вы очень-хорошо знаете, что свѣтъ ухъ и слѣпъ! У него есть глаза только для самообольщеній, и уши только для лжи... Свѣтъ считаетъ меня вашимъ провидѣніемъ... если онъ увидитъ васъ мертваго у ногъ моихъ, на мою долю достанется ни-когда не выходящая выгода его сожалѣнія... Подождите еще немного!

— Я не могу...не могу! бормоталъ Лорансъ, хватаясь правой рукой за кровать.

— Я хочу этого!

— Вы хотите убить меня?..

— Да, отвѣчала Малютка съ страшнымъ спокойствіемъ.

Она смотрѣла ему въ лицо; онъ качался; зрачки глазъ его топились подъ дрожавшими вѣками.

Сара пристально, съ страшнымъ хладнокровіемъ слѣдила за ходомъ этой агоніи.

— Вы отгадали, продолжала она:—я хочу васъ убить!.. я давно хочу этого... и исполню.

Лорансъ хотѣлъ что-то сказать, но у него вырвалось только глухое хрипящее.

Сара одушевлялась своимъ чудовищнымъ дѣломъ; глаза ея по-степенно разгарались. Наступало бѣшенство.

— Я хочу васъ убить, повторяла она глухимъ голосомъ:—убить васъ!.. убить васъ!! О, какъ я отмщу за тебя, дочь моя! вскричала она, обращаясь къ Юдиѣ съ восторженнымъ жестомъ:—смотри на него!.. ты будешь такъ счастлива, какъ онъ несчастливъ теперь!.. Ноги его гнутся подъ тяжестію его тѣла; а ты молода и сильна!.. Смотри, продолжала она, обращаясь къ ребенку, лицо котораго выражало только невинность и кротость:—смотри на этого человека, который сдѣлалъ тебя столько зла!.. Онъ борется съ своею карой... а для тебя кончились дни страданій... ты будешь такъ только счастлива... О! какъ я люблю тебя, дочь моя! и какъ ненавижу его!..

Лорансъ закачался и готовъ былъ упасть. Сара бросилась, чтобы поддержать его...—Я отведу васъ въ вашу комнату.

Дѣло извѣстное, что въ нервическихъ болѣзняхъ сильное напряжение воли можетъ отдалить неминуемый припадокъ. Биржевой агентъ съ помощію жены шелъ къ двери;—они вышли.

Ноно-Галифарда не знала, бѣдный ребенокъ! что происходило въ изголовья; она еще спала спокойнымъ, тихимъ сномъ.

Проходя корридоромъ, г-нъ и г-жа де-Лорансъ встрѣтили изъ торныхъ изъ гостей, шедшихъ въ бальную залу.

Малютка поддерживала слабого мужа съ нѣжною заботливостію; всѣ были тронуты, видя ее, такую прекрасную, привязанную къ обязанности къ этому столько лѣтъ умирающему человеку.

Что бы ни говорили поэты о женскихъ добродѣтеляхъ, покаянная преданность не часто встрѣчается. Нѣжность истощается; самоотверженіе ослабѣваетъ, — а Сара такъ давно была въ странной своей роли!

Вошедъ въ свою комнату, биржевой агентъ еще успѣлъ подняться на постель; но едва коснулся онъ головою подушки, какъ припадокъ начался; припадокъ страшный, какого еще съ нимъ не бывало.

Жерменъ еще не возвращался; Сара была одна въ комнатѣ наго. Въ-продолженіе всего припадка, на лицѣ ея не показывалось ни тѣни состраданія.

Черезъ полчаса, конвульсія прекратилась, и Лорансъ, по обязанности, лежалъ неподвижный, какъ трупъ.

Сара положила руку на его сердце; оно почти не билось; спустила занавѣски.

Въ это время постучали въ дверь: то была графиня Эсэръ со своимъ женихомъ, Жюльеномъ, и еще двумя или тремя гостями, которые пришли за Сарой: безъ нея нельзя было составить въ колышней кадрили изъ «Тысячи-Одной-Ночи».

— Ну, Малютка, мы цѣлый часъ ждемъ тебя!

— Тсс! сказала Сара, указывая на постель: — я не люблю влять его, пока онъ не заснетъ.

— О! мы знаемъ, сказалъ Жюльенъ: — что вы перлъ жемчужины.

— Но теперь, прибавила Эсэръ: — пойдешь ты?

Сара повторила первый жестъ, потомъ на ципочкахъ ползла къ постели, открыла занавѣски и сдѣлала видъ, будто съ извѣстностію заглянула туда.

Лорансъ не шевелился.

Она опустила занавѣски.

— Я иду вслѣдъ за вами, сказала она улыбаясь: — онъ спитъ.

Всѣ переступили за порогъ. Сара, выходя послѣ всѣхъ, захватила за собою дверь на ключъ.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратился Жерменъ: онъ былъ полныя, остановился передъ запертой дверью и потомъ сносно удовлетворенный предлогомъ выпить другую бутылку.

Въ комнатѣ г. де-Лоранса еще можно было слышать стоны; они продолжались двѣ или три минуты.

Послѣ того водворилось молчаніе, прерывающееся только слабыми аккордами, долетавшими изъ бальной залы.

Пустынникъ.

Зала, описанная нами въ началѣ этого разсказа, какъ сборное мѣсто блутгауптскихъ слугъ, прежде служила мѣстомъ графскаго суда. Теперь, когда Сара вошла въ нее, она была дѣйствительно-великолѣпна; огни обрисовывали архитектуру вычурныхъ вѣястровъ; безчисленные жирандоли стояли фестонами вдоль гѣвъ, обитыхъ бархатомъ.

Все это было ослѣпительно — светло; золото отражалось въ хрусталѣ; у входа казалось, что дождь искръ льется въ этой благовонной атмосферѣ.

Потомъ, когда глазъ привыкалъ къ этому блеску, представлялась живая часть картины. Толпа двигалась въ этомъ свѣтѣ: мужчины, залитые золотомъ, въ костюмахъ всѣхъ временъ и народовъ; женщины, осыпанные брильянтами, блестя такъ же, какъ люстры.

Гостямъ необходима была эта роскошь, чтобъ фантастическое великолѣпіе залы не подавило ихъ туалета, а эта роскошь залы была необходима, чтобъ соответствовать фантастическому великолѣпію нарядовъ.

Было четыре кадрили, изъ которыхъ костюмы одной взяты были изъ волшебныхъ сказокъ добряка Галлана; другой изъ вычурной фантазіи портныхъ-мандариновъ Небесной-Имперіи; третьей въ странномъ вкусъ возрожденія, четвертой, наконецъ, отчаянной зысканности царствованія Людовика XIII.

Четыре главныя группы составляли картину. Вокругъ нихъ свободная фантазія образовала движущуюся рамку.

Это не походило на наши парижскіе балы, гдѣ переодѣтая толпа пятнается печальнымъ, пошлымъ чернымъ цвѣтомъ. *Пекиновъ* не было; самое домино, уродливая и прекрасная вещь, было совершенно изгнано; придворныя дамы Маріи Медичи, персидскія княжны, жертвы директоріи, Андалузянки, Гречанки, Шотландки, Абд-эль-Кадеръ, Шамиль, Ибрагимъ-Паша, Жо-те-те, Юпитеръ Мухаммедъ, Наполеонъ, Антихристъ.

Все это танцовало, вальсировало, полькировало подъ звуки музыки.

Зала была полна движенія, жизни и свѣта.

Съ перваго взгляда, нельзя было ничего распознать; лица исчезали подъ масками, а эксцентричность костюмовъ скрывала прочіе признаки; но, всматриваясь пристальнѣе, мы узнали нашихъ знакомыхъ.

Докторъ Хозе-Мира, въ длинной мантии съ высокимъ колпакомъ магика, держалъ подъ руку античную каррикатуру въ фижмахъ и фалбалахъ, которая была не кто иная, какъ графиня де-Тартари, красавица 1809.

Рейнгольдъ, въ костюмъ фигаро, шнырялъ, какъ бабочка, вокругъ г-жи д'Одмёръ, которая казалась еще красивѣе въ туалетѣ Помпадуръ.

Дениза и Францъ участвовали въ кадрили Лудовика XIII.

Эсэиръ и Жюльёнъ мѣшались въ восточной группѣ.

Авель Гельдбергъ одѣлся жокеемъ: красный казакинъ, бѣлый токъ, зеленый поясъ, брюки тельнаго цвѣта, сапоги съ бѣлыми отворотами.

Онъ былъ кавалеромъ маркизы де-Ботраверъ и, держа ее подъ руку, искренно жалѣлъ объ отсутствіи *Королевы Викторіи*.

Пятнадцати-лѣтняя дѣвочка, предъ которою Мирелюжъ съ солидною цѣлью рассыпался мелкимъ бѣсомъ, была въ соломенной шляпкѣ съ свѣтло-голубыми лентами; она читала Флоріана потихоньку.

Дородная банкирша изъ Улицы-Лафитъ, у которой часто обѣдалъ Фисель, была одѣта одаиской.

Потомъ, отъ времени до времени, то тамъ, то тутъ, показывалась группа, производившая на гостей сильное впечатлѣніе.

Эта группа хотѣла, конечно, представить суевѣрное, извѣстное всѣмъ гостямъ предаіе. Она состояла изъ трехъ человекъ, державшихъ другъ друга за руки и одѣтыхъ въ длинные красные плаща.

Они весьма-точно напоминали то странное явленіе, которое гости видѣли во время фейерверка; поговаривали, что это и есть тѣ самые призраки. Поэтому женщины, при приближеніи ихъ, весьма-мило пугались.

Они были не равнаго роста; двое болѣе рослые ходили съ отвагой; третій, казалось, путался въ своемъ костюмѣ, который, впрочемъ, онъ несъ съ торжественностью павлина, распутившаго хвостъ.

Всѣмъ очень хотѣлось узнать этихъ трехъ человекъ, и никто не могъ догадаться.

Прошло уже съ часъ, какъ балъ былъ въ самомъ разгарѣ; оркестръ смолкъ, въ толпѣ былъ родъ молчанія, сопровождаемаго безпокойнымъ любопытствомъ.

Каждому хотѣлось посмотреть и подойти поближе.

Въ залу вошелъ старый Гельдбергъ, безъ маски, одинъ среди тысячей закрытыхъ лицъ. Въ-продолженіе всѣхъ праздниковъ, онъ показывался рѣдко, и то въ извѣстныхъ случаяхъ. Но потому-то его появленіе и производило огромный эффектъ и придавало семейству совершенно-патріархальный характеръ.

Еще источникъ кредита.

Въ этотъ вечеръ, старый, сѣдолосый Моисей медленно проходилъ чрезъ залу, поддерживаемый подъ руки двумя старшими дочерьми.

Сзади его несли благоговѣйный шопоть: какой дивный типъ почтеннаго человека, мирно достигшаго вечера своей жизни!

И такъ, онъ вознагражденъ!.. Есть ли въ мирѣ семейство болѣе добродѣтельное, лучшее, нежели его семейство?—Эти двѣ молодые женщины, красавицы, опоры его старости,—его дочери; этотъ прекрасный ребенокъ, который идетъ за нимъ объ руку съ г-жею д'Одмѣръ—это Лиа, милый цвѣтокъ: она общается то, что другія выполняютъ; это — тоже его дочь.

Вокругъ него компаньоны: суровый и ученый докторъ Мира, добрый, благотворительный кавалеръ Рейнгольдъ, Фабрициусъ ван-Праттъ, образецъ торговой честности, гордый Маджаринъ Янось, и наконецъ, даже Авель Гельдбергъ представляютъ собою какъ-бы гвардію.

Всѣ эти люди привязаны къ нему почтеніемъ и безпредѣльною любовью.

Богатый, счастливый старикъ шелъ, улыбаясь всѣмъ такъ приветливо, такъ добродушно...

Углубляясь въ эту матерію, всѣ говорили, что такого семейства, какъ гельдбергское, нѣтъ въ мирѣ; сколько благочестивой нѣжности въ заботливости этихъ двухъ прекрасныхъ женщинъ! и сколько яснаго счастья на почтенномъ челѣ этого старца!

Небо посылаетъ такое счастливое спокойствіе за чистую, безукоризненную жизнь...

Дошедъ до середины залы, Гельдбергъ сдѣлалъ знакъ—и танцы снова начались еще веселѣе прежняго.

Когда оркестръ игралъ модную кадрили, вошелъ нѣкъ-незамѣченный высокій человекъ, съ лицомъ совершенно-закрытымъ и съ длинною бородою, спускавшеюся отъ маски до груди.

Этому человеку, молча пробиравшемуся сквозь толпу, суждено было скоро произвести впечатлѣніе почти такое же сильное, какое произвели три красные человекъ и самъ старый Гельдбергъ.

Онъ былъ одѣтъ въ длинный тиковый капучинъ, подпоясанъ конопляною веревкой; первые, замѣтившіе его, назвали его пустыннымъ, и мы будемъ называть его также.

Старый Моисей, казалось, былъ счастливъ окружавшимъ его весельемъ; умильно, добродушно смотрѣлъ онъ на великолѣпіе бала;—дивный старикъ! достойный человекъ! истый патріархъ!—Дамы и кавалеры, танцуя, сыпали перекрестнымъ огнемъ похвалы ему, онъ былъ левъ; все собраніе платило дань его триумфу.

Говорили: «Взгляните, сколько доброты на этомъ лицѣ! Посмотрите, какая чистая совѣсть отражается въ этой прекрасной улыбкѣ!...»

До Моисея долетали нѣкоторыя изъ этихъ фразъ; изъ всего этого ениама онъ вдыхалъ то, отъ чего можно было тихо опьянѣть. Счастіе опираться на руки своихъ дочерей увеличивалось справедливою гордостью.

Эти минуты останутся въ его воспоминаніи въ числѣ счастливейшихъ минутъ его жизни.

Пустынникъ съ длинною бородою медленно пробирался сквозь толпу и направлялся прямо къ группѣ Гельдберговъ.

Никто не думалъ обращать на него вниманія.

Онъ подошелъ уже къ Авелю, который загородилъ ему дорогу.

Пустынникъ высвободилъ руку изъ складокъ своего плаща хотѣлъ отстранить молодаго Гельдберга.

— Вамъ нельзя пройти, сказалъ Авель.

— Но я хочу пройти, отвѣчалъ пустынникъ.

Авель принялъ видъ хозяина.

— Развѣ вы не видите, съ кѣмъ имѣете дѣло? сказалъ онъ, поднимая свою маску: — привилегія баба не имѣютъ силы, сударь, когда дѣло идетъ о моемъ отцѣ.

Пустынникъ положилъ руку на грудь Авеля и безъ усилій отодвинулъ его, какъ ребенка.

— Позвольте! говорилъ онъ, идя далѣе: — надо, сударь, быть засвидѣтельствованъ почтеніе вашему почтенному родителю.

Авель безпокойнымъ взглядомъ посмотрѣлъ вслѣдъ пустыннику; этотъ голосъ вызвалъ въ немъ смутныя воспоминанія.

Но подъ маской голоса измѣняются; онъ не зналъ, что думать.

Пустынникъ прошелъ между г-жею де-Лорансъ и докторомъ Хозе-Мира и остановился прямо предъ старымъ Моисеемъ, сѣдѣвшимъ на груди руки.

Старикъ, въ упоеніи довольства, добродушно смотрѣлъ на этого незнакомца и ждалъ новыхъ привѣтствій.

Потомъ, когда пустынникъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ добряку снисходительно наклонилъ голову, чтобъ лучше слышать.

Пустынникъ, тихо — такъ, что никто, кромѣ Гельдберга, не могъ его слышать — произнесъ слово, одно только слово...

Но это слово, вѣроятно, имѣло волшебную силу, потому что добродушная улыбка старика смѣнилась гримасой ужаса. Онъ отступилъ шагъ назадъ, и неподвижные глаза его остановились на пустынникѣ. Колѣни его подгибались, губы зашевелились, не издавая никакого звука. Эсэиръ и Сара, поддерживавшія его, почувствовали, что худыя руки его судорожно дрожали.

Между-тѣмъ, слово, произнесенное пустынникомъ, было имя стараго тампльскаго ростовщика.

Пустынникъ, наклонившись къ главѣ знаменитаго рода Гельдберговъ, тихо сказалъ:

— Арабі!...

Эти три звука раздавили старика, какъ обрушившаяся стена.

— Помилуйте, сударь! вскричали въ одинъ голосъ Эсэиръ и Сара: — что вы сказали батюшкѣ?

Пустынникъ поемотрѣлъ на нихъ обвѣхъ и вѣжливо поклонился той и другой.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ, обращаясь къ графинѣ, такъ-

на одна могла его слышать:—я сказалъ, что обрученіе не всегда предшествуетъ браку...

И пока Эсёръ, смущенная, успѣла отвѣчать, онъ обратился къ Аръ и примолвилъ еще тише:

— Я сказалъ, сударыня, что иногда нельзя съ разу убить человека!... Вы выбрали вѣрный ядъ; но какъ долго приходится вамъ ждать, не правда ли? и какъ долго не закрывается эта открытая югилла!..

Кружокъ Гельдберговъ въ эту минуту былъ предметомъ для съехъ взоровъ. Каждый могъ замѣтить внезапное, глубокое смущеніе стараго Моисея и дочерей его.

Эсёръ и Сара молча опустили головы. Старикъ робко, безмысленно озирался кругомъ.

Кругомъ все спрашивали:—кто этотъ пустынный? что могъ онъ сказать? что такъ разстроило добраго Гельдберга?

Пустынный сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ; на него смотрѣли съ возрастающимъ любопытствомъ. Мирá, Рейнгольдъ и Фан-Прэттъ глядѣли на эту сцену съ безотчетнымъ ужасомъ.

Одинъ Маджаринъ ничего не опасался. Онъ стоялъ предъ кружкомъ, въ своемъ воинственномъ венгерскомъ костюмѣ, который былъ только богаче обыкновеннаго. Маска не совершенно скрывала мрачное выраженіе лица его.

Онъ думалъ и не видѣлъ ничего, что дѣлалось вокругъ него.

Старый Моисей, слабый, едва-державшійся на ногахъ, опирался на руки дрожавшихъ дочерей своихъ.

— Уйдемъ, шепталъ онъ едва-внятнымъ голосомъ.— Уйдемъ... Господи! Господи! помилуй меня!...

Эсёръ и Сара повиновались. Они прошли, опустивъ головы, мимо пустынного, который стоялъ неподвижно, скрестивъ на груди руки.

Они были на срединѣ залы, и до дверей было недалеко.

Толпа разступилась передъ ними.

Кругомъ слышался говоръ изумленія.

Всѣ пожирали глазами пустынного; всѣ чего-то ждали; странная сцена должна же была безъ сомнѣнія имѣть развязку, должна была объясниться.

За старикомъ и его дочерьми, шли Дениза и Ліа, которыя не понимали ничего изъ происшедшаго.

Пустынный взялъ руку мамзель д'Одмѣръ, которая робко отступила, и поцаловалъ ее.

— Любите его всѣмъ сердцемъ, дитя мое, сказалъ онъ:— сдѣлайте его счастливымъ, когда будете его женою...

Дениза вспыхнула подъ маской; этотъ человекъ находилъ въ каждомъ сердцѣ самую задушевную мысль...

Когда дѣвушки готовы были пройти мимо его, онъ загородилъ имъ дорогу, и сталъ передъ Ліей.

Нѣсколько секундъ онъ молчалъ; казалось, тяжелый камень лежалъ на груди его.

Онъ не коснулся руки Лии, но наклонился къ ней на ухо.

— Бѣдный ребенокъ! прошепталъ онъ глубоко-трогательнымъ голосомъ: — завтра ты потеряешь въру въ земное счастье; иди-ся на Бога!

Онъ быстро отвернулся... голосъ его замеръ отъ внутренняго волненія.

Между-тѣмъ, Моисей Гельдбергъ и двѣ дочери его шли къ дверямъ залы.

Умы всѣхъ работали надъ разгадкою этой сцены. Доходили до фантастическаго. Менѣе-странное предположеніе состояло въ томъ, что этотъ пустынный былъ старый блутгауптскій капелланъ, предшій Богъ-знаетъ откуда, чтобъ произнестъ на ухо старому Моисею имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ — ибо всѣ болѣе или менѣ слышали о трагической кончинѣ послѣдняго Блутгаупта. Обвиненій не было: этимъ старымъ исторіямъ охотно прилами оттънокъ невѣроятности;—но подозрѣніе оставалось.

Возбужденное вниманіе очевидно не нравилось членамъ гельдбергова семейства. Малютка подозвала кавалера Рейнгольда и сказала ему нѣсколько словъ шопотомъ.

Кавалеръ поднялся на цыпочкахъ и сдѣлалъ знакъ музыкантамъ. Зала наполнилась гармоническимъ шумомъ. Оркестръ игралъ прелюдію.

Всѣ зашевелились; балъ снова ожилъ.

Не смотря на то, длинная шеренга любопытныхъ осталась на пути, гдѣ прошли Гельдберги. Былъ и предлогъ хорошій: нельзя было не проводить почтеннаго старца, тѣмъ болѣе, что пустынный, отставшій-было на минуту, снова подвигался къ удалившейся группѣ. Маленькая драма, казалось, достигла втораго дѣйствія.

Сказавъ нѣсколько словъ Лии, пустынный остановился, какъ-бы подавленный собственнымъ чувствомъ.

Гельдберги были уже на половинѣ пути, какъ вдругъ онъ очутился и устремился за ними, пробираясь сквозь толпу, снова динущую за Моисеемъ.

Предъ старикомъ были докторъ Хозе-Мира, кавалеръ Рейнгольдъ и Маджаринъ Яносъ.

Пустынный прошелъ не останавливаясь подлѣ Эсеира и очутился сзади доктора.

Всѣ видѣли, какъ вздрогнулъ Хозе-Мира.

Пустынный довольно-небрежно отсторонилъ его рукою, и такъ сказалъ ему:

— Посторонитесь, ученый изобрѣтатель жизненнаго напитка!...

Мира помолодѣлъ двадцатью годами: — онъ видѣлъ предъ собою стараго Гюнтера, державшаго нетвердой рукою золотую кружку, наполненную ядомъ.

Пустынникъ прошелъ впередъ не прибавивъ ни слова, и взялъ юду руку кавалера Рейнгольда.

— Конечно, сказалъ онъ ему: — вы, господинъ кавалеръ, бѣдный человекъ! не безъ нужды украли вы то, что было въ ларчикѣ...

Зубы Рейнгольда стучали, холодный потъ смочилъ ленты его ласки.

— Пověрьте... началъ-было онъ.

— Молчите! прервалъ пустынникъ, сжимая его руку.

Рейнгольдъ не смѣлъ даже взглянуть кругомъ, чтобъ поискать ащиты.

Пустынникъ откинулъ полу своего платья, и кавалеръ думалъ, что онъ ищетъ кинжала.

Еслибъ онъ не отворотился, то увидѣлъ бы подъ грубыми складками мантіи пустынника богатый осыпанный камнями шелковый костюмъ временъ Елисаветы.

Но движеніе пустынника было такъ быстро, что кавалеръ не видѣлъ ни каменьевъ, ни шелка.

Между-тѣмъ, пустынникъ доставалъ не кинжалъ, а связку бумагъ.

— Идіотъ Генъюлетъ крадетъ не въ одномъ Парижѣ, сказалъ онъ: — его ключомъ отпираются многіе замки!.. Бѣдный глупецъ! Вы оставили у меня все, что можетъ погубить васъ, и похитили то, что могло бы васъ спасти!.. Здѣсь не достаетъ только просроченныхъ векселей на имя дома Гельдберга.

Рейнгольдъ хотѣлъ произнести имена фан-Прэтта и Маджарина, но страхъ мѣшалъ ему говорить.

Такъ ничего нѣтъ выше власти этого человека!

Ужасъ его былъ такъ очевиденъ, что любопытный кружокъ былъ вѣ себя. Толпа приближалась все ближе и ближе.

Въ прочихъ частяхъ залы весело танцовали.

Гельдберги были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, и Маджаринъ, чуждый всего происходившаго, былъ почти у порога.

Когда онъ готовъ былъ выйти, пустынникъ быстро выпустилъ руку Рейнгольда, оттолкнулъ толстаго фан-Прэтта, заступавшаго ему дорогу, и коснулся плеча синьора Георги.

Яность обернулся.

Оба они были высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Любопытные предвидѣли, что эта послѣдняя сцена не будетъ походить на предшествовавшія, потому-что до-сихъ-поръ пустынникъ, казалось, поражалъ, но не былъ поражаемъ.

— Одно слово, синьоръ Георги, сказалъ пустынникъ, выходя до половины изъ залы, чтобъ стать противъ Маджарина.

— Что вамъ угодно? спросилъ Яность.

— Я хочу вамъ сказать, что со вчерашняго дня вы весьма-отлажно ищете того, кто былъ у васъ въ Лондонѣ...

Яность выпрямился, какъ лошадь, почувствовавшая шпоры.

Пустынный продолжалъ:

— И который употребилъ орудіемъ вашу жену, чтобъ...

Онъ не успѣлъ кончить: Яношъ съ неистовымъ воплемъ яростно схватилъ его за руки.

— Не выпускайте! сказалъ Рейнгольдъ ему на ухо: — это баронъ Родахъ.

— Попаля ты мнѣ наконецъ! закричалъ Яношъ испуганнымъ голосомъ.

— Это было первое слово, которое услышали любопытные гости.

Первое — и послѣднее.

Не смотря на видимую мощь Маджарина, пустынный бѣгъ изъ лѣя высвободился изъ его рукъ.

— Еще не время, сказалъ онъ: — и пустился по корридолу.

Маджаринъ бросился вслѣдъ за нимъ.

Нѣсколько минутъ онъ слѣдилъ его по освѣщеннымъ галереямъ по пустынный, казалось, хорошо зналъ замокъ.

Послѣ многихъ поворотовъ, онъ очутился въ узкомъ, темномъ корридолѣ. Маджаринъ видѣлъ его уже какъ тѣнь, бѣгущую впереди собою.

Въ совершенно-темномъ мѣстѣ раздавался голосъ пустынного.

— До завтра!.. сказалъ онъ.

Тѣнь исчезла какъ-бы по волшебству...

Маджаринъ, зашыхавшись, стоялъ у маленькой винтовой лестницы, которая вела на сторожевую башню.

Яношъ нѣсколько мѣсяцевъ занимался дѣлами у Цахеуса Нессера въ то время, когда фан-Преттъ и Мирá ухаживали за бѣднымъ Гюнтеромъ Блутгауптомъ. Тогда онъ хорошо зналъ расположеніе замка, но съ-тѣхъ-поръ прошло много лѣтъ; онъ могъ быть.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ пустынный, было совершенно темно. Только слабые лучи свѣта отъ лампы, горѣвшей за концомъ корридора, едва проникали сюда. Галерея тянулась, казалося до безконечности и по-видимому не имѣла бокового выхода.

Это внезапное исчезновеніе пустынного походило на волшебство и у Маджарина мелькнула мысль, что онъ провалился сквозь полъ.

Съ прїѣзда въ Германію синьоръ Георгъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ. Воспоминаніе о невѣрной женѣ жестоко мучило его, и жизнь его текла между порывами злобы и грустью.

Но это еще не все; другія воспоминанія, болѣе-отдаленныя, вывалились съ тяжелымъ чувствомъ ревности. Сонъ его былъ тревоженъ: ему грезились привидѣнія, и онъ думалъ о мщеніи неба.

Въ настоящую минуту, воображеніе его было взволновано болѣе обыкновеннаго. Ему казалось, что онъ грезитъ; предъ нимъ

мались привидѣнія,—распростертый трупъ съ включенными волосами представлялся ему...

Онъ схватился руками за горѣвшую голову; имя Ульриха умоляющей жалобой вырвалось изъ устъ его.

Онъ не смѣлъ сдѣлать шагу, чтобъ узнать, куда скрылся пустынный.

Положивъ руку на саблю, Маджаринъ отступалъ, напрасно стараясь вызвать отвагу противъ невѣдомыхъ враговъ.

На концѣ коридора онъ вздохнулъ свободнѣе, потому—что при яркомъ свѣтѣ лампы привидѣнія его исчезли.

На противоположномъ концѣ галереи послышались шаги.

Маджаринъ продолжалъ подвигаться и скоро встрѣтился лицомъ къ лицу съ фан-Прэттомъ, Рейнгольдъ и Мирá, которые шли къ нему на встрѣчу въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ.

— Вы не догнали его? спросилъ Рейнгольдъ.

Фан-Прэттъ поднялъ свой фонарь и освѣтилъ лицо Яноса.

— Какъ вы блѣдны, сказалъ онъ: — мой храбрый другъ!.. Въ первый разъ вижу я васъ въ такомъ положеніи...

Маджаринъ хотѣлъ выпрямиться, но голова его опять опустилась на грудь.

— Я думаю, мои добрые товарищи, что онъ обошелся съ вами не лучше, какъ и со мною, продолжалъ фан-Прэттъ, понизивъ голосъ, чтобъ слуги не могли его слышать: — онъ говорилъ мнѣ о моихъ тигляхъ и ретортахъ!.. онъ все знаетъ!

— Все! повторилъ докторъ скорбнымъ голосомъ.

— Но гдѣ же онъ? спросилъ Рейнгольдъ: — насъ много, и, можетъ-быть...

— Пойдемте! прервалъ Маджаринъ.

Образъ любимой имъ Еввы мелькнулъ въ его умѣ, и гнѣвъ побѣдилъ ужасъ.

Онъ твердо пошелъ назадъ.

Фонарь фан-Прэтта скоро освѣтилъ маленькую винтовую лѣстницу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ пустынный.

Земля не разступилась подъ его ногами.

— Тутъ! сказалъ Маджаринъ, какъ-бы негодуя на свои опасенія.

Мирá, Рейнгольдъ и фан-Прэттъ посмотрѣли другъ на друга: — винтовая лѣстница вела на сторожевую башню.

— Чортъ побери! вскричалъ Голландецъ: — плохое помѣщеніе для благороднаго барона!.. но на войнѣ надо умѣть довольствоваться малымъ...

— Точно ли вы увѣрены, что онъ здѣсь исчезъ, синьйоръ Яносъ? спросилъ Рейнгольдъ.

— Я увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ кавалеръ, робко понизивъ голосъ: — онъ въ нашихъ рукахъ.

Компаньоны вспомнили странное приключеніе, случившееся по-

утру. Теперь объяснилось, почему слуги не могли отворить дверь сторожевой башни; объяснилось также и то, что значила молва зажегшейся на башнѣ *души Блутгаупта*.

Фан-Прэттъ, Мирá и Рейнгольдъ поговорили между собою и послали человека за Іоганномъ, Малю и Питуа.

Маджаринъ, услышавъ это приказаніе, покачалъ головою.

— Если онъ захочетъ пройти, говорилъ онъ: — ваши люди съ ножами ничего не сдѣлаютъ... онъ пройдетъ!

— Посмотримъ, мой неустрашимый другъ! отвѣчалъ Фан-Прэттъ

Іоганнъ съ двумя товарищами былъ поставленъ внизу дѣтныцы: — компаньоны возвратились въ бальную залу.

VII.

Что значитъ заинтриговать.

На балъ уже забыли о неприятномъ впечатлѣніи. Говорили кое-гдѣ о странномъ человѣкѣ, произведшемъ какое-то смущеніе, а маленькая таинственность никогда не мѣшаетъ, особенно на маскарадѣ. Подобныя приключенія придаютъ интересъ празднику. Поэтому, странная сцена продолжалась именно столько, сколько было для того, чтобъ возбудить любопытство, не утомивъ мажорантскихъ зрителей.

Старый Моисей удался; но нельзя было удивляться этому, потому-что вообще появленія его были такъ же коротки, какъ рѣдки. Авель, Эсеиръ и Сара, казалось, сдѣлались еще любимѣе. Кавалеръ Рейнгольдъ буквально расширилъ предѣлы любезности: самъ Мирá сдѣлалъ нѣсколько довольно-несчастливыхъ попытокъ на любезность.

Балъ, какъ мы сказали, имѣлъ предлогомъ обрученіе дочери Моисея Гельла, прекрасной графини Лампюнь, съ молодымъ виконтомъ Жюльеномъ д'Одмэръ. Бракъ назначенъ былъ черезъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ. Обрученныя принимали поздравленія. Партія казалась всею прекрасною.

Виконтесса принимала поздравленія съ сияющимъ отъ удовольствія лицомъ. Эготъ бракъ былъ ея любимую мечтою; она забыла себя отъ радости. Ей хотѣлось также поспѣшить бракъ Денизы съ кавалеромъ Рейнгольдомъ.

Но — молодыя дѣвушки! молодыя дѣвушки!..

Танцы шли еще живѣе. Изъ-подъ снятыхъ масокъ показывались тамъ-и-сямъ хорошенькія личики, блѣднѣвшія отъ усталости.

Балъ достигъ того періода, когда оживляются самыя хмельныя кровные. Вездѣ смѣхъ и сладкія мечты; — здѣсь веселость, тамъ первые вздохи; — робкое признаніе невинной дѣвочки, и отчаянное-счастливыи Донъ-Хуанъ; — вездѣ немножко любви.

Эсеиръ и Сара еще не разлучались: Эсеиръ признавалась сестрою

то въ послѣднее время Жюльенъ совершенно овладѣлъ ею, и что въ этого брака зависить счастье ея жизни. Малютка насмѣшливо оздравляла ее.

Дѣйствительно, такое вѣрное и такое близкое, какъ казалось, счастье возбуждало въ Малюткѣ зависть.

Онѣ обмѣнялись своими тайнами. Эсэвръ повторила слова пустынного не безъ содраганія; а г-жа де-Лорансъ, чтобъ не остаться въ долгу, выдумала какую-то басню: она не могла повѣрить своей тайны объ этой медленной смерти биржеваго агента, о которой говорилъ ей пустынный.

— Мнѣ страшно, сказала Эсэвръ. — Кто бы такой это былъ?.. ли угроза его исполнится!..

— Какой-нибудь завистникъ! отвѣчала Сара: — а что касается угрозы, то не безпокойся... Жюльенъ любить тебя, и ты боги.

Дениза д'Одмѣръ и Лиа также были подѣ влияніемъ предсказаній пустынного. — Лиа явилась на балъ по приказанію. Она была слаба и страдала; встрѣча усилила ея разстройство.

Она оперлась на руку также взволнованной Денизы, и съ поощреніемъ ея вышла.

Когда Дениза, проводивъ ее, входила одна въ залу, Францъ мимоходомъ сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо.

За ними смотрѣли, — г-жа д'Одмѣръ, въ восторгѣ отъ первой части, стерегла свою дочь для кавалера Рейнгольда. Жюльенъ полагалъ матери, потому-что онъ съ ногъ до головы сдѣлался Гельдгергомъ, и намѣренія Франца казались ему смѣшнымъ романомъ. Въ-продолженіе бала, Дениза и Францъ никакъ не могли сблизиться. Жюльенъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ; виконтесса издали спокойными взорами искала дочери. Надо было пользоваться случаемъ, но не забываться.

Въ отвѣтъ на свои нѣсколько словъ, Францъ получилъ да, прошептанное весьма-тихо; сквозь блонду маски видна была прекрасная улыбка.

Дениза подошла къ матери, Францъ отправился въ противную сторону.

Кто-то взялъ его подѣ руку.

— Вы очень-довольны! сказалъ знакомый ему голосъ.

Францъ покраснѣлъ.

Въ простотѣ души онъ искренно сожалѣлъ о г-жѣ де-Лорансъ; онъ винилъ себя, что оставилъ ее. Любя страстно и будучи любима, онъ отгадывалъ, какъ горько должно быть тому, кого не любятъ.

Онъ думалъ, что жестоко оставилъ Сару. Эта женщина, глубоко страдавшая, по его мнѣнію, производила въ немъ грустное впечатлѣніе.

она-то именно и взяла его подѣ руку.

— Какой дивный вкусъ у васъ! пробормоталъ онъ, чтобъ съ заги что-нибудь: — и какъ вы прекрасны въ этомъ нарядѣ!

Малютка отвернулась.

— Я думала, что вамъ некогда было этого замѣтить, отъзвѣла она, какъ-бы въ раздумьѣ: — послушайте, намъ надо откровенно объясниться... Сомнѣніе мучительнѣй горькой извѣстности.

— Я васъ не понимаю... прошепталъ Францъ.

— Вы сейчасъ назначили свиданіе мамзель д'Одмёръ.

— Что за мысль!

— Я знаю.

— Увѣрю васъ...

— Зачѣмъ обманывать?.. Я знаю, что вы ее любите.

— Но... нисколько!

Глаза Сары блестяли; она, казалось, видѣла лицо Франца съ его маску.

Они остановились у колонны.

Вокругъ нихъ двигалась и шумѣла толпа.

Только одинъ человекъ по другую сторону колонны стоялъ неподвижно.

Этотъ человекъ имѣлъ горькую фантазію нарядиться преддѣніемъ.

Бѣлый длинный вуаль покрывалъ его съ головы до ногъ.

Онъ недавно явился въ залъ. На веселые вопросы, съ которыми по-временамъ обращались къ нему, онъ не отвѣчалъ ни смѣло и строго выполнялъ роль привидѣнія.

Онъ ходилъ по залу тихо, нетвердой походкой, и, казалось, какъ кого-то.

За минуту предъ тѣмъ, онъ остановился у колонны и всматривался въ глаза съ Сары и Франца.

— Такъ вы не любите ея? продолжала Сара послѣ мнутаго молчанія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ.

— Это правда?

— Потому-что я утверждаю...

— Ну, докажите мнѣ это!.. Я держу пари, что вы увидите ей свиданіе завтра во время охоты.

— О какомъ свиданіи говорите вы?.. началъ Францъ.

Сара прервала его.

— Это такой удобный случай! сказала она насмѣшливымъ тономъ: — во есть средство разувѣрить меня...

— Какое?

— Да вы не употребите его!

— Скажите...

— Къ-чему?

Францъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

Привидѣніе стояло неподвижно, опершись о колонну. Его можно было принять за надгробную мраморную статую, если бы не...

слабыя сотрясенія отъ времени до времени не обнаруживали въ рѣчь жизни.

Изъ-за колонны выступала только одна его голова, покрытая саваномъ; ни Сара, ни Францъ не замѣчали его.

— Послушайте, продолжала Малютка: — если я ревнива, то потому-что до-сихъ-поръ люблю васъ!.. Я боюсь; изъ состраданія развѣрьте меня!..

«Мнѣ кажется, что эти часы охоты вы отдали другой; если вы освятите ихъ мнѣ, я не буду бояться, и буду счастлива...»

Изъ-подъ покрывала вырвался слабый, подавленный, жалобный тонъ.

— Эти часы, какъ и вся моя жизнь, принадлежатъ вамъ, отвѣчалъ Францъ, не зная, какъ вывернуться изъ затруднительнаго положенія: — гдѣ прикажете ожидать васъ?

— Позади замка, отвѣчала Сара, улыбаясь подъ маской: — на оль, гдѣ развалины старой блутгауптской деревни.

— Въ какое время?

— Черезъ полчаса послѣ начала охоты.

— Буду, отвѣчалъ Францъ.

Сара граціозно кивнула ему головкой и замѣшалась въ толпу.

Подъ саваномъ привидѣнія какъ-бы глухимъ эхомъ отговались послѣднія слова Франца.

Привидѣніе оборотилось въ ту сторону, куда пошла Сара, и скоро, медленными, невѣрными шагами, отправилось къ одной изъ дверей залы.

Оно прошло по длиннымъ корридорамъ, поднялось на лестницу въ комнату биржеваго агента Леона де-Лоранса, вынуло изъ кармана ключъ, и отперло дверь, которую Сара заперла на два повета.

Привидѣніе вошло. Узвѣшій саванъ открылъ изнуренное болезнью лицо самого Леона де-Лоранса.

Онъ опустился на возвышеніе у своей постели и долго оставался недвижимъ, какъ пораженный молніей.

Потомъ, изъ впалыхъ глазъ его медленно скатились двѣ слезы. Рудъ его подымалась, блѣдныя губы были полуоткрыты, и разражающимъ воплемъ вырвались у него слова:

— Я еще люблю ея!..

Оставивъ Франца, Малютка подошла къ кавалеру Рейнгельду.

— Завтра, сказала она ему: — послѣ начала охоты онъ будетъ развалины старой деревни.

— Одинъ? спросилъ кавалеръ.

— Со мною... примите мѣры.

— Взгляните, говорилъ Авель маркизъ де-Ботраверь, своей пришегированной дамѣ: — мнѣ кажется, если глаза не обманываютъ меня, — наши красные люди выросли въ-теченіе вечера дюйма на три или на четыре.

Часть VIII.

Маркиза навела свой лорнетъ.

— А, дѣйствительно! отвѣчала она: — одинъ изъ нихъ про-
дѣлъ мимо меня и показался мнѣ гораздо-меньше... но скажи
пожалуйста, кто это такіе?

Авель закрутилъ усь.

— Это тайна! сказалъ онъ: — даже мнѣ самому не до-
вѣряю. Но посмотрите: одинъ подошелъ къ виконтессѣ д'Одмѣръ.

— А вонъ другой, вскричала маркиза:—взявъ за руку графиню
вашу сестрицу!

— Bravo! продолжалъ Авель: — ихъ полный комплектъ! И
третій подцѣпилъ этого мальчишку Франца!

Все это было дѣйствительно такъ. Три красные человека, иг-
равшіе сначала пассивную роль, нѣсколько-несоответствующую
фантастическимъ костюмамъ, наконецъ улучили время.

Завязались три сцены, нѣсколько напоминавшія любовныя
страннаго пустышки. Тѣ, къ которымъ подошли три крас-
ныхъ человека, казалось, были странно заинтригованы.

Первый тронулъ Франца за плечо и отеческимъ тономъ ска-
залъ ему:

— Вы, другъ мой, вѣтренны и мучите благоразумныхъ де-
вушекъ которые во сто разъ лучше васъ!

Францъ остолбенѣлъ.

Между-тѣмъ, другой красный человекъ говорилъ на ушахъ
Денизы:

— Г. д'Одмѣръ, вы происходите отъ прекраснаго, благо-
роднаго рода... я зналъ вашего родителя и былъ его другомъ...

— Кто бы вы ни были, милостивый государь, прервалъ
онъ: — вы говорите слишкомъ-серьезно для вашего костю-
ма бала.

— Мнѣ нельзя было выбирать ни времени, ни костюма, и
дѣнь виконтъ... хоть я дѣйствительно намѣренъ говорить съ
вами о важномъ предметѣ...

Третій красный человекъ остановился передъ виконтессой
и своимъ образомъ отрѣзалъ ее отъ толпы.

— Графиня Елена Блутгауптъ, сказалъ онъ ей важнымъ
и ровнымъ тономъ: — вы, кажется, забыли?..

Дениза танцевала; кавалеръ Рейнгольдъ любезничалъ въ
концѣ залы; красный человекъ выбралъ минуту, когда
осталась одна.

Фамилія Блутгауптъ, которую она такъ давно уже
вызывала въ ней цѣлый рой воспоминаній.

Не смотря на лѣта, она сохранила остатки своей юности
и красоты. До-сихъ-поръ, изъ-подъ маски ея видѣлся молодой,
здоровый ротъ лица: она была счастлива бракомъ сына! Удоволь-
ствие было ей милое двадцатью годами.

Первыя слова таинственнаго вопроса сильно поразили ее
и вдругъ поблѣднѣла.

— Кто вы? спросила она въ смущеніи.

— До этого нѣтъ дѣла, отвѣчалъ третій красный человѣкъ: — я голосъ, который говоритъ вамъ о насильственной смерти вашихъ родныхъ.

Виконтесса вздрогнула; но голова ея поднялась; она хотѣла про-
вѣриться.

— Я уже слышала нѣсколько главъ изъ этого нелѣпаго романа, казала она насмѣшливымъ тономъ: — вы, конечно, говорите отъ лица моихъ братьевъ?

— Я говорю отъ лица вашего отца, сударыня, отвѣчалъ красный человѣкъ, еще болѣе-медленнымъ и болѣе-торжественнымъ голосомъ: — графа Ульриха Блутгаупта, вашей сестры, графини Маргариты, и вашего супруга, Реймона д'Одмеръ, — всѣ трое умерли насильственную смертью!

Виконтесса хотѣла сдѣлать презрительный жестъ; но голова ея опустилась, щеки покраснѣли.

— Оставьте меня, милостивый государь, прошептала она: — про-
ду васъ, оставьте меня!..

— Сказать правду! говорилъ между-тѣмъ первый красный чело-
вѣкъ, державшій за руку Франца: — вы, безъ хлопотъ съ своей
стороны, могли бы лежать теперъ трупомъ гдѣ-нибудь въ блут-
гауптскомъ лѣсу!

— Гэ! прервалъ Францъ: — вы поете старую пѣсню, я знаю
е какъ пять пальцевъ.

— Самонадѣянъ и вѣтренъ! пробормоталъ красный человѣкъ: —
то ужъ въ крови!.. Чортъ возьми, сынокъ мой, прибавилъ онъ
въ-слухъ: — мнѣ уже говорили, что вы ни въ чемъ не сомнѣвае-
есь!.. Между-тѣмъ, люди, которые берегутъ васъ, точно будто
роволоку раскручиваютъ...

— Кто же имѣетъ право беречь меня? спросилъ Францъ съ вы-
зывающимъ видомъ.

— Простите за самоволіе, монсеньёр!.. Осмѣлились взять это
озволеніе, и вѣрно еще не разъ возьмутъ его... Боже мой! еслибъ
ставить васъ, вы бы смѣясь бросились въ первую ловушку!

Францъ нетерпѣливо топнулъ ногою.

— Я не люблю этого тона, сказалъ онъ: — ничто такъ не бѣ-
зитъ меня, какъ когда обращаются со мною будто съ ребенкомъ.

— Не сердитесь, другъ мой, ради Бога, не сердитесь! отвѣчалъ
красный человѣкъ тѣмъ же откровенно-насмѣшливымъ тономъ: —
думаютъ спасти васъ и безъ вашего позволенія... и еслибъ вы
остерегались только до завтрашняго вечера...

— О-го! прервалъ Францъ полу-веселымъ, полу-недовольнымъ
голосомъ: — вы, кажется, весьма-многое обо мнѣ знаете!..

— Весьма-многое! Но, послушайте... добрый совѣтъ, чтобъ не
быть!.. не идите завтра на охоту.

— Вотъ еще!.. началъ Францъ, разразившись громкимъ смѣхомъ.

— Я ждалъ этого... Ну! если побѣдете, общайте, по-крайней мѣрѣ, не отдаляйтесь отъ толпы.

— Почему?

— Потому-что ружье, изъ котораго послали вамъ пулю или что, успѣли снова зарядить...

Другой красный человекъ стоялъ лицомъ-къ-лицу съ Жюльеномъ.

Судя по открытой части лица Жюльена, на немъ выраженъ неудовольствіе и гнѣвъ. Казалось, вызовъ готовъ былъ сорваться у него съ языка.

Красный человекъ говорилъ холоднымъ, спокойнымъ тономъ:

— Я говорю, господинъ виконтъ, не для васъ, но для вашего отца, который былъ моимъ благодѣтелемъ... Я не говорю вамъ какъ прежде, что вы берете за себя дочь убійцы...

— Прежде?... повторилъ Жюльенъ.

— Да... я не въ первый разъ предупреждаю васъ... Въ Понедѣльникъ, въ ночь на чистый понедѣльникъ.

— На балъ Фаваръ?... прервалъ Жюльенъ.

Красный человекъ поклонился.

— А!.. вскричалъ виконтъ, подходя къ нему: — такъ это вы?

Въ голосъ его и позъ выражалась энергическая угроза.

Красный человекъ дѣлался все болѣе и болѣе спокойнымъ.

— Я не о прошедшемъ говорю вамъ, продолжалъ онъ: — о настоящемъ... Женщина, съ которою вы обручены...

— Замолчите, милостивый государь! прервалъ Жюльенъ, сдвинувъ его за руку.

— Эта женщина, невозмутимо продолжалъ красный человекъ — одна изъ...

Рука Жюльена судорожно прижалась къ губамъ красного человека.

Онъ спокойно отнял ее. Сквозь отверстія своей маски онъ трѣпалъ на молодого виконта съ видимымъ сожалѣніемъ.

— Такъ вы очень ее любите?... прошепталъ онъ.

— Какъ никогда не любилъ ни одной женщины! отвѣтилъ Жюльенъ д'Одмеръ.

Красный человекъ, казалось, колебался.

Въ эту минуту, въ залѣ произошло нѣчто странное. Темнѣя, какъ оркестръ порывистыми аккордами увлекалъ танцующихъ въ мазуркѣ, три танцственные красные человека, въ черныхъ при началѣ бала такой эффектъ, казалось, явились въ залѣ въ экземплярахъ.

Большая часть присутствовавшихъ не замѣчала этого страннаго явленія, но въ залѣ было шесть красныхъ человекъ. Шесть человекъ въ фантастическихъ плащахъ демоновъ чудной легкости.

Зала была огромна и полна. Красные люди разбрелись въ все углы, и никто не думалъ считать ихъ.

Три сцены, начатыя нами, продолжались; Францъ, Жюльенъ и виконтесса д'Одмёръ смущались все болѣе и болѣе.

— Оставьте меня, сударь! говорила виконтесса.

— Когда я отоюду отъ васъ, отвѣчалъ третій красный человѣкъ медленнымъ, суровымъ голосомъ: — вы останетесь съ своей совестью, виконтесса... Но сознайтесь, что я правъ, вы все забыли... вы здѣсь улыбаетесь и веселитесь двѣ недѣли, въ этомъ замкѣ, гдѣ убиты Гюнтеръ Блутгауптъ и сестра ваша Маргарита...

— Клевета!.. пробормотала виконтесса.

— О! вы говорите это не отъ чистаго сердца, графиня Елена!.. вы боитесь вѣрить, но надо убѣдить васъ!.. Послушайте; не выходя изъ залы, я могу показать вамъ главные дѣйствующія лица этой кровавой драмы...

«Видите вы этого человѣка, котораго надменная голова возвышается выше другихъ (онъ указалъ на Маджарина Яноса)? Этотъ человѣкъ, двадцать-два года назадъ, поднималъ саблю надъ графомъ Ульрихомъ, вашимъ отцомъ...»

Виконтесса дрожала, едва переводя духъ. Она хотѣла освободиться отъ этой нравственной осады; но красный человѣкъ отдѣлялъ ее отъ толпы.

— Вы вѣкогда очень любили сестру свою Маргариту, графиня Елена!.. Взгляните на этого старика, продолжалъ онъ, указывая на доктора Хозе-Мира;—онъ былъ блутгауптскимъ домашнимъ лекаремъ... бѣдная Маргарита лежала бѣдная, въ страшныхъ мукахъ... Помните вы, какъ она была добра и прекрасна?.. Этотъ старикъ, вмѣсто лекарства, далъ ей яду!..

Колѣни виконтессы подгибались.

— О! это ужасно! прошептала она: — оставьте меня! оставьте!.. Оркестръ заглушилъ ее.

— Я еще не кончилъ, продолжалъ красный человѣкъ, указывая на кавалера Рейнгольда:—это послѣдній... избранный женихъ вашей дочери, виконтесса... я вамъ уже не разъ говорилъ, что вконтъ Реймонъ д'Одмёръ, вашъ мужъ, палъ отъ руки его.

Виконтесса должна была опереться на кресло.

— Какъ вѣрить такой неправдѣ? проговорила она.

— Предъ свидѣтелемъ злодѣянiя, виконтесса... слушая рассказъ человѣка, который, полумертвый, преклонялъ колѣно на краю пропасти и первый сказалъ *вѣчную память* Реймону д'Одмёръ.

Голосъ виконтессы такъ ослабѣлъ, что почти нельзя было слышать ее.—Я вамъ не вѣрю! съ усиленiемъ сказала она.

Красный человѣкъ откинулъ полу своего плаща и вынулъ маленькiй бумажникъ, на которомъ были написаны начальныя буквы имени Реймона д'Одмёръ. Подъ длиннымъ краснымъ плащомъ открылся нарядъ, блестящiй золотомъ и камнями. Это было дѣло одной секунды. Полы плаща запахнулись; виконтесса не обратила вниманiя на нарядъ.

— Двадцать лѣтъ назадъ, продолжалъ красный человѣкъ съ снѣжнымъ голосомъ: — въ ночь всѣхъ-святыхъ, я нашелъ на Гейдельбергской дорогѣ трупъ... этотъ бумажникъ былъ на немъ... Виконтесса, узнаете ли вы?..

Увидѣвъ бумажникъ, она отвернулась, и маска не могла совершенно скрыть ея смущенія.

— Я не былъ свидѣтелемъ убійства, продолжалъ красный человѣкъ:—и не зналъ имени убійцы... но Богъ послалъ мнѣ въ помощь стараго слугу графа Гюнтера, который случайно былъ въ краю Ада въ минуту преступленія... Кровавая тайна отяжелѣла душѣ бѣднаго человѣка... онъ открылъ мнѣ, и я повторяю его слова: вотъ убійца Реймона д'Одмёръ.

Онъ показывалъ рукою на Рейнгольда, который весело вертелъ въ толпѣ, не подозревая, что происходило подлѣ него.

Не смотря на предубѣжденіе, виконтесса была глубоко тронута. Слова незнакомца затронули въ ней струну давно нѣмую, но чувствительную. Она нѣкогда страстно любила своего мужа.

Послѣдовадо молчаніе. Голова виконтессы опустилась; для нея было тяжело; она, казалось, была въ сильномъ недоумѣніи.

Незнакомецъ стоялъ неподвижно и ждалъ.

— Но... сказала наконецъ виконтесса, съ трудомъ собирая силы:—этотъ человѣкъ... старый служитель моего дяди Гюнтера... гдѣ же онъ?

— Если вамъ угодно, завтра, чрезъ часъ послѣ начала охоты прійдти въ лѣстничную аллею, которая ведетъ къ Блутгауштену Аду... свидѣтель преступленія покажетъ вамъ мѣсто, откуда легла лошадь Реймона д'Одмёръ.

— Я прійду... отвѣчала виконтесса.

Мазурка кончилась. Движеніемъ толпы, Рейнгольдъ и Мирра приблизились къ виконтессѣ, въ которой, послѣ минуты вліянія страшнаго открытія, снова пробудилось недоверіе. Молнія блеснула у ней въ головѣ мысль о завистливой истрѣ хотѣвшей препятствовать браку ея сына и дочери. Забывъ, что она уже видѣла въ незнакомцѣ человѣка, который, употребивъ зло свою маску, разыгрывалъ вѣроломную комедію.

Ей хотѣлось узнать клеветника.

— Моссь Рейнгольдъ! закричала она.

Красный человѣкъ какъ-будто изумился. Но не успѣлъ еще кто замѣтить этого, какъ онъ снова принялъ свою гордую, высокую позу.

На зовъ виконтессы подошли Рейнгольдъ и Мирра. Всѣ, слышавшіе этотъ зовъ, въ которомъ было что-то трагическое, съ пылствомъ приблизились и окружили незнакомца.

По странному стеченію обстоятельствъ, то же самое повторилось еще въ двухъ мѣстахъ залы.

Собрался кружокъ около перваго краснаго человѣка, котораго Францъ безъ околичностей схватилъ за воротъ; окружили и вто

раго краснаго человека, которому Жюльёнъ д'Одмёръ громко и внятно сказалъ:

— Вы лжете!..

Вдругъ три такія интересныя сцены — истинно-драматическія, а между-тѣмъ, безъ несносныхъ сценическихъ кинжаловъ!

Разговоръ Франца съ его собесѣдникомъ продолжался своимъ чередомъ до той минуты, когда послѣдній сказалъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ видно было, что онъ зналъ таинственную судьбу юности.

Воображеніе Франца вспыхнуло, какъ фонтанъ. Его фантастическія воспоминанія послѣднихъ дней въ Парижѣ, его безумныя надежды, желанія, опасенія, мечты,—все разомъ проснулось въ головѣ его.

— Я хочу знать!.. сказалъ онъ.

— Узнаете завтра, отвѣчалъ красный человекъ.

— Сегодня!.. сейчасъ! вскричалъ Францъ внѣ себя:—безъ того я васъ не выпущу!..

Что касается до Жюльёна, то мы оставили его уже въ томъ расположеніи духа, изъ котораго можно было предвидѣть его оскорбительную фразу.

Въ красномъ человекѣ, казалось, пробудилась жалость; но, безъ сомнѣнія, дѣло его было слишкомъ-важно, потому-что, послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ начатое. Жюльёнъ слушалъ и блѣднѣлъ.

— Не-уже-ли у васъ такая короткая память, говорилъ незнакомецъ:—что вы забыли тотъ веселый ужинъ въ Англійской-Кофейной, господамъ виконтъ?.. Съ вами была прехорошенькая собесѣдница!

Жюльёнъ вспомнилъ свои сомнѣнія; онъ предчувствовалъ роковую вѣсть; онъ бы охотно убилъ этого человека, чтобъ не слышать его.

— Но подобныя собесѣдницы, продолжалъ красный человекъ:— не достойны носить имя вашего отца... тѣмъ болѣе, что воспоминанія о нихъ иногда удивительно-многосложны... Кстати, виконтъ, если вы сомнѣваетесь, попробуйте спросить графиню Эсепрь о нѣмецкомъ баронѣ Гётцѣ...

Жюльёнъ хотѣлъ говорить, но не могъ.

— Веселый малый этотъ Гётцъ! продолжалъ красный человекъ:—графиня понимала его, хотя барону никакъ не приходила въ голову шутовская мысль жениться на ней!.. и я могу вамъ рассказать...

Жюльёнъ убѣдительною и вѣстѣ грознымъ жестомъ просилъ его замолчать.

— Нѣтъ! сказалъ незнакомецъ, отвѣчая на этотъ жестъ:— я не могу не докончить... потому-что я остался тѣмъ же другомъ виконта Реймона по смерти его, какимъ былъ при жизни... И не могу

не предупредить сына его, что онъ женится на женщицѣ восторженной!

Жюльенъ вспыхнулъ.

— Вы лжете! вскричалъ онъ, заноса руку къ маскѣ незнайки, который спокойно отклонилъ ее.

Но подобная фраза слышится далеко.

Любопытная толпа собралась.

Такимъ-образомъ, въ огромной залѣ каждый даромъ былъ зрителемъ интересной сцены. Здѣсь оскорбленная виконтесса; тамъ Францъ, державшій человѣка за воротъ, какъ вора; тутъ Жюльенъ д'Одмёръ, дрожавшій отъ ярости предъ своимъ соперникомъ.

Красные люди всѣ трое были высокаго роста, и головы ихъ вышались надъ толпою.

Они какъ-будто согласились дѣйствовать за-одно: завернули въ свои плащи и готовились къ отступленію.

Они были окружены со всѣхъ сторонъ; но, слѣдя за движеніемъ толпы, можно было замѣтить, что у нихъ много помощниковъ.

Жюльенъ, Францъ, докторъ и другіе хотѣли силой загораздѣть дорогу. Вдругъ сдѣлался шумъ; люди, никому неизвѣстные, пробрались сквозь толпу и съ притворною неловкостью стали передъ Жюльеномъ, Францомъ и всѣми, пытавшимися удержать красные плащи. Дамы въ испугъ кричали; мужчины, не зная, чего хотѣлъ онъ, засуетились, затолкались.

Рейнгольдъ отыскивалъ синьора Яноса, помощь котораго была такъ полезна въ подобныхъ обстоятельствахъ; но Маджаранъ уже съ часъ какъ возвратился въ свою комнату.

Три красные человѣка медленно дошли до главной двери и, прикрывъ кружка неизвѣстныхъ людей, которые шумѣли и толкали видъ, будто сопротивляются, и вышли.

Толпа, подъ предводительствомъ Франца и Жюльена, бросилась по слѣдамъ ихъ въ переднюю.

Тайственная когорта разсѣялась.

Передняя и коридоры наполнились масками.

Вдругъ раздались голоса:

— Вотъ они! вотъ они!

Жюльенъ, Францъ и самые пламенные преслѣдователи, не подозрѣвая обмана, возвратились.

Посреди передней, толпа обступила трехъ человѣкъ въ красныхъ плащахъ, которые напрасно старались вырваться.

И всѣ говорили:

— Это они! это они!

Ихъ держали за ноги и за руки. Открылся свободный проходъ для виконтессы, Франца и Жюльена.

— Снимите ему маску! вскричала мадамъ д'Одмёръ, устремившись къ самому высокому.

Прочіе два достались на долю Франца и Жюльена.

Маски упали.

Виконтесса стояла лицомъ-къ-лицу съ графомъ Мирелюномъ. Жюльенъ узналъ въ своемъ противникѣ Амабля Фиселля, автора *Триумфа Шампанскаго* и *Любви*, и многихъ другихъ водевилей. Францъ стоялъ, опустивъ руки, предъ покрасѣвшимъ и сконуженнымъ милымъ Политомъ, питомцемъ г-жи Батальеръ.

Преслѣдователи и преслѣдуемые были поражены одинаково.

Въ толпѣ раздался отчаянный хохотъ.

Заговорили-было, что эти три красные человека не настоящие красные люди, но оркестръ заглушилъ всѣхъ. Гости почтенные начали находить неприличнымъ такое странное искаженіе легенды; каждый думалъ о красныхъ людяхъ.

Черезъ часъ послѣ этого приключенія, которое большая часть гостей сочла заранее-придуманною, не совсѣмъ-удачною комедіей, съльбергскіе компаньоны составили кружокъ и разговаривали полголоса.

— Очевидно, сказалъ Рейнгольдъ:— что ни Фиселль, ни Мирелюнь, ни этотъ бѣдный малый Политъ, что ли, какъ его зовутъ, не причастны тутъ ни душою, ни тѣломъ... Впрочемъ, у воротъ всѣхъ узнали.

— То-есть, пытались узнать, возразилъ фан-Прэттъ:— я былъ у окна и видѣлъ, какъ всѣ вошли толпою... Одни снимали маски, другіе проходили такъ. Никого не останавливали, и этихъ трехъ молодцовъ легко могли не замѣтить.

— Ихъ в другихъ... прибавила г-жа де-Лорансъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что эти три человека были не одни... Не же-ли вы не замѣтили, что за ними всюду ходилъ цѣлый охран-ный отрядъ?..

— Держу пари, что это наши негодяи Нѣмцы изъ Тампль.

— При выходѣ можно дѣйствовать строже, нежели при входѣ казалъ докторъ Мира:—и поставить у воротъ надежный караулъ.

— Я поставлю Юганна, прибавилъ Рейнгольдъ:—на него можно оложиться въ этомъ случаѣ.

— Конечно, онъ будетъ не одинъ и захватить всѣхъ, кто во-зель, не имѣя на то права...

— Такимъ-образомъ, мы узнаемъ, кто наши красные люди!

Это происходило почти въ центрѣ залы.

Недалеко отъ нихъ сидѣла виконтесса д'Одмѣръ между сыномъ и дочерью. Францъ вертѣлся около Денизы; Эсевръ говорила съ Жюльеномъ, который послѣ разговора съ незнакомцемъ былъ за-лучивъ и мраченъ.

Онъ машинально повторялъ про-себя имя Гѣтца. Ему хотѣлось объяснить съ Эсеврюю; но онъ не смѣлъ, потому-что былъ слабъ и предпочиталъ сомнѣніе извѣстности.

Компаньоны продолжали свою дружескую бесѣду—старались от-

гадать, кто такіе были актёры этой странной драмы, и ния барона Родаха невольно приходилось въ отвѣтъ на эти вопросы.

Балъ былъ по-прежнему шуменъ и веселъ. Нѣкоторые модные люди, въ томъ числѣ и Авель Гельдбергъ, для большаго эсента, уже два или три раза переѣняли костюмы.

Но, не смотря на свои усилія, молодые люди, желавшіе произвести эффектъ, и даже самъ Авель Гельдбергъ, радикально измѣнились появленіемъ какого-то кавалера двора Елизаветы, въ великолѣпномъ костюмѣ котораго было что-то царское.

Концы его бѣлой атласной тоги поддерживались огромными брильянтовыми пуговицами. Спускавшаяся по груди лента Золото-Руна блистала камнями. Орденъ-Подвязки обхватывалъ шелковый чулокъ, а рубиновая, горѣвшая огнемъ пражка приделывала на шляпѣ длинное перо.

Подъ этимъ костюмомъ обозначались благородныя и вѣстивыя гучія формы.

Дамы не сводили съ него глазъ; усилія молодыхъ людей упали по-пустому; четвертый костюмъ Авеля остался совершенно незамѣченнымъ.

Кавалеръ двора Елизаветы ходилъ по залъ и не говорилъ слова.

Два или три раза прошелъ онъ мимо компаньоновъ. Кто-то изъ нихъ произнесъ имя барона Родаха...

— Кто говорить о баронѣ Родахъ? спросилъ онъ гордыми, низкимъ голосомъ.

Гельдберги остолбенѣли.

Все смолкло въ залъ. Всѣ смотрѣли.

Кавалеръ двора Елизаветы сталъ между компаньонами.

Онъ снялъ маску и всѣ увидѣли прекрасное лицо самого барона Родаха.

Камени и костюмъ придавали чертамъ его дивное выраженіе. Гордое, блѣдное лицо его, казалось, сіяло. Компаньоны округили головы.

Въ залъ раздался глухой шопотъ удивленія, и всѣ слышали восклицанія:

— Гётцъ!.. сказала Эсенрь.

— Мой братъ Отто! блѣднѣя проговорила виконтесса д'Одмеръ. Францъ подошелъ ближе, и, будто сквозь сонъ, пробормоталъ:

— Нѣмецкій кавалеръ...

Восклицаніе Эсенри какъ кинжалъ впилося въ сердце Жюльена.

Восклицаніе виконтессы заставило вздрогнуть компаньоновъ барона Гельдберга.

Все обнаружилось. Враги ихъ были между ними. Они были тѣ страшныя сыновьями графа Ульриха...

Баронъ Родахъ почтительно поклонился сначала графинѣ Эсенри, потомъ виконтессѣ д'Одмеръ, наконецъ обратился къ компаньонамъ, которые избѣгали его взоровъ.

Лицо его было по-прежнему спокойно и ясно.

— Теперь скажите, господа, довольны ли вы мною?..

Рейнгольд пробормотал непонятный отвѣтъ.

— Я не хотѣлъ, чтобъ праздникъ прошелъ безъ меня, продолжалъ баронъ Родахъ. — Торговый кризисъ кончился... мое присутствіе болѣе не нужно въ Парижѣ... я пріѣхалъ разделить радость въ вами, друзья мои и компаньоны!

— И хорошо съѣлаи, баронъ! отвѣчала г-жа де-Лорансъ, перья пришедшая въ себя.

— Мы счастливы... началъ фан-Прэттъ.

— Одолжены... мрачно произнесъ докторъ.

— Въ восторгѣ!.. весело возразилъ Рейнгольдъ съ улыбкой, которая скорѣе походила на гримасу.

— Но, продолжала г-жа де-Лорансъ: — я надѣюсь, что вы не хотите огорчить насъ и остановитесь въ замкѣ... Вы здѣсь у себя, баронъ, и я веду приготовить вамъ комнату.

— Тысячу разъ благодарю, отвѣчалъ Родахъ несколько-насмѣшнымъ тономъ:—за ваше любезное предложеніе; но не могу приять его...

Онъ сталъ между Рейнгольдомъ и Мирá.

— Вы, вѣроятно, помните, что я сказалъ вамъ при первомъ нашемъ свиданіи, прибавилъ онъ:—вы спрашивали мой адресъ, и я отвѣчалъ, что «люблю тайнственность... это моя слабость». Я не зѣбнулся съ-тѣхъ-поръ... позвольте мнѣ держать въ тайнѣ мѣсто моего убѣжища.

Оркестръ заигралъ вальсъ.

Родахъ взялъ руку г-жи де-Лорансъ.

— Угодно вамъ имѣть меня своимъ кавалеромъ? сказалъ онъ.

Сара, блѣдная, трепещущая, положила руку на плечо его.

Она едва дышала.

Рейнгольдъ, Мирá и фан-Прэттъ смотрѣли имъ вслѣдъ.

Францъ стоялъ неподвижно и не сводилъ глазъ съ этого человека, который, казалось, произвелъ на него такое странное, сильное впечатлѣніе.

— Пойду разбуду Маджарина, сказалъ въ-полголоса Рейнгольдъ.

— Его нельзя выпустить живаго изъ замка! прибавилъ докторъ.

VIII.

Гровницы.

Лиа Гельдбергъ была одна въ своей комнатѣ. Она давно уже ушла изъ бальной залы. Въ послѣднія двѣ недѣли, надежда оставалась ея мало-по-малу, она начинала опасаться; сегодня пришло отчаяніе. Въ глубинѣ ея сердца звучали еще слова пустынника; онъ сказалъ, чтобъ она надѣялась на Бога, потому-что на землѣ для нея нѣтъ болѣе счастья...

У Ліа была прекрасная, кроткая, сильная душа; но этот последний удар жестоко поразил ее. Твердость ее колебалась. Нужно время, чтобы приобрести ту мрачную устойчивость, какая иногда является в безнадежном положении.

Ліа лежала на постели в своем свежем, граціозном бальном костюме. Прекрасныя формы ее обрисовывались под белым, еще застегнутым платьем, и на бледной головке надтеп былъ роскошный вѣнокъ.

Тѣло ея горѣло.

Она начинала молиться; но, увы! в первые минуты скорби душа ослабѣваетъ, и мысль о божествѣ является какъ-будто в туманѣ; языкъ напрасно ищетъ утѣшительныхъ словъ молитвы.

Бѣдный ребенокъ, она стояла на коленяхъ, безмолвно, съ слезами на глазахъ, съ однимъ именемъ на сердцѣ—съ именемъ Отто, любовь къ которому усиливалась въ ней по-мѣрѣ-того, какъ ослабѣвала надежда.

Не желая думать о любви на молитвѣ, она встала и съѣла свою кровать.

О! какъ горьки тѣ часы, когда въ первый разъ увидишь, что рассыпаются и бѣгутъ, будто жемчужины съ оборванного ожерелья, все любимыя надежды!..

Каждая счастливая мечта превращается в язву; воспоминанія отравлены, и каждая прошедшая улыбка вызываетъ новую слезу.

Ліа, опустивъ голову, сложивъ руки на коленяхъ, вспомнила прошедшее,—бѣдная дѣвочка! Счастливая юность ея протекла такъ близко отсюда, въ окрестностяхъ Эссельбаха...

Пріѣхавъ въ Гельдбергъ, она узнала громадный, гордый замокъ, предъ которымъ мечталъ изгнанникъ, когда она увидѣла его въ первый разъ.

Въ соседнихъ поляхъ узнала она знакомыя тропинки, на которыхъ Отто говорилъ ей о любви.

Отто былъ для нея тамъ, подъ этими высокими деревьями, гдѣ они сидѣли вмѣстѣ, оба взволнованные, полные надеждъ на будущее.

Едва нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ-тѣхъ-поръ, и будущее теперь представлялось ей цѣлой жизнью траура!

Подавленная горемъ и усталостью, она хотѣла заснуть; но глаза ея не смыкались.

Она встала и открыла окно, выходившее на поляну.

Была прекрасная зимняя ночь: луна высоко скользила по безоблачному небу; смутно-освѣщенный пейзажъ терялся въ туманной дали. По скату горы лежали длинныя тѣни высокихъ листовенницъ; на обернбургской дорогѣ бѣлѣлись развалины старой блутгауптской деревни и казались гробницами, разсыпанными на огромному кладбищу.

Все это спокойно, пусто, молчаливо. Безпривѣтной грустью дышала эта нѣмая величественность.

Холодъ сначала какъ-будто освѣжилъ горѣвшее лицо Ліи, но коро охватилъ ее своимъ мертвящимъ прикосновеніемъ; внутренній болѣзненный жаръ усиливался; несвязныя странныя идеи родились въ головѣ ея. Она оперлась на окно; необъятная пустота привлекала ее.

Вдругъ она выпрямилась. Въ комнатѣ ея послышался шумъ, отъ самый, который она уже часто слышала, и который, казалось, преслѣдовалъ ее въ Германіи такъ же какъ въ Парижѣ.

Дрожь всѣмъ тѣломъ, она остановилась и начала прислушиваться. еперь, смущенная, она испугалась болѣе обыкновеннаго, отворила дверь и бросилась въ корридоръ.

На башнѣ пробило четыре часа. Въ корридорѣ слышно было глаленное эхо бальной музыки. Ліа безсознательно направилась а эти звуки, нѣсколько ободрившіе ее.

Она спустилась по лѣстницѣ, выходящей въ ту галерею, въ оторой Клаузь исчезъ послѣ совѣщанія компаньоновъ въ коматѣ Фау-Прэтта.

Надѣво, этотъ корридоръ кончался маленькою дверью, чрезъ оторую Клаузь вышелъ на дворъ капеллы. Направо, эта галерея ела въ жилья комнаты замка; тутъ Ліа ходила обыкновенно, и, ожеть-быть, не знала даже о выходѣ къ развалинамъ капеллы.

Когда, спустившись съ лѣстницы, она поворотила направо, мию нея быстро пробѣжалъ кто-то. Лампа, горѣвшая въ концѣ галерен, нѣсколько не освѣщала мѣста, гдѣ была Ліа; бѣжавшій не амѣтилъ ее за выступомъ лѣстницы.

Но Ліа видѣла его лицо.

Въ изнеможеніи она прислонилась къ стѣнѣ.

Слышно было, какъ дверь на дворъ отворилась и затворилась.

Ліа выпрямилась подѣ вліяніемъ внезапной мысли.

Она направилась также къ двери. Отворивъ ее, она увидѣла маленькій дворъ, заросшій травюю. Надѣво подымалась толстая стѣна укрѣпленія; направо — развалившаяся капелла, которою Ліа такъ часто любовалась изъ своего окна.

Ліа перешла дворъ и вошла въ капеллу чрезъ то же отверстіе, чрезъ которое наканунѣ прошелъ Клаузь.

Блѣдный лунный свѣтъ проходилъ въ капеллу чрезъ обрушившійся куполъ и окна; въ нишахъ видѣлись бѣлыя статуи святыхъ; легкія колонны группами подымались кверху, хотя надъ ними не было другаго свода, кромѣ синевы небесной.

Въ то время, когда Ліа входила въ капеллу, слышно было, какъ позади хоръ со скрипомъ затворилась дверь.

Ліа дрожала; но таинственная сила влекла ее впередъ. Чтобъ не видѣть бѣлыхъ, освѣщенныхъ луною статуй, она опустила глаза и шла на скрипъ двери.

Послѣ нѣсколькихъ усилій, она отворила дверь и очутилась передъ лѣстницею, высѣченною въ камнѣ.

Лиа спустилась по ней — и очутилась въ погребальномъ сѣнѣ графовъ.

Прежде всего бросилась ей въ глаза огромная гробница, на которой лежали рядомъ, одна подлѣ другой, три статуи рыцарей. На гробницѣ горѣла лампадка и неясно освѣщала статуи друти гробницъ.

Подлѣ гробницы трехъ рыцарей стоялъ чловѣкъ, спиной къ свѣту.

Это былъ именно тотъ, кого видѣла Лиа въ корридорѣ; за нѣмъ то шла она такимъ страшнымъ путемъ; но теперь она не рѣшалась приблизиться, потому-что не видала лица его.

Можетъ-быть, она обманулась.

Она колебалась между страхомъ и желаніемъ, которое влекло ее впередъ.

Чловѣкъ, стоявшій у гробницы, отиралъ лобъ; онъ, казался усталъ, и высокій станъ его опускался подлѣ складками широкаго краснаго плаща.

Онъ сѣлъ на гробницу трехъ рыцарей, и лучи лампы освѣтили лицо его; крикъ замеръ въ груди Лиа.

Теперь уже она не сомнѣвалась: это было благородное лицо Отто. Сердце ея сильно забилось; страхъ исчезъ; могла ли быть она браться?

Она бросилась впередъ... и вдругъ остановилась, какъ громада пораженная.

Изъ темнаго пространства выступилъ другой чловѣкъ, совершенно-сходный съ Отто.

Не сонъ ли это? не бредъ ли лихорадочнаго припадка?

Пока она задавала себѣ этотъ вопросъ, выступилъ третій чловѣкъ, совершенно-похожій на двухъ первыхъ.

Тѣ же черты, прекрасныя, благородныя; тотъ же ростъ, оди и тѣ же плечи. Сходство было такъ совершенно, что Лиа не могла различить котораго изъ нихъ такъ пламенно она любитъ!

Она схватилась руками за голову, стараясь собрать разсѣяныя мысли; она думала, что потеряла рассудокъ.

Два послѣдніе чловѣка наклонились и взяли съ гробницы новыя Чернаго-Графа заступы и лопату.

Первый взялъ лампадку, и они пошли къ пустому пространству на срединѣ подземелья, гдѣ стоялъ маленькій деревянный столъ.

Лиа, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижалась къ холодной колоннѣ. Чловѣкъ, державшій лампадку, поставилъ ее на-земь, и также заступъ, и всѣ трое начали копать землю.

Долго работали они молча, и вырыли пять могилъ одну за другой.

И по окончаніи каждой, голосъ произносилъ:

— Это для Фабриціуса Фан-Прэтта.

— Это для доктора Хозе-Мира.

— Это для кавалера Рейнгольда.

— Это для Маджарина Яноса Георги.

При последней голосъ сказалъ:

— Это для стараго Моисея Гельдберга.

При имени отца, Лиа упала на колѣни.

Три человека оперлись на заступы и съ минуту стояли непо-
вижно.

— Двадцать лѣтъ назадъ, братья, сказалъ первый печальнымъ,
оржественнымъ голосомъ: — мы копали другую могилу на этомъ
же мѣстѣ... мы были молоды; у насъ была еще сестра!.. Въ эти
двадцать лѣтъ приходила ли вамъ когда-нибудь мысль прочесть
молитву за упокой души несчастнаго барона Родаха?

— Онъ хотѣлъ обезчестить сестру нашу! отвѣчали братья мрач-
нымъ голосомъ.

— И мы убили его! отвѣчалъ первый: — того требовала спра-
ведливость; но надо молиться за тѣхъ, кого такъ отпускаютъ на
судъ Божій, не давъ времени раскаяться... Я часто молился, бра-
тья, потому-что мы ограбили этого человека и подъ его именемъ
долго скрывались отъ враговъ своихъ.

Съ этими словами, говорившій перешагнулъ черезъ могилы и
сталъ на колѣни передъ деревяннымъ крестомъ; другіе двое послѣ-
довали его примѣру.

Среди мертваго молчанія склепа раздались погребальные голоса:
de profundis.

Потомъ, три человека встали.

— Для этой ночи мы кончили свое дѣло, сказалъ первый: —
пойдемъ успокоиться: скоро намъ нужны будутъ всѣ наши силы...
Завтра, если Богъ поможетъ, эти могилы закроются, и блутгаупт-
скіе слуги поклонятся потомку графовъ!

Они потушили лампаду и всѣ трое пошли къ лѣстницѣ.

Лиа, едва дыша, слѣдовала за ними.

Они прошли капеллу и дворъ.

Когда первый готовъ былъ войти за двумя другими въ корри-
доръ, гдѣ Лиа прежде увидѣла его, онъ почувствовалъ, что кто-то
держитъ его за плечу плеча.

Онъ обернулся: Лиа стояла у ногъ его на колѣняхъ.

Между-тѣмъ, дверь въ корридоръ затворилась за двумя братьями.

— Отто... прошептала она едва-внятнымъ голосомъ: — я была
тамъ... въ склепѣ... я все видѣла... я все слышала!.. Я знаю,
что уже не могу принадлежать тебѣ...

Слеза скатилась по щекъ ея.

— Но, умоляю, прибавила она, сложивъ руки: — пощади моего
бѣднаго отца.

Свѣтъ луны падалъ на лицо ея, и она казалась еще прекраснѣе.
Въ болѣзненно-горестномъ голосѣ ея звучала глубокая преданность
судьбѣ.

Отто въ смущеніи не находилъ словъ; изъ всѣхъ испытаній, это
было, можетъ-быть, самое горькое въ его жизни.

Онъ поднялъ Лию и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Боже! говоритъ онъ:—сжался надъ нею и надо мнѣ!

— Лія! сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія:—я люблю васъ. о! очень люблю!.. Никогда другая женщина не замѣнитъ мнѣ въ моемъ сердцѣ... Пусть сдѣлаетъ васъ Богъ счастливою и увидитъ мои страданія!

Голова Лии прильнула къ его груди; она рыдала.

— Прощай! продолжалъ Отто, стараясь высвободиться изъ объятій:—мы не увидимся болѣе въ этомъ мѣрѣ, Лія...

— Мы увидимся тамъ! прошептала Лія, указывая на небо.

Отто толкнулъ уже дверь; она остановила его.

— Мой отецъ!.. ты не общалъ мнѣ пощадить его!

Отто остановился въ нерѣшимости.

— Я общаю вамъ, Лія, сказалъ онъ наконецъ: — но, можетъ быть, смерть была бы для него легче...

Дверь захлопнулась за нимъ.

IX.

Охота.

На другой день, въ замкѣ Гельдберга встали изъ-за стола седьмомъ часу вечера.

Обѣдали рано по случаю охоты, съ такимъ нетерпѣніемъ даемой въ-продолженіе трехъ недель. То было послѣднее дѣше враздника; приглашенные должны были на другой день вернуться въ Парижъ.

Нѣчего говорить о прекрасномъ обѣдѣ. Пили и ѣли до красти, подъ предлогомъ прощанья; десертъ принялъ трогательный характеръ, и литературныя насѣкомыя, разгоряченныя шампанскимъ, продекламировали нѣсколько злыхъ стишковъ, въ верѣ между грустами и сыростью. Они издали слышали знакомый запахъ кухни, и запасались съѣстными припасами, какъ верблюдъ, готовящійся проходить пустыню.

Гости были взволнованы. У всѣхъ раскраснѣлись лица.

Оставляя залу, ноги графа Мирелюнь легко и пріятно шлепались. Что жъ касается до Фиселля, — онъ былъ на-веселѣ, на-веселѣ такъ, какъ человѣкъ, серьезно занимающійся куклами.

Онъ связывалъ одинъ съ другимъ всѣ каламбуры изъ сводовѣлей, и направлялъ ихъ къ ушамъ своего женскаго толстой жены значительнаго торговца въ Улицѣ-Лафитъ.

Въ началѣ обѣда можно было замѣтить, что члены гольдбергскаго дома были чѣмъ-то заняты, но они успѣли скрыть это. Г-жа де-Лорансъ никогда не была такъ мила, кавалеръ Ронгольдъ никогда не былъ такъ веселъ.

Только Эсмер была печальна: Жюльенъ за столомъ сидѣлъ не подлѣ нея. Прекрасная графиня постоянно старалась ловить взоры своего жениха, который, казалось, избѣгалъ этого.

Жюльенъ сидѣлъ подлѣ матери, которая исключительно занималась кавалеромъ Рейнгольдомъ и углубилась въ задумчивое молчаніе.

На блестящемъ лбу ея были легкія пятна; но никто ихъ не замѣчалъ, и общая радость отъ этого не уменьшалась.

Черезъ полчаса послѣ обѣда, толпа гостей спускалась по лѣстницамъ замка на главный дворъ, гдѣ слышенъ былъ шумъ. То были крики охотниковъ и стременивыхъ, раздѣльныя ноты пробующихъ роговъ, лай собакъ и ржанье лошадей, которыя отъ негерпѣнія рыли копытами землю.

Молодой Абель Гельдбергъ сидѣлъ на лошади у въезда во дворъ. Этотъ вечеръ долженъ быть памятенъ въ его жизни. Въ качествѣ наездника, онъ былъ директоромъ и главою охоты.

Въ ту минуту, какъ первыя дамы входили во дворъ, онъ подалъ знакъ и затрубилъ. Раздались веселые звуки.

На дворъ толпились многочисленныя своры, и, по нѣмецкому обычаю, гремѣли охотничьи экипажи.

Дамы, которыхъ прилично бы назвать наездниками, вскочили на рыняхъ, способныхъ нагнать звѣря, лошадей; другія, хотя одѣтыя въ амазонки, сѣли на смиреннѣйшихъ, или даже на мягкія подушки въ каретахъ.

Ворота отворились, и охота тронулась. Ночь была темная, но сухая; черныя тучи безъ дождя покрывали небо.

Выѣхавъ на улицу, гости увидѣли передъ собой восхитительное зрѣлище.

Пейзажъ, видный днемъ съ вершины горы, рисовался ночью длинными, свѣтлыми линіями. Лѣсъ освѣтился; каждое дерево имѣло свой огненный поясъ. По всей дорогѣ, назначенной для охоты, иллюминація бросала кривыя линіи свѣта.

И всѣ эти огни, умножающіеся до безконечности, теряли блескъ свой въ глубокой темнотѣ. Они блестяли какъ звѣзды, но издали, казалось, не освѣщали окружающихъ предметовъ.

Картина имѣла видъ огромной арабески, начертанной брилліантовыми точками на гигантскомъ черномъ бархатномъ грунѣ.

Вероятно, чтобъ избавиться отъ контраста, начальники охоты оставили въ тѣни скатъ горы, на которой находился замокъ Гельдбергъ. Иллюминація начиналась въ концѣ большой аллеи.

По этой дорогѣ началась охота. Гости и хозяева собрались тамъ толпою, одни пѣшкомъ, другіе въ экипажахъ. Дамамъ кричали ура, и процессія спустилась внизъ по аллеѣ.

Еще не расходилась.

Женщины трусили, потому-что въ гельдбергскомъ лѣсу было много опасныхъ переходовъ, и какъ ни роскошна была иллюми-

надія, но, не выдавъ ея, невозможно было повѣрить, чтобъ она могла замѣнить дневной свѣтъ.

Поѣздъ подвигался медленно и съ какимъ-то затрудненіемъ. Тамъ-и-сямъ лакеи макали красными факелами. Лошади пугались; удивленная толпа собиралась въ кучу и не рѣшалась подвигнуться впередъ.

Молодой Гельдбергъ, въ англійскомъ костюмѣ, выкроенномъ и совершеннѣйшему образцу, былъ главою кавалькады. Онъ пустилъ *Королеву Викторію* рысью, принявъ то болѣзненное, вялое положеніе, которое замѣняетъ у насъ, благодаря усиліямъ коннаго искусства, гордую осанку древнихъ рыцарей.

Онъ много хлопоталъ, командовалъ голосомъ отрывистымъ, и полеоновскимъ; иногда припоминалъ и британскія слова, которыя въ такихъ обстоятельствахъ производили необыкновенный эффектъ.

Вообще, это былъ очень-порядочный молодой человекъ, и *Леона Викторія* сдѣлала честь его искусству.

Первый привалъ былъ въ концѣ аллеи, между гельдбергскою рогой и опушкой лѣса.

Гости мужескаго пола окружили молодаго Гельдберга, какъ рошо-выученная свита толпится, въ торжественный часъ битвы, вокругъ полководца.

Сынъ Моисея Гельда началъ говорить громкимъ и твердымъ голосомъ.

На разу не сдѣлавъ промаха, онъ раздѣлилъ мѣста охоты между присутствующими такъ умно, что всѣ отдали ему должную честь. Онъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ маршрутъ дамъ, подалъ знакъ къ рѣшительному отправленію.

Поле охоты подготовлено было утромъ. Оленя вогнали въ чащу прилегавшую къ гельдбергскому пруду. Въ-продолженіе цѣлаго дня не выпускали его изъ глазъ и были увѣрены, что поймутъ его.

Дѣйствующая часть охоты должна была ѣхать къ долине гельдбергскому пруду. Дамъ и лѣнивымъ назначены были мѣста у нѣкоторыхъ перекрестковъ, такъ, чтобъ они могли видеть, гдѣ пройдетъ олень.

Вѣхали въ блестящій кругъ иллюминаціи. Ночь уже была далеко отъ вѣзды. Собаки и лошади, обманутыя этимъ искусственнымъ днемъ, оживились какъ-будто при наступленіи утра.

По данному знаку, охота пустилась вихремъ; эквиваленты въходы разсыпались по разнымъ направленіямъ.

Мѣсто, гдѣ была стоянка, осталось пустымъ въ-продолженіи нѣсколькихъ минутъ.

Черезъ четверть часа, можно было видѣть тѣнь, проскользнувшую въ чащу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки, и безмолвно облокотившуюся на дерево.

Тому, кто не замѣтилъ прежде, теперь невозможно было рас

вать этого человѣка, защищеннаго отъ взоровъ тѣню пня листеницы и какъ-бы составлявшаго одно цѣлое съ деревомъ, на которое онъ облокотился.

Изрѣдка слышенъ былъ вдалекѣ конскій топотъ, лай собакъ пріятные звуки трубъ.

Воздухъ былъ холодный, но плотный и спокойный; ни одна вѣтра не потухла на деревъ, и пейзажъ сохранялъ неприкосновенное свое чудесное убранство.

Шаги лошади раздавались въ аллеѣ, и силуэтъ всадника показались смутно вдали. Онъ вѣхалъ посреди дороги и, по мѣрѣ того, къ приближался, свѣтъ выказывалъ его все яснѣе и яснѣе.

Въ двадцати шагахъ отъ стоянки можно было узнать, по изъяснительному костюму и росту, кавалера Рейнгольда.

Подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ останавливалась юрта, онъ приложилъ къ глазамъ руку, чтобъ разсмотрѣть предметъ, движущійся по гейдельбергской дорогѣ.

Это была та же лошадь съ всадникомъ, въ которомъ Рейнгольдъ, издалось, съ перваго взгляда узналъ доктора Мирá въ его длинномъ кафтанѣ.

Онъ произнесъ имя Португальца,—никто не отвѣчалъ.

Кавалеръ ошибся поломъ. Въмѣсто предполагаемаго всадника, была женщина въ амазонкѣ изъ тонкаго сукна. Густой вуаль покрывалъ лицо ея. Подъ этимъ вуалемъ скрывались блѣдныя, озабоченныя черты виконтессы д'Одмѣръ, которая оставила охоту, предвѣдуемая словами краснаго человѣка, и вѣхала одна къ Блутгаупт-Аду.

Ея воспоминанія долго дремали; она добровольно предалась дозорчивости; но кровь отца пробуждалась въ ней, и сердце ея горело въ-продолженіе предвѣдущей безсонной ночи.

Она хотѣла знать, чего бы ей это въ-послѣдствіи ни стоило!

У подошвы горы она своротила съ гейдельбергской дороги и двинулась одна, съ стѣсненнымъ сердцемъ, по узкой тропинкѣ, ведущей къ пропасти.

Было еще далеко, а храбрость ужъ оставляла ее.

Кавалеръ остановился на перекресткѣ. Вѣроятно, тутъ было назначено rendez-vous, потому-что онъ ждалъ.

Черезъ минуту послѣ проѣзда виконтессы, другая амазонка, съдѣлавшая также по гейдельбергской дорогѣ, скакала легкимъ галопомъ на прекрасной лошади. Эту невозможно было принять за жтора Хозе-Мирá: атласный шпенсеръ обхватывалъ ея гибкую, окую талью; то была молодая дѣвушка, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, прекрасная молодая дѣвушка.

Она проскользнула въ полу-свѣтъ и продолжала свой путь.

Кавалеру пришла мысль, что это Дениза д'Одмѣръ; но можетъ ли это быть? Онъ оставилъ Денизу между Жюльенномъ и матерью, ели толпы, на дорогѣ къ гельдбергскому пруду...

Дениза ли то была, или нѣтъ, но амазонка повхала не по той

дорогъ, по которой виконтесса; она оставила вправѣ тропинку, ведущую къ пропасти, и продолжала спускаться по гейдельбергской дорогѣ.

— Я думаю, что и первая была женщина! пробормоталъ Рейнгольдъ.—Куда жь это онъ ѣдутъ?..

Онъ не успѣлъ кончить этихъ словъ, какъ третья амазонка, ѣхавшая, подобно двумъ первымъ, отъ гейльбергскаго пруда, круто поворотила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и пустилась большими галопомъ по аллеѣ.

Она проскакала такъ близко отъ Рейнгольда, что на него даже пахнуло вѣтромъ.

— Къ развалинамъ... сказала она.

Рейнгольдъ узналъ г-жу де-Лорансъ.

Черезъ нѣсколько минутъ прѣехали и люди, которыхъ онъ ждалъ. Это были: Португалецъ и Фабрициусъ фан-Прэттъ.

— Право! сказалъ Голландецъ, вытирая лобъ:—вотъ прекрасный праздникъ... Мнѣ пришла мысль, пока я галопировалъ на этой скверной лошади... Можно бы сдѣлать шаръ...

— А, а! прервалъ Рейнгольдъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ улыбки, вспомнивъ о прежнемъ ремеслѣ Фабрициуса.

— Шаръ, повторилъ фан-Прэттъ:—подобный тому, который изобрѣлъ въ Лейденѣ въ 1820 году... Это былъ аэростатъ омыльной формы, въ центрѣ тяжести котораго была привязана веревка, поддерживавшая колеса...

Хозе-Мира пожалъ плечами.

— Мы пришли сюда говорить не о глупостяхъ, сказалъ онъ.

— Любезный другъ, живо прервалъ Фабрициусъ:— наука аэростатики не глупость... и ты увидишь, что шары замѣнятъ желѣзные дороги... Впрочемъ, ты немного правъ... Поговоримъ о настоящемъ... Мы не увидимъ Маджарина?

— Маджаринъ не хочетъ мѣшаться въ это дѣло, отвѣчалъ Рейнгольдъ:—сверхъ-того, у него совсѣмъ-другое въ головѣ!.. Съ окончанія бала, онъ стоитъ на часахъ, со шпагой въ рукѣ, на лестницѣ въ сторожевую башню.

— Онъ ждетъ барона? спросилъ Мира.

— И будетъ ждать его двѣ недѣли, если будетъ нужно! отвѣчалъ кавалеръ:—его лакей Венгерецъ стоитъ подлѣ него и держитъ саблю и заряженные пистолеты... Если баронъ въ башнѣ, то, мнѣ кажется, дѣло его ясно.

— А гдѣ бы онъ могъ быть? спросилъ фан-Прэттъ. — Стражи, которую вы поставили у забора, около замка, во время бала, надежные люди?

— Весьма-надежные, отвѣчалъ Рейнгольдъ:—и всѣ снимали иски... Ясно какъ день, что Родахъ не могъ оставить Гейльберга.

— По-крайней-мѣрѣ, онъ намъ не будетъ мѣшать въ наше походѣ! пробормоталъ докторъ. Чтò же наше дѣло-то?—Рейнгольдъ потиралъ руки.

— Если охота на оленя такъ же хорошо улажена, какъ наша, отвѣчалъ онъ: — то мнѣ жаль бѣдное животное... Это чудесно устроено!.. Онъ попадетъ если не въ Сциллу, то въ Харибду.

— Я отвѣчаю за его мѣсто на охотѣ, сказалъ Мирá: — я самъ поставилъ тамъ извѣстнаго вамъ человѣка.

— Я, прибавилъ фан-Прэттъ: — я говорилъ съ Питуа́ подѣ Негровой-Головой, противъ дома крестьянина Готлиба, куда Францъ такъ часто ходитъ...

— А я, возразилъ Рейнгольдъ:— я поставилъ Малу́ въ развалинахъ старой деревни, и сейчасъ видѣлъ г-жу де-Лорансъ, скакавшую во весь опоръ на свиданіе... это и съѣтъ и приманка... Я ручаюсь за развалины!

— Я — за охотничій постъ, сказалъ докторъ: — это на берегу пруда; тамъ есть старая ива, за которою чудесно спрятаться.

— А я за Негрову-Голову! прибавилъ фан-Прэттъ:—еслибъ вы видѣли, какъ мой Питуа́ хорошо будетъ помѣщенъ между двумя скалами!

— Фрицъ, мальчишка-шарманщикъ и Юганнъ, отвѣчалъ Рейнгольдъ:—составляютъ легкій батальйонъ... Они ищутъ... и чортъ возьми, еслибъ мы проиграли съ такой хорошей игрой!

— Намъ осталась только одна ночь, ворчалъ докторъ:—если мы ее потеряемъ...

— Ба! воскликнули вмѣстѣ Рейнгольдъ и Фабриціусъ.— На равнинѣ послышался звукъ трубъ. Три товарища съ минуту прислушивались, потомъ пустились большой рысью по направленію къ охотѣ.

— Если мы растеряемся, сказалъ Рейнгольдъ:—черезъ два часа сойдемся на этомъ перекресткѣ.

По отъѣздѣ трехъ товарищей, мѣсто, гдѣ они стояли, оставалось пустымъ въ—продолженіе одной или двухъ минутъ. Когда топотъ ихъ лошадей смолкъ, легкое движеніе послышалось въ густотѣ лѣса. Большая тѣнь, которую мы видѣли облокотившеюся на пень лиственницы, медленно отдѣлилась отъ дерева, и пронзительный крикъ раздался въ лѣсу.

Этотъ крикъ былъ страненъ. Мы его ужъ два раза слышали; первый разъ въ ту минуту, когда блутгауптскіе братья бѣжали изъ Франкфуртской тюрьмы; въ другой разъ на балу Комической-Оперы, тогда—какъ въ глазахъ Франца разыгрывалась эта странная комедія нѣмецкаго кавалера, Испанца и Армянина. Этотъ крикъ былъ давно условнымъ знакомъ трехъ братьевъ.

Не прошло одной секунды, какъ такой же крикъ раздался далеко въ чащѣ; третій откликъ, такой слабый, что едва можно было услышать, отзывался со стороны долины.

Притаившійся въ лѣсу молчалъ и ждалъ.

Первымъ слѣдствіемъ его призыва было появленіе человѣка, одѣтаго по-крестьянски и державшаго въ поводу лошадь.

Черезъ нѣсколько минутъ, послышался двойной галопъ, и два

всадника остановились посреди стоянки. Ихъ лица исчезли подъ большими шляпами; они были закутаны въ красные плаща. Нашъ льснй челоуѣкъ былъ въ такомъ же костюмѣ.

— Другъ Дорнъ, сказалъ онъ мужику: — ты останешься здѣсь, потому-что они возвратятся;—ты, Гётцъ, на берегу пруда... ты, Альбертъ, подлѣ дома Готлиба подѣ Негровой-Головой; я у развалинъ деревни...

Они поскакали; блескъ иллюминаціи обозначилъ на одну минуту пурпуровыя складки вьющихся по вѣтру плащей.

Потомъ они исчезли, каждый въ данномъ направленіи.

Гансъ Дорнъ, оставшись одинъ, вышелъ изъ свѣтлаго круга, оперся въ свою очередь на пень лиственницы.

Между-тѣмъ, какъ Альбертъ пробирался около замка къ дому Готлиба, а Гётцъ мчался галопомъ къ равнинѣ, Отто вхалъ по мѣль, ведущей къ развалинамъ старой блутгауптской деревни.

Хотя поле, на которомъ стояли эти развалины, и было въ стѣнѣ отъ дороги, приготовленной для проѣзда охоты; но свѣтъ близкой иллюминаціи доходилъ и до него.

Не доѣхавъ до поля шаговъ на двѣсти, Отто остановился, слезъ съ лошади и привязалъ ее къ стволу старой сосны. Пѣшкомъ сталъ онъ пробираться къ развалинамъ и чѣмъ болѣе къ нимъ приближался, тѣмъ осторожнѣе ступалъ на кремнистую почву, какъ-десадуя на шорохъ своихъ шаговъ.

Онъ зналъ, что госпожа де-Лорансъ была уже на мѣсть свѣщенія, и что Малу, по прозванію Зеленый-Колпакъ, наблюдаетъ ей изъ какого-нибудь укромнаго угла.

Тихо пробрался Отто за уцѣлѣвшій обломокъ давно-обрушившейся стѣны и началъ осматривать мѣстность.

Ослѣпительна была блестящая вдалекѣ огненная полоса, она сывавшая мрачное въ центрѣ поле; но широкіе края шляпы могли наблюдателю устранить отъ себя этотъ блескъ и рассмотреть окружавшіе его предметы.

Шагахъ въ пятидесяти ходила медленно взадъ и впередъ де-Лорансъ, останавливаясь по-временамъ, чтобъ бросить безцѣльный взглядъ на ярко-освѣщенную тропинку; въ томъ мѣстѣ, дѣше котораго не простирала она шаговъ своихъ, увидѣлъ Отто чужую, полузакрытую развалинами тѣнь, держащую въ рукахъ что-такое, въ чѣмъ слабо отражались огни отдаленной иллюминаціи; больше всего это было похоже на ружейный стволъ.

Отто вынулъ изъ-за пояса два большіе пистолета и надѣлъ на нихъ новыя пистоны.

Во время этихъ приготовленій, онъ замѣтилъ, что подлѣ него, той же самой стѣны, былъ еще кто-то; конечно, это былъ лиственный свидѣтель.

Незнакомецъ стоялъ опершись обѣими руками о камень и казался истомленнымъ, усталымъ. Было такъ темно, что Отто слышалъ

не могъ рассмотретьъ лица его. Но послѣ нѣсколькихъ попытокъ, ему показалось, что это былъ биржевой агентъ де-Лорансъ.

Отто подошелъ къ нему и пальцемъ прикоснулся къ его плечу. Лорансъ обернулся и задрожалъ.

— Не пугайтесь, сказалъ ему Отто какимъ-то кроткимъ, братскимъ голосомъ:—тайна, которую я узнаю, не перестаетъ быть тайною, потому-что я уже почти не принадлежу къ этому міру... Мнѣ казъ васъ, г-нъ де-Лорансъ; желалъ бы я вамъ помочь.

— Я васъ не знаю, проговорилъ изумленный биржевой агентъ.

— А я васъ знаю, отвѣчалъ побочный сынъ Блаугаупта:—мнѣ казъ васъ, и я готовъ служить вамъ, какъ служу всѣмъ жертвамъ гой женщины...

Лорансъ опустилъ голову.

— Какой женщины? шепталъ онъ.

Отто показалъ рукой на Сару, въ походкѣ которой замѣтно было возрастающее нетерпѣніе.

Лорансъ покачнулся въ сторону и, не поднимая головы, продолжалъ:

— Я очень боленъ!.. У меня потемнѣло въ глазахъ... мнѣ кажется, что это не она.

Сердце Отто наполнилось состраданіемъ.

— А все-таки это она, проговорилъ онъ:—старшая дочь Моисея Гельдберга.

Въ это мгновеніе глухой стонъ вырвался изъ груди биржеваго агента.

Отто продолжалъ:

— Такъ вы ее очень любили, господинъ де-Лорансъ?..

Биржевой агентъ не отвѣчалъ; но голова его поднялась вверхъ, и двѣ слезы скатились на блѣдныя его щеки.

Послѣдовало молчаніе.

— Послушайте, продолжалъ Отто:—съ-тѣхъ-поръ, какъ вы уѣхали изъ Парижа, я заступилъ мѣсто главы дома Гельдберговъ... Я долженъ былъ заняться вашими дѣлами... Ужъ съ давнихъ поръ принимаю я въ васъ участіе. Я поднялъ вашъ кредитъ, и, благодаря этому, вы сдѣлались богаче прежняго.

— Что мнѣ до того! отвѣчалъ печально Лорансъ, снова опершись на камень.

Потомъ, вдругъ приподнявшись, онъ прибавилъ:

— Но не его ли я тамъ вижу?

— Кого? спросилъ Отто.

— Того, кто долженъ былъ прійти...

Биржевой агентъ засунулъ руку за пазуху и судорожно сжалъ рукоятку кинжала.

Отто скрестилъ на груди руки и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на отчаяніе несчастнаго Лоранса.

— Такъ вы на немъ хотите разразить свое мщеніе? сказалъ онъ.

— Да вѣдь это ребенокъ!.. Развѣ, въ свои лѣта, онъ могъ устоять противъ обольщеній этой женщины?..

— Она любитъ его! вскричалъ Леонъ де-Лорансъ.

— Она его любитъ? съ горестью повторилъ Отто:—о! такъ мы еще не вполне постигли эту женщину!.. Выслушайте меня; быть-можетъ, еще не ушло время для вашего исцѣленія... ваша страсть не погасла при видѣ коварнаго порока... даже, быть-можетъ, пре-ступленія; но вы еще никогда не видали этой страсти до такой степени запятнанною, униженною, посрамленною!..

— Молчите!.. прервалъ биржевой агентъ:—я люблю ее; я ужъ вамъ сказалъ, что я ее люблю!

Отто взялъ его за холодныя руки и крѣпко пожалъ ихъ.

— Вы меня выслушаете, продолжалъ онъ:—хотя бы мнѣ пришлось даже и силой васъ къ тому принудить!

Еще съ минуту колебался Лорансъ, потомъ остался неподвижнымъ.

Отто началъ говорить. Рѣкой лился краснорѣчивый разсказъ изъ его воспламененнаго сердца.

Онъ началъ съ самыхъ юныхъ дней этой женщины и представилъ Лорансу жизнь ея во всей наготѣ.

Задыхавшійся биржевой агентъ просилъ пощады; но Отто дѣйствовалъ какъ опытный врачъ, разрѣзывающій живое мясо, чтобы излечить застарѣлую болѣзнь.

Отнявъ у Сары ея очаровательную оболочку, оборвавъ одну изъ одну ея обманчивыя прелести, представилъ онъ душу ея обманчивою и указалъ на ея гнусную испорченность, которой теперь уже нельзя было скрывать за лукавымъ покрываломъ чисто невинной улыбки.

Этотъ разсказъ долженъ былъ возбудить ужасъ, стыдъ и сожалѣнiе.

Окончивъ, Отто пустилъ руки де-Лоранса.

— Ну, что жь? сказалъ онъ: — не-уже-ли вы и теперь еще любите?

Биржевой агентъ закрылъ лицо руками.

— Не знаю... рыдая проговорилъ онъ:—Боже мой! Боже мой! еслибъ я могъ умереть въ эту минуту!..

Францъ не являлся; Сара сердилась; Малю скучалъ, сидя на скамьѣ посту и насвистывая «ля-ри-ля», любимую свою мелодию.

Со стороны равнины послышался беспорядочный, все болѣе и болѣе возрастающій шумъ. Съ быстротою стрѣлы промелькнуло что-то вдоль по иллюминированной дорогѣ.

Шумъ обратился въ трескъ. Свора собакъ, а за нею куча всадниковъ пролетѣли по пятамъ этого «что-то», которымъ былъ ослепленный выгнанный на равнину, покрытую кустарникомъ.

Бѣдное животное, казалось, несло послушно по предназначеной для него дорогѣ. Выбѣжавъ разъ за загородку, оно уже и

гьло изъ нея выйдти. Двойная стѣна иллюминаціи была для него непроходимую преградою.

Оно жалось посрединѣ дороги, откинувъ назадъ роскошные рога вои. Его обмащывалъ этотъ непривычный свѣтъ, позади котораго устѣла черная мгла.

Охота шла превосходно. Всадники удачно маневрировали, и собаки не отставали.

Быстро пронеслась кавалькада. Голосъ молодаго Авеля Гельд-ерга, повторившій заученные наизусть охотничьи термины, раз-авался поминутно.

Лай собакъ началъ удаляться. Раздалось еще нѣсколько слабыхъ ккордовъ охотничьяго рога.

И все затихло.

.

Ужь съ полчаса виконтесса д'Одмёръ разговаривала на краю Ада съ Фрицомъ, старымъ блутгауптскимъ курьеромъ.

Подлѣ Фрица стояла огромная походная фляжка, изъ которой онъ поминутно потягивалъ.

Онъ былъ пьянъ.

На лицѣ виконтессы лежала смертная блѣдность.

— Ну, слушайте, проговорилъ Фрицъ глухимъ голосомъ:—если вамъ ужъ непремѣнно хочется знать!.. Мнѣ же лучше; чѣмъ чаще я буду объ этомъ рассказывать, тѣмъ легче будетъ у меня на совѣсти!.. Они, видите, хотятъ, чтобъ я убилъ ребенка, который ужасно—какъ похожъ на портреты графовъ... Ужь не разъ я въ него цѣлялъ... Не знаю, какъ-то не выстрѣливается!..

— А Реймонъ д'Одмёръ? прервала виконтесса.

— Реймонъ д'Одмёръ?.. это былъ красивый господинъ!.. Ужь какъ я его помню!.. Онъ пріѣхалъ въ замокъ Ротъ жениться на старшей дочери графа Ульриха... на этой хорошенькой графинѣ Еленѣ... То-то было у нихъ тогда веселье!.. Ну, зачѣмъ ты, бѣд-нага Фрицъ, живешь, когда всѣ эти господа перемерли!..

Фрицъ поднесъ ко рту полуопустѣвшую фляжку.

— Именемъ Бога умоляю тебя! сказала виконтесса:—назови мнѣ убійцу Реймона д'Одмёра!..

Фрицъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ кругомъ себя.

Вся эта часть горы была во мракѣ; только сквозь перепутанные сучья голыхъ кустарниковъ виднѣлся ярко-освѣщенный перекрё-стокъ гельдбергской дороги.

Съ зоркими глазами можно было даже различить молодаго че-ловѣка и молодую дѣвушку, сидѣвшихъ въ глубинѣ отверстія и разговаривавшихъ между собою.

Но ни Фрицъ, ни виконтесса не были расположены замѣчать по-добныя картины.

— Говорите тише!.. сказалъ бывшій блутгауптскій курьеръ: — еслѣбъ вы знали, какъ слышно изъ-за этихъ деревьевъ!.. Видите

вонъ эту большую листовницу?.. Вотъ, какъ ее, такъ и меня Богъ проклялъ!.. Вѣтви ея попадали одна за другою, потому-что она была свидѣтельницаю этого грѣха... Я былъ тамъ, за нею, в трепеталъ. Лошадь Реймона д'Одмера остановилась на самомъ току стѣ, на которомъ мы стоимъ теперь...

Виконтесса въ ужасѣ попятилась назадъ.

— Тотъ, котораго теперь зовутъ кавалеромъ Рейнгольдомъ, продолжалъ Фрицъ:—ѣхалъ за виконтомъ...

— Такъ это правда? прервала г-жа д'Одмеръ.

Фрицъ еще выпилъ водки.

— Его звали Жакомъ Ренью, продолжалъ Фрицъ. — Онъ толкнулъ лошадь, лошадь сбѣжала скачкомъ, и я услышалъ этотъ крикъ за которымъ и пошло мое проклятіе!.. Но я не убью ребенка, потому-что онъ похожъ на старые портреты графовъ...

Виконтесса стала на колѣни и начала молиться.

Окончивъ молитву, она хотѣла еще что-то спросить у Фрица, онъ уже спалъ, растянувшись на холодной травѣ.

Блѣдая, какъ статуя, виконтесса съѣла опять на лошадь и стлилась съ горы

Гансъ Дорнъ былъ на своемъ посту.

Онъ слышалъ, какъ голосъ запыхавшагося чловѣка со стороны перекрѣстка звалъ его по имени.

Онъ подошелъ къ окраинѣ и тотчасъ же узналъ въ чловѣкѣ бѣгущемъ во всю прыть по дорогѣ, своего сосѣда на Площади тонды, Жана Ренью.

Жанъ былъ безъ шапки; иллюминація освѣщала его разстроенную голову и покрытое крупнымъ потомъ лицо.

— Гансъ Дорнъ!.. Господинъ Гансъ Дорнъ! кричалъ онъ въ воюгая:—гдѣ вы?

Гансъ показался; задыхающійся Жанъ прислонился къ дереву.

— Ступайте скорѣй! проговорилъ онъ.—О! ради Бога! ступайте скорѣй!.. Юганнъ убьетъ его!..

— Кого?.. спросилъ затрепетавшій продавецъ платья.

— Господина Франца!.. О! ради Бога, ступайте скорѣй!..

Увлеченный инстинктомъ, Гансъ бросился впередъ; но, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и грустно посмотрѣлъ въ сторону себя.

— Мнѣ сказано было остаться здѣсь, прошепталъ онъ:—что, если это новая ловушка!..

Жанъ тащилъ его за полу платья.

— Идите же! вскричалъ онъ:—бѣдный юноша сидитъ съ своей возлюбленной въ отверстіи Ада, не думая ни о какихъ замыслахъ! Юганнъ карабкается на гору... и когда онъ достигнетъ до края пропасти... господинъ Гансъ, да проститъ васъ Богъ за вашу жестокость!

Гансъ шелъ впередъ, но тихо; въ его взглядъ, обращенномъ на шарманщика, изображалась недоверчивость.

— Такъ вы мнѣ не вѣрите? началъ опять Жанъ. — Боже мой! что жь мнѣ вамъ сказать?.. Вы отецъ Гертруды, которую я такъ люблю!.. Ахъ, еслибъ у меня было ружье, я не пришелъ бы за вами!.. Но я былъ одинъ и притомъ безъ ружья... Я вспомнилъ, что вы сейчасъ только прошли черезъ перекрёстокъ, ведя подъ узды какую-то лошадь... Я прибѣжалъ, я отыскалъ васъ, и вы теперь отказываетесь спасти господина Франца!

— Ступай!.. сказала Гансъ Дорнъ, вскинувъ ружье на плечо. Жанъ бросился на ту самую тропинку, ведущую къ вершинѣ горы, по которой поѣхала г-жа д'Одмёръ.

Путь былъ труденъ; Гансъ Дорнъ употреблялъ все силы, чтобъ корбѣ добраться до своей цѣли.

Но Жанъ былъ постоянно впереди, — лѣта сдѣлали отца Гертруды неповоротливымъ.

Жанъ говорилъ:

— Быть-можетъ, мы еще поспѣемъ... Иоганнъ сначала остановился-было на перекресткѣ, но тамъ было слишкомъ-свѣтло, и я видѣлъ, какъ онъ вскарабкался на гору... на этомъ пути ему будетъ много преградъ; чтобъ не надѣлать шуму, онъ долженъ идти тихо-тихо.. Но поскорѣе, господинъ Дорнъ, ради Бога покорѣе!

Гансъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія; перегибаясь то назадъ, то впередъ, какъ молодой человѣкъ, взбирался онъ по голой скалѣ; онъ не могъ придать своимъ мускуламъ прежней ихъ гибкости.

Шарманщикъ опередилъ его на довольно-большое разстояніе и становился.

— Послушайте, сказалъ онъ:—дайте мнѣ ваше ружье... я прийду прежде васъ.

— Я прийду прежде тебя, проговорилъ Гансъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе.

И дѣйствительно, на минуту онъ опередилъ шарманщика; но у его начало захватывать духъ, и это заставило его умирать.

— Дайте мнѣ ваше ружье! повторилъ Жанъ:—кто знаетъ, сколько намъ осталось еще времени!..

Гансъ отдалъ ему свое ружье; Жанъ схватилъ его и побѣжалъ, ставивъ далеко за собой утомленнаго продавца платья.

Гансъ Дорнъ видѣлъ, что вся надежда была теперь на этого мальчика.

— Жанъ! кричалъ онъ ему издали: — не робѣй, дитя мое! Если ты спасешь его, Гертруда будетъ твоя! Клянусь, что будешь!

Жанъ подскокнулъ, какъ-будто-бы эти слова придали ему силы.

Блутгауптскій-Адь открывался, какъ было сказано въ началѣ нашего разсказа, сверху, на площадкѣ, посреди длинной аллеи изъ лиственничныхъ деревьевъ.

Когда продавецъ платья дошелъ до одного конца этой аллеи, Жанъ былъ уже далеко.

Гавсъ Дорнъ не переставалъ за нимъ слѣдовать.

Дошелъ почти до середины этой аллеи, онъ былъ остановленъ громомъ раздавашагося выстрѣла.

Огонь вспыхнувашаго заряда освѣтилъ стоявшихъ на краю Ада двухъ вооруженныхъ людей.

Одинъ изъ нихъ держалъ дуло своего ружья по направлению въ отверстію; другой, стоящій на колѣняхъ, казалось, цѣлил въ голову своему товарищу.

Меньше секунды продолжалось это освѣщеніе, и странная тѣнь исчезла...

Но выстрѣлъ челоуѣка, стоявшаго на колѣняхъ, снова освѣтилъ ее.

Спустя минуту, Жанъ Реньйо уже бѣжалъ назадъ, поманивъ ружьемъ надъ своей головою.

Ужъ съ полчаса бесѣдовалъ Францъ въ глубинѣ Ада съ Денизою. Тамъ назначили они наканунѣ, на балъ, другъ другу свиданіе.

Давно ужъ имъ не случалось оставаться наединѣ. Они были вполнѣ счастливы.

Надежды и опасенія были предметомъ ихъ разговора; они старались разогнать страшныя мысли и рисовали передъ собой счастливую будущность.

Выступы, углубленія и груды обвалившихся скалъ защищали ихъ отъ слишкомъ-яркаго свѣта иллюминаціи; охота могла пройти мимо и не замѣтить ихъ.

За то, сверху ихъ было ясно видно.

Но если они боялись чего-нибудь, такъ ужъ конечно не думали, чтобъ опасность была съ этой стороны...

Молча сидѣли они другъ подлѣ друга; все выразимое было ими переговорено, — они вели теперь нѣмую бесѣду.

На вершинѣ Ада раздался выстрѣлъ, и пуля просвистала надъ головами Франца и Денизы.

А близко были одна отъ другой эти двѣ головы; длинныя свѣтлыя волосы перемѣшались...

Францъ вскочилъ на ноги; Дениза испустила отчаянный крикъ.

Въ эту минуту, раздался звукъ другаго выстрѣла, и эхо Ада еще разъ повторило его.

На этотъ разъ, свистъ пули не достигъ до ушей любящихъ, но въ кустарникахъ, растущихъ по стѣнамъ бездны, послышалась глухая трескъ.

Что-то неподвижное, тленное упало къ ногамъ Франца. Это былъ трупъ Іоганна, харчевника *Жираны*.

х.

Изголовье Франца.

Было около полуночи.

Охота еще продолжалась, но, казалось, подходила уже къ концу, потому-что звонокъ на спускъ воды уже раздался въ сторону гельдбергскаго пруда.

Г-жа де-Лорансъ была одна въ большой залѣ замка. Не снимая амазонки, съѣла она передъ каминомъ въ старинное кресло, въ которомъ утонулъ ея граціозный станъ:

Долго, разсыянно смотрѣла она на большія головни, дымившіяся въ самой глубинѣ камина.

Вошелъ лакей.

— Вы звонили, сударыня? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала Малютка:— когда господа де-Рейнгольдъ, Мирá и Фан-Прэттъ возвратятся съ охоты, ты скажешь имъ, что я въ залѣ.

Слуга вышелъ.

Сара снова предалась грустнымъ мыслямъ.

Время-отъ-времени, взоръ ея обращался съ нетерпѣніемъ къ стрѣлкѣ старинныхъ стѣнныхъ часовъ.

Спустя четверть часа, послышался скрипъ отворяющейся рѣшотки.

Она встала и подбѣжала къ окну.

Это были три гельдбергскіе компаньона: Сара видѣла, какъ они слѣзли съ лошадей и прошли черезъ дворъ. По ихъ живому разговору и въ-особенности по жестамъ кавалера де-Рейнгольда, можно было догадаться, что онъ сообщалъ своимъ спутникамъ добрую новость.

Съ досадою пожала Малютка плечами и возвратилась на прежнее мѣсто.

Спустя минуту, вошли три компаньона.

— Прелестная Сара, произнесъ громко и торжественно Рейнгольдъ, опережая своихъ спутниковъ:— я хочу первый сообщать вамъ важную новость!..

— Побѣда! побѣда! сказалъ въ свою очередь Фан-Прэттъ, переступая черезъ порогъ.

Боязливо и холодно смотрѣла на нихъ Малютка.

— Радуйтесь, прелестная Сара, продолжалъ Рейнгольдъ.— Ваши переѣзды кончены... Долетѣлъ ли до васъ звукъ двухъ выстрѣловъ на горь?

Сара утвердительно кивнула головой.

— Ста золотыхъ нуль стѣитъ для насъ каждая свинцовая, блестящая въ этотъ моментъ, продолжалъ Рейнгольдъ. — Теперь намъ нечего бояться, сударыня... Францъ спитъ въ глубинѣ Блаутбургскаго-Ада!

При этихъ словахъ, компаньоны начали самодовольно потирать руки.

— Да вѣдь ужъ и не безъ труда было! сказалъ Фабриціусъ ван-Прэттъ.

— Я-было уже терялъ надежду, примолвилъ докторъ.

На лицѣ Сары выразилась горькая и вмѣстѣ презрительная улыбка.

— Поберегите свои восторги до другаго раза, сказала она. Францъ въ эту минуту здоровъ и невредимъ, и спитъ спокойно на своей постели.

Отпечатокъ самодовольства сгладился съ лицъ Мира и ван-Прэтта.

Рейнгольдъ засмѣялся.

— Вамъ не увѣрить меня въ этомъ, прелестная Сара, сказалъ онъ: — я почти былъ свидѣтелемъ случившагося... Бродя часу десятомъ по гейдельбергской дорогѣ, я встрѣтилъ Юганна. Онъ заставилъ меня слѣзть съ лошади, чтобъ взглянуть на любовную картину, которая, впрочемъ, съ перваго взгляда меня не смущкомъ-то восхитила. Это было tête-à-tête мадмуазель д'Одмеръ и этимъ негодяемъ Францемъ.

«Я удаляюсь, сказалъ я Юганну: дѣлай что можешь...»

«На дорогѣ было свѣтло какъ днемъ; Юганнъ вскарабкался на вершину Ада, чтобъ на случай несчастія имѣть безопасное убежище.»

«Не прошло и десяти минутъ, какъ раздались два выстрѣла, и я галопомъ возвратился на прежнее мѣсто.»

«Огни по дорогѣ и у краевъ отверстія были погашены. Нельзя было не узнать въ этомъ благоразумной предусмотрительности Юганна.»

«Я подскакалъ къ тому самому мѣсту, гдѣ прежде видѣлъ Франца съ мадмуазель д'Одмеръ; но нашелъ только одинъ трупъ...»

Кавалеръ произнесъ эти послѣднія слова такимъ тономъ, что возражать было рѣшительно невозможно.

Госпожа де-Лорансъ не перерывала его рѣчи до самаго конца.

— А взяли ли вы на себя трудъ слѣзть съ лошади, сказала она: — чтобъ поближе рассмотреть убитаго?

— Это было опасно, возразилъ кавалеръ: — меня могли видеть...

— Вы оплошали, г. Рейнгольдъ! Это избавило бы васъ отъ огорченія, которое вы сейчасъ должны будете испытать... Не вѣрьте въ вероятности, трупъ, который вы видѣли въ глубинѣ Ада, былъ ни чей иной, какъ вашего друга Юганна.

— Какъ можете вы знать это?

— Я только-что встрѣтила у рѣшотки замка Франца, который возвратился вмѣстѣ съ Денизою д'Одмеръ.

— Возможно ли? пробормоталъ изумленный кавалеръ.

— Я видѣла, отвѣчала холодно г-жа де-Лорансъ.

Послѣдовало молчаніе. Сара углубилась въ свое громадное кресло и не переставала смотреть на угасающій въ каминъ огонь.

Лица компаньоновъ становились съ каждой минутой серьезнѣе.

Рейнгольдъ молчалъ.

— Но въ такомъ случаѣ мы пропали! проговорилъ наконецъ ан-Прэттъ.

— И я то же думаю, сказала Сара.

Потомъ, медленно приподнимаясь, она прибавила:

— Тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту Францъ уже, быть-можетъ, знаетъ какъ имя своего отца, такъ и причину, заставляющую насъ противъ него дѣйствовать.

— Почему вы это думаете? спросилъ докторъ.

— Я не знаю... такъ... догадываюсь!.. Проходя мимо, онъ на нея такъ странно посмотрѣлъ... Кто спасъ его, тотъ могъ ему и изсказать.

Съ поникшими головами стояли компаньоны, не имѣя силъ выражать.

— Я еще не все высказала, прибавила Малютка. — Вы вѣрно имѣли, что на площадкѣ передъ замкомъ много народа; въ ихъ вѣдомъ говорѣ есть что-то таинственное; они все смотрятъ на ставныя башни замка.

— Это меня не беспокоитъ, возразилъ Рейнгольдъ:—это просто крестьяне, которые ожидаютъ возвращенія охоты.

— Да, г. кавалеръ, это дѣйствительно крестьяне... но, клянусь мнѣ, они не думаютъ о возвращенія охоты: они не сводятъ назъ съ вершины сторожевой башни... Этотъ блестящій огонекъ.. онъ ждуть возрожденія души *Блутгаупта*...

— Нелѣпость! проговорилъ сквозь зубы кавалеръ.

— Нѣтъ, сударь, все это очень-важно! На легковѣрный умъ ихъ людей уже успѣли подѣйствовать... Не даромъ провелъ нѣсколько часовъ въ окрестностяхъ *Блутгаупта* тотъ человекъ, которого мы называли барономъ *Родахъ*!.. Наши темныя дѣла погубить съ всѣхъ отъ перваго до послѣдняго, если намъ не удастся имъ ударомъ довершить ихъ!

Компаньоны не могли скрыть своего ужаса; одна Сара была покойна и холодна.

Въ эту минуту можно было оцѣнить всю силу и крѣпость ея отъбѣй души.

— Но что же дѣлать? прошепталъ наконецъ фан-Прэттъ.

Сара вскочила.

Въ ея маленькомъ станѣ выразилось что-то чрезвычайное; ее можно было сравнить съ любымъ изъ лицъ, которыхъ древняя *агедія* представляетъ намъ въ борьбѣ съ богами.

— Надо побѣдить! сказала она твердымъ, сильнымъ голосомъ — Мы знаемъ, гдѣ наши враги... Этотъ свѣтъ, который освѣщаетъ народъ принимаетъ за *душу Блутгаупта*, эта лампа освѣщаетъ брвна Родаха, Отто—а можетъ-быть и его братьевъ... они мѣлчаны въ этой малевькой безвыходной комнаткѣ. И если поджечь башню во второмъ этажѣ, все оно исчезнетъ съ лица земли, оставя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда.

— Это правда! прошепталъ докторъ.

— А между-тѣмъ, подхватила снова г-жа де-Лорансъ: — могли бы отправиться въ комнату Франца: онъ спитъ... И наши враги могутъ разомъ погибнуть.

Компаньоны колебались.

Сара смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ.

— Вамъ нуженъ человекъ, который бы велъ васъ, сказала — который бы нанесъ ударъ?.. Пойдемте же просить Маджаринъ Яноса!

Быстро прошла она черезъ залу и вошла въ корридоръ; Прэттъ, докторъ и Рейнгольдъ слѣдовали за нею съ поникшими головами. Отвращеніе выражалось на ихъ лицахъ.

— Малу и Питуа, вѣроятно, ужь возвратились, сказала обращаясь къ кавалеру:—не угодно ли вамъ будетъ пойти къ ми, г. де-Рейнгольдъ? ихъ помощь вамъ будетъ необходима.

Рейнгольдъ удалился.

Малютка съ двумя компаньонами шла далѣе.

Никого не было въ длинныхъ корридорахъ замка; вся бергская челядь была на охотѣ.

Внизу у лѣстницы сторожевой башни нашли они синьора Георга, въ полномъ вооруженіи; онъ былъ похожъ на воина, готовящагося къ битвѣ.

— Синьоръ Янось, сказала Малютка: — вамъ угрожаетъ бѣда... не прійдетъ человекъ, котораго вы ожидаете... отъ бы вамъ не пойти къ нему самимъ?

Маджаринъ побагровѣлъ.

— Ужь не разъ я подбирался къ этой проклятой двери, началъ онъ запинаясь:—я силенъ, но я человекъ; а какъ намъ что находится на вершинѣ этой башни?

Эти слова были понятны для Малютки: она такъ хорошо знала характеръ Яноса и старалась показаться удивленною.

— Могу ли я подумать, сказала она вполголоса:—что синьоръ Георгъ трусить?

Маджаринъ нахмурилъ брови, но не отвѣчалъ.

— Это меня пугаетъ, продолжала г-жа де-Лорансъ:—я не сомнѣваюсь, чтобъ вы исполнили то, о чемъ пришли вы просить, синьоръ Янось... тутъ не безъ опасности...

Маджаринъ выпрямилъ свой гигантскій станъ...

— Я готовъ, отвѣчалъ онъ:—готовъ сражаться хотъ разомъ твѣ двоихъ?

— Увидимъ, отвѣчала Малютка:—вы вооружены... этотъ юноша Францъ, котораго вы прежде такъ презирали, нашелъ себѣ могущихъ защитниковъ.

— Ведите меня, прервалъ Яносъ:—и покажите мнѣ моихъ провинниковъ!

Въ это время пришелъ Рейнгольдъ; Малу и Питуа, неуспѣвшіе спрятать своихъ охотничьихъ ружей, слѣдовали за нимъ.

— Сгупайте по этой лѣстницѣ, сказала Малютка, показывая имъ на лѣстницу сторожевой башни.

Потомъ, обратясь къ Маджарину, прибавила:

— То, что мы теперь предпринимаемъ, слишкомъ—неважно, и потому я не буду просить вашего содѣйствія, синьйоръ Яносъ; станьте здѣсь... я не заставлю васъ долго дожидаться!

И она побѣжала по лѣстницѣ вслѣдъ за тампльскими ворами.

Мира, фан-Прэттъ и Рейнгольдъ не знали, что дѣлать: остаться въ Яносомъ, или слѣдовать за Сарой.

Уходя, она обратилась къ нимъ и сказала:

— Мнѣ васъ не нужно... лучше позаботьтесь, покуда я буду сверху, о томъ, чтобъ достать себѣ оружіе.

По приказанію Малютки, Малу и Питуа остановились на лѣстницѣ у того этажа, который предшествовалъ лабораторіи стараго ютера.

Не безразсчетны были дѣйствія Малютки. Уже болѣе двухъ часовъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ она покинула мѣсто, назначенное ею наканунѣ для свиданія Францу. Ей было время размыслить и приготовиться.

Хозяинъ этого этажа былъ, вѣроятно, на охотѣ; Малютка зааслась заранее ключомъ. Она открыла дверь и впустила въ комнату обомъ своихъ спутниковъ.

— Могу ли я положиться на вашу преданность? сказала она, кинувъ комнату бѣглымъ взглядомъ.

— Кажется! отвѣчалъ Малу.

— Видѣли ли вы, подходя къ замку, продолжала г-жа де-Лонансъ:—эту свѣтлую точку, которая блеститъ на вершинѣ сторожевой башни?

— Чорта съ два! отвѣчалъ Питуа:—на эспланадѣ собралось человекъ двадцать пустоголовыхъ болтуновъ, и увѣряютъ, что наверху живетъ старый колдунъ... ничего не слышать!

Сара стала прислушиваться.

— Ничего не слышно, сказала она:—но я все-таки увѣрена, что кто-нибудь тутъ есть... и даже не одинъ... а все люди, которые намъ очень мѣшаютъ.

— Известно!.. пробормоталъ Малу:—да дверь-то выломать пасно...

— Слушайте, храбрые товарищи, сказала Малютка:—я бы не отгла васъ подвергать ни малѣйшей опасности... нельзя ли какъ-

нибудь сладить это дѣло?.. еслибъ, на-примѣръ, пламя обхватило эту комнату!..

— Лихо! закричалъ Питуа: — стѣны башни сложены изъ теснаго камня; довольно будетъ огню къ нимъ прокрасться, чтобы дѣло было для нихъ кончено!

— А главное то, прибавилъ Малю: — что этакъ мы ихъ возьмемъ безъ большаго шума!

— Можете ли вы исполнить это? начала опять г-жа де-Лоранс

— Какъ вамъ не стыдно! перервали ее въ одно слово оба вооруженные какъ бы обиженные этимъ сомнѣнiемъ.

Потомъ Зеленый-Колпакъ примолвилъ:

— Не мало мы упражнялись въ пожарахъ на Западѣ у индiйскихъ прежде... Барсукъ наметался въ этомъ дѣлѣ, сударыня.

Питуа присанился.

— Да заплатятъ ли намъ? спросилъ онъ.

— Вы получите вдвойнѣ обещанное вамъ за все путешествие, отвѣчала Малютка.

— Вотъ это дѣло! проговорилъ Малю, разворачивая постель въ одно мгновенiе набитый соломой тюфякъ очутился на срединѣ комнаты.

— Это намъ необходимо! прибавилъ онъ:—все ли теперь, сударыня?

— Нѣтъ, отвѣчала Сара. — Когда огонь будетъ подложенъ, затворите дверь и останетесь на лѣстницѣ съ заряженными ружьями... И если кто-нибудь выйдетъ изъ верхней комнаты...

— Мы его спустимъ, перервалъ Малю.

Сара сдѣлала утвердительный знакъ головою.

— Не забудьте закричать караулъ, прибавила она:—да погромъ!

Посвѣтители *Сыновей Эймона* единодушно расхохотались.

— Какъ же это, спрашивали они:—стало-быть, подумаютъ, что верхнiе негодяи сами подождли?.. Вотъ славная выдумка, особенно для вашихъ лѣтъ, сударыня, и при вашей неопытности въ этомъ дѣлѣ!

— Ну, сынъ мой, къ дѣлу!

Тюфякъ былъ распоротъ сверху до низу, и начинка его выложена грудой подлѣ самой постели.

Сара сошла въ низъ.

Въ корридорѣ встрѣтила она компаньоновъ Гельдберга: Родольфъ, Мира и фан-Преттъ были вооружены шпагами.

Сара не думала, чтобы это оружіе пригодилось: здѣсь было только кинжалъ; но необходимо было увѣрить Яноса, что все готовилось къ неизбѣжной битвѣ.

Маджаринъ былъ нуженъ, чтобы идти впередъ и хотѣвъ неслышательно прилатъ храбрости тремъ компаньонамъ.

— Сгупайте, сказала Малютка: — я буду вашей путеводительницей!

И дѣйствительно, она пошла впередъ; иллюминированная дѣр-

открывалась передъ глазами молчаливой процессіи всякій разъ, когда равнялись они съ однимъ изъ оконъ галереи.

Последнее окно было отворено; черезъ это отверстіе попадали въ галерею, вмѣстѣ съ вечернею прохладою, и слабыя звуки рога.

Эти звуки съ другой стороны гельдбергскаго пруда возвѣщали рогибель оленя.

— Они не знаютъ того, что однимъ камнемъ попадаютъ въ два места! пробормоталъ Фан-Прэттъ съ своей всегдашней улыбкой:— и возвѣщаютъ только объ одной смерти...

— Поскорѣй, сказала Сара:— охота кончается; время для насъ рога!

Безъ шума взобрались они на лѣстницу, которая вела къ комнатѣ Франца.

Осторожно отворила Сара дверь и потомъ посторонилась, чтобы не попасть на дорогу своимъ спутникамъ.

Скаринъ вошелъ первый; въ рукахъ у него былъ кинжалъ; за нимъ вошли и компаньоны, вооруженные саблями.

Сара переступила черезъ порогъ послѣднею, какъ дѣлаютъ тѣ женщины-вожди, которые хотятъ загородить дорогу трусливымъ врагамъ.

Комната Франца была освѣщена лампою, висящею высоко надъ поломъ. Францъ вѣрно забылъ потушить ее.

Сара различала предметы, свѣту было довольно: комната была обставлена старинною мебелью; по обѣ стороны дверей стояли два шкафа съ желѣзными рыцарскіми одеждами, и въ глубинѣ комнаты виднѣлась огромная постель, задернутая занавѣсками.

Скаринъ оглянулъ Яношъ всю комнату; ему нужно было отыскать убійцу, а не разсматривать его.

Онъ увидѣвъ рыцарскія одежды, онъ задрожалъ и сдѣлалъ шагъ назадъ.

Здѣсь!.. прошепталъ онъ съ ужасомъ.

Яношъ, трепещущіе Миръ, Рейнгольдъ и Фан-Прэттъ молчали. Эти четыре компаньона вдругъ узнали эту комнату, которая была свидѣтельницею убійства и въ которую въ продолженіе двадцати лѣтъ ни одинъ изъ нихъ не входилъ.

Скаринъ взглянулъ на дверь; казалось, онъ хотѣлъ уйти; онъ былъ подавленъ страшными воспоминаніями.

На пути встрѣтился ему суровый, холодный взглядъ господина Моранса.

Скаринъ остался неподвиженъ.

Ну, что жь!.. сказала Сара.

Скаринъ не шевельнулся.

Сара подошла къ нему и крѣпко сжала его руку.

Какъ ты боишься! сказала она тихимъ, но внятнымъ голосомъ.

Скаринъ не двигался.

Вотъ двадцать лѣтъ, думалъ онъ, и думалъ въ-слухъ, былъ-

можетъ забыть, что не одинъ въ комнатѣ: — и въ эту ночь итъ кто-то сказалъ: «такъ ты боишься, Янось?..» и я пришелъ на то самое мѣсто, на которомъ стою теперь... и моя шпага ударилась о шпагу покойника...

Сара сдѣлала гнѣвное движеніе и обратилась къ тремъ другимъ компаньйонамъ.

— А вы?.. сказала она.

Никто не отвѣчалъ.

Она выхватывала кинжалъ изъ лѣвой руки Рейнгольда.

— Подлецы! предатели!!! повторила она: — женщина стыдитъ васъ...

Съ этимъ словомъ она подняла кинжалъ вверхъ и твердымъ шагомъ пошла къ постели.

Побагровѣло блѣдное лицо Маджарина.

Только два слова проговорилъ онъ:

— Назадъ, женщина!

Съ изступленіемъ бросился онъ къ постели и отдернулъ одеяло.

Но тутъ его рука, уже готовая разить, внезапно опустилась, компаньйоны и сама Малютка испустили отчаянный крикъ...

Ужасно было явленіе, и не удивителенъ былъ испугъ присутствовавшихъ.

Передъ постелью Франца, гельдбергскіе компаньйоны, чья двадцать лѣтъ, на томъ самомъ мѣстѣ, увидѣли то же привидѣніе, которое видѣли они у колыбели сына графини Маргариты:

Явились три человѣка, гигантскаго роста, въ длинныхъ красныхъ плащахъ, съ обнаженными шпагами.

Но на этотъ разъ широкія поля шляпъ не закрывали ихъ головы. Головы ихъ были открыты.

То были три благородныя, гордыя, важныя лица. Но ни у одного изъ нихъ не было такое сходство, которое одно само-по-себѣ уже дѣлало существованіе ихъ невѣроятнымъ.

Всѣ трое были неподвижны; они гордились прелестью своей величія и смотрѣли прямо въ лицо убійцамъ.

За ними въ тѣни рисовались юныя, прелестныя черты улыбающагося во снѣ Франца.

Первою мыслью Рейнгольда, фан-Претта и Мирá было бѣжать, но дверь за ними затворилась, и Гансъ Дорнъ стоялъ на порогѣ.

Въ то же время полурастворилась дверь въ модельню графини Маргариты и открыла мужественныя лица Германа и другихъ тампльскихъ Нѣмцевъ.

Однѣ изъ красныхъ людей сошелъ съ эстрады, которая была передъ постелью, и сдѣлалъ шагъ къ Маджарину:

— Янось Георгя, произнесъ онъ глухо и медленно: — я скажу тебѣ, что ты найдешь сегодня того, кого искалъ... Брось ты кинжалъ и вынимай саблю.

Въ старыя канделабры передъ каминомъ вставлены были свѣчи.

лы; ихъ яркій, красноватый свѣтъ озарялъ весь закоулки комнаты Франца.

Страшная была борьба. Четыре трупа были распростерты на полу; Рейнгольдъ, Мирá и Фан-Прэттъ плавали въ крови.

Маджаринъ былъ опрокинутъ на спину, и полураскрытые глаза его все еще, казалось, грозилъ. Шпага Отто осталась въ груди его...

Только одинъ остался здѣсь изъ побочныхъ дѣтей Блутгаупта, и именно тотъ, котораго мы въ нашемъ разсказѣ называли барономъ Родахъ.

Но дверь въ моленную все еще была полурастворена, и можно было догадаться, что другіе недалеко.

При шумѣ битвы, Францъ проснулся. Опершись на локоть, съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣлъ онъ то на гиганта Отто, стоявшаго къ нему спиной, то на четыре трупа, распростертыя по землѣ.

Госпожа де-Лорансъ упала въ кресла; она была блѣдна; лобъ ея былъ наморщенный, но голова поднята вверхъ.

За ней сестра ея Эсеиръ пряталась, чтобъ не видать крови.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ подлѣ двери, опершись объ стѣну, Авель Гельдбергъ.

Полумертвый отъ испуга, старикъ Моисей, прижавшись въ углу, не смѣлъ ни дышать, ни шевелиться; слышно было, какъ верхніе зубы его стучались объ нижніе...

Но эти три лица пришли сюда не по своей охотѣ; посланные, ходившіе за ними, еще стояли подлѣ каждаго изъ нихъ.

Это были тампльскіе Нѣмцы.

Тишина и неподвижность царствовали въ комнатѣ. Отто стоялъ передъ побѣжденнымъ Маджариномъ скрестивъ на груди руки.

Трепетъ пробѣжалъ по членамъ присутствовавшихъ, когда онъ началъ говорить. Въ его голосъ было что-то повелительное.

— Здѣсь еще не все, сказалъ онъ:—позвать виконтессу д'Одмѣръ вмѣстѣ съ ея сыномъ и дочерью!

Одинъ изъ Нѣмцевъ вышелъ.

— Позвать, продолжалъ Отто:—и этихъ бѣдныхъ торговцовъ Тампля, госпожу Реньё и дѣтей ея... они должны быть въ замкѣ... Гансъ предупредилъ ихъ.

Вышелъ другой посланный.

— Пусть кто-нибудь идетъ, продолжалъ Отто:—въ комнату госпожи де-Лорансъ; тамъ есть ребенокъ, слывшій за дочь служанки, но вмѣющій право быть въ нашемъ кругу.

Блѣдность Сары дошла до крайности.

Когда третій посланный уже готовъ былъ перешагнуть черезъ порогъ комнаты, Родахъ позвалъ его назадъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо; Саръ послышалось имя ея мужа.

Въ нѣсколько минутъ собрались все, за кѣмъ было послано. Каждый разъ, когда отворялась дверь, раздавался крикъ, исполненный ужаса и удивленія; потомъ тишина снова водворялась, ибо

вновь-пришедшій подвергался тому же ошмѣнью, въ которомъ находились и прочіе зрители этой кровавой сцены.

Пришло семейство виконтессы д'Одмѣръ, пришли Реньё, и тѣмъ дочь Ганса Дорна, и наконецъ крестьянинъ Готлибъ, опершись на малютку Галифарду.

Всякій старался стать подальше отъ труповъ.

Одна лишь мама-Реньё, заливаясь слезами, стала на колѣнахъ подлѣ своего сына.

Она приложила руку къ охладѣвшему сердцу кавалера. Слабый стонъ вырвался изъ груди ея. Нѣжно поцаловала она въ лобъ покойника и осталась неподвижною посреди комнаты.

Подъ гнетомъ ужаса, всѣ чего-то ждали, никто не смѣлъ спрашивать, ни жаловаться.

Францъ проглядывалъ глаза, но все еще не убѣждался, былъ ли это самый необыкновенный сонъ, или просто дѣйствительность.

Среди этой глубокой тишины, раздался наконецъ спокойный и важный голосъ барона.

— Вотъ двадцать лѣтъ, сказалъ онъ:—какъ эти люди, обратившіеся теперь въ четыре трупа, умертвили цѣлое семейство, Ульриха Блутгаупта, Гюнтера Блутгаупта и жену его, графиню Маргариту... Здѣсь, между вами, есть еще и пятый виновникъ, который могъ бы подтвердить справедливость словъ моихъ.

Старикъ Моисей сложилъ съ умоляющимъ видомъ руки и шепталъ:

— Синьйоръ! синьйоръ!.. Это для моихъ бѣдныхъ дѣтей!..

— Книжалъ убійцъ, продолжалъ Родахъ: — остановился передъ колыбелью, въ которой спалъ послѣдній наслѣдникъ Блутгаупта.

«Сынъ Гюнтера и Маргариты былъ спасенъ.

«Графиня Елена, твои братья должны были отмстить за убійство; но видитъ Богъ, въ этотъ разъ не мщеніе водило шпагами...»

Онъ показалъ на трупы четырехъ компаньоновъ.

— Пока жили эти люди, продолжалъ онъ:—гроза была поставлена надъ головою послѣдняго графа, нашего владѣтеля... Но незаконныя дѣти Ульриха заслоняли его своей грудью отъ смерти... Но какъ знать, долго ли бы еще они прожили!.. Грѣхъ Блутгаупту надо было пройти земное поприще, не встрѣчаясь на каждомъ шагу открытой вражды!

Францъ пожиралъ каждое слово.

Торжественность этой минуты была такъ велика, что присутствующіе боялись нарушить ее даже своимъ дыханіемъ.

Эсепъ и Абель опустили головы; Сара старалась сохранить свое положеніе.

Жанъ Реньё открылъ свои большіе глаза; свѣтъ началъ проникать въ сознаніе Денизы.

Гевильолетъ, вскарабкавшійся на стулъ за своей матерью, выт

гиваль свою безобразную фигуру, чтобъ посмотреть на трупы; онъ бормоталъ:

— Ого!.. ого!.. четыре сразу!.. и господинъ-то съ тупеѣмъ здѣсь!

Ново, малютка Галифарда, дрожа и опираясь на Гертруду, по-сматривала боязливо на Сару, которая не замѣчала ея.

Кромѣ голоса Отто Блутгаупта, раздавались въ комнату только рыданія молящейся за сына мамы-Реньё.

— Но... прошептала виконтесса: — знаете ли вы, гдѣ теперь сынъ сестры моей.

— Знаю, отвѣчалъ баронъ:—ужь двадцать лѣтъ мы съ братьями караулимъ его.

«Людекая справедливость бываетъ часто немощна...

«Все, что мы съ братьями дѣлали,—дѣлали сознательно... Могилы для этихъ людей заранѣе вырыты подъ часовней...»

Онъ обратился къ Францу, который лежалъ подъ одеяломъ, совершенно-одѣтый.

— Встаньте, Гюнтеръ Блутгауптъ! сказалъ онъ.

Въ прочихъ частяхъ замка и на дворѣ была ужасная суматоха.

Крестьяне, собравшіеся на эспланадѣ, смотрѣли съ самаго начала ночи съ какимъ-то суевѣрнымъ ожиданіемъ на этотъ огонекъ, который блисталъ въ окнѣ лабораторіи графа Гюнтера, на вершинѣ сторожевой башни.

Госпожа де-Лорансъ угадала. Въ окрестностяхъ распространены былъ слухъ, что въ эту ночь случится что-то необыкновенное.

Старые арендаторы Блутгаупта, угнетенные Гельдбергами, желали, чтобъ это *что-то* было—перемѣна владѣльца.

Собравшись теперь, они толковали, что если *душа Блутгаупта*, послѣ двадцати-лѣтняго промежутка,—снова появилась на вершинѣ сторожевой башни, такъ это не даромъ...

Они видѣли въ этомъ предзнаменованіе!

Вдругъ яркій свѣтъ показался въ одномъ изъ оконъ башни; но это было не на самомъ верху, а въ предпоследнемъ этажѣ.

Свѣтъ все болѣе и болѣе увеличивался и распространялся. Скоро онъ сталъ похожъ на пожаръ, — и въ этомъ огненномъ полѣ шевелились, какъ демоны среди ада, двѣ черныя человѣческія тѣни.

Но никому не пришло въ голову, чтобъ этотъ пожаръ былъ слѣдствіемъ естественныхъ причинъ. Фантазія играла у простаковъ. Пробыло полночь: насталъ часъ привидѣній.

Ужаснулись старые блутгауптскіе арендаторы, когда густой дымъ обхватилъ старую башню. Съ этой башней соединено было для нихъ много таинственныхъ воспоминаній; то была какъ-бы священная часть стараго пепелища.

Но вотъ—послышался изъ толпы голосъ:

— Это горятъ грѣхи стараго графа Гюнтера. Не будетъ комна-

ты, гдѣ онъ грѣшилъ,—не будетъ въ нашемъ славномъ Блутгауптѣ и мѣста для сатаны!

Всѣ начали креститься: всѣ ожидали съ возрастающимъ интересомъ предсказаннаго чуда, началомъ котораго они считали пожаръ.

Внутри замка все суетилось—слуги тушили пожаръ. Охота кончилась, и рукъ было довольно. Одно лишь было удивительно, что не показывались сами владѣльцы замка.

Тушившіе огонь попали на Малю и Питуа. Они все еще были на самомъ мѣстѣ пожара.

По словамъ этихъ чудаковъ, поджечь башню велѣли имъ Гельдберги, чтобъ избавиться отъ спрятавшихся въ верхнемъ этажѣ разбойниковъ.

Кто могъ имъ вѣрить! Къ-тому же, полъ верхняго этажа только что провалился, и не было слѣдовъ минувшихъ разбойниковъ.

Малю и Питуа, въ ожиданіи справедливаго возмездія за измѣненіе новой оборонительной системы, были, однакожъ, на этотъ случай, заперты въ безопасное мѣсто.

.....

Францъ съ потушенными глазами стоялъ подлѣ побочнаго входа Блутгаупта. Въ чертахъ его замѣтно было сильное волненіе; осанка выражала благородство.

Тѣла убитыхъ понесли въ часовню.

Германъ, Готлибъ и другіе Нѣмцы изъ Тампла вытирали со стѣн заваленный полъ.

— Моисей Гельдъ! сказалъ баронъ Родахъ: — признаешь ли ты этого юношу за сына Гюнтера Блутгаупта и графини Маргариты?

Старикъ повелъ глазами, но не отвѣчалъ.

— Моисей Гельдъ! началъ опять Родахъ: — я не убилъ тебя потому-что ангелъ сталъ между тобой и моей шпагой... Присяжи мнѣ нуженъ свидѣтель того, что случилось двадцать лѣтъ назадъ. Но знай, что для тебя у меня есть оружіе страшнѣе шпаги. Признаешь ли ты этого юношу за сына Гюнтера Блутгаупта и графини Маргариты?

Сара обратилась къ отцу, какъ-бы съ намѣреніемъ поддѣлать въ немъ упорство; но старикъ помнилъ сцену въ Ротондѣ: это было выше силъ его.

— Да... проговорилъ онъ едва-внятнымъ голосомъ.

Въ виконтессѣ и въ Жюльенѣ замѣтно стало какое-то движеніе. До-сихъ-поръ, они все еще сомнѣвались. Смущеніе Денизы было еще мнѣе. Ужасное впечатлѣніе при входѣ въ комнату исчезло. Она думала только о Францѣ; счастливая, она смотрѣла на него украдкой. Сердце ея дрожало радостью и надеждой.

Цѣлый міръ мыслей тѣснился въ головѣ Франца.

Баронъ Родахъ продолжалъ:

— Здѣсь столько свѣдѣтелей, что вамъ невозможно взять свое слово назадъ, Моисей Гельдъ... и это слово имѣетъ силу акта, достовѣряющаго рожденіе, потому-что вамъ только однимъ было бы выгодно отвергать истину... Теперь безъ словъ понятно, что сынъ Блутгаупта долженъ вступить въ права своихъ предковъ.

Авель, Эсенрь и Малютка посмотрѣли другъ на друга.

— Сынъ Блутгаупта, какъ вы его называете, сказала Сара: — получить замокъ Гельдбергъ и замокъ Ротъ.

— Этого мало, сказалъ баронъ. — Блутгауптъ владелъ всѣмъ пространствомъ отъ Эссельбаха до Обернбурга, и надо вполнѣ возстановить права его!

Сара не могла скрыть своего гнѣва.

— Всего нашего состоянія не достало бы на это, сударь, прибавилъ робко Авель.

— Это должно быть!.. проговорилъ Родахъ.

Потомъ, показывая на часы, онъ сказалъ:

— Мнѣ время дорого... даю вамъ минуту на совѣщаніе... Госпожа де-Лорансъ, которая знаетъ, что находится въ одной шкапулкѣ, можетъ вамъ дать въ этомъ случаѣ превосходный совѣтъ.

Эсенрь, Авель и Сара, воспользовавшись позволеніемъ барона, начали между собою шептаться.

Во время ихъ разговора, старикъ Моисей выползъ изъ угла и какъ-бы украдкой пробрался въ средину говорящихъ.

— Дѣти мои!.. бѣдныя мои дѣти! сказалъ онъ: — не отказывайте ни въ чемъ этому человеку; онъ можетъ и безжалостенъ!

Эсенрь и Авель колебались.

— Допустить наше разореніе! подумала вслухъ г-жа де-Лорансъ... Брови ея были нахмурены, зубы стиснуты.

— Слушайте, дѣти! продолжалъ старый Гельдбергъ, дрожащимъ, но исполненнымъ нѣжности голосомъ: — если бъ вы знали, какъ я люблю васъ, бѣдныя птенцы мои!.. Ничего! вы все еще не будете нищими!.. Я вамъ припряталъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ... все вамъ отдамъ!.. все!.. ничего себя не оставлю!

— Ну, что жь?.. сказалъ Родахъ.

— Они согласны! торопливо отвѣчалъ старый Гельдбергъ.

Молчаніе дѣтей подтвердило слова его.

Въ глазахъ барона, которые въ эту минуту были устремлены на старика, выразилось состраданіе. Но оно было мгновенно; онъ скоро принялъ свой прежній холодный, повелительный видъ.

— Еще одинъ вопросъ надо рѣшить, продолжалъ онъ: — какъ объяснимъ мы смерть этихъ четырехъ человекъ?

— Мнѣ кажется, что вы одни... начала г-жа де-Лорансъ.

— Вы ошибаетесь; прервалъ Родахъ: — это прямо до васъ касается!.. Слушайте меня и не старайтесь возражать. Этотъ старикъ подверженъ припадкамъ сумасшествія...

Изумленный Моисей выпрямился,

— Вы прикажете запереть его, продолжалъ Родахъ: — а какъ вы сумасшедшаго можно все свалить...

Моисей снова опустилъ голову; онъ понялъ, что собственныи его дѣти будутъ сейчасъ его судьями.

Это униженіе было свыше силъ дѣтей Гельда.

— Милостивый государь!.. милостивый государь!.. заговоралъ Авель.

— Судите сами, прервалъ Родахъ: — развѣ можно допустить чтобъ въ здоровомъ разсудкѣ мильйонеръ, носящій имя господина Гельдберга, пошелъ продавать тряпки въ ротондѣ Тампла, или бы сдѣлался ростовщикомъ подъ низкими именемъ Арабій?..

При этомъ имени, на лицахъ Ганса, Гертруды и всѣхъ парижскихъ Пьемцевъ выразилось удивленіе.

Вопрошающіе взоры Эсеири и Авеля были обращены на Моисея. Неподвижно, безмолвно стоялъ онъ, и не отпирался...

Сара къ чему-то готовилась. Ея дикіе, огненные взоры были устремлены на отца.

— А!.. сказала она глухимъ голосомъ: — такъ это васъ называютъ Арабій!..

Съ быстротою мысли бросилась она къ спрятавшейся за Гертиною Галифардѣ и подтащила ее къ старику.

— Правда ли это, Юдиель? спросила она.

— Да, тихо отвѣчалъ ребенокъ.

Сара сорвала съ ея шеи шелковую косынку и открыла груды дѣвочки, еще испятнанную знаками жидовскаго тиранства.

Сара задыхалась; ярость кипѣла въ глазахъ ея; мрачный, кровавый взоръ переходилъ то къ взращенной груди ребенка, то къ лицу испуганнаго Жиды.

— Такъ это вы сдѣлали! произнесла она съ усиленіемъ: — умереть! вы убили ее!.. О! я не дочь Арабій, тряпичнаго торговца, а какое дѣло дѣвицы Гельдбергъ до того, что посадить въ Шарлоттѣ тампльскаго ростовщика!

Глаза старика налились слезами.

— Сара! шепталъ онъ: — милое дитя мое!.. вѣдь это было мое дитя!..

Онъ ловилъ ея руку; но г-жа де-Лорансъ безжалостно отшвырнула его.

— Вы сумасшедшій!.. сказала она.

Несчастный старикъ, покрытый смертною блѣдностью, съ сжатъими на груди руками, подползъ къ другимъ дѣтямъ... И отъ него отвернулись.

Холодъ охватилъ сердца зрителей этой ужасной сцены.

Остолбенѣлъ Моисей Гельдбергъ и съ минуту былъ неподвиженъ; потомъ глаза его, наполненные слезами, обратились къ небу.

— Боже мой! шепталъ онъ: — я вѣсмъ для нихъ пожертвовалъ, для нихъ рѣшился я на жизнь, исполненную трудовъ и преступ-

лений!.. Боже Всевышній! правосудный Творецъ! Ты не отвергнешь прибѣгающаго къ Тебѣ отца!.. Дѣти неблагодарныя, я прогланяю васъ!..

Выпрямился его колеблющійся станъ; какъ ни было низко его паденіе, но въ эту минуту въ немъ было что-то важное, торжественное.

Эсэиръ и Авель были также неподвижны и безмолвны. Сара, пожимая плечами и отвѣчая наглою улыбкой на отцовское прогланіе, хотѣла-было обратиться къ своей дочери.

Но невинный ребенокъ зналъ по инстинкту человѣческое сердце. Дѣвочка постигла, какъ ужасна должна быть дочь, отвергающая отца.

Госпожа де-Лорансъ, въ свою очередь, почувствовала боль той раны, которую за минуту передъ тѣмъ сама открыла въ груди отца своего.

Она видѣла, какъ дитя отступило отъ нея съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Этотъ ударъ, можетъ-быть, впервые пробудилъ въ ней совѣсть; она поблѣднѣла, и наглый взглядъ ея подернулся туманомъ.

Сама того не чувствуя, проговорила она то же, что ей сказалъ отецъ:

— Дочь моя, это было для тебя!..

Одна, всеми оставленная, стояла она посреди комнаты.

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ послѣдній изъ приванныхъ бароновъ Родахомъ.

Это былъ биржевой агентъ Леонъ де-Лорансъ. Медленнымъ шагомъ прошелъ онъ чрезъ комнату и сталъ подлѣ жены.

Онъ коснулся плеча ея.

Сара обернулась.

Съ минуту смотрѣли они молча другъ на друга; въ глазахъ ихъ выражалось взаимное негодованіе.

Господинъ де-Лорансъ ужь былъ не тотъ человекъ. На лицѣ его выражалась суровость. Онъ былъ похожъ на судью и повѣнителя.

Сара старалась выдержать его взглядъ, но не могла; глаза ея опустились.

— Сударыня, сказалъ наконецъ биржевой агентъ:—я не люблю васъ больше!

Въ этихъ словахъ выразилась цѣлая будущность, исполненная страшныхъ мученій...

— До расточительности доходить гостепріимство нашихъ амфіріоновъ, говорили гости, съѣхавшіеся въ Гельдбергъ, гуляя по корридорамъ замка.

Праздникъ долженъ былъ кончиться охотой съ факелами; охота прошла, но вотъ заговорили о чемъ-то новомъ!

Дѣло было въ торжественной церемоніи; рассказывали о много-то отыскавшемся сынѣ Блутгаупта.

Двери французской комнаты были растворены настежь; толпы входили туда гельдбергскіе гости.

Молодой Авель провозглашалъ громкимъ и внятнымъ голосомъ:

— Нашъ возлюбленный родитель нашелъ наконецъ то, чего искалъ такъ долго: онъ нашелъ сына своего благодѣтеля и друга, Гюнтера Блутгаупта!

Французъ былъ на эстрадѣ передъ постелью. Стоящіе вокругъ него старые блутгауптскіе арендаторы были челою новому господину.

Когда привѣтствія васалловъ были кончены, Гётцъ и Альбертъ, въ красныхъ плащахъ, вышли изъ молельни. Они стали подлѣ Отто и всѣ трое вмѣстѣ, съ обнаженными шпагами въ рукахъ, преклонили колѣни.

Не слышать было въ концахъ залы словъ, которыя произносили они; но видно было, какъ молодой графъ Гюнтеръ Блутгауптъ, поднимая, заключалъ каждого поочередн въ свои объятія.

— Честное слово, сказалъ Мирелюнь:— это почти трогательно!..

— Вадоръ!.. проговорилъ водевилистъ:— нашли пропавшаго сына... да это вещь самая обыкновенная!..

— Говорять, миліонъ годового дохода! шептала маркиз де-Ботраверъ.

Графиня де-Тартари вытирала глазки, думая о римскомъ парѣ.

Между-тѣмъ, госпожа д'Одмёръ подошла съ своими дѣтьми къ Францу.

Смущенный Жюльенъ пожалъ старому товарищу руку.

— Графъ! сказала госпожа д'Одмёръ, ловко обративъ на себя его вниманіе:— я не забыла своего происхожденія... вы глава семейства: на васъ лежитъ обязанность выдать замужъ дѣвцу д'Одмёръ.

Краска выступила на лицахъ Франца и Денизы; невыразною радостью наполнены были сердца ихъ; улыбка невольна показывалась на устахъ.

Въ другомъ концѣ залы, добрый продавецъ платья Гансъ Дорпъ соединялъ руки Гертруды и Жана Реньйо. Малютка Галилардъ Ноно дополняла эту группу, въ которой были у ней и отецъ и сестра

Давно погасла иллюминація въ мало-по-малу успокоившейся деревнѣ.

Все спало.

Не видать было свѣта ни въ одномъ изъ оконъ замка.

Предразсвѣтный мракъ начиналъ уже съ восточной стороны проясняться.

Среди этого соннаго царства, позади замка, на площади, гдѣ на нѣсколько дней предъ самъ былъ фейерверкъ, раздался шумъ. Нашлось существо, которое услышало этотъ шумъ. Бѣлая тѣнь оказалась въ окошкѣ Лии Гельдбергъ.

Въ то же почти время, три человека появились, одинъ за другимъ, на той самой маленькой платформѣ, на которой когда-то юбочныя дѣти Блутгаупта устраивали живую лѣстницу, чтобъ спастись отъ Франца висѣвшую надъ головой его смертельную опасность.

Выступъ горы заслонялъ этихъ людей отъ оконъ замка.

Они спустились внизъ и потомъ вскарабкались на противоположный утѣсъ.

Гансъ Дорнъ стоялъ на полянѣ и держалъ подъ уздцы трехъ седланыхъ лошадей.

Всѣмъ тремъ поочередно подставилъ онъ стремя, и у всѣхъ роухъ поцаловалъ почтительно руку.

— Да сохранить васъ Богъ, добрые господа мои! произнесъ онъ печально.

Съ словомъ «прощай» — всадники тронулись съ мѣста.

Слабо и жалостно повторилось это слово въ сторонѣ блутгауптскаго замка.

И бѣлая фигура, стоявшая у окна Лии, въ одно мгновеніе исчезла.

Три всадника скакали молча по направленію къ Оберибургу.

ЭПИЛОГЪ.

Господинъ Блазиусъ.

Это было въ послѣднихъ числахъ февраля. Пробыло шесть часовъ, и хриплый звукъ колокола Франкфуртской темницы затихъ.

Главный тюремщикъ, господинъ Блазиусъ, сидѣлъ одинъ меланхолически за обвѣденнымъ столомъ, едва подымая бутылку, чтобъ въ-времени-до-времени подливать себѣ рейнвейну.

Онъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Да и всего-то, велика птица, побочныя дѣти! Оно, конечно, было примѣшано въ ихъ жилы и блутгауптской крови!.. да все равно!.. я этого отъ нихъ не ожидалъ!.. Надѣлать столько хлопотъ старому дворецкому!..

Онъ глубоко вздохнулъ и выпилъ огромный стаканъ вина.

— Я медлилъ сколько могъ! продолжалъ онъ: — ну, да въдѣла все ужъ придется посмотреть!.. непременно!... а ихъ тамъ нѣтъ!.. Чортъ побери! въдѣ этотъ сенатъ способенъ посадить меня на ихъ мѣсто!..

Онъ оттолкнулъ тарелку и положилъ на руки свою плѣшивую голову.

— Ахъ, господинъ Блазиусъ! Вотъ вы, господинъ Блазиусъ! бормоталъ онъ жалобнымъ голосомъ:—вотъ сколько глупостей заставляете васъ дѣлать на свѣтѣ ваше доброе сердце!..

— Васъ спрашиваютъ, господинъ Блазиусъ! сказалъ въ это время караульный, высунувшись изъ-за двери.

— Зови сюда! отвѣчалъ старшій тюремщикъ съ безпечною убитаго человѣка.

Дверь растворилась, и вошли три человѣка въ красныхъ плащахъ.

Они остановились у порога; одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Тридцатый день еще не кончился, господинъ Блазиусъ.

Тюремщикъ протеръ глаза. На его добромъ лицѣ выразилось удивленіе, смѣшанное съ радостію.

— Я зналъ, что этотъ славный народъ возвратится! проговорилъ онъ:—здравствуйте, господинъ мой, Отто!.. Здравствуйте, добрые друзья Гётцъ и Альбертъ!.. А! каковы! Ну, да я и не сомнѣвался въ томъ, что вы сдержите свое слово!

Онъ всталъ, чтобъ поздороваться съ вошедшими.

— Вы устали, дѣти мои! продолжалъ онъ, запирая за ними дверь на замокъ.—Ну, чортъ меня возьми, если я впущу васъ въ ваши кѣлѣи, не распивъ съ вами прежде бутылки хорошаго вина!.. Садитесь, друзья; выпьемъ хоть разъ какъ истинные Нѣмцы!

Три брата съяли. Господинъ Блазиусъ досталъ изъ шкафа четыре бутылки рейнвейна.

— Еще времени довольно, продолжалъ онъ:—лишь бы мнѣ васъ къ утру разложить по постелямъ, и все будетъ ладно; за это я отвѣчаю!

Онъ наполнилъ стаканы и выпилъ весь одинъ за другихъ, за здоровье своего господина, Отто, и своихъ добрыхъ друзей, Альберта и Гётца.

Эти три гостя еще больше развеселили его.

— Mein Herr Отто, сказалъ онъ:—наскучался я по вечерамъ съ тѣхъ-поръ, какъ вы уѣхали. Самъ чортъ не свѣщеть въ этой тюрьмѣ порядочнаго негодяя, чтобъ хоть приличнѣе образомъ имперіаль поиграть!.. Экой вы народъ—то любезный, дѣти мои!.. Да здравствуетъ Отто за свой умъ! Гётцъ за умнѣе выпить, а Альбертъ за любовныя интриги!.. Пейте, дѣтушки, пейте; вѣдь вы здѣсь дома, чортъ побери!.. Ну, я парй держу, что вамъ пріятно видѣть стараго товарища!..

Вотъ ужъ это было весьма-сомнительно.

Господинъ Блазиусъ подкрѣплялъ уѣщаніе примѣромъ и пилъ отъ души.

Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу.

— Да! сказалъ онъ:—я вспомнилъ... вѣдь вы не гулять здѣсь!

ли, братцы... вѣдь вы хотѣли вернуть Блутгаупта въ замокъ его предковъ... Ну-ка, поразскажите, что изъ этого вышло!

— Елибѣ мы не успѣли въ своемъ предпріятіи, господинъ Блазіусъ, отвѣчалъ Отто:—не видать бы вамъ насъ за своимъ столомъ; мы все погибли бы въ дѣлѣ.

Тюремщикъ поставилъ стаканъ на столъ и разинулъ ротъ.

— А-га! а-га!.. сказалъ онъ:—такъ вы баталію-то выиграли!.. Ну, и посадили графа въ стѣны стараго замка?..

— Настоящаго графа, господинъ Блазіусъ:—молодаго, прекраснаго, храбраго и богатаго!

Лицо тюремщика измѣнилось. Въ его манерахъ сквозь покровительственную фамильярность начало проглядывать почтеніе.

— Такъ-что если вы когда-нибудь отсюда выйдете, продолжалъ онъ:—вы ужь не будете искателями приключеній, у которыхъ, какъ говорятся, ни кола, ни двора?

На этотъ косвенный вопросъ не отвѣчалъ ни одинъ изъ братьевъ.

Старый Блазіусъ допилъ свой стаканъ и почесалъ затылокъ.

— Чтò хочешь говори, пробормоталъ онъ про-себя:—а куда не стати быть тюремщикомъ тому, кто прежде имѣлъ честь служить у графовъ и кто носилъ серебряную цѣпочку!.. Скажите, господа, какъ вы думаете, прійметъ Блутгауптъ къ себѣ стараго своего слугу, или нѣтъ?

— Я думаю, отвѣчалъ Отто, переглянувшись съ своими братьями.

До-сихъ-поръ, лица трехъ братьевъ выражали только холодную беззаботность отваги. Въ эту минуту, глаза ихъ заблестали, какъ-будто лучъ надежды проникъ въ сердца ихъ.

— Пейте! началъ снова главный тюремщикъ:—а право, иногда вспомнишь прошедшее... привольный воздухъ вюрцбургскихъ львовъ куда лучше тюремной атмосферы!

Онъ нахмурился и ударилъ кулакомъ по столу.

— Мнѣ бы сказать: «нашей тюремной атмосферы», потому-что я, юртъ возьми, такой же плѣнникъ, какъ и другіе!.. Мнѣ бы хотѣлось знать, есть ли у Блутгаупта дворецкій...

— Вотъ этого я еще не знаю, отвѣчалъ Гётцъ.

Старикъ Блазіусъ улыбулся: онъ попалъ нечаянно на любимую свою мысль.

— Эхъ, господа! продолжалъ онъ:—вы такъ добры!.. вы вѣрно не откажетесь помочь бѣдняку, который никогда не дѣлалъ вамъ зла!...

Почтеніе все болѣе и болѣе отзывалось въ его голось.

— Развѣ вы хотите просить насъ о чемъ-нибудь, господинъ Блазіусъ? сказалъ Отто.

— Не ровнѣй часъ, добрый господинъ мой... старость приближается... а мнѣ бы хотѣлось умереть на родинѣ... Господа! скажите мнѣ по чистой совѣсти: любите ли васъ столько сынъ ва-

шей сестры, чтобъ по вашей просьбѣ отдать мнѣ мое старое мѣсто дворецкаго?

— Навѣрное, отвѣтили въ одно слово Альбертъ и Гѣтцъ.

— Если этого довольно, чтобъ сдѣлать васъ счастливымъ, господи́нъ Блазиусъ, прибавилъ Отто голосомъ, исполненнымъ доброты и истины: — я обещаю вамъ отъ своего собственнаго имени мѣсто дворецкаго въ замкѣ Блутгауцъ.

Старый тюремщикъ схватилъ—быле свой стаканъ, но потомъ оттолкнулъ его; онъ былъ взволнованъ, онъ колебался. После минутнаго молчанія, онъ снялъ свою ермолку и облокотился на столъ.

Прищурившись и улыбаясь, посматривалъ онъ въ лицо каждому изъ трехъ братьевъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, почтенные господа, сказалъ онъ наконецъ: — вамъ можно будетъ и во второй разъ уйти отсюда... Да ужь какъ будете уходить, не погнушайтесь взять съ собой бѣднаго старика, который страхъ—какъ добивается чести попутешествовать въ вашей компаніи...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

ИЗЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. РАТЬКОВА И К^о,

въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Городской
Думы, въ домъ Рогова.

(ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО)

ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМЪЛЬНИЦКІЙ. Соч. Александра Кузьмича. Эпоха первая: молодость Зинovia. Въ пяти частяхъ. Спб. 1846 г. На лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб. 50 коп.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА КЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ. Историческое изслѣдованіе. Соч. Соловьева. Москва. 1846. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.

СКАЛОЗУБЪ и ПЕРЕСМѢШНИКЪ. Собраніе весѣлыхъ разсказовъ, сатирическихъ очерковъ изъ Петербургской жизни, анекдотовъ и анекдотовъ. Спб. 1847 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

РУССКАЯ АЗБУКА, изданная Николаемъ Гречемъ. Напечатана въ Карлсруэ. 1846 г. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 35 к., въсов. за 1 фунтъ.

СЕМИСОТЛѢТНІЙ УКАЗАТЕЛЬ дней и чиселъ съ 1700 по 2400 годъ съ Паскалемъ

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ, или Русскіе въ 1612 году. Соч. М. Загоскина. Изданіе сельное. Москва 1847 года. Въ трехъ частяхъ. Цѣна на лучшей веленовой бумагѣ 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 руб.

СОБРАНІЕ ПРАВИЛЪ СОХРАННОЙ И ССУДНОЙ КАЗНЫ при Московскомъ и С. Петербургскомъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Воспитательныхъ домахъ. Извлечено изъ учрежденій и уставовъ Государственныхъ кредитныхъ установленій. Спб. 1847 года. Цѣна 80 к., съ пересылкою 1 руб.

ЧАРОМУТІЕ, или СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫКЪ Маговъ, Волхвовъ и Жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ къ же въ прамую

истоту чаромути и черной истоти лизковъ Русскаго и другихъ Словенскихъ и части латискаго. Въ большую 8 д. листа на лучшей веленовой бумагѣ, стр. 404. Петръгородъ. 1846 г. Цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкою 3 руб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, Составленный Г. Герпомъ, въ 6. 8 д. л. стр. 171. Спб. 1846 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 43 к.

ПИКИЛЛО АЛЛЫАГА, или мавры при Филиппѣ III, Романъ Евгения Скрибае. Спб. 1846 г. Одинъ большой томъ въ 8-ю д. л. Цѣна 2 руб., въсовыхъ за 3 ф.

АНЕМОПОДИСТЬ АКЕНСИМОВИЧЪ ЧЕ-СТАПОВЪ. До потопная Помехонская повесть Демократа Терпиновича. Спб. 1846 г. Цѣна 35 к., въсовыхъ за 1 ф.

ДѢТСКАЯ КОРЗИНОЧКА. Разноцвѣтными сцѣны изъ жизни малыхъ малютокъ. Съ двѣнадцатью иллюминированными картинками. Спб. 1847 года. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 1 р. 25 к., въсов. за 1 ф.

ГОРНЫЙ ДУХЪ, или РАЗСКАЗЫ о ШУТКАХЪ ЕГО въ исолянскихъ горахъ. Съ иллюминированными картинками. Москва 1846 г. Цѣна 1 р., въсов. за 1 ф.

ІОАННЪ АМВРОСІЙ РОЗЕНШТРАУХЪ. Переводъ съ Нѣмецкаго Александра Ишимова. Спб. 1847 г. Цѣна 40 к., въсовыхъ за 1 фунтъ.

ТАЛИСМАНЪ или КАВКАЗЪ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II. Историческій Романъ. Сочиненіе Платона Зубова. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1847 г. Цѣна 1 р., въсовыхъ за 1 ф.

АЛЬМАНАХЪ для ДѢВЦЪ, перваго и втораго возраста. Съ 12-ю превосходно-ли-

тографированными и раскрашенными картинками. Спб. 1847 г. Цѣна 1 руб. 50 к., въсов. за 1 фунтъ.

ГИРЛЯНДА, двѣнадцать нравственно-поучительныхъ повѣстей и разговоровъ, лучшихъ иностранныхъ писателей, съ 12-ю картинками, литографированными К. Шрейдеромъ и раскрашенными подъ его надзоромъ, 2 части. Сиб. 1847 г. Цѣна 1 руб. 50 к., въсов. за 1 ф.

ВОСПОМИНАНІЯ ОАДДЕЯБУЛГАРИНА. Отрывки изъ выдѣннаго, слышеннаго и испытаннаго въ жизни. Часть 3-я. Сиб. 1847 г. Цѣна 1 р. 50 к., въсов. за 3 ф.

ЛУЧШИЯ СКАЗКИ ИЗЪ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ, пересказанныя дѣтямъ В. Межевичемъ. Четыре части, 20 сказокъ. Цѣна 1 руб., въсов. за 2 ф.

МЫСЛИ И ПОВѢСТИ, посвященнымъ юношеству. Соч. М. Карсила. Спб. 1846 г. 47. въ 12-ю д. л. (325 стр.) Цѣна 1 руб. 30 коп. въсов. за 2 ф.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. Соч. Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. Изданіе второе исправленное. Часть I-я Исторія древнихъ Африканскихъ и Азіятскихъ народовъ. Часть II и III-я, Исторія Греціи. Отпечатанная на велевеной бумагѣ, съ 16 превосходно-гравированными картинками. Цѣна за всѣ три части 2 руб. 30 к., въсовыхъ за 3 фунта.

СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКІЯ ФИГУРЫ. Сравненіе правильныхъ и неправильныхъ многогранниковъ, съ краткимъ описаніемъ и опредѣленіемъ поверхностей и объемовъ геометрическихъ тѣлъ, служащее для поясненія при изученіи *Геометріи*; сорокъ фигуръ на картонѣ въ ящикѣ. Цѣна на обыкновенной цѣтной бумагѣ 2 р. 30 к., на цѣтной атласной 3 руб. 20 коп., на Атласной бумагѣ съ золотымъ лириетомъ 5 руб., въсовыхъ за 3 фунта.

МАРІА, или нѣкоторыя черты изъ современнаго быта Донцевъ. Сочиненіе Барона Донжана. Москва 1846 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Кромѣ книгъ, здѣсь объявленныхъ, можно адресовать свои требованія въ значительный магазинъ и за тѣми книгами, которыя были опубликованы отъ книгопродавцевъ. Высылка и доставка будутъ исполняемы съ точностію и быстротою тотчасъ по полученіи требованій.

Въгородныя особы, желающія выписывать книги въ переплетѣхъ, платятъ за обыкновенный переплетъ въ простой корешокъ 25 к. сер., въ обшитый съ французской бумагою 40 к. сер. За переплетъ книгъ въ четвертый листъ и листъ цѣна повышается, а также при переплетѣ книгъ въ особые переплетъ, бархатъ, съ золотымъ обрѣзомъ и т. п.

СЪРБИЙ АРМЯКЪ, или истинное обещаніе. Повѣсть для дѣтей. Изданіе второе. Москва. 1847. Цѣна 1 руб. 50 к., въсовыхъ за два фунта.

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ. Историческій романъ для дѣтей въ 3-хъ частяхъ. Соч. П. Фурманъ. Съ 20-ю картинками литографированными Ключевымъ, и отпечатанными въ типографіи Изданія Военной Галлерей знаменнаго дворца. Спб. 1847 г. Цѣна 3 руб., въсов. за 2 фунта.

ГОЛОСЪ ВЪРНОПОДАВНОЙ при влученіи печатнаго извѣстія и какъ читалъ Ея Императорскаго Высочества Государыня Великая Княжна Марія Николаевна, 7 Ноября 1846 года. Соч. А. Г. Съ портретомъ Ея Императорскаго Высочества. Сиб. 1846 г. въ 8 л. д. л. лучшей велевеной Бумагѣ. Цѣна 50 коп.

ИЕЗУИТЪ. Характеристическая картина изъ первой четверти осмнадцатаго столѣтія. Соч. Ю. Шпиндлера. Переводъ съ нѣмецкаго, въ 3-хъ частяхъ. Сиб. 1847 г. Цѣна 2 р., съ пер 2. р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКІЕ УРОКИ для основательнаго изученія Грамматическихъ правилъ Англійскаго языка. Составленные Еммануиломъ Ро. Сиб. 1846 года. Цѣна 75 к., перес. 1 руб.

СТИХИТВОРЕНІЯ В. АСКОЧЕНСКАГО. Кіевъ 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер 2 руб.

СТРУЭНЗЕ, ДАТСКІЙ ПЕРВЫЙ МИНИСТРЪ, или Королева и любимецъ. Историческій романъ. Соч. Гг. Арту и Фульера. Сиб. 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер 2 руб.

ЕЛКА. Часть Вторая. Семнадцати-дневное постепеннаго чтенія для школьныхъ. Составила Анна Дараганъ съ литографіями картинками. Сиб. 1846 г. Цѣна 1 р. въсов. за 1 ф.

Н Е Л И Д А.

Романъ Даниэля Стерна.

Alle Erscheinungen dieser Zeit zeigen, dass die Befriedigung im alten Leben sich nicht mehr findet.

Никл.

Всѣ явленія этого времени показываютъ, что въ старой жизни нѣтъ больше удовлетворенія.

Гиггль.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Тебѣ, котораго дружба была безъ раздѣла, преданность безъ границъ, вѣрность безъ охлажденія;

Тебѣ, прекрасный даръ, талантъ, полный лучей, разсѣвавшихъ въ мою печаль;

Тебѣ, дѣла страданія, поздній цвѣтокъ, распутившійся подъ дыханіемъ бурь;

Тебѣ, серьезный другъ, котораго важная муза склонилась надъ моими траурными днями.

Тебѣ, чужестранка по крови, сестра по чистымъ связямъ идеальнаго семейства;

Тебѣ, невидимая и лишь угадываемая заботливость, безмолвное постоянство, несравненная привязанность;

Тебѣ, молодой поэтъ съ огненнымъ словомъ, который закричалъ мнѣ: «смыслъ!»

Тебѣ, дорогое, благородное сердце, звезда — предвѣстница на моемъ обратенномъ небѣ;

Вамъ всѣмъ, которые такъ мужественно кинулись между мною и моею тяжелой участію, и нынѣ съ радостію видите на челѣ моемъ ясность, благодаря вамъ на него сошедшую.

Даниэль Стернъ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Это было въ іюнѣ; полуденное солнце обливало горизонтъ своими яркими лучами; ни одна тучка не затмѣвала небеснаго блеска. Тѣлый вѣтерокъ скользилъ по пруду и заигрывалъ съ звучными тростниками. Около берега, подъ тѣнью тополей, дремала пара лебедей. Двое прелестныхъ дѣтей, держась за руки, сидѣли въ лодкѣ, привязанной къ стволу ивы, гибкія вѣтви которой образовали надъ ихъ головами подвижную пологъ изъ свѣжей зелени. Самому старшему, можетъ-быть, было лѣтъ около двѣнадцати; это былъ ровный мальчикъ съ рѣзкими чертами лица, черными глазами, и горѣвшимъ лицомъ,—дѣтя полей, развернувшееся на солнцѣ, и вышедшее свободно играть въ нѣдрахъ матери-природы. Другое дѣтя была дѣвочка, по-видимому, годомъ моложе. Ни съ чѣмъ нельзя было сравнить правильности очертаній лица ея; но ея смѣло уже имѣло ту опасную граціозность, которая дается слишкомъ-нѣжнымъ или слишкомъ-быстро развившимся организмамъ, ея матовой бѣлизны шея гнулась подъ тяжестью золотыхъ волосъ; болѣзненная блѣдность покрывала щеки; легкіе коричневыя круги отбѣляли голубые глаза; все этомъ миломъ созданіи показывало истощеніе жизненныхъ силъ.

— Какъ скучно оставаться все время на одномъ мѣстѣ, залъ мальчикъ, внезапно вставая:—я отвяжу цѣпь, и мы пойдёмъ туда смотрѣть, гнѣздо чиряты.

— Я боюсь, произнесла дѣвочка, удерживая своими бѣлыми ручонками здоровую и загорѣлую руку своего товарища.

— Когда я самъ буду грести! возразилъ онъ съ смѣшною поспѣшностью. И, безъ труда освободившись отъ слабыхъ рукъ, его живавшихъ, онъ отвязалъ лодку, схватилъ весло и поплылъ вѣрнее середины пруда, не слушая жалобъ подруги, которая умоляла взглядомъ, произнося: Германъ, Германъ!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, произведеннаго стономъ и страхомъ, сколько удовольствіемъ, дѣвочка произнесла:—Боже, что, если насъ увидятъ! Посмотри, мнѣ кажется, тѣтушкины окна открыто. Германъ поднялъ глаза: солнце ударяло въ стекла, и они блистали, какъ брилліанты; у окна г-жи Геспелъ кого не было.

— Она не узнаетъ насъ оттуда, отвѣчалъ онъ: — къ-тоу ей тамъ нѣтъ; да не большая бѣда, еслибъ она насъ и увидѣла.

— Такъ ты не боишься, что тебя будутъ бранить? возразила дѣвочка, начиная успокоиваться:—что же тебѣ говорить мамѣ, когда ты дѣлаешь то, что запрещено?

— О! прежде всего моей матери некогда запрещать мнѣ столько-многое: а потомъ, Нелида, когда я сдѣлаю что-нибудь плохое, она не бранитъ меня: она плачетъ.

— И тогда?

— И тогда я ее цапую.

— А потом?

— Потому она съ полусердитымъ и полудовольнымъ видомъ овертъ мнѣ: «Злой ребенокъ! тебѣ всегда надобно все прещать!» [это ужь впередъ знаю.

Разговаривая такимъ-образомъ, они доплыли до части пруда, совершенно-заросшей тростникомъ и другими водяными растеніями. Германъ осторожно раздвинулъ кусть тростника, котораго шелкостылые пестики были похожи на хлопья сѣвга, забытые зимою въ этой роскошной зелени, и Нелида радостно вскрикнула, увидѣвъ гнѣздо чирятъ, въ которомъ, согрѣваемые солнечнымъ лучомъ, ждали восемь или десять яичекъ зеленовато-сѣраго цвѣта. Она долго смотрѣла на это новое для нея зрѣлище; она никогда не видала ничего подобнаго, потому-что принадлежала къ тѣмъ жалкимъ городскимъ дѣтямъ, для которыхъ природа остается чуждою, которые никогда не пробуждались съ пѣніемъ ласточки, никогда не срывали съ колючей вѣтки ягоды ежевики и не видали, какъ извернувшаяся бабочка расширяетъ молодые крылышки въ блаженной апрѣльской атмосферѣ. Съ самой смерти родителей, умершихъ въ то время, когда она была еще въ колыбели, Нелида делала, вѣреннаго пооченіямъ тѣтки, виконтессы Геспель, ни разу не выѣзжала изъ Парижа. Только въ этомъ году виконтесса шла въ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ имѣніи; но и тогда она боялась вреднаго дѣйствія на Нелиду солнца и росы и, опасаясь волковъ, змѣй, летучихъ мышей и жабъ, къ которымъ гнѣздо непреодолимое отвращеніе, очень-рѣдко позволяла ей гулять по окрестностямъ. Особенно запретила она ей переходить за раду парка, обнесеннаго съ трехъ сторонъ высокою стѣною, а четвертой огражденнаго прудомъ, по которому теперь катались Нелида, вопреки самыхъ строгихъ приказаній.

Наглядѣвшись на гнѣздо, дѣвочка сказала: — Теперь отвези меня скорѣе домой. Германъ взялъ весло, но вмѣсто того, чтобы поплыть къ парку, онъ, не обращая вниманія на всѣ просьбы поплыти, присталъ къ противоположному берегу пруда, около котораго пролегалъ большая дорога.

— Время такъ хорошо, что еще рано возвращаться домой; поплыви, погуляемъ немного; мы вернемся прежде, нежели успѣютъ гнѣздить, что тебя нѣтъ въ саду.

Говоря это, онъ привязалъ лодку къ столбу, взялъ на руки трещащую Нелиду, легко ее приподнялъ, перешелъ черезъ дорогу, и, какъ расхвывая какъ-будто для того, чтобы привлечь вниманіе и показать, что онъ ничего не боятся, перепрыгнулъ черезъ ровъ, перелѣзъ черезъ загородку и поставилъ свою мнлую ногу на краю сада, заросшаго цвѣтущимъ клеверомъ.

Общая дѣвочка, осмѣленная рѣшительнымъ тономъ Германа, ищущая видѣть неизбѣрнаго горизонта, разстилавшагося пе-

редь нею, возбуждаемая вольнымъ вѣтромъ, впервые дувшимъ ей въ лицо, отъ всей души и изъ всѣхъ силъ принялась бѣгать по полямъ, то оступаясь въ перовныхъ бороздахъ, то цѣпляясь за вѣтви длинными лентами своего мусселиноваго платья. Эти неудачи сопровождались громкимъ хохотомъ; нѣтъ веселости, которая была бы откровеннѣе перваго возстанія противъ первыхъ препятствій.

Долго бѣгавъ, прыгавъ, блуждавъ по живымъ изгородамъ, по мшистой опушкѣ лѣса, по травѣ луговъ, весело наступая на мяту и фіалки, то собирая, то бросая цвѣтки маргаритокъ, барвинковъ, наперстянковъ, дѣти очутились около фруктоваго сада, насаженнаго на южномъ скатѣ холма и огороженнаго высокимъ палисадомъ.

— О, какія прекрасныя вишни! вскричала Нелида, бросая жадный взглядъ на ягоды, рѣвшія на деревѣ, которое стояло недалеко отъ дороги, но до котораго, какъ ей казалось, нельзя было достигнуть.

— Хочешь ихъ? спросилъ Германъ, привычнымъ глазомъ успѣвнѣй уже отыскать мѣсто, гдѣ колья были не такъ плотно вставлены. Послѣ многихъ несчастныхъ попытокъ, ободравъ себѣ до крови руки и колѣни, онъ успѣлъ пролѣзть въ садъ. Въ одно мгновеніе взобрался онъ на вишню, сломилъ осыпанную ягодами вѣтку, и перепрыгнулъ черезъ заборъ.— Уйдемъ, вскричалъ Германъ, хватая за руку оробѣвшую Нелиду: — дядя Жирѣ меня и дѣлъ; этотъ старый брюзга побѣжитъ за нами. И, кинувшись съ быстротою серны, испуганной стаей гончихъ, онъ увлекъ за собою дѣвочку; меньше чѣмъ въ десять минутъ, не оглядываясь даже, нѣтъ ли за нимъ погони, добѣжалъ до берега, толкнулъ Нелиду въ лодку, самъ прыгнулъ за нею, сильнымъ ударомъ ногъ оттолкнулъ челнокъ далеко отъ берега, налегъ на весла и вскорѣ былъ уже въ значительномъ разстояніи отъ берега, посреди тростниковъ и водяныхъ лилій. Лишь тутъ дѣти рѣшились посмотреть назадъ. Дядя Жирѣ только-что подходилъ къ берегу, запыхавшись, раскрасившись, съ лицомъ облитымъ потомъ. Грубымъ голосомъ, сжимая кулаки, посылалъ онъ угрозы и ругательства наглому злодѣю, осмѣлившемуся въ его же глазахъ красть его лучшія вишни. Нелида заплакала.— Вишь свои вишни! сказалъ ей Германъ повелительнымъ голосомъ, которому она невольно подчинилась, уронивъ слезинку на полузрѣлую ягоду.

— Напрасно я желала этихъ вишенъ, тихо сказала она: — веровать дурно.

— Теперь ты станешь читать мнѣ проповѣдь? Вишь вишни и не плачь, а то дядя Жирѣ подумаетъ, что мы его боимся.

Успокоившись бесполезными криками и видя, что маленькій негодяй не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, дядя Жирѣ ушелъ съ берега, клянясь, что будетъ жаловаться полевому стражу. Перепуганная Нелида возвратилась въ замокъ, гдѣ ее строго побранили за плохое состояніе ея туалета. Мать Германа, г-жа Реннъ,

жившая въ небольшомъ домикѣ въ деревнѣ, успокоила сварливаго сосѣда небольшимъ количествомъ денегъ и множествомъ ласковыхъ словъ. Что жъ касается до Германа, то, вмѣсто всякаго извиненія, отъ него могли добиться только слѣдующихъ словъ, сказанныхъ гордо и презрительно: «Онѣ вовсе не были такъ хороши, эти вишни! къ-тому же, я нарвалъ ихъ не для себя.»

I.

Прошло четыре года. Нелида поступила въ монастырь Аннонсіады, чтобъ приготовиться тамъ къ первому причащенію, которое отлагали годъ отъ года, опасаясь за ея постоянно-слабое здоровье. Она должна была остаться въ пансіонѣ, которымъ управляли монахини Аннонсіады, до восемнадцати лѣтъ; въ эти лѣта заранѣе рѣшено было выдать-ее замужъ. Виконтесса Геспель была совершенно поработана принятыми въ свѣтѣ понятіями. Въ бракѣ видѣла она устройство, дававшее женщинѣ положеніе въ обществѣ; женитьба, въ ея глазахъ, была сдѣлкою болѣе или менѣе выгодною, шансы которой слѣдовало разсчитать съ перомъ въ рукѣ, въ конторѣ нотариуса. Основательно предполагая, что дѣвица Тлѣлле, наследница значительнаго состоянія, сдѣлается предметомъ поклоненій со стороны выгоднѣйшихъ жениховъ, лишь-только объявится о намѣреніи выдать ее замужъ, она заключила, что ей можно избавить себя на нѣсколько зимъ отъ обязанности возить ее на балы, куда она еще съ большимъ удовольствіемъ ѣздила на собственный свой счетъ. Нелида не знала ея намѣреній; но еслибъ и знала, они не произвели бы на нее никакого дѣйствія: она была отъ природы кротка и покорна, привыкла инстинктивно уважать тѣтку и еще ни разу не отдавала себѣ отчета ни въ мнѣніяхъ своихъ, ни въ желаніяхъ. Она вступила въ монастырь безъ отвращенія и вскорѣ, не смѣя сама въ томъ сознаться, почувствовала себя счастливѣе, нежели въ домѣ своей тѣтки.

Въ образѣ жизни религіозныхъ общинъ есть какая-то прелесть, влекущая и обольщающая людей съ живымъ воображеніемъ. Эти различныя существованія, слитыя въ одно, этогъ невидимый уставъ, которому все подчиняется, безмолвіе на всѣхъ устахъ, покорность, это безмолвіе воли во всѣхъ сердцахъ; молодые женщины, покрытыя трауромъ, сладостными голосами поющія погребальныя пѣсни; мощные звуки органа, гудящіе подъ робкими руками; религіозныя строгости, прикрытыя трогательною граціей; какое-то невыразимое смѣшеніе веселья и печали, смиренія и восторженности, видное на лицахъ меланхолически-кроткихъ, — все это плѣняетъ потрясенныя чувства и невольно овладѣваетъ сердцемъ. Нелида болѣе, нежели всякая другая женщина, должна была съ восхищеніемъ подойти къ этому источнику чистой поэзіи монастырской жизни. Она была одарена нѣжной организа-

цией; душа ея была полна вѣры и расположена къ мистическимъ мечтаніямъ. Нѣкогда, въ прекрасный солнечный день, робкое дитя, бѣлое, какъ водяная линія, и гибкое, какъ тростникъ, росшій въ прудѣ виконтессы Геснель, болтливая бунтовщица, бѣгавшая безъ стыда и застѣнчивости съ мальчишкою по полямъ, она теперь стала тихой и серьезной дѣвицей не совсѣмъ-обыкновенной красоты: во весеннія розы не развернулись на ея щекахъ; задумчивыя уста ея не полурастворились довѣрчивой улыбкой юности; походка ея медленна; въ голосъ дрожатъ слезы; изъ-подъ вѣкъ, тихо поднимающихся, смотреть томные взоры, кажется, полные предчувствія и умоляюще судьбу о помилованіи; можно сказать, что все въ ней было предвѣстіемъ страданія.

Угадавъ, съ пронизательностью женщины и монахини, сколько нѣжкою воспримчивости таилось въ кроткомъ созданіи, которое ей было вѣрено, начальница монастыря приняла ее подъ свое особенное попеченіе, и вмѣсто того, чтобъ помѣстить въ дортуарахъ, приказала приготовить для нея особую келью рядомъ съ своею; келью эту, по ея приказанію, убрали съ особеннымъ стараніемъ. Кровать краснаго дерева была закрыта кисейными занавѣсками; небольшой коверъ, правда, очень-тонкій и узкій, изъ онасенн соблазна для прочихъ сестеръ, непривычныхъ къ подобной роскоши, былъ постланъ около кровати, чтобъ молодая дѣвушка могла становиться на него утромъ и вечеромъ, не касаясь холодной плиты; въ изголовье начальница сама повѣсила расшатіе драгоценной работы; насупротивъ его голая стѣна украсилась гравюрою Пречистой Дѣвы, съ древняго мастера; и—вещь неслыханная въ строгой монастырской жизни,—настоятельница велѣла принести въ сада и повѣсить надъ образомъ двѣ вѣтки бѣлаго вереска, приказавъ перемѣнять ихъ, лишь-только онѣ завянутъ. Туалетъ съ зеркаломъ и два стула изъ фиговаго дерева дополняли убранство кельи; единственное окно ея отворялось въ рощу изъ цвѣтущихъ липъ, откуда летѣли сладостные ароматы.

Настоятельница приходила сюда почти каждый день, по окончаніи вечерней службы, садилась на постель къ Нелидѣ, уже ложившейся спать, и разговаривала съ нею то о приближавшемся причащеніи, то объ опасностяхъ свѣта, гдѣ будетъ жить она, то, наконецъ, о книгахъ, которыя она читала, и которыхъ символы и тайный смыслъ она объясняла ей съ рѣдкой возвышенностью мысли и съ необыкновеннымъ даромъ убѣжденія и краспорѣчи. Съ каждымъ днемъ настоятельница больше и больше нравилась ей пансіонерка, которая, съ своей стороны, страстно къ ней привязалась. Мать-Елизавета, такъ ее звали, имѣла въ свѣтѣ знаменитое имя и подъ смиренной шерстяной рясой еще легко было увидѣть въ ней привычку къ тому невольному нравственному вліянію, которое даютъ женщинамъ высокое рожденіе и красота. Впрочемъ, она не была красива, хотя ей было едва тридцать лѣтъ; она страдала. Овалъ лица ея былъ бы совершенно-правильный, еслибъ не-

чаль не вдавила щекъ ея; прямой и правильный носъ, тонкія очерганія поблѣднѣвшихъ губъ, напоминали въ ней благороднѣйшія произведенія ваянія; но ея черные, пламенные и сухіе глаза впали, а лобъ былъ исчерченъ морщинами, странно сжимавшимися при садѣйшемъ пасмурномъ движеніи ея черныхъ бровей; все въ ней носило слѣды страшной борьбы страстей, скорѣе подавленныхъ, нежели погасшихъ. Еслибъ вы видѣли, какъ она шла на хоры, высокая и нѣсколько сгорбленная подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ, съ серебрянымъ крестомъ, блиставшимъ на груди ея, душею вашею овладѣло бы чувство, полное уваженія, изумленія, любопытства и страха; въ ней была какая-то тайная сила, въ одно и то же время привлекавшая и отталкивавшая; казалось, она танцала въ себѣ великое призваніе, подавленное судьбою.

Однажды вечеромъ, обойдя позже обыкновеннаго дортуары, она застала огонь въ комнатѣ Нелиды. Раздраженная такимъ ослушаніемъ и злоупотребленіемъ ея снисходительности, начальница быстро вошла къ Нелидѣ, чтобъ сдѣлать ей на этотъ разъ строгій выговоръ за нарушеніе приказанія, которымъ запрещалось сидѣть oltre положеннаго часа; но гнѣвъ ея утихъ при неожиданномъ зрѣніи. Нелида въ шлафрокъ стояла на колѣняхъ передъ распятіемъ, съ сложенными на груди руками, поднявъ глаза къ небу и обливаясь слезами.

— Что съ тобою? вскричала мать-Елизавета въ безпокойствѣ:— чѣмъ ты плачешь? Нѣтъ ли у тебя какого-нибудь горя? Не скрываетъ ли ты чего-нибудь отъ меня?

— Ничего, матушка, отвѣчала молодая дѣвушка, вставая и пододя къ ней съ потупленными глазами.

— Но эти слезы, эти молитвы такъ поздно ночью?

— Мнѣ грустно, матушка, продолжала она:— мнѣ очень-грустно.

— Зачѣмъ же ты не сказала мнѣ этого прежде? Зачѣмъ не отрывала мнѣ своей печали?

Настоятельница сѣла около ея постели. Нелида помѣстилась у ей въ ногахъ, и, взявъ ея руку, приложила къ ней горячія губы.

— Развѣ ты грустишь о томъ, что живешь здѣсь? продолжала мать-Елизавета, видя, что молодая дѣвушка молчитъ.

— Можете ли вы это думать? Напротивъ, я только того и опасаюсь, что меня возьмутъ отсюда слишкомъ-рано. Свѣтъ страшить меня; при мысли о томъ, что мнѣ должно будетъ вступить въ его, я чувствую какое-то непонятное безпокойство; мнѣ кажется, то я непременно оскорблю въ немъ Бога и погублю свою душу. Мнѣ непрерывно слышится внутренней голосъ, который говоритъ, что я должна умереть... умереть или... но я не смѣю продолжать...

— Говори, дитя мое, сказала настоятельница, сжимая руку Нелиды своей исхудавшей рукою.

— Или, матушка, я должна никогда не разставаться съ вами, никогда не видѣть свѣта; постричься...

— Избави тебя Богъ отъ этого! вскричала настоятельница дрожащимъ голосомъ.

Неллида посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Такъ вы думаете, что я недостойна...

— Дитя, продолжала мать-Елизавета, не давая ей времени окончить фразу:—ты не знаешь, что такое жизнь монахини! И она развернула передъ молодой дѣвушкой, жадно ловившей слова ея, столь-грустную, безотрадную, патетическую, глубоко-вѣрную картину монастырской жизни, ея однообразія, докучливости, ея неизбежныхъ мелочей, что молодая дѣвушка затрепетала, и у ней вырвался вопросъ самый естественный, о которомъ, безъ сомнѣнія, настоятельница не подумала:—такъ вы очень-несчастливы, матушка!

Мать-Елизавета дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я такова, какъ угодно Богу, отвѣчала она, быстро вставая:—что до этого! Но, дитя мое, глупо съ моей стороны мѣшать тебѣ спать; воображеніе твое воспламеняется, тѣло слабѣетъ; ты бредишь. Завтра тебѣ надобно будетъ повидаться съ отцомъ Эмери и покориться больше прежняго его совѣтамъ. Это человекъ мудрый и благоразумный; онъ скорѣй меня можетъ дать тебѣ полезный совѣтъ и возвратить миръ въ твою встревоженную душу.

Сказавъ это, мать-Елизавета отправилась къ двери, слыша знакъ Неллиды, чтобъ она за ней не слѣдовала.

Ни та, ни другая не могли заснуть ни на минуту въ-продолженіе ночи.

II.

Въ пять часовъ утра настоятельница ждала отца Эмери въ скриптинѣ. Это была очень-низкая комната, болѣе-длинная, нежели широкая, и сырая въ самое жаркое время лѣта, потому-что находилась ниже поверхности земли. Высокое и узкое окно разливало по ней сквозь оранжевыя стекла свой странный и неправильный свѣтъ; противъ окна, на черномъ сукнѣ, вставленномъ въ раму буковаго дерева, висѣло распятіе изъ пожелтѣвшей отъ времени кости; два огромные сундука изъ стараго дерева, источеннаго червями, занимали оба боковые простѣйки; въ одномъ хранились церковныя принадлежности: покровы, канделябры, сосуды, различныя украшенія: въ другомъ помѣщалась ризница. Открытая исповѣдальня, состоявшая изъ еловой доски, въ которую вставлена рѣшетка, предназначенная для исповѣди постороннихъ, привлекаемыхъ въ монастырь славомъ отца Эмери. Малой святаго отца, кресло и нѣсколько шитыхъ стульевъ довершали убранство этой грустной комнаты. Настоятельница, искрестивъ ее нѣсколько разъ во всѣхъ направленіяхъ, вѣ конецъ сѣла въ кресла. Она казалась въ большомъ безпокойствѣ и время-отъ-времени взглядывала на внѣшнюю дверь, которая и

отворялась. Всю ночь она думала о Нелидѣ; она упрекала себя въ томъ, что отсовѣтовала ей постричься. Это стремленіе, которое, казалось, чувствовала въ себѣ молодая дѣвушка и котораго опрометчивость она выказала ей съ такою горячностью, представлялось ей теперь совершенно въ другомъ свѣтѣ. Эгоистическія мысли не предстають благороднымъ душамъ прямо: онѣ идутъ далекими обходами, и чтобъ обмануть ихъ, убираютъ себя тысячью ложныхъ предлоговъ. Точно такъ первымъ движеніемъ матери—Елизаветы было подавить всѣми силами восторженность Нелиды; поразмысливъ, она почувствовала въ сердцѣ сильное желаніе сохранить возлѣ себя любимую ею дѣвушку. Мысль, что въ ея бесплодной жизни будетъ при ней существо прелестное и чувствительное, что она можетъ, наконецъ, кому-нибудь вѣриться, кому-нибудь сообщать свои мысли, производила въ пей внутреннее содроганіе, котораго она не могла превозмочь. Ей такъ надоѣла ея странная власть! ей такъ надоѣло повелѣвать стадомъ женщинъ, изъ которыхъ многія перемѣнили пальцы на четки, романсъ на псаломъ, даже не замѣтивъ въ томъ никакой разницы, а у другихъ всей дѣятельности души доставало въ обрѣзъ на столько, чтобъ сѣять въ монастырѣ мелкія страсти, пустыя интриги и ссоры! Она задыхалась отъ принужденнаго безмолвія, подъ которымъ таилась ея энергическія мысли. Мать—Елизавета принадлежала къ числу женщинъ, которыя править государствомъ не сочли бы слишкомъ—тяжелымъ для себя бременемъ. Способности ея были созданы для дѣлъ, характеръ для власти. Вдали отъ того и другаго, несчастная женщина была принуждена то спорить о времени постриженія бѣлицы, то назначать порядокъ религіозной процессіи по монастырскому саду, или дѣлать выговоры молодымъ монахинямъ за разговоры въ церкви. Потому—то она жадно кинулась на встрѣчу надеждѣ, внезапно—мелькнувшей на ея горизонтѣ; и чтобъ извинить свой поступокъ въ собственныхъ глазахъ (надменнымъ людямъ, никогда нерѣшающимся оправдываться передъ другими, всегда нужно заставить молчать своего внутренняго судью), она говорила самой себѣ, что бываютъ же примѣры истиннаго призванія; что Нелида по природѣ своей, кажется, предназначена сильно страдать въ мірѣ; что у ней не будетъ довольно силы, чтобъ превозмочь труды и волненія дѣйствительной жизни и что однообразіе монастыря менѣе противорѣчитъ наклонностямъ ея мечтательной души, нежели разнообразныя и пустыя удовольствія нашего вѣка.

Пока она разсуждала такимъ образомъ, какъ обыкновенно случается, болѣе и болѣе укрѣпляясь въ эгоизмѣ своей тайной мысли, дверь тихо отворилась, и отецъ—Эмери вошелъ въ сакристію.

— Вы опоздали, батюшка, сказала ему настоятельница, едва привставая съ кресель.

— Теперь половина шестаго, сестра, а я служу обѣдню только въ шесть; отвѣчалъ онъ, вынимая часы.

Мать-Елизавета замолчала; въ нетерпѣніи, время показалось ей слишкомъ-долгимъ, между-тѣмъ, какъ отецъ-Эмери былъ аккуратенъ, какъ маятникъ.

— Нѣтъ ли чего новаго въ монастырѣ? продолжалъ онъ, склепывая верхнюю шелковую рясу чернаго цвѣта, которую онъ бережно повѣсилъ на спинку стула, и отворилъ ризницу, чтобъ достать себѣ стихарь.

— Въ монастырѣ ничего; но у насъ въ пансіонѣ есть воспитанница, которая хочетъ посвятить себя Богу...

— Которая? прервалъ отецъ-Эмери, поднимая на нее свои сѣрые, пронизательные глаза.

— Дѣвица Тьелле.

— Нелида Тьелле? Это невозможно.

— Призваніе ея мнѣ кажется истиннымъ, сказала игуменья, смягчая голосъ, который становился, когда она хотѣла, до того вкрадчивымъ, что въ прежнее время, вѣроятно, никто не могъ ему противиться:—Нелида дѣвушка разсудительная, гораздо-выше своихъ лѣтъ по уму и такой прямоты душевной, что нельзя сомнѣваться въ чистотѣ ея желанія.

— Я не говорю, что она не чувствуетъ призванія; я говорю, что мы не должны допускать ее до этого, продолжалъ священникъ болѣе-сухимъ тономъ.

— Но, отецъ мой, сказала мать-Елизавета, мало-по-малу разгораясь: — вы не думаете о томъ, какое это будетъ драгоценное приобрѣтеніе для церкви, въ-особенности для нашего ордена...

— Мы дѣлаемъ слишкомъ-много этихъ приобрѣтеній, отвѣчалъ священникъ, надѣвъ между-тѣмъ свой стихарь и отиѣчая прологъ и эктению въ служебникѣ; вы знаете, что наши враги обвиняютъ насъ въ томъ, будто мы обманомъ склоняемъ ко вступленію въ иночество; говорятъ, что мы привлекаемъ къ себѣ богатыхъ наслѣдницъ, что мы ловимъ ихъ; я, кажется, слышу еще, что толковали въ то время, какъ вы приняли постриженіе. Нѣтъ, у дѣвицы Тьелле большое состояніе; всѣ знаютъ, что вы обращались съ ней особенно-внимательно; этого довольно, чтобъ породить клевету; все это раздражаетъ противъ насъ; мы живемъ въ тяжелыя времена; надобно оставить дѣвицу Тьелле въ мирѣ: тамъ она будетъ намъ гораздо-полезнѣе, чѣмъ здѣсь.

— Но, прервала его игуменья, блѣднѣя отъ злости, такъ мало ожидала она встрѣтить противорѣчіе: — если мы ее отвергнемъ, она пострижется въ другомъ мѣстѣ; она сдѣлается августинкою, кармелиткою, Богъ-знаетъ чѣмъ еще...

— Это вѣроятно; впрочемъ, что мнѣ до этого за дѣло! повторяю вамъ: нехорошо будетъ, если она у насъ пострижется.

— Но, отецъ мой, сказала игуменья, возвышая голосъ и будучи не въ силахъ болѣе удерживаться:—мнѣ кажется, дѣло не въ томъ, угодно ли это вамъ, но угодно ли Богу.

Отец—Эмери поднялъ глаза, опущенные въ книгу, и окинулъ настоятельную долгимъ взглядомъ, въ которомъ видѣлось какое-то презрительное состраданіе.

— Васъ увлекаетъ, сударыня, рвеніе къ дому Господа, ска- залъ онъ наконецъ съ нѣкоторой ироніею. — Берегитесь; у васъ сильныя страсти; вы еще слишкомъ-мало привыкли уважать чужія мнѣнія.

— Я не привыкла признавать воли выше воли Божіей, отвѣчала игуменья внѣ себя.

— Вамъ все еще кажется, что вы въ домѣ господина герцога, вашего батюшки, продолжалъ священникъ, по-видимому неслы- хавшій возраженія:—что вы окружены многочисленными рабами...

— Ради Бога, вскричала игуменья, выпрямляясь какъ эхидна, на которую наступили: — не смѣйтесь надо мною; не доводите меня вѣчно до крайности; вы не знаете, на что я способна.

Отец—Эмери посмотрѣлъ на нее съ убійственнымъ хладнокро- віемъ.

— Вамъ нужно спокойствіе, сестра моя, продолжалъ онъ болѣе- кроткимъ голосомъ:—вы, кажется, дурно провели ночь. Пришлите ко мнѣ эту дѣвочку послѣ обѣдни и потрудитесь сказать, чтобъ благоувѣстили; скоро шесть часовъ.

Мать—Елизавета вышла молча, кинувъ на священника взоръ, го- рѣвшій ненавистью.

III.

Отец—Эмери былъ столько проникателенъ, что тотчасъ понялъ изъ словъ Неллиды, что ея безпокойство, задумчивость и мнимое желаніе посвятить себя Богу происходятъ отъ смутнаго пробужде- нія юности въ дѣвственной натурѣ, отъ неопредѣленной потребно- сти любви, искавшей себѣ предмета, и отъ какой-то умственной жажды, которая, можетъ-быть, не была утоляема сколько слѣдо- вало. Онъ ускорилъ время первой ея исповѣди, справедливо полага- я, что это божественное успокоеніе души утишить по-крайней- мѣрѣ на время безпокойство чувствъ; а выиграть время значило для него все выиграть. Онъ полагалъ, что если однажды дѣвица Тьёлле воротится въ родительскій домъ, то ни онъ, ни его орденъ не могутъ больше отвѣчать за нее: тогда имъ нельзя будетъ при- нисывать крайностей, въ которыя Неллида могла быть неизбежно увлечена своимъ романтическимъ воображеніемъ. Онъ потребовалъ, чтобъ она больше прежняго принимала участіе въ общей жизни канцонерокъ. Всегда покорная и, сверхъ-того, лишась съ нѣкто- раго времени бесѣды настоятельницы, неприходившей больше въ ея келью, дѣвица Тьёлле перестала пользоваться предоставленны- ми ей привилегіями и подчинилась общимъ правиламъ.

Однажды утромъ, послѣ окончанія уроковъ, замедливъ немного въ

классъ, она собиралась, идти въ садъ къ другимъ воспитанницамъ и отыскивала глазами мѣсто, гдѣ собрались ея подруги, какъ вдругъ слухъ ея пораженъ былъ громкимъ смѣхомъ, посреди котораго, показалось ей, слышался жалобный голосъ. Любопытствуя узнать причину такой шумной веселости, она подошла къ длинной аллѣ, перерѣзанной на двое купюю липъ, и въ концѣ ея увидѣла сцену, привлекающую все ея вниманіе. Посреди дѣвицъ, одѣтыхъ въ черныя форменныя платья, была привязана къ дереву молодая дѣвушка, увѣшанная разноцвѣтными тряпками. Необыкновенное убранство и странныя движенія бѣдной мученицы, ея жалобные крики производили въ подругахъ ея выраженія удовольствия, ежеминутно возобновлявшіяся. Еще не понимая, въ чемъ состоитъ эта жестокая забава, но видя издали живыя движенія воспитанницъ и ихъ прыганье вокругъ дерева, Нелида спросила у одной дѣвочки, бѣжавшей мимо ея:

— Что это значитъ?

— Тсс! отвѣчала она, остановившись на минуту: — не измѣни намъ; надзирательницу позвали въ пріемную; на ея мѣсто никто не пришелъ, и мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ повеселиться чудеснымъ образомъ. Я бѣгу въ гардеробъ еще за нѣсколькими платьями; мы одѣли Клодину царицею Сабою; она плачетъ, вотъ — прелесть! она никогда не бывала такъ смѣшна; сперва она хотѣла вырваться, но у ней не достало силы и мы крѣпко привязали ее къ большой липѣ; теперь мы подносимъ ей букеты чертополоха и поемъ ей въ честь гимны. — И пансіонерка, уходя, запѣла: *Мистическій бекасъ, крулый прыжокъ, царица дураковъ...*»

Возмущенная такимъ кощунствомъ и полная состраданія къ несчастной жертвѣ этихъ злыхъ дѣтей, Нелида ускорила шаги и вскорѣ подошла къ веселой толпѣ, которая внезапно замолкла при ея приближеніи. Въ пансіонѣ питали какое-то невольное уваженіе къ дѣвицѣ Тьѣлле.

— Право, mesdemoiselles, сказала она, обращаясь къ отыѣвшимъ плясуньямъ: — вы избрали себѣ занятіе, которое вовсе не дѣлаетъ вамъ чести.

Никто не отвѣчалъ ни слова; это забавлялись взрослые, пятнадцати и шестнадцатилѣтнія дѣвушки. Нелида подошла къ несчастной Клодинѣ, не безъ труда распутала веревки, которыми она была привязана, оборвала покрывавшіе ее лоскутья, и, взявъ ее подъ руку, увеза съ собою, объявивъ, что если еще разъ случится что-нибудь подобное, то хотя ей очень-непріятно быть доносчицею, но она расскажетъ обо всемъ настоятельницамъ и отцу-Дюэри. Всеобщее молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ пансіонерокъ.

Когда онѣ немного удалились, дѣвушка, избавленная Нелидой отъ этого жестокаго посмѣшища, вдругъ остановилась, кинулась въ ноги, обняла ея колѣни и залилась слезами. Клодина де-Мон-

клеръ, съ самаго своего вступленія въ монастырь, была любимую игрушкою воспитаницъ. Это было кроткое дитя, почти тупое. Десяти лѣтъ отъ роду, у ней было воспаленіе въ мозгу, отъ котораго ее вылечили только самыми сильными средствами; но съ того времени она осталась въ состояніи тупоумія, изъ котораго еще ничто не могло ее вывести. Родители отдали ее въ монастырь, ожидая, что перемѣна мѣста и вліяніе общества сверстницъ будутъ имѣть благопріятное дѣйствіе на ея умственныя способности; но болѣзнь ея только увеличилась; сдѣлавшись предметомъ злыхъ шутокъ подругъ, находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобъ увеличивать смятеніе ея бѣднаго разсудка, запуганная, забитая, она съ каждымъ днемъ становилась менѣе и менѣе способною мыслить, и послѣдній лучъ смысла вскорѣ погасъ бы въ ней, еслибъ, какъ мы видѣли, Нелида не освободила ея отъ преслѣдованій и не объявила себя ея покровительницею.

Трудно описать восторги Клодины и странныя изъявленія ея признательности. Чѣмъ тупѣе былъ ея разумъ, тѣмъ, казалось, было способнѣе къ преданности сердце. Она привязалась къ Нелидѣ какъ вѣрная собака; она слѣдовала за нею всюду, не спускала съ нея глазъ, подсматривала ея малѣйшія движенія и гордилась тѣмъ, что услуживала ей какъ рабыня. Однажды, во время процессіи святыхъ тайнъ, замѣтивъ, что подъ ноги священника кидали розы, она вообразила, что въ этомъ состоитъ самое большое доказательство уваженія къ тѣмъ, кого мы любимъ, и съ этого времени Нелида не дѣлала шагу по саду, чтобъ Клодина, вооружаясь огромнымъ букетомъ, который ежедневно присылали ей родители, всячески старавшіеся угодить ей, не кидала подъ ноги своей благодѣтельницы жасминовъ, туберозъ, анютиныхъ глазокъ, лучшихъ цвѣтовъ, какіе только можно было достать въ то время года, и приходила въ восторгъ отъ удовольствія, если Нелида неволью улыбалась.

Мало-по-малу, разговаривая съ Клодиною, какъ-будто та могла во всемъ понимать ее, дѣвица Тьѣлле замѣтила, что бѣдный, потерянный разсудокъ ея какъ-будто останавливается и старается узнать самого-себя. Клодина всегда обнаруживала сильную наклонность къ музыкѣ. Голосъ ея былъ вѣренъ и свѣжъ; не могли запомнить ничего другаго, она удерживала въ памяти и пѣла съ поразительною вѣрностію аріи, которыя слышала всего одинъ разъ. Нелида дала себѣ слово проложить для этого слабаго разсудка нечувствительные спуски, цвѣтушія дороги, гдѣ бы мысль ея не встрѣчала препятствій; она увеличила число музыкальныхъ уроковъ, постаралась помѣстить Клодину въ хоръ церковныхъ пѣвчихъ и съ намѣреніемъ льстила ея самолюбію преувеличенными похвалами. Въ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ Нелида достигла изумительныхъ успѣховъ и уже надѣялась совершенно возвратитъ разсудокъ своей бѣдной простячкѣ, какъ настало время, когда она должна была отказать отъ этого добраго дѣла, покинуть монастырь и войти въ

жизнь неизвѣстную, страшную, гдѣ ей самой такъ нужны были путеводитель и подпора.

IV.

Небо было сѣро, воздухъ душень. Уже прошло восемь дней, какъ дѣвица Тьелле распрошалась съ своими подругами: слѣдуя монастырскому обычаю, она заперлась въ своей комнатѣ и не выдалась ни съ кѣмъ, кромѣ отца—Эмери. Виконтесса Гееналь не знавала дня, въ который она должна была прѣѣхать за своей имѣнницей; но знали, что она будетъ скоро. Сѣвъ на окно своей келлы, Нелида задумчиво бродила глазами то по недвижной массѣ листвъ, листья которыхъ, подавленные душной атмосферой, предвѣстующей бурѣ, были опущены къ землѣ, то по собиравшимся на небѣ тучамъ, то останавливала ихъ на Клединѣ, ходившей взадъ впередъ по аллеѣ, усаженной цвѣтущими розами, съ тетрадкой въ рукахъ, и громко повторявшей стихи, которые она старалась выучить къ экзамену. Проходя подъ окномъ Нелиды, она всякій разъ останавливалась, грустно глядя на нее и посылая ей поцалуй. Дѣвѣ Тьелле улыбалась и снова впадала въ задумчивость. Вдругъ она трепетала, услышавъ стукъ кареты по мостовой монастырскаго двора и ударъ упавшей подножки. Она была увѣрена, что прѣѣхала виконтесса. Въ-самомъ-дѣлѣ, спустя двѣ минуты, ей сказали, что хозяйка дома ожидаетъ ее въ большой пріемной. Нелида машинально взяла шляпку и шаль, спустилась съ лѣстницы и, едва держась на ногахъ, пошла по корридорамъ; глаза ея были полны слезъ, едва не сдѣлалось дурно, когда провожавшая ее монахиня открыла дверь въ пріемную, и она увидѣла передъ собой тѣтку и мать Елизавету. Виконтесса подошла обнять ее, но хозяйка встала между ними, взяла Нелиду за руку и съ выраженіемъ великаго сожалѣнія подвела трепетавшую дѣвушку къ подножію распятія, освященнаго даже эту свѣтскую комнату; тутъ, ставъ рядомъ съ ней на лѣвнѣ, она сказала твердымъ, но глубоко-измѣнившимся голосомъ: — Помолимся, помолимся вмѣстѣ, можетъ-быть, въ послѣдній разъ попросимъ у Бога, дитя мое, чтобъ, покинувъ это святое убѣжище, ты не перестала чтить его закона и быть вѣрною его божественной любви. Ты вступаешь въ свѣтъ, гдѣ часто оскорбляютъ тотъ и другую. Дай Богъ, чтобъ ты всегда осталась тѣмъ, что ты теперь, Нелида: существомъ чистымъ, наполненнымъ высокими помыслами. Прійми, въ эту слишкомъ-грустную для тебя минуту, собравъ всѣ силы души твоей, благословеніе Господа, которое я призываю на тебя и на твою будущую жизнь.

Игуменья встала, потомъ усталымъ движеніемъ, въ которомъ было какое-то грустное величіе, простерла свою дрожащую руку надъ Нелидой, утопавшей въ слезахъ, и благословила ее во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Право, говорила виконтесса, кидаясь въ модную карету, ожидавшую ее у крыльца:—эти монахини странныя женщины. Какъ будто ты будешь жить между безбожниками! Благодаря Бога, нѣтъ: я считаю себя такой же доброй христіанкой и желала бы знать, кто аккуратнѣе меня ѣздитъ въ церковь.

Нелида была задумчива. Карета остановилась у внѣшнихъ, рѣшотчатыхъ воротъ, медленно поворачивавшихся на петляхъ. Въ точка бѣлаго вереска, только-что сорванная, упала на подушки. «Клодина!» вскричала Нелида, кидаясь къ дверцамъ. Въ эту минуту, нетерпѣливыя лошади бросились вонъ изъ воротъ и понеслись по дорогѣ къ отелю Геспель.

— Да, дитя мое, сказала виконтесса, незамѣтившая происходившаго, такъ внимательно смотрѣла она, какъ ея лошади играли подъ рукой кучера:—это очень-хорошо, очень было прилично съ твоей стороны показать настоятельница сколько-нибудь грусти при разставаньи съ нею, но теперь тебѣ можно быть веселѣе. Я приказала приготовить тебѣ восхитительную комнату; у тебя будетъ горничная для тебя одной; у меня ждуть шведы, чтобъ снять съ тебя мѣрку и приготовить тебѣ какъ-можно-скорѣе полное приданое, потому-что я съ нетерпѣніемъ ожидаю, когда ты скинешь это черное платье. Черезъ недѣлю, я повезу тебя на балъ къ жель австрійскаго посланника. Развеселись же, мой другъ; для тебя начинаются прекрасные годы.

Виконтесса Геспель, какъ всѣ ограниченные люди, была убѣждена, что все, ее занимавшее, имѣло интересъ и для другихъ и никогда не замѣчала невниманія своихъ слушателей; на этотъ разъ также она не видала, чего почти нельзя было не видать, что дѣвица Тѣлле, въ глубокой печали, едва слышала звуки словъ ея, и рѣшительно была не въ состояннн сказать, что они значили. Карета остановилась у подъѣзда отели Геспель. Лакеи въ парадныхъ ливреяхъ собрались, чтобъ принять свою молодую госпожу; виконтесса и Нелида прошли сквозь эту многочисленную шереенгу, юдялись по лѣстницѣ, устланной ковромъ и уставленной кустарщиками, и г-жа Геспель, спѣшившая насладиться изумленіемъ зоей племянницы, ввела ее въ назначенную ей комнату. Эта комната образовала восьмиугольникъ, обтянутый прозрачнымъ газомъ, который подложенъ былъ матерією розоваго цвѣта и перехваченъ жолудями, кистями, галунами и другими украшеніями болѣе нежели спорнаго достоинства въ-отношеніи къ вкусу. Огромное трюмб, обремененное позолотой, занимало главную панель. Диванъ и кресла изъ бѣлаго атласа, усыпаннаго выпуклыми букетами розъ, показались виконтессѣ такую удивительной прелестью, которая должна была очаровать взоры. Горностаевый ѣхъ, кинутый около розовой постели, этажерки, уставленной арфоромъ, кристаллами и другими игрушками всякаго рода, окончательно придавали этой комнатѣ что-то кокетливое и натянутое, могшее понравиться серьезной Нелидѣ.

Всегда, хотя часто и безъ нашего вѣдома, устанавливается какое-то отношеніе между внѣшними предметами и самымъ внутреннимъ существомъ нашимъ. Линія, форма, цвѣтъ, звукъ, запахъ, сѣть и тѣнь—это ноты таинственной гармоніи, дѣйствующей на душу, то успокоивающіе ее и доставляющіе ей удовольствіе, когда эта гармонія сходится, какъ вѣрный аккомпаньмантъ съ внутренней мелодіей нашихъ чувствъ и мыслей; то тревожащіе ее и раздражающіе, когда происходитъ разногласіе и борьба между той и другою. Неллида была весьма-непріятно поражена всей этой неумѣстной роскошью; но, видя навнѣшную радость тѣтки и ея нѣжную заботливость, она старалась быть ей признательною и пробормотала нѣсколько выражений благодарности, которыхъ неловкость была отнесена виконтессой къ чрезмѣрному удивленію, весьма-понятному въ монастырѣ.

Конецъ этого дня и нѣсколько слѣдующихъ были употреблены на поѣздки въ магазины и покупки бархата, лентъ, кружевъ. Г-жа Геспель регулярно каждое утро ѣздила по моднымъ улицамъ даже безъ намѣренія что-либо купить тамъ; она любила разговаривать съ магазинщицами, оказывавшими ей уваженіе, которое льстило ея самолюбію, и если ей случалось встрѣтить магазинѣ кого-нибудь изъ своихъ пріятельницъ, то взаимныя вѣты, замѣчанія о формѣ мантильи, разборъ шляпки, и т. п. Наканунѣ на какой-нибудь иностранкѣ, до того ожививъ разговоръ, что онѣ часто забывали даже объ обѣдѣ. Въ этихъ-то встрѣчахъ, среди развернутыхъ матерій, прикинутыхъ головныхъ уборовъ и оглушающей болтовни магазинщицъ, Неллида познакомилась съ дамами Сен-Жерменскаго-Премѣстья, и получила первое и неизгладимое впечатлѣніе того общества, въ которомъ ей предназначено было жить. Настала дѣньга. Не смотря на неудовольствіе тѣтки и настойчивость модистки дѣвица Тьелле одѣлась съ строгою простотою. Волосы ея, какъ и модѣ, требовавшей, чтобъ они были курчавы и завиты, она оставила гладкими прядями на лбу. Она упорно отказалась оживить блѣдныя щеки небольшимъ количествомъ румянъ и не позволила себѣ обременять никакимъ ожерельемъ своей нѣжной шеи. Садясь въ карету, замѣтили, что не достаетъ букета у корсажа. Завѣсивъ известной цвѣточницѣ: всѣ корзины ея были пусты; виконтесса возбѣсилась и, не смотря на извиненія торговки, сваливавшей вину на мальчика, поступившаго наканунѣ въ ея магазинъ, заявила перестать покупать у ней въ магазинѣ, когда Неллида, чтобы успокоить тѣтку, искавшая во всѣхъ углахъ, во все продолженіе этого разговора, какихъ-нибудь цвѣтовъ довольно-свѣжихъ, сдѣлать изъ нихъ кой-какой букетъ, замѣтила въ ведрѣ съ цвѣтами куда въ беспорядкѣ брошены были негодныя растенія, прощупавъ неловко, печально свѣсившій изъ ведра свою поблекшую голову. При этомъ видѣ, давно изгладившееся воспоминаніе воскресло въ ея памяти. Она вспомнила прудъ г-жи Геспель, и лодку на немъ, и птичье гнѣздо, и въ особенноти заборъ, черезъ который

такъ храбро передѣлъ ея маленькій деревенскій пріятель. Всѣ эти образы, такъ неожиданно вызванные, чрезвычайно ее растрогали. Она схватила нунуфаръ, вытерла его влажный корень своимъ тонкимъ батистовымъ платкомъ, и, приколовъ его къ поясу, объявила, что она находитъ этотъ цвѣтокъ прелестнымъ и что не выбрала бы себѣ другаго изъ пѣлаго парника съ самыми рѣдкими растеніями. Капризъ былъ страненъ, но разбирать было некогда; время уходило. Виконтесса, безъ большаго ворчанья, сѣла въ карету, и черезъ десять минутъ вступила съ своей племянницей въ залы посольскаго дома.

Представленіе дѣвицы де-ла-Тьёлле было возвышено заранѣе; выѣздъ въ свѣтъ такой богатой наслѣдницы былъ событіемъ, и когда появилась виконтесса, разряженная, разубранная, вся въ перьяхъ, блистая бѣлками и распухши отъ кружевъ, разговоры прекратились, — каждый замолчалъ, чтобъ лучше разглядѣть новоприбывшую. Восхищенная эффектомъ, который она производила, г-жа Геспель прошла нѣсколько залъ, улыбаясь однимъ, подавая другимъ руку, дѣлая знаки вѣтеромъ, цѣпляясь всѣми своими украшеніями за ордена мужицъ, сопровождаемая Нелидою, блѣдною и серьезною, безъ любопытства и безъ волненія смотрѣвшую на новое для нея зрѣлище блистательнаго праздника.

— Она очень-хороша, говорили многіе мужчины.

— Но безъ всякаго выраженія, замѣтила одна *merveilleuse* на выходѣ.

— Зачѣмъ тѣтка не нарумянила ее немного? прибавила одна красная дама.

— Она издержала на себя всѣ румяна, отвѣчалъ молодой франтъ. — Развѣ вы не замѣчаете, сколько свѣжести и блеска пріобрѣтаетъ виконтесса съ годами; нынѣшней зимою она рѣшительно походитъ на бенгальскую розу.

Возбуждая на пути своемъ эти и тому подобныя замѣчанія, виконтесса усѣлась въ танцевальной залѣ. Она поспѣшила познать Нелиду съ нѣсколькими молодыми дѣвушками ея лѣтъ, между-прочимъ, съ одной дѣвицей Ортансою Ланженъ, которая, казалось, была царицею бала.

— Это дочь нотариуса, тихо сказала виконтесса племянницѣ:— но ее все-таки вездѣ принимаютъ, какъ-будто-бы она была какая-нибудь Дюрá или ла-Тремуль,—во-первыхъ, потому-что она очень-богата и отецъ ея оказалъ важныя услуги нѣкоторымъ знатымъ фамиліямъ, во-вторыхъ, потому-что она очень-умна и какъ-нельзя-лучше понимаетъ свое положеніе. Отецъ ея отца въ двухъ шагахъ отъ насъ: это будетъ для тебя удобное знакомство.

Мамзель Ланженъ осыпала Нелиду учтивостями, назвала ей лучшихъ танцоровъ, описала смѣшныя стороны модныхъ дамъ. Нелида была восхищена ея ласковыми манерами. Подъ конецъ бала, прелестная Ортанса, восхищенная тѣмъ, что можетъ покровительствовать только-что вступающую въ свѣтъ дѣвушку, увѣрала

всѣхъ, что она коротко подружилась съ мамзель де-ла-Тилле и будеть видѣться съ ней безпрерывно.

V.

Какое странное зрѣлище представляетъ разсудительному сознанію свѣтъ, то-есть та часть общества, богатая, славная, преданная благороднымъ забавамъ, которую признають, почитаютъ всѣ высшимъ судилищемъ приличія, охранительницею прекрасныхъ нравовъ и чувства чести, и которая съ гордымъ пренебреженіемъ принимая въ разсчетъ только себя, присвоиваетъ себѣ по причесеству названіе *свѣта*: до того считаетъ она все находящееся въ ея недостойнымъ ея вниманія и интереса! Какое сборище неслѣдовательностей и аномалій! Какое странное соединеніе извѣстныхъ и обыкновеній, по-видимому, несоединимыхъ! Съ какимъ умѣреннымъ искусствомъ многіе поддерживаютъ это зданіе, наполовину предразсудками и обманомъ, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, сгниль и застарѣль, между-тѣмъ, какъ цѣлое представляется еще довольно — твердой массой!.. Какая терпимость въ-отношеніи къ лицемерному пороку, какая строгость къ чистосердечной снотости! Какъ мало ценсоровъ находятъ въ немъ хитрое кокетство и осторожное волокитство; но какими проклятіями встрѣчаютъ любовь, если она осмѣлится тамъ показаться! Любовь? не бойтесь тамъ ея не увидите; она оттуда изгнана какъ смѣшная божество; она изгнана даже изъ самаго чистаго святилища сердца изъ сердца молодой дѣвушки; она задавлена въ немъ до разрыва алчностью и тщеславіемъ, которыя развращаютъ всѣ истинныя, до самаго естественнаго; до самаго законнаго — до желанія счастья въ супружествѣ.

Невозможно было, чтобъ строгій умъ Нелиды, нѣжная душа и характеръ, направленный къ прямоствѣ, не были грустно поражены всѣмъ, что было ложнаго въ этомъ обществѣ, къ которому принадлежала. Но юность медленно отдастъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, медленно выводитъ изъ нихъ заключеніе. Будемъ имѣть рѣдкую силу, чтобъ вырваться изъ-подъ ига привычки. Установившееся мнѣніе весьма-естественно кажется мнѣніемъ достойнымъ уваженія, и самыя смѣлые умы начинаютъ сомнѣваться въ самихъ-себѣ, когда чувствуютъ желаніе выступить изъ-за гора, очерченнаго торжественными словами: «религія, семейная честь» — словами трижды-священными, но которыми свѣтъ и прикрыть вещи менѣе всего достойныя почитанія и жертвеннаго умиленія, недоумѣвающая Нелида тщетно старалась согласиться. Что видѣла, со внутреннимъ голосомъ своей совѣсти. То привлекали внѣшности, столь благородныя, что онѣ казались чти добродѣтелями; то ее отталкивало грубое лицемеріе или мушала правила циническаго эгоизма. Разговоры дѣвицы, съ

трижды она познакомилась, были не болѣе, какъ свободный не-
мразъ пансионской болтовни, а пошлыя любезности молодыхъ
людей на балахъ оскорбляли ея гордую простоту, ненаходившую
а нихъ отвѣта. Ее брала непреодолимая скука; въ тоскующее
а сердце вкрадывалось желаніе отшельнической жизни.

Однажды, вскорѣ послѣ бала у австрійскаго посланника, Нели-
да, съ тѣткой, въ открытой коляскѣ прогуливалась послѣ обѣда
а Булонскомъ-Лѣсу. Виконтесса приказала ѣхать шагомъ по боль-
вой аллеѣ, чтобѣ каждому доставить возможность полюбоваться
проездомъ ея молодыхъ, борзыхъ коней, въ первый разъ запряжен-
ныхъ. Но на гуляньѣ было очень-мало народа; погода была не-
благоприятная, воздухъ тяжелый. Госпожа Геспель сердилась, не
могла того сказать, и, съ досадой углубившись въ подушки, не от-
крывала рта. Нелида смотрѣла на летучіе клубы пыли и сухихъ
ветвей, гонимые вѣтромъ, прислушивалась къ отдаленному го-
рому Парижа, странно смѣшивавшемуся съ естественными звука-
ми колеи, съ пѣніемъ птицъ, трескомъ вѣтвей, съ запахомъ дре-
вянного сока и скошенной травы, и терявшемуся подѣ тихимъ не-
ожиданнымъ Валеріановой-Горы. Вдругъ топотъ лошади, несшейся
въ ялонъ мимо коляски, возбудилъ восклицаніе виконтессы.

— Господинъ де-Кервансъ! вскричала она, высовываясь изъ ко-
шки и слѣдуя взоромъ за всадникомъ.

— Что такое, тѣтенка? спросила Нелида, неслыхавшая этого
имени, совершенно для нея новаго.

Госпожа Геспель хотѣла отвѣчать, когда молодой человекъ
бѣгавшій, верхомъ на прелестной арабской лошади, подѣхалъ
ближе и, удерживая легкой и твердой рукою поводья, другою
рукою приподнял свою шляпу и, нѣсколько наклонившись,
сказалъ:

— Я едва смѣю надѣяться, виконтесса, что вы меня узнаете.

— Я тотчасъ называла васъ племянницѣю, отвѣчала госпожа Ге-
спель, дѣлая жестъ, равнявшійся рекомендаціи: — и задавала себѣ
тѣ же вопросъ. Если я не ошибаюсь, уже четыре года тому,
съ выѣзда изъ Парижа, а четыре года, продолжала она съ
улыбкой, въ мои лѣта — цѣлый вѣкъ. Я перемѣнилась такъ, что
даже вы рѣшительно находите, что я постарѣла.

Графъ Кервансъ, все это время смотрѣвшій произвольными
блѣзнями своими на Нелиду, не слышалъ, или показалъ видъ, что
не слышалъ. Виконтесса принуждена была прибавить:

— Но на этотъ разъ вы къ намъ возвращаетесь совершенно?

— Совершенно, точно, отвѣчалъ графъ. — Я койчаю жизнь ту-
тѣ. Я купилъ въ вашей улицѣ маленькій отель. Вскорѣ от-
ѣду въ Бретань, чтобѣ устроить свой старый замокъ, воз-
становлю контракты съ фермерами, оставшіеся безъ увеличенія
налоговъ, и прогнать мошенника-управителя, который, какъ
я знаю, обокралъ меня низкимъ образомъ. Потомъ, когда я

вернусь, вы увидите во мнѣ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ порядочнаго.

— Разскажите же, что съ вами сдѣлалось въ эти четыре года?

— Что со мной сдѣлалось, сударыня? продолжалъ г. де-Кервансъ, глядя своею прекрасною рукою, съ которой небрежно снялъ перчатку, гладкую и лоснящуюся шею лошади:—это слишкомъ долго разсказывать. Я путешествовалъ какъ Жюкондъ, какъ Чайльд-Гарольдъ, какъ странствующій Жидъ; я видѣлъ Италію, Грецію, Константинополь, Россію и даже, пробѣдомъ, немножко Деніи, честное слово. Я дѣлалъ глубокія наблюденія и вывелъ изъ своихъ замѣчаній, что мужчины вездѣ одинаково несомны, и что нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ въ Парижѣ, вотъ почему я и возвратился.

Улыбка пробѣжала по губамъ серьезной Нелиды.

— Вижу, что вы остались тѣ же, сказала виконтесса:—и по насмѣшливы, вѣчно...

— Позвольте ли вы мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе?

— Не только позволяю, но приглашаю васъ къ себѣ завтра ній же день. У меня кое-кто будетъ; мы немного потанцуемъ.

— Удостоите ли вы, сударыня, сбересть для меня вальсъ? сказалъ г. де-Кервансъ, желая наконецъ услышать голосъ прелестной и молчаливой дѣвушки.

— Я никогда не вальсирую, отвѣчала Нелида.

— Дитя мое, сказала виконтесса:—я до-сихъ-поръ не хотѣла бы противорѣчить; но завтра, у меня, тебѣ нельзя не вальсировать; ты должна оживлять балъ. Къ-тому же,—и виконтесса наклонила ухо своей племянницѣ:—прошу тебя, не разыгрывай роль гористки.

— Я буду вальсировать съ вами, сударь, возразила дѣвушка, де-ла-Тьелле тономъ совершеннаго простодушія.

Г. де-Кервансъ поклонился; потомъ, по едва-чувствительному движенію руки, лошадь его помчалась какъ стрѣла. Нелида слушала ровный и мѣрный тактъ этого нервическаго галопу избитому грунту опустѣвшей аллеи.

— Это самый умный молодой человѣкъ изъ всей Франціи, вскричала возрожденная и радостная баронесса:—никто не знаетъ въ такой модѣ какъ онъ, когда онъ уѣхалъ. Онъ отлично понимаетъ приличія и, въ придачу ко всему, очень знаетъ французскія дѣла.

Бель-этажъ отеля Геспель, предназначавшійся для приема гостей, расположенъ какъ-нельзя-удобнѣе для бала. Виконтесса, имѣющая несколько врожденнаго вкуса, состоящаго для избранныхъ въ потребности гармоніи, и не имѣя даже вкуса артиста, создаваемого изученіемъ прекраснаго, въ замѣнъ того естественнаго инстинктомъ увеселеній и гениемъ расточительности. Она старается во всѣхъ умѣла устроить эти пошлые праздники, гдѣ и рѣшается, о томъ, чтобъ угадать вкусъ и любимыя привычки каждаго изъ гостей.

горыхъ невидно никакого отличительнаго характера, придаваемаго обыкновенно отпечаткомъ личности; она всегда жила въ лучшемъ обществѣ; никакія издержки не останавливали ея. Въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, этого довольно, чтобъ творить чудеса.

Въ этотъ вечеръ, бѣлыя алебастровыя залы ея были освѣщены еще ярче обыкновеннаго; множество жирандолей изъ горнаго хрустала, блистая гранями, въ безчисленныхъ отраженіяхъ повторялись на зеркальныхъ стѣнахъ и кидали яркій свѣтъ на персидскія драпри блестящихъ узоровъ. Пирамиды кактусовъ, раскрывавшихъ свои пламенные вѣнчики въ этой жаркой атмосферѣ, умножали ослѣпленіе глазъ. Богатый оркестръ наполнялъ раздражающей музыкой звучныя пространства, въ которыхъ женщины въ ороткихъ платьяхъ, съ благовоными волосами, облитыя драгоценными камнями, съ обнаженными локтями, обнаженными плечами влялись другъ за другомъ и брались за руки, какъ феи, собирающіяся для веселаго чародѣйства.

— Право, ты восхитительно-хороша сегодняшнимъ вечеромъ! оворила Ортанса Ланженъ Нелидѣ, удаляясь съ нею въ отдѣльный будуаръ, гдѣ было не такъ душно, какъ въ танцевальной залѣ: — ты уничтожаешь насъ.

Дѣйствительно, Нелида никогда не была такъ прекрасна. На ея было синее шелковое платье, стянутое съ боку букетомъ изъ живыхъ жасминовъ; гирлянда изъ тѣхъ же цвѣтовъ окружала ея олову; нѣжные листья букета, немного возвышаясь надъ матеріей корсажа, бросали легкую и движущуюся тѣнь на ея алебастровой бѣлизны шею; длинный, распущенный поясъ обозначалъ, не бѣлая ихъ слишкомъ-рѣзкими, чистые контуры ея дѣвственной таин. Какая-то привлекательная истома смягчала обыкновенно-рѣзкое выраженіе лица ея. Нельзя было представить себѣ ничего болѣе-воздушнаго, болѣе-чистаго, болѣе-нѣжнаго, — какъ-удто она была окружена прозрачнымъ газомъ, полузакрывающимъ ее и защищавшимъ отъ слишкомъ-жадныхъ взоровъ.

— Я, конечно, дѣлаю очень-нескромно, прерывая такой прекрасный tête-à-tête, сказалъ г. де-Керваэнсъ, появляясь въ дверяхъ удуара.

— Наконецъ вотъ и вы, сказала Ортанса, подавая ему руку, оторую онъ потрясъ по-англійски, и почтительно поклонился дѣвцѣ де-ла-Тьелле:—я думала, что вы уже не прійдете, и не знаю, стался ли у меня вальсъ для васъ.

И она стала смотрѣть въ таблетки слоновой кости, куда, по тогдашнему обыкновенію, модныя дѣвушки записывали имена своихъ кавалеровъ. Г. де-Керваэнсъ безъ церемоніи взялъ ихъ изъ рукъ ней и прочелъ: князь Альберни, маркизь д'Эва...—Мнѣ очень-пріятно видѣть, что въ мое отсутствіе, сказалъ онъ насмѣшливымъ ономъ, глядя на улыбающуюся Нелиду: — вы не оставили прежней привычки; но не надѣйтесь на меня, прекрасная Ортанса: я

состарился; мнѣ двадцать-девять лѣтъ. Это старость, и я больше не танцую.

Нелида въ свою очередь посмотрѣла на него съ изумленіемъ: она не забыла о вальсѣ, о которомъ говорено было наканунѣ въ Булоньскомъ-Лѣсу, и даже была занята имъ больше обыкновеннаго; она никогда не вальсировала и нѣсколько боялась этого новаго опыта при такомъ множествѣ гостей.

— Или, по-крайней-мѣрѣ, продолжалъ г. де-Кервазансъ: — танцую только въ необыкновенныхъ случаяхъ, и то не больше одного раза въ вечеръ.

— Вы говорите загадками, мосье Тимолеонъ, сказала дѣвица Ланженъ, нѣсколько обидясь.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ оркестромъ, который проигрывалъ ритурнель въ три такта.

— Позвольте мнѣ надѣяться на этотъ? сказалъ г. де-Кервазансъ, приближаясь къ Нелидѣ. И голосъ его вдругъ принялъ нѣсколько почти-умоляющее выраженіе.

— Если вамъ это пріятно, отвѣчала она, вставая. Тимолеонъ подалъ ей руку. Дѣвица Ланженъ осталась сконфуженная, когда по счастью, явился ея кавалеръ, чтобы вывести ее изъ затрудненія. Обѣ пары отправились сквозь толпу въ танцевальную залу.

— Вы не знаете, что я никогда не вальсировала, сказала Нелида г. де-Кервазансу:—это будетъ мой первый урокъ, и я боюсь.

— Не бойтесь того, отъ чего я въ восторгѣ, перервалъ Тимолеонъ.

— Но я буду очень-неловка, въ большомъ затрудненіи...

— У меня будетъ увѣренности за двухъ, потому-что я танцую въ эту минуту. Не бойтесь, довѣрьтесь мнѣ, позвольте васъ руководить, и все пойдетъ хорошо.

Они подошли къ кругу танцующихъ. Тимолеонъ охватилъ кою станъ Нелиды, которая сдѣлала движеніе назадъ, какъ-бы желая уклониться отъ такого непривычнаго объятія.

— И прежде всего, продолжалъ г. Кервазансъ: — если въ эту минуту дадите мнѣ право быть вашимъ танцевальнымъ учителемъ, потрудитесь не выпрямляться; напротивъ, вамъ должно совершенно предоставить себя мнѣ.

И онъ сдѣлалъ съ нею кругъ, въ-продолженіе котораго смѣрѣя совершенно отдалась ему на волю, нежели давала ему руководствовать.

— Удивительно, клянусь вамъ! Еще нѣсколько уроковъ, и вы будете вальсировать лучше всѣхъ парижскихъ дамъ; но не забудьте опереться рукою на мое плечо:—это дастъ мнѣ больше уверенности, больше свободы, чтобы направлять васъ... и потомъ, для галерей, которая на насъ смотритъ) не нагибайтесь такъ низко. — надобно рѣшиться иногда смотреть на меня.

И Тимолеонъ впередъ упоенные глаза свои въ глаза восторженной дѣвушки: онъ осмѣливался тихо сжимать ее гибкую

ю; и рука его, не сжимая ея руки, удерживала и оцѣняла ее акимъ-то неизъяснимымъ магнетизмомъ. По мѣрѣ того, какъ они еслись по полу быстрѣе и быстрѣе, подъ звуки музыки, повелительный ритмъ которой приводилъ виѣ себя Нелиду, отуманилъ, кружилъ ей голову, молодая дѣвушка, встревоженная, третная, кинутая непреодолимою силою въ вихрь свѣта и шума, увствовала, какъ подымался къ ней въ голову измѣническій запахъ жасмина и жаркое дыханіе Тимолеона, привлекавшаго ее къ себѣ все ближе и ближе. Была минута, когда, чтобъ защитить ее отъ столкновенія съ вальсирующей парой, вышедшей изъ ряда, онъ схватилъ ее такъ сильно и приблизилъ къ себѣ такъ быстро, что ихъ лица почти коснулись другъ друга. Нелида почувствовала на лѣдномъ лбѣ своемъ влажные и горячіе волосы молодого человѣка; она увидѣла пламенный взоръ его, въ нее вперенный; дрожь робѣжала по всему ея тѣлу; ей сдѣлалось дурно подъ этимъ взоромъ, которому предалась она, и ея полукрытыя уста и погасшій огонь выронили слѣдующія слова, которыя Тимолеонъ подхватилъ съ упоеніемъ, какъ признаніе: «Поддержите меня и уведите меня отсюда; мнѣ дурно.»

Онъ вдругъ остановился и, не давая ей времени опомниться, влекъ ее, почти унесъ въ будуаръ, гдѣ нашелъ ее съ Ортансой. Иконтесса, видѣвшая, какъ они проходили, прибѣжала вся встревоженная.

— Вотъ ваша тѣтушка, сказалъ Тимолеонъ, сажая Нелиду на пиванъ: — я оставляю васъ съ нею. Ради Бога! прибавилъ онъ полголоса: — не вальсируйте ни съ кѣмъ, кромѣ меня; вы заставьте меня умереть.

Во все продолженіе вечера, г. де-Керваэнсъ, въ совершенствѣ владѣвшій свѣтскимъ тактомъ, не приближался къ Нелидѣ, даже не смотря на то, что имѣлъ ловкій предлогъ извиниться передъ нею. Дѣвица Тьелле была ему за это очень-благодарна. Она больше танцевала, отправилась къ себѣ въ комнату до конца бала, затула безпокойнымъ сномъ и нѣсколько разъ просыпалась, когда ей представлялось, что Тимолеонъ входитъ въ ея комнату.

— ...Помиримтесь, говорилъ г. де-Керваэнсъ дѣвицѣ Ланжентъ, ушавшей мороженое около буфета, уставленнаго хрустальной посудой, гдѣ самыя изысканныя кушанья, самыя вкусныя плоды, самыя рѣдкія новинки манили пресыщенный вкусъ, на который такъ трудно угодить.—Вы знаете, что я ненавижу ревность.

— Отвѣчайте мнѣ, произнесла дѣвица Ланжентъ прерывающимъ голосомъ: — думаете ли вы жениться на ней?

— Я сію минуту ни о чемъ не думалъ; вы, своими смѣшными вопросами заставляете меня думать о ней. Впрочемъ, что вамъ за дѣло? На ней или на другой я женюсь, все-таки я женюсь на комъ-нибудь.

— Отъ-чего жь не на мнѣ? сказала Ортанса съ цинизмомъ, странно противорѣчившимъ ея молодому лицу и скромному виду, кото-

рый она умѣла взять на себя, чтобъ быть уважаемой въ обществѣ.

— Душа моя, возразилъ Керваэнсъ, играя вѣеромъ, который Ортанса положила на буфетъ: — я вамъ это часто говорилъ! Это несчастіе, но что же дѣлать? У меня много предразсудковъ, и никогда, — будьте увѣрены, — никогда, хотя бы то была сама Венера, Венера со всей невинностью Минервы, никогда я не соглашусь жениться на женщинѣ, которая не можетъ помѣстить двойнаго герба на свою карету.

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Это будетъ нелегко, продолжала Ортанса, договаривая свою мысль: — Нелида мечтательница; она захочетъ, чтобъ въ нее были влюблены.

— За этимъ дѣло не станетъ, сказалъ Тимолеонъ.

— Она вамъ не повѣритъ; репутація ваша, какъ человѣка пресыщеннаго, слишкомъ извѣстна... Но послушайте, прибавила Ортанса, понижая голосъ, потому-что нѣсколько группъ подошли къ буфету: — для васъ я способна на всѣ пожертвованія; хотите ли, чтобъ я помогла вамъ? Я имѣю на нее большое вліяніе; со всѣмъ ея умомъ, она чрезвычайно-проста. Но на одномъ условіи...

Видя, что ихъ слушаютъ, они вошли въ балльную залу.

Съ этого дня, пользуясь безмолвнымъ позволеніемъ г-жи Геспель, Тимолеонъ почти-ежедневно видѣлъ дѣвицу Тьёлле. Онъ употреблялъ всю силу ума и опытности, приобретенной имъ въ сношеніяхъ съ женщинами, чтобъ ей понравиться и убѣдить ее, что почувствовалъ внезапную и глубокую страсть.

Онъ обманывалъ только вполонину. Пресыщенный успѣхами, получивъ отвращеніе къ свободнымъ нравамъ и уму гостиницъ, утомленный хорошимъ и дурнымъ обществами, которыя онъ нашелъ одинаково-несносными, одинаково-чуждыми истины и познѣи, Тимолеонъ чувствовалъ сильное влеченіе къ этой чистосердечной натурѣ, которая ничево не заимствовала извнѣ и выказывала сквозь покровъ гордой чистоты самую романтическую восторженность. Красота Нелиды восхищала его; ея гордый видъ льстилъ его аристократическимъ наклонностямъ; къ-тому же, это была для него прекрасная партія; онъ распалилъ себѣ воображеніе и искорѣ подумалъ, что влюбленъ серьезно. Дѣвица Ланженъ, видя, что для нея не оставалось больше ни малѣйшей надежды заставить его на себѣ жениться, и полагая, что лучшимъ средствомъ сохранить дружбу г. де-Керваэнса, которому очень дорожило ея самолюбіе, было помочь ему въ этомъ случаѣ, принялась за дѣло весьма-искусно. Не нужно было такъ много стараній, чтобъ обольстить женщину столь любящую, столь мало-остерегающуюся, какъ Нелида. Она ни на одну минуту не усомнилась въ любви Тимолеона. Свѣтскіе люди, когда они умны, доводятъ волокитство до геніальности. Такъ-какъ они употребляютъ способности свои на одно — чтобъ быть любовными; такъ-какъ все ихъ тщеславіе сосредото-

чено на одномъ пунктѣ—правиться женщинамъ, потому-что расположеніе прекраснаго пола составляетъ единственное преимущество, признаваемое гостиними, то они достигаютъ въ этомъ родѣ до искусства, стоющаго удивленія. Ловкая грація ихъ заботливости, ихъ постоянная и деликатная внимательность, кажутся внушенными глубоко-тронутымъ сердцемъ и производятъ, по-крайней-мѣрѣ на минуту, такое же впечатлѣніе, какъ и любовь истинная.

Нелида сочла себя счастливѣйшею изъ всѣхъ женщинъ, когда Тимолеонъ у ногъ ея, въ самыхъ отборныхъ и цѣжныхъ выраженіяхъ, молилъ ее о позволеніи посвятить ей всю жизнь; и съ этого времени съ сѣбною увѣренностью предалась наслажденію любить и быть любимою.

Госпожа Геспель, восхищенная этой свадьбой, представлявшею ей случай соединить около себя самую блестящую чету изъ всего Парижа, объявила о ней всюду въ свѣтѣ, между-тѣмъ, какъ г. де-Кервазисъ отправился въ Бретань, чтобъ привести въ порядокъ дѣла свои и устроить замокъ, въ который былъ намѣренъ привести свою молодую супругу. Нелида рассказала отцу-Эмери о своей счастливой участи. Ей очень было жаль, что она не могла видѣть матери-Елисаветы, уѣзжавшей на нѣкоторое время; но,—мы говоримъ это съ сожалѣніемъ, — полная счастья, она и не подумала просить о своей бѣдной подругѣ, Клодиѣ де-Монклеръ.

VI.

Однажды утромъ, г-жа Геспель и Нелида пили чай въ столовой, выходящей въ садъ. Завтракъ на англійскій манеръ стоялъ на столѣ; эпаньйоки виконтессы прыгали по стульямъ и дерзко низжали, чтобъ получить подачку, которую она раздавала имъ съ ѣдкой снисходительностью, когда вошедшій лакей подаль ей визитную карточку, докладывая, что какой-то господинъ дожидается и проситъ позволенія войти.

— Э! разумѣется, разумѣется, вскричала г-жа Геспель, передавая визитную карточку своей племянницѣ: — просите тотчасъ же. Это Германъ Репье, помнишь, Нелида? Сынъ сосѣдки, которая присылала намъ такіе прекрасные абрикосы изъ своего шпалерника; этотъ маленькій шалунъ долженъ быть теперь большимъ молодцомъ; онъ пропадетъ на парижскихъ улицахъ; но это добрый знакъ, что онъ приходитъ насъ видѣть.

Когда она еще говорила, дверь отворилась, и вошелъ молодой человекъ прекрасной наружности, почтительно кланаясь. Виконтесса, не вставая съ мѣста, подала ему руку; онъ поднесъ эту руку къ губамъ своимъ. Нелида глядѣла на него съ любопытствомъ и съ какимъ-то смущеніемъ, едва узнавая въ этомъ молодомъ человекѣ высокаго роста, съ печальнымъ лицомъ и благород-

нымъ выраженіемъ, маленькаго деревенскаго мальчика съ грубыми ухватками, котораго она знала прежде.

— Милости просимъ, мой милый, и прежде всего садитесь здѣсь, возлѣ меня. Прочь, Джеттъ, прочь, говорила виконтесса, удерживая концомъ пальцевъ свою любимую эпаньйолку, не слишкомъ торпидившуюся уступить свое мѣсто. — Какъ вы выросли! и, правда, стали прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Кто бы это сказалъ! Что добрая матушка ваша, какъ ея ревматизмы? А ея шпалерникъ, не-уже-ли въ немъ и теперь плоды созрѣваютъ пятнадцать дней раньше, чѣмъ въ замкѣ? Что вы прѣхали дѣлать въ Парижъ? Глуности? надѣюсь, не слишкомъ-много... Надобно быть благодарнымъ, мой милый. Надобно приходить къ намъ почаще; мѣсяць всегда будетъ мѣсто у меня за столомъ, мой милый Германъ.

Минуть съ десять продолжался потокъ выраженій покровительства, непозволявшій Герману вставить слово. Нѣсколько разъ подавлялъ легкую улыбку.

— Вы тысячу разъ добры, сударыня, сказалъ онъ наконецъ воспользовавшись минутой, когда собаки, забытыя для него, стали надобдаты какъ-нельзя-больше своей госпожѣ и принудили ее вѣстаться ими. — Матушка здорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое глубокое почтеніе. Я въ Парижѣ уже давно, и до-сихъ-поръ не имѣлъ чести быть у васъ, такъ это потому— непрерывная работа, почти свыше силъ моихъ, отнимала у меня всѣ дни. Мнѣ нужно было въ одно и то же время жить трудомъ, чтобъ не быть въ тягость матери, какъ вамъ извѣстно, весьма небогатай, и стараться образовать себя; мнѣ должно было и учить и производить, сдѣлаться артистомъ, потому-что таково мое званіе, и оставаться работникомъ, потому-что таково условіе мое бѣднаго существованія. Это было не легко. По счастью, я былъ вамъ это слишкомъ-извѣстно, сударыня,— упорнымъ и неукротимымъ ребенкомъ, то-есть, однимъ изъ тѣхъ людей, изъ которыхъ выходятъ люди настойчивые и терпѣливые на трудъ. Я также имѣлъ счастье найти учителя, который не переставалъ ободрять меня. Пять лѣтъ уже я работаю въ мастерской...

— Вы живописецъ? прервала виконтесса: — поздравляю; очень-пріятное ремесло. Вы пишете акварелью или миниатюрой?

— Я надѣюсь писать историческія картины, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ спокойной увѣренностью. — До-сихъ-поръ, я всего поцѣмному, долженъ былъ соображаться со вкусомъ портретщиковъ и переносить ихъ требованія, чрезвычайно-грубыя съ тѣхъ, которые не приобрѣли еще имени; теперь я кончилъ двѣ картины, которыя одиѣ могу признать своими: портретъ моей матери и баба гётева. Цѣль моего посѣщенія, сударыня, попросить васъ удостоить мою мастерскую своимъ посѣщеніемъ; вчера мой учитель входилъ ко мнѣ въ шестой этажъ и увѣрилъ меня, что не откажется признать меня за своего ученика.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, мой милый; мы прїѣдемъ завтра же, я и Нелида, и если,—въ чемъ я и увѣрена,—вы написали хорошую вещь, если вы не дорожите въ цѣнѣ, то я вамъ приплю всѣхъ моихъ знакомыхъ, и, вѣроятно, вскорѣ вы будете имѣть выгодные заказы.

Говоря это, она допила свой чай и встала, чтобъ пройти въ садъ, когда ей доложили, что ее давно дожидается швея, пришедшая за ея приказаніями. Нелида и Германъ, еще ничего не сказавшіе другъ другу, остались одни на ступеняхъ лѣстницы.

— Жизнь великаго художника—прекрасная жизнь, сказала Нелида, сходя по ступенямъ. (Что-то говорило ей, что ей надобно заглаживать неделикатную благосклонность тѣтки.)—Имѣли ли вы наклонность къ живописи, когда мы съ вами играли вмѣстѣ въ замкѣ Геспель?

Это мы, возстановлявшее мысль о равенствѣ, даже о короткости между ею и Германомъ, естественно навернулось на уста молодой дѣвушки, какъ самое не прямое и самое тонкое вознаграженіе. Художникъ это почувствовалъ, потому-что въ ту же минуту Нелида поскользнулась на послѣдней ступени: онъ схватилъ ее за руку, чтобъ удержать отъ паденія, и, можетъ-быть, продержалъ эту руку гораздо-долѣе, нежели было нужно.

— Я всегда любилъ разсматривать на горизонтѣ прекрасныя нини, и глазамъ моимъ, въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ, чрезвычайную нравилась игра свѣта и тѣни въ зеленыхъ листьяхъ, продолжалъ онъ.—Въ то время, о которомъ вы вспомнили, я уже часто пробовалъ воспроизводить предметы, мнѣ нравившіеся. Я рисовалъ, или по-крайней-мѣрѣ думалъ, что рисовалъ древесныя пни, отдыхавшихъ животныхъ, стрѣльчатый порталъ нашей ветхой церкви; но въ первый разъ, когда мнѣ понравилось мое произведеніе, первый день, въ который я почувствовалъ внутренній трепетъ, призваніе, — простите мнѣ это слово, которое можетъ показаться амъ тщеславнымъ,—это было... Помните ли вы тотъ день, когда украдъ для васъ вѣтку съ вишнями?

— Разумѣется, сказала Нелида, углубляясь съ Германомъ въ длинную аллею изъ плюща и виноградной лозы:—вы тогда были астоящій бандитъ, а я бѣдная маленькая плакса.

— Вы знаете, что васъ очень бранили. Ваша тѣтушка приказала сказать моей матери о своемъ на меня неудовольствіи; мнѣ дано было знать, что меня не будутъ больше пускать въ замокъ за то, го я возбуждаю васъ къ непослушанію. Негодуя, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, я только и думалъ о мщеніи. Нѣсколько дней нѣсколько ночей строилъ я и покидалъ одинъ за другимъ множество смѣшныхъ плановъ, которые, въ цароксизмѣ моей горести, казались мнѣ легко-исполнимыми; самый скромный изъ нихъ состоялъ въ томъ, чтобъ поджечь замокъ Геспель, вырвать васъ изъ пламени и смѣло убить всѣхъ, кто осмѣлится загородить мнѣ дорогу. Эти припадки сосредоточенной ярости сломили меня. Вско-

рѣ горестъ, горестъ болѣе спокойная, хотя, быть-можетъ, еще болѣе-глубокая, превозмогла. Я оставилъ себѣ спокойную рѣшимость сохранить у себя послѣ васъ то, что никто въ мѣрѣ никогда не могъ отнять у меня, — ваше изображеніе.

— Какъ! сказала Нелида, живо заинтересованная этимъ ракъзомъ.

— Обѣщаете ли вы мнѣ не оскорбляться? продолжалъ Германъ: — дѣти, такъ же, какъ и художники, не могутъ отвѣчать за свои поступки.

— Развѣ то, въ чемъ вы хотите признаться, такъ ужасно? сказала улыбаясь Нелида.

— Вы увидите, отвѣчалъ Германъ. — Или, лучше нѣтъ: не судите ни о чемъ; мнѣ нужна вся ваша снисходительность.

— Развѣ мы не старые друзья? Взаимная снисходительность составляетъ условіе всякой истинной дружбы.

— Я вынулъ изъ бюро портфель, наследство моего отца, пошелъ въ поле, и, пройдя по тѣмъ самымъ тропинкамъ, гдѣ мы ходили вмѣстѣ съ вами, сѣлъ на берегу рва, гдѣ вы отдыхали. Тамъ охвативъ голову руками и закрывъ глаза, чтобы не быть раздраженнымъ никакими внѣшними предметами, я долго сосредоточивалъ всѣ свои мысли на васъ; я весь проникся, если могу такъ выразиться, вашимъ высокимъ челою, столь гордымъ, вашими прекрасными локонами, вашимъ нѣжнымъ и печальнымъ взоромъ: я думалъ Богу странный обѣтъ...

— Какой? спросила Нелида, болѣе-и-болѣе внимательная.

— Позвольте мнѣ не говорить вамъ его, сказалъ Германъ меланхолической улыбкой: — мнѣ никогда нельзя будетъ исполнить. Потомъ, — продолжалъ онъ: — схвативъ карандашъ съ восторгомъ, невѣроятнымъ въ ребенкѣ, какимъ я былъ тогда, я твердой рукою и почти не поправляя себя, начертилъ образъ, который, разумѣется, далеко не равнялся съ вами красотой, который могъ предубѣжденнымъ глазамъ и сердцу, полному надеждою, дать минуту забвенія и напомнить васъ. Окончивъ, я почувствовалъ такую радость, что кинулся на колѣни передъ моимъ образомъ, и переполненная грудь моя облегчилась потокомъ слезъ. Когда я хотѣлъ встать, ноги больше не поддерживали меня; мой былъ покрытъ холоднымъ потомъ; я дрожалъ всѣмъ членомъ. Съ безконечнымъ трудомъ дотащился я до деревни: нужно лечь въ постель. Я пролежалъ пятнадцать дней въ горячкѣ, постоянно сопровождавшейся бредомъ.

«Въ первый день моего выздоровленія, едва будучи въ состояніи говорить, я объявилъ матушкѣ, что хочу отправиться въ Парижъ и сдѣлаться великимъ живописцемъ. Бѣдная женщина была въ ужасѣ; она думала, что я брежу: до того это желаніе казалось ей безумнымъ. Но пульсъ мой былъ спокоенъ, и я объявилъ съ большой ясностью проектъ, который казался окончательно-рѣшеннымъ въ умѣ моемъ. Доктору, у котораго былъ кое-какой ку-

который видѣлъ рисунокъ, остававшійся у меня подъ наголовьемъ о все продолженіе моей болѣзни, показался въ этомъ смѣломъ черкѣ вѣрный признакъ истиннаго таланта. Онъ разуверилъ мою мать и убѣдилъ ее не противорѣчить моимъ желаніямъ: добрая матушка согласилась на все; но ее безпокоилъ мой слишкомъ-молодой возрастъ; и потому она просила меня подождать еще два года. Докторъ умѣрилъ мое нетерпѣніе, обѣщавъ руководствовать меня въ моихъ занятіяхъ и доставить мнѣ хорошіе оригиналы. Наконецъ, черезъ два года, мы пріѣхали въ Парижъ: матушка помѣстила меня въ небольшой квартиркѣ, по сосѣдству съ однимъ изъ ея родственниковъ, который, къ величайшему моему счастью, былъ другомъ ... Этотъ принялъ меня въ свою мастерскую, не требуя никакого вознагражденія. Положась на Провидѣніе, покровительствовавшее мнѣ такимъ-образомъ на первыхъ шагахъ жизни, матушка возвратилась въ свою деревню. Зная доброту г-жи Геспель, она хотѣла вести меня къ ней, — я отказался. Когда я сдѣлаюсь великимъ живописцемъ, сказалъ я ей, я самъ пойду просить дѣвицу Тьелле, чтобъ она пришла посмотреть на мои созданія; до того времени она не должна и слышать обо мнѣ. Я не хочу, чтобъ мнѣ покровительствовали, — я хочу, чтобъ мнѣ рукоплескали. Конечно, это была мысль очень-надменная, очень-глупая; вы будете смѣяться надо мною; а между-тѣмъ, послѣ семи лѣтъ уединенія и трудовъ, я передъ вами, и если завтра вы съ удовольствіемъ взглянете на полотно, которое я оживилъ моею душою, если вы почувствуете какое-нибудь влеченіе къ этимъ созданіямъ моей души и моей кисти, я буду считать себя первымъ, величайшимъ изъ смертныхъ. Въ противномъ случаѣ, если вы найдете меня недостойнымъ своей похвалы, если сердце ваше не тронется при видѣ моего несовершеннаго созданія, признаюсь, я буду страдать ужасно, но не упаду духомъ. Я запрусь снова, на годъ, на десять лѣтъ, если это будетъ нужно, и по прошествіи этого времени вы меня опять увидите и я скажу вамъ то же самое. Подобно тому, какъ нынче, я скажу вамъ: прійдите, прійдите къ бѣдному вдохновенному или обманывавшемуся художнику; пронесите приговоръ свой надъ нимъ; дайте ему вѣнецъ изъ лавровъ или изъ терній; его генія или его безумства, его славы или его ничтожества вы причиною, и вы отвѣчаете за нихъ передъ Богомъ.

Говоря это, Германъ одушевился; огненное слово его имѣло въ себѣ увлекательное выраженіе истины. Нелла была сильно взволнована. Она въ первый разъ слышала восторженную рѣчь художника, непохожее ни на языкъ любви, ни на языкъ религіи, но занимающее вдохновеніе свое изъ обѣихъ. Она внезапно, самымъ неожиданнымъ образомъ и такъ, что этимъ нельзя было оскорбляться, узнала, что цѣлые семь лѣтъ владѣла сердцемъ, полнымъ мужества, умомъ возвышеннымъ, — владѣла, можетъ-быть, геніальнымъ человекомъ! Она видѣла, что можетъ располагать его судьбою, что на ней лежитъ забота о душѣ его, что она внезапно возведе-

на въ роль Беатриче — идеала всѣхъ женщинъ, способныхъ постигать идеальное, и, признаемся, почувствовала въ глубинѣ души своей глубокую гордость. Это чувство, можетъ-быть, не было такъ религиозно, какъ того должно было бы ожидать отъ строгой воспитанницы отца-Эмери; но какая женщина, спросить бы, какъ бы она ни была смиренна, добросовѣстно отвергнетъ безкрыстное обожаніе и втайнѣ не согласится взойти на алтарь, чтобы тамъ безмолвно и подъ покрываломъ вдыхать въ себя чистый опіямъ жертвенный?

— Покажете ли вы намъ этотъ портретъ завтра? сказала Нелида послѣ минутнаго молчанія, продолжая ходить.

Слабый вѣтерокъ игралъ висѣвшими надъ нѣхъ головами фестонами плюща и дикой лозы, касавшихся желѣзной рѣшетки и производившихъ долгій, тихій, жалобный ропотъ.

— Покажу вамъ, если вы прикажете, отвѣчалъ Германъ: — но надобно, чтобы мы были одни. Кромѣ добраго доктора, открывшаго случайно этотъ рисунокъ, никто и никогда не видалъ его. Этотъ портретъ — предметъ моего обожанія, мой единственный кумиръ. Вся моя прошедшая жизнь, вся моя будущность заключаются въ этихъ нѣсколькихъ линіяхъ, начертанныхъ дѣтскою рукою, подъ вліяніемъ невидимой силы. Все мое честолюбіе, вся моя гордость, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія: — заключаются въ этомъ имени, которое я не смѣю произнести...

— Нелида! вскричала въ эту минуту г-жа Геспель на другомъ концѣ аллеи. Молодые люди остановились какъ-будто пораженные электрическимъ ударомъ.

— Нелида, сказалъ Германъ тихимъ голосомъ, какъ-бы разговаривая самъ съ собою. — Это сказалъ не я, произнесъ онъ, поднимая глаза на молодую дѣвушку.

Она ускорила шаги и побѣжала къ тѣткѣ. Надобно было пригнѣвить платье для верховой ѣзды. Она поспѣшно вошла въ домъ и не обернувшись, чтобы проститься съ Германомъ, который шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ за нею.

Художникъ тутъ же раскланялся съ г-жею Геспель. Виконтесса повторила ему обѣщаніе прійхать на другой день къ нему въ мастерскую.

VI.

Часъ спустя, виконтесса приказала позвать къ себѣ Нелиду.

— Дитя мое, сказала она ей: — приготовься ѣхать; я приказала подать лошадей; мы сдѣлаемъ неожиданный визитъ Герману въ его мастерской. Обѣщавъ быть у него завтра, я забыла о визитахъ; послѣ-завтра я на музыкальномъ утрѣ у мадамъ Влонзъ; въ четвергъ, на чтеніи «Карла V»; это посвѣщеніе отложено бы въ неопредѣленное время, а мнѣ не хотѣлось бы этого. Этотъ моло-

дой человекъ очень меня интересуетъ, и я хочу написать его ма- тери, какъ найду его картины. Поѣдемъ тотчасъ же; это будетъ съ нашей стороны очень-мило.

Нелидѣ нечего было возражать; она сѣла съ тѣткой въ карету, и черезъ десять минутъ онѣ вошли въ узкій пассажъ на улицѣ Бонъ и взбирались по темной лѣстницѣ, предшествуемые лакеемъ, который очень дивился, провожая свою госпожу въ такое мѣсто.

— Уф! произносила виконтесса, приостанавливаясь на каждомъ шагѣ и хохоча во все горло:—три, четыре, еще немного терпѣ- ния, и мы будемъ на небѣ.

Нелида не смѣялась. Видъ этого бѣднаго дома, этой грязной, звилистой лѣстницы, шемилъ ей сердце. Какой контрастъ съ стлавными ковромъ ступенями отеля Геспель и со всѣми выш- ыми жилищами подругъ ея! Воспитанная въ свѣтѣ и для свѣта, подобно всѣмъ женщинамъ ея званія, дѣвица Тьѣлле, правда, знала, то есть на свѣтѣ бѣдные — она слышала объ этомъ въ проповѣ- яхъ, видала бѣдныхъ издали на улицѣ и давала щедрую ми- остыню при всякомъ сборѣ; но грубая дѣйствительность никогда ее поражала ея взоромъ; никогда въ ней не возникало мысли о не- молимомъ законѣ труда и гнетущей нищеты, которому подчинена ольная часть человѣчества. Она не составляла себѣ никакого онятія о горькой участи тѣхъ, которыхъ высокія дарованія, воз- ышенныя стремленія, утонченныя нравы не защищаютъ отъ нуж- ы. и которые, вмѣсто того, чтобъ предаться благороднымъ поры- ымъ, принуждены горбиться надъ грубой работой, сама обезпе- ывающей ихъ существованіе. Эти мысли въ первый разъ пришли ь ней въ голову, когда она входила въ жилище Германа, теле- ька, который, — она знала это, — любилъ ее и которому втайнѣ ьа назначала надѣлу гениальности. Она вспомнила о словахъ его: ьнѣ нужно было сдѣлаться художникомъ, не переставая быть ьмесленникомъ», и слезы собирались на ея рѣсницахъ, когда ла- ьнѣ ихъ, дошедъ до шестой площадки, сильно позвонилъ у не- ьльной низкой двери, на которой была прибита визитная кар- ьчка съ именемъ Германа Реньѣ. Нѣсколько минутъ не отвѣрjali. ьсерженный ланой хотѣлъ снова взяться за звонокъ, какъ вдругъ ьслышался шумъ отъ внутренней двери; приблизились легкіе ша- ь, и женскій голосъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ спросилъ: ты ли ь, Виржини?

— Я, отвѣчала г-жа Геспель, перемѣнивъ голосъ и радуясь сво- ь хитрости. Въ-самомъ-дѣлѣ, ключъ повернулся въ замкѣ, и ви- ьнтесса, быстро войдя въ дверь, очутилась въ едва-освѣщенной ьнатѣ, лицомъ-къ-лицу съ прелестной дѣвушкой. Руки ея были ьажены, волосы распущены по плечамъ; она вскрикнула и убѣ- ьла въ отворенную дверь, противъ входа. Г-жа Геспель слышала, ь она произнесла:—Германъ, это дамы; куда мнѣ спрятаться?

— Вѣроятно, натурщица, сказала виконтесса Нелидѣ, изумлен-

ной такимъ страннымъ явленіемъ: — этому всегда подвергались у живописцевъ. По счастью, это женщина, и мы можемъ войти.

Германъ появился въ дверяхъ мастерской. Онъ былъ въ бѣломъ и панталонахъ изъ суроваго полотна, держа палитру съ кистью.

— Боже мой! сударыня, вскричалъ онъ, увидя виконтессу: — извините, что встрѣчаю васъ въ такомъ нарядѣ; но я не ожидалъ.

— Это ничего не значить, мой милый, прервала виконтесса смѣло входя въ мастерскую: — нетерпѣніе заставило насъ ускорить и днемъ и часомъ нашего посѣщенія. Можетъ-быть, и вамъ мѣшаемъ, прибавила она, кидая испытующій взглядъ вокругъ себя: — у васъ стояла натурщица.

Дѣвушка, отворявшая имъ дверь и запрятавшаяся теперь къ стѣнѣ, на-скоро накинувъ себѣ на плеча кусокъ матеріи пурпурнаго цвѣта, драпировавшей чучело кардинала, покраснѣла до ушей. Сидѣвъ на груди руки, потупивъ глаза, удерживая дыханіе, явно была въ смятеніи.

— Эта дѣвушка дѣлаетъ мнѣ одолженіе, служить образомъ для волосъ; я не выдалъ ни у кого волосъ лучше, и она была добра, что согласилась...

Молодая дѣвушка подняла пару глазъ, блиставшихъ молодостью, и посмотрѣла на художника взглядомъ, говорившимъ ему: «дарствуй».

— Я не такъ богатъ, чтобъ платить натурщицамъ, продолжалъ въполголоса Германъ, подводя виконтессу и дѣвицу дель-Торто къ ставку, на которомъ стояла его картина изъ баллады Гёте.

— Какой странный сюжетъ! сказала г-жа Геспель: — трудно надобно знать по-нѣмецки, чтобъ понять его.

— На выборъ этого сюжета, сказалъ Германъ, обращаясь къ Неллѣ, съ волненіемъ смотрѣвшей на эту картину, въ чистота линий и гармонія тона должны были поражать самыя привычныя глаза: — рѣшили меня ребячество и надменность, чувство, потому-что съ самаго дѣтства я получилъ страшную умную, смѣшную страсть къ нунуфарамъ, а эта сцена давала случай писать ихъ.

Нелла подошла къ картинѣ, какъ-будто для того, чтобъ взглянуть подробности, но въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ скрыть румянецъ.

— Надменность, потому-что Гёте полагалъ этотъ сюжетъ возможнымъ въ скульптурѣ и очень не одобрялъ живописный его выборъ. Вы не можете представить себѣ, сколько гордыхъ волненій производитъ въ сердцахъ художниковъ слово *невозможно*, какъ оно вызываетъ на борьбу, какую оно возбуждаетъ. Это слово Гёте шесть мѣсяцевъ звучало въ ухахъ день и ночь, не давая мнѣ отдыха. Я илькомъ комился лишь тогда, какъ принявъ, такъ-сказать, вызовъ, писалъ картину, которую вы здѣсь видите; вамъ, вѣрно, она покажется

лабою побѣдою надъ мнѣніемъ великаго поэта; но въ первые дни ребяческаго упоенія она показала мнѣ такимъ великимъ созданиемъ, что я каждую минуту видѣлъ тѣнь Гёте, нарочно поднимающуюся передо мной изъ могилы, чтобъ рукоплескать мнѣ и принять себя побѣжденною.

Пока Германъ говорилъ такимъ образомъ, виконтесса кидала взгляды туда и сюда, по всѣмъ угламъ мастерской; но Нелида, побопытная, изумленная, въ первый разъ при помощи этихъ словъ проникнувъ въ тайну искусства, Нелида, для которой въ эти минуты открывался совершенно-новый поэтическій горизонтъ, жадно слушала рѣчь молодого художника и не думала прерывать его.

— Знаешь ли, Нелида, что эта наядка похожа на тебя? сказала наконецъ г-жа Геспель.

— Вотъ портретъ моей матери, сказалъ Германъ, чтобъ отвлечь вниманіе виконтессы. И, проходя къ своему станку мимо Нелиды, въ кинулъ ей эти слова, какъ раскаленное желѣзо проникнувъ въ сердце дѣвушки: — я не могу жить для васъ, но ничто и никто на свѣтѣ не помѣшаетъ мнѣ жить вамъ.

— А! вотъ, вотъ что удивительно! вскричала виконтесса. — Это поразительно, это говорить! Какъ-будто видишь ее, эту добрую маму Ренье, въ ея прекрасной праздничной косынкѣ и съ аметистовой брошкой. Вотъ мелкія букли ея *à la neige*, съ которыми она никакъ не хотѣла разстаться, что я ей ни говорила, что ни бѣдала. И ея старое кресло разводами... все тутъ; точно она очеть сказать вамъ: здравствуйте. Признаться откровенно, мой милый, мнѣ это нравится больше вашей наяды. Она не очень-стеснительна, эта наядка; правда, она нѣсколько похожа на Нелиду, но я никогда не видала подобной женщины.

— Я точно полагаю, возразилъ Германъ, начинавшій терять ервѣніе: — что вамъ рѣдко случалось видѣть наядъ.

— Однако, мой милый, продолжала г-жа Геспель, не обращая вниманія на отвѣтъ: — мы не хотимъ больше мѣшать вамъ; мы опять придемъ. Вамъ нужно кончить съ этой дѣвушкой, привела она, подойдя къ молодой дѣвушкѣ и внимательно разсматривая ее, между-тѣмъ, какъ та, оправившись отъ своего замѣчательства и, можетъ-быть, довольная обзоромъ, который, какъ она была увѣрена, будетъ въ ея пользу, весело и хитро посмотрѣла на г-жу Геспель; прелестная улыбка растворила алыя и пріятныя губки ея, словно вишни, созрѣвшія подъ лучомъ солнца.

— Вы у насъ скоро будете, не правда ли? возразила виконтесса, обращаясь къ провожавшему ее Герману. — Надобно вамъ сказать, что и я также занимаюсь живописью. Я большая колористка; яркость красокъ прельщаетъ меня, и, признаюсь, можетъ-быть, нѣсколько жертвую ей строгою правильностію линий.

Германъ улыбнулся и обѣщавъ прийти на другой день; онъ проводилъ виконтессу чрезъ всѣ шесть этажей и, подавая руку Нелидѣ, чтобъ посадить ее въ карету, сказалъ: — я пойду назадъ

въ храмъ; духъ сошелъ въ него; трудъ мой благословитъ; судьба моя освящена.

Нелида возвратилась домой въ сильномъ волненіи. Съ сестрой бала тётки, съ этого безумнаго вальса, когда тайна ея выразилась въ смятеніи чувствъ, была подхвачена человекомъ, который готовился быть ея мужемъ, она думала, что чувствуетъ къ этому человѣку страстную, вѣчную любовь. Все, что ощущала она, когда приближался къ ней Тимолеонъ, легкое замѣшательство утонченной стыдливости, простодушная признательность его заботы, снисходительное удивленіе возвышенности его умовкности обращенія,—всѣ эти смутныя ощущенія были такъ такъ такъ восхитительны, и Нелида твердо убѣдилась, что она—глубокія волненія души, проникнутой любовью. Тоска, тяготившая ее времени отъѣзда господина Керваэнса, дѣтская радость, которую она чувствовала при всякомъ доказательствѣ его истинно очаровательная откровенность и лоякія внушенія дѣвочки дѣвужень поддерживали ее въ этомъ заблужденіи. Она съ возрѣніемъ мечтала о поэтической жизни, которую будетъ вести. представляла себѣ древній бретонскій замокъ, который Тимолеонъ такъ хорошо описывалъ; обширные пустыри, покрытые росомъ верескомъ, друидскія скалы, прогулки верхомъ по дикой скали берегу шумливаго моря, въ сопровожденіи благороднаго вѣтера, важнымъ и пріятнымъ языкомъ произносящаго клятвы верности и законной любви. Привязавшись къ нему заранѣе силами взаимной симпатіи, она была восхищена, доверчива, койна и не могла представить себѣ, что на землѣ можетъ существовать страсть живѣе и счастье больше ея страсти и ея счастья.

И вдругъ иная мысль поднимается въ душѣ ея; другое рѣшительнѣе поглощаетъ ее, другая судьба влечетъ къ себѣ ея вниманіе. Мастерская живописца, а не замокъ знатнаго барина влечетъ ея вниманіе и оковыщаетъ его; она видитъ блѣднѣе образъ Германа, а не Тимолеона!

О, любовь, любовь, неумолимая сила, увлекающая и увлекающая! Огненный вихрь, проносящій насъ чрезъ жизнь въ смятенія и радости, неизвѣстныя другимъ людямъ! бронзовая и дѣлающая насъ безвредными отъ ударовъ судьбы, но дающая свою ужасной тяжестью! любовь, страсть, желаніе, честолюбивей, какое бы имя тебѣ ни давали, — счастливыя смерти! сдѣлавшіяся твоею добычею! счастливы люди спокойные, которые не чувствовали твоего приближенія! Особенно же счастлива женщина, никогда не слышавшая, какъ воздухъ колеблется ея головою отъ твоихъ грозящихъ крыльевъ!

VIII.

На другой день, около сумерекъ, Германъ вошелъ въ небогатую гостиную, которую г-жа Геспель называла своею мастерскою.

омната была обтянута зеленымъ атласомъ, освѣщена сверху, заромождена мнимыми произведеніями искусства и множествомъ здѣлокъ, столько же красивыхъ, сколько бесполезныхъ, служившихъ виконтессѣ при упражненіи ея таланта въ живописи.

— Вы застаете меня en flagrant délit, вскричала она, увидѣвъ германа: — и въ моемъ рабочемъ костюмѣ.

Это было сказано, чтобъ дать ему замѣтить обнаженные руки, ще очень-хорошо сохранившіяся, талию, ловко стяннутую уакимъ шемировымъ платьемъ цвѣта мертвой зелени, и черный кружевной передникъ, ловко-приподнятый, какъ у театральной субретки.

— Вы будете пренебрегать моими произведеніями, продолжала она: — потому-что вы, историческіе живописцы, какъ васъ называютъ, презираете живопись de genre. Я начинала писать масляными красками три года тому назадъ; но откровенно вамъ признаюсь, это шикомъ-дурно пахнетъ, это слишкомъ-грязно. Я предпочла акварель и, кажется, дошла такъ далеко, какъ только можно было идти во внутреннемъ расположеніи деталей. А совершенство въ такомъ незначительномъ родѣ гораздо-лучше посредственности въ шикомъ; не правда ли?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Германъ, незамѣтно улыбаясь.

— Смотрите, но будьте откровенны, продолжала виконтесса: — могу все выслушать, у меня нѣтъ и гѣни тщеславія; вотъ прежде всего *Фамильная Собака*; это совершенно мое изобрѣтеніе; эта собака особенно любитъ маленькаго мальчика, котораго вы тутъ видите, а прочимъ дѣтямъ завидно. Не правда ли, это хорошо вымышлено? Въ особенности, каковъ взглядъ у маленькой дѣвочки! О, это не знаменитая вещь, продолжала она съ нѣкоторой досадою, идя, что Германъ не раскрываетъ рта:—это не эническая сцена; это мило, просто. Потомъ, вотъ возвращеніе моряка. Я написала его въ Дьеппѣ; одинъ англійскій живописецъ поправилъ мнѣ ту волну, которая ему казалась слишкомъ-синюю; но онъ увѣдилъ меня, что другія превосходны, хотя это былъ мой первый дебютъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы очаровательная женщина, сказалъ Германъ, цалуя ей руку.

Виконтесса была тронута.

— О! сказала она съ нѣкоторымъ волненіемъ:—это потому-что я истинная художница; я была преслѣдуема за искусство. Мои приятели находили, что я дурно дѣлаю, предаваясь столько своей страсти къ живописи; онѣ говорили, что это вводитъ меня въ неприличные отношенія; даже грозили мнѣ, что не будутъ ко мнѣ ѣздить. Но я выдержала бурю и достигла того, что вселадла. У меня есть особенный день для артистовъ,—понедѣльникъ. Я кормлю ихъ обѣдомъ; вечеромъ поютъ, рисуютъ въ мекъ альбомахъ; иногда мы играемъ въ шарады; это чрезвычайное-интересно, и намъ бываетъ очень-весело. Это, продолжала она, ни-

мало не воображая, что въ ея словахъ было больше дерзости, нежели во всѣхъ ея пріятельницахъ:—это дочь моего садовника приноситъ мнѣ розы въ корзинкѣ. Замѣьте, пожалуйста, вотъ этого зеленого червяка; не правда ли, что это сама природа? Но вы должны помочь мнѣ окончить эту козу, которую я помѣстила здѣсь налѣво, чтобъ занять пустое мѣсто: я никакъ не могла добиться чтобъ шерсть ея блестѣла.

Германъ съ величайшею готовностью сѣлъ и взялся за кисти виконтессы.

— Посмотри, сказала г-жа Геспель Нелидѣ, вошедшей черезъ нѣсколько минутъ: — какъ услужливъ этотъ добрый Германъ! Вотъ онъ дѣлаетъ чудеса на моей картинѣ; удивительно, какъ же теперь эта коза: надобно признаться, я было вовсе ее испортила.

— Немножко терпѣнія, виконтесса, сказалъ Германъ не отвѣщая отъ работы: — у васъ кисти такъ тонки, что мнѣ очень трудно не сдѣлать пятна. Мнѣ станеть работы по-крайней-мѣрѣ на часъ. Позвольте мнѣ расположиться?

— Хорошо, хорошо, мой милый; вы приводите меня въ восхищеніе. Къ-несчастью, я должна ѣхать; но Нелида останется съ нами, и я надѣюсь еще застать васъ. Вы объѣдаете съ нами.

Виконтесса, вѣчно-хлопотавшая, быстро вышла, оставивъ съ вершениѣйшею увѣренностію дѣвицу Тѣлле и молодого художника въ опасной бесѣдѣ.

— Не-уже-ли вы дѣйствительно находите, что эти произведенія хороши? сказала Нелида, садясь въ большое обитое бархатное кресло, на которое виконтесса клала свою собаку, чтобъ писать на ней.

— Я нахожу, что тѣтушка ваша имѣетъ самыя прекрасныя мнѣренія, отвѣчалъ Германъ:—и все, что сближаетъ меня съ нею кажется мнѣ твореніемъ боговъ... Мы парии, продолжалъ онъ какъ-бы разговаривая самъ съ собою и слѣдуя за своими мыслями, вызванными безразсудной болтовнею г-жи Геспель:—я это вижу. Общество съ гордымъ пренебреженіемъ смотритъ на насъ, на насъ низкихъ ремесленниковъ, торгующихъ кускомъ мрамора или нѣсколькими аршинами раскрашеннаго полотна; оно убѣждено, что наше высшее блаженство должно заключаться въ томъ, чтобъ получать похвалы отъ пресыщенныхъ вельможъ и занимать часы кнѣвическихъ женщинъ. Я знаю, что, сторговавшись и занявшись за работу нашихъ рукъ, кто изъ этихъ людей безъ сердца думаетъ, что на ней лежитъ вдохновеніе души? кинувъ намъ нашу работу, отъ насъ отворачиваются, какъ отъ людей ничтожныхъ.

— Вы несправедливы, сказала Нелида, видя, что пальцы ея и го-художника судорожно сжимаются и лицо загорается гнѣвомъ.

— О, Нелида, продолжалъ онъ, вставая и кидая далеко отъ себя кисть г-жи Геспель:—они нами пренебрегаютъ, они насъ презираютъ; но что до этого за дѣло? Искусство велико, искусство бессмертно. Художникъ—первый, благороднѣйшій человѣкъ въ

ду всѣми людьми, потому-что ему дано глубже чувствовать и сильнѣе, нежели кому-нибудь другому, выражать невидимое присутствіе Бога въ его твореніи. Ему одному въ гармоніи міровъ улыбается божество; онъ одинъ знаетъ тайну красоты безконечной. Восторги его пламенной души — самый чистый гимнъ, какой только восходитъ съ земли на небо.

Германъ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Нелида слѣдовала за нимъ глазами, испуганная его волненіемъ, но влекомая, какъ-бы очарованная его восторженнымъ словомъ, пошатнута для нея только вполовину. Молодой художникъ долго еще декламировалъ на эту тѣму. Онъ обладалъ какою-то первическою раздражительностью и силою гнѣва, иногда доходящими до краснорѣчія. Быстро схватывая все, что льстило гордости, составлявшей основу его натуры, онъ съ жаромъ принялъ еоріи, которые въ послѣдніе годы знаменитая школа проповѣдывала юношеству. Сен-симонистскія мнѣнія нашли въ немъ пламеннаго приверженца. Все время, оставшееся ему отъ занятій искусствомъ, онъ слушалъ рѣчи и проникался доктринами новой секты. Это прославленіе красоты и разума, это воззваніе къ невѣдой женщинѣ, которую каждый втайнѣ надѣялся встрѣтить, это оздоровленіе плоти, говоря техническимъ выраженіемъ, все это было обольстительно для молодыхъ людей въ порѣ первыхъ поывовъ честолюбія и страсти. Въ особенности Германъ, разсудокъ котораго не былъ предохраненъ никакимъ основательнымъ бразованіемъ, Германъ, котораго не удерживало отъ заблужденій ничье примиряющее вліяніе, съ упоеніемъ кинулся въ потокъ идей лживыхъ и истинныхъ, плодотворныхъ и пустыхъ, разумныхъ и безразсудныхъ, начинавшихъ тогда вторгаться въ общество. Онъ читалъ, слушалъ, принималъ все, какъ ни попало, безъ выбора, безъ повѣрки, потому-что все это льстило его безорядочнымъ наклонностямъ, и въ короткое время достигъ не о серьезнаго и откровеннаго убѣжденія, но до ѣдкаго и болѣзненнаго сознанія общественныхъ неравенствъ и несправедливыхъ предразсудковъ, лично противъ него направленныхъ.

Видя, что его слушаютъ со страхомъ и удивленіемъ, восхищавшими его тщеславіе, Германъ, въ частыхъ свиданіяхъ съ Нелидою, неоднократно возвращался къ любимому предмету своихъ импровизаций и, замаскировавъ все, что могло встревожить ея вѣрованія или инстинктъ чистоты, развилъ передъ нею всю доктрину сен-симонистовъ; это произвело въ разсудкѣ молодой дѣвушки безпорядокъ, благоприятный ежедневно-возраставшему смятенію сердца.

Г-жа Геспель, неспособная долго забавляться однимъ и тѣмъ же, бросила свои кисти для устройства какого-то благотѣльнаго предпріятія. Она цѣлый день не бывала дома и не занималась больше Германомъ, ни даже Нелидой, которой, какъ невѣстѣ, слѣзья было ни дѣлать визитовъ, ни ѣздить на вечера. Такимъ-

образомъ, благодаря странности случая, молодые люди были пред оставлены самимъ-себѣ и при постоянно-короткихъ сношеніяхъ пользовались совершенной свободой, въ которой никто въ стѣ не могъ видѣть ничего неприличнаго. Германъ находилъ чрезвычайнѣе удовольствіе въ томъ, чтобъ посвящать Нелиду въ таинства искусства и въ основанія социальныхъ теорій. Удивительная организація этой дѣвушки дѣлала ее одинаково способной чувствовать красоту формы и постигать отвлеченныя истины. Какъ мы сказали, передъ взорами ея открывался новый міръ, храмъ, котораго врата какъ-бы чародѣйствомъ отверзались при словахъ молодого оракула. Въ ней не было ни малѣйшаго сомнѣнія; да и какъ могла она сомнѣваться? Германъ говорилъ мистическимъ языкомъ вѣрующимъ и прилагалъ этотъ языкъ къ своему искусству. Красота, по его мнѣнію, была божествомъ, искусство поклоненіемъ ему, художники его жрецами; любимая женщина — блистательной Беатриче, чистой, незапятнанной, ведущей поэта въ небесныя страны.

Глубокое уваженіе, которое сохранялъ онъ въ своихъ свободныхъ свиданіяхъ съ Нелидой, посторонній, по-видимому, интересъ, оживлявшій ихъ бесѣды, ослѣпляли молодую дѣвушку и болѣе и болѣе разувѣряли ее на-счетъ привязанности, которую она сначала встрѣчала съ ужасомъ; или, лучше сказать, она не отдавала въ ней себѣ отчета, она не чувствовала, какъ быстро Германъ вторгался въ ея сердце. Видя его каждый день, она не замѣчала, какъ необходимо стало для нея его присутствіе. Принявъ безмолвно роль Беатриче, въ которую онъ облакалъ ее, она не думала, что принимаетъ на себя обязанности и нѣкоторымъ образомъ соединяетъ судьбу свою съ судьбою человѣка, отдаленнаго отъ нея и связями крови и даже общественными отношеніями. Она тихо забывала Тимолеона, думая, что только ожидаетъ его. Къ-тому же, языкъ Германа былъ до такой степени отличенъ, съ нимъ она вступила въ міръ такихъ возвышенныхъ помысловъ, что въ умъ ей не могло возникнуть никакого сравненія: всякое сближеніе между ними было невозможно. Она даже не знала, было ли извѣстно Герману, что она скоро выходитъ замужъ: разговоръ ихъ никогда не касался дѣйствительной жизни. Молодой художникъ, восторженный и вдохновенный, восхитилъ се вмѣстѣ съ собой въ идеальный міръ и, казалось, боялся снизойти оттуда. Такимъ образомъ, время шло, дни длились и проходили, часы бѣжали, быстрые и обманчивые, на встрѣчу роковому концу. Такъ ручьи альпійскихъ пустынь скользятъ легко и тихо по едва-вырытому въ песокъ ложу, между двумя зелеными берегами, подъ яснымъ небеснымъ сводомъ. Никакое нечистое дуновеніе не мутитъ ихъ; ни одно животное не утоляетъ въ нихъ жажды. Только дикій рододендронъ, склонясь надъ бѣгущей волною, роется въ нее свою тѣнь и свое благоуханіе. Но вдругъ почва трясется; въ нечувствительномъ склонѣ горы вдругъ дѣлается тре-

шина; разверзается бездна. Тихая волна мечется, бьется, кружится и реветъ въ мрачныхъ глубинахъ между неподвижныхъ массъ гранита.

IX.

Однажды Германъ былъ одинъ съ Неллидой въ мастерской г-жи Геспель. Онъ показывалъ ей рисунки со «стансовъ» Ватикана, и молодая дѣвушка слушала, внимательная и восхищенная, разсказъ его полною, благотворною, цвѣтущемъ и славномъ существованіи Фааала Санціо, этого сына *genio* и *музы*, какъ его прекрасно прозвали. Она простосердечно удивлялась любви великаго художника къ женщинѣ безъ дарованій и безъ добродѣтели, къ простодинкѣ необразованной, къ *Форнарини*, и находила, что Германа то удивляетъ слишкомъ-мало. Однако, онъ не высказалъ ей всей своей мысли. Онъ не сказалъ ей, что, можетъ-быть, въ собственной его жизни было нѣчто подобное: такъ нѣсколько двуглазости вмѣшивается всегда въ самыя чистыя отношенія между мужчиною, этимъ сильнымъ и алчнымъ созданиемъ, которое любить и сѣбно вырываетъ каждое наслажденіе изъ каждой грязи, и женщиною, несчастною слѣпою съ открытыми глазами, которая проходитъ этимъ міромъ сквозь ответственность, скрестивъ а груди свое чистое покрывало... Они были вдвоемъ: Неллида склонилась надъ этими благородными эскизами, надъ этими полубожественными созданиями по преимуществу великаго мастера; Германъ сидѣлъ рядомъ съ нею и медленно переворачивалъ листы. Неллидѣ принесли письмо, присланное ей тѣткою. Она узнала руку и поблѣднѣла. Странная судьба! а между-тѣмъ, къ ней шлъ ея молодой женихъ, супругъ ея избранный! Трепещущей рукой разломилла она печать, и пока Германъ слѣдилъ на лицѣ ея внимые признаки внутренняго волненія, она прочла слѣдующее:

«Ваша тѣтушка позволила мнѣ, сударыня, увѣдомить васъ прямо, безъ ея посредства, о новости, которая дѣлаетъ меня счастливѣйшимъ изъ людей: глупый процессъ, грозившій задержать меня здѣсь, кончился мировой сдѣлкою. Послѣ-завтра я ѣду; спѣшу кинуться къ ногамъ вашимъ и просить васъ ускорить день, когда вы удостоите меня переимѣнить имя ваше на мое, домъ вашъ на мой, и когда мнѣ позволено будетъ объявить передъ небомъ вѣжскую, почтительную и преданную страсть, привязывающую меня къ вамъ.»

Неллида не кончила. Глаза ея покрылись облакомъ; письмо вышло изъ рукъ. Германъ схватилъ его и пожиралъ глазами. Въ себя и обезумѣвъ отъ страсти, отъ отчаянія, онъ обнялъ полу-смертную дѣвушку и напечатлѣлъ на губахъ ея огненный поцалуй. Она хотѣла вырваться изъ рукъ его: онъ удержалъ ее. «Ты любишь меня» вскричалъ онъ: «я это знаю, вижу, чувствую въ глу-

бниѣ моего сердца; ты меня любишь. Безумные! они отрывають тебя отъ меня, отъ единственнаго человѣка, который тебя понимаетъ! Бѣдное дитя! ступай же, покорись ихъ грубому закону. Отдай своему мужу, отдай свѣту свои дни и ночи, закуй свою волю, оледени сердце. Ты не можешь отдать мнѣ души своей,—она уже принадлежитъ мнѣ: я буду въ ней царствовать на зло людямъ, на зло судьбѣ, на зло тебѣ—самой. Я больше тебя не увижу, но ты моя на вѣкъ. Прощай, Неллида.»

И онъ скрылся, оставивъ молодую дѣвушку смятенную, неподвижную, оцѣпенѣлую.

«Германъ! Германъ!» вскричала она наконецъ, приходя въ себя. И это имя, произнесенное такимъ образомъ, открыло ей тайну и собственнаго сердца. Нѣтъ больше сомнѣнiя, она любила, и любила страстно, глубоко. Онъ это зналъ; онъ сказалъ это: она принадлежала ему. Поцалуй, который она еще чувствовала на устахъ своихъ, оставилъ на нихъ неугладимый слѣдъ. Это была печать союза, который никто не властенъ былъ расторгнуть. Такъ она думала, такъ она чувствовала, откровенная дѣвушка. Отнынѣ для нея Германа надъ нею казались ей неограниченными. Ей казалось, что отдаться другому было бы съ ея стороны преступленiе.

Весь остатокъ дня и часть ночи провела она въ безыкоистой смятенiи, походившихъ на сумасшествiе. Потомъ, какъ всегда бываетъ въ кризисахъ юности, за избыткомъ волненiя послѣдствовало утомленiе; природа вступила въ права свои: Неллида уснула и проспала нѣсколько часовъ. Когда она пробудилась, голова ея была легка, мысли ясны; она чувствовала то же, что узникъ, у котораго спали съ ногъ цѣпи; она рѣшилась, что бы за тѣмъ ни случилось, взять назадъ свое обѣщанiе, расторгнуть бракъ, не смотря на красноту, просьбы и упреки.

— Развѣ я не свободна? говорила она сама съ собою:—что можетъ принудить меня къ браку, который сдѣлался противъ чести? Я люблю человѣка, достойнаго всей любви моей, человѣка, который неравенъ мнѣ въ глазахъ свѣта, но который выше меня передъ лицомъ Бога, потому-что душа его благороднѣе, добротѣ возвышеннѣе, разумъ обширнѣе, нежели у меня. Я люблю гениальнаго человѣка, я имъ любима: могу ли колебаться хотѣть нуту? О Иисусъ! о сынъ Марiи! вскричала она, кидаясь на колѣни и закрывъ лицо руками:—у меня достанетъ силъ послѣдовать твоему божественному примѣру. Ты не искалъ великихъ земныхъ богатствъ, чтобъ сдѣлать ихъ своими друзьями и учениками: ты искалъ только бѣдныхъ и угнетенныхъ. Ты учишь насъ, что не имѣемъ твоею нѣтъ званiя, нѣтъ преимуществъ выше чистой совѣсти и горячей любви къ людямъ. Какая же слава, какое блаженство могутъ сравниться съ тѣмъ, чтобъ все отдать, все въ жертву, все попать ногами для человѣка съ великимъ сердцемъ, борющагося съ испытанiями неумолимой судьбы?

И молодая энтузиастка представляла себѣ въ героическихъ

такъ борьбу свою съ родными и со свѣтомъ; она уже видѣла себя осужденную общественнымъ мнѣніемъ, оставленную друзьями, удаляющуюся съ мужемъ въ уединеніе, живущую только для него, ободряющую его словомъ, награждающую улыбкой, молящуюся, работающую возлѣ него. Она, сама того не зная, подвергалась оболъщению самому сильному для великихъ душъ, — оболъщению несчастья. Когда искуситель обращается къ дочерямъ Еввы, онъ не возбуждаетъ въ нихъ и не льститъ обманчивыми обѣщаніями ни любопытства, ни гордости, ни сладострастія; онъ не манитъ ихъ ни земными царствами, ни всевѣдѣніемъ ада, но показываетъ вдали, на темномъ горизонтѣ, пустынную землю изгнанія, гдѣ стоитъ одинокій и печальный несчастливецъ, можетъ-быть, преступникъ. И дочь Еввы, великодушная и неблагоразумная, тотчасъ покидаетъ благовонныя куши и кристаллыя воды: она идетъ къ тому, чьи уста проклинаютъ рожденіе и сердце не знаетъ радости, чтобъ страдать вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ пожалѣть его или утѣшить.

Между энергическимъ рѣшеніемъ и его исполненіемъ лежитъ цѣлый міръ нерѣшимостей и слабостей. Когда Нелида, спокойная, твердая, рѣшилась на все, надѣла шляпку и мапилью, чтобъ идти, какъ она часто дѣлывала, къ дѣвицѣ де-Ланженъ, жившей рядомъ, она вдругъ почувствовала дрожь. То, что ей за нѣсколько минутъ казалось геройскимъ дѣломъ, припимало теперь въ глазахъ ея видъ позорной ошибки. Ити украдкой, куда же? къ молодому человѣку, сказать ей, гордой, сосредоточенной Нелидѣ, что она его любитъ и хочетъ быть его женою... Этого достаточно было, чтобъ поколебать самую неустрашимую рѣшимость. Послѣ получаса, проведеннаго въ самомъ ужасномъ сомнѣніи, она начала уже машинально развязывать ленты своей шляпки и рѣшилась подождать еще, отложить до завтра... когда стукъ почтовой кареты, въѣзжавшей на дворъ, заставилъ ее вздрогнуть. Полагая, что это, можетъ-быть, г. де-Керваэнсъ, не въ силахъ будучи выдержать его присутствія, она быстро заперла дверь въ комнаты г-жи Геспель и бросилась къ маленькой задней лѣстницѣ, выходящей въ ворота. Скрывъ лицо подъ густымъ вуалемъ, а талию подъ складками длинной мапильи, она прошла воротами, которыхъ еще не успѣли запереть, и быстро пошла по грязному и скользкому троттуару. Не поднимая глазъ, не глядя вокругъ себя, она миновала площадь и вошла въ Тюильри. На часахъ замка пробіло пять часовъ. Садъ былъ покрытъ снѣговатымъ туманомъ. Каштаны простирали по воздуху свои черныя, ломаныя вѣтви. Тамъ-и-сямъ рѣзкій силуэтъ нѣмой статуи выдавался изъ тумана, красноватаго отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Блѣдная и трепещущая дѣвушка скользила какъ призракъ въ сыромъ туманѣ, подъ недвижными и обнаженными деревьями. Кровь кипѣла въ ея жилахъ и дѣлала ее нечувствительною къ холодному воздуху, медленно проникавшему ея шелковую мапилью.

Такимъ-образомъ, покорная больше инстинктивному влеченію, нежели сознательному дѣйствию воли, она дошла до узкаго пассажа къ улицѣ Бонъ. Она кинулась въ него и, чтобъ не отвѣчать прятнику, быстро взбѣжала на лѣстницу. Но вскорѣ, повинуясь одному изъ тѣхъ внезапныхъ возвратовъ, понятныхъ только тому, кѣмъ играли страсти, остановилась; неудержимая сила, двигавшая ее, еще разъ ослабѣла; страшно мелькнулъ лучъ разсудка. Внезапно отказываясь отъ своего намѣренія, она схватилась за перила и сильно уцѣпилась за нихъ. Уже она ставила ногу на первую ступень, чтобъ сойти съ лѣстницы, какъ внизу послышался шумъ шаговъ. Ей представилось, что за ней кто-нибудь слѣдовалъ, можетъ-быть, самъ де-Керваансъ, и паническій страхъ овладѣлъ ею. Она опять безумно бросилась впередъ, вошла еще два этажа и, кинувшись къ двери, которую она, казалось, узнала, сильно дернула колокольчикъ.

— Кого вамъ угодно, сударыня? произнесъ пріятный голосъ, нѣсколько ей знакомый.

— Мастерскую г. Реньё, сказала Нелида.

— Вы ошиблись этажемъ, продолжала молодая дѣвушка, открывшая дверь, и Нелида, при слабомъ свѣтѣ погасавшаго дня, узнала ея прекрасные волосы и розовое личико. — Мастерская выше; но мы живемъ здѣсь, прибавила она: — и если вамъ угодно видѣть г. Реньё, то онъ, вѣроятно, скоро будетъ, потому-что мы обѣдаемъ въ пять часовъ.

И, не дожидаясь отвѣта, молодая дѣвушка впустила дѣвушку де-ла-Тябле въ маленькую спальню.

— А! это вы, сударыня, вскричала она, подавая Нелидѣ саманный стулъ, съ котораго сняла свою работу: — извините, я васъ сперва не узнала. Но вы нездоровы? продолжала она, вида, что Нелида, въ смятеніи, не могла выговорить ни слова. — Вы спускались всходя слишкомъ-скоро на лѣстницу. Не хотите ли выпить немножко fleur d'orange?

Нелида сдѣлала знакъ, что ей ничего не нужно; но добрая дѣвушка все-таки подошла къ своему коммоду, вынула изъ ящика кусокъ сахара и, разводя его въ большомъ стаканѣ изъ краснаго стекла, который, вмѣстѣ съ такимъ же графиномъ, стоявшимъ на каминѣ, составлялъ лучшее украшеніе этого скромнаго жилища, продолжала:

— Если хотите, я разстегну вамъ крючки; вамъ тяжело дышать.

Нелида долго смотрѣла на нее какъ помѣшанная.

— Вы живете съ г. Германомъ? сказала она ей наконецъ.

— Да, сударыня.

— Вы ему родственница?

Дѣвушка улыбнулась.

— Его родственница?.. да, если хотите. Я его жена.

— Я не знала, что онъ женатъ, сказала Нелида голосомъ умирающей.

— Гм, женатъ... Объяснися, продолжала гризетка, подавая дѣвѣ въ Тѣлѣ стаканъ съ сахарной водой. — Вамъ я готова это сказать; и господинъ-мэръ, ни господинъ-священникъ не заставляли насъ ничего обѣщать одного другому; но тѣмъ не менѣе мы другъ друга любимъ. Я забочусь о нашемъ маленькомъ хозяйствѣ; я очень ѣрна и вовсе-неревнива. Я не пристаю къ нему за его натурщицъ, хотя часто... но съ художниками не надобно обращать на то слишкомъ-много вниманія. Лучше ли вамъ? сказала она ласковымъ тономъ Нелидѣ, которая машинально выпила цѣлый стаканъ воды.

— Миѣ очень-хорошо, отвѣчала Нелида такимъ глухимъ и слабымъ голосомъ, что, казалось, онъ выходилъ изъ груди умирающаго: — я приѣду еще разъ... заказать портретъ.

И, вставъ съ нервическимъ движеніемъ, она вышла, не смотря на упрасиванія гризетки, и такъ скоро стала спускаться по лѣтницѣ, что испуганная дѣвушка кричала ей: «Берегитесь, берегитесь. Вы ушибетесь; тутъ темно. Тамъ, внизу, на поворотѣ, не остается одной ступени...»

Сойдя до перваго этажа, Нелида на этотъ разъ явственно слышала шаги человѣка, шедшаго къ верху. Въ испугѣ она кинулась во впадину двери, гдѣ было совершенно-темно, и прижалась тамъ, удерживая дыханіе. Человѣкъ, закутанный плащомъ, прошелъ около нея и задѣлъ ея платье. Она стояла еще неподвижная, испуганная, почти мертвая, когда звонокъ, раздавшійся въ ерхнемъ этажѣ, заставилъ ее содрогнуться. Сама не понимая, что дѣлаетъ, она сошла еще ниже, вышла изъ пассажа, кинулась въ лицу, повернула за уголъ по набережной и побѣжала по направленію, противоположному Пале-Руаялю. Но вскорѣ способность какой-то дѣтской разсудительности, сохраняемая иногда даже несчастными въ самыхъ припадкахъ, взяла верхъ; она остановилась, разсуждая сама съ собою, что такой женщиной, какъ она, неприлично привлекать на себя вниманіе прохожихъ, что, будучи одна въ такое время, она должна идти спокойно, чтобъ не подать повода къ грубымъ ошибкамъ. Разсуждая такимъ страннымъ образомъ, она шла около парапета, кидая зловѣщіе взгляды на мрачную воду, кой-гдѣ освѣщенную отраженіемъ фонарей. Туманъ густѣлъ съ каждой минутой. Она подошла къ одному изъ спусковъ, ведущихъ на Сену и, оглядѣвшись кругомъ, не слѣдовали ли за нею, захохотала судорожнымъ смѣхомъ и пошла къ рѣкѣ. Вдругъ жилистая рука сильно схватила ея руку, и мужской голосъ сказалъ ей съ твердостью:

— Остановитесь, сударыня; то, что вы хотите дѣлать, нехорошо.

Нелида оборотилась и увидѣла возлѣ себя человѣка въ рабочиной блузѣ.

— Извините, сударыня, продолжалъ онъ:—если я вамъ мѣшаю; я ужъ нѣсколько времени слѣжу за вами и по вашей одеждѣ, по

вашему разстроенному виду, по тому, что вы оди́, возгъ рѣки, догадался, что у васъ есть какое-нибудь дурное намѣреніе. Позвольте посадить васъ въ карету. Не надобно дѣлать дурнаго удара.

Говоря такимъ-образомъ, работникъ ввелъ на берегъ Нелду, послушную какъ дитя движеніямъ сильной руки, ее державшій.

— Благодарю васъ, сказала она наконецъ. Она не могла ничто прибавить. Слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ ея.

— Плачьте, сударыня, плачьте, сказалъ работникъ: — слезы облегчаютъ. Я это знаю... Я хорошо знаю, что такое горестъ, утрачу васъ, сударыня. И еслибъ не моя бѣдная семья, я, можетъ-быть, давно сдѣлалъ бы то же, что вы хотѣли сдѣлать. Извините, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — что я веду васъ такимъ образомъ; но я не смѣю оставить васъ оди́хъ; къ-тому же, теперя такой туманъ и вы такъ закрыты своимъ вуалемъ, что васъ никто не узнаеть; впрочемъ, мы возьмемъ фіакръ.

Они дошли до мѣста, гдѣ стоятъ извози́чи экипажи: ни одного фіакра не было. Работникъ послалъ разбѣжавшимся извози́камъ энергическое ругательство.

— Далеко ли вы живете?

Нелида не знала, отвѣчать ли.

— Я спрашиваю васъ не изъ любопытства, сударыня: я тои хотѣлъ знать, много ли вамъ еще прійдется идти, потому-что мои бѣдные ноги очень — петверды въ эту минуту, а вы не знаете, чтобъ васъ отвесли домой.

— Я живу въ Предмѣстьѣ-Сент-Оноре, сказала Нелида, стыдя своей недовѣрчивости: — и очень могу дойти. Но вы... вамъ и по пѣкогда.

— Нѣтъ, сударыня, моя дневная работа окончена, а ужинъ не простываетъ, сказалъ работникъ съ странной усмѣшкой. — Хлѣбъ съ кускомъ сыра — это всегда хорошо, всегда вкусно послѣ десяти часовой работы.

Онъ замолчалъ. Нелида опиралась на его руку съ чувствомъ вольнаго уваженія. Съ строгой и религіозной мыслию обращая она отъ него къ самой-себѣ.

— Что я могу для васъ сдѣлать? сказала она наконецъ, какъ они подходили къ отелю Геспель. Она положила руку на его плечъ, но не смѣла предложить его пролетарію.

— Дать мнѣ обѣщаніе, отвѣчалъ онъ съ большою простотою, положить вашу маленькую ручку, которой подобной я никогда видывалъ, въ мозолистую руку бѣднаго каменщика, и поклясться ему, что вы никогда не начнете того же.

— Клянусь вамъ, сказала тронутая Нелида и сжала ему руку.

— Простите, сударыня, сказалъ работникъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отеля: — не надо, чтобъ видѣли, что я подошелъ къ вамъ съ вами.

— Скажите мнѣ ваше имя и вашъ адресъ, сказала Нелида.

— Меня зовутъ Франсуа, а живу я въ Улицѣ-Сент-Этьенн-дю-Монъ, номеръ восьмой, отвѣчалъ работникъ.

Нелида выпустила его руку. Онъ остановился и слѣдовалъ за ней глазами до-тѣхъ-поръ, пока не увидѣлъ, что большая аристократическая дверь затворилась за нею.

Молодая дѣвушка прошла, не будучи узнаною, мимо коморки привратника, принявшаго ее за одну изъ служанокъ, не воображая, чтобъ дѣвица Тѣлле могла прійти такимъ-образомъ, пѣшкомъ, одна и въ такое время. Горничная, видя ее блѣдною, съ измѣнившимися чертами лица, съ мутными глазами, испугалась и хотѣла послать за докторомъ и за виконтессой, обѣдавшей въ гостяхъ; но Нелида, запретивъ ей это, объяснила, какъ могла вѣрнѣе, причину своего нездоровья и легла въ постель, увѣряя, что она чувствуетъ себя почти совершенно-здоровою. Въ-продолженіе вечера, горничная нѣсколько разъ входила на ципочкахъ и, не слыша ни малѣйшаго шума, видя, что Нелида лежала спокойно, заключила, что она спитъ глубокимъ сномъ и не разсудила беспокоить виконтессу Геспель. На другой день, когда пришли къ дѣвицѣ де-ла-Тѣлле въ обыкновенный часъ, ее нашли неподвижною, съ померкшими глазами, съ сложенными оцѣпенѣвшими руками; думали, что она умерла. Призванный на-скоро врачъ нашелъ воспаленіе въ мозгу и объявилъ, что положеніе больной такъ опасно, что онъ не можетъ принять на себя отвѣтственности за успѣхъ леченія. Составлена была консультація изъ трехъ знаменитѣйшихъ медиковъ. Они единогласно думали, что у больной было жестокое оспаленіе въ мозгу. Два дня употребляли самыя сильныя средства и, не смотря на то, могли произвестъ только легкое движеніе губъ и рѣсницъ. Г-жа Геспель и г. де-Кервансъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ тотъ самый день, какъ занемогла Нелида, попеременно идѣли у ея изголовья. Оба они уже оплакивали ее, какъ умершую, какъ вдругъ, на третій день, Тимолеонъ, подойдя къ постели, амѣтилъ, что щеки больной были живѣе обыкновеннаго. Онъ зялъ ее за руку: о счастье! въ первый разъ въ-теченіе сорока-осьми часовъ рука ея не была холодна. Онъ наклонился надъ ею, и ему показалось, что онъ бредитъ, когда увидѣлъ, что глаза молодой дѣвушки слѣдовали за его движеніями и старались знать его. Онъ радостно вскрикнулъ; она услышала, потому-что ста ея раскрылись, какъ-будто для отвѣта. «Нелида!» вскричалъ онъ: «узнаете ли вы меня, слышите ли вы меня?» Она пожала ему руку; потомъ, утомленная этимъ усиліемъ, закрыла глаза и погрузилась въ прежнее забытіе. Пріѣхалъ докторъ. Онъ нашелъ ульсь значительно лучше и кожу покрытую благопріятной влажностью. Чтобъ увеличить этотъ благотѣльный переворотъ, онъ приказалъ усилить тягучія припарки. Въ этотъ день Нелида два раза обнаруживала признаки, подававшіе надежду возвратитъ ее къ жизни. И точно, жизнь возвратилась въ сердце и въ голову молодой дѣвушки; первый предметъ, который она увидѣла, былъ

другъ, съ нѣжностью бодрствовавшей надъ нею; первый муть, поразившій ея ухо, было слово любви. Ей казалось, что она преенулась послѣ тяжелаго сновидѣнія. Смутно, какъ въ потускленномъ зеркалѣ, представлялись ей отвратительные образы. Она была жертвой самаго низкаго обмана. Душа ея не была создана изъ ненависти; мшenie не могло имѣть въ нее доступа; но презрѣше, — такъ она по-крайней-мѣрѣ думала, — сразу убило всю любовь ея. Она считала себя бѣдной больною, счастливо излечившеюся отъ припадка безумія. Слѣша покинуть Парижъ, она энергическою волею устранила время своего выздоровленія и сама назначила день свадьбы.

3-го декабря, безчисленная толпа наполняла Церковь-св.-Филиппа. Длинная шеренга каретъ загоразживала со всѣхъ сторонъ церковь. Самое модное общество собралось въ святомъ храмѣ. Но въ двѣнадцать часовъ двери сакристїи отворились: «Вотъ она раздалась со всѣхъ сторонъ. Какъ она хороша! какъ блѣдна!»

Дѣвица Тьелле приближалась твердою, хотя еще слабою поступью, держась за руку дяди г. де-Керваэнса, бывшаго въ полномъ генеральейтенантскомъ мундирѣ. Она была спокойна, сосредоточена, величественна и печальна. Можно было принять ея за жертву дровянаго рока, за молодую Ниобею, знавшую, что всѣ ея надежды умерли въ груди ея.

Отецъ-Эмери произнесъ почтительную рѣчь, въ которой упоминалъ рыцарскія доблести, наследственныя въ семействѣ супруга, и христіанскія добродѣтели, украшавшія домъ супруги и переходившія отъ матери къ дочери.

— Какъ они счастливы, эти богачи! сказала одна женщина черни своему сосѣду, смотря, какъ дѣвица де-ла-Тьелле садилась въ карету.

— Не столько, какъ мы часто думаемъ, отвѣчалъ ей мужикъ блуздѣ. Недѣла быстро оглянулась, чтобы посмотреть, откуда исходитъ этотъ голосъ, который она узнала. Въ тотъ же моментъ Франсуа получилъ по почтѣ въ своемъ чердакѣ Ул. Сент-Этьенн-дю-Монъ купонъ на 200 франковъ дохода, съ прилагающею запиской, написанной тонкимъ почеркомъ и дрожащею рукою:

«Одна ороба, спасенная вами отъ преступнаго безумства, проситъ васъ не отвергнуть незначительной суммы, которая можетъ вамъ поддерживать ваше семейство. Попросите матушку благословить новобранную, а дѣтямъ вашимъ скажите, что она маленькая ея дѣе.»

X.

Вѣвонъ Виръ лежалъ на возвышенности, съ которой всматривались бесконечный горизонтъ. Съ одной стороны, эта возвышенность, на пространствѣ двухъ веретъ, цѣпримѣтно спускалась

ворота Дода; съ другой, она сходила довольно-крутымъ скатомъ къ морю, такъ-что слышно было, какъ сердитая волна въ непогоду ревѣла, ударяясь о крутой яръ.

Это древнее мѣстопробываніе Керваэнсовъ имѣло самый грозный видъ и отличалось болѣе прочностію и суровымъ тономъ сѣроватаго гранита и чернаго сланца, изъ которыхъ было выстроено, нежели красотою стилл. Была ли огромная громада, ея составлявшая, результатомъ многихъ построекъ, или она принадлежала къ той переходной эпохѣ, когда еще характеры двухъ архитектуръ, римской и готической, были смѣшиваемы и, казалось, не могли раздѣлиться въ мысли художника, но въ подробностяхъ этого огромнаго зданія не было никакого единства. Это былъ широкій четырехугольникъ, фланкированный тамъ-и-сямъ круглыми башнями, увѣнчанный бойницами, съ неправильно-продѣланными окнами, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранили еще немного-сглаженный стрѣльчатый сводъ, между-тѣмъ, какъ другіе были согнуты скрѣпными аркамъ. Широкія сухія луговины, на которыхъ паслись дани и дикія козы, окружали главный дворъ; передній дворъ былъ усаженъ вѣковыми тисами, удивительно разросшимися на почвѣ, особенно для нихъ благопріятной. Неподвижный и важный видъ этихъ деревьевъ, симметрически расположенныхъ въ двѣ линіи, какъ почетная стража, рѣзко отличалъ окружающую замка отъ остальныхъ частей ландшафта и, кажется, внушала уваженіе всякому, кто приближался къ этому феодальному жилищу. Первая града замыкалась рѣшеткой, съ гербомъ Керваэнсовъ, отъ которой шелъ длинный прямой путь по направленію древней римской дороги, выводившій черезъ засѣянные рожью поля на дорогу въ Доль.

Съ другой стороны замка, дѣсь изъ дубовъ и елей, перерытый глубокимъ ровомъ, близъ котораго лежало много гигантскихъ скалъ, дужавшихъ нѣкогда, какъ полагаютъ, при жертвоприношеніяхъ рундовъ, былъ перерѣзанъ дорожками и украшенъ хитринными, искусно разбросанными по зеленымъ скатамъ: онъ составлялъ арку рѣдкой красоты и грандіозныхъ размѣровъ. Тимолеонъ не растерялъ значительныя суммы, чтобъ возратить жилищу своихъ предковъ нѣсколько прежняго блеска. Онъ очень дорожилъ честию своего имени; послѣ юности, пресыщенной удовольствіями, въ немъ сохранился одинъ серьезный интересъ, одно постоянное желаніе, о стоявшее въ томъ, чтобъ воскресить, сколько обстоятельства позволяли, славную жизнь предковъ и посредствомъ денегъ и ловкости снова господствовать, какъ нѣкогда они господствовали, почти-неограниченно надъ цѣлою странюю. Женившись на дѣвицѣ де-ла-Тѣлла, онъ употребилъ цѣлый годъ на то, чтобъ омѣллировать какъ-можно-великолѣпнѣе, слѣдуя мѣстнымъ и семейнымъ преданіямъ, обширныя залы Вика, которыхъ наилучшіе своды, массивныя голбы, рѣзныя рѣшетчатая балюстрады, точеныя изъ дерева, прашенія и высокіе каминны съ остроконачными колпаками, намя-

нельзя—больше допускали величественное и богатое убранство. Ежедневно привозились туда реставрированные картины, рѣдкія мебели, ящики, наполненные кельтическими и римскими древностями, которыя Тимолеонъ скупалъ всюду. Онъ самъ часто ѣздилъ въ Шриджъ и Лондонъ, то для того, чтобъ торопить работниковъ, и для того, чтобъ приобрести какой—нибудь указанный ему драгоценный обломокъ древности. Архитекторъ и два обойщика были надзоръ за работами; но ничего не дѣлалось безъ приказанія своего хозяина. Онъ занимался самыми мелкими подробностями, одушевлялся страстію къ своему занятію и хотѣлъ, чтобъ каждая вещь представляла собой возможное совершенство.

Съ своей стороны, Нелида не оставалась праздною. Тимолеонъ во всѣхъ случаяхъ имѣвшій привычки знатнаго вельможи, не оставилъ ей свободное распоряженіе ея доходами, и она употребляла ихъ на помощь бѣднымъ: это сблизило ее съ грубымъ и дикимъ, прекраснымъ и честнымъ народонаселеніемъ, ее окружающимъ. Удаленная отъ свѣта, въ этомъ прекрасномъ и величественномъ мѣстѣ, столь сходномъ съ наклонностями души ея, думая, что мужъ ея постоянно занятъ, постоянно доволенъ, провела восемнадцать мѣсяцевъ въ безмятежномъ счастьи. Германа ни разу не было произнесено въ замкѣ Викъ. Замкъ Нелида начала новое существованіе, на которое ея прошлые данія едва набрасывали легкую тѣнь. Дни быстро уходили въ добрыхъ дѣлахъ и разнообразныхъ прогулкахъ. Отчеты работниковъ, новые проекты убранства, представившіеся на ея британскія легенды и семейные анекдоты, которыя Тимолеонъ сказывалъ живо и охотно, сокращали вечера. Она была уверена, что у ней съ мужемъ рѣшительно одни и тѣ же вкусы, одни и тѣ же потребности; и убѣжденная, что для счастья ихъ всегда будетъ нужно одно и то же, радовалась, что избѣжала, какъ бы чудомъ, губельной страсти и нашла въ прекрасномъ семейномъ, невозмутимое счастье.

Въ то время, съ котораго мы продолжаемъ эту повѣсть, замкъ Викъ совершенно измѣнился. Тимолеонъ, непримиримый къ никому, пока не были совершенно—готовы его конюшни, конюшня, ни чья принадлежности и ливреи, вывезъ Нелиду къ себѣ въ Бретань. Во всѣ стороны посланы были письма, которыми приглашались и приглашались провести лѣто въ Бретани. Пріѣхали князь Геспель, дѣвица Ланженъ, сдѣлавшаяся баронессою Сомильи, много другихъ болѣе или менѣе короткихъ знакомыхъ. И въ паркѣ непрерывно раздавались звуки роговъ и шумныя толпы отправлялись на охоту, на рыбную ловлю, на обѣды, устроивавшіеся на чистомъ воздухѣ, въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ. Приготовлялся домашній спектакль. Тимолеонъ былъ въ восторгѣ. Нелида старалась раздѣлять его радость; но вскорѣ, посреди этихъ удовольствій, непрерывно довавшихся одно за другимъ, она почувствовала себя не на сво-

стѣтъ, начала тосковать о своемъ уединеніи мало-по-малу, подѣль или другимъ предлогомъ, уклонялась отъ такъ-называемыхъ сельскихъ удовольствій и вскорѣ стала выходить къ гостямъ тогда-лишь, когда присутствіе ея было необходимо. Тимолеонъ не амѣтилъ этого такъ, какъ она ожидала; онъ оказывалъ еще къ свободѣ другихъ уваженіе, подѣль которымъ скрывалось учтивое равнодушіе; обыкновенно, поцаловавъ у жены руку и спросивъ, будетъ ли она на охотѣ или на прогулкѣ и получивъ отъ нея въ отвѣтъ, что не будетъ, онъ не настаивалъ и уходилъ, не стараясь даже знать причины ея отказа.

Въ Викѣ, какъ въ Парижѣ, прекрасная Ортанса была царицею праздниковъ. Она пять разъ въ день перемѣняла туалетъ. Утромъ, въ дубовыхъ аллеяхъ, встрѣчали ее съ ролей въ рукахъ, въ воспитательномъ бѣломъ пенюарѣ; за завтракомъ она являлась въ новомъ искусномъ negligé. Позже, амазонка съ длиннымъ хвостомъ обхватывала ея тонкую талию; взмахнувъ хлыстомъ, кидаясь она на бойкую лошадь, состязаясь съ самыми смѣлыми вѣзюками въ опасныхъ скачкахъ. Вечеромъ, разодѣтая, съ обнаженой шеей, она вальсировала, пѣла романсы, или, даже не заставляя себя слишкомъ просить, нѣсколько-веселыя пѣсни; если свѣтила луна, она накидывала на свои бѣлыя плечи испанскую манилью, предлагала идти гулять въ паркъ, и каждый добивался ести подать ей руку. Такъ, вѣчно-кокетливая, вѣчно-готовая на охоту, она держала мужчинъ, спорившихъ о ея благосклонности, въ тщательномъ соперничествѣ и заманчивой неизвѣстности, тысячу разъ дурачила своего мужа, смѣялась какъ-нельзя-больше надъ смѣли провинціалками, осмѣливавшимися показаться въ замокъ Викъ, и постоянно сохраняла въ сношеніяхъ съ Тимолеономъ какой-то отгѣнокъ почтительной лести, противорѣчившій той неполношней прихотливости, съ которою она заставляла другихъ себя подчиняться; за это и г. де-Керваэнсъ былъ ей признателемъ.

Не разъ Нелидѣ становилось больно при легкихъ разговорахъ, которые присутствіе ея всегда нѣсколько стѣсняло. Не разъ, видя, какъ пріятны Тимолеону дерзкія выходки и мало-прикрытыя вусмысленности г-жи Соньянкуръ, она выходила изъ гостиной съ слезами на глазахъ. Г. де-Керваэнсъ не находилъ, не искалъ больше случая говорить наединѣ съ своею женою. Ту же заботливость, ту же внимательность, которыя она принимала за доказательства любви, расточалъ онъ не только баронессѣ, но и всѣмъ женщинамъ, приглашаемымъ въ замокъ. Живые припадки грусти показывали Нелидѣ на перемѣну, которой она хорошенько не понимала; впрочемъ, ни малѣйшее подозрѣніе не вторгалось въ ея сердце; только, начиная опасаться, что серьезное расположеніе ея духа гораздо-менѣ нравится Тимолеону, нежели рѣзкая очаровательность баронессы, она стала завидовать легкости и живости Ортансы, какъ качествамъ, которыя могли бы сдѣлать ее привлекательнѣе въ глазахъ мужа.

Слишком — гордая и действительно слишком — добрая, она и хотѣла смущать грустнымъ присутствіемъ своимъ никакого утѣшенія, и удваивала усилія, чтобъ скрыть тоску, все болѣе и болѣе проникавшую въ ея сердце; тщетны были эти усилія, отъ которыхъ она облегчала себя по окончаніи вечера, когда одна, в своей комнатѣ, могла плакать свободно и безпрепятственно предаваться своей печали.

Виконтесса Геспель, если не слишкомъ-разумно, то весьма-честосердечно привязанная къ племянницѣ, замѣтила перемену въ расположеніи ея духа и, съ обыкновенной проницательностью написавъ ее скучѣ отъ долгаго пребыванія въ провинціи, однажды утромъ объявила Нелидѣ, что черезъ два дня она ѣдетъ въ Парижъ и хочетъ увезти ее съ собою.

— Увезти меня? произнесла г-жа де-Керваэнсъ, весьма-удивленная.

— Да, дитя мое, отвѣчала виконтесса: — съ тебя вѣрно уже вольно твоей Бретани, гдѣ ты прозябаешь цѣлыхъ восьмицать мѣсяцевъ. Надобно возвратиться въ Парижъ. Я буду жить съ тобой еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы повеселимся до здѣшняго, не смотря на то, что вы здѣсь живете по-царски. Бы ни было, деревня всегда деревня.

— Увѣрю васъ, тѣтушка, я вовсе не скучаю.

— Лицемерка! Твой мужъ откровеннѣе. Я сообщила ему планъ, и онъ поблагодарилъ меня, сказавъ, что такъ-какъ ты любишь ни охоты, ни домашняго театра, ни другихъ удовольствій здѣшней жизни, то удерживать тебя здѣсь было бы съ его стороны тиранствомъ. Тимолеонъ — примѣрный мужъ!

— Но, тѣтушка, я не могу съ нимъ разстаться, а онъ, я не могу оставить Вика прежде зимы.

— Большая разлука четыре мѣсяца! Я не полагала, что ты такая горлинка. Къ-тому же, — между нами, — если ты влюбишься въ своего мужа, то изъ кокетства оставь его ненадолго. Восмицать мѣсяцевъ жить вдвоемъ — это нелѣпо, и я не понимаю, Тимолеонъ, при такомъ образѣ жизни, не надѣлалъ уже тыглупостей. Если ты хочешь продолжить этотъ медовый мѣсяцъ безъ того уже слишкомъ-продолжительный, тебѣ надобно отдаться, стать другой женщиной. Когда твой мужъ найдетъ въ Парижѣ окруженною поклонниками, въ модѣ, это ему польститъ, можетъ-быть, возбудитъ въ немъ безпокойство; онъ захочетъ оспоривать тебя у другихъ; это задѣнетъ его самолюбіе.

— Ради Бога, тѣтушка, не говорите этого, прервала Нелидъ больно. Я вамъ благодарна за участіе; но я остаюсь.

— Пусть такъ, отвѣчала виконтесса, нѣсколько обиженная; только я тебѣ предсказываю, ты будешь раскаиваться.

Этотъ разговоръ оставилъ въ г-жѣ Керваэнсъ тяжелое впечатленіе. Какъ ни привыкла она къ необдуманной болтовнѣ тѣтки, на этотъ разъ ее объяло странное опасеніе. Увѣренность, съ ко-

и виконтесса сказала ей: «Ты будешь раскаяваться», леденила сердце. Въ первый разъ въ отдаленіи начинала она видѣть, что молеонъ можетъ перестать любить ее. Онъ одобрилъ предложеніе г-жи Геспель: стало-быть, онъ раздѣлялъ мысли виконтессы. въ то же время, Нелида вспомнила, что тѣтка ея думаетъ, будто скучно, и что мужъ ея сказалъ: «удерживать ее здѣсь съ стороны было бы тиранствомъ». Тимолеонъ соглашался на разку съ нею изъ доброты, изъ заботливости о ней. Она упрекала въ томъ, что хоть на минуту могла въ немъ усомниться, и нѣсколько дней къ сей возвратилась ея прежняя ясность.

XI.

Однажды послѣ обѣда, все общество отправилось на охоту въ окрестностяхъ Доля. Посмотрѣвъ на отъѣздъ охотниковъ, Нелида вратилась въ гостиную. Безъ всякаго новаго повода къ печали, была погружена сама-въ-себя, разсѣянна и не думала идти свою половину. Уже нѣсколько времени она не посѣщала богатыни и школъ, устроенныхъ ею по приѣздѣ въ эту сторону. Грусть являетъ движенія души, и если не гаситъ въ ней состраданія, крайней-мѣрѣ лишаетъ его силы и энергіи. Г-жа де-Керваэнсъ вела утро съ книгой въ рукахъ, не читая, сидя у открытаго окна, откуда взоръ ея обнималъ длинную аллею, по которой Тимолеонъ, отставшій отъ другихъ, отправился догонять охотниковъ. Шубы Вика были футовъ въ восемь толщины, и Нелида устроила въ нихъ бамбуковой рѣшетки, обвитой растеніями, убѣжище въ домъ изъ оконъ гостиной, гдѣ она была въ одно время и въ вѣтвѣхъ и въ уединеніи. Стукъ лошадинаго галопу вывелъ ее изъ тапая. Г. де-Вернѣль вѣхалъ на дворъ. Это былъ кузень Тимолеона, старый холостякъ съ философическимъ расположеніемъ ума, прекраснымъ сердцемъ, беззаботный, учтивый и болтливый; Нелида любила его, и онъ оказывалъ ей величайшее уваженіе.

— Я приѣхалъ по приказанію вашего мужа, прекрасная кузина, залъ онъ, прыгая съ лошади съ легкостью двадцатилѣтняго молодого человѣка: — но не пугайтесь; ничего не случилось. Я пришелъ только просить васъ надѣть къ обѣду ваши лучшіе наряды и приказать Карлье приготовить дофинину комнату. У насъ большій приемъ: маркиза Зеппони, только.

Г. де-Вернѣль подошелъ къ окну и, опершись на испанскій жаскъ, росшій внизу, взялъ руку Нелиды и поднесъ ее къ губамъ. — Вы сегодня прекрасны, милая кузина, продолжалъ онъ: — вы лучше. Какъ онѣ всѣ будутъ бѣситься, эти мнимыя красавицы! Вы надѣнете бѣлое платье, не правда ли? и это маленькое кружевное покрывало, которое даетъ вамъ видъ рафаэлевой... Надобно, чтобъ моя кузина сдѣлала мнѣ честь, прибавилъ съ нѣжностью глядя на Нелиду: — къ-тому же, нужно дать

сраженіе. Надобно, чтобъ ваша пріятельница Ортанса и вашъ непріятельница маркиза Зеппони были положены на мѣстѣ.

— О комъ вы говорите? сказала Нелида, приходя въ себя послѣ долгой разсѣянности. — Госпожа Зеппони? Я въ первый разъ слышу это имя.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ г. де-Вернѣль съ недоумительнымъ видомъ: — это невозможно.

— Увѣряю васъ, я ни разу не слыхала о маркизѣ Зеппоні.

— Въ такомъ случаѣ, я также хорошо сдѣлаю, если буду молчать... Но нѣтъ; вы женщина благоразумная; васъ слѣдуетъ предупредить; только не выдайте меня. Если Тимолеонъ ничего не ворилъ вамъ, значитъ, у него были свои причины.

Нелида молчала. Г. де-Вернѣль, играя вѣткой жасмина, ходилъ по окну, и тихо вода ею по пальцамъ г-жи Кервасизъ, и долженъ былъ:

— Маркиза, или, говоря подобно этимъ Итальянцамъ, *ла-Зеппоні* Сицильянка, славная своей красотой и своими любовными похождениями. Нѣсколько сумасшедшихъ перерѣзались за ея прекрасныя глазки, что, какъ вы можете вообразить, очень ее возвысило. Въ время послѣдней поѣздки своей въ Италію, Тимолеонъ имѣлъ къ ней исторію, которой подробностей я не знаю, но которая кончилась лала чертовски-много шума. Это приключеніе кончилось въ удовольствію моего кузена. Маркиза, говорятъ, надѣлавъ страшныхъ авансовъ, не увѣнчала его пламени (слогъ времени періи) и предпочла ему маленькаго принца, владѣвшаго двѣнадцатью квадратными футами въ Германіи. Красавица и принцъ уже годъ ѣздятъ по всей Европѣ; но вдругъ они ссорятся въ Лондонѣ. Маркиза одна возвращается въ Италію, и я не знаю, по какому случаю или по какому адскому разсчету пристааетъ къ ней въ Шербурѣ и пріѣзжаетъ ногостить недѣлю у своей пріятельницы, г-жи Лекуврѣръ, въ трехъ миляхъ отсюда. Для меня видно, что она пріѣхала въ надеждѣ снова поймать Кервасизъ и свои сѣти. Вѣрно она слышала объ васъ. Ей показалось, что стоите того, чтобъ отбить его у васъ. Ловкой комедіанткѣ удалось бы позабавиться на вашъ счетъ. Она уже маневрируетъ рѣчь Тимолеономъ, встрѣтившимъ ее на охотѣ, разумеется, чайно. Но будемъ держаться твердо, кузина; намъ нечего бояться съ чьей стороны...

Замѣтивъ, что крупная слеза катилась вдоль блѣдной щеки Нелиды, г. де-Вернѣль остановился.

— Ахъ, простите меня, милая кузина! сказалъ онъ ей, взявъ ея руку: — я опечалилъ васъ. Право, я этого вовсе не хотѣлъ. Какъ могъ я вообразить, что вы пріимете это серьезно!

— Вы меня ни мало не опечалили, сказала Нелида, улыбаясь слезы: — я знаю, что это шутка.

— Къ-тому же, вы не ревнивы; вы такъ умны, что не можете быть ревнивы, продолжалъ г. де-Вернѣль. — Мы всѣ удивляемся

амъ въ этомъ отношеніи, потому-что, наконецъ, вы очень могли и не принимать у себя въ домѣ прежней любовницы вашего мужа и не обращаться съ ней, какъ съ короткой пріятельницей.

— Что вы хотите сказать? возразила Нелида, поднявъ голову и кривя въ г. де-Вернёля свои прекрасные влажные глаза.

— Вы или невинны какъ этотъ жасминъ, или насмѣхаетесь надъ мной? Но нѣтъ, честное слово, мнѣ кажется, вы не смѣетесь. Дѣло въ томъ, что ваша пріятельница, Ортанса, дочь порюса, супруга г. Жакё, котораго она за шесть тысячъ франкъ украсила смѣшнымъ баронствомъ Совьянкурь, до вашего зажства была любовницей вашего мужа. Вы этого не знали?

— Это невозможно! вскричала Нелида. — Ортанса кокетка, но честна, и Тимолеонъ слишкомъ меня любить...

— Тимолеонъ васъ любитъ; я думаю, чортъ возьми! большое достоинство! Кто не сталъ бы любить васъ? Но, во-первыхъ, онъ редъ женитьбой ничѣмъ не былъ обязанъ въ-отношении къ вамъ. — тѣхъ-поръ... послушайте, вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, къ онъ вамъ вѣренъ: для человѣка, подобнаго ему, это вѣчность. го касается до вашей пріятельницы, то, право, это самая безстыд- я тварь, какую только мнѣ случалось встрѣчать въ жизни, а гу извѣстно, что у меня было съ кѣмъ сравнить ее... Но я бол- ю какъ старый холостякъ, продолжалъ г. де-Вернёль: — вамъ добно еще заняться туалетомъ. Еще разъ, кузина, станемъ за- щаться и не спустимъ флага передъ этимъ проклятымъ италья- скимъ отродьемъ.

Г. де-Вернёль удалился, не подозрѣвая, какую отравленную яду онъ оставилъ въ душѣ Нелиды. По счастью, ей некогда по углубляться въ свои печальныя мысли. Метр-д'отель тотчасъ явился къ ней за приказаніями; надобно было спѣшить. Къ-то- же, послѣднія слова г. де-Вернёля пробудили въ ней инстинктъ нищины. Г-жа де-Керваэнсъ одѣвалась съ непривычнымъ тщані- ь при мысли, что чужестранка, прекрасная и дерзкая, станетъ порывать у ней любовь ея мужа. Сердце ея билось отъ гнѣва, также и отъ тайной надежды на побѣду, и когда ей доложили, о показались экипажи по дорогѣ, она кинула въ зеркало быстрый глядъ, въ которомъ блистала восторженная увѣренность красоты омоущей.

Съ живымъ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія подалъ Ти- леонъ руку маркизѣ Зеппони, помогая ей выйти изъ коляски, ввелъ ее въ сѣни своего царски-убраннаго жилища. Эта часть ма имѣла истинно-величественный видъ. Сводъ поддерживался ромными столбами съ составными капителями; кругомъ скульп- рныя и другія украшенія показывали и вкусъ и богатство вла- льца. Дубовыя двери, великолѣпно выточенныя, распахнулись стежъ, и Тимолеонъ, ведя подъ руку маркизу, вошелъ съ нею въ иную галерею, освѣщенную сверху и увѣшанную фамильны- портретами. Въ ту же минуту скользнулъ по своей позолочен-

ной жерди шпалерный занавѣсъ высокой работы, и г-жа Керваэнсъ, въ сопровожденіи г. де-Вернёля, г. де-Соньянкура и многихъ сосѣдей, медленно подошла къ нимъ. Тимолеонъ покраснѣлъ отъ гордости, видя, какъ хороша была Нелида. И въ-самомъ-дѣлѣ, встрѣча этихъ двухъ женщинъ была единственна въ своемъ родѣ. Никогда геній живописца или ваятеля не представлялъ такихъ контрастовъ равной юности и красоты. И той и другой не было еще двадцати лѣтъ; Элиза Зеппони была совершеннымъ типомъ той существенной красоты, которая, не говоря ничего душѣ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на чувства. Полный овалъ ея розоваго лица напоминалъ головы Джорджони или третьей мацеры Рафаэля; низкій лобъ былъ осыненъ двумя прядями блестящихъ волосъ черныхъ съ синимъ отливомъ. Блестящіе зрачки ея плавали во влагѣ, подобно зѣздамъ, отраженнымъ въ источникѣ; губы ея, обыкновенно полураскрытыя, выказывали два ряда зубовъ перловой бѣлизны; носъ, котораго ноздри раздувались при малѣйшемъ волненіи, пышныя очертанія рукъ и плечъ, небрежная походка и даже голосъ, нѣсколько неясный. — все дышало въ ней нѣгой, обѣщало наслажденіе и выказывало жажду сладострастія. Со времени своего замужства, Нелида развилась, получила больше увѣренности въ приемахъ. Пепельный цвѣтъ покрылъ ея золотые волосы, но прозрачная кожа ея была такъ же блѣдна и во взорѣ ея сохранилась та же чистота дѣвственная. Когда она подошла къ маркизѣ, можно было подумать, что спокойная, чистая и задумчивая муза съверху встрѣтилась съ рѣзвой афинской прелестницей. Эти женщины такъ же ловко обмѣнялись учтивостями, какъ-будто внутри ихъ не происходило никакого волненія. Онѣ смотрѣли другъ на друга какъ-нельзя-благоклоннѣе, говорили тономъ какъ-нельзя-болѣе дружескимъ. Съ обѣихъ сторонъ соблюдены были приличія со всѣмъ тактомъ лучшаго общества.

Маркиза хвалила все, что видѣла въ замкѣ, съ естественностію и простотою женщины, привыкшей къ подобному блеску; она съ увѣренностію говорила о дружбѣ ея къ г. Керваэнсу и приглашала Нелиду пріѣхать поскорѣй посмотрѣть Италію.

Въ свою очередь г-жа де-Керваэнсъ, ободряемая восхищенными взглядами мужчинъ, ея сопровождавшихъ, въ-особенности г. де-Вернёля, видимо наслаждавшагося ея превосходствомъ, г-жа де-Керваэнсъ, чувствуя, что она прекрасна и видя на лицѣ мужа ясныя слѣды одобренія, выдержала это испытаніе, первое, на которое она рѣшилась, съ совершеннымъ спокойствіемъ. Она была предупредительна безъ излишества, любезна съ достоинствомъ, почти весела. Трудно сказать, что происходило въ сердцѣ Тимолеона. Встрѣтивъ такъ неожиданно маркизу, нашедъ ее прекрасною, сладострастною, онъ почувствовалъ въ себѣ сильное желаніе отступить ей и наказать ее за капризы. Кокетство Элизы въ-продолженіи смятенія и шума охоты, раздражило въ немъ чувства; онъ забы-

я до того, что сдѣлать ей новое любовное признаніе. Тщеславіе то было компрометтировано, бой начатъ; онъ долженъ былъ выйти побѣдителемъ, хотя бы на одинъ день. Съ другой стороны, онъ былъ восхищенъ тѣмъ, что могъ показать этой надменной женщинѣ, какъ ему легко было забыть ее съ молодою и прелестною сеною. Будучи прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ и гордяся воинъ именемъ, онъ былъ безконечно-благодаренъ Нелидѣ за то, что она показывала себя такой большой дамой. Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ въ его жизни. Самъ онъ, обыкновенно столь-умѣренный, столь-безстрастный, на этотъ разъ, озбужденный охотой, прекрасными винами, которыя, по его признанію, разносили во множествѣ, разговоромъ, усыпаннымъ темотами, тайными примѣненіями, острыми двусмысленностями, наладъ больше собою. Не разъ, въ-теченіе вечера, онъ съ воглагомъ сжималъ руку Нелидѣ, отыскивая глазами маркизу; однажды даже онъ взялъ длинный бѣлокурый локонь жены и нѣжно поднесъ его къ губамъ. Г. де-Вернѣль былъ въ восхищеніи; аркиза начинала сомнѣваться въ своей побѣдѣ и терять увѣренность. Вскорѣ, жалуясь на большую усталость, она попросила позволенія удалиться, и Нелида, ушедши въ свои комнаты, молча преалась сердечной радости. Пока горничныя разстегивали ея платье снимали съ нея покрывало, она съ безконечнымъ блаженствомъ возобновляла въ памяти тысячу мелкихъ событій этого вечера. Она вспоминала каждый взглядъ, объясняла каждое слово, будучи увѣрена, что завоевала снова сердце мужа, на минуту поколебавшаяся. Прошло два часа прежде, нежели она рѣшилась лечь въ постель. Чувствуя боль въ головѣ и разстройство нервовъ, она отворила окно, чтобъ подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ. Время было прекрасно; звѣзды блестяли на небосклонѣ; все было безолвно, все спало. Нелидѣ вздумалось сойти въ паркъ. Накрывъ голову и плеча длинною шалью, она тихо спустилась по поленной лѣстницѣ и вышла изъ замка маленькой дверью, которая, въ ея удивленію, была растворена.

Первымъ движеніемъ ея въ радости и страданіяхъ было—обратиться къ Богу, и потому она пошла къ часовнѣ, построенной на берегу оврага въ честь св. Корнилія, патрона Арморики, на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, совершилось одно изъ чудесъ его. Не безъ труда отворила она одну изъ тяжелыхъ дверей вятлища, гдѣ днемъ и ночью горѣла лампада и, ставъ на колѣни на ступеняхъ алтаря, начала молиться, какъ она уже давно не молилась. Въ эту минуту къ ней возвратилось все набожное вѣреніе ея дѣвичьей жизни; душа ея, облегченная отъ тяжелаго бремени, расширялась и радостно возносилась къ небу.

Вдругъ ей послышались по дорожкѣ робкіе шаги, приближавшіеся къ часовнѣ. Ей сдѣлалось страшно, она остановилась; шаги замолкли около двери. Черезъ нѣсколько минутъ, ничего не слыша, она подумала, что ошиблась, и хотѣла уже выйти вонъ,

какъ вдругъ песокъ закрипѣлъ подъ новыми, болѣе-твердыми шагами, и хорошо-знакомый ей голосъ произнесъ весьма-тихо: вы здѣсь!

— Я здѣсь, на скамьѣ, отвѣчали ему.

Трепещущая Нелида оперлась на чашу съ святой водою. Тамъ были голоса ея мужа и Ортансы. О чемъ они могли говорить другъ съ другомъ въ такомъ таинственномъ мѣстѣ? Какую ужасную тайну она еще услышитъ? Она стала слушать.

— Что значить этотъ безнокойный капризъ говорить со мною на чистомъ воздухѣ и въ совершенной темнотѣ? грубо сказалъ Тимолеонъ.—Что вамъ отъ меня угодно?

Ортанса отвѣчала отрывистыми словами, которыхъ Нелида могла разслушать.

— Право, чрезвычайно-смѣшно, продолжалъ г. де-Кервазанъ, что вы дѣлаете мнѣ сцену, между-тѣмъ, какъ та, которая имѣетъ все право быть ревнивой, показываетъ, что она имѣетъ здравый смыслъ и знаетъ приличія.

— Если ваша жена слѣпа, тѣмъ лучше для васъ; но кто больше меня имѣетъ право быть ревнивой, Тимолеонъ! И г. де-Кервазанъ принялъ нѣжное выраженіе, произшедшее въ сердце Нелиды.—Не пожертвовала ли я для васъ всѣмъ? Не лишилась ли я для васъ самыхъ выгодныхъ партій?

— Кто васъ объ этомъ просилъ? прервалъ господинъ де-Кервазанъ.

— Забывъ всѣ выгоды ваши противъ меня, не я ли угодила Нелиду выйти за васъ? Лишь-только вы пожелали, не пришла ли я въ эту забытую сторону, чтобъ оживить этотъ замокъ и сделать его столько же веселымъ, сколько Нелида дѣлала его грустнымъ? Не компрометтировала ли я себя вторично и не заставляла ли я своего мужа разыгрывать самую глупую роль единственно для вашей забавы? А вы, неблагодарный, когда я думала, возвратила васъ къ себѣ своими жертвоугодіями, вы увлеклись первою прихотью...

— Здѣсь очень-сыро, сказалъ Тимолеонъ:—мы поговоримъ объ этомъ завтра. Вы не имѣете ничего больше сказать мнѣ?

Ортанса зарыдала; но они удалялись, и Нелида не слышала конца разговора.

Сколько смутныхъ и бурныхъ ощущеній этотъ подслушанный разговоръ поднялъ въ душѣ Нелиды! сколько раскрылъ ей тайнъ и низостей! Сколько грустныхъ испытаній втѣспилось въ жизнь! Какъ чистую! Вездѣ, во всѣхъ сердцахъ, которыя были для нея открыты, ложь и измѣна! Вездѣ ея откровенной преданности вѣчали коварствомъ. Въ этихъ жестокихъ мученіяхъ одно радовало ее: она не узнала ничего новаго объ отношеніяхъ Тимолеона къ маркизѣ. Сама Ортанса, видѣвшая ихъ вмѣстѣ тогда утромъ, на охотѣ, безъ-сомнѣнія, слишкомъ преувеличивала въ ихъ глазахъ ихъ короткость. Она не была свидѣтельницею ни

по происходило вечеромъ, она не знала, что все измѣнилось, что прихоть исчезла.

Нелида вышла изъ часовни, дѣлая комментаріи на эту пріятную мысль. Она была на столько женщина, что не могла не сдѣлать сравненія, которое ее оживляло. Тимолеонъ, столько-почтительный, столько-внимательный съ нею, говорилъ съ г-жею Соньянкуръ тою же насмѣшливымъ и презрительнымъ. Итакъ, онъ отдавалъ должное имъ обѣимъ; итакъ, въ сердцѣ его легко будетъ снова зажечь упругескую любовь? Съ душою, полной надежды, возвратилась она въ свою комнату, рѣшившись удвоить предупредительность и чтивость къ обѣимъ своимъ соперницамъ, потому-что Тимолеонъ, азалось, такъ много цѣнилъ эти виѣшнія приличія.

Каково же было удивленіе Нелиды, когда, на другой день утромъ, Органса, блѣдная, разстроенная, съ вздымающеюся грудью, обѣжала въ ея комнату и, показывая ей распечатанное письмо, скричала залыхающимъ голосомъ:

— Нелида, тебѣ измѣняютъ. Помѣшай твоему мужу ѣхать, или ты погибла.

Нелида, узнавшая руку Тимолеона, однимъ взглядомъ прочтала лѣдующія двѣ строки: «Вы требуете, прелестная тиранка, — я лѣдую за вами. Въ полдень я съ вами ѣду и провожу васъ до Парижа».

Органса, вперивъ глаза въ Нелиду, съ поблѣднѣвшими губами ждала ея отвѣта.

— То, что вы дѣлаете, не достойно ни васъ, ни меня, сказала же де-Кервазисъ, превозмогши первое тяжелое чувство.—Какъ опалась вамъ эта записка?

— Его камердинеръ несъ ее маркизѣ Зеппони. Подозрѣвая изѣтну, я вырвала ее у него изъ рукъ, сказавъ, что отдамъ ее вамъ. Я солгала изъ преданности къ тебѣ, Нелида. Это дурно, продолжала она, смущенная спокойнымъ и холоднымъ взглядомъ Нелиды.—Это очень-дурно; но я хотѣла спасти тебя.

— Органса, сказала Нелида, положивъ руку на плечо своей оварной пріятельницы съ величественнымъ видомъ, отъ котораго а, казалось, ушла подъ землю на десять футовъ:—вы мнѣ жалки. Все знаю; я знаю, чѣмъ вы были и что вы теперь въ-отношеніи ко мнѣ. Я случайно слышала вашъ вчерашній разговоръ у часовни.

Гортензія сдѣлала движеніе ужаса; лицо ея побагровѣло.

— Не бойтесь, продолжала Нелида: — я не погублю васъ. На будущее время вы сами опредѣлите, какія отношенія будутъ возможны и приличны между нами. Что жъ касается до г. де-Кервазиса, то онъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и письмо, которое васъ такъ беспокоитъ, само-по-себѣ весьма-естественно.

И, не давъ Органсѣ времени отвѣчать, Нелида вышла, сдѣла длинный обходъ корридорами, чтобъ не замѣтили куда она

идеть, и постучалась у дверей мужа. Она рѣшилась на отчаянную мѣру.

Войдите, сказалъ Тимолеонъ. — А! это ты, Нелида? приближь онъ, спѣша поцаловать у ней руку: — не слишкомъ ли ты устава отъ вчерашняго вечера? Ты была восхитительна. Но садись, прошу тебя.

И онъ съ самымъ почтительнымъ видомъ, какъ королевѣ, подвигалъ ей кресло.

— Тимолеонъ, сказала Нелида съ важнымъ видомъ, впервые къ нему свои большіе голубые глаза, наполненные слезами: — у меня есть до тебя просьба.

— Скажи лучше: приказаніе, продолжалъ г. де-Керваэнсъ, стараясь быть любезнымъ.

— То, что я хочу сказать тебѣ, Тимолеонъ, очень-серьезное дѣло идетъ о нашемъ спокойствіи, о нашемъ счастьи.

Г. де-Керваэнсъ посмотрѣлъ на нее съ несказаннымъ выраженіемъ удивленія.

— Тимолеонъ, не уѣзжай.

— Какъ? возразилъ онъ нѣсколько смутясь и стараясь соизмѣнить присутствіе духа.—Кто сказалъ тебѣ, что я уѣзжаю?

— Ты уѣзжаешь въ полдень, съ маркизой Зеппони.

— Э, да, разумѣется, моя милая, продолжалъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ. — Я провожаю ее въ Долю. Это обязанность моя, какъ хозяина замка; ты не захочешь, чтобы я ее нарушилъ?

— Ты ѣдешь въ Парижъ, сказала Нелида твердымъ голосомъ.

— Въ Парижъ? Но клянусь тебѣ, я объ этомъ вовсе не думалъ. Пробормоталъ г. де-Керваэнсъ, можетъ-быть, въ первый разъ жизни чувствовавшій смущеніе и начинавшій теряться. — Какъ же, развѣ я не бывалъ въ Парижѣ? Почему это можетъ тебѣ нравиться?

— Мнѣ не слѣдуетъ дѣлать тебѣ упреки, но что-то говорю мнѣ, что, для минутной прихоти, ты играешь своей жизнью. Именемъ твоего отца, честью, всѣмъ для тебя святымъ, Тимолеонъ, заклинаю тебя, не ѣзди!

И Нелида, гордая Нелида упала къ ногамъ мужа и съ умоляющимъ видомъ обнимала его колѣни. Въ эту минуту на дворѣ далось хлопанье бичомъ почталійона и звонъ бубенчиковъ выхъ лошадей. Постучались въ двери.

— Встань, вскричалъ Тимолеонъ, восхищенный этимъ неожиданнымъ освобожденіемъ.—Вѣрь моей любви и надѣйся на меня.

То былъ г. де-Вернѣль.

— Гдѣ же ты? вскричалъ онъ.—Тебя зовутъ, тебя всюду зовутъ. Маркиза внизу, въ дорожномъ платьѣ; она хочетъ проститься съ тобой въ кухнѣ. Но я не удивляюсь твоей забывчивости, прибавилъ онъ, кидая насмѣшливый взглядъ на Нелиду, у которой волосы въ платьѣ были въ беспорядкѣ:—молодые супруги, извѣстно, не видятъ и не слышатъ.

Собравъ все присутствіе духа, Нелида сошла въ гостиную, гдѣ ожидала ее г-жа Зеппони. Не получивъ отвѣта отъ Тимолеона, она бѣсилась и думала, что онъ ее дурачить. Нелида проводила ее до кареты, извиняясь передъ ней за г. де-Керваэнса, котораго, говорила она, нигдѣ не могли найти. Элиза съ досадой усаживалась въ подушкахъ и бормотала какія-то несвязныя слова; почтальйонъ, сидя верхомъ, хлопнулъ въ послѣдній разъ бичомъ; рѣшотка была отворена настежь...

— Стой! закричалъ повелительный голосъ. — Прощай, Нелида! сказалъ г. де-Керваэнсъ, быстро проходя мимо жены:— я ѣду въ Доль и возвращусь сегодня вечеромъ. Маркиза, вы позволили мнѣ проводить васъ...

И онъ кинулся въ коляску. Глаза маркизы заблестали радостью; она бросила на замокъ торжествующій взглядъ. Коляска исчезла. Нелида побѣжала въ свою комнату и упала лицомъ къ землѣ, умоляя Бога о смерти.

ХИ.

Безмолвіе царствовало въ замкѣ, гдѣ за восемь дней назадъ раздавались охотничьи рога, концерты и балы. Ортанса внезапно уѣхала, не осмѣлившись показаться Нелидѣ. Любопытствуя узнать, что будетъ съ Тимолеономъ и маркизой, г. де-Вернелъ отправился по почтѣ въ Парижъ; сосѣди разѣзжались по домамъ. Нелида, оставленная одна, не имѣя извѣстій о мужѣ, предалась самой горькой печали. Ее снѣдала медленная лихорадка; мысль ея не останавливалась ни на какомъ опредѣленномъ предметѣ; она не могла ничѣмъ заняться, ничего не чувствовала, кромѣ того, что она совершенно покинута. Бѣдная женщина! на всѣхъ жизни, она видѣла передъ собою долгій рядъ дней, въ которые не будетъ для нея ни малѣйшей радости; видѣла несчастье, произведенное человекомъ, которому она поклялась въ вѣчномъ уваженіи и вѣчной любви. Эта мысль убивала ее; часы тянулись, тяжелые и грустные; ночь приводила съ собой безсонницу; каждое утро она ждала письма, которое не приходило. Безпрерывно возобновлявшееся безпокойство, надежда, каждый разъ жесточе и жесточе обманывавшая, были для нея ужасны. Наконецъ, черезъ пятнадцать дней послѣ отъѣзда мужа, она получила слѣдующее письмо:

« Не правда ли, ты простишь мнѣ, мой милый ангелъ, что я не послушался дѣтскаго каприза, перваго и безъ сомнѣнія послѣд-
« ваго, который я видѣлъ съ твоей стороны? Порядочные люди,
« какъ мы съ тобою, должны давать другъ другу полную свободу,
« потому-что они никогда не употребятъ ее во зло. Я ѣду въ Ми-
« азанъ съ г-жею Зеппони. Она не нашла въ Парижѣ особы, кото-
« рая должна была ѣхать съ нею, и я не могу отпустить ее одну
« въ такой дальній путь. Что бы тебѣ ни говорили объ этомъ путе-

«шестви́н, на которое я рѣшился изъ одной учтивости, не слушай «злыхъ навѣтовъ»,—чтобъ завистники наши не радовались, знай, «что ты безпокоишься. Поѣзжай въ Парижъ. Приготовься открыть «домъ свой къ началу зимы. Я буду въ восхищеніи, когда услышу, что ты веселишься и имѣешь всѣ успѣхи, которые принадлежать тебѣ по праву.

«Весь твой
«Тимолеонъ.»

«P. S. Я забылъ сказать тебѣ, что, можетъ-быть, я возвращаюсь «дальней дорогой, то-есть черезъ Алжирію и Испанію. Демонъ «тешествій шепчетъ мнѣ въ ухо: я охотно приношу ему жертвы «онъ былъ ко мнѣ всегда благосклоненъ.»

Это письмо довершило отчаяніе Нелиды. Не признаваясь томъ сама себѣ, она часто, въ невинности своей, думала, что мужа ея вдали отъ нея будутъ мучить невыносимыя угрызенія совѣсти. Она ожидала сердечнаго вопля, страданія, возрванія, мечтала о самомъ великодушномъ прощеніи и клялась заставить его забыть вину удвоенною съ своей стороны любовью и внимательностью. Она двадцать разъ читала и перечитывала письмо столь странное, столь учтивое, столь холодное, гдѣ было такъ мало заботы о ея страданіяхъ. Итакъ все то, что было ей съ ужасомъ видѣть изъ свѣта и его обыкновеній, справедливо. Лучшіе люди открыто слѣдовали въ немъ влеченію самаго презрѣннаго эгоизма; бракъ былъ только пустой формою, обязывавшей къ однѣмъ взаимнымъ учтивостямъ, и данная клятва не вѣсила и атома на вѣсахъ прихотей. Тимолеонъ не былъ смущенъ, ни взволнованъ; онъ не колебался; можно было думать, что онъ рѣшился на самое обыкновенное дѣло; казалось даже, думалъ, что Нелида не будетъ отъ-того чувствовать ни малѣйшаго печали, когда онъ приглашалъ ее искать разсѣянія и говорить объ успѣхахъ и удовольствіяхъ.

Нѣсколько разъ Нелида собиралась отвѣчать. Она двадцать начинала, рвала и снова начинала письмо. Ни одно не вышло, именно того, что она хотѣла сказать. То она находила, что ея возраженія были слишкомъ-холодны, то ей казалось, что она слишкомъ выказала грусть свою; она почти столько же боялась раздражить Тимолеона упреками, какъ и успокоить его, показывая покоряется своей участи. Рыданія прерывали ее; слезы текли по бумагу, и грустное письмо должно было начинаться снова. Такъ шла цѣлая недѣля. Силы ея истощились; она уже не могла сидеть въ своей комнатѣ; въ глазахъ ея не было больше блеска; она едва было слышна; жизнь тихо и какъ-будто нѣхота уходила изъ этого прекраснаго тѣла въ полномъ цвѣтѣ юности и красоты.

Однажды послѣ обѣда, лакей, войдя къ ней, доложилъ, что внизу дожидается одинъ молодой человекъ, присланный графомъ и принесшій картину для часовни.

— Попроси его на верхъ, сказала г-жа де-Кервансъ, которой сердце забилось при мысли, что она увидитъ человѣка, съ которымъ, безъ сомнѣнiя, Тимолеонъ разговаривалъ, который, можетъ-быть, имѣлъ отъ него порученiе и, какъ-будто должна была увидѣть мужа, она на-скоро прошла въ свою уборную и накинула на неубранные волосы свои бѣлое кружевное покрывало, которое такъ нравилось Тимолеону. Но что случилось съ нею, когда, вошедъ въ комнату, она увидѣла блѣдную, важную и мрачную фигуру Германа, который стоялъ опершись на мраморъ каминна! Ей показалось, что передъ ней призракъ; съ минуту она была неподвижна, потомъ, объятая дѣтскимъ страхомъ, вскрикнула и побѣжала къ двери.

— Ради Бога, сударыня, сказалъ Германъ, заграждая ей дорогу и почти силой подводя ее къ кресламъ, въ которыя она упала:—ради Бога, выслушайте меня! Что бы вы ни думали, къ вамъ приходитъ другъ, другъ преданный, безкорыстный, готовый служить вамъ во всемъ.

И, ставъ на колѣни возлѣ кресла, онъ продолжалъ говорить, между-тѣмъ, какъ Нелида, неподвижная, безсильная, глядѣла на него мутными глазами.

— Вы должны меня ненавидѣть, сударыня; вы должны презирать меня; въ поведенiи моемъ вамъ должна была показаться ужасная двуличность...

Нелида, немогшая произнести ни слова, сдѣлала повелительный знакъ, чтобъ онъ замолчалъ.

— Изъ жалости, удостойте меня выслушать, сказалъ онъ:—черезъ часъ я уѣзжаю. Будьте сострадательны... я столько перенесъ! И имѣю право на ваше состраданiе. Бѣдная мать моя! я лишился ея; она умерла на моихъ рукахъ, еще нѣтъ тому и мѣсяца; и теперь у меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кто бы любилъ меня, кто бы пожалѣлъ обо мнѣ.

— Ваша матушка... проговорила Нелида, и у ней потекли слезы.

— Никого, сударыня, продолжалъ Германъ: — потому-что женщина, которую вы видѣли въ тотъ несчастный день, эта женщина, назвавшаяся вамъ моею женою, — она ничто для меня, она всегда была для меня ничѣмъ. О! еслибъ я могъ открыть вамъ тогда мое сердце! Вы простили бы меня, можетъ-быть; вы стали бы больше прежняго уважать меня, узнавъ, какую вольную муку претерпѣвалъ я, и усилiя моей любви, чтобъ остаться достойнымъ ась. Но я не долженъ былъ этого дѣлать. Невольное уваженiе ковывало уста мои. Вы готовились выйдти замужъ за человѣка богатаго и благороднаго. Я старался убѣдить себя, что онъ доставитъ вамъ жизнь, если не счастливую, то прiятную и спокойную. У меня не было ни славы, ни имени, ни богатства. Несчастный! у меня не достало смѣлости. Какъ я за это наказанъ! Въ другой разъ расскажу я вамъ, какими невѣроятными усилiями достигъ я того, что зналъ почти день за день все, что вы дѣлаете.

Около года мнѣ казалось, что вы довольны, и я покорился; но уже два мѣсяца вижу я пропасть подъ вашими ногами; вижу, что вамъ измѣнили всѣ, кого вы любили, что вы однѣ, какъ я, еще больше, нежели я; потому-что, наконецъ, у меня есть моя муза, моя священная муза, которая ободряетъ меня и спасаетъ; но васъ... кто спасетъ васъ? Свѣтъ привлечетъ васъ, обольститъ...

— Никогда! вскричала Нелида, недумавшая уже о томъ, какъ странно присутствіе Германа въ замкѣ Викъ и чувствовавшая то необъяснимое успокоеніе, которое въ самыхъ сильныхъ горестяхъ производитъ голосъ человѣка, сочувствующаго нашимъ страданіямъ.

— Такъ вы теперь думаете, сказалъ Германъ: — но завтра, не черезъ мѣсяць, но черезъ годъ?.. Уединеніе васъ мучитъ, прибавилъ онъ, подымаясь и садясь рядомъ съ нею:—бѣдная женщина! вы уже очень истомлены страданіемъ.

— Мой мужъ воротится, сказала г-жа де-Кервансъ...

— Онъ не воротится, прервалъ Германъ: — а если и воротится, участь ваша не сдѣлается лучше. Онъ никогда не могъ понять и никогда не догадается, сколько сокровищъ скрыто въ душѣ вашей. Это человѣкъ, которому даны всѣ радости земныя; радости небесныя ему недоступны...

— Перестанемте говорить о немъ, сказала Нелида.—Поговорите о вашей бѣдной матери...

— Съ нею умерли всѣ мои дѣтскія радости, продолжалъ Германъ:—вся снисходительность, покрывавшая мои проступки, всѣ карства, цѣлившія мои раны, всѣ простыя и набожныя рѣчи, дѣлавшія меня лучше... О, матушка, матушка! продолжалъ онъ, вставая и начиная ходить по комнатамъ въ волненіи, котораго не старался больше превозмочь: — никто изъ насъ не знаетъ, что мы теряемъ съ матерью и первую любовь, которая намъ предшествуетъ и одаряетъ насъ въ жизни, и первый лучъ, разсѣивающій мракъ нашихъ понятій,—первую улыбку, выжидающую и ловящую первый взглядъ нашъ,—первый поцалуй, осушающій первую слезу нашу, первое слово, вызывающее на уста наши первую улыбку! О, матушка! матушка! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я потерялъ тебя, чувствую, что я одинъ на землѣ!..

Нелида, которой рожденіе на свѣтъ стоило жизни ея матери, Нелида, неимѣвшая дѣтей, слушая трогательныя слова молодого художника, въ первый разъ почувствовала неопредѣленную грусть, которая, какъ мощная волна, унесла ее далеко отъ исключительнаго чувства собственной печали. Она въ первый разъ услышала въ себѣ отзывъ на тотъ великій вопль несчастія, который, подобно шуму, поднимающемуся изъ нѣдръ цѣлаго человѣчества, и который однажды услышавъ, оставляетъ въ душѣ чувство полнаго ужаса, навсегда иссушающаго источникъ дѣтскихъ надеждъ и истинныхъ утѣшеній. Она смутно разглядѣла грустное состояніе человеческихъ страданій; она почувствовала, что Германъ страдаетъ отъ горести и сказала, протягивая ему руку:

— Забудемъ прошлое. Не будемъ никогда говорить о немъ. Оба мы много страдаемъ. Ободримся. Если вамъ дорога моя дружба, найдите, что она возвращена вамъ совершенно.

— Воплощенная доброта! вскричалъ молодой художникъ, съ восторгомъ схватывая эту руку:—говорите, приказывайте, что могу для васъ сдѣлать? Хотите ли освободиться отъ ига, хотите ли быть отомщены?

— Отомщена! сказала Неллида съ улыбкой, въ которой свѣтлосъ чистѣйшее выраженіе христіанской любви:—на комъ? О Германъ, да прости тебѣ Богъ грѣхи мои такъ, какъ я прощаю...

Она не могла произнести имени мужа. Стараясь превозмочь свое мнѣніе, она встала, подошла къ окну, черезъ нѣсколько минутъ протиснулась съ полными слезъ глазами и сѣла опять подлѣ Германа, неосмѣливагося за ней слѣдовать и вперившаго глаза на ставленное ею кресло.

— Много вы работали въ теченіе этихъ восемнадцати мѣсяцевъ? продолжала она трепещущимъ голосомъ.

Онъ долго смотрѣлъ на нее, какъ человѣкъ, непонимающій прошенъко предложеннаго ему вопроса и старающійся собрать маленныя воспоминанія.

— Работалъ? сказалъ онъ наконецъ.—О! да, я много работалъ. Звѣ это васъ еще занимаетъ? Моя милая Наяда! она имѣла необыкновенный успѣхъ. Мнѣ дали за нее большія деньги, потому что я ее продалъ, Неллида, — продалъ произведеніе, которое вы ушили; продалъ торгашу часть своей души и крови; продалъ, чтобы купить клочокъ земли на кладбищѣ. О, бѣдность! Я не могъ дать послѣдней чести смертнымъ останкамъ матери иначе, какъ счестивъ мою музу!

И художникъ, убитый горестью, въ свою очередь принялся плакать, какъ ребенокъ. Разговоръ, прерывавшійся и снова начавшійся такимъ-образомъ, продолжался нѣсколько часовъ. Германъ и Неллида въ грусти своей находились подъ очарованіемъ взаимнаго присутствія, очарованіемъ, которое на юныя и симпатичныя лица дѣйствуетъ даже въ самыхъ жестокихъ горестяхъ. Колокольчикъ замка, призывавшій къ обѣду, вывелъ ихъ обоихъ изъ этого чтанія... Г-жа де-Керваэнсъ посмотрѣла на Германа съ несконнымъ выраженіемъ нерѣшительности.

— Это знакъ, чтобы я удалился, не правда ли? сказалъ онъ.— Загородная владѣтельница замка Викъ не желаетъ оказать гостепримства бѣдному художнику... Но я забылъ, продолжалъ онъ, вынимая портфель изъ кармана: — извините, у меня есть письмо къ вашей тѣтушки, а я и не подумалъ отдать его вамъ.

Неллида взяла у него изъ рукъ небольшое атласистое письмо, смущенное амброй, и прочла слѣдующее:

Милая племянница, нашъ пріятель Германъ, имѣвшій,—это въ обиходѣ,—величайшій успѣхъ на выставкѣ, предпринимаетъ артистическое путешествіе по Бретани. Я просила его зайти къ тебѣ

«и написать для меня твой прекрасный профиль; я хочу повѣсить его въ комнатѣ, гдѣ ты жила до замужства. Я думала, что тебѣ не будетъ неприятно подобное развлеченіе, и поручила нашему «милому Герману убѣдить тебя прѣхать лучше раньше, нежели «позже. Прощай, дитя мое, и пр. и пр.».

— Знаете ли вы, что въ этомъ письмѣ? сказала Нелида, смотря на Германа съ видомъ упрека.

— Кажется, дѣло идетъ о портретѣ. Но вы не хотите, чтобы я остался, и я иду. А между-тѣмъ, мнѣ кажется, я немного бы васъ обезпокоилъ. Я не былъ бы вамъ въ тягость; я являлся бы передъ вами только тогда, когда вы потребуете. Только вы знали бы, что здѣсь, подъ одной крышей съ вами, есть другъ, который о васъ сожалеетъ, понимаетъ васъ, страдаетъ вмѣстѣ съ вами... Это самое скромное утѣшеніе, какое только я могу предложить вамъ; но вы сдѣлали бы меня гордымъ, еслибъ удостоили принять его!

Метрдотель пришелъ доложить, что кушать готово. Нелида, не отвѣчая Герману, взяла его подъ руку; они тихо и молча сошли по лѣстницѣ съ двойными перилами, внизу которой расширялъ свои неподвижныя крылья черный мраморный фонтанъ и улыбался страшной улыбкой.

Нѣсколько дней прошло, и Германъ не имѣлъ съ Нелидой ни одного откровеннаго разговора. Онъ выходилъ изъ комнаты, которую она приказала для него приготовить въ одной изъ башенъ замка, откуда былъ самый лучший видъ и гдѣ было больше свѣта, — только въ часы прогулокъ. Г-жа де-Кервазанъ поставила себѣ долгомъ посѣщать попрежнему богадельню, школу и своихъ бѣдныхъ. Германъ водилъ ее туда, потому-что она была еще слишкомъ-слаба и не могла ходить одна. Какъ всѣ даровитые художники, онъ обладалъ какой-то притягательной силой, очаровывающей и плѣняющей даже самыхъ грубыхъ натур. Деревенскія дѣти ходили за нимъ и, увидѣвъ, что онъ иногда беретъ карандашъ, чтобы набросать какую-нибудь замѣчательную фигуру или живописный костюмъ, просили у него *картинокъ*. Старики словоохотно рассказывали ему, не заботясь о томъ, что онъ не понимаетъ ихъ языка, о всѣхъ неурожаяхъ и о всей скотинѣ, падшей до возраста въ-продолженіе полувѣка. Онъ былъ шелкъ, умѣлъ давать не оскорбляя. Съ нимъ Нелида снова нашла радости милосердія, давно ею забытыя.

За обѣдомъ, при слугахъ, разговоръ шелъ о предметахъ общаго интереса, чаще всего объ искусствѣ; иногда о новѣйшихъ сочиненіяхъ социальныхъ реформаторовъ и о распространеніи сенсационистскихъ, фурьеристскихъ и *гуманитарныхъ*, какъ тогда говорили, идей, странно-смѣшивавшихся въ умѣ Германа, болѣе восторженномъ, нежели логическомъ. Вечеромъ, когда Нелида была слишкомъ-утомлена и не могла разговаривать, онъ бралъ изъ библіотеки книги, которыхъ она никогда не раскрывала. Чаще всего

тали они Руссо. Г-жа де-Керваэнсъ, даже послѣ замужства своего оставшаяся подъ вліяніемъ воспитанія, полученнаго ею въ настырѣ, не смѣла уступить искушенію, прочесть какую-нибудь философскую книгу. Отецъ-Эмери былъ снисходителенъ къ слабостямъ плоти, но неумолимъ къ дерзкимъ порывамъ разума. Онъ жгучею преданью проклятію всю философію и ненавидѣлъ *мистовъ*, разумѣя подъ этимъ названіемъ безъ различія всѣхъ мыслителей, вопрошавшихъ природу, науку и разумъ, чтобъ найдти въ нихъ разрѣшеніе загадки человѣчества.

Г-жа де-Керваэнсъ простодушно удивлялась, находя такое множество идей, до того времени ей незнакомыхъ. Великіе вопросы, въ разрѣшеніе которыхъ углублялся такой религиозный умъ, къ Руссо, привлекли Нелиду и восторжествовали надъ изнеженіемъ умственныхъ способностей. Краснорѣчіе автора «Эми» заставляло ее трепетать отъ удивленія и сочувствія. Еще искомь-мало знакомая съ тонкостями метафизическаго языка, потому немогшая видѣть пронать, которая отдѣляла католическій догматъ отъ вѣрованій савоярскаго викарія, она слушала безъ какого сомнѣнія и чистосердечно позволяла вести себя по нечувствительному скату, мало-по-малу выводившему ее изъ сферы каллическихъ вѣрованій. Такъ смѣнялись дни, печальные, странные пріятные; и Нелида, подъ благотворнымъ вліяніемъ милосердія, являвшаго ея бѣдное сердце, и занятій, возвышавшихъ ея развѣ, дошла до того, что почти покорилась своей суровой участи.

XIII.

Германъ Реньё страстно любилъ Нелиду. Онъ любилъ ее всѣмъ гуществомъ своего воображенія и своей гордости—двухъ силъ, рававшихъ его жизнию. Говоря ей о вліяніи, которое она на него имѣла, онъ не обманывалъ ея. Анекдотъ изъ его дѣтской жизни, который онъ разсказалъ ей, былъ справедливъ во всѣхъ пошенихъ; образъ Нелиды и первое пробужденіе его собственнаго таланта смѣшивались въ умъ его; сердце его впервые забило для искусства и для нея; завоевать славу и завоевать Нелиду было для него однимъ и тѣмъ же, единственнымъ желаніемъ.

Германъ былъ одаренъ рѣдкими способностями. Онъ имѣлъ всѣ признаки генія, до того, что можно было обмануться: живую восприимчивость, увлекающій энтузіазмъ, удивительную легкость, плавающее слово и кисть, упертую волю, неукротимую гордость, жажду прекраснаго во всѣхъ видахъ. Но въ организаціи его былъ громадный недостатокъ, который парализировалъ всѣ эти качества. Долженъ былъ сдѣлаться гибельнымъ и для него и для другихъ. Въ немъ была только способность откровенности. Способности сосредоточенія, той, которая создаетъ мыслителей, людей съ сильными характерами, истинныхъ художниковъ, у него не было. Онъ

повиновался всѣмъ своимъ инстинктамъ, всѣмъ противорѣчивымъ вліяніямъ, которыми ничто не управляло, которыхъ ничто не слѣживало. Германъ не могъ представить себѣ никакого правдиваго устройства и назначить себѣ въ немъ мѣсто. Говоря одинокимъ словомъ, у него не доставало совѣсти; вмѣсто добра и зла, онъ имѣлъ только успѣхъ или неуспѣхъ своихъ пылкихъ желаній. Зато хитро одаренный отъ природы глубокимъ великодушіемъ, онъ былъ страшный эгоистъ на дѣлѣ. Обстоятельства не мало укрѣпили въ немъ безмѣрную самость. Страстямъ его не было никакого противоядія. Первое воспитаніе его, въ деревнѣ, подъ глазами слабой матери, было почти ничтожно; съ того же дня, когда пробудилось въ немъ высокое званіе, почти все время его было употреблено на матеріальныя занятія искусствомъ. Предоставленный такимъ-образомъ самому себѣ, онъ много читалъ, потому-что въ немъ была жажда знаній, но читалъ безъ порядка и безъ выбора книги всякаго рода, дурныя и хорошія, высокія и ничтожныя. Голова его пришла въ безобразное состояніе, жажда невозможнаго пожирала его сердце.

Увидѣвъ дѣвицу де-ла-Тьелле, онъ едва не сошелъ съ ума отъ любви къ ней. Думая о ней, о случаѣ, который сблизилъ его еще въ дѣтствѣ, о сходствѣ наклонностей, которое онъ замѣтилъ у себя съ нею, онъ добросовѣстно убѣдился, что Нелли была предназначена для него. Ему ни на одну минуту не приходило въ мыслѣ, что онъ можетъ ея лишиться: нѣтъ, отдадимъ ему эту оправданную любовь. Германъ отступилъ бы, по-крайней-мѣрѣ, поколебался бы, если-бы его намѣреніе представилось ему въ этомъ видѣ: но онъ считалъ себя предназначеннымъ къ такой славѣ, что втайнѣ поздравлялъ себя прекрасную патриціанку, павшую на долю знаменитому писателю. Увѣренный, что онъ ее прославитъ, въ бракѣ съ нею онъ имѣлъ въ виду высшее на землѣ блаженство, и ничто его такъ не удивляло, какъ если-бы ему сказали, что онъ сдѣлаетъ худо, вызвавъ въ себѣ жертвы, которыхъ великости онъ не чувствовалъ.

Можно представить себѣ, что въ немъ произошло, когда онъ, въ разговорѣ съ которой онъ жилъ по обычаю парижскихъ студентовъ, сказалъ ей, что приходила дѣвица де-ла-Тьелле. Онъ засмѣялся, и повторилъ себѣ нѣсколько разъ всѣ обстоятельства этого разговора; онъ понималъ все; онъ почувствовалъ, что судьба его была въ его рукахъ. Но разсчитавъ также, что не пришло еще время, онъ рѣшился воздержаться отъ дерзкаго вызова, который былъ бы ему необходимъ, чтобы бросить обществу и прежде создать себѣ имя, чтобъ оно было для него достаточной силой и дало возможность вступить въ борьбу на равнымъ оружіемъ; онъ прождалъ восемнадцать мѣсяцевъ въ ожиданіи успѣха и увѣренности.

Выставка была для него триумфомъ. Толпа внезапно окружила его картинѣ, и его имя, еще новое въ искусствѣ, перешло изъ устъ въ уста. Парижскіе журналы, съ превеликимъ интересомъ и естественнымъ въ минуты перваго восторга, представили

ропъ какъ возстановителя новой живописи, какъ молодаго Ра-
 ма, котораго слава затмѣвала всѣхъ его предшественниковъ.
 Въ разгарѣ этого шума, посредствомъ сношеній, заведенныхъ
 въ домъ виконтессы, узналъ онъ всѣ происшествія, рассказан-
 ная нами выше. Онъ не колебался; часъ его пробилъ. Нелида
 несчастна, покинута; ему предстояло благородное призваніе:
 ободить ее, отмстить за нее. Наконецъ, ему можно будетъ вы-
 вить на показъ всю свою ненависть, всю желчь, которая на-
 млилась въ его сердцѣ съ давняго времени. Онъ покажетъ ослаб-
 нному и побѣжденному свѣту силу гения, который сгладитъ
 различія, избрѣтенныя людьми, разобьетъ гордость патриціата
 жорить своей власти красоту, добродѣтель и честь первой изъ
 щинь! Ему казалось какъ-нельзя-легче потрясти до основа-
 это старое общество, недавшее ему такого мѣста, какого ему
 влось. Онъ былъ твердо увѣренъ, что удовлетвореніемъ своей
 истической страсти отируетъ ожидаемую новую эпоху...

одобный бредъ представлялся въ различныхъ лихорадочныхъ
 падкахъ, эта химера являлась въ разнообразныхъ формахъ не
 ому молодому плебею нашего времени. Многіе изъ нихъ, читая
 повѣсть, вспомнить, если они откровенны сами съ собою, что съ
 дня, когда кончилось для нихъ необходимое ученье, до дня,
 а бѣдность принудила ихъ взяться за какую-нибудь скромную
 ло-выгодную работу, много ночей прошло въ трепетномъ пре-
 юваніи этихъ видѣній безсильной гордости; можетъ-быть, они
 хнуть, вспоминая, сколько призраковъ обнимали они во снѣ,
 ко примѣряли на голову украшеній, тяжесть которыхъ пода-
 бы ихъ, еслибъ судьба услышала эти вопли дѣтскаго тщес-
 ія и безумствующей надменности.

ь той самой минуты, какъ Германъ снова увидѣлъ г-жу де-
 азансъ, онъ убѣдился, что ни мало не потерялъ своего пре-
 на нее вліянія. Онъ узналъ, что имѣетъ болѣе нежели пре-
 возможности волновать ея душу, занимать ея разсудокъ, рас-
 ть ея воображеніе. Но вскорѣ онъ увидѣлъ также, что его
 новить одно препятствіе, для него непонятное—простое созна-
 долга, которое не могли поколебать никакіе его парадоксы.
 ида, одна, удаленная отъ всѣхъ взоровъ, безъ всякаго надзо-
 кромѣ собственнаго, нѣкоторымъ образомъ оправдываемая не-
 ойнымъ поведеніемъ мужа, сохраняла, не смотря на все это,
 кое приличіе и неизмѣнное чувство супружеской чести. Любовь
 ана врывалась во внутренность ея души, но въ наружности
 благородная женщина сохраняла такое достоинство, такое ве-
 е чистоты, что нетерпѣливый и дерзкій художникъ не смѣлъ
 овать и молча грѣзъ удила свои.

слибъ Нелида была опытиѣ, еслибъ она была менѣе-чиста,
 омъ, еслибъ мысль о преступленіи могла къ ней приблизиться,
 спугалась бы опасности, которой подвергалась, принимая подъ
 кровлю, въ глубокомъ уединеніи, человѣка, котораго стра-

стно любила. Самое слабое вниманіе къ самой-себѣ открыло ей, что эта внезапная покорность грустному существованію, этой радости милосердія, которыя она ощущала теперь полнѣе, нежели когда-либо, прелесть этихъ книгъ, которыхъ чтеніе волновало ее, и наконецъ сила и здоровье, видимо къ ней возвращавшіяся, все это имѣло и могло имѣть только одну причину: любовь. Она поняла бы, что въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ и стала ее Германъ, она отвергла бы всѣ услуги, не допустила при себѣ ничего присутствія; она спросила бы себя, съ такою ли свободой оперлась бы она на руку г. де-Вернѣля, тронула бы книга, прочтенная г. де-Соньянкуромъ, таинственную сторону ея сердца. Но Нелида была такъ невинна, что не могла быть гораздо разумной; она такъ же мало сомнѣвалась въ себѣ, какъ мало сомнѣвалась въ другихъ.

Такъ прошелъ мѣсяць. Съ каждымъ днемъ Германъ все болѣе и болѣе увѣрялся въ томъ, что онъ любимъ, а также и въ томъ, что будетъ отвергнутъ; гордость его была поражена смертностью всѣхъ дурныхъ страсти страшно боролись въ душѣ его. Нелида, видъ болѣе спокойная, была съѣдаема измѣнническимъ ядомъ, мало-по-малу проникавшимъ въ самую глубину ея сердца, но не обнаруживавшимся видимыми признаками; но ея гибельная ренность должна была разрушиться при первомъ случаѣ.

Однажды вечеромъ,—это было въ послѣдніе дни іюля,—людые пустынника, замка Вика, по обыкновенію, сидѣли другъ за друга въ гостиной нижняго этажа. Цѣлый день былъ ясный; въ эту минуту громъ рокоталъ надъ замкомъ, многочисленныя молніи пронизали герметически-закрытыя ситцевыя занавѣси окна и бросали въ мрачную комнату бѣглые лучи сѣта. Лампа освѣщала столъ и книгу, изъ которой Германъ съ восточнымъ волненіемъ и прерывающимся голосомъ читалъ письма Сен-При Юліи въ первыхъ письмахъ «Новой-Элонзы». Нелида, уже нѣсколько ночей страдавшая бессонницей, чувствовала минуту ослабляющее вліяніе полной электричествомъ атмосферы; встала съ своего мѣста и сѣла на диванъ, нѣсколько дней Германъ родилась дѣтская досада. Не смѣя перервать чтенія, время-отъ-времени кидалъ на г-жу де-Кервансъ жадные взгляды, все ожидая подстеречь на лицѣ ея движеніе, которое бы вѣдствовало его чувствамъ; но на высокому, блѣдному телу серьезныхъ устъ, въ этомъ склоненномъ тѣлѣ, одѣтомъ в простое, не было замѣтно никакого волненія.

Въ нетерпѣніи, раздраженный этимъ спокойствіемъ, какъ будто залось ему почти оскорбленіемъ, Германъ возвышалъ голосъ, давалъ ему болѣе и болѣе страстное выраженіе. Наконецъ сталъ декламировать нѣкоторыя мѣста такимъ сильнымъ и съ такими жестами, что невозможно было сомнѣваться, что онъ хочетъ примѣнить ихъ къ Нелидѣ,—напрасно! Г-жа Кервансъ оставалась неподвижною, не прерывала его, не

глазъ: ни одна складка платья ея не шевелилась на шелку дивана. Слышалось только правильное и болѣе и болѣе ослабѣвавшее дыханіе ея. Оскорбленный, вышедшій изъ терпѣнія, восторженный словами своими, раздававшимися въ звучномъ пространствѣ, Германъ, не владѣя больше собою, далеко отбросилъ книгу и подошелъ къ дивану, рѣшившись наконецъ открыть этой надменной женщинѣ, желавшей ничего понимать, весь пылъ своей страсти. Но вдругъ онъ остановился, увидя, что она спитъ или лежитъ безъ чувствъ. Глаза Нелиды были закрыты, губы безцвѣтны: ослабѣвшая рука ея свѣсилась съ подушки. «Нелида!» сказалъ Германъ, невольно испуганный этой неподвижностью. Она не отвѣчала. «Нелида!» повторилъ онъ. Она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія. Въ испу-тъ онъ положилъ руку на ея сердце, случайно или съ намѣреніемъ раздвинулъ складки ея полураскрытаго платья и съ трепетомъ видѣлъ прекраснѣйшія формы, какія когда-либо удавалось видѣть глазамъ молодаго художника. Голова его закружилась. «О Гала-ел!» вскричалъ онъ, заключая ея въ страстныя объятія: «божественный мраморъ, пробудись въ объятіяхъ твоего любовника, пробудись для жизни, пробудись для любви...»

Нелида раскрыла глаза и, внезапно пришедъ въ себя, вырвалась изъ объятій Германа; онъ не посмѣлъ ее удерживать,—столько уваженія внушалъ взглядъ, который она ему бросила. Она медленно, шагъ подошла къ окну, отворила его, не смотря на грозу, и оперлась на балконъ, на который начинали падать крупныя дождевыя капли. Германъ упалъ на оставленное ею мѣсто и залился слезами.

XIV.

Возвратясь въ свою комнату, г-жа де-Керваэнсъ провела остальную часть ночи въ одномъ изъ припадковъ, производимыхъ и снимаемыхъ только самыми удивительными контрастами нашей природы, борьбой самыхъ жестокихъ искушеній, самыхъ противоположныхъ условий, самыхъ несогласимыхъ намѣреній.

Подъ двойнымъ вліяніемъ грозы, наполнявшей атмосферу, и той вихорадки юности, долго подавляемой, которая наконецъ сказала со всей своей силою, Нелида увидѣла передъ собою, какъ будто при блескѣ злобщей молніи, лицомъ-къ-лицу страшную стину. Туманъ спалъ съ глазъ ея. Во второй разъ жизнь ея, которую она считала навсегда-установившеюся, была потрясена до основанія; Германъ появлялся къ ней вторично и вторично овла-дѣвалъ ея существованіемъ. Онъ, котораго она бѣжала, котораго она могла ненавидѣть, котораго она могла презирать, возвращенный къ ней силою своей несокрушимой воли, еще разъ дѣлался юнымъ властелиномъ ея мыслей.

Въ такомъ положеніи, женщина мѣтѣ-энергическая нашла бы въ самой нерѣшимости своей мимую твердость. Женщины, бо-

язвляя и мечтательныя въ одно и то же время, неспособныя измѣрить твердой рукою глубину своей совѣсти, скрываютъ отъ себя опасность, чтобъ избѣжать битвы, и умиляются въ собственныхъ глазахъ могуществомъ своей доброты въ пользу своей слабости. Подобныя уловки были несовѣстными природнымъ чистосердечіемъ Нелиды, ни разу понижившиши ли правилами, ни примѣрами свѣта. Подобная женщина не могла позволить себѣ, полусоглашаясь, спуститься по незамѣтному склону, дѣлать ошибки, каждый день сожалѣть о нихъ и каждый день ихъ увеличивать. Нѣтъ, она умѣла строгимъ взоромъ обнять всю обширность своего недуга. Она осмѣлилась сказать себѣ, что еще подобный день, еще подобный часъ, и она падетъ. Съ тѣмъ поняла она, что одно спасеніе для нея въ немедленной смерти, одна возможность добродѣтели—въ крайности. Намъ было бѣжать, удалиться отъ Германа, поставить между нимъ и бою непреодолимыя преграды, никогда больше не видать его! Бѣжать! но куда? гдѣ найти приубѣжище? у кого попросить силы и этой силы противъ себя-самой, въ необходимости которъ сознаются самыя закаленные души въ часы мученій?.. Тимолеонъ При этой мысли она блѣднѣла отъ негодованія; справедливая благородная гордость оскорбленнаго сердца вставала въ ней. Треницій голосъ говорилъ ей, что подобная слабость будетъ нравственною ошибкой; этотъ человекъ, столь мало стоющій уваженіемъ на сея неопытность легкое вліяніе перваго впечатлѣнія, неспособенъ ни понять, ни поддержать героизмъ великой жизни. Онъ увлечетъ ее снова, онъ удержитъ ее съ собою въ пучинѣ ребяческой сферѣ, гдѣ вскорѣ погаснутъ элементы величія и славы, которые страсть открыла ей въ собственномъ ея сердцѣ. Съ Тимолеономъ, предполагая, что онъ возвратится къ чувствамъ любви и нѣжности, ожидало ее нравственное одиночество, худшее одиночество, или пошлыя веселости, на которыя она не могла больше вернуться безъ отвращенія. Когда великая любовь забилась въ нѣдрахъ сердца, когда черезъ нее чувство вѣчной истины возмужавшую мощную душу, всѣ эфемерныя условія, всѣ мелкіе размѣры общественной жизни до того уменьшаются и сглаживаются, что ты начинаешь чувствовать сожалѣніе и вскорѣ перестаешь чувствовать ихъ существованіе... Итакъ для Нелиды былъ возможенъ только выборъ: жить или умереть, — жить любовью и нѣжностью, границъ и конца; умереть, если вѣрность и доброты вліяніемъ, уже нарушеннымъ тѣмъ, кому онѣ были даны, не могла, чтобъ она подавила любовь свою.

Ей не представлялась возможною никакая сдѣлка между личною свободой и строгимъ долгомъ. Святая гордость и стогъ не была ни разу оскорблена въ сердцѣ этой благородной женщины. Скрывать подъ супружескимъ кровомъ кланье ступенное чувство, уступить любовнику, продолжая принадлежать мужу, было окруженною уваженіемъ, которое свѣтъ растопилъ.

нищѣтнѣйшей вѣдѣности; предаваться, подлѣ снѣнью лжи, низкимъ и бѣглымъ наслажденіямъ, — въ этомъ состоятъ пошлыя добродѣтели женщинъ, созданныхъ судьбою одинаково-бесильными противъ добра, которое онѣ признаютъ, и противъ зла, которое влечетъ ихъ, одинаково-неспособными и къ покорности и къ возстанію; лишеными и мужества, рѣшающагося носить цѣпи, и смѣлости, стремящейся разбить ихъ.

Мы видѣли, не такова была Нелла.

..... Громъ пересталъ гремять; поднявшійся сѣверный вѣтеръ нагъ гуча; церковные часы пробилъ четыре. Въ неопредѣленномъ вѣтѣ зари просыпались заспавшіеся лѣнницы и печальными головами перекинулись другъ съ другомъ. Охваченная произительнымъ олодохъ вѣтхъ часовъ, предшествующихъ солнечному восходу, олуодѣтая, неподвижно сидя въ большіяхъ креслахъ, прислоненныхъ къ камину, въ которой грустно завывалъ вѣтеръ, г-жа дерзавшись одна въ приеутствии Бога боролась съ увеличивавшимися страданіями душевной агоніи, долженствовавшей провести первую нелегладимую морщину по прекрасному лбу ея. Вдругъ ей польшался шумъ шаговъ въ корридоръ, ведущемъ въ ея спальню... выханіе ея остановилось... Нѣтъ больше сомнѣнія, шаги приближаются, останавливаются у двери... ключъ вертится въ замкѣ... то бы могъ это быть въ такое время ночи? послѣ такого вечера?.. то другой, какъ не тотъ, о которомъ она не переставала думать? въ-самомъ-дѣлѣ, то былъ Германъ. Она не почувствовала при видѣ его ни удивленія, ни ужаса, ни гнѣва. Она знала, что для нѣкъ обоихъ насталъ ихъ часъ, и что слова, которыми они обмѣняются, будутъ для нихъ приговоромъ. Нѣсколько минутъ прошло въ торжественномъ ожиданіи.

— Вы хорошо дѣлаете, что молчите, сказалъ Германъ, подхо- къ ней:—въ эту минуту я не перенесу отъ васъ горькаго слова, а я знаю, что отнынѣ вы не произнесете другаго. Я ѣду. Я нѣтъ увидѣть васъ въ послѣдній разъ прежде, нежели оставлю эти мѣста, которыя вы заставили меня столько любить, которыя теперь заставляете столько ненавидѣть. Я хотѣлъ сказать вамъ вѣче- ре прости въ эту бурную ночь, столь похожую на мое сердце, прежде, нежели мракъ совершенно разсѣтется, потому-что вы такъ хороши, прибавилъ онъ болѣе-нѣжнымъ голосомъ:—что еслибъ я не разъ увидѣлъ васъ при дневномъ свѣтѣ, вся гордость моя ис- пала бы, я упалъ бы въ безсиліи къ ногамъ вашимъ, вы уви- дѣли бы во мнѣ раба. Этого не должно быть; я этого не хочу, вы не будете имѣть этого торжества. У васъ сердце, неспособное къ любви; вы никого не поведете въ лучезарныя сферы; у васъ два лишь красота Беатриче. Я это чувствую; для меня нѣтъ а землѣ ни любви, ни счастья, ни славы; все это было въ васъ, и это были вы. Вы, такія, какими вы могли быть, еслибъ я нѣтъ зажечь въ душѣ вашей хоть искру того огня, который жегъ мою душу, а не такія, каковы вы теперь—бѣзчувственныя

и холодно-благоразумныя; вы, которыя закрываете глаза свои, чтобъ не видѣть любви нетлѣвной. чтобъ оставаться въ ишиженіи и безсиліи... Прощайте, бѣдная женщина безъ рѣшимости! сказалъ онъ, тихо положивъ руку на склоненную голову трепетавшей Нелиды: — прощай, моя высокая мечта, моя благородная надежда! прощай, моя доля безсмертія!.. Да снизойдутъ всѣ прошенія неба на ваше поблѣднѣвшее чело! Да не узнаете вы никогда зла, котораго дѣлаете!.. Прощайте.

— Вы не одни поѣдете! вскричала Нелида, вставая и схвативъ Германа за руку. — Вы не одни поѣдете, потому—что я люблю васъ!

Лучъ счастья и гордости блеснулъ въ глазахъ художника; сердце его перестало биться; судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ; онъ едва не упалъ.

— Васъ достанетъ на такую безумную рѣшимость! вскричалъ онъ наконецъ, не смѣя поднять глазъ на Нелиду, — такъ онъ боялся еще разъ обмануться:—вы способны къ такой высокой ответственности! И при этихъ словахъ губы его невольно сжимались въ мѣлкую улыбку.

— Во мнѣ достанетъ рѣшимости на все, кромѣ лжи, отвѣтила она.

Вмѣсто отвѣта, художникъ привлекъ ее къ своему сердцу, и охватилъ ее любовью... Нельзя выразить словами тѣхъ восторговъ, которыя послѣдовали за такимъ страданіемъ. Мечта распаленнаго художника осуществлялась въ ту самую минуту, когда онъ считалъ ее исчезнувшюю; невозможное стало дѣйствительностью; Нелида принадлежала ему; земли и неба было мало для его счастья.

ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢВВИЧЪ ИГРИВЫЙ.

Повѣсть.

=

Въ небольшой комнатѣ было два стола—одинъ такъ-называемый ломберный, складной, очень-ветхий, другой сосновый, который некогда былъ выкрашенъ голубою краской, затѣнъ бѣлой и пятно красной, и потому на вытертыхъ углахъ и лысинахъ видны были всѣ три слоя краски. Еще стояло тутъ семь стульевъ—пара очень-затасканныхъ, оплетенныхъ осокой, пара во-первыхъ-деревянныхъ, какъ-будто дружки сосновому столу, но одинъ былъ облеченъ въ первоначальную масть этого стола, то-есть голубой, а другой по-видимому принялъ участіе во второмъ переводе и одѣлся въ бѣлую сорочку; пара тяжеловатыхъ креселъ изъ известнаго склада и масти, одѣтыя издавна пестрядевыми чехлами, видимо состояли въ близкомъ родствѣ съ такимъ же раскислымъ диваномъ; подушка седьмаго стула, наконецъ, если разсмотрѣть ее тщательно, показывала, что была когда-то вышита шелками по сукну или казмиру неопредѣленнаго цвѣта; но все это давно поблекло, волнило, шелкъ мѣстами вовсе помытерся, казмиръ посыкъся. Въ комнатѣ стоялъ еще перекосившійся шкафъ, накрывавшій вѣкъ свой пузатый коммодъ, горка съ трубками, величаво съ гаркушинъ кургацъ—а стѣны были увѣшаны нѣсколькими разнообразными ружьями и другими отставными охотничьими принадлежностями, а также старосвѣтскими картинами въ красныхъ узелчато-рамочкахъ.

На диванѣ лежалъ человекъ среднихъ лѣтъ, рослый, плотный, смуглый, въ весьма-поношенномъ халатѣ; онъ читалъ какую-то маленькую книжонку, или по-крайней-мѣрѣ держалъ ее въ рукахъ, и сосалъ погасшую трубку. Среди пола лежалъ въ растяжку большой лагавой пѣсь, ворчалъ и лаялъ про себя во снѣ.

Павель Алексѣвичъ Игривый, — такъ звали этого барина, — оглянулся съ улыбкой на своего любимца, потянулъ опять трубку и, замѣтивъ наконецъ, что она погасла, закричалъ: «Эй, Ванька!» Иванъ вошелъ, не говоря ни слова подавъ барину на смѣну другую трубку, а покойницу унесъ для дарованія ей новой жизни, то-есть, для чистки и набивки.

Много пять минутъ продлилось молчаніе, прерванное нѣсколькими вздохами и зѣвками барина и безсловесными возгласами его любимца, какъ опять раздалось: «Эй, трубку!..» По третьему недобному призыву своему, однакоже, помѣщикъ нашъ всталъ, потянулся, спросилъ у Ваньки: «а что, рано еще?» И узнавъ, къ своему удовольствію, что уже не такъ рано, а часъ девятый, рѣшилъ, что пора спать и пошелъ въ сосѣднюю почивальню. Ванька послѣдовалъ за нимъ. Здѣсь мѣбель ни въ чемъ не уступала кабинетной: односпальная кровать о двухъ тюфякахъ и двухъ периныхъ, съ цѣлою копною подушекъ и безсмѣнными на вѣчныя времена занавѣсками, стояла во всей готовности для приема въ нѣдра свои хозяина.

— Ну, братъ Ванька, сказалъ онъ: — коли такъ, отойдемъ къ молившикъ ко сну. Ты раздѣнь и разуи меня, уложи меня, крой меня, подотни меня, переверни меня, перекрести меня тамъ поди, усну я самъ.

— Да никакъ, сударь, сказалъ Ванька: — и дворня-то не спитъ безъ просыпу. Хоть бы приказали собраться да волкожь и нугать; вѣдь вотъ вечеръ телку зарѣзали у Карцова, того гадъ робить обижать стануть. Бывало, вы, сударь, охотились сама.

— Э, бывало! Было да былъемъ поросло. Пожалуй, соберитесь на-дняхъ, да поохотитесь-себѣ.

— То-то сударь, холостому человѣку все не въ охоту; и вы, сударь, невѣсту себѣ выбрали, да женились, и мужики жалуютъ объ васъ.

Баринъ захохоталъ.

— Эка въ-ремя собрались пожалѣть! Нѣтъ, братъ, ужъ новыя вѣсты чай давно на томъ свѣтѣ козловъ пасутъ... Эка забота и нить мужикамъ! Ну, видно жь, имъ не о чемъ больше тужить: грѣбы не часть, и по ягоды нѣтъ—такъ хоть по словы пашня.

— А что жь, сударь, и вѣстико что такъ: они за вашею стѣною живутъ захребетниками и не тужать, а вамъ такъ вотъ же скучно; была бы хозяйка...

— А зови-тка, ради скуки, Меледу съ понувалкой, тѣтъ и уснемъ подъ шумокъ и размыкаемъ горе.

Меледой прозвали сказочника Гаврюшку, своего, дожорочнаго новарскаго помощника, который въ четыре года не могъ научиться готовить простыхъ шей съ забѣлкой, отговариваясь что всѣ ночи на пролетъ сказываетъ барину сказку, и потому долженъ спать, въ-слѣдствіе чего-де и учиться некогда, и проспалъ память. Меледа вошелъ разутый и полураздѣтый,

нестъ, по обычаю, подъ мышной одръ свой—войлочекъ и подушонку, постлалъ его въ ногахъ у барской кровати, присѣлъ на него почесывался и ждалъ барскаго «ну». Въ то же время вошелъ въ комнату еще другой человекъ, одѣтый и обутый, но съ такой дурацкой рожей, что посторонній не могъ бы взглянуть на него безъ смѣха. Онъ сталъ спокойно у дверей, сложилъ руки, выставилъ одну ногу и принялся зѣвать, будто по заказу, растворяя пасть какъ широкія ворота, и поднося то ту, то другую руку къ бородѣ и растопыривая все пять пальцевъ. Лицо это было извѣстно въ домѣ подъ должностнымъ званіемъ понукалки, а Меледа называлъ его обыкновенно дармоѣдомъ и надоѣдалой. Это была также ночная птица, для потѣхи барина; обязанность его состояла въ томъ, чтобъ не давать уснуть преждевременно сказочнику и понукать его, если тотъ задумается или заплнется. Когда одинъ изъ пріятелей Павла Алексѣевича спросилъ его, глядя на эту знаменитость, откуда онъ досталъ такого урода, и свой ли онъ, то Павелъ Алексѣевичъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, это наемный, проскуровскій мѣщанинъ, я плачу ему по четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, да отпускаю еще мѣщину. Свой на это дѣло не годится, самъ первый уснетъ, напередъ сказочника, — тогда что я съ нимъ стану дѣлать, браниться да драться? нѣтъ, этого я не люблю. А этотъ боится, знаетъ, что сгоню со двора, коли не хорошо служить станетъ, такъ онъ и держитъ ухо остро. Притомъ, и я къ нему привыкъ: не могу глядѣть на него, чтобъ не стало клонить ко сну, а какъ растворить ворота, да зѣвнетъ—такъ тутъ и я уснулъ.»

Когда все это устроилось въ порядкѣ, и оба должностныя лица заняли свои мѣста, Павелъ Алексѣевичъ покряхтѣлъ, потѣмъ вздохнулъ, тамъ зѣвнулъ и промычалъ: «ну». Сказочникъ началъ покрякивать, а понукалка присанился и съ этой минуты вступилъ въ свою должность. Командное словечко «ну» развязывало и ему самому языкъ на это же коротенькое слово и давало ему власть понукать соннаго сказочника. Этотъ началъ очень-плавно и бойко, молоть съ четверть часа безостановочно, а тамъ забормоталъ менѣе-внятно и захотѣлъ перевести духъ. «Ну» началъ его прищипоривать понукалка, у котораго также слипались глаза, по который не смѣлъ прилечь, чтобъ не заснуть, и все стоялъ на своемъ мѣстѣ—«Ну»... Меледа крикнулъ и продолжалъ:

— На томъ на морѣ на окіанѣ, на островѣ на буянѣ, стояла береза золотые сучья, на тѣхъ на сучьяхъ яблочки серебряныя, въ нихъ зернышки граненый алмазь...

— Ну, началъ опять отъ скуки понукалка, покачиваясь и не слушая, впрочемъ, говорить ли тотъ сказку, или дремлетъ.

— Стояла корова золотые рога: на одномъ рогу баня, на другомъ котель; есть гдѣ помыться, попариться...

— Ну...

— Ну, да ну; чего ты нукаешь?

— Да вишь ты не бойко говоришь, дремлешь...

— Самъ ты дремлешь, дармоѣдъ; гляди: затылкомъ двери пробилъ; а я не дремлю... На томъ на островѣ текутъ рѣчки медвяныя, сытовыя, берега кисельные; дѣвка выйдетъ ударить коромысло, черпнетъ однимъ концомъ—зачерпнетъ два красна галста; черпнетъ другимъ...

Тутъ Павелъ Алексѣевичъ всхрипнулъ довольно-внятно и несомнительно; сказочникъ, сидя на полу и обнявъ руками колѣни, понурилъ на нихъ голову и замолкъ, а понукалка не стелъ уже нужнымъ его тревожить и, постоявъ еще немного, вышелъ въ соседнюю комнату и тамъ прилесть.

Часу въ седьмомъ утра, Павелъ Алексѣевичъ проснулся, и все въ домѣ зашевелилось. Обувшись въ бараньи сапожки, домашней выдѣлки, и въ халатъ свой, онъ умылся, помолился и сталъ совѣтоваться съ Ванькой, чего бы выпить сегодня: малины ли, бузины ли, шалфею, липоваго цвѣта, кипрею, ивана-да-марьи, ромашки съ лядышами, или ужъ заварить настоящаго чаю? и Ванька разсудилъ, что бузина нѣется на ночь для испарины, малина послѣ бани, шалфей въ дурную погоду, липовый цвѣтъ со свѣжими сотами, иванъ-да-марья и ромашка когда не можется, кипрей, то-есть, копорскій или иванъ-чай, по нуждѣ, за недостаткомъ лучшаго, и потому полагають заварить сегодня настоящаго, китайскаго чаю, что и было исполнено. Отъ чая сдѣланъ былъ незамѣтный переходъ къ завтраку; а между-тѣмъ, староста, мельникъ, скотница и другіе сельскіе сановники отбывали доклады свои и получали приказанія. По-временамъ книжка будто невзначай опять попадала въ руки Павла Алексѣевича, но вскорѣ другія занятія развлекали его, и вѣковѣчная книжка оборачивалась корешкомъ кверху. Не успѣвъ оглянуться, какъ Иванъ подалъ щип, кашу да жаркое; тамъ оказалось полезнымъ отдохнуть часика два; тамъ Павелъ Алексѣевичъ прошепталъ по хозяйству и по саду, напился липоваго цвѣта съ сотами, разобралъ нѣсколько ссоръ и жалобъ, отдалъ приказанія на завтрашній день, освѣдомился, не рано ли, и услышавъ, что девятый, поспѣшилъ перекусить немного, помолился, легъ, и Мелода съ понукалкой явились снова тѣмъ же порядкомъ, какъ и вчера.

Вотъ ежедневный бытъ, будничная жизнь Павла Алексѣевича. По праздникамъ онъ облачался въ сюртукъ бураго или кофейнаго цвѣта, выпускалъ бѣлый воротничокъ, бралъ содоменную шапку или полутеплую фуражку, смотря по погодѣ, трость и бѣлыя перчатки, которыхъ, впрочемъ, никогда не надѣвались, и отправлялся въ церковь, бывшую у него же на селѣ. Иногда, хотя довольно-рѣдко, кто-нибудь заѣзжалъ къ нему; еще рѣже онъ бывалъ у другихъ; но настоящимъ праздникомъ для него былъ тотъ почтовый день, въ который гонецъ привозилъ ему изъ горада письмо. Такое письмо, казалось, одно только привязывало его всей душой къ жизни; Павелъ Алексѣевичъ оживалъ, былъ въ тотъ день дѣятельнѣе и веселѣе, и, прочитавъ письмо разъ-другой про себя, перечтѣ

ывалъ его еще Ванькѣ и одной дворовой женщиной, известной въ помѣ подѣ названіемъ мамушки.

Что же читатели скажутъ о Павлѣ Алексѣевичѣ, о бытѣ его и родѣ жизни, которую мы старались изобразить точно и вѣрно? Я думаю, что иной, можетъ-быть, и вовсе-незлобный столичный житель готовъ будетъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, пожать плечами и назвать его животнымъ; можетъ-быть, даже и самый снисходительный приговоръ будетъ еще довольно — жестокъ для скромнаго деревенскаго жителя и не избавитъ его отъ сострадательнаго презрѣнія. Но всегда ли наружность достаточно изобличаетъ внутреннюю цѣнность человѣка? почему знать, что помѣщикъ нашъ передумалъ и перечувствовалъ на вѣку своемъ, не взирая на безчувственную, довольно-плоскую и бессмысленную наружность?

—

Нѣтъ тому двадцать-пять, въ сельцѣ Подстойномъ, помѣщичья семья сидѣла за вечернимъ самоваромъ и съ нетерпѣніемъ ждала кого-то. Живой и плотный, бѣлокурый старикъ, въ долгополомъ домашнемъ сюртукѣ, съ огромными усами, съ большими, но бессмысленными сѣрыми глазами, съ отставными военными ухватками и молодечествомъ, похаживалъ взадъ и впередъ, то останавливался у открытаго окна, глядѣлъ и прислушивался, то посматривалъ на стѣнные часы съ двумя розочками и двумя незабудками по угламъ, и наконецъ, продувая трубку свою, сказалъ: «Нѣтъ, ужъ видно, я говорю, сегодня не будетъ».

— А, можетъ-быть, и будетъ, замѣтила хозяйка его, заглянувъ въ чайникъ и прибавивъ туда на всякій случай водицы: — вѣдь ему надо быть къ сроку, къ ярмаркѣ; а ужъ онъ, чай, не обманетъ, коли обѣщалъ захватить къ намъ по пути, да привезти вѣсточку отъ Любаши.

— Ну, загулялся въ Костромѣ, возразилъ старикъ: — человѣкъ, я говорю, молодой, поѣхалъ въ городъ, да еще съ деньжонками, такъ ему и не до Любаши; она еще ребенокъ.

— Никакъ ѣдутъ-съ, сказалъ вошедъ торопливо слуга, указывая слегка въ ту сторону, откуда ждали гостя.

— Ну, вотъ видишь, проговорила хозяйка съ изъясненіемъ радости, между-тѣмъ, какъ хозяинъ вышелъ на крыльцо, а вслѣдъ за тѣмъ обнялъ желаннаго вѣстника и при громогласномъ разговорѣ ввелъ его въ комнату.

— Ужъ и ждать было перестали! такъ встрѣтила его хозяйка: — особенно Иванъ Павловичъ, говорить: видно не будетъ; а я все жду-пожду; нѣтъ, говорю, будетъ... чайку прикажете съ дороги, или закусить чего?...

— Благодарю, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — чашечку выпью,

ца я тороплюсь домой, немножко позамѣшкался, позадержалъ Любовь Ивановна...

— Какъ, она? не-ужь-то? голубушка моя! Чтѣ жь, видѣлъ ее? Что она? не скучаетъ? здорова?.. Такъ посыпались вопросы матери.

— Здорова, отвѣчалъ тотъ немного зарумянившись, и шлетъ вамъ много поклоновъ и поцалуевъ; я раза три навѣщалъ ее.

— Ужь и поцалуи! сказалъ захохотавъ отецъ: — слышите, чтѣ я говорю? я говорю: ужь и поцалуи; ха, ха, ха!

— На словахъ, разумѣется, возразилъ пріѣзжій: — и хотя словесный поцалуи, да еще и передаточный, утѣшительнѣе для того только, кому назначенъ, но я принужденъ былъ покориться строгости костромскихъ пансіонскихъ правилъ, по которымъ не дозволяется даже поцаловать ручку воспитанницы!

— Смотри, пожалуй! сталъ опять острить отецъ: — дѣти они, дѣти, — а только покинь ихъ безъ присмотра, тотчасъ вотъ по натурѣ своей наколобродятъ... ха, ха, ха! слышите, чтѣ я говорю? я говорю: вотъ тотчасъ по натурѣ своей и наколобродятъ.

— Да поразскажите жь намъ, голубчикъ Павелъ Алексѣевичъ, что-нибудь о Любашѣ, сказала съ нетерпѣніемъ хозяйка, вручивъ этимъ молодого человѣка изъ замѣнательства, въ которое поставило его бестолковое, но громогласное замѣчаніе Ивана Павловича: — разскажите, чтѣ она, моя голубушка, и какъ?

Павелъ Алексѣевичъ принялся выхвалять Любашу съ большимъ чувствомъ, и сознаніе, что онъ можетъ и даже обязанъ дѣлать это въ настоящемъ своемъ положеніи, отдавая объ ней отчетъ ея родителямъ, доставляло ему большое утѣшеніе. Вскорѣ у матери на глазахъ навернулись слезы, старикъ стоя наклонился впередъ и поднималъ брови все выше, да выше, какъ-будто прислушивался внимательнѣе, а между-тѣмъ безпрестанно перебивалъ всѣхъ остротами своими заставляя выслушивать ихъ по два и по три раза, приговаривая: «а слышите, чтѣ я говорю? я говорю: ха, ха, ха!»

— Начальница и дамы не махаются ею, продолжалъ Павелъ Алексѣевичъ: — а вы не нарадуетесь, когда свидитесь. Она выросла, уже почти-совсѣмъ сложилась...

— Охъ, Боже мой, сказала мать, всплеснувъ руками: — въ три года, можно ли?

— А чтѣ жь, матушка? замѣтилъ отецъ: — вѣдь и ты по шестнадцатому году за меня вышла, вспомни!

— И то правда, отвѣчала она, сосчитавъ что-то по пальцамъ: — да вѣдь она ребенокъ еще, видитъ Богъ, ребенокъ...

— Ну, ребенокъ, заревѣлъ Иванъ Павловичъ, не забывъ, что онъ самъ сейчасъ называлъ дочь ребенкомъ: — ну, такой же ребенокъ, какъ и ты! ха, ха, ха! Слышите, чтѣ я говорю!

— Какъ, мать такой же ребенокъ, какъ и дочь?

— Ну, да, матушка, да вѣдь я говорю о прошломъ, я говорю...

— Да, о прошломъ! Охъ, разумѣется, всѣ мы были правдами и молодцами...

Расторопный слуга вошелъ и спросилъ робко у барина, не будетъ ли какихъ приказаній на счетъ чего-нибудь, и при этомъ покосился какъ-то странно на гостя. Это значило: кучеръ гостя живнаеть, такъ не напоить ли его пьянымъ, чтобъ барина задержать, по обычаю, на ночь, или ужь не снять ли на всякій случай у брички колесо? На этотъ разъ подобныхъ распоряженій не послѣдовало: хозяинъ зналъ, что гостю надо быть дома къ сроку ѣхать на ярмарку, и потому, послѣ долгихъ прощаній, благодареній, дружескихъ приглашеній и благословеній, его благополучно пустили.

— А кось-то я и позабыла спросить! ахнула старушка, когда ричка покатила со двора, и кинулась—было къ окну, но опоздала:—сама Любаша ничего толкомъ не напишетъ... такой вѣтеръ! я и не знаю, выросла ли у нея коса-то, хоть бы вотъ четверть три?

— Выросла, матушка, утѣшалъ ее отецъ:—слышишь, сложилась бѣвка совсѣмъ. Ха, ха, ха! и выросла и сложилась!

Скажемъ теперь, проводивъ Павла Алексѣевича, что это былъ осѣдъ въ шести верстахъ отъ старика Ивана Павловича Гонюбеля и супруги его Анны Алексѣевны, къ которымъ мы сейчасъ заглянули. Мы были тамъ невидимками, и потому съ наею брички также колесъ не сняли; но рѣдкому гостю удавалось ѣхать изъ сельца Подстойнаго безъ этой продѣлки.

Павелъ Алексѣевичъ Игривый, полный хозяинъ хорошенкаго мѣльница, Алексѣвки, возвратился года за полтора изъ университета, не кончивъ курса, для приѣма имѣнія своего по случаю внезапной смерти отца, и взялся за хозяйство. Онъ сѣбѣ дилъ теперь о своимъ дѣламъ въ Кострому и привезъ любезнымъ сосѣдямъ бѣсть о дочери ихъ, которая, какъ мы слышали, оканчивала свой учебный курсъ въ частномъ пансіонѣ, названномъ на выѣскѣ, но наю почему, *Образцовымъ*.

Полчаса, которые Игривый ѣхалъ отъ Подстойнаго до Алексѣвки, прошло въ такомъ же точно сладостномъ забытїи и безсвязныхъ, розовыхъ мечтахъ, какъ все время пути отъ Костромы до Подстойнаго. Павелъ Алексѣевичъ думалъ о томъ, что Иванъ Павловичъ правъ, и Любаша вовсе не дитя, какъ полагала Анна Алексѣевна; что самъ онъ сказалъ истинную правду относительно строгости пансіонскихъ учрежденій и одной только словесной передаи поцалуя, хотя въ сущности такое задушевное, заповѣдное рукопожатїе, какимъ онъ могъ похвалиться, едва-ли не перевѣситъ всего необдуманнаго, легкомысленнаго поцалуя; что, наконецъ, Любаша неизъяснимо-мила, не смотря на свой возрастъ отроковицы... Вотъ сущность мечтаній Игриваго, который не скучалъ перебирать куму эту со всѣхъ концовъ, разыгрывать ее на всѣ лады и тѣлится ею на просторѣ. Обстоятельства не позволили ему кончить университетскаго ученя и заслужить ученую степень; но онъ твердо намѣревался сдѣлать это при первой возможности, привада дѣ-

ла свои въ порядокъ, съ нетерпѣніемъ разсчитываеъ и соображалъ онъ теперь что-то по годамъ и мѣсяцамъ и заглядывалъ въ будущую судьбу свою гораздо-далѣе впередъ, чѣмъ это намъ дозволено.

Годику прошелъ незамѣтно; въ Подстойномъ и въ Алексѣевѣ все оставалось по старому, съ тою только разницею, что Игривый соскучася безъ Костромы, къ-счастью, вскорѣ опять нашелъ себѣ ходимымъ сѣздить туда, по своимъ дѣламъ, и опять привезъ много поклоновъ отъ Любаши; а затѣмъ, наконецъ, нынѣ событіе и обычайное было на-мази въ Подстойномъ: Гонобобель съ хозяйкой снаряжались въ путь-дороженьку, все въ ту же Кострому притомъ уже за своей Любашей. Она окончила свое образцовое пансіонское ученье. Отъ суеты и крика Ивана Павловича и дворня стояла всею ночью уже семеры сутки сряду; дорожные рыдванъ выкатывали на широкой дворъ и опять подкатывали въ сарай разъ по пяти на день. Хозяинъ самъ ничего не смазывалъ и не увязывалъ, но ходилъ день-денской въ дегтю и въ смолу и не выпускалъ изъ рукъ какой-то толстой бичевки. Всѣ приказанія его отдавались дважды и трижды въ одинъ духъ, съ слышимымъ удареніемъ на «я говорю»; но одна часть приказаній эти была уже исполнена наканунѣ, а другая до того противорѣчила первымъ, или даже самому здравому смыслу, что «сейчасъ» «слушаю-съ» вырывались изъ устъ прислуги только по исконному обычаю, а вовсе не для того, чтобъ кто-нибудь думалъ объ исполненіи. Анна Алексѣевна переправлялась по нѣсколькимъ разамъ день изъ заднихъ покоевъ въ сарай съ нѣсколькими попутчиками изъ двѣнчей: всѣ онѣ были навьючены и нагружены, какъ верблюды, и вся поклажа эта, большею частию съѣстные припасы, укладывалась тихомолкомъ въ рыдванъ.

— Половину этого Иванъ Павловичъ непремѣнно выбралъ вонъ, думала скромно про себя Анна Алексѣевна:—такъ пусть другая половина останется: дорогою пригодится. Кострома не блжій свѣтъ: на своихъ недѣляхъ ѣзды.

Тутъ были не только крендели, кокурки, пироги, курники и прочное всѣхъ родовъ, но были и сушенныя вишни и яблоки и замоченный горохъ, собственно для Ивана Павловича. До моченнаго гороха Иванъ Павловичъ былъ страстный охотникъ, въ всякую пору, особенно дорогой, и имъ-то Анна Алексѣевна такъ удачно затыкала мужу ротъ, когда онъ начиналъ ворчать слышнымъ упорно и назойливо.

Игривый навѣдывался въ это время почасту къ сосѣдямъ, и разъ уже вырывались у него такія странныя выраженія удачи и готовности быть чѣмъ-нибудь полезнымъ при снаряженіи въ дорогу, что походило на то, будто ему хотѣлось скорѣе изъѣздить и проводить. Казалось бы, они ему ничѣмъ не мѣшали тутъ-же остаться; онъ думалъ объ этомъ иначе, или даже у него была тутъ мысль либо не прямая, а косвенная думка.

Наконецъ взошло то солнышко, которому суждено было, до

та своего, освѣтитъ побѣдъ Гонобобеля изъ Подстойнаго въ Корому. Рыдванъ шестерней, да троничная телега стояли у подъезда. Несметная дворня, раздѣленная на двѣ густыя толпы, стояла направо и налево отъ крыльца, острила надъ кучеромъ и вышнимъ, надъ дѣвкой въ дорожномъ уборѣ, въ какой-то куцой курткѣ и барынинныхъ башмакахъ, — и ожидала господъ. Въ полахъ послышались голоса: барыня простилась съ кошками своими въ дѣвичей и тамъ отдала уже всѣ приказанія на-счетъ корма присмотра за ними; но баринъ простался съ собаками гласно, икъ на мирской сходкѣ. «Кирюшка!» кричалъ онъ стоя на крыльцѣ, «да чтобы наваръ былъ дважды въ недѣлю, слышишь, а по днямъ овсянка — слышишь? Я говорю, чтобъ они праздникъ али... ха, ха, ха! слышите, что я говорю?» и народъ, кланяясь одливо, отъ души засмѣялся.

— Это что? спросилъ Иванъ Павловичъ, остановившись на второмъ приступкѣ кареты.

— Дорожные припасы, мой другъ, отвѣчала примирительнымъ голосомъ Анна Алексѣвна.

— Это вонъ — ха, ха, ха! и вотъ это вонъ, — и это вонъ, ха, ха, ха! слышите, что я говорю?—И узлы съ мѣшками легли изъ рыдвана въ открытыя двери. Дворня подхватывала мѣшки и мѣшечки на лету и, по знаку Анны Алексѣвны, передавала все это вихомолку на запятки и въ телегу. Довольный этою побѣдой, Иванъ Павловичъ весело усѣлся, сказавъ: «ну, вотъ теперь милости просимъ, матушка Анна Алексѣвна! Слышите, что я говорю?— Вотъ теперь милости просимъ—ха, ха, ха!»

Поклоны и пожеланія дворни посыпались громогласно; кучеръ вснулъ, грянулъ возжами, и карета покатила. Телега была нагружена перинами, подушками, дѣвками, овсомъ и Богъ-вѣсть чѣмъ; а потому большая часть уловъ и мѣшковъ, вылетѣвшихъ изъ кареты мановеніемъ руки Ивана Павловича, поступили на ремешное попеченіе того, кто сидѣлъ на запяткахъ. Бѣднякъ облялъ во всѣ руки и держалъ цѣлый возъ поклажи, такъ, что ни въ не видѣлъ свѣту, ни свѣтъ не видалъ его.

— Вотъ это у Нѣмцевъ считается мила, сказалъ Иванъ Павловичъ, выглядывая изъ окна, и вспоминая бывшее время походовъ:— го семь верстъ.

— Ахъ, ты, Боже милостивый! проговорила, словно проснувшись, Анна Алексѣвна и закрыла лицо руками.

— Что тамъ такое?

— Охъ, ужъ не знаю, какъ и сказать, Иванъ Павловичъ! Надо же такому грѣху случиться...

— Да что же такое? говори, я говорю.

— Да ларецъ съ любашиннымъ бѣльемъ вѣдь позабыли, весь... Гонобобель вспыхнулъ какъ ракета и рассыпался звѣздочками въ упрекахъ и правоченіяхъ. Сто разъ повторилъ онъ, что уже не вернется и что Анна Алексѣвна можетъ теперь управляться какъ

ей угодно. Пробѣжавъ однакоже еще версты двѣ, онъ мѣрцая стой! велѣлъ отпрячь лошадь изъ-подъ телеги и послать и маршмъ, приказавъ привозить его прямо на ночлегъ. Правоты еще еще сыпались обильно, но по явному истощенію запаса, повторились все одни и тѣ же, и притомъ майоръ брюзжалъ даже съ которыми разстановками, переводя духъ съ большою свободой. Тогда Анна Алексѣевна, все не говоря ни слова, разсудила, что ей прилѣгнуть къ моченому гороху: молча подставила она свою своему мѣшечекъ; старикъ жадно запустилъ туда руку и, вая ротъ горстями, ворчалъ уже такъ безсвязно и невнятно, Анна Алексѣевна вольнѣ была принять это за молчаніе, или за изъявленіе удовольствія.

Микуемъ теперь прочія событія на пути четы нашей въ Кострому, даже и то, что на первомъ привалѣ, гдѣ стали закутаться, оказались въ наличности однѣ только вилки, и притомъ на дюжина—а ножей не было ни одного; оставимъ и то, что Гиббобель нашелъ въ каретѣ козла въ мѣшкѣ, какъ онъ увидалъ, кричалъ, и хохоталъ, и бѣсновался, и показывалъ всѣмъ людямъ что барыня взяла съ собою на дорогу козла въ мѣшкѣ, и засидѣлъ всякаго ошупывать рога и велѣлъ его выкинуть вонъ, какъ наконѣцъ оказалось, что это былъ вовсе не козелъ съ нами, а кресеты съ табакомъ и запасными трубками самого Павловича, — оставимъ, говорю, все это и пойдемъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, встрѣчать и принимать изъ пансіона единственную ихъ, Любашу.

Странно, скажу и я при этомъ случаѣ въ скобкахъ, при всѣхъ и каждого послушать что я говорю, — странно: всѣ школы, воспитательныя и учебныя заведенія учреждаются, должно полагать, для того, чтобъ воспитать и образовать не для вовсе не для пансіона собственно, а для свѣта, въ которомъ всѣмъ намъ приходится жить... а между-тѣмъ, пошлюсь на это — этому ли тамъ всегда учать, или этому ли тамъ научать.

Публичный экзаменъ, съ музыкой и угощеніемъ и танцами, съ вѣнками и цвѣточными вензелями, съ рѣчами на трѣхъ мѣстахъ, прощальными стихами и прочими принадлежностями, уже оконченъ, когда Гиббобели вкатились въ рыдванъ съ шестерней въ Кострому. Большая часть выпускныхъ дѣвицъ уже разобраны родителями, прибывшими къ этому экзамену. Любаша, въ сиротствѣ своемъ, не смотря на живой и живой нравъ, пролила уже не мало слезъ, глядя въ томительномъ дѣланіи на своихъ подругъ. Она, запыхавшись, видѣла себя, въ встрѣчу родителямъ, пропустивъ на этотъ разъ все, что ей ушей столь важныя и дѣльныя наставленія начальницы, въ припоминала ей вслѣдъ, какъ себя держать, какъ прислуживаться, и какъ привѣтствовать отца и мать. Она бросилась шею матери, потомъ отцу, тамъ опять матери, рыдала и смеялась. Анна Алексѣевна плакала также навзрыдъ, и зрѣлище это

но бы въ-самомъ-дѣлѣ невыносимо-умилительнымъ, еслибъ Иванъ Павловичъ не позаботился придать ему нѣсколько болѣе-спокойный оттѣнокъ. Старикъ встрѣтилъ дочь громкимъ и лупымъ смѣхомъ, вралъ и молотъ безъ умолку, обращая кетати нестати вниманіе присутствовавшихъ на умныя рѣчи свои. Дѣвцы, вышедшія скромною вереницей въ приемную проводить поругу свою и раздѣлить съ нею радость, стояли всѣ въ слезахъ и отовились заранѣе еще къ обильнѣйшему плачу, — но онѣ были о того озадачены поведеніемъ этого папеньки, что стояли въ совершенномъ недоумѣніи, какъ безчувственные куколки. Сама даже начальница была поставлена въ затруднительное положеніе и въ свойственную ей находчивостью тотчасъ же приискала поводъ, чтобъ пожурить вполголоса покорныхъ овечекъ своихъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ странныхъ замашекъ Гонобобеля. Но его нельзя было надоумить этимъ или сбить съ кону: какъ вѣжливый, нѣтскій человекъ, онъ, напротивъ, считалъ долгомъ своимъ принять болѣе-веселый видъ этому свиданію и прощанію и занять дѣвцъ, — а потому и обратился тотчасъ же къ нимъ, засыпалъ ихъ все-непонятными для нихъ остротами, и, забывшись нѣсколько разъ, протягивалъ руку, чтобъ, по привычкѣ своей, придержать своего собесѣдника за пуговицу. Онъ наступалъ на бѣдненькихъ, цуганныхъ дѣвцъ вплоть и кричалъ почти въ уши, то одной, то другой: «слышите, что я говорю: я говорю, ха, ха, ха—я говорю: дочка переросла матушку — а? каковъ ребенокъ? — я говорю, ха, ха, ха—слышите что я говорю? я говорю: невѣста хоть куда, отбою не будетъ отъ жениховъ — слышите? ха, ха, ха! А ну, поди-ка сюда, продолжалъ онъ: поди, да покажи-ка намъ лѣвое око свое, моя ли ты дочь — вѣдь она у меня мѣченая, ха, ха, ха — слышите, что я говорю? она мѣченая у меня — ты ли это, подмѣнили ль тебя? — Нѣтъ, моя дочка, моя; вотъ и мѣточка — видите, смотрите! Ушко поротое... ха, ха, ха!

Кто взглянулъ бы въ это время на розовое ушко Любаши, которую она улыбаясь подставляла, а папенька ея держалъ между пальцевъ, тотъ могъ бы увидѣть на немъ небольшой рубчикъ, длиною въ палецъ. Это, безъ всякихъ шутокъ, была мѣтка, которою отецъ помѣтилъ дарованныхъ ему Богомъ дѣтей, дочь и сына, чтобъ они не затерялись, или чтобъ ихъ не подмѣнили. Благодарное или предусмотрительное, достойные Ивана Павловича Гонобобеля.

Перерости матушку, какъ замѣтилъ Иванъ Павловичъ, Любаши было, впрочемъ, не мудрено, потому-что Анна Алексѣевна едва доставала носомъ до среднихъ петлицъ на фракѣ своего мужа. Любаши была средняго роста, гибка и такого пріятнаго очерка въ станѣ, что, казалось, было бы легко обнять ее двумя пяденями, приподнять и поставить передъ собою на столъ. Головка ея была живописна кругомъ и со всѣхъ сторонъ; свѣтлорусые волосы, съ пѣнымъ отливомъ, слегка извиваясь волной по обѣ стороны про-

бора, отличали немножко-азиатское по складу личико, нѣжное, хотя немножко-смугловатое, но съ удивительною живостью и яркостью румянца. Большіе голубые глаза, довольно-рѣзко обозначенныя брови, прямой лобъ, носикъ, который спереди казался нѣсколько-плосковатымъ, но съ боку представлялъ легкій погнбъ, рѣзко-обозначенныя яркопунсовые губки, ямки на щекахъ, истинно-калмыцкіе, поднизанные на-подборъ зубкѣ и изумительно-прелестный погнбъ бархатной шеи — все это оживлялось еще необычайною жизнію во взорѣ и во всѣхъ движеніяхъ, нѣсколько-поспѣшныхъ, но плавныхъ и нѣжныхъ—доказывающихъ, однакоже, опытному наблюдателю, что здѣсь женственность была равна въ высшей степени и первое впечатлѣніе, чувство, брало веру надъ разсудкомъ...

Между-тѣмъ, предусмотрительный сосѣдъ Гонобобеля, рассчитавъ, къ какому времени можно ожидать сосѣдей обратно изъ Костромы и убавивъ на всякій случай денька три изъ этого счета, отправлялся ежедневно подъ вечеръ, то нѣшкомъ для прогулки, то верхомъ, то на дрожечкахъ въ селцо Подстойное, а иногда проѣзжалъ еще версты двѣ за него, и возвращался шагкомъ домой. Онъ дѣлалъ это самъ не зная къ чему и для чего, дѣлалъ потому-что ему хотѣлось гулять въ эту сторону, а не въ другую, и что онъ воленъ былъ располагать и собою и временемъ. Никакой положительной мысли въ немъ не созрѣло: онъ дѣтски игралъ мечтами и былъ счастливъ.

Подъѣзжая однажды къ усадьбѣ Ивана Павловича, онъ увидѣлъ на другомъ концѣ селца облако пыли — вѣщее взъиграло не даромъ: это катялъ рыдванъ шестерней и троничная телега. Дорожная поклажа усилилась еще и наросла разными покупками въ губернскомъ городѣ, и потому коробки, кузовки, картоны, мѣшки и узлы навалены были гора-горой, какъ на телегѣ, такъ даже и на чердакѣ рыдвана, который, не смотря ни на какія возраженія и остроты Ивана Павловича, въ этомъ безобразномъ видѣ, круглый и пузатый, какъ готовый къ отлету воздушный шаръ, величаво приближался къ барской усадьбѣ. Игривый считалъ въ это время всякое посѣщеніе неумѣстнымъ, и потому хотѣлъ-было воротиться потихоньку домой; но, высматривая съ осторожностію нѣкоторыя подробности этого поѣзда и стараясь по-временамъ проикнуть взоромъ въ необъятную, темную хлябь черезъ опущенное окно рыдвана, Павелъ Алексѣевичъ невзначай встрѣтилъ выступшую оттуда головку: она кивала ему привѣтливо; затѣмъ, обратившись на одно мгновение внутрь, казалось, поспѣшно что-то проговорила и опять уже съ улыбкою выглядывала въ окно. За нею показалось въ тѣни еще какое-то широкое лицо и, кажется, также третье, и наконецъ даже сидѣвшій за каретой на горѣ Мовблатъ Филька снялъ дорожный картузъ свой и низенько раскланивался.

Нечего было дѣлать — Игривый подѣхалъ ко двору, и встрѣтилъ хозяевъ у крыльца, сталъ ихъ высаживать. Напередъ всего вы-

иался самъ Гонобобель, изъясняя громогласно радость свою при печальномъ свиданіи съ дорогимъ сосѣдомъ и строго приказывая съѣмъ слушать, что самъ онъ, Гонобобель, говоритъ. Дворня окружала господъ, стая собакъ бросилась съ лаемъ и воемъ на почтеннаго хозяина и сбила его съ ногъ; а какой-то шальной теленокъ, котораго всполошили собаки, метался какъ угорѣлый между людьми, лошадьми, построумками и собаками, лягался и ревълъ благимъ матомъ. Гонобобель отбился наконецъ отъ домохозяевъ своихъ и обнялся съ гостемъ, взявъ его при этомъ случаѣ руками за уши, какъ самоваръ; онъ самъ не могъ нарадоваться этой замысловатой выдумкѣ и кричалъ и объяснялъ ее послѣ цѣлый день. Высаживая Анну Алексѣвну, Игривый поцаловалъ у ней ручку и не успѣлъ покоситься черезъ старуху въ рыдванъ, какъ третья и послѣдняя птичка уже выпорхнула оттуда сама, привѣтствовала соѣда, быстро оглядывалась кругомъ, припоминая предметы, знакомые ея дѣтству, улыбалась радостно, а между-тѣмъ слезинка дрожала на русой рѣсницѣ... Дворня также со слезами бросилась въ ноги барышнѣ, и нянюшки чуть не унесли ея на рукахъ.

— Что жъ ты, привезъ ли мнѣ для сюрприза на новоселье кобеля-то? заревѣлъ Гонобобель, когда всѣ вошли въ покои, напоминая Игривому обѣщаніе его.

— Нѣтъ, не привезъ, отвѣчалъ тотъ: — я не надѣялся застать васъ сегодня здѣсь...

— Такъ чортъ ли въ тебѣ, коли ты одинъ пріѣхалъ! ха, ха, ха, слышите, что я говорю? я говорю: чортъ ли въ тебѣ, коли ты со мнѣ пріѣхалъ одинъ... ха, ха, ха...

Между-тѣмъ, какъ кошки взметывались отъ радости въ комнатахъ подъ самый потолокъ, а оттуда валились клубомъ подъ ноги, мяукали и ластились, а дѣвки и вся дворня зашевелились какъ пчелиный рой—Анна Алексѣвна старалась ласками своими загладить по возможности довольно-странное привѣтствіе своего супруга. Игривый, конечно, вовсе въ этомъ не нуждаясь, съ умиленьемъ смотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ молодую дѣвушку, которая рассказывала ему необычайныя для нея дорожныя приключенія. Не смотря на завидное положеніе свое, онъ, однакожь, скорѣ опомнился, простился, обѣщавъ опять навѣститъ сосѣдей, и оборотился къ передней, — но здѣсь новое, неожиданное препятствіе остановило его: дорожные чемоданы, сундуки, ларцы, коробки, кузовки, мѣшки и узлы разнаго рода и вида не только покрыли собою весь полъ и не давали ни конному, ни пѣшему прохода, но поклажа эта взгромождена была у самыхъ дверей горой, выше роста человѣческаго. Одинъ подавалъ, другой принималъ, ставилъ все тутъ же и убѣгалъ въ другую сторону, и такимъ-образомъ дверь была загорожена. Только послѣ долгаго шума, крика и многихъ остротъ со стороны хозяина, наконецъ дорога была кой-какъ очищена, и сосѣдъ окончательно раскланялся.

— Мы къ вамъ въ воскресенье къ обѣднѣ, кричала ему мѣль въ окно Анна Алексѣевна, и онъ, раскланиваясь, просилъ пожаловать и зайти къ нему закусить.

Утромъ крестьяне и крестьянки пришли къ барышнѣ своей поклонъ, съ ягодами, яблоками, яйцами, цыплятами и полотнами. Все это было ей очень-ново, и, странно — она безпрестанно оглядывалась на мать, ожидая отъ нея наставленія, какъ и что дѣлать; вмѣшавшись же наконецъ въ толпу, она перецаловала всѣ дѣвушекъ и тѣмъ доставила старикамъ-крестьянамъ большое удивленіе.

Что же Любаша нашла въ отчемъ домѣ, и чѣмъ отозвалось ей все то, что она тамъ на первый случай встрѣтила? На первый случай—она была довольна и счастлива; она вышла изъ тягостной опеки на волю; она была уже вовсе не тою дѣвочкою которую мадамъ журить весь день, при каждой встрѣчѣ, какъ вая держаться прямѣе, ходить плавнѣе, присѣдать милѣе: она сама сдѣлалась внезапно какою-то поведительницею, и всѣ въ домѣ смотрѣли барышнѣ въ глаза, чтобъ только на нее чѣмъ-нибудь угодить. О хозяйствѣ, о должномъ порядкѣ въ домѣ—у нея, умиляется, не было никакого понятія, и ей казалось, что до этого ей нѣтъ и не будетъ никакой нужды; она рождена на светъ и воспитана въ образцовомъ костромскомъ пансіонѣ, для чего, для чего?—это вопросъ слишкомъ-неожиданный и странный; подобномъ вопросѣ она еще и не слыхивала, а полагаетъ, если только должна быть особая цѣль и назначеніе ея бытію — помнитъ, что она родилась на свѣтъ для радости, для веселья, для того чтобъ порхать и тѣшиться и забавляться въ-теченіе бѣлаго дня по ночамъ дремать подъ сладкія грезы... О неуклюжихъ страстяхъ отца она судить не смѣла, и потому его не осуждала, и часто краснѣла отъ него; она чувствовала, что ей какъ-то не легко, но скоро опять забывала это и наконецъ рѣшила, что видя этому такъ и должно быть...

Въ воскресенье Игривый хлопоталъ уже съ утра о достойномъ приемѣ дорогихъ гостей. Они точно пріѣхали къ обѣднѣ, а въ церкви, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пошли его навѣстить. Тутъ мѣль, осмотрѣли хозяйство и садъ, а когда наконецъ вошли въ покой и стали собираться въ обратный путь, то не могли не заметить Любашу, которая одна-одинѣхонька бѣгала по саду. На самомъ сердцѣ, Игривый сидѣлъ въ это время чинно со стариками, чувства и думка его, конечно, бродили въ иномъ мѣстѣ.

— Гдѣ она? кричалъ Гонобобель: — пропала, что ли? Тамъ даромъ же она у меня мѣченая—ха, ха, ха! слышите, что я говорю?—и взявъ вбѣжавшую Любашу за ушко, чтобъ освѣдочить ее, произвелъ знаменитую мѣтку:—такъ, она и есть, не подмѣняла? гдѣ же ты это пропадаешь? ужь не хочешь ли здѣсь остаться? слышите, что я говорю—ха, ха, ха...

Анна Алексѣевна съ трудомъ замѣла этотъ довольно-странный опросъ, который, впрочемъ, нисколько не смѣшала Любаши, потому-что она вовсе не поняла его значенія.

— Вы скоро къ намъ будете? спросила она Павла Алексѣевича, который провожалъ дорогихъ гостей на крыльцо.

— Скоро, когда угодно, когда позволите, отвѣчалъ онъ.

— Пріѣзжайте, продолжала она:— вотъ хоть завтра... я начинаю тучать безъ моихъ добрыхъ подругъ. А васъ я видѣла тамъ, съ ими; мнѣ все кажется, что вы такіе жь добрые, какъ онѣ, и мнѣ въ васъ веселѣе. Я давно вамъ хотѣла сказать, что вы походите на Машу Суслопцеву: это мы всѣ рѣшили и прозвали ее за это вашимъ именемъ.

Отецъ подошелъ въ это время съ новыми замысловатыми остроумными своими, ухватилъ Игриваго за пуговицу и, повертывая его съ рава на лѣво и съ лѣва на право, вралъ и хохоталъ ему на ухо. Пинейку подали, Гонобобели уѣхали, Игривый долго глядѣлъ имъ въ слѣдъ, задумчиво пошелъ въ садъ, отыскивая на пескѣ по орошкамъ слѣдовъ пары маленькихъ ножекъ— а вся дворня, вся деревня, наконецъ и всѣ сосѣди и весь околотокъ начали понимать, намекать и пророчить, что изъ этого-де что-нибудь да выйдетъ.

Такъ мирны, тихи и складны были дѣла и сношенія между Алексѣевкой и Подстойнымъ и оставались въ этомъ видѣ цѣлый годъ. Сосѣди такъ свыклились между собою, что имъ было скучно другъ ездъ друга, если они два дня сряду не видались; а Игривый и Любаши въ-самомъ-дѣлѣ казались связанными уже гораздо-болѣе, чѣмъ одними узами свѣтской пріязни. Никогда, правда, между ними рѣчи не было о разъясненіи этого чувства и взаимныхъ ихъ сношеній; но всякій посторонній зритель не могъ ни на минуту ставаться на-счетъ этого въ сомнѣніи. Они безсознательно наслаждались мирнымъ и тихимъ блаженствомъ своимъ, не нуждались доселѣ ни въ какихъ болѣе объясненіяхъ и не думали еще о еремѣивъ своего положенія,—такъ оно казалось имъ хорошо.

Между-тѣмъ, какъ у нихъ у обоихъ не было заветныхъ тайнъ другъ отъ друга, то и бывала почасту рѣчь о томъ, что Игривый намѣренъ вскорѣ отправиться на годъ въ университетъ, для кончанія курса. Онъ говорилъ объ этомъ охотно, какъ-будто къ юву и случайно, замѣчая, какъ и чѣмъ это отзовется въ Любаши и услаждаясь тѣмъ, что она, смотря по расположенію своему, хмурила брови, подтягивала губку и немножко дулась, то означивала друга нѣжнымъ и убѣдительнымъ взглядомъ, то прямо таралась отклонить его отъ этого намѣренія словесными убѣжденіями и доводами, которые всегда подавали поводъ къ нѣжнымъ есѣдамъ, хотя въ нихъ собственно о нѣжности и о любви не упоминалось. Въ-слѣдствіе ли этихъ объясненій и дѣтскихъ упрековъ, ли по другимъ причинамъ, но Игривый собирался уже и не похалъ въ первое полугодіе или семестръ послѣ пріѣзда Любаши,

не поѣхалъ и во второе, послѣ новаго года, а теперь собрался, какъ-будто не шутя, на третье, расписывая въ воображеніи своемъ сладкую горечь разлуки, блаженство свиданія и наконецъ испанную, счастливую развязку, которая должна повершить дѣло. Ему казалось, когда онъ размышлялъ объ этой блаженной будущности, что тутъ препятствій никакихъ быть не можетъ; въ Любашѣ онъ былъ увѣренъ, а со стороны родителей ея не только нельзя было ожидать какихъ-либо затрудненій, но, напротивъ, они, по видимому, весьма желали этого союза, приличнаго и выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ. Отдать дочь за порядочнаго и не бѣднаго ссѣда—какой же отецъ и мать отъ этого откажутся?... Впрочемъ, имъ здѣсь взялись пояснять, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ и самому Игривому было ясно; всѣ размышленія эти происходили въ немъ почти безсознательно, и когда онъ ловилъ себя на нихъ врасплохъ, то самъ первый восклицалъ: «какой вздоръ — ну, съ чего ты это взялъ?»

Однажды вечеромъ, Игривый расхаживалъ рядомъ подлѣ Любашы взадъ и впередъ по дорожкѣ въ саду, передъ чайнымъ столомъ, и которымъ сидѣли родители ея и еще два-три сосѣда. Онъ опять завелъ вполголоса рѣчь о споромъ отъѣздѣ своемъ въ концы каникулъ и собирался съ духомъ, для дальнѣйшихъ, необходимыхъ объясненій. Любаша привыкла уже слышать, въ общихъ словахъ, объ этомъ любимомъ предположеніи своего друга; но будущее казалось ей всегда такъ далеко, что положительное назначеніе столь-короткаго срока какъ-то непріятно поразило ее. Она задумалась: ей представилось живо это одинокое, томительное-смутное время, когда она будетъ одна на свѣтѣ, когда у нея не будетъ подъ рукой Павла Алексѣевича, и она не могла понять, почему же она прежде жила спокойно безъ него, а теперь этого не можетъ? У нея не доставало духа на какое-либо объясненіе; она потушила глаза, повѣсила голову, стала задумчиво играть вѣточкой, которую держала въ рукахъ, и сама не замѣтила ни странности своего молчанія, ни томительнаго ожиданія своего друга.

— Будете ли вы меня помнить? сказалъ онъ наконецъ:— узнаете ли вы меня, когда я ворочусь опять къ вамъ?

Она быстро взглянула на него, и какой-то скорый отвѣтъ едва-было не вырвался изъ устъ ея—но она опомнилась и выговорила только едва-внятно:

«Я?» потомъ смолкла и опять опустила голову.

Игривый былъ поставленъ еще въ большее затрудненіе и замазалъ себѣ голову, какъ понять это «я», и какимъ образомъ теперь продолжать. Если сказать на это: «да, вы», то это также ничего не выражало и казалось пошлымъ, растягивая безъ нужды объясненіе, которое, по важности своей, должно бы быть какъ можно-болѣе сжатымъ; времени было немного... Если повторить вопросъ, сказавъ: «да, будете ли вы меня помнить?», то это, ка-

залось, слишкомъ—настойчиво; и безъ того уже, для этой торжественной минуты, было сказано довольно—много... Игривый только—что нашель—было средину, вздохнулъ и хотѣлъ сказать: «вы не отвѣчаете?..» какъ поровнялся съ чайнымъ столикомъ, и у него въ ухахъ раздалось:

— Слышите, чтó я говорю, Павелъ Алексѣвичъ? ха, ха, ха, я говорю: а по чьей же дудкѣ и плясать женѣ, какъ не по мужиной — ха, ха, ха!

Эта необычная острота Гонобобеля заставила Игриваго изъ приличія остановиться и даже кивнуть головой и улыбнуться; затѣмъ, онъ былъ вовлеченъ въ общій разговоръ, а подруга его услана матерью съ хозяйственнымъ порученіемъ. Она воротилась съ какимъ—то постнымъ лицомъ: щеки ея горѣли, губки, и безъ того рѣзко—обозначенныя, были какъ—то сжаты, а глаза по—видимому избѣгали встрѣчи со взоромъ опаснаго сосѣда. Игривому казалось, что этотъ вечеръ долженъ рѣшить судьбу его, что болѣе—приличнаго случая для окончательной развѣдки нельзя ожидать. Онъ внимательно подстерегалъ всѣ движенія Любаши и выбиралъ только время, чтобъ сказать ей нѣсколько словъ, какъ послышавшійся вдали колокольчикъ привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе.

— Не уѣзжайте, сказала Любаша почти шопотомъ, поднявъ глаза прямо на своего друга, и въ то же время, какъ—будто боясь продолженія этого разговора, подошла ближе къ матери и стала обращать вниманіе ея на колокольчикъ.

О, этотъ колокольчикъ и черезъ двадцать лѣтъ еще часто раздавался въ ухахъ Игриваго, когда онъ, въ одиночествѣ своемъ, сидѣлъ повѣся голову, и глядѣлъ умственными очами на картины волшебнаго фонаря воспоминаній своихъ. Этотъ колокольчикъ напоминалъ ему задушевное выраженіе гóлоса и взора Любаши, когда она просила: «не уѣзжайте!» Этотъ же колокольчикъ внезапно прервалъ бесѣду, которая, вѣроятно, рѣшила бы судьбу Игриваго иначе, чѣмъ она рѣшилась теперь—все черезъ тотъ же роковой колокольчикъ!

— Вѣрно исправникъ, говорилъ прислушиваясь одинъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ ему теперь быть, замѣтилъ другой.

— Наше мѣсто свято, кричалъ третій, и хохоталъ при этомъ на весь міръ:—слышите, чтó я говорю? я говорю: наше мѣсто свято—ха, ха, ха!

Между—тѣмъ, колокольчикъ все ближе да ближе; щегольская коляска остановилась у подъѣзда на дворѣ—и мать, отецъ и дочь бросились съ криками радости на встрѣчу одному изъ двухъ улановъ, выскочившихъ изъ коляски: это былъ вновь—произведенный корнетъ, Карпъ Ивановичъ Гонобобель, сынъ Ивана Павловича и Анны Алексѣвны и братъ Любаши.

— Ротмистръ Шилохвостовъ, Семенъ Терентьячъ, сказалъ молодой корнетъ, представляя родителямъ своего гостя и попутчика, когда первые порывы восторга свиданія успокоились: — по-

завелте представить вамъ моего искренняго друга, самого благороднаго и отличнаго офицера.

— Ты меня заставляешь краснѣть, сказалъ скромно Шамистовъ, взглянувъ на друга своего, потупивъ глаза и подложивъ ручки матери и сестры его...

— Очень-рады, милости просимъ, очень благодарны за доброе расположеніе ваше къ Карпушѣ, просимъ покорно... сказала Аня Алексѣевна.

Гонобобель обლობывалъ гостя и, забывшись, чуть не ухватилъ его при этомъ также за уши,—до того ему шутка эта полюбилась и сказалъ:

— Вотъ, мы всё думали, что Карпуша дуракъ—прошу покорно очень-радъ—а онъ вотъ какого дорогаго гостя привелъ — ха, ха, очень-рады! ай-да Карпуша!

Ободренный этимъ, Карпуша обратился къ своему пріятелю и сказалъ:

— Вотъ, братецъ, видишь, тебѣ всё рады. Сдѣлай милость будь какъ дома.

Гостямъ отвели комнату, поставили снова самоваръ, посмысливъ спрашивать не хотятъ ли пообѣдать, или такъ чего-нибудь попить, ягодъ со сливками, огурцовъ съ медомъ, простокваши, вареного творогу; подали сметаны со ржанымъ хлѣбомъ, — нѣкогда для мое кушанье Карпуши, и не знали, чѣмъ бы угостить Шамистова, который не бралъ въ ротъ молочнаго и даже чай пить китайски, безъ сливокъ.

— Экіе недогадливые! закричалъ наконецъ догадливый и смелый: — вздумали улановъ угощать сливочками, да сметанкой! ха, ха! а вы, горькой подайте,—это всегда кстаті, — да рюмку чаю, съ позолотцей выпьемъ — а? слышите, что я говорю? а? вѣрю: съ позолотцей—ха, ха, ха!

Подали того и другаго, и Карпуша, къ крайнему удивленію маменьки, тотчасъ же покинулъ и сметану и чай со сливками, подсялъ, нисколько не обинуясь, къ горькой и къ рему. Гемистръ скромничалъ и заставлялъ себя просить, увѣрялъ даже, что онъ почти вовсе не пьетъ; но товарищъ его, на котораго она не могла налюбоваться, распорядился полковымъ порядкомъ: вылилъ въ глотку большую рюмку, не прикасаясь къ ней руками, а охвативъ ее всю, прямо со стола, губами и опрокинулъ назадъ. Эта штука привела папеньку въ восторгъ; маменька напротивъ, какъ-будто силилась улыбнуться, чтобъ не нарушить общей веселости; но заботливыя морщинки скоплялись на чолѣ, и она никакъ не могла принудить себя раздѣлить одобренныи возгласъ своего сожителя; а между-тѣмъ, милый Карпуша, отъ перетроенной настойки этой, даже не поморщился и не вынулъ.

Любаша не могла отвести глазъ отъ милаго братца, съ которымъ уже два года не видалась, и уланскій мундиръ преле-

се до нѣльзя. По-временамъ встрѣчала она также взоромъ благообразнаго ротмистра, съ большими русыми бакенбардами, съ прекрасными усами, шелковистыми кудрями и сѣрыми, но выразительными и нѣжными глазами. Наружность ротмистра была въ самомъ дѣлѣ пріятна, всѣ пріемы его ловки, обращеніе скромно и обязательно.

Игривый бывалъ съ-издѣтства товарищемъ Карпуши, а потому и теперь поздоровался съ нимъ по-братски, и они при этой встрѣчѣ остались опять по прежнему на *ты* и *ты*. Перемины, которыя Павелъ Алексѣевичъ въ это короткое время могъ замѣтить въ Карпушѣ, не слишкомъ утѣшали Игриваго; новый гость, котораго тотъ привезъ, какъ-то еще менѣе былъ по вкусу сосѣда; не мѣтѣ того, когда, по распоряженію хозяина, подали на радости такъ-называемаго шампанскаго, то всѣ трое молодыхъ людей, ротмистръ, корнетъ и отставной студентъ, по настоянію расходившагося майора, шли въ круговую за здравіе другъ друга, обнялись на побратимство и скрѣпили дружбу свою братскимъ *ты*. Впрочемъ, мы уже видѣли, что молодой корнетъ и прежде этого былъ съ ротмистромъ своимъ на такой короткой ногѣ.

Игривый не навѣщалъ сосѣдей послѣ этого дня три, желая дать имъ покой, и былъ приглашенъ въ Подстойное къ обѣду, который давался въ честь новаго корнета. Если Павла Алексѣевича и безъ того уже взяло какое-то раздумье послѣ описаннаго нами вечера, то теперь онъ подавно былъ сбить съ толку. Любаша какъ-то робѣла и мѣшалась при немъ, даже будто избѣгала разговора и все держалась около брата, отъ котораго не отходилъ ни на шагъ благообразный ротмистръ. Три побратима прохаживались послѣ обѣда по саду, гдѣ все общество разсѣялось, и Карпуша, послѣ нѣсколькихъ двусмысленныхъ намековъ, сказалъ:

— Какой чудакъ этотъ ротмистръ! Послушай, Павелъ: я его привезъ потому, что прочу въ женихи сестрѣ—онъ ей—Богу славный, преотличный человекъ и благородный малый — а онъ ложается теперь, да несетъ Богъ-вѣсть что.

Павла Алексѣевича, конечно, не бархатомъ по сердцу погладило отъ этихъ словъ; но онъ собрался съ духомъ, осилилъ всякое смущеніе, казался спокойнымъ и взглянулъ только слегка вопрошительно на того и на другаго.

— Ты, братецъ, по дружбѣ своей, слишкомъ-хорошо обо мнѣ относишься, сказалъ довольно-равнодушно Шилохвостовъ, глядя къ земле:—вѣдь я... да, впрочемъ, всякому позволено сомнѣваться. составитъ ли онъ счастье дѣвушки, и даже подумать о томъ, не навьючатъ ли ему, можетъ-быть, арбузь... да и согласится ли сама сестра твоя... почему она меня знаетъ? Она можетъ думать, что я какой-нибудь подлець...

Карпъ Ивановичъ, которому еще не было двадцати лѣтъ и который тридцати-трех-лѣтняго ротмистра своего называлъ «мамынь», прибавляя къ этому безпрестанно то «добрый», то «слав-

ный», то «лихой», то «благородный», — Карпъ Ивановичъ не далъ ему договорить, ручался за успѣхъ, ссылаясь при этомъ беспристанно на *Павлушу*, т. е. на Игриваго, и предлагалъ посылать сестру сегодня же, сейчасъ же, и запить невѣсту въ этотъ же вечеръ. Разговоръ о питьѣ былъ любимымъ у Карпуши, и онъ рѣдъ безъ него оканчивалъ бесѣду.

Игривый былъ поставленъ въ самое странное положеніе. Онъ могъ только отмалчиваться. Къ-счастью, собесѣдники его были слишкомъ-заняты своимъ разговоромъ, и Карпуша, ссылаясь тогда же на Павлушу, не ожидалъ, однакоже, отвѣта его и врагъ самъ по-себѣ дальше.

Вечеромъ плясали шумно и весело; ротмистръ былъ отчаянно мазуристъ того времени, когда бросались въ мазуркѣ на колѣна передъ дамой своей, топали, шаркали, шелкали каблуками и брякивали шпорами. Побѣда въ танцахъ на этотъ разъ безспорно осталась за уланами; Любаша еще въ жизнь свою не танцевала такъ много и притомъ въ большомъ обществѣ, а на долю ея стался первый и превосходный кавалеръ, ротмистръ Шилохвостъ. Она была вѣдь себя отъ удовольствія, и всѣ, всѣ дѣвицы, отъ первой до послѣдней, завидовали ей какъ-нельзя-больше. Ей и дѣло шептали въ уши: «ахъ, машеръ, какъ ты счастлива! ахъ, какой онъ милый! ахъ, машеръ, поздравляю съ побѣдой!..» Умѣется, что это чрезвычайно льстило самолюбію бѣдненькой вушки, хотя она въ этомъ и не сознавалась и даже, можетъ-быть, сама этого не знала. Игривый глядѣлъ на все это въ какомъ-то раздумьи и также самъ не зналъ, какъ понять то, что онъ дѣлалъ, и чѣмъ все это кончится.

Когда къ ночи послѣ бала ротмистръ съ корнетомъ осматривалъ глазъ-на-глазъ, и притомъ немножко съ позолотой, то рѣшительную ждущую сейчасъ опять зашла о Любашѣ. «Что же?» спросилъ братецъ ея, скинувъ мундиръ, присѣвъ на кровать свою и наклонившись въ обѣ руки: — «что же? видно, братъ, Сеня, Любаша не нравится, а я думалъ ужъ какъ тебѣ услужить!»

Сеня прохаживался большими шагами по комнатѣ, набивая кيسета трубку. — Послушай, сказалъ онъ, остановившись передъ вѣдушкой: — вѣдь сестра твоя не шутя дѣвушка предостойная, и не лашка.. Ну, воля твоя, братецъ, мнѣ совѣстно; ну за чѣмъ займъ у нея вѣду? за что я ее утоплю за себя? Другое дѣло, нибудь тамъ Перепечихина или Перепутилова, да коли эта дѣлать можно ее душъ на сотенку, ну что жь? это не грѣхъ, подумай, братецъ: мы съ тобой друзья закадычные, да она тебѣ родная сестра!

— Да о чемъ же ты хлопочешь, Сеня? Я тебя, воля твоя, не нимаю! Ну, такъ чѣмъ же она тебѣ не дружка? Ну, говори! говоришь: и хороша, и мила, и достойна, и душъ, хоть сотню, а подѣ семьдесятъ на ея долю наберется; а мнѣ вѣдъ равно, не миновать же раздѣла: такъ ужъ лучше жь пусть

достаётся. Вѣдь я же говорю это любя тебя; а ты какую-то дичь несешь. Что жъ ты, боишься, что ли, ее? вѣдь она агнецъ; а ужъ какъ-бы мы зажили съ тобой—ухъ! только пылъ столбомъ! Я, братъ, еще не скоро женюсь, мнѣ еще рано, я бы подлѣ васъ такъ пошелъ пробавляться, а ты, душа моя... да вѣдь мнѣ бы хотѣлось тебѣ услужить, а лучшаго мужа я сестрѣ своей не найду, хоть свѣтъ пройду, ей—Богу.

— Братецъ ты мой, душка ты моя! все это правда; да вѣдь я-то подлець... Ну, скажи, ради Бога, правду, ну, вѣдь просто подлець (')?

— Никогда! возразилъ съ жаромъ братецъ, вскочивъ съ кроватки и замахавъ руками:—никогда, ни за что! Богъ съ тобой! откуда ты это взялъ?

— Ну, да какъ же, милый ты мой, продолжалъ тотъ, покачавъ головой и опустивъ руки:—вѣдь изъ трехъ полковъ меня выгнали, и тутъ служить со мной не хотятъ; ну, и пьяница я, и буянъ я,—ту, вѣдь буянъ?—и картежникъ я, и по рожѣ бить, а тутъ вотъ еще связался съ тобой... ну, разсуди же самъ, ну, не подлець ли я? Ну, кто же я таковъ?

— Премилый и разлихой малый, возразилъ опять братецъ:—ну, дай же себя обнять, да хорошенько, вотъ такъ... Да не отворачивай была-то, дай сюда его,—чмокъ,—премилый, преблагогородный, пребезподобный и рѣдкостный малый! Душа моя, ну, зять ты мнѣ? зять? говори! Сестричку мою берешь за себя? а? породнимся, что ли?

—А что же ты думаешь, въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Шилохвостовъ, задумавшись и разиѣжась въ объятіяхъ друга:—можетъ-быть, я и не хуже другаго; вѣдь мало ли подлецовъ на свѣтѣ, да еще какихъ—ухъ!! Вѣдь и я тоже человекъ, и добраго сердца человекъ; кенишься, перемѣнишься; ну, исправлюсь и я...

Исправисься, милашка мой, душечка мой, ей Богу—исправишься. А на свѣтѣ, разумѣется, мало ли подлецовъ, объ этомъ что и говорить! Ну, по рукамъ же!

— По рукамъ! сказалъ расхрабрившійся ротмистръ, ударивъ съ замаха корнета по плечу такъ, что тотъ покачнулся. Друзья бнялись и облобызались, еще разъ ударили по рукамъ и снова принялись обниматься; шальной и полупьяный Карпуша хотѣлъ ейчасъ же бѣжать сватать сестру; ротмистръ удерживалъ его и принужденъ былъ, наконецъ, отнять у него почти-насилъно сюртукъ, обнимая и упрасивая успокоиться до завтра. Они строили планы до бѣла-свѣта о томъ, какъ они будутъ вмѣстѣ жить; Карпуша разжился на этотъ чрезвычайный случай еще бутылкой рома, сахаромъ и самоваромъ, а Сѣнюшка клялся ему съ востор-

(') Все это происходило, какъ видно изъ окончанія повѣсти нашей, нѣсколь-
ко десятковъ лѣтъ тому назадъ. Забѣгаемъ это во набѣжаніе недоразумѣній.

гомъ, что милѣе Любаши онъ въ жизнь свою не видѣлъ дѣвушки, и что при первомъ взглядѣ на нее влюбился на-смерть.

На другое утро, Карпуша пошелъ сватать сестру свою. Правда, что, проспавшись, Шилохвостовъ струсилъ и началъ-было опять выдать въ свое отчаянное уничтоженіе; но вскорѣ собрался съ духомъ, находя, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ несравненную Любу, что, впрочемъ, вся вина должна пасть на брата ея, что теперь, когда его-самого опять уже выжимали изъ полка, ему всего выгоднѣе было выйдти въ чистую отставку, жениться на помѣщицѣ и зажить спокойно домкомъ и дворомъ. Къ этому разсужденію присоединилась и несомнѣнная увѣренность въ самомъ-себѣ, что онъ непременно исправится и сдѣлается хоть и не самымъ отличнѣйшимъ, но все-таки, въ сравненіи съ теперешнимъ бытомъ своимъ, очень порядочнымъ человѣкомъ.

Любаша испугалась-было сначала предложенія брата своего, который вбѣжалъ къ ней безъ толку, выпясывая мазурку и шаркая кивая шпорами, потомъ сталъ божиться, что ротмистръ влюбленъ въ нее на-смерть, и въ-слѣдствіе того предлагалъ ей за него выйдти; но положеніе ея казалось ей столь новымъ и такъ сильно льстило, что сватовство это стало ее тѣшить; она начала мѣлаться имъ и впала вскорѣ съ братомъ въ ребяческія шутки, сама возвратилась на время къ годамъ своего дѣтства въ пансіонъ, гдѣ шпоры и эполеты разъ-на-всегда брали верхъ надъ франкомъ и гдѣ гусарь или уланъ мгновенно привлекалъ къ окну всю блиющую и остроглазенькую толпу, тогда-какъ платье гражданскіе покроя никогда не удостоивалось и взгляда. Блѣстки, разсыпавшіяся по вихрю, мелькнули въ глазахъ дѣвушки и ослѣпили ее; къ тому чувству не было простора. Карпуша, впрочемъ, и не выдалъ положительнаго отвѣта сестры, которая еще не успѣла ономъ-ся, а наговоривъ ей съ три короба и насуливъ небывалаго счастья, расцаловалъ ее и побѣжалъ къ отцу. Съ матерью онъ не захотѣлъ объ этомъ толковать, изъ опасенія, чтобъ дѣло не затянулось.

Ивану Павловичу Карпуша также съ перваго раза закидалъ за неожиданнымъ счастіемъ, которое ожидаетъ сестру. Онъ и не хвасталъ, по милой привычкѣ своей, безъ всякаго дурнаго мѣренія; кажется, что его при этомъ соблазняла болѣе всего честь называть ротмистра зятемъ, и что онъ былъ подкупленъ снисходительностью и любезностью своего эскадроннаго командира, съ которыми онъ былъ, какъ мы видѣли, на самой дружеской ношѣ. Онъ увѣрилъ отца, что Шилохвостовъ перваго эскадрона рода въ Россіи; что онъ богатъ, много наживаетъ отъ эскадрона и ремонта, и еще болѣе вскорѣ получить отъ дяди, который уже на ладанъ дышитъ; что эскадронный командиръ его дяди, лихой, самый добрый и благородный малый, и притомъ отличный служака, изъ-за котораго поспорились всѣ полковые командиры цѣлой дивизіи. Карпуша очень-хорошо зналъ, что у ротмистра не мѣста нѣтъ, а вскорѣ не будетъ и эскадрона, что наслѣдство

можно ожидать развѣ только отъ своего денщика; но что нужно? Карпуша плелъ и путалъ все такъ, какъ ему теперь казалось выгоднымъ, и не хотѣлъ выдать своего лихаго товарища, а потому позволилъ себѣ, для друга, отступить нѣсколько отъ истины.

— Вотъ оно каково! сказалъ Гонобобель, приподнявъ брови и сложивъ обѣ руки въ карманы:—вотъ оно каково! ха, ха, ха! А я было, признаться, прочилъ Любашу за сосѣда; ха, ха, ха! я говорю: вотъ оно каково!

— Какъ же можно, папенька! поспѣшилъ замѣтить сынокъ: — вѣдь Павлуша... вѣдь онъ, то-есть, добрый человекъ, добрякъ, и другъ мнѣ, — да вѣдь онъ тюфякъ; ну, какъ же его сравнить съ своимъ ротмистромъ, то-есть съ Сѣней? Вѣдь это, не въ укоръ ему говоря, все равно, что... И остановился, не зная, что дальше сказать и какое бы прибрать сравненіе.

— Ну да, разумѣется, ха, ха, ха! Я вѣдь и говорю, что въ похвѣ и жукъ мясо, а на безлюдьи и Фома дворянинъ... ха, ха, ха! Карпуша, слышишь, что я говорю? а?

Анна Алексѣевна, узнавъ наконецъ въ свою очередь объ этомъ ватовствѣ, покачала головой и вздохнула разъ-другой; она собиравшаяся поговорить объ этомъ толкомъ съ Иваномъ Павловичемъ, все не могла выбрать времени. Ротмистръ, конечно, льстилъ и самодлюбію, но все не выходила у нея изъ памяти «позолота» бутылка рома, взятая Карпушей къ ночи. Павла Алексѣевича ей было жалъ, очень-жалъ; къ-тому же, и земля его подходила вплоть къ ихъ межѣ, и былъ онъ человекъ предобрѣйшій, и устроилъ свое хозяйство послѣ отца какъ-нельзя-лучше. Анна Алексѣевна была-было что-то говорить сыну, но хватъ убѣждалъ, не дослушавъ ея; она встревожилась и хотѣла поговорить съ мужемъ, но тому было не до нея. «Ну, Богъ съ нимъ!» подумала она: «конечно, отецъ воленъ въ дочери, и наконецъ, Богъ-вѣсть, можетъ быть, Павелъ Алексѣвичъ и не думаетъ сватать Любашу!» И, думавъ такъ, она по-видимому успокоилась, пошла и сѣла въ свою комнату, а между-тѣмъ колѣни у ней дрожали Богъ-вѣсть отъ чего.

— Веди жъ его сюда, своего ротмистра, веди сюда съ повинною! кричалъ Гонобобель сыну, удерживая его самъ за пуговицу, ждалъ-тѣмъ, какъ тотъ отъ нетерпѣнія порывался скорѣе вонъ и удерживалъ пуговицу рукой, чтобъ папенька не оторвалъ ея: — да, да пусть онъ намъ самъ поразскажетъ, чего ему угодно.

Ротмистръ вошелъ скромно, съ поклономъ, въ небольшомъ зашнатовствѣ; онъ уже не первый разъ на вѣку своемъ бывалъ, и, по-крайней-мѣрѣ, слылъ женихомъ; но тутъ было не до шутокъ не до шутокъ: должно было представить истиннаго, настоящаго жениха.

Гонобобель поднималъ съ крикомъ руки,—это былъ особый родъ вѣгствія; и сталъ спрашивать со странными ужимками: «А что ты, сударь, угодно? ха, ха, ха! а зачѣмъ вы, сударь, пожаго-

вали? а въ чемъ, я говорю, состоитъ ваше сердечное желаніе?» И, не дослушавъ хорошо-сложенной рѣчи Шилохвостова, послалъ брата за сестрой, принялъ ее не менѣе странно и спрашивалъ вѣстойчиво: «Хочешь ли ты за ротмистра, за улана, за ремонтера, за эскадроннаго командира, за молодца? хочешь ли, говори, я говорю!» И когда Любаша, истинно не зная, что и гдѣ она, прешептала въ слезахъ: «какъ вамъ угодно», то майоръ сложилъ руки ихъ безъ дальнихъ околичностей, приговаривая въ это время вмѣсто благословенія, похвалу своей послушной дочери и, разпаясь въ шуткахъ, совѣтовалъ жениху держать жену свою также строго, какъ ее держалъ дома отецъ, чтобъ она слушалась безпрекословно. Старикъ, къ общему удивленію, самъ прослезился при этомъ, но хохоталъ и болталъ вздоръ; даже у Шилохвоста какъ-будто глаза сдѣлались влажны. Любаша была очень-блѣдная, едва стояла на ногахъ, внезапно зардѣлась отъ неожиданнаго поцалуй жениха своего, опустила руки и глаза, дышала тяжело, нѣсколько времени была неподвижна, какъ статуя.

Когда все это было кончено, Иванъ Павловичъ вспомнилъ, у него есть еще въ домѣ жена и хозяйка, а у Любашы мать. почувствовалъ все неприличіе своего поступка и побѣжалъ домой Алексѣевной самъ, привелъ ее и, по-видимому, старался шепотомъ, крикомъ и неумѣстнымъ хохотомъ скрыть нѣсколько замѣшательство и странность послѣдовавшаго за тѣмъ явленія, въ которомъ матери не оставалось ничего, какъ, собравшись съ духомъ, благословить и обнять дѣтей своихъ.

Въ это самое время, въ комнату, гдѣ все это происходило, общую залу, вошелъ Павелъ Алексѣевичъ. Ничего не зная, однакожь, провелъ крайне-безпокойную ночь, не зная, куда вѣдаться съ головой своей или сердцемъ, и наконецъ рѣшился терять времени, идти къ сосѣду для объясненія. Обращеніе къ сосѣду съ ротмистромъ, конечно, наводило на Игриваго какое-то недоумѣніе; но, припоминая послѣднія слова ея: «не уѣзжайте отъ насъ», выраженіе, съ которымъ она ихъ сказала, взоръ ея упалъ на Павла, которыми она при этомъ на него взглянула, онъ обидѣлся, почувствовалъ въ себѣ нѣкоторую самоувѣренность и во всякомъ случаѣ захотѣлъ знать, чего ему ожидать и чего бояться.

— А-а! закричалъ Гойнобобель встрѣчу сосѣду, который вошелъ въ какомъ-то недоумѣніи почти на самомъ порогѣ, въ семейство въ сборѣ и притомъ въ какомъ-то строгомъ и сдержанномъ средстве послѣ благословенія матери:—а! вотъ и онъ, гдѣкъ на поминѣ! ха, ха, ха! слышите, что я говорю? я говорю, на поминѣ легокъ! Съ праздничкомъ, сосѣдъ; дѣвки-то у насъ выдали, братъ, выдали вотъ за проѣзжаго молодца! ха, ха, ха! я было-прочилъ ее за тебя, ей-Богу, за тебя; а ты, выдалъ, на-умѣ! ха, ха, ха! Ну, милости просимъ!

Окинувъ взоромъ всѣхъ членовъ семейства, Игривый, къ своему, въ то же мгновеніе убѣдился, что глупая шутка Гойно-

ля была, однакожь, не шуткой, а плачевной истиной. Негодова-
е, которое имъ овладѣло, выручило его изъ самаго тягостнаго
ложенія: онъ очень-спокойно и чинно раскланялся на всѣ четы-
стороны, поздравляя и желая много счастья, обнялся даже съ
помѣ, женихомъ и съ братомъ, поклонился Любашѣ и объявилъ
то же время, что онъ съ своей стороны, не зная и не подозрѣ-
я этого семейнаго праздника, пришелъ только проститься, от-
авляясь завтра же въ Москву. Извинившись поспѣшностью сво-
о отъѣзда, онъ, даже не присѣвъ, раскланялся и опять уѣхалъ.
Любаша все еще стояла въ томъ же положеніи, блѣдная, непо-
ажная, какъ неживая; но въ то самое время, когда коляска Па-
и Алексѣвича, застучавъ, покатила со двора, невеста пришла
себя, стала всхлипывать, и ей сдѣлалось дурно. Мать приняла
на руки, отецъ кричалъ: «что съ тобой? ха, ха, ха!», братъ
чалъ ей руку, а женихъ стоялъ поодаль въ какомъ-то замѣша-
нствѣ.

Полтора года спустя послѣ этого происшествія, Игривый опять
дѣзжалъ къ своей Алексѣевкѣ, и на этотъ разъ, не смотря на
то, что сердце и думка его, безъ всякаго сомнѣнія, были полны
мыслей и чувствъ о жителяхъ Подстойнаго, онъ однакожь былъ
ень-доволенъ, что путь изъ Москвы шелъ не на Кострому и не
олегалъ мимо усадьбы майора Гонобобеля. Старика Ивана Пав-
вича, впрочемъ, въ это время уже не было на свѣтѣ: онъ скон-
ился довольно-скоропостижно вскорѣ по отъѣздѣ Игриваго, от-
аздновавъ благополучно свадьбу дочери.

Странная смѣсь воспоминаній, чувствъ и мыслей волновала и въ
же время успокоивала Игриваго, то тѣшила его, то досаждала
у. Со дня отъѣзда изъ Алексѣвки, онъ получалъ извѣстія съ
ины только черезъ своего старосту, который увѣдомилъ его о
дѣбѣ въ Подстойномъ, а также о смерти майора и другихъ про-
пествіяхъ, но впрочемъ не пускался ни въ какія подробности,
гранимая вообще обычнымъ складомъ и слогомъ этого рода
семъ. Игривому все казалось, будто судьба его еще не рѣшена,
то ему предстоитъ еще что-то впереди; а между-тѣмъ, когда
ь, опомнившись, соображалъ спокойно все случившееся, то ясно
дѣлъ и понималъ, что ему-то собственно ожидать здѣсь болѣе
чего, и что онъ, какъ ребенокъ, игралъ какими-то темными, не-
ыточными грѣзами.

На другой день по пріѣздѣ, осмотрѣвъ хозяйство и натолковав-
сь объ немъ до сыта, Игривый сталъ спрашивать своего ста-
сту о томъ, что дѣлается въ Подстойномъ.

— Да что, сударь, плохо тамъ! Молодой баринъ пріѣхалъ, сталъ
вѣщаться съ сестрой, да выдѣлять мать, и перессорились всѣ; тамъ
мень Терентьевичъ взяли съ хозяйки своей довѣренность, чтобъ
юбови Ивановѣ не знать ничего, не вступаться ни во что; а
арую барыню уговорили отступить отъ своей доли, да жить
хлѣбахъ у сына да у зятя, — ну, и подѣлились. Тутъ, видно,

Семень Терентьичъ себя не обидѣли; Карпъ Ивановичъ по молодости вѣрили имъ во всемъ, такъ они и отвели себя, то-есть, на свою долю, почитай все луга по Мухоловкѣ. Такъ и Карпъ Ивановичъ самъ остался безъ сѣна, да и мужики его безъ луговъ. Вотъ какъ спохватились, да думали—было какъ—нибудь поправить дѣло, и Семень Терентьичъ луга-тѣ уже все отрѣзалъ по самую околицу, да продалъ сосѣду, Ивану Онуфрѣевичу. Ну, какъ продалъ да деньги взялъ, такъ ужъ ему и не живется дома: сѣлъ да поѣхалъ. Пропадалъ онъ Богъ-вѣсть гдѣ мѣсяца три, что молодая хозяйка, сказывають, глаза по немъ выплакала, и воротился такой, что нѣ на что глядѣть. Поѣхалъ въ коляскѣ, съ деньгами, а воротился оборваннѣй, чуть не въ одноколкѣ — въ какой-то жидкомъ бриченкѣ. Тутъ они съ Карпомъ Ивановичемъ загуляли: что Божій день, то у нихъ во дворѣ хороводы, да пѣсни, да пляски, — одни мужики да старухи только и ходятъ на работу; ну, а балыбо дѣвка, извѣстное дѣло, волосъ дологъ, да умъ коротокъ, — этому дѣлу и рада. Такіе же, какъ ихъ милость, съѣзжаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и Богъ-вѣсть откуда берутся: прежде что то такихъ, благодаря Бога, здѣсь и не слыхать было; а въ годъ дѣ, сказывають, въ гостинницѣ прибили за своей подписью объявленіе, что-де такой-то Семень Терентьичъ да Карпъ Ивановичъ всѣхъ проѣзжающихъ созываютъ къ себѣ на усадьбу въ гости пить да погулять. Такъ вотъ и живутъ-себѣ безпросынно, не мятучи ни себя, ни другихъ.

— А молодая барыня что жь? спросилъ Игривый.

— Да что жь, сударь! извѣстно, женское дѣло — капля ка долбитъ, а чужая слеза, что съ гуся вода. Родила съ мѣсяца му, сыночка, окрестили по дѣдушкѣ, Иваномъ.

Подумавъ немного, Игривый въ тотъ же вечеръ отправился Подстойное. Онъ нашелъ все точно въ томъ видѣ, какъ старикъ описалъ. Крикъ и шумъ слышались издалека, попойка шла гдѣ. Не смотря на крайнее негодование свое, Игривый вошелъ въ это буйное сборище: человѣка четыре сидѣли за столомъ уставленнымъ бутылками и стаканами; Карпуша, полурасплывъ, стоялъ и кричалъ, будто на собаку: тибо! авансъ! пиль! — а какой-то оборванецъ, исправлявшій должность дурака, ползъ по всей комнатѣ на корачкахъ къ рюжкѣ вина, накрытой ломтемъ хлѣба съ сыркомъ, и по слову: пиль, выпилъ ее залпомъ и ушелъ. Карпуша, какъ былъ, такъ и остался. — все тотъ же оборванецъ: онъ съ безстыдствомъ вралъ и безъ совѣсти говорилъ въ похвалу себѣ правду, не подозревая о глупости своей, что онъ самъ себя выставляетъ мерзавцемъ. Казалось, впрочемъ, будто все въ Подстойномъ обрадовалось вълу Алексѣвичу, кто больше, кто меньше, каждый по-своему. Шилохвостовъ обнялъ его въ восторгѣ, какъ стараго товарища, но немножко совѣстлся его и будто первое время былъ въ удѣли, какой тонъ на этотъ разъ принять; вскорѣ онъ рас-

ся однакожь и началъ—было покрикивать: шампанскаго! Игривый остановилъ его очень—спокойно, сказавъ: «оставь, это не кстаги» и ротмистръ не смѣлъ противорѣчить. Не смотря на хмѣль, Шилохвостову было какъ-то неловко; онъ шавелся, предложивъ Игривому отвести его къ своей женѣ. Тутъ Семень Терентьевичъ снова оправился, повеселѣлъ, и когда Любаша вскрикнула отъ радости и изумленія, то онъ закричалъ: «да ну же, обнимитесь, да поцалуйтеся» и толкнулъ Игриваго прямо на Любашу. Въ первый и почти послѣдній разъ, Павель Алексѣвичъ обнялъ и поцаловалъ бывшую свою подругу—и самъ же могъ послѣ отдать себѣ отчетъ, какъ это случилось, и кто изъ нихъ первый подалъ къ тому поводъ. Шилохвостовъ убѣдительно просилъ соствѣдъ отгаться и занять Любашу, а самъ по какому-то чувству состраданія, или, можетъ—быть, чтобъ обезпечить себѣ болѣе свободы на будущее время, оставилъ ихъ однихъ. «Сдѣлай милость, братецъ, покажи дружбу свою, мавѣщай насъ почаше: я то-и-дѣло отлучаюсь, по хозяйству и по другимъ дѣламъ, и бѣдная жена скучаетъ—такъ развесели хотъ ты ее немного.»

Любаша въ эти полтора или два года возмужала. Теперь можно было сказать объ ней, что она совсѣмъ сложилась, и тѣломъ и духомъ. Она сѣла противъ друга своего, смотрѣла на него непросыхающими голубыми глазами, жадно слушала его, разспрашивала и не утомилась бы этой бесѣдой, еслибъ она протлилась утки сряду. О себѣ она молчала, или говорила въ общихъ словахъ; ни однимъ словомъ не обвиняла она мужа, легко и съ рѣдкимъ природнымъ чувствомъ скользила по тѣмъ щекотливымъ предметамъ, которыхъ безпрерывно и неволью надобно было касаться, бесѣдуя о своемъ положеніи и домашнемъ бытѣ. Наконецъ, она показала Игривому своего младенца и повела къ старушкѣ Аниѣ Алексѣвнѣ, которая жила гдѣ-то въ глухой камеркѣ. Старушка расплылась въ слезахъ, увидѣвъ Игриваго, обнимала и цаловала его безпрерывно, не переставая говорить о томъ, что вотъ кто былъ бы сыномъ ея, вотъ кому прочла она любезную дочь свою, вотъ съ кѣмъ она была бы счастлива, и вотъ кто бы призрѣлъ ее—самое подъ старость. На прощанье она просила Павла Алексѣвича со слезами не забывать ихъ; Любаша взяла руку его въ обѣ руки свои и просила о томъ же; Игривый поцаловалъ у нея руку и скорыми шагами удалился. Онъ уже не былъ въ состояніи долѣе переносить все то, что передъ собою видѣлъ и вокругъ себя слышалъ. Только вышедъ нѣсколько на просторъ, онъ могъ вздохнуть свободно.

Оправившись немного, онъ хотѣлъ прямо ѣхать домой, и потому вышелъ въ сѣни, оставивъ пирующихъ въ сторонѣ, и велѣлъ челоуѣку подать коляску. «Да никакъ, сударь, кучеръ вашъ нездоровъ», отвѣчалъ челоуѣкъ переминаясь. Игривый понялъ отвѣтъ и вышелъ самъ на дворъ—но не могъ отыскать ни кучера своего, ни коляски. Уже давно смерклося и было темно; онъ рѣшился

однакожь отправиться домой пѣшкомъ. «Кто идетъ?» раздался въ воротахъ: тутъ поставленъ былъ караулъ и ни подъ какимъ предлогомъ не пропускалъ гостя. Игривый не хотѣлъ употребить силу, но, истощивъ всѣ просьбы и угрозы, воротился и вошелъ въ комнату, гдѣ шла попойка. Радостный крикъ привѣтствія встрѣтилъ его; но Карпуша, отчаянный бунякъ, когда бывалъ пьянъ, нарѣзался между-тѣмъ окончательно и объявилъ ему на отрътъ что до разсвѣта нѣтъ выхода отсюда, и что онъ, Карпъ Ивановичъ, будетъ стрѣлять по всякому, кто бы захотѣлъ прорваться силою, какъ по военному дезертиру. Въмѣсто отвѣта, Игривый и вернулся и вышелъ опять на дворъ; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ выстрѣлъ раздался изъ окна и вслѣдъ за тѣмъ страшный крикъ и вопль. Бѣгомъ бросился Игривый назадъ: встрѣтилъ все пропойное общество въ испугѣ и заботахъ около Карпуши, который былъ весь въ крови. Карпъ Ивановичъ, въ слѣдствіе угрозы своей, дѣйствительно схватилъ заряженный пистолетъ и выстрѣлилъ, какъ полагалъ, по упрямому гостю — и въ то же время, въ разсѣянности, онъ заткнулъ дуло пистолета пальцемъ собственной своей лѣвой руки, котораго теперь и не считывался.

Семенъ Терентьевичъ ревѣлъ и рычалъ, метался какъ безумный и кричалъ въ одинъ духъ сто разъ, что Карпуша застрѣлился. Когда же дѣло наконецъ объяснилось, хотя стоило и не маловаго труда вразумить пьянаго и заставить его молчать, то онъ раскисся въ стѣнанияхъ, слезахъ и вздохахъ.

Семенъ Терентьевичъ въ подобныхъ случаяхъ всегда приходилъ въ себя, каялся и давалъ преподобныя, хотя и запоздалыя наставленія. «Ахъ, Боже мой!» говорилъ онъ, всплескивая руками: «что ты сдѣлалъ тебѣ и на, вотъ тебѣ и догулялись! Ну, скажи, ради Бога, Карпуша, что мы съ тобой надѣлали? Ну, скажи на милость, не дурацы ли мы? Ну, помилуй, не мерзавцы ли мы, опомнись, что ты это дѣлаешь! Видишь ли: вотъ оно что изъ этого выходитъ; мы безъ просыпу, таскаемся, не помнимъ ни Бога, ни себя, сплываемъ съ круга, выбились изъ ума — ну, просто скоты мы, воля твои Карпуша, скоты!»

Тревога по цѣлому дому пошла страшная, слухъ разнесся, что Карпъ Ивановичъ застрѣлился. Игривый обмылъ и перевязалъ его, выславъ собутыльниковъ его и велѣлъ ихъ также уложить, а потомъ успокоилъ испугавшуюся на-смерть Любашу и наслушавшись, пошелъ къ полуночи домой, не могши отвязаться отъ изъясненій признательности и раскаянія Шилохвостова, который помнилъ самъ себя тѣмъ выразительнѣе, чѣмъ позже становилось а болѣе сонъ и хмѣль одолевали его.

Было о чемъ призадуматься Игривому, когда онъ дома и въ покойѣ припоминалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ Подстоѣ. Сердце у него надрывалось, когда онъ обдумывалъ неразлучность съ этимъ на всю жизнь судьбу Любашы — а помощи не могъ

придумать никакой. О, еслибъ только Богъ надоумилъ меня и вразумилъ, какъ облегчить крестъ этой страдальцы — подумалъ онъ — кланусь не щадить ни имущества, ни самой жизни своей и сдѣлать все, на что у меня станеть средствъ и силъ...

Между-тѣмъ, мужики пришли всѣмъ міромъ къ господамъ Подстойнаго съ жалобой, что ихъ побили на лугахъ, проданныхъ Ивану Онуфріевичу, и не даютъ косить — и спрашивали, что же имъ дѣлать теперь, куда дѣвать скотинку и тѣмъ ее кормить — сѣнаде нѣтъ ни клочка. Мужики ходили часа два по двору, то къ старой барынѣ, то къ молодой, то добивались Карпуши, то Семена Терентьевича, не зная къ кому обратиться и не находя нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта. Наконецъ Шилохвостову надо было выйти и потолковать съ ними; онъ стоялъ передъ ними такимъ дуракомъ, что ему самому стало совѣстно. Онъ сталъ предлагать крестьянамъ кормить скоть сѣнкой, древесными листьями, увѣряя, что это даже почти лучше сѣна и, занявъ ихъ нѣсколько хозяйственными разговорами и благоразумными совѣтами въ этомъ же родѣ, распустилъ по домамъ.

Мало-по-малу, для Игриваго вошло въ привычку и обратилось въ потребность заканчивать день свой въ Подстойномъ. Тамъ сидѣлъ онъ съ Любашей, или прогуливался съ нею по саду, почти никогда не спрашивая, дома ли мужъ или братъ ея, — который, впрочемъ, жилъ подлѣ, но въ особомъ домѣ — и такимъ-образомъ многолѣтняя страсть эта разгаралась обоюдно, безъ всякой помѣхи, но и безъ всякой надежды. Любаша была каждый день до того утѣшена урочнымъ появленіемъ Игриваго, что забывала въ это время всѣ свои бѣдствія и снова оживала; но, конечно, можно было предвидѣть, что такое мнимое спокойствіе, какъ неестественное, не могло быть и прочно: совершенно-разстроенное состояніе и хозяйство, несчастье быть связанною навсегда съ такимъ мужемъ, нестерпимыя огорченія и оскорбленія, которыя она отъ него должна была переносить, безнадежность глубоко-вкоренившейся любви, — все это неминуемо должно было постепенно изнувать жизненные силы несчастной женщины.

Анна Алексѣевна не могла даже и временно успокоиться и утѣшиться: до того житье ея было горько. Забытая, заброшенная, она должна была сносить высшую степень небреженія отъ зятя и роднаго сына, между-тѣмъ, какъ дочь могла только тайкомъ съ нею плакать, но не могла доставить ей даже самаго необходимаго для жизни, потому-что сама во всемъ нуждалась. Анна Алексѣевна дошла до того, что обносилась кругомъ и не могла допроситься ни у сына, ни у зятя десяти рублей на буднишнее и самое необходимое платье; Анна Алексѣевна на старости лѣтъ должна была не только отказывать себѣ въ чашкѣ чая, но иногда и даже въ другомъ блюдѣ, сверхъ людскихъ щей или каши. Вотъ запоздалая, хотя, можетъ-быть, и заслуженная кара за губительное воспитаніе сына,—кара ужасная, хотя поздняя и бесполезная, по-

тому-что она у насъ часто даже не служитъ примѣромъ для другихъ, а почитается просто случайнымъ несчастіемъ...

Наглядѣвшись и наслушавшись всего этого вволю, Павелъ Алексѣевичъ, подумавъ и переговоривъ съ Любашей, пріѣхалъ однажды въ каретѣ, посадилъ туда старушку—мать ея со всѣми пожитками и увезъ къ себѣ. Онъ сдѣлалъ это безъ всякихъ предельныхъ объясненій съ сыномъ или зятемъ, которые, впрочемъ и не заботились объ этомъ происшествіи, какъ о дѣлѣ до него не касающемся.

Однажды Игривый вошелъ, по обычаю своему, въ гостиную Любаша, и при первомъ взглядѣ замѣтилъ, что фортепяна ея были на томъ мѣстѣ, гдѣ они столько лѣтъ стояли и гдѣ столько разъ сживалъ подлѣ нея, разбирая понемногу съ нею вмѣстѣ какой-нибудь романсъ или подбирая аккорды къ знакомому голосу. Большаго умѣнья или дарованія къ музыкѣ не было въ комъ изъ нихъ, но за фортепянами и за пѣсенкой имъ всегда легко было размыкать горе и забыться на полчаса среди горькой дѣйствительности, отъ которой нѣкуда было уйти. Я думаю вообще, что музыка, доведенная до высшей степени совершенства не составляетъ для насъ такой потребности и даже рѣдко бываетъ такъ благотворна, какъ музыка домашняго обихода. Утонченныя обстоятельства, при которыхъ мы слушаемъ публично и тузовъ, бываютъ для семейныхъ домохозяевъ большою помехою и подручныя фортепяна да пріятный голосокъ иногда съ кѣмъ вознаграждаютъ отсутствие Листа и Виардо. Игривый съ силой Любашу, куда дѣвались фортепяна ея: она покраснѣвъ взглянула на него и лицо ея выражало просьбу—не спрашивай объ этомъ. Онъ сталъ, однакожъ, настаивать, вѣроятно, догадываясь въ чемъ дѣло, и услышалъ, что Семень Терентьевичъ, собираясь опять куда-то по ярмаркамъ и не могши нигдѣ добыть это денегъ, продалъ или заложилъ фортепяно жены все тому сострадательному сосѣду, Ивану Онуфриевичу.

Игривый зашелъ вечеромъ къ хозяину дома, поздоровался нимъ, спросилъ, куда Богъ опять несетъ, и сказалъ очень спокойно: «На что ты продалъ вещь, которая женѣ твоей доставила столько удовольствія, и еще продалъ за безцѣпокъ, какъ я слышу? ужъ лучше бѣ ты у меня выпросилъ займы эти сто рублей коли они тебѣ необходимы. Нельзя ли выкупить фортепяну?»

Шилохвостовъ чрезвычайно обрадовался, во-первыхъ, тому, что отдѣлался такъ дешево и не былъ вынужденъ выслушивать въ этомъ случаѣ цѣлаго ряда скучныхъ упрековъ; а во-второмъ, что открылъ новый и неожиданный источникъ для своихъ займовъ, тогда-какъ ему давно уже никто рѣшительно вѣрилъ на два гроша. Онъ расчувствовался отъ признательности побранилъ самого-себя, повинился, а потомъ сказалъ:

— Послушай, братецъ, я, признаться, давно уже гляжу на не надивуюсь. У меня сердце болитъ, меня жалость беретъ

вѣдь томите и мучите вы сами себя ни за что, ни про что. А? Что жь ты молчишь? поговоримъ хоть разъ откровенно, грудь на распашку. Я вижу и знаю все, что дѣлается, даромъ—что нянь бываю—все знаю. Вѣдь вы другъ по другъ сохнете; вы любите другъ друга прежде: любитеcь же съ Богомъ и теперь—кто вамъ мѣшаетъ?

Игривый молчалъ, а Шилохвостовъ очень—спокойно продолжалъ: — Видишь, братъ Павелъ, вѣдь я обижать обижаю Любашу, и горькую чашу она отъ меня пьетъ—ну, что жь дѣлать? видно такова судьба ея, власть Господня; а вѣдь я ее люблю, ей-Богу уважаю, и желалъ бы ей лучшей участи. Ты же мнѣ другъ — и за тебя я радъ въ огонь, ей-ей радъ. Изъ-за чего же вы сами себя казните? Вѣдь я негодяй, я не стою и мизинца ея! Что жь ты молчишь, Павелъ, и глядишь на меня такъ? ты думаешь, я тебя обманываю? Ей-ей нѣтъ; вотъ какъ передъ Богомъ; я вѣдь вижу и знаю все — сами вы себя казните, ни за что, ни про что.

На рѣчь эту Игривый, помолчавъ, отвѣчалъ:—Я очень-радъ, любезный, что тебѣ все извѣстно; ты поступаешь справедливо, что не ревнуешь жены своей; она передъ тобой невиновата ни въ чемъ.

— И это глупо.

— У всякаго объ этомъ свои понятія.

— Что жь ты мнѣ этимъ глаза колешь? Я самъ лучше всякаго знаю, что я подлець; что жь мнѣ дѣлать?

— Ну, ужь съ совѣстью своею мирись какъ знаешь; въ этомъ я тебѣ не указчикъ. Я тебя, впрочемъ, никогда и ничѣмъ не попрекалъ, и теперь не упрекаю.

— Ну, а больше что?

— Ничего.

— Глупо это, братецъ, ей-Богу глупо! Вотъ видишь: я послѣдній, пропащій человекъ, вотъ этого не стою—и самъ шелкнулъ—а я такому человекъ, какъ ты, говорю въ глаза, что это глупо. Къ-чему такое фанфаронство? Кто тебѣ за него спасибо скажетъ?

— Тотъ, отвѣчалъ Игривый, понизивъ голосъ: — кто тебѣ велитъ честить самого—себя негодяемъ. Я щажу тебя, Семень Терентьичъ, ради жены твоей; иначе я бы сказалъ тебѣ больше. Впрочемъ, не забудь, пожалуйста, что ты говоришь теперь объ ней, о своей женѣ, и что увѣрялъ меня сейчасъ же въ уваженіи къ ней.

— Ну, такъ что жь ей въ немъ, въ этомъ уваженіи?

— Оно дорого, даже и отъ такого человекъ, каковъ ты.

— Чудаки вы, да и полно! сказалъ Шилохвостовъ, пожавъ плечами:—модники!—А самъ всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ. — Ну, дѣлайте, что хотите, васъ не разберешь. Не покидай, однако, Любаша. Я ѣду, братецъ, завтра; мнѣ нужно, есть дѣлашки—а тебѣ грѣшно будетъ—ты ея не забывай.

— Прощай, мой другъ, сказалъ онъ вечеромъ жень: — я ѣду съ Карпушей. Послушай, будь поласковѣе къ Павлу Алексѣвичу; видишь ли, онъ старушку мать твою взялъ къ себѣ и призрѣлъ— за что? Вѣдь онъ намъ чужой и только-что добрый человѣкъ; онъ вотъ и фортепяна твою хочетъ выкупить, а я и мужъ твой да скотина, не стою волоса его и не стою тебя. Мнѣ жаль васъ обоихъ, такъ Богъ съ вами—я вамъ не помѣха...

Любаша побагровѣла до самыхъ ушей и молча смотрѣла вслѣдъ мужу большими, лучистыми глазами. Онъ обернулся въ это время, остановился и спросилъ кротко: «Что ты такъ дико на меня смотришь?» — Уйди, ради Бога уйди, проговорила она съ трудомъ, отворотившись и закрывъ лицо руками. Шилохвостовъ посмотрѣлъ на нее призадумавшись, вышелъ молча и ворчалъ про себя: «здѣсь нѣтъ приступа — вотъ не знала баба горя, купила баба порося!.. того-и-гляди, какой-нибудь несчастный романъ разыграютъ — и все на нашу шею, на мою то-есть съ Карпушей; мы и отдувайся послѣ.»

Игривый по-прежнему навѣщалъ почти ежедневно Любашу, а иногда и Любаша прѣзжала на часокъ къ своей матери, въ Алексѣвку, а по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ. Любашѣ какъ-то совѣстно было взглянуть первое время на Павла Алексѣвича; она все припоминала слова своего мужа; но Игривый непринужденнымъ, искреннимъ обращеніемъ своимъ скоро заставилъ ее забыть это; она увѣрилась, что мужъ ея не проговорился Игривому, и успокоилась. Послѣ отъѣзда Карпуши и Шилохвостова, дорога вслѣдъ за ними заглохла, и слуха объ нихъ не было никакого. Между-тѣмъ, Анна Алексѣвна захворала; съ недѣлю уже ѣздилъ къ ней уѣздный лекаръ и утѣшалъ ее подробностями о найденныхъ въ уѣздѣ и подкинутыхъ трупахъ, о томъ, что оказалось при вскрытіи и о предстоявшихъ ему еще въ этомъ родѣ подвигахъ. За микстурами безпрестанно посылали верхового въ городъ; дочь и самъ Павелъ Алексѣвичъ не отходили отъ больной и черезъ нѣсколько дней закрыли ей глаза. Лекаръ, прѣхавъ на другой день, рассказалъ по этому случаю нѣсколько очень-забавныхъ анекдотовъ, заключилъ краткимъ изложеніемъ статистики скоропостижной смертности въ уѣздѣ и уѣхалъ.

Тихо и чинно похоронили старушку въ семейномъ склепѣ Подстойнаго, отпѣвъ ее въ Алексѣвкѣ. Любаша съ Павломъ Алексѣвичемъ шли вдвоемъ за гробомъ, который всѣ крестьяне и крестьянки Подстойнаго проводили отъ самой церкви въ Алексѣвкѣ до семейнаго кладбища своихъ господъ.

Возвратившись съ погулки, сынъ и зять съ горя рѣшились продать часть своего имѣнія; а какъ она прилегалла къ полямъ Алексѣвки, то Игривый сошелся съ ними и купилъ ее. Прочіе крестьяне Подстойнаго пришли по этому случаю всѣмъ миромъ къ Павлу Алексѣвичу и, кланяясь въ ноги, просили, какъ они выражались, «отобрать» ихъ всѣхъ отъ Гоновобеля и Шилохвостова!

«взять за себя». Они привыкли видѣть въ сосѣдѣ своемъ какого-то опекуна и защитника и человѣка съ нѣкоторымъ вліяніемъ даже и на своихъ безпутныхъ господъ. Они въ такихъ рѣзкихъ и выразительныхъ чертахъ представили бѣдствіе свое, крайность своего нищенскаго положенія, что трудно было имъ возражать. Игривый успѣлъ однакожь успокоить ихъ нѣсколько, обѣщавъ пособить имъ при посѣвѣ и растолковать, что продажа зависитъ отъ ихъ господъ, а на покупку нужны, кромѣ доброй воли, еще и деньги.

По случаю этой сдѣлки, въ которой Шилохвостовъ дѣйствовалъ также уполномоченнымъ за Карпушу, онъ ухаживалъ день-другой около сосѣда, какъ-будто у него было что-то на душѣ, и наконецъ, сѣдя у него, послѣ расчета, съ трубкою, за стаканчикомъ чая съ позволеніемъ, повѣсилъ носъ въ стаканъ, сталъ помѣшивать чай свой въ раздумьи ложечкой и сказалъ:

— Подстойное наше чай все не минуешь твоихъ рукъ, Павлуша; да и съ Богомъ, право, я тебѣ этого желаю. Безпутному сыну богатство не въ-прокъ. А кормить станешь насъ бобылей, меня то-есть съ Карпушей, подъ старость нашу, а?

— Накормилъ бы я васъ лучше смолоду, отвѣчалъ Игривый:— да такъ, чтобъ вы не только до новыхъ вѣнниковъ помнили, а не забывали и подъ старость.

Шилохвостовъ весело захохоталъ:— этотъ ладъ рѣчи былъ ему по вкусу. Онъ затянулся трубкой, прихлебнулъ чаю, перекинулся назадъ въ кресла и, устремя съ улыбкой глаза на Павлушу, сказалъ:—Что правда, то правда; да ужъ и вы мнѣ хороши: я, братъ, себя не жалѣю, и самъ браню себя, и другимъ не заказываю; да ужъ за то позволю попенять путемъ и тебѣ: я такихъ чудаковъ, признаться, не видалъ и во снѣ.

— Ну, что же? отвѣчалъ Игривый:— будемъ удивляться другъ другу — больше нѣчего дѣлать.

— Послушай, модникъ, продолжалъ тотъ:—я тебѣ не шутя сдѣлаю еще одно предложеніе. Чтобъ совѣсть тебя не мучила, коли ты больно совѣстливъ, такъ дѣло можно бы обдѣлать хорошо, такъ-что были бы и волки сыты, и овцы цѣлы...

— Я покуда еще тебя не понимаю, сказалъ Игривый равнодушно:—но, признаться, добра не чаю отъ кудреватой рѣчи твоей; не лучше ли тебѣ на всякій случай напередъ обдумать то, о чемъ хочешь говорить, или ужъ просто промолчать?

— Да нужно, братецъ, сдѣлай милость, полно дурачиться:— выслушай меня спокойно, да подумай послѣ самъ. Вотъ что—продолжалъ онъ съ небольшимъ, скрытымъ смущеніемъ, наклонившись впередъ къ собесѣднику и положивъ оба локтя на столъ:— я, братецъ, ей-Богу, влюбленъ въ Ивана Онуфріевича...

— Влюбленъ въ Ивана Онуфріевича! перебилъ Игривый и захохоталъ отъ души:— ну, что же? мнѣ сватать его за тебя, что ли?

— Э, братец! да хоть не перебивай, дай договорить: — я не шучу, ей-ей. Я говорю, что я влюбился въ Ивана Онуфриича Машу... Что бы тебѣ посвататься? вѣдь за тебя отладутъ ее обими руками...

— А за тебя развѣ не отладутъ?

— Да полно же, сдѣлай милость; вѣдь я говорю дѣло: — женись, а тамъ—размѣняемся; вотъ и квиты!

— Ахъ, ты голова—головушка моя! сказалъ Игривый, покачивая самъ головою: — нѣтъ, братъ, я вижу, что ты все еще льстишь себѣ, когда честишь самого-себя и такъ и этакъ...

— А что?

— Да такъ, больше ничего...

— Ну, Павлуша, послушай же, не дурачься... ну, сдѣлай милость, не дурачься! ну, ругай меня! Что жь? я самъ все это знаю: ну, пьяница; ну, буянъ; ну, картежникъ, могъ, негодяй; ну, подлець, однимъ словомъ... Женись, Павлуша, послушайся хоть разъ въ жизни моего братскаго совѣта! — Ну, что же ты такъ глумишься на меня оставилъ? Я этого не люблю. Что ты смотришь такъ, чѣмъ думаешь, скажи!

— Да я думаю, что бы такое придумать, какого рода мерзость передъ кторою бы ты запнулся?

— Правда, братецъ, ей-Богу правда; только не воръ я, мнѣ что!.. нѣтъ, воръ, ей-ей, воръ! такъ просто укралъ разъ у моего наго сто рублей — каюсъ тебѣ, какъ на духу, а правда. И ужъ за то душегубства нѣтъ на моей совѣсти, видитъ Богъ нѣтъ.

— Но есть надежда и на это, продолжалъ Игривый: — жди свою ты уморишь, этого не миновать.

Шилохвостовъ призадумался-было, а потомъ спросилъ: — А какъ спасти ее не хочешь?

— Пулю бѣ тебѣ въ лобъ, сказалъ сурово Игривый, привставъ со стула и понизивъ голосъ: — но нѣтъ, и это ей не спасеть. Тамъ вѣдь всю жизнь ей, и одинъ только милосердый Богъ спасеть тамъ.

Онъ оставилъ гостя и вышелъ одинъ въ поле. Шилохвостовъ никогда не видалъ его въ этомъ духѣ; Семенъ Терентьевичъ долго глядѣлъ за нимъ вслѣдъ, потомъ поовисталъ, кивнувъ головою и сказалъ: — такъ вотъ оно куда пошло, а-га! и ухалъ...

Бѣдный Игривый могъ только смутно размышлять о своемъ положеніи. Ему казалось, что у него уже не достало силъ переносить все это; ему опять и нынче, какъ ужъ разъ прежде, приходило въ голову бросить все и ухалъ куда-нибудь подальше, на долго, или даже навсегда. Ему казалось, что онъ здѣсь сойдетъ съ ума. Что меня держитъ? думалъ онъ. Чѣмъ же я здѣсь сижу и изнываю, какъ истинный, не баснословный Танталъ? — А тамъ опять думалъ онъ: на кого же я ее оставилъ? Еслибъ она была одна-одинѣхонька — другое дѣло: тогда бы

дѣсь, среди своихъ крестьянъ и сосѣдей, могла жить спокойно и беззаботно; но при такихъ защитникахъ и покровителяхъ, какъ ужь и братъ ея, — нѣтъ, при нихъ я отлучиться не могу. Богъ крѣпитъ меня; останусь здѣсь и буду пить горькую чашу эту каплю по каплѣ, до дна. Что мнѣ теперь до себя? думать и заботиться о себѣ — мнѣ было бы стыдно: я долженъ видѣть одну только страдалницу свою и жить для нея. Малодушно было бы измѣнить теперь и себѣ и ей, и покинуть ее преждевременно, на жертву этимъ негодяямъ.

При такихъ размышленіяхъ, Игривый не успѣлъ подумать о томъ, куда онъ направилъ путь свой, какъ онъ вступилъ въ небольшую кленовую прѣсадъ, которая вела къ усадьбѣ въ Подстойномъ. Онъ самъ улыбнулся этой странности, этой случайности — продолжалъ медленными шагами путь; привѣтливо кивала ему изъ окна русая головка, къ которой прижималось бѣлое личико младенца; вѣжливо и доброхотно встрѣтила его прислуга, суетившаяся на крыльцѣ и въ комнатахъ по поводу укладки чемодановъ и снаряженія обоихъ въ дорогу. Игривый прошелъ прямо къ хозяйкѣ дома — по имени, хотя она на дѣлѣ и была въ томъ, можно сказать, чужая.

— Добрый вечеръ, Любовь Ивановна!

— Здравствуйте, мой добрый Павелъ Алексѣевичъ! Посмотрите-ка на моего Ваню: — онъ первый васъ увидѣлъ и полѣзъ-было прямо изъ окна къ дядѣ Пау.

— А поди-ка сюда, маленькій разбойникъ, поди къ дядѣ Пау! Ну, что твои рыбки дѣлаютъ? А посмотри, какого я тебѣ сейчасъ жука поймалъ—вишь какой, съ корову, и рогъ на затылкѣ! Давай-ка, гдѣ твоя маленькая тележка, запрежемъ его!

— Я должна воспользоваться сумерками, сказала вполголоса Любаша:—чтобъ вы не видѣли, какъ я краснѣю, и поблагодарить васъ за фортепьяна... ихъ привезли сегодня — я такъ была этимъ обрадована...

— Вотъ такъ, въ оглобли его — продолжалъ Игривый громко, закладывая своего жука и не обращая никакого вниманія на слова Любашы:—постой, постой; мы и дугу поставимъ, и сунонъ подгнемъ...

— Я даже и за это вамъ благодарна, продолжала она:—что вы теперь не слышите о чемъ я говорю. Мнѣ отъ этого какъ-то легче на сердцѣ.

— А здоровье ваше каково сегодня? что голова и грудь?

— Слава-Богу, хорошо; сегодня легкій день, и мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ лучше. Сказавъ это, она какъ-бы невольно взглянула въ окно на приготовленія къ отъѣзду мужа и брата.

— Ба! да вотъ онъ, нашъ любезный другъ и сосѣдъ! сказалъ вошедши въ комнату Семенъ Терентьевичъ: — вотъ спасибо, такъ спасибо, другъ! А мы совѣмъ. Прощай, Любаша... Видишь ли, каковъ онъ человекъ, продолжалъ Шилохвостовъ, указывая на фор-

тепьяно: — а? не чета тому скоту, который заложилъ—было ихъ Ивану Онуфріевичу, и, разумѣется, никогда бы не выкупилъ. Прощайте жь, друзья мои,—и обнялъ ихъ обоихъ:—не поминайте дихомъ. Прощай, мальчишка—Господь съ тобой, и вышелъ.

Игривый съ Любашей проводилъ его до крыльца; Карпуша сдѣлъ уже въ коляскѣ и бросилъ оттуда рукой поцалуй сестрѣ и гостю. Коляска покатила. Съ часъ времени, Павелъ Алексѣевичъ побылъ еще въ Подстойномъ, а тамъ, отложивъ и выпустивъ на волю ванинаго жука, побрелъ тихимъ шагомъ домой. И въ этотъ разъ опять—было молодая кровь въ немъ—взыграла, взволнованныя чувства породили бурныя, черныя мысли, доводившія его до отчаянія; но спокойная совѣсть вскорѣ одолѣла эту душевную тревогу, малодушіе было побѣждено, и доблестное мужество одержало верхъ. Игривый вступилъ подъ кровь свой съ спокойнымъ духомъ.

Не смотря, однакожъ, на увѣреніе Любаши, что ей теперь гораздо—лучше, здоровье ея видимо разстроивалось. И въ—самомъ—дѣлѣ, какое сложеніе могло бы устоять противъ этихъ жестокихъ и непрерывныхъ ударовъ судьбы, которые выпали на ея долю? Какое женское сердце въ состояніи перенести это двойственное томленіе—быть женою Шилохвостова, а между—тѣмъ видѣть ежедневно Игриваго?— и это вѣчное раскаяніе съ упреками совѣсти, за легкомысленный поступокъ, во время первой, неопытной молодости своей, когда и сама еще не понимала, что дѣлала, когда молча согласилась отдать руку человѣку, какъ отдаютъ ее на четверть часа, для мазурки или кадрили... какой конецъ этому будетъ? гдѣ тутъ отрада? гдѣ самая надежда?

Игривому уже часто казалось, что Любаша постепенно худѣетъ, и что здоровье ея мало—по—малу разстроивается; но видя ее почти ежедневно, онъ не могъ замѣтить никакой внезапной переменъ: она все еще была въ глазахъ его тою же миловидной Любашей, какъ прежде; а когда онъ заботливо спрашивалъ о ея здоровьѣ, то принужденъ былъ довольствоваться общими отвѣтами ея, которые ничего положительнаго не объясняли. Однажды онъ, посидѣвъ у ней по обычаю своему часокъ, простился съ нею и отправился—было домой, какъ при входѣ въ кленовую прѣсадъ, ведущую отъ барской усадьбы на большую дорогу, былъ оставленъ мамушкой Любаши. «Не прогнѣвайся, батюшка, кормилецъ нашъ» говорила старуха: «я къ тебѣ, все къ тебѣ да къ Богу, больше нѣ къ кому, самъ знаешь: ну, что же я стану дѣлать съ барышней своей (она Любашу все еще звала барышней и никакъ не хотѣла отстать отъ этой долгодѣтней привычки)? ну, вѣдь сохнетъ, моя голубушка, какъ вотъ цвѣтъ на стеблѣ...»

— Говори, говори, Тимошеевна, что такое?

— Охъ, ужъ не знаю что и говорить... разговоры наши всѣ тебѣ вѣдомы давно, и знаешь ты все, знаешь кто раскинулъ намъ печаль по плечамъ, кто пустилъ сухоту по животу... изойдетъ

на горемъ; не ѣсть, не спать, все такъ сидитъ, либо плачетъ; ротъ не беретъ ни росинки; все подпершись локоткомъ сидитъ, или на пролетъ, по бѣлой груди рукой поводитъ — тамъ, зная, где рана болитъ, поетъ. Охъ, ужъ изведетъ онъ мою барышню-госпоженку... Тогда-то мы что съ тобой дѣлать станемъ, ась?

Разспросивъ еще нѣсколько старушку и успокоивъ ее сколько мѣлъ, Игривый, конечно, не могъ добиться отъ нея большаго совѣта; но материнскія опасенія ея напугали его, заставили обратить болѣе вниманія на положеніе Любаши, и онъ также сталъ за нее опасаться. — Надобно во-время что-нибудь сдѣлать, подумалъ онъ: — шутить этимъ нечего; можетъ-быть, есть еще противоядіе отъ этой медленной отравы... Онъ раздумывалъ, что ему дѣлать: тутъ и пришелъ былъ совѣтъ умнаго и опытнаго врача; уѣздному лекарю, который такъ хорошо рассказывалъ присказки о подкинутыхъ жертвахъ тѣлахъ, Игривый вѣрить не хотѣлъ; онъ отправилъ нѣмъ-свѣтъ коляску въ другой сосѣдній городъ, за врачомъ, къ которому у него было болѣе довѣрія.

Врачъ пріѣхалъ, выслушалъ напередъ Игриваго, который разсказалъ ему все, что зналъ о состояніи здоровья Любаши; потомъ и вмѣстѣ отправились къ ней. Она нѣсколько изумилась, увидѣвъ вмѣстѣ съ Игривымъ незнакомаго ей пожилаго человѣка; но когда дѣло объяснилось, то она была такъ тронута этимъ новымъ все-неожиданнымъ доказательствомъ его любви и заботы объ ней, что съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

— Ну, что же я вамъ скажу о нашей милой больной? началъ докторъ, когда онъ остался наединѣ съ Игривымъ: — что мнѣ сказать вамъ? Вы, я думаю, видите, слышите, чувствуете, понимаете и соображаете въ этомъ случаѣ нѣсколько не хуже меня. Я думаю, если несчастное положеніе этой женщины не измѣнится, то она, не смотря на то, что повидимому владѣетъ собою, при глубокой чувствительности своей, однакожь, легко можетъ сдѣлаться жертвою этихъ несчастныхъ обстоятельствъ.

— Она и теперь давно уже жертва этихъ обстоятельствъ, сказалъ Игривый, опустивъ мутные глаза на землю.

— Да; но я понимаю слово это иначе; я хочу сказать, что сочувствіе съ мужемъ ненавистнымъ и непрерывныя, тяжкія скорбленія отъ него, а съ другой стороны многолѣтняя и безнадежная склонность, а можетъ-быть и страсть, которая, по обстоятельствамъ, еще непрерывно разжигается, притомъ и материнскія заботы о будущей судьбѣ дѣтей своихъ, — я говорю, что все это составляетъ психическую причину болѣзни ея, этой грудной лихорадки, біенія сердца, почти непрерывной маленькой лихорадки, тошноты, бессонницы, недостатка позыва на ѣду, и что все это можетъ кончиться изнурительною лихорадкой; тогда поздно будетъ думать о помощи. При болѣзни тѣла страдаетъ и душа; при болѣзни души изнемогаетъ тѣло. Это круговая порука. Между-тѣмъ, первое условіе для выздоровленія — вынуть занозу, устранить са-

мую причину болѣзни: безъ этого нѣтъ пользы ни отъ пластыря, ни отъ микстуры, ни отъ пилюль.

— Посовѣтуйте, докторъ, что же тутъ дѣлать?

— Ей надобно удалиться отсюда на нѣсколько времени, окружить себя новыми предметами. Можетъ — быть, до того времени тутъ что-нибудь измѣнится. Пошлите ее за границу.

— За границу?

— Да, на воды, куда — нибудь, не для водъ, а для прогулки. Пожалуй, хоть въ Мариенбадъ или въ Теплицъ. Ушлите ее на годъ можете быть увѣрены, что здоровье ея отъ этого выиграетъ. Эту пользу прямая, — а косвенная, что мы выиграемъ время, и вы не думаете, что дѣлать дальше. Вотъ мой совѣтъ.

— Но какъ это уладить, я не знаю; мысль эта для меня такъ нова, что я не умѣю взяться за исполненіе...

— Признайтесь мнѣ откровенно, вы не хотите разстаться съ нею?

— Избави Богъ, любезный докторъ, что вы это говорите! Я, я не знаю, какъ вамъ объяснить это, но самъ былъ бы готовъ бѣжать отсюда Богъ вѣсть куда, и я чувствую глубоко, что былъ бы самъ спокойнѣе, еслибъ ея здѣсь не было. Что же касается до нея, то, конечно, нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ на пользу.

— Ну, такъ что же? Подумайте. Вѣроятно, какъ-нибудь устроите. Если помощь моя при этомъ нужна — я къ вашимъ услугамъ. Расходы будутъ не такъ велики; изъ нашего уѣзда собираются Теплицъ Маслаковы, которые даже были въ родствѣ съ нашимъ Гонобобелемъ и, какъ я полагаю, не откажутся принять вашу недужную подъ свое покровительство; а Маслаковъ человекъ надежный.

Игривый поблагодарилъ доктора за этотъ умный совѣтъ, и съ силой его поговорить съ Маслаковыми, самъ убѣдилъ Любашу на то согласіе и взялся кончить дѣло съ Шилохвостовымъ. Предложеніе это, конечно, сначала крайне озадачило ее, но, будучи передано убѣдительными устами Павла Алексѣевича, не встрѣтило большаго противорѣчія. Бѣдная Любаша и сама знала, что ей необходимо вздохнуть на свободѣ, или задохнуться въ чадѣ.

Протаскавшись недѣли три Богъ-вѣсть гдѣ, Семенъ Терентьевичъ наконецъ благополучно возвратился, разумѣется, въ томъ же видѣ, какъ обыкновенно возвращался съ этихъ отчаянныхъ походовъ. Игривый, не теряя времени, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ порывомъ уничтоженія Шилохвоста, чтобъ склонить его къ согласію на отпущеніе Любаша.

— Послушай, Семенъ Терентьевичъ, сказалъ Игривый: — а да-то пророчилъ тебѣ, что ты жену свою уморишь. Образъ своей, права своего ты не измѣнишь, и потому я пришелъ къ тебѣ не для упрековъ и не для поученій, но спрашиваю тебя

ественно, хочешь ли ты дать этой страдалицѣ еще небольшую терочку, хочешь ли подарить ей нѣсколько спокойныхъ дней, или это будетъ тебѣ стоить одного только твоего слова?

— Охота тебѣ, братецъ, какъ говаривалъ нашъ полковой пиарь, вдаваться въ такое отчаянное сложеніе безъ реванша—то есть, страшать меня такими мудреными загадками!.. Что жъ мнѣ тебѣ на это говорить? вѣдь ужъ про самого—себя мнѣ тебѣ нечего разсказывать, ужъ ты меня знаешь, и знаешь, что я принимаю съ признательностію всякую брань, всякое поношеніе; но ужъ наставленій не терплю; виновать, не варить желудокъ! Говори на-распашку.

— Кажется, Семень Терентьичъ, я тебѣ никогда не надоѣдалъ наставленіями, и теперь объ этомъ не думалъ. Но дѣлю вотъ въ чемъ: жена твоя хвораетъ; я привозилъ сюда Межевскаго, онъ находитъ положеніе ея опаснымъ и настоятельно совѣтуетъ ей ѣхать за границу, именно въ Теплицъ, въ Богемію.

— Въ Богемію! Экъ васъ куда нелегкая несетъ!

— Нѣтъ, не насъ, а одну только бѣдную и больную жену твою; можетъ—быть, съ Маслаковыми.

— Да вѣдь тамъ, слышно, шулерá гдѣ-то на водахъ тѣхъ собираются — такъ туда, что ли?

— Можетъ—быть и собираются — объ этомъ я не разузнавалъ; знаю только, что другіе люди, кромѣ шулеровъ, ѣздить туда лезутся, и за этимъ—то надо бы ѣхать и Любви Ивановнѣ.

— Что жъ я стану дѣлать тутъ? я бы и радъ, хоть бы ужъ тамъ да ковъ бы я ни былъ, да съ чѣмъ же я ее отпущу? Я вѣдь понимаю, чѣмъ это пахнетъ, а у меня, кромѣ должишекъ, нѣтъ ровно ничего; развѣ вотъ что: купишь ты у насъ съ Карпушей еще шлокъ землицы? — пожалуй, по самую усадьбу отрѣжемъ, нечего дѣлать,—а? ладно, что ли? ну, по рукамъ, да давай деньги!

— Это особъ статья; я только спрашиваю тебя, отпускаешь ли ты жену ради болѣзни ея?

— Отпускаю, братецъ, ей—Богу! Что? не вѣришь? Я еще когда задумалъ жениться, такъ сказалъ, и Карпушѣ далъ слово, что исправлюсь, вотъ что! Вѣдь я хоть и негодай, а душа у меня пре-добрая!

Разсудивъ, что имѣніе Карпуши и Шилохвостова промотано, пропало невозвратно и расходится по клочкамъ, располагая при этомъ сдѣлать изъ него современемъ особенное употребленіе, Игривый прикупилъ еще и другую часть его, условившись напередъ, чтобъ извѣстная сумма выдана была Любашѣ на поѣздку за границу. Между—тѣмъ, все было для поѣздки этой изготовлено; срокъ, по условію съ Маслаковыми, назначенъ, и Павелъ Алексѣевичъ пріѣхалъ прѣститься съ Любашей и проводить ее за усадьбу; да-льѣ провожать ее казалось ему неприличнымъ, потому—что у нея были тутъ и мужъ и родной братъ.

Она приняла его грустно и радостно, сидя среди дорожных ящичковъ и чемодановъ. Онъ сталъ утѣщать ее, старался немного развеселить и далъ ей нѣсколько совѣтовъ и наставленій на дорогу; она долго слушала его спокойно и наконецъ спросила: «Но когда же все это будетъ, другъ мой? Мнѣ кажется, что всѣ приготовления наши сдѣланы на вѣтеръ».

— Что это значить? Я васъ не понимаю.

— Я говорю, что, вѣроятно, никогда не соберусь и не уѣду отсюда.

— Какъ не соберетесь? Вамъ непременно должно выѣхать сегодня, въ положенный часъ, чтобъ не опоздать; развѣ вы не совѣтъ?

— Я совѣтъ...

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало?

Любаша помолчала, потомъ взглянула на Игриваго и сказала вполголоса: — За... мнѣ вѣшать нѣ съ чѣмъ: я не получила и, конечно, не получу ни копейки.

— Какъ это можно? Да я вчера уплатилъ все сполна и, буди спокойны, вотчина будетъ сбережена для вашихъ дѣтей...

— Я вамъ уже столько обязана, что не умѣю болѣе благодарить. Вѣрите мнѣ, я поняла ваше благородное намѣреніе, хотя вы мнѣ не говорили доселѣ ни слова, конечно, щадя меня... и это я васъ благодарю... Не менѣе того у меня денегъ на дорогу нѣтъ, и потому я не поѣду.

— Но объясните мнѣ, ради Бога, все это; я ничего не понимаю.

— Объясненіе очень-просто; Семень Терентьевичъ съ Карпичемъ уѣхали въ ночь, Богъ-вѣсть куда, и взяли всѣ деньги съ собою до копейки.

— А! такъ вотъ что!.. Ну, это ужъ моя вина, сказалъ Игривый — оплошность моя непростительна. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ я думать только, что, взявъ деньги въ руки, они сдержатъ свое обещаніе! Воля ваша, а это такъ забавно, что право тутъ сердце не на кого! Тутъ я одинъ виноватъ, и я же за это въ дураки. Впрочемъ, это все равно, это мое дѣло, я съ ними сочтусь.

Онъ отправился поспѣшно домой, черезъ часъ воротился, и везъ денегъ, отправилъ и проводилъ Любашу. Она молчала и сказала, поручила другу своему дѣтей, — у нея было ихъ ужъ двое: Ваня и Анюта, — и обвиняя его, всего въ другой и въ послѣдній разъ во всю свою жизнь, сказала: «Что бы ни случилось, воротили ли я, нѣтъ ли, ради Бога, общайтесь мнѣ быть отцомъ и матерью дѣтей: они сироты»...

— Обѣщаюсь вамъ, Любовь Ивановна, и послѣ этого случая можете быть спокойны; развѣ меня не станетъ. Вы были счастливы, Богъ насъ соединилъ, люди разлучили; но на дѣтей вашихъ я смотрю какъ на своихъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ глядѣлъ Игривый вслѣдъ за уѣзжавшею вдали коляской, и ни одна душа изъ многолюдной толпы, проводившей любезную барыню свою до этого распутия,

нарушила какимъ-либо звукомъ продолжительное, задумчивое молчаніе Павла Алексѣвича. Народъ уважалъ его и, казалось, попиалъ, по какому-то безотчетному сочувствію. Приѣхавъ домой, бѣдникъ нѣсколько успокоился, ему стало полегче; тяжелый камень, отя временно, свалился съ плечъ его; онъ былъ свободенъ, онъ могъ бы вѣхать вмѣстѣ съ Любашей; онъ сильно чувствовалъ потребность эту, долженъ былъ даже сознаться, что и для нея это было бы наконецъ яснымъ, счастливымъ временемъ послѣ столькихъ ненастныхъ, бѣдственныхъ лѣтъ,—но онъ не хотѣлъ пожертвовать доброй славой ея и старался вести себя съ возможною осторожностью. Прислуга, чрезъ которую обыкновенно расходятся съ домашнія вѣсти и сплетни, не только вся была на сторонѣ Игриваго, но также была убѣждена въ чистотѣ дружбы его съ тѣмъ молодой барыней и изъ уваженія къ нимъ обоимъ стояла за правду: въ цѣломъ уѣздѣ отношенія этой четы были извѣстны въ астоищемъ ихъ видѣ и, не смотря на всѣ толки, пересуды, сожальнія и шуточки, вообще все-таки знали, что Игривому и Любашѣ упрекнуть себя нѣ въ чемъ.

Возвратившись въ одиночество свое, Павелъ Алексѣвичъ заплывалъ еще прилежниѣ хозяйствомъ, особенно же старался привести въ порядокъ разстроенныхъ крестьянъ, приобретенныхъ у сосѣда, успокоить тѣхъ, которые остались еще, заложенные и перезаложенные, за Карпушей. Шилохвостовъ продалъ весь участокъ жемчугъ; но не менѣе того, по тѣсной и неразрывной дружбѣ съ шушномъ, съ которымъ у него было все пополамъ, управлялъ нѣоторымъ образомъ остаткомъ его имѣнія, если только эти безтолковыя распоряженія можно было назвать управленіемъ. Игривый почти каждый день бывалъ въ Подстойномъ, присматривая за дѣтьми Любаши, и почти каждый разъ долженъ былъ успокаивать крестьянъ тѣми убѣжденіями, то кой-какими пособіями. Онъ часто не зналъ, какъ быть и что дѣлать.

Уклонившись, собственно по этому тягостному чувству, отъ довольно-принятой имъ на себя обязанности и не побывавъ нѣсколько дней въ Подстойномъ, Игривый поѣхалъ однажды опять проѣзжать малютокъ. Онъ оставилъ ихъ до этого на рукахъ отца; а теперь, когда отецъ отправился опять вмѣстѣ съ Карпушей провожать какой-то цыганскій таборъ на ярмарку, Павелъ Алексѣвичъ ашелъ дѣтей брошенныхъ почти безъ всякаго надзора. Ваня чуть было не утонулъ, Анютѣ сердитый гусакъ чуть не выбилъ крыльями глазъ, оба не одѣты, не умыты,—а виноватаго нѣтъ. Бѣдные малютки такъ обрадовались Павлу Алексѣвичу, что повисли на немъ и не хотѣли отцѣпиться. «Останься, дядя Пау», кричала Аниня: «я хочу къ тебѣ, дядя Пау», кричала другая. «Дядя Пау» прослезился, обнялъ ихъ, посадилъ къ себѣ въ коляску и увезъ въ Алексѣевку.

Это сдѣлать было легко; но что дальше? Дѣти въ этомъ возраствѣ и безъ матери... у Павла Алексѣвича сжималось сердце, онъ

понималъ что́ это значить. Наемная рука хорошо сѣчетъ ребенка, но дурно ласкаетъ. Любовь матери — вотъ что́ ему нужно, какъ младенцу грудь ея, и если послѣдняя еще иногда можетъ быть замѣнена, то первая едва-ли.

— Я долженъ отыскаать для нихъ мать, я долженъ найдти такое существо, которое бы ихъ любило. Пусть она не знаетъ по-французски, пусть даже будетъ и вовсе необразована, я самъ буду наставникомъ ея и ихъ, и этотъ недостатокъ во всякомъ случаѣ со временемъ легко исправить; мнѣ нужна теперь для нихъ мать, и томъ смыслѣ, какъ въ ней нуждается и щенокъ и цыпленокъ.

Удачный выборъ Игриваго палъ при этомъ случаѣ на женщину, которой мы должны сказать нѣсколько словъ.

Ко времени выпуска Любаши изъ образцоваго пансіона, была приготовлена для нея, по общезаведенному у насъ порядку, хорошая, молодая и довольно-пригожая дѣвушка, взятая нарочно для этого покойницей Анной Алексѣевной во дворъ. Маша, — такъ ее звали, — была сирота; кроткая, добродушная и смышленная, она вскорѣ переняла все хорошее, что видѣла и слышала, и по врожденной склонности къ порядку и опрятности, даже и по наружности своей выгодно отличалась отъ прочей дворни. Маша сама привязалась къ барышнѣ своей, которая также полюбила ее и къ скуки занималась ею какъ воспитанницей, припоминая пансіонскіе уроки. Любаша не скоро могла освоиться съ бытомъ деревенской барышни и не вдругъ оставила всѣ пансіонскіе обычаи, привычки и мечты; безъ уроковъ, безъ учителя и ученицъ, ей какъ-то чего-то не доставало; и если она смотрѣла на всѣхъ старшихъ, на заслужившихъ ея уваженіе, какъ на учителей и воспитателей своихъ, то младшіе и подчиненные, особенно дѣвушка, ей казались ученицами младшаго класса, о которыхъ она должна заботиться. Маша подросла, сложилась, похорошѣла, расгѣвала на дворъ яснымъ голосомъ своимъ перенятые у барышни романсы или бѣжала съ рукомошкой подъ гору, чтобъ принести повелительницѣ ключевой, холодной воды умыться, и грохотала наизусть «Цыганъ», «Полтаву» или «Оцѣгина», дѣлая всякаго дурнаго умысла, небольшія поправки, въ родѣ слѣдующаго:

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
По имени Владимиръ Ленской:
Съ душою прямо-тренадерской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и пр.

Вдругъ Иванъ Павловичъ Гонобобель, приводя однажды свои собственные надворныя дѣла свои въ порядокъ, распорядился дать Машу замужъ за молодого кучера. Возраженій на это не было... Женихъ съ невѣстой явились благодарить барышню, клонились ему въ ноги; Любаша снаряжала любимицу своимъ товаромъ ей, сколько и изъ чего могла, приданое, была у

тѣвичникѣ и убирала ее подъ вѣнецъ. Разувая своего князя, Мапа съ покорностью вынула изъ одного сапога два пятака, а изъ другаго пятаку и подала ее молодому, припавъ сама на колѣни и поникнувъ послушно головою, хотя обычай этотъ былъ придуманъ конечно не для нея и ей подобныхъ, кроткихъ и безотвѣтныхъ невѣстъ. Сначала все шло хорошо; но, перешедъ, по смерти Гонобобеля, во владѣніе Шилохвостова, молодой кучеръ запыль, потомъ пьяный нагрубилъ барину и прибилъ бѣдную Машу; тотомъ разбилъ въ дребезги коляску и утопилъ лошадь, и Семень Герентевичъ сдалъ его въ рекруты, получивъ квитанцію, которая, разумѣется, была продана, а деньги употреблены собственно на тотъ же предметъ, за который кучера отдали въ солдаты.

Какъ бы то ни было, но Маша не успѣла оглянуться и выплакаться на послѣдніе побои безпутнаго мужа своего, какъ осталась вдовой при живомъ мужѣ, съ первымъ груднымъ ребенкомъ. Она была неслучайна и, позабывъ все, что переносила отъ мужа, помнила въ это время только одно, что онъ хотъ лыками шить, да ей мужъ; отчаянье ея, когда его повезли въ городъ, превосходило всякую мѣру, хотя оно, по тихому, кроткому нраву ея, и не обнаруживалось такими страстными порывами, какъ это большею частію случается въ простонародьи. Любаша плакала съ нею и за нее — но не могла пособить ей ни чѣмъ. Лишь-только Маша стала-было нѣсколько приходить въ себя, покорившись неизбежности своей участи, какъ новый ударъ поразилъ ее, едва-ли не съ большею жестокостью, чѣмъ первый. Оставшійся при ней младенецъ одинъ только и былъ утѣхой ея въ этомъ бѣдствіи; она не выпускала его изъ рукъ, и барыня ея, соблазнуя къ участи своей любимицы, не тревожила ея, не спрашивала съ нея работы и призывала только иногда, стараясь ее развеселить. Еслибъ этотъ младенецъ былъ просто похищенъ у Маши смертью, то, конечно, и этотъ ударъ, въ такое время, былъ бы жестокъ; но случилось еще гораздо-хуже.—судьба была къ этой сирой вдовицѣ еще немилосердѣе. По обычаю, довольно-общему у насъ въ народѣ, Маша укладывала ребенка спать вмѣстѣ съ собою, на свою постель; вся сила привязанности ея сосредоточивалась теперь на этомъ младенцѣ, котораго она любила чрезъ мѣру и не могла выпустить изъ своихъ объятій. Съ того дня, какъ она лишилась мужа, ребенокъ спалъ всегда при ней. Въ одно раннее утро, вся дворня была вснугана внезапнымъ, дикимъ крикомъ несчастной матери; всѣ сбѣжались и съ ужасомъ увидѣли, что она держала на рукахъ своихъ — мертваго младенца. Она, какъ говорится у насъ въ народѣ, «заспала» его.

Этому новому удару бѣдная Маша не могла уже противостоять. Ее обуяло какое-то дикое отчаяніе, чуждое кроткому ея нраву. Она посягнула-было на самоубійство; потомъ состояніе это постепенно перешло въ тихую, нѣмую задумчивость, изъ которой по цѣлымъ днямъ нельзя было ее пробудить; одна только Любаша

могла съ нею разговаривать, и бесѣда эта всегда оканчивалась обильнымъ и горькимъ плачемъ несчастной матери, что облегчало по-видимому, хотя временно, ея страданія. При видѣ какихъ-либо дѣтей, лицо ея какъ-будто прояснялось: она подымала глаза, смотрѣла на нихъ робко, но спокойно, ласкала ихъ и даже иногда улыбалась. Мало-по-малу, она по наружности нѣсколько возвратилась къ жизни, но всегда была грустна, почти не говорила; сидѣла задумавшись, прилежно работала, не пропуская ни одной службы въ церкви, гдѣ во все время стояла на колѣняхъ и клала земные поклоны. Такъ-какъ церковь была въ Алексѣевкѣ, и Игривый встрѣчалъ ее тамъ нерѣдко, говорилъ съ нею, стараясь ее успокоить и вразумить и поселить въ ней вѣру и смиреніе вмѣсто овладѣвшаго ею отчаянья; такимъ образомъ, по разпросамъ объ ней и по разговорамъ съ нею-самою, узналъ онъ ее ближе, оцѣнилъ всѣ природныя достоинства этой женщины.

Когда Игривый сталъ мысленно прискивать для пріемныхъ своихъ няньку, или, вѣрнѣе сказать, вторую мать, то остановился выборомъ своимъ на Машѣ. Ему казалось, что она во всѣхъ ея пошенихъ будетъ отвѣчать этому выбору.

Маша встала рано утромъ смутная; она все еще жила на томъ подскомъ дворѣ, работая, что ее заставляли, и ее за это по приему милостиво кормили, когда было что ѣсть другимъ — Маша встала смутная, задумывалась при работѣ и вадыхала.

— О чемъ опять загрустила, Маша? спросила другая женщина:— полно! ужъ сколько тебѣ говорить, что полно!

— Нѣтъ, Анна, отвѣчала та:— я такъ... а что-то...

— Да, ну, говори... кто тебя обидѣлъ, чѣмъ?

— Никто, Анна; кто жъ меня обидитъ... за что меня обижать нѣтъ... да я сонъ видѣла...

— А какой сонъ, Маша, разскажи; можетъ-статься, къ чему-нибудь... можетъ и къ добру? Ну, разскажи!

— А видѣла я, ровно еще живу въ дѣвкахъ, и пошла по туть гляжу — башмаки лежатъ подъ кустикомъ; я будто и башмаки, да и обулась; башмаки господскіе, сафьянные, красные, а по нимъ зерна черненькія. Тутъ я будто стою вѣркой, а на рукахъ у меня цыпленочекъ, да такой хорошенькій съ хохолочкомъ... я его вотъ будто стала поглаживать рукой, и обронила въ воду. Вотъ я такъ испугалась, такъ сердце и гнуло во мнѣ... кинулась я за нимъ, бродила по водѣ, все не находила, нѣтъ,—такъ и пропала. Я вышла на берегъ вся мокрая, да сѣла, да и гляжу, — а тутъ, отколѣ ни возьмись два бѣлыхъ, ровно снѣгъ, прилетѣли да и сѣли на меня — одно плечо, другой на другое. А тутъ я ужъ будто въ бреду покояхъ сижу, и платьѣ на мнѣ не то, а бѣлое, подвѣшено на плечи — да все закапано чѣмъ-то, ровно чернилами, вотъ брызги мухи сидятъ; а голубочки все склѣвываютъ, все склѣвываютъ пятнышки, обираютъ ихъ съ меня; а тутъ ужъ и не знаю, что

барышня меня позвала громко... проснулась, ань только дѣдушка Макаръ на печи кашляетъ...

— Ну, Марьюшка, сказала Анна: — вѣдь это сонъ такой, что вѣдь не скоро увидишь его въ другой разъ, ей-Богу; ну, о чемъ же ты горюешь? Вѣдь это, стало быть, все къ хорошему, къ добру... это, стало быть, замужъ, что ли тебѣ приходится идти...

— Господь съ тобой, Анна, что ты говоришь это...

— Да вѣдь хорошее что-то, Маша; ну, ей-Богу, воля твоя... Степановна! а Степановна! поди-ка сюда, пожалуйста, поди, прощала Анна, увидавъ старуху-коровницу, знаменитую свотолкоательницу: — матушка, Степановна, послушай, вотъ Маша-то все орюетъ, а сонъ видѣла хорошій, ей-Богу хорошій, только ужъ гудреный больно, что и не разберешь... вотъ послушай...

И Степановна, присѣвъ на заваленкѣ рядомъ съ двумя молодыми бабами, сложила руки, слушала придаквивая и понукая по-временамъ, а тамъ объявила, что этотъ сонъ къ добру и притомъ чепъ-ясенъ, что понять его не мудрено.—Что жъ, сказала она: — вѣстимо, что сонъ хорошій. Вотъ видишь ли: башмачки — это прошлое, это выходило тебѣ за-мужъ идти, ну и вышла; красные башмаки—веселая свадьба, а чубаренькіе — горе; вотъ оно и вышло на твою долюшку: цыпленочекъ — сынокъ твой; ну и пришила его, да и погубила—и обронила въ воду, и не пашла. А въ одѣ ходить, мокрой быть — это все слезы; и не мало жъ ихъ и было у тебя, Марьюшка—вотъ и рѣка. Ну, а вотъ дальше—такъ то видно еще будетъ впередъ; а что будетъ—Богу одному вѣдомо, все это одному Богу извѣстно. Голубки-то вишь—кабы мужъ тебя здѣсь былъ, такъ сказать бы, что дѣтки у тебя будутъ, а и чуть-ли не двойни...

— Господь съ тобой! перебила ее Маша, перекрестившись: — то ты это говоришь, Степановна! да этого и слушать нельзя...

— Такъ погоди жъ, моя красавица, дай срокъ, не перебивай; вѣдь я тебя ничѣмъ не порочу: я говорю, кабы мужъ былъ — какъ его вѣтъ, ну такъ ужъ и не знаю; къ другой-ли что-ли то радости, къ вѣстямъ ли къ какимъ—не знаю, ужъ это Богу звѣстно. А что обирали они съ тебя черныя-те крапины, ну такъ то все къ добру: позабудешь старое горе по новымъ радостямъ, отъ что. Грѣха-то вѣдь на тебѣ и вѣтъ, Марьюшка, а вѣдь все ушенька твоя померкала, хоть и нечаянно сгубила младепца, а се душа его на тебѣ... ну, вотъ, и сымутъ съ тебя голубочки рѣхъ этотъ, и Господь тебя простить...

Маша горько заплакала, а подруга ея напустилась за это на старуху:

— Ужъ ты, Степановна, Господь съ тобой — право, Господь съ тобой — говоришь Богъ-вѣсть что, и еще стала попрекать Машу старымъ, не жалючи ея, да вотъ опять и разжалобила, когда она безъ того изнываетъ! Иди, иди, добро, къ телятамъ да къ коровамъ своимъ, слышь, но тебѣ плачуть...

А сама стала утѣшать Марьюшку, припоминая ей одну только хорошую сторону этого сна и словъ старухи, и вслѣдъ тѣмъ принялась клясться и божиться, что все это къ добру.

Въ этотъ же день послѣ обѣда, нарочный отъ Павла Алексѣвича прѣхалъ за Машей. Она тотчасъ же, довольно-беззаботно, собралась и поѣхала, нисколько не обезпокоенная этимъ неожиданнымъ зовомъ, потому-что Игривый былъ любимъ всѣми, и ни одинъ добрый человѣкъ не чуждался его.

— Зачѣмъ бы это, думала она однакожь, когда телега съ нею покатила со двора:—развѣ кружевница не нужна ли Павлу Алексѣвичу — да на что же ему? Онъ человѣкъ одинокій. Посмотритъ, вотъ близко—церковь видать изъ-за лѣсу — и перекрестясь, она спокойно стала выжидать конца.

— Маша, сказалъ онъ, когда она вошла къ нему, молча поклонилась и подпершись локтемъ стала у дверей:—Маша, отгадай-ка для чего я тебя позвалъ?

Маша вздохнула, потупила глаза и молвила:

— Стало-быть, вы знаете, Павелъ Алексѣвичъ, когда позвалъ а я слуга ваша.

— Ну, однакожь, отгадай?

— За добрымъ дѣломъ, Павелъ Алексѣвичъ; за худымъ не зовете.

— Такъ, правда твоя, Маша, за добрымъ дѣломъ; я позвалъ тебя за богоугоднымъ, христіанскимъ дѣломъ. Послушай, Маша: Господь възискалъ тебя страданіями — что жь? на это воля его святая; Онъ и самъ страдалъ больше нашего. Но я думаю, что теперь время твоего искуса миновалось — полно же плакать, Маша — полно; слушай меня хорошенько: я не къ слезамъ говорю съ тобою, а къ радости. Я думаю, что если только ты теперь не откажешься отъ своего счастья, то ты будешь счастлива и спокойна... Слушай, Маша: Богъ далъ тебѣ опять дѣтей не одного, а двухъ разомъ!

Маша вздрогнула, отняла руки отъ лица — слезы текли по щекамъ ея, и она, пораженная послѣдними словами Игриваго, отшатнулась на него въ какомъ-то недоумѣніи.

— Дѣти, продолжалъ онъ, растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату:—Ваня, Анюта, подите сюда!

Вошла женщина, которая держала на рукахъ Анюту и Ваню.

— Вотъ это будутъ покуда дѣти твои, Маша, до воцаренія нашей доброй Любви Ивановны; а тамъ, коли ты мамины прикрикишь ихъ, чай и она ихъ у тебя не отыметъ...

Теперь только Маша поняла въ чемъ дѣло: она зарыдала и кинулась обнимать и целовать попеременно то Ваню, то Анюту, а сама, самаго Павла Алексѣвича, то даже наконецъ ту женщину, которая привела дѣтей и которая была временно придана имъ отпущенной старой няньки. Маша кинулась къ ней послѣ

отъ нея хотѣла опять броситься къ дѣтямъ; но та принялась чинно цаловаться съ нею, переваливая ее со щеки на щеку, и, похристосовавшись такимъ образомъ, съ важностію ей поклонилась. Наконецъ Маша упала Павлу Алексѣвичу въ ноги. Онъ поднялъ ее и спросилъ:

— Хочешь ли заступитъ мать у этихъ полусиротъ?

Маша съ трудомъ промолвила: «Хочу, хочу...», опять бросилась обнимать дѣтей, взяла Анюту и въ этотъ вечеръ уже болѣе не слускала ее съ рукъ.

Памятливая, умная и послушная, она строго слѣдовала наставленіямъ Павла Алексѣевича при воспитаніи довѣренныхъ ей дѣтокъ: она легко повяла и всегда помнила, что первымъ условіемъ при воспитаніи дѣтей есть:—не лгать предъ ними, или при нихъ, и не обманывать ихъ никакъ, ничѣмъ и никогда, ниже въ малѣйшей бездѣлицѣ. Черезъ этотъ камень преткновенія всѣхъ мамушекъ и нянюшекъ, Маша легко перешагнула и, живучи отнынѣ съ ними и для нихъ, расцвѣла и сама опять для жизни, и грѣшную молитву свою о томъ, чтобъ Богъ скорѣе ее прибралъ, замѣнила другою, болѣе-христіанскою: о благоденствіи довѣренныхъ ей малютокъ. Заботливѣе Маши не могла быть для дѣтей и лучшая мать: а Игривый отнынѣ не только заступалъ у нихъ мѣсто роднаго отца, но сдѣлалъ гораздо-болѣе: онъ спасъ всю ихъ будущность отъ гибельнаго вліянія этого человѣка. Онъ же, Игривый, былъ и первымъ наставникомъ и учителемъ ихъ, когда судьба въ-послѣдствіи возложила на него и эту обязанность.

Семень Терентьевичъ, который и самую женитьбу свою припоминалъ иногда потому только, что считалъ себя, съ грѣхомъ пополамъ, помѣщикомъ, какимъ сдѣлался посредствомъ женитьбы—Семень Терентьевичъ, возвратившись съ послѣдней поѣздки, и не замѣтивъ, въ первые дни, отсутствія дѣтей своихъ; потомъ спросилъ, какъ-бы мимоходомъ:

— А что же, кажется, ребятишекъ не видать?

И узнавъ, что сосѣдъ увезъ ихъ съ собою, промычалъ что-то въ родѣ: «а!» или «мм!» и пошелъ своимъ путемъ.

Когда все это устроилось, то и Павелъ Алексѣевичъ ожилъ нѣсколько. Его не тяготила болѣе день за день и съ часу на часъ участь Любаши: онъ зналъ, что она теперь весела и спокойна, что даже въ его волѣ было продлить это спокойствіе; дѣтки ея были пристроены; онъ также не ѣздилъ болѣе въ Подстойное, не видѣлъ безпрестанно передъ собою этого безчинства, и теперь даже не хотѣлъ и слышать о томъ, что тамъ дѣлается. Онъ внезапно сталъ семьяниномъ, жилъ не только для себя, но и для другихъ, чьихъ ему существовъ, и день казался ему вдвое короче и яснѣе прежняго.

Прошелъ уже слишкомъ годъ, какъ Любаша была за границей; она писала Игривому, скучала по немъ и по дѣтямъ, но сама сознавалась, что здоровье ея чрезвычайно поправилось. Игривый вы-

слалъ ей еще денегъ, написавъ ей, что онѣ получены отъ мужа ея и брата, и просилъ оставаться еще за границей. Онъ сдѣлалъ это, разсудивъ, что ей возвращаться на первый случай нѣ за чѣмъ, и что три недѣли, проведенныя ею опять въ Подстойномъ, безъ сомнѣнія нанесли бы ей болѣе вреда, чѣмъ годъ, проведенный въ Тѣплицѣ, могъ принести пользы. Любава писала ему на это:

«Не смѣю даже благодарить васъ—вотъ въ какое положеніе вы меня поставили! Итакъ, благодарите отъ меня мужа и брата.. «но чѣмъ тогда, если благодарность эта, не смотря на слѣдное послѣдствіе мое вамъ, не дойдетъ до нихъ, а останется при томъ, кому она слѣдуетъ?.. Все равно; я вамъ уже столько обязана «что считаться съ вами не могу...»

Между-тѣмъ, на взбалмошнаго Шилохвостова вдругъ напалъ хандра: онъ сталъ скучать по женѣ и началъ ѣздить къ Игривому, чтобъ видѣть дѣтей. Нѣжность эта шла къ нему, какъ къ ровнѣ сѣдло — не менѣе того онъ былъ мужъ и отецъ, и никто не могъ ему запретить вздыхать и скучать по женѣ и ласкать дѣтей. Сколько ни морщился бѣдный Павелъ Алексѣевичъ — а все женѣ былъ показывать видъ радунія при этихъ посвѣщеніяхъ. Мало-по-малу, Шилохвостовъ и самъ привыкъ къ этимъ поѣздкамъ въ Алексѣевку, гдѣ его кормили и даже нѣсколько поили, тогда какъ онъ дома нѣрѣдко сиживалъ посвистывая и думалъ: «какъ бы теперь хорошо было съѣсть что-нибудь порядочное и спать какъ слѣдуетъ и чѣмъ слѣдуетъ...» Онъ нашелъ, что въ Алексѣевкѣ гостить выгоднѣе, чѣмъ жить дома, и подъ предлогомъ, что скучаетъ одинъ, что не можетъ жить безъ жены и безъ дѣтей, которыя-де составляютъ единственное его утѣшеніе,—проводилъ у сосѣда цѣлыя недѣли. Онъ вскорѣ тамъ до того обжился, что, видимо, считалъ алексѣевскую усадьбу настоящимъ мѣстомъ своего жительства. Этого мало: вообразивъ себя хозяиномъ Алексѣевки, Шилохвостовъ началъ и самъ хозяйничать тамъ — «вина! коньяки! рому! закуски! горькаго!» эта команда раздавалась громко изъ подъ скромною кровелькой Игриваго, гдѣ ни самъ хозяинъ, ни люди въ домѣ не привыкли къ жизни этого рода. Вскорѣ и Игриваго, встосковавшись по другѣ своему, сталъ его навѣщать; онъ также нашелъ, что его никто домой не гонитъ и тамъ дѣтямъ не плачутъ, что наконецъ и жить на чужой счетъ вышло такъ удобно — а потому также поселился у сосѣда и поселилъ тамъ же слугу своего и кучера съ тройкой лошадей.

Истощивъ всѣ осторожныя намѣки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свое нестроевое, Игривый наконецъ рѣшился, во что бы ни стало, оставить домъ свой отъ такого нашествія. Къ этому подалъ ему приличный поводъ незначительный по себѣ случай: Шилохвостовъ съ Карпушей, кромѣ разныхъ безчинствъ, вздумали, для того чтобъ напоить пуншикомъ пятилѣтняго Ваню и прибить бѣдную Машу за то, что она вступилась и не хотѣла этого дозволить. Разоб-

покончить дѣло это и давъ буянамъ проспаться, Игривый скалъ безъ обиняковъ Шилохвостову:

— Послушай, однакожь, любезный! ты, кажется, намѣренъ поспаться у меня совсѣмъ?

— А что? спросилъ тотъ.

— Да такъ; я бы желалъ знать мысли или намѣренія твои по тому дѣлу.

— Эхъ, любезный Павелъ Алексѣевичъ! ты другъ и благодѣль нашъ — я вѣдь не то, чтобъ... я такъ, погостить думалъ у тей... Ну, куда же мнѣ дѣваться, ну, посуди самъ: дома одному ска—мочи нѣтъ; ты знаешь, я люблю семейную жизнь, тихую, промную... Ну, брани меня, я самъ знаю, каковъ я, знаю это чаще тебя... да вѣдь дома-то, братъ, скука, что съ души ворогъ... Безтолковый Карпуша этотъ—Карпуша да Карпуша—о, да задоволя же онъ мнѣ...

— А между-тѣмъ, ты и сюда привелъ его хвостомъ за собой—онъ также тутъ поселился...

— А чортъ ли его приводилъ! Да коли хочешь, такъ я, братъ, въ удовольствіемъ вытолкаю его отсюда въ шею!

— Жить, не трудись; этого я не хочу; но, признаться, хотѣлъ бы жить у себя въ домѣ самъ хозяиномъ и господиномъ. Посуди самъ, Семенъ Терентьичъ: мы съ тобой хоть и пріятель, но жить вмѣстѣ намъ не приходится. Пріѣзжай разъ въ недѣлю, хоть, по-дуду, на весь день—и я тебѣ буду радъ; повидеешься съ дѣтьми, побалагуришь, да и съ Богомъ домой. А Карпушу, сдѣлай милость, не вози ко мнѣ вовсе: онъ, чай, не соскучился ни по мнѣ, ни по племянникамъ, ни по мнѣ — такъ ему здѣсь и дѣлать нечего.

— Такъ я дѣтей своихъ только разъ въ недѣлю и увижу?

— Этого довольно, любезный; вспомни, ты покидалъ ихъ прежде не на одну недѣлю: стало-быть, тебѣ не идетъ теперь приглядываться такимъ нѣжнымъ отцомъ... Ты въ этотъ день, на-примѣръ, въ воскресенье, пріѣдешь къ обѣднѣ, соберешься съ силами съѣдешь порядочнымъ человѣкомъ на весь день, не станешь пить «водки—рому—горькаго!», не станешь браниться съ людьми и ни за что, ни про что, оставишь въ покоѣ дѣвокъ — одинокимъ словомъ, покажешь отеческій примѣръ дѣтямъ, чтобъ имъ стыдно было смотрѣть отцу въ глаза; а тамъ побѣзжай съ Богомъ и дѣлай дома что хочешь.

— Богъ тебѣ судья, Павелъ! Да вѣдь добро наше теперь все въ твоихъ рукахъ.

— Чтѣ же? развѣ я его взялъ у васъ наѣдомъ? Развѣ ты можешь запрекнуть меня, чтобъ я приобрѣлъ его какими-нибудь нечестными средствами?

— Жить, я этого не говорю; да вѣдь помнишь ли, не я ли спрашивалъ тебя тогда же, что кормить-де подѣ старость насъ дураки станемъ?

— А вспомни, не я ли тогда же отвѣчалъ, что накормилъ бы васъ путемъ съ-молоду, а теперь лихъ-поздно?

— Правда! сказалъ тотъ со вздохомъ. — Ну, братъ, такъ прощай; да только скучно же мнѣ будетъ дома возиться съ курами, да съ дуракомъ съ Карпушей... Знаешь ли что? ужъ я даже объ этомъ подумывалъ; вѣдь пора бы женѣ моей воротиться: вѣдь же и честь знать; вотъ бы мы и зажили!

Съ этого времени, несчастная мысль о возвращеніи Любаша не оставляла Шилохвостова, не смотря ни на какія убѣжденія Игриваго. Соглашаясь, что онъ подлець и негодяй, что ему опять скоро прискучить жить съ женою, Шилохвостовъ, однакожь, козлялъ правомъ своимъ и, какъ супругъ, требовалъ жену свою залицо. Онъ до того увлекся этою несчастною мыслью, что не шутя сталъ собираться самъ за женою, если она не послушается зава его и не прійдетъ.

Что тутъ было дѣлать? Обдумавъ все, Игривый уже рѣшился было, для спасенія бѣдной Любаша, принять къ себѣ въ домъ Шилохвостова, надѣясь отвлечь его этимъ отъ исполненія угрозы, и колебался, предвидя нескончаемую для себя муку отъ этого сожительства и, сверхъ-того еще, будучи увѣренъ, что Шилохвостовъ не въ состояніи долго жить спокойно, а, кромѣ всѣхъ проказъ своихъ, непременно опять вскорѣ пріймется за старое и будетъ настаивать, чтобъ Любаша возвратилась. Въ этихъ заботахъ Игривый провелъ нѣсколько безпокойныхъ дней, а можетъ-быть и нѣдѣль, какъ Шилохвостовъ, не шутя готовившійся уже въ путь, прискакалъ къ нему сломя голову, кинулся на него какъ сумасшедшій и съ крикомъ: «Дѣтки мои, сиротки мои... Павлуша моя. Боже мой...» бросился ему на шею. Онъ неистово ревѣлъ и плакалъ, такъ-что Игривый съ трудомъ только отвелъ его въ комнату и заперъ двери, желая устранить позорное зрѣлище это прислуги. Съ отчаяннымъ движеніемъ, Шилохвостовъ выдернулъ изъ кармана письмо, подалъ его Павлушѣ, а самъ упалъ въ обморокъ и закрылъ лицо руками. Игривый прочиталъ увѣдомленіе незнакомца, какого-то нѣмецкаго доктора, что Любаша уже нѣтъ на свѣтѣ. Она скончалась довольно-внезапно и похоронена въ Тѣплицѣ, успѣвъ однакожь написать еще приложенное въщпаніе, которымъ передаетъ все имѣніе свое мужу и умоляетъ его быть отцомъ своихъ дѣтей, но предоставить воспитаніе Игривому, если только Павелъ Алексѣевичъ просьбы ея не исполнитъ.

Съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ смотрѣлъ Игривый на эту путнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который рвалъ на волосы съ отчаянья по женѣ, между-тѣмъ, какъ самъ жевалъ все бытіе ея. Теперь Любаша была, по словамъ Шилохвостова, и другъ его неопытенный, и любовь его, и радость, и гель-хранитель... Теперь, наконецъ, уничтоженіе этого человека шло до того, что онъ не находилъ словъ для выраженія

которою бы могъ достойнымъ образомъ поносить себя... Къ вечеру, Семень Терентьевичъ привелъ себя, съ горя, въ такое отчаянное положеніе, что былъ отправленъ домой въ безпамятствѣ; кучеръ, привезя его домой, долго кричалъ людямъ: «Да возьмите, что ли, барина-то! долго ли ему тутъ лежать? Вѣдь я коляску-ту задвину въ сарай; ночью дождь будетъ...»

Поутру, Шилохвостовъ съ трудомъ только сообразилъ вчерашнія похжденія свои, послалъ записку къ Игривому, умоляя его прислать хоть 50 рублей, и поѣхалъ, для разсѣянія, покутить въ ближайшій городъ.

Не станемъ теперь слѣдить за всегда-равною и одинаковою жизнью Шилохвостова и Карпуши, которые, какъ мы видѣли, никогда не стѣснялись какими-либо узами долга и приличія, а теперь и подавно хозяйничали на просторѣ, такъ-что всѣ сосѣди покачивали головой и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ пророчили, что все это *чльмъ-нибудь* да кончится. Опасеніе, которое выражалось въ этомъ двусмысленномъ *чльмъ-нибудь*, было не безъ основанія, и конецъ вылился изъ дурныхъ дурной.

Шилохвостовъ былъ уже круглый бобыль; онъ давно промоталъ все женино имѣніе и жилъ нахлѣбникомъ на крохахъ у шурина, надъ которымъ приобрѣлъ такую власть, что командовалъ и управлялъ всѣмъ. Люди ненавидѣли его, какъ «врага рода человѣческаго», во-первыхъ, потому-что считали его, не безъ основанія, соучастникомъ въ окончательномъ разореніи вотчины, а во-вторыхъ, за развратную жизнь, въ которой онъ постоянно былъ наставникомъ Карпуши...

Карпуша поѣхалъ куда-то на недѣлку одинъ, а Шилохвостовъ остался дома. Соскучась сидѣть и пить, онъ велѣлъ осѣдлатъ коня и поѣхалъ въ поле. Прошло часа два или три, какъ вдругъ на барскомъ дворѣ сдѣлалась тревога, стали сбѣгаться люди со всѣхъ концовъ села, и вскорѣ сбѣжалось все село, старъ и малъ, мужики, бабы и дѣти.

— Чтò тамъ такое, Тимоша? спросилъ едва-движущійся старикъ съ печи или съ палатей барской людской, когда въ двери вбѣжалъ молодой парень и сорвалъ поспѣшно съ гвоздя кафтанъ свой и шляпу: — чего тамъ народъ сбѣжался ровно на пожаръ? ась? не слышу!

— Да ничего, дѣдушка Макаръ; поди-ка, погляди: гнѣдой гостинца привезъ.

— Какой гнѣдой? какого гостинца?

— А привезъ барина, Семена Терентьича.

— Ась? привезъ барина? ну, чтò жь за диво?

— Да, чтò за диво! поди, погляди, дѣдушка: диво-то такое, что поѣхалъ баринъ на конѣ, а пріѣхалъ подь конемъ; вотъ и диво. Крестись, дѣдушка, да молись: Богъ прибралъ его.

Сказавъ это, Тимоша выбѣжалъ опять изъ избы; старикъ пере-

крестился и прочелъ молитву, а между-тѣмъ полѣтъ, крикъ, съ нечи. Вышадъ на дворъ, онъ замѣтилъ, что здѣсь собралось все село. Пробравшись съ трудомъ въ средину толпы, онъ увидѣлъ осѣланную верховую лошадь Семена Терентьевича, который лежалъ, неживой и въ обезображенномъ видѣ, на землѣ, а одною ногой висѣлъ въ стремени. Лошадь была въ поту и въ мылѣ, вся дрожала и фыркала; староста держалъ ее подъ уады, а самъ тужилъ и горевалъ вслухъ о томъ, что не знаетъ, какъ теперь быть и что дѣлать: онъ разослалъ уже конныхъ за исправникомъ, за Павломъ Алексѣевичемъ и другими, но сомнѣвался, чтобъ земская полиція могла вскорѣ прибыть, а между-тѣмъ не смѣлъ прикоснуться до того къ покойнику, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ удержатъ бѣшеную лошадь въ этомъ положеніи и не дать ей освободиться отъ трупa. Бѣдный староста стоялъ блѣдный, разстроенный, тпрукалъ, почесывалъ у себя затылокъ, оглядывался, тужилъ и горевалъ, между-тѣмъ, какъ лошадь хрипѣла, дрожала всѣмъ тѣломъ, оглядывалась и рвалась то въ бокъ, то въ сторону. Народъ стоялъ молча, то перешептывался между собою, то охватъ поглядывая на страшное зрѣлище, и ждалъ, чѣмъ все это кончится.

Когда, наконецъ, судъ выгѣхалъ и произвелъ слѣдствіе, то обнаружилось только ровно то, что мы сейчасъ описали: Шилохвостъ поѣхалъ живой, но вполъяна, и лошадь принесла его убитаго въ стремени. Судъ заключилъ, что Шилохвостъ былъ сбитъ лошадью, повисъ одной ногой и такимъ-образомъ затасканъ до смерти.

Крестьяне Подстойнаго давно уже были разутые и раздѣтые бо-были: съ нихъ поживиться было не чѣмъ, какъ вѣдомо было всякому; рассудили, что не стоить заводить дѣла и шумѣть изъ-за пустяковъ, и потому предали его волѣ Божіей.

Услышавъ объ этомъ происшествіи на чужбинѣ, Карпуша какъ-будто немного опомнился. При всей бутылочной храбрости, у него однакожь подкосились-было ноги и языкъ онѣмѣлъ. Онъ вспомнилъ, что говорили ему не разъ сосѣди и что пророчила какая-то темная молва, и рассудилъ, что коли зять его теперь «пристроенъ», то о немъ заботиться нечего, а надобно-де подумать о себѣ. Убѣдившись, что онъ теперь остался на свѣтѣ одинъ, горемычнымъ сиротою, безъ наставника и товарища, съ которымъ такъ свыкъся, Карпъ Ивановичъ сдѣлался малодушнымъ и горько заплакалъ. Онъ струсилъ до того, что даже не рѣшался ѣхать въ мѣчину свою и долго не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, Богъ его надоумилъ.

Павелъ Алексѣевичъ сидѣлъ послѣ обѣда на своемъ диванчикѣ, Ваня и Анюта лазили по нему, а Марья Кондратьевна, то-есть Маша, стояла съ веселою улыбкою передъ нимъ и уговаривала дѣтей, загрязнившихся въ песокъ, надѣть другія платья:

Ваня шагала на плечо дяди Пау и не хотѣла разстаться съ алой рубашенной, а Анюта тянулась вслѣдъ за нимъ и также повторяла: не, няня, ни, ни! Въ это время коляска прокатила мимо оконъ; Игривый узналъ ее тотчасъ, всталъ и встрѣтилъ Карпушу.

— Павелъ Алексѣевичъ! Бѣда! спаси! проговорилъ онъ, и началъ его крѣпко обнимать.

— Какого жь ты чаешь отъ меня спасенья?

— Да я услышалъ вотъ — меня не было дома — я вотъ вчера только узналъ, и не могу еще опомниться... ты былъ тамъ?

— Былъ.

— Что жь, правда?

— Я не знаю, что ты называешь правдой: — покойникъ стоитъ влѣсь въ церкви — завтра похороны.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой... но вѣдъ говорятъ, будто...

— Это говорятъ; но видно слухъ при розъискѣ не подтвердился: судъ не изъявилъ подозрѣній и разрѣшилъ уже погребеніе.

— Какъ ты думаешь, что же мнѣ сиротѣ теперь дѣлать?

— Идти дальше тѣмъ же путемъ: примѣръ въ глазахъ.

— Ахъ, Павелъ! и ты можешь теперь такъ шутить...

— Я не шучу, Карпуша, я говорю только горькую истину.

— Да что же мнѣ дѣлать теперь? не опасно ли мнѣ будетъ возвратиться домой и жить тамъ?

— Этого я не знаю. Это ты самъ долженъ знать лучше.

— Послушай, Павелъ, я рѣшился: ради Бога, развяжи меня съ Подстойнымъ совѣтъмъ — и много ли тамъ его осталось? Возьми все, цѣни самъ — дай мнѣ уголъ у себя — я туда не поѣду...

— Если хочешь продать мнѣ остатки твоей вотчины — изволь, я покупаю, и могу дать тебѣ цѣну выгоднѣе другихъ, потому что мнѣ покупка эта сподручнѣе другаго. Но угла я тебѣ у себя въ домѣ не дамъ; на этомъ не взъищи.

— И тебѣ не грѣшно, Павелъ? за что же ты такъ со мною обходишься?..

— Ты не такъ спрашиваешь: за что, это походить на то, будто я хочу тебя наказать за прошлое, или мстить тебѣ; а этого за мной нѣтъ. Но спроси почему, или для чего я тебѣ отказываю въ пристанищѣ, и я тебѣ скажу не обинуясь, что намъ съ тобою жить подъ одной крышей нельзя. Разсуди самъ: мы смотримъ кривозъ; общаго въ родѣ жизни нашей нѣтъ ничего; мы другъ для друга не годимся.

— Да куда же мнѣ дѣваться? спросилъ жалкимъ голосомъ Карпуша, который, лишившись вожака своего и наставника, былъ безъ него, какъ безъ головы.

— Немножко-поздно задаешь ты себѣ этотъ вопросъ — я думаю, что тебѣ станетъ на годъ веселой жизни; тогда опять спроси кого-нибудь: куда дѣваться; можетъ-быть, посоветуютъ лучше меня.

Отчаянный Карпуша сдѣлался смиренъ и кротокъ какъ ягнъ-

нокъ; онъ упрямь Игриваго позволить ему погостить у него только до уплаты денегъ, обѣщаясь выѣхать въ тотъ же день, когда дѣло будетъ кончено, — послалъ домой за платьемъ и кой-какими вещами и черезъ недѣлю отправился, самъ не зная куда. Никто не слышалъ и въ-послѣдствіи о томъ, куда молодой Гонобобелъ дѣвался; а потому мы прощаемся съ нимъ навсегда: онъ провалъ безъ вѣсти, для насъ, какъ и для прочихъ.

Выпроводивъ отъ себя благополучно несчастнаго Карпушу, который при всемъ отчаяніи и малодушіи своемъ бушевалъ, сердился, плакалъ, бранился и напивался пьянъ съ горя и никому въ домѣ не давалъ покоя, Игривый зашелъ къ дѣткамъ. Это было вечеромъ; они уже спали; а Маша сидѣла за грамотой и что-такъ прилежно выписывала, что даже не слышала, какъ баринъ вошелъ, и вдругъ торопливо привстала. Взглянувъ на лежавшій въ рѣдъ нею листокъ, онъ прочиталъ: помани Господи во парствоемъ рабовъ твоихъ: Ивана, Семена, Кондратія, Ивана, Анну, Любовь, Марию. Что ты это пишешь, Маша? что за поминки!

Хочу подать въ церковь, Павелъ Алексѣевичъ, по родителямъ, чтобъ поминали ихъ.

Игривый еще разъ взглянулъ на листокъ и спросилъ: даже это? Кондратій отецъ твой — а прочіе?

— А тутъ матушка покойница, да покойные господа. Любовь Ивановну голубушку я уже приписала въ Покровъ—а теперь и Семена—было приписать и Семена Терентьевича... а это сынъ мой... Карпа Ивановича да мужа своего я записать не могу. Богъ—вѣсть, вѣдь можетъ статься они еще и живы гдѣ-нибудь.

Привязанность эта и незлопамятность, даже относительно своего Шилохвостова, тронула Игриваго. Подумавъ немного, онъ задалъ: — Ну, Маша, ужь коли такъ, то вычеркни еще одно имя изъ тѣхъ, что написала.

Маша глядѣла на него ничего не понимая.

— Дá, дá, Маша; вычеркни еще одно имя, тутъ у тебя запись живой, или живая: Любовь Ивановна жива и здорова:—слышишь, она жива, Маша!

Маша зарыдала и бросилась Павлу Алексѣевичу въ ноги, подняла и обняла его и вскорѣ успокоилъ, рассказавъ, что Маша дѣйствительно жива и никогда не думала умирать; что въ то время пришли ложныя, а теперь получилъ онъ отъ Машы письмо. Опомнившись, Маша пошла крестить спящихъ детокъ и сама молилась, не зная куда отъ радостныхъ слезъ плакаться.

Объяснимъ теперь въ двухъ словахъ недоумѣніе читателей: баша точно не думала умирать, но и слуховъ о смерти ея Павлу Алексѣевича не доходило: все было придумано имъ въ крѣпкую голову, когда сумасшедшій Шилохвостовъ вдругъ сталъ настаивать, чтобы она непременно воротилась и до того взбѣленился, что самъ выѣхать за нею самъ. Не видя никакого спасенія для Машы,

Игривый написалъ ей объ этомъ поспѣшно, присовокупивъ, что ей ничего не остается, какъ сказатья мертвою. Онъ совѣтовалъ ей спросить кого-нибудь изъ надежныхъ знакомыхъ ея написать гостиную вѣсть эту прямо мужу и въ то же время увѣдомить о томъ его, Игриваго. Все это, какъ мы видѣли, было во-время исполнено, и тайна сохранилась до настоящаго времени.

Теперь Игривый вздохнулъ еще свободнѣе. Онъ терялся въ размышленіяхъ и самъ едва могъ повѣрить всѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ глазахъ его. Все то, что столько лѣтъ томило его, отравляло всю его жизнь, все, что, казалось, тяготѣло на немъ, пожизненнымъ бѣдствіемъ надъ несчастной Любашей — все это исчезло какимъ-то волшебнымъ ударомъ съ лица земли: — Шилохвостова нѣтъ, и уже нѣтъ навсегда; онъ не съ Цыганами бродитъ по ярмаркамъ, онъ не возвратится уже оттуда избитымъ и оборваннымъ, промотавъ лошадей, коляску и сюртукъ съ плечъ воишь — онъ выбылъ навсегда, и никто на этомъ свѣтѣ его болѣе не увидитъ. Любаша свободна; ей только двадцать-три года — а Годстойное обратилось въ собственность Павла Алексѣевича, того самаго робкаго, молодаго человѣка, который такъ недавно еще стоялъ какъ ошалѣвшій передъ покойнымъ Иваномъ Павловичемъ, когда этотъ, въ присутствіи всей семьи своей, хоталъ долезъ и кричалъ въ уши ему: «Съ праздничкомъ, сосѣдъ, а дѣвчонка-то ужъ нѣтъ; выдали, братъ, выдали, вотъ за проѣзжаго молодца...» А теперь уже не было на свѣтѣ ни самого Ивана Павловича, который съ такимъ торжествомъ возглашалъ побѣду свою, ни старушки Анны Алексѣевны, которая съ недовольнымъ и озлобленнымъ видомъ слушала громогласные возгласы своего потеннаго сожителя, ни даже этого знаменитаго проѣзжаго молодца, какъ-будто кинутаго судьбою поперегъ пути всѣмъ добрымъ людямъ, которымъ суждено было гдѣ-нибудь и когда-нибудь съ нимъ столкнуться...

Игривый продолжалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ спокойно своей родъ жизни, увѣдивъ съ осторожностью Любашу о томъ, что въ отсутствіи ея случилось, и успокоивъ ее на-счетъ дѣтей. Отвѣты на письма приходили какъ-то чрезвычайно-медленно, и Павелъ Алексѣевичъ замѣчалъ въ нихъ какой-то странный, небывалый оттѣнокъ... Ни сѣма Любаша оставляли въ немъ съ нѣкотораго времени такое печатлѣніе, будто она не досказываетъ чего-то, будто у нея на душѣ остаются какія-то завѣтныя чувства и думы. Разсуждая объ этомъ самъ съ собою, онъ задумавшись пересчиталъ по пальцамъ, что по смерти Шилохвостова прошло уже полгода — а за тѣмъ поднялъ голову и спросилъ мысленно у самого себя, чего онъ теперь еще сидитъ на мѣстѣ и почему бы ему не ѣхать за границу, часть подругѣ своей въ Мариенбадѣ какъ снѣгъ на голову — и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ дальше. Надобно быть таиннымъ чудакомъ, какъ я — подумалъ онъ улыбувшись, чтобы давно

уже не сдѣлать этого; ѣду. Зима не удержитъ меня, я ѣду не лечиться; весной воротимся...

— Ну, Маша, сказалъ онъ, когда сталъ готовиться въ путь:—я покину тебя съ ребятишками мѣсяца два, либо три; я поѣду за-шей барыней. На тебя оставляю ихъ: помни, что ты имъ мать, взаимѣнъ родной.

— Вы меня воскресили, Павелъ Алексѣевичъ, отвѣчала веселая Маша, которая весь день яснымъ голосомъ своимъ распѣвала пѣсенки съ дѣтьми: — отъ вашихъ приказаній я ни шагу; а дѣтки, сами знаете, и своихъ-то, можетъ статься, не сдумѣла бы такъ полюбить, какъ этихъ...

Приведя хозяйство свое въ порядокъ на время отсутствія, Игривый сдѣлалъ также нѣсколько неколичественныхъ распоряженій, чтобъ убрать у себя въ домѣ комнаты и изготовить немного мебели.—Вотъ эти синіе стулья, говорилъ онъ своему Ивану:—выкрасить хоть въ бѣлую краску — они пообтерлись, а это будетъ по-опрятнѣе; ихъ можно будетъ поставить въ залу; а мой стулъ, съ шитымъ чехломъ (работы Любаши), прибереги, чтобъ его безъ меня не таскали.

Расцаловавъ дѣтей и строго приказавъ имъ слушаться паня. Игривый въ хорошій зимній день покатилъ со двора.

— Я, благодаря Бога, здоровъ и ѣду не лечиться, повторилъ онъ про-себя, улыбаясь, не подозрѣвая того, что онъ точно не здоровъ и что именно ѣдетъ лечиться...

Въ небольшомъ, но очень-благовидномъ мѣстечкѣ живописной Богеміи, стоялъ укромный домикъ ратсгера, по нашему—гласнаго, хотя бы и гораздо-правильнѣе было называть этого гласнаго безгласнымъ,—и въ домикѣ этомъ, внизу, жилъ самъ хозяинъ, а верху постояльцы. Черепичная кровля была припудрена снѣгомъ; нагнѣ сучья деревъ виднѣлись черезъ опрятно-окрашенный заборъ; по улицѣ казалось пусто, потому-что въ городкѣ не доставало нѣсколькихъ тысячъ лѣтнихъ посѣтителей. Кто бывалъ тамъ, помнитъ, вѣроятно, въ числѣ обыкновенныхъ прогулокъ, такъ-называемую мельницу, Амальну-Гору, деревню Аушовицъ, лѣсничій домъ Кенигсвартъ и развалины Фрауэнбергъ. Все это хорошо глѣтомъ, когда притомъ съѣзжаются въ это мѣстечко люди со всѣхъ концовъ свѣта, кто по рецепту доктора, кто отъ скуки, кто для поживы; но въ домикѣ, о которомъ мы упомянули, гости оставались на зиму. Они занимали три комнаты; заглянемъ прямо во вторую. На небольшомъ диванѣ сидитъ чета: молодая, прекрасная женщина, которой наружность теперь не станемъ описывать подробно, и мужчина, нѣсколько-постарѣе ея, но также довольно-блгвмальный, хотя и бѣлокуръ до такой степени, что съ перваго взгляда можно догадаться о порманскомъ его происхожденіи. Женщина со вниманіемъ читаетъ книгу, наклонившись впередъ и положивъ руку на плечо мужчины, который, окинувъ руку вокругъ гблвмн стана своей подруги, облокотился другою рукою на столъ, и, ви-

тѣльно слѣдя за чтеніемъ молодой женщины, по-видимому по-рываетъ иногда произношеніе ея и объясняетъ ей нѣкоторыя слова. Вслушавшись нѣсколько въ эти звуки, мы тотчасъ можемъ ѣдаться, что не ошиблись въ роднѣхъ бѣлокураго учителя: они падаютъ книжку датскую или шведскую. Учитель, глядя нѣсколько времени пристально въ лицо ученицѣ своей, забылся и не порывалъ ея, хотя она, загнувшись, тщетно пыталась произнести все-то мудреное слово на два или на три лада; она взглянула на него; голубые глаза ихъ встрѣтились на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ; онъ отрывисто поцаловалъ оба глаза своей подружки и сказалъ: «точка; смеркается, другъ мой; испортишь эти дорожки; глазки: береги ихъ».

Она сложила книгу, улыбулась и спросила по-нѣмецки:

— Ну, что, скажи мнѣ правду, выучусь ли я когда-нибудь этому трудному языку?

— Да вѣдь ты же говоришь и теперь уже довольно-свободно; не же тебѣ еще? Мы познакомились съ тобой въ маѣ, помнишь? Ты стала учиться въ августѣ—всего пять мѣсяцевъ!

— Но мнѣ бы хотѣлось чище произносить; нѣтъ ничего хуже, какъ когда кто коверкаетъ языкъ, не умѣя выговаривать слова, какъ должно.

— Еще полгода, отвѣчалъ онъ: — и никто не повѣритъ, чтобъ ты была иностранка, которая теперь только начала заниматься чуждымъ ей языкомъ. Божусь тебѣ, я не постигаю, какъ ты съ перваго раза вѣрно и чисто стала произносить наши двугласныя, которыхъ нѣтъ въ другихъ языкахъ и кажется всего менѣе въ вашемъ.

— Ты мнѣ часто это говоришь, сказала она весело:—но ты не учишь мнѣ и не шутишь?

— Нѣтъ, другъ мой, никогда ты отъ меня этого не дождешься—развѣ ты не видишь, что я каждый дець радуюсь твоимъ успехамъ? Знаешь ли что? одни только Русскіе могутъ перенять съ скоро и вѣрно чужой языкъ, и этому двѣ причины: во-первыхъ, полногласность собственнаго ихъ языка; во-вторыхъ, общій имъ привычка учить дѣтей двумъ, тремъ языкамъ: послѣ такого навыка мудрено поддаваться подъ всякое произношеніе.

— Ну, спасибо тебѣ, что ободряешь меня, сказала она на языкъ своего учителя, который отъ радости бросился ее обнимать.— Поцаловавъ его, она съ кротостію отвела его руку и вставъ, пошла къ окну. Стройный ростъ; гибкій станъ и пышная круглолицевость обозначились во всей ихъ красотѣ; свѣжее лицо дышало милостивою, а русые, пепелистые волосы обрамляли на ней вниманіе необыкновеннымъ для этого цвѣта волосъ свойствомъ,—слегка курчавиться; приглаженные по обѣ стороны проники, они сбѣгали легкой волной.

— Холодненько, сказала она, подошедъ къ желѣзной печкѣ на

курьихъ ножкахъ и съ вычурными балкончиками: — у насъ въ Россіи теперь теплѣе!

— У васъ теплѣе? спросилъ изумившійся мужчина.

— Да, потому-что у насъ теплыя печи; у меня была, въ коей комнатѣ, печь изъ синихъ изразцовъ, то-есть съ синими узорами; бывало, мой Ваня разбираетъ цвѣточки на нихъ, а сосѣдъ нашъ, ты знаешь, нашъ добрый сосѣдъ?—разсказываетъ ему, гдѣ ѳалка, гдѣ незабудка... Она замолкла, опустила взоръ и стояла нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи...

Тукъ, тукъ, тукъ... молоточекъ, замѣняющій нашъ звонокъ, ударилъ въ двери и горничная пошла отпирать. Кто-то вошелъ, и чужой голосъ спрашивалъ о чемъ-то дѣвушку. Хозяева стали прислушиваться,—она, женщина, которому мы описали, едва только выглянула въ первую комнату, какъ вскрикнула и рухнула, будто пораженная молніей, на полъ. Другъ ея вскочилъ въ сосѣдней комнатѣ съ дивана и кинулся къ ней на помощь; то же сдѣлалъ вошедшій съ противной стороны посѣтитель, и оба, встрѣтившись надъ лежащей въ обморокъ молодой женщиной и едва взглянувъ только другъ на друга мелькомъ, поспѣшно приподняли вѣтви обмершую и осторожно положили ее на диванъ.

Лишь-только она стала немного приходить въ себя, какъ незванный посѣтитель отошелъ въ сторону, чтобъ она его не видѣла, и, постоявъ немного, чтобъ удостовѣриться въ возвращеніи ея къ жизни, вышелъ тихонько въ двери и спустился по лѣстницѣ. По послѣднимъ ступенькамъ шелъ онъ какъ-то невѣрно, покачиваясь, а ввизу остановился, придерживаясь обѣими руками; наконецъ, онъ невольно присѣлъ, гдѣ стоялъ, прислонившись головой къ периламъ. Въ эту минуту выглянула изъ сосѣднихъ дверей пожилая женщина, посмотрѣла на чужаго и, сказавъ: «ахъ, Боже мой, что съ вами? вы больны, вамъ дурно», позвала еще женщину на помощь, подала недужному стаканъ воды, а когда онъ нѣсколько оправился, то просила его зайти отдохнуть, сожалѣя и навизываясь, что мужа ея, гласнаго, теперь нѣтъ дома.

— Мы васъ видѣли, сказала старушка, когда она усадила Павла Алексѣевича Игриваго на большія кресла: — мы васъ видѣли, когда вы пошли наверхъ; но скажите, ради Бога, что съ вами сдѣлалось, и что дѣлается тамъ? Я говорю, мы видѣли васъ, а потомъ услышали наверху, у постояльцевъ нашихъ, стукъ какого никогда прежде тамъ не бывало; мы послали туда дѣвку узнать, что тамъ сдѣлалось, и слышимъ, вотъ сейчасъ, что мадамъ Шальвакъ сдѣлалось дурно; я и хотѣла-было заглянуть туда, да, думаю, не нужно ли какой помощи, выхожу, да тутъ и вижу васъ. Такъ это съ вами случилось? и какъ же они васъ такъ отпустили?

Игривый доволенъ былъ многорѣчивостью старухи, потому-что могъ въ это время молчать и сидя спокойно отдыхать; но когда она наконецъ въ свою очередь замолчала и ожидала отвѣта на вопросъ свой, то онъ не зналъ что отвѣчать на все это; онъ едва

онъ только опомниться, что и съ кѣмъ и гдѣ онъ—такъ все это еожиданно на него накинлось—а чтобъ у него въ глазахъ поменѣло, чтобъ зашумѣло въ ухахъ и голова пошла кругомъ — какъ этого съ нимъ еще и отроду не бывало. Онъ однакожь сорался съ силами и отвѣчалъ:

— Дá, я поступилъ немного неосторожно — я ее напугалъ и амъ перепугался. Я привезъ этой дамѣ очень-горестную для нея вѣсть о смерти близкаго ей человѣка — и она такъ была этимъ слугана, что ей сдѣлалось дурно...

— Ахъ, Боже мой, скажите!.. Чтò жь ей лучше теперь?

— Да, она уже пришла въ себя.

— А вы вѣрно также родственникъ ея? Вы изъ Россіи?

— Дá, я изъ Россіи. Скажите, давно эта дама у васъ живтъ?

— Давно; она уѣзжала раза три въ Тѣплицъ и еще въ Прагу другія мѣста, но, возвращаясь, всегда опять у насъ останавлилась. Прекрасная дама, предобрая! Съ-тѣхъ-поръ, какъ мужъ я пріѣхалъ, они живутъ у насъ—вотъ ужъ третій мѣсяцъ.

— Такъ это мужъ ея—я его вѣдь не знаю; кажется, его у насъ, е. е. на родинѣ нашей, не было...

— Дá, мужъ; это также пріѣзжій, человѣкъ ученый, профессоръ — они видно познакомились гдѣ-нибудь здѣсь, по близости—ли въ Прагѣ, дá, кажется въ Прагѣ.

— Но вы знаете навѣрное, что это мужъ ея? Я не успѣлъ просить ее объ этомъ—да и не было для этого времени.

— Дá, это ея мужъ; такъ они по-крайней-мѣрѣ говорятъ и о чему жь въ этомъ сомнѣваться? они хорошіе люди, оба. Съѣзавъ въ Прагу, мадамъ Шильваксъ сказала намъ, что получила письмо отъ мужа и что онъ скоро будетъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ и иѣхалъ. Дá, она добрая, хорошая женщина, прекрасная женщина; мы вѣдь знаемъ ее здѣсь давно.

— Однакожь, я отдохнулъ и мнѣ пора идти, сказалъ онъ, слышавъ надъ хозяйскою комнатою опять какое-то движеніе: — рошайте, благодарю васъ—извините — не взъищите за безпокойство...

Удушливъ показался ему воздухъ на улицахъ Мариенбада; зиме угрюмое солнце заткало свѣтлую обитель свою сѣрыми тучами; съ сосѣднихъ горъ тянулись гряды облачка, ополчаясь противъ ведра и угрожая ненастьемъ. Игривый шелъ скоро; ему безрестанно казалось, будто за нимъ кто-то гонится, будто его зотъ; онъ бѣжалъ, придумывая, куда бы ему укрыться; наконецъ апыхавшись остановился, поднесъ руку ко лбу, перевелъ духъ и амѣтилъ, что голова его очень-тяжела и все еще идетъ кругомъ, въ ухахъ свистъ и гулъ. Онъ оглянулся — за нимъ все было усто. Вглянувъ на проскакавшую мимо его почтовую коляску, иъ какъ-будто вспомнилъ что-то и бросился опять бѣглымъ шагомъ впередъ.

Но посмотримъ, что дѣлаетъ Любаша, опомнившись послѣ обморока, потому-что мадамъ Шильбаксъ, какъ называла ее тайка, переимчивая по-своему прозваніе Шилохвостовой, была не иной-кто, какъ сама Любаша. Открывъ глаза и облегчивъ удрученную грудь свою нѣсколькими глубокими вздохами, она какъ смотрѣла какъ спростонья, оглядываясь кругомъ, будто чего-то не кама и припоминала и, не смотря на нѣжныя лобызанія своего друга, не скоро еще окончательно пришла въ себя. Другъ и мужъ ея, кто бы онъ ни былъ, послѣ многихъ усилій и стараній, съ трудомъ могъ привести ее въ чувство, и тогда только и конецъ обильныя слезы облегчили ея томленіе.

— Зачѣмъ же онъ ушелъ? куда онъ дѣвался? говорила она: это человекъ, который сдѣлалъ мнѣ больше добра, чѣмъ мои родители, котораго я уважаю болѣе, чѣмъ кого-либо въ мірѣ! Хочу, я должна его видѣть... не-уже-ли онъ не воротится? я ни его видѣть и сказать ему все и выслушать все отъ него, что бы онъ ни сказалъ, сколько бы упрековъ онъ мнѣ ни сдѣлал... не перенесу только одного: его презрѣнія!

Датчанинъ поцаловалъ у ней руку, взялъ шляпу и обѣщалъ въ Мариенбадъ, но нашелъ только свѣжій, едва простывшій слѣдъ того человека, котораго искалъ: Игривый уже уѣхалъ и никто не зналъ куда; хозяину сказалъ онъ, что по спѣшнымъ дѣламъ онъ медленно уѣзжаетъ въ Россію. Датчанинъ вздохнулъ, отеръ слезы съ лица и безнадежно побрелъ домой. Любаша была сильно поражена и встревожена этимъ извѣстіемъ; она долго разсчитывала что-то по пальцамъ, спрашивая мужа: такъ ли? и наконецъ, не найдя зала: нѣтъ, онъ не могъ еще получить моего письма — она знала еще ничего, и — и — о, какъ я передъ нимъ виновата! Накрывъ опять лицо руками, горько заплакала.

Спустя нѣсколько дней, которые показались бѣдной Любашѣ годами и въ-продолженіе которыхъ мужъ ея тщетно искалъ ее, ваго съ утра до позней ночи, крестьянинъ принесъ разорванное письмо на имя Любашы и самъ тотчасъ удалился. Она увидѣла надпись, сильно-взволнованная разорвала обертку и принялась читать :

«Любовь Ивановна».

Она невольно вздрогнула и, переведа духъ, продолжала:

«Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, я наконецъ одумалась и дѣлаю съ собою и, кажется, могу говорить спокойно. Дайте мнѣ возможность высказать вамъ все, что у меня есть на душѣ; воззову къ вамъ и постараюсь разъяснить себѣ самому все это на бумагѣ... я въ этомъ случаѣ пишу съ юсю—чувствую, что письмо будетъ длинно—не пеняйте на меня, оно, вѣроятно, послѣднее.

«Я виновата передъ вами вдвойнѣ: во-первыхъ, я сама...

«неожиданно явился передъ вами, не испросивъ на это вашего согласія; во-вторыхъ, вѣроятно, не менѣе растревожилъ васъ и тѣмъ, что такъ внезапно скрылся, покинувъ васъ почти прежде, чѣмъ вы опомнились отъ перваго испуга. Но зачѣмъ же этотъ испугъ? къ-чему или отъ-чего онъ? Съ вами, Любовь Ивановна, я могу только говорить, какъ съ самимъ-собою — или я долженъ молчать... но я буду говорить... я объясняю себѣ то, что съ вами случилось, такимъ-образомъ: всѣ женскія чувства ваши были нѣкогда принесены на жертву и — попораны недостойнымъ образомъ; вамъ не дали узнать той любви, безъ которой такая женщина, какъ вы, существовать не можетъ. Дружба ваша ко мнѣ и преувеличенная признательность за мое сочувствіе, — позвольте мнѣ высказать все, для меня это необходимо — эта дружба и признательность сдѣлались, можетъ-быть, господствующими въ васъ чувствами и, при угнетенномъ положеніи вашего духа, удовлетворяли васъ — за неимѣніемъ лучшаго; сердце ваше могло иногда хотя нѣсколько согрѣться среди этого холода, отъ котораго костенѣли ваши члены и остывала кровь... Но — птичка въ клеткѣ и птичка на волѣ, на просторѣ — не одно и то же. Все ожило въ васъ, когда вамъ дозволено было вспорхнуть и оглянуться на свободѣ; силы возвратились, грудь вздохнула глубоко, сердце забилося сильнѣе — и земное потребовало земнаго, а небесное небснаго. Встрѣча въ такое время съ человекомъ, который достоинствами своими затмилъ передъ вами многихъ, а можетъ-быть и всѣхъ, который на чужбинѣ явился передъ вами, какъ посланный свыше, для спасенія и успокоенія вашего и избавленія васъ отъ грозившихъ вамъ непріятностей, — который, наконецъ, и самъ, можетъ-быть, еще впервые встрѣтилъ подобное вамъ существо, — словомъ, встрѣча съ такимъ человекомъ тронула васъ, настроила душу вашу къ тому чувству, которое, можетъ-быть, давно уже васъ истомляло, не находя себѣ пищи... что жъ мудренаго, если оно теперь увлекло васъ и если вы теперь наконецъ — да, наконецъ, послѣ столькихъ страданій, послѣ четверти вѣка жизни, послѣ многолѣтней истомы и отчаянія — если вы теперь не могли, да и не хотѣли налагать вѣзы этому чувству, которое вамъ впервые посулило на дѣлѣ то, что прежде смутно представляли грезы тысяча-одной ночи?

«Вы видите, что я уже знаю все, или удачно дополняю своимъ воображеніемъ то, чего не успѣлъ узнать. Словомъ, я знаю довольно; я понимаю васъ и положеніе ваше; узнаю въ васъ все ту же Любовь Ивановну, которая не пугалась приѣзда алексѣевского сосѣда въ Подстойное, — но была поражена прибытіемъ его въ Маріенбадъ. Путь подалше; нельзя было ожидать его сюда, этого сосѣда — такъ; но вѣрьте: и вы тѣ же, и сосѣдъ все тотъ же.

«Успокойтесь же: вы въ правѣ были располагать собою, и никто въ мірѣ не можетъ сдѣлать вамъ за это упрека. Вы принадле-

«жали только себя и больше никому. Если съезд этот и строил когда-нибудь воздушные замки—то никто, во-крайней-мѣрѣ ни вы—никто, говорю, не давалъ ему ручательства въ осуществленіи его бреда. Вы не станете судить строго этого съезда, если онъ и обманывалъ самъ себя временно, — какъ, можетъ-быть, и вы нѣкогда обманывались; онъ пробудился отъ обаятельнаго сна, не ропщетъ на суровую дѣйствительность, а благодаритъ даже за то, что былъ нѣкогда счастливъ во снѣ и говорить: «если даже избранному суждено жить только воспоминаніями и надеждой, то рядовой можетъ удовольствоваться и однимъ изъ вами; онъ еще будетъ въ барышахъ противъ того, кто былъ свой долженъ тѣшиться одною только надеждой, между-тѣмъ, какъ у него все прошлое представляетъ залежь, морскую чертополохомъ...

«Вы видите: бывшій и нынѣшній съездъ вашъ мудрецъ... О нѣтъ, не шутите такъ! онъ ребенокъ, но онъ во-крайней-мѣрѣ въ состояніи написать вамъ то, что вы теперь читаете, и рука его кажется, не дрожить...

«И такъ, одно кончено, — вы въ своемъ правѣ и обязанности отъ томъ въ томъ, что вы дѣлаете, самой-себѣ, больше никому. Теперь два слова о другомъ: о насущномъ.

«Вашъ мужъ, какъ ученый, привязанный къ родинѣ своей и нѣмъ и мѣстомъ, которое занимаетъ и которое его содержитъ уже по одной этой причинѣ въ Кострому не поѣдетъ. Вы знаете также, что все опять тотъ же съездъ, лишилъ васъ всего вашего достоинства, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, чтобъ присоединить его, по сосѣдству, къ своему. Вы, сверхъ-того, конечно знаете и то, что собственно ваше имѣніе, еслибъ оно и принадлежало для васъ, по незначительности своей не могло бы содержать васъ съ семействомъ. И такъ, если еще ко всему этому вспомнить, что «жена да послѣдуетъ мужу», то позволено мнѣ считать, что Кострома васъ больше не увидитъ. Этому такъ и быть должно — по многимъ причинамъ, и потому позвольте мнѣ считать это рѣшеннымъ: въ такомъ случаѣ, вы будете исправно получать небольшіе доходы съ вашей вотчины, гдѣ бы вы ни ходились, а дѣти ваши... о дѣтяхъ вашихъ забудьте, какъ о всемъ прошедшемъ: они мои дѣти—дѣти мои будутъ воспитаны и пристроены и обезпечены, со-временемъ, всѣмъ достойнымъ званнаго отца ихъ.

«Вотъ, кажется, все... Рука не повинуется, не пишетъ письма на вѣкъ, хотя голова и освоилась уже съ мыслию, что такъ быть такъ, а не иначе... Отвѣтъ вашъ я получу въ Александрии напишите мнѣ нѣсколько строкъ: это меня укрѣпитъ и успокоитъ; благословите заочно, на добрыя дѣла»...

— Ради Бога, воскликнула Любаша, обливаясь слезами:—ради Бога, другъ мой, отъѣхни этого человѣка! О, онъ жестокъ, даже своимъ великодушiемъ — я его должна, должна видѣть!..

На свѣтло-голубыхъ глазахъ Датчанина навернулись слезы; онъ крѣпко обнялъ подругу свою и, схвативъ шляпу, снова пустился на поискъ. Долго бѣгалъ и спрашивалъ онъ безуспѣшно—какъ ему вздумалось воротиться опять домой и разспросить еще разъ хорошенько хозяевъ своихъ, которые приняли отъ крестьянина письмо. Здѣсь онъ узналъ, что крестьянинъ, подавшій письмо это, по всей вѣроятности былъ изъ селенія Аушовицъ. Съ этимъ свѣдѣнiемъ, Датчанинъ поспѣшилъ наверхъ, изыавляя Любашѣ готовность свою ѣхать въ селеніе это сейчасъ же, въ надеждѣ отыскать тамъ бѣглеца. Она обняла друга своего за добрую вѣсть, но не хотѣла и слышать, чтобъ ему ѣхать сперва одному, на развѣдку.—И я съ тобой, и я съ тобой! говорила она, и уже хваталась рукой за салопъ и шляпку. Черезъ полчаса они катились по направленію къ горамъ, среди обмершей, но все еще прекрасной природы.

Недолго искали они въ Аушовицѣ, какъ имъ указали на небольшой крестьянскій домикъ, сказавъ, что тамъ наканунѣ остановился прiѣзжій изъ Мариенбада и притомъ иностранецъ. Чета наша подѣхала къ крылечку этого дома; сердце Любашы забилося такъ, что она съ трудомъ переводила духъ, и, входя въ сѣни, опиралась на своего друга; онъ растворилъ дверь, чтобъ спросить хозяина, и Павелъ Алексѣевичъ стоялъ передъ ними.

Любаша бросилась съ громкимъ восклицанiемъ ему на шею:

— О, какіе вы! сказала она, опомнившись цѣсколько и успокоившись:— о, вы жестоки!

— Этого я не хотѣлъ, отвѣчалъ онъ, собравшись съ силами:— нѣтъ, не вините меня въ этомъ, Любовь Ивановна...

— Нѣтъ, цѣтъ, не виню, продолжала она:— мнѣ васъ винить?.. нѣтъ! это было только такъ сказано, чтобъ облегчить сердце... Но вы все-таки жестоки! Оставить меня цѣлую недѣлю среди этой пытки... И вы меня прощаете? и вы можете меня простить?

— Отъ всей души и чистаго сердца прощаю, если вы только полагаете, что въ чемъ—нибудь противъ меня виноваты, чего я однакоже не знаю. Я высказалъ вамъ въ письмѣ все.

— Все, и отъ искренняго сердца?

— Все, и отъ искренняго сердца. У меня нѣтъ на душѣ болѣе ничего. Я бы могъ только развѣ, для полноты покаянiя, прибавить къ этому, что хотѣлъ—было попенять вамъ, для чего вы не уведомили меня о томъ, что сдѣлалось; но я разсудилъ тутъ же, что и это было бы глупо; кто мнѣ далъ на это право?

— Такъ обнимитесь же, сказала она, сведя быстро вмѣстѣ обоихъ друзей своихъ и кивнувшись сама третья въ общія ихъ объ-

тія: — ирѣ и любовь навсегда! Благодарн его, продолжала она, обратившись къ мужу:—благодарн за все то, за что нельзя отблагодарнт никогда...

Онн пробесѣдовали вмѣстѣ нѣсколько часовъ; тутъ было пересказано все, какъ и гдѣ молодые наши встрѣтились, по какому случаю познакомились, какія услуги онъ ей оказывалъ, какъ заботливо ухаживалъ за больною, отыскивалъ ее брошенную безъ прнзрѣнія и помощи, какъ она узнала въ немъ того человѣка, безъ котораго не могла жить, и какъ онъ очутился точно въ томъ же положеніи, и проч. Любаши объяснила также и послѣднее недомѣніе Игриваго: она дѣйствительно была уже обвѣчана съ Датчанномъ, но по какому-то ложному стыду долго не рѣшалась нсать объ этомъ Павлу Алексѣвичу и наконецъ писала подробно, нѣсколько дней передъ его прїѣздомъ, почему онъ и развѣхался съ письмомъ. Когда зашла рѣчь о дѣтяхъ Любаши, то она, со слезами на глазахъ, схватила руку его и хотѣла-было ее поцаловать. Игривый узналъ въ Датчанинѣ, какъ и полагалъ по слухамъ, человѣка съ большими достоинствами и съ чувствомъ.

Наконецъ, должно было разстаться: не надѣясь болѣе на силы свои, Павелъ Алексѣвичъ не рѣшился на этотъ подвигъ; онъ обѣщавъ еще навѣстнт друзей до отъѣзда своего, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнт этого, обнявъ еще разъ обонхъ и не смотря на общія восклицанія «до свиданія», онъ ихъ не видалъ болѣе. Онъ выѣхалъ рано на другой день и гналъ безостановочно до самой Алексѣвки.

Прїѣхавъ домой, онъ долго обнималъ дѣтей, которыя повисли у него на шеѣ, а за тѣмъ и Машу, благодаря ее за материнское объ нихъ попеченіе. «Дастъ Богъ, скоро увидишь свою барыню», сказалъ онъ ей: «она хотѣла быть сюда на тотъ годъ съ мужемъ, за Анютой. Ваня остается у насъ».

Маша была въ одно и то же время такъ обрадована предстоящимъ ей свиданіемъ съ Любашей и опечалена скорой утратой своей Анюты, что не могла ни печалиться, ни радоваться, а со свойственною ей кротостью безропотно предалась судьбѣ своей. Но ей долго еще не пришлось разстаться съ своей воспитанницей: въ году много дней и часовъ — и черезъ годъ многое перемѣнилось. Черезъ годъ Павелъ Алексѣвичъ получилъ заграничное письмо съ черцою печатью; въ письмѣ этомъ мужъ Любаши — къ-сожалѣнію, ужъ не на шутку—увѣдомлялъ его съ отчаяннымъ сокрушеніемъ, что лишился своей подруги послѣ непродолжительной болѣзни. Человѣкъ твердеетъ постепенно, мужался противъ непрестанныхъ ударовъ рока, и подъ-конецъ нѣтъ уже такого удара, который бы могъ сокрушнт его. Игривый не унывая продолжалъ начатое благое дѣло и кончилъ воспитаніе любашинныхъ дѣтей. Ваня хотѣлъ итти въ военную службу; Игривый предоставилъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ напередъ чему-нибудь пут-

ному научился, а потому и требовалъ, чтобъ онъ кончилъ прежде курсъ въ университетѣ. Ваня исполнилъ это добросовѣстно и пошелъ въ гусары.

Анюта росла и выросла дома, и надобно признаться, что только развѣ такой матушкѣ, какова была Кондратьевна, т. е. Маша, при такомъ названномъ отцѣ, каковъ былъ Павелъ Алексѣвичъ, можно выростить и выхолить, безъ матери и безъ посторонней помощи, такую дѣвушку, какою выдалась Анюта. При достоинствахъ ея и общезвѣстности богатаго приданого, которымъ Павелъ Алексѣвичъ ее надѣлялъ, можно бы приноровить къ ней и къ толпѣ жениховъ ея сказку о Сивкѣ-Буркѣ или о Несмѣянѣ-Царевнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Алексѣвкѣ три-четыре года сряду не было отбоя отъ жениховъ: такъ падки были и въ то время уже Костромитяне на пригожихъ, умныхъ и богатыхъ невѣсть. Наконецъ, анютинъ часъ ударилъ, и дѣло состоялось: судьба въ этомъ отношеніи была къ ней несравненно-милосердѣе, чѣмъ къ бѣдной ея матери: анютинъ мужъ былъ человѣкъ достойный. Въ числѣ приготовленій къ свадьбѣ, Игривый между-прочимъ выкрасилъ старинные, нѣкогда голубые, а потомъ бѣлые стулья свои подъ красное дерево. Отпраздновавъ же свадьбу, обнявъ и окропивъ родительскими слезами свою названную дочь, Павелъ Алексѣвичъ опять остался въ берлогѣ своей одинъ, и сталъ по-прежнему трудиться для другихъ, хозяйничать и копить для своихъ названныхъ дѣтей.

Объ эту-то пору, Павелъ Алексѣвичъ жилъ въ Алексѣвкѣ истиннымъ патриархомъ, среди крестьянъ своихъ и сосѣдей, жилъ домождомъ, заботясь только о своемъ хозяйствѣ, да потѣшаясь по длиннымъ вечерамъ доморощеннымъ сказочникомъ и наемнымъ понукалкой; а истиннымъ праздникомъ для него былъ тотъ день, который приносилъ ему письмо,—потому-что письмо это навѣрное было отъ Вани, либо отъ Анюты: другой переписки въ Алексѣвкѣ не производилось. Тогда призывался вѣрный Иванъ, который служилъ Игривому уже тридцать лѣтъ, и призывалась мамушка Кондратьевна, бывшая солдатка Маша—и письма перечитывались по нѣскольку разъ; въ такой вечеръ и сказочникъ и понукалка увольнялись.

Дошедъ, наконецъ, въ разсказѣ нашемъ до того отдѣла жизни Игриваго, въ которомъ мы изобразили его при самомъ началѣ повѣсти, мы можемъ повторить: не бываетъ ли иногда наружность обманчива, и—какъ знать, что человѣкъ передумалъ, перечувствовалъ на вѣку своемъ прежде, чѣмъ онъ сдѣлался тѣмъ чудачкомъ, какимъ мы его узнали?

Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ данныхъ, Игривый, вѣроятно, сдѣлался бы человѣкомъ болѣе-замѣчательнымъ, или вѣрнѣе, болѣе-замѣченнымъ; вы, можетъ-быть, убѣдились, что у него стало бы на это и чувства и ума; напротивъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя его окружали, онъ одичалъ немного и ог-

рубль; онъ даже бѣгалъ отъ выборовъ и по чудачеству своему не хотѣлъ идти ни въ засѣдатели, ни въ депутаты, ни въ казѣнники ихъ еще... но, безспорно сдѣлавшись чудакомъ онъ остался однакоже въ маломъ кругу своемъ полезнымъ и примѣрнымъ по благородству человѣкомъ и примѣрнымъ отцомъ чужаго семейства.

В. ЛУГАНСКИЙ.

УТЕШЕСТВИЕ ВЪ СТЕПИ ОСАЖЕЙ ЧЕРЕЗЪ ЛУИЗИАНУ И МИССУРИ.

Статья четвертая и послѣдняя.

VII.

ВОЕННЫЙ СТАНЪ.

Советъ рѣшилъ, чтобъ лагерь нашъ оставался на военныхъ тропинкахъ во все время отсутствія воиновъ. Избрали удобное мѣсто и воздвигли шалаши на покатости, спускавшейся къ прелестному ручейку, ружейному красивому лѣскому, въ которомъ было множество клюй и желковичниковъ съ плодами. Женщины подложили подъ шкуры вѣтви, такъ-что постели наши сдѣлались мягче обыкновеннаго.

Вокругъ табора паслись многочисленныя стада бизонновъ, которыми вѣдали намъ изобиліе. Только-что кончили постройку шалашей, охотники вступили въ погоню за дикими быками. Во время охоты разразилась такая ужасная гроза, что одну изъ нашихъ лошадей убило громомъ шагахъ въ двадцати отъ лагеря. Это заставило насъ приостановить погоню; громъ гремѣлъ въ степи съ ужасною силою; яркія молніи лезли одна за другою почти безъ промежутковъ; крупный дождь, сопровождаемый сильнымъ градомъ, принудилъ насъ искать убѣжища: последовалъ примѣру нѣсколькихъ Осажей, укрывшихся подъ брюхи своихъ лошадей, снялъ сѣдло и накрылъ имъ голову. Намъ стоило большаго труда удерживать испуганныхъ лошадей. После грозы мы возобновили погоню, и удачная охота доставила намъ возможность наконецъ поцаровать въ шалашахъ.

Некоторые изъ нашихъ лакарей видѣли пѣшихъ Паниевъ; вечеромъ шалаши объявляли эту новость въ лагерь и советовали всѣмъ нежелательно лишиться волосъ и лошадей быть какъ-можно-бдительнѣе. Ранше было, чтобъ я и четверо моихъ товарищей караулили поочередно шалаши. Лишь-только стемнѣло, я вступалъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Скрывался за шалашомъ, въ сторонѣ отъ лагеря, я ви-

дѣлъ, какъ мало-по-малу гасли огни; по степи бѣгало несколько отравившихся лошадей; онѣ подходили къ убигой наканунѣ громовъ, обнюхивали ее и опять продолжали щипать траву. На опушкѣ лѣсы появлялись и исчезали свѣтлыя точки то въ воздухѣ, то на землѣ; если бы ихъ за блудящія огоньки: это были свѣтящіяся по ночамъ жестыя крылыя пастушья, которыхъ креолы называютъ *огненными мухами*. Около полуночи, меня смѣнилъ на часы одинъ изъ товарищей, и вскорѣ заснулъ кряжкимъ сномъ; но сонъ мой былъ недолгъ: онъ успѣлъ я сомкнуть глаза, какъ былъ пробужденъ зловѣщимъ воемъ бакъ, затанувшихъ хоромъ свой адскій напѣвъ. Черезъ четверть часа опять все затихло. Осажи увѣряли, что вой собакъ служитъ вѣрнымъ признакомъ близкаго присутствія Паніевъ, что однако не мешало имъ уснуть снова.

Военныя пляски должны были начаться съ завтрашняго дня. Утро употреблено на охоту. Множество любопытныхъ птицъ показывалось въ окрестности: сѣверный сарычъ, желтоголовый скворецъ, арканзаская мухоловка и нѣсколько разнаго рода воробьевъ и травниковъ. Степь была покрыта полянью и бобоноснымъ растеніемъ съ желтыми цвѣтами, котораго листья, подобно листьямъ недотроги, стѣживаются прикосновеніями; они сжимаются также на ночь, или когда срываютъ ственіе со стеблемъ. Большіе бѣлые маконники съ колючими листьями и красивыя вьюнки съ красными цвѣтами показывались мѣстами тыквенниковъ, неначинавшихъ еще цвѣсти.

Возвращаясь въ лагерь, я услышалъ издали произносимыя съ воемъ слова: мнѣ сказали, что это войны *ударяютъ столбъ*. Чемъ ближе, я увидѣлъ воткнутый въ землю и выкрашенный красной краской; храбрые приближались къ нему одинъ за другимъ, ударили въ топоромъ войны; потомъ, протянувъ къ нему руку, посчитали шаги и причины ненависти къ Паніямъ. Обычай этотъ напоминаетъ отчасти древнихъ рыцарей, которые дотрогивались остриемъ меча щета вызываемаго прѣтвника.

Военныя партизаны обошли по шалашамъ, возбуждая гнѣвъ и страхъ молодыхъ людей, напоминая имъ о подвигахъ отцовъ и укрѣпленіи трусости тѣхъ, которые отказывались отъ войны. Передъ шалашомъ старцевъ и шалашомъ храбрыхъ водрузили два флага, американскій и испанскій. Шонкѣ пересталъ быть главнымъ начальникомъ и сѣдѣлъ по-прежнему простымъ воиномъ; Пичѣ, храбрѣйшій изъ партизанъ, замѣнилъ его. Онъ имѣлъ право собирать во всѣхъ шалашахъ, доставляя корыслия своихъ воиновъ, дань связаго и сушеннаго мяса, жира, са, и проч.; остатки отсылалъ онъ семействамъ, нуждавшимся въ нихъ.

У одного изъ военныхъ огней навалили большую груду угля, вращеннаго въ мелкій порошокъ; его развели въ жирѣ, а на огонь поставили *котелъ-войны*.

Храбрые, желающіе принять участіе въ военной экспедиціи, должны сперва ударить столбъ, потомъ съѣсть на коня, обмыть шагомъ

сего лагеря и остановиться передъ партизаномъ, котораго желаютъ дѣлать своимъ предводителемъ. Произносятся рѣчи. Партизанъ принимаетъ или отвергаетъ вызывающаго кандидата въ витязи, смотря по окательствамъ его храбрости или выраженному передъ партизаномъ желанію сдѣлаться достойнымъ его сподвижникомъ. Если онъ принять, то ходитъ въ шалашъ войны, паряжастся во все, что у него есть лучшаго, вѣтъ изъ котла храбрыхъ и выкрашивается съ головы до ногъ приотвореннымъ углемъ: это называется *брать уголь*. Когда соберется остаточное число храбрыхъ, начинаются пляски.

Два толпы, пускаясь каждая отъ одного изъ шалашей войны въ разныя стороны, кружились около нихъ и приостанавливались лицомъ къ лицу всякій разъ, когда встрѣчались между собою. Войны кривлялись и корчились, какъ бѣшеные, прыгали, какъ безумные. Эти люди, гепенные, серьёзные, величавые наканувъ, походили теперъ на ватау одержимыхъ бѣсомъ. Они гримасничали, такъ-что чуть не вывихивали себя челюсти, страшно вращали глазами, судорожно корчили члены, произносили какія-то слова, испускали вполголоса военный крикъ, дарили въ барабанчики или дико свистали въ *тсу-тсе*, тростянковыя удочки. Нѣкоторые запѣвали воинскія пѣсни, которымъ аккомпанировали ударами вѣровъ по деревяшкамъ. Потомъ, сдѣлавъ еще одинъ ругъ около всего лагеря, они возвратились въ шалаша, запыхавшись, открытые потоми, и принялись за еду. Такова была первая часть *плекм-ула*.

Костюмы пласуновъ весьма-живописны. У однихъ были на головахъ лезня хвосты, прикрѣпленные на подобіе гривъ старинныхъ шлемовъ; другихъ были на лбу повязки, унизанныя клювами ворона, вырѣженными зеленымъ. Въ рукъ каждый держалъ копье или трубку, палку, вѣтеръ, топоръ храбрыхъ или старинный томагавкъ. Пучки доблаго пуха, орлиныя перья, буйволовые хвосты, маленькія тыквы, пущыя внутри и наполненныя камешками, шкуры волчьи или шаверовыя, входять также въ нарядъ Осажей, вмѣстѣ съ крыломъ *птицы-трубки*, т. е. бѣлоголоваго орла, которое служить имъ вмѣсто опахала. Важнѣйшіе изъ воиновъ носятъ *эбронъ*, и одинъ только великій глава держалъ въ рукъ извѣстный *кривой-жесалъ*.

Воронъ — украшеніе, сдѣланное изъ перьевъ птицы этого имени; его привязываютъ къ поясицѣ сзади, вышитымъ узоромъ поперекъ. Голова и хвостъ животного составляютъ оконечности массы черныхъ развѣивающихся перьевъ, прикрѣпленныхъ къ подушкѣ, изъ которой выходятъ четыре вѣтви, съ загнутыми кверху концами, украшенными цѣпками дикобраза и оканчивающіяся кистями бубенчиковъ. Подушка касается тѣла пласуна выпуклою стороною, такъ-что онъ каждымъ движеніемъ своимъ сообщаетъ вѣтвямъ сильное сотрясеніе; вѣтви шевелятъ перья и заставляють звенѣть бубенчики. Во время военныхъ плясокъ, тѣ только воины имѣють право украшаться *эброномъ*, которымъ удалось убить непріятеля, окруженнаго своими, и снять съ него досы. Нарядъ этотъ сберегается съ величайшимъ тщаніемъ въ лицѣ

ка изъ сушеной бизоновои шкуры; во время экспедицій его никогда не берутъ съ собою.

Кривою-жезлъ не что иное, какъ согнутый въ полукруга пруть, оберченный леблжимъ лукомъ; внутри его дуги висятъ бубенчики и орнныя перья: это знамя краснокожихъ воиновъ, которое непременно должно возвратиться въ цѣлости. Одному только совету храбрыхъ предоставляется назначеніе воина, который понесетъ этотъ священныи залогъ на войну; удостоенный такой чести признается самымъ храбрымъ изъ храбрыхъ. Онъ первый долженъ бросаться въ середину враговъ и указывать Осажамъ путь къ побѣдѣ. Когда экспедиція кончится, *крово-жезлъ* бросаютъ въ огонь и въ случаѣ надобности дѣлаютъ новый.

Въ-продолженіе плясокъ, партизаны, растрепанные, похульные отъ поста, сладовали за плясунами, то куря трубки съ величайшимъ спокойствіемъ, то испуская крики и стоны, отъ которыхъ растерзалось бы каменное сердце. Пока воины ѣли, она подносила имъ пищу, не касаясь сама ни до чего.

Пляски не переставали въ-продолженіе всего дня, съ тою только разницей, что за часъ до солнечнаго заката оба толпы стали у задней оконечности лагера и принялись кружиться въ противоположныя стороны на самомъ тѣсномъ пространствѣ. Пѣнію ихъ сопровождали музыканты, стучавшіе въ барабаны или палками; они стояли полъ конецъ между плясунами и лагеремъ, такъ, чтобъ не заслонять отъ воиновъ лучей заходящаго солнца. Вотъ единственный фактъ, по которому я могъ заключить, что Осажи имѣютъ особенное благоговѣніе къ солнцу.

Сдѣлавъ кругъ во время пляски, оба толпы останавливаются, и одинъ воинъ, потрясая оружіемъ, которое у него въ рукѣ, выходитъ изъ рядовъ и восклицаетъ: «народъ осажскій храбрѣйшій изъ всѣхъ народовъ, а я храбрѣйшій изъ Осажей!» Потомъ онъ *хвастаетъ* однимъ изъ своихъ подвиговъ, и всѣ снова начинаютъ вертѣться. Послѣ каждаго раза онъ долженъ *назвать ударъ*, такъ-что знаменитому витязю нужно много времени, чтобъ разсказать свои дѣянія. Дикари говорятъ только о себѣ; во время плясокъ, они ставятъ себя выше всѣхъ героевъ въ ширѣ. Скромность, по-видимому, не въ ихъ натурѣ; можетъ-быть, эта добродѣтель исключительно христіанская? Когда воинъ кончалъ разсказъ о своемъ подвигѣ, партизаны изъявляли ему свое одобреніе, говоря: *таніе нико-уасса*, «хорошо, мой храбрецъ», если фактъ былъ не выдуманъ; въ противномъ случаѣ они молчали.

Когда всѣ воины кончили свою похвалюбу, которую они неминуемо заключаютъ обращеннымъ къ непріятелю вызовомъ, они выстроились въ полукругъ, впаюю стороною къ заходящему солнцу. Каждая толпа размястилась на одной изъ половинъ полукруга; потомъ, присѣвъ на корточки, храбрые начали новую пляску. Воинъ, находившійся на внутренней оконечности одной половины, приподнявшись нѣсколько, началъ выть, сильно тряся головою; вскорѣ онъ выпрямился совершенно, подвигался на середину, прискакивая въ тактъ обѣими ногами и принимая болѣе или менѣе живописныя позы; потомъ онъ представлялъ

какъ воинъ, сидя въ засадѣ, замѣчаетъ непріятеля, гонится за нимъ, настагаетъ и убиваетъ его; тогда онъ вдругъ останавливался, восклицалъ: *tamé!* «хорошо», или «довольно», и возвращался на мѣсто. За нимъ начиналъ первый отъ середины другой толпы и дѣлалъ то же самое; потомъ второй изъ первой половины, и такъ dalje, то съ одной стороны, то съ другой, до того времени, какъ солнце совершенно закатилось подъ горизонтъ, послѣ чего пляски прекращались, и воины садились ужинать; партизаны также смывали съ себя землю и принимали пищу.

Такова у Осажей *пляска улля*, повторяющаяся сряду четыре дня, по истеченіи которыхъ партія отправляется въ походъ.

Ишта-Ска, сынъ нашей старой пріятельницы Уицингѣ, былъ однимъ изъ великихъ воиновъ народа. Онъ былъ женатъ и уже отцомъ семейства; но ему не доставало друга, брата по оружію; въ продолженіе плясокъ, онъ избралъ для этого молодаго воина, однихъ лѣтъ съ собою. По правятому обычаю, оба они спали двѣ ночи въ одномъ шалашѣ, покрытые одною бизоновою шкурой; потомъ они обмѣнялись украшеніями в оружіемъ, и стали называть другъ друга братьями.

Дружба эта, торжественно утвержденная клятвою, есть союзъ прочный, неразрывный; такимъ-образомъ срыпленная, она можетъ состояться одинъ только разъ, исключая того случая, если одинъ изъ братьевъ умретъ или погибнетъ. Если онъ падетъ въ бою, товарищъ обязанъ употребить всевозможныя средства, чтобы спасти его тѣло; если онъ обратится въ бѣгство, не спасши, по-крайней-мѣрѣ, волю своего брата, онъ обезчещенъ, и на него смотрятъ, какъ на лживаго друга. Поссорившись между собою, братья по оружію могутъ разрывать свой союзъ и разлучиться; но еслибъ имъ вздумалось составить новый, то трудно найти воина, который бы пожелалъ привязаться къ нимъ, не говоря уже о томъ, что новые друзья потребуютъ лошадей и подарковъ въ залогъ будущаго постоянства.

Человѣкъ сорокъ молодыхъ воиновъ и лапанівъ не хотѣли принять участія въ пляскахъ-улля, не взирая на приглашенія партизановъ и на то, что многіе, за отвращеніе къ войнѣ, получали по нѣскольку добрыхъ ударовъ плетью. Желая доказать свою храбрость, они осѣдлали лошадей за два дня до отъѣзда въ походъ военной партіи и отправились до-свѣта, не сказавъ никому куда. Они возвратились въ то самое утро, когда наши воины собирались выступить, и объявила партизанамъ, что миль за сорокъ отъ лагеря видѣли огромное селеніе съ многочисленными табунами лошадей. Они не смѣли, чувствуя себя слишкомъ-слабыми, осмотрѣть, какой народъ воздвигъ эти шалаши, но полагали, что это или семь деревень Паніевъ-Могавковъ, соединившихся между собою для нападенія на нихъ, или станъ Патѣковъ, направлявшихся къ Большому-Солончаку. Можно было также думать, что это была партія Патѣковъ, которая, по словамъ одного изъ ихъ вождей, *Тсет-гука* (Бизона), на-мѣревалась наказать Осажей за нарушеніе договоровъ. Патѣка этотъ дѣйствительно встрѣтилъ нѣсколько Осажей послѣ убійства, о которомъ я говорилъ выше, и угрожалъ имъ кровавымъ возмездіемъ.

Г. Папёнъ общалъ Осажамъ, что пойдетъ на войну вмѣстѣ съ ними; намъ очень хотѣлось послѣдовать за воинами, но онъ доказалъ намъ, что наши лошади, хотя въ сущности довольно-хорошія, не были достаточно-крѣпки для трудовъ и усталости степной войны, гдѣ ихъ никогда не разсылаютъ и даже не развудываютъ. Тамъ необходимо быть вѣчно на сторожѣ; часто приходится вскакивать на коня и убѣгать или нападать въ минуту удовлетворенія какой-нибудь нетерпящей физиологической потребности, или при самомъ началѣ отдыха послѣ длиннаго и быстрого перехода. «Удѣпетывающей Осажѣ не станетъ кнѣ отца роднаго», говорилъ намъ почтенный пашъ хозяинъ: «а если вы какъ-нибудь отстанете, то можете поплатиться волосами за ваше дѣйство». Джемсъ, у котораго лошадь была лучше нашихъ, сопровождалъ г. Папёна, который поручилъ моей заботливости свой пашъ свое хозяйство и семейство.

Мы часто ѣли изъ котла-воиновъ, но это не обязывало насъ ни къ чему. Одна только трапеза считается торжественнымъ общаніемъ съ доводами за партизанами: это послывшая пища, принимаемая въ лагерь передъ выступленіемъ воиновъ, изъ котла-лекарства. Такъ назывался блюдо вареныхъ въ водѣ бобовъ. Въ день выступленія, воиновъ созвали къ котлу-лекарства, около котораго г. Папёнъ и Джемсъ заняли свои мѣста. Партизаны выбрали себѣ къ тому времени гамачи, они ѣли вмѣстѣ съ храбрыми, которые смыли съ себя уголь и рванулись для войны.

Послѣ этого приступили къ открытію *циновки-войны*, откуда вытаскиваютъ *военныхъ-птицъ*. Циновка-войны у Осажей соответствуетъ *открытію мышку-лекарства* некоторыхъ другихъ краснокожихъ народовъ. Циновка эти сотканы весьма-правильно изъ бизовой шерсти и сдѣланы въ видѣ дорожныхъ мышковъ; внутри, ткань ихъ гораздо-тоньше, чѣмъ снаружи. Въ нихъ лежитъ *военная птица*—мѣшокъ изъ бѣлой кожи, въ которомъ кладутся волосы, содранные съ непріятельскихъ череповъ; кроме этого въ циновкѣ хранятся кусочки дерева, опредѣляющіе число и роль несенныхъ воиномъ *ударовъ*; нѣсколько небольшихъ, уродливо-изогнутыхъ или вырѣзанныхъ кусковъ камня или дерева, соответствующихъ *зарядно*, пенатамъ; наконецъ, нѣкоторыя украшенія, необходимые для войны, который наряжается на смерть. Къ шнуру этой циновки привѣшено новенно привѣшенъ пучокъ добытыхъ на войнѣ волосъ.

Открытіе циновки непременно должно быть сдѣлано жрецомъ-воиномъ, который выдаетъ храброму нужныя ему вещи; онъ же кладетъ въ циновку послѣ экспедиціи завоеванныхъ на войнѣ трофеи и возвращаетъ ихъ въ мѣсто военную птицу. Циновка, которую всегда хранятъ первыми доми, не должна никогда касаться земли; сходя съ лошади, воиновъ вызываетъ ее къ своему поясу и вкочливаетъ въ землю шею, чѣмъ ее повѣситъ, пока сооружается шалашъ. Осажѣ не уступитъ своей войной циновки ни за какія сокровища въ свѣтъ; она сопровождаетъ его могилу, если онъ умретъ въ своемъ селеніи. Ее никогда не берутъ на войну; одна только военная-птица украшаетъ тогда спину храброго.

Каждый воинъ разсказывалъ въ своемъ шалашѣ сны, видѣнные имъ въ предъидущую ночь, и выводилъ изъ нихъ благополучныя или несчастныя предзнаменованія.

Около десяти часовъ утра, партизаны вышли изъ селенія пѣшкомъ и безъ оружія; но лошади и вся военныя принадлежности ожидали ихъ на соседней высотѣ, назначенной сборнымъ мѣстомъ.

Храбрые, на красивыхъ коняхъ, легко вооруженные и красиво драпированные своими одеялами, выехали одинъ послѣ другаго, не прощаясь съ женами и дѣтьми. Никто не обнаружилъ горести, потому что она считается дурнымъ признакомъ; прощаніе какъ-будто показываетъ опасеніе никогда не увидѣться—Осажи фаталисты. Швейцаръ, Батистъ и Жозефъ отправились также; послѣдняго я не могу отпустить, не сказавъ несколько словъ о его блестящемъ костюмѣ. На немъ были миты и мокасины совершенно-новые; великолѣпный пунсовый сюртукъ, съ широкими отворотами, обшитый золотымъ галуномъ; бѣлая рубашка съ жабо и круглая европейская шелковая шляпа, украшенная тремя этажами лентъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ и тремя рядами перьевъ всѣхъ возможныхъ отливовъ. Къ этому надобно прибавить синее одеяло, лукъ со стрѣлами, пистолеть и лихаго американскаго коня въ щегольской осажской сбруѣ. — «Я хочу» говорилъ онъ передъ отъездомъ: «чтобъ Паніи знали, если они меня убьютъ, что они имѣли дѣло съ человекомъ порядочнымъ.» Вездѣ есть аристократія!

Партизаны предоставили управленіе лагеремъ огню старцевъ; у насъ осталось еще вдвое больше воиновъ, чѣмъ отправилось въ экспедицію. Храбрые оставили въ шалашахъ лучшее свое оружіе, и лагерь былъ въ состояніи выдержать нападеніе непріятеля. Часто случалось, что селенія бывали защищаемы одними женщинами, которыя съ успѣхомъ отражали непріятеля и заставляли его отступать съ значительнымъ урономъ. Онѣ умѣютъ не хуже вопновъ сдирать волосы съ побѣжденныхъ. Дикіе ари не питаютъ большаго почтенія къ прекрасному полу, а потому не пренебрегаютъ и женскими волосами, хотя мужскіе и въ большемъ почетѣ; за то женщины съ своей стороны обдираютъ черепа тѣхъ, кого имъ удастся убить.

Великій-Глава, отправившійся въ качествѣ простаго воина, несъ знаменитый кривой-жезль. Три женщины послѣдовали за партизанами, и жена главы не хотѣла, въ числѣ прочихъ, отстать отъ своего мужа. Была ли это ревность? Или, можетъ-быть, ее побудило то, что мужъ ея, раненный въ ногу, до того страдалъ на конѣ, что долженъ былъ отказаться отъ экспедиціи и возвратиться въ лагерь на слѣдующее утро, передавъ кривой-жезль въ доблестныя руки Ман-Чап-чѣ-Манн.

Два партизана, составлявшія экспедицію, были подъ предводительствомъ Изувѣченнаго и Пичѣ. Онѣ должны были напередъ увѣриться въ положеніи непріятельскаго стана, о которомъ донесли молодые воины, напасть на него и украсть у него лошадей, потомъ посѣтить Каменистый-Солокчакъ, прогнать изъ него Паніевъ, если они тамъ, и возвратиться, доведя свои поиски до Арканзаса.

Храбрые поднялись на одно возвышеніе, отстоявшее отъ востри на два, и остановились на два часа, въ-продолженіе которыхъ произошли еще нѣкоторыя церемоніи. Партизаны подробно осматривали каждаго воина, ходя вокругъ него; по результату этого осмотра раздѣлили всѣхъ на два отряда, изъ которыхъ второй, не зная почему, былъ названъ *Тьлами-Быковъ*. Воины, вѣстие изъ *комля-мкертва*, не могутъ ни подѣ какимъ предлогомъ отказать сдѣлать и партизаномъ; по онъ имѣетъ право отсылать назадъ тѣхъ, кого и считать способными къ исполненію своихъ намѣреній.

Послѣ роздыха отряда отправился далье, догнали стадо бизонъ, убили нѣсколькихъ, приготовили мясо и съѣли его до солнечнаго заката; потомъ они тронулись снова и остановились въ ранне-десѣт часовъ вечера; тогда расположились на ночь въ густомъ лѣсу. На время роздыха не зажигали огней и дошли убитое утромъ мясо. Издали часовыхъ, и каждый воинъ легъ спать, завернувшись въ шкуру оленя и держа лошадь за поводъ, въ совершенной готовности выскочить на нее при малѣйшей тревогѣ.

Осажи, храбрые днемъ, боязливы ночью; они страшатся привидѣній и въ особенности Паниевъ, которые могутъ имъ сдѣлать гораздо-болѣе зло, украсть лошадей; по-этому они избираютъ для походовъ не легковъ самыя вѣрныя убѣжища.

На слѣдующее утро, воины выстрѣлили изъ ружей, по обычаю, рядили ихъ снова, чтобъ быть увѣренными въ своихъ будущихъ успѣхахъ; потомъ пустились далье. Осажи вскорѣ напали на слѣды нѣкой партии, которая спачала направилась-было на нихъ, но потомъ пошла въ другую сторону. Это былъ, вѣроятно, небольшой отрядъ Паниевъ, который, услышавъ утренніе выстрѣлы, угадалъ присутствіе Осажей. Пришедъ на место, гдѣ, по сказанію молодыхъ людей, долженъ былъ находиться многолюдный лагерь, на который наша воинская команда была напасть, они не нашли ни шалашей, ни какихъ-либо слѣдовъ давно или недавно перебравшагося селенія. Бизонновъ, названныхъ того, было множество.

Вечеромъ другаго дня, расположился на одномъ островку среди Арканзаса, гдѣ было невѣроятное множество гнѣздъ арканзасскихъ индейцевъ. Между партизанами возникли несогласія: экспедиція была несправедливо поведена. Дѣйствительно, Жозефъ открылъ партию Паниевъ, вызвавшую тревогу, и воины, готовившіеся тогда завтракать, вскочили тотчасъ на коней, бросили въ кухню и нѣсколько пойманныхъ шакаловъ и нѣкихъ лошадей. Партизаны, вмѣсто того, чтобъ вести воиновъ къ тому мѣсту, чтобъ они могли приблизиться къ непріятелю незамѣтно, взяли другое направленіе; ихъ увидѣли, и когда они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ были Пании, то нашли тамъ только подвязку мокасина. По этому Осажи заключили, что она принадлежала Панію-Могавку, въ чемъ они окончательно убѣдились, рассмотрѣвъ внимательно слѣды, оставленные имъ мокасинами на землѣ. Такимъ-образомъ, непріятель устоялъ отъ нихъ.

Недовольные неспособностью партизановъ, вонны поворотили назадъ и пошли по прямому пути къ своему селенію. Быстрый переходъ не помѣшалъ, однако, въ некоторымъ, у кого лошади были получше, наловить немногочисломъ *блѣхъ* лошадей. Ман-Чап-чѣ-Мани ѣхалъ въ сторону отъ всѣхъ и горевалъ о томъ, что ему не удалось помѣриться съ непріателемъ. Не доходя на некоторое разстояніе до лагеря, партія напала на свѣжіе слѣды, оставленные по-видимому отрядомъ человекъ изъ пятидесяти; въсколко-далѣе, они замѣтили круглое вытопанное пространство, гдѣ непріатель дѣлалъ *лекарство* или колдовство; слѣды отъ этого мѣста направлялись прямо въ нашу станъ. Осажи подумали, что на насъ было сдѣлано нападеніе и поскакали во всю прыть, пока не очутились въ виду шалашей; но замѣтивъ, что у насъ все спокойно, они вспомнили о своемъ достоинствѣ и пріѣхали домой шагомъ.

Въ экспедиціяхъ подобнаго рода, не смотря на власть партизановъ, каждый дѣлаетъ почти что ему угодно и ѣдетъ безъ всякаго условленнаго порядка; но при малѣйшей опасности, всѣ храбрые соединяются въ мгновеніе ока и готовы устремиться на Паниевъ. Время познакомить читателя съ образомъ войны этихъ вѣчныхъ враговъ.

Пани-Могавки, живущіе на сѣверъ отъ Небраски или Плоской-Раки, величайшіе враги Осажей. У нихъ похищеніе лошадей цѣнится выше, чѣмъ волосы непріателей: цѣль ихъ экспедицій — добываніе чужихъ лошадей. Они проходятъ среди безчисленныхъ опасностей необъятную степь, отдѣляющую ихъ отъ селеній и охотничьихъ земель, гдѣ другіе народы проводятъ часть года. Военныя партіи Паниевъ никогда не бываютъ многочисленны: онѣ состоятъ человекъ изъ шести, восьми, пятнадцати, которые отправляются ишкомъ, безъ всякихъ запасовъ, вооруженные ножами, стрѣлами, топорами, рѣдко ружьями. Бизона насущнаго они ждуть отъ милосердія Великаго-Духа, прячутся для добыванія его въ засады и бьютъ этихъ животныхъ стрѣлами. Они слѣдятъ неподвижно въ своихъ ямахъ, допускаютъ бизоновъ окружать себя и потомъ застрѣливаютъ послѣдняго изъ стада. Усталость, голодъ, жары, недостатки, — ничто на нихъ не дѣйствуетъ. Бывали случаи, что молодые люди, пускаясь въ первый разъ на предпріятія этого рода, умирали, не доходя еще до непріателя. Горестно вѣдать, что столько терпѣнія, воздержанія, смѣлости и душевной силы расточается на кражу лошадей.

Нашедъ на слѣдъ непріателя, Пани-Могавки должны прибѣгать къ замысловатымъ уловкамъ, ко всѣмъ затаямъ самаго плодовитаго воображенія, чтобъ достигнуть своей цѣли. Они идутъ по отысканнымъ слѣдамъ и стараются догнать тѣхъ, кто ихъ оставилъ; удивная хитрость и осторожность, они уничтожаютъ слѣды своихъ собственныхъ шаговъ и не оставляютъ ни малѣйшаго знака, по которому враги ихъ, безпрестанно болдрствующіе и остерегающіеся, могли бы угадать ихъ движенія. Звѣрей бить имъ уже нельзя: оставленные остовы животныхъ возбуждаютъ подозрѣнія; они питаются кореньями, идутъ въ руслахъ рѣчекъ и ручьевъ, или стараются перемѣшать свои слѣды съ тѣми, которые оставили на пути другіе двари, перенося свой лагерь съ мѣста

на мѣсто. Днемъ они слѣдуютъ за нихъ переходомъ и приближаютъ къ новому роздыху. Скрываясь въ лѣсахъ, они выжидаютъ, не пройдетъ ли кто — нибудь на разстояніи полета ихъ стрѣлъ, а съ наступленіемъ ночи помышляютъ о лошадяхъ непріятеля. Покрытые бизоновомъ, лошадиною или оленьюю шкурой, они рыскаютъ вокругъ шалашей; если не представится благопріятнаго случая *слѣлать ударъ*, они ложатся слѣдующей ночи. Если нужно, они не отстаютъ отъ партіи въ-продолженіе всей охоты и дойдутъ за нею даже до постоянныхъ селеній.

Паніи въ-особенности предпочитаютъ для своихъ ударовъ темныя и бурныя ночи; подражая голосамъ дикихъ звѣрей, они дѣлаютъ другъ другу условные знаки, возбуждаютъ безпокойство и производятъ шумъ между лошадьми: потому-то Осажи и говорятъ, что Паніи колдуютъ, что лекарства ихъ имѣютъ силу призывать грозу, затемнять ночи, усилить вонювъ, тревожить лошадей. Но если все способы окажутся безуспѣшными, имъ остается еще одна, послѣдняя уловка. Одинъ изъ нихъ идетъ прямо и открыто въ непріятельскій лагерь, ласкается и гладитъ лошадей, не возбуждая недоувѣрчивости; между-тѣмъ, онъ образумитъ недоуздки и ремни, которыми лошади привязаны къ коновязямъ и стреножены, а потомъ, вскочивъ вдругъ на одного изъ лучшихъ скакуновъ, испускаетъ военный крикъ и уносится съ быстротою вѣтра; особенныя имъ лошади разбѣгаются по степи, гдѣ Паніимъ не стоить большого труда переловить ихъ. Иногда, если все вонны спать, онъ заползааетъ, тащась на брюхѣ, въ какой-нибудь шалашъ, молча упирается и обдираетъ черепъ храбраго, а потомъ похищаетъ его лошадей. Но Осажи знаютъ все эти хитрости; въ-продолженіе лѣтней охоты 1839 года, они добыли одиннадцать пучковъ паніевскихъ волосъ, которые сохнутъ въ селеніи Малыхъ-Оссовъ.

Могавки не теряютъ бодрости; вонны ихъ такъ доблестны, что сто отправляется какой-нибудь витязь одинъ, на разстояніи пяти или шестисотъ миль, за добычей непріятельскихъ лошадей. Такія экспедиціи часто стѣютъ жизни смѣльчакамъ, ибо все краснокожіе народы въ непримиримой враждѣ съ Паніями.

Однажды Пани скрывался въ ожиданіи благопріятнаго случая въ осажскомъ шалашомъ. Ман-Чап-чѣ-Мани, рыскалая по своему обычаю, замѣтилъ его, подползъ къ нему, потомъ, поднявшись вдругъ, взялъ его въ плѣнъ. Молодой воинъ былъ до того пристыженъ неожиданнымъ нападеніемъ, что рѣшился искупить свой позоръ самою смертію. Осажи хотѣли — было дать ему свободу. «Если вы меня отпустите» сказалъ онъ имъ: «я все-таки ворочусь въ укрѣпленія нашихъ лошадей, потому-что женщины наши стануть указывать дома пальцами и скажутъ: Вотъ тотъ, кого Осажи поймали въ плѣнъ, плохъ, когда онъ лежалъ на землѣ, какъ скава». — Осажи хотѣли усыновить. — «Вы думаете слѣлать изъ меня Осажу; но сердце мое останется Паніемъ, и онъ убѣжитъ съ лошадьми Осажей». — Осажи боялись смерти; его привязали къ столбу-мученія, и онъ умеръ съ жествономъ.

Солончаки были всегда спорнымъ пунктомъ между краснокожими народами: каждый приписывалъ себѣ исключительное право на обладаніе ими. Въ штатѣ Миссури три солончака, которые часто посѣщаются дикими: Большой-Солончакъ, Каменистый-Солончакъ и Ямистый-Солончакъ. Первый изъ нихъ хорошо-извѣстенъ; Каменистый получилъ свое названіе отъ большихъ грудъ находимой въ немъ каменной соли; онъ описанъ въ подробности майоромъ Лонгомъ. Около него находится огромный красивый кедръ, особенно-чтимый Паниами, къ которому войны ихъ приходятъ съ разными приношеніями и даже иногда дѣлаютъ тамъ жертвоприношенія. Вѣроятно, они считаютъ это дерево манити или божественнымъ стражемъ солончака. Къ этому же солончаку Осажи приходятъ преимущественно передъ другими.

Два года тому назадъ, г. Папѣнъ былъ въ экспедиціи, приходившей за солью къ Камнистому-Солончаку, на которомъ въ то время, на большомъ разстояніи отъ партіи, тридцать два Паниа запасались солью. Двадцать осажскихъ воиновъ пустились, чтобъ отрезать отступленіе своимъ вѣчнымъ врагамъ; видя себя открытыми, добыватели соли попытались бѣжать; но ихъ пѣшихъ скоро стѣснили до того, что они нашлись вынужденными спрятаться въ почти-неприступномъ убужищѣ, оставя на солончакѣ одного раненаго. Шабѣ-Шинка поскакалъ, чтобъ добыть его; не смотря на все его стараніе спрятаться за лошадыю, одна нога Осажа осталась на виду: умирающій Паниа пустилъ въ нее стрѣлу, которая надолго лишила Шабѣ-Шинку способности къ верховой ѣздѣ. Передъ ворою, куда спрятались остальные, развели огонь, чтобъ ихъ задушить дымомъ: еслибъ не вступился нашъ великодушный промышленникъ, то все они былибъ навѣрно убиты; но, уступая его просьбамъ, Осажи отказались отъ ихъ волосъ и дали имъ свободу; такимъ влияніемъ немногіе пользуются надъ краснокожими.

Ямистый-Солончакъ посѣщенъ былъ г. Эдуардомъ Шутѣ; онъ находится въ почти-неприступныхъ скалахъ, въ сторонѣ отъ земель, гдѣ охотятся Осажи; партіи ихъ рѣдко туда ходятъ.

Осажи ведутъ войну не такъ, какъ Паниа: цѣль ихъ благороднѣе — имъ надобны непріятельскіе волосы, а похищеніе лошадей считается дѣломъ второстепеннымъ. Иногда Осажи отправляются на войну пѣшкомъ, но большей частью партіи ихъ верховыя и всегда довольно-многочисленны; рѣдко выступаетъ ихъ меньше двадцати-пяти человекъ.

Война краснокожихъ не сходна ни въ чемъ съ войною другихъ народовъ. Правила ихъ совершенно-другія: они предпочитаютъ хитрость открытой силѣ и считаютъ достославнѣе обмануть бдительность непріятеля, чѣмъ добыть много вражьиxъ волосъ; у нихъ тотъ партизанъ, который приедетъ назадъ всѣхъ своихъ воиновъ и счумѣетъ избѣжать пораженія, цѣвится выше погди, который бы убилъ множество непріятелей, но лишился хоть одного изъ своихъ. Война краснокожихъ не что иное, какъ борьба хитрости и лукавства, гдѣ изворотливость ума играетъ самую важную роль: тотъ, кто ловче и сметливѣе, получаетъ большее количество непріятельскихъ волосъ. На войнѣ они обнаруживаютъ всю душевную силу, всю терпѣливость, прозорливость,

замысловатость и утонченность физических чувствъ, которыми ихъ надѣлила природа.

Когда военная партія нападетъ на слѣды непріятелей, то идетъ и нимъ съ тою же запальчивостью, смышленностью, съ тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ стая гончихъ за олснемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она тщательно скрываетъ свои собственныя движенія, чтобъ не быть застигнутою врасплохъ: храбрые хотятъ приблизиться къ врагамъ совершенно тайно и напасть на нихъ неожиданно. Но часто воины обѣихъ сторонъ встрѣчаются, и бой завязывается общимъ залпомъ или отдельными поединками; потомъ приближаются къ хитростямъ, показываютъ имъ миролюбія. Если, однако, сраженіе неизбежно, то каждый воинъ старается прикрыться всѣми естественными преградами, какія попадутъ ему подъ руку. Рѣдко случается, чтобъ они ограждали себя самыми простыми окопами. Когда двояри сражаются издали, бой бываетъ часто прерываемъ разными обстоятельствами: если, на-примѣръ, падетъ и нтъ съ которой-нибудь стороны, то друзья его перестаютъ пускаться стрѣлы въ непріятеля и окружаютъ убитаго съ печальною пльско-слезною тогда непріятеля бросаются впередъ съ дикими воплями-слезами, чтобъ воспользоваться его волосами; бѣтва у трупа дѣлается страшнымъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-нибудь; пльскъ прекращается — дѣло идетъ спасенію волосъ товарища. Враги схватываются грудь съ грудью, бьются на ножахъ, на топорахъ; обезоруженные воины терзаютъ своихъ противниковъ зубами и ногтями.

Рѣдко случается, чтобъ такія стычки бывали продолжительны: жарки, но коротки, и часто побѣдитель, удовольствовавшись однимъ пучкомъ волосъ, оставляетъ поле битвы побѣжденному. Торжествующій партизанъ пріобрѣлъ себя трофеей, люди его цѣлы, и вотъ почему часто побѣжденные не знаютъ чему приписать его внезапное отступленіе. Побѣдитель возвращается въ свое селеніе; но въ головѣ его встаетъ новый планъ, честолюбіе подстрекаетъ его впередъ, онъ начинаетъ и снова начинаеть наступательныя дѣйствія.

Партизанъ рѣдко принимаетъ личное участіе въ дѣлѣ; онъ управляетъ движеніями храбрыхъ, жизнь которыхъ на его отвѣтственности. Былъ однако случай, что молодой осажденій партизанъ, видя, что его неизменно будутъ подавлены числомъ, послалъ въ свое селеніе стараго воина съ извѣстіемъ о гибели храбрыхъ и погубъ самъ себя съ ними.

Побѣдоносные партизаны входятъ съ гордостью въ свои деревни и хвалятся свершенными ими подвигами; они посылаютъ въ сосѣднія селенія герольдовъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и такъ — телн ихъ всегда имѣютъ склонность сомнѣваться въ фактахъ, которыхъ справедливость не подтверждена очевидными доказательствами; то герольдъ разноситъ по шалахамъ лоскутки отъ каждаго мученика бытыхъ волосъ, обрамленные въ кружкахъ, украшенныхъ лѣбными пухомъ.

Тогда женщины и молодыя дѣвушки, нарядившись въ костюмъ и сплехъ воиновъ, начинаютъ пльску-волосъ. Онѣ облачаются до воиновъ

азрисовываютъ краснымъ или желтымъ цвѣтомъ пространства, оставшія между чертами, которыми татуированы тѣла ихъ. Руки ихъ вооружены тамагавками, и онѣ пляшутъ вокругъ красного столба, на которомъ повѣшены непріятельскіе волосы, дѣлая множество гримасъ и рывалій; наконецъ, онѣ вызываютъ на битву Півніевъ.

Волосы такъ высоко цѣнятся дикарями, что если обстоятельства заставляютъ ихъ торопиться и время не терпитъ, то они охотнѣе обдедутъ черепъ непріятеля, чѣмъ убьютъ его. Я видѣлъ Осажа, у котораго одинъ Патѣка содралъ часть военнаго пучка, не нанеся ему никакой ругой раны.

Мнѣ нѣсколько разъ случалось употреблять выраженіе: *нанести ударъ*; ора объясняется. *Нанести ударъ* значить украсть у непріятеля лошадей, ударить или убить человека, добыть волосы. Все это трудно и остославно, ибо почти невозможно обмануть бдительность дикарей. Какъ я уже говорилъ, нужны тысячи хитростей и уловокъ, а часто ерзкое пренебреженіе жизнью, чтобы похищать лошадей; но украсть хъ, надобно уйти, а бѣгство представляетъ новыя затрудненія, и разстоянія между селеніями или лагерями огромны, такъ-что воръ сильно рискуетъ быть пойманнымъ.

Ударить непріятеля требуетъ такой же храбрости и цѣнится у краснокожихъ такъ же высоко, какъ убить его или содрать волосы; достаточное, впрочемъ, ранить врага въ бою грудъ съ грудью, или просто догнать до него хоть только рукою, когда онъ окруженъ своими. Рѣшающійся на такой опасный подвигъ надѣтъ открытою ногой градомъ грядъ и пулъ къ непріятелю, котораго намѣренъ поразить, и подвернется вблизи ударамъ холоднаго оружія всахъ своихъ враговъ. Нужно больше храбрости, чтобы идти подъ выстрѣлами изъ луковъ и ружей, и коснуться рукою до вооруженнаго воина среди его собратій, вмѣстѣ для того, чтобы убить человека издали. Дикари очень-хорошо понимаютъ, что и трусъ можетъ быть отличнѣмъ стрѣлкомъ и убивать безопасно для себя самыхъ доблестныхъ воиновъ, а потому человекъ, рѣшающійся *ударить* своего непріятеля, считается у нихъ храбрымъ пераго разрада.

Каждый изъ этихъ разнородныхъ ударовъ удостоивается особеннаго отличія: воины, похитившіе лошадей, носятъ оранное перо въ волосахъ своего военнаго пучка; тѣ, которые убили, ударили врага или содрали у него волосы, имѣютъ право носить восточною топоръ храбрыхъ и убивавки.

Волосы и бѣглыя или непріятельскія лошади, добытыя на войнѣ, принадлежатъ, по обычаю, побѣдоноснымъ партизанамъ. Впрочемъ, часто случается, что некоторые изъ нихъ, желая пріобрести привязанность воиновъ на будущее время, не пользуются своимъ правомъ и предоставляютъ лошадей и пучки волосъ тѣмъ, кто ихъ добылъ. Такое великодушіе трогаетъ воиновъ, которые охотнѣе пойдутъ за щедрымъ партизаномъ въ другой разъ, и еслибъ слѣдующая экспедиція казалась неудачною, то бывають больше расположены къ снисхожденію.

Если партизанъ побѣжденъ, то, кромѣ стыда за поражение, онъ платитъ за лошадей и людей, которые на войнѣ погибли или были отбиты. Выгнанные отъ враговъ Осажи бросаютъ свое оружіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно стѣсняетъ ихъ движенія. Быстрога ихъ переходовъ изумительна: сто миль въ сутки (175 верстъ) безъ отдыха и пищи; часть сна, — а на другой день снова въ путь и опять съ той же скоростью. Побѣжденные входятъ въ свои селенія ночью; тамъ они прячутся и показываются не ране, какъ по прошествіи несколькихъ дней. Если Осажи *убиты*, т. е., если который-нибудь изъ храбрыхъ палъ, то партизанъ останавливается одинъ въ виду деревни и идетъ туда не иначе, какъ за тѣмъ, чтобъ принять смерть или отдать все свое имущество, въ замѣну жизни воина; но и тутъ онъ долженъ выспросить дозволенія жителей.

Война считается у Осажей чѣмъ-то въ родѣ религіозной церемоніи, и той цѣль поднести Уакода, или душамъ умершихъ волосы. Чѣмъ Осажей, война и религія такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ невозможно раздѣлить. Религія Осажей окружена глубокимъ мракомъ; и многие бѣлые постигли ея истинный духъ. Известно только, что Осажи признаютъ одного Бога всемогущаго, котораго называютъ Уакода и Великимъ Духомъ; у нихъ, по-видимому, есть разница между *Владыкою-Жизнью*; не означаетъ ли это названіе одного изъ атрибутовъ верховнаго существа? Богъ благой — источникъ всякаго добра и къ нему молятся въ пѣсняхъ и закуривая трубку; въ случаѣ несчастья Осажи не ропщутъ, а говорятъ: Владыка Жизнь допустилъ это. Тутъ проявляется фатализмъ, похожій на мусульманскій.

Они боятся Духа Зла: это божество, покровительствующее Пани, позволяеть душамъ усоншихъ блуждать по ночамъ на землѣ и мучить живыхъ. Духъ этотъ — творецъ всѣхъ бѣдъ; Осажи надѣются отпугнуть его гнѣвъ слезами и постомъ.

У нихъ есть *маниты*, или домашніе боги. Они бережно сохраняютъ въ своихъ военныхъ циночкахъ, а иногда носятъ и на себѣ уборы, которыя можно считать въ родѣ пелатовъ; къ нимъ они относятся съ особеннымъ благоговѣніемъ, но перемѣняютъ ихъ всякій разъ, когда войдутъ или недовольны.

Осажи вѣрятъ въ будущую жизнь, но не допускаютъ воскресенія мертвыхъ. Души храбрыхъ переселяются въ страны, взобильныя всякаго рода, гдѣ они встрѣтятъ души предшествовавшихъ имъ воиновъ; они счастливы, но Духъ Зла можетъ заставить ихъ скитаться по землѣ. Лапаны и трусы будутъ послѣ смерти въ степяхъ безъ всякаго гнѣва нѣтъ дичи. Мнѣ не сказали, имѣютъ ли краснокожіе право войти въ осажскій рай.

Воины бесѣдуютъ съ Великимъ-Духомъ и тѣнями мертвыхъ въ видѣніяхъ, которыя открываютъ имъ будущность. Непоколебимы въ этомъ вѣрованіи, Осажи желаютъ снова и неутомимо бьются въ толкованіи ихъ. Убѣжденіе въ пророчательную силу сновъ тѣмъ легче, что если кому приснится, что онъ долженъ умереть въ сраженіи, то онъ называетъ некоторыя украшенія, нарочно для этого храни-

и въ военныхъ цинонкахъ, и обрекается на смерть съ удивительною твердостью и хладнокровіемъ. Тогда онъ прощается съ своими, говоря: такъ повелѣлъ Владыка-Жизни».

Въ прежніе годы, Великому-Духу приносили въ жертву людей; за недостаткомъ пльнниковъ, убивали иногда какого-нибудь бѣдняка изъ своихъ. Миссіонеры и агенты мѣховою компаніи употребляли все свое мліаніе, чтобъ уничтожить этотъ варварскій обычай, въ чемъ они отчасти успѣли. Военнопльнные, однако, все еще привязываются къ паубному столбу и подвергаются самымъ ужаснымъ пыткамъ; но часто, по усиленнымъ просьбамъ бѣлыхъ промышленниковъ, Осажа даютъ имъ свободу или принимаютъ ихъ въ число своихъ.

Жрецы, такъ же, какъ и вожди осажскіе, не имѣютъ никакихъ отличительныхъ наружныхъ знаковъ. Есть воины, которые вмѣстѣ съ жрецами и врачами. Они скрывались отъ насъ для исполненія своихъ обязанностей. Впрочемъ, я видѣлъ, какъ они открывали и закрывали военныя циновки безъ всякихъ грамасъ и кривляній.

Миссіонеры пытались—было просвѣтить и обратить въ христіанство Осажей; имъ удалось улучшить въ некоторыхъ отношеніяхъ ихъ нравы, но они не могли убѣдить дикарей принять свою вѣру. Нѣсколько брэнсповѣданій и сектъ посылали къ нимъ своихъ миссіонеровъ; но акъ-какъ каждый представлялъ краснокожамъ ту же религію въ разныхъ видахъ, то они приняла за противоположности различныя отъѣтки христіанской вѣры.

Они съ уваженіемъ выслушивали поученія всѣхъ этихъ миссіонеровъ, передававшіася имъ черезъ переводчиковъ, и отвѣчали всѣмъ однимъ азсужденіемъ: «У насъ» говорили они: «есть Уаконда, который нами правляетъ, и мы довольны тѣмъ, что ему поклоняемся; отцы наши го видѣли и боготворили его. Вы предлагаете намъ новаго Уаконду, отораго мы не знаемъ; вы говорите, что онъ благъ и великъ, что нъ могущественнѣе нашего. Покажите намъ вашего Уаконду такъ, акъ отцы наши видѣли нашего, и мы станемъ поклоняться вашему Уакондѣ.»

У Осажей существуетъ однако одна церемонія, по-видимому перешедшая къ нимъ отъ миссіонеровъ, потому-что она во многомъ сходствуетъ съ нашимъ крещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія младенца, собираются его родственники, и послѣ пира, ребенка моютъ, даютъ ему имя, которое остается при немъ, пока онъ не заслужитъ званія какого-нибудь отличительнаго прозвища.

=

VIII.

ВОЛЬШОЙ СОЛОНЧАКЪ.

Когда воины наши отправились въ походъ, о которомъ я говорилъ уже, лагерь нашъ пріунылъ на нѣсколько часовъ, но вскорѣ принялъ ова свой оживленный видъ. Старые вожди пеклись о безопасности

всѣхъ. Они разставили молодыхъ людей на часы по окрестнымъ высотамъ, показавъ имъ, чтобъ они извѣщали обо всемъ, что увидятъ необыкновеннаго. Бизоны проходили мимо большими стадами, и каждый день Конзэ-Танга приносилъ мнѣ запасъ свѣжаго мяса. Между-тѣмъ трава дѣлалась по соседству рѣке, такъ-что канги должны были отъдать лошадей на пастбище на большое разстояніе отъ лагеря; это требовало болѣе-бдительнаго присмотра, потому-что въ окрестностяхъ видѣли нѣсколько пѣшихъ партій Паниенъ, которыхъ старцы не считали нужнымъ преслѣдовать.

Великій-Глава возвратился на другой день послѣ выступленія партіи глава на ногу мучила его до того, что онъ былъ принужденъ откаться отъ экспедиціи. Онъ велѣлъ позвать меня, и когда я предположилъ, что было нужно, онъ представилъ мнѣ свою жену, у которой сильно болѣло плечо. Я разспросилъ ее и узналъ ея исторію. Мамакига развелся съ первою женою, чтобъ жениться на Витимѣ; но первая не хотѣла оставить эту обиду безнаказанною: она отомстила совершивъ ударомъ копыя, который непременно стоилъ бы жизни, еслибъ былъ раньше направленъ. Съ того времени Витимѣ чувствуетъ въ раненномъ мѣстѣ мучительныя боли, которыя мнѣ удалось усюконтить, прикладывая цѣлты блага мака, растущаго въ большомъ изобиліи въ этой части стеной.

Жены отсутствующихъ воиновъ плакали регулярно по утрамъ. Второй день, вмѣсто того, чтобъ класть себя въ землю и постыдиться, привела себя на волосахъ и щекахъ четыре полосы, попеременно, бѣлыя и красныя. Старая Уишинге объяснила мнѣ, что эта разсѣянная занимаетъ землю въ отсутствіе мужей; женщина эта не обнаруживала ни малѣйшаго безпокойства, ни малѣйшей грусти, хотя у нея тогда два сына были на войнѣ; младшій сынъ, которому было только шестнадцать лѣтъ, отправлялся на войну въ первый разъ.

Женщины забавлялись игрою въ чѣтъ и нечѣтъ, или разговоромъ передъ шалашами, спокойно сидя на-корточкахъ. Канги играли по-прежнему, а маленькія дѣвочки развѣсь передразнивали занятія своихъ матерей. Одна шла на четверенькахъ, какъ павьюченнаго багача; шадъ; другія разгружали ее и потомъ общими силами строили изъ нѣсколькихъ палокъ и одѣяла; когда шалашъ былъ готовъ, дѣти прятались въ него съ веселыми криками и хохотомъ, втыкали въ землю колья, на подобіе лошади, и садились на нихъ, какъ конь.

Хорошенькая малютка Ангамы, дочь старой Уишинге, порочнаго поступкомъ, который оправдывается правами и обыкновеніями народа, мать сделала ей какое-то замѣчаніе, а она съ сердцемъ велѣла ей замолчать, и мать замолчала. Нѣсколько дней спустя, дочь сосала Шабѣ дала своей матери пощечину; множество женщинъ собрались около шалаша Шабѣ и затянули пѣсню слезъ, которая продолжалась до самаго вечера въ оплакиваніе этого происшествія. Она справедливо считалась плохимъ знакомъ дѣвочки дурнымъ предзнаменованіемъ для ея будущности.

Такое грубое неуваженіе тѣмъ болѣе предосудительно, что осажскіе родители безпримѣрно нѣжны и слабы съ своими дѣтьми; если есть на вѣтъ избалованныя дѣти, то вѣрно същется мало такихъ, какъ у краснокожихъ. Маленькіе вонны и дѣвочки помыкають своими родителями какъ имъ угодно, и тѣ безпрекословно исполняютъ пустыишія ихъ прихоти; когда у нихъ-самихъ заведутся дѣти, то имъ настанеть очередь повиноваться. Въ шалашъ больше всего трудится мать семейства, а молодѣжь смотритъ на нее, нисколько не беспокоясь. Сынъ Шабе, маленькій пятилѣтній канга, былъ своихъ сестеръ и мать, если онъ не въ ту же минуту бросались исполнять его капризы; но тогда женщины не собирались для гореванія надъ преступленіемъ будущаго витязя, который уже обнаруживалъ, какъ всѣ говорили, дерзость, необходимую брабору.

Въ советѣ, мнѣнія и опытность стариковъ пользуются большимъ уваженіемъ; они исполняютъ въ селеніяхъ обязанность герольдовъ и заботятся о безопасности всѣхъ, а молодые люди, когда надъ ними бодрствуютъ старцы, только курятъ, разговариваютъ и спятъ.

Разъ молодые люди подняли въ лагерѣ тревогу: они видѣли нѣсколькихъ всадниковъ, осторожно пробравшихся по долинамъ и оврагамъ къ шалашамъ. Советъ собрался у огня старцевъ и человекъ тридцать крошо-вооруженныхъ наездниковъ поскакали на указанное мѣсто для разведки. Они скоро возвратились въ сопровожденіи Учинка-Игри и сорока конныхъ воиновъ. Вождь этотъ занялъ мѣсто у костра и объявилъ старцамъ, что къ нему приходитъ посланецъ Папѣковъ, чтобъ напомнить о свиданіи, назначенномъ на Большомъ-Союнчакъ въ день июльскаго полнолунія. Желая отправиться на солончакъ вмѣстѣ съ нами, онъ уговорился съ нашими старцами, что зайдетъ сногъ, когда сложитъ шалаша и тронется въ путь. Онъ удостоилъ насъ довольно-долгаго посѣщенія, при чемъ дружески поручилъ Союнъ, чтобъ она передала мужу принесенныя имъ къ Осажамъ вѣсти, ибо онъ замѣтилъ въ советѣ старцевъ нѣкоторыя опасенія насчетъ истинности Папѣковъ.

Г. Папѣнъ очень желалъ свиданія съ этимъ сильнымъ народомъ. Мы, подобно ему, горѣли любопытствомъ увидѣть свирѣпыхъ воиновъ, у которыхъ одинъ только бѣлый, г. Шубѣ, гостилъ въ степяхъ.

Жизнь въ нашемъ лагерѣ дѣлалась съ каждымъ днемъ непріятнѣе. Убитая громомъ лошадь все еще лежала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; другая вздохла по близости отъ укушенія гремучей змѣи. Эти два рупа, вмѣстѣ съ супившимися шкурами и выброшеннымъ мясомъ, изавали самый нестерпимый сырдь. Осажи бросаютъ лишнее мясо на другой день послѣ того, какъ убито животное; можно вообразить, сколько оно валялось при нашемъ настоящемъ изобиліи. Къ скудности травы и безнѣ вслкихъ нечистотъ присоединились еще ужасныя насѣкомыя, которыхъ развелось немыслимое множество. Нѣсколько собакъ взбѣсилось; жары засушили многіе ручейки, а оставшіеся большею частію превращены кангами и лошадьми въ жидкую грязь: необходимо было перенести лагерь въ другое мѣсто.

Т. Л. — Огл. II.

8

Однажды утромъ, старуха Ушингѣ объявила мнѣ, что воины наши возвратятся въ лагерь около полудня; она указала даже съ подробностью на мѣсто, съ котораго они должны были появиться. Я не хотѣлъ вѣрить такому предсказанію, которое казалось мнѣ сомнительнымъ. Однако, около полудня, длинная вереница нашихъ храбрыхъ действительно показалась на томъ самомъ холмѣ, о которомъ говорила Ушингѣ. Они привели съ собою нѣсколько пойманныхъ во время похода степныхъ лошадей. Я спросилъ, удалось ли военной партіи добыть волося, вол. Папѣнъ отвѣчалъ, что еслибъ у воиновъ были эти трофеи, то собаки навѣрно возвестили бы о томъ гораздо-прежде прибытія ихъ въ лагерь; онъ присовокупилъ, что собаки дикарей всегда воютъ особеннымъ образомъ, когда партизаны возвращаются съ содранными съ головъ неприятельскихъ волосами.

Къ вечеру зажгли степную траву, чтобъ извѣстить Учинка-Лагри о прибытіи воиновъ. Свѣжій вѣтръ быстро распространялъ пламя, и когда ночь совершенно стемнѣла, можно было видѣть, какъ длинная полоса огня пожирала степь съ искрами и шумомъ, похожимъ на трескъ зажженного сухаго хвороста. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, поднималось на холмы и разстилалось широкою скатертью по равнинамъ. Мѣстами, огненный потокъ, обогнувъ хребетъ пригорка, по-видимому, вдругъ прерывался и останавливался у подошвы косогора. Красноватое зарево, постепенно теряясь въ дымъ, вѣнчало эту необъятную картину, передъ которою промелькивали какъ тѣни сорвавшіяся лошади и ночныя птицы.

Не смотря на всѣ наши старанія, лошади часто успѣвали освободиться изъ своихъ путъ и убѣгали щипать траву; потомъ онѣ по нѣскольку разъ и всѣ вмѣстѣ прискакивали назадъ къ лагерю, възрѣло, убѣгая отъ преслѣдованія волковъ, которыхъ злощій вой раздавался вдали по степи. Чтобъ устроить непреодолимую преграду этимъ ночнымъ прогулкамъ, въ-продолженіе которыхъ Панін легко могъ бы украсть бѣглецовъ, мы утвердили надежныя перекладины между каждымъ изъ шалашей, окружавшихъ лагерь. Въ случаѣ нечаяннаго нападенія, они могли бы служить намъ полезною обороною. Предосторожность эта не мешала намъ, однако, удвоивать бдительность, когда приближался рассвѣтъ, потому-что военныя партіи всегда избираютъ для своихъ выведеній время за часъ до восхода солнца.

Шонкѣ снова облекся властью, переданною имъ на время военнымъ партизанамъ. Рѣшено было дать воинамъ и конямъ два дня отдыха.

Одинъ Осажъ досталъ себя какъ-то отъ бѣлыхъ промышленниковъ часть кларнета; дополнивъ и усовершенствовавъ его по-своему, онъ принялся дуть изъ всей мочи въ свой чудный инструментъ. Терпѣнъ и частыми упражненіями достигъ онъ наконецъ до того, что могъ выдуть три ноты, которыя повторялъ безпрестанно, занимаясь музыкой каждый вечеръ по нѣскольку часовъ. Тѣ, кому случалось жить по соседству съ любителями, начинавшими учиться играть на флейтѣ или на англійскомъ рожкѣ, могутъ вообразить, до какой степени насъ удивляла его музыка.

Инструментальная музыка вообще не далеко подвинулась впередъ!

Осажей. Они сопровождаютъ своему пѣнію, ударяя въ тактъ въеромъ до палки; кромѣ этого, у нихъ есть еще *тсу-тсе*, или тростниковыя дудочки, бубны съ двумя кожами, и наконецъ, въ торжественныхъ случаяхъ, они натягиваютъ смоченную шкуру на котель, въ видѣ лютни: искусство у нихъ еще въ младенчествѣ.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ лагерь, намъ не давала покоя туча большихъ мухъ, привлеченныхъ въ наше сосѣдство выброшенными остатками мяса. Пожаръ степи удалил бизоньихъ, и такъ-какъ мяса не было засушено въ запасъ, то недостатокъ провизіи сдѣлался ощутителенъ; между-тѣмъ, огни Учиника-Лагри давали намъ знать, что пора тронуться на соединеніе съ нимъ.

Великій-Глава возвѣстивъ войнамъ недавнее посѣщеніе Учиника-Лагри и передалъ имъ слова его. Батистъ перетолковалъ ихъ по-своему: по его мнѣнію, цѣль Красной-Птицы состояла въ томъ, чтобъ заманить насъ въ засаду, пока самъ онъ будетъ возвращаться въ свое селеніе; онъ увѣрялъ воровъ, что Патѣки, разъяренные на бывшихъ послѣ дѣла хасскихъ плѣнниковъ, непременно захотятъ насъ убить, а Осажи, лишкомъ-слабые и немогущіе защитить гостей своихъ, выдадутъ насъ. Мы такъ хорошо знали характеръ Осажей, что не могли слабо вѣрить словамъ метаса. Въ сущности, Батистъ боялся возмездія Патѣковъ и отовъ былъ пожертвовать своей безопасности выгодами назначенной вновь торговли, для которой онъ привезъ изъ Нюн-Шу разныя товары. Мнѣніе его было принято многими, къ томъ числу партизаномъ Повкѣ; но, съ другой стороны, самъ Великій-Глава увѣрялъ, что не редковъ никакой опасности, если идти, какъ было условлено, къ большому-Солончаку. Когда сложили шалаши, чтобъ тронуться въ путь, лагерь нашъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи.

Передъ самымъ выступленіемъ пришелъ къ намъ молодой конезъ, мученный до полусмерти голодомъ и усталостію. Онъ блуждалъ уже нѣсколько дней по степи и шелъ на удачу, какъ вдругъ огни наши указали ему дорогу къ лагерю и привели къ шалашамъ. Взрослый не затрудился бы въ степи, но бѣдному конезъ было только шестнадцать лѣтъ. Ему дали кусокъ мяса и лошадь, и онъ присоединился къ шедшимъ вмѣстѣ съ нами конзамъ.

Намъ пришлось проходить совершенно-пустынную страну, и мы направили путь къ югу. Земля была покрыта чернымъ пепломъ и полуорышными травами; нѣсколько деревьевъ съ порыжѣлыми листьями звѣщали также, что разрушительная стихія прошла по этому мѣсту. Совершенно-измѣнившійся наружный видъ почвы представлялъ уже взоръ не гладкія зеленыя равнины, окруженныя волнистыми холмами, но горькіе косогоры, трещины и глубокіе овраги съ густыми кустами ривника.

На слѣдующемъ роздыхѣ, собрали новую военную партію, которая гавила насъ, не дѣлая лекарства-уил. Она состояла изъ тридцати конезъ, которыхъ отрядили для рекогносцировки Каменнстаго-Солончака и которые должны были воротиться на третьи сутки.

Время наше проходило въ погоняхъ за бизоньихъ, довольно-безуспѣш-

ныхъ. Воины упражнялись въ стрельбѣ изъ лука пѣшкомъ; цѣлю служили два охотника, растянутыя шагахъ въ ста-двадцати одно отъ другаго. Чья стрѣла пролетала мимо, тотъ выключался изъ числа стрѣлковъ; призъ отдавался тому, кто попадетъ въ самый центръ охотника.

Вечеромъ другаго дня пути, мы увидѣли пѣшую военную партію, которая шла прямо на насъ: то были шестьдесятъ человекъ Малыхъ-Осажей, направлявшихся въ свой лагерь, который находился миляхъ въ тридцати отъ насъ. Они провели ночь вмѣстѣ съ нами. На утро послѣ ихъ ухода, одинъ изъ нашихъ конзовъ жаловался, что у него украли коня, купленного имъ у одного изъ воиновъ, съ которыми мы только-что разстались. Такъ-какъ краснокожіе берутъ свое добро вездѣ, гдѣ оно имъ попадется, не утруждая себя воспоминаніемъ о полученныхъ въ замѣну его вещахъ, то пѣшій Малый-Осажъ счелъ удобное возвратиться къ шалашамъ на своемъ прежнемъ конѣ, которого онъ и взялъ у конзы, не сказавъ ему ни слова. Этотъ пошелъ и потребовать свою лошадь, которую ему тотчасъ же и отдали, а Малый-Осажъ получилъ отеческое увѣщаніе, на долго оставившее на его кожѣ замѣтные слѣды.

Двое молодыхъ людей, бывшихъ въ отряженной отъ насъ военной партіи, возвратились въ тотъ вечеръ въ лагерь съ печальными вѣстіями: они сказали, что партія встрѣтила Патѣковъ, которые убили всѣхъ Осажей, кромѣ ихъ, и что сами они обязаны спасеніемъ единственно прѣткости лошадей своихъ. Уныніе распространилось во весь лагерь; женщины плакали; советъ собрался для совѣщаній. Тотчасъ же послали гонцовъ къ Уачинкѣ-Лагри и Кагикѣ-Танга (Толстому-Вождю). Мнѣнія въ советѣ были различны: слѣдовало ли, какъ предлагалъ Батистъ, сложить шалаши и отправиться въ постоянныя селенія, или соединиться съ другими отраслями осажскаго народа и ждать?—Вождь говорилъ, что молодымъ людямъ нельзя еще вполне доверять; они могли ошибиться или струсить при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, и въ такомъ случаѣ, чтобъ скрыть свой стыдъ, они выдумали повѣсть о Патѣкахъ. Благоразуміе дождалось вѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ отъ *порядочною человека*; а если послѣ срока, назначеннаго для возвращенія храбрыхъ, никто не явится черезъ двое сутокъ, то можно укрѣпиться въ надежной позиціи и ждать, что будетъ.

На ночь назначили сильный караулъ, который долженъ былъ вступить въ должность черезъ два часа послѣ солнечнаго заката. Хорошо-вооруженные всадники собирали подъ вечеръ пасшихся въ степи лошадей и отводили ихъ къ шалашамъ, какъ вдругъ услышали недалеко въ лѣскѣ ружейный выстрѣлъ. Воины схватились за оружіе и устремились въ чащу, испуская военный крикъ. Они нашли только пристрѣленнаго пулею волка и молодого Осажа, скрывавшагося въ кустарникѣ. Канга этотъ, отыскивая въ лѣсу лошадей, замѣтилъ волка, который прятался въ хворостникѣ; думая, что это перереженный Пани, онъ выстрѣлялъ по немъ изъ ружья, но, услышавъ военный крикъ Осажей и отвѣтъ на свой огонь, счелъ благоразумнымъ прижаться, чтобъ его самого не признали въ-потьмахъ за непріятеля.

Не смотря на всѣ признаки скорой и сильной грозы, воины отправились на опредѣленные имъ на ночь посты. Гроза между-тѣмъ приближалась и разразилась съ ужасною силой; проливной дождь вскорѣ заливал огни и наводнилъ шалаши; молніи ослѣпляли глаза, громъ гремѣлъ непрерывно оглушительными раскатами. Испуганныя лошади порывались отъ своихъ коновязей, угрожая общедо суматохой. Надобно было ласкать ихъ, приговаривать, а потоки дожда промочали между-тѣмъ одяла наши до нитки. Такая ночь была бы истиннымъ кладомъ для Паніевъ. Громъ и молніи не переставали во всю ночь; удары ихъ низвергали старыя деревья, среди столба дождевой воды, крутимаго бѣшенными порывами вѣтра.

Шопкѣ хотѣлъ подняться на другой день послѣ грозы, дождавшись, по обычаю, до полудня, чтобъ дать время просохнуть шкурамъ шалашей; партизанъ дѣйствовалъ во всемъ по совѣтамъ Батиста. Когда все высохло, онъ велѣлъ складывать шалаши. Великій-Глава прислалъ намъ сказать, чтобъ мы не трогали нашего; онъ не хотѣлъ выступать до возвращенія партіи нашихъ воиновъ, потому — что между ними могутъ быть раненные, которымъ понадобится скорая помощь, и въ такомъ случаѣ онъ, вѣроятно, не будутъ въ-состояніи идти по нашему слѣду до будущаго роздыха.

Со всѣхъ сторонъ выводили навьюченныхъ лошадей и складывали шкуры. Боевой конь Мажакты стоялъ передъ его шалашомъ, и помокъ Бѣлыхъ-Волосъ, разраженный во все, что у него было лучшаго и блестящаго, вскачалъ въ сѣдло и вооружился своимъ длиннымъ копьемъ. Великій-Глава Осажей вознамѣрился взять въ свои руки верховную власть. Онъ объѣхалъ вокругъ всего лагеря и приказалъ выстроить снова шалаши. Повелѣніе его было исполнено немедленно и безропотно; самый покорный бѣлый не повиновался бы, не сказавъ, по-крайней-мѣрѣ, что еслибъ приказаніе пришло хоть немного-ранѣе, то избавило бы его отъ труда снимать и накладывать кожи на строила шалаша.

Костюмъ Великаго-Главы произвелъ полный эффектъ, котораго онъ, вѣроятно, ожидалъ заранѣе. Къ всегдашней одеждѣ своей онъ прибавилъ кое-что, заимствованное отъ просвѣщенія. Просторный красный сюртукъ съ синими отворотами, воротникомъ и обшлагами, обшитый широкимъ золотымъ галуномъ, былъ обхваченъ вокругъ стана серебрянымъ военнымъ шарфомъ; на бритой головѣ его красовалась большая треугольная шляпа, украшенная необъятнымъ султаномъ изъ красныхъ перьевъ. Ничего не могло быть смѣшнѣе Мажакты, величественно развѣзжавшаго въ своемъ чудно-составленномъ костюмѣ.

Въ тотъ же вечеръ воины наши возвратились въ лагерь въ добромъ здоровьи и привезли съ собою большіе кристаллы горной соли, навѣщенные съ боковъ сѣдла. Они рассказали, что, увидя вдалекѣ конную военную партію, они бросились въ атаку; потомъ съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись издали нѣсколькими выстрѣлами, которые, къ счастью, никого не ранили, и наконецъ, сойдясь ближе, Осажи узнали союзниковъ своихъ Конзовъ, возвращавшихся отъ Каменстаго — Солончака. Два

дѣстника несчастія убѣжали прежде, чѣмъ узнали, кто такіе были по-
пріятеля. Осажи гонялись вмѣстѣ съ Конвами за бизономъ в бѣлыхъ
лошадыи и потомъ направлись къ своимъ.

Молодые люди, поднявшіе въ лагерь тревогу, находились подъ ма-
лымъ покровительствомъ Батиста и, вѣроятно, по его внушенію пра-
везли дурныя вѣсти, чтобъ заставить селеніе подняться в адѣи къ об-
ратный путь. Истина, конечно, не замедлила бы открыться; но метисъ
хорошо зналъ, что еслибъ Осажи тронулись, то уже не стали бы ве-
раться туда, откуда вышли.

Въ сосѣдствѣ нашемъ появились большіе табуны бѣглыхъ лошадей.
Человѣкъ пятьдесятъ всадниковъ, вооруженныхъ на всякій случай
только луками и стрѣлами, отправились на ловлю съ жердями, на раз-
двоенномъ концѣ которыхъ были привѣшены длинныя кожаныя ре-
вѣки съ широко-открытою петлею въ удавку,—эту петлю ловецъ на-
женъ былъ набросать на шею лошади. Въ тотъ день поймали и пре-
вели въ лагерь девять дикихъ лошадей.

Креолы назвали бѣлыми лошадями, живущихъ въ дикомъ состояніи
въ безпредѣльныхъ степяхъ Сѣверной и Южной-Америки. Полагаютъ,
что онѣ происходятъ отъ лошадей, потерянныхъ испанскими завоева-
телями Мексики; табуны ихъ умножились всѣми тѣми, которыя обжи-
ли у моравичныхъ жителей. Такимъ-образомъ составилась конна-
я порода изъ смѣси англійскихъ и андалузскихъ лошадей. Онѣ вообще
жершо сложены и жирны. Въ Сѣверной-Америкѣ такія лошади имѣ-
ются немногочисленными табунами: ихъ рѣдко попадается больше десяти
слѣдѣ вмѣстѣ, но за то онѣ попадаются часто, и всѣ дикари поспѣ-
ваютъ за ними охотятся.

Послѣ переправы черезъ Арканзасъ, идучи на охоту за бизономъ,
Осажи запасаются тонкими жердями, длиною въ восемь или десять фу-
товъ съ раздвоеннымъ концомъ, наподобіе небольшихъ вилъ. Войдя въ
степи, гдѣ водятся дикія лошади, т. е. миль за полтораста или двѣ
отъ рѣки Арканзаса, они посылаютъ передовые разъѣзды для отыс-
канія бизононь и лошадей; если поиски успѣшны, они возвращаются
дѣлая кривой путь, какъ я уже говорилъ выше, и отдаютъ парти-
занамъ подробный отчетъ обо всемъ видѣнномъ. Тогда собирается совѣтъ,
если возвращенное по близости число лошадей достаточно, то начи-
нается охота и объявляется воннамъ.

Тогда выводятъ скакуновъ, на которыхъ охотники садятся безъ са-
делъ, съ лукомъ, колчавомъ и жердью; ремень отъ петли привѣшенъ
вмѣстѣ съ длиннымъ концомъ недоудка къ поясу всадника. Когда
ловцамъ приходится прохзать миль пятнадцать прежде, чѣмъ они
берутся до дикихъ лошадей.

На ловлѣ, такъ же, какъ и на погонѣ за бизономъ, есть самыя
назначенныя для наблюденія за исполненіемъ приказаній партизанъ,
которыя уравниваетъ случайности для всѣхъ: горе тому, кто выр-
вется за лѣнію солдатъ! Дикія лошади обращаются изъ бѣгства
только завидятъ ловцовъ, и уходятъ отъ нихъ съ самаго начала
значительное разстояніе впередъ, а самыя быстроногія почти и

вершено скрываются. По знаку партизана, ловцы устремляются во всю прыть, испуская военный крикъ, разделяются на нѣсколько кучекъ и приближаются къ бѣглецамъ. Испуганныя лошади тѣснятся, бьются, мѣшаютъ другъ другу, потому и сами рассыпаются по степи. Малѣйшій бѣглый лошади ускакивали прямо, то ловцамъ ихъ никогда бы не поймать; но онѣ мечутся по сторонамъ и дѣлаютъ крюки, которые кочники безпрестанно пересѣкаютъ и такимъ образомъ подгоняютъ ихъ, не утомляя черезъ-чуръ своихъ собственныхъ лошадей. Впрочемъ, тотъ, кто ускачетъ дальше прочихъ, передаетъ настигнутую лошадь следующему, а самъ пускается за другою. Настоящее испытаніе дѣйствительной быстроты начинается не прежде, какъ когда охотникъ дѣйствительно приблизится къ бѣглой лошади, за которою онъ гонится; она уже утомлена, и ему скоро удастся надѣть ей посредствомъ палки петлю на шею.

Каждая лошадь удваиваетъ усилія; но петля затягивается болѣе и болѣе, и мѣшаетъ ей бѣгству; она мечется, лягается, поднимается на дыбы, но усталость останавливаетъ ее, и часто она падаетъ безъ движенія на землю. Тогда овладеваютъ ею два дикаря и заставляютъ ее вращаться между собою, держа съ каждой стороны за недоуздки; они слѣдятъ за всеми ея движеніями: когда она остановится, они заставляютъ ее идти и скачутъ рядомъ съ нею. Метода ловли краснокожихъ очень блистательна, какъ мексиканская, которая требуетъ отъ всадника выносливостя и большаго искусства набрасывать арканъ, а отъ него силы, сметливости и ловкости.

После пойманныхъ бѣглыхъ лошадей въ лагерь, Осажи крепко связываютъ ихъ къ деревьямъ множествомъ длинныхъ ремней, которые берутся за голову и поперекъ тѣла; если лошади не стоятъ смирно, связываютъ глаза. Осажи держатся правила пускать лошадей бѣжать въ первые восемь дней ихъ плѣна. Обыкновенно, недѣли черезъ бѣглыя лошади уже вступаютъ на переходахъ вмѣстѣ съ селеніемъ въ всякихъ путь, и не стараются возвратитъ себя потерянную собственность.

Въ продолженіе этой ловли, Мажакита упалъ съ коня и переломилъ лѣвую ключицу. Я имѣлъ честь быть приглашену къ его величеству и сдѣлать ему перевязку изъ бинтовъ всѣхъ концовъ. Но непокорный пациентъ мой ни за что не хотѣлъ носить лѣвую его перевязку, отъ которой пришлось поневолю отказаться. Я предупредилъ его обо всемъ, чему онъ подвергается, предсказалъ ему ответственное затвердѣніе въ плечѣ, отъ котораго онъ никогда не могъ свободно владѣть рукою,—но трудъ былъ напрасенъ: ничто не могло убѣдить его лечиться систематически.

Я и увидѣлъ другой примѣръ этого упрямаго отвращенія къ лечению. Одинъ мальчикъ переломилъ себѣ нижнюю оконечность лѣвой руки. Мать не хотѣла оставить на мѣстѣ бинтовъ, и ребенокъ продолжалъ калѣкой. Краснокожихъ не удерживаетъ въ этихъ случаяхъ страхъ боли, потому-что они не морщась вытерпливаютъ мучи-

тельные операции: эти дѣти природы боятся больше всего продолжительнаго принужденія.

Мы расположились лагеремъ мильхъ въ пятнадцать отъ устья маста. Тогда обнаружилось между нашими Осажами признаки сдѣланнаго броженія. Составились двѣ рѣзко-отдѣлявшіяся одна отъ другой партіи одна, признававшаяся видимымъ предводителемъ Шонкѣ, а тайнымъ Батиста, не хотѣла идти на соединеніе съ Уачинка-Лагри, на торговать съ Патѣкамъ; они намѣревались возвратиться въ безлюдныя степи въ которыхъ, по рассказамъ, ходили многочисленныя стада бизонъ Другая партія, управляемая Великимъ-Главою и г. Папѣномъ, хотѣла отправиться во что бы ни стало къ Большому-Солончаку. Когда лагерь поднялся, обѣ партіи разлучились: Шонкѣ пошелъ съ своими къ вѣро-востоку, а мы продолжали путь къ солончаку. Батиста послѣдовалъ сначала за Шонкѣ; но онъ вскорѣ присоединился къ намъ: вслѣдствіе своихъ семействомъ, боясь, вѣроятно, прослыть трусомъ въ мнѣніи Осажей и, слѣдственно, лишиться значительной степени самовліянія.

Во время похода, нѣсколько вонновъ и женщинъ выѣхали изъ лагерь и помчались въ сторону; я послѣдовалъ за ними, и мы вслѣдствіе подъѣхали къ густой купѣ слявъ. Деревца эти, попадающіяся только по берегамъ Арканзаса и его данниковъ, покрываютъ значительное пространство земли; они возвышаются здѣсь не болѣе, какъ отъ двухъ до трехъ саженей. Крупныя слявы, красныя какъ хорошія вишни, въ то время обременяютъ кусты, что чаща кажется красною. Каждый изъ насъ собралъ ихъ въ большіе, чѣмъ бы даже слядово-пшеничные снопы, которую легко объяснить совершеннымъ недостаткомъ плодовъ. Мы набрали ихъ въ карманы, въ одеяла, во что могли, и шли вѣстрѣчать слявы въ болѣебольшомъ количествѣ, отъ-чего въ лагерь велись въ скоромъ времени довольно-опасныя лихорадки и другие поносы.

Мы расположились таборомъ у Кедръ. Въ этомъ мѣстѣ, одинъ изъ дикарей показалъ мнѣ два тополя хлопчатника, мильхъ въ трехъ миляхъ отъ Нюн-Шу. Пшеница воспная партія Осажей сдѣлала здѣсь уже въ третью зиму и воротилась къ постояннымъ селеніямъ въ три года. Осажи по справедливости славятся своими ходами. Если вслѣдствіе какой-нибудь несправедливости случится сдѣланное имъ зло, то они немедленно правятся куда-нибудь въ товарищество съ пшеничными Осажами, и третій день пути пѣшеходъ непременно опередитъ коннаго. Въ нашихъ ходахъ мы часто видали шедшихъ пшеничныхъ впередъ насъ, которые приостанавливались, поджидая насъ, и потомъ, безъ всякаго усилія, снова уходили отъ насъ впередъ. Въ продолженіи похода, въ степи у этихъ тополей, насъ оглушали тучи шумѣвшихъ безъ умолку стрекозъ.

20 іюля прибыли мы къ послѣднему своему раздѣлу по пути къ солончаку. Степь была нага и горста; горизонтъ окраивался различными возвышеніями. Нѣсколько рѣкъ, отъпечныхъ прекрасныхъ ревьями, струились между холмами. На всякомъ шагу встрѣчались

охшія соленыя болота, на которыхъ кристаллы соли оставляли бѣлую оору; лошади наши останавливались и лязали ихъ. Лагерь расположился въ довольно-крапкой позиціи, окруженной глубокими оврагами. На авиннахъ ходило множество дичи: канадскіе олени, сайги, двіе быки лапи двигались большими стадами; сѣрыя и черныя медвѣди обитали въ оврагахъ, поросшихъ густымъ кустарникомъ.

Знаменитый сѣрый медвѣдъ бываетъ до того свирѣпъ, что когда Осажи отправляются на него, то собираютъ военныя партіи, доходящія иногда до пятидесяти человекъ. Убить сѣраго медвѣда считается у раскожныхъ въ числѣ первоклассныхъ подвиговъ; побѣдитель имѣетъ право носить ожерелье изъ когтей звѣря. Такія украшенія драгоценны акарямъ: я видѣлъ въ Сен-Луи одного Саука, который отказался отъ значительной суммы, предложенной ему за ожерелье изъ медвѣжьихъ когтей.

Мы ждали нѣсколько сутокъ огней, долженствовавшихъ возвѣстить объ прибытіи Патокковъ или Уачинка-Лагри. Не вида никакихъ условенныхъ знаковъ, рѣшились идти за солью къ Большому-Солончаку, *Нискурѣ-Танга*, и зажечь степь, чтобъ уведомить о нашѣмъ приходѣ Патокковъ, если они гдѣ-нибудь въ окрестности. Въ-продолженіе пяти или шести дней мы наслаждались прекрасною погодою, почему навѣялись найти соль въ изобиліи. Сухая погода тутъ весьма-важное словіе, потому-что соль Большаго-Солончака лежитъ мелкою пылью въ довольно-тонкомъ слое, который растворяется при малѣйшемъ дождѣ и кристаллизуется тогда только, когда песокъ, съ которымъ соль мѣшана, совершенно сухъ. Въ продолжительныя засухи, толщина этого слоя доходитъ иногда до четырехъ дюймовъ.

Въ одно утро, часа за два до разсвѣта, отправились мы на солончакъ въ числѣ пятидесяти или шестидесяти всадниковъ; за нами шли выючьи лошади и мулы съ кожаными мѣшками для соли. Мы ѣхали скоро, потому-что Большой-Солончакъ былъ миль въ двадцати-пяти отъ агеря, а намъ следовало возвратиться до наступленія ночи. Перѣхавъ срезъ нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ рѣку Нискурѣ-Танга, мы видѣли около солпечнаго восхода чудный миражъ: довольно-густой туманъ покрывалъ Большой-Солончакъ; куски засохшаго кала буйволовъ азались такими огромными массами, что мы, бѣлые, неожиданныя мѣжа, приняли ихъ за стада пасущихся вдаль бизоновъ. Осажи, которымъ мы сообщали свое открытіе, такъ хорошо знакомы съ этимъ споменомъ, что даже женщины ихъ смѣялись надъ нами; мы и сами знали вскорѣ свою ошибку, видя, какъ ноги передовыхъ лошадей вытягивались отъ преломленія лучей свѣта до безмѣрной длины. Все пришло своей настоящей видѣ, когда солнце разсыяло туманъ, который казался намъ издали пространнымъ разливомъ воды: тогда представился глазамъ нашымъ солончакъ въ видѣ обширной гладкой равнины, шириною миль девяти, но гораздо-длиннѣе; къ югу онъ ограничивался выючными холмами, а къ сѣверу рѣкою, которой далъ свое имя. Соль образовала на поверхности его кору не толще нѣсколькихъ линий, на которой мы рассмотрѣли свѣжіе слѣды муловъ, наурявлявшіеся къ мѣсту,

вытоптанному множеству муловъ и лошадей; туда же направлялись двойные слѣды лошадей, приходившихъ по-видимому съ противоположной стороны. Не безъ причины можно было думать, что Патѣки приходили къ назначенному мѣсту свиданія и торговали съ камъ-амбуль. Батистъ увѣрялъ, что это были слѣды непріятелей.

Соль не скристаллизовалась въ достаточномъ количествѣ, чтобъ ее можно было собирать чистую, почему мѣшки мы наполнили солью в пескомъ и нагрузили лошадей. Нѣсколько Осажей отдѣлилось отъ нашей дружины на погоню за бизонами, которые постоянно бродятъ около солончака; охота ихъ была удачна, и мы напировались досыта; потомъ съѣли на коней и поскакали къ лагерю, пріостановившись только на время, миляхъ въ шести отъ него, чтобъ полакомиться превосходными дикими сливами.

Слѣдующій день былъ употребленъ на приготовленіе соли. Песокъ съ солью варили въ большихъ котлахъ съ водою, въ которой растворялась соль; потомъ песокъ выбрасывали, а выпариваніе воды оставило на днѣ котловъ чистую соль.

Пока женщины занимались этимъ дѣломъ, вонны пришли съ донесеніемъ, что они нашли недалеко отъ лагеря двухъ лошадей въ парти Уачинка-Лагрн, прострѣленныхъ нѣсколькими пулями; около того мѣста видны были слѣды недавняго сраженія. Многочисленный отрядъ отправился для подробнѣйшаго изслѣдованія справедливости этого разсказа и возвратился съ тѣми же вѣстями.

Частыя и ужасныя грозы прoderжали насъ долгое время у Большаго-Солончака. Разъ Осажи, видя, что къ вечеру очень стемнѣло, собрали своихъ лошадей съ пастбища на ночь и удивлялись тому, что мы не мѣшали нашимъ щипать траву; они пришли уговаривать насъ, чтобъ мы поторопились привести своихъ лошадей въ лагерь, иначе не можемъ опоздать. Но мы оставались непреклонными, и они не могли надвинуться такому упрямству. Они воображали, что уже наступила ночь и мы никакъ не могли ихъ увѣрить, что солнце зайдетъ не раньше, какъ черезъ часъ, по-крайней-мѣрѣ. Между-тѣмъ, небо прояснилось, и Осажи, убѣдившись въ истинѣ нашихъ словъ, говорили, что у блондинныхъ есть *лекарство*, которое показываетъ имъ время. Лекарство это было не что иное, какъ наши карманные часы.

Наконецъ, насталъ день собирать шалаши, чтобъ двинуться назадъ къ домамъ. На пути отъ Большаго-Солончака до рѣки Арканзаса намъ не встрѣтилось ничего особенно-примѣчательнаго; то мы ѣли мало, то мѣшали въ изобиліи. Осажи сдѣлали большіе запасы и рѣшились идти въ постоянныя селенія. Роздыхъ, на которомъ намъ пришлось самое большое количество бизоновъ, былъ на рѣкѣ *Багабѣ*, которая получила свое имя отъ отца нашего пріятеля съ отмороженными пальцами на ногахъ. Великій воинъ Багабѣ былъ убитъ на ея берегахъ, за десять тому назадъ, въ одномъ кровопролитномъ сраженіи съ Патѣками. Осажи отступали, тревожимые безпрестанно своими грозными врагами. Багабѣ отличился уже въ нѣсколькихъ стычкахъ и однажды пораженъ непріятельскаго вождя. На другой день битва возобновилась; такъ-какъ

по преданіямъ краснокожихъ, воинъ, сдѣлавшій ударъ, непременно долженъ погибнуть на другой день, если приходится сражаться два дня сряду, то Багабѣ, видя, что непріятель намѣренъ напасть, открылъ военную цинковку и нарядился на смерть. Онъ пошелъ въ битву и не возвращался. Послѣ этого, рѣка получила имя погибшаго на берегахъ ея вѣтвя. Такіе примѣры здѣсь обыкновенны: имя храбраго почти-всегда переходитъ къ мѣсту, гдѣ онъ былъ убитъ.

Около того же времени, большая битва происходила между Осажами и Патюками, миляхъ въ тридцати отъ рѣки Багабѣ; много воиновъ легло на томъ мѣстѣ и осталось безъ погребенія. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить поле сраженія, чтобъ добыть себѣ по черепу каждаго народа; я предлагалъ—было собрать небольшую партію для этого путешествія, но оно было неудобноисполнимо; ибо мы дѣлали по два перехода въ сутки и вскорѣ удалились оттуда на слишкомъ—большое разстояніе. Вечеромъ сдѣлали только *стенной роздыхъ*, т. е. шалашей не воздвигали, а просто воткнули въ землю колья и натянули на нихъ вертикально шкуры, для обороны отъ западныхъ вѣтровъ.

Въ окрестности было много дикихъ индѣекъ, которыми мы угощали себя съ роскошью. Я поймалъ пару молодыхъ, съ намѣреніемъ привезти ихъ въ Европу. Уишингѣ сдѣлала мнѣ клетку изъ гибкихъ прутьевъ; я посадилъ въ нее своихъ птицъ и помѣстилъ ихъ на одной изъ южныхъ лошадей. Онѣ скоро привыкли къ неволѣ, выросли и росли до того, что я долженъ былъ вскорѣ соорудить имъ клетку ораздо—большахъ размѣровъ; такимъ—образомъ, я довезъ ихъ до хребта холмовъ, известнаго подъ названіемъ *Петушиихъ—Гребней*, но тамъ оленѣ былъ дать имъ свободу, потому-что уже не было для нихъ орма ни маиса, ни кузнечиковъ, ни свѣжаго мяса.

Осажи забавлялись на одномъ изъ роздыховъ игрою особеннаго рода. откнули въ землю кривой сукъ, къ концу котораго привѣсили на ренъ кусокъ мяса, длиною дюймовъ шести и весьма-узкій; въ эту подвижную цѣль верховые дикари должны были попадать стрѣлами. Въ задцати шагахъ отъ нея воткнули нѣсколько сухихъ вѣтокъ, чтобъ оставить всадниковъ соблюдать разстояніе. Человекъ сто вскочилъ на оней безъ сѣделъ, вооруженные луками и взявъ только по двѣ стрѣлы; онъ выстроился въ линію, шагахъ въ двухъ—стахъ отъ цѣли. По данному знаку, воины поскакали впередъ и, провѣжая одинъ за однимъ мѣсто цѣли, бросали поводья, наклонялись до невѣроятности и пускали стрѣлы, оборачиваясь всѣмъ тѣломъ назадъ. Лошади слѣдовали близенько одна за другою и часто даже сталкивались. Давъ провѣхать всѣмъ рылкамъ, судьи возвращали имъ стрѣлы, изъ которыхъ каждая была имѣчена, для избѣжанія споровъ. Всѣ стрѣлы вонзились въ землю вкругъ цѣли, въ кружкѣ не болѣе двухъ футъ въ діаметръ. Кусокъ мяса былъ до того истерзанъ, что его надобно было переимѣнить для слѣдующаго раза, но такъ—какъ онъ не остался ни на одной стрѣлѣ, то изъ не могъ быть присужденъ побѣдителю.

Стрѣлки проскакали нѣсколько разъ мимо цѣли, прежде чѣмъ призвать выигранъ. Привѣвъ стрѣлы изъ рукъ судей, они снова выстраи-

валась и опять пускались вскачь. Люди эти, почти нагые, без садег наклонялись для прицѣла, сжимая мускулы, чтобъ укрѣпиться на коныхъ и не упасть, стрѣляя назадъ. Кусокъ мяса шевелился безрестанно и часто стрѣла пробивала его среди этихъ быстрыхъ колебаній. Нпръ была необычайно интересна.

Осажи вообще превосходно стрѣляютъ изъ лука, котораго лива превосходитъ трехъ футъ, и почти не цѣлятся; они стрѣляютъ какъ будто по вдохновенію и смотрятъ на цѣль, по-впавному не думая стрѣля, хотя рѣдко случается, чтобъ она дала промахъ. Луки эти и лы, но очень-туги и сильны: стрѣла, пущенная въ тѣло бизона, часъ исчезаетъ въ немъ совершенно, и остріе выходитъ изъ противоположной стороны животнаго. Мнѣ разъ случилось выдѣть стрѣлу, вшитую въ грудь кайяка, которая согнулась внутри его тѣла между двумя ребрами.

Изъ ружья они стрѣляютъ иначе. Дикарь цѣлится долго и понадежно метко; но изъ лука или изъ ружья они очень-рѣдко бьютъ птицу влету. Осажи были въ восторгѣ, видя, какъ мы убивали птицу въ духъ, а двойные выстрѣлы изъ двуствольныхъ ружей исторгали у нихъ крики удивленія. У всѣхъ ихъ ружей замки съ кремнями; они тщатель но осматриваютъ затравочный порохъ и такъ-какъ употребленіе и жевника вмѣ непзвѣстно, они каждое утро выстрѣливаютъ изъ ружья заряженныхъ накануне. Ударныхъ замковъ они не любятъ, потому что не всегда можно доставать пистоны, тогда-какъ кремней въ степи вдоволь.

Мы должны были переправиться черезъ Арканзасъ на другой послѣ стрѣльбы въ кусокъ мяса. Советъ рѣшилъ послать гонимыхъ домамъ, за вѣстями, тотчасъ же послѣ переправы. Вода въ этой рѣкѣ была тогда очень-высока, по я переправился верхомъ вплавь, выныривъ себя только всю нижнюю часть тѣла. Выючныя лошади переплыть рѣку съ своимъ грузомъ, почему должно было использовать перевозныя суда для багажа. Растянули шкуры, служившія для накрытия шалашей, приподняли и крѣпко связали между собою ихъ концы такъ-что составилъ родъ четверугольныхъ плашкоутовъ; ихъ опустили на воду, погрузивъ, кромѣ багажа, маленькими дѣтьми и женщинами, потомъ, мужичны и женщины, раздѣвшись до нага, поплыли съ помощью подталкивая ихъ впередъ къ противоположному берегу. Послѣ переправы вогнали въ Арканзасъ лошадей, и когда переправа кончилась, мы отъѣхали снова, и весь таборъ пустился въ дальнѣйшій путь.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, Софія переплыла Арканзасъ въ сопровожденіи мужа, хотя была беременна и близка отъ разрѣшенія. Дикари карей не оставляютъ самыхъ тяжелыхъ работъ до послѣдней ступени беременности. Когда сильныя и непрерывныя боли возмущаютъ беременную, то другія женщины, если это случится на походѣ, соорудятъ наскоро круглый шалашъ, въ которомъ родильницу укладываютъ на разостланныя шкуры. Разрѣшеніе отъ бремени бываетъ болѣе скоростію современно и благополучно; если оно представляетъ трудныя повывальнымъ бабкамъ препятствія, непреодолимыя для нихъ стѣны.

ихъ познаний, то родильница умираетъ вмѣстѣ съ младенцемъ. Если же благополучны, мать обмываетъ ребенка, прикрепляетъ его къ лѣску, которая должна служить ему колыбелью, потомъ садится верхомъ и ѣдетъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывала.

Слѣдующій роздыхъ былъ въ лѣску, гдѣ мы не раскидывали шалашей, ибо собирались расположиться на почѣ на одной изъ сосѣднихъ возвышенностей, чтобъ избѣжать комаровъ. Вечеромъ, пока мы готовились перемѣнять мѣсто, случилась ужасная гроза; громъ и молнія глушили и ослѣпляли насъ; дождь лился въ такомъ изобиліи, что я сколько разъ долженъ былъ выливать воду изъ своихъ сапоговъ. Дѣлами мы не хотѣли защищаться, а накрыли ими нашъ багажъ, чтобъ имѣть хоть послѣ сухую одежду. Вся степь была наводнена, а каждую ночь намъ пришлось спать на размокшей землѣ, въ сырой травѣ—не вѣчно же на розахъ! Огня развести, а слѣдственно просушить—и сварить ужинъ, нѣтъ возможности. Я уже съ мѣсяць страдалъ едипною лихорадкой: можно судить, каково мнѣ было, когда я улегся въ грязь. Вещи наши все вымокли, а табакъ отсырѣлъ до того, что ѣздить было утѣшиться хотя куреніемъ.

Весь слѣдующій день мы не трогались съ мѣста, чтобъ дать отдохнуть шкурамъ и багажу, а потомъ пустились черезъ старыя дубовыя ощи, которыя раскинуты по берегамъ рѣки Инка-Уасса-Танга и порываютъ отчасти прекрасныя холмы Пѣтушыхъ-Гребней. Насъ задержала нѣсколько смерть одного молодого Осажа, умершаго отъ гнилой орочки, почему лагерь не поднимался до-тѣхъ-поръ, пока онъ не отравился въ царство душъ.

Лишь-только онъ испустилъ послѣдній вздохъ, вдова его принялась плакать и вѣть; она подходила къ каждому шалашу и всплескивала ризды руками, испуская три вопля. Обойдя по всему лагерю, она возвратилась въ свой шалашъ. Тогда покойника разрывовали какъ на войну, падали на него одѣяло и посадили, окруженнаго полнымъ оружіемъ, въ заранѣе-приготовленную могилу, надъ которою вскорѣ возвысился надгробный бугорокъ. Герольды объявили походъ, а вдова осталась одна надъ тѣломъ своего мужа.

Мы переправились черезъ Скользкій-Камень, прелестную рѣчку, кающуюся по гладкимъ камнямъ. Лѣса дѣлались обширнѣе, растительность могущественнѣе. Дубовыя рощи поднимались ровень съ холмами; прекрасныя лѣса и луга, пересѣкаемые рѣчками и скалами, составляли пріятное разнообразіе для глазъ, привыкшихъ съ давнихъ поръ къ рѣдкому безплодному степей и тощихъ лѣсковъ и кустарниковъ.

Высокія травы были покрыты блѣватою пѣной, въ которой зарождаются сляпи. Въ Луизіанѣ такія накипи называютъ *сляною тремущей змѣй*, полагая, что эти гады испускаютъ свою сляну на траву. Въ каждой изъ нихъ видны были по три, по четыре и по пяти шевелящихся куколокъ сляпней. Насѣкомыхъ этихъ было такое множество, что многіе предложили ядти, во избѣжаніе ихъ, только по ночамъ. Г. Іапѣнъ возсталъ противъ этого плана, зная очень-хорошо, что если Осажи разъ начнутъ дѣлать ночныя переходы, то дойдутъ до постоян-

ныхъ селеній не разнуздывая лошадей, а ему не хотѣлось слыть эт одинъ конецъ, шагомъ, восемьдесятъ миль, остававшихся намъ до Нюн-Шу.

Намъ, между-прочимъ, пришлось на дневныхъ переходахъ страши отъ этихъ огромныхъ мухъ, которыя нападаютъ на людей такъ же какъ и на лошадей; особенно страшна одна порода сѣрыхъ и темныхъ слѣпней, которыя тотчасъ же начинаютъ сосать кровь, и только садутъ на тѣло. Меня самого нѣсколько разъ жалили такіе слѣпни; произведенная ими язва долго болитъ. Слѣпней немомарное множество по всему пространству отъ границы области Миссури до рѣки Арканзаса, потому-что въ обширныхъ степяхъ этихъ мѣстъ не водятся бизоны, а слѣдственно не ѣдятъ травы, на которой образуются куколки; степей здѣсь почти вовсе не зажигаютъ, такъ-что слѣпнямъ больше плодиться въ волю. Нападая на лошадь, они совершенно вырываютъ ей шею, хребетъ, брюхо; они сбиваютъ другъ друга и какъ мушкетеры сосутъ кровь несчастнаго четвероногаго, которое, наконецъ, введенное изъ терпѣнія болью, бьется и мчится куда ни попаало, но не упадетъ отъ изнеможенія и не издохнетъ. Лошади, идущія въ караванъ, страдаютъ меньше, потому-что слѣпнямъ предстоитъ мучить большее число жертвъ; разумется, въ такихъ случаяхъ больше всего страдаетъ передовымъ, потому-что на нихъ нападаютъ все слѣпни, которыхъ онъ поднимуть: вотъ почему на походахъ Осажи ведутъ передъ собою очередь, такъ-что лошади каждаго шалаша идутъ попеременно около часа времени, передовыми въ караванъ.

Мы расположились ночевать на Вердегрѣ, куда должны были возвратиться гонцы наша изъ Нюн-Шу. Форсированные переходы значительно усилили мою лихорадку; сонъ исчезъ, и я очень страдалъ. Около полуночи увидѣлъ я Ман-Чап-чѣ-Мани, гнѣвагося у большаго костра. Я подсылъ къ нему, и послѣ непродолжительнаго разговора онъ спросилъ меня, ударилъ ли я въ столбъ: это значитъ на индейскомъ языкѣ Осажей, не имѣлъ ли я связи съ которою-нибудь изъ здѣшнихъ женщинъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «*кау, тани!*» (женщина, это хорошо) и предложилъ мнѣ привести шалашъ какую-нибудь красавицу, если я дамъ ему долларъ; послѣ этого, онъ показалъ мнѣ на свою жену, спавшую около насъ, и послѣ нѣкотораго размышленія: *Мансеска гребенанъ*, «десять долларовъ». Я побоялся оскорбить услужливаго дикаря рѣзкимъ отказомъ и выслушалъ непонимающимъ; онъ, однако, не повторилъ своего предложения.

Надобно сказать, что Ман-Чап-чѣ-Мани еще самый любезный другъ изъ осажскаго народа, такъ-что надъ нимъ за это иногда и смѣиваются: я выдалъ нѣсколько разъ, какъ онъ помогалъ работѣ моей жень. Когда, на-примѣръ, она ходила за водою, онъ несъ на своемъ спинѣ одинъ изъ концовъ шеста, на которомъ висѣлъ котелъ; правда, онъ былъ гораздо-ближе къ жень, чѣмъ къ мужу, но одинъ этотъ котелъ необыкновенный у краснокожихъ, обнаруживалъ въ немъ доброту, какія здѣсь рѣдко встрѣчаются. И между-тѣмъ, онъ же предлагалъ мнѣ свою жену за десять долларовъ! Странные люди!

Гонцы возвратились съ добрыми вѣстями: въ Ніон-Шу все было покойно, и насъ тамъ ожидали. За Малыми-Осажами слѣдовала до сѣхъ деревень ихъ военная партія Паніевъ, которой сила была неизстна и которая нѣсколько разъ покушалась украсть лошадей. Въ Ніон-Шу думали, что около селенія Малыхъ-Осажей произошло сраженіе.

На разсвѣтъ слѣдующаго утра, мужчины отправились впередъ, а женщины сложили шалаши, чтобъ возвратиться въ деревню. Вскорѣ мы шли на Гору-Гробницъ и наконецъ сошли съ коней передъ величавымъ дворцомъ г. Папѣна, въ которомъ ожидали насъ столы, лья и постели, — словомъ, все принадлежности просвященія. Тамъ тили насъ незрелою пшеницей, поджаренною на угляхъ. Кушанье показалось намъ лакомствомъ, но оно худо переваривается въ жѣлѣ и утомляетъ его. Мы все потеряли привычку къ стульямъ и кромш: мы ѣли, спали и бесѣдовали на землѣ, на открытомъ воздухѣ. Акари зналъ, что мы скоро съ ними разстанемся, и часто посѣщали насъ. Они просили не забывать ихъ, когда мы будемъ на той сторонѣ *Воды*: я всегда съ благодарностью вспоминаю о гостепрїимствѣ ихъ радушныхъ краснокожихъ друзей.

Въ Ніон-Шу я узналъ, что Уачинка-Лагри видѣлся съ Патѣками на *Водѣ-Солончакѣ*. Зажегши степь, онъ ждалъ насъ нѣсколько времени, но, видя, что мы не являемся, двинулся далѣе, нашелъ Патѣковъ условленномъ мѣстѣ и торговалъ съ ними, что объяснило слѣды, оставленные нами на соли.

Г. Папѣнъ показалъ намъ двухъ телятъ, происшедшихъ отъ смѣси *Воды* съ обыкновенною коровою; не смотря на свою молодость, они были очень-дики, но ихъ надѣялись сдѣлать ручными. Ихъ приобрѣли Малы обыкновенныхъ коровъ на пастбище въ степь, гдѣ ходили *Воды*, и давъ имъ тамъ свободу на нѣсколько дней. Ничего бы не было ловить арканами молодыхъ бизоновъ и потомъ, мало-по-малу, убить ихъ.

Одинъ воинъ изъ Малыхъ-Осажей принесъ въ Ніон-Шу клочокъ *Воды* съ волосами, обдѣланный въ деревянный кружокъ и обрамленный *Воды* пухомъ. Показывая этотъ трофей, онъ провозгласилъ, что Малы-Осажи воинственнѣе своихъ братьевъ и вызывалъ нашихъ похвалъ такимъ же доказательствомъ доблести. Больше-Осажи отвѣчали намъ, что они убили больше Паніевъ, чѣмъ малые, и что у нихъ больше *Воды* убитыхъ на войнѣ непрїятельскихъ волосъ.

Скоро Паніевъ слѣдовали за Малыми-Осажами вплоть до ихъ селенія, но не могли украсть ни одной лошади. Возвратясь домой, Осажи рассказали о ихъ соседствѣ по слѣдамъ, найденнымъ въ мансовыхъ поляхъ, гдѣ Паніи рвали колосья манса для своего пропитанія. Скрываясь въ лѣсахъ, они ждали удобнаго случая украсть лошадей, чтобъ не возвращаться къ своимъ съ пустыми руками. Малые-Осажи спрятались въ лѣсу и убили одного Паніа, а шестеро остальныхъ бросили оружіе, чтобъ удобнѣе убѣжать. Эти несчастные, безоружные, безъ обуви и одѣяны, скрывались въ лѣсахъ, подверженные жаламъ млыи-

новъ комаровъ; боснякомъ имъ бы не дойти до своихъ селеній, а время того она не смѣла рвать мамсъ, потому-что тамъ ихъ поджидала Осажа. Имъ приходилось оставаться въ своихъ убежищахъ, кѣмъ съдѣлать ударъ или умирать съ голода. Г. Папѣнъ придумывалъ, какъ бы имъ спасти жизнь, но онъ не имѣлъ средствъ переговорить съ ними. «Еслибъ эти *гадины*» говорилъ онъ: «которыя меня знаютъ и которымъ известно, что на меня они могутъ положиться, пришли в снѣгъ ночью у моего огня, то я могъ бы еще скрыть ихъ на некоторое время. Я бы собралъ осажскихъ вождей и сказалъ бы имъ: усадить Панаи, которыхъ надобно отпустить. Но дѣло въ томъ, что этой драки никогда не явится путной идеи, а кто знаетъ, гдѣ они спрятались? Осажъ не пойдетъ къ нимъ съ совѣтомъ, чтобы они пришли ко мнѣ: онъ лучше сдеретъ съ нихъ волосы. Мудрено придумать что-нибудь. Ну, да все-равно, надобно будетъ угостить стариковъ, можетъ-быть, и удастся спасти мошенниковъ.» Отъездъ нашъ лиши насъ возможности узнать, чѣмъ кончилась эта драма. Если несчастные Панаи не догадались и вѣрили въ великодушію г. Папѣна, то они умерли съ голода или были убиты.

Г. Папѣнъ не хотѣлъ принять вознагражденія за издержки, пренебрежнныя ему нашимъ пребываніемъ. Гостепріимство его было искренно и безкорыстно.

8-го августа распростились мы съ народомъ, который привалъ къ намъ такъ радушно, и отправились назадъ въ страны просвѣщенныя вмѣстѣ съ метисомъ Швейцаромъ, Ман-Чап-чѣ-Мани и его братомъ, которые оба хотѣли проводить насъ до рѣки Осажа. Вечеромъ мы отдыали въ степи, безъ шалашей, пустивъ своихъ стреноженныхъ лошадей на свободу. Лишь-только мы остановились, къ намъ подъѣхало войско въ двѣнадцать знаменитѣйшихъ осажскихъ вождей; они отправились въ г. Эдуарда Шутъ, о которомъ узнали, что онъ уѣхалъ въ свою ферму на рѣчкѣ Лапанн.

Часовъ около одиннадцати слѣдующаго дня, мы расположились въ раздѣлахъ около границы и закусили въ послѣдній разъ во владѣніи Осажей. Вопны раскрасвились и съдѣлали блестящій туалетъ. Три дня спустя, мы уже были у Доглесса.

Я вообразилъ себя, что вхожу во дворецъ и увидѣлъ перау въ себѣ съ неописаннымъ наслажденіемъ. Осажскій языкъ пересталъ слышаться около меня; всѣ были блѣднолицы и говорили по-англійски. Мы ми до того загорѣли отъ солнца и воздуха, что насъ можно было принять за краснокожихъ. Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени, нашелъ я туалетъ свой не совсѣмъ-приличнымъ и съ стыдомъ одну старинную прорѣху на своихъ панталонахъ; я спѣшилъ закрыть ее фуражкой и поскорѣе вышелъ, чтобы перестать слышаться.

Генераль Доглессъ угостилъ насъ великодушнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ всего, что только кухня образованности производитъ каннибальскаго: намъ дали превосходный ростбифъ съ картофелемъ, соваго хлѣба, масла и разнаго молочнаго. Я уже отучился отъ мяса и замѣтилъ, что товарищи мои, подобно мнѣ, готовились брать

пальцами; мы взглянули другъ на друга съ улыбкою и взялись за вилы. Въ числѣ кушаній было также блюдо *чера-уаса*, которое въ степяхъ казалось намъ весьма-лакомымъ, но которыми мы пренебрегли у Доглесса.

Чера-уась — корень одного водоросля, который близко подходит къ *пурфеа*. Блѣдножелтые цвѣты его издають нѣжный запахъ; посреди лепестковъ видна ярко-желтая маковка, которой форма походитъ на наконечникъ лейки; изъ верхней части ея, плоской, выходитъ до половины пять или шесть совершенно-черныхъ семянъ. Растеніе это водится въ большомъ изобиліи въ Луизианѣ; въ степныхъ болотахъ оно раскидываетъ по воцъ свои широкіе зеленые листья. Корни его пронизаны во всю длину шестью или восемью каналами, отъ которыхъ чера-уась и получилъ свое названіе. Вкусомъ оно нѣсколько походитъ на жареные каштаны; его поливають растопленнымъ бизоновымъ жи-юмъ.

Г. Эдуардъ Шутó пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ съ своей фермы и пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ прибывшими съ нами вкарнами. Мы ѣли въ послѣдній разъ сушенныя брюшныя полости бизона и осажскую колбасу, и наконецъ закурили трубку прощанія.

=

IX.

РѢКА ОСАЖЪ.

На другой день послѣ обѣда, мы отправились вмѣстѣ съ г. Шутó; Жан-Чап-чѣ-Мани и братъ его провожали насъ до фермы Колена, расположенной на рѣкѣ Осажъ, мили на три ниже миссін Гармони. Слѣдующій день былъ назначенъ къ отправленію далѣе; но мы напрасно ждали своихъ лошадей, пущенныхъ на траву въ ближнемъ лѣскѣ. Дирри пустился по слѣдамъ лошадей, но отыскала только двухъ. Какъ тутъ быть съ нашимъ багажомъ? Мы держали между собою совѣтъ и рѣшили, что Джемсъ отправится съ оставшимися лошадьми сухимъ путемъ до Индепенденса, а другіе два товарища наши и я спустимся въ лѣскѣ по Осажу до Миссури, гдѣ найдемъ пароходъ, чтобъ добраться до Сан-Луи. Намъ предстояло плыть двое сутокъ по теченію рѣки.

Мы бесѣдовали между собою въ послѣдній остававшійся намъ вечеръ, г. Шутó сообщалъ намъ нѣсколько подробностей о Патѣкахъ, съ которыми онъ нѣсколько разъ былъ въ сношеніяхъ. Онъ однажды со-овоуждалъ Осажей въ лѣтнюю охоту, увидалъ Патѣковъ или Команчей

Большомъ-Солончакъ и рѣшился завести съ ними мановую торговлю. Для хорошо степь, онъ поѣхалъ съ двумя людьми къ этимъ дѣ-ьямъ; но по дорогѣ ему встрѣтилась партія того же народа, которая гла его въ плѣнъ и уже хотѣла убить, какъ одинъ воинъ, выдавшій

его у Осажей, вступился, и ему дали свободу. Въ-послѣдствіи, онъ прѣжилъ нѣсколько времени у Патѳковъ и выучился говорить на ихъ языкъ — онъ единственный бѣлый, которому извѣстенъ этотъ языкъ.

Патѳки или Команчи такъ многочисленны, что могутъ выставить въ случаѣ нужды тысячь десять войновъ. Она раздѣлены на нѣсколько отраслей, и каждая имѣетъ своего Великаго-Главу, котораго санъ наследственный, ни избирательный. Можно сказать, что званіе е подлѣжитъ конкурсу, ибо для пріобрѣтенія его надобно добыть волюсь десяти непріятельскихъ череповъ. Войнъ, представившій старшѣ требуемое число пучковъ, смѣняетъ предводителя, котораго власть прѣзнавалась всѣмъ племенемъ; также точно и онъ слагаетъ съ себя и ховное владычество, если найдется витязь, пріобрѣвшій себя правѣ власть. Не нужно и говорить, что всѣ племена воинственны какъ-льзя-болѣе.

Образъ жизни Патѳковъ удаляетъ ихъ отъ бѣлыхъ болѣе, чѣ кого-нибудь изъ другихъ краснокожихъ народовъ; бѣлые едва знаютъ ихъ по имени. Патѳки ведутъ жизнь вполне-кочевую и слѣдуютъ постоянно за всѣми переселеніями бизоновъ, которыхъ мясомъ исключительно питаются, отъ Техаса до Канады и обратно; не смотря на имъ довольно-часто случается терпѣть недостатокъ въ дичинѣ, какъ на-примѣръ, бизоны уходятъ въ долины Скалистыхъ-Горъ, или война удаляетъ ихъ самихъ отъ пастбищъ этихъ животныхъ. Тамъ они вѣютъ лошадей, которыхъ изобиліе составляетъ главное ихъ богатство; они воспитываютъ большіе табуны ихъ и производятъ обменъ мѣну съ Осажами, которые получаютъ за какое-нибудь одѣяло, за какое ружье или коробочку румянъ болѣе или менѣе добрыхъ коней и муловъ. Сверхъ того, они промѣниваютъ Осажамъ за стеклярусь и машинную утварь прекрасныя бизоновыя плащи, отлично-выдѣланныя разрисованныя или вышитыя щетинами дикобраза, довольно-цѣпнаго ха, трубки и т. п. Деньгамъ они вовсе не знаютъ цѣны и никогда берутъ ихъ, — что имъ съ ними дѣлать?

Костюмъ Патѳковъ еще первобытнѣе осажскаго, съ которымъ въ впрочемъ, имѣетъ много сходства. Мокассины у нихъ такіе же; изъ бѣлой замши украшены пучками непріятельскихъ волосъ; бѣлый плащъ разрисованъ уродливыми фигурами или изображеніями войны и охоты. Рисунки дикарей очень-странны: на той же кожѣ можно видѣть, какъ охотникъ напалъ на слѣдъ звѣря; далѣе, онъ женъ въ разныхъ періодахъ погони, такъ-что зритель видитъ ея и конецъ. Фигуры охотниковъ сильно напоминаютъ египетскіе рисунки. На ихъ кожахъ можно видѣть желтыхъ охотниковъ, идущихъ на синихъ лошадяхъ, гоняющихся за красными или зелеными звонами.

Щеголи, однако, замѣняютъ бизоновыя плащи одѣялами. Почти краснокожіе, живущіе около границъ Соединенныхъ-Штатовъ, продаютъ одѣяла въ томъ видѣ, какъ они имъ были проданы. Осажскіе украшаютъ ихъ, впрочемъ, синими или красными пологами своего пріобрѣтенія; но Патѳки располагаютъ цвѣта на своихъ одѣялахъ

дна половина ихъ красная, а другая синяя, бѣлая или зеленая. Между ногъ они пропускаютъ кусокъ кожи, которой концы прикрѣплены зади и спереди къ полу. Длинные волосы свои заплетаютъ они въ осы, которыя висятъ по шеѣ и плечамъ, и украшаются серебряными рожками и стекларусомъ; *сампумы* или ожерелья Патѣковъ состоятъ изъ ракушекъ и бѣлыхъ камешковъ. Женщины носятъ юбки и туники изъ разрисованныхъ кожъ.

Кочевья Патѣковъ всегда располагаются по переходамъ бизоновъ; они хотню остаются въ степяхъ, гдѣ есть лѣски и вода подъ рукою; инакъ они бывають принуждены брать съ собою запасъ кольевъ и дровъ, ибо имъ часто приходится странствовать по безконечнымъ степямъ, въ не растеть ни одного дерева. У нихъ можно видѣть первоначальную идею экипажей: Патѣки привязываютъ съ боковъ лошади шесты, торые тащатся по землѣ, и на которыя накладывается багажъ; туда садятся на перекочевьяхъ женщины и дѣти. Шалаши у нихъ коницкіе, съ отверстіемъ наверху для выхода дыма.

Храбрые Патѣки воюють почти безпрестанно. Они въ вѣчной враждѣ Паниями, Шауанонами, Шайеннами и разными племенами Сіусовъ. Они обыкновенно сражаются верхомъ и ходятъ на войну малыми партиями; впрочемъ, въ важныхъ случаяхъ, они собираются весьма-сильными ополченіями.

Въ одномъ сраженіи, девятьсотъ Патѣковъ сражались противъ пятиста Осажей и ста Сауковъ; триста человекъ погубило въ бою, и победа осталась Осажамъ отъ одной рѣдко-употребляемой дикими военной хитрости: боясь быть подавленными большинствомъ непріятеля, Осажи рыли въ землѣ ямы, и, спрятавшись туда, стрѣляли изъ почти-защитной позиціи; поле битвы осталось за ними, хотя это и не доставило имъ рѣшительныхъ выгодъ.

Угрозныя свѣтъ своимъ краснокожимъ сосѣдямъ, храбрые Патѣки вѣдали однихъ только Шауаноновъ или Шауниевъ, которыхъ воинственная доблесть цѣнить высоко. Разъ партія послѣднихъ, не болѣе какъ нѣсколько-пятидесяти человекъ, была расположена лагеремъ въ близости Патѣковъ, состоявшаго изъ двухъ-сотъ шалашей. У нихъ украденою или жестяною чашку; они тотчасъ же послали къ Патѣкамъ на съ объявленіемъ, что если завтра на разсвѣтъ чашка не будетъ искана и возвращена, то они нападутъ на селеніе. Чашка была возвращена. Такая выходка, поддержанная дерзкою храбростью, приписана въ характеръ Шауниевъ.

Богочисленность лошадей у Патѣковъ возбуждаетъ зависть въ другихъ родахъ, которымъ почти-всегда удается украсть значительное число. Осажъ Манка-Шонкѣ увелъ у нихъ однажды пятьсотъ лошадей въ одну ночь — народъ его былъ тогда въ войнѣ съ Патѣками. Осажскій вождь хотѣлъ, чтобъ непріятеля знали имя отважнаго похитителя; привѣсивъ все къ поспѣшному бѣгству, онъ вошелъ въ одинъ шалашъ, взявъ топоромъ перваго попавшагося ему воина, сказавъ во всеобщее изумленіе: «Я Манка-Шонкѣ» (Черный-Воинъ), и скрылся въ потьмахъ.

Патóки вооружены ножами и ружьями, которые выманивают у своих союзников, и топорами и стрѣлами собственного производства. Вместо желѣза, они употребляютъ очень-хорошо обдѣланные острыя кремни. Отважность этихъ гордыхъ дикарей безпримѣрна. Они умѣютъ лучше другихъ краснокожихъ прикрываться тѣломъ своихъ коней, презираютъ подобныя средства: Патóки нападаютъ на непріятеля открытою грудью и распростертыми руками, испуская военный крикъ и какъ-будто призывая на себя вражьи пули и стрѣлы; они не боятся смерти, ибо увѣрены, что убитый въ бою витязь будетъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, которое они, разумѣется, понимаютъ по-своему. Они атакуютъ воиновъ враждебнаго народа въ виду ихъ стамбушатъ тѣмъ, къ кому посылаютъ топоръ войны, такой стрѣлы, что воины противниковъ не осмѣливаются отдалиться поодиночкѣ отъ своего селенія. Патóкамъ нужны во что бы ни стало непріятельскія волосы: десять пучковъ волосъ доставляютъ первенство между своими; волосы женщинъ не входятъ въ этотъ счетъ.

Понятно, что они рѣдко берутъ плѣнниковъ; впрочемъ, они умѣютъ къ себѣ въ рабство женщинъ и дѣтей выжженнаго селенія дѣлать и бѣлыхъ, которыхъ удается поймать на разграбленной фермѣ: тамъ рода экспедицій въ ихъ вкусъ, а въ особенности со стороны Техасовъ. Участь ихъ плѣнниковъ такъ же ужасна, какъ тахъ несчастныхъ, которые попадаютъ въ руки дикарей, обитающихъ въ намнахъ Южнаго Америка: лучше, еслибъ они прямо призывали ихъ къ столбу позора и лишали жизни.

Плѣнныхъ мальчиковъ нѣкоторымъ-образомъ усыновляютъ матерями у которыхъ они служатъ въ качествѣ конюховъ или невольниковъ. Когда они вырастаютъ, имъ даютъ больше свободы, ибо они не могутъ жалеть о своихъ семействахъ, которыхъ почти не знали; очень-мало знали, и не захотятъ покинуть своихъ покровителей.

Женщины и дѣвушки дѣлаются женами какого-нибудь воина, и участь ихъ все-таки хуже, чѣмъ участь женщинъ Патóковъ; ихъ употребляютъ въ шалашахъ въ самыя тяжелыя работы. Впрочемъ, женщины, которыя не пренебрегутъ случаемъ пококотничать съ какимъ-нибудь краснымъ воиномъ, разрисованнымъ киноварью и украшеннымъ завязанными пучками волосъ,—такія философки могутъ доставить довольно-сносную участь.

За то мужчинамъ приходится страдать жестоко. Ихъ употребляютъ во-первыхъ, въ работы, предоставленныя у дикарей однимъ изъ нихъ; намъ, что уже есть знакъ презрѣнія; ихъ заставляютъ обдѣлывать конскихъ бѣшеныхъ лошадей; однимъ словомъ, побѣдители употребляютъ въ свою пользу все дарованія, все искусство, которымъ природа питаніе надѣлила несчастливцевъ. Они не смѣютъ и помышлять о мести; еслибъ плѣнникъ воспользовался минутною благосклонностью какой-нибудь дикарки, то Патóки накажутъ его съ ужасною жестокостью за такую обиду ихъ народу.

Часто собирается советъ воиновъ, передъ которымъ призываютъ плѣнника и объявляютъ ему близкую и мучительную смерть; его про-

ваютъ къ столбу, костры зажигаютъ, и несчастный думаетъ, что мученія его прекратятся съ жизнью; начинается уже пытка, но вдругъ вопны останавливаются, разсѣкаютъ узы осужденнаго и начинаютъ смѣяться: дѣло въ томъ, что храбрые хотѣли позабыться. Бѣгство почти невозможно плѣнникамъ: горе тому, кого поймаютъ снова — его неудачная попытка будетъ наказана медленною и мучительною смертью.

Подлѣ такихъ неумовно-варварскихъ поступковъ, проявляются у Патковъ многія рѣдкія добродѣтели. Если имъ попадется человекъ замудившійся, слабый или раненный, то будь онъ хоть изъ враждебнаго народа, его накормятъ, вымечать и отправятъ съ подарками; еслибъ ему вздумалось остаться между ними, его усыновятъ и съ нимъ будутъ обращаться какъ съ братомъ. Одинъ Осажъ, прозванный *Паткой*, былъ ими найденъ въ степи полумертвый отъ голода; они держали его у себя цѣлые два года, не смотря на то, что были въ то время въ войнѣ съ народомъ своего гостя.

Дикари умерщвляютъ человека сильнаго, который можетъ защищаться и вредить имъ самимъ, но никогда не откажутъ въ помощи слабому и безобидному. Они помогутъ страждущему и накормятъ голоднаго.

На другой день, мы купили себѣ лодку, отдали бывшимъ съ нами дикарямъ одѣяла, такъ долго служившія намъ вмѣсто плащей, и пригласили ихъ отобѣдать вмѣстѣ съ нами въ послѣдній разъ. Тогда я не находилъ ничего страннаго въ приемахъ нашихъ двухъ Осажѣй, сѣвшихъ на стульяхъ съ тарелками передъ собою и вилками въ рукахъ; теперь я бы засмѣялся отъ такого зрѣлища. Это напоминаетъ мнѣ одинъ анекдотъ стараго Бѣлаго-Волоса.

Въ 1820 году, президентъ Соединенныхъ — Штатовъ пригласилъ въ Вашингтонъ предводителей главныхъ краснокожихъ народовъ. Чтобы дать имъ понятіе о могуществѣ Американцевъ, онъ показалъ имъ войска, корабли, укрѣпленія, и далъ имъ уразумѣть, что имъ выгодно ставаться въ дружбу, чѣмъ воевать съ Мангѣ-Танга (Большими-Ножами). Старый Бѣлый-Волосъ присутствовалъ также на этомъ собраніи. Ождей угостили обѣдомъ, и они считали себя обязанными употребить за столомъ вилки, по примѣру *дѣда* (такъ дикари называютъ президента Соединенныхъ-Штатовъ); но наскучивъ совершенно-чуждымъ для него инструментомъ, Бѣлый-Волосъ обратился къ президенту: «Уаконы» сказалъ онъ «дай намъ руки, чтобъ подносить ко рту пищу, а ты даешь намъ для этого какіе-то инструменты, съ которыми мы не знаемъ что дѣлать; позволь намъ употреблять руки, которыя мы получили отъ Уаконы».

Мы вышли изъ-за стола около полудня. Все было уже готово къ отправленію: весла и гребки, которые мы сами себѣ сдѣлали, необходимый багажъ, оружіе наше и мѣшокъ съ нѣсколькими фунтами соленой мякоти, были погружены въ лодку. Г. Шутъ и Колѣнь расчитывали, что намъ остается миль шестьдесятъ до Миссури; они обнаруживали многія опасенія и уговаривали насъ отказаться отъ нашего намѣненія; но мы не слышать о томъ не хотѣли, — я считалъ путешествіе мнѣ по быстрынамъ Осажѣй, на челнокъ дикарей, необходимымъ до-

родненіемъ своихъ странствій по степямъ. Мы вскочили въ челнокъ, простившись съ покидаемыми друзьями, и отвалили отъ берега. Ман-Чан-чѣ-Мани и братъ его въехали верхомъ въ воду, чтобы подать намъ руку въ послѣдній разъ. Осажскій воинъ сказалъ мнѣ растроганнымъ голосомъ: *Оэжъ, Уакантаку — Шинка!* потомъ, переправившись черезъ рѣку, онъ и товарищъ его скрылись за деревьями. Нѣсколько взмаховъ веслами вывели насъ на теченіе, и челнокъ очутился въ кипящей пѣнѣ быстрины.

Вскоръ мы потеряли изъ вида домъ Колѣна; вода несла насъ съ удивительною скоростью; мы должны были грести изо всѣхъ силъ, чтобъ можно было править лодкою, и прилагать все наше вниманіе, чтобъ держаться на глубокихъ мѣстахъ и не наткнуться на огромные камни, которые безпрестанно попадались на пути. Первый опытъ нашъ былъ блистателенъ: пронесшись минутъ пять съ невѣроятною скоростью по бышеной быстринѣ, мы опять очутились на болѣе-спокойной водѣ, былъ только два раза въ опасности опрокинуться.

Рѣка Осажъ раждается нѣсколькими источниками въ области Миссури, къ сѣверу отъ Нюн-Шу, пересѣкаетъ дорогу къ Санта-Фѣ (къ Мехикъ, въ Скалистыхъ — Горахъ) и направляется къ юго-востоку, описывая множество изворотовъ. Потомъ она входитъ въ штатъ Миссури и называется, до нѣкотораго разстоянія ниже миссіи Гармонъ, *Лобжымъ Болотомъ*. Оттуда она заворачивается къ сѣверо-востоку, дѣлая нѣсколько длинныхъ изгибовъ, до впаденія своего въ Миссури съ правой стороны, на 144 мили отъ слиянія его съ Миссиссипи. Въ верховьяхъ Осажа множество быстринъ, которыя слѣдуютъ одна за другою почти не прерываясь, потомъ понемногу растаиваются и исчезаютъ, милахъ въ двѣнадцать и пятнадцать отъ Миссури. Быстрины эти не опасны для легкихъ челноковъ дикарей, въ родъ нашего, но слишкомъ-мелки для судовъ большаго размѣра. Въ промежуткахъ между ними, теченіе нестерпивно медленно, а когда въ Миссури вода высока, то въ Осажъ дѣлается вихрь, отливъ назадъ.

Намъ не предстояло ни пороговъ, ни пучинъ, а потому мы смело шли впередъ, рискуя только по-временамъ опрокинуться и вылетѣть. То челнокъ нашъ летѣлъ стремглавъ по водамъ, то подвинулся только на греблѣ по лѣнивому теченію между быстринами. Въ первый день пути, быстрины были многочисленны, силы наши съжи, и несмотря на то, что форма челнока не позволяла сгибать ногъ, мы все-таки подвинулись впередъ. Ночь была свѣтлая, лунная; очаровательная тишина оживляла наши силы, и мы гребли припывая въ тактъ известную пѣсню канадскихъ лодочниковъ:

Мы поѣдемъ по водѣ,

Мы поѣдемъ гулять...

Видъ съ рѣки былъ единственный. Ясная ночь позволяла разглядѣть сквозь прозрачный туманъ прекрасный лѣсъ, росшій на берегу. Челнокъ мы сушили весла, и челнокъ безмолвно скользилъ по сонному теченію.

Я наслаждался прелестями дивной ночи, но вдругъ снова шумѣла пелѣдь нами бурливая быстрина, и мы опять ударили въ весла и пронеслись между камнями.

Прошло уже за полночь. Руки наши устали; надобно было подумать объ отдыхѣ. Долго мы искали мѣста, куда-бы пристать, но вездѣ берега были высоки и круты; наконецъ мы приткнулись къ одному утесу и выкарабкались наверхъ, привязавъ лодку къ корнямъ, выходящимъ изъ трещины. Только-что мы успѣли подняться и зажечь гомеическій костеръ, какъ ночь вдругъ стемнѣла, — то было лунное зачѣніе.

Первымъ попеченіемъ нашимъ было утолить вопіющій голодъ, изшренній двѣнадцатью часами напряженной гребли. Послѣ ужина, каждый расположился спать, какъ могъ; мы караулили поочереды, прилушываясь внимательно ко всякому шуму. Нѣсколько разъ часовому случалось слышать, какъ сухіе сучья хрустѣли подъ тяжелыми стопами: то были медвѣди, любопытствовавшіе, вѣроятно, узнать, кто осмѣливался тревожить ихъ уединеніе.

Лишь-только восточный горизонтъ началъ багровѣть отъ утренней зари, мы снова сѣли въ свой челнокъ, и, не взирая на вчерашнюю усталость, дружно загребли, быстро удаляясь отъ мѣста ночлега.

Очищенные для воздѣлыванія мѣста находятся здѣсь въ большихъ восточнѣйшихъ одно отъ другаго; ихъ можно узнать издали по пустымъ юстранствамъ въ лѣсу или по сѣрымъ сучьямъ, оставшимся на обожженныхъ еще въ прошломъ году деревьяхъ. Фермы большей частью имѣютъ смѣющійся видъ. Бревенчатый домъ возвышается среди лѣй, покрытыхъ прекраснымъ мансомъ, вокругъ котораго возвышается всѣхъ сторонъ лѣсъ, недавно еще дѣвственный; другія, новѣйшихъ временъ, покрыты мертвыми деревьями, почернѣвшими отъ огня, жду которыми показываются клочки почвы, засѣянной мансомъ и бузами. Напоследокъ, жители помѣщаются въ бѣдныхъ хижинахъ, ставленныхъ изъ худо-сколоченныхъ досокъ, куда набиваются цѣлыя семейства; но пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и обгорѣлые пни исчезнутъ, а плантеры помѣстятся съ комфортомъ въ другихъ домахъ, болѣе роскошныхъ и удобныхъ.

Между-тѣмъ, усталость начинала одолаживать насъ, а рѣка, расширяясь болѣе и болѣе по-мѣрѣ-того, какъ мы по ней спускались, текла стремительно. Чтобъ подаваться впередъ, надобно было грести сильнѣе; утомленіе усугублялось, и мы по-временамъ опускались на дно лодки, чтобъ хоть немного отдохнуть. Солнце жгло безъ милосердія; но вдругъ погода, постоянно-прекрасная, внезапно перемѣнилась, и пошелъ мивной дождь. Мы думали — было укрыться подъ нависшими надъ нами вѣтвями ивъ, опутанными лианами и дикимъ виноградомъ; но жидкая эти, непроницаемая для солнечныхъ лучей, не надолго укрыла насъ отъ потоковъ дождя, которые вскорѣ пробили насъ сквозь и помы, единственную, взятую нами съ собою защиту отъ непогоды. Мы пожалѣли тогда объ отданныхъ дикарямъ одѣялахъ и бизоновыхъ шкурахъ, но было уже поздно.

Не смотря на дурную погоду, мы прибыли въ Осцеолу, первый город попадающійся путешественникамъ, которые спускаются по Осазу. В августѣ 1840 года, Осцеола состояла изъ двѣнадцати или тринадцати домовъ. Жители, которыхъ мы нашли почти всѣхъ въ магазинахъ, были въ неизбѣжныхъ черныхъ фракахъ, разсуждали о политикѣ и поглядывали на насъ довольно-косо, вѣроятно по причинѣ отросшихъ бородъ, болѣе чѣмъ небрежнаго костюма и французскаго произношенія звукъ нѣсколькихъ кстати обнаруженныхъ долларовъ доставилъ намъ вскорѣ болѣе вниманія. Я хотѣлъ напиться молока, чтобъ утолить мучившую меня лихорадочную жажду, но въ этомъ исключительномъ-земледѣльческомъ городѣ не было возможности достать его, и не предлагали въ замѣнъ соленого масла!

Мы уѣхали изъ Осцеолы, и часа въ четыре пристали къ одной мѣ, гдѣ мнѣ наконецъ дали чашку молока; тамъ же огорчили насъ вѣстиемъ, что отъ Осцеолы до устья Осажа считается 231 миля разстоянія; а такъ-какъ ферма Колена въ 70 миляхъ отъ этого города, намъ отъ нея до Миссури приходилось проѣхать 301 милю вместо шестидесяти. Уныніе овладѣло нами до того, что мы тотъ вечеръ немного подвинулись впередъ. Возвратиться не было возможности, а потому, скрывя сердце, мы пристали къ берегу и разнесъ гора исполнскій огонь. Но, увы! несчастья наши этимъ не кончились: мышонокъ съ провизіею былъ изорванъ и пустъ! Пока мы были на фермѣ, собаки забрались въ челнокъ, пожрали все и, какъ будто насмѣшку, оставили на днѣ мышка одну чисто-оглоданную кость.

Горестный день! Все вооружилось противъ насъ: дождь, усталость, голодъ; ночь мы провели весьма-грустно. Когда у человека измученъ, пустой желудокъ, и ему предстоитъ не видать жилья въ продолженіе двухъ сутокъ, то онъ вообще дурно спитъ. Къ-тому же, былъ прескверный. Мокрый песокъ покрывалъ островишко, на которомъ мы расположились; попоны наши были въ прорѣхахъ, и мучили нестерпимо. Я бы готовъ былъ забыть все эти неудобства, еслибъ меня не мучила лихорадка и еслибъ я не имѣлъ въ перспективѣ пропуститься весь завтрашній день. Впрочемъ, философія, которая съительнымъ урокамъ мы поучились у Осажей, взяла мало-по-малу и съ нею возвратилась и веселость.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня, проѣзжая подъ деревьями, мы множество сидѣвшихъ на вѣтвяхъ, видѣли нашихъ выстрѣловъ и криковъ. Глупыя птицы вытягивали шею, чтобъ взглянуть на насъ; мы тщетно старались свалить которую-нибудь изъ нихъ, въ возможности. Мы поочередно сѣлись грести и править челнокъ; гребля натерла намъ руки, а ноги нестерпимо болѣли отъ неудобнаго положенія, въ которомъ мы должны были сидѣть. Я забывалъ и лихорадочный жаръ, чтобъ только не оставлять всего труднаго и измученнымъ товарищамъ; но часто противъ воли несло меня изъ рукъ, и я сонный опускался на дно челнока.

Мы было-надѣялись, что теченіе усилится и что намъ попадутся каки-нибудь жилища; видя и эти ожиданія обманутыми, мы не-на-шутку стали тужить, особенно къ вечеру — намъ встрѣчались только покнущія, выжженные для посадовъ мѣста. Наконецъ, когда уже наступила ночь, я разглядывалъ впереди дымокъ, а потомъ и домикъ; при этомъ надѣя, силы наши удвоились, и челнокъ полетѣлъ стрѣлою къ желанному жилищу. Приставъ къ берегу, я такъ настоятельно уговаривалъ своихъ товарищей переночевать въ этомъ мѣстѣ, что они согласились на мою просьбу, хотя и располагали заставить здѣсь только провизіей и вѣхать дальше. Никакое ложе не казалось мнѣ никогда въ жизни восхитительнѣе кровати, которую подѣлился со мною одинъ старшій янки, не смотря на то, что онъ во снѣ надѣялся меня толчками безъ счета и что юги его рѣдко оставались въ покоѣ.

Мы отправились далѣе съ хорошимъ запасомъ и плыли въ-продолженіе цѣлаго дня то вдоль великолѣпныхъ лѣсовъ, населенныхъ оленями и дикими индѣйками, то мимо остроконечныхъ скалъ, которыхъ по-ошва оживалась рѣкою; изъ трещинъ ихъ выходили сосны и красные едры, а надъ вершинами парили бѣлоголовые орлы.

Всѣ попадавшіеся намъ обыватели переселились сюда изъ восточныхъ штатовъ Союза; всѣ они казались людьми здороваго сложенія, но въ каждомъ семействѣ было по три или по четыре больныхъ неизлечимыми перемежающимися лихорадками; дѣти, родившіяся на этихъ нездоровыхъ берегахъ, обнаруживали сильное расположеніе къ золотухѣ.

Предпримчивость Американцевъ внушила мнѣ идею попытаться устроить пароходство по рѣкѣ Осажѣ; не смотря на опасности быстрины, два парохода поднялись весною 1840 года до Осцеолы; но одинъ разбился на обратномъ пути, мняхъ въ 150 отъ Миссури; мы видали обмелѣвшій кузовъ его, до половины зарытый въ песокъ.

Вновь запаслись мы провизіей въ городѣ Уассоу (Wassaw). Я не могъ его видѣть, потому-что лежалъ на днѣ челнока въ жестокой лихорадкѣ и не имѣлъ даже силы грести. Наконецъ, мы почувствовали, то приближаемся къ Миссури: вода дѣлалась глубже, теченіе почти ничтожилось; по-временамъ казалось даже, что въ Осажѣ дѣлался родъ тлива, въ которомъ мы подвигались весьма-медленно и съ большими спліями. Миссури, разбухшій значительно отъ разлива своихъ верхнихъ данниковъ, былъ гораздо-выше Осажа, которому удалялъ часть олъ своихъ, такъ-что уровень между обѣими рѣками возстановлялся астоємъ Оссажа.

Прошло десять дней съ-тѣхъ-поръ, какъ мы оставили ферму Колѣна. Вечеромъ мы попросили гостепрѣимства у одного прибрежнаго жителя. Онъ не могъ насъ принять, потому-что шестеро изъ его дѣтей были больны, но указалъ намъ покнущую лачужку на противоположномъ

Т. I. — Отд. II. 10

берегу, въ которой мы могли расположиться на свобода; при этомъ случая, онъ объявлялъ намъ, что до Миссури остается только двѣнадцать миль. Такая вѣсть обрадовала насъ невыразимо—тяжкіе труды наши приближались къ концу. Мы нашли хижину въ довольно-хорошемъ состояніи и съ печью, но почти совершенно-спрятавшуюся за хворостникомъ и густыми травами, которые снова овладѣли почвою, отпотою у нихъ на время для земледѣлія. Мы развели огромный огонь, и бросавъ туда сорванныя съ крыши доски, и спокойно уснули на полу, завернувшись въ свои попоны, которыя на этотъ разъ были сухи.

Желаніе поскорѣе пріѣхать, усталость и медленность теченія, слыли для меня безконечными оставшіяся двѣнадцать миль; а между-тѣмъ, виды были живописны и оживлялись многочисленными полями, первыми пыльными машинами, большими стадами и несчетными стаи крикливыхъ попугайчиковъ. Но я не обращалъ вниманія ни на что и думалъ только о цѣли. Около полудня, мы выѣхали изъ прозрачной воды Осажа въ мутный и быстрый Миссури, широкій какъ озеро. Мы пристали къ берегу на милю ниже совпаденія обѣихъ рѣкъ и выѣхали къ г. Вильямсу, у котораго прожили четверо сутокъ, въ ожиданіи парохода, который доставилъ бы насъ въ Сен-Луи. Наконецъ, пришелъ этотъ желанный пароходъ и высадивъ насъ на другой день 25 августа на набережной Сен-Луи. Джемсъ прибылъ сюда шестью сутками раньше и очень безпокоился на нашъ счетъ.

Въ Сен-Луи я слегъ въ постель отъ усилившейся лихорадки, и продолженіи семи дней не видѣлъ и не зналъ ничего, что вокругъ меня происходило. Я обязанъ жизнію стараніямъ доктора Трюдо, по милости котораго могъ отправиться 6 сентября на пароходъ въ Цинциннати. Г. Геренъ былъ вмѣстѣ со мною и также очень пострадалъ отъ лихорадки, а остальные наши спутники въ странствіяхъ по осаженымъ степямъ позхали большими озерами въ Нью-Йоркъ. Мы, больные, избрали себѣ болѣе-спокойный, но не менѣе-прекрасный путь: поѣхали по Огайо до Питтсбурга, потомъ по Пенсильванійскому-Каналу до горъ Алеггани, а оттуда по единственной въ мірѣ желѣзной дорогѣ въ Голландейсбургъ, и наконецъ, снова каналами, до Гаррисбургъ.

На рѣкахъ и каналахъ попадалось намъ множество лодокъ, украшенныхъ отличительными знаками двухъ кандидатовъ на президентство Соединенныхъ-Штатовъ: генерала Гаррисона и г. Фан-Бюрена. По берегамъ, у cadaго дома возвышалась мачта, на которой развѣсывалась выгнута въ написаннымъ огромными литерами именемъ избираемаго президента. Когда встрѣчались два парохода, то все пассажиры выходили на палубу, чтобы узнать политическое мнѣніе проходившихъ; тогда, смотря по согласію или разногласію этихъ мнѣній, раздавались рукоплесканія или брань и упрёки.

Въ городахъ, черезъ которые мы проѣзжали, въ числѣ прочихъ въ Ланкастрѣ, видѣли мы длинныя процессіи избирателей, важно же-

ствовавшихъ за знаменами, на которыхъ можно было прочтати какія-нибудь восклицанія въ пользу или противъ одного изъ кандидатовъ на президентство. На площадяхъ, окруженные кучками народа и взгромоздившись на что-нибудь, ораторствовали, размахивая руками, жаркіе партисанъ Гаррисона или Фан-Бюрена. Крикомъ своимъ, жестами и декламациею, люди эти напоминали мнѣ *лекарство-улла* моихъ краснокожихъ друзей.

Железныя дороги доставили насъ въ Филадельфію, а потомъ въ Нью-Йоркъ, откуда я отправился въ Гавръ 25 сентября. Въ Гавръ прибылъ я 24 октября, послѣ одиннадцатимѣсячнаго отсутствія.

А. ВУТАКОВЪ.

ПРОЛЕТАРИИ И ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Статья вторая.

Бѣдность въ промышленности земледѣльческой и отличительныя свойства. — Образъ распределенія поземельной собственности въ Англіи и во Франціи. — Экономическій бытъ сельскихъ классовъ въ этихъ двухъ государствахъ — Развитіе нищеты въ Ирландіи. — Причины естественнаго положенія этой страны. — Второстепенныя причины бѣдности. — Вліяніе финансовыхъ законовъ Англіи и Франціи на судьбу рабочихъ классовъ. — Случайныя причины бѣдности. — Причины бѣдности, зависящія отъ вины людей.

Бѣдность существуетъ и развивается не въ однихъ только городахъ, въ одной только промышленности мануфактурной: она встрѣчается и въ деревняхъ, въ промышленности земледѣльческой. Но земледѣльскій пауперизмъ имѣетъ свой особенный характеръ; между нимъ и пауперизмомъ фабричнымъ есть разное и существенное различіе, вполне объясняемое особеннымъ свойствомъ нищеты, въ-слѣдствіе котораго она развивается вмѣстѣ съ развитіемъ богатства и образованности. Если, какъ мы видели прежде, для обнаруженія бѣдности необходимо нужно богатство, если въ душѣ бѣднаго сознаніе его несчастія пробуждается только посредствомъ сравненія, то очевидно, что нищета должна преимущественно встрѣчаться въ городахъ, и особенно въ городахъ большихъ, служащихъ средоточіемъ торговли и промышленности. Только тамъ находится значительное накопленіе богатствъ, которое, порождая чрезмѣрную роскошь, великолѣпіе и блескъ, подаетъ поводъ къ самымъ разнороднымъ самымъ оскорбительнымъ сравненіямъ и противоположностямъ. Тамъ же, въ мѣстахъ, отличающихся особымъ развитіемъ промышленности, съ наибольшей силой дѣйствуютъ тѣ причины, которыми обуславливается образованіе нищеты. И дѣйствительно, нищета, такъ и противоположная ей роскошь, обитаютъ преимущественно въ большихъ городахъ, въ центрахъ обработочной промышленности. Подъ соломеннымъ кровомъ деревенскихъ жилищъ находятъ себя убожище одна только бѣдность, часто

начительная, но почти-всегда бессознательная, почти-всегда чуждая имъ страшнымъ страданіямъ, которыя составляютъ необходимое по-дѣствие пауперизма городского. — Между сельскими обывателями не-вѣдко встрѣчаются люди, находящіеся въ состояніи самой крайней не-достаточности, незнакомые ни съ однимъ изъ удобствъ образован-ной жизни. Въ деревняхъ мы часто находимъ крестьянъ едва-оде-тыхъ, босыхъ, утоляющихъ свой голодъ самой грубой пищей и жи-вущихъ въ грязныхъ хижинахъ, которыя не могутъ предохранить ихъ ни отъ сырости, ни отъ холода. По наружности, такіе люди пред-ставляютъ все внѣшніе, видимые признаки нищеты; но это по-ольшой-части бываетъ имъ совершенно-чуждо; они не сознаютъ и не чувствуютъ тѣхъ лишеній, которымъ подвергаются, потому-что потреб-ности ихъ такъ же ограниченны и незначительны, какъ и эконо-мическія средства; желудокъ нечувствителенъ къ голоду, а огру-звшее ихъ тѣло, привыкшее къ суровости климата, рѣдко страдаетъ недостаточности одежды и жилища. Съ другой стороны, почти-быкновенно все жители деревень находятся въ одинаковомъ экономи-ческомъ положеніи; въ селахъ не бываетъ почти никогда, такъ, какъ въ городахъ, рѣзкой противоположности между огромнымъ богатствомъ въ одной стороны и совершенной недостаточностью съ другой; въ се-лахъ поэтому не можетъ имѣть мѣста ни сравненіе, ни зависть и ни-дно изъ тѣхъ моральныхъ мученій, которыя по необходимости по-ждаетъ нищета. Поэтому-то самыхъ бѣдныхъ крестьянъ нельзя на-вать несчастными, ни сравнить ихъ участи съ участію работниковъ, аже болѣе достаточныхъ; крестьяне рѣдко жалуются на свою бѣ-дость и весьма-часто почти вовсе ея не замѣчаютъ: съ страданіями равственными они незнакомы, а къ лишеніямъ физическимъ они уже привыкли и сдѣлались нечувствительными.

Жители деревень болѣе бѣдны, нежели несчастны, жители городовъ олье несчастны, нежели бѣдны. Только два страны, Англія и Ирландія, составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила: въ нихъ бѣ-дость сельскихъ жителей такъ велика, что производитъ нищету даже при отсутствіи условій, необходимыхъ для ея образованія. Тѣ физич-ескія лишенія, которыя сносить авглійскій или ирландскій крестья-нинъ, такъ ужасны и мучительны, что къ нимъ невозможно оста-аться равнодушнымъ; они одни, независимо отъ страданій нрав-ственныхъ, способны пробудить въ человѣкѣ сознаніе его недо-гачности и несчастія. Въ Англіи и особенно въ Ирландіи земле-вльческій пауперизмъ не только не уступаетъ городскому, но во-ногихъ отношеніяхъ даже превъшаетъ его своей силой и своимъ объ-момъ. Во Франціи, напротивъ, нищета, согласно съ высказаннымъ ами правиломъ, не проникаетъ въ деревни, и притомъ въ этомъ го-ударствѣ самая бѣдность сельскихъ жителей далеко не такъ значи-ельна, какъ въ другихъ странахъ Европы. Французскіе крестьяне е могутъ, конечно, быть названы богатыми; но они живутъ по-ольшой-части безбѣдно, пользуются извѣстной степенью достатка, не имѣютъ права жаловаться на свою судьбу, которая во всякомъ

случае несравненно завиднее судьбы городских пролетариев. Это различие между двумя первостепенными государствами Западной-Европы обнаруживается самым очевидным образом из действий общественной благотворительности в той и в другой стране. Между-тем, как в Англии и Ирландии общественные подаяния распределяются почти одинаковой мерой между сельскими и городскими жителями, во Франции они идут почти-исключительно на пособие послѣднимъ. Больницы, богадельни, рабочіе дома и вся благотворительныя заведенія Франціи насыщаются и наполняются почти-исключительно бѣдными, принадлежащими къ городскому населенію и употребляемыми въ дело мануфактурною промышленностью; промышленность земледѣльческая доставляет самый незначительный и ничтожный вкладъ въ общій итогъ общественной нищеты, не смотря на то, что сельское населеніе Франціи, простираясь свыше 20 милліоновъ человекъ, составляетъ не менѣе 60 процентовъ на сто по отношенію къ количеству всего народонаселенія.

Главная причина этого преимущества Франціи передъ Англійей заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ различіи, которое существуетъ между этими двумя государствами по отношенію къ образу распределенія земельной собственности. Въ промышленности земледѣльческой, точно такъ же какъ и въ промышленности мануфактурной, положеніе рабочего класса обуславливается существомъ и характеромъ тѣхъ отношеній въ которыхъ находятся между собой производительныя силы. Больше или меньше благосостояніе земледѣльцевъ или работниковъ зависитъ и тутъ отъ большо́й или меньше́й связи между ними и земледѣльцами или капиталистами. Въ промышленности сельской точно такъ же какъ и въ городской, участь рабочихъ классовъ всего зависитъ тогда, когда производительныя силы связаны между собой сплошной и неразрывною связью, когда капиталъ и трудъ соединены въ одномъ лицѣ, когда земледѣлецъ есть вмѣстѣ и землевладѣльцемъ, когда крестьянинъ обрабатываетъ не чужую, а свою собственную землю. Благосостояніе сельскаго сословія прочно и обезпечено въ той странѣ, гдѣ поземельная собственность не сосредоточивается въ рукахъ привилегированнаго класса, образуя небольшое число крупныхъ помѣстій, но раздробляется на множество незначительныхъ участковъ, къ пріобрѣтенію которыхъ способны лица всѣхъ состояній и сословій. Крестьяне не подвергаются ни нищетѣ, ни бѣдности тамъ, гдѣ сами по-большой-части являются помѣщиками, гдѣ человекъ, своими руками обрабатывающій землю, всегда можетъ пахать ее посредствомъ бережливости пріобрѣсти себѣ со-временемъ частичку ея въ собственность и передать въ наследство своимъ дѣтямъ. Въ такомъ отношеніи находится Франція, гдѣ гражданскіе законы не только не препятствуютъ, но, напротивъ, покровительствуютъ правильному и естественному распределенію богатствъ, доставляютъ труду полную возможность соединяться съ капиталомъ, и даютъ бѣдному средство выйти изъ своего положенія и достигнуть посредствомъ труда известной степени достатка. Французское гражданское уложеніе, изданное в 1804 году наполеономъ, уничтожило майораты и право первородства, уничтожило

нераздельность и неотчуждаемость имѣній, установило ровный раз-
 ъ наследства между всеми дѣтьми, дало всякому право владѣть по-
 лною собственностью и освободило способы ея пріобрѣтенія отъ
 ихъ стѣсненій и ограниченій. Вся эти мѣры приняты были съ той
 ъ, чтобъ помѣшать непривозвращающему классу удерживать и сохранять
 своихъ рукахъ поземельную собственность; мѣры эти не могли остаться
 модными; и дѣйствительно, въ самое короткое время, она уже успѣли
 зести самые полезные плоды и проавести въ социальномъ устройствѣ
 нціи чрезвычайно-благодѣтельную реформу. Прежде вся земля раздѣ-
 была на небольшое число огромныхъ помѣстій, по-большой-части
 ршенно-необработанныхъ и покрытыхъ бѣдными селеніями. Ферме-
 для арендаторовъ не было; между богатыми помѣщиками и бѣд-
 в крестьянами не существовало никакой посредствующей степени.
 едѣлецъ, лишенный всякихъ средствъ къ пріобрѣтенію поземель-
 собственности, обремененный налогами и притѣсненіями всякаго ро-
 презираемый какъ рабъ, какъ-будто навсегда былъ приговоренъ
 нищеть, къ невѣжеству, къ нравственному униженію. Въ настоя-
 время, вредныя послѣдствія этого устройства, конечно, еще
 совсемъ изгладились; деревни, которыми покрыта Франція, ѡ мно-
 въ частяхъ еще весьма-грязны, бѣдны и нечисты; крестьяне еще
 освободились отъ невѣжества, суевѣрія и предрасудковъ; но, не смо-
 на эти печальные остатки прошедшаго, богатаго несправедливостя-
 унженіемъ и нищетою, не можетъ быть никакого сравненія между
 юническимъ состояніемъ крестьянъ въ теперешнее время и въ преж-
 времена. Теперь, благодаря новымъ законамъ, одни крестьяне уже
 тались землевладѣльцами; другіе не замедлятъ сдѣлаться. Нѣсколь-
 милліоновъ Французовъ принимаютъ участіе въ правѣ поземель-
 собственности; обширныя помѣстья празднаго класса раздробились
 въ сто-двадцать-пять милліоновъ небольшихъ участковъ, и соб-
 нность дѣлится такъ быстро, что это явленіе внушаетъ невольный
 ихъ людямъ близорукимъ, которые боятся, чтобъ чрезмѣрное раз-
 бленіе, доведенное до крайности, не уничтожило и самой собствен-
 сти и производительной силы почвы. Такое опасеніе, впрочемъ, со-
 мненно-несправедливо. Въ раздѣленіи поземельной собственности дол-
 о отмѣчать два совершенно-разнородныя явленія: съ одной сторо-
 , раздѣленіе *права* собственности, которое, во всякомъ случаѣ, чрез-
 тайно-благодѣтельно для народа, и съ другой стороны, раздробленіе
предмета владѣнія, самаго орудія труда, которое, конечно, мо-
 гь сопровождаться весьма-вредными послѣдствіями.—Чрезмѣрное дѣ-
 не земли можетъ безъ сомнѣнія остановить развитіе и успѣхи земле-
 ѣческой промышленности, потому-что при такомъ дѣленіи становится
 возможнымъ обработываніе земля въ большемъ размѣрѣ и употребленіе
 совершенствованныхъ способовъ сельскаго хозяйства. Но это зло лег-
 можетъ быть устраниено посредствомъ ассоціаціи мелкихъ помѣщи-
 ѣвъ, посредствомъ соединенія ихъ между собой для обработыванія
 въ участки общими силами и общими средствами. Раздробленіе
 чь не есть необходимое послѣдствіе раздѣленія права собственности.

Посредством ассоціаціи весьма-легко можно сохранить благодѣтельные результаты втораго явленія, и устранить вмѣстѣ вредныя послѣдствія перваго. Право поземельной собственности можетъ быть раздроблено до чрезмѣрности, между-тѣмъ, какъ самый предметъ этой собственности, земля, можетъ и долженъ оставаться нераздѣльнымъ и единымъ.

Франція, поверхность которой состоитъ изъ 53 милліоновъ гектаровъ, за исключеніемъ степей, пустошей, дорогъ, улицъ и застроенныхъ мѣстъ, имѣетъ отъ 40 до 42 милліоновъ гектаровъ производительной земли. Это количество распределяется между четырьмя милліонами земледѣльцевъ, составляющихъ пятую часть всего земледѣльческаго населенія Франціи. Но такъ-какъ каждый собственникъ пользуется своимъ правомъ не одинъ, а вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, то надо необходимо принять, что въ правѣ поземельной собственности участвуютъ четыре милліона человекъ, а четыре милліона семействъ, или, если предположить, что каждое семейство состоитъ среднимъ числомъ изъ четырехъ человекъ, шестнадцать милліоновъ человекъ. Вся эти земледѣльцы могутъ быть раздѣлены на три класса. Къ первому можно отнести мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, числомъ около 3,500,000, которымъ принадлежитъ половина всей производительной почвы; каждый изъ нихъ обрабатываетъ самъ свой участокъ, и имѣетъ въ своемъ владѣніи среднимъ числомъ не больше шести гектаровъ. Ко второму классу относятся помѣщики средней-руки, числомъ около 350,000; принадлежитъ почти четверть всей производительной земли, а, следовательно, на долю каждого приходится среднимъ числомъ не больше 10 гектаровъ. Наконецъ, третій классъ составляютъ богатые помѣщики, числомъ около 90,000, раздѣляющіе между собой остальную часть почвы, и имѣющіе въ рукахъ своихъ среднимъ числомъ на 120 гектаровъ. Изъ этихъ цифръ ясно видно, что раздробленіе поземельной собственности во Франціи весьма-значительно, и что наибольшая часть земли принадлежитъ тѣмъ самымъ, которые ее обрабатываютъ, и что трудъ и капиталъ въ бѣльшей части случаевъ соединяются въ одномъ лицѣ.

Но между-тѣмъ, какъ во Франціи сорокъ милліоновъ гектаровъ производительной земли раздѣляются между четырьмя милліонами земледѣльцевъ, въ Англіи на 20 милліоновъ гектаровъ приходится только 600,000 помѣщиковъ. Во Франціи на долю каждого помѣщика приходится среднимъ числомъ не больше 10 гектаровъ земли; въ Англіи же 33. Въ первой странѣ, болѣе половины земледѣльцевъ состоитъ изъ крестьянъ, обрабатывающихъ почву своими руками; во второй — всѣ помѣщики принадлежатъ или къ высшему аристократическому сословію, или къ мелкому дворянству (*gentry*); все остальное сельское населеніе, простирающееся отъ 5 до 6 милліоновъ душъ, заключеніемъ немногочисленнаго класса богатыхъ фермеровъ, берутъ помѣщичью землю въ арендное содержаніе, состоятъ изъ мелкихъ поденщиковъ, которые нанимаются для обработки земли и не принимаютъ никакого участія въ правѣ поземельной собственности.

кое невыгодное для низшихъ классовъ распределеіе богатствъ об-
 ываетъ характеромъ и направлеіемъ англійскихъ гражданскихъ
 новъ. Законы эти до-сихъ-поръ сохранили еще слѣды своего фе-
 ьнаго происхожденія; исполнъ-проникнутые аристократическимъ ду-
 ь, они составлены съ той цѣлью, чтобъ сосредоточить въ рукахъ
 илгированнаго класса всю поземельную собственность, чтобъ удер-
 ь навсегда за богатымъ его богатство, за бѣднымъ—его бѣдность.
 и въ Великобританіи доставляетъ своему владѣльцу важныя потом-
 нныя привилегіи, не только гражданскія, но и политическія, и въ
 хъ его составляетъ залогъ могущества и вліянія, залогъ неотчуж-
 ь, неподлежащій никакимъ взысканіямъ и охраняемый самимъ
 номъ отъ расточительности и отъ неспособности потомковъ и пред-
 ьтелей прежнихъ феодальныхъ бароновъ. Англійскій законъ, для
 , чтобъ упрочить навсегда разьединеніе капитала и труда въ зем-
 ьческой промышленности, ограничиваетъ право владѣльца распор-
 ь своимъ недвижимымъ имуществомъ, покровительствуетъ нераз-
 ьности и неотчуждаемости помѣстій, освящаетъ принципъ неравна-
 ьства и сохраняетъ до-сихъ-поръ майораты, субституціи, фидеи-
 ьсы, имѣнія-мертвой-руки (manus-mortua) и всѣ тому подобныя
 ьженія, введенныя въ эпоху феодализма для того, чтобъ утвердить
 ьчныя времена за племенемъ завоевателей социальный и полити-
 ьй перевѣсъ надъ племенемъ побѣжденныхъ. Въ англійскихъ зако-
 ь о наследствѣ, право первородства составляетъ общее правило; ра-
 ьво раздѣла представляется исключеніемъ, особой привилегіей, пред-
 ьменной закономъ волѣ завѣщателя; если нѣтъ завѣщанія, то земля
 ьходитъ, на основаніи юридическихъ началъ феодализма, къ старше-
 ьну. Съ другой стороны, для того, чтобъ сохранить поземельную
 ьвенность въ аристократическихъ семействахъ, законъ, дозволяя ея
 ьжу и покупку, подчиняетъ эти обязательства самымъ тягостнымъ
 ьсподнымъ для покупателя условіямъ. Пошлины, которыя онъ
 ьетъ заплатить при покупке имѣнія, такъ разнообразны и значи-
 ьны, что превышаютъ часто самую продажную цѣну, между-тѣмъ,
 ь при приобрьтеніи земли по праву наследства, законъ совершенно
 ьбавляетъ приобрьтателя отъ всякихъ пошлинъ и взносовъ. Поэтому
 ьне во справедливости сказать, что продажа недвижимыхъ имѣній
 ьземли въ Англій только для вида; de facto она рѣшительно невоз-
 ьва; и въ этомъ именно состояла цѣль закона, цѣль, которая имъ
 ьршенно и исполнъ достигнута.

ьтко понять, какое вліяніе должно имѣть такое законодательство на
 ьловіе низшихъ классовъ. При такомъ устройствѣ, трудъ никогда не
 ьетъ соединяться съ капиталомъ; крестьянинъ никогда не можетъ
 ьтаться землевладѣльцемъ; онъ обреченъ на вѣчную нищету и нико-
 ь не можетъ надѣяться выйдти изъ своего несчастнаго положенія.
 ьпоземельная собственность состоитъ изъ небольшого числа огром-
 ьхъ помѣстій, сосредоточивающихся въ рукахъ туземной аристокра-
 ьи. Эти помѣщики (landlords) весьма-рѣдко живутъ въ своихъ земляхъ
 ьногда никогда не управляютъ ими сами, а по-большой-части отда-

ютъ ихъ въ арендное содержаніе другимъ капиталистамъ, которые следовательно, участвуютъ, наравнѣ съ землевладельцами, въ пользованіи поземельною собственностью. Въ этомъ отношеніи, надо сказать, эти арендные контракты (bails à ferme) весьма-благоприятствуютъ развитію народнаго богатства; но условія и существо этихъ контрактовъ измѣняютъ значительнымъ образомъ ихъ благотворительныя послѣдствія. Арендаторы суть не что иное, какъ капиталисты, которые не сто того, чтобъ употребить свой капиталъ на заведеніе фабрики и завода, обращаютъ его на земледѣльческую промышленность. Когда страна, гдѣ земля принадлежитъ небольшому числу владельцевъ, и ходятъ, кромѣ ихъ, люди, имѣющіе возможность употребить значительныя капиталы на земледѣльческія предпріятія, то земля естественно должна раздѣлиться на большія фермы, и земледѣльческое населеніе должно низойти на ступень простыхъ поденщиковъ. Эта система работыванія земли большими фермами благоприятствуетъ, конечно, успѣхамъ сельскаго хозяйства; но за то, съ другой стороны, доводитъ большинство работниковъ до самаго гѣстнаго и жалкаго состоянія, до состоянія толпы людей, непрерывно спорящихъ между собой о работахъ, раздаваемыхъ фермерами и доставляющихъ самое незначительное вознагражденіе. При такомъ положеніи между землевладельцами, арендаторами и крестьянами разрывается вся связи, какъ экономическія, такъ и нравственныя; образуется рода интересовъ противоположныхъ, исключительныхъ, которые и устрашило стремятся къ своимъ собственнымъ выгодамъ, и постоянно выгодами другихъ. Интересъ землевладельца состоитъ въ томъ, чтобъ получить отъ своего помѣстья наибольшій доходъ; интересъ фермера — въ томъ, чтобъ производить какъ-можно-болѣе издерживать на производство какъ-можно-менѣе. Для достиженія этой цѣли, арендаторъ старается употребить для обработыванія земли меньшее число рукъ; онъ сокращаетъ, сколько можетъ, число рабочихъ дней и отсылаетъ при первой возможности тѣхъ взвѣсившихъ поденщиковъ, въ которыхъ онъ нуждается въ извѣстныхъ временахъ. Само собой разумѣется, что при такой хозяйственной системѣ никто не можетъ заботиться о судьбѣ земледѣльческаго населенія, которое въ слѣдствіе непостоянства работы, въ слѣдствіе привычки къ болѣе само погружается въ совершенно-анатическую беззаботность и разлагается съ страшною скоростью, такъ-что число несчастныхъ увеличивается по-мѣръ-того, какъ нищета заставляетъ ихъ ограничивать свои потребности. Таково именно состояніе земледѣльческаго класса въ Англіи: небольшое число богатыхъ землевладельцевъ, классъ фабрикантовъ, настоящихъ капиталистовъ, составляющихъ также частію крѣпін, и подъ ними безъименная и безчисленная толпа, впадающая въ постоянную и бесплодную борьбу съ гнетущей ее нищетой: борьба, изъ которой нѣтъ другаго выхода, кромѣ нищенской эмиграціи и переселенія въ отдаленныя страны!

При такомъ раздѣленіи между разными элементами земледѣльческаго класса, крестьяне, само-собой разумѣется, должны

я въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Они не имѣютъ никакого права на землю ни какъ землевладѣльцы, ни даже какъ наемщики; въ настоящее время, въ Англіи нѣтъ ни одного общественнаго пастбища, на которомъ бѣдный деревенскій житель могъ бы откормить свою корову, составляющую единственное его богатство. Крестьяне теперь ни больше, ни меньше, какъ поденщики, которые за самую ничтожную цѣну отдають себя въ наемъ фермерамъ для того, чтобы достать себѣ невыгодную работу, не всегда требующую одинаковаго числа рукъ и занимающую каждый день различное число работниковъ. Бѣдные деревенскіе жители бываютъ заняты все безъ исключенія только во время жатвы, и даже въ эту благопріятную эпоху самая возвышенная плата, ими получаемая, не возвышается надъ уровнемъ безусловно-необходимыхъ потребностей. Во все остальное время, земля доставляетъ занятіе только весьма-небольшому числу работниковъ, и въ продолженіе большей части года большинство сельскаго населенія живетъ единственно воровствомъ, нищенствомъ и тѣми мелкими промыслами, которые въ Англіи называются въ насмѣшку Job-work (ремесло Ова).

Вся англійскіе экономисты сознаются, что состояніе земледѣльческихъ работниковъ съ каждымъ днемъ становится хуже и хуже. Комиссія, завѣдывающая дѣлами о бѣдныхъ — въ эмиграціи видитъ единственное средство для того, чтобы пособить постоянно-умножающейся нищете англійскихъ крестьянъ. Комиссія, въ-слѣдствіе того, постоянно предлагаетъ бѣднымъ эмиграцію и содѣйствуетъ ей всѣми способами. Нѣсколько лѣтъ назадъ, она согласилась пожертвовать довольно-значительною суммой (по $1\frac{1}{2}$ фунт. стерлинговъ на человека), чтобы перемѣстить нищету и переселить ее изъ земледѣльческихъ графствъ, гдѣ она дошла до крайнихъ предѣловъ и гдѣ ей нѣ было помочи, — въ графства мануфактурныя, гдѣ бѣдые могли надеяться найти себѣ работу и вмѣстѣ съ ней кусокъ хлѣба. Но мы уже видали прежде, что надежда эта не могла осуществиться, и предпріятіе комиссіи оказалось совершенно-неудачнымъ. Не смотря на то, въ Англіи продолжаютъ дѣятельно покровительствовать эмиграціи; правительство назначаетъ для этого ежегодно весьма-значительныя суммы; частные люди собираютъ безпреставно полныя суда и составляютъ для этой цѣли особые общества. Но средство это едва-ли можетъ принести какую-нибудь пользу. Еслибъ Англія захотѣла переселить всѣхъ своихъ бѣдныхъ въ другія страны, нѣтъ сомнѣнія, она разорилась бы на однѣ издержки перевоза. Съ 1-го юля 1836 по 1-е юля 1837 года, она перевезла на свой счетъ въ Америку 1179 бѣдныхъ, что стоило ей около 7,450 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1835 году, переселено было 5,140 человекъ; каждый изъ нихъ обошелся въ шесть фунтовъ стерлинговъ, и такъ-какъ оказалось, что средство это стоитъ слишкомъ-дорого, то на слѣдующій годъ оно уже значительно было ограничено въ своемъ дѣйствіи. Когда правительство благопріятствуетъ переселенію своихъ подданныхъ въ отдаленныя земли, которыя ему принадлежатъ, или въ которыхъ оно хо-

четь завести колонію, то весьма-понятно, что оно рѣшается перевозитъ въ эти земли на свой счетъ полезныхъ животныхъ и людей; во когда такая могущественная нація, какъ Англія, тратитъ огромныя суммы только для того, чтобъ уменьшить число людей, которымъ она должна доставлять пропитаніе, то въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть самаго очевиднаго признака нищеты. Англійское правительство, переселивъ на ихъ подданныхъ на свой счетъ, не обязываетъ ихъ отправляться въ страны, ему принадлежащія: ему только нужно, чтобъ они ушли куда бы то ни было,—и большая часть эмигрантовъ отправляется по этому въ англійскія колоніи, а въ Канаду и въ Соединенные-Штаты.

Оффиціальныя документы, изданныя комиссіей, завѣдывающей нами о бѣдныхъ, ясно показываютъ, что положеніе англійскихъ вольнощиковъ въ матеріальномъ отношеніи несравненно-хуже, нежели положеніе антильскихъ невольниковъ. Англійскій крестьянинъ подвергается тѣмъ же страданіямъ и тому же униженію, какъ и невольникъ, не имѣетъ того куска хлѣба, который обезпеченъ по-крайней-мѣрѣ послѣднему. Тридцать отцовъ семейства, принадлежащихъ къ одному изъ родовъ графства Боккингемскаго, доведенные до самаго крайняго издѣла нищеты, отправили къ одному изъ комиссаровъ письмо, въ которомъ изложили подробно доказательство своего бѣдственнаго положенія. Комиссаръ самъ посѣтилъ этотъ приходъ и, препроводивъ письмо въ комиссію, донесъ, что всѣ показанія, которыя въ немъ содержатся, заслуживаютъ полнаго вѣроятія. Изъ этого документа обнаруживается, что всѣ тридцать семействъ не въ состояніи содержать себя трудомъ и получали поэтому содержаніе отъ своего прихода. На долю каждаго отца семейства приходилось по семи шиллинговъ въ недѣлю. Во время жатвы, которая продолжается отъ четырехъ до пяти недѣль, они могли выработать по 15 шиллинговъ въ недѣлю; но за цѣлый годъ это была единственная плата, имъ обезпеченная. Поэтому въ-продолженіе почти цѣлаго года они жили единственно въ пособіемъ, которое оказывалъ имъ приходъ. Имъ нужно было выработать по четыре шиллинга въ недѣлю на хлѣбъ, по одному шиллингу на девяти декаріенъ на говядину, и по 15 декаріенъ на мыло, сахаръ, чай и чай; за тѣмъ имъ уже рѣшительно ничего не оставалось на одежду, на квартиру и на дрова. Изъ числа ихъ считались счастливыми тѣ, которые во время жатвы выработывали себе столько, что могли заплатить за наемъ хижины, обходившейся имъ обыкновенно въ 60 шиллинговъ. Приведемъ здѣсь собственныя слова одного изъ счастливыхъ, могущія дать понятіе объ ихъ горестномъ положеніи: «гда мы представлялись сегодня въ 2 часа комиссару», говоривъ въ своемъ письмѣ: «то многіе изъ насъ со вчерашняго дня сидимъ во рту куска хлѣба... Мы желаемъ только одного: нанять въ дорогую цѣну небольшой уголокъ земли, на которой мы могли бы посадить для себя картофель; но, къ-несчастію, никто не соглашается намъ частичку земли въ наемъ, такъ-что мы поневоля должны бѣгать къ пособію прихода; иначе намъ бы пришлось умереть голодною смертію».

Бѣдственное положеніе сельскаго сословія въ Англіи доказываютъ самымъ очевиднымъ образомъ тѣ возмущенія и волненія, которыя безъерывно обнаруживаются въ земледѣльческихъ дистриктахъ. Между-тѣмъ, какъ въ другихъ государствахъ сельскіе классы отличаются спокойствіемъ, смиреніемъ, любовью къ порядку и тишинѣ, въ Англіи они безпрестанно возмущаются и встаютъ противъ законовъ и общественной власти. Не проходитъ почти ни одного года, чтобъ какой-нибудь интригъ не приведенъ былъ въ разстройство волненіями сельскихъ ителей; и само-собою разумеется, что только одна чрезвычайная нищета побуждаетъ крестьянъ къ этимъ противозаконнымъ движеніямъ. Недавнее возстаніе такъ-называемыхъ ребеккантовъ въ Княжествѣ Валлис-томъ и слѣдствіе, произведенное по этому случаю, показали Англіи, какъ ужасно состояніе ея земледѣльческихъ классовъ и какими опасностями грозитъ это состояніе общественной тишинѣ и народному блаженствію.

Но положеніе крестьянъ въ Англіи можно назвать еще сноснымъ въ сравненіи съ положеніемъ ихъ въ Ирландіи. Ирландія, какъ извѣстно, — по преимуществу страна нищеты; она указываетъ собою тотъ по-лѣвѣй, крайній предѣлъ, до котораго могутъ дойти бѣдствія и стра-ннія человечества. Эта земля, которая такъ же плодородна, какъ и Англія, населена народомъ, который буквально умираетъ съ голода. Народъ этотъ такъ неприхотливъ въ своей пищѣ, что довольствуется самымъ думперомъ, самымъ низкимъ, грубымъ и нездоровымъ сортомъ картофеля; и не смотря на то, онъ умираетъ съ голода! Уже одного этого достаточно, чтобъ характеризовать положеніе Ирландіи; и мы могли бы ограничиться однимъ этимъ фактомъ, не прибавляя къ нему никакихъ комментаріевъ. Но для того, чтобъ ближе познакомить читателей съ значеніемъ, характеромъ и степенью развитія ирландской нищеты, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ превосходнаго сочиненія Юстава де-Бомона, въ которомъ содержится самое полное и вѣрное опи-ніе всѣхъ бѣдствій и страданій этой несчастной страны (*).

«Ирландія представляетъ вѣчный и постоянный контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, контрастъ, о которомъ чрезвычайно-трудно со-ставить себѣ надлежащее понятіе... Въ этой несчастной землѣ взорамъ путешественника представляются или великолѣпныя замки, или отвратительныя избы; онъ не увидитъ ни одного зданія, которое бы заня-ло средину между дворцомъ патриція и хижиной плебея. Въ Ирлан-діи нѣтъ средняго сословія; въ ней существуютъ только два класса — классъ богатыхъ и классъ бѣдныхъ. Первые принадлежатъ къ пле-мени завоевателей; вторые къ племени побѣжденныхъ; первые по-боль-шой-части Англичане, вторые—природные Ирландцы; первые—проте-станты, вторые—католики.

«Доходы богатыхъ въ Ирландіи бывають иногда такъ велики, что пре-вшаютъ всякое вероятіе. Въ этой странѣ нищеты богатый пользует-

(*) L'Irlande sociale, politique et religieuse, par Gustave de Beaumont, Tome I. p. 2—229.

ся самою великолѣпною участію: у него есть и пышные замки, и безграничныя помѣстья, и горы, и луга, и лѣса, и озера; часто отъ мадаеть такими богатствами въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ разомъ. Между-тѣмъ, какъ милліоны несчастныхъ существъ не находятъ средствъ для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ своихъ потребностей, богатый не знаетъ, какъ пробудить желаніе въ своемъ пресыщенномъ тѣлѣ и страсть въ своей полу-угасшей душѣ. Хочетъ ли онъ, къ кажда освободиться отъ неотвязной скуки, переѣхать съ одного мѣста на другое, ему представляются дороги красивыя, удобныя, во въ чѣст и уступающія самымъ великолѣпнымъ дорогамъ Англіи. Роскошь и богатство развѣзжаютъ такимъ-образомъ со всеми своими удобствами, со всемъ своимъ великолѣпіемъ посреди бѣдствій и страданій страны.

«Такова та Ирландія, которую устроилъ себя богатый. Но для того чтобъ вѣдѣть ее, надо избрать особую точку зрѣнія, надо оставиши на какомъ-нибудь небольшомъ и уединенномъ пространствѣ и прикрыть глаза при вѣдѣ всѣхъ окружающихъ предметовъ; бѣдная же Ирландія, напротивъ, сама раскрывается со всѣхъ сторонъ предъ взоромъ наблюдателя.

«Нищета голая и голодная, праздная и нищенствующая, обнимаетъ собою всю страну; она выказывается вездѣ, подъ всеми формами, всякую минуту дня. Она первая поражаетъ взоръ путешественника, вступающаго къ берегамъ Ирландіи, и съ этой минуты она не покидаетъ его ни на мгновение; она является передъ нимъ то подъ видомъ бѣднаго, показывающаго свои раны, то подъ видомъ бѣднаго, одио рубящаго; она слѣдуетъ за нимъ повсюду и осаждаетъ его неотступно; онъ слышитъ издали ея плачь, крики и вопли; и ея голосъ или ждетъ въ немъ глубокое сожалѣніе, или надоедаетъ ему и губитъ. Подобно тѣмъ заразительнымъ болѣзнямъ, которыя портятъ все, она оскверняетъ все къ ней приближающееся; она достигаетъ до богатого богача, который среди своихъ наслажденій не можетъ отдѣлаться отъ ея стоновъ и тщетно силится оттолкнуть отъ себя эти гадныя существа, которыя онъ самъ произвелъ и которыя неотступно къ нему прилипаютъ.

«Материальный видъ страны производитъ на путешественника самое тягостное впечатлѣніе.

«Между-тѣмъ, какъ феодальный замокъ, послѣ семи вѣковъ существованія, сдѣлался теперь несравненно-богаче и великолѣпнѣе, какъ вы видите, какъ вокругъ него бѣдныя хижины разваливаются и разваливаются навсегда. Въ Ирландіи путешественникъ ступитъ на развалины на каждомъ шагу. Я говорю здѣсь не о тѣхъ каменныхъ руинахъ, которыя образуются вездѣ съ теченіемъ времени, и которыя украшаютъ собою страну: эти руины принадлежатъ богатой Ирландіи, которая свято сохраняетъ ихъ, какъ остатки своего прежняго величія и какъ памятники славной древности. Я говорю о тѣхъ развалинахъ, которыя образуются несчастіемъ, о тѣхъ бѣдныхъ жилищахъ, которыя поклянуты своими несчастными владѣльцами.

горыя, указывая только на безвѣстную нищету, по-большой-части не возбуждаютъ къ себѣ ни вниманія, ни участія.

«Не знаю, впрочемъ, что внушаетъ болѣе сожалѣнія, поквнутое ли жилище, или то, въ которомъ живетъ бѣдный Ирландецъ.

«Представьте себѣ четыре стѣны изъ засохшей грязи, которая отъ южда очень-часто возвращается въ свой первоначальный видъ; вмѣсто крыши, вообразите небольшую кучу соломы или нѣсколько кусковъ дѣрна, вмѣсто камня — дыру, неуклюже продланную въ крышу, или даже самую дверь, которая иногда представляетъ единственное отверстіе для прохода дыма, — и вы будете имѣть понятіе объ ирландскихъ хижинахъ. Въ одной в той же комнатѣ живутъ отецъ, мать, дѣль, дѣв; въ этихъ жалкихъ пріютахъ не бываетъ никогда мебели; постелью служатъ для цѣлаго семейства одна куча сѣна или соломы. Пять или шесть полунагихъ дѣтей лежатъ передъ слабымъ огнемъ; подъ золой элется нѣсколько штукъ картофеля, составляющихъ единственную пищу семьи; посреди комнаты грязная свинья, единственное существо, которое не страдаетъ среди этой отвратительной нечистоты. Присутствіе свиньи въ жилищѣ крестьянина съ перваго взгляда кажется въ Ирландіи признакомъ нищеты; однакоже, на-самомъ-дѣлѣ, оно, напротивъ, указываетъ извѣстную степень достатка. Бѣдность особенно сильна бываетъ именно въ тѣхъ хижинахъ, гдѣ нѣтъ этого животнаго.

«Невдалекъ отъ хижины вы увидите небольшое, усыпанное картофелемъ поле, вмѣющее въ поверхности не болѣе одной квадратной деитины; вмѣсто забора, найдете ряды камней, которые навалены другъ з друга, а между которыми растутъ дикія растенія.

«Эта хижина, конечно, весьма-бѣдна, однакожъ это еще не жилище настоящаго бѣдняка: это жилище ирландскаго фермера или сельскаго работника.

«Я сказалъ, что въ Ирландіи есть только богатые земледѣльцы и нѣтъ мелкопомѣстныхъ, что есть только богачи, и послѣ нихъ нѣтъ же никого, кромѣ бѣдныхъ. Но эта бѣдность имѣетъ различныя степени и отъѣнки, на которые я бы желалъ указать, еслибъ это было возможно.

«Всѣ Ирландцы—бѣдны, а потому всѣ они питаются только одной, мой дешевой пищей—картофелемъ; но эту общую для всѣхъ пищу не потребляютъ не въ одинаковомъ количествѣ; одни, и это избранные, ѣдятъ картофель по три раза въ день; другіе, менѣе-счастливые, по два раза; третьи, совершенно-недостаточные, только по одному разу; тѣ, наконецъ, и такіе, которые еще бѣднѣе, и которые не берутъ ничего въ ротъ въ-продолженіе цѣлаго дня, часто даже въ-продолженіе двухъ дней.

«Эти лишенія, безъ сомнѣнія, тягостны и жестоки, и, однакоже, надо имѣть ихъ для того, чтобъ не подвергнуться еще болѣе-страшнымъ вѣдствіямъ. Тотъ, кто ѣсть болѣе, нежели сколько можетъ, и постылся ѣсть, нежели сколько долженъ, тотъ знаетъ заранее, что ему вѣчать деть одѣться; и въ добавокъ, даже это благоразуміе, это самоотверженіе, эти страданія остаются часто совершенно-безплодными. ;

«Съ какимъ бы мужествомъ ни сносилъ голода бѣдный земледелецъ, единственно для того, чтобъ имѣть возможность удовлетворить другимъ нуждамъ, онъ по-большой-части ходитъ босой и почти голый, и покрывается лохмотьями, переходящими въ каждомъ семействѣ изъ рода въ родъ.

«Во многихъ бѣдныхъ домахъ одно и то же платье служить вмѣстѣ для двухъ, для трехъ человекъ, и это обстоятельство почти-всегдазаставляетъ приходскихъ священниковъ служить каждое воскресенье по несколько обѣдѣнъ. Одинъ, выслушавъ первую обѣдню, возвращается домой, снимаетъ свое платье и отдаетъ его другому, который потомъ въ свою очередь отправляется въ церковь.

«Я видѣлъ Индѣйца въ его лѣсахъ и негра въ его оковахъ; размышляя о ихъ жалкомъ положеніи, я думалъ, что вижу передъ собой послѣдній предѣлъ человѣческихъ бѣдствій. Тогда мнѣ еще неизвестна была участь бѣдной Ирландіи. Подобно Индѣйцу, Ирландецъ бѣденъ и нагъ; но онъ живетъ среди общества, которое стремится къ роскоши и уважаетъ богатство. Подобно Индѣйцу, онъ незнакомъ съ тѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ, которое доставляютъ человеку промышленность и торговля; но онъ видитъ, какъ нѣкоторые изъ его собратій наслаждаются этимъ благосостояніемъ, къ которому онъ даже не можетъ и стремиться. Посреди самой ужасной бѣдности, Индѣецъ сохраняетъ независимость, которая имѣетъ свою прелесть и свое достоинство. Онъ бѣденъ, нагъ, страдаетъ отъ голода; но за то среди своихъ пустынь онъ сохраняетъ совершенную свободу, и сознаніе этой свободы облегчаетъ его страданія. Ирландецъ отверженъ такой же бѣдностью, не имѣя такой свободы; онъ стѣсненъ въ своей дѣятельности правилами и ограниченіями всякаго рода; онъ умираетъ съ голода и повинуется законамъ, — печальное существованіе, соединяющее въ себѣ невыгоды цивилизаціи съ невыгодами дикой жизни. Безъ сомнѣнія, Ирландецъ, который только-что разбилъ свои цепи и еще надѣется на будущность, въ существѣ дѣла меньше достоинъ сожалѣнія, нежели Индѣецъ или черный невольникъ. Однако, въ настоящее время нельзя не сознаться, что онъ не имѣетъ ни той свободы, которую пользуется дикій, ни того куска хлѣба, который обезпечитъ рабу.

«Не стану описывать всѣхъ проявленій, всѣхъ фазисовъ ирландской нищеты — отъ состоянія бѣднаго фермера, который постылся для того, чтобъ спасти дѣтей своихъ отъ голода, до состоянія того крестьянина, меньше-несчастнаго, но больше-униженнаго, который рѣшается просить милостыню; отъ безропотной недостаточности, безмолвствующей среди страданій и пожертвованій, до той бѣдности, которая возмущается на пути насилія доходить часто до преступленія.

«Ирландію, въ-отношеніи бѣдности, нельзя сравнить ни съ какой другой страной; ирландскую бѣдность невозможно опредѣлить съ точностію, потому-что она имѣетъ свой особый и совершенно-исключительный характеръ. Она составляетъ особый типъ, которому нигдѣ нема-

найти ни образца, ни подражанія. При видѣ ея сознаешь, что бѣдствіямъ народовъ нельзя положить въ умъ своемъ никакихъ предѣловъ.

«Для того, чтобъ познакомиться съ социальнымъ положеніемъ такой страны, нужно рассказывать только объ ея бѣдствіяхъ и ея страданіяхъ. Исторія бѣдныхъ есть исторія Ирландіи.

«Кто хочетъ понять ирландскую нищету, тотъ долженъ отказаться отъ всѣхъ тѣхъ началъ, которыми руководствуются обыкновенно въ другихъ странахъ для опредѣленія бѣдности. Обыкновенно бѣднымъ называютъ только того, у кого нѣтъ работы и кто принужденъ просить милостыню; въ Ирландіи бѣднѣе всѣхъ тѣ, которые не просятъ милостыни. Между сельскими жителями весьма-много есть такихъ, которые не прибѣгаютъ къ нищенству, но нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не нуждался бы въ подаваніи. Поэтому-то и невозможно сравнивать нищету Ирландіи съ нищетою другихъ странъ. Нельзя даже сравнивать независимаго ирландскаго земледѣльца (independant labourer) съ англійскимъ бѣднымъ (pauper). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самый несчастный изъ англійскихъ бѣдныхъ имѣетъ лучшую пищу и лучшую одежду, нежели самый счастливый изъ ирландскихъ земледѣльцевъ.

«На основаніи некоторыхъ неутѣшительныхъ теорій, у всѣхъ народовъ и во всѣхъ странахъ находятся почти всегда одинаковая сумма счастья и страданія, благосостоянія и нищеты; отсюда выводятъ то заключеніе, что безумно заботиться о бѣдствіяхъ, которыхъ человекъ не можетъ ни уничтожить, ни даже облегчить. Проповѣдующіе столь неутѣшительное мнѣніе, не бывали, вѣроятно, ни въ Ирландіи, ни въ Соединенныхъ-Штатахъ; они не знаютъ ни той страны, гдѣ нищета составляетъ общее правило, ни той, гдѣ она является только въ видѣ исключенія.

«Нищета въ Ирландіи достигаетъ до предѣловъ, неизвѣстныхъ во всѣхъ другихъ странахъ. То положеніе, которое въ этой землѣ стоитъ выше бѣдности, у всякаго другаго народа названо было бы самой ужасной нищетою; нельзя, конечно, не оплакивать участи англійскихъ или французскихъ пролетаріевъ, а между-тѣмъ эти пролетаріи въ Ирландіи составили бы, безъ сомнѣнія, классъ привилегированный. И эти бѣдствія жителей Ирландіи не принадлежатъ къ числу явленій рѣдкихъ, временныхъ и случайныхъ; почти всѣ они постоянны; тѣ, которые не имѣютъ всегдѣшняго дѣйствія, прекращаются только на самое короткое время и почти всегда возвращаются періодически.

«Всякій годъ, почти въ одно и то же время, въ Ирландіи объявляютъ о началѣ голода и потомъ извѣщаютъ постоянно о его развитіи, о его успѣхахъ, о его страшныхъ послѣдствіяхъ и наконецъ о прекращеніи его.

«Въ февралѣ 1838 года, французскіе журналы объявляли объ этомъ ежегодномъ воплѣ ирландской нищеты и о числѣ людей, которые въ теченіе мѣсяца умерли голодною смертію. Многіе думаютъ, одни по эгоизму, другіе по человеколюбію, что рассказы объ ирландской бѣдѣ слишкомъ преувеличены; для нихъ слово «голодъ», которое

употребляюгь обыкновенно для выраженія бѣдствій Ирландіи, съ метафорическое выраженіе, означающее только чрезвычайную нищету, и вовсе не настоящій терминъ для изображенія состоянія людей, действительно голодныхъ и умирающихъ отъ недостатка пищи.

«Такая недоумчивость совершенно-неосновательна, и неосновательность ея легко можетъ быть доказана:

«Въ 1727 году, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, пріимаетъ Бульверъ и салъ изъ Ирландіи, гдѣ онъ былъ агентомъ англійскаго правительства, слѣдующее: «Со времени моего пріѣзда въ эту страну (1725), и голодъ не прекращается между бѣдными. Въ прошломъ году хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что нѣсколько тысячъ семействъ принуждены были покинуть свои жилища и искать себѣ спасенія въ другихъ мѣстахъ. Многие погибли сотнями... *Many hundred perished.*»

«Въ 1832 году у епископа Дойла (Doyle) спрашивали о состояніи сельскихъ классовъ въ западной части Ирландіи. «То же, что и всегда отвѣчалъ онъ: «по обыкновенію умираютъ съ голода»—*People are perishing as usual.*

«Въ 1837 году горячки, порожденныя бѣдностію и голодомъ, убили въ Ирландіи 1,500,000 человекъ; изъ числа ихъ погибло 66,000. Въ 1826 году вычислено было, что дурное качество пищи послужило причиной 20,000 болѣзней.

«Во время слѣдствія, произведеннаго въ 1835 году англійскимъ вѣдѣтельствомъ относительно соціальнаго положенія Ирландіи, слѣдствій вопросъ сдѣланъ былъ комиссарамъ тѣмъ корреспондентамъ, которыхъ они имѣли въ каждомъ приходѣ: «Не было ли въ послѣдніе три года какого-нибудь смертнаго случая, который бы долже послужить недостатку пищи?»

«И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдствіе выказываетъ цѣлыя массы людей, погибшихъ единственно отъ недостатка пищи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голодъ служилъ прямою и непосредственною причиною смерти, въ другихъ онъ только ускорялъ ее и увеличивалъ мученія умирающихъ; одни несчастные погибли отъ долговременнаго изнуренія; другие отъ болѣзни и отъ голода.

«Грустно читать эти отчеты, занимающіе 10 томовъ *in folio*, въ которыхъ нѣкоторые имѣютъ болѣе 900 страницъ, и въ которыхъ каждая страница, каждая строка, каждое слово указываетъ на нищету Ирландіи. И однакоже, въ этихъ отчетахъ показаны не все бѣдствія этой страны, не все ея страданія.

«Комиссары, которымъ поручено было произвести это слѣдствіе, полагаютъ, что въ Ирландіи есть около трехъ миллионовъ людей, которые ежегодно могутъ весьма-легко впасть въ состояніе рѣшительной бѣдности; эти три милліона людей не только не въ состояніи выжить, они все нищие въ полномъ смыслѣ слова. Кроме этого, есть нѣсколько милліоновъ несчастныхъ, которые не сочтены въ эти три милліона потому только, что они не умираютъ съ голода.»

Это описаніе нисколько не преувеличено; оно вполне соответствуетъ действительности и даетъ самое вѣрное понятіе о несчастности

нии бѣдной страны. Причина такого несчастія заключается въ исторической судьбѣ Ирландіи, въ томъ, что земля эта не сохранила своей независимости, а подпала подъ владычество Англіи и принуждена была подвергнуться всѣмъ тѣмъ горестнымъ послѣдствіямъ, которыя всегда сопровождается поработеніе одного племени другимъ. Завоеваніе положило начало общественной жизни не въ одной Ирландіи, но во всѣхъ другихъ государствахъ Западной-Европы; но въ другихъ странахъ борьба противоположныхъ началъ окончилась примиреніемъ; въ разъединенныхъ и разнородныхъ элементахъ образовалась съ теченіемъ времени единая и твердая національность; и племя завоевателей мало-по-малу совершенно слылось съ племенемъ побѣжденныхъ. Въ Ирландіи, совершенно напротивъ, до-сихъ-поръ еще не произошло этого сліянія и сближенія: до-сихъ-поръ еще завоеватели остаются совершенно чуждыми побѣжденнымъ; до-сихъ-поръ не образовалось еще одной новой народности, а существуютъ два племени, между которыми нѣтъ никакой симпатіи, никакого единодушія, никакого равенства въ правахъ. Время измѣнило только форму разъединенія, но самое разъединеніе осталось въ прежней силѣ. Въ-теченіе семи вѣковъ племя завоевателей не сделало ни одного шага къ сближенію съ племенемъ побѣжденнымъ, но все теченіе этого времени оно не переставало тяготѣть надъ нимъ своей силой. Владычество Англичанъ въ Ирландіи со времени перваго вхожденія ихъ въ эту страну въ 1169 до самаго настоящаго времени, было жестокииъ угнетеніемъ. Въ первыя три столѣтія, они для того, чтобы достигнуть и довершить завоеваніе, съ оружіемъ въ рукахъ опустошали Ирландію, повсюду оставляя слѣды своего насилія и своей жестокости. Не прекратилась борьба за независимость, какъ началась уже борьба релігіозная. Въ XVI столѣтіи, Англія приняла протестантскую релігію, хотѣла заставить Ирландцевъ послѣдовать своему примѣру; но съ ихъ стороны упорное сопротивленіе, она рѣшилась насильственно достигнуть своей цѣли; это намѣреніе подало поводъ къ кровавой и страшной борьбѣ, къ упорнымъ и продолжительнымъ войнамъ, длившимся болѣе столѣтія. Съ прекращеніемъ этихъ релігіозныхъ войнъ, не прекратились притѣсненія Англіи. Видя, что силой, не смотря на преслѣдованіе и угнетеніе, твердо стояли на веру отцовъ своихъ, Англія рѣшилась стремиться къ той же цѣли другимъ путемъ; убѣдившись въ нецѣлесообразности насильственныхъ средствъ, она обратилась къ преслѣдованію легальному. Это подало поводъ къ новому угнетенію, менѣе варварскому, но не менѣе жестокому и еще несправедливому, потому-что оно принимало видъ справедливо-законнаго. Въ настоящее время, прекратилось какъ по-старому, такъ и релігіозное преслѣдованіе, но время не успѣло еще стереть слѣдовъ прошедшаго, тѣмъ болѣе, что и теперь еще не совершенно уничтожились тѣ причины, которыя довели Ирландію до такого плачевнаго состоянія. Слѣды угнетенія и завоеванія сохраняются въ Ирландіи и доселѣ въ ея экономическомъ устройствѣ, въ образѣ собственности поземельной собственности и во владычествѣ англійской короны надъ той землей, которая принадлежала сперва самимъ

Ирландцамъ, и которая была отнята у нихъ насильственнымъ и несправедливымъ образомъ.

Вся поземельная собственность въ Ирландіи принадлежитъ англійской аристократіи; здѣсь, точно такъ же, какъ и въ Англіи, весь земледѣльческій капиталъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ избранныхъ и никогда не можетъ перейти изъ ихъ рукъ въ руки тѣхъ, которые обрабатываютъ землю, и для которыхъ она составляетъ единственное средство пропитанія. Но между Англіей и Ирландіей существуетъ въ этомъ отношеніи важное различіе, весьма-неблагопріятное для Ирландіи. Въ Англіи между крестьянами и земледѣльцами существуетъ только различіе въ интересахъ, но нѣтъ различія въ родовомъ происхожденіи. Въ Ирландіи, напротивъ, безусловное разьединеніе капитала и труда, разьединеніе не только экономическое, но и моральное, произведенное исторіей, укоренившееся въ теченіе вѣковъ, и поддерживаемое доселѣ гордостью англійской аристократіи, предразсудками національными и духомъ законовъ. Въ Англіи землевладелецъ чуждъ только крестьянину; въ Ирландіи онъ чуждъ не только крестьянину, но и самой землѣ. Всѣ продукты этой несчастной страны потребляются внѣ ея предѣловъ, людьми, которые не живутъ въ ней и смотрятъ на ея жителей, какъ на племя чуждое, низкое и презрѣнное. По-этому-то нигдѣ нельзя найти такого разьединенія между двумя классами производителей, какъ въ Ирландіи, и нигдѣ не обнаруживается съ такой очевидностью справедливость основнаго правила политической экономіи, по которому благосостояніе рабочихъ классовъ соразмѣряется постоянно съ тою связью, которая существуетъ между капиталомъ и трудомъ, съ тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ находятся между собой производительныя силы.

Богатый ирландскій помѣщикъ почти никогда не живетъ въ Ирландіи, и даже часто случается, что онъ о своихъ помѣстьяхъ имѣетъ самое неопредѣленное и смутное понятіе. Онъ знаетъ только, что въ томъ или другомъ графствѣ есть у него отъ ста до полутора ста тысячъ десятинъ земли, и изъ этихъ огромныхъ владѣній онъ хочетъ извлечь какъ можно-болѣе дохода, безъ всякихъ притомъ издержекъ съ своей стороны. Эти обширныя помѣстья достались ему или его предкамъ въ-слѣдствіе конфискаціи, и, — кто-знаетъ, — можетъ-быть, какой-нибудь военной переворотъ отнять у него то, что конфискація доставила его семейству. Такъ разсуждаетъ обыкновенно помѣщикъ отсутствующій; почти также разсуждаетъ онъ и тогда, когда живетъ въ своихъ помѣстьяхъ; если онъ и пріѣзжаетъ иногда въ свою землю, то весьма не долго; навсегда онъ въ ней не поселится, потому-что Ирландія не есть его отечество и не имѣетъ права требовать отъ него ни заботливости, ни пожертвованій. На этомъ основаніи ирландскій землевладелецъ старается обыкновенно извлечь изъ своей земли небольшую пользу, не употребляя на это никакихъ предварительныхъ расходовъ; онъ хочетъ, слѣдовательно, пожать, не посѣять, и для этого онъ отдаетъ свои помѣстья въ наймы какому-нибудь спекулятору за известную су-

му, которая или выдается одновременно или уплачивается ежегодно. Этотъ спекуляторъ, по-большой-части богатый капиталистъ, живетъ или въ Лондонѣ или въ Дублинѣ; онъ нанимаетъ землю въ Ирландіи не для того, чтобъ быть въ ней фермеромъ, но единственно съ той цѣлью, чтобъ сдѣлать изъ нея предметъ болѣе или менѣе-выгодной спекуляціи,—а потому, немедленно по заключеніи контракта съ помѣщикомъ, старается передать кому-нибудь другому право на обработку земли; при чемъ обезпечиваетъ себя заранее значительный барышъ. Обыкновенно онъ раздѣляетъ помѣстье на известное число участковъ, во сто, въ пятьсотъ, въ тысячу десятинъ каждый, и участки эти отдаетъ въ наймы второстепеннымъ спекуляторамъ, которые называются *middlemen*. Если землевладелецъ, какъ случается иногда, живетъ въ своемъ помѣстьи, то онъ самъ дѣлаетъ это раздѣленіе земли и самъ непосредственно отдаетъ эти участки настоящимъ спекуляторамъ. Каждый изъ этихъ спекуляторовъ въ свою очередь, расчистивъ только слегка поверхность почвы, подраздѣляетъ еще разъ свой участокъ и отдаетъ его въ наймы за самую дорогую цѣну, — частичками въ пять, въ десять, въ двадцать десятинъ, — отдаетъ его бѣднымъ ирландскимъ крестьянамъ, которые одни берутъ эту землю не для денежной спекуляціи, но для того, чтобъ дѣйствительно ее обрабатывать.

Но какимъ же образомъ вся эти бѣдные земледѣльцы станутъ обрабатывать папаяую ими землю? гдѣ они поселятся? гдѣ найдутъ они удобное для себя помѣщеніе? Позаботились ли помѣщикъ и арендаторъ о постройкѣ жилищъ на каждомъ изъ этихъ небольшихъ, отданныхъ ими участковъ? Само-собой разумется, что нѣтъ, потому-что для такой постройки нужно было бы положить известный капиталъ, которыми никто изъ нихъ не хотѣлъ пожертвовать. Такимъ-образомъ, крестьянамъ вручается земля совершенно-голая. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ могутъ они помѣститься? Они сами строятъ себя помѣщенія изъ досокъ, дерна и соломы, и называютъ эти грязные шалаши своими хижинами. Нанимая землю, они не получаютъ даже никакихъ земледѣльческихъ орудій и должны сами добыть ихъ для себя. Такимъ-образомъ, во всѣхъ другихъ странахъ, помѣщикъ даетъ фермеру вмѣстѣ съ землей домъ и орудіе работы. Въ Ирландіи, бѣдный, нанимающій землю, долженъ самъ построить себя хижину и принести свои орудія. Но если богатый не дастъ капитала, то какимъ образомъ можетъ достать его себя бѣдный? По-большой-части онъ вовсе и не достаетъ его и приносить только свой физическій трудъ на такое предпріятіе, для успѣшности котораго необходимъ бы былъ капиталъ. Онъ обрабатываетъ землю дурно, потому-что не имѣетъ средствъ для надлежащаго ее обработыванія. Но теперь, какимъ же образомъ, обрабатывая ее дурно, можетъ онъ заплатить тотъ огромный оброкъ, который требуютъ отъ него спекуляторы, арендаторы и помѣщикъ? Само-собой разумается, что на бѣднаго земледѣльца обрушивается вся тяжесть этихъ многочисленныхъ контрактовъ, предметомъ которыхъ была земля. Землевладелецъ, отдавшій свои земли спекулятору, получаетъ съ него известную сумму денегъ, которую тотъ возвращаетъ себя съ

барышомъ съ второстепенныхъ откупщиковъ; а эти послѣдніе, передавая землю бѣднымъ фермерамъ, не только возвращаютъ съ нихъ сумму, заплаченную ими спекулятору, но и получаютъ также къ свою очередь значительный барышъ, — такъ-что крестьяне должны необходимо платить такой оброкъ, который равняется сперва суммѣ, заплаченной барышникомъ помѣщику, а потомъ всѣмъ барышамъ какъ самого этого барышника, такъ и всѣхъ другихъ посредствующихъ лицъ.

Напрасно бѣдные ирландскіе земледѣльцы стараются удовлетворить всѣ эти интересы; напрасно надѣются они извлечь для себя изъ этой земли небольшой доходъ, отъ котораго зависить спасеніе какъ ихъ жизни, такъ и жизни ихъ семействъ. Ирландская земля, какъ она плодородна, не можетъ дать всего того, что отъ нея требуется, и потому бѣдный хлѣбопашецъ, не смотря на всѣ свои усилія, на всѣ старанія, весьма-рѣдко можетъ заплатить свой оброкъ. Тогда помѣщикъ или арендаторъ выгоняетъ его изъ своей фермы, забираетъ его имущество и продаетъ ее для удовлетворенія своей претензіи. Но что тогда дѣлается съ бѣднымъ земледѣльцемъ, все преступленіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ взялся за невозможное дѣло? Такъ-какъ въ Ирландіи нѣтъ никакого другаго промысла, кромѣ земледѣлія, то онъ отправляется искать себѣ фермы въ другомъ мѣстѣ, и пока не найметъ ея, проситъ по дорогамъ милостыни у прохожихъ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми.

Чему же приписать это ужасное положеніе ирландскихъ крестьянъ? Кого обвинять въ ихъ несчастной участи? Кажется, на-счетъ причинъ этихъ бѣдствій не можетъ быть никакого сомнѣнія. Очень ошибаются, которые приписываютъ ихъ единственно всѣмъ этимъ посредникамъ, спекуляторамъ и откупщикамъ, которыхъ въ Ирландіи называютъ *middlemen*. Въ этихъ мадальмонахъ надо видѣть не причину слѣдствія. Нельзя не сознаться, что они значительно увеличили зло, и что для крестьянъ эти постепенныя сдѣлки въ высшей степени пагубны. Ближайшее ихъ слѣдствіе состоитъ въ томъ, что они даютъ землю въ руки спекуляторовъ, которые, не имѣя никакихъ собственныхъ интересовъ, принимаются за обработываніе фермы, какъ за пріобрѣтеніе временное, изъ котораго они должны извлечь себѣ какъ-нибудь нѣсколько выгодъ въ настоящемъ, нисколько не заботясь, разумно ли думая. Другое неблагоприятное послѣдствіе этихъ сдѣлокъ состоитъ въ томъ, что между владѣльцемъ земли и тѣмъ, кто ее обработываетъ, является три или четыре промышленника, которые вмѣшиваются въ чуждое для нихъ дѣло только для того, чтобъ получить себѣ небольшой барышъ. Но во всякомъ случаѣ главнымъ виновникомъ должно считать не спекулятора, а тѣхъ, кто въ своемъ гордомъ самомъ душѣ къ землѣ и къ тѣмъ, которые ее воздѣлываютъ, предастъ въ руки корыстолюбивыхъ чужеземцевъ какъ почву, такъ и ея жителей.

Впрочемъ для ирландскаго крестьянина все равно, дѣлаетъ онъ дѣло съ арендаторомъ или прямо съ землевладѣльцемъ. Результатъ не будетъ ни лучше, ни хуже. Онъ не имеетъ къ себѣ симпатій и сочувствія ни въ помѣщика, ни въ арендатора.

цикъ; одинаковое безмярное корыстолюбіе воодушевляетъ какъ то-го, такъ и другаго; одинаковій узкій эгоизмъ ожесточаетъ ихъ и ослабляетъ. И тотъ и другой вивють въ виду одну цѣль — отдать землю въ наймы за самую дорогую цѣну; и тотъ и другой ни мало не заботятся о физическомъ и нравственномъ состояніи своего фермера. Они остаются совершенно-нечувствительными, какъ при видѣ его успѣха, такъ и неудачи, какъ при видѣ его счастья, такъ и бѣдствій; человекъ этотъ занимаетъ ихъ землю, но они смотрятъ на него, какъ на чужеземца и требуютъ отъ него только уплаты договорныхъ денегъ. Поэтому-то, когда онъ рассказываетъ имъ о своей бѣдности и о своихъ несчастіяхъ, они отворачиваются отъ него и не хотятъ даже слушать его жалобъ: они приходятъ къ нему только для того, чтобъ требовать денегъ... Если случайнымъ образомъ между владѣльцемъ и крестьянномъ устанавливаются какія-либо сношенія, если случится крестьянину работать для землевладѣльца, или продавать ему какой-нибудь товаръ, то можно быть заранее увѣрену, что помѣщикъ безъ всякаго угрызенія совѣсти воспользуется простодушіемъ бѣднаго землевладѣльца и обманетъ его самымъ безжалостнымъ образомъ. Что же дѣло до бѣдствій этихъ несчастныхъ владѣльцевъ, который пріѣзжаютъ въ Ирландію только на время, чтобъ составить себѣ состояніе и возвратиться потомъ въ свое отечество? «Чего требуете вы отъ меня?» говоритъ землевладѣлецъ при видѣ этихъ страшныхъ бѣдствій: «я не могу ничего сдѣлать; я уступилъ свое право арендаторамъ, которые пользуются имъ, какъ хотятъ.» И всего чаще отъ землевладѣльца бѣдныя не услышатъ даже и этихъ словъ, потому-что аристократъ-помѣщикъ по-большой-части и не видитъ тѣхъ бѣдствій, источникъ которыхъ заключается въ немъ самомъ. Въ своемъ лондонскомъ дворцѣ онъ не слышитъ тѣхъ криковъ отчаянія, которые выходятъ изъ ирландской кибитки; живя подъ чистымъ и свѣтлымъ небомъ Италіи, онъ не знаетъ, что въ Ирландіи гроза уничтожила жатву несчастныхъ его фермеровъ, что въ холодной Гиберніи случился неурожай, что бѣдные люди, поселенные на земляхъ его, впали въ нищету; да и знать это ему нѣтъ никакой надобности. Онъ очень-хорошо знаетъ одно, — именно, что его ирландскіе фермеры должны заплатить ему 20,000 фунтовъ терлинговъ, что его образъ жизни устроенъ сообразно съ этой суммой, что деньги эти должны быть уплачены ему въ извѣстный срокъ, что онъ не можетъ дать ни одного дня отсрочки, не нарушивъ своихъ обыкновенныхъ привычекъ, не измѣнивъ порядка своихъ наслажденій и своихъ удовольствій.

Мы уже видели, что въ Ирландіи земля, сосредоточиваясь въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ, распределяется потомъ между безконечнымъ количествомъ небогатыхъ крестьянъ, которые занимаютъ невольшіе участки въ пять, въ десять, въ двадцать десятинъ. Но тутъ естественно рождается вопросъ о томъ, какимъ образомъ и откуда достать для своей земли помѣщику такое количество земледѣльцевъ? Какимъ образомъ предложеніе труда можетъ всегда удовлетворять требованію? Для того, чтобъ понять это, надо замѣтить, что въ Ирландіи

не существует никакого другого промысла, кроме обработаннаго земли. Все католическое население, какъ по своей бѣдности, такъ и по политическому устройству страны, неспособно ни къ службѣ государственной, ни къ приобретению поземельной собственности, ни къ промышленности, ни къ торговлѣ; а потому, не имея передъ собою никакого другого поприща, кроме земледѣлія, оно естественно ищетъ землю, которая одна только для него доступна, и покрываетъ сею бою, не оставляя на ней ни одной незанятой частички, ни одного пустого уголка...

Но въ странѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ единственное средство существованія, какова должна быть судьба тѣхъ, которымъ не удастся достать для себя куска земли въ наемъ? Чтоъ станется въ такой странѣ съ бѣднымъ крестьяниномъ, выгнаннымъ изъ фермы, если онъ не можетъ найти себѣ фермы въ другомъ мѣстѣ? Какова должна быть участь дѣтей каждаго небогатаго фермера? Представимъ себѣ небогатаго владѣльца, плодами котораго съ трудомъ можетъ жить одинъ только крестьянинъ; положимъ, что у него пять человѣкъ дѣтей (число незначительное для ирландской семьи); его единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы найти себѣ для каждаго изъ нихъ; но ему не удается исполнить своего желанія, потому — что всѣ фермы уже заняты, нѣтъ ни одной свободной. Надо замѣтить, что этотъ вопросъ — вопросъ важный и существенный, потому что обработываніе земли въ Ирландіи составляетъ единственный промыселъ, единственное средство пропитанія, такъ бѣдному надо, во что бы то ни стало, добыть себѣ кусокъ этой необходимой для него земли; если онъ не добудетъ ея, онъ не будетъ иметь никакого средства къ существованію и неизбежно долженъ будетъ умереть съ голода.

Этимъ совершенно объясняется та необыкновенная конкуренція, которую возбуждаетъ въ Ирландіи земля. Земля въ этой странѣ ищетъ на крѣпость, которая вѣчно осаждается и защищается съ неутомимой дѣятельностью; только въ стѣнахъ этой крѣпости только можетъ спасти жизнь свою. Счастливъ тотъ, кто можетъ проникнуть въ внутренность этой цитадели: онъ долженъ вести въ ней жизнь трудную, строгую, горестную; но въ ней онъ по крайней-мѣрѣ спасается отъ смерти, а потому, разъ попавъ въ это укрѣпленіе, крѣпко ухватывается за него обѣими руками, и надо изувѣчить его, чтобы оторвать его отъ этого спасительнаго оплота. Въ высшей степени горестно положеніе того, кому не удается достигнуть крѣпости; если онъ не умретъ съ голода, то сдѣлается нищимъ и слѣпымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что фермеръ, который хочетъ доставить пропитаніе своему семейству, долженъ необходимо подраздѣлять свой участокъ на столько частей, сколько у него дѣтей; между-тѣмъ, какъ у насъ на двадцать десятинъ земли, каждому изъ сыновей достается только участокъ въ пять, въ шесть десятинъ; и тогда на фермѣ, прежде стояла одна хижина, воздвигается ихъ несколько. Но съ своею очередь выветъ дѣтей, для которыхъ онъ сдѣлаетъ то же самое.

что сдѣлалъ отецъ его; и такимъ-образомъ это раздробленіе земли будетъ увеличиваться постоянно и дойдетъ до того, что цѣлое семейство будетъ имѣть въ своемъ владѣніи не болѣе, какъ половину или даже четверть десятины, такъ-что крестьянину физически сдѣлается невозможнымъ жить на такомъ ничтожномъ участкѣ. Вотъ почему въ настоящее время часто случается, что триста или четыреста бѣдныхъ фермеровъ живутъ кое-какъ на землѣ, которая прежде отдана была въ наемъ весьма-немногимъ. И однакоже, не смотря на это накопленіе земледѣльцевъ, живущихъ на самомъ тѣсномъ пространствѣ другъ подлѣ друга, очень-часто случается, что, по недостатку мѣста, известное число тѣхъ, которые родились на этой землѣ, должны покинуть ее и искать себѣ фермы у другаго землевладѣльца.

Они покидаютъ землю, — а между-тѣмъ одна земля можетъ доставить имъ пропитаніе. Понятно, что они должны употребить всѣ возможные усилія для доставленія себѣ въ другомъ мѣстѣ новаго участка. Но число фермеровъ несравненно-значительнѣе числа фермъ; а потому конкуренція должна естественно увеличить до чрезмѣрности наемную цѣну послѣднихъ. Въ Ирландіи, тому, кто не хочетъ умереть голодною смертію, необходимо имѣть по-крайней-мѣрѣ десятину или полдесятины земли; а потому крестьянинъ долженъ достать ее себѣ во что бы то ни стало, за какую бы то ни было цѣну, на какихъ бы то ни было условіяхъ. По-настоящему, за наемъ такой десятины не должно бы было платитъ болѣе 4 фунтовъ стерлинговъ; но въ случаѣ конкуренціи между фермерами эта нормальная цѣна возвышается значительно; одинъ предлагаетъ помѣщику вдвое болѣе противъ настоящей цѣны; другой даетъ 10 фунтовъ стерлинговъ; третій предлагаетъ 20, — и земля, разумѣется, отдается послѣднему; въ срокъ, назначенный для уплаты, онъ, конечно, не въ состояніи будетъ заплатитъ той суммы, но по-крайней-мѣрѣ ему удастся поддержать свое существованіе въ-теченіе цѣлаго года.

Такимъ-образомъ тотъ, кто платилъ уже огромный оброкъ, по мнѣнью конкуренціи, долженъ платитъ еще болѣе, чтобъ удержать за собою ферму. Онъ можетъ, правда, отказатся отъ увеличенія наемной цѣны; но тогда ему предстоитъ одно изъ двухъ: или онъ не огласится на требованіе владѣльца, и тогда владѣлецъ выгонитъ его съ фермы; или онъ согласится, и тогда почти-заранѣе увѣренъ, то не въ состояніи будетъ выполнитъ свое обѣщаніе и рано или поздно все-таки будетъ выгнанъ владѣльцемъ по наущенію, можетъ-быть, какого-нибудь новаго искателя. Но въ странѣ, гдѣ земля составляетъ единственное средство пропитанія, нельзя оставитъ этой земли, а потому онъ остается на своей фермѣ и соглашается на все, чего отъ него требуютъ; ему очень-хорошо известно, что изъ тысячи человѣкъ, одному только удастся выполнитъ такое обѣщаніе, и, не смотря на то, онъ рѣшается попробовать счастья въ этой страшной лотерей, хотя заранѣе знаетъ, что ему нѣтъ никакой надежды на выигрышъ.

Конкуренція земледѣльцевъ относительно земли возвышаетъ наемную ея цѣну болѣе, можетъ-быть, нежели самая жадность владѣльца

и миддлмена. Не можетъ быть ничего ужаснѣе состоянія этихъ бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ, которые привязываются къ землѣ и тогда увеличиваютъ свою нищету тѣми сверхъестественными усиліями, которыя употребляютъ для борьбы съ нею. Эта нищета увеличивается въ совершенно-одинаковой пропорціи съ увеличеніемъ народонаселенія; въ настоящее время въ Ирландіи насчитывается 2,600,000 ирландцевъ, т. е. 2,600,000 человекъ, которые или не имѣютъ земли и просятъ милостыню, или имѣютъ слишкомъ-малый участокъ, недостающій имъ средствъ пропитанія.

Это экономическое устройство, пагубное для фермера, невыгодно для землевладельца. Помѣщикъ или его откупщикъ, обманутый сначала великолѣпными обѣщаніями искателей, убѣждается наконецъ въ ихъ лживости; ему надобно получать такъ мало отъ земли, которую онъ отдаетъ въ наймы за такую дорогую цѣну; ему надобно прибѣгать безпрестанно къ жестокостямъ, изъ которыхъ одни только политическіе чиновники извлекаютъ для себя выгоды; онъ узнаетъ, что сколько не обогащаетъ себя тѣмъ, что разоряетъ своихъ фермеровъ. «Все зло» говоритъ онъ иногда самъ себѣ: «проистекаетъ отъ этого бѣднаго численнаго множества земледѣльцевъ, которые только пожираютъ, и не оплодотворяютъ землю. Это зло могло бы прекратиться, если бы не было, вмѣсто этого множества маленькихъ фермъ, заведенъ нѣсколько большихъ; такая система сельскаго хозяйства употребляется и въ Англіи и въ Шотландіи: пора бы ввести ее и въ Ирландію; время перемѣнъ уже прошло; воспоминаніе объ нихъ съ каждымъ днемъ глаживается болѣе и болѣе изъ памяти; почва, доселѣ колебавшаяся подъ нашими ногами, теперь укрѣпилась совершенно, и потому теперь въ свою землю уже безъ опасенія могу положить капиталъ или менѣе значительный».

Въ-слѣдствіе такого разсужденія, землевладелецъ рѣшается продать множество маленькихъ фермъ незначительнымъ числомъ большаго для достиженія этой цѣли онъ долженъ прежде всего выгнать этихъ небогатыхъ фермеровъ, покрывающихъ его землю; тогда, совершивъ это изгнаніе, можетъ онъ приступить къ новому разделенію своей собственности. Прежде онъ пользовался бѣдными мѣрами, потому-что, не имѣя капиталовъ или не рѣшаясь разсчитываться, нуждался въ этихъ людяхъ; теперь у него въ рукахъ деньги, которые могутъ доставить ему болѣе-выгодный способъ существованія; онъ уже рѣшается употребить ихъ въ дѣло, и такъ-какъ перестаетъ имѣть надобность въ фермерахъ, то и прогоняетъ ихъ жестоко съ своей земли. Но что же станется съ этими тремястами земледѣльцами, которые совершенно-неожиданно получаютъ приказаніе оставить свои хижинны? Само-собою разумно, что эта масса губитъ ихъ, и притомъ это далеко не то, что обыкновенное изгнаніе того или другаго фермера; обыкновенно, на мѣсто ушедшаго немедленно приходитъ другой: тутъ, напротивъ, уходитъ одинъ земледѣлецъ, остаются только два или три, — такъ-что это

изгнаніе повергаетъ съ одного раза нѣсколько сотъ человекъ въ самую крайнюю, самую ужасную нищету.

Изъ этого видно, какіе противоположныя интересы, какія разнородныя страсти возбуждаетъ въ Ирландіи обладаніе землею. Фермеру землевладелецъ приказываетъ оставить землю, но фермеръ не исполняетъ этого приказанія, которое для него составляетъ то же, что смертный приговоръ; не успѣвъ онъ его выслушать, какъ уже передъ нимъ возстаетъ голодъ — страшное привидѣніе, готовящееся привлечь въ свои объятія его-самого, жену его, дѣтей. Онъ постигаетъ тогда всю глубину своего несчастья, весь ужасъ своего положенія; онъ переходитъ постепенно отъ сознанія къ горести, отъ горести къ отчаянію, отъ отчаянія къ унынію. Но вдругъ чело его озаряется лучомъ надежды. «Не пойдти ли мнѣ», думаетъ онъ: «къ самому владельцу, не рассказать ли ему о тѣхъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыми онъ меня подвергаетъ. Если онъ увидитъ жену мою, исхудалую отъ лишеній, дѣтей моихъ блѣдныхъ и голодныхъ, то безъ сомнѣнія будетъ тронутъ и оставитъ намъ нашу бѣдную хижину по-крайней-мѣрѣ еще на нѣсколько дней.» Несчастный обманывается; напрасно бросается онъ къ ногамъ своего господина, напрасно плачетъ, рыдаетъ, умоляетъ его: богатый въ Ирландіи не чувствуетъ состраданія къ бѣдному! въ этой странѣ бѣдный долженъ сохранять свое достоинство, беречь свою гордость; унижаясь передъ богатымъ, онъ не извлечетъ изъ этого никакой пользы: богатый будетъ наслаждаться его униженіемъ, и не поможетъ нищету его. Бѣдный фермеръ, выслушавъ жестокий отказъ, безмолвно возвращается къ себѣ домой, и пораженный несчастьемъ, съ которымъ онъ не въ состояніи бороться и котораго не можетъ равнодушно сносить, не имѣетъ силы ни думать, ни дѣйствовать и остается неподвиженъ въ своей хижинѣ, не повинаясь неоднократно-повторенному приказанію уйти изъ нея съ своимъ семействомъ. Тогда землевладелецъ прибѣгаетъ къ правосудію, и правосудіе постановляетъ приговоръ, на основаніи котораго крестьянинъ долженъ оставить землю; за непослушаніе судъ утравиваетъ ту сумму, которую онъ долженъ заплатить своему помѣщику. Этого несчастнаго выгоняютъ за то, что онъ не могъ заплатить своего оброка; что сдѣлаетъ онъ теперь, когда ему приходится заплатить втрое болѣе, чѣмъ прежде? Вскорѣ предъ нимъ являются два констабля, читаютъ ему приговоръ, на основаніи котораго онъ долженъ немедленно оставить это мѣсто, и захватываютъ всѣ вещи, которыя находятъ у него въ хижинѣ для того, чтобъ заранѣе обезпечить себѣ возмездіе за свои труды. Все это исполняется посреди раздирающихъ сердце криковъ, посреди страшныхъ проклятій, которыя, еслибъ дошли до ушей богача, отравили бы конечно его наслажденія не однимъ справедливымъ угрызеніемъ совѣсти; но между-тѣмъ, агенты общественной власти исполняютъ свою обязанность: въ жилища фермера все схвачено и опечатано, и бѣдныхъ жителей этой хижины выгоняютъ наконецъ изъ нея. Констабля уходятъ, унося свою добычу. Но на другой день въ хижинѣ снова является фермеръ съ своимъ семействомъ; только одна мате-

риальная сила могла изгнать ихъ оттуда; какъ-скоро сила эта исчезла, они снова появляются. Ихъ выгнали насильно съ этой земли, доставлявшей имъ кусокъ хлѣба; но такъ-какъ въ этой земли имъ нѣтъ спасенія, то они по неволѣ должны на нее возвратиться. Тутъ землевладелецъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству, которое одно можетъ освободить его отъ этихъ неотвязныхъ и упрямыхъ тварей: онъ приказываетъ разрушить хижину и такимъ-образомъ, изгнавъ уже окончательно ея жителей, навсегда освобождается отъ нихъ.

Эти жестокости съ каждымъ днемъ усмиваются; эти суровыя и ры повторяются безпрестанно, и бѣдные земледѣльцы, выгоняемые всюду, таскаются вмѣстѣ съ своими семействами изъ хижины въ хижину, и вездѣ находятъ ту же жадность, ту же безчеловѣчность, ту же притѣсненія, вездѣ подвергаются тѣмъ же бѣдствіямъ, тѣмъ же страданіямъ, той же крайности несчастія и нищеты!

Таково положеніе несчастной Ирландіи; таково состояніе ея земледѣльческаго класса! И всѣ эти бѣдствія, всѣ эти страданія должны быть очевидно приписаны одной только главной и существенной причинѣ: одному основному недостатку экономическаго устройства, недостатку на который мы уже указывали столько разъ, и на который считаемъ неизлѣпимымъ указывать безпрестанно и поминутно. Настоящій и главный корень зла заключается въ разъединеніи производительныхъ силъ въ ихъ враждебномъ соотношеніи и въ томъ огромномъ неравенствѣ, которое существуетъ между ними; всѣ остальные несовершенства и вы экономическаго устройства обуславливаются безъ сомнѣнія этимъ кореннымъ недостаткомъ и вытекаютъ изъ него, какъ необходимыя его послѣдствія.

Но разъединеніе между производителями въ Англіи и въ Ирландіи не ограничивается однимъ разрывомъ экономическихъ и нравственныхъ связей: оно проникаетъ и въ политическую сферу. Политическая власть сосредоточивается въ рукахъ одного класса: въ рукахъ аристократіи поземельной или промышленной, феодальной или денежной. Законодательныя собранія Англіи состоятъ почти исключительно изъ людей, владеющихъ капиталами земледѣльческими и мануфактурными, или изъ людей, находящихся подъ ихъ вліяніемъ и зависящихъ сообразно съ ихъ видомъ. Законы издаются, такъ сказать, однимъ капиталистами; сверхъ того, все управленіе, какъ центральное, такъ и мѣстное, сосредоточивается почти-исключительно въ ихъ рукахъ; мирными судьями въ графствахъ бывають или сами богатые землевладельцы; изъ землевладельцевъ также назначаются мѣстные чиновники, которымъ поручается распредѣлять подати и полагать ими. Такимъ-образомъ законы и издаются и исполняются ими только сословіемъ, интересы котораго чисто и прямо являются интересамъ большинства. Понятно послѣ этого, почему правительство Англіи упорно сохраняетъ свои феодальныя законы о поземельной собственности, — законы очевидно вредныя и несправедливыя въ духомъ времени, ни съ истинными интересами народа самымъ очевиднымъ и неблагопріятнымъ образомъ отражающіяся.

осподство и вліяніе аристократіи, по отношенію къ законодательству и правленію, въ той финансовой системѣ, которой слѣдуетъ въ настоящее время Англія, и которая направлена прямо и непосредственно къ озоренію нисшихъ классовъ.

Способъ взиманія и употребленія податей въ Англіи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу наиболее-дѣятельныхъ и наиболее-энергическихъ причинъ той страшной нищеты, которая существуетъ въ этой странѣ. Податная система Англіи сосредоточивается почти-исключительно въ налогахъ на потребленіе предметовъ первой необходимости. Многіе экономисты выхваляютъ такого рода подати, потому-что онѣ не прикасаются къ капиталу и какъ-будто даютъ каждому возможность участвовать по мѣрѣ нуждъ своихъ въ несеніи общественныхъ повинностей. Другая выгода, произтекающая отъ налоговъ на потребленіе, состоитъ въ томъ, что они взимаются поцемугоу, частичками безконечно-малыми и въ каждую минуту жизни смѣшиваются съ естественною цѣною предметовъ, и такимъ образомъ непримѣтно, мало-помалу разоряютъ народъ и постепенно доводятъ его до ирландской нищеты. Въ настоящее время, между благонамѣренными и добросовѣстными экономистами никто уже не сомнѣвается въ вредныхъ послѣдствіяхъ этого рода налоговъ, которые имѣютъ самое неблагоприятное вліяніе на состояніе нисшихъ классовъ и приносятъ пользу одному только классу капиталистовъ. Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» уже извѣстно, что англійскіе законы о торговлѣ хлѣбомъ принуждаютъ народъ платить огромную подать землевладѣльцамъ; что хлѣбъ и мясо, употребляемые рабочими, доставляютъ помѣщику барышъ, соответствующій тому различію, которое существуетъ между цѣною этихъ предметовъ въ Англіи и цѣною ихъ въ другихъ государствахъ. Такимъ-образомъ, народное продовольствіе въ Англіи предоставлено нѣсколькимъ лицамъ въ монополію; а голодные желудки англійскихъ бѣдныхъ для землевладѣльцевъ составляютъ самый обильный источникъ дохода. Англійскій работникъ можетъ только есть тотъ хлѣбъ, который продаютъ ему помѣщики, разумѣется, за такую цѣну, которая назначается ими самимъ. Такъ-какъ народонаселеніе въ Англіи весьма-многочисленно, а земля, даже и въ хорошіе годы, съ трудомъ можетъ произвести достаточное количество хлѣба, то понятно, что какъ требованіе на этотъ продуктъ, такъ и цѣна его всегда бывають весьма-значительны. Этотъ косвенный налогъ, уплачиваемый бѣднымъ народонаселеніемъ—богатому, такъ огроменъ, что нисшій классъ въ настоящее время по-большой-части не имѣетъ уже возможности пріобрѣтать себѣ хлѣбъ за такую дорогую цѣну, и пятается, подобно ирландскому народу, однимъ только картофелемъ.

Налоги на потребленіе другихъ предметовъ, необходимыхъ для существованія англійскаго работника, какъ-то: крипкихъ напитковъ, чая, сахара, соли, табака составляютъ, вмѣстѣ съ таможенными сборами, почти весь доходъ Великобританіи. Вся эти налоги по существу своему совершенно соответствуютъ поголовной подати; они возлагаютъ на населеніе, живущее трудомъ своимъ, все бремя общественныхъ повин-

ностей. Еслибъ предложить экономистамъ, чтобъ они выдумали самое дѣрное и самое дѣйствительное средство для того, чтобъ вѣтхательно отнять у рабочаго класса почти все, что онъ производитъ, то, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не могъ бы выдумать ничего лучше системы англійскихъ налоговъ. Посредствомъ этой системы изымаются самыя значительныя доходы даже изъ тѣхъ людей, у которыхъ нищета отнимаетъ возможность удовлетворять самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ; до самой послѣдней минуты жизни бѣднѣйшій не перестаетъ дѣлить съ фискомъ тѣ незначительныя доходы, которые онъ ставляетъ ему трудъ и благотворительность общественная. Известно, что нищета, подавляя въ человѣкѣ его разумно-нравственную природу, внушаетъ ему страсть къ пьянству, — страсть непреодолимую, въ удовлетвореніи которой онъ ищетъ забвенія своихъ мученій, и пьянство представляетъ самый обильный источникъ доходовъ для англійскаго казначейства. Самый отвратительный кабакъ, торгующій пивомъ и крашевыми напитками, приноситъ фиску гораздо-болѣе барыша, нежели владелецъ огромнаго помѣстья, или богатый купецъ лондонской Сити.

Вся тѣ колоссальныя издержки, которыя должна была принять на себя Англія во время войнъ съ Наполеономъ, покрыты были преимущественно потребителями пива, табака и соли. Для удовлетворенія своимъ необходимымъ нуждамъ, для поддержанія системы субсидій, Англія нуждалась въ огромномъ количествѣ денегъ; она заняла эти деньги своихъ капиталистовъ за огромныя проценты, и капиталисты охотно согласились дать ей займы, зная, что долгъ ихъ обезпеченъ былъ трудомъ всего рабочаго народонаселенія какъ Англіи, такъ и другихъ колоніальныхъ ей странъ. Но Англія, занявъ у богатыхъ, взяла у бѣдныхъ и то, что получила она отъ послѣднихъ, доставило ей возможность исполнить великолѣпныя обещанія, сдѣланныя первымъ. Такими образомъ, для того, чтобъ удовлетворить нуждамъ общественнымъ, Англія дала капиталы свои займы, а бѣдные отдали свои деньги проценты, получивъ никакого вознагражденія за свое пожертвованіе. Это является самымъ яснымъ образомъ тѣ финансовыя мѣры, которыя приняты были во время войны для покрытія издержекъ; вся она свелась къ возвышенію налоговъ на предметы потребленія, на предметы исключительно-необходимыя для большинства англійскихъ рабочихъ. Въ-теченіе десяти лѣтъ, съ 1800 по 1810 годъ, въ налогахъ много да произошли слѣдующія измѣненія: такса на солодъ возвысилась отъ 10 шиллинговъ и 6 денаріевъ до 34 шиллинговъ; на пиво — отъ 11 шиллинговъ и 5 денаріевъ до 17 шиллинговъ и 10 денаріевъ; на соль отъ 20 процентовъ со ста до 96; на табакъ отъ 14 шиллинговъ до 96; табачный акцизъ удвоился въ этотъ періодъ времени. Такимъ образомъ вся тяжесть войны обрушилась на рабочіе классы; минимымъ и самымъ благоденствіемъ скрылось на время то вредное вліяніе, которое имѣла на народонаселеніе система податей и чрезмѣрное увеличеніе налоговъ. Капиталисты, получая огромныя проценты за тѣ суммы, которыя давали были ими государству въ займы, увеличивши значительнымъ образомъ спросъ труда, что дало возможность народу уплатить за

ности, которыя были на него наложены; но это мнимое благоденіе продолжалось недолго: немедленно по заключеніи мира обнаружилось со всею очевидностью, что рабочій классъ разоренъ совершенно и взнуренъ своими сверхъестественными усиліями, что число бѣдныхъ удвоилось, и что англійскій народъ купилъ цѣною самой страшной нищеты торжество своей аристократіи.

Что касается до Франціи, то въ этомъ государствѣ финансовая система гораздо-сообразнѣе съ истинными интересами народа, нежели въ Англии, гдѣ она приноситъ выгоду одной только аристократіи. Но и французская система заключаетъ въ себѣ также весьма-много несовершенствъ. Во Франціи также существуютъ налоги на потребленіе, которые не такъ возвышенны, какъ въ Англии, гдѣ при незначительности поземельной подати они составляютъ самый обильный источникъ дохода, но которые, не смотря на то, имѣютъ самое неблагоприятное вліяніе на судьбу рабочихъ классовъ. Эти налоги, точно такъ же, какъ и въ Англии, падаютъ главнымъ образомъ на предметы домашнего потребленія и распределяются почти въ одинаковой степени, въ различія состоянія, на всѣхъ членовъ государства; изъ числа ихъ особенно-тягостны и обременительны для бѣдныхъ классовъ питательные сборы, которые принимаютъ нѣсколько различныхъ формъ. Кроме этихъ налоговъ, называемыхъ непрямыми, не смотря на то, что они очень-мало падаютъ на рабочіе классы, въ каждомъ городѣ Франціи существуетъ особый налогъ съ потребленія предметовъ первой необходимости—кричкихъ наплатковъ, говядины, дровъ. Эти городскіе сборы (droit) суть не что иное, какъ поголовная подать, которая беретъ ежегодно въ Парижѣ по 30 франковъ съ cadaго жителя и по 131 франкомъ съ cadaго семейства, если предположить, что каждое семейство состоитъ изъ четырехъ человекъ съ половиной; въ Лионѣ она беретъ по 67 франковъ съ человека, по 67 съ семейства. Эта поголовная подать готъеть въ одинаковой степени какъ надъ бѣднымъ, такъ и надъ богатымъ; самое существо продуктовъ, подлежащихъ городскому сбору, казывается, что при этой системѣ вся выгода на сторонѣ богатого. Между-тѣмъ, какъ съ достаточнаго человека она требуетъ не болѣе двадцатой или тридцатой части дохода, у бѣднаго она отнимаетъ по крайней-мѣрѣ шестую часть его задѣльной платы. Многіе экономисты осуждаютъ однакоже эту несправедливую систему: «подати, собираемыя городами» говорятъ они, «назначены преимущественно для пособія бѣднымъ, для содержанія больницъ и благотворительныхъ заведеній, а потому самая справедливость требуетъ, чтобъ эти сборы падали преимущественно на предметы первой необходимости.» По силѣ своего мнѣнія, въ городскихъ сборахъ надо видѣть нечто въ родѣ взаимнаго застрахованія въ пользу бѣдныхъ. Подобныя идеи, конечно, не выдерживаютъ и опроверженія, — ихъ можно приводить только въ прилогъ тѣхъ странныхъ ошибокъ, до которыхъ доходятъ иногда въ слѣдствіе недобросовѣстнаго оптимизма. Пособія, оказываемыя во Франціи благотворительными заведеніями, не превышаютъ среднимъ числомъ 10 франковъ на человека; такимъ-образомъ, въ Парижѣ, на-примѣръ, бѣд-

ному семейству дается милостыни 45 франковъ, между-тѣмъ, цѣль, и вознагражденіе за это подаваніе, семейство должно заплатить имъ 130 франковъ: нельзя не сознаться, что благотворительность въ такомъ случаѣ составляетъ самую выгодную изъ всѣхъ отраслей промышленности!

Надо бы написать цѣлое специальное сочиненіе, чтобы описать всѣ различныя налоги на экономическое состояніе цѣлаго народа отдельныхъ его классовъ. Не станемъ распространяться объ этомъ подробнѣе, потому-что это увлекло бы насъ слишкомъ-далеко отъ нило бы отъ настоящаго предмета нашихъ изслѣдованій. Заметьте здѣсь только, что не одинъ способъ взиманія податей дѣйствуетъ и благопріятно на судьбу рабочихъ классовъ: способъ употребленія имѣетъ не менѣе вредное вліяніе, и въ государствахъ Западной Европы народъ не мало страдаетъ отъ огромнаго перевѣса непродовольственныхъ издержекъ надъ производительными и отъ тѣхъ финансовыхъ началъ, на основаніи которыхъ правительства поглощаются и уничтожаются безчисленное множество цѣнностей единственно для удовлетворенія минутнымъ, временнымъ нуждамъ безъ всякой заботы для будущаго.

Мы исчислили теперь если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ важнѣйшіе недостатки современнаго общественнаго устройства, обусловливаемые собою и существованіе и развитіе пауперизма въ Англіи и Франціи. Но на ряду съ этими общими причинами нищеты, составляютъ необходимое послѣдствіе вышней экономической организмы дѣйствующими на судьбу рабочихъ классовъ постоянно и безостановочно, можно было бы насчитать множество другихъ частныхъ, временныхъ и случайныхъ, зависящихъ иногда отъ случайныхъ обстоятельствъ, иногда отъ вины самихъ людей. Этому рождаются не производятъ, конечно, бѣдности и не могутъ быть истинными источниками пауперизма, какъ язвы общественной; но съ другой стороны содѣйствуютъ въ известной степени развитію нищеты, что имѣютъ вредное вліяніе на судьбу если не цѣлаго общества, то по-крайней-мѣрѣ на судьбу нѣкоторыхъ отдельныхъ членовъ. Однѣ изъ этихъ частныхъ и случайныхъ причинъ бѣдности индивидуальной не зависятъ отъ воли и поступковъ людей, а зависятъ единственно отъ различнаго рода несчастныхъ обстоятельствъ къ числу которыхъ должны быть отнесены войны, внутренніе пожары, неурожаи, наводненія и тому подобныя враждебныя дѣйствія природы. Съ другой стороны, такъ-какъ въ современныхъ обществахъ огромное число людей не имѣетъ другихъ средствъ существованія, кромѣ труда, то къ этой же категоріи причинъ бѣдности должны быть отнесены всѣ несчастные случаи, дѣлающіе работника неспособнымъ къ работѣ и лишаящіе его возможности выработать средства существованія, — болѣзни, педуги временныя и неизлечимыя, старость, физические недостатки и природную неспособность къ работѣ. Изъ простаго поименованія этихъ причинъ уже видно то вліяніе, которое онѣ могутъ и должны имѣть на судьбу людей, которыхъ

отъ такіа несчастія; но вообще говоря, такого рода причины, не завися отъ общественнаго устройства и имѣя только дѣйствіе временное, частное и случайное, не могутъ обращать на себя вниманія науки въ той же мѣрѣ, какъ причины постоянныя, общія и необходимыя. Съ другой стороны, противъ этиахъ несчастныхъ случаевъ, независящихъ отъ человеческого произвола, не могутъ быть употреблены никакія средства предотвратительныя; эти причины бѣдности не могутъ быть уничтожены въ самомъ ихъ источникѣ ни частными людьми, ни общественной властью, и самая наука не можетъ указать по отношенію къ нимъ никакихъ предупреждающихъ способовъ. Вредное дѣйствіе ихъ можетъ быть только ослабляемо, уменьшаемо, отчасти даже вовсе изглаживаемо, и въ этомъ состоитъ назначеніе благотворительности общественной и частной. Благотворительность должна помогать и дѣйствительно помогаетъ въ большей части случаевъ тѣмъ бѣднымъ, которые стали жертвами неблагоприятныхъ обстоятельствъ безъ всякой вины съ ихъ стороны; благотворительность должна стараться облегчить ихъ страданія и вознаградить ихъ за несправедливость судьбы, — несправедливость, которую общество не можетъ предотвратить, но можетъ должно по крайней мѣрѣ загладить.

Что касается до причинъ бѣдности, зависящихъ отъ вины самихъ людей, то на нихъ до-сихъ-поръ обращали слишкомъ-много вниманія приписывали имъ слишкомъ-много важности, преимущественно потому, что для некоторыхъ людей весьма-выгодно и удобно возлагать на самыхъ бѣдныхъ ответственность за тѣ несчастія, въ которыхъ явно одно только общество. Въ-теченіе довольно-долгаго времени, наука весьма-равнодушно смотрѣла на постепенное развитіе пауперизма и слегка касалась этого важнаго вопроса; отрицая упорно истинныя причины зла и вся самыя очевидныя несовершенства экономической организаціи, она доказывала, что бѣдность происходитъ или отъ внешнихъ, случайныхъ обстоятельствъ, или отъ вины самихъ людей; что въ этомъ заключается единственный источникъ зла; что въ бѣдствіяхъ этиахъ общество нисколько не виновно; что оно не можетъ никогда уничтожить ихъ совершенно, и что единственная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ несчастіе незаслуженное облегчать посредствомъ благотворительности, а бѣдности виновной противопоставлять наказаніе и строгость закона. Такое направленіе было весьма-удобно особенно для тѣхъ людей, которыхъ личный интересъ тѣсно былъ связанъ съ сохраненіемъ несправедливаго и неразумнаго порядка вещей, которые въ своемъ узкомъ эгоизмѣ заботились только о своихъ выгодахъ и оставались совершенно-равнодушными къ страшнымъ бѣдствіямъ своихъ братьевъ. Такое поверхностное объясненіе фактовъ и явленій, относящихся къ пауперизму, освобождало и общество и науку отъ обязанности проникать глубже въ существо зла и въ его источники и отыскивать средства къ его уничтоженію. Но въ настоящее время, когда понятіе о правдѣ и справедливости распространяетъ съ каждымъ днемъ свое господство надъ сферою общественныхъ явленій,

такой своекорыстный и жестокий взгляд на эту важную и важную сторону народной жизни сделался уже невозможенъ. Теперь въ государствахъ Западной-Европы все тѣ, которые не ослѣплены предрассудками и преданіями прошлаго, ясно понимаютъ, что бѣдность низшихъ классовъ проистекаетъ не отъ нихъ самихъ, но отъ другихъ болѣе-глубокихъ, болѣе-существенныхъ причинъ, и что въ высшей степени было бы жестоко и несправедливо вѣнчать людей такімъ несчастіемъ, въ которыхъ они вовсе не виноваты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ некоторыхъ частныхъ случаяхъ нищета представляется достойнымъ и заслуженнымъ возмездіемъ за безнравственность, за пороки и преступленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣдный можетъ самъ сделаться виновникомъ своей нищеты, что онъ можетъ увеличить ея своими поступками, и что обыкновенные пороки высшихъ классовъ, лѣнь, распутство, наложничество, бродячество и пьянство могутъ одни весьма-легко довести человека до самаго бѣдственнаго экономическаго состоянія. Но при этомъ не должно забывать, что эти нравственныя причины нищеты принадлежатъ къ разряду причинъ постепенныхъ, что онѣ дѣйствуютъ только косвеннымъ образомъ и состояніе высшихъ классовъ, что самые пороки бѣдныхъ бываютъ и столько причиной, сколько слѣдствіемъ нищеты, которая сама служитъ самой энергичной причиной разращенія и упадка рабочихъ классовъ. Этихъ обстоятельствъ не должно забывать, потому-что они предупреждаютъ несправедливыя и слишкомъ-поспѣшныя приговоры общественнаго мнѣнія и оправдываютъ до известной степени въ глазахъ каждаго безпристрастнаго судьи ту деморализацію, которая, къ сожалѣнію, составляетъ въ настоящее время почти неизбѣжный упадокъ низшихъ классовъ въ обществахъ Западной Европы. Справедливость этого мнѣнія о необходимомъ вліяніи нищеты на физическій и нравственный упадокъ рабочаго населенія постараемся мы доказать подробнѣе въ слѣдующей статьѣ, посредствомъ одного простаго исчисленія кахъ тѣхъ послѣдствій, которыми неизбежно сопровождается науверенъ какъ по отношенію къ индивидуумамъ, такъ и по отношенію къ обществу.

В. Ж — НЪ.

ОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗА- КОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАР- СТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1846 ГОДА.

Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Высочайше повелѣно: еврейскія колонія, подлежащая на основаніи
указанія о Еврейскъ-земледѣльцахъ ст. 30-й къ передачу въ ведом-
ство государственныхъ имуществъ, какъ равно новыя поселенія Еврей-
въ Новороссійскомъ-Край, принять въ управленіе Попечительнаго
Учрежденія объ Иностранныхъ Поселенцахъ (Выс. пов. 16 ноября).

Повелѣно: 1) должность вице-директора Канцелярїи Намѣстника
Кавказскаго сравнить съ должностью вице-директоровъ министерскихъ
Канцелярїй и на этомъ основаніи причислить ее по
статуту собранію гражданскихъ должностей къ пятому классу, по ши-
нѣ мундиръ къ пятому разряду, и по пенсіи къ первой степени
пятого разряда, и 2) вице-директору Канцелярїи Намѣстника Кавказска-
го производить изъ государственнаго казначейства все то содержаніе,
какое производится председателями палатъ Грузинно-Имеретинской-
ской, по штату 10 апреля 1840 г., т. е. жалованья 2300, столо-
выхъ 300 и квартирныхъ 690 руб. сер. въ годъ.

Высочайше повелѣно: запретить частнымъ лицамъ приготовленіе
пороховъ изъ хлопчатой бумаги, замѣняющей порохъ, во вниманіи къ
опасности, съ которою сопряжено это производство; почему и самыя
машины, сюда относящіяся, могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ по
разрѣженію правительства.

Высочайше повелѣно: 1) шоссе, сооружаемое отъ Москвы чрезъ
Ярославль, Рославль и Бубруйскъ до Брест-Литовска, именовать
Московскимъ шоссе; и 2) устроенный между рѣками Паню и Мухомъ
и Королевскій Каналъ, соединяющій воды Днѣпра и Буга, имено-
вать Днѣпровско-Бугскимъ Каналомъ.

Разрѣшенъ привозъ изъ-за границы къ санктпетербургскому порту
сырья сахара лумпа въ-теченіе навигаціи 1847 г. на томъ же ос-
нованіи, на которомъ привозъ онаго былъ дозволенъ въ навигацію 1846
г. т. е. съ пошлиною, на сахаръ сырецъ определенною, и единствен-
но для переработки на сахарныхъ заводахъ.

— Обнародована конвенція, заключенная между Его Императорским Величествомъ и его величествомъ королемъ шведскимъ в порочный 10—22 іюля 1846 года, касательно почтовыхъ сообщений между Россійской Имперію и Королевствомъ Шведскимъ.

— Высочайше утверждены правила о порядкѣ допущенія свидѣй между лицами, содержащимися въ крѣпостяхъ по приговорамъ гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, и ихъ семействами и родственниками.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 17 день декабря 1846 года, изображено: «Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 30 марта сего года, Мы не велели учредить въ городахъ Тифлисѣ и Кутаисѣ особыя временныя комиссіи, для приведенія въ извѣстность всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ теперь княжескія и дворянскія фамиліи по Грузіи и Имеретіи, еще неутвержденныя правительствомъ. Нынѣ, признавая необходимымъ привести въ извѣстность княжескія и дворянскія фамиліи Гуріи тѣми же способами, какіе предписаны для Грузіи и Имеретіи, Мы, согласно съ представленіемъ намѣстника кавказскаго и положеніемъ Кавказскаго Комитета, и веляемъ: 1) комиссіи, по указу 30 марта сего года учрежденной въ Кутаисѣ, поручить привести въ положительную извѣстность всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ теперь княжескія и дворянскія фамиліи Гуріи. 2) Для этого избрать въ Кутаисскую Комиссію членами отъ каждаго изъ двухъ участковъ бывшей Гуріи, по два князя и по два дворянина; 3) Кутаисской Комиссіи въ дѣйствіяхъ своихъ относительно приведенія въ извѣстность гурійскихъ князей и дворянъ, руководиться тѣми правилами, которыя предписаны въ ст. 8 (пункты в, г и д) указа 30 марта сего года о приведеніи въ извѣстность тѣхъ же лицъ по Имеретіи, которыхъ происхожденіе подвержено сомнѣнію или не извѣстно. 4) Привести такимъ образомъ въ извѣстность княжескія и дворянскія фамиліи въ Гуріи, Кутаисской Комиссіи включить ихъ въ особый списокъ, составленіе котораго поручено ей ст. 11 и 12 означеннаго выше указа. 5) Намѣстнику кавказскому предоставить, если онъ сочтетъ нужнымъ, снабдить Кутаисскую Комиссію особыми инструкціями и постановленіями въ отношеніи дѣйствій ея по приведенію въ извѣстность княжескихъ и дворянскихъ фамилій въ Гуріи, и 6) правила, изложенныя въ ст. 14 и 15 указа 30 марта 1846 года, распространить также и на Гурію.»

— Для оказанія Закавказскому-Краю разныхъ облегченій въ торговлѣ, повелѣно: 1) во всѣхъ вообще черноморскихъ портахъ Закавказскаго-Края, включая и порты сѣверовосточнаго берега Чернаго-Моря, ввести въ дѣйствіе особо Высочайше утвержденный таможенный тарифъ. 2) Отпускъ изъ Закавказскаго-Края товаровъ за границу, изъ котораго этотъ край произведеній турецкихъ и персидскихъ и вывозъ товаровъ въ Россію, оставить на правилахъ, нынѣ существующихъ. За привозимыя изъ Керчи въ Редут-Кале и Сухум-Кале, и изъ Гуріи въ Баку русскія бумажныя издѣлія выдавать, въ количествѣ, начиная съ 1847 года, въ видѣ премій, половину пошлятины, взимаемой по общему тарифу за иностранную бумажную пряжу.

гу выдавать въ керченской и астраханской таможенныхъ, по предъявленіи свидѣтельствъ бакинской, редут-кальской или сухумской таможенъ въ дѣйствительномъ привозѣ означенныхъ издѣлій въ Закавказскій-Край.) Открыть беспошлинный транзитъ европейскихъ товаровъ изъ Редут-Кале и Сухум-Кале въ Персію чрезъ Тифлисъ и Нахичевань, и персидскихъ товаровъ изъ Баку въ Редут-Кале и Сухум-Кале, на основаніи особыхъ Высочайше утвержденныхъ правилъ. 5) Предоставить всѣмъ торгующимъ въ Редут-Кале и Сухум-Кале право обратнаго вывоза отуда товаровъ и очистка оныхъ пошлиною въ-теченіе годичнаго срока, подобно тому, какъ это дозволено въ некоторыхъ портахъ Балтійскаго Бѣлаго Морей Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 3 сентября 1846 г. 6) Со всѣхъ судовъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, приходящихъ изъ-за границы въ порты восточнаго берега Чернаго-Моря и отходящихъ изъ оныхъ за границу, взимать ластовый сборъ только вполонину, т. е. по 2 съ половиной к. ер. съ ласта за приходъ и столько же за отходъ; деньги эти обращать въ пользу тѣхъ портовъ, въ которыхъ будутъ взимаемы, и за тѣмъ никакихъ другихъ сборовъ съ судовъ не взискывать, и 7) изъ общей суммы сбора, имѣющаго поступать по всѣмъ таможеннымъ мѣстамъ отъ платѣжа пошлинъ за европейскіе и колоніальные товары, привозимые въ Закавказскій-Край, отчислять ежегодно, начиная съ 3 января 1847 г., пять процентовъ въ пользу края, для употребленія по распоряженіямъ лавнаго тамъ начальства на улучшеніе портовъ и сообщеній.

— Высочайше утверждено положеніе о заселеніи и гражданскомъ правленіи сѣверо-восточнаго берега Чернаго-Моря. Представляемъ изъ сего положенія извлеченіе. Сѣверо-восточнымъ берегомъ Чернаго-Моря именуется все пространство между устьями рѣкъ Кубани и Жигура. Тамъ все пространство его учреждаются три портовыхъ города: Анапа, Новоросійскъ и Сухум-Кале. Съ развитіемъ поселенія будутъ учреждаемы на этомъ пространствѣ и другіе города. Станицы и поселки въ окрестностяхъ Анапы, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которые впередъ будутъ устроены, сохраняютъ общее названіе Закубанскаго-Края. Означенные портовые города назначаются преимущественно для поселенія жителей торговаго и промышленнаго класса и потому съ вообще лица свободнаго состоянія могутъ приписываться туда въ купцы, мѣщане, ремесленники или цеховые. Всѣ лица, причисленные въ сии города, обязаны, не далѣе трехъ лѣтъ со дня приписки, вести тамъ прочную осѣдлость; въ противномъ случаѣ они лишаются права пользоваться льготами и преимуществами, предоставленными жителямъ этихъ городовъ. Дозволяется также жить временно Евреямъ магеровымъ, не дѣлая постоянныхъ поселеній. Лицамъ, причисленнымъ въ означеннымъ городамъ, отводится для постройки домовъ и заведеній свободная отъ казенныхъ построекъ земля, съ особою платою на рывлахъ, которыя мѣстнымъ начальствомъ установлены. Приписаннымъ и водворившимся тамъ россійскимъ подданнымъ предоставляется право пріобрѣтать въ сихъ городахъ всякую недвижимую собственность. Желаящимъ переселиться въ одинъ изъ трехъ портовыхъ го-

родовъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго-Моря изъ внутреннихъ губерній Имперіи или Закавказскаго-Края и записаться въ Анапу, Новороссійскъ или Сухумъ въ кушцы, мѣщане и цеховые, дается льгота отъ платежа гильдейскихъ пошлннъ и государственныхъ повинностей, постановки рекрутъ и военнаго поста въ—теченіе тридцати лѣтъ со дня утвержденія сего положенія. Каждому приписавшемуся къ одному изъ означенныхъ трехъ городовъ предоставляется право производить свободный внутренній и заграничный торгъ на неопредѣленную сумму и всякую дозволенную промышленность и ремесло, а также учреждать фабрики и заводы, сообразно съ его средствами, во все продолженіе тридцати-лѣтняго льготнаго срока. Но производящій заграничный торгъ долженъ получить отъ мѣстной ратуши свидѣтельство, за которое слѣдуетъ внести въ пользу города 50 руб. сер. Всемъ приписавшимся дозволяется производить торговлю на всемъ восточномъ берегу Чернаго-Моря и въ Закавказскомъ-Крае безъ особой для сего приписки къ гильдіи и взиманія свидѣтельствъ. Если же они пожелаютъ торговать въ Россіи, гдѣ право на торговлю пріобрѣтается взносомъ установленныхъ пошлннъ, то брать имъ узаконенныя свидѣтельства на общемъ основаніи. Вся переселившіеся въ города Анапу, Новороссійскъ и Сухумъ и прочно-водворившіеся тамъ, пользуются единственно вышеозначенными торговыми правами, но не пользуются преимуществами, предоставляемыми купечеству во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи; тѣ же изъ нихъ, которые, до причисленія въ Анапу, Новороссійскъ или Сухумъ, принадлежали къ которой-либо изъ гильдій, и по перечисленіи въ тѣ города, сохраняя все прісвоенныя оной преимущества, пользуются теми преимуществами въ—отношеніи торговли въ Россіи только до—тѣхъ—поръ, пока будутъ вносить гильдейскія повинности. Жители сихъ городовъ, за особыя услуги и отличіе, оказанныя правительству, возводятся въ личное и потомственное почетныя гражданства. Закубанское поселеніе назначается, до времени, преимущественно для водворенія земледѣльцевъ, для которыхъ на другихъ пунктахъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго-Моря, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не представляется теперь никакихъ удобствъ. Къ припискѣ допускаются всѣ вообще лица свободныхъ сословій. Закубанскіе поселенцы, живущіе теперь и водворяемые впредь въ станицахъ, находящихся на пространствахъ, ограничиваемомъ берегомъ Чернаго-Моря и устьями Кубани между Варениковскою-Пристанью, фортами: Ростгаемъ и Раевскимъ и Анапою къ морю, освобождаются на 15-ть, а поселенные уже и живущіе впредь солиться за сими фортами на черноморской береговой линіи, — на 30-ть лѣтъ отъ податей, воинскаго поста и прочихъ повинностей, кромѣ земскихъ, которыя обязаны отправлять на общемъ положеніи. Закубанскіе поселенцы по судопроизводству освобождаются на 15-ть лѣтъ отъ употребленія гербовой бумаги. Гражданское управленіе сѣверо-восточнаго берега Чернаго-Моря поручается начальству черноморской береговой линіи, начальникамъ отдѣленій оной и комендантамъ вновь-учреждаемыхъ портовыхъ городовъ, въ которыхъ учреждаются особыя ратуши. Для управленія закубанскимъ поселеніемъ, существующимъ

ее нынѣ анапское временное правленіе преобразовывается въ постоянное учрежденіе и принимаетъ наименованіе Анапскаго Правленія Заурбанскихъ Поселянъ.

— Высочайше утверждено положеніе о раздѣленіи Закавказскаго Края. Тотъ край, въ порядкѣ общаго управленія, раздѣляется на 4 губерніи: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую. Тифлисская губернія образуется изъ слѣдующихъ уѣздовъ теперешней Грузино-Имеретинской Губерніи: 1) Тифлискаго, 2) Горійскаго, 3) Телавскаго, 4) Сигнахскаго, 5) Елизаветпольскаго, 6) Эриванскаго, 7) Нахичеванскаго и 8) Александропольскаго. Къ этому послѣднему уѣзду присоединяется отъ уѣзда Ахалцыхскаго участокъ ахалкалакской. Принадлежаніе къ этой губерніи округи: горскихъ народовъ, Осетинскій и Тушио-Пшаво-Хевсурскій остаются на прежнемъ основаніи. Губернскимъ городомъ остается Тифлисъ. Въ составъ губерніи Кутаисской отдѣляются слѣдующія части теперешней Грузино-Имеретинской Губерніи: Кутаисскій и Гурійскій Уѣзды; Абас-Туманскій и Жертвасскій участки Ахалцыхскаго-Уѣзда, лежащіе на западъ отъ хребта Херпнахволи, и ущелье Мамисовское Осетинскаго Округа. Сверхъ-того, къ общему составу Кутаисской-Губерніи причисляются: Мингрели и Сванетія. Губернскимъ городомъ этой губерніи назначается Кутапсъ. Губернія Шемахинская образуется изъ слѣдующихъ уѣздовъ теперешней Каспійской-Области: 1) Ширванскаго; 2) Карабахскаго; 3) Шекинскаго; 4) Талышскаго и 5) Бакинскаго. Ширванскій Уѣздъ принимаетъ названіе Лемахинскаго, Карабахскій—Шушинскаго, Шекинскій—Нухинскаго, а Талышскій—Лепкоранскаго. Участокъ Сальянскій отдѣляется отъ теперешняго уѣзда Ширванскаго и причисляется къ новому уѣзду Ленкоранскому. Губернскимъ городомъ остается Старая-Шемаха.— Въ составъ Дербентской-Губерніи обращаются: Дербентскій и Кубинскій Уѣзды теперешней Каспійской Области, округи: Самурскій и Даргинскій; земли: кириское и казакумыское и прочія земли Дагестана, лежащія къ югу отъ аварскаго койсу. Губернскимъ городомъ назначается Дербентъ. Съ учрежденіемъ этой губерніи упраздняется дербентское земно-окружное начальство. Въ каждой изъ четырехъ губерній Закавказскаго Края полагается особый военный губернаторъ, управляющій гражданскою частію. По военной части въ губерніи опъ дѣйствовать на правахъ, для военныхъ губернаторовъ городовъ постановленыхъ; а по гражданской—на правахъ, гражданскимъ губернаторамъ Закавказскаго Края присвоенныхъ. На этомъ основаніи, грузино-имеретинскій гражданскій губернаторъ принимаетъ названіе тифлискаго военного губернатора, управляющаго гражданскою частію. Вся вообще правительственная мѣста и лица губерніи Грузино-Имеретинской остаются, въ ихъ теперешнемъ составѣ, въ губерніи Тифлисской; по вѣдѣнью грузино-имеретинскихъ принимаютъ наименованіе тифлисскихъ. Равнымъ образомъ каспійскій областной начальникъ принимаетъ наименованіе шемахинскаго военного губернатора, управляющаго гражданскою частію. Товарищъ областного начальника переименовывается въ шемахинскіе вице-губернаторы. Вся вообще правительственная мѣста и ли-

да Каспійской Области остаются, въ ихъ теперешнемъ составѣ, въ губерніи Шемахинской; но вмѣсто названія каспійскихъ и областей, принимаютъ наименованіе шемахинскихъ и губернскихъ. Въ общеуездныя и участковыя управленія въ сихъ двухъ губерніяхъ остаются на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуютъ и теперь въ губерніи Грузино-Имеретинской и Области Каспійской; управленіе же губерній Кутаисской и Дербентской учреждается на основаніи положеній и штатовъ, особо составленныхъ.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и нравъ ихъ.)

Еоодоссійскій карантинный округъ, съ карантинною стражею оныхъ подчиненъ таврическому гражданскому губернатору, а должность члена особыхъ порученій по дѣламъ еоодоссійскихъ карантиннаго и моженнаго округовъ при керчь - еникольскомъ градоначальникѣ управленія (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 12 ноября).

— По вопросу, можетъ ли быть подчинена прокурорскому надзору севастопольская полиція, повелѣно: оставить эту полицію, на точномъ основаніи дѣйствующихъ узаконеній, вне всякой зависимости отъ лицъ составляющихъ губернской и уездный надзоръ, предоставить морскому министерству предписать кому слѣдуетъ, чтобы ближайшее наблюденіе за правильностію канцелярскаго порядка и дѣлопроизводства по полиціи а равно и за своевременнымъ доставленіемъ объ арестантахъ свѣдѣній по требованію уезднаго стряпчачаго, было всегда возлагаемо на одного изъ состоящихъ при тамошнемъ военномъ начальствѣ штаб-офицеровъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 14 октября).

— Постановлено: исправленіе должности градскаго головы, въ случаѣ его отлучекъ или болѣзни, поручать одному изъ находящихся въ городѣ кандидатовъ его, по старшинству избирательныхъ баллотъ; въ случаѣ же, когда ни одного изъ сихъ кандидатовъ на лицо не окажется, исправленіе сей должности возлагать на старшаго изъ присутствующихъ въ Думѣ гласныхъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 4 ноября).

— По вопросу о мѣрахъ къ устройству помѣщичьихъ лѣсовъ въ С.-Петербургскомъ и Царскосельскомъ Уѣздахъ, постановлены, въ силу закона, на три года, слѣдующія правила:

1) Помѣщики означенныхъ уѣздовъ обязываются содержать лежащія имъ лѣсныя дачи въ порядкѣ и чистотѣ по правиламъ, установленнымъ для казенныхъ лѣсовъ въ ст. 663 Уст. Лѣсн. (Собр. Зак. т. VIII, изд. 1842 г.).

2) На помѣщичьи дачи сихъ уѣздовъ распространяются: а) ст. 653 того же устава о предосторожностяхъ при раскладкѣ огня въ самыхъ лѣсахъ, такъ и вблизи оныхъ и б) ст. 655 и 658 о мѣрахъ къ потушенію лѣсныхъ пожаровъ. Изложенныя въ сихъ помѣщичьихъ статьяхъ обязанности пожарнаго старосты возлагаются на собственниковъ дачъ.

3) Для надлежащаго присмотра за исполненіемъ вышеназванныхъ правилъ и для охраненія частныхъ лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ, владельцы обязаны содержать при лѣсныхъ дачахъ особыхъ сторожей изъ собственныхъ крестьянъ или изъ наемныхъ людей въ числѣ

ное будетъ определено по постановленію уезднаго дворянства, съ утвержденія гражданскаго губернатора.

4) Лѣсные сторожа сія подчиняются непосредственному надзору земскою полиціи, которая, въ случаѣ надобности, побуждаетъ сторожей къ исполненію ихъ обязанностей, а при уклоненіи самихъ помѣщиковъ отъ исполненія предписанныхъ правилъ, доводить о томъ до свѣдѣнія уезднаго предводителя дворянства.

5) Уездные предводители обязаны убѣждать помѣщиковъ о содержаніи ихъ лѣсныхъ дачъ въ порядокъ, и буде убѣжденія сія останутся безъ успѣха, то извѣщать о томъ губернскаго предводителя дворянства, который дѣлаетъ такимъ владѣльцамъ напоминанія при первомъ собраніи дворянъ, а при дальнѣйшемъ уклоненіи отъ исполненія требуемаго, извѣщаетъ гражданскаго губернатора, для завѣселащаго съ его стороны распоряженія.

III. Законы гражданскіе.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1) о томъ, должна ли быть утверждена представленная къ засвидѣтельствуванію въ 1845 году отпускная, данная титулярною совѣтницею Суржковою дворовой дѣвкѣ, которую она купила послѣ изданія манифеста 1833 года о 8 ревизіи, не имѣя во владѣніи своемъ населеннаго имѣнія, и 2) возникшій изъ сего частнаго случая общій вопросъ: могутъ ли оставаться въ своей силѣ отпускныя, данныя дворовымъ людямъ, купленнымъ послѣ изданія помянутаго манифеста лицами, не властвующими населенными имѣніями, согласно съ Общимъ Собраніемъ Сената нашеть, что не властвующая населеннымъ имѣніемъ титулярная совѣтница Суржкова, давъ отпускную приобрѣтенной ею по купчѣ послѣ манифеста о 8 ревизіи дѣвкѣ Савельевой, тѣмъ самымъ выполнила цѣль закона, состоящую въ устраненіи отъ владѣнія крѣпостными людьми лицъ, неимѣющихъ населенныхъ имѣній, и потому уничтожившаго таковыя купчія (указъ 26 января 1843 г.); но вмѣстѣ съ тѣмъ лишше себя возможности отыскивать заплаченные за Савельеву прежней ея владѣльцею деньги, а сію послѣднюю помогать, по силѣ означеннаго закона, возвращенія къ ней дѣвки Савельевой; какъ получившей уже свободу. Не усматривая за симъ, чтобъ указъ 26 января 1843 года могъ служить препятствіемъ къ засвидѣтельствуванію данной Савельевой отпускной, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: предоставить Правительствующему Сенату предписать кому слѣдуетъ, какъ о засвидѣтельствovanіи установленнымъ порядкомъ означенной отпускной, если къ тому не встрѣтятся другихъ законныхъ препятствій, такъ и о ю ступленія, на семъ же основаніи, во всѣхъ одинаковыхъ съ настоящимъ случаяхъ. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 28 октября.

==

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ДЕКАБРЬ 1846 ГОДА.

Промышленность. — Выданы привилегіи: 1) купцу 2-й гильдіи Блюмбергу на изобрѣтенный имъ аппаратъ для очищенія на винокурельныхъ и водочныхъ заводахъ полугарнаго вина или раки, выкуриваемого изъ хлѣба, картофеля или свеклосахарныхъ остатковъ, отъ дурнаго гарнаго вкуса и запаха. На этотъ аппаратъ выдана ему въ Англіи 4 ноября 1845 года привилегія на 14 лѣтъ. 2) Санктпетербургскому 3-й гильдіи купцу Строву съ братьями на изобрѣтенный ими способъ дробленія, посредствомъ котораго, какъ объясняютъ изобрѣтатели, дробь доведена до такой степени, что нисколько не уступаетъ англійской. 3) Фридрихсгамскому купцу Егору Яофа на изобрѣтенный имъ способъ снарядъ для винокуренія; снарядъ этотъ, какъ объясняетъ изобрѣтатель, по своему устройству, прочности и быстротѣ въ дѣйствіи значительно уменьшаетъ количество рабочихъ рукъ, дровъ и выделяетъ еще больше противъ прежняго количества спирта, такъ-что при куреніи 200 кулей въ сутки достаточно 30 работниковъ, меньше двадцати пяти сажень дровъ, меньше пятнадцатую саженьями противъ прежняго способу; изъ одного куля ржаной муки выкуривается спирта 5 ведра въ 107 градусовъ, а въ-теченіе семи-мѣсячнаго срока изъ 42,000 кулей 189,000 ведръ; въ-продолженіе 24 часовъ, вмѣсто двухъ сгонки на семь аппаратъ будутъ четыре сгонки; снарядъ этотъ не потребуетъ починки въ-продолженіе десяти лѣтъ. 4) Французскому подданному Февру на новозобрѣтенный способъ буренія артезіанскихъ колодезей помощью гидравлической sondы, на который изобрѣтателю его французскому инженеру Фавелю, дана во Франціи 5 іюля 1845 года привилегія на 15 лѣтъ и 5) Бельгійскому подданному Юсту на новозобрѣтенный способъ устройства осей въ экипажахъ, съ усовершенствованіемъ втулокъ.

— Высочайше утверждёнъ уставъ Компаніи Санктпетербургской Шелковой Мануфактуры, учрежденной дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ Сабуровымъ, Санктпетербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ Виттомъ, иностранцемъ гостемъ Ривою и Нарвскимъ купцомъ Риттеромъ. Представляемъ здѣсь этотъ уставъ:

§ 1. Для приобрѣтенія и распространенія находящейся подлѣ Санктпетербурга шелковой фабрики мануфактур-совѣтника Бивара, означенные учредители въ товариществѣ съ извѣстными имъ лицами, на основаніи взаимной довѣренности, учреждаютъ Компанію Санктпетербургской Шелковой Мануфактуры, по названію, которое полагаютъ своимъ оному заведенію.

§ 2. На покупку сей фабрики и на потребный для дѣйствія ея капиталъ, учредители Компаніи, съ извѣстными имъ лицами, предположили составить капиталъ въ 500,000 руб. сер., разделеннаго на 2,500 частей по 200 р. с. каждый.

§ 4. Деньги за пай должны вноситься, согласно съ ст. 1861 к. Св. Зак. Гражд., по назначенію учредителей.

§ 5. Пай могутъ быть передаваемы, съ надписью, отъ одного владельца къ другому.

§ 6. Суммы, въ которыхъ не будетъ предстоять неотложной надобности для фабричныхъ оборотовъ, учредители или правленіе вносятъ въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій.

§ 7. Въ первые четыре года дѣйствія мануфактуры, правленіе будутъ составлять четыре учредителя, и мѣстопробываніе онаго назначается въ Санктпетербургъ.

§ 8. По истеченіи четырехъ лѣтъ, выходить ежегодно, по жребію, одинъ изъ учредителей, и общее собраніе владѣльцевъ паевъ избираетъ на его мѣсто другаго. Такимъ-образомъ поступается до-тѣхъ-поръ, пока изъ правленія выйдутъ все четыре учредителя; за тѣмъ ежегодно выходятъ Директоръ, пробывшій въ должности четыре года.

§ 9. Выходящій директоръ можетъ быть вновь выбранъ.

§ 10. Все директоры получаютъ за труды свои 6% изъ чистой прибыли, которые и дѣлятъ между собою.

§ 11. Правленію поручается все управленіе, и посему оно неограниченно уполномочивается: на покупку фабрикъ; на возведеніе, въ случаѣ надобности, новыхъ строеній; на снабженіе заведенія машинами, снарядами и матеріалами; на продажу издѣлій за наличныя деньги или на сроки; на содержаніе кассы, веденіе бухгалтеріи и корреспонденціи по купеческому обряду; на опредѣленіе и удаленіе уполномоченныхъ, управляющихъ, фабричныхъ мастеровъ, работниковъ и другихъ лицъ при фабрикѣ; на назначеніе имъ жалованья и наградъ; на опредѣленіе числа дѣйствующихъ станковъ и рода издѣлій; однимъ словомъ, правленіе приводитъ въ исполненіе все, чего требуетъ покупка и дальнѣйшее содержаніе фабрики въ дѣйствіи.

§ 12. Во всехъ сихъ случаяхъ правленіе должно дѣйствовать единогласно. Въ случаѣ разности въ мнѣніяхъ между директорами, или когда директоры признаютъ нужнымъ отобразить мнѣніе владѣльцевъ паевъ, правленіе сзываетъ общее ихъ собраніе.

§ 13. Каждый владѣлецъ паевъ имѣетъ доступъ въ общее собраніе; но голосъ имѣетъ только владѣлецъ 10 паевъ; владѣлецъ 25 паевъ — имѣетъ два голоса; 50 — три голоса. Больше сего числа голосовъ никто имѣть не можетъ.

§ 14. Постановленія общаго собранія дѣлаются согласно съ ст. 1881 тома X Св. Зак. Отсутствующіе владѣльцы паевъ считаются согласившимися съ большинствомъ присутствовавшихъ.

§ 15. Дабы пользоваться всеми правами торговли, Компанія обязывается снабжать себя ежегодно торговымъ свидѣтельствомъ, соотвѣственно капиталу своему.

§ 16. Согласно съ ст. 1870 тома X Свода Зак., Компанія Санктпетербургской Шелковой Мануфактуры отвѣчать не свыше своего складочнаго капитала; а каждый владѣлецъ паевъ только суммою, внесенною за свои паи.

§ 17. Дальнѣйшія внутреннія распоряженія имѣютъ быть опредѣлены правленіемъ, согласно съ общими правилами, установленными въ Сводѣ Зак. Гражданскихъ о товариществахъ по участкамъ, или компаніяхъ на акціяхъ; а именно: касательно опредѣленія запаснаго капитала и выплаты дивиденда — по ст. 1867 и 1868; относительно представленія ежегоднаго отчета — по ст. 1882 и 1883, и о разрѣшеніи споровъ — по ст. 1884.

§ 18. Срокъ существованію Компаніи не опредѣляется. Закрытіе ея и ликвидація будутъ завѣсть отъ рѣшеніи общаго собранія, и имѣютъ совершиться по коммерческимъ правиламъ, согласно съ ст. 1885 того же тома Свода Законовъ.

§ 19 Независимо отъ сего, Компанія будетъ во всемъ слѣдовать ишеозначеннымъ общимъ правиламъ о компаніяхъ.

Благотворительность. — Высочайше утверждено положеніе о обществѣ для составленія похоронной кассы въ городѣ Дерптѣ. Представляемъ изъ этого положенія извлеченіе. Общество учреждается для выдачи изъ кассы его единовременныхъ денежныхъ пособій на погребеніе лицъ, бывшихъ членами сего общества. Въ число членовъ принимаются лица всякаго званія обоего пола, преимущественно цеховые города Дерпта и вдовы ихъ; но лица, находящіяся въ дѣйствительной военной службѣ, а равно достигшія 85-лѣтняго возраста, въ общество не принимаются. Лица, которыхъ здоровье можетъ подлежать сомнѣнію, должны предъавать удостовѣренія врачей, достаточныя для отклоненія этого сомнѣнія, въ противномъ случаѣ они не могутъ поступить въ общество, равно какъ и люди дурнаго поведенія. Число членовъ не должно превышать 101; изъ нихъ вносятъ плату только 100, ибо съ семейства умершаго члена этой платы не требуется. Брачная чета принимается за одно лицо въ члены общества, но денежные пособія производятся какъ въ пользу мужа, такъ и жены его, отдѣльно, въ случаѣ кончины обоихъ. Капиталъ общества составляется слѣдующимъ образомъ: а) при вступленіи въ общество каждое лицо за внесеніе имени его въ списокъ, платитъ по пяти рублей серебромъ; б) при смерти одного изъ членовъ, или его жены, всякій изъ остальныхъ членовъ вноситъ въ кассу по 2 руб. сер. Сверхъ-того, достигшій до 45-лѣтняго возраста платитъ кромѣ обыкновенной суммы за право члена еще за каждый смертный случай, считая отъ помянутаго возраста до принятія въ общество, по 1 р. сер.; но расчетъ его вноситъ начинается не прежде, какъ со смертію одного члена по принятія его. Если членъ лишится жизни въ-слѣдствіе умышленнаго самоубійства, то пособие на погребеніе его не выдается и въ такимъ членомъ внесенныя деньги остаются собственностью кассы. Членъ, слѣлавшій 140 взносовъ, освобождается отъ дальнѣйшихъ платежей. Этимъ освобожденіемъ открывается вакансія одному кандидату для поступленія въ общество.

— Тамбовскій 1-й гильдіи купецъ и почетный гражданинъ Матвій Гнусовъ и санктпетербургскій 3-й гильдіи купецъ Григорій Моксинъ, при вступленіи въ число дѣйствительныхъ старшинъ Демидовскаго Дома Првзрѣнія Трудящихся, принесли въ даръ оному: первый 200 руб. сер., а послѣдній 100 руб. сер., предложивъ жертвовать и впередъ такую же сумму ежегодно. Государыня Императрица, по всеподданнѣйшему представленію о семъ попечительства Дома Трудящихся, Высочайше повелѣть соизволила: объявить Гнусову и Моксину Всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе.

ОТЧЕТЪ, ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ БОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Статья шестая (*).

ПРИРОДНЫЕ ЛУГА И КОРМОВЫЯ ТРАВЫ ИЛИ ИСКУССТВЕННЫЕ ПОКОСЫ.

ВЪ КАКОМЪ СОСТОЯНІИ НАХОДЯТСЯ НАШИ ЛУГА; ПРИЧИНЫ, НЕДОЗВОЛЯЮЩІЯ ИДТИ У НАСЪ ИСКУССТВЕННОЕ ОРОШЕНІЕ ЛУГОВЪ, А РАВНО И ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВПОЛНѢ ПОЗЕМЕЛЬНОЮ СОБСТВЕННОСТЮ; НЕОБХОДИМОСТЬ ПОКУПАТЬ ГОТОВЫЙ ФУРАЖЪ, ИЛИ КОРМИТЬ СКОТЪ ЗЕРНОМЪ ВЪ ТѢХЪ ХОЗЯЙСТВАХЪ, КОТОРЫЯ МАЛО ИМѢЮТЪ ЛУГОВЪ; РАЗСЧЕТЪ ВЫГОДЪ, ДОСТАВЛЯЕМЫХЪ ПОКУПНЫМЪ СѢНОМЪ; НЕКОТОРЫЯ УДОБНОСПОЛНИМЫЯ СРЕДСТВА КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ ПАШЕННЫХЪ ЛУГОВЪ; ВРЕМЯ КОШЕНІЯ И УБОРКИ СѢНА; КАКЪ УДОБНѢЕ ПРОИЗВОДИТЬ ЭТУ УБОРКУ; КЛЕВЕРЪ, ТИМОФЕВКА И ДРУГІЯ ТРАВЫ.

ПРИРОДНЫЕ ЛУГА.

Луговое хозяйство въ Россіи, по весьма-уважительнымъ причинамъ, находится въ состояніи незавидномъ. Въ этой статьѣ, мы обратимъ вниманіе читателей на обстоятельства, вредящія нашему луговодству, и укажемъ на нѣсколько *простыхъ, удобоисполнимыхъ пособій* исправлять нѣкоторые недостатки луговъ и увеличивать ихъ производительность.

Наши природные луга вообще раздѣляются: 1) на сѣнокосы *аливные* (поѣмные), находящіеся по отлогимъ берегамъ рѣкъ; это самыя лучшія изъ всѣхъ; 2) сѣнокосы *по отлогимъ скатамъ, низинамъ и ложбинамъ*, отняаемымъ отчасти лѣсами, а потому нѣсколько влажнымъ, и 3) на покосы *льсные*, между рѣдко-растущими березьями, и покосы *по залежамъ*. Последніе, находясь на глад-

(* Первые пять статей II-й части Отчета напечатаны въ Отч. Зап. 1866 года (томы XLV, XLVI, XLVII, XLVIII и XLIX).

кой и возвышенной поверхности земли, издавна запущенной под луга, называются «степными лугами» и встрѣчаются чаще въ Малороссіи и въ тѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ по числу народонаселенія земли изобильно. Покосы третьяго разряда бѣгутъ травой и ненадежныѣ прочихъ; здѣсь все зависитъ отъ болѣе или менѣе дождливаго лѣта: въ засуху, такіе луга бываютъ вообще обнажены, но въ очень-сырую и благопріятную погоду даютъ сборъ травы, восходящій отъ пятидесяти до двухъсотъ пудовъ сѣна съ экономической десятины. Луга втораго разряда приносятъ отъ 100 до 250 пудовъ, а перваго разряда отъ 200 до 300 и болѣе пудовъ сѣна.

Большая часть луговъ болховскаго хозяйства принадлежитъ первому и второму разрядамъ. Съ заливныхъ луговъ по берегамъ Оки и рѣчки Березуя, мы получали съ каждой экономической десятины, круглымъ числомъ за одиннадцать лѣтъ, по 260 пудовъ хорошаго сѣна. Только въ рѣдкіе годы, когда весенняя вода долго покрываетъ луга и оставляетъ на нихъ очень-толстый слой ила, когда лѣтомъ случаются сильныя паводки, заносящія и землю и соромъ, сѣна съ этихъ луговъ собирается менѣе съ той же пропорціи. За то, въ годы, слѣдующіе за подобными наводненіями, урожай травы бываетъ богатый.

Мы часто выслушиваемъ отъ ученыхъ агрономовъ горькія рѣчи за невниманіе наше къ луговодству, какъ главному источнику прибыльнаго хозяйства: Эти господа стараются внушить хозяйкамъ практическія, сколь необходимо удобрять, утучнять (*) и орошать искусственно свои сѣнокосы, подкрѣпляя подобныя внушенія цифрами, по ихъ мнѣнію столь же вѣрными, какъ дважды два — четыре. Но ученые агрономы, предлагающіе такія легкія утучненія и не подозреваютъ, какихъ трудовъ, заботъ и непріятностей приходится иному хозяйину, — не говоримъ, орошеніе или удобреніе луга, а просто охраненіе ихъ отъ погнѣванія скотомъ, принадлежащимъ мужичкамъ сосѣднимъ, или своей же барщины. (Тѣ же луга и съ хлѣбами, вытаптываемыми и подѣлаемыми бродячими волѣ всякаго рода животными.) А потому и не мудро, и не разумныя усердныя (**) наставленія господъ-агрономовъ принимать одинаковую участь съ голосомъ вопіющаго въ пустынь.

Бѣда сельскому хозяйину, если онъ окруженъ оброчными лугами, гдѣ по-большой-части присмотръ за крестьянами

(*) Въ главѣ: «О утучненіи почвы» мы объяснили, какою политико-экономическою линіею между словами: *удобрять* и *утучнять*. Удобрять землю можно и навозомъ, гываніемъ, золою, мергелемъ, известью, а утучнять — только навозомъ.

(**) Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ не усомнится въ истинѣ нашихъ словъ, ибо ему извѣстно, какихъ заботъ стоить хозяйину охраненіе луговъ отъ скота, и какъ слабы способы землевладѣльцевъ ограждать свою собственность отъ хищничества и порчи разнаго рода.

ли такими вотчинами, въ которыхъ хотя и живутъ помѣщики, а помѣщики, не обращающіе вниманія даже на свое собственное хозяйство, — а, слѣдовательно, равнодушные къ земледѣльческимъ спѣхамъ сосѣдей своихъ! Прошу въ такой мѣстности оставить кврды сѣна на лугу безъ караула, или устроить *водоподъемную ашину* для орошенія сѣнокосовъ! Здѣсь случилось бы то, что въ эту прекрасную ночь и желѣзныя и деревянныя части водочерпальной машины исчезли бы навсегда. Для охраненія подобной шивны необходимо устроить караулку и помѣстить въ нее по-айней-мѣрѣ *двухъ караульщиковъ*; да и тѣ рискуютъ отвѣдать рядочныхъ побоевъ, или герметической закупорки въ ихъ набуш-, что часто и случается съ бѣдными караульщиками дѣсныхъ чь. Слѣдовательно, нѣчего и помышлять о водопроводахъ и ма-инахъ тамъ, гдѣ все это ежедневно будутъ портить или истреб-ть совершенно (*).

Мудрое наше правительство оказало великую помощь сельскому хозяйству, уничтожая черезполосье земель; но пока у насъ собственности или право—*сполнить и безпрепятственно пользоваться своими удобствами*, не будетъ ограждено строгими законами отъ ышленныхъ на него посягательствъ постороннихъ лицъ, дѣхъ-порѣ благотѣльное, само-по-себѣ, размежеваніе не прине-тъ той пользы, которая долженствовала бы произойти отъ не- (**). Итакъ, надлежало надѣяться, что прозорливое правитель-ю, по окончаніи размежеванія, подастъ вторично руку помощи иному земледѣлю изданіемъ строгихъ узаконеній, охраняющихъ земельное имущество. И надежды наши, кажется, сбываются, тому-что уже появилось новое «Уложеніе о наказаніяхъ уголов-хъ и исправительныхъ». О вредѣ, причиняемомъ земледѣлю ко-ралствомъ, къ-сожалѣнію, весьма у насъ распространеннымъ, имѣли уже случай говорить въ № 49 «Земледѣльской Газе-

*) Въ потворствѣ негодяямъ — причинять обиды сосѣдямъ и во всѣхъ без-лакахъ (которыми славятся нѣкоторыя помѣстья) обыкновенно обвиняють чинныхъ старостъ — этихъ отвѣтственныхъ вадателей дворянскихъ имѣ-. Мы не споримъ, что способъ обвинять другихъ имѣетъ свои удобства; намъ странно одно: какимъ-образомъ укоренился у насъ этотъ деревенскій чай? развѣ старшій или начальствующій можетъ сослаться на младшаго личиннаго? развѣ военный чиновникъ можетъ указать на вахмистра или ейтора, а гражданскій на столоначальника или писца?

*) Хотя нынѣче нѣкоторыя дачи и размежеваны, но у насъ еще осталась равъ привычка — считать всѣ земли и уголья общими, или лучше сказать, алась увѣренность въ безнаказанности за порубку чужаго лѣса, пограву ба, скошеніе луговъ, расхищеніе мостовъ и тому подобное. Въдъ прежде или жъ мы общіе лѣса; когда вздумалось, вытрадидали общіе дуга — не гавайся они ни мнѣ, ни другому: почему же и теперь не дѣлать того же?.. не извѣстно, что у насъ и на самыхъ большихъ дорогахъ лосым не гъ долго уцѣлѣть и *ракички* тщетно подсаживаются ежегодно?

ты» за 1842 годъ, въ статьѣ: «О способахъ усовершенствованіи роду крестьянскихъ лошадей».

Надобно сказать, что орошеніе луговъ, которымъ насъ прельщаютъ и о которомъ написаны цѣлые томы,—къ-сожалу у насъ едва-ли гдѣ возможно. Частію холмистая, а частію и вая поверхность почвы средней и южной полосъ Россіи, при существіи озеръ, прудовъ и водныхъ источниковъ на возвышенныхъ пунктахъ, не представляетъ способовъ наводнять луга спускомъ сверху водою, потому-что воды здѣсь взять нѣ гдѣ. Остаются этой цѣли одніе рѣчки, текушія по-большой-части въ глубокихъ руслахъ, или окруженныя лугами, довольно-производительными безъ искусственной поливки. Слѣдовательно, орошать эти луга нельзя иначе, какъ посредствомъ водоподъемныхъ машинъ. Устройство подобныхъ машинъ (если съ ними и не случится что-нибудь о чемъ мы говорили выше), охраненіе ихъ и проведеніе водопроводныхъ бороздъ едва-ли окупится хозяину, который можетъ изъ готовое сѣно отъ 15 до 25 копеекъ ассигнаціями за пудъ (*) обыкновенная цѣна на сѣно въ средней полосѣ Россіи; въ степяхъ же и Малороссіи, оно еще дешевле. Цѣны на сѣно увеличиваются только въ неурожайные годы, или въ тѣ весны, когда неурожаивъ смотрительные крестьяне бываютъ вынуждены, по недостатку корма, покупать первый попавшійся имъ продажный фуражъ; по совершенной распутицѣ и отыскивать его невозможно. Конечно, расчетливый хозяинъ, у котораго недостаточно луговъ, станетъ покупать сѣно съ осени, или въ началѣ зимы, когда оно обыкновенно бываетъ дешевле, и покупать въ урожайные годы даже для запаса на случай недорода и дороговизны. Впрочемъ, вмѣсто покупки сѣна можно нанимать луга для скоса, даже на довольно-дальнемъ разстояніи отъ хозяйства. Луга обыкновенно отдаются на выгодныхъ кондціяхъ для наемщика, и потому, съ нихъ снятое своими рабочими, обойдется еще дешевле, чѣмъ купленнаго готоваго сѣна.

Предчувствуемъ, какъ вознегодуютъ нѣкоторые наши сельские хозяева, и въ-особенности хозяйки, при словѣ: — *покупать сѣно* «Какъ!» воскликнуть они: — «покупать сѣно въ деревнѣ, въ деревенскихъ столпцахъ!»—это ересь; да на что жь созданы деревенскія базары, на то, чтобъ продавать изъ нихъ хлѣбецъ и получать съ нихъ плату за ходъ?» Къ-сожалѣнію, мнѣніе, что наше сельское хозяйство должно только продавать, но ни чѣмъ не должно жертвовать для поддержанія и улучшенія себя, имѣетъ своихъ приверженцевъ.

Не пужно многихъ доказательствъ, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія. Развѣ сельское хозяйство не та же мануфактура

(*) Выше этой цѣны сѣно продается только въблизи большихъ городовъ, по весьма-проѣзжихъ дорогахъ.

акъ и прочія мануфактуры, покупающія грубый матеріалъ, чтобы въ выгодою для себя передѣлать его въ разныя издѣлія? разница только въ томъ, что на земледѣльческой мануфактурѣ выдѣлываетъ хлѣбъ, а не кашемировыя шали и газовыя ленты. Итакъ, по-всему же сельскому хозяину не покупать, подобно другимъ фабрикантамъ, суроваго матеріала, на-примѣръ — сѣна, о которомъ мы ейчасъ говоримъ? Попробуемъ доказать цифрами, что переработка покупнаго сѣна въ *поземь* не введетъ сельскаго хозяина въ бытокъ.

На экономическую десятину подъ посѣвъ пшеницы нужно до 100 возовъ или 5000 пудовъ навоза (о томъ, сколько кладется добренія подъ разные хлѣба, мы уже говорили въ статьѣ: «О шеницѣ и Ржи»). Чтобы добыть это количество удобренія, необходимо скормить скотомъ и употребить на подстилку около 2500 удовъ сѣна и соломы (*); а какъ на каждый пудъ сѣна необходимо 2 пуда подстилки или яровой и озимой соломы, то для покупенія 5000 пудовъ навоза, потребуется 833 пуда сѣна, а на покупку его, — по средней изъ вышеприведенныхъ нами цѣнъ, по 10 к. за пудъ, — сумма 166 р. 60 к. Соломы мы въ цѣну не почитаемъ, потому-что она, по единогласному опредѣленію агрономовъ, должна поступить на скотный дворъ отъ хозяйства даромъ; ритомъ, хорошій по навозу урожай пшеницы и слѣдующаго за ей яроваго хлѣба, въ-послѣдствіи съ лихвою вознаградитъ за употребленную на подстилку солому (**).

Теперь разсчитаемъ, что доставятъ намъ 833 пуда покупнаго сѣна.

Означеннымъ количествомъ сѣна можно прокормить въ-теченіе глубокой осени и всей зимы (около 200 дней) до 8 коровъ, полагая на каждую въ сутки по полупуда сѣна; остальные затѣмъ 33 пуда пойдутъ на телятъ, рожденныхъ отъ этихъ коровъ; теперь доложимъ, что изъ 8 коровъ, будутъ теляться только 5, — а это очень-снисходительно; — слѣдовательно, отъ 5 коровъ по 1 пуду масла—всего 5 пудовъ, на сумму 60 руб. (пудъ масла цѣнимъ въ 2 р.), да 5 телятъ, полагая въ 3 р. 50 к. cadaго, — на сумму 7 руб. 50 коп.

Десятина пшеницы, посѣянная по навозу, добытому отъ этихъ коровъ, принесетъ 214 руб. 96 коп. (валовой доходъ, полученный

(*) Полагая, какъ принято всѣми агрономами, что корнъ и подстилка дадутъ навоза по вѣсу вдвое болѣе.

(**) Мы съ намѣреніемъ не вдаемся здѣсь въ сбивчивые расчѣты — *во что ходитъ земледѣльцу солома и навозъ*, а равно и въ опредѣленіе цѣнности *рачано пѣнаю и коннаю дна*. У насъ такъ много толковали объ этихъ предметахъ, что, вмѣсто поясненія темнаго вопроса, кажется, еще болѣе его запутали.

намъ за 11 лѣтъ съ десятины этого хлѣба). А всего дохода отъ пшеницы и скота 292 руб. 46 коп.

Полнаго дохода отъ 833 пудовъ сѣна	292	руб.	46	коп.
Расхода на покупку сѣна	166	—	60	—

Балансъ 125 руб. 86 коп.

Итакъ, въ пользу земледѣльческой мануфактуры отъ покупки сыраго матеріала остается чистой прибылью 125 р. 86 коп., въ около 76^о процентовъ на издержанный рубль. А это такой *бырьшъ*, которому позавидуетъ каждый мануфактуристъ. Но пока луй, вычтите изъ упомянутой суммы и то, что могъ бы принести скудный урожай ржи, снятой съ той тошей десятины, которая богато унавожена подъ пшеницу, — и затѣмъ останется въ пользу хозяина прибыль препорядочная.

Показавъ, что для некоторыхъ сельскихъ хозяйствъ покупка сѣна вовсе не убыточно, мы болѣе разовьемъ нашу мысль и скажемъ, что неимѣющіе достаточно луговъ должны поддерживать значительное скотоводство (безъ котораго нельзя удержать и хозяйство), *употребляя въ кормъ некоторую часть зернового урожая (овса или ржи)*, — и здѣсь хозяинъ въ убыткѣ не идетъ. При недостаткѣ же луговъ и пастбищъ, и при нежеланіи кормить свой скотъ зерномъ, необходимо уже прибѣгнуть къ *искусственности* или искусственнымъ лугамъ, которые надобно разводить исподволь, и разумѣется тамъ, гдѣ почва для нихъ превольна и достаточно подготовлена утучненіемъ. Поль посѣвъ кормовыхъ травъ отдѣляютъ четвертый клѣвъ, который для помѣстій съ плохимъ дою почвою и недостаточными выгонами, даже и безъ травосѣяния необходимъ, какъ *пастбище* для скота (*). Впрочемъ, и въ превольномъ полеводствѣ можно высѣвать кормовыя травы по краямъ дабы съ некоторой части яроваго поля снимать не зерновой хлѣбъ, а сѣно. Но здѣсь хозяину слѣдуетъ разсчитать, что будетъ выгоднѣе: *пожертвовать частью урожая яроваго хлѣба, или купить готовый фуражъ?* Одринъ словомъ, чтобы приготовить сѣно подъ кормовыя травы, или вообще подвинуть впередъ свою земледѣльческую мануфактуру, необходимо въ началѣ некотораго *важного* пожертвованіе, — конечно, не на устройство цѣнной подъемной машины, но по-крайней-мѣрѣ на кормленіе скота зерномъ, на покупку сѣна или на наемъ луговъ. А безъ такого *важнаго* пособія земледѣльческая мануфактура ваша навсегда останется въ положеніи жалкаго и бездоходнаго сельскаго хозяйства.

(*) Волховское хозяйство имѣетъ четырехклинное полеводство не для высева кормовыхъ травъ, а для пастбища; почему для четвертаго клѣва и выделены худшія земли помѣстья. Лучшія же свои земли волховское хозяйство находитъ выгоднымъ занимать колосовыми хлѣбами, а не кормовыми травами; итакъ, эти земли, по разсчету совершенно-мѣстному, оставлены у него треть клѣвать.

«Но если всѣ станутъ покупать сѣно», возразятъ намъ: «то, цѣна на него возвысится и даже купить его будетъ нѣ у кого?» Истина неоспоримая, отвѣчаемъ мы:—но когда это сбудется, тогда обстоятельства переменятся, а съ ними должны измѣниться и разсчеты хозяина. Когда наступитъ время очень-выгодно продавать, а не покупать сѣно, тогда — въ добрый часъ, разводите побольше кормовыхъ травъ и устраивайте искусственное орошеніе луговъ.

Ученые агрономы обвиняютъ нашихъ сельскихъ хозяевъ и въ томъ, что они опаздываютъ косить свои луга и отъ-того собираютъ сѣно дурнаго качества. Конечно, оброчные крестьяне и вообще тѣ, которые оставлены на свой произволъ, бываютъ причастны этому рѣху: случается, что у такихъ крестьянъ (хотя и обработывающихъ мало земли), покосъ, за разными недосугами, откладывается до осени, но въ издѣльныхъ помѣстьяхъ и особенно находящихся подъ вѣдѣніемъ самого хозяина, подобныя упущенія въ полевыхъ работахъ встрѣчаются рѣдко.

Если осматривающій луга мимоходомъ замѣтитъ, что они уже открылись цвѣтами, но къ косью ихъ еще не приступали, — и заключить изъ этого, что косить луга опаздываютъ, то подобный наблюдатель можетъ легко ошибиться, принимая умышленную медленность за незнаніе (со стороны хозяина) той поры, когда слѣдуетъ косить траву. Объяснимъ причины этой умышленной медленности.

Во многихъ хозяйствахъ волею, а болѣе неволею, луга заказываются очень-поздно, — послѣ николина-дня (9 мая), а иногда и съ 10 мая (*); да и послѣ заказа, свои и соевдніе мужички стараются по ночамъ накормить здѣсь своихъ лошадокъ; а потому трава на этихъ лугахъ, въ первый періодъ своего роста захваченная сильными жарамы, растетъ медленно и начинаетъ куститься только при весьма-благопріятной погодѣ; но однажды, съ помощію дождей, отънивъ достаточно землю, растетъ быстро. Случается, что она въ половинѣ, а трава на лугахъ, хотя и засѣвшая густо, еще изка и молода; почему хозяинъ и медлитъ косить ее, поджидая дождей, которые въ нѣсколько дней могутъ значительно увеличить сборъ сѣна. На подобныхъ лугахъ могутъ уже появляться зацвѣтшія травы, то-есть тѣ, которыя обыкновенно зацвѣтаютъ рано, или тѣ, которыя, бывъ не по вкусу скоту, нетронуты имъ при весенней прогулкѣ по лугамъ. Эти-то ранніе цвѣточки и могутъ ввести въ заблужденіе непрестально-разсматривающаго луга, подать ему поводъ заключить, что трава на нихъ достигла полнаго своего развитія и готова подъ косу, тогда-какъ въ самомъ

(*) Потому-что въ холодныя весны, когда на парѣ трава растетъ туго, нѣтъ иначе накормить скота, который уже давно съѣлъ весь запасъ сухаго сѣна.

дѣль трава эта еще молода и можетъ съ пользою оставаться на корнѣ.

При настоящихъ обстоятельствахъ и положеніи нашихъ сельскихъ хозяйствъ, къ исправленію луговъ и содержанію ихъ въ нѣскольکو-лучшемъ порядкѣ возможны и удобоисполнимы только слѣдующія мѣры:

1) Очень-сырые луга, на которыхъ отъ излишняго застоя воды растетъ мохъ или болотная трава, должно осушать водосточными канавами, направляемыми по наклону земли. Если вовсе невозможно, или обойдется дорого спустить воду въ близъ-лежащія рѣки или овраги, то должно ограничиться проведеніемъ канавъ вдоль и поперегъ луга; вода будетъ стекать въ эти канавы, а прострѣстью между ними станетъ мало-по-малу просыхать. На весьма-тонкихъ лугахъ, земляныя работы производятся осенью, когда почва столько замерзла, что поднимаетъ человѣка. О трудномъ и дорого-стоющемъ пивеллированіи и сушеніи большихъ болотъ здѣсь говорить не мѣсто; на это есть у насъ подробныя и пространныя печатныя наставленія.

2) Луга, покрытые моховыми, кротовыми и муравейными кочками, и вообще бугроватые (что тоже причиняетъ застою воды), или луга, съ которыхъ хорошія травы исчезли, а на мѣсто ихъ появились травы толсто-ствольныя и не съѣдомыя для скота, также луга весьма-утопанные (огрубѣвшіе) и покрывшіеся густо-саметенымъ дерномъ, — всѣ такіе луга нельзя исправить иначе, какъ распаханіемъ нѣскольکو разъ повтореннымъ в засѣвомъ вновь-луговыми травами.

Луга обыкновенно поднимаютъ (вспахиваютъ) послѣ скаса травы и если можно, то въ дождливое время; въ сухую погоду поднимать дернъ весьма-трудно; потомъ, въ-теченіе осени, луга перепашиваютъ и боронуютъ разъ или два, чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, и послѣ послѣдней перепашки оставляютъ незабороненными вплоть зиму. Къ слѣдующей веснѣ, отъ дѣйствія морозовъ земля достаточно разрыхлится для посѣва хлѣбовъ, и тогда распаханые луга засѣваются, — если они очень-тучны, то коноплею или льномъ (отлично разрыхляющимъ землю), а въ противномъ случаѣ люцерною или овсомъ. На слѣдующую весну, эти же участки вторично засѣваютъ яровымъ колосовымъ хлѣбомъ и по немъ разбрасываютъ сѣмена травъ (*), заборонивая ихъ мелко, а въ сухую весну да-

(*) Для заведенія вновь постоянного луга, высѣваютъ тимоееву-траву, одну или лучше въ смѣси съ клеверомъ и другими травами, а за неимѣніемъ посѣятъ ихъ съ сѣмью *трудою*, остающеюся въ сѣновалахъ; въ этой травѣ заключаются много сѣменъ различныхъ луговыхъ травъ. Одного же клевера на постоянныхъ лугахъ высѣвать не должно, ибо онъ иногда вымерзаетъ, да и вообще года черезъ два или три вовсе пропадаетъ; а потому лугъ, засѣянный однимъ клеверомъ, можетъ иногда остаться вовсе безъ травы, и тогда его надобно будетъ пересѣвать вновь.

же и укатывал легкимъ каткомъ, чтобъ сдѣлать поверхность луга для будущахъ покосовъ гладкою и ровною. По снятіи послѣдняго яроваго хлѣба, молодые всходы посяянныхъ травъ должно охранять отъ посяга скота, да и вообще скотъ на вновь-посяянные луга лучше не пускать ни въ осень засява, ни на слѣдующую весну, ибо на рыхлой землѣ скотъ продавлиываетъ ямки (гдѣ будетъ скопиться вода) и можетъ выдернуть съ корнемъ нѣжныя всходы травъ. Далѣе, съ посяянными лугами поступаютъ какъ и съ прони.

Мы считаемъ необходимымъ на распаханнхъ лугахъ высѣвать лѣбъ по два раза сряду для того, чтобъ густой дернъ луговъ и сая земля успѣли разрыхлиться, а первый и разложиться (*); чего можно достигнуть только посредствомъ многократныхъ перевашекъ двухъ зимъ. Если же высѣвать вмѣстѣ съ первымъ посявомъ ериваго хлѣба и траву, то дерновые глобы не успѣютъ перенить и размельчиться, и лугъ не будетъ столь производительнымъ ровнымъ, какъ въ первомъ случаѣ. Впрочемъ, потеря двухъ уроковъ травы и обработка луга вознаграждаются съ лихвою богатыми катвами двухъ же зерновыхъ хлѣбовъ, особенно конопля и льна. Однакожъ, замѣтимъ, что кто желаетъ въ своихъ подпахатныхъ угахъ сохранить сколь-можно-болѣе природной ихъ тучности, тотъ и долженъ высѣвать на нихъ маслячныхъ растеній, изнуряющихъ очу болѣе колосовыхъ хлѣбовъ.

Боронованіе луговъ весною, - выхваляемое нѣкоторыми агрономами, не можетъ приносить у насъ значительной пользы, потому-то въ началѣ весны по лугамъ бродитъ скотъ, который, утаптывая землю, будетъ уничтожать слабое дѣйствіе бороны; а бороновать луга послѣ заказа, когда наступятъ жары, и поздно и опасно,—поздно, потому-что тогда очень-засохшая и огрубѣвшая земля будетъ сопротивляться дѣйствію бороны; а опасно, потому-что если вы, пользуясь дождливою погодою, успѣете порядочно поцарапать ваши луга, и затѣмъ внезапно наступятъ жары, то они могутъ совершенно засушить корни травъ, обнаженные бороною.

Срѣзываніе съ луговъ кротовыхъ и муравейныхъ кочекъ заступомъ ли инымъ орудіемъ, мало приноситъ существенной пользы, ибо очки эти въ скоромъ времени появляются вновь. Средство болѣе-вѣрное къ истребленію кочекъ состоитъ въ описанномъ нами вспахиваніи и разрыхленіи луговъ, потому-что въ рыхлой землѣ, добро-проницаемой водою, кроты жить не любятъ. Замѣчено, что а овощникахъ или пашняхъ, находящихся возлѣ самыхъ луговъ,

(*). Разложившійся дернъ (корни травъ) послужитъ хорошимъ удобреніемъ будущему лугу, почему и не должно засѣвать луга травами прежде, нежели и дернины успѣютъ разложиться и смѣшаться съ почвою. Утучнять же луга скотскимъ посяемъ рѣдко кому возможно: — навозомъ ны не избыточны.

взрытыхъ кротами, эти животныя никогда не живутъ и котекъ тамъ не дѣлаютъ.

Болховской хозяинъ нѣсколько разъ перепахивалъ нѣкоторые участки своихъ луговъ, поступалъ съ ними по выше-сказанному, и всякій разъ былъ доволенъ этой операціей: луга затвердѣли и приносили ему немного худаго сѣна, по засѣяніи вновь травы, доставляли богатый укосъ.

3) Поѣмные луга, и вообще находящіеся по низинамъ и оврагамъ, заливаемымъ полою водою, необходимо по веснѣ, когда она обсохнутъ, очищать отъ наноснаго камня, сора, древесныхъ корешей и прочаго. Предметы эти, вовсе ненужные на лугахъ, затрудняютъ косьбу, ломаютъ косы и препятствуютъ росту травъ. Поэтому, во время роста травы, необходимо разъ или два срывать ножами появляющійся на лугахъ осотъ, конскій щавель и прочія долго-ствольныя грубыя растенія, которыя заглушаютъ траву, препятствуютъ косьбѣ и замедляютъ уборку сѣна, ибо эти сочные растенія высыхаютъ нескоро, и сложенные недосушенными к сѣнога начинаютъ гнить и сообщаютъ дурной запахъ и вкусъ сѣногату.

4) Вообще всѣ луга заливные и степные, и въ особенности въ сѣвернѣе, необходимо весною заказывать (т. е., не пускать на выгонъ скота) сколь-возможно-ранѣе (*), чтобы трава, воспользовавшись весеннею влагою почвы, успѣла до наступленія жаровъ укорениться вѣ отънять землю; а въ такомъ состояніи она уже безвредно выноситъ временныя засухи и сильно идетъ въ ростъ при наступленіи благоприятной погоды. Какъ бы ни былъ хорошъ вѣтхій лугъ, но если вытравиваютъ его до невозможности въ-теченіи всего мая, что часто у насъ и случается, то онъ будетъ не въ состояніи принести изобильнаго укоса травы, — а это и подаетъ поводъ къ несправедливымъ жалобамъ на непроизводительность старыхъ луговъ. Чтобы убѣдиться, какое имѣетъ вліяніе на урожай травы раннее заказываніе луговъ, стоить только крѣпко огорожить маленькій участокъ выгона въ началѣ весны, т. е., прежде, чѣмъ его вытопчутъ и вытравятъ до нельзя, и тогда увидите, какъ въ пору покосовъ выростетъ на этомъ участкѣ густая и высокая трава.

Недостатокъ пастбищъ вообще вынуждаетъ многихъ хозяевъ терпѣть продолжительную *талочку* на своихъ лугахъ. Такъ часто ли, повторяемъ, что у насъ трава, особенно на степныхъ выгонахъ, открытыхъ дѣйствию солнца и вѣтровъ, порою вовсе не погораетъ? Учрежденіе четвертаго кливна можетъ много поспособствовать къ исправленію этого недостатка.

(*) А свиней, такъ много портящихъ луга, и вовсе на нихъ пускать не подобно; этихъ негодныхъ животныхъ необходимо пастить особю, если не въ теченіе всего лѣта, такъ по-крайней-мѣрѣ въ то время, когда скотъ ходитъ на лугахъ.

тому горю (*). Когда, весною, на однолѣтнемъ парѣ скотинѣ взять чего, двух-лѣтній паръ четвертаго поля доставляетъ уже нѣсколь- о корма и тѣмъ даетъ возможность ранѣе заказывать луга, на оторые, при трехпольномъ сѣвооборотѣ, по необходимости пу- каютъ скотъ иногда до 20 мая. Не уморить же бѣднаго скота олодную смертью на обнаженномъ парѣ! Но, не смотря ни на ка- ія мѣры, въ сухменное лѣто степные луга даютъ бѣдные укусы, зъсь нѣтъ средствъ пособить этому горю; остается только на- ежда на благотворные дожди, которые оди въ состояніи попра- ьтъ подобные сѣнокосы, и потому хозяйства, имѣющія степные уга, должны прибѣгать къ травосѣянію, обеспечивающему отча- ги зимнее продовольствіе скота.

Время кошения луговъ и о уборкѣ сѣна.

Говоря вообще, время косить траву наступаетъ тогда, когда на достигла полного своего развитія и большая часть ея зацвѣла овершенно-отцвѣтшія травы бываютъ жестки и непвтательны). о есть и другія соображенія, участвующія въ опредѣленіи вре- ени для уборки луговъ, на-примѣръ: иногда нельзя долго под- адать подросту травы, потому-что озимые, а потомъ и яровые лѣба дозрѣваютъ во время уборки сѣна, что и случается часто въ бхъ хозяйствахъ, гдѣ сѣно убирается медленно. При такихъ об- оятельствахъ, хозяинъ не знаетъ, за что прежде приняться—ко- ьтъ ли траву, или жать хлѣбъ, который перестоятся и осыплется а корнѣ, убирать ли въ гумно снопы, или возить сѣно. Зъсь лается необходимымъ пожертвовать частію того или другаго рожая, ибо в сѣно и хлѣбъ, оставляемые долго въ полѣ, равно овергаются вредному вліянію непогоды (**). А потому и слѣду- ьтъ начинать уборку луговъ соображаясь не съ однимъ ростомъ авъ, а также и съ ростомъ зерновыхъ хлѣбовъ; иначе вы за- ьтаете весь ходъ полевыхъ работъ и сведете ихъ къ одному вре- ени. Состояніе погоды тоже должно имѣть вліяніе на выборъ емени для косьбы. Если въ пору сѣнной уборки стоитъ ненаст- ья погода, то необходимо помедлить кошеніемъ луговъ, ибо въ ькую погоду уборка (кромѣ порчи сѣна) идетъ медленно и до- авляетъ рабочимъ много излишняго труда. Если же, незадолго ь настоящей поры уборки сѣна, наступитъ весьма-хорошая по-

(*) При четырех-польной системѣ, и безъ травосѣянія (для котораго необ- ьдима плодородная почва) имѣется ежегодно для пастбища два паровые ьна: одинъ двух-лѣтній, а другой однолѣтній. Первый распахивается лѣ- ьмъ полѣ озимое, а второй остается до слѣдующаго года невоздѣланнымъ.

(**) Сѣно, стоявшее долго въ копнахъ и промоченное нѣсколько разъ дождя- ь, терлетъ свой зеленый цвѣтъ, ароматность и часть питательности, а под- ьршееса продолжительному невастью совсѣмъ сгниваетъ.

года и есть надежда, что она продолжится (*), то къ кошению луговъ надобно приступить немедленно, чтобъ воспользоваться погодною, рѣдко насъ радующею во время уборки сѣна.

Болховское хозяйство обыкновенно начинаетъ косить луга нѣсколько дней до петрова-дня (около 29 июня), стараясь скользя-возможно-поспѣшнѣе косить и убирать свое сѣно (**). На продолжительность хорошей погоды много надѣяться нельзя, ибо пора уборки сѣна есть вмѣстѣ и пора сильныхъ дождей и даже паводковъ. Спѣшить уборкою должно и для того, чтобъ до жатвы выиграть нѣсколько свободныхъ дней на приведение въ порядокъ косъ и серповъ и на отдохновение рабочимъ.

Наши крестьяне повсемѣстно держатся дурнаго обыкновенія становиться для косыбы не отдѣльными партіями, а вмѣстѣ одна за другимъ, хотя бы и вышло ихъ на лугъ болѣе ста человекъ. Отъ такого размѣщенія, работа весьма замедляется: остановившись на рѣдкѣй косецъ, и всѣ слѣдующіе за нимъ должны по необходимости остановиться и ждать, пока онъ опять подвинется впередъ. Мы размѣщаемъ своихъ косарей по пяти и не болѣе десяти человекъ въ одну липію: при такомъ размѣщеніи виднѣе, сколько и ждое отдѣленіе скосить травы, да и самая работа идетъ безъ проволочекъ. Конечно, было бы еще лучше ставить въ липію число работниковъ поддесятино; но, къ-сожалѣнію, заливные луга нельзя разбивать на десятины, ибо межи или другіе признаки раздѣленія будутъ ежегодно уничтожаемы наносимъ ила. Разбивка же ежегодно луга на десятины передъ самымъ покосомъ—иногда катно и помнешь много травы.

Другое дурное обыкновеніе при уборкѣ сѣна, существующее во многихъ хозяйствахъ, состоитъ въ томъ, что подкошенную траву оставляютъ нѣсколько времени лежать на рядахъ, потомъ эти ряды переворачиваютъ на другой бокъ, а за тѣмъ уже растряскаютъ ихъ разъ или два; когда же сѣно совершенно высохнетъ, то стѣбаютъ его въ вилы и копчатъ (складываютъ въ копны разной величины). При такой уборкѣ, трава высыхаетъ медленно и не одновременно (***). Предлогомъ къ подобному мѣшкатуному способу

(*) Здѣсь большую помощь оказываетъ земледѣльцу хорошіи барометры, почему и необходимо завестись имъ каждому сельскому хозяйству.

(**) Въ болховскомъ хозяйствѣ, какъ господскіе, такъ и крестьянскіе луга убираются по-очереди, одинъ лугъ за другимъ, а не по выбору погоды. Есть: здѣсь не принимаютъ въ хорошую погоду за одни господскіе луга, а тѣмъ разсчетомъ, чтобъ въ ненасные дни отпустить крестьянъ на свои собственные косы. Впрочемъ, надобно сказать и то, что крестьяне, при помощи старыхъ ростковъ и стариковъ, имѣютъ возможность скоро убирать свои луга; а потому мы не забываемъ, чтобъ у нашихъ крестьянъ когда-либо почернѣло сѣно.

(***) Потому-что здѣсь сначала высыхаетъ одна сторона ряда, а другая, напротивъ, рона, касающаяся земли, остается влажною и не сохнетъ; и потому, когда

убирать сѣно служить то предположеніе, что сѣно на рядахъ не такъ портится отъ дождя. Но когда есть причины опасаться дождя, то, по нашему мнѣнію, лучше вовсе не начинать косьбы; а скосивъ траву, нельзя рассчитывать такъ: «сегодня я переверну ряды, завтра опять переложу ихъ на другой бокъ, а послѣ завтра растрясу сѣно,—потомъ...» Но потомъ ударитъ дождь и,—пропайъ весь расчеты! А что сѣно, просушиваемое на лугу въ-теченіе четырехъ сутокъ, рискуетъ попасть подъ дождь скорѣе, чѣмъ сѣно, высушиваемое въ двое сутокъ, такъ это, кажется, несомнѣнно.

Мы убираемъ свои луга слѣдующимъ образомъ: крестьяне, докосивъ свои ряды, тѣмъ же слѣдомъ возвращаются назадъ и концомъ косья растрясаютъ подкошенную траву. Въ тотъ же день, крестьянки перетрясаютъ все, что подкошено рано утромъ, а на слѣдующій день трясутъ сѣно вторично раза два, и къ вечеру скребаютъ его въ копны (*), а копны не мѣшка переправляютъ въ гумно. При такой уборкѣ, въ жаркіе дни, сѣно поспѣваетъ не премѣнно въ двое сутокъ. Такъ-какъ мы начинали косить въ хорошую погоду и производили уборку не мѣшкатно, то рѣдко случалось, чтобъ какая-нибудь часть нашего сѣна попадала подъ дождь, и потому мы еще ни разу не имѣли случая быть недовольными принятымъ нами способомъ убирать луга.

Болховскій хозяинъ рѣшился войти здѣсь въ мелкія подробности объ уборкѣ сѣна, потому-что ему изъ опыта извѣстно, какое значительное вліяніе имѣютъ ничтожныя, по-видимому, обычаи и неправильныя приемы (манипуляціи) крестьянъ при нѣкоторыхъ работахъ на увеличеніе труда и на успѣшность самыхъ работъ. Въ продолженіе настоящаго отчета, болховскій хозяинъ неоднократно старался напомнить, что намъ, прежде, нежели пускаться въ даль за присканіемъ образцовъ для русскаго хозяйства, необходимо обратитъ побольше безпристрастнаго вниманія на то, что, какъ и почему дѣлается у насъ дома. Но возвратимся къ нашему предмету.

Въ болховскомъ хозяйствѣ, высушенное сѣно складывается въ сараи и въ стога или скирды. Эта часть сѣнной уборки такъ всѣмъ извѣстна, что о ней нѣтъ надобности распространяться.

Сушить травы, складывая ихъ полу-сырыми въ кучи, гдѣ онѣ разгорячаются—или сушить ихъ посредствомъ броженія,—мы не пробовали; да и не было въ томъ никакой надобности, ибо способъ этотъ рекомендуется на случай ненастной погоды, а мы все-

ревернуть ряды, то откуда эта сторона достаточно высохнетъ, первая уже совершенно пересохнетъ, отъ-чего пропадаетъ много сѣна, ибо то, которое пересушено, перетвращается въ порошокъ и раструсивается во время уборки.

(*) Слѣдовательно, при этомъ способѣ трава сейчасъ по скошеніи разбрасывается по всему лугу, и такимъ-образомъ каждая травка подвергается дѣйствію солнца; а потому испареніе водянистыхъ частей травы совершается скоро и одновременно.

гла успѣвали сѣно свое безъ затрудненія и скоро высушить на солнцѣ. Нѣкоторые хозяева, пробовавшіе упомянутымъ способомъ убирать луга, сказывали намъ, что скотъ не очень-охотно ест сѣно, высушенное столь насильственнымъ образомъ. Впрочемъ, передаемъ что слышали, а за достоверность наблюденія не ручаемся.

Кормовыя травы : клеверъ, тимopheвка и другія.

Неоспорно, что въ числѣ кормовыхъ травъ почетное мѣсто принадлежитъ *красному клеверу* (*trifolium pratense*) (*), какъ по обилію доставляемаго имъ питательнаго корма, такъ и по хорошему вліянію его на почву. Германцы совершенно-правы, почти клеверъ за главную основу земледѣлія — разумѣется, въ Германіи. Даже и у насъ это растеніе мало-по-малу пріобрѣтаетъ долготу и разводится съ успѣхомъ во многихъ хозяйствахъ, чему доизытательствомъ могутъ служить отзвывы столичныхъ нашихъ продавцовъ сѣмьнь, которые не могутъ удовлетворять всѣхъ требованій на клеверное сѣмя.

Еще недавно многіе наши хозяева сомнѣвались въ томъ, что это растеніе улучшаетъ почву, и даже были печатные отзвывы, которые увѣряли, что клеверъ истощаетъ землю. Но иностранцы извѣстные агрономы единодушно признаютъ въ клеверѣ свойство болѣе или менѣе утучнять почву; да и у насъ всѣ, имѣвшіе случай сѣять эту траву въ мѣстности и почвѣ, ей пригодной (**), не могутъ не согласиться съ нами, если будутъ судить безпристрастно.

Болховское хозяйство почти-ежегодно, на разныхъ участкахъ земли, высѣваетъ клеверъ и всегда остается имъ довольно много — нельзя-болѣе (**). Лучшіе урожаи этой травы мы имѣли съ мѣстныхъ прибрежныхъ десятинь, постоянно-пахатнаго клѣннъ съ вновь-распаханныхъ луговъ, покрываемыхъ не на долготу ливомъ рѣки. Были годы, что здѣсь снималось съ экономическаго десятины въ одинъ укосъ по 52 воза, или около 600 пудовъ чистаго клевера. Мы не стали бы рассказывать о такомъ урожайномъ урожаѣ клевера, — изъ опасенія, что онъ можетъ казаться преувеличеннымъ, — если бы нѣкоторые изъ нашихъ

(*) Низко-рослага бѣлаго клевера въ Россіи разводятъ мало; не приносятъ значительнаго урожая травы, онъ болѣе пригоденъ для пастбищъ, чѣмъ для сѣна. По выводамъ г. Буссенго, питательность клевернаго сѣмьня съ луговому сѣну какъ 66 къ 100.

(**) Извѣстно изъ опыта, что клеверъ не можетъ успѣшно расти въ сѣверной и южной краѣ Россіи, а также и въ Южной-Франціи и Италіи.

(***) Въ принятой нами системѣ полеводства, клеверъ высѣвается на тѣхъ участкахъ четвертаго клѣннъ, которые весьма-тучны или погрѣны по-временамъ отъ близъ-лежащей рѣки слоемъ ила.

идей не были очевидцами уборки клевера съ означенныхъ десятинъ. Въ настоящемъ году у насъ, на низменномъ участкѣ, клеверъ мѣстами выросъ до $1\frac{3}{4}$ аршина вышины: въ экономіи конечно сохраняется нѣсколько сноповъ этого клевера.

Нужно замѣтить, что лучший клеверъ разживался у насъ по низменной, близъ рѣки находящейся пашнѣ, заливаемой ежегодно поую водою, — именно тамъ, гдѣ перегной въ почвѣ окисляется; это нѣсколько противорѣчитъ сказанному въ «Курсъ Земледѣлія, Усова», гдѣ, на страницѣ 298-й прочтете слѣдующее: «Члмъ оиственныѣ качество перегноя для растенія, тлмъ на этомъ млч оно растетъ лучше и сильнѣе противъ другихъ растеній, котрымъ тутъ перегной не свойственъ: напримлрл, на щелочнлстолмъ регнол родится хорошо клеверъ, но какъ-скоро почва замокнетъ и регнол сдлается кисллѣ, клеверъ пропадаетъ, и появляется осока, торая любитъ кислоту.»

Мы также вполнѣ убѣждены очевидностію и въ томъ, что клеверъ утучняетъ и рыхлитъ землю. Однимъ нагляднымъ способомъ уже достаточно увѣриться въ сказанномъ: когда подпахаютъ участокъ земли, на которомъ росъ клеверъ, то вы сейчасъ мѣтите, сколь онъ темнѣе и рассыпчатѣе сосѣдственныхъ участковъ, на которыхъ не было клевера. Но чтобъ еще болѣе удостовѣриться въ способности клевера утучнять землю, мы взяли для опыта 3 смежныя десятины плодородной пашни; одну изъ нихъ сѣяли по яровому клеверомъ, другую тимоеевою травой, а третью, снятія яроваго, оставили просто въ пару. По скося клеверной авы (*) на зеленый кормъ лошадямъ, какъ на десятины, на которыхъ былъ клеверъ и тимоеевка, такъ и на третью десятину, ятую для опыта, пускали скотъ; потомъ всѣ эти участки вспаханы подъ зиму, и въ-теченіе слѣдующаго лѣта одинаково обоботаны и засѣяны рожью. По росту ржаной зелени можно уже было судить о степени плодородности каждой изъ этихъ десятинъ: зелень по клеверу была несравненно-выше и гуще прочихъ, — къ-будто на уваженной землѣ; хуже всѣхъ былъ участокъ, которомъ сѣялась тимоеевка: ни многократныя перепашки, ни гая зима не могли искорепить эту траву, которая отпрыскивала въ корней и появлялась во ржи и даже въ слѣдующемъ за ней овомъ хлѣбѣ (**). Урожай зерна соответствовалъ росту зелени:

*) Въ первый разъ клеверъ косили на сѣно, а потомъ уже сѣяли его отаву; тимоеевка была кошена только однажды на сѣно; слѣдовательно, вслѣдъ за клеверъ болѣе послѣдней долженствовалъ бы истощать землю.

**) Натурально, что тимоеевка, какъ растеніе, болѣе подходящее и по коу и по виду своихъ листьевъ къ колосовымъ хлѣбамъ, должна истощать, а гучнять почву: утучнять ее могутъ одни широколиственныя и густо-рас-дія растенія, питающіяся большею частію изъ атмосферы.

на клеверной десятишъ нажато ржи 41 копна 1 крестецъ; на приходившейся въ пару 40 копенъ, а на бывшей подъ тимоевской, только 28 копенъ. Однимъ словомъ, въ нашемъ хозяйствѣ льбъ всегда родился сравнительно лучше на тѣхъ десятинахъ, на которыхъ былъ клеверъ.

Мы обыкновенно косимъ клеверъ въ-теченіе лѣта однажды, а отаву его выгравливаемъ скотомъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ косимъ эту отаву для лошадей. Но если бы клеверъ и успѣвалъ во второй разъ подростать достаточно, то и тогда невозможно было бы косить его на сѣно, потому-что въ ненастную и холодную осеннюю погоду трудно высушить моложавую и сочную траву. Впрочемъ, въ осеннее время, когда луга и другіе выгоны ничтожны, вбо трава на нихъ перестаетъ расти, а та, которая осталась, подсыхаетъ и теряетъ большую часть своей питательности, — клеверное поле доставляетъ прекрасное пастбище для рогатаго скота, лошадей и даже овецъ (клеверъ, съданный скотомъ, тотчасъ пускаетъ отъ корня новые, сочные и вкусныя листья). То же бываетъ и рано весною, когда на пастбищахъ еще нѣтъ молодой травы: тогда клеверъ, при первыхъ теплыхъ дняхъ, даетъ уже побѣги и приманиваетъ къ себѣ голодный скотъ: потому и не удивительно, что даже и гуси любятъ посѣщать клеверныя поствы. Изъ сказаннаго видно, какъ полезно разводить клеверъ не только для сѣна, или кормленія скота лѣтомъ на стойлѣ, но и для пастбищъ, въ осеннее и весеннее время, всегда бѣдное кормами.

Говорятъ, что скотъ, вдоволь наѣдающійся клеверомъ, подвергается *раздутію живота*. Но у насъ ни разу не приключалось подобной болѣзни, несмотря на то, что мы часто и въ сырую погоду кормили на стойлѣ зеленымъ клеверомъ и коровъ и лошадей, — и что скотъ, какъ нашъ, такъ и крестьянскій, безвозбранно гулялъ у насъ по клеверной отавѣ, а иногда и выгуливался въ нескошеный, роскошно-ростущій клеверъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ брать нѣкоторыя предосторожности и не допускать очень голодного, а слѣдовательно, и жадному до пищи скоту, долго прогуливаться по роскошному или омоченному дождемъ клеверу. Что жъ касается до клевернаго сѣна, то оно вовсе безопасно, и животныя ѣдятъ его очень-охотно, особливо такое сѣно, которое было убрано зеленымъ и скошено прежде, нежели растение могло перестояться на корнѣ.

— «Итакъ, зачѣмъ долго затрудняться въ средствахъ къ расширенію своего скотоводства, а слѣдовательно и къ увеличенію всего хозяйства, — когда у насъ есть благодѣтельный клеверъ, который приноситъ и много сѣна, и служитъ богатымъ пастбищемъ въ затруднительную пору, для прокормленія скота, и, следовательно,

ого, самъ-по-себѣ утучняетъ и удобряетъ землю? Ясно, что для чрежденія прибыльнаго полеводства стоить только побольше вывзвать клевера!» — Но умѣримъ нашъ восторгъ, милостивые государи! — Клеверъ, конечно, растеніе хорошее; но, увы! оно юбить почву весьма и весьма-тучную, а на плохой землѣ и во се не родится, а потому прежде, нежели рассчитывать выгоды, оставляемая клеверомъ, необходимо обзавестись плодородными частками земли подъ это растеніе. — Не правда ли, милостивые государи, что послѣднее маленькое обстоятельство даетъ не со съмъ-пріятный оборотъ нашимъ блестящимъ предположеніямъ и идеждамъ?

Чтобы клеверъ могъ улучшать землю, необходимо, чтобъ онъ пнялъ ее, росъ густо и роскошно; а это можетъ случаться только на тучной и приличной клеверу почвѣ. Здѣсь, послѣ него, стается густая сѣть сочныхъ кореньевъ и часть стеблей, незахваченныхъ косою, — часть тѣмъ значительнѣйшая, чѣмъ гуще и выше росъ клеверъ: эти-то остатки клевера рыхлятъ и утучняютъ землю. Иногда высокій и густой клеверъ, до времени покоса, по нѣколько разъ прилегаетъ къ землѣ, но ущерба въ укосъ отъ этого почти не бываетъ, ибо клеверъ быстро пускаетъ вверхъ новые, высокіе побѣги; тогда же нижніе листья растенія, находясь въ вѣнѣ и сырости, подопрываютъ и служатъ тоже удобреніемъ для почвы, вмѣстѣ съ листьями и цвѣтками, опадающими во время просушки и уборки травы (*). Разумется, что чѣмъ болѣе опузлся клеверъ на землю, тѣмъ длиннѣе остаются на жнивѣ недокошенные его комли, потому-что полеглый клеверъ нельзя заватить косою подъ самый корень; здѣсь скашивается только та часть клевера, которая подымается выше перегиба. Да и вообще весьма-густой клеверъ косить очень-трудно и мѣшкатно, а если нѣ перепутанъ, то косить его еще труднѣе.

Нѣкоторые иностранные агрономы опредѣляютъ степень тучности, доставляемую почвѣ клеверомъ — возами или пудами позема, говоря такъ: «удобреніе, оставленное на нивѣ клеверомъ, равняется столькимъ-то пудамъ навоза» (**). Но это опредѣленіе кажет-

(*) Известно, что клеверъ нельзя часто сѣять на одномъ и томъ же мѣстѣ; ближе шести лѣтъ можетъ онъ возвращаться на бывшую подъ нимъ почву земли.

(**) Многие агрономы, старавшіеся опредѣлить, сколь значительно утучненіе, доставляемое клеверомъ почвѣ, не принимали въ расчетъ этихъ листьевъ и цвѣтковъ. Упущеніе съ ихъ стороны тѣмъ болѣе не извинительное, что частіе упомянутыхъ перегнивающихъ листьевъ въ удобреніи почвы, конечно, не мало важно.

ся намъ вовсе-неудовлетворительнымъ, потому-что нельзя съ вѣ-
которую достовѣрностью опредѣлить вліянія и самаго вѣсна на
урожаи хлѣбовъ; тѣмъ труднѣе опредѣлить это вліяніе, когда
неизвѣстно, какой навозъ принимался для сравненія. Замѣтитъ,
что свойства поземовъ весьма различно — во-первыхъ, отъ раз-
скота, который доставилъ ихъ, во-вторыхъ, отъ качества корма, въ
тавшаго животныхъ, въ-третьихъ, отъ большей или меньшей перераб-
лотки (переброженія) навоза, въ чемъ принимаютъ важное участіе
и хлѣва, гдѣ онъ накоплялся, то-есть, въ теплое или холодное
помѣщеніи накоплялся навозъ, и былъ ли онъ доступенъ дожде-
вой и снѣговой водѣ, или нѣтъ; въ-четвертыхъ, отъ количества
и качества употребленной подстилки.

По нашему мнѣнію, можно вѣрнѣе опредѣлить, — на сколько
приобрѣтаетъ почва плодородія отъ клевера, — посредствомъ у-
рожаевъ зерноваго хлѣба. Для такого испытанія должно имѣть
два равномерные, вмѣстѣ-лежащіе и совершенно-одинаковые
участки и положенію участка земли: на одномъ изъ нихъ
сеять клеверъ, другой останется въ обыкновенномъ парѣ; потомъ
въ свое время, оба участка обработать одинаково и засеять оди-
наковымъ количествомъ ржи; урожаи этого хлѣба покажутъ раз-
ность въ степени плодородія участковъ. А повторивъ такимъ
разомъ опытъ нѣсколько разъ на различныхъ участкахъ, можно
будетъ весьма-близко опредѣлить, что клеверъ на данномъ
местѣ, при томъ или другомъ свойствѣ почвы, при благопри-
ятной и неблагопріятной ему погодѣ, утучняетъ землю на сколько
четвертей и, пожалуй, *пудовъ ржи* или другаго хлѣба. Не
умѣется, что на опытныхъ участкахъ надобно разсѣвать клеверъ
какъ-можно-ровнѣе; потомъ необходимо подвергать его вы-
пашиванію скотомъ и другимъ неблагопріятствующимъ его росту
способамъ совершенно-одинаково съ клеверомъ, высѣваемымъ
не для опыта, — чтобы особеннымъ ухаживаніемъ за опытно-
участками не увеличить роста клевера, а вмѣстѣ съ нимъ и
вліянія его на почву, — и такимъ-образомъ не вводить
въ заблужденіе на счетъ той выгоды, которую можетъ принести
это растеніе при большихъ посѣвахъ на поляхъ и при обы-
кновенныхъ способахъ имъ пользоваться.

Исчисливъ всѣ достоинства клевера, справедливо указать и
его недостатки: во-первыхъ, когда клеверъ долго находится подъ
сѣнною водою, то онъ выпрѣваетъ, а въ холодную и безснѣжную
зиму можетъ вымерзнуть; но подобные случаи встрѣчаются
вѣроятно-рѣдко; во-вторыхъ, черезъ 3 или 4 года, считая отъ посева
клеверъ пропадаетъ вовсе; почему и высѣвается не одинъ на
участки, назначаемые подъ постоянные луга, а всегда въ смѣсъ съ
другими травами; въ-третьихъ, косить клеверъ очень-трудно, особѣн-
но въ сухую погоду.

ый; притомъ, онъ долго не сохнетъ и мѣшкато убирается ю; при ненастной же погодѣ можетъ сгнить вовсе.

Посѣвъ и уборка клевера.

веръ обыкновенно высѣваютъ вслѣдъ за посѣвомъ какого-ь хлѣба озимаго или яроваго. Здѣсь, подѣ защитоу этихъ въ, долго-невыходящій изъ земли клеверъ успѣваетъ до достаточно подросту и окрѣпнуть (*). Клеверъ сѣютъ по заованной землѣ (то-есть, по заборонованіи посѣва хлѣба), и ѣ сѣмена его забороновываютъ или заволакиваютъ очень-мелпыми концами боронъ.

говорили уже, что клеверъ тогда только удобряетъ почву, ростетъ густо; въ противномъ случаѣ, онъ даже истощаетъ а тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клеверъ не взомелъ, или ростетъ рѣд-вляю, появляются сорныя высокоствольныя и малолитвенныя и, неотѣняющія земли. Въ такомъ видѣ клеверное поле не иное, какъ дурной паръ. Косить рѣдко-растущій клеверъ всё ѣ, что косить обыкновенный паръ (**), а это не только не есетъ пользы почвѣ, но напротивъ истощитъ ее. И такъ, кле-по какимъ бы то ни было причинамъ растущій рѣдко, луч-овсе запахать или пустить подѣ пастбище.

ь сказаннаго видно, какъ необходимо, чтобъ клеверъ былъ янъ ровно и достаточно-густо; слѣдовательно, для разсѣва должно назначать сѣвца, знающаго свое дѣло и привычна-азсѣвать весьма-мелкія сѣмена, каковы и клеверныя. Что-овнѣе сдѣлать посѣвъ, можно мѣшать клеверъ съ нѣсколь-мѣрами сухой земли или песка, на примѣръ: на пудъ сѣме-оложить 7 мѣръ земли; подобная смѣсь по объѣму составитъ ѣ полную четверть, а это количество крестьяне разсѣютъ луч-нжели четверкъ однихъ мелкихъ сѣменъ.

ь болховскомъ хозяйствѣ клевера высѣвается на экономиче-о десятину не болѣе пуда. Впрочемъ, можно высѣвать и болѣе пропорціи — сѣмень жалѣть не надобно, ибо мы уже объ-

Въ первую по посѣвѣ осень не должно много вытраивать клеверъ (а е и вовсе не травить): подѣденный скотомъ подѣ самый корень, онъ лег-имераетъ и подопрѣваетъ.

*) Скотъ, пасомый на парѣ, нѣсколько утучняетъ его своимъ помѣтомъ и ютъ препятствуетъ разростись и созрѣвать сорнымъ травамъ, метощаю-ь бесполезно землю и засоряющимъ ее своими сѣменами.

ясняли, какъ необходимо, чтобъ клеверъ росъ густо и укрывъ землю.

Нужно замѣтить, что на жирной почвѣ очень-густо растутъ клеверъ даетъ мало сѣменъ. Чтобъ съ такой почвы получить хотя небольшое количество, нужно прокашивать между клеверомъ ряды и тѣмъ открыть дѣйствию солнца оставшееся на корнѣ растеніе; безъ этой предосторожности клеверъ все будетъ расти, но сѣмень на немъ почти не завяжется; притомъ, клеверъ, ставляемый на корнѣ до созрѣнія, мало питателенъ и не имеетъ столь же хорошаго вліянія на почву, какъ подкошенный въ зиму. По всемъ упомянутымъ причинамъ, мы дома клеверныхъ сѣменъ не собираемъ, а покупаемъ ихъ готовые. Въ Болховскомъ Уѣздѣ, нѣсколько хозяйствъ добываютъ клеверное сѣмя (*). Изъ нѣкоторыхъ условій и навыковъ отдѣлать и очищать его отъ шелухи (что довольно-трудно), это сѣмя принесетъ хорошей доходъ.

Лучшее время косить клеверъ наступаетъ тогда, когда большая часть его зацвѣтетъ (что обыкновенно бываетъ немного-ранѣе травы-дня) и когда притомъ случится ясная и теплая погода; ненастье же, нѣчего и помышлять о уборкѣ растенія, которое быстро высыхаетъ, а отъ мокра скоро портится. Не должно думать, что въ продолжительно-ненастную погоду клеверъ всецѣмъ отцвѣтетъ или совершенно устарѣетъ; нѣтъ! въ такую погоду онъ будетъ цвѣсти безпрестанно, а если и приляжетъ земля, то вскоре дасть новые высокіе побѣги; и хотя отъ такого клевера сѣно получится толсто-бѣловатое и не столь вкусно, какъ отъ моложаваго клевера, но ущербъ въ укосѣ не будетъ.

О сушеніи клевера на сѣно здѣсь нѣтъ никакой необходимости распространяться: все, что сказано нами выше о уборкѣ луговыхъ травъ, относится и къ клеверу; что жъ касается до просушки сѣна посредствомъ разгоряченія въ кучахъ, то объ этомъ способѣ уже толковано печатно. Замѣтимъ, однакожь, что уборка клевера шеннаго клевера надобно спѣшить, ибо лучше потерять часть сѣна отъ переворачиванія нѣкоторую долю его легко-осыпающихся листьевъ, чѣмъ сгноить весь укосъ.

Опасно складывать въ стога не совершенно-высушенное сѣно: оно легко сгораетъ; а потому не совсѣмъ-высохшее сѣно полезно перекаладывать по-слоино съ сухою ярмою.

(*). Здѣсь можно купить клеверное сѣмя отъ 11 до 12 рублей ассигнаціями за пудъ.

), что и дѣлается во многихъ хозяйствахъ. Мы убираемъ клеверъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и луговья тра-
-растрясая его сколь-можно-бережливѣе, чтобъ меньше расте-
-мелкихъ его листьевъ.

Тимофеевка и прочія травы, кормовой горошекъ, греча.

Тимофеевка, неимѣющая главныхъ хорошихъ свойствъ красна-
-клевера и истощающая, а не удобряющая землю, можетъ од-
-на съ пользою заставляться для постоянныхъ пастбищъ, или
-для тучныхъ участкахъ земли, которые назначаются подъ по-
-ные сѣнокосы: здѣсь тимофеевка будетъ годъ-отъ-года раз-
-таться гуще и долго не пропадетъ.

Можно совѣтовать сѣять тимофеевку на хлѣбныхъ поляхъ, какъ
-не трудно-искореняемое и истощающее почву. Притомъ, ти-
-мофеевка родится изобильно только на мѣстахъ низменныхъ и
-влажныхъ, а на открытыхъ и возвышенныхъ нивахъ сборъ ея бы-
-ваетъ незначителенъ.

Тимофеевка имѣетъ то преимущество передъ клеверомъ, что она
-не вымерзаетъ рѣже послѣдняго и почти-вовсе не вымерзаетъ, а при-
-скорѣе высушивается на сѣно. Впрочемъ, ее надлежитъ ко-
-лотчасъ, какъ покажутся колосья, отнюдь не допуская до
-оواني сѣменя, ибо въ ту пору трава уже дѣлается грубою
-и не-питательною (*). Сѣмена тимофеевки отдѣляются легче
-отъ рыхлыхъ, и вымолачиваются какъ обыкновенные колосовые
-злаки.

Спомянемъ и о прочихъ кормовыхъ травахъ, какъ-то: *луцернѣ*,
-*щавели*, *торицѣ* (шпергелѣ) и *костерѣ* (англійскомъ рейграсѣ).
-Изъ нихъ первая удается не всегда при нашемъ климатѣ; вторая
-одна не для каждой почвы; третья мало приноситъ сѣна, а
-четвертая, родящаяся сама-собою въ нашей пшеницѣ, рѣдко вы-
-тается для корма скоту. Мы не станемъ подробно говорить объ
-этихъ растеніяхъ потому, что въ Россіи разводятся только нѣко-
-е изъ нихъ и то въ малыхъ количествахъ, а въ болховскомъ
-хозяйствѣ и разводить ихъ не пробовали.

Когда, во время выколашиванія тимофеевки, наступитъ ненастная по-
-года по необходимости надлежитъ помедлить косить ее; а между-тѣмъ, ти-
-мофеевка перерастетъ, и лучшая пора для снати ея съ корня будетъ пропу-
-щена: вотъ обстоятельство, которое тоже много убавляетъ цѣны этому расте-

О кормовомъ горошкѣ (викѣ), тоже высѣваемомъ для скота на сѣно или для зеленого корма, мы уже имѣли случай говорить прежде въ главѣ: «О кормовомъ горошкѣ и гречь», куда это растеніе было включено нами для сравненія съ гречью, которую мы стараемся замѣнить кормовымъ горошкомъ, высѣваемымъ съ этою цѣлю на худшей полевой землѣ, и не для покоса, а ради сѣмонь.

Даже и гречу разводятъ иногда какъ кормовое растеніе; но чтобъ косить ее въ цвѣту, и имѣть порядочный укосъ, необходимо высѣвать ее на тучной землѣ и столь-можно-ранне; а иначе цѣль — собрать изрядный укосъ травы и притомъ мало имъ ве-тощить почву, — не будетъ достигнута. Рано-высѣваемая греча подвергается весеннимъ морозамъ, а потому она и не можетъ считаться надежнымъ кормовымъ растеніемъ.

**ИССЛЕДОВАНИЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ, М. Погодина, о
русской Исторіи. Изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и
Древностей Россійскихъ. Москва. 1846. Три тома.**

Статья первая.

Въ книгѣ, заданной подъ этииъ за-
главіемъ, г. Погодинъ представилъ пу-
бликѣ результатъ своихъ многолѣтнихъ
ислѣдованій о древнѣйшемъ періодѣ
русской исторіи, а именно о томъ, ко-
нѣмъ называется *варяжскимъ* и окон-
чивается смертью Ярослава (1054 г.).
и исслѣдованія, не смотря на неси-
стематическое заглавіе, расположе-
ны систематически. Прежде всего надоб-
но было опредѣлить достоверность
источниковъ, изъ которыхъ черпаются
дѣствія объ этомъ времени,—и мы на-
ходимъ въ первомъ томѣ разсужденіе
о источникахъ древней Русской Исто-
рии, преимущественно о *Несторѣ*; по-
тому необходимо было опредѣлить со-
дѣржаніе части древнѣйшей Россіи, на-
селенниковъ и насельниковъ, Варяговъ-
въ и Славянъ;—это предметъ втораго
тома. Наконецъ, въ третьемъ томѣ по-
ложены исслѣдованія о варяжскомъ
и норманскомъ періодѣ.

Исслѣдованія г. Погодина, вышед-
шія теперь въ свѣтъ, не принадлежатъ
числу совершенно-новыхъ явленій
нашей исторической литературѣ.
Несторъ самъ говоритъ въ предисловіи,
въ первомъ томѣ напечатанъ его

Несторъ (1838 г.), къ которому присо-
единены исслѣдованія одругихъ источ-
никахъ древней русской исторіи, от-
части тоже уже извѣстны публикѣ;
такъ статья о договорахъ Русскихъ съ
Греками, одна изъ лучшихъ въ пер-
вомъ томѣ, была напечатана еще въ
1837 году, въ первомъ томѣ *Русскаго
Историческаго Сборника*. Въ составъ
втораго тома вошло извѣстное сочине-
ніе г. Погодина о происхожденіи Ва-
ряговъ-Руси (1825 г.), но переработан-
ное подъ вліяніемъ новѣйшей литера-
туры по этому вопросу. Наконецъ, нѣ-
сколько отдѣльныхъ исслѣдованій изъ
третьаго тома были уже напечатаны
въ различныхъ журналахъ (напр. на-
рралеель русской исторіи съ исторіей
западныхъ европейскихъ государствъ
относительно начала, составляющая
одиннадцатую главу третьаго тома, —
въ *Москвитяинѣ*; о древней русской
торговлѣ — въ *Журналѣ Мин. Нар.
Прокрѣщенія* и т. д.). Однако, если
мы не ошибаемся, послѣдній томъ за-
ключаетъ въ себѣ болѣе новыхъ ста-
тей, нежели два первые.

За заглавіе, данное книгѣ, мы не ста-
немъ, вмѣстѣ съ другими критиками,

Т. I. — Отд. V.

4

упрекать автора: это было бы несправедливо и мелочно. Каждый имѣетъ полное право поступать въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно. Сверхъ того, мы думаемъ, что г. Погодинъ не безъ намѣренія избралъ именно это, а не другое заглавіе. О древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи писано очень много; только собрать и свести сказанное есть трудъ очень и очень-нелегкій, требующій много терпѣнія, много времени и предполагающей большія библиографическія свѣдѣнія. А если вспомнимъ, что, не смотря на множество статей и сочиненій, главные вопросы все еще окончательно не рѣшены, и литература, накопляя факты, только увеличила трудности для изслѣдователя; если сообразимъ, что время, вызвавшее много новыхъ вопросовъ, не всегда указывало на данныя для ихъ рѣшенія, — то увидимъ, что новому изслѣдователю на этомъ поприщѣ предстоитъ и новыя трудности. Мы даже почти убѣждены, что покуда, до времени, отъ одного человѣка нельзя и ожидать полнаго воссозданія картины древней Варяжской Руси. Теперешніе изслѣдователи по-необходимости должны останавливаться на однихъ вопросахъ болѣе, на другихъ менѣе. Такъ поступилъ и г. Погодинъ. Онъ разработалъ нѣкоторыя стороны нашего древнѣйшаго быта прекрасно, другія оставилъ въ тѣни, нѣкоторыя обследовалъ слабо, и самъ высказалъ это: «*Можетъ-быть*» говорить онъ, «и я самъ увлекаюсь норманскимъ элементомъ, который разыскиваю двадцать пять лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи; явится другой изслѣдователь, который исключительно предастся славянскому элементу....: мы оба погрѣшимъ, а наука, умиряя одного другого, выиграетъ» (т. III, прим. 700). Вотъ почему онъ не могъ назвать свою книгу *древнѣйшій періодъ Русской Исторіи*, или какъ-нибудь иначе. Отъ него стали бы того требовать, чего онъ не хотѣлъ и не могъ дать.

Итакъ, въ этомъ отношеніи, г. Пого-

динъ правъ. Но онъ неправъ въ другомъ: давая такое заглавіе своей книгѣ, онъ поступилъ неискренно: онъ задумалъ систематическое сочиненіе, обнимающее весь предметъ, и существенные его недостатки хотѣлъ прикрыть несистематическимъ, всеобщимъ заглавіемъ. Нѣкоторыя статьи очень-хороши, но за то другія очень-слабы, съ какой стороны ни смотришь ихъ разсматривать. Спрашивается: зачѣмъ же онъ попалъ въ это очевидно для полноты, окруженное сочиненіе. Но къ-чему она, когда авторъ имѣлъ полное право войти въ нее что угодно, по выбору? Если учебникъ, эта книга не годится; если изслѣдованіе, она во многихъ отношеніяхъ слишкомъ-неудовлетворительна. Съ другой стороны, заглавіе чересчуръ скромно по содержанию. Видно что-то странное, въ то ни сѣ.

Достоинства и недостатки разсуждаемаго нами сочиненія опредѣляемыя достоинствами и недостатками его автора и мѣстою, которое онъ занимаетъ въ нашей исторической литературѣ. Какого бы мы ни были читателя, Погодинъ, издатель «Москвитинъ», авторъ драмъ, повѣстей и «Границы», мы не можемъ не сказать, что какъ изслѣдователь древнѣйшаго періода русской исторіи, онъ замѣчательное, важное и интересное до-сихъ-поръ мало оцѣнено. Выступивъ на сцену въ то время, когда характеръ исторической науки началъ у насъ измѣняться, и въ подготовительныхъ изслѣдованіяхъ рождалась исторія въ собственномъ смыслѣ, г. Погодинъ обобщилъ собою это переходное время, и на своихъ сторонахъ принадлежалъ къ будущему, онъ не чуялъ гнетущихъ новыхъ требованій, взглядовъ, новыхъ пріемовъ, которыхъ мы не знаемъ у его предшественниковъ. Мы не отдадимъ ему должной справедливости, что онъ умѣлъ удержаться исторической почвѣ, началъ давать въ то время, когда въ исторической литературѣ сталъ

лась та же разногласица, которая отразилась и в изящной литературе, и в быту, и в мифах, когда даже исторические взгляды начали переходить в фантазии. Вопрос о происхождении Руси, о зачатках Русского Государства был тогда в ходу, и по порядку он был первый. Г-нъ Погодинъ принялся за его изучение. Не вникая блестящими гипотезами, соединяя отрывочных фактовъ, онъ смотрѣлъ все поле, подмѣтилъ преобладающія черты варяжскаго періода нашей исторіи, убѣдился, что онъ зачатѣны скандинавскимъ или норвежскимъ элементомъ, и въ этомъ направленіи повелъ свои исследования. Ничто въ продолженіе долголетней ученой дѣятельности не могло отклонить его съ избраннаго пути. Довольно противниковъ только доставляли ему матеріалы для большаго и большаго развитія собственнаго взгляда. Мы имѣемъ право назвать его собственнымъ взглядомъ г. Погодина, не смотря на то, какъ онъ самъ говоритъ, «знаменитый Байеръ положилъ основаніе тому мнѣнію; дальнѣйшими поясненіями и дополненіями Исторія Русская одолжена трудамъ Струбе, Милера, Стриттера, Тунмана, Шлецера, Руга, Дерберга, Френа», а ему, т. е., Погодину, «довелось привести этотъ взглядъ въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно изъ русскихъ летописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія, обративъ посредствомъ его положеній всѣ прочія мнѣнія» (т. II, стр. 10). Эта заслуга сама-по-себѣ уже не-важна. Г. Погодинъ внесъ въ изслѣдованія своихъ предшественниковъ ясность, единство, систему, положилъ твердый камень къ зданію и сдѣлалъ будущія времена невозможнымъ отвлеченное, безсвязное опроверженіе лицаемаго имъ взгляда. Этого мало. Виднѣлись, что Варяги-Русь Норвежцы, Скандинавы, г. Погодинъ съ этой точки зрѣнія изслѣдовалъ весь вѣкъ, варяжскій періодъ нашей ис-

торіи, и рѣзко, выпукло выдвинулъ на первый планъ скандинавскія черты его. Въ этомъ отношеніи, третій томъ «Изслѣдованій» особенно любопытенъ. Все, что дѣлалось у насъ съ призванія Варяговъ до кончины Ярослава, онъ присвоиваетъ однимъ Скандинавамъ. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, односторонность, но за нее нельзя слишкомъ винить автора. До нѣкоторой степени, она достоинство и заслуга. Руководимый цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, г. Погодинъ исчерпалъ скандинавскій элементъ въ древнѣйшей русской исторіи. Все, что носитъ хотя слабую его печать, имъ собрано и отмѣчено, такъ-что будущимъ изслѣдователямъ въ томъ же направленіи врядъ ли достанется сказать что-нибудь существенно-новое. Этимъ г-нъ Погодинъ установилъ взглядъ, облегчилъ работу даже для тѣхъ, которые пойдутъ послѣ него отъ совершенно другаго или противоположнаго взгляда.

Но рядомъ съ этими достоинствами и заслугами, мы встрѣчаемся въ историческихъ трудахъ г. Погодина и съ важными, существенными недостатками, которые объясняются временемъ, когда онъ дѣйствовалъ на историко-литературномъ поприщѣ, и условиями, сопровождавшими его дѣятельность. Принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ никогда не могъ подняться до высшаго историческаго воззрѣнія. Отсюда его несправедливая, пристрастная, крайне-ограниченная оцѣнка соперника, котораго има, если не навсегда, то на долго будетъ памятно для всѣхъ занимающихся русской исторіей: мы говоримъ о покойномъ Каченовскомъ.

Каченовскій первый почувствовалъ неудовлетворительность прежняго, теперь мало-по-малу исчезающаго, натруженнаго, неестественнаго воззрѣнія на русскую исторію. Онъ не былъ гениальнымъ человекомъ, но былъ человекъ съ талантомъ, начитанный, знающій съ требованіями науки и критикой.

Подъ перомъ Карамзина наше прошедшее, только относительно къ послѣдующему важное и значительное, выросло въ нѣчто колоссальное, величественное: Каченовскій возсталъ противъ этихъ преувеличеній и старался привести русскую исторію къ ея естественнымъ размѣрамъ, снять съ глазъ мозаику, которая показывала многое въ превратномъ видѣ, и возвратитъ или правильнѣе привесть насъ къ возвратнѣю, равному времени, въ которое совершались событія. Эту цѣль Каченовскій преслѣдовалъ съ жаромъ, достойнымъ всякаго уваженія, и впалъ въ крайность, которая существенно повредила его дѣлу. Въмѣсто того, чтобы изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младевическое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самыя источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задумчивая, любимая мысль просвѣчиваетъ въ каждой статьѣ его. Онъ не вѣритъ существованію кожаныхъ денегъ, потому что въ древней Россіи не видать государства, кредита, правильной финансовой системы, безъ которыхъ представители цѣнности не могутъ имѣть оборота. Онъ потому жеругаетъ противъ подлинности Русской Правды, которую Карамзинъ, а за нимъ и одинъ ученый очень-неловко и неудачно сравнилъ съ законами XII таблицъ; онъ отвергаетъ возможность торговли изъ тѣхъ же основаній. Вездѣ Каченовскій себѣ вѣренъ, и его мысль, въ основѣ своей, исполнѣ справедлива. Возможность такой несоответственности между основной мыслью и ея выполнениемъ, какую находимъ у Каченовскаго, совершенно объясняется малознѣтельностью русской исторіи. Она и теперь еще дѣлаетъ, въ которомъ очень-легко заблудиться. Прибавимъ къ этому, что, можетъ-быть, не было еще человѣка, столько несчастнаго въ своихъ послѣдователяхъ, какъ Каченовскій. Онъ не имѣлъ учениковъ. Всѣ такъ-называемые ученики его удѣли-

лись за букву и принялись опровергать подлинность лѣтописей; и имѣвъ изъ нихъ не схватилъ главной мысли Каченовскаго, и она на время была погребена. Въ лицѣ этихъ продолжателей, самая школа получала скитни названіе скептической, — названіе, которое такъ не шло ей къ лицу, — и умира скоро безъ слѣдовъ, какъ много и рошее умираетъ, ожидая достойншихъ и даровитѣйшихъ продолжателей.

Все это очень-просто и теперь очевидно, что бросается въ глаза. Погодинъ, какъ ученый времени порядка, не понялъ важнаго значенія привѣщанія Каченовскаго въ нашей исторической литературѣ. Онъ замѣтилъ только его промахи и ошибки, и ими преслѣдовалъ его всими литературными средствами. Даже въ его послѣдней книгѣ, изданной много лѣтъ послѣ спора и послѣ смерти противника, мы находимъ какое-то ожесточеніе, простительное до нѣкоторой степени въ пылу спора, но не десятилетію спустя. Ясно, что ни тогда, ни теперь — когда споръ кончился, г. Погодинъ по-видимому одержалъ верхъ и жетъ уже безъ докукъ и возраженій стороны скептической школы продолжать свои занятія, — онъ вѣтчивымъ требованіе и направленіе Каченовскаго. Въ своемъ мѣстѣ онъ беретъ подробно все, что онъ слышитъ въ своемъ противникѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что такое направленіе означаетъ всю односторонность и неискренность специалиста. Г. Погодинъ называется рѣзко, мѣстами даже вѣщуетъ рѣзко о Каченовскомъ. Въ словахъ виднѣтъ торжествующій ироніетъ и величавое превозношеніе побѣжденному противнику. Важнымъ этого спора, страши побѣдныя лавры, которыми украсилъ себя г. Погодинъ, — и Каченовскаго идущаго за его триумфальной процессіей... На этомъ торжествѣ мы не имѣемъ чать ироніи, которой привнесъ много. Г. Погодину легко дѣлать своего соперника острѣе.

вѣсомъ данныхъ, говорившихъ въ его пользу; немного дѣтъ прошло, и амые слѣды спора исчезли. Укажите еперь хоть на одного человѣка, который бы серьезно сомнѣвался въ подлинности и древности источниковъ нашей исторіи. А между-тѣмъ, по своей гочѣзъ вѣрніи, Каченовскій исполнѣ правъ, гораздо-правѣе г. Погодина. Г. Погодинъ думалъ, что, опровергнувъ Каченовскаго, онъ совершенно побѣдилъ его; мы не споримъ, что Каченовскаго доводы слабы, и хорошо, что нашелся человѣкъ, который исправилъ ошибки, непосредственно лежавшія въ его словахъ. Но на самомъ дѣлѣ великимъ лицомъ въ этомъ спорѣ является не г. Погодинъ, а Каченовскій, потому что вопросъ ннѣ поставленный обоимъ, непонятъ: такъ онъ былъ глубоко десять лѣтъ тому назадъ. Но время не прошло, оно только настаеъ: Каченовскій найдетъ себѣ защитниковъ и продолжателей. Тогда увидать, какъ напрасно торжествовалъ побѣду г. Погодинъ, какъ бѣдны его лагры. И это время недалеко...

Будучи исследователемъ-эвзегетикомъ, а не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть собою новую эпоху ученаго обработыванія русской исторіи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда на весь предметъ, — взгляда, въ которомъ различныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь вязались бы между-собою. У него есть свѣтлыя мысли, но нѣтъ ясной системы, есть ученые приемы, довольно-удачные, но совершенно нѣтъ методы. И за это мы не стали бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая асьмъ специалистамъ — возводить въ систему свою любовь, нерасположеніе къ цѣльному, систематическому взгляду на предметъ. Это важная ошибка, которая, коренясь въ безсознательной односторонности, и рождаетъ односторонность, всегда почти неблагоприятную для науки. Всякій образованный человѣкъ, явущій въ знаніи общаго, единства, живаго, а не мертваго, охла-

дѣваетъ къ книгѣ по-невогѣ, встречая въ ней выходы противъ взглядовъ и теорій. Онъ не правъ, а кто первый виноватъ? Специалистъ-исследователь. Странная вещь! Человѣкъ, разсуждающій очень-просто, а потому здраво и дѣльно въ ежедневномъ быту, о житейскихъ вещахъ, судить Богъ-знаеъ по-каковски лишь-только переноситъ свое сужденіе въ область науки. Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, приходитъ ли ему въ голову сказать, что музыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему? потому-что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или бессознательно убѣждены, что каждый человѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ болѣе, въ другую менѣе, — словомъ, что онъ имѣеъ свою степень ограниченности, недостаточности. Этому учить простая наглядна, безъ труда и усилій. Отъ-того люди съ разнородными наклонностями и дѣятельностью подають другъ другу руку и извлекають другъ изъ друга возможную пользу, наслажденіе, выгоду, какъ хотите назовите—не порицая въ другихъ способностей, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому-что нельзя усомнѣстись въ себѣ все. Чѣмъ болѣе усиленъ эта мысль, какими бы то путями ни было, тѣмъ болѣе и болѣе падаютъ пергородки, раздѣлавшія людей.

Но въ наукѣ это и до-сихъ-поръ не такъ. Давно ли еще доказывали превосходство однихъ наукъ предъ другими? Каждый ученый считалъ себя обязаннымъ, излагая свой предметъ, подробно и обширно исчислить всѣ его качества и превосходство передъ другими предметами. Теперь въра въ эту іерархію исчезла; но еще крѣпко держится столько же странное иѣстничество между теоріей и практикой, исследованиями и взглядамъ. Кто предаеъ специальности, тотъ думаетъ, что это даетъ ему неотъемлемое право свысока смотрѣть на другаго, который старается извлечь общее изъ исследованийъ и подвести это общее подъ категоріи, связать одвою мыслью; послѣдній въ свою очередь такъ

же смотреть на специалиста. Г. Погодинъ принадлежит къ первому разряду; онъ не охотникъ до взглядовъ, теорій. Въ Т. III, примѣч. 827, онъ говоритъ: «вотъ задачи для филологовъ и юристовъ, предметы для диссертаций кандидатамъ и магистрамъ: объяснить эти памятники одинъ за другимъ — а мы все хватаемся за цѣлые періоды и эпохи и хотимъ изъ ничего строить системы». Такія же замѣтки находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Названія «ученая болтовня, пустя фразы» и т. д., встрѣчаются часто. Подумашь, что г. Погодинъ ратуетъ не вообще противъ теорій и взглядовъ, а только примѣнительно къ русской исторіи: но это ошибка. Съ-тѣхъ-поръ, какъ процессъ мышленія сталъ для насъ понятенъ, уяснилось совершенно, что направленія теоретическое и практическое, связанныя единствомъ цѣли и предмета, между-тѣмъ, остаются разными, и мечтать о ихъ тождествѣ невозможно. Дополняя и поясняя другъ друга, обогащаясь взаимно, сближаясь чрезвычайно, они все-таки остаются и навсегда останутся раздѣльными, особенными. Отъ-этого, кто возстаетъ противъ теорій, тотъ строитъ новую, лучшую, по-крайней-мѣрѣ раскрываетъ недостатки существующей, и тѣмъ показываетъ, что онъ дѣйствительно недоволенъ ею въ томъ видѣ, какъ ее находятъ; отъываясь о существующихъ теоріяхъ вообще свысока, съ пренебреженіемъ, но безъ разбора, безъ критики, онъ обнаруживаетъ, что увлеченъ одностороннимъ направленіемъ, исключительно-практическимъ, и слѣдовательно хочетъ набросить тѣнь не на такой-то именно взглядъ, а на взглядъ вообще, на самое теоретическое направленіе. Таковъ г. Погодинъ въполнѣ. По немъ, что не изслѣдованіе съ цитатами и всѣмъ ученымъ аппаратомъ, то ужъ непремѣнно пустая фраза, непремѣнно система, построенная изъ ничего. Странно! Не-уже-ли онъ не знаетъ, что изъ ничего нельзя сдѣлать что-нибудь? Если возьмемъ только два, три факта, и на нихъ построимъ взглядъ,

не-ужь-то вправду это будетъ система, построенная изъ ничего? А если мы возьмемъ тысячу и болѣе фактовъ, тѣмъ ужъ это будетъ такая система, которую придется опровергать! Не лживо ли, что представленіе о системѣ, построенной изъ ничего, ни на чемъ и не основано? Сверхъ-того, если мы однажды согласимся въ истинѣ, что пути теоретическій и практический — разные, и что они ни переливаются одинъ въ другой, какъ они ни близко сходятся, мы должны будемъ признать, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою исторію, своихъ представителей, и что нѣтъ никакихъ основаній считать ихъ за преемственныя, слѣдующіе другъ за другомъ, теоретическій за практическимъ, и наоборотъ. Дѣйствительно, такъ и было, есть и будетъ. Гдѣ только явятся люди, тамъ съ-разу выйдутъ два направленія и оба направленія развиваются чрезъ всю исторію. Оба неразумны и равно вытекаютъ изъ сущности человѣка. А потому мы и видимъ, что сначала слаба практическая сторона, слаба и теоретическая. Было бы крайне-несправедливо считать значеніе изслѣдованій только, что было, есть и будетъ много плохихъ, неосновательныхъ изслѣдованій. Почему же не сказать же самаго и о теоріи? Она можетъ быть плоха, но также можетъ быть и хороша. Если существующія теоріи хороши, это значитъ, что должно было появиться хорошей или хорошихъ, вовсе не то, что теоріямъ вовсе не существовать не слѣдуетъ. За что же кажется, тутъ спорить? за что спорить на теорію презрительными словами, и то и другое идетъ своимъ путемъ, взаимно себя укрѣпляя и исправляя. Наконецъ, допустимъ, что въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ специальное изученіе для науки гораздо-важнѣе и полезнѣе, нежели теоретическое, общее. Все же будущее при такихъ условіяхъ положено, и которыхъ безъ теоретической обработки предмета невозможно обойтись. Возьмите, на-прим., профессора И.

кой исторіи. Что прикажете ему дѣлать? Налечь на какую-нибудь спеціальную сторону предмета и читать е цѣлый годъ, потомъ, въ двѣ, три лекціи изложить все прочее? Наука черезъ это выиграетъ, правда, но слушатели навѣрное потеряютъ. Цѣль преподаванія — дать полное обзорѣніе предмета, а не частности, мелочи, нужныя въ наукѣ, неважныя и ненужныя для того, кто ищетъ только общаго образованія. Этими мы далеко не хотимъ отвергать важность спеціальныхъ курсовъ; при общемъ они приносятъ неслыханную пользу, но дни они не ведутъ къ цѣли преподаванія. Профессоръ, преподаватель, по необходимости начнетъ систематизировать свой предметъ, займется цѣлыми эпохами, періодами, а не частности. Отъ-того-то вездѣ, гдѣ науки процвѣтаютъ, существуютъ особливая литература учебниковъ и особливая литература сочиненій собственно-учебныхъ, разрабатывающихъ частности ведущихъ такимъ-образомъ науку впередъ. У насъ недавно стали появляться порядочные учебники по русской исторіи; ихъ и теперь не много; изъ сочиненій по одному вопросу о происхожденіи Варяговъ-Руси можно оставить цѣлую порядочную библію.

Отъ-того-то у насъ почти нѣтъ людей, знающихъ русскую исторію въ яви, въ цѣлости, тогда-какъ много андадатовъ и студентовъ, которые по частнымъ вопросамъ заткнутъ за поясъ нѣкаго профессора. Это и не прератится до тѣхъ поръ, пока мы не росимъ пагубнаго предубѣжденія противъ системъ и теорій.

Особенно странно въ г. Погодинѣ то, что, отбываясь неблагопріятно системъ и теорій русскои исторіи, онъ имъ какъ-бы невольнo ихъ строить. стремленіе понять основной законъ исторической жизни народа, то-есть, сводитъ его себѣ и чрезъ это открыть имъ ума бдльшій просторъ, освободить отъ страха и трепета предъ таинственными, невѣстными, и потому жужущими или сверхъ - естествен-

ными, или случайными—такъ же вроденно, всегда присуще челоуку, какъ и требованіе воссоздать фактъ прошедшій такъ, какъ онъ былъ. Ни отъ того, ни отъ другаго требованія челоука не можетъ отказаться. Оно-то и повлекло г. Погодина въ непоследовательность. У него, современника Каченовскаго, было тоже какое-то смутное предчувствіе цѣльнаго, полнаго взгляда на русскую исторію. Это видно изъ того, что онъ въ своихъ развѣскахъ, иногда наперекоръ фактамъ, преслѣдуетъ какую-нибудь любимую мысль. Лучшими примѣрами и подтвержденіемъ могутъ служить его изысканія о норманскомъ періодѣ. Но такъ-какъ г. Погодинъ — бдльшей своей половиной принадлежитъ къ экзегетикамъ, толкователямъ,—его чаніе, предчувствіе осталось неразвитымъ. Не будучи въ состояніи ни совершенно отказаться отъ теоретическаго воззрѣнія, ни основать его на твердыхъ, ясныхъ началахъ, г. Погодинъ впалъ въ историческій мистицизмъ — иначе мы не можемъ назвать его историческое воззрѣніе, которое такъ рѣзко выразилось въ его «Историческихъ Афоризмахъ». Онъ остановился на точкѣ какаго-то благоговѣнія предъ каждымъ историческимъ событіемъ, не стараясь объяснить его значеніе и мѣсто въ цѣломъ историческомъ развитіи. Могъ бы умереть Игорь, да не умеръ; могъ бы Олегъ имѣть дѣтей — да не имѣлъ. Святославъ чуть-чуть не поселился въ Болгаріи, да очень-кстати случился тогда въ Греціи Цимисхій и помѣшалъ ему привести замыселъ въ исполненіе. За этимъ г. Погодинъ ужъ ничего не видитъ, какъ тотъ, кто читаетъ, но не выкаетъ въ смыслъ прочтеннаго. Странно! Буква за буквой идетъ и что-то выходитъ... Всего поразительнѣе, что г. Погодинъ, позволяя себѣ нападки на теоріи и взгляды, самъ же замѣняетъ ихъ—знаками удивленія. Не знаемъ, почему же одно лучше другаго, и по какому праву одно можетъ замѣнить другое? Или это дѣло совершенной безсознательности,

или такой способ дѣйствованія вну- шенъ тою же самоувѣренностью, ко- торая дала г. Погодину рѣшимость слишкомъ-рѣво отъиваться о покой- номъ Каченовскомъ. Одно стѣить дру- гаго.

Таковы, сколько мы понимаемъ, до- стоинства и недостатки г. Погодина, какъ изслѣдователя русской исторіи и древностей. Они болѣе, чѣмъ гдѣ-ни- будь отразились въ его новой книгѣ, къ разбору которой мы теперь и при- ступимъ.

Изслѣдованіямъ о достовѣрности ис- точниковъ древней русской исторіи предпослано предисловіе. Въ немъ раз- сказана исторія составленія книги. Эта книга посвящена молодымъ друзь- ямъ (?) русской исторіи, студентамъ университетовъ и въ особенности сту- дентамъ Московскаго Университета. Методъ изслѣдованія изложенъ вѣрно, хотя, какъ мы думаемъ, онъ одинъ не- достаточенъ для возведенія русской исторіи на степень науки:

• Прежде всѣхъ разсужденій, толко- ваній и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать всѣ мѣста изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ, объ извѣстномъ пред- метѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ предъ глазами, дѣлать выводы объ его зна- ченіи и отношеніи, въ какомъ онъ на- ходится къ другимъ смежнымъ пред- метамъ, и вообще ко всей исторіи, провѣряя свои выводы прочими свѣ- дѣніями. Работа трудная и вмѣстѣ легкая, за которую можетъ прини- маться всякій юноша, не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ. Объясните намъ такимъ образомъ бо- яръ, дѣтей боярскихъ, пасынковъ, дѣтскихъ, дворлянъ, жильцовъ, тиу- новъ, цѣловальниковъ, куны, гривны, рубль, деньги, города, слободы, по- мѣстья, отчывныя поле, правевъ, по- людь, кормленье, опричнину, покло- ны, вошливыя дары; составьте свод- ныя грамоты всѣхъ родовъ; разбери- те по частямъ управленіе, духовное, гражданское, военное, — и такимъ об- разомъ въ теченіи немногихъ лѣтъ,

русская исторія возведена будетъ на степень, на которой быть ей дол- жаетъ (стр. XI).

Работая такимъ-образомъ, мы полу- чимъ рядъ прекрасныхъ новостей, но все же не будемъ имѣть русской исторіи. Кто захочетъ возсодать русскую исторію, тому необходимо вновь пере- работать источники, и не только то, что въ монографіи не найдетъ мѣста, а при специальной разработкѣ не обра- тить на себя никакого вниманія, или займетъ первое мѣсто. Въ этомъ именно и заключается недостатокъ г. Погодина, что онъ одной половиною дачи придаетъ исключительную ма- жоритетность, и забываетъ о второй, послѣ- ней, окончательной, которая не мо- жетъ быть разрѣшена безъ высшей высшихъ взглядовъ, теорій, состав-

За внимъ слѣдуетъ выводъ изъ на- шаго знанія русской исторіи, — выво- дъ которыми мы не можемъ сожа- лѣть:

• Вразумленная публика перестанетъ толковать о вещахъ, противныхъ ея духу, развитію, происхожденію, научится уважать свой народъ, и пользоваться своими обычаями, а не искать добра тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не подъ тропиками Рака или Ка- рога (стр. XI и XII).

Споръ старій и потому уже су- щественный — споръ о томъ, какое мѣсто имѣетъ для насъ, современниковъ, прошедшее Руси. Узнавъ его, мы увидимъ себя, яснѣе увидимъ путь, по которому движемся въ исторіи, и увидимъ, чѣго никакъ не должно не имѣть и необходимость, которую мы имѣемъ искать добра не у себя и у другихъ. Наука можетъ дать средства облегчить путь, сделать сознательнымъ и чрезъ это возвышеннѣе тяжкимъ, но переступить его не можетъ. Притомъ, что умерло, неужь не воскреситъ. Мы теперь не знаемъ только, почему умерло, хотя и гадаваемся, а тогда будемъ знать, вотъ и все. Смотрѣть ввѣче на исторію — значитъ не понимать ея.

изъ съ этою мыслью, по нашему невѣрной, мы встрѣчаемъ дру- сль-вѣрную:

оверилъ о работѣ, доступной каго трудолюбиваго молодого ка, но она не должна оставаться другихъ, одаренныхъ особен- способностями, чующихъ въ присутствіи высшей силы. Пусть набранные обращаются къ са- сторіи, выбираютъ себѣ тотъ югой періодъ — Норманновъ, ловъ, Москву, Новгородъ, на- тый вѣкъ, смутное время, Ма- ію, стрѣльцовъ, или посвяща- юе перо одному какому лицу — третьему, Громиному, Годунову, лицкому, Петру. У насъ рас- ранилось недавно повѣрье, что іа сочиненія приниматься еще ия теперь, пока не обработаны сточники, и пока не кончились риготовительныя труды. Это е совершенно ложное. Еслибъ его Татищевъ, Стриттеръ, Ка- итъ, то до-сихъ-поръ у насъ не бы виткой исторіи. Если же щевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, явались въ свое время за сочи- исторіи, и поступили въ этотъ ѣтъ прекрасно, то колѣни паче жно это теперь, послѣ ихъ тру- при обнаруженіи матеріаловъ, и положена уже, такъ-сказать, бовая дорога исторіи. Лишь былъ итъ, жаръ, талантъ, даръ Божій! исторіи не должно спрашивать итъ вѣдѣваній, а только искус- воспользоваться сдѣланными. ой вѣтъ имѣть свои требованія ой взглядъ на вещи, и во всякомъ ѣ должна возобновляться картина ріи, сообразно съ состояніемъ на- и матеріаловъ въ его время. (стр. XIII).

этой мысли есть противорѣчіе съ ннымъ выше, съ напаками про- тѣхъ, которые берутся за цѣлые и періоды. Но эта-то непослѣдо- льность автора «Исследованій» и влываетъ наши слова, что онъ ѣтъ принадлежитъ къ переходному

времени. Еслибъ онъ былъ послѣдова- тельнъ, онъ непремѣнно или вышелъ бы на новую дорогу, или исключитель- но удержался бы при прежнемъ. Въ этой непослѣдовательности и сильная и слабая сторона г. Погодина.

Наконецъ, изъ предисловія мы узна- ёмъ, что г. Погодинъ намѣренъ въ слѣ- дующемъ году издать еще два тома объ удѣльномъ періодѣ, потому собра- ніе своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ о разныхъ лицахъ и пред- метахъ русской исторіи, а за тѣмъ не- стараются какъ-можно-скорѣе издать и прочіе томы о древней Русской Исто- ріи до Петра-Великаго. Будемъ ждать.

Первый томъ раздѣленъ на XIV главъ. Въ первой авторъ доказываетъ досто- вѣрность древней русской исторіи и лѣтописи вообще современными ино- странными свидѣтельствами. Изъ нихъ онъ возсодаетъ русскую исторію, въ главныхъ чертахъ совершенно-скоп- ную съ тѣмъ, какъ рассказываетъ ее лѣ- тописъ. Не довольствуясь этимъ очеви- многовѣснымъ доказательствомъ, онъ обращается къ нашимъ вѣдѣствіямъ, не- подверженнымъ сомнѣнію, и изъ нихъ заключеніями назадъ выводитъ то же, что говорить лѣтописи. И мысль и вы- полненіе ея очень-удачны. Потомъ раз- разрѣшаются вопросы о времени и мѣ- стѣ сочиненія первой русской лѣтопи- си, приписываемой Нестору. Это не- слѣдованіе приводитъ автора къ убѣж- денію, что лѣтописъ писана въ Кіевѣ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, не позже.

Вообще, соглашаясь совершенно съ доводами г. Погодина и находя ихъ по- большой-части вѣрными и основатель- ными, мы не совсѣмъ-довольны нѣко- торыми изъ нихъ; на-прим., на стр. 23, онъ говоритъ, что 1103 годъ въ лѣтописи описанъ, 1104, 5, 6, 7, 8, 9 не описаны; за десятильз приписка, а за припиской описаніе предъидущихъ пропущенныхъ лѣтъ. За этимъ онъ прибавляетъ:

«Вотъ важнѣйшее для меня доказа- тельство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI, въ лѣтописи былъ не-

перерывъ (одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, неописаннаго у предшественника, и сталъ продолжать). Следовательно, начало ея оканчивалось около этого времени, и следовательно было сочиняемо по крайней мѣрѣ въ XI столѣтїи.

Это неоправдливо. Изъ этого доказательства слѣдуетъ только, что лѣтопись писана въ XII вѣкѣ, а никакъ не въ XI. Последнее будетъ натяжкой.

Намъ не нравится также, что г. Погродницъ, въ доказательство, что лѣтопись писалась современникомъ, такъ часто приводитъ мѣста изъ никоновской лѣтописи (пять разъ), тогда-какъ, на стр. 37, онъ самъ говоритъ, что въ ней, равно какъ и въ Степенной Книгѣ, Синодичесѣ и сказкахъ о первыхъ киевскихъ князяхъ до Ярослава есть подлоги (они очевидны); на стр. 81, въ примѣч. 2, что въ никоновскомъ спискѣ есть распространенія и украшенія, а на стр. 84: «всѣ сіи извѣстїи принадлежатъ къ подлиннику подлинниковъ, т.е. есть самому Нестору. Мнѣ не нужно предупреждать, надѣюсь, что я говорю здѣсь не о позднѣйшихъ сборникахъ, канонъ-набуль никоновскомъ или софійскомъ; я говорю здѣсь о лѣтописи по лучшимъ спискамъ». Конечно, г. Погродницъ не на одну эту лѣтопись ссылается, но лучше бъ было не ссылаться на нее вовсе.

На стр. 39 приводятся слова изъ никоновской лѣтописи: «Такъжъ бѣ и другїи братъ Еремїа, иже помняше крещение Рустей земли». Авторъ говоритъ: «должно полагать, что этотъ Еремїа былъ современникомъ лѣтописателю. Иначе еслибъ лѣтописатель не засталъ уже его, съ чего было бы упомянуть, что онъ помнилъ крещеніе». Это заключеніе произвольно. Монахъ Еремїа могъ быть человѣкъ извѣстный въ монастырѣ, память о которомъ сохранилась долго. Предположенія никогда не должно возводить на степень доказательства.

Далѣе, исчисливъ выраженія въ лѣтописяхъ, показывающія, что описа-

нія сдѣланы какъ-бы по горячимъ слѣдамъ прошептанных, когда онъ былъ еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ, авторъ говоритъ: «такъ живыхъ преданій нельзя было нѣтъ «позже XI вѣка» (стр. 48). Явно, что онъ увлекся своею мыслью, убѣжденъ; ибо доказать этого невозможно изъ недостатку доказательства. Что лѣтописатель долженъ былъ жить ближе къ этому времени, нѣтъ сомнѣнїа; но какъ опредѣлить именно когда?

Доказательства, взятые изъ лѣтописи, тоже хороши, убѣдительно и въ нихъ авторъ увлекся. Приводивъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописей относящихся къ разнымъ вѣкамъ, авторъ говоритъ: (стр. 45): «Ухо не чувствуетъ ли ясно, что эти описанїа, смотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ, и если послѣднее принадлежитъ XIV столѣтію, первое (вмѣстѣ съ прежними) должно быть столѣтіями двумя старше».

Дѣйствительно, что первыя изъ старше послѣднихъ очень-чужды; но что они старше другихъ лѣтїями—этого никакъ не заставить быть больше, можетъ быть еще. Древность памятника, во мнѣхъ рѣчи опредѣлить чрезвычайно трудно, большей частїю почти невозможно.

На той же 45 страницѣ г. Погродницъ говоритъ: «обращу вниманїе на драматическую, форму лѣтописи. Найдите мнѣ ее въ XIV или XV столѣтіяхъ и увидите!» Во-первыхъ, драматическая форма обща всѣмъ нашимъ сказанїямъ, гдѣ хотя сколько-нибудь важно разсказывается событіе. Во-вторыхъ, не должно забывать, что составленїа лѣтописи—исковныя. Не дѣлите отъ мысли, что вы ничего не знаете о томъ, когда лѣтопись написана и драматическая ея форма ничего не скажетъ. Следовательно, это не доказательство. Впрочемъ, противъ этого уже возражали г. Погрод-

ну, и онъ отвѣчалъ на это возраженіе ниже, на стр. 433:

«Драматическую форму многихъ повѣствованій Нестора, я употребилъ только въ дополненіе къ доказательству, отнюдь не придавая ей особенной силы. Авторъ, т. е. критикъ, приводитъ эту форму изъ сочиненій XIV вѣка, и говоритъ, что изъ нея заключить ничего нельзя. Ее можно привести и изъ нашего времени, но форма фориѣ рознѣ; одна она, разумѣется, не много значить, а въ соединеніи съ другими признаками она дополняетъ наше понятіе о первой лѣтописи и ея характерѣ. Я думаю, что приведенныя мною мѣста на стр. 43, даже древнѣе Нестора.»

Ясно, что отвѣтъ на возраженіе слабъ, и оно сохраняетъ свою силу. (оказательство, которое безъ другаго оказательства ничего не значить—не есть доказательство. Также неправильно сказано авторомъ на стр. 46:

«Обратимъ вниманіе на характеръ повѣствованія. Оно совершенно различно въ XI и какомъ-нибудь XIV вѣкѣ: въ первомъ, мы находимъ безпрестанно благочестивыя размышленія, мѣста изъ священнаго писанія; дальше этого почти нѣтъ. Первой повѣствователь ближе къ церковному языку, и кромѣ указанныхъ древнихъ мѣстъ, (о которыхъ послѣ), полагиваетъ гораздо-болѣе авторскихъ рѣсмовъ, нежели послѣдніе.»

Благочестивыя размышленія и мѣста изъ священнаго писанія наполняютъ лѣтописи не только первыхъ временъ, но даже и позднѣйшихъ. Узнаемъ для мѣра на Псковскую. Близость къ церковному языку безспорно доказательство весьма-важное и рѣшительное. Что же касается до авторскихъ рѣсмовъ, то хотя мы и не находимъ ихъ въ лѣтописи, однако, еслибъ они были, это былъ бы важный доводъ противъ, а не въ пользу подлинности лѣтописи, ибо въ-началѣ сказанія все простое, безыскусственнѣе; это изъ нихъ характеристическихъ

Въ числѣ разныхъ соображеній, доказывающихъ древность лѣтописи, авторъ, между-прочимъ, приводитъ слѣдующее: (стр. 54).

«Въ XIV или XV вѣкѣ нельзя знать имени земли Волошской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ: Отъ кого узнать въ XIV вѣкѣ объ austur-vigi или westervigi Норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по своимъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказку (Олегову) о кувеческомъ путешествіи въ Грецію въ XIV вѣкѣ, когда путешествія Норманновъ давно прекратились? Какъ узнать о походахъ на Грецію? Отъ кого? А походы сіи засвидѣтельствованы иностранцами. Какъ въ XIV или XIII вѣкѣ могли Радимичи вести повозъ? Кому? Послѣ Монголовъ и Радимичей не стало! и проч. и проч.»

Если можно было обойтись безъ этого соображенія, то почему авторъ прибѣгнулъ къ нему? Оно неосновательно. Точно такъ же, какъ лѣтописецъ XI вѣка узналъ о событіяхъ, за долго до него совершившихся, такъ точно могъ ихъ узнать и писатель позднѣйшій—черезъ преданія и записки, иностранныхъ лѣтописи и т. д. Если въ XII вѣкѣ упоминаются еще имена русско-славянскія, то почему жъ не могъ знать о нихъ лѣтописецъ XIII вѣка? Точно также нельзя объяснить, почему бы Радимичи въ XIV или XIII вѣкѣ не могли вести повозъ, не смотря на разореніе Кіева и Южной Россіи Монголами. Повторимъ, что эти замѣтки мы вовсе не думали и не думаемъ опровергать основательными розыскавія г. Погодина и производить бурю въ стаканѣ воды. Мы только указали на нихъ, какъ на недосмотры, ошибки, увлеченія, которые мѣшаютъ дѣлу и подають поводъ къ придирамъ. Кому не извѣстно, что такіе промахи навлекали на себя опроверженія очень-неосновательныя, и которыя получали, однако, для незнающихъ, видъ дѣльныхъ, серьезныхъ возраженій.

Потомъ авторъ переходитъ къ раз-
сказанію о томъ, кто именно писалъ
лѣтопись,—рассказанію, по собствен-
ному его мнѣнію, менѣе-важному, чѣмъ
дѣйствительно такъ. Всѣ прямые и
косвенныя свидѣтельства указываютъ
на Нестора, монаха Киевопечерской
Лавры. Въ какомъ видѣ дошла до насъ
лѣтопись (глава IV)? Г. Погодинъ на-
ходитъ, что она дошла до насъ точно
въ такомъ же видѣ, въ какомъ была
написана, исключая необходимыхъ
ошибки и разнословія, принадлежащія
переписчикамъ. Это выводитъ г. По-
годинъ изъ сличенія всѣхъ древнѣй-
шихъ списковъ, въ противополож-
ность Шлецеру и всѣмъ изслѣдовате-
лямъ, которые думала единогласно,
что лѣтопись Несторова дошла до насъ
съ позднѣйшими вставками.

Потомъ авторъ обобщаетъ источ-
ники несторовой лѣтописи. Онъ насчи-
тываетъ ихъ до десяти: 1) *прежшія
записки церковныя или монастырскія,
хронографическія отиѣтки и т. д.* Слѣ-
ды этихъ записокъ видитъ онъ, между-
прочимъ, въ томъ, что въ нѣсколькихъ
мѣстахъ лѣтописи рассказъ начинае-
тся тѣми же словами («Полеми же жи-
внншии особѣ»), въ безпорядкѣ извѣ-
стій въ лѣтописи, необличающихъ
вставки, которыя авторъ приписыва-
етъ самому Нестору; кромѣ того, г.
Погодинъ указываетъ на слѣды дре-
внихъ памятниковъ, не дошедшихъ до
насъ, и которые подтверждаютъ воз-
можность существованія записокъ:
лѣтописца стараго ростовскаго, хро-
нологическую таблицу у Нестора, Бо-
рисово житіе (предположивъ, что оно
принадлежитъ не Нестору) и т. д.
«Можетъ-быть, въ нашихъ хроногра-
фахъ», говоритъ авторъ: «о ко-
торыхъ мы до-сихъ-поръ не имѣемъ
еще никакого порядочнаго понятія,
отъищется первоначальная основа
несторовой лѣтописи» (стр. 93). 2)
Собственное удостовѣреніе; 3) извѣ-
стія современниковъ; 4) болгарскія лѣ-
тописи или извѣстія; 5) греческія лѣ-
тописи по словамъ самого Нестора; 6)
извѣстія Варяговъ; 7) туземныя раз-

сказы жителей; 8) преданія; 9) пис-
менные документы (акты), патры.,
договоры съ Греками; 10) народныя
пѣсни и сказки.

Могъ ли Несторъ пользоваться и-
ми этими источниками, былъ ли онъ
грамотенъ и на столько образованъ? Г.
Погодинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ
утвердительно, и доказываетъ расхо-
жаніемъ въ Россіи христіанства и
грамотности задвѣсти пятьдесятълѣт
до Нестора; тѣмъ, что онъ изъступ
какъ сочинитель житія Θεодосіева, и-
торое было труднѣе написать, чѣмъ
лѣтопись; тѣмъ, что въ его время бы-
ло много людей грамотныхъ, которые
труды до насъ дошли, в т. д.

Въ этой главѣ есть также нѣкоторые
недосмотры. На-прим., послѣ многихъ
историческихъ соображеній, которыя
лѣтаютъ *вроломными* существованію
насъ записокъ монастырскихъ или
церковныхъ, авторъ говоритъ: «*Равно-
мерно у насъ были записки до Нестора*»
(стр. 92). Это заключеніе намъ ка-
жется слишкомъ-поспѣшнымъ. На стр.
93, говоря, что въ лѣтописи есть хро-
нологическая таблица (Лавр. Списки
по изд. Тимк. стр. 11), въ которой ис-
числяются важнѣйшія событія отъ со-
творенія міра до смерти Святополка, и
опредѣлены ихъ годы, авторъ прибав-
ляетъ: «Мнѣ кажется, что эта табли-
ца писана прежде Нестора, а мы
только что продолжена. Еслибъ на-
писалъ ее Несторъ, то вѣрно помѣстилъ
бы Рюрика и новгородское правле-
ніе». Намъ кажется такое предполо-
женіе произвольнымъ. Г. Погодинъ
самъ думаетъ, и это вѣроятно, что лѣ-
топись Нестора по преимуществу кі-
евская. Очень-понятно и естественно,
что, дошедъ до Россіи, онъ началъ вы-
ставлять хронологическія числа по на-
шимъ кіевскимъ событіямъ; притомъ
же, если эта таблица не имъ составле-
на, отъ-чего же онъ говоритъ отъ сво-
его имени? Вѣроятно, онъ не приписо-
валъ бы ее себѣ, еслибъ она не ему
принадлежала; отъ-чего бы въ ней
былъ введенъ Михаилъ, византійскій
императоръ (это указываетъ на то, что

на была составлена съ помощію лѣтописей греческихъ или болгарскихъ); наконецъ, мы не видимъ причины, почему бы Несторъ не могъ исправить е, еслибъ она дѣйствительно была не составлена и казалась ему недотачной. По-крайней-мѣрѣ, одно предположеніе равносильно другому. — На стр. 95 авторъ говоритъ: «наконецъ я обращаю вниманіе на языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличающихся отъ Несторова: извѣстія о происшествіяхъ, на-прим., при Олегѣ, Святославѣ, написаны гораздо протѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя размышленія въ лѣтописи, или житіе Зеодосія». Это кажется г. Погодину важнѣе изъ указаній на то, что Несторъ пользовался при составленіи лѣтописи какими-нибудь записками, которыя вносилъ безъ большихъ измѣненій. Намъ кажется это предположеніе слишкомъ слабымъ. У насъ есть странная способность говорить двумя или несколькими различными языками, хотя потому, о чемъ мы говоримъ.

священномъ, церковномъ, на-прим., мы до-сихъ-поръ говоримъ языкомъ священнымъ, полу-славяно-церковнымъ. Вспомните письмо Іоанна IV въ Фриловскій Монастырь: подумаетъ, все его писали. Такъ, вѣроятно, поступалъ и Несторъ. По-крайней-мѣрѣ, а различіи языка его нельзя ровно чего основывать. Множество примѣровъ представляютъ и самыя лѣтописи послѣ Нестора.

На стр. 99 сказано, что «первыя наши духовныя, священныя, на прим., при Игорѣ, у Ольги (священникъ Григорій), при Владимірѣ, были безъ сомнѣнія Болгаре». А почему безъ сомнѣнія, не объяснено. — На той же 99 стр. сказано, что житія болгарскихъ святыхъ зашли къ намъ *еще сарматіи* въ XI вѣкѣ, а почему, тоже не видно. — На стр. 101, объясняя какии-образомъ греческія лѣтописи могли быть оступны для Нестора, авторъ дѣлаетъ чрезвычайно-натянутое предположеніе, что греческій монахъ Михаилъ, жившій въ то время въ монастырѣ,

могъ перевести нужное для Нестора изъ греческаго временника, какъ перевелъ монастырскій уставъ. Мы, напротивъ думаемъ, что это дѣло почти-невозможное. Переводить греческій временникъ вовсе не то, что переводить уставъ и законы, опредѣляющіе жизнь, и, слѣдовательно, имѣющіе непосредственное, практическое примѣненіе. Признаемся откровенно, что чѣмъ болѣе мы вдумываемся въ нашу быль XI вѣка и сравниваемъ его съ послѣдующими, тѣмъ намъ кажется невозможнѣе, несообразнѣе, неестественнѣе, чтобъ одинъ сталъ для удовлетворенія простой любознательности другаго (ибо г. Погодинъ самъ говоритъ на стр. 38, что наши монахи писали лѣтопись для себя, а не для другихъ) переводить лѣтопись. Всякое другое предположеніе вѣроятнѣе, чѣмъ это. — На стр. 104, вѣроятно, ошибкой поставлено *Древляне* вмѣсто *Древляны* (*Древляны* Константина-Багрянороднаго). — Замѣтимъ еще изъ заключеніе, что г. Погодинъ, разрѣшивъ, и, какъ намъ кажется, основательно, вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался Несторъ, и о возможности или пользоваться въ XI вѣкѣ, не опредѣливъ, а только мимоходомъ коснувшись возможности для Нестора, монаха, написать лѣтопись. Несторъ все-таки остается лицомъ загадочнымъ, фактомъ страннымъ въ то время. Кто большая начитанность, связи съ современниками, то, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ дипломатическія акты, знакомство съ лѣтописями греческими и болгарскими, наконецъ, самая мысль писать русскую лѣтопись — воля ваша, все это изобличаетъ въ немъ или ученаго монаха, какиихъ не могло быть у насъ тогда своихъ, монаха, пришедшаго изъ Болгаріи или Греціи, или какое-нибудь знатное, извѣстное лицо между Русскими или Славянами того времени. Кажется, это не обратило на себя вниманія г. Погодина. Мысль, что лѣтопись писалъ монахъ XI вѣка, невольна насъ сбиваетъ съ толку, и даетъ ложное представленіе о кѣлой эпохѣ.

Глава VI содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о достовѣрности договоровъ русскихъ князей съ Греками; она доказана очень-хорошо и убѣдительно. Только и здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторые недосмотры. На стр. 116 стоитъ слѣдующая нелегическая фраза: «Договоры сами по себѣ столько важны, сколько значительны для русской и общей европейской исторіи, что необходимо утвердить ихъ подлинность и оградить ихъ отъ возможныхъ приравнаній». — Одно изъ другаго не слѣдуетъ. Надобно утверждать то, что истинно. — Изъ четырехъ мѣстъ, взятыхъ изъ греческихъ лѣтописей о отношеніяхъ Грековъ съ Руссами, только два (Льва-Дьякона и Кедрина) свидѣтельствуютъ рѣшительно, что между ними были договоры (стр. 120 и 121). — На страницѣ 125 приведено много примѣровъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ не помѣнились очень-важные договоры и грамоты, а не объяснено, почему именно договоры съ Греками попали въ несторову лѣтопись. Даже нѣтъ попытки объяснить это. Мы думаемъ, что разрѣшеніе этого вопроса могло бы привести насъ къ омоничнымъ заключеніямъ объ явнѣ подлинныхъ договоровъ. Что они переведъ съ греческаго — это очень-вѣроятно. Также вѣроятно, что мы ихъ имѣемъ въ болгарскомъ переводѣ. (На страницѣ 123, г. Погодинъ говоритъ, что эти договоры были, *безъ всякаго сомнѣнія*, писаны на нашемъ языкѣ и греческомъ. Но едва-ли онъ правъ, выражаясь такъ утвердительно). Если этотъ болгарскій переводъ заимствованъ изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, еще остается возможнымъ предположеніе, что онъ не офенціальный, и что подлинникъ, отправленный къ намъ княземъ, былъ писанъ на какой-нибудь другомъ языкѣ, на-прим., норманскомъ; но если не такъ, т. е., если Несторъ имѣлъ копію съ подлинника, находившагося въ Россіи, то болгарскій языкъ подлинника находится въ неприимримо противорѣчіи съ норманствомъ нашихъ первыхъ кня-

зей—не говоря уже о томъ, что невозможно себѣ и представить, каковымъ образомъ такая копія могла попасть Нестору въ руки. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ договорныхъ грамотъ Новгородцевъ съ ихъ вассалами, хотя новгородскимъ вассаламъ было знать эти договоры, чѣмъ евскому договору князей съ вассалами. Впрочемъ, къ этому мы еще вратимся. — На стр. 126 всталъ вопросъ: «какъ могли договоры сойтись у насъ, дойти до Нестора?» а отвѣтъ: «какъ бы то ни было сохранились». Итакъ — мы знаемъ это и проще и яснѣе. — На стр. находимъ слова: «количество посланности посольства». Это не такъ, крайней-мѣрѣ сначала. Много посланностей не для того, чтобы возсидѣть государя, а потому-что воссидѣть онъ одинъ, а всѣ его вассалы шліе подъ рукою. Уже въ послѣдствіи это перешло въ обычай посылать по слову; форма удержалась, смыслъ ея былъ потерянъ. — На стр. 137 страницѣ: «Въ договорѣ говорится о наслѣдствѣ Руссамъ, ушедшаго въ Греціи, которое должно было переслано въ его отечество, и у насъ имѣетъ снѣдѣтельство объ отбитіи изъ добычи, который долженъ быть доставленъ наслѣдникамъ. *Aliquis de Normannis occisus in quaesitum pretium pro eo est extitum*». Эти мѣста выставлены параллельныя; но послѣднее темнѣе, первая не имѣютъ между собою ничего общаго.

Въ этой же статьѣ находимъ двѣжныя противорѣчія. Первое, о дѣлѣ писцахъ (стр. 151): «Ну какъ самъ вѣдѣтель 13 или 14 вѣка могъ до своего времени отнести ко времени древнимъ предъ своими современниками? Могъ ли онъ такъ обманывать глаза? И съ какою цѣлью?» и т. д. самъ же авторъ сказалъ на стр. 150, что «наши монахи писали для себя, не для публики». А если такъ, чего говорить о современникахъ,

невозможность ихъ обмануть—не аргументъ.— На стр. 132: «Если же между десятками разныхъ статей есть единицы подобныя, то отъ этихъ мелкихъ статей нельзя ничего заключать къ огромному цѣлому... Подобія встрѣчаются у народовъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, на противоположныхъ полушаріяхъ, въ разныхъ періодахъ времени». Црива, совершенно такъ. Однако въ III-мъ томѣ это положеніе опровергается: Охотники спорить, охотники искать не истины, а предлоговъ къ несогласію, могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ общихъ мѣстъ: такое-то постановленіе (на-примѣръ, мѣсть) принадлежитъ всѣмъ народамъ, такое-то имя (на-примѣръ, князь) есть чисто-славянское, слѣдовательно, норманнскими ихъ назвать нельзя. Отвѣчаю: 1) если онѣ общія, то нельзя отнять ихъ и у Норманновъ; 2) онѣ являются не одиѣ, а въ совокупности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто-норманнскихъ, слѣдовательно должны быть принесены Норманнами же, которые встрѣтили у туземцовъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами и при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою» (стр. 417). Объ этомъ мѣстѣ въ-отношеніи къ норманнскому періоду мы еще будемъ говорить ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что г. Погодинъ произвольно употребляетъ общее положеніе или въ свою пользу, или противъ противниковъ, смотря потому, какъ ему удобнѣе и выгоднѣе. На такомъ шаблонѣ основано, которое мирволитъ и тому и другому, нельзя ничего строить, и г. Погодинъ не долженъ бы вовсе прибѣгнуть къ нему; ибо оно само себя разрушаетъ.

Параллельныя мѣста, подобранныя договорамъ съ Греками изъ лѣтописей и договоровъ, не всегда удачны; примѣръ, стр. 130:

«Въ Олеговомъ договорѣ говорится объ укладахъ на Киевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ.»

Константины Багрянородный по другому случаю говоритъ, что суда, ходившія въ Константинополь, были изъ Киева, Чернигова, Любеча и проч.

И проч. не должно сбивать насъ: между прочими нѣтъ ни одного города, поименованнаго въ договорѣ.

Такъ же неудачно и послѣднее параллельное мѣсто, на стр. 136. Кромѣ того, много и такихъ мѣстъ находимъ мы въ этой параллели, къ которымъ можно подыскать мѣста не только въ европейскихъ, но и въ другихъ исторіяхъ всѣхъ временъ. Такъ, на-примѣръ, о подписаніи договоровъ.

Въ заключеніе, нельзя не указать на очень остроумное объясненіе окончанія нѣкоторыхъ именъ въ игоревомъ договорѣ на *овѣ*. Г. Погодинъ думаетъ, что они не имена самихъ посланниковъ, но имена тѣхъ князей, кои вѣстѣ съ Игоремъ отправили посольство къ византійскому императору (стр. 141). Мы съ этимъ совершенно согласны, но думаемъ, что этимъ объясненіемъ г. Погодинъ не довольно воспользовался при объясненіи норманнаго періода, что и постараемся доказать при разборѣ третьяго тома.

Въ VII главѣ, г. Погодинъ дѣлитъ несторову лѣтопись (по лаврентьевскому списку, сколько напечатано) на части и показываетъ, откуда каждая могла быть заимствована. «Предупреждаю читателей» говоритъ авторъ (стр. 157) «во-первыхъ, что я буду говорить теперь объ извѣстіяхъ Нестора только въ отношеніи къ *возможнымъ* источникамъ; во-вторыхъ, что я мало не стою за свои *предположенія*: пусть другіе изслѣдователи приберутъ возможные источники вѣролнѣе.» Полагая, можетъ-быть, что это предупрежденіе недостаточно, авторъ въ самомъ концѣ этой главы опять говоритъ (стр. 172): «Считаю нужнымъ повторить, что все это разсужденіе есть *предположительное*, и я знаю,

• что, разбирая ион предположенія по-
• рознь, можно написать на них очень
• много возраженій, особенно общими
• мѣстами и вопросительными зна-
• ками. •

Обходя послѣднюю замѣтку, кото-
рая здѣсь совершенно-лишняя, мы по-
зволимъ себѣ замѣтить одно: предпо-
ложеніе, къ которому прибѣгаетъ из-
слѣдователь въ крайнемъ случаѣ, ко-
гда другихъ средствъ для открытія
истины нѣтъ, никогда не можетъ быть
совершенно-случайно, совершенно-про-
извольно. Непремѣнно оно имѣетъ ка-
кое-нибудь основаніе, которое дѣлаетъ
его вѣроятнымъ. Отъ-того в происхо-
дить, что часто предположеніе знато-
ка обращается съ помощію вновь най-
денныхъ доказательствъ въ полную
историческую истину. Такъ всегда
бываетъ, если предположеніе хоть
сколько-нибудь правдоподобно, и толь-
ко по этому мѣрилу мы отдѣляемъ
предположенія вѣроятныя и возмож-
ныя отъ невѣроятныхъ и невозмож-
ныхъ. Не иначе поступалъ и г. Пого-
динъ, хотя и не всадъ высказалъ осно-
ванія своихъ предположеній. Въ лѣто-
писи различныя мѣста очевидно взяты
не изъ одного источника. Угадавъ од-
нажды, накія основанія привялъ г.
Погодинъ, приписывая такое-то мѣсто
такому-то источнику, а другое—друго-
му, рецензентъ имѣетъ полное право
разбирать, вѣрны ли эти основанія, и
вѣренъ ли авторъ своему началу, при-
нѣлая его къ различнымъ мѣстамъ лѣ-
тописи. Такая критика не будетъ со-
вершенно произвольна, и можетъ лег-
ко обойтись безъ общихъ мѣстъ и во-
просительныхъ знаковъ. Напрасно ав-
торъ говорить, что онъ не стоитъ за
своимъ предположеніемъ. Здѣсь онъ на та-
кой же исторической почвѣ, какъ и въ
другихъ главахъ своего сочиненія, и
критикъ, разбирая эти мѣста, столько
же обязанъ быть послѣдовательнымъ,
держаться фактовъ, какъ г. Погодинъ
уступилъ ему, когда онъ опровергнетъ
выводъ, назавшійся автору несомнѣн-
но-вѣрнымъ. Просматривая всѣ пред-
положенія г. Погодина, мы находимъ,

что нѣкоторыя изъ нихъ весьма-вѣро-
ятны, правдоподобны, и потому не
подлежатъ опроверженіямъ до откры-
тія новыхъ источниковъ. На-пр., на
стр. 168 авторъ говоритъ, что слова
лѣтописи: • Семеіовъ иде на Храматы,
• и побѣженъ бысть Храматы, и оубре
• оставивъ Петра князя, сына своего
• Болъгаромъ. Въ лѣто 6451 ваки ардо-
• ша Оугри на Царьградъ, миръ стю-
• ривше съ Романомъ, возвратишася
• въ своеси •,— что эти слова взяты изъ
греческихъ и болгарскихъ лѣтописей,
и съ ними трудно не согласиться. Но
не всѣ его предположенія таковы: и
нѣкоторые изъ нихъ невѣренъ самому се-
бѣ. На-пр., на стр. 161 онъ говоритъ:
• Преданіе о посѣщеніи нашихъ странъ
• св. Апостоломъ Андреемъ... возникло
• у насъ или принесено къ намъ. Прѣ-
• бавленіе о баняхъ указываетъ на не-
• слѣднее. Но кому же охота сочинить
• объ насъ? Можетъ-быть, Греки, при
• ввѣденіи христіанской вѣры. Можетъ
• быть, это новгородскій слухъ. Впе-
• рвыхъ, замѣтимъ, что въ прошлетъ
1846 году въ С. Петербургѣ вышло и
свѣтъ сочиненіе архимандрита Мам-
рія подъ заглавіемъ • Исторія Христі-
анства въ Россіи до князя Владиміра •.
Авторъ этой превосходной книги, об-
личающей огромную начитанность, до-
казываетъ, что апостолъ Андрей могъ
проповѣдывать и дѣйствительно про-
повѣдывалъ въ Россіи. Слѣдовательно,
это событіе, сохранившееся въ предані-
яхъ, можетъ-быть, и нашихъ. По
рассказъ о баняхъ, вѣроятно, прибав-
ленъ и прибавленъ у насъ, а не привне-
сенъ изъ чужихъ. Знакомство съ други-
ми народами, у которыхъ баня имѣтъ,
родило это преданіе. Взглянуть на се-
бя глазами иностранцевъ, съ ирониче-
ской agiègre-pensée объ нихъ—совер-
шенно въ русскомъ духѣ. Г. Погодинъ
не подмѣтилъ этого, приписывая про-
исхождение преданія Грекамъ, а поче-
му онъ видитъ въ этомъ новгородскій
слухъ—мы рѣшительно понять не мо-
жемъ. Итакъ, преданіе, съ прѣвѣсно-
народной остроты, шутки, передѣлан-
ное, можетъ-быть, Несторомъ или еимъ

о него, но въ Россіи, сообразно съ то-
 (ашиними географическими понятіями
 пути Андрея въ Римъ)—зотъ источ-
 икъ этого мѣста. На стр. 162: «О на-
 пествіи Болгаръ на дунайскихъ Сла-
 янъ, объ Уграхъ бѣлыхъ в чер-
 выхъ, Обрахъ... безъ сомнѣнія, изъ
 какой-вѣбудь болгарской лѣтописи,
 которая остается для насъ еще неин-
 вѣстной, *можетъ быть*, съ дополнѣ-
 ніемъ изъ пѣсень. • Здѣсь *можетъ-
 бытъ* — слишкомъ-осторожно въ сравне-
 іи съ отзывами о другихъ мѣстахъ,
 оторыхъ источники гораздо-сомни-
 зытѣ. Все, что сказано о госпол-
 гѣ Обровъ надъ Дулебани, *очевидно*
 іято изъ преданія (даже пословица
 «хранялась въ то время) или пѣсень-
 се равно — но мѣстныхъ, туземныхъ.
 іесто объ убійствѣ Игоря (стр. 169)
 «вершено не понято авторомъ. Онъ
 «жорить: • Несторъ, вѣроятно, приба-
 «валъ здѣсь что-либо оъ себя, ибо въ
 «началѣ находятся слова *хотя примы-
 «шлши большую дань*, между тѣмъ,
 «шкъ ни слова не говорено пре-
 «ю ни о какой данѣ, а о мѣрѣ
 Игоря, и послѣ о вызовѣ его дружи-
 «но на войну; замѣтнѣе также, что
 «чрезъ двѣ строки встрѣчается опять
 «то выраженіе *и примышлше къ пер-
 «юй данѣ*. Толкованіе неправильное.
 «первыхъ, г. Погодинъ идетъ отъ ло-
 «ной мысли, что дань вималась вре-
 «енно, набѣгами, войною; она была
 «остоянная, опредѣленная, которая
 «ималась самими князьями. О томъ,
 «гда это дѣлалось обыкновеннымъ
 «рядкомъ, Несторъ не упоминаетъ, да
 «не для чего было упоминать. Этого
 «бласневія не опровергають слова лѣ-
 «писи: • И приспѣ осень, нача мысли-
 «ги на Деревляны, хотя примыслити
 «большую дань». Мы знаемъ, что дань
 «биралась осенью (отъ-того осеннее
 «огодье и параллельное извѣстіе у
 «онстантина-Багрянороднаго). Итакъ,
 «зенью Игорь задумалъ собирать дань
 «Древлянъ, но ему хотѣлось собрать
 «льше (большую), чѣмъ обыкновенно.
 «слити—часто употребляется въ лѣ-
 «писяхъ въ значеніи *замышлять что-*
 Т. L. — Отд. V.

либудь недоброо; затѣвовать войну есть
 уже производное значеніе этого слова.
 Дружина, которая и въ-послѣдствіи въ
 лицѣ людей болгарскихъ продолжала
 грабить области при всякомъ удобномъ
 случаѣ, на что столько доказательствъ
 въ жалованныхъ грамотахъ — дружи-
 на хотѣла воспользоваться этнмъ слу-
 чаемъ, чтобъ поживиться, и Игорь со-
 бралъ больше обыкновеннаго, *примыш-
 лше къ первой данѣ*, т. е. той, которую
 Древляне обыкновенно платили. Но
 какъ этого ему было мало, потому-что
 онъ еще прежде задумалъ собрать
 больше, а взявъ въ часть дружину, онъ
 не могъ собрать сколько хотѣлъ,—онъ
 возвратился на новый примыслъ и
 былъ убитъ. Вотъ простой смыслъ
 словъ. Поэтому неправъ авторъ, гово-
 ря, что дружина вызывала Игоря на
 войну; не на войну она его вызывала,
 а на поживу. И повтореніе словъ: *и
 примышлше къ первой данѣ* — очень-
 естественно, понятно. — Путешествіе
 Ольги въ Царьградъ, по мнѣнію авто-
 ра (стр. 170), взято изъ прежнихъ запи-
 сокъ и много распространено Несто-
 ромъ. Но сказаніе о святости импе-
 ратора и хитрости Ольги очевидно
 народный рассказъ. Слѣдовательно, и
 онъ служилъ источникомъ. Притомъ
 это рассказъ русскій, туземный. —
 Также въ рассказѣ или пѣсняхъ долж-
 но искать источника повѣсти о Святос-
 лавѣ, какъ онъ хотѣлъ переѣхать
 жить въ Болгарію и мать ему отсовѣ-
 тывала. Многое принадлежитъ здѣсь
 Нестору, но едва-ли запискамъ, какъ
 думаетъ авторъ (стр. 171). — То же са-
 мое должно сказать о походѣ Святосла-
 ва въ Болгарію: онъ дышетъ народ-
 нымъ рассказомъ и трудно услѣдить
 въ немъ остатокъ записокъ. Уже не-
 вѣрное изображеніе похода показыва-
 етъ источникъ. А г. Погодинъ думаетъ,
 что онъ заимствованъ между прочимъ
 изъ прежнихъ записокъ (стр. 171).

Глава восьмая посвящена разсмо-
 трѣнію сказокъ въ несторовой лѣтопи-
 си. Во всѣхъ трехъ томахъ итъ такой
 слабой главы, какъ эта. Мы почти не
 вѣрши своими глазамъ, читая въ кни-

гѣ дѣльной и основательной такіа вещи. Въ самомъ началѣ, авторъ говорить (стр. 175):

«Во всѣхъ почти главныхъ происшествіяхъ, о которыхъ узнаемъ мы изъ Несторовой лѣтописи, особенно сначала, первыми дѣйствующими лицами были Варяги-Норманны. Норманны любили рассказывать о своихъ подвигахъ, *увеличивать ихъ, хвастаться ими*, что доказывается цѣлою литературою Сѣверныхъ Сагъ, кои ведутъ свое начало изъ отдаленной древности. Точно такъ поступали они у насъ; преувеличенные ихъ рассказы, сохранившіеся въ преданіи, въ пѣсняхъ, въ Сагахъ, или полученные Несторомъ извустно, употреблены были имъ при сочиненіи лѣтописи, и при распространеніи прежнихъ записокъ; нѣкоторые, на-примѣръ о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже прежде въ составъ ихъ. Такимъ образомъ не осталось ни одного почти важнаго происшествія, отъ Рюрика и до Ярослава, которое не было бы изукрашено баснословными подробностями, болѣе или менѣе. Чтобъ найти истину, должно разбирать эти сказанія лѣтописи, какъ сказанія Исламскихъ Сагъ, имѣвшихъ одно происхождение съ ними, очищать ихъ, повѣрять здравымъ разсудкомъ, другими свидѣтельствами, послѣдствіями и т. д. .»

Во-первыхъ, не понимаемъ, почему автору кажется, что нѣкоторыя сказки, на-примѣръ, о мщеніи Ольги, вошли еще прежде въ составъ записокъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи своей лѣтописи. Во-вторыхъ, намъ кажется, что авторъ смотритъ съ совершенно-ложной точки на сказки. Нѣтъ ничего наивнѣе мысли, что сказка можетъ быть очищена, повѣрена здравымъ разсудкомъ и т. д. Она сама-по-себѣ источникъ, и богатый, обильный, но не для такого или другаго историческаго факта, а для характеристики цѣлой эпохи. Она придаетъ ей плоть и кровь и оживляетъ сухія, голыя извѣстія лѣтописей. Самъ г. Погодинъ понимаетъ это. На стр. 287 онъ

говоритъ: «Нѣчего искать въ Сагахъ подробностей... объ этомъ періодѣ. Далѣе (Т. III стр. 115) онъ опять выражаетъ ту же мысль: «Не бытъ надо и не искать въ Сагахъ (хотя часто онѣ важны)».

Все это справедливо; тѣмъ болѣе причину удивляться, какъ можно, внимая сказки и саги такъ ясно, браться за нихъ такъ неловко, какъ мы г. Погодина! Кто не видитъ, что сказка не имѣетъ никакого историческаго основанія, а между-тѣмъ она и очень-правдоподобна; другая не-вдоподобна, а имѣетъ историческое основаніе; третья, имѣла вѣдь славу не есть однако сказка, а истинно историческое происшествіе. Какъ тутъ добратся до фактической истины? Даже въ сказкахъ позднѣйшаго времени это не всегда возможно, а менѣе въ сказкахъ эпохи столь отдаленной. Потому-то онѣ и остаются какъ лучшій вспомогательный матеріалъ исторіи не для отдѣльных фактовъ и событій, а для обычаевъ, нравовъ, характера, живой обстановки эпохи. Посмотрите же, какія описанія предпринимаетъ г. Погодинъ въ сказкахъ, помѣщенныхъ у Нестора. На стр. 176-й, рассказавъ о смерти Олега подъ Кіевомъ, убійствѣ Аскольда и Дира, онъ рассуждаетъ такъ: «Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ, которые владѣли Кіевомъ уже много лѣтъ, ходили полъ Царьградъ съ дружиною и вошли въ сношеніе съ Гречанами, которые были тверже на своихъ земляхъ чѣмъ единоплеменники ихъ въ Кіевѣ и городѣ; вѣроятно ли, что они позволили Олегу безъ всякаго сопротивления, не принявъ ни какой острастки? и сколько воиновъ могло собраться въ малой лодкѣ Олеговой? вѣроятно ли, что дружина Аскольда и Диры вила смерть ихъ безъ огнища? вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ отдались въ руки Олега, и вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ не узнали ни о чемъ?»

• происшествійхъ новгородскихъ, и въ-
• ступленіи Олеговомъ?—Нѣтъ, это все
• невѣроятно, а вѣроятно только то, что
• *Олегу умертвилъ* (можетъ быть извѣ-
• стною) *Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіе-
• волю.* •

Странно читать такія вещи. Всѣ эти
вопросы, изъ которыхъ на каждый
можно дать отвѣтъ утвердительный и
съ доказательствами, слишкомъ-ясно
показываютъ, какъ г. Погодинъ пони-
маетъ, что значить историческая кри-
тика. Хорошо также и выводъ... Ну,
развѣ нельзя сдѣлать множество дру-
гихъ выводовъ, и съ такимъ же осно-
ваніемъ?

Выписываемъ еще нѣсколько та-
кихъ же мѣстъ. Стр. 177 о намѣ-
реніи Грековъ отравить Олега. «Вѣ-
роятво ли намѣреніе отравить чрезъ
посланниковъ? Кто взялся бы за та-
кое порученіе, и пошелъ бы на вѣр-
ную смерть? Мудрено и Олегу отга-
дать намѣреніе, и потомъ не уго-
стить посланниковъ принесенными
гостинцами!» Стр. 179. Разказавъ
объѣтъ о смерти Олега и привелъ по-
добный разказъ изъ испандскихъ
азъ, авторъ говоритъ: «Вѣроятнаго
въ разказѣ о смерти Олега то, что
онъ умеръ отъ ужаленія зми. Это
апоминаетъ намъ разказъ про одно-
го Англичанина, который изъ басни
Исидора и Воронъ, вывелъ навидатель-
ное правило, что сидя на деревѣ не
можно держать во рту сыра.

Если выписывать всѣ подобныя мѣ-
ста и толкованія изъ книги г. Погоди-
на, то пришлось бы списать всю гла-
ву. Достаточно уже выписаннаго. Лю-
пытнымъ рекомендуемъ прочесть
цѣлое толкованіе сказки о ищеніи Оля-
ги о ея крещеніи. Образцовое въ
ономъ родѣ есть междустрочное толко-
ваніе разказа объ осадѣ Кіева Пече-
нгами. И это называется историче-
скою критикою! Г. Погодину слѣдова-
ло бы заниматься не опредѣленіемъ
существованія, которому приданъ вилъ
звукъ, потому-что безъ помощи пря-
мыхъ историческихъ указаній это не-
возможно, а опредѣлить характеръ

сказокъ и вывести изъ нихъ результа-
ты, историческія положенія для ха-
рактеристики эпохи, которая отража-
лась въ этихъ сказкахъ. Этого-то онъ
и не сдѣлалъ, или сдѣлалъ поверхностно,
неудовлетворительно. На-примѣръ,
онъ не воспользовался сказкой о раз-
личныхъ парусахъ для Руси и Славя-
ннъ. Только мѣстами указываетъ онъ
на норманскій характеръ нѣкоторыхъ
сказокъ; славянскій элементъ въ нихъ
совершенно-упущенъ изъ вида, тогда-
какъ нѣкоторыя сказки имъ пропуща-
ются. на-примѣръ, всѣ сказки времени
Владимира, можетъ-быть, даже раз-
сказъ о мѣстѣ Ольги. Замѣтимъ так-
же, что нѣкоторые анекдоты того вре-
мени, сохранившіеся въ преданіи, на-
примѣръ, о единоборствѣ Печенѣга съ
Яномъ, причислены тоже г. Погоди-
нымъ къ числу сказокъ. Вообще, какъ
мы сказали, это одна изъ самыхъ не-
удачныхъ главъ въ цѣломъ сочиненіи,
потому-что г. Погодинъ выбралъ лож-
ный путь при обсужденіи предмета.
Вмѣсто того, чтобы отстаивать полни-
мость несторовой лѣтописи, не смотря
на сказки, онъ смѣло могъ доказывать
ея полноту, основываясь на нихъ:
такъ онъ живо сохранили на себѣ пе-
чать отдаленнѣйшихъ временъ.

Въ слѣдующей главѣ, авторъ, недо-
вольный еще прежними доводами,
сильно говорящими въ пользу досто-
вѣрности извѣстнй лѣтописи, доказы-
ваетъ ее еще свидѣтельствами совре-
менныхъ, близкихъ туземныхъ памят-
никовъ, свидѣтельствомъ современ-
ныхъ иностранныхъ писателей, гео-
графическими названіями, сохранив-
шимися въ послѣдующихъ памятни-
кахъ и до нашего времени, внутрен-
ними доказательствами и личнымъ ха-
рактеромъ Нестора. Но согласіемъ
современныхъ древнѣйшихъ памят-
никовъ съ лѣтописью потому нельзя
доказывать ея достовѣрность, что всѣ
они могли заимствовать изъ лѣтописи;
Слово Давида-Затолинна, какъ
говоритъ самъ авторъ, носитъ замѣ-
чательныя слѣды такого заимствованія (стр.
207). Итакъ, они доказываютъ дре-

ность, а не достоверность летописи. То же должно сказать и о доказательствах, взятых изъ названія мѣстностей. Они доказываютъ туземность летописи, отчасти древность ея — не болѣе. Говоря это, мы не хотимъ опровергать выводовъ г. Погодина, но только показываемъ, что онъ не всегда правильно употребляетъ доводы.

Въ выпискѣ изъ заключительной лекціи о Несторѣ, помѣщенной въ концѣ главы и содержащей въ себѣ большую часть однихъ фразы и разглагоствования, г. Погодинъ приписываетъ Нестору, между прочимъ, горячее патріотическое чувство. Въ чемъ же онъ его находитъ? *Въ выраженіи о русской землѣ, когда другіе думали о своей личности и о княжествахъ.* Странно! Любя свой предметъ, г. Погодинъ его преувеличиваетъ. Самъ онъ позволяетъ себѣ много напыщенныхъ фразъ, воображаетъ, что совершилъ патріотическій подвигъ, защитивъ летописъ и летописца отъ нападокъ скептиковъ, а между тѣмъ, въ другихъ этихъ фразъ не терпитъ. Такъ, на страницѣ 469, онъ приводитъ слова одного писателя, и называетъ ихъ «безполезнымъ велерѣчіемъ». Не значитъ ли это видѣть недостатки въ другихъ, а въ себѣ не замѣчать? Мы скажемъ также въ свою очередь: мѣсто «безполезнаго велерѣчія», расточаемаго въ заключительной лекціи, лучше бы г. Погодинъ обратилъ вниманіе на несообразности, которыя встрѣчаются у Нестора, на безпорядокъ въ его извѣстіяхъ, на неумѣнье согласить вставки съ текстомъ, на то, что разсказъ о походѣ святославѣ не сообразенъ съ словами договора. Если исторія чрезъ это выиграла, то не значитъ, что чрезъ это выигралъ и летописатель. Фразы, въ наше время, нельзя много убѣдить и заставить забыть дѣло.

Главу X занимаютъ изслѣдованія о подлинности *Русской Правды*. Опроверженія возраженій Каченовскаго на «Правду» вообще, хороши и убѣдительно. Нельзя того же сказать о до-

водахъ г. Погодина. Они слабы и обходятъ вопросы, поставленные нами изысканіями и перѣшными мѣстными-поръ. Сверхъ-того, есть частые недосмотры: на страницѣ 233 сказано, что большая часть списковъ «Правды» находятся въ коричихъ, а остальные въ «Новгородскихъ Летописяхъ». Однако мы знаемъ, что былъ такой списокъ и въ «Ростовской». Такъ же сказано, что на всѣхъ спискахъ находится имя князя Ярослава Владиміровича. Но стоить взглянуть на первую страницу тобянова «Синописа», чтобъ убѣдиться въ противномъ. Намъ скажетъ г. Погодинъ, что краткій текстъ взятъ Татищевымъ изъ «Новгородской Летописи», гдѣ онъ помѣщенъ вслѣдъ за извѣстіемъ о «Правдѣ», данною Ярославомъ Новгородцемъ. Такъ! Однако въ «Софійскомъ Временникѣ» (изд. Строевымъ) помѣщенъ другой текстъ, и полъ другіе мѣстои, что доказываетъ, что летописцы наѣрное не знали «Правды», данною Ярославомъ, а Розенкампомъ и за нимъ г. Поповъ, весьма-основательно и убѣдительно доказали, по-крайней-мѣрѣ показывали, что «Правда», которую мы знаемъ, и та, о которой говорится въ «Летописи» непосредственно перелъ ея текстомъ, совершенно-различны, и не могли имѣть между собою ничего общаго.—Увлеченный ревностію противъ Каченовскаго, который подлинность «Правды» опровергалъ, между прочимъ, тѣмъ, что у насъ нѣтъ оригинала или засвидѣтельствованнаго ея списка, г. Погодинъ, на страницѣ 237, восклицаетъ: «Что есть у насъ подлиннаго даже до Уложенія, т. е. до половины 17 вѣка — не только нѣтъ вѣковъ прежнихъ?» Такой вопросъ можно было сдѣлать пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не теперь, когда мы имѣемъ руническіе акты и труды Археологической Комиссіи. Одно оглашеніе подлинныхъ актовъ, изданныхъ намъ теперь и напечатанныхъ, составить порялочную книгу.—На страницѣ 249, примѣч. 34, г. Погодинъ глашается съ поправкою Каченов-

о, который въ статьѣ X (по Синописи: у г. Тобина), вмѣсто на *костяхъ*, читается на *юстяхъ*. Г. Поповъ находитъ эту поправку неужною. Г. Погодинъ возражаетъ ему тѣмъ, что нельзя и думать не только говорить о слѣдствіи уголовномъ, когда въ трупа обнаружатся кости. На это слышкомъ-много нужно времени. Но съ тѣмъ нельзя согласиться. Сказано: «а о костяхъ, или по мертвецѣ»; смыслъ севъ. Читайте на *юстяхъ* — сопоставленіе съ мертвецомъ будетъ совершенно-непонятно. Сверхъ-того, о какомъ слѣдствіи говоритъ г. Погодинъ? По прямому смыслу словъ видно, что и не нужно слѣдствіи; когда найдены гдудъ кости или мертвецъ, котораго кто не знаетъ: никто за него и не въ вѣтъ. На страницѣ 250, г. Погодинъ правильно возражаетъ Каченовско-го. Последний находитъ, что тиуны или не свободные люди, холопы; а

Погодинъ говоритъ: «Онѣ (слова *правды*, — а третіе холопство тиуновъ безъ ряду) именно доказываютъ противное тому, что хочетъ доказать Каченовскій; кто шелъ въ тиуны безъ яду, тотъ дѣлался холопомъ». Нельзя такъ играть словами въ изслѣзаніяхъ! Изъ того, что свободный, бывшійся тиуномъ, дѣлался холопомъ, прямо вытекаетъ, что тиунъ хотъ; иначе свободный, принявъ тиунство безъ условія, не дѣлался бы холопомъ. Тамъ же авторъ продолжаетъ ритомъ: тиунство употреблено здѣсь въ смыслѣ нарицательномъ, общемъ, къ боярству, холопству, и никакъ не можетъ служить къ объясненію предѣленнаго имени тиунъ. Точно же должно сказать и о тиунахъ, которыхъ князь отпускали на волю. значей, на примѣръ, или управилъ, можетъ быть, и теперь, свободный, и вѣрнопостной, и если одного значей баринъ отпустить на волю, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и государственный значей, уѣздный, принадлежалъ къ холопству. Мѣсто это, и его трудно понять. Но въ томъ, что мы поняли, авторъ тоже не

правъ. Тиуны были свободные — съ рядомъ, и холопы — взяты въ тиуны безъ холопей, или вступившіе въ тиунство безъ ряду. Это ясно. Говорить о тиунахъ государственныхъ, уѣздныхъ и барскихъ значить не понимать того времени, къ которому относится «Правда». Князь и бояринъ имѣли одинакій дворъ, дружинну, одинакое управленіе. О государственномъ устройствѣ въ эту эпоху нечего и думать. Дружинникъ, получившій должность тиуна, по всѣмъ вѣроятностямъ не становился холопомъ точно такъ же, какъ простолюдинъ оставался свободнымъ, вступая тиуномъ къ боярину, но съ условіемъ. Слѣдовательно, опять-таки Каченовскій правъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы достоверно знаемъ, въ княжескихъ дѣлахъ, тиунахъ и ключникахъ бывали холопы князя. — На стр. 253 приведены слова Каченовскаго, который свое мнѣніе о «Русской Правдѣ» доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней на продовольствіе вирника по средамъ и пятницамъ назначается и сыр. Г. Погодинъ отвѣчаетъ: «А *сирну* — ку *куна*, оже *сыръ* — значить ли здѣсь сыръ то, что нынѣ подъ симъ словомъ разумѣется — это разъ; во вторыхъ, строго ли соблюдался постъ мирякамъ въ Ярославово время, мы не знаемъ; сыръ могъ остаться старою пошпливою; оже значить ли здѣсь или? Впрочемъ это такая бездѣлица, коею ни какъ нельзя опровергать большаго документа! Во всякомъ случаѣ это мѣсто должно отнести къ числу толковыхъ, впродъ до объясненія». Но всѣ эти слова ничего не значать. Самъ авторъ это чувствуетъ. Не понимаемъ, почему онъ не причислялъ это мѣсто къ тѣмъ, которыми въ другомъ мѣстѣ (Т. III стр. 338) онъ такъ остроумно доказываетъ вліяніе римско-католическаго исповѣданія на Новгородъ. Вѣдь названіе *Дискулла улица* — въ ярославовомъ «Уставѣ о Мостовыхъ», актѣ, по его же мнѣнію, современномъ «Правдѣ»?

Въ концѣ изслѣдованія о «Русской Правдѣ», мы находимъ весьма-интер-

ресное замѣчаніе г. Погодина объ этомъ памятникѣ (стр. 243): «Русская Правда есть первоначально уставъ норманскій, принесенный Варягами-Русью, и въ теченіи времени *переведенный* на языкъ того народа, среди котораго они поселились, точно такъ у равныхъ единоплеменниковъ ихъ этотъ уставъ съ разными *измѣненіями* переведенъ былъ на Латинскій».

Здѣсь, кажется, впервые печатно высказана мысль, что «Русская Правда» переведена на нашъ языкъ съ другаго. Не одинъ г. Погодинъ такъ думаетъ. Мы слышали то же замѣчаніе отъ одного знатока русскихъ древностей. Языкъ «Правды» много говоритъ въ пользу этого предположенія. Во всякомъ случаѣ, это предметъ долгихъ и долгихъ изслѣдованій...

«Уставъ Ярослава о Мостовыхъ» (стр. 289), авторъ называетъ достопримѣнитъ въ высшей степени; но слѣдуетъ изъ мысли Карамзина, что въ немъ есть повидѣншія вставки. Но вѣдь въ этомъ-то и вся сила! Ярославъ могъ дать уставъ, а мы имѣемъ его въ повидѣншей редакціи, слѣдовательно, не его, и потому не можемъ на немъ основываться, говоря о времени Ярослава. Вѣдь то же самое представляютъ уставы Владиміра и Ярослава: они были изданы этими князьями, однако, никто еще не могъ добраться до ихъ первоначальнаго текста. Это и подаде поводъ отвергать ихъ подлинность, и до-сихъ-поръ мы можемъ ими пользоваться только для повидѣншаго времени.

Подлинность ярославова «Устава о Мостовыхъ», г. Погодинъ доказываетъ слѣдующими доводами: 1) привычны къ выдумкѣ никакой предполагать нельзя. — Это не доводъ. 2) Языкъ глубоко-древній. — Правда; но равнѣ мы такъ коротко знаемъ нашъ древній языкъ, что можемъ по немъ опредѣлить вѣкъ составленія устава? 3) Собственныя имена такіа, каковыя никогда сочинить нельзя. — Все же не доказательство современности устава Яро-

славу. 4) Нѣтъ ни одного періода, назъ извѣстныхъ источниковъ, откуда можно было бы почерпнуть спола его объясненіе. — Авторъ согласится съ нами, что и это не доказательство. Развѣ мы знаемъ подробно истинность Новгорода въ XII, XIII и XIV вѣкахъ? 5) Въ одномъ актѣ, конца XII вѣка, говорится, что Голландцы обязаны были, живя въ Новгородѣ и имѣя тамъ свой домъ, давать за содержаніе мостовой. — Отсюда не слѣдуетъ, что уставъ принадлежитъ Ярославу, или что не возможно было составить его гораздо-позже Ярослава. Вѣдь мы не видимъ, чтобы этимъ уставомъ учреждалось нѣчто новое. Быть-можетъ, онъ установилъ, опредѣлилъ, какъ законъ, уже издавна-существовавшее. Противное должно еще доказывать.

Итакъ, вопроса о подлинности ярославова «Устава о Мостовыхъ», г. Погодинъ далеко не разрѣшилъ. Зачѣмъ же было поднимать его?

Глава XI, о церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, не есть собственное изслѣдованіе автора, а повтореніе того, что уже говорили Карамзинъ, митрополитъ Евгеній, Ровенкампфъ и противъ и въ защиту подлинности этихъ уставовъ. Въ объясненіе, каковыи образомъ въ уставъ Владиміра могло попасть имя патріарха Фотія, умершаго девяносто лѣтъ прежде, г. Погодинъ предлагаетъ перестановку знаковъ препинанія. Вызываетъ измѣненіе, но неподвижащее въ нисколько къ рѣшенію вопроса: потому-что, если Владиміръ не могъ обратиться у Фотія, то не могъ получить отъ него и епископа. Вся глава очень-неважная.

Потомъ о *Сѣверныхъ Сагахъ* по иностраннѣмъ писателямъ. Взглядъ на ихъ отношенія къ русской исторіи вѣренъ.

• Саги чрезвычайно важны для насъ, изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными дѣйствующими лицами въ нашей исторіи. • продолженіи первыхъ двухъ —

и представляла их образъ дѣйствительной и мысли. Это ихъ достоинство, но и въ частности не менѣе важны, знакома намъ некоторыми лицами, которые ужили и дѣйствовали, на-примѣръ, Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Альдомъ, Эймундомъ, Рагнаромъ (стр. 285).

чего искать въ Сагахъ подробно-обстоятельствъ, составляющихъ ихъ, частности хронологическія, географическія, — даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и повѣркѣ, — бытія черты, характеръ, нравы, языкъ, вообще краски — всегда драматичны. Изданная Копенгагенскимъ издательствомъ сѣверныхъ антикваріевъ изданіе Сага, служить яснымъ доказательствомъ: частности жею частью не вѣрны; но общія (своиенія, переговоры, условія, военныя дѣла и проч.). — отъ величайшую важность для исторіи, дополняя, объясняя, для наши свѣдѣнія объ этомъ полѣ. На-примѣръ, о наймѣ Варяжскими князьими, какъ подаетъ Эймундова Сага Нестора Русскихъ лѣтописателей! (стр.

новому «сагъ», г. Погодинъ вводитъ довольно-подробный разборъ и г. Сенковского, напечатанной мѣстѣ съ переводомъ «Эймундова Сага», и возраженій на нее С. Скромненки (покойнаго С. Строева). Оба разбора хороши и основаны, какъ вамъ кажется; только не похвалять тона, которымъ они даны. Г. Сенковскому авторъ возмущенъ съ готовымъ прелубѣжденіемъ въ нѣкоторыхъ мысляхъ, слѣдовательно, не какъ ученый, — потому что, прелубѣжденія бывають часто въ-похвалны въ человекѣ, то они не подозрительны въ критикѣ. На страницѣ 292, мы находимъ убожую выходку: «Какъ? Чешское, Сербское, Польское нарѣчіе ранилось въ чистотѣ своей, не

смотря ни на какіе натиски и напыльчуждыхъ стихій, а Русско-Славянскій языкъ былъ бы поглощенъ какимъ-нибудь Чухонскимъ диалектомъ! Вотъ здѣсь-то слышится чуждой юлосъ!»

Отзываться такъ о результатахъ, добытыхъ ученымъ исследованиемъ, каковы бы они, впрочемъ, ни были, никто не имѣетъ права. Такое неуваженіе къ лицу и ученому — плодъ крайней необдуманности, тѣмъ болѣе, что остроумное замѣчаніе г. Сенковского вовсе не заслуживаетъ такого отзыва

Въ другомъ мѣстѣ, г. Погодинъ называетъ мысль г. Сенковского *маллюстію* — выраженіе, впрочемъ, очень-употребительное во всей книгѣ г. Погодина.

Что касается до разбора статьи покойнаго С. Строева, то это наборъ выходовъ, роняющихъ въ глазахъ читателей критика, а не статью, которую онъ разбираетъ. Вотъ мѣста:

«Представьте себѣ студента, только что вставшаго съ университетской лавки, который думаетъ, что вся премудрость человѣческая заключается въ его тетрадахъ — такъ г. Скромненко и началъ разбирать статью г. Сенковского.» (Стр. 306).

«Послѣ такихъ невзначущихъ, какъ читатели видятъ, придировокъ, г. Скромненко, обнаруживая вмѣстѣ съ смѣлостію совершенное невѣдѣніе объ исторической литературѣ, хотя полноты нельзя было и требовать отъ только что кончившаго курсъ ученія студента...» (Стр. 311).

«Совѣтую молодымъ людямъ, обращаться не на Востокъ, не на Сѣверъ, не на Западъ, а просто къ книгамъ, и учиться, учиться, а потомъ выбирать, какою страну угодно.» (Стр. 314).

И о комъ же г. Погодинъ такъ отзывается? О мертвомъ, который не можетъ защищаться!

Послѣ самаго краткаго, бѣлаго обзора прочихъ источниковъ древнѣйшей русской исторіи, лѣтописей гре-

ческих, болгарских и западных, известий арабских, памятников искусства и монетъ, г. Погодинъ переходитъ къ критикѣ школы Каченовскаго.

Мы уже высказали прежде наше мнѣніе о значеніи Каченовскаго въ отношеніи къ русской исторіи и къ г. Погодину. Здѣсь не станемъ объ этомъ распространяться. Фактически, непосредственно, г. Погодинъ совершенно-правъ и вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ противникомъ. Мы покажемъ теперь, какъ онъ относится къ своимъ противникамъ, отзываясь объ нихъ, и отбѣтныя частныя промахи въ его опроверженіяхъ.

Стр. 325. Протавъ древней Русской Исторіи, о достовѣрности и источникахъ которой мы представили теперь изслѣдованія и замѣчанія, появилось въ продолженіи пяти лѣтъ (1830 — 1835), нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ *несведущихъ журналистовъ* почетнаго титула *Скѣптической школы*, которая однакожъ скоропостижно и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться еще *болѣе нелюбой*, то есть *Славянской*.

«Считаю нужнымъ объяснить ея происхождение, и войти въ нѣкоторыя частныя подробности. Мнѣ придется теперь осуждать покойниковъ, — это слишкомъ непріятно, тягостно, — наука имѣетъ свои права и требованія, предъ коими должны умолкать всѣ прочія».

Это правда. Только мы не знаемъ, почему же непременно должно отзываться о покойникахъ такъ, какъ отзывается г. Погодинъ? Наука этого не требуетъ...

За тѣмъ слѣдуетъ характеристика Каченовскаго, довольно-безпристрастная, которую г. Погодинъ, можетъ быть, хотѣлъ заранѣе оправдать въ послѣдующемъ. Въ очеркѣ ученой дѣятельности покойнаго профессора уже начинаются несправедливости. На-примѣръ, г-нъ Погодинъ говоритъ, что до 1830 года Каченовскій

шелъ «въ старомъ пути» (стр. 326); но самъ же цитуетъ его слова въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 гон, онъ же говоритъ, на стр. 329, что он, г. Погодинъ, уже съ 1820-хъ годов ратовалъ противъ Каченовскаго. Хорошо ли это? На стр. 326 и 327 въ вѣстк. 1-мъ, г. Погодинъ приводитъ нѣкоторое мѣсто изъ Карамзина о бѣнотѣ строеніи, гдѣ онъ подшучиваетъ надъ объясненіемъ Каченовскаго, и въ концѣ говоритъ: «выискиваю это рванье чваніе, ибо отчасти — inde irae». Затокъ челоѳического сердца! На стр. 331 мы находимъ слѣдующія слова: «Каченовскій началъ сивѣе проповѣдывать свое ученіе сомнѣніи и отрицанія въ Университетѣ. Студентамъ нивѣшіе къ нему отношеніе какъ профессору, декану и наконецъ ректору, должны были benevolentius caritandae causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и возмѣраженія изъ общихъ мѣстъ въ его отрицанія и знаки повроста». Словомъ, Каченовскій случайно набрелъ на свои сомнѣнія, сперва возмѣраженіемъ Эверса, потомъ Нибура, который на бѣлу явился тогда и провозгласилъ шумъ въ ученой литературѣ сомнѣніями, наконецъ, съ возмѣраженіемъ Сарторіуса, который тоже возмѣраженіемъ въ руки», и далъ пищу его сомнѣніямъ, такъ-что «и голова у него кружилась». Во всѣхъ этихъ мѣстахъ г. Погодинъ не только бьетъ вухомъ пало, не разбирая, но, къ сожалѣнію, напоминаетъ то уже прошлаго, когда критика не безрасчетно и не во имя одной истины выносила лица и лица на свой сулъ, и выносила роль вышлага, неувыжимо, нала правственности. Мы съ другой стороны плохо вѣрять, когда онъ, разбирая истинную школу, видитъ въ ея членѣ не ошибку, не ложь, а целую блестящую интригу, коренящуюся въ случайныхъ обстоятельствахъ, и шую въ слѣдствіе вновь-вышедшихъ книги, влущеній самолюбія и влущеніи, и подддержанною извѣстною

ествомъ. Еслибъ это и такъ было, извѣдло ученаго вскрывать закулисныя тайны, частныя дѣла? Такіе инбуналы теперь существуютъ въ учрежденіяхъ правительственныхъ, въ общественномъ или, по-крайней-мѣрѣ, въ обществѣ мнѣніи. Пока нельзя говорить печатно о частной жизни чело-вѣка, до-тѣхъ-поръ никто не въ-правъ выводить въ книгѣ, хотя бы намеками въ латинскихъ фразахъ, поступки е офенціальныя. Такъ мы думаемъ увѣрится, что г. Погодинъ съ нами согласенъ...

Приводить всѣ мѣста, въ которыхъ указался г-нъ Погодинъ съ этой невыгодной стороны въ новомъ своемъ сочиненіи, мы считаемъ невозможнымъ, излишнимъ. Одинъ первый онъ — богатый рудникъ, котораго только ни черпаешь, не осушишь. Противниковъ своихъ онъ называетъ овнами невѣждами (стр. 31), сумашедшими или безумными (стр. 34), омѣшными самозванцами-критиками (стр. 86), новыми самозванцами (стр. 9, прим. 19), школьниками (стр. 331), школьной школой (стр. 362), нашими слосатыми Нибурами (стр. 485) и т. д. О Каченовскомъ г. Погодинъ гзывается не иначе, какъ — Каченовскій съ своими студентами... Кажется, овольно этихъ указаній. Впрочемъ, мы можемъ увѣрить читателей, что книги и еще большіхъ выхолокъ, ораздо-болѣе, чѣмъ мы выписали.

Желая ковчить это дѣло, *предосудительное* для исторической русской литературы, которая одна почти подерживаетъ нашу ученую честь, а еще болѣе желая предотвратить молодыхъ людей на будущее время отъ подобныхъ вредныхъ заблужденій, и охранить прямую дорогу, дорогу Байерровъ, Шлецеровъ, Карамзинныхъ, по которой для достиженія цѣли должны идти дѣлатели, пользуясь, разумѣется, новыми трудами и вилами науки, я разберу теперь всѣ сочиненія, сюда принадлежащія (стр. 332).

За смѣть начинается подробный разборъ тринадцати статей, принадлежа-

щихъ Каченовскому и его послѣдователямъ. Изъ особенной деликатности, непонятной послѣ всего, что видѣли читатели, г. Погодинъ перенумеровалъ статьи. «Я стану говорить онъ: «на-зывать авторовъ по номерамъ, подъ которыми въ хронологическомъ порядкѣ поставлены выше ихъ разсужденія, а не по именамъ, дорожа ихъ честью: всѣ они освободились изъ-подъ вліянія и умолкли, — зачѣмъ же напоминать объ ихъ юношескихъ грѣхахъ, которые послужили имъ, впрочемъ, въ спасеніе. Виѣсть съ смѣть читателямъ увидать и доказательство, что здѣсь дѣло идетъ о наукѣ, а не о личностяхъ» (стр. 334).

Послѣднія слова необходимы. Тотъ разборъ таковъ, что еслибъ г. Погодинъ не предупредилъ насъ, что онъ разбираетъ статьи, а не ополчается на автора, мы бы этого никогда не повили, Разборъ первой статьи хорошъ, но въ него вкралась важная ошибка, промешедшая отъ односторонности г. Погодина. Во всякомъ сомнѣніи, касающемся нашей старины, г-ну Погодину представляется, что вотъ несторова гѣтопись въ опасности, что всѣ возраженія — личности противъ гѣтописи и ея составителя. Каченовскій доказываетъ, что кожаныхъ денегъ не было, а г. Погодинъ говоритъ (стр. 333): «Положимъ, что не было; но что же слѣдуетъ изъ этого? Были ли не были кожаные деньги, — это мнѣніе не имѣетъ никакого отношенія ни къ гѣтописи Несторовой, ни къ древней русской исторіи, и нисколько не уменьшаетъ ея достовѣрности. Это есть только частное ученое мнѣніе, справедливое или несправедливое». И въ концѣ (стр. 346): «Читатели видятъ, что еслибъ да-же были вѣрны его положенія (большею частію весьма-сомнительныя и натянутыя), то и тогда онъ не могъ бы нисколько привести въ подозрѣніе гѣтопись Несторову, къ коей не имѣютъ никакого отношенія». Конечно, не имѣютъ. Оволью г. Погодину смотреть на эту статью, какъ на возраженіе противъ гѣтописи! Каченовскій

взялъ вопросъ поглубже. Для него подлинность летописи было дѣло второстепенное, — не цѣль, а средство. А что вопросъ о кожаныхъ деньгахъ, шьющій прямую связь съ финансовымъ управленіемъ древней Россіи, есть вопросъ частный, — съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться.

Въ опроверженіяхъ на остальные разсужденія школы Каченовскаго, мѣстами также попадаются странные промахи. Авторъ 4-й статьи говоритъ, что до XIII столѣтія, т. е. до договорной граммати Смоленска съ Ригой, у насъ нѣтъ государственныхъ актовъ. Заключенія изъ этого факта должны и поверхностны, но фактъ несомнѣненъ. Г. Погодинъ говоритъ: «нѣтъ, у насъ есть государственные акты: договоры съ Греками, Русская Правда, церковные уставы Владиміра и Ярослава и уставъ Ярослава о мостовыхъ» (стр. 362), и ссылается на ихъ подлинность. И то и другое несправедливо. Они не государственные и не подлинные акты, потому что дошли къ намъ не въ подлинникахъ. Подлинность ихъ (т. е. не подлинность, а достовѣрность) не равно для всѣхъ доказана; изслѣдованіе списковъ «Русской Правды» отняло у критиковъ и самую надежду возстановить первоначальный текстъ, — такъ разнообразны тѣ, которые мы имѣемъ. Изслѣдованія уставовъ показали, что въ нихъ есть большія вставки, относящіяся къ позднѣйшему времени.

На стр. 374-й мы находимъ странное обвиненіе Каченовскаго въ томъ, что онъ будто-бы не читалъ дальше первыхъ страницъ летописи. Оно и ложно и какъ-то дико. (Провускаемъ софисты и навиданія молодымъ людямъ, плохія остроты и пр.)

На стр. 432 находимъ ничѣмъ недоказанныя слова: «Горы Угорской, поелѣ Татаръ нельзя было знать; точно то же должно сказать и объ Нльминѣ дворѣ и о церкви св. Иліи, слѣдовательно, все это могло быть написано только до Татаръ». Почему же это Татары? Да развѣ не могло остаться нѣсколько человекъ, которыхъ нѣв-

ская хорографія была совершенно невѣстна, и которые передали и другимъ? Это не больше, какъ предположеніе. — На стр. 438 г. Погодинъ возражаетъ: «если списокъ означенаго извѣстнымъ годомъ, не слѣдуетъ отсюда выводить, что и подлинникъ, съ котораго онъ списанъ, означивался этимъ годомъ». Возраженіе очень основательное. На него отвѣчаетъ г. Погодинъ слабо: «Разумѣется слѣдуетъ, ибо каждый переписчикъ списывалъ съ подлинника. Съ чего же станемъ предполагать, чтобы кто-нибудь списывалъ часть его?». Мы думаемъ, что нельзя предположить ни того, ни другого, потому что нѣтъ никакого основанія предполагать. — На стр. 440, г. Погодинъ возражаетъ противъ допущенія створовыхъ записокъ тѣмъ, что вслѣдствіе, умѣя ли христіане IX вѣка читать, а онъ отвѣчаетъ: «Я разумѣюсь христіанъ священниковъ, бастителей религіи, а не новообращенныхъ: безъ грамоты не могли они обѣди служить». Это неправда. Имѣемъ примѣры безграмотныхъ, совершенно безграмотныхъ священниковъ даже при Петрѣ-Великомъ, первый сначала запретилъ было служить священниковъ, но потомъ, изъ недостатку грамотныхъ, дозволилъ имъ они знали службу читать. — Тамъ же возражаютъ г. Погодинъ: «Какихъ русскихъ князей священникъ Ольги могъ записывать даже въ ихъ поминаньяхъ, когда всѣ князья до Владиміра были язычниками». А г. Погодинъ отвѣчаетъ: «Французъ — Ольгу, которая была женою сына Рюрика, Владиміра, сына его Ярослава, сына же его Рюрика, — вотъ сколько было русскихъ». Нестора. Вамъ говорятъ о дуплетѣ Ольги, кого онъ могъ записывать, а не о князьяхъ, которые были язычниками. Если вы думаете, что дуплетъ Ольги жилъ до времени Нестора, покажите это и не обходите стороной. До Ольги не было русскихъ священниковъ, а до Рюрика дома христіанъ, а тамъ и вся сила возраженія.

О томъ возраженій противъ статьи, писанныхъ въ духѣ Каченовскаго, говорить нечего. Г-нъ Погодинъ отзывается о послѣдователяхъ Каченовскаго, какъ о дѣтяхъ, съ патриархальнымъ чувствомъ сожалѣнія къ грѣхамъ юности, которые исправлять должно бы не критикой, а средствами болѣе патриархальными, дѣтскими. Вотъ на выдержку одно мѣсто (стр. 35): «Нейманъ, выравнившій послѣднюю Эверсову мысль, не осмѣливается сослаться на Восточныхъ писателей, — а эти школьники не зная восточныхъ языковъ, не читая даже нѣмецкихъ разсужденій, а только мои переводы изъ Эверса и Неймана, смѣло утверждаютъ восточное происхожденіе Руси, и говорятъ, что Восточные писатели свидѣтельствуютъ такъ! — Вѣрный мысли, что статья писались *benevolentiae carptandae* ausa, г. Погодинъ восклицаетъ (стр. 39):

«Какъ хочешь теперь, я думаю, самъ авторъ читая эти неглупицы, кои разбирать мнѣ пришлось.»

Не знаемъ, хочешь или нѣтъ. Впрочемъ, другой вѣкъ, другіе нравы. Тамъ теперь трудно объ этомъ судить, мало какъ и понять томъ г. Погодина...

Конецъ тома занять разборомъ нѣбной г-на Стресса о нашихъ глупицахъ — нѣбной, высказанныхъ имъ въ Хронологическомъ Указателѣ Матеріаловъ для Русской Исторіи, Литературы и Правовѣдѣнія и оцѣнка трудовъ гг. Буткова и Кубарева въ отношеніи къ Нестору.

Второй томъ посвященъ исключительно разсмотрѣнію двухъ главныхъ источниковъ элементъ, изъ которыхъ произошла Россія: Варяго-Руссовъ и славянъ. Славянскій элементъ, какъ на ни мало обслѣдованъ, все же представляеть нѣчто определенное, извѣстное, несомнѣнное. Совершенно-другой элементъ варяго-русскій. До сихъ поръ, не смотря на множество разсужденій по этому предмету, вопросъ о томъ, кто такіе были Варяго-Руссы, и

какой именно элементъ они принесли съ собою, не разрѣшенъ окончательно. Есть ученые, которые даже отчаяются въ возможности когда-нибудь разрѣшить его. И въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря на богатую литературу, онъ едва-ли даже установленъ окончательно. Нѣкоторые считаютъ Варяговъ и Русь за одинъ народъ, другіе ихъ отдѣляютъ. Большая часть въ главномъ согласна относительно происхожденія Варяговъ; но о происхожденіи Руссовъ существуютъ самыя разнообразныя, противоположныя мнѣнія. Одни считаютъ ихъ народомъ восточнымъ, другіе европейскимъ. Ихъ ищутъ около береговъ Чернаго и Балтійскаго Морея; нѣкоторые находятъ ихъ слѣды во всей Европѣ. При такой разногласности мнѣній ищущихъ за себя ученый авторитетъ, было бы дерзко мечтать объ окончательномъ его разрѣшеніи въ нѣсколькихъ словахъ, въ журнальной статьѣ. Строго придерживаясь принятаго плана, мы будемъ слѣдить за исследованиями г. Погодина и указывать на тѣ доказательства, которыя намъ показались слабыми, или ничего-недоказывающими.

Въ послѣднее время, стало болѣе-и-болѣе распространяться мнѣніе, что вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси совсѣмъ не имѣеть той важности, которую ему обыкновенно приписываютъ. Это мнѣніе имѣеть, кажется, два основанія. Во-первыхъ, славянизация Варяговъ-Руси, ихъ совершенное обрусеніе должно было привести къ мысли, что если Варяго-Руссы и принесли съ собою особенный, чуждый намъ элементъ, то онъ скоро исчезъ и былъ поглощенъ элементомъ славянскимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ такъ-называемаго варяжскаго періода, тѣмъ болѣе является преобладающимъ элементъ славянскій. Въ Северо-восточной Россіи, съ конца XII и начала XIII вѣка, нѣтъ уже ничего варяжскаго, чуждаго, — все славянское. Итакъ, варяго-русскій элементъ въ русской исторіи — заключаютъ многіе — имѣеть лишь временную,

относительную важность, а потому и вопрос о немъ не есть первостепенный, важный для всей русской исторіи. Вторыхъ, интересъ къ этому вопросу охладѣлъ и потому, что прежде вся сила критики, всѣ труды ученыхъ относились къ нему одному; всѣ прочіе вопросы остались нетронутыми или сравнительно разработаны гораздо слабѣе. Теперь повали, что позднѣйшая исторія гораздо-важнѣе, интереснѣе, ближе къ намъ, нежели древнѣйшая. Въ этомъ отразилось практическое направленіе науки, начавшее недавно преобладать надъ чисто теоретическимъ, отвлеченнымъ. Отъ-того, разработка ближайшаго къ намъ времени въ древней русской исторіи занимаетъ болѣе, нежели изслѣдованіе древнѣйшаго. Это не трудно замѣтить.

Нельзя не сказать, что обѣ причины болѣе временныя, историческія, нежели лежащія въ самомъ предметѣ. Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси такъ неразрывно связанъ съ вопросомъ, какой элементъ они принесли къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно - важнѣе всякаго другаго частнаго вопроса, на-примѣръ, вопроса о мѣстѣ погребенія Лапунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ или Ладога въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи Русской Правды - въ первоначальныя времена, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учреждений, которые гораздо-позже встрѣчаются въ русской исторіи и къ которымъ глядя такъ ужъ приглядѣлся, что они кажутся нашими, національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ рѣшенія этого вопроса нельзя почти опредѣлить, точно ли варяжскій элементъ исчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть-можетъ, узнавъ его, мы нашли бы его отголосокъ гораздо-ближе къ намъ, нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ, начело, однажды брошенное въ жизнь,

вдругъ не умираетъ, но, переродившись безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь расорудокъ службы, наборъ войска, повѣстная система, дума, судебныя пошлины, отчасти управленіе и судопроизводство московской Россіи не есть ли отголосокъ варяжскаго элемента? Дѣло очевидно, и рѣшить этого весьма трудно, не зная, кто были Варяги Русей.

Правда, за рѣшеніе этого вопроса брались, намъ кажется, не такъ, какъ должно. Изслѣдованія вели чисто-этимологически, выбирали нѣста изъ писателей, которые упоминали о Пригарахъ-Руси, рассматривали въ-этомъ болѣею частью ограниченныя нѣкоторыя сравненія уреченій древнѣйшихъ съ новѣйшими, русскими же; но этотъ путь такъ и могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ, потому-что въ новѣйшемъ не могли не сохраниться слѣды древнихъ установленій, какъ они видоизмѣнились. Намъ кажется, что для окончательнаго разрѣшенія вопроса надобно подробно слѣдственно-внутренній бытъ нашихъ и прочихъ славянскихъ племенъ, особливо въ раннюю эпоху, когда послѣдніе вели подлѣ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ. Что въ насъ пришлого, чуждаго, тотчасъ обнаружится, а съ тѣмъ-самымъ опредѣлится и то, какие элементы принесли къ намъ Варяго-Русская важная, существенная часть дачи.

Г. Погодинъ своимъ изслѣдованіемъ указываетъ на этотъ новый предметъ большей своей половиной старому, прежнемъ, старому. Его доказательство по-преимуществу этимологическое. Правда, онъ ужъ сильно опирается на доказательство, взятыхъ изъ обычаевъ и учреждений варяжскихъ (этими особенно замѣчательны третій томъ изслѣдованій); но ила отъ одного обиднаго элемента, который онъ изслѣдовалъ исключительно, присвоилъ ему многое, что очевидно принадлежало и Славянамъ, и что, следовательно не можетъ вестъ къ рѣ-

нению вопроса, или ведетъ къ ложно-му возврату на древнѣйшую исторію.

Въ самомъ началѣ, на 1-й страницѣ, Погодинъ ставитъ вопросъ: какъ назалось русское государство, и говорить:

«Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышало далеко всѣ государства въ мірѣ, прошлымъ и настоящимъ; которое легко можетъ еще усиливаться въ нѣсколько разъ, которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всѣми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго; которое обилуетъ свѣжини силами, бьется юною жизнью, между-тѣмъ, какъ прочія уже устарѣли, вѣтшаютъ, низпадаютъ съ высоты своего величія.»

Потомъ авторъ приводитъ мѣсто изъ лектора о призваніи Варяговъ-Руси и въ него выводитъ три вопроса: кто или Варяги-Русь? Въ какомъ положеніи находились славянскія племена, съ которыми соединились Варяги-Русь? Какъ соединились, т. е., при какихъ словіяхъ началось государство? Первые два вопроса разрѣшаются во второмъ томѣ; третій въ третьемъ.

Мнѣніе о происхожденіи *Варяговъ-Руси* г. Погодина извѣстно. Онъ считаетъ ихъ Норманнами или точнѣе германно-Скандинавами. Во второмъ томѣ очень-тщательно приведены и рассмотрѣны всѣ мѣста изъ лѣтописей, гдѣ говорится о Варягахъ-Руси, свидѣтельства Византийцевъ, западныхъ лѣтописей и восточныхъ извѣстій. Помомъ въ доказательство ихъ норманнаго происхожденія приводятся ихъ собственные имена и русскія названія эми дѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ-Багрянороднымъ; послѣднія объясняются изъ языкъ скандинавскихъ. Потомъ приводятся и другія скандинавскія названія

городовъ, рѣкъ и т. д., исчисляются норманскія слова, сохранившіяся въ нашемъ языкѣ,—слова по-преимуществу юридическія. Последнее доказательство очень-слабо, ибо основано на спорномъ еще толкованіи словъ *скоты*, *болрины* и т. д. Лучше бы г. Погодинъ не прибѣгалъ къ нему! Далѣе, норманское происхожденіе Варяговъ-Руси доказывается ихъ дѣйствіями (стр. 90):

«Къ числу сильнѣйшихъ доказательствъ норманнаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ *дѣйствія*. Походы первыхъ князей по рѣкамъ и морямъ, взиманіе дани, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствія, въ войнѣ и мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя качества, самыя преданія и басни объ разныхъ частяхъ и мелкихъ поступкахъ, однихъ словомъ, вся ихъ жизнь, весь ихъ бытъ обличаютъ въ нихъ Норманновъ. Наши лѣтописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ Норманновъ. Прежніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними, такъ сказать, доказательствами, т. е. свидѣтельствами, не обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это внутреннее доказательство должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ.»

Авторъ совершенно-правъ. Къ социальнѣйшю, его дѣльное замѣчаніе о прежнихъ изслѣдователяхъ отчасти относится къ нему: онъ тоже останавливается иногда на однихъ внѣшнихъ свойствахъ, которые ничего сами-по-себѣ не доказываютъ, потому-что бываютъ общи самымъ различнымъ народамъ. (Доказательства почерпнуты изъ дѣйствій, религій, законовъ, обычаевъ и обрядовъ, нравственныхъ качествъ, изложены въ III томѣ и будутъ рассмотрѣны въ своемъ мѣстѣ).

Въ этой главѣ мы замѣтили слѣдующее мѣсто, неправильно-объясненное. На стр. 17-й, авторъ говоритъ, что названіе Фраги употреблялось въ об-

дцемъ значеніи, и въ доказательство ссылается между прочимъ на мѣсто изъ путешествія Данила, гдѣ сказано, что кандалы греческое стоголо въ головахъ, а фряжское висѣло въ верху, — и мѣсто изъ духовной Іоанна - Калиты, гдѣ упоминается поясъ жемчужный фряжскій. Изъ этихъ двухъ мѣстъ никакъ нельзя заключить, чтобъ слово *фряжскій* употреблялось въ общемъ значеніи. — На страницѣ 68 говорится объ имени Рюрика. Не знаемъ, почему авторъ не привелъ здѣсь, по крайней мѣрѣ для будущихъ соображеній, что Рюрикомъ въ Псковской Лѣтописи названъ Эрмикъ, король шведскій.

Вторая глава состоитъ изъ возраженій на взгляды, несогласные съ взглядомъ г. Погодина, а именно Эверсу, Нейману, Максимовичу, Венелину. И здѣсь есть въ некоторыхъ мѣстахъ слабыя Венелинъ говорить, что съ 1120 года греческіе лѣтописцы не опредѣляютъ рода Варяговъ. Это было ему нужно для того, чтобъ открыть себѣ возможность перекрестить ихъ въ Славянъ. Г. Погодинъ отвѣчаетъ (стр. 119): «это очень естественно: потому что родъ ихъ былъ ясно и многократно опредѣленъ первыми писателями». Но чтобъ имѣть право сказать это, надобно сперва доказать, что всѣ лѣтописцы трудились надъ одной лѣтописью, что ихъ труды составляютъ одно цѣлое. Иначе объясненіе будетъ очень плохо, особливо въ отношеніи къ названію Варягъ, которое давалось жителямъ различныхъ странъ. — На стр. 122, г. Погодинъ возражаетъ Эверсу, который думаетъ, что въ известномъ мѣстѣ изъ бертинскихъ лѣтописей, странники называли себя ложно Россами: «Но почему же такъ думать? Съ чего имъ присвоивать себѣ чужое имя? Съ какою цѣлью? Откуда Шведы возьмутъ себѣ имя Россовъ, принадлежавшее по Эверсу южному народу?» Во-первыхъ знаками вопросительными, какъ думаетъ и самъ г. Погодинъ, возражать нельзя. Во-вторыхъ, Шведы могли взять имя Россовъ, хотя бы послѣдніе и не жили на югѣ, пото-

му что оно могло быть известно вернымъ народамъ, которые шли торговать и воевать въ Грецію и югъ. Наконецъ то, что они выдавали себя за Руссовъ, а про нихъ узнали, что они Шведы, дастъ Эверсу полное право думать, что они ложно себя такъ называли — большее право, нежели имѣетъ г. Погодинъ отрицать это.

Третья глава посвящена вопросу, кто именно были Варяги-Русы гдѣ они жили? Въ заключеніе, въ стр. 166, г. Погодинъ говоритъ: «кто былъ именно Варяго-Русъ и гдѣ онъ жилъ, не рѣшено до сихъ поръ съ такою вѣрностію, и едва ли когда-нибудь будетъ рѣшено, за недостаткомъ мѣтій». Я не считаю даже этого вопроса слишкомъ важнымъ, какъ и не знаю, кто были Варяги-Русы какого племени, чтобъ понять, какое вліяніе могли они имѣть на Славянъ среди которыхъ поселились, какой элементъ внесли они въ составъ основаннаго ими государства; а въ виду того, что въ древней Скандинавіи они прежде обитали — это не все равно для главной задачи.

Это вообще очень справедливо, и если бы были готовы исполнить согласныя авторомъ, еслибы въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ было доказано, что подлѣ Варягами и Варягами-Русами умѣются одни *Норманны* и *норманнаго* происхожденія. Но именно этотъ вопросъ! Вопросъ о томъ, кто именно были Норманны, обойденъ, а онъ чрезвычайно-важенъ. Объ этомъ въ послѣднихъ словахъ послѣ.

Въ четвертой главѣ находимъ изслѣдованіе объ имени Варяговъ-Русовъ, куда оно происходитъ. Это говоритъ авторъ (стр. 167), «чтобы быть любопытной, во не болѣе! Что касается до происхождения имени Греческаго, Пелааговъ, Еллиновъ, Римлянъ, Славянъ, Франковъ, Чарика, Дольмановъ, Вѣны, Берлина, Москвы, Кіева и пр.? Изслѣдователи не слѣдовали въ своихъ трудахъ при рѣшеніи этого вопроса, не достигли достоянства, какъ и при рѣшеніи предыдущихъ

вопроса о первоначальномъ мѣстопробываніи Варяговъ-Руси, а представили только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя. Затѣмъ мы находимъ разборъ самыхъ объясненій этихъ названій.

Последнюю IV главу изъ главъ, посвященныхъ Варягамъ-Руси, занимаютъ подробный критическій разборъ и проверженіе всѣхъ прочихъ мнѣній о происхожденіи Варяго-Руссовъ. Мнѣнія эти всѣмъ давно извѣстны, и ни одно изъ нихъ не сдѣлалось общепринятымъ. Всѣ они какъ-то жили недолго. Поэтому мы не станемъ залагать здѣсь доводовъ и опроверженій г. Погодина, отсылая любителей и знатоковъ къ самой книгѣ. Скажемъ только вообще, что опроверженія основательны дѣлвы, и подтверждаютъ норманское происхожденіе Варяговъ - Руси, уничтожая всѣ противорѣчія мнѣній.

Не смотря на то, что взглядъ г. Погодина изложенъ ясно, отчетливо, обобцая прекрасно, онъ не удовлетворяетъ читателя хотя поверхностноакого сателя русскими древностями. Причина отчасти заключается въ сути исследований, по преимуществу истико-филологическихъ. Но она не явная и не единственная. Другая, гораздо болѣе важная, заключается въ томъ, что вопросъ не весь исчерпанъ. свойственную ему одностороннюю, авторъ совершенно истощилъ скандинавскую сторону нашей исторіи. слѣдъ его исследований сомнѣваться въ ней первоначальной исторіи элементскандинаво-германскаго или нормангерманскаго было бы умышленіемъ упрямствомъ. Но въ то же время взя согласиться съ авторомъ, что яги - Русь были исключительно скандинаво-Германцы. Мы говоримъ вовсе не изъ желанія спорить и въ зачивать рѣшенное дѣло. Вовыихъ, замѣтимъ, что много писателей, принявшихъ за ототъ вося, дошли до убѣжденія, что Ваяг-Русь были Славяне. Я предвижу дженіе: они ошибались, и ихъ до-

воды опровергнуты. Да. Но откуда могла имъ всѣмъ прійдти въ голову эта мысль? конечно, это не совершеннослучайно. Есть факты — не многочисленныя, но рѣшительныя, которые сознательно или безсознательно могли привести исследователей къ такой догадкѣ. Мы постараемся изложить эти факты какъ-можно-яснѣе.

Первый фактъ, который поражаетъ насъ, есть болгарскій или какой бы то ни было, но славянский текстъ договоровъ нашихъ князей съ Греками. Вспомнимъ, что первый договоръ заключенъ съ Олегомъ, вторымъ вождемъ призванной дружины. Если Варяги-Русь были германскіе Скандинавы, какъ объяснить странное явленіе, что они договаривались на языкѣ нѣ чуждомъ? Что-нибудь изъ двухъ: или договоры дошли до насъ въ переводѣ, а не въ славянскомъ подлинникѣ, какъ говоритъ г. Погодинъ, — или Варяги-Русь не были чистые германскіе Скандинавы, а скорѣе Славяне.

Если Варяги-Русь были Германцы-Скандинавы, странной, неразрѣшимой загадкой представляется русскій языкъ, которымъ мы теперь говоримъ. Чтѣ въ немъ скандинавско-германскаго? Два-три десятка словъ, да и тѣ съ натяжками. Еслибъ ихъ было втрое болѣе, и тогда вліяніе находниковъ Руссовъ на насельниковъ Славянъ не могло бы сравниться съ вліяніемъ какихъ-нибудь Татаръ, которые оставили послѣ себя гораздо-больше словъ въ нашемъ языкѣ. Да и чтѣ жъ это за вліяніе! Слова сообщаются легко отъ одного народа другому. Какъ представить себѣ, что иноземцы, иноплеменники, владеютъ землею около двухъсотъ лѣтъ, живутъ въ ней, играютъ первую роль и потомъ исчезаютъ совершенно, не привнеся въ языкъ никакихъ новыхъ элементовъ? Посмотрите на Англо-Саксовъ въ Великобританіи, Франковъ въ Галліи. Такъ ли безслѣдно слились они съ туземными населеніемъ? Не знай мы вовсе средней исторіи, по одному языку мы могли бы открыть присутствіе разнородныхъ

элементовъ во французскомъ и англійскомъ языкахъ и заключить отсюда, если не о завоеваніи, то о какомъ-то вѣроятномъ смѣшеніи народовъ въ этихъ странахъ. Сколько турецкихъ словъ вошло въ языкъ Славянъ, завоеванныхъ Турками, хотя послѣдніе и не поселились между ними? Магьяры, поселившіеся въ землѣ Словаковъ, не забыли же своего языка и сохранили его до сихъ поръ! Обыкновенно говорятъ, въ объясненіе этого страннаго явленія, что Варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, были немногочисленны. Г. Погодинъ, въ III томѣ своихъ «Исслѣдованій», идетъ еще далѣе и дѣлаетъ остроумное предположеніе, что множество знатныхъ Варяго-Руссовъ погибло съ Святославомъ въ болгарскомъ походѣ, чрезъ что число ихъ еще уменьшилось. Положимъ, что такъ; но все-таки мысль, что Варяговъ-Руси и Варяговъ вообще было у насъ немного, кажется намъ не совсѣмъ основательною. Во-первыхъ, самъ г. Погодинъ говоритъ, что наши князья не употребляли туземцевъ, то есть, земледѣльцевъ на войну (Т. III, стр. 124). Ниже мы скажемъ объ этомъ свое мнѣніе; а здѣсь же примемъ, что это такъ. Чтò жъ изъ этого слѣдуетъ? То, что войска князей состояли изъ однихъ Руссовъ и Варяговъ, поселившихся у насъ и приходившихъ служить. А войска эти были многочисленны. По словамъ Массуди, русское войско, предпринимавшее походъ на Каспійское-Море, простиралось до 33,000 человекъ (сказано, что 30,000 убито и 3,000 спаслось бѣгствомъ). Войско Олега состояло изъ 80,000 человекъ (2,000 судовъ и на каждомъ изъ нихъ по 40 человекъ); Ярославово до 40,000. Принявъ съ г. Чертковымъ несравненно-мѣньшія числа, и для Святослава не болѣе 10,000, мы все же найдемъ, что Варяговъ было у насъ не горсть, не куча, какъ думаютъ нѣкоторые. Этому противорѣчатъ, кромѣ ясныхъ извѣстій, и другія соображенія: безпрестанныя войны и походы, предпринимавшіеся нашими Варягами, множество племенъ, которыми они владѣли, и которыя при всѣхъ

комъ удобномъ случаѣ отъходили платить дань. Что не всѣ Варяги, существовавшіе у насъ, были Руссы, этого не значить, потому-что въ глупыхъ Славянъ одни не отличались отъ другихъ: и тѣ и другіе были Варяги—одноплеменники между собою—а насъ чужеродцы. Они принесли одинъ элементъ, безпрестанно возобновлявшій новыми пришельцами въ заповѣдь, не смотря на то, чрезъ 200 лѣтъ не оставили по себѣ въ насъ языкъ и какихъ-либо словъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ. Совершенно-неожиданно!

Третій фактъ очень-важный—опisanіе Святослава у Лва-Дьякова. «Домъ онъ былъ таковъ: среднего роста, не слишкомъ-высокаго, не слишкомъ-малаго, съ густыми бровями, голубыми глазами, съ яснымъ цветомъ, съ бритой бородой и съ густыми, длинными, висящими на веревочку губѣ волосами. Голова у него была весьма толстая, но только на одной стороне висѣла локона волосъ, означавшая знатность рода» и т. д. (Исторія Дьякова, стр. 97). Въ этомъ описаніи трудно узвать Нормана. Обычай брить голову не норманскій, и то, что Норманы носили длинные волосы,

далѣе, какъ не поразительно, Варяги-Русь, будучи язычниками, поклонялись однимъ богамъ съ Славянами? Г. Погодинъ, въ третьемъ томѣ своихъ «Исслѣдованій», описавъ всѣ извѣстія летописи о религіозныхъ гадъ того времени изъ Варяговъ, а не изъ Славянъ. «Такъ и здравый-разсудокъ и историческая-слѣдовательность», говоритъ онъ (стр. 304). «Можетъ ли быть», продолжаетъ онъ далѣе «какое-нибудь сходство между богами Норманскими, а не нашими Славянскими: Олегъ и мужи его, чужеземцы, першаго поколения, въ частію пришедшіе съ Рюрикомъ, могли бы клясться чужими богами, которые не вѣдали о клятвенномъ своемъ вѣрованіи. Какъ же нѣкоторые Варяги-Христиане клянутся въ церкви во христіанскому закону: такъ и Олегъ клялся

русскому закону. Но это натяж-
Еслибъ языческіе боги, упоминае-
ие у Нестора, были варяго-русскіе, а
славянскіе, народъ не могъ бы имъ
клоняться, ихъ чтить и за нихъ сто-
я. Неправда ли? Однако мы видимъ,
о имъ поклонялся весь народъ. Это
иво изъ повѣствованія Нестора о
мъ, что плакали *несторныи люди* по
рунѣ, когда Владиміръ велѣлъ ста-
ать его съ горы въ Дятирѣ, и нѣтъ
какого повода думать, чтобъ эти не-
орные были одни Варяги-Русь. Въ
Свѣйскомъ Временникѣ, на стр. 57,
въ разсказѣ о Варягѣ Θεодорѣ и сынѣ
го Іоаннѣ находимъ, что бояре и
тарцы присовѣтовали Владиміру бро-
нть жребій, кого привести въ жерт-
у богамъ. Если бояре и были Варяго-
уссы по происхожденію, какъ дока-
ываетъ г. Погодинъ, — хотя съ этимъ
нельзя согласиться, потому что чинъ
оярива мы находимъ и у нѣкоторыхъ
ругихъ славянскихъ племенъ, — все
е остаются еще *старцы*, подъ кото-
ыми безъ натяжки нельзя разумѣть
днихъ Варяго-Руссовъ. Далѣе, тамъ
е, на стр. 57, въ разсказѣ о смерти
тихъ первыхъ и послѣднихъ киев-
скихъ мучениковъ, мы находимъ сло-
а: «и кликнуша Кіевне, и подѣкоша
сѣни подъ ними и тако побиха я.—
Если Кіевляне такъ негодовали за пору-
аніе боговъ, все вѣроятіе, что они имъ
авлялись, ибо иначе это было бѣ не-
бяснимо. (Въ лаврентьевскомъ спискѣ
о Тимковскому слова «Кіевне нѣтъ; по-
ому мы на него и не ссылаемся). Да-
ѣе, въ Лаврент. Лѣтописи (стр. 82) мы
итаемъ: «И се рекъ, повелѣ рубити
еркви и поставити по мѣстамъ, идеже
столаху кумиры, и постави церковь
св. Василья на холмѣ, идеже стояше
кумиръ перунъ и прочіи, *идеже тво-
рляху потребности килъ и людье*». Опять и
въ этого мѣста видимъ, что *люди*,
ародъ, поклонялись и приносили жерт-
ы Перуну.—Такимъ образомъ, на ос-
ованіи приведенныхъ свидѣтельствъ,
мы заключаемъ, что Перунъ и прочіе
оги были славянскіе; по-крайней-мѣ-
ѣ, во времена Владиміра имъ покло-

нались наши Славяне. Г. Погодинъ
можетъ возразить, что *люди* по объ-
ясненію, имъ принятому, не отно-
сится вообще къ народу, а только къ
Варяго-Руссамъ. Но мы видимъ, одна-
ко, изъ самой лѣтописи, что иногда *лю-
ди, людье*—употреблялось для означенія
вообще народа, а не извѣстнаго сосло-
вія. Такъ, когда лѣтописецъ говоритъ:
«И прииде (апостолъ Андрей) въ Словѣни
идеже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту
люди сущая, како есть обычай имъ»
(стр. 5), или «ти суть людье Ноугородь-
ци, отъ рода Варяжска, прежде бы-
бъша Словѣни» (стр. 12), нѣтъ ника-
кой возможности допустить, что онъ
разумѣетъ особенное какое-нибудь со-
словіе. То же должно сказать и о всѣхъ
мѣстахъ, которые мы привели въ до-
казательство, что Славяне поклонялись
Перуну. Здѣсь тоже разумѣется подъ
людьми народъ, и мы не имѣемъ ни
малѣйшаго права подразумѣвать од-
нихъ Варяго-Руссовъ.

Слѣдовательно, однимъ богамъ кла-
нялись и Варяго-Руссы и Славяне. Не-
льзя предположить, чтобъ первые со-
общили ихъ послѣднимъ. Это противъ
но исторіи Скандинавовъ въ Россіи.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они принима-
ютъ въ себя славянскаго элемента, а
не наоборотъ. Слѣдовательно, остается
предположить, что Скандинавы при-
няли, можетъ-быть, безсознательно ре-
лигію Славянъ. Но и это нисколько не-
вѣроятно. Мы видимъ изъ лѣтописи,
что уже Олегъ клался Перуномъ и Во-
лосомъ; Игорь также. Если трудно
себѣ представить, какимъ образомъ
Владиміръ могъ признать языческихъ
боговъ Славянъ, то совершенно-невоз-
можно допустить это въ самомъ началѣ
водворенія варяго-русской дружины
въ нашей землѣ. Итакъ, Варяги-Русь
имѣли съ нами одну вѣру.

Взгляните на этотъ предметъ отри-
цательно, и вы дойдете до того же ре-
зультата. Мифологія Скандинавовъ не-
извѣстна. Находимъ ли мы въ нашей ми-
еологіи хоть одно божество, заимство-

ванное отсюда? Догадки протоіерея Сабинина не болѣе, какъ догадки, предположенія. Съ этимъ согласенъ и г. Погодинъ. Дѣйствительное сходство представляютъ только черты, въ которыхъ выражается воинственный характеръ Скандинавовъ и Варяго-Руссовъ. Но эти черты слишкомъ-общы; изъ нихъ никакъ нельзя еще заключать о тождествѣ религій Варяго-Руссовъ и германскихъ Скандинавовъ.

Далѣе, странно, что христіанская религія, а вмѣстѣ съ нею священное писаніе, богослужебныя книги, помоканоны являлись къ намъ и распространились у насъ только на греческомъ и славянскомъ, а не на другомъ языкѣ. Еслибъ Варяги-Русь были скандинавскіе Германцы, какъ представить себѣ, что они начали исповѣдывать новую вѣру на языкѣ имъ чуждомъ? Ольга была уже христіанка и имѣла при себѣ духовника, а она была варяжскаго рода. Теперь еще, почти на нашихъ глазахъ, въ предѣлахъ нашего государства, переводится священное писаніе на языкъ инородцевъ, небольшихъ племенъ, обитающихъ въ какомъ-нибудь далекомъ углу имперіи, а сначала, когда владычествующими были чужеземцы, имъ проповѣдывалось евангеліе на славянскомъ языкѣ? Это ни съ чѣмъ несообразно! Намъ скажутъ: да это неизвѣстно. Однако, изъ древнѣйшихъ памятниковъ, до насъ дошедшихъ, всѣ безъ исключенія писаны на славянскомъ языкѣ. Остался бы хоть какой-нибудь слѣдъ другаго языка; но слѣдовъ нѣтъ; даже нѣтъ намѣновъ на то, что былъ какой-нибудь другой языкъ во время владычества дружины, кромѣ славянскаго. Намъ могутъ еще возразить, что и въ католической Европѣ варвары приняли религію на языкѣ имъ чуждомъ, латинскомъ, принадлежавшемъ покореннымъ ими народамъ? Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій, какъ они были обращены. Знаемъ, что многіе изъ нихъ были уже христіанами, когда основали государства на развалинахъ Западной-

Римской-Имперіи. Сверхъ того, мы знаемъ также, что Ульфилъ проповѣдывалъ Готамъ на ихъ языкѣ: это называютъ отрывки изъ готскаго евангелія, дошедшіе до насъ. Что потомъ они приняли латинскій языкъ, не удрено, ибо они долго, до разрушенія имперіи, находились, по-крайней-мѣрѣ наружно, въ зависимости отъ Рима и исподоволь подчинялись влиянію высшей цивилизаціи, перелъ котораго благоговѣли. Въ этомъ фактѣ мы видимъ только, что побѣдители были и обижены образованностію побѣжденных—явленіе очень-часто встрѣчающееся, и неудивительное. У насъ, подвластные и властвующіе были язычники. Варяги первые стали обращаться къ христіанству, какъ говорилъ самъ г. Погодинъ. Греки проповѣдывали евангеліе всегда на языкѣ обращаемыхъ. Примѣромъ могутъ служить Славяне. А Варяги-Русь проповѣдывали на славянскомъ языке, когда это племя было господствующее? Съ чѣмъ это сообразно?..

Изъ всѣхъ этихъ соображеній позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее предположеніе: Варяги-Русь, пришліе къ намъ, не были ли Славяне, по-крайней-мѣрѣ смѣсь Славянъ и Германцами? Первое мнѣніе вѣроятнее второго. Мнѣніе вѣроятнее тому-что нельзя себѣ представить, что народъ принялъ всѣ обычаи, вѣру и духъ другаго народа, неперемѣнившись совершенно. Такъ вѣроятно, вѣрнее перестали быть Славянами бывшіе Германцами. Учрежденія, принесенныя къ намъ Варягами-Русью, были германо-скандинавскія; ужасно въ этомъ не трудно даже безъ помощи учености и проницательности сравнить какое-нибудь народное славянское казачество, даже Новгородскіе ихъ устройство съ государственнымъ гражданскимъ устройствомъ, бывшимъ у насъ со времени Варяго-Руси, чтобъ увидѣть, какъ различныя учрежденія славянскія отъ германскихъ, и какъ въ варяго-рус-

клетяхъ мало славянскаго и мно-
жано-скандинавскаго.

предположенію, что Варяги-Русь
Славяне, или смѣсь Славянъ съ
ино-Скандинавами, нисколько не
спорятъ, какъ намъ кажется, и
прочія извѣстія. Замѣтимъ, что
не указываютъ вообще на стѣ-
ны опредѣляя точнѣе, какого пле-
бы наши стѣверные выходцы.
и, какъ намъ извѣстно, самое об-
неопредѣленное названіе, изъ ко-
о князя ровно ничего заключать
ювальности пришельцевъ. Такъ
тора. У западныхъ и греческихъ
елей, это названіе еще неопредѣ-
е. Туле, Норманъ—не доказыва-
ерманскаго происхожденія Варя-
Руси, а говорить только, что они
на стѣверѣ. Г. Погодину самому
тно, что на стѣверѣ Славяне и скан-
скіе Германцы были издавна со-
и могли легко смѣшаться. У не-
находимъ объ этомъ очень-ли-
ные факты.

норманны и Славяне. говорятъ
ископи жили радомъ, въ сосѣд-
по Балтійскому морю, и въ неза-
пныя еще времена обитались
ими словами, кои встрѣчаются въ
нѣкоторыхъ памятникахъ. Нѣкото-
ра пленова—по сосѣдству—даже
нались, такъ что ихъ разобратъ
мо. Въ дружинахъ норманскихъ
сгда было очень много Славянъ.
ъ Гельмольдъ свидѣтельствуетъ:
иконаннами называются обыкно-
ю люди, отовсюду собранные, ко-
ле населяютъ Марку. Въ Славян-
землѣ много Марокъ, изъ кото-
ъ не послѣдняя наша Вигирская
инція, имѣющая мужей сильныхъ
ытныхъ въ битвахъ, какъ изъ
чанъ, такъ и изъ Славянъ. Флотъ
анискій, приплывшій во Фризию,
олягъ, по свидѣтельствамъ, изъ
чанъ, Норвежцевъ и даже Обо-
говъ. Въ экспедиціи противъ Ан-
1857 года было много Вендовъ.
ъ III, стр. 28 и 29).

Одно извѣстіе, по-видимому, проти-
воричитъ этому предположенію: рус-
скія названія дѣпровскихъ пороговъ,
сообщенныя императоромъ Константи-
номъ; но и оно, при ближайшемъ раз-
смотрѣніи, ничего не доказываетъ. Во-
первыхъ, Русь была господствующая
дружина въ Кіевѣ и между Славянами.
Она пришла съ стѣвера, страны, отку-
да на всю Европу происходили безпре-
рывныя хищническія нападенія Варя-
говъ. Зная Руссовъ, зная, что они при-
надлежатъ къ Варягамъ, Константинъ
легко могъ давнишнія скандинавскія
названія пороговъ назвать русскими.
А издавна они не только могли суще-
ствовать, но и по всѣмъ вѣроятіямъ су-
ществовали, потому-что лежали на тор-
говомъ пути, по которому Скандинавы
ходили въ Грецію. Итакъ, изъ того,
что Константинъ называетъ скандинав-
скія названія русскими, никакъ нельзя
еще заключить, что Руссы были гер-
манскіе Скандинавы. Вѣдь называетъ
же Левъ-Дьяконъ Святослава Тавроски-
еомъ! Вѣдь называются же всѣ пред-
принимавшіе походъ въ Грецію изъ
Россіи—Руссами, хотя мы и достовѣр-
но знаемъ, что въ этомъ походѣ уча-
ствовали призванные Варяги изъ Шве-
ціи и другихъ стѣверныхъ странъ, а
можетъ-быть даже и Славяне, если бу-
квально понимать слова Нестора. (На
соотвѣтствіи русскихъ и славянскихъ
названій дѣпровскихъ пороговъ мы
не остановились здѣсь, потому-что оно
не говоритъ ни за, ни противъ, и мо-
жетъ быть различно объяснено.)

Все это предположенія, которыхъ
мы и не выдаемъ за истину. Только
мы твердо увѣрены, что факты, возбу-
ждающіе не въ насъ однихъ сомнѣніе
въ германо-скандинавскомъ происхо-
жденіи Варяговъ-Руси, не могутъ быть
обойдены безъ вниманія, какъ было
до-сихъ-поръ. Необъясненные, необсу-
женные, они останутся сильными до-
казательствами противъ германскаго
происхожденія нашихъ Варяго-Рус-
совъ.

Во второй половинѣ втораго тома го-
ворится сначала о Славянахъ вообще;

до известнымъ «Славянскимъ Древностями» Шафарика. Еще прежде, въ предисловіи, г. Погодинъ объяснилъ, что заставило его внести въ издаваемую имъ книгу результаты изслѣдованій славянскаго филолога (стр. IX).

Извлеченіе это дѣлалъ я вотъ съ какою цѣлю: мнѣ хотѣлось показать, при этомъ случаѣ, въ какой связи находится русская исторія съ древле-славянскою, на которую многіе молодые люди начали обращать у насъ особенное вниманіе, чего отъ нея, на какихъ путяхъ, ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно; наконецъ, это извлеченіе до-ставляетъ данныя, съ коими слѣдуетъ приступить къ рассмотрѣнію нашихъ «Славянъ, пропускаемыхъ нами до-сихъ-поръ безъ вниманія, хотя изъ нихъ собственно составилось госу-дарство».

Во второмъ томѣ, эта мысль поясне-на и оаредѣлена еще болѣе (стр. 321): «Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, т. е. съ прибытія князей Варяго-Русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его одно-родцахъ, я довольствовался изложе-ніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить вѣчего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, въ слѣдъ за законоположи-телью исторической критики прошле-даго столѣтія, Шлёцеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ «Сла-вянскія древности» производитъ со-вершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Нель-зя сказать, чтобъ основная его мысль была совершенно новая. Нѣтъ, и пре-

жде нѣбли ее многіе послѣдними русскіе и иностранцы; но они представляли ее только въ видѣ чина и догадкамъ, или соединяли ее с другими неосновательными пред-положеніями, или не извлекали изъ ее никакихъ существенныхъ вѣще-ныхъ для науки слѣдствій, не при-сывали ей такой важности и знач-ности. Шафарикъ, съ необытною своею ученостью и начитанностію остроуміемъ и проникательностію воспользовавшись всѣми известны-ми до него и имъ открытыми источ-никами, возвелъ эту мысль на стени осязательной истины, и вѣстѣи ставилъ думать, что исторія всаго славянскаго племени и государств-тѣсно и необходимо связана съ ея первоначальной исторіей всего слав-скаго народа, точно такъ, какъ вѣт-раслаи дерева бывають тѣсно связа-ны съ его корнемъ. Познаніе корня и обходимо для познанія отраслей, и безъ него во многіихъ отношеніяхъ остались бы непонятными».

Мысль хороша. Только мы не думаемъ, чтобъ русскій историкъ могъ набудъ извлечь изъ нея для своего предмета. Источники древнейшей христіанской исторіи Славянъ очень бѣдны. По-крайней-мѣрѣ, такъ мало можетъ-быть, новаго открытъ, что жуть намъ, чего мы теперь не знаемъ. Описаніе русскихъ Славянъ у Нестора, какъ ни подробно обработано, но извѣстія, даетъ объ нихъ очень ску-бое, сбивчивое, неопредѣленное и не-ясное.

Извлеченіе составлено тоже такъ-какъ читателямъ уже знакома книга Шафарика, то мы не будемъ излагать этой части г. Погодина, и не можемъ не замѣтить вообще, въкоторыя, по нашему мнѣнію, не-страстные и ложные выводы Ша-фарика перешли и въ книгу г. Погодина. Послѣ небольшого отступленія, въ томъ-же г. Погодинъ очень справедливо и основательно говоритъ о

менной славяноманіи и бесплодности этой школы, онъ объясняетъ отношеніе исследований Шафарика къ русской исторіи. По его мнѣнію, между ними глубокая внутренняя связь. Главныя волненія, выведенныя изъ исследований Шафарика о Славянахъ, встрѣчаются на каждой страницѣ въ русской исторіи; все, что принадлежало древнимъ Славянамъ, досталось и намъ въ лицѣ нашихъ предковъ IX столѣтія. Въ чемъ же состояло это наследство?

Во-первыхъ, они имѣли древность, старшинство. Народъ нашъ жилъ уже какъ особой народъ, или какъ племя особаго народа, въ его составѣ, или отдѣльно, по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика, а чѣмъ глубже основаніе, тѣмъ тверже влечіе; чѣмъ обширнѣе корень, тѣмъ вѣтлестіе дерево; чѣмъ старше жизнь, тѣмъ опытнѣе. Во-вторыхъ—языкъ, въ одномъ нарѣчій котораго, близкомъ къ нашему и понятномъ, нашлись въ IX вѣкѣ выраженія для всего священнаго писанія. Далѣе, религіозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходныя. Наконецъ, всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни. Вотъ важныя данныя, кои приобретаемъ мы при первомъ знакомствѣ съ славянскими древностями, и съ коими смѣло можемъ приступить къ разсмотрѣнію нашихъ славянскихъ племенъ, искать у нихъ слѣдовъ общаго достоянія. Вѣрно не находились онѣ на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ немолчаливый Шлёцеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши исследователи, до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города, представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и Кривичи съ Чудью и Весью могли точно при-

звать себя защитниками, могли и поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые Варяги должны были подчиниться вліянію туземцевъ, и черезъ два, три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ. Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполне, или считали не понятными пропусками, тѣ явленія можемъ мы теперь смѣло слѣдять предметами исследований, и искать тамъ, гдѣ найдти что либо отнята была даже надежда подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорванъ свѣтлыми лучами, приобретена твердая точка! Ясно ли видите вы, какъ важны для русской исторіи славянскія древности, и въ какой связи находится съ ними русская исторія? (стр. 383—385).

Въ короткихъ словахъ, эта связь состоитъ въ томъ, что мы теперь приобретаемъ право исследовать бытъ нашихъ Славянъ залого до Рюрика,—право, которое мы имѣли бы и прежде, еслибы были источники, по крайней мѣрѣ хоть бы скудные извѣстія, служащія точками опоры для историка. Но ихъ нѣтъ. Этому недостатку ничто не можетъ помочь. Лучшее доказательство—тщательно-собранныя и обработанныя самимъ авторомъ мѣста изъ Нестора о нашихъ Славянахъ, а Несторъ едва ли не единственный прямой источникъ, во всякомъ случаѣ самый богатый; не смотря на всю свою скудость. Самъ г. Погодинъ говорить (стр. 395), что «ихъ очень мало... и ученое любопытство ими не удовлетворяется», но послѣ этого предлагаетъ вопросъ: «не уже ли нѣтъ никакихъ средствъ дополнить наши понятія?» Эти средства суть, по его словамъ: языкъ, нарѣчія, собственныя названія, правдики, повѣрья, примѣты, преданія, обычаи, пѣсни, посло-

виду. Въ доказательство важности собственных именъ приведены остроумныя розысканія Ходаковского о городищахъ, основанныя преимущественно на именахъ. Объ этихъ розысканіяхъ до-сихъ-поръ нельзя ничего сказать ни за, ни противъ. Видно только, что Ходаковский былъ энтузіастъ своего дѣла и отдался ему какъ немногіе могутъ чему-нибудь отдаваться. Благодаря г. Погодину, мы теперь отчасти познакомились съ трудами этого замѣчательнаго человѣка. Жаль только, что они разбросаны въ

разныхъ современныхъ издавіяхъ и не собраны въ одну книгу; искать было бы легче. Въ заключеніе мы должны признаться, что излеченіе, сдѣланное г. Погодинымъ надъ Ходаковскимъ, не совѣтъ намъ поправилось. Во многихъ мѣстахъ, особливо въ отрывкахъ Калайдовичу, Ходаковский излагаетъ свою систему гораздо-опредѣленнѣе, яснѣе, нежели какъ она представляется въ разбираемой нами книгѣ. Здѣсь эта система какъ-то стерта. Впрочемъ, мы можемъ и ошибаться.

**ПИСЬМО КЪ Н. В. ГОГОЛЮ, по поводу предисловія ко сто-
изданію «Мертвыхъ Душъ».**

=

Милостивый государь.
прочелъ предисловіе ко второму
ію «Мертвыхъ Душъ» и, поль-
вашею покорнѣйшей просьбой,
денной ко всѣмъ жителямъ рус-
царства, рѣшился сдѣлать нѣ-
ко замѣчаній на вашу поему. На-
се, что я не хотѣлъ прибѣгнуть
къ способу доставлять замѣчанія,
ый вы сами указали, но выби-
редство гласное—журналъ, имѣю-
наибольшее число читателей.
ваша—дѣло общее, а при томъ
дѣло, которое придало ей пред-
метъ, она—дѣло почти вселенское;
материально, и мои на нее замѣчанія
ны быть общими, если не вселен-
ны, не оставалась тайной между на-
| безъ этого много тайтъ на землѣ
нобѣ — отъ судьбы человѣка до
горныхъ предисловія!

чего же начать мнѣ? Начну съ
то начала—съ предисловія. Въ на-
деждѣ случаѣ, оно для меня важ-
нейшей книги, съ которой я уже ко-
но ознакомился черезъ первое на-
е. Есть два рода предисловія: од-
ворять о содержаніи сочиненія,
какая сочинителя; другія (назову
субъективными) говорятъ больше
чинителѣ, нежели о сочиненіи.
е принадлежитъ къ послѣднимъ:
кого-то оно видѣтъ въ глазахъ по-
чрезвычайную важность. Оно на-
кается автора, который скрытъ въ

своихъ твореніи, заслуженнымъ дѣй-
ствующими лицами. Герой предисло-
вія, авторъ, высказываетъ себя съ той
или другой стороны, высказываетъ
себя непосредственно, безъ помощи
какого-нибудь Маншлова, который мо-
жетъ увлечься дружбой, или какого-
нибудь Собакевича, который можетъ
увлечься своимъ собачествомъ.

Но я заранѣе долженъ объявить
вамъ, что замѣчанія мои должны при-
нести только мнѣ пользу, не принеся
вамъ ни малѣйшей. Въ нихъ не отвѣ-
ты на ваши запросы, а вопросные
пункты, требующіе отвѣтовъ. Въ пре-
дисловіи вашемъ много такого, чего
свѣттики не допускаютъ, много таин-
ственного. Будьте ко мнѣ снисходи-
тельны: разоблачите передо мною ин-
теріи предисловія, объясните то, что
обыкновенному уму не понятно. Вамъ
это ничего не значить. Если ужъ я, по
настоятельной просьбѣ вашей, уви-
зился до того, что представился вамъ
человѣкомъ, «ничему ночи не уча-
шимся», то вамъ, творцу населевъ,
одаренному сильной фантазіей, всего
легче вообразить человѣка, который
дѣйствительно мало учился, человѣ-
комъ малоучившимся.

Вы говорите: «Въ книгѣ моей мно-
гое описано не вѣрно, не такъ какъ
есть и какъ дѣйствительно происхо-
дитъ въ русской землѣ. Отъ моей
собственной ослѣпленности, извѣстна

и поспѣшности, произошло множественство всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ — что на всякой страницѣ есть что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Похвальное признаніе, рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей литературы! Но меня интересуетъ не признаніе, а непонятное въ этомъ признаніи. Если вы сами утверждаете, что многое изображено въ вашей книгѣ не такъ, какъ есть: следовательно, вы знаете, какъ оно есть. Сознавая противорѣчіе между тѣмъ, что вы написали о русской землѣ, и тѣмъ, что дѣйствительно въ ней происходитъ, вы, следовательно, сознали, въ чемъ ваша ошибка и какова дѣйствительность; другими словами: вы уже поправили свою ошибку. Что же дѣлать адѣй другимъ? зачѣмъ поправлять поправленное? Отрицаніе преняго должно основываться на положеніи новаго: иначе отрицаніе выйдетъ фантастическое. Чужіе совѣты не будутъ ли въ этомъ случаѣ повтореніемъ вашего собственнаго мнѣнія, если они справедливы? И человѣкъ, просвѣщенный совѣтовъ, не будетъ ли походить на того больного, который спрашиваетъ у доктора, можно ли ему ѣсть такое-то кушанье, когда онъ это кушанье уже съѣлъ безъ докторскаго позволенія?

Что касается до причины вашихъ ошибокъ, я нахожу ее столько же смиренною, сколько и рациональною: «я не могу узнать всего». Какъ это вѣрно и глубоко! Однакъ не въ силахъ узнать всего! Конечно, отъ этого собственно не сознавая слабости далеко еще до слабости Сократа, который, къ концу жизни своей, узналъ только то, что онъ ничего не знаетъ; но вѣдь философическое, т. е. полное незнаніе достигается *scieendo*, равно-важъ и отшельническое смиреніе. При второмъ изданіи вѣтъ ему вѣста: оно можетъ расширяться, по самому малому сроку, въ предельнѣе изъ изданію третьему. Прогрессъ смиреннаго человѣка доходить-развѣтвется: сначала онъ, кажется, все знаетъ; потомъ, послѣ долгой борьбы, наконецъ убеждается, что

одинъ не можетъ знать всего; наконецъ, публично признается, что онъ знаетъ только свое незнаніе. Выразимъ этотъ прогрессъ другою формулой: сначала гордость, потомъ униженіе, наконецъ, униженіе особеннаго рода, извѣстное подъ именемъ униженія. Такимъ-образомъ, кругъ жизни смиреннаго человѣка смыкается, и русская поговорка передаетъ ее послѣднюю степень на своемъ скатомъ, и сильномъ языкѣ...

«Мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ». Испанскій свѣтлая какъ солнце! Рѣшите сами, что въ ней больше: правды или противоположности тѣмъ гордымъ словамъ другаго писателя, который публично восклицалъ: «Я знаю Русь, и Русь меня знаетъ!» Видно, этотъ писатель ходилъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ томъ моментѣ развитія, въ которомъ преобладаютъ гордость и аппетитъ. Не пойду дальше вашего смиренія: мало жизни человѣка, чтобы узнать одну и двусотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ». Остановимся на цифрѣ. Двѣсти человѣкъ нужны, чтобы узнать всю Русь! Отъ двухъ сотъ человѣкъ вамъ надобно получить письма! Съ ужасомъ представляю себѣ ваше положеніе, когда вы принуждены будете читать столько мнѣній, сколько головъ трудились надъ ними. Вы опытно узнаете сущность вавилонскаго столпотворенія: сколько разноречивыхъ прямо-противоположнаго мнѣній — отъ сущности или бессмыслицы до склада рѣчи и чернилъ! И если вы сумѣете вынести изъ нихъ что-нибудь положительнаго, безъ сомнѣнія, для васъ сущности языковъ не существуетъ. Приведу разноречивыя сужденія по случаю перваго представленія Ревизора, слышанныя вами при разсказѣ оригинальномъ: что вы поняли изъ этой мятицы одобреній и порицаній? что вы изъ нея вынесли? — ничего, кромѣ критической статьи, въ которой сужденія

осмѣяны, а вѣдь ихъ было очень-ого, несравненно-меньше двухъ гъ, нужныхъ для совершеннаго поимя Россіи. Чтѣ же выйдетъ, когда шутъ вамъ люди простаго званія, рые, между-прочимъ, и не читали ѣи книги, хотя, можетъ-быть, облаъ качествами, нужными для корондациіи? Нѣчего сказать, пріятзаніе для ума и сердца! Я ужъ чиваю о невыгодномъ положеніи, которые, прочитавъ вашу книгу, тутъ ее теперь читать снова, имѣла съ собою, по вашей просьбѣ, бу и чернилицу, въ рукахъ держа и дѣлая замѣчанія на каждую ницу. Объ этомъ не стоить говоы для такого важнѣйшаго предмета, вы «Мертвыя Души», и для такоюмужнѣйшаго, современнаго воа, каково направление «Мертвыхъ гъ», вопроса, соединяющаго въ сеатріотическіе и европейскіе нитеы, должно забыть свои необходиаванія, пожертвовать своимъ времъ. Но мнѣ жаль васъ, почтенный рь: васъ такъ только займетъ сапроцессъ чтенія!

внга ваша достигла втораго издаы. Тьсячи экземпляровъ ея разошю Россіи. Она извѣстна каждому аванному человеку. Ее прочла малыишъ удовольствіемъ, какъ проишіе высоко-поэтическое, а таъ-же можетъ назваться только дѣй, малое изображеніе жизни. И чтѣмъ авторъ говоритъ, что онъ былъ шестъ, неарѣлъ и поспѣшенъ, что нигѣ его описанія неарѣны, что въ шитѣ множество промаховъ поши, такъ-что на каждой страницѣ чтѣ поправитъ. Чѣмъ же, позволъ-просить, восхищалась публика, чи «Мертвыя Души»? — ошлостью арѣлостью автора, неарѣными опиани, изображеніями не дѣйствиюсти, множествомъ промаховъ и бокъ?.. Этого мало. Въ послѣднемъ меніи своемъ: «Выбранныя Мѣста Перешиски съ Друзьями», авторъ ригъ: «дивлюсь тому, что мало чало было упрека въ отношеніи Т. Л. — Отд. V.

къ искусству и творческой наукѣ. Слѣдовало показать, какія части чудо-вищно-длины въ-отношеніи къ дру-гимъ, гдѣ писатель извѣнилъ самому-себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Ни-къю не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сопращены, неважныя и по-бочныя распространены. Положеніе, въ которое авторъ становится передъ публикой, очень-странно и щекотливо. Будь я живописецъ, я изобразилъ бы это положеніе... И наконецъ, авторъ зываетъ по всѣмъ степенямъ обще-ства: къ людямъ высокаго образованія и высокой жизни, къ людямъ не вы-сокаго образованія и простаго званія, къ богатымъ онытомъ и пошнаниемъ жизни, къ сословію вышнему, къ одареннымъ способностью вообра-жать, къ литераторамъ и журнали-стамъ, умеля всѣхъ и каждаго по-мочь ему! У этой самой публки, ко-торой авторъ сейчасъ надѣлалъ столь-ко комментовъ, онъ же покорнѣй-ше проситъ совѣтовъ!! Эту публку, неуиѣвшую понять перваго изданія «Мертвыхъ Душъ», авторъ проситъ поправить второе, напечатанное безъ малѣйшихъ перемѣнъ съ перваго!!! Онъ публично говоритъ намъ: «никто неъ васъ не замѣтилъ», и тутъ же прибав-ляетъ: «замѣтте есмь!!!!». Воля ваша, это насильна, одна изъ выходовъ юмо-ристики, въ которой обила и почтеніе, смиреніе и гордость такъ нераздѣльны, что не знаешь, гдѣ оначивается одно и гдѣ начинается другое. Примиреніе это-го юмора совершается на высотѣ не-дестала, когда авторъ на весь ошніашъ и жертвы будетъ отвѣчать съ улыб-кой: «Благодарю, друзья мои, благода-рю: но вы горько ошиблись: я рождаюъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ проназвать эпоху въ области литературной».

Пойдемъ дальше. «Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какомъ бы ни-чтожною ни показалась въ главахъ

«утокъ моя книга, и напиши бы ни показало тебѣ великимъ дѣломъ ее «целправлять и писать на нее замѣчанія,—я прошу тебя это сдѣлать». Непонятная вещь! Объясните мнѣ, почему человѣкъ высокаго образованія и жизни высокой (замѣтьте: высокаго и высокою!) долженъ сдѣлать то, что въ глазахъ его ничтожно, что онъ считаетъ дѣломъ великимъ? Не значить ли это людямъ высокиихъ унижать, умныхъ обращать въ неумныхъ?.. «Но я прошу васъ объ этомъ», говорите вы. — Значить, ваша просьба сильнѣе рациональнаго убѣжденія и поступковъ, на немъ основанныхъ? значить, ваша смиреннѣйшая просьба объявляетъ смиреніемъ и высоту образованія и высоту жизни? Не есть ли это своеправіе большаго (да, именно большаго), который проситъ доктора отступить отъ законовъ медицины? Другое дѣло—читатели невысокаго образованія и простаго званія (замѣтьте: невысокаго и простаго!), которымъ вы предлагаете «не считать себя такими невѣждами, чтобъ они не могли васъ чему-нибудь «поучить». Вѣроятно, они съ удовольствіемъ исполнятъ ваше предложеніе: это и легко и пріятно для нихъ самихъ, а для отечества полезно. Было бы крайнее-невѣжливо съ ихъ стороны не превратиться изъ невѣждъ въ образованныхъ!

«Итакъ, если бы случилось, что моя «сердечная просьба была бы уважена «вашими читателями и написаны бы изъ «нихъ дѣйствительно такіа добрыя думки, которые захотѣли бы сдѣлать «все такъ, какъ я хочу; то», и пр. — Непонятное для меня понятіе о добротѣ! Объясните мнѣ его, ради спасенія нравственности. У г. Загокина, добрый малый (въ комедіи того же имени) проситъ навѣрняка въ карты, и жетъ на-преналую и даже удачно воруетъ; у васъ добрая дума дѣлаетъ то, что вы хотите! Первое опредѣленіе доброты очень-удобно: оно представляетъ ясныя средства заслужить почтенное имя добраго человѣка. Второе, т. е. ваше, чрезвычайное-трудно, ибо хотѣлиамъ

человѣческихъ законовъ не писать, а съ другой стороны, оно оправдательно показывается, что желаніе и тора «Мертвыхъ Душъ» суть именно тѣ правила, по которымъ поступаютъ добрыя души; а по которымъ должны поступать дурныя, если онѣ только вознижутъ желаніе быть добрыми. Отказаться изъ этихъ законовъ такъ же неучтено, какъ невѣждамъ отказаться отъ своей счастія себя образованными.

«Объ одномъ прошу крѣпко то, «кто захотѣлъ бы надѣлать великихъ «дѣлъ замѣчаніями: не думая въ «время, какъ онъ будетъ писать, что «пишетъ онъ ихъ для человѣка «равнаго по образованію, который «наковухъ съ нимъ вкусотъ и мысли «и можетъ ума многого снѣвать в «безъ объясненія; не видите ли «образовать себя, что передъ нимъ «итъ человѣкъ, несравненно «шій образованнѣе, и почему «унижился». Едва-ли возможно «сдѣлать, при всемъ уваженіи къ «кой просьбѣ. Кто дѣйствительно «одинаковыхъ вкусовъ и мыслей «торошъ, тому, и безъ просьбы, «легко думать, что онъ думаетъ «и любить не то, и не то «но если кто, прочитавъ книгу, «счастію увидитъ, что согласенъ «сторони въ мысляхъ и чувствахъ; «тогда быть? Притворяться «не захочетъ, изъ уваженія къ «себѣ; а не исполнить просьбы «ской значить не уважить ее. «стоинное обзавиженіе! «ское положеніе, изъ котораго «другаго выхода, кромѣ удивительна «непріятности! Прочія уваженія, «данныя для исполненія просьбы, «ствію: любя въ воображать въ «человѣка, ничему-почти неучи «ся (какъ-будто это возможно «чтенія его сочиненій?), лучше «ставить деревенскаго дѣтара; «раго вся жизнь прошла въ «(тогда какъ намъ невѣдомо, что «посвятилъ чужіе края и тора

изъ нихъ), робинна (тогда какъ въ «Мертвыхъ же Душахъ» онъ жалѣетъ о прошедшей своей молодости), *опасается схватиться*, чтобъ не употребить выраженій выше его понятія, *безпрерывно имѣть въ виду все это...* Трудно соединить и такую силу воображенія, и такую способность къ насилуванію своего ума, и такую крайнюю опасливость въ безопасномъ предметѣ, и такое безпрерывное обладаніе всеми этими выюжными качествами. Кто, послѣ этого, ищетъ писать свои замѣчанія?.. Тогда говоритъ авторъ: «замѣчанія его выйдутъ боже значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ». Отъ него же, при этихъ условіяхъ, замѣчанія выйдутъ значительнѣе и любопытнѣе? Какой связь между воображеніемъ несуществующихъ вещей и дѣльною критическимъ взглядомъ? Чтѣ общаго между страхомъ употребить выраженія выше и между важностью выжаемого? между непрерывностью напруженнаго, противоположнаго состоянія, въ которое вы заключаете своего судію, и между внутреннею силою указаній, правдивостью голоса? Авторъ хочетъ и логично покорить своимъ покорнѣйшимъ просьбамъ. А замѣчатель, бѣдный замѣчатель! Ты и будешь даже знать истинной значительности и любопытности твоихъ замѣчаній: они выйдутъ ниже или выше твоего объ нихъ понятія; они выйдутъ не таковы, какъ ты самъ о нихъ умаешь, а таковы, какъ угодно тому, кого ты учишь.

Благодаря журналистовъ и литераторовъ за ихъ прежніе отзывы о нашей книгѣ, вы находите, однакожь, въ ихъ отзывахъ нѣкоторую *неумеренность и увлеченіе*, свойственныя чело-вѣку. Можетъ-быть, это и справедливо въ известномъ отношеніи; но почему вы думаете найти умѣренность и неувлеченіе въ журнальныхъ гзывахъ о новомъ изданіи, въ тѣхъ всѣмахъ, которыя станете получать въ всѣхъ концахъ Руси? Развѣ журналисты и литераторы отступятся отъ ихъ прежнихъ мнѣній, отречутся

отъ начальныхъ ощущеній? Увы, во всѣхъ дана возможность совершенствоваться такъ быстро, какъ автору «Мертвыхъ Душъ», который, при первомъ изданіи своей книги, не просилъ никакихъ совѣтовъ, а проситъ ихъ при второмъ, т. е. оканчиваетъ тѣмъ, съ чего бы слѣдовало начать! Не всѣ извѣняютъ вкруто привычный ходъ своей дѣятельности, если требуютъ отъ насъ пользы и самонаслажденія, а не потѣхи самолюбію

Здѣсь я забываю на время главный предметъ моего посланія, чтобъ сказать нѣсколько словъ объ увлеченіи вообще.

Изъ всѣхъ увлеченій, свойственныхъ чело-вѣческой слабости, всего плодотворнѣе или всего губительнѣе увлеченіе доктринами. Есть разные роды послѣднихъ. Есть доктрины, которыя все содержаніе выводятъ послѣдовательно изъ основныхъ началъ; есть, напротивъ, доктрина, совершенно-чуждая послѣдовательности и опредѣленности. Надобно всего больше бѣгаться второй, потому-что она построена на томъ несѣ, который называется шотландской. При ея великолѣпной остроумности не были приняты въ соображеніи ни законы природы, ни законы чело-вѣческой мысли; но такъ-какъ она кичетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранить высшее согласіе съ натурою и разумомъ, то, при объясненіи каждаго факта требуетъ вспомогательныхъ подстановокъ, побочныхъ ипотезъ, которыхъ, наконецъ, накопляется такое множество, что онѣ становятся въ завѣдное противорѣчіе другъ къ другу, и ипотеза, необходимая для объясненія такого-то явленія, легко разрушается ипотезою, нужной для объясненія другаго явленія. Поэтому у людей, слѣдующихъ этой доктринѣ, несообразности, вопіющія противорѣчія — самая ходячая монета: ширеніе уживается у нихъ рядомъ съ высокоуміемъ, любовь къ ближнему съ покойнымъ созерцаніемъ его долговременныхъ мученій; авторитетъ пошраетъ

своими ногами права разума, а въ другомъ случаѣ разумъ насилуетъ свою собственную природу, чтобъ доказать неразумное. — Какіе люди хватаются за эту докряну? Препиущественно люди ничему неучившіеся или мало учившіеся, но чувствующіе потребность опереться на что-нибудь прочное. Какое лекарство отъ ихъ увлеченія? Ученіе и ученіе. Нѣкоторыя науки особенно-полезны въ этомъ случаѣ: математическія, какъ гимнастика мысли, астрономія, указующая необъятность сотвореннаго, исторія, представляющая дѣйствительный прогрессъ чело-вѣчества, наконецъ, философія... Выговаривать, я забылъ знаніе языковъ—это сильное противодіе ограниченнымъ средствамъ просвѣщенія. Само собою понятно, что я не включаю сюда языка славянскаго, во-первыхъ, потому что Шмидковъ давно уже доказывалъ его тождество съ русскимъ, а во-вторыхъ, потому что хотя нѣкоторые Шмидкова отвергнуто, но языкъ славянскій есть основаніе русскаго, мы учимся ему въ колыбели,—онъ наша собствен-ность, наше родное достоинствіе.

Вотъ все, что на сей разъ мнѣ я сказать вамъ. Повторяю мою покорнѣйшую просьбу: объясните для меня непонятное. Сдѣлайте одолженіе, не считите этого дѣла мелкимъ, а меня об-

разованнымъ. Дайте вашему мнѣ-женію еще больше воли, нежели я далъ своему. Вы ничему почти не учились, а я вдвойнѣ ничему не учился. Я больше чѣмъ дикарь: я кандидатъ въ литеры. Я даже не ребенокъ, а только претолку на ребенка. Не смѣю думать, что я не родился (это было бы слишкомъ для меня уничижительно), но я нахожусь именно въ томъ состояніи, которое предшествуетъ вашему. Мое несаніе—эссенція вашего несанія; а меньше чѣмъ ничто: я два раза ничто. — Прощу васъ не заботиться также о силѣ и красотѣ выраженія: дѣло въ дѣлѣ, въ правдѣ дѣла, а не въ слогѣ. Если найдутся грамматическія ошибки,—обойтись: я вѣдь могу вообразить, что вы не знаете даже грамматики. Прислать свой отвѣтъ можете вы слѣдующимъ образомъ: не дѣлать сначала пакета на мое имя, а просто завернуть письмо въ одинъ пакетъ, съ надписью: *Въ Петербургъ, къ Контору Ответственныхъ Дѣлъ, съ передачею малому Контора доставить мнѣ, не распечатывая пакета.*

За симъ, пожелавъ вамъ всѣхъ (особенно здоровья, честь и благо-вѣсть,
милостивый государь,
покорнѣйшій слуга

Сто-одинъ.

15 января 1847.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Январь 1847 года.

46) Выбранныя Мѣста изъ Писемъ съ Друзьями Николая Гоголя. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. Въ 1-ю д. л. 287 стр.

Начало «Предисловія», помѣщеннаго къ этой книгѣ, по нашему мнѣнію лучше всего указываетъ точку, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на содержащіяся въ ней статьи.

«Я былъ тяжело боленъ (говорить Гоголь); смерть уже была близко. Собравши статоки силъ своихъ и воспользовавшись ервою минутой полной трезвости моего ма, я написалъ духовное завѣщаніе, въ оторомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на друзей моихъ издать послѣ моей смерти нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя снмъ испкупить полезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, о признанію тѣхъ, къ которымъ они или писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія гвела отъ меня руку смерти. Я почти издоровѣлъ; мнѣ стало легче. Но чувствую однако слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, и приготавлиаясь въ отдаленному путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разстаніи что-нибудь отъ себя своимъ сооте-

чественникамъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранявши все, что можетъ получить смыслъ только послѣ моей смерти, съ исключеніемъ всего, что могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ-три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю самое завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, если бы она застигла на пути моемъ, возымѣло оно точчасъ свою законную силу, какъ засвидѣтельствованное всѣми моими читателями». (Стр. 1—2).

Завѣщаніе Гоголя проникнуто духомъ, весьма-естественнымъ въ человѣкѣ изнуренномъ тѣлесными недугами и душевнымъ разочарованіемъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого произведенія:

II. Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустакѣ, Христиана недостойномъ.

III. Завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или всеобщей утратой. Если бъ даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго и начинать бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго иб. на удовольствіе нѣкото-

рытъ, но надобнаго всѣмъ, то и тогда не слѣдуетъ предаваться бесплодному сокрушенію. Если бы даже вмѣсто меня умеръ въ Россіи мужъ, дѣйствительно ей нужный въ теперешнихъ ея обстоятельствахъ, то и отъ того не слѣдуетъ приходить въ уныніе ни кому изъ живущихъ, хотя и справедливо то, что если рановременно похищаются люди всѣмъ нужные, то это знакъ гнѣва небеснаго, отъемлющаго сямъ орудія и средства, которыя помогли бы инымъ подвинуться ближе къ цѣли, нась зовущей. Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ передъ глазами! (Стр. 8, 9 и 10).

Странно было бы требовать отъ челоука, такъ тяжко страдающаго душою и тѣломъ, правильнаго логическаго возвращенія на жизнь и ея условія. Поэтому мы не будемъ *разбирать* заѣсь статей, вошедшихъ въ «Выбранныя Мѣста». Замѣтимъ только, что часто въ этой книгѣ встрѣчаются мысли чрезвычайно - свѣтлыя, высказанныя необыкновенно-сильнымъ и живописнымъ языкомъ. За то въ ней же встрѣчается и множество противорѣчій, множество натянутыхъ выводовъ, множество фактовъ, освѣщенныхъ ложнымъ свѣтомъ односторонняго возвращенія и произвольно-составленныхъ теорій. Все это такъ легко объясняется собственною исповѣдью автора и такъ рѣзко бросается въ глаза всякому, что подтверждать мнѣніе свое выписками и разсужденіями кажется намъ совершенно-излишнимъ. Кто возьметъ на себя этотъ трудъ, тотъ непременно впадетъ въ роль одного давнишняго писателя, который недавно съ такою поспѣшностью воспользовался случаемъ написать нелишенное здраваго смысла возраженіе противъ письма Гоголя «объ Одиссеѣ», переводимой В. А. Жуковскимъ». Съ своей стороны, мы обратимъ вниманіе читателей

только на одно любопытное противорѣчіе, встрѣченное нами въ «Выбранныхъ Мѣстахъ».

Противники Гоголя, которыхъ число, по разнымъ причинамъ, все не преминуть воспользоваться собственными его словами о *безвѣности* всѣхъ прежнихъ его сочиненій до «Мертвыхъ Душъ» включительно. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ хотите вы, чтобъ эти господа упустили такой прекрасный случай выставить въ странномъ свѣтѣ тѣхъ, которые не переставать ставить «Мертвыя Души» во главѣ всѣхъ современныхъ произведеній русской литературы? «Вотъ», скажутъ они: «собственное сознаніе художника въ огромныхъ недостаткахъ его сочиненій. Изъ-за чего же было такъ читать объ ихъ великихъ достоинствахъ господу критику натуральной школы? Но, не говоря уже о томъ, что вселенный авторъ — не судья своему сочиненію, свѣтуемъ всѣмъ, принимающимъ въ тованія Гоголя о собственной его чужности за горестное сознаніе слабости, прочесть въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» слѣдующія строки:

«Обо мнѣ много толковали, разное-какія мои стороны, но главною шества моего не определяли. Его сказалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить такъ ярко пошлость жизни, убогость челоука, чтобъ вся та мелочь, ускользающая отъ глазъ, мелькала крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое свойство, одному мнѣ принадлежащее, котораго точно нѣтъ у другихъ людей. Оно въ послѣдствіи углубило мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нѣкотораго душевнаго обстоятельства этого я не въ состояніи былъ тогда и самому Пушкину.

«Это свойство выступило съ силою въ «Мертвыхъ Душахъ». Мертвыя Души не потому такъ испугали и произвели такой шумъ, чтобы открыли какія-нибудь раны общественной или внутреннія болѣзни, и не

е, чтобы представлял потрясающія ны торжествующаго зла и стражливости. Ничуть не бывало. Герою вовсе не злодѣи: прибавь я только добрую черту любому изъ нихъ, ель примирился бы съ ними всѣми. ошлость всего вмѣстѣ испугала чей. Испугало ихъ то, что одинъ за мѣ слѣдуютъ у меня герои одинъ же другого, что нѣтъ ни одного утѣнаго явленія, что неглѣ даже и лохвуть, или перевести духъ бѣднотателю и что по прочтеніи всей кажется, какъ бы точно вышель какого-то душнаго погребца на Божій .. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы ставилъ картинныхъ изверговъ, но сти не простили мнѣ. Русскаго чека испугала его ничтожность болѣе, ли всѣ его пороки и недостатки. 141—143).

отъ какъ Гоголь *отказывается* отъ го таланта и отъ своихъ произведе- ній...

Сто рисунковъ изъ сочиненія Н. В. Гоголя: «Мертвыя Души» Изданіе Е. Е. Бернардакаго и А. Исавала А. Агивъ. тразировала на Е. Бернардакаго. Санктпетер-бургъ. Въ тип. Э. Праца. 1846. Въ 8-ю Выпуски I—XII.

яніе «Мертвыхъ Душъ» на рус- общество было такъ могущественно и животворно, что каждое слово, произнесенное по поводу этого гениальнаго произведенія, каждая безпокой- шутка, въ которой блеститъ само- юе слово Гоголя, каждый ни къ че- леведущій споръ о достоинствахъ чайшаго изъ его произведеній, о «все ли выведены у него карри- ры» или «и еще что-нибудь», «для ли все это написано» или «и еще него-нибудь», однимъ словомъ, вся- человеческое движеніе, первымъ комъ которому было появленіе твхъ Душъ», заслуживаетъ пол- ннаго вниманія и заботливаго изученія. и не быть не можетъ, по нашему мнѣнію. Свойство души человеческой о, что сочувствіе двухъ человѣкъ

къ какому-нибудь предмету опредѣ- лять ихъ взаимныя нравственныя отно- шенія, хотя бы предметъ сочувствія былъ и маловажный. Что же сказать о сочувствіи къ произведенію, въ кото- ромъ предсталъ намъ русскій человѣкъ въ образахъ до того строгихъ, могу- чихъ, до того проникнутый невыду- манными впечатлѣніями, что какъ-то невольно ищешь на устахъ его вчера- шней улыбки по поводу глупаго анек- дота, или недавняго смущенія, въ ко- торое введены были попавшійся въ про- сакъ, тоже по какому-нибудь залира- ющему случаю. Таковъ гений Гоголя, что не оставилъ онъ никого изъ чита- телей озадаченнымъ, и нѣтъ на него иска и протеста! Всѣ наглядѣлись до сыта, наслаждались больше, чѣмъ хо- тѣли слышать... и — пострадали всѣ.

Одни пострадали, наглядѣвъ въ Чи- чиковѣ, его спутникахъ и друзьяхъ бездну силъ и страшную способность наслаждаться, тогда-какъ бѣдные чи- татели давно потратили всѣ силы на приведеніе себя въ состояніе благопри- личія и доживаютъ едва-начатую жизнь для того только, чтобы посмотреть какъ разобьетъ себѣ голову такой то, или обременится вѣчно-выигрывающій Н. Н., и какъ, наконецъ, обезличится цѣ- лая генерация безпокойныхъ дѣтей, вѣчно спрашивающихъ и ничему сли- шкомъ не удивляющихся...

А между-тѣмъ, какъ бы хотѣлось по- жить этихъ людямъ! пожить жизнью господина средней-руки, жизнью по- мѣщика (говоря словами Гоголя), прожигающаго насквозь жизнь, жиз- нью полицмейстера, мудро согласив- шаго всѣ противорѣчія городской администраціи и своей частной жи- зни, заглядывающаго въ погребъ и въ рыбный рядъ, какъ въ свою собственную кладовую, наконецъ, хотъ бы жизнью Собакевича, который сыт- но и компактно устроился въ невозму- тимой скорлупѣ своего дубоваго до- ма, съ Феодуліей Пвановной и съ дро- здомъ въ клѣткѣ, удержавъ за собой исключительное право и способность уничтожить цѣлаго осетра и сожалѣть

только о томъ, что никогда не былъ боленъ!..

Другіе пострадали по причинѣ не столь разумной, не столь очевидной... Нашлось много такихъ господъ, которые неприявленно поморщились, увидѣвъ, какъ легко объясняется великій художникъ самыя сложныя проявленія натуръ темныхъ, неблагоприятныхъ, тугихъ; какъ просто раскрываетъ онъ сокровенныя и не слишкомъ благія движенія души человѣка сильнаго, но въ которыхъ давно покосились всѣ понятія, всѣ чувства въ пользу одной идеи, идеи, если хотите, справедливой въ основаніи, но не оправдывающейся въ безусловномъ примѣненіи... Очень-недолго стало многомъ, когда узнали они, что имена Чичикова, Манилова, Собакенича, Коробочки и всей фаланги гоголевскихъ героевъ могутъ быть и нарицательными... Оскорбился, возмутился преимущественно тотъ, кому тошно думать, что все подлежитъ анализу и обсужденію человѣческому, что нѣ куда уйти отъ анализа, что волей или неволей, а заставить его, милости-ваго государя, пройти по широкой аренѣ его жизни, разглядѣть и рассказать объ немъ именно то, чего бы ему не хотѣлось никому показывать или рассказывать, но что втайнѣ составляетъ его особенность, его любовь, его задоръ.

А какъ всегда, вслѣдъ за нѣкоторыми, приходятъ въ движеніе и остальные многие, тр огорченіе людей, о которыхъ мы сейчасъ говорили, обезпокою множество лицъ разныхъ категорій, и всѣ перетревожились, и всѣ наговорились много и безъ толку о «Мертвыхъ Душахъ», и тутъ же, сгоряча, прочли и самую книгу, и, чудо! упомянули всѣ обидныя по своей обнаженной справедливости выраженія, чуть не навзгустъ выучили мѣста невыносимыя для ихъ свѣтскихъ авторитетовъ, и еще разъ огорчились, вознегодовали и рассказали всѣмъ о повеселенной ими несприятности.

Наконецъ, пострадали молча, крот-

ко и сознательно — люди, которые взгляды въ созданіи Гоголя вымолить вѣчно-прекрасной жизни, жизни, которую нельзя не любить, въ чемъ она ни проявлялась, — въ природѣ, которая являлась прекрасна... Эти люди пострадали — любя. Гоголь чувствил, небывалымъ рассказомъ своимъ расшевелилъ весь читающій людъ. Обнаруживаніе многихъ тайнъ человеческой души, величіе подвига Гоголя, въ первую минуту скорбно отозвались на сердцѣ... Увидѣлъ человекъ свое безсиліе: что, съ такимъ стараніемъ разглядывалъ онъ цѣлый вѣкъ, то весьма-носимое-сильное перо Гоголя очертилъ въ трехъ словахъ и тутъ же обличилъ бѣдныхъ аналитиковъ въ близорукость и неспособность къ устойчивому, спокойному созерцанію и вслѣдованію.

Такимъ-образомъ, съ одной стороны безпокойство, недоумѣніе, досадная азартъ, — съ другой стороны восторженіе, благодарность, и тоже своего рода нервное безпокойство росли каждымъ днемъ въ обществѣ. Зато послѣдствія такого тревожнаго состоянія были велики.

Глубокое сочувствіе, пробужденныя Мертвыми Душами къ изученію временной жизни, вызвало всѣмъ жажду на простую и разумную дѣятельность. Всѣ стали подпрыгивать и подниматься подъ свою дотолѣ дремлющую и лѣнливую жизнь.

Не разъ порядочный человекъ съ ялъ самого-себя самымъ злымъ гоголевскимъ словомъ, заставъ и у себя въ безсознательной самозабвенной продѣлкѣ, преисполненной смѣшными свойствами, которые въ той минутѣ терпимы, и, пожалуй, нѣкоторыхъ были не смѣшны потому, что никто на нихъ не обращалъ... Судорожно оборвалъ на воротнички, манжетки и варшавскій странный, безпокойный костюмъ, громко захохоталъ, оглядѣвъ себя смелый, на-диво спитый ершикомъ вѣзнаго цѣфта жилетъ, который за полчаса все знакомое ему чувство было совершенно-довольно.

съ смѣшнымъ и жалкимъ очень-о-е такое, что до-сихъ-поръ почи-сь явленіемъ совершенно-про-въ и правильнымъ. Куда дѣла-такъ-называемая Гоголемъ «бла-иѣренная наружность», что ста-сь «данюю пріятною во всѣхъ шевіяхъ», какъ пришлось назвать сена Ивановича, который показы-перстень даматъ», каково при-сь многимъ по прочтеніи разгово-побаливанья поясницы, тутъ же исанной сидячей жизни», разго-который иѣлъ мѣсто въ комна-рисутствія гражданской палаты...ъ пришлось повать и сцену въ прі-ій «временной комиссіи»... и на-ещъ всю эту исторію прекрас-ь слѣлокъ, пріятныхъ знакомствъ ружескихъ проводовъ Чичикова ространствѣ невѣстно-сколькихъ-тъ, невѣстно-какой именно гу-іи...

рошло четыре года послѣ перваго нія «Мертвыхъ Душъ», и до-сихъ-иѣтъ никакой возможности разви-вую, живую мысль не вспомнивъ-ти мѣсть изъ этого неподражаема-люча къ уразумѣнію современнойъ жизни. Неумѣстно было бы гово-ь о вліяніи Гоголя на нашу литера-у. Объ этомъ было говорено много и-етъ говорить еще больше. Луч-иѣ доказательствомъ огромнаго влі-я «Мертвыхъ Душъ» на современ-общество мы видимъ въ томъ, что-я до-сихъ-поръ только и рѣчи было-о Гоголѣ, а между-тѣмъ еще не су-ствуетъ настоящаго критическаго-бора его произведенія. Иначе бытъ-могло: всѣ были натолкнуты Гого-ь на дѣятельность, всѣ ухватились-отрицаніе—и въ дѣятельности своей-были вѣрны этому воззрѣнію. Чу-о было слишкомъ-сильно, и невоз-мо было требовать, чтобъ причина-покойства и стремительнаго пере-я къ самому радикальному, самому-завѣтному отрицанію была разобра-критически.

Фактъ угѣшительный въ томъ отно-ніи, что онъ показываетъ, какъ ве-

лико было вліяніе «Мертвыхъ Душъ». Но если критика не взялась за этотъ неисчерпаемый предметъ изученія, за-то ни одинъ читатель, по прочтеніи «Мертвыхъ Душъ», не оставался пас-сивнымъ. Каждый вынесъ изъ книги Гоголя хотя одно живое слово, кото-рымъ былъ въ правѣ и ограничиться, повторяя его вѣчно и безпокоюсь этимъ словомъ, какъ событіемъ, опредѣляю-щимъ его положеніе на свѣтѣ, его нравственную физиономію. Оказалась замѣчательная переиѣна не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ раз-говорномъ языкѣ и, по нашему мнѣнію, въ самомъ быту живой половины ны-нѣшней публики. Достаточно указать на ежедневное и неутомимое преслѣдо-ваніе всякой манчловщины, какъ на до-казательство огромнаго успѣха въ раз-витіи нашего общества въ послѣднее время.

Очевидно, что на людяхъ болѣе или-менѣе дѣльныхъ и сколько-нибудь та-лантивыхъ вліяніе «Мертвыхъ Душъ»-выразилось не только въ отрицаніи нѣ-которыхъ не нормальныхъ явленій жи-зни, но и въ порывахъ къ созданію че-го-нибудь такого, что могло бы упро-чить и обобщить въ публикѣ впечатлѣ-нію, произведенное «Мертвыми Душа-ми».

Такимъ-образомъ объясняется по-явленіе въ свѣтѣ, вскорѣ по выходѣ «Мертвыхъ Душъ», нѣсколькихъ бель-летристическихъ произведеній, нелю-бимыхъ направленія, неудачная по-пытка поставить Чичикова на Але-ксандрынскомъ-Театрѣ, и, наконецъ,—чего долго ожидали всѣ,—опытъ худож-ника бойкимъ карандашемъ начертить рядъ разнообразнѣйшихъ сценъ похо-жденій Павла Ивановича, и ознакомить публику посредствомъ этихъ рисун-ковъ съ равными явленіями действитель-ной жизни.

Прежде, нежели мы приступимъ къ-сужденію о достоинствахъ «Ста Рису-нковъ къ Мертвымъ Душамъ», необхо-димо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ, по нашему мнѣнію, должно смо-

трѣтъ на иллюстрированное изданіе поэтическихъ произведеній.

Каждое искусство имѣеть средства, ему исключительно принадлежащія, и въ то же время — предѣлы, изъ которыхъ не должно выступать, чтобъ не утратить своей силы. Есть на примѣръ, валачи, которыя могутъ быть рѣшены только поэзіей; есть и такія, въ которыхъ поэзія является слабою соперницей живописи, уступая мѣсто этому искусству, призывая его къ дѣятельности. Какъ бы ни было хорошо литературное описаніе живописной мѣстности или живописнаго момента, все-таки оно не болѣе, какъ превосходная программа для живописца, заданная ему такимъ же художникомъ, какъ онъ самъ, а не теоретикомъ и мыслителемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первый писатель, употребившій фразу: «живописецъ! бери кисть и пиши», выговорилъ ее отъ души. Теперь она сдѣлалась несносною риторической выходкой, истасканной отъ безсознательнаго употребленія. Въ сущности же она имѣеть глубокое основаніе: если литературное описаніе указываетъ живописцу всѣ оттѣнки рисунка и красокъ, — это значитъ, что валача поэта истощена и что область поэзіи дошла до предѣловъ живописи. Живописецъ не можетъ смѣло браться за кисть и создавать картину со словъ поэта. Не можеть не привести въ примѣръ удивительной страницы изъ «Мертвыхъ Душъ» въ подтвержденіе сказаннаго нами:

«Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій на село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ осмѣлять эту обширную деревню и одинъ былъ исполнѣ живописецъ въ своемъ картинномъ оупустѣнн: зелеными облаками и несправильными, трепеталистыми куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревьевъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей, или грозой, подымался изъ второй зеленой гущи, и круглился на воздухъ, какъ правая иррадирующая, сверкающая колонна;

косой, острокопечный шлохъ его, который онъ оканчивался къ верху мѣсто капители, темнѣлъ на свѣжой вышѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хлѣд, глушнвшій внизу кусты бузины, рабы и лѣснаго орѣшника и пробивавшій вѣтомъ по верхушкѣ всего часткова, обѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ ея до половины сложенную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ, начиналъ уже цѣплять вершины другія деревья, или же висѣлъ на воздухѣ, зависши кольцами своимъ тонкіе, цѣпкіе кручь, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходилась зеленая чаша, озаренная солнцемъ, и показывала неосищеное между нихъ углубленіе, зиявшее какъ темная пасть; оно было все окануто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣда, дулитый дряхлый стволъ ивы, стѣны чапыжника, густой щетиною вытекавшій изъ-за ивы изсохшій отъ страшной глупины, перепутавшіеся и скрестившіеся, листья и сучья, и наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листья, подъ одной изъ которыхъ забравшись Богъ вѣсть какаго образомъ солнце, превращало его влѣтъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, возмизли огромныя воронья гнѣзда на глупетныхъ своихъ вершинахъ. У вышѣ въ нихъ отдернутыя и неполювъ отдѣльныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда ея соединяется вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человека пройдетъ окончательнымъ рѣшеніемъ своимъ природа, облегчить тяжелыя массы, уничтожить грубоощутительную извильность и пошленскія прорѣхи, сгладить которыя проглядываетъ пещерныя выходы и планъ, и дастъ чужную теплоту всему, что создано въ хладѣ раздѣленной частоты и опрятности.» («Мертв. Душъ» стр. 216—218).

Какъ не сказать, что къ такой страницѣ не достаетъ картины Ройсдана, который одинъ только сумѣлъ бы мѣ обаятельно передать всю прелесть

лухой зелени, плотво опутавшей и
наткавшей тропинки и просѣки сада,—
раціональнѣ развѣситъ хмѣлевья гир-
лянды, дать возможность ближе раз-
глядѣть чудную игру свѣта на клено-
вомъ листѣ, — рѣзкими линиями опре-
дѣлитъ перспективу течной чащи или
затопленной кустарникомъ дорожки ..

Но есть описанія, исключительно
доступныя средствамъ поэзіи и много
теряющія въ живописи. Это именно
тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ из-
ображеніе послѣдовательности явленій.
Картина живописца, написанная
на такую тему, не удовлетворяетъ по-
лнотю: хочется ее договорить словами,
хочется слышать, что скажетъ о ней
поэтъ. Высокій образецъ такой исклю-
чительно-поэтической картины пред-
ставляетъ собою описаніе шествія ка-
равана въ аравійской степи, въ стихо-
твореніи Лермонтова «Три Пальмы»

..... въ доли глубокой
Столбнякъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрыя коврами покрытые выюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ чел-
нокъ,
Верблюды за верблюдомъ, взрывая пе-
сокъ.

Мотался, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
И хъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали;
И , станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
А рабъ горячнѣя вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный
стрѣлой;
И бѣлой одежды красныя складки
По плечамъ фариса вылились въ безо-
рядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по
песку,
Бросалъ и ловилъ онъ кошею на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шу-
мя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселой раскинулся станъ,
Кувшины, звуча, наполнились водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы веселыхъ го-
стей,
И щедро поить ихъ студеный ручей...

Картина живописца, взявшагося за
изображеніе явленій въ ихъ историче-
ской послѣдовательности, въ свою оче-
редь дѣлается программой для поэта.
Мы почти увѣрены, что «Три Паль-
мы» написаны Лермонтовымъ подъ
вліяніемъ какой-нибудь картины Ора-
са Вернѣ; иными словами, что Орасъ
Вернѣ своей картиной безсознательно
напросился на стихотвореніе Лермон-
това.

Въ «Мертвыхъ Душахъ» есть мно-
жество превосходныхъ описаній, ко-
торыя, по нашему мнѣнію, или вовсе
недоступны для живописи, или, по-
крайней-мѣрѣ, отнюдь не выигра-
ютъ, будучи воспроизведены на ри-
сункѣ. Спрашивается, кто и какъ мо-
гучею кистью рѣшится повторить тѣ
страницы Гоголя, гдѣ, кажется, слова
не успѣваютъ сложиться въ рѣчь: такъ
быстро, такъ неуловимо движеніе сце-
пы!..

«Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ
воротъ гостиницы на улицу. Проходившій
попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчи-
шекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протя-
нули руки, приговаривая: «баринъ, подай
сиротинкѣ!» Кучеръ, замѣтивши, что одинъ
изъ нихъ былъ большой охотникъ стано-
виться на запятки, хлыснулъ его кну-
томъ, и бричка пошла прыгать по кам-
нямъ.»

Или, нѣсколько далѣе:

«... И еще нѣсколько разъ ударив-
шись довольно крѣпко головою въ кузовъ,
Чичиковъ понесся по мягкой землѣ.»
(Стр. 35).

Нарисуйте какую хотите бричку, ка-
кихъ хотите лошадей, какую хотите
мостовую или немощеную дорогу, такъ
же нарисуйте нѣсколько фигуръ, по-
мѣстите на картинѣ строенія, деревья,
и все-таки смыслъ словъ Гоголя утра-
гится, и застывшая сцена поворота
брички, со всѣми ея послѣдствіями,
нѣсколько не дополнитъ впечатлѣнія,
произведеннаго словами Гоголя.

Наконецъ, есть поэтическія тѣмы,
вовсе недоступныя живописи, тѣмы

невъразимы ни для какой кисти. Однакожь, примѣрѣн претензіи на исполненіе этихъ тѣмъ полна область живописи. Есть, на-примѣръ, множество картинъ, изображающихъ великихъ людей въ положеніяхъ, которыя сами-по-себѣ не выражаютъ ничего характернаго, но замѣчательны только по сопряженному съ ними воспоминанію о какомъ-нибудь замѣчательномъ поступкѣ, словѣ, событіи. Въ послѣдніе годы на такія картины очень тароваты стали французскіе художники, пишущіе картины изъ жизни Наполеона. Это самая грубая ошибка въ выборѣ сюжета, какую только можно себѣ представить. Въ нее особенно впадаютъ академіи при раздачѣ тѣмъ на живописные конкурсы.

То же самое можно примѣнить и къ тѣмъ, заимствованнымъ изъ «Мертвыхъ Душъ». Рисунокъ былъ бы рѣшительно неудаченъ, еслибъ кто-нибудь вадумалъ изобразить Чичикова въ такую минуту, когда около него нѣтъ никакого движенія; на-пр., въ тотъ поздній часъ, когда, возвратясь съ губернаторскаго бала, гдѣ случилось ему оборваться, сидитъ онъ въ удивленной комнатѣ, съ дверью, заставленной коммодомъ, въ жесткихъ, непокойныхъ креслахъ и мысленно порицаетъ балы и человѣческую суетность...

Итакъ, приступая къ живописному воспроизведенію сценъ, взятыхъ изъ такого произведенія, какъ «Мертвыя Души», художникъ долженъ очень и очень измѣрять свои силы и пристально научить и прочувствовать каждую строчку великаго писателя, соображаясь съ средствами живописи, избравъ только тѣ сцены, въ которыхъ замѣтна недостаточность слова для полной передачи развѣтвѣвъ и формъ какъ симыхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и всѣхъ принадлежностей мѣста дѣйствія, отнюдь не принимая на себя неудобноисполнимаго труда нарисовать сцену, въ которой положеніе дѣйствующихъ лицъ и вся обстановка по-

слѣдовательна, и въ которой они нѣякся съ каждымъ мгновеніемъ.

Посмотримъ теперь, какія именно тѣмы въ «Мертвыхъ Душахъ» нарисованы на карандашъ художника, и потомъ перейдемъ къ заключенію о томъ, въ какой мѣрѣ гг. Аглицъ и Бернардскій выполнили живописныя задачи, предложенныя Гоголемъ.

Одно изъ величайшихъ достоинствъ автора «Мертвыхъ Душъ» состоитъ въ глубокомъ пониманіи той мѣстности, о которой говорится въ рассказѣ. Можно ли лучше знать ландшафтъ Россіи, ландшафтъ, какъ понимаетъ его и живописецъ, и этнографъ, и геологъ, нежели какъ знаетъ его Гоголь? Вспомните его «дорогу» по незатронутой равнинѣ, по сѣдымъ полямъ съ обгорѣлыми пнями, кочвами, ельникомъ, дикими верескомъ, и тому подобнымъ «вадоромъ» (35—6 стр.). Какъ, однимъ словомъ, однимъ взмахомъ кисти отѣнилъ онъ два крыла — дѣсь березовый и сосновый (стр. 177); какъ извѣстна ему атмосферическая особенность преобладающей въ нашемъ районѣ климатъ погоды: «дѣнь былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтлосѣраго цвѣта, какой быметъ только на старыхъ мундирахъ германскихъ солдатъ» (стр. 38); безхарактерность глухѣйшаго болотистаго вала во владѣніяхъ Ноздрева, съ меженими столбикомъ и канавкою, — воля, на которой водится такая гибель русиковъ... Наконецъ, выписанная тамъ картина сада. А вотъ опять дорога, вотъ онъ опять несется какимъ-то фантастическимъ вихремъ по равнинѣ...

«... По обѣимъ сторонамъ столбовато пути пошли вновь писать версты, стаціонныя смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабаны и бойкими бородачатыми хозяинкомъ...» (стр. 424).

«... Зеленая, желтая и сѣбно-рыгья черныя полосы, мелькающія въ степямъ, затянута вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мушкетеры и горизонтъ безъ конца...» (стр. 425).

... Проснулся, и уже опять передъ ю пустырь, все открыто. Верста съ рой летитъ тебѣ въ очи; занимается; на поблизишемъ холодномъ небосвѣтѣ золотая блѣдная полоса; свѣже естче становится вѣтеръ...» (Стр. 428).

... Русь!.. блѣда природа въ тебѣ... рывто-пустынно и ровно все въ тебѣ; въ точки какъ значки, непримѣтно торъ среди равнинъ, невысокія твои го; ничто не обольститъ и не очаруетъ а...» (Стр. 426).

отъ что говоритъ Гоголь, велишій живописецъ. Но, спрашигся, какой картины хватить, въ ихъ рамкахъ можетъ раскинуть-эта неизвѣрная горизонтальная скость, по которой ведетъ чита-я Гоголь, и — то наорветъ смотый кустарникъ, то разроетъ жел-й песокъ, приглядится къ размы-кавказъ, потянетъ туманный воз-ъ, отзываются горьлымъ лѣ-ъ... У кого найдется довольно-вѣр-й карандашъ, чтобъ съ точностью уралиста срисовать кривизны на-хъ плоскихъ косогоровъ и безха-терныя покатоги вѣчно сѣрыхъ, приглядныхъ, приводящихъ въ от-вие полей?...

Іскакое животное одарено такимъ йствомъ, что на занимаемомъ имъ чкѣ земли оно непременно отпеча-тъ особенности своего организма: дыланомъ, норку, налаженную всег-согласно съ привычками и конструк-й вѣтра, и много разныхъ примѣтъ обьденные листья, разрытый пе-ль, кости, скорлупа орѣховъ... По-къ-то натуралистъ и охотникъ съ ра-узнаютъ мѣсто пребыванія вѣтра. ъ безконечно-огромныхъ размѣ-тъ все населеніе человѣческое точ-также наставило разные значки, которыми узнаютъ нравъ и привыч-людей: каждый человѣкъ, полу-впечатлѣніе извѣй, опредѣляясь таемому имъ мѣстностью, въ то же мя характеризуетъ числящійся за мѣ доскутъ земли. Въ селеніяхъ, въ голустныхъ городкахъ, во всѣхъ хъ группахъ жилищъ, гдѣ цивили-

зація не распатала людей, или тѣхъ, которые впади въ крайность, укло-нясь отъ подвижности общегитія, ослабляющаго и равнообразящаго не-пріятные, вѣчно-одинакіе приемы то-скиваго фамильнаго быта, можно отъ-искать слѣды: какъ отлежалъ чело-вѣкъ траву, какъ отпечатала гвоздими сапоговъ обычную ежедневную дорож-ку, ведущую въ немногія интересую-щія его мѣста.

Этотъ маленькій ландшафтъ, эта ра-ковина улитки тоже въ высшей сте-пени осмыслена Гоголемъ. Нравствен-ныя особенности людей опредѣляют-ся его живоописаніемъ комнатъ, до-мовъ, деревень, трактировъ и т. д. Сейчасъ можно узнать, уже не гры-зуна-землеройку или плотояднаго, а кулака-Собакевича, старуху-скопидом-ку (стр. 83), романтика-Манилова, во-спитаннаго въ вѣжномъ пансіонѣ, и пр.

Быть людской представляеть жи-вописцу много тѣмъ весьма-доступ-ныхъ. Но спрашивается, какое зна-ніе нравовъ потребуется для этого, сколько психологическихъ фактовъ должно набрать и разгадать тому, кто за это возьмется... Кто же такъ хо-рошо знаетъ (и понимаетъ), какъ Го-голь, какое и на какихъ пренелѣ-пыхъ ножкахъ должно быть бюро у Собакевича, какъ устроенъ курят-никъ у Коробочки, какъ мечтательно-глупо разведенъ садъ у деликатнаго Манилова, какъ сквозятся и рѣше-тятся кровли избъ, какъ растрескались и отсырѣли стѣны церкви на селѣ у Плюшкина; кто больше втянулъ въ се-бя копоты и всякой дряни въ потем-пѣлыхъ трактирахъ со звѣнющими стеклянными люстрами, пелѣвыми картинами и чадными, подозритель-ной чистоты нумерами.. Наконецъ, кому лучше извѣстна и понятна архи-тектура разныхъ построекъ: рѣзныя кирпичныя стѣны избъ, листовой куполь церкви, бѣ рельефчики на сѣрель-ныхъ и оранжевыхъ губернскихъ до-микахъ, каменный домъ съ полови-ною фальшивыхъ оконъ, бесѣдка съ

голубыми колоннами, наконецъ, всякія калѣухи, пристройки и изгороды, которыя лѣзятъ и громоздятъ хозяевамъ, ни разу не обезпоясая мыслию облагодѣшій своихъ сооружений. (Стр. 178.)

Но для того, чтобы начертить въ профиль и планъ всѣ достопримѣчательности, рассказанныя въ «Мертвыхъ Душахъ», необходимо осведомиться о тѣхъ подробностяхъ, которыя въ очеркахъ Гоголя помѣщены на темныхъ углахъ картины или подразумеваются подъ однимъ чуднымъ гениально-рожденнымъ словомъ, которымъ онъ способенъ хоть кого очертить съ ногъ до головы. (стр. 207.)

Не менѣе важное достоинство «Мертвыхъ Душъ» состоитъ въ томъ, что ни одна самая маловажная, по-видимому, сцена не изображена безъ полной декорации, дополняющей дѣйствіе и уясняющей смыслъ его. Говорится ли о номерѣ трактира, не упущены изъ виду и коммоды, которымъ заставлена дверь въ другой номеръ, и фигура сосѣда, интересующагося знанъ обо всемъ (стр. 9). Вечеръ ли у губернатора, — и подъѣздъ дома представляетъ цѣлую картину: «коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали, слово, все, какъ нужно». (Стр. 19.)

Ужинъ у губернатора, выѣздъ изъ гостиницы, комната Манилова, и цѣлый рядъ картинъ представляютъ то же богатство, ту же вѣрность въ обстановкѣ и соблюденіи самыхъ мелкихъ подробностей. Возьмите, на-примѣръ, комнату помѣщицы Коробочки: не оставлено ни одного угла пустого — все набито сундуками, узелками, мѣшечками и т. п. дрянью и старой рухлядью: не забыть и портретъ старика съ красными обнаглками, и чулокъ за зеркальцемъ, — цѣлая картина, достойная кисти Теньера или иного умнаго мастера фламандской школы, которая такъ глубоко понимала смыслъ будничной жизни и глупаго фамильнаго затупѣнья, въ которомъ кропотливо и безполезно повзятъ и роется человекъ полуумершій для окружающаго міра и проявляю-

щійся только въ ничтожныхъ операціяхъ мелкаго, подслѣповатаго хозяйства, спускающій чулочныхъ цетъ и гадани истертыми картанами чортъ-шеть о чемъ.

Переносить ли онъ вѣсь въ трактиръ на проселочной дорогѣ, — опять картина, полная, богатая, дышущая жизнью, сирадомъ и ретостью востой, неблагополѣпной жизни:

«Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ своей узенькой гостепримный навѣсъ на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похаживъ на старинные церковные подслѣпники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзныя узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили тесные его стѣны; на стѣнахъ были нарисованы кувшины съ ягодами.

... Въ комнатѣ попался все старинный пріятель.... заиндѣвшій самоваръ, нескобленный гладко сосновыя стѣны, трещоткольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя лички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотавшаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а хлѣба на какую-то лепешку; наконецъ ирканья пучками душистыхъ травъ и гонимки у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать изъ тарелки чихаль и больше ничего.» (Стр. 115-117.)

Одна вѣрная сцена въ гостиной Бакевича можетъ привести въ отчаяніе художника:

«Чичиковъ опять поднималъ глаза и опять увидѣлъ Канари съ голыми ляжками и нескончаемыми усами, бабину и дрозда въ клеткѣ.

Почти въ течение цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клетки, на лѣвѣйшей оупь удилъ хлѣбныя зернушки. Чичиковъ еще разъ окликнулъ комнату, и все тамъ ей ни было, — все было прочто, и даже же въ высочайшей степени и дѣло кое-то странное сходство съ самимъ

омъ дома. Въ углу гостиной стояло
тое орѣховое бюро на пренелѣныхъ
трехъ ногахъ, совершенный медвѣдь.
тъ, кресла, стулья, все было самаго та-
го, и безпокойнаго свойства; словомъ,
ый предметъ, каждый стулъ говорилъ:
оже Собакевичъ! или: и я тоже очень
ажъ на Собакевича!» (Стр. 182).

аково же будетъ послѣ такого об-
ченія чертить портретъ Собакеви-
когда надо принять въ расчетъ и
ю, и Бобелину, и дрозда въ клѣткѣ,
ыразить въ лицѣ Собакевича то,
есть общаго между имъ и этими
анными предметами?

весь рассказъ о капитанѣ Копей-
ь,—не есть ли это цѣлый рядъ кар-
ь самыхъ живыхъ, самыхъ пест-
ь, самыхъ безпокойныхъ, и, не
грязнаго то, что петербургская жизнь
ѣдована поближе, такихъ труд-
ь и подъ-часъ неподдающихся ка-
дашу!

изображеніе мелочныхъ деталей на-
го хозяйства, аксессуаровъ еже-
вныхъ сценъ нашей жизни пред-
влетъ и то тягостное неудобство,
дубоватость и аляповатость фор-
о, что вышло изъ рукъ промыш-
юности, неподвижность и согрелото-
ивость характеровъ, невзрачность и
юность никогда - неулыбающейся,
вообразной и холодной природы,
ямо противорѣчатъ условіямъ щего-
затаго рисунка, къ которому такъ
ки вообще художники, рассчитыва-
ощіе болѣе на эффектъ своего про-
еденія, нежели на глубокий смыслъ,
рытый въ каждой изъ пераго взгля-
никого-непоражающей линіи. Всѣ
eaux de genre, сюжеты которыхъ
ты изъ русскаго быта (впрочемъ
ь и немного), погрѣшаютъ противъ
ривности именно потому, что, доро-
болше всего эффектомъ, наши жи-
писцы не только придаютъ лицамъ
раженіе, несвойственное Русскимъ
того, что мужички какой-нибудь
стромской вотчины оказываются бо-

лѣе-похожими на Тирольцевъ, или по-
крайней - мѣрѣ на Малороссіянъ, и
только у невзгоихъ — на петербург-
скихъ кучеровъ въ синихъ армякахъ;
не только изображаютъ царголовское
небо и воздухъ ни дать ни взять какъ
неаполитанское небо и воздухъ; а без-
характерныя, отлогія горы, заплы-
пія, сонныя линіи береговъ озера или
изгибовъ рѣки, на ихъ рисункѣ по-
лучаютъ характеръ бойкихъ этюдовъ,
сѣггольскими изломами, яркими пят-
нами и граціозной опушкой, вовсе не-
свойственными сѣверному климату,—
но и въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ
портятъ дѣло желаніемъ придать яр-
кости и блеска ватурѣ мрачной, за-
бывая, что осмыслить и согрѣть свой
рисунокъ могли бы они именно стро-
гою передачею этихъ невыгодныхъ
свойствъ избранной ими природы, раз-
умѣя, что въ ней много тайной пре-
лести для каждаго зрителя, потому
что она, эта природа, сѣрая, мато-
вая отразилась въ физиономіи обита-
телей. Но не думаютъ этого гг. жи-
вописцы, и изъ русской избы дѣ-
лаютъ они какой-то шалашикъ, ко-
торый какъ-будто сорвался съ дѣдн-
ковъ, или, по-крайней-мѣрѣ, походитъ
на украинскую хату. Отъ-чего же? Отъ-
того, что и шалашикъ и хага дѣйстви-
тельно эффективы избы, упористой и
безъ пошатки, приводящей въ отчаяніе
своей крайней законченностью, недо-
пускающею возможности расквитаться
и уйти заданію въ вышину и въ сто-
роны, словно заковалъ себя мужичокъ
въ этотъ сосновый коробъ и захоп-
нулъ его крутой кровлей, такъ, чтобъ
блажная потребность украинцевъ не по-
смѣла пойдти далѣе смѣшныхъ насѣ-
чекъ и узоровъ. Да и тѣхъ, правду ска-
зать, бываютъ только на большихъ
дорогахъ, да въ большихъ и богатыхъ
селахъ.

То же можно сказать о костюмахъ и
другихъ атрибутахъ нашихъ tableaux
de genre. Что за чудные цвѣта, что
за мягкія, отливистыя ткани на синихъ
армякахъ и пунцовыхъ сарафанахъ,

какія характерныя, заломленныя на бокъ шапки, какія прочныя, сверкающія орудія, какаѣ полная, блестящая упряжь на лошаляхъ!.. Удивительно-богато, крайне-пестро и потому самому вовсе не такъ, какъ въ дѣйствительности.

Всѣ эти недостатки долженъ предусмотрѣть тотъ, кто взялся иллюстрировать «Мертвыя Души», гдѣ на каждомъ шагѣ надо имѣть дѣло съ фигурами непричесанными, съ ландшафтомъ угрюмымъ, съ декорациями оборванными, пошлыми, потертыми...

Перейдемъ теперь къ дѣйствующимъ лицамъ «Мертвыхъ Душъ» и разберемъ условія, которыя долженъ имѣть въ виду живописецъ, перенося въ рисункахъ глубоко-задуманныя черты дѣйствующихъ лицъ поэмы.

Гоголь ни на одно мгновеніе не упускалъ изъ вида общечеловѣческихъ условій характера каждаго изъ своихъ героевъ, и потому всѣ дѣйствующія лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ бы малы и ничтожны ни были они по положенію своему въ обществѣ, до какого бы нравственнаго уничтоженія ни были доведены воспитаніемъ и неизбежнымъ теченіемъ дѣлъ. Въ каждомъ изъ нихъ легко усмотрѣть всѣ челоуѣческія движенія, каждый имѣетъ свои радости и скорби, свои предметы живаго сочувствія и злой антипатіи, у каждаго «свой задоръ», какъ сказалъ самъ Гоголь, — и поэтому-то всѣ они возбуждаютъ такое глубокое сочувствіе въ каждомъ читателѣ, не разучившемся думать и чувствовать.

Изъ этого великаго достоинства «Мертвыхъ Душъ» прямо вытекаетъ необходимое условіе для живописца: ни подъ какими видами не слѣдуетъ изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы немощныхъ уродовъ, одностороннихъ карикатуръ... Это будетъ вопіющая ошибка противъ идеи, положенной въ

основаніе каждаго характера, социальнаго Гоголемъ.

Не менѣе удивительна страдая жизнѣнность лицъ, выведенныхъ имъ на сцену. Читая характеристику каждаго изъ нихъ, чувствуешь какой-то приливъ силъ, какую-то особенную радость, потому что такъ и тревожатъ жизнѣнноты лица, будутъ ли то вѣрныи и неприличный Петрушка, малый Коробочка, Порфирій, Павлушка, или благодѣтельная чета Маняиловыхъ, граціозная губернаторская дочка, самъ вѣрный губернаторъ, или какой-нибудь бойкій краснощечій квартальный изъ лакированныхъ ботфортовъ, драбля, тщедушная старушонка съ флягелли, намотанною на шеѣ, предъдатель жалующійся на сидячую жизнь съ ея слѣдствіями, и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, совершенная бѣлѣфа на основаніи вновь-полученной выкройки и подающая большія надежды, — всегда найдется въ душѣ много безпокойнаго участія къ ея судьбѣ, въ ихъ «задору», къ ихъ жаждамъ, и чувствуешь какое-то внутреннее довольство отъ сообщенія съ этими совершенно-живыми лицами. Не потому хорошо съ ними, что они хороши: нѣтъ, большая часть изъ нихъ представляетъ характеры сложные, противные, поражающіе своею неварачностью» (стр. 256), во поводу чего жизнь-всегда и во всемъ отравилъ и сама-по-себѣ, независимо отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее условій, есть лучшая благо, какое только можетъ въ понятіяхъ своихъ считаться челоуѣкъ. Дѣйствительно, на сколько можно допустить силъ и крѣпости, томъ или другомъ лицѣ «Мертвыхъ Душъ», на столько проявляются и силы и крѣпость въ поступкахъ и живеть онъ всѣми силами своего щества, вѣчно пребывая въ рѣзкихъ особенностяхъ, которыя опредѣляютъ его лачность.

Сверхъ-того, всѣ лица поражаютъ и въ другомъ отношеніи. Читая ихъ похождения, весьма-легко рѣшится

доступны, сдѣланные ими на основаніи общечеловѣческихъ побужденій, я тѣ, которые были прямымъ слѣдствіемъ мѣстныхъ и историческихъ обстоятельствъ.

Образы Гоголя такъ строго, такъ мудро начерчены, на созданіе ихъ положено столько силы, что изъ можно сравнить съ тѣми превосходными произведениями великихъ живописцевъ, у которыхъ сквозь верхнюю краску, соотвѣтствующую подлинному цвѣту лица, какъ-бы просвѣчиваетъ бездна другихъ красокъ, слои проложенныя прежде и сообщающія написанному тѣлу мягкость и прозрачность. Читая описаніе характера любимаго лица въ «Мертвыхъ Душахъ», взятаго въ данный моментъ, незамѣтнымъ образомъ узнаешь его биографію, поймешь всѣ обстоятельства, которые сдѣлали изъ него то, что онъ есть въ настоящую минуту, точно такъ же, какъ на истинно-художественныхъ портретахъ дивишься красотѣ лица давно-увядшаго, и въ жесткихъ чертахъ старца наглядывъ когда-то красиваго, полнаго силъ юношу.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что весьма-странно было бы видѣть въ герояхъ «Мертвыхъ Душъ» портреты, списанные съ нѣсколькихъ удачно-подобравшихъ индивидуумовъ. Правда, опровергая такое странное мнѣніе, часто повторяемое многими почитателями Гоголя, неопытными его истиннаго достоинства, — какъ-разъ можно впасть въ наивность и начать толковать читателямъ (во-время!), что такое поэтическое отвлеченіе и что такое идеаль; скажемъ только, что герои «Мертвыхъ Душъ» не лагерротипные снимки и вовсе не портреты, и если можно позволить себѣ сравненіе ихъ съ какими-нибудь произведениями живописи, то развѣ съ нѣкоторыми идеальными портретами фламандской школы, — портретами, не списанными съ историческихъ лицъ того времени, но созданными воображеніемъ Рембранта и Фан-Дейка. Когда смотришь на эти умныя лица, невольно чувству-

ешь, что произвольно-взятое лицо того времени не могло такъ вѣрно, такъ полно выражать идею художника, что топталъ, лукавая фигура монаха въ темной острѣй рясѣ, отырытое, разгульное лицо кавалера въ бравацкихъ кружевахъ и съ золотой цѣпью и медалью на груди, красные носы и одутловатая физіономія игроковъ въ кости или странствующихъ музыкантовъ не счерчены живописцами съ живыхъ подлинниковъ. Но эти лица были изучены, глубоко поняты художникомъ; всѣ черты, характеризующія идею монаха, рыцаря, ростовщика, прелестницы XVI вѣка, вылились въ идеальныхъ портретахъ тогдашнихъ живописцевъ, и эти портреты, по справедливости, принадлежатъ къ числу величайшихъ произведеній искусства. Подобнымъ же образомъ, каждое лицо въ «Мертвыхъ Душахъ» есть въ то же время выводъ изъ цѣлой категоріи людей, и вѣтъ такого слоя общества, изъ котораго бы это сочиненіе не набрало своихъ сюжетовъ.

Что касается до трудности исполненія портретовъ, то мы приведемъ слова самого Гоголя объ этомъ предметѣ:

«Гораздо легче изображать характеры большаго размаха: тамъ просто черной краской со всей руки на полотно, бросые палашіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный, или алый какъ огонь плащъ, и портретъ готовъ; но вотъ всѣ эти господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядимся, увидимъ много самыхъ неувяжмыхъ особенностей — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ. (Стр. 39 — 40).

Спрашивается, если геніальный писатель, для котораго всякая физіономія какъ-бы просвѣчиваетъ, который въ ничтожныхъ, сглаженныхъ чертахъ читаетъ всѣ задушевыя тайны чело-

вѣка, если такой сильный писатель признаёт, что написать портретъ чело- вѣка «совершенно-обыкновеннаго» въ высшей степени трудно, то какъ должно смотрѣть на этотъ подвигъ тѣмъ, которые хотятъ дополнить впе- чатлѣніе, произведенное «Мертвыми Душами», договорить мысли Гоголя, рассказать въ ста рисункахъ положе- нія Чичикова?

Теперь перейдемъ къ рисункамъ г. Агина и Бернардскаго.

Не приступая еще къ сужденію о достоинствѣ самыхъ картинъ, замѣ- тимъ, что предпріятіе г. Бернардскаго должно истинно порадовать того, кто понимаетъ всю важность «Мертвыхъ Душъ» для русскаго общества и со- чувствуетъ успѣхамъ русской живо- писи.

Художникъ, котораго такъ заинте- ресовало твореніе Гоголя, что онъ рѣ- шился взяться за изображеніе труд- ныхъ и глубоко-здуманныхъ сценъ изъ этой поэмы, предпочитая такое занятіе поставкѣ картинокъ въ еже- дневно - появляющіяся игрушечныя изданія съ политипажамъ, — заслужи- ваетъ полнаго уваженія. Человѣкъ, прочитавшій «Мертвыя Души», имѣетъ несравненно болѣе права на названіе современнаго чело- вѣка, нежели тотъ, кто не читалъ ихъ; а тотъ, кто на дѣлѣ показалъ, какъ сильно было впечатлѣ- ніе, произведенное на него такимъ че- ниемъ, безъ сомнѣнія читалъ «Мертвыя Души» пристально и повялъ ихъ лучше многихъ... Сверхъ-того, мысль начер- тать нѣсколько сценъ изъ «Мертвыхъ Душъ» показываетъ, что художникъ по- нялъ картинность описаній Гоголя, безлпу красокъ, потраченныхъ на эти описанія, и всё исчисленныя и неис- численныя нами достоинства его поэ- мы. Наконецъ, художникъ—человѣкъ русскій, вѣроятно видѣвшій Россію— сколько данныхъ, говорящихъ въ поль- зу изданія! И мы раскрыли первый выпускъ «Ста Рисунковъ» съ увѣрен- ностью и полнѣмъ убѣжденіемъ, что это изданіе имѣетъ много несомнѣ- ныхъ достоинствъ.

Притомъ и далеко-несовершенный трудъ, въ родѣ изданія г. Бернардска- го, былъ бы интересенъ и заслу- живалъ бы одобренія, какъ благороднѣйшая попытка употребить труды и капи- талъ на иллюстрацію сочиненія, по- лаженіе котораго составило эпоху.

Судя по первымъ выпускамъ «Ста Рисунковъ» мы полагали, что содер- жаниемъ этихъ рисунковъ послужитъ все, что въ текстѣ «Мертвыхъ Душъ» особенно напрашивается на кар- идашъ живописца. Къ такому предпо- ложенію мы были приведены политипажамъ, изображавшими сцены, малотносящіяся къ главному сюжету поэ- мы, но дѣйствительно болѣе или ме- нѣ живописныя; напр. вѣздъ Чичи- кова въ губернской городъ; разговоръ мужиковъ о колесѣ; Петрушка и Сели- фавъ, вносящіе въ комнату чюмады; чиновники, играющіе въ вистъ у г- бернатора и много другихъ. Но по- мѣхъ двѣнадцати выпусковъ, оказа- лось, что цѣль изданія — изобразить преимущественно тѣ сцены, которыя находятся въ тѣсной связи съ главною интригою поэмы, то-есть, съ погупкою мертвыхъ душъ. Художники оста- вили безъ воспроизведенія тѣ дивныя мѣста поэмы, въ которыхъ Гоголь явился исключительно живописцемъ, совершенно-независимымъ отъ само- себя, какъ отъ рассказчика. Наприм., говоря о фигурахъ въ черныхъ фра- кахъ, бывшихъ на балѣ у губернатора. Гоголь сравниваетъ ихъ съ мухавъ, которыя вносятся надъ сахаромъ, и при этомъ случаѣ удивительно живописно нарисовалъ старую ключницу, колю- щую сахаръ.—Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи сада Манилова, очень-жю- писныя фигуры двухъ бабъ, по колѣни въ прудѣ, влчачиныхъ за два конца изорванный бредень, и перебраниваю- щихся между собою, — однакожъ онѣ пропущены художникомъ. Равныи- образомъ дивная картина сала Плюш- кина не вошла въ число политипажей, и вѣроятно много будетъ такихъ мѣстъ, о которыхъ придется очень

и очень пожалеть, что они не вошли въ изданіе.

Такимъ-образомъ «Сто Рисунковъ въ Мертвыхъ Душахъ» получаютъ въ глазахъ публики уже не то значеніе, которое имѣли по выходѣ первыхъ трехъ выпусковъ; это будетъ скорѣе рядъ портретовъ тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе принимаютъ участіе въ мудрой дѣлкѣ по поводу несуществующихъ мужиковъ. Конечно, и такіе рисунки могутъ быть великой услугой публикѣ, но, замѣтимъ, что этимъ самымъ выборомъ художники задали себѣ самую трудную задачу, потому что нѣтъ ничего труднѣе, какъ нарисовать такіе портреты. Притомъ, имѣя въ виду, въ обѣщанныхъ «Ста Рисункахъ» передать всѣ похождения Чичикова, художники поставили себя въ крайне-затруднительное положеніе; по поводу одного какого нибудь многозначительнаго слова, которымъ вяжется рассказъ, имъ приходится иногда рисовать сцену вовсе-неживописную. Такъ, напр., задумевный разговоръ Чичикова съ Собакевичемъ о добродѣтеляхъ и пріятностяхъ губернскихъ чиновниковъ, который Собакевичъ заерпнилъ такими выразительными словами: «Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники, весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ поговяетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ такъ только и есть порядочный человекъ: прокуроръ; да и тотъ, если сказать правду, свинья» — вызвалъ картинку совершенно ничего невыражающую. Чичиковъ Собакевичъ сидитъ въ креслахъ чень-спокойно, и ничего не прочтешь а ихъ лицахъ.

Для полной оцѣнки изданія, разберемъ характеры героевъ «Мертвыхъ душъ» и сравнимъ портреты Гоголя съ портретами г. Агина.

Главный герой поэмы, Чичиковъ, изображенъ у Гоголя уже на первой страницѣ слѣдующимъ образомъ: «въ бричкѣ сидѣлъ господинъ не красавецъ, но не дурной наружности, не слишкомъ смугль, не слишкомъ тонокъ; нельзя

сказать, чтобъ старъ, однакожь и не такъ, чтобъ слишкомъ молодъ».

Такое опредѣленіе наружности доказывается, какъ неуволимы были черты Чичикова. Крайняя добродетельность и сглаженность всѣхъ чертъ лица Чичикова были отчасти причиною успѣховъ его въ обществѣ. Губернаторъ и всѣ чиновники утвердительно сказали, что «наружность благонамѣренна». Въ лицѣ его дамы города N. нашли даже «что-то марсовское и военное»; наконецъ, самъ Гоголь о наружности его сказалъ только:

«На родителей лицемъ онъ не походилъ: по-крайней-мѣрѣ родственника, бывшаго при его рожденіи, писанькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пеголицами, взявши на руки ребенка, вскрикнула: совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! ему бы слѣдовало пойти въ бабуку съ матервей стороны, что было бы и лучше, а онъ родился просто, какъ говорятъ пословица: ни съ мать, ни съ отца, а съ прожьжало молодца.»

И только! Такое лицо вѣроятно непохоже на отвратительную фигуру, помещенную на 4 рисунокѣ, жующую какую-то кость за трактирнымъ столомъ, — фигуру неуклюжую, толстую и рѣшительно каррикатурную. Достаточно напомнить художнику, что лицо Чичикова правилось не только жителямъ города N., но и всѣмъ тѣмъ лицамъ, съ которыми доводилось ему встрѣчаться въ жизни. Только одинъ разъ не возлюбилъ его благообразное лицо начальникъ какой-то строительной комиссіи, человекъ военный и строгій, — не возлюбилъ именно за безукоризненность фациономіи, и тѣмъ обнаружилъ на минуту страшный радикализмъ въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ (ст. 448). Возможно ли допустить, чтобъ Чичиковъ, про котораго сказалъ Гоголь, что «куда ни повороги былъ очень порядочный человекъ» походилъ на жалкую фигуру, изображенную на рисункахъ номеровъ 8, 10 и 11? Весьма-ошибочно думать, что Чичиковъ не могъ быть дѣйствительно красивъ, или, луч-

ше сказать, пригожь собою, имѣть черты довольно-правильныя, а не одутловатое, совершенно-неприличное лицо. Главная причина такой ошибки заключается въ томъ, что художникъ принялъ въ расчетъ только тѣ мѣста въ поэмѣ, гдѣ говорится о приятной полнотѣ лица, о круглости подбородка и приятныхъ формахъ героя, забывая, что, не смотря на вѣкторую дородность, существо, до такой степени энергическое, какъ Чичиковъ, перенесшее столько превратностей и лишений, не могло заплыть до такой степени, какъ оно оказывается на первыхъ изображающихъ его рисункахъ, не сохранивъ въ своей физиономіи какихъ-нибудь слѣдовъ внутренней равы, работавшей въ немъ. Достаточно было принять въ соображеніе, что такое въ сущности *баль-дми*, и какъ на нихъ смотреть! Не болѣе ли было бы глубокаго комизма въ фигурѣ Чичикова, еслибъ онъ былъ гораздо-лучше лицомъ, постройнѣе и поразвязнѣе въ принимаемыхъ имъ позахъ? Притомъ, допустимъ даже, что Чичиковъ былъ полонъ и некрасивъ, и что наши дамы не только не нашли бы въ немъ чего-нибудь «марсовскаго», но увидѣвъ его, въ одинъ голосъ закричали бы «противный», — допустимъ и такое противорѣчащее повѣствованію положеніе, — все-таки рисунки, на которыхъ изображенъ Чичиковъ, неудовлетворительны въ томъ отношеніи, что художникъ, думая только о полнотѣ лица рисуемой фигуры, не позволилъ себѣ ни одной черточки для изображенія разныхъ движеній, пробѣгавшихъ по этому лицу при разныхъ обстоятельствахъ... Критическія позы, въ которыхъ находится иногда Чичиковъ, на рисункахъ тоже утрированы. Наприм., когда Ноздревъ показываетъ щенка и нагнулъ Чичикова для того, чтобъ онъ пощупалъ щенку носъ и уши, Чичиковъ слишкомъ наклоненъ къ землѣ, представляетъ слишкомъ-жалкую фигуру, и даже похоже, будто Ноздревъ предварительно далъ ему порядочнаго щелчка. Особенно плохо Чичиковъ на всѣхъ рисункахъ, изображающихъ его

пребываніе у Ноздрева; тутъ протеръ умиаго лица Чичикова рѣзительно утраченъ: играетъ въ шашки, дитя наказанія чубукомъ изъ рукъ Ноздрева и вѣрныхъ рабовъ его, и нагонетъ убѣгаетъ, — по за спявою капитанъ не правника — какой-то жалкій толстый, довольно-глупый съ вида и крайне-неуклюжий въ движеніяхъ.

Но ни на одной картинкѣ не вострѣдала такъ наружность Чичикова, какъ на картинкѣ номера 47, изображающей то мгновеніе, когда Чичиковъ присулся, потянулъ руки и ноги, и почувствовалъ, что выпался хорошо; и лежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ шелъ пулъ рукою и вспоминалъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь было малаго чetyреста душъ. Тутъ же и началъ онъ съ постели, прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги и шотландски въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и различные среднія лѣта, промчалъ комнату два прыжка, прижимая себя весьма-довко пяткой ноги.

Эта сцена, преисполненная истинно-тонкаго комизма у Гоголя, рѣзительно пропала на картинкѣ Корсакиной, толстенькій челоуѣчекъ, голый, въ почномъ колпакѣ разбѣлся... и того и жли упадетъ на Липу Чичикова, вмѣсто тонкаго женія довольства и хитрыхъ соображеній, придана улыбка челоуѣка, лавшаго эксцентрической прыжки, какомъ-нибудь экоссеаѣ...

Впрочемъ, должно замѣтить, въ некоторыхъ рисункахъ физиономія Чичикова передана несравненно-лучше всѣхъ сценъ, происходящихъ у Собакина и Плюшкина, прекрасны; особенно хороша картинка номера 36, изображающая весьма-тонкое объясненіе Чичикова съ Собакевичемъ, когда онъ отстаиваетъ цѣну — по два съ полемъ съ души, не смотря ни на какія возраженія и убѣжденія Собакевича. Лицо Чичикова сквачено прелестью и если художникъ въ послѣднихъ выпускахъ будутъ придерживаться этого рисунка, то маданіе оченно

играетъ. Какъ хороша поза Чичикова! Какъ вѣрно поваялъ художникъ, о челоѣкъ твердый и въ то же время крайне-благоприличный, высказывая что-нибудь не совсѣмъ-пріятное и уступая себя въ то же время совершенно-правымъ, непремѣнно слегка бабанивъ пальцами или дѣлаетъ иное гкое движеніе, стараясь какъ-бы разжаться и скрыть нѣкоторое внутреннее безпокойство, непремѣнно пробущенное споромъ и неуступкою.

О *Манилова* приведемъ слова самого Гоголя:

«Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой дѣ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: люди съ себѣ, ни то ни сѣ, ни въ городѣ Богинѣ, ни въ селѣ Солончанѣ, по словамъ словницы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядѣ былъ челоѣкъ видный; черты лица были не лишены пріятности, но въ пріятность, казалось, черезъ чуръ было редано сахару; въ приѣмахъ и оборотахъ было что-то замскивающее расположеніе и знакомства. Онъ улыбался заманно, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами..... У всякаго есть свой задоръ, но Манилова ничего не было».

Въ арміи онъ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ.

Когда случилось ему замечаться о комъ-нибудь вздорѣ, о подземномъ дѣ или мостѣ черезъ прудъ съ лавинами и т. п., о дружбѣ и пріятномъ ращеніи, тогда глаза его дѣлались адкими и лицо принимало самое дльное выраженіе.

У г. Агина Маниловъ вообще выль очень-недурень, за исключеніемъ двухъ-трехъ рисунковъ, на которыхъ и это лицо погрѣшаетъ въ отношеніи благообразія, и замѣтно поползованіе къ карриатурѣ. Всего лучше изображенъ Маниловъ въ нѣжной епѣ съ женою (номеръ 7-й) и при ерѣчѣ съ Чичиковымъ, на пути въ жданскую палату. Говоря о портретѣ Манилова, нельзя не замѣтить,

Т. Л. — Отд. VI.

что г. Агинъ обладаетъ особеннымъ талантомъ вѣрно схватить тѣ мало-замѣтныя положенія челоѣка, которыя случается принимать каждому въ тѣ минуты, когда хочется быть въ высшей степени приличнымъ и непринужденно-любезнымъ. На многихъ рисункахъ Маниловъ изображенъ въ пол-оборота, иногда и спиной къ сценѣ; но позы его прекрасно выражаютъ желаніе самыми движеніями угождать гостю. Его шалонный сюртукъ и весь домашній костюмъ, чубукъ и шуба «на медвѣдяхъ», все изучено и передано на рисунокъ съ удивительной вѣрностью.

Деревянное лицо *Коробочки* совершенно выражаетъ характеръ «простоглупой старухи», какъ заключили о ней въ концѣ поэмы чиновники города N. Но можно замѣтить художнику, что Коробочка, оказавшись недогадливою и совершенно-глупою въ дѣлѣ о покупкѣ мертвыхъ душъ, въ которомъ и другіе, болѣе-ловкіе люди, дали сильный промахъ, — какъ старуха и помѣщица, въ своемъ углу и въ сферѣ своей кропотливой дѣятельности, является ничѣмъ не хуже всякой другой старухи, и поэтому можно было бы сообщить ея лицу больше равнообразія, больше игры въ чертахъ. — Окруженная своими курятниками, тряпьемъ и ввучатами, Коробочка, безъ сомнѣнія, и хлопочетъ, и вопитъ, и бранится... эти движенія должны бы просвѣчивать въ старческомъ лицѣ ея; — вотъ чего не принялъ въ соображеніе художникъ.

Ноздревъ, у Гоголя, изображенъ чернѣйшимъ, средняго роста и очень-недурно-словеннымъ молодцомъ: «Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; зловровѣе, казалось, такъ и прыскало съ лица его» (стр. 120.)

По вразу и по обычаю, онъ принадлежалъ къ людямъ, которые... называются разбитыми малыми, слыгутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма-больно шоколачивае-

мы. Въ нихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, удалое.

Эти слова еще не давали права живописцу сдѣлать Поздрева невзрачнымъ и опухшимъ, какимъ является онъ почти на всѣхъ картинкахъ, особенно на тщательно-нарисованномъ портретѣ его въ халатѣ, съ чашкою и трубкою въ рукахъ. Въ этотъ моментъ, по словамъ самого Гоголя, онъ былъ очень-хорошъ для живописца, величественнаго страха господъ прилизанныхъ и завитыхъ подобно циркульнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ-гребенку.

Но между циркульной вывѣской и лицомъ, приданнымъ Поздреву на этой картинкѣ, разстояніе велико. Положимъ, что въ лицѣ этого молодца можно допустить много разбитнаго и удалаго, положимъ, что онъ смотритъ отчасти и развратно, но необходимо принять въ соображеніе удивительное здоровье Поздрева, его крѣпкое сложеніе: слѣды разгула и безсонной ночи не могутъ быть такъ ярки на лицѣ его, какъ на лицѣ челоѣка, котораго коснулось разрушеніе отъ червучурь-распашиной жизни или по природѣ слабаго.

На двухъ рисункахъ, впрочемъ, Поздревъ вышелъ очень-удаченъ: когда онъ играетъ съ Чичиковымъ въ шашки, и въ минуту прѣзда капитана-исправника. На первомъ превосходно схвачено плутовское выраженіе лица Поздрева, который передвигаетъ шашку рукавомъ халата; все лицо немножко искривлено, потому-что въ то же время онъ куритъ трубку, и потому держитъ голову въ пол-оборота къ столу. Это одинъ изъ лучшихъ рисунковъ, какъ по сочиненію, такъ и по исполненію. На другомъ рисунокѣ очень-неудно изображено смущеніе Поздрева, которому мѣстная полиція объявляетъ, что онъ находится подъ судомъ, какъ замѣшанный въ исторію, по случаю навесенія помѣщику Максимоу личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ. Онъ видимо поблѣднѣлъ, придерживаетъ нѣзъ прили-

чій рукою халатъ, и вся фигура его представлена удачно.

Собакевича художникъ неалл другіхъ героевъ. Мертвые Души Нигдѣ почти онъ не изображаетъ рикатуръ, и этицъ самыхъ много рывааетъ въ сравненія съ другими третями, вовсе-нехуже парисомъ ми, но *совсемъ-неправдоподобны*.

Собакевичъ г. Агния дѣйствителъно похожъ на средней величавымъ дя, и аналогія между этицъ-и-и сформированнымъ лицемъ в его уклужимъ бюро схвачена художкомъ. Ноги его похожи на тротуныя тумбы, спина широкая, и вятскихъ приземистыхъ лошадей всѣ условія неуклюжести и неосудивости строго выполнены. Одно но замѣтитъ: выраженіе лица Собавича на нѣкоторыхъ рисункахъ довольно-лукаво, не довольно на уголь печи, не довольно смелы.

Что касается до портрета Души на (№ 45) и всѣхъ рисунковъ, то это тельно лучшая часть изданія.

Видно какъ-то, что художникъ особенною любовью вадся на то, что онъ глубоко позналъ, что скудость и какъ сушить, какъ нить она лицо челоѣка. На страсть не можетъ такъ долго и сильно господствовать въ какъ скудость. Всякая другая убасть челоѣка: округа, того, бызають долговѣщы Г. виопиѣ выразиѣ въ своемъ идею скудости во всемъ ея величій. И до такой степени наученъ нѣзъ Пашкинъ, что рѣдное мгновение, когда га веномнилъ о своемъ дѣтства, однокорытанѣ, прѣдлѣ гражданской палаты и дореванномъ лицѣ вдругъ какой-то теплый лучъ, выражающее чувство, а какое-то блѣдое чувство, даже это мгновение на рисунокѣ довольно-хорошо.

Второстепеннымъ лица, которые важны въ Мертвыхъ Душахъ.

ражены всё равно удачно. Нельзя не пенять художнику за Селифана и Пешуку, которые почти-совсѣмъ не напоминаютъ у него того, что говоритъ изъ Гоголь.

Селифанъ несравненно-болѣе похъ на ящика средней-руки, или легковаго извозчика, нежели на бѣстнаго человѣка и барскаго кура. *Петрушка* малый не много сурый на взглядъ, съ очень-крупными бами и носомъ далеко не такъ вывѣтленъ и характеренъ, какъ *Поррій Поздревъ*, въ которомъ такъ и разглясъ вся визость и униженная торность человѣка, выросшаго полякой, на побѣгушкахъ и въ воанѣ съ искимъ щенкомъ.

Фигуры *двухъ мужиковъ*, толкують о томъ дождеть ли колесо есбъ случилось въ Москву — и въ Каь., принадлежать къ числу тѣхъ унковъ, которыхъ, къ-сожалѣнью, нь мало помѣщено въ изданіи г. вардскаго. Художникъ положилъ го старанія, чтобъ нарисовать ихъ ъ-можно вѣрнѣе: видно, что не разъ сматривался онъ къ мужичкамъ ныхъ окладовъ, и одинъ изъ нихъ, отораго борода клиномъ, вышелъ нь-недурень. Разсматривая же, обѣ уры, какъ группу, нельзя не замѣь, что въ положеніи ихъ не довольно гматизма и лѣности, которою дыгъ самый ихъ разговоръ.

Чиновники за картами (рис. 5) срианы со словъ Гоголя какъ-нельзя-вѣе. Всѣхъ лучше вышелъ почтстеръ, который взявъ въ руки ты, тотъ же часъ выразилъ на лисвоемъ мыслящую физиономію, грылъ нижнюю губою верхнюю и ранилъ такое положеніе во всемя игры. Впрочемъ, чиновниковъ стоить г. Агину изобразить въ ующихъ выпускахъ въ положеніболѣе-трудныхъ и драматичеь.

чень понравился намъ *прикащикъ илова*; художникъ внимательно елъ біографію этого господина и изъ къ свѣдѣнью его лѣнивыи об-

разъ жизни. Заспанная, неуклюжая фигура его и непринужденная поза какъ-нельзя-лучше объясняютъ свободныя, не слишкомъ-рабочныя отношенія крѣпостнаго человѣка къ такому помѣщику, каковъ Маниловъ.

Всѣхъ лучше изъ лицъ втораго-порядка показался намъ *Мижухевъ*. Рисунокъ, изображающій его въ ту минуту, когда онъ нагнулся вдоволь и отпрашивался домой лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ во всемъ изданіи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторые рисунки заслуживаютъ особеннаго вниманія по сочиненію. Двѣ или три сцены отличаются весьма-полною и строго-обдуманною обстановкою. Къ числу такихъ рисунковъ нельзя не отнести эротическую сцену между Маниловымъ и женою, какъ-нельзя-лучше выражающую слова Гоголя:

«Словомъ они были то, что говорится счастливы.»

«..... весьма-часто сидя на диванѣ, вдругъ совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ оставивши свою трубку, а другая работу... они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцалуй, что въ продолженіи его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку.»

Не только фигура жены Манилова, дамы деликатной и пріятной наружности, и Манилова, который, сила въ креслахъ, пребываетъ въ совершенномъ упоеніи,—всѣ мелочи: убранство комнатъ, чубуки, висащія на стѣнѣ сантиментальныя гравюры идилическаго содержанія, все показываетъ, что художникъ поваль Гоголя.

Равнымъ образомъ очень-хорошо скомпонованы рисунки, изображающіе разговоръ Поздрева, Чичикова и Мижухева, когда Поздревъ начинаетъ «лить пули», рассказывать небывальщину, а зять пребываетъ твердъ въ своемъ невѣрїи; смотръ щенка, гдѣ всѣ лица, кромѣ Чичикова, прекрасны: азартъ Поздрева, подобострастіе Порфирія и трактирщицы, и наконецъ

Мажуевъ, который давно знаетъ щена и съ тоски пускаетъ въ стороны, для развлечения, кольца табачнаго дыма; обѣдъ у Собакевича, и многіе другіе.

Остается пожелать художникамъ полнаго успѣха въ ихъ трудномъ и почетномъ предпріятіи. Имъ предстоитъ изобразить такіа сцены, которыя заставятъ забыть недостатки первыхъ выпусковъ, особенно, если мало-помалу эвизювоніа Чичикова строже опредѣлятся въ сознаніи художника, если откажется онъ окончательно отъ манеры каррикатурить строго-созданные образы гоголевскихъ героевъ, выберетъ для рисунковъ сцены, наиболѣе-доступныя политипажной живописи, помѣститъ поболѣе портретовъ такихъ лицъ, которыя, едва мелькнувъ въ поэмѣ, охарактеризовали цѣлыя группы, и потому заслуживаютъ вниманія и изученія...

И какая богатая канва представляется живописцу во второй половинѣ «Мертвыхъ Душъ!» Дѣтство Чичикова, повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ, «дорога» (если только художникъ предполагаетъ украсить трудъ свой тремя или четырьмя ландшафтами) и фантастическая «тройка», мчащаяся въ неизмѣримомъ пространствѣ... Будемъ надѣяться, что сочувствіе художника къ Гоголю, его наблюдательность и твердый, бойкій карандашъ подарятъ нашу публику изданіемъ, которое оставитъ по себѣ благодарную память въ кругу людей образованныхъ и живо принимающихъ къ сердцу опытъ молодого таланта, служащаго искусству для искусства.

49) Полное Собраніе Сочиненій И. Крылова, съ биографіею, написанною П. А. Плетневымъ. Три тома. Санктпетербургъ. 1847. Въ тит. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. Въ I-мъ томѣ LXLIX и 544, во II-мъ 550, въ III-мъ 480 стр.

Вотъ истинно-драгоцѣнный подарокъ публикѣ, особенно теперь, въ наше бѣдное литературными новостями

время! Вамъ предлагается и нашъ вѣчно-юный дѣлушка Крыловъ въ прекрасномъ, щегольскомъ изданіи Юнггейстера и Веймара, съ вольно-подробною біографіею. Тутъ не одиѣ только басни, — вѣтъ, бни составляютъ лишь третью часть «полнаго собранія», куда вошли произведенія Крылова, начиная съ юнѣйшихъ до позднѣйшихъ, — всѣмъ чая комедіи «Копейница», которую самъ авторъ не хотѣлъ видѣть печати, и юмористической драмы «Трумель», никогда не представлявшейся къ изданію по другимъ причинамъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Крыловъ началъ писать басни будучи сорока лѣтъ отъ роду, а между тѣмъ онъ выступилъ на литературное прище еще двадцатилѣтнимъ юношею. Въ продолженіе двадцати лѣтъ онъ написалъ трагедіи, комедіи, оперы, оперетты, сатирическія статьи для журналовъ, которые самъ издавалъ, драмы театральныя пьесы, оды, пѣсни, эпиграммы; словомъ, онъ явился почти во всѣхъ родахъ литературы, не подобравъ, что прервала дава его баснописцемъ. Несомнѣнно было бы, однакожь, чтобъ обнаружившей такую силу таланта и ума въ своихъ неподранныхъ снѣгахъ, цѣлыя двадцать лѣтъ онъ написалъ ничего замѣчательнаго въ родахъ, которые не были главными и главными творческими таланта. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣмъ онъ отъ двадцати до сорока выступало изъ черты воспріимчивости. Особенно комедіи его назывались съущихъ ватопъ, которыхъ стихотвореній въ нихъ не чаютъ мѣста, запечатлѣны оригинальнымъ талантомъ, и въ-послѣдствіи выразилъ свой въ выраженіе въ басняхъ. Не произведеній первой эпохи литературной дѣятельности, выдать пренниущества его «Воскрѣсшимъ», въ которыхъ, иномъ шутки, съ удивительными

и злостью высказывалъ онъ свой взглядъ на современное ему общество. Хвальный рѣчь моему дѣдушкѣ можетъ быть названа образцовымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ.

Статья о жизни и сочиненіяхъ Крылова, написанная г. Плетневымъ, любопытна по множеству характеристическихъ фактовъ, относящихся къ истории русской литературы и русскаго общества.

Въ послѣдствіи мы надѣемся поговорить подробнѣе о литературной дѣятельности нашего великаго баснописца; а между-тѣмъ содѣваемъ поскорѣе очистить всѣ три части Крылова отъ снѣжки до доски: въ нихъ столько ума галанта, сколько не представлять вамъ шестидесяти годовъ русской литературы.

50) Опыты въ стихахъ И. Бардинскаго. *Тетрадь первая. Санктпетербургъ: 1846. Въ тѣх. III Отд. Собств. П. В. Канцелярш. Въ 4-ю д. л. 48 р.*

Какъ жаль, что у сочинителей нѣтъ обычая издавать свой первый литературный опытъ съ приложеніемъ къ краткой автобіографіи, въ которой горь откровенно сознавался бы читателю, что онъ за человѣкъ, чему онъ вѣритъ, какъ вдумалъ приняться за литературу, сколько ему лѣтъ отъ роду и т. п. По-крайней-мѣрѣ, для критики это было бы чрезвычайно удобно: строгость и снисходительность ея или бы несравненно-основательнѣе. Вѣрятъ, что личность автора необходимо выражается въ его произведеніяхъ: такъ! да личности-то бываютъ иногда до того обманчивы, что, судя по вѣнчанію по его литературнымъ трудамъ, какъ-разъ пожелала пріймешь за юнца, а отрока за неудавшагося мушкетера, и т. д. — Странно! вѣдь любятъ же и пода стихотворцы рассказывать о своихъ-себѣ и рассказываютъ иногда нѣсколько-подробно, да все это — такимъ опредѣленнымъ, мутнымъ языкомъ, притомъ такъ однообразно, что лучше ужъ ничего не говорили.

Что сказать, на-примѣръ, о г-нѣ И.

Бардинскомъ, не знала его какъ человѣка и знала только какъ автора «Опытовъ въ стихахъ». Въ опытахъ его проглаываетъ маленькое достоинство — умѣнье довольно-легко и живо нарисовать картинку; за то есть и огромные недостатки — совершенная ничтожность содержанія и слабость разводить удачныя изображенія цѣлыми ушатами риторики и размышленіями о пустякахъ. Къ этому присоединяется слишкомъ-нецеремонное обхожденіе съ русскимъ языкомъ и самое непріятное смѣшиваніе простонароднаго языка съ книжнымъ. Можетъ-быть, все это извиняется молодостью автора; а можетъ-быть и не извиняется. Не знаемъ, право, какъ быть. Постараемся лучше поближе ознакомить читателей съ самыми «Опытами» и слать эту книжку на собственный ихъ судъ.

Опытъ въ первой, нынѣ вышедшей тетради, всего-на-все два. Одинъ называется «Варюша», другой — «Деревенскій Мечтатель». Вотъ содержаніе «Варюши».

Гл. I.—Дѣвятишникъ. Варюша выходитъ замужъ за Ванюшу. На дѣвятишникѣ, въ тогъ патетическій моментъ всеобщаго удовольствія, когда

Подъисходъ сама невѣста
Съ женихомъ плясать пошла;
Той порой въ разгульной хатѣ,
Подъ удалый пѣсни хоръ,
Съ изукрашенныхъ палатой
Оземь грянулся топоръ.
Повскакали гости въ страхъ...
Каждый дрогнувъ не путемъ.
«*Не къ добру!*» — шепнула свахѣ.
«*Не къ добру!*» — пошло кругомъ. (Стр. 10 — 11).

Въ этомъ паденіи топора съ палатой и «*заклывается нить завязки романа*».

Гл. II.—Нивѣст. Варюша жалуется добрымъ людямъ, что женихъ ея пропалъ безъ вѣсти:

Ужъ ждала я дни и ночи,
Не вернется ли съ гульбы?

И проплакала всё очи,
Промолила всё мольбы, — и т. д. (Стр.
13).

Гл. III. — Женихъ. Довольно-удачная картина глухого дѣса, испорченная риторическими разглагольствованіями въ родѣ слѣдующей:

Суждено тутъ тлѣть величью
Въ сиротствѣ глухой судьбы.

Въ дремучемъ дѣсу лежитъ трупъ Ванюши, а подлѣ трупа вѣрная собака убитого дѣтины. По поводу этого пса г. Барташевскій написалъ нѣсколько стиховъ, которые, по нашему мнѣнію, лучшіе во всей тетради:

.....
И не сводитъ песь тревожно
Взоръ съ блѣднаго лица.
То подступитъ осторожно,
Тронетъ лапой мертвеца...
То почувъ шорохъ дальный,
Съ громкимъ лаемъ отбѣжитъ...
То воротится, печальный,
И тоскливо завизжитъ.
И потомъ, склонясь съ любовью
Къ трупу сморщеннымъ челомъ,
Рапы обляты кровью,
Лижетъ влажнымъ языкомъ... (Стр. 21
— 22).

Гл. IV. — Сиротка. Въ одну прекрасную ночь, г. Барташевскій, путешествуя въ предѣлахъ отечества, остановился на какой-то станціи и дремалъ

На тележкѣ перелетной.

Что окружало его въ это время и какими глазами смотрѣлъ онъ на спавшую вокругъ него природу — это расскажемъ вамъ самъ поэтъ, и расскажемъ очень-недурно:

Полночь. Глухо по кладбищу;
Стихъ далекій сельскій шумъ;
Соловьи уже не свистятъ;
Дѣсь безмолвенъ и угрюмъ.
Разметавшись въ сонномъ ложѣ,
Спать и озера струи.
Мѣсяцъ тусклый, на сторожѣ,
Въ нихъ вперялъ глаза свои.
Прокинула я путь и скуку,

Ночи душей тишину,
Безотраднуй разлуку,
Встрѣчь немилыхъ вознису.
Мнѣ досадно стало, въ горѣ,
Что надутая луна
Смотритъ въ воду, на просторѣ,
Безъ усталости и сна.
И сердился, какъ ребенокъ;
Сѣлъ у яра на мысу,
Свѣсилъ ноги до коленокъ,
И качалъ ихъ на вѣсу...

Долго качалъ нашъ поэтъ свои ноги, долго предавался онъ блаженному упоенію поэтической дѣвы... Вдругъ слышитъ онъ на кладбищѣ жалобный мелодическій голосъ... Г. Барташевскій вслушивается, перестаетъ качать вѣсу ноги и слышитъ слѣдующую сню:

Ахъ не мать сына въ бѣды руги
Не родная челенами увила,
Забаякала въ пѣвучую дреку,
Уложила въ теплу лямку во вѣку.
Одолѣла злая смерть его бѣды,
Изокутала во саванѣ гробовой,
Забаякала болочкою тоскою,
Подложила спать во мать земли сню.

Я бы молвила розинкой: «Некачай
«Лучше молодца ты дѣвчичей
«Ты его во теплу лямку во вѣку
«На вѣвечную постель его вѣку!
«Я его косою дѣвчичей обвою,
«Я его у буйной груди услю...
«Разбужу-то, рано утромъ вѣвечной
«Недѣвчичамъ поцѣлуемъ сню»

А могилѣ что, сиротка, я скажу
Развѣ тутъ къ кресту гололущу
Да ударю бѣлой грудью на гробъ,
Да, рыдая, мила друга назову.
Возоню я: «разстунись смраку,
«Мнѣ, молодой, любя постельничу
«Скоротай ты вдовью дѣвчичей
«Положи меня со милымъ в гробъ»

Вмѣсто того, чтобъ остановиться въ этой удачной пѣсенкѣ, г. Барташевскій пускается въ наивныя разсужденія слѣдующаго достоинства:

Такъ-то простъ языкъ народный,
Задумевный плачь тоски!
Свѣтъ и звучать токъ свободный
Свѣтъ и репоту(а) рѣки.

Но въ сѣдыхъ кудряхъ удалый,
Русской рѣчью голосистъ,
Гуль не те бы епѣлъ, бывало,
Вѣшій дѣдушка, Капиастъ!

Второй опытъ г. Бардинскаго называется «Деревенскій Мечтатель». Юса эта заключается въ себѣ мечты юдаго парня о сватовствѣ. Нѣкоторыя строфы можно назвать удачѣй поддѣлкой подъ простонародный языкъ; но очень-часто деревенскому яриу авторъ навязываетъ не только юа, но и дѣльныя понятія, рѣшительнедоступныя мужицкому разумѣю, на-прим. :

Отслужу годами — службою,
Какъ Іаковъ за Рахиль!..»

31) Зимняя Дорога. (*Licentia poet.*) Сочиненіе Н. Аксакова. Москва. тип. Н. Степанова. 1846. Въ 8-ю д. 32 стр.

Двое молодыхъ людей—Ящеринъ и Архиповъ ѣдутъ изъ Москвы, какъ жетса, за нѣсколько сотъ верстъ на еинны одного помѣщика, родственна Ящерина. (Это еще дѣлается въ юивѣ.) Ящеринъ почти всю дорогу ютъ, а Архиповъ мечтаетъ и размыляетъ вслухъ стихами. Ящеринъ, кактса, не высокаго мнѣнія о мечтахъ замушленіяхъ вообще, и въ-особенсти о тѣхъ, которымъ предается его ютникъ. За то авторъ «Зимней Доро.» видимо не любить его и мало юмъ юмаетса, сосредоточивая всю свою юпатію на Архиповѣ. Внимательтса его къ ютому юношѣ такъ сильна тѣжна, что мы подоврѣваемъ—нѣтъ тутъ авторской хитрости, я ужъ не юго ли себя изобразилъ авторъ въ цѣ московскаго мечтателя. Притомъ мечтаетъ и размыляетъ Архиповъ акихъ предметахъ, которые, какъ юно, очень-близки сердцу автора. ю о русской народности, о добродѣляхъ русскаго мужика, о будущей юбѣ Россіи, о прелестяхъ русскаго юейпаго быта и т. п. Въ началѣ юе., когда еще Ящеринъ не спитъ, ме-ю нимъ и его спутникомъ завязыва-

етса довольно-живой разговоръ, изъ ютората тотчасъ видно, что онъ Ящери-ринъ—просто порядочный человекъ, а Архиповъ отчаянный славянофиль. Въ монологахъ мечтателя есть такія замѣчательныя выраженія славянофильскаго задора, что мы рѣшаемся выписать кое-что изъ разговора мо-сковскихъ молодыхъ людей.

Архиповъ.

.....
..... Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни
нашей,

Могу прибѣжище, свободиѣ и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!
Ящеринъ.

Фантазируешь ты не худо,
Да я не фантазеръ. Хоть самъ люблю
порой

Природу и стихи; но занать я покуда
Все той же думою одной.

Я далѣе тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстата вновь, —
Я не съ одной хочу сочувствовать стра-
ною, —

Во мнѣ пространствѣ любовью!
Природой Русскою и Русскимъ человекъ
комъ

Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть,
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщен-
нымъ вѣкомъ!

Архиповъ.

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ архиповомъ юбрить
И пировать въ шкуру чужомъ;
Кому неужны юмъ, — о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!

Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылкое стремленье,
Зоветь пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому — вновь
Воздать все прежнее значенье, —

Такъ чѣмъ глядѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пиру искать похмѣлья,
И по проложеннымъ тропамъ,
Ити во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать неужныя издѣлья, —

Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе ошъ допустить къ сердцу,
Что отымъ въ мемъ родной найдетъ,
Чтд чужестранецъ не юймѣтъ,
Чтд будетъ дико юнотрцу!

Пусть окъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу...
По не продолженнымъ слѣдствіямъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, нѣмымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и Русскимъ!

Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣло враговъ,
И его нравственныхъ оковъ
Съ себя презрѣнное сорвало! (Стр. 7—9).

Выслушавъ два—три такіе монолога, Ящерицъ засыпаетъ, а Архиповъ впадаетъ въ дремотное раздумье. Передъ нимъ, въ неопредѣленныхъ, смутныхъ образахъ носятся его собственные, разнообразныя думы и слышится ему ихъ звучный шопотъ. (стр. 12). Одинъ изъ этихъ голосовъ, кажется, всѣхъ сильнѣе подѣйствовалъ на Архипова, именно тотъ, который совѣтовалъ ему не предаваться бесплоднымъ мечтамъ, раздѣвающимъ всѣ нравственныя силы человѣка, и обратиться къ міру дѣйствительному.

Наконецъ, путешественники прѣзжаютъ на станцію. Присмотрѣвшись въ полчаса къ дѣйствительности въ грязной набѣ, набитой неопрытными мужиками, Архиповъ объявляетъ Ящерицу о своемъ рѣшительномъ намѣреніи бросить всякія мечты и отвлеченности. Тѣмъ и кончается лиценція г. Аксакова.

52) *Талисманъ или Кавказъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Соч. Платона Зубова. Санктпетербургъ. 1847. Въ 2-хъ тѣхъ. Е. Фишера. Въ 8-ю д. л. 144 стр.*

Г. Платонъ Зубовъ назвалъ свой «Талисманъ» историческимъ романомъ, но имѣлъ полное право назвать его романомъ историко-философскимъ. Въ этомъ произведеніи разнообразнаго таланта, поэзія, исторія и философія соединяются самымъ тѣснымъ образомъ и производятъ на читателя самый полный, самый очаровательный эффектъ.

Но, чтобъ передать всю силу и значение впечатлѣній, надо самому взять тройнымъ оружіемъ поэта, историка философа такъ, какъ владѣлъ имъ Платонъ Зубовъ: никакая романсика не передастъ ни высокой художественности его картинъ, ни зашифрованныхъ сообщаемыхъ имъ историческихъ и философскихъ положеній. Что касается собственно до насъ, мы постараемся передать читателямъ въ возможной прикосновенности букетъ всѣхъ талантовъ автора. Талисманъ итакъ посредствомъ выписокъ надѣемся накомить ихъ съ сущностью историко-философскіи и исторіи г. Зубова.

Романъ начинается величавою картиною кавказской природы:

«Сильный, порывистый вѣтеръ свистѣлъ въ Кавказскомъ ущельи, по которому онъ пролагаетъ военно-грузинскія пути. Темныя облака, гонимые(а) вихремъ, грозно скопились надъ мраморными горами. Солнце то скрывалось и тутъ вдругъ появлялось и раскидало яркіи лучи по повалинамъ ущелии. Буря ждалась съ ужасающею быстротою. Она уже начинала бороздить небо и перекаты грома вторились вхолмистыхъ горахъ. Одна только бѣлая конусообразная гора на Кавбека спокойно рисовалась на голубомъ грунтѣ. Буря свирѣпѣла, она подохмы, обгнала ребра, и гигантъ владычествовала надъ всѣми нескѣпшими коснуться ледяною чашей. Такъ убоженный судимыми, иррационально, но не дерзающими возмущать волю чела.» (Стр. 1—2).

По этому грозному ущелью двѣ всадника— грузинскій князь Амилахваровъ, персидскій князь Гудовичъ, начальника русскаго войска на Кавказѣ; посланный княземъ Ираклію съ русскими войсками казакъ. Буря востановилась на ночь у князя Бектабегова, владѣтеля, князя Бектабегова. На Кайшауръ нападаютъ горы.

одитель ихъ убиваетъ самого князя, а остальные погибають въ свалкѣ съ ашанами.

«Изъ двадцати Горцевъ, ворвавшихся въ жилище Бектабегова, только одинъ молодой, отчаянный храбрецъ еще дышалъ, прочіе же были уже мертвы». (Стр. 2.) «Перевязавъ раны козаковъ и князя, докторъ подошелъ къ молодому горцу, отъ и съ виднымъ отвращеніемъ, но ступая настоятельно прозвѣвъ князя, который по благородству своихъ чувствъ, ваялъ храбрость и мужество, хотя и въ противникахъ и шадилъ безоружнаго врага.

«Храбрый горецъ лежалъ все еще безъ чувствъ. Прекрасное, выразительное лицо его было покрыто мертвешною блѣдностью; живыми черты лица, длинные волосы, выбивавшіяся изъ-подъ шапки черныхъ мушкетъ и падавшія(е) въ локонахъ на плеча, роскошныя рѣсницы, живыя и красивыя руки, все заставляло полагать, что онъ былъ изъ числа владѣтельныхъ князей. Но никто не думалъ, чтобъ этотъ отчаянный храбрецъ, этотъ неустранимый предводитель партии хищниковъ — была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.» (Стр. 23—24).

«Князь Амилахваровъ съ восхищеніемъ разсматривалъ прелестныя черты юной героини. Какое-то непостижимое чувство являлось въ его дѣйственной душѣ. Онъ не могъ отдать себѣ отчета въ таинственномъ впечатлѣніи и сильномъ участіи, которымъ чувствовалъ къ прекрасной жигельницѣ горь.» (Стр. 25).

Выздоровленіе Гюльнара шло быстро. Амилахваровъ не сводилъ съ нея глазъ, и Гюльнара съ своей стороны, упорно смотрѣла на князя. «Князь и Гюльнара», говоритъ г. Зубовъ: «соединенные такимъ необыкновеннымъ случаемъ, хотя еще не говорили между собою ни слова, вполне понимали другъ друга» (стр. 29). «Къ чему звукъ философируетъ онъ поѣтому случаю: «когда выраженія глазъ такъ понятны и такъ удовлетворительно изъясняютъ наши чувства (?). Вотъ тотъ всемірный языкъ, котораго тщетно доискивался великій Лейбницъ.» (стр. 30).

Оправась отъ болѣзни, Гюльнара объяснила, что она увидѣла князя Бектабе-

гова, исполняя долгъ кровной мести. Амилахваровъ везетъ ее съ собою въ Тифлисъ, гдѣ царь Ираклій прощаетъ хищнику. Гюльнара принимаетъ христіанскую вѣру и выходитъ замужъ за князя Гарсевана. Молодые супруги блаженствуютъ, — какъ друзья, въ одно прекрасное утро, Амилахварова отправляютъ съ депешами въ Петербургъ, чѣмъ и кончается первая часть романа.

Въ Петербургѣ грузинскій князь за-бываетъ Елену (въ мухаммеданствѣ Гюльнара) и влюбляется въ иѣкоторую графиню Александрину, которую спасъ случайно отъ утопленія въ пруду, и которая, по свидѣтельству г. Платона Зубова, представляла собою олицетворенный идеалъ прелести и совершенства, какой могъ родиться только въ пылкомъ воображеніи художника-генія» (стр. 19). Александрина съ своей стороны влюбилась въ Амилахварова и раскрыла предъ его глазами цѣлый миръ новыхъ идей, райскую перспективу душевныхъ наслажденій и осуществила тутъ великолѣпный идеалъ, который часто представлялся разгоряченному воображенію Амилахварова, въ минуты пылкихъ, неопредѣленныхъ мечтаній» (стр. 21). Князь Гарсеванъ забывалъ весь миръ, всѣ свои отношенія, все благоразуміе и закрывъ глаза на будущее бросался стремглавъ въ этотъ океанъ безнадежной любви и страданія, кою водвороты увлекають свои несчастныя жертвы въ бездонныя пучины аѣчнующую гибель» (стр. 22).

Для любовниковъ дошли наконецъ до рѣшительнаго призванія, и Амилахваровъ признался Александринѣ, что онъ женатъ. Послѣ такого пассажа, онъ пересталъ ѣздить въ домъ графини, и только, передъ отъѣздомъ въ Грузію, явился проститься съ возлюбленной. Александрина дала ему на память кольцо и записку, не совѣтъ грамотную, но весьма-трогательнаго содержанія:

«Въ ту минуту, когда такъ неожиданно судьба разлучаетъ насъ, можетъ быть не-

всегда (,) и поняла (,) сколько вы дороги для моего сердца, необходимы для моего счастья. Я бы никогда не сказала вамъ этого, если бы не предчувствіе, что мы уже болѣе не увидимся. Храните *эту* залогъ любви и дружбы, которой вамъ вручаю, (:) да будетъ онъ талисманомъ, который защититъ васъ во дни опасностей. Мы никогда не можемъ принадлежать другъ другу. Покоримся долгу и сохранимъ собственное уваженіе, какъ бы не(и) были тяжки жертвы, нами приносимы. Я буду за васъ молиться какъ за брата и спасителя моей жизни.» (Стр. 43—44).

Князь Амилахваровъ зашилъ кольцо и записку въ ладонку, повѣсилъ ладонку на грудь и поѣхалъ въ Грузію. «Тысячи противоположныхъ ощущеній давили, тѣснили грудь его» (стр. 45).

Тифлисъ разграбленъ Персіянами. Елена въ плѣну. Однакожъ, Амилахваровъ находитъ ее въ гаремѣ одного пашы и освобождаетъ. Суруги снова живутъ, по-видимому, прекрасно. Но мало-помалу Елена замѣчаетъ въ мужѣ сильную задумчивость. Это подстрекнуло ее любопытство. Однажды удалось ей замѣтить, что князь, удалившись въ уединеніе, снимаетъ съ груди ладонку и цалуетъ ее. Она похищаетъ ладонку, разрѣзываетъ ее, видитъ записку, узнаетъ содержаніе записки.

«Въ бѣшенствѣ Елена прибѣжала къ спящему Амилахварову, нѣсколько минутъ смотрѣла на его привлекательное лице. Онъ улыбнулся во снѣ и Елена подумала: «О! онъ и во снѣ думаетъ о своей любимой... прощайте!..»

«Ослѣпленная ревностью, Елена схватила пистолетъ, зарядила его и опустила выстрѣлъ съ пулею записку и кольцо Адександрины въ дуло пистолета, сказала съ адскою улыбкой: «Пусть этотъ подарокъ ненавистной соперницы на вѣки покоится въ его сердцѣ.»

«Раздался выстрѣлъ, но по счастью рука убійцы дрожала и пуля вѣсто груди Амилахварова, куда была направлена, впиалась въ стволъ дерева, подъ которымъ онъ спалъ. Елена это замѣтила.

«Неудалось, вскрикнула она въ ярости, но не радуйтесь моей казни—вамъ не видать ее». Еще на одно мгновение блеснула

книжка въ рукѣ ея и она ушла въ землю, обогрѣнная кровью...» (Стр. 60—66)

«Жаль, душевно жаль! скажемъ графу Зубову (узнать о самоубійствѣ Елены), что въ такой прекрасной странѣ, какъ Закавказскій край, страсти не удерживаемы въ предѣлахъ благородства и основательнымъ воспитаніемъ, такъ много улекаятъ въ бездну гибели счастливыя жертвы.»

«Это была истина, великая истина, прибавляетъ отъ себя авторъ историко-философскаго романа.

Ознакомившись съ букетомъ повѣи философа г. Платона Зубова, читатель вѣроятно, пожелаесть ознакомиться съ красотою его историческаго пера. Вотъ кое-что для образчика:

«... Дербентъ, стѣсненный съ одной стороны грозною блокадою, находился въ критическомъ положеніи. Народъ ропталъ, войска потеряли духъ и союзники ихъ ежеминутно ожидали кары раздраженнаго побѣдителя, неохотно содѣйствовали его планамъ.

«Наконецъ 2-го Маія, графъ Зубовъ приказалъ двумъ ротамъ Гренадерскаго Воронежскаго полка и 3-му батальону егерей Кавкасскаго корпуса двинуться на штурмъ башни, составлявшей главную оборону Дербентской стѣны. После нѣскакого штурма три часа продолжавшагося, не смотря на отчаянное сопротивленіе, пріятеля башня взята. Въ слѣдующіе два дни (я) двѣ брешт-батареи были приближены на сорокъ сажень къ Дербентской стѣнѣ и пробита брешь. Зубовъ видя невозможность защищаться, заставилъ хана открыть переговоры. Тогда графъ Зубовъ потребовалъ безоговорочной покорности, то ханъ со всѣми чинами явился 10 Маія къ Русскому начальнику съ повѣшенными на шею саблями въ знакъ раскаянія и сдаться, предавая себя и городъ въ руки побѣдителя.»

Цѣлая половина романа написана такими же обстоятельными реляціями. Замѣчательно, что г. Платонъ Зубовъ очень-часто влагаесть такіа тирады уста своихъ героевъ. Такъ, на-примѣръ, въ первой части, въ самомъ началѣ

нявъ Амилхваровъ, проѣзжая казавское ущелье, вкратцѣ разсказалъ путнику своему, доктору, почти всю политическую исторію Грузіи, и разсказалъ точно такимъ же языкомъ, каковой употребляетъ самъ г. Зубовъ въ своихъ реляціяхъ и какиимъ блистала некогда исторія Кайданова. Вотъ, напримеръ, что между прочимъ долженъ былъ выслушать докторъ:

«... Горсть народа не можетъ противиться громаднымъ силамъ соединенныхъ пержавъ. Честь и слава нашему великому государю Ираклю Теймуразовичу. Закованный въ битвахъ, котораго (?) уважалъ Шахъ Надиръ, Царь нашъ своимъ дѣланіемъ поставилъ Грузію въ такое положение, что сосѣди не всегда рѣшаются безнаказанно нападать на насъ. А всего жидше, что онъ сбросилъ тягостное иго Персіи, столько лѣтъ тяготѣвш(е) Грузію и вступилъ со всѣмъ народомъ подъ лаготворное покровительство Екатерины I. Теперь Турція, Персія и Горцы, зная, то Грузія можетъ опереться на защиту югушественной, единовѣрной Россіи, понаприваютъ на Грузію только издали какъ голодный волкъ на лакому добычу, которую схватить не смѣетъ, и только съ осады шелкаетъ зубами. Ты вѣрно слышалъ о трактатѣ 1783 года, заключенномъ въ Георгіевскѣ Генераломъ Павломъ Серѣвлячемъ Потемкинскимъ, по порученію Русской Императрицы съ уполномоченными нашего Царя — Княземъ Багратиономъ и Княземъ Чавчавадзе...»

«Вотъ въ тебѣ, Князь! ты не имѣешь о мнѣ ни малѣйшей жалости!» подквѣвалъ медикъ...» (Стр. 8).

53) Донъ Жуанъ. Поэма Лорда Байрона. Переводъ Н. Жандра. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 89 стр.

Послѣ Шекспира и Данте, всѣхъ рудиѣ переводить Байрона, хотя въ, какъ лирической поэтъ, на видъ жетется легкимъ; изво всѣхъ произведеній Байрова, самое трудное «Донъ-Жуанъ», эта неподражаемо-умная, граціозная, страстная и насмѣшливая эпопея. Чтобъ взяться за переводъ «Донъ-Жуана», нужна не одна смѣлость, — а у Жандра, кромѣ смѣлости, смѣлости есна-значительной ничего не оказы-

вается. Изъ-самомъ-дѣлѣ: человекъ не иѣе-отважный никогда не рѣшился бы напечатать такой переводъ; онъ вспомнилъ бы, что ему не достаетъ самыхъ первоначальныхъ понятій остихотворствѣ; что «октава» не живая, не бойкая и не легкая, — невыносима, какъ неудачная рулада; что, наконецъ, онъ подвергается опасности быть приняну передъ всѣмъ читающимъ міромъ авторомъ слѣдующихъ стиховъ:

«Верновъ, и Кумберландъ иясникъ,
Вольфъ, Гакъ,
Принцъ Фердинандъ, Грѣнби, Вѣргонъ,
Гау, Копель,
Добромъ или зломъ извѣстны такъ иль
сакъ,
И въ дни свои, какъ нынѣ Велеслей,
За славою гнался, точно такъ,
Какъ деватеро за свиной дѣтей» (см. стр. 9).

Притомъ, г. переводчикъ забылъ одно важное правило, которое, между-прочимъ, находится во всѣхъ мучонныхъ книгахъ: «чтобъ сдѣлать сотѣ изъ зайца, воьми зайца... и пр.»; чтобъ переводить съ какого-нибудь языка, надобно знать этотъ языкъ... и проч. Къ счастью, г. Жандръ перевелъ только первую пьесу байронова «Донъ-Жуана».

54) Іезуитъ. Характеристическая картина изъ первой четверти осьмнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шпиндлера. Въ трехъ частяхъ. Переводъ съ немецкаго. Изданіе П. И. Мартынова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Карла Крайла. Въ 8-ю д. л. 414 стр.

Читатели переводныхъ романовъ вѣроятно помнятъ романъ Шпиндлера «Еврей», какъ удачную попытку изобразить частную жизнь въ Германіи въ средніе вѣка. Это пріятное воспоминаніе, вѣроятно, расположить ихъ къ благосклонному приему «Іезуита». По самой задачѣ своей, изображеніе осьмнадцатаго столѣтія не уступитъ заминательностью изображенію четырнадцатаго столѣтія. Къ-тому жь и герой романа взятъ изъ такихъ людей, которыми интересуется весь читающій міръ. Принявъ въ соображеніе всѣ эти весело-улыбающіяся обстоятельства, г

Мартыновъ напечаталъ довольно-опрятно весьма-посредственный переводъ характеристической картины изъ первой четверти восемнадцатаго столѣтія, и за два рубля серебромъ почти тателли Шондлера могутъ украсить свою бібліотеку тремя тмками новаго издѣлія бельетристической промышленности. Чтобъ ознакомить ихъ напередъ съ этимъ пріобрѣтениемъ, мы принимаемъ на себя обязанность рассказать содержаніе романа.

Въ германскомъ имперскомъ и вольномъ городѣ, который подразумѣваетъ, но не называется рассказчикъ, въ первой четверти восемнадцатаго столѣтія жилъ сенаторъ Мюссингеръ съ глупой и сварливой женой, фрау Якобиной, и съ прекрасной дочерью, Фрейлейнъ Юстиной. Сенаторъ занимается торговыми спекуляціями, сенаторша ѣсть за четверыхъ, спитъ за столѣтыхъ же и въ остальное время ворчитъ на мужа; сенаторская дочь ждетъ изъ Нью-Йорка жениха, сына богатаго купца Биршера, и обучается англійскому языку у одного изгнаннаго изъ отечества молодого баронета Джемса, который имѣетъ непростительную слабость говорить высокимъ слогомъ. Этимъ слогомъ рассказываетъ онъ своей ученицѣ о прелестяхъ американской природы, и въ рассказѣ его попадаются между прочимъ слѣдующія прекрасныя вещи, выхваченныя изъ хрестоматій:

«... Тогда дѣсь уже не безмолвенъ: онъ говоритъ милліонами языковъ, и этотъ шумъ, колыханіе, скрипъ и трескъ вѣтвей и вершинъ заставляетъ вѣишь человѣка. Медвѣди и волки перебѣгаютъ дорогу, бѣгутъ рядомъ съ путешественниками, и ня тѣ ня другіе въ бурю не помышляютъ о враждѣ и борьбѣ. Раскаты грома, блескъ молніи, довершаютъ изысканные ужасы, которые насъ потрясаютъ и возвышаютъ, но также небесныя свѣточи озаряютъ насъ и живину, которая насъ гостепріимно укрываетъ и на мгловои ложъ которой мы покойно проводимъ во снѣ время непогоды.» (Ч. I, стр. 23).

Между-тѣмъ, какъ Юстина восхищается риторическими выходками

Джемса, сенаторъ Мюссингеръ изнуриваетъ свои торговля дѣла тщательными спекуляціями и приближается къ банкротству. Главный кредиторъ его, фан-ден-Гёкенъ, пріѣзжаетъ къ нему изъ Амстердама за получениемъ долга. Когда наступила минута рѣшительнаго объясненія заимствованнаго должникомъ, сенаторъ вынулъ изъ стола заряженный пистолеть съ намереніемъ лишить себя жизни, если фан-ден-Гёкенъ не согласится на отсрочку платежа. Амстердамскій купецъ такъ испугался пистолета, что ушелъ безъ чувствъ на полъ и умеръ. Мюссингеръ бросился къ нему на помощь, и тѣмъ развязать ему галстухъ, но въ ропахъ затанулъ его еще вѣтче. Въ это время въ кабинетъ, въ которомъ разыгралась страшная сцена, входила прикащикъ Мюссингера, Нотгемъ, влюбленный въ Юстину и ищущій руки; онъ выдаетъ трусъ фан-ден-Гёкена, замѣчаетъ, что галстухъ застрялъ на шеѣ покойника, впадаетъ въ столеть, валяющійся на полу, — все это очень-плохо для сенатора, потому что конторщикъ можетъ обвинить его въ убійствѣ фан-ден-Гёкена. Къ удивленію страшнаго скюприза, Мюссингеръ узнаетъ по векселямъ покойнаго, что это былъ не фан-ден-Гёкенъ изъ Амстердама, а Виршеръ изъ Нью-Йорка, отецъ жениха Юстины. Сенаторъ въ отчаяніи рѣшается бѣжать изъ дома и утопиться; но какой-то востановленный ему господинъ кроткой веруности останавливаетъ и уговариваетъ во-время. Мюссингеръ возвращается домой; тамъ встрѣчаетъ его несомненное счастье: ему достается самый большой выигрышъ гамбургской лотереи, и всѣ должники соглашаются на отсрочку долговъ. Человѣкъ, удивившій его отъ самоубійства, также приноситъ ему денегъ отъ лица одного изъ щества, которое называетъ онъ своимъ колюбимымъ. Это человекъ-колюбимое щество — не что иное, какъ іезуитскій орденъ, а господинъ кроткой веруности — одинъ изъ его членовъ, называющій себя докторомъ Лейбницемъ.

окторъ Лейпольдъ и есть герой романа.

Изъ разговоровъ съ иезуитомъ, Мюснингеръ узнаетъ, что вѣкогда онъ училъ вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-то иезуитскомъ коллегіумѣ, что онъ, Мюснингеръ, влюбился въ то время въ сестру октора, Клару, которую и обманулъ одлѣйшимъ образомъ. Докторъ пользуется этимъ деликатнымъ обстоятельствомъ, пробуждаетъ въ сенаторѣ содѣтъ цѣлыми страницами чрезвычайнo — скучныхъ увѣщаній и уговариваетъ пристать къ иезуитамъ.

Между-тѣмъ, Джемсъ, который, скажемъ мимоходомъ, есть ученикъ Лейпольда, готовящійся въ иезуиты, — Джемсъ дѣйствуетъ для пользы ордена Юстинну, питая къ ней въ то же время отчаянную страсть. Чтобъ услужить иезуитамъ, онъ знакомитъ фрейлейнъ Мюснингеръ съ ловкой Француженкой Лене, находящейся въ службѣ ордена, и обманомъ заставляетъ ее любоваться «елколѣпнѣмъ католическаго богослуженія; а чтобъ привести къ благополучному концу свою страстную любовь, продолжаетъ говорить съ Юстинной высокими слогами. Однакожъ ни то, ни другое средство не удается Джемсу: Юстинна продолжаетъ ревностно посѣщать протестантскую церковь и ждетъ жениха изъ Нью-Йорка. Наконецъ Биршеръ является. Онъ рѣшительно не владѣетъ искусствомъ *изобрѣтенія, расположенія и украшенія мыслей*; рѣчь его отличается краткостью, простотой и самымъ скучнымъ пуританскимъ характеромъ. Зато онъ очень-хорошъ собой, высокъ ростомъ, а, главное, безмѣрно богатъ: великолѣпные подарки дѣйствуютъ на сердце разсудительной дѣвицы сильнѣе тропивъ и фигуръ нищаго баронета. По крайней-мѣрѣ, такъ выставляетъ дѣло Шпиндлеръ въ первой половинѣ романа. Далѣе оказывается, что Юстинна любила Георга Биршера не за одно золото, но и за прямоту характера. Однакожъ эти противорѣчія остаются на вѣкъ загадками для любопытныхъ читателей.

Провѣдавъ о предстоящей свадьбѣ въ домѣ Мюснингера, отцы-иезуиты возмнѣли похвальное намѣреніе разстроить бракъ Биршера съ Юстинной и уговорить сенатора отдать приданое дочери иезуитскому ордену для спасенія души. Вадумано, сдѣлано: на это мастера отцы-иезуиты! Люди, преданные ордену, увѣряютъ Биршера, что Юстинна влюблена въ Джемса, и онъ самъ отказывается отъ руки ея. Да и судьба на сторонѣ почтенныхъ патеровъ. Нотгафъ, не получивъ руки Юстины, мститъ ея отцу — доноситъ сенату вольнаго города, что Мюснингеръ умертвилъ старика Биршера и игралъ въ лотерею вопреки сенатскимъ постановленіямъ. Но иезуиты спасаютъ своего приверженца, доставивъ ему средство бѣжать. Георга Биршера, также по распоряженію ордена, схватываютъ мерзавцы, промышленшіе продажей людей въ колоніи Нового-Свѣта. Приданое Юстины поступаетъ въ кассу иезуитской миссіи для спасенія души экс-сенатора. Однакожъ и съ отцами-иезуитами случилось несчастье: миссія, которую они тайно содержали въ вольномъ городѣ, открыта сенаторомъ. Это происшествіе даетъ крутой поворотъ всей исторіи, и всѣ дѣйствующія лица романа, кромѣ сенаторши, бѣгутъ въ Южную-Америку, оказавъ предварительно другъ другу тысячи услугъ, едва-ли понятныхъ даже и самому г. Шпиндлеру. И доктора спасаютъ, и сенатора спасаютъ, и Юстинну спасаютъ, и Лене спасаютъ; особенно отличается въ этомъ Джемсъ, какъ и слѣдуетъ отличаться человѣку, играющему роль *jeune premier*.

Третья часть романа должна доставить много удовольствія читателю, соскучившему старымъ свѣтомъ: Шпиндлеръ вооружается путевыми записками разныхъ авторовъ и ведетъ его въ мирные колоніи иезуитовъ въ Парагвай, оттуда въ дѣственные лѣса, населенные дикарями, изъ дѣственныхъ лѣсовъ въ необозримыя саванны, занимая его воображеніе то влищливой картиной счастья народовъ, на-

сущихся подъ отеческимъ правленіемъ почтенныхъ патеровъ, то кровавыми сценами набѣговъ дикихъ племенъ на острѣлыя, то описаніемъ трехъ царствъ природы благословеннаго Богомъ материка. А событія идутъ-себѣ своимъ порядкомъ.

Докторъ Дейподъль и Мюссингеръ живутъ въ колоніи Санта-Доминика, находящейся подъ благодѣтельнымъ управленіемъ старца Леонса и населенной острѣлымъ племенемъ Квараниевъ. Здоровье Мюссингера такъ разстроено, что онъ рѣшается идти во внутрь страны, гдѣ, по туземному преданію, растетъ какое-то цѣлебное дерево: больной долженъ самъ отыскать его и лечиться имъ на мѣстѣ его произрастанія. Во время отсутствія экс-сенатора, въ Санта-Доминику собираются съ разныхъ концовъ земнаго шара Джемсъ, Юстина и Левѣ. Всѣ очень счастливы кромѣ Юстины, которая безпокоится за отца. Вдругъ на колодцію Квараниевъ нападаютъ дикіе Абинонцы — Санта-Доминика разорена; жители ея уведены въ плѣнъ въ саванны. Но старикъ Леонсъ дѣлаетъ чудеса: въ нѣсколько часовъ обращаетъ онъ въ христіанскую вѣру всю орду Абинонцевъ. Дикари признаютъ надъ собою его власть и идутъ на острѣлую жизнь въ Санту-Доминику. Герои наши, спасаясь отъ іезуитовъ, которые и въ старомъ свѣтѣ не перестаютъ преслѣдовать ихъ своими претензіями, поцалуютъ въ другую колодцію. Во время страствованія встрѣчаютъ они Мюссингера и Баршера. Баршеръ въ португальской службѣ; ему слѣдуетъ возвратиться въ подѣль. Но, узнавъ, что Юстина никогда не обмарила, онъ думаетъ только о томъ, какъ бы ему пробраться съ невестой въ Нью-Йоркъ, гдѣ у него такъ много денегъ и всего хорошаго. Великодушный Джемсъ идетъ за него въ солдаты. Баршеръ, Юстина и Мюссингеръ въ совершенномъ удовольствіи достигаютъ наконецъ Сѣверной-Америки. Джемсъ, обманутый любовью, возна-

граждается успѣхами по службѣ: онъ умеръ въ чинѣ подполковника.

Кто не ищетъ въ романѣ ни картинъ общества, ни живыхъ характеровъ, ни даже правдоподобнаго хода происшествій, тотъ, вѣроятно, останется очень-доволенъ Іезуитомъ. Мудрое терпимость такого читателя расстраивается и на переводъ этого романа.

35) Новороссійскій Календарь на 1847 годъ, издаваемый отъ Румынскаго Лицея. Одесса. 1846. Въ 170 стр. титл. 373 и 38 стр.

Календарь, какъ книга нужная каждому грамотному, и притомъ эта книга, которая волею-неволею, вѣнчаніе цѣлаго года безпрестанно попадаетъ въ руки, издавна обратилась во многихъ странахъ въ средство распространенія въ народѣ полезныхъ во вседневномъ быту необходимыхъ свѣдѣній. Въ Германіи и Франціи, примѣръ, издаются безсчетное множество разныхъ рода календарей; каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый кругъ читателей, каждый способствуетъ распространенію особой отрасли свѣдѣній общепользовательныхъ.

У насъ календарь, издаваемый при принадлежності отъ ученаго общества, имѣетъ другую цѣль, другое назначеніе: это необходимый свѣдѣтельный ежегодникъ для дѣлца, новачика, кушца, — словомъ, для каждаго живущаго дѣлами, для котораго необходимо знать, какой день табульный, а какой нѣтъ, когда считается великій постъ, какіе дни астраченны для отхода и прихода и т. п. Будучи издаваемъ ученымъ обществомъ, нашъ календарь и не имѣетъ другаго характера. Если въ календарю прилагаются статьи, то это все статьи чисто-ученыя: назначенныя для ученыхъ и служащія тѣмъ сословіемъ дѣлца, для котораго книга наиболѣе раскла-

Только съ недавняго времени по-
вление у насъ двухъ календарей—но-
ороссійскаго и кавказскаго состав-
о изъ этомъ отношеніи нововведеніе.
Дни въ первый разъ представили намъ
ежегодники, въ которыхъ, кромѣ не-
обходимыхъ календарныхъ статей,
бѣлый отдѣлъ посвященъ статьямъ
статистическимъ и топографическимъ,
естьма—любопытнымъ для всякаго
бразованнаго человека. Хотя оба они
предназначаются для мѣстныхъ жите-
ей и заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія по
азнымъ частямъ управленія и со-
стоянія преимущественно отдѣльнаго
раи, но свѣдѣнія эти такъ равно-
бразны и любопытны, что вся-
ій интересующійся не одними окру-
жающими его предметами, найдетъ
и я себя въ этихъ ежегодникахъ мно-
о полезныхъ статистическихъ дан-
ныхъ. «Новороссійскій Календарь», из-
даваемый въ Одессѣ отъ Риншельевска-
о Липса, вмѣщаетъ въ себѣ вѣрнѣе
то, что только необходимо для спра-
вочкѣ тамошнему жителю. Вотъ содер-
жаніе его за 1847 годъ. Отдѣленіе пер-
вое—Мѣсяцесловъ: православно-каео-
ническій, армяно-грегоріанскій, рим-
ско-латинскій и реформатскій, съ
указаніемъ главныхъ небесныхъ явле-
ній, которыя по астрономическому
вычисленію должны быть видимы въ
текущемъ году на земномъ шарѣ и съ
таблицею, показывающею время вос-
хожденія и захода солнца въ глав-
ныхъ городахъ Новороссійскаго-Края
чрезъ каждыя десять дней. Отдѣленіе
второе посвящено статистикѣ Ново-
россійскаго-Края и Бессарабіи, столь
подробной, сколько необходимо это
каждому для руководства и сколько
возволялъ объемъ книги. Тутъ нахо-
дятся и некоторые историческія свѣдѣ-
нія о замѣчательныхъ городахъ того
края, статистическія таблицы коли-
чества земли, числа жителей и проч.,
географическаго положенія и некото-
рыхъ городовъ, разстояній ихъ отъ
губернскихъ и столицъ; свѣдѣнія о
прирѣкахъ, съ обозначеніемъ времени
ихъ продолженія, статей торговли и

цѣнности производимыхъ на нихъ
оборотовъ, дорожники сухопутнаго и
морскаго сообщенія, съ указаніемъ
цѣнъ за перевозъ, — словомъ, все,
что собственно относится до мѣ-
стной статистики. Еслибъ и по дру-
гимъ отдѣльнымъ управленіямъ обна-
родовались въ формѣ календарей свѣ-
дѣнія, подобныя столь-тщательно со-
браннымъ въ книгѣ, въ которой намъ
представится случай отдать отчетъ
читателямъ, тогда каждый изъ насъ
весьма-легко имѣлъ бы подъ руками
источники по части русской стати-
стики, собраніе которыхъ въ настоя-
щее время сопряжено еще для ча-
стныхъ лицъ съ немалыми затруднені-
ями. Отдѣленіе третье составляетъ
весьма-полный мѣстный адресъ кален-
дарь. Наконецъ, въ отдѣленіи четвер-
томъ помѣщены статьи по разнымъ
предметамъ.

Первая изъ нихъ: «*о внешней тор-
говлѣ Новороссійскаго Края и Бесса-
рабіи въ 1845 году*», весьма-любо-
пытна какъ по свѣдѣніямъ, о количе-
ствѣ товаровъ, привезенныхъ изъ чер-
номорскіе и азовскіе порты и отпу-
щенныхъ изъ нихъ въ томъ году, такъ
и по сравнительнымъ выводамъ тор-
говли Новороссійскаго-Края въ по-
слѣднія 15 лѣтъ; при этихъ выводахъ
составитель статьи употребляетъ па-
тилѣтніе періоды, слѣдуя въ этомъ
случаѣ примѣру г. Кеппена. Приве-
денныя авторомъ цифры ясно показы-
ваютъ усиленіе внешней торговли юж-
наго края. Любопытны также выводы
автора о количествахъ и цѣнности при-
возныхъ и отпускныхъ товаровъ до
черноморскимъ и азовскимъ портамъ
сравнительно съ балтійскими и бѣло-
морскими. Результаты этихъ сравня-
ній приводятъ къ заключенію, что омы-
вающимъ южныя границы Россіи мо-
рамъ назначено играть важную роль
въ ея заграничной торговлѣ. Мы не
приводимъ въ подтвержденіе этихъ вы-
словъ самихъ цифръ, ибо въ такомъ
случаѣ принуждены были бы дѣлать
большія выписки, а это повело бы насъ

слишком-далеко; но всякій, кого интересуетъ предметъ статьи, легко пошрѣтитъ заключенія, дѣлаемыя авторомъ, изъ его исчисленій и соображеній.

За статью о торговлѣ слѣдуетъ: *Историко-статистическое Описание города Симферополя*, и далѣе: *Прошедшій и мысляшій бытъ города Евпаторіи*.

Собраніе такихъ статей, которыя ежегодно входятъ въ составъ Новороссійскаго Календаря, современемъ составляютъ весьма-подробное описаніе южнаго края въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Далѣе помѣщены *Замѣтки для путешественниковъ по Крыму*. Цѣль составителя этой статьи говоритъ авторъ: была—указать на предметы, примѣчательныя въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ, встрѣчаемыя на Крымскомъ Полуостровѣ, вблизи большихъ дорогъ. Кому придется путешествовать по Крыму, тотъ будетъ доволенъ этой статьею и поблагодаритъ редакторовъ за помѣщеніе ея въ Календарѣ. За недостаткомъ у насъ дорожниковъ, всякая попытка въ этомъ родѣ достойна замѣчанія.

Последняя статья четвертаго отдѣленія: *Римшельскій Лицей и состоящая при немъ Гимназія съ пансіономъ*. Хотя эта статья и была помѣщена въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1844 г., но какъ съ того времени послѣдовали многія перемѣны по Одесскому Учебному Округу, то начальство его нашло полезнымъ вновь обнародовать ее со многими измѣненіями. Наконецъ въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ особъ, помѣщенныхъ въ Адрес-Календарѣ. Ясно, что составители Новороссійскаго Календаря не упустили изъ вида ничего, чтобы сдѣлать книгу дѣйствительно-полезною для лицъ, не только живущихъ въ томъ краю, но и для всякаго, кто чувствуетъ недостатокъ у насъ подобнаго изданія. Вѣроятно, читатели будутъ благодарить издателей всякій разъ, какъ

прійдется имъ пользоваться трудами составителей статей, вошедшихъ въ составъ Календаря.

56) Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, изданныя при Московскои Духовнои Академіи. Годъ четвертый. Книжка 4. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-мъ ч. л. отъ 193—404, 397—520 стр.

Въ главномъ отдѣлѣ Твореній помѣщено продолженіе бесѣды св. Василія-Великаго (12—26). Въ прибавленіяхъ, особенно замѣчательны два слова высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго: одно—въ день Успенія Божіей Матери, 15 августа 1846 г., другое— по освященіи храма въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Каждое новое слово перваго духовнаго оратора нашего болѣе и болѣе отличается двумя качествами: органичнымъ, ему только свойственнымъ развитіемъ избраннаго текста, и высокимъ изящною простотою изложенія, которое соединяетъ въ себѣ точность и силу. Кроме этого, въ Прибавленіяхъ находится: продолженіе статьи—О счастительныхъ Тамниствахъ, Слово на Рождество Христово и О преобразовательномъ смыслѣ св. писанія.

57) Святый Николай Чудотворецъ Архіепископъ Мирлицкій, св. О. П. Москва. Въ тип. скороспелая В. Кириллова. 1846. Въ 12-ю д. л. 187 стр.

Житіе, написанное стихами, изъ торныхъ представляемъ въ прилѣгъ два мѣста:

Когда родился Николай
Архіепископъ Мирлицкій
Ты хочешь знать? Такъ знай: и пр.
Въ другомъ:
Ты, можешь быть, захочешь знать
Отца и мать Николая
И именами ихъ назвать?
Отецъ былъ Феоданъ, богатъ
Мать Нома, и проч.

58) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Изданіе 30-го ноября 1846 года, № 4. Москва. Въ университетской тип. 1846.

8-ю д. л. 28, 81—154, 56, 106 стр. Важнѣйшею статьею этого вумера считается изслѣдованіе Филарета, ископа рижскаго: «Кирилль и Меодій, славянскіе просвѣтителі». Авторъ изсматриваетъ жнзнь и труды ихъ, пошывая свои указанія на греческихъ, панновскихъ, далматскихъ и шко-моравскихъ источникахъ. Можно сказать, что всѣ прежнія жнзненісавія Кирилла и Меодіа теперь правдуются, замѣняясь статьею превѣщеннаго Филарета, въ которой они едены и представлены въ очищенномъ видѣ.

Во второмъ отдѣлѣ Чтеній: «Материалы Отечественные», напечатано сочиненіе «Исторія или повѣствованія Донскихъ Козакахъ» Александра Рильмана. Къ ней приложено 17 литографированныхъ изображеній древняго одѣванія Донцовъ, печатей, плащевыя раскраска, карта земли Донской, и указатель.

Изъ Материаловъ Иностранныхъ: начата гатава «Краткая Исторія о бунтахъ шмельницкаго и войнѣ съ Татарами, Пшедами и Уграми, въ продолженіе 2 ти лѣтъ, начиная съ 1647 года», переводъ съ польскаго. Переводчикъ зафѣчаетъ, что изданіе, съ котораго онъ переводилъ, крайне-небрежно, что всѣ несмысленныя мѣста перевода точно акковы и въ переводѣ, и что исторія та писана подъ сильными вліяніемъ племеннаго нерасположенія и пристрастія, хотя и содержитъ въ себѣ много важныхъ данныхъ, ни откуда намъ неизвѣстныхъ, которыми должно дорожить.

Слѣдъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Окружныя жители Балтійскаго-Моря», то-есть, Леты и Славяне, сочиненіе Юрія Венеліна (не оченное); «Сокращенное увѣдомленіе о Малой Россіи» (географическое писаніе), сочиненіе Г. Ф. Миллера;

T. I. — Отд. VI.

• Ученые труды Епифанія Славинецкаго; • О греческомъ кодексѣ Георгія Амартода, хранящемся въ Московской Синодальной Библиотекѣ, и о сербскомъ и болгарскомъ переводахъ его хроникъ; • Семисотлѣтіе Москвы, г. Хавскаго.

59) Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Часть I. Предварительныя юридическія свидѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ правъ Николаемъ Калачовымъ. Москва. 1846. Въ тип. А. Семена. Въ 4-ю д. л. VIII и 158 стр.

Наконецъ, вышла въ свѣтъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая любителями русскихъ древностей «Русская Правда» г. Калачова. Надобно сказать къ чести автора, что ожиданія не были напрасны. Очень-много у насъ книгъ, которыя бы такъ стояли въ уровень съ теперешними требованіями науки, такъ добросовѣстно ихъ удовлетворяли, какъ сочиненіе г. Калачова. Конечно, оно не казисто: оно не рѣшаетъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ, не поясняетъ ея темныхъ и непонятныхъ мѣстъ, не предлагаетъ никакихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній объ «Русской Правдѣ». Но кому извѣстна исторія ея литературной обработки, тотъ знаетъ, что всякая попытка отвѣчать на вопросы о «Правдѣ», объяснить ее, при теперешнемъ состояніи ея предварительной обработки, увеличила бы собою и безъ того длинный рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ, нисколько не подвига дѣла впередъ. Предположеній о «Русской Правдѣ» и ея значеніи есть множество, и самыхъ разнообразныхъ; но мы досихъ-поръ не могли произнести никакого сужденія о нихъ болшей или меншей правдоподобности, или вѣроятности, потому-что они не имѣли твердой фактической почвы. Каждый изслѣдователь основывалъ свои выводы на одномъ или нѣсколькихъ спискахъ рукописныхъ, или хотя изда-

ныхъ, но болѣею частью неудовлетворительно-написанныхъ, вообще неподвергнутыхъ еще полной критико-филологической обработкѣ. Отъ того одинъ смотрѣлъ на «Правду» такъ, другой иначе, судя по даннымъ, которые у него были подъ руками. Прибавимъ къ этому, что списокъ издано было немного, не болѣе четырнадцати или пятнадцати (считая въ томъ числѣ варианты изъ Ростовской Лѣтописи, пять болтинскихъ, которыми онъ пользовался издавая «Правду», и два фроловскіе, бывшихъ подъ руками у г. Тобиана); всѣ прочія, въ большомъ числѣ, извѣстны были въ рукописяхъ, и слѣдовательно, по-большой-части доступны для немногихъ записныхъ археологовъ и знатоковъ дѣла. Такою же неизвѣстностью была покрыта и литература по «Русской Правдѣ», представляющая мало отдѣльныхъ сочиненій, но состоящая почти вся изъ журнальныхъ статей, брошюръ, главъ и даже немногихъ замѣтокъ въ сочиненіяхъ, собственно - относящихся къ другимъ предметамъ (на-прим., у Розенкама, Карамзина, г. Погодива и т. д.). Новому извѣстателю было трудно принять въ соображеніе все, что уже было сдѣлано; отъ-того старые вопросы опять подымались и рѣшались по-старому, помимо возраженій, сдѣланныхъ на эти рѣшенія; предметы уже обсужденные подвергались новому обсужденію, которое не составляло пріобрѣтенія въ наукѣ, потому-что не принимало въ расчетъ предъидущихъ трудовъ. Словомъ, какъ факты, такъ и работы, уже совершенныя надъ ними, представляли какой-то хаосъ, въ которомъ трудно было найдтись, трудно было не потеряться. Итакъ, чтобъ проложить новые пути къ изученію «Правды», чтобъ сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе вопросовъ, къ которымъ она подаетъ поводъ, или по-крайней-мѣрѣ опредѣленіе, какіе изъ нихъ могутъ быть разрѣшены, какіе нѣтъ, и какія средства для ихъ разрѣшенія, — для этого необходимо было, прежде всего, остановить колеблющіеся факты, сдѣ-

лать ихъ извѣстными и доступными для всѣхъ, привести въ извѣстную литературу «Русской Правды» до вѣдѣннѣйшихъ подробностей и отбросить предшествующіе труды и изданія. Эту предварительную задачу блестяще разрѣшилъ г. Калачовъ. Намъ кажется болѣею самоотверженіемъ, чѣмъ совершить трудъ, требующій много времени, работы, издержекъ, — много, трудъ такой тяжелый, иногда утомительный и невидный на первый взглядъ. Но за то теперь поле открыто, предметъ обогатился новыми данными, положена прочная основа для новыхъ извѣсканій о «Правдѣ», и въ этомъ смыслѣ мы позволимъ себѣ назвать необычнымъ, что разсужденіе г. Калачова составляетъ эпоху въ историко-юридической литературѣ.

Тѣсныя рамки библиографической статьи не позволяютъ намъ войти въ подробный разборъ этого замѣтнаго сочиненія. Мы представимъ только короткій обзоръ его содержания и того, что оно заключаетъ въ себѣ особенно-новаго и замѣчательнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что издалъ теперь только первую обширнаго труда, который займетъ въ большихъ размѣрахъ. Этотъ трудъ долженъ представить подробное объясненіе «Правды», — безъ котораго какъ справедливо замѣчаетъ г. Калачовъ, — всѣ отдѣльныя или частныя ея изслѣдованія никогда не достигнутъ желаемого успѣха. Намъ кажется какъ необходимо такое объясненіе, — теперьшнемъ состояніи ея литературной обработки, авторъ представляетъ планъ, которому онъ намѣренъ следовать. Во первыхъ, долженъ быть извѣстна автору, изданъ въполнѣ всѣхъ замѣненій и по всѣмъ отдѣльнымъ спискамъ, текстъ «Правды», въ томъ, объяснены филологически и грамматически отдѣльныя слова, такъ равно и — выраженія и обороты рѣчи. Въ частности, какъ важно такое объясненіе, авторъ приводитъ слова «коляба», «колябагъ», которыхъ значеніе выясняется изъ другихъ памятниковъ.

тѣмъ должно слѣдовать *юридическое* объясненіе «Правды», т. е. полное изложеніе содержанія «Русской Правды», и равеніе этого содержанія съ нашими памятниками, отъ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно, и съ древнѣйшими памятниками славянскихъ и германскихъ народовъ; чрезъ то должно выясниться «какое значеніе имѣетъ вообще Русская Правда; во-первыхъ, какъ источникъ нашего древняго права въ разное время, а во-вторыхъ, какъ юридическій памятникъ, и потомъ, въ какомъ отношеніи находится она ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго законодательства до XVII вѣка включительно». При этомъ должна быть предложена подробная критическая оцѣнка различныхъ мнѣній о «Русской Правдѣ». На слованіи такихъ-то работъ можно же приступить къ изданію текста [правды XI вѣка, *критически-очищенно*, и переводъ «Правды», въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь имѣемъ. Наконецъ, говоритъ авторъ «можно будетъ снѣло приступить къ критическимъ выводамъ касательно образа составленія Русской Правды, ея подлиннаго содержанія въ XI, XII и другихъ столѣтіяхъ, ея достоинства, какъ источника права и памятника не только отечественнаго законодательства, но и словесности; наконецъ, вообще къ тѣмъ выводамъ, которые могутъ казаться особенно-важными для филолога, историка и философа».

Выполнимъ ли весь этотъ планъ — трудно рѣшить прежде тщательной работы «Правды» въ историческомъ, филологическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ думать, что предѣлить время и способы составленія каждой статьи «Правды», объяснить вполне всѣ слова и выраженія, и-особенности возстановить ея первоначальный текстъ, какъ предполагается, — едва-ли возможно, пока не будутъ открыты какіе-нибудь новые источники. Сверхъ-того, мы знаемъ, какъ значеніе текста всегда болѣе или ме-

нѣе предположительно. Отъ-того, мы болѣе склоняемся къ мысли, что послѣднія двѣ части труда могутъ быть опущены безъ ущерба для достоинства и полноты изслѣдованій.

Въ изданной первой части трудовъ надъ «Правдой» находимъ преимущественно матеріалы для ея объясненія съ *юридической стороны*, которая такъ тѣсно связана съ *исторіей* этого законодательнаго памятника: 1) разборъ изданій и сочиненій, относящихся къ Русской Правдѣ; 2) критическое обзорѣніе извѣстныхъ ея списковъ съ юридической стороны; 3) систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста Правды; 4) указаніе на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ ея содержаніемъ.

Ркажемъ особо о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ не есть собственно критическая исторія литературы «Русской Правды» или ея изданій. Это краткій обзоръ и того и другаго, съ отиѣтками и отзывами обо всемъ, что было сдѣлано до-сихъ-поръ, и самымъ тщательнымъ библиографическимъ указаніемъ на прелшествоующіе труды. Особенно въ послѣднемъ отношеніи эта статья драгоценна. Изъ обзорѣнія статей и сочиненій о «Русской Правдѣ» мы видимъ, что около тридцати изслѣдователей болѣе или менѣе занимались этимъ памятникомъ и посвящали ему труды свои. Странно, особенно когда подумаешь, какъ плохо обработана русская исторія, въ-особенности внутренняя!

Обзорѣніе списковъ «Правды» съ юридической стороны представляетъ много чрезвычайно-любопытныхъ результатовъ, отчасти выведенныхъ прежними изслѣдователями и теперь подтвержденныхъ г. Калачовымъ, отчасти совсѣмъ новыхъ. Чтобъ понять всю важность и основательность этихъ результатовъ, должно напередъ замѣтить, что г. Калачовъ пользовался пятьюдесятью списками Правды, изъ которыхъ около тридцати имъ впервые открыты

по-крайней-мѣрѣ черезъ него дѣлаются общедоступными.

Всѣ списки «Правды», по мнѣнію г. Калачова, дѣлятся на *четыре* фамиліи (прежде ихъ дѣлили на двѣ). Къ первой отнесены изслѣдователемъ списки древнѣйшихъ лѣтописей: Новгородской и Ростовской, или такъ-называемые *краткіе* списки; ко второй — списки кормчихъ такъ-называемаго кнриллового разряда и Мѣрила Праведнаго — древнихъ сборниковъ, близко къ нимъ подходящихъ; къ третьей — списки позднѣйшихъ новгородскихъ (софійскихъ) временниковъ; наконецъ, къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей разнаго содержанія.

Признаки, *общіе* всѣмъ фамиліямъ списковъ, состоятъ въ томъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ не есть офиціальныи документъ. Все заставляетъ думать, что «Правда» — сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный. Не смотря на то, «Правда» была офиціально признаваема источникомъ права, потому-что встрѣчается въ кормчихъ и сборникахъ, признаваемыхъ за руководство въ судебныхъ дѣлахъ. Далѣе, изъ имѣющихся списковъ «Правды» видно, что она составлена изъ законовъ великихъ князей, грамотъ, наказовъ, памятей, обычныхъ правилъ, положеній германскаго и византійскаго права, приноровленныхъ къ понятіямъ народа, мѣстныхъ постановленій, преимущественно новгородскихъ, и изъ частныхъ случаевъ или фактовъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же списковъ видно, что разныя положенія въ «Правдѣ» получили въ разное время силу закона: одни при Ярославі, другіе при его ближайшихъ преемникахъ, третьи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. На какомъ основаніи ученый изслѣдователь относитъ нѣкоторыя статьи именно къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ — не видно. По всѣмъ вѣроятіямъ, сличеніе разныхъ списковъ привело его къ такимъ заключеніямъ. Если такъ — это основаніе едва-ли прочно. О времени

составленія статей мы только тогда можемъ заключать почти-вѣроятно, когда есть въ нихъ-самыхъ указанія. Такъ въ нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ принадлежатъ Ярославу, его дѣтямъ, Владимиру-Мономаху. Но судить о происхожденіи статей по вѣку, къ которому относятся списки, или, потому-что открытіе болѣе-древнихъ, въ которыхъ находятся такія же статьи, легко можетъ опровергнуть мнѣныя. Впрочемъ, авторъ, какъ знатокъ своего дѣла, могъ имѣть и другія, болѣе-основательныя причины, по которымъ онъ относилъ статьи «Правды» къ тому или другому вѣку. Какъ бы ни было, вѣрно то, что полный составъ списковъ «Правды» разныхъ фамилій извѣстенъ намъ изъ рукописей не ранее XIII, XIV и XV вѣка. Отъ XIII и XIV вѣка до насъ дошло по одному списку второй фамиліи, а отъ XIV и XV вѣковъ отъ каждаго по одному списку первой, третьей и четвертой фамилій и нѣсколько списковъ второй (слѣдовательно, вѣроятно XV вѣка, ибо о составѣ второй фамилій отъ XIV вѣка было уже прежде упомянуто). Списки XVI и XVII вѣка не представляютъ уже ничего новаго. Отсюда г. Калачовъ и безъ основанія заключаетъ, что въ два вѣка «Правда» уже потеряла практическое значеніе и вносилась въ кормчія и сборники, какъ историческій памятникъ, неимѣвшій силы закона. Со времени изданія Уложенія и печатанія Кормчей, прекратилось и самое переписываніе «Правды». Порядокъ расположенія статей во всѣхъ спискахъ имѣетъ большое сходство; близкія между собою статьи составлялись въ группы, располагались между ними, а вставлены въ концѣ. Правильной системы не видно въ «Правдѣ». Языкъ носитъ слѣды древности.

Таковы общіе признаки всѣхъ фамилій списковъ. Признаки, которыми они различаются, весьма-разнообразны. Списки первой фамилій отличаются особенною простотой и краткостью статей въ нихъ писаны безъ раздѣловъ и заглавій, кромѣ какъ въ началѣ и вѣ-

срединѣ списковъ. Г. Калачовъ думаетъ, что послѣднее («Правда уставлена Русьскою землю егда ся съвокупилъ» и т. д.) не простирается на всѣ статьи, за ними слѣдующія, и доказываетъ это мѣстомъ, которое это заглавіе занимаетъ въ спискахъ другихъ фамилій. Того же мѣстна и Розенкампфъ. Впрочемъ, здѣсь г. Калачовъ выравнялъ неясно: хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что въ спискахъ другихъ фамилій это заглавіе занимаетъ другое мѣсто, но одно во всѣхъ, или оно и въ нихъ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ? Какъ ни мелоченъ кажется этотъ вопросъ, но онъ много вѣситъ въ изслѣдованіи о «Русской Правдѣ». Дѣло въ томъ, что если это заглавіе въ разныхъ спискахъ стоитъ передъ разными статьями — очевидно нельзя приписывать первую половину такъ-называемой Краткой Правды Ярославу, а вторую его дѣтямъ; слѣдственно, она, подобно иностранной, должна быть разсматриваема не какъ цѣлое законодательство, а какъ частный юридическій сборникъ. Будь доказано противное, — предположеніе Эверса, Неймана и Тобина остается по-прежнему вѣроятнымъ, по крайней-мѣрѣ неопровергнутымъ. То или другое можетъ быть рѣшено не числомъ статей, послѣ которыхъ встрѣчается это заглавіе — ибо могли быть вставки — а тѣмъ, стоитъ ли оно передъ одной и той же статьей во всѣхъ спискахъ, или передъ разными. — Вообще, г. Калачовъ замѣчаетъ, что оглавленія составляютъ одно изъ важныхъ различій между фамиліями списковъ — не только первой отъ прочихъ, но и ихъ между собою. Въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ Розенкампфомъ, что «подробнѣйшій разборъ оглавленій можетъ привести къ некоторымъ справедливымъ выводамъ касательно составленія основныхъ списковъ и ихъ системы». Въ спискахъ трехъ прочихъ фамилій «Правды» находятся то же два заглавія. О нихъ г. Калачовъ говоритъ тоже, что и объ оглавленіяхъ въ спискахъ первой фамиліи: они служатъ оглавленіемъ не для всѣхъ послѣ-

дующихъ статей, а только для ближайшей, непосредственно за ними слѣдующей. По содержанію, первая фамилія различается отъ прочихъ полнотой, числомъ и самой редакціей статей. Это различіе не такъ замѣтно между списками трехъ послѣднихъ фамилій, отличающихся между собой болѣе всего отдѣльными статьями, которыхъ въ иныхъ вовсе нѣтъ. Такъ списки второй фамиліи не имѣютъ дополнительныхъ статей, а въ другихъ онѣ есть; за то и въ нихъ есть прибавленія, которыхъ не достаетъ въ третьей и четвертой фамиліи. Наконецъ, списки послѣдней фамиліи отличаются отъ списковъ второй и третьей меньшею полнотою статей и предисловіемъ, переведеннымъ съ греческаго и заимствованнымъ изъ словъ Василія-Великаго. По мѣстнѣю г. Калачова, оно не принадлежитъ первымъ составителямъ «Правды», потому что она «безъ-сомнѣнія служила первоначально руководствомъ въ дѣлахъ судебныхъ только для людей свѣтскаго званія». Кроме того, четвертая фамилія отличается отъ прочихъ тѣмъ, что списки, къ ней принадлежащіе, представляютъ довольно ясныя указанія на то, какимъ образомъ и изъ какихъ источниковъ былъ дополненъ первоначальный текстъ Русской Правды въ разное время.

Послѣ такого обзоренія сходства и несходства между фамиліями списковъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности и рукописей, къ ней относящихся, въ которыхъ помѣщена «Правда». Мы остановимся на томъ, что намъ показалось особенно-важнымъ.

Списковъ первой фамиліи, содержащихъ въ себѣ такъ-называемую краткую «Правду», всего четыре (крош дошедшихъ въ вариантахъ). Судя по грамматическимъ признакамъ, они называютъ на текстъ позднѣйшій въ сравненіи съ списками второй фамиліи, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ XIII, XIV и XV вѣку. Разумѣется, изъ этого нельзя еще дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній о краткой «Прав-

дѣ, особенно о ея древности, ибо сохраненіе однихъ позднѣйшихъ ея списковъ есть случайность. Замѣтимъ, впрочемъ, что эти списки чрезвычайно-сходны между собою; различія ихъ по-большой-части филологическія. Только четвертый списокъ имѣетъ одну лишнюю статью противъ другихъ, вставленную между 38 и 39 статьями. Все это подтверждаетъ мысль, что первая половина «Краткой Правды» дѣйствительно можетъ быть уставъ или судная грамота, данная Ярославомъ Новгороду по известіямъ летописей, а вторая ея половина—законодательство дѣтей ярославовъ, дополняющее уставъ ярославовъ, съ нѣсколькими прибавочными статьями въ концѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, замѣчательно, что лишняя статья въ четвертомъ спискѣ «Краткой Правды» есть пятая снизу и находится къ числѣ прибавочныхъ. На этомъ основаніи мы не вполне согласны съ мнѣніемъ г. Калачова, высказаннымъ въ третьемъ текстѣ, что «Русская Правда, относительно текстовъ известныхъ ея списковъ, есть сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условий». Это можетъ быть болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ пространной «Правдѣ», но едва-ли идетъ къ краткой. По-крайней мѣрѣ, въ-отношеніи къ ней гораздо-сомнительнѣе, чѣмъ этотъ тезисъ въ примѣненіи къ «Правдѣ» XIII вѣка.

Другое наблюденіе надъ списками «Правды», которое намъ показалось особенно-замѣчательнымъ, состоитъ въ томъ, что вторая половина пространной «Правды», начинающаяся уставомъ Владиміра Мономаха о процентахъ, присоединена къ первой половинѣ гораздо-позже составленія первоначальнаго текста; прежде обѣ составляли вѣчто отдѣльное. Сколько мы знаемъ, это замѣчаніе едва-ли было сдѣлано прежде г. Калачова и проливаетъ новый свѣтъ на «Правду». По изслѣдованіямъ г. Тобиаса, первая половина пространной «Правды» главнымъ

образомъ состоитъ изъ статей предельной «Правды» и «Правды» ея дѣтей. Это переработка архаичнаго законодательства и очень-легко могла быть дѣломъ частнаго человека. Но противъ, вторая половина представляетъ положенія существенно-новые, и до сихъ-поръ еще трудно рѣшить, есть ли это законодательство Владиміра Мономаха и если да, то до какого именно мѣста, и что къ нему прибавлено потомъ. Открытіе, что обѣ половины составлялись различно и были прежде два разные памятника, потому особенно-важно, что оно даетъ теперь изслѣдователямъ полное право разорвавъ всякую связь между обѣими половинами, разсматривать каждую особливо. Различные результаты изъ обѣихъ ничего не будутъ доказывать противъ правдоподобности или достоверности выводовъ.

Третій отдѣлъ диссертации г. Калачова заключаетъ въ себѣ текстъ «Русской Правды», расположенный систематически, по пятидесяти спискамъ. Это, конечно, важнѣйшая и лучшая часть книги. Съ удивительною тщательностью выбранъ текстъ изъ всѣхъ списковъ и подведены всѣ важнѣйшія разночтенія. Отпечатанъ текстъ чрезвычайно-красиво, особливый примѣтомъ, въ четырехъ главахъ, въ которыхъ первая содержитъ въ себѣ статьи, относящіяся къ государственному праву, вторая—къ гражданскому, третья—къ уголовному праву, четвертая—о судопроизводствѣ. Въ каждой изъ статей сто сорокъ-три. Въ концѣ расположены три таблицы: первая содержитъ въ себѣ исчисленіе пятидесяти списковъ «Правды», изданныхъ г. Калачовымъ. Большое число ихъ относится къ второй фамиліи, а именно двадцатью-восемью. Вторая таблица представляетъ соотвѣтственность статей изданій г. Калачова съ статьями подлиннаго списка. Съ помощью этой таблицы можно возстановить каждый списокъ по изданію г. Калачова. Наконецъ, третья таблица показываетъ, на-

тъ, соответственность статей списъ съ статьями новаго изданія.

Послѣдній отдѣлъ представляеть зличныя статьи, встрѣчающіяся въ ричихъ, сборникахъ, дѣтописяхъ, и торыя по своему содержанію или жественны или болѣе или менѣе одны съ статьями «Русской Правды». изъ нихъ самая большая часть отно- тся къ церковному законодательству основана на каноническихъ стать- яхъ или на постановленіяхъ византій- ныхъ императоровъ. Различныхъ па- тциковъ, въ которыхъ содержатся та- я статьи, г. Калачовъ насчитываетъ евяти, а именно: извлечение изъ итъ монсеевыхъ, земледѣльческіе коны императора Юстиніана, зако- н императоровъ Льва и Константина, конъ градскій, такъ-называемый Су- бникъ царя Константина, главы о ослуствѣхъ, уставы о церковныхъ су- ствахъ великихъ князей Владимира, Яро- лава и Всеволода, правило законно о ерковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, о шѣриствѣхъ городскихъ, наконецъ, оговоръ смоленскаго князя Мстислава авидовича съ Ригой и Готландіей. Изъ ихъ, сходныхъ статей съ «Правдой» выделено слишкомъ тридцать. Всѣ тѣ изданія съ тою же тщательностью, казаніемъ источниковъ, вариантовъ и атературы, какъ и самый текстъ Правды». Замѣчательно, что междуни- и встрѣчается статья о послушествѣ, риписываемая Владимиру и вошедшая въ составъ «Правды». Она подаетъ по- адъ къ различнымъ любопытнымъ вы- одамъ относительно составленія про- грамной «Правды». Статью о послу- ествѣ мы находимъ во второй ея по- винѣ. Въ Троицкомъ Спискѣ она со- гвляеть двѣнадцатую статью этой оловины. Отсюда дѣлается вѣроят- ымъ одно изъ двухъ предположеній: ли что заглавіе «уставъ Володимѣръ севолодича» дѣйствительно не отно- атся только къ ближайшей статьѣ о роцентахъ, но есть заглавіе цѣлаго става, даннаго Мономахомъ, хотя, мо- жеть-быть, и дополненнаго въ послѣд- ствѣхъ другими статьями, или по край-

ней-шѣрѣ, что въ древней Россіи вто- рую половину «Правды» считали за уставъ Мономаха и ему ее приписыва- ли. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ это важный доводъ противъ тѣхъ, которые считаютъ пространную «Правду» частнымъ сборникомъ, а не законодательнымъ памятникомъ.

Таково новое сочиненіе г. Калачо- ва. Это одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей историко-юридиче- ской литературѣ, и въ своемъ родѣ об- разцовое произведеніе.

60) Чаромѣтїи, или Священный Языкъ Маговъ, Волхвовъ и Жри- цовъ, открытый Платономъ Лукаше- вичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ имъ же въ прямую истоть чаромуты и чарной истоти лзыкавъ Русскаю и дру- гихъ Славянскихъ и части Латинскаю. Петрыгородъ. 1846. Въ тип. К. Винке- бера. Въ 8-ю д. л. 404 стр.

Книга эта принадлежитъ къ числу невѣроятныхъ явленій умственного міра. Кто бы повѣрилъ, что въ наше время можетъ появиться сочиненіе, въ которомъ прямо и рѣшительно утвер- ждается, что... но нѣтъ, мы не рѣша- емся пересказывать своими словами, что утверждаетъ г. Платовъ Лукаше- вичъ; вотъ его собственныя слова:

«Отъ сотворенія міра родъ чело- вѣчскій имѣлъ одинъ всвошій дѣзыкъ — Славянскій: и бѣ еса земля устнѣ единѣ и гласъ единѣ естѣмъ. Кн. Бытія, XI, 1. Господь смирилъ гордость челоѣка смѣшеніемъ лзыкавъ. *Сіе смѣ- шеніе естѣ чаромутіе.* Заблудившіеся люди начали на нныхъ восхвалять лзыкавскихъ боговъ своихъ, уклоняясъ отъ Бога истиннаго, до тѣхъ поръ, пока по вопло- шеніи Слова Господня на землѣ, по нис- проверженіи кумировъ и по водвореніи Христіанской Вѣры, чаромутіе исчезло съ лица земли; и одни Славянскіе народы, но воля Теорца, хотѣа частью и имѣютъ въ своихъ лзыкахъ печать чаромутіа, перста Божія, — но совокупно удержалъ совершенно Первоуытѣмъ лзыкѣ.» (Стр. 19).

Больше мы ничего для васъ не вы- пишемъ, читатели. Кто любитъ рѣдъ

кости, тотъ долженъ самъ прочесть сочиненіе г. Лукашевича, потому что въ немъ все дивно, отъ первой строки до послѣдней, между прочимъ и тотъ чистый, не чаромутный языкъ, на которомъ самъ онъ изъясняется: радѣя о чистотѣ русскаго или первобытнаго языка, онъ замѣняетъ всѣ заимствованныя иностранныя слова коренными или истинными славянскими; на-примѣръ, вмѣсто *оракулъ* онъ пишетъ — *оуставловъ*, вмѣсто *периодъ* — *облоходъ*, вмѣсто *повіа-балачъ*, вмѣсто *грамматическія формы* — *транслловныя образимы*, и пр. и пр. Акто не охотникъ до этихъ вещей, тому достаточно знать, что въ 1847 году нашелся въ Европѣ ученый, открывшій міру на какомъ языкѣ разговаривали между собою Адамъ и Ева.

61) Отчетъ Россійско - Американской Компаніи *Главному Правленію. За одинъ годъ по 4-е января 1846 года. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1846. Въ 8-ю д. л. 51 стр. Съ планомъ залива Аляска.*

Отчетъ Россійско - Американской Компаніи раздѣленъ на три части: капиталы, торговая операція, и часть распорядительная. Изъ двухъ вѣдомостей, составляющихъ первую часть отчета, видно, что въ 1845 году Компанія производила оборотовъ сляшкомъ на три милліона рублей серебромъ. Главныя статьи торговли состояли въ мѣхахъ и чаяхъ. Первыхъ, какъ показано во второй части отчета, отправлено было на Кяхту: собственно мѣховъ 24,990 штукъ, хвостовъ—1,441 и 5,059 паръ лапъ. Какъ на эти производенія, такъ и на другіе промысловые товары меньшей важности, отправляемые въ Кяхту, вымѣнено тамъ, въ 1845 году, чаевъ всего 6150 мѣствъ, которыя и были распроданы на нижегородской ярмаркѣ, въ Москвѣ и частью въ колоніяхъ. Наконецъ, третья, бѣдшая часть отчета посвящена изложенію общихъ распоряженій Компаніи и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: а) распоряженія въ Россіи и б) — въ коло-

ніяхъ. Къ первымъ относится, между прочимъ, снабженіе колоній товарами. Товары эти изъ внутренней Россіи отправляются сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, а изъ Петербурга, равно какъ и изъ Англіи, моремъ на судакъ Гудзонайскаго Компаніи преимущественно, ибо только въ 1845 году Главное Правленіе Компаніи, въ видѣ опыта, отправило въ колонію грузъ товаровъ и въ нѣкоторомъ купеческомъ кораблѣ, и этотъ опытъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ. Застрахованіе колоніальныхъ грузовъ, доставленныхъ въ Охотскій Портъ въ 1845 году, производилось въ англійскихъ страховыхъ обществахъ. Въ 1846 же году, Компанія предназначила наибольшую цѣнность отправляемыхъ изъ колоній грузовъ застраховать въ Россійскомъ Морскомъ и Рѣчномъ Страховомъ Обществѣ. Такимъ образомъ, Компанія, и упуская изъ вида собственныхъ выгодъ, даетъ и страховому обществу распространить кругъ его дѣйствій, ибо цѣнность товаровъ (во 100,000 р. сер.), подлежащихъ къ страхованію въ Россіи, весьма-значительна. Желательно, чтобъ примѣру Россійско-Американской Компаніи, перенесшей страхованіе изъ англійскихъ обществъ въ русское, послѣдовали и другія имъ ведущія торговлю на моряхъ в отъвавшія до сего времени на страхъ свои товары въ иностранныя общества. — Въ 1845 году охотскія факторія окончательно переведена къ заливу Аляска, гдѣ, кромѣ безопасности гавани въ сравненіи съ Охотскомъ, представляется и другія выгоды. Сюда относятся: издвореніе хлѣбопашества на берегахъ Маи, и торговля съ Тунгусами, купцами между Алянью и китайскою границею. Вотъ что сказано въ отчетѣ о первомъ обстоятельстве:

«Въ 1844 году, по распоряженію Министрства Государственныхъ Имуществъ, въ завѣдываніи (е) начальни- ка охотской компанейской факторіи поступило нѣсколько семействъ переселенцевъ, производившихъ, но безуспѣшно, опыты хлѣбопашества и

рестностях Охотска, и ему же вы- за часть Высочайше назначенной этот предмет суммы. Семейства перевезены къ заливу Аяну и по- нены на берегах Ман, близъ Нель- ва. Сдѣланные опыты хлѣбона- ства общають полный успѣхъ. Хлѣбъ, яровой и озимый, и пшеница ихъ сортовъ, по увѣдомленію отъ августа 1846 г., начальника факто- ра, осматривавшаго работы и засе- нія, стояли въ полномъ пазавѣ и юсья пожелтѣли, такъ-что чрезъ сколько дней собирались присту- ть къ жатвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и раз- ценіе огородныхъ овощей, особливо пуста, удалось совершенно. По бли- жшему осмотру окрестностей Нель- ва, найдено тамъ весьма много стъ, способныхъ для распашки и а сѣнокосовъ.

Подобное явленіе, какъ успѣхъ зем- ѣлія на восточной оконечности Си- би, весьма-утѣшительно, ибо доро- жана въ той странѣ сѣстныхъ при- омовъ первой потребности составля- енное препятствіе къ успѣху про- шлености Компаніи. Что же ка- тель до торговли съ Тувгусами, то Компаніи избравіе для факторіи нкта при Аялѣ важно въ томъ отно- шеніи, что тутъ открывається новый очиникъ добыванія пушнаго товара въ почувощихъ жителей и сбыта въ колоніальныхъ произведеній. Изъ гдѣненной въ послѣдней части отче- таблицы народонаселенія въ колоні- явидно, что во всѣхъ отдѣлахъ къ у января 1846 года состояло 560 жихъ, а вмѣстѣ съ туземцами—7783 и. обоего пола. Компанія не оставила же безъ вниманія и нравственной ровны жителей своихъ колоній. Въ тхъ школахъ, находящихся въ Но- рхангельскѣ, въ мужской и жен- ѣ, обучалось къ концу 1845 года 99 ьчиковъ и дѣвушекъ; сверхъ того, семинаріи состояло 55 учениковъ, томъ числѣ 22 Русскихъ и 33 Крео- ль и туземцевъ. Къ поддержанію ровья жителей колоній способство- на устроенная въ Новорхангелъ-

скѣ больница, гдѣ леченіе вообще шло успѣшно. Къ отчету приложенъ планъ залива Аялѣ, съ прилегающимъ къ не- му берегомъ, на которомъ устроена факторія. Жаль, что на планѣ не пока- зано широты и долготы, чтобы можно было удобіе судить по немъ о самой относительной шѣтности.

Мы привели шѣторыя Подробно- сти отчета, ибо Россійско-Американ- ская Компанія, по капиталамъ, находя- щимся у нея въ оборотѣ, и по обшир- ности производимой ею торговли, есть одна изъ важнѣйшихъ у насъ въ Рос- сіи, а по количеству пушнаго товара, безъ сомнѣнія, немногихъ уступаетъ Гудзонбайской Компаніи. Притомъ, управленіе колоніями, такъ далеко от- стоящими отъ главнаго пункта правле- нія, сопряжено съ такими затруднені- ями при плохомъ сообщеніи, какъ су- химъ путемъ, такъ и моремъ, что успѣшный холъ дѣлъ и торговли Ко- паніи и ея процвѣтанія можно только приписать неунышной дѣятельности и званію ея распорядителей.

62) СОВРАНИКЪ ПРАВИЛЪ СОХРА- ННОЙ И ССУДНОЙ КАЗНЫ ПРИ МОСКОВ- СКОМЪ И САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ ИМПЕРА- ТОРСКИХЪ ВОСПИТАТЕЛЯХЪ. ДОМАШ. НА- СЛЕЖЕНО ИЗЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И УСТАВОВЪ ГОСУ- ДАРСТВЕННЫХЪ КРЕДИТНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1847. Въ тит. К. Крайя. Въ 46-ю д. л. 416 стр.

Кромѣ другихъ польза, предлагае- мая книга еще тѣмъ необходимо, что издавая въ 1838 году о подобномъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: «Правила Санктпетербургской Ссудной Казны Ломбарда», уже не можетъ служить ру- ководствомъ, потому-что въ настоящее время эти правила во многомъ противъ прежняго измѣнены. (Предувѣдомл. издателя).

63) ВЪГЛЯДЪ НА ГАВАНИ, ДОКИ, ОЗЕРНОЕ И РЪЧНОЕ СУДОХОДСТВО, МАЛКИ, ПАРОВОД- СТВО, ВОДОСНАБДИТЕЛЬНЫЯ СТРОЕНІЯ, КАНА- ЛЫ, ДОРОГИ, ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ, МОСТЫ И ДРУГІЯ РАБОТЫ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ СЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Соч. англійскаго ин-

- *осенера Давида Стевенсона. Перев. съ англійскаго Г. Б.т.к.ва. Николаевъ. Вѣстникъ черноморскаго гидрографическаго депю. 1845 (1846). Въ 8-ю д. л.*

Сѣверо-американцы превзошли всѣ просвѣщенные націи, не исключая самихъ Англичанъ, смѣлостью и замысловатостью своихъ построекъ и сообщеній. Мѣстные способы изобильной дѣсомъ и строевыми матеріалами страны, и множество большихъ озеръ и рѣкъ, содѣйствовали въ этомъ какъ нельзя лучше предприимчивому духу трудолюбиваго народа, котораго девизъ: «go ahead!» (впередь!), и котораго одна изъ главныхъ потребностей — быстрота сообщеній. Вотъ почему нигдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, которыя были бы проведены по болѣе-труднымъ мѣстамъ: примѣръ—желѣзная дорога, идущая нѣсколькими уступами черезъ горный хребетъ Алеггана, и нѣкоторыя другія, которыми пересѣкаются топкія болота; нигдѣ пароходствѣ не развито въ такой невѣроятной степени, и нигдѣ пароходы не ходятъ съ такою быстротою, какъ по обширнымъ озерамъ, великолѣпнымъ потокамъ и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ Соединенныхъ Штатовъ; нигдѣ нѣтъ каналовъ, которые бы тянулись по такимъ длиннымъ расстояніямъ и по которымъ бы такъ дѣятельно перевозились пассажиры и товары изъ одного конца страны въ другой. «Правда, инженерныя работы Америки», какъ говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ этой книги, англійскій инженеръ Стевенсонъ: «не всегда удобоприимлемы къ европейскимъ обстоятельствамъ; но все же измѣненія, которымъ подвержено искусство въ новой странѣ, могутъ оказаться полезными, представляя различныя методы работъ, примѣненныя къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и ограниченнымъ средствамъ».

Къ этому надобно прибавить, что такъ-какъ желѣзныя дороги строятся въ Америкѣ болѣею-частью на скорую руку, а на пародахъ, управляемыхъ рѣдко людьми свѣдущими и опытными, не жалѣютъ паровъ, чтобы заста-

вить ихъ двигаться съ наибольшею скоростью, то ни въ одной странѣ не бываетъ такого безчисленнаго множества несчастныхъ случаевъ отъ поврежденія дорогъ и взрыва паровыхъ котловъ, какъ здѣсь; но людямъ объ этомъ нисколько не заботятся: они остаются неизмѣнно-вѣрными своему девизу: «впередъ, во что бы то ни стало!»

Г. Стевенсонъ посѣтилъ Верхнюю и Нижнюю Канады и самыя интересныя части Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной-Америки, стараясь осмотрѣть и извѣстнѣе для инженера предметы. Наблюденія его обаяли многіе изъ главныхъ портовъ и судоходныхъ рѣкъ, два изъ большихъ озеръ, главные каналы, желѣзныя дороги, мосты и другія средства сообщенія, такъ же, какъ самыя занимательныя изъ работъ и снабженія городовъ водою. Пароходство этихъ странъ, система малыхъ освѣщающихъ ихъ берега, и многія другіе предметы, болѣе или менѣе достопримѣчательныя, также вошли въ его обзоръ. Онъ пишетъ въ концѣ, что ему пришлось видѣть, въ сущности общепонятныхъ выраженіяхъ, и по возможности техническихъ терминовъ, такъ-что не нужно быть инженеромъ, ни морякомъ, а надо бы только образованнымъ человекомъ, чтобы найти книгу его занимательною. Г. Б.т.к.в., переведшій ее съ англійскаго, дополнилъ переводъ своими поясненіями и примѣчаніями, какъ своими собственными, такъ и извлеченными изъ лучшихъ сочиненій и періодическихъ изданій, вышедшихъ въ Англіи о заключающихся въ этой книгѣ предметахъ.

Въ началѣ ея приложена карта (карта) днненныхъ Штатовъ, съ означеніемъ на ней каналовъ и желѣзныхъ дорогъ въ томъ видѣ, въ какомъ были въ то время, когда путешествовалъ г. Стевенсонъ; карта эта, въ ней множество чертъ, и весьма занимательныхъ доковъ, ваяру для водоснабдительныхъ строеній, и мысловатѣйшихъ мостовъ, и способовъ устройства желѣзныхъ

тъ, а также рисунки и чертежи изъстиѣйшихъ по своей ходкости рѣчъ и морскихъ парохоловъ. Книга дана хорошо; чертежи и рисунки дѣланы весьма-отчетливо и удобно.

64) Россійско - Греческій Словарь, составленный Иваномъ Синайскимъ. Москва. Въ тѣхъ. Августа Семея. 1846. II ч 678 стр.

Въ русской литературѣ часто поляются престранныя, предвусмысленныя книги. Къ такимъ загадочнымъ книгамъ принадлежитъ и книга Синайскаго. Однако, внимательно речитавъ ее, мы увидѣли, что она, смотря на свои странности, не безъ стоинствъ, и составлена съ примѣрнѣ добросовѣстностью. Это, а еще бо то, что книга г. Синайскаго есть первый русско-греческій словарь, и что а, по неплодородности нашей учебной и учебной древне-классической литературы, остается, вѣроятно, надолго единственнымъ русско-греческимъ словаремъ, — обазываетъ насъ обраба на книгу г. Синайскаго болѣе вниманія, чѣмъ сколько заслуживала она по безотносительному своему стоинству.

Предварительно считаемъ нужнымъ изать нѣсколько словъ претивъ одностранинаго предразсудка относительно изученія греческаго языка. Предразсудокъ этотъ, въ слѣдствіе историческихъ причинъ, утвердился въ ови многихъ Русскихъ (особенно въ провинціи) и — г. Синайскаго.

Въ Западной-Европѣ съ особенною новостію начали заниматься греческимъ языкомъ съ конца XV вѣка, когда Греки, убѣжавшіе изъ взятаго Турки Константинополя, перенесли въ нѣю множество списковъ греческихъ авторовъ. Эти Греки понимали свѣтскихъ греческихъ писателей зло-хуже, чѣмъ изащные Итальянцы того времени, болѣе ихъ родные внимъ Грекамъ по духу. О Грекахъ вѣка едва-ли можно сказать болѣе, что они перенесли смыслъ своихъ

писателей изъ Константинополя въ Италію: ни одинъ изъ нихъ не оказалъ значительныхъ услугъ греческой филологіи. Все, сдѣланное въ ней, сдѣлано Итальянцами, потомъ Французами, Голландцами, Англичанами и наконецъ Нѣмцами. Народы же Западной-Европы не были ничѣмъ прямо, непосредственно связаны съ Греціею: она имѣла и имѣеть для нихъ только общечеловѣческой интересъ. Потому у нихъ и могло, и — въ слѣдствіе развитія всѣхъ наукъ вообще — должно было образоваться пониманіе всемірно-историческаго значенія классической Греціи. Въ Западной-Европѣ видятъ въ изученіи греческаго языка и греческой жизни — существенную часть челоѣческаго, гуманическаго образованія. И потому изученіе греческаго языка сосредоточивается тамъ на классическихъ писателяхъ, т. е. жившихъ до Аристотеля включительно: ихъ только считаютъ необходимыми для общаго, челоѣческаго образованія, ибо въ нихъ только живетъ истинно-античный духъ. Такъ въ полной греческой грамматикѣ Маттіе (August Matthiae), пользующейся, особенно по синтаксису, до сихъ поръ уваженіемъ, и, не смотря на то, что первое изданіе ея было въ 1807 году, до сихъ поръ необходимо для всякаго занимающагося греческимъ языкомъ, — въ грамматикѣ Маттіе примѣры приводятся только изъ писателей, жившихъ до Аристотеля; даже изъ Аристотеля немного примѣровъ.

Не такъ было у насъ. Мы приняли и религію, и первые начатки образованія отъ Грековъ византійскихъ, которые были съ нами въ постоянныхъ сношеніяхъ. И теперь даже они ближе къ намъ, чѣмъ къ прочимъ Европейцамъ. Но прямое, непосредственное вліаніе ихъ ограничивалось однимъ только духовенствомъ: вліаніе ихъ на мірянъ было незначительно. Духовенство же наше занималось и занимается доселѣ преимущественно духовными греческими книгами. Потому у насъ и не развилось понятіе о всемірно-человѣческомъ значеніи классической Гре

ція. Оно стало усвояться у насъ только съ прошедшаго столѣтія, съ того времени, когда мы пришли въ ближайшія сношенія съ Западною-Европою. Европейское пониманіе древней, классической Греціи коснулось и тѣхъ, которые учились и учатся по-старому. Сопнительно усвоить его они, конечно, не могли. Отъ безсовестности же произошло то, что они подъ словомъ «греческій языкъ», равняютъ три совершенно-разнородные по цѣли изученія языки: классическій, библейскій и отцовъ церкви, и ново-греческій, и ставятъ изученіе церковнаго языка выше классическаго. Нужно строго отличать не только древне-греческій языкъ отъ ново-греческаго (между ними такое же отношеніе, какое между латинскимъ и итальянскимъ), но даже языкъ писателей, жившихъ до Аристотеля, отъ языка позднѣйшихъ авторовъ. Языкъ классическихъ писателей необходимъ въ общемъ образованіи: языкъ же не-классическихъ, послѣ Аристотеля жившихъ, необходимъ только для тѣхъ, кто посвящаетъ себя какому-нибудь спеціальному занятію, на-примѣръ, богословію, исторіи. Конечно, между тѣмъ и другимъ языкомъ нѣтъ большой разницы; она воплѣтъ замѣтна только знатоку и состоитъ не столько въ различіи матеріала, сколько въ различіи формы: слова и обороты почти тѣ же въ писателяхъ не-классическихъ, какъ и въ классическихъ; не достаетъ имъ изящества, красоты и разумности классическаго языка. Поэтому въ общемъ, въ гуманическомъ образованіи, нѣтъ цѣлю изученіе plasticaго характера древней Греціи, надобно допускать преподаваніе только писателей, жившихъ до Аристотеля, а изъ позднѣйшихъ только тѣхъ, которые приближаются къ классическому идеалу, на-примѣръ, Лукіана. Только въ такомъ случаѣ возможно достиженіе пластиказма Греціи.

У насъ занимались до послѣдняго времени, и теперь многіе занимаются преимущественно духовными греческими писателями: отъ этого, есте-

ственно, многіе до-сихъ-поръ съ волею греческаго языка связываютъ болѣе изученіе церковнаго языка чѣмъ классическаго. Слѣдствіемъ языка древне-греческаго съ ново-греческимъ былъ причиною патристическихъ Грековъ, которые, какъ мы сказали, находились съ нами въ тѣхъ ясныхъ сношеніяхъ и теперь близи насъ, чѣмъ къ прочимъ Европейскимъ Европейское образованіе, въ концѣ прошедшаго столѣтія, коснулось славянскихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что почти-одичавшіе подъ турецкимъ идычествомъ Греки вспомнили, что потомки славныхъ древнихъ Эллинавъ. Да какъ же въ-самомъ-дѣлѣ и не бы имъ потомками ихъ? Въѣли они именно на той же самой землѣ, на которой жилъ Периклъ, Платонъ. Мы изъ нихъ приняли за изученіе языка. Тутъ они увидѣли, что варварскій языкъ ихъ не слишкомъ похожъ на прекрасный и разумный древній языкъ. Возсозданной Эллы было сознаться въ этомъ: нѣкоторые изъ нихъ стали возмѣлять народный языкъ, но каждый по своему, языкъ писателей болѣе или менѣе похожій на древне-греческій или менѣе непопулярный. Выдумавъ такой языкъ, или, лучше сказать, такіе языки, рѣшили, что бы то ни стало увѣрить себя и другихъ, что они благородные потомки древнихъ Эллинговъ. Они забываютъ о томъ, что въ нихъ чуть-ли не члѣ славянской и разной другой члѣ эллинской, что не лѣтъ, въ восьмомъ столѣтіи, вся Морея была нята Славянами, — ославянилась земля, по словамъ императора Константина. Вообразили себѣ, что англіійскіе, вообще европейскіе, не понимаютъ, не могутъ понимать классическаго языка, что они въ нѣкоторыхъ своихъ книгахъ о греческомъ языкѣ просто нагородили чепуху, занное нами, конечно, не вымѣняется къ нѣкоторымъ Грекамъ, включенія вездѣ бывають. И нѣтъ ни есть неинного таковыхъ, которые

отъ справедливость европейскииъ
мысль, — потому-что понимаютъ ихъ.
Обо всемъ этомъ не слѣдовало бы и
ковать, еслибъ мы не знали по соб-
ственному опыту, что у насъ еще
мнѣшныя, особенно въ провинціи,
имѣютъ яснаго понятія о показан-
ныхъ нами различіи; а главное, еслибъ
оръ разбираемой нами книги зналъ
различіе:

Теперь обратимся къ книгѣ г. Си-
найскаго. Мы назвали ее въ началѣ на-
шей рецензіи загадочною. И въ са-
мѣмъ дѣлѣ, въ ней много загадочнаго,
въ русско-греческаго словаря, назна-
чимаго для пособія при изученіи клас-
сическаго греческаго языка (а такой
варъ мы и надѣялись получить отъ
Синайскаго), требуется, чтобъ въ
съ помѣщены были только чисто-
искусственныя слова, выражающія чи-
стоклассическія понятія. Какъ же мы
замыслили, встрѣтивъ въ словарѣ г.
Синайскаго такія русскія слова съ пе-
редомъ на греческій языкъ: кавал-
гаръ, кадетъ, гимназистъ, калибръ
шки), вареники, вакса, ружье,
льсь, макаронны, табакерка, водка
дно, Греки были не таковы, какъ
гнипы: надъ ними не подтру-
тъ бы Тарасъ Бульба!), маетникъ,
такъ, работающая и продающая
тъя, и пр., и пр. На 511 страницъ
49 словъ 35 такихъ: регламентъ,
извъ (и въ преферансъ играли Гре-
), ренетмейстеръ, ренетмейстеръ и

Вообще, такихъ словъ наберется
ѣе трети. Для выраженія такихъ
латій итъ словъ не только въ клас-
сическомъ языкѣ, но даже и въ ново-
чешскомъ, потому-что и самихъ по-
ій итъ. Какъ же выражаетъ такая
латія г. Синайскаго? Или описательно,
перифразомъ, или классическими же
вами, придавъ имъ новое значеніе,
такими словами, которыхъ мы не
одили въ словарѣ Пассова (словарь
:сова одинъ изъ самыхъ лучшихъ и
ныхъ въ немецкихъ словаряхъ). Для че-
ке онъ выражаетъ новыя понятія по-
чешски? Цѣль книги своей г. Синайс-
і высказавъ, кажется, слѣдующи-

ми словами предисловія: «Россійско-
греческій словарь—есть одно изъ важ-
нѣйшихъ условій усилнаго изуче-
нія греческой литературы въ нашемъ
отечествѣ и нашей литературы въ
возсозданной Елладѣ. Какую грече-
скую литературу разумѣлъ г. Синайс-
каго? Если классическую, то для нея
не нужны слова: ружье, мадамъ, варе-
ники и пр. Если ново-греческую (для
нея только могутъ быть нужны такіа
слова), то Богъ съ ней. Изученіе
нашей литературы въ возсозданной
Елладѣ?.. Представимъ себѣ, что
какой-нибудь любовательный Грекъ
захочетъ познакомиться съ Пушки-
нымъ, Гоголемъ: ему точно словарь
г. Синайскаго пригодится. И то не
совсѣмъ. Въ словарѣ этомъ далеко
не всѣ, употребляющіяся теперь, рус-
скія слова: есть ружье, а итъ пи-
стоleta, есть ремизъ, а итъ префе-
ранса, есть калибръ, а итъ лафета, и
т. д. И, напротивъ, есть очень-много
словъ почти-неупотребительныхъ, да-
же провинціальныхъ; на-примѣръ: ка-
вержу, тазаю, возгнривость, вага (ко-
ляска), воздолю (лобъ), ферези, и пр.
Притомъ, Греки,—по-крайней-мѣрѣ тѣ
изъ нихъ, которые не знаютъ хорошо
древняго греческаго языка,—были бы
болѣе благодарны г. Синайскому, если
бы онъ перевелъ русскія слова не на
древне-греческій, а на ново-греческій;
а то въдъ имъ придется же справлять-
ся означеніи древне-греческихъ словъ:
двойной трудъ!

Мы сказали, что г. Синайскій но-
выя, не греческія, по-крайней-мѣрѣ не
классическія понятія выражаетъ или
перифразомъ, или греческими же сло-
вами, придавъ имъ новое понятіе, или
совершенно-новыми словами. Периф-
разъ его довольно-ясенъ и точенъ:
вообще г. Синайскій отличается точ-
ностью. Но откуда онъ взялъ новыя
слова? Между ними немного такихъ,
которыя, какъ намъ кажется, взяты
изъ ново-греческаго языка (на-при-
мѣръ—*рѣкѣ* водка). Намъ кажется, что
они придуманы самимъ г. Синайскимъ;
если же придуманы, то болѣею ча-

стію придуманы довольно-искусно. А можетъ-быть и не придуманы. Въ предисловіи объ этомъ ничего не сказано. Въ предисловіи, г. Синайскій въ одномъ мѣстѣ жалуется на недостатокъ пособій, въ другомъ прямо говоритъ, что его словарь составленъ «безъ всякихъ данныхъ образцовъ и постороннихъ пособій». Новая загадка! Не станемъ говорить о совершенной невозможности составить довольно-большой словарь какого бы то ни было языка безъ всякихъ данныхъ образцовъ и постороннихъ пособій. Покажемъ лучше, что у г. Синайскаго могли и должны были быть образцы, и пособия. У насъ есть нѣсколько словарей русско-французскихъ, русско-нѣмецкихъ, есть академическій русскій словарь. Далѣе, у насъ нѣсколько разъ перепечатывались словари Шревеллія и Гелерика греко-латинскіе и латинно-греческіе. Всѣ эти словари можно найти во всякомъ губернскомъ городѣ, а слѣдовательно и — въ Саратовѣ (г. Синайскій живетъ, кажется, въ Саратовѣ: подъ предисловіемъ подписано: Саратовъ).

Словарь г. Синайскаго можетъ быть съ пользою употребляемъ не одними Греками, но, за неимѣніемъ другаго, и тѣми, кто занимается древне-греческимъ языкомъ. Мы сказали уже, что г. Синайскій отличается точностью. И въ-самомъ-дѣлѣ, невѣрностей въ значеніи немного. Большая часть ихъ очевидно простекла отъ недоразумѣнія, отъ-того, что онъ иногда принимаетъ русскія слова въ какомъ-то странномъ значеніи, а еще отъ-того, что онъ, пользуясь, вѣроятно, и нѣмецкими книжками-иллуде кнгами, не выразилъ надлежащимъ образомъ значенія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ словъ. Такъ равнодушіе переводитъ онъ чрезъ *gleichgültig* (т. е. *равнодушіе*); г. Синайскій часто ошибается въ удареніяхъ: мы сейчасъ будемъ говорить объ этомъ) в *ἐδουλιμοσύνη*. А эти слова скорѣе значатъ справедливость, чѣмъ равнодушіе: вѣроятно г. Синайскій придалъ слову *равнодушіе* значеніе латинскаго *aequum animus*. «Забавная рѣчи, *σβερικέλλη*». Опять не такъ;

σβερικέλλη значить крѣпость въ общеніи. «Кабалистика, *καβαλιστική*, *καβαλιστική*, *καβαλιστική*. Последнія два слова значатъ не кабалистику, а — *Cabale*, интриги, коварство, *insidias*. Г. Синайскій смѣшалъ *Cabale* и *Cabale*.

Поясненій при словахъ нѣтъ никакихъ. Различія въ синонимичныхъ словахъ не показано нигдѣ.

Напечатана книга г. Синайскаго хорошей бумагѣ, чисто. Только нѣсколько опечатокъ: на 168 страницѣ दो опечатокъ. Множество ошибокъ при пяти удареніяхъ, особенно обличеніяхъ. Даже въ *πομπή* и *πομπή*, *δρακίνα* повторено въ *δρακίνα* (вмѣсто *δρακίνα*). На 168 страницѣ стоятъ сряду окончанія: *οὐκ*, *οὐκ*, *οὐκ*, *οὐκ* вмѣсто: *οὐκ*, *οὐκ*, *οὐκ*, *οὐκ*. На 601 страницѣ *Τοῦτο*, *Τοῦτο* вмѣсто *Τοῦτο*, *Τοῦτο*. Рѣшительно не знаемъ, относятся такіа ошибки, — въ окончаніяхъ къ незнавию г. Синайскаго. Но удивленіе греческія такъ правильны, и разумны, что не знать ихъ знатоку греческаго языка, мудрецу. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ словъ г. Синайскій знаетъ иногда, по-старому, тяжело удивленіе: теперь ставятъ его только тогда слово, на которомъ можетъ быть тяжелое удареніе, заходитъ въ другія слова.

Въ словарѣ г. Синайскаго много и собственныхъ именъ. Мы назвали: Кальвинъ, Перикль, Францискъ, Рудольфъ, Робертъ и т. д. А словъ: Людовикъ, Малахія, и т. д. теръ, мы не нашли. На каждаго изъ нихъ одинъ собственный именъ въ словарѣ г. Синайскаго, а не вошедъ, — не знаемъ.

65) ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА, собраніе дѣтскихъ повѣстей, басенъ, сказокъ и сказочекъ, въ стихахъ и прозѣ. Изданная на немецкомъ языкѣ. Кампе, переводъ А. С. III. Ст. 100 страницами. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1846. Въ томъ. К. 1846. 8-ю д. л. 160 стр.

Перевернувъ нѣсколько отъѣвно-бѣдныхъ страницъ этой книжки, мы бѣднелись, что дѣти, учившіяся читать по первому ея изданію, давно же угѣшаются внуками. Въ самомъ началѣ красуются стишки:

«На дверь овечка спать,
Хорошоколько лежать.
Баю баюшки баю, и проч.
въ серединѣ:

У насъ всѣ утѣхи
У малыхъ дѣтей,
Игрушки и смѣхи,
И много затѣй,» и проч.

Въ прозѣ блистаютъ рассказы: «Злобистеющий Котъ и невинно страдавшая Шавка», «Счастіе благодѣтеля», «Надежитъ быть довольнуымъ, что *установила* природа» и т. п. Отъ образчикъ прозы «Дѣтской Библиотеки»:

«Тогда сказалъ онъ мнѣ: вотъ мой другъ, сунулъ мнѣ два шиллинга въ руки, вотъ что я имѣю; но если ты вѣчто заслужишь хочешь, я знаю къ тому способъ,» (стр. 113).

«Дѣтскую Библиотеку» нельзя назвать даже *перепечаткой* стараго: брана вновь одна обертка. Начальна буквы имени переводчика и станный шрифтъ довольно-ясно говорятъ, что переводу этому лѣтъ 50 отъ ду.

56) Новая Библиотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкимъ. Книжка I и II. Москва. 1847. университетской типографіи. Въ 16 т. Въ I-й книжка 220, во II-й — 192 р.

Библиотека для Воспитанія, первые номера которой явились въ нынѣшнемъ году, не даромъ называется новою. Въ ней все новое: форматъ, переплетъ, обертка и статьи. Въ прежнихъ ахъ этого очень-полезнаго изданія, ряду съ многими интересными статьями, помѣщались и такія, отъ которыхъ можно было бы уволить всѣ во-

расты жизни, особенно дѣтство и юношество, требующія здоровой, питательной пищи. Редакторъ въ «Новой Библиотеки» поступилъ разборчиво: семь статей, напечатанныя въ двухъ книжкахъ, могутъ доставить полезное чтеніе. Между сотрудниками видны имена извѣстныхъ ученыхъ: А. Драшусова, С. Соловьева.

Въ первой книжкѣ напечатаны три статьи: «О Лунѣ», А. Драшусова, съ чертежами и картою луны. Хотя самъ авторъ сознается, что статья его покажется длинною и скучною для читателей, которыми она назначается, но вмѣстѣ съ этимъ убѣждаетъ, что несравненно полезнѣе узнать отчетливо одни главнѣйшія явленія, чѣмъ принять многое на вѣру; что богатство нашихъ знаній заключается не въ загадочныхъ истинахъ, а въ ясно-познанныхъ свѣдѣніяхъ. Не должно бояться труда, который можетъ представиться при чтеніи той или другой статьи. Чтѣ и за чтеніе, которое оставляетъ послѣ себя дѣйствіе, подобное дѣйствію сладкаго леденца? Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ трудъ былъ пріятнымъ посредствомъ или непосредственно — т. е., чтобъ читающій ощущалъ удовольствие и пользу или во время самаго труда или находилъ удовольствие въ пользѣ, приносимой чтеніемъ въ посядствіи. Надобно помнить, что чтеніе каждой статьи должно служить и непремѣннымъ приобрѣтеніемъ какихъ-нибудь познаній, и что нѣтъ такихъ дѣтскихъ книгъ, которыя дѣти могли бы читать одни, сами-по-себѣ, безъ помощи наставника, отца, матери, старшаго брата, готовыхъ объяснять значеніе предметовъ и словъ.

Подъ заглавіемъ: «Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія», г. Соловьевъ обѣщаетъ помѣстить нѣсколько статей. Первая, напечатанная во второй книжкѣ, оканчивается крещеніемъ русскаго народа. Это простоя, безъ всякихъ прибавокъ и

разсуждений, пересказъ несторовой летописи на современномъ языкѣ. Дѣло полезное: дѣти познакомятся съ главнѣйшимъ источникомъ нашей древней исторіи прежде чѣмъ займутся исторіей и летописью, какъ студенты или какъ ученые. • Прогулка по Гарцу • (В. Лапшина), посвященная памяти Д. Я. Крюкова, прочтется съ удовольствіемъ, какъ интересный разсказъ о важныхъ предметахъ географіи, о важныхъ явленіяхъ природы. Въ этомъ же отношеніи замѣчательна повѣсть или лучше, разсказъ: • Маѣ хотѣлось быть лѣ(е)каремъ •, ибо дѣйствующее лицо этого разсказа странствуетъ въ Персіи и говоритъ о нравахъ и обычаяхъ Персіянъ. Представленіе чего-нибудь научнаго въ формѣ романа или повѣсти очень-выгодно, какъ соединеніе двоякой пользы. Конечно, романъ или повѣсть не выйдутъ художественными, но первоначальное дѣло воспитанія не въ художественности, которая иногда плохо понимается и взрослыми. Кромѣ этого, начатъ сокращенный разсказъ странствованій Одиссея, какъ предварительное знакомство съ старою-вѣчно-юною пѣснью Гомера; вложены подвиги Пирра, царя эпирскаго, и помѣщена повѣсть • Золотой Жукъ •.

67) Сѣрый Армякъ, или исполненное обещаніе. Повѣсть для дѣтей. Кн. Влад. Львова. Изданіе второе. Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 276 стр.

• Сѣрый Армякъ • принадлежитъ къ числу тѣхъ повѣстей, которыхъ теперь уже не пишутъ, потому - что не находятъ въ нихъ пользы, — и отличается всѣми похвальными принадлежностями своего родового понятія. Главная изъ этихъ принадлежностей состоитъ въ томъ, что повѣсть обязана изображать или происшествіе рѣшительно-вымышленное, то есть, не только небывалое, но и невозможное быть, противорѣчащее за-

конамъ ума и законамъ природы, или такое происшествіе, которое можетъ дѣйствительно случиться, но случается во сто лѣтъ одинъ разъ, слѣдовательно, исполнѣ исключительное, не въ примѣръ другимъ хорошее или дурное. • Сѣрый Армякъ • относится ко второму разряду. Сюжетъ его очень-простъ. Главное дѣйствующее лицо, Петръ-Григорьевичъ Перловъ, такой добрый помѣщикъ, что если проѣзжіи саросоты, бывало: гдѣ усадьба вашего барина? то всякій съ веселымъ видомъ указаетъ на господскій домикъ. Сверхъ-того, у этого барина во всемъ замѣтнымъ былъ порядокъ, непринужденность, довольство. Вторая принадлежность повѣсти такого рода заключается въ томъ, что ее хвалятъ взрослые и читаютъ малолѣтныя: слѣдствіе весьма-естественное того вліянія, которое производитъ должна нравственность во всѣ возрасты жизни. Въ-третьихъ, языкъ и слогъ не составляютъ непривѣтливыхъ условій нравственныхъ повѣстей: ибо нравственность малою частію своею заключается въ словахъ, но всѣмъ существомъ погружена въ дѣла. Отъ-того же теперь мало пишутъ подобныхъ повѣстей? Отъ-того, что вѣрнѣйшая изящная словесность имѣетъ ползаты только въ истинныхъ представленіяхъ событій, въ повѣстическомъ разсказѣ того, что дѣйствительно есть. Это убѣжденіе дошло въ-которыхъ писателей до той мысли, что дѣлать повѣстей и быть не можетъ, что такъ-называемая нравственная повѣсть, обнаруживая сплошь и рядомъ противорѣчіе между вымышленною и истинною нравственностью, между идеальнымъ построеніемъ жизни по авторскому плану и дѣйствительнымъ устроениемъ міра по волѣ Божіей, сама себя унытожаетъ.

68) Егип. Часть вторая. Османичаютъ уроковъ постепеннаю чтенія для начинающихъ. Составила Анна Дарганъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Вторую Отдѣленія Собственной Им-

*Императорскаго Величества Канцеля-
рии. Дѣль части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й
12, во II-й 144 стр.*

Въ концѣ прошлаго года мы извѣ-
щали читателей о выходѣ въ свѣтъ
Русской Азбуки г. Греча. Елка-
жи Дараганъ составлена съ такою же
тѣлю и съ такимъ же стараніемъ. Од-
накожь, сравнивая обѣ книжки, мы
дошли до того заключенія, что азбука
Греча превосходитъ азбуку г-жи
Дараганъ многочисленными примѣра-
ми различныхъ шрифтовъ; а Елка-
жи Дараганъ беретъ верхъ надъ аз-
букою г. Греча множествомъ прекрас-
ныхъ рисунковъ. Нѣкоторые изъ этихъ
рисунковъ могли бы сдѣлать честь лю-
бому иллюстрированному изданію. Осо-
бенно понравилась намъ картинка на
страницѣ 88 первой части. Задача
и слѣдующая:

Папенька пишетъ.

Маменька читаетъ.

Нянюшка работаетъ.

Дѣтя сперва учились, теперь они
играютъ.

Фигуры папеньки и няньки превос-
ходны. Благонамѣренное лицо отца
семейства рѣшительно напоминаетъ
нѣкоторыхъ героиъ Гоголя и Достоев-
скаго.

69) Древняя Исторія для Юно-
щества, соч. Ламе-Флѣри. Переводъ съ
французскаго. Исторія Древнихъ
Африканскихъ и Азіятскихъ На-
родовъ и Исторія Грековъ. Изданіе
второе, исправленное, съ 16 таблицами.
Санктпетербургъ. 1846. Въ тип.
Вишера. Дѣль части. Въ 8-ю д. л. 290
стр.

Сочиненія Ламе-Флѣри считаются
бразчиками доступнаго дѣтямъ изло-
женія исторіи. Но стоить прочесть
нѣсколько страничекъ одной изъ его
сторій въ подлинникѣ, чтобъ убѣдить-
ся въ совершенной невозможности
вѣ-называемаго популяризова-
ннхъ исторіи. Потрудитесь прочесть,
а-примѣръ, хоть слѣдующее мѣсто:
Въ самыя отдаленныя времена, о
Т. L. — Отд. VI.

какихъ только сохранились преданія,
въ Египтѣ было мало жителей, да и
тѣ находились въ грубомъ, невѣже-
ственномъ состояніи; напимѣръ, эти
первобытные Египтяне думали, что
они родились прежде всѣхъ на свѣтъ
изъ того же самаго ила, согрѣтаго
лучами солнца, который оплодотво-
рялъ землю ихъ... (стр. 1).

Какъ понятна должна быть дѣтямъ
фраза и тѣ находились въ грубомъ, не-
вѣжественномъ состояніи, дѣтямъ, ко-
торыя, разумѣтся, и сами находятся нѣ
въ лучшемъ состояніи. Правда, идея
грубости и невѣжества объяснена у ав-
тора примѣромъ. Но скажите, пожалуй-
ста, какую глупость можетъ найти ре-
бенокъ въ мнѣніи—буто люди родились
изъ ила? Скорѣй можно предположить,
что это объясненіе покажется ему со-
вершенно дѣльнымъ: онъ знаетъ, что
растенія выходятъ изъ земли — поче-
мужь бы, подумаетъ онъ, и человѣку
не родиться какъ рыжику?

Вообще, желая объяснить дѣтямъ
младенчество древнихъ народовъ, Ла-
ме-Флѣри постоянно забываетъ, что
дѣтя, читающее его нингу въ 1847 го-
ду, по развитію своему ушло никакъ
не дальше какого-нибудь Халдея, жив-
шаго за нѣсколько тысячъ лѣтъ до
рождества Христова, и что потому
понятія ихъ скорѣе могутъ быть сход-
ны, чѣмъ противоположны. Вотъ поче-
му на русскомъ языкѣ Исторія Ламе-
Флѣри является не для дѣтей, а для
юношества вообще; и не думайте,
чтобъ русскій издатель переимѣнилъ
только названіе, — нѣтъ, онъ передѣ-
лалъ самый текстъ, нное выкинулъ со-
всѣмъ, другое измѣнилъ, многое при-
бавилъ, такъ-что теперь Ламе-Флѣри
является у насъ совершенно въ новомъ
видѣ, весьма-мало похожемъ на по-
длинникъ. А потому мы полагаемъ,
что эта книга можетъ быть съ поль-
зою употреблена при воспитаніи юно-
щества, — разумѣтся, подъ руковод-
ствомъ хорошаго наставника.

70) Александръ Даниловичъ
Михищиковъ. Историческій романъ
1/2 9

для дѣтей. *Въ трехъ частяхъ. Соч. П. Фурманна. Изданіе А. Ф. Фарикова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. 171, 137, 136 стр.*

Романъ этотъ можетъ быть прочтенъ съ удовольствіемъ не только дѣтьми, но и значительнымъ числомъ взрослыхъ читателей, не отличающихся строгими требованіями ни на романъ, ни на исторію. Такимъ снисходительнымъ потребителямъ-судьямъ не покажется страннымъ, на-пр то, что слуга Меншикова выражается слѣдующимъ образомъ:

«Простите великодушно, ваша свѣтъ гости; но я уже имѣлъ честь докладывать, что ни за что въ мірѣ не разстанусь съ вами... Да и куда мнѣ идти, старику одипокому? Вспомните, ваша свѣтлость, ту ночь, когда вы открыли въ Москвѣ заговоръ противъ Великаго Государя нашего Петра Алексѣевича; вспомните двухъ человекъ, просидѣвшихъ всю ночь въ подвалѣ у полковника Соковнина, въ болѣзненномъ ожиданіи рѣшенія ихъ участи; вспомните, съ какою призвательностію одинъ изъ этихъ людей послѣдовалъ за вами, когда ихъ освободили... Этотъ человекъ я, Симоновъ! И съ этой ночи я поклялся вѣчно служить вамъ, никогда не разлучаться съ вами! Не разъ исходилъ я морями за вами на Шведскіе фрегаты, подъ градомъ пуль и картечи; я былъ съ вами въ Турціи, Швеціи, Польшѣ и Пруссіи; я былъ при васъ во время побѣды подъ Калишемъ; я былъ съ вами на полѣ Полтавскомъ; зачѣмъ же вы хотите, чтобы я теперь разстался съ вами?» (Стр. 66).

71) Путешествіе съ Дѣтьми по Святой Землѣ. *Переводъ съ французскаго. Съ 32 видами. Часть первая. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 162 стр.*

Въ этомъ путешествіи нѣтъ ничего новаго; видно даже, что это не что иное, какъ компиляція изъ чужихъ сочиненій. Впрочемъ, она можетъ имѣть свою полезную сторону, какъ сборникъ фактовъ священной исторіи.

Альбомъ, приложенный къ тексту и содержащій въ себѣ 32 вида святыхъ

имѣть съ ихъ окрестностями, какъ сказано на оберткѣ, не отличается ни особеннымъ изяществомъ, ни особеннымъ безобразіемъ.

Целья, однакожъ, не рекомендовать этого сочиненія родителямъ и педагогамъ: оно продается въ пользу Санктпетербургской Дѣтской Больницы. Цѣна за 2 части съ Альбомомъ — 2 руб. серебромъ.

72) Кончака, Царевна Татарская Соч. А. Шишмовой. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. 61 стр.*

Талантъ г-жи Шишмовой такъ извѣстенъ, что о немъ ничего нельзя сказать новаго по поводу этой мнѣвительной книжечки.

73) Гирлянда. *Двадцать истинно поучительныхъ повѣстей и рѣшителей, лучшихъ иностранныхъ писателей. Съ 12-ю картинками, литографированными К. Шрейдеромъ и раскрашенными (имъ) подъ его надзоромъ. Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Двѣ части. Въ 16-ю д. л. 130, 119 стр.*

Если вамъ любопытно узнать, что называется издатель «Гирлянда» истинно-поучительною повѣстью, то съвѣтуемъ прочитать повѣсть Престрастіе къ Животнымъ. Содержание ея слѣдующее:

Катенька любила свою кошку такъ сильно, что никогда не могла рѣшиться наказать ее за шалости. Кошка съѣла чижику катенькиной приятельницы Оливки. Оливка и братъ ее, Александръ, стали требовать, чтобы Катенька отколотила свою кошку. Добрая дѣвочка не согласилась на это требованіе. Тогда Александръ загрызъ катенькину кошку собакой. Этотъ дѣло не кончилось. Събѣжавъ о бѣдственной кончинѣ кошки, братъ Катеньки, Петръ, загрызъ собаку, расстрашную Бѣлку (такъ звали кошку). Въ ссору дѣтей вышались родители и родители пероссорились. «Вотъ дѣла заключаетъ авторъ: «чѣмъ часто оми-

чивается привязанность къ животнымъ» (стр. 128).

Еслибъ издатель «Гирлянды» шёлъ въ виду поларить дѣтямъ просто *красочную* или просто *поучительную* повесть, то, безъ сомнѣнія, попалъ бы въ ююмъ разсказѣ не на пристрастіе къ животнымъ, а скорѣе на жестокость егодныхъ мальчишекъ, Александра в етра. Но видно сущность нравственно-поучительной повѣсти въ томъ и состоитъ, чтобъ она была не поучительна. Чтожъ касается до формы этого рода произведеній, то, судя по «Гирляндѣ», она пишется безграмотно. Вотъ примѣры:

Стр. 34, I части. «Вода, которая выкааетъ изъ бока юры и холма и обзауетъ прекрасные водопады, промодитъ такъ, какъ вы видѣли» и проч.

Стр. 119, I части. «Бѣлка выпрыгнула въ окно и во рту ея замѣтенъ былъ лимъ чижикъ».

Стр. 100, II части: «Анна Петровна обила кормилицу съ особенною признательностью...»

74) Записки Куклы. *Переводъ съ французскаго* К. Е. Ольскаго. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Крайя. Въ ю д. л. 47 стр.

Очень-хорошій переводъ пустѣйшей французской книжки.

75) Дочь Дровосѣка. *Волшебная азка. Санктпетербургъ. 1846. Во французской тип. Въ 32-ю д. л. 60 стр.* Мораль этой книжечки заключается въ осужденіи любопытства—нашли же о осуждать въ человекѣ! Языкъ азки весьма-грамотенъ.

76) Похождения Плутовки-Лисы. *Повѣсть, разсказанная для дтей Гофманомъ, переводъ съ немецкаго, 24 картинками. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. военно-учебныхъ заведеій. Въ 16-ю д. л. 205 стр.*

Повѣсть эта занимательна для дѣтей. Вообще, послѣ живаго изображенія дѣйствительности, самая лучшая форма разсказа для дѣтей — ба-

ска. Сколько-нибудь остроумный ребенокъ повиннаетъ ея аллегорическое значеніе; между-тѣмъ какъ въ волшебныхъ сказкахъ онъ чуть не съ молокомъ матери всасываетъ въ себя отраву мистицизма.

Жаль, что «Похождения Плутовки-Лисы» переведены самымъ плохимъ языкомъ. Переводчикъ, между прочимъ пишетъ: «она мыслила только дурное» (стр. 19), или «не вижу я никого, которая бы я не обижала какими-либо образомъ» (стр. 80), или «кушайте, по желанію вашему, травы и зелень» (стр. 99) и проч. и проч.

77) Книжка для Маленькихъ Дѣтей. *Новая Французская Азбука, содержащая въ себѣ: различныя начертанія буквъ, постепенныя упражненія въ чтеніи и проч. (Le Livre des Petits Enfants, — Nouvelle Alphabet—contenant des alphabets variés—des exercices gradués jusqu'à la lecture courante etc. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Плюшара. Въ 16-ю д. л. 173 стр.*

78) Нѣмецкая Азбука или Руководство къ правильному чтенію. *Соч. Александры Звѣревой. (Deutschches A—B—C—Buch, oder Anweisung zum richtigen Lesen). Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 59 стр.*

Ни французская азбука, ни нѣмецкая азбука не представляютъ ни малѣйшаго отступленія отъ обыкновеннаго порядка вещей. Къ французской приложены довольно-хорошія картинки и предисловіе, въ которомъ утверждаютъ, что книжка очень-хороша; въ нѣмецкой нѣтъ никакихъ картинокъ, ва то нѣтъ и хвастливаго предисловія.

79) Сказка о Швейничкѣ Штпчкѣ, или о двухъ счастливицахъ — *Соч. В.... Л.... Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Винбергера. Въ 8-ю д. л. 139 стр.*

80) Храбрый Полковникъ. *Повѣсть. — Соч. В.... Л.... Санктпетер-*

буря. 1847. В тип. Винсера. В 8-ю д. л. 42 стр.

Произведения эти напечатаны в одной книжке и, взятая вмѣстѣ, представляютъ изрядный запасъ виршей, ни хуже ни лучше слѣдующихъ:

- «Ели жъ спросить обо мнѣ,
- «Гдѣ въ какой я сторонѣ
- «Обитаю, проживаю,
- «Скажи: просто, что не знаю! —
- «Межъ тѣмъ, милая, прощай!
- «На прощаньи ручку дай, —
- «И меня не забывай,
- «Въ скукъ время провожая,
- «Обо мнѣ воспоминай!
- «Я жъ въ чужой поѣду край,
- «Что бы въ немъ печаль и скуку,
- «Всю сердечную злу-муку,
- «Поразмыкать, поразбить,
- «И коль можно, позабыть
- «Про тебя, про нѣжны взоры
- «И про сладки разговоры,
- «Кои, никогда порой
- «Велъ, какъ съ другомъ, я съ тобой!...»

Не можемъ, однакожь, не отдать справедливости умѣню г. В. ... Д. выбирать эпиграфы къ своимъ сочиненіямъ. Къ «Птичкѣ-Невеличкѣ», напримеръ, прибралъ онъ слѣдующіе стихи Горанія:

- «Мѣшай съ твоей мудростью
- «Небольшой приѣмъ глупости.»
- Удивительная находчивость!

81) Подарокъ Милымъ Дѣтямъ. Русская азбука съ постепенными упражненіями въ чтеніи, молитвами, краткой славенной исторіей и новыми дѣтскими повѣстями. Съ 40 травированными картинками. Санктпетербургъ. 1847. В тип. К. Крайла. В 16-ю д. л. 46 стр.

Азбука, составленная по самому обыкновенному рецепту, но напечатанная опрятно. Языкъ и слогъ также обыкновеннаго свойства, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго наставленія дѣтямъ:

«Любезныя дѣтя! благошравіе да будетъ первымъ предметомъ всѣхъ вашихъ мыслей и поступковъ; ибо она(о) есть цѣль

всѣхъ знаній человѣческихъ. Иуди въ развратномъ челоѣкѣ не приноситъ добрыхъ плодовъ.» (Стр. 41).

Картинки сносны.

82) Дѣтскія Поздравленія свѣтахъ. Москва. В тип. Н. Славнов. 1846. В 18-ю д. л. 29 стр.

Между различными стихами, безсознѣніа сочиненными въ дѣтскомъ возрастѣ, встрѣтили мы произведеніе Ѡ. Глинки: «Привѣтствіе маминѣ, въ день его именинъ». Почтенный авторъ, или дѣтя, отъ имени котораго онъ говоритъ, рассказываетъ жалобный случай съ сестрою маминѣ: всѣ онѣ жили прежде вмѣстѣ, потомъ унеслись далеко отъ родины гвѣзда. Такъ и мы, говоритъ дѣтя свѣтахъ г. Глинки, или г. Глинки и имени дѣтяти, — такъ и мы, говоритъ онъ (папенка при этомъ, разумѣемъ плачешь, а маменька помогаетъ) рассыпался въ разные стороны... вѣрьте, папенка, что мы вѣкъ къ вамъ не забудемъ: мы вѣкъ (дѣтяти мы), будемъ и тѣмъ-то и тѣмъ-то...

Послѣ поздравленія въ новомъ напечатаннаго на стр. 17, читаемъ: «Всѣ народы считаютъ время годами, и въ извѣстный день празднуютъ начало его. Древніе Персы такъ новый годъ съ веселого денствія», и пр. Это также своего рода привѣтствіе: бѣдныя дѣтяти вѣтъ его, наряду съ стихами и прочимъ предъ растроганными родителями. Бываютъ случаи и лучше этого: имену гдѣ-то (кажется, въ какой-то городничачаго подошелъ къ сестрѣ, проговорить ему басню, вынулъ дню папенькиныхъ именинъ. Посадилъ его на колѣни, гладко головъ и потомъ сказалъ: ну, другъ мой. Дѣтя и началъ:

Свинья на барскій дворъ косясь

но видно, онъ умѣе былъ такъ, рые выбрали ему басню: свинья, похвасталъ и — зарылъ въ горло. Всѣ предстоящіе праздни-

акъ пріятно видѣть выраженіе истинныхъ чувствъ дѣтей къ родителямъ!

83) Чудныя Приключенія Кошки Гудышки, описанныя ею самой. Для дѣтей. Передѣлала съ французскаго Г... Москва. 1847. Въ университетской тип. графин. Въ 12-ю д. л. 160 стр.

Пустая книжка. Десять картинъ не заправаны, а замазаны. Такъ какъ приключенія передѣланы, то и ортуретъ автора, безъ сомнѣнія, передѣланъ. Поздравляемъ портретную мерю русскихъ литераторовъ съ новымъ сосѣдомъ: хорошъ! вѣчего ска- тать!

84) Русская Исторія для Дѣтей, с картинками. Выпускъ первый. Древняя Исторія. Соч. С. Любецкаго. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю л. 113 стр.

85) Москвитянинъ, журналъ, издаваемый М. Погодинымъ. Нумера 9 и 10. Москва. Въ университетской тип. 846.

Политическая экономія находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. въ числу ея предметовъ, весьма-мало брабѣтанныхъ, принадлежитъ въ-особенности «облегченіе труда». У чело- вѣка, отъ самаго его рожденія, нахо- дится столько обязанностей и обяза- ностей, столько долга и долговъ, вну- реннихъ законовъ и формальныхъ предписаній, что онъ часто изнемога- етъ подъ бременемъ труда, возложен- аго на него и природою, и обще- ствомъ, и имъ-самимъ (извините за ка- офонію!) Надобно невредѣнно сочув- ствовать его обременительному поло- женію, помочь ему. Первое легко, да горое трудновато. Здѣсь-то и пока- зать бы себѣ политической экономіи, оторой до сочувствія нѣтъ дѣла, но оторая обязана облегчать трудящих- я.

Пишъ,—еще разъ извините за свер- ое дѣвничастіе,—пиша эту библио- графическую статейку, а не ограничи-

ваюсь однимъ сочувствіемъ, но хочу показатъ и дѣйствительные способы, служащіе къ облегченію труда, — спо- собы, основанные на литературныхъ примѣрахъ, извлеченные изъ много- лѣтняго моего обхожденія съ книж- ки и книжницами. У меня, такъ долго возмущагося — я привыче очень-весе- стливъ на слога! — съ Библиографиче- ской Хроникой, нѣтъ, при этомъ слу- чаѣ, другихъ побужденій, кромѣ поль- зы соотечественникамъ. Я могъ бы продатъ мои откертія, какъ важныя секреты, но даю ихъ даромъ, ничего за нихъ не требуя, кромѣ вниманія «почтеннѣйшей публики».

Первымъ, съ великою пользою упо- требляемый способъ называется *извле- ченіемъ* — слово, крайне-благорѣдное въ однихъ мѣстахъ и неблаговидное въ другихъ. Если вы, чего Боже сохрани, извлечете что-нибудь изъ кармана ва- шего ближняго — деньги, часы, носо- вой платокъ,—это нехорошо, это сквер- но, за это плохо будетъ. Но извлеките изъ книги, сочиненной не вами, — это ничего, это даже похвально и, главное, облегчительно, ибо трудъ извлекатель- ный гораздо-легче труда собственно такъ-называемаго, то-есть, я хочу ска- зать... труда. Литература представля- етъ въ этомъ отношеніи драгоцѣнные матеріалы, изъ числа которыхъ пер- вое мѣсто занимаетъ «Исторія» Карама- зина. Она просто *разлечена* по частямъ на равныя исторіи, русскія и россій- скія. Собственная работа при извлече- ніи заключается только въ томъ, что извлекатель украситъ его пѣтлами сво- его краснорѣчія: «Кровь и пожаръ — вотъ постоянная картина Россіи въ продолженіе двухъ вѣковъ; свистъ вражьихъ стрѣлъ блескъ татарскихъ ятагамовъ, стоны и вопли несчаст- ныхъ, которыхъ грабили и убивали, — вотъ отголосокъ этихъ двухъ вѣковъ. Злые, свирѣпыя сосѣди — рыцари, Поляки, Шведы, Татары рвутъ по частямъ члены изнемогшей Россіи — этого скованнаго великана; гидра неж- доусобія влчетъ благородное сердце ея» и проч. и проч.

Второй способ осмѣливаюсь назвать *заимомыслиемъ*, составленнымъ по при-
иѣру известной фигуры заимословія. Онъ, какъ видно изъ самаго названія, е-
сть постановка заимствования чужаго имени для своего издѣлія. Способъ по-
всемѣстный — ибо кто же нынче не
влияетъ? и самый неминный — ибо
въ нашемъ царствѣ столько разныхъ
именъ и фамилій, что пронесете лю-
бое, кликните любую — тысячи чело-
вѣкъ закричатъ «а!», какъ Тарасъ Ско-
тивинъ на перекличкѣ. Чужое имя мо-
жете употреблять или полное, или со-
кращенное, выставяя первые буквы.
Чѣмъ известнѣе имя, тѣмъ облегчи-
тельнѣе имя пользоваться. Такъ, на-
прим., имя Давидлевскаго можете вы-
ставить на книжкѣ «Кавказъ и его гор-
скіе жители». — Перехожу къ треть-
му и послѣднему способу... но прежде
хочу прочесть, вмѣсто интермедіи, по-
ясненіе, напечатанное на послѣдней
страницѣ «Москвитянина»:

«Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, зная,
что я принималъ участіе въ редакціи ва-
шего журнала въ началѣ прошедшаго
1843 года, и подписывалъ статьи свои
буквами К. или И. К., приписываютъ
мнѣ теперь статьи, подписанныя тѣми же
буквами и въ вашемъ же журналѣ помѣ-
щенные. Потому, не желая присвоивать
себѣ чужой собственности, прошу васъ
покорнѣйше объявить въ вашемъ журналѣ,
что я, кромѣ первыхъ трехъ №№ прошедшаго
1843 года, никогда никакихъ
статей въ Москвитянинѣ не помѣщалъ.

«Иванъ Кирьскій.»

Третій и послѣдній способъ называю
*номинальнымъ увеличеніемъ или фан-
стическимъ усугубленіемъ*. Къ крайнему
сожалѣнію, надобно замѣтить, что
этотъ способъ не всегда возложенъ.
Если вы спросите себѣ порцію бю-
стекса, и вамъ подадутъ действитель-
но одну съ ярлычкомъ: *два ярка*, то
это нехорошо, отъ этого можетъ воз-
знаться что выйти, ибо бисестекста
по-преимуществу дѣло реальное, не-
терпящее номинальности. Онъ въ край-
ней враждѣ съ фантазіею и столько же
любитъ увеличеніе объема, сколько не
терпитъ простое увеличеніе цѣны.
Тонкость ему неприлична. Но въ ли-
тературѣ, гдѣ фантазія играетъ такую
важную роль, гдѣ тонкости считаются
особеннымъ достоинствомъ, почему и
вамъ на одномъ номерѣ не выйдутъ
двухъ, четырехъ и даже шести нуме-
ровъ? Почему одного выпуска не по-
дать за нѣсколько выпусковъ? Нѣтъ
никакой надобности соблюдать прави-
отношеніе между объемомъ и цѣною,
напротивъ, облегченіе труда ввѣнны
состоятъ въ обратномъ изъ отношеніи,
такъ-что формула этого облегченія
разится на арифметическую и
слѣдующимъ образомъ: чѣмъ больше
цифръ, означающихъ номера, тѣмъ
меньше книжка. Политическая де-
моя возвышается здѣсь надъ обы-
венной арифметикой, которая до-
поръ не умѣетъ доказать, что 1+2
мало ли такихъ вещей, которыя
ются на свѣтъ и не переведены
науку?

КНИГЕ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

1) *Aeschinis in Ctesiphontem Demosthenis pro corona Ovationes recognovit et brevi annotatione critica instruxit Karolus Hofman Hessus. cedunt Disseni de structura periodorum oratoria dissertatio abque Winiewski Disseni in Demosthenis orationem Comptarii* (Эсхинова рѣчь противъ Ктесифонта и Демосеенова о Вѣнцѣ. Проверилъ и снабдилъ краткими критическими примѣчаніями Карлъ Гофманъ, родомъ изъ Гессена. Прибавлены: разсужденіе Диссена объ ораторскомъ построеніи периодовъ и комментаріи Виневскаго и Диссена на Демосеенову рѣчь). Москва. 1845. (*) Въ университетской тип. Двѣ части. Въ кн.—VIII и 270, во II и—VIII и 535 стр.

Г. Гофманъ, профессоръ Московскаго Университета, началъ съ 1840 года издаваніе важнѣйшихъ греческихъ книгъ. Побудили же его къ этому; какъ видно изъ предисловія къ одной изъ издаваемыхъ имъ книгъ, слѣдующія причины. Русскихъ изданій греческихъ писателей чрезвычайно-мало; и тѣ, какія есть, несовершенны. Поэтому у насъ употребляются болѣею частію заграничныя изданія. У книгопродавцевъ же рѣдко можно найти достаточное число экземпляровъ даже самонужнѣйшихъ писателей. А нарочно выписывать затруднительно по малости сообщенія. Поэтому, книгопродавцы возвышаютъ цѣну заграничныхъ книгъ, и безъ то-

го довольно иногда дорогихъ. Все это патрудило г. Гофмана при преподаваніи греческой словесности въ Московскомъ Университетѣ, почему онъ и вознамѣрился издать нѣсколько болѣе необходимыхъ греческихъ книгъ. Теперь имъ изданы: Эврипилова «Исторія Пелопонезской Войны» и рѣчи Эсхипа противъ Ктесифонта и Демосеена о Вѣнкѣ. Считаемою обязанностию сказать нѣсколько словъ объ изданіяхъ г. Гофмана.

Эврипилова «Исторія» напечатана имъ въ 1842 году съ комментаріемъ Вичеля (1841 года), дополненнымъ и поправленнымъ самимъ г. Гофманомъ; потомъ изданы имъ пять книгъ Фукидида и рѣчи Эсхипа и Демосеена, съ краткими критическими замѣчаніями. Въ этихъ замѣчаніяхъ, сообразно съ назначеніемъ ихъ — быть пособіемъ для учащихся, помѣщены только важнѣйшіе варианты. Варианты къ Фукидиду и эсхиновой рѣчи важны и для заграничныхъ филологовъ. Г. Гофманъ тщательно проверилъ списки Фукидида и издаваемой имъ эсхиновой рѣчи, хранящіяся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Московскій списокъ Фукидида былъ сличенъ прежде г. Гофмана только Геймомъ, по крайне-небрежно. Сверхъ того, г. Гофманъ сличилъ кассельскій списокъ Фукидида, сличенный только однимъ Дуккеромъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Къ первой книгѣ Фукидида приложены объясненія греческихъ грамматиковъ, такъ-называемыхъ схоли.

Эсхинову рѣчь противъ Ктесифонта и Демосеенову о вѣнкѣ, г. Гофманъ потому издалъ вмѣстѣ, что эти рѣчи тѣсно между собою связаны. Рѣчь

*) Эта книга вышла изъ печати только въ концѣ прошлаго года. Но она допечаталась: вотъ почему на заглавномъ ея выставленъ 1845 годъ.

Эскина собственно направлена против Демосеена, а рѣчь Демосеена—отвѣтъ на нее. Г. Гофманъ оказалъ большую услугу занимающимся греческою словесностью, издавъ эти двѣ знаменитыя рѣчи: рѣчь Эскина противъ Ктесифонта—лучшая изъ эскиновыхъ рѣчей, а рѣчь Демосеена о вѣнцѣ—лучшая изъ демосееновыхъ. При демосееновой рѣчи г. Гофманъ напечаталъ два превосходные комментарія. Они равно необходимы, ибо пополняютъ другъ друга: Виневагій обратилъ болѣе вниманія на фактическую сторону, Диссеевъ—на грамматическую. Еще г. Гофманъ прибавилъ диссееново сужденіе объ ораторскомъ построеніи періодовъ. Жаль, что нѣтъ никакихъ объясненій къ эскиновой рѣчи. Г. Гофманъ говоритъ въ предисловіи, что онъ приготовилъ собственные свои замѣчанія на эту рѣчь, но не помѣстилъ ихъ, потому что книга и безъ того вышла очень велика.

Еще важное достоинство изданій г. Гофмана: въ нихъ почти нѣтъ опечатокъ.

2) *DEUX ANNÉES D'EXCURSIONS d'un Parisien devenu Moscovite. Avec vignettes imprimées dans le texte. Moscova. Въ тѣн. А. Семена. Въ 8-ю д. л. 204 стр.*

Вотъ сочиненіе истинно-французскаго пера, сочиненіе чужихъ сочиненій, ясно отличающее французскую манеру излагать книги отъ манеры нѣмецкой. Нѣмецъ—если ему прійдетъ охота составить компіляцію—обдожится книгами съ ногъ до головы, на каждую мысль, на каждое извѣстіе пріиметъ двадцать цитатъ съ двадцатью вариантами на каждую цитату. Прочитавъ книгу двѣсти, онъ, по истечевіи лѣтъ двадцати, издстъ наконецъ компіляцію, съ боязливымъ предисловіемъ, въ которомъ сознается читателю откровенно, что онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, не могъ достать двѣсти-первой книги, и что выдастъ свои

трудъ по-крайней-мѣрѣ двумя годами раньше валажащаго. Французъ поступаетъ иначе: онъ издѣлаетъ книгу, самъ не зная для чего. Въ книгѣ говорить онъ преимущественно о тѣхъ вещахъ, которыя рѣшительно ему не вѣдѣсны, оправдывая свою смелость чѣмъ-то изрѣченіемъ, что *on commence toujours par parler des choses, qu'on finit quelquefois par les approcher.* Свои заимствованія изъ различныхъ называетъ онъ не компіляціей—и слишкомъ грубо для французскаго языка—а *Recueil*, а безсвязность собраннаго матеріала почти не имѣетъ имени *свѣжести qui frappe l'esprit à l'instant même où le cœur est impressionné.* Скажете: въ книгѣ вашей ничего нѣтъ вашего,—онъ укажетъ вамъ на *графъ изъ Альфреда Мюссэ: tout appartient à tous.* Вы представите, что все это было давно уже сказано пересказано,—онъ, заурядъ съ тѣмъ же Мюссэ, какъ Паризъ цитуетъ, и кликаеть:

Il faut être ignorant comme un
 Pour se flatter de dire un
 Que personne ici-bas n'a jamais

Но зачѣмъ же повторять то, что сказано? Зачѣмъ, чтобы впечатлѣнію читателю les différentes nuances qui caractérisent le génie de la prose française. Да мы знаемъ различіе французской прозы! Тамъ и въ этомъ-то и печатается книга *profit de ceux qui savent ce qui ne savent pas.* Чтò тутъ дѣлать? надобно уважать право даго челоуѣка. Противъ этого невозможно.

3) *Album. Blätter der Deutschen Deutschlands Dichter der neuesten Zeit. Gesammelt von Pauly.* (Альбомъ. Листки чіа о нѣмецкихъ поэтахъ новаго времени. Собраніе Паули)

). *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Шейбера. Въ 8-ю д. л. 215 стр.*

Въ предисловіи къ второй хрестоматіи сказано:

«Въ послѣднее время за границей даны весьма-полныя и хорошія соанія произведеній нѣмецкой поэзіи; большая часть вѣхъ сборниковъ, тенденціи своей, не годятся для чтенія русскому юношеству».

На основаніи этого, г. Паули обнаруживаетъ такую тенденцію, по которой очень-прилично выдвигать дѣтямъ образецъ поэзіи стихотворенія, побывши Пфеффелевой «Die Tabackspfeife». Это удивительное стихотвореніе по когда-то переведено на русскій языкъ. У насъ осталось въ памяти слѣдующее четверостишіе переводчика:

Какъ подлѣ Кацбахомъ остался
Въ ногу раненый ядромъ,
Такъ за трубку прежде влялся,
А за ногу ужъ потомъ.

4) Gedichte von Wilhelm Baum. - Petersburg. 1846. Gedr. bei Ed. Pratz. 8-ю д. л. 31 стр.

Тринадцать стихотвореній поразительныхъ по своей новизнѣ. Въ первой пьесѣ, играющей роль предисловія, Вильгельмъ Баумъ объясняетъ, что жизни зналъ онъ мало радостей и много страданій, но что сочиненіе стиховъ облегчало ему тяжелую ношу бытия. За нею слѣдуетъ стихотвореніе aus verlorne Glück. (Потерянное Счастье), гдѣ опять говоритъ авторъ о своихъ несчастіяхъ общими нѣстами, съ нѣмалою разсужденій въ родѣ слѣдующаго:

Freud und Schmerz muss jeder haben,
Der auf dieser Erde weilt;
Doch wie ungleich sind die Gaben
Vom Geschick uns zugetheilt.
Jeder hat ein Loos gezogen
Aus des Schicksals dunkler Hand,
Sanehem war das Glück gewogen,
Viele haben's kaum gekannt. (8. 8).

T. L. — Отд. VI.

(«Радость и горе долженъ испытать всякій, кто только живетъ на землѣ; но какъ не поравну раздѣлены между нами дары судьбы! Кашдый вынулъ свой жребій изъ темной руки ея; одному вынулось счастье, другой почти совсѣмъ не зналъ его»).

Есть въ этой книжечкѣ и такое стихотвореніе, въ которомъ развивается гипотеза, будто родина поэта должна быть гдѣ-нибудь не на землѣ; есть посланіе къ медуку, спасшему автору жизнь, — посланіе, въ которомъ поэтъ сравниваетъ себя съ утопающимъ, а медука съ спасителемъ утопающаго; есть переводъ одного изъ самыхъ слабыхъ стихотвореній Пушкина «Телега Жизни», котораго вовсе не слѣдовало бы переводить; есть надгробное слово сестрѣ поэта, Луизѣ, какъ-будто-бы списанное съ надробнаго памятника на деревенскомъ кладбищѣ; есть посланіе къ кузинѣ Нинѣ А...., въ которомъ г. Баумъ старается утѣшить дѣвицу Нину въ ея разлукѣ съ родителями надеждою скорого возвращенія въ отчій домъ; есть стихотвореніе «Три Звѣзды» (Drei Sterne), въ которомъ поэтъ звѣздами разумѣются вѣра, надежда и любовь, и проч. Но болѣе всего поправилось намъ стихотвореніе «Пѣснь о Водѣ» (Das Lied vom Wasser), (стр. 16 — 21), въ которомъ между прочими куплетцами встрѣчаются даже вотъ такіе:

Wein und Liebe, wollt Ihr's glauben,
Sind zum Unheil uns gesandt,
Liebe und der Saft der Trauben
Raubten Manchem den Verstand.

То-есть, слово - въ - слово: «Повѣрьте мнѣ, что вино и любовь посланы намъ совсѣмъ не на здоровье; любовь и сокъ виноградный многихъ лишали разсудка». Или:

Du (das Wasser) giebst Kraft dem Mat-
ten wieder,
Stärkst alles nett und rein,
Stärkst der Menschen schwache Glieder,
Giebst der Pflanzenwelt Gedolde.

То-есть: «Ты (вода) возвращаешь силы усталому человѣку, ты еси смыслишь»

чисто-на-чисто, укрѣпляешь слабые члены человѣка; даешь ростъ деревьямъ...

Такъ можете говорить только человѣкъ, испытавшій на себѣ спасительное дѣйствіе воды.

5) *LEHRBUCH DER ALLGEMEINEN GESCHICHTE für die Kreisschulen und die unteren Classen der Gymnasien des Dorpat'schen Lehrbezirkes, von Johann Ernst Siebert. Reval. 1846. Verl. v. Franz Kluge. In 8. 211 S.*

Обученіе дѣтей исторіи такъ, какъ оно совершается передъ нашими глазами, представляетъ нѣсколько періодовъ. Прежде всего папенька или маменька рассказываетъ ребенку, что русское государство основалъ Рюрикъ въ 887 году, что онъ пришелъ изъ чужой земли къ Славянамъ, которые назывались такъ потому, что были народъ полный славы и знаменитый. «Смотри же, душенька» прибавляетъ рассказчикъ или рассказчица: «не забудь: какъ придетъ Иванъ Ивановичъ съ Палагеей Яковлевной, ты такъ скажи: русское-моя государство основалъ Рюрикъ въ 887 году; я тебѣ дамъ конфетку». Въ слѣдствіе общаго конфекты, дитя довольно-быстро запоминаетъ кой-какія имена и годы, совершенно не подозревая того, что значатъ слова *государство*, *основалъ*, *слава* и пр. Но скоро мальчика передаютъ на руки гувернёру, обязавшемуся учить его по-французски, по-нѣмецки, арметикъ и географіи. «Nous ferons aussi un peu d'histoire», говоритъ почтенный наставникъ: «il n'y a rien de plus instructif que ça pour les enfants». И на этомъ основаніи дается ребенку въ руки маленькій томикъ Ламе-Флэри, и начинается преподаваніе «морали въ дѣйствіи». Тутъ ученикъ узнаётъ дѣйствительно много поучительнаго. Ему рассказываютъ, на-прим., какъ богъ Марсъ женился на Реѣ безъ позволенія родителей ея, и какъ такіе браки влекутъ за собою всегда несча-

стія, — и другія интересныя и притягательныя вещи. Мальчикъ все это изучаетъ бойко. Иногда, правда, иногда дѣвлетъ сомнѣніе: ему хочется узнать, что такое религія, государство, и проч. etc. На это Французъ возражаетъ ему: «comment? vous ne savez pas ce que c'est que la religion? mais que faites-vous deux fois par semaine avec M. le prêtre?» И вотъ Ламе-Флэри наученъ совершенно; географія также пройдена; мальчикъ поступаетъ въ среднее учебное заведеніе... Теперь, читая, перенеситесь въ тѣ времена вашего дѣтства, когда вы, съ душой, исполняя любви къ наукамъ, — правда, уже тогда умѣряемой безпрестаннымъ строгимъ новеніемъ съ строгими учителями латинскаго языка, — посѣщали однихъ тѣхъ классовъ какого-нибудь заведенія, гдѣ учитель, садясь на кафедру, надевая очки, открывалъ «Русское государство къ Всеобщей Исторіи» и объявлялъ вамъ: «Ну, теперь, господа, станемъ заниматься исторіей. Истинная наука важная, которую необходимо знать каждому гражданину. Вы, дѣлать, въ дѣтствѣ учили исторію, но совершенно другое дѣло: тамъ были басни, здѣсь мы будемъ описывать истинныя, случившіяся въ мірѣ дѣйствительности». Вслѣдъ за этимъ идетъ рассказъ о банихъ-то древнихъ обитателяхъ Азіи и Африки (начальная исторія которыхъ, по словамъ мрамора немыслимости), объ Александрѣ-Македонскомъ, о Римлянахъ, прочіихъ интересныхъ вещахъ. Вы видите тогда первое омушеническое тѣсный горизонтъ Ламе-Флэри расширился и, не правда ли? сплетеніе людей добродѣтели, вѣрныхъ, воровчавшихъ царствами, и шихся Богъ-знаетъ изъ-за чего, и лось вамъ сначала какой-то омушенической горіей, кукольною комедіей. И по-налу, вы начинали читать, и этихъ людямъ высовили, и ролихъ, извергаютъ, словохъ, и комъ отношеніи несовершенности съ вами. Вамъ даже казались, и ихъ любите... А между-тѣмъ, у-

ке успѣлъ разсказать, что въ то время давно-прошедшее образованность юпитала въ высшей степени; что иъ были два великіе философы, Платонъ и Аристотель, которые не уступятъ ни одному изъ новѣйшихъ ученыхъ... Пожалуй, даже, въ минуточку великаго расположенія, онъ разсказалъ иъ трогательныя анекдоты о Калистѣ и Сократѣ, и тогда вы были совершенно-счастливы: вы обожали еще иъѣ этотъ созданный фантазіей нашей міръ героевъ. Новогъ, вы перешли въ слѣдующій классъ, и, въ одно прекрасное утро, на каедру явился тотъ же учитель исторіи, съ тѣми же очками и со второю частью того же «Руководства» и объявилъ вамъ, что прекрасному міру, который такъ плѣнилъ васъ, суждено было погибнуть, и появились какіе-то дикари, которые его разрушили до тла, что тогда все погибло, и люди возвратились, опять въ дикому состоянію. Потомъ началъ въ вамъ разсказывать, точь-въ-точь иъ въ прежнемъ классѣ о томъ, какъ стали составляться новыя общества и какъ люди начали снова просвѣщаться. Не правда ли, что при этомъ нежданномъ извѣстіи вамъ дѣлалось начало ужасно досадно на этихъ варваровъ, разрушившихъ вашъ прекрасный міръ? Однако, по зрѣломъ размысленіи, вами овладѣвало сомнѣніе, и вы задавали себѣ вопросъ: Не-уже-ли отъ создалъ цѣлый міръ для того, чтобъ ему погибнуть отъ толпы варваровъ, не оставя никакихъ слѣдовъ своего существованія? не уже-ли новыя роды начали опять съ того же, съ чего начинали и старыя? Для чего же въ такомъ случаѣ разигрывалась вся эта страшная комедія?

И съ этими-то вопросами идете вы впередъ, развѣсвиваете и, наконецъ, въ помощь университетскаго образованія или съ помощью книгъ въ родѣ «Руководства» профессора Лоренца, въѣждаетесь въ томъ, что цивилизація европейской-Европы началась дѣйствительно гораздо-ранѣе IV столѣтія, что она

находится въ непрерывной, послѣдовательной связи съ образованіемъ древности. Вы узнаете, что идея о прекращеніи умственной дѣятельности въ V вѣвѣ основывается на схоластическихъ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ исторіи, уничтожающихъ въ представленіи учащагося всякое понятіе о послѣдовательности развитія челоѣчества. Къ чему же послужили вамъ всѣ руководства Ламе-Флѣри и компаній? Что вынесли вы изъ нихъ для пользы своей? Развѣ только сознаніе одной великой истины: «вѣкъ жизни, вѣкъ учись», — истины, которую никому не мѣшаетъ повѣрять на собственномъ опытѣ...

Полагаемъ, что это обращеніе къ собственнымъ воспоминаніямъ читателей избавляетъ насъ отъ разбора новаго «Руководства къ Всеобщей Исторіи», изданной г. Зибертомъ. Руководство это написано съ обыкновенною цѣлью историческихъ учебниковъ, т. е. съ цѣлью разсказать дѣтямъ то, что изъ взрослыхъ понятно не всякому. Было бы гораздо-пріятнѣе, еслибъ г. Зибертъ употребилъ свои познанія и свою добрую волю на выборъ изъ исторіи такихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщаемы дѣтямъ безъ претензій на обученіе ихъ тому, что достойно названія исторіи челоѣчества и чего не можетъ растолковать имъ ни одинъ педагогъ въ мірѣ. По этому мы и не считаемъ нужнымъ распространяться и о преимуществахъ новаго руководства предъ старыми учебниками.

6) ELEMENTARBUCH DER DEUTSCHEN SPRACHE zum Gebrauch der unteren Klassen der St. Petri-Schule, von Theodor Hecker (Руководство къ Изученію Нѣмецкаго Языка, составленное для нижнихъ классовъ Петропавловскаго Училища Теодоромъ Геккеромъ. Третье изданіе. Санкт-петербургъ. 1847. Въ тип. Э. Праца. Въ 8-ю д. л. 274 стр.

- 7) DAS NOTHWENDIGSTE AUS DER
 GEOGRAPHIE, zum ersten Unterricht
 zusammengestellt von A. C. Jacobsen
 (ГЛАВНѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ ИЗЪ ГЕО-
 ГРАФІИ, изложенныя для первоначаль-
- наго преподаванія А. К. Якобсеномъ).
 Санктпетербургъ. 1847. Вѣтн. 8д.
 Праца. Вѣтн. 8-ю д. л. 54 стр.
 Перечень, доведенный до послѣдней
 степени сухости.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

==

А History of Greece, by George Grote, esq. (Исторія Греціи, соч. Джорджа Грота).

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что задача его была воплотить въ духѣ жизнь, а потомъ развернуть перелъ тателами полную картину греческаго міра. — Историкъ (продолжаетъ въ) особенно долженъ стремиться изжить созокупное движеніе греческаго интеллекта, которому помогало оное чужое, но который никогда не былъ заимствованъ, а самъ сообщалъ въ своей маленькой частичкѣ міра, тѣхъ-поръ неподвижной и туманнѣ, и прослѣдить дѣйствіе этой сольной системы, которая, давая цѣлѣ массѣ свободныхъ людей покровительство, незнакомое ни одной странѣ, дѣйствовала на тенѣи, какъ возбуждающая причина, а духу, не столь сокому, оставила столько свободы, что онъ могъ возвышаться надъ религіозною и политическою рутинною, опекать свой умъ и сдѣлаться наставникомъ потомства.

Въ этихъ словахъ авторъ высказываетъ все содержаніе своей книги, весь планъ, руководовавшій имъ, мало что — онъ высказалъ всего себя. Онъ историкъ, а чистый Англичанинъ, умомъ, здравымъ смысломъ и полнѣе антихудожественностью, со все-

гдашнимъ стремленіемъ къ политикѣ, съ любовью къ добрымъ призракамъ и школьной морали. На всемо историческому движенію Европы, Англичанинъ остался вѣрнѣе преданію отцовъ; для него исторія и досихъ-поръ та наука, которую съ пользою долженъ выучить и государь, и полководецъ, в государственнѣи человекъ, и еще многіе другіе, — словомъ, всѣ великіе и малые міра сего: извѣстно, что Англичанинъ досихъ-поръ вѣрно держится за начальныя слова вѣкогда знаменитаго и вѣкогда великаго сочиненія боскетова объ исторіи: «ужь если у исторіи нѣтъ другой высшей цѣли, то она навсегда удержитъ за собою званіе наставницы государей». Только Англичанину кажется досихъ-поръ будто кто-нибудь вычерпнулъ себѣ изъ исторіи какой-нибудь примѣръ и помогъ себѣ жить въ какомъ-нибудь дѣлѣ; онъ еще не разглядѣлъ, что ничто случившееся никогда не повторалось, что какъ всѣ жившіе народы были равны, такъ равна вся протекшая жизнь, такъ непохожа ни одна черта физиономіи исторіи на всѣ другія, — что никакой футляръ не приходится на все случающееся и живущее.

Странное дѣло! никогда никто не научался изъ преданій и уроковъ,

а толковано было объ этомъ очень-много; нынче точно такъ же никто по-прежнему не научается, но всегда самъ себѣ помогаетъ (будетъ ли это человекъ или народъ) одними своими силами, одними своими средствами, высканными именно вотъ въ теперешнѣмъ, въ окружающемъ его, а не гдѣ-нибудь тамъ въ древности, за горами, за долами, — все идетъ какъ всегда шло; одно только перемѣнилось: нынче и народы и люди сдѣлались въ состояніи видѣть и понимать свое дѣйствіе, понимать и полноту своей силы, и полноту невозможнаго для себя; вся надежда на одного себя и на что больше. А потому не уроковъ и навиданій добродѣльных спрашиваютъ у исторіи для нынѣшней политики или чего другаго, а *представляли*, такъ-что нѣтъ никакого сходства между самыми посредственными историческими писателями теперешняго времени и считавшимися прежде хорошими историками, получившими дипломы на знаменитость. Въ этомъ неоспоримомъ усовершенствованіи времени послѣдующаго противъ предъидущаго: самымъ обыкновеннымъ людямъ непремѣнно должно принадлежать то, что прежде составляло рѣдкое сокровище лучшихъ избранныхъ, и это усовершенствованіе, можетъ-быть, больше всего замѣтно на пишущихся въ наше время исторіяхъ; потому-что исторія сама сдѣлалась одною изъ самыхъ главныхъ потребностей всего общества, отброшеннаго наковнець отъ нея нелѣпыя и скучныя требованія и, слѣдовательно, увидавшаго, какъ близко лежатъ исторія къ каждому. Кому какое было дѣло до Александровъ, Кесарей и Аннибаловъ, когда у каждаго они затвердились въ головѣ какъ-то безгнѣсныхъ, точно выдуманнныя существа, героями науки исторіи, а не людьми, — когда всѣ эти имена обставлены вокругъ только драками, сраженіями и трактатами? Какое же могло быть сравненіе какихъ-то далекихъ героевъ съ живыми, движущимися и захватываю-

щими, что случается поминутно около каждаго? Отъ-того-то, поучившись всякимъ именамъ и годамъ въ молодые годы, каждый и страшивалъ съ себя и торію и всякія другія учености, съ которыми нѣкуда дѣваться. Что ставилъ дѣлать съ безгнѣсными, безгнѣсными существами — будешь ли носить ихъ въ памяти, будутъ ли они составлять живой интересъ, когда они составятъ не такими намъ рассказаны и впечатлѣны — не живущими вселенною живанью, волнуемыми и чувствующими, какъ нѣтъ всѣ сами? Все равнодушіе къ исторіи нѣмло, слѣдовательно, основаніемъ то недостаточное и ложное понятіе о ней, которое существовало до нашего времени.

Карлъ Мооръ говоритъ: «Славы вамъ награда, герои древности, за митъ потъ на полѣ битвы, что вы теперь живете въ школахъ и все наше бессмертіе таскаютъ въ сумкѣ съ книгами Драгоценная плата за расточенную кровь вашу, что въ рассказъ объ жизни вашей завернутъ привилегія — и, если дѣло пошло счастливице, что французскій писакъ трагедій подниметъ васъ на ходули и ставитъ дергать и виточки!». Это сказалъ не Мооръ по устами его высказалъ самъ вождь еще тогда Шаллеръ, высказалъ и всѣхъ молчащихъ и которые всѣмъ жны были бы повторить тѣ же слова. Развѣ въ его время была какая-нибудь исторія, которая бы не была школьной и батальной — точно такъ, какъ будто прежняя жизнь народовъ не проходила въ битвахъ, будто не было, какъ нынче, всѣхъ несчастныхъ интересовъ, которые, при всемъ безконечномъ разнообразіи, составляютъ изъ каждаго народа группы и впечатлѣваютъ на грудахъ этихъ особая физиономія? Еслибъ тогда чувствовали всю исторію неравною цѣнью, гдѣ самое далекое кольцо, сотрясаясь, тронуло пробужденнымъ сквозъ всю совокупность между движеніемъ и самое послѣднее ему родственное кольцо, — говорили бы тогда Шаллеръ о наградахъ и

ль и потъ? Благодарить, наградить въ возможность только того, кто мнѣ лекъ, съ кѣмъ я широко раздѣленъ, кѣмъ меня не связываютъ общіе герессы, если я разъ созналъ, что мы нимъ близки, что живемъ съ нимъ вою мыслью, однимъ трудомъ, что жду мною и нимъ нѣтъ больше ни агодарности, ни платы. Развѣ благо- рило когда-нибудь свою мать дитя, нявшае всю свою жизнь отъ нея «окрасившее кровью ея свои щеки», кирающее всю жинь ея, какъ пламя чу? Высшею наградою матери были сказанныя слова, а самое существо- іе, начинающее распускаться цвѣт- ь, сіяющее живнью лицо, протяну- і и воуція ручонки. Другой на- ды нѣтъ ей.

Если же послѣдующее время дошло возможности повимать свою нер- ьность со всѣмъ предшествов- шимъ, это значить, что оно урав- ьло свою общую съ нимъ вошу, ъ общій трудъ. Слѣдовательно, ольное толкованіе исторіи остав- ю своимъ исчисленіями династій подвигомъ всѣхъ хладнокровны- и вѣвующими. Немного болѣе патіи было къ еврейскому на- у, потому-что рассказъ объ немъ, і былъ не лучше прочихъ, то по- иней-нѣрѣ полнѣе и многосторон- ь; къ нему съ самаго начала было нѣшано болѣе всѣхъ многогран- ь и живописующихъ подробно- і. Между-тѣмъ, не меньше возиож- ь было бы вложить исторію про- ь народовъ хоть такъ, какъ влага- ь еврейскую исторію, пока не узнали о-настоящихъ и полныхъ точекъ ія на исторію.

зауиѣтся, виѣсть съ учебни- нимъ взглядомъ на исторію была ана безконечное разглагольствіе, ь объ именованіи и о существованіи несуществованіи лицъ, что могло ь расположаемо до безконечности, — енню къ этой старой шюгѣ при- ьжить г. Гротъ. Исторіа для него ставляетъ самаго живаго интере- іа для него предметъ преній, бо-

лѣе или менѣе дѣльныхъ, точно о ка- комъ-нибудь найденномъ въ Англіи римскомъ мечѣ, или о всякомъ другомъ предметѣ, близко недотрогивающемся до его существованія, и гдѣ все огра- ничится тѣмъ, что онъ какъ-нибудь да ужъ докажетъ, какія именно про- изошли отъ-того послѣдствія для всѣхъ наступившихъ потомъ временъ. Но все человеческое такъ построено, что ему никакъ не нужно доказательствъ, а нужна только сама вещь, безъ всякихъ выводовъ и притянутыхъ доказа- тельствъ. Казалось бы, чего лучше: въ романѣ или драмѣ какъ дважды-два — четыре около конца доказано, что до- бродѣтель торжествуетъ — а вѣдъ всѣ эти доказательства, весь *разительный примѣръ*, разлетѣлись точно дымъ око- ло зрителя; между-тѣмъ, какъ глубоко подѣйствовало изображенное вѣрно и одинокю, просто, безъ всякихъ вы- водовъ? На въ комъ не остался глухъ и нѣмъ внутренней судъ, мысль; мно- гочисленные и плодотворное резуль- таты стали выдѣлываться въ каж- домъ непремѣнно послѣ всякаго *полна- ю и истиннаю* представленія. Точно такъ и исторіа: пусть ей не будетъ дѣ- ла до того, какое вліаніе имѣли Аен- ны на Европу, пусть она себѣ толь- ко, какъ скульпторъ, вылепливаетъ поразительно-вѣрно и влагаетъ, какъ высшій художникъ, то дыханіе жизни, которое разлито было въ каждой му- скулѣ, въ каждой фибрѣ, — и всѣ свя- зующія послѣдствія заговорятъ сами за себя.

Если справедливо, что для настоя- щаго историка нѣтъ разницы между эпохами и народами, то тѣмъ не ме- нѣе Греція — точно какой-то благодат- ный оазисъ посреди широкихъ полей исторіи, точно яркое и цвѣтущее лѣ- то въ ряду прочихъ временъ года. Для Греціи ждешь какихъ-то особенныхъ, живыхъ красокъ; кажется, что у историка Греціи найдутся новыя не- слышанныя рѣчи: точно такъ, какъ когда дошелъ до лучшихъ минутъ сво- ей жизни тотъ, кого мы слушаемъ, — и глаза его заблестятъ новыми блестяща,

и стройность прекрасную получить рассказъ, и слова чудесныя найдеть въ себѣ рассказчикъ, которыхъ не зналъ прежде. Исторія Греціи въ наше время! это великое дѣло, налагающее обязанности и отвѣтственность строгія; исторія какого бы то ни было народа требуетъ совокупнаго представленія всѣхъ сторонъ жизни, — а сколько сторонъ жизни греческой, впечатлѣнныхъ тѣмъ превосходствомъ, которому съ-тѣмъ-поръ, быть-пожеть, никогда и не повториться. И это мы разумѣемъ не про степень развитія извѣстныхъ искусствъ, а про художественность и гармоничность, полную самой жизни, которую историкъ долженъ уловить въ ея многостороннихъ явленіяхъ, чтобъ подъ выраженіемъ ея она коснулась слуха зрителя какъ одинъ полный аккордъ, нераздѣльный въ общемъ впечатлѣніи.

Какъ мало обнимаетъ г. Гротъ настоящее понятіе о Греціи, ясно изъ того, что въ предисловіи онъ жалуется на отсталость греческаго духа поэзіи и религіи отъ способности дѣйствовать, организовать, судить и мыслить. Первые двѣ способности онъ называетъ женскими, послѣднія четыре мужскими. Сразу даже довольно-трудно объяснить, отъ-чего и откуда такое различіе; но все объясняется общимъ направленіемъ книги, и особенно — англійскимъ духомъ ея. Если эта книга англійская по своему духу, то, разумѣется, она въ Англии должна была и много повравиться: ее признали философскою исторіею Греціи, разработанною критически, съ *нѣмецкою ученою строгостію*, — и объясненіе такому великому титулу въ томъ, что эта книга совершенно по духу равна всѣмъ прочимъ исторіямъ, какъ онѣ существуютъ въ англійскихъ университетахъ и какъ къ нимъ привыкли Англичане. Конечно, «Исторія Греціи Грота» тоже не какой-нибудь учебникъ, по которымъ учились, къ-несчастью, слишкомъ-многіе; это не просто сборъ фактовъ съ допотопно-наивнымъ рассказомъ, также не одно изъ обновлен-

ныхъ историческихъ сочиненій съ похватанными танъ-и-сятъ высшими взглядами, которые никому не годятся; напротивъ, это сочиненіе чрезвычайно-честное, нѣсколько-ограниченное съ прекрасными частями тамъ, гдѣ главнымъ дѣйствителемъ былъ *добрый смыслъ*, и съ этой стороны оно стоитъ того, чтобъ его знать.

Теперь вышли двѣ верныя части, заключающія въ себѣ: Грецію легенъ и греческую исторію до впаденія Пеннестрата въ Аоніяхъ; слѣдовательно, это почти можно назвать ступеніемъ: настоящая, развившаяся греческая жизнь начинается временами Пеннестрата и кончается смертію Александра-Македонскаго. По въ допеннестратовой Греціи слагались и сложились матеріалы этой будущей, великой жизни, а потому все это время заслуживаетъ полныхъ двухъ томовъ. Что же составляетъ основу изслѣдованія г. Грота греческихъ до-историческихъ временъ? Что говоритъ онъ обо всѣхъ легендахъ, поэтическихъ сказаніяхъ, составлявшихъ, по его же словамъ, *книжечное вѣрованіе Грековъ историческаго періода*? Онъ ограничивается разбирательствомъ, длиннымъ и мелочнымъ, кто именно существовалъ, кто нѣтъ изъ героевъ греческихъ сказаній; онъ не дѣлаетъ никакого различія между легендами о богахъ и легендами о герояхъ, очень-просто и не затрудняясь считать ихъ за *ничего дѣлать* — тогдашняго времени, за необходимый тогдашній промахъ, выдумку, и это потому, что автору неизвѣстны новѣйшія серьёзные изслѣдованія о мифѣ; особенно же ему неизвѣстно, чего нынче ищутъ, что стремятся выразить, начинающая изслѣдованіе о мифѣ какого бы то ни было народа.

Сказать, что непремѣнно у каждого народа, начинающаго историческую жизнь, живутъ въ памяти полубогатые герои первоначальныхъ его временъ, что фантазія народа и его поэтовъ выростить изъ людей, въ самомъ-дѣлѣ существовавшихъ и, слѣдовательно, очень-простыхъ, очень-всѣдневныхъ

как бы ни были велики их дѣянія), какихъ-то великановъ, колосовъ, головы которыхъ теряются въ облакахъ, — сказать все это не значитъ еще сказать новость. Кто же нынче не знаетъ, что въ религіяхъ родовъ-младенцевъ великую роль играетъ природа, которая охватываетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и изъ которой они не могутъ выбиться, такъ-что страхъ, или въ благодарности, появляются — кто крокодилу, кто грому, кто вѣтру, кто солнцу, кто быку и т. д.? Многимъ изслѣдователямъ показалось даже, что очень-легко можно изсказать и разъяснить мифологию толи или другого народа, выговоривъ только, что Аполлонъ солнце, Иидаина, и т. д. Разумѣется, найдется только-нибудь правды во всемъ этомъ, потому-что дѣйствительно къ каждому племени привязана и какая-нибудь сила природы, но отъ такого *фактическаго*, необычайно-легко объясняемаго поведенія какъ далеко до того понятія представленія, которое жило въ груди какого-нибудь язычника, входящаго въ свой храмъ съ молитвою или благодареніемъ на устахъ. Благочестивому человѣку что можетъ быть легче благочестивѣе, какъ объявить религію греческую собраніемъ какихъ-то азочекъ, невѣроятныхъ, достойныхъ жалѣнія и изъ которыхъ выросъ уже родъ просвѣщенный?

Именно и *сожалѣть* г-нъ Гротъ о томъ, что греческая религія не доросла до здравыхъ понятій и что греческая поэзія ступала въ тѣ самые слѣды, которые выпечатывала религія. Изъ него осада Трои такой же историческій фактъ, какъ рожденіе и любовныя похождения боговъ, рассказанныя Гесіодомъ и Вергомъ. Но что же изъ этого выйдетъ, если исторически, критически и всякими возможными способами будетъ доказано, что никакого не было Ахилла и Патрокла, никакого не было осады Трои, никогда не было Родана и Рема, или Нумы-Помпилия, точно такъ же, какъ никогда Юпитеръ, еще боговъ и людей, не превращался

въ корову или золотой дождь? Кажется, ничего не выйдетъ, да и ни для кого это не составляетъ, не можетъ и не должно составлять интереса важнаго. Первый и единственный вопросъ вѣдь можетъ быть только вотъ какой: сказанія эти составляли потребность *необходимую* для народа, — выражался ли въ нихъ характеръ, духъ народа? наконецъ, почему именно эти сказанія лежали такъ близко къ его существованію? Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, напротивъ, не только не безплодно, какъ изслѣдованіе о томъ, кто въ-самомъ-дѣлѣ жилъ, кто нѣтъ, — но прямо ведетъ къ истинному и впечатлѣвающемуся изображенію этой жизни народа.

Что, напримеръ, выигрывается объясненіемъ г. Грота, что не должно вполне доверять полусторической системѣ, состоящей въ томъ, чтобы, напримеръ, принять исторію троянской войны точно такую, какъ ее рассказываетъ Илиада, выпустить только впечатлѣтельство боговъ и вообще все казавшееся невѣроятнымъ въ человѣческихъ характерахъ и побужденіяхъ? Вотъ его слова:

«Всеобщее расположеніе къ принятію полу-исторической теоріи о происхожденіи греческихъ мифовъ происходитъ частью изъ того, что критикамъ кажется невозможнымъ приписать временамъ, въ-рившимъ въ мифы, чрезвычайно легковѣріе или наиврѣнный обманъ — и сверхъ-того изъ предположенія, что гдѣ много вѣрять, тамъ должна быть хоть частичка правды. Этотъ образъ мышленія мнѣдъ бы какую-нибудь цѣву, еслибъ времена, о которыхъ идетъ рѣчь, обладали какими-нибудь лѣтописями и знали критическія изслѣдованія. Но у того народа, у котораго нѣтъ лѣтописей, и который не знаетъ критики, легковѣріе должно необходимо достигать своей высшей точки, какъ въ самомъ рассказчикѣ, такъ и въ его слушателяхъ; сверхъ-того, нельзя допустить мысли объ наиврѣнномъ обманѣ, потому-что если ужъ и слушатели расположены къ тому, чтобы принимать рассказываемое за откровеніе музы, то поэтически *весторія* совершенно довольно для того, чтобы влечь такое же убѣжденіе въ душу поэта, проинквутую этииъ весторіа

гомъ. Врядъ ли можно сказать, что въ-рваніе того времени стоитъ особнякомъ, какъ дѣйствіе разсудка: оно смѣшано съ живымъ воображеніемъ и глубокимъ душевнымъ движеніемъ, и во всякомъ случаѣ, гдѣ могущественно подѣйствовано на эту духовную возбуждаемость, върваніе приходитъ безсознательно, какъ вещь, сама-собою разумѣющаяся. Сверхъ того, даже и въ нашъ подлинный вѣкъ нельзя такъ вообще и безразлично воображать, что гдѣ много върять, тамъ хоть что-нибудь должно быть правда, что всѣми принята фикція всегда можетъ быть прослѣжена до какою-нибудь исторически-истиннаго основанія. Вліаніе воображенія и чувствованія не ограничивается просто процессомъ подраженія, преобразованія или расцвѣченія рассказовъ, первоначально основанныхъ на фактѣ; часто оно само создаетъ рассказы своего издѣлія, безъ всякаго предварительнаго основанія.... Многочисленные доказательства этого стремленія человѣческаго духа представляются въ неисчислимыя религіозныя легенды, получившихъ гражданственность въ разныхъ частяхъ міра, легендахъ, происходящихъ не отъ специальныхъ фактовъ, рассказанныхъ навыворотъ и преувеличенныхъ, но отъ благочестивыхъ чувствъ, проникнувшихъ общество и потомъ выдѣланныхъ въ видѣ рассказовъ людьми съ воображеніемъ — легендахъ, въ которыхъ не только прошествія, но часто и дѣйствующія лица изобрѣтены, но въ которыхъ можно яственно различить зарождающееся чувство, образовавшее и свой матеріалъ и свою форму.»

Продолжая развивать мысль свою, г. Гротъ утверждаетъ, что подобные вымыслы существуютъ и до-сихъ-поръ, въ принципъ чего приводитъ разсказъ о томъ, будто-бы Байронъ убилъ во Флоренціи Итальянца, который, подозревая жену свою въ связи съ поэтомъ, изъ ревности закололъ ее; что послѣ этого убійства, Байронъ навсегда оставилъ Флоренцію,—но никогда, во всю остальную жизнь его, дѣятели эти не покидали его. Муръ въ «Жизни Байрона» совершенно опровергъ этотъ анекдотъ, и г. Гротъ такъ рассуждаетъ, что въ прежнія времена непременно бы приняли за настоящую правду

этотъ вездѣ-распространившійся разсказъ, потому-что при несуществованіи могущественнаго средства печати, какъ же бы одинъ человекъ могъ разсказывать и доказывать всѣмъ, что неправда? Но на подобное рассужденіе, — будетъ ли оно относиться къ жизни народа или одного человека, — можно отвѣчать только, что ахъ и дѣло не въ фактѣ, не въ дѣйствіи, а въ мысли или въ смыслѣ, выраженной этимъ или другимъ фактомъ. Можетъ быть, двадцать новооткрытыхъ или *линыхъ* фактовъ не прибавили ничто къ изображенію народа или человека и между-тѣмъ, одна черта, выраженная поэтомъ, давшая ему талантъ, не газетами и реляціями, прибавивъ новый абрисъ, дорисовывающій фигуру, — прибавила новую краску, въ которой лицо стало выходить изъ лотва и заглядѣло точно живое.

Такимъ образомъ, напримеръ, историкъ Греціи пускаться въ россисканія, былъ ли когда на сѣвѣхъ, или семь вождей противъ Огит. А.; ему нужно остановиться на фактѣ, что вся периклова Греція преданіями именно трояскаго рода, что каждому Греку и Нестору, Одиссей, и Парисъ-Боговидный ближе и родственнѣе, чѣмъ вилу дѣдушка и бабушка, даромъ-что ему и въ-самомъ дѣлѣ родня. Однѣ изъ лучшихъ цѣнителей древности Винкельманъ, видѣвшій и знавшій что только въ его время было ковъ греческаго искусства, выговорилъ первый мысль, до-сихъ-поръ вергнутую, именно, что не Грековъ произведеній искусствоны вымышленныя, или изобрѣтены самимъ художникомъ, но что всѣ мы взяты изъ исторіи, изъ существующихъ фактовъ, и что все греческое искусство есть одна великая историческая иллюстрація. Мысль эта впрочемъ до-сихъ-поръ—да и всегда будетъ званваться истинною, потому-что ведливости ея, опирающейся на фактахъ, нѣтъ оспорить. Но прибавить сюда, что изъ этихъ

дѣній греческаго историческаго искусства, *съ лучша*, — будетъ ли это баллада, или трагедія, или поэма, — содержать тѣмъ однимъ изъ эпизодовъ гомеровскаго періода. Не Гомеръ своими двумя поэмами началъ эту повѣстную привязанность и любовь именно къ этому періоду, а наоборотъ, здѣь-распространенная страсть къ тому чудесному времени, къ преданіямъ объ *этихъ* именно характерахъ породила его поэмы. Что же такого особеннаго въ этомъ времени, которое запечатлѣлось на всѣхъ произведеніяхъ искусствъ и останется чѣмъ-то убѣдительнымъ для всѣхъ народовъ, для всѣхъ вѣковъ? Къ фактивному, приданному нельзя привязаться съ такою силою; глубокая любовь можетъ ридѣниться только къ тому произведенію искусства, которое воскрешаетъ собою жизнь, въ которомъ всѣ представляемые люди во второй разъ точно такъ подумаютъ, точно такъ заворчатъ, какъ было въ ихъ дѣйствительности, снова почувствуютъ *тошными* чувствами. Что же, когда порою глубоко-истинное, ничего-невыдумывающее, но воровительно-вѣрно для всѣхъ передающее (это то же, то всѣхъ убѣждающее въ *непреклонности* сходствѣ портреты, хотя бы мы ригинала никогда и не видали), — что же когда подобное искусство выразило прекрасную, человѣчественную въ всѣхъ недостаткахъ жизнь, со всею полною человѣчественныхъ качествъ? Самая близкая связь была между этою изображенною жизнью первоначальной Греціи и периклова вѣка, оставляющаго центральныи пунктъ греческой исторіи, къ которому тягуютъ всѣ окружающія его части, точно озеро, составившееся изъ влившихся въ него рѣки и выпускающее изъ себя другія рѣки, идущія въ безпрепятельность. Отъ-того и такая привязанность къ поэмамъ, въ которыхъ выразились тѣ же самые элементы, которые и тогда давали всему жизнь, только воплощенные иначе; это были тѣ-же Греки, только подновленные,

съ интересами больше раздробившимися (слѣдовательно и характеры начали размельчаться), но все-таки тѣ же, отлитые въ ту же форму. И-такъ, изображение элементовъ будущей полной греческой жизни представляютъ времена Греціи легендарной, а не предметы споровъ и доказательствъ. Что намъ въ лицахъ, когда нужно изображение характеровъ? что намъ толки о такомъ или другомъ дѣйствіи или событіи, когда гораздо важнѣе доказать, что оно *могло* быть чѣмъ-то, что оно въ-самомъ-дѣлѣ было? Одно — непремѣнный законъ, вытекающій изъ всѣхъ условливающихъ обстоятельствъ; другое — тотъ же законъ, обвинившидуализировавшійся. Г. Гротъ не раздѣляетъ легендъ о герояхъ отъ легендъ о богахъ; слѣдовательно, греческая мифологія представляется ему точно также выдумкою поэтовъ, которая пришлась по вкусу народу и пошла въ ходъ: значитъ, пріиди въ голову этимъ поэтамъ выдумка другаго сорта, она могла точно также *поправиться* и составить всеобщее вѣрованіе; значитъ, никакой и рѣчи нѣтъ о томъ, что религія народа, точно такъ же, какъ и поэзія его, не могутъ быть выдуманы, двинуты въ другой путь, чѣмъ тотъ, къ которому нужно подвинуться и къ которому подвигается народъ самъ собою.

Въ книгѣ г. Грота довольно мѣста занято разсмотрѣніемъ стариннаго вопроса: одинъ ли Гомеръ сочинялъ «Иліаду» и «Одиссею», или эти поэмы писаны нѣсколькими авторами; съ послѣднимъ (вольфовскимъ) положеніемъ онъ не согласенъ и, вмѣстѣ съ новѣйшими критиками, остановился на томъ, что у этихъ двухъ поэмъ авторъ одинъ, но есть нѣсколько вставокъ въ «Иліадѣ», особенно IX-я книга, которую онъ называетъ «недостойнымъ прибавленіемъ», именно потому, что ему показалось, будто-бы здѣсь, когда Ахиллъ не соглашается снова воротиться къ греческому войску, онъ не смигается къ греческому войску, онъ не смигается въ гнѣвъ своемъ послѣ всѣхъ умаливаній отрженнаго

къ нему посольства: «эфирская гордость и эгоизм Ахилла переступили всѣ границы и оскорбляютъ ощущение Немезиды, столь-глубоко залегшее въ греческую душу. Мы прощаемъ всякую ярость и излишество противъ Троянъ и Гектора послѣ смерти Патрокла; но то, что его не трогаютъ ни возвращеніе всего у него взятаго, ни униженныя мольбы, ни самыя богатые умиловительныя подарки, предложенныя Греками — это показываетъ нечеловѣческую неумолимость и ужь конечно такую, какой не желалъ представлять поэтъ ни первой, ни послѣднихъ двѣнадцати книгъ». Почему эта черта Ахилла оказалась автору особенною, выходящею изъ общаго характера греческаго — неизвѣстно: напротивъ, эту черту слѣдовало бы выставить одною изъ различительныхъ граней отъ болѣе-позднаго греческаго характера, на-примѣръ, времени процвѣтанія аевнскій республики, — потому-что какъ ни прекрасенъ былъ первый Грекъ, настоящее дитя природы съ драгоценными, алмазными, свѣжими качествами духа, у него оставалась еще порядочная доза врожденнаго человѣку эфирства, котораго тогда онъ не сознавалъ еще и не стыдился; а потому сколько разъ встрѣчается и въ «Илиадѣ» и въ «Одиссеѣ», что хладнокровно, не въ пылу гнѣва или мщенія, а только повергнувъ на земь врага своего, не ввела никакихъ заклинаній и моленій именовъ всего драгоценнаго, стараго отца, молодой супруги, — Грекъ наступаетъ ему ногою на горло и вонзаетъ въ него мечъ или копье. И это лучшіе изъ лучшихъ, тѣ, въ которыхъ живутъ самыя живыя, самыя благородныя чувства. Какъ далеко Филоклету до силы и твердости характера Ахилла, а и того надобно было богу сдвинуть съ мѣста, иначе онъ не пошелъ бы ни по какимъ просьбамъ. Еще какаго разнища во времени: сколько лѣтъ успѣлъ просидѣть Филоклетъ на своемъ Демосѣ, глядя свою досаду, и какъ

свѣжа была рана въ груди молодого, гордаго Ахилла! Все подобное было очень-натурально, никого не поражало, было общепринято, и вероятно очень бы удивился тотъ, кто разъ сверженный, могъ бы потомъ еще остаться живъ. Таинств-образовъ, у всякаго времени есть свои возмущенности, — у нашего точно такъ же, какъ у тогдашняго, — жестокости много неудивляющія, потому-что онѣ приняты, потому-что *есть такъ далеко...*

Къ числу новыхъ, еще неслыханныхъ ни однимъ историкомъ Грековъ мыслей, принадлежитъ та мысль Грота, что въ совітѣ вождей и народномъ собраніи, какъ ихъ описываетъ Гомеръ, лежитъ основаніе будущаго республиканскаго устройства, а рѣчьность гомеровскихъ героевъ — протипъ будущей страсти къ публичному ораторству, которое само много со способствовало развитію греческой или лектуальности:

«Могущество рѣчи въ узраженіи и шествовннми дѣлами становится ея ственнѣе, развитіе и преодоленіе и мѣръ того, какъ мы подыгаемся къ дѣтню, предшествовавшему героическому битву, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта вкоренившаяся привычка была одною изъ главнѣйшихъ причинъ лектуальнаго превосходства народа во время. Въ такое время, когда всѣ окрестныя народы были, сравнительно говоря, истрежены въ умственное опіеціе, и была достаточной и довольно могущественной причиной къ тому, чтобы до такой степени размножить число производимыхъ греческихъ людей, кромѣ причины, заключающейся отъ выгоды публичнаго ораторства. Воспринчивость массы народной къ руководству, привычка ея требовать наслаждаться этииъ сильными возбуждающимъ средствомъ, и открытыя среди которыхъ регулярныя формы соединились съ свободною оппозиціею, о предшественныхъ практическихъ (политическихъ и судебныхъ) — все это причины, образующія славныхъ мастеровъ въ искусствѣ ораторства. И не просто ораторы не производились этииъ способомъ: всего этого выдѣлывалась лектуальность, а умозрительное наглядное

учало важна ляденія для своего на-
оленія и соображенія въ такое время,
да истинны науки фнзическихъ были
ли недоступны. Если первоначальное
иствие состояло въ изобренія способствъ
аженія, то послѣдующій, не менѣе
ый результатъ былъ тотъ, что разви-
ась привычка къ научному мышленію.
ѣ этимъ нельзя согласиться: у всѣхъ
инающихъ народовъ и по малочис-
ности ихъ состава и по неустанов-
шемуся еще разумному правленію
дествуютъ собранія всѣхъ ихъ чле-
съ длинными, степенными рѣча-
потому что та же мѣрная рѣчь
инадлежитъ всѣмъ и каждому въ на-
вомъ собраніи; съ этою же мѣрною
ью каждый обращается и къ врагу
къ пріятелю; она не ускоряется ни
впезавной радости, ни отъ присту-
шаго отчаянія и горести; такъ бы-
у всѣхъ—и у Грековъ, и у Египтявъ,
Бареевъ, и у Мексиканцевъ; такъ и
иче еще у американскихъ Индій-
; тутъ не дѣйствуетъ востокъ или
адъ, вліяніе страны или мѣстности,
патріархальная, медленно-текущая
ь непремѣнно принадлежала каждо-
народу до-тѣхъ-поръ, покуда новыя,
мельничшіяся страсти не начали вхо-
въ въ грудь образовывающагося че-
ѣка, сдѣлавъ и всѣ впечатлѣнія его,
нимающія и передающія, болѣе-жи-
ив, болѣе-быстрыми. Какой же ре-
ь выводитъ послѣдующее республикан-
ское и, слѣдовательно, ораторствен-
направленіе Греціи изъ рѣчивости
юспримчивости первоначальныхъ
равій? Эти послѣднія качества пря-
ведуть не къ развитію научной дѣ-
твнн, а къ диалектическому искус-
у, къ искусству формы, а не содер-
нія, в, можетъ-быть, было бы боль-
справедливости вывести изъ нихъ
сть къ диалектическимъ формаль-
съ спорамъ и преніямъ распавша-
ся Греціи временъ император-
гъ, чѣмъ производить отъ нихъ
сторство Демосоена и Перикла, раз-
орную очаровательность Сократа,
ософскія умозрѣнія Платона и си-
гнатическую политику, реторику и
ну Аристотеля.

Исторія Греціи доведена во 2-й ча-
сти до временъ Креза и Пизистрата,
аеинская оставлена для 3-го тома, а 2-й
оканчивается исторіей Спарты; это
лучшая часть втораго тома, потому что
обо всемъ прочемъ говорено довольно-
отрывочно, неполно, съ собственными
предположеніями тамъ, гдѣ не доста-
вало историческихъ данныхъ.

Не отрица историческаго суще-
ствованія Ликурга, г. Гротъ утвержда-
етъ, что совершенно-несправедливо
утвердившееся мнѣніе, будто Ликургъ
звелъ въ Спартѣ равный раздѣлъ по-
земельной собственности. Онъ отри-
цаетъ это мнѣніе не потому, чтобъ
такой раздѣлъ былъ дѣломъ невоз-
можнымъ, а потому-что на слово дана
вѣра свидѣтельству одного Плутарха,
между-тѣмъ, какъ и Геродотъ, и Фу-
кидидъ, и Ксенофонтъ, и Изократъ,
и Платонъ, и Аристотель ничего рѣ-
шительно не упоминаютъ о подобномъ
раздѣленіи земли. Изложеніе исторіи
Спарты одно изъ лучшихъ мѣстъ все-
го сочиненія, а потому мы выпишемъ
уиное предположеніе г. Грота, какимъ
образомъ приписали Ликургу этотъ
законъ о равномъ раздѣлѣ земли.

Разсматривая состояніе города Спар-
ты во время Агиса III (положимъ 240
лѣтъ до Р. Хр.), мы увидимъ, что граж-
дане сдѣлались многочисленны, что не-
тки всѣ они были бѣдны до нищеты, всѣ
земля сосредоточена въ рукахъ весьма-
немногихъ, древній уставъ жизни и об-
щественный обѣдъ сдѣлались пустыми
формами, огромное число иностранцевъ и
не-гражданъ заселили городъ (потому что
ужь давно забыли древній законъ о пре-
бываніи иностранцевъ) и составили боль-
шой денежный классъ; наконецъ, до-
стоинство Спарты и вліяніе ея на сосѣд-
нія республики совсѣмъ рушились. Юному
энтузіасту, каковъ былъ царь Агисъ, и
другимъ пылкимъ умамъ изъ числа его со-
временниковъ было невыносимо сравнить
это уничиженіе съ прежнею славою своей
страны; и имъ показалось, что нѣтъ дру-
гаго средства возсоздать древнюю Спарту,
какъ снова впустить въ число гражданъ
людей, закабаленныхъ по бѣдности, сно-
ва передѣлить землю, погасить всѣ долги

и возобновить общественный обряд и военный образ жизни во всей строгости. Агис старался заставить принять эти разрушительныя средства (о которых не смѣлъ бы даже и подумать какой-нибудь демагогъ самой отчаянной афинской демократіи), съ согласія сената и общественного собранія и съ согласія богатыхъ. Его добросовѣстность засвидѣтельствована тѣмъ фактомъ, что собственное его имѣніе и имѣніе его родственницъ (одни изъ самыхъ большихъ имѣній во всемъ государствѣ) легли первыя жертвами въ общую массу. Но его же провели его безправственные помощники, и онъ погубилъ, тщетно стараясь убѣжденіемъ достигнуть приведенія въ дѣйствіе мечты своей. Его преемникъ Клеоменъ совершилъ насильно переворотъ подобнаго же рода, хотя амѣнительство непріятельское скоро погубило и его самого и его учрежденія. — Именно подъ влияніемъ того самого столпія общественного мнѣнія, которое породило въ Спартѣ проекты Агиса и Клеомена, образовалась историческая мечта, неизвѣстная Аристотелю и его предшественникамъ, будто-бы совершенное равенство собственности есть учрежденіе Ликурга. Излишне было бы показывать, какъ много подобное убѣжденіе могло бы способствовать нововодительнымъ проектамъ; и, нисколько не предполагая намѣреннаго обмана, намъ нечего удивляться, что предрасположеніе патристель-энтузіастовъ истолковало сообразно своему собственному пристрастію древнее, забытое законоположеніе, отъ котораго они были отбѣлены больше, чѣмъ пятью столѣтіями. Ликургово ученіе стремилось насильно вселить въ голову мысль о равенствѣ гражданъ, т. е. отрицаніе неравенства, которое не было бы основано на какой-нибудь личной принадлежности — такъ что оно дѣлало похожими одні на другихъ привычки и способности богатыхъ и бѣдныхъ; а это равенство, существующее въ владѣ и направленіи, и, какъ кажется, желанное основателемъ, было обращено послѣдними преобразователями въ положительное управленіе, которое будто-бы онъ сначала установилъ, но отъ котораго отстали его выродившіеся потомки... Спартаецъ жилъ обыкновенно публичною жизнью, либо самъ занимаясь подлѣ началомъ гимнастическимъ и военнымъ, либо будучи зрителемъ или критикомъ подобной же жизни другихъ, всегда въ оковахъ, всегда

принужденный, соблюдая правила какъ частью военной, частью монашеской, от ученный отъ независимости и отбѣлены отъ своего дома; жену свою онъ видалъ только въ первые годы своего супружества, только украдкой, и сосѣдствомъ не зналъ дѣтей своихъ. Надъ нимъ былъ бодрствовалъ надзоръ не только отъ гари даятъ-сотоварищей, но и особымъ вѣдомъ новленныя самою республикою невольники или начальниковъ; день его проходилъ въ публичныхъ упражненіяхъ и въ бланчныхъ столовыхъ, ночь въ публичныхъ казармахъ, къ которой принадлежалъ онъ. Если мы вспомнимъ необязанности греческой жизни въ IX или VIII столѣтіи до Р. Хр., и особенно непрочные составы горсти дорическихъ завоевателей въ Сартѣ и областяхъ ея, съ покоренными тамъ на ихъ собственныхъ земляхъ, непокоренными Ахейцами возлѣ, то легко поймемъ исключительную силу которую назначилъ себѣ Ликургъ; и въ-самомъ-дѣлѣ изумительное, такъ и насильственность его средствъ въ успѣхъ и результатъ. Онъ привнесъ въ дѣйствительность свой проектъ около 8,000 или 9,000 спартацкихъ гражданъ, несоперническое повновѣненіе, суровое самоотверженіе и годность къ военному дѣлу, — совершенную подчиненность и даго гражданина мѣстному общественному мнѣнію и предпочтеніе смерти мнѣнію спартацкихъ правлѣ — жажду каждаго отличиться въ войнѣ и писанныхъ ему обязанностей и равенство ко всему прочему. Намъ невозможно сказать, какими образомъ дошла до насъ тольва надолжитъ на цѣлое общество суровую систему индивидуальной неспуза съ ребячества до старости и тотъ же ходъ мыслей и дѣйствій — гораздо труднѣе всякаго волевого переворота; и влияніе строгата, историческаго геракланда, вспомогательнаго могущественнѣйшимъ содѣйствіемъ Фейскаго бога, на глубоко-благочестивую восприимчивость спартацкой дѣлать объяснить достаточно такого вѣрительнаго авденія въ исторіи роднаго историческаго, если не предположить, что ему помогало притеченіе одностороннихъ дѣйствовавшихъ обстоятельствъ, и чѣмъ намъ исторію и преданія были рады во что бы то ни было вырваться изъ нихъ.

Неизвестно, когда появится слѣдующія части этого сочиненія; но во всякомъ случаѣ можно ожидать отъ нихъ много хорошаго, потому что авторъ не изъ числа людей немыслящихъ.

Врядъ ли какая-нибудь литература такъ богата біографіями, какъ англійская. Поминутно выходятъ жизнеописанія великихъ и невеликихъ людей, тѣльно или сборниками, съ критическими замѣчаніями и безъ нихъ; въ рхивахъ семейныхъ и государственныхъ производятся неутомимые поиски, и все это печатается, не смотря на то, въ самомъ ли дѣлѣ стоило всеобщей извѣстности и многочисленныхъ границъ, большой потери времени и оисковъ то лицо, которое авторъ изралъ себѣ темою. Это точно всмиолаившая страсть, потому что если такъ много печатается этихъ біографій, невозможно же предположить, что онѣ итаются однимъ ихъ составителемъ; значитъ, въ нихъ есть всеобщая потребность, значитъ, онѣ составляютъ одну изъ необходимыхъ отраслей англійской литературы. Ихъ нельзя считать дѣломъ прихоти или моды, которая пройдет и не воротится; онѣ столько же мало дѣло случайное, какъ и безвсленныя французскія фивіологіи; въ этихъ фивіологіяхъ выразилась одна изъ надобностей французскаго характера — *схватывать и очерчивать*, и вивіологіи составляютъ только видоизмѣненіе этой потребности, точно такъ же, какъ подобное же видоизмѣненіе составляли прежніе французскіе мемуары: разница въ томъ, что мемуары обращаютъ свое зрительное стекло на лица и происшествія, сдѣлавшіяся уже предметомъ сторіи, или служація къ довершенію представленія объ историческихъ лицахъ и происшествіяхъ, между-тѣмъ, какъ фивіологіи берутъ себѣ предметомъ все вышнее, теперь - случающееся. Съ примѣра Французовъ всѣ

принимались писать мемуары и фивіологіи; зато нигдѣ и не пускали корней эти чужія растенія, потому что несвойственна имъ была новая почва. Теперь больше не пишутъ во Франціи фивіологіи; имя это прошло, но вещь осталась, да и всегда останется, покуда не измѣнится весь характеръ народный.

Подобно этому элементу французскаго характера, у Англичанъ есть своя черта — гордость своимъ, необыкновенная привязанность къ домашнему, ко всему своему прошедшему, до котораго всегда каждый стремится протянуть нити вышшняго состоянія, стремится показать, какъ весь теперешній порядокъ утвердился на давнишнихъ основаніяхъ. Какому-нибудь лорду мало того, что происхождение его свѣтло и ясно идетъ отъ такихъ-то и такихъ древнихъ гербовъ, — ему нужно еще показать, какъ всѣ его предки не сложа руки сидѣли у себя въ замкахъ, а принимали участіе во всѣхъ средневѣковыхъ политическихъ движеніяхъ, какъ потому въ Европѣ предки его, изъ желѣза перерядившись въ парики и кафтаны, были непремѣнными частіцами огромной машины, заводивающей интересами любезной Англіи. Это его гордость, это его *point d'honneur*; не онъ одинъ равнодушенъ къ этому, — всѣ точно также требуютъ знать дѣятельность прежнихъ, старинныхъ лордовъ, и вотъ огромною цѣпью тянутся въ англійской литературѣ біографіи лордовъ-генераловъ, лордовъ-адмираловъ, лордовъ-канцлеровъ, лордовъ-ораторовъ, лордовъ-легистовъ и т. д., написанныя потомками ихъ, и которыя во всякой другой странѣ не были бы никѣмъ прочитаны. Кажется, кто только ни жилъ въ Англіи хоть сколько-нибудь примѣчательнымъ образомъ, непремѣнно находитъ себѣ біографа, такъ что чуть-чуть не вся Англія появляется въ видѣ біографій. Этого мало: *потребительность* этого рода литературы такъ велика, что существуетъ чрезвычайная конкуренція; объ одномъ и томъ же лицѣ, въ Англіи даже вовсе и неизвѣ-

ствоишь, вынуть по нескольку разъ, все больше и больше роются въ архивахъ.

Къ подобнымъ многочисленнымъ сочинениямъ принадлежатъ вышедшія недавно: 1) *The lives of eminent english judges of the seventeenth and eighteenth centuries, by W. N. Welsby, esq.* (Биографіи примѣчательнѣйшихъ англійскихъ судей XVII и XVIII столѣтія, соч. В. Н. Уэльсби); 2) *The lives of twelve eminent judges of the last and of the present century, by William Townshend, esq.* (Биографіи двѣнадцати примѣчательнѣйшихъ судей прошлаго и нынѣшняго столѣтія, соч. Уильяма Тоушенда); 3) Продолженіе сочиненія лорда Кемпбелла: *The lives of the Lord-Chancellors and keepers of the great seal of England, from the earliest times till the reign of king George the fourth, vol. IV, V* (Биографіи лордовъ-канцлеровъ и великихъ хранителей государственной печати, съ перваго ихъ установленія до царствованія Георга IV, части IV и V); 4) *Correspondence of John, fourth duke of Bedford, with an introduction by lord John Russel, vol. III* (Переписка Джона, четвертаго герцога бедфордскаго, со вступленіемъ лорда Джона Россела, часть III); 5) *Memoirs of the life and times of sir Christopher Hatton, including his correspondence with the queen and other distinguished persons, by sir Haggis Nicolas* (Мемуары о жизни и временахъ сэра Христофа Хаттона, содержащія въ себѣ его переписку съ королевою и другими примѣчательными особами, соч. сэра Гарриаса Николаса).

Мы задали бы себѣ слишкомъ огромную и, можетъ-быть, безплодную задачу, еслибъ принялись за разсмотрѣніе всѣхъ лицъ, составляющихъ эту картинную галерею; знаменитые судьи и канцлеры, знаменитые въ свое время, жили и отжили свой вѣкъ, не оставивъ для послѣдующаго времени ничего, кромѣ памяти о больше или меньше-замѣчательныхъ индивидуальныхъ характерахъ, нѣвшихъ большое вліяніе на то, что ихъ окружало. Одна черта ясно выластается изъ всей разнообразности

характеровъ — это непоколебимая и неуклонная твердость, негнушавшаяся передъ какою силой, — и это воистиннѣ потому-что только твердость даетъ возможность дѣйствовать сколько-нибудь примѣчательно на современность; иначе не помогутъ никакія блестящія качества. Таковъ, напр., судья Халъ, потерпѣвшій много жаркихъ битъ съ Кромвеллемъ и неподавшаіиса ему; а, кажется, что могло быть двусторонственнѣе и нетерпимѣе Кромвелла?

Четвертый и пятый томы Канцлеровъ лорда Кемпбелла, содержатъ въ себѣ время отъ 1688 года, или отъ революціи до смерти канцлера Тюроу, в 1806 году. Большая разница въ канцлерахъ до XVIII столѣтія и послѣдующаго перелома, совершившагося въ Англіи съ революціею 1688 г.: Превращеніе бывшаго государственными и иностранными, отъ которыхъ все получало свое начало, и исторія ихъ была исторіею королевства; послѣ же революціи, какое бы ни было поле дѣйствія, у каждаго канцлера обозначался свой особенный судебный характеръ, котораго нельзя не замѣтить, хотя невидѣнно-далеко канцлерамъ XVIII столѣтія до такихъ характеровъ. Исконны были Бекетъ, Вольсей, Моръ, Бэконъ, Кларендонъ, Шефтсбери, Джефферейсъ и др. Англійскіе критики находятъ, что эти два тома сочиненія Кемпбелла еще интереснѣе прочихъ, по причинѣ огромнаго количества оригинальныхъ документовъ, представленныхъ ему потомками описанныхъ лицъ, такъ-что эти документы дали автору возможность расцвѣтить свой рассказъ истинами подробностями индивидуальной биографіи: за то авторъ принужденъ былъ иногда не со всею истинною изобразить нѣкоторыя стороны канцлеровъ, предостѣхъ, кому онъ обязанъ былъ драгоценными извѣстіями.

Очень-мало примѣчательнаго въ жизни герцога Бедфорда, описанной родственникомъ его, лордомъ Джономъ Росселемъ. Герцогъ Бедфордъ былъ первымъ лордомъ адмиралтейства,

ады ли умѣлъ различить въ кораб-
корму отъ носа; морская администра-
ція его не стоѣтъ даже быть помя-
та; потомъ онъ былъ лордомъ-лейте-
нтомъ Ирландіи, гдѣ, подобно сво-
имъ предшественникамъ, поддержи-
валъ барщину и задаривалъ своимъ
мотивниковъ. Все это не стоило бы
ографа, и, можетъ-быть, лордъ Рос-
сель неохотно принялся бы за такое
жизнеописаніе, еслибы судьба
о предка не была связана съ контр-
революціею, посредствомъ которой Ге-
оръ III положилъ основаніе всему
прошему и дурному, составившему
ему 1688 года.

Георгъ III взомель на престолъ съ
сердцемъ намѣреніемъ воротить ту
часть, которую отвали у монархиче-
ской власти большія фамиліи выговъ
слабля царствованія Георга I и
Георга II. Лучшимъ союзникомъ ему,
вечно, приходился Питтъ, потому
что этотъ министръ сроднился бы
съ народомъ и предупредилъ бы
необходимость составить придворную
артію, непріязненную народу. Но Ге-
оръ III былъ какъ-то странно-близокъ
даже къ своимъ выгодамъ; воспи-
таніе сдѣлало его и трусливымъ, и уп-
рымъ, и скрытнымъ; у него все было
въ головѣ великія цѣли, а на дѣлѣ не-
малыя средства, и въ-за какой-ни-
будь мелочной личности онъ былъ го-
ловъ поставить въ опасность все свое го-
сударство. Англія только-что приобрѣла
мерку и приобрѣтала Восточную-Ин-
дію; Питтъ требовалъ продолженія вой-
ны, потому-что видѣлъ двуличность Ис-
паніи; ноцѣлая партія возстала противъ
его преимущественно потому-что она
о теритѣ не могла, и въ числѣ про-
ихъ особенно отличался герцогъ Бед-
фордъ; послѣдствія доказали, кто былъ
равъ, кто неправъ, кто дальше вы-
шелъ, кто былъ близорукъ, какъ крокъ.
Позже, точно такую же оппозицію
герцогъ Бедфордъ противопоставилъ
министерству Чатама; какимъ-то чу-
момъ составилъ кабинетъ такъ, какъ
онъ его предлагалъ, и это новое мини-
стерство удержалось почти безъ намѣ-

неній двадцать лѣтъ, главное же—они
двадцать лѣтъ были едва-ли не самыми
несчастливыми и постыдными во всей
английской исторіи. Не смотря на все
это, лордъ Россель, описывая влосчаст-
ные подвиги своего родственника, все-
таки старается увидѣть въ немъ спо-
собнаго государственнаго человѣка и
хорошаго политика; по-крайней-мѣрѣ,
онъ успѣлъ доказать вполне, что гер-
цогъ Бедфордъ былъ любезенъ въ
частной жизни, честенъ и добросовѣ-
стенъ. А эти качества, соединенныя
съ участіемъ въ важныхъ государ-
ственныхъ дѣлахъ (все равно — толко-
выхъ или безтолковыхъ), все-таки об-
разовываютъ ореолъ славы надъ голо-
вою какого-нибудь нашего предка.

Въ книгѣ, изданной сэромъ Гарри-
сомъ Николасомъ, самая примѣчатель-
ная и любопытная часть — переписка
сэра Хаттона съ королевою Елизавет-
той. Она начинается съ 1572 года, ко-
гда Хаттону было 32 года и когда онъ
имѣлъ частіе поправиться королеви,
и продолжается до 1591 года, когда,
разбогатѣвшій и сдѣлавшійся ужь дав-
но лордомъ-канцлеромъ, онъ умеръ съ
горя, потому-что королева, доволь-
но-скупая, не любившая шутить и дер-
жавшаяся пословицы «дружба друж-
бой, а служба службой», заставила
его непремѣнно выплатить огромный
долгъ въ 40,000 ф. ст. Притомъ же, и
королева и Хаттонъ тогда были уже
стары. Все собраніе писемъ Хаттона
находится теперь въ числѣ манускрип-
товъ Британскаго-Музеума и въ по-
длинности его не сомнѣваются; по-
лагаютъ, что съ настоящихъ пи-
семъ снималъ для собственнаго удо-
вольствія копіи секретарь Хаттона,
Самуэль Коуль, который еще почелъ
нужнымъ прибавить въсколько прона-
веденій собственнаго эпистолярнаго
искусства; но слишкомъ-лино, что въ-
самомъ-дѣлѣ хаттоново, что принадле-
жить его секретарю, и г. Николасъ
составилъ изъ многорѣчивыхъ и не-
дандическихъ писемъ секретаря особ-
ливое приложение въ концѣ книги.

Чтобъ дать читателю понятіе объ этой перепискѣ, представимъ два письма Хаттона къ Елизаветѣ. Они написаны вотъ по какому случаю: однажды королевѣ понравился молодой и совершенно-оригинальный по своему характеру лордъ Оксфордъ; слѣдовательно, тотчасъ же послѣдовалъ большой переворотъ въ судьбѣ сэра Хаттона, — все переиначилось. Въ отчаяніи онъ не зналъ за что приняться; ему даже приходило въ голову написать письмо, наполненное упреками, которыхъ бы, конечно, онъ могъ набрать довольно. Къ счастью его, вовремя остановилъ его пріятель, нѣкто Дайеръ, который длинными, но осторожными (на всякій случай) письмомъ показалъ ему, какъ опасенъ такой *salto mortale*, какъ онъ навсегда испортитъ дѣло и какъ произведетъ слишкомъ-серьезныя послѣдствія. Хаттонъ одумался и слѣдующимъ образомъ вылилъ свои укротившіяся чувства:

«Стараясь переиначить ваше дурное мнѣніе обо мнѣ, я, можетъ-быть, тѣмъ больше оскорблю васъ, потому-что истина моего дѣла разногласитъ съ строгостью вашего сужденія. Но надѣюсь, въ заботѣ, не добротѣ своей и справедливости, выслушать уменьшенныя жалобы сердечной моею печали. И такъ, говорить, что вина моя состоитъ въ неблагодарности, сребролюбіи и честолюбіи. На первое, какъ передъ Богомъ отвѣчаю, что безгранично любилъ вашу особу и вашу службу, на что я, безъ всякаго исключенія, посвятить всю свою жизнь, свободу и достоиніе. Я точно такъ же принадлежу вамъ, какъ вамъ бы принадлежало все, что Богъ и вы сдѣлали бы изъ меня; а больше этого ни я, ни кто другой, сдѣлать не можетъ... Но если я когда-нибудь съ жадностью искалъ почестей, или богатствъ, или мѣста, или титула, или званія, то молю Бога, пусть адъ поглотитъ меня. Униженно умоляю васъ, не вѣрьте, ради вашей мудрости и доброты, сказкамъ, которые разглашаютъ о преданнѣйшемъ вамъ: не будьте руководимы развращенностью другихъ и не потеряйте того, кто истинно васъ любитъ. Эти горькія мысли ужасно какъ мучаютъ меня: дайте мнѣ возможность

снѣдѣйше заняться какою-нибудь достойнымъ дѣломъ для васъ, и я буду умру самымъ радостнымъ человекомъ и вѣчно вамъ обязаннымъ. Но дай Богъ, чтобъ вы наконецъ стали думать обо мнѣ хорошо, согласно съ моею вытекающею мыслью: тогда бы я устроилъ свою душу и сталъ служить вамъ съ радостью въ надеждѣ на будущую награду. Прощу по справедливости, чтобъ эта доброта не произвела зла; и, омакожь, меня преслѣдуетъ такая жестокая судьба, что я долженъ молиться о тебѣ благодати, которую получаетъ каждый человекъ не прося ея. Боюсь, что мнѣ будетъ слишкомъ-непріятно читать эти письма, и потому молю Бога со всею истодолжною преданностью о долгой и счастливой для васъ жизни. Благодарю васъ Богъ навсегда. Вашъ отчаяннѣйшій и неслучайный рабъ

Чарльсъ Хаттонъ.

Скоро послѣ этого злополучія онъ немного, а вскорѣ потомъ солнце и прекрасная погода опять воротались: сэръ Хаттонъ сдѣлался опять счастливымъ. Кто ни изъ чѣмъ не обвинялъ его больше. Представивъ образецъ плача и представивъ образецъ лживаго анимрамба. Всѣ эти письма уже потому интересны, что вывѣче такъ нишутъ. *Tempora mutantur, et mutamur in illis!* Послушаемъ сэра Хаттона; онъ только-что получилъ письмо королевы Елизаветы:

«Еслибы я могъ выразить свои чувства послѣ вашихъ милостивыхъ писемъ, произвелъ на васъ странное дѣйствіе. Такъ, я смачиваю ихъ слезами счастья. Вспоминя ихъ, нахожу въ болѣе чѣмъ ей такое подирѣвленіе, что мнѣ Богъ это знаетъ, благодарить мнѣ не слѣдуетъ. Конечно, мнѣ лучше умереть, чѣмъ доставать себя и жизнь такимъ тяжелымъ страданіемъ. Два дня удалила меня отъ васъ, чѣмъ десять дней приближаетъ васъ, когда я буду возвращаться. Какой несчастнѣйшій человекъ и чѣмъ пѣлъ того, что я теперь терплю. Ни смерти, ни адъ, ни болѣзнь не смѣю вымудлять когда-нибудь отъ васъ, если еще разъ выслѣдъ на свое счастье станете быть вдаль отъ васъ»

ь. Дай Богъ мнѣ воротиться — и я не-
лю этотъ обѣтъ. Мнѣ нужно пережить
время. Чѣмъ больше усиливается во-
нужность видѣть васъ, тѣмъ даль-
е уѣзжаю. Стыжъ гонить меня все даль-
е. Пусть стыжъ падетъ на тѣхъ, кто мнѣ
нотетъ советъ. Жизнь (какъ вы припом-
е) самшжомъ-длинна, когда она тянет-
тяжело. Это справедливо. Вѣрите то-
кто сказалъ это. Чрезвычайнаго вни-
ия заслуживаетъ великая мудрость ва-
къ писемъ и советъ вамъ быть за-
одоумъ; но послѣднее слово достойно
мнѣ. Истина, истина, истина... Да
мнѣ оно вѣчно въ васъ! Я всегда буду
заслуживать. Мой умъ и душа (я это
ствую) согласны съ моею тѣлою и
мнѣю, что служить вамъ — небесное на-
казаніе; но чувствовать, что васъ вѣтъ,
для насъ больше, чѣмъ мука адская
дне мое несомненно горести. Простите
и самого Бога) мое скучное писанье. Оно
то уменьшаетъ (на время) мою горестъ.
мою грѣхъ этого письма слезами ва-
къ бѣдныхъ вѣкъ (*) и тогда запечатаю
«Слава Богъ мнѣ дала быть съ вами
ко единъ часъ! Умъ мой задавленъ
длинн. Мнѣ кажется, я начинаю шутать.
Простите мнѣ это, моя дорогая, лю-
ма гесударыня. Страсть душитъ меня.
я могу больше писать. Любите меня,
му-что я люблю васъ. Умоляю тебя,
е, свидѣтельствуй за твоего бѣднаго
и Живите вѣчно: Говорить ли мнѣ это
квоненное слово — прощайте? да, про-
сто десять тысячъ разъ. Это говорить
и, который васъ всего больше любить.
держиваю васъ слишкомъ-долго. Еще
и прошу простить нева. Итакъ, ска-
и нештамъ бѣднымъ вѣкамъ прощайте.
и днѣ. На всегда преданный вамъ
и

«Ч. Хаттонъ.»

Въ книгѣ, изданной г. Гаррисомъ,
въ видъ одного письма самой королевы
Елизаветы, но характеръ ея и вся она
присно обрисовываются въ пись-
мѣ къ Хаттону сэра Томаса Хиндъ-
который былъ пріятелемъ сэра

Кристофа и игралъ роль посредника
всякій разъ, когда между Елизаветой
и сэромъ Хаттономъ наступала разла-
дница, а это случалось довольно-часто,
потому-что у королевы Елизаветы
былъ вкусъ, отличавшій много въ
родную красоту окружавшихъ ее
кавалеровъ, и сэру Хаттону часто
приходилось болѣться за свой вѣсъ
при дворѣ. Въ подобныхъ случаяхъ,
сэръ Томасъ Хиндъжъ, какъ тонкій
дипломатъ, не смѣлъ называть вещь
по имени, а скрывалъ все опасное
подъ аллегорическими названіями. Та-
кимъ образомъ, когда американецъ
Хаттона, въ 1882 году, сдѣлался фран-
красный Вальтеръ Ралей, и Хаттонъ,
чтобы напомнить о себѣ королеви, по-
слалъ ей рѣзные подарки и письмо,
сэръ Хиндъжъ, исполнивъ его поруче-
ніе, кончившееся благополучно, ве-
часъ же посылаетъ ему письмо, гдѣ
Ралей всадъ названъ «водою» (*).

Вотъ это письмо:

«Сэръ, зная мою любовь къ вамъ,
вы совершенно могли быть увѣрены, что
я постараюсь сдѣлать для васъ все, что
только можно и какъ могу лучше. Я полу-
чилъ ваше письмо съ подарками для ея
величества около десяти часовъ утра и
тотчасъ же снесъ все къ ея величеству
именно тогда, когда она собиралась ѣхать
на оленью охоту въ большой паркъ: я
торопился вручить ей вашу посылку, зная,
что «вода» будетъ тотчасъ тутъ, лишь-
только она выйдетъ изъ гостиной. Она
тотчасъ же взяла письмо, которое вы на-
писали, и сказала улыбаясь, что никто
да не бывало еще такого письма. По-
томъ она хотѣла потянуть себя въ водку,
сы вашу булавку, но булавка не входила,
почему она и подала мнѣ ее назадъ
съ письмомъ, которое потомъ взяла у
меня уже въ паркѣ; прочитавъ его, она
покраснѣла и сказала мнѣ много, много...
все дѣло было въ томъ, что она не знала,
какъ ей принять ваше письмо, бытъ ли
довольной, или разсердиться; подѣ кончить

Королева Елизавета называла сэра
ума *hds* или *hyddes*; полагаютъ, что
разумѣла этимъ *cyclids*, т. е. вѣки;
гдѣ-бытъ, у сэра Хаттона въ насъ была
иная красота.

(*) Полагаютъ, что это произошло отъ
произношенія имени *Walter* какъ *water*,
что значитъ вода.

разговора, она, взглянув все, остановилась на томъ, что вѣрить вѣрности и силѣ вашей любви, и что никогда не подаетъ вамъ повода сомнѣваться въ ея милости.... Въ знакъ же того, что вамъ нечего бояться, она посылаетъ вамъ бѣлаго голубка, птицу обѣтованія, подобно радугѣ, общающую завѣтъ новый и что «вода» не сдѣлаетъ никакого потопа. Потомъ, она поручила мнѣ сказать вамъ, что вы должны помнить, что она пастырь, и потому можете размыслить, какъ ей дороги ея овцы.

Серъ Гаррисъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что характеръ Хаттона вѣрно представленъ Кемпбеллемъ въ его «Биографіяхъ Англійскихъ Канцлеровъ»: онъ совсѣмъ не былъ пустымъ, безполезнымъ придворнымъ; ужъ и того довольно, что онъ умѣлъ благороднымъ образомъ пользоваться своимъ положеніемъ, уничтожая многія преслѣдованія и покровительствуя многимъ, нуждавшимся въ немъ; но, кромѣ хорошихъ качествъ сердца, у него и голова была недурно устроена: онъ принималъ и дѣятельное и дѣльное участіе въ государственныхъ дѣлахъ своего времени, такъ-что совѣты его были уважаемы въ-самомъ-дѣлѣ Лейстеромъ, Борглеемъ, Уальшингамомъ и другими министрами.

LUCREZIA or the Children of Night, by the author of Rienzi (Дукреція, или Дети Ночи, соч. автора «Риензи».)

Серъ Эдуардъ Литтонъ Больверъ на своемъ литературномъ вѣку, какъ истый поэтъ, нѣсколько разъ отказывался писать, торжественно обѣщалъ больше не писать ни слова,—и все-таки черезъ нѣсколько времени снова писалъ. Великій разъ онъ принимался за что-нибудь новенькое, и однакожь ничто ему не удавалось особенно. Англичане въ всѣхъ силъ анализировали его, слышали, сравнивали, доказывали, восхищались, наконецъ окрестили его именемъ электина и стали къ нему гораздо-хладнокровнѣе: вѣдь слово «эк-

лектикъ» означаетъ челоѣка, неспособнаго ни къ чему въ-самомъ-дѣлѣ коршему и дѣльному. Больверъ писалъ и драмы, и поэмы, и романы въ бесчисленныхъ родахъ, съ бесчисленными направленіями: романъ сантиментальный, историческій, мистическій, романъ изъ древней исторіи (это и называется историческимъ романомъ, потому-что подъ историческимъ романомъ обыкновенно разуміютъ романъ изъ исторіи средней или новой), романъ феешенбильный или *highlife*; потомъ очерки, критики, путешествія и т. д. Особенной симпатіи у него были къ которому роду придуманныхъ произведеній; за то столько и хладнокровны, какъ и онъ самъ, остаются къ нимъ читатели. Въ одномъ хотвореніи, обращаясь къ женѣ своей, онъ называетъ себя «геніальнымъ токударымъ ребенкомъ». Что онъ обдаетъ золотистыми кудрями, тому вѣрили, но во всемъ прочемъ онъ остался убѣжденъ.

Послѣднее произведеніе его было *Послѣдній Баронъ*, и послѣ того Больверъ молчалъ года съ три; варту, въ концѣ прошлаго года, явился онъ сцену съ новымъ произведеніемъ, и съ такимъ, въ которое хороки попали все англійскіе журналы и критики и жарко преслѣдовали его. Дело въ томъ, что онъ называлъ романомъ мелодраматическимъ, который не уступитъ ни «Запискамъ Дювола» Сульб, ни всякому другому изъ кровавыхъ и разстрелянныхъ, и теперь забываемыхъ или забытыхъ французскихъ романовъ послѣднихъ пятнадцатилѣтій. Къ этому мы прибавимъ еще, что въ натурѣ Больвера совсѣмъ не лежитъ способъ захватить вниманіе читателя, сдѣлать нмъ; съ своими разныма да тонкостями описаній онъ не можетъ напомнить, и наконецъ сильно выдѣлеть. Какая разница какой-нибудь французскій, блестящій, горячій романистикъ, который съ такою страстью принимается за свою нить невѣроятностей и ужасовъ, и иной разъ такъ

отронется до правды! Уже лучше увеличиванія Француза, чѣмъ отчаянная воляность и безжизненность, бояя той, какую встрѣчаешь на пути миссъ, соотечественницъ Боль-

въ нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ романовъ Бальзака выразился въ элементъ, за который въ своей жизни и цѣнили и любили его — это его рода кротость, женственность, слабая цѣлая картина сельской природы, проникнутая кротостью, тихимъ спокойствіемъ. Въ нынѣшнемъ романѣ было бы бесполезно и скучно чего-нибудь подобнаго: весь романъ — непрерывный шумъ, крикъ, отчаяніе, ядъ и т. д. Уже одно мысленное названіе: «дѣти ночи» то косится и говоритъ, что въ романѣ что-нибудь да не такъ.

Главные дѣтей ночи въ романѣ двое: Ріаль Варней и Лукреція; есть нѣсколько дѣтей ночи, но то лица второстепенныхъ плановъ. Варней, олицетвореніе сенсуалистическаго преступленія, незаконный сынъ французской танцовщицы, гильотинированной въ его глазахъ (дѣло начиналось въ времена Террора) и гильотинированной потому, что она попала въ объятія прежняго своего любовника, когда, заставивъ сына своего присутствовать при смерти матери, потомъ заставляетъ его искусству быть всегда пылкимъ и холодно-жестокимъ. Когда маленькое дитя возрасло и было уже вѣрнымъ негодяемъ, ему приходится быть опекуномъ надъ Лукреціей, олицетвореніемъ интеллектуальнаго преступленія. У ней есть любовь; чтобъ ей можно было наслаждаться своею преступною любовью, почти покусается на жизнь своего отца; но все открывается, и дѣло прогоняетъ ее отъ себя, лишая ее наследства. Въ награду за ея интрижку, любовникъ похищаетъ ее, и въ отчаяніи, бросается въ объятія своего опекуна, уже знающаго его «демоническую» натуру, съ нимъ вѣсть жизнь Парижъ, гдѣ ей преподаются

уроки преступленія, убійства, и наконецъ, чтобъ спасти свою жизнь — потому-что опекуна уже и на ней вздумалъ попробовать дѣйствіе своихъ ядовъ — выдаетъ его на ищеніе владѣльцу, одного изъ которыхъ онъ продалъ. Здѣсь на нѣсколько времени занавѣсъ задерживается, и послѣ антракта въ нѣсколько лѣтъ, Лукреція снова появляется въ Англію, съ непремѣннымъ намѣреніемъ отомстить первому своему любовнику. Чтoby легче и безъ подозрѣнія можно было дѣйствовать, она притворяется, будто разбита параличомъ. Между-тѣмъ, надобно замѣтить, что отъ этой самой связи у ней былъ ребенокъ, который пропалъ, — разумѣется, для того, чтобъ произвести сцену поэффективнѣе подъ конецъ третьяго тома; ребенокъ этотъ изъ уличныхъ мальчишекъ взятъ въ домъ именно къ своему отцу, который его не знаетъ, но очень любитъ за его доброе сердце, скрывающееся подъ шаршавой оболочкой. Когда Фурія Лукреція, прежде чѣмъ отравитъ своего прежняго любовника, хочетъ напередъ побольше заставить его пострадать и своей рукой убиваетъ его невѣсту, невѣстный сыночекъ все видѣлъ, все знаетъ — онъ уличаетъ свою мать и, разумѣется, она, какъ Лукреція Борджіа, отравляетъ своего сына, который никакъ не умретъ раньше, чѣмъ въ мелодраматическомъ видѣ произойдетъ объясненіе, кто кому сынъ, кто кому мать, и третій томъ заканчивается сумасшествіемъ героини романа, «дочери ночи».

Вотъ портретъ этой героини:

«Лукреція была большаго роста, больше, чѣмъ позволяется женщинамъ; но въ ея ростѣ не было ничего ни грубаго, ни мужскаго; никогда болѣе-совершенная фигура не служила образцомъ скульптору. Ей пристала одежда того времени, которую мы считаемъ нынѣ неприличною. Высокій поясъ давалъ болѣе протяженія величественной линіи ногъ, между-тѣмъ какъ классическая тонкость платья обличала точную пропорцію и совершенство очертанія. Руки тогда были обнажены почти до плечъ, а руки Лукреціи были

столько же непогрѣшительны формой, сколько блестяши своимъ свѣтлымъ цвѣтомъ; стройная шея, падающія плечи, твердая, тонкая, круглѣющая талія равно очаровали бы и художника и сенсиуалиста. По счастью, нельзя было разглядѣть единственнаго недостатка ея формы: этотъ недостатокъ былъ въ ея рукѣ; у ней не было всегдашнихъ погрѣшностей женской молодости—излишней полноты, слишкомъ розоватой здоровости цвѣта; напротивъ, ручка у ней была маленькая и тоненькая; однакожь, это была скорѣе рука мужчины, чѣмъ женщины; на ней ясно обозначались нервы, вены сильно вздувались, суставы были рѣзки и выпуклы. Казалось, будто въ этой рукѣ пробилась желѣзная сила характера. Хорошо ли было лицо, или оно отталкивало? Странно, что въ чертахъ своихъ оно заключало высшій родъ красоты, и, однакожь, лучшій знатокъ женской красоты не могъ бы сразу сказать, что Лукреція хороша и т. д.

Какъ всегда, тутъ слѣдуетъ поясненіе, что у ней при всей красотѣ было что-то фатальное, демонское во взглядѣ, обладающее холодомъ, что-то зѣбное, и все въ такомъ порядкѣ, какъ ужь принято. По этому отрывку нельзя съ полнотою судить о манерѣ Больера въ этомъ романѣ, потому-что есть еще хуже мѣста, особливо, когда начинаются разговоры.

Ravensnest or the redskins, by J. F. Cooper (Равенснестъ, или Краснококсіе, соч. Дж. Фен. Купера).

Книга эта—полу-романъ, полу-сочиненіе дидактико-политическое; слѣдовательно, вездѣ, гдѣ послѣднее начало преобладаетъ, прощай романъ, прощай занимательность! Дѣло въ томъ, что въ 1837 году въ Сѣверной-Америкѣ было сильное политическое движеніе, грозившее бѣдами, но разрѣшившееся спокойно, безъ кровопролитія. Въ одно время, въ разныхъ сѣверныхъ американскихъ областяхъ вдругъ заговорили о томъ, что за чѣмъ де-скасть намъ быть рентистами (кортомниками) богатыхъ людей, аристократовъ; мы сами такіе же, какъ и они всѣ; не нужно господъ, быть всѣмъ господами!

Итакъ дѣло повелось о такихъ предметахъ, которые отзываются убійствомъ и страшной усобицей. Нашли митинги все буйнѣе и буйнѣе, и однакожь не произошло нигдѣ крови, не перемишился прежній порядокъ, все по-прежнему остались земледѣльцы землевладѣльцами, а рентисты рентистами, все по-прежнему востаніе платать свою ренту первымъ, и больше нѣтъ никакихъ непримиримыхъ столкновеній. Будь это не иначе, такой результатъ пришлось бы ипнть дорогою цѣною. — Куперъ издалъ своего романа это беззаконое время, къ несчастію, не съ художественною цѣлью, а съ поучительною, такъ что добрыя три четверти книги изволены всевозможными разсужденіями и доказательствами, въ видѣ дуэтовъ и терцетовъ дѣйствующихъ лицъ, противъ антирентазма. А между-тѣмъ, если судить по концепціи нѣкоторыхъ характеровъ, этотъ романъ могъ бы составить что-то въ-самомъ-дѣлѣ прекрасное—въ томъ родѣ, который принадлежитъ Куперу.

Обладатель большихъ поземельныхъ окрестности Нью-Йорка, молодой Хью-Роджеръ Литтльпадждъ провозглашалъ по Европѣ всѣхъ годы своей юности виѣстѣ съ пожилымъ холостякомъ, лядею своимъ, котораго тоже зовутъ Хью-Роджеръ Литтльпадждъ и котораго сокращенно всѣ привыкли звать дяди Ро. Очень можетъ быть, что путешественнѣ дяди и племянника никогда не было бы конца, и они оба никогда не захотѣли бы воротиться домой, потому-что, по мнѣнію племянника, старые народы гораздо-больше предпочитаютаютъ обольщеніи свободныхъ и образованныхъ людей, чѣмъ народы начинающіе; больше манять оставаться у нихъ, такъ-что неудивительно, если попутешествовавшій Американецъ предпочтетъ Европу своему уголку; страны, приближающіеся къ своему паденію, если только прежде онѣ стояли на вершинѣ просвѣщенія—лучшее жилище челоуѣку, особенно незанатому, чѣмъ страны, подвига-

дися впередъ. Вотъ почему Италия извлекаетъ гораздо-больше посѣтителей, чѣмъ Англія, хотя климатъ и считать здѣсь что-нибудь. Но вѣрно дляя съ племянникомъ погулять въ Парижѣ извѣстія, что дѣла ипають плохи становятся въ Америкѣ, и имъ самимъ нужно провѣстить своихъ владѣнійхъ. Въ-слѣдствіе о, они, переодѣвшись—однимъ странующимъ музыкантовъ съ Флей-другой пролавацомъ часовъ и раз-бѣздълушекъ, никогито, подоб-Лиссу и Телемаку, возвращаются въ свой какъ-разъ въ-время, чтобъ еодѣтыми присутствовать на большъ интингѣ, составленномъ изъ окружныхъ рентистовъ, которые сами тоже перерянулись чѣмъ-то ожимъ на Индійцевъ, надѣли на се-коленкоровыя рубашки и коленковыя маски съ прорѣзными дырами глазъ. Это оригинальное собраніе, назвае себя Индійцами, проивно въ-нѣсколько рѣчей, которыми на-зуютъ на Литтльпэджей, и въ числѣ чихъ обвиненій называютъ ихъ стократами за то, что они не мо-быть какъ всѣ люди, ѣсть оловяно-ложкой и вилокъ о двухъ зубцахъ, ѣтъ, имъ нужно серебряную ложку! не могутъ ножикомъ снести кусокъ ютъ, какъ всѣ порядочные люди,—ь, подавай имъ вилку, чтобъ дотро-ся до своихъ священныхъ губъ!—вращаясь домой съ этого собранія, миссъ и Телемакъ встрѣчаютъ толпу юмощахъ Индійцевъ, которые идутъ ѣстить столѣтняго Индійца Сосквеса, ужь Богъ-знаетъ сколько лѣтъ ущаго у Литтльпэджей. Между-ь, какъ Индійцы ведутъ свои дол-танущіяся рѣчи, въ Рэвенсвудѣ, ленція Литтльпэджей, рентисты больше-и-больше жалты на мисте-рое еще не понравилось въ Литтль-кѣ: «Что это такое? у него въ церкви свой балахивъ, это что значить? а важная птица, ему еще сидѣть въ балахивомъ; а *bas* балахивъ! • и гѣ новаго интинга на улицѣ, толь-

ко-что всѣ повыбрались изъ церкви, участь балахива рѣшена: его вытащили изъ церкви и приколотили надъ саннымъ хлѣвомъ, чтобъ хорошенько разбѣсить Литтльпэджа прежде, чѣмъ у него отнимуть всѣ его владѣнія. Но ничто не беретъ: онъ преспокойно отвѣчаетъ на все это, что напрасно они тревожились, потому-что онъ и самъ собирался вынести балахивъ вонъ изъ церкви, какъ вещь неприличную. Не удалось разсердиться и раздосадовать, что жъ дѣлать съ негоднымъ аристократомъ? Рѣшились сжечь его со всѣмъ домомъ и семействомъ: потомъ будетъ легче дѣлать имѣніе его; но у одного изъ рентистовъ есть сестра, миссъ Оппортьюнити—дѣвушка какая-то странная, своеправная, но привязанная къ мистеру Хью, — это одинъ изъ типовъ американскаго общества. Миссъ Оппортьюнити, дѣйствующая всегда эксцентрически, вопреки всѣмъ принятымъ обычаямъ, одна верхомъ прѣзжаеть ночью сказать мистеру Хью, что ему грозитъ почти неотвратимая опасность, — пожаръ. И въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ, все бы погнбло, не будь тутъ, какъ нарочно, спасителей—Индійцевъ. Анти-рентисты со стыдомъ проионяются, Индійцы удаляются, не уговоривъ стараго Индійца идти вмѣстѣ съ ними на далекіе и свободные ихъ луга, и мистеръ Хью *вмѣщается* съ миссъ Мерри Верренъ, дочерью пастора, очень милою и всегда красавящею дѣвицею, которая, впрочемъ, въ достопамятную пожарную ночь спасла жизнь жениху своему.

Что за жалкое содержаніе! нѣчего и рассказывать: такъ все бѣдно и скучно. И однакожъ, того ли можно было ожидать отъ Купера, зная его манеру? У него цѣльные три характера совѣтъ-готовые для романа: Индеецъ Сосквесуъ, бодрый старикъ, не смотря на свой столѣтній возрастъ, негръ Джаъ, который съ молодости своей живетъ вмѣстѣ съ нимъ невольникомъ у Литтльпэджей, и наконецъ миссъ Оппортьюнити Ньюкомъ.

Кажется, никому еще не приходило въ голову свести, заставить жить вмѣстѣ Американца съ Африканцемъ, заставить ихъ быть друзьями, дожившими до самой глубокой старости и неизмѣнившимися въ своихъ народныхъ характерахъ. Можетъ-быть, въ различіи ихъ характеровъ лежало основаніе ихъ притягательной силы одного для другаго; Джафъ—ворчливый, прямой до грубости, съ вѣчно-отрывистыми фразами, забывшій всѣ воспоминанія своей юности и своей родины, помнящій только поколѣніе своихъ господъ и какъ они изъ рода въ родъ любили его; ему никогда не привыкнуть къ мысли, что много времени прошло уже надъ его головою, хоть иногда онъ и начинаетъ говорить про свою старость; но всѣ добрые господа его у него всегда передъ глазами; онъ зоветъ мальчиками и дѣвочками тѣхъ, которыхъ уже давно нѣтъ; ему кажется, что вчера и третьяго-дня случилось то, послѣ чего прошло уже много лѣтъ; онъ дремлетъ, больше недействующая машина, въ которой всего осталось только два ощущенія: какая-то страстная привязанность къ своимъ господамъ и любовь къ своему Сосквезуу, котораго онъ ищетъ глазами послѣ всякаго своего слова, какъ-будто-бы въ немъ одномъ ему нужно одобреніе, какъ-будто онъ его высшій судья, и въ немъ одномъ вся его опора, его движущая сила.

Не таковъ Сосквезуу: въ молодости онъ былъ первый воинъ въ своемъ народѣ, первый вождь; какъ онъ ни старъ, онъ не потерялъ, однакожъ, своей мужественной красоты и всегда спокоенъ; когда онъ говоритъ, его рѣчь течетъ свѣтлой струей, въ которой всегда обнаруживается прекрасная истина нецивилизованнаго человѣка, выраженная со всею безыскусственною, природною живописностью.—какая-то патриархальная важность во всемъ, что онъ думаетъ, рѣзко противорѣчащая тому, что вокругъ него дѣлается; онъ какъ-будто указываетъ на то первоначальное, отъ чего

отклонились другіе. Какъ онъ просто рассказываетъ свою жизнь Индейца пришедшимъ просить его на послѣдніе дни своей жизни воротиться къ нимъ! Онъ полюбилъ женщину, оставшуюся въ добычу другому народу; онъ самъ былъ первый въ своемъ народѣ, могъ бы силою отнять тотъ народъ не запретилъ бы ему: такъ любили и уважали всѣ, но тогда нарушился законъ, и Сосквезуу не женъ бы былъ отъ всѣхъ скрывать лицо свое въ лѣсу; онъ раскрылъ себѣ душу и спросилъ себя: «но наши законы развѣ не принадлежатъ къ бималъ мною женщина сопернику моему? она его по закону, а что замѣтъ красныхъ людей сказали, то и мы живы дѣлать красные люди. Какъ воинъ долженъ терпѣть пытку и не просить себѣ времени, чтобы сходить еще разъ домой и помыться дружей, развѣ онъ не воротится къ свой срокъ? Развѣ я, Сосквезуу, первый вождь Онондаговъ, долженъ быть сильнѣе закона? Нѣтъ, этого не должно быть, этого не будетъ. Какъ же ее, Водная-Птица, она твоя. Будь съ ней добръ, потому-что она твоя какъ птичка, въ первый разъ когда она стала гнѣздо свое. А я пойду къ лѣсу, когда снова будетъ миръ въ душѣ Сосквезуса, Сосквезуу опять воротится. Братъ мой, покуда Сосквезуу не валь свое ружье, свой ротъ, свои шіе мокасины, надъ цѣлымъ домъ была такая тишина, какъ ходитъ съ темнотою. Люди что онъ идетъ, и никто не слышитъ ти за нимъ. Послѣ того, какъ было больше мира въ душѣ отъ тому-что онъ никогда больше не вращался. Проходили чередой за другомъ зима и лѣто, но Сосквезуу ничего не слышали о немъ отъ ноглицухъ. Во все это время, Водная-Птица жила въ своемъ вигамъ Уигуитъ, которая принесла ему тетей. Ушелъ вождь, но остался конь.—У Купера это характерный; онъ повторялся въ сказанномъ и потому-что Куперъ ошумѣлъ

ему особенную любовь, и потому что съ талантъ его состоитъ почти исключительно въ выпукломъ, художественно-прекрасномъ изображеніи ого характера. Надобно вспомнить только «Путеводителя въ Пустынь», въ съ наибольшую полноту и во емъ свѣтѣ нарисовался онъ, какъ чшая черта довольно-одностороння таланта Купера.

Къ - сожалѣнію, въ «Ревенштейнъ» и «Кафъ», и «Сосквесузъ» остались совершенно-неразвитыми, какъ и прекрасный характеръ миссъ Опортьюнити, который только схваченъ, да такъ и пошенъ нисколько не разработаннымъ въ расклеивающуюся связь романа. Миссъ Опортьюнити характеръ зльный, энергическій, со многими глухими прекрасными побужденіями, съ грубой корой, которую налопла на нее странная американская инципация женщины, и видѣтъ съ ымъ характеръ въ высшей степени обаящій и чувствующій. Остается сожалѣть, что остались совершенно неразвитыми тѣ сцены, когда она прѣзаетъ измѣнить дайнь своего брата, чтобъ спасти молодого Литльбэджа, котораго она любить, а еще больше тѣ сцены, когда она узнала, что братъ ея инченъ въ поджигательствѣ, что жестокая участь ожидаетъ его, и онъ связанъ этииъ ей. Любовь, гордость, позволяющая ей просить кого-нибудь, и молчаливое отчаяніе, — все въ ней соединилось, и это прекрасная сцена, слишкомъ-небрежно тротая, точно мимоходомъ, какъ и все, въ есть лучшаго въ этомъ романѣ, въ вниманіе главѣйше устремлено и доказательство законности и необходимости рентазма. Кто знаетъ, жеть-быть, въ Америкѣ этотъ романъ нуженъ для того, чтобъ помѣять и другимъ политическимъ дивеніямъ подобнаго рода.

Между-тѣмъ, мы все, нисколько неждающіеся въ доказательствахъ дяди о рентазмѣ *pro* и *contra*, лишились рошаго романа, потому-что даже изъ инципации трехъ означенныхъ кара-

теровъ съ прочими лицами, у Купера непременно вышелъ бы одинъ изъ лучшихъ его романовъ, который, можетъ-быть, тогда содержалъ бы въ себѣ одну изъ тѣхъ прекрасныхъ, простыхъ, патетическихкихъ сценъ, гдѣ является шонное торжество Купера; американская дѣвственная природа, американскіе дикари съ столь-человѣчественными образами, составили бы, какъ всегда, чудесный фонъ прекрасной картины.

Въ заключеніе почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о двухъ книгахъ, пользовавшихся въ Англии въ последнее время большою извѣстностью, и почти всеѣмъ неизвѣстныхъ на континентѣ, какъ Англичане называютъ Европу. Эти книги — два романа: *Сонтэвни Флемингъ, соч. д'Израэли* и *Тяе Нью Тимонъ (Новый Тимонъ), романъ съ стихами*, неизвѣстнаго автора. Такъ-какъ послѣдній романъ, взявшій себѣ предметомъ *the highlife* — лондонскую жизнь большого свѣта, преимущественно возбудилъ всеобщій интересъ, то начали отыскивать и придумывать, кто бы такой былъ авторъ: подозрѣніе падало и на Смита, и на лорда Хоудена, и на Больвера, и на д'Израэли. Если авторъ, скрывшій свое имя, и не въ-самомъ-дѣлѣ д'Израэли, по-крайней-мѣрѣ есть много общаго между направленіемъ и недостатками ихъ обоихъ. Въ предисловіи къ «Контэвни Флемингъ», д'Израэли говоритъ, что романъ его былъ изданъ въ 1831 году безъ имени автора, и никто сначала не обратилъ на него особеннаго вниманія, но что послѣ, мало-по-малу, романъ этотъ завоевалъ симпатію людей мыслящихъ и утонченныхъ, имѣлъ рѣдкое счастье быть страстно-любимъ людьми великими. Надобно замѣтить, что въ Англии объ эти книги нигдѣ не имѣли такого же успѣха и нигдѣ не могутъ понравиться, потому-что онѣ слишкомъ приходится по англійской мѣрѣ романовъ.

Никакъ нельзя считать *английскими* романовъ Вальтера Скотта: они далеко подвинулись надъ всѣми правилами и узкими ограниченностями какаго-нибудь національнаго вкуса; английскими романами должно считать сочиненія Фильдингговъ, Ричардсоновъ и т. д., и отъ этого вкуса ни английской публикѣ, ни английскимъ беллетристамъ, кажется, никогда не отдалаться, потому-что съ нимъ соединяется весь английскій способъ видѣть вещи, особливо же английское искусство. Англичанинъ не чувствуетъ никакой потребности въ красотѣ и истинности формы произведенія: ему совершенно-довольно, если посредствомъ такого или такого лица выговариваются болѣе или менѣе справедливыя замѣчанія о жизни; вся пластическая сторона искусства для него точно будто не существуетъ на свѣтѣ. Отъ-того всѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, *английскіе* романы состоятъ не изъ пластическихъ сценъ, а изъ рассказовъ объ этихъ сценахъ; сами разговоры дѣйствующихъ лицъ гораздо-хуже въ романѣ, чѣмъ если бы рассказать *про* этотъ разговоръ, *про* то, въ чемъ онъ состоялъ, или въ чемъ долженъ былъ состоять по намеренію автора; словомъ, въ английскихъ романахъ есть то, что можетъ представить вамъ наблюдательность человека по-умиѣ другихъ, но рѣшительно нѣтъ никакого таланта вылепить живаго человека, который и живетъ, и чувствуетъ, и движется предъ читателемъ, — нѣтъ таланта обратиться въ дышащую живую картину всѣ свои съ трудомъ и потомъ сгребаемые матеріалы. Къ этой художественной бездарности писателей *английскихъ* (изъ которыхъ Диккенсъ составляетъ блестящее исключеніе), присовокупляется необыкновенная сентиментальность къ природѣ. Известно что и вездѣ природу преслѣдуютъ несчастные обожатели, точно съ лавретными вѣтвями, и что когда кому пришлось худо, и онъ еще не въ извѣстныхъ почтенныхъ южныхъ дѣлахъ, — тотчасъ слѣ-

дуетъ обращеніе къ природѣ, среденіе ея спокойствія со злобыми беззаконными людьми, мысль о томъ, какъ блаженно жить въ тишинѣ на лоней, и многое другое. Вотъ это-то самое нецѣлительное и довольно-низкое обращеніе къ природѣ, являющееся и вѣрное поэтическое чувство, замѣтно во мнѣста въ романахъ английскихъ потому-что сентиментальность XVIII столѣтія далеко не вся прогнана и бѣлаго свѣта: этой драмой жизни еще много осталось въ ходу, и потому еще она приноситъ сладкія слезы тамъ, гдѣ нибудь въ темномъ углу. Какъ и близко английской очень-довольно и женія дѣйствія вмѣсто самогидѣствія рассказа про лица—вмѣсто вытупи и ярко-напечатлѣвающагося образныхъ, такъ точно довольно и сентиментальныхъ, резонерскихъ ображеній природѣ и тощихъ абрисовъ ея и художественныхъ, округленныхъ, и шпацихъ живыми красками изображеній ея.

Кромѣ общихъ недостатковъ английскихъ романовъ, въ «Контаривъ» мингъ, главный недостатокъ—нѣтъ сюжета. Д'Израэли взялъ себѣ жизнь поэта, развитіе поэтическаго характера. Вѣроятно, какакой-нибудь какое-то нецѣлительное чувство, притомъ за сочиненіе, гдѣ *разказано* поэтическихъ натуръ, въ-самомъ-дѣлѣ это одинъ изъ самыхъ негодныхъ, главное, безплодныхъ родовъ сентиментальной поэмы. Во всякомъ поэтѣ, или художникѣ, намъ главное не его талантъ, а то, что онъ сдѣлалъ, его произведенія. Жизнь его важна для всѣхъ степеней, какъ она связана сентиментальностью съ тою стороною искусства, которую былъ въ состояніи развить художникъ, потому-что талантъ художника нѣтъ энциклопедическимъ у каждаго строго-ограниченнаго искусства на искусства лежитъ въ его произведеніи, и только поэтому онъ не можетъ оставить произведенія выходящими красными. Кто собою не выражаетъ какой-нибудь особенной стороны, а только *моментальными* сторонами

ь все широкое и далекое поле творчества, тотъ вѣчно остается въ немъ голубомъ пространствѣ поности и только доказываетъ кажды шагомъ, что ступить, свою ограниченность. Между-тѣмъ, какая кому бность знать жизнь поэта, когда ь не стоять въ связи ни съ какими зведеніемъ, а объ этомъ произведемъ упоминается только вообще, кое-а его самого вѣтъ. Что за дѣло кому то ни было до какихъ-то темныхъ, тѣльных, неосуществляющихся вивавій къ чему-то, аккомпанируемыхъ какими-то всегда поторонниломѣхнами и преплатствами *бездушныхъ, своскорыстныхъ и злобныхъ* лю- Почему же этотъ человѣкъ художъ или поэтъ? Всякій въ правѣ оми, чтобъ, въ доказательство движек-какъ греческій мудрецъ, овъ всталъ шмель; между-тѣмъ ничего подоб-о вѣтъ, и все ограничивается рос-чями. Наоборотъ, въ высшей степе-ожеть для сочиненія—характеръ, бвий Орасу Жоржа Завда, потому-а дѣятельность этого характера ь нами налицо, его произведение ршается въ вашихъ глазахъ. Эта ельность — ощущеніе полу-по-ности своей, неполюты духовной уктурѣ, когда, точно съ подрѣзан-ми крыльями, помивутно падаетъ мовѣкъ, въ невозможности подаяться въ настоящей произвоательности, ь-будто уже извѣстной и вивъ въ бѣ осознанной. Кто художникъ, кто ьтъ, въ жизни того больше нѣ о чемъ говорить, какъ о воплощеніи, по-олинномъ выростаніи и укрѣпленіи жи-щей въ немъ творческой идеи; самъ отъ человѣкъ дѣлается односторон-имъ, глухимъ ко многому, потому-что е больше и больше развивающаяся клонность къ своему предмету погло-заетъ его органы для прочихъ сторонъ зви; надобно сожалѣть эту невозмож-жизни художниковъ, однакоже это ьтъ, и, кажется, еще долго не будетъ аче. Итакъ, поетовъ и художни-въ дѣйствительныхъ должно рши-ько вычерпнуть изъ числа сюже-

товъ, на развитіи которыхъ можетъ исключительно-основаться романъ. На-стоящій сюжетъ романа не исклю-ченіе, а все обыкновенное, — то, что вездѣ есть и дѣлается, что въ-очью со-вершается.

Для доказательства поэтичности сво-его героя, въ подобнаго рода сочине-ніяхъ, авторы заставляютъ его дѣлать разныя несладныя вещи: такъ и д'Израэли, чтобъ доказать, что его Кон-тарини въ-самомъ-дѣлѣ поэтъ, т. е. че-ловѣкъ не какъ всѣ люди, заставляютъ его въ юности еще бесѣловать наеди-нѣ съ природою, потомъ вѣсколько разъ бѣгать изъ дома, и наконецъ, ни съ того, ни съ сего сдѣлаться разбойни-комъ въ сообществѣ съ вѣсколькими товарищами. Все это чрезвычайно-вѣ-роятно въ наше время, но нужды вѣтъ! послѣ всего этого вѣрять (въ Англии), что Контарини натура высшая, и дѣло въ шляпѣ, лишъ бы только отъ време-ни до времени встрѣчались доволь-но - вѣрныя резовѣрскія размышле-нія. У Контарини есть отецъ-препат-ствователь, говорящій сыну о ли-чивѣ, которую нужно носить въ свѣ-тѣ, о томъ, что лучше не предавать-ся мечтамъ и стиховъ не писать, а пуститься въ службу; и такъ-какъ овъ самъ министръ, то предлага-етъ сыну быть у себя секретаремъ; но думавъ много, Контарини остава-етъ всякія прежнія мечтанія и преспо-койно довольно-долго занимается поли-тическими дѣлами даже цѣлою Евро-пы, все-таки не забывая иной разъ пускать въ ходъ кое-какія произведе-нія своей музы. Но вдругъ, прочитавъ какую-то очень-дѣльную критику, Кон-тарини чувствуетъ, что овъ ничтоженъ и глупо проводилъ до-сихъ поръ свою жизнь, въ-слѣдствіе чего новый побѣгъ изъ родительскаго дома, но побѣгъ по-слѣдній, потому-что покуда овъ посвя-щаетъ безчисленное множество стран-ницъ своей автобіографіи на водяни-стое описаніе своихъ скитаній по Ита-ліи, Греціи, Турціи, Сирии, Испаніи и т. д., въ которомъ встрѣчается мисти-ческая любовь, кончающаяся смертыю

любвиной Итальянки на островъ Кандидъ, — въ это время отецъ его умираетъ, оставляя большое богатство, и Контарини Флемингъ поселяется близъ Неаполя, въ виллѣ украшенной египетскими сфинксами и другими пріятностями жизни; навѣдавъ счастье и горести жизни, онъ теперь сидитъ на одномъ мѣстѣ и сочиняетъ великія творенія, бросая взоры воспоминанія на все свое прошедшее и на міръ, столько ему уже знакомый.

Въ этомъ весь романъ: кажется, вѣтъ ничего такого, за что бы можно было любить его; что же такое заставляетъ любить его въ Англии, между тѣмъ, какъ въ другихъ странахъ къ нему всѣ хладнокровны? Это вѣра, что человѣкъ такой, какимъ д'Израели наизревался изобразить Флеминга, дѣйствительно поэтъ, — не такой человѣкъ, какъ мы всѣ, стоящіе долу, а натура высшая, одаренная и способностями высшими, — не смотря на то, что Контарини ничего не дѣлаетъ въ продолженіе цѣлаго романа, а только все мечтаетъ, молчитъ или бесѣдуетъ съ природой; о прочихъ, дипломатическихъ занятіяхъ только упоминаютъ вскользь.

Новый Тимонъ распадается на двѣ составныя части: резонерскую и юмористическую; о самомъ романѣ всего меньше было заботы, и связующая нить точно такъ же, какъ въ Контарини Флемингъ, самая тоненькая, только бы ею держались лоскуточки. Разсказецъ этотъ подобенъ струйкѣ жиденькаго ручейка, бѣгущаго по лужайкѣ безъ всякаго великолѣпнаго грома и шума, — и все равно, спите вы, или мечтаете подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, онъ ничему не помышаетъ.

Новый Тимонъ — Морвель, полу-Англичанинъ, полу-Индіецъ, котораго общество оттолкнуло отъ себя за бронзовый цвѣтъ остиндійской кожи, за вѣсть его породы; слѣдовательно, человѣкъ этотъ сдѣлался мизантропомъ, Тимономъ, вѣчнымъ плаксомъ, а главное, — вѣчнымъ резонеромъ, который любить на свѣтѣ только свою сестру, реж-

денную отъ втораго брака его истеря и сдѣлавшуюся уже полною Европейскою, да еще молодую дѣвочку, котораю онъ нашелъ полу-мертвою на улицѣ, полнѣ своего дома. Между тѣмъ, какъ Морвель проводитъ сантиментальныя дни, все больше и больше любясь въ Люси, въ Лондонѣ возвращается лордъ Арденъ, человѣкъ похожій на Контарини Флеминга, но въ котораго къ характеру Байрона прибавилась еще характеръ Ловеласа. Онъ *на стихи* — *ко поэтъ, что не можетъ быть государственнымъ человекомъ; онъ до того честолюбивъ, что не можетъ испытать глубокую любовь*. Разумѣется, какъ двѣ природы высшія, Морвель и Арденъ почували и оцѣнили другъ друга тотчасъ же, и тотчасъ же сдѣлались друзьями. Слѣдовательно, за заключеніемъ дружественнаго союза слѣдуетъ расказъ лорда Ардена о его жизни: какъ онъ по настоящему былъ свѣтлымъ поэтъ, но какъ у него (подобно отцу Контарини Флеминга) былъ дядя государственный человѣкъ, который точно такъ же, какъ и въ томъ романѣ, говорить и доказываетъ ему, что лучше, чѣмъ быть поетомъ, сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Приятельно, что, по первому позыву, и Арденъ и Контарини смирно откладываютъ въ сторону лиру и принимаютъ тотчасъ же за политику, и въ этомъ оба совершенно идутъ равнымъ шагомъ, не смотря на ту разницу, что одинъ поэтъ, а другой только поэтическая натура. Видно, у обояхъ есть много симпатіи къ своему предмету, когда безъ всякаго затрудненія, по прочтенному вступленію, они принимаются за составную другую дѣятельность и будутъ переходить отъ одного дѣла къ другому столько же хладнокровно, какъ кабанъ набудъ саможника перешелъ бы изъ портыне, а потомъ въ шлюпочникъ, и т. д. Особенно нравятся при этомъ Англичанамъ отецъ или дядя — и ставникъ, искусившіеся въ опытѣ жизни и говорящій всегда: «когда я былъ молодъ, я самъ также начиналъ, но не видишь, при стихакѣ я не оставилъ

сдѣлался человѣкомъ государствен-
 нымъ, министромъ, — и тебѣ надоб-
 но быть тѣмъ же. Хорошо, что
 ты на свѣтѣ такіе наставники, по-
 му-что нельзя же всѣмъ быть поэ-
 ми и художниками; у каждаго
 своя обязанность, свое дѣло
 дяди-наставники прекрасно дѣ-
 ютъ, что направляютъ стопы упоен-
 ныхъ юношей отъ рифмоплетства къ
 му-нибудь больше-дѣльному и для
 ихъ полезнаму; но тогда и авторъ не
 жженъ воображать поэта или по-
 ческую натуру во всякомъ человѣ-
 кѣ, который смолода писалъ стихи и
 ображалъ себя въ небѣ посреди
 вѣдъ. Каждой вещи свое имя. Какъ
 то ты было, только лордъ Арденъ,
 своею выстекло натурою, вскорѣ по-
 ѣ переворота въ своей жизни, влюб-
 ется въ дочь бѣднаго пастора; все
 о дѣло извѣстное, — и пасторы и до-
 ри ихъ лица давно-очерченныя и во
 ихъ романахъ одни и тѣ же; слѣдо-
 гельно, о нихъ и говорить нечего.
 ирная дочка пастора позволяетъ
 себѣ жениться; а потомъ, не
 отира на свою любовь, все-таки по-
 ыемъ политическимъ видамъ Ар-
 ы уѣзжаетъ изъ Англіи; но когда
 ь возвращается, нѣтъ больше его
 рин: она скрылась, унеса съ собою
 ьскую дочку, плодъ любви ихъ.
 слѣдъ долгихъ поисковъ, наконецъ, от-
 ывается причина этого таинственна-
 бѣгства: услужливый другъ, Богъ-
 ьетъ съ чего, обманулъ и Марію и
 дена; ихъ бракъ былъ подложный,
 емъ они и сами не подозрѣвали, а
 томъ, когда Ардена больше не было
 Англіи, этотъ другъ объявилъ Ма-
 , что самъ Арденъ устроилъ весь
 ть обманъ. Вмѣсто того, чтобы
 ать свою несчастную жену, богатый
 поэтической лордъ въ продолже-
 шестнадцати лѣтъ продолжаетъ
 ьлаться всякій разъ оправдываетъ
 я тѣмъ, что, должно-быть, Марія
 но умерла. Разъ, когда онъ снова
 ьтъ влюбленъ и ужъ собрался женить-
 на новомъ предметѣ своей страсти,
 ходитъ письмо отъ услужливаго

T. L. — Отд. VII.

друга, навѣщающаго, что опять нашлась
 Марія; нечего дѣлать, надобно все бро-
 сить, и лордъ Арденъ появляется въ
 Лондонѣ; но нѣтъ Маріи, — опять она
 исчезла отъ всѣхъ поисковъ, а лордъ
 Арденъ поспѣлъ въ Лондонъ какъ-разъ
 къ тому, чтобы получить блестящій ти-
 тулъ и огромное наследство. На этомъ
 останавливается рассказъ его. Послѣ
 такого рассказа, въ мизантропѣ Мор-
 велѣ возникаетъ слѣдующая мысль:
 зачѣмъ и у него, какъ у лорда Ардена,
 нѣтъ величественной демонской власти
 дѣлать зло? зачѣмъ и онъ не Люци-
 феръ, подобно Ардену? Но скоро онъ
 забываетъ высоко-демонскія мечтанія
 и вполне предается любви къ своей
 Люси, во взаимности которой онъ
 убѣжденъ, забывая и Ардена и Ка-
 ланту, сестру свою.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, весь
 проведенный въ сентиментальности
 при лучахъ заходящаго солнца, Мор-
 велъ спрашиваетъ свою Люси, нѣтъ ли
 у ней чего-нибудь на память отъ ея от-
 ца, и Люси показываетъ ему медаль-
 онъ съ портретомъ, который, умирав-
 щая мать нашла ей на шею. Одного
 взгляда довольно было: Морвелъ узналъ
 Ардена; новымъ подтвержденіемъ по-
 служило еще письмо отъ несчастной
 Маріи къ великодушному Ардену. По
 въ то же мгновеніе раздается крикъ
 ужаса въ комнатѣ: Каланта увидѣла
 этотъ же портретъ; она узнала поки-
 нушаго ее жениха; послѣ, всѣхъ
 ея страданій, ударъ этотъ для нея
 сдѣлался невыносимъ, и она мертвая
 падаетъ къ ногамъ своего брата.
 Такимъ-образомъ, Арденъ отецъ мор-
 веловой невѣсты и падальчъ его се-
 стры! Онъ думаетъ поправить все дѣло
 тѣмъ, что, не смотря на индійское про-
 исхожденіе Морвела, хочетъ все-таки
 отдать ему свою дочь; но Морвелъ,
 схвативъ за руку Люси, торжественно
 произноситъ къ ней: «Спроси самое-
 себя, можетъ ли братъ Каланты безъ
 преступленія просить *ею* благословенія,
 взять себѣ женой *ею* дитя?..» Послѣ
 этого, Морвелъ пропадаетъ изъ Лондо-
 на, и о немъ больше ничего не слы-

1/5

хоть до-тѣхъ-поръ, пока съ размягчен-нымъ сердцемъ, внявъ дото-дъ-незнако-мому ему голосу христіанской любви, онъ отказывается отъ всякаго ищенія и, послѣ смерти Ардена, совокупляется законнымъ бракомъ съ Люси.

Весь романъ состоитъ изъ двухъ главныхъ сценъ: длиннаго рабска-ва Ардена и сцены открытій, и этого очень-довольно для на-тѣренія автора, потому-что цѣль его была не самъ ро-манъ, а возможность посредствомъ ро-мана выговорить англійскому свѣту устами мизантропа Морвеля раз-личныя возрѣнія и замѣчанія ав-тора о всемъ томъ, чѣмъ онъ недо-воленъ въ англійскомъ обществѣ. Са-мого же романа никакого нѣтъ, и въ

этомъ неизвѣстный авторъ совершенно остался вѣренъ англійскимъ предані-ямъ. Другая сторона этого сочиненія не меньше удовлетворяющая вкусу потребности англійской публики, — сатирическіе очерки, картинная галерея всѣхъ лондонскихъ *zotities*, осо-бенно политическихъ. Этого чисто-мѣстный интересъ, меньше всего про-чаго можетъ интересовать въ романѣ, гдѣ всѣмъ мелкимъ отгѣлкамъ поли-тическихъ партій и всей внутренней жизни палатъ и камеръ нивогда не сойдется съ сюжетами, привалекъ-щими искусству, которые одни въ се-стояніи овладѣть воображеніемъ, чув-ствомъ и полнымъ интересомъ чуж-вѣка.

БИОГРАФІЯ.

СЕНАНКУРЪ.

авторъ «Оберманна».

Въ прошедшемъ (1846) году, скончался французскій писатель Сенанкуръ, богатѣйшій европейскую литературу Оберманномъ.

Это вполне-перечувствованное и глубоко-выстраданное произведение могло быть создано человѣкомъ, пережившимъ страшныя испытанія и терзанія души. Книга Сенанкура болѣе нежели трагедія, это—онъ самъ.

Сенанкуръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, жизнь которыхъ живообразна вѣдшими фактами. Вся деятельность души его сосредоточилась въ этомъ созданіи; при появленіи своемъ въ свѣтъ, оно прошло немѣлкимъ, да и въ-послѣдствіи было оценено только немногими избранниками, для которыхъ, впрочемъ, Сенанкуръ и издавалъ свою книгу.

Всеобщее вниманіе къ этому произведенію было возбуждено прекрасными страницами, написанными Жоржемъ Зандомъ въ ея предисловіи къ Оберманну:

«Повѣствованія о войнахъ, различныхъ приключеніяхъ и страстяхъ человѣческихъ» говоритъ Жоржъ Зандъ: «въ времена обращали на себя преимущественно вниманіе большинства, и эпическая сторона всякой литературы еще и въ настоящую минуту считается наиболѣе-народною, но къ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что для душъ глубокихъ и мечтательныхъ, для умовъ тонкихъ и проливныхъ всего важнѣе и всего драгѣйше тѣ поэмы, которыя развиваютъ предъ нами внутреннія страданія или человѣческой, чуждыя блеска разнообразія вѣдшихъ происшествій. Эти произведенія, строгія и рѣдкія, быть-можетъ, гораздо-важнѣе, нежели...»

Т. I. — Отд. VIII.

желе факты самой исторіи, для психологическаго изученія, въ постепенномъ движеніи вѣковъ; ибо такого рода произведенія, объясняя намъ духовное и нравственное состояніе народовъ въ различные періоды цивилизаціи, даютъ ключъ къ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя еще загадки для ученыхъ нашего времени.

И между-тѣмъ, эти творенія, съ которыхъ ревностно стираютъ пыль просвѣтленныя и зрѣлыя поколѣнія временъ послѣдующихъ, эти таинственныя и строгія исповѣди величія и ничтожества природы человѣческой, часто рожденныя въ сумракѣ кельи или въ тишинѣ полей,—эти творенія проходятъ незамѣченными межъ современными имъ произведеніями. Такова была и участь Оберманна.

По нашему мнѣнію, самое высокое и самое прочное достоинство этой книги заключается въ психологической дѣлности, — и съ этой-то точки главнѣйше должна она быть разбираема и разсматриваема.

Хотя нравственное страданіе можетъ быть подраздѣлено на безчисленные роды страданій, хотя горькія волны этого неистощимаго источника разливаются на множество каналовъ, охватывая и потопляя дѣло человечество, однако есть между ними главнѣйшіе роды, отъ которыхъ болѣе или менѣе непосредственно происходятъ всѣ прочія скорби: 1) страсть, задержанная въ своемъ развитіи, т. е. борьба человѣка съ вѣдшими обстоятельствами; 2) сознаніе высшихъ духовныхъ силъ при недостаткѣ воли осуществить ихъ; 3) горькое сознаніе въ своемъ безсиліи и неспособности къ дѣлтельности, сознаніе ясное, очевидное, неопровержимое и постоянно присущее. Эти три рода страданій могутъ быть объяснены и вкратцѣ выражены тремя именами: Вертеръ, Ренѣ, Оберманнъ.

Перваго рода страданія относятся къ практической дѣлтельности души, и, слѣдовательно, входятъ въ разрядъ простыхъ романовъ. Они происходятъ

ють отъ любви, и какъ зло, могли сдѣлаться предметомъ наблюденія еще въ первые вѣка исторіи человѣчества. Гибель Ахиллеса при уtratѣ Бривенды, и самоубійство германскаго энтузіаста одинаково объясняются напряженіемъ страстей, сдержанныхъ, раздраженныхъ или оскорбленныхъ въ своемъ порывѣ. Различіе между геними греческимъ и германскимъ, и между двумя цивилизациями, отдѣленными другъ отъ друга такимъ бездѣрнымъ разстояніемъ вѣковъ, ни мало не препятствуетъ психологической родственности обѣихъ этихъ данныхъ. Величавыя страданія, трагическія несчастія должны были возбудить всеобщее сочувствіе гораздо-равнѣе, нежели два другіе рода страданій, замѣченные и указанные уже въ послѣдствіи, ибо они могли родиться только въ позднѣйшей цивилизаціи.

• Если говорить сначала объ этихъ двухъ тайныхъ и вслушающихся болячкахъ, надо назвать Ренѣ — этотъ типъ страдальческой мечтательности, лишешный, впрочемъ, нѣкотораго удовольствія; ибо къ его мученію, происходящему отъ бездѣйствія на общественномъ поприщѣ, прилѣпывается гордое и скрытое чувство презрѣнія. Это-то чувство презрѣнія возвышаетъ его надъ всѣми людьми, надъ всѣми обстоятельствами, среди которыхъ гибнетъ онъ — одинокій и гордый.

• Рядомъ съ этою личностью, свѣтлою и мрачною въ одно и то же время, является другая личность, величественная въ своей слабости, прекрасная въ своихъ недостаткахъ: мы говоримъ объ Оберманнѣ. По ихъ глубоко-мрачной наружности, можно бы подумать, что Оберманнъ и Ренѣ, послушные одному и тому же голосу, оба сокроются въ уединеніи для того, чтобы тамъ сосредоточиться въ самихъ-себѣ и вести жизнь пустынночскую. Но не такъ будетъ на дѣлѣ. Судьбы ихъ такъ же различны, какъ и ихъ индивидуальности. Ренѣ — это человѣкъ безъ воли; Оберманнъ — человѣкъ, достигшій возможной нравственной высоты безъ ге-

нія, натура раздражительная, погруженная въ аскетизмъ отъ горячаго сознанія собственнаго бессилія и неспособности къ дѣятельности. Ренѣ говоритъ: «Еслибъ у меня была воля, могъ бы дѣйствовать»; Оберманнъ говоритъ: «Къ чему мнѣ воля! я не могу дѣйствовать».

• Видя Ренѣ грустнаго, но прекраснаго, убитаго духомъ, но еще столь богушаго, удивленная толпа должна была остановиться вѣдъ нинъ съ уваженіемъ. Его слабость, выходящая изъ себя что-то возвышенное; его добровольная безпечность, его пресыщеніе болѣе притворное, нежели чувственное, его краснорѣчивое и блистательное страданіе, страданіе гениа, который бьется въ своихъ неленкахъ, силѣхъ разорванныхъ, — все это должно было симпатизировать съ духомъ юнаго и тревожнаго поколѣнія, которое съ такою гордостью находило въ Ренѣ свои пороки и достоинства. Всѣ люди, обманувшіеся въ своемъ назначеніи, всѣ гениа-человѣски величаво выпринились при извлеченіи въ свѣтъ творенія Шатобриана, потому-что всѣ они мечтали нѣтъ собственнымъ свой образъ изъ этого эстетическомъ созданіи. Неопредѣленность, отчаяніе Ренѣ при самомъ вступленіи на поприще жизни, не могли также не казаться утѣнительными тѣмъ невозможнымъ судьбамъ людей, которые стояли уже на краю могилы.

• Страдая, но не исходя кровью отъ ранъ своихъ, Оберманнъ шель болѣе глухими путями къ нѣстанъ болѣе-плоднымъ. Странствіе его было не только продолжительно и, по-видимому, не такъ страшно; но Ренѣ вышелъ изъ своего изгнанія, а слѣдъ Оберманна былъ изглаженъ и потерянъ.

• Оберманна нельзя сравнивать съ такими типами страданія, какомъ Фестъ, Манфредъ, Чайльд-Гарольдъ, Конрадъ и Лара. Эти разнообразныя страданія порождаются, въ созданіи Гёте, отъ безграничнаго честолюбія разума, а въ созданіяхъ Байрона, отъ подобной же гордыни разума (Манфредъ), то отъ пресыщенія

та (Чайльд-Гарольдъ), отъ по-
жности дѣятельности практической
тращенія отъ общественной жизни
врадъ); то, наконецъ (Лара), отъ
рби раскаянїя въ великой душѣ,
орая могла на мгновеніе возвысьтъ
жду обрѣсти въ преступленїи вы-
ое развитіе своей силы, но кото-
о, почувствовавшись, спрашиваетъ се-
ве жалко ли обманулась она въ сво-
ожиданїяхъ?

Напротивъ, Оберманнъ,—это меч-
льность при отсутствїи силъ; это
рестанное порываніе къ чему-то
предѣленному. Подобная психо-
ическая данная не можетъ быть
шиваема ни съ какою другою. Это
даніе совершенно-особеннаго ро-
незакрывающее въ себѣ ничего
тищаго, довольно-трудное для на-
девія, но любопытное. Оно могло
в опознано только человѣ-
ь, въ которомъ огонь вдохновенїа
ерживался живымъ воспоминанї-
о его собственныхъ испытанїяхъ.
грустная, непрерывная пѣснь о
шь-себѣ, о своемъ незамѣчнномъ
чїи и о своей нескончаемой прав-
и. Это мужественная грудь съ
ыми руками; это душа аскетиче-
подтачиваемая червемъ сомнѣ-
которое обнаруживаетъ ея сла-
ь, а не силу и смѣлость. Это фило-
ь, которому не достало душевной
сдѣлаться праведникомъ. Вер-
— узникъ, которому суждено за-
утиться въ его темницѣ; Ренѣ—под-
ленный орелъ, который слова
тятся въ небо; Оберманнъ—безкры-
птица, которая тихо и печально
етъ на песчаныхъ берегахъ, *отку-*
плываютъ корабли, и куда возвра-
тся ихъ обломки.

Оберманна только одна чувстви-
ость въ дѣйствїи; его разумъ или
въ, или недостаточенъ. Если онъ
живаешь истину, онъ отыскива-
е путемъ ложнымъ, находитъ ее
удомъ, обладаетъ ею не вполне,
ь какой-то туманный покровъ.
ерпѣливый мечтатель, часто съ
анїемъ предающійся дѣтскимъ

восторгамъ; но сознанїе душевной бо-
лѣзни пробуждается снова, и мечтатель
проливаетъ слезы живой, глубокой,
трогательной скорби. Это спорщикъ
въ духѣ Вольтера, поэтическимъ чув-
ствомъ природы призываемый къ вы-
сокому элегическому спокойствію. И
если описательныя и лирическія кра-
соты его поэмы часто прерываются
философскими разсужденїями и свѣт-
ской иронїей, за то природная важ-
ность его характера, за то его по-
этическая натура внушаютъ ему но-
вые вдохновенные гимны. И ничто
не можетъ сравниться съ ихъ строгой
красотою, съ ихъ дикимъ величїемъ!

• Можетъ-быть, причтенїи Оберманна,
художникъ съ сожалѣнїемъ встрѣтитъ
иногда мысли, облеченныя въ образы
нѣсколько-принужденныя и неловкіе,
и идеи отвлеченныя—слѣдствїе от-
шельническаго труда; но за то съ
какимъ любопытствомъ будетъ раз-
сматривать психологъ эти недостатки
прекраснаго созданїа! Дѣло психолога
изучать, а не судить. Онъ утверждаетъ,
а не разсуждаетъ. Онъ обогащаетъ
свои наблюденїа новымъ, необычай-
нымъ явленїемъ. Ему необходимо сна-
чала узвать болѣзнь, а въ послѣдствїи
онъ ужъ отыщеть для нея лекарство.
И, можетъ-быть, наступитъ время,
когда человечество найдетъ лекарство
для своихъ духовныхъ страданїи; но
для этого необходимо, чтобъ оно тща-
тельно изучило ихъ и разобрало, какъ
оно изучило и разобрало свои страда-
нїа физическія.

• Независимо отъ этой всеобщей поль-
зы, книга Оберманна имѣетъ еще боль-
шое литературное достоинство по по-
ности и необыкновенности своего со-
держанїа. Эта простодушная грусть
человѣка, исповѣдывающаго слабость
своихъ душевныхъ силъ, это трог-
ательное и благородное сознанїе въ
собственной немощи, сознанїе, въ ко-
торомъ такъ много высокаго и самоот-
верженнаго, могли проявиться только
въ натурѣ высшей, только въ душѣ
выбранной. Но большинство читателей
обратилось къ лицамъ болѣе-привле-

кательнымъ и гордымъ: къ Фаусту, Вертеру, Ренé, Сев-Прé.

Таинственный, мечтательный, неопредѣленный, грустно-ироническій, робкій по нерѣшительности, — Оберманъ, можетъ-быть, имѣеть отдаленное родство съ Гамлетомъ, съ этимъ глубокимъ типомъ человѣческой слабости, который такъ полонъ въ своей неполнотѣ, такъ послѣдователенъ въ своей непоследовательности. Но другое время, другое общество, другія условія и обязанности дѣлаютъ Обермана лицомъ совершенно-исключительнымъ. Пристально, всмотрѣвъ въ его образъ, увѣришься, что онъ не имѣеть ни образа, ни копій. Въ немъ болѣе прекраснаго и истиннаго, чѣмъ блестящаго и обаятельнаго, болѣе мудраго и поучительнаго, чѣмъ привлекательнаго. Но это смѣлое изображеніе нетерпѣливой и вѣчно-сѣгующей слабости не могло быть оцѣнено большинствомъ умовъ въ эпоху, пожираемую честолюбиемъ и вѣщиною дѣятельностью. Оберманъ, почувствовавъ неспособность свою занять какую-нибудь роль въ этой пышной и блестящей драмѣ, уединился въ нѣдра природы и отъискивалъ въ Альпахъ дѣвственный уголокъ земли, къ которому не прикасалась рука человѣческая, для того, чтобъ тамъ изнывать въ страданіяхъ одинокому и незамѣченному.

Если отъ художественнаго произведенія требуется послѣдовательное развитіе мыслей и симметрия вѣтвиныхъ линий, то Оберманъ не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Глубина, обширность и значеніе этого произведенія предстанутъ вполнѣ тогда только, когда, при изученіи его, откроется, съ какимъ дивнымъ искусствомъ, подъ вліяніемъ роковаго и внутренняго единства, развивается въ немъ участь человѣка...

Говоря о Севанкурѣ, мы сочли не излишнимъ ознакомить читателей съ самыми письмами Обермана. Но прежде, нежели приступимъ къ изложенію ихъ, послушаемъ, что говорить

самъ авторъ въ предисловіи къ своему творенію.

«Въ этихъ письмахъ», говоритъ Севанкуръ: «читатель познакоится съ человѣкомъ чувствующимъ, а не дѣствующимъ. Это — записки очень важныя для постороннихъ, но они гутъ заинтересовать посвѣдующихъ. Многие увидятъ здѣсь съ удовольствіемъ то, что кто-нибудь изъ нихъ чувствовалъ: многіе чувствовали то и такъ пришлось, что однитъ это выказалъ, или попыталъ высказать. Но должно судить по всей его жизни, а по первымъ годамъ; по всѣмъ его намъ, а не по тому или другому нѣна-выдержку, или слишкомъ-слабо или, можетъ-быть, романтическому».

Подобныя письма безъ искусства безъ интриги должны быть худо приняты вѣ общества разсѣяннаго и наго, котораго членомъ природы сама написавшаго эти письма. Люди, составляющія это общество, по большаго части неизвѣстны; этотъ роль ника, оставляемаго человѣкомъ, добрымъ имъ, можетъ сдѣлаться неизвѣстенъ только путемъ, таинствъ, обнаруженія, съ ослѣпленіемъ наскучить многимъ очевидно-почтеннымъ образованнымъ и любезнымъ людямъ. Обязанность издателя предупредить только, что здѣсь нѣчего искать отъ ума или учености; что это не science, и, можетъ-быть, скажутъ: не новая книга!

У насъ много сочиненій, гдѣ въ человѣческой описанъ въ нѣсколькихъ строчкахъ. Еслибъ, однако, длинныя письма могли ознаменовать вполнѣ хоть съ однимъ человекомъ, они могли бы быть и велики. И надо очень-много, чтобъ выполнили даже и эту ограниченную цѣль. Но если они не заботятся о себѣ всего, что можно было бы дать отъ нихъ, они содержатъ не по-крайней-мѣрѣ нѣчто, а и много, вольно для нихъ извиненія.

Эти письма не романъ. Въ нихъ драматическаго движенія, притомъ выхъ и искусно-задуманнаго

тъ развѣянн.—вѣтъ ничего такого, что
вызываютъ интересомъ сочиненія; вѣтъ
ого прогрессивнаго ряда приключе-
н, неожиданныхъ случаевъ, этой пи-
и любовитства, магин многихъ хо-
шихъ книгъ и шарлатанства мно-
хъ другихъ.

• Здѣсь найдутъ описанія такіа, ко-
рыа дадутъ возможность лучше по-
ить природу и прояснить (что, мо-
етъ-быть, до-сихъ-поръ слишкомъ
ленегалось) отношенія человѣка
тому, что онъ называетъ *неодушеви-
мыми*.

• Здѣсь найдутъ страсти, но стра-
и человѣка, рожденнаго воспринять
и, что онѣ общаются, и вѣстѣ съ
имъ осужденнаго не имѣть никакой
расти.

• Здѣсь найдутъ любовь, но любовь,
еречуствованную такимъ образомъ,
оторый, можетъ-быть, еще не былъ
сказанъ.

• Найдутъ здѣсь длинноты: онѣ мо-
тъ быть въ природѣ; сердце рѣдко
мваетъ жато; оно не диалектикъ.
айдутъ здѣсь повторенія; но если что
орошо, почему же тщательно набѣгать
звращаться къ тому же предмету?
овторенія *Клариссы*, безпорядокъ (и
авный эгонизмъ) *Монтаня* всегда не
равились только людямъ холоднаго
а. Жанъ-Жакъ былъ часто длинно-
тъ. Писавшій эти письма, по-види-
ому, не боялся долготъ и уклоненій
ободнаго слога: онъ писалъ свою
ысль! Правда, Жанъ-Жакъ имѣлъ
аво быть нѣсколько-длинноватымъ;
то до него, если онъ пользовался тою
е вольностью, то просто потому-что
ходилъ ее удобно и естественно.

• Найдутъ здѣсь и противорѣчія, или,
крайней-мѣрѣ, то, что обыкновенно
ываетъ подъ этимъ именемъ. Но во-
юсть: почему было бы неприятво, въ
лѣ нерѣшенномъ, встрѣтить *за и*
отивъ, высказанныя однимъ и тѣмъ
е человѣкомъ? Такъ-какъ необходимо
ести ихъ за тѣмъ, чтобы понять,
вѣснть, рѣшить, выбрать, то не все
равно, будутъ ли они въ одной кни-
ѣ, или въ разныхъ книгахъ? Напро-

тивъ, будучи высказаны однимъ чело-
вѣкомъ, они высказываются съ силою
болѣе-равною, способомъ болѣе-анало-
гическимъ, и вы видите лучше, что
вамъ удобнѣе принять и что отвер-
гнуть. Наши страсти, наши желанія,
даже чувствованія наши и самыя мѣт-
нія измѣняются съ уроками, которые
даетъ намъ опытъ, съ случаями, пред-
ставляющимися для размышленія, съ
возрастомъ, со всѣмъ существомъ на-
шимъ. Тотъ, кто такъ поотмѣнно, все-
гда въ согласіи съ самимъ-собою,—об-
манываетъ васъ или самъ обманывает-
ся. Онъ слѣдуетъ системѣ; онъ играетъ
роль. Человѣкъ чистосердечный гово-
рить вамъ: я чувствовалъ такъ, я чув-
ствую иначе; вотъ мои матеріалы; по-
стройте изъ этого сами, что можете.

• Не холодному человѣку судить о
различіи человеческихъ чувствованій;
такъ-какъ онъ не знаетъ всего ихъ объ-
ема, то и не знаетъ ихъ подвижности.
Почему различные способы видѣть
были бы удивительнѣе въ разныхъ
возрастахъ одного и того же человѣка,
а иногда и въ одну и ту же минуту,
нежели въ разныхъ людяхъ? Человѣкъ
наблюдаетъ, ищетъ, и не рѣшаетъ.
Можно ли требовать отъ взвѣшивающа-
го, чтобы онъ разомъ прибралъ гирю,
которая установила бы равновѣсіе?
Безъ-сомнѣнія, все должно быть во
взаимномъ согласіи въ сочиненіи точ-
номъ и основанномъ на предметахъ по-
ложительныхъ; но можно ли требовать,
чтобы Монтанъ былъ истиненъ по-
добно Юму, а Сенека правдивъ, какъ
математикъ Безу? Я думаю даже, что
можно ожидать столько же и даже бо-
лѣе противорѣчій между различными
возрастами одного и того же человѣка,
нежели между многими просвѣщенны-
ми людьми одного возраста. Только че-
ловѣкъ, занимающійся всю жизнь од-
нѣми точными науками, не рискуетъ
быть удивленъ тѣмъ, что онъ напи-
салъ, будучи моложе.

• Эти письма такъ же неровны, такъ же
неправильны въ слогѣ, какъ и во всемъ
остальномъ. Одно только мнѣ нравится:
здѣсь нѣтъ преувеличенныхъ и избѣ-

тыхъ до пошлости выраженій. Эти выраженія или сами-по-себѣ неправильны, или слишкомъ-частое фальшивое употребленіе искажило ихъ первобытное значеніе и заставило забыть ихъ энергію.

Я ве имѣю ни малѣйшаго притязанія оправдывать слогъ этихъ писемъ. Я бы могъ сказать нѣчто о выраженіяхъ, которыя могутъ показаться смѣлыми, и которыхъ, однакожь, я не измѣнилъ; но что до неправильностей, я ничѣмъ не умѣю извинить ихъ. Знаю, что критикъ найдетъ многое заслуживающимъ порицанія: я и не думалъ обогатить публику сочиненіемъ обработаннымъ, но хотѣлъ дать прочесть нѣсколькимъ особамъ, разсѣяннымъ по Европѣ, набросанные свободно, безъ всякой системы, ощущенія, мнѣнія, сны человѣка, часто жившаго въ удивленіи, и который этими письмами велъ задумшевую бесѣду съ другомъ, а не писалъ ихъ для своего книгопродавца.

Издатель предполагалъ и будетъ предполагать себѣ всегда одну цѣль. Все, что будетъ выходить подъ его именемъ, будетъ стремиться къ одному, и тѣмъ же результатамъ; писатель, или только издатель, онъ никогда не уклонится отъ нравственной цѣли. Онъ не силится еще достигнуть до нея: сочиненіе важное, и могущее быть полезнымъ, истинное твореніе, которое можно только набросать слегка, а не окончить когда-нибудь, не должно быть ни поспѣшно обнародовано, ни слишкомъ-рано предпринято.

Вотъ письма Оберманна къ его другу:

Женева, 8 июля. Первый годъ.

Не прошло еще и трехъ недѣль съ тѣхъ-поръ, какъ я писалъ тебѣ изъ Ліона. Я не говорилъ тебѣ ни о какомъ новомъ планѣ, потому-что не имѣлъ его; а теперь я все бросилъ, и вотъ очутился на чужбинѣ.

Боюсь, что письмо мое не оставитъ тебя въ Шесселѣ (*), и что ты будешь не въ состояніи отвѣчать мнѣ такъ скоро, какъ я того желаю. Мнѣ необходимо знать, что ты думаешь, или что задумываешь, прочитай эти строки. Я даже и посовѣтовался съ тобою, хотя самъ желалъ бы воспользоваться твоимъ совѣтомъ въ такую рѣшительную минуту; еще и теперь не знаю, чѣмъ съчтеть свой рѣшительный поступокъ, который ниспровергъ весь прежній мой образъ жизни, поставилъ меня въ совершенно новое положеніе и повлекъ за собою послѣдствія, которыхъ я не предвидѣлъ и даже не предчувствовалъ.

Я долженъ сказать тебѣ еще болѣе. Правда, исполненіе было такъ неспѣшно, какъ и рѣшимость; но я писалъ тебѣ не потому-что не имѣлъ времени. Думаю, что еслибъ у меня было время, то я также оставилъ тебя въ невѣзѣстности. Я болѣе чѣмъ благоуразумія и чувствовалъ, что на этотъ разъ мнѣ не слѣдовало быть его своимъ руководителемъ. Недовѣрчивое и робкое благоуразуміе отъ которыхъ судьба поставила меня въ зависимость, погубило мои три года, и думаю, что она поведетъ меня всю жизнь. Мудрость идетъ къ намъ недоувѣрчивостью и отвагою: вѣдь надо слѣдовать за нею во всемъ, что она видитъ; но въ невѣзѣстности мы должны повиноваться одному инстинкту. Если онъ опаситъ благоуразумія, зато онъ творитъ дѣла болѣе великія: онъ губитъ насъ или спасаетъ; его отвага дѣлается иногда единственнымъ приближеніемъ къ истинѣ, ему одному можно возложить бѣдствія, причиненныя другими благоуразуміемъ.

Мнѣ оставалось выбирать между двумя: или навсегда остаться въ тяжкомъ игонѣ, или свергнуть его, что бы ни стало. Если ты согласишься со мною, напиши мнѣ объ этомъ.

(*). Имѣніе того, къ кому адресованы письма.

дѣрзали меня. Тебѣ хорошо извѣстно, кому жалко цѣлью хотѣли оковать ня. Хотѣли, чтобъ я занялся тѣмъ, го я не могъ хорошо выполнить, хо-ли, чтобъ я избралъ себѣ родъ жив-, правда, прибыльной, но совершен-противорѣчившій моимъ природ-нымъ склонностямъ. Могъ ли я лукаво гласиться и обмануть родственника? сть онъ лучше знаетъ, что я не могъ оветворить его желанія, и пусть изнать меня. Онъ, наконецъ, почув-ууетъ, что не всякое занятіе равно-годно для всякаго характера, что-всякое состояніе можетъ считаться-стнымъ, потому-что оно, безъ во-ства, приноситъ въ годъ тридцать-и сорокъ тысячъ дохода, и что, на-онецъ, я не могъ отказаться отъ пра-быть человѣкомъ для того, чтобъ-латься человѣкомъ дѣловымъ.

Откуда не стараюсь убѣждать те-, а только привожу на память фак-; суди самъ. Истинный другъ дол-нъ судить безъ излишней снисходи-льности; ты самъ сказалъ это.

Еслибъ ты былъ въ Лионѣ, я никакъ-рѣшился бы на такой шагъ, не по-ѣтовавшись съ тобою; тогда мнѣ на-бно было бы скрываться отъ тебя,-ду-тѣмъ, какъ теперь мнѣ надобно-то только молчать... Наконецъ, я-халъ, съ чѣмъ и поздравляю себя; но-) можетъ ручаться за отдаленныя-сѣдствія, умно или нѣтъ поступилъ-ь?

Я сказалъ тебѣ, почему не сдѣлалъ-го, чего отъ меня хотѣли; теперь-жонъ сказать тебѣ, почему не сдѣ-гъ ничего другаго. Размышляя о-тъ, должно ли мнѣ рѣшительно от-ваться отъ сдѣланнаго мнѣ предло-нія, я былъ приведенъ къ вопросу:-нъ же инымъ займусь я, и на чемъ-ановлюсь окончательно?

Надобно было выбрать, надобно бы-начать, можетъ-быть, на всю жизнь, что люди, неизмѣнныя въ себѣ ни-го другаго, называютъ званіемъ, мѣ-омъ. Я не находилъ для себя ни од-го мѣста, которое бы не было чуждо-ей природѣ или противно моему об-

разу мыслей. Я вопрошалъ существен-ное, и быстро обозрѣвалъ все меня-окужавшее; испытывалъ, чувствуютъ-ли люди подобно мнѣ, испытывалъ, со-гласуются ли вещи съ моими склонно-стями, и увидѣлъ, что нѣтъ согласія-ни между мною и обществомъ, ни ме-жду моими потребностями и всѣмъ-тѣмъ, что произведено обществомъ. Я-остановился въ ужасѣ, почувствовавъ, что готовился предать жизнь свою въ-жертву невыносимой тоскѣ, безконеч-ному разочарованію. Я пересмотрѣлъ-последовательно все, чего ищутъ лю-ди въ различныхъ своихъ занятіяхъ. Я хотѣлъ даже изукрасить чарами во-ображенія эти многообразныя пред-меты, которыми они питаютъ свои-страсти, и химерической конецъ, для-котораго они жертвуютъ годами своей-жизни. Я хотѣлъ, но не могъ. Зачѣмъ-свѣтъ не представляетъ очарованія-очамъ моимъ? Я незнаюмъ съ пресы-щеніемъ: повсюду нахожу только пу-стоту и пустоту.

Въ этотъ день, когда я впервые по-чувствовалъ окружающее меня ничто-жество, въ этотъ день, измѣнившій-жизнь мою, еслибъ въ моей власти бы-ло развернуть или навсегда закрыть-страницы судьбы моей,—о, съ какимъ-равнодушіемъ сбросилъ бы я пустой-рядъ этихъ столь долгихъ и безвозвра-тно текущихъ часовъ, въ которые чело-вѣкъ испытываетъ столько горестей, и ни одной истинной радости!.. Тебѣ-извѣстно мое несчастіе: я не могу быть-молодымъ; продолжительная тоска-первыхъ лѣтъ моихъ должно быть, была причиною, почему очарованіе-не существуетъ для меня. Цвѣтистая-наружность вещей не поражаетъ меня; ничѣмъ не ослѣпляются мои полуза-крытыя очи; слишкомъ-неподвижно-устремленные, они не бывають удив-лены ничѣмъ неожиданно.

Этотъ день душевнаго колебанія-былъ, по-крайней-мѣрѣ, днемъ про-свѣтлѣнія; онъ далъ мнѣ увидѣть во-мнѣ-самомъ ясно то, чего я не видалъ-прежде. Посреди сильнѣйшаго тоскли-ваго томленія, я впервые наслаждался

сознаніемъ моего существа. Преслѣдуемый даже до печальнаго убѣжища моей обычной апагии, вынуждаемый быть чѣмъ-нибудь, я былъ, наконецъ, самимъ собою, и посреди этихъ доселѣ невѣданныхъ волсенихъ обрѣлъ я энергію, сначала насильно вызванную и тяжкую, но полнота ея была для меня въ нѣкоторомъ родѣ успокоеніемъ, котораго я никогда еще не испытывалъ. Этимъ сладостнымъ и неожиданнымъ состояніемъ было порождено размышленіе, которое рѣшило судьбу мою. Я, казалось, прозрѣлъ въ причину того, что мы наблюдаемъ ежедневно, а именно, что положительныя различія въ судьбѣ не главныя причины человѣческаго счастья или несчастья.

Я говорилъ самъ-себѣ: настоящая жизнь человѣка въ немъ-самомъ, но то, что получаетъ онъ извнѣ, случайно и подчинено этой жизни... Все вышнее дѣйствуетъ на него гораздо-сообразнѣе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оно находитъ его, нежели сообразно съ своею собственною природою... Такимъ-образомъ, въ каждую отдѣльную минуту жизни, человѣку важнѣе всего быть тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ... Инакъ, будемъ сперва тѣмъ, чѣмъ мы должны быть; ставемъ на мѣсто, которое принадлежитъ нашей природѣ, потомъ предадимся теченію вещей, стараясь только всѣми силами остаться похожими на самихъ-себя. Такимъ-образомъ, мы можемъ достигнуть до счастливаго постоянства человѣка мудраго.

Покидаю всѣ отдаленныя и многообразныя заботы о будущемъ, которыя всегда такъ утомительны и часто такъ суетны; постараюсь только, однажды на всю жизнь, устроить себя. Знаю, какъ будетъ несовершенъ этотъ трудъ мой, и какъ много препятствій встрѣчу въ самыхъ обстоятельствахъ; но, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ.

Я счелъ необходимымъ перемѣнить все вышнее прежде, нежели начну перемѣнять самого-себя... Только посреди независимости и при безмолвіи

страстей человѣкъ можетъ изучать себя... Изберу себѣ убѣжище въ этихъ мирныхъ горахъ, владъ которыхъ еще въ дѣтствѣ поражала меня (*). Не знаю еще, гдѣ остановлюсь; напиши мнѣ в Лозанну.

Лозанна, 9 июля, 1.

По выходѣ изъ Женевы, я пустился въ путь одинъ, ничѣмъ-несвязанный, безъ опредѣленной цѣли, безъ нѣкаго проводника, кромѣ довольно-хорошей карты, которую ношу съ собою.

Я вступилъ въ жизнь независимую; буду жить въ единственной, не-жесть-быть, странѣ во всей Европѣ, отлячающейся и довольно-благоприятнымъ климатомъ, и дикими, природными красотами мѣстоположенія. Въ сердцѣ моемъ, укрѣпленномъ энергіею, воцарилось спокойствіе; впервые пользуясь вполне свободою, я исцѣлился наслажденіемъ простыхъ и вѣстѣ съ тѣмъ высокихъ со всею полнотою юнаго сердца, и съ полнотою чувствительныхъ и безцѣльныхъ плодовъ юныхъ долгахъ, грустныхъ дней. Я былъ счастливъ подлѣ чудныхъ небовъ Женевы, когда солнце, появившись надъ снѣговыми вершинами, озарило предъ мои очи эту дивную страну. Близъ высотъ Копета увидѣлъ я зарю, которая показала мнѣ не безполезно-прекрасною, какъ бывало прежде, но красоту восхитительной и могшей снова задержать покровомъ очарованія мои унылыя очи.

Ты не видалъ этой земли, которой Тавернье считалъ возможнымъ упоминать только одно мѣсто на Востоцѣ. Ты не можешь составить себѣ вѣрнаго о ней понятія; невозможно представить себѣ въ воображеніи безошибочно всѣхъ величественныхъ красотъ природы. Еслибъ я не чувствовалъ величіе и гармонию цѣлаго, еслибъ прозрачность воздуха не прибавляла

(* Въ окрестностяхъ Лиона, вершины Альпъ ясно рисуются на горизонтѣ.

ь тому еще выраженія, котораго не ередадутъ никакія слова, еслибъ я ылъ другинъ, то попыталъ бы изоблзнить предъ тобою эти снѣжныя и блитыя пламенемъ солнца горы, эти олны, затопленныя влажными тумамми, черныя уступы бѣрега Савойи, змы Вѣ и Малой-Юры, можетъ-ть слышкомъ-веселой наружности, надъ ними Грюйерскія и Ормонскія-льпы, — и обширныя воды Лемана, и лебаніе его волвъ, и его тишину. ыть-можетъ, мое душевное располоніе еще болѣе придало очарованія имъ мѣстамъ; быть-можетъ, никто оощуалъ при видѣ ихъ того, что я чувствовалъ.

... Я бы не осмѣлился утверждать, го человекъ, котораго сердце надозаво безпрерывными горестями, не олучаетъ отъ самыхъ своихъ бѣдствій особности къ удовольствіямъ, котоя невѣдомы счастливымъ и болѣзависимы и продолжительны, неже-ихъ удовольствія. Что до меня, я пыталъ въ эту минуту, въ которую ѣ не доставало только одного, — дру-сь, съ кѣмъ бы раздѣлить свои чув-ва, я испыталъ, какъ часть жизни ожетъ стѣить цѣлаго года существо-нія, сколь все относительно въ насъ виѣ насъ, и какъ наши несчастія про-ходить преимущественно отъ того, о мы бываемъ не на своемъ мѣстѣ. Большая дорога изъ Женевы въ Ло-нпу повсюду пріятна; она идетъ льнею частью по берегу озера. Я гановился уже у самой Лозанны, на рномъ склонѣ, откуда не видно было рода, и тамъ выжидалъ, какъ кон-тсся день...

Я находился подъ елямп Юры: веръ былъ прекрасный; въ лѣсахъ рствовало безмолвіе; воздухъ тихъ; гадъ туманецъ, но безоблаченъ. Все до неподвижно и озарено яркимъ ѣтомъ; я подыалъ глаза, долго впе-яныя въ разстилавшійся подо мною къ, и былъ пораженъ величествен-мъ оптическимъ обманомъ, который ялся долго при мечтательномъ па-оженіи моего духа. Съ мѣста, на ко-

торомъ сидѣлъ я, не видно было, какъ обрывистый горный склонъ терялся въ оверѣ; а противоположный берегъ стоялъ, какъ-бы въ воздухѣ, надъ на-клонною поверхностью озера... Савой-скія-Альпы мѣшались съ облекавшими ихъ туманами... Все это казалось мнѣ громадою грозныхъ тучъ, нависшихъ въ воздушномъ пространствѣ: земля была только подъ моиими ногами, а во-кругъ меня царствовала безпредѣль-ная пустота...

Эта минута была достойна перваго дня новой жизни: я мало испытывалъ подобныхъ...

Близъ Ліона я видѣлъ Мон-Бланъ; но время не было благопріятно; онъ былъ дурно освѣщенъ...

Юльми, 11 июля, I.

Не хочу патвднить Швейцарію, какъ путешественникъ, изъ любопыт-ства. Я хочу быть въ Швейцаріи по-тому-что, сколько мнѣ кажется, мнѣ не будетъ нравиться нигдѣ въ другомъ мѣстѣ...

И самъ не знаю еще, какую сторону наберу себѣ жилищемъ...

Я хотѣлъ переѣхать чрезъ Леманъ на савойскій берегъ. Однакожъ надобно было отложить это намѣреніе: весь день было пасмурно, озеро еще и теперь сильно волнуется. Буря прошла, ве-черъ прекрасный; окна мои выходятъ на озеро; бѣлая пѣна валовъ иногда долетаетъ до моей комнаты и ороша-етъ кровлю дома, въ которомъ живу я. Вѣтеръ дуетъ съ юго-запада, такъ-что именно въ этомъ мѣстѣ волны и силь-нѣе и выше. Увѣряю тебя, это дви-женіе и эти разитренныя звуки силь-но волнуютъ душу. Еслибъ я гото-вился выйдти изъ обыкновенной жи-зни, еслибъ готовился жить и чув-ствовалъ притомъ въ себѣ упадокъ душевныхъ силъ, то хотѣлъ бы по-стоять съ четверть часа предъ вол-нующимся озеромъ: не думаю, чтобъ что-нибудь показалось тогда мнѣ не-возможнымъ...

Изъ Тилл.

Я отправился въ Везъ чрезъ Муртэнъ и не думалъ оставаться здѣсь; но вчера, при пробужденіи, былъ пораженъ прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ, какое только можетъ произвести утренняя заря въ странѣ, отличающейся красотою болѣе веселою, нежели важною. Это обстоятельство привудило меня провести здѣсь нѣсколько дней.

Окно моей комнаты оставалось открыто всю ночь, по моему обыкновению. Часовъ около четырехъ, я былъ пробужденъ дневнымъ блескомъ и запахомъ сѣна, скошеннаго во время прохлады, при лунномъ свѣтѣ. Я ожидалъ, что мнѣ представится обыкновенный видъ; но обомлѣвъ, посмотрѣвъ на окрестность. Дожди эпохи солнцестоянія сохранили изобиліе воль, поднявшихся предъ тѣмъ отъ таянія снѣговъ Юры. Пространство между озеромъ и рѣкою Тиль было почти совершенно наводнено; изъ самыхъ возвышенныхъ частей почвы образовались изолированные пастбища, посреди этихъ водныхъ равнинъ, которыя бороздилъ свѣжій утренній вѣтеръ. Видны были волны озера, гонимыя вдалѣ вѣтромъ на полу-потопленный берегъ. Козы, коровы и ихъ вожатый, извлекавшій изъ рожка сельскіе звуки, шли въ это время по узкой полосѣ земли, не потопленной водою, межъ наводненною долиною и рѣкою Тиль. Камни, положенные въ мѣстахъ наиболѣе - трудныхъ, поддерживали или продолжали этотъ родъ естественной насыпи: нельзя было вовсе различить пастбища, къ которому тянулись эти покорныя животныя, и, смотря на ихъ медленную, неувѣренную поступь, можно было бы подумать, что они идутъ утонуть въ озерѣ. Высоты Авѣ и густой лѣсъ Жюльмонъ выходили изъ нѣдра воды, подобно острову еще дикому и необитаемому. Цѣпь горъ окаймляла озеро, на горизонтѣ. Къ югу пространство тянулось за холмы Монираль; и за всѣми этими предметами, шестьдесятъ лѣ вѣковыхъ льдовъ налагали на всю страну непод-

ражаемое величіе этихъ снѣговъ очертавіи природы, придававши нѣстамъ высокую торжественность.

Я обѣдалъ съ сборщиками дорожныхъ пошлинъ. Его приемы мнѣ понравились. Это человекъ болѣе запятый тѣмъ, какъ бы покурить, да попить, и у котораго нѣтъ и въ мысляхъ ни ненависти, ни замысловъ о будущемъ, ни печали. Мнѣ кажется, я довольно люблю въ другія мои привычки, къ которымъ самъ никогда не привыкну. Онѣ забавляютъ отъ скуки; онѣ наполняютъ часы безъ заботы со стороны человека наполнить ихъ; онѣ спасаютъ отъ многого худшаго, вмѣсто этого спокойствія счастья, котораго не увидать ни на чьемъ челѣ; налагаютъ по-крайней-мѣрѣ спокойствіе довольно разсѣяности, которую примиряетъ все и вредитъ только въ обрѣтеніямъ разума.

Вечеромъ я взялъ съ собою платье, чтобъ возвратиться домой ночью, не быть связанъ заботою возвратиться въ-время. Луна еще не всходила; прогуливался вдоль зеленыхъ холмовъ. Но чувствуя себя расположеннымъ промечтать долго, и находя, что такъ тепла, что ее можно провести въ открытомъ воздухѣ, я пошелъ на дорогу въ Сен-Блезъ. Своротилъ съ дороги у небольшого селенія, на югъ котораго разливается озеро, я спустился на крутого холма и сѣлъ на песокъ; ноги замирали у ногъ моихъ. Вода была тихая; на озерѣ ни одного звука. Все покоилось, кто въ озерѣ трудовъ, кто въ забвеніи горъ. Луна: я долго оставался на берегу. Поль-утро, она начала двигаться и землю и воды своимъ послѣднимъ отблескомъ, невыразимо-грознымъ. Величественна природа, когда вѣкъ, погружаясь въ глубокую тишину, внемлетъ ропоту волнъ въ неясномъ берегу, посреди тишины, еще ярко-озаряемой полуденною луною!

И въ эту незабвенную ночь я почувствовалъ, все испытать, все пережить и всю глубину своего

только может вѣстить сердце чело-
вѣческое: невыразимую чувствитель-
ность, очарованіе и отраву нашихъ
безполезныхъ годовъ; полное сознаніе
природы всюду грустной и всюду не-
проницаемой, всеобъемлющую страсть,
старческую мудрость, сладострастное
забвеніе. Я сдѣлалъ страстный шагъ
къ лѣтамъ старчества, я поглотилъ де-
сять лѣтъ моей жизни. О, счастлива
человѣкъ съ сердцемъ безхитростнымъ
и вѣчно-юнымъ!

Здѣсь, посреди тишины ночи, я во-
просилъ свою непонятную судьбу, свое
изволнованное сердце, и эту непости-
жимую природу, которая все вмѣща-
етъ въ себя, и при всемъ томъ не вмѣ-
щаетъ въ себя того, чего жаждетъ ду-
ша моя. Что же ты за существо? гово-
рилъ я самъ-себѣ. Какая жалкая смѣсь
любви всеобъемлющей и равнодушія
ко всѣмъ предметамъ положительной
жизни!..

Сен-Морисъ, 14 сентября. I.

Одно мгновеніе можетъ уничтожить
и твои планы... Я только-что воз-
ратился изъ своего продолжительнаго
странствія по горамъ. Ничего не буду
писать о немъ; есть вѣчто другое, о
чемъ должно сообщить тебѣ. Передъ
ѣзъ, какъ ложиться спать, я распе-
чаталъ поданное мнѣ письмо; рука бы-
ла не твоя: четко-написанныя слова:
очень-нужное» возбудили мое безпо-
койство.

Я думаю, ты уже догадываешься, въ
емъ дѣло. Сначала я хотѣлъ всѣмъ
ренебречь, чтобы только не возвра-
таться туда, откуда бѣжалъ; но послѣ
родолжительнаго недоумѣнія, я рѣ-
шился погубить нѣсколько времени,
чтобы упрочить свое спокойствіе на
удушее время.

Непостижимая необходимость обсто-
тельствъ! Я отправляюсь въ Лионъ,
ду въ Парижъ, это рѣшено... Про-
щай! Пожалѣемъ вѣстѣ о человѣкѣ,
который находитъ въ жизни такъ не-
ного, и у котораго судьба безжалос-
тно отнимаетъ и это немногое.

Наконецъ-то, по-крайней-мѣрѣ, мы
свидѣмся другъ съ другомъ въ Лионѣ.

Лионъ, 22 октября. I.

Я отправился въ Метервилъ на дру-
гой день послѣ твоего отъѣзда изъ Ли-
она и провелъ тамъ восемнадцать
дней...

Въ эти дни я былъ спокоенъ, и спо-
койнѣе не желалъ бы быть въ самые
лучшіе дни моей жизни. А между-
тѣмъ, люди, которымъ никогда не ис-
пытать подобнаго душевнаго мира,
посмѣются надъ средствомъ, доставив-
шимъ мнѣ это спокойствіе.

Въ-продолженіе цѣлыхъ двѣнадца-
ти дней, я съ необыкновеннымъ увле-
ченіемъ занимался собираніемъ вино-
града... и такимъ-образомъ провелъ
эти дни въ забвеніи, посредитумановъ,
межъ плодовъ, подъ прекраснымъ
осеннимъ солнцемъ. Вечеромъ мы со-
бирались къ чаю, смѣялись надъ людь-
ми, которые гоняются за удовольстві-
ями, гуляли и ложились спать, доволь-
ные днемъ своимъ... Въ груди моей
возникаютъ великіе общественные во-
просы. Это можетъ оживлять мою ду-
шу, но не наполняетъ ея; работа вино-
градара поддерживаетъ ее болѣе...

Парижъ, 20 іюля. Второй годъ.

Ничто не кончается: несчастныя дѣ-
ла, которыя меня здѣсь удерживаютъ,
ежедневно все больше и больше заты-
гиваются. Такимъ-образомъ, проживъ
въ Лионѣ повеловѣ слишкомъ полгода,
я осужденъ провести здѣсь, можетъ-
быть, еще больше времени.

Годъ протекаетъ быстро: вотъ и еще
одинъ вонъ изъ моего существованія.
Весну потерялъ я почти безъ ропота,
но лѣто въ Парижѣ! Я провожу часть
времени въ самомъ непріятномъ распо-
ложеніи духа, неравнучномъ съ такъ-
называемыми дѣлами; и когда хочу
провести остатокъ дня въ спокойствіи,
ищу у себя дома убѣжища отъ такой
продолжительной скуки, то нахожу
скуку еще несноснѣе. Я одиавъ здѣсь въ
безполюи посреди общаго шума, и од-

ному ниѣ нечего дѣлать въ этомъ хлопотливомъ свѣтѣ. Здѣсь ниѣ средины между безпокойствомъ и бездѣйствіемъ; надо скучать, если ниѣ ни дѣлать, ни страстей. Комната моя оглашается ежеминутно отголосками криковъ, стукомъ отъ работъ и всѣмъ шумомъ народа дѣятельнаго. Подъ новыя оконныя родъ площади, наполненной шарлатанами, фиглярами, разношниками и крикунами всевозможныхъ родовъ. Насупротивъ — высокая стѣна какого-то публичнаго зданія; солнце освѣщаетъ ее съ двухъ часовъ до самаго вечера; эта бѣлая масса совершенно слѣпитъ глаза при ясномъ небѣ, и потому самыя лучшія дни для меня обращаются въ истинное мученіе. Неутомимый разношникъ новостей громко возглагошаетъ названія своихъ журналовъ; его грубый и однообразный голосъ, кажется, еще болѣе усиливаетъ безпривѣтность этой площади, пожигаемой солнцемъ; и когда я слышу, что кака-нибудь прачка начнетъ расшѣвывать пѣсни у своего окна, подъ самую кровлю, — теряю терпѣніе и бѣгу со двора. Вотъ уже три дня какой-то нищій-калѣка, весь въ язвахъ, располагается на углу улицы совсѣмъ подлѣ меня, и битыхъ двѣнадцать часовъ жалобнымъ голосомъ проситъ милостыни. Я принужденъ цѣлый день не бывать дома, до-тѣхъ-поръ, пока онъ не перемѣнитъ мѣста. Но куда уходить? у меня здѣсь очень-мало знакомыхъ; и былъ бы необыкновенный случай, еслибъ изъ такого малаго числа людей нашелся хоть одинъ, кому бы я пришелся по праву; поэтому я не хожу ни къ кому. Что до публичныхъ гуляній, ихъ много въ Парижѣ, и прекрасныхъ, но ниѣтъ ни одного, гдѣ бы я могъ хоть съ полчаса оставаться безъ скуки.

Ничто такъ не утомляетъ насъ, какъ эта вѣчная медленность всего на свѣтѣ. Она удерживаетъ человѣка непрерывно въ состояніи ожиданія, и жизнь проходитъ прежде, нежели мы достигаемъ той точки, съ которой думали начать жить. На чтѣ, однакожъ, ниѣ жаловаться? Какъ мало людей, которые

не тратятъ жизни понапрасну! . . .
И намъ ли смѣть стѣнать о судьбѣ своей!

Парижск., 27 июля, 11.

Я часто провожу часа по два въ библиотеки — не для того, чтобы научиться чему-нибудь, — это желаніе мнѣ во ниѣ охлаждается, но потому-что не знаю, чѣмъ наполнить часы, которые, не смотря на то, текутъ невозвратно; ниѣ бываетъ не такъ грустно, когда я убиваю это время гдѣ-нибудь, а не у себя дома. Въ минуты унынія, мнѣ необходимо какое-нибудь опредѣлительное занятіе: при неограниченной свободѣ, я впадаю въ совершенное бездѣйствіе. Мнѣ гораздо-сложнѣе между людьми безмолвными, подобно мнѣ, нежели быть одному въ срединѣ шумной толпы. Я люблю эти длинныя залы, люди пуста, другіе наполненныя людьми, со вниманіемъ роющимися въ этомъ античномъ и холодномъ складѣ усилій и всѣхъ силъ человеческихъ.

Читая Бугенвиля, Шардена, Жюльбера, я проникаюсь древнимъ космопаніемъ о земляхъ уже отжившихъ, славою отдаленной мудрости и власти счастливыхъ острововъ; но, забыла наконецъ и Персеполя, въ Беарресъ, и даже Тинианъ, соединяю и пренебрегаю мнѣстѣ въ настоящій пунктъ, съ котораго обозрѣваетъ ихъ человеческое разуміе. Вижу, какъ эти жалкія умы трудятся съ жаромъ и въ бѣмолвіи, между-тѣмъ, какъ личное извѣненіе, катясь надъ ихъ учеными и прельщенными глазами, влечетъ за собою ихъ неминуемую смерть и раскѣтъ въ мгновеніе и существованіе ихъ, и мысль, и вѣкъ ихъ.

Залы окружаютъ длинный, тѣмъ, поросшій травою дворъ, на которомъ находятся двѣ или три статуи, въ-сколько развалины и бассейны съ позелѣнѣлою водою, который на видъ такъ же древенъ, какъ и эти памятники. Я ухожу рѣдко, не остановившись съ четверть часа въ этой безмолвной оградѣ

люблю мечтать, ходя по камнямъ этой речной мостовой, добытымъ нѣкогда изъ каменоломни для приготовления изъ нихъ подлѣ стопы человѣка поверности сухой и безплодной. Но время забвѣніе возвращаютъ ихъ нѣкоторымъ образомъ въ землю, покрывая ихъ новою почвою и одѣвая ихъ свойственной имъ природою растительностью. Иногда эти камни кажутся мнѣ расщепчивѣе книгъ, отъ которыхъ я олько-что оторвался.

Вчера, перелистывая «Энциклопедию», раскрылъ я одинъ изъ томовъ ея а томъ мѣстѣ, котораго не искалъ, и не югу припомнить, что это была за статья; но дѣло шло о человѣкѣ, который, будучи утомленъ тревоженіями и несчастіями, совершенно погрузился въ единеніе въ-сладствіе той рѣшимости, которая дѣлаетъ человѣка побѣдителемъ надъ препятствіями, и о которой мнѣ ежедневно вспоминаетъ съ восоргомъ. Разсказъ объ этой независимой жизни не привелъ мнѣ на память ни привольныхъ пустынь Имауса, ни южныхъ острововъ Тихаго-Океана, ни альпъ-болѣе-доступныхъ, и о которыхъ же я сожалѣлъ такъ много. Но яркое оспоминаніе, подобно вдохновенію, представило предо мною безплодныя скалы и гѣсъ Фонтенблѣ.

Я долженъ болѣе сказать тебѣ объ томъ мѣстѣ, нѣсколько-необыкновенномъ среди нашихъ загородныхъ крестностей. Ты лучше поймешь тогда, почему я такъ сильно привязался къ нему.

Тебѣ извѣстно, что въ молодости я ровель нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ. Одесвенники мои, у которыхъ я жилъ, е смотря на то, что любили жизнь годскую, неоднократно проводили сентябрь мѣсяцъ за городомъ, у своихъ знакомыхъ. Одинъ годъ они отправились въ Фонтенблѣ, и въ-последствіи еще два раза мы посѣщали то же самое семейство, которое жило тогда у ѣса, по близости рѣки. Мнѣ было, дуаю, четырнадцать, пятнадцать и семнадцать лѣтъ во время нашего трое-ратнаго посѣщенія Фонтенблѣ. Послѣ

дѣтства, проведеннаго взаперти, въ бездѣйствіи и скукѣ, я хотѣ и чувствовалъ себя, въ извѣстномъ отношеніи, взрослымъ человѣкомъ, однакожь во многихъ другихъ отношеніяхъ былъ совершеннымъ ребенкомъ. Находясь во всегдашнемъ смущеніи, въ какой-то неуверенности, предчувствуя, быть-можетъ, все, но ничего не зная, я обнаруживалъ одну только рѣзкую черту характера — быть вѣчно-тревожнымъ и несчастнымъ. Въ первый разъ, отправившись я въ гѣсъ не одинъ; смутно припоминаю себѣ, что я тамъ пересчитывалъ; знаю только, что я предпочиталъ это мѣсто всѣмъ мною видѣннымъ, и что туда только желалъ я возвратиться хотѣ еще разъ.

На слѣдующій годъ, жадно пробѣгалъ я эти пустыни, нарочно старался заблудиться въ этомъ гѣсу, и былъ доволенъ, когда терялъ дорогу и не находилъ вокругъ себя ни одной тропинки. Достигая опушки гѣса, я съ досадою видѣлъ эти обширныя обожженныя равнины и вдали колокольни церквей. Тотчасъ же обращался я назадъ, углублялся въ самую чащу гѣса, и когда находилъ мѣсто, укрытое со всѣхъ сторонъ, гдѣ не было ничего, кромѣ песка да можжевеловника, я испытывалъ чувство мира, свободы, дикой радости, силу природы, почувствованной впервые въ возрастѣ нетрудно-счастливымъ. При всемъ томъ, я не былъ веселъ: почти-счастливымъ, я ощущалъ только волненіе внутренняго довольства. Я былъ грустенъ, наслаждался, и возвращался съ прогулки всегда печальный. Часто приходилъ я въ гѣсъ до восхода солнечнаго, подымался на вершины, еще покоившіяся въ тѣни, шелъ по травѣ, еще покрытой росой; и когда всходило солнце, мнѣ было жаль сумерекъ, предшествовавшихъ зарѣ. Я любилъ овраги, темныя разсѣлины, густой гѣсъ, холмы, покрытые верескомъ; любилъ обломки скалъ, но еще болѣе любилъ эти сызучіе пески, на которыхъ не было видно ни слѣда человѣческаго, а только тамъ-и-слѣмъ робкій слѣдъ олена или

быстроногого зайца. Заслышавъ ве-
шу, вспугнувъ лань, я останавливался,
чувствовалъ себя какъ-то лучше, и въ
настоящую минуту не искалъ ничего
болѣе. Въ это-то время, я примѣтилъ
березу, пустынное дерево, которое уже
называло на меня грусть и котораго
въ-послѣдствіи никогда не могъ ви-
дѣть безъ удовольствія. Люблю березу,
люблю эту кору бѣлую, гладкую и
растрескавшуюся, этотъ извистый
стволь, сучья, нависшіе къ землѣ, этотъ
трепетъ листьевъ и всю эту непринуж-
денность, простоту природы, пустын-
ную осанку.

Времена, погибшія невозвратно,
нѣтъ, нельзя забыть васъ! О ты, слиш-
комъ-суетная мечта изліянія чувствъ!
Какъ великъ человѣкъ въ своей не-
опытности! какъ былъ бы онъ плодо-
творенъ, еслибъ холодный взоръ ближ-
няго, еслибъ тлетворное дыханіе не-
справедливости не иссушало его сер-
ца! Я жаждалъ счастья. Я былъ рож-
денъ для страданія. Тебѣ извѣстны эти
мрачные дни, близкіе къ порѣ снѣ-
говъ: утрення заря, сама сгущая ту-
маны, бросаетъ первый свѣтъ гроз-
нымъ отблескомъ яркаго цвѣта на ску-
чившіяся облака. Этотъ туманный по-
кровъ, эти бурные вихри, этотъ блѣд-
ное мерцаніе свѣта, этотъ свистъ вѣт-
ра межъ гнущихся и трепещущихъ де-
ревъ, эти медленные вопли, подоб-
ные погребальнымъ стѣнаніямъ, —
вотъ утро жизни: въ полдень, бури
еще холоднѣе, еще упорнѣе; вечеромъ,
еще болѣе густой сумракъ, и человѣкъ
взжигъ день свой.

Очарованіе вѣроятное, безконеч-
ное, которое рождается вмѣстѣ съ серд-
цемъ человѣка, и которое, казалось,
должно бы было существовать столько
же, какъ и онъ самъ, — это очарованіе
оживилось во мнѣ однажды: и я подумалъ,
что буду удовлетворенъ въ жела-
ніяхъ. Это внезапное и слишкомъ-по-
рывистое пламя сгорѣло попусту и по-
гасло, ничего не освѣтивъ. Такъ въ
бурное время года возникаютъ, на
ужасъ всему живущему, мгновенныя
молніи посреди мрака ночи...

Былъ мартъ мѣсяцъ; я выходилъ
въ Лю⁴⁴. Подъ кустарниками благоу-
днѣли фіалки, а ливни цвѣли на неболь-
шомъ лугу, дышавшемъ весною и спо-
койствіемъ и наклоненномъ на пол-
день. Надъ лугомъ, повыше, стоялъ
домъ. Садъ, расположенный террас-
сою, мѣшалъ виду изъ оконъ. Вы-
зу, подъ лугомъ, скалы крутыя и
отвѣсныя, подобно стѣнамъ; въ глубь
нѣ, широкій потокъ, а за нимъ еще и
еще скалы, покрытыя лугами, плетя-
ми и елями! Черезъ все это таялись
старинныя городскія стѣны; совы в-
тали въ нѣхъ изветшавшихъ башняхъ.
Вечеромъ, всходила луна; рога пере-
кликались въ отдаленіи, и голосъ, ко-
торого я не услышу болѣе... Все это
обмануло меня. Въ жизни мою испыталъ
я еще только одно это заблужденіе.
Зачѣмъ же это воспоминаваніе о Фонтен-
блѣ, а не о Лю⁴⁴?

28 июля, II.

Наконецъ, я считаю себя въ пустынѣ.
Здѣсь есть мѣста, гдѣ не видать ни ма-
лѣйшаго слѣда человѣческаго. Я осво-
бодился, хоть на одно лѣто, отъ тѣхъ
тревожныхъ заботъ, которыя глѣтъ
наше существованіе, сдвигаютъ къ
нашу съ иракомъ добытій и съ ира-
комъ смерти, обращающае ее самое въ ни-
чтожество, но только менѣе-спокойное.

Понятно ли тебѣ удовольствіе, ко-
торое ощущаю я, чувствуя, какъ вода
ноя уходитъ въ песокъ сыпучій и ра-
скаленный, когда я подвигаюсь впе-
редъ съ трудомъ, и не нахожу вокругъ
себя ни воды, ни освѣжающей тѣнъ
деревъ? Я вижу предъ собою простран-
ство дикое и безмолвное, скалы развѣ-
лившіяся, обнаженныя, потрясенныя
въ основаніи, и силы природы, попо-
ренныя силѣ времени. И чувствую
какъ-будто-бы миръ въ душѣ моей, вхо-
дя, въ себя, другія превозвы, другія
бѣдствія, кромѣ тревоженій моего
собственнаго сердца.

Я не отыскиваю дороги; напро-
тивъ, иду, стараюсь заблудиться. Ча-
сто выбираю прямую дорогу, не раз-
бирая троиннокъ. Въ лѣсу стараюсь

бывать всё примѣты, чтобъ имѣть всегда что-нибудь находить тамъ.

Вечеромъ надо же возвращаться домой, скажешь ты, и уже надѣваешься наль моннѣ мннмнмъ удивленіемъ, ошибаешься; ты воображаешь мѣ въ Фонтенблѣ или въ какомъ-нибудь селеніи, въ хижинѣ. Разуверься. Мѣскія жилища этихъ странъ люблю не болѣе самыхъ селеній, а селенія люблю не болѣе городовъ. Если я ненавижу роскошь, за то ненавижу и нищету. Иначе, мнѣ бы лучше было таваться въ Парижѣ; я бы нашелъ и то и другое.

Но вотъ чего не сказалъ я тебѣ въ слѣднемъ письмѣ своемъ, исполненнѣ душевнаго волненія, которое югда одолеваетъ меня.

Какъ-то бродилъ я по здѣшнимъ лѣмъ; вдругъ, вижу двѣ лани, преслѣемныя волкомъ. Онѣ немного не допалъ ихъ; я полагаю, что онѣ ихъ премѣнно настигнетъ, и сталъ держаться той же стороны, чтобъ быть ндѣтелемъ сопротивленія, и помочь, ли будетъ возможно. Онѣ выскочили з лѣса на открытое мѣсто, заваленне скалами и поросшее мелкими куарниками; но когда я пришелъ на это сто, то не видалъ уже ни ланей, ни лка. Я выходилъ во всѣхъ направленихъ это мѣсто похоее на лаву, изгтое и неровное, откуда добыто бы много кремня для мостовой, — и не шелъ ничего. Слѣдуя другому навлению, при возвращеніи въ лѣсъ, увидѣлъ собаку, которая сначала отрѣла на меня и не лаяла, но вдругъ лаяла, когда я сталъ отъ нея удагься. Въ-самомъ-дѣлѣ, я стоялъ по у самага входа въ жилище, коое она сторожила. То былъ родъ глянки, поросшей кустарниками и омъ.

Одинъ работникъ, въ-продолженіе лдцати лѣтъ высѣкавшій въ сосѣдкѣ каменоломняхъ камень для мовой, не имѣя ни кола, ни двора, глялся сюда, чтобъ, еще при живни, охнуть отъ этой истинно-каторжной оты и спастись отъ людскаго пре-

врѣнія и госпиталя. По сказѣ росло у него нѣсколько овощей на довольво-безплодной почвѣ, и онъ, съ собакою и кошкою, жилъ водою, хлѣбомъ и свободою. «Я много работалъ» сказалъ онъ мнѣ: «но никогда не имѣлъ ничего; теперь же я хоть спокоенъ, и къ тому же скоро умру». Этотъ простолюдинъ высказалъ предо мною исторію чловѣка вообще; но зналъ ли онъ это? считалъ ли другихъ людей счастливѣе себя-самого? страдалъ ли, сравнивая себя съ другими людьми? Я не наслѣдовала всего этого; я былъ еще очень-молодъ. Его грубый и нѣсколько-свирѣпый видъ сильно занималъ меня. Я предложилъ ему эку; онъ принялъ и сказалъ, что купить на него себя вина; это слово уменьшило мое къ нему уваженіе. Вина! говорилъ я самъ-себѣ: есть вещи болѣе-полезныя; можетъ-быть вино, беспорядочная жизнь привели его въ эти мѣста, а не склонность къ удивленію. Прости, чловѣкъ простой, несчастный отшельникъ! Я еще не зналъ тогда, что люди пьютъ для забвенія скорби. Теперь я знаю горечь, раздрающую сердце, и печальное состояніе духа, которое отнимаетъ всѣ силы; я научился уважать того, чья первая потребность хоть на мгновеніе перестать стѣнать; я сильно негодую, когда вижу, какъ люди, которыми жизнь легка, жестоко упрекаютъ бѣдняка за то, что онъ пьетъ вино, а не имѣетъ хлѣба. Чтѣ за дуня у этихъ людей, которые не знаютъ бѣдствія выше голода?

Теперь тебѣ понятна вся сила того воспоминавія, которое такъ невзначай посѣтило меня въ библиотекѣ. Эта мгновенная мысль совершенно предала меня чувству жизни реальной, мудрой простоты и независимости чловѣка, живущаго въ природѣ.

Это не значитъ, чтобъ я принималъ за такую жизнь мое здѣшнее существованіе, и чтобъ, посреди этихъ кремнистыхъ обломковъ и жалкихъ равнинъ, считалъ себя чловѣкомъ природы.

Но такъ-какъ я осужденъ вѣчно

только ждать жизни, то попробую про-
звѣвать въ совершенномъ уединеніи: я
охотите проведу четыре мѣсяца здѣсь,
нежели погублю ихъ въ Парижѣ въ
другихъ болѣе-важныхъ и болѣе-жал-
кихъ ребячествахъ. Расскажу тебѣ
при свиданіи все, все, и какъ я вы-
бралъ себѣ обитель, и какъ замкнулъ
ее; какъ перевезъ туда немногія при-
езенныя мною сюда вещи, не открывъ
никому моей тайны; какъ питаюсь
плодами и овощами; куда хожу за во-
дою; какъ одѣваюсь въ дождливую по-
ру, и всѣ предосторожности, какія
принимаю для того, чтобъ остаться со-
крытымъ отъ людскихъ глазъ, и чтобъ
какой-нибудь Парижанинъ не явился
сюда надѣваться надо мною.

Ты также будешь смѣяться; но я
согласенъ на это: твой смѣхъ не бу-
детъ походитъ на ихъ смѣхъ; и я самъ,
еще прежде тебя, смѣлся надъ всѣмъ
этимъ.

Жалкая и суетная концепція лучша-
го міра! Невъяснимая безконечность
любви! Сѣтованіе о годахъ, утекаю-
щихъ бесполезно! Всеобъемлющее чув-
ство, подкрѣплай и пожирай жизнь
мою; что была бы она безъ твоей па-
губной прелести? Черезъ тебя она по-
чувствовала, черезъ тебя и погибнетъ.

О, пусть хоть еще когда-нибудь, въ
осеннюю пору, въ эти послѣдніе крас-
ные дни, когда солнце свѣтитъ сквозь
туманы, — пусть хоть еще когда-ни-
будь, сидя надъ водами, уносящими
поблѣвлый листъ, услышу я простые
и глубокіе звуки первообразной мело-
діи! Пусть однажды, взошедъ на Грим-
зель и Титлисъ, одинъ съ проводни-
комъ-горцемъ, услышу я на низкой
травѣ, близъ снѣговъ, давно-знакомые
романтическіе звуки пастушеской пѣс-
ни Унтервальдена и Гасли; и пусть бы
я, хоть разъ передъ смертью, могъ
сказать здѣсь человѣку, понимающему
меня: о, еслибъ мы жили!

Фонтенблѣ, 18 августа, 11.

Бываютъ однако минуты, когда я
чувствую себя полнымъ надеждъ, и
вещи проходятъ предо мною въ вели-
чественной гармоніи, и я чувствую се-
бя счастливымъ, какъ бы я могъ быть
счастливымъ: я изумленъ тѣмъ, что
возвращаюсь къ своимъ давно-прош-
шимъ годамъ; я снова обрѣлъ въ ро-
динахъ неслѣдныя красоты и небесногра-
днорѣчіе. Счастливецъ! я... однажды
я дѣйствительно такъ воплотилъ се-
бя, какъ человѣкъ, пробудившись
отъ тяжкаго сповиданія, какъ бы
новый заточникъ, снова урванъши
своимъ небеса послѣ десятилѣтнихъ
страданій въ сиротной темнотѣ; с-
частливецъ, какъ человѣкъ, страстно
жаждущій ту, которую онъ спасъ
отъ смерти! Но мгновенія проходятъ,
и какъ застигаютъ собою плодотвор-
ныя лучи солнца; птицы смолкаютъ; раз-
лажившіяся тѣни увлекаютъ и гонятъ
передъ собою и мою мечту и мою
жизнь.

Тогда я, грустный, слышу
тоску въ свое жилище, и снова
опять ухожу въ лѣсъ, потому-что
еще не можешь прогнать свою. Въ
этомъ есть ничто успокоительное
и утѣшительное. Не знаю, что это
но когда грусть усыпляетъ меня,
и я не остаиваюсь, и я не
смотрѣть, какъ зрѣетъ плодъ, котораго
осенній вѣтеръ сброситъ за землю.

Фонтенблѣ, 4-ю сентября.

Погода стоитъ прекрасная, и
хожусь въ глубокомъ спокойствіи
иное время, я болѣе пользуюсь
этою полною свободою, эти
свѣтлѣемъ всякаго завитія, всякаго
новъ, этимъ равнодушіемъ и
что бы ни случилось.

Я начинаю чувствовать, что
впередъ въ жизни. Эти сладкія
впечатлѣнія, эти внезапныя дви-
женія души, которыя нѣкогда волновали
меня и увлекали такъ далеко отъ
печали,—все намѣнилось, все
до. Это желаніе, что возбуждаетъ
мнѣ сердцевиною красоты и

и, эта надежда, полная неуверенности и обаятельности, этот небесный гонь, ослепляющий и пожирющий мое сердце, это упоение влияющих устевъ, которыми онъ озаряетъ предъобою громадный призракъ,—все это же не существуетъ болѣе. Я начинаю идѣть то, что полезно, что удобно, а это, что прекрасно.

Тебѣ извѣстны мои безграничныя требованія; скажи мнѣ, что буду я дѣлать съ жизнью, когда утрачу всѣ эти слезы илювий, которыя сверкали среди темноты, подобно молніямъ, издающимъ грозную ночь! Сознаться, онѣ еще болѣе тмили эту ночь; онѣ показывали, что она могла рождать, и что свѣтъ еще не вовсе иссякъ. Что будетъ теперь со мною, если мнѣ должно будетъ ограничиться тѣмъ, что есть, и если я останусь при своемъ бравѣ жизни, при своихъ личныхъ интересахъ, при ежедневной заботѣ объномъ и томъ же: вставать, заниматься, ложиться спать?

Я былъ далеко не тотъ въ то время, когда любить было для меня не несбыточною мечтою. Въ молодости, я имѣлъ именно такое воображеніе, и тогда еще посленно создалъ убѣжище себѣ поусу. Я соединилъ въ умѣ своемъ альпійско, въ одномъ изъ пунктовъ Дофинѣ, альпійскую природу съ климатомъ оливковыхъ и лимонныхъ деревьевъ; но наконецъ слово *Chartreuse* познано меня. Въ этомъ-то уголѣ, близъ Сенобля, мечталъ я устроить себѣ жилище. Я думалъ тогда, что счастливыя местоположенія много способствуютъ активной жизни; и что тамъ, съ любимой женщиной, буду я обладать тѣмъ невозмутимымъ блаженствомъ, тоску котораго наполняла мое манутое сердце.

Но вотъ странное дѣло: я не въ состояніи выводить изъ этого какое-нибудь заключеніе, или что-нибудь казывать, кромѣ несомнѣнности сагаго факта. Я никогда ничего не вѣрилъ, ничего не читывалъ, чтогло бы дать мнѣ хотя малѣйшее погнѣе о мѣстности *Гранд-Шартрѣза*.

Т. I. — Отд. VIII.

Я зналъ только, что эта пустыня находится въ горахъ Дофинѣ. Воображеніе мое создало, по этимъ смутнымъ свѣдѣніямъ и по собственнымъ своимъ склонностямъ, мѣстоположеніе, гдѣ долженъ былъ находиться монастырь, и подлѣ него—мое жилище. Воображеніе мое страннымъ образомъ угадало истину. Много времени спустя, увидавъ гравюру, представлявшую эти самыя мѣста, я сказалъ самъ себѣ, прежде, нежели прочиталъ: вотъ *Гранд-Шартрѣза*,—такъ сильно напоминала мнѣ она то, что я создалъ себѣ въ своемъ воображеніи. И когда вышло на повѣрку, что это была она дѣйствительно, то я былъ пораженъ удивленіемъ и сожалѣніемъ; мнѣ казалось, что я утратилъ нѣчто для меня предназначенное. Съ-тѣхъ-поръ, послѣ этого замысла моей первой молодости, я не могу слышать безъ волненія, исповненнаго горечи, слово: *Шартрѣза*.

Чѣмъ болѣе углубляюсь воспоминаніемъ въ свою молодость, тѣмъ болѣе нахожу глубокихъ впечатлѣній. Припоминаю ли эти первыя фантазіи меланхолическаго сердца, которое никогда не имѣло настоящей юности и которое чувствовало склонность къ сильнымъ ощущеніямъ и къ вещамъ необыкновеннымъ, прежде даже, нежели было рѣшено, полюбить ли оно игры; приножу ли себѣ на память то, что я испытывалъ въ семь, шесть, пять лѣтъ отъ роду, — нахожу впечатлѣнія столь же ненаглядимыя, болѣе-ловѣрчивыя, болѣе-сладостныя, и произведенныя тѣми всецѣлыми илюзіями, которыхъ блаженство не дано никакому иному возрасту.

Я не ошибаюсь на-счетъ времени; знаю навѣрно, сколько мнѣ было отъ роду, когда я думалъ о томъ-то, когда я читалъ такую-то книгу. Я читалъ кѣмпферову исторію Японіи, на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ, у окна, въ томъ домѣ близъ Роны, который отецъ мой покинулъ незадолго до своей кончины. Слѣдующее лѣто я читалъ Робинсона Крузе. Тогда-то потерялъ я эту способность къ математическимъ вы-

численіямъ, которую замѣчали во мнѣ: я уже не могъ дѣлать, безъ помощи пера, вычисленія даже не столь сложныя, какъ тѣ, которыя я дѣлывалъ въ умѣ, будучи четырехъ лѣтъ съ половиною отъ роду, и не зналъ ни одного арифметическаго правила, кромѣ сложенія.

Способность прозрѣвать въ отношенія неопредѣленныя вѣла тогда верхъ надъ способностью комбинировать математическія отношенія. Я сталъ ощущать нравственную сторону вещей: чувство прекраснаго начало зарождаться...

Парижъ, 9-го февраля, третій годъ.

Я долженъ рассказать тебѣ всѣ свои слабости, затѣмъ, чтобъ ты подкрѣпилъ меня совѣтомъ: порою я жалокъ самому-себѣ, порою же чувствую иначе.

Когда я встрѣчаю кабриолетъ, управляемый женщиною, которая походитъ на идеалъ моего воображенія, я нду прямо на лошада, такъ-что колесо почти задѣваетъ меня...

Однажды незнакомка должна была пристановить свой кабриолетъ, чтобъ не задавить меня; она была въ полномъ цвѣтѣ молодости, почти-прекрасна собою и въ высшей степени любезна. Она видимо хотѣла скрыть улыбку, мелькнувшую на устахъ ея. Я все смотрѣлъ на нее, и не видалъ ни лошади, ни колеса... Я увѣренъ, что взоръ мой былъ половъ грусти. Лошадъ повернула, незнакомка наклонилась посмотрѣть, не задѣло ли меня колесо. Долго не могъ я очнуться отъ своего сна... Не пора ли уже быть подтверже, предать забвенію прошлое? Не пора ли заняться тѣмъ, что прилично человѣку, и бросить всѣ эти ребячества?

Я бы хотѣлъ и самъ бросить эти ребячества, но чѣмъ замѣню ихъ? и когда говорю себѣ: надо наконецъ быть человѣкомъ, то бываю въ большомъ недоумѣніи. При первомъ письмѣ своемъ, напиши мнѣ, что значитъ быть человѣкомъ.

Парижъ, 29 апреля, III.

Нѣсколько времени назадъ, какъ въ библіотекѣ, я услышалъ, что привнесли предо мною имя знаменитаго Л... Въ другой разъ, я отлучился съ нимъ за однимъ столомъ; у него не было чернилъ; я подвинулъ ему свою чернилицу: сегодня, вошедъ, я увидѣлъ его и сѣлъ возлѣ. Онъ былъ типъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ идишскія найденныя имъ въ какомъ-то старинномъ латинскомъ манускриптѣ, и принадлежачія одному очень-назо известному греческому поэту. Я списалъ только одну изъ нихъ, которая была по-короче: наступала пора выходить.

Парижъ, 7 мая, III.

• Если не ошибаюсь, моя идишскія и слишкомъ для васъ интересны: сказалъ мнѣ вчера авторъ, о которомъ я говорилъ тебѣ: онъ искалъ меня глазами, и лишь-только я вошелъ, далъ мнѣ знакъ подойти къ нему. Я хотѣлъ сказать что-нибудь такое, что было бы правдою и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо, но онъ, посмотрѣвъ на меня, выгналъ меня отъ этого труда и тотчасъ же присовокупилъ: «Можетъ-быть, мнѣ лучше понравится моральный или философскій отрывокъ, приписываемый Аристиппу: о немъ говоритъ Варронъ, и его въ послѣдствіи считали утраченными. Но онъ не утраченъ, потому-что былъ переведенъ въ шнадцатомъ столѣтіи на французскій языкъ того времени. Я нашелъ его въ рукописи, переписанной вслѣдъ за Плутархомъ, въ экземплярѣ, занятаго у Амюта; никто не открывалъ этой книги, потому-что въ ней не оставало нѣсколькихъ листовъ.

Я привнесъ, что, не будучи молодымъ, дѣйствительно нѣтъ несчастно любить лучше вещи, нежели словъ. Я что съ большимъ любопытствомъ прочитаю мысли Аристиппа, нежели мнѣ гу, хоть бы Бюна или Феофрота.

Какъ мнѣ кажется, нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ, чтобъ это большое сочиненіе принадлежало дѣйствительно Аристиппу. Но если бы

писано имъ, то этотъ знаменитый ектъ, несправедливо считаемый, по-бю Эпикуру, сладострастнымъ сибатомъ и вольнодумцемъ, обнаружилъ, однакожъ, строгость нравовъ, которую требуютъ благоразуміе и покой, единственную строгость, прили-чающуюся человѣку, рожденному наслаждаться и преходящему на зе-млю.

И перевелъ, какъ умѣлъ, эту руко-пись, языкъ которой нвогда блещетъ стиливыми выраженіями, но поуста-вилъ до того, что многія мѣста я едва-тако понять. Вотъ этотъ отрывокъ, на-писанный въ манускриптѣ *Руководствомъ мечтателей (Manuel de Penseurs)*, за исключеніемъ двухъ строчекъ болѣе, которыя нельзя было разо-умѣть.

• Руководство.

Ты пробуждаешься мрачный, уны-лый, уже утомленный временемъ, ко-торое только что начинается. Ты об-зри жизнь взглядомъ, исполненнымъ зрѣнія; ты нашелъ ее пустою, тя-желюю; черезъ часъ она покажется те-бѣ болѣе-сносною: она ли измѣнится? Она не выѣдетъ определенной фор-мы.

Все, что человѣкъ испытываетъ, — это сердце; что онъ знаетъ, въ его-мъ. Онъ весь все дѣло, самъ въ-себѣ.

И какія утраты могутъ дотакимъ сте-пеню удручить тебя? Что ты можешь-сдѣлать? Есть ли что выѣдъ тебя, что бы-ло надлежало тебѣ? Что въ томъ, что-бы ты погибнуть? Все преходитъ, включая справедливости, сокрытой въ покровомъ вещей, непостоян-ны. Все суета для человѣка, когда-бы онъ идетъ впередъ ровнымъ и спо-койнымъ шагомъ, сообразно съ зако-номъ разума.

Все волнуется вокругъ тебя, все-вращается; начини тревожиться, и тре-воги твои будутъ безконечны. Ты не-можешь обладать тѣмъ, чѣмъ обладать-невозможно, и погубишь жизнь, ко-гда тебѣ принадлежала. То, что оди-нъ проходитъ, невозвратно. Единственности, порождая другъ друга,

смыкаются въ вѣчный кругъ: онѣ на-глаживаются подобно неожиданной и-летучей тѣни.

• Въ чемъ состоятъ твои несчастія?— въ вымысленныхъ опасеніяхъ, въ ус-ловныхъ потребностяхъ, въ дневныхъ-дразгахъ. Ничтожный рабъ! Ты при-выкнешь къ тому, чего нѣтъ, ты-служишь призракамъ. Оставь обману-той толпѣ все оболстительныя нладо-віи, все суетное и тлѣнное. Помысли-ай только о разумѣ, началѣ мирового-порядка, и о человѣкѣ, его орудіи: о ра-зумѣ, которому должно слѣдовать, о че-ловѣкѣ, которому должно помогать.

• Разумъ въ борьбѣ съ противодѣй-ствиемъ матеріи, съ елѣпыми закона-ми, которыхъ непонятное дѣйствіе было названо случаемъ. Когда сила, тебѣ данная, слѣдовала разуму, когда-ты послужилъ мировому порядку, чего-хочешь болѣе? Ты поступалъ согласно-своей природѣ; а что можетъ быть вы-ше для существа чувствующаго и по-знающаго, какъ не убѣжденіе, что оно-существуетъ согласно своей природѣ?

• Ежедневно, возрождаясь къ новой-жизни, припоминай себѣ, что ты рѣ-шилъ не всуе жить на землѣ. Миръ-идетъ впередъ къ своей цѣли. Но ты, ты останавливаешься, отстаешь на-задъ, остаешься въ недоумѣніи и тлѣ-ности. Твои протекшіе дни воссозда-дутся ли въ иное, лучшее время? Жизнь вся суета на этомъ настоя-щемъ, которымъ ты небрежешь и-жертвуешь будущему: настоящее— время, будущее — только призракъ вре-мени.

• Живи въ самомъ-себѣ и ницъ того, что не гибнетъ. Испытай, къ чему-стремятся наши безумныя страсти; изъ-такого множества вещей, хоть одна-удовлетворитъ ли человѣка? Разумъ на-ходитъ только въ себѣ-самомъ пищу-для своей жизни: будь правдивъ и-твердъ. Никто не вѣдаетъ, что будетъ-завтра: тебѣ не найти успокоенія во-вѣшнемъ; ницъ его въ своемъ сердцѣ. Сила — законъ природы: могущество, это—воля; энергія въ страданіяхъ луч-ше апатіи посреди нѣги сладострастія.

Тотъ, кто повинуется и страдаетъ, чаето выше того, кто наслаждается и пожелѣваетъ. Твои опасенія и желанія — суета суетъ. Одно можетъ быть тебѣ на пользу, — быть тѣмъ, чѣмъ назвала тебя природа.

• Ты разумъ и матерія. Таковъ же и міръ въ своемъ составѣ. Гармонія видоизвѣняетъ тѣла и все стремится къ совершенству чрезъ безпрерывное улучшеніе своихъ различныхъ частей. Этотъ законъ природы — также и законъ недѣльныхъ

Такииъ образомъ все благо — при господствѣ разума; все зло — когда разумъ отсутствуетъ. Пользуйся тѣлесными благами, но съ благороднѣишъ, подчиняющимъ ихъ порядку...

• Для насъ нѣтъ иной нравственности, кромѣ нравственныхъ правилъ человѣческаго сердца, — иной науки или иной мудрости, кромѣ знанія его потребностей, и справедливой оцѣнки средствъ къ счастью. Оставь бесполезную науку и сверхестественныя системы и таинственныя ученія. Предоставь разумѣніямъ высшимъ или несходнымъ съ тобою, предоставь имъ то, что далеко отъ тебя: чего разумъ твой не постигаетъ, то, значить, не было для него предназначено.

• Утѣшай, просвѣщай и поддержиай тебѣ подобныхъ: роль твоя опредѣлена мѣстомъ, занимаемымъ тобою въ неизмѣримости всего живущаго. Познавай законы человѣческіе и слѣдуй имъ, и ты поможешь другимъ людямъ познавать ихъ и имъ слѣдовать. Ислѣдуй и узнай ближнимъ средоточіе и конецъ вещей; да увидать они причину того, что ихъ поражаетъ, непрочность того, предъ чѣмъ они смущаются, и ничтожество того, что ихъ увлекаетъ.

• Не уходи въ уединеніе отъ міра; взираай всегда на вселенную и памятай о правдѣ. Тогда ты выполнишь назначеніе жизни, тогда совершишь то, что слѣдуетъ совершить человѣку. •

Леринскъ, 8 іюля, Ш.

Наконецъ, я вѣнелъ вѣрнаго чело-вѣка, которому могу поручить дѣла доселѣ меня здѣсь удерживавшія. Къ тому же, они почти окончены: пособить ничѣмъ невозможно; нѣтъ никакого сомнѣнія, я разоренъ совершенно. Мнѣ не остается даже чѣмъ существовать до того времени, пока одно обстоятельство, можетъ-быть, слишкомъ еще отдаленное, не измѣнитъ моего положенія. Я не тревожусь и не думаю, чтобъ потерялъ много, потерявъ же, потому-что ничѣмъ не пользовался. Я могу, правда, сдѣлаться несчастіемъ прежняго, но не сдѣлаюсь еще немалымъ счастливымъ. Я одинъ, и будь я толпа здоровъ и свободенъ, судьба моя всегда будетъ сносною. Мало боюсь несчастія: такъ я утомился быть бесполезно - счастливымъ. Живыя дела на пороку взглянуть на вась пасмурно: это время для проявленія душевнаго мужества. Тогда челоѣкъ вѣнелъ, тогда говорить онъ: я переживаю время испытанія; несчастіе имѣетъ, и, можетъ-быть, за нимъ послѣдуетъ счастье. Но при благоденствіи, когда во мнѣ ружности мы счастливы, а между-тѣмъ ничѣмъ не наслаждаемся отъ сердца челоѣкъ съ досадою видитъ мѣлъ гнѣнуть дни, которые не всегда даны судьбой. И онъ скорбитъ о скукѣ прекраснѣйшаго времени жизни, страшится того невѣдомаго бѣдствія, которое всегда надо ожидать отъ несправедливости всего на свѣтѣ; страшится тѣлъ бѣдъ, что, будучи и безъ него уже несчастливъ, представляетъ себѣ невозможнымъ это новое, еще тѣнчайшее бремя въ будущемъ. Такъ тѣ, которые живутъ въ своихъ номѣстѣхъ, дѣтъ скучаютъ тамъ зимою, во время гнѣ уже извѣстное подъ шивенъ ступаютъ нежеланъ дѣтомъ, отъ котораго ожидаютъ много удовольствій.

Мнѣ вѣнелъ пособить тому, что уже совершилось, и я ни на что не рѣшаюсь переговоривъ напередъ съ тобою такииъ-образомъ, я думаю тебѣ только о настоящемъ. Наконецъ, пободился я отъ всѣхъ заботъ: живи

былъ я такъ спокоенъ... Буду въ Лигъ; у тебя проведу десять дней въ самой сладкой безопасности, а что будетъ слѣдъ—увидимъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

✱

ГОСОВЫ ИСЛѢДОВАНІЯ ПРИННЪ НАСЛѢДСТВЕННОЙ СМЕРТИ, ИПОТРЕВЛЯЕМЫЕ КИТАЙЦАМИ.

Статья вторая и последняя.

ОСНОВНЫЯ ПРАВИЛА ОСМАТРИВАНІЯ ТРУПОВЪ.

ОСМОТРЪ ТРУПА ЧЕЛОВѢКА, УБИТАГО ВЪ ДРАКѢ.

Трупъ человѣка, убитаго въ дракѣ, въ наружномъ видѣ своемъ имѣетъ слѣдующія особенности болѣе или менее постоянныя: открытый ротъ, всклокоченные волосы, распростертыя руки, закрытые глаза, платье въ беспорядкѣ, разорванное, или измаранное, иногда испражненіе мочи и кала. Ротъ остается открытымъ отъ-того, что человѣкъ во время драки говоритъ много, а глаза отъ-того, что онъ имѣетъ сильный испугъ. Отъ желанія схватить своего противника, убитые въ дракѣ имѣютъ распростертыя руки; отъ возни съ противникомъ у нихъ растрепываются волосы, рвется платье, а отъ гнѣва, крика выходитъ моча и калъ.

Что касается до ранъ, то онѣ бываютъ различны, смотря по тому, какими орудіемъ были нанесены. Общее отличіе всѣхъ раненныхъ мѣстъ состоитъ въ томъ, что кожа на нихъ отдѣляется отъ мяса, приподнимается и издаетъ особый звукъ при давленіи пальцемъ; ранѣ поврежденныхъ мѣстъ вообще различны отъ ранъ мѣстъ неповре-

жденных и бываетъ красный, багровый и т. д., смотря по тому, какимъ орудіемъ нанесена рана и сколько прошло времени отъ послѣдовавшей смерти до начала ислѣдованія. Кромѣ разспроса преступника, если онъ пойманъ, и свидѣтелей, кромѣ собранія разныхъ свидѣній, необходимыхъ и почти общихъ при всѣхъ судебныхъ ислѣдованіяхъ, при открытіи причины смерти въ дракѣ, важное пособіе составляетъ укусъ, который должно имѣть всегда наготовѣ, а также лукъ, вино и вола. Укусъ наливается на ислѣдуемое мѣсто, смотря по обстоятельству, или подогрѣтый, или холодный. Это дѣлается какъ для того, чтобъ яснѣе рассмотреть раненное мѣсто, такъ и для того, чтобъ отличить истинное раненіе отъ поддѣльнаго. Иногда бываетъ нужно покрыть рану лукомъ, обмыть водою прежде, нежели будетъ налить на нее укусъ.

Главное при ислѣдованіи человѣка, убитаго въ дракѣ, состоитъ въ опредѣленіи: опасно ли раненное мѣсто для жизни, или нѣтъ? Нужно только съ достовѣрностью различить эту степень опасности раненаго мѣста, чтобъ вывести заключеніе, что смерть зависѣла отъ поврежденія именно этого мѣста, а не другихъ, или что другія мѣста, хотя бы они были также повреждены, какъ мало-опасныя, участвовали мало и въ смерти. Это особенно необходимо въ томъ случаѣ, когда дрались нѣсколько человѣкъ и когда нужно показать, который изъ участвовавшихъ въ дракѣ нанесъ ударъ въ болѣе-опасное мѣсто, чтобъ почестъ его за главнаго виновника смерти.

Судебному ислѣдованію подлежитъ какъ человѣкъ, умершій во время самой драки, такъ и взятый виновникъ на поруку и умершій ранѣе срока, опредѣленнаго на излеченіе. Срокъ, назначаемый для излеченія, бываетъ различный, смотря по степени раненія и важности занимаемаго имъ мѣста. Чѣмъ сильнѣе рана, чѣмъ опаснѣе мѣсто ея, тѣмъ и срокъ бываетъ короче и наоборотъ. Время опредѣленнаго ва-

лечение ерока должно быть съ точно-стью записано, чтобы, въ случаѣ смер-ти, не ошибиться въ немъ и имѣть ясныя доказательства. Отъ несоблюденія подобной предосторожности часто вы-ходили недоразумѣнія, оканчивавшія-ся весьма-несчастливо для тѣхъ, кто имѣлъ у себя на порукахъ раненнаго. Известно, что законы опредѣляютъ смерть виновному, если равенный имъ взятый на поруки человекъ умереть прежде срока, назначеннаго для изле-ченія, и наоборотъ — отмиваютъ ее, если раненный помереть послѣ срока. Изъ этого видно, что, при взятіи ране-наго на поруку, необходимы: точное опредѣленіе мѣста раны и степени опасности ея, чтобы по намъ можно было назначить вужный для излечения срокъ; а въ случаѣ смерти раненнаго на поруки — опредѣленіе дня смерти: переходитъ ли онъ за срокъ, или при-лежитъ къ днямъ срочнымъ, равно какъ и того, зависѣла ли смерть отъ предше-ствовавшаго раненія, или отъ посто-роннихъ обстоятельствъ, на-примѣръ, болѣзни, случившейся въ то время, какъ раненный былъ на поруки, или отъ новыхъ ранъ, нанесенныхъ ему въ-послѣдствіи: изъ злобы и тому подоб-ныхъ побужденій. При опредѣленіи причины смерти отъ болѣзни, должно узнать: былъ ли раненный пользованъ врачомъ, и если былъ, то отъ врача дол-жно отобрать показанія: какая именно, по его мнѣнію, была болѣзнь и какія лекарства были употреблены противъ нея. Чаще всего смерть зависитъ отъ апоплексіи (чжун-фынь). Смотра по-тому, занимала ли болѣзнь части нару-жныя, или внутреннія, на трупѣ замѣ-чаются признаки наружныя или вну-тренніе. Къ первымъ принадлежатъ: раскрытіе рта и глазъ на которую-нибудь сторону, пальцы рукъ сжатые въ кулакъ, отвороченные края раны, желтоватый цвѣтъ кожи и мягкость ея при давленіи. Если болѣзнь занимала внутреннія части, то на трупѣ незамѣ-тно ни одного изъ сказанныхъ призна-ковъ, исключая желтоватый цвѣтъ и мягкость кожи. При жизни, если бо-

лѣзнь занимаетъ наружныя части, большой чувствуетъ ознобъ и тѣло, зубы имѣютъ сжатые, нао рта выте-каетъ слюна, губы раны разлзываются а при страданіи внутреннхъ частей въ тѣлѣ чувствуется холодъ, ротъ от-крывается съ трудомъ, рѣчь бываетъ неясная, губы раны не расходится жду собою.

Китайцы причину апоплексіи при-нимаютъ вышній, вредно-дѣйстви-щій воздухъ, вошедшій въ тѣло и на-рушившій нормальное состояніе крови и воздуха, ихъ отношеніе другъ къ другу; въ-слѣдствіе чего кровь, и шившись водителя своего (воздухъ ей со-бствуетъ движенію крови по сосу-дамъ), скопляется, останавливается и верхней части тѣла — въ груди, въ плечахъ, и производитъ разные припад-ки оканчивающіеся смертью, или тѣмъ параличомъ какой-нибудь части тѣла.

Во время драки, удары могутъ быть наносимы или рукою, или какою-нибудь орудіемъ. Раненія рукою, или ногою въ рѣдкихъ случаяхъ соединяются съ нарушеніемъ цѣлости кожи и обод-риваются чаще всего пятнами ране-наго цвѣта, зависающими отъ припад-чиванія крови подъ кожу. Знаки раненія рукою (кулакомъ) чаще бываютъ на верхнихъ частяхъ — на лицѣ, на плечахъ, на груди, на верхней части спины, на верхнихъ частяхъ бедра и т. д.; знаки же отъ пинга (поща, пощивою) чаще бываютъ: на животѣ, на ягодицахъ, на втородныхъ частяхъ (еще всего).

Орудіями при дракѣ могутъ быть деревянная палка, расколотый бамбукъ, доска, полѣно, каменная палица, обухъ топора, кирка, то-мень, черепица, подошва башмака, сталь, тонкая и т. п. Знаки раненія отъ нихъ могутъ быть на различныхъ частяхъ тѣла. Если ударъ нанесенъ на-мѣреніемъ вѣрить убить человека, то рана занимаетъ болѣе-важные мѣ-ста: голову, поясницу, втородныя части. При гвѣтѣ, какъ это чаще быва-етъ въ дракѣ, удары наносимы на-рабаора на разнцахъ тѣла.

Раны на трупѣ имѣютъ различный видъ, смотря по формѣ и веществу орудія, которыми произведены. Знаки отъ удара кулакомъ, ладонью, ногою бываютъ по-большой-части кругловатыя, и продолговатыя, и сохраняютъ на себѣ весьма-долго слѣды пальцевъ, обвенно на частяхъ мягкихъ, на-примѣръ, на щекѣ при ударѣ ладонью. Раны отъ какихъ-нибудь орудій могутъ быть: продолговатыя, круглыя, квадратныя и т. д., могутъ разрывать кожу болѣе или менѣе, проникать до костей и, наконецъ, соединяться съ переломами кости. Въ ранахъ ливныхъ, съ явнымъ нарушеніемъ цѣлости части, глубокихъ, по-большой-части можно предполагать ударъ деревянными удями, а при ранахъ угловатыхъ, изокруглыхъ, ударъ кирпичомъ, черепомъ. Если рана будетъ квадратная, рогатая, сопряженная съ изліяніемъ крови, переломомъ кости, имѣть червато-красный, или черный цвѣтъ, это показываетъ жестокость ея и вѣстѣ съ тѣмъ мощную силу удара таллическимъ орудіемъ.

При освидѣтельствованіи трупа всегда должно стараться узнать отъ преступника, если онъ находится при дѣствіи, или отъ свидѣтелей, о самомъ орудіи, которымъ нанесены раны, и если можно, достать это орудіе и сравнить его съ ранами. Это по-большой-части не легко бываетъ исполнить, потому-что виновные, стараясь скрыть орудіе, бросаютъ его далеко отъ места преступленія. Не смотря, однако, на это, не должно оставлять попытку убѣдить, принудить преступника представить употребленное орудіе, или показать мѣсто, куда его бросилъ. Часто сметливость, и тщательность производящаго слѣдствіе, по явному наружному виду раны можетъ быть приблизительное, а иногда и совершенно-вѣрное попятіе о самомъ орудіи, когда нѣсколько словъ, съ увѣренностію высказанныхъ, могутъ привести преступника къ сознанію и сбить его съ думанныхъ отговорокъ, такъ-что онъ найдетъ что говорить въ свое оправ-

даніе, представить или наизменуеъ орудіе и тѣмъ пояснить все дѣло. При составленіи протокола нужна полнота его и подробность, а потому, кромѣ изустныхъ показаній, необходимо представленіе самого орудія. Равнымъ образомъ въ протоколѣ должны быть съ точностью описаны: форма, величина, глубина, цвѣтъ и т. д. ранъ, съ показаніемъ, какія онѣ занимаютъ мѣста: опасныя, или менѣе-опасныя для жизни. При описаніи раны болѣе жестокой противъ другихъ, надобно означать, на которой сторонѣ тѣла она находится: на правой, или на лѣвой; притомъ, который конецъ ея, или край претерпѣлъ, по-видимому, большую силу удара, чтобъ изъ этого можно было заключить, что виновный, во время совершенія преступленія, употреблялъ правую или лѣвую руку. Это иногда необходимо для улики, особенно, если преступникъ привыкъ лучше дѣйствовать лѣвою, нежели правою рукою (лѣвшя). Раны лѣвой половины тѣла означаютъ, что преступникъ дѣйствовалъ правою рукою, а раны правой стороны предполагаютъ ударъ лѣвою рукою; у дѣйствующихъ лѣвою рукою на оборотъ. Раны, находящіяся болѣе назадъ (къ спинѣ), показываютъ, что при нанесеніи удара преступникъ стоялъ спиной. Раны, наносимыя правою рукою, бываютъ жесточе наносимыхъ лѣвою; у лѣвши на оборотъ. Часть раны, обращенная къ рукояткѣ орудія, принимаетъ большую силу удара, и бываетъ глубже противъ той части, на которую дѣйствовалъ конецъ орудія. Все это важно, если не отдѣльно само по себѣ, то въ совокупности съ другими признаками, и не должно быть оставляемо безъ вниманія при точномъ изслѣдованіи.

II. Знаки раненія отъ пинка и смерти, отъ того послѣдовавшая.

Знаки раненія отъ пинка имѣютъ нѣкоторыя особенности и изслѣдованіе ихъ производится по правиламъ,

нѣсколько отличныхъ отъ выше-изложенныхъ. Пшникомъ наносятся удары по-большой-части на дѣтородные органы, потому что всякому злодѣю извѣстны чувствительность и опасность этихъ частей. Особенность изслѣдованія состоитъ въ томъ, что осмотръ обращается не только на дѣтородныя части, но и на другія отдаленныя, всегда выказывающія на себѣ нѣкоторые особые признаки при раненіи первыхъ. Осмотръ отдаленныхъ частей необходимъ, особенно тогда, когда на дѣтородныхъ частяхъ не найдено никакихъ признаковъ; но и при явныхъ признакахъ, осмотръ извѣстныхъ отдаленныхъ мѣстъ не должно опускать безъ вниманія, для подтвержденія, что смерть зависѣла отъ поврежденія, нанесеннаго именно на дѣтородныя части. Есть много примѣровъ, подтверждающихъ необходимость осмотра отдаленныхъ мѣстъ при поврежденіи дѣтородныхъ частей. Отдаленныя части, претерпѣвающія явное измѣненіе при поврежденіи дѣтородныхъ органовъ, суть: десна и макушка головы. На нихъ выступаютъ красноватая, багровыя пятна, то въ срединѣ, то на правой, то на лѣвой сторонѣ ихъ, что зависитъ отъ разности занимаемаго поврежденіемъ мѣста на дѣтородныхъ частяхъ: при раненіи правой стороны ихъ, пятна выступаютъ на деснахъ лѣвой стороны (на обѣихъ челюстяхъ); при раненіяхъ же лѣвой стороны — на правой, а при раненіи средины дѣтородныхъ частей у женщинъ и обонхъ личекъ у мужчинъ — пятна выступаютъ на срединѣ челюстей. То же и на макушкѣ: краснота на самой верхушкѣ ея показывается раненіе дѣтородныхъ частей вообще, а на лѣвой — раненіе правой стороны и наоборотъ, какъ у мужчинъ, такъ и женщинъ. Иногда на деснахъ не замѣчается никакихъ признаковъ, не смотря на то, что дѣтородныя части были ранены, какъ это часто и случается въ зимнее, холодное время; но на макушкѣ всегда сохраняются красноватая пятна, а потому при свидѣтельствovanіи, для избѣжанія

ошибокъ, надобно осматривать и десна, такъ и макушку.

Сочувственное отношеніе между дѣтородными частями, деснами и макушкою, объясняютъ тѣмъ, что сосудъ жемло и сосудъ ду-мо (кровеносные сосуды), начавшись in regione, вступаютъ первый чрезъ лобковыя кости перъ по срединѣ бѣлой линіи живота и оканчивается надъ подбородкомъ, вѣтвится отъ себя вѣтви къ вискамъ, частью второй (ду-мо) надъ остистыми отростками позвоночника восходитъ вверхъ къ задней части шеи и посредствѣмъ ея восходитъ на голову, къ макушкѣ; оттуда, посредствѣмъ лба по хребту носа спускается къ ложбинкѣ верхней губы, заворачивается здѣсь на внутреннюю поверхность губы и раздѣляется вѣтвями въ верхнихъ деснахъ. Не принимая, или, лучше, не повинавая какихъ назначеній нервовъ въ организмѣ, и подозрѣвая даже ихъ существованіе, или подозрѣвая какъ-то темнѣе, подлѣ подъ одно съ сухими жилами по бѣловѣ и витеобразной формѣ, называемъ черепной мозгъ и мозгъ спинной простокостнымъ мозгомъ, — китайскіе врачи всѣ важныя отравленія въ животной экономіи приписываютъ трубочкамъ, содержащимъ въ себѣ водуть и крои (кровеносные сосуды). При болѣзненномъ состояніи вѣтви сосудовъ, при раненіи ихъ и т. д., части, въ которыхъ они раздѣляются, должны претерпѣвать извѣстнаго рода измѣненія. Такъ послѣ удаленія личекъ, при колодеши, предпринимаемомъ всегда не съ хирургическою цѣлю — удалить органъ, какъ болѣзненный, а единственно для приготовления енуховъ (при этомъ удаляется прочь всё, словомъ — дѣлается человекъ чернымъ енухомъ), когда неизбежно ранится сосудъ жемло. Мужчины перестаютъ расти волосы и бороды. Такъ у дѣвицъ, послѣ перваго полового отравленія, спадаетъ волосъ, дѣлается грубѣе. По этой же самой причинѣ, послѣ смерти отъ удара вавсеннаго дѣтородныхъ частей, остаются пятна на деснахъ, или на макушкѣ.

Кромѣ макушки и десенъ, не должно ставить безъ осмотра в самыхъ дѣтородныхъ частей. На нихъ остаются: ли изліяніе крови, иногда припухлость, или открытыя раны; у мужчинъ погла яички приподнимаются кверху, акъ-бы уходять въ животъ. Въ такомъ случаѣ совѣтуютъ прикладывать на короткое время хлопчатую бумагу, напиванную теплымъ уксусонъ. Это поможетъ яичкамъ опуститься внизу, тогда можно будетъ узвать чрезъ ощупываніе: цѣлы ли они, или раздавлены, и п. Такое состояніе легко смѣшать съ грыжею, отъ которой человекъ безъ всякаго иногда наружнаго усилія можетъ помереть; но грыжа отличается тѣмъ, что въ мѣстѣ ея ощущается выбуваніе воздуха при давленіи, чего нѣтъ въ припухлости яичекъ отъ удара. (Грыжею Китайцы называютъ не выхождение кишекъ, но выхождение изъ желудка, составивъ такое повятіе изъ грчана, которое часто слышно въ грыжевомъ мѣстѣ). У женщинъ можетъ быть иногда воткнуто инородное тѣло внутрь дѣтородныхъ частей, что открывається внутреннимъ наслѣдованіемъ.

При раненіи дѣтородныхъ частей мучиться можетъ переломъ кости, находящейся надъ ними (os pubis), или переломъ костей въ другихъ мѣстахъ; явнымъ образомъ могутъ быть равныя раненія той или другой части тѣла. Поэтому осмотръ долженъ быть всегда полный, цѣлаго трупа, и всѣ находящіяся на немъ признаки должны быть свидѣтельствуемы подробно по общимъ правиламъ и описаны со всею точностью.

II. Осмотръ ранъ, нанесенныхъ острыми орудіями.

Трупъ зарѣзаннаго человека имѣеть глаза и ротъ открытые, волосы вколоченные, пальцы вѣсколькочкатые, на внутренней поверхности пальцевъ иногда бывають порѣзы, если человекъ хватался за ножъ убійцы. Раненное мѣсто опухло, губы раны отворочены,

а если рана проникаеть до внутреннихъ частей, то иногда и онѣ выходятъ наружу между губами раны. Кромѣ этого, очевидно, всегда есть кровь запекшаяся, или жидкая, иногда выхождение вага.

Раненія острыми орудіями могутъ находиться на равныхъ частяхъ тѣла, исключая тѣ случаи, когда ударъ нанесенъ былъ съ расчетомъ, или когда человекъ самъ себя зарѣзалъ; въ первомъ случаѣ, раны занимаютъ всегда опасныя для жизни мѣста, а во второмъ по-большой-части шею.

При наслѣдованіи зарѣзаннаго человека необходимо также знать, какиимъ именно орудіемъ онъ зарѣзанъ. Чаще всего выбирается ножъ, вѣроятно потому-что его всегда и вездѣ скорѣе можно достать. Кромѣ ножа можетъ быть употреблена ротатина или другое что-нибудь иглообразное; въ такомъ случаѣ рана называется *уколомо*. На различіи величины и формы орудія основывается различіе ранъ: при орудіяхъ большаго размѣра и раны имѣють большую величину, слѣдовательно, и болѣе опасны, разумѣется, относительно мѣста, ими занимаемаго, и раны малыя, нанесенныя небольшоимъ орудіемъ, могутъ быть опасны, если онѣ занимають важное для жизни мѣсто.

Послѣ собранія всѣхъ нужныхъ свидѣній, послѣ осмотра мѣста, гдѣ найденъ трупъ, и окружающихъ предметовъ, послѣ разспроса свидѣтелей, самого убійцы, если онъ пойманъ и т. д., какъ это дѣлается при свидѣтельствovanіи каждаго трупа, должно стараться, какъ уже сказано, отыскать и самое орудіе и сравнить его съ ранами на трупѣ. Если орудіе будетъ брошено подлѣ трупа и есть свидѣтели, доказывающіе, что оно дѣйствительно то, которымъ убитъ человекъ, или если самъ убійца сознается въ томъ, то, сдѣлавъ очеркъ его на бумагѣ, заставитъ подписаться подъ нимъ свидѣтелей, или даже самого злодѣя. Ту же предосторожность подобно соблюдать, если орудіе будетъ найдено въ другомъ мѣстѣ, по указанію убійцы

или другихъ людей. Оставшіеся слѣды крови на орудіи стараться сохранить, какъ лучшее доказательство при обвиненіи преступника. Не должно оставлять безъ осмотра платья, какъ на убійцѣ, такъ и на убитомъ: кровь на платьѣ злодѣя послужитъ къ подирѣпленію другихъ обвинительныхъ обстоятельствъ, а кровь на платьѣ убитаго, количествомъ своимъ и мѣстомъ, гдѣ она находится, можетъ показать мѣсто раненія и отчасти жестокость самой раны. Вообще, прежде, нежели платье будетъ снято, надобно подробно осмотрѣть его на трупѣ, замѣтить вещество, изъ котораго оно сдѣлано, порядокъ, въ которомъ оно находится, а въ мѣстахъ, покрытыхъ кровью, должно смотрѣть: нѣтъ ли отверстій, прорѣзовъ, а когда они будутъ, то замѣтить ихъ величину, чтобъ съ нею можно было сравнить величину орудія и величину раны. Окончивъ это, можно позволить снять платье съ трупа и приступить къ дальнѣйшему осмотру.

Раны на частяхъ мягкихъ, отъ орудія тяжелаго, длиннаго, бываютъ широкія и глубокія; на частяхъ, прилежащихъ къ костямъ, онѣ поверхностныя и нерѣдко бываютъ соединены съ переломомъ, или проломомъ кости. Раны на частяхъ мягкихъ отъ остраго орудія имѣютъ одинакую глубину по всему своему протяженію, такъ что трудно отличить, на которой части раны орудіе прижималось сильнѣе. Это зависитъ отъ того, что острое орудіе рѣжетъ одинаково по всей длинѣ своей, хотя близь рукоятки оно прижимается сильнѣе. При ранахъ брюшныхъ, проникающихъ въ брюшную полость, часто выпадаютъ кишки, желудокъ, и если при этомъ были ранены и эти части, то вытекаетъ наружу калъ, или остатокъ пищи. Осматривая выпавшія наружу кишки, можно находить на нихъ прорѣзы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ-будто раненіе было нанесено въ нѣсколько приѣмовъ. Это зависитъ отъ формы положенія кишокъ въ животѣ: свернувшись въ нѣсколько оборотовъ, онѣ, при первомъ проника-

ніи орудія въ брюшную полость, выпадаютъ подъ него въ нѣсколькихъ мѣстахъ. При раненіяхъ на шеѣ, особенно, если эта часть тѣла зараженъ была избрана для удара, по-большой-части бываетъ перерѣзано горло, или боковыя части шеи; въ первомъ случаѣ, крови изливается немного, а во второмъ — въ большомъ количествѣ. Горло можетъ быть перерѣзано или выше кадыка (ротумъ адамі), или ниже его, имѣть на себѣ, кромѣ того, отъ сканія рукою, опухлость, и т. д. Часто шея бываетъ ранена сзади, при чемъ бываютъ переломы кости; а иногда рана такъ глубока, что почти отдѣляется голову отъ туловища, и бываютъ случаи, что она совершенно отрублена. Кромѣ головы, и другія части, какъ-то руки, ноги, могутъ быть отдѣлены отъ туловища и находиться или вблизи его, или въ некоторомъ разстояніи. Въ этомъ случаѣ, надобно измѣрять пространство, на которое отрубленныя части отстоятъ отъ трупа, осмотрѣть эти части: покрыты ли онѣ кровью и въ комъ количествѣ, приложить къ трупу и замѣчать, приходятся ли онѣ на свои мѣста, или нѣтъ. Это необходимо для того, чтобъ узнать, были ли части отдѣлены отъ туловища у живаго человѣка, или у трупа, какъ нерѣдко бываетъ, если хотѣть человека, утерявшаго какую-нибудь смертію, представить за взрубленнаго.

Раны орудіями колющими, и глубокими, бываютъ не широки, но сравнительно глубже ранъ орудіей рѣзающихъ; притомъ такіа раны имѣютъ иногда по два отверстія — одно, въ которое вошло орудіе, другое, гдѣ вышелъ конецъ его. Первое бываетъ круглое, если орудіе было кругло, и угловатое, если орудіе имѣло эту форму, и т. д.; второе также можетъ быть или круглое, или угловатое. большею же частію оно удерживаетъ круглый видъ; иногда его совсѣтъ не бываетъ, а только наліяніе крови на мѣстѣ его, если конецъ орудія не преникъ наружу. Раны колющими орудіями бываютъ соединены съ налія-

нѣ крови, иногда съ изліяніемъ мочи, сала, при раненіи, на-примѣръ, кипокъ мочевого пузыря, съ переломомъ кости; въ нихъ остаются иногда отломки орудія и т. п.

При освидѣтельствованіи зарѣзаннаго трупa, необходимо имѣть въ виду, если можно, орудіе, которымъ убитъ человѣкъ: по слѣдамъ крови, остающимся иногда на немъ, можно будетъ судить о времени, когда было убійство. Случается, что на представленномъ орудіи не замѣтно никакихъ слѣдовъ крови. Это показываетъ, что орудіе было обмыто вскорѣ послѣ бійенія, или что оно совсѣмъ не то, которымъ дѣйствовалъ убійца, а изъ мысла перешѣнено другимъ или самимъ виновникомъ, или посторонними людьми. Для избѣжанія ошибки и ложнаго заключенія въ такомъ случаѣ, должно испытать слѣдующее средство: акалить представленное орудіе надъ горячими углями и намочить потомъ орoшимъ (кряжикомъ) уксуcomъ. Если этимъ орудіемъ былъ убитъ человѣкъ, то на немъ окажутся слѣды крови; въ противномъ случаѣ—оно останется чистымъ, какиmъ было и до накаленія. Иногда на орудіи бываетъ ржавчина, особенно если оно лежало долгое время на открытомъ воздухѣ и въ сырости; въ такомъ случаѣ трудно опредѣлить, покрыто ли орудіе ржавчиною, ли это есть спекшаяся кровь, и находится ли подъ ржавчиною кровь, или нѣтъ. Известно, что ржавчина желтаго цвѣтомъ своимъ походитъ на запекшуюся кровь. Пользуясь такимъ способомъ, могутъ найдтися люди, которые обыкновенную ржавчину будутъ изывать человеческою кровью, или имъ преступникъ будетъ доказывать, что на орудіи не кровь, а ржавчина. Чтобы выйти изъ затрудненія и не впасть въ обманъ, совѣтуютъ въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ слѣдующему способу, много разъ испытанному: положить на орудіе теплымъ воздухомъ. Щущаемый запахъ крови при этомъ доказываетъ, что орудіе покрыто не ржав-

чиною, а кровью, или что со ржавчиною вмѣстѣ на немъ есть и кровь.

Умерщвленіе самого-себя острыми орудіями называется самозарѣзаніемъ. Признаки, отличающіе самозарѣзаннаго, суть слѣдующіе: желтый цвѣтъ трупa, пальцы рукъ болѣе или менѣе сжатые; иногда въ рукахъ находится то орудіе, которымъ умертвилъ себя человѣкъ, волосы и платье въ порядкѣ, глаза и ротъ закрыты, подвижность той руки, которою дѣйствовалъ самоубійца, при одѣреветности прочихъ частей тѣла. Всѣ эти признаки, исключая желтоватый цвѣтъ и подвижность той или другой руки, непостоянны, а могутъ измѣняться, смотря по состоянію духа, въ которомъ убиваетъ себя человѣкъ, и даже—по причинѣ, побудившей его къ тому.

Обстоятельства, побуждающія людей къ самоубійству, многоразличны. Часто причиною его бываетъ гнѣвъ, ненависть; тогда трупъ имѣетъ зубы сжатые, глаза полуоткрытые и устремленные къверху. У самоубійцы отъ скуки—глаза бываютъ нѣсколько сжаты, ротъ полуоткрытъ, зубы нестигнуты. Это зависитъ отъ-того, что такіе люди при жизни имѣютъ несвободное дыханіе, часто держать ротъ открытымъ, въ какомъ положеніи онъ остался у нихъ и послѣ смерти. Если человѣкъ зарѣзался изъ опасенія наказанія, то трупъ его имѣетъ ротъ и глаза совершенно-закрытые, лицо спокойное, потому-что такой человѣкъ надѣялся найти въ смерти лучшее, какъ-бы приготовлялся къ ней, желалъ ее и умираетъ безъ страданія.

Раны на трупахъ людей самозарѣзавшихся бываютъ различны. Онѣ и здѣсь зависятъ отъ орудія—его величины, формы и т. д. Орудіемъ чаще всего избирается ножъ. Раны отъ малаго ножа бываютъ величиною въ 1, 1½ и 2 вершка, а отъ большаго въ 3, 4 и болѣе вершка. Всѣ порѣзанныя раны бываютъ соединены съ изліяніемъ крови, а иногда и съ изліяніемъ жидкостей, содержащихся внутри, при раненіи, на-примѣръ, зу-

тренистей. Раны на частяхъ мягкихъ всегда при началѣ своемъ (откуда начался порѣзъ) бываютъ глубже, жесточе, а при концѣ — поверхностѣе. Это зависитъ отъ-того, что человекъ сначала сильнѣе прижимаетъ ножъ, а послѣ — отъ боли, испуга, безсилія — гораздо-слабѣе. На трупѣ самоубійцы никогда не можетъ быть болѣе двухъ, или, много, трехъ ранъ; чаще — одна, и притомъ онѣ никогда не могутъ быть соединены съ переломомъ кости.

Мѣстомъ порѣза избирается чаще всего шея, передняя часть (дыхательное горло), или боковыя ея части. Въ первомъ случаѣ не бываетъ большаго кровотечения, и рана не такъ ужасна на видъ, — человекъ умираетъ отъ прекращенія дышанія. Во второмъ, при обильномъ кровотеченіи, слѣды котораго остаются на платкѣ, или на землѣ, рана по-большой-части бываетъ длиннѣе и шире, потому-что, занимая мягкія части, она припухаетъ, расширяется. Человекъ умираетъ въ этомъ случаѣ отъ кровотечения. При перерѣзаніи передней части шеи (дыхательнаго горла), если рана не такъ глубока, что горло остается цѣлымъ на задней части и самоубійцу встали еще живымъ, есть возможность спасти его. Въ медицинскихъ книгахъ предложены для этого способъ, состоящій въ сшиваніи горла нитками и приложеніи сверху трута (приготавлиаемаго изъ листьевъ полыни) и лекарствъ, уменьшающихъ боль.

Въ изслѣдованіи ранъ на трупахъ самоубійцъ, важно различіе, которою рукою нанесены онѣ — правою или лѣвою: отъ этого зависитъ различіе и въ самомъ мѣстѣ, занимаемомъ раной, и въ жестокости раны, что въ-особенности относится къ шеѣ, которую, какъ замѣчено, чаще всего человекъ перерѣзываетъ при самоубійствѣ. Если будетъ употреблена правая рука, то рана начинается отъ лѣваго уха, или нѣсколько-ниже, и впереди его, и простирается по боковой части шеи до горла, которое можетъ быть или перерѣзано, или оставаться цѣлымъ. Рана лѣ-

вою рукою будетъ начинаться на правой сторонѣ шеи, ниже уха. При перерѣзаніи горла правою рукою, рана будетъ начинаться на лѣвой сторонѣ его, оставляя правую часть свободною, или едва-надрѣзанною; рана же лѣвою рукою будетъ имѣть направленіе, противное этому. Въ отношеніи жестокости ранъ и смертельности ихъ, раны лѣвою рукою смертельнѣе ранъ, нанесенныхъ правою, такъ-что изъ стъ человекъ, перерѣзавшихъ себѣ горло лѣвою рукою и найденныхъ еще живыми, чрезъ сошвеніе раны можно было спасти только, одного тогда-когда отъ ранъ правою рукою — изъ десяти можетъ остаться живымъ одинъ. Въ медицинскихъ книгахъ замѣчаютъ, что и при ранахъ правою рукою, если будетъ поврежденъ надикъ (postum diti), спасеніе сомнительно и едва-ли возможно. Жестокость ранъ лѣвою рукою противъ ранъ правою рукою зависитъ отъ того, что правая рука, употребляемая человекомъ при всѣхъ дѣйствіяхъ, проворнѣе, чувствительнѣе лѣвой и при испугѣ человека, отъ боли, солроганія тѣла, дѣйствуетъ слабѣе, или совершенно останавливается, тогда какъ лѣвая рука, менѣе подвижная, и при сильной боли долѣе-выживаетъ орудіе съ одинакою силою. Вотъ причина, почему раны правою рукою при началѣ своемъ бываютъ глубже, нежели на концѣ, а раны лѣвою рукою — одинаковы по всей длинѣ своей. Это можно сказать касательно ранъ на трупахъ людей, привыкшихъ дѣйствовать правою рукою; но наоборотъ должно разумѣть о ранахъ на трупахъ людей, употреблявшихъ лѣвую руку (у лѣвшей), у которыхъ раны лѣвою рукою будутъ таковыя, какъ у первыхъ правою. Изъ этого видно, какъ необходимо, при изслѣдованіи труповъ самоубійцъ, узнавать отъ родственниковъ, или тѣхъ, кто звалъ ихъ при жизни, какою рукою они дѣйствовали. Нужно ли прибавлять здѣсь, что точность изслѣдованія требуетъ также знанія: какого характера былъ самоубійца — психаго, буйнаго; сколько имѣлъ лѣтъ отъ

оду, какой родъ жизни велъ, въ какомъ состояніи духа находился предъ самоубійствомъ, какія обстоятельства его жизни предшествовали этому и т. . Наконецъ, надобно узнать и самое время, если то будетъ можно, въ какое время человекъ лишилъ себя жизни. Отъ ладѣтелей, если самоубійца привадежалъ кому, должно потребовать рѣшность на него и узнать, какъ потупали они съ нимъ при жизни.

Весьма часто случается, что на трупѣ человека, умершаго естественною смертію, или хотя и насильственною, но не отъ остраго орудія, по разнымъ причинамъ,—на примѣръ, чтобъ обвинить другаго въ смертоубійствѣ, чтобъ жавать, что человекъ самъ себя зарѣзалъ, иногда, чтобъ доказать, что задушенный, задавленный человекъ есть зарѣзанный и т. д.,—дѣлаются новыя раненія, такъ-сказать, искусственныя, которыя надобно умѣть отличить отъ ранъ настоящихъ, нанесенныхъ живому человеку. Здѣсь описываются признаки, отличающіе тѣ и другія раны. Ранамъ, нанесеннымъ человеку при жизни, свойственны: кровоточивость болѣе или менѣе сильная, припухлость, раскрытіе краевъ раны, неодинаковость цвѣта губъ раны, которыя бываютъ или пестроваты, или желтоваты, какъ-бы покрыты студенистымъ, желтоватымъ веществомъ, особенно въ ранахъ, провицающихъ глубоко, до костей. Ни одного изъ этихъ признаковъ не замѣчается на ранахъ, сдѣланныхъ на трупѣ. Обыкновенно онѣ бываютъ сухи, или съ малымъ изліяніемъ крови, имѣютъ блѣдный цвѣтъ, не припухаютъ, не растягиваются въ стороны, и отверстіе ихъ представляется узкимъ; губы не бываютъ покрыты студенистымъ, желтоватымъ веществомъ. Если въ эти раны будетъ съ умысломъ вложено орудіе, или часть его, то оно лежитъ въ нихъ свободно и легко извлекается, тогда-какъ въ ранахъ, нанесенныхъ живому, оно сидитъ крѣпче и нелегко можетъ быть вытаскано. При отсѣченіи какой-либо части тѣла у живаго человека,

поверхность раны бываетъ неровная, мясо и кожа на ней отворачиваются кнаружи, приподнимаются; оставшіеся кусокъ кости входитъ внутрь и иногда совершенно закрывается мясомъ. Кроме того, бываютъ и вышеописанные признаки: вытекшая кровь въ значительномъ количествѣ, выпотѣніе студенистой влаги и др. При отсѣченіи же члена у трупа, поверхность раны бываетъ ровная, кожа и мясо не отворачиваются, кость выдается наружу, крови почти незамѣтно, равно какъ и выпотѣвшей студенистой влаги. На примѣръ: при отнятіи головы у живаго человека, въ вхожденія костей шенъ внутрь и заворачиванія мяса и кожи кнаружи, ключицы и плеча поднимаются нѣсколько кверху, чего не бываетъ съ ними, если голова будетъ отсѣчена у трупа: онѣ остаются на обыкновенной своей высотѣ, и на равнѣ незамѣтно признаковъ, свойственныхъ ранамъ, нанесеннымъ при жизни.

При исчисленіи разныхъ случаевъ, въ которыхъ, безъ знанія вышеописанныхъ признаковъ, могли бы истѣтаться затрудненія въ различіи истинныхъ ранъ отъ искусственныхъ и произойти неправильныя заключенія, чаще всѣхъ выставляется тотъ, въ которомъ нужно бываетъ опредѣлить: дѣйствительно ли представленныя мужемъ на судъ головы жены и любовника ея отрублены за нарушеніе супружескаго права, или они были убиты нимъ въ разное время, разными способами и по разнымъ причинамъ, на примѣръ: изъ ненависти, за карточною игрою; когда знакомый былъ у него въ домѣ, онъ зарѣзалъ его; или изъ одной ревности, въ гнѣвѣ — задушилъ жену свою и послѣ уже, боясь казни за смертоубійство и зная положеніе законовъ—прощать мужа, если онъ убьетъ жену свою и соблазвителя ея за невѣрность, — принесъ въ жертву или другаго. Кроме сказанныхъ способовъ различать разнаго рода раненія, предлагается особое средство собственно для узнаванія, точно ли убійство сдѣлано мужемъ во время

преступленія жены. Оно весьма-любопытно по своей странности и стоит того, чтобъ здѣсь сказать о немъ. Надобно взять кадку порадочной вѣстимости и наполнить ее водою; воду палкою привести въ круговое движеніе и въ это время опустить въ нее насѣдуюемыя головы. Если онѣ приблизятся одна къ другой носами, то это рѣшительное дѣло, и мужъ съ тѣлою добродѣтельнаго остается въ живыхъ, прославляя справедливость тысячелѣтнихъ законовъ и ихъ ребяческіе способности открывать истину!

Человѣкъ, убитый другимъ, можетъ быть иногда выдается за самоубійцу, для чего на шеѣ его дѣлаютъ искусственныя раны. Отличіе подлога въ этомъ случаѣ будетъ состоять въ отсутствіи тѣхъ признаковъ, которые свойственны трупамъ самоубійцы, т. е. на немъ будетъ не одна, какъ у большей части самоубійцы, а нѣсколько ранъ, и притомъ, не на одной шеѣ, а на другихъ частяхъ тѣла, зависящихъ отъ сопротивленія человѣка его врагамъ; волосы и одежда у него будутъ въ беспорядкѣ, руки одорвенныя, какъ и прочія части тѣла, тогда-какъ у настоящаго самоубійцы та рука, которою дѣйствуютъ, остается мягкой и подвижною и достаетъ до того мѣста, на которомъ находится рана. Случается, что и у труповъ людей, убитыхъ другимъ, та или другая рука сохраняетъ въ некоторую подвижность, но никогда не можетъ достать до раненаго мѣста.

IV. Признаки, которыми отличаются трупъ удушенника.

Какъ въ другихъ видахъ насильственной смерти, такъ и въ удушеніи, человѣкъ-можетъ или самъ повѣситься, или быть удушенъ другимъ; но въ послѣднемъ случаѣ рѣже бываетъ удушеніе живого человѣка, а чаще вѣшаютъ мертвеца, чтобъ скрыть какою-нибудь другою вѣдью убійство подлѣ самоудавленія. Общія признаки людей, удавленныхъ при жизни, состав-

ляютъ: открытые глаза, багровое лицо, очертившія губы, открытый ротъ, сжатые зубы и ущемленный щелку ими языкъ, или разжатые зубы и свободно-высунутый языкъ во рту. Это зависитъ отъ разности наложенной веревки: если она будетъ сжимать гортань ниже кадыка, то зубы бываютъ разжаты и языкъ свободно виситъ во рту; при сжатіи же гортани выше кадыка бываетъ наоборотъ. Къ признакамъ удушеннаго принадлежатъ также: мученіе слюны во рту, прижатіе ладоней обѣихъ рукъ къ ладонямъ, выпяченныя пальцы, обращенныя къверху, выпяченныя на ногахъ, какъ-бы отъ обожженія, опущеніе внутренностей животнаго, чернота кожи на брюхѣ, испраженіе мочи и кала; иногда вытеченіе слюны матеріи изъ дѣтороднаго чрева, нѣсколькихъ капель крови изъ трахеи и кишки; а иногда выпаденіе ея; выпаденіе на шеѣ отъ веревки; сама веревка, если она не снята съ шеи, и т. д.

Какъ-скоро сдѣлается извѣстно, что въ такомъ-то мѣстѣ найдены удушенныя тѣла, то прежде, чѣмъ нужно отправиться на сдѣловіе, надо узнать отъ доносителя, — будетъ ли онъ полицейскій служитель, или частный человѣкъ, владеющій мѣстомъ, гдѣ находится удушенникъ и т. д. — Спрашивалъ ли онъ отъ кого объ удушеніи или самъ узналъ его; гдѣ тебѣ кому принадлежитъ оно; на какомъ мѣстѣ повѣшенъ человѣкъ; за какою веревку; куда обращены липки; что на немъ платье, и проч. По полученіи на сдѣловіе, все это должно записать на самомъ дѣлѣ, и прежде, нежели вѣнчикъ будетъ снятъ (разпутанъ), ли въ немъ нѣтъ признаковъ, способныхъ отнестись родствамъ его, или дѣлать, хозяевъ, у которыхъ онъ находится, узнать отъ нихъ, давно ли онъ повѣшенъ, скоро ли узнали объ удушеніи, сколько ему дѣтъ, какою онъ занимался до удушенія и т. д., а также должно обратить вниманіе на то, гдѣ находится удушенникъ, въ какомъ мѣстѣ его предметы, и т. д. — Стояніе — отъ земли до мѣста повѣшенія

нїя веревки, отъ земли до ногъ и отъ лопы до прикрѣпленїя веревки; есть и какія вещи у ногъ удавленника, на которыя бы онъ могъ встать въ то мѣсто, какъ клалъ шею въ петлю; имѣетъ ли онъ на себѣ слѣды ногъ, особенно въ грязное время, и отличить ихъ съ увѣру на удавленномъ; осмотрѣть мую веревку: толстая ли она или вѣвая, круглая или плоская; изъ го свита, и попробовать, туго или або натянута; постучать по ней пачкою и слушать звукъ, отъ того исходящїй. Болѣе-звонкїй, особаго на звукъ, покажетъ, что человекъ авился самъ, а при звукѣ другаго да, что привыкшїй легко отличить, можно полагать повѣшанїе другимъ. имѣтнть, къ чему привязана веревка какъ: узломъ, или петлею; будетъ ли матица комнаты, сукъ дерева и т. д. въ первомъ случаѣ, не лишне осмотѣть пылъ на матицѣ: разбросана ли а въ стороны, или не имѣетъ на себѣ какнхъ слѣдовъ, кромѣ того мѣста, гдѣ переходитъ веревка. Этотъ при- знакъ, хотя повиданному, и маловаж- нїй, иногда можетъ пояснить весьма оное. Человекъ, имѣя намѣренїе уда- ться, бываетъ неспокоенъ, спѣшитъ, отъ того, когда привязываетъ верев- ку къ матицѣ, стираетъ съ нея всю пылъ,—чего не бываетъ, если другой, не самъ удавленный перебросилъ ве- ревку чрезъ матицу. Разумѣется, это всегда можетъ такъ быть, и брать ннѣ такой признакъ за доказатель- ю, что человекъ былъ удавленъ дру- гимъ, никогда не должно. Наконецъ, вдуеть осмотрѣть, какъ затянута ве- река на шеѣ: узломъ или петлею, сколько разъ обходитъ ее и какъ на- давлена: ближе ли къ ушамъ, или бо- лѣе къ срединѣ затылка. Почти ни- гда, особенно при самоудавленїи, веревка не переходитъ чрезъ щени и лежитъ такъ, чтобы прижимала бо- ныя части шеи. Въ такомъ положе- нїи—трудно давиться.

Кончивъ этотъ предварительный отръ, удавленника должно снять съ земли и для дальнѣйшаго свидѣтель-

ствованїя перенести въ мѣсто болѣе- удобное, если будетъ нужно. Знаки отъ веревки на трупахъ тучныхъ бы- ваютъ глубже, у сухощавыхъ—повер- хностиѣ, равно какъ и отъ веревки тонкой, крѣпко-свитой; но отъ веревки мягкой, плоской, отъ холста, или другой мягкой вещи, они бываютъ ши- рокїе. Если веревка была наложена петлею, а не обернута кругомъ шею нѣсколько разъ, то знакъ, послѣ нея остающїйся, имѣетъ направленїе отъ средней и передней части шеи къ за- тылку, позади обомхъ ушей, гдѣ онъ расходится такъ, что знакъ, идущїй по правой сторонѣ, не соединяется съ знакомъ лѣвой стороны, отъ чего об- разуются на затылкѣ двѣ линїи, пред- ставляющїя букву «па» (восемь), у которой черты несомкнуты вверху. Это постоянный и вѣрный признакъ давленїя. Отсутствїе его возможно только тогда, если послѣ наложенїя петлею веревка еще будетъ обернута около шеи нѣсколько разъ, но и въ та- комъ случаѣ, при внимательномъ осмот- рѣ, можно иногда замѣтнть, кромѣ прямого знака, огибающаго шею кругомъ, который и будетъ явственнѣе, другой знакъ—едва видный, идущїй позади ушей къ затылку и описываю- щїй сказанную букву числа восемь (па). Направленїе веревки позади ушей къ затылку зависитъ отъ-того, что чело- вѣкъ, надѣвъ на шею петлю, никогда не можетъ затянуть ее крѣпко, отъ-че- го веревка, будучи натянута тяже- стїю тѣла, поднимается вверху и оста- вляетъ заднюю часть шеи и даже нѣ- сколько боковыя ея части свободными (неприжатыми), проходя позади ушей до бугорка затылочной кости, гдѣ и оканчивается ея узелъ. Петля ннѣ узелъ неплотно прилегаетъ къ кости затылка, а потому и не оставляетъ на ней никакого знака, который превра- щается еще тамъ, гдѣ концы веревки отъ бугорковъ позади ушей (*processus mastoideus ossis temporis*) направляются нѣсколько къ срединѣ и вверху къ своему узлу на затылкѣ. Вотъ почему знакъ на шеѣ отъ веревки имѣетъ

очертаніе похожее на букву числа восемь (па), съ несоединенными чертами вверху.

Кромѣ сказаннаго направленія, звукъ, оставшійся послѣ веревки, отличается пятнами отъ излившейся крови, вдавленіями, соотвѣтствующими извивамъ веревки. Изліяніе крови бываетъ значительнѣе на передней части шеи, на самомъ горлѣ, которое должно быть болѣе или менѣе сжато; а вдавленіе на немъ глубже, сравнительно съ другими мѣстами шеи. На боковыхъ частяхъ шеи и позади ушей, какъ изліяніе крови, такъ и вдавленія бываютъ менѣе. Это зависитъ отъ того, что тяжесть тѣла болѣе упирается на переднюю часть шеи, а менѣе на боковыя ея части. Изліяніе крови можетъ быть и на другихъ частяхъ тѣла удавленнаго, особенно на животѣ, на ногахъ, гдѣ оно представляется въ видѣ неограниченныхъ пятенъ и зависитъ отъ-того, что кровь, прекращая свое теченіе при удавленіи, не можетъ скоро возвратиться внутрь тѣла, а разливается по разнымъ мѣстамъ его, подъ кожею. Пятна эти отличаются отъ пятенъ, происходящихъ отъ побоевъ, принятія яда и т. п., также могущихъ находиться на удавленномъ, тѣмъ, что они поверхности, ровны, сливаются незамѣтно съ цвѣтомъ кожи и мякни на ощупь. Здѣсь надобно замѣтить, что у сухощавыхъ, пожилыхъ людей, страдавшихъ болѣзною, иногда не бываетъ такого рода пятенъ, но на этомъ одномъ нельзя основывать доказательства того, что человекъ не самъ удавился, или что онъ повѣшенъ послѣ смерти, особенно, если большая часть възъ вышеописанныхъ признаковъ найдена на трупѣ.

Причинами самоудавленія могутъ быть тѣ же обстоятельства, какъ и при самозарѣзаніи; но замѣчено, что удавленіе бываетъ чаще въ слѣдствіе драки, излишней любви къ умершему родственнику, или другому лицу, ненависти, нерѣдко отъ сумасшествія.

Отъ разной высоты мѣста прикрѣп-

ленія веревки измѣняется и само положеніе удавленнаго: если веревка будетъ привязана къ матицѣ потолка в комнатѣ, или къ суку дерева, отстоящихъ отъ земли на высоту большаго роста человѣческаго и притомъ, если конецъ веревки между головою и шеею прикрѣпленія ея будетъ и слишкомъ - долготъ, такъ-что ноги и могутъ достать до земли, то трупъ будетъ висѣть, въ такомъ случаѣ, при высоте же менѣе, или при болѣе длинѣ веревки, которая можетъ иногда вытянуться въ тѣлѣ, удавленный доставетъ земли ногами, или колѣнами и склится на ту или другую сторону. Въ послѣднемъ случаѣ, и знаки отъ веревки на шеѣ измѣняютъ свое направленіе: пойдутъ или почти поперекъ чрезъ затылокъ, или впередъ уха и т. д., смотря по положенію трупа; во всякомъ случаѣ образуютъ собою и что похожее на букву па (восемь).

Нерѣдко, по необходимости, при удавленіи выбирается низкое мѣсто на-примѣръ, трюмъ корабля, куда падаетъ самоубійца, чтобъ его не увидѣла оконница тюремной комнаты, гдѣ въ предосторожности матица дѣлается такъ, что не выдается наружу, и вѣтъ большаго человекѣ, впротѣчетъ, въ такомъ положеніи трупа бы удавиться; но не малое число мѣтровъ доказало возможность въ кимъ образомъ лишить себя жизни. Обыкновенная рѣшимость и желаніе умереть помогаютъ въ такомъ случаѣ. Надобно, впрочемъ, иногда осторожну и не называть леникомъ всякій трупъ, у котораго на шеѣ найдена веревка. Во всякомъ случаѣ, низкое положеніе удавленнаго показываетъ, что удавленіе существовало какое-нибудь особенное обстоятельство, которое и надобно было бы скрыть.

Трупы людей, удавленныхъ, отличаются признаками, иными, нежели обыкновенными, и свойственны самоудавленнымъ: беспокойное лицо съ

искосенными глазами, растрепанные волосы, руки подняты къверху и сто ухваченныя за веревку, чернота знака отъ веревки на шеѣ, длинная дѣла веревки, или короткая, безпорядокъ въ платьѣ отъ согревѣнія и разные знаки раненій астиахъ тѣла.

Кслѣ этого понятны и тѣ признаки, которыми отличаются трупы люоповѣшенныхъ послѣ смерти, поимъ-нибудь причинамъ. У нихъ: не синѣетъ, глаза бываютъ открыты, языкъ не ущемляется между ими и не высовывается изъ рта; на ихъ частяхъ тѣла можно замѣтить мѣста, непохожія на тѣ пятна, каковыя бываютъ отъ прекращенія теченія крови у удушенныхъ при жизни; большыя пальцы кисти ручной не прижимаются къ ладонямъ; изъ дѣтороднадева и низа ничего не вытекаетъ; кровь на шеѣ отъ веревки не имѣетъ себѣ подтека крови. Знакъ отъ величина часто хотѣть поддѣлать искусственно, для чего проводятъ по тому ту шен, гдѣ должна лежать веревгорячимъ утюгомъ, что всякій отъветъ можетъ какъ простую ожогу. у человека сначала задущаетъ веюю, а послѣ повѣсятъ, то на шеѣ его трупа будутъ два знака: одинъ, азонавшійся при задущеніи, огиваіи шею кругомъ, съ явственнымъ вышнѣніемъ крови; другой—отъ повѣшаннѣющій одинъ цвѣтъ съ прочею сею трупа, или съ малымъ подтекомъ крови, если жизнь въ удушеніи не совсѣмъ прекратилась при поаніи, и направленный позади ушей средній затылка, какъ при удушеніи живаго. У повѣшеннаго послѣ пятія ада будутъ находиться признаки, показывающіе присутствіе яда тѣла. Бывали случаи, что тѣ, въ которыхъ удушился человекъ, ядали удушенника съ веревки и перенесли въ другое мѣсто, гдѣ или ядали его просто на землѣ, или на вѣшали, дѣлая все это безъ хъ умысловъ, а единственно для , чтобъ избавиться отъ непріятна-

го сосѣдства съ трупомъ и разныхъ допросовъ, неизбежныхъ при слѣдствіяхъ. Надобно быть весьма-осторожну въ подобномъ обстоятельствѣ и безъ собранія всѣхъ необходимыхъ слѣдствій не дѣлать заключенія по одному осмотру трупа, знаки на которомъ, такіе, или другіе, происшедшіе отъ повѣшанія при жизни, или послѣ смерти хотя и могутъ объяснить причину смерти, но одни сами-по-себѣ никогда не доведутъ до открытія всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ смерти и бывшихъ послѣ нея, что необходимо при полномъ и точномъ изслѣдованіи.

Случается, что родственники, или посторонніе снимутъ съ веревки удушеннаго, надѣясь разными средствами возвратитъ его къ жизни, и собравшіеся на слѣдствіе находятъ нелогично, вмѣсто повѣшеннаго—живаго человека, или (что бываетъ чаще) трупа, снятый съ веревки и перенесенный на другое мѣсто. Этимъ много затрудняется изслѣдованіе и измѣняются болѣе или менѣе признаки на трупѣ. Произведя надлежащій допросъ, кѣмъ и когда снятъ удушенный, были ли замѣтны въ немъ признаки жизни: бѣженіе пульса, дыханіе, и какія были употреблены средства къ оживленію его и т. д., должно осмотрѣть веревку, на которой висѣлъ удушенный, сравнить перегибы ея со вдавненіями на шеѣ и обратить вниманіе на лицо трупа и прочіе признаки, о которыхъ сказано выше. Здѣсь надобно еще замѣтить, что если человекъ висѣлъ непродолжительное время, то на трупѣ его тѣ изъ признаковъ, которые приняты за свойственные удушеннымъ, представляются нѣсколько-иначе: брюхо бываетъ раздуто равномерно на всемъ своемъ пространствѣ, языкъ рѣдко высунутъ изъ рта; не бываетъ выхожденія ни крови, ни испражнений.

Чтобъ доказать на трупѣ изгнившемъ, или на однихъ костяхъ причину смерти отъ удушенія, недостаточны, или бесполезны всѣ представлен-

ные выше признаки. Лучшимъ и послѣднимъ признакомъ въ такомъ случаѣ будетъ краснота на костяхъ макушки, происходящая отъ того, что кровь, по прекращеніи дыханія отъ сжатія горла, устремляется вверхъ къ макушкѣ головы и застаивается здѣсь, когда наступитъ смерть.

V. Признаки утопленника и способъ исследования ихъ.

Человѣкъ можетъ утонуть въ рѣкѣ, въ оверѣ и т. д., или въ колодецѣ и притомъ произвольно—отъ гнѣва, ненависти, боязни и проч., или нечаянно, при переходѣ чрезъ мостъ, упавъ ночью въ колодезь; или его утопятъ другіе по какимъ-нибудь причинамъ. Сверхъ того, въ воду можетъ быть брошенъ трупъ удушеннаго, отравленнаго и т. д. для того, чтобъ скрыть преступленіе и причину смерти. Трупъ утонувшаго или утопленнаго нескоро всплываетъ на поверхность воды; но спустя нѣсколько времени, которое бываетъ коротче при началѣ весны, когда еще холодно, а продолжительнѣе—лѣтомъ, при концѣ весны и при началѣ осени. Всплывъ на воду, трупъ чаще всего бываетъ обращенъ переднею частью тѣла вверхъ, что зависитъ отъ раздутія живота воздухомъ, который, слѣлавшись отъ того легче, поднимаетъ трупъ на поверхность воды. Въ такомъ положеніи по теченію воды, отъ движенія вѣтра, если вода стоячая, трупъ переносится съ одного мѣста на другое и нередко далеко отплываетъ оттуда, гдѣ утонулъ, или былъ утопленъ. Это обстоятельство надобно замѣтить и обратить на него особое вниманіе при изслѣдованіи, потому что часто то мѣсто, гдѣ замѣтили всплывшій трупъ, такъ мелко, что въ немъ человѣкъ утонуть не можетъ. По этому, прежде, нежели трупъ будетъ вытасченъ изъ воды и начнется осмотръ его, должно узнать: постоянно ли онъ находился на этомъ мѣстѣ, или приплылъ сюда и притомъ—съ какой сто-

роны: съ сѣвера, юга и т. д. Въ это время первый разъ замѣтилъ и утромъ, вечеромъ, или среди дня, когда трупъ будетъ вытасченъ изъ воды до прихода промывающаго слѣдствіе чиновника, то можно узнать, какъ глубоко мѣсто, гдѣ валя трупъ. Если человѣкъ былъ вытасченъ изъ воды вскорѣ послѣ того, какъ утонулъ, то должно узнать, если онъ живъ по вынутіи изъ воды, уже мертвъ, и какія были употреблены средства для оживленія его. Не вольствуясь показаніемъ того, куда таскивалъ трупъ, о глубинѣ мѣста должно послать при себѣ нѣсколькихъ, осмотрѣть дно его—возможна ли на немъ есть камни, торчавшія чья, старыя сваи и т. д. Сверхъ того надобно узнать, кому принадлежало мѣсто, гдѣ утонулъ человѣкъ, или живетъ противъ него. Черезъ это можно иногда узнать подошвы и нившій одишъ изъ воды, или съ другимъ, не дрались ли они между собою и т. д. Собрать предварительныя вышеописанныя свѣдѣнія, можно приступитъ къ осмотру трупа. Трупъ утопленника замѣтитъ слѣдующіе отличительные признаки: ротъ и глаза закрыты (рѣдко бываетъ наоборотъ), руки скрещены на груди, брюхо вздутое, слышится удареніи звукъ, подобный барабану, подошвы ногъ покрыты бѣлыми морщинами, водянистыя отеки въ носу и во рту; волосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязь, песокъ, илъ въ волосахъ, платьѣ, подъ ногтями и въ складкахъ. Эти признаки замѣтитъ слѣдующихъ обстоятельствъ: если человѣкъ при удушеніи въ воду вдругъ перестаетъ дышать, а при вдыханіи вода входитъ въ ротъ, который отъ нея и раздувается; того, что, упавъ въ воду и не успевъ стиснуться, человѣкъ хватается за что-нибудь, а подошвы ногъ въ складкахъ и подъ ногтями находятъ: илъ, песокъ и проч.

Находясь въ водѣ, утопленникъ замѣтитъ слѣдующее состояніе: при

ращенъ лицомъ внизъ, женщина — лицомъ вверхъ, нѣтъ и руки перевертыя ладонями вверху; но такое положеніе можетъ намѣниться, если чѣмъ нѣтъ при себѣ тяжелыя вещи.

На трупѣ утопшаго, пролежавшаго долгое время въ водѣ, сказанные признаки нѣсколько намѣняются: кожа сплываетъ, въ нѣкихъ мѣстахъ поднимаетъ пузырями, брюхо надувается весьма высоко, губы отворачиваются. Но на трупѣ оставался подъ водою продолжительное время, то онъ намѣняется до того, что не походитъ на человеческій трупъ: волосы на немъ выливаются, кожа при легкомъ прикосновеніи отстаетъ большими кусками, глаза выливаются, губы распухаютъ до того, что сливаются подъ одну массу, а кожа соединяется съ туловищемъ въ-что шея при этомъ исчезаетъ. В такомъ трупѣ иногда невозможно различить никакихъ раненій, никакихъ признаковъ, но которыми бы отмыслось, что человѣкъ былъ брошенъ въ воду убитымъ, или утопленъ живымъ. Тѣмъ болѣе предостантъ трудностей, если сгнили всѣ мягкія части, остались однѣ кости. Часто исследование костей по описанному выше способу ничего не открываетъ. Отъ известности еще осталось средство, въ которомъ можно прибѣгнуть въ такомъ случаѣ. Рѣчь идетъ олятъ о макушкѣ! Удобно, говорить, осмотрѣть внимательно кость на макушкѣ и если внутри ея найденъ будетъ илъ, песокъ, грязь, вошедшія сюда вѣсть съ воздухомъ и водою чрезъ кость, при дыханіи, то можно полагать, что человѣкъ былъ утопленъ живымъ.

На трупѣ неизгнившемъ легче отмыслъ, было ли утопленіе при жизни, или уже послѣ смерти. Вообще, у брошенныхъ въ воду мертвыми не находятъ водянистой слизи въ носу и во рту, брюхо не надувается, подъ ногтями бѣтъ илъ, грязи и проч., руки не сжаты въ кулакъ; кромѣ того могутъ быть на тѣлѣ и другіе признаки, от-

личающіе тотъ или другой видъ насильственной смерти.

У утопнувшихъ въ припадкѣ болѣзни, ротъ и глаза бываютъ открыты, пальцы рукъ немного сжаты; сверхъ того находятся признаки, общіе утопленникамъ при жизни, т. е. раздутость живота, слезъ во рту и въ носу, и проч.

Утопнушіе въ колодезѣ имѣютъ на себѣ такіе же признаки, какъ и утопнушіе въ рѣкѣ; сверхъ-того на головахъ у нихъ часто бываютъ знакіи ушиба, который получаетъ человѣкъ отъ ударенія въ стѣны колодезя, особенно, если труба его узка. Отъ узкости трубы, трупъ въ колодезѣ часто имѣетъ согбенное положеніе, или почти-прямое головою внизъ и наоборотъ. Если трупъ не всплылъ еще на поверхность воды, колодезь не слишкомъ-глубокъ и прошло нѣсколько дней послѣ утопленія, то на водѣ можно замѣтить плавающіе пузыри. Когда надобно будетъ вытаскать трупъ изъ колодезя, то прежде, нежели спустится туда человѣкъ, должно узнать — не старшій ли, запущенный колодезь: въ такомъ случаѣ лучше придумать другое средство, какъ вытаскать утопшаго, а не посылать за этимъ человѣкомъ, потому-что изъ опытовъ известно, что въ колодезяхъ, оставшихся долгое время безъ употребленія, человѣкъ можетъ мгновенно задохнуться отъ испорченнаго воздуха. Осмотръ утопленниковъ въ колодезѣ дѣлается по тѣмъ же правиламъ и въ томъ же порядкѣ. И здѣсь также, кромѣ найденныхъ признаковъ на трупѣ, берется во вниманіе глубина воды въ колодезѣ, ширина верхняго отверстія его, слѣды человеческихъ ногъ, оставленные вещи, слѣды крови и т. д., что иногда весьма-много можетъ помочь исследованію. Надобно замѣтить, что утопленіе въ колодезѣ случается гораздо-чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, въ чему способствуетъ близость колодезей и большое число ихъ, такъ-что человѣкъ, при первомъ появленіи преступной мысли, скорѣе

можетъ выполнить ее, зная, что на улицѣ на каждомъ шагѣ есть колодезь, а тѣмъ болѣе, если онъ у него на дворѣ.

VI. Обожженіе и обвареніе, какъ причины насильственной смерти, и признаки ихъ на трупѣ.

Смерть отъ обожженія и обваренія рѣдко можетъ быть самопроизвольная; но гораздо чаще зависитъ отъ печальности, невозможности избѣгнуть огня, на-примѣръ, во время пожара,—или причину ея могутъ быть другіе люди. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе обгорѣвшаго трупа сопряжено съ большими затрудненіями, и опредѣленіе, что человѣкъ попалъ въ огонь живымъ, или мертвымъ, а тѣмъ болѣе что его бросили другіе, должно производиться съ осторожностью. Здѣсь болѣе надобно обращать вниманія на предшествовавшія обгорѣнію обстоятельства и на распрость тѣхъ, кто могъ быть при томъ, что скорѣе и точнѣе можетъ пояснить дѣло. Если трупъ не обгорѣлъ еще до того, что его нельзя тронуть, то на немъ могутъ быть найдены слѣдующіе признаки, по которымъ можно полагать, что человѣкъ попалъ въ огонь живымъ: скорченныя руки и ноги, вола во рту, которая полагается при дыханіи и при частомъ открываніи рта въ жару; черныя, обожженные цвѣтъ кожи и мяса; желтый цвѣтъ костей, которыя издають при бросаніи на землю особый звукъ. Ни одного изъ этихъ признаковъ не замѣчается на трупахъ брошенныхъ въ огонь мертвыхъ людей. Ворту у такихъ труповъ не бываетъ вола; руки и ноги скорчены только въ такомъ случаѣ, если огонь достигалъ до нихъ, и онъ болше или меньше обожженъ; кости не имѣютъ желтоватаго цвѣта и при паденіи на землю не издають особаго рода звука. Что руки и ноги могутъ корчиться у мертваго человѣка при обожженіи, это извѣстно изъ сожиганія людей, но смерти по обряду буд-

дистовъ. Случалось, говорятъ нѣкоторые, что мертвые приподнимались въ костре. Скорчиваніе рукъ и ногъ при обожженіи у мертвыхъ зависитъ отъ сухихъ жилъ, прикрѣпляющихся къ костямъ, которыя, укорачиваясь отъ дѣйствія огня, сгибають конечности.

На трупахъ людей, умершихъ какою-либо насильственной смертію и послѣ подвергнутыхъ дѣйствію огня, можно находить, кромя описанныхъ признаковъ, и другіе, свойственныя тому или другому роду убійства. Если удавленный человѣкъ будетъ брошенъ въ огонь, то кожа и мясо на немъ сжигаются, на шеѣ будутъ знаки отъ удавленія. На мѣстѣ, гдѣ обгорѣлъ человѣкъ зарываемый, остаются слѣды крови, которые могутъ быть видны, если пепель и золу смеси съ этого мѣста и полить его водою съ уксуномъ.

На трупахъ стариковъ, или людей, страдавшихъ продолжительное время какою-либо болѣзнію, послѣ обожженія выступаетъ желтоватая жидкость на тѣхъ мѣстахъ, которыя болѣе подвергались дѣйствію огня; руки бывають сжаты въ кулакъ, ноги пригнуты къ животу; спина согнута; ротъ и глаза открыты; зубы сжаты; иногда между ними бываетъ ущемлена какая-нибудь губа.

Обвареніе рѣдко выбирается для прекращенія жизни, какъ самоубійствомъ, такъ и убійцами; а чаще—оно бываетъ слѣдствіемъ неосторожности; на-примѣръ, если человѣкъ опрокидывается на себя сосудъ съ кипящею жидкостью, и т. п. Иногда обваривають трупъ человѣка, лишеннаго какиенибудь другимъ образомъ жизни, чтобы скрыть преступленіе. Если будутъ обварены опасныя для жизни мѣста, на-примѣръ: голова, грудь, и т. п., то человѣкъ можетъ умереть во время самаго обваренія; при обвареніи же, занимающемъ менѣе опасныя мѣста, во обширномъ, смерть послѣдуетъ спустя нѣсколько дней, въ какомъ случаѣ иногда бываетъ нужно произвести судебное изслѣдованіе. Признаки, свойственныя обвареннымъ при жизни,

пузыри на обваренныхъ нѣтъ, наполненные жидкостью, отъходящая отъ мяса кожа, мясо бѣлаго цвѣта, во многихъ мѣстахъ разрушившееся, размявшее. На лицахъ людей обваренныхъ посмертно не бываетъ этихъ признаковъ, а вмѣсто ихъ можно находить признаки, показывающіе тотъ или другой видъ смерти, смотря по тому, была ли она отъ удавленія, зарѣзанія т. д. При обвареніи самого-себя нечаянности, страдаетъ чаще дѣлая часть тѣла; при обвареніи другихъ, также по нечаянности дѣлая, или боковая часть, рѣже дѣлая; но когда обвареніе будетъ плечевое — по злобѣ, или другимъ причинамъ, то оно почти всегда занимаетъ важныя части тѣла, при чемъ, въ такихъ случаяхъ, нельзя не находить другихъ признаковъ, показывающихъ, что человекъ защищенъ отъ своихъ противниковъ.

VII. Отравленіе ядами.

природѣ, говоритъ книга Си-ю-у, нѣтъ ничего такого, что бы не было къ пользѣ человека, равнымъ образомъ нѣтъ и такого, что бы не вредило ему. Все зависитъ отъ умѣренности вещей, которыя въ одно время извѣстныхъ случаяхъ ядовиты въ другихъ, напротивъ, приносятъ пользу. Такъ мышьякъ, сѣмена *onis tigii*, безусловно принадлежатъ ядамъ, излечиваютъ нѣкоторые болѣзни, съ какою цѣлю они и употребляются иногда врачами. Такъ мышьякъ, составляющій одно изъ цѣльныхъ лекарствъ, можетъ причинить вредъ въ рукахъ незнающаго. Слѣдованіе отравленныхъ распостраняется по общимъ правиламъ. И прежде, нежели приступитъ къ осматриванію трупа, надо собрать всѣ обстоятельства, существовавшія отравленію: осматривать мѣсто, на которомъ найденъ трупъ, окружающіе предметы; узнать

кому принадлежитъ отравленный, или чей онъ родственникъ, и т. д., въ какихъ отношеніяхъ находился къ тѣмъ, у кого жилъ, или кто зналъ его, потому — обратить вниманіе на платье отравленнаго: нѣтъ ли на немъ остатковъ принятаго яда, или слѣдовъ рвоты, которая иногда можетъ содержать въ себѣ извергнутой ядъ. За симъ должно снять съ отравленнаго платье и приступить къ осмотру признаковъ на тѣлѣ его.

Признаки, свойственныя трупу отравленныхъ, не у всѣхъ и не всегда одинаковы и могутъ измѣняться отъ свойства яда, отъ его количества; но между ними есть нѣкоторые болѣе-общіе, замѣчаемые почти на каждомъ отравленномъ. Они суть: открытые глаза, открытый ротъ, багровое лицо, или черновато-зеленое, багровыя губы, чернота ногтей ногныхъ и ручныхъ пальцевъ, вытекшая кровь изо рта и носа, иногда рвота. Въ высшей степени отравленія — все тѣло припухаетъ и чернѣетъ, лицо принимаетъ зеленовато-черный цвѣтъ, губы выворачиваются и имѣютъ на себѣ пузырьки; языкъ или втянутъ внутрь, или вышелъ изо рта, покрытъ бороздками, а иногда прикушенъ зубами; десны припухаютъ и часто имѣютъ на себѣ язвы, трещины; концы пальцевъ совершенно чернѣютъ; горло припухаетъ; брюхо раздувается, чернѣетъ, иногда покрывается пузырьками; на разныхъ частяхъ тѣла выступаютъ черноватыя пятна; глаза выстоятъ кверху; изо рта, носа и ушей вытекаетъ темно-красная кровь; нижнее отверстие припухаетъ; иногда выдаются изъ него кровь, или выпадаетъ кишка; платье напередѣ бываетъ покрыто разными нечистотами, извергнутой рвотой, иногда выстѣтъ съ кровью. Нѣкоторые замѣчали, что у привашихъ ядъ находилъ чернѣла на брюхѣ кожа, а на губахъ она оставалась неизмѣненной; равнымъ образомъ не чернѣли и ногти. У отравленныхъ же послѣ принятія пищи, чернѣли ногти и губы; а кожа на брюхѣ не имѣлась.

Были случаи, что при отравленіи людей старыхъ, слабыхъ, или страдавшихъ какою-либо изнурительною болѣзнію, на тѣлѣ не находили нигдѣ черноты. Можетъ-быть, смерть зависѣла здѣсь отъ другой причины. Чернота во всякомъ случаѣ составляетъ одинъ изъ отличительныхъ и постоянныхъ признаковъ отравленія. Не только наружныя части, но и внутреннія, какъ кости, покрываются чернотой и не теряютъ ея, даже при продолжительномъ лежаніи. Между костями ластенице другихъ сохраняютъ черноту: кость грудная, луночки зубовъ обѣихъ челюстей, концы первыхъ суставовъ ручныхъ и ножныхъ пальцевъ.

Распознаваніе отравленія по сказаннымъ признакамъ, не всегда постояннымъ и имѣющимъ нѣкоторое сходство съ признаками другихъ видовъ насильственной смерти, часто можетъ быть невѣрно, затруднительно; а потому, для большей точности его, предлагаетъ особый способъ, основанный на свойствѣ серебра — чернѣть отъ прикосновенія къ ядамъ (всѣмъ вообще, по мнѣнію Китайцевъ), будетъ ли прикосновеніе къ яду въ существѣ, или въ раствору его: въ извергнутыхъ рвотой нечистотахъ, или въ другой жидкости, или, наконецъ, прикосновеніе ко внутренней поверхности рта, глотки, нижняго отверстія. Не имѣя никакого понятія о химіи и химическомъ дѣйствіи тѣхъ другъ на друга, Китайцы не въ состояніи выдумать ничего лучше атого очевидно-невѣрнаго, слабаго средства и, за невѣніемъ другаго, слѣдуютъ указаніямъ его съ твердымъ убѣжденіемъ, что основанные на нихъ выходы — ятры, непогрѣшительны. Серебро, назначаемое для испытанія, должно быть чистое, а слѣпанная изъ него пластинка, или палочка — хорошополированная. Серебрянники часто употребляютъ серебро дурныхъ качествъ; а потому приготовленную вещь должно пробовать сначала на оселкѣ, или лучше быть самому при ея прикосновеніи. Жрать эту вещь должно

въ особомъ ящикѣ, въ сухомъ мѣстѣ, употреблять единственно для отрыгиванія ядовъ; а чтобы предупредить мѣшаніе ея, должно класть на нее собственную печать; предъ употребленіемъ — обмывать ее наваромъ стручковъ *gleditschiae chinensis*. Употребленіе состоитъ въ слѣдующемъ: пластинку, или палочку вкладуть въ ротъ или въ нижнее отверстіе, если открытъ нижній вѣтль предъ смертію юности, вынуть чрезъ нѣсколько времени, обертывають осторожно, чтобы стереть приставшей влаги, тономъ бумагою, и даютъ полежать. Если цвѣтъ серебра измѣнится въ черноту или зеленовато-черный, вѣнчающій отъ мытья и тренія шипучихъ стручковъ *gleditschiae chinensis*, значить, что человекъ умеръ отъ отравленія ядомъ. Серебро можетъ почернѣть также и отъ скопившейся испорченной слюны во рту, хотя человекъ не былъ отравленъ; но въ такомъ случаѣ чернота легко сходитъ при смачиваніи простою водою.

Вмѣсто серебра, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно употреблять золото, примѣръ, при отравленіи ртутно-желтый цвѣтъ переимѣнится въ бѣлый.

Нѣкоторыми въ помощь сему предлагается еще другое средство, чтобы по дѣйствію двухъ веществъ можно было заключать о существованіи яда. Для этого надобно взять фунта ячменя и три фунта сарачинскаго ишена и сварить изъ нихъ кашу. Во время варенія, на кашу ставятъ мѣшокъ, наполненный сарачинскимъ ишеномъ, не болѣе фунта. Черезъ сколько времени, въ кашу вкладываютъ мѣшокъ изъ одного куриваго ишена и снова продолжаютъ варить. Когда надобно дѣлать испытаніе, мѣшокъ, стоящаго надъ кашей, беретъ щепотъ сарачинскаго ишена и кладутъ въ кашу, а кашу его простуживаютъ до употребленія, плиты и вкладываютъ въ ротъ, привязавъ сверху хлопчатую бумагу, вареною въ уксусѣ. Этимъ способомъ запыкаются все естественныя

гиз и обкладываются тѣ части гѣла, въ которыхъ замѣтны черныя пятна. Если человекъ былъ отравленъ, то тѣло его припухаетъ, изо рта вытекаетъ ржавъ хлопчатую бумагу черноватая, овочая матерія, внутренняя поверхность рта чернѣетъ, равно какъ и пожененное въ ротъ шшено.

Другіе совѣтуютъ взять обыкновенной каши и положить ее въ ротъ къ вслѣдуемому трупу часа на два; а потомъ накормить его курицу. Если урица околѣетъ, то значить, что человекъ былъ отравленъ.

Для открытія яда въ трупахъ людей, мершихъ спустя долгое время послѣ гравленія, на которыхъ часто не бываетъ ни одного признака, свойственнаго отравленнымъ, хотя и есть ясныя обязанности бывшаго отравленія, потребляется также прикосновение серебромъ ко внутренней поверхности глотки и нижняго отверстія, съ которыми только различіемъ. Такъ какъ ядъ, принятый давно, долженъ аходиться въ брюхѣ, во внутренностяхъ, лежащихъ въ брюшной полости, то, чтобъ заставить его подняться въ верху, къ глоткѣ, или къ низу, гдѣ вляется испытаніе, и обнаружить присутствіе свое чернотою серебра, можно прикладывать на разныя части гѣла, особенно почернѣвшія, холстины, намоченныя теплою смѣсью дрожей и уксуса, стараась при этомъ дѣлать легкое треніе, при изслѣдованіи да во рту — снизу вверхъ, чтобъ ядовитый воздухъ поднялся къ верху, а при изслѣдованіи въ нижнемъ отверстіи — сверху внизъ, чтобъ ядовитый воздухъ спустился къ низу; но не на бороть.

Отравленіе можетъ быть или самопроизвольное или насильственное, отъ зугихъ, и притомъ — отравленіе жинго человека или простое вложеніе да мертвому, чтобъ выдать его по имени-нибудь причинамъ за отравленнаго. Отличіе отравленія произвольнаго отъ отравленія другими людьми, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть затруднительно; иногда одинъ

только разспросъ, собраніе разныхъ свидѣній, могутъ навести на настоящую дорогу. Если насильственное отравленіе было извѣстно тому, кого хотѣтъ отравить, то, очевидно, онъ будетъ сопротивляться врагамъ своимъ, и на трупѣ его могутъ находиться какіе-нибудь знаки, на-примѣръ, отъ связыванія рукъ и ногъ веревкою, на деснахъ — отъ раскрытія рта чѣмъ-нибудь твердымъ, на щекахъ — отъ сжатія ихъ пальцами при открытіи рта; иногда могутъ быть вырваны волосы, и такъ-далѣе. Простое вложеніе яда въ ротъ мертвому отличается тѣмъ, что на трупѣ не будетъ ни одного признака, свойственнаго отравленнымъ, а вмѣсто ихъ могутъ быть другіе, показывающіе тотъ или другой видъ насильственной смерти.

Число ядовъ весьма-велико. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежать къ царству растительному, другіе къ камнямъ (минераламъ). Есть особый родъ черней, отъ принатія которыхъ въ видѣ порошка или настойки человекъ можетъ умереть. Между птицами есть такая, мясо которой вредно человеку. Всякому извѣстна смертоносность ядовъ нѣкоторыхъ змѣй и бѣшеной собаки. Здѣсь описываются обыкновеннѣйшіе яды, чаще употребляемые при отравленіяхъ.

1) Мышьякъ бѣлый, мышьяковій индїи (или-шунъ) (*acidum arsenicosum*), приготовляемый изъ желтаго мышьяка чрезъ перегонку въ закрытыхъ сосудахъ. Послѣ принатія мышьяка дѣлается сильная тошнота, рвота, съ постоянною рѣжущею, сжимающею болью въ животѣ; иногда изъ носа вытекаетъ кровь; человекъ приходитъ въ сумасшествіе. Трупъ отравленнаго мышьякомъ въ лѣтнее время покрывается пузырьками и получаетъ чернобагровый цвѣтъ, глаза выпучиваются, языкъ усянъ пузырьками, изъ которыхъ явые прорваны; губы изъязвлены; брюхо раздуто; нижнее отверстіе припухло, концы перстовъ чернѣютъ;

дѣтородныя части увеличиваются въ объемѣ, припухаютъ.

2) *Сѣмена crotonis tiglii*. Послѣ принятія кротоновыхъ сѣменъ у человѣка дѣлается сухость во рту; глаза краснѣютъ; подѣ ложечкою чувствуется жаръ, тоска; ладони и подошвы въ жару; непрерывный кровавый поносъ, отъ котораго человѣкъ и умираетъ.

3) *Камфора*. Если будетъ принятъ растворъ одной драхмы въ тепломъ винѣ, то отъ этого приходять въ расстройство всѣ жизненные отправления въ тѣлѣ; кровь волнуется и вытекаетъ изъ всѣхъ отверстій, слѣдствіемъ чего бываетъ смерть, наступающая весьма-скоро послѣ принятія.

4) *Ядовитые грибы*. Между грибами есть много такихъ, которые, будучи употреблены въ пищу, причиваютъ смерть. Трупъ отравленнаго ядовитыми грибами во многихъ мѣстахъ имѣетъ растреснувшуюся кожу, чернѣетъ почти весь; изо рта и ноздрей у него вытекаетъ иногда кровь; языкъ высовывается вонъ изо рта, прямая кишка выпадаетъ.

5) *Горькія зерна априкосовъ*. Если употреблять горькія априкосовыя зерна совершенно-сырыми, то отъ этого не можетъ быть никакого вреда; зерна же слегка поджаренныя составляютъ сильный ядъ, противъ котораго нѣтъ никакого средства, если не успѣли вскорѣ послѣ принятія возбудить рвоту. У отравленныхъ горькими зернами априкоса глаза бываютъ сомкнуты; языкъ, губы, уши, ногти почернѣли, на брюхѣ выступаютъ по мѣстамъ черноватыя пятна.

6) *Семилочья бѣлила*. При отравленіи бѣлилами, губы выворачиваются, чернѣютъ; такой же цвѣтъ принимаютъ десны, ножныя и ручныя пальцы. Прежде бѣлила не почитались ядовитыми; но на восемнадцатомъ году пра-

вленія Цинь-Лунъ былъ случай, въ которомъ доказано было, что отравленіе произошло отъ принятія внутрь бѣлила.

7) *Ржавчина серебра* (селитрогисла окись серебра съ посторонними примѣсами). Ржавчина серебра готовится чрезъ накаливаніе серебра съ селитрою и квасцами въ закрытомъ сосудѣ. Въ нынѣшнее время, ржавчина серебра употребляется какъ наружное средство, для сведенія съ кожи бородавокъ, наростовъ. Будучи принята внутрь, она оказываетъ ядовитое дѣйствіе, совершенно-отличное отъ дѣйствія мышьяка и другихъ ядовъ. Она разрушаетъ желудокъ и кишки мало-помалу, такъ-что отравленный, и имѣя никакихъ особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ, умираетъ.

8) *Чанъ-су* (бѣловатая часть кожи, находящаяся надъ бровями бородавчатой лягушки. Иные говорятъ, что чанъ-су есть вещество, вываренное изъ бородавчатой лягушки). Оно имѣетъ весьма-горько, раздражительно, дѣйствіе его ядовито. Въ медицинѣ употребляется противъ злокачественныхъ нарывовъ равнаго рода; гонитъ потъ. На приемъ дается по одной драхмѣ ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ часть грана). Въ большихъ приемахъ дѣйствуетъ какъ сильный ядъ; производитъ тошноту, рвоту, трясеніе въ тѣлѣ, потъ на лицѣ. Трупы людей, отравленныхъ чанъ-су, имѣютъ лице почернѣвшее, открытые глаза, губы вывороченныя къ наружи и растреснувшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; десна багроваго цвѣта; языкъ покрытый пузырьками и по мѣстамъ язвенный; дыхательное и пищеаріальное горло снаружи припухшия; брѣтѣ впаде.

Кромѣ исчисленныхъ ядовитыхъ веществъ, описывается множество другихъ. На-примѣръ, есть какой-то червякъ, называемый *шоу-чуи*, или *дань* (*дань-мяо*), мясо которой ядовито для человѣка. Она водится на Южномъ

рѣ, величиною съ коршуна, похожа сову, цвѣтъ перьевъ ея черный, за также черные, шея длиною въ 5 или восемь вершковъ; любитъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ; гнѣзда на вершинахъ высочайшихъ доль. Самецъ поетъ ежедневно, самка врезъ дель; питается вѣтвями и жоним *quecus xensifolii* (сла-ван-чу). Ядовитость этой птицы такъ жа, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ она а воду, умираютъ рыбы; подъ тѣмъ вонь, гдѣ она свила гнѣздо, переть расти трава, и проч., и проч. и человекъ поѣсть ея мяса, то вско- умираетъ. Противоядїемъ почн- гса наваръ изъ рога носорога. Въ омъ же тонѣ чудеснаго рассказы- гся ядовитость червяка *iu*. Онъ вы- дается изъ сотни разнаго рода вей, если настанать ихъ въ крови. изъ годъ, когда откродтся сосудъ, сто ста червей, находятъ одного, орый поѣлъ прочихъ девяносто-де- ь, и есть червякъ - гу-, нѣющій быкновенную ядовитость и свой- влаго духа перемѣнять, скрывать ѣ видъ, и такъ-далѣе. Чего не думаетъ китайское суевѣріе! Къ витымъ веществамъ причисляется же куриное мясо, если оно будетъ рено съ воскомъ (!). Человекъ, на- ренъ такого мяса, раздувается и праеть. Мясо старой курицы ядо- о особенно въ лѣтнее время. Куры бягъ питаются разными червями, ѣковыми, въ числѣ которыхъ ве одаютъ скорпионовъ, ядовитой сто- ки и другихъ. Отъ продолжитель- о употребленія такого корма, въ улкѣ куръ развивается ядъ, сооб- ощійся мясу, которое, поэтому, стаетъ ядовито на человекъ.

І. Признаки, отличающіе уви- таго молніею.

рупъ человекъ, убитаго молніею, аетъ обожженаго-желтаго цвѣта, ма-мягокъ на ошупь; пальцы рукъ етъ сжатые и подвижные; откры-

тый ротъ, глаза закрытые, вѣки глазъ растянутые въ стороны; позади ушей цвѣтъ кожи бываетъ постоянно обож- жено-желтый, волосы вклочены. Если есть обожженыя мѣста, то мясо на нихъ весьма-крѣпко, а кожа какъ-бы сжата; платье обожжено. При одномъ ударѣ безъ возгаранія, знаки находят- ся болъшею частію на маушкѣ голо- вы или на затылкѣ, гдѣ влогда раско- дятся между собою кости, волосы об- жигаются, а мѣста, непокрытыя воло- сами, принимаютъ желтоватый цвѣтъ, какъ при ожогѣ. На разныхъ частяхъ тѣла находятъ черновато - красныя пятна, величїюю въ ладонь, безъ ви- лимага разрушенія кожи. На груди, на спинѣ, на плечахъ замѣтны непра- вильныя извилистыя дорожки. Если при ударѣ молніею, человекъ получилъ одно только сотрасеніе, то на трупѣ его, въ такомъ случаѣ, не бываетъ ни- какихъ признаковъ, и вмѣсто ихъ дол- жно руководствоваться другими об- стоятельствами, по которымъ можно было бы съ болъшею или меньшею вѣроятностію открыть причину смер- ти. На-примѣръ, обратить вниманіе на мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, на окру- жающіе его предметы, на время, въ ко- торое, какъ предполагается, человекъ убитъ молніею; была ли тогда гроза или вѣтъ, и такъ далѣе. Былъ одиный случай, въ которомъ на трупѣ, уби- томъ молніею, какъ объ этомъ было достовѣрно узнано, не нашли призна- ковъ, свойственныхъ убитымъ молні- ею, а вмѣсто ихъ замѣчены на паль- цахъ лѣвой ноги глубокія отверстія, какъ-бы отъ прокола иглою; простран- ство отъ подошвы до колѣнъ имѣло цвѣтъ, какъ - бы послѣ приставленія моксы; по на немъ не было замѣтно описанныхъ выше кривыхъ линій.

ІХ. Смерть отъ паденія съ высо- ты и признаки ея на трупѣ.

Паденіе съ высоты можетъ быть или печальное, когда человекъ, стоя нетвердо ногами, оскользается, или

умышленное, когда кто-нибудь другой столкнетъ его съ наѣтрениемъ. Въ первомъ случаѣ, сила толчка будетъ находиться въ нижнихъ частяхъ тѣла, отъ-чего и ушибы займутъ эти части той или другой стороны. Во второмъ случаѣ, когда сила толчка сосредоточится въ верхнихъ частяхъ, и ушибы будутъ находиться на верхнихъ же частяхъ: на головѣ, груди и т. д. При нечаянномъ паденіи, ушибы будутъ сильнѣе, нежели при паденіи отъ толчка, даваемаго другимъ человѣкомъ, потому что въ первомъ случаѣ сила, дѣйствовавшая на тѣло, гораздо-менѣе той, которую употребляетъ посторонній человѣкъ, чтобъ столкнуть другаго. При нечаянномъ упаденіи, человѣкъ старается защитить голову и хватается за нее руками, отъ-чего при паденіи прежде всего зашибаются руки. При паденіи же отъ толчка, человѣкъ въ испугѣ не успѣваетъ ухватиться за голову, и когда долетитъ до земли, ударяется прежде головою, или лицомъ. Ушибы при паденіи съ высоты могутъ быть соединены съ переломамъ костей, на-примѣръ, рукъ, ногъ, реберъ и т. д., или съ проломомъ, на-примѣръ, костей головы, или съ разорваніемъ кожи, при чемъ можетъ изливаться кровь; или на трупѣ не будетъ ни какихъ признаковъ, особенно при паденіи на мягкое мѣсто, исключая крови въ носу и во рту. Смерть въ этомъ случаѣ зависитъ отъ поврежденія внутреннихъ органовъ. Исслѣдованіе упавшихъ съ высоты производится по общимъ правиламъ; кромѣ разспроса свидѣтелей, если они были, кромѣ собранія нужныхъ свѣдѣній, должно всегда вымѣривать высоту мѣста, съ котораго упалъ человѣкъ, и осматривать поверхность той части земли, на которую человѣкъ упалъ. Отъ большой высоты перваго, отъ гладкости, мягкости, твердости второй, отъ постороннихъ веществъ, на ней находящихся, зависитъ и самый видъ ушиба и его опасность. Крышу, дерево и т. д. также должно внимательно осмотрѣть. Переломленный сукъ, слѣдъ осколка-

нушейся ноги, весьма-важное показаніе: зависѣло ли паденіе отъ мечтливости, или отъ другихъ причинъ.

X. Отличительныя признаки трупна, придавленнаго тѣла.

Трупъ человѣка, придавленнаго тяжестью, имѣетъ высухнутый языкъ, глаза вышедшіе нѣсколько впередъ изъ своихъ ямъ, пальцы рукъ полусогнутые; на разныхъ частяхъ тѣла—черныя, или чернобогровыя пятна отъ подтека крови, вытѣшную изъ носа кровь, или лужеобразную жидкость; въ нѣдрахъ поврежденныхъ бываетъ также наліаніе крови съ иррадиальною. Кромѣ того могутъ быть переломы костей, сдавленія болѣе или менѣе сильныя,—смотря по упавшей тяжести,—головы, груди; иррадианія мѣста на кожѣ и проч. Осмотръ придавленнаго трупа производится по общимъ правиламъ.

XI. Признаки на трупѣ лица: го отъ переѣзда экипажа.

Экипажъ можетъ наѣхать на человѣка спереди, столкнувшись съ нимъ, или сзади. Въ первомъ случаѣ, знаки отъ переѣзда будутъ на передней части тѣла, той или другой стороны; во второмъ—на задней части, правой или лѣвой стороны. Если экипажъ, особенно тяжелый, переѣдетъ части, считаемыя опасными, на-примѣръ, шею, голову, грудь, при чемъ будутъ переломы, сдавленія, то человѣкъ можетъ увереть при самомъ переѣздѣ, или спустя нѣсколько времени послѣ него. Переѣзды частей менѣе-важныхъ экипажемъ легкимъ, никогда не могутъ быть опасны для жизни и остаются послѣ нихъ прижатія или даже переломы скоро заживаютъ. Судебное исслѣдованіе задавленнаго экипажемъ дѣлается по общимъ правиламъ.

III. Отличительные признаки О врежденіи, наносимыхъ чело- вѣку разными животными.

Поврежденія, наносимыя животными, иногда могутъ быть такъ жестоки, то человекъ умираетъ отъ нихъ въ короткое время, не говоря о дикихъ вѣркахъ, которые при голодѣ, или при западеніи на нихъ во время охоты, заѣдаютъ человека вдругъ. Во сѣхъ этихъ случаяхъ судебное исследование можетъ имѣть мѣсто, и вотъ признаки, отличающіе трупы людей мертвенныхъ, заѣденныхъ животными: трупъ убитаго лошадыю, муомъ, осломъ, имѣетъ лицо нѣсколько желтоватое, пальцы рукъ несжатые, ослы въ порядкѣ; изъ рта и носа выскочитъ иногда кровь; раненное мѣсто черновато-багроваго цвѣта; кромѣ того, могутъ быть переломы и самое кровотеченіе изъ раненнаго мѣста. Раненіа мула будутъ менѣе лошадиныхъ, сляныя менѣе муловыхъ. При исследованіи должно смотрѣть на число ранъ и мѣста, ими занимаемая; большое число ранъ, притомъ, на мѣстахъ опасныхъ, покажетъ, что смерть зависѣла отъ задушенія животными. Такъ отличать раны, нанесенныя животному человеку, отъ ранъ, нанесенныхъ трупу, — сказано выше. Знаки же укушенія тигромъ, волкомъ и т. д. отличаются своею неровностью; округъ того мѣста, гдѣ былъ найденъ рупъ, почти-всегда можно замѣтить слѣды этихъ животныхъ; изъ ранъ вытекаетъ кровь; иногда бываютъ переломы; у заѣденнаго языкъ прикушенъ зубами; волосы въ безпорядкѣ; а разныхъ частяхъ тѣла замѣтны слѣды когтей животнаго и т. д.; иногда бываетъ выходъ мочи и кала. Ранены чаще всего занимаютъ голову, шею, вообще верхнія части тѣла. Замѣчено, что если тигръ нападетъ на человека при началѣ луны, то повреждаетъ верхнюю часть тѣла, голову, шею, грудь, а при концѣ — нижнюю: ноги, нижнюю часть живота и т. д. Въ какомъ же порядкѣ коща вѣтъ цой-

манную мышь. Рѣдко случалось, чтобъ человека заѣдали домашнія собаки; но за то онѣ наносятъ ему при своемъ бѣшенствѣ едва-ли не большее зло, нежели дикіе звѣри. Укушеніе бѣшеною собакою не можетъ быть такъ жестоко, чтобъ тутъ же лишило человека жизни, но отъ него въ послѣдствіи развивается болѣзнь, означивающаяся по-большой-части смертью. Человекъ, умершій отъ укушенія бѣшеною собакою, можетъ подлежать судебному исследованію, а потому нужно знать признаки, отличающіе трупы умершихъ отъ водобоязни. Если послѣ укушенія прошло не много времени, то на укушенномъ мѣстѣ можно замѣтить слѣды зубовъ, которые исчезаютъ, если рана была не велика, или если послѣ укушенія прошло много времени. Умершіе отъ водобоязни имѣютъ раздутое брюхо, твердое на ощупь, а нѣкоторыми замѣчено—поднатіе ствола у мужчинъ и выходъ похотника у женщинъ. Укушеніе ядовитыми звѣрами можетъ быть смертельно. На трупѣхъ людей, умершихъ отъ укушенія звѣною, замѣчали: черноватая, небольшая ранка на укушенномъ мѣстѣ, съ черноватою же припухlostью кругомъ, источавшія жидкость желтаго цвѣта. Отъ распространенія ада по всему тѣлу кожа на немъ припухаетъ, получаетъ доскъ, не вѣтвляясь при томъ въ цвѣтѣ, исключая лицо, на которомъ она чернѣетъ.

Примѣчаніе. Часто на трупѣхъ людей, умершихъ какою бы то ни было сильшею смертью, особенно найденныхъ на дорогѣ, въ мѣстахъ безлюдныхъ, находятъ выѣденныя мѣста какими-нибудь животными, или выклеванныя птицами, что весьма-много можетъ затруднить изслѣдованіе. Безкровіе, неровность ранъ, слѣды лапъ вокругъ трупа, отсутствіе или нахождение раненій другаго рода, покажутъ въ этомъ случаѣ, былъ ли человекъ заѣденъ животными, или смерть зависѣла отъ другой причины и животными нападѣи уже на трупъ, и т. д.

XIII. Опьянѣніе, и смерть, отъ него зависящая.

Весьма-рѣдко причиною неестественной смерти бываетъ излишнее употребленіе водки. Состояніе опьянѣнія бываетъ различно, смотря по тому, на какую часть внутри тѣла дѣйствовала водка: если на сердце, то человекъ много говоритъ, смѣется; если на желудокъ, то предается сну; на легкія — много плачетъ; на печень — сердится отъ малѣйшей причины; если водка сильнѣе дѣйствовала на почки, то увеличивается мочеотдѣленіе. Смерть при опьянѣніи можетъ произойти отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: если человекъ много пьетъ холодной воды, куритъ много табака и, наконецъ, тепло одѣвается во время сна. При этомъ задерживается внутренній жаръ, отъ котораго человекъ и умираетъ. Умѣренное употребленіе воды, напротивъ, полезно при опьянѣніи; вода умѣряетъ внутренній жаръ и пособляетъ ему отъ внутреннихъ частей проходить кънаружи, къ кожѣ. Признаки, отличающіе трупъ опившихся, суть: раздутый животъ, издающій при удареніи звукъ; багровое, раздутое лицо; кровь, вытекающая иногда изъ носа, и водянистая жидкость изъ рта, издающая запахъ водки и смѣшанная иногда съ остатками пищи, если опившійся имѣлъ предъ смертію рвоту. Трупъ опившагося на ощупь мягокъ; пальцы на концахъ почернѣли; нижнее отверстіе выдалось и припухло; на разныхъ частяхъ тѣла выступаютъ черноватые пятна. Всѣ эти признаки могутъ пзмѣняться; иногда котораго-нибудь изъ нихъ совсѣмъ не бываетъ, особенно если опившійся имѣлъ предъ смертію рвоту и поносъ. Нѣкоторыми замѣчено трясеніе звуковъ. При изслѣдованіи, кромѣ сказанныхъ признаковъ, должно брать во вниманіе и другія обстоятельства, какъ-то: осмотръ того мѣста, гдѣ найденъ трупъ, допросъ свидѣтелей, тѣхъ, кто давалъ вино; изслѣдованіе полости рта известнымъ способомъ, чтобъ узнать,

не былъ ли человекъ отравленъ и проч.

Примчаніе. Были примѣры, что опьянѣвшаго человека закрывали въ войлокъ, или коверъ, оборачивали вверхъ ногами и, приставивъ къ стнѣ, удерживали до-тѣхъ-поръ, пока онъ не умираетъ. На трупахъ, залушанныхъ такимъ образомъ, не бываетъ вышеописанныхъ признаковъ; брюхо у нихъ и раздуто и весьма-мягко на ощупь; и бокахъ и въ средній груди замѣтна жельно-твердая опухоль, неизменно при удареніи никакого звука; во-всомъ пходится иногда небольшое количество запекшейся крови, легко снимающейся водою; изо рта такихъ труповъ сильно пахнетъ водкою. При изслѣдованіи, кромѣ соблюденія общаго правилъ осматриванія, должно обратить вниманіе на двѣ части — на заднюю голову и мѣста кругомъ шивокъ. На первой будетъ изліаніе крови, зависящее отъ положенія человека внизъ головою и прижатія ея къ землѣ; около вторыхъ кровавые пятна, происшедшія отъ сжатія ногъ руками или ремкою при удержаніи человека внизъ головою.

XIV. Смерть отъ утопленія въ водѣ, разведенной известью.

Хотя рѣдко, но бываютъ такого рода злодѣянія, что человека сажаютъ въ кадку, наполненную водою съ известью, а сверху накрываютъ другою кадкою и держатъ его тамъ, пока онъдохнется. На трупахъ такихъ людей нельзя открыть никакихъ особенныхъ признаковъ, ни даже тѣхъ раненій, которыя бы долженъ получить человекъ при сопротивленіи. Это зависитъ отъ извести, которая противится всѣмъ мѣнениамъ и уничтожаетъ всѣ признаки, какіе бы могли быть на трупахъ смерти такого рода. Иногда бываетъ кровотеченіе изъ носа; но это бываетъ непостоянно. Цвѣтъ кожи членъ блѣдъ или желтоватый, или блѣдъ.

олучить вѣрныя доказательства тако-
о рода насильственной смерти, совѣ-
уютъ обратить вниманіе на макушку,
нутри которой скопляется немалое
личество слизи, зашедшей вмѣстѣ
въ воздухъ при дыханіи, если чело-
вѣкъ былъ погруженъ въ воду жи-
вымъ (!?).

V. Признаки угорѣвшихъ и за-
охшихся въ испорченномъ воз-
духѣ.

Отъ продолжительнаго пребыванія
въ комнатѣ, наполненной угаромъ ка-
меннаго или деревяннаго угля, чело-
вѣкъ легко можетъ умереть, особенно,
если онъ уснулъ. Смерть въ этомъ слу-
чаѣ наступаетъ тихо. Въ воздухѣ ис-
порченномъ, спертномъ, какъ это быва-
етъ въ колодезяхъ, оставшихся дол-
гое время безъ употребленія, въ ямахъ,
заполненныхъ навозомъ и т. д., куда
человѣкъ долженъ спускаться иногда
о разныхъ нуждахъ, смерть слѣдуетъ
раздо-скорѣе, нежели отъ угара. Тру-
пы задохшихся и угорѣвшихъ быва-
ютъ вообще мягки; ротъ у нихъ въ-
сильно открытъ; зубы и дѣсна почер-
нѣли; верхняя и нижняя губы отворо-
нены и также чернаго цвѣта.

VI. Отличительные признаки
умершихъ отъ разныхъ болѣз-
ней.

Судебному изслѣдованію могутъ по-
дѣжать не только трупы умершихъ
насильственной смертью, но и умер-
шихъ какою-либо болѣзнію; поэтому
нужно знать вѣкоторые признаки, по
которымъ бы можно было отличить бо-
лезнь, бывшую причиною смерти. Во-
обще, трупы умершихъ отъ болѣзни,
продолжавшейся долгое время, быва-
ютъ истощенныя, имѣютъ желтоватый
цвѣтъ; ротъ и глаза у нихъ чаще за-
крыты; брюхо впалое, пальцы рукъ въ-
сильно сжаты; иногда на какой-нибудь
части тѣла могутъ быть знаки иглоука-

лыванія, приставленія моксы. На тру-
пахъ людей, умершихъ скоропостижно
отъ удара (апоплексія), полнота тѣла не
вдругъ спадаетъ, а остается долгое вре-
мя; лицо у такихъ людей бываетъ багров-
ое, раздутое; вѣки полнатыя надъ гла-
зами, глаза ушедшіе подъ лобъ; ротъ
искривленный на ту или другую сторону,
зубы стиснутые; иногда изо рта выте-
каетъ влага, пальцы сжаты въ кулакъ.
Краснота и раздутость лица зависятъ
отъ того, что мокроты, устремившись
вверхъ, прекращаютъ дыханіе, слѣд-
ствиемъ чего бываетъ смерть, по насту-
пленіи которой мокроты не могутъ
опуститься книзу, задерживаются въ
верхнихъ частяхъ тѣла и сообщаютъ
лицу багровый цвѣтъ и раздутость.
Послѣ скарлатины, корни остаются на
тѣлѣ красноватыя пятна, или точки
безъ всякой припухлости. Различить
умершихъ отъ водяной не трудно: изъ
труповъ вытекаетъ иногда желтоватая
жидкость. Послѣ смерти отъ вѣтряной
нечочи, животъ бываетъ раздутъ воз-
духомъ, на ощупь не твердъ, при дав-
леніи упадаетъ, а по отнятій рукъ при-
ходитъ въ прежнее положеніе, при уда-
реніи издаетъ особый звукъ. Умершіе
отъ испуга имѣютъ зубы сжатые, брю-
хо твердое; концы вожныхъ и ручныхъ
пальцевъ черныя. При леченіи мно-
гихъ болѣзней употребляется иглоука-
лываніе, или приставленіе моксы. Отъ
невнанія или изъ умысла, оба эти сред-
ства могутъ быть причиною смерти.
Если нужно будетъ въ такомъ случаѣ
дѣлать судебное изслѣдованіе, то тѣ
мѣста, въ которыхъ дѣлалось укалыва-
ніе, или гдѣ ставились моксы, долженъ
осмотрѣть врачъ, извѣстный своимъ
искусствомъ и добросовѣтностью, и
опредѣлить: принадлежатъ ли это, по
правиламъ иглоукалыванія, къ мѣстамъ,
назначаемымъ для укола, и требовала
ли та болѣзнь, которою страдалъ умер-
шій, для своего излеченія иглоукалыва-
нія. При этомъ нужно знать так-
же предшествовавшія обстоятельства
умершаго, въ какомъ онъ былъ отно-
шеніи съ тѣмъ врачомъ, который дѣ-
далъ иглоукалываніе, или съ тѣмъ, у

кого въ дѣлѣ онъ умеръ; стараться достать иглу, которою дѣлался уколъ, опредѣлить ея длину, толщину, чтобы знать, соответствуетъ ли она игламъ, употребляемымъ обыкновенно иглоукамывателями, и т. д.

А. Т. ТАТАРИНОВЪ,

лекаръ пекинской духовной миссіи.

КАРТИНЫ ИЗЪ ИТАЛІИ.

Чарльза Диккенса.

(Статья третья.)

Въ Римъ, чрезъ Пизу и Сіенну.

Для меня нѣтъ во всей Италіи ничего прекраснѣе прибрежной дороги отъ Генуи до Сиенци. Съ одной стороны то далеко внизу, то почти въ уровень съ дорогой и часто обставленное живописными утесами скалъ — разстлается синее море, по которому тамъ и сямъ двигаются медленно красныя скалки; съ другой, высокіе холмы, овраги, усыпанные бѣлыми домиками, вѣтки темныхъ оливковыхъ рощъ, деревенскія церкви съ высокими колокольнями и веселые загорѣлые дома. На каждой пригорѣ и бугоркѣ подлѣ дороги цѣлуютъ въ роскошномъ небѣ дикіе кактусы и алоэ; сады красивыхъ деревень рдѣютъ дѣтскимъ востаномъ безладными, а осенью и зимой благоухаютъ золотыми амальгами и лиловыми.

Нѣкоторыя изъ этихъ деревень населены почти-исключительно рыбаками; интересно видѣть ихъ большіе лодки, вытасканныя на берегъ, и язвѣвъ, которые спятъ въ тѣни ихъ; или какъ группы женщинъ и дѣтей играютъ между собою, или глядятъ въ море, а мужчины сидятъ на берегу и читать свои сѣти. Тамъ есть небольшой городокъ Камодіа (Camogliа), съ небольшою гаванью, расположенный на нѣсколько сотъ футовъ ниже дороги. Отъ населенъ цѣлыми семействами нориконъ, которыми съ незапамятныхъ временъ принадлежать прибрежныя суда, торгующія съ Испаніей и другими мѣстами. Если глядѣть на него сверху, съ дороги, городокъ кажется граціозною моделью на краю блестящаго на солнцѣ моря. Спустился въ него по извилистымъ тропинкамъ, видишь самую совершенную мавъятюру первобытнаго приморскаго города — это самое солоное, суровое, корсарское мѣстечко, какое только можетъ быть. Большіе желѣзные кольца и цѣпные швартовы, шпильи и обломки старыхъ якорей и рѣсь, загромождаютъ дорогу; бойкія лодки, вытѣжающія въ море во ветреную погоду, колышутся въ гавани или лежатъ вытасканныя на берегъ; и троссское платье развѣшено для просушки на согрѣтые солнцемъ камни; въ закрѣпленной грубой пристани спятъ растланувшіе нѣсколько похожихъ на амфибій илодцовъ, свѣсивъ ноги, какъ-будто для нихъ все равно что вода, что земля. Еслибъ они скатились въ воду, то имъ должны бы спастъ совершенно-спасенно между рыбаками; церкви изволны морскими трюсами и обѣтными приношеніями, въ память избавленія отъ бури и гибели. Къ домамъ, которые нѣсколько въ сторонѣ отъ гавани, приближаешься по кривымъ ступенямъ или темнымъ крытымъ корридорамъ, какъ-будто неудобство входа дѣлаетъ ихъ похожими на судовыя каюты. Вообще, вездѣ пахнетъ рыбой, смесью и морскими травами.

Часть дороги, откуда вдали отъ

ается Камолія, славится въ теплое время года, особенно поближе къ Генуѣ, своими свѣтающимися монетами. Удая тамъ въ темную ночь, а вѣль надъ собою цѣлый сверкающій сводъ этихъ прекрасныхъ настьковыхъ, такъ-что высокія звѣзды блѣбли передъ искрами; которыми мергалъ каждый оливковый кустъ, каждый холмъ, которые завладѣли всѣмъ воздухомъ.

Мы, однако, пробѣжали тутъ на пути къ Риму не въ это время года. Поовина января только-что прошла, и огода была самая сырая, пасмурная угрюмая. Въ живописномъ ущелинѣ тассо мы встрѣтили такой вѣтеръ съ уманомъ и дождемъ, что вѣхали всю орогу въ облакѣ. Потомъ, иногда олько, когда внезапный порывъ разонялъ туманъ, мы убѣждались въ существованіи Средиземнаго - Моря, которое волновалось и пѣнилось далеко внизу, разбиваясь о скалы и покрывая ихъ яростными всплесками. Дождь влъ непрерывно; каждый ручеекъ и отокъ разбухъ непомѣрно, и я никогда не слышалъ такого оглушительнаго ева и грохота воды, какъ тогда.

Прѣхавъ въ Спеццію, мы узнали, то Магра, рѣка безъ моста на большой дорогѣ въ Пизу, такъ разбухла ть дождемъ, что опасно было переправиться черезъ нее на паромѣ; мы охено прождали до слѣдующаго вечера, огда вода нѣсколько понизилась. Спецція, впрочемъ, доброе мѣсто: во-первыхъ, по прекрасному залу; во-вторыхъ, по сверхъестественной гостиницѣ; а въ-третьихъ, по головному бору женщины — онѣ носятъ совершенно на бекрень крошечную соломеную шляпу, которая прихлась бы въ ору куклѣ средней величины, прирѣпляя ее шнурками къ волосамъ. то самый необыкновенный и злодѣйскій головной уборъ, какой когда-либо былъ изобрѣтенъ.

Переправившись благополучно черезъ Магра на паромѣ—переправа во-

все неприятная при сильномъ теченіи и высокой водѣ—мы прибыли въ Каррару черезъ нѣсколько часовъ. На слѣдующее утро, добывъ нѣсколько наленькихъ лошадокъ, мы выѣхали по-смотреть мраморныя лонни.

Тамъ четыре и пять большихъ лощинъ, идущихъ къ хребту высокихъ холмовъ, которые ихъ загораживаютъ. Лонни или «пещеры», какъ ихъ тамъ называютъ, не что иное, какъ отверстія по сторонамъ лощинъ, высокие на холмахъ, гдѣ взрывается и откаливается мраморъ; онъ можетъ попасться хорошей или дрянной, какъ случится, такъ-что при удачѣ человѣкъ можетъ разбогатѣть очень-скоро, а при неудачѣ разориться большими поддержками на работы, отъ которыхъ нѣтъ никакой выгоды. Нѣкоторые изъ этихъ пещеръ были открыты древними Римлянами и остаются до-сихъ-поръ въ томъ положеніи, какъ были оставлены ими. Многія разрабатываются и теперь; другія опять будутъ разрабатываться завтра, на будущей недѣлѣ, въ будущемъ мѣсяцѣ; есть и такія, которыхъ никто не беретъ, о которыхъ никто не думаетъ. Здѣсь достанетъ мрамора на столько же и больше вѣковъ, сколько прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ его начали употреблять, и онъ скрытъ вездѣ, терпѣливо ожидая своего времени показаться на Вожіи свѣтъ.

Вскарabinываясь съ трудомъ на вершину одной изъ этихъ крутыхъ падей (оставя лошадку или на двѣ назадъ, внизу), слышишь по-временамъ тихій звукъ рога, котораго эхо вторится между утесами: это предостерегательный сигналъ минеранъ. Послѣ того раздается громъ взрыва, перекатывающійся отъ скалы къ скалѣ, и шумъ взлетающихъ въ воздухъ обломковъ, отколотыхъ порохомъ: вы приостанавливаетесь, потомъ съ трудомъ поднимаетесь выше, пока снова не раздастся рогъ въ другомъ направленіи, и вы останавливаетесь опять, чтобъ не попасть въ кругъ новаго взрыва.

Много народа работало на высотахъ этихъ утесовъ и по бокамъ ихъ: работники очищали мѣсто для добытыхъ кусковъ мрамора, сбрасывая внизъ обломки камня и массы земли. Видя, какъ все это катится съ грохотомъ въ узкую падь, двинутое невидимыми руками, я невольно вспомнилъ крутой оврагъ, гдѣ птвица Рокъ оставила Сивбада-Морехода.

Но дорога, дорога, по которой спускаютъ мраморъ, какъ бы огромны ни были его куски! Гевій страны и духъ ея обычаевъ мостятъ ее, поправляютъ, наблюдаютъ за нею! Вообразите себѣ протокъ воды, бѣгущій по скалистому ложу, заваленному огромными кучами каменныхъ обломковъ всевозможныхъ формъ и величинъ, который извивается внизъ, въ средину этой долины, и вотъ вамъ дорога — потому-что она служила пять столѣтій тому назадъ! Вообразите громадныя телеги, употребившіяся за пятьсотъ лѣтъ, которыхъ держатся и теперь: ихъ тащатъ волы, какъ и за пятьсотъ лѣтъ назадъ; предки этихъ воловъ иезурились до смерти за пятьсотъ лѣтъ такъ же точно, какъ въ нынѣшнія времена иезуриются ихъ потомки, въ продолженіе года, отъ тяжелой и мучительной работы! Двѣ пары воловъ, четыре, десять, двадцать паръ запрягаются для одного куска мрамора, смотря по его объему: во что бы ни стало, его должно протащить этимъ путемъ. Волы бьются изъ послѣднихъ силъ, таща съ камня на камень свои страшные грузы, и часто издыхаютъ на мѣстѣ; нерѣдко гибнуть не одни они: запальчивые погонщики, увлекаемая горячностью, часто спотыкаются сами и бываютъ раздавлены колесами. Но такъ дѣлалось пятьсотъ лѣтъ назадъ: значитъ, это хорошо и теперь: желѣзная дорога, проведенная въ этомъ спускѣ — самая легкая и незамысловатая вещь въ свѣтѣ — показалась бы имъ самымъ душегубительнымъ святотатствомъ.

Мы смотрѣли со стороны, когда одна изъ такихъ телегъ, запряженная

парою воловъ — на ней былъ одинъ большой кусокъ мрамора — спускался по этой дорогѣ. Я закричалъ чевѣку, сидѣвшему на тяжеломъ яркѣ, чтобы онъ держалъ его за шестъ бѣлыхъ животныхъ; человекъ сидѣлъ, обратился лицомъ назадъ, а яе впередъ, какъ демонъ настоящаго деспотизма, и держалъ въ рукѣ шестъ съ заостреннымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Когда волы останавливались, выбившись изъ силъ и не могли тащить дагѣ телегу по неровному дну потока, онъ вытаскивалъ прутья въ ихъ тѣла, билъ ихъ по гаммамъ, запускалъ прутья въ ноздри несчастныхъ животныхъ, и такимъ образомъ подвигалъ ихъ на нѣсколько шаговъ впередъ; потомъ, когда они снова останавливались, онъ повторялъ эти выходы усиленною энергіей и посылалъ волю къ болѣе-крутому спуску; когда волы спотыкались и надрывались, переносились съ какого-нибудь порога изъ обрыва, расплескивая по сторонамъ воду, онъ размахивалъ шестъ надъ головою и испускалъ восклицаніе торжества, какъ будто свершилъ какой-нибудь подвигъ и нисколько не думалъ, что выведенные имъ изъ терпѣнія и ченики могли сбросить его съ себя и расшибить такъ, что позгъ его забрызгалъ бы на камни.

Когда я стоялъ подъ-вечеръ въ долине изъ множества мастерскихъ Каррары, въ Каррара огромная мастерская, и полненная прекрасными коваными извѣстныхъ лучшихъ фигуръ, группъ и бюстовъ — мнѣ казалось странно думать, что всѣ эти изящныя произведения, исполненныя граціозности, силы, нѣги, должны имѣть столько труда, пота и пытки! Мы скоро нашли этому параллель въ ясеніе во всѣхъ добродѣтеляхъ, въ израстающихъ на жалкихъ обочинахъ во всѣхъ хорошихъ вещахъ, во всякихъ рожденіемъ своимъ несчастливымъ страданіямъ. Глядя изъ долины на мраморныя горы, краснымъ заревомъ заходящаго солнца, но величавыя и торжественныя.

помнилъ о множествѣ человѣческихъ шпъ и умовъ, которые могли бы дать дикоблѣвнѣйшіе результаты, но осюются заброшенными и гибнуть въ бвеніи, тогда-какъ люди, для которъхъ жизненный путь пріятное гулъще, отворачиваются, проходя мимо къ и вздрагиваютъ отъ мрака и суроръхъ трудовъ, доставшихся имъ въ дѣлѣ!

Царствующій герцогъ modenскій, которому принадлежитъ часть этихъ ранъ, также очень-сильно противилъ желѣзнымъ дорогамъ; еслибъ нѣкоторыя линіи ихъ, предположенныя сосѣдними съ нимъ государями, или проведены, онъ наслаждался бы гблищеніемъ омнибуса, который вола бы по его непространнымъ влавініямъ пассажировъ отъ одного према желѣзной дороги до другаго.

Каррара, запертая высокими холми, очень-живописна. Здѣсь оставивается мало туристовъ, а настояіе жители всѣ болѣе или менѣе въ прикосновеніи съ разработкою мрамора. Въ самихъ пещерахъ есть маленькія деревушки, гдѣ живутъ рабоче люди. Здѣсь есть также прехороенный, вновь-выстроенный театръ, въ которомъ издавна держатся интересаго обычая набирать оперные ыры изъ мраморщиковъ, выучиваюихся пѣть самоучкой, по слуху. Я ышалъ ихъ въ одной комической ерѣ и въ одномъ актѣ «Нормы»: имъ дѣлали свое дѣло очень-хорошо, въ этомъ отношеніи далеко не похололи на итальянскихъ простолоудивъ, которые вообще (съ немногими иключеніями между Неаполитанцами) ютъ прескверно, не въ томъ и надѣны весьма-непріятными гелосами.

Съ вершины одного высокаго холма Каррарой, первый видъ плодородой долины, на которой расположенъ родъ Пиза — съ Ливорно, пурпуромъ пятномъ въ знаменномъ отдаленіи — очарователенъ. Не одно отдаленіе. Т. I. — Отд. VIII.

не придаетъ этому виду такую прелесть, потому-что роскошная страна съ пышными оливковыми рощами, чрезъ которыя дорога во многихъ мѣстахъ пролегаетъ, сама-по-себѣ прекрасна.

Мы приближались къ Пизѣ при лунномъ свѣтѣ и долго видѣли за ея стѣнами наклонную башню, темный ординалъ старинныхъ картинокъ въ школьныхъ книгахъ, описывающихъ чудеса свѣта». Подобно большей части вещей, воспоминаніе о которыхъ связано съ школьными книгами и школьными дѣями, я съ горестію нашелъ ее слишкомъ-малую. Она поднималась надъ городской стѣной вовсе не такъ высоко, какъ я надѣялся: это былъ одинъ изъ множества обмановъ, которыми морочить публику мистеръ Гаррисъ, книгопродавецъ на углу кладбища Церкви-св.-Павла въ Лондонѣ. Это кривая башня была выгнасломъ, а эта, существенность—по сравненію, короткая существенность. Впрочемъ, она смотрѣла очень-хорошо и очень-странно, и уклонялась отъ вертикальной линіи на столько же, какъ изображено у Гарриса. Спокойный видъ Пизы, огромный караульный домъ у воротъ, въ которомъ было только два маленькіе солдата, улицы почти совершенно безлюдныя, наконецъ, Арио, чинно протекавшій чрезъ средину города—все это было превосходно, и я, простивъ въ душѣ мистера Гарриса, пошелъ на другое утро осматривать знаменитую наклонную башню.

Я думалъ, что увижу ее, отбрасывающую свою длинную тѣнь на какую-нибудь многолюдную улицу, по которой дѣльный день толпы народа ходитъ взадъ и впередъ, и потому очень удивился, нашедъ ее въ удивленномъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ общаго движенія, окруженную мягкимъ зеленымъ деревомъ. Но группа зданій, совокупленныхъ на этомъ зеленомъ коврѣ и около него, можетъ-быть, самая замѣчатель

ная и прекрасная въ свѣтъ: это — сама башня, крестильня, соборъ и кладбищенская церковь. Самое положеніе всѣхъ ихъ, совокупленныхъ отдѣльно, видъ городскихъ хлопотъ и буетъ, придаетъ имъ совершенно-особенный, величавый характеръ: они кажутся архитектурною эссенціей богатаго стариннаго города, котораго вседневная жизнь и обыкновенныя жилища выжаты вонъ.

Сисмонди сравниваетъ башню съ обыкновенными изображеніями вавилонской башни, какъ она представлена на картинкахъ дѣтскихъ книжекъ. Сравненіе это удачно и даетъ о самомъ зданіи лучшую идею, чѣмъ цѣлыя главы патянутыхъ описаній. Ничто не можетъ быть граціознѣе и легче рисунка ея; ничто не можетъ быть замѣчательнѣе наружности цѣлаго. Поднимаясь наверхъ по весьма удобной лѣстницѣ, почти не замѣчаешь наклоности башни; но на вершинѣ она очень-замѣтна и производитъ такое же впечатлѣніе, какое ощущаешь на кораблѣ, обмелѣвшемъ и легшемъ на бокъ во время отлива. Взглянувъ черезъ галерею внизъ, съ *низкой стороны*, невольно вздрогнешь, видя, какъ основаніе ея удалено отъ отвѣса; при видѣ одинъ слабоонервный путешественникъ, взглянувъ внизъ, невольно ухватился за стѣну башни, какъ будто видѣла нахреніе выпрямить ее. Взглянуть снизу вверхъ внутри башни, какъ чрезъ наклонный пубъ, также очень-интересно. Башня дѣйствительно наклонна столько, сколько можетъ пожелать самый неугомонно-испытанный туристъ. Девяносто-десять человѣкъ изъ ста, которые бы задумали отдохнуть на травѣ около нея и полюбоваться сосѣдними зданіями, нагърно не услудятъ подъ наклонною *сторонаю* башни, боясь, что она рухнетъ и задавитъ ихъ.

Мнѣ вѣчего распространяться о множествѣ красотахъ собора и крестильни, хотя въ этомъ случаѣ, какъ и въ сотнѣ

другихъ, мнѣ трудно отдѣлить свое удовольствіе разсказывать о нихъ отъ вашей скуки читать эти разсказы. Въ соборѣ есть картина Андреа дель-Ватто, а въ крестильнѣ изюмство изъ красивѣйшихъ колоннъ: и то и другое сильно вводитъ меня въ искушеніе болтать.

Надѣюсь, нѣсколько словъ о *Сампъ-Санто*, не притупитъ мнѣ нарушеніемъ твердо-привычнаго нахренія не даваться въ подробности описанія. Тамъ поросшія травою гряды вырыты въ той самой *лѣ*, которая слишкомъ за шестидесять назадъ была привезена изъ *лѣстнины*; его окружаютъ такіе же *стыри*, съ такими игривыми *протами* и *тѣцями*, падающими съ каменную рѣнную работу *омыть* на *мощь* ихъ, что они удержатся даже самой тупой памяти. На стѣнахъ торжественнаго и много *пестра* старинныя фрески, уже истерты *вылинявшіе*, но все-таки весьма-красивыя. Какъ обыкновенно *бывало* въ Италіи, нечти во всѣхъ соборахъ картинъ, я видѣлъ тамъ на одной *стѣнѣ* поразительное случайное сходство Наполеономъ. Иногда я *тѣмъ* воображеніе раздунешь, не видя *эти* старинныя живописи, *трудно* надъ далеко-пережившими изъ *предвѣдѣніями*, предчувствіи, что *новомъ* авіею челоуѣкъ, который *детъ* такъ пагубенъ для несчастнаго солдата прервать *въ* для стрѣльбы великія картины, *конюшни* образцы торжественной *тектуры*. Но это *корсаромъ* такъ часто встрѣчается въ *частахъ* Италіи въ наши времена, *неизбѣжно* выводить замечанія *равдо-проче* и обыкновенныя.

Если Пиза седьмое чудо *и* *права* своей наклонной башни, она по-крайней-мѣрѣ *третье* по правамъ *Они* подстерегаютъ несчастнаго *шественника* на *нахреніи* *порочны*

оказываютъ его до каждой двери, въ оружіи отъ вождетъ, караулятъ его значительными подкрѣпленіями у самыхъ воротъ, изъ которыхъ знаетъ, что онъ выйдетъ. Скрипъ дверей метель служитъ сигналомъ для общаго возгласа, и только-что явился иностранецъ, его окружаютъ и стиваютъ цѣлыя груды лохмотьевъ, пуховъ и кривляній. Нищіе, по-виному, завладѣли всею предпринимателью, всею торговлею Пизы. Кромѣ этого, ничто здѣсь не движется, за исключеніемъ развѣ теплаго воздуха. Когда вы идете по улицамъ, фасады вышнихъ домовъ вамъ кажутся спинами всѣ они такъ тихи и безмолвны, къ мало походять на домы, населенныя людьми, что большая часть ода кажется городомъ на разсвѣтѣ или во время всеобщей сноты жидей. Или, еще ближе, его напомятъ перспектива домовъ, изображенныхъ на площадныхъ картинахъ или старинныхъ гравюрахъ, гдѣ а и двери означены четверолициками, и показывается одна фигура — здѣсь, разумѣется, нищій — орая бредеть въ безконечную перспективу.

Не таковъ Ливорно (знаменитый по илѣ Смоллетта), мѣсто зажиточное, оживленное, гдѣ гдѣность вышена торговли. Мѣстныя постановленія относительно торговли и купитъ весьма-благопріятны и выгодны: разумѣется, городъ много отъ этого выигрываетъ. Ливорно имѣетъ, какъ, весьма-дурную славу — тамъ ятъ множество убійцъ. Нѣсколькѣтъ назадъ, былъ здѣсь клубъ трюубійцъ, котораго члены не пиди неприязненныхъ чувствъ ни къ кому въ особенности, но закалывали ершенно-незнакомыхъ имъ людей, илю, на улицахъ, изъ одного только лажденія убивать. Президентомъ го милаго общества, если не ошибсь, былъ какой-то башмачникъ; , однако, схватили, и клубъ разался. Онъ бы, вѣроятно, исчезъ въ

порядкѣ вещей самъ-собою, отъ откритія желѣзной дороги между Пизой и Ливорно, которая хороша и уже начала удивлять Италію примѣромъ точности, порядка, правдивости и улучшеній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ватиканѣ почувствовали легкій толчокъ землетрясенія, когда въ Италіи открыли въ первый разъ желѣзную дорогу.

Возвратясь въ Пизу и нанявъ тамъ добродушнаго веттурино съ четырьмя лошадами, взявшагося доставить насъ въ Римъ, мы ѣхали цѣлый день по веселымъ мѣстамъ, мимо красивыхъ тосканскихъ деревень. Придорожные кресты этой части Италіи многочисленны и любопытны. На крестѣ рѣдко видишь фигуру, хотя иногда и является лицо; но они замѣчательны тѣмъ, что украшены маленькими деревянными моделями всѣхъ возможныхъ предметовъ, какіе только могли имѣть какое-либо отношеніе къ кончинѣ Спасителя. На-примѣръ, пѣтухъ, прокричавшій трижды, когда апостоль Петръ отрекся отъ своего Учителя, почти- неизмѣнно посаженъ на верху и всегда можетъ служить образцомъ орнитологическаго феномена. Подъ нимъ — надпись. Потомъ, подвѣшенные на поперечникѣ копье, шесть съ губкою на концѣ; одежда безъ швовъ, которую воины разыгрывали между собою; стаканъ съ костями, служившими при этомъ разыгрываніи; молотокъ, которымъ вколачивали гвозди; клещи, которыми ихъ потомъ выдергивали; лѣстница, приставленная ко кресту; терновый вѣнецъ; орудіе хлестанія; фонарь, — словомъ, цѣлая игрушечная лавка этихъ маленькихъ вещей попадутся на каждомъ четырехъ или пяти миляхъ вдоль всей большой дороги.

Вечеромъ другаго дня послѣ выѣзда изъ Пизы, мы достигли прекраснаго стараго города, Сиенны. Тамъ происходило въ это время то, что Сиенцы называли намъ карнаваломъ; но какъ секретъ его заключался въ томъ, что де-

ятыя три или четыре скучныхъ людей бродило взадъ и впередъ посреди главной улицы, въ простыхъ лавочныхъ маскахъ, и они казались еще скучнѣе, если возможно, чѣмъ люди того же рода въ Англии, — я не стану о нихъ распространяться. Мы на слѣдующее утро пошли осматривать соборъ, чудно-живописный снаружи и внутри, въ-особенности снаружи; рыночную площадь, или большую Piazza—обширный квадратъ съ большимъ фонтаномъ, у котораго отшибивъ мось; нѣсколько чопорныхъ готическихкихъ домовъ, и высокую четверугольную башню, сложенную изъ кирпичей; *снаружи* ея вершины—странная черта видовъ этого рода въ Италиі — виситъ огромный колоколъ. Сиенна слегка походитъ на Венецію, за исключеніемъ воды. Въ городѣ есть нѣсколько интересныхъ старинныхъ палаццо; не имѣя (для меня) занимательности Вероны или Генуи, старинный городъ этотъ имѣетъ много мечтательнаго и фантастическаго.

Наглядѣвшись на всѣ эти вещи, мы поѣхали далѣе по довольно-скучной странѣ, не встрѣчая ничего, кромѣ виноградниковъ, да и тѣ въ это время года были не иное что, какъ палки и ветки; останавливались, по обыкновенію, часа на два около полудни, для ровдыха лошадей—неизбѣжнаго условія, требуемаго каждымъ веттурнино; мотомъ трогались далѣе по странѣ, становившейся постепенно болѣе и болѣе дикою и бесплодною, пока она наконецъ не сдѣлалась такою же голою и пустынною, какъ многія мѣста Шотландіи. Вскорѣ послѣ наступленія темноты, мы остановились на ночь въ osteria della Scala, совершенно-одинокомъ домѣ, въ которомъ все семейство сидѣло вокругъ большаго огня на кухнѣ, разведеннаго на каменной платформѣ, фута на три или четыре отъ земли, и достаточнаго, чтобъ зажарить цѣлаго быка. Въ верхнемъ и единственномъ этажѣ этой гостиницы была пре- большая пустая зала, съ крошечнымъ

окномъ въ одномъ углу и четырьмя черными дверями, открывшимися въ четыре черныя спальни, но разныхъ направленіемъ, — не говоря уже о другой черной двери, открывшейся въ другую черную sala, съ лѣстницей которая шла сквозь какую-то комнату въ полъ, и стропилами крыши, расставшимися надъ головою. Каминъ былъ чистѣйшей итальянской архитектуры — его невозможно было ни смотрѣть въ дыму. Служанка походила на жену драматическаго баллета и сила такой же точно головной уборы. Собаки лаяли какъ бѣшеныя; это имъ рило комплиментамъ, которыми мы за это надѣялись; въ окрестности, или на двѣнадцать, не было никакого другаго жилья; все имѣло зловѣщую, и дурную наружность.

Ко всему этому надобно прибавитъ слухи о разбойникахъ, которые, за нѣсколько ночей назадъ, выходили въ большомъ числѣ, и очень-дерзко, въ мѣсто, и остановили почту около самаго этого мѣста. Извѣстно было, что разбойники недавно еще убили нѣсколько путешественниковъ на Везувіи — и послужило предметомъ разговора въ всѣхъ придорожныхъ гостиницахъ. Такъ-какъ намъ ихъ нечего было опасаться, потому-что отъ насъ они могли видѣться бы весьма-немногомъ, то мы забавлялись отъ нихъ расказами и вскорѣ устроились со всѣмъ комфортомъ, каковаго можно было желать. Въ этотъ удлиненномъ убѣжищѣ намъ вошло обыкновенный обѣдъ, который очень-недуренъ, если къ нему привинуть. Вамъ дадутъ что-то въ родѣ супа, съ зеленью и рисомъ, — душанье вкуса, если приправить его порядочнымъ количествомъ тертаго сыра, соли и перца; потомъ, половину дворовой птицы, изъ которой супъ былъ сваренъ; потомъ голубя съ начинкой, окруженнаго печенками и зобами другихъ птицъ; потомъ кусокъ ростбифа, величинами съ маленькую французскую булку; потомъ кусочикъ пармезана и штукъ пять маленькихъ сморщенныхъ яблокъ.

екъ—все вмѣстѣ на крошечной тарелкѣ; затѣмъ, слѣдуетъ кофе, а потомъ и постель. Вы мало думаете о ирпичныхъ полахъ; вы не заботитесь звѣяющихъ дверяхъ или отвислыхъ знакъ; вамъ ничего, если лошади, на оторыхъ вы пріѣхали, поставлены въ окну прямо подъ вашею кроватью такъ близко, что каждое ихъ фырканье или чиханье вамъ слышно и будитъ васъ. Если вы обращаетесь доверливо и ласково съ окружающимъ изъ народомъ, то будьте увѣрены, все угостятъ хорошо въ самомъ дрянномъ италіянскомъ трактирѣ, и всегда въ величайшею услужливостію; вы рождаете всю Италію изъ конца въ конецъ, и наперекоръ всему, что о ней олюють, терпѣніе ваше нигдѣ не будетъ подвержено слишкомъ-тяжкимъ спытаніямъ, — въ-особенности еще, слы вамъ подадутъ въ бутылкахъ такіа вина, какъ орието и монте-пульчиано.

Мы отправились далѣе въ неприятное утро и ѣхали ниль двѣнадцать по трамъ такой же голой, каменистой и сухой, какъ Корнвалль въ Англіи, до Радикофани, гдѣ остановились въ гостиницѣ, весьма-удобной для вѣдѣль дозовыхъ: она была нѣкогда охотничьимъ пристанищемъ герцоговъ токанскихъ, и наполнена такими дикими корридорами и зловѣщими покоями, что могла бы служить мѣстомъ дѣйствія всѣхъ возможныхъ повѣстей бѣ убійствахъ и привидѣніяхъ. Въ енуѣ есть нѣсколько страшныхъ адаццо, въ-особенности одинъ, наружи довольно-похожій на этотъ оми; но гостиница въ Радикофани мѣтеъ такой зловѣщій, дремучій, угрюмый, могильный характеръ, какоо я нигдѣ не видалъ. Городокъ, каковъ оми есть, виситъ на скатѣ холма надъ гостиницей, прямо передъ а входомъ. Жители его нище: лишьюлько завидать, что ѣдетъ дорожный экипажъ, они напускаются на него, какъ стаа хищныхъ птицъ.

Когда мы добрались до находящагося недалеко отсюда горного ущелья,

насъ встрѣтилъ изъ него, какъ насъ предостерегали въ гостиницѣ, такой страшный вѣтеръ, что принудилъ выпустить изъ кареты мою лучшую половину, - *my better half* -, чтобъ ее не повалило вмѣстѣ съ каретою, и повиснуть на навѣтренной сторонѣ (сколько силъ намъ позволялъ), чтобъ экипажъ не унесло Богъ-знаетъ куда. По силѣ вѣтра, эта береговая буря могла бы съ выгодою поспорить съ добрыми штормомъ въ Атлантическомъ-Океанѣ. Порывъ налетѣлъ на насъ изъ ущелии высокихъ горъ, съ правой стороны, и мы смотрѣли со страхомъ на обширное болото вѣтвѣ, гдѣ не было ни куста, ни дерева, за которые можно бы было удержаться. Казалось, если насъ сдуетъ съ ногъ, то унесетъ или въ море, или въ невѣдомое пространство. Тутъ были и снѣгъ, и градъ, и дождь, и молніи; клубящаяся облака и туманы неслись надъ головою съ немовѣрною скоростью. Вся сцена была исполнена жрака, ужаса, одиночества; горы гроновались надъ горами, одѣтыми въ сердитыя тучи; во всемъ, вездѣ обнаруживались самая бѣшеная, быстрая, сильная, сверхъестественная, шумная торопливость; зрѣлище было невыразимо-поразительно и увлекательно.

Не смотря на то, для насъ было большое наслажденіе выбраться изъ него и переѣхать черезъ грязную границу Папскихъ-Владѣній. По дорогѣ намъ попались два маленькіе городка, въ одноиъ изъ которыхъ, Аквапенденте, праздновался карнавалъ—представителями народнаго веселія были замаскированный мужчина, одѣтый въ женское платье, и замаскированная женщина, переодѣтая мужчиной; чета эта бродила довольно-жалостливо, увиавая въ грязь чуть не по колѣно. Подъ вечеръ мы пріѣхали къ озеру Болсенѣна (Bolsena), на берегахъ котораго маленькій городокъ того же имени, знаменитый своими лихорадками. Кромиъ этого жалкаго мѣстечка, вокругъ всего озера нѣтъ ни одной де-

реки, ни одной хижины, потому что никто не может спать въ такомъ опасномъ воздухѣ; на водахъ озера не видать ни одной лодки, по дорогѣ не падаетъ ни единого кустика, ни прута, которые бы хоть нѣсколько разнообразили скучную монотонность грязныхъ и мокрыхъ двадцати-семи миль разстоянія. Мы пріѣхали въ городокъ недавно, потому-что дороги были до крайности дурны отъ сильныхъ дождей; когда совершенно-стемнѣло, мѣстоположеніе сдѣлалось невыносимоскучно.

Къ слѣдующему солнечному закату мы очутились въ пустынѣ гораздо-живописнѣе и интереснѣе. Мы проѣхали черезъ Монтефасконе, знаменитый своими винами, и Витербо, извѣстный своими фонтанами. Поднявшись по скату миль въ восемь или десять длинны, мы внезапно очутились на краю уединеннаго озера — съ одной стороны прелестнаго, опушеннаго роскошнымъ лѣсомъ, а съ другой совершенно-голаго, загороженнаго бесплодными волканическими холмами. На мѣстѣ этого озера былъ въ старинные годы городъ; земля поглотила его въ одинъ день, и теперь тамъ вода. Есть преданія, общія многимъ мѣстамъ, что въ тихую погоду, когда вода совершенно-прозрачна, можно ясно рассмотреть погибшій городъ: какъ бы то ни было, а онъ исчезъ оттуда, гдѣ прежде стоялъ; вода и осадки накрыли его, и теперь озеро походитъ на мертвеца, которому тотъ свѣтъ запертъ и который тщетно старается возвратиться туда, откуда явился въ несвойственной ему странѣ. Воды его какъ-будто ждутъ цѣлые вѣка, не будетъ ли новаго землетрясенія, чтобъ исчезнуть въ подземныхъ пустыняхъ. Злополучный городъ, погребенный подъ дномъ озера, вѣрно не унылѣе этихъ обнаженныхъ холмовъ, выдвинутыхъ огнемъ изъ вѣдръ земли, или разстилающихся надъ нимъ стоячихъ водъ. Красное солнце смотрѣло на нихъ странно, какъ-будто зная, что они сотворены для мрака и

черныхъ пещеръ; а печальныя воды просачивалась и напихивала ихъ, пробиралась спокойно между безотмычкитравами и камышами, какъ-будто стулалъ на своей собѣсти упрекъ и гибель всѣхъ погребенныхъ водъ въ древнихъ башняхъ, доновъ и вѣтъ жителей, родившихся и вскорылихъ въ этомъ мѣстѣ.

Небольшой переѣздъ доставилъ насъ отъ озера Больсена къ городу Рончилионе, похожему на обширный свиной хлѣвъ, гдѣ мы провели ночь. Въ семь часовъ слѣдующаго утра мы тронулись въ Римъ.

Лишь-только оставили мы за собою этотъ хлѣвъ, какъ въѣхали въ Самрагпа Romana, волнующуюся равнину, гдѣ немногіе могутъ жить, какъ никому извѣстно, гдѣ на цѣлыя мили встрѣчается ничего разнообразнаго повсемѣстное одноеобразное умяе. Изъ всѣхъ родовъ земель, которыя могли бы быть расположены за пределами Рима, нѣтъ ни одной, которую бы причлвчѣйшимъ кладбищемъ мертваго города. Она такъ печальна, такъ угрюма, такъ мертвенна, такъ таинственно хранитъ скрытыя въ ней развалины, такъ походитъ на обширныя пустыни, въ которыя удаляются одержимые бѣсомъ люди изъ древняго Іерусалима, чтобъ тамъ плакать и терзаться на просторѣ... Намъ приходилось ѣхать цѣлыя тридцать миль по этой Самрагпа, и мы дивились разстоянію двадцати двухъ, не говоря уже о чемъ-нибудь бросеннаго тамъ-и-сямъ, одиночѣника, или пастуха съ разбѣсившею физиономіей, покрытой грязными, вклученными волосами, которыя своихъ овецъ. Въ концѣ этого разстоянія мы остановились для отдохновенія лошадей и собственнаго завтрака въ простомъ, потрясенномъ лѣтними жарами, уныломъ трактиршнѣ; каждаго изъ насъ и балокъ знуютъ, что каждая конната представ...

ванкою другой комнаты, и съ своимъ рисованными драпировками и лампами, казалась выкраденною изъ декораций какого-нибудь провинціального птающагося црка.

Тронувшись далѣе, мы съ лихорачнымъ ожиданіемъ напрягали зрѣе, чтобы скорѣе увидѣть Римъ, когда наконецъ, проѣхавъ еще миль двѣ, зсмотрѣли вѣчный городъ. Онъ подалъ — боюсь написать это дерзкое слово — на Лондонъ!!... Онъ лежалъ передъ нами подъ густымъ облакомъ, съ зчисленными множествомъ башенъ, доколенъ, шпицовъ, домовъ, подмавшихся до небесъ, — и надъ всѣми имъ красовался одинъ куполъ. Клясь, какъ ни горько я чувствовалъ мою несообразность такого сравненія, но Римъ такъ походилъ съ этого зстоянія на Лондонъ, что еслибъ мнѣ казали его въ стекло косморамы, я нилъ бы его ни за что другое, какъ нашу прокопченую дымомъ тумную столицу.

Римъ.

Мы вѣхали въ вѣчный городъ 30 вара, около четырехъ часовъ по полдню, черезъ Porta del Popolo, и очутились на краю карнавала. День былъ грязный, пасмурный и дождливый. Мы тогда еще не знали, что гляимъ на хвостъ процессіи масокъ, которая медленно ѣздила вокругъ площади; но наконецъ, выждавъ благопріятный случай, вдругъ очутились въ руѣ каретъ и колясокъ, совершенно-неожиданно, забрызганные дорожною грязью и вовсе-неприготовленные наслаженію празднествомъ.

Мы переправились черезъ Тибръ по Ponte Molle, миль за двѣ или за три отъ города. Желтая вода рѣки, протекающей между грязными и подмытыми берегами, подготовляла насъ къ омизію пустынности и разрушенія, что такъ опровергли встрѣтившіе насъ

маскарадные наряды карнавала. Мы не видали ни великихъ развалинъ, ни другихъ торжественныхъ памятниковъ древности: всѣ они расположены въ противоположной части города. Тутъ же — длинныя улицы съ самыми обыкновенными и прозаическими домами и лавками, общими всѣмъ европейскимъ городамъ; толпы суетящагося народа; экипажи; праздношатающіеся пѣшеходы; множество болтливыхъ иностранцевъ, — словомъ, это былъ не мой Римъ, не Римъ чьей бы то ни было фантазіи, мужа или мальчика, не Римъ павшій и покоящійся на солнцѣ среди грудъ развалинъ, — нтъ, походилъ на идеалъ Рима столько же, сколько Площадь Согласія въ Парижѣ. Я былъ приготовленъ къ облачному небу, скучному, холодному дождю, грязнымъ улицамъ, но не къ этому: сознаюсь чистосердечно, я легъ спать съ весьма-присмирѣлымъ энтузіазмомъ.

На другой день мы прежде всего поспѣшили къ Собору св. Петра. Издали онъ казался неизмѣримо — огромнымъ, но въблизи сравнительно — малымъ. Красота площади, на которой онъ стоитъ, съ ея изящными колоннадами, фонтанами, не можетъ быть преувеличена самымъ восторженнымъ описаніемъ. Первый взглядъ во внутрь, когда видишь весь храмъ въ его обширности, величіи и славѣ, а въ-особенности взглядъ вверхъ, въ куполъ, производитъ впечатлѣніе, котораго нельзя забыть. Но въ этотъ день были сдѣланы приготовления къ празднеству: великолѣпныя мраморныя колонны были обернуты какии-то желтымъ и краснымъ тряпьемъ; алтарь и входъ въ находящуюся передъ нимъ, въ центрѣ церкви, подземную капеллу, находили на лавку золотыхъ — дѣлъ-мастера; какъ я ви былъ настроенъ изъ тому, чтобы почувствовать всю высокую красоту зденія, но оно не произвело во мнѣ никакого особенно-сильнаго ощущенія. Меня гораздо-больше трогали многіе старинныя англійскіе соборы, когда въ нихъ раздавался гулъ органа, и я былъ

гораздо сильнѣе пораженъ таинственностью и чуднымъ величіемъ Собора св. Марка, въ Венеціи.

Вышедъ изъ собора, гдѣ мы простояли около часа, почти не сводя глазъ съ купола (потому что по всей церкви намъ тогда рѣшительно не хотѣлось идти), мы велѣли вучеру ѣхать въ Колизей. Черезъ четверть часа, онъ оставивъ лошадей у воротъ, и мы вошли.

Нисколько не прибѣгая къ вымыслу, а говоря простую, чистую истину, — такъ ясно и отчетливо вижу я это даже теперь, — скажу, что на мгновение, именно входя въ Колизей, вслѣдствіе съ небольшимъ усиленіемъ воображенія, можетъ жить передъ глазами всю эту громаду, оживленную, какъ и въ прежніе годы, тысячами разгоряченныхъ лицъ, которые жадные взоры вперены внизъ, на арену; а на ней такой вихрь борьбы, крови и пыли, какого никакими словами не выразишь. Одинокость, грозная красота, пустынность этихъ развалинъ дѣйствуютъ на зрителя, въ слѣдующій моментъ, подобно услажденной печали; никогда въ жизни, можетъ-быть, не будетъ онъ до такой степени тронутъ и пораженъ какимъ бы то ни было зрѣлищемъ, не нѣбующимъ непосредственной связи съ его личными огорченіями или склонностями.

Видѣть Колизей, обваливающійся поемному съ каждымъ годомъ, его арки и стѣны, поросшія зеленью, открытые временемъ корридоры, длинныя травы, пробивающіяся изъ трещинъ его портиковъ, молодые деревца, растущія на шероховатыхъ парапетахъ и уже приносящія плоды — случайныя произведенія сѣмянъ, зароненныхъ тамъ птицами, которыя выютъ себѣ гнѣзда въ щеляхъ и расщелинахъ, — видѣть боевое ристалище, заваленное землею, въ срединѣ которой водруженъ мирный крестъ; подниматься въ его верхіе чертоги и смотрѣть внизъ на развалины, развалины и развалины; видѣть триумфальныя арки Кон-

стантина, Септима-Севера и Тита, римскій Форумъ, дворецъ цезарей, храмы древней религіи, павшіе и уничтожающіеся; видѣть все это — то и самое, что видѣть призракъ древняго Рима, чуднаго, развратнаго, влюбляющаго города, котораго замогильная глыба еще и теперь бродитъ по мѣстамъ, гдѣ прежде толпились его жители. Это самое поразительное, величавое, торжественное и печальное зрѣлище, какое только можно вообразить! Никогда, въ своемъ кровавомъ блескѣ своего, аркаше исполническаго Колизея, переволновавшаго бѣшеною и развратною жизнью, не трогало ни одного сердца такъ сильно, какъ должно трогать всѣхъ, глядящихъ на него теперь, когда онъ развалина. Благодареніе Богу, онъ развалина!...

Онъ властвуетъ надъ всѣми причинами развалинами и стоитъ какъ горный камень между могильными бугорками; древнее вліяніе его пережило всѣ остатки старинной міеологии и старинной греко-латинской культуры Рима, по природѣ жестокаго и жестокаго римскаго народа. Итальянская физіономія измѣняется во время приближенія иностранца къ такому городу: красота ея становится демоническою; едва-ли найдется въ этомъ лицѣ одно между бродящихъ по улицамъ простынь народомъ, которое заиграетъ въ возрожденномъ Колизей и выразило бы, что оно чувствуетъ себя дома и счастливо.

Здѣсь, наконецъ, нашелъ я истинный Римъ, и такой Римъ, какого никто не можетъ вообразить себѣ, — во всей полнотѣ его страшнаго величія! Мы въѣхали на Анниеву-Дорогу впрямую, и мы могли подвигаться впередъ на цѣлыя мили между разрушенными гробницами и обвалившимися стѣнами, встречая только изрѣдка какой-нибудь разрушенный домъ; мимо цирка Рома, гдѣ поприще бѣга колесницъ, мѣсто судей, совѣтниковъ и зрителей; такъ же ясно, какъ бывало въ прежніе годы; мимо могилы Цециліи Метеллы

ю всѣхъ загородовъ, стѣнъ, плетей, въ открытую Campagna, гдѣ съ одной стороны Рима не видишь и не рѣчаешь ничего, врозь развалины. Южная той стороны, гдѣ отдалены Аппенины ограничиваютъ видъ на, все открытое пространство представляеть одно обширное поле развалъ,—остатки водопроводовъ, отъ коихъ видны самыя изящныя и живисныя арки; разрушенныя храмы, рушенныя гробницы; пустыня разленія, мрачная и запустѣлая въ каго описанія, гдѣ каждый камень лючаетъ въ себѣ отдѣльную исто-

ю воскресеніе, папа участвовалъ въ ершеніи торжественнаго священноствія въ Церкви св.-Петра. Соборъ извелъ на меня во второе посѣщеніе: точно такое же впечатлѣніе, что въ первое,—такое же, какъ и во мно послѣдующія посѣщенія. Онъ не жагаетъ благоговѣніемъ и не воздаеть религиозныхъ чувствъ: это—блѣтаетъ эдавіе, гдѣ ничто не остается на себѣ ни чувство, ни ума, мленныхъ безпрестаннымъ страіемъ и безпрестаннымъ переходомъ одного предмета къ другому. Сацѣль сооруженія этой громады не жагается ни въ чемъ, что здѣсь виль, пока не пріймешься разсматривать подробности, — а разсматриваніе робнностей оталекаетъ отъ эффекта аго. Соборъ св. Петра можетъ быть зтеономъ и сенатомъ, или великимъ итектурнымъ трофеємъ, немиѣюмъ никакого другаго назначенія, мѣ торжества архитектуры. Правда, въ стонъ черная статуя св. Петра въ красныхъ бадаххионѣхъ; она козальной величины, и къ большому ыпу ноги ея безпрестанно прикляаются благочестивые католики; но игозное впечатлѣніе храма отъ этого усиливается, и онъ все-таки, пойнѣй-мѣрѣ для меня, не выражаеть: ий высокой цѣли.

Въ большомъ пространствѣ за алтарь были устроены мѣста, похожія южи лондонской итальянской оперы. L. — Отд. VIII.

ры, но только убранныя гораздо-пышнѣе. Въ центрѣ этой отгороженной такинъ-образомъ сцены выходились кресла папы, подлѣ высокихъ бадаххионѣхъ. Помость устланъ ковромъ самаго яркаго зеленого цвѣта: багровыми и малиновыми драпировками и золотыми кистями и бордирами. Съ каждой стороны алтара было по большой ложѣ для иностранныхъ дамъ, которыхъ множество сидѣло въ нихъ, въ черныхъ платьяхъ и черныхъ вуаляхъ. Дворяне папской гвардіи, въ красныхъ муандирахъ, кожаныхъ исподнихъ платьяхъ и ботфортахъ, охраняли это пространство съ обнаженными мечами; начиная отъ алтара и до трапезы, швейцарскіе тѣлохранители папы образовывали собою широкую аллею: они одѣты въ пестрые, полосатыя полукафтаны, обтяжное пестрое нижнее платье и носятъ на плечахъ аллебарды, подобныя тѣмъ, которыми обыкновенно вооружены театральные воины.

Я пробрался къ самому краю зеленого ковра, вмѣстѣ со многими другими, одѣтыми подобно мнѣ въ черное—другаго паспорта не нужно — и стоялъ тамъ очень-удобно во все продолженіе священнодѣйствія. Пѣвчіе находились въ чемъ-то похожемъ на стойло съ проволочною сѣтью, въ одномъ углу, и шѣли ужасно. Вокругъ зеленого ковра медленно двигались толпы народа, разговаривая, разглядывая папу въ лорнеты и театральныя трубочки, вытѣсняла другъ друга въ болѣе-видныя мѣста и глядѣя бессовѣстно на дамъ. Мѣстами видѣлись небольшія кучки францисканцевъ и капуциновъ, которыхъ грубыя темнаго цвѣта рясы и остроколючныя капюшоны составляли странную противоположность съ пышною пестрою облаченію духовенства высшихъ разрядовъ; смиреніе этихъ монаховъ нѣмло случай проявиться въ полномъ блескѣ, потому-что ихъ жали и толкали со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ грязныхъ садаліяхъ и забрызганныхъ одеждахъ—они пришли для церемоніи медалей. Лѣ

ца большей части были такъ же грубы и непривлекательны, какъ костюмы: ихъ безсмысленные, угрюмые, упорные взгляды на окружающія ихъ величіе и пышность имѣли въ себѣ что-то пожулкакое и полусмѣшное.

На самомъ зеленомъ коврѣ и вокругъ алтаря — цѣлая армія кардиналовъ и духовенства въ красныхъ, золотыхъ, пурпуровыхъ, фиолетовыхъ, бѣлыхъ облаченіяхъ. По-временамъ отдѣлялись отъ этой толпы нѣкоторые, вѣтшивались въ число зрителей, разговаривали съ ними, разшѣвлялись поклонами, знакомились съ представляемыми имъ лицами и т. п.; другіе сановники въ черныхъ одеждахъ или въ придворныхъ костюмахъ, занимались тѣмъ же. Посреди ихъ, вкрадчивыхъ іезуитовъ, скромно пробирававшихся назадъ и впередъ, и безпокойнаго британскаго юношества, которому никакъ не стоялось на мѣстѣ, видѣлись нѣкоторые степенные люди въ черныхъ рясахъ, стоявшіе на колѣняхъ, обратясь лицомъ къ стѣнѣ, и перешептывавшихъ набожно свои святцы: они нѣ хотя дѣлались заданьями, потому-что цѣлыя десятки мѣнѣ-благочестивыхъ спотыкались на ихъ протанутыя ноги.

На полу, около меня, лежала огромная груда большихъ восковыхъ свѣчъ, которыя раздавалъ всѣмъ духовнымъ дряхлый старикъ въ помянутой черной рясе и вышитомъ палатинѣ. Господа эти сначала прогуливались нѣсколько времени, нося свѣчи подъ мышкою, или въ рукѣ, въ видѣ жезла; потомъ, въ определенное церемоніальное время, каждый подходилъ къ папѣ, подносилъ ему на колѣняхъ свѣчу свою для благословенія и снова удалялся: это дѣлалось поодиночкѣ, длиною процессіей, и заняло временное время, потому-что папѣ приходилось благословлять огромное количество свѣчъ. Наконецъ, благословеніе свѣчъ кончилось, и ихъ зажгли; потомъ подняли папу въ креслахъ на носилахъ и понесли вокругъ всей церкви.

Признаюсь, это напоминало мнѣ церемоніальнаго англійскаго народнаго праз-

днества въ память 6-го ноября (*). Самка фнтелей и фонарь, еслибъ ихъ держали въ руки папы, допоядали бы ихъ стою до совершенства. Даже самъ папа, хотя онъ имѣлъ пріятное и почтенное лицо, не противорѣчилъ такому сравненію: отъ движенія мѣлкого у него кружится голова и качается съ стороны на сторону, вѣстѣ съ митрой; онъ закрываетъ глаза и имъ нѣко благословляетъ предлежащій колѣни народъ таинственною силой своего первосвященническаго сана. Два огромныя опахала, изъ золоченныхъ и раскрашенныхъ перьевъ, сопровождаютъ его и при церемоніи, и носатся по обѣимъ сторонамъ. Такихъ-образомъ обнесши еще два вокругъ всей церкви. Кошмаръ во всемъ этомъ не было ниче-го

(*) Въ царствованіе Яковъ I, этотъ католическій былъ въ Англіи обычай. Гюй Фауксъ (Guy Fawkes), отъ такъ, подстрекатель іезуитовъ, имѣлъ замышлять бочки съ порохомъ, помѣстивъ ихъ подъ зданіе парламента, и играть роль и весь парламентъ въ день стѣнъ его: исполненіе этого предпріятія заговора должно было произойти 5-го ноября 1605 года, въ тотъ самый день, когда король откроетъ засѣданіе парламенту въ стѣнной рѣчь. Гюй Фауксъ, которому извѣстны были всѣ подробности, былъ замеченъ съ собою, и да онъ уже готовился зажечь свѣчу, проведенный къ пороховымъ бочкамъ, подвальною сосѣдняго съ парламентомъ дома, нарочно для того сдѣланого. Въ воспоминаніе этого события, во всей Англіи сохранился слѣдующій обычай: мальчишки и дѣвочки дѣлаютъ большую куклу, наряженную на голову маску, разрываютъ ее, и можно-вѣстрѣе и несутъ ее по улицамъ, при чемъ собираются деньги или матеріалы для устройства этого костра, на которомъ она торжественно сжигаютъ. Кукла эта называется «архи-измѣнникомъ» Guy Fawkes Arch-traitor и держатъ въ рукахъ матицескій глухой фонарь и т. п.

тельно-величественнаго и эффектнаго. Последнее замѣчаніе можно при-
кратить ко всему церемоніалу того дня,
о мѣ поднятія просфоры, когда вся
царская гвардія вдругъ преклонила
го можно и обнаженные мечи всѣхъ
кнули разомъ о каменный помостъ
ма — это, дѣйствительно, имѣло
днѣмъ эффектъ.

Слѣдующее мое восшїеніе собора
ло велѣли черезъ двѣ или три. Я
рался на самый верхъ. Дранировки
скораціи были святы, коверъ свер-
гъ; но всѣ подмостки и настилки
авались нетронутому.

Истинна и суббота были торже-
ешные праздники, а такъ-такъ вос-
сенъе исключается изъ карнаваль-
хъ увеселеній, то мы съ ветеранъ-
нъ и любопытствомъ ждали начала
дующей неделѣ, которой поведѣль-
тъ и вторникъ послѣдніе, самые
шіе и самые веселые карнавальныя

и поведѣльшихъ, около часа или
хъ полуночи, на дворѣ гостиницы
ался страшный шумъ экипажей;
трантирала прислуга засуетилась,
бгала назадъ и впередъ; во-време-
нъ проносился въ коляскѣ мимо
нъ и балконовъ какой-нибудь ино-
аонецъ въ фантастическомъ наскан-
номъ костюмѣ, изъ которому онъ
е не привыкъ достаточно, чтобы
ить его публично съ самоувѣрен-
гью. Всѣ коляски и кареты были
рыты, и внутренность каждой тща-
ельно обтнута бѣлымъ холстомъ или
эпиронъ, чтобы настояція укра-
іи нѣ не испортились отъ безпре-
наго бросанія конфектъ, въ составъ
рыхъ входятъ мука и некоторыя
ются собственно для карнавальна-
омбардированія. Въ малый эки-
а, дожидавшійся у вольѣзда сво-
сѣдоконъ, грузили огромныя мѣш-
корзинны этихъ confetti, вмѣстѣ
акими страшными грузами цѣлѣ-
увазаныхъ въ небольшіе бу-

кеты, что многіе экипажи были ими
не только наполнены, но даже пере-
полнены черезъ край, и при каждомъ
толчкѣ разсыпали часть своего изоби-
лія по дорогѣ. Чтобы не отстать отъ
прочихъ относительно этихъ суще-
ственныхъ карнавальныхъ привадеж-
ностей, мы также велѣли нагрузить въ
свою наемную коляску двѣ большу-
шіе мѣшка, фута въ три вышиною,
съ конфектами, и огромную корзину,
переполненную букетами цвѣтовъ. Мы
наблюдали за всѣми этими пригото-
вленіями съ одного изъ верхнихъ бал-
коновъ гостиницы съ самымъ живымъ
удовольствіемъ. Когда экипажи начали
трогаться съ мѣста отъ подъѣздовъ,
мы также успѣли въ свою коляску и
поѣхали, вооружившись проволочными
масками изъ предосторожности про-
тивъ карнавальнаго бомбардированія.

Улица Корсо тянется на цѣлую милю
— это улица лавокъ, палаццо и ча-
стныхъ домовъ, расширяющаяся мѣ-
стами, такъ-что образуетъ довольно
просторныя площади. Почти у каждо-
го дома красуются балконы и откры-
тыя галереи — не у одного какого-ни-
будь этажа, но часто у той или другой
комнаты въ каждомъ этажѣ; они при-
дѣланы къ домамъ безъ всякой пра-
вильности, безъ всякой симметріи,
такъ-что, еслибъ годъ за годомъ ва-
лились дожди балконовъ, грады бал-
коновъ, свѣга балконовъ, то и тогда
имъ было бы невозможно распола-
житься безпорядочнѣе своего теперѣ-
шняго существованія.

Улица Корсо — великое средоточіе
карнавала. Но какъ всѣ улицы, по ко-
торымъ карнавалъ разгуливаетъ, заня-
ты блительными драгунами, то кареты
должны напередѣ пробѣхать гуськомъ
по другимъ улицамъ и поназуютъ на
Корсо съ конца, отдаленнаго отъ Piazza
del Popolo. Въ-слѣдствіе такого заве-
деннаго порядка и мы попали въ вер-
шину экипажей, и, въ-продолженіе нѣ-
котораго времени, двигались довольно-
спокойно, то самымъ тихимъ шагомъ,
то легкою рысцою, то шатая назадъ,
то останавливаясь совершенно, смотря

по движеніямъ передовыхъ. Если какая-нибудь западничая карета выносилась изъ ряда и дребезжала впередъ, съ буйнымъ замысломъ опередить прочихъ, ее немедленно настигалъ или встрѣчалъ конный вонизъ, который, не вымая никакимъ убѣжденіямъ и доказательствомъ, неутомимо жонглировалъ ее назадъ, на самый конецъ, такъ-что она казалась едва-зажѣтымъ пятномъ въ этой безконечной перспективѣ. По-временамъ, мы обвинялись залпами конфетъ или букетовъ съ ближайшею передовою или заднею каретою; но до-сихъ-поръ главное увеселеніе доставляла намъ покупка пѣнныхъ драгунами непокорныя экипажи.

Послѣ этого мы вѣхали въ довольно-узкую улицу, гдѣ встрѣтили другой рядъ каретъ, тянувшійся въ противоположную намъ сторону. Здѣсь конфеты и цвѣты начали летать гораздо-быстрѣе и дѣятельнѣе. Господинъ, наряженный греческимъ воиномъ, попалъ какому-то молодому бандиту, готовившемуся бросить букетъ молодой дамѣ, стоявшей у окна перваго этажа, прямо въ носъ, съ меткостью, заслужившею ему рукоплесканія всѣхъ присутствующихъ. Но только-что побѣдовосный Грекъ успѣлъ обвиняться насмѣшливымъ замѣчаніемъ съ толстымъ господиномъ, стоявшимъ въ дверяхъ ближайшаго дома, наряженнымъ въ бѣлое съ чернымъ пополамъ, вдоль, поздравлявшимъ его съ этимъ подвигомъ, какъ вдругъ ему прилетѣлъ въ лѣвое ухо апельсинъ, брошенный съ одного изъ верхнихъ балконовъ; онъ удивился, чтобъ не сказать—сконфузился, и, такъ-какъ онъ стоялъ въ это время въ коляскѣ, а та вдругъ двинулась впередъ, то онъ пошатнулся, упалъ и зарылся въ своихъ цвѣтахъ.

Черезъ четверть часа мы очутились на Корсо: трудно вообразить себѣ что-нибудь веселѣе, разнообразнѣе, пестрѣе и оживленнѣе всей блестящей сцены, которую мы тутъ увидѣли. Всѣ безчисленные балконы, близкіе и отда-

ленные, высокіе и низкіе, были драпированы коврами и кусками яркочерныхъ, ярко-зеленыхъ, яркочерныхъ, ослѣпительно-бѣлыхъ, золотыхъ и серебряныхъ матерій и парчей. Изъ оконъ, съ террасъ, съ верхнихъ дождевыхъ спускались на улицу богатѣйшія желотнища самыхъ блестящихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ. Казалось, будто всѣ строенія выворочены и вся внутренняя роскошь ихъ, все убранство были обращены внаружу. Оныя вытѣзаны были вынуты, и, вмѣсто выставленныхъ на показъ товаровъ, висѣла блестящая публика, какъ въ ложѣхъ ярко-освѣщеннаго театра; двери были сняты съ петель, и сѣня домогъ превратились въ продолговатые гроты, украшенные коврами, гирляндами зелени и цвѣтовъ; лѣса и подвосты строившихся домовъ сдѣлались пыльными храмами, сіявшими золотомъ, серебромъ и пурпуромъ; во всякомъ уголкѣ, всюду, вездѣ, гдѣ только могли блестятъ женскіе глаза, они сверкали искрились, смѣялись, какъ отраженія огня на водѣ. Тутъ можно было видѣть всякаго рода оборочивательно-безумные наряды. Короткіе багровые спенсеры; вычурныя старинныя тюрбаны и самыя кокетливыя корсажи польскіе полубубки, ловко обогатившіе стройный станъ; греческія шапочки, надѣтыя дерзко на бревна державшіяся Богъ-знаетъ какъ на рокошныхъ темныхъ волосахъ,—словомъ, всѣ сумасбродныя, затѣйныя, причудливыя, съ ума сбивающія фантазіи проявились въ прелестнѣйшихъ женскихъ костюмахъ, и всѣ заботы и призывы были забыты, какъ-будто древніе водопровода, упавшіе отъ разрушенія, провели въ то утро воды въ Римъ на своихъ огромныхъ аркахъ.

Экипажи ѣхали здѣсь по тремъ рядамъ, а въ болѣе-просторныхъ улицахъ по четыре; часто они останавливались цѣлыми группами на долгое время, каждый являлся пестрою массой разнообразнаго блеска, рисуясь вдоль улицы, среди вихря цвѣтовъ, и

теть колоссальной величины. У нѣ-
 торыхъ лошади были въ перьяхъ и
 крыты богатѣйшими попонами; у
 нѣкихъ, онѣ были убраны отъ головы
 хвоста въ разноцвѣтные ленты,
 которыми правили кучера съ чудо-
 двыми двойными лицами, изъ ко-
 выхъ одно глядѣло на лошадей, а
 другое вперяло необычайные взоры
 и въ экипажъ. И все это двигалось
 редь, подъ градомъ confetti. Дру-
 кучера были наряжены женщина-
 въ длинныхъ локонахъ и безъ шля-
 къ: при каждомъ затрудненіи съ ло-
 дыми (а подобныхъ случаевъ было
 много въ такой толкотнѣ), они каза-
 лись смѣшивать, чѣмъ языкъ можетъ
 разить или перо описать. Въесто-
 о, чтобъ сидѣть въ коляскахъ,
 скамьяхъ, прекрасныя Римлянки,
 чтобъ лучше видѣть и быть видѣнны-
 сидятъ на передней и задней за-
 шивахъ, опираясь своими ножками
 подушки—и какіе въ это время ри-
 суютъ роскошныя ставы, какъ со-
 зрительно развѣваются ихъ платья,
 ія у нихъ непринужденныя, смѣю-
 ся лица, какіе бойкіе, рѣзвые, ко-
 лывые взгляды!

Тутъ двигались мѣстами огромныя
 ды, наполненныя молодыми дѣвуш-
 ки—ихъ сидѣло по тридцати и боль-
 въ каждой: какіе залпы, цвѣтовъ и
 иеицъ стрѣляли изъ нихъ и по-
 въ! Вокругъ этихъ волшебныхъ ко-
 лей, мигаютъ по десяти носились
 воздухахъ сладкіе и благоуханныя сна-
 бы. Нѣкоторыя коляски, задержан-
 и долго на одномъ мѣстѣ, завязы-
 и перестрѣлку съ другими, или съ
 телами въ окнахъ нижнихъ этажей;
 сраженіе вѣдшисвалось зрители ка-
 о нибудь верхняго окна или балко-
 и бомбардировали обѣ стороны,
 рожившая большущіе мѣшки кон-
 къ, сыпавшихся градомъ и разле-
 стшихся въ мучную пыль, такъ что
 ющіе бѣгали въ одинъ мигъ, какъ
 ѣшники. А между-тѣмъ, экипажи дви-
 нись за экипажами, костюмы смѣня-
 въ костюмами, толпы толпами, цвѣ-
 цвѣтами...

Мужчины и мальчишки цѣплялись
 за колеса колясокъ, задерживали ихъ
 свади, или слѣдили за ними и ныряли
 между ногами лошадей, подбирая раз-
 бросанныя букеты; чтобъ ихъ снова
 продавать; цѣпія маски, вообще са-
 мыя забавныя изъ всѣхъ, въ фанта-
 стически - уродливыхъ придворныхъ
 костюмахъ, разсматривали публику въ
 чудовищныя лорнеты и всегда прихо-
 дили въ восторгъ любви и удивленія,
 если имъ удавалось открыть у каког-
 нибудь окна особенно-старую и не-
 красивую зрительницу; длинныя вере-
 ницы полишинелей, вооруженные
 привязанными къ пальцамъ надутыми
 пузырями, сыпавшіе улары направо и
 налево; огромная фура сумасшедшихъ,
 кривлявшихся, кричавшихъ, метав-
 шихся, какъ въ самомъ дикомъ при-
 падкѣ безумія; коляска съ величавыми
 мамелюками, среди которыхъ красо-
 вался бунчукъ; толпа цыганокъ, без-
 жалостно воевавшихъ съ полнымъ
 кораблемъ матросовъ, чудовищная
 обезьяна на шею, окруженная чу-
 дными заѣрками со свинными головами и
 львиными хвостами, которые они дер-
 жали подъ мышками или граціозно на
 плечѣ,—и все-таки, экипажи за экипа-
 жами, костюмы за костюмами, толпы
 за толпами и цвѣты за цвѣтами...

Можетъ - быть, немногіе изъ этой
 безчисленной толпы наряженныхъ
 выдержали свои роли или даже забо-
 тились о нихъ: — главная привлека-
 тельность всей сцены состояла въ об-
 щемъ непринужденномъ лобролушіи;
 въ блестящемъ, рѣзвомъ, чудномъ раз-
 нообразіи и въ полномъ увлеченіи
 всѣхъ безумною, общою веселостью.
 Увлеченіе это такъ неизбежно, зарази-
 тельно и совершенно, что самый сте-
 пенный иностранецъ не выдерживаетъ
 и бросаетъ въ свою очередь цвѣты и
 confetti, не хуже самаго горячаго Рим-
 лянина, и не думаетъ ни о чемъ дру-
 гомъ до половины пятаго часа: тогда,
 къ величайшему его сожалѣнію, ему
 вдругъ напоминаютъ звуки трубъ и
 драгуны, начинающіе очищать ули-
 цы, что пора перестать и что онъ за-

нимается не главною цѣлью своего временнаго существованія.

Какъ улица очищается для скачки, которая должна начаться въ пять часовъ, и какъ лошади скачутъ, не давая людям—этого я и до-сихъ-поръ не могу себѣ объяснить. Какъ бы то ни было, но экипажи исчезаютъ въ боковыя улицы, или поднимаются на Piazza del Popolo; нѣкоторые изъ зрителей раздѣщаются на временныхъ галереяхъ, устроенныхъ на этой площади, а десятки тысячъ другихъ вытягиваются по обѣимъ сторонамъ вдоль Корсо, когда лошадей выводятъ на площадь — къ подножію той самой колонны, которая за нѣсколько столѣтій смотрѣла на игры и бѣгъ колесницъ въ знаменитомъ Circus Maximus.

По давнему знаку, лошади трогаются съ мѣста. Онѣ летятъ внизъ по Корсо, вдоль живыхъ шпалеръ, какъ вѣтеръ,—безъ всадниковъ, какъ всякому извѣстно, съ блестящими украшениями на спинахъ и въ заплетенныхъ въ косы гривахъ, съ тяжелыми шариками, которые утыканы острыми, болтаются по ихъ бокамъ и колятъ ихъ для поощренія. Звукъ всѣхъ этихъ украшеній, звонкій топотъ конскихъ копытъ по камнямъ мостовой, бѣшеный бѣгъ ихъ вдоль улицы, даже пушки, изъ которыхъ тогда палятъ—все соединеніе этого разнороднаго шума ничто въ сравненіи съ ревомъ, восклицаніями и громомъ хлопанья въ ладоши безчисленнаго множества зрителей. Но и этому скоро конецъ, почти мгновенно. Новые пушечные выстрѣлы потрясаютъ горды. Лошади уперлись въ протянутые поперекъ улицы козлы, которые останавливаютъ ихъ бѣгъ; цѣль достигнута; призы выиграны, и дневныя увеселенія кончены. Въ составленіи призовъ участвуютъ отчасти Жиды, которые этимъ какъ-будто откупаются отъ надобности бѣгать на своихъ ногахъ, чѣмъ Римляне потѣшались въ старину.

Но если сцена блестяща, разнообразна и многолюдна въ предпоследній день, то въ заключеніе карнавала, на слѣдующій день, она достигаетъ тако-

го блеска, бѣшеваго веселья, необузданнаго, безумнаго ожиданія, что отъ одного воспоминанія уже кружится голова. Тѣ же забавы, которые наканунѣ, которымъ предается усиленнымъ увлеченіемъ и жаромъ продолжаются до того же часа. Скачка повторяется, пушки палятъ со крики и рукоплесканія возобновляются; потомъ снова палятъ пушки. Опять конченъ, и призы опять выиграны. Но экипажи, въ которыхъ не успѣваютъ по колѣнамъ въ кокетствахъ и цвѣтахъ, и которые до того покрыты пылью и мукою снаружи, что изъ нихъ можно узнать,—вмѣсто того, что развѣхаться по разнымъ направлениямъ домой, толпятся снова на Боргетѣ ихъ набирается самая ската-едва-едва движущаяся масса: тогда должна начаться игра въ тоссоли—последнее безумное увеселеніе карнавала. Продавцы маленькихъ свѣчъ весело кричатъ со всѣхъ сторонъ во все горло: «тоссоли, тоссоли! ecco тоссоли!» — новую партию въ общемъ шумѣ, заминаящую крикомъ который по-временамъ, дивясь, слышался громче всѣхъ восклицаній крикъ: «ecco тоссоли! ecco тоссоли!»

Лишь-только всѣ блестящіе артефакты и костюмы начинаютъ появляться подъ одинъ однообразный разцвѣтъ, при закатѣ дня, въ развѣтвистыхъ начинаютъ замелькать огоньки въ окнахъ, на крышахъ домовъ, балконахъ и галереяхъ, въ рукахъ, въ рукахъ пѣшеходцевъ и по-чалу, потомъ, постепенно, больше и больше, пока наконецъ вся площадь не засверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ. Тогда у каждаго изъ насъ одна главная забота: гасить свѣчи другихъ съ тѣмъ, чтобъ горѣла собственная. Всѣ, мужчины, женщины, дѣти, кавалеры и дамы, и простолюдины, туземцы и иностранцы — всѣ кричатъ и размахиваютъ всѣхъ силъ, въ видѣ насильственныхъ побѣжденных: «senza тоссоли, senza тоссоли!» (безъ свѣчки, безъ свѣчки) пока наконецъ не слышатъ

исполненнаго хора этихъ двухъ
выкрикиваемыхъ на всѣ голоса
фривольныхъ громкихъ захо-

это время зрѣлище дѣлается од-
на изъ самыхъ необыкновенныхъ, ка-
къ только можно вообразить себѣ. Эки-
пиды движутся медленно, и всѣ стоятъ
на подушкахъ или на кузо-
лахъ, держа для безопасности свои
руки какъ-можно-выше; у иныхъ
руки ограждены бумажными трубоч-
ками, у другихъ горятъ цѣлыя связки
бумажныхъ свѣтъ moscolli; у треть-
ихъ пылаютъ факелы, или просто го-
нятыя маленькія свѣчки. Пѣшеходы пе-
решають между колесами, выжидаютъ
определеннаго мгновенія и потомъ
скачутъ вскакиваютъ и вышибаютъ ка-
кую-нибудь избранную варанѣ свѣ-
чку; другіе лѣзутъ на приступъ въ эки-
пиды, чтобъ овладѣть насильно чужими
руками, третьи гоняются за какиъ-
нибудь свѣчкомъ, который бѣгаетъ во-
кругъ своей колески съ добытымъ или
похищеннымъ огнемъ, чтобъ помочь
какой обществу, которое уже велитъ
себѣ; иные, снѣвъ почтительно
шепчутъ, подходятъ къ дверцамъ экипа-
жа и широкимъ упрашиваютъ какую-
нибудь добросердечную даму, чтобъ
облжала ихъ огнемъ для сигары,
она та раздумываетъ, вдругъ заду-
мываетъ огонекъ, который она такъ тща-
тельно охраняла своею ручкой. Зрите-
ли зрительницы у оконъ стараются
увидѣть свѣчки съ улицы на удочки,
навязывая платки на гибкіе прутья,
о вылетываютъ ими по огню,
а владѣлецъ его только-что тор-
куетъ какой-нибудь трудный по-
ездъ. Многіе стоятъ притаившись за
спиной, вооруженные огромными га-
нниками, какъ аллебардами, и вне-
запно накрываютъ ими чьи-нибудь
носные факелы; другіе окру-
жаютъ экипажи и безотвязно цѣпляютъ
за нихъ, или пускаютъ цѣлый
шаръ свѣльсноровъ и букетовъ въ ка-
кую-нибудь упорно-отстаивающуюся
экипиду, или штурмуютъ пирамиду
экипидъ, на вершинѣ которой держится

одинъ и размахиваетъ надъ головою
огонькомъ, въ знакъ вызова нападаю-
щимъ. Senza moscolo! senza moscolo!
Красавицы, стоя на подушкахъ свои-
хъ колесокъ, показываятъ съ насиль-
ною на погашенныя свѣчки, хлопаютъ
въ ладоши и съ звонкимъ хохотомъ
кричатъ: « Senza moscolo! Senza mos-
colo! » Балконы нижнихъ этажей, на-
полненные прелестными личиками и
щегольскими нарядами, отражаютъ
приступы съ улицъ; одни отталкива-
ютъ лѣзущихъ, другіе наклоняются,
третьи высовываются, чтобъ лучше
видѣть, четвертыя отскакиваютъ на-
задъ — и все это съ веселымъ смѣхомъ,
съ самою дѣтскою игривостью! Строи-
ныя стѣны, живыя руки, обнажен-
ныя до прелестнѣйшихъ плечъ, очаро-
вательнѣйшіе бюсты, граціозныя дви-
женія, искрящіеся глаза, яркіе огни,
воздушныя ленты, шарфы и платья —
senza moscolo! senza moscolo! senza
mos-co-lo o-o-o!!! Но вдругъ, въ самомъ
полномъ разгарѣ шума и веселья, въ
самомъ неистовомъ увлеченіи, раз-
дается съ колоколенъ церкви звонъ
Ave Maria, и карнавалъ прекращается
разомъ — звонъ этотъ гаситъ его
однимъ дуновеніемъ, какъ свѣчку!

Въ тотъ вечеръ былъ въ театрѣ ма-
скарадъ, такой же скучный и безжиз-
ненный, какъ лондонскіе, и замѣча-
тельный только по безцеремонности,
съ которою въ одиннадцать часовъ вы-
проводили публику: фронтъ солдатъ
выстроился вдоль стѣны назади сцены
и вышелъ движеніемъ своимъ впередъ
всѣхъ присутствующихъ, какъ огром-
нымъ помеломъ. Игра въ moscoletti,
какъ полагаютъ нѣкоторые, не что
иное, какъ церемоніаль комическаго
оплакиванія смерти карнавала, потому-
что католическая горестъ не можетъ
обойтись безъ свѣчекъ. Такъ или
иначе, остатокъ ли это древнихъ са-
турналій, или совокупленіе того и дру-
гаго, или слѣдствіе совершенно-дру-
гихъ началъ; но, конечно, я буду все-
гда воспоминать о забавѣ moscoletti,
какъ о самомъ блестящемъ и плѣни-
тельнымъ зрѣлищѣ: оно столько же

замѣчательно по непринужденному добродушію всѣхъ, — въ числѣ вѣзвѣзшихъ на коляски были многіе мужчины и мальчишки изъ самаго простаго народа, — сколько по своей невинной игривости. Какъ ни страннымъ это кажется, но забава, пренеполненная самой безопасной рѣзвости, самаго полнаго самозабвенія, совершенно-свободна отъ малѣйшей неблагопріистойности; пока она длится, господствуетъ, по-видимому, чувство всеобщаго, почти дѣтскаго простодушія и совершенная увѣренность, что никто не употребитъ во зло увлеченія этихъ немногихъ минутъ, которое колоколъ Ave Maria превращаетъ своимъ звономъ на цѣлый годъ.

НЕДОУМѢНІЕ.

Разсказъ.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Лучше скажите мнѣ, кто всѣ-то поставилъ надзирателемъ при человѣческомъ родѣ?...

Рельскій. — Спросите лучше, зачѣмъ Богъ позволяетъ сердцу сжиматься при видѣ лавой подлости, или безстыднаго лицемерія...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. —Все такъ, но зачѣмъ писать? зачѣмъ писать? это какъ-то непрілично ни вашему званію, ни вашему положенію въ свѣтѣ, — на это ужъ есть такіе особые люди, сочинители, — мало ли ихъ — пусть ихъ пишутъ, и дѣло съ концомъ, а ваше дѣло — сторона...

Князь Одоевскій.

Это было очень-давно, но и теперь я хорошо помню небольшую комнату съ двумя кроватями, заваленную чубуками, книгами, брошюрами, разными мелочными инструментами. Въ этой

комнатѣ, между облаками табачнаго дыма, жили два пріятеля. Оба они именовались Иванами Ивановичами, и для отличія, одного изъ нихъ прозвали *Жаномъ*, другаго *Юганомъ*. До сихъ поръ не могу понять, что вродѣ между ними такую тѣсную, почти маническую привязь въ то время, и характеры двухъ друзей можно было уподобить двумъ противоположнымъ стихіямъ. Жанъ — молодой человекъ около двадцати, робкій, зачливый, вѣчно-угрюмый, вѣжаго, баго сложенія и перфшительнаго ва: каждое новое обстоятельство, двигающееся сколько-нибудь изъ пределовъ повседневной жизни, пришло Жана въ-тунникъ, онъ впадалъ въ рефлексію, обдумывалъ, пердѣлывалъ до отчаянія; только олимпіанецъ умѣлъ вывести друга изъ ринта мышленія и часто рѣшалъ по собственному своему усмотрѣнію. Насмѣшники поговаривали, что Жанъ вѣдружилъ съ Юганомъ для того, чтобы думать головою Югана. Юганъ былъ старше Жана двумя или тремя годами: его крѣпкая натура, великіе размѣры тѣлосложенія, и его — его твердый, самостоятельный характеръ, какаа-то строгая обязательность во всѣхъ поступкахъ, неуклонность въ сужденіяхъ, отдаленность его рѣзкой чертой отъ низкаго женоподобнаго Жана. Юганъ былъ что-навывается «нарасхватъ» двухъ, трехъ словъ онъ всегда звался передъ вами; откровенность его — извините за сравненіе — какъ шампанское изъ высшагопоренной бутылки; напротивъ Жанъ — робкій, застѣчивый, молчаливый; Жанъ уподоблялся закрытой книгѣ, содержанія которой нельзя было безъ вершенія этихъ противоположностей прибавлю, что Юганъ былъ богатъ; Жанъ — богатъ; но первый до того пени былъ весельчакъ и балагуръ, а второму можно буквально приписать слова древняго поэта: «у него вѣкъ на языкѣ, а въ груди сердце божіе...». Нерѣдко, бѣдаку у

засность быть выгнаннымъ изъ квартиры за неплатежъ денегъ, а онъ погрывалъ на своемъ виолончель въ какомъ расположеніи духа, какъ Сергій, только-что собравшій кипы ассигнацій послѣ давняго имъ концерта; въ второго я привыкъ слышать въ чуждѣ жалобы на нездоровье и скуку жизни, не смотря на то, что Жанъ, по своему состоянію, имѣлъ всѣ средства пользоваться удобствами жизни. — Жанъ вступилъ въ университетъ — по необходимости имѣть ученую степень и выгоды службы. Иоганнъ слѣдилъ о по одной любви къ наукѣ и, получивъ степень магистрата правъ, снова ушавъ лекціи по медицинскому факультету, находя, что званіе мелника нѣмѣе обезпечиваетъ жизнь бѣднаго мѣдика, нежели званіе правовѣда. Впрочемъ, Жанъ и Иоганнъ сходны или между собою въ одномъ пунктѣ: оба они имѣли доброе сердце. Жанъ, исполняя на дѣлѣ заученное имъ правило «человѣкъ — и ничто человѣческое имъ не чуждо», уплачивалъ, тайно, неоплатимые для Иоганна долги, же началъ курить трубку, къ которой всегда чувствовалъ отвращеніе, и того, чтобы избавить Иоганна отъ необходимости занимать стаканами табакъ у другихъ соквартирантовъ. Къ лицу же важлаго мѣдика, когда, по быковенію, *панна Пруденція*, въ домѣ которой мы квартировали, требовала платы слѣдующихъ ей по условію всякихъ денегъ, — къ концу мажанди мѣдика, Иоганнъ чаще прибѣгалъ къ своей виолончели, будто испрашивая нея совѣта: «какъ бы избавиться отъ упрековъ сварливой старухи?» Но вѣруха, точно угадывая его мысль, считала Иоганна табакомъ изъ своихъ табакерки съ портретомъ Понятоваго и, улыбаясь, говорила: «Не безкойтесь... не задумывайтесь: вапшъ ленькой счетець уполоченъ» — Иоганнъ гадывался, чья рука выручала его отъ бѣды и молча жалъ руку Жана. Густое, Иоганнъ... когда-нибудь сомнѣлся! — отвѣчалъ обыкновенно Жанъ. И Иоганнъ чувствовалъ до какой сте-

пени онъ обязанъ Жану, который умѣлъ такъ хитро и благородно избавлять его отъ визитовъ отвратительной гостью въ лохмотьяхъ, съ впалыми щеками, оборванными локтями, — гостью, именуемой *бѣдностью*. Иоганнъ представилъ тому тысячи доказательствъ.

Жанъ большую часть времени проводилъ въ чтеніи романовъ, или въ уединенныхъ прогулкахъ за городомъ, что болѣе и болѣе развивало въ немъ природную наклонность къ ипохондріи. — Жанъ избѣгалъ общества, Иоганнъ искалъ его: вотъ почему, въ то время, когда Жанъ задумывался надъ вымыслами Гюго или Бальзана (разсказываемое мною событіе происходило еще во времена славы, вышѣ уже поблекшей, этихъ корифеевъ), Иоганнъ въ сосѣдней комнатѣ любезничалъ съ хозяйской дочерью, милостивою Полькой, по имени *Фасей*... (Фася — уменьшительное имя Фаустины).

Всѣ чуждались угрюмаго Жана: Иоганнъ былъ предсѣвателемъ нашихъ бесѣдъ, затѣйникомъ невнятныхъ шурушекъ... Я помню, никто изъ насъ не умѣлъ лучше Иоганна перенять манеры и такъ естественно поддѣлаться подъ голосъ одного профессора-оригинала, который, считая себя славянофиломъ, или «патріотомъ», вздумалъ изгнать изъ русскаго языка всѣ иностранныя, даже техническія выраженія, почему и называлъ себя «*чрезвычайнымъ преподавателемъ*», желая тѣмъ замѣнить иностранное выраженіе «экстраординарнаго профессора»; секретаря медицинскаго факультета славянофилъ всегда называлъ «*тайникомъ лечебнаго отдѣленія*», а свои калоши именовалъ «*мокроступами*...» Съ этими мокроступами произошла забавная исторія. Надобно сказать, что «чрезвычайный преподаватель» имѣлъ обыкновеніе зимою и лѣтомъ ходить въ одномъ видундирѣ, безъ шинели и перчатокъ; единственную роскошь, позволяемую профессоромъ, составляли калоши, налѣваемые имъ въ дождливое время, когда онъ перемѣнял свою тол-

стю налку на вонючъ, но шинели не допуская. Калоши свои профессоръ нѣлъ привычку ставить подлѣ дверей аудиторіи, но, по окончаніи лекціи, уже не могъ отыскать ихъ; напрасно шарилъ профессоръ по всѣмъ угламъ аудиторіи: — калоши его каждый разъ пропадали. Раздосадованный, онъ поколотилъ сторожа, прочитавъ ему нотации о «пропашихъ мокроступахъ»; но вытанутое, глупое лицо университетскаго сторожа достаточно доказывало его невинность: профессоръ, смекнувъ дѣло, началъ ставить свои калоши не подлѣ дверей аудиторіи, какъ прежде, но близь ступенекъ кафедры. Разъ, одвано, забывшись, поставилъ ихъ на прежнее мѣсто — у двери аудиторіи, — а Іоганнъ, себѣ-на-уиѣ, пробираясь уже къ цѣли; вдругъ профессоръ, изъяснявшій, повидимому, довольно-серьёзно, о «вѣничіи и лепесткахъ», остановилъ Іоганна на половинѣ дороги своей грозной рѣчью: «Такъ-то вы, милостивый государь, слушаете мои *предостереженія*: — вы уже три пары моихъ *мокроступовъ* украли, а теперь, этакъ, кой-либо-что, хотите, какъ вижу я, украсть четвертую?»

Такая выходка не прошла даромъ шулану — и Іоганнъ поплатился за нее карьеромъ. Надобно было видѣть изумленіе, испугъ, даже родъ нѣкотораго отчаянія, овладѣвшаго Жаномъ, когда онъ услышалъ о заключеніи своего пріятеля. Жанъ, по своему мнительному характеру и робкой натурѣ, представлялъ проступокъ Іоганна въ преувеличенномъ видѣ и выводилъ изъ него самыя гибельныя послѣдствія для своего пріятеля. «Кончено, — его выгонятъ изъ университета!» вопилъ Жанъ; напрасно мы, товарищи, даже панна Пруденція и дочь ея доказывали Жану, что проступокъ Іоганна дерзкій, безъ-сомнѣнія, еще не такъ важенъ, и дѣло прійметъ другой оборотъ. Чудакомъ твердилъ одно, прибавляя въ заключеніе, что онъ всегда говорилъ Іоганну, что проклятая живость характера уже не доведетъ его до добра...

— Дѣ, вы врагъ всякой живости, но я знаю, потому-что у васъ рыла кровь! — зашѣтила испльщиво Фаса.

И, между вами будь сказано, — она имѣла нѣкоторое право сдѣлать Жану это замѣчаніе, ибо въ то время, когда вся молодёжь преклонялась предъ тратотою Фаси, одинъ Жанъ, холодный Жанъ, гордо стоялъ подлѣ нея, равно-но безстрастному герою Байрона. Впрочемъ, мы не допускали такого безстрастія въ Жанѣ; холодное же обращеніе его съ Фасей относилъ просто къ его застѣчивости и извѣстной робости Жана въ обращеніи съ женщинами... Другой причины равнодушія Жанова къ Фасѣ мы не могли допустить, потому-что видѣть Фасю и любить ея — было выше нашего понятія. Фаса служила ослепкой, на которомъ пробовались чувства каждаго изъ молодыхъ людей нашего десятиа. Фаса — была наша Грѣткенъ, Олія, Тяня... каждый изъ насъ воплощалъ созданія любимыхъ поэтовъ въ очаровательномъ образѣ живой, граціозной Фаси... И съ какою искусственною семнадцатилѣтняя вѣтренница ухитилась каждаго изъ насъ приласкать, обласкать, не давая притомъ никому изъ насъ права на явное предпочтеніе вотъ почему, когда въ нашемъ маленькомъ обществѣ царствовалъ нейтралитетъ, мы были счастливы, свободны; но, коль-скоро нейтралитетъ начиналъ колебаться, и между нами являлся «счастливецъ», которому Фаса давала перевѣсъ — о, тогда наше шценіе обращалось на голуба виновнаго! Никогда не забуду, изъ одному изъ «счастливцевъ» отпился вѣтренный, взыбаломный Іоганнъ Дѣло доходило до гладиаторскаго спектакля — и бѣдному Жану, по послѣдствію: «въ чужомъ пиру похмѣлье», пришлось примирять двѣ враждующія стороны. Жанъ употреблялъ всѣ свои силы, физическія и нравственныя, чтобы отвлечь враговъ отъ ссоры; но свалы кулаки, нахмуренныя брови дедушки Монтеги и Капулетти давали мало надежды на успѣхъ. Бѣдный Жанъ!»

ершенно растерялся и молчал глѣзъ, то отправился къ Фасѣ и просилъ ее ринуть роль медиатора въ спорѣ двухъ противниковъ. Надобно было видѣть, какой лаской подошла она къ Югану, какъ умиленно взглянула на его противника! Разумѣется, ссора была кончена — и недавніе враги уже чокались стаканами и пили доводское за здоровье прекрасной примирительницы.

Въ-самомъ-дѣлѣ, чудное, загадочное задание была эта Фаса — парница между своихъ подругъ, ангелъ и демонъ въ кругу мужчинъ: она то плѣнила насъ своимъ обращеніемъ, полнымъ дѣтской наивности и женственной граціи; то, по свойственнымъ ей притворамъ, изумляла выходками, хотя и ужасными тривиальности, но въ которыхъ замѣтно было рассчитанное кокетство, облупанные планы: результатомъ же той и другой роли были — очарованіе, могущество котораго не возможно было противиться...

Желательно сознаваться, а надобно, что мы въ преподаваемыхъ намъ предметахъ повздорительно изучили только одну эту дѣвушку съ ея темными, разлупными, бархатными кудрями, черными глазами, соблазнительно плутовскими личикомъ, котораго каждую линію, каждый оттѣнокъ, каждое выраженіе знали мы навзвустъ врисоріи его не только на украшенной бордюрами бумагѣ, но даже, въ часы разговора, вырѣзывали перочиннымъ ножикомъ на скамьяхъ аудиторіи... И не древо: мы вѣли случай видѣть Фанисколько разъ въ день: мы обѣдавали общимъ столомъ съ Фасей, ужинали и пили чай вмѣстѣ съ нею. Каждое воскресенье, всѣ мы, обыкновенно, отправлялись въ костѣль — и эта ося, съ молитвенникомъ въ рукѣ, въ озрачно-бѣлой, кисейной мантильѣ, кинутой на ея чудныя, будто вытопныя изъ слоновой кости плечки, залася соблазнительнѣе Маргариты уста, когда Мефистофель въ первый разъ познакомилъ его съ нею... гати: у насъ, если хотите, былъ *по рода Мефистофель* — такъ прозва-

ли мы одного изъ квартирантовъ пансионы Пруденціи — *Степана Алексѣевича*; но съ этимъ лицомъ надо познакомиться короче уже по одному тому, что Степанъ Алексѣевичъ не походилъ на прочіихъ жильцовъ дома Пруденціи — и вотъ по какимъ причинамъ:

Мы находились въ той порѣ жизни, когда все представляется въ *розовомъ цвѣтѣ*: встрѣчали ли мы дѣвушку болѣе или менѣе образованную, напичканную стихами и романами, и мы тотчасъ подводили ее подъ свои любимыя идеалы — заранѣе отыскивали въ ней сходства, кто съ Жюльеттой, кто съ Тавей, въ то время, когда дѣвушка — то была просто Татьяна — и чувства Тани и Жюльетты такъ же шли къ ней, какъ шляпка аристократки къ грубому костюму поселянки; попададса ли намъ человекъ, съ свойственными человечеству достоинствами и недостатками, мы и въ немъ не умѣли найти середины, пытались къ нему или безусловное уваженіе, или глубокое презрѣніе; словомъ, мы, не могши, конечно, назваться безбородыми юношами въ буквальной выраженіи этого слова, были еще новичками на свѣтѣ; Степанъ же Алексѣевичъ находился въ томъ періодѣ жизни, когда романтическія идеи менѣе всего приходятъ въ голову человека. Степанъ Алексѣевичъ давно уже слылъ мужемъ, исполненнымъ мудрой опытности, порядочно поваторѣвшимъ до рогу міра сего... и часто наши юношескія бредни вызывали безмолвную, саркастическую улыбку на лицо Степана Алексѣевича, отъ чего мы каждый разъ приходили въ какой-то фуроръ: въ юности такъ хочется вѣрить во все высокое и прекрасное!.. Образъ высшей Степана Алексѣевича, свойственная его дѣламъ солидность, привычки, самое его образованіе отдалаи его отъ насъ рѣзкой чертою; но при всемъ томъ Степанъ Алексѣевичъ любилъ спорить ладить съ нами, приравниваться къ намъ — и мы *bon gré, mal gré* допускали его въ нашъ кругъ, это былъ человекъ *умственной дѣт-*

ры, черезъ чуръ обходительнаго, деликатнаго обращенія; онъ говорилъ всегда улыбаясь, и говорилъ такъ сладко, вкрадчиво, что, глядя на него, можно было думать, будто желаніе угождать всѣмъ и каждому составляло главное условіе его жизни... даже съ канцелярскимъ сторожемъ, который подавалъ ему шинель и капоши, Степанъ Алексѣвичъ умѣлъ обойтись ласково, вступая съ нимъ въ разговоръ «о погодѣ» и потчуя его изъ своей серебряной табакерки табакомъ, переложеннымъ листочками розы, или жасминовиками. Другая отличительная черта характера Степана Алексѣвича состояла въ страсти *спекулировать*, пускаться на аферы: онъ въ жизнь свою не читалъ ни Сѣ, ни Гапала, ни Сисмонди, ни Мак-Куллоха, — но пользу умѣлъ извлекать изъ всего: онъ умѣлъ выгодно купить и купленное еще выгодно продать. Онъ то барышничалъ лошадьми и самъ содержалъ почтовую станцію, или торговалъ солью; то, наконецъ, пользуясь плохими обстоятельствами пнаго помѣщика, покупалъ на срубъ нѣсколько десятинъ сосноваго лѣса и купленный выгодно цѣною лѣсъ превращалъ въ доски, шелевку, обшопы, безыменку; такимъ образомъ Степанъ Алексѣвичъ, какъ говорится, умѣлъ изъ «полудня сдѣлать четвертушку», хотя постоянно жаловался на *понесенныя имъ убытки*. Впрочемъ, Степанъ Алексѣвичъ велъ себя какъ слѣдуетъ человѣку солидному и нравственному во всѣхъ отношеніяхъ: къ лицамъ старше себя чиномъ, питалъ безусловно-благоговѣнное уваженіе; противъ младшихъ не заносился, со всѣми былъ искателемъ, въ обществѣ держалъ себя пристойно, чужихъ рѣчей не перерывалъ, съ нѣвнѣемъ своимъ никому не навязывался, умѣлъ кстати смолчать; вообще, во всѣхъ своихъ пріемахъ, Степанъ Алексѣвичъ выказывалъ тихіи нравъ, какую-то мягкость характера. Подобно Собакевичу, онъ любилъ все прочное: сукно на платьѣ покупалъ такое добротное,

чтобъ его можно было носить перелицевать на другую сторону; сапоги заказывалъ не на каблучкахъ, какъ предписываетъ мода, но безъ оныхъ, по той причинѣ, что сапоги на каблучкахъ скорѣе кривятся; въ домашней жизни соблюдалъ нѣмецкую расчетливость; на всѣ нововведенія нѣвнѣшняго вѣка смотрѣлъ нахура брови; преданія старины уважалъ, на исугѣ любилъ почитать, только книги большою частію читалъ дѣльными, серьёзныя — путешествія вокругъ свѣта, или ко святымъ мѣстамъ и тому подобное; на литераторовъ вообще, особенно же на литераторовъ таковыя зываемой *натуральной школы* не свисля... Объ этихъ-то, кажется, въ сподахъ отзывался Степанъ Алексѣвичъ такимъ образомъ: «Нынѣ кто лѣзетъ въ авторы, всѣ пишутъ, а что пишутъ? какую сентенцію можно составить изъ прочитанной повѣсти, или романа? авторъ-то самъ коллежскій регистраторъ, а смотри — описываетъ какого публа генерала, и какъ описываетъ: неурлишно, просто, безъ какого уваженія... Либеральныя идеи нечего сказать, либеральныя идеи велись выпьче въ молодѣжи!»

Но опредѣлить въ точности характеръ Степана Алексѣвича довольно трудно, потому что онъ былъ, какъ говорится, «человѣкомъ застенчивымъ», рѣдко выказывавшимся наружу. Нерѣдко досада кипѣла въ его груди, онъ весь проникнуть былъ жемствомъ и въ то же время улыбался такою сладкою улыбкой... Многие знакомыхъ Степана Алексѣвича особенно квартировавшіе въ городѣ сарскіе корветы и поручики, трепали иногда надъ нимъ, отпускали весьма разныя колкости на-счетъ нѣвнѣвости его скупости, или нѣвнѣшоватости: къ Степану Алексѣвичу, отдѣльнымъ шуточками, глоталъ обиду какъ амальгаму, и, не смотря на чинъ коллежскаго совѣтника, уступалъ послѣдствію юнкеру... Какъ теперь вижу передъ собою Степана Алексѣвича въ сюртукѣ съ фалдами, першедшимъ

инцы моды, черномъ галстухъ, въ
летѣ солиднаго цвѣта, съ цѣпоч-
ю отъ часовъ и гладышкой, чи-
явкой, аккурратно-причесанной фи-
номіей, съ неизмѣнной улыбкой
тонкихъ губахъ и желаніемъ при-
житься вамъ чѣмъ-нибудь, хоть
рочиннымъ ножичкомъ, или зубо-
сткой въ бисерномъ чехолчикѣ...
ивительно-тонкаго обращенія былъ
Иванъ Алексѣвичъ! Нерѣдко, по
мповенію своихъ современниковъ,
нападалъ на «молодое поколѣніе»,
вападая на него въ одномъ пунктѣ
прписывая намъ недостатки и по-
кы, которыхъ мы нисколько въ себѣ
подозрѣвали, въ другомъ пунктѣ,
гъ же, сейчасъ же, уиѣлъ такъ
во намъ польстить, что отпадала
та придраться къ словамъ его...
овкіе люди — вообще осторожны и
рытны — и Степанъ Алексѣвичъ
лъ остороженъ какъ заяцъ и сирѣ-
къ какъ могла...
Этотъ человекъ вполнѣ понималъ
даную науку «умѣть жить»: онъ по-
двствомъ своей враждивости, уступ-
вости, вѣжливости, услужливости,
шелъ себѣ патрона въ одной бога-
и и почтеной особѣ — старомъ холо-
икѣ, всю жизнь свою враждовавшемъ
непочтительными родственниками —
сдѣлками богатыхъ деревень холо-
ика. Тутъ ничего нѣтъ удивительна-
го, что Степанъ Алексѣвичъ нашелъ
бѣ патрона: это, сула по его натурѣ,
еть! какъ говорятъ Французы; но
равно то, что Степанъ Алексѣвичъ
по-по-налу уиѣлъ войти въ такую
вѣрность у своего патрона и такъ
задѣть имъ, что сдѣлался его *менто-*
ръ, — это фактъ. Почтенная осо-
нашла, правда, нужду въ менторѣ,
думая головой Степана Алексѣви-
руководясь во всѣхъ дѣлахъ совѣта-
и ииѣніемъ Степана Алексѣвича,
ивнижала въ обращеніи съ нимъ до-
льно-рѣзкій тонъ, что можно видѣть
въ слѣдующаго образецка фамильяр-
го обращенія съ Степаномъ Алексѣ-
вичемъ его патрона — этого осколка
брата стараго времени, когда рус-

скіе баричи, получивъ образованіе на-
равнѣ съ дѣтymi фаворита-камердвие-
ра, во всю свою жизнь, не смотря на
общее движеніе цивилизаціи, остались
вѣрными однажды-принятому ими
направленію. Прослѣдите жизнь этого
стараго холостяка; загляните въ домъ
его — смѣсь аристократіи съ мѣщан-
ствомъ, гдѣ онъ:

Дѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ, да мухъ давилъ...

Разсмотрите поближе его черствую
душу — и станетъ горько на душѣ ва-
шей...

— Знаешь ли что, Степанъ Алек-
сѣвичъ, говорила однажды почтенная
особа своему клиенту:—миѣ пришла
охота женить тебя... а?... ей-Богу!.. я
это говорю не шути...

— Вы знаете, Иванъ Андреечъ, что
жениться миѣ не позволяеть мое со-
стояніе-сь, отвѣчалъ улыбаясь Сте-
панъ Алексѣвичъ.

— Ахъ, ты Жидъ! воспалинула, так-
же улыбаясь, почтенная особа: — по-
лю, братъ, пули-то лить: я знаю, ты
скопилъ деньжонокъ... а?... Нѣтъ, въ-
самомъ-дѣлѣ, шутки въ сторону, я го-
ворю серьезно (лицо почтеной осо-
бы дѣйствительно приняло серьезное
выраженіе, отъ-чего стало удивитель-
но-похожимъ на лицо орангутанга)
а?... женись, братецъ, на *Алѣнь Ва-*
силевну...

Степанъ Алексѣвичъ покраснѣлъ и
молча улыбулся.

— Пожалуй, я помогу, продолжала
густоватымъ басомъ почтенная осо-
ба: — десять тысячъ рублей меня не
раворять... ну, тамъ, знаешь, этакъ,
приличная прислуга, приличный эки-
пажъ... а?... ну, и каменный домъ, по-
жалуй, еще и домъ... а?

Степанъ Алексѣвичъ покраснѣлъ еще
богѣе, улыбулся и слегка поклонился.

— Ну, что жъ? настоятельно при-
ступала почтенная особа.

Степанъ Алексѣвичъ, перебирая кон-
чики носоваго платка, проговорилъ:

— *Алѣна Василевна*, конечно-сь,
дама почтенная, многоуважаемая-сь...

только, Иванъ Андреевъ, это дѣло серьёзное... отчасти щекоглное... Надо подумать-ся...

— Ахъ, ты дѣлечек!.. кутейникъ ты этакой!.. Прошу покорно!.. воскликнула поправивъ въ свою очередь почтенная особа — и, въ порывѣ гнѣва, эвизюномія ея выражала нѣчто среднее между «бразильской» и «краснощѣкнмъ паваномъ»: — да понимаешь ли ты, что всякій другой на твоёмъ мѣстѣ за счастье почелъ бы... а?

— Понимаю, Иванъ Андреевъ, я вполнѣ понимаю и цѣню ваши одолженія-ся...

— Ну, то-то!.. Какъ же ты, братецъ, при твоёмъ умѣ не возьмешь въ соображеніе, что дѣло-то идетъ о твоей собственной пользѣ?.. Ты, этакъ, братецъ, при моей протекціи, одновременно можешь далеко шагнуть, сдѣлать выгодную карьеру...

Между-тѣмъ, почтенная особа хотя и хлопотала о женитьбѣ своего кліента на *Алѣксѣ Васильевѣ*, хотя и кліентъ, по-видимому, былъ не прочь отъ такой женитьбы, но дѣло все какъ-то уходило въ долгій ящикъ — и желанная женитьба не совершалась. Алексѣй же Степановичъ былъ причиною медленности, или почтенный патронъ его — достоверно сказать не могу; знаю только, что, послѣ приведенной нами сцены, Степанъ Алексѣвичъ продолжалъ жить по-прежнему холостякомъ въ домѣ Пруденціи, гдѣ еще, по своей манерѣ, успѣлъ уже зацѣпать благосклонность хозяйки и сдѣлаться домашнимъ человѣкомъ. Паниа Пруденція не находила цѣны такому постояльцу — и не мудрено: Степанъ Алексѣвичъ оказывалъ ей послышныя вспомошествованія; нѣрѣдко онъ снабжалъ домъ паниа Пруденціи разными хозяйскими продуктами — дровами для топлива и тому подобнымъ; неоднократно Степанъ Алексѣвичъ дѣлалъ паннѣ Пруденціи сюрпризы, состоявшіеся подаркомъ ей цѣлика чая, или головы сахара. Для насъ же, постояльцевъ, Степанъ Алексѣвичъ былъ лицо необходимое: онъ высвобождалъ насъ изъ

нѣстныхъ «критическихъ обстоятельствъ», ссужая деньги, выдѣльные, впрочемъ, залогомъ, какой-нибудь печинающей ссууды, но безъ этого давалъ въ кредитъ серебряную рубли: — вотъ почему въ-теченіе времени квартира Степана Алексѣича перетѣлась въ магазинъ, наваленный студентскими мундирами, винюларными брюками, шнелами, рессивными шапками, разнокалиберными часами, и лотыми и томпаковыми цѣсочками. Степанъ Алексѣичъ за деньги гонимъ былъ неоплатить — и исполнялъ всѣ эти аферы, а нѣрѣдко и самыя некотмація порученія; почему и такое нани ему названіе маркантисимотами: вполнѣ выразило его характеръ; названіе же «Мессингъ» придумано нами Степану Алексѣичу по тому невпріятному ощущенію, которое производило на Фасю зловѣщное лице среди нашего общества. Оно, по-видимому, не могла безъ злого вращенія смотрѣть на его вѣчно бающуюся эвизюномію съ толстыми влажными губами. Нѣрѣдко такое появленіе Степана Алексѣича того смущало и даже пугало: оно те ужасъ на бѣдную дѣвушку, она, за минуту передъ тѣмъ появляясь въ нашемъ обществѣ, блаженно испивалась растроеною, какъ-то испуганное задѣвываетъ во все широкое... Степанъ Алексѣичъ не присутствовалъ какъ на окрестныхъ торжествахъ паниа Пруденціи, гдѣ и съ Фасей и ея пріятельницами жила, подъ шумъ органа, съ зловѣщнымъ манеромъ югановой виолончели, и на паникахъ маленькіхъ шарушнхъ красноречій, ала не соразмѣривъ Степанъ Алексѣичъ, носивъ «мессингъ» затягивалъ въ общество хоръ:

«Gaudemus, igitur, —
divitiis bonis tantis...»

А какъ пріятно, какъ весело прозвучала ны таиъ-незамысловатая фраза — «мессингъ»!.. Бывало, они фарили алекать на городъ, кой-тъ въ окнахъ домовъ мелькнуть огоньки!

ны съ Фасей, въ сопровожденіи пан-
ы Пруденціи, идеть уже на встрѣчу
бромъ времени: какъ искусно умѣла
огда Фася навести насъ на свои лю-
бимые рассказы, съ какой важностью
высказывала свое мнѣніе, съ какимъ
ростодушіемъ просила у насъ по-
свѣтія непонятныхъ ею главъ рома-
на!.. А въ то время, хотя и не было
решлотаго «Жидка» и «Парижскихъ
айнъ», — было чего послушать о при-
удливой любии ключара Казимодо, о
злочинцахъ разбойника Германа,
и Гана-Иславада... Вдругъ, бывало,
веди патетическихъ сценъ разсказа,
зададутся неожиданные звуки шарман-
ы—Фася, въ испугѣ, робко ухватится
ручкой за расклатанна: въ фантастиче-
скомъ полусвѣтѣ сумерекъ шарман-
никъ уже показався ей едва-ли не
адвѣдемъ, на которомъ вѣсилъ вер-
омъ Ганъ... Пойдутъ шутки, хохотъ,
веселая болтовня, остроты надъ бу-
чаниномъ; залремашишь съ аллебар-
омъ въ рукѣ. Когда же, невзначай, по-
идется на встрѣчу и пристанеть къ
шшему обществу Степанъ Алексѣичъ,
ася надуетъ губки, капризнется, жа-
ется на усталость, просится домой;
старуха, недовольная капризницей,
рчитъ на дочь...

Каждый годъ, въ день именинъ Фа-
ы, мы видѣли обыкновеніе дѣлать ей
марки: кто дарилъ ее новыми рома-
ми Гюго, или тетрадью списанныхъ
иховъ Пущкина и новыми юстами,
о букетомъ цвѣтотъ, или какою-ни-
ль бездѣлкой. Разъ, Жанъ задумалъ,
дню именинъ Фаси, предслужиться
ящивомъ собственной работы, ис-
сно сдѣланнымъ изъ картона, съ
раюрчиками, зеркальцемъ въ сере-
нѣ и другими украшеніями. Уже
ь обдарилъ Фасю, но Жанъ медлитъ,
являлся въ общую залу, облумывая
инъ въ своей комнатѣ: подарить ли
сѣ этотъ ящикъ, или вовсе не пуж-
?... можетъ-быть, нужно, а можетъ и
нужно?... и какъ-бы улучшить вре-
чтобъ поднести ей этотъ ящикъ
дникъ, безъ свидѣтелей?.. Не знаю,
ь разрѣшилъ бы Жадъ эти во-

просы и долго ли продолжалась тагда
его нерѣшимость, елибъ Юганъ на-
сильно не ввелъ Жана въ аудіенц-залу,
гдѣ давно уже красовалась Фася, въ
своемъ праздничномъ, бѣленькомъ
платицѣ, съ обнаженными руками, въ
дымчатой косынкѣ на плечахъ, вы-
казывавшей поразительную бѣлизну ея
молодой, дивно-сложенной груди. Она,
какъ фея, окружена была постояльца-
ми и дарами постояльцевъ.

— Сей робкій юноша имѣеть счастье
полнести вамъ въ день именинъ вашего
произведеніе рукъ своихъ... прогово-
рилъ комически Юганъ, подведя Жада
къ Фасѣ и вручая ей заветный ящикъ.
Подарокъ приняли благосклонно.
Жанъ покраснѣлъ до ушей.

Когда ящикъ, работы жановой, пе-
рехода изъ рукъ въ руки, достигъ Сте-
пана Алексѣича, онъ вынулъ изъ кар-
мана приготовленные имъ для *твое*
для кандитерскіе конфекты — сахар-
ныя сердечки съ ликеромъ въ сердеч-
нѣ, наполнилъ конфектами ящикъ и
съ любовьюю поднесъ его Фасѣ,
проговоривъ ей при сей оказіи ка-
кое-то привѣтствіе, въ духѣ карамель-
скаго времени. Фася вспынула какъ
заревъ и освободила ящикъ отъ кон-
фектъ, разбросавъ ихъ по столу.

— Что-то есть?.. еще что?.. что
еще?.. воскликнула старуха, осердясь
на дочь и произнося эти слова сломикъ
польскимъ акцентомъ.

— Ничего. . .ничего... улыбалась про-
говорилъ Степанъ Алексѣичъ, обра-
таясь къ старухѣ, и потомъ, взглянувъ
на Фасю и оказавъ азворомъ всѣхъ
насъ, прибавилъ лаконически

— Молодо-зелено...

А Фася, желая избавиться отъ нота-
цій сварливой старухи, подошла къ
своимъ жалкимъ цимбаламъ, которыя,
однако, Фася величала именемъ фор-
тепьянъ — и проиграла самое громкое
мѣсто изъ Erlkönig Листа... Страш-
ные звуки! — такъ и слышались въ ея
мрачныхъ аккордахъ то сатанинское
восклицаніе «Льснаго Царя», то жалкій
воплъ испуганнаго дитяти...

Въ ящикѣ же вечера, во время рожд-

дественскихъ праздниковъ; мы съ дозволенія панни Пруденци устроили въ ея залѣ сцену и, вобразившись на подмостки, корчили изъ себя менстовыхъ героевъ извѣстной школы; но иногда дерзость наша доходила до того, что мы осмѣливались тревожить священный прахъ Шекспира и, изуродовавъ въ своемъ доморощенномъ школьномъ переводѣ вѣкоторыя изъ его пьесъ, кое-какъ, съ помощію Дюссиса (къ которому, случается, прибѣгаютъ и опытные литераторы), ставили ихъ на сцену нашего домашняго театра, да проститъ вамъ Аполлонъ!... Жанъ, качая головою, сморщилъ на наши проделки; всѣ наши убѣжденія завлечь его въ нашу труппу, остались тщетными: — его ужасала мысль, что онъ долженъ репетировать свою роль съ какою-нибудь молоденькою актриссой изъ подругъ Фаси, или, могло случиться, и съ самою Фасей; даже отъ нѣмыхъ ролей Жанъ отказался: почему, во время спектакля, спрятавшій въ ящикъ исправлялъ должность суфлѣра. — Нужно ли говорить, что Фася была одною изъ лучшихъ нашихъ актриссъ? — особенно хороша она была въ роли Юліи, именно въ ту минуту, когда, стоя подлѣ картонной рѣшетки балкона, прилаженнаго подъ навѣсомъ живаго плюща, замѣлявшаго гранатовое дерево, она, полная страсти и грустныхъ мыслей, опершись на плечо Ромео (котораго представлялъ Іоаннъ), спорила съ нимъ о пѣснѣ жаворонка... Какъ естественно ушла она передать скорбь Жюльетты!... даже ящикъ, ящикъ, скрывавшій отъ публики холоднаго суфлѣра, шевелился — и громкое вгаво вылетало изъ устъ угрюмаго Жана; общинъ аплодисманамъ небыло конца... Такъ, — намъ казалось, что настоящая Юлія не могла быть возвышеннѣе, благороднѣе, поэтичнѣе Фаси!

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Жанъ вздумалъ напустить на

себя какую-то блажь... Дѣло въ томъ, что извѣстная мнительность Жана под-конецъ превратилась въ какую-то манию и повергла его въ пох-женіе, достойное жалости. Жанъ образовалъ, что у него чахотка въ слѣдствіи граудъ, и что, по собственному его выраженію, уже дни его жизни сочтены. Ипохондрикъ тотомъ былъ помѣшаться на этомъ пунктѣ ему не хотѣлось умирать, и главная причина его недуга происходила отъ страха смерти... Впрочемъ, я не видикъ — и не берусь объяснять причину такой странной болѣзни Жана.

Напрасно Іоаннъ истощалъ все свое медицинское краснорѣчіе, доказывая, что эта мнимая болѣзнь выдуманна самимъ Жаномъ и существуетъ только въ его воображеніи. На всѣ доводы Іоана, въ которыхъ выказывалось все нѣ дѣла, Жанъ сомнительно качалъ головою. Онъ теперь бросилъ свои романы и принялся за лечебникъ.

— Нѣтъ, Іоаннъ, ты заблуждаешься, говорилъ Жанъ, кончивъ назидательное чтеніе книги, именуемой продолженіи жизни человѣческой, — чтеніе князя Паренія Евгалычеза ты заблуждаешься, Іоаннъ, вла хочешь скрыть отъ меня мое настоящее положеніе.. Ипохондія? какия тутъ ипохондіи: просто чахотка!.. Отчего же я чувствую эту проклятую боль въ лѣвомъ боку и, при самой угѣренной холѣбѣ, такую сильную одышку? что значить этотъ багровый румянецъ, показывающійся иногда въ моихъ щекахъ?.. а, главное, откуда эта проклятая тоска — тоска!..

— Все это происходитъ отъ чтенія лечебниковъ: они погубятъ тебя сирѣ чахотки, сведутъ тебя съ ума. Помилуй, Жанъ, когда ты увидишь изъ головы всю эту дурь: будь пободръе, оставь свою хандру, брось глупые лечебникъ, да ищи разладъ ченія въ обществахъ — тебѣ это необходимо, твоя отшельническая жизнь противоестественна — и ты будешь совершенно здоровъ — угѣрю!

Жанъ сомнительно качалъ головою

из, не довѣряя Іоганну, перетолковала свой болѣзни со всѣми городскими рачами; но врачи прописывали ему аниаковый рецентъ — моціонъ, веселое общество, разсѣянную жизнь... то жъ? убѣжденіе мнительнаго чудака въ его болѣзни было такъ велико, что онъ самъ, украдкой отъ Іоганна, собиравля кой-какіе медикаменты по назначенію лечебниковъ и составленными таинств-образомъ медикаментовъ врачевался отъ чахотки; этого мало: Жавъ обзавелся двумя козами и изъ козье молоко съ такимъ наслажденіемъ, какъ горькій пьяница пьетъ тотъ удивный эликсиръ, извѣстный у насъ одъ именемъ «всероссійской». Всѣхъ гранистей мнительнаго Жана не перечтешь.

Разъ, Степанъ Алексѣичъ, возвратясь отъ своего патрона въ необыкновенно-веселомъ расположеніи духа, пригласилъ насъ провести вечеръ въ его коннать. Коммерческая ли его спекуляція привнесла ему неожиданные барыши, получилъ ли онъ награду или благосклонную улыбку отъ благодѣтеля, или, просто, день уже такой радостный выбрался въ его жизни, только щедрость его на тотъ разъ была неожиданна — и мы, вмѣсто донскаго и выморозокъ, увидѣли на его столѣ хересъ, мадеру и двѣ бутылки шампанскаго — на братію.

— Вы сегодня именинникъ?.. Вы получили чивъ?.. спросили его вдругъ десять голосовъ.

— Ни то, ни другое, господа!.. Просто — пришла фантазія повеселить молодѣжь... Знаете, оно пріятно, въ зрѣлыя лѣта, пріятно смотрѣть на веселую молодость... Господа! пейте вино, кушайте конфеты и апельсины.

И мы пили вино, ѣли конфеты, апельсины и неселились отъ души.

— За ваше здоровье, Степанъ Алексѣичъ!

— За здоровье того, кто любитъ кого!

Подъ-конецъ, дошло до того, что стали провозглашать тосты:

Т. I. — Отд. VIII.

— За здоровье Степана Алексѣича — и его патрона!..

— За здоровье Меѣнстофеля, Фауста и Грѣтхенъ!..

— Какой патронъ?.. какой Меѣнстофель?.. Эка драчувы!.. Вотъ она, молодость-то!.. Поди!.. Хочешь имъ сдѣлать удовольствіе, а они тебя же на смѣхъ поднимаютъ!.. Патронъ?.. Меѣнстофель?.. Эхъ, молодо-зелено! ворчалъ Степанъ Алексѣичъ, оставаясь очевидно-недоволенъ нашими неумѣстными выходками.

Іоганнъ, всегда разсудительный, желая занять дѣло, взобрался на столъ, вооружился своей виолончелью и сказалъ:

— Господа! извольте слушать музыку моего сочиненія — это «Шабашъ Вѣдьмъ...» Мысль взята мною изъ «Вальпургіевой Ночи» Гёте.

И Іоганнъ началъ исторгать изъ своего инструмента то дикіе, дисгармоническіе звуки, то стройные, похожіе на человѣческіе голоса.

— Благо ты, Іоганнъ, сочинилъ музыку къ «Вальпургіевой Ночи», мы представимъ «Вальпургіеву Ночь» въ лицахъ... Мы будемъ представлять духовъ, а Степанъ Алексѣичъ — Меѣнстофель...

Шалуны приступили къ Степану Алексѣичу, прося его принять то ту, то другую позу à la Меѣнстофель. Степанъ Алексѣичъ отивкался, горячился; къ нему приступали еще пуще; Іоганнъ, съ высоты своего Олимпа, хмурился, предвѣдая непріятное окончаніе такой *Вальпургіевой Ночи*... Вдругъ сцена прервана была приходомъ Жана: блѣдный, угрюмо-молчаливый, вошелъ онъ въ коннату, держа въ рукахъ раскрытую книгу, которую онъ важно-комически подалъ Іоганну, указавъ пальцемъ на прочитанныя строки, — и лицо Жана выражало такой ужасъ, будто онъ прочелъ въ тѣхъ строкахъ рѣшеніе своей судьбы, роковой приговоръ къ смерти, — а въ книгѣ было написано слѣдующее:

.....также несомнѣннымъ признакомъ легочной, злокачественной ча-

• хотки служить шарикъ бѣлаго, или желтоватаго цвѣта, которые выкатываются изъ дыхательнаго горла пациента и оныя шарикъ, если растереть ихъ на ладони, издають довольно-непріятный запахъ...»

— Что же слѣдуетъ изъ этой чепухи? вскричалъ Іоганнъ, сердито бросивъ на полъ знаменитый лечебникъ князя Паревенія Енгальчева.

— Какъ, что слѣдуетъ? вѣдь я тебѣ нѣсколько разъ показывалъ такіе шарикъ: признаки несомнѣны... Ты, Іоганнъ, ради нашей пріязни, щадишь меня и скрываешь отъ меня мое положеніе; но я вижу свою участь...

Среди тишины, воцарившейся въ комнатѣ съ приходомъ Жана, провельсь изъ хозяйскихъ комнатъ голоса Пруденціи и Фаси...

— Тсс! это дочь спорить съ матерью... замѣтилъ кто-то.

— Пустое! пустое! приложите ему шпанскую мушку къ затылку — и вся эта блажь пройдетъ! говорилъ Степанъ Алексѣичъ объ Жанѣ.

— Но тамъ, — что-то тамъ происходитъ?..

— Велика бѣда: поспорятъ — помрутся!.. Дѣло семейное, житейское...

Дѣйствительно, сойдясь по обыкновенію въ тотъ день къ ужину, мы замѣтили на глазахъ Фаси слѣды слезъ и во всей ея особѣ какую-то тревогу и волненіе; мать тоже была не въ своей тарелкѣ; мы находились въ дурномъ расположеніи духа; а Жанъ и Степанъ Алексѣичъ въ тотъ день вовсе не явились къ ужину. Степанъ Алексѣичъ занялся сведеніемъ какихъ-то счетовъ; Жанъ, собираясь умирать, составлялъ проектъ духовной, въ которой онъ, по смерти, отказывалъ Іоганну свои вещи и нѣсколько денегъ; въ этой духовной, между прочимъ, назначалась небольшая сумма равной хозяйской дочери. Само-собою равнуется, что на другой же день Жану стало лучше, и духовная была забыта, но тѣмъ не менѣе черновой проектъ ея попался въ руки Іоганна. — Іоганнъ долго носился съ этой духов-

ной, приписывая, по-видимому, какое-то особенное значеніе листку бумаги, исчерченному рукою блазнего Жана въ порывѣ хандры его...

Эти выходы Жана, его мраморная бодѣзнь, какая-то неясная грусть его, эта дон-кихотская грусть безъ здравой притчи, отъ вѣчныя жалобы на скуку жизни — это сперва возбуждало общія насмѣшки, потомъ насмѣшки перешли въ какое-то невольное сожалѣніе... Странно и жалко было видѣть угрюмаго думчиваго Жана, Жана-вельможи среди нашего веселаго общества! Іоганнъ употреблялъ всѣ средства, чтобъ разсѣять Жана, прогнать его изъ этой хандры: онъ насильно тащилъ его въ кафѣ, возилъ на публичныя гулянья, въ спектакли; но Жанъ оттался вѣрнѣ своей *idée fixe* и сто, возвратясь съ бала, то жаловался на скуку жизни, то являлся къ Іоганну, прося его дать ему прописать одно медицинское сочиненіе, въ которомъ, видите ли, по мнѣнію его очень-хорошо изображены признаки поврежденнаго околосердечія — *ricordium*... Жанъ пустился въ медицину и, не смотря на запрещенія матери, часто рылся въ своихъ любимыхъ хартияхъ...

Къ довершенію этой бѣды, матерью было меркантильной системою, помышляющей объ извлеченіи возможныхъ доходовъ, посоветовать Іоганну Пруденціи учредить въ ея домѣ введеніе похоронныхъ дрогъ, со всѣми атрибутами, необходимыми для погребенія богатыхъ покойниковъ на кладбище. Степанъ Алексѣичъ истислялъ ариѣметическою точностью, барышныя которые могло приносить подобное введеніе; старуха не устояла противъ искушенія — и мы съ какинъ-то довольно-грустнымъ чувствомъ прочли надъ воротами своей квартиры вывеску: «Здѣсь отдаются въ наемъ похоронныя дроги, съ приличными траурными костюмами». Что касается до Жана, я думаю, надпись, слѣзавшая надъ вратами ада — «Lasciate ogni spe-

иза — не могла бы навести на него того ужаса, какъ эта мрачная вывѣ-
ска, эти дроги, прозванные имъ *teme-
nto mori*. Жанъ проклялъ за такую
думку Степана Алексѣича, а вмѣстѣ
внимъ и танцу Пруденцію.

Эта полусторбленная, высохшая ста-
та съ какою-то оригинальною, об-
шею волосами бородавкой на щекѣ,
чепецъ съ палевыми лентами, съ оч-
ки на носу и со связкой ключей въ
всей рукѣ, хладнокровою торгую-
щая съ грустными нажимателями
огъ, казалась для разстроенаго
на привратницею ада. Жанъ изъ-
лъ свое рѣшительное намѣреніе пе-
ѣнить квартиру. Скушая старуха
го боролась между двумя волновав-
ли ее вопросами: лучше ли удер-
ѣ *заведеніе*, но лишиться выгоднаго
гольца, или бросить заведеніе и
ржать въ своемъ домѣ богатаго по-
льца, платившаго ей за наемъ квар-
ры черезъ-чуръ выгодную цѣну? —

рѣшила тѣмъ, что предложила
гу свои покои, выдававшіеся окна-
тъ садъ и имѣвшіе особенный вы-
тъ, откуда та часть двора, гдѣ стоя-
«дроги», не была видна. Жанъ, по
му обыкновенію, думалъ, облумы-
тъ, двадцать разъ совѣтовался съ Ю-
юмъ — и согласился на предложеніе
уки: ему жалко стало растаться
омикомъ Пруденціи — такова сила
ычки!..

Вотъ вѣсь вамъ теперь совер-
во-выгодно, покойненько, говори-
таруха, обрадованная тѣмъ, что
ила дѣло: — оттуда точно непри-
ій виль... Что прикажете дѣлать?
ишей бѣдности только и думаешь
тъ, какъ бы заработать лишнюю
ику... Неприятный видъ? — да, съ
й стороны оно такъ; но съ другой,
и можетъ имѣть неприятнаго вида,
имъ находишь свою кошельку, раз-
ала не-опадану словоохотная ста-

неослѣдствіи, мы до того освои-
съ дрогами, что перѣдко собира-
тъ дивъ, читали зачатки Юсти-
и романы Поль-де-Кока, а траур-

ныя мантии и черныя шляпы съ длин-
ными полями пригодились намъ для
похоронъ Офелии и другихъ сценъ на-
шего театра. Одинъ Жанъ угромою смот-
рѣлъ на *temeinto mori*: его ничѣмъ не-
льзя было заманить туда, равно-какъ и
въ веселую таверну, куда мы хажива-
ли смотрѣть на пляску прибывшихъ въ
нашъ городъ Цыганокъ. Какъ часто
выслушивали отъ насъ погребальныя
дроги веселыя цыганскія пѣсни, а вмѣ-
стѣ съ нами и разныя похождения на-
шей молодости! Пруденція грозилась
на шалуновъ, утѣряя серьезно, что на-
ша глупая болтовня вовсе неприлична
и оскорбительна для ея «заведенія».

Наконецъ наступила роковая мину-
та разлуки: оба пріятеля въ одно вре-
мя кончили курсъ университетскаго
ученія. Жанъ едва выдержалъ экза-
менъ на степень дѣйствительнаго сту-
дента, Юганъ получилъ доктора оицъ
eminentia. Но разлука эта, отглады-
вавшаяся со-дня-на-день, не осуще-
ствилась: Юганъ расчелъ, что финан-
сы его не позволяютъ ему выполнить
предположенія касательно поѣздки въ
другой университетъ, для усовершен-
ствованія себя въ медицинѣ; зани-
мать же для этой цѣли денегъ учерезъ-
чуръ обязательнаго Жана Юганъ на
этотъ разъ *почему-то* не хотѣлъ... вѣ-
роятно, потому-что занятые деньги
рано или поздно нужно было возвра-
тить; но изъ какого же источника до-
стать ихъ, когда Юганъ, взявъ подъ
мышку свой чемоданъ, наполненный
необходимымъ бѣльемъ, платьемъ и
учебными книгами, могъ безъ всякихъ
реторическихъ прикрасъ сказать: *«om-
nia mea mecum porto?»* Юганъ рѣшился
остаться въ томъ же самомъ городѣ,
тѣмъ болѣе, что тамъ же, въ томъ
же городѣ, открывалось и вакант-
ное профессорское мѣсто, въ которому
пречилъ себя Юганъ. Жанъ, съ своей
стороны, заблагоразсудилъ, до поѣз-
ки въ столицу на службу, продолжать
курсъ своего леченія: для поправле-
нія своего разстроенаго здоровья, на

которое петербургскій климатъ, по ёго мнѣнію, могъ имѣть превредное вліаніе; хотя Іоганнъ, вопреки Жану, и утверждалъ, что какъ ни горька разлука съ пріятелемъ, но онъ, Іоганнъ, полагаетъ, что жизнь въ шумной столицѣ есть единственное средство для излеченія Жана... Въ такомъ маломъ спорѣ дни уходили за днями — и оба пріятеля жили по-прежнему въ домикъ Пруденціи...

Но «курсъ леченія», по-видимому, мало принесъ пользы Жану: онъ день-отъ-дня все болѣе и болѣе задумывался, хандрилъ... Эта упорная хандра заразила и Іоганна: нашъ добрый весельчакъ впалъ въ уныніе, или, правильнѣе, въ какое-то тяжелое раздуше, въ какое впадаетъ иногда человѣкъ, обдумывая серьёзное дѣло, долженствующее имѣть вліаніе на всю жизнь его... Потому, когда Іоганнъ избавился отъ своей рефлексіи, мы замѣтили въ немъ какую-то *рѣшимость* — слѣдствіе прошедохившей, но уже оконченной внутри его борьбы... Всѣ мы относили эту душевную тревогу Іоганна къ излишней заботливости о состояніи разстроеннаго Жана; каково же было наше удивленіе, когда Іоганнъ сказалъ намъ однажды:

— Я открылъ развязку шизохондріи Жана. Мы объяснились. Эта хандра, всѣ эти причуды — не что иное, какъ любовь, — первая, робкая, глупая, нерѣшительная любовь... Вы знаете натуру Жана... Мы объяснились.

— Жанъ влюбленъ... въ кого? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Въ кого же? — разумѣется, въ Фасю...

Потомъ, послѣ минутнаго раздумья, Іоганнъ прибавилъ:

— Надо помочь пріятелю... выручить его изъ бѣды... Оно, если хотите, и хорошо...

Тутъ Іоганнъ началъ умно и дѣльно доказывать, что перемена жизни, вліаніе любовной женщины, разныя семейныя удовольствія и соединенныя съ этими удовольствіями хлопоты и занятія, доставляя пищу мысленной,

бездѣтельной, апатической или Жаана, могутъ извлечь его изъ тупо-лѣтвѣннаго состоянія, которое болѣе Іоганнъ — могло иногда быть дурными послѣдствіями... «И почему жениться Жану? человѣкъ обещанъ, человѣкъ съ состояніемъ, имѣетъ всѣ средства для семейной жизни... Это каждому суждено... Только, къ чему такая глупая скрытность? пробилъ Іоганнъ: «можно было объясниться присто-просто...»

Помли толки. Завязался край споръ. Противъ этой женитьбы Жан на Фасѣ, — иначе и быть не могло — восстало все наше общество.

— Положимъ, доказывали Іоганнъ, что Фася, какъ дѣвушка бѣднаго состоянія, по собственному расоложенію, или, скорѣе, по вліанію скупой жадной старухи, согласится вступить въ бракъ съ Жааномъ; но гдѣ это будетъ проанакція брака... «проанакція брака!» кричала въ одинъ голосъ молодежь, недавно выпущенная изъ университета.

— Отъ-чего же проанакція? Я думалъ бы я знать: почему проанакція?

— А что жъ это такое? гдѣ же стено каждому, что Фася питаетъ Жану одно чувство—холодное раздуше? наввно утверждали сворота.

— Но кто же изъ васъ, господа, и развилъ вспыльчиво Іоганнъ—это, слышите васъ—если онъ не имѣетъ обманчивъ, можетъ похвалиться, что Фася питаетъ къ нему иное чувство кромѣ *разводушія*?

На этотъ вопросъ послѣдствіемъ общаго пауза.

— То-то и есть!... гдѣ же какъ!... а еще кричать... есть что-чего!.. продолжалъ Іоганнъ, выслушаніемъ своихъ мыслей.

Я забылъ сказать, что въ этотъ когда происходилъ этотъ споръ Жана не было въ комнатѣ: онъ гдѣ-то былъ, въ удивленномъ мечталъ, глядя на небо и земля, въ сосѣдней комнатѣ, сидѣлъ въ креслѣ и споръ внимательно заворывалъ въ...

и свои шелковистые волосы, потому, слыша свое имя, часто произносило постольщани, оставила эту работу, подошла къ двери и, сивозъ заочную щель, подслушивала разговоръ. Иоганнъ защищалъ свое мнѣнiе въ жаромъ ученаго, защищающаго вою любимую систему, при чемъ, отчасти справедливо, замѣчали Иоганну, что онъ смотритъ на любовь и женщины вообще съ медицинскою точки. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнiя упорствомъ Иоганна, одинъ изъ насъ сказалъ, что онъ не прежде ступить Фасю Жану, или кому другому, пока не услышитъ изъ собственныхъ устъ Фаси, что она предпочитаетъ ему другою.

— А! такъ вы нешутя влюблены въ нее? спросилъ Иоганнъ пронычекки; но онъ скоро притихъ: — дверь растворилась, и сама Фаса вошла къ намъ въ комнату. Дѣвушка въ своемъ утреннемъ неглиже, съ волосами поизувачеными въ панифлотки, подошла къ Иоганну и, смотря ему прямо въ глаза, сказала:

— Такъ ли я разслышала: вы, Иоганнъ, желаете, чтобъ я вышла замужъ за прiятеля вашего Жана?

Иоганнъ сперва представилъ ей въ самыхъ трогательныхъ краскахъ положенiе бѣднаго Жана, потомъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчiемъ, развилъ предъ нею свои идеи о высокомъ назначенiи женщины; наконецъ, коснулся собственной своей особы и высказалъ ей свой строгiй, положительный взглядъ (Standpunkt) на жизнь, свое мнѣнiе о настоящемъ своемъ положенiи въ свѣтѣ.

Этотъ холодный, сурово-положительный Standpunkt иоганновъ, въ которомъ высказывалась горькая, но здравая истина, обѣдалъ голодомъ бѣдную дѣвушку, въ натурѣ которой, по-видимому, преобладало еще болѣе поэзии, чѣмъ насущной прозы.

— Да, Бога-ради, отвѣчайте только на мой вопросъ: вы желали бы, чтобъ я вышла замужъ за Жана: да, или

нѣтъ? вотъ все, что хочу я знать, прервала Фаса рѣчь Иоганна.

— Да, провзнесъ Иоганнъ утвердительно.

Фаса призадумалась.

— Но вы не понимаете сами, что желаете... проговорила она, освободившись отъ тяжелаго раздумья и прилава какое-то таинственное значенiе словамъ своимъ. Потомъ она быстро перешла къ другой матерiи и, по своему обыкновенiю, уже мило шутила, улыбалась... Она скоро насъ оставила.

По уходѣ Фаси, Иоганнъ стоялъ посреди комнаты въ такой точно позици, какъ разговаривалъ съ Фасей, и старался развить предъ нами какую-то мысль; но рѣчь его была несвязна, что случается съ человѣкомъ, когда онъ тайнѣ сознаетъ себя не совсѣмъ правымъ, но старается оправдаться передъ самимъ-собою. Мы слушали его повѣсь головы...

Послѣ этой сцены, Иоганнъ вступалъ въ переговоры то съ Фасей, то съ ея матерью... Странное созданiе — я ужъ это сказалъ — была Фаса! Она, по женской ли прихоти, или по другой какой причинѣ, только на-перекоръ всѣмъ намъ обратила все свое вниманiе на одного Жана; къ намъ же, равно и къ Иоганну, выказывала самое холодное равнодушiе... Мало по-малу, она такъ расшевелила ипохондрика, что Жанъ сталъ живѣе, развязнѣе въ обществѣ, социабельнѣе, и весьма-рѣдко заглядывалъ въ свои лечебники...

Въ такомъ положенiи находилось дѣло, когда я, а вмѣстѣ со мною и большая часть моихъ соквартирантовъ, выѣхали изъ города, для принсканiя себѣ службы въ другихъ мѣстахъ.

Черезъ нѣсколько времени я опять возвратился въ знакомый городъ; мы свидѣлись. Въ одномъ модномъ магазинѣ встрѣтилъ я молодаго человѣка, похожаго на «льва», который покупалъ брильянты дорогою цѣною; въ то время, когда услужавный магазинъ

щикъ выхвалялъ отдѣлку и вкусъ покупаемой фероньерки, лезъ желалъ звать мое мѣнѣе, но, взглянувъ на меня, назвалъ меня по имени и подалъ руку.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. Не-уже-ли вы меня не узнаете?

— Живъ!!!

Жанъ такъ возмужалъ, пополнилъ, и такое довольство собою и живнiю выражала его физиономiя, носившая прежде отпечатокъ чего-то грустнаго, мрачнаго, что я никогда не узналъ бы его.

— А что ваша *хандра*? спросилъ я его, по выходѣ изъ магазина.

— Давно прошла.

— Не женаты ли вы?

— Женюсь на слѣдующей недѣлѣ.

— И вѣрно... на *Фасю*?

— Какъ вы это могли отгадать! — да, на *Фасю*... Прекрасная, добрая дѣвушка!.. и какая у ней кроткая, ангельская душа! говорилъ Жанъ, сжимая мою руку.

Въ его голосѣ, въ каждой черточкѣ его физиономiи отражалось наслажденiе настоящимъ и твердая надежда на будущее счастье любви: — ему едва исполнилось двадцать-пять лѣтъ.

Жанъ затащилъ меня на свою новую квартиру и показывалъ комнаты, великолѣпно-убранныя для его будущей жены. Особенно мнѣ понравился зеленый будуаръ съ мѣбелью рококо, обитою зеленымъ штофомъ и столиками, подъ навѣсомъ плюща: все въ этой зеленой комнатѣ — эмблемъ надежды — показывало изящный вкусъ жениха и чистую, безкорыстную любовь его къ невѣстѣ. Я похвалилъ комнаты.

— А много ли изъ нашихъ осталось теперь въ городѣ?

— Всего только двое: Иоганнъ и Степанъ Алексѣичъ, если позволено считать въ числѣ *нашихъ* Степана Алексѣича. Первый занятъ теперь сочиненiемъ диссертации на полученiе профессорскаго мѣста, а второй — вы его знаете — увлеченъ дѣлами мира сего... недавно, онъ купилъ съ аукциона домъ въ весьма-дешевую цѣну и — вотъ уже

два мѣсяца — Степанъ Алексѣичъ вычеркнулъ изъ списка жильцовъ той будущей тѣщи. Кто-то безъ него стаетъ теперь вербовать ей постояльцевъ? На новосельѣ онъ задалъ намъ пирь.

Я навѣстилъ того и другаго.

Въ Иоганнѣ я тоже замѣтилъ исторiю перемѣну: хотя онъ былъ такъ же веселъ и такъ же положителен по своимъ сужденiямъ и взглядъ на вещи, но шутки его казались теперь какъ-то солиднѣе, и въ нихъ пробавалась *ника-то* бѣдная прои́я...

— Что вамъ, скажите, пришла охота вѣять на себя роль «свата» въ этой *нѣтъ-бѣ*? спросилъ я его.

— Да какъ же иначе?.. Желалъ бы я знать, какъ тутъ быть иначе? Влюбленъ, страдаетъ... самъ изъ приятельской бесѣды протворился, дружки признался... Надо же воочью приятелю, выручить его изъ бѣды... Вы знаете натуру Жана... Да и что ищите вы дурнаго въ этой *нѣтъ-бѣ*? — *Фася* дѣвушка образованная, съ мѣткою душою... А Жанъ чѣмъ не женихъ? человекъ обеспеченъ, человекъ съ состоянiемъ, имѣетъ всѣ средства для живнiи... Это же каждому стыдно...

— Старуха-то, я думаю, была перулена, обрадована?

— О, надобно было видѣть, какъ жадно вслушивалась она въ каждое мое слово, какими глазами поглядывала она на меня, желая познать всю сущность такой интересной для нея *нѣтъ-бѣ*, — рассказывалъ Иоганнъ, сжимая мою руку. — Представьте, она меня расцѣловала въ обѣ щеки, чортъ бы съ нимъ бралъ... а потомъ какъ-будто придумалась; улыбка, между-тѣмъ, выкакала на губахъ ея, и губы что-то шептали — вѣроятно, высказывали мнѣ гимнъ благодарности... Варугъ, *не раздумье* старухи прервано было приходомъ ея дочери: шалунья, хлещая ладоши и заливаясь своимъ *засмѣхомъ*, вбѣжала въ комнату и сказала мнѣ лукаво:

— Видите ли, ваши планы не сбъ...

тса: мамелька лучше знаетъ, до ка-
кой степени это теперь невозможно...

Дочь, видно, привала раздумье ста-
ти не въ ту сторону; старуха оста-
вила ее словами:

— Что-то есть?.. для чѣго невозмо-
жно?.. почему то невозможно?.. Поли,
рочка!.. ничего нѣтъ невозможно...
все возможно, дитя, только надо
бы навести на ладъ дѣло... расказа-
валъ Іоганнъ, смѣясь и передразни-
въ старуху, промозола слова свои
льстивымъ акцентомъ.

— Такъ дочь таки домалась?

— Известно — женское дѣло... Ну,
это скоро прошло: сперва полома-
сь — съ оффиціо, а потомъ была радѣ-
нька... Дѣло житейское!..

Но Степанъ Алексѣичъ остался вѣ-
ль своему призванію, котораго глав-
н условіе составляли аферы, спе-
циціи, коммерческіе обороты — хозяй-
ственная сторона жизни. Впрочемъ, я
сбѣдилъ, что этотъ человѣкъ, помыш-
ля о барышахъ и извлеченіи всевоз-
можныхъ доходовъ, нѣрѣдко жертво-
валъ ими, этими доходами, добытыми
заботахъ и трудѣ, не всегда чест-
но и совѣстливо, для удовлетво-
ренія той-какихъ своихъ прихотей,
которыхъ обыкновенно отказыва-
лъ себѣ подобные ему меркантили-
сты: такъ, въ его комнатѣ, убранной
по, по-иѣщански, красовалась на
стѣнѣ богатая картина въ дорогой ра-
звображающая двухъ купающихся
людей; на письменномъ столѣ грубой
работы, подлѣ счетовъ и прихода-рас-
ходныхъ книгъ, лежали женскія без-
ценныя дорожки: все доказыва-
ло «меркантильная система», при
чѣмъ своей разсчитанной акуратности,
югла отказать себѣ въ кой-какихъ
хотѣхъ, подобно скупому обжорѣ,
жорый, лишая себя необходимаго,
тратить послѣднюю копейку на лако-
мѣе и усомнѣнъ...

въ нашихъ комнатахъ все оста-
лось по прежнему: тѣ же стулья, обитыя
черной кожей, полки съ книгами,
плетенныя іоганновы, разные медицин-
скіе инструменты, трубки, стѣны всѣ

черченныя завѣтными надписями, на
которыхъ, тамъ-и-сямъ, развѣшены
охотничьи ножи, ягдташи и прочія
принадлежности цесовой охоты; въ углу
стоялъ знакомый органъ съ испор-
ченной дудкой, подъ который мы пля-
сали грос-фатеръ съ пріятельницами
Фаси. По обзорѣ нашихъ комнатъ, те-
перь занятыхъ другими жильцами, я
зашелъ на хозяйскую половину: Фася
приняла меня радушно и раскраснѣ-
лась, какъ макъ-цвѣтъ, слушая мое
избитое поздравленіе съ предверіемъ
вступленія ея въ законный бракъ; а
Пруденція, почтенная панна Пруден-
ція, въ припадкѣ восторга и мате-
ривской любви, едва не задушила
меня въ своихъ объятіяхъ. Я, право,
думалъ, что эта любезная старуха ли-
шится разсудка отъ сильной радости,
или получить параличъ. — Она то по-
ходила къ дочери и, разглаживая сво-
ей костлявой, желтой рукой начесы ея
прекрасныхъ, бархатно-черныхъ во-
лосъ, называла ее своей дорогой ко-
шечкой и вѣтной *госпожей-полтицицей*;
то, взявъ меня за отворотъ сюртука,
тащила къ шкапамъ и показывала ат-
ласныя платья, голландскія сватерти и
салфетки, подаренныя женихомъ не-
вѣстѣ. Избавившись отъ ея неуго-
мимой болтовни, я почувствовалъ въ
себѣ дѣйствіе, испытываемое морепла-
вателями послѣ продолжительной мор-
ской качки, то-есть, тошноту и силь-
ную головную боль.

Наконецъ брачная церемонія кон-
чилась. — Жанъ и Фася были торже-
ственно обвѣнчаны.

Наканунѣ вѣнчанія совершилось
обстоятельство, замедлившее нѣсколь-
ко церемонію: положено было Іоганну
держать вѣнецъ надъ Жаномъ во время
вѣнчанія; кинулись искать Іоганна, но
не могли его найти въ домѣ. Черезъ
полчаса напраснаго ожиданія, явился
Іоганнъ съ перевязанной кистью правой
руки и объявилъ, что онъ никакъ не
можетъ держать вѣнца, ибо сію мину-
ту былъ въ клиникѣ, гдѣ дѣлалъ одну
важную операцію, отъ которой никакъ
не могъ отказаться, но какъ-то нелов-

ко поворотилъ инструментомъ и разрѣзалъ себѣ артерію, въ доказательство чего Іоганнъ развязалъ перевязку и понавалъ свою руку, изъ которой сочилась кровь.

Этотъ видъ крови произвелъ на мнительнаго Жана непріятное впечатлѣніе, и что-то похожее на прежнюю хандру замѣчали въ немъ въ первые дни его женитьбы: чудакъ во всемъ видѣлъ дурныя предзнаменования; потомъ, эта маленькая смута, исцѣленная сладкими поцалунами молодой жены, прошла, и жизнь новобрачныхъ потекла обычнымъ порядкомъ. Молодые супруги, навѣ водится, ворковали въ своей раззолоченой кѣлтѣ. Жанъ былъ въ какомъ-то чаду: "любовь его къ Фасѣ такъ разрослась и такъ широко распростерла свои вѣтви, что въ сердцѣ его оставался небольшой уголокъ для дружбы Іоганна. — Іоганнъ, будто негодуя и оскорбляясь завѣною Жана, сталъ невыносимо-солиденъ и мало-по-малу отрѣзался отъ своей натуральной веселости и живости характера. Пріятель, со дня женитьбы одного изъ нихъ, выдался весьма-рѣдко; правда, Іоганну предстояло много труда: онъ сочинялъ диссертацию, которую скоро долженъ былъ защищать.

Но этотъ періодъ ласкъ, обоюдныхъ угожденій и того восторженнаго состоянія, которое, овладѣвая любящими, сосредоточиваетъ ихъ въ какомъ-то волшебномъ, очарованномъ кругу, гдѣ живетъ одна радость и куда не проникаютъ житейскія заботы — этотъ періодъ быстро прошелъ: новобрачныхъ постигло обстоятельство, весьма, впрочемъ, естественное въ брачной жизни, но я упоминаю о немъ потому только, что оно навело облако печали на ясный горизонтъ жизни молодыхъ супруговъ; это обстоятельство заключалось въ томъ, что Фася готовилась быть матерью. Какое мучительное и тревожное состояніе для каждаго влюбленнаго мужа, но для мужа съ мнительнымъ характеромъ Жана — это сущій адъ.

Жанъ сталъ опять задумчивъ; вооб-

раженіе его представляло ему: роми въ какомъ-то ужасающемъ видѣ: онъ насчитывалъ тысячи примѣровъ, въ которыхъ эти роды разрѣшались самою убійственной, рѣшительной катастрофой... "Фася можетъ умереть отъ родовъ!" — вотъ тема, которую разигривало воображеніе мнительнаго Жана въ самыхъ разнообразныхъ тонахъ: онъ то бросался къ забытымъ лечебникамъ, въ которыхъ, обливаясь холоднымъ потомъ, читалъ описаніе процесса, когда младенецъ выходитъ не своимъ нормальнымъ образомъ; то совѣтовался съ извѣстными въ городѣ акушерами, желая, по-видимому, преждевременно разрѣшить трудный, мѣшьющій вліяніе на всю жизнь его вопросъ: какъ-бы предувѣять, но извѣстнымъ ему медицинскимъ призывамъ, будетъ ли младенецъ Фаси или естественно, или противоестественно? — Вотъ задача, которую задалъ себѣ мнительный чудакъ: ужъ такъ онъ созданъ — горбатаго залечить могла...

Такое тревожное состояніе духа Жана навело накую-то мрачность и на Фасю; напрасно, старался скрыть отъ жены свои тревожныя мысли и притворялся веселымъ, расточалъ онъ передъ нею свои обычные ласки: Фася улыбалась ему сивозъ слезы; видно было, что и она находится подъ вліяніемъ какаго-то тайнаго страха... Этотъ страхъ еще болѣе овладѣлъ Жаномъ, когда онъ, проснувшись однажды ночью, увидѣлъ, что Фася, вмѣсто того, чтобы спать, сидѣла, пригорюнилась, на врозьти, задумчивая и грустная... Дрожащій свѣтъ ночной лампы, можетъ-быть, свидѣтельница многихъ бессонныхъ ночей Фаси, придавалъ угрюмо-мрачный колоритъ этой картинѣ. Жанъ, въ ужасѣ и недоумѣніи, смотрѣлъ ей въ глаза, желая проникнуть въ ея мысли; но она, полная раздумья, отводила отъ него свои взоры и, будто понимая его, желала бы съ своей стороны высказать ему, объяснить свое горе, но не могла и падала на подушку, которую увлажляла своими слезами...

Наконецъ Фася сильно занемогла и

отъ изпуренія физическихъ силъ, у ней открылись преждевременные роды, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ ея замужства. Бѣдный Жанъ совершенно растерялся. Въ отчаяніи онъ то ломалъ руки, слыша болѣзненные стоны, несущіеся изъ спальни жены, то, не смотря на запрещеніе Пруденціи, нащипочкахъ прокрадывался въ спальню и подходилъ къ кровати, на которой страдала жена. Роды были самые трудные: больная мучилась болѣе сутокъ и не могла разрѣшиться; акушерка совѣтъ растерялась и наконецъ потребовала врача... Это извѣстіе подобно удару грома сразило Жана... въ головѣ его уже бродила мысль объ *операциі*... Жанъ послалъ за Іоганномъ: къ кому другому онъ могъ обратиться? Жанъ такъ вѣровалъ въ искусство Іоганна; да и кто бы могъ сильнѣе Іоганна желать выручить Жана изъ бѣды? Но общіе ли у друзей интересы?..

Жанъ написалъ къ Іоганну такое *страшное* посланіе, что тотъ явился къ нему, вооруженный всевозможными медицинскими инструментами...

— Помогі, Іоганнъ... ради Бога, Іоганнъ! Фася умираетъ... Пускай, если ужъ нельзя иначе, умереть ей дитя, это жалкое, преждевременное дитя, лишь бы она осталась живою... Ее-то, мать, Фасю надо пощадить... говорилъ Жанъ, кидаясь въ объятія друга.

Іоганнъ не заставлялъ себя долго упрашивать и отправился въ спальню родильницы.

Въ домѣ Жана происходила домашняя драма. Жанъ, въ какомъ-то *раздумьи*, полулежалъ на креслѣ съ высокой спинкой; за стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, страдала жена; подлѣ нея стоялъ Іоганнъ; у изголовья дочери сидѣла старуха-мать, полуживая, полумертвая: она дрожала подобно больному въ лихорадочномъ пароксизмѣ; поблѣднѣвшія губы ея что-то шептали, умоляющій взоръ ея останавливался то на Іоганнѣ, то на акушеркѣ, а на желтомъ, морщинистомъ лицѣ ея выражались страхъ, ужась и таинственность,

какъ на лицѣ одной изъ вѣдьмъ Макбета...

Наконецъ искусство Іоганна восторжествовало: въ спальнѣ раздался крикъ новорожденного; Жанъ вздрогнулъ...

Скоро дверь спальни скрипнула, и Іоганнъ съ торжествующимъ видомъ подошелъ къ Жану.

— Умерла? спросилъ нетерпѣливо Жанъ.

— Успокойся: ей теперь лучше, но ее надобно беречь...

Черезъ нѣсколько минутъ поднесли къ Жану новорожденного. Жанъ взялъ на руки младенца; маленькій крикъ издавалъ вонли, будто рассказывая Жану на своемъ непонятномъ языкѣ какую-то жалобную исторію... Жанъ долго и внимательно рассматривалъ ребенка, какъ разсматриваетъ знатокъ-ботаникъ рѣдкое растеніе: онъ, Жанъ, щупалъ ребенка за уши, осязалъ своей рукой его головку, будто желая испытать, покрыта ли она волосами, или не покрыта, взвѣшивалъ младенца на рукахъ. Потомъ, словно пораженный внезапною мыслию, передалъ младенца акушеркѣ и машинально опустился на свое кресло...

Когда акушерка унесла дитя изъ комнаты, Іоганнъ сказалъ:

— Ободрился, Жанъ: повторяю, она будетъ жить: я ручаюсь за ея выздоровленіе...

Жанъ горько улыбнулся и проговорилъ въ-полголоса:

— Но это дитя... это дитя... двухъ цѣлыхъ мѣсяцевъ не доставало...

— Что-о? спросилъ Іоганнъ, смотря на Жана. А Жанъ, такъ же пристально, какъ рассматривалъ прежде ребенка, экзаметновалъ теперь физиономію друга; но въ физиономіи Іоганна можно было прочесть только одно чувство — *недоуманіе*...

— Жанъ... объяснись!

— Новто ясно: мое дитя, недоросекъ, въ семь мѣсяцевъ съ днями не могло бы такъ соврѣтъ и такъ вполне образоваться, проговорилъ Жанъ шопотомъ; потомъ онъ прибавилъ серьезно и рѣшительно:

— Это дитя не *преждевременное*, хоть жидеть его на *штейновомъ* приборѣ....

Иоганнъ, пораженный словами Жана, хотѣлъ что-то доказывать, но не имѣлъ силы. Морозъ пробѣгалъ между плечъ Иоганна. Онъ только могъ проговорить:

— Вотъ до чего довело тебя чтеніе проклятыхъ лечебниковъ!

Этотъ разговоръ прерванъ былъ приходомъ старухи-матери, которая бросилась съ своимъ привѣтствіемъ къ Жану; но Жанъ принялъ ее грубо. Изъ короткихъ намековъ Жана, старуха узнала въ чемъ дѣло, и сперва разыграла роль обиженной, потомъ приводила доводы самые основательные въ опроверженіе заключенія Жана; она допытывалась, что это клевета, не основанная ни на одномъ ясномъ доказательствѣ, божилась, что въ жизни своею она уже не разъ видала подобныхъ феноменовъ; наконецъ прослевилась и умоляла Жана пощадить ея дитя, ея бѣдное дитя, увѣряя, что все такъ называемыя ясныя доказательства его не бодѣе, какъ шара голубина, шара голубина! твердила увѣрительнымъ тономъ старуха.

Когда старуха вышла изъ комнаты, Иоганнъ также пытался представить Жану разныя медицинскія доказательства, въ подтвержденіе того, что природа дѣйствительно отступаетъ иногда отъ своихъ коренныхъ законовъ... что безразсудно со стороны Жана, схвативъ одніе верхушки науки, дѣлать выводы... Иоганнъ божился, что подобное обстоятельство и на мысль ему не приходило, тогда-какъ оно прежде всего должно бы представиться наблюденію врача...

Но Жанъ, не внимая этимъ словамъ, отыѣчалъ Иоганну обидно, двусмысленно-дерзко.....

Разстроенный Иоганнъ вышелъ отъ Жана въ такомъ расстройствѣ духа, какъ Гамлетъ, узнавшій, послѣ свиданія съ тѣмъ, страшную тайну о подлѣмъ отравленіи своего отца...

Кто знаетъ! при другихъ обстоятель-

ствахъ, не будь этого Жана, при иномъ положеніи дѣла, Иоганнъ, можетъ-быть, поступилъ бы иначе: самая картина будущности — эти мелочныя заботы о завтрашнемъ днѣ, добровольныя лишенія съ той и другой стороны, сопровождаемыя улыбкой сквозь слезы на лицѣ любимой особы, притворной, вынужденной веселостью на лицѣ мужа, въ то время, когда его усталое сердце слабѣетъ, вызываетъ въ борьбѣ съ житейскими нуждами: — эти врачивыя спены семейной жизни — послѣдствія обидной бѣдности *его* и *ея*, не испугали бы, можетъ-быть, *положительную* Иоганна... Не разъ, можетъ-быть, раскаяніе закрадывалось въ душу его — и онъ въ поступкѣ своемъ видѣлъ глупый порывъ, непоштрный избытокъ юношеской доброты, минутное увлеченіе, необдуманную, непростительную ошибку; но, Воже мой! Иоганнъ считалъ ее, эту дѣвушку, такую чистую, свѣтлую, однимъ изъ тѣхъ высоко-прекрасныхъ созданій, которыми герой нашъ любовался въ созданіяхъ своихъ любимыхъ поетовъ... такую чистую, свѣтлую, дѣтски-невинную, какъ шестьспярова Миранда... Да, такую Иоганнъ считалъ ее — и въ такомъ толькѣ видѣ онъ самъ бы могъ любить ее... *А теперь?*.. какъ тутъ подвести къ ней теперь все эти юношескія сентенціи?... Подобно Гамлету, Иоганнъ проклиналъ этотъ прекрасный міръ, людей, особенно женщинъ...

Но дѣйствительно ли Фаса такъ преступна? Доказательства, представляемая Жаномъ въ ея обвиненіе, не пустая ли мечта, созданная разстроеннымъ воображеніемъ опохондрика, чудака? Этотъ вопросъ служилъ центромъ, около котораго вращались все мысли Иоганна: разрѣшеніе этого вопроса заключало для него интересъ, равносильный интересу Жана. Иоганну жалко было потерять вѣрованіе въ женственную чистоту Фасы, — нестерпимо досадно увидѣть опрофанированными свои лучшія, задушевныя чувства: — это значило бы сознаться, что Иоганнъ, какъ донъ-Кихоть, разыгралъ самую пош-

люю комедию въ тѣхъ минутахъ своей жизни, которые герой нашъ считалъ исполненными едва-ли не трагическаго пафоса... Въдѣ, въ послѣдствіи случилось, находили мгновенія, когда самыя дурныя, скверныя человѣческія помыслы лѣзли въ голову нашего героя; но онъ вслѣдствіи прогонялъ ихъ, старался пересилить себя, — и тутъ, въ этомъ пересилываніи, въ этой побѣдѣ надъ собою, герой нашъ находилъ даже много чего-то *такого*... что въ лексиконѣ молодыхъ людей, подобной Іоганну конструкціи, зовется благородною гордостью, или еще какъ-нибудь иначе... Богъ-знаетъ чѣмъ, въ послѣдствіи, кончатся эти *побѣды*; не знаю, чѣмъ кончилась бы дагѣ и побѣда моего героя надъ самимъ собою, по-крайней-мѣрѣ доселѣ; герой нашъ, въ пылу юношескаго энтузіазма, торжествовалъ ее, свою побѣду, не предвидя, что это такая *жалкая побѣда*... Ко всему этому прививалось теперь еще и сожалѣніе объ участи Жана, котораго искренняя привязанность всегда трогала Іоганна и вызывала его на взаимное чувство. Самый ропотъ и обидные упреки, высказанные Жаномъ, доказывая, какъ сильно потрясена слабая натура его пріятеля, возбуждали въ Іоганнѣ еще болѣе къ нему сожалѣнія... Іоганнъ чувствовалъ потребность рѣшигательно объяснить съ Жаномъ, попытаться еще разъ представить ему различныя медицинскія доказательства въ подтвержденіе невинности Фаси. Онъ не могъ свыкнуться съ мыслью о ея проступкѣ: эта мысль рождала въ груди его невыносимо-тяжкія чувства... Іоганнъ переходилъ отъ одной причины къ другой, отъ факта къ факту, желая найти и противопоставить подозрѣніямъ мнительнаго Жана вѣрный логіонъ доказательствъ самыхъ очевидныхъ, положительныхъ: съ этой цѣлью возвратился онъ снова въ домъ Жана.

Жанъ сидѣлъ теперь одинъ въ своемъ кабинетѣ, обложенный всевозможными лечебниками и разными медицинскими сочиненіями, объясняющими

ми процессъ зачатія и беременности женщинъ. Въдѣляя! подобно утѣшительному, который хватается за соломинку, Жанъ хотѣлъ найти еще въ мертвыхъ буквахъ какое-нибудь подкрѣпленіе въ защиту Фаси; но истина стояла передъ нимъ въ своей неумолимо-грознай видѣ... Онъ уже отбросилъ лечебники, бросилъ и Судебную Медицину профессора Громова: какъ Марій на развалинахъ Карагена, сидѣлъ онъ подлѣ груди безполезныхъ книгъ. Горесть его, подобно быстрораспространяющемуся пламени, уже превратилась въ отчаяніе, которое проникло во всѣ составы его слабой натуры. Въ такую минуту явился къ нему Іоганнъ.

Какъ опытный врачъ, затанувъ глубоко свои опасенія, подходит къ трудному больному съ своей форсенной улыбкой, такъ Іоганнъ ласково, привѣтливо, дружески подступилъ къ Жану... Было что-то невыразимо-трогательное въ этомъ вторичномъ свиданіи двухъ пріятелей! Оба они глубоко поражены, поражены однимъ ударомъ; но какъ существуетъ разница въ испытываемыхъ ими ощущеніяхъ, такъ замѣтна разница и въ силѣ переносить эти ощущенія: слабая натура Жана, непомогая отъ причиненной ей боли, безусловно помирилась и пала подлѣ гнетомъ постигнувшей ее бѣды; но Іоганнъ хочетъ взглянуть прямо въ глаза этой бѣдѣ, дознать откуда и какъ пришла она; онъ готовъ, не взирая на собственные страданія, подать руку помощи другу, облегчить его горе, — только прежде всего ему нужно очистить себя передъ глазами друга, убѣдить его въ благородствѣ своихъ къ нему отношеній...

Жанъ, не выслушавъ до половины объясненій Іоганна, прервалъ его своей энергической выходкой:

— Объ этомъ довольно... что и говорить! Это дѣло уже мной разсмотрѣно, расслѣдовано... Тутъ, въ лечебникахъ, Іоганнъ, надъ которыми ты часто трунилъ, сказано много правды: тамъ напечатано, что старуха—отвраща-

тительная фурія, проклятая негера... дочь — нинфа... ха, ха, ха! уличная нинфа... врасотка, въ родѣ Цыганокъ... Еще что? тамъ сказано, что всѣ люди—неисключая друзей—гадки, нинки, способны на всякую подлость... Я все понялъ... Адская шутка, Іоганнъ, адская!..

Волосы стали дыбомъ на головѣ Іоганна.

Онъ, Іоганнъ, не касаясь уже чувствительной стороны скорби своего пріятеля и видя запасъ изобрѣтенныхъ имъ доказательствъ совершенно-уничтоженнѣйшій, старался только оправдать себя передъ Жаномъ, убѣдить его въ чистотѣ своихъ отношеній къ Фасѣ и въ искренности, благородствѣ отношеній своихъ къ нему-самому.

Жанъ, полуубѣжденный, полурастроганный словами Іоганна, но полный сокрушительной горести и отчаянія, сказалъ:

— Такъ, или иначе, — мнѣ теперь все равно... вѣдь результатъ одинъ: для меня все погибло!..

И потомъ, уже не въ порывѣ своей прежней раздражительности, но съ обычной лаской, съ полуулыбкой, подавившей муку растерзаннаго скорбію сердца, прибавилъ:

— А какая жалость... какая жалость, Іоганнъ! Такъ подола...

Жанъ, совершенно-уничтоженнѣйшій, плакалъ какъ дитя, какъ Отелло.

Іоганнъ не плакалъ, но физиономія его выражала такое глубокое страданіе, что оно тронуло бы каждого...

Іоганнъ вышелъ теперь отъ Жана въ положеніи банкрота, отчаяннаго игрока, спустившаго все свое состояніе: она такъ преступна, а она такъ потрагивалась для нея самыми богатыми, самыми лучшими своими чувствами!.. Въ такой настроенности духа Іоганнова, въ цѣль его вторичнаго свиданія съ Жаномъ, — въ этотъ объясненіи, высказанномъ дрожащимъ голосомъ, робко, съ какой-то боязнью, со страхомъ, съ болѣзненнымъ трепетаніемъ сердца, выказывалось чувство, уже дошедшее до конца... Іоганнъ бродилъ изъ улицы въ

улицу... Спящій городъ, таинственный сумракъ лѣтней ночи гармонировалъ съ его мрачными мыслями; но теперь, мало-по-малу, постепенно, многое изъ прошедшаго начинало проясняться въ мысляхъ Іоганна... новизна ушла съ глазъ его, и истина предстала прель нимъ во всей отвратительной наготѣ своей... Вотъ онъ остановился посреди улицы, обдумывая одинъ изъ главныхъ пунктовъ такого страннаго событія... Онъ пришелъ въ положеніе человека, внезапно пробудившагося послѣ сна, исполненнаго учительныхъ, чудовищныхъ грѣзъ... Онъ понялъ, теперь только понялъ основаніе и связь своей жалкой комедіи... Мучительныя страсти толпились въ груди нашего героя: тамъ были досада, гнѣвъ, жалость, утраченныя надежды, поруганная честь, обиженное самолюбіе, ревность...

Въ то время, когда въ домѣ Жана происходила эта, какъ я назвалъ ее, домашняя драма, въ аристократическихъ палатахъ почтенной особы происходила сцена другаго рода, достойная кисти Гогарта. Играли въ преферансъ. Степанъ Алексѣичъ сидѣлъ подлѣ своего патрона и, не участвуя лично въ игрѣ, подсказывалъ ему, когда нужно было козырять или идти съ простой карты: — такъ точно подсказывалъ Степанъ Алексѣичъ своему патрону и въ дѣлахъ повѣхителю карточной игры. Между двумя партнёрами завязался споръ и неожиданно произошла жаркая схватка: одинъ обвинялъ другаго въ неопознательномъ карточномъ подлогѣ. Результатомъ этого спора была полновѣсная пощечина. Обиженный схватилъ стулъ, намѣреваясь ударить имъ своего обвиняемаго, но въ попыткахъ нечаянно задѣлъ ножками стула по головѣ почтенной особы. Почтенная особа, почувствовавъ нестерпимую боль отъ удара, застонала, сдѣлавъ преувеличенную гримасу... Подобно гримасѣ

сой надѣлил Гогартъ въ своей карти-
лѣ одного, если припомните, лорда,
несомаго въ носилкахъ во время мно-
голюдной процессіи, когда проходив-
шій вблизи лордовыхъ носилокъ кре-
стьянинъ, замахнувшись цѣпомъ на то
животное, имени котораго деликат-
ные читатели не любятъ видѣть въ
печати, печалино, но со всего размаха
хватилъ цѣпомъ по головѣ изумленна-
го лорда, сохранявшаго, до полученія
удара, глупо-вадугую физиономію.

Почтенная особа въ порывѣ гнѣва
настрѣзалась отплатить ударомъ за
ударъ; но предусмотрительный Сте-
панъ Алексѣичъ поспѣшно вскочилъ
со стула, схватилъ почтенную особу
на руки и унесъ ее въ отдаленныя ком-
наты.

— Помилюйте, Иванъ Андреевичъ!..
обдуманно ли это? прилично ли вашей
особѣ вѣшаться въ такую скандальную
исторію?.. Подумайте только о послѣд-
ствіяхъ: вѣдь я этихъ господъ зваю —
они изъ этой драки затѣютъ судебное
дѣло, и васъ, Иванъ Андреевичъ, вашу
персону будутъ ставить въ свидѣтели...

— Да... чортъ поберетъ!.. воскликну-
ла почтенная особа, соглашаясь съ
высказаніемъ Степана Алексѣича: — и какъ
оскѣлиться въ моемъ домѣ забыться
до такой степени?.. Какъ-таки въ мо-
емъ присутствіи... въ моемъ собствен-
номъ домѣ... произнести такой скан-
далъ?.. Ну, подрались бы послѣ, чортъ
бы ихъ ваялъ, тамъ, гдѣ-нибудь на-
единѣ: подумали бы такъ о моемъ до-
мѣ!.. Что заговорить теперь князь Алек-
сѣй... а?

Но Степанъ Алексѣичъ, не отвѣчая
на вопросъ, поспѣшилъ къ спорщи-
камъ, желая какъ-нибудь уладить дѣ-
ло. Онъ подошелъ сперва къ одному
партнеру, улыбался передъ нимъ, се-
мичилъ ножками (какъ недавно прочи-
танный мною Голядкинъ), представ-
лялъ свои резоны; потомъ подошелъ
къ его противнику и, также улыбаясь,
представлялъ ему тѣ же резоны, зало-
живъ указательный палецъ въ петлич-
ку сюртука партнера.

— Мы порадуемся другъ съ дру-

гомъ; вы только извините насъ передъ
Иваномъ Андреевичемъ, отвѣчали ему
противники, уходя изъ дома.

— Но позвольте, въ чемъ же извини-
вить? Иванъ Андреевичъ ничего не ви-
дали — ей-Богу-съ!.. Передъ этимъ не-
приятнымъ происшествіемъ, едва они
успѣли сказать «насъ» — ивъ сдѣла-
лось дурно... сильное головокруже-
ніе... они давно страдаютъ мигре-
немъ... Не могу продолжать игры —
дурно!.. сказали они и, опершись на
мою руку, позволили уйти въ свой ка-
бинетъ... До свиданія, господа! Я на-
дѣюсь, что это маленькое происше-
ствіе останется между нами, не вый-
детъ изъ четырехъ стѣнъ... я надѣ-
юсь...

Говоря такъ, Степанъ Алексѣичъ
проводилъ гостей Ивана Андреевича
изъ прихожую, улыбался, кланялся
нимъ, по своей манерѣ, наподобіе бук-
вы S, помогая надѣвать шинели.

Уладивъ дѣло и выпроводивъ гостей,
Степанъ Алексѣичъ возвратился къ
своему патрону. Старый холостякъ,
переодѣвшись въ бархатный пла-
рокъ, обувшись въ туфли и помочивъ
оде-колonoмъ ушию на головѣ, ост-
риженной, для сокрытія просѣди, гла-
ко — а-ла-шинувавъ, полулежалъ те-
перь на эластической подушкѣ патѣ и
курилъ регалию. Степанъ Алексѣичъ
въ приличномъ отдаленіи чинно усѣл-
ся на креслѣ, называемомъ ком-валъ-
фѣ.

— Чортъ поберетъ, свѣршая исторія!
этакой скандалъ... гдѣ пойдетъ оглас-
ка... а?... Это можетъ меня компромет-
тировать. Притомъ же, князь Алек-
сѣй... бормоталъ холостякъ.

Степанъ Алексѣичъ, приравляя
свои доводы улыбочками, вслѣдствіи
старался успокоить патрона.

Въ тотъ достопамятный вечеръ пре-
феранса Степанъ Алексѣичъ удостоилъ
себя вести съ своимъ патрономъ довольно-
длинную бесѣду: они толковали сперва
о политикѣ и возвысившейся цѣнѣ на
селитру, потомъ, по обыкновенію, пе-
решли къ предмету своего разговора
соп амого — о предстоящихъ дво-

рянскихъ выборахъ: тутъ слово шаръ, всегда производившее магическое дѣйствіе на Ивана Андреевича, жужжало въ устахъ собесѣдниковъ пуще неотвязной осы... Этотъ предметъ разговора каждый разъ служилъ поводомъ къ маленькой распрѣ между патрономъ и кліентами: дѣло въ томъ, что Иванъ Андреевичъ, желая баллотироваться въ одну значительную должность по выборамъ дворянства, о которой онъ бредилъ всю свою жизнь, боялся, что многіе помѣщики положатъ на него черныя; Степанъ же Алексѣичъ, напротивъ, ласкаетъ патрона надеждой, что всѣ безъ изъятія дворяне положатъ на него бѣлые шары.

— Не можетъ быть; ужь это я напередъ угадываю; Александръ Николаевичъ и Иванъ Васильевичъ облизать меня черными... Куда-какъ пріятно, чортъ побери! утверждалъ навзничъ Иванъ Андреевичъ.

Степанъ Алексѣичъ стоялъ на томъ, что и Александръ Николаевичъ и Иванъ Васильевичъ положатъ на Ивана Андреевича бѣлые шары.

— Ну, а какъ черныя?

— Непремѣнно бѣлые.

— А вотъ увидимъ, рискну, попробую! говорилъ Иванъ Андреевичъ, потирая самодовольно руку и каждый разъ прибавляя:—вѣдь я имъ, Александру-то Николаевичу и Ивану Васильевичу, въ сущности никакого зла не слѣдуетъ... Были, правда, между нами кое-какія непріятности; но ты увѣрь ихъ, пожалуйста, что отнынѣ я буду стоять горой за своего брата; чуть тамъ, агаешь, агакое, а я съ минимъ минимемъ, а я съ минимъ минимемъ.—да прямо къ министру: ты расстрелюй имъ это.

Попробуй-ка дворяне избрать Ивана Андреевича въ должность, которой онъ добивается, и онъ имъ насолитъ, тѣмъ насолитъ, какъ на его мѣстѣ устыдился бы насолить послѣдній медкопомѣстный дворянинъ! И насолитъ не потому, чтобъ жедаріе дѣлать это близкому сопоставило непрѣтливое условіе натуры

его,—совѣтилъ вѣтъ, а потому-что, когда въ нечистомъ дѣлѣ Степанъ Алексѣичъ, по извѣстнымъ ему причинамъ, вздумаетъ кричать: го, го, го! тогда въ Иванѣ Андреевичѣ, при всѣхъ даже его желаніи, не достанетъ ни силъ, ни умѣнья прокричать, на перекоръ Степану Алексѣвичу: «эге-ге!»... Иванъ Андреевичъ, самъ-по-себѣ, не можетъ толкомъ и не разбереть, дѣйствительно ли виноватъ, на-притѣръ, вотъ тотъ, на котораго принесла члѣбичную сосѣдка, жалуясь, что онъ захватилъ у нея часть принадлежавшей ей земли и лѣса, заграбилъ, неимѣнно съ какого повода, принадлежавшихъ ей дошадей и рогатый скотъ, показалъ вовсе неправильно за собой по ревизіи одиннадцать душъ ея крестьянъ и при семъ умышленно и возвращаетъ взятыхъ имъ у нея документовъ и плановъ на землю, утверждая, какъ-бы означенная земля съ лѣсомъ состоятъ за нимъ по плану бывшаго генеральнаго межеванія; вѣтъчичъ же, напротивъ, вопіетъ, что виновата сама она, просительница, взводя на него одинъ извѣтъ, въ иущенію токмо недоброхотой его, которые недоброхоты и настроили въ вѣщечему-де его, разоренію, члѣбичкой неслыханный и обидный мѣсти процессъ.—Какъ тутъ быть? Иванъ Андреевичъ въ этомъ дѣлѣ будетъ куковать, вслѣдъ за Степаномъ Алексѣичемъ:—такъ Иванъ Андреевичъ прокуковалъ весь свой вѣтъ.

Потолковавъ о селитрѣ, волгитѣ въ выборахъ, дакъ—они невозможны ждать о необходимости предпринять путешествіе за границу, по вѣщечному князя Алексѣя.

— Не могу слышать разволгитѣ, какавъ хвастовствомъ, токъ и мѣстѣ, князь Алексѣй какавъ разтолкуетъ мѣстѣ о Парижѣ и мѣстѣетъ меня краситѣ... Что же онъ мѣсто полнижаетъ передо мною, э... Идется, я, при моемъ состояніи, мѣстѣ монихъ средствахъ, мѣстѣ бы старомъ, съ даже въ Бразилію: это какавъ мѣстѣ, а?

Конечно... Состояніе позволя-

сь. Чортъ побери! непремѣнно поѣду, ерекоръ князю Алексѣю поѣду—ю въ Парижъ... а? Поѣдемъ, братъ, Парижъ, что ли?

Оно, конечно, Парижъ—само-по... только мнѣ казалось бы, до-но ограничиться одной Германіей: ина въ Парижъ требуетъ больше ржекъ...

Да надо же, братецъ, воеъ сбить ю Алексѣю... Что же онъ, въ са-дѣлѣ, думаетъ обо мнѣ?—кажется, особа... это всякъ знаетъ!.. Чортъ при: каждый разъ, толкуя мнѣ о иъ Палеруалѣ, ну, тамъ... объ ольерахъ, онъ дѣлаетъ мнѣ щекот-нѣ намекъ перелъ цѣлымъ со-іемъ, что я не былъ ни въ Пари-ни въ Италіи...

Истинительно, сколько на перекоръ ю Алексѣю, столько же изъ со-ія необходимости «возжировать», ятой въ томъ круу, къ которо-земинуемо причисляетъ себя по-ная особа, патронъ и кліентъ от-ились за границу. По-крайней-т, теперь, при первомъ удобномъ иѣ, Иванъ Андреевичъ начина-аговоръ своей любимой фразой: о время, когда я былъ за грани-лучилось вотъ то-то и то-то; Сте-Алексѣичъ рѣшительно увѣра-что въ бытность его въ Римѣ достоялся въ церкви Петра и Па-адовать цѣпскую туфлю. Но ту-я хроника фактически доказыва-что эта «поѣзда за границу», ичлалась городомъ Лембергомъ, а патронъ и кліентъ возвратились ишу. Степанъ Алексѣичъ, вабо-шкатулкѣ своего патрона (нако-онъ имѣеть кой-какіе планы), ивилъ ревоны, въ силу которыхъ иая особа убѣдилась, что поѣздъ-Парижъ дѣйствительно требуетъ ильныхъ надержекъ, притомъ иородъ Лембергъ есть уже «за-иный» городъ.

Ивъ Алексѣичъ, подя на помо-араго холостяка, подверглася

иногда гнѣву и оналѣ своего патрона; по какъ опытная нянька сиюеотъ терпѣ-ливо капризы балованнаго дитяти, то и Степанъ Алексѣичъ въ такіа минуты кстаи умѣлъ смолчать и скорчить са-мую умилительную физиономію. Ты подлець, Алексѣичъ! я тебя велю просто въ спину вытолкать изъ моего дома — кричалъ на него иногда разгнѣ-ваннѣй холостякъ. Что же? — Степанъ Алексѣичъ умѣлъ тогда такъ съѣжиться, будто онъ «такъ-сабѣ, ничего», и корчилъ такую физиономію, которая такъ вотъ и отвѣчала на угрозу патрона: «воля ваша, спина наша... не са-то въ хозяйствѣ Ивана Андреевича, въ его дѣлахъ, во всѣхъ его предпріяті-яхъ, Степанъ Алексѣичъ служилъ глав-ной дѣйствующею пружиной, а самъ Иванъ Андреевичъ (былъ едва-важѣ-нымъ и почти ненужнымъ винтомъ этой пружины. Мужное вліаніе совѣ-товъ Степана Алексѣича лучше всего отразилось на томъ обстоятельстве, что богатѣй холостякъ вложилъ въ Банкъ свои 2000 душъ, платитъ огромные за ссуду капитала проценты, а капиталъ хранить въ шкатулкѣ—на случай сво-ей смерти, съ цѣлю дослать своимъ неуважительною наследникамъ. -

— Пускай-де получаютъ по смерти заложенное имѣніе, а деньги я раздаю добрымъ людямъ — своимъ нищимъ-братьямъ! говоритъ во всеуслышаніе Иванъ Андреевичъ, при чемъ Степанъ Алексѣичъ прибавляетъ каждый разъ во всеуслышаніе:

— Христіанская мысль, истинно-христіанская мысль!

— Протретъ онъ, лукавый хриѣ, глаза деньгамъ дялюшки-никимеры! — толкуютъ о Степанѣ Алексѣичѣ, то-же во всеуслышаніе, неуважительною наследники Ивана Андреевича.

Когда стѣнные часы съ курантами пробили полночь — почтенная особа вѣвнула и изъявила желаніе почивать; ложась въ постель, изволили соборщеп-ной рукой, въ знакъ благосклонно-сти, пощекотать за ухомъ своего лю-бимаго камердинера — съ лицомъ Явуса: дѣйствительно, одна половин-

ва лица камердинера напоминала черты лица Ивана Андреевича, тогда как другая, по какому-то странному случаю, служила разительной копией физиономии Степана Алексича... Въ натурѣ я встрѣчалъ такіе феномены!

Патронъ и клиентъ разстались.

Степанъ Алексичъ, испытывъ сильныя ощущенія во время достопамятнаго *арбитража*, осужденъ былъ испытать горавало-сильнѣйшія, подѣхавъ къ калиткѣ своего недавно-приобрѣтеннаго дома, куда онъ переселился изъ своей прежней квартиры въ домъ Пруденціи. Бѣднѣйшій, какъ полотно, всколыхнулъ Степанъ Алексичъ съ дрожжкѣ: — домъ его со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ полицейскими. Желая узнать о причинѣ такого неожиданнаго случая, Степанъ Алексичъ подошелъ съ своими разспросами къ квартальному.

— Поѣзжайте своей дорогой — не ваше дѣло! грубо отвѣтилъ квартальный, занатый своими распоряженіями.

— Помните: чье жъ дѣло? — домъ мой, я хозяинъ дома.

— А! въ такомъ случаѣ васъ можно похвалить съ *истемь*...

— То-есть, какъ?... какъ же это?...

— А такъ — съ гостемъ, который въ глухую полночь шатается изъ улицы въ улицу, потомъ останавливается подлѣ вашего дома, лавируетъ, обдуываетъ, сперва осторожно стучится въ калитку, потомъ громче и еще громче, желая выпытать, спать ли въ домѣ; — никто не отвѣчаетъ — понимаете? Вотъ, молодежь-то и старается перелѣзть чрезъ заборъ — нельзя: деревянный заборъ, знаете, слишкомъ высокъ, гладокъ и наверху часто уколоченъ гвоздями, прибитыми остріемъ вверхъ... Какъ быть? — остается одно средство — вскарабкаться на фундаментъ дома, рвануть со всей силы ставенный засовъ, разбить въ дребезги стекло, разломать оконную раму — и такимъ манеромъ влѣзть черезъ окно въ домъ: задумано — сдѣлано!.. А полиція тутъ какъ-тутъ... Полиція, сударь, не дремлетъ, слѣдитъ за всѣми движеніями... помните?

Понимая, что дѣло угрожаетъ шловою *шкатулка*, Степанъ Алексичъ пришелъ въ положеніе Шейлоа, унаважнаго о покражѣ брилліантовъ, куланыхъ итѣ во Франкфуртѣ; онъ принялся кричать, созывая на помощь свою дворню, сосѣдей и желая своимъ крикомъ разбудить нѣкій *квираль*.

— Вотъ до чего дошло!.. этого еще не доставало — грабѣжъ!.. ночной разбой!.. Охраняйте окно — ради Бога не дайте ниѣ сдѣлаться вандитамъ!.. и пустите меня по віру... ради Бога!

Разбуженная крикомъ Степана Алексича полузаспанная ключница отперла калитку и вышла на улицу съ фонаремъ въ рукѣ.

— Ты спишь, чудовище, въ то время, когда меня обокрали, все ниѣ попытаскали, бестія! разразилась къ своей домоправительницѣ Степанъ Алексичъ, и, подобно раздраженной грицѣ, у которой отнимаютъ дѣти, и прежде полиціи взбѣжалъ въ свою кнату, не помышляя даже объ опасности встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ ночнымъ воромъ, который вселенско могъ бы пустить ему пулю въ лобъ. Прежде всего кинулся онъ въ свои заветныя шкафы, *шкатулки*, *суданъ* съ заложеными вещами; онъ трѣбъ прилежно заикъ, онъ остановился посреди комнаты въ остоумленіи, удивленія, узнавъ въ ночномъ *гостѣ* Иоганна, который, завернувшись плащъ и поджавъ по-турецки ноги, дѣлѣ на кровати Степана Алексича.

Мутный, дикій, отчаянный Иоганна встрѣтился со вторымъ *Степаномъ* Алексича!...

— А!... произнесъ Степанъ Алексичъ; губы его, по привычкѣ, начали растянуться въ улыбку, но не ли: верхнюю губу какъ-то странно дергивала.

Степанъ Алексичъ пошатнулся сколько назадъ.

Потомъ, послѣ минутнаго раздумія, онъ снова принялся совать въ шкафы и выдвигать своими руками ящики изъ шкафовъ; наконецъ вдругъ замолкъ.

мый содомъ, утѣряя, что въ одного ащика вынута три тысячи рублей ассигнаціями...

— Три тысячи рублей украдено, гонорилъ онъ, обращаясь къ квартальному:—три тысячи рублей, милостивый государь, новенькими банковыми билетами, государственными ассигнаціями... вотъ до чего дошло!.. Онажите мнѣ правосудіе... прикажите сдѣлать обвѣскъ, не смотря ни на какое лицо... У меня нѣтъ гостей... у меня не можетъ быть гостей въ такую пору...

Полицейскіе солдаты, по приказанію квартальнаго, приступили къ Юганну для осмотра; но, вмѣсто денегъ, нашли у него за паухой сафьянный футляръ съ медицинскими инструментами. Въ этомъ футлярѣ, между кривыми ножницами, ножичками, стальными щипцами, щипчиками, Степанъ Алексѣичъ обратилъ вниманіе квартальнаго на какое-то стальное орудіе, съ прекрасно-отдѣланной рукоятью, довольно-длинное, вострое и похѣе на ножъ.

— Вотъ оно какъ! пойманъ съ личнымъ!.. воскликнулъ Степанъ Алексѣичъ, указывая на это орудіе: — я прибѣгаю къ правосудію: улика налидо...

— Но это ножъ анатомическій... Я сію минуту съ практики...

— Хороша практика: воровство, грабежъ, съ покушеніемъ на жизнь, въ случаѣ нужды... Протестую: это ножъ обоюдоострый, длинный, разбойничій ножъ... Явное покушеніе на мою жизнь...

— А денегъ-то вѣдь при немъ не оказалось! сказалъ квартальный, расгопыривъ пальцы правой руки, а лѣвою взявшись за подбородокъ: — это *оказія!* глубокомысленно замѣтилъ онъ.

— Унесены... черезъ разломанное окно, унесены сообщниками злодѣйства... Я прибѣгаю къ правосудію: — возьмите его въ тюрьму... въ острогъ... сошлите въ Сибирь... кричалъ, не пом-

Т. I. — Отд. VIII.

ня себя и весь дрожа отъ ярости, оробѣвшій Степанъ Алексѣичъ.

А Фаса? — предчувствія Жана сбылись:—она умерла отъ родовъ... Хотя Жанъ имѣлъ столько деликатности, что не оскорбилъ ее во время болѣзни не только щекотливымъ объясненіемъ, но даже двусмысленнымъ, обиднымъ намѣкомъ, однакъжь у ней доставало столько *такта* и проникательности, что она могла разгадать *его положеніе*— и это, можетъ-быть, увеличило ея муки... Нѣсколько разъ привывала она Жана съ твердой рѣшимостью открыть ему свою душу, рассказать всю исторію своей прошедшей жизни, но, какъ и прежде, какъ и всегда, ее удерживало отъ этого чувство женской стыдливости и сознаніе великости своего проступка, къ которому ее привели, можетъ-быть, обстоятельства, молодость, бѣдность, вліяніе дурныхъ совѣтовъ... Сколько разъ, не только теперь, въ болѣзненномъ бреду, но и въ прежнее время, она осыпала проклятіями самоѣ-себя, свою мать... и тяжки были ея страданія, когда она, вкусивъ, въ-послѣдствіи, отъ чувства истиннаго, познала, убѣдилась, горемычная, что чувство *это* не могло быть ея удѣломъ...

Кто изобразитъ положеніе Жана, когда Пруденція устанавливала на невѣстныхъ, наводившія такой ужасъ на Жана, погребальныя дроги гробъ, въ которомъ, между поддѣльными цвѣтами розъ и маргаритокъ, лежалъ другой цвѣтокъ, увядшій, прада, лишенный своего букета, безщадно сраженный случайной грозой, но все еще прекрасный...

Старуха плакала.

Прихотливая судьба поимѣстила вѣчный домикъ. Фаса подлѣ четы днѣхъ грушъ, корнямъ которыхъ не позволили распространяться гробы мертвецовъ— и онъ, привезистыя, корчавыя, жалобно наклонились дружка къ дружкѣ, будто говоря: «зраста ны на другой почвѣ — мы принесли бы и лучшіе

плоды!.. Так что ж? — грустный вид двух сиротъ, возвращенныхъ между печальными крестами, да тихое уединеніе мѣста заманять туда мечтателя-соловья: онъ не разъ пропоетъ надъ ея могилкой свой чудный, *тронательно-грустный* реквиемъ; когда же май украситъ головы двухъ сестеръ своиими бѣлыми цвѣтами — душистые цвѣтки опадутъ на ея могилу.

Въ началѣ моего разсказа, я сказалъ, что *это было очень давно*; дѣйствительно, всѣ эти сцены съ ихъ героями изгладились совершенно изъ моей памяти; но недавняя повѣдка моя въ Петербургъ воскресила ихъ въ моемъ воспоминаніи. Въ театрѣ я встрѣтилъ Жана. Мы узнали другъ друга. После того не разъ видался я съ нимъ въ его квартирѣ, но чаще встрѣчались мы въ театрѣ. Нельзя было не замѣтить, какъ неуспѣшно лорнировалъ Жанъ одну пѣвицу, съ какою жадностію выслушивалъ руганья ея дѣйствительно-прекраснаго голоса; къ концу каждаго провѣстаго ею моволога, Жанъ на пыпочкахъ, медленно привставалъ съ кресель и апплодировалъ ея пѣнію съ энтузіазмомъ записнаго дилеттанта. А какъ онъ перемѣнился! столичная жизнь стерла съ него весь школьный лоскъ и образовала его вполне милымъ сѣтскимъ человѣкомъ: ему шили платье въ мастерской Оливье, онъ носилъ модную прическу, обѣдалъ въ модномъ ресторанѣ, гдѣ-на свой счетъ угощалъ театраловъ «своей партіи» — и часто, запивая устрицы портеромъ или шампанскимъ, велъ жаркій споръ съ «невѣстнаго рода дилеттантами» (которыхъ я встрѣтилъ много въ Петербургѣ) объ искусствѣ, въ прямомъ его значеніи... Службою Жанъ занимался мало, на это онъ не имѣлъ времени, потому-что, по собственному его выраженію, считая себя *художникомъ съ душой*, весь преданъ былъ искусству, въ обширномъ значеніи этого слова. Дѣйствительно, на языкѣ у него такъ и бродили Рубини, Тамбурины,

Віарде-Гарсія, «Святіе со Аркан», «Разрушеніе Помпей», «Монахъ», Листъ, Тальбергъ, «Вѣчный Жалъ», «Умиравшая Психея»... даже бронзовые кони Авичинна-Моста... Если вы, идя по Невскому-Просвету, встрѣчали молодого человѣка изъ художнической причестъ, лорнировавшаго съ видомъ «аматѣра» выставленные у оковъ эстампы — пари дерку — то были Жанъ...

Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ изъ чулакъ остался неизлечимъ. Ранъ сталъ я его съ газетой въ рукѣ, и припадкѣ свойственной ему ностальріи: онъ внимательно пробѣгалъ ея «выѣхавшихъ изъ столыцы».

— Чѣмъ вы такъ расстроены?

— Представьте: она уѣхала...

— За границу?

— Какое, — въ Саратовъ... во это я еще ничего, она меня предвѣрляла этой повѣдкѣ: какія-то у нея тамъ дѣла, или родные — не помню; но вотъ задача: посмотрите, тутъ навѣстивъ что туда же въ Саратовъ уѣхалъ этотъ... Зачѣмъ ему ѣхать!.. Не съчатка ли это? а?.. Чортъ знаетъ эти газеты, въ нихъ часто попадаются такіа опечатанія, что по несомнѣнн ходишь въ недоумѣніе...

— Вы несносны съ вашими вѣчными додоловрѣніями... Признайтесь, вы съ Іоганномъ разстроили насъ такъ одно — *недоумѣніе*?

— Бога-ради, не напомиайте мнѣ объ этомъ! вопричалъ Жанъ, и лорнивецъ забѣжалъ на его лице: меня досада беретъ, когда я вижу что попалъ тогда въ пресакъ, и глупый школьникъ...

Самолюбіе Жана было задѣто, онъ прибавилъ съ какой-то самоуверенностію:

— Не считаете ли вы меня и теперь такимъ?

— Ни мало... Я хотѣлъ только сказать, что князь могъ уѣхать изъ Петербурга случайно.

— Да, въ одно число... можетъ быть въ одной каретѣ... проговорилъ Жанъ, подѣ влияніемъ тревожащей мысли.

сли; потому, спохватившись, присе-
юнушил:

— Впрочемъ, вы не подумайте, чтобъ
это меня черезъ-чуръ интересовало:
вѣдь это все говорится такъ...

Жанъ ловко перешелъ къ другой ма-
теріи и довольно-долго и серьёзно тол-
ковалъ со мною объ искусствѣ, въ его
прямомъ назначеніи...

Но Жанъ притворился: это его че-
резъ-чуръ интересовало и беспокоило;
тотчасъ, по уходѣ моемъ, онъ велѣлъ
запречь свой щегольскій кабриолетъ и
уѣхалъ на Литейную забирать нужныя
справки о внезапно-уѣхавшей актри-
сѣ и князѣ...

Участь Юганна была не столь бли-
стательна. Правда, онъ избавился отъ
процесса своего съ Степаномъ Алексъ-
ичемъ по недостатку полныхъ юри-
дическихъ доказательствъ со стороны
его противника, обвинявшаго Юганна
въ «воровствѣ-грабѣжѣ съ покушені-
емъ на живнъ, въ случаѣ нужды»; но
знаменитая диссертация, плодъ не-
усыпныхъ и многолѣтнихъ трудовъ Ю-
ганна—лоннула, а вмѣстѣ съ диссертаци-
ей провала и надежда на получение
профессорской катедры. Нашъ гани-
латъ правъ и докторъ cum eminentia
правничился мѣстомъ уѣзднаго вра-
ча въ какомъ-то глухомъ городишкѣ.
Удивительнѣе всего, что Юганнъ,
при своихъ познаніяхъ, дѣлаетъ весь-
ма-мало практики; это лучше всего
оказываютъ его дрожки на стол-
никахъ, вмѣсто рессоръ, и убогая
ваггирра: все украшеніе ея составля-
ютъ нѣсколько дорогихъ взвешяровъ,
уплывшихъ въ «счастливыя времена»,
нѣсколько прекрасныхъ парижскихъ
штамповъ, обдѣланныхъ «во время
во» собственными руками Юганна, да
закоманъ violончель... Что-то онъ те-
перь на ней разыгрываетъ? какіе
уки исторгаетъ изъ мощной груди
своей любимицы: вѣжные, мелодиче-
іе, исполненные сладкой грусти и
чтательности, подобно «Ständchen»?
и прачные, душу потрясающіе, какъ

«Erkbnig» листа? Непремѣнно пожду
послушаю.

Что касается до Степана Алексъ-
ича, онъ, какъ говорится, сдѣлалъ вы-
годную карьеру: дѣятельностью въ
службѣ онъ сколотилъ небольшой ка-
питалецъ и женился на Алѣнѣ Ва-
сильевнѣ, получивъ за нею порядоч-
ное приданое отъ своего «благодѣ-
теля», а именно: домъ въ городѣ, при-
личный экипажъ, приличную прислу-
гу, да вексель въ десять тысячъ рублей
ассигнаціями.

— Почему не помочь ближнему, ког-
да состояніе позволяеть, а?.. Вижу,
человѣкъ дѣльный, хорошо аттеста-
ванъ, ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ;
притомъ же искателемъ, признате-
лемъ, тихаго нрава... почему не по-
мочь, при моемъ состояніи, при моихъ
средствахъ?.. говорилъ тономъ велико-
душнаго мецената старый холостякъ
своимъ партіёрамъ въ преферансѣ, въ
день бракосочетанія Степана Алексъ-
ича...

P.S. Спустя годъ послѣ женитьбы
Степана Алексъича, Иванъ Андре-
евичъ, наконецъ, получилъ ту долж-
ность, которой онъ столько лѣтъ вот-
ще добивался, и получилъ самымъ
неожиданнымъ образомъ: двореане из-
брали въ эту должность Макара Иль-
ича, Ивана же Андреевича въ одной
политичности назначили кандидатомъ
Макара Ильича въ той надеждѣ, что
послѣдній будетъ исправлять эту дол-
жность до слѣдующихъ выборовъ. А
надѣлѣ вышло иначе: Макаръ Ильичъ,
къ удивленію всего уѣзда, пробывъ въ
своей новой должности только три мѣ-
сяца, формально, подъ разными пред-
логами, отъ нея отказался и уступилъ
свое мѣсто кандидату, Ивану Андре-
евичу.

— А?.. Каково?.. Ну, что мы теперь?
Ну, куда мы теперь?.. А всему при-
чиной вы, Пётръ Петровичъ, съ ваши-
ми вѣчными островами: «надобно-де
потѣшить амбіцію старика; вѣдь онъ
десяти лѣтъ добивается своей вожде-

лѣвной должности, какъ Карен обѣтованной земли... Что же? въ должности-то эту мы, разумеется, его не избежимъ; но сдѣлаемъ кандидатомъ: вѣдь это будетъ *острая шутка!* Вотъ вамъ и шутка!.. шарамъ, сударь, играть нельзя... баллотировка—дѣло серьезное!—говорилъ въ сердцахъ помѣщикъ-органалъ своему сосѣду помѣщику-остраку.

— Но кто жь могъ предвидѣть такую развязку? Макарь Ильичъ навѣлся такимъ благонамѣреннымъ, надежнымъ... Притомъ, известная вражда Макара Ильича къ Ивану Андреевичу служила достаточнымъ ручательствомъ... Этотъ ихъ нескончаемый процессъ о пятнадцати тысячахъ...

— Та, та, та!.. Они теперь примирились: Иванъ Андреевичъ публично разорвалъ вексель Макара Ильича...

Николай Ковалевскій.

Село Боровенька.
1846.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ

и

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Благотворительность общественная, или, лучше сказать, государственная, — потому что она нынче начинаетъ образовываться въ отдѣльное отъ другихъ правительственныхъ учрежденій управленіе, — съ недавняго времени обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ ученыхъ эконоомистовъ; и хотя въ настоящее время еще нельзя ожидать удолетворительныхъ статистическихъ выводовъ по этому предмету, однакожь статистика его, въ какой бы степени развитія государственная благотворительность ни бы-

ла, интересна уже и потому собственно, что указываетъ на тѣ раны общественной нищеты и недуговъ, которыя требуютъ скорѣйшей помощи.

Главный инспекторъ благотворительныхъ заведеній Франціи издалъ недавно статистическій о нихъ отчетъ; вотъ нѣкоторые извлеченные отсюда выводы.

Во Франціи существуетъ нынче 1,338 больницъ или убого-пріемныхъ домовъ, получающихъ всего 53,632,992 франка 77 сантимовъ (13,172,263 р. с.) дохода. Число это, однакожь, далеко недостаточно для всего числа въ государствѣ немущихъ больныхъ, престарѣлыхъ, неизлечимыхъ, сиротъ и оставленныхъ родителями незаконнорожденныхъ.

Благотворительныхъ конитетовъ (*bureaux de bienfaisance*) съ общияго годовымъ доходомъ около 13,557,836 фр. (3,329,804 р. 52 к. с.), считается 7599.

Заведеній, называемыхъ *monts-de-piété*, возстановленныхъ и преобразованныхъ въ XII году, всего 46, съ общимъ капиталомъ въ 36,544,012 фр. (8,975,209 р. 35 к. с.). Въ 1844 году они ссудили 42,220,684 фр. (10,369,399 р. 99 к. с.) подъ 3,072,864 фр. (754,693 р. 40 к. с.) залогоу.

Учебныхъ заведеній для глухонемыхъ и слѣпыхъ 39, съ 1675 учениками, что весьма-мало, потому что приблизительно считаютъ во Франціи отъ 20 до 25 тысячъ глухонемыхъ и отъ 12 до 15 тысячъ слѣпыхъ.

Число незаконнорожденныхъ, оставленныхъ родителями безъ пріятія, вовсе неизвѣстно. Можно подвергнуть перечисленію только дѣтей менше двѣнадцатилѣтняго возраста; ихъ насчитывается 123,394. Они пріятны въ 144 воспитательныхъ домахъ, изъ которыхъ 90 имѣютъ тайныя приюстительныя камеры. На-счетъ послѣднихъ статистика представляетъ любопытные выводы. Извѣстно, что вопросъ объ этихъ камерахъ еще не рѣшенъ. Тѣ, которые выдаютъ въ нихъ поощреніе къ разврату, требуютъ ихъ уничто-

женія. Но, хотя число незаконнорожденныхъ дѣйствительно болѣе въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ устроены эти камеры, однакожь доказательство это вовсе не такъ неопровержимо, какъ съ перваго взгляда кажется, потому-что, если 44 департамента съ камерами и показываютъ отношеніе незаконнорожденныхъ въ полтора раза больше, нежели 21 департаментъ безъ камеръ, однакожь 17 департаментовъ съ двумя камерами имѣютъ относительно менѣе незаконнорожденныхъ, нежели тѣ, въ которыхъ по одной, и 4 департамента съ тремя камерами имѣютъ также относительно незаконнорожденныхъ менѣе, нежели департаменты съ двумя камерами. Эти статистическіе выводы, согласно съ разсудкомъ, убѣждаютъ, что приведенное доказательство не неоспоримо, и что не удобство скрывать поворъ, а скорѣе нищета унижаетъ развратъ, потому-что въ департаментахъ земледѣльческихъ, считаемыхъ болѣе-богатыми, приходится одинъ незаконнорожденный на 420 жителей, а въ департаментахъ бѣдныхъ одинъ на 219 жителей.

Объ участи умалишенныхъ Франція озабочилась только со времени изданія закона 30 іюня 1838 года, и послѣдовавшая повелѣнія 18 декабря 1839. Число немущихъ умалишенныхъ во Франціи 12,286; изъ нихъ 5,935 мужскаго и 6,351 женскаго пола. Годовыя издержки на нихъ 4,326,138 фр. 75 сантимовъ (1,062,499 р. 67 к. с.). Они размѣщаются въ 73 пріютахъ, изъ которыхъ 37 публичныхъ специальныхъ, 25 особыхъ отдѣленій въ убогопріемныхъ домахъ и 11 заведеній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Прежде закона 1838 года, немущіе умалишенные были, какъ и обыкновенные нищія, безъ всякаго присмотра, и жили поалаіями. Теперь участь ихъ лучше; за ними есть уходъ, и довольно-значительное число ихъ излечивается.

щественной благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ во Франціи, спѣшимъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми о новомъ учрежденіи по этому предмету, которое, вѣроятно, скоро устроится попеченіемъ французскаго правительства.

Еще въ прошломъ столѣтіи, въ Англіи составленъ былъ проектъ объ учрежденіи пенсіонной казны для рабочаго класса. Послѣ многихъ неуспѣшныхъ попытокъ, по достаточномъ обсужденіи и зрѣлости этой мысли, проектъ утвержденъ наконецъ биллемъ 10-го іюня 1833 года.

Во Франціи нынче подавъ подобный же проектъ, основная мысль котораго есть составленіе пенсіонной кассы для рабочихъ обоаго пола посредствомъ самаго незначительнаго установленнаго съ нихъ же правительствомъ сбора. Всѣ и все говорятъ въ пользу этой мысли: особая коммиссія, составленная изъ разныхъ членовъ обѣихъ палатъ, служащихъ бюрократовъ, лицъ, знакомыхъ съ банковыми операціями и занимающихся торговлю и мануфактурною промышленностью, также главные совѣты торговли и мануфактуръ, наконецъ, ученые общества и главные представители прессы — журналы; само-собою-разумѣется, что министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и торговли раздѣляютъ такое единогласное мнѣніе.

Но такъ-какъ учрежденіе пенсіонной кассы должно быть основано на условіяхъ, подобныхъ условіямъ общества взаимнаго страхованія жизни, капиталовъ и пенсій, а всеобщее мнѣніе требуетъ, чтобы французское правительство взяло новое учрежденіе подъ свое покровительство, то правительство, находя настоящія статистическія свѣдѣнія о смертности и вообще о состояніи рабочаго класса во Франціи недостаточными, желаетъ прежде всего исправить эти свѣдѣнія. Министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ Парижской Академіи Наукъ, прося ее: 1) критически оцѣнить всѣ настоящія стати-

Сообщивъ нѣкоторые статистическія числа, касающіяся дѣйствій об-

стическія свѣдѣнія по этому предмету; 2) опредѣлить, что нужно и можно сдѣлать теперь для поправки этихъ свѣдѣній такъ, чтобы она на первый разъ могли служить основаніемъ для вычисленій; 3) опредѣлить, какія свѣдѣнія и числа правительство должно собирать на будущее время, и вообще, какой ходъ и характеръ должны имѣть, какъ собраніе свѣдѣній, такъ сами свѣдѣнія; при чемъ опредѣлить съ наибольшою точностью всѣ условія, которыми должно удовлетворять каждое статистическое число.

Коммиссія, состоящая изъ академиковъ Дюпена, Матьё, Понсле, Лиувилля, Штурца и Райера, займется этимиъ грудомъ.

На этомъ остановилось дѣло, и академическая коммиссія, вѣроятно, постарается скорѣе удовлетворить всеобщимъ желаніямъ и ожиданіямъ, чтобы учрежденіе пенсіонной кассы для рабочаго класса не откладывалось на долгое время.

Замѣтимъ, что послѣднее обстоятельство въ требованіи министра внутреннихъ дѣлъ весьма-важно, ибо кто не знаетъ, что статистическія свѣдѣнія, доставляемыя лицами служащими въ провинціяхъ, очень-часто бываютъ доверливо-попы, а между-тѣмъ вовсе-неудобны и бесполезны при дальнѣйшихъ вычисленіяхъ, — отъ-того, что собираемыя такимъ-образомъ числа и свѣдѣнія въ глазахъ самихъ собирателей не имѣютъ никакого значенія, представляютъ изъ себя совершенне-мертвыя буквы. Зная же условія, которыми должны удовлетворить эти числа и свѣдѣнія, конечно, всякой, кто только захочетъ, можетъ успѣшно исполнить порученіе.

Всѣмъ извѣстно, что цѣны на хлѣбныя припасы, продаваемые нашими петербургскими булочниками, опредѣляются отъ городского начальства, и потому не подлежатъ произвольному возвышенію; но булочники, желая привлечь болѣе покупателей, при по-

купкѣ на чистыя деньги выдаютъ слугамъ, сверхъ покупнаго количества, еще хлѣбныхъ же мѣръ и сумму въ 10% того количества: прибиранин же на книжкѣ въ долѣ, онъ получая уплату, скидываютъ 10 процентовъ въ пользу самихъ дамиковъ. — Не найдя подробнаго объясненія, какъ поступали булочники въ Парижѣ, мы хотя и не можемъ окончательно утверждать, чтобы въ примѣномъ ниже постановленіи парижскаго булочнаго цеха, говорилось не объ этихъ подаркахъ или уступкѣ въ 10%, но имѣемъ основаніе предполагать, что тамъ сказано о чемъ-нибудь имѣющемъ близкое къ явию отношеніе.

Синдики и избиратели (гласные) парижскаго булочнаго цеха, 26-го прошедшаго декабря, постановили: «Всѣ подарки, подѣлки каковы бы то ни было видомъ или названіемъ, съ стоящаго числа уничтожаются.

«Въ замѣкъ этого уничтоженія, общество парижскихъ булочниковъ обязано дѣлать каждый годъ въ мѣсяцъ, въ пользу недостаточнаго класса народа, благотворительное пожертвованіе въ 400,000 килограммовъ (977,200 фунтовъ) бѣлаго хлѣба.

«Количество хлѣба, которое обязано поставлять каждая булочная, будетъ опредѣлено въ частныхъ собраніяхъ, соотвѣтственно условіямъ изданнаго заведенія.

«Эти опредѣленія будутъ переложены каждому булочнику, который обязуется честными словами своимъ и точномъ ихъ исполненіи, и сверхъ того, будетъ подлежать штрафу въ 100 франковъ за всякое доказанное преступленіе.

«За симъ синдикатъ отнесется къ префекту полиціи и городскимъ властямъ, какъ объ утвержденіи этого постановленія, такъ и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ на счетъ раздачи хлѣба.»

Нельзя не похвалить такой благотворительный поступокъ. Что касается до отнятія у слугъ даваемой имъ булоч-

и десяти-процентной порціи, то, не давая въ ежедневной пищѣ и полая эти порціи по малымъ частямъ, можно утвердительно сказать, поють только пустое удовольствіе. же забираеть въ долгъ мѣсячно 10, 20, 50 или даже 100 рублей ассигнаціями, тотъ, конечно, не пожалѣ-уступить въ пользу бѣдныхъ 1, 2, и 10 руб. каждый мѣсяць.

одно условіе въ этомъ случаѣ необходимо; безъ него все дѣло можетъ об-аться въ обманъ для потребителей-упателей и въ потерю довѣрія для эчниковъ, — необходимо, чтобы лица, сдѣлающія цѣнность хлѣба, восточо-внѣли въ виду, что все это есть *железное* пожертвованіе со стороны эчниковъ и притомъ существовало, и в подѣ другимъ выдохъ, до сдѣ-наго постановленія.

о времени изобрѣтенія литографіи, в-многіе старались придумать спо-ь для переведенія на камень всяка-ада печати. Попытки эти и жур-ые слухи о нихъ всегда интере-ли публику. Теперь вопросъ этотъ иень, сколько можно по-крайней-ѣ судить по образцамъ гравюръ и графическихъ оттисковъ, переве-ыхъ такимъ-образомъ на камень и ить снова на бумагу и представлен-ь французскому Обществу Поощр-а Национальной Промышленности. брѣтатели, гг. Бойѣ и Массіасъ, на-и свой способъ *гомеографіей*. Ме-ические приемы просты: печатный-ь, — все равно древній или новый, — адывается на литографическій ка-ь, по немъ прокатывается цилиндръ ить скалки или проводится глад-и печать литографируется съ бума-а камень. Полученная на камнѣ-рафія можетъ быть такимъ же об-мъ переведена три раза на другіе-и и притомъ съ такимъ совершен-мъ, что литографіи эти трудно от-ить отъ оригинала, если вся опера-произведена тщательно. Ко всему-у присоединяется весьма-важное

обстоятельство: оригиналъ не порчит-ся и не мѣняется, такъ-что, по увѣ-ренію изобрѣтателей, можно гомеогра-фировать самые драгоценные ориги-налы, вислолько не уменьшая ихъ до-стоинства.

Очень-желательно было бы скорѣе увидѣть это изобрѣтеніе въ общемъ ходу. Вспомните, что, напр., всѣ дѣт-скія и народныя книги и изданія со-провождаются гравюрами уродливыми, въ которыхъ нѣтъ и тѣни искусства. Виѣсто картинокъ, портящихъ дѣтскій вкусъ съ той самой минуты, какъ они научаются распознавать предметы, мы будемъ давать имъ изображенія самыя непогрѣшительныя, самыя чистыя, въ томъ самомъ видѣ, какъ намъ даютъ ихъ изящныя искусства, и притомъ за-ту же цѣну, что и теперь. Учить чи-тать дѣтей мы будемъ по сочиненіямъ, прославишимъ вѣкъ, литературу и ис-кусство книгопечатанія. Какой-нибудь Эльзевиръ тогда будетъ стоить не бо-лье самаго небрежнаго изданія учеб-ной книги. Это не утопическія мечты: между представленными отъ изобрѣта-телей образцами находятся гомеогра-фированные листки древнихъ изданій и гравюры самой тонкой работы. Между послѣдними, нѣкоторыя заставляютъ невольнѣ задуматься: это банковыя ас-сигнаціи на китайской бумагѣ. Еслибъ онѣ были отпечатаны на настоящей бумагѣ, то, конечно, не были бы такъ хороши; но нѣтъ сомнѣнія, что даже и банкъ не могъ бы заподозрить ихъ.

Гг. Бойѣ и Массіасъ содержатъ въ тайнѣ свое изобрѣтеніе. И дѣйстви-тельно, провидя весь ужасъ, въ кото-рый можетъ быть повергнуто общество послѣдствіями обнаруженія подобнаго открытія, нельзя не пожелать имъ, чтобъ они сдумѣли лучше г. Шѣнбей-на сохранить до времени свой секретъ. Когда найдено будетъ и противодѣй-ствіе опасной сторонѣ ихъ гомеогра-фіи, т. е. когда придумаютъ средства дѣлать нѣкоторыя письменные акты и государственныя облигаціи невозмож-ными къ поддѣлкѣ посредствомъ гомео-графіи, тогда только она сдѣлается

общимъ достоинствомъ. Теперь же остается желать скорѣйшаго приближенія этого времени.

Въ декабрьской книжкѣ «Отч. Записокъ» прошедшаго года мы сообщили извѣстіе о семи ученыхъ путешественникахъ, получившихъ инструкціи отъ Парижской Академіи Наукъ. Въ послѣднее время, эта академія снабдила своими инструкціями еще г. Морле, отправляющагося въ Центральную Америку, и большую морскую экспедицію, назначенную подъ начальствомъ г. Монtravela для изслѣдованія Амазонской-Рѣки. Отъ послѣдней экспедиціи можно особенно ожидать богатой жатвы для наукъ; не говоримъ уже о собственномъ назначеніи ея съ географическою цѣлью и объ ученыхъ инструкціяхъ академіи по части ботаники и зоологіи; сверхъ того, академія полагая, что лица, обязанныя службою на судахъ, не въ состояніи будутъ употреблять достаточнаго времени на ученые занятія, предлагаетъ гг. министрамъ морскому, публичнаго обученія и торговли назначить при экспедиціи особыхъ специальныхъ людей для изученія и собиранія въ тѣхъ странахъ 1) растеній и сѣмянъ, удобныхъ для разведенія въ европейскихъ ботаническихъ садахъ и на колоніальныхъ плантаціяхъ, и 2) образчиковъ разнаго рода дерева, коры, сѣмянъ или крупъ, смолы, красокъ, земель и другихъ веществъ, полезныхъ въ медицинѣ и торговлѣ. Назначенные такимъ образомъ, эти спеціальныя люди не ограничатся собираніемъ и доставкою отысканныхъ ими экземпляровъ, но сообщать полныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи ихъ, естественномъ образованіи, провѣрстаніи, жизни и, наконецъ, о туземномъ или предполагаемомъ употребленіи.

Гг. Доклуазо и Бунсенъ, бывшіе въ 1845 году въ Исландіи, снова ѣздили туда лѣтомъ 1846 года. Меж-

ду прочимъ они привезли: образцы породы нитчатокъ (*confetes*), растущей въ горячемъ источнѣ Грѣа (Grœa), при температурѣ воды въ 98 градусоѡвъ, и кости съ болѣзненными наростами отъ овецъ, пасшихся близъ Геклы. По мнѣнію туземцевъ, болѣзнь эта порождена дѣйствіемъ volcanическаго пепла, покрывавшаго тогда траву на выгонахъ. Но еще болѣе ученаго интереса представляютъ опыты ихъ; касающіеся физики земнаго шара, надъ температурою воды, при разныхъ глубинахъ ея въ исландскихъ volcanoхъ. Для этого они употребляли изогнутые стоградусные термометры, заключенные въ бутылкахъ, герметически-задѣланныхъ. Для главнаго гейзера, глубина котораго 22 метра (10 саж. 14; верш.), было употреблено вдругъ пять термометровъ, укрѣпленныхъ и расположенныхъ на одномъ и томъ же горизонтѣ, въ разстояніи одинъ отъ другаго отъ 3,8—4 метровъ (отъ 1 саж. 2 арш. 5; верш.—1 саж. 2 арш. 10 верш.). Для Строккуса (другой гейзеръ), въ которомъ средняя глубина воды 9 метровъ (4 саж. 10; верш.), три термометра, расположенные одинъ отъ другаго отъ 4,2—4,6 метровъ (1 саж. 2 арш. 14; верш.—2 саж. 5; верш.). Пять наблюденій, при которыхъ всѣ термометры каждый разъ опускались въ воду на 30 минутъ, показали, что температура воды въ среднемъ колодезѣ главнаго гейзера разная на разныхъ глубинахъ, и что *maximum* ея 127 градусоѡвъ на днѣ перелѣ болѣе высокими изверженіями и *minimum* 122 градуса вслѣ изверженія. На поверхности и на глубинѣ отъ 2;—3 метровъ (отъ 3;—4; арш.) температура была около 85 градусоѡвъ. Три наблюденія въ Строккусѣ показали, что здѣсь температура мало измѣняется. На днѣ она во 113 градусоѡвъ и почти не измѣняется до высоты 6 метровъ (8; арш.) надъ двомъ, потомъ постепенно уменьшается до 100 градусоѡвъ на поверхности. Послѣднее наблюденіе состояло въ томъ, что опустивъ термометръ и

дно 12 июля, а вынули только 13 послѣ изверженія въ 47,4 метра (22 саж. 10 вершк.) высоты, и температура была 115 градусовъ.

—

Какъ часто главѣ простаго наблюдателя не видать ничего тамъ, гдѣ чело-вѣкъ ученый открываетъ новые міры нашего земнаго царства, или новые недостающіе факты для науки! Въ концѣ сентября и въ октябрѣ прошлаго года Италия была поражена и оглушена землетрясеніями, наводненіями и грозами, и г. Леопольдъ Пилла, занимавшійся въ окрестностяхъ Пизы описаніемъ бывшаго тамъ землетрясенія, обратилъ вниманіе на всѣ эти явленія; въ умѣ его явилась догадка, не происходятъ ли они отъ подземныхъ переворотовъ, обнаружившихся вулканическими изверженіемъ среди моря, образовавшихъ грозовые тучи изъ выброшенныхъ и поднятыхъ вулканомъ тѣлъ, и разразившихся надъ землею грозами и проливными дождями. Догадка слишкомъ - смѣлая, но, впрочемъ, основанная на общей причинѣ всѣхъ этихъ явленій - земномъ электричествѣ, и — весьма-важное обстоятельство, — отчасти подтвержденная позднѣйшимъ извѣстіемъ о дѣйствительно-замѣченномъ необыкновенномъ вулканическомъ изверженіи среди моря.

Сокращая по возможности, мы приведемъ весь ходъ наблюденій и предположеній г. Пилла.

Г. Пилла находился въ половинѣ октября нѣсколько на востокъ отъ Пизы и Ливорно. Отъ ЮЗ. со стороны острова Эльбы, небо начало покрываться черными грозовыми тучами. Тучи шли подвигаясь къ СВ., гдѣ небо было почти-чисто, и постепенно подвигаясь къ землѣ. Молнія безпрестанно мелькала, громъ не умолкалъ; термометръ значительно понизился, и наконецъ страшно-проливной дождь, по-временамъ съ градомъ, полился на землю. Гроза длилась мѣняе часа, и облегченныя тучи опустились далѣе надъ вершиною пиванскихъ горъ и аппенинскимъ хреб-

томъ. Небо стало ясно, но какъ-будто какой-то зародышъ грозы все видѣлся и таился на ЮЗ. — Черезъ нѣсколько времени, снова возставали тучи изъ этого зародыша, и все грозовое явленіе повторялось съ весьма-малыми измѣненіями. Оно повторялось много разъ равно и днемъ и ночью, и много дней и ночей сряду. Воздухъ все время былъ почти-спокоенъ, весьма-небольшой вѣтеръ переходилъ отъ ЮВ. къ СВ. — Исходъ грозовыхъ тучъ изъ точки ихъ зародыша совершенно походилъ на дымящие столбы при изверженіи Везувія. Въ одинъ изъ всѣхъ этихъ грозовыхъ дней, описанное явленіе повторилось до семи разъ.

Въ то же время въ Ливорно было замѣчено крестовіе земли, а въ гористыхъ окрестностяхъ Пизы слышны были подземный гулъ и легкіе удары.

30 октября поутру г. Пилла, при свиданіи въ Пизѣ съ братьями своими по наукѣ, въ разговорѣ на счетъ полученныхъ извѣстій о землетрясеніяхъ и большихъ наводненіяхъ, случившихся въ это время въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, высказалъ между прочимъ и приведенную выше догадку свою о морскомъ вулканическомъ изверженіи, изъ котораго, вѣроятно, образовывались всѣ эти громовосныя, слѣдовавшія одна за другою тучи. Г. Пилла тогда же прибавилъ, что интересно было бы опрашивать всѣ суда и пароходы, проходящіе съ моря.

Въ тотъ же день вечеромъ, г. Пилла встрѣтилъ другихъ ученыхъ сотоварищей, изъ которыхъ одинъ показалъ ему письмо изъ Мессины отъ 15 октября. Въ письмѣ этомъ сперва говорилось объ ужасныхъ грозахъ, опустошившихъ Сицилію, начиная съ самой ужасной грозы 30 сентября; потомъ приведенъ былъ рассказъ шкипера, пришедшаго въ Мессину 6 октября. Шкиперъ показалъ, что, находясь въ 8 миляхъ отъ берега близъ Гиргента и Счакии, въ ночь съ 4 на 5 число, онъ замѣтилъ вдали, въ морѣ, большій свѣтъ; приписавъ этотъ свѣтъ пожару на какомъ-нибудь суднѣ и желая по-

дать помощь, онъ подошелъ ближе, но къ изумленію своему и ужасу увидѣлъ, что пламя и огромныя массы дыма выходили прямо изъ воды; посреди этого дыма поднимались большія горящія шаровидныя массы, падавшія далеко и съ страшнымъ шумомъ. Мѣсто, изъ котораго выходили пламя и дымъ, казалось, было величиною болѣе миди въ окружности; море кипѣло и хлопотало еще на большемъ пространствѣ, и при томъ съ такимъ шумомъ, что гулъ хлопота раздавался на многія мили отъ туда.

Какъ самое явленіе морскаго волкана, такъ и догадка г. Пилла объ общей связи всѣхъ октябрьскихъ метеорологическихъ явленій въ Италіи, весьма-любопытны: поэтому считаемъ не лишнимъ упомянуть, что г. Пилла готовитъ къ печати сочиненіе свое о землетрясеніи, бывшемъ въ Пизѣ прежде описанныхъ нами метеорическихъ явленій, и въ дополненіи къ нему намеренъ помѣстить подробнѣйшія описанія и этихъ метеорическихъ явленій.

Прибавимъ, что въ русскихъ газетахъ были напечатаны описанія многихъ грозъ, бывшихъ въ необыкновенное по нашему климату время: 1 декабря близъ Одессы, 3 въ Херсонѣ, 2 во Владимірѣ и почти во всей-Владимірской-Губерніи, 3 въ Юрьевскомъ Уездѣ Костромской-Губерніи. Вездѣ явленіе сопровождалось молніей, громомъ, градомъ и дождемъ; вездѣ тучи шли отъ ЮЗ. къ СВ. — Очень-похоже на то, что это одинъ и тотъ же рядъ громоносныхъ тучъ, быстро пронесшихся надъ всей Россіей.

Послѣ этого мы читали въ иностранныхъ газетахъ о многихъ грозахъ, также разразившихся на пути своемъ отъ ЮВ. къ СЗ., въ Южной-Франціи.

Не было ли связи между всѣми этими грозами и описаннымъ выше морскимъ волканомъ? Можетъ-быть, всѣ эти вулканическія тучи, поднявшіяся надъ вост. Средиземнаго-Моря, раздѣлились на нѣсколько страшныхъ массъ и быстро повеселись на СЗ. и СВ., за-

держиваемыя иногда притягательной силою горныхъ вершинъ!

Метеорологія долго не подвинется впередъ, — не подвинется до-тѣхъ-поръ, пока наблюденія будутъ оставаться отдѣльными и, можно сказать, случайными замѣтками. Еслибъ наблюденія эти производились вездѣ на условенныхъ и соглашенныхъ основаніяхъ, еслибъ существовали обсерваторіи, — мы видѣли бы не только метеорологическія газетныя описанія; которыя становятся даже и не любопытны и часто надоедаютъ скуку, но цѣлую метеорологію, физіку нашей атмосферы...

—

Приведа описанія нѣкоторыхъ метеоровъ, мы изложимъ, въ заключеніи, мысли свои о возможности дознанія состава и разныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ появленіе метеоровъ нашей атмосферы.

17-го октября (1846 г.) въ 6 час. 15 мин. вечера, при совершенно-закрытомъ тучами небѣ, г. Перей вытѣ изъ Дижонъ (департаментъ Кот-д'Оръ, во Франціи), свѣтлый метеоръ, двигавшійся по горизонтальной линіи отъ З. къ В. на высотѣ 15 гр.; цвѣтъ его былъ блѣдно-бѣлый; кажущаяся величина равнялась Юпитеру; метеоръ видѣнъ былъ одну минуту. Въ Гауа (Гессен-Кассель), въ тотъ же день и въ тотъ же часъ также замѣченъ былъ метеоръ, двигавшійся отъ ЮЗ. къ В.

9 го ноября, въ 7 час. 30 мин. вечера, въ Дижонѣ же, директоръ ботаническаго сада, г. Меллиэ, наблюдалъ другой метеоръ, замѣчательный по своему исчезновенію. Метеоръ двигался весьма-медленно и горизонтально отъ З. къ В. на высотѣ 60 или 70 гр. Цвѣтъ его былъ яркій-палевый. Прошелъ 90 гр. или четверть круга по небу, отъ небросилъ цѣлый шовъ пламени съ блестящими искрами и исчезъ безъ всякаго звука или треска; но въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно то, что обоконечности свѣтлой полосы, явленной еще 2 минуты послѣ него, сближались

и сосредоточивались до того, что въ самой срединѣ составилъ шаръ безъ ядра, въ родѣ скопленія пламени, раздѣленнаго на многія свѣтлыя полосы другими весьма-узкими и темными полосками; шаръ этотъ держался четверть часа, угасая мало-по-малу. Г. Перей, сообщившій Парижской Академіи эти наблюденія, прибавляетъ, что многія лица совершенно подтвердили ему точность приведеннаго нами описанія.

19 го ноября, г. Эленскій въ Авраншѣ (Нижняя-Норманія, приморскій Јапаншскій Департаментъ, во Франціи), замѣтилъ въ созвѣздіи Кассіопеи свѣтящійся метеоръ, блескъ котораго сперва равнялся блеску Сириуса, но скорѣ превзошелъ его; при этомъ діаметръ свѣтящейся массы началъ увеличиваться, а свѣтъ въ то же время быстро уменьшаться; совершенно же исчезъ этотъ метеоръ черезъ двадцать минутъ, оставаясь неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ неба.

Прежде всего мы должны замѣтить, что въ самыхъ точныхъ описаніяхъ движенія метеоровъ, вѣроятно, заключаются обстоятельства мнимыя или только кажущіяся отъ обмана зрѣнія. Огненные слѣды метеоровъ, на-примѣръ, легко могутъ быть остаткомъ впечатлѣнія въ самомъ главѣ наблюдателя, и если бы въ наблюденіи г. Мелина не сказано было, что скопившійся въ срединѣ свѣтлый слѣдъ оставался глупо четверть часа въ видѣ шара, то мы могли бы усомниться въ дѣйствительномъ существованіи горящаго слѣда и предположить, что и самое сосредоточеніе слѣда было только въ постепенно-ослабляющемъ напряженномъ главѣ наблюдателя. Кстати или нестати, а намъ пришелъ на память анекдотъ. Какому-то начальнику, занимаемому въ присутствіи дѣлами, послышался колокольный звонъ; онъ обернулся съ вопросомъ, что это за звонъ, съ сидѣвшему за переписываніемъ бумагъ мелкому явновнику; но какъ никакого звона вовсе не было, то и получилъ въ отвѣтъ: виновать, ваше прее-

сходительство, это у меня въ ушахъ. Мы думаемъ, что многіе наблюдатели метеоровъ могли бы отвѣчать подобно этому чиновнику, и изъ вѣжливости принять на себя вину въ описанныхъ ими явленіяхъ.

Мы сказали о возможности изслѣдовать составъ метеоровъ, и, конечно, не имѣли въ виду дѣйствительнаго ихъ состава, потому-что метеоры неупомянуты для насъ, ни даже посредствомъ аэростатовъ; но почему бы нельзя было, повторяя искусственнымъ образомъ всѣ обстоятельства какого-нибудь видѣннаго въ атмосферѣ метеора, заключить по аналогіи и о составѣ его? Надобно бы было начать съ собиранія всѣхъ существующихъ описаній кѣмъ-либо видѣнныхъ метеоровъ, потомъ классифицировать ихъ по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ явленія и движенія, отдѣлить подверженныя сомнѣнію, какъ сказано выше, отъ обмана зрѣнія, и, запасшись знаніемъ химіи, общей физики, всего отдѣла объ электричествѣ, магнетизмѣ и гальванизмѣ, наконецъ, знаніемъ атмосфернаго магнетизма и электричества, составлять массы изъ веществъ, натурально, только чисто-химическихъ, а не свойственныхъ поверхности земли. Тогда, подвергая эти массы, могутія и самисобой образоваться въ атмосферѣ, или дѣйствию электрическихъ, магнитныхъ и гальваническихъ приборовъ, или даже вліянію разныхъ агентовъ атмосферы, на-примѣръ, свѣту и теплотѣ солнца и луны, влажности и сухости воздуха, вѣтру, грозѣ и проч., мы можемъ достигнуть до точнаго воспроизведенія всѣхъ обстоятельствъ явленія какого-нибудь метеора. Во всякомъ случаѣ, совершенно-точные или нѣтъ, но эти воспроизведенія метеоровъ безъ-сомнѣнія поведутъ къ счастливымъ результатамъ въ изученіи атмосфернаго электричества и слѣдовательно подвинутъ впередъ отставшій отъ другихъ отдѣлъ физико-естественныхъ наукъ—метеорологію. Подобнымъ же оуктамъ сближенія атмосферной грозы съ элект-

тричествомъ мы обязаны и вышшею теорією грозы.

Г. Ориоли, президентъ Отдѣленія Физическихъ и Математическихъ Наукъ Ученаго Неаполитанскаго Конгресса, сообщилъ недавно Парижской Академіи Наукъ описаніе одного *необыкновеннаго дѣйствія молніи*, случившагося десять лѣтъ назадъ, но бывшаго до-сихъ-поръ неизвѣстнымъ.

9-го октября 1836 года, въ четыре часа тридцать минутъ, страшная гроза разразилась надъ Зантомъ, однимъ изъ іоническихъ острововъ; молнія упала во многихъ мѣстахъ въ городъ и въ окрестностяхъ, и между прочимъ убила одного молодого человѣка, Спиридіона Полити, въ домѣ, стоявшемъ на возвышеніи и окруженномъ виноградниками и масличными деревьями.

Въ тотъ же вечеръ, тѣло Спиридіона Полити было освидѣтельствовано начальникомъ магистрата, графомъ Ландо, въ сообществѣ доктора medico-хирургическаго завтскаго общества Паскала Дакопуло, ассессоровъ суда, нотариуса и многихъ свидѣтелей. Донесеніе доктора Дакопуло, со всѣми законными документами, было передано г. Ориоли, живущему въ Корфу.

Пропуская излишнія подробности, мы будемъ упоминать только о тѣхъ, которыя идутъ къ дѣлу.

Въ одной комнатѣ дома и особенно близь трупа былъ сѣрный и смоляной запахъ (смотри «Отечеств. Записки», декабрь 1846, кн. 12-ю, Смѣсь, статья: «Запахъ отъ тѣлъ, пораженныхъ молніей, точно ли сѣрный запахъ?»). На верхней части одного окна видны были слѣды молніи.

Тѣло Полити лежало на кровати; платье его состояло изъ льняныхъ, бумажныхъ и частію шелковыхъ тканей. На лѣвой ногѣ былъ бѣлый чулокъ, на правой ничего, полусапогъ или ботинокъ лежала на полу распоротю; вся одежда, частію разорванная, казалась обожженною сзади, на спинѣ.

Раздѣвъ несчастнаго покойника, комиссія нашла его на-вѣрнѣе-описаннаго узкимъ полотномъ, въ которомъ находились въ двухъ разныхъ бумажкахъ четырнадцать золотыхъ монетъ: въ бумажкѣ на правой сторонѣ испанская пистоль три гинеи и двѣ полу-гинеи; въ другой, на лѣвой сторонѣ, также одна испанская пистоль, четыре гинеи, одна полу-гинея и два венеціанскіе цехина. Ни монеты, ни бумага, ни полотно не имѣли ни малѣйшаго признака обжога.

На нижней сторонѣ правой ноги рана въ одинъ дюймъ длины заставила предположить, что молнія вошла въ тѣло въ этомъ мѣстѣ. Вся правая нога, заднія части, спина и до затылка имѣли очень темный цвѣтъ, и на всѣхъ этихъ частяхъ кожа была во многихъ мѣстахъ испарана или ссажена. Волосы по всему тѣлу были почти совершенно сожжены, такъ же какъ и рѣсницы, брови и волосы на головѣ, въ-особенности къ затылку. Лицо было покрыто темными пятнами, формой и величиною съ чечевичу.

Но чтѣ было въ этомъ случаѣ необыкновенно и замѣчательно, это, на срединѣ праваго плеча, шесть кружковъ натурального цвѣта кожи, асію отличавшихся отъ окружающаго ихъ потемнѣвшаго цвѣта тѣла. Эти кружки, слѣдуя одинъ за другимъ и касаясь другъ друга въ одной точкѣ, были трехъ разныхъ величинъ и совершенно соотвѣтствовали тѣмъ шести монетамъ, которыя были завернуты на правой сторонѣ пояса.

Если молнія или электрическій токъ, перенесся отъ монетъ пояса (лежавшихъ притомъ одна на другой) къ плечу, сохранила въ себѣ впечатлѣніе ихъ формы и обрисовала близь своето выхода изъ тѣла каждую отдѣльно, то, конечно, это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ дѣйствія электричества. И намъ кажется, что этотъ случай зантересуетъ не однихъ любителей, но и ученыхъ физиковъ, издавъ поводъ къ разнымъ предположеніямъ о дѣйствіи электричества.

товозъ. Почему бы, —мы повторимъ наше замѣчаніе на счетъ явленія метеоровъ, —почему бы не попытаться воспроизвести этотъ случай искусственнымъ образомъ съ сильною электрическою машиною и проводникомъ, заключающимъ въ себѣ равныя монеты или другія вещи?

—
Правительство наше устройемъ санктпетербургско-московской желѣзной дороги показало благодѣтельный примѣръ, — и въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ начали ляться уже мысли, извѣстія и предложенія о составленіи компаній для равныхъ лній. Предметъ этотъ въ общихъ основаніяхъ знакомъ уже всѣмъ, и потому мы не находимъ надобности рас-

пространяться о пользѣ, важности, компанейскихъ выгодахъ и проч. подобныхъ предпріятій, но намѣрены по-временамъ сообщать публикѣ равныя извѣстія, касающіяся этого предмета, которыя почему-либо заслуживаютъ вниманія; извѣстія эти будутъ большею частію касаться подробностей дѣла; но, впрочемъ, не отказываемся переводить и общіе вопросы, смотря по ихъ занимательности и сколько будутъ позволять условія этого отдѣла нашего журнала.

Англія не устаетъ съ желѣзными дорогами; вотъ таблица, показывающая число, протяженіе и стоимость утвержденныхъ въ 1846 году какъ новыхъ дорогъ, такъ и вѣтвей, служавшихъ продолженіемъ старыхъ:

	Число дорогъ.	Длина въ верстахъ.	Сметныя суммы въ руб. сереб.	Средняя стоимость одной версты дороги въ руб. серебромъ.
Англія.	187	4497, ¹⁰⁰ / ₁₀₀	549,254,893 р. 73 к.	} 107,388 р. 87 к.
Шотландія	61	1189 ¹ / ₁₀₀	100.393.341 р. 59 к.	
Ирландія.	22	1020, ¹⁰⁰ / ₁₀₀	70.694,868 р. 43 к.	
Итого	270	6707 ¹ / ₁₀₀	720,343,103 р. 75 к.	

Сюда не вошли еще 174 лній дорогъ, неравноразсмотрѣнныхъ за несоблюденіемъ формъ, отвергнутыхъ предварительной комиссіею и парламентомъ, и такихъ, отъ которыхъ отказались сами просители. При составленіи таблицы принято 1 англ. миля = 1,51 верст.; 1 фунт. стерл. = 6 р. 26 ¹⁰⁰/₁₀₀ коп. сереб.

Запросъ на желѣзо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣна его продолжаютъ возвышаться, и даже Англія не можетъ уже удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Для строящихся во всей Европѣ желѣзныхъ дорогъ, желѣза требуется 6,157,000 тоннъ (383,273,250 пудъ), то-есть, болѣе нежели въ четыре раза противъ всей производимости Англіи (1 ¹/₂ мил. тоннъ, или 93,375,000 пудовъ). Изъ Глазго отъ 29 декабря пишутъ, что цѣна желѣза въ-продолженіе недѣли еще возвысилась до 1 шиллинга на тоннъ.

Электрическія телеграфы сдѣлались принадлежностью желѣзныхъ дорогъ:

поэтому и мы не будемъ отдѣлять ихъ отъ послѣднихъ. На этотъ разъ мы можемъ сообщить только, что въ Англіи открыта новая телеграфическая лнія между Лидсомъ, Нормантономъ, Шеффилдомъ, Дерби, Бермингемомъ и пр. и что по объявленной таксѣ за передачу извѣстій положено: за каждый десятокъ словъ, на каждую милю (1 ¹/₂ версты) по 1 денье (*); если же требуется доставить депешу на домъ, то по одному шиллингу (31 коп. сереб.) на милю. Въ случаѣ несправного доставленія, деньги возвращаются.

Атмосферическія или, правильнѣе, пневматическія дороги общають въ будущемъ успѣхъ. Въ настоящее время, о нихъ не много можно сказать, за

(*) Не знаемъ, что разумѣла редакція газеты «la Presse» подъ денье: старинный ли французскій счетъ, тогда денье = 2 коп. сереб., или англійскій пенни = почти 2 ¹/₂ коп. сереб.

недостаткомъ опытовъ: Сен-жерменская атмосферическая дорога, въролтно, скоро будетъ открыта, и такъ-какъ она устроена при другихъ уже жѣстивыхъ обстоятельствахъ, нежели дублинская, то, безъ сомнѣнія, поведетъ къ новымъ выводамъ и новымъ даннымъ, а слѣдовательно, и къ большей опредѣлительности сравнительныхъ выгодъ этого рода дорогъ. 31 декабря (12 янв. нов. ст.) произведенъ былъ первый опытъ ѣзды по этой новой дорогѣ; сообщаемъ только результаты опыта. Шесть повозокъ, состоявшихъ каждый изъ пяти каретъ и одного *путеводнаго экипажа*, сперва послѣдовательно спускались по скату отъ Сен-Жермена, при скорости 28 километровъ (26½ версты) въ часъ въ туннеляхъ и отъ 40—48 километровъ (37½—45 версты) по выходѣ изъ-подъ втораго туннеля до Визиннѣ. Отъ 8 — 10 минутъ было употреблено для перемѣны механизма на обратный путь, отъ 2 до 3 минутъ на вытѣгиванье воздуха изъ трубы постоянною машинною, находящеюся на другомъ концѣ дороги (вся длина которой 2200 метровъ (2 версты 31 саж.)). Весь обратный ходъ на верхъ по склону въ 0,035 продолжался около 3 минутъ, то есть, со среднею скоростью отъ 43—47 километровъ въ часъ (отъ 40½—44 версты); частныя же величины скоростей были отъ 9 до 15 метровъ (4½—7½ сажень) въ секунду. Не смотря на весьма-достаточную общую скорость, лицамъ, сидѣвшимъ въ каретахъ, хоть и показался недовольно-скоръ — отъ того, что движеніе было совершенно-спокойно, безъ тряски и качки.

Сравненіе желѣзныхъ дорогъ съ каналами — вопросъ хотя еще не рѣшенный, потому-что говорили объ этомъ только жаркіе защитники той или другой системы сообщенія, а не безпристрастныя, опредѣляющее относительныя выгоды каждой, — не рѣшенный, но уже старый, и мы бы не рѣшились никакъ говорить о немъ, еслибы не нашли яснаго доказательства чинами, что желѣзныя дороги, отнюдь не уничтожающія и не замѣняющія каналы въ

Англіи, способствовали такъ, какъ, весьма-чувствительному уменьшенію таксы денежныхъ сборовъ и чиналахъ. Не приводя здѣсь таблицы уменьшенія сборовъ на ипотекъ казначейства, упоминаемъ только, что на канал Grand Junction такса понизилась въ разъ, а между-тѣмъ, акціонеры ее все еще имѣютъ 7% дохода.

Какъ часто случается слышать и обществу толки о паровозахъ, парходахъ и вообще о паровыхъ машинахъ; о знаменитомъ Уаттѣ, даже тогда-то о русскомъ Уаттѣ, который, и словамъ одной газеты, устроилъ такой скрытый въ ящикѣ механизмъ, который стоило только привинтить этотъ ящикъ къ старой уаттовской паровой машинѣ — и она начинала дѣйствовать импозантнѣе и вдвое-скорѣе!.. По мысли многихъ, паровая машина чужды и совершенство; по мысли другихъ, также многихъ, пора замѣнить ее другими двигателями, хоть, напримеръ, электричествомъ... Этими послѣдними мы посовѣтовали бы попробовать замѣнить силу расширенія паровъ-животнымъ магнетизмомъ... право, это ново; мы хотѣли посовѣтовать итти за силу расширенія газовъ при взрывѣ хлопчатой бумаги, но ошиблись: во Франціи кто-то ужъ предпринялъ употребить ее двигателемъ машинъ. Всѣ господа, имѣющіе высокое понятие о паровой машинѣ и съ пристрастіемъ слушающіе иногда разсужденія о силѣ человека, животного, вѣтра, кипящей воды и проч., жестоко ошибаются: они сильнѣе, нежели кто-нибудь, заражены предрасудкомъ, хотя, и видимоу, и слѣдять за глупостями. Англіе, прискливающіе новый движитель въ замѣну силы расширенія паровъ, хотя кажется, будто-бы и свободны отъ этого предрасудка, но вслѣдствіи дѣла хотѣтъ замѣнить одинъ предрасудокъ другимъ. Всему свое время, господа; испробуй двигатель хорошаго сорта по жѣстивымъ обстоятельствамъ это не ново — но мы слишкомъ-было забываемъ старое.

Прежде были собственно такъ-назы-
мые ученые и промышленники, рѣдко
позовавшіеся достоинствомъ наукъ: то
ли двѣ касты, невзаконныя другъ
друзу. Публика, непринадлежащая
къ той, ни къ другой, смотрѣла на
касты съ равнымъ презрѣніемъ,
первую потому-что ученые были
не по уму и не по знавію, на вто-
рую потому-что промышленность была
не по карману, не по силѣ, не по
нраву и не по аристократическимъ
взвѣскамъ. Нашъ XIX вѣкъ по-
нѣлъ новую переходную касту—ин-
женеровъ: инженеро́въ-механико́въ, ин-
женеро́въ-химико́въ, инженеро́въ гор-
но́въ, инженеро́въ кораблестроитель-
но́въ, инженеро́въ желѣзныхъ доро́въ,
роч. и проч. Являются приложения
къ основнымъ наукамъ ко всѣмъ воз-
можнымъ отраслямъ промышленности и
каждой отдѣльно. И намъ кажется,
касса инженеро́въ есть особый
классъ народа, объ образованіи и су-
ществованіи котораго всѣ государства
почти заботятся такъ же, какъ и объ
образованіи помощниковъ ихъ — ма-
стеро́въ каждого промышленнаго дѣла.
Въ главныхъ инженеро́въ найдете по
многочеству во Франціи, мастеровъ
въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ
всѣхъ Америкъ; Россія такъ же на-
зываетъ съ видимымъ усиліемъ обра-
зовывать у себя инженеро́въ; Герма-
нія старается передѣлать прежнихъ
ремесленниковъ пеховыхъ шустеровъ, швей-
царскихъ и пр., въ мастеровъ,
обычныхъ англійскимъ. Не мѣсто
здесь говорить объ основныя науки
любимыя инженеро́въ, необходимыхъ
инженера — скажемъ только, что
инженеръ много долженъ знать и много
умѣть.

Какъ, вотъ ступени равныхъ клас-
совъ народа въ нашемъ положитель-
номъ вѣкѣ: ученый, инженеръ, ма-
стеръ, работникъ, капиталистъ и по-
требитель. Въ сжатой статьѣ мы про-
скажемъ поэта, художника, профессо-
ра, писателя и проч. Но
дѣла дѣлаетъ публика или потре-
битель? Инженеры выступили на по-

прище едва-ли не на зло самимъ-себѣ.
Они явились съ знаніемъ ученыхъ и съ
умѣньемъ промышленниковъ, и притомъ
оказались и по плечу и по карману
публикѣ. Публика, прежде нехотѣв-
шая мѣшаться въ дѣла двухъ старыхъ
кастъ, набросилась на инженеро́въ,
надѣясь отъ нихъ признаться новыми
свѣдѣніями и знаніями, а больше но-
вымъ развлеченіемъ. Появится въ об-
ществѣ инженеръ — со всѣхъ сторонъ
пристаютъ къ нему, прося объясненій
о воздухоплавательныхъ машинахъ, о
паролетахъ, о дорогахъ, о мостахъ и
проч. Со всѣхъ сторонъ скромно наме-
каютъ о изобрѣтенныхъ самими ими,
вопросателями, машинахъ, которыя
должны убить, уничтожить машины,
приспособленныя къ силѣ расширенія
паровъ; со всѣхъ сторонъ кричатъ о
Уаттѣ и его изобрѣтеніи!.. Бѣда, да и
только. Бѣда, если инженеръ избралъ
себѣ какой-нибудь специальный пред-
метъ и, занимаясь имъ только однимъ,
не можетъ удовлетворять любопытству
всесторонней публики; бѣда еще боль-
ше, если инженеръ не занимается спе-
циально никакимъ предметомъ, а хо-
четъ быть собственно-ученымъ инже-
нернымъ литераторомъ. Не правда ли,
что пары,—такъ говорятъ, тогда-какъ
надобно бы сказать сила расширенія
паровъ, — не правда ли, что пары са-
мый лучший двигатель, а паровая ма-
шина самая совершенная машина? Вотъ
вопросъ, который дѣлаетъ инженеру
предразсудокъ. И инженеръ, если хо-
четъ отвѣчать совѣстно, не знаетъ,
что сказать. Отъ-чего лучший? и поче-
му самая совершенная? Всѣ двигатели
хороши; ихъ даетъ намъ природа; упо-
требляйте каждый смотря по обстоя-
тельствамъ и всѣ будутъ хороши; если
у васъ подъ рукою въ деревнѣ есте-
ственное паденіе воды или даже пале-
ніе воды искусственно-собранный, за-
пертой и подпертой, и если притомъ
ваше предпріятіе согласуется съ осо-
бенными обстоятельствами, на-при-
мѣръ, замерзаніемъ воды и проч., то
сила паденія ея для васъ будетъ луч-
шимъ двигателемъ, нежели сила расшире-

ніа водяныхъ паровъ, потому-что дешевле; послѣдній же движитель, — изъ всѣхъ, которыми человекъ до-сихъ-поръ умѣлъ воспользоваться, — есть безъ сомнѣнія сильнѣйшій и, главное, удобнѣйшій: онъ работаетъ круглый годъ, день и ночь, и можетъ помѣститься вездѣ, гдѣ только можно достать воду и топливо; паровыя машины и вѣчно стоятъ, и переносятся, и ѣздятъ... А паровая уаттовская, никакаго давленія машина, отъ-чего же она совершенна? Въ ней, въ самомъ механизмѣ, пропадаетъ даромъ цѣлая четверть силы расширенія паровъ, дѣйствующей на поршень пароваго цилиндра; одинаковаго дѣйствія машины были и прежде Уатта, но мало употреблялись, потому-что не вездѣ были выгодны. Уаттъ, не измѣняя основной мысли механизма ея, только усовершенствовалъ машину, и послѣдствіа оказались необыкновенно-блестящи. Уаттъ самъ видѣлъ явный недостатокъ механизма своего въ томъ, что паръ движетъ поршень цилиндра взадъ и впередъ примовлевно, а механизмъ машины измѣняетъ это движеніе въ коллатеральное, которое болѣе требуется и лучше приспособляется къ дѣйствию; поэтому онъ, какъ и другіе послѣ него, старался придумать другой механизмъ, въ которомъ бы паръ прямо заставлялъ вертѣться предметъ, принимающій отъ него силу; до-сихъ-поръ коллатеральной паровой машины, разумѣется, удобной и выгодной, еще нѣтъ. Въ паровыхъ, на ходу, терлется даромъ три четверти всей силы пара. До 1830 года, были и паровозы, но также оказывались невыгодными; Стефенсонъ, инженеръ ливерпуль-манчестерской дороги, представилъ на конкурсъ свой паровозъ, въ котлѣ котораго, для болѣе-обильнаго образованія пара, было сдѣлано множество проходящихъ сквозь воду и проводящихъ пламя трубочекъ, и съ-тѣхъ-поръ паровозы сдѣлались выгодны для всякой возки по желѣзнымъ дорогамъ; а сколько терлется даромъ силы въ паровозныхъ машинахъ!..

Вотъ лучшій движитель и совершенная паровая машина! Въ дѣлѣ промышленности все лучше, что выгодно, а совершеннаго нѣтъ ничего. Въ природѣ много движителей: физика и механика укажутъ вамъ на нихъ; изъ всѣхъ движителей, которыми промышленность воспользовалась, сила расширенія водяныхъ паровъ есть, безъ сомнѣнія, самый удобный и чаще другихъ, по ходу промышленности нашего вѣка, выгодный; но и другіе движители могутъ быть по обстоятельствамъ выгоднѣе его. Паровая машина слишкомъ сложна; за всякое упрощеніе, разумѣется выгодное, промышленникъ вамъ дорого заплатитъ; коллатеральной паровой машины, можетъ-быть, суждено уничтожить машины Уатта, Вольфа и проч.

Передъ нами лежитъ маленькая статейка журнала «Revue Britannique». Она возбудила въ насъ всѣ тѣ мысли, которые читатель пробѣжалъ теперь. Это — сравненіе лошади съ паровой машиной, приведенное къ одной единицѣ, къ одному грану каменнаго угля и къ одному грану лошадинаго норма (сѣмъ сѣна и овса); промышленникъ знаетъ, разумѣется, еще множителемъ къ этой единицѣ, а именно цѣну того и другаго предмета. Мѣры мы не переводили, потому-что не нашли объясненія, какія мѣры приняты въ произвольной нами статейкѣ, французскія или другія.

Одинъ гранъ каменнаго угля при горѣніи отдѣляетъ столько теплоты, что можетъ возвысить температуру одного фунта воды на 1,634 град. (Фаренгейта или 0,8 град. по Реомюру). Отсюда выводится, что при горѣніи одного грава угля обнаруживается столько живой силы, что она способна поднять 1335 фунтовъ на 1 футъ высоты. Лучшія же корвалісскія паровыя машины, на каждый гранъ угля поднимаютъ только 143 фунта. И такъ, паровыя машины, при всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ механизма, передаютъ только около одной десятой части всей живой силы, обнаруживающейся при горѣніи угля; остальныя девять десятыхъ тратятся

ечи, въ котлѣ и въ самомъ механизированномъ распространеніи теплоты. Шадъ, при выгодномъ ея употребленіи, можетъ поднять въ день на 1 ф. оты 24 милліона ф., съѣдая въ то время 24 ф. корма, что и даетъ 143 на каждый съѣденный гранъ. Изъ того же извѣстно, что каждый фунтъ лошадиного корма (сѣна сѣваса) при горѣніи можетъ возвысить температуру 1 ф. воды на 0,682 градуса Реомюра (или 0,3 по Реомюру), то обнаруживаетъ количество теплоты, соответствующее подниманію 357 на 1 ф. высоты. И такъ, изъ всего качества живой силы, произведеннаго горѣніемъ или вареніемъ корма въ утѣ лошади, съ пользою можетъ быть употреблена машинистомъ одна треть; три четверти терются на поддержаніе животной теплоты. Профессоръ Магнусъ, въ Берлинѣ, утверждаетъ, что кислородъ, выдыхаемый животнымъ, не соединяется съ въю, но вмѣстѣ съ нею достигаетъ оснужьхъ сосудовъ (vaisseaux capillaires), гдѣ соединеніе происходитъ посредствомъ химическаго горѣнія (разложенія) въ некоторыхъ веществахъ, просящихъ воду и углекислый газъ. Въ, поглощая углекислый газъ, догаеъ съ нимъ до легкихъ и тутъ обождаеъ его для выдыханія на духъ. По этой теоріи вся живая сила обнаруживающаяся при этомъ горѣніи или животномъ процессѣ, должна лючаться въ мускулахъ (мышцахъ), органы передають ее внѣшнимъ дѣйствіямъ животного, и въ то же время, изводя треніемъ своимъ теплоту, держивають во всемъ тѣлѣ равноность его температуры. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣло животного, хога и предназначено для многаъ цѣлей, но если смотрѣть на него даже только какъ на дѣятель живую, и тогда окажется совершеннѣе шаго искусственнаго механизма, котормъ человекъ старается обратитъ всѣ силы къ одной только цѣли.

Весь медицинскій міръ занятъ теперь открытіемъ двухъ бостонскихъ зубныхъ врачей, Джаксона и Мортонна; цѣль ихъ—*сдѣлать нечувствительною боль при хирургическихъ операціяхъ*. Способъ этотъ простъ и безвреденъ, такъ что въ Парижѣ произведены уже опыты. Г. Малень, критическій взглядъ котораго не доволъствуетъ никогда фактами недостаточно-испытанными, сообщилъ, 12 января, Медицинскому Академіи результаты пяти опытовъ, котормы онъ сдѣлалъ и изъ которыхъ четыре были удачны. Онъ привелъ весьма-замѣчательный опытъ надъ человекомъ, которму отпили ногу в котормой, какъ онъ самъ говорилъ, чувствовалъ только легкое щекотаніе.

Способъ заключается въ томъ, чтобъ лицо, котормое хотять сдѣлать нечувствительнымъ къ боли, заставить дышать воздухомъ, насыщенный парами *простаго эфира*. По прошествіи двухъ или трехъ минутъ, больнымъ овладѣваетъ родъ охмѣленія, котормое иногда переходитъ въ глубокую летаргію, иногда же причиняетъ ему головокруженіе, неполный обморокъ,—и этого обморока достаточно, чтобъ избавитъ его отъ жесточайшихъ страданій.

Употребляемый при этомъ приборъ состоитъ изъ стеклянки, котормая до половины наполняется кусками губки, напитанной эфиромъ, и имѣетъ два горлышка. Къ одному изъ нихъ приделана стеклянная трубка, погружающаяся до дна сосуда, къ другому прикрѣплена гибкая трубка, оканчивающаяся отверстіемъ столь широкимъ, сколько нужно для того, чтобъ дышать посредствомъ ея. Эта гибкая часть прибора имѣетъ клапаны, котормые такъ устроены, что втягиваемый воздухъ выходитъ изъ внутренности стеклянки, а выдыхаемый не попадаетъ во внутренность ея и уходитъ въ сторону.

Таковы главныя условія выдуманнаго прибора, помощью котораго каждое утро въ парижскихъ госпиталяхъ пробуютъ, по увѣренію изобрѣтателей и г. Малена, усыпить тѣхъ изъ больныхъ, котормые изъявятъ на то согласіе.

13-го января въ *Hôtel-Dieu*, въ де-журство г. Ру, сорокалѣтній мужчина, которому слѣдовало сдѣлать ампутацію ноги, чтобъ остановить антоновъ-огонь, употреблялъ въ продолженіе одной четверти часа эфирный приборъ, не замѣчая значительнаго дѣйствія; онъ вынесъ операцію бодро, но не безъ сильныхъ страданій. Однако изъ этого факта нельзя еще дѣлать вывода, потому-что большой, привыкшій курить, не встанулъ, вѣроятно, эфирныхъ паровъ до легкихъ. Онъ употреблялъ, говорятъ, приборъ такъ, какъ будто бы курилъ трубку.

На другой день сдѣланы были два опыта — надъ мужчиной и женщиной; женщина послѣ нѣсколькихъ вдыханій отказалась продолжать, почувствовавъ невыносимое ощущеніе въ дыхательныхъ органахъ. Что касается до мужчины, сорока-двухъ лѣтъ, привычнаго къ значительному употребленію вина и крѣпкихъ напитковъ, то хотя онъ смѣло употреблялъ приборъ, однако эфирные пары не произвели на него никакого дѣйствія.

Въ тотъ же день дѣлали опытъ надъ больничнымъ служителемъ, мужчиной лѣтъ 20, привычнымъ къ употребленію крѣпкихъ напитковъ; онъ охотно поддавался вліянію эфирныхъ паровъ и скоро впалъ въ обморокъ. Очнувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ увѣрялъ, что не вполне потерялъ память и только не могъ разобрать всего, что вокругъ него происходило. Онъ говорилъ, что еслибъ въ это время задумали отнять ему руки и ноги, то онъ не почувствовалъ бы ничего.

Въ это самое время, на другомъ концѣ Парижа, г. Ложбѣ, запасшись приборомъ, дѣлалъ опыты въ Божонскомъ Госпиталѣ надъ больными, которые приходили рвать себѣ зубы. Безъ всякой боли выдернули съ корнемъ коренной зубъ женщинѣ, которая, начавъ вдыхать эфиръ, сперва почувствовала отвращеніе, но потомъ мало-по-малу приучила дыхательные органы свои къ вдыханію эфирной смѣси. Многіе студенты пробовали то-

гда же впадать въ это временное ослѣпленіе; всѣ они говорятъ о трудности вдыхать до легкихъ газообразную смѣсь, отъ которой возмущаются гортань (*l'aggrège-bouche*) и глотка (*l'arynx*); всѣ они болѣе или менѣе чувствовали удушье, невольное истеченіе слезы, жгучее, напряженное ощущеніе въ слизистой перепонкѣ, раздраженной непривычнымъ для нея прикосновеніемъ. Но только двумъ или тремъ удалось добиться до обморока. Изъ сдѣланныхъ опытовъ должно, кажется, заключить, что вдыханіе паровъ простаго (сѣрнаго) эфира различно дѣйствуетъ на разныхъ лица. На однихъ вліяніе эфира совершенно-незамѣтно, по причинѣ ихъ сложенія, или отъ неумѣрнаго употребленія нѣ алькоольныхъ напитковъ. Болѣе-восприимчивые впадаютъ въ ослѣпленіе, болѣе или менѣе полное, если въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ подышать воздухомъ, насыщеннымъ эфиромъ; иные не могутъ вывести этого средства отъ слишкомъ-сильнаго вліянія паровъ на слизистыя перепонки.

Во всякомъ случаѣ, при дѣланіи нѣкоторыхъ весьма замѣчательныхъ опытовъ, не должно забывать, что пары эфира, соединяясь съ воздухомъ, составляютъ самую опасную гремучую газообразную смѣсь. Если банку съ эфиромъ оставить незакупоренною, то изъ нея выходятъ потоки паровъ, которые невидимо текутъ по банкѣ, по столу на полъ и каждую минуту могутъ вспыхнуть, если близко, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, находится огонь. Если, по несчастію, огонь сообщится этому эфирному облаку, то произойдетъ взрывъ не только въ точкѣ сопрякосновенія, но сообщится и стеклянѣ, которая лопается; заключающася въ ней горючая жидкость летитъ во всѣ стороны и производитъ опустошенія, болѣе или менѣе значительныя, смотря по количеству эфира.

Поэтому, если принять въ соображеніе, что вдыхаемый больнымъ, предназначеннымъ къ операціи, воздухъ, смѣшанный съ парами, есть эта самая

ремучая сѣсь, что при операціяхъ коло хирурга держать зажженные свѣи, что больничные служители часто прохоятъ мимо съ огнемъ,—то можно представить себѣ судьбу больнаго, еси огонь сообщится выходяему воздуху: тогда произойдетъ внезапно нагоящій взрывъ, сообщится внутрь руки, разорветъ дыхательные каналы до самыхъ развѣтвленій и, въ буквальномъ смыслѣ, взорветъ въ клочки амые необходимыя для существованія раны.

Картина эта ни чуть не преувеличена; въ ней вѣрно изображенъ очень извѣстный феноменъ, перенесенный внутрь человеческой машины, гдѣ не рывыкли видѣть его явленія; но онъ ожетъ осуществиться, если не побегутся.

Съ крайнимъ отвращеніемъ должно вышать слухи о всякомъ изобрѣтеніи, оторое имѣетъ цѣлю распространять въ общественной жизни употребленіе орочихъ жидкостей. Ээира особенно злобно бояться. Въ лабораторіяхъ, дѣ обращаются съ нимъ опытные руки, онъ только по-временамъ бываеъ причиною печальныхъ событій; то же будетъ, если станутъ неосторожно употреблять его въ госпиталяхъ, въ дежурныхъ и на аптекарскихъ ученикахъ, которые имѣютъ надлежащія ознавія, лежитъ обязанность—соблюать во всѣхъ отношеніяхъ величайшую осторожность при дѣланіи этихъ вытовъ, которые сами-по-себѣ весьма хвальны.

Обращаемся снова къ взрывистой юпчатой бумагѣ, и сообщаемъ нашимъ читателямъ послѣднія извѣстія, относящіяся до взрывистыхъ азотистыхъ веществъ. Постараемся изложить только конечные результаты многихъ опытовъ, которыми наполнены запущенскіе газеты и журналы, вовсе упоминавая объ отдѣльныхъ изысканіяхъ, часто невѣрныхъ и вообще о интересныхъ для лицъ, не посвя-

тившихъ себя специальному изученію химіи.

Всякому извѣстно, какое великое дѣло опыты въ наукѣ естествознанія; худо придуманный или не отчетливо исполненный опытъ всегда влечетъ за собою величныя заключенія, и если экспериментаторъ не сѣумѣетъ отдѣлить многихъ представляющихся при опытѣ частныхъ отъ существенно-важныхъ фактовъ, тогда, конечно, онъ выведетъ такіе законы, которыхъ природа никогда не представляла и никогда не будетъ представлять. Сколько и у насъ на Руси авторовъ, писавшихъ и теперь пишущихъ совершенно не понимая, что они пишутъ и для кого, пишутъ; видно, что въ ихъ головы мысль никогда и не заглядывала. Эти чужездныя кричатъ и о порохѣ, и о Леверьѣ, и о переворотахъ земнаго шара, — а посмотришь — такъ имъ шаръ земной потому только и извѣстенъ, что они топчутъ его съ утра до поздней ночи. Эти чужездныя кричатъ объ электричествѣ, пароходствѣ, устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, аэростатахъ и проч., и проч., а на дѣлѣ выходятъ, что имъ электрическая машина и барометръ звачомы только по вывѣскамъ физико-механиковъ, экономическіе же вопросы—по воспоминавіямъ старинныхъ учебныхъ стлтистикъ; да и о чемъ не кричатъ эти чужездныя! у нихъ всегда дѣло идетъ объ общихъ законахъ, которые они вставляютъ какъ общія мѣста, а иногда прочтешь такой физическій законъ, что волосы дыбомъ становятся и глазамъ не вѣришь. Такіе авторы имѣютъ свой кружокъ читателей — поклонниковъ и пользуются у нихъ авторитетомъ; на нихъ нѣтъ никакой апелліи; попробуйте возражать—и авторы и кружки ихъ загомятся, какъ муравьи въ разрытой кучѣ, или облепятъ васъ какъ шмели въ жаркое лѣто. Потолковали, на-примѣръ, и о новомъ порохѣ,—потолковали, да и замолчали, а наука идетъ впередъ, и хотя медленно, но ползаетъ дѣло по голословнымъ фразамъ, а фактически, опытомъ. Вотъ, на-примѣръ, хоть-бы

теперь, разные опыты многих химиков привели уже къ анализу взрывистой хлопчатой бумаги и ксилоидина.

Г. Пелигò (Peligot) сообщилъ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ изысканій относительно состава взрывистой хлопчатой бумаги. Химическая формула обыкновенной хлопчатой бумаги есть $C^{12} H^{10} O^{10}$ (*) (по Пайену). Г. Пелигò показалъ, что хлопчатая бумага, въ прикосновеніи съ азотною кислотою, теряетъ одинъ эквивалентъ воды, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаетъ три эквивалента азотной кислоты, а потому можетъ быть выражена формулою: $C^{12} H^9 O^9 N^3$ (**). Авторъ замѣчаетъ, что азотистая хлопчатая бумага, какъ по составу, такъ и по свойствамъ своему различается отъ ксилоидина г. Браконнод. Анализъ г. Пелуза показалъ, что при обработкѣ крахмала азотною кислотою, одинъ эквивалентъ воды замѣщается однимъ эквивалентомъ азотной кислоты, которая, соединяясь съ однимъ эквивалентомъ крахмала, даетъ ксилоидинъ. Что же касается до свойствъ взрывистой хлопчатой бумаги, то г. Пелигò говорить, что надлежащимъ образомъ обработанная хлопчатая бумага ни въ какомъ случаѣ не должна давать остатка послѣ сгорания, потому-что количества кислорода, находящагося въ азотной кислотѣ взрывистой бумаги, достаточно для обращенія углерода въ углекислоту и окись углерода, а потому въ продуктахъ отъ разложенія взрывистой хлопчатой бумаги, при ея сгараніи, должны получиться: окись углерода, углекислота, азотъ и вода. Всѣ эти продукты, при высокой температурѣ, какая бываетъ при воспламененіи хлопчатой бумаги, освобождаются въ газообразномъ состояніи. Ко всѣмъ сказаннымъ заключеніямъ г. Пе-

лигò былъ приведенъ результатъ своего анализа.

Впрочемъ, въ послѣднихъ французскихъ газетахъ пишутъ, что Кейтера (Keuter) и Ванкеркнофъ (Vankerkhoff) также анализировали хлопчатобумажный порохъ и получили для него химическую формулу, отличающуюся отъ формулы Пелигò. По изысканіямъ Кейтера и Ванкеркнофа оказалось, что въ составъ новаго пороха входятъ: $C^{12} H^{10} O^{10} N^3$; но такъ-какъ авторы не упомянули о приѣмѣ, употребленномъ для разложенія, и не описали различныхъ подробностей своего анализа, который, впрочемъ, они намѣрены вскоре опубликовать, то мы и не будемъ теперь входить въ дальнѣйшій разборъ ихъ изслѣдованій. Можно, однако же, полагать, что и въ послѣднемъ случаѣ, при сгораніи взрывистой хлопчатой бумаги, образуются тѣ же продукты, какіе опредѣлилъ Пелигò.

Здѣсь кстати замѣтить, что новый порохъ есть только видоизмѣненіе стараго. Въ-самомъ-дѣлѣ, при сгораніи обыкновеннаго пороха, который состоитъ изъ сѣры, селитры и угля, между прочими продуктами газообразнаго состоянія, образуется еще твердое тѣло—сѣрнистый калий. Здѣсь сѣра соединяется съ калиемъ селитры въ самый моментъ сгоранія пороха. Что же происходитъ при приготовленіи новаго пороха? въ него сѣра не входитъ, а потому при воспламененіи не образуется сѣрнистаго калия; но за то когда получается азотная кислота, ретортѣ остается сѣрно-кислая масса. И такъ, вся разница между новымъ и старымъ порохомъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ мы соединяемъ сѣру въ видѣ сѣрной кислоты, съ калиемъ, прежде разложенія самого пороха, а во второмъ, сѣра соединяется съ калиемъ въ моментъ самаго разложенія пороха на составныя части. Въ этой разности надобно также искать причину, почему новый порохъ, сгарая, не даетъ дыма, ни дурнаго запаха и не оставляетъ остатка.

(*) С означаетъ углеродъ, Н—водородъ, О—кислородъ. Числа поставленныя надъ буквами означаютъ эквиваленты.

(**) N означаетъ азотъ, NO^3 — азотная кислота.

Свойства взрывистой хлопчатой бумаги прямо зависят отъ способа ея работы. Въ этомъ отношеніи, намъ жутся интересными опыты Менара (Ménard) и Флорé-Домонта (Flogés-Domte), которые нашли, что взрывистая бумага совершенно нерастворима въ чистомъ эфирѣ; одинъ граммъ этой бумаги, находясь въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ въ эфирѣ, вскорѣ не уменьшился въ своемъ вѣсѣ; но гла къ эфиру было прибавлено малое количество обыкновеннаго прожиаго спирта, то хлопчатая бумага цувалась и принимала видъ жидкой олы; самая же жидкость, въ которой оксидило раствореніе, содержала себѣ густую слязь, сходную съ расэраннымъ ксилондиномъ. Когда расэръ промыли водою, то получили рючее вещество, но которое не облау уже свойствомъ необыкновенностраго воспламенѣнія, какъ то присываютъ хлопчато-бумажному пороу, обработанному только азотною кнтою или смѣсью азотной кислоты и рной. Нѣкоторые экземпляры взрывистой хлопчатой бумаги были совершенно растворены въ смѣси эвир и ирта, однако взрывистая хлопчатая мага растворялась всегда медленно, и въ днѣ сосуда только поланно получался осадокъ, который, рочемъ, отчасти растворялся, когда возобвляли смѣсь эвир и алькоола.

Мы упоминали уже о приложеніи опчато-бумажнаго пороха къ взрыву скаль, и сообщили, въ прошломъ сяцѣ опыты гг. Комба и Фландера, а же преимущество хлопчато-бумажго пороха предъ обыкновеннымъ, къ относительно силы, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ послѣднее емя, Комбъ и Фландеръ предложили отреблять новый порохъ въ каменнвалхъ, гдѣ олъ представить еще то кное удобство, что тогда работы мотъ идти безостановочно, междуъ, какъ при употребленіи обыкновеннаго пороха для той же цѣли, раты часто прерываются отъ сильнаго

дыма, особенно, если олъ производятся не подъ открытымъ небомъ.

Докторъ Уурчъ и Ванкеркнофъ подъ микроскопомъ изучали строеніе обыкновенной хлопчатой бумаги и пироксиллина, и, не смотря на чрезвычайную разность этихъ веществъ въ химическомъ отношеніи, не замѣтили ни малѣйшей разницы въ физическомъ строеніи этихъ тѣлъ, даже и въ то время, когда на блюдали самый процессъ образованія пироксиллина изъ хлопчатой бумаги.

Недавно г-нъ Сальмонъ предложилъ новый способъ приготовления взрывистой хлопчатой бумаги. Олъ замѣчаетъ, что способъ обработки хлопчатой бумаги, предложенный Годеномъ и состоящій въ предварительномъ обжиганіи хлопчатой бумаги и погруженіи ея въ смѣсь крѣпкой сѣрной кислоты и азотистаго потассія, представляетъ большія несовершенства; бумага, обработанная этимъ способомъ, по сгорѣніи, оставляетъ значительное количество угля, слабо дѣйствуетъ, а потому для заряда должно употреблять ее въ значительномъ количествѣ. Сальмонъ совѣтуетъ приготовленную такимъ образомъ бумагу, просушить, погружать на одну или двѣ минуты въ насыщенный горячій растворъ хлористаго потассія; тогда, говоритъ авторъ, получается взрывистая бумага, которая воспламеняется съ чрезвычайною быстротою, освобождая въ то же время значительную теплоту. Такая бумага даетъ весьма-малое количество угля, который при воспламенѣніи уносится другими газами, а потому она не оставляетъ никакого остатка въ дулѣ ружья.

Между прочими извѣсканіями относительно состава взрывистыхъ веществъ, намъ кажутся болѣе интересными опыты г. Годена, произведенные въ новѣйшее время и изложенные въ письмѣ автора къ Шайену. Вотъ къ чему состоятъ эти опыты. Годенъ говоритъ, что при обработкѣ хлопчатой бумаги одною азотною кислотою или смѣсью азотной и сѣрной кислоты, но

лучаются два совершенно-различные продукта: одинъ изъ нихъ не растворимъ въ эфирѣ, другой — пироксилитъ, легко въ немъ растворяется, а потому г. Годенъ предлагаетъ послѣдній продуктъ называть *этерзилиномъ* (*l'éterziline*). Этотъ второй продуктъ почти всегда происходитъ при обработкѣ хлопчатой бумаги смѣсью селитры и сѣрной кислоты. При дѣйстви теплоты, онъ оказываетъ въ высшей степени электрическія свойства, и въ этомъ отношеніи похожъ на бумагу, о которой упоминалъ Шёнбейнъ. Сухой растворъ пироксилита, будучи въ кускѣ, принимаетъ видъ перламутра, и въ послѣдствіи, вѣроятно, покажетъ весьма любопытныя оптическія свойства, какъ и полагаетъ Годенъ. Если бумагу, несодержащую въ себѣ клея, нажитать растворомъ пироксилита въ эфирѣ, потомъ высушить, нагрѣть и сдавить рукою, то она наэлектризуется, такъ что притягиваетъ легкія тѣла, находящіяся отъ нея на разстояніи пяти сантиметровъ. Кромѣ окрашенныхъ свойствъ, такая бумага плотна какъ пергаментъ и прозрачна. Итакъ, тайна шёнбейнова открытія, если и не совершенно разгадана, то, вѣроятно, въ скоромъ времени разгадается; по-крайней-мѣрѣ, первый шагъ уже сдѣланъ, — подождемъ послѣдствій.

Въ одномъ изъ заведеній Лондонскаго Археологическаго Института, г. Гудсонъ Торнеръ недавно читалъ диссертацию о *чеканномъ искусствѣ* въ Англіи, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. По его мнѣнію, весьма-интересно и даже необходимо было бы составить описательный каталогъ всѣмъ названіямъ, подъ которыми извѣстны въ коммерціи произведенія чеканнаго и черневого, а также филиграннаго искусства, сохранившіяся со времени среднихъ вѣковъ; это тѣмъ больше нынче необходимо, что произведенія этого любопытнаго искусства необыкновенно-разнообразны. Существуютъ

же во всей Европѣ, говоритъ г. Торнеръ, названія *opus Saracenicum*, *opus Graecum*, *opus Veneticum*, *opus Turanicum*, *opus Cyprense*, и т. д., между-тѣмъ и въ сѣ произведенія англійскаго искусства включены въ одно собирательное имя *opus Anglicum*. Подробная классификація не только была бы интересна для антикваріевъ, но и безъ всякаго сомнѣнія пролила бы большой свѣтъ на исторію торговли сношенія народовъ въ самые ранніе времена англійской исторіи. Искусство чеканное и черневое вошло въ употребленіе въ Англію тогда, когда епископомъ кентербѣрійскимъ былъ сдѣланъ, въ VII столѣтіи, Теодоръ, римскій Грекъ. Вместе съ нимъ пріѣхало въ Англію много Грековъ, и они-то внесли въ свое новое отечество моду на эти роскошныя произведенія, которыми въ то время такъ славилась Греція. Въ эти времена, лица высшаго думства, достигнувъ самыхъ почетныхъ мѣстъ духовной іерархіи, не переставали заниматься тѣмъ дѣломъ, которымъ занимались бывъ простые монахи. Такимъ-образомъ, св. Агустинъ въ Англіи, или св. Эдуа, епископъ нойонскій во Франціи (жившій въ концѣ VI столѣтія), занимались по своимъ работамъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Вместе съ прибывавшими изъ Греціи и Азіи духовными лицами, которыя, имѣя въ виду благополучіе церковныхъ утварей и всего церковнаго убранства (какая господствовала въ всей восточной христіанской церкви, старались и въ Европѣ завести то, къ чему уже давно привыкли; вместе съ этими лицами, или въ одно съ ними время, прибывали иностранцы, или возвращались домой Европейцы, отправлявшіяся поклониться гробу Господню и во время своей жизни въ странахъ востока, привыкшія къ предметамъ роскоши, которыхъ никто и не подозрѣвалъ тогда въ Европѣ. Римъ былъ тоже мѣсто святое; отправлялись, по-крайней-мѣрѣ, въ Римъ, куда, конечно, всякаго сарди дивилизація доходила раньше, чѣмъ

кула-шбудъ ва сѣверъ, въ Англію. — и такими-то разнообразными путями, но во всякомъ случаѣ, въ-слѣдствіе первоначальныхъ религіозныхъ цѣлей, въ Англіи завелась роскошь и мода на всякія узорчатыя и хитро-вытканныя работы изъ драгоценныхъ металловъ. Нынѣче въ Ирландіи есть богатое собраніе рѣдкостей этой же работы, и большая часть изъ нихъ представляетъ превосходные образцы употребленія той металлической смѣси, которую итальянскіе художники называли *niello*, а всего примѣчательнѣе, что въ Ирландіи знали это искусство и его техническіе способы гораздо раньше времени Фивигуерры и знаменитыхъ флорентинскихъ ювелировъ, какъ доказалъ это графъ Чиконьяра, сочиненіе котораго *Sur les Nielles* считается лучшимъ по атому предмету. У общества ирландскихъ антикваріевъ есть *stylus*, какинъ прежде писали на юсковыхъ дощечкахъ: онъ серебряный, и у него макушка прекрасно отдѣлана подъ чернь, а онъ относится ко временамъ Норманновъ или даже Саксонцевъ. Не меньше достойны вниманія въ ирландскомъ собраніи бронзы, употребленныя на украшеніе надгробныхъ монументахъ: онъ не только примѣчательны даже по рисунку (разумеется, говоря относительно), но еще по особенному искусству гравированія, соединенному съ тонкостями эмальернаго искусства. Жалуясь на недостатокъ ученой номенклатуры и классификаціи, г. Торверъ говоритъ, что для обозначенія этихъ любопытныхъ произведеній англійскихъ среднихъ вѣковъ, кромѣ названія *opus Anglicum* есть только еще одно видовое названіе: *opus Donolmeuse*, и, какъ кажется, подъ этимъ именемъ должно разумѣть чеканную и филигранную работу дѣржавскихъ монаховъ, стиль которыхъ много приближается къ стилю ирландской чеканки. Но въ названіяхъ этихъ нѣтъ еще строгой опредѣлительности; мало того, очень-часто смѣшиваютъ произведенія въ-самомъ-дѣлѣ англійскія съ произведеніями во-

сточными, между-тѣмъ, какъ не только теперь, но и въ тѣ времена, когда эти вещи употребляли въ-самомъ-дѣлѣ, а не держали, какъ нынѣче, въ археологическихъ шкафахъ для того, чтобъ о нихъ спорить и толковать — дѣлали величайшія различія между дожорошеннымъ и привознымъ. всегда найдете, что непременно помануто, какая именно работа; такъ, на-примѣръ, въ списокѣ подарковъ (хепіа) Генриху III-му отъ восточныхъ рыцарей храма, именно сказано: два *турецкіе* лука съ кожаными тетивами, двѣ желѣзныя булавы *саррацинской* работы. Ужь и то довольно-удивительно, что въ XIII-мъ столѣтіи знаютъ равницу поколѣній; но въдѣ этотъ примѣръ и многіе другіе показываютъ, сверхъ-того, что умѣли отличать и разные стили работы. Между-тѣмъ, частыя ссылки на Грецію и упоминаніе о ней во всѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ только говорится о чеканномъ и филигранномъ искусствѣ — а подобнаго рода упоминанія очень-часто встрѣчаются въ рыцарскихъ романахъ, гдѣ съ полною подробностію описывается каждая часть вооруженія съ приличными комментаріями — ссылки на Грецію совершенно сходятся съ тѣмъ фактомъ, что въ средніе вѣка Греція дѣйствительно была родиной, изъ котораго текли на грубую отесывавшуюся Европу потоки *живой воды*, несшіе съ собою всѣ начала просвѣщенія, изящныхъ и ремесленныхъ искусствъ. Генрихъ III и Эдуардъ I стали употреблять въ большомъ количествѣ уже выучившихся *своихъ* мастеровъ, и однимъ изъ любопытныхъ остатковъ того времени служить выбивной съ выпуклостями желѣзный ящикъ, который, какъ чахолъ, покрываетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, недавно покрывалъ, въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, памятникъ королевы Элеоноры, супруги короля Эдуарда, слѣдовательно, относится къ XIV - му столѣтію. Этотъ ящикъ недавно стащили съ его мѣста, и онъ теперь ржавѣтъ-себѣ гдѣ-то въ подвалахъ аббатства. А между-

тѣмъ, онъ, кажется, стоилъ бы большаго почтенія, потому что, по увѣренію г. Уиллента, онъ наврядъ ли хуже знаменитой работы подобнаго же рода въ Notre Dame, — а г. Торнеръ неопровержимо ясно доказываетъ, что памятникъ этотъ средневѣкаго англійскаго искусства еще больше, чѣмъ по эстетическимъ и техническимъ причинамъ, долженъ быть близокъ сердцу англійскаго археолога: онъ произведение нѣкоего англійскаго кузнеца Адама Лейтона, изъ Бедфорашейра, которому и заплачено-то было за него 12 фунт. стерлинговъ, т. е. на нынѣшнія деньги 180 фунт. стерлинговъ.

Въ заключеніе своей диссертациа, г. Гудсонъ Торнеръ изъявилъ надежду, что, вѣроятно, лучшая судьба ожидаетъ этотъ многострадаальный ащикъ, — новый деканъ есть теперь у Вестминстерскаго Аббатства...

Въ Лондонскомъ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ г-нъ Джексонъ недавно читалъ разсужденіе о различныхъ способахъ изображенія на топографическихъ картахъ возвышенностей странъ. Сколько ни желательно, чтобы неправильныя поверхности страны были съ совершенною полнотою представлены на картахъ, сколько ни старались усовершенствовать эту отрасль географіи, до сихъ-поръ еще не нашли настоящаго способа представлять на плоской поверхности всѣ возвышенности какой-нибудь страны такъ, чтобы, удовлетворяя глазу, вмѣстѣ съ тѣмъ соблюсти и геометрическую точность. Самые первые составители картъ чувствовали всю важность изображенія горныхъ цѣпей, но не умѣли сдѣлать ничего лучше, какъ рисовать эти горы на картахъ въ профиль или въ вертикальномъ разрѣзѣ, при чемъ всетаки старались придать имъ что-то въ родѣ перспективности, обыкновенно оттушевывая правую сторону каждой отдѣльной горы; такъ продолжалось до нашихъ временъ: стоить только вспомнить карты Давидла, Ренвеля,

Палласа и т. д. Очень-неудавно принять способъ изображенія горъ въ горизонтальномъ сѣченіи сверху (*à vol d'oiseau*), растущевылая какъ вздувается, что, впрочемъ, нѣсколько показываетъ сравнительную вышину возвышенностей. Зато больше нечего ожидать отъ географическихъ картъ; наврядъ ли для нихъ возможно еще какое-нибудь усовершенствованіе, а только отъ топографическихъ или орографическихъ картъ можно надѣяться вѣрнаго изображенія возвышенностей страны. Вмѣсто того, во многихъ государствахъ топографическія карты больше ничего, какъ живописныя изображенія неправильныхъ поверхностей посредствомъ тѣни и свѣта (предполагается, что свѣтъ идетъ по углу 45° съ лѣвой стороны и тѣнь падаетъ гуще не соотвѣтственно склону горы, а только соотвѣтственно общей вышинѣ горы). Вотъ и все. Эта метода употребляется в до-сихъ-поръ въ военно-топографическихъ картахъ; конечно, изъ числа ихъ есть много красивыхъ, особливо карта Сардиніи генерала Мармора. Первый примѣръ улучшенія топографическихъ картъ подавъ курфирстъ саксонскій, который между 1770 и 1780 годами приказалъ составить карту своихъ владѣній; употребленные на то инженеры должны были сзискать методу, которая бы хоть нѣсколько приближалась къ математической точности. Они начали съ того, что не стали больше предполагать вліяніе свѣта съ лѣвой стороны, а сдѣлали сверху, — какъ оно всегда бываетъ въ дѣйствительности: отъ-этого совершенно-горизонтальная поверхность будетъ есл освѣщена, между-тѣмъ, какъ всякая скала или гора не будетъ поучать примаго свѣта, и всѣ постепенно-сти между этими двумя крайностями будутъ освѣщены больше или меньше, такъ-что постепенно-сти тѣней будутъ возможность съ точностью означить всю волнистость почвы. Сочиненія объ этой методѣ выходили еще въ 1797 и 1799 годахъ (Бакенбергъ и Леманъ), но только въ 1811 году издали

въ Дрезденѣ профессоромъ Фишеромъ посмертное сочиненіе Лемана, признанное образцовымъ.

Уголъ 45° принять за самую большую степень наклоненія почвы, по законамъ тяготѣнія, и потому, онъ названъ естественнымъ склономъ въ этой системѣ. Но г. Джексонъ не признаетъ этого положенія и утверждаетъ, что самый большій уголъ наклоненія бываетъ въ 60° (какъ это доказываютъ сложеныя геометрическою фигурою ядра), и что подъ этимъ угломъ самая подвижная почва можетъ держаться однимъ тяготѣніемъ. Равноѣрно г. Джексонъ не согласенъ и со вторымъ положеніемъ этой системы, что единственный склонъ въ 45° долженъ быть представляемъ совершенно-чернымъ, а чисто-горизонтальная поверхность совершенно-бѣлою, такъ-что постепенности тѣней должны выражать всѣ постепенности между этими двумя крайностями почвы. Это положеніе г. Джексонъ называетъ произвольнымъ, или по-крайней-мѣрѣ одностороннимъ, —потому, что если смотрѣть сверху, глазъ получаетъ такое же количество свѣта отъ предмета подъ 5° , какъ отъ предмета подъ 45° , и что вертикальное освѣщеніе находится въ совершенномъ отношеніи съ косинусами угловъ, что совершенно-противоположно системѣ Лемана. На самомъ дѣлѣ, освѣщеніе угла 60° , на-примѣръ, равно половинѣ освѣщенія горизонтальной плоскости, а по системѣ Лемана освѣщенія этого и выразить нечѣмъ, потому-что уголъ 45° вездѣ равноѣрно лишенъ свѣта. Для избѣжанія этихъ и другихъ несовершенствъ лемановой системы, можно было бы, конечно, взять 90° за тахішимъ, но съ этимъ соединены другія своего рода неудобства, а особливо то, что постепенныя различія склона, отдѣляясь каждое пятью градусами (какъ принялъ и Леманъ, вмѣсто прежнихъ 3°) будутъ уже не такъ яственно различаемы по причинѣ недостатка рѣзкости тѣней. Пожалуй, скажутъ: возьмите постепенность 10° ; но именно 5° имѣютъ здѣсь великую важ-

ность: тахішимъ склона для повозокъ 7° или 8° , для вьючваго скота 15° или 16° , и самый крупный склонъ съ насѣченными ступенями можетъ быть только въ 35° . Изъ трехъ системъ, въ 45° , въ 60° и въ 90° , г. Джексонъ признаетъ за лучшую систему въ 60° съ постепенностью 5° .

Итакъ, система Лемана скорѣе искусственна, чѣмъ естественна; но, какъ математическая, она лучше системы просто произвольной, потому-что, во-первыхъ, постепенность тѣни и свѣта опредѣляется градусами; во-вторыхъ, штрихованныя линіи направленіемъ своимъ показываютъ горизонтальную проекцію кривизны самаго большаго склона. Вмѣстѣ съ горизонтальными протяженіями, эти двѣ данности совершенно-достаточны для полученія вѣрной профили, разумѣется, если все было нарисовано съ математическою точностью; и если чего-нибудь будетъ не доставать этой системѣ на практикѣ, то именно требуемой математической точности.

Г. Дуайеръ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Общества Декоративнаго Искусства, читалъ разсужденіе о томъ, какъ должны быть внутри расположены и украшаемы театры. Существующіе донынѣ театры, по его мнѣнію, не представляютъ для каждаго изъ зрителей всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыхъ каждый въ правѣ для себя требовать, потому-что каждому должно быть столько же спокойно и удобно въ театрѣ, какъ у себя въ гостиной. Но на это не обращено достаточнаго вниманія, и особливо мѣшаетъ всему общепринятая форма подковы. Ужь, кажется, сколько столѣтій люди ходятъ въ театръ, а до-сихъ-поръ не могли сообразить, какъ чему быть, и одному приходится плохо слышать, другому плохо видѣть, у нѣаго послѣ театра болятъ глаза отъ особенно-удачваго расположенія свѣта, иной долженъ до половины тѣла высовываться изъ ложи, чтобы увидѣть малую толку; но все это въ

родѣ вещи посторонней и считается, что соблюдена польза и удобство. потому что въ самомъ маломъ пространствѣ успѣли засадить множество народа. Г. Дуайеръ полагаетъ, что у древнихъ было гораздо-лучше съ нихъ циркулюющею и полудиркульною формами, и что ужъ много выигрываетъ Друриленскій Театръ, который до известной степени приближается къ манерѣ устройства древнихъ театровъ. «Вѣдь кажется», говоритъ г. Дуайеръ: «простая была вещь замѣтить, какъ превосходно распространяется звукъ въ туннеляхъ, въ проходахъ со сводами и въ длинныхъ, изогнутыхъ пространствахъ, такъ, что совсѣмъ-явственно на отдаленіи можно слышать даже шопогъ, — стоило бы замѣтить это, и, крѣпко держась за эти данныя, выискать настоящіе законы устройства театровъ. Такъ нѣтъ же, англійскіе театры построены всѣ на ало акустикѣ; для всякой вещи можетъ быть только *одина* законъ, а что ни театръ, то новое устройство просцениума, и, слѣдовательно, что ни театръ, то иначе и слышишь все, что говорится и поется; нѣтъ двухъ театровъ, похожихъ одинъ на другой, точно такъ, какъ-будто нѣтъ никакихъ законовъ для нихъ построенія. Для того, чтобъ актѣрамъ была возможность быть слышимыми безъ особенныхъ напряженій и усилій, г. Дуайеръ предложилъ теорію акустическаго устройства, которая заключаетъ въ себѣ основанія, содержащіяся въ двухъ самыхъ обыкновенныхъ орудіяхъ звука — колоколѣ и скрипкѣ. Эта теорія состоитъ въ томъ, чтобъ на сценѣ устроить двѣ колоколообразныя кривыя поверхности, которыя бы расходились не меньше, какъ на 8 футовъ къ сторонамъ театра; каждая изъ нихъ должна состоять изъ двухъ деревянныхъ толщій, отстоящихъ одна отъ другой на 6 дюймовъ. Та, которая спереди, можетъ быть устроена въ видѣ орнаментовъ съ отверстиями, такъ что разомъ будетъ принимать и распространять внутри себя въ равной степени звука, производимые близъ нея. Все

же возвышеніе должно образовать арку также съ пробоями декорированными, что будетъ передавать съ хорощими резонасомъ слова или музыку во всѣ концы залы. Для потолка, г. Дуайеръ предложилъ форму сферическую или сфероидальную, такъ, чтобъ они притомъ могли быть поддерживаемы желѣзными ребрами, между которыми пустыя пространства можно было бы декорировать соотвѣтственно общему стилю залы. Черезъ эту сферическую форму особенно выигрывается то, что люстра получаетъ себѣ нѣсколь выше уровня глазъ зрителей и перестаетъ портить глаза большѣею частью изъ нихъ; сверхъ-того, известное фактъ, что вогнутая поверхность гораздо-больше отражаетъ свѣта, чѣмъ плоская; наконецъ, это же самое устройство даетъ средства къ системѣ самой полезной вентиляціи. Въсѣтъ съ изложеніемъ существенныхъ потребностей театральной залы, г. Дуайеръ занялся разсмотрѣніемъ вопроса, какъ должна быть украшена она, и къ этому онъ особенно былъ вынужденъ тѣмъ, что всѣ лондонскіе театры представляли какіе-то странныя стили украшеній, какието неизяснимую смѣсь всѣхъ стѣловъ, на-пр., въ Сен-жемскомъ Театрѣ соединились рококо французскій и такъ называемый классическій стиль, артистическій, Принцессинъ-Театръ — богатъ, но богатъ безвкусно, по-купечески, и т. д. Изъ совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ лондонскихъ театровъ г. Дуайеръ выводитъ заключеніе, что для акустическаго, оптическаго и эстетическаго совершенства внутренняго устройства театральной залы, прежде всего нужна совершенная голость, незагроможденность залы, такъ, чтобъ не было никакихъ колоннъ и никакихъ другихъ архитектурныхъ игрушекъ. Потомъ г. Дуайеръ рекомендуетъ держаться чего-нибудь общаго, — искать, чтобъ всѣ части были одного тона сочиненія, согласовались между собою, и наконецъ, такъ — какъ г. Дуайеръ большой партизанъ лѣвннй работы, онъ предлагаетъ ниско-

да не расписывать красками ложь спереди, слабо развѣсить спереди бархатную драпировку, либо, что еще лучше, поставить вездѣ легкія дѣшвыя украшенія, и это потому, что, по его мнѣнію, раскрашенныя украшенія производятъ самое слабое впечатлѣніе на каждаго. Г. Дуайеръ хвалитъ привычку дѣлать у ложь бархатныя занавѣски, а также и спереди ложь, какъ мы выше сказали; но съ этимъ невозможно согласиться, потому-что всякая драпировка убиваетъ звукъ. Что касается до матеріаловъ декоративныхъ, г. Дуайеръ преимущественно предлагаетъ крашеніе на клею (*détrempé*), папье-маше, желѣзныя вырѣзныя украшенія (которыя допускаютъ столько мягкости и изъ которыхъ такъ хорошо было бы составлять передъ ложь) и водянныя краски, какъ необыкновенно прочныя.

Г. Либри представилъ Парижской Академіи Наукъ отъ имени гг. барона Фриддани и Рулье образцы приготовленнаго ими *хлѣба съ примѣсью тертой свекловицы*. Хлѣбъ этотъ былъ испеченъ за три дня, и, не смотря на небольшую сладость, имѣлъ довольно-приятный вкусъ. Гг. Фриддани и Рулье дѣлали много опытовъ въ приготовленіи этого хлѣба, извѣняя пропорціи свекловицы и муки, и всегда получали удовлетворительные результаты. Г. Либри прибавилъ, что одинъ парижскій булочникъ, Барнье, постоянно приготовляетъ и продаетъ хлѣбъ, въ которомъ находится треть примѣси свекловицы.

По поводу этого сообщенія г-на Либри, г. Пайенъ изложилъ любопытныя подробности о возможности вообще примѣшивать въ хлѣбу разныя вещества; постараемся передать ихъ.

Большая часть веществъ, предложенныхъ по-сіе время въ примѣси хлѣба, представляли важныя неудобства.

Картофельная мука, привозя только одно изъ необходимыхъ и полезныхъ члѣтанію началъ хлѣбной муки, дѣла-

етъ пропорціи другихъ питательныхъ веществъ (азотныхъ, жирныхъ и соляныхъ) недостаточными; сверхъ того, она сообщаетъ непріятный вкусъ отъ своего масла.

Отъ примѣси самаго картофеля хлѣбъ дѣлается слишкомъ-плотенъ и менѣе-питателенъ; впрочемъ, картофельъ самъ-по-себѣ есть родъ готоваго хлѣба; простое печеніе его даетъ пищу вкусную и экономическую.

Мука изъ бобовъ (обыкновенныхъ, турецкихъ и гороха) можетъ увеличивать въ одно и то же время и количество и силу питательности; но отъ примѣси ея въ значительномъ количествѣ хлѣбъ дѣлается черствъ, тяжелъ и непріятнаго вкуса. По этому часто лучше употреблять эти вещества приготовленныя обыкновеннымъ способомъ, нежели подвергать ихъ обращенію въ муку и примѣшиванію въ хлѣбъ.

Сахарная свекловица находится почти въ обратныхъ условіяхъ: въ натуральномъ видѣ, при извѣстномъ приготовленіи, она можетъ быть употребляема только въ малыхъ количествахъ; примѣшивая же въ хлѣбъ, можно ввести ее въ большее употребленіе, не отнимая у хлѣба его питательности, вида и вкуса. Это доказывается образцами, представленными гг. Бонжаномъ, Шамбери, Элизе Лефевромъ, Дотрво, Руа и Фриддани.

Поэтому свекловичный хлѣбъ можетъ въ некоторыхъ обстоятельствахъ приносить истинную пользу, потому-что это позволяетъ увеличивать объемъ хлѣба, замѣнять его при бѣдныхъ урожаяхъ, и облегчать бѣдному классу средства къ трудному добыванію ежедневной пищи. При обезпеченіи такимъ-образомъ земледѣльческаго класса, боязнь неурожая и голода пропадетъ, — а часто не дѣйствительный голодъ, а именно эта боязнь голода, отъ распространившихся слуховъ, и возмущаетъ спокойствіе въ государствѣ.

Примѣси свекловицы въ количествѣ, равномъ съ мукою, вѣроятно, представитъ важныя неудобства въ записаніи

и печеніи: на половину же противъ муки, по мнѣнію Пайена, должна быть удобна.

Во всякомъ случаѣ, мало испытать, точно ли въ такомъ хлѣбѣ не меньше питательныхъ началъ, и если меньше, то нельзя ли возродить ихъ прибавленіемъ весьма-малой части другихъ растительныхъ или животныхъ веществъ.

Хлѣбъ этотъ вкусенъ—даже и на пятый день по приготовленіи. Въ обыкновенно-черствомъ состояніи, въ какомъ всегда бываетъ продажный хлѣбъ, свекловичный заключаетъ въ себѣ 33 сотыхъ воды и разнится въ этомъ отношеніи отъ обыкновеннаго парижскаго хлѣба въ одной только сотой. Разложеніе показываетъ, что хлѣбъ изъ 33 частей сахарной свекловичицы и 67 частей муки особенно отличается отъ хлѣба изъ одной муки только меньшимъ количествомъ азотныхъ веществъ, а именно $\frac{2}{3}$ процента, т. е. меньше, нежели одною сотю.

Итакъ можно заключить:

Что при смѣси изъ $\frac{2}{3}$ свекловичицы и $\frac{1}{3}$ муки, первая сообщаетъ хлѣбу вполнѣ все количество своихъ питательныхъ началъ;

Что большая часть примѣпаннаго вещества играетъ роль крахмала муки;

Что отъ этого происходитъ уменьшеніе азотныхъ началъ, но менѣе, нежели на одну сотю.

Это уменьшеніе можно поправить примѣсью весьма малаго количества азотныхъ веществъ.

Если, на-примѣръ, прибавить мяса или другаго животнаго вещества двѣ части на сто вѣса хлѣба, то и тогда общій вѣсъ свекловичнаго хлѣба увеличится противъ обыкновеннаго хлѣба десятью частями на сто, и, слѣдовательно, все еще будетъ выгода отъ примѣси.

Если же въ 33 сотымъ свекловичицы прибавить пять сотыхъ муки бобовидныхъ растений, то получимъ еще съ большею экономіею хлѣбъ, похотій въ питательномъ отношеніи на обыкновенный хлѣбъ. Мука бобовидныхъ ра-

стей, заключаая въ себѣ азотныхъ началъ вдвое болѣе противъ обыкновенной муки и вчетверо противъ сухой свекловичицы, съ излишкомъ вознаграждаетъ недостатокъ ихъ въ послѣдней. И тогда въ готовомъ хлѣбѣ мы выиграемъ восемнадцать на сто, потому что: 200 частей по вѣсу муки дадутъ 266 въ хлѣбѣ; 100 частей по вѣсу свекловичицы дадутъ 21 въ хлѣбѣ; 21 часть по вѣсу бобовой муки даетъ 28 въ хлѣбѣ. Итого 315, то-есть 49 на 266 или 19,3 на сто.

Изъ всего этого видно, что свекловичный хлѣбъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія и необходимо требуетъ опыта въ приготовленіи и потребленіи. Надобно прибавить, что такъ-какъ число предметовъ для пищи, неприходящихъ человѣку, очень-ограничено самою природою, то желательно, чтобы опыты потребленія свекловичнаго хлѣба производились достаточно-долгое время и надъ одними и тѣми же лицами; если и въ этомъ отношеніи свекловичный хлѣбъ выдержитъ испытаніе, то конечно это будетъ одно изъ важныхъ изобрѣтеній, какъ въ время голода, такъ равно и во всякое другое время.

Вотъ еще нѣсколько агрономическихъ извѣстій.

Нынѣшняя наука земледѣлія родилась въ Бельгіи; у нея учились въ Англіи, и Германіи, и Франціи полеводству, скотоводству и проч. Но Бельгія была основаніи, которыми обязана была и силою своею и богатствомъ, обратилась къ фабричной промышленности — и теперь достойно наказана. После горячей, но тщетной борьбы противъ промышленности Англіи, въ бельгійскіе фабриканты должны были положить оружіе. Фабричная работа не можетъ уже кормить рабочихъ; въ Фландріи въ бѣдственномъ положеніи; всѣ тюрьмы и убогопріимные дома наполнены несчастными страждущими; кто безъ пристанища—умираетъ безъ помощи. Два неурожаа сряду увеличи-

ли несчастіе. Вездѣ, гдѣ преобладаютъ фабрики, общественная язва нищеты гложетъ народъ. Чтобъ оставить это — одно средство: возстановить равновѣсіе между фабричною промышленностью и земледѣліемъ. Правительство бельгійское поняло, что однимъ этимъ можно спасти рабочій классъ Фландрін; оно уже составило разные проекты съ этой цѣлью, и вѣроятно скоро займется приведеніемъ ихъ въ исполненіе. Разработка, орошеніе и населеніе пустошей, образованіе народа съ земледѣльческою цѣлью и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ — вотъ что бельгійское правительство намѣрено противопоставить всеобщему бѣдствію.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ застѣданий Королевскаго и Центральнаго Французскаго Общества Земледѣлія, графъ Гаспаренъ представилъ отчетъ о воздѣлываніи въ 1847 году земляной груши (*patate*). Одинъ гектаръ (около десятины) далъ 50 тысячъ килограммовъ (3664½ пуда) груши, тогда-какъ картофеля при тѣхъ же обстоятельствахъ получено 18,000 килограммовъ (почти 1,100 пудовъ). Стволъ груши притомъ доставляетъ кормъ скоту, хотя еще неопредѣленный въ питательности, но вѣроятно равный съ люцерною (медуною).

Способы возвращенія этого растенія просты и малостодючи. Весной садятъ его близъ сѣвы съ южной стороны подъ тонкимъ слоемъ навоза. Скоро отъ каждой посадки является много вышедшихъ отростковъ; тогда послѣднія пересаживаются въ поле. Здѣсь земля должна быть плодородная, но не-вспаханная и безъ навоза. Пересадка производится въ канавки около 12 вершковъ ширины и 5½ глубины. Известно, что корни земляной груши (*patate*) въ рыхлой и мягкой землѣ удлиняются неопредѣленно и дѣлаются безполезными. Г. Пуатѣ придумалъ ограждать огородныя гряды досками, и тѣмъ заставлялъ корни увеличиваться въ толщину. Г. Гаспаренъ очень счастливо достигъ того же въ большомъ видѣ въ полѣ, не употребляя до-

сокъ, но воспользовавшись канавками прошедшаго года, которыхъ относы, слѣдовательно, утвердившись, также представляли препятствіе распространенію въ длину корней. Дѣло оправдало его предположенія. Средній вѣсъ полученныхъ имъ грушъ былъ около 6 фунтовъ; величиной имъ равнялись съ дѣтскую голову. Растеніе это разводится въ огородахъ около 40 лѣтъ (во Франціи); на поляхъ же и теперь дѣло идетъ неуспѣшно, потому-что посадка производится въ мягкой землѣ и на плоскихъ мѣстахъ безъ канавокъ. Поэтому не удивно, что одни жалуются на дурные урожаи, а г. Гаспаренъ про-даетъ этого произведенія и много и дешево, и остается въ выгодѣ.

— Г. Рей де-Морандъ и виконтъ де-Ногесъ затѣваютъ предпріятіе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ важно по послѣдствіямъ. Они намѣрены близъ Парижа устроить огромную ферму или плантацію для акклиматизированія многихъ междутропическихъ растеній. Первый изъ нихъ 20 лѣтъ провелъ въ Америкѣ, занимаясь плантаціями равнаго рода растеній, и вполне убѣжденъ, что безъ всякой искусственной теплоты можно развести эти растенія и въ Средней-Европѣ. Изъ числа многихъ растеній, которыми они займутся, они упоминаютъ: *igname* (ямсъ), картофелины котораго вѣсятъ отъ 48 до 73 фунтовъ, *манокс*, *malangas*, *tom-lomane*, *dictames*, огромную карайбскую капусту, сахарный тростникъ и проч.

Если и не всѣ надежды ихъ сбудутся, то нѣтъ сомнѣнія, что и наука и промышленность во всякомъ случаѣ будутъ обязаны имъ новыми приобрѣтеніями.

Если болѣзнь картофеля и пугаетъ многихъ его воздѣлывателей, ва то, кажется, какъ-будто подстрекаетъ другихъ къ новымъ открытіямъ. Англія показала примѣръ возвращенія картофеля въ зимнее время, и вотъ г. Массонъ, садовникъ Французско-Королевскаго Общества Земледѣлія, слѣдаль три послѣдовательныя посадки и три

сбора почти въ одинъ годъ. Первая посадка была сдѣлана въ сентябрѣ 1845 года, сборъ былъ въ маѣ 1846; вторая посадка и сборъ между маемъ и августомъ; въ послѣдній разъ картофель посаженъ 25 августа: въ октябрѣ еще не было ни одного зародыша картофеля, въ ноябрѣ онъ уже явился въ толщину пальца, потомъ хотя зелень и была убита морозами, но корни продолжали расти и 28 декабря дали сборъ въ обыкновенную величину и зрѣлость. Но при всемъ этомъ должно обратить вниманіе на важное обстоятельство, что г. Массовъ не употреблялъ ни парниковъ, ни рамъ, и возвращалъ картофель на открытомъ мѣстѣ, покрывая его въ морозы только листьями. Итакъ, есть надежда, что мы будемъ постоянно круглый годъ имѣть свѣжій картофель. Нѣкоторые зеленщики, спекулирующіе на продажѣ раннихъ продуктовъ, хотя въ этомъ отношеніи и потеряютъ, за то, вѣроятно, выиграютъ отъ большаго потребленія картофеля.

=

Въ Парижѣ, на Théâtre-Français недавно давали мольерову *Донъ-Хуана*. Нельзя было лучше отпраздновать годовщины рожденія Мольера, какъ представить *Донъ-Хуана* въ его оригинальной формѣ, а не въ тяжеловѣсныхъ гекзаметрахъ Томаса Корнеля.

Чтобъ придать представленію болѣе торжественности, играли нѣчто въ родѣ діалога: *L'Ombre de Molière* (сочиненіе Барбье), гдѣ легкая комедія явилась въ лицѣ маисель Брюганъ, а серьезная комедія въ лицѣ маисель Рашели. Меркурій проводникъ душъ, Тѣнь Мольера, поэтъ—вогъ остальные лица.

Въ этомъ діалогѣ г. Барбье нападаетъ на современныхъ французскія знаменитости. Въ эпоху, когда на небѣ Франціи, говоритъ фельетонистъ одной французской газеты, «блеститъ плеяда, сгруппированная изъ Шатобриана, Ламартина, Виктора Гюго, Альфреда Мюссе, Дюма, Веранжѣ, Бальзака, Жоржа

Завида и многихъ другихъ яркіхъ звѣздъ, улучена ли минута, чтобъ сказать:

*Les étoiles n'ont plus la lumière;
Allons la demander aux morts!*

Но перейдемъ къ *Хуану-Мольера*—Вотъ, что о немъ пишутъ въ *La Presse*:

«Что за странная пьеса этотъ *Донъ-Хуанъ*! какъ понятно, что классицизмъ не могъ его снести въ первоначальномъ формѣ! *Донъ-Хуанъ*, которому Мольеръ далъ имя комедіи, говоритъ строгимъ смысломъ, — есть поистинѣ драма въ полномъ значеніи слова. Независимый гений Испаніи видѣтъ и *донъ-Хуанъ*, потому что рыцарствъ и христіанская Испанія совершенно потрясла его языческихъ идей; ея литература, романтическая по преимуществу, глубоко-оригинальна. Ни одно произведеніе Мольера не такъ свободно отъ души, съ такою свободой, самою и смѣлостью; фантастическое — элементъ столь трудный для Французскаго скептика, который ни минуты не можетъ быть игрушкой фантазіи, въ вызываемомъ, представлено у Мольера въ такихъ положительныхъ краскахъ и съ такимъ полнымъ вѣрованіемъ, какое рѣдко можно встрѣтить у Француза. Статуя командора производитъ эффектъ удивительный: отъ шаговъ его мраморной пяты пробѣгаетъ вѣтъ колоды. Страшенъ этотъ каменный гость въ одеждѣ римскаго императора! ни одна трагедія не внушитъ такъ столько ужаса.

Донъ-Хуанъ, такъ, какъ его понималъ Мольеръ, скорѣе атеистъ, нежели мнѣнодумецъ. Онъ покидаетъ домию Эльвиру, ластится къ Шарлоттѣ и Магюриэтѣ, которыхъ оболъщаетъ помощью своего банальнаго средства, — но не въ этомъ его важнѣйшій порокъ: онъ смѣется надъ правами отца, шутитъ бракомъ, презираетъ небеснымъ гнѣвомъ, приглашаетъ къ пиршеству статуи жертвъ своихъ, насмѣхается надъ долгами и мѣщанствомъ въ лицѣ г-на Диманша, и, въ довершеніе ужаса, на свое атласное платье накидываетъ на минуту чер-

ный плащ Тартюфа. Въ наше время, характеръ донъ-Хуана, возвеличенный Мопартомъ, Байрономъ и Гофманомъ, перетолкованъ шире, гуманнѣе и съ большей поэзіей; онъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ Фаустомъ любви, символомъ неутолимой жажды наслажденія. Донъ-Хуанъ у Тирсо ди-Молины и у Мольера не перешелъ еще въ тинь. Это безбожникъ, развратникъ, почти злодѣй, въ которомъ видно иногда легкое желаніе влюбиться, отыскать женскій идеалъ. Замѣтно, однакоже, что Мольеръ любилъ негоднаго Хуана: онъ вывелъ его богатымъ, красивымъ, умнымъ, храбрымъ; онъ не подаетъ нилюстныи бѣдняку, протсрашему во имя неба — за те бросить ему дундоръ во имя человечества; онъ оставляетъ доньюЭльвиру; но Мольеръ, чтобъ ослабить этотъ проступокъ, сдѣлалъ Эльвиру несомною, какъ женщину, которую уже не любишь. Донъ-Хуанъ выставленъ въ такомъ свѣтѣ, что въ немъ приходится болѣе видѣть возмущающаго Титана, еще ратующаго среди блскаго пламени, чѣмъ грѣшника кающагося и скорбщаго. Дѣло въ томъ, что донъ-Хуанъ хотѣлъ найти свой идеалъ и утолить неутолимую жажду любви, горѣвшую въ его жилахъ, потому-что какое бы ни было желаніе — оно можетъ быть удовлетворено.

— Вотъ другія новости французскихъ театровъ:

Un Mari Fidèle (Вѣрный Мужъ), одеспись.

Положимъ, что вы, читатель, женились, что выбрали жену по сердцу, по вкусу, по вашимъ понятіямъ; что вы ею только бредаете, ее только видите, ею дышите, лишь для нея живете: неужели же вы думаете, что, будучи вѣрными, вѣрными супругомъ, вы въ то же время и счастливѣйшій супругъ? О, вы заблуждаетесь! Вы и не подозреваете, что сами разрушаете влание супружескаго счастья. Вы окружаете жену заботливостью, предугадываете малѣйшія ея желанія, сами вертитесь передъ ею безпрестанно, наполняете ее со-

бою; но въ этомъ ли состоитъ тайна подерживать и питать супружеское счастье? Къ вашей заботливости привыкаютъ, на исполненіе желаній смотрятъ не болѣе, какъ на должное, — какъ хотите, а въдь это прискучить, жена не прочь бы ужъ и разсѣяться, — а тутъ-то развлеченіе и является въ видѣ какого-нибудь двоюроднаго брата, или Богъ-знаетъ въ какомъ родѣ приходящагося родственника, котораго, тоже Богъ-знаетъ почему, супруга ваша называетъ кузеномъ.

Г. Атаназъ наконецъ наловилъ женѣ своей постоянную вѣрность. Утомленная однообразнымъ, идилическимъ лавашаствомъ, Цезарина, желая развлечься картинкою, писанною въ другомъ тонѣ, обратила взоры на кузена своего, Октава. Но у Цезарины есть цензоръ — родной братецъ, который замѣтилъ, что Цезарина смотритъ на мужа ужъ не *en face*, а въ три четверти; братецъ хочетъ поправить дѣло. Но какинъ образомъ? Поговорить съ сестрою откровенно, съ чувствомъ и остановить ее на краю пропасти? Но совѣтники всегда утомительны, особенно, если говорить правду. Онъ придумываетъ другое средство: сдѣлать вылазку противъ вѣрности Атанаса посредствомъ третьяго, безъ сомнѣнія, женскаго лица. Ближъ дома, въ которомъ живетъ вѣрный мужъ, есть магазинъ бѣлья, украшеннымъ, кромѣ прекраснаго товара, молитками, одна другою соблазнительнѣе. Писатели французскіе такъ часто прибѣгаютъ къ гриветкамъ, что еслибъ этого лица и не существовало, то его все-таки надо было бы выдумать. По счастью, Поль-де-Кокъ предусмотрѣлъ эту потребность комедіи въ наше время и выдѣлалъ типъ граветки. Итакъ, благодаря шатавину Поль-де-Кокъ, является мансеза Агата; у нея въ рукахъ кака-то работа для Цезарины... Рассказывать далѣе не для чего: читатель самъ знаетъ развязку. Агата встрѣчаетъ Атанаса... Атаназъ встущаетъ въ разговоръ... потомъ rendez-vous... потомъ ночь... потомъ сцены изъ «Свадьбы Фигаро» и

т. д., и т. д. Наконецъ, прощаютъ другъ друга, обвиняются, и все кончается пѣснями, какъ у Бомаршэ. — Въ этомъ легкомъ водевилѣ время-отъ-времени заиѣтна опытная рука г. Варена.

UNE FILLE TERRIBLE (Непоскорная Дочь), водевилъ въ одномъ актѣ, соч. Делильи.

Дѣло въ томъ, что г-жѣ Дюмулень не хочется призвать надъ собою могущество времени и проститься съ молодостью, не смотря на сорокъ лѣтъ, морщины, сѣдины и толстоту. Она все еще притворяется молодою, красивою, любезною и интересною. Свѣжесть, упругость и прозрачно-пѣжный цвѣтъ кожи, живые глазки, тоненькая талия, смиренный видъ—всѣ эти атрибуты непрерывно говорятъ, что мамзель Анаисѣ, дочери г-жи Дюмулень, не болѣе семнадцати лѣтъ. По этой-то причинѣ Анаису никогда не берутъ изъ пансіона, и мать видитъ ее тайкомъ. Такая жизнь надоѣла Анаисѣ, и она достигла того, что ее отослали изъ пансіона—какъ зачинщицу бунта. Шла въ иѣшкѣ не удержишь, дѣвушки подъ замкомъ не спрячешь: двое молодцовъ увидали—таки Анаису—однимъ въ церкви, другой въ приеминой. Дюрошэ, старый баронъ, влюбился въ молоденькую пансіонерку; ювона Эдгаръ влюбился въ нее же; въ матушку никто не влюбился, а матушка влюблена въ Эдгара. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ одинъ прекрасный день, явилась Анаиса подъ отчій кровъ, къ великому неудовольствію матери.

— Сударыня, вы сейчасъ же отправитесь въ пансіонъ... или я васъ прокляну, сказала мамзелька.

— Меня исключили изъ этого, такъ исключать и изъ другаго; притомъ я достаточно образована: знаю географію, исторію, ореографію, химію, ныряванье, танцы, музыку, гимнастику—знаю все, что только можно знать...

— А, хорошо! оставайся со мною, только изволь надѣть коротенькое платье, панталоны и фартучекъ.

— Чтобъ я надѣла дѣтское платье? Никогда! Миѣ шестнадцать лѣтъ. Я соглашусь скорѣе остаться въ корсетѣ и юбкѣ.

— Какъ вамъ угодно, сударыня.

Однакоже, бѣдняжка Анаиса везетъ, что прійдетъ Эдгаръ, будетъ говорить ей о любви, о пламени, пожирающемъ его сердце, будетъ говорить много, много вздора... какъ же принять его въ дѣтскомъ костюмѣ, или совсѣтъ безъ костюма? Горю помогли шпириты: чрезъ эту мѣбель любовники рассказываютъ другъ другу свои несчастія. Анаиса просовываетъ Эдгару ручку. Эдгаръ ее цалуетъ; тутъ-то и входитъ г-жа Дюмулень; можно себѣ представить гнѣвъ ея, когда она открыла, что ея Эдгаръ — совсѣтъ не ея, а дочкинѣ! Г-жа Дюмулень никакъ не можетъ постигнуть, что хорошаго ходятъ мужчины въ огни худенькихъ, тоненькихъ куклахъ... Чтобъ избавиться отъ Анаисы, матушка нашла ей жениха—старика Дюрошэ. Вострушка Анаиса, нехотѣвшая одѣваться подѣтски, вдругъ перемѣнила свое настроеніе—является въ панталончикахъ и начинаетъ любезничать съ вартченымъ женихомъ; то предлагаетъ ему поспазать на веревкѣ, то побѣгать, то одну, то другую игру... У старика наконецъ и силъ не хватило: хотѣлось ему молоденькой жены — во все-таки не ребенка... Ну-съ, такъ-какъ всякій водевилъ долженъ кончатся бракомъ любовниковъ, то и открылось, что Дюрошэ отецъ Эдгара и дядя Анаисы. Какъ же г-нъ Дюрошэ можетъ быть братомъ покойнаго г-на Дюмулень? Дѣло въ томъ, что Дюрошэ — не Дюрошэ, а Кошоннэ, что г-жа Дюмулень — не г-жа Дюмулень, а тоже Кошоннэ: прозаическая фамилія — Кошоннэ ей не явилась, и она приняла другую. Чтобъ совершенно разсѣчь гордіевъ узелъ, скажемъ, что г-жа Дюмулень, Кошоннэ тожь, никогда не видала г-на Дюрошэ.

Эта мило-разыгранная пьеса ягѣла полнымъ успѣхъ.

NE TOUSIENS PAS A LA REINE (НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ КЪ КОРОЛЕВѢ), опера въ трехъ актахъ, соч. Скриба и Густава Вагнера, музыка Буассюд.

Опера эта основана на испанской легендѣ, весьма известной, которая говоритъ, что по древнему закону въ Испаніи осуждали на смерть всякаго, кто прикоснется къ королевѣ, хотя бы и для того, чтобъ спасти ея. Молодой человекъ, донъ-Фернандо д'Агвиларъ, проходя по лѣсу, спасаетъ красавицу, подъ которой вбѣсилась лошадь и понесла несчастную; у Фернандо остался въ рукахъ букетъ пахучицы — больше ничего. Онъ является ко двору, знакомится съ казначеемъ, жена котораго принимаетъ въ немъ сильное участие, и ждетъ выхода королевы, чтобъ просить у нея какой-нибудь должности. Королева еще малолѣтняя и находится подъ строгимъ попечительствомъ дона-Фадрика, котораго на минуту можетъ смягчить лишь прекрасная Эстрелла. Не смотря на то, покровительство Эстреллы не послужило въ пользу дона-Фернандо у подозрительнаго Фадрика, — одна надежда на королеву. Королева вышла, Фернандо подалъ просьбу; поднявъ на нее глаза, онъ узналъ прекрасную охотницу, имъ спасенную. Въ восторгѣ, онъ срываетъ съ груди таинственный букетъ; но королева, какъ кажется, не узнаетъ его и гордо проходитъ мимо Фернандо, повергнувъ его въ отчаяніе. Дѣло въ томъ, что королева вспомнила о варварскомъ законѣ, по которому Фернандо долженъ бы былъ погибнуть, и внутренне рѣшилась вознаградить его въ другое время. Лепестки надежды Фернандо разлетѣлись, и онъ намѣренъ удалиться отъ двора. Прекрасная Эстрелла хлопотала ему у регента капитанскій патентъ, и Фернандо долженъ отправиться на границу королевства для завіятія своего поста: королева оставляетъ его при своей особѣ и дѣлаетъ конюшимъ. Регентъ, вовсе несочувствуя ющій новому конюшему, выискиваетъ случай повредить ему. Однажды, когда регентъ занималъ молоденькую ко-

Т. Л. — Огд. VIII.

ролеву важными государственными дѣлами, она заснула; суровый регентъ этого не замѣтилъ и вышелъ за какой-то бумагой. Вскорѣ послѣ него входитъ Фернандо и видитъ, что королева почиваетъ; онъ любитъся ею и никакъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи признаться ей въ любви, такъ, чтобъ она этого и не подозрѣвала. Въ этой опасной игрѣ у Фернандо голова закружилась: онъ подходитъ къ королевѣ и на высокомъ челѣ ея напечатлѣваетъ поцалуй... Въ ту самую минуту входитъ регентъ; въ негодованіи онъ призываетъ стражу, и неосторожнаго Фернандо схватываютъ. Какъ спасти преступника? а королевѣ это было бы весьма пріятно; съ этой цѣлью она прибѣгаетъ къ совѣту Эстреллы. Увы! регентъ непоколебимъ, и сама жена казначея ни въ чемъ не можетъ у него успѣть. Какъ бы то ни было, а регентъ требуетъ у нея свиданія, и свиданіе назначается въ часъ, когда потушатъ огни.

Мужъ Эстреллы, случайно узнавъ объ этомъ, пробрается въ комнату и прячется; является регентъ, потому Эстрелла, но не одна — съ ней королева, и пока Эстрелла отпѣчиваетъ на его любовности, матеріальнымъ образомъ ее замѣняетъ королева, такъ-что регентъ цалуетъ руку не Эстреллы, а королевы. Въ эту минуту комната осмѣщается, и регентъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей обвиняется въ преступленіи — онъ дотронулся до королевы!

Но Фернандо еще не спасенъ: регентъ повелѣлъ судьямъ быть невозможными, даже еслибъ самъ регентъ сталъ просить ихъ о помилованіи преступника. Впрочемъ, у королевы есть побѣдоносное средство спасти своего фаворита, возложивъ корону на его голову, и регентъ, который, при другихъ обстоятельствахъ; не согласился бы на это, теперь долженъ уступить; въ противномъ случаѣ откроютъ его преступленіе.

Въ этой пьесѣ много хорошаго, есть даже поэтическіе образы, гдѣ, безъ

сомнѣнія, надо признать по-преимуществу Скриба. Музыка Буассло—старой французской школы: французскіе журналы отзываются о ней съ похвалою.

ДИАВЛОУ ФКММЕ (Чортъ или Женщина), комедія *въ одномъ актѣ, въ стихахъ, подражаніе Кальдерону, соч. Ипполита Лука.*

Судьба нѣкоторыхъ пьесъ такова, что онѣ вѣчно передѣлываются. Ни одно произведеніе не подвергалось столько передѣлкамъ и подражаніямъ, какъ *Dama Duende* Кальдерона.

Донья Анжела, не смотря на запрещеніе братьевъ своихъ, отправилась на праздникъ, данный въ честь инфанта Балтазара, гдѣ интригуетъ именно одного изъ своихъ стражей, одного изъ братьевъ, который послѣдовалъ за нею; боясь быть узвальною, она отдалась подъ покровительство молодого человѣка, проходившаго тамъ съ своимъ слугою. Въ темнотѣ произошла дуэль; по нанесеніи легкой раны, противники узнаютъ другъ друга. Молодой человѣкъ возвращался изъ Неаполя въ Мадридъ, чтобъ повидаться съ однимъ изъ братьевъ доньи Анжелы, своимъ сослуживцемъ, который и приглашаетъ своего товарища остановиться у него въ домѣ. Онъ помѣстилъ его въ комнатѣ, сосѣдней съ сестриной, совершенно позабывъ о потаенной двери въ видѣ шкафа. Донья Анжела, тотчасъ узнавшая своего избавителя, не замедлила въ него влюбиться. Тутъ начинаются продѣлки съ слугою и всѣ фантастическія проказы, приводящія къ необходимому заключенію—къ браку хорошенькой вдовы съ пріятнымъ молодымъ человѣкомъ.

Эту комедію перевелъ Дама Гиваръ для своего испанскаго театра съ стараніемъ и искусствомъ; потомъ д'Увиль (*Esprit follet*) заимствовалъ эту пьесу изъ Италіи, гдѣ она явилась подъ названіемъ: *Женщина-демонъ*, или *Арлекинъ, преслѣдуемый невидимою женщиною* (*Dame démon, ou Arlequin persécuté par la dame invisible*). Послѣ д'Уви-

ля, Готерошъ написалъ (въ 1668 г.) *Dame invisible* и ввелъ много новыхъ прошествій. Далѣе, Колле взялъ тотъ же сюжетъ и въ своемъ предисловіи къ *Esprit follet*, онъ выражается такъ: «Въ 1760 г. я возобновлю эту комедію, сохраняя почти невредимъ первоначальный планъ Готероша и приближая ее сколько возможно къ обычаямъ, модѣ и языку въ наше время... Пріятно было бы, еслибъ лѣтъ черезъ 50 или 60 какой-нибудь драматическій писатель снова передѣлалъ это произведеніе, которое уже устарѣло. Возобновленіемъ и передѣлкой времёнъ отъ времени комедій, планъ и черты которыхъ превосходны, можно продолжать славу французскаго театра, который можетъ служить образцомъ цѣлой Европѣ...»

Желаніе Колле захотѣлъ исполнить Ипполитъ Лука. Полнымъ успѣхомъ превѣтствовалъ это произведеніе остроумное и созданное.

PROTÉGÉE SANS LE SAVOIR (Нездоровьяемое Покровительство, *водевилъ, соч. Эжена Скриба.*

Молодая дѣвушка, получившая пансіонъ нѣсколько естественнаго и граду, находится въ Лондонѣ, гдѣ и нуждается, по случаю смерти матери—единственной опоры, искать въ своемъ талантѣ въ живописи средства къ существованію. Продавецъ картинъ покупаетъ у нея все, что она рисуетъ: молодая дѣвушка очень трудна бива и, благодаря роскошной жизни Альберта Клавера (купца), живетъ въ прекрасномъ домѣ, богато обставленномъ, окруженная всѣми удобствами и изящной роскоши. Не успѣетъ она кончить одной картины, какъ ей уже заказана такая же, но тѣмъ цѣнѣ. Очевидно, что торговецъ есть только маска, которую надѣлъ на себя богачъ-влюбленный.

Дѣйствительно, Альбертъ Клавера молодой лордъ, безъ ума влюбленный въ Клену (иная артистка), придумавъ эту исторію, чтобъ окружить блескомъ своимъ предметъ свой: всамое дѣ-

гое предложеніе Елены отвергла бытъ негодоваіемъ. Приѣздъ г. Дюроше, классическаго живописца, стараго учителя Елены, выводитъ ее изъ замужденія.

— Тутъ что-нибудь да не такъ, говоритъ Дюроше:—за мѣсяцъ Агамемноновъ, Ляковъ не хотѣли дать и тысячи франковъ, а тебѣ за картину, которая продана не болѣе ста экую, даютъ сто тысячъ.

Дюроше, наконецъ, открылъ-таки источникъ щедрости Альберта. Судите объ отчаяніи молодой дѣвушки при такомъ извѣстїи. Что скажетъ свѣтъ? Она продала себя!— а бѣдвая этого и не доподвѣрвала. Дюроше, котораго она убѣдила въ своей невинности, имѣла объясненіе съ Альбертомъ, которому ничего такъ не хочется, какъ жениться на Еленѣ; но, увъ! онъ женихъ дочери лорда Дюбара. Но счастію, дозволивъ какому-то фавору себя похитить, невѣста развязала руки Альберту и такимъ образомъ привела пьесу къ желанной развязкѣ.

Пьеса эта имѣла полный успѣхъ. Благодаря игрѣ мамзель Розы Шеръ и искусству Скриба, котораго имя провознесено было при громѣ рукоплесканій. Говорятъ, что нашъ Брессанъ весьма-недурно исполнялъ роль Альберта.

GIBBY LA SOUVENIR (Джибби-Волинщикъ), опера въ трехъ актахъ, слова г. Лёвена и Брунсвика, музыка Клариссона.

Джибби-волинщикъ влюбленъ въ дочь трактирщика Патиссона, который оглашается выдать ее за Джибби, если онъ принесетъ ему пятьдесятъ гиней, которыя обѣщавъ скопить путешествіемъ съ волинкою по Шотландіи. Но, увъ! Джибби не собралъ ничего и озвратился къ Патиссону съ пустыми руками. Надѣясь уговорить трактирщика, волинщикъ рассказываетъ ему свое путешествіе, о своихъ успѣхахъ въ музыкѣ; но сердцу Патиссона ступень лишь звонъ гиней. Мери не одобряетъ поятіи отца: волинка

дѣйствуетъ на нее сильнѣе золота — она всѣмъ сердцемъ любитъ Джибби. О, какъ ей трудно исполнить приказаніе отца и сказать бѣдняку Джибби, чтобъ онъ изволилъ оставить таверну и провелъ ночь гдѣ ему угодно,—а на дворѣ шумѣла непогода, хлесталъ дождь... сыро... грязно... какъ нарушить гостепріимство горныхъ Шотландцевъ — это низко! Мери рѣшилась спрятать своего возлюбленнаго въ сарай, гдѣ Джибби, убаюканный сладкими грезами о милой Мери, скоро заснулъ. Передъ таверной собралась толпа Англичанъ-заговорщиковъ, вознамерившихся отнять корону у короля Іакова шотландскаго. Вдругъ они услышали вздохъ Джибби и въ-просонкахъ вылетѣвшее изъ устъ его имя Мери. Заговорщики обезпокоились — не подслушали ли ихъ? Надо удостовѣриться; къ-счастію, оказалось, что Джибби спалъ крѣпкимъ сномъ, и потому не только остался живъ, но еще употребленъ съ пользою заговорщиками: когда Джибби увидитъ короля, онъ долженъ заиграть національную шотландскую пѣсню; король остановится, заслушается, а его тутъ-то и схватятъ. Однакоже заговоръ не состоялся: король получилъ письмо, въ которомъ его предостерегали и совѣтовали не оставлять дворца.

Джибби гуляетъ по Лондону, куда приведенъ былъ съ своею волинкою; разъ онъ остановился подъ королевскимъ балкономъ и заигралъ родную пѣсню; Іаковъ, услыша знакомые звуки, повалъ къ себѣ волинщика, чтобъ поговорить съ нимъ о Шотландіи. Ободренный ласками короля, Джибби написалъ письмо, въ которомъ просилъ у Іакова 50 гиней. Король вообразилъ, что Джибби увѣдомилъ его о заговорѣ, почему и сталъ обходиться съ нимъ какъ съ своимъ избавителемъ. Заговорщики узнали Джибби, подумали, что онъ интригантъ, что онъ слышалъ разговоръ ихъ у таверны, и что хотятъ ихъ обличить: почему и рѣшились купить его молчаніе и сдѣлали ему выгодныя предложенія, если онъ

согласится оставить дворъ. Джибби, которому старая колдунья вскружила голову, предсказавъ ему блестящую участь, забылъ на минуту свою Мери и сдѣлалъ женихомъ дочери начальника заговорщиковъ. Будущій зять очень-радъ отдѣлаться отъ Джибби и для этого употребляетъ хитрость: онъ даетъ ему письмо къ начальнику корабля *Нептунъ*, отправляющагося въ Ватавію, увѣривъ, что этотъ начальникъ не кто другой, какъ его управитель, отъ котораго Джибби получить 200 гиней. Однакоже Джибби не пошелъ самъ, а послалъ Патиссона, котораго скоро выпустили на свободу, уважавъ ошибку. Тутъ все объяснилось. Король возмнилъ подозрѣнія. Джибби съ своей волинкою явился для открытія истины; заигралъ онъ національную пѣсню; заговорщики услышавъ звуки ненавистной волинки, смутились, смущеніе ихъ обличило, признаніе спасло. Авторъ письма къ королю былъ одинъ изъ заговорщиковъ, любимый въ дочь зачинщика; онъ объявляетъ о своемъ поступкѣ, выпрашиваетъ прощеніе соумышленникамъ, и вступаетъ въ бракъ съ своею возлюбленною, а Джибби женится на Мери; всѣ счастливы и довольны, — довольны и зрители.

Рикардъ Феврѣя (Пьеръ Феврѣ),
содѣлалъ въ одномъ актѣ, соч. Давена.

Пьеръ Феврѣ такъ названъ потому, что найденъ былъ на камнѣ въ февраль мѣсяцъ — родословная не запутанная; большая часть именъ и не имѣетъ другаго источника. Странно, какъ подумаешь, что за происхожденіе этого безконечнаго множества именъ, обозначающихъ громадную толпу? Понятно слово, служащее для обозначенія вѣтра, дерева, ихъ порода, — но особый ерлыкъ для каждаго индивидуума — что тутъ за смыслъ? Что за законъ преобладаетъ въ этомъ собраніи буквъ и слоговъ, составляющихъ произвольный звукъ, на который отливается человѣкъ? Первоначально имъ имѣло ли значеніе? Вопросъ темный.

Чтобъ отвѣтить на него, надо знать языки санскритскій, еврейскій, индійскій, финикійскій, кароагенскій, арабскій, кельтскій, еопійскій, баскскій, нижне-бретонскій, не заикаясь уже о греческомъ и латинскомъ: многія имена, имѣющія для насъ лишь достоинство созвучія, получаютъ смыслъ опредѣленный у того, кто умѣетъ толковать ихъ. Однакоже, это боже лингвистика, — обратимся же къ бельетрастамъ.

Пьеръ Феврѣ лицо завидательное: онъ старый бродяга, въ родѣ уличнаго Діогена, только не такой циникъ и не такъ угрюмъ, какъ греческій Діогенъ; Пьеръ человѣкъ довольно-веселый и ищетъ людей съ фонаремъ: отъ сообщества деревень онъ не дичитъ. Прогуливаться по дѣсу ему гораздо-пріятнѣе, чѣмъ мѣсить грязь по городскимъ улицамъ. Хотя онъ не больше, какъ простой крестьянинъ, однакоже, читая всакій день книгу благости, онъ настроилъ свою душу, и ему сдѣлался доступна природа, — онъ постигъ величіе восходящаго солнца, прелесть жемчужной росы; на просторѣ и свободѣ, онъ можетъ созерцать величіе создани; чтобъ поддерживать жизнь, ему нѣтъ ужасной и унижительной необходимости работать, — необходимости, ставшей человѣка ниже скота, гнетущей къ землѣ чело его, созданное витать на небеса.

Такимъ-образомъ, Феврѣ, полный хозяинъ своего времени и своей особы, съ сосною палкой въ рукѣ, съ котлокомъ за плечами, гуляетъ по тропамъ, тропкамъ и тропинкамъ, извѣстнѣе ему лучше, чѣмъ сельскому сторожу, и не пропускаетъ случая сдѣлать доброе дѣло: или подвѣжетъ вѣтку, готовую сломаться, или спасетъ муху, готовую утонуть, то пособитъ ослу вытнуть телегу, ушедшую въ грязь, то приведетъ къ матери ея дѣтище, пошедшее по ягоду и заблудившееся въ дѣсу.

Если ему представится честный случай получить серебряную монету, онъ не отказывается, полагая, что малость работы дѣлаетъ беззаботность ему

привлекательнѣе. Видя спѣшную уборку хлѣба, онъ сожнетъ спать; встрѣтятся ли порученіе, требующее отлагательства, исполнить порученіе: не смотря на 60 лѣтъ, его нога еще крѣпка и вѣрна. Застанетъ ли его дождь по дорогѣ, что жь? онъ знаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ есть душлистая ива, въ другомъ отвѣсная скала: вездѣ есть ему убѣжище. — Описавъ характеръ и нравъ Пьера, посмотримъ, что онъ дѣлаетъ.

Въ одну изъ прогулокъ ему удалось во-время удержать лошадь мамзель Ортансы д'Эстурвиля, которая вселась на ней прямо къ рѣкѣ; Пьеръ проводилъ Ортансу къ ея родителямъ, которые оказали ему возмутительную ласковость и щадявъ съ человѣкомъ, котораго они считаютъ ниже себя. Въ это время столъ былъ накрытъ, и папѣ д'Эстурвиля, его дочь и Реибо, пустилки въ охотничьемъ костюмѣ, за котораго хотѣтъ выдать Ортансу, садятся за столъ. Февръ, какъ-бы не понимая намековъ г-на д'Эстурвиля, котораго очень не аравжируетъ присутствіе крестьянина, садится у стѣны, вынимаетъ изъ котомки кусокъ хлѣба и сыра и начинаеть уничтожать ихъ.

— Что же это, любезный? Вы, кажется, хотите здѣсь завтракать, говорить задыхаясь отъ негодованія папѣ д'Эстурвиля.

— Благодарю за приглашеніе, отвѣчаетъ Февръ и флегматически при-двигаетъ къ столу свой стулъ, къ ужасу обѣдавшихъ. — Послушайте, папѣ д'Эстурвиля, однакожъ вы не такъ горды съ хорошенькою служанкою въ трактирѣ Бѣлой-Лошадки. Сударыня, здоровъ ли вашъ родственникъ, продавецъ свиней? Ахъ, кстати, г. Реибо, я встрѣтилъ полицейскихъ; они васъ ищутъ.

Злодѣи! онъ знаетъ всю подноготную; пожалуй, сообщитъ еще что-нибудь такое, отъ чего не поздоровится хозяевамъ, а они наперерывъ спѣшатъ угостить Февръ: то вина нальютъ, то личины доложатъ на его тарелку, то пирога...

Послѣ неоднократнаго вселенія стра-ка въ сердца дѣйствующихъ лицъ,

дѣло кончается тѣмъ, что Органса выходитъ за молодаго человѣка, выгна-наго изъ дома по причинѣ темнаго рожденія, — сына Мадлены и богатаго дя-ди изъ Америки, пропавшее завѣщаніе котораго находится въ рукахъ Пьера.

Вы видите, постройка не мудреная, но, что всего важнѣе въ пьесѣ, писанной для Буффѣ, въ ней выражень характеръ, выведенъ типъ.

Буффѣ съ удивительнымъ искусствомъ передаетъ лукавое и вкрадчи-вое добродушіе крестьянина; какъ хо-роша его невадугая иѣжность, съ ка-кимъ выраженіемъ провозноситъ онъ фразы о лазоревомъ небѣ, о пѣвн сѣ-гиря, ароматѣ богородичной травки, прозрачности ручья, — о вещахъ, рѣдко встрѣчающихся въ водевилѣ!

Одна изъ декорацій представляетъ залу. Холстъ, расписанный бѣлыми и черными квадратами, покрываетъ те-атральный полъ. Какъ бы хорошо бы-ло, еслибъ для каждой декораціи дѣ-лался особенный полъ, смотря потому, гдѣ происходитъ дѣйствіе: раскиды-вается ли лужайка, идетъ ли мощеная улица, или разстилается паркетъ или мраморъ. Дѣйствительно, что можетъ быть сѣвнѣе скалъ, деревьевъ и цѣт-никовъ, выходящихъ изъ деревянныхъ половъ? Въ этой залѣ стояли насто-ящіе, анакардовые буеты. По этому случаю возникаетъ вопросъ эстетиче-скій. *Аксессуары* должны ли быть дѣй-ствительны? Съ перваго взгляда насто-ящіе аксессуары, кажется, болѣе спо-собствуютъ къ достиженію предполо-женной цѣли; но, вводя истинное въ условное, не нарушаютъ ли гармоніи? Какъ согласить, на-прим., шкапъ со стѣною изъ холста? Иллюзія, которой достигаютъ посредствомъ линій и красокъ, не уничтожается ли тѣнями отъ предметовъ настоящихъ? Въ какомъ-нибудь волшебномъ представленіи или балетѣ фея срываетъ розу, роза эта не настоящая, она сдѣлана изъ розоваго ба-тиста, но, *относительно* настоящая, она не подходитъ къ другимъ — зарисован-нымъ. Это то же самое, что вставить въ картину металлическую пуговицу, виѣ-

сто того, чтобъ нарисовать солнце. Надо впрочемъ замѣтить, что актёръ можетъ ходить по комнатамъ, или гулять по саду—чистая иллюзія, произведенная декораторомъ, а състь—то онъ можетъ вѣдь только на дѣйствительный стулъ. Подвижные аксессуары необходимо вытекаютъ изъ законовъ перспективы.

Наконецъ, театръ Porte-Saint-Martin объявилъ о новой пьесѣ, сюжетъ которой заимствованъ изъ бѣдствій послѣдняго наводненія. Дѣйствительно, наводненіе съ его ужасами, опустошеніями и всевозможными несчастіями представляетъ много возмутительныхъ сценъ и картинъ, раздирающихъ сердце. Но происшествія величественныя и страшныя идутъ рукою объ руку съ комизмомъ, и злополучное разлитіе водъ, представляя обильную пищу сочинителямъ, неравнодушнымъ къ ужасамъ, доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сюжетъ для простой, легкой комедіи. Доказательствомъ этому служить происшествіе, правда—не новое, тѣмъ не менѣе истинное.

Въ городкѣ, недалеко отъ Ліона, жила двадцати-пяти-лѣтняя хорошенккая вдова. Покойникъ мужъ былъ изъ числа мужей, о смерти которыхъ нельзя сожалѣть, послѣ которыхъ нельзя носить вѣчный трауръ и никогда уже не выходить замужъ, тѣмъ болѣе, что онъ зажегъ свѣтильникъ гимenea въ пятьдесятъ-девять лѣтъ, а шестидесяти потушилъ его. Все достоинство покойника состояло въ томъ, что онъ умеръ въ-время и оставилъ супругѣ 30,000 ливровъ дохода. За эту цѣну можно было простить его немочи, ревность и другіе дрязги или недостатки лѣтъ и характера.

Нѣтъ сомнѣнія, что милая вдова, такъ счастливо обстановленная въ настоящемъ и прошедшемъ (мужу вѣдь было 59 лѣтъ), не могла остаться безъ вздыхателей. Все, что было или даже считалось въ городѣ молодого и казистаго, все, что смотрѣло на себя, какъ на способное къ супружеству, все это стремилось занять мѣсто покойнаго

мужа. Вдова,—назовемъ ее г-жею Данвилъ,—сперва рѣшилась избрать себѣ мужа въ Парижѣ, почему провинціальныя женихи не шли сначала успѣшно дѣла не позволили ей вѣсть въ столицу, и искатели были допущены къ показанію своихъ достоинствъ. Данвилъ сдѣлалась маленькою королею: ее окружили, осадили пламенными желаніями, мольбами, вѣжкою интеллигентностью, искусною лестью, на которую, впрочемъ, она мало обращала вниманія, до роковаго часа, когда въ пышные цѣвты вывилась змѣя. Эта аллегорическая змѣя была нѣкто г. Леонаръ, *si-detant* молодой человекъ. Никто не зналъ навѣрно, который етъ годъ, но ему уже перевалило за четвертый десятокъ—роковая змѣя, въ которую обольстители отходятъ на-малую. Но Леонаръ, по исключенію и невозможности, остался въ дѣйствительной службѣ при помощи искусства, съ которыми онъ игралъ свою роль. Онъ никто не боялся, никто не считалъ его только опаснымъ, но даже просто-первичкомъ, а онъ тихонько, шагъ-за-шагомъ шелъ себѣ къ цѣли; сама г-жа Данвилъ не обращала сначала на него вниманія. Но какъ бы то ни было, долготѣлая практика, хитрость, умѣнье пользоваться обстоятельствами, извѣтный умъ—все это доставило торжество г. Леонару, такъ-что рошенккая вдова избрала его себѣ и спутники жизни, и уже готовилась свадьба, когда Рона вышла изъ береговъ.

Надо замѣтить, что г. Леонаръ, искусный тактикъ, пользовавшійся всеми возможными обстоятельствами, попался въ томъ домѣ, гдѣ жила г-жа Данвилъ. Домъ этотъ расположенъ былъ такимъ-образомъ: первый этажъ занятъ былъ вдовою, второй—г. Леонаромъ, а въ третьемъ, раздѣленномъ на мансарды, жилъ молодой живописецъ, такой робкій, благородный, а главное, такой бѣдный, что не могъ считаться представителемъ прекрасной жизни и высказать ей завѣтные мысли свои. Это было накануне свадьбы

Днемъ Рона сильно безпокоилась и волновалась въ берегахъ своихъ, но, казалось, сильнаго разлитія не будетъ. Будущіе супруги проводили вечеръ вмѣстѣ: вдова вышивала, женихъ читалъ ей новый романъ; ни онъ, ни она не подозревали, что Рона, вмѣсто того, чтобъ утихнуть, бушевала все сильнѣе и сильнѣе, вода поднималась выше и выше. По случаю наступавшаго торжества, любовники разошлись ранѣе обыкновеннаго. Леонаръ, подивившись къ себѣ, убавкиваемый близкимъ счастьемъ, приступилъ къ ночному туалету, надѣлъ колпакъ—и сорокалѣтній Хуанъ хотѣлъ уже лечь въ постель, какъ вдругъ услышалъ, что стучатся.

— Кто тамъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Я, отвѣчала г-жа Данвилъ:—отворяйте короче, ради Бога!

Онъ отперъ, и въ его комнату быстро вошла прекрасная вдова; платье ея было въ беспорядкѣ, на лицѣ написанъ ужасъ.

— Что съ вами? спросилъ изумленный Леонаръ.—Не пожаръ ли?

— Нѣтъ, не пожаръ, а наводненіе. Вода ворвалась уже въ мои комнаты, и я принуждена просить у васъ убѣжища.

— Боже мой! что со мною станется, если вода поднимется до втораго этажа?..

Видя себя, Леонаръ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ. Г-жа Данвилъ сѣла въ кресло, на ручкѣ котораго висѣлъ корсетъ. Въ отчаяніи, Леонаръ схватилъ себя за голову, отъ неосторожнаго движенія колпакъ свалился и вдова увидѣла совершенно-лысую голову своего жениха! Не смотря на страхъ, она еще прежде замѣтила корсетъ; теперь же увидала на каминѣ чудесный черный парикъ. Въ эту минуту вода ударила въ окна и выбила рану.

— На помощь, на помощь! кричалъ отчаяннымъ голосомъ Леонаръ. Передъ окномъ остановилась лодка.

— Я могу посадить только одного

въ васъ, сказалъ гребецъ:—иначе мы все утонемъ. Рѣшайте — кого?

— Меня, меня! сказала замирающимъ голосомъ Леонаръ и бросился въ лодку.

— А я еще хотѣла назвать его мужемъ!..

Однакожь надо было подумать о спасеніи. Вдова отправилась въ третій этажъ и постучалась въ дверь живописца. Молодой человѣкъ встрѣтилъ ее съ смущеніемъ, изобличавшимъ страхъ и радость.

— Боже мой! что я вижу!.. сказала г-жа Данвилъ, позабывъ на минуту объ угрожавшей опасности и съ невыразимымъ удивленіемъ смотря на свой портретъ, писанный во весь ростъ.

— Простите ли вы мою дерзость? сказалъ молодой человѣкъ.—Портретъ этотъ — моей работы. Я его сдѣлалъ отчасти на память, отчасти всматриваясь въ ваши черты. Взгляните—въ моего окна видно ваше; вы никогда не поднимали на меня вашихъ взоровъ, а я постоянно любовался вами. О, позвольте мнѣ открыть вамъ мою душу въ эту роковую минуту. Въ минуту смерти у сердца нѣтъ тайнъ. Въ другое время я бы не смѣлъ говорить вамъ о любви—вамъ—богатой, счастливой, окруженной поклонниками: и къ-чему послужило бы мое признаніе? Нѣтъ, мнѣ не суждено было блаженство: теперь я вознагражденъ за все, что выстрадалъ—я умру съ вами!

Въ голосѣ живописца было столько вѣжности, грусти и страсти; лицо его было такъ оживлено; взоръ его согрѣтъ любовью, — что г-жа Данвилъ, слушая его признаніе, ощутила въ сердцѣ своемъ чувство, которое доселѣ еще никто не могъ внушить ей.—Заиграло утреннее солнце, и по городу пронеслись радостные крики: вода сбывала. Рѣка истощила свой гнѣвъ и быстро входила въ берега; черезъ нѣсколько часовъ, все успокоилось. Леонаръ возвратился домой.

— Надѣюсь, сказалъ онъ вдовѣ:—что вы не отложили свадьбы?

— Свадьба будетъ не равнѣ, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Къ-чему эта отсрочка?

— Потому-что надо написать новый контрактъ. Несчастія даютъ человѣку опытность. Вчерашнее наводненіе показало мнѣ, какъ вы меня любите; видѣть съ тѣмъ, оно мнѣ указало человѣка, который составитъ мое счастье.

Нужно ли прибавлять, что г-жа Давиль вышла замужъ за живописца?

==

— Роману г-на Поля Феваля *Le Fils du Diable* (Сынъ Тайны) суждено выдержать успѣхъ во всевозможныхъ видахъ: парижскіе издатели Бри и Вильгерми издають его въ иллюстрированномъ великоформатномъ видѣ; рисунки дѣлаются Гаварини, Раффе, Деларошемъ и др. Уже подписавшимся разослано нѣсколько выпусковъ, которыхъ будетъ всѣхъ 80; полное изданіе въ Парижѣ будетъ продаваться по 20 франковъ.

— Вышелъ первый томъ *Исторіи Французской Революціи*, соч. Луи Блана, знаменитаго автора «*Histoire des Dix Ans.*»

— Появился наконецъ и въ Петербургѣ шестой томъ *Исторіи Консулства и Имперіи*, Тьера, обвиняющій собою событія отъ августа 1805-го до сентября 1806 года. Въ немъ три книги: «Ульмъ и Трафальгаръ», «Аустерлицъ», и «Рейвскій Союзъ».

— Въ Италіи рѣшительно развиваются идеи положительной политики, — начинаютъ издаваться различные индустриальные журналы; недавно вышелъ образецъ еженедѣльной газеты *Il Contemporaneo*, редація которой поручена г-мъ Гаволе, маркизу Л. Потенциани, Ф. Торре и доктору Л. Мазини. *Il Contemporaneo* обѣщаетъ говорить о всѣхъ общественныхъ предметахъ, въ-особенности же касающихся до интересовъ настоящаго времени, на-пр. о желѣзныхъ дорогахъ, народномъ образованіи, финансахъ, торговлѣ, граждан-

скихъ и уголовныхъ процессахъ и пр. Въ вышедшемъ листкѣ замѣчательная статья маркиза Потенциани, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о народномъ предразсудкѣ, по которому не принимаются кн-пимталы отъ иностранцевъ въ предпріятіяхъ народныхъ*. — Скоро появятся еще газеты: *Il Popolare in Italia*.

— Въ 1847 году, въ фельетонахъ французской газеты «*La Presse*» обѣщаютъ помѣстить слѣдующіе романы: *Les Payzans* — Бальзака, *Mémoires d'un Medecin* — Александра Дюма, *Militona* — Гюте, *Mémoires de Don Juan* — Малеффля, *Les Morts inconnus* — Е. Пеллетавы, *Christina la montenegrine* — Сантуса, *Le Piccinino* — Завда, *Valcreuse* — Завдо, *Le Veau d'or.* — Сульд.

— Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1846 года въ Лондонѣ напечатано сочиненіе, заключающее въ себѣ полное описаніе цѣлой породы неизвѣстныхъ до-сихъ-поръ дикихъ бѣлаго поколѣнія; они называются Мунчи и живутъ въ долинѣ горъ Сьерра де-лес-Мимбросъ, въ провинціи Сихара, въ Мехикѣ. Ихъ число простирается до 800 чел.; они складомъ похожи на Черкесовъ и пріятной наружности, миролюбивы и честны. До нихъ добираться трудно, потому-что жилища ихъ выстроены посреди неприступныхъ горъ. Ихъ существованіе подтверждаетъ рассказъ однихъ изъ первыхъ путешественниковъ по Америкѣ (рассказъ этотъ помѣщенъ въ рукописи, хранящейся въ Ватиканѣ), о многочисленныхъ поколѣніяхъ, древле обитающихъ въ долинахъ кордильерскихъ. Но до-сихъ-поръ неизвѣстно объ этихъ новооткрытыхъ бѣлыхъ Индійцахъ, потомки ли они Испанцевъ, прибывшихъ въ Америку съ Колумбомъ, или — того удивительнаго народа, который построилъ древніе города Мехику и Юкатанъ и остатки котораго разсыяны по всей Мехикѣ и Средней-Америкѣ.

— Вышелъ первый томъ англійскаго сочиненія г. Монгомери-Мартинъ «*Катай*». Это сочиненіе обѣщаетъ быть однимъ изъ лучшихъ объ этомъ предметѣ; вышедшіе до-сихъ-поръ выну-

ски содержать топографію, народонаселеніе, произведенія, доходы и банковую систему Китайской Имперіи.

— На англійскій языкъ переведена однимъ духовнымъ лицомъ съ нѣмецкаго ученаго, брошюрка Шлера, докзывающая, что св. Петръ не только никогда не былъ епископомъ римскимъ, но что онъ даже не провелъ въ этомъ городѣ ни одной минуты своей жизни. Авторъ только заваялся доказательствомъ этого важнаго историческаго пункта, совершенно предоставляя другимъ всякіе выводы.

— Извѣстно, что баварскій король выстроилъ галерею, въ которой собраны бюсты всѣхъ германскихъ великихъ людей, или, точнѣе сказать, знаменитостей, и что этому зданію дано германо-фильское мелодическое названіе *Валгалла*: въ германской мифологіи, Валгалла значитъ то же, что въ греческой *Элизіумъ*. Къ этому творенію нынѣче задана иллюстрація, подъ видомъ книги, также названной «Валгалла». То галерея бюстовъ, а это галерея критическихъ оцѣнокъ. Лучше не говорить о самомъ содержаніи ея, но довольно замѣтить, что слогъ ея очень-близко подходит къ тѣмъ краткимъ, но сильнымъ выраженіямъ, которыми поручикъ Пироговъ, у Гоголя, далъ себя знать непочтительному будочнику.

— Въ Гагѣ изданъ проектъ осушенія Зюдерзе, что должно будетъ стоить около 64,000,000 флориновъ (около 35,000,000 серебромъ). Для того, чтобъ отдѣлить Зюдерзе отъ Нѣмецкаго-Моря, предполагено устроить огромную плотину между Медемблекомъ и Энгювенномъ до Ставорена. Широкій каналъ, долженствующій открываться во время приливовъ, соединитъ Нѣмецкое-Море съ каналомъ Ай и Амстердамомъ и будетъ проводить туда воды Ина, Исселя и Цварты.

— Вышелъ седьмой томъ англійскаго сочиненія г. Хей, заключающій въ себѣ изслѣдованія о симметрической красотѣ. Объ этомъ сочиненіи замѣчаютъ, что оно, какъ и всѣ прочія творенія этого автора, очень-замѣчательно по

многочисленнымъ призрамамъ, но очень-недостаточно по развиваемой въ немъ теоріи. Вся книга раздѣляется на четыре части: въ первой говорится о пропорціяхъ треугольника; во второй о пропорціяхъ круга и связи его съ эллипсомъ; въ третьей, о греческомъ овалѣ или сложномъ эллипсѣ, и г. Хей утѣшаетъ себя пріятною мыслію, что это имя и эту фигуру онъ *возсоздалъ для міра*. Четвертая прибавочная часть содержитъ въ себѣ приложеніе этихъ правилъ къ практикѣ.

— Всякій годъ на лондонскомъ театрѣ «Лицеумъ» дають, тотчасъ послѣ новаго года, передѣлку изъ новой диккенсовой *Рождественской Книжки* (Christmas Book); въ нынѣшнемъ году была играна *Битва Жизни*, изъ новой повѣсти того же имени. На театрѣ меньше, чѣмъ въ книгѣ, замѣтны несообразности сюжета, а потому эта передѣлка имѣла довольно успѣхъ, которому особенно способствовалъ характеръ горничной, Сесили, являющейся новымъ типомъ въ галереѣ диккенсовыхъ лицъ.

— Англичане теперь крѣпко сердиты на Арагъ и на Леверрьё за то, что новооткрытую планету хотять называть именемъ одного Леверрьё и не хотять дать никакой частицы славы открытія г. Адамсу, англійскому астроному, который, по ихъ мнѣнію, тоже что-нибудь да значитъ въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно, что Арагъ, въ своемъ отчетѣ Парижской Академіи наукъ, 5-го и 19-го октября, объявилъ, что онъ объявляется, во что бы то ни стало, не называть новооткрытой планеты иначе, какъ именемъ Леверрьё. Тотчасъ же нашлись въ Англіи люди съ хорошою памятью, которые вспомнили, что въ *Notices Scientifiques*, приложенныхъ къ парижскому «Ежегоднику» (Annuaire) за 1842 годъ, Арагъ говоритъ по поводу открытія Гершеломъ Урана: «Во Франціи Лалаандъ требовалъ, чтобъ введенъ принятой уже анатомиками и ботаниками въ подобныхъ случаяхъ обычай; въ-продолженіе нѣсколькихъ дѣлъ онъ вставалъ на томъ, чтобъ

• новую планету назвали Гершелемъ. Но его настойчивость осталась безъ всякаго результата: друзья миеологін звали верхъ, и принято было имя «Уранъ». Вотъ, говорятъ люди съ твердою памятью: вѣдь Араго остался спокоенъ тогда, не вопіялъ ни противъ кого, согласился съ общимъ мнѣніемъ и зоветъ себѣ планету Уранъ — Ураномъ, а не Гершелемъ. Отъ-чего же вдругъ выныче такая переимѣна? Но этого мало; недавно Леверрье перепечаталъ свой прежній мемуаръ, подъ названіемъ: «Исслѣдованія о движеніяхъ планеты Гершель», съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ я буду считать непремѣнною своею обязанностью уничтожать имя Урана и не звать иначе эту планету, какъ Гершелемъ. Я очень-сожалѣю, что нынѣшняго моего сочиненія напечатано уже столько, что не могу теперь же собразоваться съ рѣшимостью, которую буду всегда въ-послѣдствіи соблюдать свято». Во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ стояло имя Уранъ, а не Гершель, и все тѣ же люди съ твердою памятью, съ мессифофелевскимъ коварствомъ представляютъ всѣ выводы уму самихъ читателей.

— Итальянскій генералъ Нене издалъ мемуары о современной ему Италіи. Книга эта вышла въ Лондонѣ, гдѣ генералъ живетъ уже болѣе двадцати лѣтъ. Всего любопытнѣе въ ней характеристика правленія въ Неаполѣ Иосифа Бонапартѣ и Мюрата, при дворахъ которыхъ онъ долго находился и былъ любимцемъ Мюрата. Выцишемъ изъ этой книги любопытный анекдотъ о Мюратѣ, какъ новый примѣръ его рыцарскаго, смѣлаго характера: «Однажды Мюратъ дѣлалъ смотръ нѣсколькимъ батальонамъ, какъ вдругъ, во время пальбы, подлѣ самого короля былъ раненъ одинъ изъ офицеровъ штаба. Всѣ присутствующіе перепугались, потому-что въ числѣ солдатъ было много карбонаровъ; всѣ стали упрашивать его, чтобъ онъ приказалъ

• остановить пальбу; но онъ улыбнулся и отвѣчалъ: я вижу, вы думаете, что стрѣляли въ меня; но вы ошибаетесь. — дѣти никогда не желаютъ смерти отцу. Сказавъ эти слова, онъ сталъ подѣзжать къ каждому батальону, самъ командуя пальбу. Эта неустрашимость короля уничтожила въ карбонарахъ рѣшительно всѣ непріятныя чувства, какія только къ нему питали».

— Въ послѣднемъ заведеніи Королевской Ирландской Академіи Наукъ, сэръ Уильямъ Гамилтонъ изложилъ возможность (подкрѣпленную математическими доказательствами) открыть центральное солнце, около котораго обращается наше солнце и его спутники. Но это только предположеніе, и должно ожидать, чтобъ ученый сэръ на дѣлѣ оправдалъ свои догадки.

— Лѣтомъ прошлаго года, въ Англіи было очень-много грозъ, отъ которыхъ были разрушаемы до основанія цѣлыя большія влани; и такъ-какъ англійскіе ученые занимаются изысканіемъ средствъ для болѣе-вѣрнаго отращенія на будущее время подобныя несчастій,—то они теперь слѣдили много весьма-важныхъ наблюденій надъ степенью силы молвіи. Такимъ-образомъ, по случаю совершеннаго разрушенія въ Дейстерѣ церкви св. Георгія, вывели такое заключеніе, что 100 тоннъ камня были брошены на разстояніи 30 футовъ въ три секунды, и что нужна была бы сила 12,220 лошадей для того, чтобъ противостоять этому одному удару молвіи.

— При проведеніи линіи для галеджской желѣзной дороги въ Шотландіи, въ Авонской-Долинѣ, докопались до остатковъ дома, который по всѣмъ признакамъ отнесли ко временамъ владычества Римлянъ въ Британіи. Тутъ же найдены разныя монеты и оружіе; но все это не столько примѣчательно и важно, какъ найденная латинская рукопись, которая, кажется, содержитъ въ себѣ часть знаменитой исторіи Тита-Ливія, такъ-что теперь возвратятся, быть можетъ, съѣту

тъ части этой исторіи, которыя считались навсегда потерянными. Манускриптъ состоитъ изъ пергаментныхъ свертковъ, соединенныхъ между собою пергаментной ленточкой. Пергаменты эти длиною около 30 фут., шириною 2 фута. Съ ними же найдена маленькая рукопись съ заглавіемъ *ad Agricolam*. Всѣ они обязаны своимъ сохраненіемъ аккуратности футляровъ, въ которыхъ найдены.

— На переѣздѣ корабля Елена изъ Батавіи въ Кантонъ, на сѣв. шир. 16° вост. долг. 125°, онъ прошелъ между огромными слоями пемазы, которыя плавали на поверхности моря и казались недавнимъ изверженіемъ, потому что когда достали нѣсколько кусковъ этой пемазы, на ней совершенно не было никакой слизи, ни травяныхъ порослей, всегда пристающихъ къ тѣламъ, находящимся нѣсколько времени на водѣ. Многие куски были величиной съ обыкновеннае ведро. Отъ того мѣста, гдѣ тогда находился корабль, ближайшая земля была Острова Маріанскіе или Разбойничьи, можетъ-быть въ 1,000 миляхъ. Кажется, невозможно было этимъ кускамъ приплыть изъ такой дали: должно предполагать, что около этихъ мѣстъ находится подводный вулканъ.

— Въ Лондонѣ устроилось общество подъ названіемъ *Гакмонтоса*, для изданія сухопутныхъ и морскихъ путешествій, начиная съ древнѣйшихъ временъ до Дампьерра. Сначала, общество хотѣло-было принять имя Колумбова, но потомъ разсудили, что это имя указывало бы скорѣе на общество, имѣющее цѣлью распространять новыя географическія открытія, чѣмъ на такое, которое намѣрено издать въ свѣтъ труды старинныхъ путешественниковъ; по этому-то и выбрали имя Гакмонта, который, какъ извѣстно, жилъ при Елисаветѣ и далъ свое имя коллекціи путешествій, изданныхъ его стараніями. Новое общество будетъ существовать на точно-такихъ же основаніяхъ, какъ Общества Шекспировское, Кеңденское, Рейское

и др. Членъ обязанъ внести всякое 1-е января одинъ фунтъ стерл. за годъ впередъ.

— Г. Джибсъ, резидентъ на островѣ Тёркъ, сообщилъ Нью-Йорскому Историческому Обществу слѣдующія подробности о высадкѣ Колумба на американскій берегъ: онъ, г. Джибсъ, якогда не могъ хорошенько убѣдиться, чтобъ Колумбъ присталъ къ острову Сан-Сальвадору или Кочачену, и это заставило его завѣяться новыми изслѣдованіями. Свѣрля журналъ Колумба съ извѣстностью и съ извѣстіями Гумбольдта и Наванетти, г. Джибсъ наконецъ совершенно удостовѣрился, что Гуавагани Колумба не что иное, какъ островъ Тёркъ. Колумбъ говоритъ въ своемъ журналѣ, что въ виду Гуавагани много острововъ, а у Сан-Сальвадора никакихъ нѣтъ; Колумбъ объѣхалъ Гуавагани въ одинъ день, а это невозможно сдѣлать вокругъ Сан-Сальвадора, лежащему кажется, въ сѣверу отъ пути, по которому шелъ Колумбъ. Далѣе, туземцы рассказывали Колумбу, что они доставали себѣ золото съ юга, а Сен-Доминго именно лежитъ въ этомъ направленіи отъ острова Тёркъ; въ журналѣ Колумба сказано, что камни сен домингскіе похожи на камни въ Гуавагани, изъ-самонъ-дѣлъ, есть сходство между названіями сен-домингскими и тёркскими. Въ журналѣ говорится, что Колумбъ перешлилъ путь свой, увидѣвъ птицъ; потому, что Гуавагани страна лѣсистая и изобилующая водами; а именно въ то время года, когда Колумбъ приставалъ къ Америкѣ, зуйки въ большомъ количествѣ прилетаютъ къ острову Тёркъ, цѣлая треть котораго покрыта озерами солеными и прѣсными; теперь этотъ островъ совершенно безопасенъ, но извѣстно, что прежде онъ изобиловалъ лѣсомъ, о чемъ хорошо помнитъ г. Джибсъ, когда былъ очень-молодъ. Сверхъ-того, колумбовъ журналъ впрочемъ не упоминаетъ о большой багамской отиелі, которой, однакожъ, невозможно миновать, если подѣзжать къ Сан-Сальвадору.

— Лондонская національная галерея до такой степени богата всѣми родами произведений живописи, что недавно отказалась принять въ подарокъ прекрасную картину Прокаччини «Адамъ и Ева», ссылаясь на совершенный недостатокъ мѣста, такъ что даритель принужденъ былъ обратиться съ своимъ приношеніемъ въ Далвичскую Галерею.

— Любимый англійскій композиторъ Бальфъ далъ на Друриленскомъ-Театрѣ свою новую оперу *the Bondman* (Крѣпостной Человѣкъ), которая признана за лучшее изъ его сочиненій, потому что въ этой оперѣ встрѣчается больше оригинальности и выдержанности, нежели въ прежнихъ его операхъ. За то всѣ жалуются на длинныя шогсеау d'ensemble, которые тѣмъ скучнѣе, что текстъ въ нихъ—жалкое стихоплетство, приводящее въ изумленіе и смѣхъ публику, привыкшую ко всевозможнымъ итальянскимъ либретто.

— На королевскомъ театрѣ въ Гагѣ ставится большая опера въ четырехъ актахъ—*Ossada Aïdeïna*, слова Иполита Лука, музыка Фогеля. Обстановка, говорятъ, будетъ необыкновенно-величественна.

— Муниципальнымъ версальскимъ совѣтомъ назначена золотая медаль пѣвицѣ Гриммъ, съ большимъ успѣхомъ дебютировавшей на сценѣ *Opera-Comique*. Молодая артистка родилась въ Версали.

— Конрадинъ Крейцеръ назначенъ директоромъ оперы при вѣйскомъ дворѣ на мѣсто Николая, отправляющагося въ Берлинъ. Онъ написалъ оперу *Hochländerin*, которая скоро будетъ поставлена въ Гамбургѣ.

— Основанное нынѣшнимъ королемъ баварскимъ заведеніе для живописи на стеклѣ исполнило уже много весьма-замѣчательныхъ произведеній въ большомъ объемѣ. Теперь кончаютъ большія четыре окна для кѣльнскаго собора; прежде, чѣмъ они будутъ отправлены въ Кѣльнъ, ихъ выставятъ на показъ всей юнхенской публики.

— Во время пребыванія своего въ Дрезденѣ, германскій писатель Габель издалъ въ свѣтъ поэму, которая обратила на себя всеобщее вниманіе. Теперь, говорятъ, онъ пишетъ либретто для оперы «Дорелея», музыку которой будетъ сочинять Мендельсовъ Бартольди.

— Въ скоромъ времени въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ будетъ востановлена статуя знаменитой актрисы Сидонсъ. Для этого снимутъ съ мѣста стую брата ея, также замѣчательнаго актѣра, но который теперь долженъ переѣхать куда-нибудь сто въ уступитъ мѣсто гениальной сестрѣ.

— Новое зданіе, назначенное для Британскаго Музеума, почти уже окончено; въ концѣ прошлаго декабря съ аукціона продано зданіе тоулъейской галереи, для того, чтобы на мѣстѣ ея выстроить особенный флигель, который будетъ соединять галерею египетскихъ древностей съ западнымъ флигелемъ новаго главнаго фасада.

— Въ Парижѣ очищено въ Турѣ много мѣста для остатковъ, привезенныхъ изъ Ниневіи; зала будетъ именоваться *Ниневійскою-Заломъ*.

— Въ Калькуттѣ назначено устроить выставку художественныхъ произведеній, и англійское правительство присигновало для этой цѣли 5,000 рупій.

— Г. Фурнель прислалъ изъ Африки французскому правительству богатое собраніе минераловъ, которыми онъ занимался во время многочисленныхъ путешествій въ Алжирѣ. Число образчиковъ простирается до 2,000; изъ нихъ нѣстили въ домѣ горной школы и выдѣли изъ нихъ карту Африки, расположенную для сравнительнаго изученія геологическихъ мѣстностей этой части свѣта.

— Англійскій путешественникъ, изытатель Ньюбольдъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ нынѣшнее положеніе семи азіатскихъ церквей, о которыхъ говоритъ Іоаннъ Богословъ: первокъ эфесская до-сихъ-поръ сохраняетъ свое первенство и даетъ титулъ греческому архіепископу, между-тѣмъ

как другими правят только епископы. Но и она въ статистическомъ отношеніи находится въ положеніи весьма-незавидномъ; гавань этого города сдѣлалась зачумленнымъ болотомъ, и единскія развалины, посѣщаемыя только шакалами, стоятъ на прежнемъ мѣстѣ когда-то многолюднаго города. Деревуша Аясалукъ лежитъ на разстояніи одной мили отъ развалинъ, и изъ числа 40 семействъ въ ней только одно христіанское. Разказываютъ, что 4 гранитныя колонны мечети ея прежде принадлежали къ знаменитому храму Дианы Эфесской. Если Эфесъ представляетъ образъ смерти и запустѣнія, за то Смирна не перестаетъ расти и улучшаться; въ какихъ-нибудь 20 лѣтъ число жителей изъ 70,000 возросло до 130,000. При пяти греческихъ и трехъ латинскихъ церквахъ заведено множество школъ, только протестантскія церкви отстали еще въ устройствѣ этого рода заведеній. Послѣ Смирны всего болѣе процвѣтаетъ Пергамъ; жителей въ немъ до 16,000, и въ христіанскомъ кварталѣ есть двѣ греческія и одна армянская церкви; когда г. Ньюболдъ пришелъ въ греческую школу, всѣ ученики, вмѣсто стульевъ или скамеекъ, сидѣли на мраморныхъ надгробныхъ камняхъ, надписи которыхъ были до-сихъ-поръ неизвѣстны. Кое-какъ еще держится Тіатиха, но Сарансъ провозводитъ впечатлѣніе еще болѣе грустное, чѣмъ Эфесъ. Меланхолическое озеро Гнгейское, болотистая долина Гермуса и некрополисъ лидійскихъ монарховъ, — все это вмѣстѣ наводитъ грустныя мысли при взглядѣ на древнюю столицу Креза. Нѣтъ никакого золота въ Накторѣ, который прежде славился золотымъ пескомъ, и, вѣроятно, къ преданію этому подала поводъ блестящая мина, которой много въ пескѣ. Въ Филалельѣи 10,000 Турковъ и 5,000 Грековъ, церковь 25; но всѣ онѣ маленькія и жалкія; какія-то большія развалины называютъ остатками церкви, о которой упоминаетъ Апокалипсисъ. Наконецъ Лаодикей, забытая до XVII столѣтія, ничего больше, какъ

груда печальныхъ развалинъ. Одно время думали, что этотъ городъ стоитъ на вулканическихъ холмахъ; но это неправда: они осалочнаго происхожденія, болѣею частью известняка.

— Недавно умеръ Огюстъ Левассёръ, шефъ клекеровъ при Королевской Парижской Музыкальной Академіи (французская опера); онъ былъ очень-богатъ, имѣлъ два дома и получалъ въ годъ жалованья и дохода столько, сколько французскій маршалъ; жалованье свое онъ получалъ помѣсячно непромѣнно отъ каждаго изъ артистовъ, разумѣется, примѣчательныхъ. У него было два лейтенанта, а у каждаго изъ нихъ было по два под-лейтенанта; наконецъ, у всѣхъ шестерыхъ было по бригадѣ, изъ шести человекъ каждая, такъ-что все вмѣстѣ составляло корпусъ изъ шестидесяти человекъ. Корпусъ этотъ раздѣлялся на три разряда: съ жалованьемъ, безъ жалованья, и платившихъ въ некоторую часть за входъ. Первая бригада получала жалованья 1 франкъ 25 сантимовъ; вторая ходила въ театръ даромъ по протекціи одного изъ лейтенантовъ, съ приличнымъ ему потомъ вознагражденіемъ — сигарочка или что-нибудь въ этомъ родѣ. Это все были юные питомцы, недостижшіе еще полного искусства. Третій классъ платилъ г. Левассеру по 2 франка за входъ, вмѣсто настоящихъ четырехъ. Сигналомъ аплодисмановъ всегда былъ легкій ударъ палкой шефа объ полъ, а сборное мѣсто до представленія — винный погребокъ въ улицѣ Фаваръ, гдѣ нѣтъ разказывалось, въ какомъ мѣстѣ оперы какого сорта должно почувствовать энтузіазмъ. Другое подобное же войско — *les chatouilleurs*, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ начинать смѣхъ въ комическихъ пьесахъ, особливо въ тѣхъ, гдѣ авторъ мало забавенъ; также онѣ должны въ приличныхъ мѣстахъ произносить равныя восклицанія удивленія и восторга.

— Въ Ирландіи есть 74 города, въ которыхъ, при населеніи изъ 2,500 человекъ по самой малой мѣрѣ, нѣтъ ни

одного книгопродавца. Въ Шотландіи сравнительно народонаселеніе на $\frac{1}{3}$ меньше, а книгопродавцевъ въ ней втрое больше, потому что они въ пропорціи, 9 къ 1. Въ числѣ 74 городовъ, безъ *одного* даже книгопродавца, состоятъ слѣдующіе: Дюнгарванъ, 12,382; Каррикъ-он-Сюиръ 11,049; Іѣгхаль 9,939; Каррикѣргусъ 9,379; Кашель 8,027; Ньютоунчардъ 7,621; Лисбѣриъ 7,524, Кинсаль 6,918. Это фактъ странный, однакожъ достовѣр-

— Женщины эдинбургскія, въ числѣ 10,337, послали къ своимъ сѣверо-американскимъ сестрамъ меморію, въ которой умоляютъ ихъ употребить все влияние своего пола для эманципации трехъ милліоновъ американскихъ невольницъ.

— Въ Лондонѣ заводится общество устройства безденежныхъ кабинетовъ чтенія для рабочаго класса. Душа этого общества лордъ Ашлей, извѣстный уже многими филантропическими предпріятіями.

— Въ Британскій Музеумъ теперь поступаетъ отказанная завѣщаніемъ г. Гренвилля библіотека, одна изъ самыхъ драгоценныхъ въ Европѣ. По каталогу 1842 года, въ ней было уже больше 20,000 томовъ, въ томъ числѣ чрезвычайно-много изданій рѣдкихъ и дорогихъ; такъ, на-примѣръ, лучшія и полнѣйшія въ Европѣ изданія Гомера, итальянскихъ и испанскихъ поэмъ, самыхъ рѣдкихъ сочиненія объ армяхъ и разводахъ Генриха VIII, подлинныя изданія путешествій Марко-Поло, Контарини, Колумба и Веспуччіа, подлинныя коллекціи Дѣрби, Галзеуса, Хакмонта, Пурчаса и т. д. Впрочемъ, на счетъ этой коллекціи знатоки замѣчали, что изъ каждыхъ 5 книгъ у Британскаго Музеума навѣрное есть уже 4, особенно потому что въ собраніе г. Гренвилля вошло много купленныхъ имъ изъ Британскаго же Музеума дублетовъ. Какъ бы то ни было, эта библіотека драгоценный подарокъ английскому народу. Большая часть томовъ переплетены въ русскую кожу и сафьянъ.

— Близъ Парижа заведена фабрика, на которой заставляютъ работать суцшесшедшихъ. Заведеніе это очень-благдѣтельно: какъ бы ни было утѣшено положеніе этихъ несчастныхъ, они все-таки требуютъ тщательнаго присмотра, и—вокъ примѣръ. Двое суцшесшедшихъ занимались приготовленіемъ итальяскаго сыра и толковали о своей работѣ. Одинъ сказалъ другому: «послушай, меня преслѣдуетъ одна мысль: захшелъ средство приготовить такой сыръ, какого никто еще не ѣдалъ; вкусъ будетъ отличнаго. — Я тоже нашелъ средство, отвѣчалъ другой. — Эге! Какое же?—Нѣтъ! скажи мнѣ прежде, что ты придумалъ?—Нѣтъ, ты прежде скажи. — Не скажу.—Ну, такъ слушай: мало прибавить твоего мозга. — А какъ ты думаешь, если я мелко-на-мелко впрѣблю твою печень и употреблю ее въ глѣло—будетъ недурно! — Хорошо, однакожъ отъ твоего мозга сыръ сдѣлается маслянымъ, жирнымъ... Слово-за-слово, завязался у нихъ споръ, и кончился тѣмъ, что, схвативъ ножи, они бросились другъ на друга, одинъ, чтобъ достать мозгъ изъ головы своего пріятеля, другой, чтобъ вынуть печень. Не счастію ихъ оставили въ время.

— Изъ Ирландіи пишутъ, что во многихъ мѣстностяхъ на югѣ в зимѣ свирѣпствуетъ голодъ: мѣшкн ржи ичезаютъ съ каждымъ днемъ; если и подвезутъ припасовъ, то погибнутъ тысячи и тысячи несчастныхъ Г. Куршингъ, начальникъ графства Коркъ, пишетъ къ герцогу Веллингтону: «Услышавъ объ ужасной нищѣ въ пространныйшейся по приходу Мэ-росъ, я отправился туда, взявъ съ собою хлѣба, сколько могли нести 5 мѣловъ. Селеніе по-видимому было пустынно; я вошелъ въ нѣкоторыя изъ домовъ. Въ первомъ, въ тѣсномъ углу на соломѣ лежало 6 скелетовъ, въ трудомъ прикрытыхъшися попономъ; въ нихъ была горячка. Лишь-только разпространилась вѣсть о моемъ прибытіи, какъ междя окружило 200 предѣльныхъ: еще теперь слышу а взвѣднкіе вопли и стоны, вижу блуждающихъ»

• взоры, исхудалыя и скудныя лица!
 • Съ трудомъ могъ я освободиться отъ
 • женщины съ новорожденнымъ у гру-
 • ди. Она и ея дѣти были почти на-
 • гія. По приказанію полиціи отворили
 • дверь дома, не отворявшуюся уже
 • нѣсколько дней, и мы увидѣли на по-
 • лу два трупъ—полу-изгрызенные кры-
 • сами!»

— На западныхъ берегахъ Шотландіи гибнетъ отъ голода 50,000 народонаселенія. День-отъ-дня увеличивается число умершихъ отъ холеры и кроваваго поноса. Старикъ и дѣти лежатъ почти весь день, чтобы не чувствовать сильнаго холода и вестеримаго холода.

— Въ ночь съ субботы на воскресенье (27 декабря), говоритъ журналъ города Гаги, на берегахъ Рейна, противъ мѣстечка Ункель, было чрезвычайное явленіе. Волканическое изверженіе, предшествуемое и сопровождаемое подземнымъ гуломъ, который можно бы было принять за приближеніе ужасной бури, образовало гору, правда—изъ обломковъ, тѣмъ не менѣе отъ 180 до 200 футовъ высоты. Въ этомъ мѣстѣ существуетъ базальтовая каменоломня (базальтъ употреблялся для мощенія улицъ и устройства дорогъ). Между каменоломней и Рейномъ тянется обширная долина, по которой идетъ шоссе; эта-то долина превратилась въ гору разваливъ, а шедшая по ней дорога откинута на 100 футовъ вверхъ. Къ сѣверу отъ каменоломни, въ высокой горѣ расположенъ былъ виноградникъ; эта гора, въ минуту, когда поднялась долина, опустилась. Всѣ означенныя мѣста представляютъ теперь зрѣлище странное и удивительное. Открывается обширное поприще натуралистамъ, которые не замедлятъ каждый по-своему объяснить этотъ феноменъ.

— Въ Лондонѣ существуетъ общество для искорененія порока; главная цѣль его—преслѣдовать и уничтожать дурныя книги, неблагопрістойныя гравюры, рисунки, литографіи. Изъ члена, напечатаннаго секретаремъ

этого общества, видно, что въ продолженіе десяти мѣсяцовъ оно уничтожило 38,577 неприличныхъ картинъ, 1,927 книгъ съ вредными вѣвѣтами и много бранныхъ публикацій. Сверхъ-того, оно перехватило 562 мѣдныя доски, 13 камней для литографірованія и много другихъ предметовъ, на которыхъ дѣлались непристойныя изображенія.

— Такъ-какъ вновь изобрѣтенный порохъ изъ хлопчатой бумаги можетъ быть употреблемъ подобно пороху, изобрѣтенному Бертольдомъ Шварцомъ, то весьма-естественно, что къ новѣйшему пороху могутъ быть примѣнены всѣ законы, относящіяся къ производству и продажѣ устарѣваго. Въ-слѣдствіе чего и согласно съ приказаніями г. министра внутреннихъ дѣлъ во Франціи, префектъ парижской полиціи предложилъ мѣрамъ своей префектуры и полицейскимъ комиссарамъ наистрожайше смотрѣть, чтобы частныя лица не дѣлали и не продавали новаго пороха, и, въ случаѣ неисполненія, приказа представлять ихъ въ судъ, согласно съ постановленіями 13 фруктидора V года, и 24 мая 1834 г. Сверхъ-того, префектъ полиціи запретилъ употреблять новозобрѣтенный порохъ содержателямъ закъ для стрѣльбы. Кстати, или, лучше сказать, мимоходомъ, вотъ случай, показывающій, какъ надо быть осторожному съ новымъ порохомъ. Нѣсколько химиковъ въ Девинѣ производили опыты, чтобы узнать свойства взрывистой хлопчатой бумаги. Сдѣлавъ необходимыя приготовленія, они, чтобы скорѣе ее высушить, прибѣгли къ парамъ. Бумага лежала въ сосудѣ, находившемся въ непосредственномъ прикосновеніи съ жаромъ. Черезъ нѣсколько минутъ, произошелъ ужасный взрывъ: выбито было восемьдесятъ стеколъ, полъ проломленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и все зданіе сильно потрясено. По какому-то капризному, необъяснимому случаю ни одинъ изъ химиковъ не былъ раненъ.

— У г. Р..., продавца сулла, въ Па-

рижѣ, находилась въ услуженіи дѣви-ца Александрина Булаиже; неизвѣстно, по какой причинѣ онъ, мѣсяца три то-му назадъ, за нѣсколько дней до своей свадьбы, отказалъ Александрина отъ мѣста и взялъ къ себѣ другую служанку, которая и жила у него подлѣ имен-нѣй Марьи. Отказъ сильно опеча-лилъ Александрина, и съ этого време-ни она не разъ хотѣла отмстить свое-му бывшему господину за его *небла-годарность*, какъ она называла его поступокъ. Г. Р. зналъ о намѣреніи служанки, и потому былъ остороженъ. Утромъ 19-го ноября, Александри-на хотѣла привести въ исполненіе свой замыселъ. Кажется, она хотѣла убить молодую жену г. Р. Чтось не быть узнавшаю, она переоделась въ мужское платье и въ 8 часовъ отпра-вилась на квартиру г. Р. Но, какъ нарочно, г. Р. и его жена еще на ка-нути уѣхали въ деревню къ своимъ родственникамъ и должны были воз-вратиться только вечеромъ. Алексан-дринна позволила; ей отворила моло-денькая, хорошенькая женщина. По-лагая, что это г-жа Р., Александринна плеснула ей въ лицо кислотою, кото-рую взяла съ собой; потомъ, какъ фу-рія, бросилась на несчастную и нанес-ла ей широкимъ ножомъ десять уда-ровъ въ грудь, животъ и голову. Ви-дя, что жертва унала бездыханна, Але-ксандринна отворила окно и бросилась на улицу. Въ это время подлѣ окномъ остановилась телега съ зеленью; пре-ступница упала прежде на телегу и уже потомъ на мостовую. Сбѣжавшая-ся толпа, видя кровь на ея платьѣ, по-думала, что она тяжко ранена; но Але-ксандринна скоро объявила, что на ней кровь г-жи Р., которую она сейчасъ убила, сама же она не ранена, потому-что телега зеленщика облегчила ея па-деніе.— Виѣсто г-жи Р. Александринна убила служанку; ее тотчасъ свели въ префектуру полиціи, и такъ-какъ въ па-деніи она слегка раввила себя въ голову и получила лишь нѣсколько царапинъ, то скоро началось слѣдствіе. Расканіе кажется, ее вислолько не смущаетъ; въ

свое оправданіе она сказала толь-ко, что дѣйствовала подлѣ вліяніемъ чув-ства, заглушившаго въ ней всѣ способ-ности. Говорятъ, что Александринна на-ходилась въ связяхъ съ прежнимъ сво-имъ хозяиномъ и что у нихъ родился ребенокъ; вступая въ законный бракъ г. Р., бросилъ свою любовницу и ре-бенка и, что вѣроятно, за это хотѣла отмстить Александрина. Но слухи эти ложны: она находилась въ услуженіи у г. Р. только девять мѣсяцевъ, а ея ребенку теперь четыре года. Надо за-мѣтить, что Александринна замѣчатель-ной красоты; одѣвалась она всегда съ большимъ вкусомъ и вообще ея мане-ры обнаруживали рожденіе выше то-го состоянія, въ которомъ она находи-лась.

— Г-нъ Галишаръ, называющій себя артистомъ - аматѣромъ и фран-масо-номъ, принесъ жалобу на прелюбодѣ-ліе г-жи Галишаръ, и г. Теодора, живописца, какъ ея сообщника. Ули-ченные на мѣстѣ преступленія, пре-ступники соглашаются въ обвинитель-ныхъ фактахъ. Президентъ суда пред-ложилъ г. Галишару высказать жало-бу, и Галишаръ началъ такъ: «Прежде всего долженъ я вамъ сказать, что пят-надцать лѣтъ жена дѣлала меня счаст-ливѣйшимъ человекомъ; мы...

Г-жа Галишаръ. Пока у васъ не было другъ отъ друга секретовъ.

Г-нъ Галишаръ. Были у насъ ма-ленькія ссоры, такъ, о пустякахъ, — такія ссоры бывали, вѣроятно, у каж-даго изъ васъ, господа... Такимъ-обра-зомъ домъ мой былъ настоящимъ ра-емъ до 16 декабря 1845 г., когда мнѣ пришла въ голову злополучная мысль сдѣлаться фран-масономъ. Натурально, сообщилъ я объ этомъ женѣ, и она, виѣсто того, чтобъ покричать на меня за издержки, еще напротивъ убжда-ла исполнить мое намѣреніе. Воз-вратясь вечеромъ домой, я замѣтилъ, что жена была со мною до-нельзя лю-безна; вниманію, ласкамъ, милостивымъ конца не было. Только-что легли мы въ постель, и я поцаловалъ жену, намѣреваясь отвернуться отъ нея и за-

нуть, какъ вдругъ она схватила меня а руки и сказала: — Теперь, Полить, ты долженъ мнѣ все рассказать. — Что же? — Что такое масонство? — Ничего, г-ва чаль я съ нѣжностію. — Какъ ни-его? — Пустяки, сущій вздоръ! — Я всегда такъ и думала; но пустяки ли, мнѣ ли, ты все мнѣ долженъ рассказывать, съ *pater* до *amen*. — Не могу, мой ангель. — А я, г. Галишаръ, я хочу этого, понимаешь? — Невозможно, моя ласточка! это запрещено. — Такъ я же вамъ скажу, что это не пустяки, что тамъ дѣлаются вещи ужасныя... иначе почему не принимать бы въ это общество женщинъ? Собираются одни мужнины ночью, въ фарукахъ, съ мертвыми головами! — Сказать ли вамъ, господи, это была ужасная ночь! дорого мнѣ обошелся секретъ: вѣдь же-ну-то я любилъ. Она то начинала плакать, то снова ласкалась ко мнѣ, то хотѣла меня разсмѣшить и тѣмъ заставить говорить. Я притворился спящимъ и захрапѣлъ. Тогда, выведенная изъ терпѣнія, она закричала: «А! ты мнѣ не хочешь сказать: разъ, два... Ну, такъ ты будешь рассказывать... Я и отъ другихъ узнаю, но узнаю непремѣнно, во что бы то ни стало, узнаю, узнаю...» Истощивъ гнѣвъ свой, она заснула, а я, дурачекъ этакій, и думалъ, что этакъ дѣло кончится; но она сдержала слово; остальное вы знаете.

Г-жа Галишаръ. Мужъ мой согласился, что я его предупреждала — вотъ моя защита: это послужитъ мужьямъ

урокомъ не имѣть тайнъ отъ бѣдныхъ женъ. Можетъ-быть, правительство рѣшится наконецъ уничтожить эти масонства, замѣтивъ, до чего они доводятъ. Что до меня касается, я при томъ и осталась, при чемъ была: Патюро и Гобленъ, съ которыми меня поймалъ мужъ, были масоны, это правда, — но они мнѣ ничего не сказали; я же ихъ съ перваго раза и прогнала. Этотъ длинный и сухой Теодоръ обокралъ меня: онъ бы и сказалъ мнѣ все, да, по несчастью, ничего не знаетъ, но общалъ мнѣ все узнать, почему я его и оставила при себѣ

Helas! du crime affreux dont la honte
me suit,
Jamais mon triste coeur n'a recueilli
le fruit.

Г. Теодоръ. Въ свое оправданіе я могу только сказать, что, мнѣ казалось г-жа Галишаръ любить меня за меня-самого; а такъ-какъ она употребила меня не болѣе, какъ средство вывѣдать тайну, то я отъ нея отказываюсь и общаю г-ну Галишаръ никогда не встрѣчаться съ его супругою.

Г-жа Галишаръ. Фи, какъ это плохо! Никогда не прошу себѣ, что любила такого простоголю.

Судъ приговорилъ г-жу Галишаръ къ шести-мѣсячному заключенію въ тюрьму, а г. Теодора къ трех-мѣсячному и къ штрафу во 100 фр

— Будь, что будетъ, сказала г-жа Галишаръ: — а ты, Полить, держи у меня ухо остро!..

И О Д Ы.

Всѣ теперь такъ заняты балами, спектаклями, обѣдами и гуляньемъ, что едва успѣваютъ переодѣваться изъ одного костюма въ другой; но какъ ни разнообразны дамскіе наряды, однакожь, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего новаго. Конечно, можно замѣтить нѣсколько вещей, которыя прежде ускользнули отъ нашего вниманія или были въ употребленіи менѣе, нежели теперь, —

T. L. — Отл. VIII.

на-примѣръ, разные драгоценныя камни: въ началѣ зимы ихъ носили много; но теперь они до такой степени вошли въ моду, что очень-часто вся уборка платья и головы состоитъ изъ однихъ камней. Вдругъ вы видите чудесную дилію на головѣ или на груди, у платья, сдѣланную изъ бусъ съ изумрудными листьями, или на бокахъ платья прорѣзи, соединенныя большими яхон-

1/17

товыми застежками, или наконецъ талію обхваченную кушакомъ изъ какихъ-нибудь драгоцѣнныхъ каменьевъ. Даже при утреннихъ визитахъ дамы показываются не иначе, какъ съ нѣсколькими браслетами и съ огромной брошкой, прикалываемой уже не на груди, какъ обыкновенно носить, открытаго платья, а у самаго горла, т. е. брошка застегиваетъ или манишку или ленту, надетую подъ манишкой.

Живые цвѣты тоже въ большой модѣ; на-примѣръ, вѣнокъ изъ ландышей съ большими листьями очень-хорошъ для вечера, особенно если онъ приколотъ какими-нибудь драгоцѣнными булавками. Ландыши тѣмъ хороши, что не скоро вянутъ. Еще очень-красивы для уборки камелии, особенно полосатая.

Букеты въ 'рукахъ бывають немногочисленныя величавы, и — такова сила моды — дамы не устають держать эти огромные пучки и носить тяжелые наряды изъ каменьевъ!

На вѣсѣрахъ также блестятъ и золото и камень.

Перчатки не обшиваются ничѣмъ.

Башмаки должны быть съ широкими носками, очень-глубокіе и многовырѣзанные сверху. Ботинки съ каблучками и съ пуговицами. Для утра дѣлаются очень-красивыя стеганыя ботинки съ какими-нибудь яркими отворотами, красными, желтыми, голубыми и другихъ цвѣтовъ.

Манто для гулянья обшиваются чаще всего кружевами и шѣпкомъ. Кружева также очень-часто показываются на шляпкахъ — или на тулѣ, или на поляхъ, или даже подъ полями. Фасонъ манто и шляпокъ все тотъ же, что и прежде.

Вотъ дѣтскія моды. Мальчики мо- ложе шести лѣтъ большею частію гу-

ляютъ въ гетрахъ — сузовыхъ или бархатныхъ; каюгъ доходить только до колѣвъ. Воротникъ на каюгѣ круглый; спереди маленькія платяныя пуговицы. Рукава гладкіе. Штаны почти-всегда сѣрыя нухомы, съ круглыми полями и съ перомъ, которое прикалывается на тулѣ съ одного бока на другой; подъ манто чепчикъ и большія кокарды изъ вѣтнхъ лентъ; шляпы эти очень-красивы, теплы и легки. Дѣвочки одѣты точно также въ гетрахъ; шляпы доходятъ только до юбокъ; платяныя ихъ точно также дѣлаются съ ширинкой, но чаще сверху каюга шивается маленькое бархатное или, которое обшивается или аграфитомъ, или кружевами; но оно очень-важно, чтобъ не сказать — сѣдно, или обшито шѣпкомъ: маленькія дѣти вѣсело вообще довольно-попы, но изъ-за отъ ватныхъ костюмовъ еще каюга поляне; слѣдовательно, каюгабудетъ походить ребенокъ. когда на немъ оббудеть шѣпъ? Мы говоримъ здѣсь о дѣтахъ моложе шести лѣтъ; но иногда восьми или десяти лѣтъ одѣваются совершенно какъ большія; развѣ некоторые изъ нихъ носить еще гетры; и-поты же ихъ опускаются гораздо-ниже колѣва.

— Мужчины теперь пользуются совершеннымъ комфортомъ въ своихъ костюмахъ: пальто, сюртуки, фракъ, — все это дѣлается очень-широко и съ длинной таліей; развѣ еще баллые фракы немного-уже, но все же гораздо-шире прежнихъ. Панталоны поистинѣ дѣлаются безъ штринокъ даже для баловъ. Нынче въ Парижѣ выдумали для баловъ бархатныя шляпы, которые, говорятъ, удобно держатся въ складныхъ шляпъ (mécanique).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у **М. БЕРНАРДА,**

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой - Морской.

въ домѣ Паскаля № 11.

Новыя пьесы для фортепьяно.

	Серебрянъ	Р.	К.
HENSELT. A. Quatre romances sans paroles.	1	.	.
— 2-me Impromptu.	60
DOHLER. Th. Le postillon. Rondeau brillant sur une mélodie de l A. S. le Prince de Hohenzollern-Hechingen. op. 63.	1	.	.
— La suppliante. Ballade. op. 65.	75
LVOFF. A. Ouverture de l'opéra Ondine, transcrite pour piano par B. Damcke.	1	15	.
MAYER. Ch. Trois grandes études. op. 91, liv. 1, 2, 3, каждая.	1	15	.
CHOPIN. F. Trois mazurkas. op. 59.	1	43	.
— Barcarolle. op. 60.	1	15	.
— Polonaise-Fantaisie. op. 61.	1	58	.
— Deux nocturnes. op. 62.	1	29	.
KALKBRENNER. F. Fantaisie sur les Mousquetaires de la Reine. op. 181.	1	48	.
LISZT. F. Tarentelle di Bravoura. d'après la tarentelle de la Muette de Portici.	1	72	.
ROSELLEN. H. Fantaisie sur les Mousquetaires de la Reine. op. 86	1	72	.
— Fantaisie sur le ballet Paquita. op. 84.	1	72	.
THALBERG. S. Décameron. N 4. Fantaisie sur l'opéra Norma. op. 57.	1	15	.
— Les capricieuses Valses op 64	1	.	.
VOSS. Ch. Sérénade. op. 61 (1 r. 29 c.) Grande mélodie célèbre des Huguenots de Meyerbeer. op 64.	1	43	.
WILLMERS. R. La Sylphide. Caprice-étude. op. 49.	1	15	.
— Salut à vienno. Polka. op. 50	58
BERNARD. M. Souvenir de M-me de Giugli-Rorsi. Grande valse d'après les opéra: i Lombardi et Maria di Rohan	1	.	.
LES FLEURS ALBUM DE DANSES NOUVELLES. Содержаніе: N 1. J. Gungl. Terpsichore's Schwingen, valse. — N 2. V. Ossipoff. Les charmes de l'opéra, contredanses Françaises. — N 3 J Strauss. Epionen-Tänze, valse. — N 4. Wallerstein. Amoretten-Polka. — N 5 M. Bernard. i Lombardi, contredanse. — N 6. F. Léandre. Mazurka d'après la fille du régiment — N 7 H. Lumbye Galop de champagne. — N 8. P. Levitzky. Polka tremblante. — N 9 Mazurka favorite de Varsovie. — N 10. P. Levitzky. Polka-Mazurka — N 11. A. M. Canthal. Galop favori de Jenni Lind. N 12 Lecarpentier La Redova	3	.	.

Новыя пьесы для виолончеля.

BOCKMÜHL. R. Soirées musicales. Quatre sérénades pour violoncelle avec piano op 43. N 1, 2, по (1 р.) N 3, 4, каждая.	73
— Chants du crepuscule Quatre morceaux romantiques pour velle avec piano op. 44 N 1, Marche des pèlerins (72 c.) N 2 Ronde du Sabbat (1 r. 15 c.), N 3, L'angelus. (72 c.), N 4, Un conte de fées	1	.	.
— Album de l'amateur. contenant des chants et des petites fantaisies sur des motifs originaux pour velle avec piano. op. 45 N 1, (85 c.) N 2, (72 c.) N 3, (1 r.) N 4.	1	.	.
— Album de l'amateur. 3-me Suite. op. 46. N 5, (72 c.) N 6, (1 r.) N 7, (85 c.) N 8.	1	.	.

ВОСКРЕСЕН. R. Album de l'amateur. 3-me Suite. op 50. N 9 Thème original (1 r.) N 10, Mélancolie (85 c.) N 11, Fandango (85 c.) N 12, Pastorales.	. 85
— Souvenir de Wildbad. Fantaisie sur une mélodie national Souabe, avec piano. op. 49	2 .
FRANCKOMME. A. 2-me Air russe varié, avec piano. op. 32.	1 15
— 1-г Concerto pour vclle avec orchestre op. 33 (4 r.) av. piano	2 85
LEE. S. Ecole du Violoncelliste. Oeuvres de Duos pour deux vclles. op. 38 (2 r.) op. 39.	2 38
STRANSKY. I. Fantaisie sur Alessandro Stradella de Flotow, avec piano. op. 9.	1 43
— Pièces de Salon pour vclle avec piano. op. 10. N 1, 2, каж.	1 15
ВОСКРЕСЕН. КТ ЕТСИНСКАЯ. Grand Duo brillant pour violon et violoncelle sur les chants nationaux de Russie et de Wurtemberg. op. 53	1 43
<i>Пьесы для одной скрипки.</i>	
ПАЛЕВУ. F. Les mousquetaires de la reine. Opéra comique par violon seul arr. pour Panofka	1 79
КАУФЕР. H. E. Terpsichorens Liebings Klänge Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze Liv. 1—6, каждая	. 58
ОПЕРЫ ИТАЛИЕНСКИЕ de Bellini, Donizetti etc. Choix d'airs et romances pour violon seul; liv. 1. Lucrezia Borgia (1 r. 15 c.). N 2. Lucia di Lammermoor (1 r. 15 c.). N 3, Sonnambula (1 r.). N 4, Norma.	1 .

Выписывающие погъ на сумму не менше *трехъ руб. сер.* получают двадцать процентовъ уступки, а выписывающие на *пятнадцать руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го февраля вторая тетрадь Музыкальнаго Журнала «*НУВЕЛНСТЪ*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Liszt*, Das Wandern, mélodie de Schubert transcrit. — *Pfeiffer*, Nocturne. — *Heller*, Tarantelle. — *Damcke*, Gage d'amitié. — *Schulhoff*, Confidence, impromptu. — *Goria*, Надежда, Mazurka. — *Ossipoff*, A la guerre. Quadrille. — *Bergmüller*, fantaisie sur l'opéra: il Crociato — *Beyer*, Rondeau sur la fille du régiment. — *Гурилевъ*. А. Оправданіе романсъ (inédite) — *Masini F.* Lament. Романсе.—Музыкально-Литературное Прибавленіе № 1.

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

Здѣсь же, на дняхъ получены ПРЕВОСХОДНЫЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ СТРУНЫ, которыя продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: Бунтъ (30 штукъ) лучшихъ четырехъ-жильныхъ, четырехъ навивныхъ *коинтъ* (6 р. сер.). Одна струна изъ такого бунта (25 к.). Бунтъ лучшихъ *секундъ* (5 р.). Одна струна изъ такого бунта (20 к.). Бунтъ лучшихъ *терцій* (7 р.). Одна струна изъ такого бунта (30 к.). Одинъ парижскій скрипичный *басокъ* (25 к.). Одинъ скрипичный *басокъ*, серебряный, шифованный (60 к.). Одинъ аккордъ *виолончельныхъ* струнъ (1 р. 75 к.). Одна струна *A* для виолончели (30 к.). Одна струна *D* для виолончели (50 к.). Одна струна *G* для виолончели (50 к.). Одна струна *C* для виолончели (75 к.). Одинъ аккордъ *альтовыхъ* струнъ (1 р.). Одна струна *G* для альтъ (25 к.). Одна струна *C* для альтъ (30 к.). Одинъ аккордъ для *шестьструнной гитары* (1 р. 50 к.). Одинъ аккордъ для *семиструнной гитары* (1 р. 70 к.). Одинъ *басокъ (вѣнской)* для гитары (25 к.). Одинъ фунтъ американскаго *камышу* (2 р. 30 к.). Одинъ *кусокъ парижской конифоли*, отличной доброты (50 к.). *Парижской метрономъ* (15 руб.). *Метрономъ съ колокольчикомъ* (20 р.).

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛІОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

И. А. ЖДАНОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
LEGENDE CÉLESTE, nouvelle histoire de la vie des saintes avec la vie de N. S. Jesus Christ, celle de la Ste Vierge et le précis historique des fêtes de l'année, tome 1- ^r gr. in 8 orné de magnifiques grav. en couleur et en or.	4 25	par E. Saisset. Un fort vol. in 8. Paris. 1846.	2 25
—			
CONCORDANTIAE BIBLIORUM SACRORUM vulgatae éditionis ad recognitionem Jussu Sixti V. pontif. max. Un fort vol. gr. in 4. Paris.	70	КНИГИ ДЛѢ ДѢТЕЙ.	
—			
TRISTESSE ET CONSOLATION, ou l'Évangile prêché sur la croix; méditations dédiées aux affligées, par Grandpierre. Un vol. 18. Paris, relié.	1 50	LA CROIX D'OR, fleurs chrétiennes, par Ch. Malo, superbe vol. in 8 avec encadremens, orné de 12 magnifiques vignettes, cartonné.	3 40
—			
HISTOIRE DE ST. AUGUSTIN, sa vie, ses oeuvres, son siècle, influence de son génie, par Poujoulat. 3 vol. in 8. Paris.	6 .	LE GENIE DE L'INDUSTRIE. — Etudes et nouvelles sur les plus célèbres inventeurs et industriels, etc., par Vanauld. Un vol. in 8 orné de grav. coloriées. Paris. 1846, relié, doré sur tranche.	4 30
—			
DU DUREI, considéré dans ses origines et dans l'état actuel des moeurs, par Cauchy. 2 vol. in 8. Paris. 1846.	4 25	CONTES A MA FILLE, par Bouilly, édition illustrée de gravures sur bois et de 10 lithographies à deux teintes. Un vol. 8. Paris. 1847.	2 50
—			
TRAITÉ DE DROIT ROMAIN, par Savigny, trad. de l'Allemand, par Guenoux, 5 vol. in 8. Paris. 1840—46.	10 50	QUINZE JOURS A RAENCY, ou les vacances bien employées, par M-me L. Babeuf. Un vol. 12, orné de 12 dessins à deux teintes. Paris. 1846, relié. tranche dorée.	2 .
—			
MANUEL DE PHILOSOPHIE à l'usage des collèges. — Introduction et psychologie par A. Jacques. — Logique et histoire de la philosophie par J. Simon. — Morale et théodicée,		ROLAND FURIEUX, poème d'Arioste, édition épurée. Un vol. in 12 orné de figures. Paris. 1846, relié, tranche doré.	2 85
		LES MATINÉRS DU PRINTEMPS ou les récits de la pépinière, faits historiques et anecdotiques, formant une nouvelle morale en action, par Champagnac. Un beau vol. gr. 8 orné de gravures. Paris. 1847, relié, tranche dorée.	5 .

	P. K.		P. K.
L'ANGE DE PAIX, par M-me Manceau. Un vol. 8 orné de fig. Paris. 1847.	3	MEMOIRE SUR LA THÉORIE DE L'ARTILLERIE, ou sur les effets de la poudre, etc., par D'Arcy, brochure. Paris. 1846	80
LES JOURNÉES DE MADELEINE, nouvelles pour l'enfance, par M-me Berton. Un vol. 12 orné de fig. color. Paris. 1846, cartonné.	1 30	MEMOIRE SUR LE JET DES BOMBES, ou en general de la projection des corps. Brochure. 1846	55
LES JEUDIS DU PENSIONNAT ou le nouveau Magasin des Enfants, par M-me Manceau. Un vol. 8 orné de gravures. Paris. 1846, cartonné.	3 50	ARTILLERIE DE CAMPAGNE EN FRANCE — Description de l'organisation et du materiel de cette arme en 1845. par Mazé. Un vol. 8. Paris. 1846	1 65
—			
DE L'INFLUENCE DES DIVERS MODES DE LOCATION sur le produit des terres en France, par Ladourette. Un vol. 8. Paris	72	EXTRAITS DE MEMOIRES INÉDITS DU DUC DE BELLENE. Un vol. 8. Paris 1846	2 15
DE HACHISCH ET DE L'ALIÉNATION MENTALE: études psychologiques, par Moreau. Un vol. 8. Paris	2 25	LA LITTÉRATURE ET LA SOCIÉTÉ à propos du cours de M. St. Marc Girardin, brochure. Paris. 1846.	30
ANATOMIE DES FORMES EXTERIEURES DU CORPS HUMAIN à l'usage des peintres et des sculpteurs, par Fau, 2 vol. 8 et Atlas in 4.	4 25	DE L'EMPIRE OTTOMAN, de ses nations et de sa dynastie. 1841 — 1845, tome 1-r. L'Islam, par Chauvin-Beillard, in 8. Paris. 1845	2 15
ANNUAIRE DES SCIENCES MÉDICALES pour 1846. Un vol. 16. Paris 1846.	30	THE KEEPSAKE FOR 1847, edited by the Countess of Blessington. Un magnifique vol. 8 orné de gravures sur acier, relié en soie	7 50
MANUEL DE MATIÈRE MÉDICALE, de thérapeutique comparée et de pharmacie, par Bouchardat. 2-e édit. Un vol. 12. Paris. 1846.	2	HEATH'S BOOK of Beauty, for 1847 edited by the Countess of Blessington. Un magnifique vol. in 8 orné de gravures sur acier, relié en soie	7 50

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. РАТЬКОВА И К^о,

въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Городской
Думы, въ домъ Рогова.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО.)

ВРАДШЪ,

АЛБОМЪ КАРРИКАТУРЪ,

НЕВАХОВИЧА.

Выпускъ второй, тетрадь 1-я Спб. 1847 г.

Содержаніе первой тетради второго выпуска. Праздники: 1) Елка дома. 2) 12 часовъ ночи 31 декабря 1846 года. 3) Елка на дворѣ. 4) 1-й визитъ. 5) 2-й визитъ. 6) 3-й визитъ. 7) 1,367,428 визитъ. 8) Бельгійскій великанъ никогвиго. 9) Несчастія красавца. 10) Интрига въ буетѣ. 11) Безсонница Бельгійскаго великана, спящаго только 24 часа въ сутки, что по его росту очень мало. Петербургскія церкви: 12) Лошадь гастрономъ. 13) Тайна Олимпійскаго Цирка. 14) Лошадь астрономъ. 15) Выгодное мѣсто. 16) Лошадь высшей школы. 17) Удобное мѣсто. Петербургскія тайны: 18) Тайна меломановъ. 19) Тайна докторовъ. 20) Тайна управляющаго Конторою. 21) Тайна Красавицы. 22) Тайна мужа. 23) Тайна преферанса съ приглашеніемъ. 24) Тайна матери. Болѣзни хіх вѣка: 25) Чахотка. 26) Брѣдъ. 27) Ударъ. 28) Крапивная лихорадка. Натуральная школа: 29) Отъ природы умное дитя, отъ природы благородный отецъ. 30) Литераторъ натуральной школы. 30) Храбрецъ отъ природы.

Подписка принимается на полное изданіе, состоящее изъ 4 тетрадей. Подписная цѣна за всѣ 4 тетради 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Каждую тетрадь можно получить отдѣльно по 1 руб. 75 к., съ перес. по 2 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ИВ. КРЫЛОВА, съ біографіею его, писанною П. А. Плетневымъ. Три большія тома, въ 8 ю л. л. (1360 стр.) на лучшей веленовой бумагѣ; съ портретомъ автора, снимкомъ съ мѣдальи, и двумя снимками почерка автора. Спб. 1847 г. Цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ. Соч. Автора «Писемъ о Богослуженіи» и др. въ 2 частяхъ, изд. 4-е. Спб. 1847 г. Цѣна на веленовой бум. 3 р., въсов. за 3 е.

Егоже: ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВ. МѢСТАМЪ РУССКИМЪ. (Новгородъ). Спб. 1847 г. Цѣна 1 р., въсов. за 2 еун.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1847 годъ. Издаваемая ежегодно отъ Военной Типографіи; въ 64 л. л. на лучшей веленовой бум. съ картинками превосходно гравированными на стали въ Англии. Цѣна 2 руб., въ Англійской папкѣ 2 р. 50 к., въ атласѣ 3 руб., съ золотымъ обрѣзомъ 3 руб. 50 к., за пересылку прилагается 25 коп.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847 г. Цѣна на велен. бум. 2 руб., въсовыхъ за 2 фунта.

КАРТНЫЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ, издаваемыя подъ Редакцію Н. В. Купольника. Спб. 1846 г. Цѣна на велен. бум. съ 12-ю гравюрами 5 р., въсов. за 3 ф.

СВРЪЯЙ АРМЯКЪ, или исполненное обѣщаніе. Повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1847 г. Цѣна съ картинами 1 руб. 50 к., въсов. за 2 ф.

СОБРАНІЕ ПРАВИЛЪ СОХРАННОЙ И ССУДНОЙ КАЗНЫ при Московскомъ и С. Петербургскомъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Воспитательныхъ домахъ; извлечено изъ учрежденій и Уставовъ Государственныхъ Кредитныхъ установленій. Спб. 1847 г. Цѣна 80 к., въс. за 1 фунтъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖИВОТНЫЯ. Съ литографированными и отпечатанными въ два тона картинками. М. 1847 г. Цѣна 1 р., въсовыхъ за 1 фунтъ.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ РАСПОЛОЖЕНІЙ, дѣйствій и движеній корпуса ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ войскъ, подъ командою Генерала Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи. Составленъ. Свѣты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части Генералъ-Маіоромъ Вистинскимъ 2-мъ въ 1803 году. Москва. 1846 г. въ 8 д. л. Цѣна 1 р. въс. за 1 ф.

АРИМЕТИКА МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА. Спб. 1846 г. въ 8-ю д. л. Цѣна 1 р. 50 к., въсов. за 2 ф.

СОБРАНІЕ НѢСКОЛЬКИХЪ СЛОВЪ Архимандрита Макарія, Инспектора и Профессора Богословскихъ наукъ въ С. Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1847 г.

въ 8-ю д. л. на лучшей бум. Цѣна 75 к., въс. за 1 ф.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ВѢТХАГО ЗАВѢТА, составленная Свѣщ. Василиемъ Березинскимъ. Второе изданіе исправленное. Спб. 1846 г. Цѣна 75 к. въс. за 1 ф.

ЗАПИСКИ ГИДРОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА Морскаго Министерства, издаваемыя съ Высочайшаго разрѣшенія. *Часть 4-я*. Спб. 1846 г. Цѣна на обыкновенной бѣлой бумагѣ 1 р., на лучшей веленовой бумагѣ 1 р. 25 к., въсов. за 3 ф.

МОРСКОЙ МѢСЯЦСЛОВЪ на 1847 г. Издаваемый ежегодно отъ Морскаго Министерства. Цѣна на лучшей бумагѣ 1 руб. 15 к., въс. за 3 ф.

НОВОРОССІЙСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1847 годъ, издаваемый отъ Ришельевского Лицея. Одесса. 1847 года. Цѣна 1 р. 75 к.

ВОЕННЫЯ ПРАВИЛА НАПОЛЕОНА. Перев. съ Франц. Н. П. Ершова. Спб. 1846 г. Цѣна 40 к., въсов. за 1 ф.

ПРИТЧА О БЛУДНОМЪ СЫНѢ. (Лук. XV. 11. 32). Москва 1846 г. Цѣна 60 к., въс. за 1 ф.

СКАЗКА О НЕВЕЛИЧКѢ ПТИЧКѢ или о двухъ счастливахъ, въ стихахъ. Соч. В. Л. и Храбрый полковникъ. Повѣсть въ стихахъ. Спб. 1847 г. Цѣна 75 к., съ перышкою 1 руб.

О ПОКАЯНІИ, бесѣды предъ Великимъ постомъ и въ постъ по воскреснымъ днямъ, говоренныя Игнатіемъ Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ. Спб. 1847 г. (178 стр.) Цѣна 1 р., въсов. за 2 ф.

Его же **БЕСѢДЫ** по псалму на рыцаръ *Вавилонскихъ*. Спб. 1847 г. Цѣна 20 к., въс. за 1 ф.

Иногородныя особы, желающія выписывать книги въ переплетахъ, платятъ за обыкновенный переплетъ въ простой корешокъ 25 к. сер., въ сѣялый съ французской бумагой 40 к. сер. За переплетъ книгъ въ четверть листа и листъ цѣна возвышается, а также при переплетѣ книгъ въ сѣялѣ, шагрень, бархатъ, съ золотымъ обрѣзомъ и т. п.

Кромѣ книгъ, здѣсь поименованныхъ, господа иногородные могутъ адресовать свои требованія въ выше-означенный магазинъ, П. А. Ратькова и Ко., за есмь вообще другими книжками, учебными пособіями, картами, глобусами и проч. Требованія исполняются съ точностію и акуратностію, съ пересылкою же отсвѣтующею почтою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТИДЕСЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

а) Стихотворенія:

Очерки Рима: 1) *Capagna di Roma*, 2) «Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!», 3) *Atoroso*, 4) Послѣ посѣщенія Ватиканскаго Музея, 5) «На дальнемъ Сѣверѣ моемъ», 6) Нищій, 7) Скульптору, 8) Капуцннъ, 9) Въ Остерн, 10) *Fortunata*, 11) Ницца Эгерія, 12) Тиволи, 13) Апахореть, 14) «Скажи мнѣ, ты любишь на родинѣ своей?», 15) Художникъ, 16) *Figina*, 17) Двойникъ, 18) *Logenzo*, 19) «Все утро въ попскахъ», 20) Газета, 21) «Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ», 22) Англичанки, 23) Игры, 24) «Симу задумчивость тобой наединѣ», 25) Древній Римъ, 26) «Думалъ я, что небо», 27) *Palazzo*. А. Н. Майкова. 43

б) Проза:

Бреттѣръ. Повѣсть И. С. Тургенева. 1
Лукреція Флоріани. Романъ Жоржа Занда. 65
Пелида. Романъ Дэвидля Стерна. Часть первая. 235
Павелъ Алексѣевичъ Игривый. Повѣсть В. И. Дала (Дуганскаго). 307

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Пролетарин и Пауперизмъ въ Англіи и Франціи. *Статья первая и вторая* (последняя). В. М. 1 и 130
Путешествіе въ степи Осажей черезъ Луизиану и Миссури. Виктора Тисье. *Статьи третья и четвертая* (последняя). Бизонъ. —Военный станъ. —Большой Солончай. —Рѣка Осажъ . . . 71 в 87

Стр.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Стр.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за ноябрь и декабрь 1846 года. 1 и 9
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года 6 и 16

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

Нижегородская ярмарка. 1
Замѣчанія на статью «Жары Жатва Хлѣба». И. О. Лаврова. . . 27
Задачи, предложенныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ на конкурсъ къ 1848 году 31
Отчетъ за одиннадцать лѣтъ, о ходѣ и произведеніяхъ болховскаго ховяйства. Часть вторая. *Статья шестая*. И. О. Лаврова. 35

V. КРИТИКА.

Иѣчто о Русской Литературѣ въ 1846 году 1
Историко-критическіе отрывки М. Погодина 18
Исслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи М. Погодина о русской исторіи. Три тома. *Статья первая*. . . . 39
Письмо къ Н. В. Гоголю по поводу предисловія ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ». Сто-Одного. 77

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1) *Русскія книги, вышедшія въ декабрь 1846 и январь 1847 года.*

Стр.		Стр.
	Повѣсти, сказки и разсказы казача Луганскаго	
	Зиновій-Богданъ Хмельницкій, А. Кузьмича	53
	Паула Монти, Е. Сю	55
	Тереза Дюшойе, Е. Сю	58
	Босфоръ Киммерійскій, Г. Спаскаго	—
	Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ, №№ 3 и 4	—
	Описаніе Второй Войны Императора Александра съ Наполеономъ, А. Михайловскаго-Данилевскаго	—
	Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова, г. Богдановича	—
	Исторія Италійскихъ Кампаній, перев. г. Силыча	—
	Іоаннъ-Амвросій Розенштраухъ, А. Ишимовой	—
	Историческій Сборникъ, К. Герца	—
	Историко-критическіе Огрывки М. Погодина	—
	Исслѣдованія, Забѣчанія и Лекціи М. Погодина о Русской Исторіи	—
	Нижегородская Ярмарка, П. Мельникова	—
	Годичный Актъ въ Рашельевскомъ Инцѣ	—
	Неподвижныя Зѣбды и Паднеги нравственнаго міра, П. Морозова	—
	Ученіе о Жизни, П. Зацепина	—
	Руководство къ сбереженію издержекъ при пользованіи больныахъ, Е. Мейера	—
	Разсужденіе о важности греческаго языка, Н. Коссовича	—
	Греческій Глаголь, Н. Коссовича	—
	Постепенныя занятія въ переводахъ, ч. III, Ф. Кюетера	—
	Книжка Французско-русскихъ разговоровъ	—
	Новый Руководитель, докт. Имперта	—
	Практическіе Уроки для изученія англійскаго языка, Ф. Ро	—
	Курсъ Англійскаго Языка, П. Бронуа	—
	Учебная Книга Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства, П. Дегаля, изд. 3	53
1	Арифметика, А. Зелеваго 2-го	55
3	Робинзонъ Крузе, соч. Кампе, изд. 2-е	58
9	Исторія Россіи, А. Пшимоной, изд. 2-е	—
—	Альманахъ для Дѣвицъ, П. В — а	—
12	Мысли и Повѣсти, М. Корсини	—
17	Русская Азбука, составл. С	—
—	Дѣтская Корзиночка	—
—	Лепта	62
—	И Русское Сердце не камень, Н. Храповскаго	—
—	Забѣчанія о Лондонѣ, К. Пауловича	—
21	Скоросчетчикъ или Упрощенная Арифметика, Александра Розе	63
27	Скаловубъ и Пересмѣшникъ	64
31	Анекдоты Честоноуа, Д. Терпачевича	—
32	Ханскій Чай, Е. Алипазова	—
34	Воспоминанія Ф. Булгарина, ч. III	65
—	Воспоминанія С. Главки	—
—	Драматическій Альбомъ, кн. 5	67
—	Повѣствованія о В. К. Владимірѣ, М. Максимова	—
—	Кузнецкій Мостъ, В. Потапова	—
—	Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Н. Гоголя	65
—	Сто рисунковъ изъ сочиненія Гоголя «Мертвыя Души»	67
38	Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова	88
41	Опыты въ стихахъ, Н. Бардинскаго	89
43	Зимняя Дорога, Н. Аксакова	91
45	Талисманъ, П. Зубова	92
47	Донъ-Жульенъ, перев. Н. Жандра	95
—	Іезуитъ, соч. К. Шинцлера	—
51	Новороссійскій Календарь на 1847 годъ	98
—	Творенія Святыхъ Отцевъ, годъ четвертый, кн. 4	100
52	Святый Николай Чудотворецъ, Ф. П	—
—	Исслѣдованія о Русской Правдѣ, Н. Калачова	101
53	Чаромутіе, П. Лукашевича	107

Отчетъ Россійско-Американской Компаніи по 1846 годъ	108
Собраніе правилъ Сохранной Каз- ны	109
Взглядъ на гавани, доки и пр., въ Соединенныхъ Штатахъ	—
Россійско-Греческій Словарь, И. Синайскаго	111
Дѣтская Библіотека, Г. Кампе.	114
Новая Библіотека для Воспитанія, изд. II. Рѣдкимиль	115
Сѣрый Армякъ, кн. В. Львова	116
Елка, соч. А. Дараганъ	—
Древняя Исторія для юношества, соч. Жанё-Флери	117
Александръ Даниловичъ Меньши- ковъ, П. Фуршана	—
Путешествіе съ дѣтми по Святой Землѣ	118
Кончакъ, А. Пшимовой	—
Гирланда, К. Шрейдера	—
Записки Куклы, К. Ольскаго	119
Дочь Дровосѣка	—
Похожденія Плуговки-Лисицы	—
Книжка для маленькихъ дѣтей	—
Руководство къ правильному про- извошенію, А. Зѣрновой	—
Сказка о невеличкѣ-птичкѣ, В. Л. Храбрый Подковникъ, В. Л.	—
Подарокъ мильмъ дѣтямъ	120
Дѣтскія поздравленія въ стихахъ	—
Чудныя приключенія кошки Мур- лышки	121
Русская Исторія для дѣтей, С. Лю- бецкаго	—
Москвитянинъ, номера 9 и 10	—
2) Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
Aeschinis in Ctesiphontem et De- mosthenis pro corona Orationes	123
Deux Années d'excursion d'un Pa- risien	124
Album, v. Th. v. Pauly	—
Gedichte von W. Baum	125
Lehrbuch der allgem. Geschichte, v. I. v. Siebert	126
Elementarbuch der deutschen Spra- che, v. Th. Hecker	127
Das Northwendigste aus der Geo- graphie, v. A. Jacobsen	128

3) Библиографическія и Журнальныя
Известія 68

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕ- РАТУРА.

1) Французская Литература: Ис-
торія жизни и управленія Коль-
бера, Пьерра Клемана.—О Пѣм-
цахъ, соч. Француза.—Пародъ,
соч. Мишлѣ.—Опыты о литера-
турѣ и морали, Сен-Маркъ Жи-
рардена.—Египетъ въ 1845 году,
В. Шѣльера.—Писатели и поэ-
ты Германіи, А. Блаза.—Совре-
менные поэты Германіи, П. Мар-
тена.—Исторія Ломбардіи въ те-
ченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ,
Лежа де-Понса.—Книга для за-
мужнихъ женщнъ.—Есть бѣд-
ные въ Парижѣ... и въ другихъ
мѣстахъ, графиня Аженоръ де-
Гаспаренъ.—Исслѣдованіе об-
щественнаго устройства, Пютте-
ра.—Потѣшка въ Ирландію, Ж.
Презо.—Исслѣдованіе о положе-
ніи эмигрантовъ въ Соединен-
ныхъ Штатахъ Сѣверной Аме-
рики, барона фон-дер-Стратенъ
Понтоса.—Польскіе Евреи, Л.
Голлендерскаго 1

2) Англійская Литература: Исто-
рія Грецинъ, Дж. Грота.—Исто-
рія замѣчательнѣйшихъ англій-
скихъ судей XVII и XVIII сто-
лѣтія; В. Уэльсби.—Біографіи
двѣнадцати примѣчательнѣй-
шихъ судей прошлаго и нынѣш-
няго столѣтія, У. Тоунсенда.—
Біографіи лордовъ-канцлеровъ и
великихъ хранителей печати,
лорда Камбеля.—Перениска
Джова, четвертаго герцога бед-
фордскаго, изд. Дж. Росселль.
—Мемуары о жизни и време-
нахъ сэра Христофа Хаттона,
Г. Николаса.—Луcreція, романъ
Э. Больвера.—Равенскость, или
Краснокожіе, романъ Дж. Ф.
Купера.—Конгаринъ Флемингъ,
романъ д'Израэли.—Новый Ти-

воизъ, романъ въ стихахъ, неиз-
вѣстнаго автора 27

VIII. СМѢСЬ.

БЮГРАФІЯ:

Вирей 1
Селанкуръ, авторъ «Оберманна» 97

Картины изъ Италіи. *Статьи сто-
рала и третья.* Чарльва Дик-
кинса 6 и 142

Способы изслѣдованія причинъ
наслѣственной смерти, употре-
бляемые Китайцами. *Статьи
первая и вторая (последняя).* Ал.
Татариннова, лекаря пекинской
духовной миссіи 22 и 117

Случай. Повѣсть П. Гролье 41
Недоумѣіе. Равсказъ Н. Кова-
левскаго 160

Внутреннія извѣстія.

Извлеченіе изъ отчета министра
внутреннихъ дѣлъ за 1845 годъ.
— Годичное собраніе Русскаго
Географическаго Общества. —
Иллюстрованныя изданія: «Кар-
тины Русской Живописи»; «Вет-
хій Заветъ въ картинахъ»; «Сто-
рисунковъ изъ поэмы Гоголя:
Мртвыя Души»; «Magasin des
Demoiselles»; «Vignettes et Por-
traits pour le Consulat et l'Em-
pire»; «Les Couvents»; «L'Été à
Bade» и проч. 58

Заграничныя новости.

Новѣйшіе опыты надъ огнестрѣль-
ною хлопчатую бумагою: улуч-
шенія, предложенныя г. Голд-
воизъ. — Опыты г. Челува надъ
кислородивомъ: вырокисливъ.
Огнестрѣльная хлопчатая бума-
га, употребляемая въ пищу. —
Новая система желѣзныхъ до-
рогъ г. Жуффуа. — Растворе-
ніе металла въ желудкѣ живот-
наго. — Цѣлѣность морской во-
ды. — Кровавый дождь. — Гипсо-
гонометръ. — Электрическіе те-
леграфы въ Америкѣ. — Новая
аналитическая теорія движенія
луны. — Церезовиганіе камен-
ныхъ домовъ въ Америкѣ. — *Но-
вости парижскихъ театровъ:*
«Корсикацкая Невѣста», опе-
ра Пачини; «Отверженіе Фаус-
та», Гектора Берліоза; «Вселен-

ная и Домъ», комедія Мери; «Гор-
дизъ Узелъ», драма; «Пара-
графъ 213», водевиль. — *Разныя
извѣстія:* Рѣчь Кузена объ Ала-
нѣ Смитѣ; Новости искусства и
литературы; Замѣчательные
процессы; Женитба Листа, и
проч. и проч. 68

Статистика благотворительныхъ
заведеній во Франціи. — Пенсіон-
ная касса для рабочаго класса. —
Весьма-полезная выдумка па-
рижскихъ булочниковъ. — Гоме-
ографія. — Морская экспедиція
къ Амазонской-Рѣкѣ. — Темпера-
тура воды въ кратерахъ исланд-
скихъ вулкановъ. — Морской вул-
канъ, какъ причина грозъ и на-
водненій. — Замѣчательные ме-
теоры и средства къ изученію
втихъ явленій. — Необыкновен-
ное дѣйствіе молніи. — Желѣз-
ныя дороги — Механика; инже-
неры; паровыя машины; срав-
неніе лошади съ паровою маши-
ною. — Новое средство дѣлать не-
чувствительною боль при хирур-
гическихъ операціяхъ. — О раз-
ныхъ припадкахъ въ хлѣбѣ. —
Агрономическія извѣстія. — Даль-
нѣйшіе опыты надъ взрывчатою
хлопчатую бумагою. — Чеканное,
эллиптическое и черное искусство
въ Англии — Какъ должны
быть внутри располагаемыя и
украшенныя театры. — Различныя
способы изображенія на топо-
графскихъ картахъ возвышен-
ностей страны. — *Новости па-
рижскихъ театровъ:* «Don Juan
Mольера и «l'Ombre de Molière»;
«Un Mari Fidèle», вод.; «Une
Fille Terrible», вод.; «Ne tou-
chez pas à la Reine», опера; «Di-
able ou Famme», ком.; «Protégée
sans le savoir», вод.; «Gibby la
Cornemuse», опера; «Pierre Fe-
vrier», вод. — *Новости наукъ, ис-
кусствъ и литературы; замѣча-
тельные процессы, и проч. 188*

Моды (съ двумя парижскими
картинками).

*Въ этому тому приложена, въ видѣ при-
бавленія, восьмая и последняя часть ро-
мана Поля Февала: Сытъ Тайны.*

